

天官赐福

Перевод YouNet Translate

Том первый

Благословение небожителей

Среди пантеона небесных богов существует один, называемый посмешищем всех трёх миров.

Согласно легенде, восемьсот лет тому назад на Центральной равнине раскинулось древнее государство, называемое Сяньлэ^[1].

Государство Сяньлэ занимало обширные и богатые территории, народ его жил в мире и радости. Государство владело Четырьмя Сокровищами: несметное множество красавиц, блестящие музыканты и поэты, горы драгоценностей и самоцветов. А четвёртым сокровищем являлся прославленный Его Высочество наследный принц.

И этот самый Его Высочество наследный принц, как бы выразиться помягче, был довольно странным юношей.

Государь и государыня относились к нему как к жемчужине на ладони, баловали сверх меры и всегда с гордостью повторяли:

— Наш сын наверняка станет просвещённым правителем, слава его будет неугасаемой.

Вот только самого наследного принца совершенно не привлекали ни власть, ни богатство, ни иные блага бренного мира.

Интерес же у него, если судить по собственному излюбленному выражению принца, был лишь один:

— Я стремлюсь помогать простым людям, попавшим в беду!

В молодости наследный принц всего себя посвятил самосовершенствованию и как раз в это время с ним произошло два случая, которые позднее разошлись по миру с молвой.

Первый случай произошёл, когда принцу исполнилось семнадцать лет.

В том году государство Сяньлэ устраивало торжественное шествие в честь ежегодного подношения Небесам на Празднике фонарей^[2].

Эта традиция утеряна многие столетия назад, но из уст стариков и сохранившихся древних записей всё ещё можно узнать, какое грандиозное событие, вызывающее всеобщее ликование, являл собой тот праздник.

Праздник фонарей, улица Шэнью.

По обеим сторонам улицы яблоку негде было упасть. Аристократия и знать вела праздные беседы на верхних этажах зданий; воины императорской армии прокладывали дорогу, впечатляя всех своим грозным видом и звоном брони; из белоснежных рук юных дев, легко кружащихся в танце, сыпались дождём лепестки цветов, так что невозможно было выбрать, кто же очаровательнее — девушки или цветы; из золотой повозки доносились мелодичные переливы, плывущие в небе над столицей. Завершала процессию великолепная

платформа, запряжённая шестнадцатью белыми лошадьми, украшенными золотыми уздечками.

На высокой красочной платформе находился тот, кто имел честь олицетворять самого Владыку Шэньу, он и привлекал к себе восторженное внимание публики.

Во время торжественного шествия исполняющему роль Шэньу надлежало надеть золотую маску, облачиться в парадные одеяния и с драгоценным мечом в руках исполнять роль первого тысячелетнего Бога Войны, борца с нечистью — Шэньу, Императора Цзюнь У.

Удостоившийся чести быть избранным на роль Шэньу возносился на вершину славы, поэтому кандидатов ожидал весьма тщательный отбор. В этом году избранником стал Его Высочество наследный принц. Вся страна пребывала в уверенности, что он непременно станет лучшим исполнителем роли Шэньу за всю историю праздника.

Но в тот день что-то пошло не совсем так, как ожидалось.

Торжественная процессия, совершая третий обход вокруг Запретного города, шествовала мимо городской стены высотой более десяти чжанов^[3].

На красочной платформе Бог Войны как раз собирался нанести смертельный удар свирепому демону и заколоть его своим мечом.

Эта сцена так будоражила людские сердца, что толпа по обе стороны улицы нахлынула кипящей волной, сверху на городских стенах также разразилась шумная битва за лучшее место обзора, люди вытягивали шеи, протискивались вперёд и толкали друг друга.

Внезапно прямо с городской стены свалился маленький ребёнок.

Пронзительный крик огласил Небеса. И когда толпа уже представила, как кровь ребёнка окропит улицу Шэньу, наследный принц слегка приподнял голову. Один прыжок — и он схватил ребёнка.

Толпа только и успела увидеть белую тень, взмывшую птицей в небо, а наследный принц уже спокойно коснулся земли, с ребёнком на руках. Золотая маска слетела с его лица, явив миру прекрасный облик юноши.

Ещё мгновение и толпа возликовала.

Простые люди возрадовались, а вот у духовных наставников императорской семьи разразилась мигрень.

И в страшном сне они не могли предположить, что принц допустит столь значительный промах.

То было зловещее предзнаменование, невероятно зловещее!

Каждый обход красочной платформы вокруг Запретного города знаменовал мольбы жителей государства о благоденствии и процветании на целый год вперёд, и теперь, когда круг оборвался, это могло навлечь на страну величайшее бедствие!

Наставники едва не облысели от печали и тревоги. Взвесив все за и против, они обратились к наследному принцу, тактично попросив его месяц провести в медитации лицом к стене, дабы выразить сожаление о содеянном. При этом не было нужды в действительности сидеть напротив стены целый месяц, достаточно просто сделать вид.

Наследный принц с улыбкой ответил:

— В этом нет нужды.

Таковы были его слова:

— Спасение ребенка — это ведь не преступление. Разве Небеса могут обрушить на меня свой гнев за правое дело?

Но... что если Небеса всё-таки обрушат свой гнев?

— В таком случае, это будет ошибкой Небес, а разве тот, кто прав, извиняется перед тем, кто ошибся?

Наставники не нашли, что ему возразить.

Таким уж человеком был Его Высочество наследный принц.

Он никогда ещё не сталкивался с непосильным делом и никогда ещё не встречал того, кто бы его возненавидел. Он считался истиной всего человечества, он был центром целого мира.

Поэтому наставникам только и оставалось, что в душе горестно бранить принца: «Да что б ты понимал!»

Но продолжать разговор было бессмысленно, да и никто из наставников не посмел его продолжать. Всё равно Его Высочество не стал бы их слушать.

Второй случай произошёл тогда же, в год семнадцатилетия наследного принца.

Легенда гласила, что к югу от Хуанхэ был построен мост под названием Инянь, и на этом мосту многие годы появлялся блуждающий призрак.

Призрак являл собой весьма пугающее зрелище: облачённый в сломанный доспех, с каждым шагом он оставлял на земле кровавые пламенеющие следы, а из тела, залитого кровью, торчали острые мечи и стрелы. Раз в несколько лет он являлся среди ночи на краю моста, преграждал дорогу прохожему страннику и задавал три вопроса: «Где мы находимся?», «Кто ты такой?», «Ради чего ты здесь?».

Стоило путнику ответить неверно, призрак тут же пожирал его. Вот только верного ответа никто не знал, и потому за несколько лет призрак сожрал бессчётное множество несчастных путников.

Наследный принц Сяньлэ услышал об этом, когда отправился странствовать по свету. Отыскав Инянь, он каждую ночь проводил у моста, пока наконец ему не явился зловредный призрак.

Выглядел он в действительности именно таким пугающим и жутким, каким его описывала молва. Разинув пасть, призрак задал наследному принцу первый вопрос, и принц с улыбкой ответил:

— Мы находимся в мире людей.

Но призрак на это произнёс:

— Мы находимся в мире страданий.

Вот так удача, на первый же вопрос принц дал неверный ответ.

Наследник Сяньлэ подумал, а стоит ли ждать, когда призрак задаст все три вопроса, если он всё равно собирался неверно ответить на каждый из них? Поэтому, выхватив блестящий меч, принц бросился в атаку.

Битва выдалась беспримерно ожесточённая. Наследный принц преуспел в искусстве фехтования, но и призрак сражался отважно и дерзко. Битва демона и человека едва не заставила небесные светила развернуться вспять, но, в конце концов, призрак всё же оказался повержен.

Когда призрак исчез, наследный принц посадил на берегу у моста цветущее дерево. Как раз в это время мимо проходил странствующий монах, который увидел, как принц рассыпал пригоршню земли, провожая призрака в последний путь. Монах спросил:

— Для чего ты это делаешь?

Тогда наследный принц и произнёс свою знаменитую фразу: «Тело пребывает в страдании, но душа пребудет в блаженстве».

Услышав такие слова, монах мимолётно улыбнулся, обернулся божественным генералом в сверкающих доспехах, оседлал облако,

схватив поводья ветра, и умчался в рассветное зарево. Лишь тогда наследный принц понял, что ему повстречался не кто иной как сам Владыка Шэньу, лично спустившийся в мир смертных для борьбы с нечистой силой.

Бессмертные небожители заметили этого весьма способного исполнителя роли Шэньу ещё тогда, на Празднике фонарей, когда он во время шествия в честь поклонения Небесам совершил роковой прыжок. В этот раз, после битвы у моста Инянь, кое-кто из бессмертных обратился к Владыке Шэньу:

— Каково ваше мнение о Его Высочестве наследном принце?

Владыка ответил такой фразой:

— Возможности этого юноши безграничны.

Той же ночью в небесах над императорским дворцом Сяньлэ разыгралась необыкновенная буря, налетел сильный ветер, разразилась гроза.

Под грохот и вспышки молний Его Высочество наследный принц вознёсся на Небеса.

Каждый раз, когда простой смертный возносится на Небеса, Небесные чертоги содрогаются. Ну а вознесение Его Высочества наследного принца привело к тому, что Небесные чертоги содрогнулись трижды.

Вознесение через самосовершенствование было делом крайне и крайне сложным.

Необходимо иметь природный дар, в поте лица совершенствовать тело и дух, а также дожидаться удобного случая. Рождение нового божества всегда являлось процессом долгим и трудным.

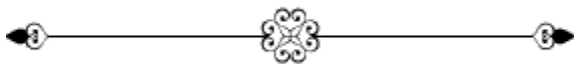
Нельзя сказать, что не существовало вовсе баловней судьбы, удостоившихся причисления к пантеону бессмертных в юном возрасте; не единичны были и случаи, когда долгие годы мучительного самосовершенствования в итоге так и не приводили к встрече с Небесной карой; ну а если Небесная кара всё же настигала такого человека, он умирал, не в силах пройти через это испытание, а если и оставался в живых, то становился ни на что не годен; простых же

смертных, которые всю жизнь до смерти вели невежественную, заурядную жизнь в мирской суете и так и не могли отыскать свой истинный путь, было и вовсе не счесть.

Ну а Его Высочество наследный принц, вне всяких сомнений, являлся баловнем Небес. Чего бы он ни пожелал, непременно получал; чего бы он ни захотел, непременно достигал; вот и теперь, едва ему в голову пришло вознестись и занять место среди пантеона богов, как он действительно оказался на Небесах, не достигнув и восемнадцати лет.

Сердца простого народа уже принадлежали ему, а когда государь и государыня, тоскуя по любимому сыну, приказали выстроить по всей стране монастыри и храмы, возвести статуи в честь наследного принца, всенародная любовь взметнулась к Небесам. Всё больше становилось тех, кто поклонялся принцу, всё больше монастырей и храмов возводилось в его честь, увеличивая срок его бессмертия и усиливая его могущество. Так и вышло, что за короткие несколько лет почитаемый в монастырях и храмах наследный принц Сяньлэ вознёсся на вершину благоденствия, достиг наивысшей точки расцвета.

Так продолжалось ровно до тех пор, пока в государстве Сяньлэ не случилось восстание.

Причиной тому стала тирания государя, против которой взбунтовалась мятежная армия. Вот только, несмотря на то, что мир людей озарился огнями войны, бессмертные из Небесных чертогов не могли по своей воле вмешаться в их розни. Подобное допустимо лишь в случае вторжения демонов и всяческой нечисти в мир людей, но поскольку этого не случилось, небожители решили оставить всё как есть. Ведь если подумать, в мире людей постоянно случаются войны и каждый считает себя единственно правым; что же получится, если небожители попробуют вмешаться? Сегодня ты помогаешь одной стране подняться с колен, а завтра твой соратник-небожитель поможет потомкам другой страны совершить отмщение? Этак ведь дойдет и до драки среди небожителей, тогда уж весь мир погрузится во тьму. Такому небожителю как Его Высочество наследный принц и подавно стоило воздержаться от вмешательств.

Вот только ему закон был не писан. Он так и сказал Владыке:

— Я желаю помочь простым людям, попавшим в беду.

Император, обладающий тысячелетней божественной властью, и тот не осмеливался произнести вслух подобные речи, легко можно вообразить, какое действие возымели на него слова наследного принца. Но даже Император ничего не мог с этим поделать, лишь предупредил:

— Тебе не под силу спасти всех.

Принц же ответил:

— Я справлюсь.

Поэтому, повинувшись своим принципам, он спустился в мир людей.

Простой народ государства Сяньлэ встретил принца с почестями. Однако с самой древности и до наших дней народные предания множеством примеров доказывали людям одну простую истину: если бессмертное божество самовольно спустилось в мир людей, ничего хорошего из этого не выйдет.

Поэтому пламя войны, вместо того чтобы погаснуть, напротив — разгорелось ещё более ярким пожаром.

Дело вовсе не в том, что Его Высочество наследный принц не прилагал всевозможных усилий, чтобы этого не допустить, но лучше бы ему было вовсе остаться в стороне. Чем больше он старался помочь, тем больше хаоса привносил в и без того запутанную военную обстановку. Народ Сяньлэ потерпел сокрушительное поражение, государство утонуло в реках крови, убитых и раненых было не счесть. В конце концов волна страшного поветрия захватила императорскую столицу, мятежные войска вторглись во дворец государя и смуте пришёл конец.

Можно сказать, что если ранее государство Сяньлэ всё ещё билось в агонии, борясь за выживание, то Его Высочество наследный принц просто-напросто стал причиной, по которой оно перестало дышать.

Народ погибшего государства неожиданно обнаружил для себя вот что.

Оказывается, наследный принц, преданно почитаемый ими как божество, совершенно не являлся таким идеально всемогущим, каковым его считали ранее.

А если сказать по правде, он был просто никчёмным неудачником, от которого не было помощи, одни лишь беды!

Боль от потери Родины и близких людей не находила другого выхода, охваченная скорбью толпа яростной волной стала врывать в храмы наследного принца, свергать его статуи и сжигать всё дотла.

Восемь тысяч монастырей и храмов за семь дней и семь ночей было предано огню, не осталось даже пепелищ.

С тех пор Бог Войны, хранитель благоденствия, бесследно исчез, а на смену ему пришёл злой дух поветрия, приносящий несчастья.

Коль народ назовет тебя божеством — таковым ты и будешь, сравниют с грязью — и тут не поспоришь. Придётся тебе быть тем, кем тебя назовут. Такова природа вещей.

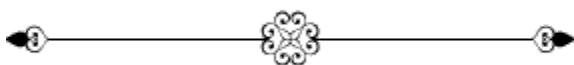
Его Высочество наследный принц не мог принять этот факт, как бы ни старался. Но было ещё кое-что, с чем ему примириться не удавалось вовсе, а именно — наказание, которому он подвергся. Свержение с Небес.

Запечатав магические силы наследного принца, небожители сослали его в мир смертных.

С детства он рос, окружённый всеобщим обожанием, не ведая тягот и лишений простой человеческой жизни. Но наказание, которому его подвергли, было сродни падению в грязь с самой верхушки облаков. И в этой грязной луже наследному принцу впервые пришлось познать голод, нищету и отвращение. Впервые ему пришлось творить такие вещи, которых он никогда не совершал и даже не представлял, что придётся с ними столкнуться: воровство, грабёж, грязная ругань, беспросветное отчаяние. Не осталось у него ни совести, ни самоуважения, он пал настолько низко, насколько это вообще было возможно, даже самые преданные союзники не смогли стерпеть подобных метаморфоз принца и оставили его.

Всевозможные каменные стелы и таблички в государстве Сяньлэ, на которых была высечена знаменитая фраза «Тело пребывает в страдании, но душа пребудет в блаженстве», были уничтожены без остатка ещё во время войны. Но если бы сохранилась хоть одна, попадись она на глаза Его Высочеству наследному принцу — он немедленно разбил бы её собственными руками.

Человек, из уст которого прозвучала эта фраза, на своей шкуре убедился, что, когда тело его погрузилось в страдание, душа оказалась далека от блаженства.

Каким бы стремительным ни был его путь на Небеса, а упал на землю он ещё быстрее. Оба случая — и роковой прыжок на улице Шэньу, и встреча с демоном и божеством на мосту Инянь^[4], кажется, произошли только вчера. Но горе Небесных чертогов было недолгим, ведь что было, то прошло, и вспоминать об этом теперь нет нужды.

Всё шло своим чередом, покуда много лет спустя Небеса не содрогнулись от оглушительного грохота. Тот самый Его Высочество наследный принц вознёсся вновь.

Испокон веков небожитель, свергнутый в мир людей, если и находил в себе силы оправиться от удара, то опускался в мир Демонов; не было ни одного, кто смог бы вновь после этого вернуться на Небеса. Повторное вознесение могло заслуженно считаться грандиозным подвигом.

Но ещё больше шума наделало то, что сразу после вознесения принц ворвался в Небесные чертоги, охваченный злобой, в твёрдом намерении избить каждого, кто встретится ему на пути. И потому не прошло и получаса, как его снова вытолкали вниз.

Полчаса — столько горит одна палочка благовония. То было едва ли не самое короткое и стремительное вознесение за всю историю Небес.

И если воспоминания о его первом вознесении стали историей, которую передавали из уст в уста, то во второй раз он лишь наделал пустого шума.

После второго низвержения Небесные чертоги исполнились презрения к наследному принцу. А кроме презрения в души небожителей закралась настороженность. Ведь если первое наказание довело его до подобного безрассудства, что если, изгнанный повторно, он задумает уничтожить всё живое, охваченный жаждой мести?

Вопреки предположениям, изгнанный принц в этот раз не впал в безумие, а напротив, покорно принял своё пребывание в мире смертных. С тех пор никаких проблем с ним не возникало, однако странность всё-таки была. Принц вёл себя, пожалуй, даже излишне добропорядочно.

Иногда он зарабатывал на жизнь уличными представлениями, играя на всевозможных инструментах и исполняя разнообразные трюки, даже трюк с «разбиванием каменной плиты на груди» был для него простейшей задачей. Бесконечные таланты Его Высочества наследного принца не были ни для кого секретом, и всё же, когда люди видели его воочию, танцующего и распевającego песни на улицах, отношение к нему менялось. Иногда он даже усердно собирал всяческую рухлядь по чужим домам.

Весь пантеон бессмертных божеств пребывал в крайнем потрясении.

Подобное было уму непостижимо. Дошло до того, что пожелание «родить сына, похожего на наследного принца Сяньлэ» считалось едва ли не более скверным проклятием, чем пожелание полного истребления рода.

Его Высочество наследник престола, потомок царственного рода, некогда занимавший место в ряду бессмертных небожителей, докатился до подобного шага, уму непостижимый каламбур! Так он и стал посмешищем всех трёх миров.

Насмеявшись вдоволь, равнодушные к чужому горю с сожалением вздыхали: от любимца Небес, некогда восседавшего на самой вершине славы, теперь не осталось и следа.

Его божественные статуи повалены и разбиты, родное государство разрушено до основания, ни единого последователя не

осталось, постепенно память о нём стала стираться из людских сердец. Поэтому никто не знал, куда он направился в своих скитаниях.

Быть свергнутым с Небес — величайшее оскорбление, которое уже мало кто способен вытерпеть. А будучи изгнанным во второй раз, никто не смог бы найти в себе силы подняться.

Однако через много лет вновь настал день, когда Небесные чертоги разразились оглушительным грохотом.

Небеса едва не раскололись надвое, всё вокруг ходило ходуном.

Заплясали огни неугасающих лампад, небожители в испуге выбежали из своих дворцов и начали спрашивать друг у друга: какой новоиспеченный бессмертный способен своим вознесением наделать такого шума?

К всеобщему потрясению, стоило стихнуть восторженным восклицаниям «Поразительно! Просто поразительно!», как увиденное повергло весь пантеон бессмертных в шок.

Когда же ты угомонишься?!

Прославленный чудила, посмешище всех трёх миров, легендарный Его Высочество наследный принц, он... он... он... чтоб его, он снова вознёсся на Небеса!

Третье появление мусорного божества в столице Бессмертных

— Примите мои поздравления, Ваше Высочество.

Се Лянь, услышав такие слова, вначале улыбнулся, затем произнёс:

— Премного благодарен. Но позвольте полюбопытствовать, с чем вы хотите меня поздравить?

Линвэнь^[5], обладательница титула Совершенного Владыки, ответила ему с заведёнными за спину руками^[6]:

— Я хочу вас поздравить с тем, что в этом году вы заняли первое место в номинации «Небожитель, низвержение которого является всеобщим обоюдным чаянием».

— Не важно, в какой номинации, наконец-таки меня удостоили первого места. И раз уж вы поздравляете меня, наверняка мне

полагается награда?

— Всё верно. Занявший первое место получает сотню молитв в копилку добродетелей.

Се Лянь немедленно отозвался:

— Если в следующий раз появится ещё одна такая номинация, будьте любезны, включите меня в список претендентов.

— Хотите ли вы узнать, кто удостоился чести занять второе место?

Се Лянь, поразмыслив, ответил:

— Мне не догадаться. Если судить по реальным поступкам, то я в одиночку могу занять сразу три первых места.

— Почти угадали. Второго места не существует. Вы оказались столь непобедимы, что оставили всех соперников далеко позади.

— Что вы, это слишком большая честь для меня. Кому же досталось первое место в прошлой номинации?

— Прошлой номинации также не существует. Поскольку создали её, начиная с этого года, а если точнее, с этого самого дня.

— Надо же! — Се Лянь остолбенел на миг. — Но ведь это не может означать, что номинацию придумали специально в мою честь?

— Будем считать, что вы появились весьма кстати, и поэтому первое место досталось именно вам.

Се Лянь расплылся в улыбке.

— Что ж, идёт. Если посмотреть с этой стороны, одним радостным событием в моей жизни стало больше.

— Не приходит ли вам в голову, по какой причине вы оказались на первом месте?

— Я оправдал всеобщие надежды?

— В таком случае, извольте выслушать причину. Будьте любезны, взгляните вон на тот колокол.

Се Лянь обернулся, проследив за направлением, в котором она указала, и увидел среди плывущих облаков неописуемо прекрасный храм из белого нефрита, окруженный беседками и павильонами, фонтанами и прекрасными птицами.

Так и не обнаружив ничего похожего на колокол, он спросил:

— Вы, должно быть, ошиблись. Никакого колокола там нет!

— Я не могла ошибиться. Смотрите внимательнее, разве вы не видите?

Се Лянь ещё раз внимательно пригляделся и предельно честно ответил:

— Не вижу.

Линвэнь кивнула.

— Вы и не должны его увидеть. Ещё совсем недавно колокол висел на месте, но едва вы вознеслись, он упал, не выдержав потрясения.

Се Лянь:

— ...

— Колокол тот был старше вас, и всё же, имея шумный и весёлый характер, каждый раз, когда смертный возносился на Небеса, он приветствовал его радостным звоном. Но стоило вам вознестись, он стал звонить словно умалишённый, ни на миг не останавливаясь, и, в конце концов, сорвался с колокольни и затих. При этом придавив проходящего внизу небожителя.

Се Лянь произнёс:

— Так... сейчас с ним всё хорошо?

— Нет, колокол до сих пор не починили.

— Я спросил о небожителе, которого придавило.

— Придавленный оказался одним из Богов Войны, он немедленно разбил колокол пополам ударом руки. Но это ещё не всё. Прошу вас, взгляните на тот золотой дворец. Видите?

Она вновь указала направление. На этот раз Се Лянь разглядел среди безбрежных облаков сверкающие золотой глазурью крыши.

— Ага, теперь вижу.

Линвэнь вновь возразила:

— Увидели, но не должны были увидеть. Первоначально на его месте было пусто.

Се Лянь:

— ...

— В момент вашего вознесения золотые дворцы небожителей сотрясались с такой силой, что рухнули золотые колонны и посыпалась золочёная черепица, некоторые из дворцов не удастся восстановить в короткий срок, поэтому пришлось временно поставить несколько новых.

— Я несу ответственность за случившееся?

— Именно так.

— Ох... — Се Лянь решил ещё раз уточнить: — Так значит, стоило мне вознестись, я сразу вызвал на себя гнев стольких небожителей?

— Если бы вам удалось заслужить прощение, возможно, они сменили бы гнев на милость.

— И как же мне заслужить прощение?

— Очень просто. Восемьсот восемьдесят восемь десятков тысяч добродетелей.

Се Лянь не смог сдержать смех.

Линвэнь уточнила:

— Разумеется, я понимаю, что вам не набрать и десятой части.

— Как бы это сказать, мне крайне неудобно вам говорить такое, но потребуй вы даже одну десятитысячную часть, она всё равно оказалась бы мне не по силам, — искренне признался Се Лянь.

Молитвы простых смертных превращались в магическую мощь небожителя, ну а каждая палочка благовоний, возжигаемых в его честь, и каждое подношение называлось «добродетелью».

Отсмеявшись, Се Лянь серьёзным тоном спросил:

— Может быть, вы хотите сразу спихнуть меня вниз одним пинком, а лишь после этого выдать мне восемьсот восемьдесят восемь десятков тысяч добродетелей?

Линвэнь покачала головой.

— Я — Бог Литературы. Если желаете получить хорошего пинка, лучше вам обратиться к Богу Войны. Чем сильнее он вас пнёт, тем больше добродетелей вы получите.

Тяжело вздохнув, Се Лянь ответил:

— Дайте мне немного времени, я должен обдумать дальнейшие действия.

Линвэнь сочувственно похлопала его по плечу со словами:

— Не стоит предаваться унынию, из любого положения можно найти выход.

Се Лянь ответил:

— В моем случае на месте выхода окажется пропасть.

Восемьсот лет назад, в период, когда культ наследного принца Сяньлэ находился на вершине процветания, набрать восемьсот восемьдесят восемь десятков тысяч добродетелей для него не составило бы труда, Се Лянь бы собрал их мгновенно, не моргнув и

глазом. Но те времена ушли безвозвратно, а сегодня в мире смертных не осталось ни одного его монастыря или храма, все были сожжены подчистую. Ни последователей, ни молитв, ни подношений.

Что тут скажешь. На все вопросы ответ был один — этого нет, того нет, ничегошеньки у него нет!

В одиночестве обдумывая новую головную боль, Се Лянь просидел на корточках на главной улице столицы бессмертных целую вечность. Внезапно принц осознал, что прошло уже целых три дня с тех пор, как он вознёсся на Небеса, но он до сих пор не присоединился к магической духовной сети для мысленного общения в Небесных чертогах. И совсем забыл спросить, как звучит пароль для входа в неё.

Небожители Верхних Небес создали единую магическую сеть, благодаря которой могут мгновенно обмениваться мысленными сообщениями при помощи духовной связи. После вознесения на Небеса необходимо присоединиться к этой сети, но сделать это возможно, только зная особый пароль. Минуло вот уже восемьсот лет с тех пор, как наследный принц в последний раз присоединялся к духовной сети, разумеется, он уже не помнил нужного пароля. Поэтому Се Лянь освободил своё сознание и принялся искать нужную сеть, и когда нашёл что-то похожее, без разбора присоединился к ней. Однако стоило ему войти, как он тут же едва не оглох от налетевших со всех сторон громких восклицаний:

— Начинаем торги, делайте ваши ставки! Повторные ставки не принимаются! Первый лот — сколько Его Высочество наследный принц сможет продержаться на этот раз, прежде чем свалиться с Небес?

— Бьюсь об заклад, его хватит на год!

— Слишком долго, в прошлый раз он протянул всего полчаса, думаю, в этот раз обойдётся тремя днями. Три дня, примите ставку на три дня!

— Ты что, не будь глупцом! Сам подумай, ведь три дня уже почти на исходе!

Се Лянь, не привлекая внимания, молча вышел прочь.

Виноват. Очевидно, перепутал сети.

В чертогах Верхних Небес сплошь и рядом восседали одни лишь великие небожители, каждый из которых являлся покровителем одной из сторон света, все они ежедневно были завалены серьёзными

делами, это не было секретом ни для кого. К тому же, будучи самым что ни на есть истинным небожителем, вознесшимся на Небеса собственными усилиями, каждый из них старался поддерживать свой статус, всегда держался сдержанно, всем своим видом, поведением и речью стараясь подчеркнуть собственную важность. Один лишь Се Лянь во время своего первого вознесения, будучи крайне взволнованным, оказавшись в сети духовного общения, поздоровался с каждым, кого успел там встретить, а затем представился, весьма добросовестно и подробно описывая самого себя от макушки до пят.

Покинув одну сеть, он приступил к дальнейшим поискам и вновь случайно наткнулся на другую. На этот раз Се Лянь, оказавшись внутри, с облегчением вздохнул про себя: «Как тут тихо, наверняка, это именно то, что нужно».

Как вдруг он услышал тихий вопрос:

— Ваше Высочество, так вы вновь изволили вернуться?

Голос этот услаждал слух, звучал мягко и учтиво. Однако если прислушаться, нетрудно заметить, что на самом деле от него веет холодом, и настрой у говорящего отнюдь не самый тёплый, отчего вся его мягкость более походит на коварство.

Се Лянь сначала собирался лишь по старинке войти в сеть и молча притаиться внутри, однако вопреки его ожиданиям кто-то немедленно обратился к нему с вопросом, а значит, прикинуться глухонемым уже не выйдет.

И невдомёк было принцу, что после этой фразы абсолютно все небожители внутри сети духовного общения наострили слух.

Ну а тот небожитель произнёс, медленно растягивая каждое слово:

— Ваше Высочество, должен сказать, ваше нынешнее вознесение стало истинным испытанием.

Каждый небожитель Верхних Небес при жизни являлся если не императором, то князем или генералом, героев среди них было не счесть.

Чтобы получить возможность присоединиться к пантеону бессмертных божеств, для начала необходимо стать выдающейся личностью в миру. У тех, кто совершал великие подвиги, либо являлся неизмеримо талантливым человеком, изначально имелось больше шансов вознестись. Поэтому, говоря без преувеличений, здесь вовсе не

считалось чем-то удивительным встретить князей, принцев или принцесс, а также генералов всех видов и мастей. Кто из них не был баловнем Небес или вроде того? Между собой они старались вести себя крайне вежливо, соблюдая церемонии, и потому из их уст непрестанно звучали всевозможные «Величества», «Высочества», «Главнокомандующие», «Превосходительства», «Главы» и тому подобные высокопарные обращения, лишь бы угодить собеседнику. Однако фраза, с которой небожитель обратился к Се Ляню, прозвучала совсем иначе.

Конечно, обращение включало «Ваше Высочество», однако никто не услышал в нём ни капли почтения, напротив, фраза прозвучала с намерением уколоть собеседника. Небожители внутри духовной сети, также носящие подлинный титул «Его Высочество», услышав тон, с которым прозвучало обращение к Се Ляню, невольно покрылись мурашками и ощутили себя в крайней степени неуютно. Се Лянь сразу расслышал в словах собеседника недобрые нотки, однако нарываться на конфликт не собирался, напротив, вознамерился поскорее уйти от беседы и с улыбкой ответил:

— Это было не трудно.

И всё же собеседник не предоставил ему шанса улизнуть, абсолютно бесстрастным тоном продолжив:

— Для Его Высочества это «было не трудно»? А вот мне, к несчастью, повезло гораздо меньше.

Внезапно Се Лянь услышал сообщение от Линвэнь, отправленное только для него.

Она произнесла лишь:

— Колокол.

До Се Ляня немедленно дошло.

Так значит это тот самый Бог Войны, придавленный колоколом!

Если всё так, то причина его гнева вполне ясна. Се Лянь, будучи искуснейшим мастером в принесении извинений, тут же произнёс:

— Я осведомлён об инциденте с падением колокола, это и впрямь моя вина, приношу тысячи извинений.

Собеседник недовольно фыркнул в ответ, вот только смысл его реакции остался не совсем ясен.

Среди Небесных чертогов существовало множество Богов Войны, обладающих громкой славой, и было немало тех, кто вознёсся уже

после изгнания Се Ляня, поэтому принц не мог точно определить по голосу, с кем имеет честь говорить. Но ведь было бы невежливо приносить извинения, даже не спросив имени собеседника, так что принц поспешил задать вопрос:

— Уважаемый господин, позвольте узнать, с кем имею честь?

После его вопроса собеседник замолчал.

Да и не только собеседник, вся сеть духовного общения как будто застыла, словно над каждым нависла смертельная угроза.

До Се Ляня вновь донеслось послание Линвэнь:

— Ваше Высочество, конечно, с моей стороны глупо считать, что после столь долгого разговора вы могли не узнать собеседника, однако всё же позвольте напомнить. С вами говорит Сюаньчжэнь^[7].

Се Лянь переспросил:

— Сюаньчжэнь? — Ненадолго задумавшись, он всё-таки понял, о ком идет речь, и слегка потрясённо отправил послание ей в ответ: — Так это Му Цин?

Генерал Сюаньчжэнь, Бог Войны, покровитель юго-западных земель, имеющий в своем распоряжении семь тысяч храмов и монастырей, заслуживший громкую славу среди мира смертных.

В миру генерал Сюаньчжэнь носил имя Му Цин, а восемьсот лет тому назад именно он был избран Его Высочеством наследным принцем в качестве своего помощника во дворце Сяньлэ^[8] на Небесах.

Голос Линвэнь прозвучал также потрясённо:

— Не может быть, чтобы вы действительно его не узнали.

Се Лянь ответил честно:

— Я действительно не узнал его. Он ведь раньше никогда не говорил со мной подобным тоном. Ко всему прочему, теперь и не вспомнить, когда мы с ним виделись в последний раз, может, прошло пятьсот лет, а может и все шестьсот, я не могу припомнить даже, как он выглядел, что уж говорить о голосе.

Духовная сеть по-прежнему была погружена в молчание. Му Цин как в рот воды набрал. Остальные небожители пытались притвориться, что ничего не слышали, но при этом с замиранием сердца ожидали, кто же из них — Му Цин или Се Лянь — обронит следующую фразу.

Если говорить об их отношениях, вышло в самом деле довольно неловко. Все подробности этой истории, за многие годы ставшей достоянием общественности, были известны каждому небожителю

вдоль и поперёк. Се Лянь, будучи наследным принцем царственного рода, проводил юные годы в самосовершенствовании в чертогах монастыря Хуанци^[9]. То было место для проведения религиозных обрядов августейшей семьи государства Сяньлэ, и чтобы попасть туда на обучение, необходимо было соответствовать строгим критериям отбора. Му Цин происходил из семьи бедняков, отец его был обезглавлен за преступление закона, а его собственное положение никогда не позволило бы ему вступить в ряды учеников монастыря Хуанци. Поэтому бедняге приходилось лишь выполнять грязную работу, подметать полы в комнатах, где Его Высочество наследный принц занимался медитацией, — в общем, быть мальчишкой на побегушках.

Се Лянь, увидев, как паренёк старается, уговорил наставников монастыря принять того в ученики, в качестве исключения из правил. Лишь благодаря тому, что сам Его Высочество наследный принц замолвил за Му Цина слово, его приняли в ученики монастыря Хуанци, и он смог начать путь самосовершенствования бок о бок с принцем. Вознесшись на Небеса, Се Лянь избрал Му Цина в качестве своего помощника и забрал с собой в столицу бессмертных.

Вот только после уничтожения государства Сяньлэ, когда Се Ляня низвергли в мир смертных, Му Цин вовсе не последовал за ним. И мало того, он не замолвил ни словечка в защиту изгнанника. Всё равно, когда наследного принца не стало, Му Цин мог делать всё, что ему заблагорассудится, так что он нашёл уединённую обитель, где самозабвенно предавался самосовершенствованию, покуда спустя несколько лет не преодолел рубеж Небесной кары и самостоятельно вознёсся на Небеса.

Когда-то один из двоих летал высоко в небе, а другой смиренно ползал по земле, теперь же ничего не изменилось, вот только оба участника окончательно поменялись ролями.

На этот раз Линвэнь подсказала Се Ляню:

— Он в ярости.

Се Лянь ответил:

— Я догадался.

— Я попробую сменить тему, а вы уходите, пока есть возможность.

Но Се Ляню всё было нипочём:

— Думаю, в этом нет нужды. Я просто притворюсь, что ничего не произошло, и всё.

— Вы уверены? Мне самой уже неловко слушать вас двоих.

— Могло быть хуже!

Таким человеком был Се Лянь, всё ему нипочём, кроме смерти; у него не осталось почти ничего, вот только позора в его жизни хватало в достатке. Ему приходилось попадать в положения более неловкие, чем это, поэтому сейчас принц действительно считал, что всё не так уж плохо. Однако никогда нельзя бросать судьбе подобный вызов, ведь стоило ему произнести «могло быть хуже», как стало хуже — сеть духовного общения разразилась громогласным рёвом:

— Какой смельчак, чтоб его, посмел разрушить мой дворец?! Покажись немедля!!!

От столь яростного вопля у всех небожителей, находящихся внутри духовной сети, едва не взорвались головы.

Нутро каждого небожителя разрывалось от накала страстей, но только все они затаили дыхание в беззвучном ожидании ответа Се Ляня на подобную брань. Итог превзошёл все ожидания, конфликт получил ещё более неожиданное развитие. Се Лянь не успел и рта раскрыть, как молчание прервал Му Цин.

Он лишь коротко усмехнулся:

— Хэ-хэ.

Новоиспечённый участник беседы ледяным тоном проговорил:

— Так это ты? Отлично. Погоди у меня.

Му Цин спокойно произнёс:

— Разве я сказал, что виновен? Не возводи напраслину на не причастного.

Собеседник вспылил:

— А чего ты тогда ухмыляешься? Совсем больной?

Му Цин ответил:

— Твои слова всего-навсего показались мне смешными, вот и всё. А виновник разрушения твоего дворца как раз находится в сети духовного общения, можешь спросить его об этом сам.

Раз уж всё зашло настолько далеко, Се Лянь теперь ни в коем случае не мог позволить себе просто взять и уйти от ответа, с его стороны это явилось бы верхом неприличия.

Поэтому он кашлянул, привлекая внимание, и произнёс:

— Это моя вина. Прошу меня простить.

Теперь и второй собеседник замолчал, услышав его.

В ушах принца вновь раздался голос Линвэнь:

— Ваше Высочество, это Наньян.

Се Лянь ответил:

— Этого я узнал. Вот только боюсь, что он не признал меня.

— Вовсе нет. Дело в том, что он часто проводит время в мире людей, редко возвращаясь в столицу бессмертных, поэтому ничего не знал о вашем очередном вознесении.

Совершенный Владыка Наньян, он же — Бог Войны, покровитель юго-восточных земель, в своём подчинении имеет восемь тысяч храмов и монастырей, всенародно любимый и почитаемый среди простого люда.

В миру его звали Фэн Синь, восемьсот лет тому назад именно он стал первым божественным помощником при дворце Его Величества наследного принца Сяньлэ в Небесных чертогах.

Фэн Синь был назначен преданным телохранителем Се Ляня, ещё когда тому исполнилось четырнадцать лет. Он вырос вместе с наследным принцем, вместе с ним отправился на Небеса, вместе с ним подвергся наказанию и был сослан в мир смертных. К несчастью, провести вместе с принцем восемьсот нелёгких лет он не смог. В итоге так вышло, что отношения их испортились, пути разошлись, и после этого они больше не встречались вновь.

В прошлом любимец Небес, теперь докатился до звания посмешища без последователей, без молитв и без подношений, а двое некогда самых верных его подчинённых, успешно преодолев рубеж Небесной кары, вознеслись и стали Богами Войны, в распоряжении которых находилась одна из сторон света. Такой исход кого угодно заставил бы задуматься. Если бы Се Ляня попросили выбрать из этих двоих того, кто опозорил его сильнее, Фэн Синь или Му Цин, он бы ответил: «Никто из них!». Но если бы сторонним наблюдателям пришлось решать, на чью драку они хотели бы поглазеть больше всего, мнения бы разошлись. Всё-таки у Се Ляня имелись достаточные основания для того, чтобы призвать к ответу и Му Цина, и Фэн Сяня, трудно определить, кто из них больше заслуживает тумачков.

Поэтому от Фэн Сяня ответа так и не последовало. В конце концов, он скрыл своё присутствие молчанием, чем поверг всех

остальных слушателей в полнейшее разочарование. Се Лянь же решил положить конец разговору, признав ответственность за содеянное, и произнёс:

— Я ведь не ожидал, что наделаю такого шума, злого умысла в моих действиях не было, прошу извинить меня за доставленные хлопоты.

Му Цин в ответ прохладно заметил:

— Ах, так значит, это всего лишь невероятно удачное совпадение.

Удачнее некуда, Се Ляню тоже так казалось. Как ещё объяснить то, что ему удалось в один присест и придавить Му Цина колоколом, и разрушить дворец Фэн Синя? Со стороны выглядело так, словно он решил разом поквитаться с обоими. Но в действительности всё было намного проще, Се Лянь относился к тому типу людей, который среди тысячи пиал с вином выберет ту, в которую подсыпали яд, даже спустя множество попыток. Однако мнение других людей изменить невозможно, и потому Се Ляню оставалось лишь пообещать:

— Дабы возместить ущерб, нанесённый золотым дворцам уважаемых господ, а также иные потери, я приложу все возможные усилия. Надеюсь лишь, что уважаемые господа дадут мне чуточку времени.

Разумеется, даже хвосту от метелки было ясно, что Му Цин хотел бы продолжить сыпать прохладными упрёками. Однако его золотой дворец остался невредим, а придавивший его колокол он сам же и расколол, а значит, излишнее давление на собеседника выставило бы самого Му Цина в не самом лучшем свете, поставив под угрозу его репутацию. Поэтому Му Цин тоже, не сказав ни слова, скрылся. Убедившись, что оба возмущённых оппонента удалились, Се Лянь поспешил выйти прочь.

Он всё ещё со всей серьёзностью размышлял, где бы раздобыть восемьсот восемьдесят восемь десятков тысяч добродетелей, когда на следующий день получил приглашение от Линвэнь прибыть в её дворец.

Линвэнь являлась управляющей божественным отделом кадров, отвечала за благополучие личного состава и помогала небожителям быстрее вырасти в должности. Её дворец являл собой весьма поразительное зрелище, от которого бросало в дрожь: всё здесь, от пола до потолка, было завалено официальными документами и

свитками. По дороге сюда Се Лянь встретил множество небожителей, вышедших из дворца Линвэнь, каждый из которых тащил в руках стопки бумаг, выше их самих. Побледневшие лица небожителей выражали либо полнейший крах надежд, либо абсолютную растерянность. Когда Се Лянь вошёл в главный зал, Линвэнь обернулась и без предисловий произнесла:

— Ваше Высочество, Императору требуется помощь в одном деле, не желаете ли вызваться добровольцем?

В Небесных чертогах сплошь и рядом попадались всяческие Совершенные Владыки и Прекрасные Владычицы, но Императором мог называться лишь один. И ему никогда не требовалась помощь в каком бы то ни было деле. Поэтому Се Лянь потрясённо замер, но всё же спросил:

— Что это за дело такое?

Линвэнь протянула ему свиток со словами:

— С Севера доносятся беспрерывные стенания верующих, возносящих мольбы Небесам. Очевидно, там не всё спокойно.

Так называемые верующие обыкновенно разделялись на три группы. Первая — состоятельные люди, на деньги которых возжигались благовония, проводились богослужения, строились храмы и монастыри. Вторая — проповедники, которые могли наставлять простых людей на истинный путь. Третья категория — это те, чьи сердца пронизаны верой вдоль и поперёк. Первая группа всегда считалась самой многочисленной: чем больше денег у человека, тем сильнее он преклоняется перед божественными и демоническими силами, к тому же богачей в миру — как рыбы в реке. Третья группа же — самая малочисленная, ведь тот, кому удалось достичь столь высокого уровня веры, наверняка скоро и сам вознесётся на Небеса. Очевидно, в данном случае Линвэнь имела в виду первую группу верующих.

— В настоящее время Владыка не может отправиться на Север лично, и если вы сможете сделать это вместо него, абсолютно все молитвы, которые верующие вознесут в благодарность за решение их проблемы, превратятся в ваши добродетели. Как вы на это смотрите?

Се Лянь принял свиток обеими руками и произнёс:

— Благодарю вас.

Принц, разумеется, не был глупцом, он понял, что Император Цзюнь У желал помочь ему, при этом с виду выглядело так, словно это сам Владыка просит помощи принца. Но сейчас он просто не находил иных слов, которыми можно было выразить всё то, что он ощущал, в полной мере.

Линвэнь ответила:

— Я всего лишь выполняю свою работу. Если хотите выразить благодарность, лучше дождитесь, когда Владыка вернётся, и лично поблагодарите его. К слову, я могу позаимствовать вам кое-какие магические артефакты, если пожелаете.

— Не стоит. Всё равно, спустившись в мир смертных, я потеряю духовные силы, поэтому не смогу использовать никакие артефакты.

Изгнанный дважды, Се Лянь растерял все свои духовные силы. В Небесных чертогах подобной проблемы не возникало, ведь здесь повсюду стояли дворцы небожителей, духовная сила непрерывно заполняла всё пространство и каждый мог воспользоваться ею, стоило только протянуть руку. Но по возвращении в мир людей принц становился беспомощным дурачком: даже чтобы сразиться с кем-нибудь, ему пришлось бы заимствовать духовные силы у другого небожителя на время, что приносило множество неудобств.

Линвэнь, призадумавшись, произнесла:

— Что ж, тогда я призову вам в помощь нескольких младших служащих из дворцов Богов Войны.

Нынешние Боги Войны, если даже были знакомы с Се Лянем, то явно не пылали к нему симпатией, принц прекрасно это знал, поэтому ответил:

— Всего лишь пустая трата времени. Никто не откликнется на призыв.

Однако у Линвэнь имелись свои размышления на этот счёт, она произнесла:

— Всё-таки позвольте мне попробовать.

Пробуй, не пробуй — результат будет один, Се Лянь не поддержал её настрой, но и возражать не стал — пусть делает, что пожелает. Поэтому Линвэнь немедленно присоединилась к духовной сети и громко объявила:

— Уважаемые Боги Войны, в помощь Владыке требуется посланник на Север. Может ли кто-нибудь выделить двоих служащих

из своего дворца для этой цели?

Не успела она замолчать, как послышался голос Му Цина:

— Я слышал, что сейчас Владыке некогда заниматься делами Севера, значит ли это, что помощники требуются не ему, а Его Высочеству наследному принцу?

Се Лянь подумал: «Ты что, весь день до поздней ночи проводишь на посту в сети духовного общения?»

Линвэнь на ум пришло то же самое, притом в душе она захотела отвесить Му Цину, помешавшему ей осуществить коварный замысел, звонкую пощёчину, да так, чтобы его вышибло из духовной сети. Но вместо этого она улыбнулась и сказала:

— Сюаньчжэнь, позвольте узнать, почему за последние дни я столь часто встречаю вас в духовной сети? Неужели вам удалось-таки выделить минутку на отдых среди множества хлопот? Примите поздравления.

Му Цин бесстрастно ответил:

— Я поранил руку и теперь вынужден залечивать рану.

Каждый небожитель в духовной сети про себя подумал: «В прошлом ты мог той же самой рукой расколоть надвое гору и разбить пучину морскую, что с ней мог сделать какой-то обыкновенный колокол?»

Линвэнь намеревалась обманом выманить двоих подручных, не вдаваясь в подробности, но вышло так, что Му Цин, разгадав её замысел, немедленно озвучил догадку вслух. Теперь им точно не удастся найти помощников. В самом деле, никто так и не откликнулся на просьбу, что для Се Ляня не стало неожиданностью. Он обратился к Линвэнь:

— Видите, как я и думал, никто не станет мне помогать.

Линвэнь возразила:

— Если бы Сюаньчжэнь не вмешался, у нас бы получилось.

Се Лянь с улыбкой произнёс:

— Вы скрыли половину правды в своих словах, разумеется, у Богов Войны сложилось бы неверное представление о положении дел, как о прекрасном цветке, спрятанном среди тумана. Решив, что вы просите их посодействовать самому Владыке, кто-нибудь непременно отозвался бы, вот только явившись на место и увидев, что придётся работать в паре со мной, они наверняка устроили бы скандал, о какой

сплочённости и единстве тогда может идти речь? Всё равно я привык действовать в одиночку, да и на калеку я не похож, а значит, справлюсь и без них. Благодарю вас за старания, я должен отправляться в путь.

Линвэнь, не в силах больше ничем ему помочь, сложила руки перед грудью в малом поклоне^[10] и произнесла:

— Так и быть. Желаю Вашему Высочеству, чтобы всё обошлось гладко, без приключений. Небеса даруют вам своё благословение.

Се Лянь ответил:

— В таком случае, никакие запреты мне не ведомы! — Махнув на прощание рукой, он беззаботно вышел прочь из дворца.

Спустя три дня, мир людей, где-то на севере.

На обочине широкой дороги стояла чайная: здание не слишком большое, работники в чайной были набраны из простых людей, но главной её ценностью являлся окружающий пейзаж. Из окон чайной виднелись горы, слышался шум реки, мимо сновали прохожие, а вдали можно было разглядеть городские стены. Всего понемногу, но в самый раз. Встречи в таком прекрасном месте непременно становились изумительными воспоминаниями. Хозяин чайной проводил время в праздной беззаботности: пока к нему не заглядывали гости, он ставил у порога табурет и сидел на нём, услаждая взор пейзажем, которым так славился вид из окон чайной. Как вдруг он увидел вдали странствующего монаха в белых одеждах. Путник был весь в дорожной пыли, словно идти ему пришлось довольно долго.

Приблизившись к чайной, монах было прошёл мимо, однако остановился и медленно вернулся назад. Приподняв край своей доули^[11], он бросил взгляд на табличку с названием, затем с улыбкой произнёс:

— «Лавка встреч», многообещающее название.

Путник явно сильно утомился в пути, но при этом глаза его сияли улыбкой, едва взгляни на него — и сам не сможешь сдержать уголки рта, приподнимающиеся вверх. Он спросил:

— Не затруднит ли вас поведать мне, далеко ли ещё до горы Юйцзюнь?

Хозяин лавки, указывая направление, ответил:

— Уже совсем близко.

Монах с облегчением выдохнул, едва не испустив дух вместе с воздухом, а про себя подумал: «Ну, наконец-то я здесь».

Путником оказался Се Лянь.

Покинув столицу бессмертных, он заранее определил точное место недалеко от горы Юйцзюнь, куда собирался приземлиться. Однако что-то пошло не так и, когда принц, непринуждённо покинув Небесные чертоги, непринуждённо спрыгнул вниз, он всё так же непринуждённо повис рукавом на облаке. Именно, повис на облаке, сам не понимая, как такое могло произойти. Как бы то ни было, в итоге он сверзился вниз с огромной высоты, совершенно не ведая, где оказался. Лишь спустя три дня ему удалось пешком добраться до назначенного места приземления, и теперь его переполняла целая палитра эмоций.

Се Лянь вошёл в чайную, заказал чаю и пирожных, выбрал место у окна и наконец уселся после стольких дней в пути. Как вдруг снаружи послышались горькие рыдания и звуки барабана.

Он выглянул из окна и увидел, как по дороге мимо чайной идёт группа людей. Среди них были мужчины и женщины, старики и дети, и все они толпились вокруг ярко-красного свадебного паланкина.

Процессия являла собой весьма необычное зрелище. С первого взгляда могло показаться, что все эти люди совершают обряд проводов невесты в дом жениха, однако если присмотреться получше, на лицах участников процессии можно было увидеть серьёзные, убитые горем, негодующие и напуганные выражения, без единого намёка на счастье. Как ни посмотри, они меньше всего напоминали тех, в чьём доме случилось радостное событие, но при этом нарядились в красное и надели цветочные венки, да ещё трубили в трубы и били в барабаны. Представление действительно выглядело крайне необычно. Хозяин лавки принёс медный чайник с длинным носиком и приподнял его повыше, чтобы налить Се Ляню чай. Заметив происходящее снаружи, хозяин лишь покачал головой, а затем спокойно отошёл.

Се Лянь, наблюдая, как необычная процессия удаляется из поля зрения, привёл мысли в порядок и решил снова взглянуть на свиток, который передала ему Линвэнь, как вдруг перед глазами что-то ярко сверкнуло.

Он поднял взгляд и увидел, как мимо пролетает серебристая бабочка.

Сверкающая полупрозрачная бабочка порхала по воздуху, оставляя за собой искрящийся след. Се Лянь, не сдержавшись, протянул руку к гостье, и она, проявляя чудеса проницательности, нисколько не испугалась, но даже наоборот — присела на кончик его пальца. Её непостижимо прекрасные сверкающие крылышки на свету казались иллюзией, коснись её — и она исчезнет. Задержавшись на миг, бабочка улетела.

Се Лянь, прощаясь, помахал ей рукой, ну а когда повернулся, то увидел, что людей за его столом стало втрое больше.

Слева и справа от него, занимая по одной из четырёх сторон стола, теперь сидели двое юношей, на вид не старше девятнадцати лет. Юноша слева был чуть выше ростом, на его лице отражалась глубина и мудрость, однако взгляд сквозил дерзостью. Его спутник, изящный и бледный, выглядел более воспитанным и утончённым, лишь во взгляде его виднелось холодное безразличие, словно он был чем-то расстроен. По правде говоря, оба юноши выглядели не очень-то приветливо.

Се Лянь, поморгав, обратился к ним:

— Вы двое...

Юноша слева назвал себя:

— Нань Фэн.

То же самое сделал и юноша справа:

— Фу Яо.

Се Лянь подумал: «Я ведь не имена ваши хотел узнать...»

Внезапно в его голове раздался голос Линвэнь:

— Ваше Высочество, двое младших служащих из чертогов Средних Небес добровольно вызвались помочь. Они отправились в мир смертных, чтобы присоединиться к вам, и сейчас уже должны быть где-то поблизости.

Средние Небеса, о которых упомянула Линвэнь, разумеется, отличались от Верхних Небес. Проще говоря, всех небожителей в Небесных чертогах можно разделить на две категории: достигшие вознесения и не достигшие вознесения. К пантеону Верхних Небес принадлежали исключительно те, кто вознёсся благодаря собственным усилиям, — в Небесных чертогах таких всего не больше сотни и каждый из них чрезвычайно редкий самородок. Пантеон Средних

Небес включает небожителей, которые были «назначены» на эти должности бессмертными более высокого ранга, строго говоря, их статус полностью звучит как «приравненный к небожителю», вот только при обращении всегда опускается «приравненный к».

Означает ли это, что помимо Верхних и Средних Небес существуют также и Нижние?

Вовсе нет.

На самом деле, во времена первого вознесения Се Ляня всё ещё существовало разделение на Верхние и Нижние Небеса. Однако в итоге обнаружилось следующее недоразумение: когда небожитель представлялся кому-то, говоря: «Посланник Нижних Небес, такой-то», звучало это крайне некрасиво, ведь слово «нижний» придавало ощущение неполноценности говорящему. Стоит заметить, что среди выходцев из Средних Небес также немало выдающихся талантов, чья магическая сила бьёт ключом. От истинных небожителей и Верхних Небес их отделяла лишь Небесная кара, но кто знает, возможно, она уже не за горами? Поэтому было предложено изменить одно слово, чтобы фраза звучала «Посланник Средних Небес, такой-то», так ведь намного лучше. По своей сути, смысл остался прежним. Но Се Ляню в итоге пришлось очень долго привыкать к новому названию.

Принц оглядел обоих младших служащих, но так и не смог решить, кто из них выглядит менее раздосадованным. Было совершенно непохоже, что они «добровольно вызвались помочь», поэтому Се Лянь не смог сдержаться от вопроса:

— Послушай, Линвэнь, меньше всего на свете они напоминают добровольных помощников, такое ощущение, что они пришли отрубить мне голову к чертям. Только не говори, что выманила их обманом.

К несчастью, его замечание так и не дослигло ушей Линвэнь, да и её голос в голове Се Ляня затих. Очевидно, он слишком долго находился за пределами столицы бессмертных, а значит, уже израсходовал запас магических сил. Ничего не поделаешь, Се Ляню пришлось улыбнуться двум служащим со словами:

— Нань Фэн и Фу Яо, верно? Для начала, позвольте поблагодарить вас обоих за желание оказать помощь.

Юноши кивнули в ответ, но надменность в их манерах говорила Се Ляню о том, что каждый из них наверняка находился в подчинении

у Бога Войны с довольно громким именем. Тогда принц попросил хозяина чайной принести ещё две пиалы, поднял свою, сдул с поверхности чайники и как бы между прочим спросил:

— Так к чьим вы относитесь дворцам?

Нань Фэн:

— Дворец Наньяна.

Фу Яо:

— Дворец Сюаньчжэня.

Душа Се Ляня ушла в пятки.

Отпив глоток чаю, принц уточнил:

— Это ваши генералы послали вас ко мне?

Оба разом ответили:

— Мой генерал не знает, что я здесь.

Се Лянь, задумавшись на миг, задал следующий вопрос:

— Так вам... известно, кто я?

Если Линвэнь действительно обманом заставила двоих младших служащих прийти к нему на помощь, по возвращении их неизбежно ждёт наказание, а значит, для них этот подвиг яйца выеденного не стоит.

Вопреки ожиданиям, Нань Фэн ответил:

— Ты — Его Высочество наследный принц.

Фу Яо продолжил:

— Ты — истина всего человечества, ты — центр целого мира.

Се Лянь поперхнулся и обратился к Нань Фэну, чтобы кое-что уточнить:

— Он что, закатил глаза?

Нань Фэн ответил:

— Да. Скажи ему, чтобы проваливал.

Ни для кого не секрет, что между Наньяном и Сюаньчжэнем отношения складывались не самые тёплые. Се Лянь, узнав об этом, почти совсем не удивился, ведь этих двоих и раньше нельзя было назвать закадычными друзьями. Однако в прошлом, когда оба Бога Войны служили под его началом, принц то и дело уговаривал их не ссориться, пытался подружить подчинённых, поэтому им приходилось терпеть друг друга, не затеывая ссор. Даже когда терпение было на исходе, они могли ограничиться словесными насмешками в адрес друг друга. Вот только теперь, когда никаких ограничений не осталось, для

притворства не было причин, поэтому даже последователи обоих небожителей в мире людей с юго-востока и с юго-запада относились друг к другу с презрением. А между дворцами Наньяна и Сюаньчжэня так и вовсе шла многолетняя вражда. Ярчайшим примером тому являлись эти двое младших служащих.

Фу Яо с холодной усмешкой ответил на замечание Нань Фэна:

— По словам Линвэнь, участие в данном предприятии — дело добровольное. С чего вдруг мне проваливать?

То выражение лица, с которым он произнёс «дело добровольное», не добавляло его словам убедительности.

Се Лянь вмешался:

— Хотелось бы уточнить. Вы действительно вызвались добровольно? Нет нужды заставлять себя, если на самом деле не желаете мне помогать.

Юноши вновь ответили хором:

— Я вызвался добровольно.

Глядя на их мрачные, словно погруженные в траур лица, Се Лянь подумал: «Кажется, вы забыли добавить “свести счёты с жизнью”».

— В общем... — подытожил Се Лянь, — давайте перейдём к делу. Вас наверняка уже посвятили в детали происшествия на Севере, поэтому не вижу смысла объяснять ещё раз...

И снова слаженный ответ:

— Не посвятили.

— ...

Ничего другого Се Ляню не оставалось, как снова вынуть свиток из дворца Линвэнь.

— Ну что ж, значит, мне всё-таки придётся объяснить с начала.

По рассказам местных, много лет назад под горой Юйцзюнь двое влюбленных собирались пожениться.

Жених и невеста безгранично любили друг друга, и настало время провести обряд проводов невесты в дом жениха, но спустя долгое время процессия с невестой так и не явилась. Жених, охваченный волнением, направился на поиски возлюбленной в дом родителей невесты, но и там от её родителей узнал, что процессия давно в пути. Семьи донесли о случившемся местным властям, собрали людей на поиски, однако так ничего и не обнаружили. Но ведь даже если на процессию в горах напали дикие звери, остались бы хоть какие-нибудь

следы, вроде недоеденных рук или ног. Где это видано, чтобы люди вот так растворялись в воздухе? Поэтому кое-кто неизбежно заподозрил, что невеста, не желая выходить замуж, подкупила сопровождающую процессию и сбежала. К всеобщей неожиданности, спустя несколько лет, когда другая пара влюбленных захотела пожениться, кошмар повторился.

Невеста вновь пропала. Но всё же не без следа. Поиски привели людей на узкую тропинку, где обнаружилась недоеденная неизвестным чудищем ступня.

Ночные приключения трёх шутников в храме Цзюйяна

После того как история повторилась, начался настоящий кошмар. За последующие сто лет в окрестностях горы Юйцзюнь бесследно пропали семнадцать невест. Иногда затишье длилось дольше десятка лет, а иногда всего за месяц исчезало сразу две невесты. По окрестностям поползли мрачные слухи о том, что на горе Юйцзюнь завёлся злой дух новобрачного, и, если какая-то девушка приглянется ему, он непременно украдёт её во время проводов в дом жениха, а всю процессию провожатых сожрёт без остатка.

Сперва слух о происшествии на горе Юйцзюнь не достигал Небес, поскольку, даже несмотря на пропажу семнадцати невест, всё же подавляющее большинство девушек прибывали в дом жениха в целости и сохранности. Как бы то ни было, попытки найти девушек не увенчались успехом, защитить их от похищения также не получалось, поэтому оставалось лишь как-то приспособливаться. Казалось бы, дело ограничилось тем, что семей, которые согласились бы отдать свою дочь замуж в окрестностях горы Юйцзюнь, стало намного меньше, да и местные жители не решались устраивать шумные празднества. Вот только как раз семнадцатая невеста оказалась дочерью чиновника. Отец безмерно любил своё драгоценное дитя, и, прознав о недобрых слухах, тщательно отобрал в качестве сопровождающих процессию проводов невесты сорок лучших воинов исключительной доблести. И всё же дочь уберечь не удалось.

В этот раз злой дух новобрачного прямо-таки разворошил осиное гнездо. Конечно, даже самые высокие чины мира людей, к которым мог бы обратиться несчастный отец, не могли ничего поделать со злым духом. Поэтому чиновник собрал нескольких друзей, таких же

чиновников, и устроил богослужение, да ещё, по указке высокообразованных людей, стал помогать бедным и кормить голодающих, покуда слухи не расползлись по всему свету и не достигли ушей нескольких небожителей, изрядно удивив последних. Если бы не его старания, вероятность того, что небожители услышат голоса простых смертных, была крайне мала.

Се Лянь заключил:

— В целом дела обстоят таким образом.

Поскольку лица юношей не выражали ни капли заинтересованности, принц так и не понял, слушают они его или нет. Если они всё пропустили мимо ушей, придётся повторять заново. Однако Нань Фэн всё-таки поднял взгляд и хмуро поинтересовался:

— У исчезнувших невест имелись какие-либо общие черты?

Се Лянь ответил:

— В списке похищенных попадают и бедные, и богатые, и красавицы, и страшенькие, и первые жёны, и наложницы, одним словом — никакой закономерности. Совершенно невозможно предположить, по какому принципу злой дух новобрачного отбирает жертв.

Нань Фэн хмыкнул, отпил глоток чая и, кажется, погрузился в размышления. Фу Яо даже не думал притрагиваться к чаю, который предложил ему Се Лянь, он лишь неспешно вытер пальцы белым платком, затем, нахмурившись, произнёс:

— Ваше Высочество, позволь узнать, почему ты настолько уверен, что преступник — именно дух новобрачного? Ведь это нельзя сказать наверняка, ещё никому не удавалось увидеть его, как можно судить, какого он пола и возраста? Неужели ты опираешься лишь на собственные предположения?

Се Лянь, расплываясь в улыбке, ответил:

— В свитке обобщаются сведения, собранные служащими из дворца Линвэнь, а «злой дух новобрачного» — всего лишь прозвище, данное в народе. Твои рассуждения, впрочем, весьма разумны.

Они обменялись ещё парой предположений, и Се Лянь с радостью пришёл к выводу, что двое младших служащих мыслят достаточно ясно, и, несмотря на малоприветливые лица, в дело они вникли абсолютно без труда, что принесло Се Ляню несказанное удовлетворение. За окном спускались сумерки, и троим путникам

пришлось покинуть чайную. Се Лянь, нацепив бамбуковую шляпу и сделав несколько шагов, вдруг обнаружил, что за ним никто не последовал. Поэтому с недоумением во взгляде обернулся и увидел, что юноши уставились на него с таким же недоумением.

Нань Фэн задал вопрос:

— Куда это ты собрался?

Се Лянь ответил:

— На поиски места для ночлега. Фу Яо, почему ты опять закатил глаза?

Нань Фэн, продолжая недоумевать, спросил снова:

— Так зачем ты направился в сторону гор?

Се Ляню частенько приходилось есть и спать где попало, иногда даже проводить целую ночь прямо на улице, подстелив под себя какую-нибудь тряпицу. Так и теперь, принц по обыкновению намеревался отыскать в горах пещеру, чтобы можно было развести костер. И лишь когда Нань Фэн окликнул его, Се Лянь вспомнил, что оба его помощника являются подчинёнными Богов Войны, и если поблизости найдётся храм Наньяна или Сюаньчжэня, троица сможет отправиться туда на ночлег, тогда вовсе нет нужды ночевать на пустыре.

Очень скоро они отыскали в неприметном закоулке поблизости невзрачный и обветшалый храм духа земли, на алтаре которого стояла разбитая подставка с догоревшими благовониями. С виду храм выглядел давно заброшенным. Поклонялись здесь когда-то маленькому круглому каменному божку, олицетворяющему духа этих земель.

Се Лянь несколько раз обратился к духу. Тот же, за многие годы отвыкнув от посетителей и неожиданно услышав призыв и продрав глаза, едва не подпрыгнул от испуга: перед ним предстали трое незнакомцев, двое из которых излучали ореол слепящего божественного сияния, так что даже лица их нельзя было разглядеть. С дрожью в голосе дух пробормотал:

— Чего изволите приказать вашему покорному слуге, о великие бессмертные небожители?

Се Лянь кивнул, приветствуя духа, и ответил:

— Ничего особенного. Ответьте нам лишь на один вопрос: нет ли поблизости храмов, где поклоняются генералу Наньяну или же генералу Сюаньчжэню?

Дух земли, опасаясь показаться неучтивым, стал высчитывать на пальцах, приговаривая:

— Так, так, так... всего в пяти ли^[12] отсюда построен храм, в котором поклоняются... поклоняются... генералу Наньяну.

Сложив руки в благодарственном жесте, ладонями друг к другу, Се Лянь произнёс:

— Премного благодарен.

И дух земли, ослеплённый ярким божественным сиянием, исходящим от двоих спутников принца, в спешке скрылся. Се Лянь вынул пару монет и положил их на алтарь, затем увидел рассыпанные рядом ещё не сгоревшие до конца благовония, поднял их и зажёл в честь духа. Пока принц проделывал всё это, Фу Яо так часто закатывал глаза, что Се Ляню хотелось поинтересоваться, не притомился ли он.

И в самом деле, в пяти ли от жилища духа земли они увидели у дороги процветающий храм. Несмотря на небольшой размер, в храме всего хватало в достатке, от посетителей не было отбоя, внутри царила необыкновенно оживлённая атмосфера. Скрыв истинную сущность, они вошли в храм и увидели, что в главном зале прихожане поклоняются статуе Бога Войны Наньяна, с луком в руках и сверкающем доспехе.

Бросив взгляд на статую, Се Лянь подумал лишь: «Мда...»

В маленьком деревенском храме изваяние божества было вылеплено и раскрашено довольно примитивно, в целом картина весьма сильно отличалась от реального облика Фэн Синя в памяти Се Ляня.

Однако для самих небожителей разительное отличие храмового изваяния от истинного облика уже стало привычным делом. И не только родная мать не узнала бы его в подобном образе, иногда небожитель и сам не мог разглядеть в изваянии себя. Всё-таки практически ни один ремесленник не встречался с натурой лично, поэтому все образы получались либо красивее оригинала, либо уродливее, и узнать, какое конкретно божество они изображали, можно было лишь по каноничной позе, оружию, наряду и головному убору.

Как правило, если храм божества находился в густонаселённом и богатом городе, то статуя в нём соответствовала ожиданиям небожителя. Ну а чем беднее местность, тем хуже вкусы мастеров, и тем ужаснее получают изваяния божеств, без слёз не взглянешь. В

нынешние времена лишь статуи генерала Сюаньчжэня в большинстве своём изготавливали довольно близкими к оригиналу. По какой причине? Всё дело в том, что если остальные небожители при виде своих уродливых статуй закрывали на это глаза, то Сюаньчжэнь незаметно разбивал изваяния, чтобы их изготавливали заново, либо пробирался в сновидения мастеров и выражал недовольство всяческими намёками. Множество подобных случаев и заставили последователей Сюаньчжэня понять — статуи их божественного покровителя непременно должны выглядеть красиво!

Подчинённые Сюаньчжэня все как один были столь же требовательны и разборчивы во вкусах, как и сам генерал. Оказавшись во дворце Наньяна, Фу Яо в течение двух часов непрерывно подвергал его божественную статую критике с ног до головы, всё ему было не так: и поза скрючена, и краски вычурны, и мастер попался с кривыми руками и слишком странным вкусом. Увидев, как на висках Нань Фэна постепенно надуваются синие вены, Се Лянь решил поскорее увести разговор в иное русло и как раз кстати заметил девушку, вошедшую в храм и набожно опустившуюся на колени для вознесения молитвы.

Принц мягко произнёс:

— Кстати говоря, я не ожидал, что на севере огонь благовоний в храме Совершенного Владыки Наньяна будет гореть столь ярко, ведь резиденция его находится на юго-востоке.

Храмы и монастыри в честь небожителей, возводимые простыми смертными, имитировали дворцы в Небесных чертогах, а божественное изваяние в храме отражало истинный образ самого небожителя. Огонь благовоний, возжигаемых прихожанами храмов и монастырей, становился основным источником магической силы божеств. Благодаря географическому положению, историческому развитию, местным обычаям и множеству иных причин, в различной местности жители обыкновенно поклонялись разным богам. В пределах собственных владений магическая сила каждого небожителя достигала небывалой мощи, это и являлось так называемым территориальным преимуществом. И лишь могущество Владыки Шэньу совершенно не зависело от местности, поскольку последователей, храмов и монастырей в каждой части света ему хватало в достатке. Столь яркие огни благовоний в честь Наньяна даже за пределами его владений считались явлением несомненно

благостным, и Нань Фэну следовало бы преисполниться гордости за своего генерала, однако, судя по его лицу, выходило как раз наоборот.

Фу Яо же, напротив, с улыбкой произнёс:

— Недурно, весьма недурно. Высшее проявление всенародной любви.

Се Лянь было заговорил:

— Впрочем, одну деталь мне хотелось бы уточнить, вот только не знаю...

Но Нань Фэн тут же его прервал:

— Если не знаешь, стоит ли об этом спрашивать, лучше промолчи.

Се Лянь подумал: «Не совсем. Я хотел сказать "не знаю, сможет ли кто-нибудь мне разъяснить"».

И всё-таки принца посетило предчувствие, что ни к чему хорошему его любопытство не приведёт, поэтому он решил в очередной раз повернуть разговор в иное русло. Впрочем, к его удивлению, Фу Яо плавно проговорил:

— Я догадываюсь, о чём ты хотел узнать. Наверняка тебя интересует, почему среди тех, кто приходит в храм поклониться Наньяну, так много женщин?

Именно эта деталь столь сильно заинтересовала Се Ляня.

Среди последователей Богов Войны мужчин всегда было больше, чем женщин, и лишь Его Высочество наследный принц Сяньлэ восемьсот лет назад являлся беспримерным исключением. Однако причина тому предельно проста, и её можно выразить двумя словами: внешняя красота.

Ясно как белый день, что ни всеобщее уважение, ни незаурядные божественные силы не дали бы подобного результата, а всё дело было лишь во внешней привлекательности изваяний и храмов наследного принца. Почти каждый храм и монастырь в его честь возводился императорскими зодчими, а для изготовления божественных образов приглашались искуснейшие мастера высшего уровня из разных уголков страны, чтобы они создавали свои шедевры точно в соответствии с истинным обликом принца. К тому же знаменитая фраза, произнесённая принцем на мосту Инянь — «Тело пребывает в страдании, но душа пребудет в блаженстве»^[13], послужила поводом к украшению его статуй цветами, да и сами его монастыри нередко

превращались в цветущие сады. По той же причине в те времена у принца появилось иное прозвище, а именно — «Бог войны в короне из цветов». Прихожанкам нравилось смотреть на его прекрасные статуи и гулять среди моря цветов, именно поэтому они любили приходить в храмы наследного принца, а заодно могли поклониться и возжечь благовония.

Остальных Богов Войны при этом окружала столь тяжёлая убийственная атмосфера, а лица их статуй являли собой картину столь суровую, свирепую и жестокую, что прихожанки, бросив на них взгляд, с большей охотой шли возносить молитвы Гуаньинь^[14] или кому-то вроде неё. К изваянию Наньяна в этом храме трудновато приклеивался ярлык «убийственно свирепый», но божественно прекрасным его назвать было ещё труднее. И всё же женщины, приходящие вознести ему молитвы, численно едва ли уступали мужчинам. К тому же явный отказ Нань Фэна давать тому объяснение выглядел более чем странно. Как раз в этот момент девушка, замеченная Се Лянем ранее, закончила молиться, поднялась с колен, чтобы взять благовония, и вновь повернулась.

Это её движение заставило Се Ляня пихнуть обоих юношей в бок. Ни один из них не смог бы спокойно стерпеть подобного, так что оба невольно повернулись в ту же сторону, что и принц, после чего моментально изменились в лице.

Фу Яо не сдержался от замечания:

— Ну и уродина!

Се Лянь, поперхнувшись, поправил его:

— Фу Яо, не следует отзываться о девушках подобным образом.

Однако если говорить начистоту, Фу Яо не солгал. Лицо девушки выглядело настолько плоским, что казалось, будто кто-то ударом ладони расплющил его. Язык не поворачивался назвать черты её лица заурядными и описание «глаза в стороны, да нос на один бок» подходило к её внешности как нельзя лучше.

Но Се Лянь совершенно не замечал, красива девушка или не слишком. Его внимание привлекла куда более неприятная деталь — сзади на юбке девушки зияла огромная дыра, заметив которую, уже не удавалось притвориться, что её там нет.

Фу Яо было удивлённо вскинул брови, но затем сразу же надел маску безразличия. А вот вздувшиеся на висках Нань Фэна жилы в тот

же миг бесследно исчезли.

Лицо бедняги переменялось столь стремительно, что Се Лянь поспешил успокоить его:

— Ты только не волнуйся. Не волнуйся.

Тем временем девушка с благовониями в руках вновь опустилась на колени и стала кланяться, приговаривая:

— Прошу благословения генерала Наньяна, верная твоя последовательница Сяоин возносит мольбы о скорейшей поимке злого духа новобрачного, чтобы больше ни одна безгрешная душа не пострадала по его вине...

Девушка молилась столь искренне и усердно, что совершенно не замечала ни огромную дыру на юбке, ни троих незнакомцев, расположившихся у подножия статуи, которой она отбивала поклоны. Се Лянь, искренне озаботившись судьбой девушки, произнёс:

— Что же делать? Ведь нельзя позволить ей в таком виде идти по улице! Она соберёт на себе все взгляды, куда дойдёт до дома.

И если бы только взгляды, ведь юбку девушки, очевидно, нарочно порезали чем-то острым, поэтому опасения, что бедняжка станет предметом шумных насмешек и перетолков, были совершенно небезосновательны. Позора в таком случае ей не избежать!

Фу Яо безразличным тоном ответил:

— На меня даже не смотри. Она ведь молилась не моему генералу, а значит это не моё дело, и я ничего не видел.

Нань Фэн же, напротив, позеленел, затем побледнел и замахал руками, словно разучился говорить. Вроде бы только что это был бесстрашный герой, как вдруг сделался безнадёжным немым дурачком. Се Ляню только и оставалось, что взяться за дело самому; он сбросил с плеч на пол верхнее монашеское одеяние, которое тут же подхватило порывом ветра и отнесло в сторону девушки. Лишь после того, как непристойный порез на юбке оказался прикрыт, все трое разом выдохнули.

Однако порыв ветра оказался столь неожиданным, что девушка от испуга подскочила, огляделась вокруг и, обнаружив на себе чужое одеяние, в недоумении застыла, затем сняла его и положила на постамент рядом, так ничего необычного и не заметив. Установив благовония на алтарь божества, она засобиралась прочь; но если девушка в таком виде выйдет из храма, то лучше ей впредь не

показываться людям на глаза. Двое спутников Се Ляня застыли, словно бесполезные истуканы, поэтому принц обреченно вздохнул. Нань Фэн и Фу Яо успели лишь заметить, что на месте Се Ляня стало пусто, а тот, проявляя видимый облик, уже спрыгнул с постамента.

Тусклые огни храмовых лампад качнулись от ветра, поднятого прыжком Се Ляня, девушка по имени Сяоин лишь успела ощутить, как зарябило в глазах, а в следующий миг из тени к ней вышел полуобнаженный мужчина. Стоило ему протянуть к девушке руку, как она едва не лишилась чувств от испуга.

Как и следовало ожидать, раздался её пронзительный визг. Се Лянь не успел и рта раскрыть, как девушка проворно замахнулась и изо всех сил закричала:

— Домогаются!

Прозвучал хлопок — Се Ляню досталась звонкая оплеуха.

Звук оказался столь громким и отчётливым, что лица юношей, сидящих на постаменте божественной статуи, одновременно вытянулись.

Се Лянь не стал гневаться на девушку из-за пощёчины, он лишь настойчиво впихнул ей свою одежду и что-то быстро прошептал. В тот же миг девушка испуганно потрогала юбку сзади, лицо её при этом сделалось пунцовым, а глаза наполнились слезами. Неизвестно, от обиды или, может, от стыда и негодования, девушка вцепилась в одеяние Се Ляня, закрыла лицо руками и вылетела из храма прочь, оставив позади одинокий силуэт принца. После её ухода в храм ворвался прохладный ветер, и принц поёжился от холода.

Потирая пострадавшее лицо, по которому уже расплылся ярко-красный след от ладонки, Се Лянь развернулся к двоим шутникам и произнёс:

— Ну вот. Всё в порядке.

Едва он замолчал, как Нань Фэн, указывая на него, спросил:

— Ты... ты поранился?

Се Лянь опустил голову и смущенно ойкнул.

Сбросив верхние одежды, принц обнажил идеальное тело цвета прекрасного белого нефрита, вот только грудь его туго затянутой повязкой закрывали слои белоснежной ткани, на шее и запястьях также красовались плотно намотанные бинты, из-под краёв которых

виднелись бесчисленные тонкие царапины — зрелище не для слабонервных.

Подумав, что вывихнутая шея, должно быть, уже зажила, Се Лянь стал круг за кругом снимать бинты.

Фу Яо, глядя ему в глаза, спросил:

— Кто это был?

Се Лянь не понял:

— Что?

Тогда Фу Яо уточнил:

— Противник, с которым ты сражался.

Се Лянь:

— Сражался? Ничего подобного.

Нань Фэн:

— Но раны на твоём теле...

Се Лянь беззаботно ответил:

— Это я сам упал.

Двое спутников потрясённо замолчали.

Три дня тому назад принц действительно поранился, когда сверзился на землю при неудачном схождении в мир смертных. Даже если бы ему пришлось сражаться с кем-то, вряд ли он бы пострадал столь же сильно.

Фу Яо что-то пробормотал себе под нос, но Се Лянь не расслышал, что именно, да и спрашивать не стал, ведь наверняка его слова даже отдалённо не напоминали восхищение твердокаменной волей принца. А спустя мгновение после того как он снял повязку, взгляды Нань Фэна и Фу Яо застыли на обнаженной шее Се Ляня.

На белоснежной коже красовался чёрный обруч.

Стоило Се Ляню ощутить на себе взгляд юношей, на его лице мелькнула лёгкая улыбка, затем он повернулся к ним и спросил:

— Впервые приходится видеть настоящую проклятую кангу?

Значение проклятой канги вытекает из её названия — оковы, сформировавшиеся в результате проклятия.

Для небожителя, низвергнутого из Небесных чертогов, гнев Небес превращался в печать преступника, которая проявлялась на его теле в форме оков, запечатывающих божественные силы, и оставалась так навеки вечные. словно татуировка на лице узника или тяжёлые

кандалы на руках и ногах, она служила и наказанием, и предостережением, внушая ужас и стыд.

Се Лянь являлся дважды изгнанным посмешищем трёх миров, разумеется, на его теле красовалась та самая проклятая канга. Младшие небожители наверняка слышали об этом, но всё же ощущения от услышанного разительно отличались от увиденного своими глазами. Поэтому выражения их лиц в данный момент не стали для Се Ляня неожиданностью.

Он догадывался, что эта штука на его шее заставляла юношей чувствовать себя неудобно и даже внушала страх. Ведь, как ни взгляни, а ничего хорошего проклятая канга из себя не представляла.

Се Лянь было собирался воспользоваться предложением найти подходящее одеяние и выйти наружу, чтобы прогуляться, когда Фу Яо, закатив глаза к потолку, преградил ему путь со словами:

— Если покажешься снаружи в таком виде, тебя примут за бродяжку или ещё какого негодяя.

Поэтому Нань Фэн нашёл где-то во внутренних помещениях храма монашеские одеяния и бросил принцу, чтобы тот больше не производил впечатление нищего бездомного. Троица вновь устроилась на прежние места, однако после случая с девушкой атмосфера сделалась чуть более неловкой, поэтому Се Лянь вынул свиток из дворца Линвэнь и поинтересовался:

— Не желаете прочесть ещё раз?

Нань Фэн, взглянув на принца исподлобья, ответил:

— Уже прочёл. Уж кто нуждается в повторении, так это он.

Фу Яо незамедлительно среагировал:

— Что значит — я нуждаюсь в повторении? Сведения в свитке лишены подробностей, сбивчивые и неясные, а значит, и гроша ломаного не стоят, не то, чтобы мне их повторять.

Его слова о свитке заставили Се Ляня невольно посочувствовать младшим служащим из дворца Линвэнь, что пишут эти свитки каждодневно до тех пор, пока их лица не становятся бледными, как у мертвецов.

До принца вновь донеслись слова Фу Яо:

— Ага, так на чём мы остановились? Почему в храмах Наньяна... так много последователей женского пола, да?

Ладно. Се Лянь вновь убрал свиток и помассировал пульсирующую точку на лбу между бровей, понимая, что сегодня уже никому не удастся ничего прочесть!

Если серьёзное дело никого не интересовало, в таком случае, пришло время выяснить, что же, в конце концов, не так с этим храмом Наньяна. Оказалось, что кроме Се Ляня, который несколько сотен лет собирал рухлядь в мире смертных, каждый небожитель современного пантеона был осведомлён о том, что в биографии Совершенного Владыки Наньяна, Фэн Синя, был период, когда его называли Совершенный Владыка Цзюйян, что означало «Огромный член». Главный участник этой истории питал поистине глубочайшую ненависть к этому прозвищу. Все остальные же выражали своё мнение по поводу произошедшего одной фразой: «Досадная ошибка»!

Поскольку изначально верное написание имени Цзюйян требовало использования другого иероглифа «цзюй». А замена произошла по причине следующего события.

Один государь, живший много лет назад, повелел выстроить монастырь, а в качестве доказательства искренних намерений решил собственноручно сделать надписи на всех наддверных досках в каждом зале каждого строения в чертогах монастыря. И будто бы нарочно, по какой-то неизвестной причине он допустил оплошность в написании «Зал Цзюйяна», и надпись вместо «Равный солнцу» превратилась в «Огромный член».

Тот случай столь сильно расстроил чиновников, ответственных за все вопросы, связанные со строительством монастыря, что едва не свёл каждого из них в могилу. Они никак не могли понять, намеренно ли государь внёс подобные изменения в написание, или же ошибся по невнимательности? В первом случае оставалось неясным, почему государь не издал указ, в котором заявил бы о своём повелении изменить написание. Во втором же случае вопрос ставился совершенно иначе: как вообще можно было допустить столь вульгарную ошибку? Тем не менее, чиновники не могли прямо сказать: «Ваше Величество, вы ошиблись», ведь тогда, могло стать, государь счёл бы это за насмешку над его невнимательностью, намёк на поверхностные знания, а то и вовсе подозрение в нечистых помыслах. Кроме того, надпись являлась каллиграфическим творением Его Величества, неужели придётся его выбросить в случае признания ошибки?

Из всех загадок Поднебесной сложнее всего разгадать замыслы совершенномудрого правителя. Чиновники, измучившись раздумьями, всё-таки решили, что пускай лучше пострадает Совершенный Владыка Цзюйян, чем они нанесут оскорбление своему государю.

Нельзя не отметить, что выбор оказался верным. Стоило Его Величеству самому обнаружить, что «Равный солнцу» превратился в «Огромный член», он не стал ничего объяснять, лишь пригласил во дворец группу учёных мужей, которые перевернули все древние трактаты и записи в поисках доводов, обросших бесчисленными мелкими деталями, затем сами создали множество письменных трудов, безоговорочно доказывающих: «Равный солнцу» и есть неверное написание, а первоначально следовало записывать «Огромный член».

В конце концов, уже на следующий день все храмы Цзюйяна сменили прежнее название на новое.

О внезапной перемене своего божественного титула Фэн Синь узнал лишь спустя более десятка лет. Он почти никогда не проявлял особого интереса к надписям над воротами своих храмов, просто в один из дней его крайне опечалил тот факт, что число прихожанок, возносящих ему молитвы, увеличилось в разы. Ко всему прочему, возжигая благовония, они заливались краской от смущения и просили о какой-то ерунде!

Выяснив, что же произошло на самом деле, Фэн Синь поднялся к облачным вершинам небосвода и огласил озарённые солнцем бескрайние просторы грубой бранью, не жалея крепкого словца.

Чем потряс небожителей до глубины души.

Но даже самой яростной бранью ничего исправить уже было нельзя, пускай поклоняются, раз уж начали; во всяком случае, не мог же он запретить столь искренне возносящим молитвы женщинам приходить в его храмы. Пришлось Фэн Синю несколько лет с неохотой слушать их просьбы. До тех пор, пока одному излишне добропорядочному правителю название «Огромный член» не показалось исключительно непристойным, поэтому он исправил его на «Южное солнце» — Наньян. И всё же люди не забыли, о чём ещё можно помолиться Наньяну, несмотря на его статус Бога Войны. При этом все стали придерживаться молчаливой договоренности: ни в коем случае не называть его тем самым прозвищем. А также повсеместно сложилось единое мнение о том, как следует характеризовать Совершенного Владыку Наньяна — «положительный».

Если не доводить его до белого каления, со всех сторон положительный!

Лицо Нань Фэна к концу повествования сделалось чернее днища старого котла, а вот Фу Яо, исполнившись поэтического настроения, продекламировал:

— Друг всех девушек и жён, сыновей дарует он. Огромный член, знаток страстей, Наньян дарует сыновей. А-ха-ха, а-ха-ха, а-ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Се Лянь деликатно сдержал улыбку, всё-таки перед лицом статуи Наньяна не следовало вести себя невежливо. Нань Фэн же буквально рассвирепел:

— Поменьше бы злорадствовал, пока находишься здесь. Если же некуда больше силы девать, пойдика лучше подмети пол!

После этих слов пришёл черед лица Фу Яо потягаться в черноте с днищем котла. Ведь если, к примеру, подчинённые дворца Наньяна приходили в ярость, услышав те самые два слова, то во дворце Сюаньчжэня ни в коем случае нельзя упоминать подметание полов. Всё потому, что Му Цин, будучи простым слугой в монастыре Хуанцзи, только и делал, что всячески прислуживал Его Высочеству наследному принцу Се Ляню, в том числе подметал пол в его комнате и застилал постель.

В один из дней Се Ляню попало на глаза, как юноша наизусть декламирует рифмованные правила самосовершенствования, при этом подметая пол. Тронутый до глубины души его прилежными стараниями постичь мудрость даже в неблагоприятных условиях, принц отправился к наставникам, чтобы те проявили снисхождение и приняли паренька в ряды учеников монастыря. И случай тот, как говорится, мог бы кануть в лету, а мог бы запомниться в веках, мог стать как прекрасным преданием, так и величайшим позором, — зависит от того, как к нему отнестись. Очевидно, именно несмываемым позором и воспринял случившееся главный герой тех событий, поскольку впредь и Му Цин, и все его подчинённые, заслышав намёки на подметание пола, сердились до такой степени, что прерывали все отношения с оскорбившим их человеком. Так и теперь, Фу Яо, изо всех сил стараясь держать себя в руках, мельком глянул на Се Ляня, который лишь невинно замахал руками, затем с холодной усмешкой произнёс:

— Тебя послушать, так ты, верно, считаешь, что ваш дворец Наньяна в своё время сделал больше добра для Его Высочества наследного принца.

Нань Фэн с такой же холодной усмешкой парировал:

— Так ведь и ваш генерал отплатил ему чёрной неблагодарностью, о чём здесь ещё можно говорить?

— Э... — Се Лянь было собирался вмешаться в спор, однако Фу Яо его опередил.

Рассмеявшись, он произнёс:

— В том всё и дело, что ваш генерал в своём глазу бревна и не приметил, какое он имеет право указывать на чужие ошибки?

Слушая, как эти двое превратили его в палку, которой теперь дубасят высшего командира своего оппонента, Се Лянь в итоге не выдержал:

— Пойдите, погодите. Довольно, хватит!

Разумеется, юноши не послушали его, а ко всему прочему ещё и подрались. Неизвестно, кто начал драку первым, но вот уже и стол для подношений раскололся пополам, и с громким стуком разлетелись по полу жертвенные кушанья. Се Лянь, понимая, что разнять дерущихся не удастся, присел в углу неподалёку, со вздохом «Грешно!» поднял с пола подкатившуюся к ногам маньтоу^[15], протёр от пыли и приготовился её съесть.

Нань Фэн, заметив это краем глаза, в мгновение ока оказался рядом и ударил по руке Се Ляня, так что маньтоу снова упала на пол.

— Не вздумай есть!

Фу Яо тоже остановился, его голос звучал удивлённо и слегка презрительно:

— Ты ешь даже то, что извалялось в грязи?

Воспользовавшись затишьем, Се Лянь замахал руками и заговорил:

— Пойдите, пойдите, пойдите. Я хочу кое-что вам сказать.

Се Лянь разделил их, втиснувшись посередине, и мягко произнёс:

— Первое. Его Высочество наследный принц, о котором вы говорите, — это я и есть. Моё Высочество не сказало ни слова, поэтому и вам не стоит в споре перебрасывать меня как булыжник, которым вы хотите ударить друг друга. — Помолчав, принц добавил: — Мне думается, что ваши генералы ни в коем случае не стали бы так себя вести и столь неприличное поведение с вашей стороны не делает им великой честью.

После этих слов лица юношей внезапно переменились. Се Лянь же продолжал:

— Второе. Вы ведь явились, чтобы помогать мне, верно? Так всё-таки, это вы должны меня слушать или мне придётся слушать вас?

Помолчав, юноши ответили:

— Мы должны слушать тебя.

Конечно, на лице каждого было написано «Ещё чего! Размечтался», и всё же Се Ляню их ответ пришёлся по душе. Он хлопнул в ладоши, сложив руки вместе, и заключил:

— Прекрасно. И последнее, третье. И самое важное. Если уж вы хотите что-то выбросить, лучше вам в таком случае избавиться от меня, но бросать еду не стоит.

Нань Фэну всё же удалось выколупать из рук Се Ляня маньтоу, которую тот снова подобрал и лишь ждал удобного момента, чтобы съесть. Окончательно потеряв терпение, юноша воскликнул:

— Нельзя есть то, что извалялось в грязи!

Следующий день, давешняя «Лавка встреч».

Хозяин чайной по обыкновению сидел у порога, вытянув ноги и греясь на солнце, когда заметил вдали троицу путников. Впереди вышагивал монах в скромном белом одеянии с бамбуковой шляпой за спиной, а следом шли двое юношей высокого роста в чёрных одеждах.

Приблизившись, монах непринуждённо склонился в малом поклоне и ещё более непринуждённо заговорил, смахивая на бездельника куда больше, чем сам хозяин чайной:

— Уважаемый, будьте любезны, принесите нам три пиалы чаю.

Хозяин с улыбкой отозвался:

— Сию минуту!

Про себя же подумал: «Снова явились эти простофили. Вот ведь несправедливость: выглядят один другого приличнее, но при том неизвестно, у кого больше мозги набекрень. Всё болтают о каких-то богах да бессмертных, демонах да небожителях. И на кой только природа внешностью одарила, раз они на голову больные?»

Се Лянь занял прежнее место у окна. Когда троица расселась, Нань Фэн заговорил первым:

— Зачем ты снова привёл нас сюда? Уверен, что наш разговор не достигнет лишних ушей?

Се Лянь спокойно ответил:

— Не волнуйся об этом. Даже если кто-то и услышит, то не придаст значения, решив, что у нас не всё в порядке с головой.

Воцарилось неловкое молчание, после чего Се Лянь продолжил:

— Дабы избежать излишней траты времени, перейдём к делу. Надеюсь, за ночь вы успели остыть и придумали решение проблемы с

духом новобрачного.

Взгляд Фу Яо сверкнул, сам же младший служащий ответил равнодушным тоном:

— Убить!

Нань Фэн перебил его:

— Чушь собачья!

Се Лянь вмешался:

— Нань Фэн, не стоит вести себя столь грубо, Фу Яо совершенно прав, убийство преступника — способ решить проблему радикально. Но в таком случае возникает вопрос: где, кого и как убить. Осмелюсь предложить...

Но договорить ему не дал громкий шум, донесшийся снаружи, услышав который, все трое выглянули из окна.

То оказалась очередная мрачная и печальная процессия «проводов невесты». Сопровождающие трубили в трубы, били в барабаны и непрерывно выкрикивали свадебные поздравления настолько старательно, словно больше всего на свете опасались, что кто-нибудь их не услышит.

Нань Фэн хмуро произнёс:

— Разве ты не сказал, что местные жители не решаются устраивать шумные празднества близ горы Юйцзюнь?

Процессия сплошь состояла из крепких и хмурых мужчин, выражения их лиц и все мышцы тела были напряжены до предела, а на лбу выступили капли холодного пота, словно им приходилось нести вовсе не свадебный паланкин, окружённый атмосферой счастья, а настоящий помост для отрубания головы, на котором их всех ждёт мучительная смерть. Интересно, что же за девушка сидит в паланкине?

Поразмыслив с минуту, Се Лянь уж было собрался выйти и рассмотреть процессию повнимательнее, когда налетел внезапный порыв ветра, приподнявший занавеску с боковой стороны паланкина.

Невеста за ней приняла неестественно скрюченную позу, голова её склонилась набок, а под сползшим свадебным покрывалом виднелись ярко накрашенные губы, растянутые в слишком уж широкой улыбке. Стоило носильщикам качнуть паланкин, и покрывало вовсе соскользнуло с головы девушки, выставляя на всеобщее обозрение пару широко раскрытых немигающих глаз, глядящих в сторону троицы.

С первого взгляда могло показаться, что у девушки сломана шея, сама же она беззвучно хохочет, уставившись на них.

Возможно оттого, что руки носильщиков сильно дрожали, разукрашенный паланкин был крайне неустойчив и голова невесты покачивалась в такт этой тряске. Вот так она качалась, качалась, пока не оторвалась от шеи и с громким стуком не покатила по улице.

А оставшееся сидеть в паланкине безголовое тело вскоре тоже опрокинулось со своего места и с грохотом вывалилось через дверцу.

Демон забирается в паланкин за рукой и сердцем наследного принца.

По невнимательности один из мужчин, несущих паланкин, наступил на руку выпавшей невесты и первым громко закричал. Вся остальная процессия незамедлительно последовала его примеру, а затем — вот те на! — каждый выхватил по сверкающей сабле с криком: «Что такое?! Он уже здесь?!» Неизвестно, куда подевался их прежний настрой. Вся улица превратилась в шумный балаган, а Се Лянь, присмотревшись внимательнее к голове и телу невесты, окончательно убедился, что это не живая девушка, а всего лишь деревянная кукла.

Вновь раздался возглас Фу Яо:

— Ну и уродина!

Как раз вовремя к ним подошёл хозяин чайной с медным чайником в руках, и Се Лянь, вспомнив его реакцию на вчерашнее представление, спросил:

— Хозяин, вчера я видел, как точно такая процессия с шумными криками и музыкой прошла по этой улице, а сегодня вот снова. Что же они делают?

— Смерти ищут.

— Ха-ха-ха... — Для Се Ляня ответ не стал неожиданностью. — Они, верно, хотят выманить злого духа новобрачного?

— Чего же ещё, по-вашему, они могут хотеть? Отец одной из исчезнувших невест пообещал в награду тому, кто найдёт его дочь и изловит злого духа, целое состояние. Теперь из-за этой кучи народа здесь целыми днями галдёж да столпотворение.

Наверняка награду пообещал тот самый чиновник, отец семнадцатой девушки. Се Лянь снова бросил взгляд на куклу,

сделанную достаточно грубо и небрежно, и с горечью осознал, что толпа собиралась выдать это чучело за настоящую невесту.

Фу Яо с нескрываемым отвращением произнёс:

— Окажись я на месте злого духа новобрачного, я бы уничтожил весь этот поселок, если бы они подсунули мне настолько уродливую страшиллу.

Се Лянь с укоризной произнёс:

— Фу Яо, приличному небожителю не пристало так выражаться. И ещё, не мог бы ты изменить своей привычке постоянно закатывать глаза? Наилучший способ — для начала поставить себе простую задачу, к примеру, закатывать глаза не более пяти раз за день.

Нань Фэн съязвил:

— Даже если поставить ему задачу закатывать глаза не больше пятидесяти раз за день, он с этим не справится!

В это время снаружи из толпы высунулся бойкий юноша, судя по виду, зачинщик сего действия, и воскликнул с поднятыми руками:

— Послушайте все меня! Послушайте меня! Всё это определённо никуда не годится! Сколько раз за эти дни нам уже пришлось бегать на гору и обратно? И что, удалось выманить злого духа?

Толпа мужчин недовольно вторила ему нестройными голосами и тогда юноша продолжил:

— Как по мне, раз уж мы взялись за дело, на полпути бросать нельзя, гораздо лучшим решением будет ворваться с боем на гору Юйцзюнь, всё там обыскать, вытащить уродца из его норы и убить! Я пойду впереди, а если есть среди вас благородные удалые воины, пусть идут за мной, прикончим уродца и поделим награду поровну!

Сначала ответом ему были лишь несколько голосов, но постепенно шум в толпе нарастал, пока не превратился во всеобщее согласие, которое прозвучало довольно убедительно.

Се Лянь спросил хозяина чайной:

— Уродец? Хозяин, о каком уродце они говорят?

— Ходят слухи, что злой дух новобрачного — это уродец, поселившийся на горе Юйцзюнь. Сердце его сделалось злым и жестоким именно потому, что он слишком уродлив и нет на свете девушки, что полюбит его. А чтобы и другим не дать вступить в счастливый брак, он стал похищать чужих невест.

В свитке из дворца Линвэнь не говорилось ни слова об уродце.

— Но правдива ли эта версия? А может, всего лишь догадки?

— Да кто ж его знает, но ходят слухи, что многие видели уродца с перевязанным тряпками лицом и озлобленным взглядом. Из его рта вместо человеческого языка рвутся хрипы, словно рычит охотничий пес. Все только об этом и болтают.

Фу Яо вмешался:

— Повязки на лице вовсе не признак уродливой внешности, возможно также, что он столь прекрасен, что просто не желает привлекать к себе излишнее внимание.

Хозяин чайной помолчал минуту, затем ответил:

— Да кто ж его знает? Как бы там ни было, лично я его не видел.

Внезапно снаружи послышался голос девушки:

— Не... не слушайте его, не ходите туда. На горе Юйцзюнь слишком опасно...

Голос раздавался из-за угла улицы и принадлежал он той девушке, Сяоин, которая вчера вечером возносила молитвы в храме Наньяна.

Щёку Се Ляня при виде девушки обдало легкой болью, он невольно потёр лицо ладонью.

А реакция того бойкого юноши на Сяоин и вовсе не предвещала ничего хорошего.

Оттолкнув девушку, он заявил:

— Не пристало какой-то девчонке вмешиваться в мужские разговоры!

Сяоин боязливо съёжилась от толчка, но всё же собралась с духом и снова тихонько повторила:

— Не слушайте его. Как ни погляди, что проводы фальшивой невесты, что обыски горы, всё одно — слишком опасно, разве это не прямая дорога на тот свет?

Юноша прервал её:

— Говоришь ты складно, да только мы все готовы жизни положить ради избавления людей от напасти, а что же ты? Только о себе и позаботилась, когда отказалась сесть в паланкин и прикинуться невестой. Ни капли смелости в тебе не нашлось во имя здешнего простого народа. А теперь, что же, пришла нам палки в колеса вставлять? Что ты замышляешь?

С каждой фразой он толкал девушку прочь, от чего троица в чайной нахмурилась. Се Лянь, опустив голову, стал разматывать бинты

на запястье, одновременно слушая рассказ хозяина чайной:

— Этот их главарь Сяо^[16] Пэн, зачинщик всего действия, собирался уговорить ту девчонку прикинуться невестой. Так и сыпал сладкими речами. Да только девушка отказалась, и вот что стало с её лицом.

Снаружи толпа мужчин подхватила:

— Нечего стоять тут, преграждая нам путь, пошла отсюда, с дороги!

Лицо Сяоин после слов Сяо Пэна стало совершенно пунцовым, крупные слёзы так и накатились на глаза.

— Зачем... Зачем ты говоришь подобные вещи?

Юноша продолжал:

— Я не прав? Ты ведь насмерть отказалась наряжаться невестой, когда я тебя попросил?

— Да, я отказалась, но даже если так, ты не имел права резать... резать мою юбку...

Стоило девушке упомянуть об этом, как юноша подпрыгнул, словно ему наступили на больную ногу, и начал тыкать ей пальцем в лицо со словами:

— Ах ты, страхолюдина, поменьше возводи напраслину на честных людей! Это я-то порезал тебе юбку? Думаешь, я слепой? Кто знает, может ты сама и порезала, захотела обнажиться перед всеми? Да на такую уродину как ты даже в порванной юбке всем плевать, нечего на меня наговаривать!

В конце концов Нань Фэн не выдержал, в его руке с хрустом разбилась чайная пиала. Вот только не успел он встать из-за стола, как рядом мелькнул белый силуэт, после чего Сяо Пэн подскочил на три чи^[17] в высоту, грохнулся задом о землю и закрыл лицо рукой, между пальцами которой тут же показалась кровь.

Никто даже не успел разглядеть, что произошло, а Сяо Пэн уже оказался сбит с ног. Толпа было решила, что это Сяоин вышла из себя. Но когда все повернулись в сторону девушки, её уже не было видно: монах в белых одеждах закрывал девушку собой.

Се Лянь стоял к ней лицом, держа руки в рукавах и даже не глядя за спину. Он лишь от всей души улыбнулся Сяоин, слегка склонился, чтобы их взгляды поравнялись, и спросил:

— Милая девушка, могу ли я пригласить вас в чайную на чашечку чая?

Тем временем Сяо Пэн на земле скривился от боли, словно по лицу ему попали мощным ударом ганбья^[18], но у монаха в руках не оказалось оружия; также никто не видел, каким образом и с помощью чего тот атаковал Сяо Пэна. Поэтому юноша, насилу поднявшись на ноги, выхватил саблю и заголосил:

— Этот человек владеет тёмной магией!

Толпа мужчин позади него, слышав фразу «тёмная магия», один за другим также выхватили оружие и наставили на Се Ляня. Вот только Нань Фэн за их спинами внезапно нанёс удар ладонью — и колонна, подпирающая крышу над входом в чайную лавку, с громким треском надломилась.

Увидев столь невероятную силу, все мужчины в толпе разом переменялись в лице, да и Сяо Пэн страшно перепугался, но всё ещё упрямылся — отбегая прочь, он продолжал громко выкрикивать в сторону незнакомцев:

— Сегодня ваша взяла, назовите свои имена и к какому учению вы принадлежите, чтобы в будущем мы могли снова померяться силами...

Нань Фэн совершенно проигнорировал вопрос, словно дать ответ было ниже его достоинства, а вот Фу Яо встал рядом и произнёс:

— О, это легко. Вот этот уважаемый господин — последователь учения Огромного...

Нань Фэн вновь замахнулся и нанёс удар, и юноши, не моргнув глазом, принялись дубасить друг друга. Се Лянь было собирался пригласить девушку в чайную, заказать ей чаю, фруктов и ещё чего-нибудь съестного, вот только она, утерев слезы, сразу ушла. Ему оставалось лишь проводить её взглядом, вздохнуть и самому направиться внутрь. Когда принц вошёл в чайную, хозяин обратился к нему:

— Не забудьте заплатить за колонну.

Поэтому Се Лянь, усевшись на своё место, напомнил Нань Фэну:

— Не забудь заплатить за колонну.

Нань Фэн просто потерял дар речи.

Се Лянь сменил тему:

— Но сначала вернемся к более важному делу. Кто из вас одолжит мне немного духовной силы? Я должен присоединиться к духовной сети и кое-что уточнить.

Нань Фэн протянул руку и приложил раскрытую ладонь к ладони Се Ляня, словно давая торжественное обещание или же ударяя по рукам после заключения обыкновенного соглашения. Таким образом Се Лянь наконец вновь смог присоединиться к сети духовного общения.

Как только это произошло, принц услышал голос Линвэнь:

— Ваше Высочество всё-таки догадались позаимствовать духовных сил? Как ваши успехи в расследовании происшествия на Севере? Хорошие ли помощники из тех двоих добровольцев?

Се Лянь поднял взгляд на Нань Фэна, который только что разломал колонну одним ударом ладони, и на Фу Яо, который с совершенно бесстрастным лицом медитировал, закрыв глаза, и ответил Линвэнь:

— Каждый из них по-своему талантлив, оба имеют свои сильные стороны.

Линвэнь, смеясь, произнесла:

— Что ж, тогда, действительно стоит поздравить генералов Наньяна и Сюаньчжэня. Если всё так, как вы говорите, перед этими младшими служащими лежат бескрайние перспективы, и вознесение их — лишь вопрос времени.

В ответ на её слова почти сразу послышался холодный голос Му Цина:

— О своём решении он ничего мне не сообщил, отправившись в мир смертных по своей воле. Как бы то ни было, мне об этом не доложили.

Се Лянь подумал: «Видимо, ты действительно целыми днями только и делаешь, что стоишь на страже в духовной сети...»

Линвэнь же спросила:

— Ваше Высочество, где вы сейчас находитесь? Покровителем северных земель является генерал Пэй, множество верующих на Севере возжигают благовония в его честь. Если Вашему Высочеству понадобится, вы можете временно поселиться в его храме Мингуана.

— Не тревожься об этом. Мы не нашли поблизости храмов Мингуана, поэтому остановились в храме Наньяна. Хочу узнать кое-

что, Линвэнь, нет ли ещё каких-либо сведений о злом духе новобрачного?

— Есть. Только что в моём дворце ему был присвоен ранг, и это «свирепый».

Свирепый!

Все злобные создания мира демонов, несущие беды простым смертным, согласно рейтингу, принятому во дворце Линвэнь, по силе разделялись на четыре ранга: «скверный», «зверский», «свирепый» и «непревзойдённый».

Злобное создание ранга «скверный» могло убить лишь одного человека, «зверская» тварь была способна умертвить весь род, сил «свирепого» хватало на истребление города. Ну а появление самого ужасного, «непревзойдённого» бедствия, способно уничтожать целые страны и наводить ужас на целые народы, погрузить в хаос весь мир.

Итак, раз уж злой дух новобрачного, что прячется на горе Юйцзюнь, удостоился ранга «свирепый», всего на одну ступень ниже «непревзойдённого», это означало, что повстречавшие его люди вряд ли смогли бы унести ноги, не лишившись какой-либо важной части тела.

Поэтому, когда Се Лянь покинул духовную сеть и сообщил двоим своим спутникам новые сведения, Нань Фэн произнёс:

— Выходит, слухи об уродце с перебинтованным лицом — всего лишь выдумка. Либо они встретились с чем-то иным.

Се Лянь возразил:

— Существует и другая версия. К примеру, в каких-либо особых обстоятельствах злой дух новобрачного не может или же не желает никому вредить.

Фу Яо высказал недовольство:

— Служащие дворца Линвэнь делают свою работу спустя рукава. Почему они только сейчас высчитали ранг, для чего нам теперь эта информация?

Се Лянь возразил:

— И всё же сейчас мы имеем хоть какие-то сведения о вероятной мощи противника. Однако, раз уж злой дух новобрачного получил ранг «свирепый», следовательно, он обладает недюжинными магическими силами, и фальшивой невестой обвести его вокруг пальца не выйдет. Если мы хотим выманить духа, во время проводов невесты нельзя

пытаться подsunуть ему куклу в качестве приманки, а также никто среди провожающих не должен носить холодное оружие. И самое важное: невеста непременно должна являться живым человеком.

Фу Яо предложил:

— Найдём подходящую девушку на улице, уговорим её стать наживкой — и проблема решена.

Нань Фэн возразил:

— Ничего не выйдет.

Фу Яо спросил:

— Это ещё почему? Думаешь, не захочет? Заплатим ей, тогда согласится.

Се Лянь вмешался:

— Фу Яо, даже если какая-то девушка решится нам помочь, нам лучше отказаться от этого способа. Злой дух новобрачного заслужил ранг «свирепый». Если что-то внезапно пойдёт не по плану, с нами-то ничего не случится, но если невесту снова похитят, хрупкая девушка не сможет сбежать или дать отпор похитителю. В таком случае, боюсь, её ждет лишь один итог — смерть.

Фу Яо не унимался:

— Значит, не будем просить о помощи девушку, а попросим мужчину.

Нань Фэн прервал его:

— И где же ты собрался найти мужчину, который захочет обрядиться...

Не успел он договорить, как взгляды обоих юношей переместились к Се Ляню, на лице которого застыла лёгкая улыбка и немой вопрос.

Тем же вечером, в храме Наньяна.

Се Лянь с распущенными волосами показался из внутренних чертогов храма.

Двое юношей, ожидавших у входа в храм, взглянули на него, и Нань Фэн, громко выругавшись «Чёрт тебя дери!!!», быстро выбежал прочь.

Се Лянь, помолчав с минуту, спросил:

— Всё настолько ужасно?

Кто бы сейчас ни увидел Се Ляня, он бы с первого взгляда узнал в нём красивого, с мягкими и нежными чертами лица, но всё же мужчину.

Однако этот блистательно прекрасный юноша сейчас был одет в платье невесты, и потому являл собой картину столь непотребную, что немногие могли бы это вынести. Нань Фэн, к примеру, точно не мог. Возможно, он среагировал столь остро из-за какого-то личного неприятия.

Се Лянь же, посмотрев на Фу Яо, который остался на месте, но теперь глядел на него каким-то странным необъяснимым взглядом, спросил:

— Ты хочешь мне что-то сказать?

Фу Яо кивнул и ответил:

— Окажись я на месте злого духа новобрачного, если бы кто-нибудь подослал ко мне такую женщину...

Се Лянь попытался угадать:

— Ты бы стёр с лица земли весь этот поселок?

Фу Яо бесстрастно ответил:

— Нет, я бы убил эту женщину на месте.

— Что ж, мне остаётся лишь порадоваться, что я не женщина, — улыбнулся Се Лянь.

— Как по мне, лучшим решением было бы прямо сейчас поинтересоваться в духовной сети, нет ли среди небожителей мастера, способного обучить тебя технике перевоплощения. Подобное более осуществимо, чем наш теперешний план.

Действительно, в Небесных чертогах некоторым небожителям особые требования предписывали владеть в совершенстве техникой перевоплощения. Вот только изучать её прямо сейчас, пожалуй, было слишком поздно. Нань Фэн тем временем уже вернулся. И хотя его лицо всё ещё оставалось бледным, он выглядел уже намного спокойнее — очевидно, отлучался, чтобы выругаться как следует. В этом он ничем не отличался от своего генерала.

Се Лянь, увидев, что время уже позднее, произнёс:

— Ладно, под свадебным покрывалом никто не заметит подвоха.

Он уже собирался нацепить покров, как вдруг Фу Яо остановил его.

— Постой. Ты ведь не можешь знать, как именно злой дух новобрачного нападает на невест. Что если он, сорвав с тебя покрывало, обнаружит обман и в ярости выйдет из себя? Разве это не добавит нам лишних неприятностей?

Услышав его, Се Лянь подумал, что рассуждения Фу Яо разумны, и всё же шагнул вперёд, в следующий миг услышав треск рвущейся ткани.

Красный свадебный наряд, что где-то раздобыл для него Фу Яо, по правде говоря, оказался не совсем по размеру.

Платье это, сшитое для нежной хрупкой девушки, отлично село на талии принца, но сковало руки и ноги до такой степени, что одно излишне размашистое движение — и ткань разошлась по шву. Се Лянь принялся осматривать себя в попытке отыскать место разрыва, как вдруг со стороны входа в храм послышался голос:

— Простите...

Трое повернулись на звук и увидели, что в воротах стоит и опасно глядит на них Сяоин, в руках сжимая аккуратно сложенное белое одеяние.

Она пролепетала:

— Я вспомнила, что вчера вечером уже встречала тебя здесь, поэтому пришла сюда в надежде, что снова смогу... Твою одежду я постирала, вот она. Спасибо тебе за вчера и... за сегодня, спасибо.

Се Лянь собирался улыбнуться ей, но вдруг осознал, что выглядит не совсем подобающим образом, поэтому всё же решил промолчать, чтобы не напугать девушку.

К его удивлению, Сяоин вовсе не испугалась при виде его, но даже наоборот — шагнула через порог и проговорила:

— Ты ведь... Если тебе нравится это платье, я могу помочь.

После недолгого замешательства Се Лянь стал оправдываться:

— Нет, милая девушка, вы всё не так поняли, я вовсе не имею подобных предпочтений.

Сяоин поспешила объяснить:

— Знаю, знаю. Я хотела сказать, если ты не побрезгуешь моей помощью, я с радостью помогу. Ведь вы... вы, верно, собираетесь поймать злого духа новобрачного? — И голос её стал громче, и голова

уверенно приподнялась, когда девушка произнесла: — Я... я умею перешивать одежду, всегда с собой ношу иголки и нитки. Где плохо сидит, я могу подправить, и даже могу нанести макияж и сделать причёску. Я помогу тебе!

Спустя час Се Лянь, опустив голову, вновь вышел из внутренних чертогов храма.

На этот раз покров невесты уже скрывал его облик. Нань Фэн и Фу Яо хотели заглянуть под покрывало, но всё же решили, что стоит поберечь свои глаза. Паланкин, добытый ими, стоял прямо у входа в храм, да и носильщики, отобранные с особой тщательностью, уже давно ожидали снаружи. В эту тёмную, ветреную ночь Его Высочество наследный принц в новом наряде невесты взобрался в роскошный свадебный паланкин, украшенный красными цветами.

Свадебный паланкин весь был обит алыми шелками, цветные нити выписывали на нём прекрасные цветы при полной луне и танцующих дракона и феникса — пожелания счастья и процветания молодожёнам. Нань Фэн и Фу Яо шли слева и справа от паланкина, охраняя боковые дверцы. Се Лянь сидел внутри, выпрямив спину и мерно покачиваясь в такт шагов носильщиков.

Каждый из восьми мужчин, несущих паланкин, являлся военным чином, чьи боевые навыки выделяли их из толпы. Чтобы отыскать столь умелых в боевом искусстве носильщиков для проводов фальшивой невесты, Нань Фэн и Фу Яо отправились прямо в резиденцию того самого чиновника. Когда они предстали перед ним лично и рассказали, что ночью отправляются обыскивать гору Юйцзюнь, чиновник без лишних разговоров предоставил им целый отряд рослых бойцов. Однако заполучив в своё распоряжение выдающихся воинов, владеющих боевыми искусствами, младшие небожители вовсе не рассчитывали на их реальную помощь, главное — чтобы тем хватило сил защитить самих себя и унести ноги при столкновении со свирепым демоном.

Сами же бойцы, напротив, были не слишком хорошего мнения о юношах. Они считались лучшими из лучших при дворе того

чиновника. Куда бы они ни отправились, разве это не они должны были руководить отрядом отважных мужей? А тут объявились какие-то юные красавчики, которые посмели ими повелевать, да ещё назначили носильщиками паланкина, вот уж действительно — приятного мало. Однако воинам приходилось выполнять приказ своего господина, насилу сдерживая презрение в душе, которое так и рвалось наружу. Спокойствие давалось носильщикам нелегко, и потому время от времени они нарочно спотыкались, а руки их дрожали, то и дело встряхивая паланкин. Со стороны нельзя было разглядеть, но если в паланкине сидела бы хрупкая нежная девушка, ей наверняка стало бы дурно до потемнения в глазах.

Бойцы растрясли паланкин до такой степени, что изнутри всё-таки послышался тихий вздох Се Ляня, поэтому в глубине души никто из них не смог сдержать самодовольства.

Снаружи послышался прохладный голос Фу Яо:

— Юная госпожа, что это с вами? Небось, рыдаете от счастья, что кто-то берёт вас замуж в столь преклонном возрасте?

В самом деле, многие невесты рыдали навзрыд, сидя в свадебном паланкине. Се Лянь же, если и заплакал бы, то только от смеха. А когда он заговорил, голос его звучал спокойно, как обычно, без единого намёка на недовольство непрерывной тряской:

— Нет. Просто внезапно меня осенило, что нашей процессии не хватает кое-чего весьма и весьма важного.

Нань Фэн поинтересовался:

— И что же это? Мы, вроде бы, приготовили всё необходимое.

Се Лянь со смехом произнёс:

— Двух служанок для сопровождения невесты.

Двое юношей снаружи, не сговариваясь, бросили взгляды друг на друга, представляя только им одним известную картину, от которой оба в ужасе содрогнулись.

Фу Яо ответил:

— Представь, что ты из семьи бедняков, у которых нет денег на служанок, поэтому как-нибудь обойдётся.

Се Лянь согласился:

— Ладно.

Бойцы в роли носильщиков, услышав, как они обмениваются колкостями, также не смогли сдержать улыбки. После этого

недовольство в их взгляде заметно исчезло, зато прибавилось дружеской близости, и паланкин наконец перестал раскачиваться. Се Лянь смог откинуться назад, оправить одежду и спокойно закрыть глаза, погрузившись в медитацию.

Он даже не подозревал, что пройдёт совсем немного времени, и возле его ушей внезапно послышится переливистый детский смех.

Хохо-хехе, хихи-хаха.

Смех этот мелкой рябью распространялся среди диких гор, неуловимый и жуткий. При этом паланкин не остановился ни на миг, по-прежнему уверенно продвигаясь вперёд. Ни Нань Фэн, ни Фу Яо не проронили ни звука, словно и не заметили ничего необычного.

Се Лянь открыл глаза и тихо позвал:

— Нань Фэн, Фу Яо.

Нань Фэн шёл слева от паланкина, он спросил:

— Что случилось?

— У нас гости.

В это время процессия «проводов невесты» уже начала углубляться в землю, относящиеся к горе Юйцзюнь.

Вокруг царила такая тишина, что в ней даже тихое поскрипывание деревянного паланкина, шелест сухих веток и опавших листьев под ногами и дыхание носильщиков гулко резало слух.

Детский смех всё звучал, то вдалеке, словно откуда-то из самой глубины горного леса, то вблизи, словно источник его забрался прямо на паланкин.

Нань Фэн немедленно сосредоточился.

— Я не слышу никаких лишних звуков.

Фу Яо также холодно ответил:

— Я тоже.

Это значит, что остальные носильщики тем более не могли ничего услышать.

Се Лянь сделал вывод:

— Это может означать лишь, что оно намеренно позволяет мне одному себя услышать.

Восемь бойцов первоначально весьма уверенно рассчитывали на свои боевые умения, к тому же считали, что раз нет никакой закономерности в нападениях злого духа новобрачного на процессии проводов невест, то и сегодня ночью они уйдут отсюда с пустыми

руками, а значит, бояться нечего. Вот только по какой-то причине, внезапно вспомнив о мистическом исчезновении вместе с предыдущей невестой сорока провожатых, каждый из которых также являлся военным чином, некоторые бойцы покрылись холодным потом.

Се Лянь, ощущая, как замедлился их шаг, наказал:

— Не останавливайтесь. Сделайте вид, что ничего не происходит.

Нань Фэн взмахнул рукой, делая знак продолжить путь. Се Лянь же сказал снова:

— Оно поёт.

Фу Яо спросил:

— Что именно?

Вслушиваясь в слова песни, Се Лянь повторил фразу за фразой, делая паузы перед каждой строчкой:

— Алый паланкин бежит, в нём невестушка сидит...

Посреди ночной тишины его размеренный голос слышался крайне отчётливо, и очевидно, что Се Лянь всего лишь проговаривал слова вслух, но при этом восьмерым бойцам казалось, что они как будто слышат тоненький детский голосок, который напевает эту жутковатую песенку. Каждого из них пробрало дрожью.

Се Лянь тем временем продолжал:

— Под покровом слёзы льёт, и улыбка не мелькнёт... Злой дух... злой дух новобрачного? Или что? — Помолчав, он произнёс: — Никак. Оно, не переставая, смеётся, слов не различить.

Нань Фэн хмуро проговорил:

— И в чём смысл?

— В словах. Песенка подсказывает сидящей в паланкине невесте, что нельзя улыбаться, а нужно горько плакать.

— Я спрашиваю, для чего эта тварь вдруг прибежала делать тебе подсказки?

Фу Яо, который всегда выдвигал противоположные версии, и в этот раз не отличился:

— Совсем не обязательно, что это подсказка, возможно, что нужно действовать как раз наоборот, и лишь улыбаясь, ты обеспечишь себе безопасность, ну а цель песни — обманом заставить невесту плакать. Возможно, что предыдущие девушки на этом и попались.

— Эх, Фу Яо, представь, что простая девушка услышит этот голос. Да она ведь до смерти перепугается, куда уж ей улыбаться. К

тому же, вне зависимости от того, как я поступлю — засмеюсь или разрыдаюсь, каким будет наихудший исход?

— Тебя похитят.

— Но разве мы не ради этого затеяли весь этот ночной поход?

Фу Яо выпустил носом воздух, но всё же не стал продолжать возражения. Се Лянь же добавил:

— И ещё кое-что, есть одна деталь, которую, как мне кажется, я должен вам сообщить.

— Какая деталь? — спросил Нань Фэн.

— С тех самых пор, как я забрался в паланкин, я всё время улыбался.

Едва принц произнёс эти слова, паланкин резко ухнул вниз!

Восьмерых бойцов снаружи внезапно охватило беспокойство, и паланкин застыл на месте. Раздался крик Нань Фэна:

— Без паники!

Се Лянь слегка приподнял голову, спрашивая:

— Что происходит?

Фу Яо бесстрастно ответил:

— Ничего особенного. Всего лишь повстречали стаю зверей.

Сразу после его ответа Се Лянь услышал пронзительный вой, прорезавший ночной воздух.

Путь преградила волчья стая!

Се Ляню это показалось не совсем нормальным, с какой стороны ни взгляни. Он спросил:

— Позвольте узнать, в окрестностях горы Юйцзюнь часто встречаются стаи волков?

Один из бойцов ответил:

— Никогда о таком не слышал! Откуда они взялись на горе Юйцзюнь?!

Се Лянь приподнял бровь и проговорил:

— Ага. Значит, мы пришли именно туда, куда нужно.

Всего лишь стая волков в диких горах не могла ничего сделать Нань Фэну и Фу Яо, так же, как и бойцам, которые круглый год оттачивали свои навыки боевых искусств. Они поддались панике лишь на миг, запутанные странной демонической песенкой. В ночном горном лесу засияло множество пар тускло-зелёных волчьих глаз, один за другим голодные звери медленно выходили из зарослей, окружая

паланкин. И всё же зверь, которого можно увидеть, а затем убить, намного лучше, чем тварь, которую нельзя ни услышать, ни поймать, поэтому охранники паланкина принялись потирать ладони и разминать кулаки, готовые голыми руками расправиться с опасностью. Однако самое интересное только начиналось. Следом за шагами, шорохом и шелестом послышался ещё один странный звук, издаваемый не то зверем, не то человеком.

Один из бойцов потрясённо прокричал:

— Что... Что это?! Что это за тварь?!

Нань Фэн следом грубо выругался. Се Лянь понял, что произошло что-то из ряда вон, и уже хотел подняться со своего места, спрашивая:

— Да что там такое?

Но Нань Фэн крикнул:

— Не вздумай выходить!

Се Лянь только успел поднять руку, как паланкин содрогнулся, будто что-то повисло на его дверце. Голова принца располагалась достаточно высоко, чтобы опустить взгляд и через просвет от края свадебного покрывала увидеть чёрную голову твари.

Она уже забиралась в паланкин!

Однако тварь успела лишь сунуться внутрь, когда её кто-то резко выдернул наружу. Спереди паланкина раздалась ругань Нань Фэна:

— Чтоб тебя, это бинú!

Се Лянь немедленно понял, что теперь у них большие проблемы.

Согласно рейтингу дворца Линвэнь, бину не достаивались даже ранга «скверных».

Говорят, когда-то давно бину являлись людьми. Но теперь, даже если их посчитать таковыми, искажение формы всё же очевидно: на голове тварей угадывалось лицо, но черты его были смазанными; у них были ноги и руки, но не хватало сил, чтобы ходить прямо; твари имели зубастые пасти, но укус бину не способен нанести смертельную рану. И всё же, если кому-то предоставить выбор, повстречать бину или же более опасного «скверного» или даже «зверского», никто не захочет встретиться с мерзкими уродцами.

Всё потому, что бину всегда появлялись вместе с иной нечистью. И пока жертва сражалась с врагом, они внезапно выплывали из ниоткуда и тягучей массой плотно облепляли жертву с помощью переплетающихся конечностей, вязких словно жидкость тел и

бесконечно прибывающей подмоги в лице таких же бину. Несмотря на низкую боевую мощь, совершенно невозможно было вырваться из их лап, а также весьма трудно быстро перебить всех бину, поскольку твари эти чрезвычайно живучие. К тому же они постоянно сбивались в группы и нападали вместе. Постепенно жертва теряла силы, валилась с ног, допускала оплошность, вот тогда-то ожидающий удобного момента противник и наносил удар.

Ну а когда более сильная нечисть убивала жертву, бину подбирали недоеденные напарником конечности и останки и с аппетитом их пожирали, обгладывая до дыр в костях.

Нестерпимо отвратительные твари. Естественно, небожителю Верхних Небес стоило только явить свою истинную сущность и выхватить оружие, как они в страхе отступали, но для младших служащих Средних Небес с бину всё-таки было не так просто справиться.

Фу Яо с нескрываемым отвращением выплюнул слово за словом:

— Я. Ненавижу. Этих. Тварей! Дворец Линвэнь не предупредил тебя о них?

— Нет.

— Тогда какой от него прок! — взбесился Фу Яо.

— Сколько всего тварей?

— Сотня, возможно больше! Не высовывайся! — предупредил Нань Фэн.

Если говорить о бину, то чем их больше, тем они сильнее, с десятков тварей уже довольно трудно одолеть. Больше сотни? Достаточно, чтобы живьем растащить их на мелкие кусочки. Но бину предпочитали селиться в людных местах, весьма неожиданно встретить такую огромную стаю в окрестностях горы Юйцзюнь. Се Лянь, поразмыслив, приподнял руку и обнажил часть запястья, замотанного белыми бинтами.

Он проговорил:

— Ступай.

Стоило ему отдать приказ, как белая шёлковая лента сама по себе мягко соскользнула с его руки, словно обрела жизнь, и вылетела наружу через занавеску паланкина.

Се Лянь ровно уселся в паланкине и мягко произнёс:

— Задушить.

Из темноты ночи ядовитой змеёй вынырнула белая тень.

Когда белая лента в виде бинтов была намотана на руку Се Ляня, казалось, что в длину она не больше нескольких чи.

Но стоило ей призрачной молнией пролететь меж сражающихся насмерть противников, сложилось впечатление, что ленте нет конца. Хруст ломающихся костей прозвучал несколько раз, при этом совершенно без перерыва; миг — и несколько десятков волков и бину упали со свёрнутыми шеями!

Облепившие Нань Фэна шестеро бину свалились замертво. Ещё одним ударом ладони он отбросил в сторону волка, но лицо его при этом не расслабилось ни на мгновение.

Словно не веря своим глазам, он бросился к паланкину с восклицанием:

— Что это ещё такое?! Ты разве не сказал, что, не имея духовной силы, не можешь пользоваться оружием?!

Се Лянь ответил лишь:

— Везде бывают исключения из правил...

Нань Фэн в гневе ударил ладонью по дверце паланкина.

— Се Лянь! Объясни немедленно, что это за штука?! Это ведь...

От удара паланкин едва не развалился на части, Се Ляню даже пришлось схватиться за дверцы. Застыв на мгновение, он вдруг осознал, что та интонация, с которой Нань Фэн произнёс эти слова, заставила его вспомнить Фэн Синя в те моменты, когда тот выходил из себя. Нань Фэн собирался закончить фразу, но издали раздались надрывные крики бойцов.

Фу Яо холодно произнёс:

— Вначале отобьёмся от этой волны, потом скажешь всё, что хотел!

Нань Фэну ничего не оставалось, как отправиться на подмогу остальным.

Се Лянь быстро опомнился.

— Нань Фэн, Фу Яо, уходите.

Нань Фэн обернулся.

— Что?

— Пока вы защищаете паланкин, твари не перестанут прибывать. Справиться с ними не выйдет, забирайте людей и уходите. Я останусь и встречу с этим злым духом новобрачного.

Нань Фэн было снова начал браниться:

— В одиночку тебе...

Но Фу Яо холодно перебил его:

— Он сможет защитить себя той лентой, какое-то время продержится. Чем тратить время на болтовню, лучше сначала уведём людей в безопасное место, а потом вернёмся на помощь. Я пошёл.

Фу Яо поступил так, как и сказал, легко и непринуждённо: направился прочь, не теряя времени. Нань Фэн стиснул зубы, понимая, что тот напрасно говорить не станет, и обратился к остальным бойцам:

— За мной!

Как и ожидалось, стоило им отойти от паланкина, волки и твари перестали прибывать, хотя по-прежнему неотступно окружали паланкин. Каждый из двоих младших служащих защищал по четверо бойцов. Пока они пробивали себе путь к отступлению, Фу Яо с ненавистью в голосе проворчал:

— Просто полнейшее непотребство, если бы я не...

Но речь его на этом прервалась, оба младших небожителя обменялись странными взглядами. Фу Яо проглотил окончание фразы, отвернулся, и оба они, больше ни слова не сказав, продолжили спешное отступление.

Вся земля вокруг паланкина оказалась завалена трупами.

Лента Жое задушила всех нападавших волков и бину, вернулась и сама по себе послушно намоталась на запястье Се Ляня. Тот вновь спокойно уселся в паланкине, со всех сторон окружённый бескрайней тьмой и шелестом деревьев.

В какой-то момент все звуки вокруг смолкли.

Ветер, шелест деревьев в лесу, шипение и рёв нечисти — всё это в одно мгновение погрузилось в мёртвую тишину, словно в страхе перед чем-то.

А потом Се Лянь услышал, как некто пару раз усмехнулся.

Смех мог принадлежать как молодому мужчине, так и юноше.

Се Лянь молча выпрямился.

Лента Жое спокойно обнимала его запястье, готовая в любой момент атаковать. Стоит незваному гостю проявить хоть каплю намерения убить его — и лента немедленно нанесёт упреждающий удар, в десять раз более мощный.

Однако к своему удивлению принц так и не дождался ни нападения, ни каких-либо недобрых намерений. А дождался он совсем иного.

Занавеска паланкина слегка приподнялась, и сквозь просвет под ярко-красным свадебным покрывалом Се Лянь увидел, что незнакомец протягивает ему руку.

Длинные пальцы, отчётливые суставы. А на среднем пальце повязана красная нить, ярким узлом судьбы выделяясь на бледной руке.

Протянуть руку или отказать?

Не подавая виду, Се Лянь обдумывал, стоит ли ему продолжать неподвижно восседать на месте, или же всё-таки следует притвориться растерянной невестой и испуганно отстраниться. Однако хозяин протянутой руки оказался на редкость терпелив, а также хорошо воспитан. Се Лянь не шевелился. Сохранял неподвижность и незнакомец, словно ожидая его ответа.

Спустя некоторое время, поддавшись спонтанному наитию, Се Лянь протянул руку.

Когда принц приподнялся, чтобы отодвинуть занавеску и выбраться из паланкина, незнакомец, опережая его, приподнял красный полог и взял Се Ляня за руку, но не слишком крепко, словно боялся причинить ему боль, создавая ощущение крайней осторожности.

Се Лянь опустил голову и медленно выбрался из паланкина, опираясь на руку незнакомца. Увидев краем глаза у себя под ногами труп волка, задушенного Жое, принц кое-что придумал, слегка зацепился о мертвое тело ногой и с удивлённым вздохом начал падать вперёд.

Незнакомец немедленно подставил другую руку, не давая ему упасть.

Принимая помощь, Се Лянь также схватился за подставленную руку свободной ладонью и ощутил что-то холодное словно лёд. Этим чем-то оказались серебряные наручи, охватывающие руки незнакомца.

Наручи поражали великолепием и узорами в духе старины, на них были выгравированы листья клена, бабочки, оскаленные пасти диких зверей. Всё это оставляло определённое мистическое ощущение и понимание, что наручи не похожи на предмет ремесла мастеров

Центральной равнины. Скорее они напоминали древнее наследие иных народов. На руках незнакомца наручи смотрелись изящно и аккуратно.

Холодное серебро, бледная кожа рук, без единого намека на дыхание жизни, даже наоборот — приносили лёгкое ощущение угрозы и неуловимой тёмной сущности.

Се Лянь намеренно притворился, что падает, собираясь испытать незнакомца. Жое мягко вилась вокруг его запястья, скрытая широким рукавом свадебного платья, готовая атаковать в любой момент. Однако незнакомец лишь пошёл вперёд и повёл принца за собой.

Во-первых, из-за покрывала на голове Се Лянь не мог разглядеть дорогу, во-вторых, принц намеренно тянул время, поэтому шёл так медленно, как только ему удавалось. Но спутник, вопреки ожиданиям, подстроился под его шаг, а другой рукой даже время от времени поддерживал принца, словно опасаясь, что тот снова может оступиться. Несмотря на предельную настороженность, окружённый подобной заботой Се Лянь не удержался от мысли: «Если бы он и правда был женихом, то на редкость нежным и обходительным».

Неожиданно принц услышал чистый лёгкий звон, сопровождающий каждый их шаг. Се Лянь как раз задумался над тем, что же это за звук, когда вокруг внезапно послышалось низкое сдавленное рычание диких зверей.

Волки!

Се Лянь едва заметно вздрогнул, Жое быстро собралась у него на запястье.

Однако он ещё ничего не успел предпринять, когда его спутник вдруг легонько похлопал принца по тыльной стороне ладони, словно желал успокоить его, показать, что волноваться не о чем. Пара прикосновений, лёгких, почти нежных, заставила Се Ляня на мгновение замереть, тем временем низкое рычание окончательно стихло. Вновь прислушавшись, принц с удивлением обнаружил, что теперь волки жалобно скулят.

Подобный звериный плач совершенно точно можно было услышать только от животного на грани непреодолимого страха, невозможности пошевелиться и даже предсмертной агонии.

Интерес принца к личности незнакомца с каждым мгновением возрастал. До такой степени, что ему даже захотелось приподнять покрывало и взглянуть на спутника, а потом решать, что делать

дальше. Но Се Лянь осознавал, что сейчас не подходящее время для столь опрометчивого поступка. Поэтому принцу приходилось лишь подсматривать в просвет под красным покрывалом, что, в общем-то, походило на наблюдение за леопардом через узкую бамбуковую трубку, когда можно разглядеть лишь пятно на его шкуре.

А Се Лянь видел лишь полы красных одежд и под ними — пару чёрных кожаных сапог, неторопливо шагающих вперёд.

Сапоги плотно обхватывали прямые как каллиграфическая кисть ноги, являя собой весьма приятную глазу картину. А внешнюю сторону сапог украшали серебряные цепочки тонкого плетения, которые с каждым шагом незнакомца покачивались, издавая чистый мелодичный звон, ласкающий слух.

Столь беззаботная и лёгкая походка наводила на мысль, что обладатель её совсем молод. Однако каждый шаг хранил непоколебимую уверенность, словно никто и ничто не смогло бы сейчас встать у него на пути. А если бы кто-то посмел, тотчас оказался бы разорван в клочья. Все эти детали не давали Се Ляню достоверно определить, что же за человек шёл рядом.

Внезапно в глаза принцу бросилась жутковатая белизна какого-то предмета на земле, которая оторвала его от размышлений.

То был череп.

Шаг Се Ляня на мгновение застыл.

Одного взгляда достаточно, чтобы определить — в расположении черепа не всё так просто. Очевидно, это угол магической ловушки, определяющий её границы. Задень его — и всё магическое поле в следующий же миг нанесёт удар по незваному гостю. Но, судя по походке юноши, он словно и вовсе не обратил внимания на артефакт. Принц задумался, не стоит ли подать голос и предостеречь спутника, как вдруг услышал отчетливое «хрясь», нестерпимо резанувшее слух, и увидел, что нога юноши опустилась прямо на череп, раздавив его в мелкую крошку.

После чего, будто ничего и не почувствовав, незнакомец бесстрастно прошёлся прямо по этому костяному крошеву.

Се Лянь едва не лишился дара речи.

Кто бы мог подумать, что он вот так одним движением превратит целую магическую ловушку в горстку бесполезных осколков...

Внезапно шаги юноши замерли. Сердце Се Ляня забилося, он уж было решил, что незнакомец собрался действовать, но спутник его, постояв лишь несколько мгновений, продолжил вести его за собой. Они прошли ещё несколько шагов, когда сверху раздался звук «кап-кап», словно крупные жемчужины капель дождя ударялись о поверхность зонта. Оказывается, юноша останавливался, чтобы раскрыть над ними зонт.

Пускай момент был неподходящий, Се Лянь не удержался от мысленной похвалы, насколько чутким и заботливым оказался его спутник. И всё же кое-что показалось ему странным. Принц подумал: «Разве пошёл дождь?»

Темнота безмолвных гор, густые заросли деревьев. Где-то вдали, в самой глубине горной гряды, на луну воет стая волков. Возможно, из-за случившейся только что в горах кровопролитной битвы, холодный воздух наполнился слабым запахом свежей крови.

Обстановка вокруг обладала странным и в то же время непреодолимым демоническим очарованием. При этом юноша неторопливо вёл принца за руку, другой рукой придерживая зонт, что придавало обольстительной прелести ночному пейзажу, словно они были настоящими молодожёнами, связанными крепкими чувствами.

Необычный звук дождя исчез так же внезапно, как и появился. Совсем скоро стук его капель о зонт затих. Юноша, остановившись ненадолго, кажется, убрал зонт, после чего наконец отпустил руку и сделал шаг в сторону принца.

Той же рукой, которая вела принца за собой, юноша ухватился за край свадебного покрывала и начал медленно его поднимать.

Се Лянь ждал этого момента с самого начала и теперь стоял неподвижно, глядя, как перед глазами медленно поднимается плотный красный занавес...

Лента пришла в движение!

Вовсе не потому, что юноша проявил намерение навредить принцу. Просто Се Лянь решил, что сначала необходимо обезвредить противника, одолеть его, а потом уже разбираться!

Однако к величайшей неожиданности принца, когда Жюе атаковала юношу резким порывом ветра, свадебный покров выскользнул из его пальцев, взлетел вверх и опустился снова. Се Лянь

успел лишь разглядеть размытый силуэт молодого парня в красных одеждах, через который насквозь прошла Жое.

Вновь удивив принца, юноша просто разбился на тысячу серебристых бабочек, рассыпался сверкающим искрами, ярким звёздным вихрем.

Пускай момент всё ещё был неподходящий, Се Лянь не удержался от вздоха восхищения в душе. Он отступил на пару шагов и невольно залюбовался этой картиной, прекрасной словно сон. Внезапно перед его глазами промелькнуло мягкое сияние серебристой бабочки; принц хотел получше рассмотреть её, но малютка лишь покружилась вокруг него и вновь слилась с вихрем своих подруг. Вместе они взлетели в ночное небо, становясь частью звёздных искр, покрывающих небосвод.

Лишь спустя какое-то время Се Лянь пришёл в себя и подумал: «Всё-таки это и есть злой дух новобрачного или нет?»

Лично ему казалось, что юноша не особенно походил на злого духа. Ведь если это так, значит, волчья стая горы Юйцзюнь, должно быть, прислуживает ему. Но почему тогда зверей при виде его охватил столь непреодолимый страх? К тому же, артефакт магической ловушки на пути сюда наверняка выставил злой дух новобрачного, а юноша просто взял и, не глядя даже... растоптал его в пыль.

Если же незнакомец действительно не является злым духом, для чего он тогда решил похитить принца из паланкина?

Чем больше Се Лянь предавался размышлениям, тем более странным ему казалось всё случившееся. Забрасывая Жое на плечо, он подумал: «Ладно, возможно ведь, что он просто весьма удачно оказался поблизости. Отложим этот вопрос на потом, сейчас есть более важное дело». Оглядевшись по сторонам, принц так и ахнул. Оказалось, что совсем неподалеку мрачно возвышается весьма приметная постройка.

Раз уж юноша привёл его сюда, а само строение явно оказалось именно тем, что тщательно скрывала от лишних глаз магическая ловушка, Се Ляню не оставалось иного выбора, кроме как войти внутрь и рассмотреть всё как следует.

Пройдя несколько шагов, принц вдруг остановился. Поразмыслив, он вернулся назад и подобрал с земли упавшее с головы свадебное

покрывало, отряхнул его от пыли и взял с собой, лишь после этого направившись к постройке.

Высокие красные стены, облицовка и кровля оказались слегка обшарпанными. Здание походило на старинный храм поклонения божеству, и Се Лянь по своему опыту мог сказать, что построен он был в честь Бога Войны. Ожидания не обманули Се Ляня. Подняв голову, принц увидел над высокими воротами в храм три больших иероглифа, выкованные из металла:

Храм Мингуана!

Генерал Мингуан, Бог Войны северных земель, а также не кто иной, как генерал Пэй, о котором Линвэнь сказала, что огонь его благовоний на Севере горит весьма ярко. Не удивительно, что ранее им не удалось обнаружить поблизости храма Мингуана и потому пришлось отправиться в храм Наньяна. Оказывается, местный храм Мингуана спрятан внутри магической ловушки на горе Юйцзюнь. Неужели злой дух новобрачного как-то связан с генералом Пэем?

Однако генерал Мингуан всё-таки считался весьма преуспевающим и довольно почитаемым небожителем. Положение на Севере он занимал вполне устойчивое, поэтому лично Се Ляню показалось, что такой небожитель не захочет связываться со свирепым убийцей в лице злого духа новобрачного. Кроме того, подобные случаи, когда злобная тварь занимала владения небожителя, в то время как он сам даже не подозревал об этом, отнюдь не являлись редкостью. Как же всё обстоит на самом деле, можно было судить, лишь досконально разобравшись в происходящем.

Се Лянь направился вперёд, к закрытым воротам, на которых не было замка: толкни — и они откроются. Но как только врата распахнулись, в нос ему ударил странный запах, совсем не похожий на застарелый воздух в месте, где давно не было людей. То был едва заметный гнилостный смрад.

Войдя внутрь, Се Лянь закрыл за собой врата, чтобы они выглядели так, словно никто сюда и не входил, затем направился вглубь храма. Посреди главного зала возвышалась статуя для поклонений, разумеется, олицетворяющая северного Бога Войны, генерала Мингуана. Предметы, изображающие людей, такие как статуи, куклы, портреты и многое другое, тёмной твари захватить

легче всего, поэтому Се Лянь решил в первую очередь внимательно осмотреть статую Бога Войны.

Принц очень долго смотрел на статую, чтобы заключить: изваяние выполнено просто замечательно. В руке драгоценный меч, на талии пояс, украшенный яшмовыми пластинами, прекрасный облик и преисполненная величия поза. Ни единого нарекания, да и смрадный запах явно исходил не от статуи. Поэтому Се Лянь, оставив её в покое, развернулся обратно к главному залу.

И сразу же застыл как вкопанный, при этом зрачки его резко сузились.

Прямо перед ним неподвижно стояла толпа девушек в ярко-красных свадебных нарядах и красных покрывалах, скрывающих лицо.

Едва заметный гнилостный запах исходил именно от них.

Се Лянь быстро оправился от потрясения и подошёл ближе, чтобы сосчитать девушек. Одна, вторая, третья, четвертая... и так пока не дошёл до семнадцати.

Те самые семнадцать невест, пропавшие в окрестностях горы Юйцзюнь!

Красные наряды некоторых девушек уже выцвели и выглядели устаревшими и обветшалыми. Видимо, этих невест похитили раньше всех. На некоторых невестах красовались новые платья современного фасона, да и запах разлагающейся плоти от них почти не был слышен. Должно быть, эти пропали совсем недавно. Се Лянь, недолго поколебавшись, приподнял покрывало одной из невест.

Под ярко-красным покрывалом оказалось мертвенно-бледное лицо, до такой степени белое, что даже слегка отсвечивало зелёным, а в тусклом сиянии луны и вовсе выглядело ужасающе. Но ещё более пугающим было искривлённое сведёнными мышцами выражение лица мертвой девушки, ведь даже на исказившемся лице всё ещё виднелась застывшая улыбка.

Се Лянь приподнял покрывало следующей девушки: уголки её рта оказались точно также приподняты.

Оказалось, что все мёртвые девушки в храме одеты в свадебные наряды, а на губах у них играет улыбка.

В памяти Се Ляня будто вновь заиграла странная песенка, которую напевал детский голосок: «Алый паланкин бежит, в нём

невестушка сидит... Под покровом слёзы льёт, и улыбка не мелькнёт...»

Внезапно он услышал снаружи храма странный звук.

Поистине весьма странный. До такой степени странный, что его трудно описать. Словно по полу с силой барабанили двумя палками, обёрнутыми плотной тканью, или как будто по земле с огромным трудом тащили что-то тяжёлое. Звук приближался, быстрее и быстрее, и очень скоро он раздавался уже возле самых ворот храма. Послышался протяжный скрип, и врата храма Мингуана распахнулись.

Не важно, явился ли в храм человек или иная тварь, наверняка это и был тот самый злой дух новобрачного. И сейчас он вернулся!

Во внутренней части храма некуда было бежать, и спрятаться тоже негде. Се Лянь раздумывал всего мгновение, после чего окинул взглядом стройный ряд невест, быстро нацепил обратно свадебное покрывало и встал рядом с ними, не шевелясь.

Если бы числом девушки не превышали пяти-шести, разумеется, обман легко раскрылся бы с первого взгляда, но сейчас в храме стояло семнадцать мёртвых невест, и если не считать их по одной, как это сделал Се Лянь, совершенно невозможно обнаружить, что среди них затесалась лишняя.

Только принц успел встать в ряд с невестами, как тот странный глухой стук «вошёл» во внутреннюю часть храма.

Се Лянь стоял неподвижно, при этом размышляя: «Что же это за звук? Судя по паузам между ударами, он немного напоминает шаги, но что за тварь может так шагать? Это точно не может быть юноша, который привёл меня сюда, у него походка непринуждённая, словно он наслаждается каждым шагом, который к тому же сопровождается приятным нежным звоном».

Внезапно его посетила мысль, от которой сердце мгновенно сжалось: «Плохо дело, я не подхожу по росту!»

Мертвецы вокруг него являлись девушками, а он — самым настоящим мужчиной, поэтому, естественно, ростом превосходил невест на целую голову. Пускай увидать с одного взгляда, что количество невест увеличилось, было невозможно, всё же слишком высокий человек в толпе трупов сразу же бросался в глаза!

Однако, тщательно поразмыслив, Се Лянь опять успокоился. Он на самом деле выше всех невест, но дева Сяоин убрала ему волосы в

самую простую причёску, без лишних украшений, а наряды остальных невест отличались пышным убранством, так и причёски их буквально взлетали к небесам. Некоторые даже носили корону феникса^[19], которая сильно прибавляла им в росте, поэтому они несколько не выглядели ниже Се Ляня. Даже высокий рост принца не настолько сильно бросался в глаза.

Как раз когда он подумал об этом, до его ушей донёлся лёгкий шорох, всего в двух чжанах от того места, где он стоял.

Спустя мгновение шорох прозвучал снова, на этот раз ещё ближе.

Се Лянь осознал, что делает злой дух новобрачного.

Он одно за другим срывает головные покрывала с невест, чтобы взглянуть на лицо каждой из них!

Удар!

Если сейчас не время для атаки, то когда? Жое яростно вылетела вперёд и нанесла удар прямо по злому духу новобрачного.

В ответ раздался грохот, а в лицо принцу устремился чёрный демонический туман. Се Лянь не знал, отравлен туман или нет, к тому же, его тело не защищало божественное сияние истинной сущности небожителя, поэтому принц немедленно задержал дыхание, зажал рот и нос, одновременно заставляя Жое закружиться в танце, чтобы поднять ветер и разогнать зловредную дымку. Вновь послышался глухой стук, Се Лянь прищурился и разглядел низенькую чёрную тень, мелькнувшую у входа в храм. Врата открылись, и клубящийся сгусток чёрного тумана устремился в сторону леса.

Се Лянь принял решение немедленно броситься в погоню. Однако к его неожиданности, не пробежал он и нескольких шагов, как в лесу показались вспышки ярко горящих факелов, а следом издали послышались воинственные крики:

— Вперёд!

Из общего гомона выделялся звонкий голос молодого парня:

— Схватим уродца, избавим людей от напасти! Схватим уродца, избавим людей от напасти! Награду поделим поровну!

То был главарь Сяо Пэн. Се Лянь в душе горестно простонал — толпа пообещала забраться на гору и действительно забралась. И если раньше это место скрывала от посторонних глаз магическая ловушка, то теперь, когда загадочный юноша растоптал её в пыль, эти люди, словно слепой кот, наткнувшийся на дохлую мышь, всё-таки

прибежали сюда. Присмотревшись, Се Лянь понял, что они идут как раз с той стороны, куда только что сбежал злой дух новобрачного!

Се Лянь привёл Жое в движение и кинулся им навстречу с криком:

— Стойте, никому не двигаться!

Толпа немедленно застыла.

Он хотел ещё что-то сказать, но тут к нему заботливо подскочил Сяо Пэн с вопросом:

— Девица! Это злой дух новобрачного похитил тебя и притащил сюда? Как тебя зовут? Мы пришли, чтобы тебя спасти, можешь больше ни о чём не волноваться!

Се Лянь замер и про себя рассмеялся, только теперь вспоминая, что на нём всё ещё женский наряд. В храме Наньяна не нашлось зеркала, и принц не знал, как сейчас выглядит, но судя по реакции Сяо Пэна, мастерство девы Сяоин, должно быть, заслуживает всяческих похвал. Толпа удивлённо застыла, приняв его за настоящую новобрачную, а Сяо Пэн, по всей видимости, даже надеялся, что он и есть та самая семнадцатая невеста, и теперь за неё можно получить крупное вознаграждение. Как бы то ни было, нельзя позволять толпе деревенских жителей разбредаться куда попало, к тому же, Се Лянь не мог быть уверенным, что злой дух новобрачного не скрылся в лесу. К счастью, как раз вовремя подросли двое юношей в чёрных одеждах, и Се Лянь тут же позвал:

— Нань Фэн, Фу Яо, скорее, помогите мне!

Однако юноши, повернувшись на голос, внезапно застыли на месте, затем синхронно сделали два шага назад. Лишь после того, как Се Лянь позвал их ещё несколько раз, они пришли в себя.

— Вы поднялись с той стороны? Ничего по пути не встретили? — спросил принц.

Нань Фэн ответил:

— Не встретили!

— Хорошо, — выдохнул Се Лянь. — Фу Яо, прямо сейчас отправляйся по этой дороге на поиски, осмотри всё вокруг. Нужно убедиться, что злой дух новобрачного не сбежал.

Фу Яо выслушал его, немедленно развернулся и ушёл. Се Лянь же обратился ко второму младшему небожителю:

— Нань Фэн, оставайся здесь на страже, смотри, чтобы никто из этих людей не отходил от группы. Если Фу Яо не найдёт злого духа на горе, значит, он определённо находится среди этой толпы!

Услышав слова принца, крепкие мужчины начали громко возмущаться. Сяо Пэн уже разглядел, что перед ним вовсе не девушка, и первым подпрыгнул с криком:

— Никому нельзя отходить? Это ещё почему? Что за безобразие! Друзья, не станем его слушать...

Но не успел он даже приземлиться обратно, как Нань Фэн замахнулся ладонью и разломил пополам огромное дерево, толщиной с человека, которое с грохотом повалилось на землю. Толпа немедленно увидела в нём того самого юношу, что без разговоров крушит всё, что под руку попадётся. Если он переломит их самих, как ту колонну в чайной, никакие деньги уже не помогут, поэтому все замолкли. Только Сяо Пэн снова запротестовал:

— Ты так убеждён, утверждая, что злой дух новобрачного среди нас? Так мы тебе и поверили! Да здесь у каждого есть имя и фамилия, каждый из нас — живой человек. Если не веришь, можешь взять факел и заглянуть каждому в лицо!

Се Лянь произнёс:

— Нань Фэн.

Нань Фэн взял из рук Сяо Пэна факел, поднял пламя повыше и начал освещать толпу, рассматривая людей. На лице каждого сияли крупные капли пота, а в глазах отражалось то волнение, то недоумение, то возбуждение. Все лица выглядели предельно живо и выразительно. Се Лянь не мог разглядеть в них того, что искал, поэтому встал перед толпой и заговорил:

— Уважаемые господа, прошу извинить за причинённые неудобства, но только что мне удалось ранить злого духа новобрачного, после чего он сбежал, но уйти далеко ему точно не удалось. Двое моих юных друзей на пути сюда не столкнулись с ним, поэтому, боюсь, что эта тварь прячется теперь где-то среди вас. И сейчас я прошу внимательно посмотреть друг на друга, взглядеться в лицо каждого товарища и сказать мне, нет ли среди вас незнакомца, который просто затесался между вами.

Когда толпа услышала, что злой дух новобрачного, возможно, где-то среди них, у каждого от страха мороз пробежал по коже. Не смея

допустить ошибку, люди начали заглядывать друг другу в глаза и рассматривать соседей, позволяя им также взглядеться в своё лицо. Спустя довольно долгое время таких «гляделок» кто-то удивлённо воскликнул:

— А ты что здесь делаешь?

У Се Ляня брови дёрнулись вверх, он подбежал на крик и спросил:

— Кто?

Сяо Пэн вырвал факел у кого-то из рук, ткнул им в сторону, где царила тьма, и заорал:

— Эта уродина!

Он указывал на Сяоин. Лицо девушки с косящими глазами и кривым носом исказилось в свете факела, словно она не могла стерпеть столь яркого света. Поэтому она закрыла лицо руками и проговорила:

— Я... Я просто беспокоилась, поэтому пошла проследить...

Глядя на её перепуганный вид, Се Лянь забрал факел из рук Сяо Пэна и обратился к остальным:

— Каков результат?

Каждый из толпы покачал головой. «Незнакомых нет», «Все знакомые».

Нань Фэн предположил:

— Не мог ли он вселиться в кого-нибудь?

Се Лянь, подумав, ответил:

— Не думаю, злой дух не бесплотен.

— Но если это «свирепый», то вполне возможно, что он может изменять свой облик.

Пока они рассуждали, Сяо Пэн снова начал кричать:

— Ну что, разглядели, что злого духа новобрачного среди нас нет?

А раз так, то почему до сих пор не отпускаете нас?!

Толпа робко поддержала Сяо Пэна, а Се Лянь, окинув их взглядом, произнёс:

— Всё же я вынужден попросить вас ещё ненадолго задержаться перед храмом Мингуана и не отходить отсюда ни на шаг.

Деревенские жители снова собирались воспротивиться, но увидев суровый взгляд Нань Фэна, так и не осмелились. Как раз кстати вернулся и Фу Яо, доложив:

— Поблизости никого.

Поглядев на толпу народа перед храмом Мингуана, Се Лянь неторопливо заключил:

— Значит, он сейчас находится именно среди этих людей.

Древний храм на горе и лес подвешенных.

Фу Яо заметил спрятавшуюся среди толпы Сяоин и хмуро спросил:

— А что здесь делает женщина?

Его тон не был грубым, но и ничего хорошего не сулил, поэтому Сяоин лишь опустила голову, услышав его. Се Лянь ответил за неё:

— Она боялась, что произойдёт неладное, и потому пришла взглянуть.

Фу Яо поинтересовался у остальных:

— Она поднялась вместе с вами?

Люди в толпе замялись, но затем всё же начали говорить: «Не помню», «Не могу точно сказать», «Стойте, когда мы поднимались, её с нами, кажется, не было!», «Во всяком случае, я её не видел», «И я не видел».

Сяоин поспешила оправдаться:

— Всё потому, что я прокралась незаметно...

Сяо Пэн тут же перебил девушку:

— А с какой стати ты решила прокрасться следом за нами? Ты ведь всегда была трусихой! Может, ты и есть злой дух новобрачного?

Едва он это произнёс, как пространство вокруг Сяоин мгновенно опустело, а она суматошно замахала руками и закричала:

— Нет... Нет, я Сяоин, я настоящая! — Затем девушка обратилась к Се Ляню: — Молодой господин, мы ведь только что с вами встречались! Я помогала вам нанести румяна, нарядиться и сделать причёску...

Се Лянь неловко замялся.

В один момент толпа перевела на него взгляды, кто-то начал перешёптываться, и принц краем уха слышал: «Какие-то странные...», «Увлечения...», «Трудно поверить...» и тому подобные обрывки фраз. Откашлявшись, он ответил:

— Это всё... ради общего дела. Ради дела. Нань Фэн, Фу Яо, вы...

Се Лянь развернулся и только сейчас осознал, что Нань Фэн и Фу Яо всё это время как-то странно на него смотрели и, к тому же, совершенно осознанно держались от принца на некотором расстоянии.

Принц почувствовал, как от их взгляда по телу пробежали мурашки, и обратился к юношам:

— Вы хотите мне что-то сказать?

Конечно, Се Лянь и представить не мог, что кисти для макияжа в руках девушки стали настоящим инструментом искусного мастера. Длинные брови принца превратились в изящные линии, лицо покрылось яшмовым порошком, а капля румян сделала его губы пурпурно-алыми. И если бы Се Лянь не открыл рот и не заговорил, то его невозможно было бы отличить от грациозной и нежной красавицы.

Даже двое спутников принца, едва взглянув на него, ощутили, как сердце пропустило удар: они не могли поверить своим глазам, в души их закрались сомнения, и от неловкости юноши не знали, куда девать глаза. Лицо, несомненно, оставалось неизменным, но сейчас они совершенно не понимали, с кем говорят.

Фу Яо толкнул Нань Фэна:

— Ты хотел что-то сказать?

Нань Фэн немедленно замотал головой и ответил:

— Я ничего такого не хотел.

Фу Яо тоже замолчал.

— Ну же, скажите что-нибудь, — поторопил Се Лянь.

Неожиданно из толпы раздались голоса: «Что? Это храм Мингуана?», «Разве в этих горах был построен храм Мингуана? Чудеса, я ни разу не видел здесь ничего подобного».

Все вокруг начали удивлённо оглядываться, и Се Лянь вдруг подтвердил их слова:

— Верно, это храм Мингуана.

Нань Фэну его тон показался немного странным, поэтому он спросил:

— Что это значит?

Се Лянь ответил ему:

— Всем известно, что северные земли принадлежат генералу Мингуану, молитвенные благовония в его честь не погасли, а его собственные духовные силы не иссякли, но тогда... почему же под горой Юйцзюнь стоит только храм Наньяна?

К примеру, в прошлом чиновник возносил молитвы Императору Шэньу, что было вполне разумно, ведь Шэньу являлся первым тысячелетним Богом Войны и мог гордиться положением намного более высоким, нежели у генерала Мингуана. Естественно, молитвы более высокому чину гарантировали бóльшую вероятность осуществления желания. Но вот у Наньяна с Мингуаном положение было абсолютно равным, и если уж на то пошло, то в честь Мингуана построили девять тысяч монастырей, а это на тысячу больше, чем у Наньяна. Так что совершенно не ясно, почему люди в здешних местах отказались от ближнего покровителя ради дальнего.

Се Лянь продолжил размышлять вслух:

— Предположим, что именно этот храм Мингуана на горе Юйцзюнь не представлялось возможным отыскать, потому что в нём поселился злой дух новобрачного, но тогда разумно было бы построить новый храм под горой. Почему же вместо него возвели храм другого Бога Войны?

Фу Яо, кажется, тоже начал что-то понимать, и продолжил его мысль:

— Наверняка этому есть иная причина.

Се Лянь кивнул.

— Верно. Скорее всего, существует иная причина, по которой люди вокруг горы Юйцзюнь перестали строить храмы Мингуана. Кто-нибудь из вас может передать мне ещё немного духовных сил? Боюсь, мне придётся снова советоваться...

Внезапно раздался чей-то крик:

— Как много невест!

Услышав, что голос раздается из храма, Се Лянь резко обернулся. Он же просил их оставаться на пустыре перед храмом! Но они пропустили всё мимо ушей, разбрелись кто куда и, конечно же, пробрались в храм.

Нань Фэн закричал:

— Здесь слишком опасно, никому не разбегаться!

Но тут Сяо Пэн подлил масла в огонь:

— Соратники мои, не слушайте их, они всё равно не посмеют тронуть нас! Мы — вольный народ, разве они решатся нас убить? Давайте, все вместе, поднимайтесь, ну же!

Он всё-таки догадался, что эти трое не станут по-настоящему хватать их и переламывать через колено, и потому беззастенчиво взбунтовался. Послышался хруст пальцев Нань Фэна: очевидно, он едва сдерживал рвущиеся наружу ругательства. Вот только, будучи служащим дворца Наньяна, он действительно не мог самовольно ломать кости простым смертным.

Сяо Пэн вновь мерзко ухмыльнулся:

— Не думайте, что от меня укрылись ваши планы. Вы ведь хотите, чтобы мы оставались на месте, и тогда все заслуги и награды достанутся вам!

Поддавшись на его подстрекательства, половина отряда действительно вскочила с места и во главе с Сяо Пэном бросилась в сторону храма. Фу Яо недовольно взмахнул рукавом и с безразличием в голосе сказал:

— Ну и пёс с ними. Смутьяны. — Он уже ненавидел этих дикарей до крайности, и ему вовсе не хотелось бегать за ними, как за малыми детьми.

А в храме Мингуана тем временем раздался пронзительный крик:

— Они все мертвы!

Голос Сяо Пэна звучал так же потрясённо:

— Они мертвы?!

— Да, все мертвы!

— Что за проделки нечисти, вот эта, похоже, умерла несколько десятилетий назад, почему же её труп до сих пор не сгнил?

Но очень скоро Сяо Пэн и на это наплевал.

— Умерли, и ладно. Унесём тела невест с горы, их родные наверняка захотят выкупить трупы за хорошие деньги.

Лицо Се Ляня заметно помрачнело. А вот толпе эта мысль показалась просто отличной! Кто-то горько вздохнул, кто-то зашептался, а кто-то даже обрадовался. Се Лянь приблизился к входу в храм и позвал:

— Уважаемые господа, вам лучше всё-таки выйти оттуда. В этом храме много лет отсутствовало движение воздуха, трупная Ци витает повсюду, если простой смертный вдохнёт её, ему не поздоровится.

Его слова звучали правдоподобно, и толпа задумалась: может, стоит к ним прислушаться? Неожиданно раздался тихий голос Сяоин:

— Пожалуйста, давайте не будем расходиться, здесь слишком опасно, наверное, нам всё же стоит послушаться этого молодого господина и остаться на месте...

Но разве станет толпа, не подчинившаяся даже Се Ляню и его спутникам, слушать какую-то девчонку? Никто и ухом не повёл. Сяоин же не отчаивалась, она неустанно уговаривала их, в то время как Сяо Пэн продолжал давать соратникам наставления:

— Быстрее, нам нужно выбрать трупы посвежее. Если труп уже старый, возможно, и семья этой девушки давно отправилась на тот свет следом за ней, так что не стоит тратить силы и тащить её с горы.

Кто-то из толпы даже похвалил его за смекалку и практичность. Услышав подобные речи, Се Лянь не знал, как реагировать. Но увидев, как люди всё же приступили к делу, принц сразу же закричал:

— Не трогайте покрывала на их головах! Сейчас они выступают барьером между трупной Ци и энергией Ян. Вас много, энергия Ян так и клокочет, и если невесты почувствуют это, неизвестно, что тогда может случиться.

Тем не менее, толпа ослушалась. Мужчины стали сдёргивать покрывала с трупов, чтобы выбрать кого посвежее. Се Лянь и Нань Фэн, тоже подошедший к входу в храм, переглянулись и покачали головой. Они прекрасно понимали, что не в силах воспрепятствовать этим людям. Даже избиение их до кровавых соплей и лишение возможности двигаться — вовсе не лучшая идея, — ведь тогда, произойди что-то из ряда вон выходящее, покалеченные не смогут даже сбежать! Так что здесь ничего нельзя было поделать.

Неожиданно какой-то здоровяк, сдёгнув покрывало с невесты, воскликнул:

— Мать моя, эта девушка прекрасна как богиня с Небес!

Остальные сразу окружили его и загалдели: «Даже замуж не вышла, и вот так померла, как же досадно», «Платье немного порвалось, но среди всех эта самая красивая!»

Девушка эта, судя по всему, умерла недавно, кожа на её лице сохраняла упругость, кто-то даже осмелился сказать:

— Можно потрогать её?

А Сяо Пэн воскликнул:

— Отчего же нельзя? — и тут же протянул ручонки к лицу мёртвой девушки.

Её кожа оказалась нестерпимо гладкой и нежной, так что ему не удалось побороть искушение снова провести по ней ладонью. Се Лянь уже не мог этого выносить и собирался остановить непотребство, как вперёд него выбежала Сяоин с криком:

— Перестань!

Сяо Пэн оттолкнул девушку, прикрикнув:

— Не вмешивайся в мужские дела!

Но Сяоин вновь повисла на нём и заголосила:

— Вы навлечёте на всех нас гнев Небес!

Сяо Пэн разгневанно бросил:

— Чтоб тебя, уродка, и правду говорят, что от уродов больше всего хлопот!

Разразившись ругательствами, он хотел пнуть девушку, но Се Лянь схватил Сяоин за шиворот и аккуратно оттащил назад. Никто не ожидал, что в этот момент раздастся стук, и Сяо Пэн громко заорёт:

— Кто меня ударил?

Се Лянь обернулся и увидел, что у того с головы капает кровь, а на затылке зияет дыра, судя по всему, оставленная окровавленным камнем, который теперь валялся на полу храма. Сяоин застыла и быстро залепетала:

— Простите, простите, я... от испуга нечаянно выронила...

Вот только никто не поверил ей, несмотря на то, что она сама во всём призналась. Поскольку направление было неверным. Камень прилетел сквозь окно храма за спиной Сяо Пэна. А сейчас, когда Сяо Пэн закричал, все посмотрели туда и увидели, как снаружи мелькнула тень.

Сяо Пэн тут же завизжал:

— Это он! Это тот урод с перебинтованной рожей!

Се Лянь впихнул Сяоин в руки Нань Фэну, в два шага оказался возле окна и перемахнул через него, одной рукой опершись на оконный переплёт. Через миг он уже мчался в направлении леса, а следом за ним из того же окна повыпрыгивали несколько смельчаков, желающие получить награду за поимку злодея. Но, оказавшись на краю леса, Се Лянь вдруг ощутил, как в нос ударил запах крови, что показалось ему странным. Сработала природная бдительность, и он резко остановился.

— Туда нельзя!

Несмотря на его предостережение, никто из преследователей даже не замедлил шага, каждый подумал: раз ты не хочешь догнать беглеца, тем лучше, значит, награда за него достанется мне, — и ворвался в лес. Толпа, собравшаяся в храме, тоже высыпала наружу. Увидев, что Се Лянь остановился на окраине леса, все те, у кого не хватало смелости, чтобы присоединиться к погоне, столпились вокруг него, заняв наблюдательную позицию. Вот только не прошло и минуты, как все услышали душераздирающие крики, и в лесу показалось несколько тёмных силуэтов, нетвёрдой походкой бредущих обратно, — мужчины, мгновения назад первыми ворвавшиеся в лесную чащу, пошатываясь словно пьяные, вышли из леса; а когда слабый свет луны попал на их тела, у всех остальных от одного взгляда душа ушла в пятки.

Мужчины вошли в лес людьми, а вышли живыми окровавленными призраками! С головы до ног они были в крови, словно их окатило кровавым ливнем. Если бы человек потерял столько крови, он бы распрощался с жизнью, но эти люди всё ещё могли передвигаться, раз подошли к застывшей от страха толпе, которая тут же отшатнулась прочь и собралась за спиной Се Ляня.

Но принц поднял руку и уверенно сказал:

— Успокойтесь. Это не их кровь.

Его слова подтвердились, когда выходцы из леса воскликнули:

— Да! Кровь не наша, она... она...

Даже кровь на их лицах не могла скрыть гримасу ужаса, и тогда все остальные посмотрели в сторону леса, но их взгляды встретили лишь кромешную тьму; никто не мог разглядеть, что же скрывалось за ней. Тогда Се Лянь взял факел, подошёл ближе к лесу и вытянул руку с горящим огнём. Сверху из темноты что-то капнуло на пламя, раздалось тихое шипение. Он взглянул на факел, потом куда-то вверх, постоял

так немного, а потом замахнулся и подбросил факел в воздух. Брошенный им факел находился в воздухе всего несколько мгновений, но даже так в мимолётной вспышке света люди смогли разглядеть, что там было, в этом лесу. А, точнее, над ним.

Длинные чёрные волосы, мертвенно-бледная кожа, изодранная в лохмотья одежда военных чинов и болтающиеся в воздухе руки.

Более сорока трупов мужчин были подвешены на деревьях вниз головой и покачивались, кто повыше, а кто пониже. Неизвестно, сколько из них вытекло крови и почему она всё ещё не иссякла, но эти капли создавали жуткую картину: кровавый дождь в лесу подвешенных трупов.

Даже самые крепкие и сильные воины из толпы перед лесом никогда в жизни не сталкивались с подобными кошмарами. Их объял столь невероятный страх, что они боялись пошевелиться; вокруг повисла мёртвая тишина. Лишь Нань Фэн и Фу Яо, увидев жуткую картину, мрачно напряглись.

Спустя мгновение раздался голос Нань Фэна:

— Лазурный демон.

Фу Яо согласился:

— Определённо. Это его излюбленное развлечение.

Нань Фэн предупредил Се Ляня:

— Не подходи. Если это он, справиться с ним будет не так просто.

Се Лянь, обернувшись, спросил:

— О ком вы говорите?

— Один... почти непревзойдённый, — ответил Нань Фэн.

Се Лянь в недоумении переспросил:

— Что значит «почти непревзойдённый»? Близкий к непревзойдённому?

— Именно, — подтвердил Фу Яо. — «Почти непревзойдённый», Лазурный демон, — опасная личность, которой во дворце Линвэнь был присвоен ранг «чрезвычайно близкий к непревзойдённому». Ему страсть как нравится развлекаться подвешиванием людей вниз головой, этим он и заслужил свою славу.

Се Лянь подумал: «И зачем это уточнение?.. Если он непревзойдённый, так уж непревзойдённый, а нет — значит, нет. По такому же принципу существуют только те, кто вознёсся на небеса, и те, кто не вознёсся, и ведь никто не говорит «почти вознёсся» или

«вот-вот вознесётся». Слово «почти» только вносит излишнюю путаницу».

И тут принц вспомнил, как по пути сюда тот загадочный юноша в какой-то момент раскрыл над ними зонт, по которому застучали капли. Неужели незнакомец сделал это, чтобы уберечь Се Ляня от кровавого дождя в лесу подвешенных трупов? Подобные мысли заставили принца легонько вздохнуть. Услышав его вздох, двое спутников повернулись к Се Ляню:

— Что с тобой?

Он вкратце рассказал им, как у свадебного паланкина встретился с незнакомцем и как тот отвёл его сюда. Выслушав рассказ, Фу Яо с недоверием спросил:

— Когда мы поднимались, я тоже почувствовал магическую ловушку, очень мощную и опасную. Но как же он мог вот так сломать её, просто махнув рукой?

Се Лянь подумал: «Он даже рукой не махнул. Просто небрежно наступил на неё, совершенно не обратив на это внимания». А вслух произнёс:

— Верно. Может быть, он и есть тот Лазурный демон, о котором вы говорите?

Нань Фэн ненадолго задумался, прежде чем ответить:

— Я не встречался с Лазурным демоном, так что ничего не могу о нём сказать. А у юноши, которого ты встретил, имелись какие-то отличительные черты?

Се Лянь сразу ответил:

— Серебристые бабочки.

Став свидетелями жуткой сцены в лесу с подвешенными за ноги трупами, Нань Фэн и Фу Яо сохраняли спокойствие. Но, едва услышав фразу Се Ляня, они мгновенно поменялись в лице.

Фу Яо с лёгким недоверием переспросил:

— Что ты сказал? Серебристые бабочки? Как они выглядели?

Се Лянь догадался, что сказал что-то очень и очень важное, поэтому не раздумывал с ответом:

— Мне показалось, что они созданы из серебра или из хрусталя; хотя они вовсе не походили на живых, выглядели очень красиво.

Он увидел, как Нань Фэн и Фу Яо обменялись взглядами, при этом их лица не выражали ничего хорошего, кажется, даже позеленели

немного.

Лишь спустя какое-то время Фу Яо мрачно произнёс:

— Уходим. Сейчас же.

Се Лянь поинтересовался:

— Но мы ещё не разобрались со злым духом новобрачного, как мы можем уйти?

Фу Яо переспросил:

— Не разобрались? — Он повернулся и с ледяной усмешкой добавил: — Видимо, ты и правда просидел в мире людей слишком долго. Злой дух новобрачного — всего лишь «свирепый», а даже если это действительно Лазурный демон подвесил тех несчастных, как бы трудно с ним ни было справиться, всё же он рангом не выше «почти непревзойдённого». — После недолгого молчания голос Фу Яо внезапно стал резким: — Ты хоть знаешь, с кем столкнулся в лице хозяина серебряных бабочек?

Се Лянь честно ответил:

— Не знаю.

Фу Яо жёстко отрезал:

— В таком случае, у нас нет времени на разъяснения. Всё, что тебе нужно знать, — он не тот, кому ты сможешь противостоять, поэтому сейчас ты должен как можно скорее вернуться в Небесные чертоги и вызвать подмогу.

Се Лянь возразил:

— Вот ты и отправишься туда.

— Ты же...

Се Лянь перебил:

— Хозяин бабочек не выказывал дурных намерений. А даже если он скрыл их от меня и действительно настолько страшен, как ты говоришь, то боюсь, никто вокруг горы Юйцзюнь не сможет сбежать из его лап. Поэтому кто-то должен остаться здесь и следить за происходящим. Так что лучше тебе самому отправиться на Небеса и узнать, смогут ли они прислать подмогу.

Он понял, что Фу Яо совсем не желает оставаться и сражаться со столь серьёзным противником, а если так, то и заставить его невозможно. Фу Яо, будучи прямолинейным человеком, взмахнул рукавом, развернулся и действительно ушёл один. Тогда Се Лянь повернулся к Нань Фэну, чтобы поподробнее расспросить его о

незнакомом юноше, но в этот момент толпа вдруг ожила, и кто-то закричал:

— Схватили! Схватили!

Теперь и у Се Ляня не осталось времени на другие вопросы, он обратился к толпе:

— Кого схватили?

Из леса показалось ещё два окровавленных силуэта, один из них был здоровяком, который ворвался в лес вместе с предыдущими смельчаками, но не испугался кровавого дождя и не отступил, тем самым действительно доказав, что он не робкого десятка. А другим силуэтом оказался юноша, которого тот держал мёртвой хваткой и тащил за собой по земле. Лицо юноши было замотано съехавшими бинтами.

Се Лянь вспомнил, как ранее слуга в чайной, где они встретились с этими людьми, рассказывал ему: «Поговаривают, что злой дух новобрачного — это уродец с забинтованным лицом, из-за его чрезмерного уродства не найдётся женщины, что полюбила бы его, поэтому он не может вынести чужого счастья».

Тогда принц подумал, что это, должно быть, всего лишь слухи, но, вопреки его ожиданиям, оказалось, что такой человек действительно существует.

Тем не менее, его существование не являлось доказательством, что он и есть злой дух новобрачного. И как только Се Лянь собрался получше рассмотреть юношу с бинтами на лице, к нему ринулась Сяоин с криками:

— Вы не того схватили! Это не злой дух! Это не он!

Сяо Пэн возразил:

— Его поймали прямо на месте преступления, а ты говоришь, что это не он? Я... — Он вдруг запнулся, словно его внезапно осенило, и затараторил: — Ага! А я всё думал, что это она так странно себя ведёт! Заладила «нет», да «нет». Оказывается, она сговорилась со злым духом новобрачного!

Сяоин испуганно замахала руками и пролепетала:

— Нет, нет, это не я, и не он. Он ничего такого не совершал, он просто обычный... обычный...

Сяо Пэн угрожающе навис над ней:

— Обычный — что? Обычный уродец? — Он дёрнул болтающиеся на лице юноши бинты, завопив: — Так давайте все вместе посмотрим, как же выглядит этот обычный злой дух новобрачного, обожающий похищать чужих невест!

Когда Сяо Пэн потянул за бинты на лице юноши, тот схватился за голову и закричал от боли; в его крике слышался ужас, надрывный и жалостливый. Се Лянь схватил Сяо Пэна за руку.

— Довольно.

Слезы хлынули ручьями из глаз Сяоин, едва она услышала крики юноши; вмешательство Се Ляня подарило ей последнюю надежду. Сяоин торопливо подбежала, уцепилась за рукав принца и взмолилась:

— Господин... Молодой господин, помогите мне, помогите ему.

Се Лянь взглянул на девушку, и Сяоин смущенно отпустила рукав, словно испугавшись, что он обвинит её в излишней навязчивости и откажется помогать.

Се Лянь же произнёс:

— Не волнуйся. — Потом посмотрел на парня, голова которого была замотана окровавленными бинтами, и заметил, что тот смотрит на него сквозь ослабившиеся лоскуты глазами, полными кровавых прожилок. Но то был лишь мимолётный взгляд украдкой, юноша незамедлительно опустил глаза и поспешно намотал бинты обратно.

И хотя лицо его не открылось полностью, лишь обнажив узкую полоску кожи, этого хватило, чтобы навести ужас на смотрящего. Поверхность кожи словно покрывал ожог; невозможно даже представить, насколько устрашающая картина скрывалась под повязками. По толпе рядом с ними пронёсся вздох ужаса, а несчастный съёжился ещё сильнее, как будто хотел вовсе исчезнуть.

Се Лянь заметил, что девушка с юношей сжимаются в комочек совершенно одинаково, словно много лет не решались выйти на солнце и показаться людям на глаза, и в душе тяжело вздохнул.

Сяо Пэн настаивал на своём:

— Что ты собираешься с ним делать? Не забывай, что это я схватил злого духа новобрачного.

Се Лянь отпустил его руку и сказал:

— Боюсь, что схватить настоящего злого духа не так-то просто. Мои друзья с самого начала обыскали всё вокруг и не обнаружили его.

Этот юноша мог оказаться здесь только после нас. А настоящий злой дух наверняка ещё здесь.

Сяоин набралась смелости и выпалила:

— Ты просто хочешь получить награду... Но нельзя же вот так хватать невинного ради денег...

Сяо Пэн, услышав её, снова едва не полез в драку. Но терпение Се Лянь лопнуло, он уже не мог выносить этого смутьяна, который так и норовил привнести хаоса в выяснение истины. Он махнул рукой, Жюе мгновенно вылетела вперёд и с хлопком ударила Сяо Пэна так, что он шлёпнулся на землю. И терпение Нань Фэна, кажется, тоже подошло к концу — он вдогонку отвесил Сяо Пэну пиннок, и тот окончательно растянулся на земле. Человек этот словно специально мучил воду, а если он не вмешивался, толпа не знала, за кем ей следовать, и становилась весьма послушной. Вот и сейчас раздалось лишь несколько выкриков, а потом всё затихло.

Се Лянь подумал: «Ну наконец-то можно взять дело в свои руки». Он внимательно смотрел на юношу несколько мгновений, затем спросил:

— Это ведь ты только что бросил камень в окно?

Его голос звучал мягко, и юноша в бинтах, дрожащий как осиновый лист, снова украдкой взглянул на него и затем кивнул.

Сяоин поспешила объяснить:

— Он не желал никому зла, просто увидел, что Сяо Пэн собирается меня ударить... Он лишь хотел мне помочь...

Се Лянь вновь обратился к юноше:

— Ты знаешь, откуда взялись трупы, подвешенные на деревьях в лесу?

Сяоин ответила вместо него:

— Не знаю, откуда они взялись, но это точно не он подвесил их...

Юноша задрожал, но потом тоже быстро замотал головой. Нань Фэн, который стоял рядом и смотрел на него, внезапно спросил:

— Кем тебе приходится Лазурный демон Ци Жун?

Услышав это имя, Се Лянь на миг застыл. А забинтованный юноша, очевидно, ничего не понял: никак не отреагировал на названное ему имя и не осмелился ничего ответить.

Тогда Сяоин произнесла:

— Он... он просто боится, боится сказать...

Она с таким рвением защищала этого странного юношу, что Се Лянь тепло обратился к ней:

— Дева Сяоин, что же случилось с этим дитя? Расскажите нам всё, что знаете.

Посмотрев в глаза Се Ляню, Сяоин как будто собрала всю свою смелость в кулак, огненные всполохи озарили её лицо, но она не стала прятаться, а начала говорить, от волнения заламывая руки:

— Он правда ничего плохого не сделал. Этот ребёнок просто живёт на горе Юйцзюнь, иногда голод заставляет его прибегать к подножию горы и воровать съестное. И однажды он случайно решил украсть что-нибудь из моего дома... Я поняла, что он не может разговаривать, к тому же его лицо изранено, поэтому помогла ему перевязать шрамы и стала иногда приносить поесть...

Сначала Се Лянь подумал, что эти двое — влюблённая парочка, но сейчас он видел, что Сяоин относится к юноше с сестринской заботой или как старший член семьи, который должен заботиться о ребёнке. Сяоин тем временем продолжала:

— Но потом всё обернулось так, что люди стали считать его злым духом новобрачного, и я ничего не могла с этим поделать, лишь молилась, чтобы того, настоящего душегуба, поскорее схватили... Я подумала, раз вы и ваши спутники так сильны, что решили переодеться в невесту и изловить злого духа, то вы, по крайней мере, не схватите невинного — ведь он бы никогда-никогда не стал грабить свадебный паланкин. Но стоило вам уйти, как я услышала, что Сяо Пэн и его шайка тоже собрались обыскивать гору. Я так беспокоилась, что решила незаметно проследить за ними.

Она подошла ближе к юноше и закрыла его собой, словно всё ещё боясь, что кто-то может его ударить, и добавила ему в оправдание:

— Он правда не злой дух новобрачного, посмотрите, что с ним сделали эти дикари, разве он мог бы справиться с целым отрядом солдат, сопровождающих паланкин невесты...

Се Лянь переглянулся с Нань Фэном и ощутил, как у него разболелась голова.

Если события действительно разворачивались именно так, как говорит Сяоин, значит ли это, что юноша вовсе не имеет к происшествию никакого отношения?

На малоизвестной горе Юйцзюнь собралось слишком много странных гостей — забинтованный юноша, «свирепый» злой дух новобрачного, «почти непревзойдённый» Лазурный демон, и ещё какой-то очень опасный хозяин серебристых бабочек, от которого даже служащие Небесных чертогов менялись в лице. Кто из них кто? И какая между ними связь? Се Ляню даже показалось, что его голова стала больше в несколько раз.

Он задумчиво потёр точку между бровей, но решил пока не разбираться, сколько правды в словах Сяоин, поскольку вдруг вспомнил о вопросе, который всё собирался ей задать:

— Дева Сяоин, вы всегда жили в окрестностях горы Юйцзюнь?

— Да. Я всегда жила здесь. И я могу поклясться, что он никогда не творил здесь ничего дурного.

Се Лянь покачал головой.

— Нет, я хочу спросить вас кое о чём другом. Вокруг горы Юйцзюнь когда-нибудь строились другие храмы Мингуана, кроме этого?

Сяоин замерла от неожиданного вопроса.

— Кроме этого... — Она задумалась и ответила: — Кажется, строились.

Услышав ответ, Се Лянь почувствовал, что отыскал какую-то очень важную нить к разгадке тайны.

— Но тогда почему сейчас под горой встречаются только храмы Наньяна, и ни одного храма Мингуана?

Сяоин почесала за ухом и ответила:

— Строиться, они, конечно, строились, вот только я слышала, что, кажется, каждый раз в процессе строительства ни с того ни с сего начинался пожар. Кто-то решил, что, наверное, генерал Мингуан не желает властвовать здесь, и потому его сменили на генерала Наньяна...

Нань Фэн, заметив, как застыло в задумчивости лицо Се Ляня, поинтересовался:

— Что это с тобой?

Се Лянь же внезапно осознал, насколько всё просто.

Невесты, которые не могли улыбаться; внезапные пожары в строящихся храмах; единственный храм Мингуана, запечатанный в горах магической ловушкой; преисполненная величия статуя Бога

Войны, генерала Пэя; злой дух новобрачного, исчезнувший в воздухе после удара лентой...

Слишком просто!

И что-то каждый раз отвлекало от истинной разгадки, мешало с самого начала увидеть, насколько всё просто!

Се Лянь внезапно вцепился в Нань Фэна:

— Поделись со мной духовной силой!

Нань Фэн, напуганный его броском, поспешно протянул принцу раскрытую ладонь и только потом спросил:

— Что случилось?

Се Лянь схватил его за руку и побежал, уже на бегу раздался его голос:

— Потом всё объясню, сначала нам нужно придумать способ усмирить трупы этих восемнадцати невест!

— Ты рассудком помутился? Там всего семнадцать невест, это только вместе с тобой восемнадцать!

Но Се Лянь уверенно ответил:

— Нет, нет, нет. Это раньше их было семнадцать, а сейчас стало восемнадцать. Среди восемнадцати трупов невест прячется одна фальшивая — это и есть злой дух новобрачного!

Се Лянь и Нань Фэн сломя голову примчались обратно в храм Мингуана, но опоздали: главный зал уже пустовал, и лишь на полу остались лежать разбросанные повсюду головные покрывала невест.

Увидев представшую перед ним картину, Се Лянь подумал: «Плохо дело, очень плохо. Конец, всем конец». Он немедленно бросился подбирать красные покрывала и, едва успев собрать все, услышал испуганные крики, доносящиеся снаружи. Вместе с Нань Фэном принц выглянул из окна и увидел, как больше десятка девушек, одетых в красные свадебные платья, кольцом окружили толпу жителей деревни и постепенно подбираются ближе и ближе.

Улыбающиеся лица девушек отсвечивали зеленоватым, руки же они протягивали перед собой: вне всякого сомнения, нападавшими были те самые трупы невест!

Никто не мог сохранять спокойствие, глядя, как девушки подходят всё ближе, поэтому толпа вовсе позабыла о только что схваченном юноше в бинтах. Он вырвался из их лап, пытаясь сбежать, а Сяоин поспешила помочь ему подняться. Се Лянь, понимая, что его старания не возымеют успеха, всё же крикнул:

— Остановитесь!

Он уже сбился со счёта, сколько раз за сегодняшнюю ночь ему пришлось произнести это слово, когда случалось что-то дурное. Принц повторял его, по меньшей мере, тридцать-сорок раз, и всё равно кто-то да пропускал увещевания мимо ушей, с чем ничего нельзя было поделать.

Тогда он взмахнул рукой — и к небесам взвилась Жое. Послушная приказу хозяина, лента сама по себе закружилась в воздухе, словно танцующая богиня: невозможно было не перевести на неё взгляд. Подвижный конец ленты то и дело касался невест, её живой и весёлый танец приковал их внимание. Семеро из них, привлечённые запахом крови из глубины леса, прыжками направились в том направлении, так что Се Ляню пришлось крикнуть:

— Нань Фэн, за ними! Нельзя позволить им спуститься с горы!

Повторять дважды не требовалось: Нань Фэн уже бросился в погоню.

Две невесты сразу же напали на Се Ляня, наводя ужас своими растопыренными пальцами, запачканными в крови, и острыми когтями. Се Лянь швырнул вперёд головные покрывала, подобранные с пола в храме; выскользнув из его рук, они завертелись в воздухе и опустились прямиком на головы невест. Движения мёртвых девушек тотчас сделались заторможенными.

Как и следовало ожидать, плотная алая ткань закрывала глаза и нос мёртвых невест так, что они больше не могли ни видеть живого человека, ни чувствовать его запах. К тому же, из-за трупного окоченения мёртвые девушки не имели возможности самостоятельно согнуть руку и сдернуть покрывало с головы. Им оставалось только протягивать руки и вслепую искать жертву, словно они играли в жмурки. Картина выглядела поистине устрашающей, но в то же время комичной. Се Лянь, стоя перед одной из невест, попробовал помахать руками перед её лицом, и когда она схватила воздух в совершенно ином направлении, принц, поразмыслив, всё же не удержался от

выполнения посетившей его идеи. Сказав «Виноват», он схватил руки одной из невест и положил их ладонями на шею другой мёртвой девушки.

Обе невесты, внезапно наткнувшись на что-то, содрогнулись от неожиданности, но поскольку не могли ничего увидеть, принялись со всей злобой рвать друг друга когтями. Се Лянь поспешил отбежать в сторону и вновь взмахнул рукой: Жое белой радугой прорезала воздух и бесшумно образовала на земле большое кольцо. Принц обратился к живым людям, которые уже разбежались кто куда:

— Все внутрь круга!

Люди хотели сбежать от опасности, но всё ещё колебались, тогда Сяоин, поддерживая юношу в бинтах, помогла ему встать в круг. Подумав, она вновь выбежала и затащила внутрь Сяо Пэна, лежащего на земле без сознания. Одна из невест, прыжками подбравшись к краю белого круга, вытянула руки, но словно натолкнулась на невидимую стену. Сяоин, заметив, что невесте никак не преодолеть это препятствие, поспешно выкрикнула:

— Скорее, все сюда, в этот круг им не пробраться!

Тогда и остальные пчелиным роем ринулись в кольцо. Хорошо, что Се Лянь приказал Жое вытянуться в длину в несколько раз, в результате круг получился достаточно широким, а иначе кого-нибудь оттуда непременно выпихнули бы. Невесты не могли преодолеть границу круга, и, поняв, что до людей им не добраться, все как одна развернулись и с визгом атаковали Се Ляня.

Ну а Се Лянь уже давно именно этого и дожидался. Выудив из рукава охапку головных покрывал, он подбросил четыре или пять из них в воздух, и они закрутились в его ловких руках, со всех сторон окружая принца красным вихрем. Не останавливаясь ни на миг, он набрасывал покрывало на каждую невесту по очереди без единого промаха. Накрытые им невесты становились похожи на слепых и медленно разбредались в попытках отыскать жертву на ощупь. Покрывала так быстро кружились в руках принца, превращаясь в множество размытых красных теней, что у людей зарябило в глазах. Се Лянь с такой легкостью справлялся с этим трюком, что толпа внутри белого круга не выдержала и начала громко выражать одобрение: «Браво!», «Потрясающе, это просто потрясающе», «Наверное, он специально обучался этому искусству!»

Услышав хвалебные речи, Се Лянь по привычке ответил:

— Ах, что вы, что вы. Господа, помогите, кто чем может, богатый — деньгами, бедный — аплодисментами... Э??? — Лишь произнеся это вслух, он понял, что случайно обронил фразу, которую привык выкрикивать для привлечения зрителей во времена скитаний с цирковой труппой, и тут же замолчал.

Отвлечшись, принц не заметил, как к нему подскочили ещё несколько невест. Прыгнув на семь чи в высоту и на три чжана в длину, в один миг они оказались прямо перед ним, окружив Се Ляня гнилостным трупным зловонием.

Принц топнул ногой, оттолкнулся и изящно пролетел над ними по воздуху, одновременно трижды повторяя про себя пароль для присоединения к сети духовного общения, затем мысленно произнёс:

— Линвэнь, вездесущая Линвэнь! У меня есть один вопрос, тебе известно что-нибудь о том, не было ли у генерала Мингуана, северного Бога Войны, какой-нибудь... близкой подруги?

Голос Линвэнь раздался в его голове:

— Ваше Высочество, для чего вам понадобилось это узнать?

Се Лянь торопливо ответил:

— У меня здесь кое-что произошло, существует небольшая угроза жизни. Не стану скрывать, за мной гонится дюжина мертвецов.

— Что? Все настолько плохо???

— Не настолько. Ну так что? Я понимаю, вопрос довольно щепетильный, ответить на него непросто, поэтому я не стал спрашивать об этом всю духовную сеть. Но информация мне нужна для дела, и я ни в коем случае не стану распространять её.

— Ваше Высочество, вы неправильно поняли, дело не в вопросе, а в том, что у старины Пэя этих подруг было так много, а ваш вопрос прозвучал столь внезапно, что я не могу вот так сразу сказать, кто именно вас интересует.

Се Лянь увернулся от опасности под ногами и произнёс:

— Ну что ж, тогда не было ли среди близких подруг генерала Пэя ревнивой собственницы с каким-либо увечьем?

— Вот вы сказали об этом, и я действительно вспомнила одну такую.

В руках Се Ляня вновь закружились головные покрывала, что вызвало восхищённые крики зрителей. Он развернулся и сделал выпад

рукой, не обрывая разговор с Линвэнь:

— Расскажи о ней!

Линвэнь начала:

— Старина Пэй до вознесения служил генералом. И на поле битвы встретил женщину-генерала из вражеского войска. Она была не дурна собой, а характер имела дерзкий и страстный. Её звали Сюань Цзи.

Се Лянь кивнул:

— Ага, Сюань Цзи.

Линвэнь продолжила:

— Генерал Пэй, будучи падким на женщин, увидев красавицу, даже под угрозой смерти попытался бы прилипнуть к ней. Та женщина вместе со своей армией вступила с ним в схватку и оказалась повержена самим генералом Пэем.

Сюань Цзи стала пленницей, под конвоем её доставили в стан врага, но когда стража потеряла бдительность, непокорная женщина попыталась покончить с собой. Вот только, как назло, самоубийство совершить не удалось: один из генералов выбил оружие из её рук и спас женщину. Этим вражеским генералом Пэем, что обладал прекрасными манерами, как раз и был в последствии вознесшийся на Небеса генерал Мингуан.

Во-первых, генерал Пэй всегда был очень внимателен к женщинам, а во-вторых, даже если бы сражение продолжилось, на исход битвы, который был решён, уже ничто не могло повлиять, поэтому генерал отпустил Сюань Цзи. Слово за слово, встреча за встречей — дальнейшее развитие событий представить несложно.

На этом месте принца за правую ногу схватила невеста, да так сжала, что когти едва не вонзились в кожу. Он собирался пинком отбросить её от себя, но заметил, что в таком положении попадёт ей по лицу, что было для него совершенно недопустимо. Поэтому принц сменил положение, ногой ударил девушку в плечо, а рукой набросил на неё покрывало, приговаривая:

— Судя по твоему рассказу, это история со счастливым финалом.

— Сначала так и предполагалось. Но впоследствии не обошлось без печальных событий. Сюань Цзи непременно желала провести с генералом Пэем всю свою жизнь.

Се Лянь в два прыжка взлетел на крышу храма, оглядел шестерых невест, пытавшихся схватить его, стёр пот со лба и заметил:

— Нет ничего плохого в том, что женщина хочет провести с возлюбленным всю жизнь.

— Ничего плохого нет, но между их государствами шла безжалостная война, и они с самого начала договорились о временных отношениях по обоюдному согласию: сегодня вместе, завтра врозь, только лишь любовь — и ни слова о войне. К тому же, по правде говоря, трудно отыскать хоть одну избранницу генерала Пэя, которой он бы не изменил.

Се Ляня эта информация несколько обескуражила.

— Но Сюань Цзи, будучи дочерью полководца, воспитывавшейся в благородной семье, отличалась крайне несдержанным пылким нравом. Если она чего-то желала, то вцеплялась в желаемое мёртвой хваткой и ни за что не отпускала...

— Постой, постой! — вмешался Се Лянь. — Лучше скажи мне, какое увечье получила Сюань Цзи? На каком месте?

— У неё... — на этой фразе голос Линвэнь внезапно оборвался.

То было истинное невезение: каждый раз в самый важный момент разговора позаимствованная духовная сила оказывалась истрачена без остатка. Видимо, в следующий раз нужно будет с порога прямо в лицо задавать главный вопрос. Подпрыгнув в воздух с крыши, Се Лянь вновь задумался: если юноша в бинтах не являлся злым духом новобрачного, и в этой толпе каждый подтвердил, что среди них злого духа нет, тогда оставалось только одно место, где дух мог спрятаться — это уже довольно малочисленная толпа невест!

Когда сам Се Лянь затерялся среди них, он рассчитывал, что злой дух новобрачного не сможет сразу заметить изменившееся количество девушек. Однако это сработало и в ином случае: когда злой дух смешался с толпой невест, принцу не удалось с первого взгляда понять, что на одну девушку стало больше. Хорошенько подумав, он припомнил, что когда лента Жюэ ранила злого духа новобрачного, он увидел лишь сгусток чёрного клубящегося тумана, летящий в направлении леса, но нельзя было утверждать наверняка, что в том тумане скрывался человек. На самом же деле более вероятно следующее развитие событий: в тот момент, когда Се Лянь выбежал из храма, злой дух всё ещё скрывался внутри, совсем рядом с ним. Ну а

когда принц вернулся в главный зал храма, преступник, словно дерево в лесу, спрятался среди трупов невест.

Но тогда «злой дух новобрачного» был вовсе не «новобрачным», а «новобрачной», то есть, одетой в свадебное платье женщиной!

И если это была девушка, многие вещи переворачивались с ног на голову. К примеру, ответ на вопрос, по какой причине вокруг горы Юйцзюнь нет ни одного храма Мингуана. Вовсе не потому, что люди не хотели их строить: они просто не могли завершить строительство. По словам Сяоин, «каждый раз в процессе строительства ни с того ни с сего начинался пожар». Из этих слов сразу же становилось ясно, что пожары не были случайными, наверняка кто-то устраивал умышленные поджоги. Для чего же сжигать храмы? Обычно это делалось из ненависти, но ведь на горе Юйцзюнь всё-таки остался один храм Мингуана, скрытый магической ловушкой, чтобы никто не мог сюда проникнуть, а статуя Бога Войны была не только искусно выполнена, но и отлично сохранилась. Почему же? Злой дух новобрачной одет в свадебный наряд, но при этом не выносил других девушек в платьях невест, которые с улыбкой проезжали мимо горы Юйцзюнь. И снова: почему же?

Объединив все обстоятельства, Се Лянь не придумал других причин, кроме ревности и чувства собственности. И если тот странный звук, словно по полу барабанили двумя палками, обёрнутыми толстой тканью, или как будто какой-то груз с трудом волочили по земле, не был стуком шагов, то Се Лянь мог предположить только одно!

Принц накрыл покрывалами всех невест, погнавшихся за ним, после чего наконец спустился на землю, с облегчением выдохнул, успокоился и сосчитал девушек.

Одна, две, три, четыре... десять.

Семь невест убежали в лес, за ними отправился Нань Фэн. Десятерых Се Лянь накрыл головными покрывалами, и все они стояли перед ним. Но тогда оставалась ещё одна, и она до сих пор не появилась.

И в этот момент принц услышал уже знакомый ему звук. «Бум-бум, бум-бум» — прямо за спиной.

Се Лянь медленно развернулся, и его взгляду предстал весьма низкий ростом силуэт.

Удивлённо охнув, принц подумал: «Вот оно что».

Низенькая женщина перед ним была одета в красный свадебный наряд, но лицо её не выражало ни капли радости, одну лишь злобу.

Вот только она казалась низкой не из-за роста, а потому, что стояла на коленях.

У неё были сломаны обе ноги, но голени не отрезаны, поэтому ей приходилось передвигаться на коленях.

И тот странный звук, что слышал Се Лянь, был стуком переломанных ног, которые она тащила за собой по земле.

Демоница в женском обличье, с овальным лицом и бровями вразлёт, и в самом деле отличалась исключительной красотой. Её природная привлекательность заключалась также в определённой доле отваги; вот только теперь эту красоту застилала тьма, словно после долгого пребывания в тёмном и тесном месте, откуда не видно даже неба. Женщина стояла на коленях, поэтому платье под ними было стёрто и порвано в клочья. Не удивительно, что люди, увидев её, начали шептаться.

Се Лянь спокойно посмотрел ей в глаза, а затем спросил:

— Сюань Цзи?

Похоже, многие и многие годы никто не называл её по имени. Прошло немало времени, прежде чем застоявшаяся злость и обида чуть рассеялись с лица демоницы, а в глазах её на мгновение сверкнул луч света.

Она спросила:

— Это он отправил тебя за мной?..

Се Лянь догадался, что «им» был не кто иной, как генерал Пэй.

Сюань Цзи тут же поспешила задать следующий вопрос:

— А что же он сам? Почему он не пришёл лично встретиться со мной?

Страсть, которую она вкладывала в каждое слово, и надежда, с которой звучал её голос, заставили Се Ляня почувствовать, что сейчас не самый подходящий момент говорить «нет». Увидев, что принц оставил вопрос без ответа, Сюань Цзи резко села на землю.

Она прислонилась спиной к статуе Бога Войны, от которой так и веяло красотой и решительностью; подол ярко-красного платья расстелился по земле, напоминая огромный бутон кровавого цветка; волосы рассыпались по плечам, а лицо исказилось горьким страданием, словно она испытывала страшные муки.

— Почему он не приходит повидаться со мной?..

На этот вопрос Се Лянь не знал ответа, ему оставалось лишь хранить молчание. Сюань Цзи подняла глаза на статую и со скорбью в голосе произнесла:

— Ах, мой ненаглядный Пэй, ради тебя я предала свою страну, отказалась от всего, стала такой, так почему же ты не приходишь встретиться со мной? — Она обеими руками схватилась за волосы и вновь задала вопрос: — Неужели твоё сердце создано из камня?

Се Лянь слушал, не выдавая волнения, но про себя начал размышлять: только что Сюань Цзи призналась, что ради своего генерала Пэя предала родную страну. Неужели она имела в виду, что генерал Пэй, воспользовавшись их близкими отношениями, обманом выманил сведения, приведшие к падению страны Сюань Цзи на войне? Также Се Лянь услышал, что ради генерала Пэя Сюань Цзи стала такой: «такой», конечно же, означало трагическую картину, которую она являла со сломанными ногами. Сюань Цзи, сама будучи генералом, не могла получить подобных увечий на поле боя, значит, её ноги были сломаны много позже, неужели и это связано с генералом Пэем? Вероятно, генерал Пэй жестоко воспользовался чувствами Сюань Цзи, а затем и вовсе бросил, — могло ли это послужить поводом для того, чтобы затаённая злоба всецело поглотила женщину?

Подобный исход событий казался Се Ляню ужасно вульгарным, но необъятная ненависть и обида Сюань Цзи погубила жизни невинных; и как бы грубо это ни звучало, принцу оставалось лишь, поневоле собравшись с духом, продолжить размышлять в этом направлении. Неожиданно снаружи раздался пронзительный крик девушки:

— Помогите! Помогите же!

Се Лянь и Сюань Цзи одновременно повернулись к окну, увидев, что за пределами белого круга кто-то тащит прочь юношу в бинтах, а Сяоин крепко вцепилась в ногу «похитителя» и не желает отпускать. Злоумышленником был не кто иной, как Сяо Пэн, который тут же разразился ругательствами:

— Пошла прочь! Глупая бесполезная дрянь, что мы будем делать, если на твои крики прибежит этот демон в женском облике?

Сяоин громко закричала:

— Прибежит, значит прибежит, ты ещё страшнее неё! Я... я лучше встречусь с демоном!

Оказалось, что Сяо Пэн, которого Се Лянь ранее отправил в беспмятство одним ударом, всё-таки очнулся. Увидев мёртвых невест, бродящих вокруг в поисках жертвы, он подпрыгнул от испуга, но вскоре заметил, что мертвецы не видят его, и тут же осмелел. Вновь потакая низменным желанием и пользуясь тем, что остальные не смеют пошевелиться, он схватил юношу в бинтах и потащил его за собой с горы, намереваясь в одиночку заполучить обещанное вознаграждение. Сяо Пэна не волновало, являлся ли юноша настоящим злым духом новобрачного, ведь под горой всё равно ходили слухи, что это он и есть, а значит, так тому и быть. Однако Сяоин неожиданно для него бросилась следом и начала громко кричать и звать на помощь, чем привлекла внимание невест, что бродили вокруг, и Сюань Цзи в храме. Се Лянь, вновь приметив грубияна Сяо Пэна, в сердцах подумал, что следовало бы отхлестать его лентой, да посильнее, чтобы он не мог прийти в себя три дня и три ночи!

— А ну, вернись в круг! — крикнул принц.

Сяо Пэн, обнаружив приближающийся чёрный туман, поспешно рванулся обратно, но поскольку одной рукой он тащил юношу в бинтах, а за ногу его схватила Сяоин, шаги Сяо Пэна замедлились, и туман окружил его: подлец попался в руки Сюань Цзи.

Обернувшись, Сяо Пэн увидел женщину с развевающимися волосами, окружённую всплесками ауры зла и энергии Инь. Да ведь это и была та прекрасная невеста, которую он гладил по щеке!

Только сейчас Сяо Пэна охватил настоящий страх. Он истошно заорал, а Сюань Цзи, согнув пальцы, запустила их ему за голову и одним движением выдрала череп Сяо Пэна из-под толстой кожи.

Вырванный ею череп, не успев остыть, всё ещё разевал челюсть и продолжал кричать:

— А-а-а-а!!!..

Неистово вопили и перепуганные до смерти люди внутри круга:

— А-а-а-а!!!..

Испуганная Сяоин, не переставая отчаянно кричать, всё же втащила юношу в бинтах обратно в круг. Едва Сюань Цзи вознамерилась протянуть к ним свои пальцы, Се Лянь молнией оказался перед ней:

— Генерал, прекратите эти смертоубийства.

Он обратился к женщине по званию, чтобы напомнить, что она когда-то тоже шла в атаку на поле боя, была отважной героиней, защитницей своего государства. Сюань Цзи сжала ладонь и одним усилием раздробила истошно кричащий череп на осколки. На прекрасном лице, искажившемся почти до неузнаваемости, появилась холодная усмешка.

— Он просто не решается показаться мне на глаза, ведь так?

Се Лянь, не зная, что следует ответить, уж было решил притвориться, будто генерал Пэй действительно послал его сюда, чтобы попытаться утихомирить женщину. Но Сюань Цзи, как оказалось, вовсе не требовался его ответ. Она громко захохотала, рывком развернулась к статуе, ткнула в неё пальцем и прокричала:

— Я жгла твои храмы, творила бесчинства на твоей земле! Лишь ради твоего единственного взгляда! Я столько лет ждала тебя!

Словно завороченная, она долго смотрела на статую Бога Войны, затем вдруг подпрыгнула, повисла на его шее и, будто умалишенная, принялась раскачиваться из стороны в сторону, приговаривая:

— Ты всё-таки не решаешься прийти ко мне. Может быть, ты и сам понимаешь, что виноват передо мной? Взгляни на мои ноги! Взгляни, что со мной стало! Всё это ради тебя, ради тебя! Неужели твое сердце — чёрствый камень?

Се Лянь, будучи посторонним человеком, вовсе не желал судить, кто из них прав, а кто виноват, но, полагаясь на собственные ощущения, он невольно подумал: «Если ты так хотела встретиться с ним, могла бы выбрать более нормальный способ! Изъяви кто-нибудь подобным образом желание повидаться со мной — я бы ни за что не явился на встречу».

Сяоин, вернув юношу в бинтах обратно в круг, теперь, наблюдая за происходящим, взволнованным голосом тихонько позвала:

— Молодой господин...

Желая уверить девушку, что повода для беспокойства нет, Се Лянь улыбнулся ей в ответ. Сюань Цзи при виде его улыбки моментально изменилась в лице, спрыгнула со статуи и набросилась на принца.

— Не хочешь смотреть на меня, выбираешь всех этих улыбчивых девушек?! Так я дам тебе вдоволь насмотреться!

Она налетела на Се Ляня, но слова эти, безусловно, предназначались генералу Пэю. Ранее принц предполагал, что Сюань Цзи завидует счастливо улыбающимся невестам в паланкинах, поскольку сама не может выйти замуж за любимого человека. В своих беспорядочных рассуждениях Сюань Цзи выстроила цепочку от генерала, любителя улыбчивых девушек, к невестам, готовящимся выйти за возлюбленного. Не удивительно, что она сожгла все храмы Мингуана под горой. Сюань Цзи попросту не могла смириться с мыслью, что ежедневно храм посещают множество других женщин, и ей приходится делить с ними божественную статую генерала Пэя. Эта демоница действительно заслужила категорию «свирепой» — невзирая на сломанные ноги, она двигалась с нечеловеческой скоростью, и даже после удара Жое в Сюань Цзи осталось столько сил, что она повалила Се Ляня на землю и намертво вцепилась в его шею, так что вырваться из этих лап не представлялось возможным. Принц как раз собирался призвать Жое, как вдруг раздался громкий вопль:

— А-а-а-а-а!..

Дева Сяоин, увидев, что он сцепился с демоницей в схватке, подняла с земли увесистую палку и бросилась в атаку, истошно вопя, словно крики прибавляли ей смелости. Сюань Цзи даже не пришлось применять силу: она лишь обернулась и бросила на девушку такой злобный взгляд, что та, не успев приблизиться, отлетела прочь на несколько чжанов, в полете перевернулась вниз головой и тяжело ударилась о землю!

С хриплым криком к ней в тот же миг бросился юноша в бинтах. Се Лянь потрясённо приподнялся с земли и тут же ощутил холод на затылке: Сюань Цзи протянула к его голове растопыренные пальцы, видимо, собираясь сделать с ним то же самое, что и с Сяо Пэном. Промедление могло стоить жизни, потому Се Лянь правой рукой ловко схватил её за запястье и выкрикнул:

— Путы!

Послышался шелест, прорезающий воздух, — и белая шёлковая лента, послушная его приказу, десятками изгибов закружилась вокруг Сюань Цзи, в конце концов связав её за шею и заведенные за спину руки. Переломанные ноги не позволили Сюань Цзи увернуться от ленты, с глухим стуком она свалилась на землю и начала кататься из стороны в сторону, пытаясь выбраться из крепких пут, но тем самым

лишь затягивала их всё сильнее. Освободившись из лап смертельной опасности, Се Лянь даже не успел выдохнуть: первым делом он вскочил и бросился к Сяоин, лежащей на земле.

Лишившись защиты Жое, толпа не решалась разбежаться, но несколько смельчаков, уже привыкших к слепо хватающим воздух невестам, выбежали из круга и окружили Сяоин. Юноша в бинтах в полнейшей растерянности упал на колени рядом с лежащей на животе девушкой, беспокойный, словно червяк на раскалённой сковороде.

Никто не решался дотрагиваться до неё — все боялись, что при падении Сяоин могла повредить что-то жизненно важное, и тогда одно лишнее движение усугубило бы положение. Се Лянь торопливо осмотрел девушку, понимая, что его чрезмерная осторожность ей уже не поможет. От столь сильного удара она наверняка скоро испустит дух.

Будучи знакомым с Сяоин крайне мало и даже не успев толком с ней пообщаться, принц успел увидеть её доброе сердце за неприглядной внешностью, и столь печальный финал невероятно тяготил принца. Сюань Цзи, должно быть, ещё не скоро сможет выпутаться из ленты, поэтому Се Лянь подумал: «Сяоин уже ничто не поможет, но всё же я не позволю ей умереть в таком положении». И принц крайне осторожно перевернул девушку на спину.

Увидев залитое кровью лицо Сяоин, толпа вокруг зацокала и заохала, выражая сожаление. Девушка, в теле которой ещё оставался глоток жизни, прошептала:

— Молодой господин, я вам помешала...

Сяоин вовсе не помешала Се Ляню, но при этом и помощи не оказала никакой. Ведь принц в любом случае собирался призвать Жое, ему вовсе не требовалась чья-либо помощь. Даже если бы девушке удалось ударить Сюань Цзи, толку бы от удара не было: разве могла Сяоин проткнуть демона насквозь какой-то палкой? Выходит, её жертва была совершенно бессмысленной.

И всё же Се Лянь ответил:

— Вовсе нет. Ты очень помогла. Видишь, ты отвлекла на себя внимание демоницы, и, стало быть, выиграла для меня немного времени, чтобы противостоять ей. Я должен тебя поблагодарить. Вот только в следующий раз больше так не делай, и если захочешь помочь,

лучше предупреди меня заранее, иначе я даже не успею отреагировать, тогда будет только хуже.

Сяоин вымученно улыбнулась.

— Эх... Молодой господин, не стоит меня утешать, я ведь знаю, что ни капли не помогла, да и следующего раза уже не будет.

Последняя фраза прозвучала совсем невнятно, Сяоин выплюнула кровь, а вместе с ней несколько сломанных при ударе о землю зубов. Юношу в бинтах от беспокойства начало трясти, он лишь горестно подвывал, но никто не мог понять, что он пытается сказать. Сяоин обратилась к нему:

— Тебе больше нельзя воровать еду у жителей под горой. Если кто-то заметит, они просто убьют тебя.

Се Лянь заверил:

— Если он проголодается, пусть приходит ко мне, я добуду ему поесть.

Глаза Сяоин блеснули, когда она услышала слова принца.

— Правда?... Тогда... тогда я буду вам очень благодарна...

Она улыбнулась, из её маленьких глаз вдруг потекли две дорожки слез. Едва слышно Сяоин проговорила:

— Кажется, в этой жизни я ни дня не была счастлива.

Се Лянь, не зная, что на это сказать, лишь легонько похлопал девушку по руке. Сяоин вздохнула и добавила:

— Эх, ну и ладно, может быть, я просто... невезучая от природы.

Слова её, на самом деле, звучали глупо. Более того, с кривым носом и косыми глазами комично уродливое лицо девушки, залитое кровью и слезами, выглядело тоже довольно глупо.

Сяоин в слезах произнесла:

— Но, даже если так, я всё-таки... всё-таки...

Не договорив фразу до конца, она перестала дышать. Юноша в бинтах понял, что девушка умерла, упал на её бездыханное тело и тихонько заскулил, прижавшись головой к животу Сяоин. Словно потеряв свою опору, он больше не желал подниматься.

Прикрыв глаза Сяоин рукой, Се Лянь подумал: «Ты сильнее меня».

Неожиданно, прервав печальную сцену, до её участников донеслись внезапные звуки колокола.

«Бом!», «Бом!», «Бом!» — когда по воздуху пронеслись три оглушительных удара, в то же мгновение Се Лянь ощутил головокружение и рябь в глазах, вскрикнув:

— Это что ещё такое?

Оглядевшись по сторонам, принц заметил, что невесты беспорядочно повалились на землю, продолжая при этом вытягивать руки вперёд, к небесам. Жители деревни тоже не смогли устоять на ногах, словно оглушающий звон колокола погрузил их в состояние между сном и явью. Се Лянь не был исключением: он приложил руку ко лбу и не без труда попытался устоять, да только ноги вдруг подкосились, и принц упал на одно колено. К счастью, кто-то подхватил его под локоть. Подняв глаза, Се Лянь увидел рядом Нань Фэна. Оказалось, что невесты, едва очутившись в кровавом лесу, разбежались кто куда, и Нань Фэну пришлось обежать всю гору Юйцзюнь, чтобы схватить их всех до одной, потому он возвратился лишь сейчас. Увидев, что Нань Фэн непоколебимо спокоен, Се Лянь немедленно спросил:

— Что это за звон?

Нань Фэн ответил:

— Не изволь беспокоиться, прибыла подмога.

Последовав за его взглядом, Се Лянь наконец заметил, что перед храмом Мингуана в какой-то момент показалась шеренга^[20] солдат.

Лицо каждого воина, облаченного в доспех, выражало одухотворенную бодрость и грозное величие, а их самих окутывало мягкое волшебное сияние. Перед шеренгой стоял бравый молодой генерал, судя по всему, не простой смертный. Он подошёл к Се Ляню с руками, сложенными за спиной, слегка поклонился и поприветствовал:

— Ваше Высочество наследный принц.

Се Лянь не успел и рта открыть, как Нань Фэн тихо проговорил ему на ухо:

— Это генерал Пэй.

Взгляд Се Ляня метнулся к лежащей на земле Сюань Цзи, он переспросил:

— Генерал Пэй?

Однако этот генерал Пэй оказался совсем не таким, каким его себе представлял Се Лянь, да и на свою статую он не особо походил. Статуя изображала доблестного воина с надменным взглядом, который, ко

всему прочему, обладал агрессивной красотой. А молодой генерала перед ним, имея весьма недурную наружность, отличался бледностью и невозмутимостью во взгляде, словно его вырезали из куска драгоценного ледяного нефрита. Никакой убийственной мощи, лишь хладнокровное спокойствие. Такое лицо, разумеется, могло принадлежать боевому генералу, но и спутать его с простым солдатом не составляло труда.

Генерал Пэй, увидев Сюань Цзи, произнёс:

— Дворец Линвэнь прислал нам весть, что причины происшествия на горе Юйцзюнь имеют отношение к нашему дворцу Мингуана, и потому я немедленно прибыл сюда. Оказывается, это и впрямь так. Прошу извинить за доставленное беспокойство, Ваше Высочество.

Се Лянь в душе вознёс благодарности Линвэнь, как всегда, выполняющей свою работу на высшем уровне, а затем ответил генералу:

— И я приношу вам извинения за беспокойство, генерал Пэй.

Услышав имя, Сюань Цзи, всё ещё связанная лентой, вскинула голову и взволнованно закричала:

— Ненаглядный Пэй, мой ненаглядный Пэй! Это ты? Ты пришёл? Ты наконец пришёл ко мне?

Лента так скрутила демоницу, что даже в порыве безумной радости Сюань Цзи удалось лишь встать на колени. Но при виде молодого генерала, растеряв все краски на лице, она заголосила:

— Кто ты такой?!

Се Лянь уже посвятил Нань Фэна в разгадку тайны о злом духе новобрачного, поэтому, услышав вопрос Сюань Цзи, поинтересовался у него:

— Разве это не генерал Пэй? Или она ждала его так долго, что теперь не узнаёт?

— Это генерал Пэй, — ответил Нань Фэн. — Но не тот, которого она дожидалась.

Се Ляню его ответ показался ещё более странным.

— Неужели в Небесных чертогах два генерала Пэя?

Нань Фэн подтвердил его догадку:

— Так и есть, их действительно двое!

Генерал Пэй, так горячо любимый демоницей Сюань Цзи, являлся главным божеством храма Мингуана, а тот, кто стоял сейчас перед Се Лянем, был божеством второстепенным, точнее, потомком генерала Пэя. Чтобы разделять генералов при обращении, этого называли «младший генерал Пэй». По правилам в храмах Мингуана поклонялись им обоим, вот только статуя генерала Пэя, как главного божества, устанавливалась лицом к воротам храма, а статуя младшего генерала стояла позади главной статуи, спиной к входу. Поскольку их связывало кровное родство, на вид генералов воспринимали как родных братьев. «Два вознесшихся в одном храме» — этот случай, если можно так сказать, считался одной из общеизвестных легенд.

Сюань Цзи огляделась, но, так и не найдя среди прибывших солдат того, кого хотела увидеть больше всего на свете, горестно запричитала:

— Где же Пэй Мин? Почему он не пришёл? Почему он не пришёл увидеть меня?

Младший генерал Пэй слегка склонил голову и ответил:

— У генерала Пэя неотложные дела.

Сюань Цзи пробормотала:

— Неотложные дела?

Сквозь закрывшие её лицо волосы поблескивали слезы, катившиеся по щекам причитающей демоницы.

— Я ждала его сотни лет, какие дела могут быть столь неотложными? А ведь когда-то, чтобы только увидеться со мной, он мог за одну ночь пересечь полстраны. Почему же теперь у него появились неотложные дела? Настолько неотложные, что он даже не может спуститься и взглянуть на меня? В самом деле? Всё это ложь!

Младший генерал Пэй обратился к ней:

— Генерал Сюань Цзи, вы отправитесь с нами.

Двое солдат вышли из строя и приблизились к Сюань Цзи, лента мягко слетела с неё, снова намотавшись на запястье Се Ляня, и он, словно успокаивая Жое, тихонько похлопал по ней. Сюань Цзи, на миг застыв в растерянности, позволила двоим солдатам взять себя под руки, затем вдруг начала неистово вырываться и гневно кричать, обращаясь в небеса:

— Пэй Мин! Я проклинаяю тебя!

Её крик звучал столь пронзительно, что Се Лянь, вздрогнув, подумал: «Она, что, проклиняет предка прямо перед лицом потомка?»

Младший генерал Пэй, ничуть не изменившись в лице, лишь произнёс:

— Простите за это недоразумение.

Сюань Цзи же продолжала кричать, покуда не охрипла:

— Я проклинаяю тебя, и лучше бы тебе больше никогда и никого не любить, ведь если это случится, тебя сожжёт огонь страсти, так же как он сжёг меня! Каждый миг, непрерывно и вечно, он будет жечь тебя, пока не сожжёт всего без остатка!

Младший генерал Пэй, выслушав её проклятия, обратился к Се Ляню и Нань Фэну:

— Ещё раз прошу прощения за бестактность. Подождите немного.

Затем он приложил сложенные вместе средний и указательный пальцы к виску, что являлось специальным жестом заклинания духовной связи. Наверняка он сейчас общался с кем-то посредством сети духовного общения. Спустя мгновение младший генерал Пэй ответил кивком, опустил руку, снова завел её за спину и обратился к Сюань Цзи:

— Генерал Пэй приказал мне передать вам: «Этому не бывать».

Сюань Цзи зашлась надрывным криком:

— Я проклинаяю тебя!!!

Младший генерал Пэй поднял руку, делая знак солдатам.

— Увести.

Двое солдат схватили обезумевшую Сюань Цзи, не оставляющую попыток вырваться, и потащили её вниз с горы.

Се Лянь спросил:

— Младший генерал Пэй, позвольте узнать, что станет теперь с генералом Сюань Цзи?

— Её ждёт заточение под горой.

Заточение под горой означало, что Сюань Цзи придавят одной из самых высоких гор мира людей: способ являлся довольно распространенным наказанием для различной нечисти. Се Лянь, поколебавшись, заметил:

— Сердце Сюань Цзи наполнено тяжёлой тёмной энергией, она никак не может позабыть, что предала свою страну ради генерала Пэя,

а также то, что из-за него её ноги оказались сломаны. Боюсь, что её не удастся удержать надолго заточением под горой.

Младший генерал Пэй, слегка наклонив голову, поинтересовался:

— Это Сюань Цзи сказала вам, что вина за сломанные ноги и предательство страны лежит на нашем генерале?

— Она действительно упоминала, что ради генерала Пэя стала такой, но что произошло на самом деле, мне не известно.

Младший генерал Пэй начал свой рассказ:

— Если Сюань Цзи непременно желает так думать, должен сказать, что в её словах есть доля правды. Она действительно предала страну ради генерала Пэя. Но... Принимая во внимание некоторые детали, стоит заметить, что всё обстоит немного иначе, нежели может показаться стороннему слушателю. Расставшись с генералом Пэем и пытаясь его удержать, Сюань Цзи не побоялась добровольно передать ему военные сведения своей страны. Однако генерал Пэй не пожелал победы без боя и отказался принять доклад.

Рассказ младшего генерала Пэя оказался большой неожиданностью для Се Ляня: он и предположить не мог, что у фразы «Ради тебя я предала свою страну» окажется подобное объяснение. Тогда у принца возник новый вопрос:

— Но в таком случае... Что же означали её слова о ногах, сломанных ради генерала Пэя?

— Она сама сломала себе ноги.

Сама сломала себе ноги?

Младший генерал Пэй, не моргнув и глазом, продолжил:

— Генерал Пэй не любил слишком сильных женщин, а Сюань Цзи от природы являлась именно такой — вот истинная причина, по которой его любовь не продлилась долго. Но генерал Сюань Цзи не смогла его отпустить и заявила, что готова ради него измениться, пожертвовать всем. Поэтому она забросила военное дело и даже сломала себе обе ноги. Ведь таким образом Сюань Цзи словно обрубил свои крылья, намертво привязав себя к генералу Пэю. Он не бросил её, остался рядом и продолжил заботиться, только вот жениться на ней никак не желал. Заветная мечта генерала Сюань Цзи не осуществилась, и она со злобы решила на самоубийство, лишь ради того, чтобы генерал Пэй страдал и печалился о ней. Но... простите меня за откровенность. — На протяжении всего рассказа

младший генерал Пэй сохранял вежливое и даже весьма прохладное выражение лица. Помолчав немного, в конце он добавил: — Этого не случилось.

Се Лянь потёр точку между бровей, ни слова не говоря, лишь подумал: «Ну что за люди».

Младший генерал Пэй вновь заговорил:

— Трудно понять, кто на самом деле был прав, а кто виноват, и мне это также неизвестно. Я лишь уверен, что если бы генерал Сюань Цзи смогла отпустить генерала Пэя, ничего подобного никогда не случилось бы. Ваше Высочество, я вынужден откланяться.

Принц также поднёс сложенные в малом поклоне руки к груди в качестве жеста прощания. Нань Фэн бросил комментарий вслед младшему генералу Пэю:

— Вот чудак.

Се Лянь же подумал, что он и сам являлся объектом для насмешек во всех трёх мирах — ещё более знаменитым чудачком, поэтому не пристало ему говорить подобное о других. Так и в истории генерала Пэя и Сюань Цзи, постороннему человеку не стоило судить, кто из них был прав, а кто совершил ошибку. Жаль лишь семнадцать невинно пострадавших невест, да ещё сопровождающих паланкины солдат и носильщиков — их гибель была лишь печальным стечением обстоятельств.

Вспомнив о невестах, Се Лянь немедленно развернулся и увидел на земле семнадцать трупов, с которыми случились некоторые изменения, различные по своей природе. Одни превратились в груды белых костей, другие начали разлагаться, распространяя вокруг гнилостный смрад, отрезвивший попадавших на землю живых людей.

Вот только не успели люди прийти в себя, как увиденная картина вновь повергла их в ужас.

Воспользовавшись моментом, Се Лянь начал заговаривать им зубы, распространяя идеи учения о добре, зле и воздаянии за грехи. Он наказал, чтобы люди, спустившись с горы, хорошенько помолились за погибших невест и нашли способ сообщить их родным о найденных девушках, чтобы те пришли забрать тела. Но ни в коем случае не занимались продажей трупов или другими непотребствами.

Толпа, пережившая за одну ночь столько событий, от которых сердце уходило в пятки, да ещё потерявшая предводителя, так и

норовившего повести их по кривой дорожке, не осмелилась возражать увещаниям Се Ляня — все робко пообещали поступить именно так, как он наказал им. Людям казалось, словно они проснулись от кошмарного сна и только сейчас осознали, что ночью в них как будто вселился демон. А иначе как они могли думать об одной лишь выгоде перед лицом умерших? Вспоминая об этом сейчас, они приходили в истинный ужас. Дело в том, что вчера на толпу подействовал стадный инстинкт, и она рванулась следом за вожаком. Теперь же каждого обуял запоздалый страх, все честно раскаялись в содеянном и отправились молить о прощении.

Ещё не рассвело, и где-то вокруг жуткой горы бродила стая волков, так что Нань Фэну, только что обежавшему всю гору, снова пришлось спускаться вниз, чтобы проводить толпу напуганных жителей деревни. Но жаловаться он не стал, лишь договорился позже обсудить с Се Лянем лес подвешенных трупов и все связанные с ним события.

Юноша в бинтах, очнувшись, вновь сел у изголовья тела Сяоин и молча обнял девушку. Се Лянь, устроившись рядом, долго размышлял над нужными словами утешения, и вот уже собрался их произнести, как вдруг заметил, что голова юноши кровоточит.

Кровь из леса подвешенных уже давно бы высохла, по его же голове текла совсем свежая кровь: он наверняка поранился. Поэтому Се Ляню пришлось заметить:

— У тебя на голове рана, сними бинты, я осмотрю её.

Юноша медленно кивнул, но всё же с сомнением посмотрел полными кровавых прожилок глазами на Се Ляня, словно до сих пор опасался его. Принц улыбнулся юноше.

— Не бойся. Если ты поранился, рану нужно перевязать. Я обещаю, что не испугаюсь твоего вида.

Поколебавшись ещё мгновение, юноша отвернулся и круг за кругом начал медленно разматывать бинты. Его движения были очень неторопливыми, но Се Лянь терпеливо ждал и про себя размышлял над следующими вопросами: «Нельзя позволить этому юноше и дальше оставаться жить на горе Юйцзюнь, но куда же ему ещё пойти? Он ведь не сможет вместе со мной отправиться в Небесные чертоги. Я и сам живу впроголодь, поэтому нужно придумать способ, как бы

пристроить его в безопасное место. И ещё этот Лазурный демон, Ци Жун...»

Пока принц размышлял, юноша размотал все бинты и через миг повернулся к нему.

А Се Лянь, рассмотрев его облик, ощутил, как кровь начисто отлила не только от лица, но и вообще из всего тела.

Демон в красном сжигает храмы богов

Лицо юноши, как ранее и предположил Се Лянь, покрывали серьёзные шрамы от ожогов. Вот только даже под этими кроваво-красными шрамами, напоминающими сетку, можно было смутно разглядеть три-четыре маленьких человеческих лица.

Лица, размером не больше кулачка младенца, искривлёнными гримасами располагались у юноши на щеках и на лбу. Обожжённые пламенем, черты маленьких лиц были сильно сморщены, словно застыли в беззвучном крике от жуткой боли. И то, что эти кричащие маленькие уродцы росли прямо на обыкновенном человеческом лице, являло собой куда более жуткую картину, чем какой бы то ни было демон!

При взгляде на паренька Се Лянь в тот же миг словно провалился в кошмар. Его тело от нечеловеческого ужаса перестало слушаться, принц даже не заметил, в какой момент вскочил на ноги; он и представить не мог, какое выражение сейчас отражается на его лице, только знал, что оно очень пугающее. Юноша, сняв бинты, и без того испытывал крайнее беспокойство, при виде же подобной реакции на свой внешний вид он и вовсе попятился, словно понимал: Се Лянь не в силах спокойно смотреть на него. Как будто спасаясь от опасности, юноша резким движением закрыл лицо руками, с громким криком подскочил с земли и умчался вглубь леса.

Се Лянь, лишь теперь пришедший в себя, запоздало крикнул вслед:

— Подожди!!! — Он бросился за юношей, повторяя: — Подожди! Вернись!

Но принц отреагировал слишком поздно, а юноша, прекрасно знакомый с лесными тропами и привыкший прятаться от опасности в полной темноте, в считанные мгновения скрылся, исчезнув без следа; и как бы Се Лянь ни звал его, появляться принцу на глаза больше не

собирался. Рядом не осталось никого, кто мог бы помочь ему в поисках, да и всю духовную силу Се Лянь, как назло, истратил, так что связаться с сетью духовного общения не представлялось возможным. Торопливый забег по лесу и часовые поиски не увенчались успехом. Порыв холодного ветра привёл Се Ляня в чувство: осознав, что биться в окно, словно безголовая муха, далеко не лучший выход, и насилу взяв себя в руки, он подумал: «Может статься, он вернётся забрать тело девы Сяоин». Тогда принц решил вернуться к храму Мингуана, а оказавшись там, застыл как вкопанный.

Его взгляду предстала картина, как множество людей в чёрных одеждах бродят по лесу позади храма и с совершенно серьёзными лицами осторожно снимают с деревьев подвешенные вверх ногами трупы более сорока воинов. А перед лесом Се Лянь увидел высокий силуэт со скрещенными на груди руками, наблюдающий за процессом. Когда он повернулся, Се Лянь разглядел изящное бесстрастное лицо — это был Фу Яо. По всей видимости, он вернулся на Небеса и привёл с собой в качестве помощников служащих из дворца Сюаньчжэня.

Только Се Лянь открыл рот в попытке что-то сказать, за его спиной раздался звук шагов: Нань Фэн проводил жителей деревни и вернулся на гору. Оценив обстановку, он бросил косой взгляд на Фу Яо и пробормотал:

— Ты же, вроде как, сбежал?

Фраза прозвучала довольно обидно, и Фу Яо недовольно поднял брови. Се Лянь не желал, чтобы в такой важный момент они снова начали переругиваться, потому поспешил оправдать Фу Яо:

— Я приказал ему привести подмогу.

Но Нань Фэн продолжал зубоскалить:

— И где же, в таком случае, подмога? Я-то думал, по меньшей мере, следует просить вашего генерала лично спуститься с Небес.

Фу Яо спокойным тоном ответил:

— По пути на Небеса я услышал, что младший генерал Пэй уже отправился сюда, потому не стал беспокоить нашего генерала. К тому же, даже если я и пошёл бы за ним, он так занят, что вряд ли нашёл бы время спуститься.

Честно говоря, насколько Се Лянь знал Му Цина, даже при наличии свободного времени тот не пожелал бы лично спуститься

сюда. Но сейчас у него самого совершенно не было времени задумываться об этом, вымученным тоном принц произнёс:

— Перестаньте ругаться хотя бы сейчас, лучше помогите мне отыскать юношу в бинтах.

Нань Фэн хмуро спросил:

— Он же остался с тобой охранять тело той девушки?

— Я попросил его развязать бинты на голове, а он испугался меня и сбежал.

Уголок рта Фу Яо слегка приподнялся.

— Не преувеличивай. Твой женский образ не настолько ужасен.

Се Лянь вздохнул.

— Это я виноват, что застыл как пень и не успел его остановить. Дева Сяоин мертва, что уже стало для него серьёзным потрясением, а когда я испугался при виде его лица, возможно, он не выдержал подобного удара, вот и сбежал.

Фу Яо, нахмурившись, переспросил:

— Он действительно до такой степени уродлив?

— Дело вовсе не в том, уродлив он или красив. У него... поветрие ликов.

Едва Се Лянь произнёс два последних слова, движения и выражения лиц Нань Фэна и Фу Яо окоченели.

Несомненно, они поняли, почему, по словам Се Ляня, он застыл как пень.

Восемьсот лет назад столицу государства Сяньлэ захлестнула волна поветрия, которое и уничтожило страну. У тех, кто подхватил заразу, на теле вздувались маленькие шишки, которые со временем становились больше и твёрже, пока не начинали немного болеть. Впоследствии происходило следующее: шишки постепенно становились неровными, на их поверхности появлялись три впадинки и одна выпуклость, как будто... глаза, рот и нос. Очертания становились более отчётливыми, в итоге принимая форму настоящего человеческого лица. Если запустить болезнь, на теле будет расти всё больше и больше лиц. Поговаривали, что некоторые лица, вырастая окончательно и обретая форму, могли разговаривать и даже пронзительно кричать.

Такой недуг и назывался «поветрием ликов»!

Фу Яо, несколько раз поменявшись в лице, опустил скрещенные на груди руки и сказал:

— Этого не может быть! Напасть истребили несколько сотен лет назад, болезнь не могла возродиться вновь.

Се Лянь мог сказать только:

— Я не ошибся.

Ни Нань Фэн, ни Фу Яо, не нашли, что возразить ему. Никто не посмел бы сейчас возразить словам Се Ляня.

Тогда принц продолжил:

— Кроме того, лицо юноши покрыто шрамами от ожогов. Вполне возможно, он пытался сжечь эти жуткие лица.

Первой же реакцией подхвативших поветрие было желание схватить нож и отрезать пугающий признак болезни со своего тела, либо сжечь его огнём, ради этого люди не боялись ломать свои кости, ни резать свою плоть.

Нань Фэн мрачно заметил:

— В таком случае, смею предположить, что юноша не простой смертный. И вполне возможно, он живёт на свете уже несколько сотен лет. Но об этом поговорим после, лучше скажи, его болезнь всё ещё заразна?

Голова Се Ляня раскалывалась от вопросов, но именно над этим ему удалось поразмыслить, сохраняя хладнокровие. Принц уверенно ответил:

— Нет. Обычно поветрие ликов крайне заразно. Юноша скрывался на горе Юйцзюнь уже довольно долго, и если бы споры поветрия на его лице всё ещё могли распространяться, он бы заразил уже все окрестные земли. Вероятно, юноша уже... излечился от недуга. Вот только шрамы от него свести не выйдет.

И всё-таки они не могли позволить себе неосмотрительность. Фу Яо, похоже, имел кое-какой вес во дворце Сюаньчжэня, и призванные им младшие служащие помогли ещё раз прочесать гору Юйцзюнь вдоль и поперёк. Однако им так и не удалось обнаружить даже следов юноши; вероятнее всего, он сбежал с горы и затерялся где-то среди окрестных деревень. На данный момент им оставалось лишь вернуться в Небесные чертоги и умолять Линвэнь помочь найти паренька, а затем ожидать вестей. К небольшой, но всё же радости, зараза на теле юноши больше не могла никому передаться, однако Се Лянь, едва

вспоминая жуткий облик, не мог не опасаться, что если под горой его кто-то заметит, то мальчишку примут за монстра и набросятся на беднягу, чтобы убить. Поэтому лучшим решением являлось отыскать его, и как можно скорее.

Задерживаться на горе Юйцзюнь больше не было нужды, поэтому Се Лянь поднял на руки тело Сяоин и шаг за шагом направился вниз с горы. Душа его пребывала в рассеянности, и только услышав громкую ругань хозяина чайной, принц заметил, что занес труп прямо в его лавку. Рассыпавшись в извинениях, Се Лянь снова вышел, отыскал, кому поручить похороны девушки, и лишь после этого вернулся. Уладив все формальности и усевшись, Се Лянь беззвучно вздохнул.

Ему наконец-таки удалось покончить с этим делом, и всё же принцу казалось, что за несколько дней после вознесения он утомился больше, чем за год собирания мусора в мире людей. Пришлось карабкаться в гору, ползти вниз, исполнять невыносимые трюки, кувыряться по земле и во весь голос кричать, а также сменить наряд и играть роль невесты. После всего случившегося принц просто валился с ног от усталости, а ведь осталось ещё великое множество неразрешённых загадок и последствий. Се Ляню захотелось повесить на себя табличку с надписью «Лучше собирать мусор, чем вознестись на Небеса», и отправиться по миру проповедовать эту идею.

Фу Яо, приподняв полы одежды, уселся рядом с Се Лянем и наконец, не выдержав, сделал то, что собирался сделать уже давно, — закатил глаза к потолку. Затем спросил:

— Почему ты не снимешь этот наряд?

Увидев его закатившиеся глаза, Се Лянь внезапно ощутил ни с чем не сравнимое родное тепло. Затем наконец снял с себя свадебный наряд, в котором шествовал всю дорогу с горы, и подавленно пробормотал, смывая с лица пудру и румяна:

— Так значит, именно в таком виде я разговаривал с младшим генералом Пзем? Эх, Нань Фэн, что же ты не напомнил мне об этом?

Фу Яо предположил:

— Возможно, потому, что ты не скрывал радости, будучи одетым подобным образом.

Нань Фэн, который тоже ни разу за день не присел, наконец смог найти время на отдых. Он устроился рядом и возразил:

— Не было необходимости в напоминании. Младший генерал Пэй даже не обратил внимания, что за наряд на тебе. Будь ты одет хоть в десять раз необычнее, по возвращении он не стал бы ни с кем это обсуждать.

Се Лянь, обуреваемый чувством искренней благодарности к этому младшему небожителю за труды, налил Нань Фэну чая, потом вспомнил прохладное выражение лица младшего генерала Пэя, резко отличающееся от эмоций обезумевшей Сюань Цзи, и сказал:

— Младший генерал Пэй поистине преуспел в контроле над собой, ему прекрасно удалось сохранить спокойствие в сложившихся обстоятельствах.

Нань Фэн, отпив чаю, возразил:

— Не обманывайся его мнимой любезностью и учтивостью. Так же, как и с его предком, с младшим генералом Пэем не так легко сладить.

Сей факт, разумеется, не укрылся от глаз Се Ляня.

Фу Яо же относился к младшему генералу Пэю с явным одобрением, он заметил:

— Пэй Су стал одним из небожителей Верхних Небес всего столетия лет назад, но благодаря его напористому характеру его карьера вскоре взлетела вверх. Когда генерал Пэй избрал его себе в помощники, Пэй Су едва достиг двадцатилетнего возраста. Знаешь, чем он отличился?

Се Лянь спросил:

— Чем?

Фу Яо ледяным тоном выплюнул всего два слова:

— Истреблением города.

Ответ заставил Се Ляня призадуматься, но всё же принц не выглядел удивлённым. Каждый небожитель Верхних Небес в прошлом являлся императором или князем, генералом или чиновником, а завоевание и сохранение власти всегда связано с большими жертвами подчинённых или врагов, иными словами — слава генерала всегда строится на погибших солдатах. Чтобы стать бессмертным божеством, необходимо для начала стать героем в мире людей, а под ногами героя всегда вьется тропа, залитая кровью.

Фу Яо подытожил:

— В чертогах Верхних Небес не найдётся ни одного преданного союзника, там никому нельзя доверять.

Се Лянь расслышал в его тоне нарочитое нравоучение, словно предок наставлял своих потомков, и подобное показалось ему смешным; возможно, Фу Яо в чертогах Верхних Небес приходилось подвергаться притеснениям или даже насмешкам, и потому теперь он говорит такое, памятуя о прежних переживаниях. И всё же Се Лянь, даже будучи трижды вознесшимся, осознавал, что в действительности, касаясь отношений между бессмертными божествами, по сравнению с ним двое младших небожителей понимают гораздо больше. Ведь каждый раз время пребывания принца в Небесных чертогах было подобно цветению смоковницы — едва распустившись, цветы увядают.

Нань Фэн, однако, вовсе не одобрял подобных речей, он возразил:

— Не нагоняй страху, везде есть и хорошие люди, и плохие. И в Небесных чертогах немало небожителей, которым можно довериться.

Фу Яо лишь посмеялся:

— Ха-ха, немало небожителей, которым можно довериться? Это ты имеешь в виду своего генерала?

— Не знаю, как насчёт моего генерала, но твой генерал точно не из таких.

Се Лянь уже давно воспринимал их ругань как нечто обыденное, и потому вовсе не удивлялся, к тому же его мысли занимали размышления о другом, и у него вовсе не было ни сил, ни желания разнимать двоих задир.

Уладив дела на Севере, он вернулся на Небеса и сразу направился во дворец Линвэнь, чтобы объяснить происшествие с юношей в бинтах и доверить ей дальнейшие поиски. Она выслушала принца с мрачным и серьёзным видом, выразила согласие, а в конце добавила:

— Дворец Линвэнь непременно бросит все силы на поиски. Однако я, признаться, не ожидала, что ваш поход на Север потянет за собой так много проблем. В этот раз я и впрямь обязана поблагодарить Ваше Высочество.

— А мне следует принести благодарности двоим младшим служащим, согласившимся добровольно помочь мне, и ещё младшему генералу Пэю из дворца Мингуана. Я даже не представляю, как мне их отблагодарить.

— Раз уж причиной бедствия явились нездоровые отношения старины Пэя, разумеется, прибираться за ним должен младший Пэй, что уже вошло у него в привычку, поэтому вам не стоит благодарить его. Впрочем, если у Вашего Высочества появится свободная минутка, будьте так любезны, присоединитесь к духовной сети, кое-кто желает обменяться мнениями по данному вопросу.

У Се Ляня тоже оставалось множество сомнений. Выйдя из дворца Линвэнь, после недолгих поисков он обнаружил поблизости каменный мостик, под которым журчал струящийся поток, настолько чистый и прозрачный, что можно было увидеть движение облаков, и даже, если посмотреть сквозь облачный туман, вздымающиеся горные хребты и раскинувшиеся в мире под небесами обширные города ровной квадратной формы^[21].

Решив про себя: «Как раз подходящее место», он уселся у подножия моста, мысленно назвал пароль и вошёл в духовную сеть.

Едва оказавшись внутри, принц был оглушён шумной обстановкой, что являлось большой редкостью внутри духовной сети Верхних Небес. Множество голосов кричали друг на друга, сливаясь в хаотичный поток. Се Лянь услышал громкие ругательства Фэн Синя:

— Проклятье! Вы ещё не выбрали, под какой горой следует её запереть?! Эта генеральша — сумасшедшая! Что бы у неё ни спросили, она, всё одно, требует встречи с генералом Пэем, ни в какую не соглашаясь выдавать местоположение Лазурного демона Ци Жуна!

Младший генерал Пэй отвечивал:

— Генерал Сюань Ци всегда отличалась яростным и упрямым характером.

Судя по голосу, Фэн Синь вышел из себя:

— Младший генерал Пэй, ваш генерал вернулся или нет? Пускай как можно скорее отправляется на встречу с ней, узнает местонахождение Лазурного демона и поскорее забирает её отсюда!

Фэн Синь не привык иметь дело с женским полом, однако вести допрос поручили именно ему, что вызвало невольное сочувствие Се Ляня. Младший генерал Пэй ответил Фэн Синю:

— Это ничего не даст, лишь сильнее сведет её с ума.

Прозвучал ещё один голос:

— Снова подвешенные вниз головой трупы... пристрастия Ци Жуна в самом деле отличаются изменчивостью, весьма прискорбно.

— Даже в мире демонов к подобным пристрастиям относятся с презрением, сразу видно — вкусы у него и впрямь... ниже падать некуда.

Все присутствующие небожители общались друг с другом без единого намёка на неловкость, очевидно, они были хорошо знакомы. Поэтому, будучи новеньким в их кругу, вознесшимся восемьсот лет назад, Се Лянь вначале молчал, чтобы его присутствие осталось незамеченным, однако, прослушав их разговоры довольно долгое время, всё же не удержался от желания ввернуть словечко:

— Уважаемые господа, что означает этот лес подвешенных трупов на горе Юйцзюнь? Неужели Лазурный демон Ци Жун мог быть где-то поблизости?

Поскольку Се Лянь был нечастым посетителем сети духовного общения, немногим был знаком его голос, и небожители помедлили, прежде чем отвечать. Первым, кто отозвался на вопрос, стал Фэн Синь:

— Лазурный демон Ци Жун обитает не на горе Юйцзюнь. Однако лес подвешенных трупов — дело рук этой демоницы, Сюань Цзи. Она сотворила подобное в качестве подношения, согласно его требованиям.

Се Лянь спросил:

— Сюань Цзи — подданная Лазурного демона?

Младший генерал Пэй ответил:

— Именно так. Генерал Сюань Цзи умерла несколько сотен лет назад, но несмотря на свою злобную сущность, ей всё время не доставало сил, чтобы учинять беспорядки, до тех пор, пока чуть более сотни лет назад Лазурный демон Ци Жун не избрал её в качестве своей подданной. Она стала его любимицей, и потому её магическая сила возросла.

Смысл его слов был таков: в бесчинствах, творимых Сюань Цзи, не следует винить генерала Пэя, поскольку изначально ей не хватало сил, чтобы пойти на такое. И если уж искать виновника, то следует обратиться к Лазурному демону, ведь это именно Ци Жун прибрал Сюань Цзи к рукам, наделив демоницу достаточной силой, чтобы вредить людям. Наверняка собравшиеся небожители в душе считали именно генерала Пэя виновником случившегося, просто не решались высказать предположений вслух, что не помешало младшему генералу Пэю разгадать их невысказанные мысли. А теперь, когда он, как бы

между прочим, напомнил остальным некоторые детали, все решили оставить свои мысли при себе, запрятав их куда поглубже.

Се Лянь вновь задал вопрос:

— Так значит, гору Юйцзюнь уже обыскивали? В окрестностях должен скрываться дух ребенка.

В этот раз прорезался голос Му Цина, без единой нотки эмоций он промолвил:

— Дух ребенка? Какой такой дух ребенка?

Се Лянь, подумав, что Фу Яо не посвятил Му Цина в детали, и возможно, даже вызвался помочь без его ведома, не стал упоминать о младшем служащем, сказав лишь:

— Сидя в паланкине, я слышал весёлый детский смех, который при помощи детской песенки предостерегал меня. Тогда рядом со мной были двое младших служащих из дворцов Богов Войны, но ни один из них ничего подобного не расслышал. Очевидно, дух ребенка обладает немалыми магическими силами.

Му Цин ответил:

— На горе Юйцзюнь не обнаружено ничего подобного.

Се Ляню это показалось странным, ведь не мог же дух ребенка явиться лишь для того, чтобы предупредить его? Подумав об этом, он вдруг вспомнил о другом деле, не дающем ему покоя всю дорогу сюда, и спросил:

— Раз уж мы заговорили об этом, на горе Юйцзюнь мне повстречался юноша, управляющий серебристыми бабочками. Может ли кто-нибудь из вас сообщить мне, кто он такой?

Мгновением ранее духовная сеть ругалась и шумела на все лады, решая самые разные дела, но стоило вопросу принца прозвучать, в сети вдруг повисла мёртвая тишина.

Се Лянь предполагал подобную реакцию, поэтому терпеливо ждал. Спустя какое-то время лишь Линвэнь решилась переспросить:

— Ваше Высочество, что вы только что сказали?

Му Цин прохладно ответил вместо Се Ляня:

— Он только что сказал, что встретил Хуа Чэна.

Узнав наконец имя юноши в красных одеждах, Се Лянь пришёл в неопишуемый восторг и, посмеявшись, произнёс:

— Так значит, его зовут Хуа Чэн? Хм, это имя, надо сказать, весьма ему подходит.

От слов принца, произнесённых подобным тоном, все небожители, присутствующие внутри духовной сети, онемели. Линвэнь, кашлянув, произнесла:

— Эм... Ваше Высочество, вы разве никогда не слышали о так называемых «Четырёх величайших бедствиях»?

Се Лянь подумал: «К своему стыду, я знаю лишь о «Четырёх прекраснейших картинах».

«Четырьмя прекраснейшими картинами» назывались четыре общеизвестных истории, предшествующие вознесению четырёх небожителей: «Молодой господин проливает вино», «Наследный принц под маской бога», «Генерал ломает меч» и «Самоубийство принцессы». Среди этих историй картина «Наследный принц под маской бога», разумеется, повествовала о роковом прыжке наследного принца Сяньлэ на улице Шэнью во время Праздника фонарей. Те, кто смог попасть в этот список, не обязательно являлись сильнейшими божествами, зато легенды о них распространялись по всей стране, заставляя людей захлёбываться от восторга. Се Лянь обычно запоздало узнавал о каких-то происшествиях во внешнем мире, в этом смысле можно было назвать его малосведущим. Однако, поскольку он сам являлся одной из «Прекраснейших картин», в некоторой степени принц был наслышан и об остальных. Что же касается «Четырёх величайших бедствий», подобная формулировка, вероятно, появилась сравнительно недавно, и Се Лянь никогда о ней не слышал. Но если уж в ней использовалось слово «бедствие», стало быть, ничего хорошего она не означала.

Принц признался:

— К своему стыду, я никогда о них не слышал. Осмелюсь спросить, что означают эти Четыре величайших бедствия?

Му Цин прохладно произнёс:

— Ваше высочество провели в мире людей несколько сотен лет в самосовершенствовании, и настолько плохо осведомлены? Вот уж действительно любопытно, чем же вы, в конце концов, занимались всё это время там, внизу.

Ну конечно же ел, спал, зарабатывал на жизнь циркачеством и собирал мусор.

Се Лянь с улыбкой ответил:

— Человеком быть очень сложно, нужно помнить о множестве всяческих важных дел. Вовсе не так легко, как приходится небожителям.

Линвэнь произнесла:

— В таком случае, Ваше Высочество, прошу вас запомнить «Четыре величайших бедствия». А именно: Хозяин чёрных вод^[22], Лазурный фонарь в ночи, Белое бедствие^[23], Собиратель цветов под кровавым дождём. Это прозвища четырёх Князей Демонов, сеятелей хаоса, от которых у каждого небожителя Верхних и Средних Небес болит голова.

Человек, поднимаясь наверх, становится богом. Если же человек опускается вниз, то становится демоном.

Бессмертные небожители отделили Небесные чертоги от мира людей, сделав их своей резиденцией, из которой можно сверху обозревать мир смертных и возвышаться над всем сущим. А так называемый мир демонов пока ещё не отделился от мира людей, и все демоны, оборотни, монстры и призраки делят с простыми смертными одну территорию. Некоторые прячутся во тьме, некоторые принимают человеческое обличье и теряются среди людской толпы, ведут распутную жизнь в мире людей.

— Хозяин чёрных вод — невероятно сильный водный гуль в облике человека. Однако он крайне редко приносит нам хлопоты, по своей натуре весьма скромн, несмотря на достижение ранга «непревзойдённый». Мало кто видел его лично, поэтому пока не будем о нём. Лазурный фонарь в ночи — конечно же, прозвище нашего низменного любителя подвешивать трупы вниз головой, Лазурного демона, Ци Жуна. Он единственный среди Четырёх бедствий, кто не достиг ранга «непревзойдённый». Вы спросите, как он оказался в этом списке? Возможно, по той причине, что он крайне часто приносит неприятности людям, весьма надоедливая личность. Также, возможно, его добавили к трём бедствиям потому, что четыре проще запомнить, пока отложим в сторону и его. Белое бедствие — этого Ваше Высочество должны знать довольно хорошо. Ведь у него ещё есть имя — Безликий Бай.

Услышав это имя, Се Лянь, сидящий у моста, внезапно ощутил распространяющуюся от сердца к каждой конечности, проникающую в

каждую косточку, тянущую боль. Его ладони начали едва заметно дрожать, машинально сжимаясь в кулаки.

Разумеется, он знал.

Говорят, что появление «непревзойдённого» способно уничтожать целые страны и наводить ужас на целые народы. А когда в мире появился Безликий Бай, первой страной, которую он уничтожил, оказалось государство Сяньлэ.

Се Лянь безмолвствовал. Тогда Линвэнь продолжила:

— Однако Безликий Бай давно повержен. Поэтому не стоит говорить о нём. Даже если бы он всё ещё был жив, боюсь, что не смог бы сравниться с тем, кто стоит во главе всей четвёрки. Ваше Высочество, серебристые бабочки, которых вы повстречали на горе Юйцзюнь, зовутся призрачными бабочками. Их хозяин — последний из четверых, а также тот, кто повергает в ужас все Небесные чертоги, Собиратель цветов под кровавым дождём, Хуа Чэн.

В Небесных чертогах эпитет «громкое имя» был применим лишь к двоим — Императору Шэнью и наследному принцу Сяньлэ. И хотя в обоих случаях смысл был противоположным, всё же их слава среди людей была одинаково поразительна. Что же касается мира демонов, если требовалось выбрать кого-то в равной степени обладающего «громким именем», то не нашлось бы ни единого кандидата, кроме Хуа Чэна.

Если вам вздумается узнать получше какого бы то ни было небожителя, выйдите из дома и пройдите по улице, отыщите храм этого небожителя, войдите внутрь и осмотрите его статую — по его одежде и оружию в руках вы уже кое-что поймёте. Если же захотите познакомиться с ним ещё ближе — послушайте легенды и сказки, почитайте повести и посмотрите представления, связанные с этим небожителем, так вы будете прекрасно осведомлены о том, каким небожитель был при жизни и каковы были его деяния. Что же касается различной нечисти, с ними не всё так просто — какими людьми они являлись в миру и какой облик носят теперь, практически всегда оставалось тайной, покрытой мраком.

Имя «Хуа Чэн» наверняка являлось псевдонимом, и облик его наверняка был лишь маской. Поскольку слухи о нём гласили, что иногда он предстаёт в образе раздражительного юноши с переменчивым нравом, иногда — в образе грациозного красавца,

иногда превращается в очаровательную, но бессердечную оболыстительницу, какие только образы ему не приписывают. Что же касается его истинной сущности, лишь по нескольким чертам можно узнать наверняка, что перед вами Хуа Чэн: красные одежды, растекающийся по воздуху запах крови и серебристые бабочки, что прячутся в рукавах и полах его одежд.

По поводу происхождения Хуа Чэна также бытовало несколько мнений. Кто-то считал, что он был от рождения одноглазым уродцем, с детства вдоволь настрадался, и потому возненавидел целый свет; кто-то был уверен, что Хуа Чэн в прошлом — молодой солдат, душа которого после смерти не смогла справиться со скорбью по погибшей родине; некоторые даже предполагали, что он просто сошёл с ума от боли, когда погибла его возлюбленная; имелись и те, кто считал его просто монстром. Самая же причудливая версия, по слухам — но лишь по слухам — такая, что Хуа Чэн в действительности был некогда вознесшимся небожителем. Вот только после вознесения он добровольно спрыгнул с Небес и в итоге опустился до демона. Однако подобный слух не являлся самым распространённым, никто не знал, правдив ли он, и верили в него немногие. Впрочем, если говорить начистоту, даже будь подобная версия правдой, в любом случае она воспринималась бы ложью. Ведь если кто-то в этом мире отказался от прекрасной жизни на Небесах ради демонического бытия, для Небесных чертогов это стало бы несмыслаемым позором. В целом, чем больше догадок строили люди, тем гуще становился нагоняемый ими туман.

Сами же небожители по-особенному страшились Хуа Чэна, и тому существовало множество причин. К примеру, его настрой было сложно предугадать: вот он кровожаден и бесчеловечен, а вот снова необыкновенно благороден и добр. Также причиной могло являться могущество и влияние Хуа Чэна в мире людей, ведь он имел великое множество последователей.

Всё верно, люди поклонялись божествам, вознося молитвы о благословении и защите от нападок нечисти, именно поэтому у небожителей имелось немало последователей. Хуа Чэн же являлся демоном, но, тем не менее, в мире людей ему поклонялись очень и очень многие, до такой степени, что сила его превосходила некоторых небожителей.

О причине тому невозможно не рассказать подробнее. Едва явив себя миру, Хуа Чэн прославился, совершив следующий поступок.

Он публично бросил вызов тридцати пяти небожителем Верхних Небес. Вызов заключался в следующем: с Богами Войны он пожелал состязаться в военном искусстве, с Богами Литературы — в искусстве ведения спора.

Из тридцати пяти небожителей тридцати трём вызов его показался до крайности смешным, но всё же Хуа Чэну удалось навлечь на себя их гнев, поэтому они приняли вызов и приготовились вместе показать ему, как следует себя вести приличному демону.

Вначале состязаться с ним стали Боги Войны.

Боги Войны считались самыми сильными бессмертными Небесных чертогов, каждый из них имел огромную армию последователей, а значит и магическая сила Богов Войны отличалась непревзойдённой мощью. Никто из них не испытывал и капли сомнения в победе над неопытным демонёнком. Однако полный разгром собственной армии в первой же битве стал для них огромной неожиданностью, одного лишь удара крайне необычной изогнутой сабли Хуа Чэна хватило, чтобы их войско разом обернулось пылью!

Лишь после окончания битвы все узнали, что Хуа Чэн — выходец с горы Тунлу^[24].

Гора Тунлу являлась вулканом, но это вовсе не самое важное, а самое важное то, что внутри горы был построен город под названием Гу^[25]. Его название вовсе не означало, что каждый в этом городе держит в своём доме ядовитую тварь. Сам город по своей природе и являлся огромным скоплением «ядовитых тварей».

Раз в сотню лет десятки тысяч демонов собирались здесь на кровопролитную битву, убивая друг друга, пока не останется лишь один, — тогда рождалась новая «ядовитая тварь». Чаще всего в итоге никому не удавалось спастись из той битвы, но стоило выжить хоть кому-то, он наверняка становился Князем Демонов, несущим хаос и разрушение миру. За последние несколько сотен лет из города Гу живыми вышли лишь двое, и оба они, как и следовало ожидать, стали Князьями Демонов, известными каждой семье и каждому дому в мире людей.

Одним из них оказался Хуа Чэн.

После того, как Боги Войны были разбиты в пух и прах, настал черёд Богов Литературы.

Небожители не смогли сравниться с ним в искусстве войны, но решили, что в искусстве споров наверняка смогут превзойти нахала.

Вышло как раз наоборот: победить не удалось. Хуа Чэн мог переспорить кого угодно на любую тему, касаемо и прошлого, и настоящего. Иногда он был вежлив, иногда резок, иногда упрямо доказывал свою точку зрения, иногда его меткие слова попадали в самую цель, иногда он и вовсе ударялся в софистику. И действительно, к его острым как бритва аргументам невозможно было придраться: блистая коварными речами и засыпая оппонентов богатыми цитатами, он с лёгкостью вводил слушателей в заблуждение. Опозорив нескольких Богов Литературы от земли до небес, от древности до настоящего времени, он довёл их до такой злости, что те плевались кровью до края заоблачных далей.

Хуа Чэн обрёл славу одной битвой.

Но одной победы не хватило бы, чтобы назвать его кошмаром всех небожителей. В ужас их повергло вот что: после победы Хуа Чэн потребовал сдержать слово, данное тридцатью тремя небожителями.

Перед началом битвы стороны заключили соглашение: в случае поражения Хуа Чэна он передаст им свой прах.

В случае поражения небожителей каждый из проигравших по собственной воле спрыгнет с Небес и впредь станет простым смертным. Если бы не безрассудное сумасбродство Хуа Чэна, не его решительная настойчивость на подобной ставке и не абсолютная уверенность тридцати трёх небожителей в собственной непобедимости, они бы ни за что не согласились принять вызов.

Поэтому никто из небожителей по своей воле не стал выполнять обещанное. Нарушение клятвы было делом довольно постыдным, однако, если подумать, каждый из тридцати трёх небожителей потерпел поражение, и если одному позор казался нестерпимым, то всеобщее унижение и унижением-то трудно было назвать; можно было даже объединиться и, напротив, осмеять противника. Потому, придя к молчаливому согласию, все небожители притворились, что никакого обещания не давали. Всё равно людская память слишком коротка, всего через пятьдесят лет вряд ли кто-то вспомнит об этом.

Этот момент небожители просчитали, надо сказать, довольно слаженно. Ошиблись лишь в одном: провести Хуа Чэна оказалось не так просто.

Не можете исполнить обещанное? Прекрасно, он не откажет в помощи.

Так и вышло, что Хуа Чэн сжёг дотла все храмы и монастыри, построенные людьми в честь тридцати трёх небожителей.

Это и был самый страшный кошмар, при одном упоминании о котором лица всех бессмертных божеств слегка подёргивались — «Демон в красном сжигает храмы тридцати трёх Богов Войны и Литературы».

Самый мощный источник магической силы небожителя — его монастыри и последователи, верующие в него. Если не станет храмов, где же последователи станут возносить свои молитвы? И где они станут возжигать благовония? Разрушение храмов стало огромным ударом для каждого небожителя, ведь чтобы построить новые, потребуется по меньшей мере сотня лет, и ещё неизвестно, удастся ли достичь прежнего величия. В действительности подобное являлось катастрофой более страшной, чем провал во время столкновения с Небесной карой. У более сильных божеств имелось свыше тысячи монастырей, у более слабых — свыше сотни, всего получалось не менее десятка тысяч. Хуа Чэн сжёг их все за одну ночь. Никому не известно, каким образом ему удалось сотворить подобное, но всё же удалось.

Казалось, он не остановится ни перед каким злодейством.

Небожители стали плакаться Цзюнь У, но только и Владыка ничего не мог поделать. Ведь небожители сами приняли вызов, и обещание принесли тоже сами, к тому же, Хуа Чэн оказался весьма хитёр: он лишь сжигал храмы, не трогая людей, можно сказать, вырыл бессмертным яму, предлагая в неё спрыгнуть. А небожители сами выкопали себе яму ещё глубже, а затем прыгнули в неё, и предпринимать что-либо было уже поздно.

Изначально тридцать три небожителя пожелали одолеть зарвавшегося демона на глазах у всех смертных Поднебесной, поэтому в качестве места сражения были избраны сновидения множества представителей правящей элиты мира людей. Целью являлась демонстрация собственной божественной мощи перед

высокопоставленными верующими, однако всё повернулось иначе: князья, чиновники и аристократы узрели, как Хуа Чэн разгромил армию божеств. Пробудившись ото сна, многие знатные чины перестали поклоняться богам и начали возносить молитвы демону. А тридцать три небожителя, потеряв свои монастыри и последователей, постепенно канули в забвение, лишь вознесением следующего поколения удалось восполнить эту огромную потерю.

С тех пор множество обитателей Небесных чертогов приходят в ужас лишь при упоминании имени «Хуа Чэн», даже от слов о красных одеждах и серебристых бабочках у них волосы встают дыбом от страха. Некоторые боятся навлечь на себя его гнев, в ужасе представляя, что он придёт бросить им вызов, а затем сожжёт дотла их храмы; некоторые не могут пойти против него, поскольку в его руках находятся кое-какие неприятные сведения о них; многим также приходится нередко обращаться за помощью к Хуа Чэну, просить его о содействии кое в каких делах, поскольку в мире людей тот обладает немалым влиянием. Спустя время это привело к тому, что многие небожители стали испытывать к Хуа Чэну неоднозначные чувства, в какой-то степени даже преклоняться перед ним.

Поэтому среди Небесных чертогов его и ненавидели, и боялись, и уважали.

А теми двумя Богами Войны из тридцати пяти, кто не принял вызов Хуа Чэна, оказались генерал Сюаньчжэнь, Му Цин и генерал Наньян, Фэн Синь.

Тогда они не приняли вызов вовсе не потому, что испугались, а всего лишь по той причине, что совершенно не признавали его своим противником. Им показалось бессмысленным принимать подобный вызов, потому оба отказались, не представляя, что всё обернётся большой удачей для них самих. Однако не получив от них согласия на бой, Хуа Чэн не забыл этих двоих, множество раз он задирали их во время патрулей на Празднике призраков^[26], и после нескольких существенных стычек у обоих генералов остались глубочайшие тёмные воспоминания о свирепых и яростных серебристых бабочках.

Когда рассказ дошёл до этого момента, голова Се Ляня заполнилась пронизанными светом серебристыми бабочками, радостно кружащимися вокруг него. Не в силах связать их с угрожающей картиной, которую рисовали слухи, он не удержался от мысли:

«Неужели эти серебристые малютки настолько ужасны? Вовсе нет... очень даже милые».

Наряд краснее клёна, кожа белее снега

Разумеется, Се Лянь ни за что не посмел бы произнести эти мысли вслух. Но теперь разительная перемена в лице Нань Фэна и Фу Яо при упоминании серебристых бабочек перестала удивлять его. По всей видимости, младшие небожители вместе со своими генералами хлебнули лиха в битве с теми самыми бабочками.

Один из небожителей спросил:

— Ваше Высочество, когда вы встретились с Хуа Чэном, он... он... он с вами что-то сделал?

Судя по тону, вопрос более походил на «У вас теперь не хватает руки или ноги?»

Се Лянь ответил:

— Ровным счётом ничего, он лишь... — Здесь принц запнулся, не в силах подобрать нужные слова, про себя рассуждая: «Лишь — что? Не могу же я рассказать, что он помог мне выбраться из паланкина и всю дорогу держал меня за руку». Помолчав, Се Лянь всё же продолжил: — Лишь разломал сигнальный артефакт магической ловушки, выставленной Сюань Цзи на горе Юйцзюнь, и провёл меня к храму Мингуана.

Небожители довольно долгое время молчали, обуреваемые сомнениями, размышляя каждый о своём, затем всё-таки кто-то из них молвил:

— Уважаемые господа, есть ли у вас какие-либо измышления на этот счёт?

Даже по голосу Се Лянь мог представить, как небожители один за другим качают головой и разводят руками:

— Никаких измышлений, совершенно никаких!

— Понятия не имею, что он собирался сделать, это до невозможности странное поведение!

— Никогда и никто не мог постичь истинный смысл поступков Хуа Чэна...

Несмотря на то, что теперь Се Лянь получил полное представление о Хуа Чэне как о Князе Демонов, несущем хаос миру, он вовсе не казался принцу настолько ужасным. По правде говоря, Се

Лянь даже считал, что Хуа Чэн в какой-то степени помог ему. В целом, обобщая факты, ему удалось вполне успешно исполнить первое задание возносящих молитвы, которое он получил по возвращении в Небесные чертоги.

Принцу заранее обещали, что все благодарности божествам за улаженное дело на горе Юйцзюнь пойдут на его алтарь. И поскольку тот чиновник из-за смерти дочери вспомнил о вознесении благодарностей довольно поздно, а благодарность его была окрашена печалью, количество собранных добродетелей неизбежно уменьшилось, но если кое-как, капля за каплей, собирать добродетели понемногу, то и до восьмисот восьмидесяти восьми десятков тысяч не так уж далеко. Се Лянь ощутил лёгкость в теле, словно только что рассчитался с долгами, его сердце стало чище безоблачного неба, а в душе он почувствовал себя так приятно, непринуждённо и спокойно, что решил и впредь стараться быть хорошим божеством.

И конечно, было бы очень кстати подружиться с другими небожителями. Обычно в духовной сети Верхних Небес царило спокойствие, но если появлялось какое-то срочное дело, даже здесь весь день наперебой шумели голоса. И если небожители пребывали в приятном расположении духа, либо находили что-либо заслуживающим интереса, они могли также поговорить об этом в духовной сети, обменяться парой в меру шуточных фраз. Даже не различая говорящих по голосу, принц мог молча слушать их разговоры. Но ведь не пристало вечно просто молчать, поэтому, наслушавшись вдоволь, он тоже принялся время от времени вставлять безобидные фразы:

— И в самом деле, весьма интересно.

— Сегодня прочитал прекрасное четверостишие, спешу поделиться им с господами.

— Спешу поделиться с господами очень действенным приёмом от боли в пояснице и в ногах.

Однако, к его огромному сожалению, каждый раз, когда он делился со всеми столь тщательно подобранной и весьма полезной для души и тела информацией, в духовной сети сразу же воцарялась мертвая тишина.

В конце концов, Линвэнь не выдержала и по секрету сообщила ему:

— Ваше Высочество, всё то, что вы посылаете в сеть духовного общения, конечно, весьма полезно, однако боюсь, что даже небожители старше вас на несколько сотен лет не стали бы посылать такое.

Её слова опечалили Се Ляня. В действительности, он ведь был далеко не самым старым среди небожителей, но почему же в их обществе он прямо-таки считался стариком, с которым не о чем поговорить? Возможно, причина крылась в слишком долгом отсутствии на Небесах, к тому же принц никогда не питал интереса к делам внешнего мира, будучи в этом смысле малосведущим. Здесь уже ничего не поделаешь, так что придётся смириться. Забросив идею подружиться с небожителями, принц перестал печалиться зря.

Однако существовала и другая проблема: до сих пор в мире людей не было построено ни единого нового храма в его честь. Или же был, но в Небесных чертогах его не обнаружили, и потому записей о нём нигде не хранилось. Надо сказать, что даже духи земли с грехом пополам да получают жертвоприношения, а Се Лянь, будучи истинным небожителем, вознесшимся восемьсот лет назад и после этого ещё дважды, на сегодня не имел ни одного храма и ни единого последователя, возносящего молитвы. Вот уж действительно, крайне неловкое положение.

Однако даже в таком случае краснели вместо него другие небожители, Се Лянь же считал, что всё не так уж плохо. К тому же, в один из дней ему в голову пришла чудесная мысль, которую принц незамедлительно озвучил:

— Раз уж никто не совершает подношений в мою честь, я ведь могу и сам совершить себе подношение.

На это никто не нашёл, что ответить.

Какому небожителю в голову может прийти совершать подношения самому себе?!

Если божество докатилось до подобного шага, о чём здесь ещё может идти речь?

Ну а Се Лянь давно привык к тому, что стоит ему открыть рот, всё вокруг погружается в гробовое молчание, к тому же принцу показалось, что подобный способ развлечения самого себя определённо весьма забавен; приняв решение, принц отправился в мир людей.

В этот раз он приземлился в небольшой горной деревушке под названием «деревня Водных каштанов».

Люди называли это место горной деревней, но на самом деле она располагалась на простом земляном холме. Взгляду Се Ляня предстали зелёные горы и изумрудные воды, непрерывно тянущиеся вдаль заливные рисовые поля и радующие глаз пейзажи, поэтому он подумал: «В этот раз я упал в довольно приятном месте». Осмотревшись получше, он заметил на склоне холма покосившийся ветхий домишко; поинтересовавшись у местных, принц получил ответ: «Это жилище заброшено, у него нет хозяина, лишь иногда забредают на ночлег бездомные скитальцы, живи — не хочу». Разве это не то, что нужно Се Ляню? Он сразу же отправился к домику.

Оказавшись внутри, принц заметил, что маленький деревянный домик лишь издали кажется очень ветхим, вблизи же выглядит ещё более ветхим. Из четырёх опорных столбов по углам домика два, похоже, прогнили до основания, одно дуновение ветра — и весь домишко наполнялся таким громким скрипом, что казалось, вот-вот развалится. И всё же домик не выходил за рамки приемлемого для Се Ляня; осмотревшись, принц начал прибираться внутри.

Жители деревни, заглянув внутрь и убедившись, что кто-то действительно вознамерился здесь жить, шумной толпой собрались поглазеть на чудака. Местные оказались весьма гостеприимными: они не только подарили ему метлу, но и, увидев, что он ужасно утомился уборкой, принесли целую корзину только что собранных водяных каштанов, уже очищенных, беленьких, нежных, сладких и сочных. Се Лянь, усевшись на пороге домика, съел все каштаны до одного, совершенно счастливый хлопнул в ладоши и твёрдо решил назвать это место монастырём Водных каштанов.

Внутри монастыря Водных каштанов уже стоял маленький столик, протереть его от пыли — и сойдёт за стол для подношений. Се Лянь трудился без устали, а местные зеваки, увидев, что юноша, оказывается, собрался переделать домик в небольшой монастырь, с ещё большим удивлением наперебой стали расспрашивать:

— Кому ты собираешься поклоняться в своём монастыре?

Се Лянь, кашлянув, ответил:

— Ну... это будет монастырь в честь наследного принца Сяньлэ.

На лицах людей отразилось непонимание.

— Это кто ещё такой?

— Я... я и сам не знаю. Кажется, его называют Его Высочество наследный принц.

— Ого, и чем он славится?

— Вроде как дарует благополучие и покой.

А ещё собирает мусор и всякую рухлядь.

Толпа снова с интересом спросила:

— А этот Его Высочество наследный принц способен даровать богатство?!

Се Лянь подумал, что ему самому было бы неплохо рассчитаться с долгами, и потому мягко ответил:

— Очень жаль, но, кажется, нет.

Жители начали засыпать его советами:

— Лучше помолись Повелителю Вод, привлечёшь несметные богатства! Огонь благовоний в его честь несомненно достигнет Небес!

— Лучше тогда вознеси молитвы Совершенному Владыке Линвэню! Кто знает, может, тогда и в нашей деревушке родится чжуаньюань^[27]!

Какая-то девушка, смущаясь и краснея, робко проговорила:

— Ну... а нет ли в твоём монастыре... нет ли этого...

Се Лянь с улыбкой спросил:

— Которого?

— Генерала Огромного члена.

Се Лянь промолчал.

Если бы он и вправду построил храм в честь Цзюйяна, Фэн Синь, наверное, в тот же миг послал в него стрелу напрямик с Небес!

На скорую руку закончив с уборкой монастыря Водных каштанов, Се Лянь сообразил, что не хватает ещё палочек благовоний, бамбукового стаканчика для предсказания судьбы и множества других мелочей. Но вот о самом главном он позабыл совершенно — статуя божества. Закинув за спину свою шляпу, принц вышел за дверь. Кстати, двери тоже не хватало. Поразмыслив, Се Лянь решил, что домик явно нуждается в реставрации, поэтому оставил у входа табличку с надписью: «Монастырь находится в обветшалом состоянии. Люди добрые, посильные пожертвования и помощь в реставрации пойдёт в копилку ваших добродетелей».

Покинув монастырь, Се Лянь прошёл чуть меньше десятка ли и оказался в небольшом посёлке. Зачем же он пришёл туда? Конечно, за тем, чтобы заработать на пропитание, и потому занялся привычным делом.

Сказки и легенды гласят, что бессмертным божествам не требуется употреблять земную пищу, на самом же деле всё не так просто. Величайшие могущественные небожители действительно могут добывать необходимую им духовную силу прямо из солнечного света, дождя и росы. Но проблема в другом — могут-то они могут, вот только разве кому-то нравится заниматься этим без причины? С какой стати им так поступать?

Конечно, некоторые небожители из-за особого пути самосовершенствования должны хранить внутренние органы в чистоте — таким действительно запрещено прикасаться к тяжёлой пище простых смертных; если же они попробуют хоть каплю, то с ними случится то же, что происходит с людьми, проглотившими ядовитую или грязную еду, — небожителей замучает рвота и понос. Это вовсе не означает, что им нельзя есть совершенно ничего, небожители могут питаться волшебными плодами и магическими животными, которые выращивались в чистоте, обладают качеством продления жизни и эффектом усиления магической силы.

Се Лянь подобных проблем не ведал. На его шее была надета проклятая канга, а значит, он ничем не отличался от простого смертного — мог есть всё, что ему вздумается, к тому же, из-за множества пережитых трудностей никакая пища не являлась для него отравой. Будь то пролежавшая целый месяц мантоу или же покрывшееся зелёным пушком плесени пирожное — желудок принца мог вынести всё, что угодно. С таким потрясающим свойством организма Се Лянь, даже собирая мусор, можно сказать, жил не так уж плохо. Сравните: открытие монастыря требовало денежных затрат, собирание мусора же, напротив, приносило доход; в самом деле, выгоднее собирать мусор, чем вознестись на Небеса.

Незаурядные манеры и облик молодого и способного юноши являлись преимуществом во время собирания всяческой рухляди по домам простых людей, поэтому очень скоро Се Ляню удалось набрать целый мешок. На обратном пути он заметил телегу, запряжённую рыжим быком и нагруженную доверху снопами рисовой соломы,

которую уже видел раньше в деревушке Водных каштанов. Се Лянь решил, что им, должно быть, по пути, поэтому спросил хозяина телеги, не подбросит ли тот его мимоходом в деревню. Старик приподнял подбородок, показывая, что тот может залезать, и Се Лянь, с мешком рухляди за спиной, уселся в телегу. Удобно устроившись, он заметил, что за высокой горой соломы уже кто-то есть.

Попутчик лежал за снопами, согнув левую ногу в колене, правую закинув сверху, и кажется, заложив руки за спину, словно на привале. Его расслабленная поза прямо-таки излучала беззаботное наслаждение, так что Се Лянь страшно ему позавидовал. Пара чёрных сапог плотно обхватывала длинные и прямые, как каллиграфическая кисть, ноги, услаждая взор. Се Лянь сразу вспомнил картину, которую имел возможность наблюдать из-под свадебного покрывала на горе Юйцзюнь, и не смог удержаться от того, чтобы посмотреть на сапоги подольше, дабы убедиться, что на них не висят серебряные цепочки. Не в состоянии рассмотреть, из кожи какого животного сделаны сапоги, принц подумал: «Наверное, молодой господин какого-то благородного рода сбежал из дома на прогулку».

Телега неторопливо плелась по дороге, мерно покачиваясь. Се Лянь, со своей шляпой на спине, вынул свиток, который взял с собой для чтения. Принц никогда не питал интереса к новостям, распространяющимся вокруг, но из-за нескольких случаев, когда вместо ответа на вопрос его одаривали гробовой тишиной, Се Лянь всё-таки решил хоть немного наверстать упущенное. Телега качалась уже довольно долго, когда по пути им попался кленовый лес. Подняв голову и оглядевшись, Се Лянь увидел густые волны полей и яркое пламя клёнов, отчего горный пейзаж становился особенно чарующим. Прибавить к этому пьянящий свежий запах скошенной травы — и принц, не сдержавшись, замер, любуясь красотой вокруг.

В земной юности он занимался самосовершенствованием в монастыре Хуанцзи, построенном в горах, покрытых диким кленовым лесом, сверкающим, словно золото, горящим, словно пламя. И в таком месте, как это, трудно было удержаться от воспоминаний. Погрузившись в созерцание, принц лишь через некоторое время вновь склонил голову над свитком.

Развернув свиток и бросив взгляд на первую же строчку, он прочитал:

«Наследный принц Сяньлэ, вознесшийся трижды. Бог Войны, дух поветрия, мусорный бог».

Се Лянь вслух произнёс:

— Что ж, если хорошенько подумать, между богом мусора и Богом Войны разница не так уж велика. Все божества равны, как равны и все живые существа.

В тот же миг за его спиной раздавался лёгкий смешок, затем вопрос:

— Серьёзно?

Юноша лениво возразил словам Се Ляня:

— Конечно, людям нравится говорить, что все божества равны, и все живые существа равны. Но если бы всё таковым и являлось, никаких богов и бессмертных не существовало бы в природе.

Голос раздавался из-за копны соломы. Се Лянь обернулся и увидел, что юноша по-прежнему лениво возлежит на телеге, не собираясь подниматься: видимо, просто решил мимоходом вставить пару слов.

Принц расплылся в улыбке.

— Твои слова не лишены разумного зерна.

Вновь отвернувшись, он продолжил читать, снизу значилось:

«Многие верят, что рукописи наследного принца Сяньлэ или картины с его изображением, как духа поветрия, обладают свойствами проклятия. Если налепить их кому-то на спину или на двери дома, это повлечет за собой бесконечные неудачи данного человека или данного рода».

Опираясь на подобное описание, было довольно трудным определить, о ком идет речь — о божестве или же о демоне.

Се Лянь покачал головой, больше не в силах читать такое про себя самого; он решил, что сначала всё-таки лучше ознакомиться с современными небожителями, дабы избежать неразберихи, кто есть кто, а заодно и нарушения этикета при встрече. Вспомнив недавние слова жителей деревни о Повелителе Вод, принц перевернул страницы в поисках его описания и нашёл следующее:

«Повелитель Вод Уду. Управляет водным пространством, а по совместительству богатством и процветанием. Многие торговцы и купцы держат в своих домах и лавках статую Повелителя Вод, вознося ему молитвы о процветании и удаче в делах».

Се Ляню это показалось странным, и он задал сам себе вопрос:

— Он ведь водное божество, почему же вдруг стал управлять богатством и процветанием?

В ответ ему из-за копны соломы вновь раздался голос юноши:

— Караваны и бродячие торговцы перевозят свой товар в основном по воде, поэтому перед тем, как отправиться в путь, они возжигают самые дорогие благовония в храме Повелителя Вод, молятся о благополучной дороге, обещают по возвращении сделать то-то и то-то в его честь. Поскольку это продолжается уже довольно долго, Повелитель Вод постепенно стал ответственным и за удачу в денежных делах.

А вот это уже было сказано специально в ответ на вопрос принца. Се Лянь повернулся и спросил:

— Вот оно что? Интересно. Наверняка этот Повелитель Вод очень могущественный небожитель.

Юноша насмешливо произнёс:

— Ага, Водяной самодур.

По его тону Се Лянь догадался, что юноша не очень-то уважительно относится к Повелителю Вод, ведь его слова совсем не звучали хвалебными речами.

— Что значит — Водяной самодур? — поинтересовался принц.

Юноша неторопливо пояснил:

— Лодка ведь идет по реке, но пропустить её или нет, решает именно он. Если не помолишься ему, лодка перевернётся, разве это не самодурство? Отсюда и прозвище — Водяной самодур. Смысл почти тот же, что у генерала Огромного члена и генерала, подметающего пол.

Небожители, имеющие звучную репутацию и громкую славу, почти всегда получали несколько шуточных прозвищ в мире людей и Небесных чертогах, как, например, Се Ляня называли посмешищем трёх миров, прославленным чудачком, ходячим несчастьем, бездомным псом, кхэ-кхэ-кхэм, и тому подобным. Часто называть небожителя его прозвищем считалось весьма неприличным, к примеру, если бы кто-нибудь посмел перед лицом самого Му Цина назвать его «генералом, подметающим пол», Бог Войны непременно пришёл бы в ярость. Се Лянь, запомнив, как Повелителя Вод называть не следует, произнёс:

— Так вот в чём дело, благодарю за разъяснение. — Принц было замолчал, но манера юноши вести беседу показалась ему забавной,

поэтому он снова спросил: — Уважаемый друг, ты так молод, однако знания твои весьма обширны.

На что юноша ответил:

— Вовсе нет. Просто нечем заняться. На досуге читал, что попадётся на глаза, вот и всё.

В мире людей всюду можно раздобыть книжки и свитки с мифами и легендами, в которых рассказывались истории о божествах и демонах: и длинные, о благодеяниях и злодеяниях, и короткие, о сущих пустяках. Среди этих историй существовали и правдивые, и совершеннейшие выдумки. Нет ничего удивительного в том, что юноша знал о них так много.

Се Лянь отложил свиток и спросил:

— В таком случае, уважаемый друг, если тебе известно так много о божествах, знаешь ли ты что-нибудь о демонах?

— О ком именно?

— О Собирателе цветов под кровавым дождём, Хуа Чэне.

Юноша низко усмехнулся и наконец сел. Стоило ему повернуться, перед глазами Се Ляня внезапно сверкнули яркие краски.

На вид мальчишке было не больше семнадцати лет, его красные одежды могли соперничать в яркости даже с листьями клёна, а кожа белела, словно снег; на принца искоса смотрели смеющиеся, яркие, словно звёзды, глаза; юноша отличался исключительной красотой, смешанной с необъяснимо неудержимым нравом во взгляде; чёрные волосы были завязаны в свободный пучок, несколько прядей торчали в стороны, создавая весьма небрежный образ.

Телега как раз проезжала через пламенеющий огненно-красным цветом кленовый лес, кленовые листья танцевали в воздухе, и один листок упал прямо на плечо юноши. Он осторожно подул, сдувая лист с плеча, лишь после взглянул на Се Ляня и с улыбкой, которая то исчезала, то появлялась, произнёс:

— Что ты хочешь узнать? Спрашивай, не стесняйся.

В шутовском взгляде юноши сквозило абсолютное спокойствие всезнающего мудреца. Да и голос, несмотря на юношеский тон, звучал немного ниже, чем у сверстников, чем весьма привлекал внимание собеседника. Се Лянь оправил полы одежд, с серьёзным видом выпрямился, поразмыслил немного и задал вопрос:

— Собиратель цветов под кровавым дождём — это прозвище рисует весьма поразительные картины. Уважаемый друг, можешь ли ты поведать мне о его происхождении?

Дабы выразить уважение к юноше, Се Лянь не стал называть его «дружком», как было принято обращаться к детям. Юноша небрежно сел, оперевшись локтём о согнутое колено, поправил рукава цзяньсю^[28] и безразличным тоном ответил:

— Ничего особенного в его происхождении нет. Хуа Чэн всего лишь однажды разворошил гнездо одного демона, залив всю его гору кровавым дождём. Уже уходя, он заметил у края дороги цветок и заслонил его зонтом, чтобы нежные лепестки не побил каплями крови.

Се Лянь, представив эту картину, словно наяву ощутил запах крови в воздухе, но вместе с тем и невыразимо связанное с этим событием утончённое изящество. Затем, вспомнив легенду о демоне в красном, сжигающем храмы тридцати трёх богов, с улыбкой спросил:

— Этот Хуа Чэн постоянно ввязывается в драки, где бы ни находился?

— Вовсе не постоянно, по настроению.

— Каким человеком он был в миру?

— Наверняка не очень-то приятным.

— Как он выглядит?

Юноша поднял взгляд на принца, склонил голову на бок, поднялся, подвинулся к Се Ляню и уселся рядом.

— А как, на твой взгляд, он должен выглядеть?

Вблизи юноша казался ещё более очаровательным, к тому же его очарование обладало скрытой долей агрессии, словно меч, покинувший ножны, настолько ослепительный, что никто не осмеливался взглянуть на него в упор. Встретившись с ним взглядом всего на мгновение, Се Лянь тоже не смог устоять. Слегка повернув голову в сторону, он ответил:

— Раз уж это великий Князь Демонов, думается мне, у него в запасе имеется множество образов, которые он может менять на своё усмотрение.

Увидев, что Се Лянь отвернулся, юноша вскинул бровь.

— Гм. Но ведь порой он принимает настоящий облик. Мы, разумеется, говорим о его истинном облики.

Возможно, это было ложное ощущение, но Се Ляню показалось, что расстояние между ними увеличилось, поэтому принц решил вновь повернуться к юноше лицом.

— В таком случае я склонен думать, что в истинном облики он, возможно, похож на такого юношу, как ты.

Юноша слегка приподнял уголки губ.

— С чего ты так решил?

— Ни с чего. Ты ведь просто так спросил, а я просто так ответил. Всё происходит без причины, не более того.

Юноша громко рассмеялся.

— Ну а если это не так? Кстати, он слеп на один глаз. — Указав на свой правый глаз, он уточнил: — Вот этот.

Подобное предположение вовсе не являлось редкостью, Се Лянь и раньше уже слышал о нём. В нескольких версиях легенды о Хуа Чэне демон носил на правом глазу чёрную повязку, закрывающую пустую глазницу. Принц спросил:

— Так ты, вероятно, знаешь, что стало с его глазом?

— Ага, на этот вопрос очень многие желают получить ответ.

Другие любопытствующие, по какой причине Хуа Чэн потерял глаз, в действительности желали узнать, в чём его слабое место. Се Лянь же спрашивал потому, что просто хотел знать. Принц не успел сказать ни слова, как юноша уже ответил:

— Он сам вырвал себе глаз.

Се Лянь так и застыл с вопросом:

— Почему?

— Впал в безумство.

Обезумел до такой степени, что вырвал собственный глаз? Интерес Се Ляня к этому Князю Демонов в красном, Собирателю цветов под кровавым дождём, становился всё сильнее. Принц, понимаете, догадывался, что истинная причина была намного сложнее, чем просто безумие, однако раз уж собеседник дал подобный ответ, вероятно, он и сам не знает подробностей дела.

Се Лянь продолжал спрашивать:

— Есть ли у Хуа Чэна слабое место?

Принц вовсе не ожидал ответа на свой вопрос, просто спросил по ходу беседы. Ведь если бы слабое место Хуа Чэна можно было узнать столь легко, он бы не был Хуа Чэном.

К его удивлению, юноша сказал, совершенно не задумываясь:
— Прах.

Тот, кто раздобыл прах демона, получал и полный контроль над ним. Ну а в том случае, если демон не подчинялся, прах можно было уничтожить, тем самым уничтожив душу и тело демона, это общеизвестная истина. Однако применимо к Хуа Чэну она не имела настолько большого значения. Поэтому Се Лянь с улыбкой произнёс:

— Боюсь, что в мире нет героя, способного заполучить его прах. Подобную слабость и слабостью-то назвать нельзя.

Юноша возразил:

— Вовсе не обязательно. В определённых обстоятельствах демон может отдать прах по собственной инициативе.

— Например, как в тот раз, когда он заключил соглашение с тридцатью тремя небожителями и поставил на карту свой прах?

Юноша насмешливо заметил:

— Да разве он мог?

Он не договорил до конца, но Се Лянь услышал в его тоне: юноша был уверен, что Хуа Чэн не мог проиграть. Затем юноша продолжил:

— В мире демонов существует обычай. Если демон остановит на ком-нибудь свой выбор, тогда он может доверить свой прах в руки этого человека.

В действительности для демона это означало вручить кому-то другому свою жизнь. настолько глубокое чувство доверия могло означать лишь искреннюю привязанность. Се Лянь с интересом спросил:

— Неужели и в мире демонов существует обычай, связанный с такими искренними и открытыми чувствами?

— Существует. Но пока ни один не решился его исполнить.

Се Лянь предполагал нечто подобное. На этом свете не только демоны могли обманывать людей, но и людской род нередко водил демонов за нос; наверняка случалось, что люди использовали доверчивых демонов в своих целях и не раз предавали их. Принц заметил:

— Если кто-то, ослеплённый чувствами, вот так отдаёт всего себя, а в итоге его прах развеивают по ветру... и впрямь печальный исход.

Однако юноша, вопреки словам Се Ляня, рассмеялся.

— Чего страшиться? Если бы это был я, то спокойно отдал бы прах, захочет этот человек уничтожить его или же просто поиграть, пересыпая в ладонях, какая мне разница?

Се Лянь так и расплылся в улыбке, а затем внезапно вспомнил, что он всё ещё не узнал имени собеседника, даром что проговорил с ним уже так долго.

— Уважаемый друг, как я могу тебя называть?

Юноша приставил руку ко лбу, прикрывая глаза от красных, словно вино, предзакатных лучей, и зажмурился, будто не слишком любил солнечный свет.

— Меня? В семье я третий по счёту, так что все зовут меня Сань Лан^[29].

Юноша не сказал ему своего имени, и Се Лянь не стал спрашивать, вместо этого представился сам:

— Мой фамильный знак — Се, имя состоит из одного иероглифа Лянь. Позволь узнать, не направляешься ли ты в деревушку Водных каштанов, как и я?

Сань Лан откинулся назад, оперевшись о соломенный стог, закинул руки за голову, а ноги положил одна на другую.

— Не знаю. Я иду, куда глаза глядят.

Расслышав в его словах скрытую причину, Се Лянь спросил:

— Что-то произошло?

Сань Лан кивнул и произнёс, растягивая слова:

— Поругался с домашними, меня и выгнали. Я давно скитаюсь, пойти мне некуда. Сегодня от голода я свалился на дороге без сознания, так что пришлось найти место, чтобы передохнуть.

Одет юноша был довольно небрежно, но при этом одеяния его явно были сделаны из материала высшего качества; прибавить к этому изысканную манеру общения, а также ежедневное безделье и ещё некоторые мелочи, и всё стало ясно. Се Лянь давно догадался, что юноша являлся молодым господином из богатой и знатной семьи, который всего лишь сбежал из дома в поисках развлечений. Но если юноша, с детства привыкший к роскоши, так надолго покинул дом в одиночку, в пути ему наверняка пришлось испытать немало невзгод, об этом Се Лянь, как никто другой, имел глубочайшее представление. Услышав, что юноша голоден, принц порывлся в дорожном узелке и

вынул маньтоу, про себя возрадовавшись, что она ещё не засохла, и спросил юношу:

— Будешь?

Тот кивнул, и Се Лянь протянул маньтоу ему. Сань Лан, глядя на него, спросил:

— У тебя больше нет?

— Ничего страшного, я не очень голоден.

Тогда Сань Лан отвел от себя его руку с маньтоу.

— Я тоже пока держусь.

Се Ляню пришлось взять маньтоу и разломить пополам, затем протянуть юноше одну часть со словами:

— Тогда половину — тебе, половину — мне.

Лишь после этого Сань Лан согласился принять еду и принялся жевать. Сидящий рядом и поедающий маньтоу юноша выглядел немного ершистым, так что Се Ляню всё время казалось, будто он чем-то обидел паренька.

Телега неторопливо тащилась по склонам и подъёмам горной тропы, солнце постепенно зашло за западный край неба, а они всё продолжали беседу. И чем дольше они говорили, тем более странным Се Ляню казался этот юноша. Он был совсем молод, но при этом и в манерах, и в словах чувствовалось лёгкое пренебрежение и вольготность, словно не было ни на земле, ни на небесах ничего такого, чего он бы не знал и что могло бы его смутить. Поэтому Се Ляню казалось, что юноша слишком многое понимает и умён не по годам. И всё же иногда в его поведении проскальзывали нотки юношеского интереса. Когда принц заявил, что является главой монастыря Водных каштанов, юноша сразу же спросил:

— Монастырь Водных каштанов? Звучит, словно в нём можно до отвала наестся водяных каштанов. Мне нравится. Кому в нём поклоняются?

Вновь услышав вопрос, от которого голова становилась тяжёлой, Се Лянь кашлянул и ответил:

— Наследному принцу Сяньлэ. Ты, наверное, о нём и не слышал.

Юноша мимолётно улыбнулся, но так и не успел ничего сказать, когда телега внезапно подскочила.

Оба пассажира вместе с ней покачнулись, и Се Лянь, беспокоясь, что юноша может свалиться с телеги, резким движением протянул

руку, чтобы поддержать его. Однако к удивлению принца, стоило ему дотронуться до Сань Лана, тот резко отбросил его руку в сторону, словно обжегшись обо что-то ужасно горячее.

И хотя выражение лица паренька лишь немного изменилось, Се Лянь почувствовал это, и подумал: «Неужели я в самом деле настолько противен ему?» Но ведь всю дорогу они беседовали с таким удовольствием... Однако сейчас было не время размышлять об этом. Се Лянь поднялся и крикнул хозяину телеги:

— Что случилось?

Старик, погоняющий быка, спросил:

— Я и сам не понял, в чём дело! Рыжий старина, что же ты остановился? Ну, пошёл!

Солнце уже опустилось за гору, наступили сумерки, а поскольку телега ехала через горный лесок, вокруг не осталось ни единого источника света. Старый рыжий бык встал как вкопанный, изо всех сил упираясь и не желая идти дальше, как бы ни подгонял его старик; животное то и дело мычало, глядя себе под ноги, и мотало хвостом, словно плёткой. Се Ляню происходящее показалось странным, он как раз собирался спрыгнуть с телеги, как вдруг старик, указывая пальцем вперёд, громко завопил.

Впереди на горной тропе показался целый рой зелёных огней, они тускло моргали, качаясь то в одну сторону, то в другую. К путникам медленно приближалась толпа людей в белом, которые держали в руках свои головы.

При виде незваных гостей Се Лянь вскрикнул:

— Щит!

Жое слетела с его запястья, закружилась вокруг телеги и повисла в воздухе белым кольцом, защищая троих людей и животное. Се Лянь, повернувшись к старику, спросил:

— Какой сегодня день?

Старик не успел и рта раскрыть, как юноша за спиной принца ответил:

— Пятнадцатый, седьмого месяца.

Седьмая полная луна открывает врата мира демонов. Се Лянь не взглянул на календарь, выходя за порог, и попал как раз на Праздник призраков!

Голос его сделался серьёзным:

— Никому не разбегаться. Сегодня день встречи с нечистью. Если собьёмся с пути, назад уже не воротимся.

Толпа людей в белом при ближайшем рассмотрении оказалась группой узников в тюремной робе, однако не совсем обычных — ни у кого из них на плечах не было головы, зато каждый держал свою голову в руках. Судя по всему, это были преступники, казнённые обезглавливанием. Прижимая головы к груди и неустанно переговариваясь, они медленно приближались к телеге.

Се Лянь тихо наказал двоим спутникам:

— Когда они подойдут ближе, ни в коем случае не кричите.

Сань Лан, склонив голову на бок, спросил:

— Ого, гэгэ, а ты, оказывается, владеешь чудесными способностями?

В его голосе послышался неподдельный интерес, но Се Лянь ответил:

— Чудесные способности — слишком громко сказано, так, кое-что умею. Сейчас они не могут нас увидеть, но подойдут поближе — и это может не сработать.

Старый погонщик телеги, увидев белую шёлковую ленту, которая сама по себе повисла в воздухе, вытаращил глаза от испуга, а безголовые узники напугали его до такой степени, что он едва не грохнулся в обморок, поэтому бедняга замотал головой и в ужасе затараторил:

— Нет, нет! Боюсь, я не смогу молчать! Даочжан, что же нам тогда делать?!

Се Лянь, выдержав паузу, произнёс:

— Ну, вообще-то есть один способ. Прошу меня извинить.

Принц быстрым движением нажал какую-то точку на спине старика, и тот немедленно погрузился в забытие, навалившись на телегу. Се Лянь аккуратно уложил старика на дно телеги, сам сел на место погонщика, как вдруг ощутил позади странное движение. Обернувшись, он увидел Сань Лана, который пристроился у него за спиной. Се Лянь спросил:

— С тобой всё в порядке?

Сань Лан, подперев подбородок рукой, ответил:

— Всё в порядке. Просто я испугался.

В голосе юноши не было слышно и тени испуга, но Се Лянь всё-таки решил его успокоить:

— Не стоит бояться. Пока ты за моей спиной, никакое чудище не посмеет тебя тронуть.

Юноша улыбнулся, ничего не ответив на это, но Се Лянь вдруг заметил, что тот пристально смотрит на него. Спустя мгновение до принца, наконец, дошло, что внимание юноши привлекла проклятая канга на его шее.

Канга опоясывала шею Се Ляня чёрным ожерельем, скрыть её было невозможно, к тому же она неизбежно вызывала у наблюдателя неприятные ассоциации. Се Лянь аккуратно потянул за воротник, понимая, впрочем, что им ничего не закроешь.

Вокруг было слишком темно, чтобы разглядеть выражение лица юноши. Се Лянь взял поводья и тихим голосом успокоил напуганное животное. Призраки узников приблизились к телеге, собираясь пройти мимо, но всё же ощутили, что посреди дороги что-то загораживает дальнейший путь. От них послышались громкие грубые возмущения:

— Это что за шутки?! Почему нельзя пройти!

— В самом деле! Никак не пройти! Это козни нечисти!

— Что за ерунда, да ведь мы и сами — нечисть, кто может строить нам козни?

Се Ляню с трудом удалось уговорить быка сдвинуться с места, чтобы пройти мимо безголовых узников. Представшая перед ним картина с мертвецами, держащими в руках свои переругивающиеся головы, показалась ему невероятно смешной. Некоторые призраки недовольно жаловались:

— Эй, ты, случаем, ничего не напутал? Кажись, то тело, которое держит твою голову, — моё!

— Да это твоё тело перепутало головы!

— Меняйтесь уже скорее, вы двое...

— Почему у тебя голова так неровно отрублена?

— Ой, не спрашивай. Палач попался новичок, отрубил мне голову лишь на шестой раз, я чуть было не решил, что он делает это нарочно.

— Просто твоя родня ему не приплатила. В следующий раз не забудь немного дать на лапу, тогда первый же удар прервёт страдания.

— Да какой ещё следующий раз!

Полная луна седьмого месяца знаменовала середину года, а также величайший праздник мира демонов. В этот день открывались призрачные врата, и вся нечисть, которая обыкновенно прячется во тьме, вырывалась в мир людей безудержной ликующей волной. Живым людям надлежало всячески избегать встречи с ней, в особенности с наступлением ночи — тогда наилучшим решением являлось запереть двери и никуда не выходить. А стоит выйти за порог — шансов наткнуться на чудищ из мира демонов становилось в разы больше, чем в обычные дни. Се Лянь был настолько везуч, что у него и вода застревала в зубах; даже обрядившись в монашеские одежды, он сталкивался с призраками, как это и произошло на сей раз. Со всех сторон повозку окружили плывущие по воздуху тускло-зелёные блуждающие огоньки, множество призрачных душ пытались угнаться за ними. Некоторые же призраки, одетые в саваны, напротив, без всякого выражения что-то бормоча себе под нос, садились в круг и, протягивая руки, собирали бумажные деньги и слитки, а также другие подношения, которые жгли для них потомки.

Представшее взору путников зрелище можно было смело назвать разгулом нечистой силы. Се Лянь продвигался вперёд сквозь самую гущу событий, клятвенно обещая себе впредь всегда сверяться с календарём перед тем как выйти за порог.

Как вдруг раздался истошный крик, словно кто-то зарезал живую курицу:

— Беда! Беда! Мёртвых убивают!

Крики эти до ужаса перепугали толпу нечисти:

— Где? Где? Где мертвых убивают?!

Вновь слышался голос только что кричавшего призрака:

— Страх-то какой! Вон там я увидел множество разбитых блуждающих огней, прямо вдребезги, с невероятной жестокостью!

— Разбитых вдребезги? Но ведь это всё равно что растерзать в ключья трупы! И впрямь, ужасно жестоко!

— Кто мог сотворить подобное? Ведь не может быть... чтобы среди нас затесался какой-нибудь сведущий в магии монах?!

Раздались нестройные голоса безголовых узников:

— А ведь верно, только что на дороге нам преградило путь неизвестное препятствие. Неужели то и был...

— Где? Где?

— Да вон там!

Се Лянь подумал «плохо дело». В следующий миг огромная толпа чудищ, призраков и демонов окружила телегу с быком, лица их скривились в отвращении, раздалось злобное шипение:

— Я слышу запах пышущей жаром энергии Ян...

Теперь им не спрятаться!

Живому человеку нарываться на такую огромную толпу нечисти в Праздник призраков было бы в крайней степени неразумно, и конечно, Се Ляню бы никогда не пришло в голову затевать ссору со всей этой шайкой.

Схватив поводья, он крикнул:

— Пошёл!

Старый бык, до смерти напуганный, уже давно беспокойно рыл землю копытами, а услышав крик, так и вовсе тотчас же сорвался с места вместе с телегой, словно в приступе бешенства. Се Лянь только и успел, что притянуть к себе юношу, сидящего сзади, да предупредить:

— Держись крепче!

Жое вернулась в руки Се Ляня, попутно расчищая путь для бегства; ставшая видимой телега прорвалась сквозь рой блуждающих огней, а за спинами беглецов раздались отвратительные крики чудовищных призраков без рук и без ног, с торчащими клыками и синими мордами:

— Это и вправду монах!!! Проклятый монах, тебе жить надоело?!

— Живой человек посмел вмешаться в наше празднество, так не плачься теперь — сам напросился!

— За ним!

Одной рукой сжимая поводья, Се Лянь вынул откуда-то пригоршню талисманов и бросил за спину с криком:

— Связать!

То был довольно эффективный способ помешать погоне — талисман, замедляющий шаг; позади раздалось несколько глухих ударов, каждый из которых означал появление препятствия на пути нечисти, которое сможет на какое-то время задержать их. Но лишь на

какое-то время. Даже таким количеством талисманов можно было выиграть самое большое — четверть часа. Се Лянь как угорелый гнал быка во весь опор по горной тропе, пока внезапно не раздался его крик:

— Стой...!

Оказалось, что бык притащил телегу к развилке, и Се Лянь, увидев чернеющие впереди две горные тропы, немедленно дёрнул поводья.

Здесь нужно проявить крайнюю осторожность!

В день Праздника призраков путники могли обнаружить под ногами дорогу, которой раньше не существовало вовсе. На неё живому человеку нельзя ступать ни в коем случае. А уж если случайно свернуть не туда, попадёшь во владения мира демонов, и при всём желании вернуться обратный путь станет крайне нелёгким делом!

Се Лянь оказался в этих местах впервые, поэтому не различал, какая из горных тропинок верная. Тогда ему вспомнилось, что кроме мешка с рухлядью он нёс из поселка кое-какую мелочь, среди которой оказался бамбуковый стаканчик для предсказания судьбы^[30].

Решив узнать верную дорогу с помощью стаканчика, Се Лянь перевернул его и начал трясти в руках, приговаривая:

— С благословением небожителей никакие запреты не ведомы! Небесам известны все пути, по какому мне пойти? Первая палочка — левая, вторая палочка — правая! Какую тропу палочка укажет, туда и путь наш ляжет!

Едва он это произнёс — тук-тук! — из стакана выпало две палочки. Подобрал обе, Се Лянь помрачнел.

Неудачная палочка, дурной знак!

Обе палочки оказались неудачными — значит, обе тропы таили в себе опасность, какую ни выбери, всё одно — смерть!

От безысходности Се Лянь вновь схватился за стакан обеими руками и затряс ещё сильнее:

— Стаканчик, стаканчик, мы ведь с тобой сегодня впервые повстречались, ну зачем ты так безжалостен ко мне? Давай-ка ещё разок, окажи любезность!

И снова, стоило ему замолчать — тук-тук! — выпало ещё две палочки. Вот только как ни посмотри, а всё равно обе неудачные, знамение большой беды!

Внезапно Се Лянь услышал рядом голос Сань Лана:

— Может, дашь мне попробовать?

Всё равно хуже уже быть не могло, поэтому Се Лянь протянул стакан с палочками юноше. Сань Лан одной рукой взял стакан, небрежно встряхнул, и тут же выпало две палочки, которые он, не глядя, поднял и протянул Се Ляню. Принц, взглянув на палочки и обнаружив, что обе оказались удачными, не смог сдержать изумления, и вот почему: его собственное невезение разрослось до таких размеров, что зачастую накрывало даже тех, кто находился рядом. Неизвестно, действительно ли дело обстояло именно так, но в любом случае, именно в этом его чаще всего и обвиняли. А новый знакомый Се Ляня, словно вовсе не подвергся его негативному влиянию, с первого раза вытряс две удачные палочки!

Два благоприятных знамения означали, что можно выбирать любую из тропинок. Се Лянь вновь уселся за поводья и погнал телегу вперёд, с искренним восхищением обращаясь к юноше:

— Друг мой, удача благоволит тебе.

Сань Лан небрежно забросил стакан с палочками за спину и с улыбкой произнёс:

— Правда? Мне тоже кажется, что я везучий. Всегда таким был.

Услышав фразу «всегда таким был», Се Лянь в душе посетовал на то, какой бесконечно огромной была разница между ними. Но недолго им пришлось бежать — внезапно со всех сторон раздались вопли призраков:

— Попались! Вот они!

— Все сюда! Этот проклятый монах здесь!!!

Снова вокруг показались пасти призраков. Се Лянь бросил:

— Ах... мы всё-таки выбрали не тот путь.

Действие талисманов, замедляющих шаг, закончилось, и призраки всё же нагнали их!

Вокруг собралось больше сотни различных демонов, призраков и оборотней: разномастная нежить, обступив телегу со всех сторон, всё прибывала и прибывала. Неизвестно, почему именно здесь собралось такое огромное множество нечеловеческих существ, но удивляться не было времени, и Се Лянь спокойным тоном произнёс:

— В мои планы не входило сталкиваться с процессией уважаемых господ, всем сердцем надеюсь, что вы проявите милосердие.

Один из безголовых призраков презрительно сплюнул:

— Тьфу! Вонючий монах, а что же ты сам не проявил милосердие? Это ведь вы только что избili стайку несчастных блуждающих огней!

Напрасно обвинённый Се Лянь ответил:

— Но это не наших рук дело, честное слово! Я ведь всего лишь простой сборщик рухляди.

— Нечего нам зубы заговаривать! Где это видано, чтобы такой как ты собирал мусор? Очевидно, что ты монах! А кроме тебя здесь больше нет наглецов, способных сотворить подобное зверство!

Се Лянь заметил:

— Избиение блуждающих огней совсем не обязательно дело рук монаха.

— А чьих же тогда? Неужто кого-то из нечисти?

Се Лянь незаметно запустил руку внутрь рукава, продолжая разговор:

— Вполне возможно.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, гнусный монах! Ты... ты... ты...

Взорвавшиеся хохотом призраки и демоны внезапно запнулись.

Се Лянь переспросил:

— Я — что?

От вопроса толпа нечисти не просто запнулась, а и вовсе затихла. Они во все глаза уставились на Се Ляня, словно увидели что-то крайне устрашающее. Кто-то широко раскрыл рот; кто-то, наоборот, крепко захлопнул; а несколько безголовых призраков напугались до такой степени, что просто выронили головы из рук.

Се Лянь попытался выяснить, что произошло:

— Уважаемые? С вами...

Вот только толпа вопроса не дослушала. К небывалому удивлению принца, нечисть кинулась врассыпную, словно их смело ураганом.

Се Лянь ошеломлённо проговорил:

— Да ладно???

Он ведь так и не успел вынуть талисманы из рукава, неужели призраки что-то заметили? Нечисть настолько проницательна? Да и не такой уж мощной силой обладали эти талисманы. Се Лянь был в высшей степени обескуражен. Они точно смотрели именно на него?

Или же на что-то другое за его спиной?

Подумав об этом, принц обернулся. За ним оказались крепко спящий в забытии старый хозяин телеги, да ещё юноша, по-прежнему подпирающий щеку рукой.

Сань Лан легко улыбнулся обернувшемуся Се Ляню, опустил руку и произнёс:

— Даочжан, ты столь силён и суров, что распугал целую ораву нечисти одним своим видом.

Принц тоже улыбнулся и ответил:

— Разве? Я и сам не ожидал, что, оказывается, могу быть настолько могущественным.

После чего Се Лянь дёрнул поводья, и телега вновь медленно покатила по тропе. Последующий путь оказался весьма удачным, без каких-либо происшествий, и менее чем через час они неторопливо выползли из леса, вернувшись на просторный тракт. Под горой уже виднелась деревня Водных каштанов, во тьме поблескивала мягкая россыпь её огней.

Дорога вышла именно такой, какую предсказали палочки, выброшенные Сань Ланом: не без удивительных впечатлений, но вполне благополучной.

Подул ночной ветер, и Се Лянь вновь обернулся. Словно пребывая в прекрасном расположении духа, Сань Лан откинулся на соломе, подложив руки под голову и любясь яркой луной в небесах. Облик юноши в прозрачном свете луны казался нереальным.

После недолгого раздумья по лицу Се Ляня разлилась улыбка, он позвал:

— Дорогой друг.

Сань Лан отозвался:

— Что?

— Тебе когда-нибудь предсказывали судьбу?

Сань Лан повернулся к нему.

— Никогда.

— В таком случае, не желаешь ли, чтобы я погадал тебе?

Сань Лан посмотрел на него и с улыбкой спросил:

— Ты хочешь мне погадать?

— Не отказался бы.

Сань Лан ответил с лёгким кивком:

— Хорошо. — Он сел и немного наклонился к Се Ляню со словами: — И какой способ гадания ты изберёшь?

— По руке. Идёт?

Уголок рта Сань Лана слегка изогнулся, но смысл его улыбки остался неясен, юноша лишь произнёс:

— Прекрасно.

После чего протянул левую ладонь.

Пальцы Сань Лана оказались длинными и изящными, с отчётливыми суставами, весьма приятными глазу. Но то была вовсе не нежная красота, в ней крылась невидимая глазу сила, и вряд ли кто-то захотел бы ощутить эти пальцы у себя на шее. Се Ляню вспомнилось, как изменилось лицо юноши от прикосновения его руки, поэтому он решил намеренно избежать физического контакта. Не касаясь ладони Сань Лана, принц склонил голову и внимательно пригляделся.

Белая дымка лунного света заливала всё вокруг не то тьмой, не то светом. Се Лянь смотрел и смотрел на руку юноши, телега медленно тащилась вниз по горной тропе, тихонько поскрипывали её колеса.

Сань Лан спросил:

— Ну как, что-то увидел?

Помолчав ещё немного, Се Лянь неторопливо ответил:

— Рисунок твоей судьбы весьма неплох.

— Правда? И что же в нём хорошего?

Се Лянь поднял взгляд и мягко произнёс:

— По характеру ты вынослив и терпелив, при этом крайне настойчив и упрям. И даже если встретишь на пути множество преград, от своего намерения никогда не отступишься — в этом и есть твоя сила. Весьма часто невзгоды для тебя оборачиваются большой удачей, бедствия становятся добрыми знамениями. Это означает, что тебя ожидают нескончаемые счастливые события. Дорогой друг, твоё будущее выстлано ковром из цветов и залито ярким светом.

Все эти слова были выдумкой Се Ляня, чистой воды вздором. Принц совершенно не владел искусством предсказания судеб. В одном из прошлых изгнаний он в какой-то момент страшно пожалел, что не обучался гаданию по лицу и рукам у наставников монастыря Хуанцзи. А если бы обучился, то в мире людей ему не пришлось бы петлять да плясать на улицах, показывая трюки и разбивая огромные камни на груди. Се Лянь предложил юноше предсказать судьбу совершенно по

иной причине: ему необходимо было выяснить, имеются ли на ладонях и пальцах Сань Лана узоры из линий.

Обыкновенная нечисть могла надевать на себя фальшивое обличье и притворяться живым человеком, вот только в деталях, таких как линии на ладонях и пальцах или кончики волос, демоны не могли достичь идеальной схожести. Но этот юноша... мало того, что от него не исходило ни единого признака движения магической силы, с помощью которого можно было обнаружить обман, но ещё и линии на ладонях виднелись предельно отчётливо. И если предположить, что он действительно переодетый демон, тогда существовало лишь одно объяснение, ведь достичь подобного уровня перевоплощения мог лишь демон рангом выше «свирепого». Но для чего Князю Демонов столь высокого статуса тратить своё драгоценное время на то, чтобы проехаться с Се Лянем в телеге до какой-то горной деревушки? Ведь, как и бессмертные боги Небесных чертогов, Князя Демонов ежедневно бегали от одного важного дела к другому, так что ноги едва касались земли!

Се Лянь, с неохотой нацепив маску абсолютной уверенности, прибавил несколько многозначительных фраз, но в итоге уже не знал, что ещё придумать, а Сань Лан так и глядел на принца во все глаза, слушая его бредни и тихонько посмеиваясь, да так, что даже его усмешка наводила на кое-какие размышления. В конце концов, юноша спросил:

— Что-нибудь ещё? А?

Се Лянь, взмолившись про себя, чтобы ему больше не пришлось ничего выдумывать, поинтересовался:

— А что ты хотел бы узнать?

— Раз уж ты искусный гадатель, неужели не предскажешь мне любовь, предначертанную судьбой?

Се Лянь тихо кашлянул и серьёзно ответил:

— Я ещё недостаточно познал искусство предсказания, признаки брачных уз мне не разглядеть. Но всё же я думаю, что тебе не стоит из-за этого переживать.

Бровь Сань Лана подскочила вверх, он с интересом спросил:

— С чего ты взял, что мне не стоит из-за этого переживать?

Се Лянь расплылся в улыбке.

— Наверняка множество красавиц положат на тебя глаз.

— Ну а с чего же ты решил, что множество красавиц положат на меня глаз? — не унимался юноша.

Се Лянь было собирался продолжить отвечать на вопросы, как вдруг осознал: мальчишка всего лишь хотел выудить из его уст похвалу и восхищение. И глупо, и забавно.

Не зная, что теперь ответить, Се Лянь потёр точку между бровей и вздохнул:

— Сань Лан.

Впервые Се Лянь назвал его Сань Ланом. Юноша, услышав это, рассмеялся, и наконец отстал. Телега как раз добралась до самой деревни, принц развернулся, прикрыл лицо, чтобы никто не увидел его, и поскорее слез с повозки. Сань Лан спрыгнул следом, но стоило Се Ляню поднять на него взгляд, как он заметил, что юноша ростом выше него самого; всю дорогу он лениво лежал или сидел, а теперь, когда оба они стояли, принц даже не мог поравняться с мальчишкой взглядом.

Юноша довольно потянулся, стоя перед телегой, а Се Лянь спросил:

— Сань Лан, куда ты отправишься?

Тот со вздохом ответил:

— Не знаю. Буду спать на улице или отыщу какую-нибудь горную пещеру, тоже сгодится.

— Так не пойдёт.

Сань Лан развёл руками:

— Ничего не поделаешь, мне больше некуда идти. — Скосив взгляд на Се Ляня, он снова усмехнулся и произнёс: — Благодарю за предсказание. И за твои добрые слова. Может, ещё свидимся.

Услышав благодарности за предсказание, Се Лянь покрылся испариной. А увидев, что юноша действительно развернулся и собрался уходить, поспешно окликнул его:

— Подожди, если не побрезгуешь, можешь поселиться в моём монастыре.

Сань Лан, застыв в полуобороте, спросил:

— А можно?

— Домик, вообще-то, мне не принадлежит, но я слышал, что в нём часто ночуют прохожие путники. Боюсь лишь, что жилище это слишком убогое для тебя, и ты не захочешь там жить.

Если юноша и вправду являлся сбежавшим из дому молодым господином, нельзя допустить, чтобы он вот так скитался где попало. Се Лянь сильно сомневался, что юноша сможет долго продержаться на одной лишь половинке маньтоу, съеденной накануне. Если так пойдёт и дальше, рано или поздно он, в самом деле, упадёт без сознания где-нибудь на дороге. Услышав слова Се Ляня, Сань Лан окончательно развернулся и, ничего не ответив, подошёл ближе и наклонился над принцем. Се Лянь даже не успел понять, что тот собирается сделать, лишь ощутил, что расстояние между ними внезапно невыносимо уменьшилось, так что стало трудно дышать.

Юноша вновь отпрянул. Оказалось, он всего лишь взял из-за спины Се Ляня тот огромный мешок с рухлядью. Раздался его голос:

— Ну так идём!

Се Лянь просто застыл на месте. Наблюдая, как высокий и стройный юноша помогает ему нести огромный мешок рухляди, оставаясь при этом в абсолютном спокойствии, в душе Се Лянь прямо-таки взмолился о прощении за подобное проявление неуважения. Сань Лан уже отошёл от повозки на несколько шагов, когда Се Лянь всё же решил направиться следом, но внезапно вспомнил о старом погонщике, по-прежнему лежащем на телеге без сознания. Принц немедленно вернулся, коснулся точки на теле старика, чтобы разбудить беднягу, и настойчиво попросил ни в коем случае никому не рассказывать о том, что случилось с ними этой ночью. Старик, памятуя об увиденных своими глазами способностях Се Ляня, конечно, быстро закивал, не смея перечить просьбе, затем поспешил домой вместе со своим быком.

Се Лянь забрал из телеги свёрнутую циновку, забросил её на спину и, обернувшись, увидел, как Сань Лан, одной рукой неся мешок с рухлядью и всяким скарбом, беззаботно поднимается на холм.

Оказавшись перед покосившимся строением монастыря Водных каштанов, Сань Лан опустил взгляд и прыснул со смеху, как будто увидел что-то крайне забавное. Се Лянь, приблизившись и заметив, что юноша изучает объявление об обветшалом состоянии монастыря и просьбе о посильном подаянии, тихо кашлянул и произнёс:

— Вот видишь, всё именно так. Поэтому я и сказал, что ты, возможно, не захочешь здесь жить.

Сань Лан ответил:

— Сойдёт.

В прошлом именно Се Ляню приходилось говорить людям «неплохо, вполне сойдёт», сегодня же он впервые услышал, как кто-то сказал подобную фразу ему, и ощущения от услышанного оказались невероятно трудно описать. Прежняя деревянная дверь сгнила, и Се Лянь снял её с петель, заменив простой бамбуковой занавеской, приоткрыв которую, обратился к Сань Лану:

— Заходи.

Сань Лан последовал за ним в домик.

Всё внутреннее убранство можно было рассмотреть с одного взгляда: здесь стоял лишь прямоугольный стол для подношений, два маленьких деревянных табурета, круглая подстилка из тростника да ящик для сбора пожертвований. Се Лянь взял мешок из рук Сань Лана и разложил на столе для подношений стаканчик для гаданий, курильницу для благовоний, бумагу, кисть для каллиграфии и ещё кое-какие мелочи. Затем зажёл красную свечу, которую принцу во время собирания мусора в посёлке сунули в руки добрые люди — и домик изнутри озарился тусклым светом. Сань Лан от нечего делать взял со столика стаканчик для гаданий, потряс его в руке, поставил обратно и поинтересовался:

— Итак, а есть ли у тебя кровать?

Се Лянь повернулся к нему, молча развернул циновку, которую нёс на спине, и указал юноше на неё.

Сань Лан вскинул бровь.

— Только одна, да?

Се Лянь встретил юношу уже по пути обратно, разумеется, он не мог заранее предугадать, что надо бы купить ещё одну циновку.

Принц произнёс:

— Если ты не против, сегодня мы можем потесниться на одной.

Сань Лан ответил:

— Можно.

Се Лянь взял метлу и снова принялся подметать пол. Сань Лан тем временем, осмотревшись вокруг, спросил:

— Даочжан гэгэ, тебе не кажется, что в твоём монастыре кое-чего не хватает?

Се Лянь, как раз закончив подметать, присел на корточки, чтобы расстелить циновку. Услышав вопрос, он ответил, не отрываясь от

процесса:

— Я думаю, что не хватает лишь прихожан, стало быть, остальное на месте.

Сань Лан тоже присел на корточки, подпёр щеку ладонью и спросил:

— А как насчёт статуи божества?

Стоило ему напомнить, как Се Лянь моментально осенило: он и впрямь совершенно позабыл о самом главном — о статуе божества!

А какой же монастырь без статуи? Его и монастырём не назовёшь. Несмотря на то, что божество самолично присутствовало в нём, всё же принц не мог каждодневно сидеть перед алтарём и принимать подношения.

Поразмыслив с минуту, Се Лянь нашёл выход из положения.

— Сегодня я купил бумагу и кисть, а завтра нарисую образ божества и повешу его над алтарём.

Если весть о том, что он написал свой портрет и вывесил в своём же монастыре, достигнет Небесных чертогов, скорее всего, над принцем будут смеяться ещё лет десять. Но чтобы вырезать настоящую статую, нужны и денежные, и временные затраты, так что, обдумав оба варианта, Се Лянь решил, что лучше пусть над ним смеются десять лет.

К его полнейшей неожиданности, Сань Лан заявил:

— Рисовать? Я умею. Помочь тебе?

Се Лянь сначала замер, но потом рассмеялся:

— Что ж, в таком случае, заранее благодарю тебя. Вот только, боюсь, что ты не сумеешь нарисовать наследного принца Сяньлэ.

В конце концов, почти все его портреты подверглись сожжению восемьсот лет тому назад, и сколько бы из них ни дожили до сегодняшнего дня, наверняка людей, которые видел эти портреты, можно было сосчитать по пальцам. Сань Лан, однако, возразил:

— Конечно, я сумею. Мы ведь только что в телеге как раз заговорили о Его Высочестве наследном принце, разве нет?

Се Лянь вспомнил. Действительно, в дороге на его фразу «Ты, наверное, о нём и не слышал» юноша так ничего и не ответил. А теперь его слова изрядно удивили принца. Он закончил стелить циновку, выпрямился и спросил:

— Неужели, Сань Лан, ты и правда знаешь о нём?

Сань Лан уселся на расстеленную циновку.

— Знаю.

То выражение и манера, с которой звучал ответ, показались Се Ляню весьма любопытными. Юноша часто улыбался, но всегда было трудно определить, что скрывалось за его улыбкой: веселье или же насмешка над не слишком умным собеседником. Пока они ехали в деревню, Се Лянь слушал рассказы юноши обо всём на свете, и сейчас принца заинтересовало, какую оценку Сань Лан даст ему самому. Так что он тоже уселся рядом на циновку и спросил:

— И что же ты думаешь о наследном принце Сяньлэ?

Они переглянулись в тусклом свете красной свечи, пламя слегка дрогнуло. Сань Лан сидел спиной к свету, его чёрные глаза потонули во мраке, не представлялось возможным разглядеть, что отражается в них. Некоторое время спустя раздался его голос:

— Мне кажется, Цзюнь У просто ненавидит его.

Се Лянь подобного ответа не ожидал, и потому задумался, прежде чем спросить:

— И почему же тебе так кажется?

Сань Лан продолжил:

— Иначе зачем он дважды изгнал принца с Небес?

Услышав вопрос, Се Лянь мягко улыбнулся, а про себя подумал: «Всё-таки он мыслит ещё как ребенок».

Он опустил голову и произнёс, одновременно развязывая пояс на одеянии:

— Это никак не связано с наличием или же отсутствием ненависти. Многие вещи в мире нельзя объяснить просто с точки зрения неприязни или же симпатии.

Сань Лан сказал лишь:

— Оу.

Повернувшись, чтобы снять белые монашеские сапоги, Се Лянь добавил:

— Кроме того, совершив ошибку, нужно принять наказание. Владыка всего лишь оба раза добросовестно исполнил свой долг, вот и всё.

Сань Лан ушёл от спора, ответив:

— Может и так.

Се Лянь снял одежду и аккуратно сложил её на столе для подношений. Принц собирался было сказать ещё что-то, однако обернувшись, увидел, что взгляд Сань Лана направлен на его ногу.

И взгляд этот казался весьма странным: можно назвать его ледяным, да только недолго и ошпариться; можно назвать его пылающим, но внутри всё же скрывался холод. Се Лянь, опустив голову, всё понял. Юноша смотрел не на что иное, как на чёрную проклятую кангу на его правой лодыжке.

Первая проклятая канга крепко опоясывала его шею, вторая плотно обнимала ногу. Как ни посмотри, обе располагались на не совсем привычных местах, да к тому же их нельзя было скрыть. Раньше, если кто-то спрашивал Се Ляня об этом, он наобум отвечал, что того требуют его тренировки в самосовершенствовании, но если сейчас об обручах спросит Сань Лан, наверняка будет не так просто придумать ответ.

Однако, вопреки ожиданиям, Сань Лан лишь некоторое время посмотрел на его ногу, но говорить ничего не стал. Се Лянь также решил не заострять на этом внимания и лёг на циновку. Юноша смиренно улёгся рядом, прямо в одежде: судя по всему, не привык спать на полу раздетым. Се Лянь подумал, что всё-таки стоит где-то раздобыть кровать, а вслух сказал:

— Отдыхай.

Лёгким выдохом он погасил пламя красной свечи.

На рассвете следующего дня, когда Се Лянь открыл глаза, Сань Лана рядом не оказалось. А когда он поднял взгляд, сердце его дрогнуло. Над столом для подношений уже висел портрет.

А на портрете красовался юноша в парадном одеянии, с золотой маской на лице, в одной руке он держал меч, в другой — цветок. Стиль рисунка был непревзойдённо хорош, краски утончёнными и притягивающими взгляд. То был истинный портрет «Наследного принца Сяньлэ под маской бога».

Се Лянь уже много лет не видел подобных картин, а взглянув на эту, долго не мог пошевелиться. Лишь спустя какое-то время он поднялся, надел монашеские одежды и поднял занавеску в монастырь. Сань Лан стоял снаружи, спрятавшись в тени и откинувшись назад, поигрывая метлой в руках и глядя на небо, словно мучаясь от безделья.

Кажется, юноша действительно не слишком любил солнечный свет. Он глядел вверх с таким выражением лица, словно обдумывал способ сбить солнце с неба и растоптать ненавистный шар, чтобы от него остался лишь сноп сияющих искр. Снаружи высилась куча опавших листьев, которые уже были сметены в сторону. Се Лянь, выйдя за порог, спросил:

— Как тебе спалось прошлой ночью?

Сань Лан, всё так же опираясь на стену, повернулся к нему и ответил:

— Неплохо.

Се Лянь подошёл, взял метлу из его рук и задал ещё вопрос:

— Сань Лан, портрет на стене монастыря, его ты нарисовал?

— Гм.

— Отличная работа.

Уголки рта юноши на миг приподнялись, однако он ничего не сказал в ответ.

Возможно, потому, что вчера ночью он беспокойно спал, сегодня его волосы выглядели ещё более растрёпанными. Пряди торчали во все стороны, крайне небрежно, но по правде говоря, также и крайне симпатично: свободно, но не беспорядочно, с ноткой лукавности. Се Лянь спросил, указав на свои волосы:

— Может быть, я помогу тебе?

Сань Лан кивнул и направился за Се Лянем в дом. А когда уселся, принц распустил его волосы и, взяв чёрные пряди в руки, начал с преспокойным видом внимательно рассматривать их.

Пускай даже линии на ладонях и пальцах юноши были идеальными — не придерёшься, а всё-таки перекинувшаяся в человека нечисть всегда в чём-то, да допустит ошибку. Волосы живого человека невозможно сосчитать, но при этом каждый волосок отдельный, разглядеть его можно очень чётко. А что касается демонов, многие надевали на себя фальшивую телесную оболочку, волосы которой выглядели либо цельным чёрным облаком, либо склеенными вместе, словно тканые лоскуты, либо... волосы и вовсе не росли на их головах.

Вчера вечером Се Лянь убедился, что линии на руках и пальцах юноши на месте, и на этом принцу бы успокоиться, однако, увидев портрет, нарисованный утром, он вновь не смог удержаться от смутных подозрений.

Разве обычный человек мог бы нарисовать подобную картину?

Пальцы его мягко скользили по волосам юноши, медленно перебирая пряди и пытаясь разглядеть недочёты, однако волосы Сань Лана оказались натуральными, очевидно, без каких-либо странностей. Спустя некоторое время, возможно оттого, что Сань Лану стало щекотно от поглаживаний принца, он хохотнул, склонил голову, искоса глядя на Се Ляня, и спросил:

— Гэгэ, ты помогаешь мне причесаться или хочешь сделать что-то другое?

С распущенными волосами юноша выглядел ослепительно прекрасно, без изъяна, даже прибавилось очарования. Его вопрос звучал насмешливо, на что Се Лянь с улыбкой ответил:

— Уже всё, — и быстро собрал волосы юноши в хвост.

Вот только, когда утренний туалет в исполнении принца был завершён, Сань Лан посмотрел в отражение в тазу с водой, затем обернулся к Се Ляню и приподнял бровь. Принц же, поглядев на него, лишь тихонько кашлянул.

Только что причёска Сань Лана выглядела кривой, а теперь, когда Се Лянь причесал его, она по-прежнему осталась кривой.

И хотя Сань Лан ничего не говорил, а лишь смотрел на него, Се Ляню показалось, что он не смущался вот так уже по меньшей мере несколько сотен лет. Только принц собирался опустить руки и сказать «подойди, давай попробуем ещё раз», как снаружи раздался многоголосый галдёж, следом за топотом стали слышны отчётливые крики:

— Святой!!!

Се Лянь, услышав подобное, удивлённо выбежал на улицу и увидел толпу, окружившую монастырь: каждый выглядел взволнованным, лица их покраснели, а староста деревни, который всех и привёл, одним прыжком оказался подле Се Ляня, схватил того за руку и принялся восклицать:

— Святой! В нашей деревушке наконец-то появился настоящий святой с небес! Поистине, прекрасное событие!!!

Се Лянь так и остолбенел.

Остальные жители деревни окружили их и заголосили:

— Святой, добро пожаловать в нашу деревню Водных каштанов! Живи на здоровье!

— Святой! Ты можешь ниспослать мне благословение на поиски жены?!

— Святой! А можешь благословить, чтобы в моём доме поскорее родился ребенок?!

— Святой! Я принёс тебе свежих водяных каштанов! Хочешь поесть?! А заодно благослови меня на сбор богатого урожая в этом году, идёт?!

Деревенские жители оказались слишком гостеприимными. Се Лянь, осаждённый ими со всех сторон, непрерывно отступал назад, про себя горестно причитая. Вчерашний старик всё-таки оказался болтуном, ведь Се Лянь просил его держать рот на замке, но сегодня, едва встав с постели, принц стал известен на всю деревню!

Местные, в сущности, даже не знали, которому божееству посвящён этот монастырь, но каждый непременно желал возгласить внутри благоволия: ведь не важно, что за божеество, на Небесах кругом одни лишь божеества, какому ни поклонись, хуже точно не сделается. Се Лянь вначале предполагал, что никто так и не придёт в его монастырь, и за целый год ему не дожидаться и десяти прихожан, поэтому приготовил лишь маленькую связку благоволий. Кто же знал, что толпа разберет всё подчистую — курильница для благоволий оказалась сплошь утыкана зажжёнными палочками, а комната заполнилась ароматным дымком. Давно отвыкший от запаха благоволий, Се Лянь закашлялся, при этом отвечая на вопросы молящихся:

— Кхэ-кхэ, уважаемые односельчане, божеество не сможет пообещать вам несметные богатства, правда, кхэ, прошу вас, ни в коем случае не просите о деньгах! Последствия могут оказаться непредсказуемыми! Простите, но брак тоже не в его компетенции... Нет, нет и нет, рождением детей он также не ведаёт...

Сань Лан, не обращая внимания на кривую причёску, сидел у ящика для пожертвований и одной рукой подпирал подбородок, а другой неспешно закидывал в рот водяные каштаны. Многие деревенские девушки, завидев юношу, заливались краской поярче румяной зари и спрашивали у Се Ляня:

— А нельзя ли...

И хотя они даже не успевали сказать, что им нужно, Се Лянь немедленно прерывал их речи:

— Нельзя!

Наконец, толпа еле-еле схлынула, только теперь стол для подношений оказался завален фруктами, дынями и овощами, даже рисом, лапшой и другими продуктами. Что ни говори, а всё-таки неплохое подношение. Се Лянь принялся выметать наружу мусор, оставшийся после прихожан.

Сань Лан вместе с ним вышел из монастыря и произнёс:

— Неплохой улов.

Се Лянь, не отвлекаясь от подметания, заметил:

— В обычных обстоятельствах ещё полмесяца никто даже не заглянул бы сюда.

— Разве?

Се Лянь глянул на него и с улыбкой сказал:

— Видимо, я просто зацепился за твою удачу, Сань Лан.

С этими словами он вспомнил, что собирался заменить занавеску на двери, поэтому достал из рукава новую и повесил в проёме. Отступив на несколько шагов назад, чтобы её разглядеть, Се Лянь заметил, что Сань Лан остановился рядом. Принц повернулся к нему и спросил:

— Что-то не так?

Сань Лан, не отрываясь, смотрел на занавеску с задумчивым видом. Проследив за его взглядом, Се Лянь обнаружил, что юноша смотрит на заклятия, изображённые на занавеске.

Талисман этот принц нарисовал на скорую руку, заклятия на нём теснились в несколько слоёв друг на друге, распространяя довольно серьёзную защитную ауру. Талисман предназначался для отпугивания нечистых сил, мог предотвратить вторжение демонических тварей извне. Вполне возможно, что надписи также притягивали неудачи, поскольку были выполнены лично рукой Се Ляня, но пока это выяснить не представлялось возможным. И раз уж двери в монастыре не имелось, принц всё же решил нарисовать на занавеске талисман, для пущей сохранности.

Теперь же, увидев, как юноша неподвижно застыл прямо перед талисманом, Се Лянь ощутил, как дрогнуло сердце, и позвал:

— Сань Лан?

Неужели это талисман преграждал ему путь, не позволяя переступить порог монастыря?

Необычная беседа о Крепости Полумесяца в монастыре Водных каштанов

Сань Лан взглянул на принца, улыбнулся и ответил:

— Я ненадолго отлучусь.

Легко обронив эту фразу, юноша немедля развернулся и ушёл. Здравый смысл подсказывал Се Ляню, что стоило бы догнать его и расспросить, но в то же время принца посетило странное чувство — ведь юноша сказал, что отлучится ненадолго, а значит, слишком много времени ждать его не придётся, и он наверняка вернётся снова. Се Лянь в одиночестве вошёл в монастырь.

Порывшись в куче барахла, которое он вчера вечером насобирав, шатаясь по улицам посёлка, Се Лянь одной рукой вытащил котелок, а другой нашарил широкий кухонный тесак. Оглядев фрукты и овощи, лежащие на столе, принц принялся за дело.

Прошло около получаса, когда снаружи монастыря Водных каштанов всё-таки послышался звук шагов — неспешных, но и не прогулочных; едва услышав этот звук, можно было легко представить юношу, вольготно выхаживающего по дороге к монастырю.

К тому времени овощи в руках Се Ляня уже превратились в два блюда, на которые он смотрел уж и так, и сяк, но в конце концов тяжело вздохнул, не желая больше смотреть, вышел на улицу и, как ожидал, снова увидел Сань Лана.

Вероятно, от того, что солнце пекло слишком сильно, юноша снял верхнюю красную рубаху и небрежно повязал её на поясе. Сверху осталась лишь лёгкая белая сорочка, рукава которой юноша закатал, всем своим видом выражая любовь к чистоте. Одной ногой наступив на прямоугольную доску, в левой руке он крутил меч для рубки хвороста. Наверное, позаимствовал у местных. С виду меч казался притуплённым и тяжёлым, но при этом легко порхал в руках юноши, даже, кажется, сделался остро заточенным, время от времени откалывая щепки от доски, словно снимая шкуру. Мельком заметив, что Се Лянь вышел из монастыря, Сань Лан объяснил:

— Хочу кое-что смастерить.

Се Лянь приблизился и увидел, что юноша, оказывается, мастерит новую дверь. К тому же, точно по размеру, аккуратную и красивую, с гладкой поверхностью, весьма искусной работы. Поскольку юноша был выходцем не из простолюдинов, Се Лянь посчитал, что он, вероятно, совершенный невежда во всём, что касается работы руками. Оказалось же, что юноша справляется с таким нелёгким делом вполне проворно, поэтому принц произнёс:

— Спасибо тебе за помощь, Сань Лан.

Тот лишь улыбнулся, ни слова не сказав в ответ. Отбросив меч для хвороста в сторону, он установил дверь на место, постучал в неё и обратился к Се Ляню:

— Раз ты собрался рисовать защитный талисман, рисуй сразу на двери, так ведь намного лучше, не находишь?

Договорив, юноша, как ни в чём не бывало, приподнял занавеску и вошёл внутрь.

По всей видимости, суровые заклинания на занавеске совершенно не возымели на него устрашающего действия, Сань Лан абсолютно не обратил на них внимания.

Се Лянь закрыл новую дверь, потом не сдержался и открыл снова, потом закрыл, опять открыл, закрыл, и подумал, что дверь и впрямь отличная. Вот так он открывал и закрывал её, пока не осознал, что, должно быть, выглядит весьма глупо. Сань Лан тем временем уже уселся внутри. Се Лянь бросил развлекаться с дверью, вынул тарелку маньтоу, поднесённых утром жителями деревни, и поставил на стол.

Сань Лан, посмотрев на маньтоу, не обронил ни слова, лишь тихонько усмехнулся, словно что-то разглядел. Се Лянь же, сохраняя невозмутимость, налил два стакана воды и уже собирался сам сесть к столу, как вдруг заметил на предплечье Сань Лана под закатанным рукавом рубашки вытатуированную иероглифическую надпись, весьма странную на вид. Сань Лан, заметив его взгляд, опустил рукав и с улыбкой пояснил:

— В детстве наколол.

Раз уж юноша скрыл надпись, значит, говорить о ней не собирался. Се Лянь это понял, поэтому сел, поднял взгляд на картину, написанную юношей, и поинтересовался:

— Сань Лан, портрет просто замечательный, неужели кто-то из твоей семьи научил тебя рисовать?

Сань Лан, несколько раз проткнув палочками маньтоу, ответил:

— Никто меня не учил. Я рисовал для собственного удовольствия.

— Но как же ты научился писать даже «Наследного принца Сяньлэ под маской бога»?

Сань Лан с улыбкой ответил:

— Ты разве не сказал, что мне известно всё на свете? Конечно, я знаю и как нарисовать его портрет.

Ответ прозвучал весьма нахально, но в то же время простодушно и открыто, словно юношу совершенно не беспокоили подозрения Се Ляня, и он не боялся неудобных вопросов. Се Лянь же расплылся в улыбке и больше ничего не спросил. Внезапно снаружи вновь послышался шум и гам. Оба, не сговариваясь, подняли взгляд друг на друга.

Кто-то затарабанил в дверь с криком:

— Святой! Ох, беда, святой, на помощь!

Се Лянь, открыв дверь, увидел толпу народа, которая стояла, образовав круг. Староста деревни, заметив принца, обрадовано заголосил:

— Святой! Этот человек, кажется, при смерти! Скорее, спаси его!

Услышав, что кто-то при смерти, Се Лянь торопливо подошёл разузнать, в чём дело. Оказалось, что толпа окружила монаха, нечёсаного, неумытого, да ещё с ног до головы покрытого жёлтым песком. Одежды его были изодраны, а подошвы башмаков стёрты до дыр, словно он много дней провёл в бегах, а сейчас, не выдержав усталости, свалился без сознания, тут жители деревни его и подобрали.

Се Лянь заверил:

— Не о чем беспокоиться, он ещё жив.

Наклонившись к бедняге, принц нажал на несколько точек на его теле, попутно замечая при нём немало предметов, таких как восьмиугольный гадательный диск и стальной меч, которые являлись действующими артефактами. Видимо, незнакомец — не просто странствующий путник, и от этой мысли сердце Се Ляня наполнилось тяжестью. Совсем скоро монах наконец постепенно пришёл в себя и хрипло проговорил:

— Что это за место?..

Местные ответили ему:

— Деревня Водных каштанов!

Монах забормотал:

— Выбрался... Я выбрался... Наконец-то удалось сбежать... —
Оглядевшись по сторонам, он вдруг распахнул глаза и в страхе
заголосил: — Спаси... спасите, помогите!

Подобную реакцию Се Лянь предвидел сразу. Он обратился к
монаху:

— Уважаемый друг на тропе самосовершенствования, что же всё-
таки с вами приключилось, кого нужно спасти, в чём дело? Не
переживайте так, спокойно всё расскажите.

Жители деревни поддержали:

— Ага, бояться не надо, наш местный святой уж точно поможет
тебе уладить любое дело!

Се Лянь застыл в неловком замешательстве.

Односельчанам ни разу не приходилось видеть, применял ли он
какие-либо чудесные способности, но, тем не менее, они
действительно считали его живым божеством, так что Се Лянь даже не
знал, что на это ответить, про себя подумав: «Я бы ни в коем случае не
стал обещать уладить любое дело».

Затем принц задал монаху вопрос:

— Откуда ты держишь свой путь?

Тот проговорил:

— Я... я пришёл из Крепости Баньюэ^[31]!

Люди вокруг, услышав его ответ, стали непонимающе
переглядываться.

— Где она находится, эта Крепость Баньюэ?

— Никогда не слышал ничего подобного!

Се Лянь же произнёс:

— Но Крепость Баньюэ располагается на северо-западе, весьма
далеко от здешних краёв. Как же ты добрался сюда?

Монах ответил:

— Я... я с огромным трудом выбрался оттуда.

Речь его звучала сбивчиво, настрой был крайне беспокойным. В
подобных обстоятельствах, чем больше кругом зевак, тем сложнее
говорить, язык незнакомца заплетался, он даже расслышать Се Ляня не
мог, не то что ему ответить, поэтому принц решил:

— Давай войдём внутрь и там поговорим.

Он помог монаху подняться и повёл его в монастырь, через плечо обратившись к жителям деревни:

— Прошу всех возвращаться по домам, не нужно здесь толпиться.

Но люди никак не унимались:

— Святой, но что же с ним случилось?

— Да, что с ним такое?

— Если помощь нужна, так мы всей деревней поможем!

Однако, чем сильнее они распалялись, тем меньше помощи от них можно было ожидать. Се Ляню ничего другого не оставалось, как понизить голос и опасливо проговорить:

— Он... возможно, одержим.

Его слова повергли жителей в ужас. Только одержимого в их деревне не хватало! Лучше уж на него не глядеть, а поскорее разойтись по домам. Се Лянь, не зная, плакать или смеяться, вошёл в монастырь и затворил за собой дверь. Сань Лан всё так же сидел за столом и поигрывал палочками для еды. Его взгляд тоже ярко сверкнул интересом при виде монаха, и Се Лянь ответил:

— Всё в порядке, не отвлекайся от еды.

Усадив монаха, принц встал перед ним и продолжил разговор:

— Уважаемый друг, я — хозяин местного монастыря, можно считать, тоже заклинатель, как и ты. Не стоит волноваться, можешь рассказать всё, что тебя беспокоит. Возможно, если я в чём-то могу тебе помочь, то сделаю всё, что в моих силах. Так что же случилось в Крепости Баньюэ?

Монах несколько раз тяжело вздохнул, словно, оказавшись в месте, где людей поменьше, да ещё услышав слова утешения, наконец смог успокоиться. Он спросил принца:

— Ты разве никогда не слышал о ней?

— Почему же, слышал. Крепость Баньюэ построена посреди оазиса в пустыне. Ночью виды там исключительно прекрасные, из-за одного такого ночного пейзажа это место и получило своё название.

— Оазис? Прекрасные пейзажи? Да ведь это всё дела двухсотлетней давности, а теперь для Крепости сойдет название Баньмин — «отнимающая половину жизни»!

Се Лянь на миг застыл в растерянности.

— В каком смысле?

Лицо монаха сделалось бледным, бледным до ужаса, он заговорил:

— Всё потому, что кто бы ни проводил через неё свои караваны, половина путников исчезает без следа, это ли не истинная «Крепость, отнимающая половину жизней»?

Об этом Се Лянь и впрямь не слышал. Поэтому спросил:

— Кто это сказал?

Монах завопил:

— Да никто этого не говорил, я видел своими глазами! — Приподнявшись, он добавил: — Один торговый караван намеревался пройти через Крепость, однако, памятуя о недоброй славе того места, купцы попросили учеников нашего монастыря сопровождать их в качестве охраны, а в итоге... — В голосе его послышались горечь и негодование. — В итоге из того похода вернулся лишь я один!

Се Лянь поднял руку, давая знак монаху, чтобы тот сел обратно и не волновался, и спросил:

— Сколько человек участвовало в походе?

— Весь наш монастырь, да ещё торговцы... более шестидесяти человек!

Более шестидесяти человек. Демоница Сюань Цзи за сотню лет похищения невест, согласно окончательным подсчетам дворца Линвэнь, погубила не более двух сотен. Ну а если верить словам этого человека, подобные пропажи караванов продолжают уже больше ста лет, и в том случае, если каждый раз исчезает такое количество народа, то, складывая всё вместе, невозможно не задуматься.

Се Лянь продолжал:

— С какой поры Крепость Баньюэ превратилась в... «отнимающую половину жизней»?

— Где-то... сто пятьдесят лет назад, с тех пор, как то место превратилось во владения чародея.

Се Лянь ещё хотел бы расспросить его подробнее о том, с какой напастью он и остальные путники столкнулись в том походе, и о каком «чародее» говорит незнакомец, вот только с самого начала разговора в его душу закралось смутное ощущение, что здесь что-то не так. И сейчас принц уже не мог скрывать охватившее его странное чувство, поэтому придержал язык и слегка нахмурился.

Неожиданно раздался голос Сань Лана:

— Так ты всю дорогу бежал сюда из Крепости Баньюэ?

Монах воскликнул:

— Да, эх! Чудом в живых остался.

Сань Лан на это лишь хмыкнул и больше ничего не сказал. Однако хватило и одного вопроса, чтобы Се Лянь понял, что здесь не так.

Он развернулся к монаху и мягко спросил:

— Раз ты бежал всю дорогу, тебя наверняка мучает жажда.

Монах застыл. А Се Лянь уже поставил перед ним чашу с водой и произнёс:

— У нас есть вода, уважаемый друг, прошу, выпей немного.

Монах взглянул на чашу, и в его взгляде на короткий миг мелькнуло сомнение. Се Лянь же встал рядом, спрятав руки в рукава, в молчаливом ожидании.

Раз уж монах пришёл пешком с северо-запада, да к тому же торопился спастись от смерти, наверняка его мучила жажда и ужасный голод, а судя по его виду, навряд ли в дороге он находил свободную минуту, чтобы поесть и утолить жажду.

И всё же, едва он очнулся, как сразу же заговорил с ними, и говорил довольно долго, ни разу не обмолвившись просьбой о еде или питье. Когда монах оказался в монастыре, прямо перед ломящимся от разнообразных яств столом, в его взгляде не мелькнуло и намёка на жажду или голод, он даже не взглянул в сторону кушаний.

Поведение поистине странное для живого человека.

Под пристальным вниманием монах взял чашу с водой, слегка сторбился и медленно начал пить. Тем не менее, судя по его виду, вода вовсе не явилась для монаха благодатным дождём после засухи, даже наоборот — пил он неуверенно, будто остерегаясь чего-то.

Пока монах утолял жажду, Се Лянь услышал отчетливое «бульк», «бульк», словно вода лилась в пустой сосуд.

Истина в его голове моментально прояснилась окончательно. Се Лянь схватил монаха за руку и произнёс:

— Хватит.

Тот в нерешительности воззрился на принца, рука его дрогнула. Се Лянь же с лёгкой улыбкой продолжал:

— Нет никакого толка от питья, верно?

Монах изменился в лице, другая его рука метнулась к стальному мечу на поясе, остриё которого немедленно направилось на принца. Се Лянь не сдвинулся с места, лишь взмахнул плоской ладонью — «цзынь!» — и с лёгкостью отбил клинок меча. Монах, осознав, что противник всё ещё крепко держит его за руку, дёрнулся прочь, сжав зубы. Се Лянь ощутил, как рука монаха сморщилась, словно кожаный мяч, из которого выпустили воздух, и с шипящим свистом легко выскользнула из ладони. Едва монаху удалось высвободить руку, он тут же рванулся к двери. Однако Се Лянь не спешил бросаться вдогонку. В месте, где никакая нечистая сила извне не могла вмешаться, пусть даже монах отбежит на десять чжанов, Жое все равно настигнет его и притащит обратно. Однако, к великой неожиданности Се Ляня, стоило ему приподнять запястье, как мимо него быстро пролетело что-то, резким свистом прорезая воздух.

Будто бы кто-то выпустил стрелу из-за спины принца и пригвоздил монаха к двери, продырявив ему живот. Се Лянь, присмотревшись, понял, что это оказалась палочка для еды.

Обернувшись, принц увидел, как Сань Лан спокойно, без излишней суматохи поднимается из-за стола. Юноша прошёл мимо Се Ляня, выдернул палочку из тела беглеца и помахал ею перед принцем со словами:

— Испачкалась. Придётся выбросить.

Ну а монах, получив столь серьёзное ранение, не издал ни единого стога, лишь беззвучно сполз по двери на пол. Из его живота с бульканьем потекла не кровь, но чистая вода.

Ровно столько, сколько было в чаше, которую он только что выпил.

Они склонились над монахом, Се Лянь тронул его живот в месте раны и ощутил, что отверстие напоминает дыру в надутым мяче: при нажатии из него толчками выходит холодный воздух. С «телом» монаха тем временем произошли кое-какие изменения. Только что на вид он казался крепким мужчиной, теперь же словно уменьшился в размере, его лицо и все конечности заметно усохли и до сих пор продолжали сжиматься. Теперь монах больше походил на сморщенного старика.

Се Лянь заключил:

— Пустой сосуд.

Некоторые твари мира демонов не способны своими силами создать идеальное человеческое тело, поэтому они придумали иной способ: создание пустого сосуда.

Из весьма реалистичных материалов демоны тщательно выкраивали фальшивое человеческое тело. Такой сосуд часто создавался по образу определённого живого человека, а иногда и вовсе делался прямо из человеческого тела. Естественно, в таком случае и линии на ладонях и пальцах, и кончики волос идеально соответствовали образцу, без малейшего изъяна. Кроме того, подобный сосуд, если внутри него не обитала сущность хозяина, не распространял вокруг себя демоническую Ци, а значит, не боялся никаких талисманов, отпугивающих нечисть. Именно поэтому талисман на двери монастыря не смог задержать монаха от проникновения внутрь.

Но подобные сосуды всегда легко распознать, ведь это лишь пустая марионетка. Если её хозяин не надел это обличье на себя, сосуд мог действовать лишь согласно его приказу. Сам приказ не должен звучать слишком сложно; лучше всего, чтобы это было какое-то простое, повторяющееся и заранее спланированное действие. Поэтому выражение лица и реакция марионеток часто слегка заторможены, не как у живого человека. К примеру, они непрестанно повторяют какую-то определённую фразу, совершают конкретное действие, либо разговаривают сами с собой, отвечая совсем не то, о чём их спросили. Стоит поговорить с кем-то подольше — и марионетка выдаст себя. Однако у Се Ляня имелся ещё более практичный способ распознать пустой сосуд: нужно всего лишь заставить его выпить воды или что-нибудь съесть. Ведь внутри сосуд пустой, внутренних органов у него нет. Проглатывая что-то, он может сравниться с пустой посудой, при наполнении которой отчётливо слышится соответствующий звук, совсем не тот, что издают живые люди во время еды или питья.

Тело монаха окончательно «сдулось», от него практически осталась лишь мягкая обвисшая шкура. Сань Лан ещё пару раз потыкал его бамбуковой палочкой для еды, отбросил орудие в сторону и заключил:

— Весьма интересный сосуд.

Се Лянь понимал, о чём говорит юноша. Понаблюдав за манерой поведения и выражением лица монаха, оба они убедились, что он не

просто был «как настоящий». На вид монах и являлся совершенно обыкновенным живым человеком, довольно ловко отвечающим на заданные вопросы. Его хозяин определённо обладал поразительным уровнем магических сил. Се Лянь, бросив взгляд на Сань Лана, произнёс:

— Видимо, Сань Лан довольно много знает даже о таком необычном искусстве перевоплощения.

— Не так уж много, — улыбнулся Сань Лан.

Пустой сосуд специально явился, чтобы рассказать Се Ляню о происшествии в Крепости Баньюэ. Не важно, правдивы его слова или нет, целью было заставить принца отправиться туда. Дабы получить разъяснение, придётся связаться с духовной сетью небожителей. Се Лянь на пальцах высчитал, что оставшейся духовной силы ему ещё хватит на пару-тройку использований, поэтому произнёс пароль и присоединился к духовной сети.

Внутри оказалось на удивление оживлённо, что случалось крайне редко. Шумиха явно началась не из-за обсуждения каких-то важных служебных дел. Кажется, небожители играли в какую-то игру, вся сеть наполнялась их безудержным смехом. Се Лянь как раз пытался справиться с потрясением от услышанного, когда раздался голос Линвэнь:

— Ваше Высочество, вы вернулись? Как прошли эти несколько дней, что вы находитесь внизу?

— Вполне сносно. А что здесь такое происходит? Чему все так радуются?

— Вернулся Его Превосходительство Повелитель Ветров, и как раз сейчас он раздаёт добродетели. Не хотите ли поучаствовать в раздаче, заполучить и себе парочку, Ваше Высочество?

И действительно, до Се Ляня донеслись уже охрипшие от криков голоса нескольких небожителей внутри духовной сети:

— Сто добродетелей! Я получил целую сотню!

— Почему же мне досталась всего одна...

— Тысяча! Тысяча! А-а-а! Покорнейше благодарю, о, Повелитель Ветров!!! Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Се Ляню пришла на ум картина сыплющихся с небес денег, которые люди внизу торопливо собирают. Его ящик добродетелей до сих пор пустовал. Но, во-первых, Се Лянь не знал, как собирать

добродетели, разлетающиеся по духовной сети, а во-вторых, все остальные небожители были хорошо знакомы между собой, отбирать друг у друга добродетели для них было лишь игрой. Втиснувшись внезапно в шумное веселье, Се Лянь наверняка будет выглядеть странно в их глазах. Поэтому принц больше не стал обращать на них внимания и, памятуя о деле, за которым явился, задал вопрос на всю духовную сеть:

— Уважаемые господа, известно ли вам о таком месте как Крепость Баньюэ?

После его вопроса в духовной сети общения, где только что шумела оживлённая битва за добродетели, повисла тишина.

Се Лянь вновь расстроился.

Принц уже смирился с тем, что когда он посылал остальным небожителям короткие четверостишья и секреты сохранения здоровья, все замолкали. Ведь больше никто не отправлял такое в духовную сеть. Возможно, поступая подобным образом, принц действительно не очень-то вписывался в коллектив. Однако здесь можно было часто услышать вопросы касаясь важных служебных дел, к примеру: не знаете ли вы такого-то демона, насколько он силён? К чьим владениям относится такая-то местность, не могли бы вы оказать помощь? В таких случаях каждый мог высказать свою точку зрения, кто-то помогал советом, кто-то обещал разузнать подробнее и сообщить позже. Вопрос Се Ляня о Крепости Баньюэ вполне походил на служебный запрос и вовсе не содержал в себе информации, которая могла бы насрать на духовную сеть мёртвую тишину, как это обыкновенно случалось, стоило Се Ляню открыть рот.

Спустя некоторое время кто-то вдруг снова заорал:

— Повелитель Ветров выбросил в духовную сеть сто тысяч добродетелей!!!

Духовная сеть в момент ожила, небожители отправились собирать добродетели, никто даже не подумал ответить на вопрос принца. Се Лянь понял, что здесь всё не так просто, и в сети духовного общения ответов ему не добиться. Заодно ему в голову пришла мысль, что этот самый Повелитель Ветров и впрямь живёт на широкую ногу: одним махом подарил кому-то сто тысяч добродетелей. Вот так лихой поступок! Принц собирался выйти прочь, как вдруг Линвэнь отправила ему личное послание.

— Ваше Высочество, почему вы вдруг спросили о Крепости Баньюэ?

Се Лянь рассказал ей о пустом сосуде, заявившемся к нему на порог, и добавил:

— Марионетка притворилась чудом уцелевшим беглецом из Крепости Баньюэ, наверняка преследуя какую-то цель. Мне не известно, правдивы ли её слова, поэтому я решил спросить об этом здесь. Что не так с этим местом?

— Ваше Высочество, я вас очень прошу, не нужно влезать в это дело, — помолчав, сказала Линвэнь.

Се Лянь в какой-то степени ожидал подобных просьб. В противном случае незаинтересованность небожителей в истории с Крепостью Баньюэ на протяжении ста пятидесяти лет выглядела весьма подозрительно. Стоило же ему спросить, как весь пантеон богов погрузился в молчание. Принц, проигнорировав предостережение, продолжил задавать вопросы:

— Всякий раз, когда путники проходят через Крепость Баньюэ, половина бесследно исчезает, это правда?

Линвэнь долго молчала, прежде чем ответить:

— Никто не станет посвящать вас в детали данного вопроса.

Се Лянь расслышал осмотрительность в её ответе, словно она обдумывала каждое слово. Наверняка, продолжив расспросы, он тем самым создаст ей проблемы.

— Хорошо, я всё понял. Если тебе неудобно, можешь мне ничего не рассказывать. Считаю, что мы никогда не обсуждали эту тему.

Он вышел из сети духовного общения, отключив от неё сознание, поднялся, взял метлу и отодвинул пустой сосуд, растекшийся на полу, в сторону от двери. Помолчав, Се Лянь поднял взгляд и обратился к юноше:

— Сань Лан, боюсь, мне придётся отправиться в дальний путь.

Тон Линвэнь ясно дал ему понять, что дело запутанное. Но раз уж пустышка сама пришла к нему, значит, кто-то хотел обманом завлечь Се Ляня в Крепость Баньюэ, и наверняка ничего хорошего его там не ожидало.

— Прекрасно, гэгэ. Если ты не против, я отправлюсь с тобой.

— Путь не близкий, песчаные бури перенести нелегко, да и зачем тебе идти со мной?

Сань Лан с улыбкой поинтересовался в ответ:

— Ты хочешь узнать историю чародея из Крепости Баньюэ?

Се Лянь замолчал на полуслове и спросил:

— Тебе и это известно?

Юноша скрестил руки на груди и неспешно произнёс:

— Крепость Баньюэ раньше вовсе не называли так, ведь две сотни лет назад именно там располагалось древнее государство Баньюэ. — Он слегка выпрямился, глаза его сверкнули звездами. — А чародей Баньюэ — это...

Се Лянь отставил метлу к стене и уже собирался присесть, чтобы внимательно послушать, как вдруг снаружи раздался стук в дверь.

К тому времени уже свечерело, да и местные жители, напуганные «одержимым», попрятались по своим домам, не осмеливаясь выходить. Кто же мог стучать? Се Лянь встал перед дверью и несколько мгновений прислушивался, однако так и не ощутил никакой реакции от талисмана на входе. Вместо этого вновь послышался стук. И на этот раз Се Ляню показалось, что стучали сразу двое.

Движимый сомнениями, он открыл дверь, и, как ожидал, увидел на пороге двоих юношей в чёрных одеждах. Один отличался красотой и открытым взглядом, другой — утонченным изяществом и спокойствием. То были Нань Фэн и Фу Яо.

Се Лянь лишь проговорил:

— Вы двое...

Фу Яо первым делом закатил глаза. А Нань Фэн с порога перешёл к делу:

— Ты собрался отправиться в Крепость Баньюэ?

— Откуда вы узнали?

— Подслушали разговор проходящих мимо небожителей о том, как ты сегодня спрашивал о Крепости Баньюэ в духовной сети.

Се Лянь понял. Спрятав руки в рукава, он произнёс:

— Ясно. «Я вызвался добровольно», так?

Лица младших небожителей исказились, словно от зубной боли, но всё же оба ответили:

— Верно...

Се Лянь не смог сдержать улыбку.

— Понятно, понятно. Только давайте договоримся сразу. Если в пути повстречаете что-то, с чем не сможете справиться, своевременное

бегство поощряется.

Меж тем Се Лянь повернулся, приглашая их пройти внутрь и обговорить детали. Он и представить не мог, что когда эти двое увидят юношу, в небрежной позе сидящего на стуле за его спиной, и без того мрачные лица младших небожителей сделаются цвета тёмно-зелёной бронзы.

Нань Фэн молнией бросился вперёд и закрыл собой Се Ляня.

— Назад!

— В чём дело? — удивился принц.

Сань Лан, не вставая с места, развёл руками и повторил:

— В чём дело?

Фу Яо свёл брови и сурово спросил:

— Ты кто такой?

Се Лянь ответил за юношу:

— Один мой друг. Вы знакомы с ним?

Сань Лан, всем своим видом выражая безгрешность, обратился к Се Ляню:

— Гэгэ, кто эти люди?

Едва прозвучало обращение «гэгэ», у Нань Фэна дёрнулся уголок рта, а у Фу Яо подскочила бровь. Се Лянь помахал Сань Лану рукой со словами:

— Всё в порядке, не волнуйся.

Нань Фэн же, напротив, закричал:

— Не разговаривай с ним!

Се Лянь удивился:

— Что? Так вы его знаете?

После недолгого молчания Фу Яо ледяным тоном ответил:

— Не знаем.

Се Лянь примиряющее произнёс:

— Раз не знаете, зачем тогда столь...

Не успел принц договорить, как внезапно по обе стороны от него засиял яркий свет. Се Лянь рассеянно обернулся и обнаружил, что оба младших небожителя собрали в правой руке по белому светящемуся шару. Принца охватило недоброе предчувствие, он торопливо воскликнул:

— Стойте, остановитесь! Не будем горячиться!

Два сгустка света, появившиеся из ниоткуда и непрерывно разгорающиеся, выглядели весьма угрожающе. Обычные люди уж точно не смогли бы сотворить подобное из воздуха. Сань Лан дважды ударил в ладоши и вежливым тоном восхитился:

— Чудеса, чудеса.

Однако похвала эта звучала совершенно неискренне. Се Лянь с огромным трудом удержал руки обоих юношей, тогда Нань Фэн обернулся к нему и в ярости начал сыпать вопросами:

— Где ты встретился с ним? Как его зовут? Где он живёт? Откуда он взялся? И почему он здесь с тобой?

— Я встретил его по дороге сюда, юноша представился Сань Ланом. Больше я ничего о нём не знаю. Но поскольку ему больше некуда пойти, я позволил ему остаться со мной. Пожалуйста, не надо сразу бросаться в бой.

— Ты...

Нань Фэн задержал дыхание, словно стараясь насилу проглотить ругательства, рвущиеся изо рта, а затем спросил:

— Ты ничего о нём не знаешь, и посмел впустить его?! Что если он замыслил недоброе, что тогда ты будешь делать?!

Се Лянь про себя удивился, что тон Нань Фэна странным образом напомнил ему отца. Услышь другой небожитель или даже другой простой смертный, как кто-то младше него по возрасту говорит с ним подобным тоном, он сразу бы почувствовал себя не очень приятно. Но, во-первых, Се Лянь давно потерял чувствительность к разного рода брани и насмешкам, а во-вторых, он понимал, что эти двое, в конечном счёте, желают ему добра, поэтому не стал обращать внимания на ругань. Вслед за которой послышался голос Сань Лана:

— Гэгэ, эти двое — твои слуги?

Се Лянь мягко ответил:

— Слово «слуги» здесь не очень подходит. Если говорить точнее, их можно назвать моими помощниками.

Сань Лан усмехнулся:

— Правда? — Он приподнялся, не глядя взял какой-то предмет и бросил его Фу Яо со словами: — Тогда как насчёт помощи?

Фу Яо даже не посмотрел, что Сань Лан швырнул ему. Лишь когда поймал и опустил голову, лицо его словно покрылось чёрной дымкой.

Юноша бросил ему в руки метлу!!!

На лице Фу Яо было буквально написано, что он собирался прямо сейчас стереть в порошок и метлу, и этого юношу вместе с ней. Се Лянь быстро выхватил метлу из его рук и произнёс:

— Спокойствие, спокойствие, метла у меня только одна.

Неожиданно, не успел он договорить, как Фу Яо отпустил сгусток света с ладони и выкрикнул:

— Яви свою истинную сущность!

Сань Лан даже не стал прилагать усилия, чтобы увернуться от атаки. По-прежнему сидя со скрещенными на груди руками, он лишь немного наклонился в сторону — и слепящий белый шар попал ровно в ножку стола для подношений. Стол покосился, закрипел, и находившаяся на нём посуда посыпалась на пол. Се Лянь на миг прикрыл лоб ладонью, решил, что так больше продолжаться не может, и сделал лёгкий взмах рукой, после которого Жое послушно связала руки Нань Фэна и Фу Яо. Младшие небожители попытались вырваться, но ничего не вышло. Тогда Нань Фэн в гневе проревел:

— Что ты творишь?!

Се Лянь, сделав рукой предупредительный знак, объяснил:

— Поговорим снаружи, давайте выйдем.

Ещё один взмах рукой, — и Жое вылетела прочь, унося с собой пленников.

Се Лянь обернулся, сказал Сань Лану: «Я сейчас вернусь», закрыл за собой дверь и вышел во двор. Сначала он убрал ленту, потом взял табличку, которую сам поставил возле монастыря, поднёс её к двоим юношам и произнёс:

— Пожалуйста, внимательно прочтите и скажите мне, что здесь написано.

Фу Яо, глядя на табличку, вслух прочёл:

— «Монастырь находится в обветшалом состоянии. Люди добрые, посильные пожертвования и помощь в реставрации пойдёт в копилку ваших добродетелей». — Затем поднял взгляд на принца и переспросил: — В обветшалом состоянии и требует реставрации? Это ты написал??? Ты же какой-никакой, а вознесшийся небожитель. Как ты можешь писать подобное? Где твоё достоинство?

Се Лянь кивнул.

— Вот именно. Это я написал. Если вы двое продолжите здесь кулаками махать, мне придётся просить уже не о реставрации, а сразу

о постройке нового здания, тогда ни о каком достоинстве не будет и речи.

Нань Фэн указал в сторону монастыря с вопросом:

— И тебе этот юноша не показался странным???

— Конечно, показался.

— И ты, прекрасно понимая, что он опасен, всё равно позволил ему остаться подле себя?

Се Лянь, убедившись, что они не стремятся совершить посильное пожертвование, вернул табличку на место и ответил:

— Нань Фэн, вот тут ты не прав. В мире столько разных людей и чудесных встреч. «Странный» вовсе не означает «опасный». Надо сказать, что в глазах некоторых людей я тоже наверняка выгляжу странно, но разве вы считаете меня опасным?

С этим действительно нельзя было поспорить. Человек перед ними имел вид молодого и талантливого юноши, от образа которого так и веяло духом святого монаха, но при этом он весь день только и делал, что собирал мусор. Вот уж кто и впрямь странный!

Фу Яо не унимался:

— И ты не боишься, что он замыслил покушение?

— Как вы думаете, на что при мне можно покуситься?

Этот вопрос немедленно заставил Нань Фэна и Фу Яо замолчать.

Потому что прозвучал неоспоримой истиной. Если один человек замышлял покушение на другого, чаще всего это происходило из-за чего-то такого, чем обладал последний. Но самым печальным в данном случае являлось то, что, даже тщательно поразмыслив, совершенно невозможно выдумать причину, по которой кто-то захотел бы покуситься на принца. Драгоценностями он не владел, денег у него не водилось. Разве только кто-то пожелает отобрать у Се Ляня несчастную рухлядь, что он насобирал?

Се Лянь добавил:

— Кроме того, я ведь тоже проверял его.

Лица юношей немедленно посуровели.

— Как ты проверял его?

— Каков результат?

Се Лянь рассказал им обо всех своих попытках и добавил:

— Результат нулевой. Если ему до сих пор удаётся водить меня за нос, и если он всё же не простой смертный, тогда остается лишь один

вариант.

Непревзойдённый!

Фу Яо с холодной усмешкой произнёс:

— Кто знает, может, и правда непревзойдённый?

— Думаете, непревзойдённые Князя Демонов целыми днями прохлаждаются, вроде нас с вами? Ему до такой степени нечем заняться, что он решил отправиться в захолустную деревню помогать мне со сбором мусора?

— И вовсе мы не прохлаждаемся!

— Да, да, да...

Троица снаружи монастыря на пригорке услышала, как юноша внутри домика неспешно расхаживает туда-сюда, столь вольготно, что казалось, его абсолютно ничто не беспокоит.

Нань Фэн задумчиво произнёс:

— Нет. Всё-таки нужно придумать способ, чтобы проверить, непревзойдённый он или нет.

Се Лянь потёр точку между бровей и ответил:

— Ну, тогда сами и проверяйте. Только не наводите слишком сильный беспорядок. Пока это ещё не вполне ясно, но что если он и правда всего-то сбежавший из дома молодой господин? У нас с ним сложились уже неплохие дружеские отношения. Будьте повежливее, не обижайте его.

Трудно описать выражение, которое появилось на лице Нань Фэна после слов «не обижайте его», а глаза Фу Яо, казалось, сейчас закатятся до затылка. Се Лянь, уговорив младших служащих, снова открыл дверь и обнаружил Сань Лана, который склонил голову, кажется, осматривая ножку стола для подношений. Се Лянь кашлянул и поинтересовался:

— С тобой всё в порядке?

— Я в порядке, — улыбнулся Сань Лан. — Вот смотрю, не нужно ли теперь починить стол.

Се Лянь мягко произнёс:

— Только что произошло недоразумение, не принимай близко к сердцу.

Сань Лан, не переставая улыбаться, ответил:

— Раз уж ты просишь, разве я стану спорить? Вероятно, я просто показался им знакомым.

Фу Яо прохладно заметил:

— Верно. Показался. Возможно, мы просто обознались.

Сань Лан, весело посмеиваясь, сказал:

— Оу. Вот так совпадение, ведь мне вы двое тоже показались знакомыми.

Двое небожителей, хоть и сохраняли бдительность, больше не собирались действовать опрометчиво. Нань Фэн еле слышно проговорил:

— Освободите мне свободное пространство, я нарисую магическое поле для Сжатия тысячи ли.

«Сжатие тысячи ли» являлось магической техникой перемещения в пространстве. Название говорило само за себя: с помощью этого магического поля огромное пространство в тысячу ли, бескрайние горы и реки, можно было преодолеть всего одним лишь шагом. Кроме небольшого недостатка в виде огромной затраты магических сил, техника являлась весьма удобным способом путешествия.

Се Лянь убрал с пола циновку и кивнул Нань Фэну.

— Можешь нарисовать здесь.

Совсем недавно у Фу Яо не было времени, чтобы внимательно рассмотреть внутреннее убранство монастыря. Сейчас же, когда он находился внутри покосившегося ветхого здания уже некоторое время, ему удалось оглядеться, при этом на лице его отразилась крайняя неприязнь. Нахмутив брови, Фу Яо спросил:

— И ты живёшь в подобном месте?

Се Лянь предложил ему табурет и ответил:

— Я уже давно живу в подобных местах.

Движения Нань Фэна на миг застыли, едва он услышал слова принца, но спустя мгновение он продолжил рисовать. Фу Яо так и не присел, однако лицо его исказилось в совершенно необъяснимом выражении: на девять частей его можно было назвать остолбеневшим, а ещё на одну — как будто радующимся чужому горю.

Однако странное выражение вскоре исчезло с его лица, и Фу Яо продолжил спрашивать:

— А кровать?

Се Лянь, держащий в руках циновку, ответил:

— Так вот же она.

Нань Фэн поднял взгляд на циновку, затем снова опустил голову. Фу Яо искоса посмотрел на стоящего рядом Сань Лана и спросил:

— Ты спал с ним вместе?

— А что здесь такого? — пожал плечами Се Лянь.

Поразмыслив, двое небожителей промолчали, видимо, ничего предосудительного здесь не увидели.

Се Лянь же повернулся к юноше и спросил:

— Сань Лан, ты ведь не договорил, тебя прервали на полуслове. Что с чародеем Баньюэ? Расскажешь дальше?

Сань Лан только что смотрел на них задумчивым взглядом чернеющих глаз, но, услышав вопрос Се Ляня, словно пришёл в себя, легко улыбнулся и ответил:

— Хорошо. — Поразмыслив, он продолжил рассказ: — Чародей Баньюэ — это бывший советник^[32] государства Баньюэ. А также один из двоих советников-чародеев.

Се Лянь спросил:

— Если один из двоих, значит, есть ещё один. Кто же этот второй?

Сань Лан не мог оставить его вопрос без ответа.

— Второй не имеет отношения к государству Баньюэ, это чародей Центральной равнины, которого называют советник Фан Синь.

Глаза Се Ляня незаметно расширились, но он продолжил слушать.

Из рассказа Сань Лана стало ясно, что народ Баньюэ обладал недюжинной силой, да к тому же дерзким и воинственным нравом. И территорию они заняли весьма подходящую: как раз на одном из важнейших пограничных переходов по пути из Центральной равнины к западным землям. На границе двух государств часто возникали конфликты, непрерывно случались трения, тут и там вспыхивали вооруженные стычки. Советник Баньюэ познал тёмное магическое искусство, и воины армии Баньюэ всем сердцем верили в его непобедимость, решительно и неотступно следуя за ним.

Однако две сотни лет назад правящая династия Центральной равнины наконец отправила войска на штурм государства Баньюэ и сровняла его с землёй.

Так погибло государство Баньюэ, но ненависть в сердцах его советника и воинов не развеялась, они остались творить бесчинства на земле. Государство Баньюэ раньше располагалось в цветущем оазисе, но после уничтожения и превращения в Крепость Баньюэ здесь словно

поселилась нечистая сила, разъедающая всё на своем пути, и зелёный оазис постепенно поглотила пустыня. Поговаривают, что люди в тех краях иногда ночью видят вдаль силуэты высоких и крепких воинов Баньюэ. Они бродят по пустыне с палицами из волчьих зубов в руках, несут свой дозор или же охотятся на зверя. Изначально в поселениях вокруг тех мест проживало несколько десятков тысяч человек. Постепенно все переселились, никто не смог продолжать такую жизнь. Тогда же и начали распространяться легенды о путниках, проходящих через те места и теряющих половину своих людей: решишь кто-либо из Центральной равнины пройти через Крепость Баньюэ, он непременно должен оставить «откуп за безопасный путь» — половину человеческих жизней!

Притворно улыбнувшись, Фу Яо произнёс:

— А вы отлично осведомлены, молодой господин.

Сань Лан с улыбкой ответил:

— Ну что вы, что вы. Просто вы осведомлены хуже, вот и всё.

Се Лянь не удержался от улыбки, подумав, что юноша и впрямь остёр на язык. После чего услышал, как Сань Лан лениво проговорил:

— Всё это сказано лишь в частных исторических записках и древних книгах о необыкновенных явлениях. Кто знает, существовал ли поистине на свете такой советник? Неизвестно даже, реально ли само государство Баньюэ.

Преодолев тысячи ли, заблудиться в песках

Се Лянь в ответ заметил:

— Несмотря на то, что ты прочитал о нём в неофициальных источниках, всё же государство Баньюэ действительно существовало.

Сань Лан:

— Оу?

К этому времени Нань Фэн наконец закончил рисовать витиеватый каскад штрихов магического поля, поднялся с пола и произнёс:

— Готово. Когда отправляемся?

Се Лянь наскоро собрал узелок в дорогу и подошёл к двери.

— Прямо сейчас.

Затем принц со словами «С благословением небожителей никакие запреты не ведомы!» прикоснулся к створке и легонько толкнул её.

А когда дверь отворилась, снаружи уже не было ни склона холма, ни деревушки — перед ними лежала широкая пустынная дорога.

Невзирая на ширину, тропа выглядела пустой и безлюдной. За долгое время на ней можно было встретить всего двоих путников, а то и меньше. Вовсе не потому, что день клонился к закату, а потому, что Северо-запад всегда был малонаселённым. Ближе к пустыне путников встречалось всё меньше и меньше. Наверняка даже днём ничего не менялось. Се Лянь вышел из домика, закрыл за собой дверь, а когда снова обернулся, то не увидел и следа монастыря Водных каштанов! За его спиной теперь стоял небольшой постоялый двор. Всего один шаг — и они преодолели, должно быть, многие сотни ли. В этом и заключалось непостижимое волшебство Сжатия тысячи ли.

Несколько путников проследовали мимо, настороженно глядя на них и шушукаясь между собой. Позади принца раздался голос Сань Лана:

— В древних книгах сказано, что в час, когда луна висит на небосводе, следует продвигаться вслед за Полярной звездой, не сворачивая, и тогда увидишь государство Баньюэ. Гэгэ, посмотри, — он указал на небо, — Северный ковш.

Се Лянь запрокинул голову и улыбнулся.

— Какой яркий!

Сань Лан подошёл к нему, встал плечом к плечу, сначала бросил взгляд на Се Ляня, затем тоже поднял голову вверх и с улыбкой произнёс:

— Ага. Небо на Северо-западе, уж не знаю почему, кажется более чистым, чем над Центральной равниной.

Се Лянь выразил согласие.

Пока они вот так невинно обсуждали звёзды и ночное небо, двое младших небожителей позади прямо-таки не могли прийти в себя от потрясения.

— А он как здесь оказался?! — воскликнул Нань Фэн.

Сань Лан с невинным видом ответил:

— Ох, просто я увидел чудом возникший вход в удивительное место, поэтому решил заодно навеститься сюда вместе с вами.

Нань Фэн в гневе прокричал:

— Навеститься в удивительное место? По-твоему, мы отправились в увеселительную поездку?!

Се Лянь, потерев пальцем точку между бровей, вмешался:

— Ладно, если уж он здесь, пусть идёт с нами. Всё равно вас он не объест, нам хватит той провизии, что я с собой взял. Сань Лан, следуй за мной неотступно, не потеряйся ненароком.

Сань Лан послушно ответил:

— Хорошо.

— Да разве дело здесь в провизии?!

— Ох, Нань Фэн, поздний вечер, все уже спят. Займись важным делом. Ну же, не стоит обращать внимание на такие мелочи. Идём, идём.

Следуя направлению, указанному Северным ковшом, они пошли строго на север. По мере их ночного пути посёлков и зелёных островков на дороге попадалось всё меньше и меньше, а песка под ногами становилось всё больше, пока твёрдая почва вовсе не исчезла. Это означало, что они достигли пустыни. При помощи Сжатия тысячи ли можно преодолеть тысячу ли за один шаг, но чем больше расстояние, тем выше затраты магической силы. Нань Фэн после одного использования не сможет применять его по меньшей мере ещё несколько часов. И раз уж один из младших небожителей потратил столько сил, что теперь находился в процессе их накопления, Се Лянь не мог просить Фу Яо снова применять ту же технику, ведь в случае чего им понадобится человек с полным запасом магической силы.

В пустыне температура воздуха днём и ночью разительно отличалась. И если ночной холод, пробирающий до костей, ещё можно было стерпеть, то день приносил абсолютно противоположные ощущения. Небо здесь сияло идеальной чистотой, возвышаясь куполом с редкими облаками, но вот солнце палило нещадно. Путники шли, шли, и чем дальше, тем больше им казалось, что они продвигаются к центру огромного парового котла для приготовления пищи, в котором клубы обжигающего пара поднимались из самого центра земли. Если идти так весь день, кажется, можно свариться живьём.

Се Лянь разгадывал верное направление по ветру и прячущимся у подножий каменных скал растениям, и в пути непрерывно оборачивался, опасаясь, что кое-кто за ним не поспевает. Нань Фэн и Фу Яо являлись не простыми смертными, о них и говорить нечего, но вот Сань Лан всё же заставил его улыбнуться.

Опаляемый солнцем в зените юноша снял верхнюю красную рубаху и лениво, даже с неохотой, укрылся ею от солнца. Облик Сань Лана выражал томление пополам со скукой. Красота бледного лица, обрамлённого чёрными волосами, делалась ещё более выразительной, когда его оттенял красный цвет одежды, накинутой на голову. Се Лянь снял свою шляпу, протянул руку и нацепил её на юношу со словами:

— Вот, надень покамест.

Сань Лан застыл на мгновение, затем с улыбкой ответил «Не стоит» и вернул шляпу Се Ляню. Тот не стал настаивать: если уж юноша отказался, то заставлять бессмысленно. Но всё же предупредил:

— Если будет нужно, скажи, и я отдам её тебе. — Поправил доули на голове и продолжил путь.

Пройдя ещё какое-то время, путники заметили впереди среди песков маленькое серое строение. Подойдя ближе, они обнаружили, что строение походит на заброшенное подворье. Се Лянь поднял голову к небу и рассчитал, что уже, должно быть, прошли полуденные часы, а значит, скоро наступит самое нестерпимо жаркое время дня. Кроме того, путники шли уже целую ночь, настало время немного отдохнуть, поэтому принц повёл остальную троицу в здание, где они обнаружили квадратный стол, за который и уселись. Се Лянь вынул из простенького дорожного мешка флягу с водой и протянул Сань Лану со словами:

— Хочешь?

Сань Лан кивнул, взял флягу и отпил, лишь после него стал пить Се Лянь. Запрокинув голову, он сделал несколько глотков. Чистая вода потекла по горлу, распространяя приятную прохладу. Сань Лан сидел рядом, подпирая щеку, вроде бы и глядя на принца, а вроде бы и нет. Спустя некоторое время юноша неожиданно спросил:

— А есть ещё?

Се Лянь стёр капли воды с влажных губ, кивнул и снова протянул флягу ему. Сань Лан уже собирался взять её, но тут чья-то рука

отклонила руку Се Ляня.

Фу Яо произнёс:

— Постой.

Завладев вниманием троицы, Фу Яо неторопливо вынул из-за пазухи другую флягу, поставил её на стол и подвинул к Сань Лану со словами:

— У меня тоже есть. Прошу.

Се Лянь, едва увидев флягу, понял, в чём дело.

Разве Фу Яо, с его-то характером, стал бы пить с кем-то из одной фляги? Памятуя об их вчерашнем решении ещё раз проверить юношу, можно было догадаться, что внутри фляги плескалась не обычная вода, а Вода проявления сущности.

Так называлось таинственное снадобье, которое ничего не сделает с простым человеком, испившим такую воду; если же это не человек, то после первого глотка он проявит свою истинную сущность. И если уж они собирались проверять юношу на предмет «непревзойдённого», стало быть, мощь действия снадобья внутри фляги весьма высока.

Сань Лан лишь рассмеялся:

— Я вполне могу попить из одной фляги с гэгэ.

Нань Фэн и Фу Яо взглянули на Се Ляня, но принц лишь подумал: чего вы на меня смотрите? Так что Фу Яо холодно произнёс:

— Он свою воду почти допил, так что не стесняйся.

Сань Лан ответил:

— Правда? Ну, тогда после вас.

Двое младших служащих замолчали. Спустя несколько минут Фу Яо вновь произнёс:

— Ты ведь гость, поэтому ты первый.

И хотя говорил он всё с тем же вежливым и деликатным видом, Се Ляню показалось, что эту фразу Фу Яо прямо-таки процедил сквозь щель между сжатыми зубами. Сань Лан тоже сделал приглашающий жест рукой и ответил:

— Вы ведь слуги, поэтому вам первая очередь, иначе я почувствую себя неловко.

Се Лянь наблюдал, как сначала они разыгрывали друг перед другом дурачков, а затем перешли к действиям. Трое, разделяемые столом, одновременно начали применять силу к несчастной фляге, толкая её туда-сюда. Се Лянь почувствовал, что старый стол, едва

заметно дрожащий под его руками, видимо, раньше времени отслужит свой срок от подобной тряски, и покачал головой. После нескольких туров тайной борьбы Фу Яо наконец не выдержал, раздался его язвительный смех:

— Ты столь рьяно отказываешься пить. Неужели совесть не чиста?

Сань Лан с улыбкой ответил:

— Вы ведёте себя столь недружелюбно, да ещё и сами уклоняетесь от питья, так что вы похожи на людей с нечистой совестью более моего. Кто знает, может, вода отравлена?

Фу Яо пошёл в обход:

— Можешь спросить сидящего рядом с тобой, есть ли в воде яд.

Сань Лан действительно обратился к Се Ляню:

— Гэгэ, в воде есть яд?

Фу Яо пошёл на хитрость, предлагая задать этот вопрос. Ведь Вода проявления сущности ядом не являлась. Простой человек, выпив её, не заметит никаких отличий от обычной воды.

Се Лянь смог лишь ответить:

— Яда нет. Но...

Не дав ему договорить, Нань Фэн и Фу Яо сурово воззрились на принца. Ну а Сань Лан, вопреки ожиданиям, перестал противиться.

— Хорошо.

Он сразу протянул руку к фляге, взболтал её, произнёс:

— Раз ты говоришь, что яда нет, тогда я выпью, — и с улыбкой осушил флягу одним глотком.

Се Лянь на мгновение застыл, не ожидая от Сань Лана подобной прямоты. Нань Фэн и Фу Яо остолбенели тоже, но после немедленно насторожились. Никто из них представить не мог, что Сань Лан, допив Воду проявления сущности, потрясёт флягой и скажет:

— Вкус так себе.

Затем юноша небрежно махнул рукой, выбросив флягу в сторону. Раздался грохот, и фляга разбилась на осколки, ударившись о землю.

На лице Фу Яо на миг мелькнуло удивление и сомнение, когда дух увидел, что юноша выпил Воду проявления сущности и ничуть не изменился. Спустя некоторое время раздался бесстрастный голос младшего небожителя:

— Всего лишь чистая вода. Вкус воды ведь всегда одинаковый. Чем эта может отличаться?

Сань Лан взял флягу, что лежала возле руки Се Ляня.

— Разумеется, вкус разный. Вот эта намного вкуснее.

Услышав слова юноши, Се Лянь невольно улыбнулся. Его не интересовал ни результат проверки юноши, ни его личность, ни цель. Для Се Ляня подобные трения между ними не значили ничего, кроме забавы. Он считал, что на этом всё и завершилось, когда внезапно раздался звон металла — Нань Фэн положил на стол меч в ножнах.

С первого взгляда могло показаться, что он собрался кого-то убить. Се Лянь, онемев на мгновение, спросил:

— Что ты задумал?

Нань Фэн мрачным тоном ответил:

— Место, куда мы направляемся, таит множество опасностей. Братишка, прими от меня этот меч для самозащиты.

Се Лянь опустил взгляд на меч. Ножны выглядели старинными и простыми, казалось, само время отполировало узор на них. Меч определённо не являлся обыкновенным оружием. Сердце Се Ляня содрогнулось. Подняв взгляд, он отвернулся и про себя проговорил: «Вот оно что. “Красное зеркало”». Имя меча звучало именно так — Хунцзин, «Красное Зеркало». Поистине драгоценный меч. Несмотря на его неспособность сокрушать нечисть, ни одна тварь мира демонов не могла избежать его магического действия. Стоило нечеловеческому созданию вынуть меч из ножен, клинок становился красным, словно наполняясь кровью, и в нём отражался истинный облик того, кто держал меч. Будь ты хоть «свирепый», хоть «непревзойдённый» — разоблачения не избежать!

Молодые люди всегда относятся с исключительным уважением к драгоценным мечам и лучшим скакунам. Сань Лан произнёс короткое «О?», словно заинтересовавшись оружием, затем добавил:

— Дай взглянуть.

Одной рукой взявшись за ножны, другой за рукоять, он медленно начал вынимать меч из ножен. Нань Фэн и Фу Яо в четыре глаза неотрывно следили за его действиями. Меч показался наружу на три цуня^[33], сверкнул белоснежный металл.

Спустя мгновение лицо Сань Лана озарилось лёгкой улыбкой.

— Гэгэ, не иначе твои слуги решили подшутить надо мной.

Се Лянь легко кашлянул, развернулся к нему и поправил:

— Сань Лан! Я же говорил, что они не слуги. — После чего вновь отвернулся.

Нань Фэн тем временем холодным тоном проговорил:

— Кто тут с тобой шуточки шутит?

Сань Лан рассмеялся:

— Но как же я смогу защитить себя сломанным мечом?

Договорив, он убрал меч в ножны и уронил обратно на стол. Брови Нань Фэна сурово дрогнули, он резким движением схватил рукоять меча и потянул наружу. Раздался звон, и в его руках оказался острый холодный клинок... сломанного меча.

Целыми оказались лишь первые три цуня Хунцзина!

Лицо Нань Фэна слегка дёрнулось, он перевернул ножны и услышал чистый звон металла — наружу выпал остальной клинок, вот только он оказался разбит на несколько блестящих острых осколков.

Хунцзин действительно распознавал любое создание мира демонов. Ещё никому не удавалось избежать его волшебных глаз. Но также ещё никому не удавалось сквозь ножны разбить меч на осколки!

Нань Фэн и Фу Яо одновременно ткнули в сторону Сань Лана пальцем и воскликнули:

— Ты...

Сань Лан лишь посмеялся, откинулся на спинку стула, закинул чёрные сапоги на стол, взял в руки осколок Хунцзина и принялся играть с ним, рассуждая:

— Не думаю, что вы специально решили отдать мне сломанный меч для защиты. Вероятно, вы по неосторожности сломали его в дороге? Не волнуйтесь, мне не нужен меч, чтобы защитить себя. Мечи и всё остальное лучше вам оставить при себе.

Се Лянь совершенно не мог заставить себя посмотреть на этот меч. Стоит сказать, что чудесный меч «Красное зеркало» изначально принадлежал самому Цзюнь У и являлся частью его коллекции. Вознесшись впервые, однажды Се Лянь отправился погостить во дворец Шэньу, где и заприметил оружие. Тогда меч показался ему бесполезным, но интересным, поэтому Цзюнь У подарил Хунцзин принцу. Впоследствии, после изгнания с Небес, в какой-то момент Се Ляню пришлось очень тяжело. Не зная, как быть дальше, он приказал Фэн Синю заложить этот чудесный меч.

Именно, заложить в ломбард!

Выменянных денег двоим — слуге и господину — хватило на то, чтобы несколько раз вкусно поесть. А потом... потом снова ничего не осталось. В те времена Се Лянь заложил слишком много вещей, поэтому начисто забыл обо всех, избежав тем самым воспоминаний, от которых сердце обливалось бы кровью. Видимо, впоследствии Фэн Синь, вознесшись на Небеса, вспомнил о мече, и, не в силах бросить столь удивительное оружие где-то в мире смертных, вновь спустился вниз и отыскал его. Хунцзин очистили, отполировали и поместили во дворце Наньяна, а впоследствии его забрал себе Нань Фэн. В общем, Се Лянь, увидев меч, ощутил неприятную боль, поэтому ему пришлось отвести взгляд. Заметив, что остальная троица вновь собралась учинить ссору, принц покачал головой, внимательно оценил погоду снаружи и подумал: «Судя по всему, скоро поднимется песчаная буря. Если мы снова двинемся в путь, неизвестно, сможем ли добраться до следующего укрытия раньше, чем ветер настигнет нас».

Внезапно по искрящемуся золотому песку пронеслись две фигуры.

Се Лянь разом выпрямился.

Из двух человеческих фигур одна была чёрной, другая — белой. Походка их выглядела абсолютно неспешной, даже наоборот, можно сказать, неторопливой. Тем не менее, под ногами незнакомцев словно вздымались вихрем облака, поэтому перемещались они довольно быстро. Человек в чёрных одеждах выглядел высоким и стройным, человеком в белом оказалась и вовсе заклинательница с мечом за спиной и метёлкой из конского волоса в руках. Её спутник даже не обернулся, женщина же, пролетая мимо невысокого строения, очаровательно улыбнулась. Улыбка эта оказалась такой же, как их фигуры, — исчезла, едва появившись, но по какой-то причине оставила после себя странное, удивительное чувство.

Се Лянь всё это время смотрел наружу и потому по счастливой случайности уловил представшую картину. Остальные присутствующие, скорее всего, заметили лишь удаляющиеся силуэты и тотчас забыли обо всём остальном. Нань Фэн сразу вскочил.

— Кто это был?

Се Лянь тоже поднялся на ноги.

— Не знаю. Но наверняка не простые смертные. — Помолчав немного, принц добавил: — Пока прекратите свои забавы. Я думаю, скоро ветер усилится, нужно поторапливаться. Дойдём туда, куда успеем.

Несмотря на то, что эти трое время от времени устраивали суматоху, всё же когда требовалось собраться и приступить к делу, они действовали без разговоров. Так и сейчас, отложив конфликт в сторону и подобрав осколки Хунцзина, они вышли с подворья и направились против ветра. Так минуло ещё четыре часа, но теперь преодолённое путниками расстояние существенно отличалось от того, что им удалось пройти ранее за то же время.

Песчаная буря становилась всё сильнее. Резкий ветер с песком хлестал с такой силой, что открытые участки рук и лица начинали болеть. И чем дальше, тем труднее становилось идти: над ухом свистел ветер, жёлтый песок застилал небеса, разглядеть что-либо было очень трудно. Се Лянь, придерживая шляпу, закричал:

— Это очень странная песчаная буря!

Спустя время ему никто не ответил, и Се Лянь заподозрил, что остальные отстали. Обернувшись, принц увидел, что все трое по-прежнему идут следом, только совершенно не слышат ни единого его слова. Оказывается, песчаная буря стала настолько сильной, что уносила даже звуки голоса прочь. О Нань Фэне и Фу Яо Се Лянь, разумеется, не волновался, они продвигались против сильнейшего пустынного ветра весьма уверенно, даже окружённые яростной аурой. Сань Лан же всё время шёл в пяти шагах от них, не торопясь, но и не отставая.

Посреди застилающего небо жёлтого песка лицо юноши не выражало ни капли волнения. Он двигался с руками за спиной, красные одежды и чёрные волосы развевались на ветру. Сань Лан словно не ощущал никаких ударов ветра и песка, абсолютно не пытаясь закрыться от них, даже не моргая. У Се Ляня уже всё лицо изнывало от болезненных укулов песчинками, поэтому, увидев небрежное поведение юноши, принц всерьёз забеспокоился и предупредил его:

— Смотри, чтобы песок не попал в глаза и не забился под одежду.

Подумав, что юноша всё равно его не расслышит, Се Лянь подошёл к нему и помог получше запахнуть ворот одежды, тщательно

и плотно, чтобы ветер и песок не проникли внутрь. Сань Лан застыл на месте, как вкопанный. Скоро остальные двое тоже подошли к ним, и когда расстояние между путниками сократилось, они смогли услышать голоса друг друга. Се Лянь произнёс:

— Будьте осторожны, песчаная буря налетела слишком внезапно, что-то здесь не так. Боюсь, вихрь наслала нечистая сила.

Фу Яо заметил:

— Но ведь это всего лишь сильный ветер с песком. Какие опасности они могут таить в себе?

Се Лянь покачал головой.

— Ветер и песок — это ещё ничего. Но боюсь, что внутри прячется нечто иное.

Внезапно налетел бурный порыв ветра, который сорвал с головы Се Ляня доули. Улетев, шляпа наверняка окончательно потеряется посреди бескрайней пустыни. Сань Лан среагировал весьма проворно и на удивление быстро: лишь вскинув руку, он поймал шляпу Се Ляня, которая едва не взмыла к небесам, и вновь протянул принцу. Се Лянь поблагодарил его и привязал доули покрепче, обращаясь ко всем:

— Нам лучше найти какое-нибудь укрытие, чтобы переждать бурю.

Фу Яо не согласился с ним:

— Если буря действительно дело рук демона, его цель наверняка именно такова — задержать нас, не дать продвинуться дальше. Как бы он ни зверствовал, мы должны идти вперёд.

Се Лянь не успел ничего на это ответить, когда Сань Лан громко рассмеялся. Фу Яо вскинул голову и сердито спросил:

— Что смешного?

Сань Лан сложил руки на груди и, посмеиваясь, ответил:

— Скажи, неужели намеренные действия наперекор другим в самом деле доставляют тебе несравнимое чувство удовлетворения собственной независимостью?

Се Лянь и раньше замечал, что, несмотря на весьма частый смех юноши, порой трудно отличить, говорит он искренне или же под невинными замечаниями скрывает язвительную насмешку над собеседником. Однако сейчас кто угодно смог бы разглядеть, что в улыбке Сань Лана не отражалось ни капли добрых намерений. Взгляд Фу Яо мгновенно заледенел.

Се Лянь поднял руку со словами:

— Пойдите. Обсудите позже всё, что хотите друг другу сказать. Ветер действительно слишком сильный, и это начинает меня пугать.

Фу Яо спросил:

— Неужели боишься, что тебя унесёт на небеса?

— Гм, вообще-то ты высказал весьма возможный вариант...

Однако не успел Се Лянь договорить, как троица перед ним мгновенно исчезла.

На самом деле исчезли вовсе не они, а сам Се Лянь: песчаная буря внезапно подхватила его и подняла в воздух.

Песчаный смерч!

Се Ляня закружило в воздухе, при этом он успел взмахнуть рукой и крикнуть:

— Жое! Ухватись за что-нибудь крепкое и надёжное!!!

Жое со свистом вылетела с его запястья, а в следующий миг Се Лянь ощутил, как другой конец ленты потяжелел, словно за что-то зацепился. Схватившись за ленту, Се Лянь с огромным трудом перестал кружиться, а поглядев вниз, обнаружил, что ураганом его подняло по меньшей мере на десять чжанов от земли.

Теперь он повис в воздухе, словно воздушный змей, который держала одна лишь нить, крепко привязанная к земле. В лицо летел жёлтый песок, принц крепко держался за Жое, одновременно пытаясь разглядеть, за что же лента зацепилась. Приглядевшись, Се Лянь наконец увидел красный силуэт. Другой конец Жое, кажется, намотался прямо на запястье юноши в красных одеждах.

Он попросил Жое ухватиться за что-то крепкое и надёжное, но никак не мог ожидать, что лента схватит Сань Лана!

Не зная, как на это реагировать, Се Лянь вознамерился приказать Жое схватиться за что-нибудь другое, но тут ощутил, как белая лента на его запястье ослабла. Принц понял — дело плохо.

Внезапное ощущение вовсе не значило, что ослаб другой конец Жое. Произошло кое-что гораздо более ужасное.

Красная фигура, находившаяся на земле, внезапно стала приближаться к Се Ляню и очень скоро оказалась на расстоянии вытянутой руки.

Сань Лана тоже затянуло в песчаный смерч!

Се Лянь крикнул ему:

— Без паники! — при этом набрав полный рот песка. Впрочем, к тому времени песок во рту уже стал делом привычным.

Принц кричал Сань Лану, чтобы тот не паниковал, однако в действительности ему показалось, что юноша вовсе не собирался паниковать. И в самом деле, когда Сань Лана ураганом подняло в воздух, Жое быстро сжалась, сокращая расстояние между ними, и Се Лянь отчётливо разглядел, что на лице юноши нет и следа паники. Казалось, если сейчас дать Сань Лану в руки книгу, он тут же преспокойно начнёт читать её, прямо посреди песка и пыли. Се Лянь даже стал подозревать, что юноша умышленно присоединился к нему.

Жое обернулась вокруг пояса Се Ляня и Сань Лана, привязав их друг к другу. Принц снова отдал приказ:

— Попытайся ещё раз! Только теперь больше не хватайся за людей!

Жое вновь вылетела на поиски. И в этот раз схватила... Нань Фэна и Фу Яо!

Се Лянь, утомлённый физически и морально, обратился к Жое:

— Когда я сказал тебе больше не хватать людей, я имел в виду «людей» не в столь узком смысле... ну ладно. — Затем прокричал младшим небожителям внизу: — Нань Фэн, Фу Яо! Держитесь! Во что бы то ни стало, держитесь!

Нань Фэн и Фу Яо, разумеется, хотели удержаться на земле, каждый из всех сил пытался остаться на месте. Но песчаная буря оказалась настолько бурной и свирепой, что ни для кого не стало неожиданностью, когда вскоре ещё две чёрных фигуры затянуло в песчаный смерч.

Теперь они вчетвером закружились в воздухе. Смерч побрёл по тёмно-жёлтому миру, словно искривлённый песчаный столб, подпирающий небеса. Внутри него не переставая кружились четыре человеческих фигуры, связанные белой шёлковой лентой, всё быстрее и быстрее, поднимаясь выше и выше.

Се Лянь, набирая в рот порцию песка, закричал:

— Как вышло, что вы тоже оказались в воздухе?

Ничего не было видно, кроме песка, и ничего не было слышно, кроме ветра, поэтому им поневоле приходилось кричать друг на друга изо всех сил. Фу Яо, отплёвывая песок, набившийся в рот, прокричал в ответ:

— Об этом лучше спросить твою глупую ленту! Что с ней не так?

Се Лянь обеими руками схватился за «глупую ленту» и в полнейшей безысходности произнёс:

— Эх, Жое, Жое. Теперь судьба нас четверых полностью зависит от тебя. На этот раз ни в коем случае не промахнись, вперёд!

Сохраняя мужество перед лицом опасности, он снова отпустил ленту в полёт.

Нань Фэн заорал на него:

— Хватит надеяться на свою бесполезную тряпку! Придумай что-нибудь другое!

Неожиданно Се Лянь ощутил, как лента в руках в очередной раз натянулась и, оживившись, вскрикнул:

— Подожди, дай ей ещё один шанс! Она снова за что-то ухватилась!

Фу Яо предостерёг:

— Только не втягивай в это дело случайного прохожего! Отпусти беднягу!

Се Лянь и сам беспокоился об этом, без всяких напоминаний. Но когда он потянул Жое на себя, на другом конце не произошло никакого движения, поэтому принц с облегчением выкрикнул:

— Нет! На той стороне что-то очень тяжёлое и устойчивое! — Затем приказал ленте: — Сворачивайся!

Жое стала быстро сжиматься, действуя против бешеного ураганного ветра. Четверых так же быстро вытянуло из песчаного столба наружу, и постепенно внизу, посреди жёлтого песка, застилающего небо, Се Лянь разглядел чёрный полукруг, приблизительно размером с небольшой храм.

Другой конец Жое зацепился именно за него. Когда они приблизились, принц наконец разглядел, что это огромная скала.

Посреди урагана песчаная скала высилась массивной и молчаливой крепостью. Вне всяких сомнений — лучшее место, чтобы спрятаться от ветра.

Но пока они шли по пустыне, не видели на горизонте ничего похожего на эту скалу. Неизвестно, как далеко их унёс подозрительный песчаный смерч. Едва приземлившись, четвёрка путников немедленно обогнула скалу с подветренной стороны. Сердце Се Ляня сразу же просветлело. Он произнёс:

— Вот уж действительно, благословение небожителей.

На подветренной стороне песчаной скалы обнаружился вход в пещеру. В ширину как два дверных проёма, в высоту же чуть ниже, чем обычная дверь. Но взрослый человек всё же мог войти внутрь, наклонившись и опустив голову. По форме вход выглядел неровным, кривым и косым, при этом он также не походил на творение природы; возможно, его проделали наспех.

Се Лянь, оказавшись внутри, обнаружил, что в скале вырыто пустое пространство, и кажется, немаленькое. Поскольку вокруг царил темнота, он не стал заходить далеко вглубь, лишь присел в том месте, куда всё ещё попадал свет снаружи, хлопками очистил песок с ленты и заново намотал её на запястье.

Нань Фэн и Фу Яо принялись выплёвывать песок, который забился помимо рта ещё и в нос, глаза и уши, не говоря уже о складках на одежде — стоило им снять и встряхнуть верхние одеяния, на землю посыпались песчинки и мелкие камни. Из всех четверых самым невозмутимым, целым и невредимым остался лишь Сань Лан. Склонившись и войдя внутрь, он лишь для вида стряхнул песчинки с красной рубахи, и всё. Только немного растрепались волосы, да причёска сбилась набок, а в остальном юноша сохранил всё тот же постоянно довольный всем настрой. Даже причёска, которую Се Лянь уже ему загубил, сейчас, испорченная ещё больше, нисколько не повлияла на его самочувствие.

Нань Фэн смахнул песок с лица и разразился бранью. Се Лянь, перевернув шляпу, чтобы высыпать из неё песок, обратился к младшим служащим:

— Эх, вот уж не ожидал, что и вас унесёт на небо. Почему вы не воспользовались техникой Веса тысячи цзиней^[34]?

Лишь теперь Нань Фэн перестал ругаться и ответил:

— Воспользовались! Не сработало.

Фу Яо, злобно сотрясая верхнее одеяние, также злобно прошипел:

— Как ты думаешь, что это за место? Это пустыня дальних северо-западных земель, а не владения моего генерала. Север принадлежит двум генералам Пэям, запад — Цюань Ичжэню. На несколько сотен ли вокруг не найдётся ни одного храма Сюаньчжэня.

Стоит заметить, что среди простых смертных ходила поговорка: мощь дракона ничто против змеи на своей земле. И поскольку оба небожителя являлись подчинёнными Богов Войны юго-востока и юго-запада, в месте, не относящемся к владениям их генералов, мощь применяемых ими магических техник неизбежно сталкивалась с определёнными ограничениями.

Се Лянь, поглядев на их недовольные разгневанные лица, подумал, что они, должно быть, впервые столкнулись с проблемой, когда их унесло в небеса сильнейшим ветром, не давая возможности спуститься. Поэтому утешительно произнёс:

— Тяжело же вам пришлось.

Сань Лан уселся рядом с принцем на землю, подпёр щеку рукой и спросил:

— Здесь мы и переждём песчаную бурю?

Се Лянь повернулся к нему и ответил:

— Очевидно, сейчас у нас нет иного выбора. Каким бы сильным ни сделался тот смерч, всё же ему вряд ли удастся поднять к небесам целую скалу.

— Как ты и сказал, эта песчаная буря действительно показалась мне весьма и весьма странной.

Се Лянь внезапно кое о чём вспомнил.

— Сань Лан, я задам тебе один вопрос.

— Спрашивай, что хочешь.

— Тот советник Баньюэ, мужчина или женщина?

— А я разве не сказал? Женщина.

Догадка Се Ляня подтвердилась, и он продолжил:

— Когда мы остановились на заброшенном подворье, чтобы передохнуть, я ведь видел, как мимо нас прошествовали два незнакомца, наверняка не простые смертные, поскольку передвигались по пустыне совершенно удивительным способом. Один из них, тот, что в белом, как раз являлся женщиной.

Фу Яо с сомнением спросил:

— По одеянию того человека трудно определить пол, ростом он также выше, чем обычная женщина. Ты уверен, что не ошибся?

— Я видел её очень чётко, ошибки быть не может. Поэтому я предполагаю, что она могла оказаться советником Баньюэ.

Нань Фэн согласился:

— Возможно. Но рядом с ней шествовал ещё один человек, в чёрном. В таком случае, кто это такой?

— Трудно сказать. Однако тот человек передвигался ещё быстрее, а значит его способности никак не ниже её собственных.

Фу Яо предположил:

— Возможно ли, что это второй из двоих советников-чародеев, советник Фан Синь?

— Что до твоего предположения, мне всё же кажется, что двоих советников-чародеев объединили вместе лишь из-за того, что чётные числа легче запоминать, так же как Четыре величайших бедствия. А если до четырёх не достаёт, то кого-нибудь притянут за уши.

Услышав последнюю фразу, Сань Лан вновь рассмеялся. Се Лянь взглянул на него, и тот пояснил:

— Нет, ничего, просто я подумал, что в твоих словах есть доля истины. Среди Четырёх бедствий одно действительно притянуто за уши. Продолжай.

И Се Лянь продолжил:

— В действительности между ними, должно быть, нет никакой связи. Я слышал, советник Фан Синь являлся наставником в государстве Юньань^[35], и его от появления советника Баньюэ отделяет несколько сотен лет.

Фу Яо, словно восприняв слова принца как нечто абсурдное, спросил:

— Ты не имел понятия о Четырёх бедствиях мира демонов, но при этом осведомлён о существовании советника Фан Синя из государства Юньань?

— Иногда во время сбора мусора можно кое-что узнать от прохожих. Я ведь не наведывался в мир демонов за старьём. Разумеется, мне о них ничего не известно.

К тому времени шум ветра снаружи немного стих. Нань Фэн вышел из пещеры, похлопал по скале рукой, изучая, что она из себя

представляет, на некоторое время задумался и, озадаченно опустив взгляд, спросил:

— Для чего в этой скале вырыли такую пещеру?

Видимо, ему казалось весьма подозрительным само появление скалы посреди пустыни. Се Лянь же, не видя здесь ничего необычного, ответил:

— Подобных скал с вырытыми внутри пещерами здесь немало. В древности народ Баньюэ уходил далеко от дома на выпас скота. Поэтому люди выкапывали в пещерах подобные укрытия, дабы пастухи могли спрятаться от внезапно настигших их песчаных бурь. Некоторые пещеры даже не вырыты, а взорваны.

Нань Фэн с сомнением спросил:

— Как в пустыне можно пасти скот?

— Но ведь двести лет назад пустыня охватывала не все эти земли, существовали и обширные оазисы.

Внезапно раздался голос Сань Лана:

— Гэгэ.

Се Лянь обернулся с вопросом:

— Что такое?

Сань Лан указал куда-то вниз и произнёс:

— На камне, где ты сидишь, кажется, что-то написано.

— Что? — Се Лянь опустил взгляд, поднялся и только тогда обнаружил, что сидел на каменной плите.

Стерев с неё пыль, принц действительно увидел надпись, вырезанную не очень глубоко, поэтому слова вовсе не выглядели приметно. Половина плиты оказалась засыпана песком, письмена тянулись дальше наверх, скрываясь во тьме пещеры.

Если где-то есть надпись, следовательно, её необходимо прочесть. Се Лянь сказал:

— У меня осталось совсем немного магической силы. Кто из вас зажжёт Пламя-на-ладони^[36] и поможет мне осветить надпись? Премного благодарен.

Нань Фэн щёлкнул пальцами, и в тот же миг на его ладони действительно загорелся сгусток огня. Се Лянь невзначай бросил взгляд на Сань Лана, но юноша не выглядел удивлённым. Всё же ранее он уже лицезрел технику Сжатия тысячи ли, и теперь принцу казалось, что какие бы чудеса они ни творили, юноша останется абсолютно

спокойным. Нань Фэн поднёс ладонь к месту, на которое указал Се Лянь, озаряя вырезанные на плите строки. Письмена оказались весьма необычными, словно закорючки, выведенные детской рукой, немного наклонённые в сторону. Нань Фэн спросил:

— Что здесь написано?

Сань Лан ответил:

— Разумеется, это письма народа Баньюэ.

Се Лянь поправил:

— Думаю, Нань Фэн хочет знать, какой смысл несёт в себе написанное. Дайте взглянуть.

Он очистил плиту от песка и наконец дошёл до самой верхней строки. Здесь письменные знаки оказались особенно крупными, кажется, обозначали заглавие. И эти же символы несколько раз появлялись на плите ниже. Фу Яо тоже зажёл Пламя-на-ладони и спросил:

— Ты умеешь читать письма Баньюэ?

— Не стану скрывать, ещё до появления чародея Баньюэ мне приходилось собирать мусор в государстве Баньюэ.

В ответ Фу Яо молча уставился на принца.

— Что такого?

— Да ничего. Просто интересно, в скольких ещё местах тебе доводилось собирать мусор?

Се Лянь улыбнулся, склонился над плитой и продолжил читать. Спустя какое-то время он внезапно произнёс лишь одно слово.

— Генерал.

Одновременно прозвучали голоса Нань Фэна и Фу Яо:

— Что?

Се Лянь поднял взгляд.

— Я говорю, вот эти слова из самой верхней строки означают «генерал». — Помолчав, он добавил: — Но вот после слова «генерал» дописан ещё один знак. И в его значении я не совсем уверен.

Нань Фэн, кажется, с облегчением выдохнул, затем ответил:

— Ну так попробуй прочесть дальше.

Се Лянь кивнул, а Нань Фэн поднёс ладонь с огнём к нему поближе, переместив чуть вперёд. С этим движением Се Лянь внезапно заметил кое-что странное. Словно какая-то посторонняя тень попала в поле его зрения.

— Мы и не собирались прятаться. Но вы ворвались так внезапно, что мы не могли понять, чего ожидать от вас — худа или добра? Потом мы расслышали, как вы и вовсе заговорили о каком-то советнике Баньюэ, каком-то мире демонов, да ещё голыми руками развели огонь. Вот мы и решили, что вы и есть те самые воины Баньюэ, что бродят дозором по округе и хватают людей, чтобы съесть их. Кто из нас решился бы привлечь к себе внимание?

Старик, словно опасаясь, что юноша резкими словами разгневет собеседников, одёрнул его:

— Тянь Шэн, не болтай попусту.

Юноша, здоровяк с густыми бровями и большими глазами, замолчал сразу же, послушавшись старика.

Уши Се Ляня наконец перестали болеть, он опустил руки и доброжелательно произнёс:

— Всего лишь недоразумение, недоразумение. Нет нужды волноваться. Пожалуйста, все успокойтесь. — Сделав паузу, он продолжил: — Разумеется, никакие мы не воины Баньюэ. Я — настоятель монастыря, а это — служащие в моём монастыре... люди. Мы занимаемся изучением магических искусств. Вы — простые торговцы. Мы тоже простые монахи, никаких дурных намерений не имеем. Всего лишь скрывались от ветра и по счастливой случайности оказались в одной пещере с вами, вот и всё.

Голос принца звучал тепло и ласково, его неторопливые речи смогли успокоить перепуганных людей. После многократных объяснений и заверений торговцы наконец перестали бояться.

Тогда Сань Лан с улыбкой произнёс:

— Ну что же вы скромничаете? Ваш торговый караван, как я посмотрю, далеко не так прост.

Остальные в непонимании воззрились на него. Сань Лан продолжил:

— Всякий раз, когда путники проходят через Крепость Баньюэ, половина бесследно исчезает, разве не так говорят? Зная о слухах, вы всё же решились идти этим путём, значит, вас можно считать истинными смельчаками, а не простыми людьми.

Старик в ответ возразил:

— Молодой человек, это вовсе не так. На самом деле слухи во многом преувеличены, кроме нас были ещё и другие караваны,

которым удавалось мирно пересечь пустыню.

Сань Лан оживился.

— О?

Старик продолжил:

— Главное — найти хорошего проводника и не переходить границы прежних территорий государства Баньюэ. Поэтому, для того чтобы пройти через пустыню, мы специально наняли проводника из местных.

Юноша по имени Тянь Шэн подтвердил:

— Ага! Всё зависит от проводника. Нам очень повезло, что в дороге нас ведёт братец А Чжао. Он уже много раз спасал караван от зыбучих песков, а как увидел, что поднимается ветер, спешно повёл нас на поиски места, где можно укрыться. Иначе нас давно погребло бы под песками.

Се Лянь взглянул на юношу по имени А Чжао, который оказался довольно молодым, на вид около двадцати лет, с изящным, но бесхитростным лицом. На похвалу он никак не ответил, лишь произнёс:

— Ничего особенного, просто моя работа. Надеюсь, с вашими верблюдами тоже ничего не случится.

— Наверняка так и будет!

Торговцы явно настраивались на лучший исход, однако Се Ляню всё время казалось, что всё далеко не так просто, как им думается.

Если не забредать на территорию государства Баньюэ, то все останутся живы. В таком случае неужели прежние караваны, половина которых исчезла без следа, всего лишь не поверили в дурные слухи и самоуверенно направились навстречу смерти?

Поразмыслив над этим, принц обратился к Нань Фэну и Фу Яо:

— Всё произошло слишком внезапно. Когда ветер стихнет, нам нужно убедиться, что эти люди в безопасности покинут пустыню, затем вновь вернуться для разьяснения обстановки на территории бывшего государства Баньюэ.

После Се Лянь вернулся к прочтению надписей на каменной плите. Ранее ему удалось распознать слово «генерал» лишь потому, что использовалось оно довольно часто. Тем не менее, с тех пор как он бывал в государстве Баньюэ, прошло уже двести лет. Если бы даже Се Лянь в те времена отлично выучил язык Баньюэ, весьма сложно было

бы пронести эти знания сквозь два века. Поэтому сейчас для восстановления прежних умений всё же требовалось немного времени и терпения. Внезапно рядом послышался голос Сань Лана:

— Могила генерала.

Как только юноша это сказал, Се Лянь вспомнил. Последний символ ведь означал именно это — «могила, курган, яма»!

Он обернулся и произнёс:

— Сань Лан, неужели ты тоже знаешь язык Баньюэ?

Сань Лан с улыбкой ответил:

— Немного. Из интереса выучил пару символов.

Се Лянь уже привык к подобным ответам. Но язык Баньюэ сам по себе считался редким, а символ «могила» не являлся самым общеупотребительным. Если уж Сань Лан «выучил пару», то как вышло, что именно этот символ оказался среди выученных? Слово же «немного», прозвучавшее из уст Сань Лана, смело можно было перефразировать как «спрашивай, что хочешь, я отвечу». Поэтому Се Лянь расплылся в улыбке и произнёс:

— Просто замечательно. Возможно, та пара символов, которые ты знаешь, — как раз именно те, что неизвестны мне. Подойди, давай посмотрим вместе.

Он поманил Сань Лана, и тот сразу подошёл ближе. Нань Фэн и Фу Яо встали по бокам, чтобы осветить им обзор. Палец Се Ляня медленно скользил по высеченным на плите письмам. Принц распознавал символы, тихо обсуждая прочитанное с Сань Ланом. И по мере чтения взгляд его вначале становился всё ярче и ярче, но в итоге снова постепенно потускнел.

Юноша по имени Тянь Шэн оказался самым молодым среди торговцев, а молодые люди всегда любопытны. Ко всему прочему, они с незнакомцами уже успели обменяться парой фраз, поэтому парнишка посчитал себя своим и спросил:

— Уважаемые братцы, так что же написано на этой каменной плите?

Се Лянь оторвался от размышлений и ответил:

— Эта каменная плита — надгробие, на котором расписан жизненный путь одного генерала.

Тянь Шэн не унимался:

— Генерала государства Баньюэ?

Сань Лан ответил:

— Нет, генерала из Центральной равнины.

Нань Фэн с подозрением спросил:

— Генерала из Центральной равнины? Но почему народ Баньюэ решил возвести для него могильный курган? Разве два государства не находились в состоянии непрерывных войн?

Сань Лан ответил:

— Этот генерал — особый случай. Несмотря на то, что на каменной плите он записан под званием генерала, на самом деле он дослужился лишь до старшего командира^[37].

— Но впоследствии его повысили до генерала?

— Вовсе нет. Кроме того, в начале своей карьеры он командовал сотней воинов, затем под его началом служили семьдесят человек, а в конечном итоге — лишь пятьдесят.

Повисло неловкое молчание.

— Проще говоря, его постоянно понижали.

С опытом постоянного понижения в должности, до такой степени, что ниже уже некуда, Се Лянь и сам ознакомился в полной мере. Ощувив обращённые на него две пары глаз, принц сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил читать письма на каменной плите. Как раз тогда вновь раздался непонимающий голос Тянь Шэна:

— Как же он служил, если его постоянно понижали и понижали? Ведь если не совершать никаких слишком крупных ошибок, пускай не повысят, то хотя бы не понизят, это точно. До какой степени нужно оказаться неудачником, чтобы докатиться до такого?

Се Лянь сложил руку в кулак, поднёс ко рту и тихонько кашлянул, затем серьёзным тоном ответил:

— Послушай, дружок. Понижение по службе раз за разом — явление тоже довольно частое.

— А?

Сань Лан со смешком подтвердил:

— В самом деле. Довольно частое.

Сделав паузу, Сань Лан продолжил:

— Но именно этого командира непрестанно понижали вовсе не потому, что ему недоставало отваги или же он не соответствовал своему званию. Всё из-за того, что между двумя странами отношения не складывались, а он во время сражений не только не стремился к

завоеванию воинских заслуг, но даже наоборот — создавал множество помех.

Нань Фэн спросил:

— Что значит — создавал множество помех?

Сань Лан ответил:

— Он не только не позволял врагу убивать мирных жителей собственной страны, но и своим солдатам мешал убивать простых людей вражеской стороны. За каждое подобное происшествие его и понижали на ранг.

Пока он неспешно рассказывал об этом, торговцы постепенно подсели поближе, словно слушая сказочника, при этом погрузились в рассказ с головой, периодически вставляя свои замечания. К примеру, Тянь Шэн заявил:

— Мне кажется, этот командир никакой ошибки не совершил! Пусть солдаты убивают друг друга, разве это неправильно — не давать им убивать простых людей налево и направо?

— Подобное проявление слепой доброты — не слишком подходящий поступок для солдата воюющего государства. Но в целом он ведь ничего дурного не сделал.

— Точно! Он ведь спасал людей, а не вредил им.

Се Лянь, послушав их, мягко улыбнулся.

Ведь торговцы не являлись жителями приграничных территорий и не жили здесь двести лет тому назад. Теперь, когда государство Баньюэ исчезло с лица земли, легко рассуждать о поступках того командира. Кто-то ему сочувствовал и восхищался. Даже те, кто не восхищался, всё же могли понять его. Но сотни лет назад, когда между двумя странами горел огонь войны и кровной мести, оценка результатов подобного поведения далеко не ограничивалась простым «проявлением слепой доброты».

Лишь А Чжао, возможно, потому что родился в этих местах, понимал это лучше остальных. Он произнёс:

— Сейчас — это сейчас, а двести лет назад — двести лет назад. Этому командиру несказанно повезло, что его лишь понизили в ранге.

Фу Яо же возмущенно фыркнул.

— Это просто смешно.

Се Лянь примерно догадывался, что тот собирается сказать, и потому потёр точку между бровей.

И действительно, пламя озарило мрачный облик Фу Яо, когда тот произнёс:

— На своём месте необходимо выполнять свои обязанности. Раз этот человек стал воином, он должен каждый миг помнить о защите государства, мужественно сражать врага на передовой. Во время войны ран и смертей избежать нельзя. Подобные мелкие благодеяния лишь разжигают ненависть в глазах соратников, а врагам кажутся до крайности смехотворными. Никто не станет благодарить его за это.

В его словах также имелась немалая доля правды, поэтому в пещере воцарилась тишина. Фу Яо бесстрастно добавил:

— В конце концов, у тех, кто поступает подобным образом, итог один — смерть. И что наиболее вероятно — от рук своих же людей.

После недолгого молчания Се Лянь нарушил тишину:

— Верно. Ты всё правильно описал. Он погиб.

Тянь Шэн взволнованно воскликнул:

— А? Как это случилось? В самом деле убит соратниками?

Поразмыслив, Се Лянь всё же заговорил.

— Вообще-то, не совсем... Здесь сказано: в одно из сражений с врагом он бился, бился, потом наступил на развязавшийся шнурок сапога, упал и...

Люди в пещере вначале решили, что генерал наверняка погиб беспримерно мужественно. Услышав же речи Се Ляня, недоумённо застыли, очевидно, каждый подумал — что за глупая смерть? А затем они так и покатались со смеху:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

— ...И был задавлен сапогами и зарублен саблями солдат обеих сторон, которые в пылу битвы не различали, кого атакуют.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Сань Лан приподнял бровь с вопросом:

— Неужели это настолько смешно?

Се Лянь согласился с ним:

— Кхм. Да уж, довольно трагично. Друзья, давайте посочувствуем, не нужно смеяться. Всё-таки здесь находится его могила, будем же уважать его память.

Тянь Шэн торопливо проговорил:

— Мы ведь не со зла! Просто это в самом деле... немного... ха-ха...

Се Лянь ничего не смог возразить, поскольку даже он сам, дочитав до этого места, захотел рассмеяться. Однако упоминать об этом не стал, а продолжил читать, перевёл дальнейшие записи и заключил:

— В общем, несмотря на подпорченную среди солдат репутацию погибшего командира, народ Баньюэ и народ Центральной равнины, проживающий на границе двух государств, памятуя о его заботе, называл его «генералом», а также устроил простенький могильный курган и установил каменную плиту в память о нём.

Сань Лан продолжил:

— А впоследствии народ Баньюэ заметил, что у надгробной плиты появилось чудесное свойство: стоит трижды поклониться ей — и любая беда в пустыне обернётся удачей.

Тон Сань Лана звучал столь непостижимо и загадочно, а выражение лица выглядело столь серьёзно, что многие торговцы, едва услышав его речи, бросились бить поклоны плите. Они желали поверить скорее в чудесные свойства плиты, чем в их отсутствие. Се Лянь озадаченно спросил:

— А? Здесь об этом написано? Она настолько чудесна?

Сань Лан, посмеиваясь, прошептал:

— Нет. Последнюю фразу я добавил от себя. Раз уж они посмеялись над ним, пусть теперь кланяются, с них не убудет.

Се Лянь, взглянув на камень, убедился, что письма действительно закончились. Только что он горевал, а теперь и сам захотел рассмеяться. Принц прошептал в ответ:

— Что ещё за озорство?

Сань Лан показал ему язык. Они оба рассмеялись, как вдруг кто-то испуганно вскрикнул:

— Что это такое?!

Крик прозвучал на всю пещеру резким громким эхом, так что у всех присутствующих мурашки пробежали по коже. Се Лянь тут же обернулся на голос и спросил:

— Что стряслось?

Один из кланяющихся древнему надгробию в спешке отпрянул в сторону и в ужасе закричал:

— Змея!

Нань Фэн и Фу Яо повернули ладони так, чтобы пламя озарило то место, куда указал торговец. Там, на песчаном полу, действительно расположилась длинная змея довольно яркого окраса!

Люди запаниковали.

— Откуда здесь могла взяться змея?!

— Почему... почему она не издаёт никаких звуков?! Мы даже не заметили, когда она заползла сюда!

Озарённая пламенем, змея приподняла голову, словно насторожившись и приготовившись в любой момент яростно атаковать. Нань Фэн уже собирался отпустить пламя с ладони, чтобы убить змею, но тут кто-то неспешно приблизился к животному, одним броском сжал змею на расстоянии семи цуней от головы, там, где находилось её сердце, поднял в воздух, чтобы разглядеть получше, и при этом произнёс:

— В пустыне водятся змеи, что в этом необычного?

Разумеется, столь смелым и бесстрашным мог оказаться только Сань Лан. Как говорится, «хочешь убить змею, бей точно в сердце», и Сань Лан схватил пресмыкающееся ровно в нужном месте, поэтому, как бы она ни скалила зубы, напугать его уже не могла. Змеиный хвост несколько раз мягко обвился вокруг его левой руки, и Се Лянь с близкого расстояния смог разглядеть, как сквозь полупрозрачную кожу змеи просвечивает яркая, фиолетово-красная плоть, внутри которой виднеются чёрные прожилки. Картина была не из приятных и ассоциировалась с выпущенными наружу внутренностями. Кончик хвоста змеи оказался телесного цвета, да к тому же разделённый на сегменты, словно покрытый несколькими слоями панциря. Это было больше похоже на хвост скорпиона, нежели змеи.

Лицо Се Ляня вмиг переменялось; стоило принцу увидеть хвост змеи, он предостерёг:

— Берегись её хвоста!

В момент, когда раздался его крик, змеиный хвост внезапно отпустил руку Сань Лана, а кончик хвоста будто превратился в ещё одну голову, которая дёрнулась назад и резко ужалила!

Атака казалась молниеносной, но Сань Лан ещё быстрее выбросил правую руку и лёгким движением преспокойно схватил змею за хвост. А затем показал Се Ляню, словно держал в руках крайне забавную игрушку, со словами:

— А хвост довольно интересный.

Все увидели, что на самом конце змеиного хвоста растёт кроваво-красное жало. Се Лянь с облегчением выдохнул:

— Хорошо, что ты не ужалился. Вот как, значит. Это скорпионозная змея.

Нань Фэн и Фу Яо тоже подошли, чтобы взглянуть на пленницу, и спросили:

— Скорпионозная змея?

— Верно. Ядовитый гад, что водился только в государстве Баньюэ. Можно сказать, большая редкость. Мне не доводилось встречаться с ней, но я про таких слышал. Тело змеи, хвост скорпиона. При этом ещё более ядовитая, чем оба гада вместе взятые. Не важно, укусит она зубами или же ужалист хвостом, всё одно...

На этом месте Се Лянь увидел, как Сань Лан вертит в руках несчастное животное — то растянёт, то сожмёт, то скрутит словно полотенце, разве что бантиком не завязал. Поэтому принц замолчал и мягко обратился к юноше:

— Сань Лан, не играй с ней, это очень опасно.

Юноша лишь посмеялся:

— Ерунда. Гэгэ, не беспокойся за меня. Скорпионозная змея — тотемное животное советника Баньюэ, такую возможность упускать нельзя, нужно внимательно рассмотреть её.

Се Лянь замер в недоумении.

— Тотемное животное советника Баньюэ?

— Именно. Говорят, что советник Баньюэ могла управлять этими тварями, именно поэтому народ Баньюэ, посчитав, что её магическая сила безгранична, признал её своим советником.

Услышав слово «управлять», Се Лянь ощутил, что дело принимает дурной оборот, про себя подумав: «Когда речь заходит о подобных вещах, “управляемых” всегда бывает превеликое множество», а вслух быстро произнёс:

— Нам лучше немедленно покинуть это место, боюсь, что змея здесь далеко не одна...

Он не успел закончить фразу. Раздался крик ужаса:

— А-а-а!!!

Несколько торговцев тут же завопили:

— Змея!

— Как их много!

— И здесь тоже!

Из темноты беззвучно показались семь-восемь фиолетово-красных скорпионовых змей. Их появление оказалось слишком внезапным. Неизвестно, из какой части пещеры они выползли. Вот только нападать змеи не спешили, просто спокойно глядели на группу людей, словно с интересом разглядывая их. Твари передвигались и нападали абсолютно бесшумно, не издавая даже обычного шипения, с которым ядовитые змеи выплёвывают язык. Крайне опасные существа. Нань Фэн и Фу Яо немедленно запустили в них огнями, которые держали в ладонях. Внутри пещеры взорвался большой сгусток пламени, и Се Лянь велел:

— На выход!

Но никто и не смел больше задерживаться в пещере, все второпях бросились наружу. К счастью, время близилось к сумеркам, смерч давно умчался вдаль, да и ветер снаружи заметно стих. Люди высыпали из пещеры на простор, и пока все бежали, кто-то воскликнул:

— Это надгробие — ужасный обман! Мы ведь трижды поклонились ему! Почему же всё равно наткнулись на жутких тварей?

Се Лянь подумал: «К счастью, им не известно, что последнюю фразу Сань Лан выдумал». Тут заговорил другой торговец:

— Да уж! Ничем не лучше молитвы этому... мусорному божеству! С каждым поклоном несчастья лишь прибавляются!

Даже в столь отдалённом от Центральной равнины месте Се Лянь не укрылся от насмешек. Но поспорить с ними не мог.

Внезапно раздался испуганный голос Тянь Шэна.

— Дядя Чжэн! — и старик, которого юноша поддерживал за локоть, упал. Се Лянь поспешил к нему.

— Что с вами?

Лицо старика исказила боль, он поднял дрожащую руку, и Се Лянь, взяв его ладонь и осмотрев её, ощутил, как сердце ухнуло вниз. Место между большим и указательным пальцем сделалось фиолетово-красным и сильно вспухло, а на коже с трудом можно было рассмотреть маленькую дырочку. Подобную рану заметить сразу в момент нанесения практически невозможно. Се Лянь тотчас обратился к остальным:

— Сейчас же осмотрите себя и убедитесь, что вы не поранены, а если обнаружите укус, немедленно перетяните укушенную часть тела верёвкой!

Перевернув ладонь старика и посмотрев на его вены, Се Лянь невооруженным взглядом увидел, как они постепенно окрашиваются пурпурным.

Принц мысленно подивился силе змеиного яда и уже собирался размотать Жое, но тут А Чжао оторвал полосу ткани и затянул её на середине руки старика, достаточно сильно, чтобы предотвратить продвижение яда к сердцу. Его движения оказались столь несравнимо быстрыми, что Се Лянь про себя похвалил юношу. А когда поднял взгляд на Нань Фэна, тот без лишних просьб вынул бутылёк со снадобьями и вытряс из него круглую маленькую пилюлю. Се Лянь протянул пилюлю старику, чтобы тот проглотил снадобье, а Тянь Шэн в панике заголосил:

— Дядя, с тобой всё в порядке?! Братец А Чжао, дядя ведь не умрёт?!

А Чжао покачал головой.

— После укуса скорпионовой змеи смерть в течение четырёх часов неизбежна.

Тянь Шэн в ужасе застыл.

— Но... но что же нам тогда делать?

Старик Чжэн являлся лидером каравана, и остальные торговцы тоже взволнованно заголосили:

— Но ведь этот парень дал ему лекарство!

Нань Фэн возразил:

— Я дал ему не противоядие, а снадобье, временно продлевающее жизнь. Самое большее, что оно сможет сделать, — это растянуть четыре часа на двадцать четыре.

Торговцев охватила суматошная паника:

— Всего лишь двадцать четыре часа?

— Так значит, остаётся только ждать смерти?

— Разве от этого яда не существует противоядия?

К ним медленно подошёл Сань Лан, он и сказал:

— Противоядие существует.

Все взгляды сразу же обратились к нему. Тянь Шэн ужасно обрадовался, развернулся к проводнику и воскликнул:

— Братец А Чжао, что же ты сразу не сказал, что противоядие существует? Напугал меня до смерти!

А Чжао ничего ему не ответил, лишь безмолвно качнул головой. Сань Лан произнёс:

— Разумеется, ему непросто говорить об этом. Что если отравленный спасётся, а все остальные умрут? Какие тогда подобрать слова?

Се Лянь спросил:

— Сань Лан, что это значит?

Юноша вместо ответа задал вопрос.

— Гэгэ, тебе известна легенда о появлении скорпионовых змей?

Оказалось, что по легенде несколько сотен лет назад в государстве Баньюэ правил один государь. Однажды во время охоты он углубился в горы, где нечаянно поймал двух оборотней, сформировавшихся из ядовитых тварей — змеи и скорпиона.

Оборотни занимались самосовершенствованием в глубине гор, никогда не появлялись среди людей и никому не вредили. Но государь Баньюэ, решив, что раз они — ядовитые твари, то рано или поздно кого-то отравят, собрался убить обоих. Оборотни слёзно умоляли государя сохранить им жизнь, но тот, от природы жестокий, заставил оборотней спариться друг с другом на глазах у него и всех его высокопоставленных чиновников, в качестве развлечения во время пирушки, пока зрители предавались веселью и распивали вино. Ну а когда пир подошёл к концу, государь всё равно убил пленников. Лишь государыня прониклась к ним состраданием. Однако, не осмелившись пойти против воли мужа, смогла лишь сорвать листок душистой травы и бросить в сторону трупов оборотней, прикрыв их тела.

Ядовитая змея и скорпион после смерти обернулись демонами, полными злобы и ненависти. В гневе они наслали проклятье на народ Баньюэ, повелев потомству, которое родится от их спаривания, навеки поселиться в тех местах и вредить людям, убивая их. Скорпионовые змеи появляются лишь в местности государства Баньюэ, и яд их настолько силён и быстр, что, укуси или ужаль подобная змея человека, ужасная смерть неизбежна. И всё же благодаря жесту милосердия государыни именно та душистая трава, листком которой она прикрыла тела оборотней, обрела свойство противоядия.

Закончив рассказ, Сань Лан добавил:

— Трава называется шань-юэ^[38] и растёт только в пределах границ государства Баньюэ.

Дослушав рассказ до конца, торговцы засыпали его вопросами:

— Что же... получается, этим сказочным легендам в самом деле можно верить?

— Послушай, братец, ведь речь идёт о жизни человека, не надо подшучивать над нами!

Сань Лан лишь улыбался в ответ. Он рассказал всё это Се Ляню и больше ничего не собирался добавлять. Тогда Тянь Шэн обратился к А Чжао за подтверждением:

— Братец А Чжао, правда ли то, что сказал этот юноша в красных одеждах?

Помолчав немного, А Чжао ответил:

— Мне неведомо, правдива ли легенда. Но на прежних территориях государства Баньюэ действительно растёт трава шань-юэ. И эта трава действительно способна снять действие яда скорпионовой змеи.

Се Лянь уточнил:

— Иными словами, у того, кого укусила скорпионовая змея, остаётся только один шанс на выживание. И его можно заполучить, лишь проникнув на территорию прежнего государства Баньюэ?

Не удивительно, что многие проезжие торговцы и путешественники, прекрасно зная, что всякий раз, когда путники проходят через Крепость Баньюэ, половина бесследно исчезает, тем не менее, проникали на территорию государства. Вовсе не потому, что они всей душой мечтали встретить свою смерть, а скорее потому, что если не проникнут туда, непременно погибнут!

Но поскольку скорпионовые змеи являлись тотемными животными чародейки Баньюэ, а также подчинялись её приказам, следовательно, появление змей — вовсе не случайность. Может статься, Се Лянь и младшие небожители не смогут гарантировать безопасность всем этим людям, полагаясь лишь на собственные силы. Неизвестно, не появится ли здесь ещё больше змей. Поэтому Се Лянь приложил два пальца к виску в попытке связаться с сетью духовного общения и, позабыв о скромности, позаимствовать ещё нескольких младших служащих. К его удивлению, связаться не удалось, в ответ не раздалось ни звука.

Принц в недоумении опустил руку, затем подумал: «Но ведь я не мог так быстро израсходовать все магические силы! Только сегодня утром я проверял, ещё немного оставалось». Тогда он повернулся к Нань Фэну и Фу Яо с просьбой:

— Кто-нибудь из вас пробовал соединиться с духовной сетью? У меня не выходит.

Несколько мгновений спустя лица обоих небожителей помрачнели. Нань Фэн ответил:

— Я тоже не могу.

В некоторых местах, где тёмная энергия бьёт ключом в небо, магические силы некоторых небожителей могут подвергнуться её влиянию и временно ослабнуть либо вовсе запечататься. Очевидно, что путники, к несчастью, оказались именно в таком месте.

Се Лянь побродил туда-сюда, поднял взгляд наверх и произнёс:

— Возможно, всё потому, что мы находимся слишком близко к государству Баньюэ, соединиться с сетью духовного общения не выходит...

Внезапно взгляд принца зацепился за что-то необычно яркое, красного цвета.

Пока Нань Фэн и Фу Яо пытались войти в сеть духовного общения, а торговцы занимались поиском маленьких ранок на своих телах, один лишь юноша по имени Тянь Шэн, занятый заботой о дядюшке, совершенно не почувствовал, как фиолетово-красная змея бесшумно забралась ему на спину по позвоночнику.

И теперь устроилась на его плече, оскалив клыки и прицелившись, впрочем, не в шею юноши, а в руку беспечно прохладящегося рядом Сань Лана.

Змея отклонилась назад, бросок!

За мгновение до того, как острые зубы вонзились бы в тело Сань Лана, Се Лянь протянул руку и с бесподобной меткостью схватил змею в области сердца.

Ему бы хватило сил, чтобы сразу же раздавить сердце змеи и разорвать на мелкие кусочки. Однако принц не знал, ядовиты ли кровь и плоть животного, поэтому не решился на необдуманый поступок, торопливо сжимая змею за хвост. Кто бы мог предположить, что тварь окажется изворотливой до такой степени, что её будет крайне сложно схватить: Се Лянь сжал пальцы, но тут же ощутил, как между ними

проскользнуло что-то округлое и мягкое, но ледяное. В следующий миг тыльную сторону руки пронзило колющей болью.

Жало скорпиона!

Когда оно вонзилось в руку Се Ляня, принц всё-таки схватил змею за хвост, сжал тело твари в нужном месте, применил силу, и та повисла без сознания, мёртвая. Несмотря на ранение, принц даже не изменился в лице, лишь бросил тварь на землю и произнёс:

— Будьте внимательнее, неподалёку всё ещё могут оказаться змеи...

Не успев договорить, принц ощутил, что кто-то схватил его за запястье. Подняв взгляд, он увидел перед собой юношу в красном. Се Лянь на миг застыл, спрашивая:

— Сань Лан?

Он задал этот вопрос потому, что выражение лица юноши показалось ему не совсем обычным. Невозможно подобрать слова, чтобы его описать, при одном взгляде на него ощущалась дрожь, исходящая изнутри.

Сань Лан неотрывно смотрел на маленькую ранку на тыльной стороне ладони Се Ляня. Сперва отверстие на коже по размеру не отличалось от укола иглы. Но яд начал действовать мгновенно, и тыльная сторона ладони тут же вздулась тёмно-лиловым бугром, отчего маленькое отверстие растянулось до размера небольшого пореза.

Лицо Сань Лана помрачнело. Не произнеся ни звука, он схватил Жое и с её помощью завязал на запястье Се Ляня узел, затянув ленту намертво и предотвратив движение отравленной крови. Жое любила ластиться к принцу, но порой вела себя непослушно. Зато в руках юноши сделалась невероятно покорной, словно бездушной тряпицей.

С тех пор как они познакомились, Се Лянь ещё ни разу не видел Сань Лана с подобным выражением лица. Принц хотел было что-то сказать, но тут юноша вынул из-за пояса одного из торговцев кинжал. Нань Фэн, увидев это, немедленно понял, что тот собирается делать, и потому зажёг правой рукой Пламя-на-ладони. Сань Лан, даже не глядя на него, накалил клинок кинжала над огнём, развернулся и нанёс поверх раны Се Ляня ещё два пореза, крест-накрест, быстро и аккуратно. Когда юноша склонился к руке принца, Се Лянь торопливо произнёс:

— Не нужно. Яд скорпионовой змеи слишком силён. Даже если его высосать, это ничего не изменит, смотри, как бы самому не отра...

Но Сань Лан, не допуская возражений, крепче схватил его руку, прильнув губами к тыльной стороне ладони принца. Сам не зная почему, Се Лянь ощутил, как его рука, сжатая юношей, едва заметно задрожала.

Фу Яо рядом произнёс:

— И тут ты умудрился ужалиться. Вот уж точно — истинное невезение. Вполне возможно, что змея не укусила бы его, чего ты полез? Только добавил нам хлопот.

Он был совершенно прав. И в самом деле, перед глазами Се Ляня немедленно возникла картина, как Сань Лан невозмутимо завязывает змею узлом, поэтому принцу теперь тоже казалось, что юноша не обязательно оказался бы ужален. Возможно, даже если бы это случилось, Сань Лан бы не стал волноваться по этому поводу. Однако лучше перестраховаться, чем потом сокрушаться: что если юноша действительно не заметил бы змею, и укус достался ему? Тогда любые сожаления оказались бы запоздалыми.

Се Лянь помахал другой, не ужаленной, рукой и произнёс:

— Всё равно мне не больно, да и не смертельно это, не стоит обо мне волноваться.

Фу Яо спросил:

— Тебе правда не больно?

Се Лянь честно ответил:

— Правда. Уже ничего не чувствуется.

Принц не солгал. Такой человек как Се Лянь, по причине невероятного невезения, прогуливаясь в горах, в восьми из десяти случаев непременно наступал на ядовитую змею либо мог спугнуть ядовитых насекомых или что-то в этом роде. Всевозможные ядовитые твари кусали принца бесчисленное множество раз, вот только он упорно не желал умирать, самое большее — мог три дня и три ночи проваляться, мучаясь жаром, а пробудившись, вёл себя так, словно ничего не случилось. К тому же принц совершенно потерял чувствительность к боли, любая боль для него со временем стала привычным делом.

Когда из уст Се Ляня прозвучала последняя фраза, Сань Лан наконец поднял взгляд. Припухлость на тыльной стороне ладони

принца заметно спала, только губы юноши сделались кроваво-алыми, а взгляд предельно холодным. Он переместил взгляд в сторону, на ту самую змею, лежащую на земле. Раздался резкий хлопок — и фиолетово-красное тело твари живьём превратилось в фиолетово-красную лужу кровавого месива.

Остальные, увидев, как змея ни с того ни с сего взорвалась, подпрыгнули от испуга. Но так и не поняли, кто сотворил подобное. Пускай даже капли крови не попало на путников, всё же они и без того пришли в полнейшее смятение. Тянь Шэн, памятуя об ужаленном Се Ляне, взволнованно спросил:

— Гэгэ, тебя тоже ужалило? Что теперь делать?

Се Лянь покрепче затянул узел на запястье и с улыбкой ответил:

— Доброе дитя, со мной всё будет в порядке. Согласно прежнему плану, далее мы намерены отправиться в древний город Баньюэ на поиски травы шань-юэ.

Один из торговцев быстро переспросил:

— Вы намерены? А что насчёт нас? Нам ведь тоже придётся отправить кого-то с вами!

— От вас никого отправлять не требуется. Боюсь, что прежние территории государства Баньюэ кишат опасностями. Чем больше людей, тем больше неприятностей может случиться в пути. Когда мы отыщем траву шань-юэ, до истечения двадцати четырёх часов обязательно принесём её вам.

Торговцы стали восклицать:

— П-правда?! В таком случае, премного вам благодарны...

— Даже как-то неловко...

И всё же, стоило Се Ляню добавить следующую фразу, лица их немедленно изменились.

— Чтобы как можно скорее отыскать государство Баньюэ, нам всё-таки придётся потревожить вас и попросить на время одолжить этого молодого парнишку, чтобы он указал нам путь.

Конечно же, принц собирался позаимствовать у торговцев А Чжао. И если сначала лица людей сияли благодарностью и ликованием, то теперь на них читалась нерешительность. Се Лянь прекрасно осознавал: торговцы волнуются, что их проводник сбежит, когда найдёт траву шань-юэ. Если А Чжао всё же окажется честным человеком и вернётся к ним, то время будет неизбежно потеряно. При

этом никто из присутствующих не желал отправляться в место, проходя через которое, половина путников бесследно исчезает. Торговцы явно пребывали в замешательстве.

Они отреагировали вполне естественно, Се Лянь прекрасно понимал это, поэтому поспешил добавить:

— Но я боюсь, что в пути вы можете повстречаться с иными непредвиденными опасностями. Поэтому, Фу Яо, ты останешься, чтобы присмотреть за караваном.

Услышав, что кто-то остаётся с ними, торговцы согласно закивали.

— Хорошо. Главное, чтобы сам А Чжао согласился.

Поэтому Се Лянь развернулся к А Чжао с вопросом:

— Братец, ты согласишься оказать нам услугу? Если не захочешь, ничего страшного.

А Чжао кивнул:

— Можно. Но на самом деле древний город Баньюэ не так уж трудно отыскать. Нужно лишь идти в этом направлении, и выйдешь прямо к нему.

Попрощавшись с торговцами, А Чжао пошёл впереди, а Се Лянь, Сань Лан и Нань Фэн последовали за ним. Спустя некоторое время пути принц задал вопрос:

— А Чжао, часто ли появляются скорпионовые змеи в этой местности?

— Не часто. Я тоже видел их впервые.

Се Лянь кивнул, больше ничего не спросив. В действительности ему приходилось проживать недалеко от государства Баньюэ какое-то время, и он также встретился со скорпионовыми змеями в первый раз. Поэтому подобный ответ не выбивался из реальной картины.

Нань Фэн, уловив кое-что в словах принца, шёпотом спросил:

— Ты подозреваешь этого А Чжао?

Се Лянь также шёпотом ответил:

— Раз уж мы взяли его с собой, лучше не спускать с него глаз.

Раньше первым подобный вопрос ему задал бы Сань Лан. Однако юноша, возможно, из-за недавнего происшествия, всё ещё выглядел расстроенным и не произносил ни слова. Се Лянь никак не мог понять, в чём дело, но и не знал, как начать разговор, поэтому оставалось лишь молча идти вперёд.

Четвёрка путников шла по бескрайней пустыне ещё около часа. Ураган давно унёсся прочь, песчаная буря не преграждала путь. Шаг путников ускорился, и постепенно они стали замечать вокруг с огромным трудом выжившие в пустыне сорняки, прорастающие в трещинах песчаных скал. И когда солнце начало клониться к закату, Се Лянь наконец увидел на горизонте очертания древнего города.

Заметить город оказалось весьма непросто, поскольку он сливался с просторами пустыни, будучи такого же жёлтого, песчаного цвета. Стены города обвалились, в некоторых местах их давно погребло под песками. Только подойдя ближе, путники увидели, насколько высокими когда-то были эти стены: кое-где они достигали более десятка чжанов. Нетрудно представить тот величественный образ, который город представлял собой во времена расцвета.

Путники прошли сквозь полукруглую арку, защищающую врата города, и проникли на территорию прежнего государства Баньюэ.

За вратами открывалась улица, как и все, что им встречались ранее, — широкая, но пустая. По обеим её сторонам стояли лишь полуразрушенные стены и развалины домов, лежали обломки камней и досок. Скорее всего, А Чжао уже привык давать наставления, поэтому произнёс:

— Прошу вас, будьте осторожнее, не разбредайтесь.

Но, разумеется, троице не требовались подобные предостережения.

Вероятно, древний город слишком сильно отличался от представлений Нань Фэна о государстве Баньюэ, поэтому он с сомнением спросил:

— Это и есть государство Баньюэ? Почему такое маленькое? Не сравнить даже с обыкновенным городом.

Се Лянь ответил:

— Небольшое пустынное государство. Каков по размеру оазис, таково и государство. В период полного расцвета население государства Баньюэ насчитывало не более десятка тысяч. По величине оно примерно таким и являлось. Когда здесь проживало множество людей, можно сказать, жизнь государства была ключом.

Нань Фэн, внимательно оглядевшись, заключил:

— Победа над таким государством — дело нескольких дней, не более.

Се Лянь же покачал головой.

— А вот и не обязательно. Нань Фэн, не стоит недооценивать народ Баньюэ. Несмотря на население менее десяти тысяч, всё же регулярная армия государства насчитывала более четырёх тысяч человек. Мужчины по количеству превосходили женщин. Не считая дряхлых, слабых и больных, а также крестьян, что занимались возделыванием земель, все они являлись военнообязанными. Кроме того, прямо-таки каждый воин Баньюэ ростом доходил до девяти чи^[39] и обладал дерзким и воинственным характером. С палицей в руках каждый из них готов был нестись в бой даже с кинжалом, торчащим из груди. Справиться с такими крайне трудно.

А Чжао бросил на Се Ляня взгляд, словно слова принца стали для него неожиданностью, и произнёс:

— А вы, молодой господин, неплохо осведомлены.

Улыбка не сходила с лица Се Ляня. Он уже собрался выдумать какую-нибудь отговорку, но Нань Фэн освободил его от этой необходимости вопросом:

— А что за той стеной?

Он указал на огромное песчаное строение вдалеке.

Надо сказать, подобное определение не совсем подходило в данном случае: «строение» представляло собой колодец без входа и крыши, лишь четыре глинобитных стены, каждая — более десяти чжанов в высоту. На самой вершине из стены торчал длинный шест, на котором, покачиваясь на ветру, болталось нечто изорванное в клочья, вроде флага или чего-то подобного. По неизвестной причине при взгляде на необычную постройку сердца людей пробирало холодом.

Се Лянь, обернувшись, взглянул в ту сторону и ответил:

— Это Яма Грешников.

Сразу стало ясно, что ничего хорошего это место из себя не представляло. Нань Фэн хмуро переспросил:

— Яма Грешников?

Помолчав пару мгновений, Се Лянь пояснил:

— Можешь считать это тюрьмой. Специальное место, где содержались в заточении люди, совершившие преступления.

Нань Фэн продолжал спрашивать:

— Даже входа нет. Как помещать туда заключённых? Неужели их спускали вниз с вершины стен?

Се Лянь как раз размышлял, стоит ли отвечать на этот вопрос, как вдруг раздался голос Сань Лана:

— Сбрасывали. Кроме того, дно Ямы кишело ядовитыми змеями, скорпионами и голодными дикими зверьми.

Услышав наконец его голос, Се Лянь в душе с облегчением выдохнул и посмотрел на юношу. Однако Сань Лан, встретившись с ним взглядом лишь на мгновение, всё-таки отвёл глаза.

Нань Фэн же принялся браниться:

— Что ты несёшь? Да разве это тюрьма? Очевидно же, что это жестокая казнь, да ещё столь ужасная! Народ Баньюэ, если не больные на голову, то бесчеловечные от природы.

Се Лянь потёр точку между бровей и возразил:

— Вообще-то не весь. Среди людей Баньюэ были и довольно милые. — Внезапно принц запнулся на полуслове и, сосредоточенно приглядевшись, проговорил: — Погодите-ка.

Остальные трое тут же остановились. Се Лянь указал наверх со словами:

— Взгляните на шест в стене Ямы, на нём ведь... висит человек?

Солнце закатилось, на землю опустились сумерки, и издали весьма трудно было разглядеть, что именно подвешено за шест. Но, приблизившись, путники смогли намного яснее разглядеть очертания. То оказался тощий и низенький человек в чёрных одеждах, изодранных в клочья. Он был подвешен на краю Ямы Грешников, словно сломанная кукла, которую мотало порывами ветра из стороны в сторону.

Сань Лан подтвердил:

— Да.

Картина и впрямь выглядела столь надрывно-неестественной, что даже такой сдержанный человек, как А Чжао, не выдержал — при одном взгляде на подвешенного его лицо побледнело. Неожиданно Сань Лан, слегка повернув голову, спокойно произнёс:

— Кто-то идёт.

Не только он, но и Се Лянь тоже услышал лёгкий звук шагов. По обеим сторонам улицы стояли разрушенные дома. Четверо путников моментально разбежались и скрылись внутри. Се Лянь и Сань Лан спрятались в одном доме, а Нань Фэн и А Чжао в таком же напротив.

Вскоре из-за угла разрушенной улицы вышла заклинательница в белых одеждах.

На девушке красовалось летящее белоснежное одеяние, в руках она держала метёлку из конского волоса. Ступая по улице, она глядела по сторонам сияющими глазами. Подобное выражение лица создавало иллюзию, будто она прогуливается не по заброшенному многие годы древнему городу, а по маленькому садику на заднем дворе собственного дома. Позади неё, сложив руки за спиной, следовала ещё одна молодая особа.

Глаза женщины в чёрном отличались холодной красотой, взгляд был похож на кинжал, покинувший ножны, чёрные волосы рассыпались по плечам. Всё её существо словно источало струйки пронизывающего ветра. Она шла позади девушки в белом, но никто бы и не подумал посчитать её чьей-то подчинённой.

Именно этих двоих путники уже видели у заброшенного подворья в полдень.

В прошлый раз две фигуры пролетели мимо слишком быстро, человек в чёрном выглядел высоким и стройным, но Се Лянь не разглядел, какого он пола. И лишь теперь увидел, что оба незнакомца являлись женщинами. Заклинательница в белом могла оказаться только советником Баньюэ. Но кем тогда ей приходилась другая женщина, в чёрном?

Советник Баньюэ плавно махнула метёлкой из конского волоса и произнесла:

— Ну и куда же они подевались? Стоило только отвлечься, их и след простыл. Неужели мне придётся вылавливать и убивать их по одному?

Се Лянь подумал про себя: вот оно что, едва они вошли в город, как тут же оказались под пристальным наблюдением.

Женщина в чёрном приблизилась, без всякого выражения на лице миновала спутницу и произнесла:

— Не хочешь позвать своих дружков, чтобы помогли тебе расправиться с ними?

Слово «дружки» могло указывать лишь на убийц недюжинной силы, воинов Баньюэ. Советник Баньюэ рассмеялась:

— Ха! Не люблю просить о помощи никого, кроме тебя. Расценишь как повод для радости?

Женщина в чёрном не оказала ей ни капли любезности, ледяным тоном ответив:

— Нет ничего весёлого в том, что ты просишь меня участвовать в подобном. Идём скорее.

Советник Баньюэ приподняла бровь и в самом деле ускорила шаг. По их диалогу можно было догадаться, что женщины — давние знакомые, отношения между которыми весьма неплохи.

Обе незнакомки явно не являлись простыми смертными, и наверняка женщина в чёрном просто не могла оказаться никому неизвестной. Но если эта особа знакома с советником Баньюэ, то кто же она? Таинственная соратница? Или же в государстве Баньюэ на самом деле правила государыня или служила женщина в звании генерала?

Се Лянь стремительно размышлял над этим, задержав дыхание. Ему совершенно не хотелось, чтобы их компанию обнаружили в такой момент; ведь на первый взгляд советник Баньюэ казалась весьма импульсивной особой — что если, заметив путников, она от радости призовет легендарных воинов Баньюэ ростом под девять чи и с зубастыми палицами наперевес? В таком случае придётся потратить какое-то время на битву. Но каждый потраченный час из двадцати четырёх означает дополнительный риск.

Кто бы мог подумать, что принц притягивал именно то, чего более всего не хотел притянуть? Когда женщина в чёрном проходила мимо них, её шаги внезапно остановились, а взгляд острым лезвием метнулся в сторону укрытия путников.

Советник Баньюэ уже ушла на пару шагов вперёд, однако увидев, что её спутница застыла, вернулась и спросила:

— Эй, мы идём или нет?

— Отойди подальше, — ответила её спутница.

Советник Баньюэ произнесла лишь «О» и действительно отошла. Только её спутница вскинула руку для удара, как вдруг на другой стороне улицы раздался оглушительный грохот!

Это обрушилась крыша дома, в котором скрывались Нань Фэн и А Чжао. Обрушение потянуло за собой целый ряд справа и слева, улица мгновенно заполнилась клубами песка и пыли, из которых вырвалась чёрная тень. Она сотворила внушительный поток пламени и выпустила его в советника Баньюэ. Женщина в чёрном развернулась,

заслонила собой советника, завела левую руку за спину, а правой задержала весь поток одной лишь ладонью, затем направила его обратно. Чёрная тень также оказалась несравнимо быстрой: она увернулась от удара и, поднимая столб песка и пыли, молниеносно унеслась вдаль. Советник Баньюэ направила в погоню, её спутница в чёрном вновь бросила взгляд на разрушенные дома, и лишь после этого устремилась следом.

Все перемены произошли в считанные мгновения. Се Лянь про себя похвалил: «Отлично сработано, Нань Фэн!» Принц понял, что прячущийся на той стороне младший небожитель наверняка увидел, что их сейчас обнаружат, и потому решил совершить обманный манёвр, дабы отвлечь противника и увести прочь. Он выскочил наружу один, значит, А Чжао всё ещё находился в доме. Убедившись, что троица удалась, Се Лянь повёл Сань Лана наружу и позвал:

— А Чжао, ты жив? Не поранился?

Спустя какое-то время из-под обрушенной крыши раздался сдавленный голос:

— ...Я в порядке.

— Вот и славно, — успокоился Се Лянь.

Принц был уверен: Нань Фэн, обрушая крышу, держал всё под пристальным контролем, чтобы непременно оставить живому человеку достаточно пространства. И всё же, лишь убедившись наверняка, принц окончательно расслабился. Се Лянь одной рукой откинул прогнувшую балку, а спустя несколько мгновений из-под развалин крыши с трудом выбрался А Чжао. Лицо и голову бедняги покрывала пыль, он несколько раз отряхнулся и вновь принял безразличный вид.

Се Лянь заключил:

— Теперь нас осталось только трое. Нань Фэн убежал, уводя погоню, и нам стоит поторопиться. А Чжао, знаешь ли ты, где именно в городе растёт трава шань-юэ?

А Чжао лишь покачал головой.

— Прошу прощения. Я знаю, где находится сам город, но ни разу не заходил внутрь, поэтому мне неизвестно, где растёт трава.

Сань Лан рядом с ним произнёс:

— Говорят, трава шань-юэ любит тень, растёт низко, корни её очень тонкие, а листья широкие, чем-то по форме напоминающие

персик. Лучше отправиться искать её рядом с высоким строением.

Се Лянь, поразмыслив, переспросил:

— Высокое строение?

Если говорить о высоких строениях, какая постройка в государстве могла быть выше и величественнее императорского дворца? К тому же, ведь по легенде это именно государыня на пиру сорвала траву шань-юэ, что также могло служить указанием на дворец государя.

Всмотревшись вдаль, троица действительно заметила в центре древнего города дворец, построенный из грубого кирпича.

Издали дворец всё ещё внушал величие, но вблизи оказался лишь чуть менее разрушенным, чем другие дома на улицах. Пройдя сквозь главные ворота, путники оказались в огромном разросшемся саду. Возможно, ранее здесь находился вовсе не сад, а что-то вроде площади. Но поскольку на протяжении многих лет место было заброшено, сейчас оно полностью заросло разнообразной зеленью.

Всё верно, здесь под ногами путников почва оказалась не песчаной, а глинистой. Видимо, это всё, что осталось от прежнего оазиса. Возможно, трава шань-юэ пряталась где-то здесь, среди множества растений. Се Лянь велел:

— Скорее приступайте к поискам. У нас есть лишь двадцать четыре часа. И ещё, берегитесь скорпионовых змей.

А Чжао кивнул, Сань Лан ответил коротким «гм», и троица склонила головы в поисках.

Принц вдруг вспомнил, что советник Баньюэ способна управлять скорпионовыми змеями. Стало быть, оказавшись в её владениях, путники должны были встретить ещё больше этих тварей. Но с тех пор, как они проникли в древний город, им не попалось ни одной скорпионовой змеи.

Се Лянь выпрямил спину и собрался поделиться своими измышлениями с остальными, но внезапно его рука нащупала что-то округлое.

Опустив взгляд, он увидел, что это человеческая нога.

— А-а-а-а-а-а-а!!!

Се Лянь отдернул руку, не успев проронить ни звука.

Принц уже заметил: стоило ему в темноте на что-то наткнуться, какой бы жуткой ни была обстановка, он ещё ни разу не успел даже

вскрикнуть, а тот, на кого он наткнулся, начинал верещать во всё горло. Но ведь в действительности именно принц должен был испугаться первым!

В густых высоких зарослях трав и кустарников притаился человек, ногу которого и нащупал Се Лянь. Конечность дёрнулась прочь, травы с шорохом зашевелились, раздался голос:

— Не бейте, только не бейте, братец, это я!

Се Лянь, присмотревшись, увидел того, кого совершенно не ожидал здесь встретить. «Не бейте, только не бейте» кричал не кто иной, как юноша с густыми бровями и большими глазами по имени Тянь Шэн. Увидев, что принц узнал его, юноша с облегчением выдохнул.

А вот Се Лянь, убедившись, что это действительно Тянь Шэн, напротив, вовсе не расслабился, а, наоборот, насторожился ещё сильнее. Выставив вперёд руку, принц спросил:

— Ты разве не остался с остальными, чтобы присматривать за раненым? Как ты оказался здесь? Ты правда и есть Тянь Шэн?

В сложившемся положении охотнее верилось, что какая-то иная сущность изменила внешность в попытке выдать себя за юношу.

Тянь Шэн поспешил заверить:

— Это я! Правда я, и не только я, а ещё трое дядюшек пришли со мной! Они все здесь, посмотрите сами, если не верите! — юноша указал в сторону дворца. И действительно, в скором времени из разрушенного здания выбежали трое — те самые торговцы из каравана. Увидев Се Ляня, они пристыженно замерли, всем своим видом выражая смущение.

Принц тяжело вздохнул, поднялся, охлопал от грязи полы одежд и обратился к ним:

— Что вы здесь делаете?

Стоило ему задать вопрос, торговцы сконфуженно затихли. Лишь Тянь Шэн, спустя мгновения, запинаясь, ответил:

— ...Вскоре после того, как вы ушли, яд в теле дядюшки Чжэна стал действовать сильнее. Ему сделалось так плохо, что мы... Ведь никто не знал, когда вы вернётесь. Мы волновались, что вы не найдёте противоядие или возвратитесь слишком поздно. Братец А Чжао указал направление, в котором следует искать государство Баньюэ.

Поэтому мы подумали, что с большим количеством людей найти его будет проще и быстрее, так что решили пойти тоже...

Что ни говори, а о своём решении торговцы пожалели. Они испугались, что Се Лянь и остальные после того как отыщут траву шань-юэ сбегут вместе с А Чжао, поэтому, поддавшись волнению, направились следом. Се Лянь с лёгкостью представил себе, что имей Фу Яо малейшую возможность отговорить их, ему бы попросту стало лень этим заниматься. Ведь людей, которые стоят на своём и, не слушая никаких уговоров, так и рвутся в сторону смертельной опасности, остановить невозможно.

Се Лянь, не в силах ничего поделаться, произнёс:

— Вы в самом деле истинные смельчаки. Вы ведь прекрасно знали, что может обитать в этом городе и что может с вами здесь случиться. И всё равно решились прийти?

Очевидно, Тянь Шэн и сам понимал, что действия торговцев выдали их недоверие к Се Ляню и его спутникам. Юноша испытывал стыд, и потому, сидя в траве, не решился сразу подать голос. Наверное, по-прежнему ощущая себя неловко, он произнёс:

— Простите, речь идёт о спасении жизни, мы переволновались, и потому...

Ничего не поделаешь. Когда дело касалось жизни и смерти, люди часто проявляли излишнюю заботливость. Кроме того, раз уж они решились пойти на риск, чтобы собрать для кого-то другого противоядие, подобный поступок ради ближнего смело можно было назвать благородным деянием. Се Лянь не хотел их порицать, лишь потёр точку между бровей и произнёс:

— Вам несказанно повезло, что вы ни с чем не столкнулись, оказавшись в городе. Кстати, как вы узнали, что траву шань-юэ нужно искать именно у дворца государя?

Тянь Шэн, почесав затылок, ответил:

— Мы не знали, где именно нужно искать. Но ведь в той истории, что рассказал братец в красных одеяниях, говорилось о государыне, что сорвала траву шань-юэ. А государыня не может просто так покинуть дворец. Поэтому мы и решили, что стоит попытаться счастья во дворце.

Се Лянь подумал, что у парнишки голова работает как надо, раз он принял верное решение. Неожиданно рядом прозвучал голос Сань

Лана:

— Нашёл.

Обернувшись, принц увидел, как Сань Лан поднял руку, сжимая в ладони изумрудные листья с пучком тонких корней.

Листья по размеру могли сравниться с ладошкой младенца, а по форме напоминали персик — кончик листьев заострился на конце. Се Ляню не потребовалось подтверждение А Чжао, он интуитивно почувствовал, что это и есть та самая трава шань-юэ из легенды. Не дожидаясь ответа, Сань Лан уже схватил принца за пострадавшую руку.

Когда змея только ужалила принца, рука ужасно опухла, но Сань Лан высосал яд и, пускай отравление не устранил, всё же опухоль заметно спала. Теперь юноша взял Се Ляня за руку, сжал в другом кулаке траву шань-юэ, а когда разжал пальцы снова, листья уже превратились в зелёный порошок, хоть никто и не заметил, чтобы юноша применял силу.

Затем Сань Лан аккуратно нанёс зелёный порошок на тыльную сторону ладони Се Ляня. Принц почувствовал, как от раны распространяется мягкая прохлада, и произнёс:

— Сань Лан, большое спасибо тебе.

Сань Лан же ничего не ответил. Закончив наносить лекарство, он отпустил руку принца. Се Ляню всё время казалась странной та атмосфера, которая повисла между ними, при этом он совершенно не представлял, как начать разговор, о чём спросить, ведь любые вопросы также казались ему неуместными. Остальные не ощущали никаких странностей, Тянь Шэн лишь взволнованно молвил:

— Братец, ну как, тебе стало лучше? Трава подействовала?

Се Лянь, отвлёкшись от размышлений, ответил:

— Намного лучше. Думаю, это она.

Услышав его, остальные несказанно обрадовались и заголосили:

— Быстрее, давайте поищем ещё.

Вскоре А Чжао сорвал зелёные листья с земли и произнёс:

— Я тоже нашёл, вот здесь.

Листьев травы шань-юэ в руках А Чжао оказалось явно больше, чем в том несчастном пучке, который отыскал Сань Лан. Торговцы, увидев, что форма листьев та же самая, бросились к А Чжао, удивлённо восклицая:

— Здесь её так много!

— Как много!

— Быстрее, срывайте побольше!

— А если останется, мы сможем продать её, когда вернёмся?

Пока они торопливо собирали траву, Се Лянь отвернулся, посмотрел на свою руку и решил сказать хоть что-то, лишь бы заговорить с Сань Ланом.

— Кажется, ты уже искал в том месте, где сейчас ищут они. Неужели ты ничего там не заметил?

Открыв рот, Се Лянь и сам почувствовал, что тему для разговора выбрал совершенно бессмысленную. Сань Лан покачал головой со словами:

— Траву, которая растёт там, тебе трогать нельзя.

Се Лянь заинтересованно спросил:

— Почему?

Но Сань Лан так и не ответил на вопрос. Он и рта не успел открыть, как кто-то выкрикнул:

— А ну отойди!

Торговцы немедленно застыли в замешательстве и начали переговариваться:

— Кто это кричал?

— Я не кричал!

— И я тоже...

Внезапно резкий крик раздался вновь:

— Отойди, ты на меня наступил...

На этот раз люди, наконец, поняли, что голос раздаётся откуда-то из-под ног!

В тот же миг торговцы, собравшиеся на клочке земли, где росла трава шань-юэ, разошлись в стороны. Се Лянь уже привык, что в подобных обстоятельствах ему приходится действовать не так, как все: остальные отбегают подальше, а он выбегает вперёд. Поэтому и сейчас принц подошёл к тому месту, откуда раздавался звук, вытянул руку и осторожно отодвинул заросли густой травы. Его движение заставило людей вокруг задержать дыхание.

Путники увидели посреди зарослей травы, в грязи, лицо мужчины.

Невероятно, но в землю был зарыт живой человек, а на поверхности осталось только лицо!

Представшая взору картина выглядела настолько жутко и неестественно, что торговцы от страха сбились в кучу и громко закричали. Се Лянь уже поднаторел в искусстве утешения напуганных, поэтому произнёс:

— Не стоит паниковать. Прошу, сохраняйте хладнокровие. Всего лишь чьё-то лицо, не более. Ничего особенного. У каждого человека есть лицо, не так ли?

А лицо тем временем усмехнулось:

— Я напугал вас? Эх... Я частенько пугаю даже себя самого.

Се Лянь склонился и внимательно рассмотрел зарытое в землю лицо.

Оно принадлежало мужчине, и если не улыбалось, то выглядело совершенно плоским, если же улыбалось, на нём появлялось множество морщин. Невозможно было точно сказать, принадлежит оно старику или юноше, также трудно было судить, уродлив этот человек или красив. Принц довольно долго разглядывал его, но так и не смог понять, что это такое, поэтому пришлось спрашивать напрямую:

— Кто ты?

Лицо в земле вместо ответа спросило:

— А вы кто такие?

— Проезжие торговцы.

— Ох. Проезжие торговцы, — вздохнуло лицо. — Я тоже когда-то был проезжим торговцем. Но с тех пор прошло уже пятьдесят, а то и шестьдесят лет.

После этих слов картина стала ещё более дикой.

Если незнакомец был зарыт в этом заброшенном древнем городе на протяжении шестидесяти лет, то мог ли он всё ещё называться человеком?

Один торговец робко проговорил:

— Но... тогда как ты... оказался здесь... а?

Лицо в земле закашлялось, потом сморщилось и стало рассказывать:

— Меня... меня притащили сюда воины Баньюэ. Я по неосторожности забрёл в город, они схватили меня и закопали здесь,

чтобы я стал удобрением для травы шань-юэ...

Так значит эта трава шань-юэ выросла на костях живых людей. Неудивительно, что так сильно разрослась!

Торговцы быстро побросали на землю всю траву, которую только что собрали. Для них теперь держать её в руках было всё равно что трогать чей-то труп. Се Лянь, не сдержавшись, тоже посмотрел на свою руку, но Сань Лан развеял его подозрения:

— Там трава чистая.

Вот почему Сань Лан, совершенно точно уже обыскавший то место, где зарыто лицо, не стал собирать буйно растущую траву шань-юэ. Возможно, он даже увидел лицо, и догадался, что трава здесь выращена на трупах. Поэтому не обратил на неё внимания, развернулся и направился на поиски в другом месте, пока чуть подальше не нашёл выросшее без удобрения, чистое растение, лишь после этого нанёс его на кожу принца.

— Сань Лан, я очень благодарен тебе за заботу.

Сань Лан покачал головой, лицо его по-прежнему оставалось мрачным.

С тех пор как Се Ляня в пустыне ужалила скорпионозная змея, юноша неизменно находился в подавленном состоянии. Те несколько дней, что они провели вместе до путешествия, он то и дело звал Се Ляня: всё гэгэ, да гэгэ. А теперь перестал называть его так. Также Сань Лан по мере возможности избегал телесного контакта с Се Лянем, кроме тех моментов, когда высасывал яд из его руки и наносил лекарство. Се Ляню всё это казалось чрезвычайно странным. Не в силах разгадать настроение юноши, принц чувствовал себя беспокойно. Его размышления прервало вновь заговорившее лицо из земли:

— Я уже много лет не видел живых людей. Вы... подойдите поближе, дайте вас рассмотреть, можно?

Люди переглянулись и все как один решили, что лучше будет не делать так, как оно говорит. Увидев, что никто не ответил на просьбу, лицо в земле пробормотало:

— Ну что, не хотите? Эх... жаль...

— Почему же жаль? — повернулся к нему Се Лянь.

— Как только вы вошли, я обратил внимание на одну весьма и весьма важную деталь. Мне всё время хотелось убедиться в этом

своими глазами, а потом уже поделиться с вами. Поэтому необходимо, чтобы вы подошли ближе. Просто я хочу внимательно рассмотреть каждого из вас, одного за другим.

— И что же это за важная деталь?

Лицо, скривившись в странной улыбке, ответило:

— Я скажу, но только не пугайтесь... среди вас есть человек... которого я уже видел пятьдесят лет назад...

После его слов у каждого по спине внезапно пробежал холодок. Ведь если лицо в земле видело кого-то пятьдесят лет назад, то сейчас этому человеку должно быть около семидесяти лет. Но среди них самому старшему на вид нельзя дать больше сорока, как такое возможно?

Только если... этот человек — не «человек» вовсе!

Взгляд Се Ляня пробежал по всем присутствующим, начиная с А Чжао, заканчивая Тянь Шэном. Немного удивлённые, испуганные, настороженные, остолбеневшие и потерявшие дар речи — все выражения лиц как нельзя лучше подходили к сложившимся обстоятельствам. И если нужно обязательно указать на того, чья реакция отличалась от других, то этим человеком являлся Сань Лан — он остался совершенно невозмутимым. Однако для этого юноши отсутствие реакции как раз и было самой обыкновенной реакцией.

Повернувшись обратно, принц спросил:

— И кто же тот человек, о котором ты говоришь?

Мышцы на лице в земле несколько раз свело судорогой, от чего его рот скривился в беспримерно странной улыбке — словно оно прилагало всяческие усилия, чтобы выглядеть надёжным и честным, но всё же не могло удержать коварство, так и рвущееся изнутри. Голос его прозвучал заговорщически:

— Ты... подойди поближе, и я скажу тебе.

Когда эта фраза прозвучала впервые, Се Лянь почти поверил ему. Но после ещё одной такой же доверия поубавилось.

Как знать, вдруг это странное существо хочет приманить людей обманом, а затем напасть?

Се Лянь, разумеется, не стал его слушать, поднялся и отошёл прочь. Лицо из земли затараторило вдогонку:

— Вы правда не хотите узнать, кто этот человек? Он погубит всех вас, так же как погубил нас!

Тёмный цветок, влюблённый в ночь. Падение в Яму Грешников

Тёмный цветок, влюблённый в ночь^[40].

С каждой фразой Се Лянь сильнее ощущал опасность.

— Все назад, не приближайтесь к нему и не обращайтесь внимания на его слова.

Остальные поспешили прислушаться и в панике разбежались прочь. Лицо в земле, усердно улыбаясь, продолжало уговаривать:

— Эй, ну же, не уходите! Зачем вы так со мной? Я ведь тоже человек, я ничего вам не сделаю.

Однако следом произошло непредвиденное. Один из торговцев, возможно, решив во что бы то ни стало добыть лечебной травы для спасения соратника, осторожно подобрался поближе к лицу и нагнулся, чтобы подобрать пучок травы шань-юэ, что прежде от испуга обронил. Глазные яблоки лица в земле немедленно повернулись в его сторону и ярко блеснули.

Се Лянь в душе воскликнул «Беда!» и бросился к торговцу с криком:

— Оставь! Вернись назад!

Вот только было уже слишком поздно. Лицо в земле внезапно разинуло рот, из которого со свистом вылетело что-то ярко-красное, скользкое и гладкое.

Ужасно длинный язык!

Се Лянь, схватив торговца сзади за ворот, потянул его на себя. Но штукавина, вылетевшая изо рта лица, оказалась на удивление длинной. С противным звуком разрывающейся плоти она проникла в ухо торговца!

Принц ощутил, как сильно задрожало тело торговца в его руках. Несчастный испустил короткий выкрик ужаса, и, подёргивая конечностями, повалился коленями на землю. Длинный язык молниеносно вытащил через ухо жертвы большой кусок чего-то, истекающего кровью, сжался и вернулся в рот лица в земле. Чавкая и смеясь, разевая окровавленный рот, лицо визгливо расхохоталось, словно своим смехом собиралось опрокинуть крышу разрушенного дворца государя:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! Вкуснятина, вкуснятина, вкуснятина! Вкуснятина, вкуснятина! Ох, как я голоден, как я голоден!

Пронзительный и резкий голос вкупе с кровавыми прожилками, которые заполнили глазные яблоки, представляли собой картину поистине омерзительную!

Человек, зарытый здесь более пятидесяти лет, стал единым целым с колдовскими землями этого государства и окончательно превратился в иную сущность!

Се Лянь разжал руку, в которой держал воротник торговца, и уже вознамерился нанести смертельный удар мерзкой твари, как вдруг лицо в земле снова завопило:

— Генерал! Генерал! Они здесь! Они здесь!

С рёвом, ещё более свирепым, чем рык дикого зверя, с небес сверзилась тёмная фигура, которая тяжело опустилась прямо перед Се Лянем.

Когда это произошло, казалось, что вся земля вокруг содрогнулась от удара. А стоило фигуре выпрямиться, как всех остальных присутствующих накрыло огромной тенью, что она отбрасывала.

Этот «человек» оказался поистине громадным.

Смуглая кожа цвета тёмного железа, грубые черты лица, походящие на звериную морду, грудь и плечи защищены доспехом, ростом девять чи.

Проще было назвать его гигантским прямоходящим волком, чем человеком. А следом за первым с крыши дворца спрыгнул ещё один, двое, трое... более десятка «человек».

Все эти «люди» как на подбор оказались рослыми и крупными мужчинами, каждый держал на плече палицу, тщательно утыканную острыми волчьими зубами, так что создавалось впечатление, что перед путниками выстроилась волчья стая, обернувшаяся людьми. Оказавшись на земле, они окружили торговцев в саду плотным кольцом, словно стеной из огромных стальных башен.

Воины Баньюэ!

От них исходила аура тёмной энергии, что ясно давало понять — воины давно мертвы. Се Лянь напрягся всем телом, Жое приготовилась действовать в любой момент.

Однако воины Баньюэ, увидев путников, не спешили бросаться в бой и убивать их. Вместо этого они оглушительно расхохотались и начали перекрикиваться на незнакомом языке, который звучал весьма и весьма странно, как будто язык во рту приходилось сильно закручивать. То была речь государства Баньюэ.

Проговорив на нём двести лет, до сего дня Се Лянь почти полностью позабыл язык Баньюэ. И всё же после недолгого повторения вместе с Сань Ланом у могилы генерала, он с лёгкостью понял, о чём говорят воины. Ведь голоса их звучали подобно грохоту колокола, да и общались они довольно грубо, используя самые простые слова.

Вначале Се Лянь услышал, что все воины Баньюэ называют самого первого «генералом», затем различил в разговоре слова «взять

под стражу» и «временно оставить в живых», после чего глубоко с облегчением вздохнул и шёпотом обратился к остальным:

— Никому не предаваться панике, воины Баньюэ пока не собираются нас убивать. Кажется, хотят отвести в другое место. Ни в коем случае не действуйте опрометчиво, я не могу гарантировать, что одолею их. Будем решать проблемы по мере поступления.

С первого взгляда на воинов становилось ясно: справиться с ними крайне трудно. Каждый, как на подбор, крепкий и толстокожий, и даже на то, чтобы задушить одного из них при помощи Жое, придётся потратить немало времени. А если учесть, что воинов здесь пара десятков, одолеть такую ораву будет явно непросто. Кроме того, Се Лянь должен был учесть присутствие нескольких простых смертных рядом с собой, поэтому ему пришлось временно занять наблюдательную позицию.

Сань Лан молчал. Остальные и так не проявляли особенной активности. Более того, пожелай они совершить необдуманый поступок, всё равно не могли решить, какой именно, поэтому лишь закивали, сдерживая подступившие слезы. И только лицо в земле всё не переставало вопить:

— Генерал! Генерал! Позволь мне покинуть эти земли! Я помог тебе схватить врагов, отпусти меня домой! Я хочу домой!

Увидев воинов Баньюэ, лицо страшно разволновалось и принялось визжать и горько всхлипывать, невпопад выкрикивая вместе с речью Центральной равнины незнакомые слова языка Баньюэ, которые, возможно, кое-как запомнило, просидев в этой земле в качестве удобрения более пятидесяти лет.

Воин Баньюэ ростом в девять чи, которого остальные назвали генералом, увидев, что в земле кривляется и визжит какая-то тварь, кажется, тоже посчитал её омерзительной, поэтому нанёс удар палицей, вонзив острые шипы прямо в голову существа. Лицо издало пронзительный визг, а когда палица поднялась, на своих шипах она вытянула наружу из земли повисшее на них лицо, осуществляя его желание «покинуть эти земли».

Вот только вместе с лицом и шеей далее из земли показалось вовсе не человеческое тело, а жуткого вида белые кости!

Случившееся напугало торговцев до такой степени, что они закричали от ужаса. Окровавленное лицо сползло с шипов палицы,

затем, взглянув на собственное тело, кажется, столь же сильно перепугалось. Хватанув ртом холодного воздуха, оно заголосило:

— Что это? Что это такое?

Се Лянь тактично напомнил:

— Это твоё тело.

Если хорошенько поразмыслить, всё станет ясно. Этот человек пролежал зарытым в пустынной земле пятьдесят с лишним лет, его плоть и кровь давно без остатка впитали корни травы шань-юэ, несъеденным остался лишь скелет.

Лицо из земли, не в силах в это поверить, не унималось:

— Это же невозможно?! Моё тело вовсе не такое, это не моё тело!!!

Голос его сделался резким и яростным, да и в целом картина была страшной и печальной, поэтому Се Лянь покачал головой. Сань Лан же прыснул со смеху и саркастично заметил:

— Тебе только сейчас своё тело начало казаться странным? Но тогда что за штуковина только что высунулась из твоего рта? Она не показалась тебе необычной?

Лицо из земли немедленно возразило:

— Что в этом странного? Всего-то... Всего-то язык, немного длиннее, чем у других людей!

Насмешка угадывалась даже на кончиках бровей Сань Лана. Он ответил:

— Ага, точно, немного длиннее. Ха-ха.

Лицо из земли воскликнуло:

— Да! Лишь немного длиннее! Просто он постепенно вытянулся за столько лет, пока я поедал летающих и ползающих насекомых, чтобы выжить. Лишь поэтому он стал таким!

Возможно, когда его только закопали в землю, человек был ещё жив, и чтобы хоть как-то выжить, изо всех сил высовывал язык, чтобы поймать пролетающих и проползающих мимо насекомых. Но постепенно он перестал быть человеком, язык его становился всё длиннее, а «пищей» вместо насекомых стали вещи куда более ужасные.

Тем не менее, будучи всё это время закопанным в землю, лицо не видело своего тела, и теперь совершенно не могло принять того факта,

что больше не являлось человеком. Оно всячески пыталось оправдаться:

— У некоторых людей языки бывают длиннее обычного!

Сань Лан улыбнулся. При взгляде на него Се Лянь пробрало неопишным холодом. Улыбка юноши навевала на мысли о бессердечности, с которой мучитель собирается содрать кожу с чужого лица.

Сань Лан спросил:

— Ты всё ещё считаешь себя человеком?

Существо из земли словно услышало в вопросе угрозу. Оно внезапно заволновалось и закричало:

— Конечно, я человек, я — человек!

С криками оно изо всех сил засучило руками и ногами, превратившимися в белые кости, пытаясь ползти по земле. Возможно, выбравшись, наконец, наружу, оно ощутило неподдельную радость и с безумным смехом завопило:

— Я возвращаюсь домой, я могу вернуться! Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Хрясь!

Раздражающий пронзительный смех, в конце концов, надоел генералу воинов Баньюэ. Один удар ногой — и череп существа из земли раскололся на части. Его крики «Я — человек» прекратились.

Раздавлив надоедливое существо, «генерал» что-то крикнул остальным воинам, и те, размахивая палицами из волчьих зубов и прикрикивая на группу торговцев, погнали их из дворца в другое место.

Се Лянь пошёл впереди, Сань Лан, как обычно, последовал за ним. Даже сейчас, пока они шли под конвоем толпы воинов Баньюэ, подобных демонам во плоти, шаги юноши оставались неторопливыми, словно он вышел прогуляться. Се Лянь всё это время искал повод, чтобы с ним заговорить, и вот, спустя некоторое время пути, когда воины Баньюэ снова начали переговариваться между собой, а на пленников перестали обращать внимание, принц тихо произнёс:

— Они называют своего командира «генералом». Только вот неизвестно, кто он такой.

Как и предполагал Се Лянь, услышав вопрос, Сань Лан всё же ответил:

— К моменту гибели государства Баньюэ генерал оставался только один. Его имя, если перевести на наш язык^[41], будет звучать Кэ Мо — «высекать жернова».

Се Лянь переспросил:

— Кэ Мо?

Имя действительно звучало весьма странно. Сань Лан объяснил:

— Именно так. Говорят, он был слабым и хилым ребёнком, и потому люди часто его обижали. Тогда он поклялся стать сильнее, а в качестве тренировок высекал из кусков скалы мельничные жернова, потому и заполучил такое имя.

Се Лянь не удержался от мысли: «Но почему бы тогда не назваться Да Ли — “силач”...»

Сань Лан добавил:

— По легенде Кэ Мо являлся самым бесстрашным полководцем за всю историю государства Баньюэ, огромного роста и недюжинной силы. Кроме того, он служил верным защитником советника Баньюэ.

— И после смерти остался им? А теперь он ведёт нас к советнику Баньюэ?

— Возможно.

Что если там поджидает ещё больше воинов Баньюэ? Как же тогда вырваться из плена? Ещё неизвестно, что стало с Нань Фэном, который взял на себя риск отвлечь тех двоих. Торговцы ведь уже собрали траву шань-юэ, но как теперь доставить её отравленному старику до истечения двадцати четырёх часов?

Се Лянь шёл, погружённый в размышления, но всё же замечал, что генерал Кэ Мо ведёт их всё дальше и дальше к окраинам. В конце концов, они оказались на самом краю государства Баньюэ и только здесь остановились. Се Лянь застыл, поднял взгляд вверх и увидел несравнимо высокую стену из жёлтой глины, которая возвышалась над ним, словно великан.

Целью воинов оказалась та самая Яма Грешников.

Даже прожив некоторое время вблизи государства Баньюэ, на самом деле принц довольно редко навещался в город, и, разумеется, никогда не приближался к Яме Грешников. А теперь, оказавшись перед ней, ощутил, как содрогнулось сердце.

С наружной стороны глинобитной стены оказались выдолблены примитивные ступени. Поднимаясь по ним вверх, Се Лянь всё

смотрел вниз, оглядывая окрестности невооружённым взглядом, пока наконец к нему не пришло осознание, в чём крылась причина того странного чувства в душе.

Его бросило в дрожь вовсе не от понимания, что Яма являлась местом страшных пыток и казней, а также не от предположения, что их всех сейчас столкнут на дно Ямы. Эта дрожь основывалась исключительно на ощущении присутствия мощного магического поля.

Яма Грешников была расположена и спроектирована таким образом, что являла собой задуманное кем-то весьма сильное магическое поле.

И это поле имело лишь одно действие — не позволить упавшим в Яму людям выбраться оттуда!

«Не позволить выбраться» означало, что даже если вниз сбросить верёвку или поставить лестницу, а человек на дне Ямы, схватившись за спасительный шанс, доберётся до половины, магическое поле придёт в действие, и несчастного снова сбросит вниз. Се Лянь, не подавая вида, дотронулся рукой до стены Ямы и прошёл так немного, чтобы выяснить, из чего она построена. Оказалось, что стены лишь издали кажутся глинобитными, а на самом деле представляют собой несравнимо твёрдый камень. Вполне возможно, также защищённый каким-то заклятием, ведь его наверняка очень трудно пробить.

Когда ступени под ногами закончились, процессия оказалась на самой вершине Ямы Грешников, и чувство, что посетило их при виде картины, открывшейся с края жёлтых стен, можно было описать лишь словом «потрясение».

Вся Яма Грешников представляла собой высокие стены, что окружали её с четырёх сторон. Каждая стена — в длину около тридцати чжанов^[42], в высоту — около двадцати чжанов^[43], и в ширину примерно в четыре чи^[44].

Четыре стены устрашающе возвышались над землёй, окружая огромное пустое пространство. Над пустотой не было ни платформ, ни перекладин, на которых можно стоять.

Уже стемнело, и дно огромной чернеющей ямы разглядеть не представлялось возможным. Из темноты то и дело поднимался холод и запах крови.

Оказавшись на краю высоченной стены, где не было никаких ограждений, за которые можно ухватиться, и шествуя по ней на высоте

в несколько десятков чжанов от земли, никто из пленных торговцев не смел опустить взгляд вниз. Однако через некоторое время впереди показался длинный шест, установленный вертикально, с висящим на нём трупом. Именно этот шест они видели ещё снизу. Мёртвое тело оказалось очень маленьким и принадлежало девушке в чёрных одеждах, изодранных в клочья. Девушка висела на шесте, уронив голову на грудь.

Се Лянь знал, что этот шест использовался специально для подвешивания преступников, которых воины Баньюэ хотели преднамеренно опозорить. Зачастую тюремщики срывали с такого преступника одежду и голышом подвешивали на шест, где несчастный умирал от голода или жажды, после чего его труп качался на ветру, жарился на солнце, мок под дождём, иссыхал от пустынных бурь. Конечности его либо сгнивали, либо отрывались и падали вниз. В целом смерть весьма и весьма неприглядная.

Труп девушки пока не сгнил. Наверняка она умерла совсем недавно, и возможно, являлась одной из местных жительниц. Тот факт, что воины Баньюэ даже совсем молоденькую девушку подвесили в подобном месте, подтверждал их невероятно жестокий и бесчеловечный характер. А Чжао, Тянь Шэн и остальные торговцы, увидев подобное, побледнели и застыли на месте, не решаясь идти дальше. К счастью, Кэ Мо не стал подгонять их. Он развернулся к Яме Грешников и издал громкий долгий крик куда-то вниз.

Се Ляню это показалось странным, принц подумал: «Зачем понадобилось так кричать?» В следующий миг он получил ответ на свой вопрос.

Словно в ответ на зов Кэ Мо, со дна Ямы, чернеющей непроглядной тьмой, прозвучал многоголосый рёв. Похожий не то на тигриный рык, не то на волчий вой, не то на завывания иных монстров, не то на шум морских волн, бессчётным множеством голосов этот рёв оглушал любого, кто его слышал. Торговцы на краю стены перепугались так, что едва могли устоять на ногах, а Се Лянь крайне чётко расслышал среди этих звуков ещё и шорох камней и песка, сыплющегося на землю.

В Яму Грешников сбрасывали только преступников. Неужели со дна Ямы на зов Кэ Мо отвечают их неуспокоенные души?

Внезапно Кэ Мо выкрикнул снова. И на этот раз Се Лянь, внимательно прислушавшись, распознал не просто бессмысленный рёв. Это были не проклятия и не ругань, а напротив — скорее слова поддержки. Принц мог совершенно точно утверждать, что услышал слово «братья».

Затем Кэ Мо обратился к воинам, что вели Се Ляня и остальных. И смысл фразы принц понял предельно точно.

Генерал произнёс следующее:

— Сбросим только двоих.

Торговцы, даже не понимая смысла сказанного, всё же примерно догадались, что собрались сделать воины, поэтому их лица моментально побелели. Се Лянь, видя, что те от ужаса скоро не смогут стоять, выступил вперёд и тихо сказал:

— Не волнуйтесь. Что бы ни произошло далее, я буду первым.

В случае если придётся прыгать в Яму, принц, несмотря ни на что, пойдёт первым, чтобы осмотреться внизу. Всё равно на дне его не ждёт ничего нового — либо ядовитые твари и дикие звери, либо свирепые призраки и озлобленные духи. Как бы то ни было, Се Ляня невозможно убить ни ударом о землю, ни когтями, ни зубами, ни ядом. И если внизу не бурлящая лава и не отравленные воды, нырнув в которые, обращаешься трупом, то вполне возможно, что принц, спрыгнув в Яму, не окажется в слишком незавидном положении.

Кроме того, с ним была Жое. И хотя ленту из-за магического поля не получится использовать, чтобы выбраться наружу, всё же если воины Баньюэ сбросят вниз кого-то ещё, лента поможет человеку спуститься. Кэ Мо приказал «остальных увести и взять под стражу», значит, пленники временно окажутся в относительной безопасности. Всё-таки посреди пустыни непросто изловить живых людей, нельзя же съедать их всех в один приём. Наверное, остальных оставят про запас, чтобы съесть их постепенно.

Се Лянь уже всё продумал, когда внезапно кое-кто рядом с принцем не выдержал.

С тех пор, как они поднялись на вершину Ямы Грешников, кроме Се Ляня и Сань Лана, сохранивших обыкновенное выражение лиц, всех остальных било дрожью, особенно А Чжао.

Вероятно, А Чжао решил, что раз смерть неизбежна, лучше встретить её мужественно — в бою, и потому юноша сжал кулаки и

внезапно ринулся вперёд, врезавшись головой прямо в Кэ Мо!

Кажется, в этот порыв он вложил всю свою готовность унести за собой жизнь врага, то есть столкнуть Кэ Мо в Яму. И тот, даже несмотря на крепкое телосложение, напоминающее несокрушимую башню, от удара, полного предсмертной решимости, пошатнулся и едва не оступился, отойдя на три шага назад. После чего генерал страшно разгневался и ответным ударом отбросил А Чжао прочь.

Глядя, как юноша падает в тёмную глубину Ямы, торговцы завопили от ужаса. Не удержался от выкрика и Се Лянь:

— А Чжао!

Внезапно из чёрной Ямы, дна которой разглядеть было невозможно, раздались радостные выкрики, а потом жуткие звуки безжалостного чавкания и разрываемой плоти, словно злобные демоны остервенело отбирали друг у друга пищу. Лишь по звукам становилось ясно: юноша по имени А Чжао уже никогда не вернётся живым.

Даже Се Лянь не ожидал подобного развития событий и теперь пребывал в полнейшем замешательстве.

Вначале принца мучили серьёзные подозрения, что А Чжао является подчинённым советника Баньюэ, что он намеренно заманивает путников в древнее государство, а также что именно этот юноша — тот самый человек, которого «пятьдесят, а то и шестьдесят лет назад» видело лицо из земли. Поэтому принц никак не мог ожидать, что юноша окажется первой жертвой воинов Баньюэ. Разве можно выжить после подобного прыжка?

Возможно ли, что прыжок в лапы смерти подстроен? Но ведь все они уже являлись пленниками воинов Баньюэ, и если А Чжао действительно служил советнику Баньюэ, теперь он находился в выгодном для себя положении, а значит, мог сорвать личину и гордо показать всем истинное лицо. Для чего устраивать лишнее представление и подстраивать собственную смерть? Подобный поступок не имел совершенно никакого смысла. Но тогда зачем А Чжао атаковал Кэ Мо? Разве это не было столь же бессмысленным шагом к смерти?

В голове Се Ляня всё ещё роились спутанные нити предположений, когда воины Баньюэ начали искать новую жертву, которую собирались столкнуть вниз. Кэ Мо взмахнул рукой, указывая

на Тянь Шэна. Один из воинов немедля протянул к юноше лапы, чтобы схватить несчастного. Тянь Шэн от испуга заголосил:

— Ааа! Помогите! Не трогайте меня! Я...

Се Лянь решил не тратить больше время на размышления, шагнул вперёд и произнёс:

— Генерал, постойте.

Стоило Кэ Мо услышать фразу, прозвучавшую на языке Баньюэ, на его смуглом лице отразилось неподдельное удивление. Он сделал воинам знак остановиться и заговорил с Се Лянем:

— Ты умеешь говорить на нашем языке? Откуда ты сам?

Се Лянь мягко ответил:

— Я прибыл из Центральной равнины.

Он мог бы солгать, сказав, что родился в государстве Баньюэ, но подобный ход был слишком рискованным. Ведь ещё неизвестно, насколько восстановился его язык Баньюэ, стоит Кэ Мо поговорить с ним подольше, и правда всё равно раскроется. Кроме того, уже по виду принца можно было понять, откуда он явился. Народ Баньюэ всем сердцем ненавидел лжецов и обманщиков. Если принца уличат во лжи, итог будет ещё более неприятным.

Вот только для людей Баньюэ любой выходец из Центральной равнины являлся кровным потомком династии Юнъань, армия которой уничтожила их государство. Стоило Кэ Мо услышать, откуда прибыл Се Лянь, на смуглом лице генерала сверкнула вспышка гнева, а остальные воины Баньюэ принялись выкрикивать всяческие проклятия и оскорбления.

Се Лянь расслышал лишь «ничтожество», «лжец», «сбросить его вниз», но ничего более.

Кэ Мо произнёс:

— Наша страна исчезла в песках двести лет назад. Ты не из нашего народа, но знаешь наш язык, кто ты есть на самом деле?

Се Лянь, не сдержавшись, бросил взгляд на совершенно безмятежного юношу и подумал: «Надеюсь, в том случае, если мой рассказ окажется недостаточно складным, можно будет пойти на крайние меры и попросить Сань Лана о помощи». Принц уже приготовился начать заговаривать зубы воинам Баньюэ, как вдруг с чернеющего дна Ямы вновь раздался свирепый громогласный рёв.

Твари, обитающие внизу, кажется, уже расправились с телом А Чжао. Но всё ещё не насытились, стройным рёвом выражая жажду свежей крови и плоти. Кэ Мо взмахнул рукой, будто вновь собираясь схватить Тянь Шэна, когда Се Лянь опять его прервал:

— Генерал, позвольте мне стать следующим.

Кэ Мо наверняка никогда раньше не слышал, чтобы в подобном положении кто-то вызвался стать следующим. Его глаза расширились до размеров бронзовых колокольчиков, а в голосе прозвучало изумление:

— Ты станешь следующим? Почему?!

Се Лянь, разумеется, не мог ответить честно — потому что я не боюсь. Принц выбрал более подходящий ответ:

— Генерал, все эти люди — всего лишь ни в чём не повинные торговцы, среди них даже есть ребёнок.

Кэ Мо, послушав его, холодно усмехнулся.

— Когда армия государства Юньань омыла кровью наши земли, вы почему-то не задумались, что среди нас также есть безвинные торговцы и дети!

Гибель государства Баньюэ произошла двести лет назад, с тех пор по обе стороны границ давно сменились многие поколения. Однако для воинов Баньюэ, которые стали умершими пленниками застывшего времени, месть не могла исчезнуть следом за сменившейся династией. Кэ Мо добавил:

— Ты слишком подозрительный, я собираюсь задать тебе вопросы. Тебя сбрасывать нельзя. Хватайте другого!

В таком случае, иного выхода нет. Се Лянь приготовился довести дело до конца и вначале спрыгнуть в Яму, чтобы доказать серьёзность намерений, но тут Сань Лан рядом с ним внезапно шагнул вперёд. Сердце принца подскочило, он повернулся и посмотрел на юношу.

Тот стоял, сложив руки на груди, и безразличным взглядом, как будто думая о чём-то своём, обзирал Яму Грешников, которой не видно дна.

В душе Се Ляня невольно зародилось не очень хорошее предчувствие.

— Сань Лан?

В ответ на его зов юноша повернул голову и слегка приподнял уголки губ со словами:

— Всё в порядке.

А потом сделал ещё шаг вперёд, оказавшись на самом краю опасного обрыва. Сердце Се Ляня беспорядочно задёргалось вместе с глазом, он произнёс:

— Постой, Сань Лан, просто не двигайся.

Юноша стоял на краю высокой стены, полы его красных одежд шумно трепетали от ночного ветра. Сань Лан взглянул на принца, улыбнулся и произнёс:

— Не надо бояться.

— Ты... сначала отойди отсюда. Отойди от края, и я перестану бояться.

— Не волнуйся. Я покину тебя ненадолго. Очень скоро мы сможем увидеться снова.

— Прошу, не надо...

Фраза повисла в воздухе. Юноша, сохраняя позу со сложенными на груди руками, сделал ещё шаг, легко оттолкнулся от земли и в одно мгновение исчез в неизмеримо глубокой темноте.

В момент его прыжка с запястья Се Ляня сорвалась Жое. Обернувшись белой радугой, она попыталась схватить юношу, но скорость падения оказалась быстрее, и белая лента, не зацепив и уголка одежды, печально вернулась на запястье принца. Се Лянь так и рухнул на колени, с его губ сорвался крик в пустоту:

— Сань Лан!!!

Ни единого звука в ответ.

После того, как юноша спрыгнул, из Ямы не раздалось ни звука!

Воины Баньюэ на стене рядом с принцем начали громко перекрикиваться, явно поражённые случившимся. Что же такое творится сегодня? Раньше приходилось хватать пленника, чтобы сбросить его вниз, а эти наперебой выскакивают друг перед другом, а если их не сбрасывают — прыгают сами!

Генерал Кэ Мо громогласным криком приказал воинам уgomониться, а Се Лянь, увидев, что Жое не удалось схватить Сань Лана, не успел даже подумать — так и бросился вниз, в Яму Грешников. Принц уже находился в воздухе, когда сзади его кто-то схватил за шиворот, подвесив над пропастью. Обернувшись, Се Лянь увидел, что генерал Кэ Мо, предупреждая его прыжок, протянул руку и схватил принца, не давая упасть!

Се Лянь подумал: «Хочешь присоединиться? Славно. Упадём вместе, так даже лучше». Подчиняясь мысли принца, Жое, словно белая змея, с шорохом плотно обвила руку генерала, а затем и всё его тело. Стоило Кэ Мо столкнуться с загадочной белой лентой, похожей на демоническое создание, на лбу его явственно проступили чёрные вены, а мышцы в одно мгновение раздулись в несколько раз, как будто он пытался таким образом разорвать ленту, в плену которой оказался. Се Лянь намертво схватился с Кэ Мо, когда боковым зрением внезапно уловил кое-что весьма странное.

Труп, висевший на длинном шесте, вдруг пошевелился и приподнял голову.

Воины Баньюэ, которые также заметили это, с громкими криками и палицами наперевес бросились в атаку на труп. Ну а девушка в чёрных одеждах, шевельнувшись, каким-то никому неизвестным образом развязала верёвки, на которых была подвешена, спрыгнула с шеста и молниеносно бросилась навстречу воинам.

Словно порыв чёрного ветра, она пролетела по краю стены, быстро и безжалостно сбивая на своём пути всех воинов, которые с жуткими криками повалились вниз. Увидев, что его солдаты упали в Яму Грешников, Кэ Мо разразился гневными ругательствами. Бранился он чрезвычайно грубо, используя нецензурные выражения, которые Се Ляню были не слишком понятны. И всё же самую первую фразу принц разобрал. Кэ Мо выругался:

— Опять эта мерзавка!

В следующий миг его ругательства прервались, по той причине, что Се Лянь внезапно приложил силу и вместе с Кэ Мо сверзился вниз, в Яму Грешников.

В Яму, из которой невозможно выбраться!

Падая, Кэ Мо своим яростным рёвом едва не оглушил Се Ляня. Чтобы спасти уши, принцу пришлось отозвать Жое и ударить Кэ Мо ногой посильнее, чтобы тот отлетел подальше. Затем Се Лянь отправил Жое наверх, в надежде, что лента зацепится за что-то, чем можно смягчить падение, и удар о землю во всяком случае будет не слишком травматичным.

Вот только Яма Грешников была устроена без изъяна, как и магическое поле вокруг неё, и Жое не просто не смогла дотянуться до верха, но и не нашла ничего, за что можно ухватиться на стенах Ямы.

И когда Се Лянь уже решил, что сейчас разобьётся в лепёшку, как и множество раз в прошлом, а после несколько дней не сможет оторвать себя от земли, произошло непредвиденное: во тьме сверкнула серебристая вспышка.

Спустя мгновение пара рук легко подхватила принца.

Человек этот несравнимо точно подгадал момент. Казалось даже, что он прямо-таки специально поджидал внизу, чтобы поймать Се Ляня. Одна рука обхватила принца за спиной, обняв за плечи, другая подхватила под колени, аккуратно и легко остановив бешеное падение с высоты.

Се Лянь, ещё не оправившись от внезапного прекращения полёта, всё ещё ощущал головокружение и рябь в глазах, поэтому невольно ухватился за плечи невидимого спасителя и выпалил:

— Сань Лан?

Кругом стояла тьма, в которой невозможно было что-либо различить, как невозможно было различить и того, кто поймал принца. Однако те слова неподконтрольно сорвались с губ Се Ляня. Не получив ответа, принц провёл рукой по плечам и груди незнакомца, пытаясь убедиться в догадке. Он спросил снова:

— Сань Лан, это ты?

Возможно, потому, что сейчас они оказались на самом дне Ямы, запах крови здесь стал настолько сильным, что от него можно было потерять сознание. Се Лянь, всё ещё не понимая, где находится, продолжал беспорядочно трогать спасителя руками, пока не добрался до твёрдого кадыка, лишь тогда к нему пришло внезапное осознание своих действий. В мыслях пронеслось «Виноват, виноват, что же это я делаю», и принц отдёрнул руку со словами:

— Это ведь Сань Лан, да? С тобой всё в порядке? Ты не поранился?

Спустя недолгое молчание принц наконец дождался ответа. В предельной близости от него раздался низкий и глубокий голос:

— Всё в порядке.

По неизвестной причине Се Ляню показалось, будто голос, которым сказана эта фраза, неуловимо отличается от прежнего.

— Сань Лан, с тобой правда всё в порядке? — спросил Се Лянь.
— Поставь меня на землю.

Сань Лан, однако, возразил:

— Не поставлю.

Се Лянь удивлённо подумал: «Почему же? Неужели на земле что-то есть?»

Пара рук всё ещё крепко держала принца, ни на миг не собираясь отпускать. Се Лянь даже вознамерился осторожно толкнуть Сань Лана в грудь, но тут же вспомнил, как мгновением ранее бесцеремонно ощупал юношу, добравшись до твёрдого выступа на шее, и потому незаметно убрал руку.

Се Лянь и сам не мог понять, почему. Несколько сотен лет он и не ведал, как пишется слово «неловкость», а теперь как будто чей-то голос в душе предупреждал его — лучше всего не давать волю рукам и вести себя приличнее.

Внезапно с противоположной стороны Ямы раздался крик, полный скорби и негодования, затем перешедший в надрывное:

— Что с вами стало?!

Голос кричал на языке Баньюэ, и в нём явственно угадывался Кэ Мо, которого Се Лянь потянул за собой вниз. Генерал уже являлся мертвецом и, разумеется, насмерть не разбился, лишь сильно ударился о землю и, возможно, оставил после себя яму в виде человеческого силуэта, в которой и застрял. А когда выбрался, начал громко кричать:

— Что с вами? Воины! Братья мои, что же с вами стало?!

Когда генерал кричал со стены Ямы, снизу ему явственно отвечали бесчисленные голоса, словно на самом дне толпились злые духи, бушующие яростью от голода. Но теперь, именно в этот момент, Се Лянь отчётливо осознал: за исключением гневных и полных горя выкриков Кэ Мо, осталась лишь мёртвая тишина. Он даже не слышал ни дыхания, ни биения сердца Сань Лана, который находился в непосредственной близости от принца.

Внезапно Се Лянь замер, на мгновение перестав дышать, и заметил кое-что неправильное.

Да, он крепко прижимался к Сань Лану, но... совершенно не мог расслышать дыхание и биение сердца юноши!

Кэ Мо снова взревел:

— Кто убил вас, кто вас убил?!

Когда А Чжао упал вниз, со дна Ямы раздались жуткие звуки поедания живого человека. А когда упал Сань Лан, снизу не послышалось ничего. Кто же ещё мог их убить?

Наверняка Кэ Мо тоже понял это и выкрикнул:

— Вы уничтожили моих воинов, вы заслуживаете смерти! Я должен вас убить!

Вокруг стояла кромешная тьма, и всё же Се Лянь ощутил приближающуюся к ним опасность. Он пошевелился и произнёс:

— Сань Лан, осторожно!

Сань Лан ответил:

— Не обращай на него внимания. — По-прежнему держа принца на руках, он легко шагнул в сторону, кажется, развернувшись.

Во тьме Се Лянь услышал тоненькое эхо — «цзинь-цзинь», весьма приятное на слух, мелодичное, но при этом звонкое, которое спустя мгновение исчезло. Бросок Кэ Мо пришёлся в пустоту, но вскоре он напал снова, пытаясь их схватить. Сань Лан ещё раз проворно и легко увернулся от атаки. Руки Се Ляня же невольно скользнули вверх, крепко обнимая Сань Лана, неосознанно хватаясь за одежду на его плечах.

Тем временем пара рук, что держала принца, делала это чрезвычайно надёжно, даже во время резких поворотов. Вот только Се Лянь время от времени чувствовал, что на руках находится что-то холодное и твёрдое, от первого прикосновения к чему принц невольно застыл. В бескрайней черноте вокруг сверкнула серебристая вспышка, раздался звук летящего по воздуху острого клинка, а затем гневные крики Кэ Мо.

Кажется, генерал государства Баньюэ был тяжело ранен, но всё же оставался на удивление отважным: он не отступился, а снова налетел на них, словно гневный порыв ветра. Се Лянь позвал:

— Жое!

Послушная приказу, белая лента вылетела вперёд, раздался хлопок, словно Кэ Мо в воздухе совершил кувырок от атаки Жое и упал. После удара о землю Кэ Мо взревел:

— Вас двое! Двое на одного, это подло!

Се Лянь подумал: «Ты собирался нас убить, а теперь вспомнил о честности в бою? Какая разница, двое на одного или не на одного, подло или нет, а своя жизнь дороже. Сначала расправимся с тобой, потом поговорим».

Сань Лан же усмехнулся, совершенно при этом не улыбаясь, и произнёс:

— Тебе не победить даже один на один. Не стоит вступать в бой.
— Последняя фраза предназначалась Се Ляню, поскольку тон голоса сделался немного тише, а также исчезла насмешка, что присутствовала в первой фразе.

— Хорошо, — ответил Се Лянь, затем снова попросил: — Сань Лан, не лучше ли будет поставить меня на землю? Я ведь мешаю тебе.

Сань Лан же возразил:

— Не мешаешь. Тебе не следует спускаться.

Се Лянь, не сдержавшись, выпалил:

— Но почему?

Ведь не могло же стать, что юноше просто нравилось сражаться, держа кого-то на руках? Как бы он ни презирал противника, всё же подобное было излишне.

Юноша ответил лишь одним словом:

— Грязно.

Се Лянь никак не ожидал услышать именно такую причину, причём высказанную столь серьёзно, что принцу она даже показалась смешной. Кроме того, Се Ляня посетило труднообъяснимое чувство — где-то в груди возникло неопишуемое ощущение лёгкого жара. Принц произнёс:

— Но ведь ты не можешь всё время держать меня на руках.

— Очень даже могу, — ответил Сань Лан.

Се Лянь сказал это просто ради шутки, но фраза Сань Лана на шутку совершенно не походила, поэтому принц озадаченно замолчал, не зная, как на неё реагировать.

Пока они обменивались репликами, Кэ Мо вновь настойчиво атаковал их в темноте. Сань Лан, очевидно, обеими руками держал принца, но всё же каким-то неизвестным способом отбивал удары Кэ Мо, заставляя его отступать. Отшатнувшись, Кэ Мо проревёл:

— Эта мерзавка приказала вам...

Однако закончить фразу ему не удалось, раздался громкий звук удара, и грузное тело с грохотом свалилось на землю, наконец не в силах снова подняться. Услышав удар, Се Лянь произнёс:

— Сань Лан, не убивай его пока. Если мы хотим выбраться отсюда, боюсь, придётся выяснять у него, как это сделать.

Сань Лан в самом деле перестал наносить удары и остановился, отвечая принцу:

— Я и не собирался его убивать. В противном случае, он уже давно был бы мёртв.

В Яме Грешников вновь воцарилась тишина.

— Сань Лан, всё случившееся здесь, внизу, — твоих рук дело? — помолчав, спросил Се Лянь.

Несмотря на непроглядную темноту вокруг, судя по запаху крови и убийственной Ци, что буквально застилала дно Ямы, а также по состоянию Кэ Мо, который едва с ума не сходил от негодования и скорби, можно было явственно представить, что же здесь всё-таки случилось. Спустя некоторое время тишины, Се Лянь услышал ответ:

— Да.

Ответ вполне ожидаемый. Помолчав, Се Лянь со вздохом произнёс:

— Ну что сказать... — Поразмыслив, принц всё-таки начал проникновенно вещать: — Ох, Сань Лан. В следующий раз, когда увидишь такую яму, ни в коем случае больше не смей необдуманно прыгать в неё. Я не успел даже удержать тебя и совершенно не понимал, как мне поступить!

Сань Лан, казалось, слегка поперхнулся, будто не ожидал от принца подобных слов.

Когда юноша вновь заговорил, тон его голоса зазвучал немного странно:

— Ты больше ничего не хочешь спросить?

— Что бы ты хотел, чтобы я спросил?

— Например, человек ли я.

Се Лянь потёр точку между бровей и ответил:

— Насчёт этого... мне кажется, нет никакой нужды спрашивать.

— Да? Нет нужды?

— Да. Разве она есть? Человек или нет, это ведь совершенно не важно.

— Оу?

Се Лянь, всё ещё в объятиях Сань Лана, сложил руки на груди и пустился в рассуждения:

— Общаясь с человеком, нужно обращать внимание на то, подходите ли вы друг другу, на сочетание ваших характеров, а не на то, кем вы являетесь. Если ты мне понравился, этого не изменить, будь ты хоть нищий попрошайка; и если ты мне не понравился, сделайся ты

хоть императором, я буду ненавидеть тебя по-прежнему. Разве так не должно быть? Проще этой истины и придумать сложно, поэтому — нет нужды спрашивать, так?

Сань Лан рассмеялся:

— Да, твои слова действительно весьма разумны.

Се Лянь воскликнул:

— Ну вот видишь! — и посмеялся вместе с Сань Ланом. Посмеяться-то посмеялся, но всё это время принцу что-то казалось ненормальным, а теперь он вдруг понял, что именно.

Сань Лан ведь всё ещё держал его на руках, и принц, к своему ужасу, сам того не заметив, привык к подобному положению!

Осознание, смерти подобное. Се Лянь тихонько кашлянул и произнёс:

— Послушай, Сань Лан, давай поговорим об этом позднее. Может, всё-таки поставишь меня на землю?

Сань Лан, кажется, улыбнулся, затем ответил:

— Подожди.

Он пронёс Се Ляня на руках ещё немного вниз, и только потом осторожно отпустил.

Принц коснулся ногами твёрдой земли и произнёс:

— Спасибо тебе!

Сань Лан ничего не ответил ему. Се Лянь, поблагодарив, поднял голову наверх.

В тёмно-синем небе висела ослепительно прекрасная убывающая луна. Только теперь, когда её окружала рамка ровного квадрата, людям внутри казалось, что они похожи на лягушек, что смотрят на небо со дна колодца^[45].

Принц попробовал ещё раз забросить Жое наверх. Как и ожидалось, лента взвилась в воздух, но потом её словно задержала невидимая сила — Жое отлетела прочь, не в силах дотянуться до края стены.

Сань Лан заметил:

— Вокруг Ямы Грешников стоит магическое поле.

— Знаю, просто хотел проверить. Ведь если не попробовать, так и будешь надеяться попусту. Интересно, как дела у людей наверху? Неужели та девушка в чёрных одеждах сбросит вниз и их тоже?

Он рассказал Сань Лану, как девушка, висятая на шесте, внезапно пришла в себя, бросилась в атаку и столкнула вниз всех воинов Баньюэ. За разговором принц решил сделать пару шагов вперёд, но вдруг наступил на что-то, кажется, на чью-то руку. Едва не споткнувшись, Се Лянь быстро пришёл в равновесие, но Сань Лан всё же поддержал его под локоть со словами:

— Осторожнее. — Не уделяя этому особого внимания, юноша произнёс: — Я же говорил, здесь грязно.

Се Лянь уже понял, что значило это «грязно», и ответил:

— Ничего. Я просто зажгу Пламя-на-ладони, чтобы осмотреться, затем буду принимать решения.

Сань Лан ничего не возразил.

Внезапно неподалеку вновь раздался голос Кэ Мо:

— За то, что вы служите этой мерзавке, бесчисленные души безвинно погибших жителей нашего государства проклянут вас в веках!

Се Лянь повернулся на звук и задал вопрос на языке Баньюэ:

— Генерал Кэ Мо, кто же всё-таки эта... о которой вы говорите?

Кэ Мо с ненавистью в голосе прокричал:

— К чему притворные вопросы? Та чародейка!

Се Лянь спросил снова:

— Та заклинательница, что прогуливается по городу?

Кэ Мо со злостью громко сплюнул, по всей видимости, ответ был положительным. Се Лянь задал ещё вопрос:

— Но разве вы не служите советнику Баньюэ?

Его слова взбесили Кэ Мо, тот заорал:

— Я никогда не буду снова ей служить! Моей пощады мерзавка не дожждётся!

Затем из его рта посыпались градом неразборчивые проклятия. Кэ Мо от злости заговорил чрезвычайно быстро, настолько, что Се Лянь в конце концов совершенно растерялся, не в состоянии понять ни слова. Пришлось тихонько попросить:

— Сань Лан, Сань Лан.

Сань Лан ответил:

— Он бранится. Говорит, советник предала их, открыла городские ворота, чтобы впустить армию Центральной равнины, которая истребила всех жителей города. Потом столкнула его братьев в

эту проклятую яму. Он бы повесил её ещё тысячу раз, десять тысяч раз.

Се Лянь торопливо прервал его:

— Постой!

Как такое может быть?! Две детали совершенно выбиваются из общей картины!

Во-первых, под «заклинательницей, что прогуливается по городу», Се Лянь имел в виду женщину в белых одеждах. Но сейчас Кэ Мо то и дело называл советника Баньюэ «мерзавкой», которая к тому же столкнула в эту проклятую яму его братьев. Тем же ругательством Кэ Мо назвал и девушку в чёрных одеждах, которая смела воинов Баньюэ вниз со стены. А услышав последнюю фразу, «повесил бы ещё тысячу раз», Се Лянь внезапно осознал, что они обсуждают совершенно разных людей.

Во-вторых, выходит, советник Баньюэ оказалась предателем государства Баньюэ?!

Се Лянь перебил Кэ Мо:

— Генерал, советник Баньюэ, о которой вы говорите, — подвешенная на шесте над Ямой Грешников девушка в чёрных одеждах?

— Кто же ещё это может быть, кроме неё?!

Вопреки ожиданиям, именно девушка в чёрном, подвешенная на шесте, словно труп, оказалась настоящим советником Баньюэ!

Но кто же тогда заклинательница в белом, что праздно прогуливается по городу и обещает убить их всех до одного? И кто её спутница в чёрном?

И как вышло, что девушка, обладающая столь необыкновенной магической силой, что позволила ей в одно мгновение сбросить со стены несколько десятков свирепых и бесстрашных воинов Баньюэ, оказалась подвешена над Ямой Грешников?

Происходящее казалось Се Ляню всё более странным и запутанным. Он произнёс:

— Генерал, могу я спросить...

Кэ Мо перебил его:

— Довольно вопросов! Вы убили моих воинов, и ещё хотите что-то узнать? Я ничего не скажу! Выходите биться!

Сань Лан возразил:

— Это я их убил, а не он. Ты можешь ответить ему, а потом сразиться со мной.

Фраза прозвучала вполне разумно. Кэ Мо гневно выпалил:

— Вы оба — её приспешники, разницы между вами нет!

Се Лянь поспешил заверить:

— Генерал Кэ Мо, вы кое в чём заблуждаетесь. Первоначальная цель нашего похода в пустыню — уничтожение советника Баньюэ, как мы можем быть её приспешниками?

Услышав об уничтожении советника Баньюэ, Кэ Мо погрузился в молчание. Спустя какое-то время он снова заговорил:

— Если вы не её посланники, почему вы убили моих воинов?

— Но ведь это вы сбросили нас сюда. Нам ничего другого не оставалось, кроме как защищать свои жизни!

— Вздор, я вовсе не сбрасывал вас. Я как раз схватил тебя за шиворот, это видели все. Вы сами спрыгнули в Яму!

Се Ляню оставалось лишь признать:

— Да, да, да, мы сами прыгнули в Яму. Генерал, теперь мы с вами заперты здесь, внизу, и пока находимся по одну сторону баррикад. Почему советник Баньюэ открыла ворота ипустила вражескую армию?

Кэ Мо, разумеется, не слушал никаких доводов, он был оскорблён до глубины души.

— Вы оба — гнусные подлецы. Напали на меня вдвоём.

Се Лянь бессильно произнёс:

— Я ударил вас всего-то единожды. И в драку не ввязывался.

Вообще-то принца не особенно волновало, что кто-то назовёт его подлецом, хитрецом или чем-то в этом роде. Се Лянь не только был не прочь сразиться «вдвоём против одного», но и не постеснялся бы выступить с целой сотней против одного, окружить врага и избить, если того требовали обстоятельства. Кто в момент опасности вообще вспоминает о честной битве «один на один»? Но всё дело в том, что Сань Лан, совершенно очевидно, без особых усилий одержал верх, даже с человеком на руках. Да ещё попросил Се Ляня не вмешиваться. А теперь, когда Кэ Мо, кажется, решил, что смог бы одолеть юношу один на один, принцу это показалось несправедливым. Однако, судя по характеру Кэ Мо, с ним всё-таки можно было прийти к согласию.

Нужно действовать постепенно, и всё устроится. Внезапно Сань Лан без намёка на терпение, как бы между прочим, произнёс:

— Лучше ответь на его вопросы, ради своих воинов.

— Ты уничтожил их без остатка, теперь угрожать бесполезно, — возразил Кэ Мо.

— Но трупы всё ещё целы.

Кэ Мо, кажется, приподнявшись с земли, настороженно спросил:

— Что ты хочешь сделать?

— Сначала лучше спросить, чего желаешь ты.

По одному лишь тону Се Лянь мог представить, как сощурились глаза Сань Лана, когда он произнёс:

— Ты желаешь для них благоденствия в следующей жизни или чтобы они возродились в виде кровавой каши?

Кэ Мо сперва затих, но потом его настигло понимание.

— Ты?!..

Народ Баньюэ крайне серьёзно относился к погребальной церемонии. Согласно их поверьям, как выглядит труп человека во время смерти, таким он и станет в следующей жизни. К примеру, если кто-то перед смертью потерял руку, после перерождения он окажется калекой без руки. Ну а если все трупы на дне Ямы превратятся в кровавое месиво, не лучше ли им тогда не перерождаться вовсе?

Кэ Мо являлся истинным представителем народа Баньюэ, он не мог не уstrasиться этого. И в самом деле, в темноте раздался скрип зубов, а затем голос, полный безысходности:

— Не трогай тела! Каждый из них был отважным воином. Для них просидеть на дне этой Ямы столько лет стало истинным мучением. Сегодня ты уничтожил их и, возможно, тем самым освободил их души. Но я не могу позволить, чтобы они вновь подверглись унижению. — Сделав паузу, он спросил: — Вы правда пришли, чтобы убить советника Баньюэ?

Се Лянь мягко ответил:

— Чистейшая правда. Говорят, чтобы победить, нужно познать противника и познать себя. Но о советнике Баньюэ людям мало что известно. Никто не знает, как противостоять ей. Надеюсь, раз уж генерал Кэ Мо когда-то был с ней знаком, вы сможете дать нам хоть какие-то указания.

Возможно, сработало желание выступить против общего врага, а может, Кэ Мо просто испытывал отчаяние от падения в бездну, из которой не выбраться, и от того, что сидел прямо на горе тел своих воинов. Как бы ни было, генерал временно перестал проявлять враждебность и начал говорить:

— Вы хотите знать, почему она открыла ворота ипустила армию Юньань? Потому что она просто хотела отомстить нам. Она ненавидела государство Баньюэ!

Се Лянь поинтересовался:

— Что значит — ненавидела государство Баньюэ? Но разве она сама не являлась выходцем из народа Баньюэ?

— Да. Но только наполовину. Она была полукровкой, и в её теле текла кровь народа Юньань!

— Аа...

Оказалось, что советник Баньюэ была рождена от союза женщины из государства Баньюэ и мужчины из государства Юньань. Живущие на границе народы двух государств ненавидели друг друга, и подобный союз сохранить было весьма нелегко. Спустя несколько лет мужчина из Центральной равнины не выдержал подобной жизни, покинул приграничную местность и вернулся в мирное и процветающее государство Юньань.

Несмотря на то, что супруги расстались по обоюдному согласию, в скором времени женщина, по причине любовной тоски, повлёкшей за собой сердечную болезнь, умерла, оставив семилетнюю дочь. Девочка росла беспризорницей. Иногда ей удавалось раздобыть еду, а иногда приходилось голодать. Люди смотрели на неё с таким же пренебрежением, с каким смотрели на её родителей.

Жители государства Баньюэ отличались высоким ростом и крепким телосложением, среди женщин и мужчин критерием красоты считалось здоровье и наполненность жизнью. Девочка же, будучи полукровкой, была слишком худой, маленькой и слабой, отличаясь от других детей народа Баньюэ, поэтому с самого детства подвергалась насмешкам и оскорблениям. Постепенно девочка становилась всё более нелюдимою и странной. Дети государства Баньюэ не хотели с ней играть, лишь некоторые дети из Юньань всё ещё общались с ней.

Когда девочке было около пятнадцати, на границе государств случилось столкновение двух армий. В сражении погибло множество

людей, а девочка-полукровка исчезла. У неё не осталось ни родных, ни друзей в государстве Баньюэ, поэтому, когда девочка пропала на несколько лет, никто не стал искать её. Однако после возвращения девочки всё в корне изменилось.

За эти годы она пересекла тысячи ли пустыни, добралась до самого государства Юньань. Неизвестно, какое чудо повстречалось девочке в пути, но она принесла из своего путешествия знание тёмного чародейского искусства. Более того, оказалось, что девочка способна управлять ядовитыми тварями, которых больше всего на свете боялись люди Баньюэ. Скорпионовыми змеями.

Узнав о её возвращении, помимо восхищения, многие испытали страх. Потому что характер девушки вовсе не изменился — она осталась мрачной и нелюдистой. Когда-то многие в государстве Баньюэ обижали её, а теперь девушка удостоилась чести служить во дворце, да ещё на почётной должности придворного мага. Что если она когда-нибудь захочет им отомстить и навлечёт на них неприятности?

Се Лянь произнёс:

— Наверняка многие в государстве Баньюэ нелестно отзывались о ней.

Кэ Мо фыркнул:

— Не только отзывались, но даже пошли во дворец, на приём к государю, и там называли её посланницей скорпионовых змей, которая принесёт беду в государство Баньюэ, и потому её нужно повесить. Но у них ничего не вышло.

Се Лянь предположил:

— Она повесила этих людей раньше?

Кэ Мо с ещё большей неприязнью ответил:

— Откуда в вас, людях Юньань, столько коварства и жестокости? Нет! Я её защитил.

Се Лянь попытался возразить:

— Я уже говорил, что я не из Юньань... Ох, ну ладно.

Тогда Кэ Мо уже получил звание генерала. Однажды он отправился со своими войсками в пустыню, чтобы расправиться с разбойниками, и взял с собой девушку, придворного мага из дворца государя.

Разбойники оказались не так просты. Они устроили гнездо прямо под песками. Потери в битве понесли обе стороны, но Кэ Мо всё-таки

одержал победу. Их битва привела к обрушению гнезда разбойников под землёй. К тому же намечалась песчаная буря, оставаться там было крайне опасно. Кэ Мо приказал воинам отступать, но часть его людей, включая придворного мага, не успела спастись.

Отступив в безопасное место и дождавшись, когда буря стихнет, Кэ Мо вернулся туда, чтобы откопать своих воинов и похоронить их тела. Уже на месте генерал обнаружил, что придворный маг в одиночку вырыла немаленькую подземную пещеру, где раненые, но живые воины смогли переждать бурю.

Тела погибших также были выкопаны и аккуратно разложены на земле. Всё это она сделала своими руками, и когда Кэ Мо подоспел на место, тело придворного мага было покрыто пятнами крови. Но всё же девушка молчаливо сидела на страже у входа в пещеру, обняв колени, ожидая подмогу, словно одинокий волчонок.

Кэ Мо добавил:

— После того случая я решил, что она хороший человек, всё сделала очень правильно и никакого бедствия на нашу страну не навлечёт. Поручившись за неё, я заставил замолчать все злые языки.

К тому же, Кэ Мо в детстве и сам подвергался обидам и унижениям ровесников из-за слабого здоровья, поэтому мог посочувствовать девушке и стал проявлять по отношению к ней больше внимания и заботы. Постепенно он заметил, что придворный маг обладает немалыми способностями, потому стал рекомендовать её на должность советника государя. Можно сказать, девушка стала советником лишь благодаря Кэ Мо, который впоследствии, как и записали в летописях потомки, стал её самым преданным защитником.

Так продолжалось до тех пор, пока не вспыхнула очередная война, и государство Юньань не послало свою армию для осады государства Баньюэ.

Кэ Мо продолжал:

— Две армии сражались на равных, никто не желал уступить. И тогда советник решила принести жертву Небесам, как она сказала, чтобы заручиться покровительством для армии нашего государства.

Поэтому ярость воинов вскипела высокой волной, боевой дух возрос многократно. Они стояли насмерть, защищая городские ворота. Со стен летели стрелы, сыпались камни, лилось кипящее масло, звуки побоища взлетели до самых небес.

Никто и представить не мог, что в самый разгар сражения советник государя откроет городские ворота.

Когда это произошло, армия в несколько десятков тысяч в одно мгновение хлынула внутрь безумным полчищем. Тяжёлая кавалерия мгновенно превратила город в кровавый жертвенный алтарь!

Едва Кэ Мо в разгаре ожесточённой битвы узнал, что советник открыла ворота, он просто обезумел от гнева. Но каким бы отважным он ни был, в одиночку генерал уже не мог ничего исправить.

Кэ Мо сквозь зубы прошипел:

— Лишь тогда я узнал, что она давно спелась с командиром вражеской армии и договорилась впустить их в город в назначенный час. Но даже если мне было суждено умереть в бою, перед смертью я должен был убить предательницу! Я со своим отрядом ворвался в башню на городской стене, выволок её оттуда и повесил над Ямой Грешников. Прямо на том шесте!

Вражеская армия перешла границы Баньюэ, обратив его в мёртвое государство. Убитые же в бою воины и повешенная советница остались навечно привязаны к руинам, ненависть их друг к другу не ослабла за долгие годы.

— Так значит, поэтому вы, Генерал Кэ Мо, и ваши воины рыскают повсюду в поисках советника Баньюэ, а когда вам удастся её схватить, вы снова «вешаете» её над Ямой Грешников?

— Повесь мы её хоть тысячу, хоть десять тысяч раз, этого будет недостаточно! Поскольку и она повсюду ищет моих воинов, что стали тёмными созданиями, и бросает их в Яму Грешников! Она установила вокруг Ямы ужасное магическое поле, которое может снять лишь сама. Упадёшь сюда, и уже не получится выбраться. Но мои воины, преданные ею, безвинно погибшие в битве, изнывают под тяжестью тёмной энергии. И лишь живая кровь народа Юнъань может рассеять ненависть в их сердцах, помочь им вознестись для перерождения. В ином случае освобождения им не видать, стенания их станут еженощными, вечными!

— И потому вы постоянно ловите людей, чтобы сбрасывать их в Яму и кормить своих воинов?

— Что ещё мне остается? Слушать, как они воют волками здесь, внизу?

— Людей для этих целей вы ловите сами, или...?

— Мы не можем выходить слишком далеко за пределы государства Баньюэ. На наше счастье, её змеи отличаются коварством и часто выползают из древнего города, чтобы покусать людей. А укушенные торговцы приходят сюда на поиски травы шань-юэ.

— Того человека, чьё лицо говорило из земли у дворца государя, вы закопали?

— Да. Он хотел украсть сокровища из дворца. Но все богатства нашего государства были подчистую вынесены людьми Юньань двести лет назад.

— Но почему вы просто зарыли его там, а не сбросили в Яму?

— Траву нужно удобрять, иначе как нам справиться со змеями? Мы тоже не желаем сталкиваться с этими тварями.

Се Лянь подумал: «Кое-что не сходится».

Кэ Мо по своей воле выращивал траву шань-юэ, даже удобрял её живой плотью. Это отлично показывало, что его страх по отношению к скорпионовым змеям ни капли не уменьшился, даже при том, что сам он больше не являлся человеком.

Выходит, что при жизни этот страх был ещё сильнее. Но разве советник Баньюэ, владея таким убийственным оружием, как скорпионовые змеи, могла позволить толпе воинов схватить себя, выволочь из башни и повесить на шесте?

По словам Кэ Мо, за две сотни лет они раз за разом хватили советника, и каждый раз вешали её. Всё же Се Ляню казалось, будь он на месте советника и владей подобным смертельным оружием, ни за что бы не позволил врагам приблизиться к себе даже на полшага.

Ещё эти скорпионовые змеи, которые выползают из древнего города и кусают людей.

Случайность? Не похоже. Скорее, кто-то таким образом заманивает путников в крепость. Советник делает это намеренно? Но тогда получается, что она помогает Кэ Мо ловить жертв на съедение мёртвым воинам. Здесь нить расходится с фактом о смертельной вражде между двумя сторонами.

Значит, они лишь притворяются врагами? Но какой смысл в этом притворстве?

И посреди всей этой путаницы парил ещё образ загадочной заклинательницы в белых одеждах и её спутницы. Се Лянь решил задать ещё один вопрос:

— Генерал, когда мы только оказались в городе, встретили двух заклинательниц — в белом и в чёрном. Вы знаете, кто они такие?

Ответа не последовало, поскольку Сань Лан прошипел:

— Тсс.

Пока ещё не понимая, что случилось, Се Лянь сразу замолчал. Какое-то странное инстинктивное чувство заставило его поднять голову и посмотреть наверх.

Всё тот же квадрат тёмно-синего неба, да ещё холодная белая луна.

А рядом с луной принц издалека разглядел человека: половина фигуры в чёрном высунулась с края Ямы и заглянула внутрь.

Поглядев немного, фигура внезапно показалась целиком — человек спрыгнул вниз.

И пока он летел, Се Лянь отчётливо разглядел в силуэте ту самую девушку, подвешенную на длинном шесте, — советницу Баньюэ!

Оказавшись на дне Ямы, советник спросила на языке Баньюэ:

— Кэ Мо, что произошло?

Стоило ей заговорить, Се Лянь осознал, что голос девушки значительно разнится с его ожиданиями. Тон действительно звучал ледяным, но при этом очень тихим, словно чем-то расстроенный ребёнок бормотал себе под нос. Это был вовсе не тот стальной бессердечный голос, который ожидал услышать принц. Если бы не отличный слух, Се Лянь бы вовсе ничего не разобрал.

Кэ Мо воскликнул:

— Что произошло?! Они все мертвы!

— Как они могут быть мертвы?

— Разве не потому, что ты столкнула их сюда и заперла в этом проклятом месте?

— Кто здесь? Внизу ещё один человек.

В действительности же на дне Ямы, помимо Кэ Мо, находились ещё два «человека», однако у Сань Лана не было ни дыхания, ни сердцебиения, и потому советник Баньюэ не ощущала ни следа его присутствия. А когда наверху началась неразбериха, она совершенно не обратила внимания, кто свалился в Яму, а кто сбежал. Поэтому сейчас она считала, что Се Лянь один.

— Это они убили моих воинов, теперь ты довольна? Наконец-то они все мертвы!

Советник надолго замолчала. Лишь спустя время во тьме внезапно загорелся огонь, озаривший девушку в чёрных одеждах, которая держала на ладошке маленький пучок пламени.

На вид ей было не больше восемнадцати. Скромное дорожное платье чёрного цвета, такое же чёрное, как её глаза. Нельзя сказать, что девушка некрасива, просто выглядела она крайне безрадостно. На лбу и в уголках рта виднелась синева, хорошо заметная в свете пламени.

Если бы ранее они не убедились в этом, сейчас никто бы даже не подумал, что советник Баньюэ — и есть эта бледная девчонка.

Пламя озарило и пространство вокруг девушки. У её ног лежали мёртвые тела воинов Баньюэ, облачённых в доспехи.

Се Лянь не удержался от взгляда в сторону.

Пламя, зажжённое советником, сияло не слишком ярко и не могло осветить людей на дне Ямы целиком, они по-прежнему оставались сокрыты во тьме. Но всё же далёкий огонёк помог принцу разглядеть рядом фигуру в красном.

Возможно, ему просто померещилось, ведь Сань Лан ростом и ранее был выше принца. Но сейчас юноша как будто ещё немного подрос. Взгляд Се Ляня медленно переместился наверх, оказавшись на уровне шеи юноши, остановился на мгновение, затем передвинулся до подбородка изящной формы.

Верхняя часть лица юноши всё ещё скрывалась в темноте, но и нижняя половина уже чем-то отличалась от образа, привычного принцу. И хотя очертания линий не потеряли в красоте, теперь они стали более выразительными. Возможно, ощутив взгляд Се Ляня, лицо слегка наклонилось, повернулось, и едва заметно изогнулся краешек линии губ.

Се Лянь, желая разглядеть поближе, сам того не осознавая, сделал шаг в сторону юноши.

Внезапно раздался громкий крик Кэ Мо. Он узрел жуткую картину побоища своими глазами, и это стало для него потрясением. Се Лянь тут же пришёл в себя, обернулся и увидел Кэ Мо, который в ужасе схватился за голову. Советник же, услышав крик, не выказала ни радости, ни грусти, лишь кивнула и произнесла:

— Хорошо.

Кэ Мо, убитый горем, услышав её, разгневался ещё сильнее:

— Что в этом хорошего? Что ты хочешь сказать?!

— Хорошо — означает, что мы, наконец, свободны. — Она развернулась к Се Ляню в темноте с вопросом: — Это вы убили их?

— Это лишь недоразумение, — ответил Се Лянь.

Кэ Мо перебил его:

— Как ты можешь лгать, не моргнув глазом?!

Се Лянь продолжал упорствовать:

— Но ведь в жизни недоразумения встречаются повсюду!

Советник взглянула на него, но реакция её осталась неясной. Она вновь спросила:

— Кто вы такие?

Теперь она заговорила на чистейшем языке Центральной равнины, без единого намёка на вопросительный тон.

Се Лянь ответил:

— Я — небожитель Верхних Небес, а это... мой друг.

Кэ Мо не понимал чужого языка, но по тону расслышал, что они не переругиваются, и потому настороженно спросил:

— О чём вы говорите?

Взгляд советника медленно скользнул мимо Се Ляня и задержался на Сань Лане. Впрочем, спустя пару мгновений она отвела глаза и произнесла:

— Сюда никогда не являлись небожители. Я думала, вы давно забыли об этих местах.

Се Лянь уж было приготовился сразиться с советником Баньюэ, однако к его неожиданности девушка совершенно не выказала желания биться, что весьма удивило принца. Она спросила ещё:

— Вы хотите выбраться отсюда?

Се Лянь ответил:

— Конечно, хотим. Но вокруг установлено магическое поле, выбраться невозможно.

Советник подошла к стене Ямы Грешников, протянула руку и просто ударила ладонью по камню. Обернувшись, она произнесла:

— Я сняла магическое поле, вы можете уходить.

Она так просто согласилась их отпустить!

Се Лянь тщетно старался подобрать слова для ответа. Избавил его от необходимости голос, раздавшийся сверху:

— Эй! Есть кто-нибудь внизу? Если никого нет, то я пошёл!

Голос принадлежал Фу Яо.

Се Лянь, кажется, услышал, как Сань Лан рядом недовольно цокнул языком. Принц немедленно поднял голову и действительно увидел, как в Яму заглядывает фигура в чёрном.

— Фу Яо! Здесь есть люди! — отозвался Се Лянь. — Я здесь, внизу!

После он помахал рукой.

Фу Яо сверху спросил:

— Ты что, правда внизу? Кроме тебя там кто-то есть?

— Ну... кроме меня здесь ещё много чего. Может, сам посмотришь?

Фу Яо, кажется, пришёл к такому же выводу и решил увидеть всё сам. Раздался гулкий хлопок, и вниз полетел большой огненный шар.

В тот же миг Яма Грешников целиком озарилась светом пламени. Внутри стало светло, словно днём, и Се Лянь наконец смог рассмотреть, в каком месте он находился.

Со всех сторон его окружали сваленные в кучу трупы, превратившиеся в целые горные вершины, орошённые кровью. Тела множества воинов Баньюэ лежали друг на друге, нагромождённые как попало, смуглые лица и руки перемешивались со сверкающими доспехами и багровой кровью. Лишь то место, где стоял Се Лянь, оказалось единственным чистым клочком земли во всём пространстве Ямы Грешников.

Побоище произошло здесь, в темноте, в тот момент, когда Сань Лан спрыгнул вниз.

Се Лянь вновь повернулся и посмотрел на юношу рядом с собой.

Только что во тьме ему смутно привиделось, что Сань Лан как будто стал немного выше, и в некоторых мелочах его образ отличался от прежнего. Однако теперь, при свете яркого огня, принц видел рядом всё того же красивого юношу, который на его взгляд ответил лёгкой улыбкой.

Се Лянь, опустив голову, посмотрел на его запястья и сапоги. Как и ожидалось, никаких отличий от прежнего образа, ни следа каких-либо мелодично звенящих украшений.

Раздался глухой стук — это Фу Яо спрыгнул вниз. Се Лянь спросил:

— Ты же остался, чтобы присматривать за караваном?

Едва спустившись, Фу Яо ещё не успел привыкнуть к сильному запаху крови на дне Ямы. Он нахмурился и помахал рукой, разгоняя воздух, потом безразлично ответил:

— Я прождал шесть часов, но вы никак не возвращались, так что я решил, что с вами что-то стряслось. Я нарисовал круг на земле и приказал им оставаться внутри, потом пришёл сюда на разведку.

— Твой круг долго не продержался. Едва ты ушёл, они заподозрили, что мы бросили их на произвол судьбы. В итоге разбежались кто куда. Что нам теперь с ними делать?

— Если люди стремятся умереть, их не остановить и восьмёркой скакунов. Ничего не попишешь. А эти двое что здесь делают? Кто это такие?

Юноша с большой настороженностью посмотрел на двоих других людей на дне Ямы, однако вскоре с удивлением обнаружил, что Кэ Мо избит до беспомощного состояния и не может подняться с земли, а советник Баньюэ просто молча стоит, опустив голову.

Се Лянь объяснил:

— Вот это — генерал государства Баньюэ, а это — советник государства Баньюэ, сейчас они...

Не успел принц договорить, как Кэ Мо вдруг вскочил на ноги. Он лежал на земле достаточно долго, чтобы его силы наконец восстановились, и теперь с громким рёвом напал на советника Баньюэ. В прошлом подобное непотребство, когда здоровенный детина избивает хрупкую девушку, просто не могло произойти на глазах Се Ляня. Но у Кэ Мо были слишком весомые причины для ненависти к советнику, к тому же девушка даже не пыталась увернуться, хотя, очевидно, могла. Кэ Мо, бросая девушку из стороны в сторону, словно тряпичную куклу, в гневе воскликнул:

— Где же твои скорпионовые змеи? Давай, прикажи им покусать меня! Скорее, освободи и меня от страданий!

Советник меланхолично проговорила:

— Кэ Мо, мои змеи больше не слушают меня.

— Почему же они не покусали тебя до смерти?! — с презрением крикнул Кэ Мо.

Советник понизила голос:

— Прости.

— Ты правда настолько нас ненавидела?

Советник покачала головой. Кэ Мо же взъярился ещё сильнее.

— Ты решила окончательно меня разозлить! Раз в тебе не было ненависти к нам, почему ты нас предала?! Ты, бесстыжая изменница, подлая, продажная дрянь!

Фу Яо при виде драки, которая становилась всё ожесточённее, но при этом побои наносили только одной стороне, хмуро спросил:

— Эй, о чём это они? Может, стоит их разнять?

Се Лянь тоже не мог больше смотреть на это. Он подбежал и схватил Кэ Мо со словами:

— Генерал! Генерал! Может быть, вы расскажете, кто был тем человеком из государства Юньань, с которым она спелась, и мы...

Внезапно советник сама схватила запястье принца.

Движение было неожиданным, пальцы сжались крепкими клещами. Се Лянь вначале с тяжестью в сердце заподозрил, что она решила напасть, воспользовавшись удобным моментом, но когда опустил глаза, то увидел, что девушка с посиневшими уголками рта лежит на земле, подняв на него взгляд. Она ничего не говорила, только в её чёрных как вороново крыло глазах разливалась жаркая, почти обжигающая надежда.

Этот образ в момент соединился с другим, маленьким и хрупким, из далёкого-далёкого прошлого. У Се Ляня с губ сорвалось:

— Ты?

Советник тоже произнесла:

— Генерал Хуа^[46]?

Услышав подобный обмен репликами, все находящиеся на дне Ямы застыли от неожиданности. Фу Яо тут же выбежал вперёд, одним ударом отправил Кэ Мо в забытие и спросил:

— Вы знакомы?

Се Ляню, однако, было не до ответа. Он присел, схватил девчонку за плечи и стал внимательно рассматривать её лицо.

Вначале он увидел её лишь издали, поэтому не смог разглядеть отчётливо. К тому же облик повзрослевшей девушки значительно изменился, да и целых двести лет прошло. По этим и иным различным причинам принц не узнал девушку сразу. Но теперь, рассмотрев её вблизи, он понял — это лицо действительно было тем самым, из его памяти!

Се Лянь долго не мог ничего сказать, но спустя какое-то время, наконец, проговорил:

— Бань Юэ?

Девушка, внезапно разволновавшись, сразу схватила его за рукав и ответила:

— Это я! Генерал Хуа, вы меня помните?

— Конечно, я помню тебя. Но... — Се Лянь ещё раз внимательно посмотрел на девушку и добавил: — ...но что же с тобой стало?

Глаза советника внезапно наполнились болью. Она тихо произнесла:

— Простите, старший командир... Я всё испортила.

Она звала его то генералом, то старшим командиром, и остальным не составило труда догадаться об истине.

Фу Яо с лёгким изумлением спросил:

— Командир? Генерал? Ты? Но как это возможно?! Значит, та могила...?

Се Лянь кивнул.

— Моя.

— Ты же сказал, что двести лет назад собирал здесь мусор?!

— Ну... это долгая история, за пару слов не расскажешь. Вначале я именно этим и собирался заниматься.

Выяснилось, что двести лет назад наступил момент, когда Се Лянь по некоторым причинам не мог больше оставаться на востоке и решил убраться оттуда подальше, перейти хребет Циньлин и отправиться на юг в поиске новых благодатных земель для сбора рухляди. Поэтому он вооружился компасом и отправился в дорогу.

Однако в пути он всё чаще задавался вопросом: почему же пейзаж вокруг совершенно не такой, как ожидалось? Очевидно, что его должны окружать зелёные заросли и густонаселённые города. Почему же чем дальше, тем более пустынной становилась местность?

Но подозрения оставались лишь подозрениями, и принц продолжал неустанно продвигаться вперёд, шёл, шёл, пока не добрался до пустыни. А когда порыв ветра набил ему полный рот песка, только тут Се Лянь понял, что его компас давно сломался.

И направление, которое он показывал, — неверное!

Ничего не поделаешь, даже если направление неверное, всё же принц подумал: «Раз уж я пришёл, неплохо будет хотя бы

полюбоваться пейзажами бескрайней пустыни», — и продолжил идти вперёд, только временно сменил направление на северо-запад. А когда наконец добрался до границы, оказался недалеко от государства Баньюэ, где и обосновался.

— Вначале я на самом деле всего лишь собирал в округе мусор и всяческую рухлядь. Но на границе возникали столкновения, солдаты часто дезертировали из войска, и тогда, чтобы заполнить недостачу, хватали всех подряд.

Сань Лан спросил:

— И тебя призвали на войну против твоей воли?

— Да, призвали. Но мне было безразлично, кем трудиться, солдатом — так солдатом. Впоследствии я несколько раз участвовал в сражениях с разбойниками, и как-то вышло, что меня повысили до старшего командира. Ну а те, кто относился ко мне с уважением, называли меня генералом.

Фу Яо поинтересовался:

— Но почему она назвала тебя генералом Хуа? Это ведь не твоя фамилия.

Се Лянь помахал рукой и объяснил:

— Не обращай внимания, тогда я просто назвался именем, которое пришло в голову. Кажется, меня звали Хуа Се^[47].

Выражение лица Сань Лана при звуках имени слегка изменилось, уголок губ как будто едва заметно приподнялся. Се Лянь, не замечая этого, продолжал рассказ:

— На пограничных территориях вспыхивало множество войн, и потому оставалось много сирот. На досуге я иногда играл с ними. И среди них была девочка... по имени Бань Юэ.

Во время стычек с разбойниками Се Лянь был самым отважным воином, никто не смел вставать у него на пути, даже стоять с ним рядом. Но когда сражение заканчивалось, кажется, кто угодно мог пользоваться его добротой.

Однажды принц развёл огонь у оборонительной песчаной стены и сварил поесть в собственном шлеме. Аромат приготовленной пищи распространился вокруг, и рассерженные воины пинком перевернули варево на землю. Удручённый Се Лянь пошёл подобрать свой шлем, но, обернувшись в ту сторону, увидел нечёсаного, неумытого ребёнка, который сидел за его спиной и ел то, что размазалось по земле,

совершенно не боясь обжечь руки. Принц сначала удивлённо замер, затем закричал:

— Нет! Пстой, эй, дружок!

Как и следовало ожидать, ребёнок, оказавшийся девочкой, в один присест закинув в рот несколько горстей того, что подобрал с земли, стал плевать и горестно зарыдал. Се Лянь от испуга схватил девочку, перевернул и начал трясти, пока с большим трудом не заставил её выплюнуть всё, что та успела проглотить. Закончив, он присел на землю, стёр пот со лба и произнёс:

— Ну как, ты в порядке? Уж прости меня, только не рассказывай ничего своим родителям и в следующий раз не ешь то, что упало на землю... Пстой, что ты делаешь?

Девочка с глазами, полными слёз, снова стала подбирать еду с земли, очевидно, всё ещё собиралась это съесть. Се Лянь, схватив девочку снова, заметил, что живот у неё скоро просто-напросто прилипнет к спине.

Проголодавшись до такой степени, человек может съесть всё, что угодно. Даже рыдая и давась от омерзения, всё равно будет есть.

Се Ляню ничего другого не оставалось, как отдать ей свои последние съестные припасы. Впоследствии он часто видел эту девочку, подглядывающую за ним из-за какого-нибудь тёмного угла.

В его памяти девочка по имени Бань Юэ всегда была очень весёлым ребёнком, только тело и лицо часто покрывали синяки. Увидев принца, она хваталась за полы его одежд и в нетерпении смотрела на Се Ляня снизу вверх. Дети народа Баньюэ прогоняли её от себя. Кроме Се Ляня ещё только один юноша, живущий в пограничной местности государства Юньань, иногда заботился о девочке. Поэтому она целыми днями крутилась вокруг них двоих.

Она крайне редко разговаривала, но умела говорить на языке Центральной равнины, поэтому Се Лянь никак не мог понять, в каком государстве родилась девочка. Как бы то ни было, он видел, что никому нет дела до слоняющегося где попало ребёнка, и потому позволял ей ходить за ним. Иногда выдавалась свободная минутка, и принц учил её петь, бороться, показывал трюки с разбиванием камня на груди и всячески развлекал. Отношения между ними можно было назвать неплохими.

Се Лянь добавил:

— Я раньше полагал, что «Баньюэ» из титула «советника Баньюэ» указывает на государство, но не представлял, что имя советника действительно звучит Бань Юэ.

Фу Яо:

— Что было потом?

— Потом... всё происходило почти так, как написано на той надгробной плите в пещере с могилой генерала.

Помолчав немного, Сань Лан произнёс:

— На плите сказано, что ты умер.

Вспомнив о той плите, Се Лянь и сам почувствовал себя весьма скверно.

Ведь обычно надписи на надгробных изваяниях воспевали подвиги и прославляли добродетели умершего, всячески приукрашая его деяния. Пускай там написали вещи, подобные постоянному понижению в ранге, но как можно было вот так без прикрас описать столь позорную смерть???

Когда они спасались от песчаной бури в пещере, добравшись до того момента на надгробной плите, принц просто не мог смотреть на эти строки. И если бы Сань Лан не понимал языка Баньюэ и не читал вместе с ним, Се Лянь притворился бы, что на камне нет отрывка о смерти. Даже он сам, увидев написанное, едва не прыснул со смеху, разве можно обвинять в этом других людей? Они оказались на его могиле, скрываясь от бури, а узнав смысл надписей на каменной плите, с ног до головы раскритиковали его жизнь, а потом посмеялись над смертью. При этом принцу было крайне неудобно просить их не смеяться, поэтому Се Лянь и почувствовал себя столь безрадостно.

Ощущая, что скоро сотрёт лоб до красноты, принц ответил:

— Ах, это... Конечно, я не умер. Просто притворился мёртвым.

Фу Яо не мог поверить своим ушам.

Се Лянь принялся объяснять:

— Придавленный множеством ног, я просто не мог подняться, поэтому ничего не оставалось, как прикинуться трупом.

По правде говоря, Се Лянь и сам не помнил, как именно «умер». Не помнил даже, по какому поводу случилось то столкновение армий. В памяти сохранилось только, что причина была настолько бессмысленной и глупой, что ему совершенно не хотелось сражаться. Но тогда его уже понизили в ранге так, что ниже некуда, и никто его не

слушал. Покуда стороны бились до красноты в глазах, Се Лянь выбежал вперёд, а остальные, увидев его, почему-то с криками направили на него оружие.

Фу Яо задал ещё вопрос:

— Наверняка ты настолько всем надоел вклиниваться посередине, что навлек на себя ненависть обеих сторон! Иначе с какой стати остальные набросились бы на тебя с оружием, едва заприметив? Кроме того, раз уж ты знал, насколько тебя все ненавидят, почему не избежал стычки со стольким количеством недоброжелателей? Зачем выбежал вперёд? Ты ведь наверняка мог спастись, если бы захотел.

— Но я и правда не помню этого!

Несмотря на то, что принца нельзя было забить до смерти, всё же стерпеть происходящее с ним на поле битвы он не мог, поэтому в тот момент про себя подумал: «Так не пойдёт!»

Приняв мгновенное решение, принц повалился на землю и притворился мёртвым, после чего его затоптали множеством ног, до такой степени, что он потерял сознание. Пришёл принц в себя, задыхаясь от воды, попавшей в лёгкие, ведь после битвы трупы уносили с поля боя и сбрасывали в реку. Так Се Лянь и поплыл по реке, словно куча мусора. Течением его унесло в государство Юньань, а спустя три-четыре года принц наконец залечил полученные раны, взял компас, на этот раз исправный, и снова отправился в путь. В конце концов ему удалось добраться до первоначальной цели путешествия — южных земель. О том, что случилось в государстве Баньюэ, Се Лянь благополучно позабыл.

— Простите, — снова прошептала Бань Юэ.

— Почему она всё время просит у тебя прощения? — хмуро спросил Фу Яо.

Сань Лан внезапно вмешался:

— Кэ Мо поведал нам, что советник Баньюэ направилась к Центральной равнине после некоего вооружённого столкновения. Это столкновение как-то связано с тобой?

Стоило юноше напомнить, в памяти Се Ляня вновь появилось содержание надписей на каменной плите. Лишь после этого он смутно начал вспоминать что-то.

— А, кажется...

Бань Юэ опередила с ответом:

— Он спасал меня.

Все остальные воззрились на девушку, которая тихо произнесла:
— Генерал Хуа был растоптан в лепёшку, потому что спасал меня.
Повисло неловкое молчание.

Се Лянь немедленно вспомнил то самое ощущение, когда по тебе топчутся сотни, а то и тысячи ног, и не удержался от того, чтобы обнять себя за плечи. Двое других слушателей с трудноописуемым выражением уставились на него, так что принцу пришлось прервать их домыслы:

— Вовсе не в лепёшку, ну правда, меня не расплющило!

Фу Яо, явно чем-то недовольный, саркастически произнёс:

— О, истинный герой, пожертвовавший собой ради ближнего.

Се Лянь махнул рукой.

— Я не заслуживаю таких похвал. Кажется, я просто хотел по пути подхватить ребёнка и унести подальше, но не успел скрыться. Только обернулся, как армии сошлись в бою...

— Если всё так и было, почему ты даже этого не запомнил?

— Не забывай, сколько мне лет — уже несколько сотен. За год может произойти столько всего, а за десять лет человек меняется полностью, не говоря уже о таком огромном отрезке времени! Просто невозможно помнить каждую мелочь. К тому же многие вещи лучше забыть без остатка. Вместо того чтобы запоминать, как меня пару сотен лет назад ранили сотней мечей и растоптали сотней ног, я лучше запомню, как вчера съел вкуснейший мясной пирожок.

Бань Юэ вновь проговорила:

— Простите.

Се Лянь со вздохом обратился к ней:

— Ох, Бань Юэ. Спасение тебя — мой собственный выбор, ты не виновата. Если хочешь получить прощение, возможно, тебе следует попросить его у кого-то другого.

Бань Юэ замерла, опустила голову и замолчала.

Се Лянь добавил:

— И всё же... возможно, мои воспоминания о тебе замерли тогда, двести лет назад, потому что мне всегда казалось, что ты никогда не стала бы замышлять месть или предавать кого-то, не таким ребёнком ты была... Не хочешь рассказать мне, что же всё-таки произошло? Почему ты открыла городские ворота?

Бань Юэ, подумав немного, покачала головой, сохранив молчание.

— Тогда... почему ты выпускаешь змей и приказываешь им кусать людей?

На этот раз Бань Юэ ответила:

— Это не я их выпускаю.

— Что? — удивился Се Лянь.

Бань Юэ повторила:

— Это не я их выпускаю. Они сами уползают. Не знаю почему, но змеи перестали слушаться меня.

Фу Яо всем своим видом выразил недоверие, а Бань Юэ добавила:

— Генерал Хуа, я не лгу.

Се Лянь ещё ничего не успел сказать, когда Фу Яо бесцеремонно вмешался:

— Кто же станет говорить обратное, будучи пойманным? Даже если ты скажешь, что сделала это не нарочно, твои слова не возымеют действия. Подобных отговорок я наслушался. Все те, кто проходил через Крепость Баньюэ, были укушены твоими змеями. Протягивай руки, отправляешься со мной.

Бань Юэ замолчала и в самом деле вытянула руки.

Фу Яо встряхнул рукавом, выбрасывая из него божественную верёвку, и связал обоих — Бань Юэ и Кэ Мо, после чего произнёс:

— Ну вот, цель похода достигнута. Можно объявлять его завершённым!

Внезапно рядом раздался голос Сань Лана:

— У неё нет причин лгать.

Се Ляню тоже казалось, что необходимо разобраться ещё кое в чём. Он обратился к Бань Юэ:

— Так значит, ты сейчас совершенно не можешь управлять скорпионовыми змеями?

— Могу, и чаще всего они слушаются, но иногда выходят из-под контроля. И я не знаю, почему.

— Не могла бы ты прямо сейчас призвать змей, чтобы мы убедились в этом?

Бань Юэ, которая до недавнего времени стояла перед ним на коленях, теперь наконец поднялась и согласно кивнула. Вскоре из-под трупа неподалёку выползла фиолетово-красная скорпионовая змея. Подняв голову, она свернулась на горе трупов, беззвучно выплёвывая язык в сторону людей. Се Лянь собирался рассмотреть змею

повнимательнее, но тут Бань Юэ округлила глаза, на лице её отразилось сомнение. Увидев это, Се Лянь с тяжёлым сердцем подумал: «Что-то не так».

И в самом деле, высунув язык ещё раз, змея вдруг раскрыла пасть и выпущенной стрелой набросилась на принца!

Атака змеи оказалась внезапной, но Се Лянь был готов к этому. Он всё прекрасно увидел и уже протянул руку, чтобы схватить змею, но не успел даже коснуться твари. Раздался хлопок, как будто что-то взорвалось. Приглядевшись, принц увидел, что змея беспомощно лежит на земле, превратившись в кровавый цветок. Более того, взорвалась змея так аккуратно, что ни капли яда не выплеснулось наружу.

Се Лянь немедленно вспомнил, что перед их отправкой в государство Баньюэ ещё одна змея была убита точно так же. Без слов было понятно, кто это совершил. Но не успел принц поднять взгляд на Сань Лана, как перед ним возникли красные одежды, отделившие его от Бань Юэ, закрывшие принца собой. Фу Яо же холодным тоном заключил:

— Вот видишь, она тебя обманывает. Думала, твоя змея сможет ужалить его в подобных обстоятельствах? Глупо.

Бань Юэ, увидев змею, уже сделалась чернее тучи, а теперь резко вскинула голову и возразила:

— Это не я. Я же сказала, что некоторые змеи не слушаются меня, и это была одна из таких.

Фу Яо не поверил ни единому слову.

— Кто может знать наверняка, послушала она тебя или не послушала?

Бань Юэ угрюмо стояла на своём:

— Это вовсе не я призвала её.

Се Лянь хотел было вмешаться, но тут увидел, как из-под трупов выползли ещё две змеи, выплёвывая языки в их сторону, подобно воинам, бряцающим оружием. Следом показалась третья, четвёртая, пятая... Из всех углов нагромождения трупов выползло бессчётное множество скорпионовых змей!

Все уставились на Бань Юэ, которая опять упала на колени. Фу Яо зажёл на ладони шар белого света и направил его на девушку.

— Прикажи им отступить, ведь не может быть, чтобы ни одна из них не послушалась тебя.

Бань Юэ сомкнула брови, словно задумалась над способом изгнания змей. Однако твари всё прибывали, нескончаемой волной приближаясь к ним. И даже если одна или две змеи не смогут их ужалить, всё же нельзя с уверенностью сказать, что это не удастся сделать нескольким сотням, нескольким тысячам змей. Даже если их не убьют, всё же итог будет не слишком приятным. Се Лянь вскинул руку, чтобы привести в действие Жое, но тут осознал, что змеи остановились в нескольких чи от них, словно замешкались, образуя странное кольцо, в которое попались жертвы.

Се Ляня внезапно осенило. Подняв голову, он бросил взгляд на Сань Лана, который сверху вниз смотрел на змей вокруг. В глазах юноши не отражалось ничего, кроме презрения; скорпионовые змеи, казалось, понимали его взгляд, и потому не решались подбираться ближе. Твари даже отступили немного, при этом опуская головы, склоняя хищные пасти к земле, всем своим видом выражая покорность.

Но при этом какая-то иная владеющая ими сила не позволяла змеям прекратить атаку и уйти. Поэтому они, опустив головы, направились к Фу Яо. Тот взмахнул рукой — из рукава вырвалось пламя, которое выжгло целый круг змей, заставив тварей отступить ещё дальше.

Но даже так им долго не продержаться. Се Лянь предложил:

— Давайте сначала выберемся отсюда, потом всё обсудим.

Услышав приказ, Жое со свистом слетела с запястья принца и направилась вверх. Вот только вскоре она вернулась назад с таким же свистом. Се Лянь на мгновение остолбенел и обратился к белой ленте, намотавшейся обратно:

— Почему ты вернулась? Поле уже снято, тебе ничто не мешает, давай же, скорее.

Жое на его запястье мелко дрожала, словно повстречалась наверху с чем-то ужасным. Се Лянь всё ещё пытался успокоить ленту и уговорить попробовать снова, но тут сверху свалилось что-то длинное, с хлопком опустившись на плечо Фу Яо. Тот без раздумий схватил упавший предмет и обомлел, в вытянутой руке оказалась скорпионовая змея!

Фу Яо не был готов к такому повороту. Укушенный змеёй, он резко выбросил тварь в лицо Бань Юэ. Девушка инстинктивно вскинула связанные руки и всё-таки схватила змею. Фиолетово-красная тварь обвила её бледное запястье, при этом совершенно не собираясь атаковать.

Неожиданно снова раздался хлопок: на землю упала вторая змея!

Се Лянь догадался, почему Жое отказалась подняться. Запрокинув голову, в тусклом свете луны принц с трудом увидел такую картину: несколько сотен фиолетово-красных точек летели вниз с краёв Ямы Грешников.

Дождь из змей!

И очень скоро эти точки должны были приблизиться к ним. Се Лянь воскликнул:

— Фу Яо! Огонь! Чтобы расправиться с ними разом ещё в воздухе, нужна стена пламени!

Фу Яо прокусил ладонь, взмахнул рукой — и в воздух каскадом взметнулись крупные капли крови. Обернувшись пылающей огненной стеной, они молниеносно устремились вверх. Стена пламени, поднявшись на несколько десятков чжанов, зависла в воздухе горящим заслоном, столкнувшись с которым, скорпионовые змеи мгновенно сгорали в пепел. Пламя перекрыло змеиному дождю путь вниз.

Се Лянь, увидев, что опасность временно миновала, произнёс:

— Отлично! Фу Яо, мы все тебе обязаны.

Подобное магическое искусство требовало немалых затрат духовной силы, после его применения даже лицо Фу Яо немного позеленело. Обернувшись, он снова выжег круг на земле, заставляя змей отступить, и обратился к Бань Юэ:

— Ты и теперь скажешь, что они не слушают тебя? Если не ты отдаёшь змеям приказы, почему они тебя не кусают?

— Возможно, тебе просто не везёт? Ведь змеи и нас не кусают, — с улыбкой заметил Сань Лан.

Фу Яо развернулся и смерил яростным взглядом их обоих. Се Ляня посетило нехорошее предчувствие, но поскольку в душе он как раз распутывал логическую цепочку, с объяснениями принц запаздывал. Не желая смотреть на драку между ними, он произнёс:

— Для начала нужно понять, что не так с этими змеями. Давайте выбираться.

Фу Яо с холодной усмешкой проговорил:

— Что не так со змеями? Либо советник Баньюэ нагло лжёт, либо вся эта ерунда — дело рук того, кто стоит рядом с тобой!

Се Лянь посмотрел сначала на Бань Юэ, затем на Сань Лана и заключил:

— Я пришёл к выводу, что они ни при чём.

Голос принца звучал пусть и мягко, но всё же уверенно. Такой вывод он сделал после некоторых размышлений, но Фу Яо наверняка решил, что Се Лянь просто выгораживает обоих. Черты его лица, озарённые пламенем, сделались исключительно резкими, так что не представлялось возможным определить, разгневан он или улыбается. Юноша произнёс:

— Ваше Высочество наследный принц, не прикидывайся дураком. Ведь ты всё прекрасно понял. Ещё не забыл о своём статусе? Думаю, ты давно должен был догадаться, что из себя представляет это подлое создание рядом с тобой. Не верю, что ты до сих пор ни на мгновение ничего не заподозрил!

Повелитель Ветров в белых одеждах. Песчаная буря на ровном месте

Се Лянь как бы невзначай шагнул вперёд, тем самым оказавшись перед Сань Ланом, и ответил:

— О своем статусе я осведомлён лучше остальных.

— Тогда почему ты всё ещё осмеливаешься стоять с ним рядом?

Се Лянь честно ответил:

— Потому... что пока я рядом с ним, змеи меня не покусают.

Услышав ответ, Сань Лан так и прыснул со смеху. Лицо Фу Яо сделалось ещё темнее, он прошипел:

— Ах ты...

Потом ещё темнее, и ещё, как вдруг и вовсе стало сплошного чёрного цвета. И не только лицо Фу Яо, а вообще всё перед глазами Се Ляня окрасилось чёрным.

Это случилось потому, что стена огня, которую пару мгновений назад сотворил Фу Яо, а также огненный шар, который он зажёл, чтобы озарить дно Ямы, без какого-либо предупреждения погасли!

Во тьме Се Лянь уловил, как хохотнул Сань Лан. Затем юноша бросил:

— Никчёмное создание! — и принц ощутил, как его притянули за плечи. После Се Лянь услышал над ними частый и яростный стук, словно капли сильного ливня били по поверхности зонта.

Разумеется, это бешеным потоком вниз полетели фиолетово-красные змеи, которых теперь ничто не сдерживало. Но над принцем оказался раскрыт зонт, который уберёт его от дождя из змей!

Се Лянь услышал сильный запах крови и уже собрался действовать, как Сань Лан обратился к нему:

— Не двигайся. Эти твари не настолько слепы, чтобы осмелиться приблизиться.

Голос юноши звучал уверенно. Первая фраза казалась тихой и мягкой, во второй же прибавилась малая толика высокомерия. Се Лянь вначале и не думал волноваться, но потом услышал со стороны Фу Яо гневный рёв: по всей видимости, беднягу оросило змеиным дождём с головы до ног. Принц позвал:

— Сань Лан!

Сань Лан ответил без промедления:

— Нет необходимости.

Се Лянь, сам не зная, как реагировать, произнёс:

— Как ты узнал, что я хотел сказать?

— Просто не волнуйся ни о чём. Он же не умрёт.

Внезапно где-то в стороне от них раздался крик:

— Бань Юэ! Хочешь моей смерти, так прикажи им скорее укусить меня и избавить от страданий! Так ведь никуда не годится!

Бань Юэ ответила:

— Это не я!

По всей видимости, Кэ Мо пришёл в себя и обнаружил, что плывёт в потоке бесчисленных скользких тварей. Поэтому наверняка решил, что это дело рук Бань Юэ. Се Лянь воскликнул:

— Фу Яо, ты можешь снова зажечь огонь? Сотвори ещё сгусток пламени!

Фу Яо сквозь сжатые зубы простонал:

— Это создание рядом с тобой подавляет мою магическую силу, он не даёт мне зажечь огонь!

Сердце Се Ляня ухнуло вниз, однако Сань Лан возразил:

— Я этого не делал.

Се Лянь заверил:

— Я знаю, что это не ты. Но это как раз и странно. Бань Юэ и Кэ Мо скованы божественной верёвкой, они не в силах применить магию. Я истратил магические силы без остатка. И если ты не воздействовал на него, это может означать лишь одно — на дне Ямы находится кто-то шестой!

Фу Яо воскликнул:

— У тебя рассудок совсем помутился! Откуда здесь кто-то шестой, больше ведь никто не спускался сюда!

Неожиданно послышался возглас Бань Юэ:

— Кто это?!

Се Лянь позвал:

— Бань Юэ, что с тобой? К тебе кто-то приблизился?

— Кто-то... — на этой фразе голос девушки затих.

— Бань Юэ?!

Фу Яо всё ещё пытался отбиться от падающих змей, поэтому в непроглядной тьме то и дело вспыхивали и пропадали белые сгустки света. Он крикнул:

— Берегись, она использует эту уловку, чтобы подобраться к тебе!

Се Лянь возразил:

— Может и нет. Нужно её спасти!

Принц хотел было ворваться в стену дождя из змей, но тут Сань Лан произнёс где-то над ухом:

— Хорошо!

Се Лянь только и успел понять, что Сань Лан покрепче обнял его за плечи, а в следующий миг вместе с ним стремительно ринулся вперёд. Принц внезапно осознал — юноша, в одной руке сжимая зонт, другой прижимая к себе его самого, пошёл в наступление. В темноте сверкнула серебристая вспышка, раздался мелодичный звон, как вдруг слух резануло пронзительным лязгом двух клинков, столкнувшихся друг с другом. Сань Лан, сперва удивлённо вздохнув «Оу?», добавил:

— А здесь и впрямь есть кое-кто ещё. Забавно.

Неизвестно, каким образом и каким оружием он управлял, но в данный момент это самое оружие вступило в бой с кем-то лицом к лицу!

Противник не проронил ни звука, но Се Лянь услышал свист воздуха, рассекаемого острым клинком: по всей видимости, их снова атаковали. Время от времени во тьме мерцали искры, которые в

следующий же миг исчезали, не позволяя разглядеть лица того, кто сражался против них. Се Лянь, внимательно прислушиваясь к звукам битвы, громко спросил:

— Бань Юэ, ты всё ещё в сознании? Можешь откликнуться?

Никто не ответил на зов. Фу Яо вставил:

— Возможно, она и есть тот незнакомец, с которым вы сражаетесь!

— Нет, это не может быть Бань Юэ!

Сражаясь точно в такой же темноте с Кэ Мо, Сань Лан двигался легко и непринуждённо, словно играл с ним. Теперь же он стал немного серьезнее. Боевые навыки противника оказались поразительны, он весьма мастерски обращался с оружием, а Бань Юэ была худенькой и хрупкой. При одном только взгляде на её руки становилось ясно — применение физической силы и владение оружием не являлось её главным преимуществом, поэтому противником Сань Лана не могла быть она. Но тогда кто этот неизвестный? И в какой момент он очутился здесь?!

Фу Яо произнёс:

— Эта девушка, что предала собственное государство, ничем не лучше генеральши Сюань Цзи. С какой стати ты вдруг стал ей доверять?

Се Лянь бросил в ответ:

— Фу Яо, не мог бы ты умерить немного свой пыл? Тебе...
Постой, что ты сказал?

Фу Яо, отбросив от себя ещё клубок скорпионовых змей, повторил:

— Я спрашиваю, с какой стати ты вдруг стал ей доверять? Равно как и тому созданию рядом с тобой!

Се Лянь прервал его:

— Нет, я не о том... ты упомянул Сюань Цзи. Ты ведь её упомянул, верно?!

— И что с того?! Она ведь здесь совершенно ни при чём!

Се Лянь задержал дыхание, а через миг раздался его голос:

— Довольно сражений! Нет нужды больше прятаться. Я знаю, кто ты!

Однако лязг оружия ни на мгновение не стих, противник остался безучастен к словам принца. Се Лянь, впрочем, не спешил. Он

произнёс:

— Ты думаешь, я хочу обмануть тебя, говоря, что знаю, кто ты? Младший генерал Пэй?

— С кем ты разговариваешь? — поразился Фу Яо. — Младший генерал Пэй? Да ты, никак, умом тронулся. В каком статусе находится младший генерал Пэй! Стоит ему спуститься в мир людей, об этом узнают все!

Се Лянь ответил:

— Ты верно говоришь. Но что если здесь находится не его истинное воплощение?

Звон холодного оружия в темноте на миг затих, но тут же возобновился.

Се Лянь произнёс:

— Я слишком поздно заметил. На самом деле, я должен был догадаться с самого начала. Я знал, что в последние двести лет в Крепости Баньюэ непрерывно бесчинствует неизвестная сущность. При этом ни один небожитель ни разу не пытался разобраться в проблеме, никто даже не желал об этом упоминать. А значит, наверняка кто-то, кого все остальные опасаются разгневать, пытался таким образом что-то скрыть. Но поскольку я пока не слишком хорошо знаком с нынешним пантеоном Верхних Небес, я не решился строить беспочвенные догадки, просто не хватило смелости предположить, кто же может быть этим небожителем.

И лишь Фу Яо, упомянув демонессу Сюань Цзи, напомнил принцу одну вещь.

Вспомнив о Сюань Цзи, невозможно было не подумать о двух генералах под фамильным знаком Пэй, что владеют северными территориями. А Фу Яо как-то обмолвился, что вознесению младшего генерала Пэя предшествовало одно событие: истребление города.

Какой же город он истребил?

Вполне возможно, что именно древний город государства Баньюэ!

Подобные случаи не считались редкостью для небожителей Верхних Небес. Кому удавалось стать героем, не пролив ни капли крови? И всё же, поскольку истребление города — поступок не слишком благочестивый, распространение слухов о нём в народе неизбежно негативно скажется на привлечении новых последователей. Поэтому небожители после вознесения предпочитали скрыть или же

приукрасить подобное деяние. И хотя остальным небожителям всё было известно, никто не желал вникать в подробности. Ведь если между ними нет непримиримой вражды или желания напакостить другому, зачем копаться в чужом прошлом и навлекать на себя гнев покровителя, который стоит за спиной небожителя, вознесшегося таким образом?

Се Лянь медленно проговорил:

— Лицо в земле обмолвилось, что среди нас есть тот, кого оно видело около пяти-шести десятков лет тому назад. Я усомнился в его словах, поскольку считал, что так оно пыталось приманить нас поближе. Но, возможно, оно действительно говорило правду. Ранее, когда мы были все вместе, я больше всего подозревал именно тебя. Караван шёл за тобой, и ты мог привести их куда угодно; прожив несколько лет в государстве Баньюэ, я ни разу не встречал скорпионовых змей, а вы, всего лишь отыскав место, чтобы спрятаться от песчаной бури, весьма удачно наткнулись на этих редких ядовитых тварей. Затем, когда я попросил тебя отправиться с нами на поиски травы шань-юэ, перед отправкой ты намеренно указал остальным путь, объяснил, как добраться до древнего города Баньюэ, чтобы торговцы, не дождавшись нас, могли сами двинуться в дорогу. Только что, на краю Ямы Грешников, я весьма ясно выразился, сказав, что в случае чего пойду первым. Но ты, всё время до этого сохранявший спокойствие, внезапно спрыгнул вниз, вне всякого сомнения, отправившись на верную смерть. — Помолчав, Се Лянь добавил: — Ты вёл себя столь странно, всюду допуская шаги, лишённые логики, а я всё равно лишь сейчас понял, кто ты. Весьма несвоевременно, не находишь? Младший генерал Пэй, или мне следует называть тебя нынешним именем — А Чжао!

Все звуки внезапно прекратились, воцарилась мёртвая тишина. Лишь спустя какое-то время раздался холодный голос:

— А не думал ли ты, что лицо в земле, возможно, говорило о юноше в красном, что пришёл с тобой?

На дне Ямы Грешников внезапно разгорелась яркая вспышка пламени. Свет её озарил две кроваво-красных фигуры, стоящих друг напротив друга.

Одной фигурой был Сань Лан в красных одеждах, который уже успел убрать оружие и просто спокойно стоял на месте; другой

фигурой оказался юноша в простой холщовой рубахе, который всё ещё держал перед собой меч, не собираясь его опускать.

Молодой человек с ног до головы был покрыт кровью, так что казалось, что он тоже одет в красное. Лицо его выглядело холодным и мрачным, на плече висело чьё-то тело. Это действительно был юноша по имени А Чжао.

В самом деле, выражения лиц обоих — младшего генерала Пэя в истинном воплощении и юноши А Чжао — выглядели безразличными ко всему, без каких-либо эмоций, хладнокровными сверх меры. Но Се Лянь вовсе не поэтому связал этих двоих воедино.

На его плече висела Бань Юэ. Наверняка он натравил на них змей, чтобы воспользоваться всеобщим замешательством и забрать девушку. Но теперь, когда личность его раскрылась, не было нужды в создании излишнего беспорядка. Поэтому змеи, ползающие по земле и падающие с неба, перестали зверствовать. А Чжао одной рукой убрал меч, а другой положил Бань Юэ на землю.

Кэ Мо, ничего не понимая, произнёс:

— Ты кто такой? Ты же умер, свалившись в Яму?

А Чжао не удостоил Кэ Мо даже взглядом, по-прежнему не отводя глаз от Сань Лана. Только бросил ему на языке Баньюэ:

— Кэ Мо, ты в самом деле нисколько не изменился даже спустя несколько сотен лет.

Этот голос, такой ровный и спокойный, что безмерно раздражал слушателя, был настолько хорошо знаком Кэ Мо, что на его смуглом лице моментально вспыхнул затмевающий всё остальное гнев.

— ...Ты!!! Пэй Су?!

Если бы Кэ Мо не сдерживала божественная верёвка, он бы точно набросился на юношу, не боясь погибнуть.

Се Лянь произнёс:

— Младший генерал Пэй, скорпионовые змеи слушают приказы не только одного хозяина. Те змеи, что по словам Бань Юэ перестали повиноваться ей и отправились охотиться на людей, находятся под твоим контролем, верно?

Пэй Су признал это довольно искренне:

— Да. Под моим.

— Бань Юэ научила тебя, как отдавать приказы змеям?

— Нет. Я прекрасно обучился этому сам, глядя на то, как она ими управляет.

— Младший генерал Пэй, ты действительно умён сверх меры. — Помолчав, принц добавил: — Когда вы познакомились? И как это произошло?

Пэй Су вместо ответа посмотрел на Се Ляня и произнёс:

— Генерал Хуа.

Се Лянь озадаченно спросил:

— Почему и ты обращаешься ко мне подобным образом?

Пэй Су бесстрастно ответил:

— Вы не узнали меня, Генерал Хуа?

И тут Се Лянь вспомнил.

Ранее его уже посещали воспоминания о том, что в детстве Бань Юэ не признавали другие дети народа Баньюэ, и лишь один юноша из государства Юнъань иногда заботился о девочке. Так же, как и она, тот юноша был неразговорчив. Немало детей в приграничной местности являлись отпрысками воинов, охраняющих границы, а когда вырастали, в большинстве своём тоже вступали в ряды войска. Неужели...

Се Лянь воскликнул:

— Это ты?! Ну надо же... я вспомнил лишь сейчас.

Пэй Су кивнул в ответ.

— Это я. И я тоже вспомнил вас лишь сейчас, генерал.

Не удивительно. Оказывается, Бань Юэ и предводитель вражеской армии познакомились так давно!

Се Лянь спросил:

— Это правда, что Бань Юэ открыла городские ворота по твоему указанию?

Кэ Мо сплюнул на землю и заорал:

— Развяжите верёвки, дайте мне сразиться на смерть с этим подлецом Пэй Су!

Пэй Су ледяным тоном ответил:

— Во-первых, мы уже сражались в смертельной схватке двести лет назад, и ты тогда проиграл мне; во-вторых, позволь узнать, почему ты считаешь меня подлецом?

— Если бы вы двое не сговорились нанести удар изнутри и снаружи, разве мы проиграли бы битву?!

— Кэ Мо, перестань отказываться признать очевидное. Тогда я привёл с собой лишь две тысячи, но всё же прорыв через городские ворота для меня был лишь вопросом времени.

Се Лянь, не сдержавшись, выпалил:

— Постой, под твоим командованием находилось всего-то две тысячи, и тебя отправили на битву с целым государством? О чём ты думал, это разве не поход на верную смерть? Неужели тебя среди твоего войска притесняли ещё хуже моего???

Пэй Су не ответил. Видимо, принц попал в самую точку. Се Лянь продолжил:

— Но если ты мог победить, не прилагая особых усилий, для чего тебе понадобилась помощь Бань Юэ в открытии ворот?

— Потому что я должен был истребить город.

— Что это значит? Ведь победа была близка, для чего непременно нужно было истреблять город?

— Город необходимо было уничтожить именно потому, что наша победа была близка. И кроме того, как можно скорее, моментально, никого не щадя.

Фраза «никого не щадя» прозвучала зловеще. Се Лянь спросил:

— И причиной тому?

Пэй Су начал объяснять:

— В ночь перед атакой на город вожди множества кланов народа Баньюэ созвали всеобщий сбор, на котором тайно договорились совершить кое-что.

— Что именно?

— Народ Баньюэ от природы свирепый и воинственный, к тому же они питали особую ненависть к государству Юньань. Даже зная, что вскоре их настигнет поражение, они не желали этого признавать. Всё государство Баньюэ, мужчины и женщины, стар и млад, сделали необходимые приготовления, чтобы в самые короткие сроки изготовить партию кое-какого вещества.

Се Лянь уже смутно догадывался, что это было. И когда Пэй Су буквально выплюнул это слово, догадка принца подтвердилась.

— Взрывчатки! — Пэй Су чеканил каждое слово, каждую фразу: — Они задумали, в случае падения города, снарядить каждого из мирных жителей государства Баньюэ взрывчаткой. Чтобы затем люди рассредоточились и сбежали из города, после чего проникли в

Юньань, намеренно смешались с толпой там, где людей побольше, и нашли момент для подрыва. И пускай сами они погибнут, всё же заберут с собой ещё больше жизней народа Юньань. Пускай государство их пало, они поклялись нарушить покой народа, который уничтожил их родину.

Поэтому необходимо было истребить всех разом, пока жители не успели покинуть город...

Се Лянь развернулся в сторону Кэ Мо.

— Это правда?

Кэ Мо, даже не думая отпираться, ответил:

— Правда!

Услышав ответ, Сань Лан приподнял бровь и проговорил:

— Жестоко, жестоко.

Он сказал это на языке Баньюэ, и Кэ Мо в гневе воскликнул:

— Жестоко? Какое вы имеете право называть нас жестокими?

Если бы вы первыми не напали на нас, разве мы пошли бы на столь отчаянный шаг? Вы уничтожили нас, мы жаждали мести, что здесь неправильного?!

Пэй Су возразил:

— Если это в действительности так, почему бы нам не начать подсчёт с самого начала? Сколько раз народ Баньюэ на границе затевал беспричинные сражения? Сколько караванов и путешественников из государства Юньань вы злонамеренно задержали от прохода на запад? Вы прекрасно знали, что на ваших дорогах устраиваются облавы на людей из Юньань: конные разбойники перекрывали путь, грабили и убивали невинных, а вы всё равно усердно выгораживали их. А когда государство Юньань отправило отряд, чтобы окружить и уничтожить злодеев, вы убили всех наших воинов без остатка, оправдываясь вторжением на ваши территории. Разве это не жестоко?

Говорил юноша размеренно, тон голоса был ровным, но при этом в каждом слове слышалась резкость.

Кэ Мо огрызнулся:

— Но ведь это вы первыми силой присвоили себе наши земли, поэтому мы отвечали ударом на удар.

— Граница между двумя государствами не была определена изначально. Как можно рассуждать, что кто-то присвоил земли силой?

— Обе стороны давно разделили свои владения, а вы наплевали на договорённости!

— Это лишь ваше государство признало подобное разделение, но признал ли его народ Юнъань? Что представляло из себя так называемое «разделение»? Вся пустыня достаётся нам, а все оазисы — вам. Тебе самому не смешно?

Кэ Мо гневно проревел:

— Оазисы изначально нам и принадлежали. Многие поколения предков народа Баньюэ родились и выросли в этих оазисах!

Каждый из спорящих настаивал на своём, и только слушая, как они препираются, Се Лянь ощутил, будто бы голова распухла вдвое. Стоило вспомнить день, когда двести лет назад его зажали между двумя армиями и избили до синяков и кровоподтёков, как ему показалось, что лицо снова начало болеть.

Пэй Су, прекратив обращать внимание на Кэ Мо, повернулся к Се Ляню:

— Ну вот, посмотри сам. Многие вещи в этом мире невозможно решить в споре. Остаётся только биться.

Се Лянь ответил:

— Я согласен с первой фразой.

Сань Лан же заметил:

— Я согласен со второй.

Кэ Мо, немного умерив свой гнев, вдруг сказал:

— Большинство людей Юнъань не имеют ни стыда, ни совести. А ты — самый бесстыжий из всех, кого мне доводилось встречать. Пэй Су, ты бессердечный человек. Ты убил нас вовсе не ради своего государства и даже не ради спасения своего народа.

Услышав его, Пэй Су замолчал. Кэ Мо продолжил:

— Ты, отпрыск ссыльного преступника, презираемый всеми, из кожи вон лез, чтобы выиграть ту битву лишь с одной целью — занять устойчивое положение в армии Юнъань и подниматься дальше наверх. Плачевна судьба Бань Юэ, ведь она считала тебя хорошим, а ты использовал её. Это из-за тебя она предала нас.

— Но разве младший генерал Пэй — не потомок Генерала Пэя? — спросил Се Лянь.

С покровительством столь прославленного предка не было нужды идти на подобный шаг!

Сань Лан ответил:

— Он ведь не прямой наследник генерала Пэя, а всего лишь отпрыск по невесте какой по счёту боковой ветви.

Так вот оно что. Это означало, что если бы он не вознёсся впоследствии, то и никогда не получил бы шанса добиться покровительства предка.

Пэй Су безразлично произнёс:

— Бань Юэ с самого начала была моей подчинённой. Она лишь затаилась в государстве Баньюэ по моему приказу. Будучи полукровкой, она избрала сторону, которой и осталась верна, ни о каком предательстве речи не идёт. Народ Баньюэ утаил коварный замысел. Я не сожалею о содеянном, это была заслуженная кара.

Неожиданно сверху раздался крик:

— Красивы слова о заслуженной каре! Ну а что насчёт тех путников, которых ты все эти годы заманивал в Крепость Баньюэ, и которые лишились жизни на дне этой ямы? Осмелишься ли и о них сказать, что не сожалеешь о содеянном, что они это заслужили?

Голос раздавался над головами всех присутствующих. Се Лянь немедленно посмотрел вверх и прокричал:

— С каким выдающимся мастером имею честь?

Ответа не последовало, лишь послышался странный звук. Громкий свист и вой, словно бушевал ураган. Когда звук приблизился, Се Лянь, наконец, убедился — это действительно был рёв урагана!

Мощный порыв ветра застал их врасплох и оказался столь яростным, что Се Лянь не успел понять, что происходит, когда его уже оторвало от земли и подняло в воздух!

Этот внезапно налетевший ураган сверху опустился прямо на дно Ямы Грешников, и тут же унёс с собой всех, кто там находился!

Се Лянь крепко схватился за стоявшего ближе всех Сань Лана и крикнул:

— Берегись!

Сань Лан в свою очередь схватился за него с неизменным выражением лица. Се Лянь ощутил, как перед глазами всё завертелось, и его стремительно подбросило в воздух, после чего они зависли на мгновение и начали опускаться вниз. Принц торопливо выбросил вперёд Жое, несмотря на критичность положения, мягко приговаривая:

— Ну всё, всё, уже всё закончилось, давай, милая Жое, помоги нам спастись!

Он погладил ленту несколько раз, и Жое наконец подчинилась. Однако кругом оказалось пусто, ни травинки, кроме громадной Ямы Грешников схватиться больше не за что. Жое сделала круг и беспомощно вернулась к принцу. Поэтому Се Ляню пришлось самому корректировать положение для мягкого приземления. Ранее при схожих обстоятельствах он скорее всего сверзился бы вниз головой и воткнулся в землю на три чи, но на этот раз Сань Лан мягко поддержал его, и Се Лянь уверенно ступил на землю.

Принцу это даже показалось немного невероятным, когда сапоги устойчиво коснулись земли. Однако первое потрясение вскоре ослабло — ему на смену пришло другое. Едва оказавшись на земле, принц увидел, что к ним нетвёрдой походкой приближается чья-то фигура.

Се Лянь, приглядевшись, даже немного обрадовался и воскликнул:

— Нань Фэн!

Это действительно оказался Нань Фэн. Вот только весьма потрепанный Нань Фэн. Он выглядел так, словно десяток раз извалялся в грязи, а затем его бросили переночевать в стойбище скота, где по нему ещё и потоптались. Одежда на юноше была изодрана и выглядела весьма плачевно. Услышав оклик Се Ляня, он лишь махнул принцу рукой, молча провёл ладонью по лицу, но так ничего и не сказал. Се Лянь поддержал его под руку и спросил:

— Что с тобой стряслось? Тебя что, избili те девушки?

Он не договорил, когда увидел, что за спиной Нань Фэна показались две приближающиеся к ним фигуры. Одной из них оказалась та самая заклинательница в белых одеждах с метёлкой из конского волоса в руке. Лучезарно улыбаясь, она поприветствовала Се Ляня:

— Здравствуйте, Ваше Высочество наследный принц.

Даже не будучи осведомлённым, кто перед ним, Се Лянь должен был ответить на приветствие. Принц не знал, как обращаться к собеседнице, и потому, улыбаясь так же лучезарно, помахал рукой со словами:

— Приветствую друга на тропе самосовершенствования^[48].

А спутница заклинательницы, одетая в чёрное, лишь наградила его холодным взглядом, не удостоив вниманием. Зато, поглядев на Сань Лана, она замерла, словно сочла юношу крайне подозрительным, и на пару мгновений замедлила шаг.

Порыв налетевшего ветра вынес всех, кто находился на дне Ямы, наверх. Две незнакомки, прошествовав мимо Се Ляня, направились прямо к Пэй Су. Тот, посмотрев на девушек, не выказал удивления, ведь ещё притворяясь А Чжао, Пэй Су уже видел их в городе. Он упал на колени, склонив голову перед заклинательницей в белом, и тихо произнёс:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров.

Услышав эти четыре слова, Се Лянь остолбенел.

А ведь он всё это время считал, что это неизвестно откуда взявшиеся оборотни-обольстительницы! Откуда ему было знать, что одна из женщин — небожитель Верхних Небес? Да к тому же сам Повелитель Ветров, тот самый, что одним махом разбросал сто тысяч добродетелей по всей сети духовного общения!

Однако, если всё же поразмыслить как следует, ничего странного здесь не было. Когда заклинательница в белом обронила фразу «Ну и куда же они подевались? Неужели мне придётся вылавливать и убивать их по одному?», Се Лянь подумал, что ничего хорошего эти слова им не сулят, но в действительности «они» в словах девушки могли означать совсем не путников, возможно, она имела в виду «воинов Баньюэ». Но Се Лянь, подверженный предрассудкам, в каждом слове и действии незнакомки видел злой умысел.

К небожителю, который одним движением раздаёт сто тысяч добродетелей, Се Лянь неизбежно проникся необъяснимым почтением. Принц обратился к Нань Фэну:

— Почему ты раньше не сказал мне, что это Повелитель Ветров? Я даже подозревал, что они и есть оборотни змеи и скорпиона, или что-то в этом роде. Вот ведь позор на мою голову.

Лицо Нань Фэна слегка потемнело, юноша ответил:

— А я откуда знал, что это — Повелитель Ветров? Я никогда раньше не видел такого Повелителя Ветров, ведь очевидно, что Повелитель Ветров всегда... Ох, забудь.

Се Лянь догадался, что скорее всего Повелитель Ветров набросила на себя личину, и не стал вдаваться в подробности. Вместо

этого произнёс:

— Но что привело в Крепость Баньюэ Её Превосходительство?

— Решили оказать помощь, — ответил Нань Фэн. — Прогуливаясь по городу, они искали воинов Баньюэ.

Се Лянь сразу вспомнил, что когда он в первый раз задал вопрос относительно Крепости Баньюэ в сети духовного общения, посреди неловкого молчания Повелитель Ветров вдруг даровала всем сто тысяч добродетелей, чем отвлекла внимание небожителей. Вполне возможно, именно тогда она и обратила внимание на то, о чём спрашивал Се Лянь.

И пока он размышлял об этом, Повелитель Ветров присела перед стоящим на коленях Пэй Су и произнесла:

— Сяо Пэй, я слышала всё, о чём вы говорили.

Пэй Су опустил голову. Повелитель Ветров продолжала:

— Ты признаёшь, что именно ты заманивал путников в древний город Баньюэ последние двести лет?

Будучи пойманным на месте преступления, Пэй Су не стал отрицать вину и тихо ответил:

— Это был я.

— Почему?

Помолчав, Пэй Су ответил:

— Вы ведь давно меня подозревали, Ваше Превосходительство. Разве могли вы не догадаться, почему?

— Всё потому, что эти погибшие души являлись неоспоримым доказательством, что при жизни ты запятнал руки кровью, и потому однажды могли стать препятствием твоего продвижения на ступень выше?

Пэй Су ушёл от ответа, а Се Лянь, который слушал их разговор, не выдержал и вмешался:

— Но если они так мешали тебе, почему ты просто не убил их? Почему непременно нужно было успокаивать их тёмную сущность, подкармливая души плотью живых людей? Это ведь всё равно что, желая утолить голод или жажду одного человека, кормить его кровью и плотью другого человека, разницы никакой!

Сань Лан ответил принцу:

— Он не мог.

А ведь верно. За каждым действием, каждым поступком такого небожителя как Пэй Су в чертогах Верхних Небес следят бесчисленные пары глаз. Многие вещи нельзя совершить напрямую, к примеру, нельзя было самому лично спуститься на землю и просто-напросто уничтожить все озлобленные души воинов Баньюэ, также нельзя было отправить для этой цели отряд подчинённых. Дело первоначально требовало осторожности, чтобы никто не прознал о нём, а любое слишком заметное движение могло привлечь всеобщее внимание! Самое большее — можно было незаметно послать в мир людей своего двойника, такого как А Чжао.

При помощи скорпионовых змей, с которыми легко управлялась Бань Юэ, он отравлял людей и заманивал их, отдавая на съедение озлобленным духам, чтобы их тёмная энергия рассеялась. Вне всякого сомнения, идеальный способ вершить грязные дела чужими руками.

Повелитель Ветров заметила:

— Твой генерал Пэй никогда бы не пошёл на такое. В этот раз, боюсь, ты перегнул палку.

Будучи небожителем Верхних Небес, Пэй Су послал двойника, который вершил бесчинства в Крепости Баньюэ целых двести лет, заманивал множество путников на неверный путь, чтобы они распрощались с жизнью в качестве пищи для воинов Баньюэ. Что ни говори, а подобное нельзя было назвать мелким проступком. Пэй Су, уронив голову на грудь, произнёс:

— Младший^[49] всё понял.

Повелитель Ветров взмахнула метёлкой и ответила:

— Хорошо, что ты понял. Приведи в порядок свои мысли, продолжим этот разговор наверху.

Пэй Су тихо проговорил:

— Слушаюсь.

Закончив наставления, небожительница заправила метёлку за ворот платья сзади, поднялась и вновь с улыбкой кивнула Се Ляню, сложив руки в знак почтения.

— Ваше Высочество, наслышана о вас, наслышана.

Это уже можно было считать официальным приветствием. Для Се Ляня фраза «наслышан о вас» не означала ничего хорошего. Но всё же это была лишь формальная вежливость, и принц с улыбкой произнёс:

— Ну что вы, что вы. Это я наслышан о вас, Ваше Превосходительство Повелитель Ветров.

— Прошу извинить меня за то происшествие.

— За то происшествие? Какое происшествие? — удивлённо замерев, спросил Се Лянь.

— Вы ведь попали в песчаную бурю по дороге сюда?

Се Лянь немедленно вспомнил, и даже смутно ощутил, будто на зубах всё ещё скрипит песок.

— Ах, да.

— Это я призвала ветер.

Принца признание явно удивило.

— Таким образом я намеревалась не позволить вам приблизиться к государству Баньюэ, но вопреки моим ожиданиям вас не унесло прочь, какими-то извилистыми путями вы всё же добрались сюда.

Се Ляню её слова казались всё более странными. Она подняла ветер, чтобы не дать им найти Крепость Баньюэ, а теперь появилась столь внезапно. Что всё это значило?

Принц замолчал в ожидании объяснений, не продолжая разговора. Повелитель Ветров добавила:

— Впрочем, что касается данного недоразумения, Вашему Высочеству всё же не следует больше вмешиваться в процесс его разрешения.

Се Лянь взглянул на свернувшуюся калачиком на земле Бань Юэ, и в его сердце мелькнуло нехорошее предчувствие. Он с самого начала волновался, что когда весть дойдёт до Верхних Небес, небожители по своему усмотрению где-то прибавят пару слов, где-то не договорят, перевернут все доказательства с ног на голову, и в итоге выйдет, что младший Пэй не виновен, а вместо него осудят Бань Юэ. И вот теперь, когда вмешавшаяся на середине расследования Повелитель Ветров попросила Се Ляня не лезть не в своё дело, разве мог он не заподозрить, что она лишь покрывает младшего Пэя?

Поэтому Се Лянь, без каких-либо эмоций на лице, сделал шаг вперёд и закрыл собой Бань Юэ. Затем мягко произнёс:

— Но я уже окончательно влез в это дело, и теперь советы не вмешиваться не возымеют никакого действия.

Повелитель Ветров улыбнулась и ответила:

— Вы можете быть совершенно спокойны. И можете забрать с собой советника Баньюэ.

Вот это уже выходило за рамки ожиданий Се Ляня. Он на мгновение оторопел, Повелитель Ветров же добавила:

— Что касается всего случившегося, мы только что всё слышали сверху. Несмотря на то, что советник Баньюэ достигла ранга «свирепый», мы, осматривая город, увидели, как она заперла воинов Баньюэ в своём магическом поле, затем отпустила простых смертных, которых они схватили. Она не только никому не навредила, но даже спасла чужие жизни. Мы заберём лишь младшего генерала Пэя и Кэ Мо. Не стоит волноваться, что мы повесим на кого-то чужую вину.

Се Лянь со спокойным сердцем ответил:

— Какой стыд! Я уж было выдумал невесть что.

— Ваша обеспокоенность вполне нормальна, всё же многие нравы Верхних Небес действительно оставляют желать лучшего.

Заклинательница в чёрных одеждах рядом с ней, будто не в состоянии вынести того факта, что ей придётся задержаться здесь ещё хоть на мгновение дольше, произнесла:

— Вы договорили или нет? Если да, то пойдём отсюда.

Повелитель Ветров окликнула её:

— Эй! Куда ты спешишь? Чем больше ты торопишься, тем больше я говорю! — Она ответила так, но при этом всё же развернулась, вынула из-за пояса сложенный веер и произнесла: — Ваше Высочество, если больше вопросов ко мне нет, увидимся с вами на Верхних Небесах?

Се Лянь кивнул в ответ, и Повелитель Ветров раскрыла веер. Поперёк лицевой стороны веера оказался написан иероглиф «ветер», на обратной изображены три потока свежего воздуха. По всей видимости, то был магический артефакт божества, управляющего ветрами. Небожительница трижды обмахнулась одной стороной веера, затем трижды другой, и в тот же миг на ровном месте поднялся сильнейший ураган. Ветер свистел так, что вздымал песок и мелкие камни, застилая глаза. Се Лянь прикрылся рукавами, а когда всё стихло, обе девушки, а с ними Пэй Су и Кэ Мо, исчезли. Остались лишь Се Лянь, Сань Лан, Нань Фэн, да ещё съёжившаяся на земле Бань Юэ.

Опустив рукава, Се Лянь обескураженно спросил:

— Что всё это означает?

Сань Лан непринуждённой походкой приблизился к нему.

— Это означает, что всё хорошо закончилось.

Се Лянь, посмотрев на юношу, спросил:

— Хорошо ли?

— В высшей степени. Просьбой не соваться в это дело Повелитель Ветров оказала тебе услугу.

Нань Фэн тоже подошёл и согласился:

— Верно. Ты и так уже слишком далеко зашёл, далее остаётся лишь отправиться к Владыке и подать жалобу. И в этом тебе лучше не принимать участия.

Се Ляня осенило:

— Из-за Генерала Пэя?

Нань Фэн подтвердил:

— Именно. На этот раз, можно сказать, ты окончательно навлёк на себя его недовольство.

Се Лянь с улыбкой произнёс:

— В любом случае, я давно подозревал, что навлеку на себя гнев по меньшей мере одного небожителя, не всё ли равно, чей именно?

Нань Фэн, нахмурившись, заметил:

— Не думай, что я шучу. Помимо дворца Шэнью, наибольшим влиянием среди Богов Войны обладает дворец Мингуана. Генерал Пэй весьма ценит младшего генерала, он всегда хотел сделать так, чтобы Пэй Су сместил с должности Цюань Ичжэня. Наверняка он ещё принесёт тебе неприятностей.

— Цюань Ичжэнь — это бог войны западных земель, о котором ты упоминал?

— Именно. Цюань Ичжэнь — небожитель из новеньких, вознёсся почти в одно время с Пэй Су, пока ещё очень молод, и по характеру немного... но тоже весьма силён. Генерал Пэй умышленно наставлял Пэй Су, чтобы тот переманивал всех последователей Цюань Ичжэня на западе, и Пэй Су проявил немалую напористость в этом поручении. В последние годы дела у него шли неплохо, а теперь ты наделал такого шума, что боюсь, Пэй Су несдобровать. Возможно, его даже низвергнут. Но если это в самом деле случится, тогда и ты хорошего не жди.

Се Лянь размял точку между бровей и про себя решил впоследствии быть осторожнее во время принятия пищи, питья воды, а также направляясь куда-либо. Сань Лан же словно не воспринял предостережение всерьёз:

— Нет нужды беспокоиться об этом. Пэй Мин по своей натуре слишком высокомерен, чтобы пойти на коварство.

Нань Фэн бросил на юношу взгляд, а Се Лянь спросил:

— А что насчёт Повелителя Ветров? Она просила не вмешиваться. Значит ли это, что она сама отправится с докладом к Владыке? В таком случае, разве гнев генерала Пэя не обрушится на неё вместо меня? Нет уж, лучше отозвать её обратно. Нань Фэн, тебе известен пароль для личной связи с Её Превосходительством?

Нань Фэн возразил:

— Не стоит беспокоиться за Повелителя Ветров. Генерал Пэй посмел бы взяться за тебя, а вот её никогда бы не тронул. Пускай она и моложе, чем ты, всё же положение её гораздо завиднее твоего.

Се Лянь замолчал, но не потому, что для него эти слова прозвучали ударом. Просто принц подумал: «Неужели среди небожителей Верхних Небес есть хоть кто-то, чьё положение не завиднее моего? Да быть того не может».

Сань Лан усмехнулся:

— За спиной Повелителя Ветров стоит могущественный покровитель, разумеется, дела у неё идут отлично.

— Ты имеешь в виду ту девушку в чёрных одеждах? На мой взгляд, она тоже личность непростая.

— Нет. Но девушка в чёрном действительно не так проста. Возможно, она тоже одна из Повелителей Пяти Стихий — Ветров, Вод, Дождя, Земли и Грома. Не советую ссориться с ней.

Раз Повелитель Ветров могла на ровном месте поднять песчаный смерч, наверняка она обладала недюжинной магической силой. А девушка в чёрном, очевидно, даже немного превосходила её в этом. Се Ляню непрестанно казалось, что девушке что-то в Сань Лане показалось странным. Но сейчас положение дел не располагало к обсуждению, и он просто ответил:

— Я согласен с тобой.

Однако ещё одну фразу он произнёс про себя, поскольку решил, что не стоит высказывать это вслух: «Величественный покровитель

вовсе не гарантирует, что дела твои всегда будут идти замечательно». Следует припомнить хотя бы те времена, когда за наследным принцем Сяньлэ стоял первый тысячелетний Бог Войны трёх миров — Цзюнь У. Но разве ему удалось сохранить то самое завидное положение?

Се Лянь поднял с земли упавшую доули, похлопал по ней, стряхивая пыль, убедился, что шляпа не пострадала, и с облегчением вздохнул. Вновь сдвинув шляпу на спину, принц оценивающе оглядел Нань Фэна и спросил:

— Неужели, когда два Превосходительства погнались за тобой, вы всю дорогу сражались?

Нань Фэн с потемневшим лицом ответил:

— Да. Сражались всю дорогу.

Се Лянь похлопал его по плечу:

— Вот уж действительно, нелегко тебе пришлось. — Договорив, он вдруг вспомнил, что был ещё кое-кто, кому пришлось также нелегко, и огляделся по сторонам, вопрошая: — А где Фу Яо?

— Разве он не остался присматривать за ранеными?

Слова эти подразумевали, что с тех пор, как ветер вынес их из Ямы Грешников наружу, Нань Фэн не видел Фу Яо. На самом же деле, как только перед ними появился А Чжао, Се Лянь как-то не заметил, куда Фу Яо запропастился. Если он не сбежал куда-то уже тогда, значит скрылся в момент, когда налетел ураган.

Впрочем, Се Лянь не слишком беспокоился о нём. Возможно, Фу Яо просто не желал впутываться в излишние неприятности и поскорее скрылся. Однако услышав фразу Нань Фэна о «раненых», принц словно пробудился ото сна, одновременно с Нань Фэном они воскликнули:

— Трава шань-юэ!

Сань Лан успокоил:

— Не спеши, небо едва просветлело.

И, тем не менее, во всём, что касалось спасения чужих жизней, нельзя не спешить. Даже если двадцать четыре часа ещё не истекли, кто знает, не случится ли в дороге ещё что-то непредвиденное? Так что Се Лянь поднял с земли Бань Юэ, усадил к себе на спину и бегом направился к дворцу государя. Оказавшись там, он снова положил девушку на землю и сразу же надёргал несколько больших пучков травы шань-юэ. Существо из земли всё ещё лежало возле дворца, от

него осталась лишь груда белых костей и кровавое месиво вместо лица. В прошлом Се Лянь, возможно, мимоходом вырыл бы яму и закопал бы его, но, во-первых, принц торопился спасти жизнь человеку, а во-вторых, это лицо ведь и так пролежало в земле больше пяти десятков лет, наверняка оно не хотело бы туда возвратиться. Вот только труп несчастного торговца исчез, что показалось Се Ляню очень странным, поэтому принц остановился. В этот момент Сань Лан вышел из дворца, неся в руках небольшой глиняный сосуд. Се Лянь, взглянув на сосуд, воскликнул:

— Отлично, Сань Лан, спасибо тебе!

Бань Юэ сейчас была слишком слаба и всё ещё не пришла в себя, поэтому Се Лянь поместил душу девушки в глиняный сосуд. Путники, насобрав трав, наконец отправились в обратный путь. С момента, как они повстречали скорпионовых змей, прошло всего восемь часов.

Добравшись до места, где Фу Яо начертил торговцам круг на земле, они всё же обнаружили нескольких человек, которые послушно оставались внутри, не решаясь бродить где вздумается. Раненый старик, которому Нань Фэн дал снадобье, держался довольно неплохо. А приложив к ране и употребив внутрь траву шань-юэ, он сможет продолжить путь, немного передохнув. Только Се Лянь всё же решил не рассказывать старику, что послужило удобрением для противоядия.

Спустя некоторое время пришедшие в себя люди начали взволнованно спрашивать:

— А где же Тянь Шэн? Почему он и остальные до сих пор не возвратились?

Ранее Се Лянь так спешил нарвать травы и поскорее помочь раненому, что не успел позаботиться о Тянь Шэне и остальных, ведь в древнем городе не осталось ни одного воина Баньюэ. Уже собравшись отправиться на поиски, принц услышал громкие крики юноши, который бежал к ним. Обернувшись, Се Лянь увидел Тянь Шэна. Тот сжимал в руке охапку травы шань-юэ, а за ним, сбивая дыхание, бежали ещё двое торговцев.

Лишь как следует расспросив их, принц узнал — после того, как Бань Юэ сбросила в Яму Грешников отряд воинов, она забрала Тянь Шэна и остальных с собой со стены. Перепуганные до полусмерти торговцы и представить не могли, что Бань Юэ, спустив их вниз, укажет дорогу и отпустит восвояси. Избежав ужасной участи, люди

ринулись на поиски травы шань-юэ, затем закопали тело того несчастного и что есть мочи бросились наутёк. Тем не менее, они оказались чуть медленнее, чем Се Лянь и его спутники.

В конце концов, проводив караван через пустыню, они наконец посчитали свой поход завершённым. И всё же в момент расставания Тянь Шэн украдкой подбежал к принцу и заговорщически произнёс:

— Братец, я кое-что у тебя спрошу.

— Спрашивай.

— Ты ведь на самом деле — бессмертный небожитель?

Се Лянь ощутил лёгкое потрясение, но в то же время и растрогался. В жизни принца был период, когда он часто во всеуслышание объявлял себя небожителем, называл себя Его Высочеством наследным принцем, но никто ему не верил. В этот раз он даже рта не раскрыл, как его спросили, не бессмертный ли он небожитель. Что не на шутку и удивило, и тронуло Се Ляня.

Тянь Шэн тут же добавил:

— Я видел, как ты применял магическое искусство! Не волнуйся, я никому не расскажу.

Се Лянь подумал: «Как бы тебе сказать... даже если ты кому-то расскажешь, всё равно никто не поверит...»

Тянь Шэн продолжил:

— Теперь мы все обязаны тебе жизнью, иначе эти чёрные как смоль призрачные воины сбросили бы нас в эту яму. Когда вернусь домой, построю храм в твою честь, где будут поклоняться только тебе.

Глядя, как юноша ударил себя в грудь и изобразил жест, означающий «большой-пребольшой», Се Лянь не удержался от улыбки и с радостью в голосе произнёс:

— В таком случае, прими мою благодарность.

Сань Лан, стоявший рядом с принцем, почему-то тоже мягко усмехнулся. Се Ляню, впрочем, это не показалось насмешкой над словами мальчишки, который ещё не понимал, насколько небо высоко, а земля огромна^[50].

Конечно, мальчик даже не представлял себе, какое это сложное дело — возвести целый храм. И всё же Се Лянь, услышав его обещание, очень обрадовался, и для принца не имело значения, будет ли оно исполнено.

Поддавшись на неотступные уговоры, принц наобум оставил юноше свой титул — «мусорное божество», после чего махнул рукой в знак прощания и направился в другую сторону.

Нань Фэн вновь применил Сжатие тысячи ли и вернул их в монастырь Водных каштанов.

Открыв дверь, Се Лянь достал циновку, расстелил на земле и улёгся на неё, подобно мертвецу. Всё это он проделал одним махом.

Сань Лан тоже присел рядом и посмотрел на принца, подпирая щеку. Се Лянь вздохнул и спросил:

— Как долго мы отсутствовали?

Сань Лан ответил:

— В целом три-четыре дня.

Се Лянь вздохнул опять.

— Всего-то три-четыре дня. Почему же я столь сильно утомился?

С момента вознесения он частенько уставал как собака, и это не было иллюзией. Закончив вздохнуть, принц поднял голову и обратился к Нань Фэну:

— Эй, Нань Фэн, почему ты до сих пор не возвратился на небеса с докладом?

— Каким докладом?

— Ты разве не служишь во дворце Наньяна? Ты ведь отсутствовал несколько дней, твой генерал не станет тебя искать?

— В настоящее время мой генерал не у себя во дворце, он не станет мной интересоваться.

Се Лянь поднялся с пола и сказал:

— Хорошо, что ты можешь остаться, так даже лучше.

— Что ты собираешься делать?

— Я приготовлю тебе поесть, — доброжелательно произнёс Се Лянь. — В награду за труды.

Услышав ответ, Нань Фэн моментально изменился в лице. Он поднял руку, приложил два пальца к виску, словно получил чьё-то сообщение через духовную сеть, поднялся и затараторил:

— Во дворце появились дела, вынужден откланяться.

Се Лянь протянул к нему руку со словами:

— Ох, Нань Фэн, не уходи! Какие ещё внезапные дела? Я ведь на самом деле очень благодарен тебе...

Нань Фэн гаркнул:

— У меня правда срочные дела!

Увидев, как младший небожитель вылетел за дверь, Се Лянь вернулся на циновку и сказал Сань Лану:

— Видимо, он не голоден.

Сань Лан ещё ничего не ответил, как вдруг раздался стук — «бум», и Нань Фэн ворвался обратно. Остановившись в дверях, он выпалил:

— Вы двое...

Се Лянь, сидя в рядок с юношей на циновке, посмотрел на Нань Фэна и спросил:

— Мы двое — что?

Нань Фэн ткнул пальцем в Сань Лана, потом в Се Ляня, долго не в силах ничего сказать, затем бросил:

— Я ещё вернусь.

Наградив юношу ещё одним взглядом, он закрыл дверь и ушёл. Се Лянь, скрестив руки на груди, склонил голову в точности так, как это обычно делал Сань Лан, и заметил:

— Кажется, у него правда что-то случилось. — Затем принц перевёл взгляд на юношу, мягко улыбнулся и спросил: — Он не голоден, а ты?

Сань Лан ответил с такой же улыбкой:

— Я проголодался.

Се Лянь, всё так же улыбаясь, снова поднялся и повернулся к юноше спиной, прибираясь на столе для подношений. Раздался его голос:

— Ну хорошо. Так... что бы ты хотел съесть, Хуа Чэн?

За его спиной воцарилась тишина, затем послышался тихий смешок.

— Мне всё-таки больше нравится обращение «Сань Лан».

Прим. пер.: С этой главы и далее будут встречаться понятия «истинное воплощение», «личина/изменённый облик» (в зависимости от контекста) и «двойник».

Примечание от автора:

Что касается вопроса об истинном воплощении и личине/изменённом облике, различать данные понятия нужно следующим

образом:

1) «Сунь Укун выдернул у себя шерстинку, дунул на неё, и тотчас же появилась сотня обезьян». Здесь имеется в виду создание двойника.

2) «Сунь Укун владел волшебством семидесяти двух превращений, и сейчас обернулся прекрасным юношей». Это истинное воплощение, но изменившее свой облик!

Коснувшись Князя Демонов, принц просит показать истинный облик

Се Лянь спросил:

— Собиратель цветов под кровавым дождём?

Хуа Чэн произнёс в ответ:

— Ваше Высочество наследный принц.

Се Лянь развернулся к нему и, улыбаясь до ушей, заметил:

— А ведь я в первый раз слышу, чтобы ты меня так называл.

Юноша в красных одеждах, сидя на циновке, вытянул одну ногу и с такой же широкой улыбкой поинтересовался:

— Ну и как ощущения?

Се Лянь, призадумавшись, искренне ответил:

— Кажется... в сравнении с тем, когда меня так называют другие, ощущения немного отличаются.

— Хм, и в чём же?

Се Лянь слегка наклонил голову набок, прищурил глаза и проговорил:

— Я и сам не могу объяснить, просто...

Другие звали принца Его Высочеством либо без какой-либо эмоциональной окраски, к примеру, во время официального обращения по служебным делам, как это делала Линвэнь; либо с намерением подшутить, как если бы уродца называли красавцем, причём делали это умышленно с ноткой сарказма.

Но произнесённое Хуа Чэном «Ваше Высочество» было сказано с предельным почтением, словно принц являлся драгоценной особой. Поэтому, даже не в силах выразить словами, Се Лянь всё же ощутил, что обращение «Ваше Высочество» в устах Хуа Чэна звучит не так, как от кого бы то ни было другого.

Се Лянь произнёс:

— Тот жених, что вёл меня за собой на горе Юйцзюнь, — это ведь был ты.

Уголки губ Хуа Чэна приподнялись ещё чуть выше. Се Лянь лишь тогда понял, как двусмысленно прозвучал вопрос, и сразу же исправился:

— Я имел в виду, это ведь ты прикинулся женихом, что увёл меня за собой на горе Юйцзюнь?

Хуа Чэн возразил:

— Я не прикидывался.

Его слова в данном случае прозвучали вполне правдиво. Ведь в ту ночь юноша не сказал ему ни слова лжи о том, что он — новобрачный и всё прочее. Строго говоря, он вообще ни словечка не проронил, только остановился у двери паланкина и протянул руку. Принц по собственной воле пошёл за ним!

Се Лянь произнёс:

— Что ж, хорошо. В таком случае, почему ты в ту ночь оказался на горе Юйцзюнь?

— На этот вопрос можно дать два разных ответа: первый — я специально отправился туда, чтобы встретиться с Вашим Высочеством; второй — просто проходил мимо, от нечего делать. Как ты думаешь, какой ответ более правдоподобен?

Подсчитав то время, которое Хуа Чэн потратил, находясь подле него, Се Лянь ответил:

— Не уверен, какой ответ более правдоподобен... но тебе, кажется, в самом деле больше нечего делать.

Он принялся ходить кругами вокруг Хуа Чэна и внимательно изучать его взглядом. Спустя несколько кругов принц кивнул и заключил:

— Ты... не совсем такой, каким тебя описывают легенды.

Хуа Чэн сменил позу, но руку из-под щеки так и не убрал, внимательно глядя на принца.

— Оу? В таком случае, как Ваше Высочество выяснили, что я и есть — Собиратель цветов под кровавым дождём?

В голове Се Ляня замелькали воспоминания: зонт, которым Хуа Чэн укрывал его от кровавого дождя, нежный звон серебряных цепочек, ледяной металл наручей... После чего принц мысленно

заклучил: «Ты даже не пытался как следует скрыть это от меня». Вслух же произнёс:

— Не важно, как я это выяснил, но придраться к маскировке невозможно, и это неизбежно навело на мысли о ранге «непревзойдённый». Одежды на тебе красны словно клён или кровь, ты будто знаешь всё на свете, для тебя нет ничего невозможного, как нет в тебе ни капли страха. Под такое описание, помимо «Собирателя цветов под кровавым дождём», от звуков имени которого меняются в лице все бессмертные небожители, кажется, трудно подобрать более подходящего претендента.

Хуа Чэн с улыбкой произнёс:

— Ты так меня описал, могу ли я принять это как похвалу?

Се Лянь подумал: «Разве ты не понял, что это она и была?»

Улыбка Хуа Чэна немного поблекла, когда он спросил:

— Столько слов было сказано, почему же Ваше Высочество до сих пор не спросил, для чего я сблизился с ним?

— Если ты не захочешь говорить, то не скажешь, даже если я спрошу. Или же ответ твой не будет правдивым.

— Вовсе не обязательно. Кроме того, ты даже можешь меня прогнать.

— Ты владеешь столь удивительным магическим мастерством, что даже если я сейчас тебя прогоню, разве ты не явишься снова в ином облиции, если в самом деле захочешь сделать мне пакость?

Они посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись. Неожиданно временное спокойствие монастыря Водных каштанов нарушил странный шум, будто что-то покатилося. Собеседники обратили взор на источник звука, но не увидели никого, лишь чёрный глиняный сосуд, который катался по полу.

То оказался горшок, в котором для восстановления сил была заключена душа Бань Юэ. Се Лянь мимоходом поставил его на циновку, когда вошёл, но в какой-то момент горшок перевернулся и докатился до самых дверей, где его и задержала сделанная Хуа Чэном дверь. Теперь горшок раз за разом бился об неё. Се Лянь, испугавшись, что так непрочная глина разобьётся, подошёл, чтобы открыть дверь. Маленький горшок выкатился на траву перед монастырём.

Се Лянь последовал за ним, но, оказавшись на траве, сосуд сам по себе встал ровно. Это был всего лишь обыкновенный глиняный

горшок, но наблюдателю могло показаться, что он как будто смотрит вверх, где в небе сияют звезды.

Хуа Чэн тоже вышел из монастыря Водных каштанов. Се Лянь обратился к горшку:

— Бань Юэ, ты пришла в себя?

К счастью, когда они вернулись из пустыни, здесь уже стояла глубокая ночь. В противном случае, если бы кто-то из местных увидел, как Се Лянь стоит под звёздами и спрашивает, как себя чувствует глиняный горшок, скорее всего, люди устроили бы переполох.

Спустя какое-то время из сосуда раздался печальный голос:

— Генерал Хуа.

Се Лянь присел на траву рядом с ней.

— Бань Юэ, выходи посмотреть на звезды? Не хочешь выйти посмотреть?

Хуа Чэн встал неподалёку, опершись о дерево, и произнёс:

— Она только что покинула город Баньюэ, всё-таки ей лучше какое-то время побыть внутри.

Бань Юэ провела целых двести лет в государстве Баньюэ, и такая резкая смена обстановки наверняка будет для неё непривычной. Се Лянь согласился:

— Что ж, тогда оставайся внутри подольше, восстанови силы как следует. Это место, где я занимаюсь самосовершенствованием, здесь тебе нечего бояться.

Сосуд качнулся из стороны в сторону. Не совсем ясно, что девушка хотела этим выразить. Поразмыслив, Се Лянь добавил:

— Бань Юэ, если честно, в этот раз ты совсем ни в чём не виновата. Ведь твои скорпионовые змеи...

Бань Юэ перебила:

— Генерал Хуа, тогда я лишь не могла пошевелиться, но слышала всё, о чём вы говорили.

Се Лянь в нерешительности застыл. Он лишь теперь осознал, что Пэй Су забрал у Бань Юэ только способность двигаться, но сознание не запечатал. Принц произнёс:

— Так даже лучше.

Даже лучше, что она всё слышала.

Из сосуда раздалось:

— Генерал Хуа, что теперь будет с младшим генералом Пэем?

Се Лянь убрал руки в рукава и ответил:

— Не знаю. Но... каждый должен принять наказание за свои ошибки.

Спустя недолгое молчание сосуд снова качнулся из стороны в сторону. На этот раз Се Лянь наконец понял — такие покачивания означают кивок головой.

Бань Юэ произнесла:

— На самом деле младший генерал Пэй вовсе не такой плохой человек.

— Правда?

— Да, — Бань Юэ добавила: — Он помогал мне.

По какой-то причине в памяти Се Ляня внезапно промелькнуло ещё одно воспоминание.

Бань Юэ часто подвергалась побоям. Если выразиться словами других детей Юнъань, «у неё был такой вид, что её так и хотелось поколотить».

Се Лянь узнал об этом лишь спустя долгое время после знакомства с девочкой. Ведь сколько бы раз Бань Юэ ни подвергалась избиениям — она никогда не говорила об этом. И Се Лянь ничего не знал до того дня, пока своими глазами не увидел, как группа детей окунает её лицом в грязь. Тогда он понял, откуда взялась вся эта синева на лице девочки.

Однако впоследствии, сколько бы принц её ни спрашивал, девочка помнила лишь юношу, который вытащил её из грязной канавы; помнила, что должна вернуть ему выстиранный платок, который он оставил ей, чтобы стереть грязь с лица. Других воспоминаний у неё не осталось.

Бань Юэ выбросила из своей памяти людей, которые побили её. Но того, кто однажды её спас, девушка запомнила на всю жизнь.

Бань Юэ добавила:

— И пускай Кэ Мо бранился, что Пэй Су забрал у меня способность ясно мыслить, он вовсе не использовал меня. Но это и не важно. Я знаю, что желание открыть городские ворота было моим собственным.

Се Лянь и сам не знал, что следует сказать. Только ощутил, как где-то в сердце что-то смягчилось.

Спустя какое-то время он похлопал глиняный сосуд рукой и произнёс:

— Ну ладно, всё уже в прошлом. Кстати, Бань Юэ, Хуа Се — это ненастоящее имя, да и я давно перестал быть генералом, ты можешь больше не называть меня так.

— В таком случае, как мне следует вас называть?

Она задала непростой вопрос. Ведь если девушка станет звать его как положено — Ваше Высочество наследный принц, это будет звучать немного странно. Се Лянь, впрочем, никогда не обращал внимания на форму обращения к себе, просто выдумал другую тему для разговора, поэтому сказал девушке:

— А вообще знаешь, называй как тебе хочется. Генерал Хуа тоже сойдёт. Вот только здесь присутствует ещё один человек с фамильным знаком Хуа, что может внести некоторую путаницу в беседу.

Поразмыслив над этим, принц подумал вот о чём: «Хуа Се» — имя, безусловно, выдуманное, фамилию он взял из титула «Бог войны в короне из цветов»^[51], так почему бы имени «Хуа Чэн» также не оказаться выдумкой? Выбирая псевдонимы, они оба избрали одинаковую фамилию — весьма любопытное совпадение.

Его размышления прервала Бань Юэ:

— Простите, генерал Хуа.

Се Лянь повернулся к сосуду и немного расстроено поинтересовался:

— Бань Юэ, ну почему ты всё время просишь у меня прощения?

— Я... стремилась помогать простым людям, попавшим в беду.

Се Лянь так и остолбенел.

— Генерал Хуа, это ведь вы когда-то сказали.

— ???

Принц торопливо накрыл сосуд руками и проговорил:

— Постой, подожди!

— Чего подождать?

Се Лянь скосил взгляд на Хуа Чэна, который стоял неподалёку под деревом, скрестив руки на груди. Затем тихо спросил:

— Я правда когда-то такое говорил?

Фразу эту принц, вне всякого сомнения, больше всего любил повторять, когда ему было около семнадцати. Но в последние пару сотен лет он по понятным причинам даже не упоминал о ней. Теперь

же, внезапно высказанная вслух, фраза нанесла такой серьёзный удар, что он не смог его стерпеть. Бань Юэ же заметила:

— Генерал, вы это говорили.

Се Лянь, всё ещё пытаясь воспротивиться, протянул:

— Вовсе не говорил...

Бань Юэ безжалостно пресекла его попытки:

— О нет, говорили. Однажды вы спросили, чем я хочу заниматься, когда повзрелею. Я ответила, что не знаю, и вы спросили: «Как же можно не знать, чем хочешь заниматься, когда вырастешь?» Тогда я поинтересовалась: «А вы, генерал Хуа?» И вы ответили: «С самого детства я мечтал об одном — помогать простым людям, попавшим в беду!»

Вот оно как. Се Лянь воскликнул:

— Да ладно! Бань Юэ, зачем ты так хорошо запомнила фразу, которую я сказал, совсем не подумав?

— Не подумав? Но, генерал Хуа, мне показалось, что вы говорили очень искренне.

Се Лянь сдался и поднял взгляд к небесам со словами:

— Ха-ха... Правда? Возможно, так и было. Я уже ничего не помню из того, что ещё говорил.

— Ещё вы говорили: «Делай то, что тебе самой кажется правильным!», «Ничто не должно вставать у тебя на пути!», «Даже если ты упадёшь в грязь сотню раз, найди в себе силы подняться!», и многое другое, вроде этого.

— Пфф...

Не было нужды оборачиваться, чтобы понять: наверняка это Хуа Чэн под деревом рассмеялся, услышав слова девушки.

Се Лянь, даже закрывая глиняный сосуд руками, не мог заглушить голос Бань Юэ, и подумал: «Что за бесполезная чепуха... И почему я так любил бросаться подобными фразами?.. Я ведь совсем не такой человек... Разве я такой человек?»

— Но... я не знаю, что было правильным, — сказала Бань Юэ.

Се Лянь неловко застыл.

Бань Юэ продолжила:

— Я хотела, как и сказал генерал Хуа, помогать простым людям, попавшим в беду. Но в итоге... я уничтожила государство Баньюэ. — Затем растерянно добавила: — И к тому же, кажется, не важно —

какой путь я бы избрала... результат был бы ужасен. Генерал Хуа, я знаю, что поступила плохо, но можете ли вы указать мне, в чём именно я ошиблась? Как я должна была поступить, чтобы в самом деле, как вы и сказали... помочь людям, попавшим в беду?

Се Лянь, помолчав, произнёс:

— Прости меня, Бань Юэ. Как помочь людям, попавшим в беду, как спасти абсолютно всех... Ответа на этот вопрос я никогда не знал, не знаю и сейчас.

Спустя несколько мгновений Бань Юэ вздохнула:

— Генерал Хуа, честно говоря, мне кажется, что все эти двести с лишним лет я даже не знала, что делаю. Я ужасная неудачница.

Се Лянь расстроился пуще прежнего и подумал: «Но разве я в таком случае не ещё более ужасный неудачник? Я-то целых восемьсот лет так мотаюсь...»

Оставив Бань Юэ в одиночестве смотреть на звёздное небо из глиняного горшка, чтобы девушка немного успокоилась и пришла в себя, Се Лянь и Хуа Чэн вернулись в монастырь Водных каштанов.

Затворив дверь, Се Лянь выпалил:

— Бань Юэ осталась в Крепости, потому что сама того пожелала, а не потому, что стала пленницей тех мест, обернувшись «свирепой».

Она от начала до конца помнила, что сама открыла городские ворота, и никогда не искала себе оправданий вроде «Я поступила так ради высшей справедливости и блага всего народа». Чтобы умерить тёмную энергию воинов Баньюэ, утолить их жажду мести, чтобы их души как можно раньше вознеслись для перерождения, она позволяла Кэ Мо и остальным убивать себя снова и снова.

Се Лянь покачал головой со словами:

— Честно говоря, если младший генерал Пэй действительно не хотел оставлять воинов Баньюэ на этом свете и также не мог позволить, чтобы кто-то на Верхних Небесах что-то заметил, он мог тайно создать двойника, который расправился бы со всеми воинами. Для чего нужно было избирать именно такой способ?

— Силы двойника ограничены. Ты и сам видел этого А Чжао, которого создал Пэй Су. Ему не под силу одновременно расправиться с таким количеством воинов Баньюэ, оставалось только кормить их живыми людьми, как скот. Так тёмная энергия рассеивается быстрее, да и способ самый простой.

— Но для чего нужна была такая спешка?

— Возможно, он хотел сократить страдания малышки Бань Юэ вместе с количеством повешений.

Помолчав, Се Лянь спросил:

— Но что насчёт простых смертных?

Хуа Чэн бесстрастно ответил:

— Он ведь небожитель, для него жизни простых смертных — что жизни муравьёв, не более того. Пэй Су — типичный представитель высшего общества небожителей. Пока никто не разузнал об этом, для него убить несколько сотен людей было всё равно что раздавить несколько сотен букашек, разницы никакой.

Се Лянь глянул на него и вспомнил, как Сань Лан после прыжка в Яму Грешников в одно мгновение расправился со всеми воинами Баньюэ на дне Ямы. Отвернувшись, принц заметил:

— Силы двойника ограничиваются в любом случае? Но на мой взгляд, твой двойник очень даже силён.

Хуа Чэн же приподнял бровь, глядя на принца, и ответил:

— Разумеется. Однако я нахожусь в своём истинном воплощении.

Се Лянь обернулся и с лёгким изумлением спросил:

— А? Это твоё истинное воплощение?

— Самое что ни на есть истинное.

Если кого и винить в случившемся далее, так это самого Хуа Чэна, поскольку он произнёс последнюю фразу с таким выражением, будто приглашал принца лично убедиться в этом. Поэтому Се Лянь, не успев осознать, что творит, протянул палец и коснулся щеки Хуа Чэна.

Ткнув пальцем в лицо собеседника, Се Лянь резко опомнился и множество раз повторил про себя: плохо, плохо, плохо.

Ему просто было интересно, какова на ощупь демоническая личина Князя Демонов ранга «непревзойдённый». Однако принц и не думал, что тело окажется быстрее мысли, вскинет руку и ткнёт юношу в лицо. Это просто не лезло ни в какие ворота.

Когда Се Лянь без предупреждения дотронулся до его лица, Хуа Чэн, кажется, тоже немного изумился, однако, будучи всегда спокойным, он быстро пришёл в норму и ничего не ответил, лишь одна бровь приподнялась ещё чуть выше. Да улыбка в глазах заиграла очевиднее некуда, словно он ждал объяснений от принца. Се Лянь,

разумеется, никакого объяснения дать не мог. Посмотрев на свой палец, он убрал руку, будто ничего не произошло, и произнёс:

— ...Недурно.

Хуа Чэн наконец в голос расхохотался. Скрестив руки на груди, он наклонил голову и спросил:

— Что именно недурно? Этот облик показался тебе недурным?

Се Лянь, не кривя душой, ответил:

— Ага, очень даже ничего. Но...

— Но — что?

Се Лянь уставился на его лицо и внимательно пригляделся. В конце концов, принц всё же решился спросить:

— Но... могу ли я взглянуть на твой истинный облик?

Произнесённая Хуа Чэном фраза «этот облик» определённо означала, что, несмотря на истинное воплощение, облик его всё же не был истинным. А значит образ молодого парня — вовсе не его настоящее обличие.

На этот раз Хуа Чэн не спешил с ответом. Он опустил скрещенные на груди руки, и, возможно, принцу лишь показалось, но взгляд юноши несколько померк. Сердце Се Ляня взволнованно ёкнуло.

Лишь когда воздух вокруг словно затвердел, Се Лянь понял. Ему не следовало озвучивать подобную просьбу.

И хотя все эти дни демон и небожитель довольно приятно проводили время вместе, это ещё не означало, что они уже достаточно близки для подобного. Не дожидаясь ответа, Се Лянь улыбнулся и произнёс:

— Я это просто так сказал, не стоит принимать близко к сердцу.

Хуа Чэн закрыл глаза, помолчал немного, и с улыбкой ответил:

— Как-нибудь потом покажусь тебе, если представится такая возможность.

Обычно люди говорят подобную фразу, чтобы отвязаться от собеседника, «как-нибудь потом, если представится возможность» означало «даже не думай и вообще забудь». Но раз уж это прозвучало от Хуа Чэна, Се Лянь почувствовал, что «как-нибудь потом» — значит как-нибудь потом, и Хуа Чэн наверняка выполнит обещанное. Поэтому Се Ляню вновь стало интересно. Улыбаясь до ушей, он произнёс:

— Хорошо. В таком случае, когда решишь, что уже можно, покажешься мне. А сейчас давай готовиться ко сну.

Промучившись разговорами до глубокой ночи, Се Лянь давно забросил мысль о готовке еды в дальний угол памяти и вновь улёгся на циновку. Хуа Чэн тоже прилёг вместе с ним. И никого не беспокоило, почему, раскрыв друг перед другом свой истинный статус, небожитель и демон всё ещё могли преспокойно лежать на одной потёртой циновке, отпускать шуточки и болтать ни о чём.

Соломенная циновка не предусматривала подголовников, и потому Хуа Чэн подложил под голову руки. Се Лянь, посмотрев на него, сделал то же самое и спросил первое, что пришло на ум:

— У вас в мире демонов, кажется, всё устроено так просто и свободно! И не нужно ни перед кем отчитываться о своих перемещениях?

Хуа Чэн не только заложил руки за голову, но и закинул ногу на ногу со словами:

— С чего я должен перед кем-то отчитываться? Я и есть самый главный над собой. К тому же у нас каждый действует по своему разумению, никто никого не контролирует.

Оказывается, мир демонов — это просто неорганизованное собрание неприкаянных душ и одичалых призраков.

Се Лянь произнёс:

— Вот как? А я-то думал, что у вас всё как у Верхних Небес, полная централизация для вершения общих дел. Но если всё так, как ты сказал... тебе когда-нибудь приходилось встречаться с другими Князьями Демонов?

— Приходилось.

— И Лазурного демона Ци Жуна ты тоже видел?

— Ты про эту низкосортную бесполезную дрянь?

Се Лянь подумал: «И как я должен ответить на это? Да? Нет?» К счастью, отвечать и не пришлось, Хуа Чэн продолжил:

— Как-то поздоровался с ним, да только он сбежал.

Шестое чувство подсказало Се Ляню, что под словом «поздоровался» наверняка имелось в виду не обычное приветствие. И действительно, Хуа Чэн вольготно протянул:

— Заодно заполучил прозвище «Собирателя цветов под кровавым дождём».

Так значит, разворошённое Хуа Чэном гнездо демона, о котором он упоминал ранее, принадлежало именно Лазурному демону Ци

Жуну. И к тому же «поздороваться» означало «устроить кровавую баню». Се Лянь подумал — вот уж действительно незаурядный способ приветствия. Потерев подбородок, принц продолжил спрашивать:

— Между вами возникли какие-то разногласия?

— Возникли.

— Какие?

— Он мне не понравился.

Се Лянь, не зная даже, что на это сказать, подумал: «Неужели ты и тридцати трём небожителям бросил вызов лишь потому, что они тебе не понравились?», вслух же произнёс:

— Кое-кто из небожителей Верхних Небес говорит, что вкусы у Ци Жуня слишком низменные, а ещё говорят, что все в мире демонов относятся к нему с презрением. Неужели это действительно так?

— Да. Черновод тоже его презирает.

— Черновод? Кто это? — затем сразу же вспомнил: — Тот, кого называют «Хозяином чёрных вод^[52]»?

— Именно. Его также зовут «Демон чёрных вод Сюань^[53]».

Се Лянь вспомнил, что этот Демон чёрных вод Сюань — тоже «непревзойдённый». А Лазурный демон Ци Жун — всего-то притянутый для ровного счёта «почти непревзойдённый». С большим интересом принц спросил:

— Ты хорошо знаком с Чёрным демоном?

Хуа Чэн лениво протянул:

— Почти не знаком. У меня вообще нет хороших знакомых в мире демонов.

Се Лянь слегка удивился, услышав такой ответ.

— Что, правда? Я раньше думал, что у тебя, должно быть, множество подчинённых. Возможно, у нас немного расходятся понятия слова «знакомый».

Хуа Чэн приподнял бровь со словами:

— Это верно. В мире демонов никто не смеет говорить со мной, не обладая статусом «непревзойдённый».

Это была крайне высокомерная фраза, но Хуа Чэн произнёс её столь уверенно и спокойно, что она воспринялась как нечто само собой разумеющееся. Се Лянь, мягко улыбнувшись, заметил:

— У вас в мире демонов довольно неплохо, всего несколько сильнейших. Совсем не так, как на Небесах. Всех небожителей

Верхних Небес и не упомнишь. А на Средних Небесах ещё целое море тех, кто ожидает вознесения.

— Было бы, что запоминать! Даже не пытайся, только зря потратишь силы.

— Ха-ха, если не запоминать имена и титулы, можно кого-нибудь невзначай оскорбить.

Надо сказать, небожители весьма заботились о своей репутации.

Хуа Чэн так и прыснул:

— Если для кого-то даже такая ерунда считается оскорблением, сразу ясно — личность это мелочная и совершенно никчёмная.

Поболтав с Хуа Чэном ещё немного о том о сём, Се Лянь, боясь затронуть деликатные темы, перестал рассуждать о различиях между двумя мирами. Посмотрев на плотно закрытую дверь, принц произнёс:

— Бань Юэ, бедный ребёнок... не знаю, когда она сможет к нам вернуться.

Стоило принцу подумать о совершенно оглушительной фразе «Я стремилась помочь людям, попавшим в беду», как в его памяти замелькала вереница разнообразных картин прошлого, которые он вновь с усилием подавил. Вдруг Се Лянь услышал голос Хуа Чэна:

— Фраза отличная.

— Что?

Хуа Чэн плавно продекламировал:

— Я стремлюсь помочь людям, попавшим в беду.

Се Ляня словно ударили повторно в то же место.

Он перевернулся на другой бок, свернулся калачиком и закрыл лицо руками, даже жалея, что у него нет ещё одной пары рук, чтобы закрыть и уши, и простонал:

— ...Сань Ла-а-ан.

Хуа Чэн, кажется, придвинулся поближе, и совершенно серьёзно произнёс у него за спиной:

— Хм? А что не так с этой фразой?

Он всё выпрашивал, и в конце концов Се Лянь сдался, не в силах его переупрямить. Повернувшись обратно, принц бросил:

— Это было так наивно.

Хуа Чэн возразил:

— Что здесь такого? Если кто-то не побоялся замахнуться на целый мир — не важно, желая его спасти или уничтожить, — я

искренне преклоняюсь перед этим человеком. Первое намного сложнее, чем второе, и потому я преклоняюсь даже вдвойне.

Се Лянь в полнейшем смятении чувств покачал головой, лёг ровно и ответил:

— Не побоявшись сказать, нужно было ещё и не побояться сделать, да к тому же доделать до конца, иначе в сказанном нет смысла.

Закрыв глаза рукой, Се Лянь вздохнул:

— Эх. Ну ладно, всё это уже не важно. Бань Юэ рассуждает довольно неплохо. Когда я был помладше, я ещё и не такие глупости говорил.

Хуа Чэн, улыбнувшись, поинтересовался:

— Оу? Какие ещё глупости? Расскажи, я хочу послушать.

Погрузившись на пару мгновений в себя, Се Лянь, вспоминая, начал с улыбкой рассказывать.

— Много-много лет назад один человек сказал мне, что не может жить дальше, и спросил меня, ради чего ему стоит жить, какой смысл в его жизни. — Он посмотрел на Хуа Чэна и спросил: — Знаешь, что я ответил ему тогда?

Возможно, это был лишь обман зрения, но взгляд Хуа Чэна словно едва заметно сверкнул.

— Что ты ответил? — тихо спросил он.

— Я сказал ему: если не знаешь, ради чего жить, живи хотя бы ради меня. Если не можешь найти смысла в жизни, тогда пока что сделай меня смыслом своей жизни, опорой, которая будет помогать тебе жить дальше. Ха-ха-ха... — Вспоминая и говоря об этом, Се Лянь вдруг не удержался от смеха. Покачав головой, он добавил: — Я до сих пор не могу понять, о чём я вообще думал в тот момент? Откуда во мне взялась смелость высказать пожелание стать чьим-то смыслом жизни?

Хуа Чэн хранил молчание. Се Лянь продолжил:

— В самом деле, только будучи молодым, можно сказать что-то подобное. Тогда я правда считал, что мне всё подвластно, что я ничего не боюсь. Но если сейчас ты попросишь меня повторить те слова, я не смогу даже рта открыть. — Принц неторопливо заключил: — Не знаю, что потом стало с тем человеком. Быть смыслом чьей-то жизни —

задача уже весьма нелёгкая. Что уж говорить о помощи всем людям, попавшим в беду.

В монастыре Водных каштанов надолго воцарилась тишина. Спустя длительное молчание Хуа Чэн спокойно ответил:

— Что до помощи людям, попавшим в беду, совершенно не важно, преуспел ли ты в этом. Но говорить подобное в столь юном возрасте — весьма смело, и в то же время глупо.

— Да уж.

Однако Хуа Чэн добавил ещё одну фразу:

— Хоть и глупо, а всё же смело.

Се Лянь, расплываясь в улыбке, произнёс:

— Я действительно очень тебе благодарен.

— Не стоит благодарности.

Они оба какое-то время рассматривали кровлю над монастырём Водных каштанов, пока Хуа Чэн не нарушил молчание:

— К слову, Ваше Высочество, мы с тобой знакомы всего несколько дней, а ты уже так много всего мне поведал. Это ничего?

Се Лянь бросил безразличное «Ай», затем добавил:

— А что здесь такого? Какая разница. Даже люди, знакомые несколько десятков лет, могут стать чужими всего в одно мгновение. Захотел поведать, вот и поведал. Это ведь просто случайная встреча, мы сошлись, а потом вновь расстанемся. Если так повелит судьба, мы встретимся снова, если же нет, то наши пути разойдутся. Говоря начистоту, любому пиршеству настанёт пора завершиться^[54], к чему нам эти предрассудки.

Хуа Чэн как будто едва слышно усмехнулся и вдруг сказал:

— Предположим.

Се Лянь повернулся к нему с вопросом:

— Предположим — что?

Хуа Чэн не смотрел на принца, его взгляд был направлен на дырявую кровлю монастыря Водных каштанов. Се Лянь видел лишь левую часть несравненно прекрасного лица юноши.

— Я не красив, — безразличным тоном произнёс Хуа Чэн.

— А?

Демон слегка повернулся к нему и спросил:

— Предположим, что в первоначальном образе я не красив. Ты всё равно захочешь взглянуть на меня?

Се Лянь удивлённо замер, затем ответил:

— Серьёзно? Но мне почему-то кажется, пусть и без какой-либо на то причины, что твой первоначальный образ не может выглядеть слишком некрасивым.

Хуа Чэн, наполовину искренне, наполовину лукавя, заметил:

— А вот и не обязательно. Что если у меня синяя морда, изо рта торчат клыки, все черты лица перепутаны местами? Что если я уродлив как ракшас^[55] и свиреп как якша^[56]? Как ты себя поведёшь?

Услышав вопрос, Се Лянь нашёл его забавным: оказывается, один из повелителей мира демонов, несущий хаос Князь Демонов, от звуков имени которого небожители содрогаются в страхе, переживает о том, красиво ли выглядит в изначальном облике. Однако стоило копнуть чуть глубже, и принцу забавным это больше не казалось.

Он смутно вспомнил, что среди всевозможных версий легенд о происхождении Хуа Чэна существует слух наподобие «от рождения он был уродцем». Если этот слух правдив, наверняка при жизни он часто испытывал на себе насмешки и унижения. Возможно даже, что это началось с самого детства. Могло стать, именно по этой причине Хуа Чэн сверх нормы чувствителен в вопросах, касающихся собственного изначального облика.

Поэтому Се Лянь, задумавшись над ответом, протянул:

— Ну, как... — Затем принц совершенно искренним и самым мягким и тёплым тоном, на который только был способен, произнёс: — Если честно, я хочу увидеть твой первоначальный образ только потому... видишь ли, мы уже в таких отношениях...

— Хм? «В таких» — это в каких?

— ...Мы ведь теперь, можно сказать, друзья, не так ли? Так вот, если уж мы друзья, разумеется, нужно быть откровенными друг с другом. Поэтому я и сказал, что хотел бы увидеть твоё истинное лицо. Разве это имеет какое-то отношение к тому, красив ли ты в изначальном облике? Ты спросил, как я себя поведу, так вот — конечно, никак. Будь спокоен, главное, что это твой настоящий образ, я в любом случае точно... Чего ты смеешься? Я говорю абсолютно серьёзно.

Договаривая последние фразы, Се Лянь ощутил, что юношу рядом с ним как будто бьёт мелкой дрожью. Вначале он удивлённо замер и подумал: «Неужели я высказался столь проникновенно, что

растрогал его до такой степени?» Однако принц не осмеливался повернуться и посмотреть, что же случилось. К его неожиданности, спустя пару мгновений сбоку раздался едва слышный смешок, который и выдал юношу. Се Лянь тут же расстроено толкнул его в плечо.

— Сань Лан... ну почему это кажется тебе настолько смешным? Неужели мои слова в чём-то неверны?

Хуа Чэн мгновенно перестал дрожать, развернулся к принцу и ответил:

— Нет, ты всё верно сказал.

Се Лянь расстроился ещё сильнее.

— Ты совершенно не искренен...

Хуа Чэн возразил:

— Я клянусь, на целом свете ты не найдёшь никого более искреннего, чем я.

Се Лянь решил закончить разговор, перевернулся на другой бок, спиной к Хуа Чэну, и произнёс:

— Ну ладно, давай спать. Засыпай как положено, без разговоров.

Хуа Чэн ещё немного тихонько посмеялся, затем сказал:

— В следующий раз.

Принц уже твёрдо решил заснуть, но стоило Хуа Чэну открыть рот, Се Лянь, не сдержавшись, вновь спросил:

— Что будет в следующий раз?

Хуа Чэн прошептал:

— Когда мы встретимся в следующий раз, я предстану перед тобой в первоначальном образе.

Эта фраза давала немалую пищу для размышлений, и Се Лянь уж было хотел расспросить ещё, но усталость, накопившаяся за вечер, накатила волной. Принц не мог больше держаться — он погрузился в сон.

На рассвете следующего дня, когда Се Лянь проснулся и приподнялся, половина циновки уже пустовала.

Принц, покачиваясь, встал на ноги и растерянно прошёлся по монастырю Водных каштанов. Затем открыл дверь, но и снаружи никого не увидел. Очевидно, юноша в самом деле ушёл.

И всё же опавшие листья были сметены в кучу, а рядом стоял глиняный горшок. Се Лянь вышел, взял горшок и занёс его с собой в

монастырь, поставив на стол для подношений. И тут вдруг непривычно почувствовал на своей груди что-то лишнее.

Се Лянь дотронулся рукой и обнаружил, что пониже проклятой канги свободно болтается тонкая цепочка.

Одним движением принц снял её с шеи. Это оказалась серебряная цепочка, настолько тонкая и лёгкая, что он совершенно не ощущал её на теле. А на цепочке висело сверкающее на свету кольцо.

Во дворце Шэнью принц встречает принца

Се Лянь знал, что эту вещицу наверняка оставил Хуа Чэн. Он некоторое время повертел кольцо в руках, внимательно изучил и подумал: «Что же это?»

Будучи наследником благородных кровей, Се Лянь вырос во дворце государя Сяньлэ. В его государстве людям нравилось любоваться прекрасными драгоценными изделиями, подобное увлечение являлось обычным делом. Дворец государя тем более отличался роскошной обстановкой: колонны здесь покрывали чистым золотом, ступени делали из благородного нефрита. Во дворце хранилось бессчётное множество необыкновенных редчайших сокровищ. Дети членов правящего дома и аристократии часто игрались разноцветными драгоценными камнями, перекидываясь ими, словно шариками из простого стекла. Се Лянь повидал множество драгоценностей, и потому смог определить, что кольцо, похоже, создано из самого настоящего алмаза.

Кроме того, выглядела вещица весьма изящно: обычному ювелиру, каким бы выдающимся мастером он ни являлся, не под силу была подобная работа совершенной красоты. Кольцо выглядело более изысканным и сверкающим, чем всевозможные алмазы, которые принцу довелось повидать на своём веку. Сияло оно настолько ярко, что завораживало взгляд. Поэтому принц и не мог точно определить, что именно кольцо из себя представляет.

Однако, пускай он не мог сказать точно, что же это, одно было ясно наверняка — вещь весьма драгоценная и значимая. Кроме того, если кольцо висело у принца на шее, значит, его не могли обронить случайно. Напрашивался лишь один вывод — Хуа Чэн преподнёс ему памятный дар перед тем, как уйти.

Получить памятный подарок стало неожиданностью для Се Ляня. Он неловко улыбнулся и решил оставить кольцо у себя, а в следующую встречу спросить у юноши, что означает этот жест. Принц владел лишь маленьким ветхим монастырём, в котором не предусматривалась сокровищница. Подумав, Се Лянь всё же решил, что самый безопасный способ хранения — носить кольцо на себе. И потому снова надел тончайшую цепочку на шею.

Закончив с происшествием на горе Юйцзюнь, принц почти без передышки помчался ещё и в государство Баньюэ. Так что, вернувшись из путешествия, несколько дней пролежал пластом в монастыре Водных каштанов. И если бы не чересчур сердобольные жители деревни, что преподносили ему так много маньтоу и рисового отвара, который принц никак не мог доесть, он бы всё это время пролежал без крошки во рту.

Так минуло несколько дней, пока однажды Се Лянь не получил внезапное послание от Линвэнь:

— Как можно скорее поднимитесь на Небеса.

Тон её голоса ничего хорошего не сулил, однако Се Лянь догадался, в чём дело, в душе он давно к этому подготовился.

— Вопрос касается инцидента в Крепости Баньюэ?

— Так и есть. Как только вернётесь в столицу бессмертных, отправляйтесь прямо во дворец Шэнью.

Услышав о дворце Шэнью, Се Лянь замер на мгновение и понял — Цзюнь У возвратился.

С тех пор как принц вознёсся в третий раз, он так и не виделся с Цзюнь У. Будучи первым Богом Войны, тот целыми сутками, месяцами и даже годами пропадал, если не в уединённой медитации, то по делам судеб мира. Либо поддерживал стабильность мироздания. В этот раз принц не мог не явиться на зов. Так и не отдохнув как следует, он вновь отправился в столицу бессмертных. Дворцы всевозможных небожителей были собраны в столице бессмертных. Здесь их имелось великое множество, и каждый был по-своему прекрасен. Где-то виднелись резные балки и расписные колонны, где-то изящные мостики, перекинутые через бегущие ручейки, а под ними клубились плотные облака — божественность буквально парила в воздухе.

Главная улица была названа в честь Шэнью. Разумеется, в мире людей также существовало множество улиц Шэнью, построенных во

славу Цзюнь У, однако, как говорилось ранее, многие вещи в мире людей являлись лишь подражанием, тусклой тенью обстановки Небесных чертогов. И лишь улица Шэньу в столице бессмертных являлась единственной настоящей. По ней Се Лянь и направился ко дворцу Шэньу. По пути он встретил немало небожителей, что спешили по делам, однако ни один из них не посмел даже обратить на него внимание.

По правде говоря, в прошлом, когда Се Лянь шествовал по Небесным чертогам, никто точно так же не обращал на него внимания. Но тогда это означало, что бессмертные чиновники не позволяли себе пройти с ним рядом или же первыми заговорить с ним. И всё же они соблюдали правила приличия, приветствуя принца кивком головы.

Теперь же все нарочно притворялись, что не видят Се Ляня, словно даже один взгляд мог навлечь на них неприятности. Небожители впереди него ускоряли шаг, а те, что шли позади, — замедляли, сетуя лишь на то, что не могут обойти его как можно дальше. Се Лянь давно привык к подобному и не придавал особого значения происходящему. Всё-таки он совсем недавно сдёрнул с пьедестала могущества молодого небожителя, занимающего высокий пост — младшего генерала Пэя — вполне объяснимо, почему теперь остальные небожители стараются держаться от принца подальше. Он бы даже удивился иному поведению. Поэтому Се Лянь, продолжая идти, не ожидал услышать за спиной оклик:

— Ваше Высочество наследный принц!

Се Ляню услышанное показалось странным. Он подумал, раз кто-то в такой момент набрался смелости, чтобы окликнуть его, мужество этого небожителя заслуживает всяческих похвал. Однако обернувшись, он увидел, как младший по рангу небожитель, что воскликнул «Ваше Высочество наследный принц», второпях пробежал мимо, в направлении другого прохожего, на бегу продолжая восклицать:

— Ох, мой принц! Как вы могли забыть пропускной жетон, отправившись во дворец Шэньу на собрание? Без него вы бы не смогли пройти внутрь!

Лишь теперь Се Лянь понял. Вот в чём дело — обращение «Ваше Высочество наследный принц» предназначалось вовсе не ему. Верхние Небеса обыкновенно пестрили разнообразными Их Высочествами

наследными принцами. Ничего удивительного в том, что иногда их путали друг с другом.

И всё же, когда Се Лянь бросил взгляд на другого наследного принца впереди, не удержался от лёгкого изумления.

Молодое лицо. Прямые вразлёт брови. Яркие, словно звезды, глаза. Улыбка, совсем не похожая на улыбки других обитателей Верхних Небес, бесхитростная и беззаботная настолько, что, вне всяких сомнений, придавала и без того прекрасному лицу оттенок детской наивности. Оценивай его немного более язвительный небожитель, Му Цин, к примеру, он бы, скорее всего, отпустил комментарий в духе: «блаженный чудак».

Мужчина был одет в военное обмундирование, в высшей степени потрясающее своим видом, но на нём это одеяние не излучало суровой ауры воина на поле битвы, напротив — сверкало благородством аристократа с широкой и светлой душой. Се Лянь на мгновение остановился, глядя на молодого мужчину перед собой. Оба небожителя впереди, ощутив его взгляд, обернулись. Младший служащий, увидев Се Ляня, мгновенно изменился в лице. Се Лянь же легко кивнул и с мягкой улыбкой обратился к мужчине:

— Здравствуйте, Ваше Высочество!

Очевидно, Его Высочество обыкновенно не интересовался происходящими вокруг делами и не знал Се Ляня в лицо. Поэтому, услышав приветствие, немедленно расплылся в ослепительной улыбке и громко ответил:

— Здравствуйте!

Младший служащий рядом с ним легонько подтолкнул принца и произнёс:

— Идёмте, идёмте, Вашему Высочеству ещё нужно попасть во дворец Шэнью на собрание.

Молодой мужчина же, без капли осознания происходящего, совершенно не понял, почему вдруг его подчинённый внезапно бесцеремонно пихнул его. И потому удивлённо спросил:

— Зачем ты меня толкаешь???

Се Лянь так и прыснул со смеху. А младший служащий толкнул принца сильнее и поторопил:

— Владыка, должно быть, давно ожидает вас, идёмте, Ваше Высочество!

Наследному принцу только и оставалось, что направиться за ним, недоумённо оглядываясь на Се Ляня.

Когда они ушли, Се Лянь всё ещё оставался стоять на месте. Вскоре его ушей достигли шушуканья небожителей низшего ранга чуть поодаль.

— ...Неловко вышло, ничего не попишешь. Вот уж точно — мир тесен.

— Оба — небожители Верхних Небес, рано или поздно этот день настал бы. Если хочешь знать моё мнение, всё же я с большей охотой посмотрел бы на столкновение генерала Наньяна с генералом Сюаньчжэнем.

— Ха-ха, ну и что ты переживаешь? Это ведь случится довольно скоро! Все уже собрались во дворце Шэньу, только его и ждут!

Кто-то вдруг добавил:

— Да, мир тесен, но это ещё что. Возмутительно, что их вообще сравнивают друг с другом, ведь они совершенно не похожи! Оба — наследники престола, но лишь Его Высочество Тайхуа может считаться истинным представителем правящей элиты. Если бы подобное случилось с ним, даже оказавшись на самом дне, он бы не стал творить столь позорные вещи.

— Государство Юнъань было сильнее, чем Сяньлэ, значит наследный принц Юнъань, разумеется, сильнее принца Сяньлэ. В разных условиях воспитываются разные люди, это самая простая истина.

Северные земли находились во власти дворца Мингуана, Бога Войны Пэй Мина. Западным Богом Войны являлся Цюань Ичжэнь, глава дворца Циина. Юго-востоком заправлял Фэн Синь и его дворец Наньяна, юго-западом — Му Цин и дворец Сюаньчжэня. Ну а на востоке восседал свой Бог Войны, и то был Лан Цяньцю, которому принадлежал дворец Тайхуа.

Ещё до вознесения Лан Цяньцю, как и Се Лянь, являлся Его Высочеством наследным принцем. И, кроме того, наследником государства Юнъань. А государство Юнъань было тем, что пришло на смену государству Сяньлэ. Его предком-основателем являлся предводитель мятежного войска, что с боем взял столицу Сяньлэ.

Се Лянь, скитаясь по миру людей, бывал и на востоке. Разумеется, он узнал, что и наследный принц государства Юнъань тоже вознёсся

на Небеса. И поскольку теперь оба они являлись божествами, принц давно подозревал, что рано или поздно два Высочества столкнутся в чертогах Верхних Небес. И потому ничего странного в этом не видел.

Те младшие небожители перемывали ему кости, однако при этом даже не думали говорить тише. Окажись на месте Се Ляня кто-то другой, возможно, они бы побоялись быть услышанными, но Се Лянь будто вовсе не внушал им страха — напротив, они специально говорили достаточно громко, так ведь более волнительно. Се Лянь притворился, что ничего не заметил, и направился дальше по своим делам, ни слова не сказав. Внезапно кто-то снова окликнул:

— Ваше Высочество наследный принц!

Се Лянь подумал: «Быть не может, ещё один?» Однако, обернувшись, убедился, что звали именно его. К нему подошла Линвэнь с кипой свитков в руках и чёрными кругами под глазами. Она произнесла:

— Все вернулись в столицу и уже отправились во дворец Шэнью на собрание. Ведите себя осмотрительнее, когда окажетесь там.

Се Лянь, разумеется, понял, о чём речь, и спросил:

— Какое наказание на этот раз ждет младшего генерала Пэя?

— Ссылка, надо полагать.

Се Лянь подумал: «Что ж, это не худший вариант, можно сказать, не так уж страшно».

Ссылка означала «временное низвержение». В случае если небожитель совершил преступление, но такое, которое ещё можно пересмотреть, у него есть возможность восстановиться в должности. И однажды, если он проявит себя с положительной стороны, его, вполне возможно, вытянут наверх. Это могло случиться как и через три-пятьдесят лет, так и через сотню-другую. Вот только принц считал подобный исход дела «не худшим вариантом» согласно собственным стандартам. Для генерала Пэя всё было совсем иначе.

Се Лянь вспомнил ещё кое-что.

— Линвэнь, послушай, в прошлый раз я рассказывал тебе о юноше с поветрием ликов на горе Юйцзюнь. Твои подчинённые разузнали, что с ним? Есть ли о нём известия?

— Примите искренние извинения, Ваше Высочество, пока ещё нет. Мы займёмся этим вопросом вплотную.

Даже небожителю Небесных чертогов было не так уж легко найти в бескрайнем океане людей одного человека. Разумеется, процесс шёл быстрее, но всё же «быстрее» означало, что если простому смертному на поиски понадобится десять лет, то небожитель потратит один год. Се Лянь произнёс:

— Спасибо вам за труды.

К тому моменту они дошли до конца улицы и как раз остановились перед грандиозным в своём величии дворцом.

Дворец явно был отшлифован временем, при этом выглядел многое повидавшим на своём веку, но не состарившимся. Золотые крыши, покрытые глазурью, высились друг над другом сверкающим каскадом, ослепляя своим блеском. Се Лянь поднял взгляд наверх и увидел, что под нижней золотой крышей красуются иероглифы «Дворец Шэньу», внушительные и мощные. Они совсем не изменились за несколько сотен лет. Опустив взгляд, принц сделал шаг и вошёл внутрь. В главном зале давно собрались небожители, и теперь либо стояли группами по двое-трое, либо в молчаливом одиночестве.

Исключительно небожители Верхних Небес, пережившие вознесение, удостаивались права стоять здесь, каждый являлся баловнем судьбы, повелителем одной из сторон света. Духовные силы каждого текли через край, на остальных они смотрели свысока. У Се Ляня от такого зрелища запестрило в глазах. Однако на данный момент все были предельно сосредоточены, никто не смел разговаривать слишком громко. На троне в противоположном конце главного зала восседал Бог Войны в белом доспехе.

Лицо Бога Войны отличалось красотой, однако сейчас он закрыл глаза и молчал, что придавало ему крайне торжественный и строгий вид. За спиной его высились блистательные стены дворца Шэньу, под ногами сверкали белоснежные вершины облаков. Когда Се Лянь вошёл, Бог Войны, будто ощутив его присутствие, открыл глаза.

Глаза эти были непроглядно-чёрными, и в то же время чрезвычайно ясными, словно сделанными изо льда веками не тающего холодного омута. Затем Бог Войны мягко улыбнулся и произнёс:

— Сяньлэ^[57], ты пришёл.

Се Лянь смиренно склонил голову, ни слова не произнеся.

Стоило Цзюнь У заговорить, голос его без каких-либо усилий мощной волной прокатился по дворцу, привлекая внимание всех

находящихся здесь небожителей. Тогда Се Лянь прекрасно понял, в чём дело.

Данное собрание было созвано вовсе не с целью обсудить наказание младшего генерала Пэя за инцидент в Крепости Баньюэ. Главная роль сего действия предназначалась, видимо, самому Се Ляню.

Линвэнь, одетая в чёрное, подошла к императору и встала рядом с тронном. Без тени улыбки она вынула именной список, указала на несколько строк и обратилась к Цзюнь У:

— Владыка, кое-кто из небожителей совершает обход своих владений за пределами столицы бессмертных, они не в состоянии сейчас вернуться.

Цзюнь У ответил с лёгким кивком:

— Они оповестили меня об этом ранее.

Линвэнь склонила голову в знак понимания. Цзюнь У же вновь обратился к Се Ляню:

— Сяньлэ, тебе наверняка известно, для чего тебя сегодня вызвали наверх.

Се Лянь, не поднимая головы, ответил:

— Могу примерно догадаться. Вот только я считал, что по делу младшего генерала Пэя решение уже вынесено.

Неожиданно раздался голос мужчины:

— Боюсь, что пока нельзя сказать наверняка, каким именно будет это решение.

Голос этот, чистый и приятный на слух, прозвучал за спиной принца. Обернувшись, Се Лянь увидел входящего во дворец Бога Войны. Держа ладонь на рукояти меча, мужчина направился напрямик в переднюю часть главного зала, и, лишь проходя мимо Се Ляня, остановился на миг и приподнял уголок рта со словами:

— Ваше Высочество наследный принц. Наслышан, давно хотел с вами познакомиться.

На вид Богу Войны можно было дать около двадцати шести-семи лет, облик его отличался изяществом, но при этом двигался мужчина весьма решительно. Внешне он был гораздо более красив, чем та божественная статуя, что Се Ляню довелось увидеть на горе Юйцзюнь. То была красота, способная легко покорить женское сердце. С первого взгляда становилось понятно, что перед вами человек от природы

падкий на победы на любовном поприще. Се Лянь ещё не успел ответить на приветствие, как мужчина снова сказал:

— Премного благодарен вам за проявленную заботу о младшем генерале моего дворца.

Се Лянь, не подавая вида, подумал: «На сей раз я действительно задел его». Вслух же произнёс:

— Ну что вы, что вы. Это я давно о вас наслышан.

И принц несколько не лукавил. За прошедшие дни Се Лянь сравнил сведения из нескольких свитков, затем выборочно прочёл несколько легенд о прославленных небожителях, и чаще всего в них упоминался именно генерал Мингуан, Пэй Мин.

Бог Войны северных территорий до вознесения имел немалые военные заслуги, но люди всё равно более всего восхищались именно легендами о его любовных похождениях, иногда прекрасными, иногда не слишком. Среди прекрасных легенд существовали такие: бравый генерал во имя справедливости потратил золотые горы ради вызволения куртизанки из борделя, после чего девушка, одержимая слепой любовью, всю жизнь хранила себя лишь для замужества с ним. Но встречались и легенды иного рода: вскочив на коня, генерал преодолел тысячу ли и пробрался в чужой дом, чтобы провести ночь любви с замужней женщиной, и всё тому подобное. В некоторой степени подвиги его были весьма впечатляющи. Ознакомившись с этими легендами, Се Лянь подумал: уму непостижимо, как за все эти годы генерал нажил себе проблему в лице одной лишь Сюань Цзи.

По причине множества блистательных побед, как на поле брани, так и на любовном ложе, немало противников и даже соратников Пэй Мина частенько проклинали его, желая тому смерти, и лучше всего — от какой-нибудь амурной болезни. Однако вопреки всему упрямец оказался на удивление живучим. Вкусив аромат тысяч цветов, генерал остался полностью здоров; он не только не собирался умирать, а при этом ещё и прожил дольше некоторых. В конце концов, однажды генерал всё же потерпел поражение, тогда противники возрадовались: «Ха-ха-ха-ха! На этот раз он точно помер!» Но для них стало огромной неожиданностью, когда разразились раскаты грома, и в критический для себя момент... он вознёсся.

На этот раз все те противники, которых он не убил лично, скончались сами от бушующей внутри злости.

Но даже после вознесения характер Пэй Мина ни капли не изменился, зато значительно расширилась сцена для его любовных походов, о которых люди продолжали слагать легенды. Начиная от богинь и небесных чиновниц, заканчивая оборотнями-обольстительницами и демонами в женском облики, будь они хоть немного красивы, никому не удавалось избежать его ухаживаний. И всё же генералу по-прежнему более всего были по нраву земные красотки. Он стал излюбленным главным героем для творцов любовных романов, и если бы тот путь самосовершенствования, который избрал Се Лянь, не предписывал содержать мысли в чистоте и укрощать порочные желания, принц, возможно, из любопытства тоже раздобыл бы парочку подобных книжиц. Поэтому, помимо почётного звания Бога Войны северных земель, в народе за ним закрепилось прозвище «божества, дарующего успех в делах любовных». Даже в Небесных чертогах немало небожителей, случайно сталкиваясь с генералом где-то, проходили мимо и незаметно поворачивались, будто вознося молитвы, в надежде, что им перейдёт хоть частичка его удачи на любовном поприще. Нельзя не отметить, что подобное прозвище, несмотря на небольшое сходство, всё же являлось более удачным, чем «Огромный Член», которым по несчастливой случайности наградили Фэн Синя.

Все присутствующие небожители прекрасно поняли, о чём именно «наслышаны» эти двое, и в душе схватились за животы от смеха.

Покончив с формальностями, Се Лянь спросил:

— И что же означает «нельзя сказать наверняка» в словах генерала Пэя?

Пэй Мин дважды щёлкнул пальцами, и в самом центре главного зала возник парящий в воздухе труп.

Строго говоря, это была распластанная пустая оболочка. Однако поскольку внутри неё вместо души имелась лишь пустота, а сама оболочка с ног до головы была покрыта кровью, сейчас она ничем не отличалась от обыкновенного трупа. Взглянув на симпатичное лицо, глаза которого были плотно сомкнуты, принц понял — это тело А Чжао. Или же того самого двойника младшего генерала Пэя.

Многие небожители были ошеломлены внезапным появлением чего-то подобного посреди их собрания, где каждый являлся образцом

красоты и благовоспитанности. Спустя какое-то время привели и Пэй Су.

Закованный в кандалы, он всё же оставался невозмутим и холоден. Опустив голову, юноша молчал. Се Лянь спросил:

— Генерал Пэй, что всё это значит?

Пэй Су преклонил колени во дворце Шэнью, Пэй Мин же заговорил:

— В процессе допроса Сяо Пэя он упомянул одну вещь, которая показалась мне весьма удивительной. — Он обошёл Се Ляня полукругом и продолжил: — Я прекрасно осведомлён о способностях Сяо Пэя. И несмотря на то, что двойник его далеко не так силён, как истинное воплощение, нельзя назвать его слабаком. Двойник Пэй Су был вполне способен биться с нечистой ранга «свирепый» на равных. Однако, как он мне сообщил, ему довелось встретить противника, который не оставлял ему даже шанса на ответный удар. Разве это не удивительно? Я продолжил расспрашивать и выяснил, что в тот момент в Крепости Баньюэ подле Его Высочества наследного принца Сяньлэ присутствовал юноша в красных одеждах.

Когда прозвучали слова «красные одежды», выражения лиц некоторых небожителей стали немного неестественными. Дальнейшие слова Пэй Мина превратили эту неестественность прямо-таки в неспособность ровно стоять на ногах:

— И этот юноша в крошечной тьме за одно мгновение без остатка уничтожил несколько сотен воинов Баньюэ, чей ранг практически приблизился к «свирепым»! Так позвольте же узнать, Ваше Высочество наследный принц, святое божество каких земель явилось к вам в облике этого юноши в красном?

Если он не являлся «свирепым», значит оставался лишь ранг «непревзойдённый»! К тому же... непревзойдённый, способный убить сотню свирепых в одно мгновение, носящий красные одежды.

Любой мог догадаться, кем наиболее вероятно являлся юноша. Однако никто не желал первым произносить это имя вслух. Се Лянь взглянул на молчаливое лицо Пэй Су и с неприкрытым притворством произнёс:

— Кхм, правда? Если честно, я и сам уже плоховато помню. Тогда в Крепость Баньюэ со мной проник целый торговый караван, с ними я

провёл всего-то несколько дней. Возможно, это был кто-то из тех людей.

Пэй Мин заметил:

— Постойте, Ваше Высочество, Сяо Пэй сообщил мне, что вы чрезвычайно тесно общались с тем юношей. Вовсе не похоже на то, что вы провели вместе всего несколько дней. Как вы могли забыть о нём так скоро?

Се Лянь подумал: «Нет, тут ты ошибаешься, я сказал чистую правду. Мы действительно провели вместе всего-то несколько дней».

Внешне лица принца не коснулась и тень эмоций. Внезапно один небожитель в белых одеждах заклинателя, стоящий неподалёку, легко взмахнул белоснежной метёлкой из конского волоса и произнёс:

— Генерал Пэй, ваши слова основываются лишь на мнении младшего генерала Пэя, а он сейчас обвиняется в преступлении, находится под арестом и вскоре будет отправлен в ссылку. Ещё стоит хорошенько взвесить, в какой степени его словам можно доверять.

— Что ж, для этого нужно обратиться к генералам Наньяну и Сюаньчжэню. Надеюсь, они смогут оказать небольшую помощь в разрешении данного вопроса.

Посмотрев в направлении взгляда Пэй Мина, Се Лянь в самом деле увидел в юго-восточной и юго-западной частях главного зала Фэн Синя и Му Цина, стоящих отдельно друг от друга.

Фэн Синь выглядел именно таким, каким его помнил принц: всегда высокий, вытянутый по струнке, с решительностью во взгляде. Между бровей залегла вечная складка, словно что-то постоянно его раздражало, однако на самом деле это вовсе не так. Му Цин же немного отличался от того облика, что отпечатался в памяти Се Ляня. Он был всё таким же белокожим, с лёгким налётом румянца, тонкие губы были всё так же слегка поджаты, а веки опущены, но теперь всем своим видом Му Цин излучал холодную ауру, словно предупреждающую: «Даже не думай заговорить со мной». Он стоял со скрещенными на груди руками, пальцами правой руки легонько перестукивая по сгибу левой. Не совсем ясно — так он выражал свою невозмутимость или же о чём-то размышлял.

Каждый из двоих, хоть и считался красавцем, а всё же имел свои собственные качества, раздражающие других. Услышав, как Пэй Мин назвал их, оба, не сговариваясь, вначале посмотрели на Цзюнь У.

Владыка мягко кивнул, и лишь после этого они медленно вышли вперёд.

Это был первый раз, когда Се Лянь встретился с ними лицом к лицу после третьего вознесения. Принц немедленно почувствовал нарастающее ошеломляющее внимание во всех взглядах, направленных к нему.

И внимание это было неизбежным.

Надо сказать, что дворец Шэнью был дворцом первого Бога Войны, и никто, не являясь небожителем Верхних Небес, не имел достаточных прав, чтобы явиться сюда на обсуждение важных вопросов. Наследный принц Сяньлэ, вознесшись в первый раз, избрал Фэн Синя и Му Цина своими помощниками. В те времена они являлись лишь небожителями Средних Небес самого низкого ранга и не имели права войти сюда даже чтобы вымыть полы. Теперь же эти бывшие младшие помощники рангом ниже генерала не только могли открыто посещать дворец Шэнью, но и места занимали намного выше, чем их прежний предводитель. Правду говорят: невозможно предугадать, как повернётся колесо судьбы, тридцать лет река течёт на восток, тридцать лет — на запад^[58].

Все трое некоторое время беспорядочно играли в гляделки, но потом быстро притворились, что ничего не произошло, и отвернулись в сторону. Никому не удалось разглядеть, о чём подумал каждый из них. И всё же Се Лянь примерно догадался, о какой помощи их просил генерал Пэй.

Как и ожидал принц, Пэй Мин произнёс:

— Оба генерала, Наньян и Сюаньчжэнь, когда-то сталкивались в бою с Хуа Чэном. Поэтому у них всё-таки есть право голоса в отношении оружия вышеупомянутого противника.

Он призвал пустую оболочку А Чжао именно для того, чтобы все могли рассмотреть оставленные на ней ранения. Фэн Синь и Му Цин неторопливо подошли к подвешенной в воздухе оболочке. Се Лянь тоже приблизился на пару шагов и бросил заинтересованный взгляд, но поскольку крови вытекло слишком много, раны в основном запеклись чёрным, поэтому разглядеть что-то не представлялось возможным. Двое генералов с серьёзными лицами осмотрели тело, затем подняли взгляд и на мгновение переглянулись, словно ни один не желал говорить первым. Линвэнь у трона Цзюнь У спросила:

— Уважаемые генералы, каков ваш вердикт?

Фэн Синь всё-таки ответил первым. В его голосе слышалась тяжесть:

— Это он.

Му Цин же добавил:

— Это изогнутая сабля Эмин.

По всей видимости, среди тех, кто находился сейчас во дворце Шэнью, один Се Лянь не знал, что означают эти слова.

Эмин — тот самый поразительный изогнутый клинок, которым Хуа Чэн, бросив вызов тридцати трём Богам Войны и Литературы, во снах людей разгромил в пух и прах армии Богов Войны, заставив всех трепетать от ужаса!

Небожители во дворце начали тихо переговариваться друг с другом, их взгляды на Се Ляня при этом сделались бесконечно невыразимыми. Пэй Мин произнёс:

— Благодарю, уважаемые генералы, за подтверждение данного факта. В таком случае, мои догадки верны. И если юный спутник Его Высочества в красных одеяниях действительно тот, о ком мы говорим, дело принимает более запутанный оборот.

Небожитель в белых одеяниях, который уже высказывался ранее, снова вмешался:

— Генерал Пэй, вы хотите сказать, что Его Высочество наследный принц вступил в сговор с непревзойдённым Князем Демонов, чтобы возвести ложное обвинение на младшего генерала Пэя?

Небожитель высказался уже дважды, причём оба раза вставал на сторону принца, и Се Лянь неизбежно заинтересовался, кто же этот оригинал среди божественных чинов. Обернувшись, принц увидел пару чистых ярких глаз, метёлку из конского волоса, небрежно лежащую на сгибе локтя, длинный прямой меч за спиной и сложенный веер, заткнутый за пояс из белой яшмы. Облик истинно утончённого и беззаботного человека в вечно приподнятом настроении. Его внешность показалась Се Ляню смутно знакомой, однако принц так и не смог вспомнить, где видел этого друга на тропе самосовершенствования.

Пэй Мин же, бросив взгляд на говорящего, выглядел при этом словно взрослый, который не желает препираться с ребёнком. Покачав

головой, он взмахнул рукой, и висящее в воздухе тело А Чжао испарилось.

Повернувшись, генерал произнёс:

— Возможно, речь вовсе не о сговоре. Дело в том, что тот, о ком сейчас идёт разговор, обладает немалой властью, а также исключительными способностями. Вполне может статься, что он при помощи какого-то магического трюка отвёл принцу глаза или ввёл Его Высочество в заблуждение при помощи хитрости и коварства.

Всё это могло означать лишь одно — Пэй Мин намеревался выставить Хуа Чэна тайным злодеем, что стоял за происшествием в Крепости Баньюэ. Се Лянь произнёс:

— Генерал Пэй, если вы не верите мне, вы не можете не поверить словам Повелителя Ветров. Младший генерал Пэй признал свою вину, Повелитель Ветров может это подтвердить.

Пэй Мин вновь бросил взгляд на небожителя в белых одеждах. Се Лянь добавил:

— Кроме того, мы ведь с вами находимся во дворце Шэньу, и вы прямо сейчас можете спросить Владыку, применялось ли ко мне какое-либо одурманивающее магическое воздействие.

Выражение лица Цзюнь У, сидящего на высоком месте, осталось невозмутимым. Это означало, что никаких следов магии на теле Се Ляня нет. Принц вновь заговорил:

— Давайте не будем смешивать между собой два разных дела. Оставим в стороне вопрос о том, является ли пришедший со мной юноша Хуа Чэном. Даже если допустить, что он — действительно Хуа Чэн, это ведь не имеет никакого отношения к тому, что совершил младший генерал Пэй. Разумеется, дурная слава непревзойдённого Князя Демонов гремит на весь мир, но ведь нельзя сваливать на него абсолютно все преступные деяния.

Непринуждённость, с которой принц произнёс то самое имя, заставила некоторых небожителей во дворце ощутить, как по спине пробежал холодок.

— Как бы то ни было, — парировал Пэй Мин, — считаю, что данное происшествие требует дополнительного расследования. Настоятельно рекомендую Его Высочеству выдать нам советника Баньюэ, которую вы забрали с собой. Для проведения допроса.

Для проведения какого ещё допроса? Чтобы девушка под пытками дала нужные показания? Се Лянь не успел и слова вставить, как раздался ещё чей-то голос. Пэй Су, словно больше не желал находиться во дворце Шэньу, тихо произнёс:

— Генерал, оставьте.

Пэй Мин:

— Что?

Пэй Су:

— Никакого магического трюка не было. Всё это действительно совершено мной. Я вас подвёл.

Пэй Мин собирался оправдать его, Пэй Су же в итоге во всём признался. Лицо генерала сделалось суровым, а тон жёстким:

— Каким зельем тебя опоила эта советница Баньюэ? Лучше закрой рот.

Пэй Су вместо этого поднял голову и произнёс:

— Всё кончено, генерал! Всё же я не до такой степени труслив, чтобы совершить проступок, но не иметь смелости признать содеянное. Раз уж я по неосторожности попался, то не должен страшиться возмездия, каким бы оно ни было.

На лице потрясённого Пэй Мина было написано «ты ведь всегда был таким сообразительным, почему же сегодня вдруг потерял разум?» Старший генерал едва не отвесил младшему хорошего пинка, чтобы вразумить последнего, как вдруг вмешался Цзюнь У:

— Довольно.

Стоило ему заговорить, Пэй Мин опустил занесённую ногу и слегка поклонился, выражая почтение. Цзюнь У произнёс:

— Расследование происшествия в Крепости Баньюэ завершено. Уведите Сяо Пэя, в скором времени он отправится в ссылку.

Помолчав пару мгновений, Пэй Мин ответил:

— Слушаюсь.

Се Лянь уж было вздохнул с облегчением, когда Пэй Мин добавил:

— Но ведь раны на теле этой оболочки действительно оставлены Эмином.

Цзюнь У ответил:

— Да. И это уже совершенно другой вопрос.

— Прошу вас провести тщательное разбирательство.

— Разбирательством по данному вопросу я займусь лично, об этом никому не стоит тревожиться. Сегодня вы пока можете идти. Сяньлэ, а ты останься.

Судя по всему, он просил Се Ляня задержаться, чтобы лично опросить его. Остальным небожителям нечего было добавить, они склонили головы и ответили:

— Слушаемся.

Собрание завершилось, все направились к выходу из дворца небольшими группами. Фэн Синь, проходя мимо, взглянул на принца, словно хотел сказать что-то, но передумал. Се Лянь слегка улыбнулся ему, но тот в ответ лишь замер на мгновение и всё-таки решил уйти. Му Цин же не удостоил принца даже взглядом, словно его и вовсе не существовало, и всё же будто специально прошествовал прямо перед Се Лянем.

Небожитель в белом взмахнул метёлкой из конского волоса и подошёл к принцу с широкой улыбкой, словно хотел с ним заговорить, однако тут его настиг Пэй Мин, который только что проиграл спор. Сжимая в одной руке рукоять меча, другой потирая нос, он бессильно произнёс:

— Цинсюань, не мог бы ты не вмешиваться не в своё дело, хотя бы памятуя о своём старшем брате?

Улыбка исчезла с лица небожителя в белом, он ответил:

— Генерал Пэй, не пытайтесь надавить на меня с помощью брата. Я его не боюсь.

— Ты... — Было очень похоже, что Пэй Мин от негодования готов скрежетать зубами, но ничего поделать с собеседником не мог, и потому лишь указал на него пальцем со словами: — Хорошо же ты постарался. В этот раз ты погубил Сяо Пэя окончательно. Его отправят в ссылку на двести лет.

Собеседник резко взмахнул метёлкой и возразил:

— Это дело рук самого Сяо Пэя, я здесь ни при чём!

Словно не желая больше говорить с Пэй Мином, он поспешно выбежал из дворца. Се Лянь задумался, не привяжется ли теперь Пэй Мин к нему с колкими замечаниями, но тот подобных намерений не имел и также вышел прочь. В огромном зале дворца Шэньу, кроме сидящего на троне Цзюнь У и стоящего внизу, у трона, Се Ляня, остался лишь ещё один небожитель. То был наследный принц

государства Юнъань — Лан Цяньцю. Се Ляню показалось странным, почему он остался? Однако, подойдя поближе, он увидел, что тот стоит с закрытыми глазами, погрузившись в сон.

Се Лянь, не в силах ничего сказать, подумал — вот это мастерство! Затем осторожно похлопал юношу по плечу и позвал:

— Ваше Высочество, Ваше Высочество?

Лан Цяньцю мгновенно пробудился и воскликнул:

— Что случилось?!

— Ничего, собрание закончилось.

Лан Цяньцю только что проснулся и пока ещё не до конца осознал происходящее. Он растерянно проговорил:

— Уже всё закончилось? О чём шла речь? Я что, всё прослушал?

— Прослушали и ладно, ничего особенного не говорилось. Идите же, ступайте к себе.

Лан Цяньцю ответил лишь «О!» и сразу ушёл. Шагнув за порог дворца, он на мгновение задержался, посмотрел на принца и, вновь лучезарно улыбнувшись, сказал ему:

— Спасибо, что разбудили меня.

Се Лянь, добродушно улыбаясь, помахал ему рукой. Лишь дождавшись, когда все окончательно покинут дворец, Се Лянь медленно повернулся. Цзюнь У тоже сошёл со своего трона и, заведя руки за спину, направился прямо к принцу. Затем произнёс:

— Собиратель цветов под кровавым дождём, изогнутая сабля Эмин.

Се Лянь, словно котёнок, которого подняли за шкурку, невольно вытянулся в струнку.

Цзюнь У спросил:

— Так что же... всё это значит?

Се Лянь посмотрел на него и внезапно рухнул на пол.

Однако его колени ещё не успели коснуться пола, когда Цзюнь У протянул руку и поддержал его за локоть, не давая завершиться коленопреклонённому покаянию.

— Сяньлэ, — со вздохом произнёс Владыка.

Се Лянь вновь выпрямился, но голову уронил на грудь и проговорил:

— Простите.

Цзюнь У, глядя на него, спросил:

— Так значит, ты признаёшь, что виноват?

— Признаю.

— В таком случае расскажи-ка, в чём же твоя вина.

Се Лянь промолчал.

Цзюнь У покачал головой и добавил:

— Как я и думал, ты сам не знаешь этого.

Он слегка повернул голову, делая Се Ляню знак следовать за ним, и оба неторопливо направились во внутренние покои дворца Шэньу. Цзюнь У шёл впереди, сложив руки за спиной, и на ходу говорил:

— Сяньлэ, ты повзрослел.

Разумеется, Се Лянь не нашёл в себе достаточно смелости что-то ответить на эту фразу. Цзюнь У продолжил:

— Восемьсот лет назад перед отправкой в мир смертных я просил тебя не забывать почаще связываться со мной, не барахтаться в грязи одному. Но как только ты покинул Небеса, от тебя не было ни весточки. В итоге ты в одиночестве внизу замучил себя до смерти. Теперь же со времени твоего вознесения прошло много дней, но ты ни разу так и не посетил мой дворец, не сообщил о прибытии. Прояви кто-то другой подобную неучтивость, дворец Линвэнь мог бы немедленно привлечь его к ответственности.

Однако вещи, за которые Се Лянь просил прощения, этим не ограничивались. Цзюнь У, разумеется, всё прекрасно понимал, поэтому добавил:

— Если ты только что извинялся за ту пару порезов мечом, не стоит вспоминать о них. Это ведь твои слова — после нанесённых ран всё начисто будет забыто.

Се Лянь горестно усмехнулся:

— ...Разве подобное можно забыть.

Цзюнь У бесстрастно ответил:

— В таком случае, смотри вперёд, в будущее. Существует ещё множество дел, в которых мне требуется твоя помощь.

Се Лянь потёр точку между бровей и произнёс:

— Сяньлэ теперь всего лишь мусорное божество. У меня недостаточно магических сил, чтобы кому-то пригодиться. Лишь бы не путался под ногами и не добавлял проблем.

— К чему это самоуничижение? Ведь после возвращения ты прекрасно справился уже с двумя непростыми задачами, разве нет?

Се Лянь печально вздохнул:

— Боюсь только, что, стоило мне вернуться, как я тут же навлёк на себя гнев генерала Пэя.

— Мингуан не станет искать расплаты. Я присмотрю за ним, об этом не беспокойся. Но... — Цзюнь У развернулся: — Лучше расскажи, внимание какой исключительно поразительной личности ты привлёк, спустившись в мир людей на этот раз?

Се Лянь вскинул руки и заговорил:

— Владыка, клянусь, я ничего не делал. Всего лишь однажды случайно встретил одного очень интересного юного друга и провёл с ним некоторое время, но ни о чём таком и не помышлял.

Цзюнь У кивнул.

— Случайно встретил. Юного друга. Непревзойдённого Князя Демонов. Сяньлэ, ты наверняка представляешь себе, каким мог быть итог, продолжи генерал Пэй спрашивать, и скажи ты то же самое на глазах у остальных. Никто бы не поверил тебе.

Се Лянь беспомощно ответил:

— Сяньлэ понимает. Поэтому я должен поблагодарить Владыку за то, что вовремя помогли мне выбраться из затруднительного положения. Но вы ведь не собираетесь по-настоящему допрашивать меня? Я бы никогда не вступил в сговор с миром демонов. Вы напрасно беспокоитесь.

— Разумеется, я знаю, что ты никогда не вступишь в сговор с миром демонов.

— Благодарю за доверие, Владыка.

— И всё же, у меня для тебя было важное дело, которое теперь, боюсь, я не смогу тебе поручить.

— Какое дело?

К тому моменту они уже оказались во внутренних покоях дворца Шэньу. Внешняя и внутренняя часть дворца разделялись огромной картиной. На лицевой стороне был изображён золотой дворец, который высился на самой вершине бескрайнего моря облаков, окружённый белоснежным сиянием. На обратной стороне красовались необъятные земные просторы, горные цепи и великие реки. Если поднять голову повыше, то можно разглядеть, что картина инкрустирована множеством мелких жемчужин, словно россыпью ярких звёзд.

То были отметки местоположения дворцов Шэньу в мире смертных. Каждая жемчужина на картине означала место, где построен дворец Шэньу. Восемьсот лет назад, когда Цзюнь У впервые привёл сюда только что вознесшегося Се Ляня, жемчужные звёзды сияли далеко не так плотно друг к другу. Теперь же яркие точки на карте равномерно покрывали почти всё, что попадало в поле зрения, создавая картину прекрасную и удивительную.

Цзюнь У, остановившись перед картой, указал на определённую местность на востоке, затем произнёс:

— Семь дней назад многие своими глазами видели, как в диких горах недалеко от этого места взвился в небо пылающий огненный дракон.

Выражение лица Се Ляня немедленно сделалось серьёзным и сосредоточенным.

Цзюнь У, заведя одну руку за спину, другой легко постучал по точке на карте.

— Огненный дракон горел целый час, после чего исчез. Его успели увидеть множество людей, однако никто не пострадал. Ты понимаешь, что это означает?

— Техника «Огненного дракона, взывающего к Небесам». Пламя горит сильно, но людей не ранит, лишь взвивается ввысь огромным драконом. Это призыв о помощи.

— Именно. Призыв о помощи, и кроме того, исходящий от чиновника Верхних Небес.

— К тому же, отправленный небожителем, находящимся в совершенно безвыходном положении.

Принц сделал такой вывод, поскольку техника Огненного дракона, взывающего к Небесам, формирует мощнейший поток пламени, который не должен нанести вреда людям. Подобный манёвр неизбежно задействует немалую часть магической силы. Одно неосторожное движение, и можно лишиться всех магических сил без остатка, что чревато серьёзными последствиями. Поэтому подобный сигнал о помощи подавался лишь в самом крайнем случае. Его появление означало лишь одно: посланный сигнал находится в критическом положении, из которого нет иного выхода.

Се Лянь спросил:

— Не было ли в последнее время в чертогах Верхних Небес случаев бесследного исчезновения небожителей?

— Сегодня я созвал всех не только по поводу инцидента в Крепости Баньюэ. Что ещё более важно, я использовал эту возможность для выяснения местонахождения всех небесных чинов. И кроме тех, кто часто ведёт затворнический образ жизни, к примеру, Повелителя Дождя или Земли, остальные небожители, даже если не смогли присутствовать сегодня, на призыв всё же ответили.

Помолчав, Се Лянь задал ещё вопрос:

— Возможно ли, что это небожитель какого-либо прошлого созыва, ушедший на покой, который не относится к нынешнему пантеону божеств?

— В таком случае, сфера поисков многократно расширяется. Многие небожители, ушедшие на покой, не выходили на связь уже долгие годы, и совершенно не представляется возможным узнать, кто именно подвергся опасности.

Наверняка младшие служащие из дворца Линвэнь в последнее время занимались именно этим вопросом до чёрных кругов под глазами и неспособности стоять на ногах. Ничего удивительного, что никто из них не мог выделить и минуты на поиски юноши с поветрием лиц с горы Юйцзюнь. Се Лянь произнёс:

— Наверняка неизвестный, который довёл небожителя до состояния, когда тот готов подвергнуть себя немалому риску, но послать сигнал о помощи, представляет из себя серьёзного противника. Возможно, неподалёку от местности, где появился дракон, имеется гнездо нечисти или иное место, где она собирается в больших количествах?

— Имеется. И весьма близко. Ты, должно быть, слышал о Призрачном городе?

Се Лянь, недолго поразмыслив, ответил:

— Слышал.

Призрачный город является самым оживлённым и шумным местом мира демонов. И находится на границе между двумя мирами — людей и демонов.

Разнообразная нечисть слетается сюда для заключения сделок. Это место, где тёмная сила цветёт буйным цветом. Иногда более-менее одарённые магическими способностями заклинатели промышляют

торговлей в Призрачном городе или же приходят, чтобы разузнать кое-какие сведения. Даже некоторые чиновники Небесных чертогов, нарядившись для маскировки, захаживают туда из любопытства или же по иным причинам, которые нельзя знать больше никому. Изредка по ошибке забредают ничего не смыслящие живые люди, и если их не сжирают или не снимают шкуру живьем, бедняги сбегают, перепугавшись до полусмерти.

Призрачный город имеет древнюю историю — конечно, не такую древнюю, как Се Лянь — и всё же в мире людей о нём ходит множество легенд. К примеру, вот одна из самых классических страшных сказок: однажды ночью путник увидел впереди шумный и красочный рынок, горящий ярко-красными фонарями, и, радостно улыбаясь, вошёл внутрь. Внутри он заметил, что все люди вокруг него носят маски, либо лохматые и всклокоченные, либо несравнимо уродливые. Путнику подобное показалось странным, но, не придав этому большого значения, он купил себе тарелку лапши, уселся и приготовился есть. Схватив палочки, путник запихнул порцию лапши в рот, прожевал и почувствовал что-то странное. А когда наклонился посмотреть, что же это такое, то увидел тарелку, полную шевелящихся чёрных волос!

Отрывая принца от размышлений, Цзюнь У вернулся к основному вопросу:

— Увидев столб огня, я немедленно послал подчинённых, чтобы обыскать местность, но ни единой зацепки обнаружено не было. Существует большая вероятность, что посланного сигнал утащили в Призрачный город. Однако между Небесными чертогами и миром демонов существуют чёткие разграничения, без достаточных доказательств мы не можем вторгнуться туда. Поэтому мне нужен небожитель, способный тайно спуститься на разведку.

— Нельзя вспугнуть противника раньше времени, поэтому вы не объявили о случившемся перед всеми небожителями, собравшимися во дворце Шэньу, во избежание утечки сведений, верно?

— Именно так.

— В таком случае, Владыка, Сяньлэ ожидает приказаний.

— Я сперва намеревался поручить это дело тебе. Но боюсь, что тебе будет несподручно взяться за него.

— Почему мне может быть несподручно?

— Во-первых, восточные территории находятся под управлением Лан Цяньцю. Если ты отправишься туда, тебе неизбежно придётся сотрудничать с ним.

— Это для меня не представляет трудностей. Прошу, не беспокойтесь.

— Во-вторых, тебе известно, кому принадлежит власть над Призрачным городом?

Се Лянь на миг замер.

— Неужели Хуа Чэну?

Цзюнь У неспешно кивнул. Когда предчувствие Се Ляня оправдалось, он вдруг подумал ещё вот о чём.

Столб пламени поднялся в небеса семь дней назад. А ведь именно тогда Хуа Чэн покинул монастырь Водных каштанов. Время совпало весьма точно, неизбежно напрашивался вопрос — возможно ли, что вышеуказанные события как-то связаны друг с другом?

Цзюнь У произнёс:

— Судя по всему, отношения между вами наладились неплохие, но дело даже не в этом. Бояться следует лишь одного — что он как-то замешан в данном происшествии. Если тебе в тягость, я не настаиваю. Но если у тебя есть иные предложения или подходящая кандидатура исполнителя, можешь свободно высказываться.

— Я возьмусь за дело, — всё-таки ответил Се Лянь. — У меня сложилось мнение, что Собиратель цветов под кровавым дождём не из тех, кто будет утаивать злые намерения.

Цзюнь У, посмотрев на принца, произнёс:

— Сяньлэ, я понимаю, что у тебя есть своё мнение на этот счёт. Но мне также известно, что ты всегда оценивал других только с положительной стороны.

Услышав эту фразу, Се Лянь улыбнулся.

— Вы говорите так, словно я — маленькая принцесса^[59], которая ни разу не выходила за порог своего дома. На данный момент подобное описание совершенно мне не подходит.

Цзюнь У покачал головой.

— Мне не следует осуждать выбор друзей, с которыми ты водишься. Но я всё же кое-что скажу. Остерегайся Хуа Чэна.

Услышав его слова, Се Лянь слегка склонил голову, прикрыл глаза и замолчал. Ему следовало бы сразу ответить «слушаюсь», ведь

подобный ответ был для него обычным делом. Вот только это «слушаюсь» принц по какой-то причине не захотел произносить.

Цзюнь У добавил:

— В особенности остерегайся его зловещей сабли.

— Почему?

— Изогнутая сабля Эмин — проклятый клинок, приносящий несчастья. Чтобы выковать подобное оружие, непременно требуется принести бесчеловечную жертву, а также обладать жестокой решимостью. Не дай ему коснуться себя. И не дай себя поранить. В противном случае, результат предсказать будет невозможно.

Се Лянь в душе ощутил неизвестно откуда взявшуюся уверенность в том, что Сань Лан не станет ранить его своей саблей. Но на словах всё же ответил:

— Сяньлэ всё понял.

Цзюнь У мягко кивнул.

— Поручив это дело тебе, я, вне всяких сомнений, буду спокоен за его успех. Прекрасно, если ты не столкнёшься с затруднениями, но всё же боюсь, что в одиночку придётся нелегко. Кого из небожителей ты бы хотел избрать в напарники?

Поразмыслив, Се Лянь ответил:

— Кого угодно. Лучше, конечно, чтобы по характеру он был довольно уживчив. И чтобы магическими силами обладал немалыми и в любой момент мог одолжить мне немного.

Цзюнь У улыбнулся.

— Первым же условием ты перечеркнул кандидатуры Наньяна и Сюаньчжэня.

Это уж точно. Возьми хоть Фэн Синя, хоть Му Цина, характеры обоих нельзя назвать уживчивыми. Се Лянь тоже улыбнулся. Цзюнь У спросил:

— Какие сейчас между вами отношения? Вы всё ещё не поговорили?

Цзюнь У никогда не состоял ни в какой сети духовного общения, и потому, разумеется, не был осведомлён, о чём целыми днями судачат небожители. Се Лянь ответил:

— Перекинулись парой фраз.

— Уже столько лет прошло, и всего-то пара фраз? Чуть не забыл, я слышал, что во время последнего вознесения ты разрушил немало

золотых дворцов бессмертных чиновников, и среди них был дворец Наньяна.

Се Лянь в оправдание произнёс:

— Я всё возместил! Я полностью возместил восемьсот восемьдесят восемь десятков тысяч добродетелей. За этот шанс мне следует поблагодарить Владыку, ведь вы отправили меня на гору Юйцзюнь.

Цзюнь У же возразил:

— Тебе лучше вознести сердечные благодарности Наньяну. От Линвэнь я узнал, что впоследствии он лично отправился в её дворец с частным визитом и сказал, что от тебя не требуется возмещение добродетелей на строительство его нового золотого дворца.

Се Лянь застыл как вкопанный и пробормотал:

— Об этом... я ничего не знал.

А он-то думал, как у него вышло так быстро вернуть целых восемьсот восемьдесят восемь десятков тысяч добродетелей. Оказалось, из этого количества вычли недурную сумму. Ведь тогда именно дворец Наньяна пострадал серьёзнее всего. Говорят, половина золотой крыши обвалилась. Цзюнь У произнёс:

— Наньян просил Линвэнь ничего тебе не говорить. Разумеется, ты не знал. Но всё же, раз уж он не хотел, чтобы ты узнал об этом, лучше продолжай делать вид, что тебе ничего не известно.

Се Лянь не мог объяснить, что почувствовал в тот момент. Разнообразные эмоции мощным потоком заполнили его сердце, разрозненно сменяя друг друга. В конце концов, он неслышно вздохнул и подумал: «В этом мире любые предупреждения вроде “ни в коем случае никому не рассказывай” — всего лишь пустые слова».

Цзюнь У, на мгновение задумавшись, произнёс:

— Наньян и Сюаньчжэнь не подойдут. Тогда как насчёт Повелителя Ветров?

— Повелитель Ветров — прекрасная кандидатура. Вот только не знаю, согласится ли отправиться со мной.

— Повелитель Ветров обладает недюжинной магической силой, а также бойким нравом, очень любит заводить новых друзей, что весьма подходит под твоё условие уживчивого характера. В прошлый визит ко мне Повелителя Ветров я услышал весьма неплохую оценку, данную тебе. Я считаю, выбор достойный. Если у тебя больше нет вопросов,

отправляйся в Призрачный город вместе с Повелителем Ветров, разужнай всё как следует. И ещё.

— Что такое?

Цзюнь У медленно произнёс:

— Ты можешь приложить усердие, но не стоит перетруждаться.

Услышав такой совет, Се Лянь на какое-то время нерешительно замер, затем с лёгкой улыбкой ответил:

— Ну что вы такое говорите, я не перетруждаюсь вовсе.

Цзюнь У похлопал принца по плечу и сказал:

— Можешь пока вернуться во дворец Сяньлэ передохнуть. Я прикажу оповестить Повелителя Ветров.

Се Лянь удивлённо застыл на мгновение.

— У меня нет достаточного количества добродетелей, чтобы выстроить дворец. А прежний дворец Сяньлэ давно снесён. Откуда взяться ещё одному?

— Я приказал построить для тебя новый. Ты ведь не можешь всё время тесниться в том крошечном ветхом монастыре.

Покинув дворец Шэньу, Се Лянь направился вместе с младшим подчинённым Цзюнь У к новому «дворцу Сяньлэ».

Этот дворец выглядел почти в точности таким же, как и прежнее место обитания принца на Небесах. Красные стены^[60], покрытые глазурью — образ великолепия и благородства.

Но принц, долгое время простояв снаружи, совершенно не нашёл в себе желания заходить внутрь. Всё-таки мусорному божеству больше подойдёт в качестве жилья ветхий монастырь. В столь великолепном божественном дворце, который так и сияет тщеславием, ему теперь не место.

Так он и слонялся у ворот, ожидая прихода Повелителя Ветров. К его удивлению, спустя довольно долгое время принц так и не дождался заклинательницы в белых одеждах. Вместо неё явился заклинатель в белом.

Он имел вид бодрый и воодушевлённый, вокруг него так и парила аура божественности. Это был тот самый «Цинсюань», который только что помогал ему отразить нападку Пэй Мина во дворце Шэньу. Взмахнув метёлкой из конского волоса, он с улыбкой произнёс:

— Приветствую Ваше Высочество!

Се Лянь также улыбнулся и ответил:

— И я приветствую друга на тропе самосовершенствования!

На самом деле принцу очень хотелось спросить, кто же он такой? Но всё же Се Ляню показалось, что подобный вопрос собеседник мог посчитать бестактным, и потому решил незаметно достать свиток и поискать в нём небожителя, которого зовут Цинсюань. Как вдруг этот небожитель подошёл ближе и произнёс:

— Идёмте! Прогуляемся с вами до мира людей.

Се Лянь, удивлённо посмотрев на него, ответил:

— Уважаемый друг, я здесь кое-кого ожидаю.

Услышав ответ, собеседник заткнул метёлку из конского волоса за ворот заклинательского одеяния, повернулся и удивлённо спросил:

— Кого ещё вы ожидаете?

— Я ожидаю Повелителя Ветров.

Небожитель в белом удивился ещё сильнее.

— Но ведь я стою перед вами!

Брови Се Ляня подскочили наверх.

— Вы — Повелитель Ветров?

Собеседник раскрыл веер, обмахнулся им и ответил:

— Я — Повелитель Ветров, разве в этом приходится сомневаться?

Неужели вы не знали, кто я? Вы никогда не слышали имя Повелителя Ветров Цинсюаня???

В его голосе слышалась такая прямота и уверенность, словно незнание Се Лянем его личности казалось ему делом совершенно невозможным. На лицевой стороне веера оказался иероглиф «ветер», на обратной — три потока свежего воздуха. Разве можно было усомниться, что именно этим веером обмахивалась та самая заклинательница в белых одеждах?

Се Лянь внезапно вспомнил: Фу Яо упоминал, что в чертогах Верхних Небес некоторым небожителям особые требования предписывают владеть в совершенстве техникой перевоплощения; а Нань Фэн тогда в государстве Баньюэ обронил незаконченную фразу: «Очевидно, что Повелитель Ветров всегда...»

Всегда? Всегда — что?

Был мужчиной?!

Собеседник потянул Се Ляня за собой, но даже сделав несколько шагов, принц всё ещё не до конца принял данный факт. Он задал вопрос:

— Послушайте... Ваше Превосходительство, вы-вы-вы, почему в прошлый раз вы предстали передо мной в образе заклинательницы???

— А что? Выглядело не красиво?

— Красиво! Но...

Повелитель Ветров просиял:

— Какие могут быть «но», если выглядело красиво? Главное ведь — красота! Разумеется, именно по этой причине я и принимаю образ женщины.

Затем он внезапно о чём-то вспомнил, одним движением сложил веер, окинул Се Ляня оценивающим взглядом и спустя мгновение произнёс:

— Кстати говоря, в этот раз для проникновения в Призрачный город нам ведь тоже понадобится маскировка?

Се Лянь:

— ???

Принц проникает в Призрачный город для встречи с Князем Демонов

Сгорая от стыда, лишь спустя четыре часа Се Лянь выделил свободную минуту, чтобы незаметно полистать свиток и, наконец, в общих чертах узнать о том, кого же из себя представляет Повелитель Ветров.

Каждому из Повелителей Пяти Стихий в Небесных чертогах титул заменял фамильный знак. Например, до вознесения Повелителя Земли в миру звали Мин И. Вознесшись же на Небеса, он стал именоваться «Повелитель Земли И». Настоящим именем Повелителя Ветров в миру было Ши Цинсюань, после вознесения его стали звать «Повелитель Ветров Цинсюань». И характер его подобен полученному титулу — в точности как ветер. Ему нравится заводить новых друзей, кроме того, Повелитель Ветров щедр на подарки и действует всегда с размахом, не размениваясь по мелочам. У него прекрасные отношения с другими небожителями Верхних Небес, что можно понять хотя бы по тому, как он выбрасывает в сеть духовного общения сотню тысяч добродетелей одним махом. Кстати говоря, его старший брат — могущественный небожитель, заправляющий удачей в денежных делах. Не удивительно, что сам Повелитель Ветров щедр на дары, а на мелочи не обращает внимания.

Именно! Старший брат Повелителя Ветров Цинсюаня и есть тот самый «Водяной самодур», Повелитель Вод Уду^[61].

Спустившись в мир смертных, двое напарников пошли плечом к плечу, беседуя по дороге. Се Лянь, сложив руки на груди, со всей искренностью произнёс:

— Вознесение двоих генералов под фамильным знаком Пэй — уже повод для рождения чудесных легенд в мире людей. Ваше же вознесение на Небеса и получение титулов Повелителей Ветров и Вод — событие поистине ещё более чудесное.

Следует заметить, что из нескольких десятков тысяч человек и одному-то редко выпадал шанс вознестись. Пэй Мина и Пэй Су разделяли несколько сотен лет, к тому же последний не являлся прямым наследником, а был прапрапраправнуком брата Пэй Мина через ещё невесть какое поколение. Повелитель Вод Уду и Повелитель Ветров Цинсюань — самые настоящие братья по крови. Это как раз и

являлось истинным вознесением двоих отпрысков одной семьи. Разве не удивительно?

Ши Цинсюань с улыбкой возразил:

— Что в этом удивительного? Я и брат выросли на одной земле, обучались у одного мастера, избрали один и тот же путь самосовершенствования. Разумеется, и вознеслись мы тоже вместе.

Об этом Се Лянь также узнал, когда в спешке навёрстывал познания из свитка. Из двоих Повелителей вознесения первым достиг Ши Уду, но не прошло и нескольких лет, как Ши Цинсюань также пережил Небесную кару. Люди часто поклонялись и возносили подношения двоим небожителям в одном храме, воспринимая их как равных друг другу. Значит, и отношения между братьями были поистине прекрасные. Наверняка Повелитель Вод являлся именно таким, каким его описывали Сань Лан и Нань Фэн, и это причина, по которой Пэй Мин не мог навредить Повелителю Ветров. Как-никак, младший брат Водяного самодура. Разве можно так просто навлекать на себя его гнев?

Подумав об этом, Се Лянь внезапно вспомнил ещё кое-что, и после недолгих размышлений всё же решил спросить:

— Ваше Превосходительство, по словам генерала Пэя, сказанным во дворце Шэнью, я предположил, что он находится в дружеских отношениях с вашим братом. В этот раз вы подали жалобу на младшего генерала Пэя, не станет ли ваш брат...

— Не станет, не станет. Моему брату давно известно, что мне неприятен Пэй Мин.

— То, что ему известно — одно дело, но к поступкам это не имеет отношения. Не станут ли сложившиеся обстоятельства причиной раздора между Его Превосходительством Повелителем Вод и генералом Пэем?

Ши Цинсюань возразил:

— Раздору я бы как раз обрадовался. Я только и мечтаю, чтобы брат перестал с ним якшаться и поскорее избавился от статуса одной из Трёх Опухелей.

Се Лянь удивлённо спросил:

— Что ещё за Три Опухоли?

Ши Цинсюань потрясённо воскликнул:

— Что?! Вам даже это не известно? Эх! Ну ладно, я уже понял, что вам ничего не известно. Тогда просто послушайте. Три Опухоли — это шутовское название для троих небесных чиновников, обладающих дурной славой или репутацией, но при этом с обширными связями. А именно — Мингуана, Линвэнь и моего брата.

Се Лянь подумал: «Весьма неожиданно, что это не Се Лянь, Се Лянь и Се Лянь».

Ши Цинсюань покачал Веером Повелителя Ветров и добавил:

— Но даже если он мне неприятен, случившееся в этот раз — полностью вина самого Сяо Пэя. Пэй Мин намеревался повесить вину на советника Баньюэ, сохранив при этом должность Сяо Пэя, и я не мог позволить ему осуществить задуманное. Не важно, человек ты, божество или демон, за свои деяния нужно нести ответственность. Велика ли честь — обидеть девчонку?

На последней фразе его тон стал немного презрительным. Услышав это, Се Лянь с улыбкой произнёс:

— Ваше Превосходительство, вы поистине доблестный и благородный.

Ши Цинсюань улыбнулся в ответ:

— Вы тоже поступили недурно. Мне приходилось слышать расплывчатые слухи о Крепости Баньюэ, но не представлялось возможности разобраться в этом вопросе досконально. Кроме прочего, брат отругал меня несколько раз, накопились дела, и я забыл о ней. Но когда услышал ваш вопрос в сети духовного общения, сразу вспомнил об этом подозрительном происшествии и отправился посмотреть, в чём же всё-таки дело. Я и предположить не мог, что вы не просто спросили о Крепости Баньюэ, но и отправились туда лично. Тогда я и подумал — ого, а он неплох!

Повелитель Ветров отличался открытым характером и являлся весьма интересной личностью. Се Лянь прекрасно понимал, почему в чертогах Верхних Небес Повелитель Ветров отлично ладит со всеми. Принц никогда не думал, что, вознесшись на этот раз, сможет завязать дружбу с таким небожителем, поэтому не удержался от улыбки. К неожиданности Се Ляня, стоило ему отвернуться и повернуться снова, заклинатель рядом с ним обернулся заклинательницей в белых одеждах.

Превращение было слишком неожиданным, настолько, что Се Лянь едва не поскользнулся на ровном месте. Он произнёс:

— Ваше Превосходительство, почему вы так внезапно перевоплотились?

Ши Цинсюань поправил длинные волосы и ответил:

— Ох, Ваше Высочество наследный принц, не стану от вас скрывать, что в этом облике мои духовные силы намного мощнее.

Всё дело в том, что, как уже было сказано, Повелителям Вод и Ветров часто поклонялись в одном храме. Именно это стало причиной возникновения странного недоразумения. Возможно, кому-то показалось, раз в одном храме поклоняются двум небожителям, оба из которых — мужчины, создаётся ощущение, словно чего-то не достаёт. Если же мужчина в паре с женщиной, то и дела у них спорятся, и уже нет ощущения неполноценности. Поэтому кто-то из людей натворил вот что: изобразил статую Повелителя Ветров в женском облике.

Не говоря уже о переделке статуи, люди начали нести всяческий вздор, сочинять истории о том, что Повелители Вод и Ветров на самом деле брат и сестра, а то и вовсе муж и жена. Спустя несколько сотен лет слухи распространились повсюду и породили ещё больше диковинных историй. Когда двое небожителей внезапно решили их почитать, мурашками покрылась даже земля, где они стояли. И всё же многие люди, охотно поверив во все эти бредни, частенько ошибочно считали Повелителя Ветров женщиной. То и дело от последователей слышались возгласы: «О, Богиня, даруй мне свою милость». Так и Ши Цинсюань заполучил прозвище, его стали называть «Богиней Ветров».

Несмотря на всю комичность, подобная путаница не являлась редкостью. К примеру, Линвэнь тоже столкнулась с аналогичным опытом. Будучи женщиной, она тем не менее не походила на остальных богинь, которые наряжались словно ветви цветущих деревьев по весне. Линвэнь обыкновенно носила тёмные одеяния, официальные и строгие. Все дни она проводила во дворце Линвэнь, где следила за толпой младших служащих, проверяющей и исправляющей свитки до состояния безумия. Возможно, какую-то роль в этом сыграл её характер, но имелась и другая причина.

Спустись в мир людей, схвати первого попавшегося и задай вопрос: Совершенный Владыка Линвэнь — мужчина или женщина? Любой с уверенностью ответит: мужчина. Это же Бог Литературы.

Разумеется, он — мужчина. В самом начале своего вознесения Линвэнь пришлось нелегко именно из-за этого убеждения. Она являлась Богом Литературы, но многие в мире людей полагали, что женщина не может занимать подобную должность. Разве способна она даровать удачу в делах учёных мужей? Эффекта от её покровительства наверняка не дождёшься! Поэтому, как бы она ни старалась, а огни благовоний всё равно горели тускло. Впоследствии несколько раздосадованных этим фактом служителей её храмов в порыве злости переделали статуи Линвэнь, придав им полностью мужской облик. А титул Прекрасной Владычицы, который традиционно даровали женским божествам, специально изменили на Совершенного Владыку, да к тому же выдумали историю о его удивительном происхождении, от которой люди потрясённо разевали рты.

Стоило внести эти изменения, и огни благовоний вновь вспыхнули. Люди наперебой стали восхвалять истинную божественную силу благословения Линвэнь, хотя на самом деле личность небожителя не изменилась, как не изменились и магические способности. Распространяющиеся легенды были всего лишь выдумкой, но люди охотно в них поверили. Впоследствии Богине Литературы, являясь последователям во снах или же спускаясь в мир смертных, приходилось принимать мужской облик.

По той же причине люди считали, что, только будучи мужчиной и женщиной, покровители храмов Вод и Ветров способны исполнять молитвы. Кому какое дело, небожитель ты или демон? Если люди уверуют в то, какой ты есть, таким тебе и быть. Даже если ты далёк от этого образа на сто восемь тысяч ли^[62], все увидят лишь то, что хотят увидеть. Небожители Верхних Небес уже давно привыкли к подобному.

Что касается самого Ши Цинсюаня, Се Лянь пришёл к выводу, что Повелитель Ветров не испытывает беспокойства по поводу данного недоразумения. Даже правильнее будет сказать, он им наслаждается. И не только сам считает это развлечением, но и не прочь привлечь к перевоплощению своих знакомых ради совместного увеселения. Поэтому Се Ляня мучили подозрения по поводу истинной личности той заклинательницы в чёрном, что в прошлый раз составляла компанию Повелителю Ветров.

Вот уже в течение четырёх часов с тех пор, как они спустились с небес, Ши Цинсюань пытался уговорить Се Лянь тоже перевоплотиться в женщину. И к тому же приводил весьма веские доводы:

— От женщины исходит мощная энергия Инь, так будет намного проще смешаться с толпой в Призрачном городе.

Се Лянь, поразмыслив, всё же решил тактично отказаться:

— У меня недостаточно магических сил, перевоплотиться я не смогу.

Ши Цинсюань любезно заметил:

— А я вам одолжу. Разве не для этого Владыка попросил меня пойти с вами?

— Ваше Превосходительство, всё-таки лучше вам одолжить мне духовных сил, когда придётся драться...

Подтолкнуть принца к шалости не удалось, и Ши Цинсюань не стал настаивать. К тому времени они уже оказались в безлюдной местности, вокруг стояла глубокая ночь, в чернеющем лесу беспорядочно каркали вороны, атмосфера вокруг стояла пустынная и зловещая.

Се Лянь, оглядевшись, произнёс:

— Думаю, мы пришли. В этом месте энергия Инь цветёт буйным цветом, неподалёку находится крупное захоронение. Мы наверняка вскоре встретим кого-то, кто собрался посетить рынок в Призрачном городе. Просто последуем за ним, и всё.

Так они присели на дороге у заброшенного кладбища и принялись сторожить дерево в ожидании зайца^[63].

Неизвестно, сколько они так просидели, когда Ши Цинсюань вдруг запустил руку в рукав и каким-то образом нашарил внутри сосуд с вином. Затем спросил принца:

— Не желаете выпить?

Се Лянь принял сосуд и сделал глоток обжигающего напитка. Протянув сосуд обратно, он ответил:

— Благодарю.

Ши Цинсюань сделал два глотка и спросил:

— Вы не пьёте вино?

— Пью. Но если напиваюсь, теряю рассудок, поэтому предпочитаю лишь пригубить. Который час?

Ши Цинсюань, задумавшись, ответил:

— Полночь^[64].

Се Лянь кивнул.

— Кто-нибудь вот-вот появится.

Едва принц закончил фразу, как они увидели в чаще леса вдали ряд тусклых мерцающих огней.

Огни эти всё приближались и когда показались из лесу, двое небожителей разглядели идущих друг за другом женщин в белых одеяниях, без тени эмоций на лицах. Среди них шли и старые, и молодые, и красавицы, и страшненькие. На каждой — погребальный наряд и белый бумажный фонарь в руках. Процессия медленно продвигалась вперёд.

Это оказались призраки, под покровом ночи направляющиеся на рынок в Призрачный город.

Се Лянь прошептал:

— Идём за ними.

Ши Цинсюань кивнул, в два глотка допил вино, выбросил сосуд, и путники, поднявшись с земли, как ни в чём не бывало последовали за призраками.

Перед этим они сделали все необходимые приготовления и скрыли божественное сияние от своих тел, так что теперь ничем не отличались от деревянных кукол в форме людей, от которых человеческим духом и не пахнет. Призраки с белыми фонарями в руках медленно шли сквозь чёрный лес, по пути тихонько переговариваясь.

Одна из женщин сказала:

— Вот так радость-то, рынок в Призрачном городе снова открыт, я собираюсь немного подправить лицо.

Другая подхватила:

— А что с твоим лицом? Ты ведь совсем недавно его сделала?

Первая женщина ответила:

— Опять сгнило. Ох, в прошлый раз мастер, который его делал, обещал, что лицо продержится целый год, а ведь ещё и полгода не прошло.

Се Лянь и Ши Цинсюань следовали за призраками, подслушивая их разговоры, но ни слова не произнося. Услышав что-то смешное,

они, самое большее, приподнимали уголки губ и переглядывались. Спустя час процессия добралась до горного ущелья.

В самой его глубине показалось слабое красное свечение. Кажущийся нереальным ночной пейзаж окрасился песнопениями, долетающими издали. Се Ляню становилось всё любопытнее, как же выглядит легендарный Призрачный город. Однако к его неожиданности, едва они оказались в ущелье, женщина, замыкающая призрачную процессию, обернулась, заметила их и с подозрением спросила:

— А вы кто такие?

На вопрос повернулись все остальные женщины с мертвенно-бледными лицами. Им стало любопытно, поэтому призраки окружили двоих путников и принялись гадать:

— В какой момент они увязались за нами? Когда мы вылезли из могил, этих двоих с нами не было.

— Вы с какого кладбища? Почему мне кажется, что я вас раньше не видела?

Се Лянь, кашлянув, ответил:

— Мы... прибыли со сравнительно дальнего кладбища. Конечно же, нам не доводилось встречаться.

Ши Цинсюань также с улыбкой подхватил:

— Да! Мы прибыли издалека, преодолели многие ли, лишь для того чтобы попасть на рынок в Призрачный город.

Женщины в саванах, ни слова не говоря, таращились на них без всякого выражения. Если бы на месте путников был кто-то другой, он бы наверняка упал на колени от этих взглядов, съёжившись от страха. Се Лянь, впрочем, не страшился разоблачения. Разве могли эти тщедушные призраки женщин представлять для них угрозу? Тем не менее, Призрачный город находился прямо перед глазами, всего в нескольких шагах, и они не могли себе позволить сейчас устроить скандал, тем самым привлекая нежелательное внимание.

Одна из женщин, уставившись на Ши Цинсюаня, заговорила:

— Послушай, сестрёнка^[65], твоё лицо прекрасно сохранилось.

Се Лянь и Ши Цинсюань одновременно застыли. Затем тут же, как по команде, принялись согласно кивать.

— Да, недурно, — согласился Се Лянь.

Ши Цинсюань, перенимая его интонацию, добавил:

— Да, прекрасно.

Призраки окружили их плотным кольцом и наперебой заголосили:

— Да уж, совсем не подгнившее.

— Сестрёнка, где лицо сделала?

— В чём твой секрет?

— Может, посоветуешь мастера?

Ши Цинсюань, не зная, как лучше ответить, лишь посмеивался и отвечал:

— Правда? Мне тоже кажется, что у меня довольно неплохое лицо, ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха-ха...

Откуда ему было знать, как мёртвые ухаживают за своим лицом? Приходилось лишь не переставая смеяться, чтобы выиграть время. Тем временем процессия развернулась, и в поле зрения Се Ляня внезапно просветлело — в глаза бросилось ярко-красное сияние огней.

Перед ними распахнулся удивительный мир.

Это была длинная улица.

Длинная настолько, что не видно конца. По обеим сторонам улицы теснились всевозможные лавки и лоточники, в воздухе парили разноцветные вывески и хаотично подвешенные ярко-красные фонари, привлекающие внимание. По улице то и дело сновали «люди», многие из которых носили на лице маски: плачущие, смеющиеся, разгневанные, человеческие и нечеловеческие. Лица тех, кто масок не носил, можно было описать лишь словом «причудливые». У кого-то тело меньше головы, кто-то худой и высокий словно бамбуковая жердь, кто-то плоский как лепёшка и ползущий по земле, где на него то и дело наступают прохожие, выслушивая при этом недовольные возгласы.

Се Лянь шёл осторожно, стараясь не наступить ни на какое необыкновенное существо. Проходя мимо лавки с закусками, он увидел, как хозяин лавки огромной костью усердно перемешивает суп в котле. При этом из щелей меж его зубов сочится слюна, которая капает прямо в котёл, где в неаппетитного цвета бульоне плавают глазные яблоки. Посмотрев на это, Се Лянь внезапно ощутил странное воодушевление.

Напротив лавки несколько существ диковинного вида показывали уличные представления: здоровенный детина схватил хиленького демона, походившего на цыплёнка, раскрыл пасть и выплюнул

мощный столб огня, которым поджарил мелкого до пороссячьего визга. Тот изо всех сил извивался, пытаясь вырваться, а толпа вокруг, наблюдающая за действием, разразилась хохотом и захлопала в ладоши, во весь голос выкрикивая одобрения.

Кто-то вёл себя и вовсе как безумный: разбрасывал в воздух деньги, которые белоснежными хлопьями сыпались сверху. Один из таких хлопьев мягко спланировал на землю перед Се Лянем. Принц подобрал его, присмотрелся и убедился в догадке — то оказались ритуальные деньги^[66].

Принц направился дальше и теперь проходил мимо мясной лавки, перед которой в ряд висели высохшие человеческие головы, ровно по размеру от маленьких к большим. Цены были чётко определены: мясо детей — столько-то монет, юношей — столько-то, мужчин — столько-то, женщин — столько-то, просто раздробленные человеческие кости — столько-то. За прилавком трудился одетый в передник вепрь с длинной чёрной гривой и тесаком в руке. А рубил он своим орудием крупную человеческую ногу, которая всё ещё подёргивалась в судорогах.

Поистине, раздолье нечистой силы, адский карнавал.

Если человек разделывал свинью, ничего необычного в этом не было. А вот процесс разделывания человека свиньёй — явление довольно редкое, поэтому Се Лянь, не сдержавшись, остановился поглазеть и тут же был замечен. Вепрь прикрикнул на него:

— Чего уставился? Будешь покупать или нет?

Се Лянь покачал головой:

— Не буду.

Вепрь-мясник снова яростно опустил тесак на разделочную доску, да так, что кровь и ошмётки мяса разлетелись в стороны.

Он грубо бросил принцу:

— Не будешь, так и нечего глазеть! Ты что, мать его, на проблемы нарываешься? А ну, убирайся прочь!

И Се Ляню пришлось убраться. Но не прошёл он и двух шагов, как внезапно понял — дело плохо.

Толпа тех призраков и Ши Цинсюань уже куда-то испарились.

Се Лянь застыл как вкопанный и тут же попытался связаться с Повелителем Ветров посредством духовной сети, решив, что призраки в самом деле потащили его с собой на процедуры по уходу за лицом.

Однако сейчас он находился в Призрачном городе, и здесь на сеть духовного общения Небесных чертогов накладывались ограничения. Связаться не вышло, поэтому принцу оставалось только бродить по улице куда глаза глядят в поисках пропажи.

Шёл он, шёл, как вдруг почувствовал, что кто-то потянул его в сторону. Будучи предельно настороженным, Се Лянь воскликнул:

— Кто вы?

То оказалась женщина, которая подпрыгнула, испуганная криком, затем вгляделась в его лицо и захихикала, обращаясь к принцу заискивающим тоном:

— Ай-яй, парниша, ты и впрямь красавец, каких поискать!

Одежды на женщине почти ничего не скрывали, макияж выглядел до ужаса крикливо; пудра лежала неровно — стоило ей открыть рот, и белый порошок посыпался хлопьями; грудь раздуло, словно внутри кроме плоти было что-то ещё. Вид поистине пугающий. Се Лянь осторожно сбросил с себя её тощую, словно куриная лапа, руку и произнёс:

— Милая девушка, давайте поговорим без рукоприкладства.

Женщина растерянно застыла, а потом громко расхохоталась:

— Мать моя! Ты меня-то девушкой назвал? Не думала, что, дожив до своих лет, услышу такое! Ха-ха-ха!

Видимо, проходим вокруг это тоже показалось комичным, они покатались со смеху вместе с ней. Се Лянь покачал головой, но не успел и слова вставить, как женщина снова на него налетела:

— Не уходи! Парниша, ты мне понравился! Пойдём, я подарю тебе ночь наслаждения, денег не нужно. — Она принялась строить глазки, вытягивая губы в поцелуе: — Я тебе ещё и приплачу, хи-хи-хи-хи...

Се Лянь подумал: «Вот ведь грех какой», плавно, но решительно вырвался из лап женщины и мягко произнёс:

— Девушка.

К его неожиданности незнакомка как будто внезапно потеряла терпение и огрызнулась:

— Какая я тебе девушка? Кому ты хочешь угодить этими словами? Ну всё, хватит болтать. Что ты решил, будешь или нет?

Видимо, желая соблазнить Се Ляня, она неожиданно распахнула и без того откровенные одежды. Принц не был готов к тому, что

женщина окажется настолько смелой, и не подозревал, что она к нему прицепится, поэтому лишь легко вздохнул, отвёл взгляд и прошёл мимо.

Но демоница всё же снова преградила ему путь и, всячески завлекая принца, проворковала:

— Ну как, нравится?

Не могла же она предугадать, что Се Лянь, который с детства был вхож в монастырь Хуанци, за многие годы воздержания научился хранить тело и душу в чистоте, непоколебимо, словно гора Тайшань. Что бы ему ни довелось увидеть, чувства его были подобны стоячей воде, а в голове сами собой возникали строки из «Дао дэ цзин»^[67], зачитываемые подобно звукам колокола, благодаря чему принц оставался совершенно равнодушным.

Женщине не удалось его завлечь, поэтому она скривилась и выплюнула:

— Даже с доплатой отказываешься брать? Ты вообще мужчина?

Се Лянь, глядя в сторону, ответил:

— Да.

Женщина взвилась:

— Так докажи мне это!

Кто-то из прохожих расхохотался и заметил:

— Эй, потаскуха, он брезгует тобой, потому что ты старая и страшная, вот и отказывается. Чего ты к нему клеишься?

Ни один мускул не дрогнул на лице Се Ляня, когда он, услышав это, произнёс:

— Дело вовсе не в этом. У меня есть недуг. Я страдаю бессилием.

Толпа вокруг замерла всего на мгновение, затем разразилась хохотом с нечеловеческими подвываниями.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха!..

На этот раз объектом насмешек стал Се Лянь. Где это видано, чтобы мужчина осмелился при всём честном народе объявить, что страдает подобным недугом! Се Ляню же было абсолютно безразлично, решат ли остальные, что его «корень греха» не способен эти самые «грехи» вершить. Он всего лишь применил излюбленный предлог, чтобы выходить из подобного рода положений — способ, неоднократно проверенный в деле.

И действительно, женщина сразу запахнула платье и отстала от него, бросаясь ругательствами:

— А я всё думала, чего он из себя строит. У тебя что, свиное рыло вместо башки? Сразу не мог сказать, что больной? Тьфу!

Неподалёку вепрь-мясник со стуком опустил тесак и разразился бранью:

— Ах ты, мать его, проклятая стерва, что ты там ляпнула? Чем тебе свиньи не угодили?

Женщина оказалась не робкого десятка и завизжала:

— И правда, чем мне свиньи не угодили? Твари никчёмные!

По улице пошёл галдёж:

— Демоница Лань Чан^[68] опять взбеленилась!

— Мясник Чжу^[69] сейчас её на куски порубит!

Воспользовавшись тем, что стороны начали шумно обмениваться проклятиями, Се Лянь наконец смог ускользнуть. Отойдя чуть дальше, он обернулся, чтобы посмотреть на развернувшееся действие, и вздохнул.

Принц всё шёл и шёл, пока вскоре впереди вновь не послышался галдёж и не показалось огромное здание красного цвета.

Здание это можно было смело назвать необыкновенно внушительным. Колонны, крыша, стены — всё выкрашено в великолепный ярко-красный цвет, а у входа расстилается толстенный роскошный ковёр. Говоря начистоту, строение ничем не отличалось от дворцов Небесных чертогов, только выглядело намного менее торжественно и немного более красочно. Люди непрерывными потоками входили и выходили из дверей; голоса, раздающиеся изнутри, напоминали клочкотание кипящего котла; атмосфера в здании царила чрезвычайно оживлённая. Если приглядеться и прислушаться, можно предположить, что это — игорный дом.

Се Лянь подошёл ближе и увидел подвешенные на столбах по обеим сторонам дверей надписи. Иероглифы слева гласили: «Стремясь к богатству, жизни не жалеи», справа — «Желая выиграть, честь не береги». Дополняла ансамбль поперечная надпись сверху: «Ха-ха-ха-ха».

Принц просто онемел от такого зрелища.

Столь вульгарные строки совершенно не заслуживали называться дуйлянями^[70], к тому же написаны были некрасиво и смазано, ни о

какой каллиграфии не могло идти и речи.

Словно кто-то во хмелю схватил кисть и, исполнившись дурных намерений, одним росчерком осуществил свой гнусный замысел. В довершение всего творение сие обмахнули дурным поветрием, так и получилось это безобразие. Се Лянь, будучи престолонаследником государства, обучался искусству каллиграфии у множества известных мастеров, для него подобное зрелище являлось поистине ужасающим. И всё же надписи в своём уродстве достигли точки, когда что-то отвратительное начинает притягивать внимание, поэтому Се Ляню они даже показались забавными. Принц покачал головой и подумал, что Повелитель Ветров, должно быть, не станет здесь развлекаться. Лучше поискать его в местах, где мастера красоты делают новые лица умершим женщинам.

И принц уже намеревался уйти прочь, как ни с того ни с сего, не пройдя и пары шагов, вернулся обратно и вошёл внутрь.

Главный зал игорного дома, как и ожидалось, оказался забит до отказа. Внутри собралось множество людей, громкий смех в этой толпе перемешивался с плачем навзрыд. Се Лянь едва спустился на несколько ступеней от входа, как его ушей достиг внезапный душераздирающий крик. Приглядевшись, принц увидел четверых верзил в масках, которые тащат к выходу человека.

Бедняга, кажется, испытывал ужасные муки, и даже когда его несли, всё ещё пытался вырваться и издавал бешеные вопли. Там, где его проносили, оставались целые лужи крови. Дело в том, что несчастному подчистую отрубили ноги, поэтому кровь лилась рекой. А следом бежал мелкий демон, который жадно слизывал кровь с пола, не оставляя ни капли.

И всё же ни один посетитель игорного дома не удостоил взглядом столь ужасающую картину. Все продолжали кричать, подбадривать друг друга и выбрасывать карты на стол. Нужно заметить, что здесь собирались в основном нечеловеческие существа. А если среди посетителей и попадались люди, то явно необычные.

Се Лянь посторонился, чтобы пропустить четверых верзил, несущих беднягу, и прошёл дальше.

К нему немедля подбежала служанка в смеющейся маске и с улыбкой в голосе поинтересовалась:

— Молодой господин, желаете поиграть?

— У меня при себе нет денег, могу я просто посмотреть? — с лёгкой улыбкой спросил Се Лянь.

По своему опыту принц знал, что если зайти с такой фразой в обычную лавку, его обязательно вытолкнут взащей — зачем пришёл, раз денег нет? Тем не менее, служанка, вопреки ожиданиям, захихикала и ответила:

— Если вы не взяли денег, ничего. Наши гости в большинстве своём играют вовсе не на деньги.

— Правда?

Служанка, рассмеявшись, ответила:

— Правдивее некуда! Молодой господин, прошу, следуйте за мной.

Она поманила Се Ляня рукой, затем, изящно покачивая бёдрами, поплыла вперёд. Принц, не изменившись в лице, последовал за ней, оглядываясь по сторонам.

Игорный дом, что снаружи, что изнутри, выглядел великолепно, но без излишества, ярко, но не вычурно. Можно сказать, обстановка была оформлена со вкусом. Служанка привела Се Ляня в самую глубь главного зала, где располагался длинный стол, вокруг которого в три ряда сгрудились посетители. Подойдя поближе, принц тут же услышал, как какой-то мужчина выкрикнул:

— Ставлю свою руку!

Зевак вокруг собралось слишком много, Се Ляню не удалось протиснуться внутрь толпы, пришлось стоять снаружи и слушать. Внезапно послышался другой, томный и протяжный голос:

— Не принимается. Ни твоя рука, ни вся твоя собачья жизнь не стоит и ломаного гроша.

Едва услышав этот голос, Се Лянь ощутил, как сердце вдруг подскочило.

Он произнёс про себя: «Сань Лан».

Только что он действительно услышал голос юноши. Вот только, по сравнению с воспоминаниями принца, звучал он немного ниже.

Но именно поэтому теперь голос сделался ещё более приятным на слух, и даже посреди хохочущей толпы слышался крайне отчётливо. Пролетев насквозь всё пространство заполненного шумными людскими голосами игорного дома, он проник прямиком в уши принца.

Се Лянь вскинул голову, и лишь тогда заметил, что за длинным столом висит тканый полог. А за пологом, вольготно откинувшись в кресле, виднеется красный силуэт.

Цветком сквозь алый занавес любясь, не скрыться от очарования его

Голос Хуа Чэна звучал с откровенным презрением, без тени учтивости. Однако стоило ему заговорить, и тот игрок готов был стерпеть все насмешки толпы, но не посмел бы перечить.

Служанка, что привела Се Ляня, произнесла:

— Молодой господин, сегодня удача поистине благоволит вам.

Се Лянь, не отрывая взгляда от полога, спросил:

— Что это значит?

— Наш градоначальник крайне редко приходит сюда поиграть, но вот уже несколько дней подряд он посещает игорный дом, да ещё пребывает в прекрасном настроении. Это ли не большая удача?

Судя по тону, девушка относилась к этому самому «градоначальнику» с обожанием и даже благоговением, будто для неё возможность увидеть его — это уже великое счастье. Се Лянь не смог сдержать улыбки.

Материалом полога служила лёгкая газовая ткань, ниспадающая красной тенью, создавая ощущение тумана, колышущегося на ветру. Перед занавесой стояли несколько очаровательных девушек, которые принимали ставки за игральным столом. Се Лянь вначале собирался лишь посмотреть на действие издалека, но, услышав голос Хуа Чэна, стал пробираться к столу поближе, при этом стараясь не привлекать внимание. Когда он наконец протиснулся к третьему ряду зевак, то смог разглядеть мужчину, который делал ставку.

То оказался живой человек. Се Ляня это, впрочем, не слишком удивило, ведь он был осведомлен, что в Призрачном городе встречались не только демоны. Немало заклинателей из мира людей также заходили сюда, а иногда по ошибке забредали и простые смертные, находящиеся на краю жизни или же мучимые мыслями о смерти. Мужчина носил маску, через которую виднелись глаза, испещрённые красными прожилками настолько, что казалось, он вот-вот заплачет кровавыми слезами. Губы мужчины поражали белизной,

будто он много дней не видел солнечного света. Это был человек, но сейчас он походил на демона больше, чем любой из присутствующих.

Обеими руками мужчина крепко прижимал к столу игральный стакан из чёрного дерева. Спустя мгновения, он не выдержал, будто решил пойти на риск, и произнёс:

— Но... почему тому человеку позволили поставить свои ноги?

Одна из девушек у красного полога рассмеялась:

— Тот человек — грабитель, достигший в своем мастерстве небывалых высот. Его ноги наделены даром лёгкой поступи, на них он обошёл целый свет, от них зависела вся его жизнь и ремесло. Поэтому его пара ног стоила того, чтобы поставить на кон. А ты — не ремесленник и не прославленный лекарь. Разве можно твою руку оценить так же высоко?

Мужчина крепче стиснул зубы и воскликнул:

— Тогда я... я поставлю... поставлю десять лет жизни своей дочери!

Услышав ставку, Се Лянь удивлённо замер и подумал: «Неужели под небом в самом деле найдётся отец, способный поставить на кон жизнь собственного ребёнка? Куда же это годится?»

Из-за полога раздался короткий смех Хуа Чэна, затем ответ:

— Годится.

Возможно, то было лишь ложное ощущение, но в этом «годится» Се Лянь расслышал суровые нотки.

Он вновь подумал: «Сань Лан говорил, что ему всегда везёт. Даже из стаканчика для гаданий он выбросил самые счастливые палочки. Если он станет состязаться в удаче с этим человеком, непременно выиграет. Но тогда дочь проигравшего лишится десяти лет жизни!»

Стоило ему только подумать об этом, как девушка у игального стола сладко проворковала:

— Чёт — поражение, нечет — победа. Раскроешь кости, и пути назад не будет. Прошу!

Значит, Хуа Чэн вовсе не собирался выходить к столу играть. Тот мужчина, сотрясаясь всем телом, вцепился в игральный стакан и принялся с остервенением трясти. Голоса в главном зале притихли, так что стал отчётливее слышен стук игальных костей о стенки стакана. Мужчина долго тряс кости, затем внезапно застыл. В тот же миг в зале воцарилась мёртвая тишина.

Лишь спустя долгое время игрок медленно-медленно приподнял край игрального стакана и украдкой заглянул в образовавшуюся щель. Полные кровавых линий глаза вдруг округлились.

Он яростно поднял стакан и в безумной радости завопил:

— Нечет! Нечет! Нечет! Я выиграл! Я выиграл! Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, победа моя!!! Я победил!!!

Люди и демоны, собравшиеся за столом, увидев вовсе не тот результат, который хотели, цокнули языком и ударили по столу руками, выражая недовольство. Девушка с улыбкой объявила:

— Поздравляю. Твоё дело вскоре пойдёт в гору.

Мужчина громко расхохотался, затем добавил:

— Постой! Я хочу сыграть снова.

— Милости прошу. Чего ты хочешь на этот раз?

Лицо мужчины сделалось озлобленным.

— Я хочу... я хочу, чтобы мои деловые конкуренты, все до одного, скоростижно скончались!

После такого заявления по залу пробежали восторженные прищёлкивания языком. Девушка прыснула со смеху, прикрывая рот ладонью, и ответила:

— Осуществить это желание будет немного труднее, чем предыдущее. Может быть, попросишь что-то другое? К примеру, чтобы твоё дело поднялось ещё на ступень выше?

Мужчина с налитыми кровью глазами отрезал:

— Нет! Я хочу именно этого. Я хочу этого.

— Но если таково твоё требование, десяти лет жизни дочери в качестве ставки, возможно, будет недостаточно.

— Недостаточно, так я добавлю. Ставлю двадцать лет жизни дочери, и ещё... ещё ставлю её брачные узы!

Толпа демонов заголосила, громко хохоча:

— Ну и папаша, совсем совесть потерял! Дочку родную продаёт!

— Лихо, лихо!

Девушка произнесла снова:

— Чёт — поражение, нечет — победа. Раскроешь кости, и пути назад не будет. Прошу!

Мужчина вновь принялся старательно сотрясать стакан. Если он проиграет, его дочь лишится двадцати лет жизни и удачного замужества, разумеется, итог неприятный; но что если он выиграет,

неужели тогда все его конкуренты в самом деле скоростижно скончаются? Се Ляню казалось, что Хуа Чэн скорее всего не позволит этому случиться. Но, будто сомневаясь, всё-таки сделал маленький шагок вперёд. Принц всё ещё размышлял, стоит ли ему вмешаться и пойти на какую-нибудь уловку, как вдруг кто-то схватил его за руку. Обернувшись, принц увидел Ши Цинсюаня.

Тот уже перевоплотился обратно в мужчину. Раздался его тихий голос:

— Не поступайте опрометчиво.

Се Лянь так же тихо спросил:

— Ваше Превосходительство, почему вы снова приняли первоначальный облик?

— Ох, в двух словах и не расскажешь. Эти девушки и дамочки утащили меня за собой, сказали, что хотят показать один замечательный салон. Я с огромным трудом вырвался от них. Боялся, что настигнут опять, и потому пока перевоплотился. Они привели меня в одно место и нанесли множество чего-то непонятного на кожу, то тянули, то щипали, то шлёпали, то ударили. Посмотрите на моё лицо, с ним всё в порядке? Никаких странных изменений?

Он наклонился поближе к Се Ляню. Тот пристально взгляделся и ответил совершенно искренне:

— Кажется, стало ещё более белым и блестящим.

Ши Цинсюань, услышав ответ, так и просиял.

— Правда? Что ж, хорошо, просто замечательно, ха-ха-ха-ха. Где-нибудь есть зеркало? Здесь есть зеркало? Я хочу взглянуть.

— Полюбуетесь на себя позже. В Призрачном городе не представляется возможным воспользоваться сетью духовного общения, нам ни в коем случае больше нельзя разделяться. Кстати, Ваше Превосходительство, как вы узнали, что я здесь?

— Я даже не подозревал об этом. Я пришёл сюда, потому что здесь договорился о встрече с Цяньцю. Мы с вами расстались, и я решил сначала прийти сюда. Откуда мне было знать, что, оказавшись внутри, я так удачно наткнулся на вас.

— Вы договорились с Цяньцю? Встретиться здесь?

— Ага, Цяньцю — это Лан Цяньцю, Его Высочество Тайхуа, его-то вы уж должны знать? Он — Бог Войны, покровитель восточных земель. Раз уж мы оказались на Востоке, всё же лучше согласовать

наши действия с ним. Призрачный игорный дом — это самое оживлённое место в Призрачном городе, здесь кого только не встретишь. Здание приметное, люди и демоны ходят толпами, много и тех, и других, так что нелегко привлечь чьё-то внимание. Поэтому я договорился с ним заранее, что мы встретимся именно здесь.

Се Лянь кивнул, выражая понимание. Затем обернулся и увидел, что мужчина всё ещё не поднял стакан. Вместо этого закатил глаза и забормотал что-то несвязное, потому совершенно перестал отличаться от демонов, беснующихся вокруг в азарте игры. Принц вздохнул:

— Тот человек...

Ши Цинсюань, не переставая трогать своё лицо, перебил:

— Я знаю, что вы хотите сказать. И я с вами согласен. Но Призрачный город — владения Хуа Чэна. Правило Призрачного игорного дома — всё происходит по обоюдному согласию. Коли осмелился сделать ставку, не отступай перед игрой. Небесные чертоги не могут вмешаться. Прежде понаблюдаем за тем, как будут развиваться события. В случае действительно безвыходного положения, мы что-нибудь придумаем.

Се Лянь на мгновения задумался и решил, что Сань Лан, должно быть, не допустит ничего подобного, значит, занять наблюдательную позицию будет наилучшим решением. Поэтому принц больше не пошевелился. Игрок у стола, кажется, всё-таки преисполнился смелости и приоткрыл краешек стакана. Итог вот-вот станет известен. Кто же мог подумать, что именно в этот момент кто-то внезапно выбежит вперёд и ударит по игральному стакану с такой силой, что чёрное дерево разлетится в щепки!

От удара разбился не только стакан. Раздробились кости руки, которую игрок всё ещё держал на стакане, а через весь игровой стол пролегла трещина.

Мужчина в маске, прижимая к себе пострадавшую руку, принялся с воплями кататься по полу. Демоны вокруг тоже заголосили, кто-то радостно, кто-то потрясённо. А тот, кто вмешался, громко заявил:

— Как можно быть столь жестокосердным! Стремиться к богатству и славе — не возбраняется, но пожелать смерти других людей?! Играешь — так играй на собственную жизнь, если кишка не тонка. Но ты решил поставить на кон жизнь и брачные узы

собственной дочери? Ты не достоин быть мужчиной, не достоин быть отцом!

Говорил молодой мужчина с прямыми вразлёт бровями и яркими словно звезды глазами, преисполненный отваги. На нём были надеты всего лишь простые одеяния, без намёка на роскошь, и всё же они не могли скрыть его благородного происхождения. Кто же ещё это мог быть, кроме Лан Цяньцю, Его Высочества наследного принца государства Юнъань?

Увидев его, Се Лянь и Ши Цинсюань в толпе демонов одновременно закрыли лицо руками.

Се Лянь простонал:

— ...Ваше превосходительство, вы... не предупредили его... чтобы он вёл себя поосторожнее, когда придёт сюда, чтобы не привлекал к себе внимания?

Ши Цинсюань также простонал в ответ:

— ...Я... говорил, но... такой уж он человек... ничего не поделаешь... если бы я раньше знал... то договорился бы встретиться ещё на Небесах, чтобы вместе спуститься сюда...

— Понимаю... понимаю...

Неожиданно за пологом раздался лёгкий смешок Хуа Чэна.

Вместе с которым сердце Се Ляня тревожно подскочило.

Юноша часто смеялся, когда находился рядом с ним, и сейчас Се Лянь уже более-менее научился отличать, когда он действительно искренне радуется, когда лишь язвительно насмехается, а когда в его усмешке звучат угрожающие нотки, подписывающие собеседнику смертный приговор.

Однако далее Хуа Чэн спокойно произнёс:

— Пришёл в мои владения беспорядки учинять? А ты не робкого десятка, как я погляжу.

Лан Цяньцю развернулся в сторону полога. Его глаза ярко сверкнули.

— Ты и есть хозяин этого заведения?

Демоны вокруг стали насмехаться:

— Эй ты, болван несведущий, хоть представляешь, с кем разговариваешь? Это наш градоначальник.

Кто-то с прохладной усмешкой добавил:

— Не только игорный дом, весь Призрачный город принадлежит ему!

Услышав эти возгласы, Лан Цяньцю несколько не изменился в лице, а вот Ши Цинсюань едва не подпрыгнул от удивления.

— Мать честная, получается там, за пологом, скрывается тот самый?! Собиратель цветов под кровавым дождём???

Се Лянь подтвердил:

— Да... это он.

— Вы уверены?!

— Уверен.

— Конеч. Нам конец. Как теперь спасти Цяньцю?!

— Надеюсь, что он не раскроет своей личности...

Лан Цяньцю тем временем огляделся вокруг, при этом разъярясь всё сильнее.

— Всё в этом проклятом месте пропитано скверной, поистине раздолье нечистой силы. Что за твари собрались здесь и какими непотребствами занимаются? Того, кто открыл подобное место, невозможно назвать хоть немного человеческим!

Демоны зашикали на него в ответ.

— Нас изначально людьми-то не назовёшь, зачем нам какая-то человечность? Нам такая ерунда без надобности. Кому нравится, пусть забирает себе!

— Ты что о себе возомнил? Прибежал сюда, чтобы указания раздавать?!

Хуа Чэн усмехнулся:

— Мои владения — и есть самый настоящий разгул нечисти. По открытой для всех тропе Небесных чертогов ты ступать не хочешь, а в преисподнюю, куда хода нет, суёшься без приглашения. Что мы можем с этим поделать?

Стоило Се Ляню и Ши Цинсюаню услышать фразу «Небесные чертоги», к ним моментально пришло понимание.

Значит, Хуа Чэн уже догадался, откуда прибыл Лан Цяньцю!

Впрочем, до самого Лан Цяньцю так и не дошёл смысл данного высказывания. Он вновь ударил ладонью по столу, и на этот раз все люди и демоны, что окружали его, бросились в рассыпную — стол полетел прямо в сторону красной фигуры за пологом. Однако Хуа Чэн,

даже не меняя положения в кресле, мягко махнул рукой, и длинный игровой стол сменил направление, полетев обратно к Лан Цяньцю.

Когда удар настиг смутьяна, он вначале выставил одну руку перед собой, однако после обнаружил, что одной руки здесь недостаточно, поэтому тут же приложил обе. Он всё упорствовал, да так, что на лбу постепенно проявились синеватые вены. В первоначально оживлённом зале посетители попрятались по углам, а то и вовсе бросились наутёк. Се Лянь и Ши Цинсюань никак не могли решить, стоит ли оказать помощь соратнику. Ведь они, можно считать, пока не разоблачены, а значит, могли бы незаметно помочь Лан Цяньцю. Но если они действительно выбегут на помощь, одним махом раскроют всех троих.

Лан Цяньцю издал натужный крик и наконец вновь оттолкнул от себя непомерно тяжёлый стол. Хуа Чэн за красной завесой, по-прежнему сидя в профиль к нему, плавно сжал пальцы, затем расслабил снова. В тот же миг стол разбился на бесчисленное множество мелких щепок, которые вновь атаковали Лан Цяньцю.

Щепки пролетели по воздуху со звуком, напоминающим свист клинка, яростно и стремительно, страшнее любого скрытого оружия. Если Лан Цяньцю продолжит скрывать магические силы, сохраняя облик простого человека, ему не удастся укрыться от атаки, что бы он ни делал. Поэтому, когда в следующий миг его тело окутало едва заметное божественное сияние, Се Лянь и Ши Цинсюань всё поняли и про себя воскликнули:

— Плохо дело, он собирается перейти в божественное воплощение!

Однако свечение это вскоре исчезло, возможно, Лан Цяньцю наконец вспомнил, что в этот раз нельзя раскрывать свою личность, и потому в последний момент быстро скрыл сияние. И всё же, если Лан Цяньцю отступил, Хуа Чэн отступать не собирался. Красная фигура, скрытая пологом, изобразила иной жест — сложила пять пальцев в щепоть и легонько приподняла.

Одно это движение — и Лан Цяньцю подбросило в воздух и подвесило распластанным на потолке главного зала игорного дома!

Попав в столь затруднительное положение, Лан Цяньцю, полностью обескураженный, попытался вырваться и, кажется, даже не понял, как вышло, что он так внезапно воспарил в воздух. Се Лянь, будто страдая от головной боли, произнёс:

— Его магические силы запечатаны, теперь не выйдет даже проявить божественное воплощение.

Ши Цинсюань заметил:

— В Призрачном городе властвует Хуа Чэн. Стоит ему захотеть, он может запечатать чьи угодно силы.

И хотя в итоге Лан Цяньцю оказался жертвой, всё же для них это имело некоторые преимущества. А именно — его настоящая личность будет скрыта, хоть и при помощи внешнего воздействия. В противном случае, если бы он сейчас в драке раскрыл божественное воплощение, все бы узнали, что Бог Войны Востока, Совершенный Владыка Тайхуа, ворвался в Призрачный город и устроил скандал. В таком случае конфликт не удалось бы уладить так просто. Всё-таки за многие годы, исключая какие-либо особые происшествия, отношения между Небесными чертогами и миром демонов напоминали колодезную воду и речную — никто не вмешивался в дела другого.

Когда непрощенный гость, устроивший переполох в игорном доме, оказался обезврежен, попрятавшиеся в разные стороны демоны вновь вылезли из укрытий, собрались в главном зале и принялись громко хохотать, показывая пальцем на Лан Цяньцю, подвешенного к потолку. Должно быть, сам Лан Цяньцю никогда раньше не попадал в подобные передряги. Лицо его покраснелось, но ни звука не слетело с губ. Он пытался незаметно применить силу, чтобы вырваться из невидимых пут. Снизу то и дело подпрыгивали демоны, чтобы ударить его по голове, но, к счастью, Хуа Чэн подвесил пленника достаточно высоко, чтобы никто до него не достал, иначе позор достиг бы небывалых размеров. Хуа Чэн за красным пологом усмехнулся:

— Сегодня я поймал для вас игрушку, можете забавляться сколько хотите. Если кто-то из вас окажется достаточно удачлив и предложит крупную ставку, сможет забрать его и сварить на обед.

После такого заявления главный зал наполнился непрерывными восклицаниями, демоны голосили без умолку:

— Сыграем на большее-меньшее! На большее-меньшее! Кто выбросит большее число, тот и забирает добычу на съедение!

— Ай-яй-яй, паренек выглядит весьма питательным, хи-хи-хи-хи...

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха, дурень! В следующий раз будешь смотреть, на чью территорию с кулаками суёшься!

Четверо верзил в масках притащили новый игральный стол. Никто даже не вспомнил о мужчине, который всё ещё катался по полу с причитаниями, прижимая к груди покалеченную руку. Люди и демоны вновь собрались вокруг стола и начали новую игру, только на этот раз на кону оказался подвешенный к потолку Лан Цяньцю. Глядя на то, как яростно игроки предлагают ставки, Ши Цинсюань рядом с Се Лянем принялся ходить из стороны в сторону и нервно трясти руками.

— Как же быть? Попытаемся выиграть его? Или сразу ввяжемся в драку?

Се Лянь спросил его:

— Ваше Превосходительство, везёт ли вам в азартных играх?

— Когда как. Разумеется, бывает, что везёт, но бывает, и не очень.

Удача в игре — вещь непредсказуемая. Разве можно сказать наверняка — повезёт или нет?

— Можно. Взять, к примеру, меня. Мне никогда не везёт.

— Настолько всё ужасно?

Се Лянь угрюмо кивнул:

— Если я брошу кости, выпадет, самое большее, два.

Ши Цинсюань нахмурился, но почти сразу что-то придумал, хлопнул по бёдрам и произнёс:

— Предлагаю сделать вот что. Раз уж вы можете выбросить самое большее — два, в таком случае, сыграйте с ними, но не на самое крупное число, а на самое малое. Наверняка никто не сможет выбросить результат меньше вашего.

Се Лянь, поразмыслив, ответил:

— В этом есть смысл. Я попробую. — Затем принц подошёл к столу и заявил: — Нельзя ли изменить правила и сыграть на самое меньшее? Кто выбросит наименьшее число, тот побеждает, идёт?

За столом царила суматоха, кто-то отвечал согласием, кто-то отказом, и Се Лянь, решив воспользоваться моментом, схватил пару игральных костей и попробовал выбросить.

Про себя принц повторял: «Меньше, меньше, меньше». Однако, когда кости оказались на столе, двое подошли взглянуть и увидели... две шестёрки!

И Се Лянь, и Ши Цинсюань потрясённо замолчали.

Потом Се Лянь, разминая лоб, произнёс:

— Видимо, невезение в игре не станет везением лишь от перемены правил.

Ши Цинсюань, повторяя жест принца, тоже потёр лоб со словами:

— Так может, нам всё-таки сразу начать биться?

В этот момент одна из девушек у стола приблизилась к красному пологу, слегка склонилась, будто слушая приказания того, кто сидел за занавесью, кивнула, вновь выпрямилась и громко объявила:

— Прошу минуту тишины, градоначальник говорит.

Стоило ей заявить, что градоначальник собирается что-то сказать, демоны тут же притихли, воцарилась звенящая тишина. Девушка сказала:

— Градоначальник сказал, что желает изменить правила.

Демоны наперебой заговорили:

— Воля градоначальника — и есть главное правило!

— Как градоначальник велит, так и будет!

— Как желаете изменить правила?

Девушка произнесла:

— Градоначальник говорит, что сегодня у него прекрасное настроение, и он хочет сыграть с нами. Вы можете бросить ему вызов. Кто победит, тот забирает безделушку с потолка. Сварить его на пару, на воде, изжарить на сковороде или в масле, как лепёшку, или же вовсе замариновать — решать будет победитель.

Услышав об игре с самим градоначальником, демоны застыли в нерешительности. Видимо, Хуа Чэн действительно никогда не участвовал в игре лично. Кое-кто посмелее нетерпеливо потирал руки, однако пока не решался вызваться первым. Лан Цяньцю всё это время висел под потолком, пытаясь вырваться. Раздался его гневный выкрик:

— Что значит — безделушку? Я вам не вещь! Кто позволил ставить меня на кон?

Множество женщин-демонов, услышав его громкое возмущение «я вам не вещь», тайком захихикали, неприкрыто глаза на Лан Цяньцю и облизывая губы кончиком кроваво-красного языка, будто желая поскорее разорвать его на кусочки и съесть.

Се Лянь подумал: «Ох... несносное дитя. Лучше тебе поменьше открывать рот».

Беззвучно вздохнув, принц вышел вперёд и мягко произнёс:

— Если так, тогда... позвольте мне попытать счастья.

Услышав его слова, фигура за красным пологом на мгновение застыла, затем медленно поднялась.

Девушка у полога с улыбкой произнесла:

— Что ж, в таком случае, прошу молодого господина выйти вперёд.

Люди и демоны в главном зале без приказаний освободили путь, позволяя храбрецу пройти сквозь толпу. Се Лянь направился к пологу. Девушка обеими руками протянула ему чёрный до блеска игральный стакан.

— Прошу, ваш ход.

Ко всем предыдущим игрокам она обращалась исключительно на «ты», при этом голос девушки звучал ровно, но без почтения. Теперь же она обратилась к принцу на «вы», и тон её сделался весьма учтивым. Се Лянь принял из рук девы игральный стакан из чёрного дерева, ответил «премного благодарен» и едва слышно кашлянул.

Он совершенно не умел обращаться с такими вещами, поэтому просто потряс стакан, делая вид, что сам — заядлый игрок. Потрясая стакан, принц поднял глаза и посмотрел на висящего под потолком Лан Цяньцю. Тот, увидев его, округлил глаза и преисполнился надежды на освобождение, однако, к счастью, не стал ничего выкрикивать. При взгляде на выражение его лица Се Ляню почему-то стало немного смешно, однако он сдержался от улыбки. Принц тряс кости довольно долго, затем наконец остановился.

Бесчисленные пары глаз неотрывно следили за стаканом в его руках. Се Ляню даже показалось, что этот маленький стаканчик сделался непомерно тяжёлым, и даже не знал, как именно его следует держать. Принц уже собирался узнать итог, когда девушка у игрового стола произнесла:

— Пойдите.

Се Лянь спросил:

— Что?

— Градоначальник говорит, вы неправильно трясёте кости, не то положение.

Се Лянь подумал: «Так значит, и впрямь существует верное положение? Возможно, раньше мне не везло потому, что я о нём не знал?»

— В таком случае осмелюсь спросить, какое положение будет считаться верным?

— Градоначальник говорит, вы можете подойти. Он согласен вас научить.

После её слов толпа демонов в игорном доме издала шипение, будто задыхаясь от нехватки воздуха.

До Се Ляня донеслось бормотание:

— Градоначальник хочет обучить его? Неслыханное дело. Значит ли это, что бедняга распрощается с жизнью?

— Какой замысел преследует градоначальник??? Кто этот человек??? Почему его нужно обучать???

— Разве кости трясут как-то иначе? Что ещё за верное положение???

Се Лянь тоже задавался этим вопросом. Девушка тем временем указала жестом на красный полог и пригласила:

— Прошу.

Се Лянь, прижимая к груди игральный стакан из чёрного дерева, подошёл вплотную к красной завесе.

Газовая ткань едва заметно колыхалась, свободно ниспадая красной тенью. Фигура за пологом стояла прямо напротив принца, между ними осталось расстояние не больше половины вытянутой руки.

Спустя несколько мгновений из-за полога, сквозь множество слоев красной завесы, протянулась кисть руки. Которая коснулась ладони Се Ляня, поддерживающей игральный стакан снизу.

То была правая рука, изящная и бледная, с отчётливыми суставами. На среднем пальце повязана красная нить.

На фоне блестящего чёрного стакана белая кожа казалась ещё более бледной, а красный цвет нити — ещё более ярким и прекрасным. Неспешно Се Лянь поднял взгляд.

За пологом, походящим на красное облако, ни слова не говоря, стоял юноша восемнадцати-девятнадцати лет.

Сань Лан.

Всё тот же наряд краснее клёна и белая, словно снег, кожа. То же исключительно прекрасное лицо юноши, столь ослепительное, что невозможно долго смотреть в упор. Только черты лица стали более выразительными, ушла детская невинность, прибавилось спокойствия

и серьёзности. Можно назвать его юношей, но также уместно назвать мужчиной.

Неудержимый нрав никуда не исчез, но обернулся своевольным высокомерием. Всё те же глаза, яркие, словно звезды, теперь внимательно смотрели на принца, не отводя взгляда.

Вернее сказать, яркий, словно звезда, но лишь один, левый глаз.

Правый глаз скрывала чёрная повязка.

Красная завеса приоткрылась совсем немного, и потому только Се Лянь мог увидеть фигуру за пологом с того места, где стоял. Остальные люди и демоны в главном зале ничего не видели, поскольку принц заслониł им обзор. Также, разумеется, потому, что никто бы не посмел опрометчиво заглядывать куда не следует. Левый глаз пристально смотрел на Се Ляня, а Се Лянь так же пристально смотрел на него, захваченный этим взглядом настолько, что впал в лёгкое оцепенение.

В представшем перед принцем облике Хуа Чэн выглядел не просто повзрослевшим на несколько лет, но даже сделался выше ростом. Раньше Се Лянь, глядя на него, кое-как, но мог дотянуться до уровня глаз.

Теперь же при взгляде на демона принцу неизбежно приходилось заирать голову.

Они так и смотрели друг на друга, пока Хуа Чэн не заговорил первым.

— Хочешь сыграть на большее или на меньшее?

Его низкий голос приятно коснулся слуха, и лишь тогда Се Лянь пришёл в себя. Играть на большее или на меньшее — всё одно, разницы никакой, поэтому принц ответил:

— На большее.

Хуа Чэн произнёс:

— Хорошо. Вначале мой черёд.

Се Лянь в левой руке держал подставку для костей — дно игральнoгo стакана, правой прижимая к ней сам стакан. Хуа Чэн, стоя напротив него, правой рукой поддерживая левую руку принца, легко встряхнул стакан. Затем снял с подставки. На ней лежали две игральные кости: на одной выпало шесть, на другой — пять.

Висящий у потолка Лан Цяньцю всё прекрасно видел, и когда результат оказался таким большим, он, не выдержав, округлил глаза и

весьма потрясённо спросил:

— Как это вышло?!

Хуа Чэн мягко ослабил руку и обратился к Се Ляню:

— Вот так нужно трясти. Попробуй ты.

Се Лянь потряс стакан пару раз, повторяя увиденные движения.

Но Хуа Чэн возразил:

— Неправильно.

Несмотря на то, что он упрекал Се Ляня в неверных действиях, голос его звучал крайне терпеливо, мягко и спокойно. Хуа Чэн снова поддержал руку Се Ляня снизу, затем протянул левую руку и накрыл ею стакан поверх ладони принца. Затем тихо произнёс:

— Вот так.

Таким образом, обе руки Се Ляня оказались накрыты ладонями Хуа Чэна.

От прикосновения к коже веяло прохладой, словно от драгоценной яшмы. Великолепные серебряные наручи тонкой работы и вовсе отдавали льдом. Однако Хуа Чэн действовал крайне осторожно, не позволяя металлу наручей коснуться Се Ляня. Вместе с руками принца, руки Хуа Чэна неторопливо покачивали чёрный стакан.

Один раз, два, три.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Две игральные кости перекатывались внутри стакана, ударялись друг о друга и издавали отчётливый стук. Всего-то небольшое движение руками, но и оно заставило ладони Се Ляня занеметь. После чего ощущение это поползло по запястьям, распространяясь всё дальше.

Стакан всё покачивался, покачивался... Когда же Се Лянь невзначай поднял взгляд на Хуа Чэна, то заметил, что тот совершенно не смотрит на стакан. Всё это время Хуа Чэн, приподняв уголки губ, неотрывно смотрел только на него. Се Лянь тоже не смог сдержать лёгкую улыбку. Но потом вспомнил, что вокруг ещё очень много зрителей, которые отовсюду наблюдают за ними, и моментально перестал улыбаться. Затем опустил голову и старательно попытался запомнить положение рук Хуа Чэна, с которым тот покачивал стакан.

Принц спросил:

— Вот так?

Улыбка в уголках губ Хуа Чэна проявилась отчётливее.

— Да. Правильно, вот так.

Понаблюдав, как Се Лянь, полный надежды, несколько раз встряхнул стакан, Хуа Чэн спросил:

— Посмотришь, сколько выпало?

И Се Лянь открыл стакан. Увидев на подставке две белые игральные кости, показывающие две тройки.

Две тройки — результат уже поразительный и небывалый. Се Лянь, чьё сердце будто овеяло весенним ветерком, подумал: «Неужели я и впрямь выучился секретному умению?»

Однако, пусть даже результат превзошёл все ожидания, шесть всё же меньше одиннадцати. Поэтому принц, кашлянув, произнёс:

— Прошу прощения, я проиграл.

— Не спеши, этот раз не считается. Пока что я тебя обучаю. Попробуй ещё.

Теперь даже Лан Цяньцю и Ши Цинсюань разинули рты от удивления, не говоря уже о всех остальных присутствующих в зале. Послышались шепотки:

— Что градоначальник имеет в виду? Я-то думал, он сейчас как следует проучит наглеца, а в итоге... он по-настоящему его обучает?!

— Разве можно не засчитать проигрыш?! Разве так играют в кости???

— Если этот бросок не в счёт, тогда который будет засчитан?

— Очевидно, градоначальник сегодня и впрямь пребывает в отличном настроении...

Хуа Чэн приподнял левую бровь, и девушка у игального стола объявила:

— Прошу всех успокоиться.

В главном зале вновь моментально воцарилась тишина. Однако, несмотря на безмолвие, взгляды на принца стали более беззастенчивыми. Хуа Чэн усмехнулся, над ухом Се Ляня вновь прозвучал его мягкий приободряющий голос:

— Ещё раз?

Возможно, потому, что людей и демонов в игорном доме скопилось превеликое множество, Се Лянь ощутил, как щёки необъяснимо запылали. Принц ответил:

— Хорошо.

Стук-стук, стук-стук, он вновь пару раз встряхнул кости. Теперь, открыв стакан, он увидел две четвёрки.

Хуа Чэн спросил:

— Ну как, уже больше, не так ли?

И хотя всё это казалось Се Ляню немного странным, он всё же кивнул и ответил:

— Да... немного больше.

— У тебя отлично получается, продолжим.

Он предельно терпеливо и внимательно наставлял принца, но вокруг почему-то постоянно раздавались двусмысленные смешки. Судя по звукам, это хихикали демонессы. Се Лянь никак не мог понять, как же ему уловить правильное положение. Вначале он старательно изучал, как расположены руки Хуа Чэна, с какой скоростью они двигаются, теперь же просто позволял Хуа Чэну управлять своими действиями, хаотично тряся стакан. После нескольких потрясываний одна мысль в голове Се Ляня становилась всё навязчивее: «Неужели Сань Лан просто дурачит меня...»

Лан Цяньцю, который наблюдал за происходящим сверху, наверняка подумал о том же, и потому не сдержался от восклицания:

— Тебе... тебе лучше перестать трясти. Очевидно же, что он тебя обманывает, какое ещё правильное положение! Это просто жульничество!

Он крикнул так громко, что Ши Цинсюань вновь закрыл лицо рукой.

Демоны внизу громко зашикали, в Лан Цяньцю полетел град из игральных костей вместе с бранью:

— Невежественный сопляк, закрой свой рот!

— Чего раскричался, тут все ждут самого интересного!

— Даочжан делает точно так, как научил его наш градоначальник, и результат с каждым броском всё больше, это чистая правда!

— Точно! Что бы ты понимал!

Лан Цяньцю гневно воскликнул:

— Вы... вы просто сборище лгунов... Эй!!!

Он внезапно замолчал и залился краской — дело в том, что несколько демонесс дёрнули его за болтающийся внизу пояс и загалдели:

— Довольно шуметь, дружочек! А если будешь снова нести вздор, сестрички стянут с тебя штанишки!

Лан Цяньцю никогда ещё не подвергался подобным угрозам, от ярости он не смог вымолвить ни одной связной фразы, лишь повторял:

— Вы... Вы!

Если бы толпа демонов избивала его до полусмерти, он бы спокойно стерпел. Но что если они в самом деле стянут с него штаны? Неопикуемый позор для величественного Бога Войны, владеющего одной из сторон света! Потому Лан Цяньцю не проронил больше ни звука. Се Лянь поднял голову и, увидев, что тот изо всех сил тарашится на него, ощутил желание и рассмеяться, и пожалеть беднягу. Поэтому принцу пришлось опустить взгляд и тихо сказать Хуа Чэну:

— Сань Лан...

Услышав это обращение, Хуа Чэн улыбнулся и ответил:

— Не обращай на него внимания. Продолжим.

Се Ляню ничего не оставалось, как взять стакан и вновь потрясти. Как и ожидалось, на этот раз выпало две пятёрки.

Увидев результат, демоны возрадовались ещё больше и принялись наперебой дразнить Лан Цяньцю ещё более рьяно:

— Ты видел? С каждым разом всё больше!

А Се Лянь уже догадался, что Хуа Чэн просто решил с ним поиграть. Принц не знал, как реагировать на это, в душе понимая, что в действительности на свете не существует никакого правильного положения, а для такого человека как Се Лянь любое положение было заведомо проигрышным, так что лучше всего навсегда отказаться от идеи перекроить судьбу и сделаться удачливым. Он уже приготовился, совершенно отчаявшись, выбросить кости в последний раз, как вдруг Хуа Чэн произнёс:

— Подожди.

Се Лянь ощутил, как рука Хуа Чэна, накрывающая его ладонь, сжалась чуть сильнее, и немедленно остановился.

— Что такое?

Хуа Чэн, то ли в шутку, то ли всерьёз, ответил:

— Гэгэ, ты, кажется, ещё не сказал, что будет, если я выиграю?

Услышав обращение «гэгэ», Ши Цинсюань и Лан Цяньцю застыли с такими лицами, что невозможно описать словами. У демонов так и

вовсе волосы встали дыбом, некоторые с перепугу даже уронили свои головы на пол.

Честно говоря, получилось неловко. Переволновавшись, Се Лянь действительно совершенно не вспомнил о ставке.

— Ну...

Сначала он подумывал также отдать в залог десять лет своей жизни. Вот только жизнь небожителя слишком уж длинна, десять лет из неё наверняка ничего не стоят. Серебро или драгоценности? Их у принца нет. Магические духовные силы? Их у принца нет. Се Лянь не мог вот так сразу придумать, что поставить на кон.

В итоге оставалось только обратиться к владельцу игорного дома:

— Какую вещь при мне ты считаешь достаточно ценной, чтобы принять её в качестве ставки?

Услышав вопрос, Хуа Чэн заулыбался.

Затем произнёс:

— Мне всё равно. Ты что-нибудь с собой прихватил?

Се Лянь, поразмыслив, тихонько кашлянул и честно ответил:

— Я... в этот раз, выйдя за порог, взял с собой только недоеденную маньтоу.

Услышав ответ, Хуа Чэн прыснул со смеху. Он-то смеялся, а вот остальные смеяться не осмеливались, даже если хотели.

Отсмеявшись, Хуа Чэн кивнул.

— Идёт. Пусть будет маньтоу.

После этих слов не только толпа демонов, но и девушки, принимающие ставки за игральным столом, потрясённо застыли.

С открытия игорного дома здесь звучало бесчисленное множество самых невообразимых ставок. Кто ставил части тела, кто годы жизни, кто чувства, кто способности. Однако ни одна ставка не являлась столь же невероятной, как сегодняшняя: недоеденная маньтоу. Даже Лан Цяньцю не смог удержаться от растерянного высказывания:

— Что... что всё это значит? Хочешь сказать, что я... я стою лишь одной недоеденной маньтоу???

Демоны разразились хохотом, кто-то выкрикнул:

— Чем тебя маньтоу не устраивает? Легко отделался, так попридержи язык!

Се Лянь сразу узнал, что этот срывающийся голос принадлежал Ши Цинсюаню, который прятался в толпе демонов. Разрываясь между

смехом и слезами, Се Лянь услышал слова Хуа Чэна:

— Давай. Последний раз, не волнуйся.

— Я и не волновался, — ответил принц.

И они, сохраняя прежнее положение рук, прижатых друг к другу, встряхнули стакан ещё несколько раз. Се Лянь на самом деле совершенно не волновался, только вот ладони, прижатые к стакану, и тыльные стороны, накрытые руками Хуа Чэна, едва заметно вспотели.

В конце концов, движения их замерли, и когда пришло время узнать результат, принц сделал лёгкий вдох, открыл стакан и увидел...

Две игральные кости, показывающие две шестёрки!

Се Лянь с облегчением выдохнул, в душе прекрасно понимая, что произошло, и поднял взгляд на Хуа Чэна. Тот повёл бровями и произнёс:

— О, я проиграл.

Он признал поражение совершенно серьёзно, однако при этом в голосе его не звучало ни намёка на искренность. Демоны в зале затихли.

Совсем недавно кто-то спрашивал: «Если этот бросок не в счёт, тогда который будет засчитан?», теперь ответ стал ясен: засчитан будет лишь тот бросок, который приведёт игрока к победе.

Подобные уступки совершенно не укладывались в рамки разумного!

Однако никто так и не посмел высказаться против. Девушка взяла из рук Се Ляня чёрный стакан, подняла повыше и объявила:

— Примите поздравления, молодой господин. Вы одержали победу.

Остальные, проявляя уважение к проигравшему, рассыпались в восклицаниях:

— Градоначальник хоть и проиграл, а сделал это безупречно! Прекрасно!

— Градоначальник лично обучил победителя правильной позиции, он выиграл лишь потому, что градоначальник — отличный наставник!

— Да уж! Сегодня для меня открылся новый мир, я выучился правильному способу бросания костей! Выгоду от этого знания и за десяток лет не истратить!

Слушая, как радостно беснуется толпа, Се Лянь не сдержался от улыбки. Увидев, что принц улыбается, Хуа Чэн улыбнулся тоже, затем задернул красный полог. В этот момент Лан Цяньцю сверху воскликнул:

— Раз уж ты проиграл, теперь должен меня отпустить!

Хуа Чэн всё так же смотрел на Се Ляня, не переставая улыбаться. Он даже не взглянул наверх, лишь небрежно взмахнул рукой, и Лан Цяньцю тяжело ударился о пол, сверзившись с потолка. От громкого звука Се Лянь чуть поморщился. Ши Цинсюаню нельзя было выдать себя, поэтому он не мог броситься на помощь соратнику. Тогда Се Лянь развернулся, наклонился над упавшим, чтобы осмотреть его, и спросил:

— Вы в порядке?

Лан Цяньцю поднялся с пола, отряхнул одежду от пыли и ответил:

— В порядке. Благодарю. Он наверняка подозвал вас к себе, чтобы вы попались на уловку и проиграли. К счастью, вам удалось победить!

Се Лянь про себя произнёс: «Тут вы совершенно не правы. Если бы он не поддался мне, я бы играл до скончания веков, но так бы и не отыграл вас обратно...»

Размышляя о случившемся, принц услышал за спиной чистый приятный звон — «цзинь-цзинь», следом за которым по залу прошёл тихий вздох удивления. Се Лянь обернулся и увидел, что это Хуа Чэн наконец вышел из-за красного полога.

Ранее, в облике юноши, Хуа Чэн всегда убирал длинные волосы в небрежный пучок или хвост. Теперь же чёрные пряди ниспадали на плечи, оттенённые красными одеждами, добавляя прекрасному облику демонического очарования. С правой стороны несколько прядей сплетались в тонкую косу, украшенную красной коралловой бусиной на конце, что придавало образу легкой игривости. Наручи из серебра, цепочки на сапогах из серебра, пояс из серебра, а на поясе длинная сабля с изящным узким клинком, изогнутым причудливой дугой, тоже из серебра. Оружие под стать владельцу, с такой же высокой и изящной фигурой. Хуа Чэн будто прислонился к краю наполовину открытого полога, скрестил руки на груди и с едва видимой улыбкой произнёс:

— Гэгэ, ты одержал надо мной победу.

Се Лянь, разумеется, прекрасно понимал, что произошло на самом деле, поэтому беспомощно ответил:

— Только не смейся надо мной.

Хуа Чэн приподнял бровь:

— И не думал. Как можно?

Тем временем демоны в зале пришли в совершеннейший восторг. Будто кипящие воды горячего источника, они стали переговариваться, сгорая от волнения:

— По какому поводу градоначальник решил сегодня сменить образ?

— Я сейчас умру! Новый облик градоначальника столь прекрасен, что я готова умереть! Какая молодость, какая энергия!

— Куда тебе умирать, ты давно уже мёртвая, дурёха старая!

По всей видимости, поскольку ранее Хуа Чэн никогда не показывался на публике в истинном облике, вместо этого непрерывно сменяя личины, даже обитатели Призрачного города не могли сказать наверняка, как же он выглядел на самом деле. Поэтому все решили, что и нынешний образ — лишь фальшивка. И только один Се Лянь в душе знал: перед ним предстал Собиратель цветов под кровавым дождём в своем истинном облике.

Пристально глядя на юношу в красных одеждах, Се Лянь произнёс:

— Ты...

Он хотел было что-то сказать, но вокруг бесчисленное множество глаз наблюдали за происходящим, при этом отношение Хуа Чэна не до конца прояснилось. Он вёл себя, будто был знаком с принцем, но при этом словно и не признавал знакомства. Се Лянь не мог с абсолютной уверенностью сказать, может ли Хуа Чэн себе позволить объявить о подобном знакомстве в Призрачном городе. Возможно, он намеревался скрыть этот факт. В таком случае, лишние разговоры неуместны, и принцу ничего не оставалось, как произнести лишь:

— Благодарю тебя.

Лан Цяньцю возразил:

— За что его благодарить? Он открыл это место. А значит, с самого начала не имел благих намерений.

— Ваше Высочество, довольно разговоров. Скорее уходим отсюда.

Если они останутся, неизвестно, что ещё сболтнёт Лан Цяньцю. К тому же у них есть важное задание, и Се Лянь посчитал, что задерживаться здесь незачем.

Непрестанно бросая взгляды на Хуа Чэна, он принялся подталкивать Лан Цяньцю к выходу. Неожиданно за спиной принца послышался голос Хуа Чэна:

— Постой.

Се Лянь остановился и обернулся. В толпе демонов раздались голоса:

— Градоначальник, нельзя просто так позволить им уйти!

— Этот человек слишком подозрителен и необычайно силен. Боюсь, он не так прост, как кажется. На мой взгляд, следует его задержать и с пристрастием допросить.

— Вот именно! Возможно, выяснится, что он — чей-то лазутчик, которого специально прислали наводить смуту на нашей территории!

Последняя фраза вонзилась в самое сердце. Ведь они в самом деле прибыли из Небесных чертогов, однако вовсе не с тем, чтобы наводить смуту, а лишь для расследования некоторых обстоятельств. Се Лянь не был до конца уверен, видел ли Хуа Чэн отблеск божественного сияния, которое Лан Цяньцю не сумел сдержать в момент опасности. И если всё-таки видел, не существует полноценной уверенности, что теперь позволит им уйти. В сердце Се Ляня закралась тревога. Однако Хуа Чэн, вопреки ожиданиям, протянул:

— Ты не оставишь проигранное?

Се Лянь на мгновение застыл.

— Проигранное?

Лан Цяньцю шагнул перед Се Лянем и настороженно спросил:

— Ты снова решил отказаться от своих слов?

Се Лянь же подумал: «Если Сань Лан что-то пообещал, то непременно исполнит. Возможно, он имеет в виду что-то другое?»

Поэтому принц вышел из-за спины Лан Цяньцю и произнёс:

— Но ведь... я победил, разве нет?

— Только что гэгэ действительно победил, это правда. Однако не стоит забывать, что ранее ты также проиграл один бросок.

Се Лянь, остолбенев на миг, ответил:

— Но ведь ты сказал, что не нужно спешить, и тот раз не считается.

Заявление о том, что проигрыш не идёт в счёт, а засчитывается только выигрыш, звучало откровенной наглостью, однако Се Лянь всё же решил отбросить всякий стыд. Хуа Чэн ответил:

— Несколько бросков, сделанные во время игры со мной, конечно, не считаются. Но я говорю о первом броске, который ты провёл ещё в зале.

Тогда-то Се Лянь вспомнил — оказалось, Хуа Чэн имел в виду те две шестёрки, что принц выбросил, когда хотел попробовать сыграть на меньшее.

Лан Цяньцю мрачно произнёс:

— Я же говорил, что он не имеет благих намерений и не собирается так просто отпустить нас. На этот раз я не позволю себя пленить.

Судя по всему, он, сгорая от нетерпения, уже приготовился вновь броситься в бой. Се Лянь поспешно задержал Лан Цяньцю и произнёс:

— Всё в порядке, не стоит волноваться, не придётся снова ввязываться в драку.

Хуа Чэн, в свою очередь, наклонил голову набок и спросил:

— Ну так как? Гэгэ, признаешь?

Любишь играть, умей и проигрывать. Что же ещё оставалось делать, кроме как послушно признать поражение? Поэтому Се Лянь кивнул и ответил:

— Признаю.

Хуа Чэн протянул левую руку.

— Тогда отдай мне обещанный выигрыш.

...Обещанный выигрыш?

Поколебавшись мгновение, Се Лянь сунул правую руку в левый рукав, пошарил внутри и нащупал половинку маньтоу. Не решаясь посмотреть Хуа Чэну прямо в глаза, он, собравшись с духом, протянул ему находку и сказал:

— Ты говоришь... об этом?

По правде говоря, вынимая половинку маньтоу из рукава, Се Лянь почувствовал, как его лицо^[71], которое он, несмотря ни на что, сохранял на протяжении восьмисот лет, внезапно затрещало по швам и вот-вот посыплется.

Демоны в главном зале давно уже не находили комментариев происходящему, поэтому просто тихо наблюдали со стороны. Они ещё могли принять тот факт, что градоначальник, впервые снизошедший для игры с кем-то, принял в качестве ставки недоеденную маньтоу. Вероятно, просто посчитал это забавным. Но в итоге он всерьёз потребовал отдать выигрыш! Нет слов, просто нет слов. Кое-кто из демонов не удержался от весьма смелого предположения: либо в этой половинке маньтоу кроется какой-то невероятный секрет, либо этот человек — действительно родной брат^[72] градоначальника!

Хуа Чэн же, посмеиваясь, взял маньтоу, поднял на уровень глаз, чтобы рассмотреть, затем помахал ею и объявил:

— Выигрыш я принимаю.

Уверившись в том, что Сань Лан действительно забрал маньтоу, Се Лянь не нашёл нужных слов. Лишь спустя несколько мгновений проговорил:

— Она... холодная. И, кажется, немного засохла.

Хуа Чэн ответил:

— Ничего. Я не возражаю.

Такой ответ не оставил Се Ляню возможности для продолжения диалога. Всё, что мог, он уже сказал, и потому развернулся и направился на выход. Ранее демоны освободили ему путь, подчиняясь порыву, поскольку увидели в нём смельчака, который вызвался первым. На этот раз ему уступали дорогу, награждая благоговейными, но любопытными взглядами. Се Лянь, пройдя пару шагов, услышал за спиной голоса демонов:

— Градоначальник, градоначальник, куда вы направитесь теперь?

Хуа Чэн лениво протянул:

— Сегодня я пребываю в радостном настроении, наведаюсь в Дом Блаженства.

После этой фразы главный зал разразился бурными восклицаниями, будто во время празднования Нового года. Се Лянь вновь не удержался, чтобы не оглянуться, и как раз застал момент, когда Хуа Чэн развернулся, подбросил маньтоу, небрежно откусил и снова устремил взгляд в сторону принца.

От этой картины Се Лянь на миг застыл, и по какой-то причине почувствовал, что здесь действительно больше нельзя оставаться ни мгновением дольше. Ускорив шаг, он вместе с Лан Цяньцю молнией вылетел из игорного дома.

Они вырвались наружу и ещё долго неслись по улице бегом, едва не сбивая по пути лоточников, торгующих всякой всячиной. С огромным трудом двое соратников нашли пустынный переулок, где тут же возник и Ши Цинсюань, наконец воссоединившись с ними. Он махал веером столь яростно, что растрепал волосы ветром.

— Вот так повезло! Едва не попались! Мать честная, я так перепугался, что побледнел со страху.

Возможно, из-за слишком быстрого бега сердце Се Ляня тоже часто колотилось. Лан Цяньцю согласился:

— И правда, Ваше Превосходительство, мне кажется, вы до сих пор выглядите довольно бледно.

Ши Цинсюань дотронулся до лица и с улыбкой произнёс:

— Правда? Ха-ха-ха-ха, это не от испуга, это у меня от природы... Кхм! Кхм, Цяньцю, как бы то ни было, ты же Бог Войны, покровитель одной из сторон света. Разве можно вести себя столь импульсивно? Мы сейчас находимся на территории мира демонов, что если бы они тебя схватили? Раскрой ты себя, и поползут сплетни, что небожители Небесных чертогов устраивают маскарад, проникают в Призрачный город и подозрительно себя ведут. Это может пошатнуть покой между тремя мирами, как мы будем объясняться перед Владыкой?

Лан Цяньцю опустил голову и покорно признал ошибку:

— Простите, я действительно поступил опрометчиво. — Затем вновь поднял взгляд и добавил: — Но все эти игроки просто утратили остатки совести! Если бы тот мужчина открыл стакан, результат в любом случае оказался бы неблагоприятным: либо для его дочери, либо для конкурентов. Я так разгневался, что решил разбить стакан.

Ши Цинсюань произнёс:

— Но тебе не обязательно было сразу вмешиваться самому!

Лан Цяньцю, растерявшись, спросил:

— Но, Ваше Превосходительство, что мне оставалось? Если бы я не вмешался, никто бы этого не сделал.

Вопрос прозвучал столь серьёзно, что Ши Цинсюань постучал веером по виску, явно ломая голову над ответом.

— Ну...

Се Лянь мягко улыбнулся:

— Не берите в голову.

Лан Цяньцю посмотрел на него, и Се Лянь добавил:

— Я думаю, что даже если бы Его Высочество Тайхуа оказался схвачен, ни под какими пытками он не выдал бы своего истинного статуса. Однако, дабы не позволить никому вытянуть какие-то зацепки из ваших слов, Ваше Высочество, впредь всё же будьте осмотрительнее. Не стоит попадаться в лапы противнику.

Лан Цяньцю кивнул:

— Хорошо! Я понял.

Ши Цинсюань вмешался:

— Довольно об этом, довольно! Ах, кстати, Ваше Высочество наследный принц...

На это обращение одновременно повернулись оба — и Се Лянь, и Лан Цяньцю. Ши Цинсюань уточнил:

— О, я имел в виду того из вас, который уже в возрасте.

Се Лянь слегка расстроено потёр точку между бровей и подумал: «Уже в возрасте... что ж, я действительно старше, но не так уж и намного. Почему каждый раз обо мне говорят, будто о старике?»

Ши Цинсюань продолжил:

— Ваше Высочество, вы раньше уже встречались во дворце Шэнью? Если нет, то я представлю вас друг другу. Это Лан Цяньцю, наследный принц государства Юньань, Бог Войны восточных земель. А это Се Лянь, наследный принц государства Сяньлэ, известный как небожитель, соби... особенно пользующийся доверием Владыки.

Се Ляню не нужно было переспрашивать, чтобы понять, что именно хотел сказать Ши Цинсюань, когда запнулся на середине фразы. Собирающий мусор! Однако, раз уж он намеренно изменил смысл высказывания, сейчас было не до придирок к оговорке, которой он попытался скрыть оплошность. Лан Цяньцю, послушав Ши Цинсюаня, посмотрел на Се Ляня и любопытно расспросил:

— Так вы и есть тот самый Его Высочество наследный принц, вознесшийся трижды?

Видимо, в прошлый раз во дворце Шэнью Лан Цяньцю действительно проспал всё собрание от начала до конца, и даже не запомнил, кто он такой. Если бы кто-то другой перед Се Лянем произнёс подобную фразу, она бы прозвучала, вне всяких сомнений, насмешливо. Однако, поскольку говорил Лан Цяньцю, Се Лянь безоговорочно поверил, что этот ребёнок в действительности считает удивительным факт вознесения в третий раз, только и всего. Принц лучезарно улыбнулся и ответил:

— Ага, это я.

Лан Цяньцю воскликнул:

— Огромное спасибо вам за помощь! Иначе... — Он вдруг кое о чём вспомнил, поспешно опустил голову и подтянул пояс, завязав покрепче, будто всё ещё не оправился от испуга. Очевидно, он вовсе не придавал большого значения прошлым отношениям между государствами Сяньлэ и Юньань.

Ши Цинсюаню показалось вполне достаточно познакомиться их без лишних формальностей, поэтому он обратился к Се Ляню с другим вопросом:

— Ваше Высочество, разве Собиратель цветов под кровавым дождём не знаком с вами? Почему только что он прикинулся, что совершенно не знает вас?

Лан Цяньцю, управившись с поясом, спросил:

— Это правда Собиратель цветов под кровавым дождём? Истинное воплощение?

Се Лянь не успел ответить, когда услышал слова Ши Цинсюаня:

— Да разве это могло быть истинное воплощение? Хуа Чэн в запасе имеет больше сотни личин, никому не известно, каково его истинное воплощение. В прошлый раз, когда я видел его в Крепости Баньюэ, он выглядел примерно так же. Наверняка это лишь изменённый облик. Ложный, несомненно.

Но Се Лянь всё это время держал в голове фразу, которую услышал от Хуа Чэна в монастыре Водных каштанов: «Когда мы встретимся в следующий раз, я предстану перед тобой в первоначальном образе». Принц подумал: «Облик настоящий».

Разумеется, он не стал высказывать это вслух. Ведь остальные были уверены, что облик ложный, и только он знал, что это — истинное обличие Собирателя цветов под кровавым дождём. Принц ощутил себя особенным, будто хранителем какого-то невероятного секрета. Следом пришла мысль: «Этот образ Сань Лана не слишком отличается от прежнего, он лишь, кажется, повзрослел и стал немного выше. Получается, что во время нашей первой встречи Сань Лан практически предстал передо мной в настоящем облике». Се Лянь вновь ощутил небольшую беспричинную радость.

Ши Цинсюань, в свою очередь, продолжал рассуждать:

— Все говорят, характер Хуа Чэна непредсказуем. По всей видимости, истинно так. Он ведь очевидно поддался вам, да ещё с серьёзным видом притворился, что вы не знакомы. Неизвестно, что за снадобье он продаёт в своём кувшине^[73]. Неужели всё ради того, чтобы мы ослабили бдительность?

Пока он говорил, Се Лянь несколько раз прокашлялся. Оказалось, всем было очевидно, что Хуа Чэн во время игры поддался ему. И не

удивительно. Ведь для описания его действий вместо фразы «спустил воду»^[74] больше подошло бы вовсе «убрал заслонку».

Один Лан Цяньцю ничего не разглядел, и потому нахмурился.

— Он поддался? Почему?

Двое собеседников похлопали его по плечу и в молчаливой договоренности избрали ничего не объяснять, оставив Лан Цяньцю наедине с мыслями о том, почему Хуа Чэн поддался Се Ляню, может быть, всё потому, что они знакомы?..

Они развернулись и двинулись по переулку. Се Лянь обратился к Ши Цинсюаню:

— Теперь мы, можно сказать, выдали себя. Как будем действовать дальше? Сменим облик и попытаемся снова? Не думаю, что это хорошая идея, толку не будет. Его Высочество Тайхуа своим ударом привлёк к себе столько внимания, что в Призрачном городе наверняка усилят меры предосторожности.

— По правде говоря, я был готов к разоблачению, но не ожидал, что оно произойдёт настолько быстро.

— Понимаю, понимаю, — вздохнул Се Лянь.

— Ну что ж, раскрыли — так раскрыли. Раз уж мы выдали себя, может быть, вы выступите в открытую?

Се Лянь в душе догадался, что означает это «выступить в открытую».

И действительно, далее Ши Цинсюань предложил следующее:

— Ведь теперь, если мы не хотим быть пойманными на лжи, вам остаётся только отправиться прямо к Хуа Чэну и сказать, что вы пришли специально, чтобы повидаться с ним. Ему ведь известно, что вы — небожитель Небесных чертогов? Если да, то вполне подойдёт объяснение, что вы прихватили с собой пару младших товарищей.

Се Лянь ещё не успел ничего ответить, когда Лан Цяньцю, услышав предложение, возразил:

— Не годится!

— Почему не годится?

Лан Цяньцю серьёзно ответил:

— Ваше Высочество Сяньлэ, вы ведь знакомы с Собирателем цветов под кровавым дождём?

Се Лянь кивнул. Лан Цяньцю продолжил:

— Тогда, конечно, не годится. Пусть, как мне кажется, этого Князя Демонов хорошим человеком не назовёшь, всё же он позволил вам выиграть. Должно быть, потому что считает вас своим другом. Если это так, вы ни в коем случае не можете лгать, тем самым обманывая доверие друга.

Ши Цинсюань, будто мучимый головной болью, воскликнул:

— Ай-яй, Цяньцю, ну почему ты такой твердолобый?!

Се Лянь же с улыбкой кивнул:

— Отлично сказано, Ваше Высочество Тайхуа.

Лан Цяньцю улыбнулся в ответ:

— Так вы согласны со мной?

Ши Цинсюань возразил:

— Что же здесь отличного? Мы с вами, позвольте напомнить, три небожителя. Если вернёмся с пустыми руками, и об этом узнают все, наверняка скажут, что от нас пользы меньше, чем от дворца Линвэнь. Позора не оберёмся.

Се Лянь широко улыбнулся, собираясь что-то сказать, как вдруг услышал за спиной нечеловеческие крики и шум. Трое невольно обернулись на звук и увидели, что снаружи переулка пронеслась толпа нечисти в погоне за чем-то, выкрикивая:

— Где этот мелкий выродок с забинтованным лицом? Где он?

Се Лянь, заметив настороженность на лицах двоих спутников, произнёс:

— Не обращайтесь внимания, это не за нами.

Не успел он договорить, как их ушей достиг надрывный пронзительный крик, резанувший слух.

Визит в Дом Блаженства. Вопросы о Сяньлэ.

От этого крика Се Лянь содрогнулся в душе. Умом он ещё не успел ничего понять, когда тело уже бросилось действовать. Принц выбежал из переулка и увидел снаружи толпу демонов самых причудливых видов и форм, которые окружали что-то плотным кольцом и наперебой вопили:

— Попался!

— Прикончим его, чтобы сдох ещё раз!

— Сколько съестных припасов этот, мать его, гадёныш у меня стащил? Я не успокоюсь, пока не срежу их с кусками мяса с его тела!

Ши Цинсюань воскликнул:

— Ваше Высочество, что с вами?

Се Лянь не ответил. Лишь направился вперёд, к толпе, ускоряясь с каждым шагом. В конце концов он побежал, с силой растолкал нескольких зевак, бросил взгляд... В центре толпы избивали юношу в лохмотьях, на вид лет пятнадцати-шестнадцати. Он сжался в комок на земле и дрожал от страха.

И хотя юноша старательно закрывал голову руками, всё же можно было разглядеть, что его лицо беспорядочно замотано бинтами, которые, как и волосы на его голове, уже сделались нестерпимо грязными.

Разве он мог быть кем-то иным, как не тем юношей с горы Юйцзюнь, с которым Се Лянь увиделся всего раз, а потом бесследно потерял и никак не мог отыскать?

Неудивительно, что за столько дней дворцу Линвэнь не удалось обнаружить его местонахождения. Если парнишка спрятался в мире демонов, разве могли служащие из дворца Линвэнь найти его в мире смертных?

Демоны, которых Се Лянь бесцеремонно оттолкнул, разразились бранью и вытолкали его обратно. Один из них потянул за бинты на голове мальчика и гаркнул:

— Это мелкое отродье наверняка урод пострашнее меня, раз так боится, что кто-то сдёрнет с него эти тряпки...

Лан Цяньцю в гневе закричал:

— Вы что творите?! — втиснулся в толпу и снова растолкал демонов. Ши Цинсюань, который не успел его задержать, сердито махнул веером и окликнул:

— Цяньцю, мы же договорились — впредь никаких опрометчивых поступков!

На этот раз гнев большинства обрушился на Лан Цяньцю, демоны принялись браниться:

— А ты откуда взялся, выскочка? — после чего накинулись с кулаками.

Лан Цяньцю бросил:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров, простите, это последний раз! — и ввязался в драку, отвешивая тумачи направо и налево.

Ши Цинсюань, не в силах ничего поделаться, крикнул:

— Хэй! Я больше никогда не пойду с тобой на задание! — Затем ему, разумеется, тоже пришлось присоединиться к побоищу.

Как назло, во избежание разоблачения, они не могли применить магию и окружить себя божественным сиянием, поэтому оставалось только пустить в ход кулаки. Се Лянь же отбросил прочь малую часть толпы, которая всё ещё поколачивала мальчишку, наклонился к нему, помог подняться и спросил:

— С тобой всё хорошо?

Услышав его голос, юноша содрогнулся и, съевшись, исподлобья посмотрел на принца. Се Лянь, взглянув на его лицо, обнаружил, что бинты испачканы чёрно-красными пятнами крови, от которых дрожь проходила по телу. Юноша имел вид ещё более пугающий, чем в прошлую их встречу на горе Юйцзюнь. Глаза, выглядывающие сквозь прорехи в бинтах, оказались на удивление ясными, необычайно чистыми, хоть и полными страха, даже ужаса, покуда в чёрных зрачках отражался силуэт Се Ляня.

Поддерживая юношу за плечи, Се Лянь произнёс:

— Ну же, вставай. Всё уже в порядке.

Но мальчишка вдруг громко вскрикнул «А!», оттолкнул Се Ляня, вскочил на ноги и бросился наутёк.

Поскольку юноша когда-то страдал от поветрия ликов, наверняка он был как-то связан с государством Сяньлэ. Поэтому Се Лянь, увидев его, испытал сильное потрясение и немного растерялся, и теперь оказался не готов к внезапному толчку, от которого даже его шляпа упала на землю. Принц удивлённо застыл и воскликнул:

— Постой!

Он уж было бросился в погоню, но тут к нему прицепились несколько скверных демонов, которых он ранее отбросил прочь. Юноша убежал в сторону длинной улицы, по которой прохожие сновали толпами. С его небольшим ростом мальчишке не составит труда затеряться среди них. И Жое будет непросто поймать его в таком месте.

Се Лянь, охваченный волнением, крикнул:

— Уважаемые Превосходительства, оставляю здесь всё на вас! Придётся нам действовать по отдельности. Заметите свои следы. Встречаемся на этом же месте, самое позднее — через три дня!

Удар Жюе отбросил демонов прямо в сторону двоих соратников принца. Се Лянь проворно наклонился, подобрал с земли шляпу и молнией бросился в погоню за юношей.

С трудом пробираясь через толпу, принц кричал:

— Разрешите! Пропустите!

Для юноши же прятаться в толпе было привычным делом. Пока он бежал, принц видел то его голову, то спину, то вовсе терял из виду, и каждый раз беглец удалялся. Кроме того, возможно, принцу показалось, но в той стороне, куда он бежал, улица становилась всё более оживленной: от прохожих яблоку негде упасть, и пробираться сквозь толпу становилось всё труднее. Се Лянь, у которого на душе царил хаос, неосторожно перевернул несколько лавчонок с товарами, и торопливо воскликнул:

— Простите! Простите!

Однако с демонами шутки плохи, лоточники набросились на принца с руганью:

— Какой толк от твоих извинений? Хватай его!

Се Лянь ощутил холодок по спине, будто кто-то протянул руку, намереваясь его схватить. Развернувшись с ответным ударом, он воскликнул:

— Кто такой?!

Оказалось, что его схватили неизвестно откуда взявшиеся щупальца. Тут же набежала толпа, на все голоса оглушившая принца криками:

— Ой-ёй! Давайте-ка проучим красавчика! Как он смеет устраивать беспорядки в Призрачном городе?!

Нечисть нахлынула на принца волной. Ещё мгновение — и из-за них он окончательно потеряет юношу из виду. Се Лянь с трудом отбросил прицепившиеся к нему щупальца и произнёс:

— Уважаемые! Искренне прошу прощения, я сделал это не нарочно. Позвольте мне вначале догнать кое-кого, а после обсудим, как возместить ущерб, хорошо?

Демоны не унимались:

— Ишь чего захотел!

Пока принца толкали и пихали, юноша окончательно скрылся. Се Лянь растерянно застыл. Честно говоря, он и сам не понимал, что чувствовал по этому поводу: разочарование от того, что не поймал

беглеца, или облегчение от того, что кошмарный сон из прошлого снова отступил.

Внезапно среди демонов начались волнения, толпа сама собой расступилась, будто явилась какая-то исключительная личность. Когда Се Лянь опомнился, то увидел, как через открывшийся в толпе коридор прямо к нему направляется мужчина высокого роста в чёрных одеждах.

Незнакомец произнёс:

— Прекратить беспорядки, сейчас же отпустить!

Как и большинство демонов на главной улице, этот человек носил маску демона, притом весьма интересную — выражение застыло в горькой, безысходной улыбке.

— Посланник убывающей луны! — загалдела толпа и наконец отпустила Се Ляня. Видимо, незнакомец являлся важной персоной в Призрачном городе.

Увидев Се Ляня, он склонился в почтительном поклоне.

— Даочжан, градоначальник почтёт за честь видеть вас своим гостем.

Се Лянь указал на себя:

— А? Меня?

Посланник убывающей луны ответил:

— Именно вас. Градоначальник давно ожидает в Доме Блаженства.

Вокруг раздались потрясённые возгласы: «Градоначальник пригласил его? Я не ослышался? Градоначальник?», «Дом Блаженства? Но ведь это тёплое гнездышко градоначальника, он никогда не приглашает туда посторонних!»

Кто-то, подошедший с другой стороны улицы, вмешался:

— Погодите, это разве не тот даочжан, что сегодня в Призрачном игорном доме одержал победу над градо... то есть, которого градоначальник обучал игре?!

Множество глаз, размером самое меньшее — с бронзовые колокольчики, уставились на Се Ляня так, что ему пришлось закрыться от взглядов шляпой. Посланник убывающей луны произнёс:

— Прошу.

Се Лянь ответил кивком и направился за ним.

Толпа добровольно расступилась, освобождая дорогу. Демонический посланник пошёл посередине и повёл Се Ляня за собой. Никто не осмелился увязаться за ними, чтобы разузнать подробности. Спустя полчаса они покинули оживлённую улицу, отдаляясь всё сильнее.

За это время они почти не разговаривали, Се Ляню даже показалось, что Посланник убывающей луны вот-вот растворится во тьме, поэтому старался идти за ним по пятам. Однако, когда принц, ни о чём не подозревая, коснулся взглядом руки демонического посланника, то заметил на его запястье чёрный проклятый обруч.

Принцу, как никому другому, было известно его назначение.

Проклятая канга?!

Он округлил глаза в безмолвном изумлении, как вдруг услышал голос демонического посланника:

— Мы на месте.

Се Лянь поднял взгляд и лишь тогда заметил, что тот привёл его на берег озера. На поверхности резвились и играли в салки тусклые блуждающие огоньки, а у воды высилось великолепное, сверкающее золотым блеском здание.

И в Небесных чертогах, и в мире демонов имелись весьма роскошные творения архитектуры. Однако если здания Небесных чертогов в своём великолепии излучали ауру величия и могущества, то в Призрачном городе это великолепие смешивалось с демоническим очарованием, тем самым создавая впечатление легкомысленного распутства. Даже от иероглифов «Дом Блаженства» над входом в здание исходила демоническая аура.

Изнутри доносились звуки песнопений. Лёгкие, нежные, колышущиеся на ветру, будто несколько прелестниц во время весёлых забав подпевали и кружились в изящном танце.

Следуя за песней, Се Лянь медленно вошёл внутрь, приподнял завесу из нанизанных на нити бусин, и в следующий миг его лицо овеяло тёплым дуновением приятного аромата. Он слегка отвернулся, будто хотел уклониться от этого окутывающего запаха.

В главном зале Дома Блаженства расстилался толстый меховой ковёр, цельновыкроенный из шкуры неизвестного монстра. Множество очаровательных девушек в лёгких платьях в завлекающем танце ступали по нему белоснежными босыми ногами, всей душой

отдаваясь своему выступлению. Песнопения доносились именно от них.

Легко кружащиеся в танце девушки напоминали бесчисленные заросли роз с ядовитыми шипами, что расцветали в глубокой ночи. Протанцевав мимо Се Ляня, девушки подмигнули принцу, будто дразня. Если бы какие-нибудь путники забрели сюда среди ночи и увидели подобную картину, неизвестно, какое чувство в большей мере наполнило бы их сердца — страх или очарование красотой. Однако взгляд Се Ляня, пробежав по главному залу, сразу устремился вдаль, минуя танцовщиц. Он с первого взгляда увидел Хуа Чэна, сидящего в дальнем конце зала.

Там располагалась длинная кушетка из чёрного нефрита, весьма широкая, способная вместить более десяти человек. Но сидел на ней лишь один Хуа Чэн. Перед ним в танце кружились очаровательные демонессы, Хуа Чэн же не удостаивал их даже взглядом, только, словно изнывая от скуки, смотрел перед собой.

А перед ним высился небольшой дворец, сверкающий золотом. При внимательном рассмотрении он напоминал строения Небесных чертогов. Ну а если приглядеться ещё получше, то становилось ясно, что дворец этот выстроен из тончайших листков сусального золота. Таким же листком Хуа Чэн рассеянно поигрывал в руке.

Замок из сусального золота. В эту игру Се Лянь часто играл в детстве, в императорском дворце Сяньлэ. На самом деле, по увлекательности игра ничем не отличалась от строительства домиков из камней, которым забавлялись дети простого люда.

В отрочестве принц по характеру отличался неугасаемым интересом к чему бы то ни было: если дать ему что-то, он уже не захочет с этим расстаться; если он сотворил что-то, то уже не захочет это разрушать. Поэтому, построив домик из золотых листков, он никому не позволял прикасаться к своему творению, жалея лишь о том, что нельзя залить его клейстером, тем самым сохранив в целости навечно.

В ещё более раннем возрасте, если принц видел, что построенный им домик рухнул, он расстраивался до такой степени, что не мог ни спать, ни есть. Царственным родителям приходилось подолгу его успокаивать.

Теперь же, стоило принцу увидеть, как золотой дворец этаж за этажом вознёсся ввысь, и как дрожат, возвышаясь друг над другом, больше сотни золотых листков, в голову ему пришла мысль о чём-то невероятно хрупком. Казалось, лёгкое дуновение ветерка — и конструкция развалится. Се Лянь, не в силах сдержаться, про себя взмолился: «Только не падай, только не падай».

Кто бы мог подумать, что спустя мгновение Хуа Чэн, поглядев на дворец, вдруг ухмыльнётся, обнажив зубы, затем протянет руку и легко щёлкнет по самой верхушке золотого дворца.

И дворец с шелестом рассыплется.

Листки сусального золота разлетелись по полу. Выражение лица Хуа Чэна, однако, после разрушения дворца, сделалось немного радостным. Это было похоже на то самое удовольствие, которое испытывает ребёнок, уничтожая сооружение из деревянных кубиков.

Он небрежно уронил листок золота, который держал в руке, и спрыгнул с кушетки. Танцовщицы моментально разошлись по двум сторонам главного зала, песни их стихли. Хуа Чэн, ступая прямо по сверкающим золотым лепесткам, направился к входу и произнёс:

— Гэгэ, раз уж ты явился, почему не заходишь? Неужели, стоило нам разлучиться на несколько дней, и Сань Лан стал для тебя чужим?

Се Лянь опустил занавесь и ответил:

— Но ведь это Сань Лан первым сделал вид, что не знает меня, только что, в игорном доме.

Хуа Чэн уже оказался перед ним.

— Лан Цяньцю тоже был там. Если бы я не разыграл импровизированный спектакль, боюсь, случившееся обернулось бы для гэгэ неприятностями.

Се Лянь подумал, что спектакль и впрямь вышел чересчур импровизированным. Вполне возможно, что Хуа Чэн сразу разглядел и Ши Цинсюаня, который пытался затеряться среди демонов. Се Лянь, впрочем, не стал ничего отрицать.

— Сань Лан по-прежнему поражает широтой познаний.

Хуа Чэн улыбнулся:

— Само собой разумеется. Гэгэ, в этот раз ты пришёл специально, чтобы повидаться со мной?

Говоря по совести, если бы Се Лянь знал, что Хуа Чэн здесь, он бы наверняка выдумал ложный предлог, чтобы его навестить. Но

именно в этот раз так вышло, что предлог не был ложным.

Впрочем, Хуа Чэн не стал дожидаться его ответа, лишь с лёгкой улыбкой произнёс:

— Не важно, пришёл ли ты, чтобы встретиться со мной, или же по иной причине. Я в любом случае очень рад.

Его слова на миг сбили Се Ляня с толку. Принц не успел ответить, как вдруг услышал хихиканья танцовщиц, что разошлись по двум сторонам главного зала.

Хуа Чэн посмотрел на девушек искоса, и те, склонив головы, в мгновение ока покинули зал, оставив их одних в огромном пышном дворце. Хуа Чэн произнёс:

— Гэгэ, пойдём, посидим.

Се Лянь, глядя на Хуа Чэна, направился за ним. Затем с улыбкой спросил:

— Так это и есть твой настоящий облик?

Шаги Хуа Чэна на миг застыли. Вполне возможно, что Се Ляню лишь показалось, но плечи его будто на миг напряглись. а ещё через мгновение он спокойно ответил:

— Я же говорил. В следующую нашу встречу я предстану перед тобой в первоначальном образе.

Се Лянь улыбнулся до ушей и искренне произнёс:

— Прекрасно.

Без насмешки, без утешения, просто и естественно. Хуа Чэн усмехнулся, и на этот раз выражение его лица стало по-настоящему спокойным. Они прошли ещё немного, как вдруг Се Лянь вспомнил об одном очень важном деле. Сняв с груди серебряную цепочку, он спросил:

— Кстати, насчёт кое-какой вещицы, это ведь ты её оставил?

Хуа Чэн бросил взгляд на кольцо и с легкой улыбкой ответил:

— Я подарил его тебе.

— Что это?

— Ничего ценного оно из себя не представляет, просто прими как милую безделицу.

Несмотря на ответ, Се Лянь всё же понимал, что ценность подарка наверняка пугающе высока.

— В таком случае, премного благодарен Сань Лану.

Когда он снова надел кольцо на шею, в глазах Хуа Чэна пробежала едва заметная искра. Се Лянь огляделся по сторонам.

— Когда в игорном доме ты сказал, что собираешься посетить Дом Блаженства, я подумал, что Дом Блаженства — это какой-то публичный дом. Но по виду он больше похож на Дом Песен и Танцев.

Хуа Чэн приподнял брови:

— Гэгэ, о чём ты вообще говоришь? Я никогда в жизни не посещал публичных домов.

Се Ляню это показалось удивительным.

— Правда?

— Конечно, правда.

Они подошли к кушетке из чёрного нефрита и сели рядом.

Хуа Чэн добавил:

— Это место я построил просто ради забавы, можно сказать, как одну из своих резиденций. Когда есть свободная минутка, прихожу сюда побездельничать. Если недосуг, то и не вспоминаю о нём.

— Так значит, это твой дом.

— Резиденция. Не дом.

— Разве есть разница?

— Конечно, есть. Дома есть домашние. Место, где ты живёшь один, домом не зовётся.

Его слова слегка затронули сердце Се Ляня. Ведь получалось, что он вот уже восемьсот лет не имел «дома». И хотя на лице Хуа Чэна не отражалось ни капли тоски от одиночества, Се Ляню показалось, что в этом они, возможно, схожи. Вновь послышался голос Хуа Чэна:

— Если говорить о доме, маленькое местечко, такое, как монастырь Водных каштанов, будет в десять тысяч раз лучше, чем мой Дом Блаженства.

Се Лянь был совершенно с ним согласен. И с улыбкой заметил:

— Оказывается, Сань Лан по натуре романтик. Однако твоё сравнение монастыря Водных каштанов с этим местом повергает меня в смущение.

— Из-за чего ты смутился? — посмеялся Хуа Чэн. — Честно, я не лгу, гэгэ, твой монастырь хоть и не велик, но как по мне, в нём намного уютнее, чем в Доме Блаженства. Он больше походит на настоящий дом.

Се Лянь с теплом произнёс:

— Правда? Что ж, если не брезгуешь, можешь навещать погостить, когда захочешь. Двери монастыря Водных каштанов для тебя всегда открыты.

Хуа Чэн изящно изогнул бровь.

— Гэгэ, раз ты сам это сказал, в таком случае — «повиновение станет лучшим проявлением уважения». Впредь не говори мне, что я тебе надоел.

— Ни в коем случае не буду! Кстати, Сань Лан, я должен попросить тебя об одной услуге, вот только не знаю, найдется ли у тебя время.

— Что за услуга? В моих владениях можешь прямо высказывать любые просьбы.

— Улаживая проблему на горе Юйцзюнь, я встретил там юношу, который, возможно, как-то связан с моим родным государством.

Хуа Чэн слегка прищурился, но промолчал. Се Лянь продолжил:

— Тот юноша перепугался так сильно, что сбежал. Я долго искал его, но без толку. А когда прогуливался по твоему Призрачному городу, внезапно обнаружил, что он скрывается здесь. Сань Лан, могу ли я просить тебя, как хозяина этого места, помочь мне отыскать его? Лицо мальчика перевязано бинтами, он только что скрылся в толпе неподалеку от Дома Блаженства.

Хуа Чэн улыбнулся:

— Хорошо, я понял. Гэгэ, не стоит волноваться, просто немного подожди.

Се Лянь с облегчением выдохнул:

— Я правда очень благодарен тебе, снова.

— Пустяки. Вот только... ты так просто оставил Лан Цяньцю одного?

Се Лянь подумал, что если бы Лан Цяньцю пришёл сюда с ним, неизвестно, что бы он ещё натворил, со своей излишней прямоотой. Поэтому наилучшим решением было встретиться с ним позже. Принц заодно решил извиниться:

— Его Высочество Тайхуа добавил тебе хлопот в игорном доме, прошу прощения за это.

На лице Хуа Чэна вновь появилась немного презрительная улыбка.

— О чём ты? Кто он такой, чтобы называть его выходку хлопотами.

— Он попортил имущество...

Хуа Чэн, улыбаясь, ответил:

— Исключительно из уважения к гэгэ, я не стану взыскивать с него плату за испорченное имущество. Только пусть не мельтешит у меня перед глазами, а катится куда-нибудь подальше.

— Сань Лан, неужели тебе всё равно, что по твоим владениям расхаживают небожители?

Неужели Хуа Чэн в самом деле настолько бесстрашен?

Хуа Чэн с улыбкой ответил:

— Кое-что тебе всё-таки неизвестно. Гэгэ, мои владения во всех трёх мирах называют истинным разгулом нечисти, преисподней, куда стекаются все подлецы. Но на самом деле каждый хочет прийти сюда поразвлечься. Даже многие небожители лишь делают вид, что им безразличны мои владения, всячески выражая своё презрение. Но если им нужно в тайне от всех провернуть какое-то дельце, каждый стремится незаметно проникнуть сюда, скрыв лицо под маской, и совершить задуманное. Если они не наводят шума, мне лень следить за ними, если же начинают безобразничать, справляюсь со всеми одним ударом.

— Его Высочество Тайхуа вообще-то не собирался устраивать беспорядки, просто, увидев ту сцену с игроком, посчитал, что не вмешаться нельзя, вот и поддался порыву.

Хуа Чэн бесстрастно произнёс:

— Всё дело в том, что он слишком мало повидал. Тот, кто из двух вариантов — прибавить десять лет жизни себе или же отнять десять лет жизни своих врагов, выберет последний, как раз человеком и зовется, такова людская природа. — Он сложил руки на груди и добавил: — Если даже такой дурень как Лан Цяньцю смог вознестись, значит на Небесах и впрямь нехватка служащих.

Се Лянь немного расстроено потёр точку между бровей и подумал: «Звучит не слишком приятно. Всё-таки сам я... вознёсся целых три раза...»

Поразмыслив немного, принц произнёс:

— Сань Лан, возможно, мои слова выйдут за рамки дозволенного, но я всё же скажу. Твой игорный дом — весьма опасное место. Не

принесёт ли он тебе когда-нибудь неприятности?

Игорный дом, где игроки ставят на кон своих детей, жизни и смерть врагов, поистине является преступным заведением. На мелкие происшествия можно закрыть глаза, но что если однажды ставка окажется слишком серьёзной? Тогда Небесные чертоги уже не смогут остаться в стороне.

Услышав вопрос, Хуа Чэн посмотрел на принца и ответил:

— Ваше Высочество задавались вопросом, почему Лан Цяньцю решил тогда вмешаться?

Се Лянь удивлённо замер, не зная, почему он вдруг спросил об этом. Хуа Чэн добавил:

— Думается мне, он наверняка сказал, что если бы он этого не сделал, то никто бы не сделал.

Догадка оказалась верна. Очевидно, Хуа Чэн видел Лан Цяньцю насквозь. Се Лянь подтвердил:

— Он действительно так и сказал.

— В моем случае всё совершенно иначе. Если я не возьму в свои руки контроль над этим заведением, наверняка найдется другой желающий. Чем отдавать власть над игорным домом кому-то ещё, лучше я буду держать её в своих руках.

Се Лянь, как всегда соблюдая рамки приличия, кивнул.

— Понимаю.

Видимо, несмотря на то что Хуа Чэн обыкновенно руководствовался чувствами, а не разумом, всё же он придавал силе, находящейся в его руках, значение гораздо большее, чем принц представлял себе ранее.

Хуа Чэн добавил:

— Тем не менее, благодарю гэгэ за заботу.

Внезапно снаружи раздался голос:

— Градоначальник, беглец найден и доставлен.

Се Лянь посмотрел на дверь и увидел, что у занавеси склонился в малом поклоне Посланник убывающей луны. Приведший того самого юношу в лохмотьях и бинтах.

Хуа Чэн даже не обернулся.

— Проводи его ко мне.

Посланник убывающей луны приподнял мальчишку за шиворот, подошёл и аккуратно поставил на пол.

Се Лянь невольно обратил внимание на его запястье, желая убедиться, действительно ли он носит проклятую кангу. Но Посланник с поклоном удалился, оставив юношу, который сейчас гораздо больше нуждался во внимании. Се Лянь первым бросился к нему со словами:

— Ничего не бойся. В прошлый раз я повёл себя неправильно, такое больше не повторится.

На принца смотрели огромные глаза, полные страха и недоверия. Возможно, у него не осталось сил бежать, или же юноша понял, что сбежать не выйдет. Посмотрев на Се Ляня, он бросил взгляд на столик перед нефритовой кушеткой. Се Лянь проследил за его взглядом и увидел на столике тарелку свежих сочных фруктов. Наверняка юноша скрывался от людей слишком долго и много дней ничего не ел. Принц повернулся к Хуа Чэну, но не успел и слова сказать, как тот ответил:

— Как пожелаешь. Не нужно спрашивать меня.

Се Лянь, также решив, что манеры могут подождать, произнёс:

— Благодарю, — затем взял блюдо с фруктами и подвинул ближе к мальчишке. Тот без лишних слов схватил тарелку и принялся без разбора запихивать фрукты в рот.

Видимо, он и правда ужасно проголодался. Даже когда Се Ляню, подобно бездомному псу, приходилось скитаться по свету и голодать, всё же, если у принца появлялась возможность поесть, он никогда не набрасывался на еду столь жадно. Принц произнёс:

— Не спеши. — Затем, помолчав, попробовал задать вопрос: — Как тебя зовут?

Юноша, пожирая фрукты, что-то промычал, будто бы в ответ, однако принцу не удалось разобрать слов. Хуа Чэн предположил:

— Возможно, он многие годы не разговаривал с людьми, вот и разучился.

А ведь верно, он даже с Сяоин особенно не разговаривал. Возможно, уже давно разучился говорить. Се Лянь вздохнул.

— Не будем спешить.

Юноша подчистую смёл все фрукты на тарелке, словно вихрь унёс облака. Се Лянь, глядя на тёмно-красные пятна крови на его повязках, поразмыслив, мягко произнёс:

— Я вижу, у тебя... у тебя на лице раны, очень серьёзные. Позволь я помогу тебе с ними.

Стоило принцу упомянуть раны, глаза юноши вновь наполнились страхом. Но Се Лянь продолжал мягко уговаривать, и потому юноша послушно сел рядом. Принц вынул из рукава бутылочку с лечебным порошком и принялся за дело, вначале размотав беспорядочно завязанные на лице юноши бинты.

Как и следовало ожидать, лицо мальчишки было залито кровью, но страшные человеческие лица окончательно исчезли, осталась лишь вереница свежих кровавых шрамов.

Когда они виделись на горе Юйцзюнь, лицо юноши покрывали ожоги, но на повязках не было так много кровавых пятен. Очевидно, впоследствии юноша при помощи ножа срезал или иссёк следы, оставленные поветрием ликов.

Руки Се Ляня слегка дрожали, когда он наносил порошок на раны. Хуа Чэн внезапно сжал его запястье и произнёс:

— Позволь мне.

Се Лянь покачал головой, аккуратно высвободил руку и уверенно ответил:

— Не стоит. Я сам.

Восемьсот лет назад в столице Сяньлэ многие заразившиеся поветрием ликов, за неимением иного выхода, избирали тот же путь. Тогда зрелище представляло собой настоящий ад на земле. Кто-то по неосторожности резал там, где резать было нельзя, и умирал от потери крови. Кому-то удавалось избавиться от человеческих ликов, но раны эти никогда больше не исчезали.

Се Лянь, наматывая юноше чистые повязки, с каждым разом замечал, насколько правильные у него черты лица: прямой высокий нос, яркие глаза. Наверняка когда-то он был красивым парнем. Теперь же от взгляда на него люди задыхались от страха.

Как и случилось с теми несчастными, даже после избавления от уродливых человеческих ликов, лицо юноши навсегда осталось таким, после одного взгляда на которое люди мучались ночными кошмарами. Впредь ему никогда не вернуться к первоначальному облику.

С большим трудом закончив перевязывать раны, Се Лянь с дрожью в голосе спросил:

— Ты... из государства Сяньлэ?

Юноша посмотрел на него огромными глазами. Се Лянь спросил ещё раз, но тот покачал головой.

— Тогда... откуда ты?

— ...Юнъань! — с трудом выговорил юноша.

Вспышка поветрия ликов затронула только государство Сяньлэ. Но юноша оказался уроженцем государства Юнъань!

Перед глазами Се Ляня потемнело, у него невольно вырвалось:

— Ты когда-нибудь встречал Белое бедствие?

Белое бедствие. Источник поветрия ликов. Символ дурного предзнаменования.

До появления Собирателя цветов под кровавым дождём звание самого страшного кошмара бессмертных небожителей принадлежало именно ему. Если бы Цзюнь У не уничтожил его лично, кошмар продолжался бы и по сей день.

Этот “непревзойдённый” всегда носил белоснежные траурные одеяния с развевающимися широкими рукавами и маску Скорби и радости.

Так называемая маска Скорби и радости представляла собой маску, правая сторона которой плакала, а левая — смеялась, изображающую не то радость, не то печаль. Её появление где бы то ни было являлось предзнаменованием того, что вскоре это место погрузится во мрак.

Во время последней битвы Се Лянь стоял на одной из башен городской стены императорской столицы Сяньлэ и, будто в забытьи, с лицом, залитым слезами и покрытым чёрной пылью, смотрел вниз. Всё расплывалось перед глазами, землю за пределами городских стен устилала трупы. И только белая фигура, с развевающимися на ветру широкими рукавами, оставалась невыносимо чёткой. Се Лянь взирал на него со стены, когда этот белый призрак поднял голову, посмотрел на принца и помахал ему рукой.

Та маска стала ночным кошмаром Се Ляня, от которого он не мог избавиться даже спустя сотни лет.

Юноша, кажется, совершенно не представлял себе, что есть «Белое бедствие», только бестолково глядел на принца. И вдруг громко вскрикнул «А!». Оказалось, Се Лянь, сам того не замечая, слишком сильно сжал пальцами его плечо.

Крик привёл Се Ляня в чувство, он поспешно ослабил хватку и произнёс:

— Прости.

Хуа Чэн серьёзным тоном заметил:

— Ты слишком устал, тебе лучше отдохнуть.

Стоило его словам прозвучать, и с боковой стороны главного зала открылась дверца, через которую вошли две грациозные девушки.

Когда они уводили юношу за собой, он то и дело оборачивался, поэтому Се Лянь заверил:

— Всё хорошо, скоро я снова приду встретиться с тобой.

Хуа Чэн развернулся к нему и произнёс:

— Для начала присядь и отдохни, пока тебе не стоит видеться с ним. Если захочешь что-то узнать, я сам развяжу ему язык.

Выражение «развяжу ему язык» прозвучало немного пугающе.

Се Лянь поспешил ответить:

— Нет нужды. Если он так ничего и не расскажет, ничего страшного. Не будем торопиться.

Хуа Чэн подошёл и сел с ним рядом.

— Что ты собираешься делать с этим мальчиком?

Се Лянь, подумав, ответил:

— Для начала оставлю его при себе. Заберу с собой, потом решу, что делать.

— Он демон, не человек. Лучше тебе оставить его в Призрачном городе. Ничего не изменится от того, что у меня здесь станет на один голодный рот больше.

— Сань Лан, я очень благодарен тебе. Но... я сказал, что заберу его, не только потому, что собираюсь его кормить.

Призрачный город — владения Хуа Чэна. Если он решит оказать покровительство юноше, никто не осмелится причинить тому вред, и бедняге точно не придётся голодать. Сейчас куда более важным являлся процесс воспитания юноши: необходимо было постепенно привести в порядок его разум и речь, чтобы мальчишка, наконец, приобрёл нормальный облик. Несмотря на обилие различных существ в Призрачном городе, среди сборища демонов попадались всякие экземпляры, поэтому осуществить задуманное было бы крайне проблематично. Кроме себя самого, Се Лянь не мог вспомнить больше никого, кто согласился бы тратить столько терпения на воспитание ребёнка.

— Я уже очень благодарен тебе за то, что помог мне найти его. Но в дальнейшем я не могу причинять тебе излишние хлопоты.

Кажется, Хуа Чэн всё-таки придерживался иного мнения, но возражать не стал, только сказал:

— Никакие это не хлопоты. Пока ты здесь, что бы тебе ни понадобилось, только скажи. Можешь пойти, куда пожелаешь.

Неожиданно Се Лянь ощутил странное шевеление. Кажется, с изогнутой саблей на поясе Хуа Чэна произошли какие-то внезапные изменения.

Опустив взгляд, принц был поражён увиденным. Оказалось, что на рукояти сабли вырезан серебряный глаз. Рисунок в виде глаза был составлен всего из нескольких серебряных линий, но именно простота делала его невероятно реалистичным, будто живым. Вначале Се Лянь не обратил на него внимания, поскольку глаз был закрыт и представлял собой одну тонкую линию. Теперь же веки распахнулись, явив принцу похожий на рубин красный глаз, который провернулся, описав круг.

Хуа Чэн, также заметив это, сосредоточенно произнёс:

— Гэгэ, мне нужно отлучиться ненадолго, я скоро вернусь.

Се Лянь спросил:

— Знак тревоги?

Неужели Повелитель Ветров и Цяньцю раскрыли божественную сущность в Призрачном городе?

— Я пойду с тобой, — добавил принц и уж было поднялся с кушетки, но Хуа Чэн мягким движением руки усадил его обратно.

— Не волнуйся, это не Его Высочество Тайхуа и компания. Гэгэ, просто посиди здесь, тебе не нужно ходить со мной.

Раз уж он так сказал, Се Ляню неловко было настаивать. Хуа Чэн развернулся и направился прочь из главного зала. Он издали махнул рукой, и нити, унизанные бусинами, сами собой разошлись в стороны.

А когда Хуа Чэн ушёл, снова с мягким шорохом опустились, издав приятный звон.

Се Лянь, посидев на кушетке какое-то время, вспомнил о цели своего визита и немедленно поднялся. Пройдя через дверь, куда скрылись две служанки, он увидел цветник, через который насквозь пролежала галерея цвета киновари. Сейчас здесь было пусто.

Се Лянь уже собирался направиться вдоль галереи, как вдруг увидел чей-то чёрный силуэт, торопливо скользнувший впереди.

Силуэт принадлежал Посланнику убывающей луны!

Принц вспомнил о проклятой канге на его запястье, которая всё не давала Се Ляню покоя. Затем, оценив действия этого человека, принц подумал, что он будто боится быть замеченным. Поэтому Се Лянь бесшумно направился следом.

Добравшись до угла, за которым исчез Посланник, Се Лянь, прижавшись к стене, незаметно заглянул за поворот. Посланник действительно передвигался очень быстро, при этом постоянно осматриваясь. Очевидно, пребывал в крайней настороженности и боялся, что кто-то может его увидеть. Се Лянь подумал: «Этот Посланник убывающей луны, должно быть, подручный Сань Лана. Но почему тогда он шествует по владениям своего господина тайком, будто пытается что-то скрыть?»

Подозревая, что этот человек не преследует добрых намерений, Се Лянь, стараясь остаться незамеченным, пошёл следом. Посланник убывающей луны петлял по галерее, а принц всё время следовал за ним по пятам в крайнем сосредоточении, на расстоянии трёх-четырёх чжанов.

Когда они вновь свернули в длинный коридор, в конце которого показалась пёстрая дверь, Се Ляню на ум пришло следующее: «Если он сейчас обернётся, мне некуда будет спрятаться».

Кто бы мог подумать, что едва принц допустит такую мысль, Посланник убывающей луны тут же остановится и обернётся.

Се Лянь почувствовал неладное, когда шаги Посланника застыли. Охваченный волнением, он выбросил в воздух Жое, которая намоталась на деревянную балку и подтянула принца высоко наверх, прикрепив к потолку.

Обернувшись и не увидев никого за спиной, Посланник убывающей луны не догадался поднять голову и приглядеться, вместо этого развернулся и покрался дальше.

И всё же Се Лянь не решился сразу спускаться. Продолжая висеть под потолком, он осторожно, не издавая никаких звуков, начал перемещаться вперёд, ощущая себя при этом настоящей ящерицей. К счастью, объект наблюдения прошёл ещё совсем немного, после чего остановился перед пестрящей красками дверью. Принц тоже застыл на месте, спокойно наблюдая за происходящим.

Дверь вела внутрь небольшого строения, перед которым виднелась грациозная статуя женщины. Со своего места обзора Се

Лянь отчётливо видел только её голову, да ещё круглое яшмовое блюдо, которое статуя держала в руках. Посланник убывающей луны не стал сразу открывать дверь, вместо этого повернулся к статуе, протянул руку и что-то бросил на блюдо. Раздался отчетливый стук, и Се Лянь догадался: «Игральные кости?»

Этот звук он сегодня слышал множество раз и наверняка не сможет позабыть ещё очень долго. Не обманув его ожиданий, Посланник убывающей луны убрал руку, и на тарелке оказались две игральные кости, каждая из которых показывала шесть ярко-красных точек.

После чего Посланник забрал кости, открыл дверь и вошёл. На двери не оказалось замка — войдя внутрь, он просто захлопнул её рукой, и Се Лянь не услышал звуков поворота ключа или же закрывающегося засова. Подождав немного, принц легко, будто лист бумаги, спустился на пол, и, скрестив руки на груди, внимательно изучил дверь.

Согласно логике, если помещение выглядело не таким уж большим, значит, что бы ни творилось внутри, наружу должны были доноситься хоть какие-то звуки. И всё же, когда Посланник убывающей луны закрыл дверь, изнутри не послышалось ни шороха. Се Лянь уверенно протянул руку и толкнул.

Как и ожидалось, когда дверь распахнулась, внутри не оказалось ни души. На первый взгляд это была самая обыкновенная комнатка, хоть и красиво обставленная. Внутреннее убранство можно было охватить одним взглядом, возможности спрятать здесь какой-либо потайной ход просто не существовало.

Се Лянь закрыл дверь и, будто ему в голову пришла какая-то мысль, перевёл взгляд на статую, а также на яшмовое блюдо в её руках.

По всей видимости, секрет кроется именно в двух игральных костях, брошенных на блюдо.

Комната всё-таки оказалась заперта, вот только замок на ней стоял не настоящий, а магический.

Чтобы открыть такой замок, нужен был ключ или же пароль для входа. Лишь выбросив две шестёрки на игральных костях, открыв дверь, попадёшь в истинное место назначения.

Вот только для принца выбросить прямо здесь и сейчас две шестёрки являлось задачей совершенно невыполнимой. Се Ляню оставалось только удрученно вздохнуть, глядя на комнату, покрутиться ещё немного у двери, да и удалиться восвояси. Пройдя какой-то участок пути обратно, он внезапно застыл как вкопанный. Навстречу ему направлялся высокий человек в красном, на поясе которого висела серебряная изогнутая сабля. Хуа Чэн.

Скрестив руки на груди, он сказал, приближаясь к принцу:

— Гэгэ, мне пришлось поискать тебя.

Он выглядел в точности таким, каким ушёл от принца, только сабля на поясе теперь покинула ножны и вместе с ними покачивалась на фоне красных одежд, при ходьбе издавая воинственный звон. Глаз на рукояти сабли закрылся.

Се Лянь совершенно спокойно произнёс:

— Я хотел пойти навестить дитя, вот только не представлял, что твоя резиденция окажется настолько большой, поэтому случайно свернул не туда.

Первоначально принц намеревался рассказать Хуа Чэну о том, что увидел. Но когда слова подступили к горлу, он вдруг передумал и проглотил их обратно. Он прибыл в Призрачный город именно для того, чтобы разузнать местонахождение пропавшего небожителя. Нельзя было упускать никакие подозрительные детали. Вполне возможно, что пропавший небожитель как раз заточён в той комнате.

Поэтому для начала нужно придумать способ проникнуть туда и всё разузнать. Если эти два происшествия не имеют между собой связи, он немедленно расскажет Хуа Чэну о странных перемещениях его подручного; а если связь имеется...

Хуа Чэн повёл его обратно, по пути говоря:

— Если хочешь снова увидеться с ребёнком, я просто пошлю людей, чтобы привели его. Незачем самому отправляться на поиски.

Возможно, из-за появившегося в душе скрытого замысла, тон Се Ляня, которым он говорил с Хуа Чэном, невольно сделался более мягким.

— Эм... Ты так быстро управился со всеми делами?

— Управился. Просто очередная кучка бесполезных тварей валяет дурака, не более того.

Интонация, которой была сказана фраза «бесполезные твари», показалась Се Ляню знакомой, поэтому принц предположил:

— Лазурный демон Ци Жун явился учинять беспорядки?

— Верно, — усмехнулся Хуа Чэн. — Я же сказал, никому покоя не даёт мой город. Эта дрянь уже не первый год мечтает захватить здесь власть. Но лишь мечтает, на большее он не способен. Только глаза чуть не лопаются от зависти, вот он и посылает время от времени ещё более никчёмных тварей, чем он сам, чтобы куролесили в моих владениях. Дело привычное. Не обращай внимания. Кстати, я как раз собирался показать гэгэ одно место. Может, сделаешь одолжение и прогуляешься со мной?

Се Лянь охотно согласился:

— Конечно.

Хуа Чэн провёл его ещё через несколько длинных галерей и проводил к высокому строению, напоминающему храмовый зал.

Ворота в зал казались сделанными из зачарованной стали с вырезанными на них свирепыми монстрами, от вида которых холодок пробегал по коже. Хуа Чэн подошёл ближе, и монстры сами по себе сдвинулись с места, открывая ворота. Ещё не оказавшись внутри, Се Лянь ощутил порыв убийственной Ци. На тыльной стороне ладони проявились вены, Жюе приготовилась в любой момент броситься в бой.

Но разглядев, что из себя представляет зал, принц лишь растерянно моргнул. Готовность обороняться мгновенно пропала, ноги сами понесли его внутрь.

Стены оказались сверху донизу увешаны рядами разнообразного оружия. Сабли, мечи, копья, щиты, кнуты, молоты... Так это оружейная!

Кто угодно, будь он мужчиной, оказавшись в подобном месте, где его окружали всевозможные виды оружия, в душе вознёсся бы на небеса, ощущая, как внутри закипает кровь. Се Лянь не являлся исключением: его глаза широко распахнулись, лицо просияло. В последний раз подобное выражение появлялось на его лице, когда он очутился в оружейной самого Цзюнь У.

Лицо принца осталось по-прежнему спокойным, но волнение в душе достигло такого подъёма, что он даже запнулся, когда спросил:

— Мо... можно потрогать?

— Гэгэ может делать всё, что пожелает, — улыбнулся Хуа Чэн.

И Се Лянь немедленно осуществил своё желание. Самозабвенно рассматривая разнообразное оружие и магические артефакты, он будто в хмельном забытии произнёс:

— Всё это... настоящие сокровища! Отличный меч, во время единоличной битвы с множеством врагов он наверняка проявит невероятную мощь. И этот меч также прекрасен! Погоди-ка, и эта сабля тоже...

Хуа Чэн, опершись на дверь и глядя на румяного от воодушевления принца, который пришёл в совершенный восторг, спросил:

— Гэгэ, ну как тебе?

— Что — как мне? — Се Лянь не мог найти в себе сил, чтобы оторвать взгляд от всех этих сокровищ.

— Нравится?

— Нравится!

— Очень нравится?

— Очень!

Хуа Чэн будто тайком посмеивался, но Се Лянь ничего не замечал. Его сердце пустилось вскачь, когда он вынул из ножен сверкающий холодным блеском клинок, потрясённо вздыхая.

— Гэгэ что-нибудь приглянулось?

Лицо Се Ляня так и сияло, он восхищенно ответил:

— Приглянулось. Мне всё здесь приглянулось.

— Вообще-то я хотел сказать, поскольку гэгэ не имеет при себе личного оружия точно по руке, то если тебе что-нибудь приглянулось, ты можешь забрать его и забавляться с ним. Но раз уж гэгэ так сказал, я подарю тебе их все, идёт?

Се Лянь поспешно возразил:

— Нет, нет, не нужно. Мне ведь без надобности носить при себе какое-либо оружие.

— Правда? Но я вижу, что гэгэ определённо нравятся мечи.

— Ну, если что-то нравится, совсем не обязательно забирать это себе. Я многие годы не пользовался мечом, мне достаточно просто полюбоваться, чтобы поднялось настроение. К тому же, если ты подаришь мне всё это, мне негде будет их хранить.

— Проблему легко решить. Я подарю тебе это хранилище вместе с оружием, и дело с концом!

Се Лянь решил, что тот подшучивает над ним, и потому с широкой улыбкой произнёс:

— Я не смогу забрать с собой такое большое здание.

— Не нужно забирать, я и землю под ним тебе подарю, сможешь приходить сюда и любоваться, как появится свободная минутка.

— Ладно, ладно. Всё-таки за оружием нужно постоянно ухаживать, боюсь, я только причину им вред недостойным отношением. — Принц крайне осторожно вернул меч на полку и ностальгически произнёс: — Когда-то у меня тоже была такая оружейная, но впоследствии её предали огню. Все эти сокровища — редчайшие артефакты. Сань Лан, их нужно как следует беречь.

— Проще простого. Я буду иногда приходить и помогать гэгэ прибираться в оружейной, всего-то.

Се Лянь улыбнулся:

— У меня не хватит совести просить тебя об этом. Разве могу я заставлять Его Превосходительство Князя Демонов выполнять за меня грязную работу?

Внезапно в памяти принца возникло предостережение Цзюнь У: «Сабля Эмин — проклятый клинок, приносящий несчастья. Чтобы выковать подобное оружие, непременно требуется принести бесчеловечную жертву, а также обладать жестокой решимостью. Не дай ему коснуться себя. И не дай себя поранить. В противном случае, результат предсказать будет невозможно».

Поразмыслив, Се Лянь всё-таки произнёс:

— Вот только... Сань Лан, какое оружие из представленного здесь, должно быть, не сравнится с твоей изогнутой саблей, Эмином?

Хуа Чэн повёл левой бровью.

— Оу? Гэгэ, и ты тоже слышал? О моей сабле.

— До меня дошли кое-какие слухи.

— Я так понимаю, — посмеиваясь, сказал Хуа Чэн, — что ничего хорошего эти слухи из себя не представляют. Наверняка кто-то сказал тебе, что моя сабля создана при помощи тёмного кровавого ритуала, где в качестве жертвоприношения использовался живой человек?

Как всегда, поразительная проницательность.

— Всё не так плохо. Обо всех ходят какие-то не слишком приятные слухи, но ведь не все верят в них. Не знаю, выпадет ли мне честь своими глазами увидеть легендарный изогнутый клинок Эмин?

— Гэгэ, на самом деле, ты уже давно его увидел. — Он в несколько неторопливых шагов приблизился к Се Ляню и прошептал: — Смотри, гэгэ, это и есть Эмин.

Клинок на поясе Хуа Чэна вновь открыл глаз, взгляд которого скользнул в направлении Се Ляня. Возможно, это было лишь обман зрения, но Се Ляню показалось, что серебряный глаз слегка прищурился, будто улыбаясь ему.

Удача, взятая взаймы. Ночная вылазка в Дом Блаженства

Тогда принц наклонился и обратился к сабле:

— Здравствуй!

Услышав приветствие, глаз прищурился ещё сильнее и прямо-таки вытянулся дугой, будто улыбаясь в ответ. Глазное яблоко поворачивалось то вправо, то влево, так подвижно, что казалось, это вовсе не вырезанный на рукояти сабли узор, а настоящий глаз, ничем не отличающийся от человеческого.

Хуа Чэн приподнял уголок губ.

— Гэгэ, ты ему нравишься.

Се Лянь посмотрел на него.

— Правда?

Хуа Чэн повёл бровями.

— Гм. Правда. На тех, кто ему не нравится, он даже не смотрит. Эмину вообще очень редко кто-то нравится.

После таких слов Се Лянь обратился к сабле:

— Что ж, благодарю тебя. — затем вновь повернулся к Хуа Чэну, — Он мне тоже очень понравился.

Глаз принялся непрерывно моргать, а висящая на поясе Хуа Чэна сабля вдруг задрожала. Но Хуа Чэн отрезал:

— Нельзя.

Се Лянь спросил:

— Что — нельзя?

Хуа Чэн повторил:

— Нельзя.

Эмина снова затрясло, будто сабля изо всех сил старалась выпрыгнуть из ножен. Се Лянь поинтересовался:

— Ты это ему говоришь — нельзя?

Хуа Чэн совершенно спокойно ответил принцу:

— Да. Он хочет, чтобы ты его погладил. Я запрещаю.

Се Лянь расплылся в улыбке:

— Но что же в этом плохого? — и протянул руку к сабле.

Эмин тут же широко распахнул глаз, будто в нетерпеливом ожидании. Се Лянь подумал: «Здесь трогать нельзя, если попаду в глаз, ему будет больно», и потому опустил руку пониже, аккуратно скользнув по изогнутым дугой ножнам. Глаз от его действий окончательно превратился в тонкую щелку, а сабля задрожала с новой силой, словно от удовольствия.

Се Лянь, поглаживая саблю, чувствовал себя довольно необычно. Животные всегда тянулись к принцу, и раньше ему приходилось гладить пушистых котят или щенят, при этом они так же жмурились от удовольствия, то и дело прижимаясь к его груди с фырканьем и сопением. Но когда ощущения от прикосновения к изогнутой сабле из холодного серебра, и не просто сабле, а легендарному проклятому клинку, оказались почти не отличимыми от поглаживаний щенка, это стало для принца неожиданностью. Да разве ж это кровожадная демоническая сабля, клинок, приносящий несчастья?

Се Лянь и так не верил в слухи, а когда увидел своими глазами, так и вовсе выкинул те злые наветы в мусорное ведро с надписью «не верить». Невозможно при помощи кровавого и бесчеловечного тёмного ритуала сотворить такое милое и смыслёное создание, наделённое сознанием.

Они ещё немного задержались в оружейной, обмениваясь мнением о легендарных драгоценных клинках, после чего Се Лянь в приподнятом настроении взял Хуа Чэна за руку и вместе с ним вернулся в Дом Блаженства.

Юношу тоже привели туда, уже умытого, причёсанного, переодетого в чистое и с белоснежными бинтами на голове. И хотя лицо его по-прежнему скрывалось за плотными повязками, юноша будто полностью преобразился. Изящные очертания худощавых рук и ног выдавали в нём прекрасного молодого человека, каким он должен был выглядеть. Вот только сейчас юноша опасно ссутулился и

опустил взгляд, будто не решался стоять с поднятой головой. Его вид вызывал сочувствие.

Се Лянь усадил его и произнёс:

— Дева Сяоин перед тем, как уйти, поручила тебя мне. И я пообещал, что позабочусь о тебе. Но я всё же должен спросить, желаешь ли ты с этого дня и впредь следовать за мной и заниматься самосовершенствованием?

Юноша растерянно уставился на принца, будто не смел поверить, что кто-то будет помогать ему самосовершенствоваться. Он смотрел на принца с колебанием, но в то же время и с надеждой.

Се Лянь добавил:

— Условия, в которых я живу, с трудом можно назвать хорошими, но я точно могу пообещать, что тебе не придётся больше прятаться, красть еду и терпеть побои.

Произнося это, принц заметил, что Хуа Чэн рядом с ними, прищурившись, смотрит на юношу ледяным, испытующим взором.

Се Лянь мягко продолжил:

— Раз уж ты не можешь вспомнить своё имя, давай дадим тебе новое.

Юноша, подумав, произнёс:

— Ин.

Се Ляня посетила догадка, что парнишка решил таким образом почтить память девы Сяоин^[75], поэтому принц согласился:

— Хорошо. Прекрасное имя. Ты из государства Юньань, а фамильный знак их царствующего дома — «Лан». Как насчёт такого нового имени — Лан Ин?

В итоге юноша медленно кивнул. Се Лянь понял, что такой ответ можно считать согласием отправиться с ним.

И началось пиршество. Это был небольшой приём, который Хуа Чэн устроил специально в честь Се Ляня. Однако по размаху мероприятие ничем не уступало празднеству в честь нескольких десятков гостей. Грациозные девушки, держа в руках яшмовые блюда, наполненные разнообразнейшими лакомствами, лучшими винами, фруктами и закусками, изящной походкой будто в калейдоскопе прохаживались одна за другой по главному залу. Каждая, приближаясь к кушетке из чёрного нефрита, подавала кушанья гостям. Лан Ин вначале только смотрел, не решаясь притрагиваться к пище.

Лишь когда Се Лянь подвинул прямо ему под нос несколько блюд, юноша начал осторожно есть.

Пока Се Лянь смотрел на мальчишку, в его памяти внезапно возникла другая картина.

Такой же мальчик, с лицом, замотанным бинтами, весь покрытый грязью, сидит на корточках и жадно поедает фрукты с блюда для храмовых подношений, которое держит на коленях.

В этот момент мимо прошествовала очаровательная девушка в лёгком пурпурном платье. Она поднесла кувшин с вином. Хуа Чэн протянул руку к вину, наполнил чашу и спросил:

— Гэгэ, выпьешь?

Се Лянь как раз пребывал в раздумьях, поэтому рассеянно принял чашу и опрокинул в рот. Осознание того, что это было вино, заставило его взгляд проясниться. Кто же мог подумать, что принц весьма удачно посмотрит за спину Хуа Чэна и тотчас увидит ту самую девушку с вином, которая кокетливо ему подмигнёт...

Принц так и прыснул:

— Пффф...

К счастью, вино он уже проглотил, и потому ничего не выплеснулось наружу, Се Лянь лишь подавился и закашлялся. Лан Ин так напугался, что уронил на стол пирожное. Принц, всё ещё кашляя, обратился к нему:

— Всё в порядке. В порядке.

Хуа Чэн аккуратно похлопал принца по спине.

— Что с тобой? Неужели вино не пришлось гэгэ по вкусу?

Се Лянь поспешно заверил:

— Нет! Вино отличное. Просто я вдруг вспомнил, что мой путь самосовершенствования запрещает употребление вина.

— О? Я виноват, что не подумал об этом. Из-за меня гэгэ нарушил обет.

— Ты здесь ни при чём. Я сам совершенно об этом забыл.

Он потёр точку между бровей, отвернулся и незаметно бросил взгляд в центр главного зала.

Девушка, что подала вино, сейчас шла, покачивая бёдрами, спиной к принцу. Её походка выглядела поистине соблазнительно и многообещающе. Хуа Чэн смотрел только на кушанья перед собой или же всё его внимание доставалось принцу, а очаровательных девушек

он не удостоивал даже взглядом, поэтому, разумеется, не присматривался к лицам красавиц. Однако Се Ляню хватило случайного взгляда, чтобы сразу разглядеть.

Разве он мог не увидеть, что прелестницей, подавшей вино, оказался Повелитель Ветров Цинсюань???

Чтобы проникнуть в Дом Блаженства, Его Превосходительство Повелитель Ветров не постеснялся обернуться женщиной и затесаться в ряды служанок... Се Ляня не на шутку потряс момент, когда Повелитель Ветров подмигнул ему, и принц едва удержался, чтобы не выразить мысль вслух: «Ты специально подошёл с вином, чтобы сгладить потрясение?»

В этот момент он услышал слова Хуа Чэна:

— Кстати о самосовершенствовании. Раньше я считал, что им занимаются, чтобы обрести свободу делать что вздумается и получать удовольствие от этого. Но если приходится отказываться то от одного, то от другого, не лучше ли вообще забросить всякое самосовершенствование? Как ты считаешь?

Се Лянь мгновенно поборол потрясение и, словно ничего не случилось, поддержал разговор.

— Смотря какой избрать путь. Некоторые школы самосовершенствования не придают этому особого значения. Но на таком пути, как у меня, обыкновенно требуется отказаться от вина и плотских утех. И если вино иногда разрешается, то на последнем стоит непреложный запрет.

Хуа Чэн, услышав о запрете плотских утех, слегка приподнял правую бровь. При этом выражение его лица осталось не до конца ясно — казалось, он обрадовался, но в то же время будто столкнулся с небольшой проблемой.

Се Лянь добавил:

— Честно говоря, существует также запрет на проявление гнева. К примеру, следует отказаться от большой радости или большой печали во время азартных игр, когда душа более всего подвержена порождению негативных эмоций. Но если держать дух в узде и не поддаваться чувствам, независимо от результата, вовсе не обязательно отказываться от азартных игр навсегда.

Хуа Чэн, послушав, рассмеялся:

— Не удивительно, что гэгэ решил навеститься в игорный дом.

Окольными путями Се Ляню всё-таки удалось естественным образом повернуть разговор в русло «игры»:

— Кстати говоря, Сань Лан владеет просто волшебными навыками игры в кости.

— Ничего такого, лишь чистое везение.

Сравнив его везение со своим, Се Лянь в душе не смог сдержать огорчение.

— Мне в самом деле очень любопытно, только не смейся надо мной. Сань Лан, неужели действительно существует тайная техника бросания костей?

Ведь если такой техники нет, Хуа Чэн не смог бы, управляя его руками, выбросить именно то число, которое хотел. И Посланник убывающей луны тоже не смог бы с первого раза выбросить две шестёрки.

Хуа Чэн же усмехнулся:

— Разве я когда-нибудь смеялся над гэгэ? Тайная техника действительно существует, но её нельзя изучить за один день, и к тому же она даётся не каждому.

Се Лянь примерно такого ответа и ожидал. Однако Хуа Чэн добавил:

— Но я могу показать тебе один быстрый способ. Ручаюсь, ты с лёгкостью им овладеешь, и он приведёт тебя к сотне побед в сотне сражений.

— Что за способ?

Хуа Чэн вытянул правую руку. Ту самую, на среднем пальце которой яркостью бросалась в глаза красная нить, завязанная маленьким бантиком на тыльной стороне ладони. Он сказал Се Ляню:

— Дай мне руку.

Се Лянь ничего не понял, но раз уж Хуа Чэн сказал, принц подчинился. Рука Хуа Чэна не давала тепла, но и льдом от неё не веяло. Он недолго подержал ладонь Се Ляня, после чего с лёгкой улыбкой достал кости и бросил на стол со словами:

— Попробуешь?

Се Лянь, про себя повторяя «пара шестёрок», взял кости, бросил сам, и когда кости замерли, на них действительно выпали две ярко-красные шестёрки.

Принц изумился:

— Что это за магия?

— Никакой магии. Просто я одолжил гэгэ немного удачи.

Се Лянь, всё ещё потрясённый, спросил:

— Оказывается, удачу тоже можно одолжить, как и магические силы?

Хуа Чэн усмехнулся:

— Конечно, можно. В следующий раз, если гэгэ соберётся с кем-то сыграть, сначала зайди ко мне. Я одолжу тебе столько, сколько пожелаешь, и ты гарантированно сможешь разгромить противника так, что он и за сто лет не оправится от удара.

Они сыграли друг с другом ещё несколько раз ради забавы, и Се Лянь убедился в правдивости слов Хуа Чэна. Затем заявил, что немного притомился, и Хуа Чэн, приказав своим людям позаботиться о Лан Ине, лично проводил Се Ляня к месту отдыха.

Когда его фигура в красных одеждах неторопливо удалилась, Се Лянь, проводив его взглядом, закрыл дверь и сел за стол, подперев рукой лоб. Чем бóльшую заботу о нём проявлял Хуа Чэн, тем сильнее Се Ляня грызла совесть. Принц подумал: «Сань Лан обращается со мной просто безупречно. Надеюсь, что он действительно никак не замешан в этом деле. Когда истина раскроется, я немедленно всё ему расскажу и принесу извинения».

Принц просидел так совсем недолго, когда услышал, как кто-то снаружи тихо позвал:

— Ваше Высочество... Ваше Высочество... Ваше Высочество наследный принц...

Услышав голос, Се Лянь немедленно открыл дверь. Человек за дверью проскользнул внутрь, оказавшись Ши Цинсюанем в женском облики.

«Она» всё ещё носила наряд служанки мира демонов — платье из газовой ткани, тонкое, но не вульгарное, плотно облегающее все изгибы фигуры. Едва оказавшись в комнате, Повелитель Ветров повалился на пол и принял мужское обличие, затем прижал руку к груди и воскликнул:

— Воздуха! Воздуха! Мать честная, я чуть не задохнулся в этом наряде!

Се Лянь сразу закрыл за ним дверь, а когда обернулся, увидел следующую картину: мужчина в соблазнительном пурпурном платье лежит на полу и срывает с себя лиф и пояс от верхнего одеяния. Не в силах смотреть на это, принц прикрыл глаза рукой и воскликнул:

— Ваше Превосходительство... Ваше Превосходительство! Вы не могли бы переодеться в белые одежды заклинателя?

— Я что, похож на дурака? Посреди ночи носить ослепительно-белый наряд заклинателя? Я ведь так превращусь в живую мишень!

Се Лянь подумал: «Но... в таком виде вы, в каком-то смысле, ещё больше походите на мишень, которая бросается в глаза и вызывает желание надавать тумаков!»

Присев рядом, принц спросил:

— Ваше Превосходительство, как вы сюда пробрались? Мы же договорились, что встречаемся в назначенном месте через три дня!

— А что мне оставалось делать! Я узнал от прохожих, что вас увели в Дом Блаженства, а ведь это гнездо самого Князя Демонов!

Даже название звучит неприлично, а поглядев на него издали, я решил, что это наверняка самый настоящий притон, полный соблазнов! Я беспокоился о вашей безопасности, поэтому потратил невероятные усилия, чтобы пробраться сюда. В этот раз мне поистине не везёт: то какие-то дамочки утащат на процедуры для лица, то приходится выносить унижения ради важной миссии, одеваясь подобным образом... Мне никогда ещё не приходилось идти на столь огромные жертвы.

Се Лянь подумал: «Но ведь совершенно очевидно, что Ваше Превосходительство наслаждается процессом...», вслух же сказал:

— А где же Его Высочество Тайхуа?

Ши Цинсюань, избавившись от лифа, стянувшего грудь, наконец отдышался и растянулся на полу, восклицая:

— Не извольте волноваться! На правах старшинства я приказал ему больше не действовать опрометчиво. Думаю, с ним всё будет в порядке. Кстати говоря, Ваше Высочество, удача и впрямь благоволит вам!

— А? — Се Лянь переспросил. — Мне? Это мне-то благоволит удача?

— Именно! Мы с Цяньцю попадаем в такие передрыги в Призрачном городе! То подвешат к потолку и дёргают за пояс, чтобы опозорить, то бросят болтаться по улицам, словно бездомных псов, и не найдётся места, где нас бы приютили... А вы накормлены, напоены, жильём обеспечены, да к тому же сам Собиратель цветов под кровавым дождём развлекает вас, как дорогого гостя!

...Подобное сравнение оказалось поистине убийственным. Ши Цинсюань наконец поднялся с пола.

— Ну так что, Ваше Высочество наследный принц, вы ещё не забыли о миссии, с которой мы сегодня явились в Призрачный город?

Се Лянь совершенно серьёзно ответил:

— Разумеется, не забыл. Только что в Зале Блаженства я как раз готовился к её выполнению.

Ши Цинсюань с сомнением спросил:

— Правда? И какие же приготовления вы делали в Зале Блаженства? Я припоминаю только, что вы играли в кости с Собирателем цветов под кровавым дождём. И не просто играли, а то вы подержите его за руку, то он вас. Это что, какие-то новые правила?

Се Лянь, выдержав паузу, ответил:

— Ваше Превосходительство, оставьте эти странные намёки, мы всего-то обменивались опытом. Я обнаружил в Доме Блаженства кое-какие зацепки, и как раз пытаюсь их распутать. Чтобы продолжить расследование, нам потребуется удача. — Он вытянул сжатую в кулак руку, будто что-то поймал, и сосредоточенно нахмурился. — И я как раз позаимствовал немного.

Они бесшумно покинули комнату и спустя час успешно добрались до той самой двери.

Се Лянь подошёл к статуе, вынул игральные кости, которые Хуа Чэн ему подарил, на мгновение задержал дыхание и легонько бросил. Послышался тихий стук, и на блюде действительно выпали две ярко-красные шестёрки.

Се Лянь с облегчением выдохнул. Но стоило ему вспомнить, что удача, которой он воспользовался, была позаимствована у Хуа Чэна из рук в руки, он почувствовал себя ещё более скверно.

Увидев его виноватое выражение, Ши Цинсюань похлопал принца по плечу и произнёс:

— Мы зашли так далеко, что вам следует воспринимать всё это чуть менее серьёзно. Но я на вашем месте, даже если бы Цзюнь У меня умолял, не согласился бы участвовать в этом деле, во избежание сделки с совестью.

Се Лянь покачал головой. И подумал, что Ши Цинсюань не так уж хорошо знает Цзюнь У. Их миссия действительно представляла собой некоторые трудности для Се Ляня, и Цзюнь У это было известно. Насколько Се Лянь его знал, в подобных обстоятельствах Владыка никогда бы не предложил ему пойти на такое, а наверняка отправил бы другого небожителя. И всё же Цзюнь У, прекрасно зная, что тем самым поставит Се Ляня в неловкое положение, спросил у принца согласия на участие. Такой поступок мог означать лишь одно: Цзюнь У не нашёл другого кандидата, и лишь поэтому, когда не осталось иного выхода, обратился к Се Ляню.

Кроме того, невозможно было оставить без внимания странное совпадение: пропавший небожитель послал сигнал о помощи семь дней назад, ровно в то же время, когда Хуа Чэн покинул принца.

Се Лянь тяжело вздохнул, забрал кости с блюда и толкнул дверь. За ней больше не было той обыкновенной комнатки — внутри

оказался зияющий чернотой спуск под землю, вглубь которого вела ступенчатая лестница. Изнутри со свистом вырывался холодный ветер.

Се Лянь и Ши Цинсюань переглянулись и кивнули друг другу, затем начали спускаться вниз, один впереди, другой следом.

Ши Цинсюань, шедший первым, щёлкнул пальцами и зажёл Пламя-на-ладони, освещая ступени под ногами. Се Лянь осторожно захлопнул дверь, прикрывая путь к отступлению.

Пока они спускались, Се Лянь решил заодно кое о чём поинтересоваться у Ши Цинсюаня:

— Ваше Превосходительство, не припомните ли в чертогах Верхних Небес за последние годы случаев низвержения небожителей? Я имею в виду, помимо меня.

— Припомню! Но почему вы спрашиваете?

— Потому что я увидел на руке Посланника убывающей луны в Призрачном городе... проклятую кангу. Это мог быть только чиновник Верхних Небес, ведь так?

Ши Цинсюань удивился:

— Что? Проклятая канга? Собиратель цветов под кровавым дождём настолько распоясался, что сделал бывшего служащего Верхних Небес своим подчинённым???

— Не думаю, что здесь подходит слово «распоясался». Всё-таки тот человек уже не относится к пантеону небесных божеств. Это его личное дело, кому отправиться служить. Я и спрашивать бы о нём не стал, только вот заметил, что этот демонический посланник странно себя ведёт. Меня это обеспокоило, поэтому я хотел бы узнать у Вашего Превосходительства, нет ли у вас предположений по поводу его личности?

Ши Цинсюань, задумавшись, ответил:

— За последние годы действительно кое-кого низвергли, Бога Войны Запада. Ох и громкое было дело!

Бога Войны Запада? Но разве это не тот самый Цюань Ичжэнь?

Ши Цинсюань же добавил:

— Однако мне думается, что вышеупомянутый Его Высочество ни за что не стал бы служить посланником мира демонов! Поскольку он благородного происхождения, да и не в его характере подобная переменчивость.

Но если так, почему же тогда его низвергли? Се Лянь хотел задать ещё вопрос, но каменная лестница высотой более шестидесяти ступеней, закончилась как раз в этот момент, их ноги коснулись ровной земли.

Перед ними возник подземный ход, по которому могла пройти шеренга из пяти-шести человек. Путь был один, впереди зияла чернота, позади осталась лестница, ведущая наверх, слева и справа — толстые стены. Так что им не пришлось раздумывать, куда идти — оставалось лишь продвигаться вперёд.

Но только, когда путники прошли более двухсот шагов по подземелью, дорогу им преградила ледяная каменная стена, возникшая прямо перед глазами.

Ши Цинсюань:

— Дальше хода нет? Быть того не может.

Держа в одной руке сгусток огня, он провел ладонью по стене, словно хотел найти на ней какую-то подсказку. Затем испробовал несколько магических приёмов для снятия наваждений, но стена не сдвинулась с места. Не обнаружив иных вариантов, Повелитель Ветров спросил:

— Мне пробить её насквозь?

— Так мы создадим слишком много шума, от которого содрогнётся весь Дом Блаженства, — возразил принц.

Тогда Ши Цинсюань приложил ладонь к каменной стене, применил немного духовной силы, но спустя несколько мгновений убрал руку и заключил:

— Её и пробить — не пробьешь. Боюсь, что стена по меньшей мере в десять чжанов толщиной.

Но Се Лянь своими глазами видел, как Посланник убывающей луны вошёл в эту дверь. Не может же статья, чтобы он вёл себя столь подозрительно, чтобы сесть в позу лотоса и погрузиться в медитацию в подобном тупике? Наверняка здесь был какой-то тайный ход, поэтому они вновь принялись внимательно изучать стену.

Вскоре Се Лянь произнёс:

— Ваше Превосходительство, взгляните, на полу, кажется, что-то есть.

Он указал вниз, Ши Цинсюань поднёс ладонь поближе, и оба они уселись на корточки.

Пол в подземелье оказался вымощен квадратными каменными плитами, каждая из которых по размеру походила на небольшую дверцу. А на камне у подножия стены, на котором они как раз стояли, виднелся рисунок. Совсем небольшой — всего лишь маленький человечек, бросающий игральные кости.

Ши Цинсюань поднял взгляд.

— Неужели здесь нужно воспользоваться тем же способом, что и при открытии первой двери? При этом необходимо выбросить определённое число, после чего в стене откроется проход?

Се Лянь согласно кивнул:

— Как видно, всё именно так. Но я не добрался сюда вместе с Посланником убывающей луны, поэтому не знаю, какое число является ключом от этого входа.

— Мы уже зашли так далеко, не дело сейчас возвращаться и снова занимать наблюдательную позицию. Давайте лучше выбросим кости наобум и посмотрим, что получится.

— Ваше Превосходительство, тогда попробуйте вы. Я... не уверен, на сколько ещё хватит удачи, которую я позаимствовал.

Ши Цинсюань не стал возражать, взял у принца из рук игральные кости и бросил на пол.

— Ну как?

Он выбросил двойку и пятерку. Спустя мгновения ожидания они так и не увидели, чтобы каменная стена сдвинулась с места. Се Лянь подобрал кости и произнёс:

— Очевидно, не сработало.

Ши Цинсюань вдруг воскликнул:

— Ваше Высочество, посмотрите, рисунок на полу изменился!

Се Лянь опустил взгляд и действительно увидел, что краски, которыми на каменной плите был изображён маленький человечек, бросающий кости, поблекли, а затем вновь постепенно сделались ярче. Рисунок при этом изменился, теперь он стал похож на жирного чёрного червяка.

Ши Цинсюань спросил:

— Это что ещё за ерунда?

Се Лянь предположил:

— Земляной червь? Пиявка? На вид очень похоже. Мне не раз приходилось видеть таких на полях.

— Чем же вы, в конце концов, занимались, раз вам приходилось не раз видеть...

Не успев договорить, он испарился.

И не только он, но и Се Лянь вместе с ним. ещё на слове «ерунда» оба почувствовали, как пол уходит из-под ног, а в следующий миг... они свалились в разверзшуюся под ними дыру.

Оказывается, стена вовсе не являлась дверью, это была обыкновенная каменная стена. Настоящий же проход представляла из себя квадратная плита под ногами. Когда кости были брошены, дверь внезапно открылась, затем захлопнулась вновь. Се Лянь и Ши Цинсюань после нескольких мгновений свободного полёта тяжело ударились о землю.

К счастью, её поверхность оказалась невероятно мягкой. И хотя они продавили в земле две глубокие ямы, падение не показалось им слишком уж болезненным, поэтому небожители сразу попытались подняться. Однако стоило им это сделать, оба стукнулись головами обо что-то сверху и хором ойкнули. Се Лянь, одной рукой прикрывая ушибленное место, другой пошарил по верху и обнаружил, что потолок над ними, такой же сырой и мягкий, как земля под ногами, сделан из глинистой почвы.

Каменный потолок отсутствовал. Каменная дверца также бесследно исчезла.

Пока они падали, Пламя-на-ладони Ши Цинсюаня погасло, но стоило ему зажечь его вновь, освещая пространство вокруг, выяснилось, что они очутились посреди земляного подземного хода.

Стены его оказались глинистыми и округлыми, не похоже, чтобы ход был сотворен человеком. Ши Цинсюань, разминая лоб, спросил:

— И что это за место? Неужели нас зашвырнуло сюда, потому что я выбросил неверное число?

Поразмыслив, Се Лянь ответил:

— Вполне возможно. Каменная дверца исчезла, это значит, у нас не осталось возможности вернуться назад. Давайте для начала найдём способ выбраться отсюда.

Посоветовавшись, они направились вдоль подземного хода, который то и дело извивался поворотами. Взрослому человеку здесь было трудновато встать во весь рост, поэтому пришлось идти пригнувшись, а то и вовсе передвигаться ползком, поэтому и скорость

передвижения оставляла желать лучшего, и сам процесс шёл довольно затруднённо. Кроме того, воздух здесь был сырой и тёплый, поэтому пробираться через глину приходилось с усилием, по очереди вытаскивая ноги из хлюпающей жижи. Иногда под ногами попадались сгнившие в грязи растения и трупы мелких животных. Се Лянь при виде останков оставался невозмутимым, а вот Ши Цинсюань весь покрывался гусиной кожей. Чем дальше они шли, тем больше обстановка казалась принцу странной, о чём он не преминул сообщить:

— Ваше Превосходительство, боюсь, нам с вами лучше прибавить шагу. Это место...

Именно на этих словах до них донёлся оглушительный и очень странный грохот.

Следом за грохотом подземный ход охватила мелкая дрожь, ошмётки грязи с хлюпаньем западали с потолка. Двое путников переглянулись и, не сговариваясь, бросились в направлении, противоположном звуку.

Однако вскоре грохот обуял неудержимой волной дрожи всё вокруг, при этом приближался намного быстрее, чем они удалялись. То и дело спотыкаясь, они то ползли, то кубарем летели по извивающемуся проходу, но конца и края пути не видели, впереди не проскальзывало и лучика света. Но и это ещё не всё — в том направлении, куда они бежали, послышался точно такой же шум, как и позади!

Путь вперёд и назад был перекрыт, поэтому они остановились. Вместе с тем самым грохотом, да ещё с шорохом, с которым из земли выползает огромное тяжёлое создание, перед ними показались два огромных ползущих червя.

Гигантские черви были распухшими и неповоротливыми, с немного просвечивающей кожей на пурпурно-чёрных телах, которые разделялись на сегменты. Безглазые, безногие, с головами, каждая из которых выглядела так же, как и конец червяка — если это не два земляных червя, хоть и несравнимо длинные, то что же?

Оказывается, открытие каменной дверцы забросило их прямоком в гнездо гигантских земляных червей!

Се Лянь выставил вперёд руку с Жое наготове. Ши Цинсюань неизвестно откуда вынул Веер Повелителя Ветров. Вот только, к

сожалению, в столь узком подземелье весьма затруднительно поднять ураган, ведь так можно и самому себе навредить, поэтому подобный артефакт высшего ранга трудно было применить в полную силу.

В этот миг Се Лянь вспомнил, что земляные черви боятся света и жара, поэтому произнёс:

— Ваше Превосходительство, мне придётся просить вас одолжить мне немного магических сил, а также разжечь Пламя-на-ладони ещё немного ярче!

Ши Цинсюань сделал, как он велел — звонко ударил с принцем по рукам и разжёл огонь в правой ладони выше на пару цуней. Се Лянь немедленно сотворил яркое Пламя-на-ладони. Как и следовало ожидать, земляные черви, ощутив жар от огня, съёжились и отползли на один чжан. Таким образом, двое путников, полагаясь на силу пламени, продолжили продвигаться вперёд, заставляя земляных червей держаться от себя на расстоянии и надеясь найти выход из этого места.

Однако вскоре не только земляные черви начали бояться жара. Стоило огню в этом узком проходе прогореть чуть дольше, Се Лянь и Ши Цинсюань, будто их засунули в печь, облились потом. Ощущения не самые приятные, к тому же, что ещё страшнее, несмотря на то, что Ши Цинсюань старательно поддерживал горение магическими силами, Пламя-на-ладони всё же стало постепенно угасать. Земляные черви тоже почувствовали это и перестали отступать столь же резво.

Се Лянь, пройдя ещё пару шагов, ощутил, что становится трудно дышать.

— Ваше Превосходительство, боюсь, ваше Пламя-на-ладони долго не продержится. Почва здесь влажная и рыхлая, но мы всё же находимся под землёй. Возможно, вскоре потоки воздуха совсем перестанут сюда поступать, и тогда огонь погаснет, а мы потеряем сознание.

Ши Цинсюань нервно сжал зубы.

— В таком случае, придётся использовать Сжатие тысячи ли.

И хотя сейчас у них не было лишних рук, чтобы рисовать магическое поле, да и место для этого совершенно не подходило, всё же иного выхода не оставалось. Се Лянь произнёс:

— Я поищу подходящую ровную поверхность.

Как раз в этот момент он почувствовал, что земля под ногами стала менее влажной, будто каменной. Сердце принца подскочило, он

торопливо наклонился и присмотрелся. И действительно — то оказалась каменная дверца!

На ней принц вновь увидел рисунок в виде маленького человечка. Ши Цинсюань, который тоже наступил на камень, обрадованно воскликнул:

— Быстрее, быстрее, давайте бросим кости и откроем проход!

Се Лянь уж было собирался это сделать, но вдруг подумал: «Лучше не давать мне шанса выбросить ещё более несчастливое число, чтобы, когда дверь откроется, мы не попали в ещё более страшное место». И протянул кости Ши Цинсюаню.

— Бросайте вы!

Ши Цинсюань без лишних слов схватил кости и тут же бросил. На этот раз, когда стук костей затих, выпало «три» и «четыре». Се Лянь немедленно подобрал кости, и они наступили на каменную дверцу. Пламя на ладони в руке Ши Цинсюаня снова вдвое уменьшилось, что повело за собой беспокойное шевеление земляных червей. Внимательно приглядевшись к рисунку, Се Лянь увидел, как тот постепенно исчез, а затем превратился в другое изображение. Теперь это были деревья и несколько маленьких человечков в странных нарядах, которые, кажется, исполняли танец вокруг другой человеческой фигурки посередине.

В этот миг один из земляных червей наконец не выдержал — приоткрыв пасть, его грузное тело бросилось вперёд!

К превеликому счастью, когда червь уже находился на расстоянии трёх чи, каменная дверца отворилась!

На этот раз двоих вновь забросило в узкое пространство, только теперь поверхность оказалась сухой и твёрдой, а падение совсем не мягким. Оба покатались по полу, и если Се Лянь, привыкший терпеть боль, не проронил ни звука, то Ши Цинсюань разразился громкими причитаниями. От его криков принцу заложило уши, так что Се Лянь даже начал за него беспокоиться.

— Ваше Превосходительство, с вами всё в порядке?

Ши Цинсюань, лёжа вниз головой и вверх ногами, ответил:

— Я и сам не понял, всё ли со мной в порядке. Раньше мне никогда не приходилось так падать. Ваше Высочество, работа с вами в паре — занятие весьма волнующее.

Се Лянь невольно улыбнулся. И только теперь обнаружил, что они очутились в дупле дерева.

Он с большим трудом выбрался наружу первым, затем протянул руку Ши Цинсюаню.

— Я весьма благодарен вам за то, что вы выносите все эти невзгоды вместе со мной.

Ши Цинсюань отозвался:

— Оставьте эти церемонии.

Он схватил Се Ляня за руку и выполз из дупла. Чумазый с головы до ног, в изодранном в клочья платье, Повелитель Ветров сощурился от яркого солнечного света. Заслонив глаза от солнца, он спросил:

— И где же мы теперь оказались?

— Как изволите видеть, в чаще горного леса. — Оглядевшись по сторонам, Се Лянь добавил: — Насколько я понял, по назначению каменная дверь подобна артефакту, который создан специально для применения Сжатия тысячи ли. Разные числа, выпавшие на игральных костях, перебрасывают человека в разные, соответствующие выпавшему числу, места. Только вот не знаю, является ли то число, что мы выбросили на этот раз, верным.

Ши Цинсюань, плечи которого оголились, скрестил руки на груди и со всей серьёзностью произнёс:

— Чтобы единожды применить Сжатие тысячи ли, требуются немалые затраты духовной силы. Если Собиратель цветов под кровавым дождём прибегнул к такому способу как эта каменная дверь, чтобы не дать посторонним выведать его секреты, сразу ясно, насколько сила его велика и насколько хитроумны его замыслы.

Он говорил с серьёзным лицом, но потрёпанный вид, голые ноги и плечи моментально стирали всю серьёзность момента, заменяя комичностью. Се Лянь с большим трудом удержался от смеха, при этом в его памяти возник образ Хуа Чэна со слегка приподнятыми уголками губ. Принц покачал головой и подумал: «Чем судить о его поступке как о хитроумном замысле, я бы лучше сказал... что это простое озорство, не более».

Выбравшись из дупла, они не прошли и нескольких шагов, как из зарослей неподалеку выскочила группа совершенно голых людей, которые начали прыгать вокруг них и громко кричать:

— О-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о!

Путники были крайне потрясены. Ши Цинсюань воскликнул:

— Что на этот раз?!

Се Лянь поднял руку и предостерёг:

— Не стоит волноваться, нам пока не стоит волноваться. Давайте понаблюдаем.

Принц пригляделся и понял, что люди оказались не полностью раздеты, но тела их прикрывали лишь шкуры зверей и листва деревьев. В целом они выглядели словно дикое племя, которое жило примитивной жизнью, питалось сырым мясом и не умело пользоваться огнём. Сжимая в руках длинные копья, на концах которых торчали заострённые камни, дикари улыбнулись им, обнажив ряды острых, будто заточенных, зубов.

Ни слова не говоря, злоключенцы бросились наутёк.

Ши Цинсюань на бегу говорил:

— Брат как-то рассказывал мне! Что в горах на юге обитает множество дикарей, которые питаются в основном человечинной! И наставлял, чтобы я держался подальше от этих мест! Неужто нам посчастливилось наткнуться на одно из таких племён?!

Се Лянь, для которого бегство от опасности являлось делом привычным, и с виду, и по ощущениям бежал намного более непринуждённо. Он спокойно произнёс:

— Да, вполне возможно! Как бы то ни было, давайте для начала поищем дверь, посмотрим, найдётся ли здесь ещё один проход!

Дикари за их спинами громко кричали и визжали, явно не собираясь прекращать погоню. Первоначально Се Лянь и Ши Цинсюань могли только убежать, не имея возможности напасть в ответ, поскольку на Небесах существовали свои правила — если небожитель спускается в мир смертных, он не должен самовольно применять магическую силу против простых людей. Это правило установили для того, чтобы небожители не могли вредить людям, полагаясь на свою магию, тем самым злоупотребляя властью. Но сейчас в них время от времени летели заострённые камни и ветки, и вот, одна такая ветка царапнула по щеке Ши Цинсюаня.

На этот раз дикарям крупно не повезло. Ши Цинсюань дотронулся до лица, обнаружил едва заметные следы крови и мгновенно пришёл в неопиcуемый гнев.

Он досадливо хмыкнул, немедля остановился, развернулся и воскликнул:

— Ах вы, кучка дикарей, что живут в горах и света белого не видят! Как вы смеете при виде меня, самого Повелителя Ветров, не поклониться в ноги, да ещё и портить мой прекрасный облик! Как это называется!!!

Откричавшись, он резким движением вынул Веер Повелителя Ветров и раскрыл его с громким хлопком. Молниеносный взмах — и толпу дикарей в один момент подбросило в воздух, отнесло на несколько чжанов прочь и подвесило на деревьях, где они могли лишь жалобно вопить. Се Лянь и Ши Цинсюань же наконец остановились и отдышались как следует. Пока принц переводил дыхание, ему в голову снова пришла мысль: «Как же сложно быть небожителем... Никому покоя нет — ни людям, ни демонам, ни божествам...»

Ши Цинсюань, выплюнув скверную Ци, обратился к Се Ляню:

— Ваше Высочество, вы же видели, они сами запросились! Никакого самоуправства с моей стороны не было.

— Да, я всё видел.

Ши Цинсюань снова потёр лицо, пробормотал под нос что-то вроде «даже мой брат себе не позволяет...», развернулся и произнёс:

— Давайте поищем каменную дверь.

Се Лянь молча кивнул. На его глазах Ши Цинсюань стряхнул грязь с одежд и привёл в порядок волосы, всем своим видом выражая свободу и непринуждённость. К несчастью, на нём всё ещё было надето изорванное в клочья пурпурное платье, поэтому к непринуждённости неизбежно прибавлялся весьма странный оттенок, создавая картину, увидев которую однажды, вряд ли когда-нибудь забудешь.

Се Лянь в душе не смог сдержать горестного вздоха. Во время их первой встречи в Крепости Баньюэ Повелитель Ветров выглядел столь богоподобно, что принц был уверен — это невероятно непостижимая личность, если не какой-нибудь тёмный чародей, не имеющий в мире равных, то наверняка иной выдающийся мастер своего поколения. Разве мог принц предположить, что когда узнает Повелителя Ветров получше, то поймёт, что это впечатление абсолютно ошибочное...

Им пришлось довольно долго без толку бродить по лесу, прежде чем в другом дупле нашлась наконец каменная дверь. На этот раз Ши

Цинсюань наотрез отказался бросать кости. Он покачал головой и сказал:

— Не понимаю, в чём тут дело. Раньше удача хоть и не каждый раз мне улыбалась, всё же никогда не доходило до полного невезения. Кажется, сегодня мне и впрямь не везёт в игре. За два броска, что я сделал, мы сначала попали в пещеру земляных червей, а потом наткнулись на дикарей. Неизвестно, что мы повстречаем в следующий раз.

Се Лянь мягко кашлянул, в его голосе звучало сожаление:

— Может статься, всё из-за того, что я нахожусь рядом с вами, поэтому негативно влияю и на вашу удачу.

— Что вы такое говорите! Разве кто-то может повлиять на удачу Моего Превосходительства?! И всё же кости лучше бросить вам. Очень может быть, что от той удачи, которую одолжил этот ваш Сань Лан, ещё хоть немного осталось.

Се Лянь по неизвестной причине почувствовал себя неловко на фразе «этот ваш Сань Лан», и хотел было что-то объяснить, но потом подумал — а что здесь объяснять? Напротив, само желание объясниться показалось бы более странным, поэтому принц промолчал. Вместо этого взял кости и осторожно выбросил.

Две шестёрки.

Се Лянь даже задержал дыхание, внимательно наблюдая, как меняется рисунок на каменной плите, чтобы быть морально готовым к тому, с чем им придётся встретиться далее. Однако на сей раз с рисунком ничего не произошло, каменная дверь со скрежетом открылась.

За ней показались тёмные ступени, ведущие глубоко под землю. Из прохода повеяло холодом.

Они переглянулись. Наверняка каждый подумал: «Неужели после всех этих злоключений мы вернулись на то же место?»

И всё же вернуться в начало пути было лучше, чем встретиться с ещё большими невиданными доселе опасностями, которыми путники насытились по горло. Поэтому двое начали уверенно спускаться по ступеням. Каменная дверь позади вновь с тяжёлым скрежетом закрылась. Протянув руку и дотронувшись до неё, они обнаружили лишь гладкую стену.

— Остается только идти вниз, — произнёс Се Лянь.

— Ох, ладно. Передохнём немного и продолжим игру с этим противным Собирателем цветов под кровавым дождём.

И они вновь направились по ровному прямоугольному подземному ходу. Неожиданно, пройдя около двухсот шагов, Се Лянь кое-что заметил:

— Хорошие новости, Ваше Превосходительство. Это не тот подземный ход, по которому мы шли в прошлый раз. Хоть и выглядит похоже.

От Ши Цинсюаня данный факт тоже не укрылся.

— Верно. Тогда, спустя двести шагов, мы упёрлись в каменную стену, а теперь её нет.

Се Лянь тихо произнёс:

— Видимо, на этот раз мы на верном пути.

Не успел он договорить, как шаги обоих застыли.

Из темноты впереди донёсся запах крови.

А вместе с ним их ушей достигло тяжёлое дыхание.

Они застыли как вкопанные, не произнося ни слова. Но даже без освещения тот человек заметил их присутствие, поскольку, когда они остановились, бросил ледяным, мрачным тоном:

— Я ничего не скажу.

При первых же звуках этого голоса Ши Цинсюань без промедления зажёл Пламя-на-ладони.

Дом блаженства обращается пеплом. Возрождение советника

Се Лянь совершенно не ожидал, что Повелитель Ветров столь внезапно зажжёт огонь, и потому не успел его задержать. В слепяще-ярком свете пламени показалась фигура мужчины в чёрных одеждах.

Он сидел, опустив голову и прислонившись спиной к каменной стене, которая и являлась концом коридора. Лицо бледное будто бумага, чёрные волосы растрёпаны, но через пряди, закрывающие лицо, ледяным пламенем горит живой взгляд. И хотя он просто сидел, скрестив ноги, густой запах крови в воздухе говорил о крайне тяжёлых ранах на его теле. Очевидно, он находился здесь в заточении. А фраза «Я ничего не скажу» предназначалась тому, кто ранее приходил его допрашивать.

Ши Цинсюань разглядел лицо пленника и выпалил:

— Ты!

Мужчина, похоже, совершенно не был готов к увиденному, поэтому тоже замер на мгновение, словно хотел сказать: «Ты», но в итоге сдержался. Се Лянь отозвал приоткрывшуюся к атаке Жюе и спросил:

— Так вы знакомы?

Когда они, пережив множество невзгод, наконец кого-то обнаружили, лицо Ши Цинсюаня просияло. Он вознамерился ответить, но тут мужчина отрезал:

— Не знакомы.

Услышав эти слова, Ши Цинсюань разгневался и ткнул в него веером.

— Неужели знакомство со мной — это что-то позорное? Звучит так непорядочно с твоей стороны, Мин-сюн, а ведь я твой лучший друг!

Мужчина решительно не согласился с этим:

— У меня нет друзей, которые повсюду расхаживают в таком виде.

Повисло неловкое молчание.

На Ши Цинсюане всё ещё красовались лохмотья, оставшиеся от пурпурного платья, и картина была, прямо сказать... более чем вульгарная. Се Лянь сразу почувствовал желание рассмеяться и подумал, что, оказывается, на свете взаправду есть человек, который определяет себя как «чьего-то лучшего друга». Наверное, это особенность характера Ши Цинсюаня. Затем пришла другая мысль — «Мин-сюн?» Насколько принц мог припомнить, среди Повелителей Пяти Стихий числился Повелитель Земли по имени Мин И, поэтому Се Лянь произнёс:

— Неужели это и есть Его Превосходительство Повелитель Земли?

Ши Цинсюань ответил:

— Именно так. С ним вы тоже уже встречались.

Се Лянь внимательно оглядел Мин И.

— Разве? — Однако принц не припоминал знакомства со столь великой личностью.

— Встречались, — уверил Ши Цинсюань.

— Не встречались, — возразил Мин И.

Ши Цинсюань воскликнул:

— Ясно же, что встречались! В прошлый раз, в Крепости Баньюэ, не могли же вы так скоро позабыть об этом!

Глядя на болезненно-бледный облик Мин И, который незамедлительно потемнел, Се Лянь вспомнил.

Ведь в прошлую их встречу в Крепости Баньюэ с Ши Цинсюанем была женщина в чёрном!

Тогда Хуа Чэн сказал ему, что это не Повелитель Вод, но наверняка тоже один из Повелителей Пяти Стихий — Ветра, Воды, Дождя, Земли и Грома.

Выходит, Ши Цинсюань не только сам с удовольствием перевоплощается в женское обличие, но также обожает подначивать других небожителей вместе с ним оборачиваться женщинами.

Не удивительно, что дама в чёрном имела столь безрадостное, будто брезгливое, выражение лица. Вспомнив, с каким рвением Ши Цинсюань перед походом в Призрачный город уговаривал и его принять участие в «совместном увеселении», Се Лянь про себя возрадовался: «Ох, это было опасно. Как хорошо, что я не поддался», затем произнёс:

— Ваше Превосходительство Повелитель Земли, это вы послали сигнал о помощи в виде Огненного дракона, взывающего к Небесам?

— Я.

Они нашли того, кого искали. Се Лянь кивнул:

— Я опасюсь, что Его Превосходительство ранен. Давайте поскорее выбираться отсюда. Об остальном поговорим после.

Ши Цинсюань без лишних слов склонился и посадил Мин И себе на спину со словами:

— Отлично, тогда уходим!

Втроём они направились в обратный путь.

Ши Цинсюань на ходу заговорил:

— Послушай, Мин-сюн, ты ведь уверял, что отлично дерёшься? И когда мы с тобой расстались в Крепости Баньюэ, ты был в полном порядке. Как за такое короткое время тебя могли так сильно избить? Как тебе удалось нарваться на гнев Собирателя цветов под кровавым дождём?

В его голосе звучала малая толика издёвки, и Се Лянь подумал: «Хм, раз он так разговаривает с ним, не боясь расплаты, значит, они и впрямь хорошие друзья».

Мин И же, казалось, больше не желает терпеть разговоры Ши Цинсюаня, и потому бросил лишь два слова:

— Закрой рот!

Однако Се Лянь, который тоже хотел узнать ответ на заданный вопрос, спросил иначе:

— Ваше Превосходительство Повелитель Земли, из-за чего Хуа Чэн взял вас в плен?

Мин И, хоть и не потребовал от него закрыть рот, отвечать всё же не стал. Се Лянь, слегка покосившись на Повелителя Земли, увидел, что тот уже закрыл глаза. Напрашивался вывод, что за несколько дней заточения под землёй он пережил допрос под пытками, а значит, был тяжело ранен. Пришедшая подмога успокоила его душевное состояние, и небожитель наконец смог позволить себе немного отдохнуть. Что ж, всё равно вопросы могут подождать, поэтому принц не стал будить спасённого. Они взбежали наверх по ступеням, Се Лянь снова вынул игральные кости и сделал бросок. В темноте путники не увидели выпавшего числа. Следом лишь послышался лёгкий щелчок, а после в двери открылась щель, сквозь которую просочилась полоска света. Се Лянь толкнул дверь и как раз задумался, стоит ли сейчас забрать с собой Лан Ина, как вдруг нога, которую он занёс для шага, наступила в пустоту.

Принц только и успел крикнуть:

— Не выходите!

Несколько раз перекувырнувшись в воздухе, Се Лянь упал на что-то твёрдое. Но стоило ему подумать: «Как же хорошо, что падение пришлось не на гору мечей или море огня», — принц поднял голову и почувствовал, что, возможно, гора мечей или море огня явились бы более предпочтительным вариантом. В непосредственной близости от Се Ляня находилось необыкновенно прекрасное лицо Хуа Чэна, который смотрел на него, приподняв одну бровь.

В этот раз, когда дверь открылась, принц сделал шаг в пустоту, а потом, к своей огромной неожиданности, свалился прямо на Хуа Чэна!

Очутился же он как раз в той самой оружейной. Хуа Чэн сидел в центре зала и неторопливо протирал свою саблю. И когда кто-то неожиданно свалился ему на колени, он лишь развёл руки в стороны, прекратив начищать оружие, и в общем-то даже не выглядел удивлённым, только преспокойно смотрел на Се Ляня, будто ожидая от

него объяснений. Се Лянь, разумеется, никаких объяснений дать не мог, поэтому продолжал сидеть на Хуа Чэне и без всякого стеснения смотреть ему прямо в глаза. Внезапно он заметил рядом ещё кое-кого. Повернувшись, принц увидел Лан Ина.

Юноша сидел на полу, ужасно напуганный, едва не схватившись руками за голову, и смотрел на двоих перед собой. Но почему и Лан Ин оказался здесь? Судя по всему, Хуа Чэн как раз его допрашивал. Затем Се Лянь краем глаза ухватил белоснежный сапог Ши Цинсюаня, который высунулся из открывшегося прохода наполовину. Охваченный волнением, принц схватил Хуа Чэна за плечи и воскликнул:

— Виноват!

А после повалил демона на пол.

От этого броска они отлетели на целый чжан и несколько раз прокатились по полу. Затем принц резко приподнялся и увидел, что Ши Цинсюань с Мин И на спине выпрыгнул из прохода и благополучно опустился на то самое место, где только что сидел Хуа Чэн. Се Лянь, вновь вооружившись наглостью, повернулся к Хуа Чэну. Тот продолжал смотреть на принца без какого-либо выражения на лице, только бровь поднялась чуть выше.

Се Лянь одним прыжком вскочил на ноги и отдалился на несколько чи, непрерывно повторяя:

— Прошу прощения, прошу прощения.

Лан Ин при одном взгляде на Хуа Чэна перепугался до крайности и тут же спрятался за спину Се Ляня. Тот, закрывая собой мальчика, произнёс:

— Сань Лан, позволь мне всё объяснить.

— Хм, я весь внимание.

Ши Цинсюань вмешался:

— Пойдите, вы ничего не перепутали? Это он должен предоставить вам объяснения, а не вы. Ответственность за инцидент с пропавшим без вести небожителем полностью лежит на нём. Ваше Высочество, проявите бдительность!

Больше всего на свете Се Лянь не хотел сталкиваться лицом к лицу именно с этим обстоятельством. Он пристально посмотрел на Хуа Чэна и произнёс:

— Сань Лан, мне не известно, какое именно недоразумение произошло между тобой и Повелителем Земли, но не лучше ли нам

сейчас спокойно разрешить эту проблему?

Если Хуа Чэн просто отпустит их с миром, лучшего исхода и придумать нельзя. Повелитель Земли хоть и ранен, но всё же опасности для жизни нет — руки-ноги целы, и если на этом прекратить любые препирательства, положение всё ещё можно спасти. Стоит Хуа Чэну позволить им уйти, и по возвращении в Небесные чертоги Се Лянь во время доклада об исполнении приказа готов пожертвовать своим лицом, но всё же попытаться уговорить Цзюнь У проявить снисхождение при вынесении решения.

К его вящему удивлению, Хуа Чэн переспросил:

— Повелитель Земли? Какой ещё Повелитель Земли? — После недолгого молчания он добавил. — А, это тот, что сидит на спине Повелителя Ветров? Но ведь он — всего лишь мой ни на что не годный подчинённый, и всё.

Последняя фраза заставила и Се Ляня, и Ши Цинсюаня удивлённо застыть. Повелитель Ветров произнёс:

— Ясно как белый день, что перед нами — чиновник Верхних Небес. Для чего ты упорно пытаешься выдать оленя за лошадь?

Хуа Чэн усмехнулся:

— В таком случае, хотелось бы узнать, для чего ваш многоуважаемый, почтенный чиновник Верхних Небес скрыл свой истинный статус, отринул высокое положение и заявился ко мне на службу демоническим посланником? — Хуа Чэн провёл рукой по изогнутому дугой Эмину, от чего тот блеснул серебристым полумесяцем, и добавил: — Если это действительно Повелитель Земли, в таком случае он может похвастаться невероятной выдержкой, раз играл одну роль целых десять лет. Не могу сказать, что за это время я ничего не заподозрил, однако у меня никак не находилось доказательств. И если бы я не встретил его в Крепости Баньюэ под видом спутника Повелителя Ветров, то до сего дня так и не обрёл бы абсолютной уверенности.

В одно мгновение в голове Се Ляня мысли замелькали со скоростью молнии.

Вот оно что!

Оказывается, истинная причина исчезновения и пленения Повелителя Земли кроется в том, что он на протяжении десяти лет

скрывал свою личность и служил демоническим посланником под началом Хуа Чэна!

... Если опустить все красивые слова, он был кротом. И хотя Хуа Чэн замечал странности за своим подчинённым, всё же прямых доказательств не имелось, поэтому он оставил его при себе и продолжал наблюдать. И вот, совсем недавно статус Повелителя Земли как крота был раскрыт Хуа Чэном.

Несколько дней назад во время похода в Крепость Баньюэ Хуа Чэн увидел Повелителя Земли, который явился туда вместе с Повелителем Ветров.

И даже несмотря на то, что тогда Повелитель Земли, поддавшись на подстрекательство Повелителя Ветров, обратился женщиной, Хуа Чэн всё же разглядел, кто скрывается за фальшивой личиной и, узнав в женщине в чёрном демонического посланника, которого он как раз подозревал, определил его как одного из Повелителей Пяти Стихий.

А когда поход в Крепость Баньюэ завершился и Хуа Чэн покинул монастырь Водных каштанов, он наверняка отправился поквитаться с Повелителем Земли. Возможно, именно в момент бегства от Хуа Чэна оказавшийся в критическом положении Мин И воспользовался техникой призыва о помощи, после которого Цзюнь У обратился к Се Ляню с просьбой отправиться на это задание.

Чиновнику Небесных Чертогов не сиделось на посту Верхних Небес, и вместо занятия своими делами он устроил маскарад и внедрился в мир демонов, где провёл несколько десятков лет? Скандал от этой новости назревал поистине невиданный. Не говоря уже о факте скрытой конфронтации, если бы Мин И продолжили удерживать здесь и запытали до смерти, конфликт между двумя мирами достиг бы невыносимых масштабов. В таком случае дилемма стала бы ещё более запутанной и неразрешимой. К тому времени уже никому не удалось бы остаться в стороне и думать лишь о своём благополучии. Обдумав всевозможные варианты, Се Лянь смог сказать только одно:

— Я всё понял. Вина за это происшествие лежит на нас. И всё же, Сань Лан, я надеюсь, что сегодня ты проявишь к нам снисхождение.

Хуа Чэн пристально посмотрел на принца и спустя мгновение бесстрастно произнёс:

— Ваше Высочество, честно говоря, в некоторые вещи вам лучше не впутываться, для своего же блага.

обстановка вокруг. Оружейная представляла собой всего лишь просторный зал, и пространство здесь было ограниченным, поэтому потоки ветра, поднятого Веером Повелителя Ветров, частично отражались от стен и продолжали беспорядочно завихряться внутри оружейной, таким образом подхватывая тысячи золотых пластинок, которые кружились вокруг небожителей в бешеном танце. Се Лянь, беспокоясь, что золотые лепестки могут кого-то поранить, закрыл собой Лан Ина и воскликнул:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров, прошу, прервитесь ненадолго!

Золотые пластины уже несколько раз задевали Ши Цинсюаня и Мин И, пролетая мимо. Повелитель Ветров и сам хотел бы остановиться, но в крыше, которую он собирался сорвать ветром, уже виднелся немалый зазор, и если сейчас остановиться и опустить крышу на место, все прежние старания пойдут насмарку. Именно в этот момент все золотые листки, что бешеным вихрем танцевали вокруг, внезапно, как по команде, взлетели вверх. Раздался грохот — кто-то проломил крышу и вместе с сыплющимися сверху обломками спрыгнул вниз.

Едва коснувшись ногами земли, вновь прибывший громогласно заявил:

— Прошу меня извинить, Ваше Превосходительство Повелитель Ветров, я не смог дождаться вас и не вмешаться!

Ши Цинсюань несказанно обрадовался:

— В этот раз твоё появление как нельзя кстати, Цяньцю!

Молодой мужчина держал на плече тяжёлый меч, клинок которого в ширину достигал размера ладони взрослого человека. Это был Лан Цяньцю. Его меч сверкал ослепительным золотом, но если присмотреться, становилось ясно — дело вовсе не в том, что само оружие золотое. Просто всё множество острых словно лезвия золотых пластинок притянулось к нему, и теперь они облепили его тонким слоем, отчего и казалось, что огромный меч сотворён полностью из золота.

Добытая из самого сердца магнитных гор руда, из которой было выковано оружие Лан Цяньцю, имела удивительную особенность, которая заключалась в способности притягивать металл. Если магические силы, содержащиеся в артефакте, не превышали

определённого уровня, стоило небожителю взять в руки этот меч и отдать мысленный приказ, как все металлические артефакты поблизости притягивало к нему, а затем меч плавил и поглощал их. Так случилось и с золотыми пластинками — вскоре они впитались в поверхность меча, золотое сияние бесследно исчезло.

Хуа Чэн рассмеялся, сложил золотой веер, не глядя бросил за спину и произнёс:

— Неужели чиновники Небесных чертогов настолько нищие и невежественные, что при виде золота не желают выпускать его из рук?

Если бы кто-то сказал подобное Се Ляню, он бы просто притворился, что ничего не слышал. Но Хуа Чэн насмеялся над Лан Цяньцю, и тот, будучи отпрыском августейших кровей, за свою жизнь повидавшим золота и драгоценностей, что грязи, даже прекрасно понимая, что этот выпад противник сделал со злым умыслом, чтобы задеть его самолюбие, всё равно пришёл в ярость — вскинул меч и бросился в атаку. Хуа Чэн, вооружённый Эмином, описал саблей в воздухе несколько серебристых восьмёрок и непринуждённо вскинул клинок, принимая бой.

Лан Цяньцю вложил в удар всю свою силу. Он был молод, и потому не знал страха, будто новорождённый телёнок, который не боится тигра. Се Лянь же сразу разглядел огромную разницу в силе между сторонами. Если Лан Цяньцю в самом деле нанесёт этот удар, неизбежно встретит смерть!

Даже Ши Цинсюань, который не пользовался мечом и не мог увидеть реальной разницы, тоже закричал, предчувствуя беду:

— Цяньцю, не упорствуй!!!

Но разве можно одним лишь криком остановить стрелу, наложенную на тетиву и готовую сорваться?

Никто не мог ожидать, что в момент, когда сабля и меч уже готовы были столкнуться, в оружейной взорвётся вспышка слепящего белого света.

Сияние оказалось настолько ярким, что заполнило собой почти всё пространство оружейной, а присутствующие на короткое время потеряли способность чётко видеть — всё перед глазами заливало ослепительно-белым. Только Се Лянь, будучи готовым к подобному, ещё мог с трудом что-то разглядеть. Собрав в правой руке оставшуюся

магическую силу, что передал ему Ши Цинсюань, принц обратил её в пламя и ударил в направлении пустого угла оружейной!

Угол тут же занялся внушительными всполохами огня. Не теряя времени, Се Лянь размотал Жое, связал лентой себя, Ши Цинсюаня, Мин И, Лан Цяньцю и Лан Ина, затем выкрикнул:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров, направьте потоки ветра вверх!

Ши Цинсюань, до сих пор не в состоянии открыть глаза, всё-таки сделал, как сказал принц — развернул веер лицевой стороной наверх и резко взмахнул. На ровном месте поднялась воронка смерча и наконец выбила крышу здания, которая и так уже еле держалась!

Жое, связав ношу из пятерых человек, стрелой устремилась ввысь. Только в воздухе к ним наконец вернулась способность видеть, и когда Ши Цинсюань, разглядев внизу в нескольких чжанах столб пламени и клубы густого дыма, понял, что в оружейной начался пожар. Испугавшись, что Хуа Чэн может за ними погнаться, небожитель сразу развернул веер и принялся махать им что есть мочи. У него получилось буквально «нагнать ветер, чтобы развести огонь»^[76]: в мгновение ока пламя, подхваченное ураганом, вспыхнуло до небес, языки перекинулись на соседние постройки, и большая часть Дома Блаженства окрасилась ярко-красным заревом!

Се Ляню с огромным трудом удалось остановить Ши Цинсюаня, который всё махал и махал веером. Принц воскликнул:

— Ваше Превосходительство, прекратите! Ещё немного, и вы всё здесь сожжёте!

Ши Цинсюань, которого он схватил, взмолился:

— Ладно, ладно, ладно, я перестану! Ваше Высочество, отпустите меня! Вы слишком сильно сжали пальцы!

Повелитель Ветров отозвал ураган, и только тогда Се Лянь его отпустил. Посмотрев вниз, даже среди красных всполохов принц разглядел алую фигуру. Они летели слишком высоко, поэтому чётко рассмотреть не получалось, но шестое чувство подсказывало Се Ляню, что в этот момент Хуа Чэн стоит внизу и, подняв голову, смотрит на него.

Он не бросился в погоню и не побежал тушить пожар, лишь стоял там, позволяя пламени свирепствовать вокруг.

На улицах Призрачного города вокруг Дома Блаженства послышались крики, забегали толпы демонов. Се Лянь почувствовал, как стало трудно дышать, даже голос немного охрип, когда он пробормотал:

— Я же... просто хотел разжечь небольшой огонь, чтобы ненадолго отвлечь внимание... как такое могло случиться...

Он вспомнил, как совсем недавно Хуа Чэн стоял, опершись на ворота оружейной, и полушутя предлагал ему забрать в качестве подарка всю оружейную вместе с сокровищами в ней. А теперь всё это утонуло в море огня. Разумеется, многие артефакты, выкованные из чистейшего золота, не боялись закалки жаром. Однако было и много таких, которые по своей природе не выносили встречи с пламенем, а значит, просто обратились в кучку пепла. Кроме того, принц совершенно не ожидал, что пожар в одно мгновение разгорится столь яростно, да ещё перекинется на весь Дом Блаженства.

Пусть Хуа Чэн не считал это место «домом», но ведь это была его резиденция!

Видя, что принц погрузился в совершеннейшее расстройство, Ши Цинсюань тоже почувствовал себя неловко и произнёс:

— Ох... вы уж простите, Ваше Высочество! Я не думал ни о чём другом, кроме скорейшего бегства, это полностью моя вина. Первоначально ведь огонь был совсем маленьким... Если Собиратель цветов под кровавым дождём потребует от вас возмещения ущерба, смело валите всё на мою голову. Не волнуйтесь, я покрою любые затраты! Уж чего-чего, а денег у меня в достатке!

Да разве дело было в деньгах? Се Лянь закрыл глаза, не в состоянии произнести ни слова. Ши Цинсюань похлопал его по плечу и вдруг заметил, что рука влажная, а в нос ударило резким запахом крови. Присмотревшись, он пришёл в ужас и воскликнул:

— Ваше Высочество, что у вас с рукой?!

Правую руку Се Ляня полностью заливала свежая кровь. Рукав промок насквозь, а дрожь, охватившую руку, уже нельзя было характеризовать как «лёгкую». Но всё же он обеими руками крепко держался за шёлковую ленту, не давая ураганному ветру унести их прочь. Ши Цинсюань не мог успокоиться:

— Что с вами стряслось?!

Се Лянь немного пришёл в себя, с трудом сохранил самообладание и покачал головой.

— Ничего... небольшая ранка. Залечу, когда окажемся наверху.

Ши Цинсюань вспомнил.

— Так той белой вспышкой были вы? Ваше Высочество, это вы их разняли?

— Я ведь тоже умею пользоваться мечом.

Ши Цинсюань оказался прав. В тот момент, когда оружие Хуа Чэна и Лан Цяньцю почти схлестнулось, молниеносным броском между ними вклинился Се Лянь.

Он, не глядя, схватил с ближайшей подставки меч, оказался между противниками и сделал два выпада.

Первым отбил атаку Лан Цяньцю, а вторым заблокировал Эмин.

Мощь обоих выпадов была не просто велика, принц нанёс их с такой точностью контроля, что отбив обе атаки — сабли и меча, не навредил отдачей ни одному из хозяев оружия.

Но поскольку Се Ляня зажало между ними, то меч, которым он воспользовался, да ещё его рука, приняли на себя всю силу обоих ударов.

И если меч Лан Цяньцю не представлял серьёзной опасности, то от мощи лезвия-ветра^[77] Хуа Чэна поистине невозможно было укрыться. Но тот меч, который выхватил Се Лянь, всё-таки входил в число сокровищ оружейной Хуа Чэна, а значит, являлся драгоценным клинком. Поэтому столкновение двух оружий вызвало взрыв слепящего белого сияния.

Первый из двух выпадов, пришедшийся на меч Лан Цяньцю, оставил трещину на оружии Се Ляня. Второй же, предназначавшийся Эмину, повёл за собой более тяжёлое ранение — пострадала и плоть, и кости.

Всё произошло за какие-то доли мгновения, столь быстро, что разглядеть было невозможно. Ши Цинсюаню, который увидел состояние руки принца, даже показалось, что она просто-напросто превратилась в кровавое месиво.

Повелитель Ветров произнёс:

— Ваше Высочество, вы просто... поразили меня своей мощью! Неужели вы правда отразили оба удара одной рукой?

Бог Войны в короне из цветов, в одной руке — меч, в другой — цветок. Повелитель Ветров помнил лишь о цветке, вот только позабыл, что Се Лянь вознёсся на Небеса благодаря мечу.

Вспомнив, насколько опасным было их положение, Ши Цинсюань, всё ещё не оправившись от потрясения, добавил:

— Как же хорошо, что вы, Ваше Высочество, решили вмешаться и отразить удары обоих! Иначе неизвестно, на сколько бы кусков Собираатель цветов под кровавым дождём разделал Цяньцю.

Но вот что странно — Лан Цяньцю, с виду ни капли не пострадавший, теперь выглядел отстранённо и даже потрясённо, будто его душа покинула тело.

Ши Цинсюань позвал:

— Цяньцю? Цяньцю? Что с тобой? Очнись! Тебя что, так сильно ослепило той вспышкой, что зрение до сих пор не вернулось???

Так они и прилетели в столицу бессмертных, верхом на потоке ветра. Поддерживая друг друга и таща раненых на спине, они пронеслись сквозь Врата Вознесения и помчались прямо во дворец Шэнью. Лан Ину запрещалось следовать за ними, поэтому Се Лянь оставил его в пристройке рядом с дворцом. На посту никого не оказалось, и принц выкрикнул сразу на всю сеть духовного общения:

— Прошу прощения, нет ли здесь кого-нибудь из божественных коллег? Прошу вас незамедлительно явиться во дворец Шэнью! Положение чрезвычайное, один из небожителей ранен!

Пока он пытался до кого-нибудь докричаться, Ши Цинсюань рядом с ним щёлкнул пальцами, наконец-таки вернувшись к обличию заклинателя в белом одеянии, затем махнул рукой, отправляя в духовную сеть сто тысяч добродетелей, и добавил:

— Раненых небожителей двое!

Се Лянь поспешил заверить:

— Ваше Превосходительство, не стоит так горячиться, достаточно просто сказать, без разбрасывания добродетелей. Когда все услышат просьбу, кто-нибудь обязательно откликнется.

— Нет, Ваше Высочество, вы должны понять, что разбрасывание добродетелей подействует в сто раз быстрее, чем просто слова!

Вскоре издали послышался голос:

— Кто здесь раненый?

И если на слове «кто» голос звучал ещё вдалеке, то к концу фразы говорящий уже появился перед ними. И это был Фэн Синь. Войдя во дворец и увидев сначала Се Ляня, а затем Лан Цяньцю, он на мгновение застыл.

Се Лянь произнёс:

— Со мной всё хорошо. Но боюсь, Его Превосходительство Повелитель Земли сильно пострадал.

Спустя несколько мгновений молчания Фэн Синь спросил:

— Что с твоей рукой?

В этот момент раздался ещё один голос:

— Пострадал, и что с того? В пантеоне Верхних Небес множество небожителей. Который из них возвращается из патрулей, не украсившись парой шрамов?

Голос звучал предельно вежливо, мягко и даже нежно, однако тон фразы совершенно не вызывал положительных эмоций. Разумеется, это был Му Цин. Он вошёл во дворец и точно так же вначале обратил взор на Се Ляня, затем на Лан Цяньцю. Однако выражение его лица в корне отличалось от Фэн Синя: Му Цин слегка приподнял бровь, отчего создавалось впечатление, что он собирается посмотреть на отличное представление. Увидев, что Фэн Синь уже приблизился к Се Ляню, чтобы осмотреть его руку, Му Цин склонился над Мин И.

— Так значит, вы и есть Его Превосходительство Повелитель Земли?

К этому времени один за другим явились и другие небожители. Повелитель Земли И всегда считался «драконом, что являет то голову, то хвост^[78]», и большинство присутствующих видели его впервые, поэтому каждый без стеснения подходил, чтобы посмотреть. При этом они ощущали себя несколько растерянно и не понимали, для чего их всех так неожиданно созвали сюда. Но раз уж Повелитель Ветров разослал всем добродетели, волей-неволей пришлось откликнуться на просьбу.

Се Лянь ответил Фэн Синю:

— Спасибо. Но я в полном порядке. Как-нибудь заживёт само.

Фэн Синь тоже не стал тратить слова:

— В таком случае, позаботься о себе сам.

Се Лянь снова тихо сказал «спасибо», затем развернулся и увидел, что остолбеневший Лан Цяньцю смотрит в их сторону. Принц спросил:

— Ваше Высочество Тайхуа, что с вами?

Фэн Синю выражение лица Лан Цяньцю также показалось странным, поэтому он спросил:

— Его Высочество Тайхуа тоже получил ранение?

Се Лянь ответил:

— Вроде бы не должен был. Я взгляну.

Он протянул руку и хотел дотронуться до лба Лан Цяньцю, но тот среагировал неожиданно быстро и резким движением схватил запястье принца.

На его лице отражалась всё та же неуверенность, будто он что-то понял, но пока не убедился окончательно, но в глазах уже полыхало пламя. Се Лянь почувствовал, как от руки Лан Цяньцю к его запястью передалась гневная дрожь.

Теперь уже и остальные небожители заметили, что происходит что-то из ряда вон, поэтому стали тихо перешёптываться. Ши Цинсюань и Му Цин выпрямились, Фэн Синь задал вопрос:

— Ваше Высочество Тайхуа, что вы делаете?

Лан Цяньцю наконец заговорил. Но сказал лишь одно слово, от которого сердце Се Ляня потяжелело и опустилось глубоко на дно.

Сквозь сжатые зубы он выдавил:

— ...Советник?

Зрачки Се Ляня мгновенно сузились.

Собравшиеся вокруг небожители ничего не поняли, слышались их шепчущие голоса:

— Какой советник? Кто советник?

Но были и те, кто вдумался в детали и докопался до истины.

Лан Цяньцю являлся наследником государства Юньань, а советником того же государства служил один из двоих советников-чародеев, советник Фан Синь, и никто не знал ничего ни о его прошлом, ни его настоящей личности. А теперь Лан Цяньцю схватил Се Ляня за руку и назвал его «советником», это ли не указание на то, что... Се Лянь и есть тот самый советник-чародей, принесший беду в государство Юньань — советник Фан Синь?!

Но ведь... Се Лянь являлся наследником государства Сяньлэ, которое было уничтожено армией Юньань. Как он мог оказаться на службе в государстве Юньань?

В чертогах Верхних Небес Его Высочество Тайхуа слыл приветливым, открытым и дружелюбным небожителем, который никогда не строил хитроумных замыслов против кого-либо, никому не причинял вреда. И тем более на его лице никогда не появлялось выражения, подобного нынешнему — не то печального, не то разгневанного, похожего не то на жажду мести, не то на лютую ненависть.

Лан Цяньцю вцепился в Се Ляня мёртвой хваткой, его грудь вздымалась и опускалась от волнения. С трудом контролируя эмоции, он проговорил:

— Ты... Я же собственными руками убил тебя, собственными руками заколотил твой гроб, а ты... Советник, мастерство твоё поистине непостижимо!

Беда, беда! Сегодня случится что-то непомерно ужасное!

Чёрный советник омывает кровью золотое пиршество

Фэн Синь, который стоял ближе всех, смотрел на Се Ляня, не в силах скрыть потрясения. Во взгляде Му Цина, помимо сдерживаемого удивления, смутно читалось волнение. Ши Цинсюань ровно уложил Мин И, затем спросил:

— Цяньцю, ты, должно быть, что-то путаешь. Если Его Высочество — действительно советник Фан Синь, почему ты узнал его только сейчас?

Кто-то из небожителей вмешался:

— Цинсюань, это как раз тебе кое-что не известно. Легендарный советник Фан Синь отличался характером высокомерным, по натуре являлся загадочным и холодным гордецом. Он никогда не показывал своего истинного лица и всегда носил серебряную маску. Должно быть, Его Высочество Тайхуа никогда и не видел его настоящего облика.

Говорящий стоял с краю, дальше остальных, сложив руки на груди. И это был Пэй Мин. Ши Цинсюань, увидев его, немедля ошетинился, взмахнул метёлкой и ответил:

— Что ж, раз так, это означает, что ещё никому и никогда не доводилось видеть истинного лица советника Фан Синя. Так почему же в вашем тоне, генерал Пэй, слышится столь непоколебимая

уверенность в том, что Его Высочество Сяньлэ — и есть советник Фан Синь?

Совсем недавно на задании с Се Лянем Повелитель Ветров попадал в самые нелепые передраги, вспоминая которые, невозможно было не рассмеяться.

Однако стоило им оказаться в чертогах Верхних Небес, Ши Цинсюань сразу кардинально переменялся — он вёл себя весьма самоуверенно, при этом внимательно взвешивая каждое слово и действие. В этот миг из внутренних чертогов дворца показалась белоснежная фигура, которая своим появлением привнесла спокойствия в сложившуюся обстановку. Небожители, всего пару мгновений назад приглушённо обсуждавшие различные версии произошедшего, тут же заняли положенные им места, поклонились в пояс и поприветствовали:

— Владыка.

Цзюнь У слегка поднял руку, делая знак выпрямиться, и, ни слова не говоря, направился к Се Ляню. Поравнявшись с принцем, Владыка коснулся правого плеча принца. От этого прикосновения, похожего на хлопок, кровь, которая ранее каплями стекала по рукаву Се Ляня, немедленно остановилась.

Бегло осмотрев Мин И, Цзюнь У заключил:

— Опасности для жизни нет. Помогите Повелителю Земли залечить раны.

К Мин И тут же подошли четверо целителей. Они помогли ему подняться на ноги и увели за собой. Ши Цинсюань хотел было отправиться с ними, чтобы убедиться, что всё будет хорошо, но затем оценил сложившееся во дворце Шэньу положение, решил, что не сможет уйти со спокойной душой, и потому остался.

Цзюнь У, сложив руки за спиной, вернулся на высокое место, сел на трон и затем произнёс:

— Рассказывайте, что опять стряслось. Почему Тайхуа не выпускает из рук Сяньлэ, и почему Сяньлэ стоит понурившись?

Лан Цяньцю вновь бросил взгляд на Се Ляня. Однако, увидев, что тот молчит, а вокруг собралось достаточно небожителей, чтобы не дать ему сбежать, всё-таки отпустил принца. Затем развернулся к Цзюнь У, поклонился и поведал:

— Владыка, этот человек несколько сотен лет назад, действуя под именем Фан Синь, убил моих родных, принёс беду в мою страну. Я намерен вызвать его на смертельный поединок и прошу Владыку сегодня стать тому свидетелем и судьёй!

Теперь даже те небожители во дворце Шэнью, которые никогда не слышали о советнике Фан Сине, поспешно присоединились к сети духовного общения, чтобы разузнать всё в деталях. Не справлялись, так и не знали, а как узнали — от страха затрепетали. Весьма кстати подоспела Линвэнь, которая по многочисленным просьбам развеяла всеобщее недоумение:

— Советник Фан Синь, он же наставник и спаситель Лан Цяньцю, наследного принца государства Юньань. Называется одним из советников-чародеев по причине совершения громкого преступления — кровавой резни на Пире Чистого Золота, когда была убита императорская семья.

Ши Цинсюань спросил её:

— Что за Пир Чистого Золота?

— Ваше Превосходительство, Пир Чистого Золота — это торжественный приём, который стал традицией ещё при правлении династии Сяньлэ. Вся посуда на приёме, винные чаши и сосуды, а также музыкальные инструменты были сделаны из превосходного золота высшей пробы, пиршество являло собой несравнимо роскошное зрелище, и потому получило такое название.

После становления династии Юньань на всю Поднебесную прозвучала её торжественная клятва — окончательно и бесповоротно положить конец расточительству, коим славилась прежняя династия, ни в коем случае не повторять их ошибки, всем сердцем и всеми помыслами стремиться разрешить страдания простого народа. И всё же, спустя несколько десятков лет, новая династия выучилась всему у прежней и пошла по тому же пути.

Линвэнь продолжала:

— В день семнадцатилетия наследного принца Юньань в императорском дворце устроили торжественный приём. И тем вечером советник Фан Синь... Именно на Пире Чистого Золота он, вооружившись мечом, забрал жизни всех членов правящего дома Юньань.

Опрокинулись золотые кубки, алая кровь полилась как вино.

— И лишь наследный принц Юньань, Лан Цяньцю, который прибыл на Пир с опозданием, избежал страшной участи. Однако и он едва не погиб.

Подобное потрясение, вне всяких сомнений, нанесло серьёзный ущерб государству Юньань. И если бы не Лан Цяньцю, который всегда пользовался народной любовью и прикладывал невероятные усилия для спасения государства, непременно вспыхнуло бы восстание. С огромным трудом сохранив стабильное положение дел в государстве, правящий дом Юньань призвал всех героев и заклинателей Поднебесной бросить силы на погоню за сбежавшим убийцей. В конце концов виновник был схвачен. Лан Цяньцю своими руками убил Фан Синя, первого советника-чародея, после чего заколотил его в трёхслойном гробу, наложил сдерживающие заклятия и захоронил в земле.

И всё же после случившегося династия Юньань понесла огромные потери, неизбежно пришла в упадок и уступила место следующему правящему дому.

Лан Цяньцю уставился на Се Ляня взглядом, полным ненависти.

— Я никак не мог понять, почему ты так поступил. Я никогда не верил в чушь о том, что ты просто не мог видеть династию Юньань на троне. Я не считал, что ты желал захватить власть. Но теперь я, наконец, понял, почему.

Небожители от удивления раскрыли рты и вытаращили глаза, по толпе пробежали шепотки:

— Это была месть!

— Что же ещё, если не месть? Государство Сяньлэ было уничтожено, и он решил в отместку уничтожить государство Юньань. Люди Юньань убили его родителей, поэтому он решил убить родителей наследного принца Юньань. Око за око, зуб за зуб.

— Но ведь Лан Цяньцю не принадлежал к тому поколению, которое уничтожило государство Сяньлэ, он совершенно неразумно сорвал свой гнев...

— Не будем забывать, что посмешище трёх миров — от рождения дурень, хоть и оказался весьма безжалостным персонажем. Пробрался во вражеское государство, чтобы тайно поступить на службу советником и мутить воду, а потом одним махом расправиться со всей императорской семьёй... Лихо!

Се Лянь почувствовал на себе взгляд Цзюнь У и закрыл глаза. Лишь спустя несколько мгновений он услышал голос Владыки:

— Тайхуа, чем ты можешь подтвердить, что Сяньлэ и есть Фан Синь?

Лан Цяньцю выпалил:

— Именно советник Фан Синь обучал меня искусству фехтования. Одного удара хватило, чтобы я узнал его!

Шепчущиеся небожители вновь заволновались:

— Пускай бы мутил себе воду в государстве, но зачем совершать лишние усилия и обучать принца вражеского государства фехтованию?

— Ничего удивительного, что с тех пор, как он вознёсся в третий раз, я не видел, чтобы он брался за меч. Боялся выдать себя, не иначе.

Лан Цяньцю добавил:

— Во время вылазки в Призрачный город мне пришлось сразиться с Собирателем цветов под кровавым дождём...

При упоминании Призрачного города и Хуа Чэна немало небожителей вновь содрогнулись. Лан Цяньцю же продолжил:

— В двенадцатилетнем возрасте во время прогулки за пределами дворца я был пленён шайкой разбойников. Они схватили меня и бросились в город, за ними погналась моя охрана, между сторонами завязалась драка. Как вдруг весь покрытый синяками торговец уличными представлениями, сидящий у дороги, схватил ветку дерева и вмешался в сражение — точно таким же ударом он отбил два меча и спас меня. Охрана схватилась с разбойниками, в результате чего пострадали обе стороны. А уличный артист отвёл меня обратно в императорский дворец. Отец и матушка из чувства благодарности любезно уговорили его задержаться, впоследствии же заметили в нём огромный потенциал и пригласили на должность советника. Он пять лет обучал меня владению мечом, я знаком с его стилем как никто другой. Разве я мог ошибиться?

Му Цин бесстрастно заметил:

— Ваше Высочество Тайхуа, вы сказали, что видели лишь один удар, размытую тень. Но похоже, что кроме вас этого не видел больше никто. Выходит, это всего-навсего одностороннее мнение.

Его слова могли показаться изречёнными в пользу Се Ляня, на самом же деле в них содержался более глубокий смысл. Поскольку Му Цин наверняка прекрасно понимал, что итог предначертан, и чем

больше задавать вопросов, тем более железные доказательства начнёт приводить Лан Цяньцю. А значит, такие вопросы нисколько не могли помочь Се Ляню. И действительно, Лан Цяньцю воскликнул:

— Прекрасно! Прошу, подайте мне меч!

Во дворце присутствовало немало Богов Войны, которые носили при себе оружие. Откликнувшись на просьбу, кто-то немедленно бросил Лан Цяньцю меч.

Тот поймал его и протянул Се Ляню со словами:

— Возьми! Мы сразимся прямо сейчас, ничего скрыть не удастся. Покажи себя в полную силу, пусть все увидят, схожи ли наши стили фехтования, и правда ли то, что это ты меня обучал!

Требование Лан Цяньцю сражаться прямо во дворце Шэнью показалось остальным довольно бесцеремонным. И всё же, стоило им вспомнить Пир Чистого Золота, омытый кровью семьи прославленного Его Высочества наследного принца, волнение последнего становилось более чем объяснимо. Ши Цинсюань, всё ещё переживая за раны Се Ляня, вмешался:

— Цяньцю, Его Высочество защитил тебя от сабли Хуа Чэна. Посмотри, во что превратилась его рука. Как он будет держать меч, чтобы сражаться с тобой?

Услышав его слова, Лан Цяньцю вдруг замахнулся левой рукой и нанёс удар сам себе по правому плечу. Раздался треск, из его правой руки немедля брызнул кровавый туман, она окрасилась струйками крови и безвольно повисла. Не требовалось осматривать рану, чтобы понять, насколько она тяжёлая. Небожители испытали глубочайшее потрясение, Се Лянь же замер, поднял взгляд и спросил:

— Что ты творишь?

Лан Цяньцю ответил:

— Его Превосходительство Повелитель Ветров всё верно сказал. Ты действительно только что поранил руку, чтобы меня спасти. И я возвращаю тебе эту рану. Ты спас меня, это правда. Как и то, что убил всю мою семью. Я знаю, что ты способен в совершенстве фехтовать обеими руками, поэтому сразимся левыми. Берись за меч, если ты мужчина!

Се Лянь посмотрел на меч, затем на него, и в конце концов покачал головой:

— Много лет назад я дал клятву, что больше никогда не заберу чужую жизнь мечом.

Услышав эти слова, Лан Цяньцю вспомнил, как тем страшным вечером явился на пиршество и как раз застал момент, когда человек в чёрных одеяниях вынимал меч из тела его отца. Его глаза немедленно покраснели, отчего взгляд сделался пугающим, а пальцы левой руки, сжимающей меч, громко хрустнули.

Ши Цинсюань одним взмахом метёлки остановил клинок его меча и вмешался:

— На мой взгляд, между вами явно произошло недопонимание. Ведь если советник Фан Синь всегда носил маску, вполне возможно, что кто-то другой прикинулся им, чтобы совершить убийство. Как вы считаете, Владыка?

Все развернулись в сторону трона. Цзюнь У произнёс:

— Сяньлэ.

Се Лянь согнулся в поясном поклоне.

— Да.

— Ты признаёшь, что всё, сказанное Тайхуа, — правда?

— Признаю.

Это слово — «признаю», прозвучало столь холодным и непохожим на его прежний голос тоном, что Фэн Синь, Му Цин и Ши Цинсюань мгновенно переменялись в лице.

Цзюнь У кивнул и спросил снова:

— И всё-таки, советник Фан Синь, омывший кровью Пир Чистого Золота — это ты или не ты?

Помолчав пару мгновений, Се Лянь вздёрнул голову и ответил:

— Всё верно. Это я!

Его слова, прозвучавшие звонко и уверенно, не оставили принцу пути назад. Лан Цяньцю произнёс:

— Ты признал, что ж, отлично.

Давно известно, что в чертогах Верхних Небес не перечсть небожителей, которые запятнали руки кровью простых людей. Но если говорить начистоту, никому ещё не приходилось по-настоящему платить за стародавний кровавый долг, тем более с таким размахом. Возможно, потому, что среди потомков пострадавших смертных не было ни одного, подобного Лан Цяньцю, который оказался столь

настойчивым, что вознёсся на Небеса и теперь имел право предъявить обвинения убийце, находясь в статусе небожителя.

Даже Пэй Су, пользуясь поддержкой генерала Пэя, в итоге не смог избежать ссылки в мир смертных. А Се Ляню не на кого было положиться. Теперь оставалось лишь надеяться, что Цзюнь У, в память о прежней дружбе между ними, встанет на его сторону.

Вот только никто из небожителей не мог взять в толк, какие чувства всё-таки питает Цзюнь У к Се Ляню. Разумеется, когда наследный принц Сяньлэ вознёсся в первый раз, Владыка проявлял к нему чрезмерную благосклонность; на второй раз им пришлось сразиться, и Се Лянь был повержен, однако лишь после того, как нанёс Цзюнь У немало ранений; после третьего же вознесения отношения между ними стали равными, будто они оба позабыли о случившемся в прошлом, а Цзюнь У ко всему прочему выстроил для Се Ляня новый дворец в столице бессмертных. Поэтому небожители никак не могли разгадать эту загадку. И теперь все вокруг наостригли слух, чтобы узнать, какой вердикт вынесет тот, кто выше по статусу.

Никто не предполагал, что Се Лянь заговорит, не дожидаясь решения Цзюнь У.

— Сяньлэ берёт на себя смелость обратиться к Владыке с просьбой.

— Говори.

— Прошу Владыку забрать мой статус бессмертного и низвергнуть меня в мир смертных.

Некоторых небожителей эта фраза потрясла, но в то же время заставила восхититься принцем. Разве кто-то мог пожелать низвержения, когда вознесение досталось столь нелёгким путём? С огромным трудом забраться так высоко, чтобы разом сверзиться вниз — одна мысль об этом вызывала страшные муки сожаления. Поэтому никто из них ни за что не посмел бы выдвинуть Цзюнь У просьбу, подобную этой — «прошу, низвергните меня». Однако некоторые небожители не увидели в поступке Се Ляня ничего выдающегося. Ведь уже наделано столько шума, что, возможно, напасть первым, чтобы скрыть отступление — выход гораздо более верный, чем стоять на своём и ни в чём не признаваться. К тому же, Се Ляня ведь уже низвергли дважды, а значит и третий раз для него не станет таким уж кошмаром. Должно быть, он уже привык к подобному.

— Не нужно просить о низвержении, — возразил Лан Цяньцю. — Твоё вознесение — результат собственных усилий. Я требую от тебя лишь одного — поединка.

— Я не хочу с тобой биться, — ответил ему Се Лянь.

— Но почему? Ты ведь раньше уже сражался со мной. Не важно, каков будет итог — жизнь или смерть, покончим с этим раз и навсегда!

Се Лянь бесстрастно ответил:

— Потому. В схватке со мной... тебя ждёт неминуемая смерть.

Разгневанный Наньян против коварного Сюаньчжэня

Эта фраза, сказанная будто мимоходом, потрясла всех настолько, что вокруг послышались удивлённые вздохи. В сознании многих небожителей пронеслось: «Ты — всего лишь мусорное божество, у которого даже магических сил нет. Как тебе хватает наглости говорить величественному Богу Войны восточных земель, Лан Цяньцю, что в битве с тобой его ждёт неминуемая смерть? Не слишком ли самонадеянно?» Ведь фраза прозвучала так, будто принц просил о низвержении в мир смертных, уступая Лан Цяньцю победу, лишь бы не опускаться до драки с ним — поистине невиданное бахвальство. Однако Лан Цяньцю не увидел в его словах хвастовства.

— Я же сказал — не важно, каков будет итог, жизнь или смерть! И я не нуждаюсь в твоих уступках.

Се Лянь не ответил ему, лишь снова обратился к Цзюнь У:

— Владыка, прошу, низвергните меня с Небес.

Ши Цинсюань внезапно вскинул руку и вмешался:

— Постойте! У меня есть возражения!

Цзюнь У позволил:

— Пусть говорит Повелитель Ветров.

Ши Цинсюань произнёс:

— Уважаемые бессмертные коллеги, кажется, решили, что Его Высочество Сяньлэ назвался Фан Синем исключительно с целью свершения мести, после чего утопил в крови правящий дом Юньань. Но если он хотел отомстить, почему оставил в живых Его Высочество Тайхуа, который являлся наследником Юньань? Согласно логике, мститель должен был более всего стремиться умертвить именно наследного принца, разве не так?

Данный вопрос пришёл в голову не только ему, но остальные решили, что нет необходимости проявлять инициативу и высказываться вслух. Теперь же, когда Повелитель Ветров затронул эту тему, несколько небожителей согласно закивали. Ши Цинсюань же добавил:

— Пусть я совсем недавно познакомился с Его Высочеством, но всё же своими глазами видел, как он бесстрашно принял на себя удар Эмина, защищая Его Высочество Тайхуа. Цяньцю, если он действительно всей душой ненавидел вашу семью, почему же заслонил тебя от удара, презрев опасность?

Услышав фразу «бесстрашно принял на себя удар Эмина», Фэн Синь и Му Цин внезапно переменились в лице. Послышались шепотки в духе «возможно, его на это толкнула нечистая совесть и чувство вины», которые Повелитель Ветров пресёк следующей фразой:

— Но ведь это тёмное оружие, приносящее несчастья, проклятый клинок! Поэтому! Я считаю вопрос о причастности Его Высочества открытым!

Пэй Мин съязвил:

— Остаётся позавидовать Его Высочеству, ведь сам Повелитель Ветров поручился за него, произнеся речь в его защиту. А вот наш Сяо Пэй оказался менее удачлив.

Ши Цинсюань парировал:

— Генерал Пэй, не пытайтесь исказить факты. Разве инцидент, в котором замешан Сяо Пэй, похож на данное происшествие? Я своими глазами видел совершённое им преступление и своими ушами слышал, как он признал вину.

— Разве сегодня условия иные? — не уступал Пэй Мин. — Его Высочество Тайхуа был свидетелем преступления и лично слышал, как Его Высочество Сяньлэ признал вину. О каких различиях тут может идти речь?

Ши Цинсюань закипел от гнева и собирался продолжить препираться, но Се Лянь остановил его:

— Ваше Превосходительство, я премного вам благодарен и премного обязан за заботу. Но в этом нет необходимости.

Ши Цинсюань не смог вот так сразу придумать, что возразить Пэй Мину, поэтому лишь ткнул в того пальцем, но сдержал возмущение.

В этот момент наконец вмешался Цзюнь У. Он бесстрастным тоном произнёс:

— Прошу всех успокоиться.

В голосе Цзюнь У не слышалось громких нот, напротив — он прозвучал даже слишком ровно и спокойно, однако каждый небожитель во дворце Шэньу расслышал его чётко и ясно, поэтому немедленно оправился и встал как следует. Когда в главном зале воцарилась тишина, Цзюнь У продолжил:

— Тайхуа, ты, как обычно, ведёшь себя несдержанно. Встречаясь с проблемой, нельзя каждый раз стремительно бросаться в бой. Необходимо хладнокровно выслушать, выяснить все обстоятельства дела, и лишь после принимать решение.

Лан Цяньцю опустил голову, покорно выслушивая нравоучения. Цзюнь У продолжил:

— Если Сяньлэ не желает рассказывать нам всей правды, его просьбы о низвержении напрасны. Для начала он будет взят под стражу и заключён во дворце Сяньлэ без права самовольного отлучения, после чего я лично займусь расследованием обстоятельств дела. А до тех пор вам двоим не следует видеться.

Подобное решение вышло за рамки всеобщих ожиданий. Цзюнь У всё-таки защитил Се Ляня, это посмешище трёх миров, у которого нет ни последователей, ни добродетелей, ни единого огонька благовоний!

Лань Цяньцю, между прочим, — Бог Войны восточных земель. Что если он останется недоволен подобным решением? Тогда эта «сделка» точно принесёт лишь убытки. Но даже если в таких обстоятельствах Цзюнь У решил заступиться за Се Ляня, означает ли это, что принц всё ещё пользуется расположением Владыки?!

Многие небожители, разглядев в случившемся некую подоплёку, в тайне решили впредь никогда не упоминать прозвище «посмешище трёх миров» на публике. Ши Цинсюань с облегчением вздохнул и несколько раз старательно восхвалил великую мудрость Владыки. Лан Цяньцю же с сомнением посмотрел на Се Ляня и сказал:

— Если Владыка желает его допросить, то может делать что угодно, но каким бы ни оказался результат допроса, я всё равно не отступлюсь от своего требования о поединке!

Затем он отвесил Цзюнь У поясной поклон, развернулся и вышел прочь. Цзюнь У взмахнул рукой, несколько Богов Войны немедленно

взяли Се Ляня под стражу и увели из дворца. Когда они проходили мимо Ши Цинсюаня, Се Лянь тихо обратился к нему:

— Ваше Превосходительство, я правда очень вам благодарен. Но если вы хотите мне помочь, не нужно больше заступаться за меня, я хочу лишь попросить вас о двух вещах.

Ши Цинсюань чувствовал себя ужасно неловко оттого, что призвал ветер и разжёл пламя, которое поглотило Дом Блаженства, поэтому теперь даже жалел, что принц не обратился к нему с сотней просьб.

— Прошу, говорите.

— Тот юноша, которого я привёл с собой, находится снаружи, в пристройке у дворца. Если вам не составит труда, прошу, позаботьтесь о нём.

— Сущие пустяки! Что-то ещё?

— Если генерал Пэй впредь захочет навредить Бань Юэ, прошу вас, протяните ей руку помощи.

— Само собой разумеется. Я не позволю Пэй Мину добраться до неё. Где она сейчас?

— Я спрятал её в монастыре Водных каштанов, в горшке с соленьями. Если у вас будет время, прошу, выньте её оттуда и овейте ветром.

Попрощавшись с Повелителем Ветров, Се Лянь направился за двумя небесными чиновниками, которые привели его к дворцу Сяньлэ и весьма почтительно произнесли:

— Прошу, Ваше Высочество наследный принц.

Се Лянь кивнул в ответ:

— Простите, что затруднил вас.

Принц перешагнул порог дворца, и врата за его спиной захлопнулись. Се Лянь огляделся и без удивления обнаружил, что дворец не только снаружи, но и внутри является абсолютной копией прежнего. В прошлый раз он лишь прошёл мимо, но не стал заходить. Тогда принц и предположить не мог, что ему впервые придётся посетить дворец, находясь под арестом. Поистине недоброе предзнаменование.

От всех взлётов и падений, которые случились с ним за прошедшие несколько дней, Се Лянь ощутил ужасную душевную усталость, и потому сразу погрузился в сон.

Во сне он увидел множество вещей.

Он будто сидел в позе лотоса, предаваясь медитации, а когда открыл глаза, обнаружил себя за письменным столом. Чёрное одеяние слой за слоем, складка за складкой, расстиралось по полу, а на лице ощущалась ледяная, увесистая маска.

Опустив голову, он увидел юношу, который лежал на письменном столе, подложив руки под голову. На вид ему было четырнадцать-пятнадцать лет, на юноше красовались роскошные одеяния, он весь был полон жизненной силы и спал богатырским сном.

Принц покачал головой, подошёл к столу с другой стороны, слегка наклонился, постучал по столешнице костяшками пальцев и позвал:

— Ваше Высочество наследный принц.

Возможно, из-за ледяной маски на лице, даже его голос прозвучал немного холодно. Юноша наконец пробудился, поднял на него глаза и от испуга тут же подскочил и сел как положено.

— С-с-советник!!!

— Ты снова уснул. Перепишешь «Дао дэ цзин» десять раз.

Наследный принц потрясённо воскликнул:

— Не надо, наставник! Лучше заставьте меня десять раз пробежать вокруг Запретного города!

— Двадцать раз. Начинать писать прямо сейчас. И чтобы иероглифы были ровными.

Наследный принц, кажется, немного боялся его, и потому послушно уселся за стол и начал исполнять то, что велел советник. Се Лянь же, вернувшись на своё место, продолжил медитировать.

На самом деле, каждый в императорском дворце немного его побаивался. Это был результат намеренно созданного им образа,

который вызывал чувство отчуждения, угнетения и давления.

Но у этого наследного принца, возможно, в силу возраста, ощущение страха по отношению к нему никак не могло продержаться слишком долго. Переписав совсем немного, он снова позвал:

— Наставник!

Принц отложил книгу.

— Что?

— Я в совершенстве усвоил техники фехтования, которым вы обучили меня в прошлый раз. Может быть, настало время показать мне новые?

— Можно. Чему ты хочешь научиться?

— Хочу изучить приём, которым вы спасли меня!

Поразмыслив, Се Лянь ответил:

— Ах, тот приём? Не выйдет.

— Но почему?

— Он не практичен. И по крайней мере для тебя совершенно не подходит.

Наследный принц спросил с непониманием:

— Но ведь он отлично работает, разве не так? Одним клинком погасить силу удара двух мечей! Вы ведь спасли меня именно этим приёмом!

Непонимание было нормальной реакцией принца.

Се Лянь произнёс:

— Ваше Высочество, позвольте задать вам вопрос.

— Спрашивайте!

— Предположим, есть два человека, которых голод замучил до такой степени, что глаза налились кровью. Они решили отобрать еду друг у друга, и поэтому начали драться. Неожиданно появился третий человек, который не хочет, чтобы они дрались. Как вы считаете, помогут ли в таком случае одни лишь уговоры?

— ...Наверное, не помогут. Ведь им нужна еда, так ведь?

— Верно. И поскольку первичная проблема не разрешена, никто не станет слушать высокоморальных уговоров. Поэтому, если третий человек хочет, чтобы те двое перестали драться, у него есть лишь один выход, а именно — дать им то, чего они хотят. Открыть суму, достать свои съестные припасы и отдать им.

Принц всё понял, и в то же время ничего не понял.

Се Лянь пояснил:

— Логика та же самая. Вам стоит понимать, что если меч покинул ножны, кто-нибудь непременно будет ранен. Если произошёл выброс силы, что-то непременно должно её на себя принять. Поэтому, твои слова о том, что я погасил силу удара двух мечей — в корне не верны. Я не погасил удары, лишь принял их атаку на себя. Останавливать оружие и принимать на себя удар, предназначавшийся другому — поступок весьма глупый, и применим лишь в том случае, когда действительно не существует иного выхода. И вам, будучи наследным принцем, нет нужды изучать подобный приём.

Принц продолжил переписывать канонический текст. Однако через некоторое время на его лице вновь появилось задумчивое выражение.

Тогда Се Лянь спросил:

— У вас есть ещё какие-то вопросы?

Поколебавшись, наследный принц ответил:

— Есть. Наставник, что если... у того, третьего, человека еды также не хватит, что тогда делать?

Се Лянь от неожиданности замолчал.

Принц добавил:

— Если те двое получают еду, но потом захотят больше и из жадности начнут драться ещё ожесточеннее, всё время требуя у него пищу, как тогда следует поступить?

— А как вы считаете?

Принц, подумав, ответил:

— Не знаю... возможно, ему с самого начала не следовало вмешиваться.

Зал сиял золотом. Всё здесь было золотым, но именно в тот миг золото окрасилось красным.

За каждым золотым столом в неестественных позах лежат люди. Меч ударом пронзает горло, ужасом наполнен смертный миг.

Его рука, сжимающая оружие, непроизвольно дрожит. Тело государя, который всё ещё излучает возвышенное величие, залито

свежей кровью с ног до головы. В его покрасневших глазах застыла боль и ненависть, он держит на коленях мёртвое тело собственной жены.

Он поднимает меч и шаг за шагом подходит ближе. Государь поднимает голову, видит его и потрясённо восклицает:

— Советник? Ты...?!

Хладнокровный клинок наносит удар.

Одновременно с этим он ощущает чьё-то присутствие и рывком оборачивается. Молодой наследный принц стоит в дверном проёме, среди лежащих вповалку трупов дворцовой охраны.

Взгляд юноши пуст, будто он сомневается в реальности того, что видит перед собой, и готов поверить, что всё ещё спит. До смерти перепуганный, он делает шаг вперёд и едва не запинается о высокий порог. Советник вынимает меч из мёртвого тела, брызги свежей крови окропляют чёрное одеяние.

Принц всё-таки спотыкается, но не о порог зала, а о лежащий на полу труп. Он бросается к телу государя и наконец выдавливает из себя:

— Отец?! Матушка^[79]?!

Но государь уже не может ничего ему ответить. Принц, не в состоянии привести его в чувство, вскидывается и бросается к советнику с круглыми от потрясения глазами.

— Наставник! Что вы делаете? Что вы сделали?! Советник!!!

Проходит какое-то время, прежде чем он слышит собственный, будто застывший голос:

— Вы получили по заслугам.

Се Ляню плохо спалось. Он проснулся от того, что покатился по полу.

В полудрёме он потёр сонные глаза и обнаружил, что на самом деле проспал не так уж долго, да к тому же видел не слишком приятный сон. К счастью, что-то разбудило его, больно врезавшись в грудь. Посидев немного, он выудил это что-то из-за пазухи и разжал

ладонь, на которой лежали игральные кости. Те самые, что он принёс из Дома Блаженства.

В памяти принца непроизвольно вспыхнуло алое зарево. Картина была размытой, но фигура в красном оставалась несравнимо чёткой — она неподвижно смотрела прямо на него посреди бушующего моря огня.

Се Лянь тяжело вздохнул и подумал: «Интересно, осталось ли хоть что-то от Дома Блаженства после пожара? Теперь, когда меня низвергнут в очередной раз, не знаю, смогу ли я возместить убытки, даже если продам последнюю рубаху^[80]... Придётся потратить несколько десятков, а то и сотен лет... Самое большее — всю жизнь, чтобы рассчитаться с ним».

Поглядев на игральные кости на ладони, Се Лянь сложил руки в молитве и потряс какое-то время, затем выбросил. Прокатившись по полу, кости застыли. Как и следовало ожидать, удача, которую Се Ляню одолжил Хуа Чэн, истратилась без остатка. Он хотел снова выбросить две шестёрки, но когда кости оказались на полу, результат оказался противоположным — две единицы.

Се Лянь не сдержал смешка и покачал головой. Как вдруг за его спиной раздались шаги. Принц застыл на мгновение, одним движением убрал за пазуху кости и стёр улыбку с лица.

Звук не походил на шаги Цзюнь У. Владыка ступал тяжело и уверенно, не торопливо, но и не медленно. И хотя Хуа Чэн ступал с некой беззаботностью, иногда даже лениво, а не как подобает высокому чину, всё же настрой, с которым шли оба — будто в груди у них рос бамбук^[81] — создавал абсолютно одинаковое впечатление. Однако те шаги, которые сейчас слышал принц, казались лёгкими, даже слегка парящими. Се Лянь обернулся и от увиденного замер на мгновение.

— Ты?

Нежданный гость был одет в чёрное, отличался бледностью, тонкими губами и соответствующим образу бесстрастным выражением лица. На вид он казался беспримерно холодным и безразличным ко всему. Вне всяких сомнений он являлся Богом Войны, однако при этом более походил на Бога Литературы. Если это не Му Цин, то кто же ещё?

Заметив удивление на лице Се Ляня, он приподнял бровь и спросил:

— А ты кого надеялся увидеть? Фэн Синя? — Не дожидаясь ответа, он приподнял полы чёрных одеяний и переступил порог. — Фэн Синь... скорее всего, не стал бы приходить.

— Зачем ты здесь?

— Владыка заточил во дворце только тебя, да ещё Его Высочеству Тайхуа запретил навещать сюда. Но никто не говорил, что я не могу прийти.

Он не собирался отвечать на вопрос Се Ляня. Что ж, так тому и быть. Всё равно принца это совсем не интересовало, и он не стал переспрашивать. Му Цин обвёл взглядом новый дворец Сяньлэ, затем некоторое время испытующе смотрел на принца и вдруг что-то ему бросил. В воздухе блеснуло бледно-зелёное размытое пятно, Се Лянь поймал его левой рукой, а когда пригляделся, то увидел бутылочку из бледно-зелёного фарфора.

Это был сосуд со снадобьем. Му Цин без каких-либо эмоций произнёс:

— На твою правую руку, которая болтается, истекая кровью, даже смотреть страшно.

Се Лянь стоял неподвижно с бутылком в руке, отвечая ему тем же испытующим взглядом. С тех пор как принц вознёсся в третий раз, отношение Му Цина к нему можно было описать лишь одним словом: «ехидство». Он будто только и ждал, когда принца пинками выгонят с Небес, чтобы потом стоять в сторонке и сыпать язвительными замечаниями. Однако сейчас, когда над Се Лянем нависла угроза третьего низвержения, Му Цин внезапно стал доброжелательным, да ещё специально принёс ему снадобье. Столь внезапная перемена в отношении, напротив, заставила принца ощутить себя не в своей тарелке.

Увидев, что Се Лянь не пошевелился, Му Цин с лёгкой улыбкой произнёс:

— Можешь не применять его, как пожелаешь. Всё равно больше никто не придёт, чтобы передать тебе снадобье.

В этой улыбке не мелькнуло и тени притворства — можно было отчётливо разглядеть, что в тот момент Му Цин действительно пребывал в отличном настроении.

И хотя Се Лянь не ощущал слишком сильной боли, не было необходимости постоянно ходить раненым. Цзюнь У, конечно, уже коснулся его руки, оказав немедленную помощь, но всё же снадобье отнюдь не оказалось лишним. Поэтому принц открыл бутылёк и с растерянным видом опрокинул его на правое плечо. Вместо привычного порошка или пилюль из сосуда полился светло-зелёный дым. Его медленные струйки неторопливо окружили руку Се Ляня, распространяя прохладу и благоухание. И в самом деле, отличное снадобье.

Му Цин вдруг спросил:

— Слова Лан Цяньцю — правда? Ты в самом деле убил всех членов правящей семьи государства Юньвань?

Се Лянь поднял на него глаза. И как бы Му Цин ни старался это скрыть, принц всё же разглядел в глубине его взгляда неудержимое возбуждение. Казалось, он испытывал жгучий интерес к подробностям того, как Се Лянь омыл кровью Пир Чистого Золота.

— Как ты их убил?

В этот момент позади снова раздались чьи-то тяжёлые шаги. Они одновременно обернулись и увидели, что очередным визитёром оказался Фэн Синь. Едва войдя и увидев во дворце Му Цина, который стоял рядом с Се Лянем и ко всему прочему улыбался, Фэн Синь нахмурился и настороженно спросил:

— Что ты здесь делаешь?

Се Лянь помахал рукой с зажатой в ней бутылочкой из бледно-зелёного фарфора. Улыбка Му Цина слегка поугасла. Он ведь только что заверил Се Ляня, что Фэн Синь не придёт, но последний тут же явился — разумеется, ничего смешного в том не было.

Му Цин ответил:

— Это ведь не твой дворец. Раз ты можешь сюда приходить, почему бы мне этого не сделать?

Фэн Синь не стал обращать на него внимания, вместо этого повернулся к принцу. Он ещё ничего не успел сказать, как Се Лянь произнёс:

— Если вы двое пришли, чтобы задать один и тот же вопрос, я отвечу сразу обоим. Нет нужды сомневаться — ни единое слово, сказанное мною сегодня во дворце Шэньу, не содержит ни капли лжи.

Фэн Синь едва заметно побледнел.

Му Цин же более всего не выносил подобной его реакции, и потому бросил:

— Ну хватит, возьми себя в руки хоть немного, кого ты хочешь удивить своим скорбным видом в нынешнем положении вещей?

Фэн Синь наградил его крайне недружелюбным взглядом.

— Уж точно не тебя. Выкатывайся отсюда!

Му Цин парировал:

— У тебя-то, конечно, есть право приказывать мне выкатываться. На словах ты строил из себя самую преданность. И что же, сколько лет продержался? А в итоге всё равно сбежал.

На лбу Фэн Синя вздулись вены. Се Лянь почувствовал, что их разговор развивается в неприятном русле, и потому поднял руки со словами:

— Постойте. Остановитесь.

Но разве в характере Му Цина было поддаться на уговоры о примирении? Он с холодной усмешкой произнёс:

— Все говорят тебе в оправдание, что ты не мог видеть, как бывший господин опускается на самое дно. Но к чему выдумывать эти приукрашенные предлоги? Скажи прямо, ты просто больше не хотел терять драгоценное время, следуя по пятам за покинутым всеми низвергнутым!

Фэн Синь воскликнул:

— Да что бы ты понимал, к чертям собачьим! — и набросился на оппонента с кулаками.

С громким «бум» лицо Му Цина встретило точный удар кулака. А ведь Му Цин по натуре являлся образцовым «красавчиком»^[82], и от встречи с кулаком, который пролетел подобно ветру и ударил подобно молнии, его лицо расцвело, будто на нём раздавили помидор — тут же хлынула кровь. Однако упрямства ему было не занимать — не сказав ни слова и даже не хмыкнув, Му Цин поприветствовал обидчика таким же ударом. После вознесения каждый из них обзавёлся собственным магическим оружием, но когда гнев застилал разум, истинное удовольствие приносил лишь взаимный обмен тумачами и пинками. Боевые навыки Фэн Синя и Му Цина восемьсот лет назад находились на одном уровне, да и теперь не слишком отличались, поэтому они шумно обменивались ударами, грохочущими на весь дворец, но никак не могли определить победителя.

Фэн Синь в гневе выкрикнул:

— Думаешь, никто не догадывается о твоих подлых намерениях? Только и ждёшь, чтобы он совершил что-нибудь ужасное, а потом хохочешь от радости!

Му Цин выплюнул:

— Я знаю, что ты всегда смотрел на меня свысока, это же просто уморительно, только взгляни на себя! Какое ты имеешь право меня презирать? Воин, отступивший на пятьдесят шагов, насмехается над тем, кто отступил на сто, ничего особенного!

Даже Лан Цяньцю ещё не успел подраться с Се Лянем, а Фэн Синь с Му Цином устроили сражение первыми. Они давно копили обиду, и теперь сцепились в драке. Каждый осыпал другого бранью, не разбирая даже ответных ругательств противника — разве кто-то из них мог сейчас расслышать уговоры Се Ляня? Принц ещё помнил, что во времена их юности Му Цин всегда разговаривал тихо и спокойно, никогда не позволяя себе кричать на кого-то прямо в лицо. А Фэн Синь, если и ввязывался в драку, то поколачивал лишь тех, кого Се Лянь приказал ему поколотить, при этом останавливался и снова бросался в бой по первому слову принца. Теперь же обстоятельства изменились. Се Лянь, рана которого ещё не зажила, бросился к выходу из дворца, намереваясь поскорее позвать нескольких небожителей, чтобы те разняли дерущихся. Кто бы мог подумать, что он не сделает и шага за порог, как услышит оглушительный грохот. Фэн Синя и Му Ци́на этот звук тоже застал врасплох — оба застыли и настороженно повернулись в сторону, откуда исходил грохот.

Кто-то пинком отворил ворота во дворец Сяньлэ. А за ними больше не простиралась широкая улица Шэньу в столице бессмертных — вместо неё чернела непроглядная тьма, из которой веяло мрачной Ци смерти.

Из этой темноты выпорхнул целый ураган серебристых бабочек.

Похищение из небесного дворца. Три фразы повергают в ужас пантеон богов

Когда перед глазами замелькали вспышки серебристого света, Се Лянь не успел толком ничего подумать — первой его реакцией было закрыться рукой, ведь на запястье повязана Жое, которая в случае опасности сама по себе защитит его от удара. Однако серебристые

бабочки не выказали ни единого намерения напасть на него, лишь облетели принца и ринулись к двоим небожителям, которые только что колотили друг друга, сцепившись в драке.

И Фэн Синь, и Му Цин в прошлом уже натерпелись горя в битве с призрачными бабочками, и отлично знали, насколько те сильны. Разве могли они в такой момент допустить небрежность? Практически в тот же миг оба синхронно вскинули руки и выкрикнули:

— Щит!

Несметное множество серебристых бабочек, шелест крыльев которых был подобен ураганному ветру, налетели на двоих небожителей. Тут же послышался частый громкий стук, будто капли проливного дождя разбивались о землю, и засверкали яркие белые вспышки, похожие на брызжущие во все стороны искры. Это бабочки натолкнулись на невидимый барьер. Оказалось, что Фэн Синь и Му Цин выставили перед собой два магических щита. Но даже если щит мог на время заслонить их от атаки, бабочки ринулись вперёд неудержимо прибывающей волной, с бешеным напором, будто мотыльки, летящие на огонь. Дождь из бабочек оказался настолько мощным, что оба небожителя, хоть и не слишком явно, начали понемногу отступать.

Мимолётное замешательство обошлось потерей преимущества — если снять щит, призрачные бабочки немедленно доберутся до них, но поддержание магического барьера не давало возможности выхватить оружие. Поэтому Фэн Синю и Му Цину только и оставалось, что в душе издать страдальческий вопль, стиснуть зубы и из последних сил держать оборону. Фэн Синь ухватил взглядом Се Ляня, который так и стоял на месте, опустив голову, и немедля крикнул ему:

— Твоё Высочество, поберегись! Не стой там как вкопанный, скорее зайди за щит!

К его великой неожиданности, Се Лянь повернулся, совершенно целёхонький, и растерянно свёл брови:

— А?

Внимательно приглядевшись, двое небожителей на месте едва не выплюнули фонтаны крови в заоблачную высь. Перед ними предстала картина: Се Лянь со слегка озадаченным выражением лица держит на ладони призрачную бабочку. Когда остальные её подруги хлынули во дворец неудержимым вихрем, эта малютка порхала намного медленнее

и не поспевала за основным отрядом. А оказавшись перед Се Лянем, и вовсе несколько раз тяжело хлопнула крыльями. Принцу показалось, что она летит с огромным трудом, и возможно, вскоре упадёт без сил, если продолжит так стараться. Поэтому он невольно протянул руку и подставил ладонь. Бабочка тут же присела к нему на палец и радостно затрепетала крылышками, явно не собираясь улетать. От такой картины у Фэн Синя на лбу едва не лопнули вены, он заорал:

— Не прикасайся к этой твари!!!

Неожиданно Се Лянь ощутил, будто кто-то крепко сжал его запястье и с силой потянул, утаскивая в непроглядную тьму за воротами дворца.

Но даже оказавшись в полной темноте, принц не ощутил ни капли беспокойства, даже совсем не насторожился. Темнота показалась ему мягкой бронёй, которая не только не представляла опасности, но даже даровала неясное умиротворение.

И хотя гость из темноты всё ещё не явил свой облик принцу, разве нужно было задаваться вопросом, кто это был, если первыми на место прибыли серебристые бабочки?

Му Цин, будто не смея поверить в произошедшее, воскликнул:

— Откуда у тебя взялось столько наглости, чтобы явиться в столицу бессмертных и учинять здесь беспорядки? Не слишком ли ты распоясался?!

Ему ответил смеющийся голос:

— То же самое могу сказать и о вас. Разве чиновники Верхних Небес не ведут себя подобным образом в моих владениях?

Се Лянь давно понял, кто именно его схватил, и всё же, услышав знакомый голос совсем близко, принц ощутил, как дрогнуло сердце. Затем послышался голос Фэн Синя:

— Хуа Чэн, Владыка прямо сейчас в столице бессмертных, немедленно отпусти пленника!

Хуа Чэн прыснул:

— Посмотрим, хватит ли у вас духу заставить меня это сделать.

Едва он договорил, как створки ворот дворца тяжело захлопнулись!

Се Лянь чувствовал только, что Хуа Чэн крепко сжимает его запястье и куда-то быстро ведёт. Кругом стояла лишь чернота, в которой раздавался чистый приятный звон серебряных цепочек на

сапогах, да ещё явственно ощущалось, как дорога под ногами непрерывно то устремляется вверх, то опускается вниз. Значит это действительно была не широкая и светлая главная улица столицы бессмертных, а какая-то дикая горная местность.

Наверняка Хуа Чэн связал врата дворца Сяньлэ с этой горной долиной при помощи Сжатия тысячи ли. Вот только связать любое место в столице бессмертных с другим при помощи этой техники на самом деле было не так-то просто, и никто, кроме обитателей Небесных чертогов, не мог это сделать. Как же подобное удалось Хуа Чэну? Се Лянь только хотел спросить его об этом, как вдруг услышал над ухом оглушительный крик:

— Ваше Высочество! Где вы?!

Гневный вопль принадлежал Фэн Синю. Он прогрехотал совсем близко, но самого небожителя не было видно. Он выкрикнул это в сеть духовного общения. От рёва Фэн Синя у Се Ляня заболели уши, а остальные небожители, потревоженные внезапным вопросом, в страхе заголосили:

— Что стряслось, генерал Наньян? Какая беда приключилась?

Му Цин тоже вошёл в духовную сеть и объявил:

— Тревога! Линвэнь здесь? Немедленно сообщите Владыке, Се Лянь сбежал!

Обычно его речь звучала мягко и благовоспитанно, теперь же в ней слышались нотки крайнего раздражения.

Линвэнь отозвалась:

— Что? Я немедленно отправляюсь во дворец Сяньлэ!

Кто-то удивлённо воскликнул:

— Посмеш... Его Высочество наследный принц сбежал? Но разве он не находится под арестом во дворце Сяньлэ?!

Ши Цинсюань тоже присоединился к сети духовного общения и произнёс:

— Но ведь я только что видел вокруг дворца Сяньлэ целую толпу служащих Средних Небес, приставленных для охраны! Во дворец можно только войти, выйти уже не получится, как ему удалось сбежать?

Фэн Синь вмешался:

— Да не сбежал он, его похитили! Ваше Высочество, вы нас слышите? Где вы сейчас находитесь?!

Услышав, что принца похитили, небожители изумились:

— Но ведь это столица бессмертных! Кто мог позволить себе подобное бесчинство?

В одно мгновение сеть духовного общения заполнилась громкими восклицаниями и требованиями объяснений. Инцидент между советником Фан Синем и Лан Цяньцю всё ещё не был исчерпан, Цзюнь У запретил Се Ляню покидать дворец, а тот испарился! Это ли не напрасное порождение подозрений с его стороны и лишний повод для пересудов? Как бы то ни было, требовалось немедленно вернуть принца, а затем уже задавать вопросы. Поэтому Линвэнь отправилась разобраться в проблеме и выяснить теперешнее местонахождение Се Ляня, Фэн Синь и Му Цин продолжили перекрикиваться в духовной сети, пытаясь снарядить отряд из нескольких Богов Войны, чтобы вместе броситься в погоню, а Ши Цинсюань снова разбросал огромное количество добродетелей. В сети духовного общения воцарилась полная неразбериха. Все кричали, перебивая друг друга, так что Се Ляню не удавалось вставить и слова. Он набрал в грудь побольше воздуха и приготовился гаркнуть погромче, призывая небожителей к спокойствию, как вдруг Хуа Чэн резко развернулся и протянул к нему руку со сложенными вместе двумя пальцами. Когда ледяные пальцы нежно коснулись виска принца, Хуа Чэн со смешком произнёс:

— Ха-ха. Давненько мы с вами не виделись, как поживаете?

Этот аккуратный жест позволил ему войти в сеть духовного общения чертогов Верхних Небес прямо через Се Ляня. И сейчас эту фразу, полную непоколебимого спокойствия, слышал не только принц рядом с ним, но и все переполошившиеся небожители Верхних Небес в духовной сети. И стоило им её услышать, сеть моментально погрузилась в гробовое молчание.

Но при этом в душе у каждого раздался беззвучный крик ужаса.

Недаром прозвучало обвинение в бесчинстве! Они-то думали, кто это мог быть! А оказалось, тот самый!

Хуа Чэн вновь произнёс:

— Не знаю, вспоминали ли вы обо мне? Я вот о вас ни мгновения не вспоминал.

Среди обитателей Небесных чертогов немало небожителей действительно каждодневно помнили о нём глубоко в душе. Однако услышав, что Хуа Чэн о них не вспоминал, тут же все как один

молчаливо воздали хвалы Небесам, которые даровали им своё благословение, и запричитали: «Вот уж спасибо так спасибо, и впредь, пожалуйста, не стоит вспоминать о нас».

Хуа Чэн тем временем ухмыльнулся:

— К слову, в последнее время мне совершенно нечем заняться. И если среди вас кто-то также страдает от безделья и хочет, к примеру, померяться силами, я с удовольствием составлю ему компанию.

В контексте произошедшего смысл его слов был ясен всем и каждому.

«Тот из вас, кто достаточно смел, чтобы отправиться за мной в погоню, в следующий раз станет тем, кому я брошу очередной вызов».

Приняв вызов, вне всяких сомнений, будешь бит. Не приняв, растеряешь всю свою репутацию. Это ли не самая что ни на есть неприкрытая угроза?

Несколькими минутами ранее, когда все узнали, что Се Лянь не то сбежал, не то похищен, сеть духовного общения будто закипела и погрузилась в полнейший беспорядок, что здесь случилось крайне редко. Небожители весьма встревожились из-за случившегося, а некоторые Боги Войны даже добровольно откликнулись на зов и приготовились присоединиться к погоне. В результате Хуа Чэн всего тремя фразами в считанные мгновения подавил волнения. Если бы Цзюнь У лично отдал приказ и отправил кого-то в открытую погоню, выбора бы не осталось — служебные дела надлежало решать в соответствии со служебными принципами. Но сейчас, когда инцидент произошёл так быстро, что вокруг всё ещё царил неразбериха, разумеется, никто не желал взваливать на себя лишние хлопоты. Никто не хотел, чтобы Хуа Чэн его запомнил. Поэтому все моментально притворились, что их здесь нет, но при этом всё же наострили слух и стали внимательно наблюдать за дальнейшим развитием событий. В то же время в их душе потрясение так и накатывало волнами: «Собиратель цветов под кровавым дождём ведёт себя слишком бесцеремонно! Это ж надо — ворваться в чертоги Верхних Небес и похитить небожителя! Да ещё какого — посмешище трёх миров! В конце концов, он этим хотел нам насолить или что???»

Сеть духовного общения погрузилась в молчание, лишь непрерывно сыпались гневные ворчания Фэн Синя. Хуа Чэн же, договорив, убрал пальцы от виска Се Ляня и сказал:

— Не обращай на них внимания.

У Се Ляня вырвалось:

— Сань Лан...

Однако Хуа Чэн отпустил его руку и произнёс:

— Это место располагается слишком близко от столицы бессмертных, идём скорее.

Он говорил очень тихо, так что нельзя было расслышать в голосе каких-либо эмоций. Но то движение, с которым он отпустил Се Ляня, оказалось очень быстрым, будто Хуа Чэн отбросил его руку. Тут же вспомнив, как Сань Лан точно также избежал прикосновения в самую первую их встречу, принц застыл на месте.

Он хотел было спросить Хуа Чэна, почему тот появился столь внезапно. И хотя он не думал об этом специально, его посетило смутное ощущение, что Хуа Чэн явился спасти принца. Поэтому Се Лянь мгновением ранее позвал его «Сань Лан», не в силах сдержать смутную радость, закрашуюся в сердце. Но когда Хуа Чэн резко отбросил его руку, Се Лянь немедленно опомнился: с какой стати он решил, что Хуа Чэн пришёл спасти его? Ведь принц совсем недавно спалил пожаром Дом Блаженства и сбежал из Призрачного города. Поэтому намного более вероятен другой вариант — Хуа Чэн столь пристально следил за его перемещениями, чтобы призвать к ответу и снискать плату за понесённые потери!

Повелитель Земли действовал в качестве шпиона в мире демонов, и Хуа Чэн действительно схватил его, держал в плену и жестоко допрашивал. Но изначально в данном инциденте неправ был тот, кто отправился шпионить в чужие владения. А Се Лянь проник в Призрачный город, перевернул весь Дом Блаженства в поисках пропавшего, да ко всему прочему устроил поджог. Несмотря на то, что причиной пожара послужили действия Ши Цинсюаня, решившего призвать ветер и подбавить огня, всё же первый всполох пламени в оружейной зажёг Се Лянь. Остальные, возможно, даже не догадались бы до подобного. Как ни крути, а самая большая ответственность лежит на принце.

Хуа Чэн вёл его вперёд, а Се Лянь шёл следом и чем больше размышлял, тем сильнее мучился угрызениями совести, тем больший стыд ощущал. Не выдержав, он произнёс:

— Сань Лан, прости.

Шаги Хуа Чэна неожиданно застыли.

— Почему ты просишь прощения?

Се Лянь тоже остановился.

— Я отправился в Призрачный город для того, чтобы расследовать дело о пропавшем Повелителе Земли, и не сказал тебе всей правды. Ты принял меня с таким радушием, а я сжёг твой Дом Блаженства. Я чувствую себя ужасно виноватым за это.

Хуа Чэн молчал. Се Лянь и сам понимал, что его фраза «чувствую себя ужасно виноватым» не имеет никакого веса, и потому принцу стало ещё более совестно.

Он тихонько кашлянул и добавил:

— Думаю, меня скоро низвергнут с Небес, и как только это произойдёт, я непременно найду способ возместить все потери. Посмотрим, что можно будет сделать...

Хуа Чэн прервал его:

— Почему ты должен возмещать мне потери? — Его тон звучал немного жёстко, словно он больше не желал слушать. Резко повернувшись к принцу, он спросил: — Ты забыл, что я поранил твою руку? Это я ранил тебя, а не ты меня. Так почему ты должен возмещать мне потери?

Се Ляню боль в правой руке совершенно не казалась нестерпимой, а сейчас он и вовсе почти позабыл о том, что был ранен. Удивлённо замерев на миг, он всё-таки вспомнил о ране и переспросил:

— Ты о моей правой руке? Она в полном порядке, заживёт моментально. К тому же, ведь я сам подставился под удар, и потому так получилось. Я и не собирался тебя винить.

Хуа Чэн неотрывно смотрел на принца, его левый глаз сиял необычно ярко. А Се Лянь вдруг заметил, что он будто дрожит.

Но спустя мгновение принц осознал, что дрожит вовсе не Хуа Чэн, а сабля Эмин на его поясе.

Серебристая сабля висела, прикреплённая к поясу на красных одеждах, и непрестанно дрожала. Глаз на рукояти, будто изображённый несколькими серебряными линиями, тоже дрожал. И если представить, что глаз принадлежал маленькому ребёнку, то в этот самый миг ребёнок наверняка заливался безудержным плачем.

Резных костей душа лишь одному несёт покой и благодать
Резных костей душа лишь одному несёт покой и благодать^[83]

При виде такой картины Се Лянь невольно протянул руку, желая погладить Эмина, и произнёс:

— Что это с ним...

Ху Чэн же чуть отстранился и повернулся боком, не давая ему дотянуться рукой, да к тому же с силой шлёпнул по рукояти сабли.

— Ничего. Не обращай внимания.

Проклятый клинок, при одном упоминании которого весь пантеон богов в ужасе замирал, изогнутая сабля Эмин, схватив звонкую оплеуху от Хуа Чэна, задрожал ещё сильнее. Тем временем Се Лянь услышал в сети духовного общения голос Фэн Синя:

— Как Хуа Чэну удалось применить Сжатие тысячи ли в столице бессмертных?! Как, в конце концов, открывается эта дверь?!

Затем заговорил Ши Цинсюань:

— Генерал Наньян! Я, я, я! Я, возможно, знаю, как её открыть. Ранее я уже попадал в подобную западню, и хлебнул немало горя, когда был на задании вместе с Его Высочеством. Значит так, возьмите игральные кости и бросьте их перед дверью, а потом попробуйте открыть.

Се Лянь вспомнил! Ведь он только что именно так и поступил — просто играючи выбросил кости, пока находился во дворце! Страшные картины их с Ши Цинсюанем оголтелого бегства в попытке спастись от земляных червей и дикарей-людоедов пронеслись перед глазами. Если небожители на самом деле откроют ворота таким образом, то неизвестно, в какую ещё передрагу попадут.

Принц торопливо предостерёг:

— Остановитесь! Ни в коем случае не делайте этого! Будьте осторожны!

Однако его голос так и не долетел до сети духовного общения. Скорее всего, его магические силы постепенно иссякали, а находясь в столице бессмертных, он не успел пополнить запасы, и потому теперь мог лишь слушать, но не имел возможности ответить. Кроме того, даже если бы принцу удалось что-то сказать, теперь было уже поздно — кажется, Фэн Синь решил не тратить время на слова и сделал так, как велел ему Ши Цинсюань. Как это стало ясно? Очень просто — в

следующий миг Фэн Синь разразился страшной руганью на всю сеть духовного общения. Он ругался лишь в случае крайнего потрясения, но уж если ругался, то самыми непристойными словами, режущими слух. Попытка пересказать подобное могла быть воспринята как оскорбление слуха и зрения. Остальные небожители тем временем внимательно следили за происходящим, и потому посыпались вопросы:

— Генерал, что с вами?!

Раздался голос Му Цина, не менее потрясённый:

— Что это за место???

Очевидно, он вошёл в открывшийся проход следом за Фэн Сином.

Ши Цинсюань предупредил:

— Будьте осторожны! Разные числа, выпавшие на костях, забрасывают в разные места. Сколько вы выбросили?

Му Цин ответил:

— У него выпало четыре!

Се Лянь, расслышав в ругани Фэн Синя трудноуловимые нотки панического ужаса, забеспокоился, что они попали в какое-то крайне опасное место. Его голос не мог проникнуть в сеть духовного общения, но весьма кстати принц вспомнил, что хозяин этой магической техники находится прямо перед ним, и потому, позабыв на время о другом, поспешно спросил:

— Сань Лан, если выбросить на костях четыре, что окажется за дверью?

Хуа Чэн ответил:

— Это определяется произвольно. Какое место, на взгляд бросающего кости, является самым страшным, туда он и попадёт, когда откроет дверь.

Как только он это произнёс, принц услышал ледяной голос Му Цина:

— Кто тебя просил лезть вперёд? Забросил нас в женскую купальню! Дай сюда, я попробую!

Услышав слова «женская купальня», Се Лянь закрыл лицо ладонью.

Фэн Синь всегда держался на почтительном расстоянии от женщин и при беседе с женским полом приходил в смятение, будто столкнулся с наводнением или хищным зверем. Для него женская

купальня и впрямь считалась самым страшным местом на свете, безмерно ужаснее, чем логово тигра или пучина дракона. Судя по звукам, Му Цин успешно забрал кости, и Се Лянь с облегчением выдохнул. Однако не прошло и пары мгновений, как раздался ещё один гневный крик.

Ши Цинсюань на грани срыва воскликнул:

— Уважаемые генералы, что вы увидели на этот раз?

Однако с той стороны ему никто не ответил, лишь послышались странные булькающие звуки, словно двое погрузились под воду. Слушатели притаились и задержали дыхание в ожидании, и через какое-то время внезапно раздался кашель Фэн Синя, как будто он плевался, вынырнув из воды. Затем крик:

— Чёрное болото с гигантскими крокодилами!

Выходит, едва они в панике сбежали из пышущей клубами горячего пара женской купальни, Му Цин бросил кости, и, сделав следующий шаг, они провалились в глухие топи. Трясина мгновенно поглотила их, так что на поверхности остались только глаза. Когда же Боги Войны с огромным трудом выбрались, то обнаружили, что их кольцом окружили несколько десятков необыкновенно громадных крокодиловых оборотней. В длину крокодилы достигали более четырёх чжанов, а из-за того, что питались человечинной, уже отрастили себе человеческие руки и ноги. Подплывая ближе, твари зашевелили всеми конечностями — от такой картины два несчастных небожителя переполнились отвращением. С ног до головы покрытые чёрной грязью, они схватились в ожесточённой битве с оборотнями, стоя по пояс в трясине. Спустя какое-то время Фэн Синь, не в силах больше это выносить, воскликнул:

— Лучше уж я брошу кости, дай их сюда! Ты тоже выкинул неверное число!

Но Му Цин, как всегда, не желал признавать поражение, с его ладони слетела очередная белая вспышка, когда он сказал:

— Лучше уж крокодиловые оборотни! Разве можно назвать их более разлагающими нравы, чем женская купальня? Кто знает, куда ещё ты нас забросишь в следующий раз. Отдай мне!

Фэн Синь гневно бросил:

— Чтоб тебя, я же только что уже отдавал их тебе! Где кости?!

Они совершенно позабыли о том, что их сознание до сих пор соединено с сетью духовного общения, начали бранить друг друга за невезение в игре и снова подрались, шумно обмениваясь тумакami. Игральные кости улетели в неизвестном направлении. Небожители, которые слушали их перебранку в сети духовного общения, так увлеклись, что про себя даже возрадовались: «Вот так захватывающее зрелище, великолепно, просто блеск! Два генерала наконец прилюдно поссорились!» Многие едва не сходили с ума, пытаясь сдержать рвущийся наружу смех, а некоторые даже принялись колотить по подлокотникам трона в своём небесном дворце, жалея лишь о том, что не могут лично отправиться на место действия и подбодрить сражающихся криками.

И хотя удача, кажется, не слишком благоволила Фэн Синю и Му Цину, каждый из них носил величественный титул Бога Войны, поэтому какие-то дикие оборотни, самое большее, могли причинить им мелкие неудобства и не дать продолжить погоню, но серьёзной опасности не представляли. Се Лянь желал лишь, чтобы Боги Войны поскорее отступились и выбрались из этой передраги, но вместе с тем про себя ликовал, что выбросил кости так удачно, что не наткнулся ни на каких монстров, а сразу повстречал Хуа Чэна. Не замедляя шага, он спросил:

— Ранее я выбросил на тех же костях два. Значит ли это, что только при счёте в две единицы можно увидеться с тобой?

Договорив, принц почувствовал, как странно прозвучал его вопрос — создавалось впечатление, будто он очень хотел увидеть Хуа Чэна. Се Ляню подобное показалось не совсем уместным, однако Хуа Чэн ответил:

— Нет.

Се Лянь ощутил лёгкую неловкость, потёр щёку и пробормотал:

— О. Значит, нет. Выходит, я не так понял.

Хуа Чэн, по-прежнему шагая перед Се Лянем, добавил:

— Если ты захочешь увидеться со мной, ты всегда сможешь это сделать, и не важно, какое число выпадет на костях.

От этой фразы Се Лянь сглотнул и забыл то, что хотел сказать.

Но не успел он как следует обдумать, что значили слова Хуа Чэна, когда в сети духовного общения внезапно раздался серьёзный голос:

— Позвольте мне!

Через какие-то мгновения небо над ними прорезала вспышка слепящего белого света, и что-то с оглушительным грохотом расколовшейся железной глыбы упало на дорогу перед Се Лянем и Хуа Чэном.

Белое сияние постепенно остыло и померкло, и тогда Се Лянь наконец смог разглядеть, что же свалилось с небес. Путь им преградил косо вонзившийся в землю меч.

Это был длинный изящный клинок, который всё ещё дрожал от падения. Казалось, он был выкован из чёрного нефрита, зловещего и тёмного, но гладкого как зеркало, в котором любой человек, приблизившись, мог увидеть своё отражение. Только самый центр меча был украшен тонкой серебряной линией, тянущейся почти до конца клинка.

Этот меч носил имя, и звучало оно «Фансинь».

Перед мечом тут же приземлилась чья-то фигура, которая произнесла:

— Это твой меч.

После смерти советника Фан Синя его меч сохранил у себя как трофей наследный принц государства Юньань. И тем, кто сейчас бросил меч, преградив им дорогу, был Лан Цяньцю.

По всей видимости, Фэн Синь и Му Цин промахнулись, но вот Лан Цяньцю выбросил верное число. В самом деле, трудно сказать — являлось это его собственной удачей или же так сработала неудача Се Ляня. Наверняка известно лишь одно: оба обладали благородным статусом наследного принца, но всё же Лан Цяньцю всегда был намного более везучим, чем Се Лянь.

Хуа Чэн стоял с заведёнными за спину руками, совершенно не изменившись в лице, и лишь слегка шевельнулся, но Се Лянь тут же поднял руку, чтобы остановить его, и тихо сказал:

— Позволь мне.

Лан Цяньцю стоял посреди горной долины, не давая им пройти, и держал в руках свой тяжёлый меч. Он произнёс:

— Я лишь хочу сразиться с тобой в полную силу. Итог не важен, даже если ты меня убьёшь, я не нуждаюсь ни в каком возмещении потерь. Также мне без надобности, чтобы ты просил Владыку о низвержении. Ты обучал меня искусству фехтования, и вовсе не

обязательно, что у тебя не получится меня одолеть. Почему ты не желаешь биться?

Не требовалось говорить этого вслух. Се Лянь и без того знал, что Лан Цяньцю будет сражаться в полную силу. Но если так, то и у Се Ляня не останется выбора — ему придётся ответить тем же. Таким образом выходило, что каков бы ни был итог сражения, Се Лянь не желал бы этого лицезреть. Но если не сразиться с ним, Лан Цяньцю никогда не согласится на примирение.

Поэтому после долгого молчания Се Лянь медленно кивнул:

— Хорошо. — Он сделал несколько шагов, подошёл к мечу и выдернул его из камня. После тихо добавил: — Ты сам этого захотел.

Спустя сотни лет Фансинь наконец вернулся к хозяину.

Меч издал глухой звон в руках Се Ляня. От протяжного стопа металла у стоящего неподалёку Хуа Чэна яркий блеск в глазах сделался и вовсе белоснежным.

Взяв в руку оружие, Се Лянь взмахнул им и направил клинок к земле. Затем холодно произнёс:

— Независимо от итога этой битвы, не пожалей о принятом решении.

Лан Цяньцю громко выпалил:

— Ни за что не пожалею!

Он будто готов был взорваться от своего упрямства, обеими руками схватил рукоять тяжёлого меча и сосредоточенно встал на изготовку, даже задержал дыхание и, не решаясь упустить момент атаки, неотрывно следил за клинком Фансиня.

Се Лянь взмахнул мечом и стремительным рывком напал на Лан Цяньцю. Тот, сверкнув взглядом, приготовился принять удар, как вдруг ощутил, что ноги внезапно занемели, будто кто-то связал их вместе, и тяжело грохнулся на землю.

Опустив голову, Лан Цяньцю обнаружил, что действительно оказался связан. Неизвестно, в какой момент это произошло, но белоснежная шёлковая лента подобно ядовитой змее обвилась вокруг его тела несчётное множество раз!

В юности Лан Цяньцю имел честь обучаться у советника Фан Синя фехтованию, и потому в душе хранил к нему глубокое почтение, которое не ослабло даже после того, как тот омыл реками крови Пир Чистого Золота. Будучи уверенным, что Се Лянь вооружён одним

лишь мечом, он сосредоточился только на движениях противника. Но совершенно не заметил, что в арсенале Се Ляня была ещё и шёлковая лента, которая давным-давно незаметно подкралась и обвилась вокруг наследного принца Юньань, а затем тайно атаковала именно в тот момент, когда Лан Цяньцю бросил все силы на отражение удара меча. И как с ним могло случиться что-то настолько позорное???

Увидев, что манёвр Жое завершился удачно, Се Лянь мгновенно отпустил напряжение на лице и в сердце.

Он сразу отбросил Фансинь в сторону и издал долгий вздох облегчения, про себя подумав: «Опасно, как это было опасно».

Тем временем Лан Цяньцю лежал на земле и изо всех сил пытался освободиться, но белая лента оказалась неожиданно удивительным оружием — чем больше сопротивлялся её пленник, тем сильнее она сковывала его. Лан Цяньцю гневно прокричал:

— Советник, как это понимать?! Немедленно развяжи меня, и мы сойдёмся в смертельном поединке!

Се Лянь стёр выступивший на лбу пот и ответил:

— Мы только что сошлись в смертельном поединке, и сейчас один из моих магических артефактов связал тебя по рукам и ногам. Ты уже проиграл.

Лан Цяньцю после недолгой паузы возмутился:

— Да разве это можно считать победой? Когда я говорил о смертельном поединке, то имел в виду поединок на мечах! Используй меч, если ты мужчина! Что это за победа, если ты достиг её скрытой атакой шёлковой ленты? Как подло!

Он на самом деле считал неоспоримым превосходство меча над всеми другими видами оружия, и ничего более, но фраза прозвучала так, будто Лан Цяньцю относился с презрением к мужчине, который в качестве магического артефакта избрал шёлковую ленту. Но разве Се Ляня, который уже и обряжался в женское платье, и признавался, что страдает бессилием, можно было пронять фразой о том, что он не похож на мужчину?

Се Лянь присел на корточки рядом с поверженным и произнёс:

— Это случилось потому, что ты не продумал всё как следует перед тем, как действовать. Ведь ты не сказал, что непременно нужно драться на мечах, тем самым позволив мне воспользоваться твоим промахом. Так с кем ты теперь пытаешься спорить? — Помолчав, он

честно добавил: — Да, я нанёс тебе скрытый удар, но что с того? Ведь он достиг цели. Да, я поступил подло, но что с того? Ведь я победил. Если бы твоим противником выступил не я, а кто-то другой, ты был бы уже мёртв.

Хуа Чэн, стоя недалеко от них, беззвучно усмехнулся, скрестил руки на груди и отвёл взгляд в сторону. Лан Цяньцю же смотрел на Се Лянь остекленевшими глазами, полными удивления.

Когда этот человек служил советником при государстве Юньань, он всегда учил его вещам наподобие «будь благородным и честным», «смело иди вперёд, не боясь трудностей», «прикладывай усилия для достижения цели». И Лан Цяньцю никак не мог представить, что однажды услышит из уст своего прежнего учителя такую фразу как «Да, я нанёс тебе скрытый удар, но что с того? Ведь он достиг цели. Да, я поступил подло, но что с того? Ведь я победил». Поэтому потрясённо замер от услышанного.

Се Лянь же поднялся и добавил:

— Хорошенько подумай над этим и в следующий раз больше не попадайся на уловку противника.

Увидев, что Се Лянь направился прочь, Лан Цяньцю немедля воскликнул:

— Стой!

И Се Лянь действительно остановился. Лан Цяньцю скрипнул зубами и проговорил:

— Ты... должен мне кое-что объяснить.

— Каких объяснений ты ждёшь?

— Чувство ненависти за истребление династии породило в твоей душе желание отомстить моему государству, моему роду. Ты ненавидел Юньань, и я могу это понять. Но... — Он запнулся и долго не мог продолжить, лишь спустя какое-то время собрал волю в кулак и дрожащим голосом произнёс: — Но, советник... Разве я и мои родители плохо относились к выжившему народу государства Сяньлэ? Многие потомки Сяньлэ стали моими хорошими друзьями, я... я всегда... делал всё возможное, чтобы защитить их.

Каждое произнесённое им слово было чистой правдой.

После падения государства Сяньлэ многие оставшиеся в живых жители не стали отказываться от своего происхождения. Даже когда народ Юньань основал собственное государство и объединил земли

под своим началом, часть людей и их потомков по-прежнему считали себя выходцами из Сяньлэ, что часто приводило к столкновениям с народом нового государства.

В самом начале правящий дом Юньань подавлял волнения с позиции силы и военного превосходства. Таким образом было убито множество потомков Сяньлэ, которые всё ещё оказывали сопротивление новой династии. С другой стороны, также нередко были случаи, когда люди Сяньлэ объединялись в союзы и устраивали покушения на членов правящего дома Юньань. Несколько раз им это успешно удавалось, и взаимная вражда лишь усиливалась.

Но когда наступил период правления родителей Лан Цяньцю, они стали относиться к народу предыдущего государства иначе — с теплотой и радушием. Они непрестанно прикладывали усилия, чтобы объединить два народа — нового государства и старого, и даже, несмотря на протесты, решились на почти невысказанный по тем временам жест — даровать отпрыскам правящего дома Сяньлэ титул князей. Всё для того, чтобы выразить искренность своих намерений, проявить уважение к прошлой династии. Так и Лан Цяньцю никогда не относился предвзято к народу Сяньлэ из-за ненависти, которую испытывали друг к другу предшествующие поколения.

Личность советника Фан Синя всегда покрывала завеса тайны, он никогда не раскрывал своего происхождения, и потому никто не знал, что же за человек явился убийцей, омывшим кровью Пир Чистого Золота. Однако вражда между народами Сяньлэ и Юньань была слишком глубока, и с кем бы ни случилась беда, все непременно решили бы, что это дело рук другой стороны, пускай и совершённое не в открытую. Поэтому выжившие по счастливой случайности члены императорской семьи Юньань и чиновники государства все как один считали, что за преступлением стоят люди Сяньлэ. Многие предложили воспользоваться трагедией в качестве предлога и окончательно истребить остатки народа Сяньлэ. Однако любые подобные предложения решительно отвергались Лан Цяньцю.

Его непреклонная решимость сохранила бесчисленные жизни людей Сяньлэ, не позволила им нежданно-негаданно пострадать от внезапного бедствия и предотвратила массовое убийство невинных. Вот только, оглядываясь назад, теперь он чувствовал себя настолько же горько, насколько добродетельно тогда поступил.

Он вовсе не считал своё решение напрасным, просто чувствовал горечь обиды. Правильный поступок никогда не напрасен. И всё же, когда сам делаешь добро, но при этом не получаешь добра в ответ, трудно избежать подобных переживаний.

Глаза Лан Цяньцю покраснели, когда он спросил:

— Советник, в чём мои поступки оказались недостаточно хороши? В чём ошиблись мои родители? Что заставило тебя так отнестись к нам?! — Чем больше он погружался в подобные мысли, тем больше чувствовал несправедливость, и даже смог приподняться с земли, не взирая на сковавшую его Жое. — Тебе самому не кажется, что ты должен дать мне хоть какой-то ответ?!

— Я не могу его тебе дать.

Принц сказал это столь прямолинейно, что Лан Цяньцю поперхнулся от гнева:

— Советник, ты сильно изменился. Раньше ты был другим.

Се Лянь, помолчав, потёр точку между бровей.

— Помнится, когда-то очень давно я говорил тебе, что ты не должен опрометчиво устанавливать в своей душе священный алтарь в мою честь, который нельзя будет свергнуть. Я совсем не похож на тот образ, который ты создал в своём воображении. В итоге разочарование постигло лишь тебя самого.

Лан Цяньцю снова опустился на землю и пробормотал:

— Тот, кого я знал тогда, и тот, кто ты есть сейчас... Кто из вас настоящий? Я уже не в состоянии различить.

Се Лянь ответил:

— Всё это — я. Но тогда тебе было всего семнадцать, а сейчас ты уже вырос. Неудивительно, что и вещи, которым тебя приходится обучать, стали другими.

Лан Цяньцю закрыл было рот, но потом вдруг выпалил:

— Ты потому решил превратить мои семнадцать лет в кошмар, что твои собственные семнадцать лет были сущим кошмаром?

Се Лянь промолчал.

Не дождавшись ответа, Лан Цяньцю в гневе проревел:

— Если ты хотел именно этого, то я не доставлю тебе такого удовольствия!

Его слова заставили Се Ляня чуть округлить глаза.

Лан Цяньцю не мог встать, но его взгляд горел ярче звёзд, в голосе звучала сила и уверенность, и казалось, что в зрачках танцуют всполохи белого пламени. Не то в порыве злости, не то бросая вызов, он злобно выкрикнул:

— Если ты хотел, чтобы я стал таким же, как ты, исполнившимся ненависти и злобы, этому не бывать! Если ты хотел заставить меня, так же, как ты, опустить руки и перестать бороться, я и этого не допущу. Никогда! Не важно, что ещё ты со мной сделаешь! Я никогда не стану таким, как ты!!!

Его полные мужества и героизма слова заставили Се Ляня остолбенеть. Спустя мгновения он прыснул и наконец расхохотался.

Только что Лан Цяньцю со слезами в глазах выкрикивал пламенные речи, исполнившись пылких эмоций. Но этот смешок, будто из надутого мяча выпустили воздух, поверг его в растерянность, а в следующий миг — в ярость. Се Лянь же громко рассмеялся, хлопая в ладоши, и чем дальше, тем звонче звучал его смех. В конце концов он воскликнул:

— Отлично!

Он уже и не помнил, когда в последний раз смеялся столь неудержимо. С огромным трудом принц остановился, протёр глаза, кивнул и произнёс:

— Отлично. Запомни сказанное тобой сегодня. О том, что никогда не станешь таким, как я!

Хуа Чэн всё это время стоял рядом, сложив руки на груди, и спокойно наблюдал за происходящим. Но когда прозвучала последняя фраза Се Ляня, перед принцем с громким хлопком расплылось облако красного тумана!

Столь внезапная вспышка красного заставила Се Ляня с удивлением подумать, что Лан Цяньцю применил какую-то технику, и быстро отступить, сосредоточившись на мерах предосторожности. Однако, когда звуки стихли, принц не ощутил никакой разрушительной силы. Туман рассеялся, и то место, где лежал Лан Цяньцю, опустело — небожитель исчез, а на его месте осталась лишь покачивающаяся влево-вправо неваляшка.

Тело и голова неваляшки представляли собой два кругляша, соединённых вместе наподобие большой тыквы-горлянки. Лицо куклы изображало здоровяка со слегка наивными чертами лица, яркими

глазами и бровями вразлёт. Неваляшка пучила глаза и возмущённо надувала щёки, а за спиной куклы виднелся широкий меч. Казалось, она так и пышет божественной мощью. Это был точь-в-точь облик Лан Цяньцю, однако теперь он по какой-то причине обернулся игрушкой, которую так любят маленькие дети.

Улыбка исчезла с лица Се Ляня, он воскликнул:

— Цяньцю?!

Лишившись пленника, Жое с шуршанием вернулась на запястье принца. Хуа Чэн неторопливо приблизился и легонько щёлкнул по неваляшке пальцем, прыснув со смеху:

— Вот уж точно, такие люди в любом виде выглядят одинаково по-дурацки.

Се Лянь, не зная, что сказать на это, поднял неваляшку с земли и на ходу произнёс:

— С-с-слушай... Сань Лан, это что — Лан Цяньцю? Почему он принял такую форму? Не стоит тебе над ним издеваться, скорее верни ему первоначальный облик.

Хуа Чэн же возразил:

— А вот и не верну. Мы возьмём его с собой.

— Куда?

К тому моменту они подошли к узкому входу в горную пещеру. Хуа Чэн не ответил, лишь подкинул кости на ладони, посмотрел на выпавшее число и первым вошёл внутрь.

Магическая техника превращения человека в неваляшку поистине отличалась озорством и отлично отражала стиль Хуа Чэна. Однако снять заклятие было чрезвычайно трудно. Се Лянь вот, к примеру, не мог этого сделать, да и не смел утверждать, что другим небожителям это удастся. Оставалось только поспевать за Хуа Чэном с неваляшкой-Цяньцю в руках. Вспомнив о Фансине, который всё ещё лежал брошенным на земле, принц поспешно вернулся за мечом, пристроил его за спину и вошёл в пещеру следом за Хуа Чэном.

Он хотел попросить Хуа Чэна снять заклятие, но тот лишь молча вёл его сквозь узкий проход пещеры, который постепенно начал расширяться. Их шаги зазвучали эхом, отражённым от высоких сводов тоннеля, а впереди показались тусклые огни и послышались песнопения.

Когда Се Лянь в Призрачном городе приближался к Дому Блаженства, он сперва тоже расслышал звуки песен, но те плавные тягучие напевы прекрасных демонесс походили на шёпот нежной искустельницы над ухом, способный прямиком разбить сердце слушателя. А эти звуки, скорее, имели сходство с бешеными плясками нечистой силы — сбивчивые и неприятные слуху, они не шли ни в какое сравнение с песнями Дома Блаженства.

Се Лянь не удержался от вопроса:

— Сань Лан, что это за место?

Но Хуа Чэн лишь прошипел:

— Тсс.

Принц и так-то спросил очень тихо, а теперь и вовсе задержал дыхание. Совсем скоро он понял, почему нужно вести себя бесшумно. К ним навстречу по воздуху парили несколько тускло-зелёных огней. Но когда огни подлетели ближе, принц разглядел, что это были демонята в бирюзово-зелёных одеждах.

У каждого демонёнка на голове держалась зажжённая масляная лампа, которая делала их похожими на зелёные свечи. В пещере спрятаться некуда, и картину поистине можно было назвать «встречей на узкой дорожке»^[84]. Се Лянь завёл руку за спину и приготовился выхватить Фансинь, но тут же вспомнил, что правильнее использовать Жое, и опустил руку.

Кто бы мог подумать, что демонята лишь пробегут по ним взглядом и не обратят никакого внимания, просто продолжат идти по своим делам, тихонько перешёптываясь! Непохоже, что они не заметили путников, наиболее вероятно обратное. Однако это выглядело весьма странно. Се Лянь бросил взгляд на Хуа Чэна, и... разве рядом с ним шёл необыкновенно прекрасный Князь Демонов в красных одеждах? Вовсе нет! Принц увидел лишь бледного демонёнка с зелёноватым огоньком на голове.

Вот оно что! Се Лянь даже не заметил, в какой момент Хуа Чэн навесил на них личину. Подумав о том, что прямо сейчас у него на голове держится масляная лампа, в которой теплится зелёный огонь, Се Лянь не сдержался и потрогал макушку, затем произнёс:

— Но зачем...

Зачем придавать им такой странный вид?

И хотя он не высказал вопроса напрямую, Хуа Чэн, очевидно, понял всё без объяснений, поэтому ответил:

— Это же Лазурный^[85] демон Ци Жун. Ты, должно быть, слышал о его специфично низменных вкусах. Всех мелких демонов в своём подчинении он обязал обряжаться подобным образом.

Принц никак не ожидал, что Хуа Чэн приведёт его в логово Лазурного демона Ци Жуна.

Ранее, если кто-то из мира демонов или Небесных чертогов упоминал Ци Жуна, непременно добавлял пару фраз о низменных предпочтениях, и Се Лянь никак не мог взять в толк, почему. Прозвище «Лазурный фонарь в ночи» рисовало картины, полные изящества с малой толикой коварства. Но если значение слов «лазурный» и «фонарь» объяснялось именно вот так, грубо и без обиняков, то всё действительно выглядело немного иначе, чем принц себе представлял.

Се Лянь задал вопрос:

— Но разве ты не уничтожил его резиденцию задолго до этого?

— Уничтожил, но сам Ци Жун сбежал. А после потратил пятьдесят лет на то, чтобы отстроить новое гнездо.

Се Лянь положил неваляшку-Цяньцю за пазуху и, убедившись, что вокруг никого нет, тихо спросил:

— Сань Лан, ты пришёл сюда, чтобы найти Ци Жуна? Может быть, сначала снимешь заклятие с Цяньцю? Пусть он уходит, а я отправлюсь вместе с тобой, идёт?

Однако Хуа Чэн не терпящим возражений тоном ответил:

— Нет. Возьмём его с собой. Я хочу, чтобы Лан Цяньцю кое с кем познакомился.

Се Ляню это показалось странным. Ведь, судя по тону Хуа Чэна, он не воспринимал Лан Цяньцю всерьёз, но с кем же тогда хотел его познакомить, раз привёл сюда специально? Вопрос для обеих сторон прозвучал бы затруднительно, поэтому Се Ляню стало неловко продолжать расспросы. Спустя какое-то время они наконец вышли из тоннеля, оказавшись в гроте. Однако тут же их взору предстало ещё больше проходов.

Внутри горы тут и там мелькали вырытые лазы, и всякий грот соединялся вереницей тоннелей с другими. У входа в каждый такой проход сновали демоны, оборотни и иная нечисть с огоньками на

голове. Всё это напоминало огромный улей или муравейник. Если бы Се Лянь бродил здесь в одиночку, он бы наверняка заблудился, не помня дороги. Однако Хуа Чэн словно находился в собственном доме — ни мгновения не сомневаясь, он сновал по тоннелям, переходя из грота в грот, спокойно и уверенно, будто знал дорогу как свои пять пальцев.

Они всё ещё скрывались под маской демонят, и Се Лянь, видя, что никто не препятствует им, с облегчением выдохнул. Хуа Чэн, решив, что принц вздохнул, спросил:

— Что-то не так?

— Всё в порядке. Просто я подумал, что ты собираешься ворваться с боем, и не ожидал, что мы будем пробираться под прикрытием. Я не очень силён в сражениях, поэтому и выдохнул с облегчением.

Его фраза «не очень силён в сражениях» отражала его искренние душевные переживания. Битва всегда бывает быстрым и эффективным способом решения проблемы, но справиться с её последствиями подчас весьма затруднительно. Услышав объяснение, Хуа Чэн как будто усмехнулся, потом произнёс:

— В прошлый раз я так и сделал — ворвался с боем в его логово, но Ци Жун сбежал, едва прознав об этом. Сегодня он нужен мне собственной персоной, и потому нельзя позволить ему узнать о нашем прибытии.

Се Лянь подумал: «Неужели тот, с кем Сань Лан хочет познакомить Лан Цяньцю, и есть Лазурный демон? Какая связь может быть между этими двумя? Ох, пусть мне неизвестен его замысел, лучше просто последовать за ним и попытаться уговорить снять заклятие с Цяньцю». Принц ещё помнил о том, что сжёт Дом Блаженства, и потому никак не мог избавиться от угрызений совести.

Он как раз размышлял об этом, когда Хуа Чэн вновь заговорил:

— Эта никчёмная дрянь ни на что не годится, но вот бдительностью обладает немало. Младшим демонам запрещено приближаться к нему, а принять облик его ближайших подданных весьма проблематично. Есть лишь один способ подобраться к нему поближе.

Как раз в этот момент навстречу им вышли четыре демонёнка, которые весело смеялись и переговаривались. Хуа Чэн замедлил шаг,

Се Лянь последовал его примеру и увидел, что демоны ведут за собой целую вереницу живых людей, связанных верёвками.

Среди них попадались бедняки в лохмотьях и богачи в роскошных одеяниях, мужчины и женщины. Все — явно не старше тридцати лет. За полы одежд одного из мужчин крепко уцепился маленький мальчик — видимо, демоны схватили отца и сына. Руки у пленников были связаны, каждый шёл в логово чудища с ужасом на лице, будто вот-вот лишится чувств. Хуа Чэн уступил процессии дорогу, а затем, как ни в чём не бывало, развернулся и пристроился в хвосте. Он лишь осторожно коснулся Се Ляня локтём, и принц сделал то же самое, направившись бок о бок с ним. А когда взглянул на Хуа Чэна, обнаружил, что тот вновь сменил облик — на этот раз он обернулся симпатичным юношей. Вероятно, и Се Лянь сейчас выглядел примерно так же.

Процессия направилась дальше по тоннелю, непрерывно сворачивая. Младшие демоны, кажется, были весьма довольны тем, что им досталось столь ответственное поручение, при этом не забывали прикидываться большими начальниками, на каждом шагу покрикивая на пленников:

— Потихе там, не вздумайте плакать! Если вы предстанете к столу нашего благороднейшего господина с зарёванными лицами, перемазанные соплями и слезами, он вам покажет, что значит «жизнь страшнее смерти»!

Что касается троих непревзойдённых среди Четырёх величайших бедствий, о них не ходило даже слухов о поедании человечины, лишь Лазурный демон Ци Жун отличался подобной прожорливостью. Не удивительно, что и соратники, и враги в один голос насмешливо отзывались о нём «ни других посмотреть, ни себя показать»^[86]. По всей видимости, тот единственный способ подобраться к Лазурному демону, о котором говорил Хуа Чэн — затесаться среди его добычи на съедение. Се Лянь на ходу попробовал поймать ладонь Хуа Чэна, и когда коснулся её в первый раз, тот немедля окаменел и как будто попытался вырваться. Се Лянь, конечно, это заметил, но сейчас обстановка была не та, чтобы задумываться о чём-то другом. Поэтому он лишь крепче сжал руку Хуа Чэна и аккуратно написал на ладони одно слово: «спасти».

Раз уж они натолкнулись на пленников, Се Лянь считал своим долгом спасти несчастных. Поэтому и изложил Хуа Чэну дальнейшие действия, которые собирался предпринять.

Когда Се Лянь дописал слово, Хуа Чэн мягко сложил пальцы, сжав ладонь. Через некоторое время процессия вышла из тоннеля и оказалась внутри громадного грота.

В глаза Се Ляню тут же бросилось несметное множество чего-то чёрного, принц прищурился, но ещё не успел ничего разглядеть, как Хуа Чэн схватил его запястье и на тыльной стороне ладони написал: «Осторожнее. Не задень головой».

В самом начале Се Ляню показалось, что под потолком пещеры висит какая-то ветошь, длинными лохмотьями свешиваясь вниз. Но стоило ему приглядеться, и зрачки принца мгновенно сузились — какая же это ветошь? Ясно ведь, что это огромное множество подвешенных за ноги людей, которые безвольно покачиваются в воздухе.

Лес подвешенных!

Однако этот «лес» не орошал путников кровавым дождём, поскольку все трупы давно высохли, ни капли крови в них не осталось, вся вытекла. Выражения на лицах несчастных отражали ужасные страдания, разинутые рты застыли в беззвучном крике, а лица и тела покрывал слой кристаллов, похожих на иней. Это была соль.

В самой глубине грота горели яркие огни, располагалась кушетка для сидения и длинный стол, на котором были расставлены золотые чарки и яшмовые блюда. Обстановка выглядела столь роскошно и великолепно, что больше походила не на глубокую горную пещеру, а на настоящий пир в императорском дворце. У дальнего края стола виднелся огромный котёл, в котором могли свободно плавать и плескаться несколько десятков человек. В котле бурлила и выплёскивалась через край ярко-красная кипящая жижа. Если кто-то по неосторожности свалится в него, то наверняка мгновенно сварится до готовности!

Четыре демонёнка повели пленников к котлу. Кто-то, увидев такую картину, от страха упал на колени и отказался подниматься, принялся браниться и брыкаться, не давая вести себя дальше. Се Лянь же вдруг заметил, как застыли шаги Хуа Чэна и как напряглись его руки.

Принц повернулся и увидел, что на Хуа Чэне всё ещё надет облик молодого симпатичного парня, но во взгляде его запылало пламя гнева, вздымающееся до самых небес.

Несмотря на не исчезающую с его губ улыбку, Се Ляню было доподлинно известно, что истинные чувства Хуа Чэна спрятаны глубоко внутри. И принц никогда раньше не видел такого всепоглощающего гнева в его взгляде. Проследив в том же направлении, куда смотрел Хуа Чэн, в следующий миг Се Лянь ощутил, как даже выдох застрял в горле. Перед роскошной кушеткой на коленях стоял человек.

Так могло показаться на первый взгляд. Но потом становилось понятно, что на самом деле это лишь каменная статуя, выполненная точь-в-точь по размерам реального человека. Статуя выглядела весьма необычно — вырезанная в коленопреклонённой позе, она стояла спиной к принцу, понутив голову. При одном взгляде на неё в голову приходило лишь одно описание — «неприкаянная душа»^[87]. Поразмыслив, можно было догадаться, что такую статую создали лишь с одной целью — оскорбить изображаемого ею человека.

Се Ляню не требовалось даже обходить статую с другой стороны, ему и без того было известно — облик каменного изваяния полностью повторял его собственные черты.

Вообще-то обычно люди не имеют понятия, как именно выглядят со спины. Но в случае с Се Лянем всё было иначе. Он как никто другой отлично это знал.

После падения государства Сяньлэ люди, в попытке выплеснуть накопившийся гнев, сожгли восемь тысяч храмов наследного принца, опрокинули все его статуи, унесли мечи и драгоценные камни, сорвали золотые украшения с одежд. Но людская ненависть так и не угасла. Поэтому кто-то придумал новое развлечение для этих целей. А именно — создавать такие вот коленопреклонённые каменные статуи.

Люди изображали Его Высочество наследного принца, которого они когда-то обожали и превозносили, в позе покаяния, а затем устанавливали в местах скопления народа, чтобы каждый желающий мог подойти и плюнуть в неподвижную каменную статую или же отвесить ей пинка, тем самым избавляясь от злости в душе. Некоторые заходили ещё дальше — они изготавливали статуи, которые прижимались лбом к земле, будто отбивая поклон, и использовали их

вместо порога в своём доме, позволяя всем входящим наступить на изваяние принца. Такие статуи попадались во многих городах и деревнях на протяжении десяти-двадцати лет после уничтожения государства Сяньлэ, разве Се Лянь мог не знать, как со спины выглядит его коленапреклонённый образ?

Внезапно раздался голос молодого мужчины:

— Паршивый щенок Пэй Су смог вскарабкаться на Небеса лишь держась за штанину^[88] этого жеребца-осеменителя Пэя! Неужто правда считал, что сам чего-то стоит? Теперь он всего лишь бездомная псина, которую выгнали прочь из дома. Как он посмел мне помешать! Да я оставлю его труп сушиться на ветру и никому не позволю хоронить!

Ругань послышалась раньше, чем явился обладатель голоса. Се Лянь чуть скосил взгляд и увидел, как в пещеру вошёл человек в бирюзово-зелёных одеяниях, вида напыщенного и горделивого. По кое-каким причинам, не стоящим упоминания, Се Лянь не удержался от того, чтобы посмотреть вначале на его голову. Однако зажжённой лампы не обнаружил, зато увидел маску на лице, отчего ощутил лёгкое разочарование. Толпа младших демонов обступила его со всех сторон, будто кольцо горящих свечей. Наверняка это и был легендарный Лазурный демон Ци Жун, один из Четырёх величайших бедствий.

С тех пор как Нань Фэн впервые упомянул имя Ци Жуна, в душу Се Ляня закрались сомнения, не тот ли это «Ци Жун», которого он знал. Но из-за общепринятого мнения, что любая нечисть в посмертии скрывает своё настоящее имя, а также любые сведения о своей «жизни», принц решил, что, возможно, это разные люди, а имя всего лишь выдуманное. Но теперь он мог почти с полной уверенностью сказать, что подозрения оправдались. Ведь если это не тот Ци Жун, которого он знал, разве какой-то другой Ци Жун стал бы так относиться к статуе наследного принца? И разве мог этот голос показаться принцу настолько знакомым?

Младшие демоны окружили Ци Жуна, тоненько поприветствовали «Князь!» и затрещали наперебой. Се Ляню удалось различить смысл в общих чертах: Ци Жун послал своих ближайших подчинённых, чтобы учинить беспорядки в Призрачном городе. Ничего не вышло — Хуа Чэн разбил их в пух и прах, поэтому Ци Жун приготовился к новому походу. Однако второе нападение так и не свершилось — по дороге в

Призрачный город его слуги столкнулись с только что отправленным в ссылку Пэй Су. И хотя того сослали в мир людей, всё же совсем недавно он был небожителем, и раз других дел у него не нашлось, то он решил покамест разобраться с нечистью, которая попалась ему на пути. Так и вышло, что слуг Ци Жун снова разбили в пух и прах.

За столь короткий срок оказались уничтожены сразу два отряда его ближайших подчинённых. Узнав об этом, Ци Жун рвал и метал, проклятия так и сыпались из него:

— Каков предок, таков и потомок! Пэй Мин, сукин сын, жеребец-осеменитель, чтоб твой половой орган язвами покрылся! Надо отрезать ему, вместе с Пэй Су, его гнилой хрен и подвесить над воротами их храма, а те, кто станет поклоняться ему, пусть тоже покроются язвами!

Се Лянь насилу сдержал порыв заткнуть уши. Вроде бы та же ругань, ведь Фэн Синь, к примеру, стоило ему испытать потрясение, тоже начинал браниться последними словами. Вот только, какие бы страшные проклятия ни извергал небожитель, было совершенно ясно, что он лишь временно охвачен яростью, но на самом деле не помышляет никого проклинать по-настоящему. Ци Жун ругался совсем иначе, при первых же звуках не оставалось сомнений, что он действительно желает объекту брани именно такой омерзительной и гадкой смерти, как в его словах. Он совершенно не скупился на выражения «ниже пояса». Вот уж поистине гнусное поведение.

Толпа младших демонов громко вторила каждому слову. Ци Жун, кажется, вспомнил об одной из своих старательных подчинённых, которой оказывал поддержку, и добавил:

— Какая жалость, что такая страстная, благонамеренная женщина как Сюань Цзи пострадала от рук двоих бесстыжих псов по фамилии Пэй, её так незаслуженно обидели! Мои подданные до сих пор не могут её вызволить!

В этом Се Лянь не согласился с ним. Хоть участь Сюань Цзи и можно назвать печальной, но в действительности всё совсем не так, как выходит по его словам, мол, во всём виноват лишь один генерал Пэй. Как ни крути, а семнадцать невест она похитила по своей инициативе и убила их тоже своими руками. Страстная, это уж точно. Но благонамеренная ли — уже другой вопрос.

Также Се Лянь не мог согласиться с предыдущим утверждением о том, что Сяо Пэй вознёсся лишь благодаря генералу Пэю. За столько лет подъёмов и падений принц лишь в одном убедился наверняка: тот, кто достаточно силён, не обязательно сможет вознестись; но каждый, кто вознёсся, вне всяких сомнений был для этого достаточно силён.

Если у самого недостаёт сил, как ни проси тебя подтянуть наверх, через рубеж Небесной кары не пройдёшь, и, самое большее, в качестве утешения получишь статус «приравненного к небожителю». Се Лянь хоть и не имел возможности подольше пообщаться с Пэй Су, всё же разглядел, что Сяо Пэй по силе даже немного превосходит Лан Цяньцю. Вот только сила и способности не гарантируют высокое положение, одним из факторов является простое везение, в противном случае Пэй Су уже давно должен был возвести свой собственный дворец, отдельно от Пэй Мина.

Однако Ци Жун явно не задумывался ни о чём подобном. Он продолжал яростно браниться, так что казалось, на целом свете нет никого, кого он не желал бы забранить до смерти. Пэй Мин у него стал дрянным жеребцом-осеменителем, Сяо Пэй — никчёмным, что прячется за спину старшего, Цзюнь У — притворным праведником, Линвэнь — проклятой шлюхой, Лан Цяньцю — слабоумным, Цюань Ичжэнь — дерьмом собачьим, Повелитель Вод — бесчестным злодеем, Повелитель Ветров — падшей стервой... скорее всего, он просто не знал, что Ши Цинсюань на самом деле — мужчина. Если бы Се Лянь не убедился в этом лично, то не смог бы даже представить, что кто-то может держать в себе столько ненависти. В последнюю очередь самая гнусная ругань досталась Хуа Чэну и неприметному Хозяину чёрных вод, которые посмели смотреть на него свысока. Ци Жун назвал их «всего лишь какими-то непревзойдёнными» и поклялся, что придёт день, когда он заставит их преклонить перед ним колени. Совершенно не в силах представить подобную картину, никак не вяжущуюся с реальностью, Се Лянь должен был бы рассердиться, но к сожалению, это лишь рассмешило его. Принц не удержался и посмотрел на Хуа Чэна, однако даже сам Хуа Чэн не выказал никакой реакции на слова Ци Жуна, лишь неотрывно продолжал смотреть на каменную статую. В конце концов, хвала Небесам, Ци Жун набрался власти и сменил тему:

— Как продвигается дело, которое я поручил вам в прошлый раз? Цюань Ичжэнь повздорил с жеребцом Пэем?

С такими словами он откинулся назад и развалился на своей роскошной кушетке, поднял ноги в сапогах и сложил их на плечи каменной статуи. Выходит, изваяние служило ему в качестве подставки для ног.

Се Лянь, который всё это время держал Хуа Чэна за руку, почувствовал, как тот чуть подался вперёд. Принц быстро потянул его обратно, но понимая, что просто задержать Хуа Чэна недостаточно, написал у него на ладони: «Спасибо».

Распознав иероглиф, Хуа Чэн опустил голову и посмотрел на принца. Взгляд Се Ляня наполнился благодарностью, он был признателен Хуа Чэну за благой порыв. Затем принц покачал головой и написал ещё два слова: «слушать» и «небо».

Судя по словам Ци Жуна, он послал подчинённых выполнить какое-то поручение, связанное с двумя чиновниками Верхних Небес, и к тому же это поручение наверняка ничего хорошего в себе не несло, поэтому Се Лянь непременно хотел дослушать. А что до статуи, которую кто-то использует как подставку для ног... Если подумать, их использовали даже как дверные пороги, поэтому теперь принц ничего страшного в этом не увидел. Ведь это всего лишь каменное изваяние, а не он собственной персоной. Се Лянь написал лишь три простых иероглифа, но когда их взгляды встретились, стало ясно, что Хуа Чэн всё понял. Он медленно сжал руку в кулак и отвернулся, так что нельзя было разглядеть выражения на его лице.

Один из демонов доложил:

— Согласно повелению моего Князя, мы давно распространяем на Западе слухи о том, что Пэй Мин намеревается посадить Пэй Су на место западного Бога Войны. Сейчас легенды всё разрастаются, и мы под таким предлогом обрядились последователями дворца Циина, отправились на Север и разрушили более сотни храмов Мингуана, и никто ничего не заподозрил. Ха-ха-ха! Вы даже не представляете, многие верующие настолько глупы, что, увидев, как мы рушим храмы чужого божества, с воодушевлением бросились нам помогать!

Ци Жун одобрительно кивнул:

— Продолжайте подливать масла в огонь! Если Цюань Ичжэнь терпелив, то я ни за что не поверю, что у жеребца Пэя хватит

терпения!

Если даже отставить в сторону вопрос о том, правдивы ли те слухи, что они распространяли, подобные действия в корне являются воплощением недобрых замыслов, не говоря уже о столь бесстыжем поступке как притвориться людьми и разрушить чужие храмы, тем самым нанося ущерб потоку добродетелей в казну небожителя. Это ли не исполнение своих коварных планов чужими руками? Не удивительно, что чиновники Верхних Небес при упоминании Ци Жуна отзывались о нём как о слабом, но весьма неприятном противнике. Се Лянь про себя отметил: «Когда представится возможность, нужно будет предупредить Цзюнь У, чтобы пресёк конфликты между последователями двоих небожителей».

Ци Жун, раздав указания, откинулся назад и по-другому сложил ноги на плечи статуи. Младшие демоны сразу поняли, что нужно делать, подскочили к толпе пленников и принялись тщательно выбирать жертву. Тот ребёнок среди толпы выглядел чуть младше десяти лет, несмышлёныш, он в ужасе хлопал большими глазами и не выпускал из рук край одежды отца. Его отец, молодой мужчина с бледно-серым от страха лицом, непрестанно дрожал и повторял:

— Не бойся, не бойся... — но сам при этом был напуган до смерти.

Увидев малыша, демоны радостно оскалились и потянули к нему лапы, но мужчина тут же громко вскрикнул и выскочил перед мальчиком. Ещё не имея чёткого плана действий, Се Лянь слегка шевельнулся, но в следующий миг заметил, как рядом мелькнула тень. Обернувшись, он понял, что это Хуа Чэн вышел из строя пленников.

Раз уж он явился сюда на поиски Лазурного демона, то теперь, достигнув цели, должен был сбросить личину. Се Лянь ни мгновения не сомневался, что он способен в одиночку учинить расправу над всеми демонами в логове Ци Жуна, и никто не сможет ему помешать. Однако Хуа Чэн не явил истинного облика, а направился вперёд под маской обычного молодого парня.

Демоны вокруг немедля повыхватывали оружие и настороженно выкрикнули:

— Стоять! Ты куда собрался?!

Ци Жун, задрав ноги, недоумённо спросил:

— Это что ещё такое? Схватить его.

Хуа Чэн же усмехнулся в ответ:

— К вам явился потомок императорского рода Сяньлэ, не изволите ли выказать хоть немного почтения?

Услышав его, не только Ци Жун, но и Се Лянь вместе с ним, застыли от потрясения.

Спустя несколько мгновений Ци Жун вскочил, сплюнул из-под маски и, будто гнев так сильно переполнил его, что обернулся смехом, завопил:

— Ах ты, пёсий сын, дерзить удумал? Как смеешь передо мной шутки шутить! А ну-ка, расскажи, чьих ты кровей потомок? Какой ветви императорского рода?!

Хуа Чэн преспокойно ответил:

— Из ветви князя Аньлэ^[89].

Се Лянь вдруг ощутил, как беспокойно зашевелился у него за пазухой неваляшка-Цяньцю.

Княжеская ветвь Аньлэ действительно принадлежала к императорскому дому Сяньлэ одного с Лан Цяньцю поколения. А самого князя Аньлэ и Лан Цяньцю можно было считать друзьями.

Из-под маски послышалась злобная усмешка Ци Жуна:

— Князя Аньлэ? Да ты смерти ищешь, как я погляжу! Кто послал тебя сюда, чтобы учинять беспорядки? Твой хозяин не велел тебе как следует подучить историю? Князь Аньлэ действительно являлся последним отпрыском сохранившейся ветви императорского дома Сяньлэ. Но эта ветвь давным-давно оборвалась! И кто ты такой, раз смеешь передо мной выдавать себя за потомка императорского рода?

Хуа Чэн вскинул брови:

— О? Оборвалась? И как же он умер?

— Взять его! — заорал Ци Жун. — Схватить этого подозрительного наглеца!

Повинуясь приказу, несколько десятков демонов с громкими воплями ринулись на Хуа Чэна со всех сторон каменного грота. Глядя на бросившуюся к нему в неистовой атаке нечисть, Хуа Чэн лишь ухмыльнулся.

Только что его лицо излучало спокойствие, будто овеваемое лёгким ветерком, а спустя мгновение словно покрылось ледяным инеем в морозную стужу. Никто не заметил, как это случилось, но в следующий миг он оказался прямо за спиной Ци Жуна.

Схватив Лазурного демона за голову одной рукой, он с силой отбил её вперёд, будто надувной мяч, и спросил:

— А ты, мать его, кто такой, чтобы передо мной дерзить? Смерти не боишься?

Раздался оглушительный удар, и перед роскошной кушеткой в воздух взвились клубы пыли, песка и камней. Се Лянь заслонил малыша от пары мелких камешков, а когда пыль рассеялась, обнаружил, что Ци Жун исчез. Только присмотревшись, понял — нет, не исчез. Просто Хуа Чэн одним ударом вбил его глубоко в землю.

Люди и демоны с криками бросились врассыпную.

— Не разбегаться! — прокричал Се Лянь.

Что если они потревожат всех демонов в этой пещере, и те в ярости набросятся на людей? Разумеется, как обычно, никто не стал его слушать. Се Лянь в безысходности опустил руки. Да и некогда ему было заботиться о судьбе других людей — в центре событий Хуа Чэн неторопливо присел, одной рукой схватил Ци Жуна за волосы и оторвал окровавленное лицо от проделанной в полу дыры. Вместе с головой подняв и тело, он какое-то время изучал его, а затем, будто обнаружив что-то ужасно забавное, громко рассмеялся.

Невзирая на смех, его взгляд выглядел невероятно пугающе, так что у наблюдателей по телу пробежали мурашки. Жое слетела с руки принца и хлестким ударом отбросила нескольких демонов, которые, размахивая оружием, набросились было на пытающихся сбежать людей. Се Лянь обернулся, инстинктивно почувствовав неладное.

— Сань Лан? Сань Лан!

Маска на лице Ци Жуна пошла трещинами, от неё откололся кусок. Выплюнув кровь, демон громко завопил:

— Охрана! Остановить его! Сейчас же все ко мне, остановить его!!!

Хуа Чэн, который только что едва не вышиб из него дух, теперь усмехнулся и заговорил как ни в чём не бывало, будто рассуждая на совершенно отвлечённые темы:

— О, ты разве не знал? В мире есть вещи, воспрепятствовать которым невозможно. Взять, к примеру, солнце, которое садится на западе, или слона, который собрался раздавить муравья. Или же... меня, когда я намерен выбить из тебя твою собачью жизнь!

К последней фразе на его лице проступило нескрываемо свирепое выражение, он одной рукой поднял Ци Жуна повыше и с новой силой бросил о землю!

Вновь прозвучал оглушительный грохот, и Ци Жуна размазало по полу так, что он стал похож на бесформенную лужу грязи, только хуже, чем грязь. «Крак» — маска треснула и рассыпалась на обломки, обнажая половину лица.

И любой, кто взглянул бы сейчас на эту половину, обнаружил бы поразительный факт.

Лазурный демон Ци Жун и наследный принц Сяньлэ, демон и небожитель, две полные противоположности, внешне оказались на удивление похожи!

Кто прав, кто виноват — непросто рассудить

Впрочем, когда отпала вторая половина маски и взору предстало лицо Ци Жуна целиком, стало заметно, что сходство не такое уж большое. Нижняя часть лица, нос, рот и подбородок очертаниями весьма точно совпадали у обоих. Но вот глаза и брови оказались совершенно разными. Глаза Се Ляня отличались мягкостью и спокойствием. У Ци Жуна, напротив, дуги бровей приподнимались высоко, глаза вырисовывались тонкими, ярко очерченными линиями. И хотя это был прекрасный юноша, при взгляде на его облик становилось ясно — с таким человеком наверняка крайне сложно совладать.

Лазурный демон с огромным трудом разлепил залитые кровью глаза и сквозь красную пелену увидел, что его мучитель сменил облик — перед ним предстал юноша в красных одеждах. Ци Жун, разумеется, раньше не видел истинного облика Хуа Чэна, но едва заметив красные одеяния, в гневе и потрясении выдохнул:

— Ты. Это ты!

Хуа Чэн, раскрывший настоящую личность, произнёс:

— Ты так и не ответил на мой вопрос. Как умер князь Аньлэ?

Его взгляд в это мгновение был поистине страшен. Се Лянь бросился к нему с криком:

— Сань Лан! — Грот почти опустел, люди и демоны разбежались кто куда, и Се Лянь, беспрепятственно оказавшись возле Хуа Чэна, принялся уговаривать: — Что с тобой? Не сердись, только,

пожалуйста, не сердись, всё в порядке. Для начала просто успокойся, всё хорошо...

Он аккуратно гладил Хуа Чэна по плечу, всё понижая и понижая голос. Когда Се Лянь, будучи маленьким ребёнком, злился или расстраивался, родители именно так и поступали — мягко гладили его по спине и нежным голосом повторяли слова утешения, поэтому принц решил применить тот же способ к Хуа Чэну. К его неожиданности, это подействовало — только что взгляд Хуа Чэна был замутнён гневом, но после нескольких поглаживаний постепенно охладел и сделался ясным, губы его чуть шевельнулись.

После чего Се Лянь вздохнул с облегчением. Однако так и не успел выдохнуть до конца. В следующий миг Хуа Чэн внезапно развернулся и легко коснулся его плеча.

От прикосновения тело принца мгновенно оцепенело.

Се Лянь не был готов к тому, что Хуа Чэн применит против него магию, и потому остолбенел на месте. Он не знал, что именно задумал Хуа Чэн, но беспокоился совсем не о себе, а о том, что тот опять потеряет над собой контроль, как случилось ранее. Принц открыл рот, чтобы спросить, но тут же осознал, что не только не может двигаться, но и заговорить не получается — ни звука не слетело с губ. Се Лянь невольно почувствовал неладное.

Ци Жун, который в сражении совершенно ничего из себя не представлял, всё же оставался довольно остёр на язык. Залитый кровью, он разразился бранью:

— Ах ты, ополоумевший одноглазый пёс! Я что, в собственном доме спокойно поесть не могу, чтобы тебя не прогнать?!

Хуа Чэн изобразил улыбку и снова вбил его голову в пол. Затем поднял и повторил вопрос:

— Как умер князь Аньлэ?

Ци Жун огрызнулся:

— А тебе, мать его, какое дело...

Ещё удар, и снова вопрос:

— Как умер князь Аньлэ?

Так повторилось около десятка раз.

Хуа Чэн, не переставая тактично улыбаться, снова и снова забивал голову Ци Жуна в землю, будто в его руке была не голова, а кожаный мяч. И хотя убить Ци Жуна таким образом не представлялось

возможным, именно по этой причине — невозможности умереть — Лазурный демон не мог продержаться слишком долго. Даже если бы его голова была отлита из чугуна, выдержать подобное было чрезвычайно сложно. В результате Ци Жун не вынес избиений и сменил тактику:

— Если тебе заняться нечем, шёл бы тогда и сам полистал исторические книги!

Хуа Чэн язвительно усмехнулся:

— Если бы в книгах писали правду, разве пришёл бы я за ответом к такому никчёмному отродью, как ты?

Он снова занёс руку для удара, но Ци Жун успел громко выкрикнуть:

— Это был Лан Цяньцю! Его убил Лан Цяньцю!!!

Неваляшка за пазухой Се Ляня содрогнулась, затем начала яростно раскачиваться.

Она раскачивалась так сильно, что Се Лянь просто не мог её удержать, и оставалось только молча наблюдать, как кукла в конце концов выпрыгнула наружу и принялась бешено крутиться на полу. Хуа Чэн даже не повернулся, но заклятие всё-таки снял. Снова разошлось облако красного тумана, а в следующий миг из него вырвался Лан Цяньцю, вернувшийся к человеческому облику.

Будучи потомком августейшего рода, он никогда не подвергался подобной клевете, и сейчас, грозно указывая на Ци Жуна пальцем, воскликнул:

— По какому праву ты плюёшь кровью в людей^[90] и городишь чепуху? Мы с Аньлэ были друзьями, кого ты хочешь обвинить в убийстве?!

Ци Жуна тоже порядком удивило его внезапное появление, он спросил:

— Ты — Лан Цяньцю? А ты-то какого рожна здесь забыл?!

Лан Цяньцю и сам не понимал, зачем его сюда привели, он лишь разгневался из-за обвинения, которое только что выдвинул ему Ци Жун, и потому твёрдо вознамерился выяснить всё до конца:

— Ясно как белый день, что Аньлэ скончался от болезни, как ты можешь вот так заявлять, что это я убил его?!

Хуа Чэн спокойно наблюдал, больше не отбивая удары головой Лазурного демона будто мячом, и Ци Жун вступил в спор с Лан

Цяньцю:

— От какой, к чертям, болезни? Только ты и мог поверить в подобную ерунду. Он умер вскоре после Пира Чистого Золота, наверняка это ты тайно его прирезал, а если не ты, то кто-то из ваших старых прихвостней Юньань.

Необоснованные обвинения повергли Лан Цяньцю в такую ярость, что у него позеленело лицо. Он в гневе бросил:

— Не удивительно, что все дурно отзываються о Лазурном демоне. Сегодня я смог лично убедиться в том, насколько он низок и лишён моральных качеств.

Этой фразой он задел Ци Жунуна за больное место. С тех пор, как Ци Жун прославился, вот уже на протяжении нескольких сотен лет и небожители, и демоны всех мастей и рангов скрыто и напрямую насмеялись над его низменными вкусами. Ци Жун по этому поводу испытывал неопишемую злость, поэтому тут же взъярился:

— Пусть я низок, но и то лучше, чем быть таким пустоголовым дурнем, как ты. Только и разговоров, что о дружбе, да о каком-то мирном сосуществовании. Люди Сяньлэ и люди Юньань могут стать друзьями? Могут мирно сосуществовать? Ты такой же, как твои мать с отцом — просто любишь разыгрывать из себя наивного простачка. Меня сейчас стошнит!

Услышав укол в адрес родителей, Лан Цяньцю в гневе выкрикнул:

— Закрой рот! Мои мать и отец всегда поступали искренне и никогда не надевали маски, ты не смеешь порочить их доброе имя!

Ци Жун сплюнул и воскликнул:

— Всего лишь горстка неблагодарного отродья мятежной армии, а туда же, бесстыжие псы! И в чём же их искренность? В том, что пожаловали потомкам Сяньлэ земли и княжеские титулы? Вот так наглость! Брать вещи, которые украли у других, и преподносить этим же людям в качестве подаяния. Всё, что у вас было, изначально принадлежало нам, народу Сяньлэ!

Лан Цяньцю никогда не умел вести спор, и только смог выдать:

— Ты! Ты... — после чего запнулся.

Ци Жун, видя, что тот от ярости начал заикаться, ощутил радость на душе и решил разгневать Лан Цяньцю ещё сильнее. Он хохотнул и добавил:

— Но даже несмотря на то, что вы убили Аньлэ, смерть этого отрока не была напрасной — со стороны Сяньлэ убит лишь он один, а люди Юньань поплатились целым Пиром Чистого Золота. Жаль только, что не вышло прирезать тебя вместе со всеми, тогда бы вы на своей шкуре извели, что значит конец династии!

Лан Цяньцю остолбенел и переспросил:

— ... Что ты сказал?

Се Лянь в душе издал жалобный стон.

Он ужасно сожалел, что не может сейчас вскочить и по примеру Хуа Чэна отвесить Ци Жуну подзатыльник, чтобы тот вновь уткнулся лицом в пол и закрыл наконец свой рот. Но Хуа Чэн наложил на него оцепенение, и как бы принц ни старался, не мог вырваться из пут заклятия.

Лан Цяньцю спросил снова:

— Что значит — не вышло прирезать меня вместе со всеми?

Ци Жун, всей душой желая отомстить ему за обвинение в низости, самодовольно просиял и ответил:

— Вот уж точно — яблоко от яблони недалеко упало. Глупость Вашего Превосходительства сохранилась сквозь века, я раньше и не ведал, что такое возможно! Сам посуди — люди Сяньлэ до тошноты ненавидели Юньань, а если кто-то относился к вам с добром, не заслуживал называться потомком Сяньлэ! Ты правда решил, что отпрыск императорского рода Сяньлэ станет водить дружбу с сыном государя Юньань??? Он делал это лишь для того, чтобы узнать всю подноготную вашего императорского дома, беспрепятственно всё спланировать и в день твоего рождения омыть кровью Пир Чистого Золота, вот и всё!

Се Лянь всеми силами пытался высвободиться из пут заклятия. Лан Цяньцю тем временем застыл как вкопанный. Спустя мгновения он, запинаясь, проговорил:

— ... Князь Аньлэ... и советник... б-были заодно?

Он решил, что его наставник и друг сговорились, чтобы обмануть его, и одна мысль об этом уже наполнила его сердце невыносимой горечью и негодованием. Кто же мог представить, что Ци Жун вдруг спросит:

— Советник? Ты об этом чародее Фан Сине? Да кто вообще был с ним заодно!

Лан Цяньцю, услышав возражение, снова растерялся.

— Ты же... ты сказал, что Аньлэ собирался омыть кровью Пир Чистого Золота. Но всем известно, что это дело рук советника. Неужели они не действовали сообща? Я... — Он окончательно запутался.

Ци Жун продолжил:

— Кто знает, откуда вообще взялся этот чародей, какое ему было дело до всего этого! Лан Цяньцю, слушай и внимай: ваш Пир Чистого Золота омыли кровью люди Сяньлэ! Это Аньлэ, согласно плану, перерезал всех собачьих детей мятежной армии на том пиршестве. Кто ж мог подумать, что в самый неподходящий момент вдруг вломится этот чудаковатый советник? Аньлэ решил, что нас раскрыли, и второпях бросился ко мне, сказал, что его заметили и спросил, что нам теперь делать. Мы были потрясены, когда в ту же ночь узнали, что Пир Чистого Золота оросил кровью этот ваш советник, и об этом уже раструбили на всю страну!

Лан Цяньцю застыл и долго не мог прийти в себя. Затем наконец выдал:

— Если всё действительно так, почему ты не признался в этом раньше?

Ци Жун фыркнул со смеху:

— У меня что, с головой не всё в порядке? С чего я должен был признаваться? Кто-то взял на себя вину вместо меня — разве не лучший исход событий? Думаешь, я солгал, чтобы ты меня до непревзойдённого повысил? — Тут он вдруг издевательски ухмыльнулся. — Ой-ой-ой, я понял. Ты, должно быть, не смеешь поверить в это, так? Ведь я слышал, что после всего ты заколотил своего наставника в гроб, ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, ну что за дуралей, убил не того!

Се Лянь закрыл глаза, слушая его радостный хохот, наполненный ядом, и коротко выругался в душе.

Лан Цяньцю от злости сжал кулаки так, что хрустнули суставы.

— ...Ложь! — Затем резко развернулся и обратился к Се Ляню: — если это правда, пускай он ничего не сказал, ну а ты? Ты почему промолчал?!

Ци Жун, выплюнув отколовшийся зуб, спросил:

— А ты, мать его, ещё кто такой? Вы что, все вместе решили устроить торжественный приём в моей резиденции???

Не удостоив его вниманием, Лан Цяньцю вновь спросил Се Ляня:

— Если это был не ты, если ты никого не убивал, почему признал вину?!

Неожиданно оцепенение спало с Се Ляня.

Хуа Чэн наконец снял с него обездвиживающее заклятие. Вот только было уже слишком поздно. Лан Цяньцю ждал его ответа. Се Лянь медленно поднялся, немного размял запястья, а потом бросил лишь пару слов:

— Полнейший вздор!

Лан Цяньцю на самом деле ждал от него что-то вроде: «Да, всё именно так, как он говорит». Однако Се Лянь ледяным тоном сказал лишь то, что сказал, тем самым опровергнув всё, что так складно наплёл ему Ци Жун.

Ци Жуну это не понравилось.

— Это кто здесь несёт вздор?

— Ты. — Се Лянь посмотрел на Ци Жуну сверху вниз и добавил:
— Столько пустой болтовни, и ни слова правды. Чем ты можешь доказать, что именно потомок императорского рода Сяньлэ омыл кровью Пир Чистого Золота?

Кажется, Ци Жуну это показалось ужасно забавным.

— Я сказал, что он убийца, значит, он убийца. Что тут доказывать? Да и какие могут остаться доказательства, если прошло уже несколько сотен лет?

— Поэтому я и назвал твои слова полнейшим вздором. Династии Сяньлэ и Юньань давно ушли в прошлое, оба государства исчезли без следа. Какой смысл ворошить былое и с новой силой разжигать вражду?

Ци Жун, послушав, каким тоном были сказаны эти слова, на мгновение замер, будто в его памяти что-то шевельнулось, и странно прищурился.

Се Лянь же развернулся к Лан Цяньцю и спокойно сказал:

— Ты своими глазами видел, как я убил твоего отца. Тогда прошло совсем немного времени после моего второго низвержения, и в душе я не мог смириться со случившимся. Вина за эту чудовищную ошибку лежит на мне. Но я считаю, что нет нужды втягивать сюда тех, кто совершенно не причастен. Лазурный демон несёт полный бред, не остановился даже перед тем, чтобы облить грязью князя Аньлэ. Это лишь месть за то, что ты обвинил его в низости, не более.

Если бы кто-то посторонний стал свидетелем их разговора, не смог бы удержаться от смеха. Кто-то спорит за право называться злодеем, совершившим страшное преступление! Несведущие решили бы, что омовение кровью Пира Чистого Золота — это какая-то невероятно блистательная заслуга. У Лан Цяньцю спутались мысли, он схватился руками за голову и надолго задумался, прежде чем произнести:

— Да... Это был ты, и не кто другой.

Ведь он всё видел своими глазами. В ту ночь Лан Цяньцю, исполненный радостного предвкушения, вбежал во Дворец Чистого Золота и увидел, как советник в чёрном одеянии вынимает меч из груди его отца, как разлетаются кровавые брызги. И в тот момент его

отец, правитель государства Юньань, всё ещё протягивал к нему руку, всё ещё дышал. Но когда Лан Цяньцю бросился к нему, рука отца безвольно опустилась.

Лежащий на полу Ци Жун вдруг подал голос:

— Мой царственный двоюродный братец^[91], ты ли это?

Взгляд Се Ляня переместился к Ци Жуну. Поглядев на него, принц произнёс:

— Ци Жун, судя по тому, что я вижу, все эти годы твоя жизнь была полна захватывающих событий.

После этой фразы Хуа Чэн снял с него личину, надетую ранее. Увидев всех гостей, без спроса ворвавшихся к нему, в истинном облики, Ци Жун так и вытаращил глаза. Лан Цяньцю же, сбитый с толку, проговорил:

— Двоюродный братец?

Ранее, услышав из уст Ци Жуна фразу «нам, народу Сяньлэ», он уже догадался о том, что при жизни Лазурный демон являлся потомком Сяньлэ. Но и подумать не мог, что их с Се Лянем связывают кровные узы. Ци Жун всмотрелся в лицо Се Ляня, затем оглядел его с головы до ног. То был странный взгляд, будто он алчно взирал на что-то необыкновенное. Но когда Ци Жун увидел за спиной Се Ляня меч Фансинь, вдруг разразился хохотом:

— Вот как, значит! Вот оно что! Так Фан Синь — это и есть ты! Ты и есть Фан Синь! Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Лан Цяньцю не понимал, почему тот смеётся, но всё же почувствовал себя не в своей тарелке и гневно выкрикнул:

— Что здесь смешного?

Ци Жун со злобой огрызнулся:

— Твоё какое собачье дело, если я решил посмеяться над своим двоюродным братцем? Недавно я сказал, что глупость Вашего Превосходительства сохранилась сквозь века, уж простите, я извиняюсь за моё невежество. Ведь ты — ученик великого мастера, а раз твой мастер таков, разве ты мог вырасти умником? — Он развернулся к Се Ляню. — Ты перебежал на сторону Юньань и поступил на службу советником, но дослужился до того, что собственный ученик проткнул тебя мечом. Разве не захватывающе? Разве не уморительно? Ну не поделом ли? Что за простофиля!

Стоило ему выговорить полслова «простофиля», Хуа Чэн снова обрушил на него удар, подобный молнии. Однако Ци Жуна и так-то не просто было заткнуть, а теперь, когда Се Лянь явил ему своё лицо, Лазурный демон отчего-то и вовсе десятикратно воодушевился. Даже когда его вновь вбили в землю, непрерывно раздавались упрямые крики:

— Простофиля! Простофиля! Простофиля!

На каждое слово приходился новый удар, отчего пол залило кровью. Се Лянь остановил вновь занесённую руку Хуа Чэна и произнёс:

— Сань Лан, прекрати!

— С какой стати?! — резко возразил Хуа Чэн.

— Всё в порядке, не обращай внимания, этот человек болен и весьма назойлив. Позволь мне с этим разобраться. Тебе не стоит связываться с ним.

Принц мягко похлопал Хуа Чэна по плечу и тот, спустя долгое время, наконец тихо произнёс:

— Хорошо.

Ци Жун оторвал голову от земли, с огромным трудом откатился в сторону и выплюнул:

— А чего ты строишь из себя благодетеля? Если правда не хотел, чтобы он избил меня, так и задержал бы его с самого начала! Что толку, что ты теперь притворно просишь прекратить? Никто тебя за великодушие по головке не погладит!

— Я задержал его лишь потому, что не желаю, чтобы он пачкал руки. Тебе не кажется, что ты возомнил о себе немного лишнего?

На залитом кровью лице Ци Жуна промелькнула вспышка гнева. Он злодейски рассмеялся.

— Ой-ой-ой, царственный братец, а ты неплохо ладишь с Хуа Чэном, как я погляжу! А я-то думал, как же так вышло, что когда я отправил подчинённых передать тебе наилучшие пожелания от меня на Праздник призраков, ни один из них не вернулся! Оказывается, всё потому, что ты за Хуа Чэна спрятался!

Се Лянь ничего не знал о том, что Ци Жун когда-то подсылал к нему своих слуг. В ночь Праздника призраков он впервые повстречал Хуа Чэна и привёл юношу в монастырь Водных каштанов. Наверняка с теми подчинёнными, которых послал Ци Жун, разобрался Хуа Чэн.

Подумав об этом, принц невольно взглянул на юношу рядом с собой. Ци Жун всё не унимался:

— А ещё зовёшь его Сань Ланом, ц-ц-ц, что у вас за тесные отношения! Братец, но ты же важный чиновник Верхних Небес, как ты можешь якшаться с подобной нечистью? Не боишься запятнать свою репутацию? Ты ведь у нас такой идеальный, такой чистый и безупречный, озаряешь мир своим божественным сиянием, ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Чиновники Верхних Небес в той или иной степени соглашались, что речи Му Цина всегда звучат немного язвительно. Но если бы они для сравнения послушали, как разговаривает Цин Жун, то узнали бы, что значит истинное ехидство, и поняли бы, что всё это время несправедливо обвиняли Му Цина. К тому же, Ци Жун не только говорил, он ещё и играл. Схватившись за грудь, будто охваченный горем, он произнёс:

— Мой царственный братец, твой младший брат все эти годы ни мгновения не провёл, не вспоминая о тебе. Посмотри, с каким старанием я возвёл для тебя это каменное изваяние! А потом поставил перед собой, чтобы каждую минуту, каждый миг лицезреть твой героический облик. Ну как, неплохо сработано? Тебе нравится? Если не нравится, ничего страшного, так даже лучше, я могу сделать ещё, ха-ха-ха-ха-ха...

Стоило ему упомянуть каменную статую, лицо Хуа Чэна вновь стало распространять вокруг морозную стужу. Если бы Се Лянь только что не попросил его остановиться, он бы уже отвесил наглецу хорошего пинка, втоптав его в землю. Се Лянь же отлично знал, каков характер Ци Жуна. У него была примечательная особенность — чем явственнее реагировать на его слова, тем сильнее он будет распалиться и подпрыгивать от радости. Нужно было действовать вопреки его ожиданиям, поэтому принц улыбнулся и преспокойно ответил:

— Скульптура довольно неплоха, вот только вкусы у художника явно не слишком высоки. Надеюсь, это не очень тебя расстраивает.

Принц добился своего — улыбка тут же сползла с лица Ци Жуна, демон холодно прошипел:

— Радовался бы, что хоть я, памятуя о прошлом величии, сделал одолжение и установил статую в твою честь. Кто ещё станет так почитать тебя? В этот раз ты наверняка вознёсся лишь благодаря тому,

что ухватился за штанину Цзюнь У да заливался горькими слезами, падая ниц, так что до крови колени стёр. В чертогах Верхних Небес, куда ни глянь — который небожитель не превзойдёт тебя в достоинстве и величии? Даже вознесшиеся всего двести лет назад, и те имеют право попирать тебя ногами. Тебе уже скоро за восемьсот, и посмотри, до чего ты докатился, неудачник!

Се Лянь лишь мягко улыбнулся:

— Да, твой старший брат поистине невезучий. Не то что младший: всего восемьсот лет — и уже «свирепый».

Се Лянь прекрасно знал, чем его усмирить. Хуа Чэн так и прыснул в сторону, а лицо Ци Жуна сделалось по-настоящему зелёным. Он пробежал глазами по всем присутствующим и вдруг выпалил:

— По всему выходит, что ты сегодня упросил Хуа Чэна помочь тебе приструнить меня, отвести душу и поратовать за справедливость, так?

Се Лянь растерянно замер, ведь если подумать, то всё выглядело именно так, здесь возразить было нечего. Ци Жун добавил:

— Вы только поглядите, стоило мне сказать о тебе что-то дурное, ух, как он разгневался! Неужто божественный свет над твоей головой так сильно затронул его, что он ослеп от этого сияния? Ай-яй-яй, я вспомнил, кажется, он и так-то был слеп на один глаз! Ха-ха-ха...

Смех оборвался, едва начавшись — перед глазами Ци Жуна вдруг потемнело, лицо объяло болью, изо рта хлынула фонтаном кровь. И не удивительно, ведь кто-то снова его ударил. Вот только на этот раз это оказался не Хуа Чэн, а Се Лянь.

Принц нанёс удар с поразительной скоростью, после чего холодно бросил:

— То, что я раньше не бил тебя, не значит, что никогда не сделаю этого.

Удар был настолько сильным и жестоким, что Ци Жун смог снова подать голос лишь спустя довольно долгое время. Будто школивый пёс, он разлёгся на земле и расхохотался, не прекращая тарабанить кулаком о пол.

— Царственный братец, ты ударил меня, ты всё-таки меня ударил! Небеса всемогущие, наш возвышенный и добросердечный, сострадающий всему живому, всегда готовый прийти на помощь Его Высочество наследный принц, который даже муравья не раздавит,

выплеснул на меня свой гнев, да ещё и ударил, подумать только, он ударил меня! Страх-то какой, спасайся кто может!!!

Он перевозбудился до невозможности, вплоть до того, что стал похож на безумца. Лан Цяньцю никогда не приходилось видеть настолько странного поведения. Глядя на развернувшийся перед ним театр одного актёра, небожитель потрясённо застыл, а потом пробормотал себе под нос:

— Он... он сумасшедший?

Се Лянь привык к подобному, и потому не выглядел удивлённым, только произнёс:

— Ты сам всё слышал, он просто безумен, у него с головой не всё в порядке. Нельзя верить ни единому его слову.

Внезапно Ци Жун перестал смеяться, его лицо вновь сделалось серьёзным. С холодной усмешкой он возразил:

— Не спеши перед другими объявлять меня безумцем. Ответь-ка мне, как умер князь Аньлэ?

Только что Хуа Чэн задавал тот же вопрос Ци Жуну, а теперь он сам спросил об этом Се Ляня. Лан Цяньцю моментально приготовился слушать.

Сердце Се Ляня сжалось, он не мог сразу ответить на этот вопрос. Тогда Ци Жун медленно приподнялся и сел, опираясь на каменную статую, затем сказал:

— После смерти Аньлэ я вскрыл его живот, чтобы осмотреть. Оказалось, что его внутренности были повреждены невероятно свирепым и яростным потоком Ци меча, поэтому и внешних ранений не осталось, но при этом он без остановки кашлял кровью. Обыкновенный мечник не смог бы применить столь изощрённый приём. Я тогда решил, что предатели из Юньань позвали иноземного мастера, чтобы подстроить всё так, будто Аньлэ скончался от болезни. Но теперь, если подумать, становится ясно — был ещё кое-кто, способный совершить подобное. И это, конечно же, мой дражайший беспристрастный и справедливый двоюродный братец. Как-никак наш Бог Войны в короне из цветов, Его Высочество наследный принц — словно белый лотос с горы Тяньшань, в чистоте и непорочности не имеющий равных...

Хуа Чэн с силой пнул его, и Ци Жун заголосил от боли. Лан Цяньцю же, у которого глаза заполнились красными прожилками,

чувствовал, что его голова сейчас взорвётся — обхватив её руками, он вскрикнул:

— Замолчи! Что тебе стало ясно? Кто тогда был убийцей? Что случилось на Пиру Чистого Золота? Что произошло с князем Аньлэ? Что вообще происходит?!

Ци Жун ответил:

— Лан Цяньцю, и как ты до сих пор не догадался? Даже до меня в общих чертах дошло. Видимо, ты и правда ничегошеньки не знал о том, каким человеком был твой наставник. Давай-ка я раскрою тебе правду о своём братце. Этот бывший Его Высочество наследный принц государства Сяньлэ перебежал на сторону Юньань, стал твоим советником, обучал тебя фехтованию пять лет...

Он успел сказать лишь несколько фраз, когда Се Лянь вынул из-за спины меч. Но Лан Цяньцю не дал ему и шагу ступить — выставив перед принцем широкий клинок, он предостерёг:

— Дай ему договорить!

Се Лянь воскликнул:

— Ты же видишь, что он безумен, зачем слушать его бредни?

В воздухе сверкнуло тончайшее лезвие Фансиня, но удар на меч Лан Цяньцю пришёлся такой силы, что тот едва удержал оружие в руках. Кто же мог представить, что в следующий миг под Фансинь проскользнёт изгиб серебряного клинка, который подцепит и отведёт его в сторону. Се Лянь так и остолбенел, а после крикнул:

— Сань Лан!

Ци Жун прекрасно понимал, что Се Лянь не желает, чтобы он говорил лишнего и чтобы Лан Цяньцю всё это услышал, и потому решил действовать назло — пользуясь моментом, он затараторил:

— Князь Аньлэ был достойным сыном народа Сяньлэ. Послушно следуя моим указаниям, он притворился, что хочет стать тебе другом, а потом на Пиру Чистого Золота разом разделался со всем выводком неблагодарных псов Юньань. Когда твой наставник застал его на месте преступления, Аньлэ сбежал. А ты, явившись во Дворец Чистого Золота, на всю страну издал приказ о поимке советника Фан Синя. Это только предисловие, и каждое слово здесь — правда...

Се Лянь несколько раз порывался подойти и заткнуть Ци Жуну рот, но Хуа Чэн не позволил ему этого сделать. Принц снова воскликнул:

— Сань Лан!

Однако Хуа Чэн безмолвствовал, не давая ему пройти мимо себя. И чем настойчивее Се Лянь пытался пробраться к Ци Жуну, тем быстрее слова вылетали изо рта демона:

— Но когда мой святой двоюродный братец своими глазами увидел, как Аньлэ совершил убийство, он наверняка подумал: куда же это годится? Это ведь неправильно! И потому отправился за князем Аньлэ, чтобы наставить его на истинный путь. Но потом вдруг осознал — ой, вот ведь незадача, планы Аньлэ не ограничивались лишь тайным убийством нескольких предателей, наставить его на истинный путь не представлялось возможным! Тогда он собрал волю в кулак и своими руками прикончил последнего оставшегося отпрыска кровной линии собственного императорского рода! А потом, когда ты схватил своего наставника и заколотил его в гроб, жизнь моего двоюродного брата под маской величественного и грозного советника завершилась. Братец, скажи-ка, верно я говорю? — Он отхаркнул кровью к ногам коленопреклонённой каменной статуи и добавил: — Мне ли не знать тебя! Ты ведь обожал творить подобные вещи. О, наши прадеды, отошедшие в иной мир, полюбуйте, какого благонравного отпрыска вы породили! Из-за него род Се из Сяньлэ не просто лишился всего, но и вообще прервал своё существование на земле! Се Лянь! Ты — вестник несчастий, злой дух поветрия! Твоё рождение поистине стало самой большой бедой для государства Сяньлэ, ну почему ты всё никак не сдохнешь, почему до сих пор имеешь наглость жить на этом свете???

Лан Цяньцю вмешался:

— Но я своими глазами видел, как советник пронзил мечом сердце моего отца, как ты это объяснишь?

— Если ты не сдурел и не ослеп с перепугу, я могу дать лишь одно объяснение увиденному тобой. А именно — Аньлэ действительно ранил твоего отца мечом, но не насмерть.

— И советник... добил его?

Ци Жун возмущённо вскрикнул:

— Что ты такое говоришь! Мой дражайший двоюродный братец — добрейшей души человек, разве мог он сразу добить умирающего? Ему наверняка неловко было вот так без предисловий совершать убийство. Сначала надлежало соблюсти приличия и попытаться

помочь раненому. Вот только... хе-хе, боюсь, что твой отец сам себя погубил.

— Что значит — сам себя погубил?

— Что первым делом захочет совершить человек, которого едва не убили, но потом спасли? Какое желание охватило тебя самого, как только ты увидел во Дворце Чистого Золота столько убитых?

Лан Цяньцю, всё ещё не понимая, к чему он клонит, ответил:

— ...Схватить убийцу.

— Вот и ответ! После того, как мой дражайший братец спас твоего отца, тот, едва перевёл дух, наверняка первым делом заявил: «Советник, скорее, это сделал князь Аньлэ, немедля убей князя Аньлэ!» Нет-нет, не только его, он наверняка сказал что-то ещё более ужасное, например: «Советник! Позови Цяньцю! Созывай всех! Убейте каждого отпрыска Сяньлэ в моём государстве! Я хочу, чтобы они были погребены вместе с умершими членами нашей семьи!!!»

Он столь точно изобразил полную гнева и отчаяния речь, что у слушателей пробежали мурашки по коже. Лан Цяньцю медленно побледнел. Ци Жун продолжал:

— Но даже если государь тогда не приказывал расправиться с ними, ведь твоя мать и остальная родня из выводка предателей были убиты Аньлэ прямо на глазах твоего отца, и он рано или поздно отдал бы приказ казнить всех потомков Сяньлэ в своём государстве. Твой драгоценный наставник, как это понял, подумал — так не пойдёт. Как ни крути — не годится, старикашку нельзя оставлять в живых. Поэтому он, конечно же, — хлоп! — и забрал у него последнюю надежду, пронзив сердце хладным клинком. Такой он, мой братец, всё строит из себя святого, который не терпит несправедливости, вот только каждый раз всё портит подобными выходками. И другим навредил, и себя погубил; хотел двум господам угодить^[92], в итоге обоих прогневал, хи-хи-хи, ха-ха-ха...

— Ци Жун, сейчас же закрой рот! — выкрикнул Се Лянь.

Лан Цяньцю резко повернулся к нему и перебил:

— Почему ты требуешь от него закрыть рот? Значит, он говорит правду? К резне во Дворце Чистого Золота причастны оба — ты и Аньлэ, один убил всю мою семью, другой добил отца. Вы все меня обманывали?!

Се Лянь было начал:

— Не слушай...

Но Ци Жун насмешливо заявил:

— Конечно, все тебя обманывали! Ты настолько глуп, что кого же ещё обманывать, как не тебя? Если бы тогда нам не помешали, люди Сяньлэ забрали бы твою собачью жизнь, когда тебе минуло двенадцать лет! Мы бы не позволили тебе пожить подольше, и тем более — вознестись на Небеса!

Лан Цяньцю переспросил:

— Двенадцать лет?

Но единственная опасность, с которой он столкнулся в двенадцать лет — это похищение разбойниками, когда его спас Се Лянь.

— Так тех разбойников, что проникли в императорский дворец, послали люди Сяньлэ???

— Кто же ещё! — выплюнул Ци Жун. — Ты думал, что какие-то обычные убийцы смогут украсть принца из-под носа у нескольких сотен солдат императорской охраны? Аньлэ не обошёлся бы без моей помощи!

Лан Цяньцю кивнул:

— Твоей помощи... Хорошо, я понял. Значит... значит, дружба была ложью. И для вас, людей Сяньлэ, наша доброта ничего не значила. И ваш князь Аньлэ не имел ни капли добрых намерений, лишь хотел забрать наши жизни. — Он повернулся к Се Ляню. — Значит, и все твои слова — ложь.

Ци Жун соорудил любопытную мину.

— А ну-ка, скорее расскажи, что тебе наплёл мой святой двоюродный братец?

Лан Цяньцю не удостоил его вниманием, он обращался только к Се Ляню:

— Ты говорил, что Юньань и Сяньлэ — народы одного государства, и простых людей не касаются розни правящих домов. Простой народ с обеих сторон всегда был одной семьёй, и наше поколение может всё изменить. Нужно лишь, чтобы простые люди жили в мире. И не важно, что происходит в правящей верхушке, обе стороны смогут преодолеть вражду, смогут снова стать единым целым. Всё это — ложь. Полная ерунда, чушь, враки!

Больше всего Се Лянь не хотел слышать от него подобные речи, он немедля возразил:

— Нет! Это не ложь. Подумай хорошенько, ведь ты действительно смог добиться этих изменений, разве нет?

Лан Цяньцю замолчал, грудь его перестала яростно вздыматься. Се Лянь продолжил:

— Ты ведь отлично справился с этим! Впоследствии народы Юньань и Сяньлэ гармонично объединились. И распри в следующих поколениях заметно утихли. Разве это можно назвать ложью?

Лан Цяньцю долго молчал, а когда заговорил, из его глаз покатались слёзы:

— Но... но как же мои мать и отец? Объединение народов Юньань и Сяньлэ было их самым большим чаянием, поэтому они и даровали последнему из вашего рода титул князя Аньлэ^[93]. Их желание исполнилось, но какой конец ожидал их самих?

Ци Жун презрительно съязвил:

— Вас с моим святым двоюродным братцем будто по одному шаблону выкроили — он тоже, едва встретившись с бедой, так сразу в слёзы, ну что за мерзкая привычка! Если хочешь спросить с нас за жизни своих старика и старухи, погоди, пока я не спрошу с ваших предков за жизни наших. Что за бредни про чаяние объединения двух народов и дарование титула Аньлэ! Звучит красиво, Аньлэ, Аньлэ, да только Ань впереди, а Лэ — в хвосте плетётся. Думаешь, я не разгадал скрытого смысла, который псы Юньань заложили в этот титул? Вы просто хотели всю жизнь попирать ногами головы людей Сяньлэ!

Се Лянь в гневе прикрикнул на него:

— Ци Жун! Опять за старое!

Лан Цяньцю, обливаясь слезами, с ненавистью уставился на Ци Жуна.

— Так это согласно твоим наставлениям были убиты мои родные? В том, что случилось на Пиру Чистого Золота, ты тоже замешан?

Ци Жун, посмеиваясь, ответил:

— Да. Я, Аньлэ, твой наставник, мы, трое из Сяньлэ, — замешаны все вместе. Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Кто же мог подумать, что его смех внезапно оборвётся — Лан Цяньцю обрушил удар тяжёлого меча, Ци Жун испустил крик боли и оказался разрублен на две половины!

Картина вышла весьма кровавая. Две половины Ци Жуна принялись кататься по полу, а верхняя заголосила:

— Не больно, не больно, ни капельки не больно, до подзатыльника от моего царственного брата тебе ещё о-о-о-й как далеко! Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Лан Цяньцю без слов схватил его за голову и оторвал от земли, пока Ци Жун продолжал сыпать насмешками. Се Лянь выражение лица Лан Цяньцю показалось странным, он предостерёг:

— Ци Жун, если жизнь дорога, мой тебе совет: болтай поменьше.

Се Лянь всегда обращался ко всем мягко и вежливо, но к такому как Ци Жун невозможно было отнестись согласно общепринятым нормам приличия. Принц прекрасно это понимал, и потому каждый раз, когда говорил с Ци Жуном, отбрасывал вежливость в сторону и невольно проявлял грубость. Лан Цяньцю потащил верхнюю половину Ци Жуна прямо к бурлящему котлу.

— Так значит, ты из этого котла пожираешь людей?

Ци Жун оставил на всём пути к котлу широкий кровавый след.

— Ага. Ты что удумал?

Но стоило ему ответить, как Лан Цяньцю ослабил пальцы.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-ха-ха-ха-ха...

Не совсем понятно, был это страдальческий крик или громкий хохот, но когда Ци Жун упал в котёл, его тут же ошпарило кипятком так, что кожа лопнула и мясо обварилось. Се Лянь не ожидал, что на самом деле произойдёт что-то подобное, его зрачки мгновенно сузились, с губ сорвалось:

— Цяньцю!

Лан Цяньцю резким тоном ответил:

— Что? Это же Лазурный демон, сколько народу он пожрал! Неужели я не могу заставить его на своей шкуре испытать, что значит быть сваренным в кипятке? Он уничтожил мою семью, я что, не имею права заставить и его страдать?!

Конечно, он имел право. Поэтому Се Лянь ничего не мог возразить, не мог подступить ни с какой стороны. И всё же, Лан Цяньцю никогда не совершал подобных поступков, ни в бытность наследным принцем государства Юньань, ни являясь Богом Войны восточных земель, чиновником Верхних Небес. Он всегда убивал, когда собирался убить, но считал ниже своего достоинства прибегать к столь жестоким методам. Сейчас он слишком сильно отличался от того Лан Цяньцю, которого знал Се Лянь.

Всего через несколько мгновений погружения Ци Жуна в кипящую воду его выудили снова, но уже лишённого человеческого облика. Демон превратился во что-то бесформенное, словно его плоть расплавилась, а кожа слезла, в некоторых местах виднелись белоснежные кости — картина поистине ужасающая. Вот только сам он не думал унывать и всё так же злодейски смеялся:

— Братец, прими мои поздравления! Посмотри на своего драгоценного ученика, он отрастил крылья и стал совсем самостоятельным, даже научился применять жестокие пытки, научился мучить людей!

Лан Цяньцю снова ослабил хватку, и Ци Жун опять упал в кипяток. На этот раз, кажется, даже его скелет разварился в кипящем бульоне, и Ци Жун больше не всплыл на поверхность, остались лишь обрывки его бирюзово-зелёных одеяний, плавающие в котле. Се Лянь, так и не дождавшись его появления, не сдержался и выкрикнул:

— Ци Жун!

Младший двоюродный брат принца раньше во всём преклонялся перед ним, боготворил и несравнимо превозносил его личность, только и слышалось — мой царственный брат, да мой царственный брат. Но когда государство Сяньлэ пало, он окончательно превратился в самого настоящего безумца. В первых рядах жёг храмы, рушил дворцы и устанавливал коленопреклонённые статуи да пороги в виде наследного принца. Он шёл на что угодно, платил какую угодно цену, лишь бы заставить Се Ляня страдать. Подобное его отношение к себе Се Лянь всегда сносил спокойно и всеми силами пытался помешать лишь в том случае, если это затрагивало посторонних людей. В конце концов его терпение иссякло, и принцу оставалось надеяться лишь на то, что они больше никогда не встретятся. Впоследствии они и правда не виделись долгие годы. Се Лянь считал, что Ци Жун давно отправился к праотцам, но и подумать не мог, что спустя столько лет снова встретится с ним. Увидев это лицо, так похожее на его собственное, принц не мог точно сказать, шевельнулась ли в его душе хоть малая толика тёплых чувств. Всё-таки они являлись единственными оставшимися в живых потомками императорского рода Сяньлэ. Но вскоре после встречи Се Лянь стал свидетелем внезапной и весьма жестокой смерти Ци Жуна, да к тому же от рук Лан Цяньцю, который раньше отказывался прибегнуть даже к избиению бамбуковыми

палками. За столь короткое время случилось такое множество неожиданных перемен, что Се Лянь не мог сразу понять, как следует реагировать, его мысли совершенно спутались. Лан Цяньцю стоял у края огромного котла в молчании, опустив голову.

Как вдруг раздался голос Хуа Чэна:

— Не умер.

Лан Цяньцю поднял на него взгляд. Хуа Чэн добавил:

— Ты же не думал, что вот так просто сможешь отомстить? Ты всего-то уничтожил созданного им двойника. Если хочешь окончательно избавиться от него, тебе придётся отыскать прах Ци Жуна.

Лан Цяньцю холодно бросил:

— Спасибо за напоминание. Я непременно отыщу и лично принесу его прах в жертву, как подношение душам матери и отца. А после вернусь, чтобы разобраться с тобой. Советник, даже не думай снова сбежать!

Договорив, он взмахнул мечом, разрубил пополам котёл, развернулся и направился прочь из пещеры. Кипящая жижа хлынула наружу, разливаясь по земле вместе с костями и останками со дна котла. Се Лянь хотел было броситься следом, но в душе понимал — в этом уже нет смысла.

Принц застыл на месте, не зная, что сказать. Хуа Чэн подошёл к нему со словами:

— Он только что узнал правду, пусть немного остынет в одиночестве.

Се Лянь растерянно проговорил:

— Но почему непременно нужно было рассказывать ему? Неужели настолько важно знать, каково истинное положение вещей?

— Важно. Он должен был понять, что именно ты сделал, а чего не делал, и почему ты так поступил.

Се Лянь развернулся и суровым тоном выговорил:

— Какой прок о того, что он узнал всё до конца? Неужели теперь, когда открылось, что на моих руках меньше крови, мне найдётся больше оправданий для очистки совести?

Хуа Чэн безмолвствовал. В душе Се Ляня внезапно поднялась волна гнева, только он не понимал, на кого именно злится. С его губ сорвалось:

— Какие мне могут быть оправдания? Его отец всем сердцем желал объединить два народа, а я убил его! Князь Аньлэ был последним отпрыском моего рода, и его я тоже убил! Как бы то ни было, а я заслужил всё то, что получил. Так почему бы не взвалить всю вину на меня одного? Чего мне бояться? Даже если бы все они ополчились против меня, я бы всё равно не умер! Сперва все считали, что это лишь моя заслуга, что я один навлёк беду на Юньань, а теперь оказался виноват и князь Аньлэ, и Ци Жун заодно, и все остальные люди народа Сяньлэ. Не лучше ли ненавидеть кого-то одного вместо целой оравы? Ну неужели правда было так необходимо доказывать, что все те вещи, которым я его учил когда-то — всё это ложь, пустышка, нелепый вздор, не стоящий упоминания?!

Хуа Чэн и не собирался опровергать его речи, лишь спокойно взирал на принца. Они какое-то время смотрели друг другу в глаза, и вдруг Се Лянь закрыл лицо руками.

— Прости. Сань Лан, прости. Я, наверное, сошёл с ума. Прости.

— Ничего. Это моя вина.

— Нет, ты ни при чём. Это всё я. — Он уселся на землю и обхватил голову руками. — Я запутался. Я всё испортил.

Постояв мгновение, Хуа Чэн опустился рядом с ним и возразил:

— Ты не виноват.

Се Лянь молчал. Хуа Чэн продолжил:

— Убийство государя Юньань спасло жизни людей Сяньлэ. Убийство князя Аньлэ предотвратило новые конфликты между двумя народами. В конце концов, убийца получил по заслугам — принял казнь от рук Лан Цяньцю. Три человеческих жизни в обмен на мир, продлившийся многие века. Более выгодную сделку и представить сложно. На твоём месте я бы поступил так же. Послушай меня. — Его голос звучал столь уверенно, что не допускал сомнений: — Ты не виноват. Никто не смог бы сделать лучше.

Спустя долгое молчание Се Лянь ответил:

— Мне просто кажется, что так не должно было быть. — Он медленно оторвал лицо от ладоней. — Мне кажется, что это неправильно, когда кто-то совершает добрый поступок, но итог его ждёт совсем безрадостный. Даже если это неправда, я всё равно хотел, чтобы Цяньцю помнил — если он будет хорошо относиться к народу Сяньлэ, то и народ Сяньлэ ответит ему тем же. Чтобы он всегда

бесстрашно двигался по пути правильных поступков, не боясь трудностей. А не как сейчас, чтобы он думал, что все мои слова, в которые он раньше верил — всё это ложь, враньё и обман. Полнейший, мать его, вздор! Я просто... — Он поднял правую руку и, глядя на неё, сказал: — ...Сам достаточно настрадался, и не хотел, чтобы кто-то проходил через это снова.

Хуа Чэн просто слушал его. Се Ляню показалось, что последняя его фраза вновь прозвучала как глупая поговорка, и добавил:

— Прости. Но только посмотри, как всё вышло, разве не смешно? Несколько предыдущих поколений Юнъань делали наоборот, и всё у них было прекрасно. А стоило только родителям Лан Цяньцю решиться на благой поступок, на великое дело, и вот какой конец их постиг.

Государь Юнъань назначил его советником и на протяжении пяти лет относился к нему с большим почтением. Даже в последний миг жизни в его глазах всё ещё читалось не успевшее угаснуть доверие. Се Лянь невидящим взглядом уставился вдаль и тихо произнёс:

— Я никогда не смогу забыть... то выражение, с которым он смотрел на меня, когда я пронзил его сердце.

Хуа Чэн бесстрастно ответил:

— Забудь. Это вина Ци Жуна и князя Аньлэ.

Се Лянь покачал головой, зарылся лицом в колени и утомлённо проговорил:

— ...А ведь всё было так замечательно.

Как только отец Лан Цяньцю взошёл на престол, он немедленно свернул с курса подавления народа Сяньлэ, которому следовали предыдущие поколения. Люди Сяньлэ и Юнъань с таким трудом прожили в худом мире несколько десятков лет, и вот появился шанс всё изменить, появилась перспектива объединения и надежда на прекращение раздоров. И надо же было князю Аньлэ именно в такой момент вмешаться и омыть кровью Пир Чистого Золота.

Скрываясь от погони, в ту ночь он нашёл князя Аньлэ, чтобы предостеречь от последующих преступных действий, но кто же мог представить, что последний отпрыск его рода, увидев его настоящее лицо, радостно вцепится в принца и станет упрашивать присоединиться к армии отмщения, чтобы завершить великое дело возрождения государства? Его взгляд горел таким восторгом, а речь

звучала столь волнительно, что мурашки бежали по коже. После омовения кровью Пира Чистого Золота он намеревался убить Лан Цяньцю, тем самым устроив переворот в Юньань. И пускай из-за этого рухнет мир между простыми людьми двух народов, которые уже начали с добротой принимать друг друга, пускай из-за этого погибнет весь оставшийся народ Сяньлэ, они не пожалеют ни о чём, лишь бы низвергнуть в преисподнюю императорский дом Юньань и весь их народ вместе с ними.

Но убийство есть убийство. Какие помпезные оправдания ни придумывай, сколько ни рассуждай об отсутствии иного пути, а факт останется фактом — он своими руками убил просвещённого правителя, который искренне желал призреть чужой народ, а также последнего оставшегося в живых отпрыска собственного рода.

Поэтому... он заслужил то, что получил.

Логово людоеда. Князь демонов против небожителей

Се Лянь обернулся и посмотрел на понурившуюся каменную статую неподалёку.

— В одном Ци Жун оказался прав. Я самый настоящий неудачник.

Хуа Чэн возразил:

— И ты поверил в болтовню этого никчёмного отродья. Да он сам ничего не добился, кроме того, что научился быстро бегать и лишил врагов удовольствия себя убить. За восемьсот лет валяния дурака даже до «непревзойдённого» не повысили. Бить такого — только руки марать.

Се Лянь дёрнул уголком губ. Быстро бегает, не даёт себя убить. Если подумать, разве то же самое нельзя сказать про него самого? И разве он не валял дурака восемьсот лет, а в итоге докатился до того, что имеет сейчас?

Когда он впервые увидел Лан Цяньцю в качестве вознёсшегося Бога Войны восточных земель, причисленного к чиновникам Верхних Небес, всё такого же, как раньше — прямолинейного и непосредственного юношу, который мог запросто захрапеть на скучном собрании, Се Лянь почувствовал радость и удовлетворение. Но начиная с сегодняшнего дня... неизвестно, какие изменения произойдут в характере Лан Цяньцю. Он отправился на поиски праха

Ци Жуна, но когда найдёт и вернётся, как он отнесётся к принцу? Захочет ли поквитаться?

Се Лянь поднялся, медленно подошёл к каменной статуе и посмотрел на неё с другой стороны. Лицо действительно оказалось точной копией его собственного, только вырезанное плачущим: слёзы текли по щекам, а черты искажались до такой степени, что становились ужасно некрасивыми. Поглядев на изваяние, Се Лянь вздохнул, поставил руку на голову статуи и приложил усилие.

Когда он убрал руку, по щекам изваяния бесшумно поползли две трещины, после чего плачущее лицо разбилось. Статуя развалилась, обернувшись множеством мелких камней и рассыпалась по полу, теперь её нельзя было снова собрать.

Когда Се Лянь развернулся, его лицо снова приняло мягкое и спокойное выражение. Он потёр точку между бровей и произнёс:

— Боюсь, что Ци Жун спрятал в своём логове ещё немало живых людей. Отправлюсь на поиски, нужно вызволить несчастных.

Хуа Чэн тоже поднялся:

— Идём.

После воцарившейся неразберихи слуги Ци Жуна разбежались кто куда, а те, кто не сбежал, спрятались во тьме и не решались высунуться. Се Лянь и Хуа Чэн побродили по пещере и поймали пару невезучих демонят, чтобы те показывали дорогу, после чего обнаружили множество гротов со «свежатиной». По приблизительным подсчётам Ци Жун утащил в своё логово и собирался сожрать не меньше трёх сотен живых людей, либо жителей окрестных деревень, либо прохожих странников.

По дороге натыкаясь на клетки, они выпускали пленников. Свершение благого дела немного помогло принцу успокоить расстроенные чувства. К тому же, теперь у него появилась свободная минутка, чтобы поболтать с Хуа Чэном. Поэтому принц, поразмыслив, начал:

— Кстати, Сань Лан, я хотел спросить у тебя кое о чём.

— О чём?

— Как ты узнал, что это Ци Жун из тени руководил инцидентом на Пире Чистого Золота?

Сперва принц недоумевал, для чего Хуа Чэн привёл их с Лан Цяньцю в логово Лазурного демона, теперь же всё понял. Хуа Чэн

добивался, чтобы Лан Цяньцю сам услышал из уст Ци Жуну правду.

— О том, что я и есть Фан Синь, Ци Жун не знал. А если бы узнал, привязался бы ко мне ещё тогда. Позднее мне стало известно, что бывший императорский дом Сяньлэ в тайне совершил немало диверсий, но я не представлял, что за всем этим стоит Ци Жун. Откуда тебе удалось узнать об этом? И как давно?

— Недавно. — Хуа Чэн шёл бок о бок с принцем, заведя руки за спину. — Мне несколько раз приходилось иметь дело с Ци Жуну, поэтому нужно было узнать всю его подноготную. Так я выяснил, что при жизни он принадлежал к народу Сяньлэ и всей душой ненавидел Юньань. Кроме того, имеет обыкновение умышленно сеять раздоры, подстрекать к ссорам и создавать конфликты. Он стоял во главе нескольких крупных покушений на императорскую семью государства Юньань, но каждый раз тщательно скрывал свою личность.

Се Лянь покачал головой.

— Так значит, он давно ступил на кривую дорожку. Ему повезло, что он скрывался. Если бы чиновники Верхних Небес узнали, что он вмешивается в дела простых смертных, давно привлекли бы его к ответу.

— Случившееся на Пире Чистого Золота весьма соответствовало той манере, в которой привык действовать Ци Жун. Поэтому я всё время считал его закулисным кукловодом, а советника Фан Синя — его приспешником. Но когда Лан Цяньцю в чертогах Верхних Небес опознал тебя как Фан Синя, я понял, что Фан Синь и Ци Жун просто не могли быть заодно.

Шаги Се Ляня замедлились. Очевидно ведь, что Хуа Чэн тогда не присутствовал в Небесных чертогах, но при этом прекрасно осведомлён, что произошло во дворце Шэньу. Но и это ещё не всё — ему известно о кровной связи между Се Лянем и Ци Жуну, а также о случившихся между ними размолвках.

Хуа Чэн продолжал:

— Однако я по-прежнему склонялся к версии, что за всем этим стоит именно Ци Жун, по крайней мере, именно он начал действовать первым. Когда на трон взошёл отец Лан Цяньцю, жизнь простых людей, выходцев из Сяньлэ, заметно изменилась к лучшему, они уже не хотели столь сильно, как раньше, отомстить мятежникам и возродить государство. Единственные, кто ещё мог вспомнить об этом

— потомки императорского рода Сяньлэ. На тот момент такой человек остался лишь один, и это был князь Аньлэ. И если Ци Жун собирался использовать кого-то для разжигания переворота, выбор непременно пал бы на этого юношу. Но обстоятельства сложились столь удачно, что вскоре после Пира Чистого Золота Аньлэ скоропостижно скончался от недуга. Вот только до этого никогда и ничем не болел, разве не очевидное несовпадение?

Се Лянь кивнул. Хуа Чэн продолжил:

— Поэтому намного вероятнее, что он был убит, и к тому же причина убийства связана с Пиром Чистого Золота. Вначале под подозрение попали члены императорского дома Юньань. Однако если бы это совершили они, то следом пострадали бы и остатки народа Сяньлэ, чего не произошло, значит предположение неверное. Перебрав все варианты, я пришёл к выводу, который мы имеем сейчас.

Се Лянь улыбнулся и со вздохом произнёс:

— Имея так мало подсказок, ты всё же смог догадаться о картине в целом.

— Это было несложно. Для начала нужно было лишь хорошо узнать причастных к делу людей, только и всего.

— И в этом ты преуспел. Вот только... в твоих рассуждениях имеется одно важное условие, которое мне не совсем ясно.

— Какое?

— Откуда ты знал, что это Ци Жун начал действовать первым на Пире Чистого Золота?

— Я не знал, что это наверняка сделал он. Я был уверен лишь в том, что ты не мог.

Улыбка исчезла с лица Се Ляня. Помолчав, он спросил:

— Почему?

— Если бы ты, признав вину, высказал иную причину, тогда я, возможно, поверил бы в твою причастность. Но государь Юньань был добросовестным правителем, который пользовался всенародным одобрением, а Лан Цяньцю упомянул, что ты объяснил ему свой поступок тем, что «не мог видеть их сидящими на троне». И это действительно те слова, которые мог сказать человек, желающий захватить власть. Но в твоих устах они звучат как неуклюжая попытка очернить себя.

Услышав фразу «очернить себя», Се Лянь беззвучно усмехнулся и спросил:

— Очернить себя? Но ты не допускаешь возможности, что я на самом деле так думал? Что в глубине моей души тоже скрывалась малая толика ненависти?

— Пускай ты так думал, и что с того? Ты бы всё равно так не поступил.

Се Лянь плотно сомкнул губы. Лишь спустя какое-то время он снова заговорил:

— Сань Лан, если честно, я совсем не такой, каким ты меня представляешь. Ты... — он закрыл глаза и покачал головой, словно не знал, стоит ли продолжать.

Хуа Чэн сказал:

— Говори, ничего страшного.

Помявшись, Се Лянь всё-таки продолжил:

— Я считаю, что в этой жизни не стоит лелеять слишком больших надежд по отношению к кому бы то ни было.

От Хуа Чэна послышалось короткое «О», затем он добавил:

— И что же в твоём понимании означает «лелеять слишком большие надежды»?

— Не нужно слишком идеализировать кого-то. Если за всю жизнь вы ни разу не пересечётесь, и ты будешь лишь издали смотреть на призрачную тень, то ничего страшного. Но что если вы познакомитесь, станете постепенно узнавать друг друга, и рано или поздно наступит день, когда станет ясно — этот человек совсем не такой, каким ты его представлял, а, может, и вовсе противоположный идеалу? Тогда тебя постигнет жестокое разочарование.

— Вообще не обязательно. Постигнет разочарование или нет, меня не заботит. Но для некоторых одно существование этого человека уже само по себе является надеждой.

И хотя он вовсе не уточнил, кто эти «некоторые», и о чём существовании идёт речь, да и тон его голоса звучал совершенно спокойно, будто он говорил о чём-то незначительном, сердце Се Ляня вдруг воспарило лёгким облаком.

Он остановился и долго не мог выговорить ни слова. Спустя время принц вдруг спросил:

— Сань Лан, кто ты такой?

Хуа Чэн тоже остановился, обернулся и посмотрел на него.

Се Лянь встретился с ним взглядом и серьёзно произнёс:

— Ты знаешь, кто такой Ци Жун, выяснил всю его подноготную. Тебе известно, кто я, поскольку ты смог нарисовать картину Наследного принца под маской бога. Ты видишь меня насквозь. Ты знаешь очень многое. И возможно, даже больше.

Хуа Чэн приподнял брови.

— Разве я не всегда знал очень многое?

Се Лянь покачал головой.

— Это другое. — Он пристроил ладонь левой руки под локоть правой, а правой рукой потёр подбородок, чуть призадумавшись, затем произнёс: — Мне всё время кажется, что ты мой старый друг. Который знал меня, должно быть, с давних пор. Возможно, во времена моего первого вознесения... нет, возможно, даже раньше. Но... я правда не помню, чтобы когда-либо встречал такого человека, как ты.

Встретив такого как Хуа Чэн лишь однажды, наверняка больше никогда его не забудешь. И Се Лянь не припоминал, чтобы бился головой до потери памяти. Так что если уж они были знакомы, то не существовало причин, по которым принц мог не запомнить этого.

Се Лянь внимательно посмотрел на Хуа Чэна и, несколько озадаченный, спросил:

— Так кто же ты? Я знал тебя раньше?

Хуа Чэн ничего не ответил, лишь мягко улыбнулся. И до Се Ляня немедленно дошло, что задавать подобные вопросы — верх неприличия.

Настоящее имя демона обыкновенно хранилось в строжайшем секрете, и кроме сумасшедших, подобных Ци Жуну, которых нельзя было оценивать с точки зрения общепринятых норм, никто не стал бы без веской на то причины сообщать его посторонним людям.

Се Лянь поспешно исправился:

— Прости, не обращай внимания, я просто спросил, не подумав. Можешь не отвечать мне, да и неважно вовсе, кто ты такой.

Глаз Хуа Чэна чуть прищурился. Се Лянь тоже что-то почувствовал и обернулся. За спиной в тоннеле неподалёку послышался шум, а потом звонкий женский голос.

— Я же говорил, что в женском облики не только магические силы прибавляются, но и везения намного больше! А вы не позволяли

мне перевоплотиться. Ну что, теперь поверили? На этот раз я выбросил верное число!!!

Голос принадлежал Ши Цинсюаню. У Се Ляня вырвалось:

— Ваше Превосходительство!

И в самом деле, из тоннеля на зов выбежала заклинательница в белом платье. Увидев Се Ляня, она с горящими глазами воскликнула:

— Нашёлся, Его Высочество здесь!

Однако стоило ей увидеть Хуа Чэна рядом с Се Лянем, выражение лица мгновенно переменилось, заклинательница отскочила назад и выставила перед собой Веер Повелителя Ветров. Се Лянь ещё ничего не успел сказать, когда из тоннеля раздался ещё один, мужской, голос:

— Нашёлся? Что с ним?

Послышались шаги, следом показался и хозяин, Фэн Синь. В левой руке он держал длинный лук чёрного цвета. При одном взгляде на Хуа Чэна он вскинул оружие и натянул серебристо-белую тетиву, приготовившись стрелять. Хуа Чэн, вместо какой-либо оценки происходящему, прыснул со смеху. Се Лянь же поспешно проговорил:

— Давайте решим всё словами, уберите оружие.

На узкой дорожке в логове Лазурного демона встретились четверо, которые теперь парами стояли друг напротив друга. Фэн Синь натянул лук до отказа, тонкий луч божественного сияния в его правой руке превратился в оперённую стрелу, которая нацелилась на Хуа Чэна.

Он заговорил первым, голос его звучал угрожающе и непоколебимо.

— Ваше Высочество, подойди сюда, сейчас же.

Фэн Синь получил этот лук в дар от самого Цзюнь У. Оружие называлось «Лук Бога Ветров» и являлось крайне мощным артефактом, против которого было нелегко сражаться. Се Лянь, побоявшись, что он в самом деле спустит тетиву, в мгновение ока очутился перед Хуа Чэном. Принц совершенно не ожидал, что Хуа Чэн схватит его сзади и затащит к себе за спину.

Жест этот стал неожиданностью для обоих небожителей, явившихся со спасательной миссией. Ши Цинсюань тут же вскинул руку и воскликнул:

— Хуа Чэн! Собиратель цветов под кровавым дождём! Д-д-давай без самоуправства. Твой Дом Блаженства был сожжён по неосторожности. Если у тебя есть какие-то претензии, можем всё

обсудить, чертоги Верхних Небес всё возместят. Владыка вполне в состоянии заплатить. Отпусти Его Высочество, остальное легко уладить.

Се Лянь, не зная, как реагировать, ужасно разволновался и попытался объяснить:

— Ваше Превосходительство, вы, возможно, отчасти неправильно поняли. В действительности...

Он хотел было объяснить, что Хуа Чэн явился за ним вовсе не для того, чтобы призвать к ответу за поджог Дома Блаженства, но Ши Цинсюань вдруг бросил на него многозначительный взгляд, будто намекая, чтобы принц замолчал. Да и Хуа Чэн не стал опровергать речи Повелителя Ветров, только поддержал.

— Вы ещё не рассчитались со мной за то, что Цзюнь У внедрил своего лазутчика в ряды моих подчинённых. Чем будете за эту провинность расплачиваться?

Се Лянь всё понял. Ши Цинсюань прекрасно видел, что Хуа Чэн не преследовал дурных намерений, но на публику нужно было сыграть, будто бы Хуа Чэн ворвался в столицу бессмертных, чтобы взыскать с небожителей долги. Обставив положение дел таким образом, можно избежать разговоров о том, что принц преднамеренно сбежал из чертогов Верхних Небес. Хуа Чэн понял замысел Повелителя Ветров и тут же подыграл ему. Однако Се Лянь не хотел выставлять его виноватым, и вмешался:

— Ну всё, заканчивайте спектакль. Он явился в столицу бессмертных, чтобы спасти меня, Сань Лан сделал это из добрых побуждений, к чему излишнее притворство?

Ши Цинсюань же ответил:

— Никаких спектаклей. Я уже отправил наш разговор в сеть духовного общения. Это вы как раз не понимаете, слухи и пересуды в конце концов превратят любые добрые намерения в недобрые, так не лучше ли сразу объявить их дурными?

Хуа Чэн приподнял бровь:

— А ты понятливый.

Ши Цинсюань, вполне довольный собой, ответил:

— А как же. Иначе Моему Превосходительству в чертогах Верхних Небес пришлось бы туго. Генерал Наньян, опустите лук.

Однако Фэн Синь по-прежнему держал тетиву натянутой «на семь фэней^[94]», молчал и почти не дышал, готовый к выстрелу. Ши Цинсюань хлопнул его по плечу.

— Опустите оружие, они хорошие приятели, здесь нет никакого злого умысла.

Фэн Синь мрачно предостерёг:

— Ваше Высочество, рядом с тобой находится непревзойдённый...

Видя, что Фэн Синь по-прежнему полон враждебности и не собирается опускать лук, Ши Цинсюань тяжело вздохнул и внезапно толкнулся в его плечо.

В тот же миг на лице Фэн Синя отразился в десять тысяч раз более неопиcуемый ужас, чем если бы он увидел самого страшного призрака. Небожитель громко заголосил, луч духовной силы в его правой руке мгновенно испарился, намерение сражаться потерпело полнейший крах. Он с побледневшим как у тяжелораненого лицом разразился бранной тирадой, а когда поток ругательств иссяк, срывающимся голосом воскликнул:

— Мать твою! Ты что творишь!!!!

Всё дело в том, что Ши Цинсюань коснулся его руки, в которой была зажата стрела, не чем иным как грудью. И, судя по всему, это прикосновение не на шутку напугало Фэн Синя. По Ши Цинсюаню же совершенно нельзя было сказать, какую неприличную шалость он только что совершил. Он лишь взмахнул метёлкой и с невозмутимостью неземной красавицы молвил:

— Я хотел бы задать вам тот же вопрос. Сказано ведь, что Собиратель цветов под кровавым дождём пришёл спасти Его Высочество, а вы стрелой в него тычете. Если уж так хотите подраться, то можете не рассчитывать на поддержку Моего Превосходительства.

Фэн Синь в момент отшатнулся на сто восемь тысяч ли, словно больше не решался ни на шаг приблизиться к «ней», и на повышенных тонах проревел:

— Не вздумай снова вытворить что-то подобное!!! Не вздумай! Слышал?!

Всецело уверенный в своей неотразимости, при виде Фэн Синя, который сбежал от него, как от чумы, Ши Цинсюань обиженно возмутился:

— Ну всё, всё. Не буду, не буду. Я ведь не пыткам вас подверг! И вообще, что за отношение???

— Будто почувствовав себя оскорблённым, он вновь обернулся мужчиной, огляделся и спросил: — Э? А где Цяньцю?

Вопрос немного привёл Фэн Синя в чувство, он тоже посмотрел по сторонам. Се Лянь, бросив короткое «А», ответил вопросом на вопрос:

— Он разве не в сети духовного общения?

— Нет! После того, как он бросил кости и пошёл по верному пути, от него не было ни весточки. Я столько раз спрашивал у него, какое число правильное, но ответа так и не последовало. Раньше Цяньцю всегда очень быстро отвечал на любые вопросы. Даже если к нему обращались младшие служащие Средних Небес, он никогда не откладывал их просьбы в долгий ящик. Поистине странно.

Се Лянь со вздохом ответил:

— Его Высочество Тайхуа отправился на поиски Ци Жуна.

Фэн Синь и Ши Цинсюань озадаченно переспросили:

— Ци Жуна?

— Верно. Это логово Ци Жуна. Ох, в общем...

— Постой, — перебил Фэн Синь. — Почему Его Высочество Тайхуа отправился в погоню за Ци Жуном? Он разве не тебя собирался догнать?

— Потому, — вмешался Хуа Чэн. — Он преследовал виновника резни на Пиру Чистого Золота, а Его Высочество наследный принц всего лишь подтёр истинному убийце зад. Когда Лан Цяньцю узнал правду, немедля бросился на поиски настоящего преступника, вот и всё.

Лицо Фэн Синя вмиг посуровело.

— Настоящего преступника? Это правда?!

Се Лянь был совершенно не в состоянии объяснить всё с начала, но и вкратце не мог рассказать так, чтобы стало понятно, поэтому покачал головой и ответил:

— Всё не так просто. Расскажу, когда вернёмся.

Ши Цинсюань, не зная всех подробностей, обрадованно заявил:

— Так и знал, что здесь произошло какое-то недоразумение. Моё Превосходительство и впрямь может похвастаться необычайной

прозорливостью. На этот раз по возвращении вам наконец не придётся проводить время в заточении.

Фэн Синь согласился:

— Отлично! — Выглядел он при этом так, будто сбросил гору с плеч: тут же убрал лук, да и вообще проявил заметно меньше настороженности, чем минутой ранее. Хуа Чэн лишь холодно усмехнулся на это.

Се Лянь же сказал Фэн Синю:

— Можешь себе представить? Ци Жун — это тот самый Ци Жун.

— Тот самый Ци Жун? — озадаченно переспросил Фэн Синь. — Который? Тот, кого мы оба знаем?

— Значит, ты тоже не ожидал, что это правда окажется он?

Лицо Фэн Синя в миг потемнело.

— Нет. Мне не приходилось иметь дело с Лазурным демоном лично, я всё время считал, что это лишь случайное совпадение имён. Но какой демон в здравом уме станет повсюду разгуливать с настоящим именем, написанным на лбу? Он что, больной? — Договорив, он тут же припомнил, что Ци Жун и человеком-то был не вполне нормальным, поэтому они с Се Лянем понимающе переглянулись и промолчали.

Ещё задолго до вознесения их обоих Фэн Синь не питал тёплых чувств к Ци Жуну. Ци Жун приходился матери Се Ляня, на тот момент — жене государя последней династии Сяньлэ, племянником, сыном младшей сестры. Он с малых лет воспитывался среди членов правящего дома и целыми днями таскался за Се Лянем. И Фэн Синь, будучи личным охранником принца, разумеется, часто виделся с ним. Ци Жун был очень молод, не понимал простых вещей, никого не слушал, при этом полон безудержной энергии и страсти к радикальным поступкам. А самое скверное — он принадлежал к знатной ветви ближайших родственников государя, поэтому никто не мог позволить себе ударить, отругать или научить его манерам. Нетрудно догадаться, насколько неуправляем он был. И больше всего на свете Ци Жун обожал говорить о Его Высочестве наследном принце. Только и слышалось: «Мой царственный брат — воплощение совершенства!», «Мой царственный брат то-то и то-то». Кто бы ни относился к Се Ляню хоть капельку непочтительно или же каким-то образом приносил ему малейшие неудобства, Ци Жун непременно

сажал обидчика в холщовый мешок и нещадно избивал. В его мыслях не существовало никаких понятий об уважении к старшим или заботе о младших. Однажды Се Ляню лично пришлось спасти из его лап ребёнка не старше десяти лет, которого Ци Жун избил до кровоподтёков по всему телу, так что от одного взгляда на бедняжку хотелось плакать.

Се Лянь искренне жалел Ци Жуна и ко всему прочему считал, что тот относится к нему с такой же искренностью, поэтому никогда не применял по отношению к нему физических наказаний. Да только словесные наставления и ругань не достигали результата — инциденты повторялись снова и снова, причиняя настоящую головную боль. Фэн Синь же, в отличие от терпеливого Се Ляня, обладал прямым характером и мог высказаться достаточно резко. Несколько раз он возражал Ци Жуну, не подчинялся его приказам, поэтому и Ци Жун его крайне невзлюбил, постоянно придумывал способы ему досадить, упиваясь своим высокомерием. Но и это не всё. Когда Се Лянь вознёсся на Небеса, Ци Жун совсем испортился: даже если кто-то совершал непреднамеренный проступок, к примеру, сплёвывал на землю перед храмом наследного принца, Ци Жун мог затолкать несчастному в рот раскалённый уголь. Чтобы предотвратить чрезмерные бесчинства Ци Жуна, Фэн Синю часто приходилось спускаться в мир смертных и улаживать конфликты, что ужасно его выматывало, и тогда он говорил Се Ляню: «У Ци Жуна с головой не всё в порядке, рано или поздно это обернётся большими неприятностями!»

— Если это и правда он, то подобный поступок вовсе не удивителен, — сказал Фэн Синь.

Ши Цинсюань полюбопытствовал:

— Что? Так вы знакомы с Лазурным демоном лично?

Се Лянь кивнул:

— Он мой двоюродный младший брат.

Ши Цинсюань удивлённо посмотрел на принца и, сложив руки на груди, произнёс:

— Потрясающе.

Се Лянь согласился:

— Да уж, он в каком-то смысле способен потрясти.

— Да я ведь не о нём говорю, а о Вашем Высочестве. Посудите сами: Боги Войны Юго-востока и Юго-запада — ваши давние знакомые. Восточный Бог Войны — ваш ученик. Лазурный фонарь в ночи — ваш младший брат. Собиратель цветов под кровавым дождём — практически названный брат вам, а я, Повелитель Ветров — ваш друг. Это ли не потрясающе?

Се Лянь мягко улыбнулся и подумал, что Повелитель Ветров и правда по характеру похож на ветер — стоит ему появиться, и все печали улетучиваются, будто мгла от дуновения ветерка. Однако фраза «Собиратель цветов под кровавым дождём — практически названный брат вам», кажется, не получила одобрения ни у Хуа Чэна, ни у Фэн Синя. Хуа Чэн приподнял бровь, а Фэн Синь нахмурился.

Помолчав немного, Фэн Синь обратился к Се Ляню:

— Если ты здесь закончил, лучше поторопись вернуться в столицу бессмертных. Только что ты наделал много шума, а остальные небожители ни сном, ни духом о том, что случилось на самом деле, наверху все ждут объяснений. Владыке тоже следует доложить, что же всё-таки произошло. Ты должен дать всем ответ.

Хуа Чэн, услышав его слова, рассмеялся. Фэн Синь огрызнулся:

— Что смешного?

Хуа Чэн произнёс:

— Я всё думал, что хоть ты блеснёшь прямокой. А оказалось, тоже любитель говорить полунамёками. Ты ведь имел в виду, что не пристало Его Высочеству наследному принцу путаться с нечистью, подобной мне. Чего же не решился сказать прямо? Побоялся, что по статусу не дотягиваешь до подобных заявлений?

Се Лянь мягко кашлянул:

— Сань Лан...

Фэн Синь ответил ледяным тоном:

— Ему вообще не следует путаться ни с какой нечистью. Хорошо, что ты сам это понимаешь.

На эту фразу Хуа Чэн никакого мнения не выразил. Но тут вмешался Се Лянь, мягко сказав Фэн Синю:

— Я непременно дам ответы на все вопросы. Но здесь пока остаётся неоконченное дело. Ци Жун прятал в своём логове больше трёх сотен человек, чтобы сожрать их. Благодаря неоценимой помощи Сань Лана все эти люди были спасены. И теперь остались только

мелкие демоны, с которыми необходимо разобраться. Как только я закончу с этим, немедленно вернусь на Небеса.

Фэн Синь ответил:

— Лучше не тяни с возвращением. Предоставь зачистку мне.

Хуа Чэн кивнул:

— Судя по тому, как работают чиновники Верхних Небес, зачистка будет завершена примерно в следующем месяце.

Фэн Синь бросил:

— По твоим словам выходит, будто ты способен разобраться с ними в мгновение ока.

Между демоном и небожителем наметилось настоящее противостояние. Ши Цинсюань взглядом спросил Се Ляня: «Они что-то не поделили в прошлом?» Се Лянь в ответ покачал головой. Но так и не успел развернуть разговор в другое русло — на его глазах Хуа Чэн неизвестно откуда материализовал в руках зонт. Красный, словно листья клёна, в яркости способные сравниться с огнём. Хуа Чэн взял зонт одной рукой, накрывая им себя и Се Ляня. Лица обоих отделило ярко-алым.

Похоже, это и был тот самый зонт, который защитил их от кровавого дождя в лесу подвешенных на горе Юйцзюнь. Однако сейчас дождя не наблюдалось, и Се Лянь ощутил невольное недоумение.

— Сань Лан, для чего ты раскрыл зонт?

Хуа Чэн повернулся к нему, передвинул зонт поближе к принцу и с милой улыбкой ответил:

— Подожди. Скоро погода испортится.

Как только он это сказал, сверху хлынул настоящий проливной дождь!

Ливень зашумел непрерывным шелестом, столь внезапно, что Се Лянь озадаченно замер. Однако на него не попало ни капли — ведь он стоял под зонтом Хуа Чэна. Зато Фэн Синь, который находился прямо напротив них, совершенно не был готов к случившемуся, и потому дождь промочил его с ног до головы. Но и на этом невезение Фэн Синя не закончилось. Дождь оказался кровавым, и теперь Бог Войны превратился в кроваво-красную человеческую фигуру, на которой белым блестели лишь широко распахнутые глаза. Ши Цинсюань же, успевший укрыться под сводом горного тоннеля, также не пострадал, и

теперь лишь вытаращил глаза и открыл рот от удивления, забыв даже взмахнуть своей метёлкой.

Кровавый дождь закончился так же быстро, как и начался, вскоре вокруг снова воцарилась тишина. Фэн Синь с огромным трудом пришёл в себя и попытался протереть лицо, однако оно так и осталось ужасающе кровавым, без признака улучшений. Се Лянь проговорил:

— Это...

Хуа Чэн убрал зонт и рассмеялся:

— В мгновение ока. Что скажешь?

С такими словами он неторопливо сделал всего несколько шагов, однако оказался уже довольно далеко от них. Се Лянь как раз копошился в рукавах в поисках какой-нибудь тряпицы, а Ши Цинсюань выщипнул из метёлки несколько белых волос и протянул погрузившемуся в молчание Фэн Синю. Однако стоило Хуа Чэну уйти, как Се Лянь тут же почувствовал его отсутствие. Принц развернулся, в несколько торопливых шагов догнал Хуа Чэна и спросил:

— Сань Лан, ты возвращаешься в Призрачный город?

Хуа Чэн обернулся.

— Но ведь и тебе нужно вернуться в столицу бессмертных. — Полушутя, он добавил: — Впрочем, если хочешь отправиться в Призрачный город вместе со мной, я буду только рад твоему визиту.

Се Лянь с улыбкой ответил:

— В следующий раз... — Затем совершенно искренне повторил: — В следующий раз я непременно отправлюсь в Призрачный город. И когда ты соберёшься заново отстраивать Дом Блаженства, буду подавать кирпичи.

— Подавать кирпичи не потребуется. Можешь просто сидеть и наблюдать.

Тон Се Ляня сделался серьёзным:

— Как бы то ни было, за помощь в деле с Цяньцю... я должен тебя поблагодарить. — Помедлив, он добавил: — Не знаю, как было правильнее поступить, но возможно, что сейчас всё получилось действительно не так уж плохо.

Хуа Чэн же беззаботно ответил:

— Слишком много мыслей.

Се Лянь слегка наклонил голову, не до конца понимая. Хуа Чэн пояснил:

— Не думай, просто делай, и всё.

Сказав так, он развернулся и помахал принцу рукой.

Совсем скоро фигура в красном бесследно исчезла из поля зрения Се Ляня, осталась лишь луна и горный пейзаж.

Восхождение на гору Тайцан в поисках прошлого

По какой-то неизвестной причине Се Лянь внезапно преисполнился храбрости.

После отбытия Лан Цяньцю шаги принца сделались медлительными, а спина немного сторбилась. Но эта храбрость, неизвестно откуда взявшаяся и неизвестно куда направленная, заставила его выпрямиться, даже незаметно для самого себя. Он так и стоял неподвижно, когда Ши Цинсюань подошёл и похлопал его по плечу.

— Потрясающая личность. Ваше Высочество, уж не знаю, как вам удалось с ним сдружиться, но вы поистине удачливы.

Се Лянь впервые слышал, чтобы кто-то называл его удачливым. Он поглядел на Ши Цинсюаня, улыбнулся и сказал:

— Правда? Пожалуй, да. Мне тоже так кажется.

За их спинами Фэн Синь продолжал молча вытирать кровь. Когда они обернулись и увидели его лицо, облепленное белыми волосками, то с огромным трудом удержались от смеха.

— Ты уж прости, — сказал Се Лянь.

Можно сказать, он извинялся вместо Хуа Чэна. Фэн Синь, оторвав наконец от лица белые ворсинки, недовольно бросил:

— Я проиграл ему в мастерстве, так к чему извинения.

Трое небожителей ещё раз обыскали логово Ци Жуна, удостоверились, что внутри не осталось ни пленников, ни чудом спасшихся демонов, и лишь после этого оседлали ветер и благополучно вернулись в столицу бессмертных.

Пролетев сквозь Врата Вознесения, они увидели множество служащих Средних Небес, которые сновали тут и там целыми отрядами, готовые к встрече с серьёзным противником, и осматривали территорию вокруг каждого дворца по обеим сторонам главной улицы.

А стоило им приблизиться к дворцу Шэнью, обнаружилось, что внутри толпятся чиновники Верхних Небес — издали слышались их громкие споры. Первая же фраза, которую они слышали:

— Хуа Чэн перевернул всё так, что якобы это чертоги Верхних Небес отправили в Призрачный город лазутчика. Поистине неслыханная дерзость! Неужели Верхним Небесам может понадобиться совершать что-то подобное???

Услышав такие речи, Се Лянь и Ши Цинсюань тихонько кашлянули. Вероятнее всего, факт внедрения в Призрачный город шпиона с целью добычи сведений — правда. Кричать об обратном, не разобравшись до конца — слишком опрометчиво, ведь если выяснится, что лазутчик действительно был, получится, что говорящий сам себе вырыл яму!

Троица вошла во дворец, возглавляемая Ши Цинсюанем. Увидев Повелителя Ветров, присутствующие рассыпались в приветственных восклицаниях:

— Ваше Превосходительство, вы вернулись?

— Вам пришлось потрудиться! Надеюсь, вы не утомились!

Взгляды их при этом не отрывались от Се Ляня. Но никто ещё не успел задать ни одного вопроса, когда следом вошёл мрачный как туча Фэн Синь, будто выкарабкавшийся из пруда, наполненного кровью. Небожителей словно сковало ледяной коркой, они поспешно отвели взгляд. Всё-таки никто не желал в относительно спокойной обстановке дворца Шэньу слышать оглашающую небесные просторы брань. И лишь Му Цин не только не последовал всеобщему примеру, но даже наоборот — намеренно уставился в ту сторону, старательно и неприкрыто разглядывая пострадавшего.

Се Лянь поднял взгляд и увидел на почётном месте Цзюнь У, который сидел, подперев рукой лоб и потирая висок. Глаза Владыки были закрыты, будто от лёгкого утомления. И Се Лянь прекрасно понимал его.

В прошлом подобные собрания проводились раз в один-два месяца, а то и реже. В последнее же время происшествия случались одно за другим, за короткий период дворец Шэньу наполнялся посетителями уже несколько раз, будто ежедневно что-то случалось, и порой одного собрания в день было недостаточно. Се Лянь на месте Владыки тоже почувствовал бы усталость. Кроме того, советчиков, желающих высказаться, вокруг собралось не счесть, и все говорили наперебой. Один из небожителей произнёс:

— Он заявился сюда по своему желанию и соединил дворец Сяньлэ напрямую с другим местом, разве вас не пугает данный факт? Сегодня он вот так легко взял и похитил Его Высочество наследного принца, которому не повезло его прогневать, а завтра? Вполне возможно, что он точно так же сможет выкрасть другого чиновника из другого дворца. Ни в коем случае нельзя пускать всё на самотёк, необходимо принять своевременные меры по предотвращению угрозы!

Если бы дело происходило в мире смертных, Хуа Чэна можно было бы сравнить с мятежником, вырывшим подземный ход под императорский дворец и теперь приходящего и уходящего, когда ему вздумается. Разумеется, кто угодно потерял бы покой от подобных новостей. Не удивительно, что отряды служащих Средних Небес усилили меры предосторожности и патрулировали округу.

Му Цин же делал упор совсем на другое, он бесстрастно произнёс:

— У Хуа Чэна столько последователей, весь Призрачный город принадлежит ему, ну что для него значит какой-то Дом Блаженства? Сожгли и сожгли! Я сильно сомневаюсь, что Хуа Чэн ворвался в столицу бессмертных именно ради взыскания долга с Его Высочества.

Ши Цинсюань тут же парировал:

— Генерал Сюаньчжэнь, а вот тут вы неправы. Ведь все слышали, как Хуа Чэн это признал. Да и вообще, чья очередь в этом месяце охранять подходы к столице? Кто-то применил магию к воротам дворца Сяньлэ, привязав их к другому месту, и совершённое осталось незамеченным. Можно ли считать это невыполнением служебных обязанностей?

Пэй Мин, который стоял в стороне, сложив руки на груди, и невозмутимо хранил молчание, после этой фразы отозвался:

— Моя очередь.

Ши Цинсюань по невнимательности ошибся — он-то думал, что была очередь Му Цина, а в итоге оказалось, что камень полетел в огород Пэй Мина. Неловко вышло, ничего не скажешь. Однако Пэй Мин не стал уклоняться от ответственности:

— В этом месяце за патрулирование столицы отвечал я. И случившееся — действительно моё упущение.

Небожитель, находящийся в дружеских отношениях с Пэй Мином, тут же помог ему выйти из затруднительного положения:

— Как мне кажется, нам следует рассматривать происшествия по одному за раз. Для начала давайте разберёмся с инцидентом на кровавом Пиру Чистого Золота!

Внезапно послышался голос Линвэнь, которая стояла у подножия трона Цзюнь У:

— Есть новости от Его Высочества Тайхуа.

Цзюнь У немедля открыл глаза.

— Что он сказал?

Линвэнь, помолчав мгновение, ответила:

— Он сказал, что в деле о Пире Чистого Золота государства Юнъань выяснились скрытые обстоятельства. И позднее он сам разрешит все вопросы с Его Высочеством наследным принцем, вмешательство со стороны не требуется. Также он просит ни в коем случае не давать Его Высочеству разрешения на самонизвержение, это к делу не относится.

Му Цин насупил брови:

— Какие ещё скрытые обстоятельства?

Линвэнь ответила:

— Больше ничего, это всё сообщение.

Никто не ожидал, что тяжёлый молот назревающей битвы, занесённый с такой яростью, в конце концов опустится лёгкой пушинкой. Небожители невольно ощутили разочарование. Лан Цяньцю ведь был пострадавшим, а если пострадавший решил не призывать преступника к ответу, о каком спектакле для зевак может идти речь? К тому же, Лан Цяньцю ничего не объяснил, да и Се Лянь, судя по всему, объяснять не собирался, так что никакой пицци для обсуждений здесь не осталось.

Цзюнь У отрядил Фэн Синя и Му Цина в помощь Пэй Мину для усиления охраны, затем уладил ещё несколько вопросов и помахал рукой, делая всем знак расходиться.

Се Лянь остался и краем уха услышал чей-то разговор:

— Так и знал. Каждый раз, когда он что-то вытворяет, Владыка обещает разобраться, а в итоге всё поворачивается так, будто ничего и не произошло...

— Имеющий глаза не разглядел гору Тайшань, что оказалась изваянием будды^[95]. Впредь будь осторожнее в высказываниях.

Когда все разошлись, Се Лянь вышел в центр зала и склонился в поясном поклоне перед Цзюнь У.

— Я доставил вам хлопот.

Цзюнь У возразил:

— Это вовсе не хлопоты. Если бы ты продолжал утверждать, что кровавый Пир Чистого Золота — твоих рук дело, создал бы мне настоящие неприятности.

Поколебавшись, Се Лянь всё же рассказал Владыке всё, от начала до конца.

Тот выслушал и вынес вердикт:

— Сяньлэ, ну что за поступок. Столько усилий, и никакой благодарности, лишь вызвал на себя всеобщий гнев.

Се Лянь виновато потупился.

— Я понимаю.

— Ну что с тобой делать. Ты всегда так поступал. Сейчас Тайхуа переключил внимание на поиски Ци Жуна, но когда закончит с ним, то наверняка снова придёт по твою душу. Ты уже придумал, что ответишь на его обвинения?

— Нет. Но сейчас у меня есть иной повод для раздумий.

Цзюнь У с улыбкой спросил:

— И что же это за повод? Может быть, поделишься, порадуешь меня занимательным разговором?

— Это вы отправили Повелителя Земли шпионом в Призрачный город?

Цзюнь У невозмутимо ответил:

— Да.

— Но почему?

Голос Цзюнь У звучал размеренно:

— Потому, что Хуа Чэн первым заслал своего шпиона в Небесные чертоги.

Се Лянь от неожиданности застыл. Цзюнь У поднялся со своего места и продолжил:

— Долгие годы Хуа Чэн чрезвычайно быстро узнавал многие известия, и даже в том, чего ему знать не полагалось, был осведомлён

в мельчайших подробностях. Он прекрасно понимает, что дозволено, а что нет, где находится грань, которую запрещено переступить, и как пройти ровно по ней, а иногда и продавить немного дальше. В этот раз Хуа Чэн проложил ход прямо к дворцу Сяньлэ, что является косвенным доказательством присутствия в чертогах Верхних Небес его сообщника. В противном случае ему бы не удалось совершить подобное.

Честно говоря, Се Лянь в некоторой степени подозревал, что это так. Ведь Хуа Чэну в самом деле известно слишком многое, поэтому слова Цзюнь У не стали для него неожиданностью, в которую трудно поверить.

Принц спросил:

— У вас есть прямые доказательства?

Цзюнь У мягко покачал головой:

— Именно по причине отсутствия таковых, мучимый нескончаемыми подозрениями, я отправил Мин И шпионом в Призрачный город. К несчастью, крот в чертогах Верхних Небес ещё не был обнаружен, когда Мин И сам оказался в руках противника. И хотя благодаря тебе Повелителя Земли удалось выволить живым, всё же теперь найти лазутчика Хуа Чэна стало ещё труднее.

— Утечка идёт из Верхних Небес или из Средних?

— Трудно сказать. Считай, что, исключая тебя, это может быть кто угодно. Возможно, он только один, а возможно, их больше.

Се Лянь не удержался от мысли: «Неужели Повелитель Ветров, Цяньцю, Фэн Синь и Му Цин тоже попадают под подозрение?»

Цзюнь У прервал его размышления такими словами:

— Сяньлэ, я знаю, сейчас ты наверняка питаешь к Хуа Чэну тёплые чувства. Ты сам должен разбираться в людях, это твоё личное дело, с кем заводить дружбу, и посторонним не следует давать тебе советы. Но в случае необходимости, прошу, будь осторожен с Хуа Чэном, не стоит во всём доверяться ему. Каждый из тех, кто смог достичь уровня непревзойдённого, прошёл через страдания, которые обычный человек не способен даже представить. Пережитое приведёт либо к поразительному взлёту, либо к неминуемой гибели. Два Князя Демонов ранга «непревзойдённый» — Черновод и Хуа Чэн, выжившие в недрах горы Тунлу, намного страшнее, чем ты можешь себе вообразить.

Се Лянь стоял с опущенной головой, не протестуя, но и не соглашаясь с ним. Цзюнь У продолжил:

— Мне не известна ни его цель, ни дальнейшие действия, а вот ему о целях и намерениях чертогов Верхних Небес известно всё. И это очень неблагоприятно для нас.

На последней фразе Се Лянь поднял голову и, не подумав, обронил:

— Сань Лан, он... — Однако когда Цзюнь У одарил его пристальным взглядом, принц запнулся и исправился: — Не думаю, что Хуа Чэн зайдёт слишком далеко в своих планах. Всё-таки, посудите сами, с его возможностями, пожелай он навредить нам и погрузить Небеса в хаос, то давным-давно перевернул бы здесь всё вверх дном. Но если раньше он не совершил ничего подобного, то, думаю, не совершит и впредь. Если, конечно, не возникнет никакой по-настоящему серьёзной проблемы.

— Хотелось бы, чтобы твои слова оказались правдой. Но, ты же знаешь, я не могу рисковать.

Се Лянь покинул дворец и пошёл по улице Шэнью.

Проходя мимо дворца Сяньлэ, он остановился и окинул строение внимательным взглядом.

Дворец, который Цзюнь У возвёл для него, поражал великолепием и сиял новизной, но в то же время казался чужим. На киноварно-красных воротах, украшенных рядами блестящих клёпанных гвоздей в форме полусфер, уже виднелось огромное косоое перекрестье из двух печатей, исписанных текстами заклинаний, ошеломляющих своей мощью.

Ши Цинсюань, перед тем как покинуть дворец Шэнью, сообщил принцу, что его дворец временно запечатан, поскольку врата соединены с другим местом при помощи магии. И что он может пока поселиться во дворце Повелителя Ветров. Однако Се Лянь, пристально поглядев на этот «дворец Сяньлэ», вдруг развернулся и направился прочь. Но не к дворцу Повелителя Ветров. Принц решил пока отложить всё то, что собирался сделать, просто пошёл, куда глаза глядят, прошёл сквозь Врата Вознесения и спрыгнул вниз.

Пролетев сквозь белоснежную пелену облаков, он приземлился в месте под названием гора Тайцан.

Именно здесь когда-то располагалось священное место, где члены императорского рода древнего государства Сяньлэ занимались духовными практиками и проводили сакральные церемонии и обряды — монастырь Хуанцзи.

Это был огромный храмовый комплекс, залы и строения которого покрывали всю гору Тайцан. В них поклонялись сразу нескольким божествам, статуи которых дополняли красоту и величие друг друга. Главным божеством являлся Император Шэньу, его золотой дворец располагался на самом высоком горном пике. А вторую по высоте вершину когда-то венчал процветающий храм наследного принца Сяньлэ.

Восемьсот лет назад гору Тайцан сплошь покрывал горящий словно красное пламя кленовый лес, местность эта славилась живописными пейзажами. На тропах среди кленового леса всегда толпилось множество людей, верующие стекались сюда рекой. Но впоследствии, когда государство Сяньлэ пало, многие бывшие последователи такой же толпой ринулись на гору с иной целью — сжечь храм наследного принца, что и привело к лесному пожару, который захватил добрую половину горы Тайцан, превратив её склоны в выжженный пустырь.

Но почва после пожара, так же как земля, в которой погребены мёртвые, будто бы становится более плодородной. Поэтому по прошествии нескольких сотен лет здесь вырос новый лес, пустивший корни в обожжённой земле, и теперь горы снова покрывали густые заросли. Только больше не было видно красных листьев, пейзаж разительно отличался от картин восьмисотлетней давности.

Когда-то на гору вела широкая и ровная дорога, выложенная голубовато-серым камнем, и время от времени здесь встречались паломники, пришедшие поклониться храмам на горе, или же молодые монахи, несущие на спине вязанки хвороста или воду в коромысле. Теперь же горная тропа давным-давно исчезла, её погребли под собой упавшие с вершины камни, сорняки и поломанные ветки. Се Лянь поднимался на гору, полагаясь лишь на ноги, которые несли его сами, а если на пути встречались заросли колючих кустарников, он вынимал из-за спины Фансинь и острым клинком прокладывал себе путь сквозь сухие ветки и сорные травы.

Добравшись до середины склона горы, Се Лянь ощутил усталость и прислонился к стволу высохшего дерева, чтобы немного передохнуть. Как вдруг сверху упало что-то угольно-чёрное и со странным скрипом полетело прямо на принца.

Се Лянь ловко увернулся. Он было решил, что с дерева упала сломанная ветка или птичье гнездо, но присмотрелся и увидел длинную, сгнившую до неузнаваемости доску и две прикрепленные к ней цепи, полностью покрытые ржавчиной. Иной затруднился бы сказать, что это такое, но Се Лянь сразу разглядел в сгнившей доске... качели.

В былые времена на горе Тайцан тут и там висели качели, пригодные и для игр, и для тренировок. В детстве, едва Се Лянь начал запоминать события, родители взяли его в монастырь Хуанцзи попросить благословения Небес. По пути принц увидел группу молодых монахов, которые устроили тренировочный бой на качелях, да такой захватывающий и красочный, что даже государь и государыня засмотрелись, а уж Се Лянь так и вовсе хлопал в ладоши и кричал «браво». Принц упросил родителей щедро вознаградить монахов, и с тех пор в его душе прочно закрепилось мнение, что самосовершенствование — это захватывающе и весело. Что же касается решения принца по-настоящему поступить в ученики к наставникам монастыря и заниматься самосовершенствованием, оно принималось вовсе не ради веселья.

Передохнув немного, Се Лянь продолжил восхождение. И чем дальше он продвигался, тем гуще становились заросли кустарников и сухих лиан. То и дело пробегали мелкие животные, так быстро, что принц замечал лишь тень пышного хвоста, мелькнувшего в траве; да ещё скакали по деревьям белки, которые держали в лапках сосновые шишки, грызли орехи и украдкой поглядывали на незваного гостя.

Колючие кустарники, преграждающие путь, царапали руки и одежду Се Ляня, однако он совершенно не замечал этого. Дорога заняла целых шесть часов, когда он наконец добрался до Пика Принца.

Разумеется, Пик Принца изначально назывался иначе, имя сменили лишь потому, что здесь стоял храм наследного принца. В зарослях сорной травы то тут, то там виднелись лишь островки плитки, выложенной орнаментом черепашьего панциря, да ещё прятался обуглившийся каменный фундамент. Когда-то он был

основанием главного зала. Принц направился дальше и обнаружил развалины стен, черепки, покрытые глазурью, и посреди всего этого — открытый зёв древнего колодца.

Заглянув внутрь, он увидел, что колодец давным-давно высох и в глубину достигал не более нескольких чи. Дно, насколько можно было разглядеть, покрывал слой грязи. Се Лянь, впрочем, без тени сомнений сделал шаг и спрыгнул вниз.

Он не свалился в грязь. Вместо этого пролетел сквозь заброшенную иллюзию на несколько чжанов в глубину и коснулся ногами твёрдой земли.

Вокруг стояла кромешная тьма, вытяни руку — пальцев не разглядишь, а если посмотреть наверх, не увидишь солнца, будто над головой висел плотный тканый полог, не пропускающий свет. Принц не без труда нащупал на дне колодца несколько кирпичей, на которые надавил в определённой последовательности и услышал гулкий скрежет — рядом в стене открылась очень низкая дверца. Се Лянь лёг на живот и пополз по проходу за ней. Едва оказавшись внутри, он услышал, как дверца закрылась с таким же скрежетом. Спустя четверть часа тоннель закончился. Се Лянь выпрямился, щёлкнул пальцами и зажёл пучок пламени.

Когда на пальцах заплясал огонёк, неподалёку, будто откликаясь на зов, начало разгораться тусклое сияние, похожее на яркую жемчужину или чьи-то сверкающие глаза, пробудившиеся от глубокого сна.

Спустя мгновение такие светящиеся жемчужины одна за другой загорелись целым роем, озаряя округу, и стало возможным разглядеть, что принц находился в просторном зале подземного дворца, потолок которого украшали бесчисленные сияющие созвездия.

Весьма сложно было предположить, что императорская усыпальница древнего государства Сяньлэ скрывается под обожжённой пожаром горой Тайцан. Мерцающие созвездия складывались из инкрустированных в потолок жемчужин, наделённых свойством сиять в темноте, а также алмазов. Жемчужины, затронутые внешним источником света, излучали собственное сияние, а алмазы отражали его. Жемчужины и драгоценные камни дополняли и усиливали блеск друг друга, создавая иллюзию, будто здесь, под землёй, спрятался маленький Млечный Путь.

За каждую такую жемчужину или камень можно купить несколько городов, скovyрнёшь один — и всю жизнь сможешь провести в достатке, славе и бесконечном наслаждении. Но Се Лянь даже взгляда не бросил на сокровища, он пересёк подземный зал и подошёл к самому дальнему склепу.

В сравнении с храмовым залом этот склеп казался невзрачным, поскольку на самом деле даже не был достроен — внутри не оказалось пышного убранства, только два саркофага. А между саркофагами торжественно стоял человек. Парадные одеяния, золотая маска на лице и меч, сверкающий белоснежным клинком, направленный прямо на принца.

Однако человек сохранял неподвижность, не делая и шага вперёд. Се Лянь вошёл в склеп, не обращая на него никакого внимания, просто потому что знал — под маской нет лица, а под парадными одеяниями нет их владельца. Лишь чучело, сделанное из палок и соломенных жгутов, призванное обмануть несведущего схожестью с настоящим стражем.

Многие годы лишь это парадное одеяние да золотая маска вместо него служили компанией двум одиноким гробам. На крышке каждого саркофага стояло по маленькому золотому блюду, а на блюде — совершенно не подходящая обстановке картина: фрукты, иссохшие и сморщенные до такой степени, что остались лишь косточки, и твёрдые кусочки чего-то заплесневевшего и почерневшего до полной неузнаваемости. Се Лянь собрал испортившиеся подношения с блюд и выбросил в угол склепа. Затем поискал за пазухой, но ничего не нашёл — при нём была лишь половинка маньтоу, но и ту он отдал Хуа Чэну. Поэтому принц произнёс:

— Отец, матушка, простите, я забыл принести подношение, чтобы помянуть вас.

Ответа ему, конечно, не последовало. Се Лянь медленно сел на пол, опираясь на изголовье саркофага.

Посидев так несколько минут, Се Лянь заговорил:

— Матушка, я видел Ци Жуна. Он не погиб, просто обернулся демоном. Не представляю, чем он занимался несколько сотен лет. — Принц покачал головой. — Он... погубил очень много людей, а теперь другой человек хочет убить его, да и чертоги Верхних Небес, должно

быть, не спустят содеянное ему с рук. Ох, не знаю, как его можно исправить.

Он хотел рассказать ещё что-то, как вдруг совсем рядом с ним послышалось тоненькое всхлипывание.

Се Лянь остолбенел и мгновенно переменялся в лице.

Он вслушался и понял, что ему не показалось. Это действительно был плач. Причём очень тихий, едва различимый, и если не задерживать дыхание и не прислушиваться, ничего не заметишь. К тому же, плач звучал очень тоненько, как будто плакал... если не ребёнок, то наверняка женщина.

Плач раздавался в непосредственной близости от него, будто отделённый лишь тонкой стеной, а то и вовсе ничем. Се Лянь резко развернулся и убедился, что звук исходит из саркофага, к которому он прислонился!

Чрезвычайно ошеломлённый, Се Лянь всё-таки не смог удержать сорвавшийся с губ вопрос, наполненный радостью:

— Матушка, это ты?!

Однако почти сразу принц пришёл в себя — того, на что он так надеялся, просто не могло произойти. Его мать безвременно скончалась ещё восемьсот лет назад. Она покинула круговорот бесконечных страданий и потому не могла обернуться призраком безвинно погибшего. К тому же, в этом плаче не было ни звука печали, только страх.

Но кто мог в этот самый момент прятаться в гробу его матери?!

Се Лянь не медлил ни мгновения — резким движением отбросив крышку гроба в сторону, правой рукой он занёс Фансинь для удара. Но когда принц разглядел, что же находится под крышкой, клинок меча немедленно остановился.

В гробу не было никого другого, кроме человеческой фигуры в великолепном чёрном одеянии, лицо которой закрывал погребальный покров.

Изначально внутри лежала мать Се Ляня, но тот, кто сейчас занимал её место, просто не мог оказаться ею. Поскольку ростом был намного меньше, да и очертания тела совершенно не совпадали, а самое важное — фигуру в гробу до сих пор била дрожь, значит это наверняка живой человек!

Се Лянь рывком сдёрнул погребальный покров и увидел под ним лицо маленького ребёнка!

В одно мгновение даже его сердце похолодело от увиденного. Принц схватил ребёнка, в его голосе послышался страх пополам с потрясением:

— Где моя матушка? Где она?! Что ты сделал с её телом?!

На первый взгляд эти роскошные чёрные одеяния не обладали никакими особыми свойствами, однако на самом деле были изготовлены из нитей коконов редчайших шелкопрядов, условия выращивания которых держались в секрете. Шёлковую нить преподнесли в дар гости из небольшого чужеземного государства. Прошедшая несколько этапов тщательной обработки, она превращались в готовое одеяние, которое, вкупе с лекарственными травами и ароматными благовониями, помогало сохранить тело усопшего, запечатанное в гробу. Таким образом, труп не сгнивал многие века, а посмертный облик оставался таким же, как при жизни. Вот только в этот самый момент одеяния из редкого шёлка оказались надеты на маленького ребёнка. Но где же тогда тело его матери? И что с ним теперь стало?

Се Лянь не решался задумываться об этом. Он лишь схватил неизвестно откуда взявшегося ребёнка и суровым тоном принялся допытываться:

— Где моя матушка? Кто ты такой? Как ты здесь оказался? Куда ты подевал мою матушку?!

Но разве напуганный до слёз малыш был в состоянии ответить на эти вопросы? От страха он не мог выговорить и слова. Се Лянь вытащил его из саркофага и тут же заметил, как с шёлковых одеяний посыпался серовато-белый порошок.

Побелев от ужаса, принц заглянул в саркофаг и обнаружил на дне слой точно такого же порошка. В одно мгновение ему показалось, что Небо и Земля начали меняться местами, сердце едва не остановилось, руки ослабли. Выпустив ребёнка, он, совершенно обескураженный, упал на колени у края гроба.

Он никак не решался дотронуться до порошка, но в то же время не мог оставить его вот так, рассыпанным, будто пепел от догоревших благовоний. Ему ни на миг не хотелось признавать этого, но в душе принц прекрасно понимал, что это такое.

Во что ещё мог превратиться труп, восемьсот лет хранившийся в особом коконе из шёлковых одеяний, из которых его столь бесцеремонно вынули?

В какой-то момент в душе Се Ляня воцарилось смятение, он ни о чём другом не мог помыслить, лишь обхватил голову руками, пытаясь избавиться от гула в ушах. Внезапно спину принца обдало холодом. Он инстинктивно ощутил опасность, рывком развернулся и молниеносно выбросил вперёд ладонь, схватившись за острый клинок. Се Лянь увидел позади деревянное чучело, стоявшее без движения всё время с тех самых пор, как он вошёл в склеп, а теперь напавшее на него со спины!

Выходит, кто-то пробрался сюда раньше принца и устроил засаду — обрядился в его одеяния, надел золотую маску и притворился безжизненным чучелом, преспокойно ожидая его появления. Раздался звон меча, Се Лянь голыми руками разломил клинок пополам. Его ладони залило кровью, однако лицо осталось бесстрастным. Сокрушительный пинок в живот — и принц крепко прижал нападавшего к полу, наступив на грудь. Тот схватился за его сапог и попробовал вырваться, но попытка провалилась — не удалось даже сдвинуться с места, будто его пригвоздили к земле. Се Лянь склонился над пленённым и сбил золотую маску, под которой оказалось лицо молодого мужчины. Принц закричал на него:

— Кто ты такой?! Расхититель усыпальниц?! Как ты вошёл сюда?!
Как вдруг послышался крик ребёнка:
— Папа!

Стоило Се Ляню услышать его, и он тут же вспомнил. Этих двоих — ребёнка и взрослого — он уже видел раньше. Разве это не отец и сын, которых Ци Жун едва не сварил на обед в своём логове?!

Се Лянь немедленно понял, в чём дело. Он наградил мужчину молниеносным ударом кулака в челюсть и взбешённо заорал:

— Ци Жун, выметайся оттуда! Я убью тебя!!!

Мужчина выплюнул кровь и засмеялся в ответ:

— Мой царственный братец, как я рад снова тебя видеть! Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Лицо было совершенно другим, но кому ещё могла принадлежать эта безумная улыбка умалишённого, как не Ци Жуну? Он додумался обернуться бесплотной сущностью и захватить тело молодого отца!

Сомнений быть не могло — наверняка, когда Лан Цяньцю забросил Ци Жунуна в котёл, тем самым уничтожив его материальное тело, тот, спасаясь от погони, воспользовался всеобщей суматохой и смешался с толпой людей, которые уносили ноги из пещеры, занял тело молодого мужчины, а затем явился в усыпальницу рода Сяньлэ. Иначе каким образом обычный человек мог узнать расположение склепа Сяньлэ, которое держалось в строжайшем секрете, и оказаться здесь в столь короткий срок?

Он взял ребёнка с собой, возможно для того, чтобы позже съесть его, а возможно, чтобы спрятать в гробу, как он сделал только что, и тем самым отвлечь внимание Се Ляня, а затем атаковать со спины, воспользовавшись представившимся шансом.

Се Лянь отвесил ещё удар, отчего Ци Жунуна даже состроил обиженную мину, схватился за лицо и завопил:

— Братец, чего ты так вспылел? Ну проткнул бы я тебя разок, тебе всё равно ничего не сделается, хи-хи-хи-хи!

Последовало ещё два глухих удара, глаза Се Ляня налились кровью.

— Как моя мать к тебе относилась?! И как ты поступил с ней?! С её прахом?!

Ци Жунуна хмыкнул:

— Тётка давно умерла, её больше нет, так какая разница, хранится её труп в виде тела или в виде праха? Тот же труп, только форма сменилась, и всё. Она же никуда не делась, а ты уже распустил нюни. И как только у тебя рука поднялась столько жестоко обойтись тогда с Аньлэ? Не думал, что мой дражайший братец на самом деле двулик, хэ-хэй! — После этих слов выражение его лица внезапно переменилось, он зло выплюнул: — Почему я так поступил с ней? Кого же ещё винить в этом, как не тебя? Сам-то не догадываешься? Это ты во всём виноват! Ты, злой дух поветрия, как только совести хватило прийти плакаться в усыпальницу императорского рода Сяньлэ!

Се Лянь придавил его сильнее, и Ци Жунуна громко завопил, истекая кровью изо рта, однако его охватило ещё большее возбуждение, обеими руками он вцепился в окровавленный сапог принца и взвизгнул:

— Да, да! Вот так, вот он — настоящий ты! Дерись, сражайся, убивай, бей изо всех сил! Изо всех сил! Отбрось образ святого

недотёпы, который жертвует собой ради высшей цели и страдает так, что словами не передать. Меня тошнит от одного взгляда на тебя, буэ!

Тут к ним подобрался ребёнок, который со слезами заголосил:

— А-а-а! Папа, папа, что с тобой?!

Мальчик, конечно, не понимал, что происходит, он видел только, как кто-то жестоко избивает его отца. Для него Се Лянь сейчас был настоящим демоном, монстром во плоти. Мальчишка ужасно боялся, что его единственного родного человека сейчас убьют, и потому не убежал, а изо всех сил пытался сбросить с груди отца ногу злого демона. Мужчина то и дело плевался кровью, и мальчуган, напуганный до полусмерти, ручонками закрывал отцу рот, словно думал, что таким образом сможет остановить кровотечение. От этой картины Се Лянь немного остыл. Подумав, что хозяин этого тела ни в чём не виноват, принц ослабил давление и опустил Фансинь, ткнув остриём в щёку Ци Жун. В голосе принца прозвучала угроза:

— Ци Жун. Сейчас же. Выкатывайся оттуда! Если не выйдешь, я вытяну тебя за язык, вот увидишь!

В теории, если выдрать язык человека с корнем, то действительно можно вместе с ним вытащить и дух демона, захватившего тело. Ци Жун ответил:

— А вот и не выкачусь. Не выкачусь, и всё, что скажешь на это? Тяни сколько хочешь, давай-давай, убей меня! Я сейчас слаб, и если убьёшь этого человечешку, то возможно, что и я вместе с ним помру, не упущу такой прекрасной возможности, ведь тебе никогда в жизни не отыскать мой прах, и не мечтай! — Он даже высунул язык, будто ему не терпелось, чтобы Се Лянь осуществил угрозу и жутко кровавым способом вытянул его дух из тела. Затем невнятно проговорил: — Всё равно человек, чьё тело я занял — лишь никому не нужный кусок мяса, давай, действуй, никто не узнает, никто не озаботится, священное сияние вокруг Его Высочества наследного принца не померкнет ни на миг. Смотри! Я даже твою мать рассеял в прах, неужели ты не убьёшь меня? Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Мальчишка никак не мог сдвинуть сапог Се Ляня, и тогда схватился за его ногу и громко заплакал:

— Не убивайте моего папу! Не убивайте его!

Дыхание Се Ляня с каждым вдохом становилось всё чаще, голова кружилась, по телу проходила дрожь. Он всей душой желал одним ударом размозжить череп Ци Жун, и всё же не мог позволить себе совершить желаемое. Ци Жун развёл руки в стороны.

— Ха-ха-ха-ха, мой царственный братец, неудачник, ну какой же ты неудачник!

Се Лянь приподнял его с пола, занёс кулак и принялся удар за ударом безжалостно бить по лицу, на каждый удар бранясь:

— Заткнись! Заткнись! Заткнись!

Но чем больше разъярялся Се Лянь, тем радостнее становился Ци Жун. Пускай ценой стало жестокое избиение, он готов был её заплатить, тем самым затащив своего палача в ад вместе с собой. Ци Жун получал безграничное удовольствие, его глаза ярко блестели.

— Смотрите! Он наконец показал своё истинное лицо! Мой царственный братец, разве в этом мире есть хоть кто-то, знающий тебя лучше моего? Нет. Ты надел маску бездомного пса, на которого может двумя ногами наступить любой желающий, но мне, как никому другому, известно, что в душе ты всё так же высокомерен, ты ведь никогда не мог стерпеть, когда кто-то называл тебя неудачником! И теперь, когда я нарёк тебя таковым, ты наверняка до смерти ненавидишь меня! Признайся, это задело тебя так, что сердце кровоточит? Давай же! Или ты сейчас скажешь мне, что этот человек ни в чём не повинен, и поэтому ты не станешь убивать меня, чтобы не навредить ему? А ну-ка! Позволь узреть, как ты поступишь!

Он хохотал так самодовольно и задиристо, что Се Лянь потерял всяческое терпение.

«Цзынь!» — чёрный клинок Фансиня с громким звоном взлетел вверх, а после безжалостно опустился!

Том второй

Роковой прыжок на улицэ Шэньу

Роковой прыжок^[96] на улицэ Шэньу

Клинок меча пронзил сердце демона насквозь, он повалился наземь, убитый.

— Повержены нечистые силы, Небеса ниспослали нам своё благословение!

По обеим сторонам улицы Шэньу бушующими волнами закипал гул толпы, всё громче и громче с каждым мгновением. На круглой площадке перед киноварно-красными воротами императорского дворца двое монахов, исполнивших роли сражающихся небесного божества и демона, отвесили поклоны по кругу, выражая благодарность публике, и, по-прежнему не выпрямляя спины, разошлись в разные стороны. Когда представление для разогрева публики завершилось, воодушевление среди зрителей взметнулось до небес. Теперь не только

на улице яблоку негде было упасть, смельчаки столпились даже на крышах, все хлопали в ладоши, кричали, выражая одобрение и требуя продолжения, размахивали руками и прыгали от радости. Толпа безудержно ликовала.

Чтобы взглянуть на великолепное зрелище, весь народ стёкся сюда, покинув свои жилища. И если когда-нибудь люди спросят, какое в истории государства Сяньлэ шествие в честь ежегодного жертвоприношения Небесам на Празднике фонарей достойно называться самым неповторимым, наверняка ответом станет сегодняшний день!

На высоких трибунах ряд за рядом восседала взирающая на происходящее сверху аристократия и знать в роскошных одеяниях. Все без исключения лица, будто вырезанные из нефрита, сияли подобающими окружению улыбками. А внутри императорского дворца терпеливо ожидала своего выхода процессия из нескольких сотен человек. Прозвенел колокол, и советник государства, разгладив несуществующие усы, начал перекличку:

— Воины, прокладывающие путь!

— Здесь!

— Танцовщицы!

— Здесь!

— Музыканты!

— Здесь!

— Лошади!

— Привели!

— Демон!

— Здесь.

— Воин, радующий богов!

Ответа не последовало. Советник нахмурился, предчувствуя неладное, обернулся и спросил:

— Исполнитель роли Шэнью? Где Его Высочество наследный принц?

По-прежнему никто не ответил. А тот, кто отозвался на «демон», спустя мгновение снял свирепую клыкастую маску, обнажив бледное изящное лицо.

Под маской оказался юноша, лет шестнадцати-семнадцати, с безупречно чистой бледной кожей и такими же бледными губами, но

при этом с глазами цвета обсидиана, яркими и сверкающими. Несколько чрезвычайно тонких прядей мягких волос падали на лоб и щёки юноши, он производил впечатление спокойного и смышлённого человека, что составляло яркий контраст со свирепой маской, которую он держал в руке.

Юноша тихо ответил:

— Его Высочество отошёл.

Советник едва не бухнулся в обморок.

К счастью, он помнил, что перед важным событием обмороки недопустимы, поэтому устоял на ногах и, охваченный ужасом, забормотал:

— Как?! Как он мог отойти?! Когда Его Высочество отошёл? Вот-вот почётный караул выйдет из дворца, вытянет платформу, на которой не окажется божества, только демон, и тогда каждый подойдёт, чтобы плюнуть в меня — вы и моих старых костей не выловите! Му Цин, почему ты не задержал его?!

Му Цин потупился:

— Перед тем как уйти, Его Высочество просил передать вам: не стоит беспокоиться, просто действуйте, как задумано, не нарушая порядка, а он скоро появится.

Советнику показалось, что его сердце жжёт огнём от переживаний.

— Да разве можно не беспокоиться? Что значит — скоро появится? Когда это — скоро? А если он не успеет, что тогда?

Народ за воротами императорского дворца, ожидавший снаружи уже несколько часов с самого рассвета, давно потерял терпение — люди громко кричали, поторапливая процессию. К советнику подбежал один из монахов.

— Ваше Превосходительство, государыня послала слугу узнать, почему почётный караул не начинает шествие? Счастливей час^[97] вот-вот пройдёт, если сейчас не начать, время будет упущено.

Выслушав монаха, советник искренне пожелал, чтобы прямо сейчас в город вторглась армия мятежников, и это шествие, и жертвоприношение Небесам, и весь Праздник фонарей катился в тартарары.

И ведь надо же было в такой жизненно важный момент всё испортить!

Если бы виновником неприятностей оказался кто угодно другой, советник давным-давно воспылил бы гневом. Даже если бы он схватил меч и убил наглеца, никто бы не удивился. Но надо же было такому случиться, что этим человеком окажется его гордость, его самый-самый драгоценный ученик, да ещё и кое-чей самый-самый драгоценный сын. Ни поколотить, ни отругать, ни тем более убить его, конечно же, нельзя. Чем покуситься на жизнь принца, лучше уж сразу избрать самоубийство!

Внезапно кто-то вбежал в императорский дворец сквозь темнеющий коридор главных врат и громко спросил:

— Ваше Превосходительство, почему всё ещё не отдан приказ выступить? Нужный момент вот-вот наступит, снаружи все заждались!

Говорящий тоже оказался юношей шестнадцати-семнадцати лет, обладателем стройной фигуры, высокого роста и кожи цвета пшеницы. За его спиной виднелся чёрный лук и белоснежные оперения стрел в колчане. Он плотно поджимал губы и сурово хмурил брови; невзирая на молодость, взгляд его излучал решительность. Увидев юношу, советник тут же вцепился в него с криком:

— Фэн Синь! Где Его Высочество?!

Фэн Синь вздрогнул и тут же будто что-то осознал, его взгляд наполнился яростью, и он наградил этим гневным взглядом Му Цина. Но тот уже безмолвно нацепил маску, за которой скрылось выражение его лица. Фэн Синь мрачно произнёс:

— Сейчас нет времени вам всё объяснять! Немедленно выдвигайтесь, Его Высочество вас не подведёт!

Выбора не оставалось. Что вытянуть платформу без исполнителя роли Шэньу на ней, что протянуть и упустить момент, всё одно — смерть. Советник в отчаянии махнул рукой и отдал приказ:

— Музыку! Выдвигаемся!

Тут же грянули духовые и струнные, передние шеренги в лице сотни воинов императорской стражи разразились стройными криками, замаршировали и повели за собой всю грандиозную процессию.

Вышагивающие впереди воины олицетворяли решительное преодоление препятствий^[98] на жизненном пути. Следом шествовали отобранные из десятков тысяч исключительно целомудренные девушки: кроткие и прекрасные, они держали в белоснежных руках плетёные корзины и разбрасывали вокруг распустившиеся бутоны —

символ благовещего пожелания счастья. Цветы увянут, обернутся ароматной пылью, но благоухание от них останется неистребимым воспоминанием в людских сердцах^[99].

Музыканты восседали в повозке, выкованной из настоящего золота. Появление процессии вызвало бурные приветствия публики, толпа принялась, отталкивая друг друга, ловить летящие бутоны. Но каким бы великолепием, роскошью и торжественностью ни сияла процессия, всё это было лишь прелюдией к главному событию. Красочная платформа, завершающая парад, вот-вот должна показаться из ворот.

Шестнадцать белых лошадей в золотых уздечках медленно прошли сквозь темнеющую арку ворот императорского дворца и появились перед бесчисленной публикой. На платформе стоял демон в чёрных одеяниях с жуткой маской на лице. Выставив горизонтально перед собой чжаньмадао^[100] длиной в девять чи, он молчаливо принял стойку, готовый к битве.

Советник напряжённо взирал на платформу и всем сердцем надеялся на чудо. Однако чуда не происходило. Толпа начала громко возмущаться. Аристократия на высоких трибунах стала недоумённо хмуриться и переглядываться, спрашивая друг у друга:

— Что происходит? Почему Воин, радующий богов, не на платформе?

— Его Высочество не явился на торжество?

— Где Лянь-гэгэ?

В самом центре трибуны восседал мужчина благородной внешности и его драгоценнейшая прекрасная жена, белокожая и нежноликая. То были государь и государыня Сяньлэ. Не увидев того, кто должен был появиться на платформе, государыня слегка обеспокоенно посмотрела на мужа. Государь крепче сжал её руку и утешительным взглядом подал знак не волноваться, а спокойно наблюдать. Вот только толпу людей внизу утешить было некому — они принялись кричать ещё яростнее, и казалось, крыши зданий вот-вот опрокинутся от этих воплей. Советник искренне пожалел, что ему не хватает отваги прямо здесь и сейчас покончить с собой. Однако Му Цин на красочной платформе выглядел абсолютно спокойным, отсутствие противника несколько не повлияло на скрупулёзность

исполнения им роли. Сабля зазвенела в руках, тяжело ударив о платформу, затем вытянулась вертикально вверх.

Посреди столь тяжёлой атмосферы холодного неприятия этот юноша в чёрных одеяниях, исполнившись рвения и мощи, совершенно добросовестно начал представление в роли «демона».

И лицом, и тонкой фигурой юноша, изящный и утончённый, напоминал интеллигентного учёного мужа, но несравнимо тяжёлая сабля в его руках порхала беспримерно легко и проворно, будто невесомая. На платформу друг за другом запрыгнули несколько десятков монахов, играющих роли борцов с нечистью, которых Му Цин точно так же одного за другим одолел и вновь столкнул вниз. Рассуждая по совести, юноша размахивал саблей весьма умело, сражение захватывало красотой, и многие начали выкрикивать ему одобрения. Но всё же подавляющее большинство пришли сюда не ради представления «Демон сражает людей». Толпа беспорядочно загалдела:

— Где Воин, радующий богов?!

— Где Его Высочество?

— Мы хотим видеть Его Высочество в роли Императора Шэньу!
Демон, изыди!

С верхнего этажа послышался возмущённый крик:

— Где мой царственный брат? Это что за чертовщина?! Кому охота глазеть на эту ерунду? Мать вашу, где мой царственный брат?!

Даже без взгляда в ту сторону становилось понятно, кто кричит громче всех. Разумеется, это был князь Сяоцзин^[101], Ци Жун. И когда люди, услышав крики, подняли головы, в самом деле увидели юношу в роскошных светло-бирюзовых одеяниях и с драгоценным обручем на шее. Молодой человек перегнулся через перила, гневно потрясая кулаком в сторону процессии. На вид мальчику было пятнадцать-шестнадцать лет, на припудренном лице выделялись чёрные, подведённые тушью, брови. Его можно было назвать привлекательным, даже красивым, однако облик источал такую злость, что казалось, он сейчас перемахнёт через перила, спрыгнет и кого-нибудь побьёт. К счастью, трибуна располагалась слишком высоко, и прыжок, если не стал бы смертельным, то закончился бы переломом ноги. Поэтому юноша лишь схватил попавшуюся под руку чайную пиалу из белого нефрита и запустил вниз.

Пиала полетела прямо в затылок демону, и вот-вот достигла бы цели, лишив несчастного сознания и забрызгав платформу кровью, однако к всеобщей неожиданности демон чуть повернулся, наклонил саблю и ровнёхонько поймал пиалу концом клинка.

Пиала, покачнувшись, замерла на лезвии, вызвав тем самым взрыв одобрительных возгласов. Му Цин снова подбросил пиалу в воздух, один из монахов под платформой благополучно поймал вещицу, а юноша совершенно спокойно продолжил играть демона, танцуя с саблей и сражая людей. Ци Жуна это ужасно взбесило, он уже хотел запустить в Му Цина ещё чем-то, но государыня приказала слугам оттащить его от платформы, что им вполне удалось, хоть и не без труда. Тем не менее, лица представителей императорского рода становились всё более серьёзными, они понемногу начали волноваться.

Шутка ли — исполнитель роли Шэнью куда-то испарился прямо перед торжественным шествием в честь ежегодного жертвоприношения Небесам!

Как вдруг толпа взорвалась прямо-таки ураганом торжествующих криков, намного более мощным, чем любые одобрительные восклицания, прозвучавшие до этого. Белоснежная фигура спустилась прямо с небес и приземлилась перед чёрным демоном!

В момент его изящного приземления на колени белые одеяния слой за слоем расстелились по красочной платформе, образуя форму огромного цветка. Его лицо скрывала золотая маска. Сжимая в одной руке обнажённый меч, он взмахнул другой рукой и легонько ударил по грозному клинку, который огласил округу приятным звоном. Жест источал невозмутимую безмятежность, словно воин в белых одеяниях ни во что не ставил чёрного демона перед собой. Демон медленно поднял саблю и направил остриём на противника, а воин неторопливо поднялся на ноги.

Глаза Ци Жуна ярко сверкнули, лицо покраснело, он вскочил и громко крикнул:

— Мой царственный брат! Мой царственный брат явился!!!

Абсолютно все присутствующие, и наверху, и внизу, раскрыли рты от удивления.

Подобный выход на сцену поистине мог называться нисхождением небожителя, лишь настоящий смельчак мог отважиться

на подобное!

Башня городской стены в высоту насчитывала не менее, а то и более, десяти чжанов, и Его Высочество наследный принц, который сам по себе уже являлся драгоценным сокровищем, спрыгнул вниз прямо с этой башни! В тот миг бесчисленные зрители решили, что в мир смертных снизошло истинное божество. Теперь же, когда люди пришли в себя, горячая кровь закипела в их жилах от возбуждения пополам со страхом, и толпа разразилась бурными аплодисментами. Ци Жун первым захлопал в ладоши, с такой силой, что ладони покраснели, и закричал так громко, что его голос сорвался на хрип. Государь и государыня с улыбкой переглянулись и тоже поаплодировали, а остальные члены императорского рода заметно расслабились, выдохнули и присоединились к всеобщему ликованию. Толпа по обеим сторонам улицы Шэньу накатила волнами, сотни простолудин до такой степени воодушевились, что неистово пытались прорваться сквозь заградительную шеренгу воинов, всей душой желая подбежать и с громкими криками заключить принца в объятия.

Тем временем на платформе две фигуры — чёрная и белая, демон и божество — встали друг напротив друга и взмахнули каждый своим оружием. Наконец, всё готово к битве.

Всё-таки они успели ко времени. Повисшее в воздухе сердце советника спокойно опустилось, и он поднялся на трибуну. Поприветствовав собравшихся коллег кивком головы, советник занял своё место, чтобы посмотреть на действие внизу. Государь с улыбкой обратился к нему:

— Советник, и как вам пришло в голову столь поразительное начало представления? Вышло поистине впечатляюще!

Советник, стерев пот, улыбнулся в ответ:

— Действительно, в высшей степени впечатляюще. Вот только, мне крайне неловко это признавать, но задумка принадлежит вовсе не Вашему верному слуге. Должно быть, это идея самого Его Высочества.

Государыня легко похлопала ладонью по сердцу со словами:

— Это дитя так и норовит нарушить установленный порядок. Подумать только, никого не предупредив, спрыгнуть с огромной высоты! Я так перепугалась, что едва не вскочила на ноги.

Советник с едва скрываемой гордостью заметил:

— Об этом, Ваше Величество, можете не беспокоиться. Его Высочество наследный принц, должен вам сказать, в боевых искусствах превосходит заурядных мастеров. Не говоря уже о какой-то дюжине чжанов, он способен с закрытыми глазами как запрыгнуть, так и спрыгнуть с башни выше в несколько раз и приземлиться легко-легко, словно пёрышко.

На лице государыни отразилась радость, она мягко произнесла:

— Советник, ваши наставления не проходят даром.

Советник рассмеялся:

— Что вы, что вы, не льстите мне. Его Высочество — баловень Небес, талантами превосходящий иных, одарённый от природы отпрыск императорского рода^[102]. Возможность обучать Его Высочество — истинное везение для Вашего верного слуги и всех наставников наследного принца. У меня есть благое предчувствие, что Его Высочество непременно сделает сегодняшнее представление ярчайшим в истории радующим богов сражением в честь жертвоприношения Небесам.

Советник вплёл в свою речь четыре иероглифа «небо» один за другим, да так складно, что лицо государя озарила улыбка.

Он развернулся, возвращаясь к зрелищу внизу, и ответил:

— Пусть ваши слова окажутся пророческими.

Во время шествия на Празднике фонарей главными действующими лицами являлись исполнители роли Шэньу и свирепого демона. Обоих должны были играть юноши, превосходно владеющие искусством фехтования. В особенности это касалось первого, ведь одеяния Воина, радующего богов, изготавливались согласно строгому церемониалу и отличались необыкновенным великолепием, по завершении всех необходимых деталей костюм с ног до головы весил около сорока-пятидесяти цзиней.

И воину, взвалившему на себя столь тяжёлую ношу, предписывалось несколько раз обогнуть городские стены на виду у бесчисленных зрителей, завершить двухчасовое представление и в процессе не допустить ни малейшей ошибки. Не удивительно, что выдающиеся успехи в искусстве фехтования являлись необходимым условием для исполнителя.

К счастью, искусство обоих юношей можно было назвать чрезвычайно выдающимся. Сверкала сабля и мелькало остриё меча,

один нападал, другой отступал, бой вышел на редкость красивым, движения идеально выверенными — наверняка перед выступлением они провели огромное множество тренировок.

— Кто исполняет роль демона, с которым сражается принц? — поинтересовался государь.

Советник тихо кашлянул, прежде чем сказать:

— Ваше Величество, позвольте ответить. Это один из молодых учеников монастыря Хуанцзи, его имя — Му Цин.

Государыня мягко произнесла:

— Я вижу, это дитя сражается весьма достойно, он лишь немного уступает в искусстве боя нашему сыну. Должно быть, они с Фэн Сином примерно равны по силе?

Услышав её, советник, однако, не выразил согласия. Ци Жун, который всё время сидел у ног государыни, сложив голову ей на колени, и ел виноград, тут же выплюнул полный рот виноградной кожицы и запротестовал:

— Тьфу, тьфу, тьфу! Нет, нет! Вовсе не «немного уступает», а весьма значительно проигрывает! Далеко не каждый может сравниться с моим царственным братом!

Государыня с улыбкой погладила юношу по голове, а некоторые члены царственного рода вовсе покатались со смеху и, подшучивая, заметили:

— Жун-эр^[103] слишком сильно привязан к своему двоюродному брату — если хоть разок его не похвалит, весь день плохо себя чувствует!

Внизу толпа бушевала громкими криками, способными ворваться в поднебесье:

— Бей! Бей его! Срази его!

— Убей демона!

Гул становился всё настойчивее. И Ци Жун присоединился к толпе. Сложив ладони растробом у рта, он расхохотался и крикнул:

— Мой царственный брат, атакуй! Тебе под силу уложить его одной рукой, проучи этого сопляка как следует!

Неожиданно демон на платформе нанёс удар, которым отбил меч Се Ляня, чем вызвал слегка удивлённый вздох последнего.

Строго говоря, бой во время жертвоприношения Небесам проводился как представление на радость богам, оба участника

сражались чуть больше, чем в полсилы, и этого было вполне достаточно. Однако от удара, который принц только что отразил, меч едва не вылетел из его рук. Очевидно, что противник вложил все силы в этот выпад.

Се Лянь приподнял голову и отчётливо произнёс:

— Му Цин?

Юноша, исполняющий роль демона, не ответил. Вместо этого вновь бросился в атаку. Се Лянь, не растрачивая время на раздумья, звонко отбил несколько выпадов сабли, про себя подумав: «А ведь так намного интереснее, чем обыкновенное сражение на публику». Поэтому принц ощутил прилив бодрости и с воодушевлением бросился в бой.

И тогда в воздух взметнулись искры от сошедшихся клинков, а крики толпы достигли апогея — казалось, они способны сдвинуть горы и сокрушить силу морей. Чем яростнее разгоралась битва на платформе, тем неистовее ликовала толпа под ней. Неожиданно раздался свист клинка, затем сверкнула слепящая вспышка, и люди, потрясённо вскрикнув, затаили дыхание.

Произошло следующее: сабля демона длиной в девять чи оказалась выбита из рук тонким-тонким мечом Воина, радующего богов, и отправлена в полёт, после чего вонзилась в одну из каменных колонн, поддерживающих верхний этаж здания.

Какой-то чересчур участливый зритель попытался выдернуть саблю из колонны, однако так и не смог сдвинуть клинок, даже приложив невероятные усилия^[104], и потому воскликнул:

— Что это за сабля? И какая силища нужна, чтобы нанести такой удар?

А на платформе Воин, радующий богов, встряхнул длинным мечом, вновь легонько щёлкнув по клинку. Раздался чистейший звон металла, а из-под золотой маски послышалась усмешка.

Се Лянь непринуждённо и с удовольствием произнёс:

— Ты недурно сражался. И всё же... проиграл.

Демон, лишившись оружия, опустился на одно колено и застыл, лишь безмолвно сжав кулаки. Се Лянь выписал мечом в воздухе восьмёрку и вознамерился нанести последний удар, тем самым предав демона «смертной казни» под одобрительные вопли толпы. Однако внезапно откуда-то сверху раздался пронзительный крик.

Се Лянь вздрогнул, потревоженный криком, опустил меч, слегка поднял голову и увидел только, как с городской стены стремительно падает размытый силуэт.

В тот момент он не успел подумать ни о чём — всё произошло слишком быстро. Принц легко топнул ногой, изящно оттолкнулся и воспарил в воздух, подставляя руки.

Когда принц взлетел, рукава его одежд развернулись подобно крыльям бабочки, а когда приземлился, плавно сложились, будто перья белой птицы. Крепко прижимая к себе пойманного, Се Лянь коснулся ногами твёрдой земли, с облегчением выдохнул и лишь после этого опустил взгляд.

Он прижимал к груди маленького мальчика, грязного с головы до пят, с лицом, замотанным бинтами. Ребёнок съёжился у него на руках и, не смея шевельнуться, смотрел на принца.

Ребёнку на вид было не больше семи-восьми лет, он не мог похвастаться ни ростом, ни упитанностью. Маленькое тельце, свалившееся с огромной высоты, безудержно дрожало на руках принца, будто только что родившийся детёныш какого-то животного. При этом лицо малыша скрывалось под намотанными как попало бинтами, через просвет в которых выглядывал огромный чёрный глаз. В нём отражалась белоснежная фигура принца. Мальчик, не мигая, глядел на него, будто больше ничего вокруг не видел.

Тем временем толпа то и дело потрясённо вздыхала. Се Лянь приподнял голову, и сердце его тяжело опустилось. Краем глаза он схватил перед собой золотой предмет, лежащий неподалёку.

Золотая маска, что скрывала его лицо, упала на землю.

Се Лянь приземлился прямо посреди улицы Шэнью, процессия осталась в нескольких чжанах позади. Всё произошло слишком неожиданно. Марширующий шаг воинов сбился, потревоженный столь внезапными переменами; лица красавиц, разбрасывающих цветы, исказились ужасом; золотая повозка остановилась, несколько белых лошадей благородной породы беспokoйно заржали и забили копытами; гармония музыки мгновенно нарушилась парой фальшивых трелей. Кто-то остановился, кто-то до сих пор шёл вперёд, шаги процессии совершенно расстроились. Казалось, происходящее вот-вот выйдет из-под контроля. Толпа по обеим сторонам улицы среагировала не сразу,

тогда как государь Сяньлэ на высокой трибуне мгновенно поднялся на ноги. В его взгляде на сына отразилось суровое беспокойство.

Стоило ему встать, и остальные члены знатного рода не посмели остаться сидеть — один за другим они встревоженно вскочили со своих мест. Советник только-только успел нагреть скамью, на которой сидел, и вот она снова остыла. В голове советника молниеносно пронеслись мысли, а не пасть ли ему ниц и не начать ли во всеуслышание корить себя за случившееся? Как вдруг Ци Жун вскочил на перила, закатал рукава и разгневанно закричал:

— Что такое? Что там произошло? Почему процессия нарушила строй? Чем эти никчёмные отродья там занимаются? Даже лошадь удержать не можете, дармоеды?!

Лицо государыни сделалось безжизненно-бледным, брови чуть нахмурились, она снова послала слуг снять Ци Жуна с перил. Толпа уже начала волноваться, вот-вот разразится настоящее столпотворение. И как раз в этот миг Се Лянь внезапно поднялся на ноги.

Согласно обычному порядку, благороднейший Его Высочество наследный принц скрывался в чертогах императорского дворца или же занимался самосовершенствованием в монастыре, где проводились религиозные обряды августейшей семьи, поэтому простым людям почти никогда не представлялась возможность узреть его лицо. Неслыханное событие, подобное этому, можно считать, произошло впервые, и взгляды толпы, привлечённые принцем, невольно обратились к нему. А следом люди так же невольно задержали дыхание. Все увидели несравнимо прекрасное лицо с тонкими изящными чертами. Человек перед ними поражал великолепием и сиял столь ослепительно, что многие не смогли смотреть слишком долго — немедленно отвели взгляд.

Одной рукой прижимая к себе ребёнка, принц медленно поднял меч, который держал в другой руке, и указал остриём на красочную платформу.

Демон взирал на случившееся сверху. Увидев этот жест, юноша мгновение помедлил, затем вдруг топнул ногой, сделав прыжок.

Толпа удивлённо охнула, когда демон, подобно чёрному облаку, взмыл в воздух, оказался у колонны, куда вонзилась его сабля, схватился за рукоять и вынул потерянное оружие из камня, по которому тут же поползли трещины. Затем развернулся в прыжке и

приземлился снова, уже в центре улицы Шэнью, прямо перед противником.

Он мгновенно понял намёк принца и пришёл на помощь. Увидев это, Се Лянь тихо похвалил:

— Молодчина, Му Цин!

Теперь и Воин, радующий богов, и Демон спустились с платформы. Один в чёрном, другой в белом, один с саблей, другой с мечом, они снова приняли стойку и приготовились продолжить битву. Толпа вновь закипела, людям в голову ударила горячая кровь. Аристократия на трибуне заметно успокоилась, ведь представление стало и правда намного более захватывающим.

Демон притворился, что хочет убить ребёнка на руках воина — обеими руками обхватил рукоять сабли и сделал длинный выпад вперёд, прямо в грудь Се Ляню. Они нанесли друг другу несколько ударов для вида, а затем, по-прежнему сражаясь, снова вернулись на платформу. Фэн Синь, воспользовавшись тем, что внимание толпы отвлеклось на сражение, кувыркком проскочил по улице, схватил золотую маску и, снова ворвавшись в колонну процессии, тихо, но уверенно приказал:

— Держать строй! Не разбредаться! Продолжаем идти, как будто ничего не случилось! Ещё один круг, и возвращаемся во дворец!

Остальные участники шествия тут же повиновались — уняли волнения в душе, вернулись на свои места и возобновили воодушевлённое шествие. А тем временем на платформе Му Цин так и набрасывался на Се Ляня, который лишь успевал со звоном отражать удары сабли.

Ребёнок на руках принца вдруг вскрикнул «А!», должно быть, страшно напуганный непрерывным мерцанием острых клинков прямо перед ним. Се Лянь прижал его покрепче и произнёс, успокаивая:

— Не бойся!

В ответ малыш сильнее схватился ручонками за одежду на его груди. Се Лянь одной рукой прижимал к себе ребёнка, а другой искусно фехтовал, без особых усилий справляясь со своей ролью. Спустя ещё пару выпадов он ощутил, как мальчик, дрожа, крепко ухватил его за плечо обеими руками, словно цепляясь за спасительную соломинку. Тогда принц добавил:

— Всё хорошо, ничто не сможет тебя поранить. — Затем тихо бросил: — Му Цин!

Его противник ответил едва различимым кивком, и Се Лянь нанёс удар.

И тогда Воин, радуя богов, наконец пронзил сердце демона, предав того смертной казни на глазах у ликующей толпы!

Му Цин, по-прежнему в маске демона, схватился за «рану», отшатнулся на несколько шагов, ещё немного подёргался, будто агонизируя, и наконец с громким «бум» упал на платформу и замер.

Ци Жун на верхнем этаже громко расхохотался и захлопал в ладоши:

— Мёртв! Он мёртв! Мой царственный брат убил премерзкого демона!

Тем временем грандиозная процессия продолжила двигаться дальше, в сторону императорского дворца. Конец процессии подтянулся, готовый пройти через дворцовые ворота. Своевременное спасение положения, а также добавление остроты в сюжет битвы привело к тому, что простые зрители не выразили недовольства по поводу случившегося недоразумения, даже наоборот — это лишь разожгло пыл в людских сердцах. В толпе раздавались бесчисленные крики: «Ваше высочество!», кто-то громко скандировал: «Небесное божество!» Люди следовали за платформой тысячами, вместе направляясь к императорскому дворцу. Военным командирам пришлось отправить в несколько раз больше солдат дворцовой стражи и обыкновенных рядовых, чтобы задержать чересчур возбуждённых простолюдинов. Однако даже так им не удалось остановить людской поток — прорвавшись через линию ограждения, толпа пчелиным роем потекла вперёд.

Государь Сяньлэ воскликнул с трибуны:

— Караульные! Стража!

Именно в этот миг торжественная процессия в несколько сотен человек наконец целиком скрылась в арке ворот, киноварно-красные створки которых с гулким скрипом захлопнулись. Красочная платформа исчезла за воротами, разноцветные флаги больше не развевались на ветру. Толпа не заполучила желаемого, лишь нахлынула на запертые ворота и принялась колотить по ним, сотрясая небо громкими ликованиями.

А за плотно закрытыми воротами раздались два звонких металлических удара — исполнитель роли Шэньу в белоснежных одеяниях и свирепый демон в чёрных выпустили оружие из рук и тяжело распластались на платформе.

Се Лянь вспотел с головы до ног. Расслабив на груди одеяния божества, что окутывали его множеством слоёв ткани, он испустил долгий выдох и проговорил:

— Как же это было опасно. Я смертельно устал.

Му Цин снял увесистую маску демона и беззвучно выдохнул. Однако не стал вслух жаловаться на усталость.

Посмотрев на Се Ляня, он увидел, что принц до сих пор держит на руках малыша, и безмолвно нахмурился. К платформе торопливо подбежал Фэн Синь, который воскликнул:

— Ваше Высочество, зачем ты взял ребёнка с собой?

Малыш лежал на груди Се Ляня. Его маленькое, будто одеревеневшее тельце не шевелилось, он не смел даже вздохнуть. Се Лянь сел и сказал:

— И что же, я должен был вместо этого бросить его снаружи? На улице началось столпотворение, а он такой маленький, да его бы в миг раздавили, если бы я только поставил его на землю. — С такими словами он обнял ребёнка и заодно погладил по голове, мимоходом спрашивая: — Малыш, сколько тебе лет?

Мальчик не решался даже моргнуть, и конечно же, не произнёс и звука. Се Лянь продолжил спрашивать мягким, утешительным тоном:

— И как же ты упал с такой высоты?

Му Цин вмешался:

— Ваше Высочество, боюсь, что он не смеет заговорить, слишком напуган.

Се Лянь снова погладил малыша по голове. Но, поскольку мальчонка остолбенел от потрясения и никак не реагировал, принц перестал гладить, решив, что в этом нет смысла, и прокомментировал:

— Глупыш. Фэн Синь, поручи кому-нибудь через некоторое время вывести его через боковые ворота. И посмотри, не ранен ли он, у него всё лицо замотано бинтами.

Фэн Синь протянул руки:

— Хорошо. Давай его сюда.

Се Лянь удобнее подхватил мальчика и передал Фэн Синю. К удивлению обоих, ничего не вышло. Фэн Синь спросил:

— Ваше Высочество, почему ты не отпускаешь его?

— Но я отпустил! — изумлённо ответил Се Лянь.

Затем посмотрел вниз и с удивлением, граничащим со смятением, обнаружил, что ребёнок обеими руками крепко держится за полы его одежды и никак не разжимает пальцы.

Все свидетели остолбенели, а потом громко расхохотались. Во время пребывания Се Ляня в монастыре Хуанцзи многие верующие, и мужчины, и женщины, кто ради того, чтобы удовлетворить любопытство, кто по соображениям веры, шли на всяческие ухищрения и делали всё возможное, чтобы хоть раз взглянуть на Его Высочество наследного принца. А повидавшись с ним однажды, непременно желали увидеть второй раз, сожалея лишь о невозможности заниматься самосовершенствованием вместе с ним. И мальчик, что оказалось немалой неожиданностью, несмотря на нежный возраст, повёл себя так же. Немало младших монахов, которые обучались вместе с принцем в монастыре Хуанцзи и охраняли платформу во время шествия, со смехом заметили:

— Ваше Высочество, мальчишка не желает вас покидать!

Се Лянь рассмеялся:

— Правда? Так не пойдёт, мне ещё нужно заняться своими делами. Малыш, тебе пора домой.

В ответ мальчик наконец медленно ослабил хватку и перестал держаться за одежду принца. Фэн Синь тут же подхватил его одной рукой. Но даже когда ребёнок оказался на руках у Фэн Синя, его огромный яркий чёрный глаз продолжал неотрывно смотреть на принца. Этот взгляд практически походил на одержимость демоном. Многие монахи, ставшие тому свидетелями, в душе даже начали сомневаться, не так ли это на самом деле. Однако Се Лянь больше не смотрел на ребёнка, обратившись лишь к Фэн Синю:

— Не надо держать его в воздухе, будто какой-то мусор, ты напугал его ещё сильнее.

Тогда Фэн Синь поставил мальчишку на землю и произнёс:

— Не смейся. Советник сейчас с ума сойдёт. И тебе, Ваше Высочество, лучше хорошенько подумать, как ты будешь оправдываться перед ним.

После этих слов больше никто не посмел рассмеяться.

Спустя час. Монастырь Хуанцзи, Пик Шэньу, дворец Шэньу.

В воздухе струились облака ароматного дыма, монотонно текли звуки сутр. Советник и трое его помощников сидели в главном зале, лица их будто покрывали свинцовые тучи. Перед ними на коленях стоял Му Цин. Се Лянь тоже склонил колени, но только не перед кем-то из людей, а лишь перед золотой статуей самого Императора Шэньу. Фэн Синь, обязанный следовать за господином, преклонил колени за его спиной.

Советник взял в руки ту самую золотую маску, при изготовлении которой мастера приложили все свои умения. Помолчав, он тяжело вздохнул:

— Ваше Высочество, ох, Ваше Высочество.

Даже стоя на коленях, Се Лянь оставался вытянутым как струна. И отвечал с высоко поднятой головой:

— Здесь.

Советник с болью и горечью в голосе произнёс:

— Тебе, должно быть, известно, что за всю историю государства Сяньлэ не было ни одного шествия в честь ежегодного жертвоприношения Небесам — а их прошло немало — на котором торжественная процессия обошла вокруг городских стен всего три раза. Три раза!

Каждая церемония, каждая мелочь во время торжественного шествия на Празднике фонарей несла в себе сакральный смысл. Так, каждый обход красочной платформы вокруг Запретного города знаменовал мольбы жителей государства о благоденствии и процветании на целый год вперёд. И потому следующее грандиозное торжество, подобное этому, проводилось лишь по истечении лет, количеством равных пройденным кругам в прошлый раз. Это не только являлось благим знамением, но также и немалой экономией для казны. Три круга... обеспечивали какие-то три года покоя!

А самое страшное, что прямо во время церемонии, имеющей также религиозное значение, золотая маска упала с лица Воина,

радующего богов.

С древних времён народ Сяньлэ веровал, что духовная сила человека сконцентрирована в его лице, а голова — это место, где живёт душа. Самое лучшее надлежало даровать Небесам, и потому во время церемониального шествия лицо воина должна была скрывать золотая маска. Ведь его обликом могли наслаждаться лишь боги, а простым людям такое право недоступно.

Советник, про себя сокрушаясь, что потребовал от принца слишком многого, продолжил:

— В прошлом Воин, радующий богов, в крайнем случае совершал пять обходов, а самое большее — мог продержаться пятнадцать-шестнадцать кругов. А ты? Ты ведь мог с закрытыми глазами пройти пятьдесят! Сто кругов! А в итоге задохнулся по своей же вине уже на третьем... Почему же ты сначала не задушил меня, своего наставника??? Теперь возрадуйся, Ваше Высочество. Ты войдёшь в историю. И я вместе с тобой!

В зале никто не смел произнести и слова. Однако Се Лянь совершенно невозмутимо ответил:

— Советник, давайте взглянем на это с другой стороны. Если бы ребёнка никто не поймал, если бы он разбился на смерть и процессия в честь Небес окрасилась кровью, разве это не посчитали бы зловещим предзнаменованием? Разве церемония не оказалась бы точно так же нарушена? На данный момент, по крайней мере, всё завершилось сравнительно благопристойно, и это лучший итог, какой можно представить. Случившееся следует считать лишь несчастным случаем.

Советник на мгновение онемел, затем воскликнул:

— Несносное дитя! Вокруг было столько воинов императорской охраны, разве кто-то из них не мог поймать ребёнка? А если бы даже не поймали точно на руки, он бы сломал руку или ногу, но не разбился бы насмерть. Ты мог бы выйти чуть ближе к краю платформы и сделать выпад по красивее, так никто бы не обратил внимания, что там упало со стены.

Се Лянь в ответ нахмурился:

— Советник, вы ведь знаете. В тех обстоятельствах никто, кроме меня, не смог бы отреагировать столь же быстро, и никто не сумел бы поймать его, ни капли не навредив малышу. Не поймать — означало одну смерть, поймать — двоих пострадавших.

Его тон звучал естественно и весьма убедительно. Наставникам было прекрасно известно — он прав, и поспорить не выйдет. Даже стоя на коленях перед статуей божества, Се Лянь совершенно не считал себя виновным — ему было смешно, любопытно, он даже гордился собой. Он являлся сокровищем, возлюбленным учеником и драгоценным дитя. Как ни взгляни, гневаться на него не получалось, оставалось лишь рвать на себе волосы, болью физической пытаюсь заглушить душевную.

Помолчав, советник продолжил:

— И ещё кое-что!

Се Лянь чуть опустил голову.

— Ученик слушает.

— Ты отлично справился с сегодняшним представлением. Однако насколько бы хорошо ты ни выступил, тебе не следовало, никого не предупредив и полусловом, внезапно менять сценарий. Ты ужасно напугал Его и Её Величество. Знаешь, что случилось бы, не успеешь ты к назначенному часу?

Брови Се Ляня чуть приподнялись, он озадаченно спросил:

— Советник, но разве я не сообщил вам об этом заранее?

Советник тоже удивлённо замер.

— Ты сообщил мне? Заранее? Когда?

Се Лянь нахмурился и перевёл взгляд в сторону:

— Му Цин?

Утерянная коралловая бусина. Негаданно-нежданно красный взгляд к себе он приковал

Негаданно-нежданно красный взгляд к себе он приковал^[105]

В ответ раздался мрачный голос Фэн Синя, который стоял на коленях за спиной Се Ляня:

— Его Высочество действительно говорил о своём намерении ранее. — Все взгляды обратились к Фэн Синю, и он продолжил: — В последние дни все мысли Его Высочества были заняты предстоящим шествием и его постановкой. Вчера ему в голову пришла чудесная идея — он выдумал спрыгнуть с башни на городской стене, приняв образ небожителя, сошедшего в мир людей. В остальном сценарий представления остался неизменен. Но перед самым началом Его

Высочество был занят повторением всех необходимых ритуалов, не мог отвлечься ни на миг, и потому послал Му Цина передать свою идею советнику, а заодно спросить разрешения на её претворение в жизнь. — Фэн Синь поднял голову, в его глазах сверкнул неявный гнев. — По возвращении Му Цин сообщил Его Высочеству, что известил советника обо всём. Поэтому Его Высочество посчитал, что советник дал своё согласие, и сегодня исполнил всё так, как задумал. Для принца стало открытием, что советник ничего не знал. Разве он мог предположить, что едва не испортил столь важное событие!

Наставники переглянулись между собой. Советник спросил:

— Кто-нибудь из вас знал об этом?

Трое его помощников убедительно покачали головой и ответили «нет». Советник вновь повернулся к юноше перед ними. Тёмные тучи на его лице сменились негодованием.

— Му Цин, ты всё знал, но решил скрыть от нас?

По тону и выражению лица советника стало совершенно ясно — он твёрдо считал, что случившееся — результат злого умысла. Худой изящный юноша стоял на коленях, не говоря ни слова. Се Лянь бросил на него взгляд, ненадолго задумался, затем произнёс:

— Советник, мне думается, здесь произошло какое-то недоразумение. — В ответ Му Цин медленно перевёл на принца взгляд глубоких чёрных глаз, а Се Лянь продолжил: — Если бы имело место намеренное сокрытие, после случившегося, стоило только провести расследование, коварный план оказался бы разоблачён, и виновник не ушёл бы от ответа. Му Цина нельзя назвать недалёковидным дурнем, он бы не пошёл на такой шаг. К тому же, какая может быть выгода исполнителю роли Демона от того, что Воин, радующий богов, не явился на бой? Я всё же надеюсь, что советник вначале выслушает его объяснение, а затем примет решение. — Принц повернул голову. — Му Цин, расскажи нам, что произошло.

Му Цин опустил веки и тихо заговорил:

— Задание, которое принц поручил мне вчера, я выполнил.

— Нам лучше знать, выполнил ты его или нет. Когда ты его выполнил? — нахмурился советник.

— Вчера, через час после вечерних занятий, когда четверо наставников отдыхали во Дворце Четырёх^[106], ученик прокричал доклад в окно.

Советник развернулся к трем коллегам и с сомнением спросил:

— Вчера, после вечерних занятий? Чем мы занимались в тот час?

Едва договорив, он обо всем вспомнил сам, и лицо советника неподконтрольно позеленело и отделилось неловкостью. Трое его помощников тоже многозначительно кашлянули и туманно ответили:

— Ничем, что стоило бы внимания. Не иначе как... отдыхали, просто отдыхали.

Глядя на уходящих от подробного ответа советников, остальные поняли, в чем дело.

Каждый житель монастыря Хуанцзи проводил дни в самосовершенствовании и являлся образцом безупречного поведения. Никаких игр и веселья практически не допускалось, существовали лишь немногочисленные развлечения, которыми можно было себя занять. И наибольшей популярностью пользовалась игра в деревянные таблички.

Проще говоря — игра в карты. Кроме того, играть приходилось тайно, чтобы никто не застал за этим занятием. Наставники долгие годы изнемогали от скуки в монастыре Хуанцзи, и потому серьёзно пристрастились к играм в карты. Стоило только начать, и они полностью погружались в игру, забывая о своём статусе, охваченные азартом, будто в хмельном угаре. В такие моменты они не слышали никаких звуков, долетающих извне. И если Му Цин стоял под окном и говорил с ними именно в тот момент, разве могли они понять хоть слово из его доклада?

Один из наставников произнёс:

— О, тогда... возможно, людей вокруг было слишком много, он говорил очень тихо, и мы не расслышали. Хм, да. Не расслышали.

Советник же с подозрением спросил:

— Это правда, что ты вчера наведаясь во Дворец Четырёх?

Му Цин ответил:

— Истинная правда. — В доказательство он описал одеяния, внешность и даже тон голоса караульных монахов, и ни в чём не ошибся.

Советнику пришлось поверить Му Цину, однако он тут же нахмурился вновь и задал другой вопрос:

— Но если ты действительно приходил к Дворцу Четырёх, ты ведь мог попросить юношей, что стерегли вход, передать нам известие

от принца или же войти во дворец и всё изложить подробно. Почему тебе понадобилось именно кричать под окнами? И почему ты не убедился, услышали ли мы тебя?

Му Цин тихо ответил:

— Ученик, разумеется, не мог не попытаться. Ученик вежливо попросил об этом шисюна, который в тот день стоял в карауле, но по какой-то неизвестной причине шисюн решил во что бы то ни стало чинить мне препятствия, отказался как впустить меня во дворец для доклада, так и помочь мне передать известие, даже... насмеялся надо мной, а потом прогнал прочь. — Помолчав, он добавил: — Ученику ничего иного не оставалось, как обойти Дворец Четырёх с другой стороны и обратиться к наставникам через окно. Закончив доклад, ученик смутно расслышал, как кто-то из наставников крикнул в ответ: «Всё понятно, можешь идти». Ученик решил, что наставники согласны с предложением Его Высочества, поэтому так ему и доложил.

Наставники хранили молчание.

Как они вообще могли расслышать хоть какие-то звуки за окном в самый разгар карточной битвы??? Что бы они ни услышали, естественно, тут же небрежно бросили «Всё понятно», на самом же деле даже не осознавали, откуда шёл звук!

Се Лянь, нахмурившись, спросил:

— Как вообще что-то подобное могло произойти? Который из юных монахов настолько распоясался? Он не робкого десятка, раз позволил себе подобную неучтивость к моему посланнику.

Несмотря на то, что Се Лянь обыкновенно находился в дружеских отношениях с обитателями монастыря Хуанцзи и почти никогда не задира л нос, всё же он являлся потомком Сына Неба^[107], всеми почитаемым принцем, и даже стоя перед статуей божества на коленях, не выказывал и тени смирения. А мгновенная вспышка суровости и вовсе придала ему вид грозный и внушительный, без капли показного гнева. Все вокруг замолчали, будто цикады зимой. Лица наставников исказились неловкостью, положение сделалось довольно щекотливым.

Се Лянь задал вопрос:

— Почему вчера по возвращении ты не рассказал мне о случившемся?

Му Цин, не вставая с колен, повернулся к принцу, коснулся пола лбом и ровным тоном ответил:

— Ваше Высочество, покорнейше прошу вас не наказывать того шисюна. Я не стал упоминать об этом вчера, поскольку не желал породить лишние ссоры. Ведь не произошло ничего ужасного. Ваше вмешательство же, напротив, привело бы к нарушению дружеской атмосферы между учениками.

Се Лянь явно не согласился с ним и тут же выразил возмущение:

— Что это за дружеская атмосфера такая, если кто-то оскорбляет и срывает злость на своих собратях?

После его слов лица советников исказились ещё явственнее.

Ведь случившееся в конечном счёте уходило корнями в иную причину, а именно — наставникам не нравился Му Цин.

И неприязнь эта, разумеется, передавалась юным монахам, что несли службу при наставниках. К тому же Му Цин сам по себе не обладал достаточным обаянием, чтобы нравиться людям, поэтому нередки были случаи, когда другие ученики отказывались ему помогать, чинили всякого рода препятствия и сыпали замечаниями. Разумеется, возлюбленный ученик не имел намерения своей фразой осмеять наставников, но всё же она стала ощутимым уколom.

Му Цин непрестанно пытался оправдаться, и Фэн Синь, не в силах больше это слышать, вмешался.

— Изначально в случившемся действительно не было ничего ужасного, но ты всё окончательно запутал. Скажи ты тому младшему монаху, что сам Его Высочество наследный принц поручил тебе передать послание наставникам, разве посмел бы он не доложить о твоём прибытии? И ещё, сегодня, когда перед самой отправкой советник спросил тебя, куда ушёл Его Высочество, почему ты умышленно дал туманный ответ? Не мог сказать прямо, что Его Высочество на городской башне ожидает появления процессии внизу?

Му Цин ответил ясным и спокойным тоном:

— Я думал, что советник обо всём осведомлён, для меня стал неожиданным внезапный вопрос, поэтому я замешкался. Но ведь после я сказал, что Его Высочество просил не беспокоиться и действовать как задумано, а сам он скоро появится. В тот момент Его Высочество отсутствовал, но было множество свидетелей моим словам, с чего мне умышленно вводить кого-то в заблуждение? О каком туманном ответе может идти речь?

Фэн Синь воззрился на него взглядом, полным гнева. Однако, если тщательно подумать, тогда Му Цин именно это и сказал, просто советник, охваченный волнением, не решился сразу к нему прислушаться. И если винить Му Цина, то никаких серьёзных доказательств того, что юноша действовал из недобрых побуждений, привести нельзя. Тут вмешался Се Лянь:

— Ну всё, всё. Это лишь печальная ошибка, недоразумение, нехватка везения, будем считать. Довольно споров.

Фэн Синь выглядел крайне недовольным, однако статус не позволял ему поднимать шум во дворце Шэньу, поэтому юноша больше не проронил ни слова. Советник также не захотел больше заострять внимание на этом вопросе. Всё-таки, если действительно искать виновных, они ведь тоже замешаны в случившемся, поскольку были заняты игрой в карты. Так что советник помахал рукой и вздохнул:

— Ох, поговорим об этом позже. Нам нужно посоветоваться и придумать способ, если возможно, как-то исправить положение. Вы трое пока можете идти. Смените одеяния, займитесь своими делами.

Се Лянь чуть наклонился вперёд, затем сразу поднялся на ноги. Фэн Синь и Му Цин же, соблюдая все церемонии, коснулись лбом пола, и лишь после этого встали, чтобы покинуть дворец следом за Се Лянем. И когда принц уже одной ногой переступил порог дворца, за его спиной раздался голос советника:

— Ваше Высочество.

Се Лянь обернулся. Советник сказал:

— Сегодня Их Величества живо интересовались твоими делами. Если у тебя появится время в ближайшие дни, отправляйся навестить их во дворце.

Се Лянь лучезарно улыбнулся.

— Ученик внял вашим словам.

Трое вышли из храма Шэньу, пересекли массивный горный хребет и вернулись во дворец Сяньлэ, который представлял собой специально построенную для Его Высочества наследного принца келью, где он мог заниматься самосовершенствованием. Здесь Се Лянь наконец смог снять парадные одеяния, которые надевал для церемонии.

Ранее было сказано, что требования к одеянию и головному убору Воина, радующего богов на Празднике фонарей, предъявлялись крайне

строгие, практически каждая деталь его костюма имела особое значение, не допускалось ни единой небрежности. К примеру, белый цвет верхнего одеяния олицетворял «чистоту и святость»; а внутренние одежды пошивались из ткани красного цвета, как символ «истины и верности традициям»; волосы собирались в золотую корону, что являлось символом «власти» и «богатства»; за пазуху надлежало положить белое перо, в знак «обретения крыльев для достижения небесных вершин»; рукава должны были легко развеиваться, как бы «объединяя всё живое» под своим крылом. И так далее, и тому подобное.

Можно представить, насколько несравнимо сложно было и надевать, и снимать этот костюм, включая все его элементы. Впрочем, Се Лянь являлся драгоценным наследником престола, поэтому ему не требовалось самому шевелить и пальцем. Оставалось лишь стоять посреди комнаты, полной освежающего аромата благовоний, разведя руки в стороны и, перекидываясь фразами с Фэн Сином, ждать, пока Му Цин, который являлся его личным слугой, поможет снять все слои одеяний Воина, радующего богов.

Верхние белые одеяния были сработаны из ткани высшего качества с узорами тончайшей работы, по краям темнела искусная вышивка мягкого золотистого цвета, великолепная, но не вычурная. Одежды Воина, радующего богов, составляли резкий контраст в сравнении с чёрными одеяниями Демона. Му Цин, который до сих пор не снял чёрные как смоль доспехи, держа в руках только что снятые с Се Ляня парадные одеяния, сначала чуть отёрнул пальцы, а потом едва заметно потёр ткань, будто от чего-то очищая.

Се Лянь тем временем снял золотую корону с головы, распустил волосы, уселся на край сандаловой кровати, потряс ногами, сбрасывая белые сапоги, и замер в ожидании, пока ему на плечи накинут новые одежды. Просидев так какое-то время, он понял, что Му Цин не двигается с места. Принц наклонил голову набок и спросил:

— Что-то не так?

Му Цин немедля пришёл в себя.

— Ваше Высочество, кажется, одеяния Воина, радующего богов, немного испачкались.

— А? Покажи-ка.

И правда — на белоснежных одеяниях бросались в глаза два чёрных следа от маленьких ладошек. Се Лянь бросил на них лишь взгляд и произнёс:

— Должно быть, их оставил тот малыш, свалившийся с неба. Помнится, он тогда схватился за мои одежды и никак не желал отпускать. У него ещё всё лицо было замотано бинтами, не знаю, из-за чего. Может быть, он упал и поранился? Фэн Синь, ты осмотрел его раны?

Фэн Синь как раз зачехлял драгоценный меч Воина, радующего богов и чжаньмадао Демона. Он угрюмо ответил:

— Нет. Я вывел ребёнка из дворца и хотел взглянуть на его лицо, как ты и просил. Но в итоге он пнул меня по колену, да ещё так, мать его, больно!

Се Лянь от смеха откинулся на кровать, а потом ткнул пальцем в Фэн Синя.

— Наверняка всё потому, что ты напугал его. А иначе почему меня он не пинал, а тебе досталось?

— Ничего подобного! Этот мелкий гадёныш, будто в него демон вселился, мигом бросился бежать. Иначе я бы подвесил его за ноги и хорошенько встряхнул, чтобы он зарыдал от страха.

Му Цин, ещё раз осмотрев одеяния, произнёс:

— А вдруг этот ребёнок — нищий попрошайка? Он был весь в грязи и одним прикосновением оставил ужасные чёрные пятна. Ваше Высочество, я слышал, что одежды Воина не должны пачкаться, ведь это тоже считается дурным предзнаменованием.

Се Лянь, лёжа на кровати, не глядя взял книгу с изголовья и закрыл ею нижнюю часть лица.

— Хватит с меня и одного ужасного знамения, которое прославит меня в веках — трёх обходов вокруг Запретного города. Испачкалось — и пускай. Постирай его, и всё будет в порядке.

Помолчав, Му Цин спокойно ответил:

— Хорошо. Я буду предельно осторожен во время стирки.

Се Лянь пролистал книгу и как раз кстати открыл страницу, на которой изображалась техника фехтования саблей. Принц тут же вспомнил сегодняшний захватывающий бой на красочной платформе и с улыбкой сказал:

— Му Цин, сегодня ты отлично сражался.

Плечи Му Цина едва заметно напряглись.

Се Лянь продолжил:

— Я заметил, что ты намного лучше управляешься с саблей, нежели с мечом.

Выражение лица Му Цина тут же расслабилось, он повернулся и с лёгкой улыбкой спросил:

— Правда?

— Да! Вот только, боюсь, твои движения были несколько поспешными. Сабля и меч в бою кардинально отличаются друг от друга, смотри...

Едва речь заходила о ведении боя, Се Лянь загорался воодушевлением и забывал обо всём на свете, погружаясь в объяснения глубже, чем его наставники в карточную игру. Позабыв надеть сапоги, он спрыгнул с кровати и на месте приступил к наглядной демонстрации своих слов, размахивая рукой как саблей. Сначала Му Цин наблюдал с несколько озадаченным выражением, но когда Се Лянь показал ему первый приём, стал внимательно всматриваться в движения принца. Фэн Синь же, размахивая зачехлённой чжаньмадао, загнал Се Ляня обратно на кровать и прикрикнул:

— Хочешь сразиться, сначала обуйся, потом сражайся! Ты же наследник престола! Посмотри, на кого ты похож! Растрёпанный и босой!

Представление Се Ляня завершилось на самом пике энтузиазма, Фэн Синь прогнал его на кровать, будто утку на насест^[108], поэтому принц сердито бросил:

— Да понял я! — Он собрал руками волосы, чтобы убрать в пучок, а затем продолжить занятие с Му Цином. Как вдруг нахмурился и произнёс: — Странно.

— Что такое? — спросил Фэн Синь.

Се Лянь потёр мочку уха и произнёс:

— Пропала серёжка.

Народ Сяньлэ считал, что тот, кто достиг высшего предела самосовершенствования, являет собой «слияние Инь и Ян, «единство мужского и женского начала». Разнообразие воплощений божественного духа не знает разделения по полу, божественное начало

может стать как мужчиной, так и женщиной. И эта концепция нашла своё отражение в создании одеяний Воина, радующего богов. Каждый раз наряд и образ исполнителя роли Шэньу должен был включать элементы и мужского, и женского костюма, к примеру — серьги, яшмовые кольца^[109] и так далее. И Се Лянь, перед тем как приступить к роли Воина, радующего богов, проколол уши, чтобы надеть серьги.

То были тёмно-красные коралловые бусины необыкновенной красоты. Они ярко переливались на свету и считались редчайшим сокровищем. Но когда Се Лянь забрал волосы в хвост, он заметил, что из пары коралловых бусин осталась лишь одна.

Стоило ему сказать о пропаже, расслабленное выражение на лице Му Цина вдруг сделалось несколько неестественным, однако никто совершенно не обратил на это внимания. Фэн Синь сначала обыскал комнату, затем и весь дворец, однако вернулся с пустыми руками. Юноша произнёс:

— Как можно быть настолько рассеянным, чтобы не заметить, что с твоих ушей что-то упало? Во дворце Сяньлэ я ничего не нашёл, пойду обыщу дорогу, по которой мы пришли сюда. Только не говори, что ты потерял её прямо во время торжественного шествия.

Се Ляню это тоже казалось странным, однако он не особенно озаботился пропажей.

— Может и там. Если так, то мы её не найдём, потерялась — и ладно.

Му Цин же достал метлу, которой обычно подметал полы, и спокойно произнёс:

— Это очень драгоценная вещь. Если её можно отыскать, нужно искать. Вдруг она закатилась под кровать или шкаф. — С такими словами он принялся мести пол.

Се Лянь предложил:

— Может, позовём ещё людей, чтобы помогли найти?

— Чем больше помощников, тем хуже, — небрежно бросил Фэн Синь. — Может статься, мы не только не найдём бусину, но её ещё и кто-нибудь украдёт.

Му Цин, который молча осматривал пол под кроватью, после этой фразы резко поднялся, его лицо на мгновение побледнело. Метла в его руках с треском разломилась пополам. Се Лянь тут же удивлённо вздрогнул.

С тех пор как они вышли из дворца Шэньу, Фэн Синь не переставал критиковать Му Цина, однако обходился лишь намёками, не проявляя гнева в открытую. А теперь вышло, что Му Цин не выдержал первым. Фэн Синь в ярости крикнул:

— Ты чего вдруг вещи ломаешь? Что на тебя нашло?

Му Цин ледяным тоном выплюнул:

— Если хочешь что-то сказать, говори прямо. К чему эти скрытые нападки^[110]? К пропаже бусины я не имею никакого отношения.

Фэн Синь в своих речах всегда отличался прямоотой и впервые слышал от кого-то обвинения в скрытых нападках. От так разгневался, что не смог сдержать смех:

— Лучше тебе самому признать, в чём ты ошибся! Что я такого сказал? Я не обвинял тебя в краже, ты сам полез на рожон! Что, совесть не чиста?

Се Лянь опомнился, понимая, что разговор повернул в дурное русло, и поднялся на кровати.

— Фэн Синь, довольно!

На лбу Му Цина уже проступили три-четыре крупные вены. Фэн Синь же действительно не заметил ничего необычного и озадаченно спросил:

— А что такого?

Се Лянь не мог ему ничего объяснить, поэтому вначале обратился к Му Цину:

— Не пойми превратно, Фэн Синь ляпнул, не подумав. Он не хотел ни в чём тебя обвинить.

Му Цин крепко сжал и расслабил кулаки, но в конце концов всё же перестал гневаться. Только его глаза немного покраснели, когда он обратился к Се Ляню и, не отводя взгляда, отчеканил:

— Ты... нарушил слово.

Се Лянь возразил:

— Нет, вовсе нет!

Му Цин замолчал и несколько раз втянул носом воздух, пронзил Фэн Синя взглядом, полным негодования, однако больше ничего не сказал, вылетев из комнаты. Се Лянь спрыгнул с кровати, чтобы догнать его, но сделал лишь несколько шагов — Фэн Синь схватил его за локоть.

— Ваше Высочество, ты даже сапоги не надел! Что о тебе подумают, если увидят снаружи с распущенными волосами?

— Помоги мне задержать его!

— Для начала оденься и обуйся, убери волосы как положено. Пусть идёт, он всегда был себе на уме, а сейчас вдруг взбеленился. Кто знает, что его так сильно задело.

Му Цин давно махнул рукой и скрылся, ещё немного, и Се Лянь не сможет его догнать, пришлось кое-как повязывать волосы лентой, при этом вздыхая:

— Он не взбеленился, просто ты по неосторожности обидел его несправедливыми обвинениями.

Фэн Синь достал из платяного шкафа белые монашеские одеяния, которые принц носил в повседневной жизни, и бросил Се Ляню.

— И что я не так сказал?

Се Лянь ответил, засовывая ногу в сапог:

— Я не могу тебе этого рассказать. В общем, сейчас мы вместе пойдём искать его, объясним, что это просто недоразумение, и никто ни в чём его не винит.

Фэн Синь нахмурился:

— И что же это за тайна, которую ты не можешь разделить со мной?

Се Лянь молчал как рыба, не собираясь говорить. Фэн Синь исполнился подозрений, затем вспомнил полный негодования взгляд Му Цина, и вдруг спросил:

— Он что, когда-то правда украл твои вещи?

Се Лянь тут же весьма красноречиво приложил указательный палец к губам в жесте безмолвия и прошептал:

— Нет! Нет!

Но реакция принца лишь подтвердила догадку.

— Вот как, значит! Неудивительно, что он вдруг вышел из себя, ведь я попал по больному. И когда же он вытворил такое?!

— Не кричи так громко!

Фэн Синь понизил голос:

— И ты решил скрыть это от меня?! Сейчас же выкладывай.

Он уже начал что-то подозревать и в любом случае рано или поздно узнал бы правду, сколько ни пытайся Се Лянь её скрыть, поэтому принцу больше ничего не оставалось, как смириться:

— Это не считается кражей, просто... Ох, лучше я начну с начала. Ты помнишь, как почти сразу после моего поступления на обучение в монастырь Хуанцзи два года назад я потерял листок сусального золота?

От этих слов Фэн Синь округлил глаза и ударил себя по бедру.

— В тот раз?!

Три года назад Се Ляню путём всяческих уговоров удалось добиться от родителей разрешения стать учеником в монастыре Хуанцзи до достижения им совершеннолетия. Через год, по завершении строительства дворца Сяньлэ, принц, полный воодушевления, наконец смог отправиться жить в монастырь.

Приехав сюда, он не стал брать с собой слишком много вещей. Всего-то две повозки книг да двести прославленных клинков. Но государыня Минь^[111] из любви и заботы о сыне, а также переживая, что ему будет нелегко и одиноко жить в горном монастыре, распорядилась прислать на гору Тайцан двадцать слуг, а также четыре огромных повозки любимых игрушек принца. Грандиозная процессия поднялась на гору, и среди игрушек оказался дворец, построенный из ста восьми листков сусального золота^[112].

Строительство замков из золота было излюбленным развлечением детей знатного рода государства Сяньлэ. Когда всю эту роскошь привезли на гору, начались мелкие пересуды. Каждый обитатель монастыря Хуанцзи стремился к истинному совершенству тела и духа, однако никто пока не был знаком с характером Се Ляня, поэтому монахи, не решаясь высказываться открыто, за спиной принца роптали: этот Его Высочество наследный принц, в конце концов, приехал самосовершенствоваться или просто поиграться? Зачем отпрыску драгоценного императорского рода соваться в наш монастырь? Что хорошего может из этого получиться?

Фэн Синь, услышав однажды подобные разговоры, собирался вступить в спор, однако Се Лянь попросил его не обращать внимания и с улыбкой молвил:

— Такова человеческая натура. В будущем они сами увидят, что я пришёл не просто ради забавы. И к тому же узнают, кто на самом деле лучший среди нового поколения учеников монастыря Хуанцзи.

Однако вскоре случилась неприятность. Се Лянь распорядился отослать обратно всех людей и четыре повозки, которые прислала ему

государыня. А при подсчёте содержимого повозок выяснилось, что пропал один из ста восьми листков сусального золота.

После того, как золотые листки были доставлены на гору Тайцан, они не покидали дворца Сяньлэ. И если один листок не потерялся в пути, значит, кто-то его украл. На дороге ничего не нашли, и Се Лянь вскользь упомянул об этом в разговоре с советником. От мысли, что возможно, имело место воровство, а значит, в монастыре Хуанцзи кто-то совершил преступление по причине алчного желания владеть золотом, советник пришёл в ярость. И вознамерился во что бы то ни стало отыскать утерянный листок, даже если придётся рыть носом землю. И если пропажа будет найдена у кого-то из учеников, их наверняка ждёт тяжелейшее наказание. Поэтому всем ученикам монастыря, количеством более трёх тысяч, было приказано бросить все дела, чтобы никто не успел принять меры, и собраться на общее построение, а тем временем обыскать каждую келью.

Шум поднялся до небес, монахи без устали искали пропажу, но к всеобщему потрясению, когда поиски длились уже довольно долго, Се Лянь вдруг отказался от своих слов и заявил, что ему очень неловко перед всеми за принесённые неудобства — принц внезапно вспомнил, что ещё когда проживал в императорском дворце, один из золотых листков уже был утерян. Другими словами, первоначально листков в наборе насчитывалось лишь сто семь, как и сейчас.

В ту ночь поиски пропавшего золотого листка принесли немалые неудобства обитателям монастыря — все пребывали в крайнем смятении, и когда каждый из монахов уже обливался потом, Его Высочество наследный принц вдруг заявляет, что их старания напрасны. Разумеется, у многих его соратников в душе зародилось недовольство. Какое-то время ученики между собой сетовали на то, что виновник случившегося — всё-таки Его Высочество наследный принц, и с этим ничего не поделаешь, потому ему позволено говорить, что вздумается. Однако многие всё же выразили надежду, что в следующий раз он не будет столь забывчив и вспомнит такую важную деталь ещё до начала поисков, и так далее, и тому подобное. Фэн Синь, молча слушая подобные разговоры, ужасно раздражался, однако Се Лянь снова просил его не обращать внимания и спокойно смотреть в будущее, ожидая момента, когда всё изменится. А в будущем всё вышло именно так — Се Лянь во всех отношениях превзошёл

остальных и заслужил звание первого ученика монастыря Хуанцзи среди трёх тысяч соратников. К тому же, благодаря дружелюбному характеру без тени злоупотребления положением, его репутация улучшилась, и ученики стали высказывать о нём положительное мнение даже в личных разговорах. Фэн Синь не мог похвастаться идеальной памятью и о случившемся вскоре позабыл. Но сегодня, когда Се Лянь напомнил об этом, на него снизошло осознание, юноша потрясённо и сердито воскликнул:

— Получается, тот листок забрал Му Цин???

Се Лянь шикнул на него:

— Тсс! — Убедившись, что вокруг ни души, он всё же заговорил: — Золотой листок выпал из трясущейся телеги, когда воз поднимали на гору. Когда Му Цин отправился за водой, он нашёл листок в траве и спрятал под матрацем, на котором спал, поскольку не смог сразу решить, что с ним делать. Тем же вечером советник вдруг устроил обыск — приказал выгнать всех учеников на улицу и перевернуть их комнаты. Тогда я ещё не был знаком с Му Цином, просто увидел, что лицо одного из молодых слуг сделалось обеспокоенным. Позднее, когда я сидел снаружи, он поднёс мне чаю и по секрету признался в содеянном. Так я и узнал, как всё произошло.

— Нашёл и не сообщил о находке — и ты не считаешь это воровством??? Ты поэтому сказал остальным, что листок потерялся в императорском дворце, чтобы помочь ему скрыть преступление???

За рассказом Се Лянь закончил одеваться и вышел за порог.

— Именно так всё и было.

Фэн Синь, рассерженный до полусмерти, вышел вслед за принцем.

— Ваше Высочество, известно ли тебе, сколько сплетен звучало за твоей спиной, когда ты только прибыл в монастырь?

— Говори тише. Тогда он действительно выглядел ужасно, был бледный как смерть. Остальные обитатели монастыря и без того плохо к нему относились. Если бы я рассказал правду, то сломал бы ему этим жизнь! Я же обладаю другим статусом, нежели он, и потому в подобных обстоятельствах моё положение отличалось. Последствия в обоих случаях даже сравнивать нельзя.

В этот момент навстречу вышли два младших монаха, которые с должным почтением поклонились Се Ляню и с улыбкой

поприветствовали:

— Ваше Высочество!

Се Лянь, также улыбнувшись, ответил на приветствие, а когда они разминулись, снова обратился к Фэн Синю:

— Видишь, я же говорил, что нужно лишь спокойно смотреть в будущее и ожидать изменений. Сейчас у меня прекрасные отношения со всеми. И кто теперь посмеет распространять обо мне сплетни?

Они пришли в келью Му Цина, однако никого там не обнаружили, поэтому снова отправились на поиски. Фэн Синь произнёс:

— Мне уже тогда показалось странным — почему я никогда не слышал, чтобы ты терял золотой листок в императорском дворце? И ты молчал об этом целых два года, а ещё сказал мне, что познакомился с ним, когда тот подметал пол!

— После случившегося он просил меня никому ничего не рассказывать. Я дал ему слово и, разумеется, не мог его нарушить. Теперь ты всё знаешь, а значит, я не сдержал обещания. Но ты уж точно никому не должен рассказывать.

— Это не считается нарушением обещания. Ты ведь ничего мне не говорил, он сам выдал себя с головой, когда задрожал от страха, будто вор.

Се Лянь пригрозил:

— Так не годится, сейчас же поклянись, что никому не проговоришься. Иначе я навсегда разорву нашу дружбу, и к тому же сделаю так, что ты никогда не сможешь найти себе жену.

Фэн Синь так и прыснул:

— Разорвёшь нашу дружбу?! Да на следующий же день после разрыва каждый житель Сяньлэ узнает вот что: Его Высочество наследный принц, решив одеться самостоятельно, едва не упал без чувств, запутавшись в шнурках от монашеских сапог... Ладно! Я никому не скажу. Да и кому, мать его, хочется разводить подобные сплетни. — Помолчав, юноша добавил: — Вполне возможно, он решил, что я всё время задираю его, потому что знаю о том золотом листке. Если честно, мне именно такие люди не нравятся. Взрослый человек, а целыми днями занят мыслями о подобной ерунде. Наверняка он давно заподозрил, что ты всё мне рассказал. Даже императорские наложницы во дворце не настолько мнительны и расчётливы. Я раздражаюсь от одного взгляда на такое поведение.

— Но ведь не настолько всё плохо, как ты говоришь. Ранее в монастыре Хуанцзи никогда не слышали о пропаже вещей, значит, это была его первая оплошность. В конце концов, он поступил так из-за матери... Ох, как бы то ни было, он неоднократно заверял меня, что ничего подобного больше не повторится, поэтому я не совершил греха, дав ему шанс исправиться. И он им воспользовался. К тому же сегодня, не подыграй мне Му Цин во время падения малыша со стены, конец представления в честь жертвоприношения Небесам не выглядел бы таким уж достойным.

Фэн Синь насмешливо произнёс:

— Ты всё равно вошёл в историю со своими тремя кругами. Ему даже не требовалось чинить тебе новых неприятностей. Ваше Высочество, я тебе вот что скажу. Я не верю ни единому слову из того, что он говорил сегодня во дворце Шэнью. Каждому в монастыре Хуанцзи известно, что во время игры в карты наставники родных не узнают! Почему понадобилось идти с докладом именно в тот момент? Да к тому же наотрез отказаться разъяснить караульному, с чьим приказом явился. Такое ощущение, что он сделал всё для того, чтобы не выполнить твоё поручение.

Се Лянь отрицательно качнул головой и серьёзно ответил:

— На самом деле причиной тому стало и моё упущение. Я знал, что Му Цина не любят другие ученики, и старался поручить ему как можно больше дел, чтобы остальные увидели, что он мой приближённый, и стали проявлять к нему бóльшую вежливость. Я и подумать не мог, что неприязнь соучеников к Му Цину достигла подобных масштабов. Ему не только не дали выполнить поручение, но ещё и сделали мишенью для оскорблений. Посмотри на это с другой стороны, и поймёшь, что его странная реакция отнюдь не беспочвенна.

Фэн Синь совершенно не согласился с принцем:

— Не надо вешать на себя ответственность за его странную реакцию, хорошо? Ты — наследный принц. Неужели ты считаешь, что, однажды оказав ему помощь, теперь должен делать это всю жизнь? Ваше Высочество, я правда никак не возьму в толк, почему ты так высоко его ценишь.

Се Лянь широко улыбнулся в ответ:

— Фэн Синь, тебе стоит понять, что многие люди на этом свете для меня — простые камни.

Фэн Синь не понял смысла его слов. Тогда Се Лянь завёл руки за спину и произнёс:

— Камни попадаются сплошь и рядом, а вот драгоценный самоцвет найти нелегко. За все эти годы на тропе совершенствования своего боевого искусства я встретил лишь двоих человек, которых могу назвать драгоценными самоцветами. Один из них — ты. Другой — он. — Принц вдруг остановился и обернулся, его взгляд сверкнул невероятно ярко. — Я по-настоящему считаю Му Цина чрезвычайно одарённым. Неужели лишь из-за происхождения и неуживчивого характера этот самоцвет останется пылиться без должной огранки и не проявит всю свою красоту? — Се Лянь уверенно заключил: — Нет! Я считаю, что это неправильно. Ты спрашиваешь, почему я столь высоко его ценю? По той же причине, по которой я столь высоко ценю тебя. Я непременно заставлю сиять того, кто должен сиять. Кроме того, я не верю, что добрые намерения могут вернуться злом.

Фэн Синь остановился вместе с принцем, а дослушав, почесал затылок и произнёс:

— Как бы то ни было, ты сам должен знать, чего хочешь. И делать то, что считаешь нужным.

— Да. Так что... куда всё-таки подевался Му Цин?

Как вдруг к ним навстречу вышли несколько младших монахов с корзинами в руках. Они шумно переговаривались, а когда увидели Се Ляня, ужасно обрадовались и хором поприветствовали:

— Ваше Высочество наследный принц!

Се Лянь с улыбкой ответил на приветствие. Тогда монахи подошли ближе и протянули ему корзины, радушно вопрошая:

— Ваше Высочество, отведаете вишни? Ягода чистая, мы вымыли её в горном источнике, а какая сладкая!

Корзины оказались полны ослепительно-красных плодов вишни, ягоды так и радовали взгляд. Се Лянь и Фэн Синь взяли несколько вишенок и сами убедились в их сладости и свежести. Один из монахов спросил:

— Когда мы подходили к вам, то слышали, что Его Высочество упомянул Му Цина. Вы ищете его? Кажется, мы видели его в вишнёвой роще, через которую прошли.

Се Лянь ответил:

— Вот как? Благодарю за подсказку.

Тогда они направились в сторону вишнёвой рощи. Кроме дикого кленового леса на горе Тайцан росло немало плодовых деревьев: персики, груши, мандарины и многие другие разнообразные виды, среди которых встречалась и вишня. Плодовые рощи питались водой из горного родника, омывались горным туманом и купались в лучах солнца, каплях дождя и росы. Плоды с таких деревьев полнились духовной силой. Часть из них подносили к столу во дворце императора, остальные же служили лакомством для учеников монастыря, которые могли сорвать плоды и подкрепиться после изнурительной тренировки. За пределами монастыря подобных фруктов было не сыскать и за сотни золотых монет. Вишнёвые деревья стояли отдельно друг от друга, среди молодой листвы гроздьями краснели ягоды, похожие на красные коралловые бусины — зрелище поистине прекрасное. Се Лянь и Фэн Синь следовали через рощу в поисках Му Цина и вскоре услышали впереди неясные голоса людей, которые явно о чём-то спорили. Двое невольно остановились.

Юноши увидели впереди четверых-пятерых человек в белых монашеских одеяниях. Каждый держал в руках по корзине, видимо, они пришли сюда собирать ягоды. Только вот сейчас они окружили вовсе не вишнёвое дерево, а кого-то другого. Невзирая на довольно большое расстояние, Се Лянь и Фэн Синь обладали достаточно острым слухом, чтобы прекрасно расслышать, о чём именно спорили те люди. Один из молодых монахов произнёс:

— То-то мне казалось, что в последнее время ягод в роще заметно уменьшилось. Оказывается, кое-кто целыми днями ошивается здесь и крадёт плоды с деревьев!

Послышался тихий-тихий голос:

— Всем без исключения ученикам монастыря на горе Тайцан разрешено срывать плоды, разве это называется «красть»? К тому же, деревьев в роще несметное множество, в одиночку я бы не смог заметно уменьшить число ягод.

Говорящим явно был Му Цин. Судя по краю его одежд, выглядывающих среди группы соратников, он уже снял чёрные одеяния Демона и переоделся в простое монашеское, которое носил в обычные дни. Юноша, что говорил с ним, недовольно хмыкнул:

— Если бы ты срывал для себя, разумеется, ягод бы не стало меньше. Но ведь ты собираешь не только свою долю, а тайком

уносишь их с горы для кого-то ещё. Отличную кормушку нашёл, просто верх бесстыдства.

Се Лянь всё понял. К Му Цину снова придрались соученики, которым он не понравился.

Му Цин родился в бедной семье, его матери приходилось тяжело трудиться в столице государства, что находилась под горой, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Раньше она занималась шитьём, но потом стала слаба глазами и не смогла больше держать иглу. Оставалось только ждать, когда сын принесёт домой немного денег, заработанных мелким трудом в монастыре. Иногда он собирал плоды, растущие на горе Тайцан, а потом приносил их матери, чтобы она поела свежих ягод. Ничего предосудительного в этом не было, поскольку на самом деле никакие правила не запрещали так поступать. И всё же, звучало не слишком порядочно. В особенности Му Цину нелегко было стерпеть, когда кто-то сообщал об этом во всеуслышание и использовал в качестве насмешки. В голосе юноши послышался холод:

— Шисюн Чжу, нам с тобой не так уж часто приходилось общаться раньше, но ты так и норовишь всячески меня задеть. Это ведь ты вчера не позволил мне войти во Дворец Четырёх и передать наставникам доклад. Позволь узнать, в чём я перед тобой провинился?

Юноша по фамилии Чжу действительно служил младшим монахом при наставниках во Дворце Четырёх. Стоило Му Цину упомянуть о том инциденте, он пришёл в ярость:

— Ты сам не проявил должное старание, передавая сведения, и едва не испортил столь важное событие, а теперь решил меня в этом обвинить? Всё из-за того, что вчера ты говорил какими-то недомолвками, поэтому я решил, что ты замыслил недоброе. Если бы сразу прямо сказал, зачем идёшь во дворец, разве всё вышло бы именно так? Из-за тебя едва не сорвалась прекрасная задумка Его Высочества, а меня ещё и советник отругал!

С этими словами монах отбросил корзину в сторону и сделал знак остальным, чтобы те окружили Му Цина. Се Лянь не мог больше на это смотреть.

— Пойдите!

Монахи, услышав оклик, удивлённо обернулись и воскликнули:

— Ваше Высочество!

Се Лянь и Фэн Синь подошли ближе. Монах уже успел схватить Му Цина за ворот и прижать к дереву, однако драка так и не началась. Если бы они на самом деле подрались, Му Цин непременно одержал бы верх, даже один против двадцати. Вот только, если юноша хотел укрепить своё положение в монастыре Хуанцзи, драку ни в коем случае нельзя было допустить.

Се Лянь с улыбкой произнёс:

— Уважаемые братья, что это вы делаете?

Монах по фамилии Чжу оказался белолицим юношей довольно приятной наружности. Он всегда преклонялся перед наследным принцем и теперь, стоило ему услышать голос, содрогнулся и торопливо выпустил ворот Му Цина из рук, замявшись:

— М-мы тут...

Се Лянь с улыбкой продолжил:

— Причина вашего спора мне неизвестна, однако Му Цин — мой приближённый, и всё, что он делает, он делает обыкновенно по моему наставлению. Я не знал, что, попросив его пойти сорвать немного ягод, кажется, совершил какое-то злодеяние.

Монахи тут же раскланялись и заголосили:

— Нет, нет! Мы просто неправильно поняли, мы ведь не знали, что он действовал по приказу самого Вашего Высочества!

Му Цин тем временем, стоя у дерева, услышал слова принца и сначала замер от неожиданности, затем быстро поправил воротник и молча опустил голову. Монахи же, обливаясь холодным потом, второпях принесли извинения Се Ляню и Му Цину, затем наконец похватили корзины и быстро покинули вишнёвую рощу. Се Лянь заметил, что корзина Му Цина так и осталась лежать на земле, поэтому склонился, подобрал и протянул корзину владельцу с вопросом:

— Нужна помощь?

Му Цин не принял корзину, только поднял взгляд и с трудноописуемым выражением лица уставился на принца. Лишь спустя долгое время он произнёс:

— Ваше Высочество.

— Что?

— Почему ты всегда появляешься именно в такой момент?

— ?..

Фэн Синь же возмутился:

— Что ты этим хочешь сказать? Мы появились как раз вовремя, чтобы вызволить тебя из передраги, а ты ещё и недоволен?

Му Цин бросил на него взгляд и взял корзину. Тогда Фэн Синь высоко поднял голову и жёстко заявил:

— Слушай внимательно. Только что... будем считать, я был неправ. Я не хотел тебя обвинить, просто ляпнул сгоряча. Нечего придумывать себе то одно, то другое, подозревать всех и вся. Меня не интересуют ничьи дела, кроме дел Его Высочества. И к распространению сплетен я интереса не питаю. Я всё сказал. А ты перестань строить из себя упряма!

— Пффф! — Се Ляню тон Фэн Синя показался слишком напористым, а дослушав до конца, он и вовсе не сдержался и прыснул со смеху. Му Цин тоже уставился на Фэн Синя, однако принц помахал обоим рукой:

— Ну всё, довольно. Фэн Синь говорит чистую правду. Давайте забудем об этом недоразумении и сделаем вид, что ничего не произошло.

Помолчав немного, Му Цин мрачным тоном сказал:

— Ту коралловую бусину я потом ещё поищу. Может быть, она потерялась где-то на городской улице.

Се Лянь, подумав, что проявить излишнее безразличие будет некрасиво, ответил:

— Хорошо, я буду тебе очень благодарен за трату твоего времени. Вот только если она действительно пропала в городе, думаю, её кто-то уже подобрал.

Му Цин не стал ничего отвечать, лишь принялся подбирать упавшие на землю грозди вишни и складывать в корзину. Вообще-то он собрал не так много, и уже намеревался покинуть рощу, однако Се Лянь, подняв голову и увидев над собой россыпи свежих манящих красных ягод, снял ещё несколько гроздей и положил ему в корзину.

Му Цин на мгновение замер, но Се Лянь произнёс:

— В следующий раз, когда будешь собирать плоды с деревьев для матери, говори, что исполняешь мой приказ, и тогда никто не посмеет тебе возразить. Советник просил меня в ближайшие дни навестись в императорский дворец, я решил отправиться завтра. Может, ты тоже спустишься с горы со мной? А сегодня пока останешься в монастыре.

Пришлось подождать, прежде чем Му Цин наконец тихо проговорил:

— Премного благодарен Вашему Высочеству.

На следующий день Се Лянь вместе с Фэн Синем и Му Цином спустился с гор.

Едва сойдя вниз по горной тропе к ущелью, которое являлось входом в монашескую обитель, они увидели сверкающую золотом повозку, запряжённую белой лошадью. Юноша в роскошных одеяниях и с драгоценным обручем на шее возлежал на переднем сиденье, высоко задрав сложенные одна на другую ноги и поигрывая кнутом в руках, всем видом источая высокомерие. Увидев, что Се Лянь показался из ущелья, юноша подскочил и что есть мочи бросился к принцу, вне себя от радости восклицая:

— Мой царственный брат!

Конечно, этим юношей оказался Ци Жун. Только он мог целыми днями караулить принца у подножия горы Тайцан, независимо от того, спустится Се Лянь с гор или нет. В два шага Ци Жун подбежал к принцу и радостно воскликнул:

— Наконец-то я тебя дождался!

Се Лянь лучезарно улыбнулся и погладил мальчишку по макушке со словами:

— Ци Жун, ты снова подрос? Как ты узнал, что я сегодня возвращаюсь во дворец?

Ци Жун хихикнул:

— Я не знал, просто ждал. Рано или поздно ты бы спустился, и я не верю, что не дождался бы тебя.

Се Лянь беспомощно произнёс:

— Тебе и правда нечем больше себя занять. Ты сидел за книгами? А фехтованием занимался? Если матушка опять попросит меня проверить твои успехи в тренировках, я больше не стану тебя выгораживать.

Ци Жун уклончиво закатил глаза и, подпрыгивая, воскликнул:

— Отложим это на потом! Взгляни лучше на мою новую повозку! Прошу, царственный брат, садись, я отвезу тебя во дворец!

Схватив Се Ляня за руку, он потащил его к повозке. Се Ляню эта затея показалась чрезвычайно опасной, он спросил:

— Ты будешь править повозкой?

Фэн Синь и Му Цин последовали за ним. По правилам свита должна была сидеть как раз на передних сиденьях в повозке, но Ци Жун, стерев улыбку с лица, грозно взмахнул хлыстом.

— Я лишь царственного брата пригласил сесть, а не вас. Чтобы какие-то мерзкие слуги пачкали мою золотую повозку? Катитесь прочь сейчас же!

— Ци Жун, — спокойно одёрнул Се Лянь.

Фэн Синю уже приходилось несколько раз встречать Ци Жуна, поэтому он прекрасно знал, что юноша всегда ведёт себя подобным образом — стоит ему открыть рот, и посыплется брань вроде «мерзавцы» и «чтоб вас всех». В отличие от Фэн Синя, Му Цин ещё ни разу не бывал в императорском дворце, и, разумеется, не имел возможности вступить в близкое общение с князем Сяоцзином. Ци Жун ужасно оскорбился, однако видя, что Се Лянь вот-вот уйдёт без него, согласился стерпеть обиду и позволить «этим мерзким людишкам» забраться в свою драгоценную золотую повозку.

Кто бы мог подумать, что едва они усядутся, как сразу же пожалеют об этом. Ци Жун правил повозкой словно умалишённый, кнут в его руках свистел без остановки, а изо рта вырывались какие-то нечленораздельные восклицания. Белая лошадь, подгоняемая им, в ужасе ринулась вперёд, и повозка едва не взлетела, готовая сшибить всё на своём пути по широкой улице. Се Лянь на протяжении всей поездки кричал не прерываясь, несколько раз они едва не сбили пешеходов и лавочников, чего не произошло лишь благодаря Фэн Синю и Му Цину, которые в нужный момент мощным рывком удержали лошадь за поводья.

В противном случае за всё время их бешеной гонки с жизнью расстались бы по меньшей мере человек двадцать. Лишь когда впереди показался дворец, колёса повозки наконец стали крутиться медленнее, а Се Лянь, Фэн Синь и Му Цин как по команде вздохнули с облегчением. Принц стёр холодный пот со лба. Фэн Синю и Му Цину около дюжины раз попало от Ци Жуна кнутом — на руках юношей вздулись отметины. А сам Ци Жун поднялся, поставил ногу на внушительный круп лошади и с довольным видом произнёс:

— Ну как, мой царственный брат, неплохо я правлю повозкой?

Се Лянь спустился на землю и ответил:

— Я буду просить отца и матушку, чтобы забрали твою повозку.

Ци Жуна его ответ крайне поразил:
— Но почему?!

Нравы государства Сяньлэ отражали страсть людей к золоту, драгоценным камням, красивой внешности, музыке и каллиграфии. Поэтому императорский дворец являлся вершиной средоточия всего того, что так любили люди народа Сяньлэ. Пересекая огромную дворцовую площадь и проходя через длинную киноварно-красную галерею, повсюду можно было узреть роскошные изваяния из нефрита и золота. На стенах вокруг красовались превосходные произведения каллиграфического искусства, то и дело по воздуху плыли звуки музыки. Атмосфера поистине подобная обители бессмертных.

Императорский дворец был домом Се Ляня, он рос здесь с самого рождения. Фэн Синь был избран его личным телохранителем в четырнадцатилетнем возрасте, поэтому и он давно привык к обстановке дворца. Лишь Му Цин, который впервые видел подобное этому строение, не мог удержаться от потрясения. Однако чем больше юноша удивлялся, тем осторожнее ступал, тем сильнее боялся сделать неверный шаг, боялся, что кто-то поймёт его истинные настроения.

Сначала Се Лянь отправился навестить матушку, государыню Минь. Государыня как раз пребывала во дворце Цифэн^[113], сидела за маленьким чайным столиком и пила чай. Ей сразу доложили, что Его Высочество наследный принц вернулся во дворец, поэтому уголки её глаз радостно изогнулись, и даже когда принц ещё не подошёл, государыня вытянула руки ему навстречу:

— Наконец-то ты не пожалел времени, чтобы навестить свою матушку!

Фэн Синь и Му Цин остались снаружи зала, а Се Лянь и Ци Жун вошли внутрь. Принц приблизился к матери, взял её за руку и спросил:

— Но ведь я возвращался всего два месяца назад?

Государыня с укором произнесла:

— Несносное дитя, где твоё сердце? Жун-эр хотя бы понимает, что нужно проводить больше времени со мной, я ведь уже не молода.

А ты два месяца не появляешься дома и без стыда заявляешь об этом, как о должном.

Се Лянь улыбнулся:

— Матушка, о чём вы говорите? Я вижу перед собой лишь молодую женщину, которой всего пара десятков лет! Вы выглядите мне ровесницей.

Государыня, послушав его, засияла от радости. Даже имея довольно взрослого сына, она оставалась первой красавицей высшего общества благодаря жизни в роскоши и прекрасному уходу за внешностью и здоровьем. И всё же неодобрительно бросила:

— Подхалим.

Се Лянь увидел на маленьком столике нефритовый кубок, содержимое которого источало необычный аромат, и полюбопытствовал:

— Что это?

Принц уже взял кубок в руки, когда государыня предостерегла:

— Не трогай! Это тебе пить нельзя.

— И почему же мне нельзя это пить?

Государыня взяла кубок, вылила немного содержимого на платок и приложила к лицу, втирая в кожу.

— Недавно нам привезли партию свежих фруктов с горы Тайцан. Я не люблю вишню, но по одному рецепту её мякоть можно наносить на лицо, вот я и размяла немного, попробовать. Никакого результата не увидела и уже собиралась попросить слуг вылить кубок. Разве это ещё можно пить?

Се Лянь, послушав, улыбнулся, но в душе вспомнил вчерашнее происшествие. Мать Му Цина не может себе позволить поесть вишню больше одного раза в год, а самого Му Цина осыпают насмешками, когда он собирает ягоды на горе. Наверняка ему тяжело было бы увидеть что-то подобное. Боясь, что Му Цин услышит и расстроится, Се Лянь с улыбкой перевёл разговор в другое русло:

— Может быть, для меня всё-таки найдётся что-нибудь съестное?

— Ну что ты такое говоришь, — улыбнулась государыня, — если кто услышит, ненароком решит, что я морю тебя голодом. На самом же деле ты с самого детства слишком разборчив в еде, у меня никак не получалось тебя откормить. Ты так сильно похудел за всё время, что

провёл на горе. Сегодня будешь есть то, чем матушка тебя накормит. И не вздумай привередничать.

Они ещё немного поговорили ни о чём, потом государыня спросила принца о происшествии на праздничной церемонии. В её голосе звучало беспокойство:

— Из слов советника я поняла, что это серьёзная проблема. Могу ли я чем-то помочь? Тебя подвергнут наказанию?

Се Лянь не успел ответить, когда Ци Жун вставил:

— Хмф, мой царственный брат ни в чём не повинен, это ведь не он свалился со стены. Если кого и наказывать, то лучше наказать того мелкого задохлика.

Се Лянь подумал: «Какого ещё задохлика?» Но не успел он одёрнуть Ци Жуну, государыня рассмеялась. Как раз в этот момент она вдруг заметила снаружи зала ещё двоих юношей и произнесла:

— А что это за дитя рядом с Фэн Синем? Впервые замечаю прибавление в твоей свите.

Тогда Се Лянь с радостью ответил:

— Это Му Цин, вчера на празднике он исполнял роль Демона.

После этих слов брови Ци Жуну чуть нахмурились. Государыня же спросила:

— А? Пусть подойдёт, я взгляну на него. И Фэн Синь пусть заходит.

Повинуясь, Фэн Синь и Му Цин вошли в зал и встали перед государыней на одно колено. Женщина внимательно оглядела Му Цина и сказала Се Ляню:

— Вчера я своими глазами убедилась, что он недурно сражается. Очень симпатичный юноша, лицом похож на образованного министра. Вот уж не думала, что он столь умело обращается с саблей, да ещё источает такую яростную ауру в бою.

Се Лянь улыбнулся до ушей.

— Правда? Мне тоже кажется, что он весьма неплох.

Ци Жун, однако, с прохладой в голосе спросил:

— О? Так это он вчера был под маской Демона?

Се Лянь тут же почуял неладное. Не обманув ожиданий, в следующий миг Ци Жун вдруг вышел из себя, схватил нефритовый кубок с чайного столика и вознамерился с яростью выплеснуть его прямо в лицо Му Цину.

— Вот твоя награда!

Се Лянь ловким движением выбил кубок из рук Ци Жуну, не дав ему тем самым исполнить задуманное. Затем схватил двоюродного брата за шиворот и воскликнул:

— Ци Жун, что ты творишь?!

Ци Жун, даже вздёрнутый за ворот, продолжал вырываться и огрызаться:

— Но брат, я лишь помогаю тебе вразумить отбившуюся от рук прислугу! Вчера, пока ты не появился, он в одиночку выплясывал на платформе, да ещё с такой радостью! То и дело выпрашивал одобрение публики. Какая-то мелочь, а возомнил себя главным героем? Ещё и взбунтоваться решил!

Государыня так и застыла, удивлённо пролепетав:

— Жун-эр? Что... что ты делаешь?

Сок вишни не попал на лицо Му Цина, но запачкал одежду. Однако юноша остался стоять на колене с мрачным и бледным лицом — ведь государыня не разрешала ему подняться. Се Лянь передал Ци Жуну Фэн Синю:

— Не позволяй ему лезть в драку.

Фэн Синь потянулся к Ци Жуну, но мальчишка тут же осыпал его пинками и тумаками, выплёвывая ругань:

— А ты что ещё за дрянь? Откуда в тебе, псина, столько смелости, чтобы хватать меня своими руками?

У Се Ляня от безысходности разболелась голова.

— Ци Жун, в последнее время твоё безобразное поведение становится всё более невыносимым! — затем повернулся к государыне. — Матушка, забыл вам кое-что сказать. Заберите у него золотую повозку.

Ци Жун удивлённо вздрогнул и заорал:

— Нет, не надо! Почему?! Это подарок от тёти на мой день рождения!

Се Лянь возразил:

— Что бы это ни было, её следует забрать. Только что по пути во дворец ты едва не натворил бед. Пока не научишься аккуратно править повозкой, не прикасайся к ней.

Государыня охнула и спросила:

— Едва не натворил бед? Каких бед он едва не натворил?

Се Лянь вкратце описал ужасную манеру Ци Жуна править повозкой. У виновника от ярости покраснели глаза, он продолжал верещать:

— Царственный брат несправедливо меня обвиняет! Ясно ведь, что я ни одного прохожего не сбил!

Се Лянь, не зная, как ещё его вразумить, ответил:

— Только потому, что кое-кто не дал этому случиться!

Ци Жун в момент вырвался из рук Се Ляня и, раздуваясь от ярости, выбежал прочь из дворца Цифэн. Государыня несколько раз позвала его, однако он так и не вернулся, поэтому женщина беспомощно произнесла:

— Я поговорю с ним об этом завтра. Ох, это дитя, он так долго мечтал о повозке, а несколько дней назад отпраздновал день рождения. Глядя, как сильно он желает получить её, я подарила ему повозку. Кто же знал, что всё так обернётся? Я бы не стала делать такой подарок, если бы предполагала подобное.

Се Лянь спросил:

— Но зачем ему непременно понадобилась повозка?

— Он сказал, что тогда сможет в любое время ездить на гору Тайцан и возить тебя во дворец.

Подумав, что Ци Жун, в конце концов, преследовал добрые намерения, Се Лянь замолчал. Спустя пару мгновений принц заключил:

— Вам лучше найти ему учителя, который сможет обуздать его нрав. Ни в коем случае нельзя продолжать в том же духе, это никуда не годится.

Государыня вздохнула:

— Какому учителю под силу его вразумить? Он всегда слушался лишь тебя одного. Неужели ты предлагаешь, чтобы он вместе с тобой отправился на гору, занялся совершенствованием тела, духа и нрава? Но советник под страхом смерти не желает принимать его в ученики.

Се Ляню даже мысли об этом показались смешными и страшными. Принц покачал головой.

— Если Ци Жун с его-то характером поселится в монастыре Хуанцзи, ни одному живому существу на горе Тайцан не будет покоя.

Эта проблема вызывала у обоих — матери и сына — ужасную головную боль. Никто не находил выхода, поэтому они решили

отложить этот вопрос на потом. Под вечер, повидавшись и немного поболтав с родителями, Се Лянь покинул императорский дворец.

Каждому было известно, что Его Высочество наследный принц посвятил всего себя самосовершенствованию и с тех пор как переехал жить в монастырь Хуанцзи на горе Тайцан, всё реже виделся с родителями. По этому поводу государь по большей части не имел возражений, а вот государыня никак не могла смириться. Покинув дворец, Се Лянь решил пройтись по столице и заодно, как пообещал вчера, проводить Му Цина к его дому.

Жилища богачей за красными воротами и грязные землянки бедноты всегда отделяются одним лишь переулком. Отчий дом Му Цина ютился как раз в таком тёмном переулке на самой оживлённой улице столицы.

Стоило троим юношам подойти ко входу в переулок, их тут же окружили полдюжины детишек в лохмотьях, которые наперебой закричали:

— Гэгэ! Гэгэ вернулся!

Се Ляню это сначала показалось странным — почему, встретив незнакомца, дети зовут его «гэгэ»? Однако почти сразу принц заметил, что они обращаются вовсе не к нему, а к Му Цину. Ребяшня так и ластилась к юноше, но Му Цин не удостоил их ответной добротой.

— В этот раз ничего нет. Хватит кричать.

Он сохранял невозмутимое выражение, однако тон его голоса на самом деле вовсе не был таким уж холодным. После Му Цин повернулся к Се Ляню и произнёс:

— Ваше Высочество, не обращайтесь внимания. Это местные дети.

Но ребята, очевидно, были хорошо знакомы с Му Цином и привыкли играть с ним, поэтому ни капли не испугались, наоборот — с хихиканьем окружили юношей и протянули грязные ладошки, выпрашивая у Му Цина угощение. В конце концов, юноша всё-таки достал из кармана гроздь похожих на рубины вишен и разделил между детьми.

Фэн Синь ужасно поразился увиденному. Похоже, он совершенно не ожидал от Му Цина ничего подобного. И не удивительно — Му Цин своим крайне безразличным и прохладным бледным лицом производил впечатление человека, который будет смотреть, как незнакомец умирает от голода у него на глазах, но не поделится едой.

Се Лянь же не удивился ни капли. Вначале он тоже хотел чем-нибудь угостить детей, но, к сожалению, у него не было привычки носить при себе сладости, а приказать Фэн Синю дать детям немного серебряных монет выглядело бы подаянием попрошайкам, поэтому принц счёл такой поступок неподобающим. Никто не мог представить, что в следующее мгновение вдруг послышится громкий топот копыт и ржание, а затем по улице пронесётся душераздирающий визг.

Юноши переменялись в лице. Се Лянь первым выбежал из переулка. По обеим сторонам улицы царила неразбериха, всё летело кувырком, прохожие разбегались в стороны, по земле катились красные яблоки и жёлтые груши. Не успев понять, что происходит, принц услышал безумный хохот и крик молодого парня:

— С дороги, с дороги, все пошли вон! Если кого задавлю насмерть, так я здесь ни при чём — это у вас глаз нет, смотреть разучились!

Фэн Синь выругался и воскликнул:

— Это опять Ци Жун!

Всё верно — Ци Жун стоял на своей роскошной золотой повозке и со зверским выражением лица размахивал кнутом, стегая белую лошадь так, что та неистово ржала. Се Лянь крикнул:

— Остановите его!

Золотая повозка просвистела перед ними, Фэн Синь крикнул «Есть!» и бросился вперёд. Се Лянь же вознамерился осмотреть прохожих и лавочников, которых сбил Ци Жун, чтобы убедиться, не поранились ли люди. Как вдруг принц заметил кое-какую странность. Резко обернувшись, он увидел, что за большой золотой повозкой тащится толстая длинная верёвка. А на конце той верёвки привязан холщовый мешок. Мешок не пустовал — в нём как будто что-то неистово барахталось. И судя по всему, это был человек.

Се Ляня пробрало морозом по коже. Ещё мгновение, и он бросился за мешком.

Белая лошадь, подстёгиваемая Ци Жунуном, не щадя сил бешено мчалась вперёд, так что даже повозка едва не взлетала следом. Фэн Синь бросился к животному, чтобы удержать, вот только быстро это сделать явно не получится. Се Лянь в три шага догнал повозку, выхватил меч из ножен и рубанул по верёвке, отрубив её от повозки. Холщовый мешок упал, прокатился по земле и замер.

Се Лянь склонился над мешком. Неизвестно, сколько его уже волокли по земле, кое-где мешок изодрался, и кроме грязи на нём виднелись следы крови, словно внутри лежал труп. Принц снова взмахнул мечом, разрубая верёвку, которая связывала горловину мешка, открыл, заглянул внутрь и увидел, что в мешке действительно находится человек. К тому же, это был ребёнок!

Се Лянь одним движением разорвал мешок. Малыш внутри свернулся калачиком, крепко обнимая голову руками. Грязная одежда пестрила если не следами ног, слишком большими для ребёнка, то свежими пятнами крови. Волосы слиплись и спутались от крови и грязи — очевидно, мальчик перенёс жестокие побои, так что теперь даже на человеческое дитя походил с трудом. На вид совсем маленькому мальчонке было не больше восьми лет, он дрожал так, будто с него живьём сняли кожу.

В голове не укладывалось, как он смог остаться в живых после того, как его зверски избили и проволокли по земле.

Се Лянь немедля протянул руку к шее ребёнка и с облегчением выдохнул, нащупав пульс, который всё же бился довольно ощутимо. Принц тут же поднял маленькое тельце на руки, обернулся и, вне себя от гнева, закричал:

— Фэн Синь! Сейчас же сними Ци Жуна с повозки!!!

Он никогда в жизни не думал, что в государстве Сяньлэ может случиться нечто подобное. Посреди бела дня, прямо на оживлённой улице, отпрыск знатного рода затолкал живого человека в мешок и потащил по земле за повозкой! Что было бы с ребёнком, если бы принц не вмешался? Мальчик бы наверняка сегодня попрощался с жизнью!

Впереди послышалось отдалённое лошадиное ржание и гневные вопли Ци Жуна, после чего громкий крик Фэн Синя:

— Сделано!

Се Лянь в несколько шагов нагнал их и как раз подоспел к моменту, когда Ци Жун издал истошный вопль и гневно забранился:

— Ах ты наглая псина, слуга, что ты о себе возомнил? Как посмел меня калечить? Где только храбрости набрался?!

Выяснилось, что Фэн Синь никак не мог сдёрнуть парня с повозки, поэтому пришлось отбирать поводья. Ци Жун, конечно, не желал их отдавать, и всё тянул на себя, так что Фэн Синь в минуту

опасности случайно столкнул его с повозки. Упав на землю, Ци Жун прокатился по ней так, что содрал в кровь колени. А увидев вокруг кучу свидетелей, и вовсе невыносимо разгневался. Но тут раздался голос Се Ляня:

— Это я ему приказал.

Ци Жун открыл и закрыл рот, затем воскликнул:

— Мой царственный брат!

Се Лянь в гневе закричал на него:

— Посмотри, что ты натворил! Ци Жун, я просто...

Как вдруг ребёнок на руках Се Ляня поёжился, потом медленно расслабил руки, которые прижимал к голове, и теперь с опаской смотрел на принца из-под локтя.

Се Лянь тут же унял гнев, склонил голову и мягко спросил:

— Как ты себя чувствуешь? Где-нибудь сильно болит?

Малыш всё ещё находился в сознании, он не лишился чувств от боли и не помутился разумом со страху, поэтому просто покачал головой. Се Лянь, увидев, что открытая часть лица мальчонки залита кровью, хотел было взглянуть, не поранил ли тот голову, но к вящей неожиданности принца ребёнок закрыл руками другую половину лица, так плотно, что казалось — он скорее умрёт, чем позволить принцу посмотреть.

Се Лянь утешительно произнёс:

— Не бойся, всё хорошо, я просто хочу осмотреть твои раны.

Мальчик прижал ладошки к лицу ещё сильнее, принц мог увидеть лишь огромный чёрный глаз, в котором плескался страх. Этот страх не походил на боязнь, что принц его ударит. Мальчишка, более вероятно, боялся что-то ему показать.

Глядя на маленькое личико и огромный глаз, Се Лянь подумал, что уже где-то видел это дитя, и чуть сощурился. Ци Жун решил, что лицо принца исказилось злостью, и выпалил:

— Мой царственный брат, этот мелкий задохлик вчера испортил твоё великое торжество, я помог тебе отвести душу. Не волнуйся, я знаю меру, смерть ему не грозит.

И ведь действительно! Принц держал на руках того самого ребёнка, который вчера на Празднике фонарей во время торжественного шествия в честь жертвоприношения Небесам свалился с городской стены!

Неудивительно, что мальчик показался Се Ляню знакомым. На нём даже одежда была та же самая, что и вчера, только теперь стала ещё грязнее после побоев и того, как Ци Жун проволоч его в мешке по земле, поэтому совершенно не представлялось возможным разглядеть её прежний вид, не говоря уже о самом мальчике. Се Лянь, не в силах сдержать гнев, заорал на Ци Жуна:

— Кто сказал тебе, что мне нужно отвести душу??? Причём здесь дитя? Это ведь не его вина!

Ци Жун тут же нашёлся с ответом:

— Разумеется, это его вина. Если бы не он, разве советник стал бы тебя ругать?

Они наделали такого шума, что зевак вокруг собиралось всё больше, прохожие начали шептаться. Как раз вовремя подоспел Му Цин. Увидев его, Ци Жун указал на юношу кнутом и с упрямым выражением, к которому добавилась ещё и злость, бросил:

— И ещё этот твой слуга. При одном взгляде на него становится ясно, что он не из тех, кто знает своё место. Если ты сейчас не научишь его должной покорности, рано или поздно он взбунтуется и пройдёт по твоей голове. Я хотел помочь тебе проучить нахала, а ты вместо благодарности защитил его, а на меня пожаловался. Дядюшка и тётушка отругали меня, да ещё приказали забрать у меня золотую повозку. Брат, это мой подарок на день рождения! Я больше двух лет мечтал о ней!

Му Цин окинул Ци Жуна абсолютно безэмоциональным взглядом. Се Лянь же так сильно разозлился, что даже рассмеялся:

— Мне не нужны от тебя такие поступки «во благо». Скажи, ты правда желал помочь мне отвести душу? Или хотел отвести душу сам?

Ци Жун воскликнул:

— Брат, зачем ты так говоришь? Я ведь на твоей стороне. Что я сделал не так?

Се Лянь, понимая, что объяснить ничего не получится, сказал:

— Ци Жун, послушай внимательно, с сегодняшнего дня и впредь тебе запрещается трогать этого ребёнка даже пальцем, ты меня слышал?!

В этот момент Се Лянь ощутил, как на шее что-то сжалось. Всё ещё гневаясь, он удивлённо замер и опустил взгляд, увидев, что ребёнок зарылся лицом у него на груди, ручками крепко обхватив

принца за шею. Се Лянь почувствовал, что малыша бьёт дрожью, и решил, что у него что-то болит, поэтому взволнованно спросил:

— Что такое?

Ребёнок с ног до головы был покрыт землёй, песком и кровью, и теперь вся эта грязь осталась на белых одеяниях Се Ляня. Но принц не придал этому ни малейшего значения, лишь осторожно похлопал мальчика по спине, успокаивая его, и уверенно произнёс:

— Всё в порядке. Я прямо сейчас отведу тебя к лекарю.

Мальчонка не ответил, только прижался ещё сильнее. Крепко, не желая отпустить, будто держался за спасительную соломинку, от которой зависела его жизнь. Ци Жун, видя, что Се Лянь совершенно не испытывает к нему признательности, да ещё направил всё внимание на какого-то незнакомого мальчишку, запачкавшего одеяния принца тёмно-грязными кровавыми следами, разгневался так, что его душа вспылала от досады. Юноша взмахнул кнутом и нацелил удар ровно в голову ребёнка. Но Фэн Синь, который как раз стоял поблизости, в тот же миг взлетел в воздух и отбил руку Ци Жуна ударом ноги.

Раздался неприятный хруст, затем громкий крик Ци Жуна. Кнут упал на землю, а рука юноши согнулась под неестественным углом, безвольно повиснув. Сам Ци Жун, всё ещё не в силах поверить в случившееся, лишь спустя какое-то время медленно поднял голову и зло уставился на Фэн Синя, выплюнув слово за словом:

— Как... ты... посмел сломать мне руку!

Фраза сквозила пронизывающим до костей холодом. Фэн Синь же лишь после осознал, что натворил, его лицо мгновенно переменялось. И ещё сильнее, чем его собственное, исказилось лицо Му Цина.

Как бы Ци Жун ни был ненавистен им, это дело одно. Но если кто-то, будучи телохранителем, вдруг совершал ужасную оплошность — ломал руку представителю царственного рода — это уже совершенно другое!

Даже с ребёнком на руках и толпой зевак за спиной, в непростом для уклонения положении, Се Лянь всё равно смог бы с лёгкостью увернуться от удара, если бы понадобилось. Но Ци Жун напал слишком агрессивно и столь внезапно, что Фэн Синь не успел даже подумать, как тут же вмешался. Теперь положение становилось ещё более запутанным, принц не мог это предотвратить, да и не собирался тратить время. Одежда на груди Се Ляня совсем запачкалась кровью,

но он не стал снимать её: малейшее промедление могло стоить ребёнку жизни. Поэтому принц на месте принял решение, сделал глубокий вдох и громко объявил:

— Уважаемые собравшиеся, если сегодня кого-то из вас коснулось данное происшествие и вы понесли убытки, прошу вас пока записать масштабы потерь, позднее я возьму всё разом. Ни в коем случае не откажусь от ответственности! — Принц повернулся к Фэн Синю и Му Цину. — Первым делом нужно спасти ребёнка. Уведите Ци Жуна, не позволяйте ему снова творить бесчинства на улицах! — договорив, принц с мальчиком на руках развернулся и помчался в сторону императорского дворца. Фэн Синь повиновался приказу, его лицо приняло обычное выражение, юноша одной рукой подхватил негодующего Ци Жуна за шиворот и побежал следом за принцем. Караульные на воротах императорского дворца, увидев наследного принца, который ушёл всего час назад, а теперь ураганом влетел обратно, подивились, но, разумеется, препятствовать не посмели. Поэтому Се Лянь сразу побежал к придворным лекарям. Приказав Фэн Синю и Му Цину, которые держали Ци Жуна, оставаться снаружи, он сам вошёл во внутренние покои.

Его Высочество наследный принц крайне редко возвращался во дворец и ещё реже отдавал кому-то приказы, поэтому лекари, разумеется, немедленно сбежались на зов. Се Лянь посадил мальчика на стул и сказал:

— Простите, что затрудняю вас. Мальчишку только что избili несколько взрослых, потом затолкали в холщовый мешок и проволокли по земле. Будьте любезны, помогите мне осмотреть, не поранил ли он голову. Это вопрос первостепенной важности.

Лекарям раньше никогда не приходилось видеть, чтобы кто-то из членов правящего дома или аристократии врывался к ним с каким-то дикарём-замарашкой и просил его вылечить. Однако они всегда беспрекословно исполняли указы, поэтому тут же согласно закивали. Один из них обратился к мальчику:

— Малыш, для начала опусти руки.

Но мальчик, который вёл себя крайне послушно, пока Се Лянь нёс его на руках, вдруг начал упрячиться — ни в какую не соглашался опускать руки, закрывая правую половину лица. Каким бы терпением

ни обладали лекари, если больной не даёт себя лечить, они ничего не могли поделать. Все посмотрели на Се Ляня.

— Ваше Высочество, он...

Се Лянь мягко поднял ладонь.

— Возможно, он просто боится незнакомых. Всё в порядке, предоставьте это мне.

Мальчик сидел на стуле, и чтобы поравняться с ним взглядом, принцу пришлось чуть наклониться. Он склонил голову набок и спросил:

— Как тебя зовут?

Ребёнок устремил на него неотрывный взгляд огромного глаза. В чёрном зрачке отразилась белоснежная фигура принца. Такой взгляд менее всего ожидаешь увидеть от маленького ребёнка, и если уж подбирать описание, как нельзя лучше подойдёт сказанная Фэн Синем фраза — «будто одержимый, словно в него вселился демон».

Помолчав, мальчик опустил голову и ответил:

— Хун^[114]...

Его голос звучал тихо, притом низко и немного неразборчиво, будто он не хотел отвечать и в то же время немного стеснялся. Се Лянь смутно расслышал слово «Хун», после чего спросил:

— Сколько тебе лет?

Малыш ответил:

— Десять.

Се Лянь задал вопрос просто так, чтобы рассеять настороженность мальчишки, но услышав, как тот робко ответил «Десять», удивлённо замер и подумал: «Я был уверен, что ему только семь, самое большее — восемь, а оказалось, уже десять? Малыш в самом деле ужасно исхудал».

Помолчав, Се Лянь мягко улыбнулся:

— Сейчас лекари осмотрят твои раны. Не бойся, опусти руки, ладно?

Мальчик нерешительно замотал головой. Се Лянь спросил:

— Почему ты не соглашаешься?

Ребёнок долго молчал, прежде чем ответить:

— Уродец.

Ответив лишь одним словом, он окончательно отказался опускать руки и показывать лицо, как бы его ни уговаривали. Се Лянь поклялся,

что не станет называть его уродцем, обещал не смотреть, даже отвернуться... Ничего не помогало. В столь юном возрасте мальчик оказался на редкость упрямым. Делать нечего, лекарям оставалось только задать ребёнку несколько вопросов, потом попросить назвать несколько чисел, которые они показали на пальцах, чтобы убедиться, что у мальчика не кружится и не болит голова, что он прекрасно всё видит, а затем приступить к осмотру и лечению ран на теле.

В процессе осмотра лекари явно выражали недоумение, то и дело цокая языком от удивления. Се Лянь, который всё время стоял рядом спросил:

— Уважаемые, что с ним?

Один из лекарей, не выдержав, поинтересовался:

— Ваше Высочество, этого ребёнка в самом деле избили и протащили в мешке по земле?

Се Лянь даже растерялся на мгновение, прежде чем переспросить:

— Считаете, я мог солгать?

— В таком случае, это весьма... поразительно. Нам ещё не приходилось встречать таких стойких людей как он. У него сломаны пять рёбер и нога, по всему телу множество ушибов и ран, и, тем не менее, он всё ещё может сохранять ясное сознание, сидеть, стоять и отвечать на вопросы. Такое не всегда под силу даже взрослому, что уж говорить о десятилетнем ребёнке?

Се Лянь, услышав о столь тяжёлых ранах, ощутил, как гнев на Ци Жуна разгорелся в душе с новой силой. Потом взглянул на мальчишку, который сидел на стуле, будто бы вовсе не чувствуя боли, и лишь украдкой неизменно поглядывал на принца своим огромным чёрным глазом. Заметив, что Се Лянь поймал его взгляд, он тут же отвернулся.

У Се Ляня поведение ребёнка вызвало улыбку и жалость. Принц спросил лекарей:

— Раны этого дитя излечимы?

Один из лекарей, заново накладывая бинты на голову ребёнка, ответил:

— Вне всяких сомнений.

Эти слова успокоили Се Ляня, он кивнул:

— Благодарю вас за труды.

Внезапно придворная служанка объявила о прибытии Их Величеств государя и государыни. Лекари как по команде повставали с

мест и согнулись в приветственном поклоне. Се Лянь перенёс ребёнка на кровать и сказал:

— Пока полежи здесь, отдохни. — Подумав, что раз мальчик боится незнакомцев и может испугаться сильнее при виде толпы, которая сейчас нагрянет, принц опустил занавеску над кроватью, затем поднялся и отошёл.

В зал вошли государь и государыня в сопровождении свиты из придворной охраны и служанок.

— Наш царственный сын, почему ты в спешке вернулся во дворец, едва покинув его чертоги? Ты поранился где-то по дороге? — спросила государыня с побледневшим лицом.

— Прошу вас не беспокоиться, матушка. Я не поранился. Но пострадал другой человек.

Как раз в этот момент Ци Жун подал голос из своего угла:

— Тётушка, спасите меня!

Государыня лишь тогда с немалым удивлением обнаружила, что рядом стоит Фэн Синь, крепко держащий Ци Жуна, не давая тому вырваться. Женщина переживала лишь за благополучие и безопасность собственного сына, поэтому сначала больше никого вокруг не замечала, но теперь, увидев, спросила:

— Жун-эр? Что всё это значит?

Государь же, нахмурившись, спросил:

— Фэн Синь, почему ты держишь князя Сяоцзина, будто преступника?

Прибытие Его Величества обязывало Фэн Синя, Му Цина и всех остальных присутствующих немедленно отвесить поклон со сложенными перед собой руками. Но поскольку Фэн Синь держал Ци Жуна, он не мог совершить предписанные действия и оказался в весьма щекотливом положении. Се Лянь объяснил:

— Я приказал ему схватить Ци Жуна.

Ци Жун, придерживая правую руку, пожаловался:

— Тётушка, у меня сломана рука.

Но государыня ещё не успела пожалеть его, когда Се Лянь сурово ответил:

— Ты лишь сломал руку, а что произошло с тем ребёнком?

Государь спросил:

— С каким ребёнком?

— С десятилетним мальчиком, у которого не хватило бы сил даже на то, чтобы связать курицу, у которого и так-то слабое тельце. Ци Жун послал своих слуг, чтобы избить его. Если бы малыш не оказался на редкость живучим, боюсь, уже лежал бы бездыханным, забитый до смерти!

Ци Жун, будто услышав какую-то смешную шутку, округлил глаза и возмутился:

— Десятилетний ребёнок, который и курицу не связал бы? Слабое тельце? Братец, ты просто не знаешь, насколько этот задохлик оказался злобным, диким и яростным в драке. Это лишь перед тобой он притворяется жалким. Я послал за ним полдюжины слуг, но им не удалось сдержать мелкого демона, он дрался, пинался, кусался и царапался, так что мои люди теперь истекают кровью. Если бы он не разозлил меня, стал бы я тащить его по земле за повозкой?

Эти слова заставили и государя, и государыню перемениться в лице.

Се Лянь сделал глубокий вдох и выкрикнул:

— Закрой рот! Думаешь, совершённый поступок сделал тебе великую честь?

Ци Жун обыкновенно вёл себя достаточно дерзко на людях, разве подобное безобразное поведение могло остаться незамеченным простыми жителями столицы? А те, кто заметил, не отказались бы обсудить его в свободное время за чаем, разнося сплетни.

Государь, лицо которого слегка потемнело, сначала посмотрел на жену, потом приказал:

— Уведите князя Сяоцзина. Лекари, займитесь его рукой. Отнять его золотую повозку и запереть на месяц без права покидать дворец, пусть подумает над своим поведением.

Охранники за спиной государя ответили «Есть» и подошли к Фэн Синю, чтобы забрать Ци Жуна. Лишь после этого Фэн Синь отпустил пленника.

Последний же, явно смирившись со своей участью, лишь хмыкнул:

— Ну и забирайте, всё равно я уже понял, что прокатился на ней сегодня в последний раз.

Не услышав в его словах и тени раскаяния, государыня тяжело вздохнула. Се Лянь произнёс:

— Вижу, если запереть его лишь на месяц, в следующий раз он опять возьмётся за старое. Необходимо ужесточить наказание.

Ци Жун потрясённо застыл и возмутился:

— Мой царственный брат, ты... — Затем тут же закатил глаза и сказал: — Ладно. Я признаю, что был неправ. Ваше Величество, какое бы наказание меня ни постигло, Ци Жун готов его принять. — Следующей фразой он внезапно перевёл разговор в другое русло: — Вот только... не следует ли также подвергнуть наказанию слугу Его Высочества? Дядюшка, тётушка, ведь мою руку сломал не кто иной, как этот Фэн Синь!

Государь немедленно перевёл взгляд на Фэн Синя, на его лице сверкнула вспышка удивления и гнева. Фэн Синь чуть опустил голову, Му Цин же, не привлекая внимания, отступил в сторону от него на пару шагов.

Государь ледяным тоном произнёс:

— Фэн Синь, ты относишься к свите, сопровождающей Его Высочество. Наш сын весьма высоко тебя ценит, но неужели это заставило тебя забыть о своём положении и возгордиться? Твой долг — служить Его Высочеству. И как ты исполняешь свои обязанности? Кто позволил тебе ударить двоюродного брата наследного принца, князя Сяоцзина?

Фэн Синь, слушая, приготовился встать на колени. Но Се Лянь возразил:

— Нет нужды в коленопреклонении.

Фэн Синь обязан был в первую очередь повиноваться Се Ляню, и даже если сам Его Величество велел что-то сделать, приоритетом для юноши всё же оставался приказ Его Высочества, поэтому он не завершил жест покаяния. От этого лицо государя сделалось ещё более сердитым.

Се Лянь произнёс:

— Фэн Синь действительно сломал Ци Жуну руку, это правда. Но, обращаясь к причинам случившегося, скажу, что он сделал это для защиты своего господина. Кроме того, Ци Жун первым совершил серьёзный проступок, вины Фэн Синя здесь нет, почему же он должен преклонять колени?

Государь ответил:

— Не имеет значения, почему он так поступил, его действия — оскорбление князя Сяоцзина. Господин и слуга — не равны, существует чёткая грань между высшими и низшими чинами. Не говоря уже о преклонении колен, даже если я, глава государства, прикажу прямо сейчас всыпать ему сотню палок в наказание, в этом не будет ничего неподобающего.

Государь относился к Ци Жуну далеко не с такой теплотой, как государыня, но всё же Ци Жун являлся представителем правящего дома, а значит обладал неприкосновенностью.

И сам Ци Жун, прекрасно это понимая, ехидно скосил глаза.

— Нет нужды в наказании палками, это всё-таки слуга моего царственного брата, мне бы не хотелось ставить его в чересчур затруднительное положение. Я лишь хочу, чтобы он сломал руку и себе тоже, а потом трижды поклонился мне в ноги, и тогда я откажусь от каких-либо обвинений.

Государь ответил медленным кивком, кажется, посчитав это справедливым. Се Лянь же возразил:

— Если вы желаете наказать Фэн Синя, сначала придётся наказать меня. Он — мой слуга, и, во-первых, не совершил ничего предосудительного, во-вторых, даже если и совершил, то подчиняясь моему приказу. Поэтому я приму наказание вместо него.

Когда он сказал так, на лице государя промелькнула вспышка гнева.

В большинстве своём, все отцы и сыновья под небом рано или поздно переживают подобные перемены. Когда ребёнок ещё маленький, он смотрит на отца как на величайшего в мире героя и образец для подражания, восхищается им без меры. Но когда он достигает определённого возраста, то постепенно начинает подвергать сомнению всё, что ранее знал об отце, иногда доходит до постепенного неприятия, и обе стороны в итоге никак не желают признавать друг друга.

Основной причиной восхождения Се Ляня на гору Тайцан было искреннее стремление к постижению боевого искусства и «дао», пути. Однако для него не играло большой роли, где именно постигать дао и в каком статусе его постигать.

Так называемое «дао» или «путь», если обратиться к первоначальному значению слова, означает «дорогу, по которой идёт

человек». Главное — всем сердцем следовать этому пути, и тогда любое место может стать подходящим для совершенствования тела и духа, вовсе не обязательно соблюдать все формальности, вроде традиционного уединения в горном монастыре. Се Лянь всячески настаивал на последнем условии лишь потому, что понимал — ему не удастся поладить с отцом, оставшись во дворце.

Се Лянь являлся драгоценным наследником государства Сяньлэ, и как только он родился, государь чётко распланировал весь его жизненный путь в соответствии с правилами. Пока принц был мал, это не приносило хлопот — какие хлопоты мог принести маленький ребёнок? Се Лянь нуждался лишь в присутствии родителей рядом, чтобы вместе с ними строить замки из золотых листков, резвиться и играть. Но по мере взросления Се Лянь всё чаще замечал, что его отец — не только его отец, но ещё и глава государства. Очень многое в их образе мыслей и действиях совершенно не совпадало. К примеру, одной из самых нелюбимых вещей Се Ляня являлось пресловутое величие царственного рода.

И раз уж их мировоззрения не сошлись, лучшим решением стало отдалиться друг от друга. Каждый раз по возвращении во дворец Се Лянь старался больше времени провести за тёплыми разговорами с матерью, но никогда не стремился открывать своё сердце отцу. Каждый из них крайне редко проявлял инициативу в общении с другим, и каждый раз государыня выступала между ними примирителем.

Упрямство и бескомпромиссность между отцом и сыном длились уже несколько месяцев, и теперь Се Лянь неизменно стоял на своём, не желая уступать. Государь же произнёс:

— Хорошо! В таком случае, ты примешь наказание вместо него, да только сможешь ли!

Се Лянь ответил:

— Разумеется!

Государыня, видя, что отец и сын вновь схлестнулись, взволнованно воскликнула:

— Ну зачем же вы так?!

Как вдруг Фэн Синь, который за всё это время не произнёс ни звука, поднял левую руку и нанёс ею удар по правой. Раздался хруст, все потрясённо повернулись на звук и увидели, что правая рука Фэн

Синя безвольно повисла, так же как у Ци Жуна. Се Лянь удивлённо и разгневанно закричал:

— Фэн Синь!

На лбу Фэн Синя выступили капли холодного пота. Без лишних слов юноша встал на колени в направлении Ци Жуна и со стуком отбил три поклона лбом. Се Ляню так и не удалось его остановить.

Ци Жун, весьма довольный собой, расхохотался:

— Так и быть! Моё Превосходительство, пускай нехотя, но прощает тебя. А сделал бы сразу, как я говорю, и никакой проблемы не возникло бы.

Невзирая на собственную сломанную руку, Ци Жун уходил в бодром и приподнятом настроении, будто только что одержал победу в бою. Фэн Синь по-прежнему стоял на коленях. Му Цин наблюдал за происходящим со слегка посеревшим лицом, его мысли были недоступны для окружающих.

Се Лянь же резко развернулся к отцу и гневно выкрикнул:

— Ты!..

Фэн Синь левой рукой придержал его:

— Ваше Высочество!

Государыня тоже потянулась, чтобы удержать принца. Се Лянь понимал, что Фэн Синь, поскольку находился при нём с четырнадцати лет и пользовался сердечным отношением государыни, не мог видеть, как ссорятся отец и сын, и как из-за этого страдает государыня. Лишь потому так поступил. И теперь принц не смел допустить, чтобы благое намерение Фэн Синя пропало даром — пришлось, скрепя сердце, стерпеть обиду, невзирая на то, что в душе всюду бушевало пламя гнева. Выражение лица государя постепенно успокоилось и стало невозмутимым, после чего мужчина покинул зал.

Государыня, которой Фэн Синь всегда нравился, со вздохом произнесла:

— Ох, милое дитя, тебе пришлось несправедливо пострадать.

Фэн Синь ответил:

— Прошу вас, государыня, ни в коем случае не говорите так. Это долг моей службы, вот и всё.

После его слов взгляд Му Цина сверкнул, и юноша будто бы беззвучно усмехнулся.

Се Лянь закрыл глаза и произнёс:

— Матушка, если вы в самом деле не можете справиться с Ци Жуном, тогда закройте его.

Государыня вздохнула, кивнула, потом покачала головой и отправилась вслед за мужем.

Се Лянь подозвал лекаря, чтобы тот занялся рукой Фэн Синя. Принц сказал:

— Фэн Синь, прости.

Как только все ушли, Фэн Синь немедля сменил выражение лица и насмешливо бросил:

— За что тут извиняться? Раз уж я посмел его ударить, неужели испугался бы мести? — Помолчав, он попросил: — Ваше Высочество, конечно, ты прав в стремлении наказать Ци Жуна. Но всё же, прошу, не стоит конфликтовать с Его Величеством. Его Величество — глава государства, а также человек, старший по возрасту. Он мыслит иначе, чем мы с тобой. А если вы начнёте ругаться, государыня расстроится, глядя на вас. У неё и без того немало поводов для переживаний.

Да разве Се Лянь сам не ведал, что у его матери немало поводов для переживаний?

Мать Ци Жуна приходилась государыне единоутробной младшей сестрой, между ними существовала глубокая привязанность. В молодости, ещё ничего не смысля в жизни, младшая сестра впервые влюбилась и всем сердцем жаждала свободы. Поверив сладким речам возлюбленного, она разорвала оговоренную помолвку и сбежала с телохранителем из императорской охраны. Но оказалось, что вышла она за подлеца — не прошло и полугода их жизни в домике, похожем на собачью конуру, где приходилось ютиться августейшей особе, привыкшей к роскоши, тот телохранитель показал свою истинную натуру. Он предавался пьянству и разгулу, а когда родился Ци Жун, стал поднимать руку на жену и сына. В конце концов, для матери с ребёнком такая жизнь сделалась невыносимой. Когда Ци Жуну исполнилось пять, женщина, понурив голову, вернулась во дворец, взяв с собой сына. Поскольку она давно стала героиней скандальных слухов о знатной семье, целыми днями женщина не покидала дворца и остаток жизни провела в грусти и печали, окружая всё большей любовью лишь единственного сына.

К несчастью, однажды, во времена смуты, мать Ци Жуна, чтобы защитить государыню, закрыла её от шальной стрелы. А перед

смертью доверила Ци Жуна своей сестре.

Государыня посчитала своим долгом отдать все силы на воспитание мальчика. Но... чужой ребёнок всегда приносит множество хлопот. Его трудно воспитывать — излишнюю строгость легко спутать с жестокостью, а в память о любви к сестре государыня жалела ребёнка, относилась к нему с состраданием; не воспитывать тоже нельзя — ведь если всё спускать с рук, ребёнок станет таким, как сейчас. При отсутствии каких-либо ограничений в будущем положение только усугубится. Государыня часто пребывала в недоумении — ведь она относилась к Се Ляню и Ци Жуну практически одинаково, почему же воспитанные ею дети столь сильно различались характерами?

В этот момент Се Лянь вдруг вспомнил о мальчишке, который по-прежнему лежал на кровати для больных. Подняв занавеску, принц увидел, что ребёнок в какой-то момент снова сел и, кажется, только что подглядывал за происходящим сквозь просвет между занавесками. Но стоило Се Ляню отодвинуть занавесь, и мальчик снова послушно улёгся.

— Случившаяся ссора не напугала тебя? — спросил принц. — Не обращай внимания, ты здесь ни при чём.

К принцу обратился лекарь:

— Ваше Высочество, мы закончили перевязывать раны ребёнка. Теперь ему необходим лишь покой и отдых.

Се Лянь склонил голову:

— Благодарю за ваш труд. — Затем вновь наклонился к мальчику и спросил: — Где твой дом? Мне проводить тебя?

Ребёнок покачал головой:

— Дома нет.

Фэн Синь, чья рука теперь висела на повязке, подошёл ближе и спросил:

— У него нет дома? Неужели он и правда нищий попрошайка?

Судя по худобе и маленькому росту ребёнка, а также запачканной одежде, предположение было более чем вероятно. Если ему некуда возвратиться, бросить его во дворе или же выкинуть на улицу нельзя, поэтому Се Лянь, немного поразмыслив, сказал:

— Раз так, давайте пока заберём его с собой на гору Тайцан.

К всеобщей неожиданности Му Цин произнёс:

— Он лжёт.

Человек, поднимаясь вверх, остаётся человеком. Человек, опускаясь вниз, остаётся человеком.

Се Лянь повернулся к Му Цину.

— Что это значит?

— В столице все беспризорники, которым некуда возвращаться, держатся вместе. Они часто просят милостыню неподалёку от моего дома, и я знаю каждого в лицо. А этого ребёнка никогда не видел.

Мальчик смотрел на Му Цина, не произнося ни звука.

Фэн Синь с сомнением спросил:

— И у кого они просят милостыню? У тебя что ли? И ты подаёшь?

Му Цин уставился на него и ответил:

— От них не отвязаться. Что ещё остаётся, кроме как подать?

Но Фэн Синю всё же рассказ юноши казался невероятным, он замолчал, бросив лишь короткое «О».

Се Ляню захотелось смеяться, глядя на то, как общаются эти двое. Му Цин же добавил:

— Кроме того, на его одежде много заплаток, и судя по стежкам, наверняка это недавняя работа кого-то взрослого. У него дома есть по меньшей мере один старший. Может быть, условия не слишком хорошие, но он определённо не бездомный попрошайка.

Се Лянь, конечно, никогда бы не обратил внимания на то, как сделаны стежки на заплатках, как и не различил бы, взрослый ли их оставил. Но Му Цин когда-то был слугой в монастыре Хуанцзи и у себя дома тоже часто выполнял мелкие поручения. Присмотревшись внимательнее, принц убедился в его словах и потому спросил ребёнка:

— У тебя дома есть кто-то взрослый?

Мальчик покачал головой. Му Цин произнёс:

— Несомненно, есть. Если он не вернётся, скоро домашние наверняка станут беспокоиться.

Ребёнок выпалил:

— Нет, не станут! Никого нет!

Он будто больше всего на свете боялся, что его отправят домой: договорив, мальчишка протянул руки, словно хотел обнять Се Ляня. Но его одежда по-прежнему была запачкана кровью и грязью, поэтому Фэн Синь не смог больше выносить выходок мальчика.

— Что творит этот ребёнок? Только что он переволновался, это можно понять. Но неужели он до сих пор не понимает? Это — Его Высочество наследный принц! Его Высочество наследный принц, ясно тебе?

Мальчишка мгновенно отдернул руки, но, тем не менее, сказал, глядя на Се Ляня:

— Поругался с домашними, меня и выгнали. Я давно скитаюсь, пойти мне некуда.

Троица переглянулась. Спустя некоторое время Фэн Синь спросил:

— И что с ним теперь делать?

Один из врачей предложил:

— Если вам это в тягость, Ваше Высочество, вы можете оставить его здесь и приказать слугам присматривать за ним.

Помолчав минуту, Се Лянь отрицательно качнул головой.

В конце концов, он поддался опасениям, что Ци Жун не успокоится и выберется из заточения, чтобы причинить ребёнку вред. Принц сказал:

— Видимо, всё-таки лучше будет, если я присмотрю за ним, пока его раны не заживут. Судя по всему, его семья тоже не в состоянии как следует позаботиться о ребёнке. Фэн Синь, когда пойдёшь уладить вопросы с теми торговцами, чьи лавки перевернул Ци Жун, пошли людей узнать, где живут родители мальчика. Достаточно просто известить их, чтобы они не переживали за него.

Фэн Синь кивнул:

— Хорошо.

Одна его рука так и висела на повязке, а другой он собрался поднять мальчишку за шиворот.

Се Лянь со смехом произнёс:

— Ты ведь пострадавший, лучше оставь эту затею.

Фэн Синя же слова принца не остановили:

— Я сломал одну руку, но другая-то в порядке. Даже если бы повредились обе руки, я бы взял его за ворот зубами и так бы смог унести на гору.

Му Цин незаметно закатил глаза и вмешался:

— Брось, лучше предоставь это мне.

Однако он успел сделать лишь шаг, когда мальчик без посторонней помощи спрыгнул с кровати и сказал:

— Я могу идти сам.

Когда протест, ранее видимый лишь на лице мальчишки, обернулся словами, второй шаг Му Цина стал несколько неуместным, и юноша не знал, стоит ли вообще его делать. Се Лянь же, глядя на ребёнка, который сломал пять рёбер и ногу, но всё ещё был полон сил, словно тигр или дракон, совершенно не мог определиться, как реагировать в таком случае — посмеяться или же пожалеть малыша? В итоге принц воскликнул:

— Давай-ка без беготни! — после чего склонился и поднял мальчика на руки.

Троица покинула дворец вместе с ребёнком. Се Лянь ужасно переживал из-за происшествия на улице, виновником которого стал Ци Жун, потревоживший людей и перевернувший немало торговых лавок. Принцу было стыдно показываться на глаза простым жителям столицы, поэтому всю дорогу они передвигались скрытно, не решаясь привлечь внимания, и шли исключительно по маленьким улочкам. Мальчик всё время послушно сидел на руках Се Ляня, не издавая ни звука, поскольку ему сказали не шуметь. Фэн Синь возмущённо уставился на ребёнка и произнёс:

— Вчера малец пнул меня, а сегодня вот как себя ведёт. Он точно из тех, кто обращается с людьми в зависимости от их положения.

Му Цин возразил:

— Это же Его Высочество наследный принц. Разумеется, он намного сильнее вызывает симпатию, чем обычный человек.

По какой-то неизвестной причине, даже если Му Цин говорил что-то хорошее, в его словах всё равно слышались не слишком приятные нотки. Фэн Синь на этот раз не стал обращать на него внимания. Спустя некоторое время пути Фэн Синь произнёс:

— Нет. Мне всё же кажется, что тебе, Ваше Высочество, не подобает показываться людям на глаза с неизвестно откуда взявшимся ребёнком на руках.

— Что здесь такого?

— Ты же Его Высочество наследный принц! — Говоря это, он как раз приглядел в переулке впереди оставленную кем-то старую и

наполовину поломанную ручную телегу, поэтому предложил: — Повезём его на телеге!

Му Цин тут же откликнулся:

— Скажу сразу, я не собираюсь везти это создание в гору на себе.

Фэн Синь бросил:

— Никто и не ждал, что ты вызовешься.

Юноша протянул руку и забрал ребёнка из объятий Се Ляня. Оказавшись на его руках, мальчик опять начал вырываться, поэтому Се Лянь сказал:

— Ладно, не стоит. Может, эта телега ещё кому-то нужна!

Однако Фэн Синь уже усадил ребёнка на телегу. Именно в этот момент неподалёку вдруг раздался голос:

— Это же... наследный принц, да?

Кто-то тут же громко подхватил:

— Да, да, да! Это точно наследный принц! Вчера его маска упала, я своими глазами видел его лицо! Это он!!!

— Держите его!!!

Сердце каждого из путников пропустило удар. Се Лянь, разумеется, вовсе не считал себя виноватым за случившееся вчера во время шествия, но всё же понимал, что его убеждения могут и не совпадать с образом мыслей других людей. Внезапное прекращение выступления Воина, радующего богов, — чрезвычайно дурной знак. Члены правящего рода и представители аристократии опасались, что когда вчерашнее воодушевление в сердцах простых людей немного уляжется, они придут в себя и станут повсюду спрашивать, что же означает такое происшествие, и, скорее всего, не будут столь же снисходительны к виновнику. Если прибавить к этому сегодняшней переполох на улице, учинённый Ци Жуном, который тоже мог вызвать всеобщее негодование, оказаться сейчас в окружении недовольных было бы не слишком приятно. Оставив лишние размышления, Му Цин сорвался с места и потащил принца за собой.

— Ваше Высочество, бежим!

Фэн Синь, хватаясь за ручки телеги, тоже поторопился:

— Ваше Высочество, у меня сломана рука, я не смогу удержать разбушевавшуюся толпу, уходите!

Но люди с главной улицы уже взволнованно затекали в переулок, отрезая все дороги к бегству. Отступать было некуда, и вот уже

бесчисленное множество глаз окружили троицу с ребёнком со всех сторон. Се Лянь, отбросив страх, подумал: «Ничего, избыют — и ладно! Просто не стану отбиваться в ответ!»

Кто же мог подумать, что нахлынувшая толпа вовсе не намеревалась, как ожидалось, избивать их. Вместо этого к принцу протянулось множество рук, которые подхватили его и стали качать, дружно восклицая:

— Его Высочество наследный принц!

Се Ляня несколько раз подбросили в воздух, однако его лицо так и осталось на редкость невозмутимым. Люди наперебой голосили:

— Ваше Высочество наследный принц, ваш прыжок вчера на улице Шэньу был просто бесподобен!

Кто-то восхищался:

— И появление тоже выше всяческих похвал! Правда-правда, тогда я даже решил, что сам Император Шэньу лично почтил нас своим присутствием, я весь мурашками покрылся!

Кто-то заверил:

— Ваше Высочество, вы правильно поступили, когда спасли ребёнка! Чужая жизнь — это тоже жизнь, разве маленький мальчик из такой как мы бедноты — не живой? На вашем месте я бы поступил так же!

Кто-то возмутился:

— Точно. Сегодня я слышал чьё-то заявление, будто Его Высочество провалил важное событие. Я просто не смог слушать дальше. Ведь если бы со стены свалился кто-то из родственников самого государя, те люди наверняка заговорили бы по-другому. Ваше Высочество, ни в коем случае не обращайтесь внимания на таких людей!

— Только Его Высочество по-настоящему заботится о нас...

В самом начале принц готовился к худшему, затем его посетила растерянность, но в итоге ему передалось разгорячённое волнение, исходящее от людей вокруг. Толпа облепила Се Ляня со всех сторон и вынесла на улицу, где собралось ещё больше народу. Фэн Синя, Му Цина и мальчика оттеснили далеко прочь, к принцу было не протолкнуться, оставалось лишь передвигаться вперёд вместе с огромным шествием. Бесконечное море людей вовсе не уступало по численности процессии на вчерашнем торжестве. Каждый раз, когда

Се Лянь пытался уйти, его уверенно заталкивали обратно в толпу и поднимали высоко-высоко, не давая спуститься.

Принцу невольно стало смешно, и в то же время спокойно на душе: «Мнения наставников и простого люда совершенно противоположны. Как видно, правда на моей стороне».

Когда они вернулись на гору Тайцан, заходящее солнце пылало на горизонте ярко, как и сотни лет до этого.

Пройдя через высокие горные врата, они поднимались по длинной тропе, вымощенной голубовато-серым камнем, и всё время встречали по пути монахов, которые то спускались, то поднимались, кто-то шёл с вёдрами по воду, кто-то тащил на спине вязанки дров. Все без исключения приветствовали Се Ляня и его спутников, многие при этом изумлённо оглядывали их необычный квартет в повозке — причём тащил повозку Фэн Синь, одной рукой, словно усердная молодая и крепкая чёрная буйвол. Се Лянь и Му Цин вначале сдержанно и старательно улыбались, но после, не в силах больше держать улыбки, перестали обращать внимание на чужие взгляды.

Кленовый лес раскинулся безбрежно, колёса медленно катились по тропе. Во время подъёма на гору Се Лянь слез, чтобы помочь дотолкать телегу до вершины. Настроение у него было прекрасное, поэтому принц решил поговорить с мальчиком, непринуждённо спрашивая:

— Малыш, так как же тебя всё-таки зовут? Хун... а дальше?

Ребёнок, не отрывая от принца взгляда, тихо ответил:

— У меня... у меня нет имени.

— Твоя матушка не дала тебе имя? — удивился Се Лянь.

Мальчик покачал головой:

— Моя мать умерла.

В сердце Се Ляня зародилось сочувствие.

— А как твоя матушка звала тебя раньше?

— Хунхун-эр, — поколебавшись, ответил мальчик.

— У тебя очень милое детское имя^[115], — улыбнулся Се Лянь. —

Так и я буду звать тебя.

Похоже, Хунхун-эр смутился, стоило ему заговорить с принцем — мальчик тут же низко опустил голову. К тому времени на горы уже спустились сумерки, вдалеке на каждом горном пике зажглись один за

другим огни монастырей. Ярче всех горел высочайший пик горы Тайцан — пик Шэньу.

Храм Шэньу на пике был озарён как днём, россыпью ярких звёзд на нём мерцали огни. Засмотревшись на эту картину, Се Лянь издал лёгкий вздох.

Но вздыхал принц вовсе не от печали, а потому, что перед ним предстало слишком прекрасное, и к тому же величественное зрелище. Каждый огонёк представлял собой яркую лампаду, зажжённую в честь божества храма Шэньу. Каждая лампада — это самая искренняя молитва верующего. Чем больше в храме божества зажигают таких негасимых огней, тем больше у него магических сил. Но возможность зажечь лампаду в храме Шэньу при монастыре Хуанцзи трудно купить и за тысячу золотых. Право войти в монастырь и возжечь лампаду в качестве подношения могли получить те, у кого имелись деньги, власть, возможности, неугасимое желание или же благоволение судьбы — одно из пяти условий непременно должно быть выполнено. Однако большинство людей в этом мире не имели совсем ничего из перечисленного.

Четверо путников остановились, задумчиво глядя на сверкающий словно при свете дня храм Шэньу, только выражение лица каждого разительно отличалось от других. Как вдруг послышался довольно знакомый голос, кто-то окликнул:

— Ваше Высочество!

Се Лянь обернулся и увидел молодого человека с бледным лицом, который бежал в их сторону. Им оказался тот караульный ворот Дворца Четырёх. Принц серьёзно спросил:

— Шисюн Чжу, к чему такая спешка?

Монах Чжу увидел Му Цина за спиной принца, и его лицо сделалось несколько сконфуженным. Тогда монах притворился, что не заметил юношу, и обратился к принцу:

— Советник давно вас ищет, он ожидает прямо сейчас в храме Шэньу. Прошу, поднимитесь туда.

Се Лянь послушал и застыл на миг, понимая, что причиной тому наверняка послужило вчерашнее происшествие во время торжественной церемонии.

Принц ответил:

— Хорошо. Прости, что затруднил тебя, шисюн.

Дав наказ Фэн Синю и Му Цину вместе с ребёнком возвращаться во дворец Сяньлэ, Се Лянь один направился на пик Шэньу.

Снаружи храма из большого треножника поднимались струйки дыма, которые окутывали весь храм Шэньу облаками, делая его похожим на сказочный мир. По обеим сторонам от треножника тянулись стройные ряды парящих в воздухе негасимых лампад, которые выстраивались в целую стену. На каждой лампадке правильными и строгими чертами официального стиля — лишу — красовалось имя и молитва верующего, который её возжёт. При входе в храм взгляду предстали такие же ряды негасимых лампад по обеим сторонам зала. Лампады, возжигаемые внутри храма, имели даже бóльшую ценность, чем те, что горели снаружи.

В конце огромного храмового зала советник как раз подносил зажжённые благовония статуе Императора Шэньу, трое других наставников стояли за его спиной в учтивом поклоне божественному изваянию.

Се Лянь вошёл в зал и слегка склонился, поприветствовав:

— Советник.

Наставники обратились к нему, лишь закончив поклоны, и сделали знак подойти. Се Лянь прошёл к статуе, взял благовония и со всей искренностью преподнёс на алтарь.

Помолчав, советник произнёс:

— Ваше Высочество, мы долго совещались и пришли к выводу, что существует лишь два пути решения того, что произошло во время торжественного шествия.

— Прошу, советник, говорите.

— Первый способ. Найти того ребёнка, что нарушил ход церемониального шествия, чтобы мы с наставниками возложили его на алтарь и провели обряд, лишив его по меньшей мере одного из пяти чувств. В качестве искупления вины.

Се Лянь резко вскинул голову.

— Исключено. — Затем повторил ещё раз, твёрдо и категорично: — Так поступить ни в коем случае нельзя.

Советник кивнул:

— Я знал, что ты ответишь так. Поэтому мы всерьёз обдумываем второй способ.

Се Лянь со всей серьёзностью произнёс:

— Прошу, говорите.

— Второй способ заключается в том, что Ваше Высочество наследный принц добровольно раскается перед всеми жителями государства Сяньлэ, попросит у Небес снисхождения, а затем проведёт месяц в медитации лицом к стене.

Се Лянь непринуждённо ответил:

— Это неприемлемо.

Советник так и застыл, затем добавил:

— Но ведь это не означает, что тебе на самом деле придётся сидеть лицом к стене и медитировать, достаточно просто сделать вид... кхм, — Он вдруг вспомнил, что всё-таки находится перед божественной статуей Императора Шэнью, и тут же заговорил по-другому: — Достаточно просто проявить убедительную искренность.

Се Лянь всё также ответил:

— Неприемлемо.

— По какой причине?

— Советник, сегодня я спускался с горы, и знаете, что я увидел? Простых жителей столицы, которые не только не обвинили меня в происшествии во время торжества, но даже наоборот — высказали немалое одобрение. Это доказывает, что народ моего государства считает мой выбор спасти ребёнка верным. А если сделать так, как вы говорите, а именно — принять наказание за праведный поступок, будто за ошибку, — что тогда подумают люди? Это ведь всё равно что сказать им — спасение человеческой жизни, мало того, что не ценнее строительства семиярусной пагоды^[116], но за него ещё и придётся нести наказание! В таком случае, как они будут мыслить, как станут поступать впредь?

— В действительности совершенно не имеет значения, правильный ли это поступок. Сейчас ты должен выбрать из двух путей один. В жизни невозможно и накормить волков, и сохранить всех овец. Наказание понесёт либо тот ребёнок, либо ты.

— Правильный ли поступок — имеет огромное значение. Если непременно нужно сделать выбор, я выбираю третий путь.

Советник растёр точку между бровей.

— Послушай... Ваше Высочество, прости меня за прямоту, но какое тебе дело до того, что они подумают и как помыслят? Сегодня они думают одно, завтра другое. Тебе нет нужды упрячиться из-за

подобных мелочей. Поверь мне, люди будут делать то, что должны делать, даже когда ты принесёшь покаяние. Никого не тронет твой поступок, и никто не воспримет тебя в качестве примера для подражания. Лучше мы осмотрительно задобрим тех, кто наверху, это намного важнее.

Спустя некоторое время молчания Се Лянь ответил:

— Советник, честно говоря, с тех самых пор, как я поступил в ученики монастыря Хуанцзи, чем больше я постигаю, тем больше размышляю, и уже давно вынашиваю одну мысль, которую до сих пор не решался озвучить.

— Какую мысль?

— Мы так рьяно почитаем и поклоняемся божествам, но верный ли это путь?

Советник на мгновения потерял дар речи, а после спросил:

— Если мы перестанем поклоняться божествам, прикажешь нам северо-западным ветром питаться^[117]? Или, может, Ваше Высочество наследный принц считает, что мириады мириадов верующих, что поклонялись богам сотни, тысячи лет, ошиблись в своей вере?

Се Лянь покачал головой, подумал с минуту и ответил:

— Верующие, разумеется, не ошиблись. Но... ученик считает, что в поклонении нет нужды. — Он поднял голову, глядя на сверкающую золотом грандиозную и блестящую статую Императора Шэнью, и произнёс: — Человек, возносясь, становится божеством. Божество для человека — суть предшественник, достойный восхищения, также учитель, ведущий за собой, и путеводный светоч. Но не хозяин. Мы можем быть благодарны ему, можем восхищаться им, но вовсе не возводить в культ. Также в случае с шествием на Празднике фонарей, я считаю, что правильное отношение — это благодарность и взаимная радость, но не страх, не заискивание, не благоговейная осмотрительность, и уж точно не признание себя его рабами.

Советник стоял и спокойно слушал, а вот троим его помощникам явно стало неудобно, они то и дело озирались по сторонам.

Се Лянь продолжал:

— Произошла трагическая случайность, ничего поделать нельзя. Я готов возжечь и преподнести богам тысячу лампад, готов озарить светом долгую ночь, и даже если сам сгорю, как мотылёк, в огне,

моего сердца не коснётся страх. Но я не желаю склонять голову в покаянии за свершённое благое дело. Медитировать, сидя лицом к стене? Но в чём моя вина? И в чём вина других людей? Это похоже на то, как вместо свершившего зло Ци Жуна был наказан Фэн Синь, который как раз стремился проучить злодея. Что же это за справедливость такая? Если Небеса всё видят, они ни за что не обрушат на меня свой гнев.

Советник посмотрел куда-то в сторону и спросил:

— В таком случае, Ваше Высочество, позволь спросить, что если Небеса всё-таки обрушат свой гнев? Станешь ли ты тогда просить прощения?

— Если это действительно случится, в таком случае Небеса будут неправы, а я — прав. И я выступлю против Небес, и буду стоять на своём до конца.

От таких слов выражение лица советника чуть изменилось, он усмехнулся:

— Ваше Высочество, твои речи наполнены немалой смелостью.

Трое помощников разом посмотрели на советника, однако всё же промолчали. И в этот же момент снаружи храма вдруг послышался шум тревоги — будто зазвенели множество колоколов. На этот раз четверо наставников наконец не смогли сохранить спокойствие. Они одновременно бросились во внутренние покои храма, перегоняя друг друга.

Се Лянь поспешил за ними. Они прошли через несколько строений за храмом Шэньу и оказались перед чёрным как смоль восьмиугольным зданием. Врата этого чёрного дворца были распахнуты, и из них наружу со свистом летели бесчисленные сгустки серого дыма.

Советник в ужасе закричал:

— Где Чжу Ань?! Куда он провалился?! Что здесь творится?!

К ним подбежали несколько монахов, охранявших врата, главным среди которых оказался тот самый шисюн по фамилии Чжу. Он отвечал:

— Советник!!! Я здесь! Я и сам не понимаю, что произошло, врата были накрепко заперты и вдруг отворились!

Советник, схватившись за волосы, закричал:

— Сейчас же несите новые сосуды запечатывания духов!

Се Лянь сразу бросился во дворец. Повсюду внутри чёрного дворца в живописном беспорядке располагались разные по размеру стеллажи из сандалового дерева, заставленные глиняными кувшинами, фарфоровыми вазами и нефритовыми шкатулками всех цветов и форм. Ранее сосуды послушно покоились на стеллажах, плотно закрытые красными пробками, запечатанные исписанными киноварью жёлтыми талисманами. Теперь же часть сосудов оказалась разбита, остальные продолжали сами по себе падать с полок, а те, что не падали, ходили ходуном.

В каждом из таких сосудов запечатывания духов держали нечисть, что когда-то бесчинствовала в мире. Чёрные дворцы, подобные этому, устанавливались позади каждого божественного храма на горе Тайцан, чтобы при помощи чистой священной Ци подавлять тьму. Неизвестно, что здесь произошло, но духи внезапно восстали и бросились наутёк!

— Не успеть!

С этим криком Се Лянь ногой захлопнул ворота. Железные замки, что висели на них, оказались разломаны злобными духами, когда те прорвались наружу. Принц выхватил меч и остриём изобразил в воздухе несколько знаков, затем вонзил клинок в землю. Он привёз с собой на гору более двухсот мечей и почти каждый день носил при себе новый. Каждый такой клинок являлся уникальным прославленным оружием. Когда меч вонзился в землю, ворота наглухо запечатались, только слышались гневные вопли злобных духов, что бились и метались внутри чёрного дворца.

Покинув чертоги дворца, принц поднял голову и увидел, что над каждым пиком, за каждым божественным храмом сгущаются чёрные тучи. Злобные духи ринулись в небо и чёрными клубами густого дыма полетели в определенном направлении. Чжу Ань воскликнул:

— Что там такое? Почему они летят туда?

Советник забранился:

— Тебе что, голову стряхнуло? Там находится дворец Сяньлэ!

Будто оседлав ветер, в мгновение ока все прибежали на пик Сяньлэ. Чёрные клубы дыма, что вылетели из бесчисленных храмов с пиков горы Тайцан, тоже стеклись сюда и теперь сформировали огромную воронку над пиком, будто созданную из туч.

Советник то и дело вопил:

— Что происходит в твоём дворце?! Всю запечатанную нечисть притягивает сюда! Что ты туда принёс?!

Се Лянь и сам растерялся.

— Ничего! Только...

Только... что? Се Лянь внезапно вспомнил: тот мальчик!

Чжу-шисюн закричал:

— Советник, беда!!! В покоях Его Высочества начался пожар!

И действительно, один из углов дворца Сяньлэ занялся пламенем, сияние которого взметнулось к небесам, озаряя красным чернеющие над дворцом тучи. Но вдали, у подножия горы в столице ещё бодрствующий простой люд, увидев такую картину и ничего не зная о случившейся беде, радостно тянул соседей посмотреть на чудо:

— Ого! Великие божества на горе бессмертных творят магию, как красиво!

На пике Сяньлэ все тут же бросились к дворцу. Се Лянь почти не держал при себе прислуги, поэтому пожар тушили уже прибежавшие из других мест монахи, таская воду из колодцев. Не увидев среди них своих спутников, принц бросился во дворец. Злобные духи со всей горы Тайцан слетелись сюда, внутри всё было черным-черно, протяни руку — и не увидишь пальцев. Се Лянь едва смог различить два силуэта в центре зала и закричал:

— Фэн Синь! Му Цин!

Двое юношей создали защитный круг и с огромным трудом удерживали его, не давая тёмным духам подобраться к себе. В ответ, как и ожидал принц, послышался голос Фэн Синя:

— Ваше Высочество! Не входите сюда! Этот ребёнок слишком странный, твари летят именно к нему!

Се Лянь только сейчас заметил, что за двумя юношами виднеется ещё одна маленькая тёмная фигурка, которая будто бы сидит на коленях и держится руками за голову. Ребёнок закричал:

— Это не я!!!

Оценив происходящее, Се Лянь воскликнул:

— Хватит удерживать круг, разорвите его!

Му Цин в ответ крикнул:

— Нельзя! Если разорвём круг, эти твари взбесятся, нам нужно найти среди них самую...

Но Се Лянь перебил его:

— Не страшно. Отпускайте! Сейчас!

Му Цин стиснул зубы, и они одновременно с Фэн Сином опустили руки. Вышло, как он и сказал — злобные духи, лишившись сдерживающей силы, все как один принялись визжать, словно взбесились!

Однако в следующий миг Се Лянь протянул руку и с молниеносной скоростью выхватил струйку чёрного дыма из этого хаоса.

Совершенно не глядя, просто голыми руками схватил и крепко сжал в ладони. И стоило ему поймать её, как остальные беснующиеся беглые духи во дворце Сяньлэ явно замедлились.

Все, кто находился снаружи дворца, одобрительно закивали.

Когда большое количество злобных духов находились в состоянии хаоса, собираясь в одном месте, они инстинктивно следовали за самым сильным среди них.

Стоит лишь поймать его, и остальные, лишившись предводителя, на некоторое время потеряют ориентир. Только что Се Лянь с первого взгляда разглядел самого сильного духа, схватил его и, не оставляя тому ни единого шанса, с силой сжал в ладони, так что дух рассеялся без следа.

После этого четверо наставников, взмахнув широкими рукавами, воскликнули:

— Все на место!

Полчище злобных духов, потеряв своего лидера, покружились немного во дворце Сяньлэ, похожие на безголовых мух, и наконец беспомощно подчинились — нехотя вернулись в бездонное хранилище, спрятанное в рукавах у каждого из наставников. Несколько десятков монахов тушили оставшиеся очаги пламени, густой чёрный дым во дворце постепенно рассеялся, и Се Лянь смог разглядеть всех троих, кто там находился.

Фэн Синь и Му Цин стояли на одном колене, пока ещё не пришедшие в себя. А ребёнок за их спинами по-прежнему сидел, схватившись за голову, не произнося ни звука. Когда наставники вошли в зал и увидели эту картину, то сразу задали вопрос:

— Откуда здесь взялся ребёнок? Фэн Синь сказал, что духи прилетели из-за на него? Что всё это значит?

Се Лянь ответил:

— Это тот самый ребёнок, который упал с городской стены во время шествия на Празднике фонарей.

Наставники так и вздохнули, потрясённые услышанным. Советник спросил:

— Зачем ты привёл его?

Се Лянь покачал головой, сейчас не было времени всё им объяснять. Принц обратился к Фэн Синю:

— Что он сделал такого, что привлекло всех злобных духов из чёрных дворцов?

Фэн Синь, всё ещё со сломанной рукой, подвешенной на повязке, поднялся и ответил:

— Я и сам не знаю, что он сделал! Но едва он взошёл на пик и оказался во дворце Сяньлэ, прошло совсем немного времени, как сюда вдруг начали слетаться полчища этих чёрных тварей со всех пиков. Они ворвались во дворец, стали виться вокруг него, их становилось всё больше и больше, мы даже из дворца выйти не могли.

Се Лянь оглядел подпаленные до черноты колонны и стены дворца Сяньлэ.

— А почему начался пожар?

Му Цин, лицо которого целиком покрывала сажа, ответил:

— Выйти мы не могли, пришлось нарисовать защитное поле и оставаться в нём. Духи опрокинули свечи, от которых загорелись занавески. Хотели выкурить нас из круга.

Фэн Синь добавил:

— Хорошо, что Ваше Высочество успел вовремя и быстро схватил самого вредного среди них. Иначе, ещё немного, и мы бы сгорели здесь все вместе.

Послушав его, Му Цин закрыл глаза и чуть опустил голову. А наставники тем временем уже окружили мальчика, внимательно его осматривая.

Се Лянь спросил:

— Советник, с ребёнком что-то не в порядке?

Если с мальчиком в самом деле неполадки, к примеру, в него вселилась тёмная тварь, Се Лянь разглядел бы это с самого начала. За годы тренировок в монастыре Хуанцзи он натренировал зрение как раз для этого, редко какая нечисть могла укрыться от его взора. Однако в

ребёнке он ничего подобного не увидел. Советник покачал головой, должно быть, не разглядел тоже, и потому обратился к малышу:

— Назови гороскоп своего рождения^[118].

Хунхун-эр, кажется, относился ко всем вокруг весьма настороженно, даже враждебно. Он лишь смотрел на советника, но ничего не говорил. Се Лянь мягко попросил его:

— Можешь ответить, советник хочет предсказать твою судьбу, он делает это из добрых намерений.

Стоило принцу попросить, и Хунхун-эр немедля назвал восемь знаков своего гороскопа рождения. Советник нахмурился и стал перебирать пальцами, высчитывая судьбу. Остальные, посмотрев на него, начали о чём-то тихо переговариваться, лица их становились всё серьёзнее. И Се Лянь, глядя на них, тоже насторожился.

Да, советник выглядел молодым мужчиной с лукавым взором, тридцати с лишним лет, но Се Ляню было прекрасно известно, насколько на самом деле силён его наставник, раз мог управлять монастырём Хуанцзи. И в предсказании судеб первый советник государства Сяньлэ, Мэй Няньцин, во всём мире не имел себе равных. Се Лянь же обучался магии и фехтованию, но никогда не пытался перенять навыки предсказания у главного наставника. Лишь по той причине, что сам советник говорил, предсказание — искусство странников, а ему, как драгоценному наследнику престола, нет нужды обучаться подобным вещам. Кроме того, сам принц не питал интереса к предсказаниям, поэтому даже поверхностно не изучал вопрос. Но вот если за дело брался советник, можно сказать наверняка — результат окажется безошибочным.

Спустя какое-то время советник всё высчитывал, и его лоб покрывался холодным потом всё заметнее. Он пробормотал:

— Неудивительно... удивительно, что он нарушил ход церемониального шествия, а тёмные духи, лишь заслышав его запах, впадают в безумство, и даже пожар во дворце Сяньлэ... это... это же просто...

— Просто — что? — спросил Се Лянь.

Советник стёр со лба холодный пот и вдруг отшатнулся прочь от мальчика.

— Ваше Высочество, вы даже не представляете, кого привели с собой на гору! Этот ребёнок — страшное создание, он отмечен

судьбой одинокой звезды, несущей беды и разрушения^[119]. Тёмные твари более всего тянутся к таким. Кто его коснётся, того ждут несчастья, а кто поцелует — тот нежилец!

Едва он это сказал, раздался громкий крик — Хунхун-эр вскочил и набросился на советника, врезавшись в него головой.

И хотя голос его звучал слабо и по-детски, крик наполнился гневом, будто вся его боль и безграничное отчаяние выплеснулось наружу. Присутствующие содрогнулись в душе от этого крика. Тело мальчика с ног до головы покрывали раны, и всё же он неустанно брыкался и пинался, похожий прямо-таки на озверевшего бешеного пса, поистине чрезвычайно свирепого. Наставники схватили ребёнка, а советник, то и дело отступая прочь от него, воскликнул:

— Сейчас же прогоните его, прогоните с горы! Никому не прикасаться к мальчишке! Я говорю вам, это создание с ужасной судьбой, к нему нельзя даже притрагиваться!

Наставники тут же поспешили отбежать подальше от мальчика, Му Цин и Фэн Синь же не знали, как следует поступить. Видя, что все вокруг убегают от него, как от ядовитой твари, ребёнок замер, и тут же стал набрасываться на них с ещё большим остервенением, кусаясь, царапаясь и крича:

— Нет! Это не я!!! Не я!!!

Как вдруг пара рук обвила его со спины, заключая в объятия. Над головой ребёнка раздался голос:

— Это не ты. Я знаю, что не ты. Ну всё, не плачь. Я знаю, это не ты.

Малыш поджал губы, неотрывно глядя на белоснежные рукава, которые обнимали его за пояс. Он держался очень долго, но, в конце концов, не выдержал — из огромного широко распахнутого чёрного глаза ручьём полились слёзы, мальчишка громко разрыдался.

Се Лянь прижал его к себе и уверенно произнёс:

— Ты здесь ни при чём. Это не твоя вина.

Хунхун-эр развернулся и уткнулся лицом в грудь Се Ляня, разразившись безумными стенаниями.

Он кричал без слов, без смысла, это даже на плач не походило, но у слушателей волосы вставали дыбом. Не видя плакавшего, можно было решить, что это гневный вопль взрослого человека на пороге безумия или же предсмертный крик небольшого животного, которому

перерезали горло — будто лишь смерть могла избавить его от страданий. Кто угодно мог издать такой вопль, но только это не должен был быть десятилетний мальчик. Поэтому случившееся потрясло всех.

Советник, вновь обретя дар речи, произнёс:

— Я говорю правду, лучше вам его отпустить.

Фэн Синь тоже лишь сейчас пришёл в себя:

— Ваше Высочество! Скорее, отпустите его, берегитесь, как бы...

— Но в итоге он так и не нашёл в себе сил договорить.

Се Лянь ответил:

— Всё в порядке.

Шисюн Чжу, который очень беспокоился о безопасности принца, да ещё увидел, что Хунхун-эр вымазал белые одеяния Се Ляня кровью, слезами и соплями, подошёл и попытался увести мальчика, говоря:

— Малыш, это никуда не годится!

Но чем сильнее монах тянул мальчика, тем громче тот кричал, крепче прижимаясь к принцу руками и ногами, под страхом смерти не желая отпустить. Даже четыре человека, пришедшие на подмогу, не смогли его оттащить, эффект вышел обратным — ребёнок, словно маленькая обезьянка, повис на Се Ляне. Принц посчитал это очень смешным, и в то же время ужасно жалел мальчишку. Одной рукой поддерживая ребёнка, он погладил его по хрупкой спине, пытаясь успокоить. А другую руку поднял со словами:

— Оставьте. Не стоит беспокоиться, пусть будет так.

Спустя некоторое время принц почувствовал, что ребёнок у него в объятьях перестал всхлипывать и постепенно притих, тогда Се Лянь тихо обратился к остальным:

— Во время пожара во дворце больше никто не пострадал?

Му Цин ответил:

— Нет. Внутри остались только мы втроём.

Поскольку дворец превратился в разрушенное здание с обожжёнными стенами, Се Лянь, разумеется, не мог здесь оставаться.

Убедившись, что сгорело лишь здание, а люди не пострадали, сбежавшиеся монахи принялись прибираться на пожарище, искать испорченные золотые украшения и почерневшие драгоценные камни, безгранично сокрушаясь. Се Лянь, впрочем, об этом не печалился.

Принц никогда не держал во дворце Сяньлэ каких-либо ценных вещей. Разве что предметы, которыми он пользовался ежедневно,

отличались особым качеством и тонкой работой. Самой большой драгоценностью для него являлась коллекция из более чем двух сотен прославленных мечей, но настоящее золото не боится огня^[120] — все его мечи были закалены и выкованы в пламени, потому сохранились в целости.

Лично отыскав всю коллекцию, Се Лянь решил временно отнести её во Дворец Четырёх, где жили наставники.

Хунхун-эр тем временем всё прижимался к Се Ляню. Долгий плач вымотал мальчика, и он уснул. Принц хотел отнести малыша с горы в безопасное место, но советник приказал ему вначале навеститься во Дворец Четырёх, поэтому Се Лянь пошёл туда вместе с ребёнком.

Он уложил мальчика на кровать во внутренних комнатах, слегка подоткнул одеяло, опустил занавеску и вышел прочь, в сопровождении Фэн Синя и Му Цина. Затем обратился к советнику:

— Советник, судьба мальчика действительно настолько страшна?

Советник недовольно поджал губы и ответил:

— Может, сам посчитаешь беды, которые произошли, стоило ему появиться?

Все трое замолчали. В первый раз ребёнок на глазах у огромной толпы свалился с городской стены, тем самым прервав церемониальное шествие Праздника фонарей на третьем круге. Во второй раз Ци Жун решил сорвать на нём свой гнев и протащил по дороге, потревожив простых людей, что закончилось сломанной рукой Фэн Синя, конфликтом Се Ляня с главой государства и слезами государыни. А теперь он стал приманкой для злобных духов, сидящих в заточении в чёрных дворцах, так что те прорвались сквозь печати и даже подожгли дворец Сяньлэ. Поистине, злой рок неотступно следовал за ним незримой тенью.

Се Лянь спросил:

— Нет ли способа как-то это исправить?

— Исправить? О чём ты говоришь? Изменить судьбу?

Се Лянь кивнул. Советник произнёс:

— Ваше Высочество, вы не обучались у меня гаданию, и потому в этой сфере совершенно ничего не понимаете. А если бы понимали, то не стали бы задавать подобные вопросы.

Се Лянь удивлённо замер, затем скромно сел перед советником и сказал:

— Я бы хотел узнать подробнее.

Советник взял со стола чайничек и налил стакан чая.

— Ваше Высочество, помните ли вы вопрос, который я задал вам в шестилетнем возрасте, когда Их Величества пригласили меня во дворец, чтобы предсказать вашу судьбу?

Се Лянь поглядел на клубы пара над ароматным чаем, подумал и спросил:

— Вы говорите... о «Стакане воды на двоих»?

В тот день, чтобы в точности предсказать судьбу принца, советник задал ему множество вопросов. Некоторые из них имели ответ, некоторые оказались неразрешимы, и каждый раз, слушая ответы Се Ляня, советник рассыпался в разнообразных похвалах, отчего государь и государыня так и сияли радостью. Многие из ответов принца на вопросы советника впоследствии стали предметом всеобщих обсуждений и восхищений, разлетевшись притчами. Но среди вопросов был один, услышав ответ на который, советник не дал никакой оценки, и никто в миру о нём не слышал. Даже Фэн Синь не знал о нём, не говоря уже о Му Цине. То был вопрос о «Стакане воды на двоих».

Советник произнёс:

— Двое путников шли по пустыне, умирая от жажды. У них остался лишь один стакан воды. Кто его выпьет — выживет, другой же умрёт. Будь ты божеством, кому отдал бы стакан? ...Постой, ничего не говори, сначала спросим других, и ты послушаешь, что они скажут.

Последней фразой он обратился к двоим юношам, что стояли неподалёку. Му Цин, призадумавшись, осторожно ответил:

— Могу ли я узнать, кем были эти двое? Каков их характер, достоинства и пороки? Необходимо выяснить всё до конца, и лишь после принимать решение.

Фэн Синь же воскликнул:

— Не знаю! Не спрашивайте меня, пусть они сами решают.

Се Лянь прыснул со смеху. Советник спросил:

— Что ты смеёшься? Ты помнишь, что ты сам ответил мне?

Се Лянь скрыл улыбку и серьёзно сказал:

— Я дам им ещё стакан воды.

Фэн Синь и Му Цин будто бы не смогли вынести услышанного — один отвернулся, другой опустил голову. Се Лянь обернулся и

совершенно искренне сказал им:

— Чего вы смеётесь? Я серьёзно. Если бы я был божеством, непременно даровал бы им ещё один стакан.

Советник провёл рукой над чаем на столе, и вода сама по себе колыхнулась, будто живая.

— Судьбы всех существ под небом, хорошие и плохие, предопределены заранее. Как с тем стаканом воды — что бы ты ни предпринял, больше не станет, ты утолишь жажду, а кто-то не получит ни капли. У одного прибавилось, значит, убавится у другого. Испокон веков все споры в конечном счёте произрастают из одного — людей много, а воды лишь один стакан. И каждый по-своему его заслуживает. Желаете изменить судьбу? Это весьма сложно, но невыполнимым назвать нельзя. Но если поменяешь судьбу этого ребёнка, точно так же будут затронуты чужие судьбы. И возмездие за такой поступок последует суровое. Ты ответил тогда, что даруешь ещё стакан воды, так же как сегодня хочешь выбрать третий путь. Суть здесь одна — на словах прекрасно, но, я тебе скажу, достичь этого практически невозможно.

Се Лянь молча слушал, не соглашаясь, но и без лишних возражений, затем произнёс:

— Благодарю за наставление, советник.

Советник выпил чай, причмокнул губами, и ответил:

— Вот уж не стоит. Всё равно ты пропустишь все наставления мимо ушей.

Се Лянь, которого советник видел насквозь, легонько кашлянул и произнёс:

— Советник, сегодня в храме Шэньу ученик на мгновение поддался эмоциям и проявил излишнюю дерзость в словах, тем самым преступив грань дозволенного. Надеюсь, советник проявит снисхождение.

Советник убрал руки в широкие рукава и мягко улыбнулся.

— Ты — мой лучший ученик, и к тому же наследный принц. Как я могу не проявить снисхождение? Ваше Высочество, я могу сказать, что ты — самый одарённый Небесами человек из всех, кого мне доводилось встречать.

Се Лянь не понял смысла его слов, и потому приготовился внимательно слушать. Советник добавил:

— У тебя есть природный дар и стремления, ты готов с должным усердием прикладывать усилия. У тебя знатное происхождение, при этом ты склонен к милосердию и доброте. И ты, как никто другой, достоин называться баловнем судьбы. Но я всё же беспокоюсь о тебе. Боюсь, тебя ждёт испытание, с которым ты не справишься.

— И в чём же заключается ваше беспокойство?

— Пускай ты уже достиг определённой высоты, но всё же до понимания некоторых вещей тебе ещё очень далеко, и другие не в силах тебя им обучить. К примеру, слова, что ты произнёс сегодня в храме Шэньу, о том, что не следует поклоняться богам и тому подобное. Конечно, об этом задумываются очень немногие, и весьма неплохо, что тебя посетили подобные мысли в столь юном возрасте. Но не стоит считать, что на всём белом свете с древности до наших дней лишь ты помыслил о таком.

Се Лянь слегка округлил глаза, и советник произнёс:

— Слова, сказанные тобой сегодня, приходили в голову людям ещё несколько десятков и даже несколько сотен лет назад. Но воплотить идею в жизнь им не удалось, голоса оказались слишком тихими, поэтому их никто не услышал. Почему же? Не думал ли ты об этом?

Задумавшись ненадолго, Се Лянь ответил:

— Потому что те люди лишь подумали, но ничего не сделали, и к тому же оказались недостаточно стойкими.

— Ну а ты? С чего решил, что тебе достанет стойкости?

— Советник, как вы считаете, я смогу вознестись?

Советник посмотрел на него.

— Если ты не сможешь вознестись, значит, никто в мире не сможет. Вопрос времени, только и всего.

Се Лянь ответил с лёгкой улыбкой:

— В таком случае, вам остаётся лишь смотреть. — Он указал на небо и добавил: — Если в один прекрасный день я вознесусь, то

неприменно добьюсь того, что слова, сказанные мной вчера, воплотятся в жизнь!

Фэн Синь и Му Цин, которые стояли за спиной принца, прекрасно слышали каждое слово, и оба, сами того не замечая, приподняли голову выше. Уголки губ Фэн Синя слегка приподнялись, а глаза Му Цина загорелись так же ярко, как у Се Ляня.

Советник кивнул и сказал:

— Хорошо, тогда я буду смотреть... Однако я не считаю, что слишком раннее вознесение пойдёт тебе на пользу. Ответь на вопрос: что есть «путь»?

Се Лянь склонил голову:

— Вы говорили, что дорога, по которой идёт человек, есть «путь».

— Верно. Но ты прошёл слишком мало дорог. Поэтому, как мне кажется, пришла пора отпустить тебя с горы, пройтись немного.

Глаза Се Ляня ярко сверкнули. Советник добавил:

— В этом году тебе уже семнадцать, и я разрешаю тебе покинуть гору Тайцан и отправиться в странствие, чтобы набраться опыта.

— Это просто замечательно!

Проведя день в столице, принц впадал в расстройство при мысли о государе, Ци Жуне и остальном. Кроме того, его роскошный дворец оказался сожжён, а это означало ещё большие сложности в отношениях с родителями. Лучше уж уйти ещё дальше, целиком и полностью отдаваясь собственному пути.

Советник вдруг добавил:

— Ваше Высочество, многие годы в народе из уст в уста передаётся одна фраза, и каждый воспринимает её как нечто неоспоримое. Но на самом деле она ошибочна, просто никто этого не замечает.

— О какой фразе речь?

— Человек, поднимаясь вверх, становится богом; человек, опускаясь вниз, становится демоном.

Се Лянь, подумав, спросил:

— И в чём ошибочно это суждение?

— Разумеется, оно ошибочно. Запомни: человек, поднимаясь вверх, остаётся человеком; человек, опускаясь вниз, остаётся человеком.

Се Лянь всё ещё вдумывался в его слова, когда советник похлопал принца по плечу, посмотрел себе за спину и сказал:

— В общем, об этом ребёнке... Тебе не следует излишне волноваться, у каждого своя судьба. Иногда, если не ты окажешь кому-то помощь, то найдётся иной способ помочь. Об остальном можно поговорить после. Сейчас отправляйся в путь и как следует наберись опыта. Надеюсь, что когда ты вернёшься, то станешь взрослее.

Однако никто не ожидал, что той же ночью ребёнок сбежит из монастыря Хуанцзи и исчезнет.

И ещё большей неожиданностью для всех стало то, что по возвращении из своих странствий Его Высочество наследный принц государства Сяньлэ, Се Лянь, не достигнув и восемнадцати лет, из-за победы над безымянным призраком на мосту Инянь, вот так просто, под раскаты грома и вспышки молний, вознёсся на Небеса.

И содрогнулись три мира.

Невежда, что покусился на деньги бессмертных, встретит принца

— Открываем!..

Вместе с этим громогласным долгим криком на землю спала яркая атласная ткань. И тысячная толпа разразилась радостными ликованиями, достигающими небес.

Их взорам открылась божественная статуя наследного принца, отлитая из золота. В одной руке она сжимала меч, в другой мягко держала в пальцах цветок, что символизировало «обладая силой, способной уничтожить мир, не теряй сердце, стремящееся сберечь цветок». Черты лица статуи отличались мягкой красотой изящных бровей, прекрасных глаз и очаровательной линии губ, уголки которых были чуть приподняты в едва-едва угадывающейся улыбке. Выражение любящее, но не легкомысленное; безэмоциональное, но не равнодушное — облик излучал красоту и милосердие.

И то был ровно восьмидесятилетний по счёту храм наследного принца на территории государства Сяньлэ.

За три года после его вознесения на ровном месте взметнулись к небесам восемь тысяч божественных храмов. Подобного этому небывалого и неповторимого страстного почитания, которым одарили

принца, совершенно точно не упоминалось никогда ранее и наверняка не возникнет впредь, он был единственным в своём роде.

Однако в этом восьмитысячном по счёту храме стояла далеко не самая роскошная божественная статуя наследного принца. Пик на горе Тайцан, на котором Его Высочество наследный принц проживал во время самосовершенствования, теперь носил название «Пик наследного принца». Именно здесь и построили самый первый дворец Сяньлэ. Когда отлили первую божественную статую, её установили там же. Его Величество глава государства лично снял покров со статуи. То изваяние в высоту достигало пяти чжанов и выглядело как живое, в точности передавая внешность принца. Оно было полностью отлито из чистого золота и представляло собой подлинное «золотое тело»^[121].

Паломники текли во дворец Сяньлэ сплошным потоком, сбивая пороги. Треножник перед храмом был усыпан длинными и короткими палочками благовоний, так что ставить уже было некуда. Ящик для пожертвований здесь стоял намного больше и крепче, чем ящики в обыкновенных храмах — ведь если не сделать его таковым, не пройдёт и дня, как он заполнится подношениями, и последующие посетители просто не смогут ничего туда положить. У самого входа в храм выкопали пруд с чистой водой, который также наполнился монетами — они бронзовым блеском сияли под бликами, играющими на воде. Несколько черепах, живущих в пруду, уже просто не решались высунуть нос из своих панцирей, поскольку каждый день в них сыпались монеты, которые паломники бросали в воду с каменного мостика, и как бы монахи ни уговаривали людей этого не делать, ничего не помогало. За высокими и толстыми красными стенами, которые опоясывали территорию храма, раскинулся сад из сливовых деревьев, ветви которых усыпали бесчисленные ярко-красные ленты с молитвами и просьбами о благословении. Ленты покачивались на ветру среди цветочного моря, создавая картину роскошного и яркого великолепия.

А в главном зале храма у подножия собственной божественной статуи с чинным и скромным видом сидел Се Лянь, глядя с возвышения на толпу. Оставаясь для всех невидимым, он мог видеть всех посетителей храма и слышать их разговоры:

— Почему в храме наследного принца нет подушек для коленопреклонения?

— И правда, даже настоятель храма говорит, что преклоняться нельзя. Но ведь храм открыт для посещения, почему же нельзя преклонять колени?

— Вы, должно быть, впервые в храме Сяньлэ. Во всех храмах Сяньлэ такие правила. Я слышал, после вознесения Его Высочество наследный принц явился во сне ко многим настоятелям и служителям храмов и сказал, что его последователи не должны преклонять перед ним колени. Поэтому в храмах наследного принца негде преклониться.

И хотя присутствующие не могли разглядеть принца, Се Лянь всё же кивнул в ответ. Кто же мог подумать, что от другой группы людей вдруг послышится смех:

— Что это за логика такая? Бессмертные божества ведь для того и нужны, чтобы им поклоняться. Это всё ложные слухи.

Се Лянь даже поперхнулся. И тут же услышал, как кто-то поддержал говорящего:

— Ага, поклонить колени нужно обязательно. Только так можно выразить свою искренность!

— Даже если подушек нет, ничего страшного, мы встанем прямо на пол.

Вот так кто-то первым бухнулся на колени, и все вокруг тут же последовали его примеру. Сотни, тысячи людей теснились внутри и снаружи храма и со всей искренностью кланялись божественному изваянию, сменяя друг друга непрерывными волнами. Каждый о чём-то молился, про себя загадывая желания и прося о благословении.

Се Лянь молча слез с постамента и подумал: «Ладно, постепенно привыкнут».

В следующий миг к нему со всех сторон ринулись бесчисленные людские голоса, будто огромная волна, сметающая всё на своём пути.

— Сдать экзамен на высокий чин! Хочу сдать экзамен! В этом году непременно! Если исполнится, обязательно отплачу сторицей!

— Благословения в дорогу!

— Все девушки, которые мне нравятся, влюбляются в моего шисюна. Прошу, пусть он станет немножко уродливее, пожалуйста.

— Твою мать, ни за что не поверю, что в этот раз у меня не родится здоровяк-сын!!!

...Просили обо всём на свете, и у Се Ляня от этих молитв отчаянно разболелась голова, поэтому он поспешно изобразил руками заклинание, и все до одного голоса стихли. Но только у него в голове воцарилась тишина, принц тут же услышал громкий крик и увидел, как из внутренних покоев выбежал юноша в чёрном одеянии, зажимающий уши руками. Он взревел:

— Это что ещё за ерунда!!!

Верующие в храме совершенно не заметили его появления, продолжая поклонение. Се Лянь со вздохом похлопал юношу по плечу и улыбнулся:

— Фэн Синь, спасибо тебе за помощь.

Поскольку огни благовоний во дворцах Сяньлэ горели столь ярко, за день Се Лянь мог услышать едва ли меньше тысячи молитв. В самом начале, полагаясь на яростный энтузиазм новичка, он брался за любое пожелание сам, лично прикладывая усилия для его исполнения. Но впоследствии молящихся стало слишком много, поэтому пришлось поручить часть работы Фэн Синю и Му Цину. Юноши вдвоём отделяли те молитвы, которые находились в сфере влияния принца, от тех, которые можно было проигнорировать, а потом передавали ему те просьбы, на которые следовало обратить особое внимание.

Му Цин, закончив проверку, сразу докладывал принцу и никогда не жаловался. А вот Фэн Синь никак не мог взять в толк, ну почему люди так любят попросить о какой-то ерунде? Даже о гармонии в интимных отношениях приходят помолиться в храм Сяньлэ. Се Лянь ведь Бог Войны, разве он может отвечать за подобное? Если так будет продолжаться дальше, остальные небожители начнут возмущаться, за глаза называть его собакой на сене, которая молитвы не исполняет, а всех последователей к себе переманила. Тут уж сказать будет нечего. Фэн Синь закрывал уши и никак не желал опустить руки, хотя это, в действительности, совершенно не помогало. Он воскликнул:

— Ваше Высочество, почему среди твоих последователей так много девушек?!

Се Лянь спрятал руки в рукава, уселся на облачко дыма от благовоний и с улыбкой ответил:

— Разве это не замечательно? Множество красавиц — услада для сердца и глаз.

Фэн Синь в ужасе возразил:

— Нисколько это не замечательно. Женщины, кажется, целыми днями только и просят, что красиво выглядеть, удачно выйти замуж да родить сына, а других желаний у них не бывает. Ни одного серьёзного дела, у меня от одного их вида начинает болеть голова!

Се Лянь, улыбаясь до ушей, хотел ему что-то сказать, как вдруг толпа в храме заволновалась. Они поглядели в сторону ворот храма и услышали, как кто-то, понизив голос, оповещает остальных:

— Князь Сяоцзин прибыл, скорее, уходим, уходим! Князь Сяоцзин прибыл!

Титул «князь Сяоцзин», повлиял на людей в точности как фраза «князь Тьмы». Все как один, они побледнели от ужаса и в панике бросились врассыпную. Всего несколько мгновений, и по храму будто прошёлся настоящий смерч — большинство верующих, только что поклонявшихся божественной статуе, как ветром сдуло. Вскоре порог храма вразвалку переступил юноша в парчовых одеяниях, всем видом излучающий роскошь, с мантией на плечах. В руках он нёс драгоценный резной фонарь со вставками стеклянной глазури. Если не обращать внимания на его глаза, юноша внешне очень походил на Се Ляня. Однако взгляд его был излишне выразительным и резким. Кто же ещё это мог быть, как не Ци Жун?

Сейчас ему исполнилось лет восемнадцать, лицо стало более привлекательным, характер — более сдержанным, теперь он, можно сказать, обзавёлся манерами, присущими мужчине из знатного рода. Он вошёл в храм, но слугам не позволил войти следом. С фонарём он прошёл в главный зал, оправил плащ и опустился на колени на чистый пол. Затем торжественно поклонился несколько раз, поднимая фонарь над головой. Двое на божественном алтаре переглянулись. Фэн Синь зацокал языком, и в его взгляде Се Лянь прочитал раздражение.

Три года назад, когда Се Лянь покинул дворец и пустился в странствие, Ци Жун всё ещё отбывал наказание. А когда принц вернулся, так и не успел повидаться с двоюродным братом — в ту же ночь, прямо во сне, он вознёсся под звуки небесного грома. За три года Се Лянь часто являлся во снах родителям, советнику и многим другим людям, и Ци Жуну явился однажды — строго повелел ему впредь относиться к людям с добром, умерить свой нрав, не творить произвол. Поэтому Ци Жун весьма активно помогал в строительстве храмов и монастырей, совершал пожертвования и подносил принцу фонари.

И хотя он прилагал немалые усилия, ревностно исполняя наказ принца, всё же время от времени создавал неприятности — Фэн Синь умаялся спускаться и прибираться за ним поломанные лавки торговцев. Поэтому Се Лянь прекрасно понимал раздражение Фэн Синя.

Тем временем Ци Жун закончил кланяться и обиженно произнёс:

— Мой царственный брат, это пятисотый по счёту фонарь, который я подношу тебе в знак моей преданности. Когда же ты придёшь повидаться со мной? Можешь просто явиться ко мне во сне. Дядя и тётя тоже очень по тебе скучают, а ты совсем о нас позабыл, стал таким высокомерным и равнодушным...

Юноша не мог видеть, что Фэн Синь стоит совсем рядом и напоминает Се Ляню:

— Ни в коем случае не отвечай ему. Владыка говорил тебе — без крайней необходимости небожителю строго запрещается являться простым смертным в личных целях. В особенности нужно избегать встреч с родными и близкими.

— Не волнуйся. Разумеется, мне это известно.

Ци Жун поднялся, держа подношение, взял кисть и склонился над фонарём, чтобы что-то на нём написать. Се Лянь и Фэн Синь ничего хорошего от него не ожидали, и потому, не сдержавшись, вместе подошли, чтобы посмотреть, что же он напишет. Увидев на фонаре обыкновенные мольбы о всеобщем благоденствии, мягких ветрах и хороших дождях^[122] и тому подобное, а не пожелания, чтобы чьему-то семейству отрубили головы и вывесили на рыночных воротах и так далее, двое юношей вздохнули с облегчением.

Снова взглянув на Ци Жуна, который в соответствии с правилами каллиграфии старательно выписывал иероглифы, принц невольно вспомнил один случай.

Когда Ци Жун с матерью только вернулись во дворец, однажды все члены аристократии и царственного рода отправились на гору Тайцан вознести молитвы. Мать Ци Жуна после побега с простолудином не решалась показываться людям на глаза, но всё же хотела, чтобы сын тоже отправился помолиться. Она желала, чтобы Ци Жун набирался знаний, а не сидел целыми днями в её покоях, будто лягушка на дне колодца^[123]. Поэтому упростила государыню взять мальчика с собой.

Женщина старалась вести себя предельно скромно, но сплетни о знатных семьях всегда разносились быстрее летящей стрелы, кто ещё в столице не знал историю о них с сыном? Поэтому по дороге на гору остальные дети знатного рода сознательно отталкивали Ци Жуна подальше от себя, не давали ему говорить и играть с ними. Се Лянь, едва увидев качели, сразу бежал покататься на них, и все дети его возраста забавлялись вместе с ним. По очереди ребята помогали Его Высочеству толкать качели, считая это за великую честь. Когда Се Лянь подлетел выше всего, он невольно опустил голову вниз и увидел Ци Жуна, который прятался за государыней и только высовывал голову, с завистью глядя на принца.

Оказавшись в храме Шэньу, взрослые закончили подносить божеству фонари и отправились с наставниками, чтобы побеседовать, вытянуть гадательные палочки и получить объяснение выпавшим предсказаниям. А дети остались в храме играть в подношение божеству маленьких фонариков. Ци Жун в первый раз виделся с государыней и не знал, что она уже поднесла фонарь для него и матери. Увидев прекрасные фонари тонкой работы, мальчик захотел сам поднести один и попросить о благословении. Он был ещё мал и многого не умел, спрашивал у всех, как написать прошение о благословении для матери.

Несколько ребятшек, которые приходились Ци Жуну роднёй, дома обычно терпеть его не могли — под влиянием взрослых они тоже считали, что мать и сын опозорили их род, поэтому решили злонамеренно одурачить мальчонку. Се Лянь сосредоточенно дописал пожелание на своём фонарике, положил кисть и услышал за спиной хихиканье и смешки, которые показались ему весьма неприятными. Обернувшись, принц увидел Ци Жуна с заляпанной тушью ладошками, который словно сокровище обхватил руками фонарик и собирался поднести его божеству. А на самом фонарике кривым почерком было написано: «Желаю вместе с матерью поскорее отправиться на Небеса. Ци Жун».

Се Лянь немедля бросил тот фонарь на пол и ужасно разгневался.

Тогда он тоже был ещё мал, но другие дети знатного рода от испуга попадали на колени, не решаясь заговорить. Когда гнев Се Ляня утих, он лично помог Ци Жуну сделать новую надпись на фонарике, и теперь уже никто не посмел над ним издеваться. После, когда они

спускались с горы, принц снова отправился покататься на качелях. На этот раз Ци Жун выбежал из-за юбки государыни и сам помог толкнуть качели принца. Он был ниже Се Ляня ростом, но прилагал особое старание и всё так же смотрел на принца снизу вверх. Только зависть в его глазах теперь обернулась обожанием. Позднее он просто превратился в хвостик, который целыми днями бегал за «царственным братом».

Надо признать, раньше Ци Жун был вполне нормальным человеком. Но по какой-то причине, чем старше он становился, тем больше его характер менялся не в лучшую сторону. Вот только за последние три года Се Ляню требовалось следить за множеством людей и событий, а на внимание для родных и близких времени не оставалось. Поэтому принц не знал, изменился ли Ци Жун с тех пор.

Когда принц задумался об этом, Ци Жун уже закончил подношение фонаря и приготовился покинуть храм. К их неожиданности, пока он отступал назад, то натолкнулся спиной на другого посетителя. Ци Жун тут же отшатнулся, яростно развернулся и разразился бранью, даже не взглянув на объект ругательств:

— Что за дрянь? Ты ослеп или сдох, пока стоял? Не видишь, что надо убраться с дороги?

Стоило ему открыть рот, Се Лянь и Фэн Синь одновременно закрыли лицо руками и подумали: «Он не изменился. Всё такой же, как раньше!»

Возможно, причиной тому стал факт, что до пяти лет Ци Жун жил с отцом, и к нему неизбежно прилипла грубость городских улиц и вспыльчивый характер родителя. И как бы терпеливо государыня ни пыталась воспитывать Ци Жуна, стоило ему разволноваться, и он, как говорил советник, «раскрывал свою истинную сущность». Ци Жун натолкнулся на молодого мужчину в лохмотьях, не больше двадцати пяти лет, который нёс на спине простой дорожный свёрток. Соломенные сандалии мужчины стёрлись до такой степени, что от них почти ничего не осталось, ноги покрывала дорожная пыль. Но даже с измождённым выражением, потрескавшимися губами и немного впалыми щеками черты лица мужчины оставались правильными и чёткими, взгляд светлым и пронзительным, даже его худоба не казалась слабостью.

Мужчина спросил:

— Что это за место?

Ци Жун воскликнул:

— Это дворец Сяньлэ, храм наследного принца!

Мужчина пробормотал:

— Храм наследного принца? Наследного принца? Значит, это и есть императорский дворец? — Он увидел божественную статую в храме, золотистый блеск которой окрасил лицо мужчины позолотой, и спросил: — Это золото?

Чрезмерно великолепное убранство заставило его спутать храм божества с императорским дворцом. Откуда-то подоспели слуги, которые принялись прогонять мужчину со словами:

— Конечно же, золото. Храм наследного принца — это божественный храм, а не покои принца в императорском дворце! Ты даже не знаешь, что это за место? Да откуда ты взялся, дикарь?

Мужчина спросил:

— А где же тогда императорский дворец?

Ци Жун сощурился и спросил:

— Зачем тебе это знать?

Собеседник серьезно ответил:

— Я должен попасть в императорский дворец, чтобы встретиться с государем. У меня есть к нему разговор.

Ци Жун и его слуги рассмеялись и взглянули на него с презрением.

— Да откуда взялся этот деревенщина? Зачем тебе в императорский дворец? Да ещё встретиться с государем! Думаешь, тебе позволят с ним увидаться, стоит тебе попросить? Да окажись ты в императорском дворце, тебя и через главные ворота не пропустят.

Мужчину смех несколько не смутил, он ответил:

— Я попытаюсь. Может быть, всё же получится.

Ци Жун громко расхохотался:

— Ну так иди, попробайся, — он махнул рукой, намеренно указав противоположное направление.

Мужчина ответил «Спасибо», поправил свёрток на спине, развернулся и направился прочь из храма. Оказавшись на каменном мосту, он вдруг остановился и посмотрел вниз. Сквозь прозрачную воду пруда виднелся толстый слой монет, лежащих на дне.

Мужчина, кажется, задумался на пару мгновений, а спустя ещё миг перемахнул через мост и спрыгнул в воду.

Прыжок поражал ловкостью и силой. Оказавшись в воде, мужчина склонился и начал пригоршня за пригоршней загребать монеты со дна пруда, а затем складывать их себе за пазуху и в дорожный мешок. Се Лянь и Фэн Синь раньше никогда не видели, чтобы кто-то отбирал деньги у самого божества, и от подобной картины прямо-таки остолбенели. Ци Жун тоже застыл, но потом расшвырялся, бросился к перилам, начал бить по ним руками и орать:

— Твою мать! Что ты творишь?! Сейчас же вытащите его оттуда!!! Да твою ж мать!!!

Слуги торопливо попрыгали в воду, чтобы вытянуть мужчину на берег, но тот оказался не лыком шит — принялся отбиваться, да так, что никто не мог к нему подступиться. Ци Жун, стоя на мосту и глядя на происходящее, метал гром и молнии, и даже служители храма не знали, как им поступить. Мужчина набил карманы монетами, забросил мешок на спину и собрался выбраться из пруда, но, ступив на мшистое дно, поскользнулся и с громким всплеском свалился в воду, лицом к небесам. Тут-то слуги и подбежали, чтобы его схватить, скрутили и выволокли на берег, а Ци Жун принялся осыпать его пинками и бранью:

— Да как ты посмел красть эти деньги!

Когда Ци Жун заносил ногу для пинка, Фэн Синь уже стоял рядом и, улучив момент, подставлял руку — в итоге, каким бы яростным ни был пинок, в действительности удар по телу бедняги получался совсем не сильным. Ци Жун не видел дурачащего его Фэн Синя, но всё же чувствовал подвох, будто какая-то нечистая сила удерживала его ногу — спустя семь-восемь пинков ощущение так и не пропало, и юношу это даже немного раздосадовало. Мужчина, кажется, наглотался воды — он откашлялся, прежде чем заговорить:

— Но ведь деньги просто лежат в пруду, почему я не могу взять их ради спасения людей?

Ци Жуну наконец надоело пинать мужчину, всё равно никакого удовлетворения это не приносило, и юноша стал кричать:

— Кого спасать? Кто ты такой? Откуда взялся?

Он спросил для того, чтобы повесить на мужчину обвинение в преступлении и бросить его в темницу, но тот оказался человеком

простым и честным, поэтому ответил:

— Меня зовут Лан Ин^[124], я из Юньани, где случилась засуха. Без воды не растут посевы, людям нечего есть, денег у нас нет. Здесь есть и вода, и еда, и деньги, статуи делают из золота, бросают монеты в пруд. Почему же нельзя поделиться с нами малой частью?

Юньань — так назывался один из крупных городов государства Сяньлэ. Выражение лица Се Ляня стало серьёзным и сосредоточенным, он поднялся на ноги и спросил:

— Фэн Синь, в последнее время в Юньани случилась засуха? Почему я ничего об этом не знаю?

Фэн Синь повернулся к нему и ответил:

— Не знаю, я тоже ничего подобного не слышал. Нужно спросить Му Цина.

Падение золотой статуи. Невежда хоронит несчастное дитя

Се Лянь велел:

— Сейчас же позови его сюда.

Фэн Синь приложил два сложенных пальца к виску, связываясь с Му Цином по сети духовного общения. Тем временем Ци Жун презрительно сплюнул и произнёс:

— Так ты притащился из этой дыры, Юньани? Вот уж точно — бесплодные горы и бурные реки рождают одних смутьянов. Думаешь, раз ты нищий, то можешь отбирать деньги у божества?

Лан Ин ответил:

— Что ж, я не стану отбирать. Я прямо сейчас отправлюсь на поклон к этому вашему божеству, паду перед ним на колени и буду бить челом, чтобы он дал мне денег на спасение моих земляков. Тогда он сможет нам помочь?

Ци Жун поперхнулся и подумал, скажи он «сможет», этот человек вполне способен, воспользовавшись положением, пойти дальше и с полной уверенностью в своей правоте схватить деньги и сбежать. Поэтому юноша ответил:

— Его Высочество наследный принц — бессмертный небожитель, а небожители завалены делами по горло. Откуда у них возьмётся время на смутьянов, подобных тебе?!

Послушав, Лан Ин медленно кивнул и произнёс:

— Я тоже думаю, что он не удостоит меня вниманием. Мы ведь уже пытались помолиться и попросить богов о спасении, но всё тщетно. Те, кому суждено умереть, всё равно умрут.

Се Лянь от его слов содрогнулся в душе, а один из служителей храма закричал:

— Да кто ты такой, чтобы говорить подобное в божественном храме? Не боишься, что небожители ниспошлют тебе кару?!

Лан Ин же ответил:

— Мне уже всё равно. Пусть будет кара. Я не боюсь даже, что мы не дождёмся спасения, мне ли страшиться кары?

Ци Жун махнул рукой, и толпа слуг, которая уже давно ожидала приказа, бросилась вперёд. Они окружили мужчину и принялись бить его руками и ногами. Фэн Синь тоже присоединился, чтобы в нужный момент погашать силу их ударов, поэтому, хоть с виду и казалось, что мужчину жестоко избивают, сам он не пытался уклониться или защититься, лишь в полной растерянности время от времени прикрывал руками дорожный свёрток, что нёс на спине. Ци Жун же взял горсть семечек, уселся их щёлкать и, потрясая ногой, приговаривал:

— Бейте, да посильнее, на радость Моему княжескому Высочеству!

Выглядел Ци Жун при этом как самый настоящий злодей. Услышав, как юноша назвал сам себя, Лан Ин вдруг вскинул голову со словами:

— Ты — князь? Какой именно князь? Ты живёшь в императорском дворце? Ты можешь увидеться с государем?

Ци Жун небрежно выплюнул ругательство:

— Я твой дед! Ты всё ещё надеешься увидеться с Его Величеством? Его Величество занят тысячей дел ежедневно, у него нет на тебя времени.

Лан Ин, оборачиваясь к нему, упрямо продолжал:

— Почему у него нет на меня времени? У божества нет на меня времени, у Его Величества тоже, но тогда у кого же есть? К кому же мне тогда обратиться? Государю известно, что в Юньани гибнет множество людей? Жителям столицы это известно? А если известно, почему они охотнее бросают деньги в пруд, вместо того чтобы отдать их нам?

Ци Жун с холодной усмешкой ответил:

— Наши деньги мы тратим так, как пожелаем. Даже если будем пускать их как камешки по воде, кому какое дело? С какой стати мы должны делиться с вами? Думаешь, раз ты нищий, то, стало быть, и правда на твоей стороне?

В его словах содержалась определённая доля истины, однако в данных обстоятельствах они прозвучали поистине неуместно. Се Лянь уже было задумался, как бы заткнуть Ци Жуну рот, но тут со стороны внутренних покоев храма послышались торопливые шаги юноши в чёрных одеяниях, а затем голос:

— Ваше Высочество, зачем ты меня звал?

Се Лянь помахал ему рукой.

— Му Цин, скорее поди сюда. Среди тех молитв, что ты получал в последнее время, не приходило ли вестей о засухе в Юньани?

Му Цин удивлённо замер на мгновение и ответил:

— Не приходило.

Фэн Синь, едва улучив свободный миг, вставил слово:

— Да как же не приходило? Пострадавшие от бедствия в попытке спастись уже добрались до столицы!

Его тон прозвучал настолько уверенно, что выражение лица Му Цина даже застыло, и он резко ответил:

— Я говорю правду, я в самом деле ничего подобного не слышал. Неужели ты считаешь, что я намеренно утаил то, о чём узнал? А ты сам не получал известий об этом? Если народ Юньани просил об избавлении от засухи, в то время как в храмах наследного принца я нёс дежурство по нечётным месяцам, а ты по чётным, ведь не может быть, чтобы все мольбы, связанные с бедствием, приходились лишь на нечётные месяцы, и ты совсем ничего о них не знал.

Фэн Синь озадаченно замер, однако, поразмыслив, пришёл к такому же выводу и произнёс:

— Я и не говорил, что ты не докладывал намеренно. Ты слишком мнительный.

Видя, что они вот-вот снова начнут ссориться, Се Лянь, у которого уже начались головные боли, изобразил руками примирительный жест и произнёс:

— Ну хватит, Фэн Синь не это хотел сказать. Сейчас же перестаньте.

Двое немедля замолчали, прекратив перебранку. Как раз к тому времени Ци Жуну наскучило наблюдать за избиениями Лан Ина, он взял кулёк, в который ссыпал шелуху от семечек, и сказал:

— Тащите этого вора в темницу.

Слуги ответили:

— Повинуемся приказу! — и схватили Лан Ина.

Се Лянь произнёс:

— Вначале разберёмся с одной проблемой — выручим несчастного, затем я спрошу его как следует о случившемся в Юньани.

Лицо Му Цина смягчилось, он с осторожностью спросил:

— Ваше Высочество, как ты собираешься разбираться с этим? Тебе запрещено по своему желанию являться пред смертными.

Именно это правило после своего вознесения Се Лянь никак не мог понять. Считалось, что небожители должны помогать людям, но при этом почему-то непременно требовалось принимать заносчивый вид и ставить себя выше простых смертных, а также запрещалось по своей воле появляться в миру.

Это ведь буквально связывало принца по рукам и ногам, что повергало его в невероятное раздражение. К счастью, Се Лянь в таких случаях мог принять обходные меры. Нисколько не раздумывая, даже не обернувшись, он выставил руку и совершил толчок. Люди перед храмом заметили, как тень на земле чуть качнулась, и недоумённо развернулись. В следующий миг раздался истошный вопль Ци Жуна:

— Мой царственный брат...

Одним движением Се Лянь просто-напросто столкнул с постамента собственную божественную статую! Золотое изваяние с благовоспитанным изящным лицом, с мечом и цветком в руках, то ли падая, то ли склоняясь, начало заваливаться на сторону.

На лице Ци Жуна отразился такой ужас, будто он увидел, как родная мать собралась повеситься и уже выпинается из-под ног табурет.

Совершенно наплевав на Лан Ина, он бросился к божественному изваянию и крепко-крепко обхватил его ноги, упорно стараясь удержать статую от падения и душераздирающе вопя:

— А вы чего ждёте, кучка никчёмных тварей! Сейчас же помогите мне удержать его! Не дайте моему царственному брату упасть!!! Он не

может упасть!!!

Пока юноша надрывался, Се Лянь абсолютно невозмутимо прошествовал мимо него и вышел из храма наследного принца. У Фэн Синя и Му Цина от такой картины едва не треснуло лицо. Лишь спустя несколько мгновений Фэн Синь смог выкрикнуть:

— Ваше Высочество! Ведь это же твоя божественная статуя!

Такое происшествие как падение статуи считалось знамением весьма недобрым, и все небожители в той или иной степени старались этого не допустить. Но чтобы кто-то вот так сталкивал с постамента собственное божественное изваяние — поистине являлось делом неслыханным, чудачеством для всех трёх миров.

Се Лянь произнёс:

— Всего лишь большой кусок золота, не более. Иначе мне бы не удалось их отвлечь. Идите подтолкните статую с другой стороны, чтобы они не могли отойти ни на шаг, а я повидаюсь с тем человеком.

У Фэн Синя и Му Цина не нашлось слов для ответа, но всё же пришлось послушаться приказа — они встали сбоку от статуи и каждый одним пальцем прикоснулся к изваянию. Лишь малой толики усилия им хватило, чтобы остальные не смогли установить статую ровно на постамент, даже приложив старание, с которым младенец сосёт молоко. Людям оставалось с огромным трудом удерживать изваяние от падения и с зубовным скрежетом причитать:

— ...Сразу видно — настоящее золото, веса в ней уж точно хватает!

Тем временем Лан Ин, которого так и оставили сидеть на земле снаружи, увидел, что больше никто не обращает на него внимания, некоторое время поглядел на сверкающую золотым блеском статую, поднялся на ноги, отряхнул одежду от пыли, закинул дорожный свёрток на спину и побежал прочь. Се Лянь последовал за ним. Мужчина бежал довольно долго, пока не оказался в тени пышного леса, где огляделся по сторонам и наконец уселся под деревом, чтобы отдохнуть. Се Лянь спрятался за деревом, сложил руки в простом заклинании и принял вид младшего монаха в белых одеяниях.

Обретя форму, принц осмотрел себя с ног до головы, убедился в отсутствии изъянов, взмахнул метёлкой из конского волоса и уже раздумывал, как сделать так, чтобы его появление не выглядело

внезапным, как вдруг увидел, что Лан Ин уселся на корточки рядом с лужей у дерева, склонился и принялся голыми руками выкапывать яму.

Се Лянь молча наблюдал.

Ладони молодого мужчины были достаточно широкими, чтобы одним движением выкопать довольно глубокую выемку в земле — ошмётки грязи так и летели в стороны из ямы, так что мужчина стал похож на поджарого чёрного дикого пса. Се Ляню стало любопытно, для чего ему вдруг понадобилось рыть яму, но потом принц увидел, как мужчина вытер грязь о штаны, набрал в пригоршню воды из лужи и поднёс ко рту.

После такого Се Лянь больше не смог скрываться. Он торопливо вышел из-за дерева и удержал мужчину за руку. После вынул из бездонного рукава флягу с водой и протянул её несчастному.

Лан Ин уже успел набрать в рот воды из лужи, поэтому, надув щёки, проглотил и посмотрел на внезапно возникшего перед ним монаха. Мужчина не удивился и не отказался, просто взял флягу и стал пить громкими глотками, осушив сосуд в один присест. Лишь допив, он произнёс:

— Благодарю.

Раз уж появление всё равно вышло внезапным, Се Лянь и думать забыл о каком-то более естественном начале общения. Принц постарался взмахнуть метёлкой с видом как можно более одухотворённым и вызывающим доверие, затем обратился к мужчине:

— Уважаемый друг, откуда и куда ты держишь свой путь?

— Мы пришли из города Юньань, района близ излучины Ланьэр, и направлялись в императорский дворец. Но теперь я туда не пойду, передумал.

Се Лянь удивлённо замер и переспросил:

— Мы?

Лан Ин кивнул:

— Мы. Я и мой сын.

Се Лянь всё больше приходил в замешательство, тогда как его сердце постепенно окутывало холодом. На его глазах Лан Ин снял со спины дорожный свёрток, раскрыл его и сказал:

— Мой сын.

Кто бы мог подумать, что в его дорожный мешок завернуто мёртвое тело маленького ребёнка!!!

Мальчик был совсем мал, на вид не больше двух-трёх лет. Его лицо пожелтело, щёки впали, к голове липли тонкие и редкие пожелтевшие волосики, на коже виднелась потница. На маленьком личике застыло странное выражение — казалось, что он собирался заплакать, будто испытывая ужасные мучения. Глаза мальчика были закрыты, а рот открыт, только звуков он больше не издавал.

Зрачки Се Ляня сделались совсем маленькими точками, он испытал страшнейшее душевное потрясение, не мог выговорить и слова. То-то ему всё время казалось, что мужчина выглядит немного странно. Принц никак не мог понять, в чём именно заключалась странность, просто незнакомец казался Се Ляню не совсем нормальным — говорил и вёл себя таким образом, будто совсем не задумывался о последствиях, действовал прямо и безрассудно, не заботясь ни о чём. Теперь же возникал лишь один вопрос — о каких ещё последствиях мог задумываться этот человек?

Лан Ин показал ему сына и снова завернул ребёнка в свёрток, как можно тщательнее подвернув края. Глядя на его сосредоточенное лицо и действия, Се Лянь в душе ощущал себя нестерпимо тягостно. Он впервые видел труп такого маленького ребёнка. Едва выговаривая слова, принц спросил:

— Как... как погиб твой сын?

Лан Ин закинул свёрток на спину и рассеянно произнёс:

— Как погиб... Я и сам не знаю, как он погиб. Может, от жажды, может, от голода, может, от болезни. Кажется, от всего понемногу. — Мужчина почесал затылок и продолжил: — Когда мы только выдвинулись в путь из Юньани, я нёс его на спине, и он ещё немного покашливал да звал меня — тятка, тятка. Потом потихоньку затих, только кашлял. А после и кашлять перестал, я думал, он уснул. Когда я нашёл немного еды и хотел его разбудить, он так и не проснулся.

Значит, ребёнок погиб в пути, когда они спасались от бедствия.

Лан Ин покачал головой.

— Я не умею заботиться о маленьких детях. Если моя жена узнает, что ребёнок погиб, она заругает меня до смерти. — Замолчав ненадолго, он добавил: — Хотел бы я, чтобы моя жена всё ещё могла меня отругать.

Выражение его лица от начала до конца оставалось равнодушным, подобно увядшему дереву или почерневшей заводи, на поверхности

которой уже никогда не поднимется ни единого признака жизни или даже лёгкой волны. Се Лянь ощутил, как сжалось горло, а через некоторое время тихо проговорил:

— Тебе... тебе... следует похоронить его.

Лан Ин кивнул и ответил:

— Да. Я хотел выбрать место получше. Вот здесь довольно неплохо, деревья заслоняют от солнца, и рядом вода. Похороню его и пойду назад. Спасибо тебе за питьё.

Он кашлянул пару раз и вновь склонился, чтобы продолжить копать яму руками. Се Лянь же пробормотал:

— Нет. Тебе не нужно благодарить меня... не нужно благодарить меня, не нужно.

К тому времени подросли Фэн Синь и Му Цин. Увидев, что один роет яму, а другой стоит рядом, остолбенев, юноши озадаченно замерли. Се Лянь был не в настроении рассказывать подробно, лишь повторил пару размытых фраз. Лишь спустя долгое время он вспомнил, что одной только воды не достаточно, ведь путнику ещё нужно вернуться в Юньань. Поэтому принц запустил руку в рукав, поискал и, вынув кое-что ещё, протянул Лан Ину со словами:

— Возьми с собой.

Лан Ин остановился и внимательнее рассмотрел то, что принц держал в руках. Это оказалась тёмно-красная бусина, размером не больше ногтя. Яркая, гладкая и переливающаяся, она потрясала чудесной красотой. Даже если не знать, что это такое, одного взгляда хватало, чтобы понять — вещь наверняка исключительно драгоценная.

Та самая коралловая бусина, единственная сохранившаяся из пары серёжек, которые принц надевал на торжественное шествие в честь жертвоприношения Небесам на Празднике фонарей три года назад. У Му Цина о ней, можно сказать, осталось глубокое впечатление, поэтому при одном взгляде на бусину юноша чуть переменялся в лице. Лан Ин даже не стал возражать, он будто утратил беспокойство о какой-либо вежливости, присущей нормальным людям. Мужчина протянул руку и забрал бусину, говоря:

— Благодарю.

Он заботливо припрятал бусину на поясе, снял со спины свёрток, осторожно положил его в яму и произнёс:

— Отец скоро вернётся навестить тебя.

Договорив, он также голыми руками старательно засыпал яму землёй и накрыл сверху тряпицей. Се Лянь прикрыл лоб и закрыл глаза. Спустя время, когда мужчина широкими шагами удалился, Фэн Синь изумлённо спросил:

— Ваше Высочество, что он туда зарыл? Он сказал «отец»? Он закопал тело?

Му Цина же заботило совсем другое, он произнёс:

— Ваше Высочество, только что я всё проверил и разузнал подробнее. Местность Юньани и ранее не считалась богатой, храмов и монастырей там построено мало. Кроме того, в них, похоже, действует местное правило — те, кто ничего не подносят в дар, не могут войти и совершить поклонение, поэтому в храмы наследного принца приходят лишь члены зажиточных семей, а бедняки, что пострадали от засухи, не имеют такой возможности...

Се Лянь не ответил, лишь мрачно произнёс:

— Вы, отправляйтесь в Юньань. Разузнайте обстановку. А я пойду к советнику и расспрошу подробно, что же, в конце концов, произошло.

Он никогда не выглядел таким угрюмым, поэтому двое помощников не посмели отнестись к приказу небрежно — оба ответили согласием и немедленно отправились в путь. А Се Лянь развернулся и помчался в направлении горы Тайцан.

Судя по всему, не приходилось рассчитывать, что размеры бедствия в Юньани малы, наиболее вероятно обратное. Но ведь, даже если он не слышал голосов, молящих о помощи, не может быть, чтобы в императорском дворце об этом ничего не знали!

Боги на небесах не вмешиваются в дела мира людей

Гора Тайцан, Пик наследного принца.

В этот час паломникам не разрешалось задерживаться на горе, всех попросили выйти через горные врата и покинуть монастырь Хуанцзи. Во дворце Сяньлэ монотонно звучали молитвы — больше тысячи монахов собрались на вечерние чтения сутр. А проводили церемонию четверо наставников, которые расположились у ног той самой золотой статуи пяти чжанов в высоту.

В храме от пола до самого потолка по обеим сторонам выстраивались ряды молитвенных фонарей. Се Лянь спустился с небес, мягко паря, и опустился на постамент, чтобы усесться как раз перед собственным изваянием.

Взмахом руки он призвал из ниоткуда лёгкий ветерок, от которого бесчисленные фонари стали вращаться. Пламя заплясало тусклыми тенями, монахи дружно задрали головы, цокая языком от удивления. По залу поползли шепотки. Советник, который до этого, полуприкрыв веки, расслабленно сидел в своём кресле, теперь вдруг открыл глаза и произнёс:

— Закончим сегодня на этом. Ступайте все к себе.

Монахи поднялись с мест и покинули зал. Другие наставники, хоть и не могли увидеть Се Ляня собственной персоной, всё же догадались, что кто-то явился советнику, и потому все вместе вышли прочь, закрыв за собой двери божественного храма. Как только створки захлопнулись, Се Лянь, уже не в силах медлить, начал говорить:

— Советник, вы знаете о засухе в Юньани? Похоже, отец ничего не предпринимает по этому поводу, неужели при дворе что-то случилось? Или же он просто не знаком с положением дел до конца?

Небожителям запрещалось самовольно являться перед простыми смертными, за исключением лишь одного случая. Разрешалось общаться с советниками, верховными религиозными служителями и другими людьми, достигшими высокого положения на стезе самосовершенствования. Такие люди несли в мир слово небожителей, поэтому Се Лянь мог говорить с советником напрямую. Правило о том, что «в храме наследного принца нельзя преклонять колени», Се Лянь как раз передал людям через советника.

Принц полагал, что какие-то особые обстоятельства поставили государя в безвыходное положение и не позволяли ему оторваться от дел и разобраться с бедствием в Юньани. Либо государю и вовсе не известно о том, что засуха настолько серьёзная, что привела к массовым смертям. К удивлению принца, советник ответил:

— Его Величество глава государства в добром здравии, никаких серьёзных проблем не возникало, и ему прекрасно известно о бедствии, случившемся в Юньани.

Се Лянь на мгновение замер:

— Но почему каждый раз, когда отец приходил в монастырь Хуанцзи, я не слышал, чтобы он молился за Юньань? Почему он даже словом не обмолвился?

Принц долгое время находился не в ладах с отцом, однако прекрасно знал, что государь вовсе не из числа невежественных правителей. И раз уж он взял на себя величайшую ответственность титула Сына Неба, даже при крайне серьёзном разделении на высших и низших не могло дойти до безучастного отношения к бедам простого люда. Советник ответил:

— Его Величество государь здесь ни при чём. Это я рекомендовал ему и государыне во время молитв не поднимать вопрос Юньани.

— Почему?

— Потому что это бесполезно.

Се Лянь оторопело переспросил:

— Что значит — бесполезно? — Помолчав, он повернул голову и добавил: — Вы имеете в виду, что я Бог Войны и не могу контролировать засуху, поэтому упоминать об этом при мне бесполезно? Но неужели вы забыли, что я не просто Бог Войны, а ещё и наследный принц Сяньлэ? Народ моего государства погряз в бедах и страданиях, как я могу спокойно на это смотреть и ничего не предпринимать? — Поразмыслив ещё пару мгновений, он продолжил: — Ныне спасение пострадавшего народа Юньань — это дело первостепенной важности. Попрошу вас от моего имени передать отцу послание. Довольно строить какие-то божественные храмы и дворцы, во всей стране уже и так слишком много храмов наследного принца, мне они не нужны в таком количестве. И ещё эти золотые статуи, пусть переплавят всё, что возможно, чтобы выделить деньги на спасение людей от бедствия. На западе, в Юньани, воды не хватает из-за засухи, так выкопайте речной канал, чтобы отвести воды с востока, оросить посевы, напитать почву...

Пока он говорил, советник всё качал головой и приговаривал:

— Слишком рано. Слишком рано.

— Что вы имеете в виду, говоря «слишком рано»?

— Теперь ты понимаешь, почему я говорил, что тебе не следовало возноситься слишком рано? Потому что народ твоего государства ещё не вымер.

Се Лянь широко округлил глаза и мрачным тоном выкрикнул:

— Советник! Вы... что вы такое говорите? Что значит... что значит — народ моего государства ещё не вымер?!

— Ты уже стал божеством, но никак не можешь забыть о своём статусе в бытность смертным, равно как не можешь отречься от мирской суеты. Ты тянешься к миру людей, как тянутся волокна переломленного корневища лотоса. Но находясь среди людей, ты бессилен. И в конце концов это приведёт лишь к полному хаосу.

Советник стоял под постаментом, а Се Лянь сидел на постаменте и совершенно точно глядел на него сверху вниз, но когда тот говорил, принцу почему-то казалось, что советник находится где-то высоко-высоко над ним.

Се Лянь спросил:

— Как я могу быть бессильным? Главное — что-то сделать, и будет результат. Сколько смогу, столько спасу, пускай даже я спасу только одного, всё лучше, чем пройти мимо в молчании. Если вы не хотите передавать отцу моё слово, тогда я сам пойду к нему.

Се Лянь внезапно вскочил на ноги, но советник схватил его за край одеяния и вскрикнул:

— Вернись! Тебе известно, почему небожителям запрещается по своей воле являться перед смертными? Правило это было установлено сотни, тысячи лет назад, разумеется, не просто так. Не делай глупостей!

Се Лянь резко обернулся.

— И что же мне можно сделать? Это — нельзя, то — нельзя, но советник, сейчас на моей земле гибнут люди! Разве божество не называется божеством потому, что способно спасать людей, попавших в беду? Если я сейчас не могу появиться в миру, когда же это допустимо?! Какой тогда смысл в моём вознесении?!

Советник, не отпуская его, вздохнул:

— Ваше Высочество, ах, Ваше Высочество. Знаешь, что я вижу? Немного успокоившись, Се Лянь снова сел на постамент.

— Прощу, говорите.

Советник бросил на него внимательный взгляд.

— Я вижу твоё будущее. В сплошной черноте.

Се Лянь, сохраняя учтивость, ответил:

— Возможно, вы ошиблись. Я люблю надевать только белое.

— Я боюсь, что ты не спасёшь свой народ. Напротив, твой народ сдёрнет тебя с постамента.

— Мой народ вовсе не такой. Они способны отличить великое добро от великого зла. Если я не могу их спасти, нет никакого смысла в том, что я стою на этом постаменте.

Помолчав, советник со вздохом произнёс:

— Нельзя сказать, что твой отец поступает правильно, но и ошибкой его действия не назовёшь. Ты сказал, нужно выделить деньги на спасение людей от бедствия. Однако твой отец не то чтобы не пытался помочь, но ты видишь сам, к чему это привело. Ты предложил вырыть канал, чтобы отвести воду. Так иди и сам посмотри на ту реку. Посмотри, возможно ли это исполнить.

Се Лянь склонил голову:

— Я вас понял. Благодарю, советник.

Покинув гору Тайцан, принц направился на запад и дошёл до города Юньань государства Сяньлэ.

За двадцать лет Се Лянь ещё ни разу не чувствовал, чтобы солнце палило так нещадно, смертоносно жарко. Сделав первый шаг по этой земле, он ощутил почти невыносимый жар, от которого плавился воздух, искривляя все видимые вокруг предметы. В небе висело палящее солнце, земля растрескалась крупными осколками, картина была внушительной и страшной. У дороги виднелся глубокий ров, похоже, когда-то здесь протекала река, дно которой обнажилось из-за засухи, и теперь от чёрного русла распространялся неприятный затхлый запах. Принц шёл очень долго, но ни одного поля так и не увидел. Возможно, пахотные земли были, но теперь разглядеть их прежний вид не представлялось возможным.

Се Лянь шёл, оглядываясь по сторонам. От сухого горячего ветра волосы ужасно растрепались, однако принц совершенно не желал приводить их в порядок. В этот момент за его спиной вдруг послышался оклик:

— Ваше Высочество!

Се Лянь обернулся и сразу же увидел, что к нему второпях бегут двое в чёрных одеждах — Фэн Синь и Му Цин. Принц спросил напрямик:

— Узнали что-нибудь?

Фэн Синь зашипнул одежду на груди и подёргал, чтобы его обдуло ветерком, затем ответил:

— Узнали. Уже около двух лет Запад страдает от недостатка воды, в этом году вспыхнула засуха. В особенности пострадали земли Юньани: реки высохли, дожди прекратились, сажать посевы невозможно. Богатым семьям повезло больше: имея деньги, можно издалека привезти воды и пищи. Только большинство богачей давно переехали вместе с домочадцами на Восток. Остальные либо слишком бедны, либо не в состоянии бежать.

Се Лянь сосредоточенно сдвинул брови.

— Советник сказал, что мой отец не то чтобы не пытался помочь — он приказал выделить деньги на спасение людей, почему же положение дел по-прежнему настолько плачевное?

Му Цин холодно ответил:

— Выделили десять десятин, но с каждой следующей чиновничьей инстанцией срезалась одна часть. В конце концов ничего не осталось. Разумеется, положение дел всё так же плачевно. На мой взгляд, чем зря кормить этих паразитов, лучше было вовсе не выделять никаких средств.

Задержав дыхание на мгновение, Се Лянь, с трудом подавляя гнев, произнёс:

— Я заставлю всех этих паразитов без остатка выплюнуть то, что они сожрали.

Му Цин же напомнил:

— Ваше Высочество, ты опять забыл, что это не входит в сферу твоего влияния. Небожители не могут вмешиваться и судить поступки простых смертных. Ведь земля промерзает на три чи не за один день зимы. Его Величество государь — тот, кто должен заниматься делами в мире людей. Это его долг, но даже он не может разрешить проблему. Тебе же нужно исполнять бесчисленные молитвы верующих, как ты можешь забросить свои обязанности? Ты и то хочешь успеть, и другое, но в конце концов желание помочь всем обернётся бедой для тебя самого. Кроме того, так ты устранишь лишь последствия, но не основную причину хвори.

Закрываясь рукой от солнца, Фэн Синь произнёс:

— Чтобы устранить причину, всё-таки нужна вода. Может быть, Ваше Высочество попросит советника передать Его Величеству

государю распределить воду с востока на запад?

Се Лянь покачал головой:

— Я только что предлагал этот способ советнику.

— Что сказал советник?

Се Лянь немного поперхнулся и ответил:

— Сказал что-то вроде «ничего не выйдет». Но я только что и сам увидел, что это в самом деле не очень выполнимо. Чтобы отвести воду, нужно сначала выкопать канал. Но для этого нужно набрать рабочую силу из народа, да к тому же займёт неизвестно сколько лет. Это огромные траты людских и материальных ресурсов, которые государство не может себе позволить.

Фэн Синь кивнул:

— И то верно. Водой издалека не погасишь огонь, что пылает вблизи^[125].

Спустя недолгое молчание, Се Лянь произнёс:

— Но если людскими способами решить проблему нельзя, может, стоит попытаться применить силы Небес? Я слышал, за последние годы сменился Повелитель Дождя, вознёсся новый небожитель на эту должность, весьма нелюдимый. Но я могу попробовать пойти к нему на поклон, спросить, нет ли у него способа ниспослать дождь, увести воду с востока на запад.

С самой поры своего вознесения Се Лянь, кроме визитов к Цзюнь У, не являлся на поклон ни к одному небожителю по своей инициативе и не сближался намеренно ни с кем из небесных соратников, просто относился ко всем одинаково любезно в сети духовного общения. Его визит к другому небожителю считался поистине редким событием. Му Цин, впрочем, возразил:

— Не годится.

— Почему?

— Ваше Высочество, только что я досконально всё изучил. На самом деле за эти два года не только в Юньани или на Западе не достаёт воды, а вообще во всём государстве Сяньлэ её не хватает. Но Восток примыкает к морю, там много озёр, через те земли пролегает немало рек. Недостаток воды не так заметен, поэтому пока бедствия не случилось. Но в целом и воды, и дождей стало намного меньше, чем раньше.

Се Лянь округлил глаза. Му Цин же продолжал:

— Если выкопать реку или же при помощи управления дождём переместить воду с востока на запад, тогда, возможно, положение дел в Юньани действительно немного изменится к лучшему, но окончательно исправить его не удастся. Считай, что так ты продлишь их жизнь лишь на один глоток воздуха. А тем временем Восток с большей вероятностью пострадает от засухи.

Сердце Се Ляня напряжённо сжалось, он произнёс:

— Но все процветающие регионы государства Сяньлэ и подавляющее большинство населения сконцентрированы на Востоке, людей там наверняка в три раза больше, чем на западе, особенно в столице. И если там случится засуха...

Фэн Синь тоже немедленно осознал:

— Последствия будут наверняка серьёзнее, чем в Юньани, погибнет ещё больше людей!

Му Цин кивнул и с сосредоточенным выражением на лице продолжил:

— Волнения, которые возникнут из-за этого, также будут намного масштабнее.

Сделав глубокий вдох, Се Лянь произнёс:

— Значит, по этой причине советник сказал, что мой отец не обязательно принял верное решение, но и ошибочным его назвать нельзя? Он просто сделал выбор.

— Поэтому, Ваше Высочество, это хорошо, что никто не приходил в твои храмы молиться за Юньань. Оставь этот выбор Его Величеству государю.

Се Лянь, не ответив, обернулся.

Каждый, кого принц встречал по дороге сюда, был похож на загорелый дочерна обтянутый кожей скелет, мужчины и дети ходили с голым торсом, рёбра у них на груди проступали рядами, отчётливыми до невозможности. На лицах женщин трескалась омертвевшая кожа, глаза безжизненно потухли. Никто уже не хотел двигаться, да и сил на это у них не осталось. Всё источало предсмертное зловоние, от которого хотелось с криком бежать из этих краёв, находящихся на последнем издыхании, и поскорее вернуться в великолепную оживлённую столицу, где песни и пляски, где всё сияет золотом.

Спустя долгое молчание принц произнёс:

— Пока останьтесь здесь и помогите. Принесите столько воды, сколько сможете. Мне нужно подумать.

Фэн Синь отозвался:

— Хорошо. Подумай как следует, а когда придумаешь, скажи нам, что делать, и всё.

Се Лянь похлопал его по плечу и развернулся, чтобы уйти. Только за его спиной прозвучал спокойный голос Му Цина:

— Ваше Высочество, тебе действительно стоит как следует поразмыслить. Мы можем помогать десять, двадцать дней, но никак не год и не два. Можем спасти сотню человек, но никак не несколько сотен тысяч. Ты всё-таки Бог Войны, а не Бог Воды. Но будь ты даже Богом Воды, ты бы не смог создать воду из ничего. Если проблему не решить в корне, продолжать в том же духе — тоже не выход. Это будет бесполезная трата сил, словно попытка стаканом воды потушить разгоревшийся воз дров, вот и всё.

Средь суеты мирской тебя я встречу, среди дождя цветов я отыщу

Его слова заставили Се Ляня на миг остановиться, но принц не обернулся — махнув рукой, он всё-таки пошёл вперёд.

Вернувшись в столицу Сяньлэ, Се Лянь первым делом направился в императорский дворец.

Он и сам не знал, зачем пошёл туда. Ведь вовсе не для того, чтобы повидаться с родными. И не только из-за правила о том, что небожителям запрещается самовольно являться смертным. Более весомая причина — с течением лет он всё сильнее отдалялся от дома, не зная, о чём ему говорить с родителями. В этом, наверное, похожи все сыновья и дочери под небесами. Принц скрыл свою сущность и, обойдя до боли знакомые уголки императорского дворца, не заметил нигде Его Величество государя, и потому направился во дворец Цифэн, где наконец нашёл и отца, и матушку.

Родители о чём-то говорили, отпустив слуг. Государыня сидела на краю кушетки и растерянно поигрывала в руках золотой маской — той самой, что Се Лянь надевал три года назад на шествие в честь жертвоприношения Небесам во время Праздника фонарей. Черты и выражение лица маски, вышедшей из-под умелой руки мастера, в точности повторяли облик самого Се Ляня. Поэтому, надевая маску,

принц не ощущал дискомфорта. Однако, увидев её в чужих руках, Се Лянь почувствовал себя жутковато. Государь, который сидел рядом, произнёс:

— Довольно играть с ней. Положи и скорее подойди размять мне голову.

В присутствии других людей государь и государыня до последней мелочи соблюдали все надлежащие правила, однако Се Ляню с детства виделось яснее ясного: его родители в отсутствие зрителей — обыкновенная супружеская пара, которые частенько ворчат друг на друга. Государыня, как было велено, положила маску, села рядом с мужем и начала разминать ему виски, как вдруг провела рукой по волосам супруга и сказала:

— Седых прядей снова прибавилось.

Се Лянь пригляделся и в самом деле увидел, что виски отца чуть посеребрила седина, неожиданно прибавив мужчине возраста. Принц подумал: «Но ведь отец совсем недавно приходил в монастырь Хуанцзи за благословением. И тогда его волосы всё ещё были чёрными, почему же вдруг поседели?»

Государыня взяла зеркало, чтобы передать его мужу, однако государь ответил:

— Не нужно, не нужно. В следующий раз перед отправкой на гору Тайцан снова покрашу седину в чёрный.

Лишь теперь Се Лянь осознал: «Так его волосы поседели не за эти дни! А задолго до этого. Но каждый раз, отправляясь ко мне, он красил их чёрной краской. А я целыми днями выслушивал молитвы верующих, носился по делам, выбиваясь из сил, и крайне редко приходил навестить их, поэтому ничего не замечал».

Когда к принцу пришло осознание, он испытал невыносимый стыд. К его огромному облегчению, сейчас родители не могли его увидеть. Государыня, разминая супругу голову, принялась ворчать:

— Я каждый день прошу тебя ложиться спать пораньше, а ты меня не слушаешь, и ещё говоришь, что я тебя всё время отчитываю. Видишь, как теперь некрасиво? Если покажешься нашему сыну таким, он и вовсе не захочет с тобой видеться.

Государь недовольно хмыкнул:

— С той поры, как твой царственный сын повзрослел, он стал самостоятельным, и уже тогда не хотел со мной видеться. — Несмотря

на свои слова, мужчина всё-таки украдкой заглянул в лежащее на краю кровати зеркало и пробормотал: — И вовсе не так уж некрасиво! Лицо ведь прежнее.

Се Лянь невольно остолбенел. Он никак не ожидал увидеть отца со стороны, которую тот скрывал от сына — оказывается, за его спиной отец насмешливо «ругал» его. Принц не смог удержаться от улыбки, как и государыня, которая, сдерживая смех, сказала:

— Ну хорошо, хорошо. Ничего некрасивого. А всё же здоровье важнее дел государственных, сегодня пойдешь спать пораньше.

— Я не могу отдыхать. В последнее время многие жители Юньани бегут в столицу. Пришли, так пришли, но зачем же повсюду шуметь? Из-за них народ охвачен тревогой. Задача не из простых.

Так значит, отец поседел как раз из-за случившейся в Юньани засухи. Сердце Се Ляня сжалось от необъяснимого и очень неприятного чувства.

— Я слышала. Жун-эр сказал, что он тоже повстречал одного беженца из Юньани. Говорят, тот хотел украсть деньги из храма. Как страшно...

Государь сосредоточенно произнёс:

— Да, это пугает. Если беженцев наберётся лишь пара десятков или сотен, пусть приходят. Но вдруг явится несколько сотен тысяч, которые начнут вот так носиться по столице? Последствия даже представить невозможно.

Государыня, задумавшись, заметила:

— Возможно, ничего страшного не случится. Если они будут вести себя порядочно и законопослушно, то пусть остаются, раз пришли.

— Разве может правитель государства рисковать, полагаясь на такие слова как «возможно, ничего не случится»? Тем более ни в каком случае нельзя допустить, чтобы они явились сюда. Приютить ещё несколько человек — это не так просто, как положить на стол ещё несколько пар палочек. Процесс весьма сложный. Ты в этом не понимаешь, так что лучше не рассуждай.

— Хорошо, не буду. Всё равно я ничего не смыслю в том, о чём ты говоришь. Если бы наш сын был здесь, он, по крайней мере, мог бы разделить с тобой эти заботы.

— Он? Он-то что может сделать? Не добавлял бы мне хлопот, и на том спасибо. — Как только речь зашла о Се Ляне, государь снова взбодрился для разговора: — Я уж не стану говорить, что твой царственный сын, почти двадцати лет от роду, воспитывался словно принцесса. Даже если он узнает, пользы не будет, только забот прибавится. Пускай себе летает по небесам и занимается своими делами. Лучше ему пребывать в неведении. Теперь он больше не наследный принц, мирские дела его не касаются. Если любит летать, пусть налетается вдоволь.

Пока Се Лянь молча слушал, как отец с большим воодушевлением его попрекает, государыня с улыбкой толкнула супруга:

— Теперь опомнился, раз называешь его принцессой? Разве не ты с самого детства эту принцессу разбаловал? Или отмахнёшься от своей вины и на меня напраслину возведёшь? — она вдруг вздохнула, — Во всём наш сын хорош, только вот о родных забывает. Он так вёл себя ещё во время обучения в монастыре Хуанцзи, мог по несколько месяцев домой не приезжать. А теперь вознёсся, и стало ещё хуже — за три года ни разу с ним не свиделись. И не знаю, когда сможем.

Стоило ей начать жаловаться, как государь, напротив, стал заступаться за Се Ляня:

— Что ты, женщина, можешь понимать? Советник сказал, таковы правила Небесных чертогов. Разве можно его навещать, как простого смертного? Если будешь просить сына вернуться домой, только окажешь ему дурную услугу.

Государыня поспешно добавила:

— Я же просто так это говорю. Я не стану высказывать ему такие требования. — Затем вновь обратилась сама к себе: — Можно ведь и на изваяние поглядеть, почти то же самое, его статуи у нас повсюду.

Се Лянь слушал их уже довольно долго, и в груди его защемила тоска, а в горле будто бы что-то застряло, да так неприятно, что, казалось, принц больше этого не вынесет. Но и показаться сейчас он не мог. Вовсе не из страха нарушить правила Небесных чертогов, а потому, что не знал, что сказать, явившись им. Что касается вопроса о Юньани, пока даже Се Лянь не мог предложить дельного решения. А если внезапно появится, лишь добавит хлопот родителям.

Принц быстро покинул императорский дворец и вышел на улицу. Лишь после нескольких глубоких вдохов он смог успокоить чувства.

Придя немного в себя, принц вновь воодушевился и решил, что действовать всё же лучше, чем думать и вздыхать понапрасну. Сложив пальцы в простом заклинании, он обернулся младшим монахом в белых одеяниях и пробежался по столице, наблюдая и делая записи. Целый день Се Лянь бегал из стороны в сторону, после чего наконец пришёл к окончательному выводу.

Уровень воды во всех озёрах и реках, что находились на территории столицы, в самом деле уменьшился в сравнении с прошлым. Во время обучения в монастыре Хуанцзи принц не раз спускался с гор на прогулку, и когда пересекал на лодке самую крупную реку государства Сяньлэ — реку Лэ, вода в ней лишь немного не доставала до края прибрежной насыпи, теперь же река плескалась на несколько чи ниже. Кроме того, жители столицы говорили, что случилось это вовсе не за последнее время, а уже довольно давно. Прежде Се Лянь не придавал тому особого значения, но теперь, обратив внимание, начал замечать всевозможные признаки, которые приводили его в ужас. Вначале он ещё сохранял надежды на то, что Му Цин ошибся в своём докладе, и потому решил во всём удостовериться лично. Теперь же принц не мог не признать — Му Цин, как и всегда, не дал ему повода разочароваться в себе.

Убедившись в данном обстоятельстве, Се Лянь в растерянности стоял на берегу реки, будто о чём-то задумался. Время от времени мимо него сновали прохожие, кто-то мягко улыбался и кивал, кто-то с любопытством пялился, но в большинстве своём люди просто с радостью занимались своими делами. Неизвестно, сколько он так простоял, пока на небе не собрались тучки, а после вокруг зашумели капли — закапал мелкий дождь.

Прохожие, прикрывая головы, подняли глаза к небу и заголосили:

— Вот ведь не повезло! Дождь пошёл, скорее бежим домой!

— Да уж, терпеть не могу дождь!

Капли застучали по лицу и одежде Се Ляня. Тогда он наконец опомнился и спросил сам себя:

— Пошёл дождь?

Жители столицы при первых каплях дождя старались как можно скорее где-то укрыться, но лишь Небесам известно, сколько людей на другом конце государства Сяньлэ прямо в этот момент молили о скорейшем ливне. Несколько человек, пробегая мимо с зонтами,

увидели, что Се Лянь мокнет в одиночестве, и потянули его за руку, поторапливая:

— Молодой даочжан, что же вы стоите? Бегите скорее! Дождь усиливается!

Се Лянь растерянно побежал вместе с ними, пока они не добрались до длинной крытой веранды. Люди сложили зонтики и весело расхохотались:

— Как хорошо, что сегодня мы увидели, что будет облачно, и прихватили с собой зонтики. Иначе промокли бы до нитки!

— Давно уже не было дождя, наверное, долго собирался, смотри как льёт!

— Ай-яй, ты погляди, и правда — пошёл сильнее! Сейчас превратится в ливень!

Крупные капли падали на землю, разбиваясь брызгами во все стороны. Тёплый и сердечный тон, которым вели свои разговоры прохожие, заставил Се Ляня ещё сильнее ощутить, что это — место, где он родился и вырос, что это — его народ, который был ему прекрасно знаком.

Пока они так разговаривали, дождь начал постепенно стихать, и прохожие заметили:

— Давайте, пока он стих, поскорее пойдём! — Они раскрыли свои зонтики и вышли из-под крыши.

Се Лянь же остался стоять на месте. Люди обернулись на него, о чём-то посоветовались, после чего один из них вернулся и протянул свой старенький зонтик, вежливо обратившись:

— Молодой даочжан, вам предстоит слишком долгий путь, чтобы идти по дождю, верно? Как видно, дождь пока довольно сильный, может, возьмёте этот зонтик в дорогу?

Се Лянь наконец отвлёкся от раздумий и ответил:

— Премного благодарен. А как же вы?

Люди заверили, уговаривая:

— У нас ещё есть зонты, можем потесниться под одним! Пошли, пошли!

Услышав, как его поторапливают спутники, мужчина вручил зонт в руки Се Ляню и убежал. Люди громко зашлёпали по лужам и удалились, а Се Лянь ещё немного постоял, сжимая в руках зонт. Как вдруг он увидел впереди неподалёку неприметную кумирню, сразу же

раскрыл зонт и направился к ней под дождём. Принц подошёл ближе и обнаружил висящие справа и слева от ворот парные надписи дуйлянь, гласящие: «Тело пребывает в страдании» и «Душа пребудет в блаженстве». Это окончательно помогло убедиться, что кумирня — храм наследного принца.

Разумеется, невозможно было представить, что среди восьми тысяч храмов и монастырей, построенных за три года, каждый будет отличаться такой же роскошью и великолепием и так же повергать людей в изумление, как храм на горе Тайцан. Немало имелось и таких, построенных выходцами из простого люда, жаждущих присоединиться к всеобщему обожанию и прибавить принцу число храмов. Здесь не собирали пожертвования, не было здесь и слугителя. Только установили статую из глины да поставили несколько подносов, на которых лежали сладости и фрукты. Желающие иногда заходили, чтобы здесь прибраться, кто угодно мог в одиночестве прийти сюда и получить храм в своё распоряжение.

И здесь, в неприметном уголке, спрятался один из таких вот неприметных храмов наследного принца. Ещё не переступив порог, Се Лянь увидел внутри божественную статую, которую можно было назвать по-детски наивной: пёстрые цветастые одеяния, будто мукой выбеленное лицо, глуповатая широкая улыбка — она почти походила на большую куклу. Если бы не тяжесть на сердце, Се Лянь наверняка рассмеялся бы при виде статуи.

За три года Се Лянь повидал если не пять, то по меньшей мере три тысячи изваяний наследного принца, но ни разу не встречал такого, чтобы в точности походило на него самого. Самые близкие к оригиналу обладали сходством примерно на две трети, остальные — либо чересчур уродливые, либо чересчур прекрасные. Изваяния других божеств в большинстве выходили ужасно некрасивыми, а вот с принцем всё получилось совершенно наоборот, некоторые отличались даже несколько женственной красотой — были настолько прекрасны, что даже самому принцу становилось неловко. Он вовсе не собирался внимательно рассматривать глиняную статую, лишь пробежал по ней глазами, как вдруг... уловил внезапный мазок белоснежного сияния, и потому вновь перевёл взгляд на изваяние.

В левой руке грубо изготовленная глиняная статуя наследного принца держала белоснежный цветок.

Невыразимо нежные лепестки сверкали чистой белизной и блестящими каплями росы. В воздухе витал едва-едва ощутимый тонкий аромат, который придавал этой картине чрезвычайного очарования. Образцовые статуи наследного принца Сяньлэ изображались «с мечом в одной руке, с цветком — в другой», однако цветы в их руках, разумеется, представляли собой изделия исключительно тонкой работы из золота, драгоценных камней или нефрита. Се Лянь впервые видел в руках своей божественной статуи живой цветок, поэтому не удержался от того, чтобы подойти ближе.

Лишь приглядевшись, он заметил, что глиняная статуя первоначально должна была держать именно глиняный цветок. Но, возможно, цветок выпал от недостатка мастерства скульптора, а может, его сломал кто-то из желания сыграть злую шутку, и теперь в левой руке осталось лишь маленькое отверстие. Белый цветок поместился как раз в эту маленькую дырочку. Если кто-то и впрямь специально сорвал его для того, чтобы заполнить пустующую левую руку глиняной статуи, это был жест поистине чуткой заботы.

Стоило принцу подумать об этом, как послышались чьи-то торопливые шаги. Не оборачиваясь, Се Лянь сначала скрыл свою сущность, затем, всё также сжимая в руках зонтик, легко воспарил и запрыгнул на божественный постамент. Лишь после этого принц обернулся и увидел, что сквозь серую завесу дождя в храм влетел совсем молодой мальчишка.

На вид ему было двенадцать-тринадцать, запачканная старая одежда промокла до нитки, как и сам мальчик. Лицо его обматывали грязные бинты, а правой рукой он старательно прикрывал сжатую в кулак левую, будто бы что-то оберегая. Мальчик стремительно вбежал в храм и только здесь осторожно раскрыл руки.

На его ладони тихо расцвёл совсем маленький белоснежный цветок.

Что-то шевельнулось у Се Ляня в памяти, и принц тихонько ахнул.

Это личико, замотанное бинтами, неизбежно заставило его вспомнить ребёнка, которого он встретил три года назад. Но всё же Се Лянь не мог сказать наверняка. Если представлять всё в мрачном свете, неужели тот малыш после побега с горы Тайцан мог прожить ещё три года?

Тем временем мальчик подошёл, приподнялся на цыпочках, взял цветок из руки глиняной статуи и поменял на тот, что держал сам. Се Лянь, сидя на постаменте, мог явственно разглядеть, что этот, новый цветок отличался ещё большей нежностью, был наполнен жизнью и блестел от воды, источал более сильный аромат. Наверняка его только-только сорвали. Неужели... мальчик каждодневно приходил в столь неприметный храм и заменял цветок в левой руке глиняной статуи на свежесорванный?

Более того, мальчишка, пристроив цветок, встал перед глиняной статуей и сложил ладошки вместе, чтобы молча помолиться. При этом он не стал поступать, как остальные невежды — падать на колени, а уж затем разбираться, что к чему. Мальчик в самом деле прислушался к велению Се Ляня.

Три года прошло. Се Ляню приходили помолиться сановники и родовитая знать, выдающиеся личности нынешнего поколения и поразительные таланты. Однако теперь истинно «добросовестным» среди всех его последователей принцу казался лишь этот ребёнок двенадцати-тринадцати лет. К тому же, подобных ему оборванцев не пускали в роскошные великолепные храмы, сияющие золотом. Поэтому мальчику приходилось молиться в такой простенькой кумирне.

Трудно было в полной мере осознать подобные переживания.

Как вдруг снаружи раздалось шлёпанье чьих-то ног по лужам, и возле кумирни пронеслась весёлая стайка детей с зонтиками в руках. Се Лянь вначале решил, что они только пробежали мимо. Но как только ребяташки промчались возле входа, почти сразу же вернулись назад, словно увидели что-то невероятное. Они захлопали в ладоши и воскликнули:

— У-у-у! Уродца снова выгнали!

Те ребята и маленький верующий были примерно одного возраста, но каждый превосходил его по росту — по всей видимости, они-то уж не имели недостатка в родительской заботе. Возможно, приближался какой-то праздник — все дети надели новые одёжки и обувь. Они принялись прыгать по лужам у входа в кумирню и шуметь, живо и наивно улыбаясь, без капли злобы, будто бы слово «уродец» вовсе не казалось им ругательством. Также они не считали, что их речи могут кого-то обидеть — для них выкрикнуть подобное считалось

простой забавой. Мальчик же крепко сжал кулаки, только его ручки, совсем маленькие, не могли никого напугать. А снаружи снова донеслось:

— Уродец сегодня снова будет ночевать в кумирне! Берегись, если вернёшься домой, родная мать забьёт тебя до смерти!

Се Лянь нахмурился. Глаз мальчика, который выглядывал из-под повязок, заполнился кровавыми прожилками. Он вскинул кулак и гневно взревел:

— У меня нет дома!!! У меня нет матери! Она мне не мать! Проваливайте! Все проваливайте! Крикните ещё раз, и я сам забью вас до смерти!!!

Дети же совершенно его не боялись — чувствуя, что сила на их стороне, они показали языки и бросили в ответ:

— И ты посмеешь нас побить? Берегись, а не то ещё и отцу твоему всё расскажем, чтобы он тебя наказал.

Кто-то принялся корчить гримасы, приговаривая:

— Ага, у тебя нет матери, потому что твоя мать тебя бросила! И дома у тебя нет, потому что домашние тебя презирают. Потому тебе приходится в этой глупой кумирне...

Мальчик вдруг громко вскрикнул и бросился на них.

Несмотря на маленький рост, силы в нём было хоть отбавляй, и когда он с рёвом вылетел из кумирни, дети так перепугались, что кинулись бежать. Один из мальчишек, который уже сцепился с ним в драке, закричал:

— Чего вы испугались?! Нас ведь больше!

Поэтому остальные вернулись и все вместе принялись поколачивать и тягать мальчишку из стороны в сторону. Се Лянь больше не мог на это смотреть. Взмах рукой — и какая-то таинственная сила, взявшаяся из воздуха, растащила дерущихся детей. Затем с земли взлетели брызги воды, мощным потоком отбросив в сторону группу ребят, так что те покатались кубарем.

Когда детей ни с того ни с сего вдруг опрокинуло на землю, они наглотались грязной воды из луж, промочили новую одежду и сделались ещё более безобразными, чем объект их насмешек, и громкий ребяческий хохот тут же превратился в надрывный плач. Поднявшись с земли и обливаясь слезами, мальчишки похватили зонтики и бросились бежать, только их и видели.

Се Лянь покачал головой. Он, величественный Бог Войны, который должен повергать нечистую силу и оберегать покой путников в дороге, первый раз ввязался в подобную детскую ссору. И даже прогнав зачинщиков, нисколько не ощутил радости от совершённого поступка. А когда обернулся и посмотрел на мальчика, то и вовсе удивлённо замер.

Во время потасовки бинты с лица мальчика наполовину сползли, обнажив лиловые синяки, которые он явно получил не в этой драке.

Се Лянь даже не успел разглядеть получше, как мальчик, не проронив ни звука, намотал бинты обратно и уселся возле ног глиняной статуи, обняв свои коленки.

Се Лянь заглянул в кумирню прежде всего потому, что она находилась ближе остальных храмов, и собирался вызвать сюда Фэн Синя и Му Цина, чтобы отдать распоряжения и посоветоваться о важных делах. Принц не ожидал встретить здесь ребёнка, но не смог бороться с желанием уделить ему внимание. Принц отправил послание подчинённым, а сам уселся рядом на корточки и пристально взгляделся в мальчика. Спустя совсем немного времени живот парнишки издал бурчание. На блюдах для подношений лежали фрукты и сладости, и хотя с виду они казались подсохшими и не очень-то аппетитными, всё же это было лучше, чем ничего. Се Лянь выбрал один из фруктов и аккуратно сбросил его на мальчика.

Когда фрукт угодил в ребёнка, тот вмиг обхватил руками голову и сжался в комок, приняв защитную позу, будто бы в него только что запустили камнем и скоро прилетит ещё. Спустя довольно долгое время мальчик огляделся по сторонам и, заметив, что это лишь фрукт и рядом никого нет, немного помедлил, поднял фрукт, протёр об одежду и положил обратно на блюдо. Вот оно что. Ребёнок готов был остаться голодным, но ни за что не взял бы подношения с алтаря божества.

Затем мальчик подошёл к выходу из храма и поглядел на ливень снаружи, будто подумывая выйти на поиски съестного. Но видя, как сильно разошёлся дождь, и не желая промокнуть, ребёнок вернулся к ногам глиняной статуи, свернулся калачиком и уснул.

Как раз к тому моменту подоспели Фэн Синь и Му Цин. Они вышли из-за кумирни, и Фэн Синь явно подавленным тоном спросил:

— Ваше Высочество, где ты разыскал такую маленькую кумирню наследного принца? Почему решил именно здесь отдавать приказы?

Опустив голову, Фэн Синь вдруг увидел на полу сжавшегося в комок мальчишку, едва не наступив на него. С языка юноши сорвалось:

— Мать его, а ребёнок здесь откуда?!

Му Цин, также опустив взгляд и присмотревшись чуть внимательнее, тут же спросил:

— Ваше Высочество, это тот самый ребёнок, что сбежал с горы Тайцан три года назад?

Се Лянь покачал головой:

— Нельзя сказать наверняка. Мы ведь не знаем, как его зовут и как он выглядит.

Вот так, окружив совершенно ничего не подозревающего ребёнка, они обменялись парой фраз, а мальчик тем временем принялся ворочаться с боку на бок, затем вытер рукой лицо, и стало видно, что в уголке рта и возле носа у него сочится кровь. Се Лянь, увидев такую картину, сильнее уверился в том, что нельзя позволить мальчишке и дальше лежать здесь, поэтому произнёс:

— Давайте сначала уведём мальчика отсюда. Уже стемнело, а эта кумирня — не лучшее место для ночёвки.

Фэн Синь предположил:

— Может, ему больше некуда пойти? Если это так, боюсь, ребёнку придётся ночевать именно здесь.

— У него есть дом, только, возможно, условия там не слишком хорошие. Но и кумирня не отличается комфортом. Пусть уходит, тогда он сможет раздобыть поесть. К тому же, ребёнок ранен.

Му Цин же возразил:

— Ваше Высочество, прости за прямоту, но у нас сейчас нет времени на такие мелочи. Ты вызвал нас. Значит, принял какое-то решение?

Среди небожителей Верхних Небес никто и никогда не внимал абсолютно всем молитвам своих последователей. Следует сказать, что на свете несметное множество молящихся, и если отвечать каждому, смертельно надоест заниматься подобными хлопотами. Поэтому иногда небожители смотрели на молитвы сквозь пальцы, и если какие-то из них оказывались мелкими или в некоторой степени деликатными, небесные чины предпочитали притвориться, что ничего не слышали, таким образом избавляя себя от множества лишних хлопот. Впрочем, возможно, в силу возраста, для исполненного энергии Се Ляня пока не

настал такой момент, когда приходилось гибко приспособливаться к подобному положению дел. Поразмыслив, он взял в руки зонтик, который ему подарили прохожие, и вышел из кумирни.

Се Лянь не спеша раскрыл зонтик, и жемчужины капель забарабанили по его поверхности. Мальчик на полу кумирни, услышав стук, решил, что кто-то вошёл, и слегка шевельнулся. Однако, возможно, потом он подумал, что ему нет до того никакого дела, поэтому снова лёг на пол. Се Лянь пристроил зонтик у входа, и когда мальчишка услышал, что звук не стихает, должно быть, это показалось ему странным — он поднялся, чтобы посмотреть, и увидел красный зонтик^[126], косо лежащий на земле под дождём, будто одиноко раскрывшийся красный цветок. Мальчик мгновенно остолбенел.

Глядя, как в следующий миг мальчишка бросился к выходу и схватил зонтик, Му Цин произнёс:

— Ваше Высочество, на этом достаточно. Слишком очевидные поступки заставят его что-то заметить, тем самым положение усложнится.

Кто же мог представить, что Се Лянь даже не успеет ничего ответить — мальчишка снова подбежал к статуе и закричал, стоя прямо за их спинами:

— Ваше Высочество наследный принц!

Троица одновременно содрогнулась от испуга и обернулась. Их взглядам предстал мальчишка с покрасневшим глазом, который ужасно волновался и, обнимая зонтик, глядел снизу вверх на глиняную статую. Он выкрикнул:

— Ваше Высочество наследный принц! Это вы?!

Фэн Синь не знал, что Се Лянь ранее уже помог прогнать детей и уронил фрукт на пол, поэтому полубопытался:

— А дитя весьмамышлёное — всё-таки заметил нас.

Му Цин же, кажется, смутно догадался о случившемся ранее, поэтому бросил взгляд на Се Ляня.

Мальчик продолжал:

— Если вы здесь, прошу, ответьте мне на один вопрос!

Когда Се Лянь сидел у себя наверху на божественном постаменте, каждый день до него доносились бесчисленные «Прошу вас явиться мне». Если часто слышать какие-то звуки, постепенно потеряешь к ним всякую чувствительность. Однако каждый раз, когда Се Лянь

замечал именно такой голос, он невольно обращал на говорящего свой взор, замедлял шаг.

Му Цин, который стоял рядом, напомнил:

— Ваше Высочество, не стоит обращать внимания.

Се Лянь ничего не говорил. Мальчишка, обеими руками крепко прижимая к себе зонт, стиснул зубы и воскликнул:

— Я очень страдаю! Каждый день я мечтаю лишь о том, чтобы умереть, ведь так будет лучше. Каждый день я хочу убить всех людей на этом свете, а потом и себя самого! Мне так мучительно жить!

Подобные слова, которые громко выкрикивал мальчишка двенадцати-тринадцати лет, поистине вызывали и смех, и жалость. Вот только в этом хиленьком тельце крылась какая-то взрывная сила, которая подогревала его гнев и вопли, рвущиеся изнутри.

Фэн Синь нахмурился:

— Что это с ним? Убить всех людей на этом свете — разве дети могут говорить подобное?

Му Цин безразлично произнёс:

— Он просто слишком мал. Когда подрастёт немного, узнает, что его сегодняшние переживания ничего не значат. — Помолчав, он посмотрел на Се Ляня и добавил: — На свете слишком много людей, которые страдают. Возьми хотя бы засуху в Юньани, который из жителей Юньани страдает меньше, чем он? Ваше Высочество, не стоит придавать его словам значения. Делай то, что должно.

Се Лянь тихо сказал:

— Может быть.

Страдание одного человека в глазах другого, наверное, всегда кажется ничтожной раздражающей мелочью.

Мальчишка смотрел на принца, задрав голову, его глаз сильно покраснел, однако он не плакал. Одной рукой обнимая зонт, ребёнок вытянул другую и коснулся ею подола глиняной статуи, вопрошая:

— Так ради чего я всё ещё живу на свете? Какой, в конце концов, смысл в моей жизни?

После долгого безмолвия никто так и не ответил ему. Мальчишка, словно давно догадался, что таким и будет результат, медленно опустил голову.

К его неожиданности тишину внезапно нарушил голос, прозвучавший где-то над ним:

— Если не знаешь, ради чего жить, живи хотя бы ради меня.

Фэн Синь и Му Цин рядом с Се Лянем даже не предполагали, что принц на самом деле ответит, да к тому же скажет что-то подобное. Юноши округлили глаза:

— ...Ваше Высочество?!

Мальчик рывком вскинул голову. Только никого не увидел, лишь услышал мягкий протяжный голос, который раздавался от изваяния:

— Я и сам не знаю, как следует ответить на вопрос, что ты задал. Однако, если не можешь найти смысла в жизни, тогда пока что сделай меня смыслом своей жизни.

У Фэн Синя и Му Цина едва не треснули лица, они в четыре руки бросились закрывать Се Ляню рот с громкими криками:

— Хватит говорить, Ваше Высочество! Ты нарушил правила! Нарушил правила!

Перед тем как они его заткнули, Се Лянь всё-таки успел выкрикнуть последнее:

— Спасибо тебе за цветок! Очень красиво! Он мне очень понравился!

Когда дождя не допроситься, позаимствуй шляпу Повелителя Дождя

Мальчишка остолбенел от макушки до пят.

Фэн Синь и Му Цин в тот миг жалели лишь о том, что не могут отрастить ещё по паре рук, чтобы заставить принца замолчать. С огромным трудом они стащили Се Ляня с постамента, однако тот одним движением отбросил их и воскликнул:

— Да понял я! Замолкаю! Я знаю, что нарушил правила. Но ведь вы можете просто притвориться, что не слышали, и всё. Если вы ничего не скажете, никто не узнает. Только в этот раз. Никому не рассказывать, слышали?

Му Цин соорудил такое лицо, будто его заставили съесть носок. Он покачал головой и пробормотал:

— Да кто вообще так поступает... без зазрений совести сказать «живи ради меня», это же просто...

Се Лянь же вначале не заметил в своих словах ничего особенного, но стоило Му Цину сделать замечание, и принц тоже понял, что кое-

что «особенное» всё-таки было, и залился краской. Фэн Синь тут же сделал серьёзную мину и вмешался:

— Ну всё, Ваше Высочество уже пообещал, что больше ничего не скажет, к чему ты об этом напоминаешь? — однако у самого Фэн Синя тоже дёрнулись уголки губ.

Се Лянь, не в силах больше на это смотреть, попытался оправдаться:

— Ну чего вы, чего! Ведь мои слова явно возымели действие. Поглядите.

Мальчишка довольно долго сидел в оцепенении, однако, не услышав больше голоса Се Ляня, с остервенением вытер лицо ладошками, взял со стола блюдо для подношений, обхватил руками и принялся уплетать засохшие сладости и сморщенные фрукты, жуя изо всех сил, так что стал походить на маленького зверька, который со злостью и нетерпением поедает свою пищу. Се Лянь чуть наклонился, глядя на него, затем на лице принца появилась улыбка, и он сказал двоим помощникам:

— Видите, сработало. Только что он отказывался от еды, а теперь ест.

Му Цин ответил:

— Ладно, ладно. Сработало. Ты же божество.

Фэн Синь подхватил:

— Да, да. Сработало. Ты же божество.

Се Лянь с серьёзным видом подтвердил:

— Именно. Я — божество. И я действительно позвал вас потому, что принял решение.

После этих слов атмосфера, которая на мгновение стала расслабленной, вновь сделалась серьёзной. Фэн Синь спросил:

— Что делать?

Му Цин же задал другой вопрос:

— Ты всё равно хочешь вмешаться?

Се Лянь ответил:

— Хочу. Очень просто. Раз в государстве Сяньлэ не хватает воды, мы отправимся в иные земли, за пределами Сяньлэ.

Му Цин неуверенно переспросил:

— Отправимся в иные земли? Не слишком ли далеко? Боюсь, придётся просить воспользоваться артефактом божества,

управляющего водной стихией, и к тому же стеснять небожителей, что заведуют делами других государств. Вряд ли они обрадуются.

Разумеется, об этом Се Лянь тоже задумался.

— Для начала я попытаюсь. Всё лучше, чем бездействовать. Вы пока останетесь в Юньани, поможете спасти от бедствия те районы, где засуха наиболее сильная. А я вернусь в чертоги Верхних Небес. Вопросы?

Фэн Синь ответил:

— Вопросов нет. В остальном положись на меня.

Му Цин, подумав, спросил ещё:

— Но, Ваше Высочество, а как же молитвы твоих последователей в храмах наследного принца?

— Об этом я тоже собирался сказать. Пока отбирайте самые срочные и исполняйте их от моего имени. А те, что менее важны, можно отложить на потом.

Явно восприняв слова принца не слишком оптимистично, Му Цин всё же напомнил:

— Ты же Его Высочество наследный принц, мы послушаем тебя. Но я рекомендую не откладывать молитвы слишком надолго.

Се Лянь похлопал обоих по плечам, Фэн Синь и Му Цин отвесили поклон и удалились. На клочке земли маленькой кумирни остались лишь Се Лянь и мальчик. Принц вышел на улицу, бросил ещё взгляд за спину, но больше задерживаться не стал — безотлагательно отправился прямо в столицу бессмертных.

Первоначально он собирался навеститься на поклон к нескольким небожителям водной стихии, но вот что странно — самых сильных из них как раз не оказалось в своих резиденциях. Осталась только Повелитель Дождя — небожительница, которая проживала за пределами столицы. Се Лянь в спешке шёл по столичной улице, когда ему навстречу показалась женщина в чёрном одеянии с большой стопкой бумаг в руках, младшая служащая литературы. Она с улыбкой поприветствовала:

— Ваше Высочество, наконец-то вы вернулись.

Се Лянь торопливо обратился к ней:

— Наньгун, ты как раз кстати. Тебе известно, где находится резиденция Повелителя Дождя?

Эту небожительницу в чёрных одеяниях звали Наньгун Цзе, она являлась младшей служащей литературы низшего ранга в чертогах Нижних Небес. После вознесения Се Ляня именно она отвечала за сдачу, приёмку и решение множества мелких задач. И поскольку она была хорошо осведомлена и всегда выполняла свою работу должным образом, Се Лянь проникся к ней симпатией.

Наньгун Цзе ответила:

— Её Превосходительство Повелитель Дождя пока не выстроила резиденцию. Она временно проживает в южном государстве Юйши^[127], — объяснив принцу, где искать Повелителя Дождя, она уточнила: — А по какому вопросу вы ищете Её Превосходительство?

— По срочному делу. Премного благодарен. — Се Лянь уже вознамерился уйти, однако вновь развернулся, легко кашлянул и, смущаясь, спросил: — Наньгун... ты ведь знакома со всеми чиновниками Верхних Небес, не могла бы ты подсказать мне, нет ли чего-то такого, что Её Превосходительству... может особенно понравиться?

В столице бессмертных было так заведено, что новенький небожитель, будучи хоть немного сообразительным, непременно проходил по всем дворцам небесных чинов одного с ним ранга и подносил дары. Это считалось проявлением уважения и, можно сказать, являлось негласным правилом. Однако Се Лянь вознёсся слишком внезапно, и когда только оказался на Небесах, никто не направил, не подсказал ему этого. А когда советник впоследствии указал на недочёт, во-первых, наилучший момент уже был упущен, и дарить подарки сейчас посчитали бы неуместным; а во-вторых — подобный поступок неизбежно ассоциировался с людскими продажными чиновниками, желающими совершить что-то в обход закона. Как наследный принц, Се Лянь посчитал подобное неприемлемым, и в итоге всё же решил пустить дело на самотёк. Ведь всегда найдётся способ улучшить отношения с божественными коллегами искренним и честным способом.

Тогда он посчитал подобный жест прекрасным решением, но теперь оказалось, что всё совсем наоборот. Вопрос о вещах, которые нравятся какому-то небожителю, навел на мысль о готовящемся подкупе последнего, что неизбежно заставило принца краснеть от стыда. Однако иного выхода не оставалось. С теми, кто обитал в

столице бессмертных, Се Лянь, по крайней мере, перекидывался парой слов в сети духовного общения, и любые условия и подношения можно было обсудить там. Однако с Повелителем Дождя он не имел ни одной точки пересечения, поэтому, первый раз отправляясь к ней с визитом, принц не хотел бы заставить её подумать, что он решил воспользоваться артефактом задарма.

Наньгун Цзе немедленно всё поняла и ответила:

— К своему стыду, боюсь, ничем не могу помочь Вашему Высочеству в этом вопросе. Её Превосходительство весьма скромна, и, не говоря уже обо мне, должно быть, никому в мире неизвестны личные предпочтения Её Превосходительства. Прошу извинить.

Се Лянь, слегка краснея, ответил:

— Ничего, не стоит беспокоиться, благодарю.

Наньгун Цзе добавила:

— Но если у вас серьёзное дело, вы можете беспрепятственно отправиться прямо к ней с визитом. С характером Её Превосходительства... нельзя утверждать, что она не захочет вас принять.

Се Лянь снова поблагодарил её и, следуя указаниям, отправился строго на юг, пока не добрался до временного места проживания Повелителя Дождя.

Это оказалась небольшая деревня, скрытая среди зелёных гор и лазурных рек, в весьма живописном месте. Однако настроение Се Ляня совершенно не располагало к наслаждению пейзажами. Принц пошёл по меже через рисовые поля и наконец увидел перед собой камень с вырезанным на нём иероглифом «дождь». По логике вещей, за этим камнем начинались владения, где проживала Повелитель Дождя. И люди, трудящиеся здесь, должно быть, являлись её подчинёнными. Однако Се Лянь на всём пути не увидел ни намёка на божественность, кругом во все стороны раскинулись лишь сочно-зелёные поля, на которых слышалось мычание коров, быстро крутились водяные колёса да старательно трудились крестьяне, сажающие рис. Также по краям полей виднелись покосившиеся хижины, покрытые тростником. Се Лянь даже стал подозревать, что зашёл не туда — ведь это же просто глухая и бедная крестьянская деревенька, разве нет?

Принца как раз одолевали сомнения, когда чёрный бык на другом конце поля вдруг издал долгое мычание, затем поднялся на задние копыта, вытянув передние, и сам снял с себя плуг. Его громадное тело начало сужаться, а длинная бычья морда становиться меньше. Всего через несколько мгновений из чёрного, блестящего от пота быка он превратился в голого по пояс крестьянина.

На высоком крепком теле явственно очерчивались мышцы, черты лица были грубыми и прямыми, в носу мужчины красовалось блестящее металлическое кольцо, точно как у того быка, а во рту торчала травинка. Остальные крестьяне, своими глазами увидев подобное поразительное перевоплощение, как ни в чём не бывало продолжили трудиться, будто увиденное было для них делом совершенно обыкновенным. Тогда-то Се Лянь и убедился, что никто

здесь не является простым смертным. Принц подошёл к мужчине и, выставив руки в поклоне, спросил:

— Прошу, скажите, уважаемый друг на тропе самосовершенствования, здесь временно проживает Её Превосходительство Повелитель Дождя?

Крестьянин, который только что обернулся из чёрного быка, указал в сторону края поля:

— Вон. Там и живёт Её Превосходительство.

Се Ляню пришлось несколько раз посмотреть в указанном направлении, чтобы наконец убедиться, что крестьянин показывает на маленькую хижину, крытую тростником. Казалось, в ветреную погоду постройка просто упадёт, а в дождливую — непременно промокнет до основания.

Даже самые простенькие кумирни наследного принца, которые стыдно было даже назвать таковыми, по сравнению с этой хижинкой выглядели намного богаче и достойнее. Се Лянь невольно поразились. Говорили, что Её Превосходительство Повелитель Дождя до вознесения, так же, как и он, являлась наследницей правящего рода государства Юйши. Именно поэтому принц решил не брать с собой в качестве даров никакие редкие самоцветы и сокровища, полагая, что Повелитель Дождя относится к подобным вещам точно как он сам — совершенно не считает их чем-то необыкновенным. Но кто же становится нищим после вознесения? Возможно, таков был её способ самосовершенствования?

Принц, ни на миг не забывая о приличиях, поблагодарил крестьянина, подошёл к хижине и громко объявил:

— Ваше Превосходительство Повелитель Дождя, наследный принц Сяньлэ, Се Лянь, позволил себе дерзость нанести вам визит без должного и своевременного уведомления. Покорнейше прошу меня простить.

Из хижины не донеслось ни звука. Зато к принцу, таща за собой плуг, подошёл уже знакомый крестьянин и спросил:

— О, так ты и есть тот Его Высочество наследный принц, что вознёсся в семнадцать лет?

— К моему стыду, это лишь везение.

— Вовсе нечего здесь стыдиться, ведь это правда. Вот только... Её Превосходительство Повелитель Дождя не любит принимать

посетителей, и к тому же недавно поранилась. Боюсь, она не сможет выйти к тебе.

Се Лянь, услышав его, ощутил лёгкое разочарование, но всё же, решив, что попытка — не пытка, спросил:

— Могу ли я попросить вас передать ей мои слова? У меня к ней есть просьба по срочному делу. Если Её Превосходительство, услышав просьбу, решит, что это ей затруднительно, я ни за что не стану настаивать.

Крестьянин усмехнулся:

— Нет нужды просить меня об этом. Мы все знаем, зачем ты явился. Из государства Сяньлэ ушла вода. Должно быть, тяжело вам приходится?

Се Лянь от его слов удивлённо застыл.

— Вам известно о случившемся в государстве Сяньлэ?

— Конечно, мне известно. И не только в нашем нищем уголке, скрытом в горах, знают об этом. Кому же сейчас не известно о том, что над государством Сяньлэ нависла беда? Ты сам можешь не знать о своих проблемах, но другие целыми днями не сводят с тебя глаз и знают обо всём ещё лучше тебя самого. А может, кто-то даже и радуется в душе, ха-ха. Ты пришёл просить Повелителя Дождя об артефакте, который поможет справиться с засухой, верно?

Мужчина одной фразой раскрыл суть визита Се Ляня, и тут-то принц понял, что остальные небожители Верхних Небес вовсе не случайно оказались не на месте. Они прекрасно знали, зачем Се Лянь придёт к ним, и специально закрылись в своих покоях, либо давно попрятались, не желая влезать в неприятности. Принц со вздохом подумал: «Неужели мне правда стоило в самом начале посетить каждый дворец с приветственным визитом, чтобы в будущем было проще договориться о делах?» От этих мыслей Се Лянь немного упал духом. Он тихо произнёс:

— Всё именно так. Если Её Превосходительству Повелителю Дождя это в тягость, я ни в коем случае не стану проявлять назойливость.

— И почему же не станешь? Боишься потерять лицо? Но ведь дело касается выживания твоего народа, разве ты не должен привязаться и не отставать, пока твоя просьба не будет выполнена? Как потребовалось от тебя чуть ослабить принципы, так ты и пошёл на

попятную? Молодые люди должны уметь взять себя в руки. Скажу честно, хоть и резко — если Её Превосходительство пожелает помочь тебе, то это будет лишь проявлением расположения с её стороны, ведь она имеет полное право тебе отказать. Если ты получишь артефакт, стало быть, она в хорошем настроении. А не получишь, так и не вздумай после упрекать её.

Се Лянь прекрасно понимал, что эти слова не лишены смысла, однако в тот момент он был столь сильно обеспокоен навалившимися проблемами, да к тому же тон собеседника вовсе не располагал к дружелюбию, что принц слегка поддался гневу, вострепнувшись в душе, вскинул голову и с серьёзным видом ответил:

— Мне прекрасно известно то, что вы сказали. И я ни в коем случае не стану обвинять кого бы то ни было за спиной. Но зачем же вы преждевременно составляете обо мне такое мнение? Я сказал, что не буду проявлять назойливость лишь потому, что не желаю понапрасну тратить время, а также причинять Её Превосходительству неудобства. Но раз это вовсе не принесёт Повелителю Дождя лишних хлопот, если, стоит мне только проявить назойливость, она согласится передать мне артефакт, пускай мне даже будет велено отдать все восемь тысяч моих храмов и монастырей, а затем упасть на колени и отбить тебе сотню поклонов, разве за этим станет дело?

Крестьянин расхохотался в ответ:

— Рассердился? Нрав как у малого дитя. Держи!

На бросок Се Лянь вскинул руку и поймал зелёную бамбуковую шляпу, именно ту, которая ранее висела у крестьянина на спине. Принц спросил:

— Это...?

— То, что ты хотел. Её Превосходительство Повелитель Дождя ещё до твоего прихода велела мне передать тебе её. Поосторожнее в использовании. Если поломаешь, уж мы тебе этого не спустим.

Се Лянь округлил глаза:

— Почему?

— Я разве не сказал, почему? Если получишь то, что хотел, стало быть, она в хорошем настроении. Другие небожители не желают помочь тебе, а вот Повелитель Дождя всем наперекор — поможет. Её Превосходительство делает то, что вздумается.

Се Лянь затараторил:

— Благодарю! Благодарю!

Крестьянин же ответил:

— Не радовался бы слишком рано, Ваше Высочество. Хоть Повелитель Дождя и вознеслась намного раньше тебя, всё же последователей у неё не так много, как твоих, и в магической силе ей до тебя далеко. К тому же, она поранилась. И кроме этой вещицы, больше ничем тебе не поможет, придётся рассчитывать только на себя. Водой издалека не утолить сиюминутную жажду. Шляпа Повелителя Дождя может лишь перемещать дожди, но создать воду из ничего с её помощью не выйдет. В государстве Сяньлэ воды недостаёт, значит, остаётся брать её у других государств. Но вполне вероятно, что другим государствам это придётся не по нраву. Только в государстве Юйши долгие годы дождей хватает, у нас их даже в избытке. Но каждый раз, доставляя воду из таких дальних далей, придётся потратить немало магических сил. И сколько бы их у тебя ни было, в конце концов наступит момент, когда они иссякнут.

Се Лянь и сам прекрасно понимал, насколько непростое это решение — доверить собственный артефакт тому, кто совершенно не имеет отношения к твоей сфере деятельности. Принц отвесил глубочайший поклон в сторону лачуги и произнёс:

— Я уже исполнен бесконечной благодарности за то, что Её Превосходительство согласилась протянуть мне руку помощи. Но за великую милость не следует платить словами, поэтому, и если в будущем я смогу в чём-то помочь вам, прошу, Ваше Превосходительство, обращайтесь ко мне без стеснения. Разрешите же откланяться!

Он взял доверенный ему артефакт и немедля нашёл на Юге регион с множеством озёр и рек, затем при помощи шляпы Повелителя Дождя зачерпнул оттуда побольше озёрной воды, пересёк тысячи ли, вернулся в Юньань, отыскал там деревню, которая пострадала от засухи сильнее всех — близ излучины Ланьэр, и, сидя на облаке, перевернул бамбуковую шляпу.

В тот же миг с неба с шумом брызнул небольшой дождь. Се Лянь спрыгнул с края облака, коснулся ногами земли и смотрел, как полуживые селяне не могут поверить своим глазам — кто-то тут же выбежал из дома, крича и прыгая от радости под дождём, кто-то

второпях начал выносить большие и маленькие тазы для омовения лица и ног, чтобы набрать дождевой воды.

Лишь наблюдая эту картину, Се Лянь наконец вздохнул с облегчением, на его лице мелькнула улыбка. Как вдруг он услышал вдали оклик:

— Ваше Высочество наследный принц!

Обернувшись, он увидел Му Цина, который с помрачневшим лицом вышел из-за ближайшего дерева. Увидев его безрадостный вид, Се Лянь понял — дело неладное. Принц спросил:

— Что такое? Что-то случилось?

Закрывая городские ворота, отрезать жителям Юньани нить надежды

Му Цин поинтересовался:

— Ваше Высочество, почему вы ушли так надолго?

Се Лянь удивлённо переспросил:

— Разве меня долго не было?

Путь туда, путь сюда, на Небеса, потом на землю, набрать воды, забраться на облако, сотворить дождь... принц не следил за сменой дня и ночи, и даже потратив немало времени, совершенно ничего не заметил. Му Цин воскликнул:

— Уже много дней! Молитв в храмах наследного принца накопилось столько, что они высятся горой.

В этот момент Се Лянь ощутил, что дождь стал слабее. Вытянув ладонь, принц произнёс:

— Я разве не повелел, чтобы вы пока помогли мне разобраться с самыми срочными делами?

— Разумеется, мы разбирались с теми, где могли оказать помощь, но... но для выполнения многих других пожеланий у нас недостаточно полномочий, мы не можем исполнять их за тебя. Поэтому я и сказал, что лучше тебе не откладывать молитвы надолго. Возвращайся скорее.

Когда он договорил, дождь остановился. И то время, что он шёл, оказалось намного короче, чем Се Лянь себе представлял, поэтому сердце принца невольно потяжелело. Тучи в небесах немного рассеялись, зелёная бамбуковая шляпа мягко спланировала вниз. Се Лянь поймал артефакт обеими руками и произнёс:

— Но ты же видишь, что происходит. Я не могу сейчас освободиться.

Му Цин хмуро спросил:

— Ваше Высочество, вы позаимствовали артефакт Повелителя Дождя? И откуда принесли воду?

— Из южного государства Юйши.

— Так далеко? Сколько же магических сил вам потребовалось на один заход? К тому же, дождя выпало совсем мало, и длился он недолго, большие территории им не накрыть. Если так пойдёт и дальше, как вы будете исполнять просьбы своих последователей в храмах наследного принца?

Се Лянь, впрочем, не нуждался в напоминаниях — он и сам прекрасно всё понимал. Последователи в храмах наследного принца для него, как для Бога Войны, являлись основой, на которой стоят его храмы, источником его магических сил. По существу, своими действиями он тратил основной капитал на иные нужды, и малейшая неосторожность сулила крах по обоим фронтам. Но разве у него был другой выход, кроме этого?

Се Лянь ответил:

— Я знаю. Но если оставить всё как есть, если в Юньани вспыхнет восстание, храмы наследного принца рано или поздно также от него пострадают.

Му Цин же возразил:

— Оно уже и так готово вспыхнуть!

— Что? — потрясённо воскликнул Се Лянь.

Выслушав доклад Му Цина, принц немедленно вернулся в столицу Сяньлэ. Когда они оказались на улице Шэнью, то как раз наткнулись на отряд воинов императорского гарнизона, облачённых в полный доспех, с оружием в руках, которые гнали прочь толпу в лохмотьях и мужчин, закованных в кандалы и шейные колодки. По обеим сторонам улицы скопились простолюдины, на лицах возмущённой толпы пылал гнев. Фэн Синь, сжимая в руках чёрный лук, стоял наизготовку, в любой момент готовый предотвратить беспорядки.

Се Лянь крикнул ему:

— Фэн Синь! Кого это заковали в кандалы? В чём их обвиняют? И куда их ведут?

Фэн Синь, услышав его голос, широким шагом приблизился и ответил:

— Ваше Высочество! Это — люди из Юньани.

Мужчины, несколько десятков человек, были все одинаково высокими и худыми, со смуглым цветом кожи. За воинами, которые вели пленников, следовали несколько стариков, а также перепуганные женщины и дети.

Се Лянь спросил:

— И эти, что за ними, — тоже?

Му Цин ответил:

— Это всё они.

Выяснилось, что за месяцы засухи в Юньани его жители понемногу перебирались на Восток, спасаясь от бедствия. И пока они приходили группами по несколько десятков, процесс был не столь заметен, но раз за разом — и их накопилось уже более пяти сотен. И теперь, когда эти пять сотен собрались вместе, людская толпа стала намного более внушительной.

Люди из Юньани не были знакомы с местностью, не имели в столице ни кола, ни двора, а стоило им заговорить, нездешний говор выдавал чужаков с головой. Оказавшись в незнакомом, но процветающем городе, они, конечно же, сбились в кучу, чтобы обогреть друг друга. Несчастные стали рыскать по столице в поисках угла, и в итоге обнаружили зелёную местность, где никто не проживал. Вне себя от радости, беженцы разбили здесь лагерь из бараков и временно поселились в них. На беду, эта зелёная местность, где действительно никто не проживал, оказалась излюбленным местом жителей императорской столицы. Люди Сяньлэ часто предавались наслаждению и созерцанию, а особенно в этом преуспели именно жители столицы. Многие простолюдины в праздный час приходили сюда прогуляться, потанцевать, потренироваться в фехтовании, а также декламировать стихи, рисовать, да и просто собираться вместе. Что же касается Юньани, город располагался на западе Сяньлэ, среди неплодородных земель, и никогда не отличался богатством, даже наоборот. Характер и обычаи простого люда разительно отличались от жителей Востока, и в сравнении с ними обитатели столицы всегда намного сильнее ощущали себя истинным «народом Сяньлэ». А теперь некогда изящный и возвышенный пейзаж был осквернён присутствием

шайки беженцев, которые целыми днями варили снадобья, плакали по умершим, стирали одежду, разводили огонь и заполняли округу тошнотворным запахом пота и объедков. От тех, кто проживал поблизости и не мог стерпеть подобного, сыпались жалобы.

Несколько старших членов общины Юньань, которые считались главными среди них, прекрасно понимали людское негодование, и потому тоже хотели найти другое место для поселения. Но в столице и без того народу тьма, куда ни ткнись — повсюду живут в тесноте, не найти другого угла, который мог бы вместить такое количество людей. Тем более, среди пяти сотен беженцев имелись раненые и больные, немощные старики, женщины и дети, которым частые перемещения не шли на пользу. Поэтому приходилось, постоянно извиняясь и откладывая в сторону чувство стыда, оставаться на месте. Жители столицы, хоть и выражали недовольство, но всё же принимали их как народ своего государства и временно готовы были терпеть неудобства, раз уж другие попали в беду.

На этом моменте рассказа до принца донёсся крик воинов, которые привели группу мужчин из Юньани к рыночным воротам:

— На колени!

Пленники выразили явное нежелание повиноваться, но когда к горлу приставили сабли, им пришлось опуститься на колени, даже не желая того. Глядя, как они беспорядочно падают на землю, собравшиеся поглазеть жители столицы тут же стали вздыхать, а кое-кто даже браниться.

Се Лянь спросил:

— По вашим словам выходит, что обе стороны проявили терпимость друг к другу, но что же случилось с ними сегодня?

Фэн Синь и Му Цин не успели ответить, когда из толпы раздались горестные рыдания женщины:

— Ах вы, бесчеловечное ворьё! Тащат всё, что под руку попадётся! А ещё избili моего мужа до такого состояния, что он даже встать не может! Если с ним что-то случится, я потребую от вас заплатить жизнью!

Сразу несколько человек принялись её утешать, и тут же кто-то ещё с укором бросил:

— Покинули родные края, явились в чужие земли и не понимают, что нужно знать своё место и не позволять себе лишнего!

— Да уж! Пришли в чужой дом, а ведут себя бесцеремонно, вещи крадут!

Один из молодых людей в кандалах не смог сдержаться и принялся оправдываться:

— Мы же сказали, что это вовсе не мы украли! И в драку первыми не мы полезли! К тому же, среди нас тоже есть раненые...

Какой-то старик из своих тут же оборвал его:

— Перестань!

И тот мужчина сердито замолчал.

Фэн Синь сказал:

— В столице у кого-то пропала собака. А из-за того, что ранее голодные дети из Юньани украли и сварили чью-то утку, все начали подозревать, что и собаку тоже украли люди Юньани, чтобы пустить на мясо и съесть. Народ бросился в их пристанище и, ни слова не объяснив, полез в драку.

Се Ляню это показалось абсурдным:

— Из-за какой-то собаки произошёл такой скандал и схватили столько людей?

— Да, именно из-за какой-то собаки и случился такой скандал. Обе стороны терпели слишком долго, мелкого пустяка хватило, чтобы вырасти в большую проблему. Каждая сторона клянётся, что первыми драку затеяли оппоненты, что это они виноваты. Началась беспорядочная потасовка, которая по неясным причинам всё разрасталась.

Глава отряда воинов объявил:

— Массовые беспорядки влекут строгое наказание! На вас надели кандалы и выставили всем на обозрение, чтобы преступление не повторялось вновь! — с такими словами воины расступились, а в следующий миг в мужчин из Юньани полетели гнилые листья овощей и тухлые куриные яйца. Пожилые члены группы тут же начали отвешивать поясные поклоны со словами:

— Простите! Люди добрые, простите!

— Просим к себе милости, просим милости!

Се Ляню проблема казалась ужасно преувеличенной и до крайности абсурдной, но всё же кое-что он мог понять в общих чертах.

— И что же в итоге, это они украли собаку? Животное нашлось?

Фэн Синь покачал головой:

— Да кто его знает. Съели, а кости обглодали и выбросили, кто же их отыщет? Однако, судя по их реакции, не похоже, что это они украли.

Однако воины императорской стражи, разумеется, вынесли решение в пользу жителей столицы. Не имеет значения, кто украл. Раз уж случилась драка — следовательно, наверняка неправы люди Юньани. К тому же, мужчины из столичных больше любят развлекаться и гулять, они вовсе не так хороши в драке, как мужчины из Юньани. По всей видимости, им хорошо досталось от чужаков, честь была поругана, а вместе с тем и обида завязалась немалая. Се Лянь покачал головой. Пробежав глазами по ряду пленников, он неожиданно для себя заметил, что молодой мужчина в середине, что стоит с опущенной головой, кажется ему знакомым. Это был Лан Ин, который тогда в лесу похоронил своего сына.

Се Лянь так и застыл. Тем временем неподалёку слышались жалобные возгласы:

— И почему мне кажется, что за последние месяцы людей из Юньани в столице становится всё больше? А сегодня они ещё и драку затеяли.

— Они что, решили всем скопом сюда перебраться?

Мужчина, по виду торговец, замахал руками:

— Такого Его Величество государь не допустит! Мой дом несколько дней назад ограбили люди из Юньани. Если они все сюда заявятся, так ведь житья не будет!

Услышав эти слова, Лан Ин, который всё время стоял, потупившись, и спокойно терпел, как в лицо летят гнилые овощи, поднял голову и спросил:

— Ты это видел?

Торговец, очевидно, не ожидая, что этот человек вдруг посмеет с ним заговорить, невольно переспросил:

— Что?

— То, что люди из Юньани украли твои вещи. Ты видел это своими глазами?

Торговец, замявшись, ответил:

— Своими глазами я не видел, но раньше всё было прекрасно, а с тех пор как вы сюда явились, внезапно начались кражи. Неужто это никак не связано с вашим появлением?

— Вот оно как, значит, — кивнул Лан Ин. — Я понял. До того, как мы пришли, все кражи, что здесь происходили, совершали ваши люди. А с тех пор как мы здесь обитаем, всё украденное повесили на нас...

Не успел он закончить фразу, и в него полетел гнилой помидор, который попал прямо в рот, будто бы расквасив губу большим кровавым цветком. Торговец покатился со смеху, а взгляд Лан Ина тут же потух, он замолчал и не произнёс больше ни слова.

Се Лянь занялся тем, что отбивал летящие в пленников острые камни, чтобы молодым людям из Юньани хотя бы не разбили головы. Народное поругание продолжалось до вечера, потом толпа постепенно поредела, воины решили, что на этом достаточно, и наконец с надменным видом подошли, чтобы снять кандалы. Да предупредили, чтобы жители Юньани впредь не зачинали ссор, иначе им это с рук не сойдёт, и так далее, и тому подобное. Пожилые мужчины тут же согнулись в поклоне и с улыбкой закивали, обещая, что такого больше не повторится. Лан Ин же с бесстрастным лицом просто направился прочь. Се Лянь, видя, что тот ушёл один, выбрал момент, вышел из-за дерева и преградил мужчине дорогу.

В тот миг, когда принц показался перед ним, взгляд Лан Ина на мгновение сделался суровым, будто мужчина готов был схватить Се Ляня за горло. Спустя мгновение он всё же разглядел, кто перед ним, опустил руки, которые едва не пустил в ход, и произнёс:

— Это ты.

Се Лянь принял образ того самого молодого монаха. Его немного удивило то мимолётное движение Лан Ина, принц подумал: «Этот человек поразительно ловок». Вслух же произнёс:

— Я дал тебе драгоценную бусину. Почему ты не вернулся с ней в Юньань?

Лан Ин посмотрел на него.

— Мой сын здесь. И я тоже буду здесь. — Помолчав, он достал из кармана на поясе коралловую бусину со словами: — Хочешь её забрать? Держи.

На руке, которой он протягивал бусину, до сих пор виднелись следы от оков. Се Лянь некоторое время помолчал, но не принял бусину обратно, говоря:

— Возвращайся домой. Над излучиной Ланьэр сегодня выпал дождь. — Затем указал на небо: — А завтра! Выпадет ещё. Я обещаю,

непрерывно выпадет.

Лан Ин покачал головой в ответ:

— Не важно, пойдёт дождь или нет, я уже не вернусь.

Глядя ему вслед, Се Лянь несколько мгновений стоял поражённый, ощущая лишь безграничную досаду.

Пока он не вознёсся, кажется, ни разу не испытывал досады. Если принц что-то хотел сделать, ему это непременно удавалось. К удивлению Се Ляня, после вознесения его в момент окружили бесконечные неприятности, как свои собственные, так и чужие. Теперь совершить какое-то дело было ужасно трудно: хвост вытащишь — нос увязнет. Казалось даже, что ему это просто не под силу. Се Лянь вздохнул, развернулся и тоже пошёл восвояси — вернулся в храм наследного принца, чтобы разобраться с молитвами верующих, которые уже много дней ожидали исполнения.

Впрочем, в данных обстоятельствах Се Ляня нельзя было назвать тем, кто обеспокоен сильнее всех. А вот государя — можно.

Опасения государя Сяньлэ обернулись явью, и пять сотен беженцев из Юньани стали только началом.

Се Лянь, прихватив шляпу Повелителя Дождя, постоянно бегал между Севером и Югом, только лишь своими силами посылая на землю дождь. Один такой цикл требовал от него огромных затрат магических сил, а времени уходило по крайней мере пять-шесть дней. Если бы на его месте оказался кто-то другой, он бы наверняка не выдержал подобной беготни. Разумеется, кроме Цзюнь У. Но Император Шэньу управлял землями намного более обширными, ему требовалось тратить намного больше сил на молитвы верующих и поддержание порядка на территориях, площадью превосходящих одно лишь государство Сяньлэ. Да и мог ли принц позволить себе отправиться к Цзюнь У и отвлекать его такими просьбами? Сам же принц мог оросить дождём лишь небольшую часть территории Юньани, да и эффект держался крайне мало. Это могло ненадолго спасти положение, но проблему в целом не решало. Поэтому спустя ещё месяц жители Юньани начали в открытую собираться в группы и переселяться на Восток. Сначала это были кочевые караваны по несколько десятков человек, а теперь их число возросло до нескольких сотен и даже тысяч. Люди стекались рекой, огромными толпами, одна за другой.

А ещё через месяц глава государства Сяньлэ издал указ: в связи с непрекращающимися конфликтами, которые вспыхивают на протяжении нескольких месяцев, а также частых драк, дабы сохранить покой жителей столицы, с этого дня скитающиеся по столице государства Сяньлэ люди из Юньани обязаны покинуть город. Каждому будут выделены деньги, чтобы беженцы могли отправиться в другие города и поселения и обосноваться там.

Перед людьми из Юньани, мощным потоком текущими на Восток, закрылись ворота столицы Сяньлэ^[128].

— Откройте ворота!

— Впустите нас!

Воины отступили в город и захлопнули тяжеловесные створки. Люди, которых они только что вышвырнули прочь, нахлынули обратно подобно чёрной волне и принялись колотить в ворота. Командующие чины, что стояли на городской стене, разразились криками:

— Уходите! Уходите! Те, кто получил путевые, может отправляться в путь, дальше на восток, не нужно здесь задерживаться!

Всё-таки жители Юньани, покинув родные земли и спасаясь от бедствия, пришли в ближайший город — столицу. Теперь столичные ворота для них захлопнулись, и если они хотят выжить, придётся обогнуть столицу и отправиться в другие города, что расположены ещё восточнее.

Но добираясь сюда, они уже пережили бесчисленные трудности и опасности, погибшим и раненым потерялся счёт. Где взять сил, чтобы идти дальше? Даже если каждому выдадут немного денег, воды и пропитания, сколько дней они продержатся в дороге?

Чумазные с головы до ног люди тащили кто кухонную утварь, кто детей на спине, кто носилки. Тех, кто мог идти, поддерживали под руки. Кто не мог идти — лежал, не в силах сделать и шага. Люди группами расселись на земле под городскими стенами. Молодые мужчины, у которых ещё остались силы на гнев, колотили по городским воротам с криками:

— Вы не можете так поступить с нами! Вы же отправляете нас на смерть!

— Мы ведь все — люди Сяньлэ, разве можно так издеваться над нами?!

Кто-то даже охрип от криков:

— Можете выгнать нас, пускай! Мы не войдём в город, но пусть останутся наши жёны и дети, позвольте им?!

Но все их попытки были тщетны — всё равно что муравей хотел сотрясти дерево. Городские ворота не сдвинулись ни на самую малость.

Се Лянь стоял на городской стене, его белые одеяния трепетали на ветру, а взгляд устремлялся сквозь зубчатую стену вниз. За городскими стенами только и было видно, что живое море людских голов, темнеющих плотным покровом, похожим на муравейник, который принцу приходилось видеть во время игр в императорском саду.

Тогда, в детские годы, Се Лянь из любопытства хотел посмотреть подольше и даже протянул палец, чтобы незаметно ткнуть в муравейник. Но тут же кто-то из дворцовых служанок воскликнул:

— Ваше Высочество, они ведь ужасно грязные, не вздумайте трогать, не вздумайте! — затем женщина, подхватив юбку, торопливо подбежала и растоптала всех муравьёв.

Живые муравьи занято копошились, а больше в них не было ничего интересного. Когда же насекомых раздавили в грязь, так что теперь они и на существ не походили, ничего интересного не стало и давно.

А тем временем в столице над каждым домом загорались яркие фонари, по воздуху плыли песни и музыка. Два совершенно разных мира разделила городская стена.

И если бы только государь ограничился запретом впускать людей из Юньани — но ведь прогнали даже тех, кто уже поселился в столице. Мера была суровой, однако Се Лянь примерно понимал причину подобного решения: за последние месяцы между простыми жителями столицы и беженцами из Юньани вспыхивало всё больше конфликтов. Стоило столичным властям оставить в городе такую толпу взрослых мужчин, велика вероятность, что те объединятся с оставшимися снаружи и учинят неизвестно какие беспорядки.

Однако существовал один момент, с которым Се Лянь бы поспорил. Предавшись размышлениям, он произнёс вслух:

— Почему они выставили за ворота также и женщин, и детей? Среди них есть и те, кто уже не может пересекать большие расстояния.

Фэн Синь и Му Цин почтительно стояли за спиной принца. Му Цин ответил:

— Если прогонять, то нужно прогонять всех разом. Не бойся малочисленности, а бойся неравенства^[129]. К ним нельзя относиться по-разному, это лишь сильнее разъярит людей. Почему это кто-то может остаться, а я не могу?

Фэн Синь заметил:

— Не слишком ли много ты надумал?

Му Цин бесстрастно бросил:

— Кто-нибудь непременно так решит. Кроме того, если жёны и дети останутся здесь, мужчины ведь тоже не станут уходить далеко. И ещё вернутся, рано или поздно. Оставлять в городе людей — значит, оставить грядущие беды.

Люди из Юньани не желали уходить, не могли уйти со стен и воины. Каждый упрямылся:

— Хмф! Так и будем тянуть время, стоя на своём!

Но ведь Его Величество государь уже издал указ, неужели они думали, что вот так сесть здесь и сидеть — это выход из положения? Они могут протянуть несколько дней, но разве смогут высидеть несколько месяцев, несколько лет?

Это понимали и воины, и простолюдины. Некоторые беженцы в отчаянии смирились с указом и решили попытать счастья — продолжить двигаться на Восток, но таких оказалось немного. Большинство всё же упорно остались сидеть у городских ворот, в надежде, что ворота откроются, и их впустят в город. По крайней мере, чтобы немного передохнули и привели себя в порядок, а затем отправлялись в путь. Приходили и новые люди из Юньани — они разочарованно глядели на плотно закрытые ворота, но потом видели, что огромные толпы сидят под стенами, поэтому тоже присоединялись к большинству в ожидании и надежде.

Так, спустя три-четыре дня у городских стен собралось ещё больше народу — несколько десятков тысяч человек просто-напросто расположились здесь лагерем, зрелище потрясло масштабностью.

Они с трудом держались на воде и пайке, который распорядился выдать им государь, однако и эти припасы должны были вскоре подойти к концу.

Что и случилось на пятый день.

За прошедшее время каждый день Се Ляня разделялся на три части. Первую треть он тратил на молитвы последователей в храмах наследного принца, вторую — на перемещение воды и ниспослание дождя, а третью — на заботу о простых людях Юньани, что расположились за городскими стенами. Но даже с поддержкой Фэн Синя и Му Цина временами это казалось принцу тяжёлой ношей, которая ему не под силу. И сегодня, в тот час, когда Се Ляня не было за городскими воротами, под палящим солнцем перед воротами вдруг раздался жуткий крик.

Кричала женщина с ребёнком на руках. Её тут же окружила толпа, посыпались вопросы: «Что с ребёнком?», «Он голоден или хочет пить?», вскоре кто-то взволнованно крикнул:

— Принесите кто-нибудь воды ребёнку, мне совсем не нравится, как он выглядит!

Женщина в слезах попыталась дать ребёнку попить, личико малыша покраснело от напряжения, но он всё выплюнул обратно. Его отец сказал:

— Не знаю, что случилось. Он заболел. Лекарь. Нужен лекарь! — Он взял ребёнка, бросился к городским воротам и забарабанил по створкам с криками: — Откройте! Откройте, спасите! Человек умирает! Мой сын умирает!

Конечно же, воины за воротами не решились открыть. Не важно — на самом ли деле кто-то умирает, ведь снаружи несколько десятков тысяч человек! Стоит только открыть, и обратно уже не закроешь. Они посмели только доложить о случившемся вышестоящему командованию. Стояла жара, и командиры, которые уже много дней провели на стенах, находились в нетерпении и беспокойстве, поэтому небрежно отдали приказ:

— Дайте ему воды и еды.

За стену на верёвке спустили немного пропитания и питья. Мужчина в ответ прокричал:

— Спасибо вам, спасибо, братцы солдаты. Но нам нужна вовсе не вода и пища. Не могли бы вы позвать нам лекаря?

А вот это уже оказалось трудно задачей. Нельзя впускать их в город на поиски лекаря, но и спустить лекаря вниз также было невозможно. Только Небесам известно, что натворит толпа людей, голодающих уже несколько дней. Поэтому командиры повелели:

— Ладно, не обращайтесь на него внимания. Просто игнорируйте просьбы. Никто не умрёт. Если спросит, скажите, что обо всём доложили, и просьба направлена Его Величеству государю.

Государь уже многие дни пребывал в чрезвычайном беспокойстве из-за беженцев из Юнъани, то и дело выходил из себя. Разумеется, никто бы не решился на самом деле беспокоить его по таким пустякам. Воины отвечали, как велено, и мужчина немного успокоился, всё время повторял «спасибо», благодарил государя, падал на колени и бил земные поклоны. Однако прошло два часа, потом ещё два, тени на земле переместились с одной стороны на другую, а лекарь всё не появлялся. Ребёнку на руках мужчины становилось хуже, он весь горел от жара.

У супругов, обнимающих сына, непрерывно дрожали руки. Мужчина обливался холодным потом и бормотал:

— Придёт ли кто-нибудь? Откроют ли нам ворота?

Наконец он не выдержал и громко закричал, обращаясь к башням на городских стенах:

— Генералы, простите, я бы хотел спросить... где же лекарь?

Воины отвечали ему:

— Уже отправили просьбу к Его Величеству государю, подождите ещё.

Кто-то из людей внизу, теряя терпение, спросил:

— Четыре часа назад нам говорили то же самое, почему же до сих пор никого нет?

Рядовые солдаты, следуя приказу сверху, ответили однажды и перестали обращать на них внимание. Люди под стенами возмущались и гневались, при этом ничего не могли поделать, но в то же время и переживали за ребёнка. Окружив дитя, они стали высказывать сомнения:

— Они правда доложили Его Величеству государю? А может, обманули нас?

Отец ребёнка больше не мог ждать. Набравшись смелости, он привязал малыша на спину и что-то сказал жене. Женщина сняла с шеи

талисман и надела на мужа. Мужчина бросился к городским стенам и попытался забраться по ним наверх.

Внешняя сторона стены была отделана так, чтобы трудно было за что-то зацепиться. Он попытался, но подняться не вышло, тогда другие мужчины наперебой закричали: «Я помогу тебе!» и подошли, чтобы посадить его. Несколько десятков человек выстроились пирамидой, которая подняла мужчину на высоту больше чжана. Здесь у него наконец получилось с трудом ухватиться за верёвку, на которой недавно спустили воду и пищу, и продолжить карабкаться вверх. Десятитысячная толпа под стенами с волнением наблюдала за ним, не сводя глаз, не решаясь даже поддержать криком, боясь, что кто-то заметит. Солдаты на городской стене уже несколько дней стояли на страже, и за это время беженцы из Юньани не натворили ничего серьёзного — разумеется, караульные неизбежно расслабились. И только когда мужчина добрался уже до половины, солдаты внезапно обнаружили человека на стене и принялись громко кричать:

— В чём дело?! Не залезать на стену! Нарушителя убьём без суда! Ты слышал? Того, кто залезет на стену, убьём без суда!

В ответ на угрозы мужчина тоже громко крикнул:

— Я не имею злых намерений! Я просто хочу отнести ребёнка к лекарю, я ничего не сделаю! — он кричал и продолжал взбираться наверх.

Один из генералов, который как раз был занят приёмом пищи, услышав о случившемся, пришёл в крайнее раздражение. Если один человек беспрепятственно поднимется на стену, целый и невредимый, это станет примером остальным, так ведь все бесчисленные беженцы из Юньани последуют за ним! Его необходимо остановить!

Генерал широким шагом вышел к краю стены и крикнул вниз:

— Тебе жизнь не дорога?! Немедленно спускайся, а если не спустишься, мы тебя не пощадим!

Но мужчина уже забрался очень высоко, перелез за половину стены, ещё немного, и он доберётся до самого края. Разумеется, он не желал остановиться. А генерал никогда не бросал слова на ветер, и никто не смел ослушаться его приказов. Если же кто-то всё-таки ослушался, итог был прост. Генерал подошёл к краю стены, выхватил меч и рубанул по верёвке.

Мужчина, сжимая оборвавшуюся верёвку, полетел вниз. Под пронзительный крик бесчисленной толпы он тяжело упал на твёрдую землю за городской стеной.

Именно в этот момент здесь и появился Се Лянь.

Мужчина упал на спину, к которой был привязан ребёнок. Раздался отвратительный звук, тельце просто раздавило в кашу, брызги кровавым цветком разлетелись на несколько чжанов вокруг. Мужчина сломал шею. Глаза его остались широко распахнутыми, а со свёрнутой шеи соскользнул талисман, на котором виднелись иероглифы «Сяньлэ», вышитые золотой нитью. Это был талисман, освящённый при открытии храма наследного принца.

Перед тем как полезть на стену, муж и жена подержались за этот талисман и молча вознесли молитву Его Высочеству наследному принцу, прося благословения. Поэтому Се Лянь и услышал его голос, полный мольбы, и поэтому поспешил сюда.

Но всё же принц не был тем героем из легенд и народных повестей, что появляется ровно в нужный момент, чтобы предотвратить беду и спасти людей прямо из-под носа смерти. Жена не нашла в себе смелости перевернуть тело мужа и посмотреть, во что превратился их сын. Она закрыла руками лицо, громко вскрикнула и, ни на кого не глядя, побежала вперёд, словно умалишённая. С громким стуком ударившись головой о стену, несчастная упала и больше не шевелилась.

Это случилось прямо на глазах Се Ляня, мгновение — и под стенами императорской столицы лежали три трупа!

Принц не успел ничего сделать, а простой народ за стеной больше выдержать не смог.

Раздались возмущённые крики:

— Мертвы... Семья из трёх человек, все мертвы! Смотрите, вот вам и бравый генерал, что служит нашему государю! Вместо того чтобы спасти нас, наоборот — толкает на смерть!

— Не выпускают нас, и к нам никого не выпускают, что же нам остаётся? На вас смотрят три человеческих жизни, залитые кровью!

— Людям из Юньани велели убраться из столицы, но что-то я не видел, чтобы богачи убрались вместе с нами! А мы, без денег и власти, что же, заслужили того, чтобы беспомощно ждать смерти? Теперь-то я всё понял!

— Больше терпеть нельзя... Больше никак терпеть нельзя. Из года в год с нас взимают положенные налоги, все до монетки, а куда же делись эти деньги, когда нам понадобилась помощь во время бедствия?

— Вместо того чтобы спасти пострадавший народ, он кормит этими деньгами паразитов да возводит храмы для своего сына, а нам — каплю воды да краюху хлеба! И что мы в его глазах? Невежественный правитель!

Солдаты на стенах громко приказывали прекратить волнения, ну а генерал и не такие стычки выдывал, потому вовсе не принял случившееся близко к сердцу. Однако происходящее постепенно начало выходить из-под контроля. Бесчисленные руки в гнев стали толкать ворота, кто-то бился головой, кидался всем телом, и теперь это уже не походило на то, как муравей трясёт дерево.

Городские ворота сдвинулись, и даже башня на городской стене едва заметно содрогнулась!

С самого своего появления на свет Се Лянь никогда ещё не видел ничего подобного. Тот народ, который он знал, был сердечным, дружным и весёлым, эти приятнейшие люди жили в достатке. Но теперь искажённые гневом лица, громко кричащие и рыдающие, будто бы перенесли его в иной, незнакомый мир, от которого невольно мороз бежал по коже. Наверное, даже столкнувшись лицом к лицу с самым жутким демоном или иной нечистой силой, принц не ощутил бы того, что ощущал сейчас. В тот же миг с башни на стене раздался рёв, полный ярости.

Принц молниеносно обернулся и увидел, как худощавая высокая фигура схватила за шею того самого генерала, который обрубил верёвку, забрав при этом три человеческих жизни. Раздался хруст — и шея генерала была сломана.

Солдаты так и не поняли, как этот человек оказался наверху, всех постигло ужасное потрясение, они тут же с криками окружили его, выставили мечи и завопили:

— Кто ты такой?! Как ты поднялся?!

Се Лянь немедленно обратил внимание на руки мужчины, которые уже превратились в кровавое месиво.

Оказалось, что он поднялся на городскую стену, голыми ладонями хватаясь за щели между камнями. Когда мужчина повернулся, принц увидел Лан Ина!

Окружённый воинами, он нисколько не растерялся. Запрыгнув на зубчатую стену, он бросил труп генерала с башни, сам наступил на него и прыгнул вниз, воспользовавшись трупом как смягчающей ступенькой.

В момент прыжка он смотрел прямо на Се Ляня. То есть, вовсе не на него, а сквозь него, на императорский дворец в центре столицы.

С этого дня мятеж в государстве Сяньлэ разгорелся окончательно.

Мятеж в государстве Сяньлэ. Наследный принц возвращается в мир людей

Пострадавшие от засухи и лишившиеся крова беженцы из Юньани против императорской армии Сяньлэ — всё равно что богомол против колесницы, их противостояние походило на попытки разбить камень яйцом^[130].

Но если людям некуда отступать, они обладают именно тем мужеством, которое необходимо, чтобы богомолу выйти против колесницы, чтобы пытаться разбить камень яйцом. После первого столкновения и последовавших за ним беспорядков несколько десятков тысяч жителей Юньани наконец отошли от городских стен, отступили на некоторое расстояние и разбили лагерь уже в другом месте.

Они просто не желали уходить. Ведь в пути их, возможно, ждёт смерть. И бесконечное сидение здесь, скорее всего, сулит то же самое. Так есть ли разница? На воде и пище, которую ранее распорядился раздать государь, на коре растущих вокруг деревьев, диких травах, съедобных корнях, мелкой живности и насекомых, а также на злобе и нежелании подчиняться, которые они подавляли внутри многие дни, эти люди с превосходящим ожидания упрямством и живучестью, через силу, непоколебимо держались на ногах под тяжкой ношей. Спустя несколько дней они в спешке кое-как собрали тысячную армию, вооружённую мотыгами, вилами, камнями и ветками, и вернулись сражаться.

Бой прошёл совершенно беспорядочно, их разбили в пух и прах, из более чем тысячи человек погибли и получили ранения больше половины, но всё же они вернулись с поля битвы не с пустыми руками. Лан Ин в одиночку прорвался за городскую стену и вынес несколько мешков продовольствия и пару связок оружия. Он тоже вернулся

тяжело раненным, однако это только сильнее подняло боевой дух изгнанников.

На этот раз их поведение намного больше приблизилось к разбою. Это случилось один раз, затем второй и третий. Воины Сяньлэ обнаружили, что «разбойники» очень быстро обучаются.

Люди, чьи атаки вначале походили на беспорядочные набеги, постепенно нащупали технику, и теперь сражались с каждым разом всё яростнее, живыми с поля боя их возвращалось всё больше. Кроме того, услышав о случившемся, к ним постоянно присоединялись новые беженцы, целыми волнами вливаясь и укрепляя их армию. В государстве Сяньлэ всё стояло вверх дном от споров, как разрешить проблему с этими «разбойниками». А после пяти-шести подобных несурзных сражений Се Лянь не смог больше сидеть на стене и спокойно наблюдать.

Он уже много дней не возвращался в чертоги Верхних Небес с докладом, а вернувшись в столицу бессмертных, никому ни слова не сказав, помчался во дворец Шэнью. Когда принц ворвался в главный зал, Цзюнь У сидел на высоком месте, а перед ним, склонив головы и ожидая приказа, стояли другие небожители. Кажется, они обсуждали какое-то важное дело.

Прежде в подобных обстоятельствах Се Лянь избрал бы перенести визит на другой день, но сейчас он больше не мог ждать. Принц без обиняков вышел вперёд и заговорил первым:

— Владыка, я намерен спуститься в мир людей.

Присутствующие небожители были поражены, но тут же замолчали, дабы не демонстрировать свои эмоции по данному поводу. Цзюнь У, поразмыслив пару мгновений, поднялся с трона и мягко ответил:

— Сяньлэ, я в общих чертах осведомлён о случившемся, но... для начала, успокойся.

Се Лянь возразил:

— Владыка, я пришёл не для того, чтобы спросить разрешения, а чтобы уведомить вас. Мой народ переживает невыносимые страдания. Простите, но успокоиться я не могу.

— Судьба мира predetermined. Ты ведь понимаешь, что своим поступком нарушишь запрет.

— Нарушу, так нарушу!

От его слов выражения лиц небожителей резко переменились. Поистине ни один из них не слышал, чтобы кто-то из небесных чинов позволял себе уверенно и дерзко произносить такое. И какую бы благосклонность ни питал Цзюнь У к этому наследному принцу Сяньлэ, вознесшемуся в юном возрасте, подобный поступок трудно было не назвать излишней дерзостью.

Се Лянь же немедленно склонился с опущенной головой и произнёс:

— Прошу вас допустить послабление и дать мне немного времени. Война уже началась, смертей и ран не избежать. Но если я смогу подавить сражения, сократить количество погибших, остановить развитие событий в самых меньших масштабах, то после того как война прекратится, я непременно добровольно вернусь, чтобы просить о наказании, и тогда подчинюсь любому вашему решению. Пускай даже меня придавит горой на сто лет, тысячу лет, десять тысяч!.. Я ни за что не стану сожалеть о содеянном.

Договорив, он, не выпрямляясь, направился к выходу из дворца. Цзюнь У позвал:

— Сяньлэ!

Се Лянь остановился. Цзюнь У посмотрел на него и со вздохом сказал:

— Тебе не под силу спасти всех.

Се Лянь медленно выпрямился.

— Под силу это мне или нет, я узнаю, только если попытаюсь. И даже если Небеса скажут, что я непременно должен умереть, пока меч не пронзит моё сердце, пригвоздив к земле так, что нельзя пошевелиться, я всё ещё буду жить и я всё ещё буду, на последнем издыхании, бороться до конца!

В этот раз возвращение в мир смертных отличалось от всех предыдущих. Се Ляню казалось, будто бы он отбросил каку-то ношу. Он ощущал и лёгкость, и в то же время — тяжесть. И первым делом безотлагательно отправился в императорский дворец.

Государь и государыня сидели во внутренней комнате императорского кабинета и тихо разговаривали, их лица были усталыми и сосредоточенными. Се Лянь подошёл к двери, немного постоял, волнуясь, затем утихомирил эмоции, приподнял занавеску и вошёл.

— Отец.

Государь и государыня одновременно обернулись и застыли в потрясении. Через мгновения всё-таки первой на ноги вскочила государыня с радостным криком:

— Наш сын!

Она протянула руки и подошла поприветствовать его, Се Лянь поддержал матушку за плечи. Но улыбка не успела сойти с его лица, когда принц вдруг увидел, как помрачнел государь, восклицая:

— Зачем ты спустился?!

Улыбка на лице принца застыла.

Ранее, подслушав разговор родителей в императорском дворце, Се Лянь решил, что его отец всё-таки по нему скучает, и на самом деле у него не так много претензий к сыну, как кажется на первый взгляд. Он думал, что вернувшись, увидит хоть немного радости на лице отца. И в таком случае сам будет относиться к нему мягче. К его неожиданности, государь отреагировал вот так — ни капли не приветливо. Поэтому и Се Лянь тут же ошетинился и с крайним почтением, как предписывал протокол, ответил:

— Почему я спустился? Не по вашей ли вине? Народ Юньани поднял восстание. Не потрудитесь ли спросить у своей совести, может быть, определённая ответственность за это ложится и на вас?

Лицо государя мгновенно исказилось, он сурово бросил:

— Моя ответственность? Тебе ли говорить мне подобные слова?!

— Он разгневался до такой степени, что позабыл даже о том, чтобы назвать себя в соответствии с регламентом^[131].

Государыня, уронив слезу, произнесла:

— Дело приняло подобный оборот... ну зачем же вы ещё ссоритесь?

Се Лянь ответил:

— Мы не ссоримся, а говорим по существу. Пусть ты — глава государства, мой отец, но если на тебе лежит ответственность за случившееся, почему я не могу сказать об этом? Почему ты не приложил все усилия, чтобы помочь людям, пострадавшим от бедствия? Пускай выделенные на это деньги пошли на корм чиновникам на местах, почему ты не занялся избавлением от взяточников и казнокрадов? Если бы ты, действуя быстро и решительно, расправился с каждым, кто попался на воровстве, кто из

этих паразитов посмел бы снова позариться на деньги государства? Неужели положение дел было бы не лучше сложившегося сейчас?

На висках государя вздулись вены, он ударил по столу.

— Придержи язык! Ты думаешь, государственная казна — это бездонная яма? Что ею можно заполнить все дыры, какие есть? Да ещё расправляться с каждым, кто попался! Если бы это было так просто, если бы один приказ государя мог дать немедленный результат, исполненный неукоснительно, откуда бы тогда взялись эти взяточники и казнокрады, которых невозможно искоренить из поколения в поколение? Что ты понимаешь, невежественное дитя? А ещё пришёл учить меня управлять государством!

— Хорошо, я действительно ничего в этом не понимаю. Но даже если в столице беженцам не осталось места, если необходимо было их прогнать, почему вы не выделили им больше путевых расходов? Почему бы не проводить их на восток под конвоем, чтобы никто не пострадал в пути?

От гнева государь выпучил глаза, указал на небо и закричал:

— Убирайся. Сейчас же убирайся! Убирайся обратно к себе на небеса! Ты раздражаешь меня одним своим видом! И чтобы больше не появлялся здесь!

Се Лянь, полный воодушевления, спустился вниз, увидел родителей впервые за долгое время, но услышал от отца приказ убираться прочь на небеса. Принц не ответил ни звуком, лишь отвесил поясной поклон и вышел прочь. Государыня выбежала задержать его:

— Мой сын!

Се Лянь мягко ответил:

— Матушка, вам не стоит беспокоиться, я просто пройду по столице, посмотрю, как обстоят дела.

Государыня покачала головой:

— Мой сын, я ничего не знаю о великих государственных делах, но я прекрасно знаю твоего отца. И все эти годы я видела, каким правителем он был. Тебе может казаться, что он поступил нехорошо, иногда мне самой так казалось, я просто не высказывала, только и всего. Но тебе не стоило заявлять это ему в лицо, ведь он же твой отец. Если ты говоришь такое, глядя прямо ему в глаза, для него это звучит жестоким упрёком.

Се Лянь открыл рот, но всё же промолчал. Государыня продолжила:

— Пускай ты — наследный принц, но ты никогда не был правителем государства. А управлять страной — это совсем не то, что твой путь самосовершенствования. Когда ты только вошёл в число учеников монастыря Хуанцзи, советник сказал: чтобы идти по пути самосовершенствования, необходимо запастись лишь истинным намерением, он ведь так сказал, верно?

Се Лянь мягко кивнул. Государыня, сжав его руку, произнесла:

— Но в мире очень много других проблем, которые не решаются одним лишь усердием, ты должен иметь необходимые для этого возможности; и не только ты, но и те, кто тебе служит; и не только возможности, эти люди также должны действовать в полном единодушии с тобой.

Се Лянь замолчал, ничего не говоря в ответ. Спустя долгое время он спросил:

— Государственная казна сильно обеднела? Мне не нужны храмы, скажи ему, чтобы не возводил их для меня так много. И все те золотые статуи, пусть все снимут с постаментов.

Государыня беспомощно ответила:

— Ну что ты за дитя... Постройка храмов — это, разумеется, личное пожелание твоего отца, он желал тебе блага, хотел, чтобы ты на небесах затмил всех сиянием своей славы. Но знаешь ли ты, сколько храмов и монастырей среди восьми тысяч по-настоящему построил твой отец? Тебе, должно быть, это не известно.

Се Лянь действительно не знал. Подумав, он предположил:

— Половину?..

— Если бы твой отец на самом деле взял из государственной казны деньги на постройку более четырёх тысяч храмов наследного принца, не пришлось бы дожидаться возмущения народа Юньани, жители столицы взбунтовались бы первыми. Казна и так пустует, откуда взяться деньгам на строительство такого количества храмов? Твой отец построил всего чуть больше двадцати, а остальные храмы, подражая ему, взбудораженная толпа принялась строить следом, чтобы угодить ему, угодить тебе. Это ты тоже хочешь приписать к его деяниям?

— Я...

Государыня понизила голос:

— Твой отец сделал недостаточно, чтобы добиться наилучшего исхода, но он... сделал всё, что мог. Только в этом мире... лишь приложить все усилия — не достаточно. — Помолчав, она добавила: — Ты сейчас жалеешь этих людей из Юнъани, поэтому обвиняешь отца. Но все они — его народ, неужели ты думаешь, что это мы всё время их обижали? На самом деле...

Она не договорила, из кабинета государя раздался его гневный голос:

— Зачем ты тратишь на него слова, пусть поскорее убирается обратно на небеса!

Государыня обернулась и со вздохом сказала:

— Мой сын, тебе... не нужно к нам спускаться. Всё-таки, лучше возвращайся.

Когда Се Лянь, покинув дворец, шёл по маленькому переулку, что примыкал к улице Шэнью, к нему как раз подоспели Фэн Синь и Му Цин. Последний тут же спросил, не в силах в это поверить:

— Ваше Высочество! Ты сам подал прошение, чтобы спуститься в мир смертных? Ты был во дворце Шэнью и говорил с Владыкой???

Се Лянь кивнул:

— Гм.

Му Цин:

— Почему ты прежде не сообщил мне?

Фэн Синь тут же с недоумением вмешался:

— Что ты хочешь этим сказать? С какой стати Его Высочеству нужно в столь важных делах советоваться с кем-то ещё?

Му Цин же немного потерял самообладание:

— А почему бы и нет? Мы — его подручные, и сейчас мы с ним в одной связке, каждое его действие непременно влияет и на наше положение. Так что плохого в том, что я хочу быть осведомлённым о его решениях?

Фэн Синь:

— Что бы ни сделал Его Высочество, разве мы не последуем за ним в любом случае? Что ты собрался делать? Что на Небесах, что на земле — у него на всё есть своё мнение, чего ты боишься?

— Ты! — воскликнул Му Цин. — Я вовсе не боюсь! Я только...

Се Лянь махнул рукой:

— Довольно. Прекратили ссориться!

Фэн Синь и Му Цин немедленно замолчали. Как раз в тот же миг по главной улице проходила процессия из нескольких тысяч простых жителей столицы.

— Покуда не истребим Юньань, спокойных дней в стране не будет! — скандировали люди.

— С опухолью, что ввергла в смуту государство, примириться нельзя!

Люди Сяньлэ раньше никогда и ни к чему не проявляли такой агрессии, не говоря уже о том, чтобы устроить подобный грандиозный марш. Се Лянь невольно постигло ощущение неправильности происходящего. Фэн Синь же нахмурился и спросил:

— Откуда среди них ещё и женщина?

И действительно — среди участников процессии в первые ряды вырвалась молодая девушка. Очаровательная тонкая фигурка, белоснежная кожа, яркий взор чёрных глаз, румяные щёки... Только вот румянец этот заливал лицо не смущением, но гневом, и потому ещё сильнее притягивал взгляд.

Му Цин, который уже успел прийти в себя, холодно заметил:

— Ваше Высочество её не знает?

— Не знаю, — ответил Се Лянь.

Фэн Синь, однако, нахмурился:

— Она кажется мне немного знакомой.

— Это одна из первопричин, — поведал Му Цин.

— Каких первопричин? — поинтересовался принц.

— Первопричин непримиримой вражды. Ранее, когда людей Юньань в императорской столице становилось всё больше, многие не желали жить мирно, повсюду зачинали скандалы и после скрывались. Тогда при дворе уже начались обсуждения указа об изгнании, и слухи об этом утекли в народ. Один из беженцев хотел остаться здесь, не желал уходить, поэтому однажды ночью проник в дом богача и похитил его дочь.

Услышав такое, Се Лянь даже не сразу понял, о чём речь:

— Если он не желал уходить, почему же похитил дочь богача?

Му Цин посмотрел на него.

— Хотел жениться на ней. Но, если не применить силу, никто из жителей столицы не согласился бы выдать свою дочь за человека из

Юньани.

Он не сказал прямо, но Се Лянь всё понял и так.

Он никогда даже не думал, что такое вообще возможно, что на свете могут существовать такие люди, что может случиться нечто подобное. Принц вдруг испытал приступ тошноты. Фэн Синь же на месте выругался:

— Омерзительно!

Как вдруг набежали тётки и бабки, которые, согнув спины, хотели увести девушку из толпы. Судя по всему, она воспользовалась тем, что домашние не уследили, и выбежала из дому. Но девушка воспротивилась:

— Чего вы боитесь?! Чего мне стыдиться? Это ведь не моя вина!

Фэн Синь с удивлением заметил:

— А характер у девчонки довольно буйный.

Му Цин согласился:

— Да. Вопреки ожиданиям, её семья оказалась не какой-то обычной, отец — важный чиновник при дворе, мать — из семьи богатых купцов столицы. Проглотить такую обиду она не пожелала, и тем более, ни за что не согласилась бы на замужество ради того, чтобы сохранить лицо. Вначале она убила того мужчину из Юньани, а вскоре богатые торговцы и именитые жители со всей столицы подали коллективную грамоту, где перечислили все преступления людей из Юньани с тех самых пор, как те пришли в столицу. Они убедительно требовали от Его Величества заточить всех этих людей в темницу и строго наказать. На чью сторону встали чины высшего ранга, и говорить не стоит. — Сделав паузу, он мимоходом добавил: — Я слышал, отец той девушки когда-то отправлял её во дворец, добиться места жены наследного принца. Ваше Высочество, должно быть, очень давно виделся с ней, и не раз, но всё-таки не узнал.

Се Лянь наконец осознал, что в действительности положение дел намного запутаннее, чем он ожидал.

Между жителями столицы и людьми за городскими стенами давно разгорелась непримиримая вражда. Негодование чиновников и простого люда достигло таких высот, что народ в столице только и мечтал, как бы арестовать смутьянов всех разом и истребить всех до одного. И если бы государь не направил решительные меры против беженцев из Юньани, разве не вышло бы, что он ударил по лицу

своего же народа? В конце концов, он ещё и повелел выделить из истощённой казны сумму денег на путевые для изгнанников. Выглядело это, конечно, жестом достаточно неблагоприятным, но наверняка и это вызвало недовольство большого количества людей.

Страшнее недовольства врагов может быть только недовольство народа, подвластного тебе самому. И несмотря на то, что изначально обе стороны считались единым народом Сяньлэ, теперь... вероятно, больше никто так не считал.

Принц находился высоко наверху и долго не касался мирских дел, а его отец оставался в мире смертных. И то, как он, будучи главой государства, распоряжался средствами и людьми, каково было его положение, какое давление он испытывал и каковы были вещи и личности, с которыми ему следовало вести себя осмотрительно и примирительно — разве всё это могло совпасть с картиной, которая в подобных же обстоятельствах получилась бы у принца? Простой пример: когда пришедшие извне люди Юньани заняли территорию столицы, шумели здесь, занимались воровством и тому подобным, для живущего в храме Бога Войны всё это, должно быть, воспринималось лишь пустяком, который не стоит его гнева, просто потерпеть — и пройдёт. Но для простых людей, жителей столицы, это стало мучением, самым настоящим, изо дня в день, которое трудно вынести, которое в любой момент могло вылиться в настоящее бедствие. Кому-то это казалось простым и не стоящим упоминания лишь потому, что на месте государя оказался не он, вот и всё.

Се Лянь невольно вспомнил, что седин на висках отца стало ещё больше, чем в прошлый его визит. Государь тогда сказал, что закрасит их, но теперь у него наверняка не оставалось на это сил.

Когда принц был мал, он твёрдо верил, что отец — величайший правитель под небесами, но чем старше становился, тем чаще замечал, что это не так. Что его отец, хоть и занимает пост государя, не является несравненным мудрецом, иногда его поступки немного отстают от времени, он часто допускает ошибки. И если отбросить его несравнимо почётный статус, он окажется всего лишь простым смертным.

Чем больше Се Лянь это понимал, тем сильнее становилось постигшее его разочарование. И государь это чувствовал, поэтому всё чаще не мог выносить от сына неодобрительные взгляды и слова,

полные неприятия. А более всего отец не мог стерпеть, когда сын становился свидетелем его неудач.

Ни один отец под небесами не желает, чтобы сын видел его с подобной стороны. Каждый отец надеется навсегда остаться самым великим человеком в глазах сына. А Се Лянь своим появлением как бы упрекнул отца: всё, что ты сделал, — ужасная ошибка! До такой степени, что мне пришлось спуститься, чтобы спасти положение... Как главе государства и как отцу, разве ему приятно было слышать такие слова?

Прислуга из дома той девушки всё-таки в несколько рук вытянула её из толпы, а остальной народ продолжил шествие с воплями и флагами, каждый выкрикивал только: «Убить!», «Начать войну!», «Покажем этим людям из Юньани за стеной!»

Спустя некоторое время Му Цин произнёс:

— Ваше Высочество, лучше тебе извиниться перед Владыкой и вернуться на Небеса. Дело приняло такой оборот, что нет ни благоприятных условий, посланных Небом, ни выгод, предоставляемых местностью, ни человеческого согласия^[132] — всё это утрачено, не вернёшь.

Точно как Цзюнь У сказал Се Ляню во дворце Шэнью: судьба мира предопределена. Эта фраза для принца означала не что иное как: дни твоего государства Сяньлэ сочтены, пусть всё идёт своим чередом.

Даже государыня, его матушка, которая денно и ночью желала лишь одного — увидеться с сыном, когда эта встреча по-настоящему осуществилась, со слезами на глазах попросила его вернуться, не вмешиваться. Се Лянь прекрасно понимал, что они лишь не хотят, чтобы он сталкивался с этим тяжким рубежом, что они предпочли бы, чтобы он остался в стороне и подумал лишь о своём благе.

Но... разве это возможно?

Помолчав, Се Лянь с тяжестью в голосе заявил:

— Не бывать тому!

А после широким шагом направился вперёд.

Усмирение Юньани. Наследный принц выходит на поле боя

Фэн Синь и Му Цин, оставшись за спиной Се Ляня, удивлённо застыли, воскликнули «Ваше Высочество!» и немедленно побежали следом, защищая принца с двух сторон.

Тем временем собравшиеся вокруг люди уже увидели юношу в белых одеждах, который вышел на середину улицы Шэньу. После недолгого беспорядка процессия снова построилась. Более тысячи человек, напирая друг на друга, окружили Се Ляня. И вот раздался первый неуверенный голос:

— Вы... вы — Его Высочество наследный принц?

Второй с сомнением заметил:

— Но разве не говорили, что Его Высочество наследный принц давно вознёсся? Он больше не простой смертный, как он может появиться здесь?

Третий громко выкрикнул:

— Это он! Три года назад во время торжественного шествия на Празднике фонарей я видел его своими глазами, это Его Высочество наследный принц!

С каждым мгновением всё больше людей узнавали Бога Войны, которому они изо дня в день возносили молитвы. Се Лянь медленно произнёс:

— Это я. Я вернулся.

После этого люди сошли с ума.

— Нисхождение божества! Это истинное нисхождение божества!

— Небожитель сошёл в суетный мир!

— Наверняка Его Высочество спустился лишь потому, что не смог больше видеть, как мы терпим унижения от этих разбойников!

Кто-то тут же с надеждой спросил:

— Ваше Высочество наследный принц, вы ведь поведёте нас в бой, чтобы разбить людей Юньани? Вы ведь наверняка так и сделаете? Уверен, так и будет!

Помолчав, Се Лянь спокойно ответил:

— Я вернулся, чтобы защитить государство Сяньлэ. Защитить мой народ.

Даже Фэн Синь и Му Цин, которые стояли рядом с принцем, услышав эту фразу, не посмели утверждать, что же она, в конце концов, означает. Однако люди, которым в голову ударила горячая кровь, восприняли её так, как им хотелось. Се Лянь же имел свой собственный замысел. Он ощутил, как сердце бьётся всё быстрее, стиснул зубы и добавил:

— ...Верьте в меня! — Принц сжал кулаки. — Ваша вера даст мне больше сил. С этими силами я до самой смерти буду защищать Сяньлэ, защищать всех людей. Прошу вас, верьте в меня!

Именно этого мгновения и ждали люди, именно это обещание жаждали услышать. Толпа разразилась пылкими овациями и принялась падать на колени, круг за кругом, кланяясь в ноги Его Высочеству наследному принцу.

— Клянёмся до смерти следовать за вами! Следовать за Его Высочеством!

— Защитим Сяньлэ!

Едва жители столицы услышали, что «небожитель сошёл в суетный мир», они все стеклись сюда с городских улиц и переулков, чтобы узреть чудо, которое бывает раз в тысячу лет. Даже воины императорской стражи, подоспевшие на новость, не посмели воспротивиться всеобщему порыву и присоединились к поклонению. Троица оказалась зажата посреди улицы, так что трудно сделать шаг. Фэн Синю и Му Цину, в попытках навести порядок, пришлось выкрикивать:

— Не толпитесь, никому не толпитесь!

Впрочем, особого действия это не возымело. Каждый хотел протиснуться как можно ближе к тому месту, где стоял Его Высочество наследный принц, дотронуться рукой до края одежд божества, сошедшего с небес. Людям казалось, что таким образом на них словно снисходило благословение и счастье. В итоге пришлось потревожить государя в императорском дворце, чтобы он повелел послать нескольких генералов с солдатами, облачёнными в полное обмундирование, и только так удалось отогнать разгорячённую толпу.

Когда люди разошлись, на земле, среди оставленных ими бесчисленных следов и оседающей пыли, Се Лянь кое-что заметил. Принц подошёл ближе, наклонился и поднял это с земли.

Цветок. Растоптанный множеством ног, он почти превратился в грязь. Только на нескольких уцелевших лепестках ещё можно было разглядеть белый цвет.

Лёгкий аромат, уже не сравнимый с прежним, совсем скоро рассеялся окончательно.

Се Лянь многое осознал, и в этот раз, когда вернулся во дворец, его отношение к государю заметно смягчилось. Поэтому и государь

стал относиться к нему с большей теплотой. Отец и сын уступили друг другу, а значит между ними временно был достигнут мир. Что до советника, он не сказал ничего — похоже, давно предвидел, что Се Лянь спустится в мир людей.

Принцу когда-то казалось, что у государства и душа едина, и перед лицом великой беды все люди, что само собой разумеется, станут слушать своего государя. Однако, когда ему самому пришлось сесть и принять участие в государственных делах, он на себе испытал, как много тревог таит в себе статус главы государства. Оказалось, что чиновники, служащие одной династии, ещё и разделяются на множество мелких фракций, каждая из которых на всё имеет своё мнение, и между собой они могут семь дней без передышки спорить о том, как же всё-таки следует поступить, чтобы разрешить важную проблему. Каждый из чиновников в каждой фракции заявлял, что действует в интересах государства и народа, но на самом деле мог думать совершенно иначе.

Что же касается вопроса о людях из Юньани, которые обосновались за городскими стенами и формально намеревались сражаться с ними на равных, тут мнения чиновников никак не могли прийти к единому решению. Кто-то выступал за то, чтобы сразу послать солдат и уничтожить мятежников, а если причин для этого недостаточно — выдумать несколько преступлений. Кто-то с этим не соглашался.

Восстание Юньани началось со стихийного бедствия, а разгорелось из-за людской трагедии. Семья из троих человек, что погибла под воротами столицы, стала вступительным запевом, хуже которого и придумать было нельзя. И если бы тот генерал, что обрубил верёвку, не погиб по вине Лан Ина, голыми руками свернувшего тому шею, по возвращении его ожидало бы суровое наказание. Говоря без прикрас, каким бы сложным ни было положение дел, сколько бы ни было первопричин, с виду всё выглядело так, будто это чиновники и тирания государя заставили народ бунтовать. Дело приняло такой оборот, что народный гнев бурлил и клокотал, и выдуманные обвинения в их адрес вызовут ещё более бурную реакцию, и тогда никакими правдами и неправдами людей не задобрить. Приказ солдатам уничтожить мятежников станет жестом истинного тирана, которого трудно назвать борцом за справедливость. Но заткнуть рот

народу труднее, чем остановить реку запрудой. Если оставить за собой славу бесчеловечного правителя, не только свой народ перестанет подчиняться. Вероятно, даже ближайшие соседи из других государств воспользуются возможностью для нападения, прикрываясь флагом вершителей высшей справедливости. А если взглянуть с другой стороны, что может быть страшного в этой горстке людей из Юньани? Они ютятся посреди пустынных гор под открытым небом, без пищи и оружия, сколько ещё они смогут наводить смуту?

Поэтому в итоге наибольшее количество сторонников набрала следующая позиция: если люди из Юньани посмеют напасть, сколько раз придут, столько раз и будут уничтожены; если же нападений не повторится, пусть они существуют сами по себе, вовсе не стоят они потерь со стороны армии Сяньлэ. Пovoюют-повоюют, да и сами истратят все силы без остатка.

Как Бог Войны, сошедший в мир людей, Се Лянь, разумеется, непременно должен был показать себя в действии на поле боя. Поэтому неизбежно среди войска началось активное распространение идеи: те, к кому примкнул Его Высочество наследный принц, и несут знамя справедливости. Армия, на стороне которой Его Высочество наследный принц — и есть божественное войско!

За короткое время великое множество молодых мужчин со всей страны с энтузиазмом вступили в ряды солдат, и всего за несколько месяцев армия государства Сяньлэ удвоилась в количестве. Шум поднялся такой, что и до Юньани тоже дошли вести. Вначале набег мятежников можно было назвать многократными, горстка за горсткой. Но теперь они вдруг притихли, будто бы опасливо выжидали и втайне накапливали силы, от чего и армия Сяньлэ пребывала в крайнем напряжении. Солдаты неустанно в красках описывали Се Ляню, насколько страшен «этот Лан Ин, каждый раз рвущийся в бой в первых рядах». Слыша это имя, принц вспоминал труп малыша, который увидел тогда, и его обуревали противоречивые чувства.

Спустя два месяца армия Юньани, которая долгое время сдерживалась, наконец решилась на новое наступление.

На эту битву Се Лянь вышел с одним лишь лёгким мечом, не надев даже доспехи. Не прошло и часа, как сражение завершилось.

Казалось, небо и земля покрылись кровью. Жалкие остатки армии Юньани, потерпев сокрушительное поражение, отступали в неистовом

ужасе. Воины же Сяньлэ даже не успели отреагировать, как увидели, что вокруг них — только лежащие на земле тела, ни один враг не остался стоять. А Его Высочество наследный принц медленно убирает меч в ножны, и края одеяний не запятнав.

Лишь спустя несколько мгновений они убедились, что их сторона одержала подавляющую победу, радостно запрыгали, вскинули мечи к небу и разразились криками, не скрывая эмоций.

Тем вечером воины армии Сяньлэ устроили празднование триумфа прямо в башнях на городской стене.

Воины воспрянули духом, чего не случалось уже давно. Они ликовали и поднимали чарки, восхваляя Его Высочество наследного принца. Се Лянь же отказался от поднесённого вина и пошёл на край башни, постоять на ночном ветру и освежиться.

Он явно не выпил ни глотка вина, однако ощущал, как горит сердце и пылает лицо, к щекам прилила кровь, а кончики пальцев едва заметно дрожали.

Впервые в жизни Се Лянь убивал людей. И в первый же раз он убил сразу больше тысячи человек.

Муравьи^[133].

В его голове повторялось именно это слово. Принц обладал такой силой, что простые смертные не выносили и удара, даже лёгкого нажатия никто не смог бы выдержать. Забирать их жизни оказалось так легко... совсем как жизни муравьёв, которых тогда растоптала придворная служанка. До такой степени, что принц, орудуя мечом, едва не утратил ощущения глубокого почтения к чужой жизни.

Се Лянь прислонился к зубчатой стене, несколько раз глубоко вздохнул и помотал головой, чтобы вытрясти эти беспорядочные мысли, потом задумчиво взгляделся вдаль, где в горном ущелье мерцали огни костров. Вскоре позади раздались шаги двух пар ног.

Оборачиваться не было необходимости — принц знал, кто пришёл. Он произнёс:

— Вы не пойдёте выпить немного вина, чтобы отпраздновать?

Му Цин недовольно хмыкнул:

— Что тут праздновать? Прогноз ведь не самый благоприятный.

— Вы тоже заметили? — обернулся Се Лянь.

Перспектива и впрямь сложилась не слишком радужная. Они выиграли битву, но атака армии Юньани была намного сильнее, чем

любая из предыдущих.

Они не только прибавили в количестве, их построение, вооружение и маневренность — всё это совершило качественный прыжок. Немало воинов даже облачились в доспехи. Пускай примитивно до безобразия, но они уже походили на настоящую регулярную армию. Трудно представить, что на самом деле это горстка деревенщин из самых низов.

Му Цин сложил руки на груди и нахмурился.

— Крайне тяжёлые обстоятельства на самом деле могут заставить людей расти с невероятной скоростью. Но какие бы трудности и лишения они ни переносили, это не поможет им создавать материальные ресурсы из ничего. Здесь что-то не так.

Фэн Синь же выразился без обиняков, чётко и ясно:

— Их наверняка поддерживают извне.

Се Лянь согласно кивнул. Му Цин добавил:

— Я не верю, что среди нашего войска никто этого не видит. Но они всё равно празднуют, наверняка лишь потому, что ты встал на их сторону, и считают, что несомненно победят.

В этом, однако, Се Лянь ничего страшного не видел:

— Мы победили в первой же битве с моего появления. Порадоваться им тоже не помешает, пусть это будет поднятием боевого духа.

Фэн Синь, поколебавшись, всё же сказал:

— Ваше Высочество, ты не очень хорошо выглядишь. Ты... всё так же проливаешь дожди над землями Юньани?

Се Лянь утвердительно хмыкнул.

Му Цин, вполне ожидаемо не скрывая неодобрения, произнёс:

— Прости за прямоту, но сейчас ниспосылать дожди уже бесполезно, это просто-напросто бездонная дыра. Ваше Высочество, даже если засуха в Юньани в самом деле по-настоящему сойдёт на нет, боюсь, эти люди за городскими стенами уже не отступят.

Се Лянь ответил:

— Я знаю. Но я ниспосылаю дожди не ради того, чтобы они отступили, а чтобы те, кто остался в Юньани, не погибли от жажды. Это и есть моя первоначальная цель, и её ничто не изменит.

Фэн Синь всё же переживал за него:

— Ты сможешь вынести эту ношу?

Се Лянь похлопал его по плечу.

— Не волнуйся, ведь у меня целых восемь тысяч храмов и монастырей, и последователей достаточно. Конечно, всё будет в порядке. Правда... — Другой рукой он обнял за плечо Му Цина и вздохнул: — Как здорово, что вы двое мне помогаете. Я благодарен вам за то, что сегодня вы со мной.

Сегодня на поле боя его двоим подчинённым пришлось намного тяжелее, чем ему. Убивая, они с ног до головы покрылись кровью. Фэн Синь ответил:

— Не нужно больше говорить такое.

Му Цин же невнятно бросил «О».

Лёгким усилием рук Се Лянь сделал отношения между ними троими немного ближе. Принц искренне произнёс:

— И не только за сегодня, вообще за всё время, я очень благодарен вам двоим. Надеюсь, в веках останется добрая слава о нас, сражающихся плечом к плечу.

Двое смущённо замолчали.

Однако молчание длилось недолго, Фэн Синь громко рассмеялся, Му Цин же, не веря своим ушам, произнёс:

— Я вот что заметил: тебе всегда удаётся так уверенно и без стеснения высказать слова, которые очень... ну просто... — Он покачал головой. — А, ладно.

Уголки губ Се Ляня всё-таки приподнялись вверх, что далось ему с большим трудом. Но улыбка держалась недолго — лицо принца внезапно сделалось суровым, он воскликнул:

— Кто здесь?!

Со звоном Се Лянь выхватил меч из ножен. Один лёгкий выпад, и из тёмного угла на краю зубчатой стены выскользнула тёмная фигура.

Человек прятался в том углу уже давно, затаив дыхание и сосредоточившись, так что никто даже не заметил его присутствия. Се Лянь вначале хотел лишь припугнуть его, зацепив остриём меча, но к неожиданности самого принца, из-за сегодняшнего безжалостного убийства, которое он учинил на поле боя, рука его едва ощутимо дрожала, поэтому силу удара он не рассчитал. Выпад получился слишком резким, так что он просто сбросил человека со стены.

В свете луны в момент падения троица успела разглядеть, что на человеке надета солдатская форма своей же стороны, а по сложению

он походил на юношу лет пятнадцати-шестнадцати. Спустя мгновение юнец полетел вниз и исчез за краем стены. Понимая, что тот сейчас упадёт с башни и разобьётся насмерть, Се Лянь про себя воскликнул «Плохо дело!» и совершил прыжок.

Зацепившись носками за край зубчатой стены, Се Лянь свесился вниз и стремительно, не задумываясь ни о чём, схватил упавшего за руку. Молодой воин повис в воздухе, покачиваясь из стороны в сторону, и поднял голову вверх. А когда Се Лянь в тусклом сиянии луны разглядел это лицо, то невольно округлил глаза.

Ловушка на горбатом склоне. Принц попадает в гнездо демонов

В пору было испугаться, увидев прыжок, совершённый принцем. Но двое его подчинённых, разумеется, прекрасно понимали — для него подобное не представляет особой трудности. Му Цин даже не сдвинулся с места. Правда, Фэн Синь всё же подошёл, чтобы помочь принцу подняться обратно. Затем Се Лянь с небольшим усилием вытащил того рядового за собой. Когда оба снова обрели опору под ногами, Се Лянь спросил:

— Какому командиру ты подчиняешься? Почему прятался здесь?

Руки и голову рядового скрывали бинты, местами пропитанные кровью — по всей видимости, он был ранен. Впрочем, ничего необычного — ведь идёт война, и очень многие израненные солдаты забинтованы точно так же. Но юноша долго прятался в темноте и не подавал голоса, а это уже весьма подозрительно. Му Цин предположил:

— А он не может оказаться лазутчиком от Юнъани? Схватим его и отведём на допрос.

У Се Ляня тоже возникли подобные подозрения. Но столица хорошо охранялась, возможность проникновения сюда врага, кроме Лан Ина, оставалась невелика. А этот солдатик, очевидно, был ещё подростком. Как вдруг Фэн Синь произнёс с лёгким удивлением в голосе:

— Ваше Высочество, ты не помнишь этого мальчишку? Днём он всё время бросался в бой впереди тебя, тот самый, на передней линии.

— Правда^[134]? — удивился Се Лянь.

Во время дневного побоища принцу некогда было обращать внимание на происходящее вокруг, он только и успевал отбивать одну атаку за другой, когда кто-то бросался на него с мечом, намереваясь убить. Се Лянь даже на Фэн Синя и Му Цина не взглянул ни разу, как он мог заметить какого-то рядового?

Фэн Синь уверенно заключил:

— Думаю, да. Я помню этого мальчика. Он сражался с таким рвением, будто ему жизнь недорога.

Се Лянь принялся внимательно разглядывать юного воина. Тот внезапно вытянулся по струнке, задрал подбородок и выпятил грудь, как будто окаменел, но в то же время стоял по стойке смирно.

— И всё равно это не даёт ему права тайком скрываться здесь, — возразил Му Цин. — Кто знает, вдруг он пришёл совершить покушение или подслушивать?

Впрочем, несмотря на такие речи, на самом деле и Му Цин уже ослабил бдительность. Всё потому, что когда армия Сяньлэ всеми силами раздувала пресловутый лозунг «Армия небесного божества — носитель небесного мандата»^[135], немало молодых людей вступили в ряды войск, чтобы следовать именно за Се Лянем.

Среди них хватало и юнцов, большинство из которых являлись преданными последователями Се Ляня. Они сызмальства поклонялись его божественным изваяниям, буквально росли, слушая славные истории о Его Высочестве наследном принце. И теперь желали потихоньку приблизиться, хоть одним глазком взглянуть на Бога Войны. Такие попадались не в первый и не во второй раз, поэтому не считались необычным явлением.

Се Лянь произнёс:

— Ну вот, тревога ложная. — Затем мягко обратился к юному воину: — Наверное, я напугал тебя. Прости.

Юноша, впрочем, не выразил ни капли испуга, вытянулся ещё прямее и сказал:

— Ваше Высочество...

Неожиданно, только он успел произнести первые слова, случилось непредвиденное. Юный воин, не договорив, набросился на Се Ляня!

Принц решил, что тот собрался нанести внезапный удар, и молниеносно увернулся, заноса руку, сложенную в виде меча. Силы

принца вполне хватило бы, чтобы от удара юношу постигла безоговорочная смерть на месте. Но тут кое-что пошло не так, как ожидал принц — он ощутил холод, крадущийся по спине, на полпути резко развернул траекторию удара, повернул запястье и схватил стрелу, пущенную исподтишка, как раз когда Се Лянь повернулся спиной.

Выходит, юноша бросился к нему, потому что увидел холодный блеск летящей стрелы. Се Лянь, который стоял спиной к зубчатой стене, подвергся атаке сзади, но страха не испытал ни капли, напротив — запрыгнул на гребень стены и бросил взгляд вниз, увидев вдалеке на пустой равнине перед городскими воротами одинокую, едва различимую фигуру. Из-за одеяний тёмных цветов она почти сливалась с чернотой ночи, поэтому разглядеть её было крайне непросто. Фэн Синь ветром оказался подле Се Ляня, натянул тетиву и выпустил стрелу. Но нападавший заранее высчитал расстояние и намеренно остановился достаточно далеко. Своим выстрелом он привлёк внимание Се Ляня, а теперь помахал ему рукой, развернулся и направился прочь. Отступил он довольно быстро — когда стрела Фэн Синя его настигла, скорость полёта уже снизилась, и наконечник вонзился в паре цуней за спиной беглеца. В ярости Фэн Синь ударил кулаком по стене, да так, что посыпались вниз мелкие камешки.

— Кто это был?!

Кто же ещё? Се Лянь ответил:

— Лан Ин!

Воины на страже ворот тоже заметили нештатное положение дел. Раздались громкие крики, вокруг все забегали, но по соображениям предосторожности никто не кинулся открывать ворота и бросаться в погоню, вместо этого направили запрос руководящему составу. Лан Ин выстрелил лишь раз, помахал рукой и направился прочь. Казалось, что он просто-напросто специально явился поздороваться с Се Лянем. Му Цин хмуро спросил:

— Зачем он приходил? Силу свою показать?

Фэн Синь гневно высказался:

— Сегодня на поле боя мы разбили армию Юньань в пух и прах. Да и сам он едва избежал смерти от рук Его Высочества. Что тут показывать?!

Се Лянь тем временем нащупал, что к прилетевшей стреле что-то привязано. Он отвязал предмет и поднёс к огню, рассмотрел и

обнаружил, что это полоса ткани, оторванная от роскошного одеяния цвета лазури. На ней даже виднелись следы свежей крови, которые на развёрнутой материи оказались криво написанным иероглифом «Ци».

Се Лянь моментально скомкал ткань в руке:

— Где Ци Жун? Он не в императорском дворце?!

Фэн Синь приказал прибежавшим воинам:

— Сейчас же отправляйтесь в город проверить!

Солдаты второпях сбежали с башни вниз. Ведь ткань действительно оказалась обрывком одеяния, которое больше всего любил надевать Ци Жун. А Лан Ин как раз славился тем, что умудрялся всюду проникать незамеченным, поэтому вероятность, что он похитил Ци Жуна, в самом деле существовала немалая. Медлить было нельзя, и Се Лянь сказал:

— Я пойду за ним, — увидев, что Фэн Синь также подошёл к нему, принц ответил: — Вы останетесь охранять городские ворота, чтобы они не сдвинулись ни на цунь. Остерегайтесь. Вдруг это отвлекающий манёвр^[136]?

Фэн Синь убрал лук за спину:

— Ты никого с собой не возьмёшь?

Се Лянь не желал, чтобы армия Сяньлэ атаковала первой, если со стороны Юньани не наблюдалось масштабного наступления. Ци Жун попал в лапы противника, и принц вполне способен вызволить его в одиночку. Но возьми он с собой отряд воинов, непременно завяжется битва, и тогда уж точно смерти не ограничатся одной-двумя. Желая хоть немного замедлить дальнейшее разрастание конфликта, принц ответил:

— Не возьму. Что они могут со мной сделать?

Затем он, легко опершись о стену, спрыгнул вниз и опустился на землю. Принц стремительно помчался в том же направлении, куда побежал Лан Ин. Спустя какое-то время позади послышались шаги — кто-то бежал следом. Обернувшись, принц увидел уже знакомого юного воина. Се Лянь крикнул ему:

— Мне не нужна помощь, возвращайся!

Парнишка покачал головой. Се Лянь повторил:

— Возвращайся!

Он прибавил скорости, чтобы оставить юношу позади, а когда снова обернулся, уже его не увидел.

Миновав пять-шесть ли, Се Лянь вбежал на вершину горы. Горка эта была не такой уж крутой и больше походила на склон, поэтому и называлась «Горбатым склоном».

Говорили, что после своего отступления от городских ворот армия и простой народ Юньани обосновались именно здесь. Склон покрывала густая растительность, и в ночи в чернеющем лесу повсюду раздавались странные звуки, будто во тьме прятались бесчисленные живые существа, которые следили за принцем хищными взглядами. Се Лянь продвинулся дальше на гору и довольно долгое время провёл в поисках, как вдруг увидел впереди дерево с висящей на нём человеческой фигурой. Приглядевшись, он воскликнул:

— Ци Жун!

Это действительно оказался Ци Жун. Его подвесили на дереве вниз головой да ещё, видимо, избили до беспомощности; с носа на землю капала кровь, один глаз заплыл. Се Лянь выхватил меч, обрубил верёвку, подхватил упавшего Ци Жуна и похлопал того по щекам. Ци Жун медленно пришёл в сознание и, увидев принца, закричал:

— Мой царственный брат!

Се Лянь занялся верёвкой, что связывала Ци Жуна, но тут вдруг ощутил холодок по спине и, не глядя, отбил удар мечом. Обернувшись, он увидел Лан Ина, который, держа обеими руками тяжёлый меч, налетел на него.

Двое обменялись всего парой звонких ударов, но Се Ляню и этого хватило, чтобы выбить оружие из рук Лан Ина. Подсечкой он сбил противника с ног и приставил остриё меча к его горлу, завершая битву:

— Ты ведь знаешь, что тебе меня не победить. Прекрати сражение.

Сегодня им уже приходилось сойтись на поле боя. Любой, кто нападал на Се Ляня, был им же и убит. Кроме Лан Ина. Тому удалось выжить, даже приняв удар меча принца, и, раненному, унести ноги в свой стан. Абсолютно всем было очевидно, что Лан Ин и есть лидер войска Юньани. И Се Лянь, говоря «прекрати сражение», подразумевает не только его одного.

Принц добавил:

— Если вы не станете нападать первыми, я гарантирую, что императорское войско не атакует вас. Возьмите воды и пропитания, а потом уходите.

Лан Ин лежал на земле, глядя на принца в упор. И этот взгляд мог заставить любого, кто с ним встретится, запаниковать. Мужчина ответил:

— Ваше Высочество наследный принц, ты считаешь, что поступаешь правильно?

Выражение лица Се Ляня окаменело. Ци Жун тем временем забранился:

— Что за бред! Ты хоть знаешь, кто он, мой царственный брат? Он — небесное божество! Если он не прав, что же тогда получается, вы, кучка разбойников, предавших родину, правы?!

Се Лянь прикрикнул:

— Ци Жун, придержи язык!

Принц не имел ответа на вопрос, который задал ему Лан Ин. В глубине души он и сам чувствовал, что поступает в чём-то неправильно. Но всё же это наилучший способ, который он мог придумать. Если не защищать Сяньлэ, не давать отпор врагу, неужели он должен был позволить мятежникам Юньани раз за разом наступать, а потом и вовсе ворваться в столицу с боем?

Если бы один или два человека направили на него оружие, принц смог бы, не впадая в крайность, оглушить обоих, тем самым решив проблему. Но на поле битвы, среди множества бесчувственных сабель и мечей, ему не под силу было старательно оглушать каждого по очереди. Оставалось только запретить себе думать и пускать в ход свой клинок. Вопрос Лан Ина угодил в самую точку, пробудив голос в душе принца, вопрошающий: ты считаешь, что поступаешь правильно?

Ци Жун, однако, не обременял себя размышлениями подобно принцу:

— А что я не так сказал? Брат мой, раз ты здесь, скорее убей всю эту горстку разбойников! Они побили меня одного целой оравой в пару десятков человек!

Ци Жун постоянно третировал столицу своими бесчинствами. И, конечно же, людей Юньани, которые заимели на него зуб, оказалось великое множество — само собой разумеется, они не могли упустить такую прекрасную возможность для отмщения. По правде говоря, среди людей Сяньлэ он также нажил себе немало врагов. Но Се Ляню сейчас было не до него. Он обратился к Лан Ину:

— Что тебе надо? Хочешь дождя? В Юньани ещё прольются дожди. Хочешь золота? Я опрокину золотое изваяние и отдам тебе. Хочешь продовольствия? Я... что-нибудь придумаю. Но... не начинай снова войны. Мы вместе отыщем решение, отыщем иной путь, идёт?

Эти слова сами сорвались с языка, Се Лянь не смог сдержать эмоции. Лан Ин, возможно, даже не понял, что означает «иной путь», о котором говорит принц, но ответил он без тени колебаний:

— Я ничего не хочу. И мне ничего не нужно. Единственное моё желание — это чтобы в мире больше не существовало государства Сяньлэ. Я хочу, чтобы оно исчезло с лица земли.

Его голос звучал ровно, но от слов необъяснимо бросало в дрожь. Через какое-то время Се Лянь с тяжестью в голосе произнёс:

— ...Если ты приводишь людей, чтобы напасть, я не могу оставаться в стороне. У вас нет шансов на победу. Даже если все люди Юньани, что следуют за тобой, погибнут, ты всё равно продолжишь стоять на своём?

Лан Ин ответил:

— Да.

Ответ прозвучал столь хладнокровно, столь непоколебимо, что у Се Ляня только захрустели суставы пальцев. Но с ответом принц так и не нашёлся. Лан Ин, чеканя по слову, произнёс:

— Я знаю, что ты — божество. Это не важно. Пускай ты божество, тебе всё равно не заставить меня остановиться.

Се Лянь знал, что Лан Ин не лукавит, поскольку принц как никто другой был знаком с интонацией, с которой тот говорил — безоговорочная решимость одного человека. Когда он сам перед Цзюнь У произнёс «даже если Небеса скажут, что я непременно должен умереть», его намерение, полное решимости, и намерение Лан Ина в этот самый миг словно были выкованы по одному образцу!

Тем самым Лан Ин безоговорочно заявил, что продолжит призывать бесчисленный народ Юньани героически рваться в наступление, и не наступит тот день, когда он остановится. В таком случае, не оставалось никаких сомнений в том, что Се Лянь должен сделать сейчас.

Принц привык держать меч в одной руке, теперь же обхватил рукоять обеими ладонями. Его руки дрожали. И когда он уже

приготовился вонзить клинок в горло Лан Ина, за его спиной вдруг раздался странный скрип, а затем, внезапно, холодная усмешка.

Принц немало удивился тому, что кто-то беззвучно смог пробраться к нему за спину, но когда обернулся, его глаза округлились.

Наиболее вероятным в такой момент было бы появление вражеских солдат, которые наставили бы на него бесчисленные клинки. Но принц совершенно не ожидал увидеть за собой такого странного человека.

Фигура, облачённая в белое траурное одеяние. На лице — бледно-белая маска, до крайности странная: на одной половине изображено плачущее лицо, на другой — улыбка. Человек сидел на лозе, свисающей между двух больших деревьев, и скрип издавала именно лоза, на которой он покачивался. Выглядело это так, будто он катается на качелях. Увидев, что Се Лянь обернулся, человек поднял руки и неторопливо хлопнул в ладоши, потом ещё, при этом холодно посмеиваясь. Се Лянь необъяснимо ощутил, как его пробрало морозом по коже.

— Что ты за тварь? — резко выкрикнул он.

Он употребил слово «тварь», поскольку интуиция подсказала ему — это точно не живой человек!

В это самое мгновение Се Лянь вдруг ощутил, что под остриём меча происходит что-то странное. Затем раздался громкий крик Ци Жуна. Принц обернулся и увидел, что твердь прямо перед ним разверзлась длинной трещиной, которая без предупреждения проглотила лежащего на земле Лан Ина. Затем провал сомкнулся вновь, и Се Лянь непроизвольно вонзил меч в землю. И лишь почувствовав, что остриё клинка вошло не в плоть, а в сырую почву, принц осознал, что его удар не убил Лан Ина, только не ясно, что именно последовало за этим — досада или же облегчение. Тем временем фигура в белых одеждах вновь издала странное хихиканье. Подняв меч, Се Лянь запустил оружием в тварь.

Бросок вышел молниеносным — меч прошёл сквозь фигуру и вонзился в дерево, а противник, не проронив ни звука, припал к земле. Се Лянь подбежал к нему и увидел перед собой лишь безжизненный ком белых одеяний. А тот, кто их носил, растворился в воздухе! Его появление и исчезновение были предельно странными. В сердце Се

Ляня закралась тревога, поэтому он не решился действовать опрометчиво. Одной рукой подняв Ци Жуна, принц произнёс:

— Уходим.

Ци Жун же принялся кричать:

— Нет! Мой брат, давай подожжём гору! Здесь скрывается множество людишек Юньани, и все эти смутьяны, что сидели под воротами столицы и истерили, что не хотят уходить, тоже скрываются на этой горе. Скорее выжжем их дочи́ста одним факелом!

Се Лянь тащил его за собой по дороге и ощущал, что тьма вокруг сгущается, словно за ними наблюдает бесчисленное множество глаз.

— Ты разве не видел, насколько странно вёл себя тот человек, что появился и исчез? Здесь нельзя надолго задерживаться.

— Странно, и что с того? Ты же божество! Тебе ли бояться каких-то мелких демонов? Если посмеют мешаться под ногами, убить их, и дело с концом.

— Поговорим, когда вернёмся в город.

Видя отношение Се Ляня и понимая, что он не собирается поджигать гору, Ци Жун вытаращил глаза:

— Но почему?! Они избили меня до такого состояния, пошли против нас, ты же сам всё слышал! Он сказал, что намерен стереть Сяньлэ с лица земли! Уничтожить наше государство! Почему ты просто не перебьёшь их всех без остатка, как сделал сегодня на поле боя?!

Дыхание Се Ляня на миг застыло. Он пришёл в ярость:

— Почему у тебя на уме всегда только «убить без остатка», и больше ничего?! Как можно сравнивать простой народ с солдатами?

Ци Жун вместо ответа бросил:

— А в чём разница? Они ведь все — люди, не всё ли равно, кого из них убивать?

Его слова будто бы надавили Се Ляню на больное место, в нём вскипела горячая кровь:

— Ты!..

Внезапно принц ощутил, как что-то сдавило лодыжку. Опустив взгляд, он увидел распухшую руку, которая вытянулась из густых зарослей по обочине и яростно схватилась за его сапог!

В тот же миг впереди послышалось несколько глухих ударов, и с деревьев дождём повалились семь-восемь фигур, которые неподвижно распластались на земле. Они напоминали людей, вот только никакой одежды на них не было. Подобно гигантским червьякам из плоти, они медленно поползли в сторону принца. Ци Жун не сдержал вопля:

— Кто это?!

Се Лянь одним ударом отрубил руку, что его удерживала, и мрачно ответил:

— Не «кто». Это бину!

Раньше Се Ляню никогда не приходилось слышать, чтобы эти твари появлялись в горах недалеко от императорской столицы. Даже если здесь заводилась нечисть, монахи из монастыря Хуанцзи очень скоро расправлялись с ней. Значит, бину могли оказаться здесь только одним путём — кто-то специально привёл их.

Се Лянь совершенно не ожидал, что в эту войну вмешаются ещё и нечеловеческие существа. Возвращаясь в мыслях к множеству деталей случившегося, он всё больше подозревал, что противник заодно с Лан Ином, а похищение Ци Жуна направлено лишь на то, чтобы выманить самого Се Ляня. Но сейчас не оставалось времени как следует всё обдумать. Один взмах меча принца был способен разрубить всех восьмерых бину ровно пополам. Но только, если уж эти твари где-то появляются, то всегда сбиваются в группы. Как и следовало ожидать, среди деревьев и кустов вокруг раздался шорох, заросли закачались сильнее, и ещё больше человеческих фигур телесного цвета с неразличимыми чертами лица выползли из них. Бесконечным потоком они нахлынули на Се Ляня. Притом их целью являлся только принц. Один удар разрубал десяток, но тут же на их месте возникало в два раза больше. И как раз когда Се Лянь неустанно орудовал мечом, один из бину, что прятался на дереве, наметившись прыгнуть прямо на спину принцу, свалился сверху!

Но случилось непредвиденное — тварь даже не приблизилась к цели, когда оказалась разрублена холодным блестящим клинком. Ци Жун не был вооружён, разумеется, он не мог никого зарубить. Се Лянь обернулся и увидел, что удар нанёс тот юный воин!

Он пропал из виду, когда Се Лянь оставил его у городских ворот, но всё-таки отправился следом и нашёл их. В руках юноши оказался плохонький меч, но и тот принёс немалую пользу — в пару-тройку взмахов он смог разрубить нескольких бину. Ползучие твари выделяли крайне липкую жидкость, от чего Ци Жун разразился криками омерзения. Он несколько раз с остервенением наступил на голову одному слабенькому бину, заметил, что тварь вовсе не внушает страха, и в недоумении произнёс:

— Какие-то не слишком сильные из них противники, а?

Но ему было и невдомёк, что бину всегда появляются вместе с другими лютыми тварями. Се Лянь прокусил губу, коснулся раны двумя пальцами и равномерно нанёс кровь на лезвие меча. Затем вручил этот меч Ци Жуну и повелел:

— Вы двое, возьмите этот меч и уходите! К вам никто не посмеет приблизиться. Если в дороге что-то услышите, не оборачивайтесь. Запомните, ни в коем случае не оборачивайтесь!

— Мой брат! Я... — начал Ци Жун.

Се Лянь оборвал на полуслове:

— Сильный противник впереди. Скоро мне будет совсем не до вас. Лучше отправляйтесь назад, передайте известие!

Ци Жун не сказал больше ни слова, подхватил меч и бросился бежать. Се Лянь благословил оружие в его руках при помощи магии, и по пути ни бину, ни иные твари не посмеют к нему приблизиться. Не встретив препятствий, Ци Жун скоро исчез из виду. Только вот юный воин по-прежнему оставался на месте. Ци Жун уже убежал вперёд, а у Се Ляня не было другого волшебного оружия, чтобы отдать юноше.

Ему самому пришлось воспользоваться ладонью вместо меча. Спустя полчаса непрерывного уничтожения тварей, при содействии юноши, который вкладывал в битву все силы, они наконец под чистую расправились со всеми бину.

Землю покрыли трупы, сочащиеся липкой жидкостью и непрерывно смердящие. Убедившись, что ни один бину не выжил, Се Лянь выровнял дыхание, повернулся к юноше и произнёс:

— Ты неплохо управляешься с мечом.

Паренёк стоял, крепко сжимая в руках меч, и немного задыхался. Но тут же мгновенно вытянулся в струнку и ответил:

— С-слушаюсь.

— Я ведь не отдавал приказа, к чему ты говоришь мне «слушаюсь»? А почему, когда я приказал тебе вернуться, ты не ответил «слушаюсь»?

Юноша повторил:

— Слушаюсь.

Лишь после до него дошло, что ответ прозвучал как-то странно, и осанка его сделалась ещё прямее. Се Лянь покачал головой, подумал и вдруг приподнял уголок губ со словами:

— Впрочем, тебе... больше подошла бы сабля.

В объятиях нежных сладострастной муки блюсти невинность тела божества

Юноша застыл в недоумении:

— Почему?

Се Лянь воскресил в памяти каждый выпад и каждое движение юноши во время сражения с бину, повторив пару взмахов рукой, и заключил:

— Должно быть, тебе не приходилось брать в руки саблю? Ты сражаешься мечом, но стиль меча замысловат и коварен. Клинок твой быстр и безжалостен, это верно. Но ты будто скован по рукам и ногам, твоей силе негде развернуться. Если раньше не держал сабли, в следующий раз попробуй. Мне думается, тогда твоя мощь значительно возрастёт.

Каждый раз, видя кого-то в сражении и подмечая важные детали, принц не мог удержаться от пары фраз в адрес бойца. Вовсе не ради того, чтобы раздать указания, а только чтобы, исполнившись интереса, поучаствовать в активном обсуждении. Поскольку принц имел богатейший опыт сражений, он всегда ухватывал самую суть с первого взгляда, совершенно не задумываясь. Он не мог объяснить, почему это так, просто чувствовал, что несомненно прав. А его собеседники, в большинстве своём из уважения к статусу принца, слушали его, но очень немногие в душе по-настоящему задумывались о том, верны ли эти замечания. Юноша, однако, слушал с неподдельным вниманием, и, кажется, тщательно обдумывал слова принца, время от времени поглядывая на меч в своей руке. Принц успел сказать всего несколько фраз, когда из чёрнеющего вокруг леса снова послышался шорох и шелест, словно какие-то твари очень быстро ползли по земле. Се Лянь тут же вспомнил, что их всё ещё со всех сторон подстерегают опасности и его воодушевлённые разговоры сейчас совсем не к месту. Немедленно сделавшись серьёзным, принц произнёс:

— Неизвестно, водятся ли на горе другие твари. Нужно зачистить местность, уничтожить их без остатка.

Юноша активно закивал и обеими руками поднял свой железный меч. Се Лянь покачал головой:

— Главное — защищайся сам. Ты не ушёл, когда была возможность, и теперь уйти уже не сможешь. Я постараюсь тебя

защитить, но и сам будь предельно осторожен.

Как вдруг трава зашевелилась вновь, и какая-то тварь выпрыгнула из зарослей. Се Лянь отвесил удар ладонью, попав точно в цель, тварь мерзко взвыла и упала, недвижимая. Принц ощутил сильный запах крови и невольно удивился: ведь раненные бину истекали вязкой жижей, чрезвычайно липкой, но не источающей подобного запаха. Поэтому принц подошёл, раздвинул траву и всё же увидел огромного бину, которого от удара разорвало на куски. Но кровью пахло вовсе не от него, а от того, что он сжимал во рту — оторванный скальп, покрытый длинными волосами!

Бину выживают, питаюсь падалью, и судя по всему, пострадал живой человек. Проползая по траве, тварь оставляла за собой кровавые следы, и Се Лянь немедленно направился по этой кровавой дорожке, а юный воин последовал за ним. Чем дальше они шли, тем заметнее становились кровавые брызги, тем более ощутимый запах крови витал в воздухе. Вскоре они услышали беспомощный плач.

Рядовой выставил меч и выбежал перед Се Лянем, однако принц тут же притянул его к себе за спину. Они обогнули цветущие заросли, и взору их предстал вход в пещеру средних размеров.

Возможно, пещера когда-то служила людям временным приютом, но теперь землю усыпали трупы, а по ним ползали двадцать или даже тридцать бину, с наслаждением обгладывая тела. А ещё пять-шесть особей как раз окружили молодую девушку. Лицо добычи искажилось болью — её живот был вспорот, внутренности буквально растеклись по земле, но девушка всё ещё дышала. Кажется, совсем недавно она уложила волосы в простой пучок и украсила сбоку ярко-красными цветами. Но теперь эти алые цветы в её волосах до боли безжалостно окропило алой кровью.

Группа бину как раз вылизывала её пышущие жаром внутренности, готовясь приступить к трапезе, как вдруг твари услышали приближение людей, завертели головами и бросились к новой жертве. Се Лянь, не моргнув и глазом, убил всех бину одним ударом ладони и тут же оглядел трупы людей, среди которых оказались и мужчины, и женщины, и старики, и дети... Все — с ног до головы в грязи, одетые в бесхитростные холщовые одежды. Вне всякого сомнения, погибшие являлись мирным народом Юньани. Се Лянь невольно испытал потрясение.

Ведь он посчитал, что внезапно появившуюся в горах нечисть призвала та странная фигура в белых одеяниях. А раз незнакомец в белом спас Лан Ина, значит, они, должно быть, заодно. Но почему же тогда бину решили поживиться людьми Юньани? Нечеловеческие существа ни за что не стали бы сговариваться с людьми без всякой на то причины. Разве только... это и было условием, которое потребовалось от Лан Ина? Он воспользовался людьми, что следовали за ним, как разменной монетой?!

До смерти перепуганная девушка, мучаясь от боли и исторгая кровь изо рта, разразилась всхлипываниями:

— Не убивайте меня, я не сделала ничего плохого, не убивайте!

Се Лянь, не в силах сдержать эмоции, вспомнил семью из трёх человек, погибшую под городскими стенами. Разве они совершили что-то плохое? Наклонившись к девушке, он предельно мягко произнёс:

— Не нужно бояться. Всё хорошо. Я пришёл тебя спасти.

Рядовой же, в отличие от принца, направил на девушку меч:

— Ваше Высочество, берегитесь, вдруг она оборотень, живущий в диких горах?

Се Лянь, разумеется, понимал, что такая вероятность существует, и к тому же крайне высокая. Но тщательно всё взвесив, принц пришёл к выводу, что пройти мимо не может. Главное — сохранять бдительность. Он быстро ощупал пульс девушки, осмотрел её ладони и пальцы, и таким образом убедился, что она — живой человек, да к тому же несколько не тренированный: в руках бедняжки не хватило бы сил даже на то, чтобы связать курицу. Затем принц немедленно приступил к спасительным мерам: вынул из рукава снадобье и вынул пробку. Из бутылка тут же засочился едва-едва заметный бледный дымок с приятным ароматом.

Это снадобье могло не только излечить от всевозможных ядов, но также удивительным образом помогало при ранениях. Се Лянь, не щадя ни капли волшебного снадобья, использовал на девушке весь бутылёк и спросил:

— Ну как, стало лучше?

Девушка была ранена крайне тяжело, больно взглянуть. Но когда она вдохнула струйки чудодейственного дымка, даже с лица её

немного отступила мертвенная бледность, бедняжка слабо кивнула. Се Лянь задал ещё вопросы:

— Вы из Юньани? Как подобное могло случиться с вами?

Девушка залилась слезами:

— ...Да, я из Юньани. Я сама не знаю, как это случилось... сначала... — она всхлипнула, — всё было хорошо, но потом вдруг... мой отец погиб, мой старший брат тоже погиб...

Се Лянь мягко похлопал её по плечу:

— Но кто тот убийца, что их погубил? Или же... что это за тварь?

Девушка, задыхаясь, ответила:

— Убийца, что их погубил... это... это ты!

В самом конце фразы на её лице внезапно проявилась свирепая злость, глаза яростно сверкнули, девушка распахнула объятия и крепко сжала в них Се Ляня!

Юный воин, который всё время бдил поблизости, отреагировал на удивление быстро — мгновенно вонзил клинок ей в спину.

Девушка уже была тяжело ранена, а после такого удара ни за что не смогла бы выжить, однако... она вдруг разразилась радостным хохотом, вцепившись в Се Ляня намертво, просто не желая отпустить. И в таком положении испустила дух. Хватка её оказалась настолько крепкой, что юный воин с огромным трудом оттащил труп от принца.

— Ваше Высочество! Что с вами?

Се Лянь уж было решил, что девушка в последний момент нанесёт предательский удар. Но она не держала при себе оружия, даже не попыталась укусить его или оцарапать, только крепко-крепко обнимала, будто бы этого ей было достаточно, и до самой смерти не разжала объятий. Принц в растерянности проговорил:

— Со мной ничего... я...

Не успел он договорить, как, будто насмешка, на него налетело внезапное головокружение.

Чёрный глаз юного воина округлился:

— Ваше Высочество?!

Се Лянь ощутил только мучительный жар в душе и сердце, он не мог выговорить ни слова, да и не хотел говорить, и тем более не желал никого слушать. Он покачал головой и молча махнул рукой. В то же мгновение местность вокруг огласилась весёлым женским смехом:

— Хи-хи-хи-хи...

— Хи-хи-хи-хи...

Двое ошеломлённо осознали, что вокруг нет никого третьего. А смех издавали те самые ярко-красные цветы!

Се Лянь сразу понял, в какую западню попался...

«Нежные объятия»^[137]!

Под «Нежными объятиями» имелись в виду вовсе не нежные объятия. Так назывались цветочные оборотни, которые любили обитать целыми группами и в основном питались жизненными силами и кровью мужчин. Их аромат не сулил ничего хорошего.

Се Лянь немедля выкрикнул:

— Плотно закрой нос и рот, не вдыхай благоухание этих цветов!

Лицо юного воина и без того закрывали плотно намотанные бинты — он дышал уже через ткань, поэтому и не вдохнул цветочного аромата. А услышав наказ, затянул повязки потуже. Только потом осознал, что Се Ляню вовсе нечем закрыть лицо, поэтому сорвал самый чистый лоскут со своих одежд, принялся яростно тереть и хлопать, пока не выхлопал от пыли, и обеими руками протянул принцу. Однако тот ответил:

— Не нужно. Уже не поможет.

Пытаясь спасти девушку, принц был начеку, но всё же позабыл о дыхании и наклонился слишком близко. Кто мог представить, что в её волосы окажется убран именно цветок Нежных объятий! И перед смертью девушка ещё сильнее прижалась к Се Ляню, дабы не допустить промаха. Иными словами, Се Лянь давным-давно незаметно для себя глубоко вдохнул аромат нежности и уж теперь его переживания поистине можно было назвать «волнующими до глубины души».

Стоило аромату нежности проникнуть в тело, кровь мужчины начинала закипать. Вначале наступала слабость, затем раздражительность. Сейчас всё тело принца обмякло, будто мышцы свело судорогой. А очень скоро, когда онемение спадёт, он превратится в ходячую бочку взрывчатки. И если в тот момент странная фигура в белом появится опять, Се Лянь не мог сказать наверняка, каковы его шансы на победу, ведь ему даже не удалось пока определить, насколько в действительности силён противник. Первым делом принц бросился искать снадобье, но уже в процессе поисков вспомнил, что

истратил весь бутылёк, чтобы спасти девушку. Вот только... и она в конце концов не выжила.

Он бросил взгляд на труп девушки. На её лице так и застыла улыбка, будто она ощущала искреннюю радость от того, что смогла поймать врага в ловушку и теперь наконец отправится на встречу со своими родными. Во всём виновата кровавая сцена, развернувшаяся вокруг, ведь именно она разбавила яркость опасных цветов, и запах крови, который ослабил необычное благоухание. Принц никак не ожидал, что на лице девчонки не старше шестнадцати лет может появиться такое озлобленное выражение, и что она способна совершить столь решительный поступок.

Тем временем цветочные оборотни, до невозможности воодушевлённые, зашумели:

— Попался на крючок!

— Заманили!

— Это правда тот самый Его Высочество наследный принц?

— Ага, это он.

— Какой красавец... мои корни... мои корни вот-вот вырвутся из земли, я не могу их удержать!

Юный воин замахнулся мечом и рубанул по цветочным зарослям, срезав небольшой участок. Однако стебли цветов оказались весьма упругими, его плохонький меч рубанул только раз, а на второй удар уже заметно притупился. Оборотни, покачиваясь, раскричались от страха:

— Ого! Юный гэгэ и шёрсткой не оброс^[138], а ведёт себя так свирепо! Мы с таким трудом вырастили бутоны, что вот-вот раскрылись бы! Как ты собираешься заглядеть вину?!

От гнева у юного воина глаза чуть не пылали огнём:

— Сдохните! Я выжгу вас всех дотла!

Оборотни сложили зелёные листья на стебли, восклицая:

— Как страшно! Но ведь мы ничего тебе не сделали, к чему так горячиться?!

Се Лянь тоже возразил юноше:

— Сжигать нельзя! Они же оборотни, если поджечь... дым обернётся ядовитой завесой. И выдирать их нельзя!

Юноша немедля отдёргнул руку, которой как раз собирался вырвать цветы с корнем. Се Лянь обессиленно добавил:

— На стеблях ядовитые шипы...

Цветочные оборотни нежно пропели:

— Ого, Его Высочество наследный принц такой ласковый, спасибо тебе, что защищаешь нас. Подожди немного, вот-вот завяжутся наши плоды! И ты непременно как следует испытаешь на себе нашу страстную любовь, хи-хи-хи-хи...

— Такие мужчины, что с детства посвящают себя самосовершенствованию в девственном теле, встречаются крайне редко. Конечно, когда лишишься невинности, уровень твоих магических сил упадёт на порядок. Но что поделать, придётся тебе стерпеть эту обиду, хи-хи-хи-хи...

Бутоны Нежных объятий потёрлись друг о друга и завлекательно захихикали, во всей красе обнажая блудливые намерения. Юноша, услышав их, на некоторое время застыл как вкопанный. Кажется, он не до конца осознавал, что означают слова «девственное тело», «лишиться невинности» и «уровень магических сил», но всё же понял, что ничего хорошего они не сулят. Он принялся изо всех сил рубить цветы мечом и гневно кричать, чтобы заглушить те поддразнивающие речи, не давая Се Ляню их слушать. Сам принц тем временем до хруста сжал кулаки.

Вот оно что!

Теперь стало ясно, что все события этой ночи явились западнёй, расставленной специально для него.

Похищение одного Ци Жуна, можно считать, стало точным ударом по его гордости Бога Войны Сяньлэ — враг верно предусмотрел, какое решение примет принц, прекрасно зная, что тот непременно изберёт отправиться в погоню в одиночку, дабы не раздувать конфликт. Ну а та тяжело раненная девушка стала уловкой, чтобы он истратил всё своё волшебное снадобье и не смог ослабить действие яда сразу, как только вдохнёт аромат нежности. Оборотни и люди действовали сообща, только ради того, чтобы дождаться этого момента.

Путь самосовершенствования, который избрал Се Лянь, в самом деле требовал хранить невинность тела. Когда монахи, посвятившие себя этому пути, возносились на Небеса, последователи, что приходили им поклониться, свято верили, что божество, в которое они веруют, наверняка превосходит всех простых смертных, потому как не

запятнано плотскими страстями. Это означает, что несоблюдение непорочности несомненно приведёт к полнейшему разочарованию последователей и большой потере магической силы. Конечно, урон будет не настолько тяжёлым, чтобы превратить его из небожителя в простого смертного, несколько лет старательных медитаций дадут возможность вернуть утерянное, но в нынешних обстоятельствах... Кто же даст принцу несколько лишних лет для медитаций?!

В монастыре Хуанцзи действовали строжайшие запреты и ограничения, и Се Лянь, будучи первым среди лучших учеников наставников монастыря, никогда не нарушал ни правил, ни данных обетов. Он считал свои внутренние запреты подобными железу — никакой ураганный ветер не смог бы поднять и мелкой ряби в пруду его души. Столкнувшись с множеством подобных испытаний в прошлом, принц каждый раз в совершенстве их выдерживал. Но всё же, невзирая на то, что сердце его подобно стоячей воде, молодость, в силу ранимости, легче задеть за живое. А сейчас рядом с ним находился ещё и совсем юный воин. Поэтому Се Лянь не смог сдержать в душе чувство стыда, слушая, как цветочные демоны льют на него изощрённые непристойности, которые уж никак нельзя было назвать завуалированными намёками. Масла в огонь подливало то, что принц вдохнул цветочный аромат, поэтому кровь его закипела от возбуждения, мысли стали разгорячёнными, и даже лицо окрасилось малиновым румянцем. Но к своему огромному негодованию подняться на ноги принц не мог, как ни пытался.

Пока ещё принцу удавалось держать себя в руках. Но если Нежные объятия в самом деле дадут плоды, это обернётся серьёзной проблемой. Наилучшим решением стало бы сейчас же вернуться в столицу и призвать Фэн Синя и Му Цина в качестве хранителей^[139].

Но в этот миг Се Лянь даже не мог встать, поскольку у него подкашивались колени. Иного выхода не оставалось, и принцу пришлось позвать юного воина:

— Ты... подойди^[140].

Слова принца заставили юного воина, который стоял к нему спиной, задереженеть. Юноша медленно развернулся, но так и не осмелился подойти. В сложившемся положении нельзя было допустить промедления, поэтому, видя его колебания, Се Лянь ощутил

горячую вспышку волнения в сердце. С трудом сдерживая тревогу, он воскликнул:

— Не бойся, я ничего тебе не сделаю. Подойди же, скорее!

Юноша наконец сдвинулся с места. Но, подбежав к принцу, вновь резко остановился в паре чи от него. Се Лянь неслышно вздохнул и протянул ему руку:

— ...Помоги мне подняться. Уведи меня отсюда.

Когда юноша с крайней осторожностью взялся за его руку, Се Лянь, будто умирающий, что наконец нашёл опору, мгновенно ощутил, как силы его покинули, и буквально упал, повиснув на юноше.

Принц полностью находился во власти аромата Нежных объятий, температура его тела взлетела вверх, он весь уже пылал жаром. Но ладони юноши оказались такими же обжигающими, как у самого принца, и ещё немного дрожали.

Се Лянь повис на нём совсем ненадолго, немного скопил силы, сделал глубокий вдох и с трудом выпрямился. Он не хотел заставлять кто-то меньше и слабее себя тащить его на спине и сделал несколько медленных шагов сам, юноша только слегка поддерживал его. Но тут внезапно раздался голос цветочного оборотня:

— Ну нет, Ваше Высочество наследный принц, не покидайте же нас! «Он» ждёт вас там, на тропе, и если вы уйдёте, то встретите «Его».

«Его»?

Се Лянь спросил:

— Кто этот «Он»?

Упомянув о «Нём», цветочные оборотни, кажется, сами немного испугались. Поколебавшись в безмолвии, они прошелестели:

— «Он» — это «Он». — Цветы потёрлись друг о друга бутонами, повторяя: — «Он» — это «Он». Тот, кто привёл нас сюда.

Несмотря на их категорическое нежелание называть ни имени, ни личности того, о ком говорили, в мозгу Се Ляня тут же возникла маска, наполовину смеющаяся, наполовину плачущая.

— Вы хотите сказать, что если я сейчас уйду, тот человек, что закопал вас здесь, убьёт меня по дороге; но если я останусь, то он не придёт за мной, верно?

Оборотни остались весьма довольны и захихикали, кивая головками цветов. В душе Се Ляня ни с того ни с сего разгорелось

пламя.

Кто-то решил не убивать его, а вместо этого заточить в таком месте, в подобных обстоятельствах, о которых даже постыдно завести разговор — это глупая шутка или что?! Да лучше бы его сразу вызвали на смертельный поединок!

Немного успокоившись, он подавил раздражение внутри. Видимо, противник вовсе не собирался побеждать его в битве лицом к лицу, а намеревался лишь нанести урон магическим силам, снизить уровень его мощи, заставить растерять последователей.

Нельзя слепо верить словам оборотней. Но если подумать, окажись их речи ложью, принц не мог гарантировать, что ему с юношей удастся уйти в целостности и сохранности, даже если Се Лянь позволит юноше поддерживать или нести себя на спине. Ведь стоит противнику на пути их следования разбросать ещё несколько женщин, и принц со своим спутником попадут в ещё более неловкое и затруднительное положение.

Взвесив всё положение дел, Се Лянь с жаром выдохнул, закрыл глаза и произнёс:

— Отведи меня в пещеру.

Юноша повиновался — провёл принца через поляну, усыпанную трупами, и оказался вместе с ним у входа в пещеру. Се Лянь прошептал:

— Стой.

Рядовой остановился. Се Лянь, с трудом поднимая дрожащую руку, спросил:

— Где твой меч?

Левой рукой поддерживая принца, юноша правой поднял клинок. Се Лянь вытянул руку и закатал рукав, обнажив предплечье, в прозрачном свете луны напоминающее холодный нефрит сорта «Бараний жир»^[141].

Юноша на миг перестал дышать, но Се Лянь не заметил этого, только прошептал:

— Уколи меня клинком.

Рука юноши с зажатым в ней мечом мгновенно упала. Се Лянь добавил:

— Не нужно бояться, просто коли и всё, да поглубже. Я должен поставить магический барьер, но сейчас у меня нет при себе иных

артефактов, придётся пролить кровь, иначе никак.

Но юный воин воскликнул:

— Ваше Высочество, возьмите мою кровь! — он вскинул руку и порезал её о меч, совершенно не щадя сил.

Се Лянь попытался остановить:

— Не нужно! Твоя кровь... — но не успел, из глубокого длинного пореза, который уже появился на руке юноши, неудержимо хлынула кровь.

Тогда Се Лянь вздохнул:

— Ай... ты... ладно.

Кровь принца обладала способностью благословлять, разве можно сравнивать столь бесценное сокровище с кровью простого смертного? Однако, видя искренний порыв юного воина, Се Лянь не позволил себе сказать прямо, что его жест абсолютно бесполезен. Только произнёс:

— Большое спасибо тебе. Но всё же придётся взять немного и моей крови, в качестве вспомогательного элемента.

Далее Се Лянь сам взял меч. Но поскольку его руки дрожали, пришлось несколько раз нанести удар, прежде чем клинок попал ровно в середину предплечья. Тёмно-алая кровь божества стекла вниз по белоснежной коже. Принц каплями провёл две дуги у входа в пещеру, будто бы поставил два заслона. Можно сказать, это был жест непозволительных растрат драгоценного дара. Се Лянь также для вида примешал немного крови юноши, а когда закончил, ощутил ещё более сильное головокружение.

— Идём внутрь...

В пещере царила непроглядная темнота. Юноша достал из-за пазухи бумажный факел^[142], поджёг при помощи огнива, и вокруг стало намного светлее.

Лицо юноши пряталось за плотно намотанными бинтами, а вот плачевное состояние Се Ляня обнажилось бесповоротно. С него катил холодный пот, волосы чуть растрепались, в уголке рта сочилась кровь, губы распухли и покраснелись. Это осталась рана с того раза, когда принц осенил драгоценный меч благословением, прокусив губу. Свет огня больно резанул Се Ляню по глазам, а от волны тепла ему стало ещё хуже. Принц немедленно попросил:

— Не зажигай огонь. Погаси.

Юноша сразу же бросил бумажный факел на землю и затоптал. Пещера вновь погрузилась во тьму. Се Лянь, которого он завёл внутрь пещеры, сел прямо на землю в позу для медитации успокоения сердца. Спустя некоторое время принц медленно произнёс:

— Теперь у меня будет для тебя задание. Сможешь выполнить?

Юноша припал на одно колено и ответил ему:

— Десять тысяч смертей не остановят меня^[143]!

Се Лянь, сдерживая дыхание, которое всё учащалось, с трудом сохранял спокойствие.

— Перед входом в пещеру я установил защитные барьеры. Всего их два. Первый не позволит тварям снаружи ворваться внутрь; второй не даст людям изнутри выбраться наружу.

Беззвучно отдышавшись, принц продолжал:

— Между двумя барьерами есть пространство. Ровно для одного человека. Ты должен находиться там. Охранять вход. Что бы ты ни услышал снаружи, не выходи; и точно так же, не важно, что будет происходить со мной внутри, ты ни в коем случае не должен сюда входить.

Юноша на мгновение оторопел:

— Ваше Высочество, вы останетесь здесь один?

— Да. Не знаю, что я способен натворить... В общем, что бы ни произошло, тебе нельзя заходить.

В подобных обстоятельствах вернуться в город уже не представлялось возможным. Что до подмоги, Ци Жун, должно быть, всё ещё в пути, мчится, спотыкаясь на каждом шагу. Только чтобы добраться до столицы, ему понадобится бежать очень долго, а пока он приведёт солдат на помощь, вообще неизвестно сколько пройдёт времени. Придётся очертить себе территорию, чтобы удерживать позиции и придумать способ избавиться от действия аромата нежности. Голос принца сделался мрачным:

— Если цветочные оборотни дадут плоды, мощь их чар соблазнения достигнет предела. Боюсь, они вот-вот созреют...

Внезапно благоухание в воздухе усилилось, прервав речи принца. Нежная сладострастная аура заполнила всё вокруг, оборотни кокетливо захихикали, вне себя от удовольствия, и наперебой заголосили:

— Мои корни! Мои корни затвердели!

— Плоды созрели!

Едва услышав волну благоухания, Се Лянь ощутил, как участилось сердцебиение, а кровь ударила прямо в голову. Принц стиснул зубы:

— Скорее ступай! Ни в коем случае не вдыхай цветочный аромат. Если они приблизятся, не пугайся. Ни одна тварь не сможет переступить через кровавую линию. Но пока ты находишься внутри защитного поля, можешь атаковать их мечом, убивать и ранить.

Юный воин бросил взгляд наружу и уверенно кивнул. Подхватив меч, он выбежал прочь, остановившись ровно между двумя кровавыми линиями на пороге пещеры. А там, среди множества мёртвых тел, теснящиеся друг к другу цветочные заросли выглядели ещё ярче и прекраснее. И теперь вся эта цветочная поляна едва заметно шевелилась, будто бы корни под ними вот-вот вырвутся из земли. Вскоре это действительно случилось, кое-что показалось наружу... и это была голова женщины!

«Женщина» высунула голову из-под земли, вдохнула свежий воздух на поверхности и, словно упиваясь удовольствием, сощурила глаза. Следом из земли показалась половина покатога плеча, а за ним и целая рука.

Плоды Нежных объятий созревали под землей, на корнях. И полностью созревшие, они принимали всевозможные формы женского тела.

Настал момент, когда плоды цветов созрели, и теперь бесчисленные совершенно голые женские тела выбирались из земли. Они срывали ярко-красные цветы, растущие на макушке, омывались лунным светом и всласть разминали конечности. Ранее благоухание исходило лишь от маленьких цветков, теперь же аромат источали эти обольстительницы. Они похлопали себя по фигуристым телам, стряхивая землю, поправили длинные волосы и направились к входу в пещеру, кокетливо посмеиваясь:

— Ваше Высочество, мы идём к вам!

Пещера тоже заполнилась густым благоуханием, так что стало трудно дышать. Се Лянь сидел в медитации с закрытыми глазами, про себя повторяя «Дао дэ цзин». Однако особенного действия это не возымело, оборотни без тени стеснения сыпали бесстыжими словечками, что плавной и вкрадчивой речью^[144] шелестели снаружи. Всё какие-то «сокровище», да «золотце», да «гэгэ», да «диди»^[145]...

Сплошным бормочущим потоком они сильнее раздражали сердце Се Ляня, поэтому ему пришлось начать читать вслух:

— Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус. Быстрая езда и охота волнуют сердце. Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления^[146]... Покой побеждает ходьбу, холод побеждает жару. Спокойствие создаёт порядок в мире^[147]... Добрым людям я делаю добро и недобрым также делаю добро^[148]...

Принц даже не обратил внимания, что совершенно сбился во время чтения священного текста, который обыкновенно мог декламировать без запинки. Оборотни снаружи захлопали в ладоши и рассмеялись:

— Наш милый принц, наше милое золотце, мой дорогой Его Высочество, голубчик, ты ведь не монах, какие могут быть священные тексты, ах... ой!

Послышался звонкий крик. Кажется, это юный воин, не проронив ни звука, с ожесточением пустил в ход оружие. Ураган колющих и рубящих выпадов заставил оборотней обратиться в бегство с криками:

— Оборотней убивают!

Кто-то, отбежав подальше, забранился:

— Ах ты, подлый, проклятый сорванец! Мелкий монстр, срыватель цветов^[149]! Совсем не умеешь бережно относиться к женщинам^[150]!

— До смерти напугал! До смерти! Совсем мальчишка, а уже такой безжалостный! Страшно подумать, что будет, когда он вырастет!

Группа цветочных оборотней, будто изнывая от голода или жажды, пыталась проникнуть в пещеру, однако ничего не вышло. Вначале они не заметили магического барьера и решили, что причиной тому человек, который стоит у них на пути. Посоветовавшись друг с другом, оборотни собрались неподалёку и заговорили с юношей:

— Юный гэгэ, ну зачем же ты стоишь на пути и не даёшь нам пройти? Мы ведь ничего плохого делать не собираемся, просто хотим немного поразвлечься с Его Высочеством наследным принцем!

— Будь умницей, маленький генерал, не мешай нам сделать с Его Высочеством кое-что приятное!

— А этот диди такой свирепый, парень довольно интересный! Жаль только, что ещё мал, слишком уж зелёный. Наверное, он понятия

не имеет, что значит «кое-что приятное»!

Пока оборотни сбились в кучу и принялись хихикать да подшучивать, Се Лянь чуть приоткрыл глаза, увидев в проходе пещеры темнеющие очертания. Там стоял юноша, обеими руками сжимающий меч, и казалось, он не отступит, даже если погибнет. Как вдруг одна из обольстительниц произнесла:

— Слушай, юный гэгэ, ну не стой ты там как несмышлёныш, о чём ты думаешь? Может быть, отойдём со мной в сторонку, повеселимся немного, а? Какие тебе нравятся? Такие как я тебе по нраву?

Юный воин по-прежнему не издавал ни звука. Демоницы решили — чтобы пройти в пещеру, должно быть, нужно устранить помеху в лице парнишки. Поэтому стали прикладывать к этому всевозможные усилия. Поднялся гомон:

— А как тебе я?

— А обо мне что скажешь? Посмотри, я красавица?

— Взгляни на меня, нравится?

Вот только если вначале их речи звучали насмешливо, то затем превратились в обиженные, а под конец оборотни и вовсе стали браниться. Ведь юноша, неизменно от начала до конца, не достаивал их и малой толикой внимания, пока они стояли далеко, а если подходили ближе — рубил мечом. Се Лянь знал, что Нежные объятия, пока сидели в земле, могли на своё усмотрение изменить свой облик, поэтому хотел предупредить об этом юношу, но, на беду, по какой-то причине не посмел. С огромным трудом подавляя волны мучительного жара, принц произнёс:

— Не смотри на них...

Борьба с горячей кровью, бьющей в голову, уже вымотала принца, отобрав все силы. Поэтому фраза прозвучала крайне тихим шёпотом. Однако юный воин услышал Се Ляня мгновенно и тут же громко отозвался:

— Слушаюсь! Ваше Высочество, с вами... с вами всё в порядке?

— Не стоит беспокоиться за меня. Если тебе приходится тяжело, завяжи глаза, рот и нос...

Юноша не успел ничего ответить, послышался хохот одной из обольстительниц:

— Я всё поняла! Дружок, я думаю, что тебе более всего по нраву... придётся такое, верно?

Судя по всему, из земли вырвался ещё один плод Нежных объятий. В тот же миг снаружи пещеры воцарилась мёртвая тишина. А юный воин, кажется, перестал дышать.

В следующий миг волна смеха оборотней, достигающая небес, едва не опрокинула Се Ляня наземь.

Они хлопали в ладоши и кричали:

— Ого! Вот это ход, караул! Караул!

— Мать моя! Как ты до этого додумалась? Непревзойдённо, ха-ха-ха-ха-ха-ха... Скорее, смотрите! Паренёк-то остолбенел весь! Уверена почти наверняка, что всё так и есть!

— Так и есть, ошибки быть не может! А я было решила, что этот мелкий демон чёрств как камень! Вот уж не думала, что просто недооценила его! Такой маленький, а смельчак не по годам!

— Признаю поражение, признаю! Ну как, дружок, нравится такая благоухающая^[151] картина? Что же ты, скорее подходи поразвлекись!

— За этой деревней трактира больше не будет^[152]! Если сейчас откажешься, то впредь и не надейся, за восемьсот лет ни разу не попробуешь! Или, может... мы тебе поможем? Ведь прямо сейчас... хи-хи-хи-хи...

Юный воин окончательно взъярился, в его голосе послышалась ледяная угроза:

— Да вы... смерти... ищите!

В тот миг Се Лянь в пещере находился почти на пределе.

Перед глазами всё плыло, в ушах звучал лишь неясный шум, усидеть на месте принц больше не смог — всем телом он подался, падая, вперёд. Хорошо хоть ещё хватило сил выставить руки, чтобы не удариться о землю. Но от резкого падения его челюсть на мгновение разжалась, и неясно, будто сквозь пелену, с его губ сорвался нестерпимо мучительный стон.

Едва этот звук вырвался наружу, Се Лянь быстро закрыл рот ладонью.

Юный воин рывком развернулся:

— Ваше Высочество?..

Се Лянь одной рукой опирался о землю, другой крепко зажимал себе рот. Дыхание принца сбивалось, плечи подёргивались. Только слыша звуки и глядя на его фигуру со спины, можно было решить, что он плачет, глотая слёзы.

За всю жизнь Се Ляню, не важно — до вознесения или после, ещё никогда не приходилось переживать столь мучительные моменты. Даже мучительнее, чем самые суровые тренировки в монастыре Хуанци. Рука, на которой принц держался, обессилела, и он упал набок. Лёжа на земле, сквозь туманную дымку принц увидел, что юноша, кажется, собирается войти в пещеру, поэтому крикнул:

— Не подходи! Я же сказал, что бы ты ни услышал, не подходи!!!

Юноша застыл. Се Лянь с огромным трудом перевернулся лицом к сводам пещеры, насилу выровнял дыхание. Волны жара накатывали одна за другой, прокатываясь по всем конечностям и косточкам. Оборотни, слыша, как принц ворочается с боку на бок, как пылает в нём огонь, захлопали в ладоши и рассмеялись, перебивая друг друга:

— Милое наше Высочество, чего же ради такие страдания? Сегодня ты, боясь потерять последователей, отказываешься от наслаждения; а завтра не осмелишься сделать ещё что-то, и снова из страха потерять последователей. Какой же из тебя небожитель? Разве ты таким образом не становишься преступником под пытками, что связан по рукам и ногам этими твоими последователями?! Таким божеством можно и не становиться. Как ни крути, всё растеряется в итоге. Почему бы не подумать о собственном удовольствии? Последователи приходят и уходят, к чему заботиться о них?!

На висках Се Ляня проявилось несколько бледно-голубых вен, он немного потерял контроль над эмоциями и гневно выкрикнул:

— Замолчите!!!

Оборотни, разумеется, не испугались принца в такой момент и вновь насмешливо обратились к юному воину:

— Диди, скажи, мы ведь всё верно говорим? Ха-ха-ха-ха...

— Хи-хи-хи... А каково тебе там стоять? Не тягостно ли?

Холодный пот уже катился с принца, намочив его целиком. Раздражение в душе Се Ляня достигло предела, он яростно разорвал одежду на своей груди, стремясь ощутить хоть лёгкое дуновение прохлады. Но лишь услышав звук рвущейся ткани, принц опомнился: откуда у него в руках вдруг взялись силы? Это мимолётное ощущение

исчезло в мгновение ока, но стоило принцу внимательно оценить своё состояние, он обнаружил — всё верно, онемение прошло, силы постепенно возвращались, только сердце Се Ляня, напротив, тяжело осело.

Тех, кто оказался в плену Нежных объятий, вначале ожидало онемение и истома по всему телу, а после — раздражительность и вспыльчивость. Теперь онемение отступало, и очень скоро наступит приступ буйства. Конечно, принц намеренно установил на входе в пещеру два барьера, второй из которых предназначался как раз для того, чтобы задержать его самого, когда он потеряет разум и попытается вырваться наружу. Но если принц придёт в бешенство, неизвестно, сможет ли барьер его сдержать. В короткие мгновения чистого сознания, путь к которым был нелёгок, мысли Се Ляня, не теряя времени, закружились со скоростью молний, пока он размышлял о способах противостояния чарам.

Внезапно принц подумал вот о чём: действие Нежных объятий обычно протекает очень быстро. Можно сказать, стоит только крови ударить в голову, и жертва теряет над собой контроль. Почему же принц продержался так долго? Неужели, кроме того, что он обладал достаточной способностью преодолеть тревожащие мысли, не имелось каких-либо иных причин?

Подумав об этом, Се Лянь сделал глубокий вдох, чуть повернул голову и обратился к юноше, чья фигура виднелась у входа в пещеру, желая войти, но при этом не решаясь:

— Ты... входи.

Юный воин, услышав зов, кажется, в тот же миг захотел бежать к принцу со всех ног, но сделав пару шагов, будто вспомнил недавний гневный крик Се Ляня «Что бы ты ни услышал, не входи», и вновь засомневался, стоит ли ему подчиниться. Се Лянь, так скоро отказавшись от прежних слов, уже успел пожалеть о них и добавил:

— Входи, остальное пока не важно.

Юноша, отбросив сомнения, ворвался в пещеру.

Своды пещеры были узкими и длинными, внутри царило тепло и влажность, да ещё темнота — вытяни руку, и не увидишь пальцев. Только полагаясь на сбивчивое дыхание, которое Се Лянь усилием воли старался сделать как можно тише, юноша на ощупь добрался до него и остановился ровно перед принцем. Се Лянь повелел:

— Положи меч... на землю. Рядом со мной, недалеко.

Юный воин отозвался:

— Слушаюсь!

Затем добровольно выдал своё единственное оружие, которым мог защищаться, положив его так, чтобы Се Лянь мог дотянуться рукой. Принц продолжил:

— Прошу, помоги мне подняться.

Юноша припал на колени рядом с ним и протянул руки, чтобы поднять Се Ляня. К его неожиданности, стоило ему приступить, как кончики пальцев коснулись не ткани одежд, а разогретой кожи.

Юноша немедленно отдернул руки. Се Лянь же, которого внезапно обожгло горящими пальцами, тут же вспомнил, что в порыве смятения и мучения, пока барахтался на земле, он разорвал на себе верхнее одеяние. Обычно в том, чтобы мужчине обнажиться по пояс, не было ничего постыдного, однако в сложившихся обстоятельствах... это выглядело весьма неловко. Но заострять внимание на неловкости положения не стоило, а лучше делать то, что нужно сделать, и тогда неловкость пройдёт. Возможно, и юноша это понимал, поэтому, не дожидаясь пока Се Лянь заговорит, снова протянул руки, быстро приподнял принца за обнажённые плечи, усадил и тут же отпустил. Се Лянь прислонился к стене пещеры, прижался к прохладному камню спиной, и ему стало немного легче. Ощувив, что юноша отступил на два шага, принц поспешно остановил:

— Подожди, не уходи!

Что бы принц ни приказал, юный воин исполнял неукоснительно — он тут же застыл на месте. Се Лянь добавил:

— Срежь небольшую прядь моих волос. Мне нужно кое-что сделать.

Юноша утвердительно отозвался и протянул руку. Вот только во тьме трудно было что-то разглядеть, а длинные волосы Се Ляня сплошным водопадом спадали тому за спину, поэтому юному воину не удалось сразу на ощупь отыскать нужное. Вместо этого он неосторожно дотронулся до груди Се Ляня, мышцы которой были гладкими и упругими, а кожа покрылась тонкой испариной, поэтому скользила от прикосновения. Се Ляню и раньше с трудом удавалось сдерживать эмоции, а когда юноша прикоснулся к нему вот так, совсем

не к месту, грудь мгновенно будто бы пронзило разрядом молнии, онемение вновь охватило всё тело, и принц издал тихий-тихий стон.

В то же мгновение двое в пещере буквально окаменели.

Тем временем цветочные оборотни снаружи наострили уши и подползли ближе, чтобы подслушивать, разве могло случившееся ускользнуть от их внимания? Послышалось хихиканье:

— Ого, что это там творится внутри?!

— Умираю со стыда!

— Не могу больше слушать!

Се Лянь же, слушая, как они осмеивают его потуги держать себя в руках, стиснул зубы и прошипел:

— Ах, вы!..

Поняв по голосу, что принц рассержен, юный воин второпях убрал руку и не осмелился протянуть снова. Се Лянь, конечно, скрипел зубами не из-за него. В глазах принца этот рядовой был всего лишь ребёнком. Подумав, что, наверное, обидел юношу, Се Лянь смягчился:

— Не пугайся, продолжай. Не обращай на них внимания.

Тот хрипло отозвался:

— Слушаюсь.

Но, кажется, душу его всё же охватило крайнее волнение, и юноша очень долго не мог дотронуться до нужного места. А тронув и обнаружив, что вновь ошибся, тут же отдёргивал руку. В конце концов пришлось ему в смятении проскользнуть руками по груди Се Ляня, от чего того охватила такая истома, что стало нестерпимо тяжело это выносить. Принц всей душой желал бы сейчас с силой удариться головой о стену позади, чтобы потерять сознание. Наконец юноша нащупал дрожащий кадык Се Ляня, потянулся дальше и поймал прядь волос. Он схватился за тоненькую прядку, крайне осторожно срезал её мечом и тут же рапортовал:

— Ваше Высочество, готово!

К тому моменту к Се Ляню снова вернулись силы, он даже смог поднять руку. Принц обратился к юноше:

— Дай мне руку.

Юноша протянул ладонь. Се Лянь забрал у него тонкую прядь и кое-как наспех завязал узелком на пальце юного воина. Тот некоторое время не мог пошевелиться, затем дрожащим голосом спросил:

— Ваше Высочество, это?..

Се Лянь со вздохом сказал:

— Скоро наступит вторая стадия действия благоухания цветочных оборотней. Я позаимствую твой меч, и если вдруг кто-то захочет тебя ранить, подними вот эту руку перед собой, так ты сможешь защититься. А теперь... скорее уходи.

Спустя долгое время юноша всё же покинул пещеру. Цветочные оборотни заголосили:

— Вышел?!

— Ну наконец-то!

— Оставил нас снаружи, а сам проник внутрь. Дружок, ты поступил совершенно бессовестно!

Тем временем Се Лянь ощущал, как всё больше сил приливает в конечности. Он сделал глубокий вдох, правой рукой схватился за оставленный юношей плохонький меч, успокоил мысли и дух, поднял оружие и резанул себя по левому предплечью.

Тем самым он будто разрубил пелену тумана перед собой, чувства немного прояснились.

Всё именно так, как он предполагал!

Из раны на предплечье стремительно хлынула кровь, а Се Лянь тем временем будто ухватился в душе за спасительную нить, когда казалось, что всё пропало.

Благоухание Нежных объятий делало человека беспокойным и вспыльчивым, пробуждало желания, крепко спящие в глубине души. И чем сильнее эти желания подавляются человеком, тем яростнее они вырвутся наружу, стоит ему вдохнуть аромат цветов. Ну а Се Лянь всегда подавлял внутри, помимо «чувственной жажды», ещё и «жажду убийства».

И его «жажду убийства» нельзя было утолить уничтожением нечисти. Поскольку различных тварей он и ранее умертвил немало, ни о каком подавлении желаний не может идти и речи. Объектом «убийства» непременно должен быть человек. Или же божество. Лишь таким образом появляется ощущение «нарушения запрета». Перед тем как войти в пещеру, Се Лянь для установления барьера порезал сам себя, и стоило ему увидеть кровь, это немного ослабило действие аромата Нежных объятий. Поскольку самоубийство — это тоже убийство, причинение вреда себе — это тоже проливание крови.

Говоря на чистоту, и «чувственная жажда», и «жажда убийства» — это всё проявления крайне агрессивной страсти. Се Ляню даже приходилось слышать от кого-то мнение, что изначально оба — суть одно. Таким образом, если взять данное утверждение за основу, можно найти способ замещения и тем самым пережить это тяжкое испытание.

Убедившись в своей правоте, Се Лянь без тени промедления снова резанул себя по предплечью. И каждый порез возвращал ему ещё немного ясности сознания. Вот только в момент, когда сердце принца охватила радость, неизвестно — были ли причиной тому чары Нежных объятий, во власти которых он всё ещё находился, — когда его «жажда убийства» получила удовлетворение, из нутра Се Ляня внезапно хлынуло бушующее удовольствие.

Волна удовлетворения захлестнула истомой и дурманом каждый цунь, каждый уголок тела принца, от макушки до кончиков пальцев на ногах, с лёгкостью сметая на своём пути все барьеры, которые принц так долго и с таким трудом возводил. И когда Се Лянь наконец осознал это, тихий стон уже вырвался из его груди.

Если не знать наверняка, что в пещере он один, Се Лянь ни за что не осмелился бы поверить, что этот звук издал он сам. От испуга принц вздрогнул и широко распахнул глаза, подумав: «Но ведь способ явно действенный, как же так?»

Снова бросив взгляд на меч, он внезапно вспомнил, что юный воин этим самым оружием срезал стебли цветов и даже убивал уже принявших человеческую форму оборотней. И меч давно запачкался соком Нежных объятий. Когда принц с его помощью поранил себя, ища избавления, в первый удар он вложил только пятую часть силы, но чтобы достичь того же эффекта облегчения страданий во второй раз, пришлось ударить уже с третьей частью силы. Разве это не самое настоящее утоление жажды отравленным вином^[153]?!

Всё-таки Се Лянь разгорячился до головокружения, иначе он давным-давно заметил бы эту деталь. Принц ругал сам себя в душе, но в сложившихся обстоятельствах ему оставалось только оторвать левый рукав одеяния и с остервенением протереть меч, затем оторвать точно так же правый рукав и запихать себе в рот, крепко сжав в зубах, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

За сжатыми губами и стиснутыми зубами стоны через силу сделались прерывистыми. Но только пещера сама по себе порождала

эхо, и любые тихие звуки здесь многократно наслаивались друг на друга, усиливались и выносились наружу. К тому же, юный воин, послушав указания принца, завязал глаза и теперь полагался лишь на слух, который по той же причине стал намного чувствительнее. Как он мог не почувствовать это странное явление? Не в силах сдержаться, он с дрожью в голосе позвал:

— Ваше Высочество?

Оказаться в подобном неловком положении поистине стало для принца позором всей жизни. Се Лянь даже представить не мог, что с ним будет, если кто-то увидит его таким. Даже несмотря на полнейшую темноту пещеры, всё равно вынести подобное невозможно. Принц закричал:

— Не входи!!!

Однако из-за того, что он всё ещё крепко сжимал во рту тряпицу, крик его превратился в невнятное мычание, которое вызывало крайнюю жалость. Юноша, услышав, заволновался ещё сильнее.

Се Лянь уже изранил левую руку так, что с неё ручьями стекала кровь, и всё же его действия характеризовались лишь «нанесением ран», но не «убийством», поэтому истинная жажда всё никак не получала окончательного удовлетворения. Принц уже не мог удержать кляп во рту, свёрнутая ткань выпала, а руки его тем не менее орудовали всё с большей ожесточённостью — следующий удар пришёлся в левую ногу, и притом довольно глубоко. Услышав отчётливый звук разрезаемой плоти, юный воин не выдержал и решительно бросился к принцу. Звук приближающихся шагов заставил Се Ляня в испуге попятиться вглубь пещеры, и даже когда принц упёрся спиной в стену, продолжал изо всех сил съёживаться, будто от этого зависела его жизнь.

— Нет, нет, нет! Не подходи, не надо, нет...

Второй кровавый барьер был установлен Се Лянем именно для того, чтобы сдерживать его самого, но не юношу, чтобы тот в случае чего мог отступить в безопасное место. Однако сейчас действие аромата нежности уже вошло во вторую стадию, и стоит только юноше подойти, неужели Се Лянь позволит ему снова убежать из пещеры? Наверняка просто прикончит его на месте. Принц ужасно боялся, что в какой-то момент потеряет контроль и убьёт это дитя, пришлось прятаться от того подальше. Услышав в голосе Се Ляня

просочившийся наружу панический страх, юный воин потрясённо застыл:

— Ваше Высочество...

Желание зверски замучить и убить кого-нибудь бурлило в крови Се Ляня. Дрожащей рукой он поднял плохонький меч, а в душе его зазвучал повторяющийся собственный голос: «Я не умру, я не умру, я не умру!!!»

В следующий миг, приняв мгновенное решение, принц развернул меч остриём на себя.

Юный воин увидел, как во тьме тускло скользнул холодный блеск. Раздался крик:

— Ваше Высочество!!!

Но Се Лянь уже пустил оружие в ход — проткнул свой живот, намертво пригвоздив себя к земле!

Пронзительная боль взрывом охватила внутренности и распространилась по всему телу, без остатка сметая на своём пути разгорячённый порыв. Се Лянь широко распахнул глаза и застыл, обеими руками сжимая рукоять меча. С лёгким кашлем из угла его губ потекла струйка крови, даже дыхание на какой-то момент остановилось. Юный воин, ошеломлённый случившимся, со стуком грохнулся на колени перед принцем.

В тот же миг снаружи раздался нестихающий визг:

— Кто это?!

Тонкие нежные голоса цветочных оборотней, обернувшись криком, резанули слух, но кто-то заорал ещё оглушительнее, чем они, перекрывая все их завывания:

— Что за непотребство?!!

Услышав этот гневный рёв, Се Лянь опять сделал резкий вдох.

Фэн Синь!

В ответ послышался другой, чуть приглушённый голос:

— Нежные объятия. Если не хочешь попасться под действие их чар, скорее закрой лицо.

Голос, разумеется, принадлежал Му Цину, который уже принял все необходимые меры. Фэн Синь, закрывая нос и рот, кажется, увидел кое-что ещё. Далее последовал его приглушённый крик, полный гнева:

— Это... Его Высочество? Его Высочество?! Твою мать! Твою ж мать!!! Что здесь вообще происходит?!

Му Цин тоже удивлённо ахнул:

— Форменное безобразие, это же просто никуда не годится! — впрочем, тон Му Цина не ощущался настолько рассерженным, как у Фэн Синя, а больше походил на то, будто он услышал рассказанную кем-то грубую неуместную шутку.

Се Лянь, лёжа в пещере, не понимал, о чём они говорят, но примерно догадался, что их вывел из себя вид обнажённых женских тел оборотней, который задевал их собственную нравственность. Фэн Синь, рассыпаясь в ругательствах, заорал:

— Скорее сожжём их! Нельзя, чтобы кто-то увидел!

Следом послышался звук извергающегося огня и горячей травы, и в этом полыхающем пламени визг и брань оборотней постепенно стихли. Му Цин произнёс:

— Выжигай всё как следует, в аромате этих демониц содержится яд. Если они оставят семена и прорастут, превратятся в крупные неприятности.

Се Лянь, собравшись с силами, попытался подать звук, но получилось лишь тихо кашлянуть. Однако двое снаружи немедленно услышали и ворвались в пещеру с криком:

— Ваше Высочество, ты здесь?

Се Лянь:

— Я здесь...

Принц изо всех сил старался выровнять дыхание, но всё же не мог скрыть, что дышит намного слабее обычного. Двое снаружи немедленно направились к нему. Их немного задержала кровавая линия на входе, но поскольку они прекрасно знали, какие барьеры обычно ставит Се Лянь, то и снять один из таких не составило труда. Фэн Синь зажжёт Пламя-на-ладони, прошёл несколько шагов, но ещё не добравшись до конца пещеры, вдруг спросил:

— Кто здесь?

Му Цин тоже насторожился:

— В пещере есть кто-то ещё?

Се Лянь ответил:

— Всё в порядке. Это рядовой солдат.

Лишь его слова заставили двоих вздохнуть спокойно и продолжить идти дальше. Яркое пламя озарило пещеру, окрасив своды тёплым оранжевым цветом. Се Лянь лежал на земле, его длинные

волосы расстилались вокруг, верхнее одеяние окончательно соскользнуло с плеч, а из живота торчал длинный меч, пригвоздивший его к полу.

От такой картины оба юноши перепугались не на шутку. Фэн Синь склонился над принцем:

— Кто это сделал?!

— Я сам, — сказал Се Лянь.

Му Цина ответ озадачил:

— Что это значит?

Се Лянь покачал головой:

— Не спрашивайте. Иного выхода не оставалось, пришлось прибегнуть к такому шагу. Скорее высвободите меня.

Му Цин подошёл, с хмурым видом вынул меч и бросил рядом. Клинок громко звякнул о землю, а юный воин тут же его подобрал. Фэн Синь помог Се Ляню подняться, накинул на него верхнее одеяние, и лишь теперь Се Лянь смог поведать им в общих чертах, как прошла эта потрясающая ночь в компании Нежных объятий.

— Вы прибыли быстрее, чем я ожидал. А где Ци Жун?

Фэн Синь ответил:

— Ци Жун государь запер во дворце. Он постоянно шатался снаружи, разгуливая по улице с кичливым видом, поэтому его оказалось так легко выследить и изловить. Однако малец понял, что по возвращении нужно первым делом отыскать нас, значит, кое-что всё же понимает.

Стало быть, как бы Ци Жун ни ненавидел двоих подчинённых Се Ляня, ему всё-таки известно, насколько они сильны. Юноши вначале решили, что один из них останется защищать город, но Ци Жун орал благим матом и гневно вопил, да ещё принёс им драгоценный меч, который Се Лянь благословил собственной кровью, тем самым зародив в них подозрения, что истинная опасность превосходит ожидания и лучше отправиться вместе. Горбатый склон оказался окружён такой тяжёлой демонической Ци, что им даже не пришлось тратить время на поиски, очень скоро юноши прибыли сюда.

Поскольку Се Лянь обладает телом вознесшегося божества, обыкновенным клинком серьёзно поранить его совершенно невозможно, и от такой раны он бы точно не умер. Но всё же за двадцать лет он ещё ни разу не проигрывал в настоящем бою или же

смертельном поединке — подобное тяжёлое ранение принц получил впервые. Для восстановления неизбежно требовалось какое-то время, поэтому Фэн Синь посадил принца себе на спину и вознамерился вернуться в императорский дворец. От живота расходились волны незнакомой ранее боли, Се Лянь то и дело хмурился, но всё же старался превозмогать эти ощущения. Он спросил:

— По пути сюда вы ничего не встретили?

Му Цин ответил:

— Нет.

Се Лянь, втянув воздух, произнёс:

— Будьте осторожны, объявилось нечеловеческое создание...

Он хотел было рассказать о твари в белых одеждах и маске, что плачет и смеётся, но ощутил, что на самом деле слишком обессилел и морально утомился, чтобы делать это сейчас. Краем глаза принц заметил юного воина, который шёл за ними следом, прижимая к груди окровавленный меч. Успокоившись, он закрыл глаза, чтобы скопить силы, и провалился в сон.

С тех самых пор как Се Лянь сам попросил о нисхождении в мир смертных, уже почти целый месяц он не смыкал глаз. Каждодневно накапливающаяся усталость навалилась на него вся скопом, и в итоге принц проспал беспробудно три дня. Через три дня он резко проснулся и обнаружил, что лежит на кровати в комнате с великолепным потолком, а значит, в императорском дворце. Принц разом сел и позвал:

— Фэн Синь!

Фэн Синь на улице тренировался в стрельбе из лука. Услышав зов, юноша вошёл и поприветствовал:

— Ваше Высочество!

Рана на животе Се Ляня давно затянулась, он тут же встал с кровати и спросил:

— Я ведь долго провалялся, да? Что-нибудь случилось за это время?

— Не волнуйся. Всего лишь несколько дней, за это время вражеская армия не нападала на нас. А если бы напала, разве мы не разбудили бы тебя? Вернись на кровать, ты опять не надел обувь.

Только теперь Се Лянь успокоился и уселся обратно на кровать. Помолчав немного, он спросил:

— А где Му Цин?

Му Цин тоже вошёл в комнату, неся в руках приготовленные для Се Ляня одеяния.

— Здесь.

Он принялся прислуживать принцу, помогая одеться, а Фэн Синь тем временем заговорил:

— Однако, несмотря на отсутствие сражений, мы кое-что всё-таки обнаружили.

Се Лянь спросил:

— Что именно?

Ему ответил Му Цин:

— Помнишь, мы говорили о подозрительном прогрессе войска Юньань? Ещё сомневались, нет ли у них поддержки со стороны? Когда мы осматривали Горбатый склон, обнаружили несколько человек. Одежды на них были местные, но вот говор весьма странный, не похоже на людей Сяньлэ. Я арестовал их и выяснил, что противника в самом деле тайно поддерживают другие государства, незаметно поставляя им провиант и амуницию.

В противном случае огромное множество людей Юньани не смогли бы продержаться до сегодняшнего дня, теснясь среди диких гор и питаясь подножным кормом и корой с деревьев!

Фэн Синь ругнулся:

— Мать их, всё притворялись добрыми друзьями, а в такой сложный для нас час мутят воду. Просто мечтают, чтобы мятеж в Сяньлэ разгорелся как можно сильнее!

Государство Сяньлэ занимало обширные территории, богатые немалыми природными ресурсами. Здесь в изобилии добывали золото и драгоценные камни, на что приграничные государства уже много лет точили зуб. Се Лянь давно предполагал, что подобное может случиться. Он покачал опущенной головой, но вспомнил кое о чём другом, и спросил:

— А тот мальчишка?

Фэн Синь переспросил:

— Который? Рядовой? В тот день мы торопились скорее отнести тебя к советнику, никто не обратил внимания на паренька. Наверное, он вернулся в свой отряд.

Когда Му Цин одел Се Ляня, тот опустил руки и с прямой спиной сел на кровать, произнося:

— Мальчик отлично сражается, я думаю, из него можно сделать прекрасного воина, владеющего саблей. Под присмотром хорошего наставника он непременно поразит всех, когда вырастет. Му Цин, не забудь потом отыскать мальчишку и распорядиться о его дальнейшей судьбе. Можно подтянуть его повыше.

Вполне в характере Се Ляня было, увидев у кого-то хорошую технику боя, сразу проникнуться симпатией к этому человеку. Принц непременно желал приблизить таких людей к себе, чтобы наблюдать за ними каждый день, находя в этом истинное наслаждение^[154]. Такое случилось не в первый раз, но всё же впервые подобной оценки удостоился совсем ещё ребёнок. Когда Му Цин услышал фразы «из него можно сделать прекрасного воина, владеющего саблей», «непременно поразит всех, когда вырастет» и тому подобные похвалы, выражение его лица необъяснимо изменилось, он завязал волосы Се Ляня новой лентой, скомкал в руках ту, что снял, отвернулся и бросил её куда-то в сторону. Фэн Синь же произнёс:

— На вид ребёнку не больше пятнадцати, он ещё слишком мал, не находишь? К каким обязанностям его можно «подтянуть»?

Му Цин тоже бесстрастно отозвался:

— Подобный жест совсем не к месту. Не соответствует армейскому порядку.

Се Лянь ответил:

— Даже божество может снизить в мир смертных, к чему соблюдать все эти бесконечные правила в армии? — затем восхищённо добавил: — Видели бы вы боевую стойку, с которой тот парнишка сражался с бину, исключительная красота!

Но стоило ему заговорить о бину, как странная фигура в белом вновь промелькнула перед глазами.

— Ваше Высочество, откуда на Горбатом склоне взялись эти демоницы, Нежные объятия? — спросил Фэн Синь. — Раньше там никогда о них и не слышали.

— Об этом я хотел поведать вам ещё тогда.

Наконец выдался момент, и принц рассказал им о существовании в маске, что плачет и смеётся. Троица тихо обсудила случившееся между собой, и в итоге все сошлись на том, что поступать опрометчиво не

стоит, и лучшее решение — доложить о происшествии чертогам Верхних Небес. Поэтому Се Лянь вышел за порог и поспешил сначала увидаться с государем и государыней, а затем поднялся на гору Тайцан, в храм Шэньу.

Раньше Се Лянь наверняка сразу вернулся бы в столицу бессмертных, чтобы лично рассказать обо всём Цзюнь У. Однако обстоятельства изменились, он по собственной воле покинул столицу, всё равно что отдал от неё ключи. И теперь, если захочет вернуться, не сможет открыть дверь, к тому же ушёл он тогда чересчур скоропалительно. Из-за акустики в храме Шэньу, когда все голоса становились звонче и громче, принцу было неловко обращаться к Цзюнь У напрямую, поэтому он со всем почтением попросил монахов зажечь несколько самых больших благовоний, передал весть, поклонившись божественному изваянию Владыки Шэньу, и решил для себя, что когда у Владыки появится свободное время, тот его услышит. Однако для Цзюнь У каждодневно поджигали если не десять, то восемь тысяч благовоний, обращения к нему копились бесчисленным множеством, и среди них хватало молитв от самых уважаемых последователей. Неизвестно, когда сообщение принца будет услышано, это поистине зависит только от воли судьбы. Однако принц не смел надолго отлучаться от мирских дел и сразу же вернулся на поле боя, продолжая защищать город.

Возможно, из-за огромных затрат сил в первом сражении, а также из-за того, что Фэн Синь и Му Цин постоянно старались незаметно обрубить каналы внешней поддержки войска противника, армия Юньань сменила тактику — перестала всё время стремительно атаковать. За последние месяцы вспыхнуло лишь несколько мелкомасштабных сражений, поражения в которых не несли больших потерь. По сравнению с первой битвой они просто-напросто выглядели мелкими и незначительными. Странная фигура в белом больше не появлялась, и потому напряжённая обстановка в императорской столице постепенно пошла на спад. Се Ляню выпала редкая возможность покинуть передовую и пройтись по городу, облегчить душевное состояние.

Он перешёл через каменный мостик, тронул рукой висящие ветви ивы, поглядел на резвящихся в воде под мостом ослепительно-красных карпов, что проплывали, виляя хвостами, и даже позавидовал этим

рыбкам. Немного постояв в задумчивости, принц вдруг почувствовал, что кто-то наблюдает за ним. Обернувшись, он никого не увидел, что показалось ему весьма странным. Впрочем, не ощутив ни смертельной угрозы, ни злонамерения, Се Лянь решил не обращать внимания.

Спустившись с моста, он направился дальше по улице Шэнью. Все без исключения встречные прохожие отвечивали ему поклоны и произносили приветственное «Ваше Высочество наследный принц», кто-то — взволнованно, кто-то — с почтением, кто-то — радостно.

Се Лянь каждому отвечал улыбкой и кивком. Пройдя ещё немного, он снова почувствовал за спиной следящий за ним взгляд.

На этот раз принц всерьёз задумался. Резко развернувшись, он поймал преследователя с поличным — заметил, как за ивой мелькнул чей-то силуэт, высунувшийся наполовину. Се Лянь подошёл к дереву и протянул руку, чтобы схватить наблюдателя. Но обнаружил прячущегося за ивой юношу с повязками на лице. Принц невольно замер:

— Ты...?

Юноша с забинтованной головой закрыл лицо руками крест-накрест, только через заплатанные рукава выглядывал чёрный как ночь глаз. Парнишка бесцветным голосом проговорил:

— Ваше... Ваше Высочество наследный принц... Я не специально.

Се Лянь указал на него пальцем:

— Это ведь ты той ночью...

Стоило только это произнести, принц тут же вспомнил, что случилось несколько месяцев назад и как плачевно он выглядел тогда. В голове вихрем закружились картины произошедшего, Се Ляня бросило в краску. Ощувив лёгкую неловкость, он поспешно кашлянул и продолжил:

— Так значит, это ты. Я всё время хотел отыскать тебя, но навалилось так много дел, что я позабыл. Кхм. Ты ведь рядовой армии? Что ты делаешь в городе?

Юноша остолбенел и тихо произнёс:

— Я больше не служу там.

Се Ляню это показалось странным.

— А? Почему?

Юноша удивился ещё сильнее принца:

— Меня... выгнали. Ваше Высочество, вам... вам ничего не известно?!

Се Лянь, не понимая, произнёс:

— О чём?

Ясно ведь, что принц давным-давно говорил Му Цину, что это дитя — многообещающий талант, что о его судьбе следует позаботиться, подтянуть его повыше. Как же вышло, что после его особого повеления паренька, напротив, выгнали из рядов армии???

Юноша, похоже, чем-то взволновался, даже обрадовался — он тут же опустил руки и воскликнул:

— Ваше Высочество, так вы ничего не знали! А я думал... я думал...

Чем дальше, тем более странным всё это казалось Се Ляню:

— Давай-ка, расскажи мне всё по порядку. Почему тебя выгнали? Кто тебя выгнал? Почему ты считал, что мне об этом известно? И ещё, о чём ты думал?

Юноша сделал к нему шаг, но не успел и рта раскрыть — в тот же миг на улице Шэньу послышался визг, исполненный ужаса:

— А-а-а!!!

Се Лянь рывком обернулся на крик и увидел, как в их сторону бежит человек, чуть не падая и закрывая руками лицо.

Поветрие ликов зародилось в земле Безмрачного леса

Кричал мужчина высокого роста и крепкого сложения. Будто умалишённый, он мчался по улице, сбивая на своём пути прохожих, которые поголовно возмущались:

— Что творится?!

— Думаешь, в такой жаркий день бег поможет охладить пыл?..

— Вот уж правда, впервые вижу, чтобы кто-то вышел из дома, лица^[155] не прихватив.

Ещё несколько подобных возгласов, и прохожие рассмеялись, но не стали по-настоящему сердиться. Кто бы мог подумать, что мужчина ринется напролом и врежется головой прямо в большую разукрашенную повозку на высоких колёсах, запряжённую лошадьми, да так, что кровь брызнет в стороны!

Бедняга повалился наземь лицом к небу, и в тот же миг прохожие, которые только что подшучивали над ним, заверещали от ужаса.

Хозяин повозки тоже немало испугался. Он вытянул шею и заголосил:

— Кто там врезался? Кто там?

Всё произошло так неожиданно, что Се Лянь не мог не направиться быстрым шагом к месту происшествия, оставив пока того юношу.

Подойдя ближе, принц спросил:

— Что случилось?

Мужчина, сильно ударившись о повозку, кажется, потерял сознание, волосы закрыли его лицо.

Толпа зевак осторожно окружила пострадавшего. Но Се Лянь ещё не успел приблизиться, как мужчина вдруг вскочил снова и разразился протяжными истошными воплями:

— Я больше не вынесу! Убейте, убейте! Кто-нибудь, скорее убейте меня!!! Быстрее!

Несколько рослых мужчин из толпы, не в силах больше смотреть, заявили:

— С какого двора выбежал этот сумасшедший? Видно, плохо заперли ворота. Схватим его и утащим обратно, давайте... — мужчины вознамерились было подойти и скрутить крикуна, но вдруг, стоило им разглядеть лицо безумца, они тоже громко завопили и отшатнулись:

— Что это за чудище?!!

Обезумевший мужчина, напротив, бросился к ним с неистовым криком:

— Скорее убейте меня!!!

Как раз к тому моменту подоспел Се Лянь. Перепуганные до смерти мужчины, заметив Его Высочество наследного принца, будто увидели в нём избавление — тут же рванули к нему за спину. Се Лянь без лишних раздумий подсечкой сбил обезумевшего с ног, тот сделал в воздухе сальто и опрокинулся в тёплую грязь лицом. Люди, указывая на него, завопили:

— Ваше Высочество наследный принц! Этот человек... этот человек... У него... у него!!!

Договаривать не требовалось, Се Лянь увидел сам — у этого человека было два лица! Если точнее — лицо, на котором выросло ещё одно. Это, второе, размером с ладонь, теснилось прямо на половине щеки безумца.

Сам мужчина был молод, но другое лицо будто принадлежало сморщенному старику, до крайности безобразному! Се Лянь застыл в ужасе, в мыслях повторялась лишь фраза: «Что это за чудище?!»

Он немедля схватил меч с пояса и вынул из ножен чудесный клинок, который когда-то подарил ему Император Шэнью — Хунцзин, «Красное зеркало». С той самой встречи со странной персоной в белых одеяниях принц повсюду стал носить при себе этот меч, чтобы быть готовым в случае необходимости применить его, и возможно, тогда же ему удастся увидеть истинное лицо той твари. И вот меч как раз пригодился. Длинный клинок покинул ножны, сверкнув сиянием ярче снега, однако стоило принцу взглянуть в него, как в металле отразился несколько не изменившийся облик. Всё такой же мужчина, всё такая же жуткая картина с двумя лицами. Другими словами, безумец вовсе не был ничем из существующих видов нечисти — он был человеком!

Но разве на свете существуют люди, выглядящие подобным образом? Если он таким уродился, как же ему удавалось скрывать это много лет? Се Лянь пребывал в замешательстве, как вдруг кто-то в страхе пробормотал:

— Как... как вышло, что он стал таким?

Се Лянь, услышав, вернул Хунцзин в ножны, развернулся и спросил:

— Ты знаешь этого человека? Раньше он выглядел иначе?

Ему ответили сразу несколько голосов:

— Знаем. Мы трудились с ним вместе. Конечно же, он не был таким, у него никогда... на лице... не росло ничего подобного!!!

Очень скоро зеваки вокруг стали прибавляться, почти перекрыв всю улицу. Се Лянь с серьёзным сосредоточенным лицом набрал воздуха и громко объявил:

— Господа, не нужно подходить сюда. Всё в порядке, расходитесь!

Уже знакомый юноша в бинтах принялся помогать ему, прося людей отойти подальше, но Се Лянь совершенно не замечал этого. Он второпях отправил Фэн Синю и Му Цину весть по сети духовного общения:

— Быстрее приходите на столичную улицу Шэнью!

Опустив руку от виска, он заметил, как рядом мнётся ещё один человек, явно мучимый сомнениями. Се Лянь первым шагнул к нему и спросил:

— Ты хочешь что-то сказать, верно?

Увидев, что вопрос ему задал сам принц, мужчина наконец набрался смелости и ответил:

— Ваше Высочество, есть одна вещь... не знаю, стоит ли мне о ней говорить...

У Се Ляня не было времени ждать соблюдения любезностей, он коротко и ясно бросил:

— Говори прямо!

Мужчина ответил:

— Пару дней назад у меня на груди появилось несколько углублений, три больших, два маленьких. Ни зуда, ни боли от них не ощущалось, даже приятно, если немного их почесать. Я не обратил особого внимания, но вот увидел этого братца, и в душе немного... зародились сомнения, ха-ха. — Он, посмеиваясь, распахнул одеяние и оголил грудь: — Взгляните, со мной ведь... всё в порядке?

Стоило ему обнажить грудь, кругом воцарилась мёртвая тишина. Какие ещё «несколько углублений»? На груди мужчины отчётливо проявились выступающие органы чувств, в которых явно угадывались расплывчатые черты женского лица!

Мужчина, опустив голову, и сам пришёл в ужас:

— Как же так?! Раньше оно ведь явно не было таким... таким...

Таким, будто оно живое? Таким, словно это точная копия настоящего? Какое описание ни подбери, всё одно — истинный ужас!

У людей вокруг от страха волосы зашевелились на голове, а мужчина невольно схватился за полы одежд Се Ляня и громко закричал:

— Ваше Высочество, спасите меня!

Как раз к тому времени Фэн Синь и Му Цин, получив известие, подоспели сюда с городской стены. При виде развернувшейся сцены оба нахмурились, Фэн Синь прогремел:

— Поди прочь! Что за шум ты тут поднимаешь?

Се Ляню некогда было объяснять им, он похлопал мужчину по плечу и, пытаясь утешить, произнёс:

— Всё в порядке. Пока успокойся.

Голос принца звучал мягко и уверенно, серьёзно и без спешки. Мужчина решил — тот прекрасно знает, что делать, и ещё сильнее уверился в том, что справиться с подобным пустяком для Его Высочества наследного принца — что перевернуть ладонь, проще простого, поэтому успокоился. Только вот сам Се Лянь разволновался не на шутку.

Оказывается, эти «лица» вырастают постепенно! И заболевший — если пока что называть подобное явление болезнью — был не один. Таким образом, следует ли из этого, что в действительности таких людей ещё больше?

Он немедленно рассказал о случившемся в общих чертах Фэн Синю и Му Цину, затем добавил:

— Доставьте весть во дворец, отдайте приказ опросить жителей города. Возможно, у кого-то ещё проявился на теле подобный недуг. Нельзя упустить ни одного случая!

Весть оказалась настолько пугающей, что государь, получив её, придал происшествию огромное значение — отправил людей для поиска и проверки. Подручные сработали на редкость эффективно. Той же ночью, далеко за полночь, выяснилось: во всей столице Сяньлэ тех, у кого на теле отчётливо проявились человеческие лица, оказалось пятеро. Кто-то из них уже увидел на своём теле странный нарост, но не придал значения, кто-то и вовсе не замечал, поскольку «лик» вырос в месте, где его трудно обнаружить самому, и к тому же не болел и не зудел. Помимо пятерых, обнаружилось ещё чуть меньше двадцати человек, на телах которых только начали проявляться небольшие впадины и выпуклости, напоминающие ещё не сформировавшийся «лик».

Когда пострадавших в количестве чуть больше двадцати, большинство среди которых составляли женщины и молодые парни, собрали вместе и привели к Се Ляню, людей охватило беспокойство. Они старались поддерживать друг друга и время от времени утешать парой слов. Се Лянь, отдававший приказы подчинённым, заметил деталь, которая показалась ему немного подозрительной.

— Вы знакомы между собой?

Служащий, который всю ночь бегал по поручениям, связанным с этими людьми, глянул в книгу для записей и ответил:

— Ваше Высочество, многие из них проживают на окраине столицы, недалеко друг от друга. Возможно, обычно они общались как соседи.

Многие из них проживали в одном месте?

Му Цин удивлённо произнёс:

— У группы людей, проживающих недалеко друг от друга, на теле выросли человеческие лица? Неужели эта дрянь заразна???

Се Лянь догадался об этом быстрее, просто не высказал так же быстро, как Му Цин. Принц немедля приказал:

— Всем отойти! Разгоните зевак, никому не позволять шататься поблизости. Нужно найти место, чтобы изолировать этих людей от остальных!

«Странная хворь, которой можно заразиться». Стоило этим словам просочиться, и они подействовали эффективнее, чем отряды солдат и любые способы разгона толпы. Да и не только зеваки разбежались! Даже бóльшая часть домов на той улице опустела. Се Лянь приказал прибывшим ранее и слушающим его приказаний дворцовым служащим и воинам облачиться в полное обмундирование, принять необходимые защитные меры, и вместе с ними повёл заболевших на окраину столицы, в место, где проживало большинство из них.

Неподалёку от этого района рос довольно обширный лес, именуемый Безмрачным. Чиновники приняли решение обустроить здесь огороженную территорию, чтобы временно расположить «заболевших». Но едва процессия оказалась в лесу, пока другие разбивали лагерь, Се Ляня посетило неясное беспокойство, которое усиливалось по мере продвижения дальше. Фэн Синь и Му Цин, конечно, тоже кое-что поняли. Фэн Синь спросил первым:

— Ваше Высочество, а не здесь ли Лан Ин...

Се Лянь, заведя руки за спину, мрачно сдвинул брови и ответил:

— Да. Именно здесь.

Ведь именно в Безмрачном лесу Лан Ин собственными руками вырыл яму, в которой похоронил своего сына!

Стоило троице это осознать, они обеспокоенно переглянулись друг с другом. Пока сказать наверняка не мог никто из них, но всё же кое-какие догадки посетили каждого. Именно поэтому юноши, не сговариваясь, принялись искать то самое место, где Лан Ин тогда

выкопал могилу. Но с тех пор прошло уже несколько месяцев, к тому же растительности в Безмрачном лесу было немало. Как тут вспомнить, под каким конкретно деревом закопан труп?

Внезапно до них донеслось зловоние, которое даже не поддавалось описанию.

Запах походил на тот, что исходит от разлагающегося трупа, только от него ещё сильнее перехватывало дыхание: стоило кому-то сделать лишь вдох, и казалось, что он сейчас повалится на землю без сознания. Остальные тоже почувствовали и бросились прочь, зажимая нос и руками разгоняя воздух:

— Что там так воняет?

— Что это такое?! Воняет ещё омерзительнее, чем десятилетний маринад в чане для засолки...

Се Лянь побежал вперёд, на жуткий запах, который, чего и следовало ожидать, привёл его прямо к знакомому кривому дереву. У корней земля чуть вздымалась, формируя небольшой ровный холмик. Воины похватались за мечи и собрались вокруг принца, чтобы защитить Его Высочество, но Се Лянь сделал знак рукой, не давая им подойти, и серьёзным тоном произнёс:

— Осторожно. Простым смертным не приближаться.

Фэн Синь, не принадлежащий к числу простых смертных, раздобыл где-то по пути лопату, подошёл к холмику, пару раз копнул — и холмик превратился в ямку. Зловоние становилось всё сильнее, а юноша орудовал лопатой с большей осторожностью. Ещё несколько движений, и из-под земли показался краешек чего-то чёрного, и, кажется, это что-то шевелилось.

Юноша прекратил копать, воины же напряглись, будто готовясь ко встрече с врагом. Как вдруг земля вздыбилась, и из ямы показалось распухшее, вздувшееся огромное туловище, которое предстало перед светом факелов в руках людей.

Запах разложения в момент стал невыносимым, многих тут же громко стошнило. Даже у Се Ляня резко сузились зрачки.

«Это» уже совершенно нельзя было охарактеризовать словом «человек». Что угодно походило на человека больше, чем оно. Сейчас никто не смог бы разглядеть, что этот труп, которому почти подходило описание «громадный», когда-то принадлежал худощавому и ослабшему маленькому ребёнку!

К горлу подступила тошнота, Се Лянь отвернулся, глядя в сторону. Фэн Синь и Му Цин также пребывали в потрясении, у них вырвалось:

— Что это за тварь?!

— Это какое-то проклятие или просто разложившийся труп???

Не имеет значения, что это, Се Лянь уже понял, как нужно поступить. Он приказал:

— Всем разойтись! Чем дальше, тем лучше! Нужно сжечь эту тварь без остатка!

Он тут же вскинул руку, с которой вырвался поток бушующего пламени. Отблески огня взметнулись к небесам, за клубился густой дым, и одновременно издали с городских стен раздался надрывный плач горна, заставляя любого, кто его слышал, бежать на тревожный зов.

Троица разом направила взгляд в направлении горна, сигнала о наступлении вражеской армии. Фэн Синь выругался:

— Мать их, непременно нужно было напасть именно сейчас!

Му Цин с помрачневшим лицом, озарённым переменчивыми отблесками пламени, произнёс:

— Возможно, они выбрали момент специально?

Се Лянь решительно приказал:

— Му Цин, остаёшься здесь, разберись со всем. Фэн Синь, идём со мной. Сначала отбросим их от стен. Ни в коем случае нельзя дать им понять, что что-то не так!

В ночи двое торопливым шагом вышли за городские стены и поспешно дали отпор врагу.

Битва застигла их врасплох, и всё же они победили; но, несмотря на очередную победу, ни один житель Сяньлэ, включая Се Ляня, не ощущал ни капли радости триумфа.

Внезапный «странный недуг» в народе прозвали «поветрием ликов». И теперь в столице весть о нём распространялась со скоростью грома, так что люди не успевали уши затыкать, бурлила и клокотала повсюду, привнося тревогу в сердца жителей.

Государь обдумывал запретить распространение слухов, но первый же заболевший пробежал по главной улице на глазах у множества свидетелей, поэтому с самого начала не вышло держать людей в неведении. Кроме того, поветрие ликов распространялось и

возникало с поразительной скоростью, всего за какие-то шесть дней признаки недуга обнаружили ещё у более чем пятидесяти человек.

Вместе с тем участились и нападения армии Юньань. Зажатый со всех сторон, Се Лянь почти не имел возможности вырваться на Запад, чтобы ниспослать дожди — все магические силы и энергия, которые принц раньше тратил на это, теперь в основном растрачивались в изолированной территории императорской столицы.

В прохладном Безмрачном лесу теснились установленные большим скопом палатки и хижины, Се Лянь прохаживался среди живущих здесь заболевших. Вначале в изоляции поселили всего чуть больше двадцати человек, но по мере распространения поветрия их число достигло почти целой сотни и продолжало расти. Каждый день Се Лянь приходил сюда, едва появлялась свободная минута, и пытался при помощи магической силы избавить людей от жуткого недуга. Но излечиться от него окончательно не выходило, а люди ведь надеялись именно на это.

Се Лянь ходил между палатками, когда лежащий на земле молодой парень неожиданно схватил его за полу одеяния:

— Ваше Высочество, я ведь не умру?

Се Лянь хотел ответить, но тут почувствовал, что лицо парня ему знакомо. Присмотревшись, он узнал в нём того самого прохожего, что подарил принцу свой зонт, когда тот бродил по столице в дождливый день, едва узнав о недостатке воды в Сяньлэ.

Принц вспомнил тот день, тот дождь и тот зонт, и его сердце сразу потеплело. Присев рядом с парнем, он мягко похлопал его по руке и честно ответил:

— Я непременно сделаю для этого всё, что в моих силах.

Его слова будто подарили парню надежду, в глазах сверкнула радость, он принялся повторять: «Хорошо, хорошо», — и снова лёг на землю. Если взглянуть в горящие глаза всех этих людей, становилось понятно, что они всецело верят — принц выполнит обещание. Поэтому, каждый раз глядя им в глаза, Се Лянь чувствовал себя виноватым перед ними и желал поскорее отыскать решение.

Совершив обход, Се Лянь нашёл укромное место, чтобы присесть. Му Цин развёл костёр, и принц уселся у огня, погружившись в глубокие раздумья. Вдалеке несколько служащих по мелким

поручениям шли, унося носилки, и тихо переговаривались, не зная, что каждое их слово доносится до ушей Се Ляня:

— Это какая уже по счёту?

— Четвёртая или пятая, вроде бы.

Но на носилках лежал вовсе не умерший в Безмрачном лесу больной. На самом деле от поветрия ликов очень сложно было скончаться. Но именно это и страшно. Ведь не умереть — означало всю жизнь носить на себе подобные наросты. Одна мысль об этом могла заставить человека утратить смелость жить дальше. Особенно когда речь шла о девушках, которые очень переживали за свою внешность. Если в таком важном месте как лицо выросло что-то подобное, они всё же избирали смерть.

Кто-то вздохнул:

— Эх! Когда же всё это закончится, а?

Другой ответил:

— С нами Его Высочество наследный принц, мы не проиграем войну, не беспокойся.

Первый говорящий, немного сетуя, ответил:

— Я вовсе не волнуюсь, что мы можем проиграть. Но в таком положении... чего будет стоить одна лишь победа? Простым людям всё равно живётся тяжело, эх... ладно, ладно. Я не хочу жаловаться. Считай, что я ничего не говорил, я ничего не говорил.

Если бы Фэн Синь услышал это, наверняка тут же бросился бы бранить его. Но Му Цин только посмотрел на Се Ляня и продолжил раздувать огонь, не сказав ни слова. Только когда те люди окончательно скрылись из виду, юноша бесцветно произнёс:

— Поистине взгляд простолюдина. Только и знают, что винить всех и вся. Или что же, хотят, чтобы Бог Войны нёс ответственность за всё на свете?

Се Лянь лишь покачал головой. Ведь в словах того человека присутствовала определённая доля правды. Принц являлся Богом Войны, и пока он на стороне какой-либо армии, ей не грозят поражения. Однако в сложившемся положении... чего стоит одна лишь победа? Ведь армия для того и создана, чтобы защищать простой народ, а простые люди как раз в это время страдают от внезапного нашествия поветрия ликов. И всё их военное преимущество таким образом превращается в повод для смеха!

Как вдруг пламя костра покачнулось, и рядом с принцем сел кто-то ещё. Вернулся Фэн Синь. Се Лянь тут же спросил:

— Ну что?

Фэн Синь покачал головой:

— Тот же результат, каким увенчались поиски в прошлый раз, когда ты ходил сам. На Горбатом склоне нет ни следа Лан Ина, и никаких странных существ в белых одеяниях. Не знаю, где они попрятались. Невозможно выяснить, их ли это рук дело. И ещё, их люди чувствуют себя поистине прекрасно, ни один не заразился поветрием ликов.

Му Цин пошевелил костёр и заметил:

— Столица и Горбатый склон расположены так близко друг к другу. Не может быть, чтобы совсем никто не заразился. Совершенно очевидно, что это именно они всё подстроили.

Многие думали именно так, и на это существовали определённые причины. Но даже если они будут твёрдо убеждены, что руку к их бедам приложили люди Юньани, или, точнее, Лан Ин, повода призвать его к ответу нет — спрятался слишком глубоко, не достать.

Юноши подозревали, что поветрие ликов распространяется из-за проклятия, источником которого стал труп сына Лан Ина. Но если это проклятие, сработано поистине на славу — не осталось ни единого следа, ни единой нити, за которую они могли бы уцепиться, чтобы добраться до главного. Как же им убедиться в своих догадках? Никак. Кто знает, а вдруг это поветрие ликов — всего лишь новая хворь, которая зародилась сама по себе в природе? Се Лянь мог наверняка

определить, что из себя представляет поветрие ликов, только если схватить подозреваемого.

Он также поспешил поделиться своими домыслами с чертогами Верхних Небес, отправив весть. Однако, как уже говорилось, Се Лянь спустился в мир смертных, нарушив запрет, и теперь настали другие времена. Раньше он мог при желании пойти прямо во дворец Шэньу и громко донести всё, что хотел сказать, в уши Цзюнь У, и дело с концом. Но сейчас приходилось действовать в соответствии с регламентом. Надо заметить, что так называемый регламент... Если повезёт, да ещё щедро доложишь сверху добродетелей, то весть дойдёт до небесных чиновников; а если удача отвернётся, могут отправить доклад таким запутанным и сложным путём, что процесс растянется до бесконечности. А когда этот путь завершится, решать вопрос отправят какого-нибудь чиновника. Но ведь Се Лянь и сам являлся небесным чином, и в чертогах Верхних Небес не существовало никого, кроме Цзюнь У, кто мог бы сравниться с ним по уровню магических сил. Тот, кого пошлют решать проблему, весьма вероятно, едва ли сможет сделать больше, чем сам принц. Но на Цзюнь У лежит слишком большая ответственность, как говорят в миру, у него десятки тысяч повседневных дел. Не может быть, чтобы сам Владыка спустился ему помогать. Поэтому доклад нёс лишь символическую функцию, но особой надежды на него не было.

Впрочем, сейчас Се Лянь размышлял вовсе не об этом. Принц произнёс:

— Если предположить, что люди Юнъань использовали это проклятие, чтобы нанести поражение столице, эффективнее всего было бы ударить по армии. Ведь если войско погибнет, это ведь будет означать, что город пал, верно? Но фактически поветрие ликов не затронуло войско.

Не то чтобы среди заболевших не оказалось солдат, но всё же в соотношении с остальными они занимали крайне малую долю, не более трёх-четырёх человек, и когда их отправили в изоляцию, положение дел вернулось под контроль, дальнейшего распространения не случилось. Фэн Синь, который всегда говорил то, что думал, предположил:

— Возможно, они посчитали, что даже уничтожение армии не принесёт победы. Ведь пока ты здесь, им не выиграть войну. И потому

они просто решили бороться не с солдатами, а напрямую с простым людом.

Услышав его рассуждения, Му Цин коротко посмеялся. Фэн Синь бросил:

— Что смешного?

— Ничего. Ты всегда выдвигаешь очень разумные предположения, я не стану спорить.

Фэн Синь более всего терпеть не мог, когда Му Цин вот так смеялся над ним в душе, а на словах строил из себя самую вежливость. Он просто перестал обращать на того внимание и добавил:

— Если это действительно их рук дело, на подобную подлость даже смотреть тошно. Если кишка не тонка, пусть бы показывали свою силу на поле боя, к чему эти нечестивые ухищрения, несущие вред невинным?

Се Лянь был совершенно с ним согласен. Принц со вздохом произнёс:

— В последнее время я всё размышляю, как же, в конце концов, распространяется поветрие. Ведь сначала нужно понять способ заражения, после чего будет легче остановить процесс.

Фэн Синь ответил:

— Разве не очевидно? Они жили рядом, много общались друг с другом, пили одну воду, вместе ели, спали и тому подобное, так и заразились.

Се Лянь потёр точку между бровей.

— С виду всё так и выглядит, верно. Но, если взять в пример войско, ведь солдаты тоже вместе пьют, едят и спят, даже больше проводят времени рядом и живут ближе, чем простые люди. Но почему же среди солдат заразившихся столь ничтожное количество?

Му Цин нахмурился:

— Ты хочешь сказать, что в одинаковых условиях разные по природе люди могут заразиться, а могут и не заразиться? Вопрос в том, какие люди могут противостоять заражению поветрием ликов, так?

Се Лянь поднял на него взгляд.

— Му Цин меня понимает. Всё именно так. Если мы найдём ответ, то получим и способ прекратить распространение поветрия.

Му Цин кивнул.

— Хорошо. Тогда посмотрим с другой стороны. Какие люди наиболее вероятно могут заразиться поветрием ликов? Каких людей больше всего в Безмрачном лесу?

Се Лянь за несколько дней множество раз обошёл весь район изоляции Безмрачного леса, мог ответить на этот вопрос даже с закрытыми глазами, поэтому немедленно сказал:

— Женщин, детей, юношей, стариков и молодых мужчин не очень крепкого телосложения.

Фэн Синь с сомнением произнёс:

— Может, они заражаются потому, что слишком слабые физически? Стоит ли просить государя отдать приказ всем жителям столицы приступить к постоянным тренировкам?

Се Лянь и Му Цин вместе посмотрели на него, будто не зная, что на это сказать. Но спустя недолгое молчание сам Фэн Синь возразил:

— Нет, всё не так.

Вполне очевидно, что именно было не так. Ведь самый первый заболевший поветрием ликов человек, который пробежал по улице Шэньу, как раз являлся крепко сложенным сильным мужчиной. Версия неизбежно теряла всяческие основания.

Чем же всё-таки отличаются заболевшие солдаты от здоровых? Се Лянь обдумывал множество вариантов, проверял множество предположений. Если учитывать все детали, между больными и здоровыми не существовало каких-либо заметных различий. Среди тех, кто подхватил поветрие, встречались люди самых разных обликов, телосложений, даже статусов и характеров, никак не получалось выделить определённую закономерность. Может быть, заразишься ты или нет, в действительности исключительно вопрос везения?

— Что же такое сделали солдаты, что окончательно остановило распространение поветрия ликов среди них? — произнёс Се Лянь, обращаясь сам к себе. — Или же, скажем иначе, какое действие простой люд выполняет редко, а воины — часто...

На этом слове принц внезапно округлил глаза, его лицо мгновенно побелело. Услышав, как резко оборвалась его речь, Фэн Синь спросил:

— Что с тобой, Ваше Высочество? Тебя посетила какая-то мысль?

Се Ляня действительно посетила кое-какая мысль. Вполне разумная, но в то же время страшная догадка.

Он немедля вскочил, повторяя:

— Нет! Нет, нет, должно быть, дело не в этом. Этого не может быть.

Фэн Синь и Му Цин тоже в момент поднялись.

— Чего именно?

Се Лянь закрыл лоб рукой и прошёлся из стороны в сторону, затем поднял руки, обращаясь к юношам:

— Подождите меня здесь, у меня... есть одно нелепое предположение. Скорее всего, ошибочное, но я должен проверить.

Му Цин спросил:

— Да что за предположение, в конце концов? Как ты собрался его проверять? Может, мы приведём тебе кого-нибудь, на нём проверишь?

Се Лянь немедля возразил:

— Нет, нельзя проверять на живом человеке. А вдруг я не прав, что тогда?

Лучше будет сказать наоборот — принц надеялся, что он не прав, и лучше всего, если он совершенно, в корне ошибается.

Му Цин нахмурился:

— Ваше Высочество, если хочешь узнать, верна ли твоя догадка, ты должен проверить её на живом человеке. Это наилучший способ, нет никакого смысла сейчас так переживать.

Фэн Синь тоже нахмурился, но обратился к Му Цину:

— Ты не видишь, что его что-то тревожит? В такой момент не говорил бы ему подобных слов.

Му Цин развернулся:

— Интересно, а что я такого сказал? Разве я не прав? В подобных обстоятельствах какой прок в колебаниях и раздумьях?

Фэн Синь с неприязнью в голосе возразил:

— Ты здесь всё будешь мерить, исходя из того, есть от этого прок или нет? Это живые люди, не хочешь поразмыслить хоть немного? Тебе не кажется, что ты ведёшь себя слишком хладнокровно?

— Хладнокровно? Может, ты хотел назвать меня холоднокровным?

Се Лянь уже давно потерял прежнее терпение, с которым ранее мягко улаживал конфликты между ними, поэтому оборвал:

— Вы двое, из-за одной фразы начинаете ссориться! Как это называется?! Стойте здесь полчаса, в течение этого времени никому не сходить с места. Правила прежние.

Едва услышав фразу «правила прежние», Фэн Синь и Му Цин слегка переменились в лице. Се Лянь махнул рукой:

— Небеса даруют благословение. Начали.

Спустя какое-то время Фэн Синь сквозь сжатые зубы прошипел:

— ...Счастливая звезда с высоты сияет.

Му Цин, тоже сквозь зубы, продолжил:

— ...Согласно написанному, точно воспроизводить текст^[156].

Фэн Синю оказалось трудновато:

— Текст... текст...

Пока он с трудом раздумывал, как продолжить игру, Се Лянь развернулся и исчез в Безмрачном лесу, чтобы отыскать троих заболевших солдат и кое о чём расспросить.

Упомянутые «прежние правила» представляли собой способ, выдуманный Се Лянем, чтобы отвлечь их внимание. Фэн Синь и Му Цин то и дело бросались друг в друга колкостями, начиная небольшие, но и не очень приятные ссоры. Вначале Се Лянь заставлял их полчаса стоять молча, не разрешал разговаривать друг с другом, до тех пор, пока оба не успокоятся. Но толку от такого наказания было мало, поэтому впоследствии принц решил заменить молчание игрой в Цепочку слов, где предметом игры выступали крылатые выражения, а также существовал момент соревновательности. Таким образом юноши ломали голову над тем, какое выражение подставить следующим, чтобы победить, а на ссоры в мыслях не оставалось места. Обнаружив такой замечательный способ, Се Лянь ощутил, что мир вокруг него сделался намного спокойнее, чем остался весьма доволен. И теперь, когда он снова заставил их сыграть по прежним правилам, это тоже помогло хоть немного разрядить обстановку.

Однако воцарившееся спокойствие долго не продлилось, спустя полчаса Се Лянь вернулся, при этом выглядел крайне удручённо. Он повелел:

— Приведите мне всех воинов, которые служили в одном отряде с заболевшими, питались и спали под одной крышей. Мне нужно их опросить.

Юноши уже по несколько раз застревали в процессе игры, выигрывал то один, то другой, и когда наконец необходимость продолжать игру отпала, оба вздохнули с облегчением.

— Можно, — ответил Му Цин. — Но если собирать доказательства только таким способом, нельзя гарантировать, что результат будет абсолютно верным.

Фэн Синь немедля развернулся и отправился исполнять приказ, но Се Лянь позвал его:

— Постой! Уже глубокая ночь. Если пойти сейчас, наделаем слишком много шума, а нам лучше не привлекать внимания, не собирать всех разом. Мой вопрос не должен просочиться ни полусловом, иначе мы не сможем держать всех в неведении.

— И что тогда делать? — обернулся Фэн Синь. — Тайно приводить их по одному, чтобы ты мог опросить каждого лично?

— Только это и остаётся. Завтра приведёте ко мне по одному каждого, кто близко общался с заболевшими солдатами. Нельзя допустить, чтобы они узнали о допросах соратников. И не забудьте приказать им, чтобы ни в коем случае не распространялись об этом, иначе... — Он сделал вдох, затем тяжело выдохнул и добавил: — Ладно. Лучше сразу пригрозить им, чем жёстче, тем лучше. Можете сказать, что если не сохранят тайну, будут казнены без суда.

Му Цин спросил:

— Если приводить всех по одному, до каких пор придётся их опрашивать?

— Не важно, до каких пор, а опросить всех необходимо. Чем больше опросим, тем твёрже убедимся. В этом деле... я непременно должен знать наверняка, ни в коем случае нельзя допустить ошибки.

Так, на следующий день Се Лянь, сидя в специально отведённой для этого комнате в башне на городской стене, лично опросил больше трёх сотен солдат.

На заданный вопрос все допрошенные давали один ответ. И с каждым таким ответом Се Лянь становился мрачнее. Когда все солдаты ушли, Фэн Синь и Му Цин явились в комнату, увидев Се Ляня сидящим за столом. Подперев лоб ладонью, принц молчал. Лишь спустя долгое время он обратился к ним, медленно проговаривая слова:

— Оставайтесь охранять ворота. Я должен наведаться на гору Тайцан.

Фэн Синь осторожно спросил:

— Ваше Высочество, ты что-нибудь выпросил? Так что же, всё-таки, это проклятие или?..

Се Лянь кивнул:

— Выспросил. Это проклятие.

Му Цин сделался серьёзным:

— Ты твёрдо убеждён?

— Вне всяких сомнений. Я также узнал, какой человек может подвергнуться ему, а какой не может.

Но, несмотря на его слова, выражение лица принца несколько не окрасилось радостью от разгаданной загадки. Фэн Синь и Му Цин сразу поняли, что здесь всё не так просто. Но раз Се Лянь больше ничего им не говорил, они, будучи подчинёнными, разумеется, не могли выпрашивать слишком многое, лишь сердца обоих наполнились тяжестью.

Гора Тайцан, монастырь Хуанцзи, самый высокий пик, храм Шэнью. В воздухе покачивались клубы ароматного дыма, советник зажигал благовония и подносил на алтарь, когда Се Лянь вошёл в главный зал и с порога обратился к нему:

— Советник, мне нужно увидеться с Владыкой.

Закончив подношение, советник обернулся:

— Ваше Высочество, врата Небесных чертогов уже не откроются по твоему велению.

— Знаю. Но сейчас мне стало известно, что на государство Сяньлэ нахлынула волна коварного проклятия, и это не природное явление, к нему приложило руку нечеловеческое существо. Прошу вас оказать мне помощь и пригласить Владыку снизойти в ваше тело в качестве проводника, чтобы я мог передать эту весть ему напрямую. Возможно, он узнает, что явилось источником произошедшего, и найдёт способ это исправить.

С тех пор как принц вернулся в мир смертных, он приходил в храм Шэнью с докладом трижды. Однако в первые два раза и не надеялся на получение поддержки, просто исполнял формальности, согласно общепринятым правилам. Только в этот раз он действительно хотел попросить о помощи.

Советник, сидя на своём стуле, ответил:

— Дело не в том, что я не хочу помочь тебе, Ваше Высочество, а в том, что нет такой необходимости. Пускай даже я помогу тебе, и

Владыка спустится сюда, займёт моё тело и поговорит с тобой, полученный ответ лишь повергнет тебя в разочарование.

Се Лянь слегка переменялся в лице:

— Вам что-то известно, так? Вам известно, что за тварь являет собой то существо в белых одеяниях и наполовину смеющейся, наполовину плачущей маске?

— Ваше Высочество, вы помните, что я вам когда-то говорил? Судьбы всех существ под небом, хорошие и плохие, predetermined заранее.

Се Лянь удивлённо замер, потеряв дар речи. Советник продолжил:

— Изначально смерть множества жителей Юньани уже была predetermined. Однако ты перенёс воду из других регионов и ниспослал им дожди, давая сил ещё на один вздох, но всё же окончательно спасти людей от засухи не вышло, как не вышло и дать им другое будущее в другом месте. Поэтому сейчас они, в армии Юньань на Горбатом склоне, сами борются за своё будущее. Изначально правление Сяньлэ уже медленно приходило к упадку, но ты лично спустился в мир смертных и собственными силами кардинально изменил положение дел, подарив столице сил на ещё один вздох. При этом ты не пошёл на решительное уничтожение армии Юньань и мятежного народа, не выдрал сорняк с корнем, напротив — позволил им существовать до сего дня, чтобы они, будто выводок тараканов, становились сильнее с каждой битвой. — Советник любопытствовал: — Ваше Высочество, могу ли я спросить, чего ты добиваешься? Неужели ждёшь, что обе стороны осознают свои ошибки, решат измениться и зажить по-новому, в мире и согласии, снова став единым государством?

Се Лянь неожиданно для себя самого устыдился в душе. Однако вскоре это чувство вновь обернулось растерянностью, принц подумал: «Как странно. Всё, что я делал — пытался ли спасти или защитить людей, я делал только потому, что эти люди ни в чём не повинны и не заслуживают смерти, что бы ни сделали. Совершенно ясно, что каждый мой поступок — это выбор, который я делал путём тяжких размышлений и внутренней борьбы, но почему в устах других всё это звучит так смехотворно? Почему звучит так, будто в любом деле меня ждал провал, настолько я... неудачлив?»

Но стоило в его голове появиться этому слову, как принц тут же вычеркнул его густым мазком туши. Советник продолжал:

— Будучи божеством с небес, ты вмешиваешься в дела мира смертных. То, что было предназначено государству Сяньлэ, ты перевернул с ног на голову, привёл в полнейшую сумятицу. Чтобы восстановить равновесие, природа может породить иное создание, которое вернёт всё происходящее в колею, с которой ты свернул. Я не знаю, что это за создание, но могу быть уверенным, что оно появилось из-за тебя.

Се Лянь покачнулся на месте. Советник продолжил:

— Также я могу утверждать, что Император Шэньу, встретившись с тобой, наверняка скажет тебе то же самое. Поскольку именно по этой причине он тогда не разрешил тебе спуститься. Но мне кажется, даже если бы он поговорил с тобой в тот раз, ты бы всё равно спустился. Таковы все молодые люди: никого не слушают, и пока сами не споткнутся, не верят, что ещё не научились ходить.

Се Лянь, не в силах поверить в услышанное, произнёс:

— Вы хотите сказать, что причина возникновения поветрия ликов — это я сам? Выходит, согласно так называемому предопределению, то, что творит эта не то плачущая, не то смеющаяся тварь — я всё это заслужил? Поэтому чертоги Верхних Небес даже не станут вмешиваться?

— Можешь выразиться так, а можешь как-то иначе. Всё-таки, если размышлять подобным образом, можно обвинить и твоих царственных родителей. Ведь если бы они не произвели тебя на свет, ты бы не вознёсся, а затем не спустился бы в мир смертных. По той же аналогии можно обвинить все поколения ваших предков Сяньлэ. Поэтому рассуждать о том, кто же стал причиной — бессмысленно. Что до твоего последнего вопроса, да, не станут. Поскольку гибель государства Сяньлэ изначально неминуема. И если ты нарушил ход игры и разбросал фигуры по доске, непременно появится ещё одна рука, которая вернёт разбросанные тобой фишки на место.

Се Лянь глубоко вздохнул, не желая спорить с советником о том, неминуема ли гибель государства Сяньлэ. Закрыв глаза на мгновение, принц спросил:

— Тогда, прошу, ответьте, советник, если я прямо сейчас исчезну, исчезнет ли это создание вместе со мной?

— Боюсь, что нет. Легко пригласить божество, но трудно проводить^[157]. Различная нечисть с этой стороны ничем не отличается.

Се Лянь кивнул и сухо ответил:

— Хорошо. Благодарю за наставление, советник.

Принц понимал, что дальнейшие разговоры ни к чему не приведут и полагаться ему придётся только на себя. Поклонившись советнику, он произнёс «разрешите откланяться» и направился к выходу. Советник за его спиной окликнул:

— Ваше Высочество, какую тропу ты изберёшь для дальнейшего пути?

Се Лянь, опустив голову, ответил:

— Если моё исчезновение сейчас ничем не поможет, в таком случае, я буду сражаться с ним до конца, это единственный путь. — Помолчав, он вновь вскинул голову и произнёс, чеканя слова: — Мне всё равно, что это — «ещё одна рука» или какое-то иное создание. Но люди, которых я защищаю, ни за что не станут его пешками.

Спустя две недели Лан Ин снова повёл войско Юньань в атаку.

Пройдя сквозь бесчисленные поражения в больших и мелких сражениях, которые длились несколько месяцев, теперешние солдаты Юньань наконец могли называться настоящим войском. Они больше не были простыми разбойниками, что нападают из кустов, они стали настоящей армией, и к тому же обладающей немалой мощью!

И в этот раз Се Лянь снова встретился на поле боя с Лан Ином, который, как им казалось, просто сквозь землю провалился. Принц долго ждал этой встречи — он пролетел к мятежнику через толпу солдат, поднял меч и бросился в атаку с криком:

— Где существо в белом одеянии?

Лан Ин отбил его удар, ничего не ответив, только решительно атаковал в ответ. Се Лянь шаг за шагом заставлял его отступать, говоря:

— Ты знаешь, о ком я говорю. Моё терпение имеет границы!

Неожиданно Лан Ин посмотрел на него в упор:

— Ваше Высочество, ты разве не обещал, что над землями Юньани прольются дожди?

Вопрос стал для Се Ляня полной неожиданностью, его сердце пропустило удар, он открыл рот и запнулся:

— Я...

Он действительно обещал Лан Ину, что в Юньани будут идти дожди. Однако в последние дни заразившихся поветрием ликов в столице стало в несколько раз больше, и теперь их число приближалось к пяти сотням. Все эти люди теснились в Безмрачном лесу, и вскоре одной изолированной территории явно будет недостаточно. Чиновники начали обсуждать возможность её перенесения в более обширное и отдалённое место. Бóльшая часть магических сил Се Ляня уходила на то, чтобы помочь людям приостановить распространение недуга, поэтому он не мог отправиться в Юньань проливать дожди. Ну а раз шляпа Повелителя Дождя больше ему не пригождалась, принцу стало неловко удерживать у себя такой важный артефакт, с помощью которого другой небожитель и поддерживал свою власть. Иных вариантов не оставалось, пришлось отправить Фэн Синя с визитом в государство Юйши, чтобы с благодарностями вернуть шляпу хозяйке.

Се Лянь, делая выпад, гневно воскликнул:

— Да, те дожди были ниспосланы мной, но разве тебе самому не ясно, почему они прекратились?!

Чем сильнее гневался принц, тем спокойнее становился Лан Ин:

— Это меня не касается. Я знаю лишь, что даже если бы не появилось этого поветрия ликов, твоих магических сил не хватило бы надолго; точно так же, даже с твоими дождями, люди в Юньани не протянули бы слишком долго. Всё это — напрасный труд. Ваше Высочество, с чего ты решил, что тебе под силу любое дело, за которое ты возьмёшься? Чем доверить свою жизнь тебе, лучше я доверю её самому себе.

Неизвестно, какая именно фраза уколола Се Ляня так сильно, что в нём поднялась жажда убийства.

Клинок его меча едва заметно провернулся, левая ладонь сжалась, в душе раздался крик: «Убей этого человека! Всего лишь жалкий мятежник из Юньани, нечего его бояться!»

С самой первой их встречи принц впервые по-настоящему с твёрдой решимостью вознамерился убить Лан Ина. Однако к вящему удивлению, стоило принцу нанести удар, направленный прямо в грудь противника, как Лан Ин изверг изо рта поток крови, но сердце его осталось невредимым — клинок отчего-то дрогнул и прошёл мимо.

Когда Се Лянь ощутил эту мимолётную вибрацию, он отшатнулся на несколько шагов, не в силах поверить:

— Ты?!

Как никому другому, Се Ляню было известно, что именно заставило дрогнуть клинок.

Среди простых смертных существовали люди с незаурядными способностями, к примеру, правители, поразительные таланты или благородные воины. И стоило таким людям столкнуться с опасностью, в самый критический момент всё их существо само по себе рождало особую защитную ауру, которая оберегала их, никому не позволяя нанести им серьёзный вред. В основном такие люди обладали потенциалом к вознесению. И вот Лан Ин, какой-то простолюдин из захолустья, оказался обладателем такого же защитного ореола духовной силы, и вдобавок, крайне редкого типа — то была аура правителя!

Се Лянь, не смея задумываться, что же это означает, внезапно ощутил холод в груди — это клинок Лан Ина нанёс удар и проткнул его насквозь.

В той битве не удалось определить, какая из сторон победила, а какая проиграла.

Нападавшая сторона, как и ранее, понесла немалые потери, но и у армии столицы положение сложилось не лучше. Для кого-то подобный исход можно назвать хоть пирровой^[158], но победой, но для Се Ляня это, несомненно, стало самым настоящим поражением.

Это была его первая неудача. Кроме того, пускай Лан Ин так и не одолел Се Ляня и в итоге покинул поле боя с тяжёлыми ранами, всё же очень многие лицезрели картину, когда мятежник проткнул принца мечом. Се Лянь примерно догадывался, сколько солдат и генералы его войска теперь в тайне обсуждали: «Его Высочество — Бог Войны, как его могли пронзить мечом? Разве мы не армия небесного божества? Почему же в этот раз не одержали безоговорочной победы, как раньше?» Но сейчас принцу было вовсе не до мелких пересудов,

поскольку Му Цин принёс ему весть о том, что сегодня в Безмрачный лес доставили больше сотни заболевших поветрием ликов.

Всего-то один день — и сразу больше сотни!

Сейчас у самой первой группы людей, подхвативших поветрие, недуг развился до крайне тяжёлой стадии. На их телах не осталось живого места, приходилось заматывать их толстыми бинтами, в противном случае один взгляд на несчастных повергал в ужас. Но даже сквозь бинты смутно различались выпирающие наросты.

Се Лянь оббежал весь лагерь в попытках помочь больным, и когда с огромным трудом закончил обход, Фэн Синь тут же отвёл его в сторону и тихо спросил:

— Ваше Высочество, что произошло сегодня на поле боя? Как вышло, что этот невежда тебя проткнул? И после ты ведь несколько раз попал по нему, почему не убил?

Се Лянь не хотел говорить ему, что Лан Ина защищает ореол ауры правителя, который не под силу пробить даже небожителю, поэтому лишь горько и беспомощно усмехнулся. Разве принц не хотел его убить? Но теперь это поистине стало недостижимым. Магические силы, что содержались в его атаках, целиком разбивались об ауру правителя, не причиняя вреда Лан Ину. Заметив данную деталь, принц тут же сменил тактику, решив одолеть противника материальным оружием, даже вступил с ним в рукопашный бой. Но Лан Ин оказался мускулистым и толстокожим бойцом, способным выдержать даже самые сильные удары!

Как вдруг, пока Фэн Синь и Се Лянь стояли в стороне, издали послышался вопль:

— Ваше Высочество, спасите меня!

Се Лянь как раз принял из рук Фэн Синя чашу воды и только успел отпить, как выплюнул всё обратно, едва заслышав крик. Принц бросился на вопль, даже не отдышавшись. Кричал юноша, что отдал ему свой зонт. И поскольку Се Лянь относился к тому с особенной теплотой, зов о помощи прозвучал особенно горестно. В самом начале лик вырос на колене юноши, и благодаря магическим силам Се Ляня, распространение болезни держалось под контролем, так что и теперь на теле юноши лики росли только на левой ноге. Сейчас юноша, как безумный, брыкался, что есть сил дрыгая поражённой ногой. Се Лянь

прижал его к земле, чтобы не отбрыкивался сильно, и попытался успокоить:

— Не двигайся! Я здесь!

Юноша в ужасе схватился за принца.

— Ваше Высочество! Ваше Высочество, спасите меня! Мне показалось, что нога стала чесаться, как будто её щекочут травинкой, потом я... опустил взгляд, чтобы посмотреть... и увидел, что они... они открывают рты, они шевелятся, шевелятся! Они едят траву!!! Они живые!!!

Се Лянь пробрало морозом по коже. Он взглянул сам и в самом деле увидел, что на левой ноге юноши, полностью покрытой парой десятков наростов, сразу несколько ликов держат во рту травинки, а некоторые даже с жадностью пережёвывают!

Другие заболевшие принялись кричать, поднялась паника, и только благодаря Фэн Синю, Му Цину и остальным воинам удалось с трудом подавить волнения, не допустив бунта. Се Лянь, одной рукой прижимая юношу к земле, спросил человека неподалёку:

— Он ещё может двигать этой ногой?

Все те, кто ухаживал за больными в Безмрачном лесу, носили полное обмундирование, плотно закутываясь в плащи и заматываясь бинтами, так что лица рассмотреть было невозможно. Трудящийся рядом человек, судя по голосу — юноша, ответил:

— Не может, Ваше Высочество! Его нога уже пришла в негодность. Не известно, что там такое выросло внутри, но конечность потяжелела, будто свинцом налилась, он даже волочить её не в состоянии. К тому же, недуг всё время наползает выше, скоро он перекинется с ноги до самой поясницы.

Се Лянь уже применил все возможные спасательные меры, однако болезнь на теле юноши, можно считать, всё-таки бесповоротно захватила ногу, и конечность утратила нормальную чувствительность. Тут к принцу подошёл один из лекарей, который тихо произнёс:

— Ваше Высочество, на мой взгляд, в данном случае единственный ещё не опробованный способ — это отрезать конечность, на которой выросли лики, и проверить, можно ли таким образом остановить распространение...

Се Лянь тоже подумал, что остался только такой способ, поэтому сказал:

— В таком случае, отрезайте!

Юноша второпях взмолился:

— Не надо! — Его охватил страх, что ногу в самом деле отнимут, но всё же он не решился обнимать свою изуродованную конечность, только с переполняющей болью в голосе закричал: — Моя нога ещё не пришла в негодность! Может быть, я ещё поправлюсь... Ваше Высочество! У вас... разве у вас нет иного способа помочь мне?

Се Лянь уже не хотел отвечать ни «я сделаю всё, что в моих силах», ни «я буду стараться», ни тому подобных фраз. Перед глазами принца замелькали тени, он ответил:

— Прости. У меня его нет.

Невероятно, но Его Высочество наследный принц произнёс эти слова. Подобное случилось впервые, и все, кто стал свидетелем, ощутили крайнее потрясение. Кто-то даже на месте не выдержал и принялся кричать:

— Нет? Ты — Его Высочество! Ты же божество! Как такое может случиться, что у тебя нет иного способа? Сколько дней мы уже ждём, что ты придумаешь способ? Что значит — у тебя его нет?!

Тот, кто это выкрикнул, тут же был кем-то одёрнут и больше не шумел, однако приструнили крикуна вовсе не Фэн Синь и Му Цин. Му Цин, кажется, посчитал фразу Се Ляня слишком откровенной, настолько, что теперь успокоить людей не выйдет, как ни пытайся, поэтому хмуро стоял в молчании. Фэн Синь же чуть поодаль криками осаживал заболевших, выпрыгивающих особенно высоко. Се Лянь, чрезмерно загруженный каждодневными происшествиями, теперь никогда не убирал меч в ножны, обнажённый клинок так и висел у принца на поясе. Но стоило оружию чуть приблизиться к поражённой ноге юноши, и один из «ликов», как видно, почуяв холодную угрожающую Ци, внезапно прекратил жевать, разинул рот и пронзительно заверещал.

Эта штука ещё и зашлась пронзительным криком!!!

Звук вышел слабым и тонким, но, вне всяких сомнений, исходил от ноги. Юноша закричал гораздо громче и едва не потерял сознание от страха. Крепче схватившись за Се Ляня, он принялся повторять:

— Ваше Высочество, спасите меня! Спасите меня!

В тот же миг на его бедре, ближе всего к поясу, едва заметно стали проявляться три небольших углубления.

Лекарь испуганно вскрикнул:

— Ваше Высочество! Недуг распространяется, распространяется! Поветрие сейчас переберётся с ноги на всё тело!

Сколько бы магических сил Се Лянь ни истратил, в конце концов не смог исцелить юношу от недуга. Скоро жуткое поветрие перекинется на всё его тело, и тогда уже ничем нельзя будет помочь, неужели остаётся опустить руки и смириться?

Се Лянь стиснул зубы и выдавил:

— Ответь мне. Только одно слово. Эта нога. Нужна тебе или нет? Как поведёт себя хворь, если отнять ногу, я тоже не могу сказать наверняка. Если готов с ней расстаться, кивни, и дело будет сделано немедленно; если не готов, то не кивай, и мы пока подождём!

Юноша тяжело дышал, от испуга его глаза опустели, будто он был близок к потере рассудка. Он вроде бы кивнул, но в то же время и покачал головой. Тем временем лики на его ноге принялись один за другим верещать, будто бы приветствуя вновь примкнувшего к ним «сотоварища», явно выражая радость. Из маленьких ртов слышался писк и тьяканье, а внутри можно было разглядеть дрожащие красные язычки. Невозможно представить, что же творится сейчас внутри ноги этого юноши, в жилище для каких тварей она превратилась.

Ждать больше нельзя! Се Лянь повернулся к лекарю:

— Режьте.

Но лекарь вдруг замахал руками:

— Ваше Высочество, простите недостойного! Я не могу быть уверен, что всё пройдёт успешно, такое место... я не осмелюсь оперировать! Что если, даже отняв конечность, мы ему не поможем... Всё же не стоит так рисковать!

Отругав сам себя за то, что от нечего делать вышел с предложением и едва не нарвался на выполнение столь жуткого поручения, лекарь вспомнил, что инициатива наказуема, поэтому снова скрылся в толпе и больше голоса не подавал. Юноша тем временем всё причитал:

— Ваше Высочество, спасите! Ваше Высочество, спасите!

А у Се Ляня в голове всё опустело, тогда как в сердце непрерывно зазвучал голос, полный отчаяния: «Кто же придёт спасти меня самого?!...»

Кругом поднялся разноголосый галдёж, и что только не выкрикивали люди. Маленькие сморщенные лики внизу тоже звонко визжали. В какой-то момент Се Ляню даже показалось, что он увидел настоящий ад.

Он будто своими глазами смотрел на этот ад, и в то же время ничего не видел. Обливаясь холодным потом, принц широко раскрыл глаза, занёс руку...

Удар клинок обрушил занесённый, кровь алая потоком пролилась.
— А-а-а-а-а-а!..

Юноша находился в полуобморочном состоянии, но стоило Се Ляню отрубить ему ногу, сразу пришёл в себя и зашёлся воплями:

— Моя нога! Моя нога!

Се Лянь стоял на коленях в луже крови, его белые одеяния запачкались кровавыми брызгами. Изо всех сил прижимая юношу к земле, он воскликнул:

— Всё в порядке! Лекари, остановите ему кровь!

Несколько лекарей спешно бросились помогать. Му Цин, не в силах больше смотреть, бросил:

— Только не теряй сознание, — и тут же склонился над юношей, доставая бутылёк со снадобьем.

Наружу просочился лёгкий дымок, потоки крови постепенно остановились. Се Лянь тем временем тоже вливал в рану юноши божественное сияние.

Что касается отрубленной конечности, одиноко брошенной в стороне, она вдруг сама по себе поджалась — оказалось, поражённая нога способна двигаться, будто живое существо, даже отдельно от тела. Се Лянь вскинул руку, разгорелось пламя, и нога в языках пылающего огня обернулась горсткой чёрной золы.

— Моя нога! — в ужасе заорал юноша.

Се Лянь осмотрел его в районе поясницы, но не увидел признаков поветрия ликов, поэтому глаза принца сверкнули, а лицо радостно просияло:

— Вот и всё, недуг остановлен. Поветрие больше не распространяется!

Юноша лишь после этих слов перестал рыдать и распахнул глаза шире:

— Правда? Оно правда отступило?

Послышались потрясённые вздохи толпы, начался переполох. Поколебавшись с минуту, кто-то воскликнул:

— Ваше Высочество, прошу вас, помогите и мне исцелиться!

Но в ответ вдали раздался громкий голос юноши:

— Не стоит действовать сгоряча! Ещё точно не известно, а что если недуг через время вернётся снова?

Это напоминание помогло и Се Ляню сохранить спокойствие, принц согласился:

— Верно. Пока ещё рано делать выводы, нужно какое-то время понаблюдать.

Кто-то в ужасе воскликнул:

— Сколько же ещё придётся наблюдать... ждать больше нельзя, если ещё протянуть... ещё протянуть, и эта дрянь переползёт на моё лицо!

Кто-то решил — была не была:

— Я готов пойти на этот риск!

И вскоре Безмрачный лес заполнили крики нескольких сотен человек:

— Ваше Высочество, умоляем, избавьте нас от страданий!

Люди один за другим принялись падать на колени вокруг Се Ляня, но принц, пусть и оказался в весьма затруднительном положении, не решился на необдуманные действия.

— Прошу всех подняться. Если по прошествии времени недуг этого человека не возвратится снова, я непременно сделаю всё возможное, чтобы вас исцелить...

С огромным трудом успокоив толпу, надавав немереное количество обещаний и определив юношу с отрубленной ногой в другое место, где он сможет спокойно восстанавливаться, Се Лянь сел под деревом. Му Цин огляделся по сторонам и, только убедившись, что никого вокруг нет, тихо обратился к принцу:

— Как тебе пришло в голову вот так запросто взять и отрубить ему ногу? Ты не можешь принимать подобные решения, даже если человек умоляет тебя об этом снова и снова. Что если, даже отрезав ногу, ты ему не помог? Тогда ненавидеть он станет именно тебя.

Сердце Се Ляня до сих пор колотилось как бешеное. Закрыв лицо ладонью, он хриплым голосом ответил:

— Обстоятельства не терпели промедления, он мне не отвечал, лекарь тоже не решался действовать, я ведь не мог просто смотреть, как недуг распространяется дальше. Кто-то должен был принять окончательное решение и сказать, что нужно делать. Я просто...

Даже на лице Фэн Синя, что случалось крайне редко, читалось печальное выражение:

— Ваше Высочество, думаю, тебе надо отдохнуть. Ты в самом деле выглядишь не очень хорошо, а мы пока поможем тебе всё здесь уладить.

Се Лянь тоже чувствовал, что не выдерживает нагрузки. Он медленно кивнул:

— Хорошо. Тогда я немного отдохну здесь и скоро вернусь в лагерь. Мне нельзя уходить слишком далеко.

Как раз в тот момент в лесу послышался чей-то плач и крики, Фэн Синь и Му Цин отправились узнать, что стряслось, а Се Лянь, посидев немного в растерянности, лёг прямо на землю.

Раньше, если никто не установил для него полог, пропитанный ароматом трав, и не поставил кровать, инкрустированную слоновой костью, принц ни за что на свете не стал бы ложиться прямо в грязь, посреди дикой глуши. Но сейчас у него в самом деле не осталось никаких сил на то, чтобы маяться с этим бесполезным хламом. Он даже не стал стряхивать с одежды пыль и стирать кровавые следы — чумазый с головы до ног, уронил голову на землю и уснул.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда принц сквозь сон услышал, что его зовёт Фэн Синь. Се Лянь рывком пробудился и тут же вскочил на ноги, ощутив, как с него что-то соскользнуло. Принц опустил взгляд и увидел старенькое заплатанное одеяло. Кто-то накрыл его, пока он спал. Се Лянь размял точку между бровей и сказал подошедшему Фэн Синю:

— Мне это без надобности, отнеси в лагерь к заболевшим.

Фэн Синя его слова удивили:

— А? Ты о чём? Об этом одеяле? Это не я его принёс. Я только что подошёл.

Се Лянь повернулся:

— Му Цин?

Му Цин ответил:

— И не я. Видимо, кто-то из твоих последователей, живущих в изоляции, принёс его тебе.

Се Лянь огляделся по сторонам, но не заметил ни тени того, на кого можно было бы обратить внимание. Покачав головой, принц подумал: «Я даже не почувствовал, что кто-то подобрался близко. Моё состояние и впрямь оставляет желать лучшего». Аккуратно свернув одеяло и положив на землю, он поднялся:

— Идём.

Он ушёл с беспокойством в душе. И очень скоро то, о чём он так беспокоился, случилось.

Прошло всего два дня, и когда Се Лянь снова явился в Безмрачный лес, лекари сообщили ему: ночью чуть больше десятка заболевших поветрием ликов, не вняв предупреждению, незаметно покинули свои лежанки, и кто-то из них попытался выжечь лики огнём, кто-то — срезать с кожи ножом. Большинство, не обладая достаточными умениями, потеряли слишком много крови, но лежали тихо, закутавшись в свои одеяла, не смели шуметь, боялись, что кто-то заметит. Так и умерли, не издав ни звука.

Се Лянь, только вернувшись с поля боя, услышал эту скорбную весть. Стоя среди нескольких сотен человек, глядя на окровавленных, стонущих от боли людей, он наконец вышел из себя:

— Почему вы не послушались? Я же сказал, что пока ещё не известно, можно ли таким способом окончательно избавиться от недуга! Кто позволил вам поступать так опрометчиво?

Он впервые сильно разгневался на глазах у такого количества своих последователей. Люди опустили головы и замолчали, будто цикады зимой. Се Лянь в душе по-настоящему рассердился, поэтому не сдержался от того, чтобы наговорить им лишнего. Слово за слово, и тут внезапно кто-то воскликнул:

— Ваше Высочество, вы неуязвимы для сотни болезней, и это ведь мы страдаем от недуга, а не вы. Конечно же, вы говорите, что мы поступили опрометчиво. Но ведь мы решились на подобный шаг, потому что хворь стала слишком серьёзной. Что нам ещё оставалось делать?

Говорящий не обвинял принца в открытую, однако тон его прозвучал весьма двусмысленно. Стоило Се Ляню услышать его слова, и кровь немного ударила в голову:

— Что ты сказал?

Но высказавшийся сразу спрятался в толпе, не отыскать. Фэн Синь находился слишком далеко, поэтому не слышал, а услышав, тут же принялся бы браниться. Му Цин же, разглядев, что настрой у людей не слишком благоприятный, предусмотрительно решил не усугублять положение. Видя, что Се Лянь не отвечает на замечание, кто-то ещё из толпы произнёс:

— Ваше Высочество, если вы не в состоянии нас спасти, нам приходится самим себя спасать. Не волнуйтесь, так мы не потратим ваших божественных снадобий и магических сил.

Только что Се Ляню в голову ударила горячая кровь, а теперь его будто окунули в ледяную полынью, принц подумал: «Что это за разговоры?.. Неужели я пекусь о каких-то снадобьях или магических силах? Ясно ведь, что я запрещаю им отсекал конечности только из страха, что способ не подействует. Почему они говорят так, будто бы я только языком трепать горазд? Да, я не могу испытать на себе их страданий от недуга, но если бы я не искренне хотел их спасти, зачем тогда мне было отказываться от прекрасной должности небесного чиновника и спускаться сюда, страдая по своей же вине???»

За всю жизнь его никогда не попрекали подобными словами, и сам принц никогда не испытывал подобной обиды. В душе роились тысячи слов, но высказать не получалось ни единой фразы. Се Лянь знал — его последователи постепенно потеряли терпение потому, что он не смог отыскать способ излечить их от поветрия ликов. Мучения, которые испытывали эти люди, было в сто раз труднее вынести, чем те неприятности, что приходилось претерпевать ему самому. Оставалось только с силой сжать кулаки до звонкого хруста. Постояв в молчании, принц внезапно нанёс удар по ближайшему дереву.

Дерево с треском переломилось, люди подскочили от испуга, шепотки прекратились. На звук примчался Фэн Синь, который только сейчас почувствовал, что произошло неладное:

— Ваше Высочество!

Се Лянь вложил в удар злость от обиды и постепенно начал успокаиваться. К его неожиданности, посреди мёртвой тишины кто-то вновь заговорил:

— Ваше Высочество, вам ни к чему так сильно гневаться. Мы ведь все здесь пострадавшие, все — ваши последователи. Мы ни в чём

перед вами не виноваты.

Стоило фразе прозвучать, и многие тихо стали соглашаться. И хотя люди переговаривались шёпотом, все пять чувств Се Ляня обладали достаточной остротой, чтобы слышать каждое слово чётко и ясно. Люди тихонько бормотали:

— Наконец-то кто-то решился высказать правду, я вот всё время молчал, боясь говорить...

— Но ведь всегда считалось, что Его Высочество наследный принц — добрый и ласковый, разве нет?.. Как же так, получается, вот каков он на самом деле?..

Оказавшись посреди бушующего прилива людских голосов, Се Лянь невольно отступил на шаг. За двадцать лет он ни разу не испытал страха перед лицом врага, будучи вечно бесстрашным, но именно в этот момент его сердце охватила эмоция, отдалённо похожая на страх.

Внезапно вновь раздался чей-то шёпот:

— С подобной божественной силой шёл бы к врагу выплёскивать гнев, тогда бы и нам пришлось меньше страдать!

Услышав эту фразу, принц не смог больше оставаться здесь.

Ему ли не знать, что теперь он совершенно не похож на того Бога Войны на постаменте, что в одной руке держит меч, в другой — цветок, и одаривает всех мягкой улыбкой?!

Се Лянь развернулся и ринулся прочь без оглядки. Словно от чего-то спасаясь, он выбежал из Безмрачного леса. Фэн Синь и Му Цин за его спиной крикнули:

— Ваше Высочество! Куда ты направился?!

В толпе начались беспорядки — кажется, какой-то младший помощник лекарей ни с того ни с сего накинута на заболевших с кулаками, что повлекло за собой массовую драку. Впрочем, Фэн Синю и Му Цину некогда было разнимать катающихся по земле людей. Они приказали солдатам разобраться здесь, а сами поспешили за Се Лянем.

Принц помчался в направлении Горбатого склона, одним шагом преодолевая несколько чжанов, и вскоре оказался на густо заросшем холме. С налитыми кровью глазами Се Лянь остановился посреди леса и выкрикнул:

— Выходи!!!

Фэн Синь:

— Ваше Высочество! Зачем ты примчался сюда?!

Се Лянь закричал, вскинув голову вверх:

— Я знаю, что ты здесь, выкатывайся!!!

Му Цин:

— Если бы его можно было призвать, только крикнув, нам не пришлось бы...

Юноша не договорил, внезапно осекшись. Поскольку троица внезапно услышала скрип. Рывком обернувшись, они увидели того, кто сидел на лозе, протянутой от дерева к дереву, и смотрел на них сверху вниз. И если это не причудливое существо в белых одеяниях и маске, что слева плачет, а справа смеётся, то кто же?

Он и впрямь явился, стоило только крикнуть!

Се Лянь при виде твари словно лишился разума. Он налетел на противника, со злостью в голосе взревев:

— Я убью тебя!!!

Существо увернулось от атаки, широкие белые рукава затрепетали, будто крылья бабочек в танце невероятной красоты. Фэн Синь и Му Цин удивлённо вздохнули — намереваясь броситься вперёд, чтобы оказать принцу поддержку, они внезапно заметили кое-какую странность, от которой их движения застыли, а на лицах отразилось потрясение. Се Лянь же, чьё сердце охватило пламя гнева, ничего не почувствовал и лишь выхватил меч из ножен.

Фэн Синь закричал ему:

— Ваше Высочество! Ты не видишь? Он...

Но Се Лянь уже одной рукой схватил противника за горло, а другой подставил остриё меча к его груди. Существо в белых одеяниях оказалось под контролем принца, но почему-то вдруг рассмеялось.

Смех его звучал чисто и мягко, словно смеялся юноша, и Се Ляню этот смех показался очень знакомым, похожим на чей-то, но только в пылу гнева принц не мог сразу вспомнить, на чей именно, лишь в душе промелькнуло и тут же исчезло сомнение.

Вскоре существо со вздохом произнесло:

— Се Лянь, Се Лянь. Как бы ты ни сопротивлялся, всё бесполезно. Твоё поражение предрешено, государство Сяньлэ скоро сгинет!

Се Лянь, разгневанный до предела, отвесил ему пощёчину:

— Кем ты себя возомнил? Я не давал тебе слова, так что закрой свой рот!

Для принца подобное поистине считалось невообразимо грубым поведением. Противник от удара свесил голову в сторону, но снова повернулся и спросил:

— Ты правда желаешь, чтобы я закрыл рот? Ладно, ладно. Вот только на самом деле существует ещё один способ, который может превратить ваше поражение в победу, вопрос лишь в том, захочешь ли ты пойти на это.

Если бы не последняя фраза, принц даже не стал бы его слушать. Но когда противник её произнёс, Се Ляню показалось, что он, возможно, говорит правду. Способ действительно был, но за него придётся заплатить слишком тяжёлую цену. Сделав резкий выдох, принц с угрозой в голосе произнёс:

— Какой способ? Если чего-то от меня хочешь, говори прямо, поменьше пустой болтовни!

— Я скажу тебе, только подойди поближе.

— Хорошо.

Фэн Синь воскликнул:

— Ваше Высочество! Ты же не собираешься...

Но принц, вопреки предостережению, одним ударом пронзив сердце существа насквозь, наклонился и произнёс:

— Говори.

Существо очень-очень тихо что-то сказала принцу на ухо, так что юноши не могли расслышать. Се Лянь же слушал, и чем дальше, тем сильнее округлялись его глаза. Наконец принц не выдержал и отвесил ещё одну пощёчину с криком:

— Я не просил тебя говорить мне это! Мне нужен способ решения! Способ!

— Я же сказал, это и есть способ. Вопрос лишь в том, захочешь ли ты пойти на это.

Лицо Се Ляня исказилось:

— Чего ты от меня, в конце концов, хочешь? Кто ты, в конце концов, такой?

Существо захихикало:

— Кто я такой? Не желаешь ли сорвать с меня маску и взглянуть?

Се Лянь давно собирался это сделать и теперь одним движением сдёрнул полу-смеющуюся, полу-плачущую маску с лица незнакомца. И в следующее мгновение всем телом застыл, будто окаменев.

Из-под маски ему улыбалось белоснежное и прекрасное юное лицо, чьи глаза ярко сверкали, а уголки губ чуть приподнимались — выражение это сияло безграничной мягкостью и почтительной скромностью.

Это был его собственный облик!

Золочёная статуя недюжинной силой удерживает небеса от падения

Се Лянь в неуправляемой ярости выдернул меч из груди противника и приготовился вонзить снова, когда вдруг заметил, что на клинке не осталось ни капли крови. Его мысли моментально прояснились, поворот клинка — и меч одним ударом снёс голову юноше в белых одеяниях. Сделать это оказалось проще простого, но когда голова отделилась от тела, обе части быстро сморщились, превратившись в распластанный кожаный мешок.

Это тело оказалось пустым сосудом! Уже второй раз принц сталкивался с фальшивой оболочкой, истинное воплощение так и не явило себя. Подобное не выходило за рамки ожидаемого, но негодование Се Ляня достигло пика — меч всё вонзался и вонзался в обмякшие на земле голову и тело. И даже когда острая Ци меча искромсала кожаный мешок в мелкие клочки, злоба не угасла. Фэн Синь, не в силах больше смотреть, удержал принца:

— Ваше Высочество! Это же просто пустой сосуд.

Но выглядел этот сосуд в точности так же, как Се Лянь в юности. Поэтому казалось, будто бы принц с особой жестокостью беспощадно расправился с самим собой, картина в известной степени малоприятная. Се Лянь тяжело отдышался, выронил меч и уселся на землю.

— Я знаю! Но ведь он посмел нацепить мой облик!

Сей факт по-настоящему разгневал его. Двое присели рядом, через мгновение Фэн Синь всё же спросил:

— Ваше Высочество, ну как, полегчало? Не принимай всю ту ерунду, что это существо тебе наговорило, за чистую монету. Он просто решил подшутить над тобой.

Однако Се Лянь возразил:

— Нет. То, что он сказал, вовсе не шутка. Только...

— Он в самом деле рассказал тебе, как снять проклятие?! — поразился Фэн Синь.

Се Лянь запустил правую руку в волосы.

— Он не рассказал мне способ, как избавиться от поветрия ликов. Он поведал... как его насрать!

Юношей потрясли его слова:

— Насрать?!

Се Лянь кивнул, огляделся по сторонам и, подумав, что на Горбатом склоне оставаться всё же не стоит, решил покинуть это место. Он сейчас не желал ни видеть, как украдкой смотрят на него солдаты, ни слышать недовольства и причитания тех, кого поразило поветрие ликов. Поэтому Се Лянь вернулся в императорский дворец, в пустующие много лет покои наследного принца.

Закрыв дверь, Се Лянь наконец не без труда вернул себе душевное равновесие, сел и безрадостно произнёс:

— «Лики», которые вырастают на теле людей — это умершие души жителей Юньани. Часть из них погибла на поле брани, но в основном это те, кто умер из-за засухи.

Му Цин не слишком удивился:

— Так вот почему людей Юньани поветрие не тронуло. Разумеется, свои не станут вредить своим же.

Фэн Синь хмуро произнёс:

— Но ведь тех, кто погиб во время засухи, убили вовсе не жители столицы, и даже если в них осталась затаённая злоба, они не должны были выплёскивать её на нас!

— На словах всё именно так, — вздохнул Се Лянь. — но вам ведь известно, что после смерти душа человека некоторое время пребывает в состоянии хаоса.

Определённый отрезок времени после смерти душа человека похожа на новорождённого ребёнка, бестолкового и невежественного, в полузабытьи и полусознанности, который не знает, кто он, где он находится и что ему делать. Срок этот может быть длинным и коротким, зависит полностью от самого человека и его удачи. И состояние это называется «периодом хаоса».

В подобных обстоятельствах родные или любимые люди могут направлять умершие души или оказывать на них влияние. Народный

обычай призыва души умершего на седьмой день^[159] и подобные поверья основываются именно на этом факте.

— Он... рассказал мне, что солдаты армии Юньань испытывают сильнейшую злобу и агрессию по отношению к столице. При этом у многих из них во время засухи погибли родители, жёны и дети. Умершим душам некуда больше деваться, они попадают под влияние эмоций своих родных. И он, используя обострённые эмоции тех солдат, внушил умершим душам враждебность по отношению к жителям столицы Сяньлэ, вынудил их обосноваться на теле живых людей, выпивая из них жизненные соки. Пока души находились в состоянии хаоса, им многократно навязывалась одна мысль: если бы не было этих людей, вы бы смогли выжить.

— Что это за дурная мысль? — изумился Фэн Синь. — Как можно решать, кому жить, а кому умереть???

Се Лянь, закрыв ладонью лоб, произнёс:

— Ранее Лан Ин, без всякого злого умысла, похоронил тело своего сына в земле императорской столицы. Это и стало вступлением, которым существо воспользовалось, чтобы наслать проклятие. Я потребовал от него объяснения, как избавиться от поветрия, а он столько всего наговорил, только чтобы рассказать мне способ его создания. Как это понимать?

Знание техники сотворения проклятия вовсе не даёт способа его снятия. Фэн Синь забранился:

— Да он просто издевается над тобой. Что за ерунда, мать его?!

Му Цин, однако, заметил:

— Он не издевается над тобой. Он действительно уже дал тебе способ.

Се Лянь поднял голову, Фэн Синь развернулся, оба спросили:

— Какой способ?

— Способ решения! — Глаза Му Цина сверкнули, будто бы он докопался до какой-то тайны: — Проклятие сработало на душах людей Юньань, поскольку они испытывают ненависть к людям Сяньлэ. Но разве на стороне Сяньлэ нет такой же ненависти к людям Юньань?

Се Лянь чуть округлил глаза, его дыхание на миг застыло. Му Цин продолжил:

— Раз он поделился с тобой способом сотворения проклятия, в таком случае, ты можешь воспользоваться им, чтобы взять око за око,

зуб за зуб. Наслать поветрие ликов, которое будет распространяться только на людей Юньань! Подумай, ведь чтобы проклятие начало действовать, необходимо, чтобы его поддерживали живые люди. А если они сами заразятся поветрием, у них не останется сил ни на что другое, а может, в результате и людей не останется вовсе, тогда поветрие исчезнет само по себе!

Се Лянь даже не задумывался ни о чём подобном, поэтому, слушая уверенные речи Му Цина, даже немного оторопел. Спустя несколько мгновений у него вырвалось:

— Этого делать ни в коем случае нельзя!

— Почему нельзя? Не забывай, что первыми проклятие наслали они.

Се Лянь внезапно поднялся:

— Нельзя — значит, нельзя. И ещё кое-что, ты ошибся вот в чём. Солдатам армии Юньань совершенно точно будет очень непросто заразиться поветрием ликов, как и солдатам Сяньлэ. Не спрашивай, почему, я...

Му Цин молниеносно парировал:

— Тогда пускай заболеют только простые люди, это тоже хорошо! У них нет такого количества рабочих рук, они не смогут провести такие же масштабные меры против заражения, как в императорской столице. Стоит только поветрию вспыхнуть среди них, недуг наверняка распространится гораздо быстрее, у них не останется сил на ответные действия! Мы можем пригрозить солдатам безопасностью мирных жителей за их спиной, чтобы они сняли проклятие и сдались! Они просто не смогут тянуть время дольше столицы!

Се Лянь немедля отрезал:

— Значит, тем более нельзя! Забыл, как мы называли их, когда они сделали своей мишенью невинных жителей столицы? Подлецами. Но если мы поступим так же, как и они, разве не превратимся сами в подлецов, которых бранили? Чем мы будем отличаться от них?

Взбудораженное выражение спало с лица Му Цина:

— Ваше Высочество, а ты не забывай, кто ценой своей смерти завлек тебя в лапы Нежных объятий. Как раз те самые «невинные», о которых ты говоришь.

Напоминание заставило Се Ляня поколебаться несколько мгновений.

Откровенно говоря, не задуматься об этом было просто невозможно. Но в конце концов принц всё же ответил:

— Да, такие люди в самом деле существуют. Но лишь потому, что они всегда выбегают вперёд всех, что они более всех подвержены горячему фанатизму, только они и попадают к вам на глаза. Но в действительности гораздо больше простых людей совершенно ничего не смыслят. Если почаще будешь наведываться на Горбатый склон посмотреть на них, то увидишь, что многие даже не понимают, для чего нужно воевать. Идут туда, где дают пищу, просто стремятся выжить, и всё. Му Цин, ты сейчас просишь меня ради спасения одних невинных людей убить других невинных людей. Я... — он вздохнул, — я всё же придумаю что-нибудь другое.

Тон Му Цина чуть похолодел, в нём послышалась насмешка:

— С какой стати мне наведываться на Горбатый склон и переживать о том, как живут простые люди вражеской стороны? Ладно, забудь. Ваше Высочество, ты всегда думаешь о других людях, но только другие о тебе не думают никогда. Ты не чувствуешь себя обычным простофилей?

Сердце Се Ляня тоскливо сжалось, он опустил голову, не говоря ни слова. Только в памяти возникла вся покрытая человеческими лицами и способная шевелиться даже после отсечения нога. После долгих размышлений принц покачал головой:

— Предположим, что я подумаю не о других людях, а только о нас самих. Проклятие — это обоюдоострый клинок, который ранит и владельца, и противника. Чтобы наслать проклятие на других, живой человек должен исполниться ненависти, а души умерших простолюдинов не найдут покоя в посмертии. Они достаточно пострадали при жизни, а после смерти им ещё и придётся превратиться в подобных чудищ... Ты же видел ногу того человека, эти «лики», что влачат своё жалкое существование на чужом теле... Неужели им намного лучше, чем самим пострадавшим? И когда-нибудь проклятие обернётся против наставшего, хорошего конца ему не видать.

Снова и снова слушая возражения, Му Цин вскоре тоже потерял терпение:

— Покуда они не увидят хорошего конца, с твоей стороны людям его не видать и подавно! Третьего пути тебе не дано, и второго стакана

воды ты не найдёшь, очнись уже, Ваше Высочество! У тебя нет больше времени.

Се Лянь почувствовал, как к голове прилил жар, закрыл глаза и произнёс:

— ... Пока не говори ничего, дай мне подумать.

Му Цин наконец не выдержал и принялся бранить его:

— Ну что ты за человек такой... То ты терзался муками поиска решения, а когда его положили прямо перед тобой, отказываешься принять. Ну что ты за человек... Может, хватит уже? Строишь из себя невесть что, от одного взгляда тошно. Поистине, на твоих последователей свалилось невезение, которое и за восемь жизней кровью не искупить!

Фэн Синь молча слушал их перепалку, не пытаясь вмешаться, поскольку не мог предложить никакой хорошей идеи. Но тут внезапно замахнулся и отвесил пощёчину с криком:

— Может, это тебе уже хватит?!

Му Цин от удара отшатнулся на пару шагов, Се Лянь поразился:

— Фэн Синь?

Фэн Синь бросил ему:

— Ваше Высочество, не останавливай меня! — Затем снова обратился к Му Цину: — Чего ты взъелся? Ну-ка, скажи, от чего тебе может быть тошно? Я долго тебя терпел, но сегодня терпеть не собираюсь. Я, мать вашу, поистине не выношу таких как ты. Ты же его помощник, и если бы Его Высочество не протянул тебе руку, ещё не известно, где бы ты сейчас голодал и скитался. Так почему ты всё время делаешь вид, будто ты самый умный? Будто ты больше всех понимаешь и вообще сильнее его? Если ты и впрямь такой способный, почему же Его Высочество вознёсся, а ты — нет?

— Я!..

Се Лянь потянул Фен Синя за руку:

— Полно, Фэн Синь. Му Цин тоже обеспокоен происходящим...

— Да какое ещё беспокойство! Ваше Высочество, я тебе так скажу, он просто-напросто всё время ищет возможности прочитать тебе нотации, не упускает ни единого шанса показать, что он лучше тебя. Потому что в душе действительно считает, что он гораздо более способный, чем ты! Что-то я раньше не видел, чтобы этот безразличный ко всему человек так сильно любил государство Сяньлэ.

А теперь, стало быть, беспокоился? — Затем он снова развернулся к Му Цину: — Думаешь, я не вижу, что в душе ты считаешь принца дураком? Твои вечные язвительные усмешки и то, как ты незаметно закатываешь глаза, я терпел. Что в чертогах Верхних Небес ты никогда не стоишь на положенном месте, я тоже терпел. Любишь себя показать? Что ж, хорошо, всё равно это уже не первый раз, показывай, мешать никто не будет. Всё равно ты своими ничтожными попытками чашу весов не перевернёшь, небо останется на месте. Раз Его Высочество с тобой не спорит, то и мне лень препираться. Но раз ты уже настолько обнаглел, не вини меня в том, что церемониться с тобой не стану! Слушай внимательно: если тебе нравятся столь подлые методы, меня это не удивляет, но Его Высочество — есть Его Высочество, и что бы он ни делал, будь добр, отнесись с уважением, поменьше распоряжайся и указывай! И почаще, мать твою, вспоминай, кто ты такой!

Пока Фэн Синь говорил, Се Лянь несколько раз пытался его остановить, но, возможно, по той причине, что юноша слишком долго держал невысказанную брань в себе, все попытки принца провалились, Фэн Синь выложил всё, что думал. С каждой фразой лицо Му Цина становилось белее на тон, и если вначале он ещё хотел броситься в драку, в конце концов остался безмолвен, только озлобленным взглядом неотрывно смотрел на Фэн Синя.

— Всё высказал? — в гневе вмешался Се Лянь. — Может, мне стоит пинками прогнать вас обоих с Небес?

Лицо Фэн Синя пылало, с первого взгляда становилось ясно, что ему в голову ударила горячая кровь. С высоко поднятой головой он ответил:

— Прогоняй, если хочешь. Мне плевать. Что хорошего в должности небесного чиновника?! Да если бы Его Высочество не выбрал меня помощником, мне она и даром не нужна. Но я, даже сверзившись с Небес и став простым смертным, останусь твоим непоколебимо преданным слугой. Одно слово, и я первым ринусь в бой. Больше всего мне ненавистны неблагодарные предатели! Но вот сомневаюсь я, что он, потеряв возможность искупаться в лучах твоего величия и стать небесным чином, всё так же с радостью последует за тобой. Мне думается, он и словом добрым о тебе не обмолвится. Я всё сказал!

Му Цин, который стоял молча, поджав губы, терпел очень долго и наконец тоже не выдержал:

— Какие, мать твою, лучи величия! А ты умеешь выставить себя в хорошем свете^[160]! Да что ты вообще понимаешь?!

Се Лянь вышел из себя:

— А ну, заткнитесь оба!!! Закройте рты!!!

И юноши нехотя закрыли рты. Ссора вышла на удивление крупной, тут никакая Цепочка слов не поможет.

Се Лянь, с трудом утихомирив собственный гнев, хмуро, будто у него разболелась голова, подытожил:

— ...В общем говоря, проклятие насылать никак нельзя.

Му Цин холодно усмехнулся, но всё же ответил:

— Хм. Последнее слово за тобой.

Фэн Синь отозвался коротко и ясно:

— Мы слушаем тебя.

На лице Му Цина вновь отразилось спокойное безразличие:

— Но какими бы ни были последствия, Вашему Высочеству наверняка придётся столкнуться с ними лично.

Фэн Синь негодуяще фыркнул, но промолчал. Се Лянь в ответ произнёс:

— Разумеется. Я уже подумал...

Но только принц это сказал, все трое ощутили сильнейший толчок, который заставил их покачнуться. Се Лянь потрясённо воскликнул:

— Что случилось?

Фэн Синь сообразил первым:

— Земля содрогнулась!

А стоит земле содрогнуться, непременно погибнут люди. Се Лянь выкрикнул:

— Спасайте людей!

Неожиданно, когда троица бросилась к выходу, из-под кровати принца торопливо выкатился человек, который протянул к нему руки с криком:

— Мой брат! Мой брат, не оставь меня!!! Возьми меня с собой!

Увидев его, Се Лянь поразился ещё сильнее:

— Ци Жун, что ты делаешь в моих покоях?!

Но разве он мог понять все странности Ци Жуна, когда тот целыми днями слонялся повсюду в поисках хоть чего-то, связанного с Се Лянем? Неизвестно, сколько юноша прятался там, подслушивая, тише воды, ниже травы. Но сложившееся опасное положение не позволяло тратить время на расспросы, Се Лянь схватил Ци Жуна и бросился прочь. Выбежав из своих покоев, он бросил Ци Жуна на открытом месте. Во дворце уже царил полный хаос — бесчисленные его обитатели выбегали из роскошных покоев и залов, истошно вопя.

Се Лянь повысил голос:

— Кто-нибудь ранен?! Никого не завалило?!

К превеликому счастью, совсем скоро содрогание земли прекратилось. Расспросив людей, принц убедился, что, похоже, никто не пострадал. Но всё же его сердце было не на месте. И вдруг снова раздался пронзительный вопль, люди указали на небо за его спиной. Се Лянь рывком обернулся, его зрачки резко сузились. В самом центре территории дворца стояла грандиозная и великолепная пагода, которая прямо в это мгновение медленно накренилась.

Небесная пагода вот-вот упадёт!

Полностью Небесная пагода именовалась «Пагодой небесного божества». Возведённая несколько сотен лет назад, она являлась одним из символов императорского дворца Сяньлэ, а также самым высоким строением в столице. Расположенная в самом центре императорского дворца и всего города, пагода считалась достопримечательностью. Если она упадёт, раненым и погибшим не будет числа. И обитатели дворца, и люди на улицах за его пределами, как оголтелые бросились врассыпную, испуганные пуще прежнего. Се Лянь же сразу сложил правой рукой несколько магических пассов и воскликнул, обращаясь в направлении горы Тайцан:

— Сюда!

Пагода всё наклонялась, и когда наклон достиг одной трети, люди ощутили новое содрогание. Вибрация снова шла от земли, однако отличалась от землетрясения — толчки поступали один за другим, в собственном ритме, раз за разом ускорялись и приближались. Когда пагода накренилась сильнее, все поняли — это чьи-то шаги.

Окружённая ореолом золотых лучей, огромная золотая статуя более пяти чжанов в высоту, сжимая в одной руке меч, в другой держа

цветок, широким шагом стремительно направлялась в сторону императорского дворца!

Кто-то изумлённо воскликнул:

— Это же статуя наследного принца из дворца Сяньлэ в монастыре Хуанцзи!

И действительно, всё больше людей узнавало статую:

— И правда! Та самая золотая статуя! Смотрите, она спустилась сюда с горы Тайцан!

Каждым шагом золотое изваяние преодолевало несколько чжанов, но при этом никого не раздавило. С гулким грохотом статуя влетела за ворота дворца и одним движением подхватила накренившуюся Небесную пагоду, остановив падение.

Сверкающая в лучах заката статуя, переливаясь золотом, подняла руки и в одиночку невероятным усилием удержала грандиозное строение от разрушения. Чудесная картина потрясла воображение, люди вытаращили глаза и раскрыли рты, вне себя от удивления. Се Лянь же медленно опустил руки, поднял голову и посмотрел на божественное изваяние, увидев исполненные в золоте прекрасные и спокойные черты лица и на короткий миг ощутил, как сердце затуманилось растерянностью.

Не забуду вовек, никогда не забуду

То была первая статуя, которую для него возвели последователи, самая величественная и прекрасная среди остальных.

Прежде такого «себя», Се Лянь воспринимал вполне сдержанно, не видел никаких противоречий. Но сейчас огромная, сверкающая золотым светом статуя показалась ему беспримерно чужой, принц не удержался от мысли: «Это правда я?»

Тем временем Фэн Синь и Му Цин разделились и принялись искать людей, которых могло завалить, но никого пока не обнаружили. Растерянность в душе Се Ляня исчезла сразу, как только появилась. Видя, что люди постепенно успокаиваются, он и сам вздохнул с облегчением.

Но выдохнуть до конца было не суждено — внезапно на него обрушилась такая сила, что сердце Се Ляня в тот же миг натянулось струной.

Всё-таки Небесная пагода оказалась слишком высокой, слишком тяжёлой.

Само изваяние, кажется, тоже ощутило тяжесть — руки статуи дрогнули, ноги просели вниз, громадное золочёное тело от давящей сверху нагрузки немного склонилось. Только улыбка осталась неизменной. Се Лянь мгновенно среагировал — сложил ещё магическую печать. Но сердце принца лишь похолодело — золотая статуя не только не поднялась, но ещё более согнулась в поясе, так что создавалось впечатление, будто ещё немного — и она не выдержит.

Руки Се Ляня следом охватила дрожь. Раньше ему никогда не приходилось испытывать ничего подобного. В его представлении, если он собирался сломить гору, то гора должна была рухнуть, едва заслышав его голос; стоило ему топнуть ногой, и в том месте, которое он намеревался сотрясти, земля ходила ходуном. Принц никогда не испытывал на себе того, что называют «желаемое не по силам».

Се Ляню не оставалось ничего иного, кроме как, стиснув зубы, самому взяться за дело. Усевшись у подножия громадной статуи, он резкими движениями снова сложил печати, повелевая изваянием. На этот раз статуя вновь поднялась, вскинула голову и наконец выпрямила накренившуюся Небесную пагоду!

Несмотря на то, что тяжкую ношу удалось вынести, всё же и спина, и даже сердце Се Ляня обливались холодным потом. Впрочем, люди внутри и снаружи дворца, не зная, какую неопишемую тяжесть приходится выдерживать принцу, один за другим попадали на колени перед чудесной статуей. Послышались возгласы:

— Когда государство столкнулось с бедой, Его Высочество явил свою божественную силу!

— Ваше Высочество, умоляю, вы непременно должны спасти нас!

— Спасите простой люд! Защитите свой народ!

Се Лянь заскрипел зубам и с трудом проговорил:

— Прошу всех подняться, отойдите, отойдите подальше, не нужно толпиться здесь, я... — Как вдруг принц заметил, что ему не хватает дыхания. Его голос потонул среди нахлынувшего моря громких возгласов, и чем громче он пытался говорить, тем сильнее чувствовал собственную беспомощность.

Се Лянь сделал глубокий вдох, приготовившись громко крикнуть, но тут его за лодыжку схватила чья-то рука. Опустив голову, принц

увидел Ци Жун и торопливо проговорил:

— Ци Жун, скорее скажи всем, чтобы не толпились здесь! Осторожнее, она может рухнуть!

Слова сами сорвались с губ, однако, стоило Се Ляню осознать, что это сказал он сам, его внезапно бросило в дрожь.

Прежний Се Лянь не допустил бы и подобной мысли, не говоря уже о словах. Даже если бы небо и впрямь начало падать, он бы исполнился веры, что сможет выстоять. Но теперешний Се Лянь обнаружил ужасную вещь: он больше не верил.

Не только люди больше не верили в него, но даже он сам не находил смелости в себя поверить!

Ци Жун же наивно возразил:

— Как она может рухнуть, ты ведь держишь её!

Сердце Се Ляня снова дрогнуло, стоило принцу услышать эту фразу. Ци Жун совершенно не обратил внимания на слегка побледневшее лицо брата, его глаза сверкнули недобрым, алчущим огнём:

— Мой брат, позволь я помогу тебе.

Се Лянь оторопел:

— Ты сможешь мне? Как ты мне сможешь?

Ци Жун, нисколько не задумываясь, ответил:

— Ты же сказал, что знаешь, как создать поветрие ликов? Расскажи мне этот способ, я помогу тебе наслать проклятие на людей Юньань. Я помогу тебе убить их!

...Он в самом деле услышал весь их разговор, пока прятался под кроватью!

Се Лянь рассердился до бессилия:

— Ты... ты просто бредишь! Ты понимаешь, что такое проклятие?

Ци Жун однако заявил, как ни в чём не бывало:

— Понимаю! Это же просто проклятие, что такого? Мой брат, расскажи мне, у меня талант к проклятиям, я часто проклинал своего отца, и даже думаю, что он умер именно от моих проклятий, ты...

Се Лянь не мог больше его слушать:

— Уходи.

Ци Жун поспешно воскликнул:

— Нет! Нет! Хорошо, можешь не говорить мне, как наслать проклятие, ладно. Тогда скажи мне... как, в конце концов, избежать

самого поветрия ликов?

Сердце Се Ляня повисло в воздухе, Ци Жун добавил:

— Тебе ведь это известно, да? Ты ведь знаешь, почему солдаты не могут заразиться, разве нет? Мой брат, так почему же, расскажи мне, хорошо?

В тот момент вокруг собралось немало обитателей дворца, неизвестно сколько ушей услышали Ци Жуна, и Се Лянь, ужасно опасаясь, каких бед наделает разглашённая тайна, немедленно замолчал. Но кто-то в самом деле не стерпел, поднял взгляд на принца и спросил:

— Ваше Высочество! Это правда?

— Вы правда знаете, как излечиться от поветрия ликов?!

— Почему же вы не расскажете нам?

Глаза этих людей загорелись таким же блеском, как и у Ци Жуна. Се Лянь плотно сомкнул губы и сквозь тонкую щель меж зубов выдавил:

— Нет! Я не знаю!

В толпе поднялось незначительно волнение, но до серьёзного не разрослось. К тому времени вернулся Фэн Синь, который издали увидел разлётшегося у ног Се Ляня Ци Жуна и тут же воскликнул:

— Что такое, в чём дело?!

— Фэн Синь, уведи его прочь! — велел Се Лянь.

Фэн Синь принялся выполнять приказ, но Ци Жун схватился за принца крепче и с горячностью воскликнул:

— Мой брат, ты должен разбить людишек Юньань, прогнать их прочь, ведь верно? Ты защитишь нас, обязательно защитишь! Ведь так?

Спроси он то же самое несколько месяцев назад, и Се Лянь, возможно, исполнившись энтузиазма, громко заявил бы: «Я буду вас защищать!» Теперь же принц не решился на это. Ци Жун пребывал в крайнем волнении, и Се Лянь, глядя на него, ощутил лёгкую растерянность. Ведь он прекрасно знал, что Ци Жун вовсе не из тех, кто беспокоится о судьбе своего государства, своего народа. Даже когда над государством нависла угроза гибели, самое большее, он должен был испытывать страх, почему же юноша так взволнован? Поразмыслив, принц вдруг вспомнил одну деталь. Отец Ци Жуна, кажется, тоже был выходцем из Юньани.

Се Лянь не отвечал, и голос Ци Жуна вдруг зазвучал с надрывом:

— Мой царственный брат! Ты же не можешь вот так просто бездействовать! Неужели нам и дальше придётся терпеть унижения от них? Неужели... неужели мы совсем ничего не можем сделать?!

Стоило этим вопросам прозвучать, душу Се Ляня охватило горестное чувство. Поскольку он осознал, что Ци Жун прав — перед лицом обстоятельств, он правда... совсем ничего не может сделать!

Фэн Синь произнёс:

— Я попрошу государя снова запереть его.

Он увёл Ци Жуна прочь, но тот всё сопротивлялся, пытаясь вырваться, и громко кричал:

— Ты непременно должен выстоять! Ты не можешь пасть!

Не можешь пасть!

Се Лянь тоже понимал, что не может пасть. Даже если всех простолюдинов поблизости уведут подальше, Небесная пагода не должна рухнуть. Если она падёт, не только столетняя достопримечательность императорской столицы в одночасье обернётся руинами, но и главный отрезок улицы Шэнью, и множество домов жителей столицы раздавит до основания. Кроме того, внутри пагоды хранились за семью замками оставленные бесчисленными поколениями предков редкие сокровища и древние свитки, которым насчитывались сотни лет. Их невозможно переместить все разом. Если пагода упадёт, всё это сгинет в небытие. И дух столицы государства Сяньлэ, который хранит Небесная пагода, будет уничтожен окончательно.

Но магические силы принца, подобно источнику воды в Юньани, день ото дня иссякали. Чтобы грандиозная золотая статуя выстояла, принц не мог покинуть дворец.

Пришлось поручить охрану города Фэн Синю и Му Цину, а самому обосноваться на одном месте и погрузиться в медитацию. Но поскольку золотое изваяние пяти чжанов в высоту являлось божественной статуей монастыря Хуанцзи на горе Тайцан, призвав его сюда, Се Лянь лишил своих последователей в монастыре объекта поклонения. Поэтому люди пчелиным роем слетелись к дворцу, вознося молитвы прямо под открытым небом. Конечно, обычно посторонним запрещалось проникать на территорию императорского дворца. Но, во-первых, из-за землетрясения обрушился участок стены,

и теперь преграды не существовало. Во-вторых, сейчас в столице царил совершеннейший беспорядок, людей нигде не хватало. И, в-третьих, из страха, что люди начнут гневаться и волнения возобновятся, не впустить их было нельзя.

Се Лянь сидел на одном месте, а государь и государыня каждый день приходили навестить его. Несколько суток прошло как в бреду, принц пытался всеми усилиями удержать Небесную пагоду и в то же время скопить сил, чтобы появилась возможность вырваться отсюда хоть ненадолго. Государю приходилось не легче, уже вся его голова покрылась сединой, и зрелый мужчина в самом расцвете лет выглядел так, будто уже прожил за полсотни. При встрече отец и сын не обменивались ни единым словом, и всё же теперь между ними стало гораздо больше согласия.

Государыня, на глазах которой Се Лянь рос, всегда видела любимого сына только в образе утончённого юноши или же прекрасного небожителя. Теперь же ей приходилось наблюдать, как он несёт тяжкий груз, сидя на своём посту, претерпевая холодные ветра, лучи безжалостного солнца и проливные дожди, да ещё никому не позволяя подходить слишком близко, чтобы заслонить его от погоды. Сердце государыни сжималось от печали и горечи, поэтому она сама вышла под жаркое солнце, чтобы закрыть принца зонтом. Но простояла она совсем немного — Се Лянь, боясь, что матушка утомится, произнёс:

— Матушка, идите к себе, мне ничего не нужно. Вам лучше не подходить близко и никого не посылать из слуг, я опасаюсь...

Но своих опасений принц в итоге так и не решился высказать вслух. Государыня, стоя спиной к собравшимся здесь же верующим, долго молчала, но всё же не смогла сдержать эмоций и заплакала:

— Сын мой, тебе пришлось так нелегко. За что... за что же тебе такие мучения?

Чтобы скрыть увядание, государыня наносила косметику толстым слоем. Но слёзы смыли румяна и пудру, поэтому стало заметно, что она — тоже всего лишь женщина, юность которой никогда не возвратится. Она очень переживала за сына, роняя слёзы, но всё же не решалась заплакать слишком громко, боясь, как бы этого не увидел простой люд за её спиной. Государь поддержал жену за плечи. Се Лянь же потрясённо смотрел на матушку.

Когда кому-то на пути встречаются страдания, в первую очередь он всегда думает о своём самом любимом человеке. И для Се Ляня таким человеком, вне всяких сомнений, являлась его матушка. Возможно, это совсем ничем бы не помогло, но пережив несколько мучительных дней, когда каждое мгновение резало ножом, сейчас принц правда очень захотел вернуться в детство, когда ему было десять, броситься в объятия матери и вдоволь наплакаться.

Но только до сего дня все свои дороги принц выбрал сам. Родители тоже находились в весьма затруднительном положении, и сейчас на Се Ляня с неугасаемой надеждой смотрело столько глаз, что он просто не мог выказать ни тени слабости. Если даже он не выдержит этой ноши, кому же тогда это под силу?

Поэтому Се Лянь покривил душой:

— Матушка, не волнуйтесь, со мной всё в порядке. Вашему сыну нисколько не тяжело.

Только он сам знал, тяжело ли ему приходится.

Государь и государыня, поддерживаемые несколькими дворцовыми служанками, удалились, каждый шаг оглядываясь на принца. Се Лянь вновь остался один под палящими лучами и утомлённо закрыл глаза. Неизвестно, сколько прошло времени, когда он вновь приподнял веки. Небеса уже окрасились вечерней мглой, разбавленной последними лучами заходящего солнца. Народ у постамента разошёлся, молящихся почти не осталось.

Но принц, опустив взгляд, увидел чуть поодаль от себя маленький одинокий цветок.

Се Лянь не был уверен, когда именно там появился этот цветок, но протянул руку и осторожно поднял его.

Маленький-маленький цветок с тонким нежным стеблем, светло-зелёной чашечкой и белоснежными лепестками, на которых, будто слёзы, застыли капли росы, выглядел очень жалобно. Его лёгкий, неприметный, но свежий аромат показался принцу смутно знакомым.

Он, поддавшись порыву, сжал цветок в ладони и положил за пазуху, возле сердца.

Внезапно до принца донёлся резкий запах крови, который заглушил последнюю нотку нежного цветочного благоухания. Се Лянь поднял взгляд, и перед глазами потемнело — кто-то набросился прямо на него с воплем:

— Почему?! Почему?!

Потрясённый Се Лянь оттолкнул человека одним взмахом рукава, и, с трудом придя в себя, воскликнул:

— Кто это?!

Нападавший, которого принц отбросил прочь, перекатился по земле. Се Лянь всё ещё удерживал золотую статую на месте, и не смел подняться, не смел покинуть пост, чтобы подойти и рассмотреть, но сразу же узнал этого человека, поскольку у того осталась лишь одна нога... Тот самый юноша, что подарил принцу зонт и которого принц собственными руками лишил конечности!

Несчастный весь был в крови, но всё же на окровавленных ладонях смог подняться на четвереньки и подползти к принцу, оставляя за собой жуткий кровавый след. Увидев, с каким трудом юноша передвигается, Се Лянь оторопел:

— Ты... что ты здесь делаешь? Ты ведь должен быть под присмотром лекарей в Бемрачном лесу!

Юноша не ответил, только пополз ближе на руках и единственной ноге, отчего картина создавалась весьма пугающая. Се Лянь воскликнул:

— Ты...!

Юноша же закатал штаны на оставшейся правой ноге и закричал:

— Почему?!

Приглядевшись, принц с ужасом обнаружил, что на ноге юноши морщится человеческое лицо!

То, чего Се Лянь опасался больше всего, всё-таки произошло. Если бы он сейчас не сидел, то наверняка не смог бы остаться на ногах. Юноша, колотя рукой по земле, взревел:

— Почему ты отрезал мне ногу?! Недуг всё равно вернулся! А я лишился ноги! Почему?! Верни мне мою ногу! Верни мне мою ногу!

Перед глазами Се Ляня встало улыбающееся лицо этого юноши в тот день, когда он вручил принцу свой зонт. Теперь же бедняга будто совсем потерял разум. Сравнение вышло настолько удручающим, что в голове Се Ляня всё перемешалось, воцарилась полная неразбериха, голос принца дрогнул:

— Я... — Только спустя долгое время он наконец отреагировал:

— Я... я сейчас помогу тебе!

Принц сразу же применил магическую силу, чтобы подавить вредоносную Ци поветрия. Внезапно неподалёку послышались стенания, к принцу кинулись ещё несколько человек с плачем:

— Ваше Высочество, спасите меня! Ваше Высочество, спасите!

— Ваше Высочество, посмотрите на моё лицо, я срезал половину кожи, но почему до сих пор не излечился, почему? Что же нужно сделать, чтобы избавиться от недуга?

— Ваше Высочество, посмотрите на меня, посмотрите, во что я превратился!

Кровавые картины одна за другой бросались ему в глаза, будто насильно заставляя смотреть. Се Лянь уставился в пустоту перед собой и беспорядочно замахал руками, повторяя:

— Не смотрю, я не смотрю, я не хочу смотреть!

Оказывается, когда сразу у нескольких пострадавших от поветрия проявилось повторное распространение недуга, в Безмрачном лесу всё-таки вспыхнули крупные недовольства. Прорвавшись через заслон охранявших их солдат и лекарей, все они прибежали сюда, на поиски принца!

Но раз они выбежали с изолированной территории, то если как можно скорее не подавить недуг у этих людей, может случиться, что поветрие начнёт распространяться ещё быстрее. Се Лянь закрыл глаза и с огромным усилием привёл в движение магические силы, чтобы помочь им подавить поветрие, временно облегчить боль. Однако стоило ему закончить с ними, как тут же нахлынуло ещё больше страждущих:

— Ваше Высочество, и мне! Помогите и мне тоже!

С дюжину пострадавших окружили принца, и Се Лянь смутно ощутил, как покачнулась золотая статуя над ним. В душе его зародились опасения:

— Подождите, подождите! Я...

Кто-то не выдержал:

— Невозможно больше ждать, я не хочу больше ждать, я ждал слишком долго!

— Ваше Высочество, почему вы вылечили его, а меня — нет?

Настрой окружающих принца голосов изменился.

— Почему после твоего лечения у него лики исчезли, а у меня остались? Ты же божество, разве нет? Почему ты так несправедлив?! Я хочу справедливости!

Се Лянь попытался поспорить:

— Нет, здесь нет никакой несправедливости, дело не во мне, у вас разные стадии недуга...

— Тогда уж либо не помогай вовсе, либо помогай до конца, что толку, если ты взялся и тут же бросил? Разве тебе выбирать?

Се Лянь ощутил лёгкую нехватку воздуха:

— Я не бросил, просто... нужно ещё подождать...

— Тебе ведь известно, как излечить недуг?

Се Лянь открыл рот:

— Я...

— А раз ты знаешь, почему не скажешь нам?!

Се Лянь схватился за голову:

— Я не знаю!

— Ты лжёшь! Я слышал, другие говорили, что ты всё знаешь! Я вижу тебя насквозь, ты не желаешь нам говорить, потому что хочешь постоянно слышать наши мольбы, хочешь обманом заполучить наши молитвы и подношения! Обманщик, ты просто обманщик!

— Как же всё-таки исцелиться, говори скорее! Что же ты не говоришь!!!

Лицо Се Ляня побелело, взгляд опустел, бесчисленные руки принялись толкать и тянуть его из стороны в сторону, кто-то даже со злостью схватил принца за горло. Картина вышла поистине комичной — он ведь являлся небесным божеством, но сейчас у него в глубине души зазвучал слабый крик:

Спасите!..

Кажется, кто-то пытался оттащить от него эти руки, а может быть и нет — принц не понимал. Он знал лишь одно: эти люди, покрытые кровавыми шрамами на всё лицо и лишившиеся конечностей, вот-вот

разорвут его на мелкие кусочки, будто собираясь сожрать. Неизвестно, сколько это продолжалось, но тут издали послышался звук горна, подобный плачу демонов. Люди вокруг, занятые лишь стенаниями и попытками разорвать принца на части, не обратили на горн никакого внимания, и только Се Лянь прошило внезапной дрожью. Потому что он знал — это сигнал победы войска Юньань!

Принц больше не смог усидеть. Или же больше не смог держаться. Подавшись вперёд, он бухнулся на колени. И в тот же миг золотая статуя над ним, которую он огромными усилиями удерживал несколько дней, в точности повторила его движения и, будто лишённая жизни, с грохотом обрушилась.

Следом за оглушительным грохотом разрушения тяжело осела и грандиозная Небесная пагода — вместе с золотой статуей она обернулась грудой обломков!

Золотая статуя сама по себе не могла разбиться. Но поскольку Се Лянь влил в изваяние слишком много магических сил в надежде удержать Небесную пагоду, оно давно сделалось крайне хрупким. Заболевшие, что сбежали из Безмрачного леса, кто успел скрыться, кто погиб, кто сильно пострадал. Люд обезумевшим потоком бежал из императорского дворца, по улицам, кто-то пытался укрыться от падающих обломков Небесной пагоды, кто-то — от внушающих неопикуемый ужас носителей поветрия ликов. Се Лянь, схватившись руками за голову, шатаясь и падая, бежал к главным воротам столицы.

На башне начался пожар, чёрный дым клубами поднимался в небо. Се Лянь бросился наверх, по пути сталкиваясь с отступающими солдатами, которые явно пережили жестокое поражение. Но, оказавшись на башне, он также не знал, что ему делать, только, будто в забытьи, с лицом, залитым в какой-то момент покотившимися по щекам слезами и покрытым чёрной пылью, посмотрел вниз. Все расплывалось перед глазами, землю устилали трупы. И лишь белая фигура посреди поля брани, с развевающимися на ветру широкими рукавами, оставалась невыносимо чёткой. Теперь он выглядел не как юноша, но как молодой мужчина. Обернувшись, он посмотрел издали на принца, беззаботно помахал рукой и, кажется, вознамерился неторопливо уйти прочь.

Се Лянь, срывая голос, закричал:

— Не смей уйти!!!

Оба прошлых раза существо посылало вместо себя фальшивые оболочки, но теперь Се Лянь чувствовал — на этот раз воплощение истинное! Поэтому, нисколько не задумываясь, перемахнул через городскую стену, подлетел в воздух и спрыгнул вниз.

За всю жизнь Се Лянь совершил бесчисленное множество прыжков с невероятной высоты. И благодаря недюжинной магической силе, а также поразительно отточенным навыкам воинского искусства ему каждый раз удавалось мягко приземляться в целостности и сохранности, каждый раз он испытывал гордость и удовлетворение, каждый раз являл собой эталон появления на сцене небожителя, как его описывают в волшебных легендах. Но сейчас Се Лянь больше не был легендой.

Коснувшись земли, принц не смог удержать равновесие, он упал, свалившись набок, и тут же ощутил, как острая боль переползает с ноги на всё тело.

При падении он сломал ногу.

В общем-то в переломе не было ничего страшного, очень скоро нога заживёт. Но только с того дня Се Лянь будто бы превратился в совершенно другого человека.

Он словно потерял душу и больше не излучал прежней грозной божественной мощи. За первым поражением последовало второе, третье... Он не желал пускать в ход меч, не желал выходить на поле битвы. Но поскольку никто не мог выступить вперёд и заменить его, приходилось упорствовать и сражаться. Впрочем, в бою принц нисколько не проявлял небрежности или безразличия, он в самом деле прилагал все усилия, но по какой-то неизвестной причине, несмотря на то, что фактический принц только достиг совершеннолетия^[161], меч его уже начал дрожать, будто в руке у глубокого старца на закате жизни.

Сердце принца охватывала дрожь от страха, но при этом он сам не мог сказать, кто или что конкретно заставляет его испытывать страх. В конце концов, даже всегда относившиеся к принцу с исключительным

почтением солдаты и военные командиры постепенно потеряли терпение.

Се Лянь знал, что в народе начало ходить немало подобных разговоров: какой же это Бог Войны, ведь совершенно очевидно, что это злой дух поветрия, приносящий несчастья!

Но принц ничего не мог на это возразить. Лишь потому, что сам начал сомневаться: неужели он действительно превратился в злой дух поветрия, приносящий несчастья? И если бы беда ограничилась лишь этим. Самое страшное, что настоящая смертельная катастрофа для государства Сяньлэ, поветрие ликов, окончательно вышло из-под контроля. Пятьсот человек, тысяча, две, три... в итоге Се Лянь больше не решался спрашивать, сколько человек заразилось сегодня.

И вот, будто бы оглашая ему последний приговор, в один из дней врата Небесных чертогов наконец открылись для Се Ляня. Он получил послание: Ваше Высочество наследный принц, пришла пора вернуться в чертоги Верхних Небес.

Что ждало его по возвращении, понятно и без слов. Даже Фэн Синь и Му Цин, что случалось нечасто, начали немного нервничать. Се Ляня же заботило другое. Он обратился к двоим подчинённым:

— Напоследок я бы хотел наведаться в одно место.

— Куда? — спросил Фэн Синь.

— В монастырь Хуанцзи.

Помолчав пару мгновений, Фэн Синь произнёс:

— Не ходи.

Но Се Лянь уже направился прочь, не обращая внимания ни на что. Фэн Синь позвал:

— Ваше Высочество! — но удержать его не смог, поэтому им с Му Цином пришлось направиться следом.

Троица пешком поднялась на гору.

Монастырь Хуанцзи. Здесь возвысился над землёй первый божественный храм Се Ляня, а также была установлена его первая божественная статуя. Однако по приказу советника три тысячи учеников уже давно были отосланы с горы по другим монастырям, и сейчас монастырь Хуанцзи остался совершенно пуст. Оказавшись на середине пути, Се Лянь бросил взгляд вниз. И увидел огни, расцветающие по всей столице ярким пламенем и озаряющие даже

звёздное небо — прекрасное зрелище. Фэн Синь, однако, пришёл в неопишемую ярость и выругался:

— Горстка безумцев!

Се Лянь пристально смотрел на огни, Фэн Синь снова сказал ему:

— Не смотри! На что там смотреть?!

За последние дни Фэн Синь ругал Се Ляня бессчётное множество раз: тебе что, настолько хочется себя изводить? Но Се Лянь и сам не знал, чего ему хочется. Он знал одно — если какой-то из его храмов или монастырей сжигали или разрушали, он не мог держать себя в руках — непременно должен был пойти и посмотреть своими глазами. Он просто молча смотрел, остановить их он не мог, лишь стоял на месте с широко открытыми глазами. На что там было смотреть? Он и сам не знал.

Сейчас и на Пике наследного принца занялось пламя. Фэн Синь был потрясён до глубины души.

— Они даже монастырь Хуанцзи не обошли стороной?! Им что, разрыли могилы предков^[162] или...

Юноша замолчал, не договорив. Потому что он вспомнил, какие страшные мучения выпали на долю людей государства Сяньлэ, которые не ограничивались такой глупостью как «разрытая могила предков».

Однако пламя наверху не разгорелось слишком сильно — очень скоро оно погасло, как будто кто-то его потушил. На сей раз Фэн Синь испытал удивление. Поскольку за последнее время люди только находили в себе смелость разжигать пожары, но никто не решался тушить. Если кто-то начинал уговаривать их остановиться или даже пытался не позволить толпе озлобленных людей поджигать и рушить храмы, его приравнивали к самому «духу поветрия», Се Ляню, и забивали до смерти. Исходя из этих причин, троица уже давно не осмеливалась являться перед простыми смертными, скрывая материальные сущности от людских глаз.

На пути к вершине они слышали звуки драки, а достигнув Пика наследного принца, увидели, что дворец Сяньлэ уже почти разрушен, остался только остов главного зала да четыре стены. Изваяние божества давно исчезло с огромного божественного постамента. А у полуразрушенного входа в главный зал грудится разношёрстная группа людей, которые явно дерутся, при этом громко выкрикивая:

— Ах ты, сучий ублюдок! Мелкий проклятый демон! Мать твою, ты что здесь, жёнушку чести лишил? Для тебя эта развалюха — самое дорогое, что есть в жизни?!

Се Лянь с первого взгляда понял, что эти люди пришли рушить его храм не из чувства ненависти. Они просто кучка бродяг, которые только и страшатся, что в мире воцарится покой. Либо они пришли грабить, пользуясь пожаром^[163], либо просто искали забавы, вот и решили сжечь храм. Впрочем, теперь принцу уже было всё равно, кто именно приходил рушить его храмы.

Внезапно посреди беспорядочной заварухи ночной воздух пронзил юный голос, полный лютой злобы:

— Проваливайте!!!

Если прислушаться получше, становилось ясно, что это не драка, а избивание. К тому же толпа избивает юношу не старше пятнадцати, почти что ребёнка, но тот не выказывает и признака слабости, при этом нисколько не уступает им. Тем не менее, поскольку ему пришлось драться одному против всех, лицо юноши уже залила кровь и покрыли синяки, за ранами уже нельзя было разглядеть его облика.

Фэн Синь поразился:

— Вот это малец, наверняка станет славным воином, когда подрастёт!

Как вдруг один из мужчин поднял с земли булыжник и с недобрый блеском в глазах вознамерился запустить им в голову юноше. Се Лянь, увидев это, взмахнул рукой, и камень полетел в лицо мужчине — послышался вопль, из носа недоброжелателя хлынула кровь. Юноша на миг застыл, затем обернулся и снова занёс кулаки, раздавая тумаки в безумном порыве. В драке юноша оказался страшен — в конце концов толпа взрослых мужчин в испуге бросилась бежать, на бегу тыча в него пальцами и осыпая пустыми угрозами:

— Мать твою! погоди у меня! погоди, я приведу ещё людей разобраться с тобой!

Юноша холодно усмехнулся в ответ:

— Посмеете снова явиться, и я заберу ваши собачьи жизни!!!

Мужчины, окончательно перепуганные, побежали ещё быстрее. Юноша осыпал их бранью, затем бросился к остаткам уже затушенного пламени неподалёку и со злостью затоптал их, уничтожив до последней искры. Только потом он вошёл в храм, поднял с земли

лист бумаги, осторожно разровнял, повесил над постаментом, затем уселся на землю рядом и погрузился в свои мысли.

Се Лянь вошёл в храм и плавно опустился на постамент, заметив, что юноша повесил перед собой рисунок, черты которого, изображённые незрелой техникой, выдавали руку человека, никогда не обучавшегося рисованию. Но каждый мазок был выполнен с явным старанием. Картина походила на изображение «Наследного принца под маской бога». Видимо, он нарисовал его вместо божественной статуи, которую Се Лянь тогда призвал.

Фэн Синь похвалил:

— Нарисовано весьма неплохо!

За столько дней Фэн Синю наконец-таки удалось увидеть человека, который всё ещё защищал Се Ляня, и от волнения он едва не бросился помогать тому в драке. Разумеется, теперь он воспринимал юношу весьма положительно, что бы тот ни сделал. Му Цин, в отличие от Фэн Синя, опустил взгляд. Его глаза сверкнули, будто бы в памяти что-то воскресло, но всё же он остался молчалив. Се Лянь протянул руку и легонько прикоснулся к рисунку.

Прикосновение вышло вовсе не таким заметным, подобным дуновению свежего ветра, не более. Но юноша вдруг поднял голову от коленей, его израненное лицо даже просветлело на миг:

— Это ты?

Фэн Синь изумился:

— И почему паренёк такой шустрый?

Му Цин произнёс:

— Уходим.

Се Лянь мягко кивнул и уже развернулся, чтобы уйти, но юноша ринулся к краю постамента, его дыхание даже сбилось немного:

— Я знаю, что это ты! Ваше Высочество, не уходи, я хочу тебе сказать!

Троица тут же застыла. Юноша, кажется, ужасно волновался, он крепко сжал кулаки.

— Пускай... твои храмы сожжены, но... не нужно печалиться. Впредь я построю для тебя ещё больше, величественнее, роскошнее, таких, с которыми ничьи храмы не сравнятся. Никто с тобой не сравнится. Я непременно это сделаю!

Троица молчала, не в силах подобрать слова.

Юноша выглядел плачевно: в драных лохмотьях, с ног до головы покрытый грязью, с окровавленным распухшим лицом. Но при этом говорил он столь вдохновенно и решительно, что становилось и смешно, и горько, слушателей посетили крайне противоречивые переживания. Будто бы боясь, что его слова не достигнут ушей принца, юноша сложил ладони у рта и закричал, обращаясь к картине над постаментом:

— Ваше Высочество! Ты слышишь? В моём сердце ты — божество! Ты — единственное божество, ты — истинное божество! Ты слышишь?!

Он так надрывно кричал, что вся гора Тайцан отозвалась эхом.

Ты слышишь?!

Се Лянь вдруг громко рассмеялся. Столь внезапно, что Фэн Синь и Му Цин едва не подскочили от испуга. Се Лянь же смеялся и качал головой — разумеется, юноша не мог этого услышать, но всё же будто бы что-то почувствовал, глаза его заблестели, и он принялся оглядываться по сторонам. Как вдруг капля ледяной воды коснулась щеки юноши. Он резко распахнул глаза, и на мгновение в них отразился белоснежный силуэт. Но когда он моргнул, отражение исчезло.

Фэн Синь, осознав, что Се Лянь на миг явил своё воплощение, произнёс:

— Ваше Высочество, ты только что...

Се Лянь рассеянно ответил:

— Только что? Ох, мне уже недостаёт магических сил, только что я просто не смог их контролировать.

Юноша выпрямился и протёр глаза, словно старательно пытался удержать тот силуэт, что появился на мгновение и сразу исчез. Се Лянь же сомкнул веки и, спустя долгое время, сказал:

— Забудь.

Ответ наконец прозвучал, но оказался таким... Взгляд юноши вначале просветлел, уголки губ поползли вверх, но потом он замер, изгиб на губах вновь вытянулся в прямую линию:

— Что?.. Что забыть?

Се Лянь вздохнул и снова мягко произнёс:

— Забудь.

Юноша застыл в молчании. Се Лянь же проговорил, обращаясь больше к самому себе:

— Пóлно. Всё равно очень скоро никто не вспомнит обо мне.

После этой фразы юноша широко округлил глаза, по щеке беззвучно скатилась дорожка слёз, оставляя за собой бледный след. Он нервно сглотнул и проговорил:

— Я...

Фэн Синь, кажется, не мог выносить этого:

— Ваше Высочество, довольно. Ты опять нарушил правила.

Се Лянь ответил ему:

— Да, я замолкаю. Всё равно я уже нарушил столько правил, пара фраз ничего не изменит.

Эти слова он уже не позволил услышать юноше. Троица спустилась с постамента и направилась к выходу из полуразрушенного храма. Ночной ветер ударил в лицо, Се Лянь покачал головой.

Он всё ещё был небожителем и, по правде говоря, не мог ощутить «холода». Но в эту минуту он почувствовал настоящий, пробирающий до костей мороз.

Неожиданно до них донеслось тихое бормотание юноши, которого они оставили в храме:

— Я не забуду.

Он совершенно точно не мог видеть Се Ляня и его спутников, однако, безошибочно определив направление, бросился к выходу и закричал, обращаясь к их спинам:

— Я не забуду!

Трое обернулись и увидели, как горят в темноте глаза мальчишки — ярко, будто смотрят в самое сердце. Его лицо, покрытое ранами, излучало одновременно и гнев, и печаль, и радость, и безумие.

Сквозь хлынувшие слёзы он повторил:

— Я не забуду.

Я никогда тебя не забуду!!!

Заметка от автора:

Наконец-то дописана эта сцена... Полуразрушенный храм, божество, которое вот-вот ожидает забвение, и его ещё совсем юный последователь. Это была первая картина новеллы, которая возникла в моём воображении, и первый толчок, который заставил

меня начать её писать. Да, именно такой я человек, который ради короткого отрывка придумает историю на целую книгу... и пока будет писать, помрёт от усталости...

Читатели, кто дошёл со мной до этого момента, вам пришлось нелегко, я вам очень благодарна, мои лучи поддержки вам. Но и мне... ещё труднее писать (фэйспалм), эта книга просто вытягивает все соки.

Ну вот, второй том окончен, в третьем томе мы возвращаемся в настоящее время, на прямую временную линию.

Том третий

Ночь любования луной. Состязание фонарей на Праздник середины осени

Цзынь!

Искры разлетелись брызгами.

Клинок вошёл глубоко в каменный пол. Се Лянь, обеими руками сжимая меч, низко опустил голову, упёрся лбом в рукоять и стиснул зубы так сильно, что казалось, вот-вот раскрошит их друг о друга.

— Никчёмное создание! — Ци Жун расхохотался: — Ты просто никчёмьш! Я так и знал, что у тебя рука не поднимется убить меня! Как бы я тебя ни оскорблял, как бы ни мучил, стоит мне только приставить нож к чужому горлу — и ты ничего не сможешь со мной сделать. Ты просто ни на что не годный трус, какое из тебя божество? К чему ты вообще ещё живёшь на свете?!

Но Се Лянь уже окончательно успокоился. Когда он поднял голову, его взгляд отливал пронзительным холодом:

— Не радовался бы слишком рано. Если я ничего с тобой не сделаю, разумеется, найдётся тот, кто сделает.

Ци Жун хмыкнул:

— Что, опять хочешь повалиться в ножки Цзюнь У и молить его вступиться за тебя? И не мечтай, разве тогда он протянул тебе руку? А? И ты до сих пор наглейшим образом пытаешься к нему подлизываться? Не будь таким дурнем!

Се Лянь стащил с Ци Жуна великолепное и торжественное одеяние Воина, радующего богов, призвал Жое, связал двоюродного брата и отбросил в сторону:

— Лучше бы тебе перестать болтать и закрыть рот.

— Я вовсе тебя не боюсь, с чего ты угрожаешь мне?

— А Хуа Чэна ты тоже не боишься?

Улыбка Ци Жуна наконец-то на миг застыла. И Се Лянь в тот же самый миг тихо добавил:

— Заблаговременно предупреждаю. Если вдруг у меня испортится настроение, вполне возможно, что я отдам тебя Хуа Чэну и попрошу его помочь мне что-нибудь придумать, чтобы перевоспитать тебя. Поэтому лучше тебе быть поаккуратнее. Ты слышал?

На этот раз Ци Жун уже не смог рассмеяться, охваченный ужасом:

— Мать твою, да ты настоящий злодей! Как тебе не совестно придумывать подобное?! Лучше уж отдай меня Лан Цяньцю!

Се Лянь опустил на колени и начал руками понемногу собирать с пола и со дна гроба различные по размеру кучки. На самом деле, пока что он не мог выдать Ци Жуна чертогам Верхних Небес. Именно из-за Лан Цяньцю. Если отдать преступника, Лан Цяньцю тут же

узнает его местонахождение и немедля набросится на того с мечом, чтобы убить. Позволить этому случиться или нет? Вопрос вызывал головную боль. И что делать дальше, если Лан Цянцю вдруг убьёт его? Ещё одна головная боль. Поэтому временно нельзя позволить Небесам заполучить Ци Жуна.

Если так посмотреть, отправиться за помощью к Хуа Чэну — это и впрямь неплохое решение. Но в действительности принц только лишь пугал Ци Жуна именем Хуа Чэна, не более того. Всё же он уже столько раз потревожил Князя Демонов, и если впрямь, повстречавшись с проблемой, будет в первую очередь думать о Хуа Чэне, ощущение того, что принц совершенно не считает себя посторонним человеком, станет ещё более очевидным. Даже сейчас, всего лишь упомянув о нём, чтобы припугнуть Ци Жуна, Се Лянь почувствовал себя неловко.

Ци Жун крутанул головой и сплюнул на пол кровавую пену. Мальчишка жалостливо протянул руку, коснулся его лба и проговорил:

— Отец, ты в порядке? Тебе очень больно, да?

Кажется, Ци Жун наслаждался этой игрой в папу и сына, он с притворством произнёс:

— Умница, сынок. Не волнуйся, папа в порядке. Ха-ха-ха.

Собирая прах и осторожно складывая его в одеяния Воина, радующего богов, Се Лянь почувствовал, как его глаза покраснели. К нему незаметно подобрался ребёнок, чтобы помочь. Се Лянь увидел пару маленьких рук, поднял на мальчика взгляд, и тот тихо сказал ему:

— Гэгэ, ты не мог бы не бить моего отца? Отпусти нас, мы больше не будем ничего воровать у тебя из дома.

Се Лянь ощутил, как сердце жалостливо защемило, но с трудом подавил это чувство.

— Малыш, как твоё имя?

— Меня зовут Гуцзы^[164].

Се Лянь собрал весь рассыпавшийся прах, аккуратно поместил в одеяния, снова положил в гроб и накрыл крышкой. Лишь проделав всё это, принц спокойно обратился к мальчику:

— Гуцзы, это не твой отец, а другой человек. Его тело захватил демон. Теперь он злодей.

Но мальчик не понимал смысла его слов, поэтому всё так же растерянно спросил:

— Другой человек? Да нет же, я его знаю, это и есть мой отец!

Ци Жун обрадовался:

— Неплохо, неплохо. Оно того стоило. Такого полезного мальчонку подобрал! Ха-ха-ха... Ай!

Се Лянь отвесил ему пинок.

Гуцзы, будучи совсем ребёнком, испытывал к отцу, тело которого занял Ци Жун, огромную привязанность, ведь они с отцом всегда жили, полагаясь только друг на друга. Мальчик никак не желал покидать отца, и в какой-то момент Се Лянь растерялся, не зная, что с ним делать. Пришлось принцу повесить Фансинь за спину, отбить двум гробам три глубочайших земных поклона, подхватить за шиворот Ци Жуну, взять под мышку Гуцзы и покинуть гору Тайцан, стремительно направившись в монастырь Водных каштанов.

Принц отсутствовал многие дни, вернулся глубокой ночью, но, открыв дверь монастыря, увидел внутри клубы ароматного дыма, а в курильнице — целый пучок благовоний. Стол также полнился подношениями. Се Лянь вошёл и огляделся, взял со стола две баоцзы^[165], одну отдал Гуцзы, другую, не церемонясь, запихал в рот Ци Жуну.

Всё-таки тело, в котором тот теперь находился, принадлежало живому человеку, и пока Се Лянь не придумал, как его оттуда вытащить, придётся его кормить как следует. Ци Жун выплюнул баоцзы и обругал пирожок за отвратный вкус, затем сказал, будто беспокойство всё ещё не отпускало его:

— Слушай! Ты же не собираешься в самом деле отдавать меня Хуа Чэну?

Се Лянь прохладно усмехнулся:

— Ты так сильно его боишься? — не желая слушать болтовню Ци Жуну, принц развернулся и принялся разгребать пузатые горшки с соленьями, грудой стоящие на полу.

Ци Жун упрямо заявил:

— Чего мне его бояться? Это ты должен бояться, ты ведь небожитель, а спутался с непревзойдённым. Тебе... — его взгляд вдруг блеснул и замер. Оказывается, когда Се Лянь наклонился, из складок одежды на его груди что-то выскользнуло.

Искрящееся прозрачное кольцо. Ци Жун уставился именно на него.

Се Лянь не заметил его взгляда, а на лице Ци Жуна за его спиной отразилось сомнение. Спустя некоторое время он спросил:

— Мой царственный брат, а что это такое у тебя на груди?

Се Лянь не собирался обращать на него внимания, но раз уж Ци Жун упомянул вещь, к которой принц всё же питал интерес, он повернулся и, зацепив пальцем тонкую серебряную цепочку, спросил:

— Ты об этом? Ты знаешь, что это такое?

— Дай посмотреть, и я смогу сказать наверняка.

— Знаешь, так говори. А не скажешь, так закрой рот.

— Ты всегда такой грозный только с теми, кто тебе знаком. А попробуй-ка показать посторонним свою воинственность, если кишка не тонка.

Се Лянь снова убрал серебристую цепочку за пазуху, ближе к телу, и ответил:

— А ты, если кишка не тонка, договаривай, что начал. Каждую бесполезную фразу я запишу на твой счёт, и чем больше наболтаешь, тем ближе окажешься к сабле Хуа Чэна.

Принц и сам не заметил, как упоминание Князя Демонов вошло у него в привычку.

Ци Жун холодно усмехнулся:

— Поменьше запугивай меня им, ещё неизвестно, не придётся ли тебе самому попрощаться с жизнью от кое-чьей сабли! Ты хотел знать, что это? Так один из Четырёх бедствий скажет тебе, это кольцо — чрезвычайно зловещий предмет, оно несёт на себе проклятие! А ты ещё и на себя его нацепил, вместо того чтобы сейчас же выбросить. Что, долгая жизнь уже в тягость?

Се Лянь сразу поднялся:

— Это правда?

— Спрашиваешь! Кто бы ни дал тебе эту вещицу, человек или демон, добрых намерений наверняка не преследовал.

Се Лянь снова опустил на корточки:

— М-м-м.

— Что значит — «Мм»?!

Се Лянь, не оборачиваясь, равнодушно ответил:

— «М-м-м» значит, что тот, кто поверит в твои слова, явно одержим демоном. А я выбрал поверить тому, кто мне это подарил. И решил всегда носить подарок при себе.

К другим Се Лянь привык относиться с теплотой, и только с Ци Жуном вёл себя необычайно холодно. Тот, разозлённый до полусмерти, разразился непрерывным потоком брани, но принц просто делал вид, что не слышит. Он вдруг понял, что никак не может найти среди горшков с соленьями тот, в котором поселил Бань Юэ, и подумал: «Неужели Повелитель Ветров уже наведлся сюда и забрал её?»

Ци Жун всё не прекращал браниться, и принц, слушая его, смутно ощутил какой-то подвох.

Ведь и правда — весьма странно. Ци Жун, очевидно, до смерти боялся Хуа Чэна, но тем не менее нашёл в себе смелость всячески надоедать принцу своей бесконечной болтовнёй, как будто... как будто всеми силами пытался отвлечь его внимание!

Подумав об этом, Се Лянь совершил внезапный ход — бросил на Ци Жуна быстрый взгляд искоса и убедился, что глаза у того блеснули и воровато забегали. Какая-то необъяснимая интуиция заставила Се Ляня посмотреть наверх, и стоило ему это сделать, он увидел под и без того невысокой потолочной перекладиной человека в чёрных одеяниях, который буквально приклеился спиной к потолку и притаился там, подобно огромной летучей мыши.

Се Лянь одним движением выхватил Фансинь и нанёс удар. Незнакомец прижимался к потолку спиной, но чтобы увернуться от клинка, ему пришлось резко крутануться и спрыгнуть вниз.

Гуцзы от испуга выронил пирожок из рук и громко завопил. Ци Жун только собирался что-то выкрикнуть, но его рот немедля оказался завязан Жое, после чего лента утащила его в угол и крепко скрутила, чтобы не смог убежать. Се Лянь было решил, что это подручный Ци Жуна, которого тот послал сюда, чтобы устроить засаду, но обменявшись с противником парой быстрых ударов, принц ощутил, что та скорость и решительность, с которой он сражается, кажутся ему странно знакомыми. Се Лянь мог с полной ответственностью утверждать, что при всех качествах Ци Жуна тому ни за что бы не удалось заполучить столь ловкого подручного. Затем принц заметил, что незнакомец что-то прижимает к груди, а присмотревшись, увидел чернеющий глиняный горшок. Именно тот, в котором хранилась душа Бань Юэ!

Так значит, Повелитель Ветров до сих пор не забрал её? Се Лянь мгновенно понял, кто перед ним, выкрикнув:

— Сяо Пэй!

Вот оно что, Пэй Су явился украсть Бань Юэ, вот только на свою беду наткнулся на возвратившегося Се Ляня, и ему ничего не оставалось, кроме как спрятаться на потолке. Ци Жун, связанный Жое, лежал на полу и сразу увидел притаившегося наверху Пэй Су. Он не знал, кто тот человек, но решил, что если незваный гость не желает Се Ляню добра, значит его появление Ци Жуну только на руку. Боясь, что Се Лянь обнаружит засаду, он намеренно принялся отвлекать того болтовнёй, и всё же, как бы Ци Жун ни старался, принц почувствовал неладное. Сейчас Се Ляня сковывали две проклятые канги, а Пэй Су был сослан. Оба лишились магических сил, остаётся идти на прямое физическое столкновение. Но разве Пэй Су мог одолеть в подобном бою Се Ляня, который последние восемьсот лет только и полагался, что на ловкость и технику своего тела? Спустя дюжину выпадов Се Ляню удалось взять верх, принц велел:

— Верни горшок!

Вообще-то он выкрикнул просто так, ни на что не надеясь, но к его удивлению Пэй Су в самом деле бросил ему горшок с соленьями. Се Лянь застыл на мгновение и подумал: «Ого, сказали ему вернуть, и он вернул. Этот Сяо Пэй поистине простой и прямолинейный. Но разве обычно в таком случае не стоит предпочесть смерть поражению и никак не желать отдавать похищенное?» Однако Пэй Су, бросив горшок, сразу же тихо выкрикнул:

— Уходи!

Судя по тону, он на самом деле был очень взволнован. Горшок ещё не коснулся пола, и Се Лянь протянул руки, чтобы поймать его, но тот вдруг сменил направление прямо в воздухе, вылетев в окно. В следующий миг все присутствующие услышали где-то вдалеке голос мужчины:

— Ты поистине меня разочаровал.

Пэй Су сразу переменялся в лице:

— ...Генерал!

Се Лянь вместе с Пэй Су бросился из монастыря наружу. Как и ожидал, принц увидел на крыше одного из домов вдали мужчину, который и оказался Пэй Мином. Без доспеха, в повседневном одеянии, высокий мужчина, своей энергией подобный утреннему солнцу,

завораживал манерой держаться свободно и непринуждённо. Горшок плавно подлетел к Пэй Мину и повис рядом с ним в воздухе.

Тем временем Пэй Мин, опираясь рукой на поясной меч, обратился к Пэй Су:

— Настоящий мужчина, твёрдый духом и принципами, на первое место ставит главное, отдаёт приоритет службе. Ты должен был стать вершителем великих дел, но что с тобой случилось? Творишь, что в голову взбредёт, ради какой-то девчонки? Возомнил себя безусым юнцом?

Пэй Су стоял молча, опустив голову. Пэй Мин продолжил:

— Считаешь, всем так легко удаётся за двести лет дорасти до твоего положения? Я тебе уже и дорогу постелил, спуститься по ней легко, но вот подняться обратно будет не так-то просто!

Это то, что называют «на вершинах сердце леденеет»^[166].

Стоит небожителю спуститься в мир смертных, чаще всего он избирает возвышенности, и чем выше, тем лучше, ведь так он может взирать на всех живых существ свысока. Раньше Се Лянь тоже имел эту дурную привычку. Разумеется, пережив однажды падение с высоты, теперь принц, стоило ему встать на возвышение, ощущал смутную боль в ноге, и привычка понемногу исчезла. Но вот в деревне Водных каштанов самым высоким строением был дом старосты, который, как и все остальные, представлял собой обычное здание с черепичной крышей. Поэтому, можно сказать, Пэй Мин, избрав подобное место, уже пошёл на большие уступки сам с собой.

Но сейчас главное не это, а совсем другое — Се Лянь с первого взгляда понял, что происходит. В прошлый раз Пэй Мин пытался привлечь Бань Юэ к ответу вместо Пэй Су, но ему дали отпор. Побоявшись пойти против Цзюнь У, Пэй Мин сделал вид, что отступился, однако на самом деле вовсе не оставил свой план. Теперь же, когда Се Лянь оказался впутан в дело о происшествии на Пиру Чистого Золота, он о себе-то с трудом мог позаботиться, слухи неизбежно подрывали его репутацию, и Пэй Мин, должно быть, решил, что пришло время поднять старый вопрос. Он разыскал Пэй Су, чтобы привести его и Бань Юэ в чертоги Верхних Небес и придумать, как опротестовать приговор, вынесенный его подопечному. Поистине, непреклонная целеустремлённость. Однако Пэй Су, похоже, не проявил должного рвения. И теперь лишь вздохнул и ответил:

— Генерал, лучше будет всё-таки... оставить как есть.

— Ты!..

На лице Пэй Мина так и читалось «О, Небеса, за что мне всё это?», будто он ужасно досадовал, что ожидал от ученика слишком многого^[167]. Генерал был явно рассержен, иначе не стал бы бранить Пэй Су, позабыв о присутствии Се Ляня.

Спустя какое-то время он вдруг сказал:

— Что ж, посмотрим, что за девица пустила прахом все мои старания, которыми я тебя взращивал, — с такими словами он протянул руку, намереваясь разбить горшок.

И всё бы ничего, горшком вполне можно было пожертвовать, но дело в том, что неизвестно, залечила ли Бань Юэ свои раны. Ведь если нет, то дело примет дурной оборот. Се Лянь изменился в лице и бросился к Пэй Мину, чтобы отбить удар:

— Не разбивай!

Кто же мог представить, что Пэй Мин ещё не успеет коснуться горшка, как тот с громким треском разлетится на черепки сам по себе!

Миг, и округа наполнилась запахом солений, от которого становилось дурно.

Пэй Мин стоял ближе остальных к горшку, и ему больше всех не повезло — теперь его с ног до головы покрывали ошмётки разносолов. Мужчина прямо-таки остолбенел, стоя посреди дождя из солений. Следом послышался звонкий женский голос:

— Генерал Пэй, вы поистине человек честный и благородный!

Из крохотного горшка выпрыгнула фигурка в белом, вначале размером лишь с кулак, но затем крутанулась на месте и увеличилась в несколько раз. Се Лянь, приглядевшись, воскликнул:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров!

Оказалось, что в горшке пряталась вовсе не Бань Юэ, а Ши Цинсюань. «Она» же внезапно взорвала горшок, отчего Пэй Мин оказался с ног до головы в соленьях, но сама при этом осталась в по-прежнему чистых белых парящих одеждах. Благополучно коснувшись земли, Повелитель Ветров взмахнул метёлкой из конского волоса.

— Какая удача, какая удача. Как хорошо, что я заранее отослал девушку в другое место, иначе, боюсь, ей бы не скрыться от длинных рук генерала Пэя.

Пэй Мин привык гордиться своим изяществом, в любом деле он непременно должен был выглядеть прежде всего элегантно. Однако теперь его окружали ароматы солений, и даже перед лицом Ши Цинсюаня в образе женщины всё его изящество мигом померкло:

— Цинсюань, с каких пор ты решил, что можешь идти против меня?

Окажись на месте Ши Цинсюаня кто другой, Пэй Мин скорее всего давно бросился бы в драку и жестоко избил наглеца. Но на его беду старший брат Ши Цинсюаня занимал довольно высокое положение, и Пэй Мин помнил об этом, поэтому лишь очистил одежду от солений, привёл в порядок волосы, поскрипев зубами, и покачал головой:

— Эх, ты... Лучше бы тебе не позволить мне выведать, куда ты отослал девчонку, иначе я непременно лично наведаюсь туда с визитом.

Тем самым Пэй Мин прямо заявил, что любой, кто приютит Бань Юэ, станет его врагом и не избежит неприятностей. Ши Цинсюань однако хлопнул в ладоши:

— Никакой тайны здесь нет, я вполне могу сообщить вам, где находится девушка. Вот только боюсь, вы не решитесь нанести туда визит. Слушайте внимательно. Девчонка ныне проживает в горной обители Повелительницы Дождя, в горах Юйлун, под присмотром Её Превосходительства! Ну как, осмелитесь отправиться туда?

Лицо Пэй Мина едва заметно дёрнулось, он больше не выглядел столь же уверенным в своих силах, как всего мгновение назад. Генерал помрачнел и сделался серьёзным, обращаясь к Повелителю Ветров:

— Цинсюань, ты пока ещё слишком молод, и потому тебе так нравится играть роль справедливого судьи в мирских делах. Остаётся лишь уповать на то, что ты не пожалеешь о сделанном, повзрослев и припомнив все свои нынешние деяния!

Закончив речь, он совершил прыжок с крыши и в тот же миг исчез, торопливо покинув место событий. Се Ляня случившееся немного ошарашило, он чувствовал, что в словах Пэй Мина кроется какой-то намёк, поэтому спросил:

— Ваше Превосходительство, та последняя фраза, что он сказал... Впрочем, Ши Цинсюань с полным безразличием ответил:

— Напускная бравада, только и всего.

Пэй Су видел, как исчез силуэт Пэй Мина, и лишь после развернулся и поприветствовал двоих небожителей:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров, Ваше Высочество наследный принц.

Ши Цинсюань похлопал его по плечу:

— Эх, Сяо Пэй. В этот раз ты хотя бы первым явился, чтобы помешать своему генералу. Можно считать, совершил добрый поступок. Впредь как следует поработай в том же направлении, чтобы исправить ошибки, и как представится случай, я замолвлю за тебя словечко в чертогах Верхних Небес, можешь быть спокоен!

Пэй Су мгновение не знал, что сказать, затем ответил:

— Премного благодарен, Ваше Превосходительство. Но мне всё время кажется, что вы кое в чём ошибаетесь. Ведь на самом деле генерал Пэй совсем не такой, просто из-за случившегося он слишком беспокоится о моей судьбе. К тому же, вы ведь знаете, Её Превосходительство Повелительница Дождя... — В конце концов, он, видимо, решил, что сболтнул лишнего, поэтому покачал головой, выставил руки в поклоне и произнёс: — Позвольте откланяться.

Двое проводили его взглядом, и Се Лянь спросил:

— Ваше Превосходительство, Повелительница Дождя, которую вы упомянули, это ведь Повелительница Дождя Хуан?

Ши Цинсюань обернулся:

— Именно. Повелитель Дождя не сменяется уже много сотен лет. А что, вы знакомы? Старые друзья?

Се Лянь покачал головой и мягко ответил:

— Мне не выпало счастья встречаться с ней лично, но я в долгу перед Её Превосходительством и весьма ей благодарен за оказанную когда-то помощь.

Ши Цинсюань улыбнулся:

— И не удивительно. Тех, кто знаком с Её Превосходительством, очень немного, но каждый, кто её знает, никогда не скажет о ней дурного слова. Ох, кроме Пэй Мина.

— Неужели между ними возникали какие-то разногласия?

— Разногласия, разумеется возникали. Разве можно столько лет прожить в чертогах Верхних Небес и ни с кем не занять ни разногласия, ни сговора? Но я вам скажу, что Её Превосходительство Повелительница Дождя — это мрачная тень^[168] на душе Пэй Мина.

Се Лянь, помолчав, переспросил:

— Мрачная тень? — принц всегда считал, что Повелительница Дождя всего-то возделывает земли.

— Вы же знаете, потомков у Пэй Мина пруд пруди, повсюду его дети да внуки. И ещё до Сяо Пэя в храмах Мингуана уже как-то поклонялись другому младшему божеству, который также являлся потомком Пэй Мина, избранным им в качестве помощника.

Се Лянь изумился:

— Среди отпрысков генерала Пэя поистине немало способных людей!

Ведь не каждый род может похвастаться таким «наследованием учёности», где вместо таланта к учению — вознесение на Небеса. Однако Ши Цинсюань раскрыл веер и ответил:

— Способные-то они, конечно, способные, но только по характеру все точь-в-точь как сам Пэй Мин — мощь велика, но и проблем немало. И его помощник частенько нарушал правила на территории других небожителей да прикрывался именем Пэй Мина, поэтому никто не смел и слова против ему сказать. Пока, в конце концов, тот не добрался до прежнего государства Юйши.

Её Превосходительство обыкновенно не покидает своей обители, живёт в глуши и возделывает землю, поэтому её прозвали «Старая крестьянка из глухомани, Повелительница Дождя Хуан». Но случилось то, чего никто не ожидал — стоило ей выйти за порог своей обители, она сразу избила того подручного Пэй Мина и притащила за шиворот на Небеса, бросила к ногам Владыки и потребовала наказания ссылкой.

Се Лянь подумал: «И почему мне кажется, что подобную историю я уже где-то слышал?»

Ши Цинсюань тем временем продолжал:

— Сначала Пэй Мин подумал — ссылка так ссылка, через сто лет не составит труда вытянуть его обратно. Но... сколько всего может случиться за сто лет в мире людей? Каждый год, да что там, каждый день каких только оригиналов не появляется, они сменяют друг друга как в фонаре скачущих лошадей^[169], пестрят перед глазами волна за волной.

Прошло всего-то десять лет, и прежние последователи уверовали в другого небожителя; прошло пятьдесят лет, и тот младший

небожитель оказался начисто забыт людьми; а через сотню лет ему уже не суждено было подняться вновь. Вот так и исчез когда-то молодой и подающий надежды небесный чиновник, оказался ни на что не годен. Лишь когда на горизонте показался Сяо Пэй, Пэй Мин наконец снова нашёл себе помощника по нраву.

Неудивительно, что генерал Пэй готов пойти на всё, чтобы непременно вернуть Сяо Пэя обратно. Оказывается, случался прецедент, и теперь он боится, что то же самое произойдёт с Сяо Пэем. Хоть и методы Пэй Мин выбрал не слишком правильные. Се Лянь будто задумался о чём-то, затем тихо вздохнул и произнёс:

— Мир людей.

— Да уж, — отозвался Ши Цинсюань, — если пробыть в мире людей слишком долго, растеряешь и духовную силу, и всё желание бороться.

Они оба закивали, вот только Се Лянь сделал это бессознательно и не специально, а Ши Цинсюань — в весьма утрированной манере, соглашаясь со своими собственными словами. Покивав немного, Се Лянь внезапно вспомнил об одном очень важном человеке и воскликнул:

— Лан Ин!.. Тот ребёнок!

Последние события происходили слишком быстро, одно за другим, и каждое потрясло Се Ляня так сильно, что он всё время забывал о мальчишке. Ши Цинсюань спросил:

— Вы о том мальчике, которого привели из Дома Блаженства? Владыка виделся с ним, сейчас он находится в моих владениях, чуть позже я могу привести его к вам.

Се Лянь подумал, что раз в монастыре Водных каштанов заперт Ци Жун и ещё один ребёнок, лучше не позволять кому-то увидеть их, поэтому ответил:

— Ну что вы, так неудобно, лучше я сам за ним поднимусь.

Ши Цинсюань охотно согласился:

— Разницы никакой. Как раз кстати приближается пиршество в честь Середины осени^[170], а оно бывает лишь единожды в году, поэтому вам нельзя такое пропускать. На сей раз мой брат тоже прибудет туда, и я представлю вас.

В голосе Ши Цинсюаня так и сквозила гордость своим старшим братом. Се Лянь не удержался от лёгкой улыбки, услышав его, и

подумал: «Пиршество в честь Середины осени...»

Каждый год во время празднования Середины осени пантеон бессмертных богов непременно устраивал в честь праздника пиршество, находя наслаждение в том, чтобы взирать с высоты на радостные гуляния в мире людей. Кроме того, в тот день проводилась весьма важная «игра», которую можно назвать гвоздём программы: «Состязание фонарей».

Далеко не каждый имел возможность поднести божеству молитвенный фонарь. Во время состязания фонарей между богами на пиршестве в честь Середины осени предметом соревнования являлось количество поднесённых последователями фонарей, зажжённых в главном храме каждого божества в мире смертных.

На словах все называли состязание «просто игрой и не более», которую «не стоит воспринимать всерьёз», ведь «мы просто играем, и всё, в действительности результат не важен», но на самом деле... неужели хоть один небожитель по-настоящему считал, что результат совершенно не важен? В тайне друг от друга каждый прикладывал всевозможные усилия, в надежде, что уж в этом году последователи принесут ему славу. Уж если кто и впрямь не интересовался состязанием, так это один Цзюнь У, поскольку, само собой разумеется, каждый год первое место принадлежало именно дворцу Шэньу, и к тому же количество фонарей раз за разом всё росло. Поэтому Владыка был единственным, кто воспринимал эту игру лишь как игру. Что до остальных, они боролись не за первое место, а только за второе, но и здесь состязание выходило на редкость ожесточённым.

Во времена, когда огни благовоний во дворце Сяньлэ горели ярче всего, все почести на пиршестве в честь Середины осени также доставались принцу, они вместе с дворцом Шэньу вырывались вперёд, оставляя остальных небожителей далеко позади. Только вот теперь картина, должно быть, выйдет весьма печальная. Се Ляню и гадать не приходилось, сколько фонарей он соберёт в этом году — наверняка ни одного!

Впрочем, как бы печально ни сложились обстоятельства, лучше принцу всё-таки наведаться на праздник. Всё же он не походил ни на Повелительницу Дождя, которая уже многие сотни лет проживала в отшельничестве, ни на Повелителя Земли, который мог отсутствовать по причине важной секретной миссии, ни тем более на Повелителя Вод, который мог творить что заблагорассудится под девизом «И что вы мне сделаете?». Не будучи никем из перечисленных, строить из себя особенного и не являться на важные мероприятия по своему желанию... Подобное поведение, повторяющееся из раза в раз, повлечёт за собой всеобщее недовольство, а также волну толков и пересуд. Если принц с лёгкостью мог закрыть на них глаза, то Цзюнь У явно оказался бы в неловком положении. Поэтому Се Лянь принял приглашение Ши Цинсюаня:

— Хорошо, я непременно прибуду на праздник.

За несколько дней Се Лянь испробовал множество способов, но так и не смог отделить душу Ци Жуна от тела мужчины, чему Ци Жун радовался с каждым разом всё сильнее. К счастью, Гуцзы всё время находился подле «отца» и не переставал его кормить, поскольку Се Лянь уже не находил в себе желания запикивать еду тому в рот. На Праздник середины осени Се Лянь установил за стенами монастыря Водных каштанов магическое поле, запер дверь, оставил Жое стеречь Ци Жуна и отправился в столицу бессмертных, доложить о прибытии.

Стихотворные строки гласят: «Стоит на Небесах из белой яшмы стольный град, пятью стенами дюжина дворцов окружена. Святой коснулся там моей макушки дланью и волосы собрал, бессмертие даровав»^[171].

Тот самый стольный град из белой яшмы, о котором в них сказано, и есть столица бессмертных. В праздничный день Середины осени в столице бессмертных витала атмосфера новизны. Кроме того, на главной улице, возле крытых галерей и беседок Се Лянь увидел множество стражников. Должно быть, после недавнего вторжения Хуа Чэна усилили меры предосторожности. Столы для пиршества, окружённые ароматом лучших вин, облаками-вестниками счастья^[172] и лепестками цветов, парящими подобно снежинкам, установили прямо под открытым небом, с видом на луну, чтобы небожители могли одновременно веселиться на пиру и любоваться картиной прекрасной лунной ночи.

Любуясь луной из мира смертных, каждый мог сложить кольцо из указательного и большого пальцев, и луна, даже самая крупная, помещалась бы ровно-ровно в этот круг. Но во время любования луной в столице бессмертных сверкающий белизной диск походил на огромный нефритовый занавес, висящий совсем близко: казалось, пройдёшь несколько шагов — и сможешь коснуться его. Поистине прекрасная картина, которой не увидишь в мире смертных.

Во главе пиршества, разумеется, восседал Цзюнь У, об этом и говорить не стоит. Но в том, как расположились остальные небожители, скрывался огромный подтекст — имело значение и само место, и порядок рассадки — занять место выше предназначенного, разумеется, строго запрещалось, но также никто из небожителей не желал сидеть на месте, принижающем его статус. Се Лянь, впрочем, мало придавал этому значения. Единственное, что его беспокоило — на пиршество полагалось явиться в официальных одеяниях. Иными словами, лучшим нарядом для пира считался тот, в котором небожителя изображали смертные. Но сейчас у Се Ляня не имелось ни единого божественного изваяния, поэтому он надел уже привычные взору белые монашеские одежды да шляпу за спиной. Подобный наряд неизбежно наводил на мысли о нищете и тоже немало привлекал внимание, но у принца в самом деле не имелось более подходящих одеяний. Поэтому Се Лянь решил, что лучше сесть там, где его никто не заметит.

Кто бы мог подумать, что, едва найдя себе укромный уголок, принц тут же поднимет взгляд и увидит, что к месту пиршества приближается Фэн Синь. Оба мгновение поколебались, прежде чем слегка кивнуть, таким образом выразив приветствие.

Фэн Синь прошёл чуть дальше, но потом всё же вернулся и спросил:

— Почему ты сидишь здесь?

Се Лянь решил, что ошибся местом, поэтому сразу же поднялся и ответил:

— Я подумал, что можно сесть где угодно.

Фэн Синь только открыл рот, но тут Се Лянь заметил вдалеке машущего ему рукой Ши Цинсюаня. На пиршество небожитель явился в женском облике, и Фэн Синь, увидев того, будто повстречал

мрачную тень прошлого — в ужасе побледнел и поспешно покинул Се Ляня.

Ши Цинсюань же позвал:

— Ваше Высочество наследный принц, сюда!

Повелитель Ветров, как большая знаменитость чертогов Верхних Небес, разумеется, занимал одно из лучших мест, ближе к Владыке. Его оклик и активное жестикулирование привлекли немало внимания других небожителей, и даже Цзюнь У, который сидел, молча подперев щёку рукой, посмотрел на Се Ляня, затем мягко кивнул, поэтому принцу ничего не оставалось, как подойти. По дороге, как и ожидал, Се Лянь не увидел Лан Цяньцю. Говорили, что он заранее отказался от участия в пиршестве, чтобы заняться поисками Ци Жуна.

Ши Цинсюань выбрал для Се Ляня место подле себя, с наилучшими условиями фэншуй, и хотя принцу оно казалось не слишком подходящим, перед уговорами Повелителя Ветров устоять было невозможно, тот уже усадил принца.

— Когда пиршество завершится, я отведу вас к тому дитя. Он хоть и уродец немного, но всё же довольно послушный.

Здесь принцу оставалось лишь ответить «премного благодарен».

Развернувшись, Се Лянь увидел сидящего неподалёку от них Мин И, который сосредоточенно поигрывал нефритовой чаркой. При этом рука, держащая чарку, казалась даже белее нефрита. Выглядел Повелитель Земли довольно сносно, судя по всему, раны, полученные им в Призрачном городе, уже затянулись.

Се Лянь поприветствовал:

— Ваше Превосходительство Повелитель Земли, рад видеть вас в добром здравии.

Мин И лишь кивнул, видимо, не был настроен на разговоры. Ши Цинсюань же, в отличие от него, знал всех и каждого и заговаривал со всеми, сидящими вокруг него и даже за сто восемь тысяч ли. Се Лянь преклонялся перед его способностью запоминать имена стольких небожителей высших и низших рангов. Также рядом с Повелителем Ветров принц увидел юношу на вид восемнадцати-девятнадцати лет, с высокой переносицей, глубоко посаженными глазами и слегка вьющейся чёрной шевелюрой. Се Лянь не знал его, и юноша тоже не знал Се Ляня, поэтому, когда их взгляды встретились, каждый ощутил себя чуть неловко, но всё же Се Лянь первым произнёс формальное

приветствие, чтобы скрасить эту неловкость. Снова оглядевшись по сторонам, принц увидел Фэн Синя и Му Цина, которые выбрали себе места так далеко друг от друга, как только возможно, а также троих небожителей, сидящих ровно напротив, которые как раз беседовали, подобно близким друзьям.

Слева расположился мужчина в чёрных одеяниях учёного. Облик его отличался строгостью, манеры — непринуждённостью, в процессе разговора он отстукивал пятью пальцами по поверхности стола определённый ритм, всем своим видом выражая собранность и спокойствие, кажущееся смутно знакомым. Посередине Се Лянь увидел Пэй Мина, с которым, разумеется, уже успел пообщаться поближе. А справа — молодого господина в белых одеждах, который легко помахивал веером с иероглифом «Вода» на лицевой стороне и тремя плавными линиями водного потока на оборотной. Внешне незнакомец на две трети был схож с Ши Цинсюанем, только в пренебрежительном взгляде так и сквозили заносчивость и самодурство. Он мог показаться вежливым и утончённым, в глазах, однако, так и читалось, что он смотрит на всех свысока. Кто же это ещё мог быть, если не «Водяной самодур»?

В душе Се Ляня прояснились слова: «Три опухоли».

Тем Богом Литературы в чёрном наверняка являлась Линвэнь в своём мужском облике, когда её магические силы достигали наивысшей точки — вид и впрямь благородный и представительный. Все трое обменивались всевозможными любезностями, осыпая друг друга витиеватыми комплиментами и похвалами. Слушая их, Ши Цинсюань то и дело шептал:

— Лицемерие. Крайнее лицемерие.

Се Лянь однако с большим интересом слушал их разговоры. Как вдруг он заметил перед столами пирующих небольшой разукрашенный павильон, с четырёх сторон занавешенный красным пологом, и спросил:

— А что там такое?

Ши Цинсюань улыбнулся:

— Ох, вы ведь не знаете, это тоже игра, которая весьма популярна в чертогах Верхних небес. Давайте, давайте посмотрим, вот-вот начнётся!

Едва прозвучали его слова, и с небес раздались приглушённые раскаты грома. Цзюнь У посмотрел на небо, наполнил чарку вином и передал её со своего высокого места сидящим подле небожителям. Так, пока звучали раскаты, все присутствующие принялись со смехом и весельем передавать друг другу чарку вина, при этом раздавались возгласы:

— Не передавай мне, не передавай!

— Передавайте вон туда, в его сторону!

Наблюдая за игрой, Се Лянь примерно понял правила и подумал: «Так значит, это “Цветок под бой барабана”»^[173].

Небожители передавали друг другу чарку вина, что наполнил Цзюнь У, при этом не разрешалось проливать вино или же возвращать обратно, но в качестве следующего участника можно было выбрать кого угодно. Когда раскаты грома прекращались, тот, у кого в руках оказывалась чарка, становился предметом «веселья». Вот только неизвестно, что же именно за «веселье» ему предназначалось. Для Се Ляня участие в подобной игре не предвещало ничего хорошего. Ведь небожитель, передавая чарку другому, тем самым будто подшучивал над принимающим сосуд. Стало быть, по обыкновению вино путешествовало между небожителями, состоящими в дружеских отношениях. Однако среди множества присутствующих принц не знал почти никого, разве хватило бы ему наглости подшучивать над незнакомцами? Самое большее, что мог сделать Се Лянь — протянуть чарку Повелителю Ветров. Но что если тот и передаст игру самому принцу в руки?

Се Лянь подумал: «Лучше будет, если чарка пройдёт мимо меня. Впрочем, возможно, я слишком обольщаюсь на свой счёт, и вовсе никто не подумает передать её мне». Однако не успел принц сказать и слова, первый тур завершился. Чарка оказалась, как все на то и рассчитывали, в руках Пэй Мина, и похоже, небожитель уже привык к подобному — под громогласные поощрительные крики он осушил её до дна, а остальные принялись хлопать в ладоши и подначивать:

— Поднимайте! Поднимайте!

Под радостный шум занавес вокруг разукрашенного павильона медленно поднялся, и перед небожителями на сцене предстал высокий генерал, вышагивающий с гордо поднятой головой, всем своим видом излучая величие. Кажется, он совершенно не замечал собравшихся

внизу зрителей, не видел и необыкновенно прекрасного пейзажа в небесах за пределами павильона. Пройдя немного вперёд, он звучно и воодушевлённо запел.

Получается, если чарка останавливалась в руках у какого-то небожителя, павильон сам собой показывал всем на потеху пьесу с его участием, сочинённую в мире смертных. Но поскольку люди страсть как любили выдумывать всяческие небылицы, никому не ведомо, что за поразительную историю они сочинили на этот раз. К тому же, каждый мог оказаться участником представления, поэтому игра зачастую выставляла небожителей в постыдном свете, заставляя их понервничать. Но в этом и заключалось веселье. Стоит сказать, что пьесы, в которых Пэй Мину отводилась главная роль, выдавались на редкость яркими и эффектными, поскольку главные героини менялись от раза к разу. Иногда женская роль доставалась небесной богине, иногда — демонице, иногда — девушке из семьи богатого вельможи. Каждая соперничала с другими по красоте, а сюжеты выходили один вульгарнее другого. Небожители с неподдельным интересом уставились на сцену, ожидая появления героини. Чаяния их сбылись — вскоре на сцене показалась девушка в тёмных одеждах, с голосом, подобным пению иволги. Персонажи обменялись парой куплетов, текст в которых походил на довольно смелые заигрывания, но чем дольше зрители на них смотрели, тем сильнее чувствовали подвох. Послышались разговоры:

— Как называется эта пьеса?

— Что за даму на сей раз соблазняет генерал Пэй?

Как вдруг «генерал Пэй» на сцене произнёс:

— Дражайшая^[174] Цзе...

Пэй Мин и Линвэнь на своих местах одновременно поперхнулись, забрызгав стол вином.

Кто же ещё мог подразумеваться под «дражайшей Цзе», если настоящее имя Линвэнь — Наньгун Цзе? Небожители пребывали в искреннем потрясении: неужели и между этими двоими что-то было?!

Линвэнь, промокнув салфеткой губы, бесстрастно заявила:

— Нечего тут гадать. Всё выдумки.

Оба непосредственных первообраза героев пьесы явно помрачнели, однако, на их счастье, оказались достаточно толстокожими, чтобы пока со сцены слышатся охи и ахи, делать вид,

что они ничего не замечают. Впрочем, Ши Уду не собирался давать им спуска. Помахивая веером, он усмехнулся:

— Пьеса весьма занятная. Не поделитесь впечатлениями?

Линвэнь ответила:

— Какие могут быть впечатления. Сюжет давно устарел. Тогда мои божественные статуи выглядели иначе, чем сейчас. Всего лишь народные легенды, не более. Посуди сам, разве в народном фольклоре хоть одна женщина избежала того, чтобы за ней приударил старина Пэй?

Остальные полностью согласились с этим. Пэй Мин заметил:

— Эй, не стоит делать подобных заявлений, пусть я и впрямь ухлёстывал почти за всеми, о ком гласят народные предания, но это — чистейшая выдумка. Не возводи напраслину на порядочного человека.

Линвэнь заметила:

— Если судить по твоим же словам, я вообще должна сидеть как на иголках, поскольку ещё больше легенд повествуют о соблазнённых мной мужчинах, тогда как я не соблазнила ни одного.

С тех самых пор как Линвэнь только избрали в качестве помощника Бога Литературы, в мире смертных начали сочинять легенды, что она поднялась наверх лишь благодаря связи с неким небожителем. Подобные слухи также являлись одной из причин тому, что в начале основания дворца Линвэнь храмы её пустовали, а благовония горели тускло. Поговаривали даже, что во времена особенно активных протестов её становления на должность Бога Литературы люди обругивали Линвэнь на чём свет стоит и часто подсовывали в ящик для подношений набрюшники^[175] или женские пояса^[176].

Однако если подобные слухи распространялись о мужском божестве, то приносили ему славу героя-любownika и воспринимались даже с удовольствием. Вполне очевидно, что в похожих случаях существовала разница полов, притом итоговый результат для мужчин и для женщин существенно различался.

Размышления на эту тему прервал следующий тур игры. Только что Ши Уду смеялся, но теперь очередь дошла до него. Две «опухоли» рядом с ним в едином порыве выставили руки в поздравительном жесте^[177]:

— Воздаяние не заставило себя ждать, прими его с достоинством.

Ши Уду нахмурился, выпил вино в чаше, и занавес снова начал медленно подниматься. Однако ещё не успел открыться до конца, как со сцены послышались протяжные вздохи на два голоса:

— Жёнушка...

— Муженёк...

Исполненные страсти, наигранные, переливчатые, будто во время крайне интимной сцены. Тогда-то Се Лянь своими глазами увидел, как и Ши Уду, и Ши Цинсюань живьём покрылись гусиной кожей на пол-тела.

— Брат!.. Скорее обрежь верёвки! — вскочил Ши Цинсюань.

— Опустить занавес! Сейчас же опустить! — немедля выкрикнул Ши Уду.

Не требовалось смотреть, чтобы понять, какой сюжет попался на этот раз. Наверняка из тех легенд, что повествуют о Повелителе Вод и Богине Ветров как о «супругах». Любовная страсть и ненависть вечно остаются излюбленными сюжетами, которые люди кладут в основу сказочных историй. Прекрасно, если такие истории случались на самом деле. Но ещё прекраснее, если их никогда не было, ведь тогда можно выдумать всё, что душе угодно. Строго говоря, деяния небесных чиновников следовало бы считать истинными мифами. Однако иногда, глядя на сюжеты, что приписывают им смертные, оставалось лишь преклониться перед способностью людей сочинять настоящие мифы. Стоило Ши Уду повелеть, занавес и впрямь немедля опустился, а зрителям пришлось старательно сдерживать смех, ведь если кто и хотел посмеяться, то уж точно не посмел бы этого сделать.

Се Лянь, впрочем, улыбнулся Повелителю Ветров:

— Ваше Превосходительство, так что же, получается, можно заставить занавес опуститься?

Ши Цинсюань, всё ещё не оправившись от испуга, ответил:

— Можно. Ерунда — обойдётся всего-то в сто тысяч добродетелей!

Пока Се Лянь пребывал в безмолвии, не находя слов для ответа, начался третий тур. На этот раз раскаты грома продолжались совсем недолго, и чарка с вином достигла того юноши, что сидел недалеко от Се Ляня.

Реакция небожителей теперь оказалась несколько странной. Не очень-то воодушевлённой, но и не слишком равнодушной. Будто бы

всем хотелось посмотреть на представление, но никто не желал выказывать этого слишком явно. Юноша, кажется, не испытывал интереса к игре, но вино всё же выпил. Стоило ему опустить чарку, как занавес поднялся вновь.

На сцене показались двое. Один — молодой солдат с копной кучерявых, будто у скульптуры каменного льва^[178], волос. И хотя образ вышел явно гротескным, всё же довольно величавым и гордым. Должно быть, изображал он именно этого молодого небожителя. Другой же — уродливый клоун неестественно вульгарной наружности, скачущий по сцене. Стоило юноше повернуться к клоуну, и тот изображал пристойность, но такую чрезмерно наигранную, что становилось ещё омерзительнее; когда же юноша отворачивался, клоун вновь начинал скалить зубы за его спиной и наносить подлые удары невидимым мечом. Вне всякого сомнения, таким образом обыгрывался подлец, который в лицо юноше говорил одно, а за спиной — совершенно другое.

Пока клоун старательно кривлялся на сцене, реакция зрителей на этот фарс явно различалась. Се Лянь обнаружил, что небожители низших рангов хохотали от души, тогда как более высокие чины, к примеру, Ши Цинсюань, Ши Уду и остальные в большинстве своём молча хмурились, явно не видя в представлении ничего смешного.

Кроме того, принц также заметил, как вздулись синеватые вены на тыльной стороне ладоней юноши рядом с ним, и в душе его зародилась настороженность. Принц не понимал, что именно происходит на сцене, но примерно догадался, что кого-то выставляют посмешищем. И даже не зная, кого именно изображает пьеса, Се Лянь решил, что от созерцания подобного сюжета приятного мало — юноша выглядел так, будто вот-вот кинется в драку. Поэтому принц взял со стола палочку для еды и запустил ею в верёвку, на которой держался поднятый занавес.

Нисколько не заострённый прибор пролетел вскользь, но верёвка оказалась срезана. Занавес с шелестом опал, а небожители удивлённо зашумели:

— Как же так? Что же это такое?!

Затем один за другим стали оборачиваться на Се Ляня, кто-то даже поднялся с мест. Принц хотел было что-то сказать, но в

следующий миг над ухом прозвучал громкий треск — это юноша раздавил чарку из белого нефрита прямо в руке.

Кажется, представление повергло его в ярость — бросив на пол горсть нефритовых осколков, он одним прыжком поднялся в воздух, запрыгнул на стол, оттолкнулся ударом ноги и подобно выпущенной стреле полетел к павильону, прямо за занавес. Несколько небожителей бросились следом и раздвинули красный полог, но за ним уже никого не оказалось.

Послышались удивлённые возгласы:

— Скверно, скверно. Его Высочество Циин снова спустился кого-то избить!

Се Лянь в душе изумился: «Циин? Из дворца Циина? Западный Бог Войны, Цюань Ичжэнь?» И тут же спросил Ши Цинсюаня:

— Ваше Превосходительство, что всё это значит? И что значит — Его Высочество Циин снова спустился кого-то избить?

Ши Цинсюань, придя в себя, ответил:

— Избить, значит... избить. Кхм. Возможно, вам будет трудно поверить, но Циин частенько избивает собственных последователей.

Принц в самом деле впервые слышал о небожителе, который раздаёт тумаки своим же последователям, ведь подобные действия легко могут уронить божество в глазах верующих разом на тысячу чжанов. Се Лянь хотел было спросить что-то ещё, когда до него донеслись недовольные речи небожителей на нижних рядах:

— Кое-кто по фамилии Цюань поистине ничего не смыслит. Это ведь просто шутка, ради веселья, а он не желает хоть немного подыграть. Кого здесь ещё не осмеяли? Генерала Пэя, Совершенного Владыку Линвэнь, разве их не выставили посмешищем? К тому же, смеялись ведь не над ним, зачем он так вспылал?

— Вот именно, он поистине мнит о себе слишком многое. Раз его мучает столь сильный гнев, почему он решил выплеснуть его именно сейчас? Такое замечательное празднество, ну кому какое дело до его личных переживаний? Вот ведь...

— Ну полно вам, хватит. Незрелый юнец он юнец и есть. К тому же, он уже ушёл. Без него веселье станет ещё приятнее.

Послушав их разговоры, Се Лянь погрузился в свои размышления. На пиру лишь ненадолго воцарился беспорядок, Линвэнь, кажется, тут же отправил кого-то уладить конфликт с Цюань

Ичжэнем, некоторые небожители успокоили недовольных, и праздник, а с ним и игра, продолжились. Вновь зазвучали раскаты грома, начался четвёртый тур «Цветка под бой барабана».

Се Лянь изначально только смотрел на игру других и сам участвовать не собирался, радуясь, что никто не передаёт чарку ему. Он как раз собирался заговорить с Ши Цинсюанем, как вдруг к нему протянулась чья-то рука, передавая чарку из белого нефрита, наполненную вином.

Долгую ночь озарит негасимым светом храм тысячи фонарей

Для Се Ляня стало совершенной неожиданностью, что кто-то в самом деле передал чарку с вином именно ему.

К несчастью, действия принца бежали вперёд мыслей — он тут же принял чарку, а приняв, нерешительно застыл. Впрочем, подняв глаза на предыдущего игрока, он увидел точно так же застывшего перед ним... Мин И.

Оказывается, чарка оказалась в руках у Ши Цинсюаня, и он ради веселья отдал её Мин И. Но тот, сосредоточенный на еде и питье, не глядя протянул чарку другому и только после осознал, что произошло, поэтому тоже не нашёлся, что сказать. Тем временем раскаты грома внезапно стихли, и двоим осталось лишь ошарашенно глядеть друг на друга.

Несмотря на то, что чарка досталась Се Ляню, все взгляды тем не менее устремились к Фэн Синю и Му Цину. Причины тому понять несложно — о Се Ляне ничего не слышали на протяжении восьми сотен лет, и если когда-то он являлся героем множества прекрасных легенд и захватывающих историй, сейчас все они давным-давно ушли в небытие. И уж тем более никто не стал бы на сегодняшнем мероприятии сочинять спектакль специально для принца. Поэтому, если непременно нужно было выискать пьесу с таким персонажем как «наследный принц Сяньлэ», главным героем сего действия непременно стал бы либо Фэн Синь, либо Му Цин.

Всё потому, что когда в народе слагали истории об этих двоих, временами упоминали также и Се Ляня, чаще всего как второстепенного персонажа, который за всю историю не говорит ни слова. Попадались даже умельцы, которые ради остроты сюжета присваивали Се Ляню роль предателя, к примеру, якобы он глумился

над нищим одиноким Му Цином или же, размахивая саблей, уводил у Фэн Синя возлюбленную. И если подобный сюжет сыграют на пиршестве в честь Середины осени, независимо от того, обрадуются ли этому непосредственные герои, зрители уж точно найдут себе потеху. Пока Се Лянь стоял с нефритовой чаркой в руке, кто-то из младших небожителей поторопил:

— Ваше Высочество, давайте же, осушите чарку!

К нему присоединились и другие, тогда Фэн Синь издали подал голос:

— Его Высочеству нельзя пить вино.

Остальные запротестовали:

— Всего-то одну чарку! Ничего страшного не случится.

Цзюнь У ранее не произнёс ни слова, не отрывая руки от лба, но теперь чуть приподнялся, будто собирался заговорить.

Ши Цинсюань спросил принца:

— Ну как, вы согласны сыграть? Если нет, то забудьте, я помогу вам заплатить сто тысяч добродетелей, чтобы опустить занавес.

Се Лянь побоялся, что тот на самом деле поддастся порыву и выбросит на ветер сто тысяч добродетелей, ведь каким бы щедрым ни являлся Повелитель Ветров, это вовсе не тот способ, которым стоит показывать свою щедрость. Кроме того, каких только сюжетов о себе не видел принц, поэтому не слишком переживал на свой счёт. Он торопливо остановил:

— Не нужно, не нужно. Думаю, одну чарку я всё-таки смогу осушить, — с такими словами он выпил вино до последней капли.

Превосходное вино пролилось в глотку, охлаждая, а затем обжигая. Се Лянь почувствовал лёгкое головокружение, однако алкоголь вскоре подавил его. Занавес павильона медленно поднялся, и зрители обратили к нему взгляды, приготовившись с интересом созерцать представление.

Однако первая же сцена повергла всех в недоумение. Перед ними стояли двое. Один — в белых одеяниях, с бледным, будто напудренным лицом, покрытый дорожной пылью и с доули за спиной, наверняка «Се Лянь», вне всяких сомнений; другой же — в красном, с чёрными как вороново крыло волосами, изящный и ловкий, с воодушевлением во взгляде. Руку последнего обвивала длинная змея, но стоило «Се Ляню» броситься на помощь, как персонаж в красном

одеянии быстрым движением отбросил опасное животное прочь, схватил «Се Ляня» за руку и больше не отпускал. При этом выглядел он так, будто ему самому только что безжалостно вонзили в сердце нож.

Небожителей, которые ожидали занимательного представления, подобная сцена повергла в растерянность. Разумеется, как и самого Се Ляня. Как вдруг Цзюнь У на высоком месте с улыбкой спросил:

— Что это за пьеса? И почему я раньше никогда её не видел?

Линвэнь немедля отправила помощников разузнать, и ответствовала:

— Пьеса называется «Удивительное странствие в государство Баньюэ», сюжет из новых, поэтому мы никогда его не видели. Сегодня вечером в мире людей состоялась премьера.

Ши Цинсюань обратился к Се Ляню:

— Должно быть, сказание сложено теми торговцами по возвращении из земель Баньюэ. Сэкономили мне добродетелей, не нужно опускать занавес.

Се Лянь отмолчался по этому поводу. В мире людей о случившемся с ним в государстве Баньюэ могли знать только те самые торговцы, и принц вспомнил, что среди них был юноша по имени Тянь Шэн, который как раз пообещал отблагодарить Се Ляня или помолиться ему, что-то вроде того. Неужели именно Тянь Шэн нанял сочинителя, чтобы тот написал для него эту пьесу за деньги? Но ведь принц не сообщил Тянь Шэну своего имени, маловероятно, что совсем юный парнишка смог бы совершить подобное.

Тем временем зрители перед сценой явно возрадовались — хоть и не такую пьесу они ожидали увидеть, но эта явно превзошла ожидания. Всё-таки, если верить слухам, персонаж в красных одеждах изображал самого Хуа Чэна!

Легенд о Собирателе цветов под кровавым дождём в мире людей слагали немало. Но сюжеты всегда ограничивались историями о том, как «Демон в красном сжигает храмы тридцати трёх богов, а Небесные чертоги и шептуна пустить не смеют», «Собиратель цветов под кровавым дождём одной левой избивает Бога Войны, а одной правой Бога Литературы, подвесив обоих как грушу» и тому подобными сюжетами, от которых обитатели Небесных чертогов лишь молча роняли слёзы. Всех мучил интерес, о чём же написана новая пьеса.

Ведь главный герой всё равно Се Лянь, а остальные небожители всегда воспринимали его как изгоя, вовсе не считая принца «своим», поэтому с удовольствием глядели на сцену. К тому же, пьеса поражала тщательностью образов, прекрасной постановкой и превосходно загримированными актёрами, не стыдно было назвать её шедевром, сработанным на совесть. Многие смотрели на сцену, в душе восклицая от удовольствия, при этом отпуская критические комментарии:

— Это случилось взаправду? Должно быть, вымысел! Разве Хуа Чэн стал бы говорить с кем-то подобным тоном?!

— Вздор, полнейший вздор и чепуха!

— В кого превратили Хуа Чэна в этой пьесе? Очнитесь! Пьеса ведь не о влюблённой парочке, как такое можно выдумать?!

Раз уж пьесу написали специально для него, Се Лянь тоже внимательно следил за происходящим на сцене. Откровенно говоря, постановка вышла неплохая. Прекрасный грим, отличная игра. Но только, сам будучи тем, кого изображала легенда, принц хотел бы внести крохотное замечание: создавалось впечатление, что главные герои как-то уж слишком близки друг с другом.

Актёр, играющий самого принца, владел отличным мастерством. Но только каждый раз, когда «принц» открывал рот, чтобы выкрикнуть «Сань Лан», хотя тон его при этом не петлял волнами и не переливался, как во время интимной сцены, эти выкрики заставляли Се Ляня понервничать даже сильнее, чем когда «Богиня Ветров» называла «Повелителя Вод» «муженьком» и «супругом». Притом действие слишком уж изобиловало мелкими деталями вроде «взялись за руку», «приобнял за плечи», «подержал на руках»... Принцу всё время казалось, что многие из подобных жестов не слишком уместны.

Однако если подумать как следует... он действительно именно так и звал Хуа Чэна, и все эти жесты, кажется, тоже имели место быть. Тогда Се Ляню его действия не казались предосудительными, и теперь, по логике вещей, принцу также не следовало воспринимать их как-то иначе. Затем, поглядев на других небожителей, которые на словах обругивали пьесу самым настоящим вздором, но при этом смотрели крайне увлечённо, не отрывая глаз от сцены, принц всё-таки решил промолчать. Представление всё продолжалось, и вдруг Ши Уду спросил:

— А что там делают двое молодых слуг на втором плане?

На словах «двое молодых слуг» Фэн Синь и Му Цин едва заметно остолбенели.

Линвэнь поправила:

— Это не молодые слуги, а, должно быть, младшие служащие Средних Небес, из дворцов Наньяна и Сюаньчжэня. Помнится, они как-то вызвались прийти на помощь Его Высочеству.

Дворцы Наньяна и Сюаньчжэня в самом деле выделили помощников для Се Ляня? Вот уж поистине удивительное дело, такое же немыслимое, как если бы прошёл слух, что Пэй Мин убедительно и тактично отказал несравненной красавице, которая сама бросилась ему в объятия. Все взгляды немедля обратились к Фэн Синю и Му Цину, Линвэнь же добавила:

— Они вызвались добровольно.

Се Лянь заулыбался:

— Забыл спросить, всё ли в порядке у Нань Фэна и Фу Яо? Почему сегодня я не увидел их среди веселящихся на празднестве?

— Нань Фэн... он... — замялся Фэн Синь.

Му Цин бесстрастно бросил:

— Фу Яо находится в строгом затворе.

— Нань Фэн тоже ушёл в строгий затвор, — тут же подхватил Фэн Синь.

— Они оба ушли в затвор? Какая жалость, — вздохнул Се Лянь.

Покуда они перекинулись парой фраз, захватывающая пьеса завершилась, и занавес опустился. Конечно, сюжет посчитали лишь «мысленным распутством» какого-то невежественного верующего, но раз уж персонаж Хуа Чэна в этом «мысленном распутстве» доставил зрителям истинное удовольствие, по завершении постановка удостоилась громких оваций и криков «браво». Однако поскольку Пэй Су оказался сослан именно после инцидента в Крепости Баньюэ, когда все достаточно насладились зрелищем, немного внимания неизбежно досталось и Пэй Мину.

— Генерал Пэй, а что сейчас с вашим Сяо Пэем? — спросил Ши Уду.

Пэй Мин налил себе вина, выпил и покачал головой.

— Что ещё с ним может случиться? Раз он не уделил должного внимания там, где это следовало сделать, я теперь ничем не могу ему помочь.

Ши Цинсюань со своей стороны не смог спокойно слушать и усмехнулся:

— И чему же, по мнению генерала Пэя, следует уделять должное внимание? Значит, карьера вашего Сяо Пэя — это истинные перспективы, а какой-то девчушкой можно и пожертвовать?

Тон его прозвучал неприятно, и Ши Уду тут же бросил на младшего брата взгляд:

— Цинсюань, не забывай о манерах!

Стоило ему сделать замечание, и Ши Цинсюань тут же смущённо опустил голову. Пэй Мин же рассмеялся:

— Водяной шисюн, а твой младший братец не промах, только тебе и под силу его осаждать. Пускай он ссорится со мной, я не обижусь. Но что если однажды он напорется на того, кого злить не следует? Не каждый поведёт себя как я, исходя из уважения к тебе.

Ши Уду развернул веер и продолжил отчитывать брата:

— Ты слышал, что сказал генерал Пэй? И ещё, сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не разгуливал в таком виде где вздумается? Куда это годится? Мне наплевать, какие у тебя предпочтения, но выходя за порог, ты должен принимать свой истинный облик!

Ши Цинсюань до невозможности обожал своё женское обличие и не желал покориться, но всё же не осмелился возражать словам брата. Се Лянь подумал: «Повелитель Ветров говорил, что не боится своего старшего брата, но как видно, это не совсем так». К его неожиданности, Ши Уду в конце добавил:

— Что если тебе вдруг повстречается такой как генерал Пэй, с недюжинными магическими силами и недобрыми намерениями?

Линвэнь разразилась язвительным хохотом, тогда как Пэй Мин снова поперхнулся, едва не оросив стол вином:

— Шисюн! Если снова скажешь что-то подобное, нам уж точно будет больше не о чем разговаривать.

В самый разгар застолья наконец настал момент последнего ожидаемого события на пиршестве — Состязания фонарей.

В столице бессмертных погасили все свечи и фонарики, всё погрузилось в полумрак, озаряемый лишь сиянием луны. Пиршество расположилось возле большого озера, на поверхности которого разогнали туманную дымку, и сквозь прозрачные потоки воды стал виден тёмный, будто бездонная пропасть, мир людей.

Во время Состязания фонарей небожители соревновались в количестве молитвенных фонарей негасимого света, которые подносили верующие на Праздник середины осени в самом большом, самом знаменитом храме того или иного божества. Один такой фонарь трудно приобрести и за тысячу золотых, ведь он горел неугасимо довольно продолжительное время. Места, занятые на Состязании фонарей, объявлялись в порядке возрастания, и когда доходила очередь до какого-то небожителя, все фонари, поднесённые ему последователями, поднимались в чертоги Верхних Небес, озаряя ночное небо несравнимой красотой.

В этом году дворец Шэньу удостоился целых девяти сотен шестидесяти одного фонаря негасимого света, почти приблизился к тысяче, побив все предыдущие рекорды. Каждого небожителя посетила мысль, что в следующем году это число наверняка превысит тысячу, впрочем, это далеко не самый важный момент. Ведь если тот, кто занял первое место, остаётся первым всегда, первенство теряет свой смысл. Поэтому остальные во время Состязания фонарей, как само собой разумеющееся, исключали дворец Шэньу из списка соперников.

Но вот что повергло всех в недоумение: самое начало состязания, когда первой в списке оказалась Повелительница Дождя. Се Лянь увидел, как в небеса, покачиваясь, поднимается маленький яркий фонарик, затем услышал: «Дворец Повелительницы Дождя, один фонарь!», и даже начал сомневаться, не померещилось ли ему в хмельном бреду? Ведь не могли же верующие поднести божеству только один фонарик? Чтобы убедиться, что дело не в выпитом вине, принц обратился к Ши Цинсюаню:

— Здесь нет никакой ошибки?

Ши Цинсюань ответил:

— Нет. Именно один фонарь. Его преподнёс бык при хозяйстве Её Превосходительства, дабы соблюсти приличия.

Сам поднёс фонарь своему же дворцу... поступок показался принцу знакомым. Се Лянь подумал вот о чём — раз Повелительница Дождя заведует осадками, значит, является божеством всех земледельцев, и предположил:

— Неужели всё потому, что среди последователей Её Превосходительства множество крестьян, которые недостаточно

богаты, чтобы поднести ей фонари?

Ши Цинсюань же ответил:

— Ваше Высочество, у вас какое-то ошибочное представление о крестьянах, многие из них вообще-то весьма зажиточные. Сама Повелительница Дождя им наказала — если вы достаточно богаты, чтобы поднести фонарь, лучше потратьте эти деньги на возделывание своих полей. Поэтому верующие испокон веков подносят ей лишь свежие овощи и фрукты.

Его слова заставили Се Ляня по-настоящему позавидовать Повелительнице Дождя и подумать: «Оказывается, существует и такая замечательная традиция».

Однако Ши Цинсюань добавил:

— Позже Повелительница Дождя объявила, что не стоит тратить продукты зря, поэтому теперь верующие по традиции забирают все подношения домой через пару дней.

Вначале огласили нескольких младших небожителей, у которых число негасимых фонарей разнилось несколькими десятками, а то и единицами, поэтому особого интереса они не вызвали. Но чем дальше по списку, тем ярче вспыхивало небо от поднимающихся фонариков, и тем больше внимания уделяли им зрители. И если бы не специально приставленный для объявления результата небожитель, который мог назвать точное количество фонарей с одного взгляда, остальные ни за что бы не смогли сосчитать огромное множество ярких огоньков, целым роем поднимающихся с земли. Се Лянь, поскольку не разбирался в процессе, не высказывал никаких комментариев, а всё внимание посвятил любованию прекрасным пейзажем — как яркие фонари озаряют своим светом черноту долгой ночи. Да ещё время от времени прислушивался к тому, как другие оценивали Состязание фонарей в этом году. Хотя самому принцу казалось, что оценивать здесь вовсе нечего. Спустя примерно час состязание наконец приблизилось к заключительному этапу. В Состязании фонарей на пиршестве в честь Середины осени началась отчаянная битва десятки сильнейших.

Се Лянь услышал, как объявили небожителя, который оказался на десятом месте:

— Дворец Циина, четыреста двадцать один фонарь!

Цюань Ичжэнь давно покинул мероприятие, и остальные небожители, услышав количество поднесённых ему фонарей, громко цокнули языками, даже не пытаясь скрывать своего отношения. Всё же западный Бог Войны был ещё слишком молод, но при этом отличался немалой мощью. Для небесных чинов, схожих с ним по времени службы на Небесах, двести негасимых фонарей уже считались количеством достаточно весомым, а ему преподнесли больше чем в два раза. Даже Лан Цяньцю, вознёсшийся многим раньше, получил меньше фонарей. Можно сказать, результат поистине исключительный. Впрочем, Се Ляню всё-таки показалось, что отношения с другими небожителями у юного Цюань Ичжэня не слишком хорошие, поскольку, кроме Ши Цинсюаня и самого принца, никто по-настоящему не выразил искреннего изумления его результатом.

Следующим оказался дворец Повелителя Земли — четыреста сорок четыре фонаря. Мин И, впрочем, не выказал никакой особенной радости, разве что выпил ещё пару глотков супа. Зато Ши Цинсюань взволновался даже сильнее Мин И, несколько раз повторив: «Слишком мало, слишком мало». Остальные же, будучи не очень хорошо знакомыми с Повелителем Земли, согласно приличиям, похлопали в ладоши, тем самым выразив поздравления. Далее настал черёд и самого Ши Цинсюаня, дворец Повелителя Ветров получил пятьсот двадцать три фонарика.

Во время Состязания фонарей не составляет труда разглядеть, насколько популярен тот или иной небожитель. После объявления количества фонарей негасимого света, которые получил дворец Повелителя Ветров, Ши Цинсюань и слова сказать не успел, как пиршество разразилось бурными овациями, вокруг то и дело слышалось: «Поздравляем, поздравляем», «За реальными достижениями неотступно следует слава». Ши Цинсюань выглядел чрезвычайно довольным, он поднялся с места и отвесил всем благодарные поклоны, затем громко крикнул, обращаясь к Ши Уду:

— Брат, в этом году я восьмой!

Выглядело так, будто он хвастает перед родителем после того как получил похвалу от учителя. Се Лянь, наблюдая, не удержался от улыбки, однако Ши Уду с укором произнёс:

— Всего лишь восьмой, ничего особенного. Чему тут радоваться!

На самом деле, его слова прозвучали невообразимым сумасбродством. Кого в чертогах Верхних Небес можно было назвать заурядным простаком? Пятьсот фонарей негасимого света, восьмое место среди сильнейших! А он добавил к этому «всего лишь». Что же получается, все те, кто занял более низкие места, не удостоились даже оценки «ничего особенного»? Притом Ши Уду не то чтобы не понимал, что подобные речи могут воспринять как неподобающие, но всё равно произнёс их, просто из бесстрашия. Улыбка исчезла с лица Ши Цинсюаня, а Ши Уду помахал веером и неохотно добавил:

— Впрочем, больше, чем в прошлом году. В следующий раз ты должен занять более высокое место.

Ши Цинсюань снова расслабил плечи и громко рассмеялся. Из всех присутствующих только один Мин И равнодушно продолжал уплетать еду и не осыпал Ши Цинсюаня овациями. Поэтому Повелитель Ветров сам похлопал его по плечу, в поисках поздравлений. Мин И же совершенно не желал уделять ему внимание — принялся жевать ещё более сосредоточенно, чем поверг Ши Цинсюаня в ярость. Тот начал требовать заслуженных аплодисментов, и Се Лянь, наблюдая со стороны, хихикал до колик в животе, тут и говорить нечего.

Далее на пьедестале разместился дворец Линвэнь, ей поднесли пятьсот тридцать шесть фонарей.

Среди Богов Литературы Линвэнь можно считать настоящим победителем, однако почти никто из них не бросился её поздравлять, в основном это сделали Боги Войны, и то в качестве соблюдения приличий. Се Лянь издали поздравил Линвэнь, Ши Уду и Пэй Мин стали уговаривать её устроить пиршество и пригласить гостей, а до принца тем временем донеслись разговоры других чиновников о том, что у Линвэнь так много верующих лишь потому, что она принимает мужское обличие; что она точно подмечает сильнейших Богов Войны и всеми силами подлизывается к ним, а Богов Литературы заносчиво игнорирует; что она чаще других в чертогах Верхних Небес приглашает гостей на пирушки, а иногда не только на пирушки, но и в публичные дома, и так далее и тому подобное. Се Лянь на это лишь покачал головой и подумал: «Небесным чиновницам приходится поистине непросто».

Следом настал черёд дворцов Наньяна и Сюаньчжэня, их результаты оказались следующими: пятьсот семьдесят два и пятьсот семьдесят три фонаря. Нахмуренные брови Му Цина тут же разгладились, Фэн Синь же не выразил ни радости, ни гнева, будто бы вовсе не интересовался итогом. Се Лянь в душе недоумевал, почему их результат настолько близок? Не слишком ли удачное совпадение? Шёпотом спросив Ши Цинсюаня, принц получил ответ. Оказалось, причина такова: поскольку оба небожителя схожи и происхождением, и обосновались совсем рядом, и по силе примерно равны, да к тому же отношения между ними не самые лучшие, последователи каждого из них во что бы то ни стало желают победить и клянутся, что сколько бы фонарей ни получил соперник, они непременно поднесут на один больше.

Позабыв о первом месте, они боролись за то, чтобы занять строку выше соперника, и прилагали к этому всевозможные усилия, каждый год определяя победителя и проигравшего. В этом году в самый последний момент дворец Сюаньчжэня наконец вырвался вперёд на один фонарь, оставив дворец Наньяна позади. Для его последователей это истинный повод для безудержного празднования, схожий с победой в настоящей битве на поле брани.

Се Лянь не удержался от мысли: «Эти люди в лепёшку разбиться готовы, лишь бы вырвать у противника один-единственный фонарик? Они что, даже не спешат домой, чтобы отпраздновать с семьёй? Но ведь сегодня Праздник середины осени^[179]!»

Следующим объявили количество фонарей для дворца Мингуана: пятьсот восемьдесят фонарей.

Результат в некоторой степени значительный. Однако Пэй Мин не выразил ни намёка на радость, поскольку по сравнению с прошлым годом дворец Мингуана получил всё же меньше фонарей негасимого света. Инцидент с младшим божеством, Пэй Су, стал настоящим ударом, поэтому верующие поднесли почти на целую сотню меньше, чем в прошлый раз. Благо, Пэй Мин, имея твёрдую почву под ногами, смог выстоять, иначе результат оказался бы ещё плачевнее. Ни Ши Уду, ни Линвэнь не стали его поздравлять, только похлопали по плечу.

К тому моменту Се Лянь уже заметил, что количество фонарей у многих небожителей отличалось парой десятков, а то и меньшим числом, располагаясь весьма тесно друг к другу, будто никак не

получалось уйти в большой отрыв. Другими словами, на самом деле все они находились практически на одном уровне, никто не являлся настоящим победителем. Стоило принцу так подумать, прозвучал голос небожителя, оглашающего результаты:

— Дворец Повелителя Вод, семьсот восемнадцать фонарей!

Пирующие мгновенно поднялись волной, вокруг послышались возгласы изумления.

Небожители немного пришли в себя и ринулись наперегонки выкрикивать поздравления. Ши Уду, однако, остался сидеть, даже не приподнявшись, а на его лице не промелькнуло ни тени заносчивости, он лишь воспринял случившееся как должное. Наверняка за несколько сотен лет второй по счёту небожитель впервые настолько приблизился к результату дворца Шэньу по количеству фонарей. Во времена первого вознесения Се Ляня, которые давным-давно миновали, один молитвенный фонарь было добыть ещё труднее, чем сегодня, разумеется, нельзя ровнять их общими мерками. Однако, как говорится, «люди жертвуют всем в погоне за богатством, как птицы гибнут в погоне за пищей», любовь людей к богатству и процветанию неизменна в веках, потому Божество богатства вполне оправдало своё прозвище!

Ши Цинсюань возрадовался ещё сильнее, чем если бы в его честь зажглись семьсот фонарей: он с силой хлопал в ладоши и не переставая кричал, обращаясь к Се Ляню:

— Мой брат! Это мой брат!

Се Лянь улыбнулся:

— Я понял, это ваш брат!

Из всех присутствующих только Мин И, в отличие от остальных, продолжал увлечённо поглощать пищу. На самом деле Се Ляню показалось, что именно он как раз воспринял слово «пиршество» в прямом значении и вёл себя соответствующе — пришёл исключительно ради того, чтобы попить, будто отъедался за всё время, что провёл в Призрачном городе, где его не кормили досыта. Вспомнив закуски, что продавались на улицах в Призрачном городе, Се Лянь отнёсся к данному факту с большим пониманием и даже задумался: «Как выглядела бы прогулка Хуа Чэна по этим улочкам?»

Что ж, главная тайна, что волновала сегодня сердца небожителей, раскрылась, пирующие вдоволь насмотрелись представлений, вдоволь

наговорились, остались полностью удовлетворены и уже готовились покинуть пиршество. К всеобщей неожиданности Ши Уду вдруг сложил веер и, нахмурившись, произнёс:

— Пойдите.

Если бы кто-то другой сказал «пойдите», возможно, это не возымело бы подобного устрашающего действия. Но Ши Уду поистине соответствовал своему прозвищу — «Водяной самодур». Он будто от рождения привык раздавать всем приказы, поэтому стоило ему раскрыть рот, все невольно слушались. Небожители снова заняли свои места, кто-то спросил:

— Но ведь десять сильнейших уже объявлены, что ещё хочет нам сказать Его Превосходительство Повелитель Вод?

Се Лянь подумал: «Неужели он тоже станет раздавать добродетели?»

Ши Уду качнул веером:

— Десять сильнейших уже объявлены?

Остальные не сразу осознали, что означает его вопрос, только Ши Цинсюань удивлённо забормотал:

— ...Нет. Нет, нет, нет. Ещё не вся десятка! Вместе с дворцом Шэньу, если посчитать... только что объявили только девятих!

Небожители немало удивились и начали переговариваться:

— Только девятих?

— Истинно так, я посчитал, правда объявили только девятих!

— Значит, кто-то ещё занял место выше Повелителя Вод???

— Что? Но кто это мог быть? Я не припоминаю такого!

В тот самый миг в чёрной ночи вокруг внезапно вспыхнуло сияние, подобное взошедшему солнцу.

Это сияние было светом фонарей.

Подобно множеству рыбёшек, переплывающих море, в небеса медленно поднимались бесчисленные сияющие фонарики.

Они поблескивали в темноте ночи, сверкающие ярким светом, похожие на воспаряющие ввысь души или чьи-то прекрасные мечты, несравнимо впечатляющие, озаряющие непроглядно тёмный мир людей. Подобную чудесную картину невозможно описать словами, оставалось лишь затаить дыхание и оборвать все разговоры.

Се Лянь застыл, глядя в небеса, полные ярких фонарей. Он словно перестал дышать и ничего вокруг не слышал, находясь довольно долго

где-то вне своего сознания. Лишь спустя некоторое время он обнаружил — здесь что-то не так.

Все взгляды пришедших на пиршество небожителей обратились к нему. Оказывается, на него дрожащей рукой указывал служащий, что объявлял результаты Состязания фонарей.

Се Лянь растерялся:

— Что такое?

Никто не ответил. Се Лянь указал на себя:

— Я?

Ши Цинсюань хлопнул его по плечу:

— Именно. Вы.

Се Лянь всё ещё недоумевал:

— Что — я? Что, в конце концов, со мной такое?

Глашатай, нервно сглотнув, всё-таки снова заговорил.

И присутствующие на пиру небожители услышали его дрожащий, полный неверия в собственные слова, голос:

— Храм Тысячи фонарей, дворец наследного принца, три... три... три тысячи фонарей!

Три тысячи фонарей!

Вокруг повисло молчание, продолжавшееся довольно долго, затем ему на смену пришла внезапная шумная волна.

Ведь даже возвышающийся над всеми и непоколебимый как гора Тайшань дворец Шэньу никогда не получал трёх тысяч фонарей негасимого света за одну ночь пиршества в честь Середины осени. Более того, ни у кого и в мыслях не помещалось такое число. Тысяча — ещё куда ни шло, но три тысячи... поистине беспрецедентный случай, ведь это даже больше, чем количество фонарей нескольких предыдущих небожителей, вместе взятых!

Нетрудно догадаться, что в тот момент многие просто не смогли поверить в услышанное, и тут же кто-то, не выдержав, воскликнул:

— Это какая-то ошибка!

— Должно быть, неверно посчитали...

Однако, опуская вопрос о том, мог ли небожитель, назначенный специально для подсчёта результатов на Состязании фонарей и простоявший на этой должности многие годы, ошибиться именно сегодня, глядя на целый поток из фонарей, образующих огромную световую завесу, в самом крайнем случае можно было по ошибке

назвать меньшее число, но никак не большее. Поэтому сразу же кто-то заметил:

— А может, это вовсе не молитвенные фонари негасимого света? Может, это обыкновенные фонарики?

Фактически, его вопрос означал «Не фальшивка ли это?», и тут же сразу несколько небожителей поддержали предположение. Но Ши Цинсюань не согласился:

— Как это могут быть обыкновенные фонари? Фонари негасимого света совершенно отличаются по свойствам от обычных, которые ни за что не смогли бы воспарить к небесам. О какой фальшивке может идти речь?

Если бы подобное оправдание прозвучало из уст Се Ляня, остальные, наверное, продолжали бы сомневаться, но если уж так сказал Ши Цинсюань, да к тому же в присутствии Ши Уду, больше никто не осмелился развивать тему. Эта нить обсуждения зашла в тупик, оставалось повернуть в другом направлении:

— Господа, но где находится этот храм Тысячи фонарей? Кто и когда его выстроил? Кто-нибудь из вас, божественные коллеги, осведомлён об этом?

Небожитель, объявивший результат, ответил:

— Мне это неизвестно... Но надпись на самих фонарях гласит именно «храм Тысячи фонарей», следовательно, они поднялись оттуда.

— Но мне никогда не приходилось слышать ни о каком храме Тысячи фонарей!

— Верно! Я тоже никогда о нём не слышал!

Се Лянь, наконец оправившись от потрясения, из-за которого все его мысли куда-то улетучились, в ответ на их вопросы честно произнёс:

— Уважаемые господа, не стану лукавить, не только вы о нём не слышали, но и сам я о нём также не слышал.

Но ведь невозможно, чтобы и храм для него построил Тянь Шэн!

У всех присутствующих голова шла кругом, будто в них угодил удар молнии — никто не смел поверить в случившееся этой ночью, разногласия никак не стихали. Се Ляню так и хотелось сказать: «Это ведь всего лишь игра, к чему воспринимать её столь серьёзно?» Но, во-первых, очень многие в душе вовсе не считали «игру» игрой, а во-вторых, он ведь занял в этой «игре» первое место, и разве не захотят

остальные поколотить его, услышав подобные утешения? Другие небожители, заняв места далеко позади принца, тоже не осмеливались произнести подобной фразы, которая прозвучала бы в их устах как нелепое оправдание для самих себя, мол, ничего страшного, что первенство нам не досталось, подумаешь...

Пока другие спорили, Пэй Мин усмехнулся:

— А я ведь говорил, что Собиратель цветов под кровавым дождём выкрал Его Высочество наследного принца вовсе не из недобрых намерений, и никто из вас тогда мне не поверил. Ну что, теперь убедились?

Его напоминание мгновенно заставило всех осознать.

Ведь если это действительно Хуа Чэн, для него и впрямь не составило бы труда, лишь махнув рукой, запустить в небо три тысячи фонарей негасимого света!

Связаны ли Се Лянь и Хуа Чэн отношениями какого-либо характера, поистине являлось для всех загадкой. Ранее версия о недобрых намерениях последнего казалась всем куда более заслуживающей доверия. Поскольку не существовало причины, по которой Хуа Чэн, всегда относившийся к чертогам Верхних Небес крайне враждебно, внезапно посмотрел бы на Се Ляня иным взглядом. Но точно так же не существовало и причины, чтобы Хуа Чэн, которому никакой закон не писан, вдруг стал бы относиться к кому-то с притворной добротой. Однако после сегодняшнего события предположение о недобрых намерениях явно пошатнулось, потеряв под собой опору. Ведь это же три тысячи фонарей негасимого света! Даже сам Повелитель Вод, в руках которого сосредоточены богатство и процветание, не осмелился бы так просто взять и устроить нечто подобное. Неожиданно посреди всеобщих споров и недоумений с высокого места послышались неторопливые хлопки.

Небожители смолкли, повернулись на звук и увидели, что Цзюнь У, хлопая в ладоши, улыбнулся Се Ляню:

— Сяньлэ, прими поздравления.

Се Лянь, осознавая, что Цзюнь У таким образом помог ему выйти из затруднительного положения, преисполнился благодарности и склонил перед Владыкой голову. Цзюнь У же со вздохом добавил:

— Ты всегда умел творить чудеса.

После его слов остальные постепенно успокоились, а спустя несколько мгновений, последовав примеру Цзюнь У, один за другим принялись аплодировать и высказывать поздравления.

Посему, каким бы потрясением ни стал результат принца, другие небожители не могли не признать его подлинность. Всё-таки этот Его Высочество наследный принц испокон веков был полон чудес и сюрпризов. Так повелось когда-то и до сих пор осталось неизменным!

Пиршество в честь Середины осени подошло к концу, трудящийся над громовыми раскатами Повелитель Грома тоже закончил свою работу. Более всех для создания атмосферы постарался Ши Цинсюань — чьё бы имя ни называл глашатай, Повелитель Ветров первым начинал шумно хлопать в ладоши и одобрительно кричать. Кроме момента, когда объявили Пэй Мина. Се Лянь вначале хотел спросить у Ши Цинсюаня, не будет ли Повелитель Вод раздосадован тем, что вынужденно занял третье место, смещённый с такого же вынужденного второго, но всё же принц не увидел на лице Ши Уду ни капли расстройства. Пэй Мин и Линвэнь высказали ему поздравления, а затем троица принялась обсуждать, в чьи владения отправиться, чтобы найти там горы с горячими источниками, попариться и насладиться массажем туйна^[180].

Ши Цинсюань спросил:

— Брат, вы опять отправитесь развлекаться?

Ши Уду, сложив веер, ответил:

— Да.

Линвэнь скрестила руки на груди и усмехнулась:

— Ваше Превосходительство не желает присоединиться к нашему веселью?

— Я не пойду с вами, — отозвался Ши Цинсюань. — Уже договорился кое с кем.

Ши Уду нахмурился:

— Только не вздумай якшаться со всяким сбродом.

Линвэнь спросила:

— Каким бы сбродным ни был этот сброд, разве сможет он переплюнуть генерала Пэя?

Пэй Мин предостерёг:

— Дражайшая Цзе, придержи язык.

Се Лянь дождался, пока они перекинутся ещё парой фраз, и вместе с Ши Цинсюанем приготовился покинуть пиршество. По пути они столкнулись с Му Цином, вновь хмурый как туча, но принц так и не понял, заметил ли тот его. Фэн Синь же, в отличие от Му Циана, поднявшись с места и направляясь к выходу, по пути бросил Се Ляню:

— Поздравляю.

Се Лянь кивнул ему в ответ:

— Спасибо.

Повелитель Ветров поселил Лан Ина в своих владениях в столице бессмертных. Теперь юноша выглядел чистым и опрятным, только по-прежнему боялся незнакомцев и, спускаясь вместе с Се Лянем с небес, не проронил почти ни слова. Принц сперва отправился в посёлок, чтобы купить юноше немного свежих фруктов, но и потом не сразу вернулся в монастырь Водных каштанов, заглянув сначала в небольшую рощицу неподалёку.

Ожидания принца оправдались, рощица оказалась довольно оживлённой: на дереве висел, изрыгая громкие грязные проклятия, молодой мужчина, связанный белой лентой. Он был голый по пояс, а внизу под деревом сидел мальчишка, который отгонял от него комаров.

Наказав Лан Ину постоять снаружи, сам Се Лянь неторопливо направился в рощу. Мужчина, увидев его, разразился гневной бранью:

— Се Лянь, пёсий ты потрох, а ну сейчас же, мать твою, опусти меня на землю! Помрю, помру, я сейчас помру!

Се Лянь же мягко ответил:

— Тебя наверняка многие годы не кусали комары. Что плохого в том, чтобы вновь ощутить, что значит быть живым?

Мужчина оказался Ци Жуном. Се Лянь совершенно точно знал, что он наверняка не станет сидеть сложа руки и уговорит Гуцзы помочь ему разрезать или разорвать Жое, поэтому наказал ленте: если пленник захочет сбежать, притащить его в эту рощу как следует насладиться природой. Ци Жун всё время прикрывался тем, что захватил чужое тело, поэтому Се Лянь не мог постоянно его избивать, но вот заставить его ощутить такие небольшие мучения всё-таки не

возбранилось. Се Лянь частенько ходил сюда собирать хворост и всякий хлам, поэтому на себе испытал, как больно кусают местные комары. Вот и Ци Жун теперь весь покрылся вспухшими укусами комариного роя, так что ему смерть показалась милее жизни.

— И где же твоё хвалёное сердце снежного лотоса^[181]?! Что же ты теперь не строишь из себя добренького недотёпу?! — всё не унимался Ци Жун.

Гуцзы схватился за ногу Се Ляня и захныкал:

— Братец,ними моего отца оттуда! Он уже очень давно там висит!

Се Лянь погладил мальчика по голове, а в следующий миг послышался вскрик Ци Жун и глухой удар — тот свалился с дерева на землю.

Чтобы вернуться в деревню Водных каштанов, пришлось идти через кленовый лес. Се Лянь одной рукой тащил голого по пояс молодого мужчину, который непрерывно бранился, а следом шли двое детей — один не переставал всхлипывать, другой погрузился в молчание. Принц подумал, что их компания, наверное, выглядит поистине странно. Поднимаясь на пригорок, он сказал мальчикам:

— Осторожнее, смотрите под ноги. Здесь легко споткнуться.

Принц сказал чистую правду. Иногда, если случалось возвращаться после сбора рухляди в посёлке поздно ночью, стоило ему в темноте пойти по этой тропе, по неизвестной причине он каждый раз спотыкался и падал бессчётное множество раз. Ци Жун, услышав, взмолился:

— О, Небеса! Прошу вас, сделайте так, чтобы этот человек поскорее свалился с этого холма и свернул себе шею!

Се Ляню его слова показались не более чем поводом для смеха:

— Ты же демон, тебе ли обращаться к Небесам с мольбой?

Как вдруг принц заметил, что сверху льётся мягкое сияние, от которого темнеющий впереди путь, кажется, стал немного светлее. Подняв голову, Се Лянь убедился, что ему не померещилось. Небеса действительно озарял свет.

Свет трёх тысяч негасимых фонарей.

Подвешенные в ночном небе огоньки текли грандиозным потоком, так что даже мерцание звёзд и сияние луны померкло перед ними. Се Лянь замер, глядя наверх, а потом тихо-тихо выдохнул:

— Спасибо...

Ци Жун не знал, что это означает, и потому лишь хихикнул:

— С чего тебе-то говорить «спасибо»? Кто-то зажѐг их себе на потеху, а вовсе не для тебя. Поменьше бы строил иллюзий на свой счёт.

Се Лянь молча улыбнулся, но спорить с ним не стал, лишь произнёс:

— Существование подобной красоты на свете уже само по себе стоит благодарности.

С таким прекрасным пейзажем в душе принц мог больше не бояться, что кто-то посторонний испортит ему настроение. Под сиянием ярких фонариков в небесах он направился по дороге вперѐд.

Демонический плод в утробе. Новые неприятности на ровном месте

Всего через несколько дней Се Ляню пришлось столкнуться с серьёзной опасностью.

В монастыре закончилась еда.

Сам принц мог обойтись парой маньтоу, тарелкой солений, да погрызть огурец, сорванный с грядки. Ему хватало тех подношений, что приносили жители деревни. Но в монастыре прибавилось ещё три рта. Два живых человека и один демон быстро опустошили все его припасы.

Дети ели не так уж много, но вот Ци Жун, умерший демон, поселившийся в теле взрослого мужчины и никак не желающий выходить, не уставал бранить Се Ляня на чём свет стоит за то, что тот «не считает его за человека, раз кормит какими-то отходами», при этом съедал больше, чем любой из четверых, отчего Се Ляню искренне хотелось запихнуть тому в рот днище сковороды.

Когда есть стало совсем нечего, Се Лянь решил пройтись по городскому рынку, прихватив двоих мальчишек, и попробовать пособирать рухлядь и всяческий хлам, после чего угостить детей чем-нибудь вкусным.

Если учесть, что обычному Се Ляню не очень везло, то сегодняшнему Се Ляню не везло в особенности. Обойдя весь город, он не нашёл никакого подходящего хлама, и в конце концов, стоя на

оживлённом перекрёстке, принял решение снова заняться привычным ремеслом.

Принц усадил детей неподалёку, сам вышел на середину улицы и громко объявил:

— Уважаемые земляки и приезжие соседи! Сегодня я впервые прибыл в ваши благодатные края, и в кошеле моём ни гроша, поэтому представлю на ваш суд скромный плод моих изысканий в искусстве! Надеюсь на горячую поддержку, а также пожертвования в виде продовольствия или монет на обратный путь...

Длинные рукава Се Ляня изящно развевались, придавая ему облик истинного святого, голос звучал глубоко и звучно, поэтому очень скоро вокруг собрались праздные зеваки с вопросами:

— Что ты умеешь? Ну-ка, покажи!

Се Лянь охотно ответил:

— Желаете взглянуть на крутящиеся на шестах тарелочки?

Народ замахал руками:

— Ничего сложного, простенький фокус, ерунда! Ещё что-то умеешь?

Се Лянь предложил снова:

— А что насчёт разбивания камня на груди?

Люди опять заголосили:

— Старьё, старьё! Ещё что-то умеешь?

Тут-то Се Лянь и осознал, что даже продавая собственное искусство на улицах, следует идти в ногу со временем. Лучшие номера, которыми он промышлял когда-то, безнадёжно устарели, подобно хризантемам на следующий день после Праздника хризантем, и уже ни у кого не вызывали восхищения. Видя, что толпа вот-вот разойдётся, принц понял — выхода нет — и решил выкинуть козырную карту. Он выудил из рукава стопку собственноручно нарисованных защитных талисманов и произнёс:

— За просмотр представления получите в подарок защитный талисман ручной работы! Господа, проходите мимо — не проходите мимо!

Едва заслышав о бесплатной раздаче, уже поредевшая толпа нахлынула вновь:

— Что за талисманы? В каком храме благословлены? Императора Шэньу?

— Они помогут привлечь удачу в денежных делах? Дай мне талисман Божества богатства, спасибо!

— Я хочу талисман Совершенного Владыки Цзюйяна^[182], оставь мне один, будь добр!

Се Лянь ответил всем:

— Нет. Нет. Я раздаю талисманы наследного принца Сяньлэ, благословлены они в монастыре Водных каштанов, чудодейственные свойства гарантированы.

Разумеется, гарантированы. Другим небожителям ежедневно поступает по меньшей мере несколько тысяч молитв, от которых гудит в ушах, а всё, что приходит сверх того, и вовсе поручается исполнить младшим подчинённым. Ну а Се Лянь получает даже в самые удачные дни не больше десятка. Так скажите, у чьих молящихся выше шансы быть услышанными?

Толпа презрительно фыркнула:

— Это ещё кто такой? Никогда о нём не слышали!

Се Лянь ответил:

— Не страшно, если вы о нём не слышали. Монастырь Водных каштанов стоит всего в семи ли отсюда, в деревне Водных каштанов. Приглашаю вас наведаться туда. Только приходите, не обязательно приносить благовония... — однако не успел принц договорить, а толпу как ветром сдуло.

Каждый, кто успел отхватить талисман, пройдя совсем немного, не глядя швырнул его на землю. Се Лянь же бросился подбирать: поднимая талисман, он отряхивал его от пыли и с невозмутимым видом прятал обратно в рукав. Подбирал, подбирал, и вдруг заметил, что перед ним остановилась пара матерчатых туфель.

Подняв взгляд, Се Лянь обнаружил перед собой чёрные глаза Лан Ина, глядящие на него из-под повязок.

Се Лянь мягко спросил юношу:

— Что-то не так? Поди пока посиди вон там вместе с Гуцзы, подождите меня ещё немного.

Лан Ин хранил молчание. Внезапно на противоположной стороне улицы распахнулись ворота чьего-то дома, из которых с оглушительным криком вышвырнули человека:

— Шарлатан!

Послышался громкий топот — пара десятков прохожих тут же сбежались посмотреть на представление, и талисманы, которые принц не успел подобрать, мгновенно затоптали в грязь, измятые и изорванные. Се Лянь молча округлил глаза, но уже не стал подбирать талисманы. Отправив Лан Ина следить за Гуцзы, он последовал за всеми посмотреть, что же всё-таки там случилось. Перед воротами дома принц увидел двоих без умолку спорящих мужчин: один из них походил на богатого купца, другой, пожилой господин, скорее всего, являлся лекарем. Купец клокотал от гнева:

— Что ты сказал мне, когда приходил вчера? Что всё прекрасно и беспокоиться нет нужды, так? Что же стряслось сегодня?! Моя жена не падала и ничем не травилась, как такое вдруг могло случиться?!

Лекарь же во всеуслышание оправдывался:

— Вчера, когда я осмотрел вашу супругу, она действительно пребывала в добрейшем здравии! Вам, как я погляжу, лучше поискать не лекаря, а монаха-заклинателя!

Купец взъярился ещё сильнее, упёр руку в бок и ткнул в лекаря пальцем:

— Мой сын ещё не родился, кто тебе, шарлатану, позволил проклинать его?! Берегись, я нажалуюсь на тебя куда следует, без гроша останешься!

Лекарь подхватил свою сумку со снадобьями и врачебными принадлежностями.

— Что толку от твоих жалоб? Я в самом деле не могу определить характер её пульса! В жизни ничего подобного не встречал!

Из толпы послышались советы:

— Найди другого лекаря!

— Лучше всё-таки обратиться к заклинателю!

Се Лянь инстинктивно ощутил, что дело явно нечисто, поэтому поднял руку в толпе:

— Посмотрите сюда. Заклинатель здесь, я и есть заклинатель.

Все взгляды вокруг мгновенно обратились к Се Ляню, кто-то удивился:

— Ты разве не уличный артист, торгующий цирковыми номерами???

Се Лянь вежливо заметил:

— Это лишь подсобный доход. Разрешите, — он направился через толпу к купцу. — Не могли бы вы отвести меня к вашей супруге?

В доме раздавались женские крики и плач, ясно давая понять, что целая толпа женщин пребывала в крайнем смятении. Новый лекарь, которого вызвал купец, не мог прибыть в самое ближайшее время, и мужчина, решив, что пока сгодится любой, в самом деле схватил Се Ляня и торопливо направился в дом. Принц же в свою очередь схватил и потянул за собой того, первого, лекаря. Войдя в дом, он увидел, что весь пол залит кровью, а на широкой кровати под разукрашенным пологом лежит молодая женщина, бледная и измученная. Казалось, от боли она вот-вот начнёт кататься по полу, схватившись за живот. К счастью, её крепко прижимали к кровати несколько пожилых дам и молодых прислужниц. Как только Се Лянь переступил порог комнаты, у него по спине пробежал холодок.

В комнате стояла крайне тяжёлая тёмная Ци, источником которой являлось определённое место.

Живот молодой женщины!

Се Лянь немедленно остановил купца и лекаря за своей спиной, выкрикнув:

— Не подходите! С её животом непорядок!

Купец со смесью страха и удивления воскликнул:

— Моя жена рожает?!

Лекарь и пожилые женщины, не в силах слушать его причитаний, в голос ответили:

— Только пятый месяц, как она может родить?!

Тогда купец снова обрушился с гневной бранью на лекаря:

— Если она не рожает, отчего же ты не можешь сказать мне, что с ней такое, шарлатан?! Даже пульс не смог трактовать!

Видя, что женщина вот-вот потеряет сознание, Се Лянь прикрикнул на них:

— Замолчите! — и ловким движением вынул Фансинь.

Остальные при виде внезапно сверкнувшего чёрным блеском холодного оружия в несколько чи длинной перепугались не на шутку:

— Что ты собрался делать?!

Однако прямо на их глазах Се Лянь отпустил рукоять, и меч сам по себе поплыл по воздуху!

На этот раз все остолбенели, потрясённые увиденным.

Фансинь тем временем завис в воздухе, остриё меча развернулось вниз, указывая прямо на выпуклый живот женщины. Оружие это обладало мощнейшей убийственной Ци, и все вдруг увидели, как живот зашевелился и вспучился округлым шариком, который принялся метаться то в одну сторону, то в другую, перетекая то влево, то вправо. В конце концов женщину разобрало сильнейшим кашлем, и она выплюнула сгусток чёрного дымка!

Фансинь, который дожидался этого очень долго, одним ударом рассеял чёрный сгусток. Женщина пронзительно взвизгнула:

— Мой сын! — и тут же лишилась чувств.

Се Лянь наконец призвал меч, повесил обратно за спину и обратился к лекарю:

— Порядок.

Лекарь застыл, открыв рот и вытаращив глаза. Се Ляню пришлось несколько раз махнуть рукой перед его лицом, прежде чем тот нерешительно приблизился к женщине на кровати.

Купец с радостью и надеждой спросил:

— Мой сын жив?

К его удивлению, лекарь ощупал пульс женщины и робко пробормотал:

— Его не стало...

Купец на мгновение замер, а после снова взревел:

— Его не стало? Как мог случиться выкидыш?!

Се Лянь повернулся к нему и поправил:

— У вашей жены вовсе не выкидыш плода. Его не стало. Вы понимаете, что значит «не стало»?

— Да разве это не то же самое, что выкидыш?

— Существует определённая разница. Выкидыш — это выкидыш и есть. «Не стало» же означает следующее: изначально в утробе вашей супруги находился ребёнок. Но теперь этот ребёнок исчез.

И в самом деле, ведь живот женщины только что вздымался, а теперь, очевидно, без каких-либо внешних повреждений, заметно сдулся, и к тому же крайне неестественно. Купец воскликнул:

— Но ведь мой сын только что был у неё в животе!

Се Лянь возразил:

— Только что внутри находился вовсе не ваш сын. Живот вашей жены раздулся из-за сгустка чёрного дыма!

Лекарь убедился, что женщина всего лишь потеряла сознание и никакой опасности для жизни больше не существует, после чего удалился прочь.

Купец обратился к Се Ляню:

— Даочжан, как следует вас называть? Из какого вы монастыря? Какому Совершенному Владыке служите?

Се Лянь ответил формальное «оставьте церемонии, моя фамилия Се», и уж было хотел добавить, что пришёл из «монастыря Водных каштанов», но когда слова оказались на языке, он по какой-то причине решил их изменить:

— Из храма Тысячи фонарей.

Произнеся это название, принц неожиданно для самого себя ощутил лёгкий жар.

Купец удивлённо охнул:

— Не слыхивал. Должно быть, далеко отсюда?

Се Лянь и сам не имел понятия, далеко или нет, поэтому тихонько хмыкнул в ответ.

Обменявшись парой любезностей с принцем, купец всё-таки в нетерпении спросил:

— Даочжан! Что же это за проделки нечистой силы? Моя жена всё это время носила под сердцем... вот эту нечисть? Сгусток чёрной Ци?!

Тема разговора сменилась, и Се Лянь мгновенно сделался серьёзным:

— Всё ли время, доподлинно неизвестно. Вы ведь сказали, что вчера, когда пригласили лекаря, с вашей супругой всё было прекрасно? Тогда, должно быть, пульс ещё пребывал в норме и сбился только сегодня. Боюсь, беда стряслась с плодом ночью. Не затруднит ли вас припомнить, возможно, ваша супруга вчера ночью что-то делала? Или, может быть, с ней случилась какая-то странность?

— Вчера ночью ничего не случилось, моя жена даже не покидала комнаты! С тех пор как вымолила этого ребёнка, воскурив благовония в храме Огромного Члена, она даже специально установила в доме алтарь Совершенного Владыки Цзюйяна и ежедневно, не выходя за

порог собственной комнаты, читала молитвы и возжигала благовония, проявляя устрашающую набожность!

Се Лянь про себя произнёс: «Вот если бы Фэн Синь узнал, что женщина столь ревностно ему молилась, его реакция уж точно всех бы устрашила». Затем, подумав, задал ещё вопрос:

— Тогда... не видела ли она каких-либо странных снов?

Купец вздрогнул от страха:

— Видела!

Се Лянь тут же оживился. Купец рассказал ему:

— Даочжан, вы поистине необычайно прозорливы! Моей жене вчера ночью действительно привиделся странный сон. Она увидела маленького ребёнка, который с ней играл и называл её мамой. Посреди ночи она почувствовала, будто что-то толкнулось в её живот, и сразу же проснулась. Да ещё с радостью поведала мне, что это, наверное, дитя в её утробе не может дожидаться встречи с родителями, поэтому приходило повидаться во сне. Я тогда даже посмеялся над ней!

Се Лянь мгновенно определил:

— Проблема именно в этом ребёнке! — затем, помолчав, добавил:

— Сколько примерно лет ему было? Как он выглядел? Этого ваша супруга не сказала?

Купец в испуге покрылся холодным потом:

— Боюсь, она не запомнила. Тогда она сказала мне, что не знает точно, сколько ему лет, но ей он показался совсем маленьким, а когда попросился на руки, оказался очень лёгким.

Призадумавшись, Се Лянь продолжил:

— Я спрошу у вас ещё кое-что, и вы непременно должны ответить правдиво, иначе мы так и не доберёмся до сути. Первое. Существует ли в вашем доме соперничество между жёнами и наложницами? Второе. Ваша нынешняя супруга когда-нибудь избавлялась от плода?

Первый вопрос принц задал, чтобы подтвердить или опровергнуть возможность насланного проклятия по причине соперничества или ревности. Ведь если женщина, круглый год томящаяся в глубинах внутренних покоев, взревнует мужчину, она способна вытворить всё что угодно; второй вопрос интересовал принца потому, что если женщина когда-то, без разумной на то причины, избавилась от ребёнка, в её теле могла сохраниться его остаточная затаённая злоба, которая не позволила бы новому ребёнку спокойно родиться.

Се Лянь ещё неоднократно задавал мужчине вопросы, чтобы удостовериться, и тот отвечал, не увиливая, причём каждое предположение принца оказалось верно. В имении купца не только проживало несколько наложниц, которые целыми днями переругивались между собой, он ещё и завёл любовницу на стороне, которая только и ждала, что он внесёт её в дом в паланкине, как супругу.

После опрошенные служанки госпожи также признались, что сначала она являлась лишь наложницей и, забеременев однажды, поверила знахарю, который определил, что плод — женского пола. Но ведь для того, чтобы подняться до статуса жены, женщине необходимо было родить сына, поэтому она выпила снадобье, тем самым избавившись от ребёнка. Се Лянь, выслушав всех, почувствовал, что его голова вот-вот опухнет.

Охваченный тревогой купец спросил:

— Даочжан, неужели это неродившаяся девочка пришла отомстить?

— Вполне возможно, однако нельзя быть уверенными до конца. Ведь ваша супруга не сообщила ни возраста ребёнка из сна, ни его пола.

— Но... но даочжан, если сгусток чёрной Ци забрался в утробу моей жены только вчера ночью, то... куда же подевался мой собственный сын?

— Возможно, он был съеден.

Купец в ужасе содрогнулся:

— С-съеден?!

Се Лянь кивнул. Мужчина спросил:

— Но, даочжан, что же теперь делать? У меня есть вторая жена, и она тоже беременна, а вдруг этот демон явится вновь, как нам быть?!

Выходит, в доме ещё одна женщина ждёт ребёнка!

Се Лянь поднял руку:

— Успокойтесь немного, я хотел бы ещё кое-что узнать. Ваша жена не упоминала, где именно во сне повстречала дитя?

— Она описала место довольно пространно, сказала только, что находилась в просторной комнате, но большего наверняка не вспомнит. Это ведь только сон, кто может припомнить всё в мельчайших подробностях? — Скорбно стиснув зубы, он добавил: — Мне... мне

ведь уже за сорок, и вот наконец дождался сына... Но какое несчастье меня постигло! Даочжан, вы уже убили этого монстра? Не дайте ему снова навредить моей семье!

— Не стоит впадать в панику, не стоит. Я сделаю всё, что в моих силах.

Купец радостно потёр ладони:

— Прекрасно, прекрасно. Что вам для этого понадобится, даочжан? За вознаграждением дело не станет!

Се Лянь однако ответил:

— В вознаграждении нет нужды. Но вам придётся оказать мне помощь вот в чём. Во-первых, возьмите на себя хлопоты отыскать для меня комплект повседневного женского одеяния, достаточно широкого покроя, чтобы его мог надеть мужчина. Также, боюсь, мне понадобится прядь волос вашей второй жены для сотворения магического обряда.

Купец приказал слугам:

— Записывайте, записывайте!

Се Лянь продолжил:

— Во-вторых, всё-таки попрошу вас распорядиться, чтобы беременная женщина переехала ночевать в другую комнату. И в какой бы момент времени и где бы она ни находилась, если услышит голос маленького ребёнка, который назовёт её «мамой», накажите, чтобы не отвечала. Ни в коем случае! Лучше всего даже рта не открывать. Я прекрасно понимаю, во сне человек никогда не знает, что он спит, и сознание его затуманено, но если вы множество раз повторите нужную фразу ей на ухо, ваши слова крепко засядут в её голове, и возможно, это подействует.

Купец пообещал, что всё исполнит, тогда Се Лянь добавил:

— В-третьих, я покинул монастырь вместе с двумя мальчиками, поэтому придётся мне поручить вам пока присмотреть за ними и как следует их накормить.

— Совершеннейший пустяк! По вашему велению я готов принять у себя не то что двоих, а целую сотню мальчишек!

Наконец, осталось самое главное.

— В-четвёртых, — Се Лянь вынул из рукава талисман из монастыря Водных каштанов, протянул обеими руками мужчине и со всей серьёзностью сказал: — Прошу вас повесить этот талисман перед

собой и громко произнести: «Прошу защиты и покровительства у Его Высочества наследного принца!» Таким образом помощь вам будет записана на счёт моего монастыря^[183].

Ночью Се Лянь вновь нарядился в женские одеяния.

Переодевание в женщину уже почти стало для него привычным делом, но всё же беременную приходилось изображать впервые. Принц потратил не более четверти часа, чтобы сделать причёску и макияж, сидя перед зеркалом, а последним штрихом стала подушка, которую он зачихнул под платье, чтобы симитировать живот. Туда же Се Лянь спрятал прядь волос, которую ему принесли от второй жены купца. Затем улёгся на кровать, привёл сознание в состояние равновесия и покоя, замедлил дыхание и вскоре, охваченный дрёмой, погрузился в сон.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда Се Лянь плавно открыл глаза и увидел перед собой уже не комнату второй жены купца, а роскошные покои.

Первым делом принц проверил, при нём ли Фансинь, и лишь нашарив меч, значительно успокоился. Всё-таки Фансинь являлся магическим оружием, крепко связанным с владельцем. Се Лянь медленно поднялся с кровати и вдруг ощутил под ладонью что-то липкое. Поднеся руку к лицу, принц убедился, что кровать, на которой он лежит, запачкана пугающими кровавыми пятнами, растекающимися по постели ещё не высохшими широкими лужами, поэтому и одеяния принца теперь наполовину окрасились в жутковатый багрянец.

Се Лянь, несколько не удивившись, спустился с кровати и прошёл несколько шагов, но вдруг почувствовал, что у него что-то выпало. Опустив взгляд, принц увидел на полу подушку, поспешно подобрал деталь образа и снова зачихнул обратно. Но стоило сделать ещё два шага, и живот вывалился снова, так что Се Ляню пришлось поддержать его руками, после чего он наконец смог осмотреться.

С малых лет Се Лянь воспитывался в императорском дворце, поэтому и его вкус, и слух невольно попали под влияние окружающей обстановки. Насчёт восприятия прекрасного принц имел собственное

мнение. И на его взгляд, небольшой флигель, в котором он очутился, хоть и выглядел довольно роскошно, всё же полнился слишком сильной женской энергетикой, что позволяло предположить, что принц находится в питейном или же ином увеселительном заведении. К тому же, по сравнению с современными постройками, стиль и убранство флигеля отличались уклоном в древность. Похоже, его выстроили несколько сотен лет назад. Принц так и не смог понять, что же это за место.

Таким образом, вероятность того, что в случившемся виновен дух нерождённой девочки, от которой избавилась жена купца, значительно снижалась. Поскольку иллюзия, которую сотворяет нечисть, основывается на её собственном сознании, и вполне очевидно, что подобные столетние хоромы могли существовать только в памяти такой же столетней нечисти. Се Лянь обошёл флигель, но не обнаружил ни следа пребывания кого-либо ещё, поэтому вернулся в комнату, где оказался с самого начала.

Спальня принадлежала женщине — среди убранства оказался столик для наведения красоты. Ящики в нём выдвигались, и внутри обнаружили детские вещи, а также игрушки, погремушки-барабанчики и тому подобное. Всё указывало на то, что женщина, проживавшая здесь, относилась к «ребёнку» с трепетной любовью.

Продолжив перебирать вещи в ящиках, Се Лянь вдруг удивлённо замер. Среди стопки детской одежды лежал защитный талисман. И он принадлежал наследному принцу Сяньлэ!

Чрезвычайно изумлённый, Се Лянь, разумеется, неоднократно проверил находку, но всё же удостоверился, что не ошибся — защитный талисман действительно принадлежал его храму. К тому же, вовсе не походил на простенькие талисманы, которые он теперь изготавливал сам — ходил на гору собирать ароматные травы, своими руками плёл основу, затем на ней собственноручно делал надпись о назначении талисмана и даже покупал красную нить, чтобы повязать сверху. Найденный талисман относился к тем, что восемьсот лет назад, во времена самого расцвета величия наследного принца Сяньлэ, распространялись по всему государству, и почти каждый житель имел у себя по меньшей мере один такой. Изготавливались они из лучшего материала, украшались искуснейшими узорами, и не возникало

никаких сомнений ни в том, освящён ли талисман, ни в том, где именно.

Неужели хозяйка комнаты когда-то являлась одной из его последовательниц?

В тот же миг посреди мёртвой тишины Се Лянь услышал звонкое хихиканье.

Совершенно внезапный детский смех разлился по воздуху, не давая понять, откуда именно звучал. Се Лянь несколько не переменялся в лице, только задумался: «Этот смех кажется немного знакомым, будто бы мне приходилось где-то слышать его раньше. Но где же?»

Внезапно в его памяти заиграла детская песенка: «Алый паланкин бежит, в нём невестушка сидит».

«Под покровом слезы льёт, и улыбка не мелькнёт...»

Гора Юйцзюнь, разукрашенный паланкин. Тогда он и услышал голос духа ребёнка!

Когда к Се Ляню пришло осознание, детский смех тоже внезапно оборвался. Принц молниеносно обернулся, но не увидел ни следа постороннего присутствия.

После инцидента на горе Юйцзюнь Се Лянь расспрашивал сеть духовного общения о духе ребёнка, но тогда все небожители сказали ему, что не обнаружили ничего подобного во время обыска местности, и детский голос слышал только он один. Но теперь принц снова повстречался с духом. Случайность ли это? Или, может быть, кем-то подстроено?

Дух ребёнка перестал смеяться, зато заговорил:

— Мама.

Голос, который произнёс «мама», прозвучал совсем близко, но принц никак не мог понять, откуда именно. Замолчав, задержав дыхание и сосредоточившись, Се Лянь внимательно прислушался.

Спустя долгое молчание голос раздался снова:

— Мама. Возьми меня на ручки.

На этот раз Се Лянь наконец обнаружил... что голос звучит прямо из его живота!

Он до сих пор придерживал рукой живот, и заметил лишь теперь, что в какой-то момент подушка под платьем потяжелела. Принц ударил по подушке раскрытой ладонью, и вместе с громким хлопком из-под

юбок что-то выкатилось. Се Лянь увидел существо, смутно напоминающее мертвенно-бледное тельце младенца. Оно выплюнуло изо рта какой-то комок и кубарем откатилось в темноту, исчезнув в мгновение ока. Се Лянь подбежал к месту, где только что лежало существо, и увидел, что оно извергло несколько комков ваты и клок чёрных волос. По всей видимости, отвлекающий трюк, придуманный принцем, всё-таки сработал. Демонёнок намеревался сожрать «ребёнка» Се Ляня, так же как сожрал дитя из утробы предыдущей жертвы, но подавился ватой из подушки, которую принц пристроил на манер живота. Почти сразу Се Лянь снова услышал, как тварь пронзительно заверещала:

— Мама!

Но как бы оно ни старалось, как бы ни визжало, Се Лянь оставался хладнокровен, даже рта не раскрывал. Поскольку дух ребёнка не имел определённой формы, принц пришёл к выводу, что это нерождённый плод, комната же являлась местом, где когда-то жила его мать, а может, и он вместе с ней. Если бы ребёнок умер в возрасте хотя бы нескольких лет, то и своим жертвам дух его являлся бы в том же виде, но в большинстве случаев он принимал вид сгустка чёрного дыма или же размытой белой фигуры. Всё говорило о том, что он и сам не уверен, как должен выглядеть. Вдобавок одежду, что хранилась в ящиках, очевидно, ни разу не надели на ребёнка, а прибавив к этому жуткие пятна крови на кровати, Се Лянь заключил, что у хозяйки комнаты случился выкидыш, тогда как ещё не родившееся дитя уже обрело форму и заимело крохи собственного сознания. Обернувшись духом, нерождённый желал вернуться в чрево матери. Таким образом и пострадала жена купца.

Явившись женщине во сне, дух принялся кричать «мама», и женщина сделала то, чего ни в коем случае делать нельзя — открыла рот и ответила ему. Надо сказать, что связь между «матерью» и «ребёнком» отличается от иных связей, поэтому ответ в данном случае является «разрешением» творить всё, что захочется.

Открыв же рот повторно, женщина дала тёмной твари возможность вторгнуться в её тело — демонёнок проскользнул в её утробу, сожрал плод, который там уже находился, и сам занял его место^[184].

Се Лянь являлся мужчиной и не мог сказать наверняка, не проникнет ли дух точно так же и в его живот, если открыть рот. Но на всякий случай всё-таки решил не рисковать.

Вот так, плотно сжимая губы, принц с Фансином в руке принялся повсюду искать младенца. В отношении любых опасностей Се Лянь всегда обладал обострённой интуицией, натренированной и отточенной в бесчисленных сражениях, поэтому ему не приходилось даже всматриваться в темноту — принц мог ткнуть мечом в предполагаемое место, где спряталась тварь, и с огромной вероятностью пронзить её первым же ударом. Конечно, сейчас они находились внутри иллюзии, созданной духом, поэтому вред, который ему мог нанести Се Лянь, в разы уменьшался, но всё-таки принцу удалось попасть в цель несколько раз, а значит духу явно пришлось тяжело. Так прошло некоторое время, пока Се Лянь неожиданно не ощутил в ступне колющую боль, будто наступил на что-то чрезвычайно острое, и на мгновение замедлился.

Поняв, что противник попался, дух, кажется, коварно усмехнулся, и хотя его усмешка звенела детскими нотками, от ребёнка подобный звук ожидалось услышать меньше всего. Напротив, скорее это походило на взрослого злодея, и от столь разительного контраста волосы шевелились на голове. Однако на лице Се Ляня и мускул не дрогнул. Не останавливаясь, он занёс меч и сделал ещё выпад. Снова точно в цель!

Дух болезненно ойкнул. Вдоволь натерпевшись от принца, он бросился наутёк и спрятался где-то далеко, так что у Се Ляня наконец появилась минутка, чтобы осмотреть подошву сапога. Оказалось, что он наступил на торчащую из пола иглу, которую наверняка специально оставил зловредный дух. Видимо, в самом деле надеялся, что Се Лянь вскрикнет от боли. Однако просчитался — принц умел терпеть боль как никто другой: в случае необходимости он бы не проронил ни звука, даже зажатый в капкан на громадного зверя, не говоря уже об иголке в ноге.

Тонкая игла вошла довольно глубоко, и Се Лянь хотел было первым делом вынуть её, однако побоялся, что дух, потерпев поражение, разгневается и попытается сбежать от него, чтобы навредить другим людям. Поэтому так и покинул комнату, наступая на иголку. Вскоре боль перестала ощущаться, и принц практически летел

за беглецом. Однако, поискав внутри дома, не обнаружил ни следа духа и в недоумении подумал: «Неужели он испугался?» Размышления Се Ляня прервали оконные ставни неподалёку, открывшиеся сами по себе.

Принц немедленно подбежал к ним, выглянул наружу и оторопел. За окном не оказалось ни улицы, ни горного пейзажа, ни прохожих. Только глубокий пруд, кажущийся бездонным.

А на другом берегу пруда стоял дом, в одном из окон которого принц увидел сидящих за столом детей — Лан Ина и Гуцзы. Они торопливо поедали яства, от которых ломился стол.

Но только мальчики совершенно не замечали, что прямо над ними кружится в воздухе густой чёрный туман, издающий весёлый детский смех и звонко выкрикивающий:

— Мама! Мама!

Сердце Се Ляня резко сжалось, он схватился руками за переплёт, против своей воли едва не выкрикнув предостережение детям. Однако вспомнив, что рот открывать нельзя, насилу сдержался.

Пусть они находились внутри иллюзии, принц не знал наверняка, мог ли дух затянуть в неё также и мальчишек. Если всё действительно так, любые раны, которые они получают здесь, перенесутся также и на их тела в реальности. Принц огляделся вокруг в надежде найти цветочную вазу, чтобы бросить её за окно и тем самым предостеречь детей, однако не обнаружил совершенно ничего подходящего. Стол и стулья никак не добросишь, а между двумя домами раскинулось целое озеро. Неужели придётся плыть?

Тем временем Гуцзы, видимо, притомившись за день, широко зевнул, и чёрный дым собрался сгустком, судя по всему, намереваясь проскользнуть в открытый рот ребёнка.

Детский организм значительно хуже защищён от нечистой силы, и вполне возможно, что духу удастся занять его тело даже без разрешения. У Се Ляня не осталось времени на неторопливые размышления и тем более на неторопливый заплыв по озеру. Приняв мгновенное решение, принц выкрикнул:

— Закрой рот! Бегите!

Стоило ему крикнуть, и дети в самом деле его услышали — тут же испуганно захлопнули рты и вскочили из-за стола. Чёрный сгусток над

ними внезапно исчез, а в следующий миг дымовой завесой рассеялся прямо перед лицом Се Ляня!

Принц закрыл рот сразу же, едва крикнув, однако тут же почувствовал, как внутрь проскользнула струйка холодного воздуха — чёрный дымок проник в живот, и внутренности мгновенно сковало льдом. Стиснув зубы, Се Лянь быстро разорвал несколько защитных талисманов, вынул изнутри ароматные травы и бумагу с магическими надписями, остервенело разжевал и проглотил. Очень скоро горло охватило зуд, и чёрный дым снова как ошпаренный вырвался наружу, исторгнутый принцем!

Се Лянь прикрыл рот рукавом и зашёлся неистовым кашлем, так что выступили слёзы, при этом стремительно придумывая стратегию противостояния духу. Чёрный дым, покинув внутренности принца, всё так же плотно окутывал его от макушки до пояса, не желая отступить. Поэтому Се Лянь, опершись рукой о переплёт, прыгнул из окна прямо в озеро.

«Бултых» — Се Лянь погрузился глубоко под воду, задержал дыхание, скрестил ноги и сложил руки на груди, приняв позу для медитации, чтобы позволить телу медленно опуститься вниз в ледяной озёрной воде. Когда сердцебиение пришло в норму, он поднял взгляд вверх и смутно разглядел, что чёрный туман клубится над озером, накрывая собой всю его поверхность. Стоит принцу вынырнуть из воды — он непременно сделает резкий вдох, а стоит ему сделать вдох — он наверняка вдохнёт и дух нерождённого ребёнка, позволив тому поселиться в своём животе. Мужчина с огромным беременным животом... Картина, прямо скажем, несколько не улаждающая взор.

Но именно для того принц и спрыгнул в воду, чтобы выиграть немного времени на размышления. Вскоре Се Лянь придумал, как справиться с духом: «Ничего страшного, если я его проглочу, ведь следом нужно всего лишь проглотить Фансинь». Выступая с цирковыми номерами на улицах, он обучился и этому трюку. И хотя подобные действия довольно опасны, для принца это не столь существенно, ведь главное — изловить зловредного духа.

Приняв решение, принц расправил руки и поплыл. Неожиданно сверху послышался глухой всплеск, и перед глазами вспыхнуло что-то ослепительно-красное.

Весь обзор принцу струящимися волнами заслонили чёрные как вороново крыло волосы, а из-за плотного потока пузырей, образовавшихся вокруг, он больше ничего не мог разглядеть. Се Лянь заморгал и энергично замахал руками в попытке отогнать от себя бесчисленные шёлковые нити волос и хрустальные пузырьки воздуха, но следом ощутил, как его коснулась пара сильных рук. Одна крепко обняла за талию, другая пальцами схватила и приподняла за подбородок.

Ещё мгновение — и что-то мягкое и ледяное плотно прижалось к его губам.

В смятении ум, но сердце трепетное ясно, обратного не говори

Глаза Се Ляня моментально округлились.

Никогда в жизни никто не совершал по отношению к нему подобного поступка. Во-первых, никто бы не посмел, а во-вторых, никто бы и не смог. Но этот человек возник внезапно, подобно призрачному наваждению, и принц совершенно не успел сделать ничего, чтобы ему противостоять. Сперва Се Лянь впал в смятение и попытался резко оттолкнуть того, кто перед ним, но тут же хлебнул озёрной воды — изо рта с бульканьем вырвалась вереница пузырей, подобных нитям хрустальных бусин. Под водой же категорически нельзя допускать таких потерь. Поэтому незнакомец крепче обхватил его за талию и притянул к себе ещё ближе — теперь руки принца, которыми он в суматохе пытался оттолкнуть незнакомца, оказались надёжно заблокированы, прижатые к твёрдой груди, без возможности пошевелиться. Губы принца также надёжно захватили губы незнакомца, углубляя поцелуй, сквозь который постепенно проникло мягкое ледяное дыхание. Совершенно растерянный, застигнутый врасплох и вынужденный покориться, Се Лянь наконец смог разглядеть, кто перед ним. Это был Хуа Чэн.

В момент, когда пришло понимание, принц моментально прекратил сопротивление. В голове пронеслась череда беспорядочных и совсем несвоевременных мыслей, к примеру: «Так значит, это Хуа Чэн. Не удивительно, что он такой холодный». «Демонам ведь не нужно дышать, а он, кто бы мог подумать, передаёт мне воздух^[185]». «Но разве демоны могут погружаться под воду?»

В следующий миг Хуа Чэн неожиданно распахнул глаз.

Встретившись взглядом с чёрным глазом, оказавшимся в непосредственной близости, Се Лянь вновь будто окаменел и забился в воде, подобно неуклюжему селезню, который оглушел настолько, что по несчастливой случайности начал тонуть. Однако Хуа Чэн без особых усилий пресёк его барахтанья, подхватил за талию и быстро поплыл наверх. Очень скоро они рывком вынырнули на поверхность!

Вода была ледяной, воздух тоже сквозил прохладой, но Се Лянь в тот самый миг ощущал, что весь пылает, от макушки до пят. Оказавшись на поверхности, принц хотел было отстраниться, но чёрный дым всё ещё парил над озером, будто выслеживающий добычу хищник, а обнаружив, что кто-то показался снаружи, немедленно кинулся в атаку, преграждая пути к отступлению. Се Ляню удалось отпрыгнуть лишь на миг, но Хуа Чэн, прижав ладонь к его затылку, притянул принца обратно, и губы, расставшиеся совсем ненадолго, вновь тесно прижались друг к другу. Се Ляню казалось, что он вот-вот потеряет сознание, от поцелуя немели и горели губы. Если бы перед ним находился кто угодно другой, принц без лишних слов проткнул бы его мечом, но как нарочно, это оказался именно Хуа Чэн. И потому Се Лянь совершенно не представлял, что ему делать, от безвыходности у него едва не выступили слёзы. В тот момент взгляд принца скользнул мимо лица Хуа Чэна, увидев, как из озёрной глади рядом с ними вырвался рой бесчисленных серебристых бабочек!

С пронзительным свистом дождь из бабочек подобно плотному потоку стальной дроби выстрелил из воды. Их крылья, сияющие блеском, по остроте сравнимые с лезвиями, в пару мгновений так изранили дух нерождённого, что тот зашёлся визгом и рассеялся чёрным дымом во все стороны, пытаясь убежать. Однако бабочки боевым порядком рассредоточились по озеру, зажав беглеца в центре, и как бы он ни пытался пробиться через их строй, ничего не получалось. Хуа Чэн тем временем, даже не поднимая взгляда на происходящее над ними, снова прижал Се Ляня к себе и погрузился под воду. Спустя ещё некоторое время их губы наконец разомкнулись.

Стоило этому случиться, и изо рта Се Ляня снова вереницей хлынули пузыри, а Хуа Чэн выбросил в сторону руку, в которой оказались игральные кости. Даже в воде кости закружились на удивление быстро, подняв мощный водоворот, а затем застыли. После мужчины вновь вынырнули на поверхность.

На этот раз берег оказался совсем близко, и Хуа Чэн поплыл к нему вместе с Се Лянем. Где именно они оказались, неясно — на берегу сияли огни фонарей и слышались людские голоса, то ли далёкие, то ли близкие. Следом за ними вылетел в небо рой бабочек, сковавший сгусток чёрного дыма. Они тут же помчались к мерцающим на берегу огням, оставляя за собой лишь отголосок пронзительного крика духа ребёнка:

— Мама!..

Они добрались до берега и тяжело упали на землю лицом к лицу. Лишь теперь Се Лянь смог рассмотреть образ Хуа Чэна перед собой.

С их последней встречи прошло несколько дней, но Се Ляню показалось, что они не виделись уже очень давно. Каждый раз Хуа Чэн выглядел по-иному красиво и теперь, кажется, вновь повзрослел на пару лет. Его облик, и без того прекрасный, от блеска воды сделался ещё ослепительнее. Чрезвычайно чёрные волосы, чрезвычайная белизна кожи, чрезвычайно тонкая прядь волос возле правой щеки заплетена в косицу, в которую старательно вплетена красная нить. Се Лянь впервые заметил, что на линии роста волос у Хуа Чэна едва заметно выделяется «мыс красавицы»^[186], из-за которого черты лица визуально приобретают изящество, но при этом убийственная энергия от чёрной повязки на правом глазу разбавляет изящную красоту, приближая её к идеальному балансу.

Хуа Чэн хмурился, будто пытался сдержать внутри эмоции. Тихо отдышавшись, он заговорил, и голос его зазвучал заметно ниже обычного:

— Ваше Высочество, я...

С кончиков волос и всего тела Се Ляня каплями стекала вода. Его губы покраснелись и припухли, взгляд опустел, он довольно долго оставался неподвижен, а потом замямлил:

— Я... я... я... — Принц множество раз произнёс «я», а затем у него вдруг вырвалось совершенно внезапное: — Я что-то проголодался.

Хуа Чэн замер, услышав его слова.

Се Лянь, который ещё не оправился от потрясения, снова спутанно пробормотал:

— Нет. Я... я... я что-то притомился...

Он перевернулся, оказавшись к Хуа Чэну спиной, опёрся на руки и колени и начал медленно шарить по земле руками, будто бы в поисках чего-то.

Хуа Чэн за его спиной спросил:

— Что ты ищешь?

Се Лянь сам себе не отдавал отчёта в том, что не решается посмотреть на Хуа Чэна.

— Я ищу одну вещь. Я ищу свою шляпу. Где же моя шляпа? — сумбурно проговорил принц.

Окажись на месте Хуа Чэна сейчас кто-то другой, увидев подобную картину, он бы непременно в ужасе закричал: «Дело плохо, он повредился умом!» Но на самом деле Се Лянь всего лишь переволновался, никогда раньше ему не приходилось переживать ничего подобного, поэтому принц ненадолго потерял над собой контроль. Перебирая руками и ногами, Се Лянь на несколько шагов отполз от Хуа Чэна, всё также спиной к нему, при этом бормоча:

— Я... никак не найду её. Мне нужно идти. Мне нужно вернуться домой поесть... мне нужно собирать мусор...

Хуа Чэн произнёс:

— Прости.

Ощувив, что голос за спиной приблизился, Се Лянь моментально подскочил и воскликнул:

— Я должен идти!

Он закричал так, будто бы звал на помощь.

Хуа Чэн возразил:

— Нет!

Се Лянь второпях вознамерился убежать, но не сделал и нескольких шагов, как поскользнулся и вновь повалился на землю. Обернувшись, он увидел за собой кровавый след. Игла, которая ранее вонзилась ему в ногу, теперь целиком вошла в ступню. Хуа Чэн одним движением ухватил принца за лодыжку:

— Что с тобой? — даже тон его голоса переменился.

Се Лянь поспешно выдернул ногу из захвата:

— Ничего, ничего, мне совсем не больно, пустяки!

В голосе Хуа Чэна послышались нотки гнева:

— Как тебе может быть не больно!

С такими словами он принялся за дело, собираясь стянуть с Се Ляня сапог, отчего тот перепугался настолько, что пополз прочь, на ходу выкрикивая:

— Нет, нет, нет. Не надо!

Принц пытался отползти, Хуа Чэн же не давал ему этого сделать, держа за ногу. Неразбериха между ними наконец привлекла внимание людей на берегу. Поднялся шум, толпа каких-то неказистых существ с воплями и завываниями окружила их, наперебой взвизгивая:

— Наглецы! Кто такие?! Не знаете, где находитесь? Жить надоело, захотели помереть ещё разок? Ма... матушки мои, да ведь это градоначальник!

Толпа демонов стройным хором выкрикнула:

— Приветствуем нашего уважаемого градоначальника!

Се Лянь в душе издал вопль ужаса и посетовал, что не может закрыть лицо обеими руками. Они оказались в Призрачном городе!

В толпе присутствовало немало существ, которых Се Лянь уже мельком видел в прошлый свой визит сюда, он даже разглядел среди остальных знакомую голову вепря. Промокших до нитки мужчин со всех сторон обступили всевозможные демоны, при этом Хуа Чэн всё ещё держал принца за лодыжку, не собираясь отпустить. Глубочайший эмоциональный удар, который несла эта картина, наконец заставил Се Ляня немного прийти в себя. К неожиданности принца, разглядев, что один из участников действия — Хуа Чэн, демоны пришли в ещё большее возбуждение и разразились криками:

— Градоначальник! Вы тут кого-то насилуете?! Не нужна ли помощь?! Мы можем её поддержать!

Хуа Чэн:

— Прочь!

И демоны второпях покатались прочь. Но даже несмотря на то, что теперь они наблюдали издалека, не решаясь подобраться ближе, Се Ляню всё равно очень хотелось сейчас потерять сознание и ничего не помнить, поскольку Хуа Чэн уже поднялся, затем наклонился и аккуратно подхватил принца на руки, спокойным шагом направившись в сторону города.

На Се Ляне до сих пор красовалось женское платье, и оставалось возблагодарить Небеса за то, что подушка уже давно выпала из-под юбок, иначе картина действительно могла бы стать ещё ужаснее.

Однако именно испытанный ужас заставил сознание принца окончательно проясниться. Он попытался вырваться из рук Хуа Чэна, но ничего не вышло, поэтому принц тихонько кашлянул.

— Сань Лан... прости. Только что я немного утратил самообладание. Мне так неловко перед тобой.

Случившееся в тот момент поистине стало для принца слишком серьёзным ударом. Пока назовём это «ударом», всё-таки подобное произошло с ним впервые. Однако имеются и другие причины, не только эта. Ведь за несколько сотен лет принцу приходилось не раз сталкиваться с очаровательными демоницами, которые пытались соблазнить его обнажёнными телами, но Се Лянь никогда ещё не выставлял себя таким посмешищем. Почему же теперь он вот так себя повёл? Оставалось лишь одно объяснение, которое смог выдумать принц — наверняка всё потому, что советник обучил его, как противостоять женским чарам, а вот как справиться с мужчинами, не рассказал. Поэтому принц, не имея ни малейшего опыта, оказался застигнут врасплох.

Воскресив в памяти свою реакцию от начала до конца, Се Лянь устыдился и почувствовал ужасное волнение, подумав: «Сань Лан ведь преследовал благие намерения, а я перепугался до безобразия. По отношению к тому, кто желал помочь, это явно не слишком вежливо».

Однако Хуа Чэн ответил ему:

— Ничего подобного, это мне не стоило действовать необдуманно. Я оскорбил гэгэ. Это Сань Лану стоит приносить тебе извинения, не наоборот.

Видя, что Хуа Чэн не принял близко к сердцу его реакцию, Се Лянь про себя с облегчением выдохнул, а вслух сказал:

— В тех обстоятельствах не оставалось иного выбора, ты ведь просто хотел помочь мне, не более. Ничего страшного в этом нет. Кстати, — тут он припомнил, чем, собственно занимался, — Сань Лан, почему ты вдруг появился там? И где дух нерождённого?

Хуа Чэн произнёс тоном, не терпящим возражений:

— Сначала нужно залечить рану.

За разговором они уже оказались возле роскошного здания. Се Лянь поднял взгляд и увидел надпись на табличке, которая гласила «Дом Блаженства».

Принца постигло крайнее потрясение, неужели сожжённый Дом Блаженства отстроили настолько быстро? Кроме того, без единого отличия от прежнего. Но всё-таки он, чувствуя себя виноватым, не решился спрашивать. Хуа Чэн внёс его внутрь на руках и усадил на кушетку из чёрного нефрита, затем опустился на одно колено, взялся за пораненную ногу Се Ляня и осмотрел маленькую дырочку на подошве, залитую кровью.

Подобная поза вселила в принца чрезвычайное беспокойство, он воскликнул:

— Так ведь не годится! — и захотел слезть с кушетки, однако Хуа Чэн вернул его обратно, не дав подняться, а затем уверенным и быстрым движением снял с ноги Се Ляня сапог вместе с носком.

Именно эту ногу Се Ляня сковывала проклятая канга, которая обручем глубокого чёрного цвета охватывала белую лодыжку, выделяясь непомерно ярким контрастом. Взгляд Хуа Чэна лишь на пару мгновений задержался на мягких линиях лодыжки принца, после чего он прижал ладонь к ранке на ступне и сказал:

— Возможно, немного поболит. Гэгэ, не нужно терпеть. Если будет больно, кричи.

Се Лянь:

— Я...

Но принц так и не успел закончить фразу — Хуа Чэн приложил усилие, и по ступне навверх взвилась резкая боль. Се Лянь невольно попытался отдернуть ногу.

Действия Хуа Чэна оставались предельно аккуратными, да и для принца какой-то укол не представлял ничего особенного, вот только по неизвестной причине перед Хуа Чэном он будто бы не мог скрыть, что чувствует боль. Возможно, всё из-за фразы, которую тот произнёс только что, и теперь, как бы сильно принц ни хотел сдержаться и не показывать эмоций, все попытки оказались тщетны. Ощувив, что Се Лянь дёрнулся, как бы пытаясь съёжиться, Хуа Чэн крепче сжал его лодыжку и тихо произнёс:

— Всё в порядке. Сейчас пройдёт. Не бойся.

Се Лянь покачал головой. Хуа Чэн принялся действовать ещё осторожнее и проявил невероятную скорость — когда он снова поднял руку, так, чтобы Се Лянь мог увидеть, в его пальцах уже блестела тонкая игла.

— Ну вот и всё, порядок.

Се Лянь пригляделся внимательнее и увидел, каким недобрым светом сверкает иголка. Хуа Чэн мягко сложил пальцы в щепоть и превратил её в струйку чёрной Ци, которую развеял по воздуху. Се Ляня эта картина заставила отложить пока все беспокойства в сторону и с серьёзным видом произнести:

— Какая тяжёлая тёмная Ци. Обычный дух нерождённого не может обладать столь мощными магическими силами.

Хуа Чэн поднялся и ответил:

— Да. Значит, этот дух наверняка умер непростой смертью.

Тем временем в зал вошёл мужчина с маской на лице. Склонив голову, он обеими руками протянул Хуа Чэну глиняный сосуд. Се Лянь невольно потянулся взглядом к запястью подручного, чтобы проверить наличие проклятой канги, однако на сей раз рукава одеяний мужчины прилегали слишком плотно, и ничего разглядеть не удалось. Хуа Чэн взял сосуд одной рукой, быстро оглядел и передал сидящему на чёрной кушетке Се Ляню. Принц издали услышал внутри приглушённый детский плач и заметил, как покачивается сосуд на руке Хуа Чэна, будто бы что-то пытается оттуда выбраться и в бешенстве бьётся о стенки. Казалось, малейшая неосторожность — и сосуд разобьётся, поэтому следовало быть начеку.

Но когда принц взял сосуд в руки и чуть приподнял край крышки, чтобы заглянуть внутрь, по его спине пробежал холодок.

Се Лянь увидел свернувшееся в комок существо, напоминающее заготовку для скульптуры младенца: руки и ноги у него уже обрисовались, однако пока бессильно висели, а голова и вовсе расплылась тёмным пятном. С виду он походил на какой-то уродливый внутренний орган.

Это его истинная форма!

Се Лянь сразу же захлопнул крышку:

— Вот оно что.

Ему доводилось слышать о случаях, когда некто разыскивал беременных женщин на небольшом сроке, живьём вырезал плод из их чрева и превращал нерождённое дитя в демона, чтобы совершать магические обряды для причинения вреда врагам или же собственной защиты, а также в качестве оберега, изгоняющего нечисть из дома. Выходит, дух — порождение именно такого тёмного ритуала. Также

велика вероятность, что его мать являлась последовательницей Се Ляня, иначе не стала бы хранить защитный талисман из храма наследного принца среди одежды будущего ребёнка.

Проведя некоторое время в молчании, Се Лянь произнёс:

— Сань Лан, раз духа изловил ты, не будешь ли возражать, если я ненадолго заберу его для расследования? Ранее я уже сталкивался с ним на горе Юйцзюнь, значит, это уже вторая наша встреча. Не уверен, совпадение это или между двумя событиями существует связь.

— Хочешь забрать, так забирай, к чему спрашивать. Всё же, не окажись я там, ты бы точно так же смог его поймать.

Се Лянь улыбнулся:

— Всё так, но ведь Сань Лану это удалось намного легче, чем пришлось бы мне.

Он сказал это без всякого умысла, однако в ответ услышал:

— Правда? И что же ты намеревался сделать, не появившись я вовремя? Позволить духу поселиться у себя в животе, а следом проглотить меч?

Хуа Чэн в точности угадал план принца.

На лице его при этом не отразилось ни намёка на недовольство, однако Се Ляню отчего-то показалось, что тот немного рассержен.

Интуиция подсказала принцу, что если ответить на вопрос неверно, Хуа Чэн разозлится ещё сильнее. Не зная, как справиться с возникшей проблемой, Се Лянь вдруг ощутил, как впал живот, и тут же неподконтрольно выпалил:

— Я что-то проголодался... — Слова уже прозвучали, когда Се Лянь вдруг осознал их смысл и в смущении не посмел даже взглянуть на выражение лица Хуа Чэна в тот момент. Пришлось честно объяснить: — На этот раз я в самом деле проголодался...

После недолгой паузы Хуа Чэн наконец прыснул со смеху.

А стоило ему рассмеяться, и с лица Се Ляня будто развеялась мгла, он испустил вздох облегчения. Хуа Чэн же, полусмеясь, полувздыхая, кивнул:

— Хорошо.

Сначала Хуа Чэн собирался остаться в Доме Блаженства и устроить пир, но Се Лянь, услышав слово «пир», счёл его слишком уж помпезным и сам предложил выйти прогуляться, а заодно найти местечко, где можно перекусить. Хуа Чэн ответил согласием.

В Доме Блаженства оказалось довольно тепло, поэтому промокшая насквозь одежда на них вскоре высохла. Однако Се Ляню всё же пришлось попросить у Хуа Чэна комплект чистых белых одеяний, поскольку женское платье на нём излишне привлекало внимание.

Переступив порог, они отделились на довольно приличное расстояние от Дома Блаженства, однако всё ещё продолжали слышать доносящийся из сосуда плач духа нерождённого, который то и дело звал «маму», проявляя паразитическое упорство. Но поскольку в Призрачном городе и без того повсюду раздавался вой и плач демонических созданий, крики духа ребёнка, что совсем не удивительно, вскоре потонули в этом гвалте.

На улицах Призрачного города по-прежнему стоял необыкновенный шум, по обеим сторонам теснились лавочки, в которых продавались местные особые закуски. Демоны неизменно оставались демонами, однако теперь Се Лянь заметил, как сильно поменялось их отношение к нему по сравнению с прошлым посещением Призрачного города. Хуа Чэн шёл рядом с ним, плечом к плечу, и весьма причудливого вида хозяева лавчонок все как один встречали их широкими улыбками и наперегонки приветственно кивали, едва не сгибаясь в три погибели. Се Ляню происходящее почему-то напомнило одну фразу: «Лиса пользуется могуществом тигра»^[187].

Помимо взоров, устремлённых на Хуа Чэна, бесчисленные глаза направили пылающие ещё более горячим интересом взгляды к Се Ляню, будто пытаясь разглядеть, угадать, что же это за личность, которой позволено ступать наравне с хозяином Призрачного города? Принц начал подозревать, что принял неверное решение, предложив прогуляться. Однако Хуа Чэн, постоянно находящийся среди бурлящего потока всевозможной нечистой силы, привычно относился к всеобщему вниманию, поэтому лишь спросил:

— Чего бы тебе хотелось отведать?

Се Лянь, наконец разглядев среди лавок одну, где подавали что-то не слишком экзотическое, подумал, что лучше решить проблему без лишних промедлений, и ответил:

— Пойдём туда.

— Это неподходящее место, — возразил Хуа Чэн.

— Почему? — удивился Се Лянь.

Хуа Чэн не ответил, лишь жестом пригласил принца заглянуть в лавку. Се Лянь последовал совету, и хозяин заведения, увидев посетителей, весь в предвкушении взволнованно потёр ладони, как будто только и ждал дорогих гостей, а затем принялся старательно протирать столы и стулья. Вот только для протирки поверхностей пользовался он исключительно... собственным языком.

Несмотря на то, что облизанная им посуда переливалась хрустальными каплями и сверкала чистотой, Се Лянь всё же решительно отверг собственное предложение и поскорее вышел прочь. Пройдя несколько шагов, он увидел ещё одну лавочку, на этот раз чистую и опрятную харчевню, где готовили куриный бульон. Вывеска у входа гласила: «Варим традиционный суп на медленном огне из местной домашней куры. Подаём только свежесваренное, чистоту гарантируем». Принц остановился.

— О, тут подают куриный суп. Может, закажем по чашке?

Хуа Чэн вновь ответил:

— Тоже не подходит.

Се Лянь не стал возражать, только спросил:

— Проблема в тарелках или в курице?

Хуа Чэн вместе с ним вошёл в лавку и приподнял шторку, отделяющую основное помещение от кухни, делая знак взглянуть. Се Лянь с любопытством просунул голову за шторку и вмиг лишился дара речи. Посреди кухни стоял большой котёл, под ним пылал огонь, над ним клубился пар, а в нём с большим удовольствием плескался и мылся рослый демон, на голове которого красовался красный петушиный гребень. У котла рядом теснилось множество вёдер, в содержимом которых угадывались соль, перец, пряные травы и другие приправы. Из зала раздался крик посетителя:

— Хозяин, добавь соли! Слишком пресно!

Не отрываясь от омовения в котле, демон схватил горсть соли из ведра и принялся натираться ею, затем потёр мочалкой спину, чтобы вкус был ещё ярче. А потом протяжно выкрикнул:

— Ку-ка-ре-ку!..

Се Лянь опустил шторку и молча вышел.

Они сделали большой круг по ночному городу, пока наконец не нашли харчевню с вывеской «Подлинные деликатесы мира людей».

Конечно, слово «подлинные» показалось Се Ляню требующим выяснения, ведь насколько ему известно, повара в мире смертных никогда не готовили шашлык из мяса крупных демонических зверей, на которых весьма сложно охотиться. Впрочем, в сравнении с другими, это заведение уже казалось ему верхом нормальности.

Они вдвоём уселись за стол, а толпа демонов, что следовала за ними уже довольно давно, немедля окружила их и принялась в высшей степени любезно предлагать различные закуски вдобавок к заказанным кушаньям.

— Градоначальник! Не желаете ли свежайшего окорока? Только завезли! — прогрохотал мясник-вепрь. На его плече болталась бледная человеческая нога, по которой он вдобавок звонко похлопывал.

Демоны обрушились на него:

— Прочь, прочь, прочь! Разве друг нашего градоначальника пожелает съесть подобное? Ты что, принял его за Лазурного демона? Да он скорее согласится отведать твоего окорока!

— А кровищей-то несёт! Смотри, как бы гостю не сделалось дурно!

Но вепрь в самом деле задрал собственное копыто:

— Если градоначальник и друг градоначальника того желают, я не пожалею своей ноги, отрежу, коли будет велено! Я вам вот что скажу, у меня окорок — что надо!

Се Лянь, пытаясь скрыть рвущийся наружу смех, опустил голову в чашку с отваром и принялся пить. Хуа Чэн и вовсе не удостоил шумящих вниманием, поэтому демоны направили всё своё пылкое гостеприимство на Се Ляня, наперебой выкрикивая:

— Местная особая закуска, сок, выжатый из мозгов! Отборные мозги оборотней высшего уровня, каждый провёл в совершенствовании не менее пятидесяти лет! Только понюхайте, какой аромат!

— Отличная утиная кровь, кря! Взгляните, кря! Только-только сам себе пустил, кря! Отведаете, кря?

— Плоды у нас в лавке — самые правильные могильные плоды. Те, что выросли не на телах покойников, мы даже не срываем. Не обманем ни ребёнка, ни старика...

Всевозможные яства подносились Се Ляню, так что у принца разбегались глаза, и он то и дело отвечал «спасибо». Ему было крайне

неудобно отказывать демонам, что приняли его столь радушно, но всё же некоторые закуски откровенно отталкивали своим видом. Совершенно растерявшийся принц перевёл взгляд на Хуа Чэна, который глядел на него, подперев щёку рукой и слегка посмеиваясь.

Се Лянь посмотрел по сторонам, тихо кашлянул и шёпотом сказал:

— Сань Лан...

Хуа Чэн наконец ответил:

— Гэгэ, не обращай на них внимания. Они так беснуются, потому что ты гость.

Кто-то из демонов немедля возразил:

— Градоначальник, ни в коем случае не возводите на нас напраслину! Ведь далеко не каждый вызывает у нас такое волнение. И если градоначальник нам отец родной^[188], то гэгэ градоначальника — наш старший дядюшка^[189]...

— Ага! Старший дядюшка изволил почтить нас своим визитом, как тут не бесноваться?!

Се Лянь, не зная, плакать или смеяться, подумал: «Что за ерунду они городят?».

Хуа Чэн тоже прикрикнул на демонов:

— Что за ерунду вы городите? Захлопнитесь!

Демоны тут же спохватились:

— Слушаемся! Градоначальник, вы совершенно правы. Мы уже захлопнулись. И он не старший дядюшка!

Как вдруг стайка хихикающих в сторонке демонесс, наконец не выдержав, быстро прощепетали:

— Ах! Это разве... не тот монах-заклинатель, который в прошлый раз сказал Лань Чан, что бессилён?

Се Лянь забрызгал стол отваром, прыснувшем изо рта.

Толпа демонов, будто обнаружила какой-то потрясший небеса секрет, буквально взорвалась:

— Ай-яй, мамочки мои! И правда!

— Это он, это он, точно он! Лан Чан тогда всему городу об этом растрепала!

Более-менее понятливые демоны тут же бросились затыкать рты болтунам, но Хуа Чэн наверняка всё расслышал. Се Лянь сразу поднял на него глаза и увидел, что тот, вздёрнув бровь, смотрит на него

взглядом, смысл которого сложно разгадать. Казалось, в данный момент он пытается понять, что означает слово «бессилен», произнесённое в отношении Се Ляня. В прошлый раз, когда принц бросил первую пришедшую на ум отговорку, чтобы отделаться от приставучей женщины, повстречавшейся ему на улицах Призрачного города, он спокойно воспринял насмешки, которыми осыпали его демоны. Но теперь, когда тот случай выплыл наружу при Хуа Чэне, ни о каком спокойствии не могло идти и речи, Се Лянь всем сердцем желал сейчас подавиться отваром и потерять сознание, тем самым избежав неловкого положения.

— Я...

Создавалось ощущение, что Хуа Чэн весьма терпеливо ждёт конца фразы. Но что принц мог сказать? С самым серьёзным видом пуститься в объяснения, что на самом деле вовсе не бессилён?

Всё, на что хватило Се Ляня, это добавить:

— Я наелся...

Он в самом деле наелся, и тут же поднялся из-за стола, чтобы поскорее покинуть харчевню. Толпа демонов за его спиной, придерживая блюда с местными закусками, в приготовление которых они вложили всё своё умение, заголосила:

— Ва... Ваше Превосходительство! Вы ничего больше не желаете?!

Хуа Чэн направился вдогонку за Се Лянем, по пути небрежно обернулся и снова повелел:

— Прочь!

И демоны второпях опять покатались прочь. Се Лянь какое-то время брёл, не разбирая дороги, и лишь убедившись, что демоны не последовали за ними, замедлил шаг, чтобы дождаться Хуа Чэна. Вскоре тот подошёл, заложив руки за спину, и совершенно серьёзно обратился к принцу:

— Я и не знал, что гэгэ страдает подобным недугом.

Се Лянь тут же выпалил:

— Нет! — затем беспомощно добавил: — Сань Лан...

— Хорошо. Сань Лан всё понимает. Больше я не затрону эту тему.

Он всем своим видом излучал послушание и понимание, однако, весьма очевидно, притворное.

Се Лянь произнёс:

— Ты совершенно не искренен...

Хуа Чэн рассмеялся:

— Я клянусь, на целом свете ты не найдёшь никого более искреннего, чем я.

Услышав знакомый ответ, Се Лянь тоже рассмеялся.

Затем вновь сделался серьёзным:

— Сань Лан, тебе известно, где находится храм Тысячи фонарей?

На уроке каллиграфии красные рукава привносят благоухание при свете ночи

На уроке каллиграфии красные рукава привносят благоухание^[190] при свете ночи

Принц смутно догадывался, каков будет ответ на его вопрос. Однако предположения совершенно не оправдались.

Помолчав, Хуа Чэн ответил:

— Прошу прощения.

Се Лянь озадаченно спросил:

— Что?

Он-то полагал, что если «храм Тысячи фонарей» — не какой-то розыгрыш, то наиболее подходящим кандидатом, связанным с этим храмом, является Хуа Чэн. И всё же, независимо от того, верны ли предположения принца, у Хуа Чэна не было причин просить у него прощения. Вместо ответа на свой вопрос Се Лянь получил пригласительный жест пройти куда-то, поэтому направился следом. Они прошли ещё немного, пока не повернули за угол, и тут взору Се Ляня открылся сияющий таинственным светом храм, в спокойном величии представший перед ними.

Принц невольно задержал дыхание.

Кругом царили переплетения иссиня-чёрного и киноварно-красного, как преобладающих цветов в архитектурном ансамбле Призрачных чертогов, однако в таком окружении великолепный храм, сияющий тысячами огней, ещё сильнее походил на островок царства бессмертных божеств.

Будто построенный из одного лишь света и ярких лучей, храм уместился в Призрачном городе, прямо посреди всевозможного демонического сброда, и подобный яркий контраст оставлял ещё более

сильное потрясение, первый же взгляд на строение отпечатывался глубоко в памяти нестираемым воспоминанием. Лишь спустя долгое время Се Лянь смог произнести:

— Это...

Они стояли напротив храма, взирая на него снизу вверх. Хуа Чэн, тоже слегка приподняв голову, произнёс:

— Несколько дней назад праздновали Середину осени, и я подумал, что гэгэ, наверное, примет участие в той нелепой игре, которую они устраивают каждый год, вот и выдумал такой способ. Просто хотел, чтобы гэгэ немного повеселился на пиру, разогнал тоску.

Принц не знал, что на это сказать.

Такой способ «разогнать тоску» неизбежно заставлял любого вытаращить глаза от удивления. Чтобы Се Лянь «немного повеселился», демон выстроил целый храм, да ещё запустил в небо три тысячи фонарей негасимого света!

Хуа Чэн чуть опустил голову, оправил рукава и прибавил:

— Вообще-то я не хотел, чтобы ты узнал о нём, поскольку я построил храм для гэгэ самовольно, да ещё в столь беспорядочном месте... Надеюсь, гэгэ не останется на меня в обиде.

Се Лянь в спешке замотал головой. Оказывается, Хуа Чэн посчитал, что таким образом добавит ему хлопот, и потому не хотел, чтобы принц узнал о храме. Се Лянь прямо-таки не находил слов. Но в подобных обстоятельствах благодарности прозвучали бы совершенно бессмысленно, поэтому принц немного привёл мысли в порядок, сделал глубокий вдох и занялся старательным созерцанием «храма Тысячи фонарей». Насладившись зрелищем, он повернулся к Хуа Чэну и произнёс:

— Храм поражает необыкновенной красотой и размахом, это истинный шедевр высокого мастерства, который не создашь за несколько дней. Сань Лан, ты ведь не мог возвести его недавно?

Хуа Чэн улыбнулся:

— Конечно, нет. Гэгэ, ты верно заметил. Это место построено довольно давно, только никак не выпадало случая, чтобы оно пригодилось. Поэтому я всё время прятал его от лишних взоров и никому не позволял заходить внутрь. Должен поблагодарить гэгэ за то, что храму наконец нашлось применение и он увидел свет.

Его слова заставили Се Ляня вздохнуть с облегчением.

Ведь если храм построен уже давно, просто ему не находилось применения, значит, первоначально у него существовало иное назначение, а теперь он лишь удачно подвернулся для свершения замысла. Иначе, если бы Хуа Чэн действительно построил целый храм специально для принца, тот пришёл бы в ещё большее беспокойство. Разумеется, памятуя о характере Хуа Чэна, он вполне мог поступить подобным образом исключительно ради веселья. И хотя Се Лянь снесало любопытство, для чего же Хуа Чэн когда-то выстроил подобное здание, как небо и земля разнящееся с Призрачным городом, принц всё-таки сдержал порыв. Задавать слишком много вопросов — не слишком хорошая привычка. Ведь кто знает, а вдруг когда-нибудь спросишь о том, о чём спрашивать не следует?

Хуа Чэн предложил:

— Хочешь войти посмотреть?

Се Лянь охотно согласился:

— Конечно.

И они плечом к плечу неторопливо вошли в храм, ступая по вымощенному нефритом полу. Оглядев убранство просторного светлого зала, принц, впрочем, не увидел ни статуи божества, ни подушек, на которых последователи могли бы преклонить колени. Хуа Чэн произнёс:

— Последние штрихи делались в спешке, многие недочёты ещё предстоит исправить, прошу гэгэ отнестись снисходительно.

Се Лянь расплылся в улыбке:

— Ничего подобного. Мне кажется, всё очень хорошо, даже замечательно. И прекрасно, что нет ни статуи, ни подушек для поклонения. Лучше всего, если их и впредь не будет. Но только... почему же нет даже таблички с названием?

Принц ни в коем случае не желал, чтобы его вопрос прозвучал как упрёк. Всё дело в том, что в храме даже на нескольких напольных нефритовых плитах, украшенных узорами трав и цветов, угадывались искусно выгравированные иероглифы «храм Тысячи фонарей», тогда как над главным входом место таблички с названием храма пустовало. Разумеется, спешка не могла послужить тому причиной, поэтому принцу и стало любопытно. Хуа Чэн с улыбкой ответил:

— Ничего не поделаешь. У меня здесь нет никого, кто мог бы изобразить табличку. Ты же видел эту толпу, найти среди них хоть

одного, умеющего читать, уже большая удача. Может, у гэгэ есть излюбленный мастер каллиграфии? Я приглашу его, чтобы написал для тебя табличку. Или же, как по мне, наилучший способ — если гэгэ сам её изобразит, чтобы повесить над входом. Было бы просто замечательно.

С такими словами он указал на стол для подношений в главном зале, сделанный из нефрита, широкий и длинный. На нём в положенном порядке разместились подношения и курильница для благовоний, а также предусматривалось место для письменных принадлежностей^[191], что придавало обстановке учёности и сдержанности.

Они подошли к столу, и Се Лянь предложил:

— Может быть, всё же лучше Сань Лан поможет мне изобразить табличку?

Хуа Чэн в ответ слегка округлил глаза, будто никак не ожидал услышать от принца подобного предложения:

— Я?

— Ага.

Хуа Чэн указал на себя:

— Ты правда хочешь, чтобы я написал?

Се Лянь, что-то заподозрив, спросил:

— Сань Лан, неужели для тебя это затруднительно?

Хуа Чэн приподнял бровь.

— Вовсе не затруднительно, только... — Видя, что Се Лянь ждёт его ответа, он завёл руки за спину и, будто смиряясь с неизбежным, произнёс: — Ладно. Но хочу предупредить, что из меня плохой каллиграф.

А вот это уже удивительно. Се Лянь поистине не мог представить, что Хуа Чэн хоть в чём-то плох, потому с улыбкой переспросил:

— О? В самом деле? Напишешь что-нибудь, чтобы я мог оценить?

Хуа Чэн повторил вопрос:

— Ты правда хочешь, чтобы я написал?

Се Лянь взял несколько листов белой бумаги, разложил на нефритовой столешнице и заботливо разгладил ладонью. Затем выбрал подходящую на его взгляд кисть из заячьей шерсти и вложил в руку Хуа Чэна:

— Прошу.

Увидев, что принц уже всё приготовил, Хуа Чэн произнёс:

— Ладно, так и быть. Но... только не смейся.

— Ну разумеется, — кивнул Се Лянь.

И вот Хуа Чэн взял кисть и со всей серьёзностью принялся за работу. Се Лянь наблюдал со стороны, но чем дольше смотрел, тем более непредсказуемые перемены происходили на его лице.

Он на самом деле всей душой хотел сдержаться, но так и не смог. Хуа Чэн, вырисовывая на бумаге мазню, напоминающую бессмысленные росчерки слепого сумасшедшего, как бы предостерегая, и при этом шутя, произнёс:

— Гэгэ.

Се Лянь немедленно принял серьёзный вид.

— Виноват.

Он и сам не хотел бы смеяться, но что поделать, ведь иероглифы, написанные Хуа Чэном, поистине вызывали неконтролируемый смех!!!

Самая безумная «дикая скоропись»^[192], которую приходилось когда-либо наблюдать Се Ляню, не шла ни в какое сравнение в дикости со стилем Хуа Чэна, который, кроме прочего, содержал в себе нотки дурного поветрия, бьющего прямо в лицо при одном взгляде на сей шедевр.

Окажись на месте Се Ляня истинные мастера каллиграфии, их бы так обдуло этим поветрием, что несчастные потеряли бы сознание и упали замертво, закатив глаза. Се Ляню пришлось очень долго всматриваться в написанное, чтобы наконец с огромным трудом разгадать его смысл. По нескольким каракулям, смутно напоминающим слова «море», «воды», «гора Ушань» и «облако», принц предположил, что Хуа Чэн написал стихотворные строки «Кто раз познал безбрежность моря, того иные воды уж не удивят. И никакие облака не назову я облаками, лишь те, что над горой Ушань парят»^[193].

Подумав о том, что Хуа Чэн, Князь Демонов, которого страшатся и небожители, и вся нечистая сила, предстал ему с подобным выражением лица за таким занятием как написание иероглифов, Се Лянь настолько сильно захотел рассмеяться, что в попытке сдержать смех ему судорогой свело мышцы живота. Он обеими руками взял работу кисти Хуа Чэна, которую тот завершил одним взмахом. Затем с усилием нацепил маску совершенного спокойствия и заключил:

— Хм. Весьма индивидуально. Самобытно. Присутствует «стиль».

Хуа Чэн положил кисть на подставку, сохраняя при этом подобающий вид, искоса взглянул на принца и с улыбкой спросил:

— Ты хотел сказать «безумие»^[194]?

Се Лянь притворился, что не расслышал, продолжая со всей серьёзностью оценивать произведение:

— На самом деле, написать красиво несложно, гораздо труднее натренировать собственный «стиль». Произведение, написанное красиво, но при этом однообразно — обыкновенная посредственность. Сань Лан избрал отличное направление, схожее со стилем школ великих мастеров, размах его велик... — фраза могла бы завершиться так: «настолько, что рухнут горы и войска обернутся в бегство». Но что поделать, выдумывать хвалебные речи — занятие тоже не из лёгких.

Хуа Чэн слушал принца, при этом всё выше поднимая бровь, затем с сомнением спросил:

— Серьёзно?

— Я когда-нибудь обманывал Сань Лана?

Хуа Чэн неторопливо возжёт несколько палочек благовоний в маленьком золочёном треножнике. По воздуху побежали струйки лёгкого дымка с ненавязчивым ароматом. Притворяясь безразличным, Хуа Чэн сказал:

— Я бы очень хотел научиться писать красиво. Но у меня нет подходящего наставника. Существуют ли какие-то секреты постижения искусства каллиграфии?

С этим вопросом он обратился по адресу. Се Лянь задумчиво произнёс:

— В общем-то, никаких секретов нет, всё дело лишь... — поразмыслив, принц всё-таки решил, что одними словами ничего не объяснить, поэтому приблизился к столу, сам взялся за кисть и рядом со стихотворением, написанным на бумаге Хуа Чэном, единым порывом изобразил две конечные строки. Затем всмотрелся в них на мгновение и, улыбаясь, вздохнул:

— К своему стыду, должен признать, что у меня многие годы не было возможности практиковаться в каллиграфии, и теперь мой навык совсем не тот, что прежде.

Хуа Чэн внимательно взгляделся в четыре строки стихотворения, две половины которого разительно отличались стилем написания. Особенно надолго его взгляд задержался на строках, добавленных Се Лянем:

«Пройду сквозь заросли других цветов, не обернувшись, не интересна мне их красота. Подмогой в том мне твёрдость духа лишь наполовину, а остальное — ты, любовь моя».

Он всё смотрел и смотрел на получившееся стихотворение, перечитывая его вновь и вновь, будто бы не в силах оторваться.

Затем наконец перевёл взгляд на принца:

— Изволишь обучить меня?

— Не осмелюсь взять на себя роль наставника^[195].

Так принц разъяснил Хуа Чэну основы базовых каллиграфических техник, а затем без утайки поведал о своих измышлениях во время обучения искусству каллиграфии в юности.

В воздухе разливался аромат струящегося дымка благовоний, мягко мерцали свечи, Се Лянь добросовестно вещал, а Хуа Чэн внимательно слушал. В просторном зале их неторопливая беседа звучала тихо и мягко, создавая такую же атмосферу вокруг.

Спустя некоторое время Се Лянь спросил:

— Попробуешь ещё раз?

Хуа Чэн согласно кивнул и взял кисть, затем старательно, по крайней мере, так казалось, написал несколько иероглифов. Се Лянь стоял рядом и наблюдал за процессом. Скрестив руки на груди и чуть склонив голову, он ответил:

— Уже немного интереснее. Только...

Только манера письма Хуа Чэна всё время казалась ему немного странной, но принц никак не мог понять, в чём дело. Он пару мгновений хмурился, затем вдруг заметил, что же именно не так. Хуа Чэн совершенно неправильно держал кисть.

Если держать кисть как попало, манера письма, разумеется, будет неверной!

Се Лянь, желая не то улыбнуться, не то расстроиться, подошёл ближе, без лишних раздумий протянул руку и исправил положение ладони Хуа Чэна:

— Ты неправильно держишь кисть, вот как надо...

Но уже в процессе исправления принц почувствовал, что совершает что-то не слишком подходящее. Они ведь не были взрослым наставником и юным учеником, и подобный жест, когда один направлял ладонь другого своей, неизбежно казался излишне интимным. Но раз уж принц уже приступил к делу, то явно не мог внезапно убрать ладонь, ведь подобная реакция стала бы, напротив, слишком нарочитой. Поэтому, мгновение поколебавшись, Се Лянь всё-таки не отступил. Ведь если вспомнить, в тот раз в Призрачном игорном доме Хуа Чэн точно так же обучал принца бросать кости, положив ладони поверх его рук. И хотя Се Ляню казалось, что тогда он так ничему и не научился, а впоследствии его даже посетило смутное ощущение, что его просто обвели вокруг пальца, сейчас принц совершенно искренне пытался обучить Хуа Чэна. Поэтому мягко прикоснулся тёплой ладонью к ледяной руке, чуть сжал пальцы и принялся танцевать по бумаге, управляя движениями кисти.

— Вот так... — тихо произнёс он.

Се Лянь почувствовал, что кисть в руках Хуа Чэна вновь начинает бесноваться, поэтому приложил небольшое усилие, чтобы исправить положение. Однако не прошло и пары мгновений, когда дикий нрав вновь вырвался наружу, не подчиняясь контролю, и тогда принцу пришлось сжать ладонь ещё сильнее. Получившиеся в результате их совместного творчества иероглифы вышли кривыми и косыми, больно взглянуть. И чем дальше, тем сильнее Се Лянь чувствовал подвох. Не выдержав, принц пробормотал:

— Что...

Хуа Чэн издал тихий смешок, будто ознаменовав, что шалость удалась. Бумага была исписана беспорядочными кривыми линиями^[196]. Се Лянь беспомощно произнёс:

— Сань Лан... не надо так. Учись как следует и пиши старательно.

Хуа Чэн коротко хмыкнул в ответ.

С первого взгляда угадывалось его ложное старание. Се Лянь покачал головой, поистине не зная, что сказать.

Рука Хуа Чэна была холодной, но Се Ляню почему-то казалось, что он прикасается к раскалённому железу. Принц больше не осмелился прикладывать силу. В следующий миг взгляд Се Ляня нечаянно скользнул по краю стола, отчего тут же застыл.

В самом углу на нефритовой поверхности принц увидел одинокий маленький цветок.

Хитроумный план похищения нерождённого духа

Се Лянь на мгновение замер. С давних воспоминаний, подобных запылённой картине, будто чуть смахнули пыль, но всё же отчётливо разглядеть их по-прежнему не удавалось. Принц отпустил ладонь Хуа Чэна, взял в руку цветок и погрузился в задумчивое молчание. Хуа Чэн тоже положил кисть и спросил, неторопливо растирая тушь на дощечке:

— Что-то не так?

Се Лянь, помолчав, улыбнулся:

— Нет, ничего. Просто такие цветы мне всегда очень нравились, их аромат так освежает.

В храмах божествам нередко подносили цветы, но обыкновенно для подобных целей избирали целые букеты, поражающие разноцветием, либо изготавливали из бумаги бутоны, что не завянут вовек.

Се Лянь спросил:

— Неужели «Собиратель цветов под кровавым дождём» получил своё прозвище именно из-за такого цветка?

Хуа Чэн улыбнулся:

— Гэгэ поистине обладает божественной проницательностью.

Так, смеясь и беседуя, они наконец совместными усилиями завершили каллиграфическое произведение, всё те же четыре стихотворные строки. Хуа Чэн взял получившуюся работу в руки, полюбовался немного, и, кажется, остался весьма удовлетворён:

— Хм, неплохо. Оформлю в свиток.

Услышав от него «неплохо», Се Лянь тихонько подавился. И потом ещё раз после фразы «оформлю в свиток».

— Неужели ты правда намереваешься повесить это на стену?

Если бы покинувшие этот мир учителя Се Ляня увидели подобную картину, к которой принц приложил руку, наверное, от гнева превратились бы в ходячих мертвецов.

Хуа Чэн, однако, с улыбкой ответил:

— Нет. Я сохраню его лично для себя и никому не позволю смотреть.

Внезапно до них донеслись крики, раздавшиеся вдали снаружи:

— Пожар!

— Пожар!

— Дом Блаженства горит!

В храме Тысячи фонарей царила звенящая тишина, да к тому же оба, и Хуа Чэн, и Се Лянь, могли похвастаться слухом, превосходящим простых смертных. Они быстро переглянулись, и у Се Ляня вырвалось:

— Опять Дом Блаженства?

Уже после принцу показалось, что «опять» из его уст прозвучало несколько комично. Хуа Чэн без суеты и спешки свернул бумагу с каллиграфией и произнёс:

— Не стоит беспокоиться. Гэгэ, посиди пока здесь, а я скоро вернусь.

Но как же Се Лянь мог усидеть?

— Я пойду с тобой!

И принц второпях последовал за Хуа Чэном, про себя сокрушаясь: ну почему каждый его визит в Призрачный город знаменуется пожаром в Доме Блаженства? Вновь подтвердилась его слава злого духа, приносящего несчастья. И хотя на этот раз Се Лянь ни при чём, он уже по привычке стал испытывать угрызения совести. Когда они

прибыли к Дому Блаженства, всю улицу перед зданием заполняли клубы дыма, а мелкие демоны и оборотни шумно носились туда-сюда с ведрами воды, заливая огонь. Увидев Хуа Чэна и Се Ляня, они завопили:

— Градоначальник! Вам не стоит беспокоиться! Пожар небольшой, уже почти всё потушили!

Хуа Чэн остался бесстрашен, Се Лянь же с облегчением выдохнул и мягко произнёс:

— Просто замечательно! Огромное вам спасибо за труды.

Даже простая благодарность стала бы для демонов неожиданностью, а услышав её от самого друга градоначальника, они тут же возрадовались и заголосили:

— Какие же это труды! Так, мелкие хлопоты!

— Это наш долг!

Тут Се Ляню показалось, что ему всё же не следовало благодарить демонов, ведь спасённые от пожара владения принадлежат вовсе не ему. Но раз Хуа Чэн сам не проронил ни слова, должно быть, ничего плохого принц не совершил, поэтому, устыдившись лишь про себя, больше не возвращался к этим мыслям.

Они вошли в Дом Блаженства и осмотрели очаг пожара, которым, как и ожидалось, оказалась небольшая комнатка, расположенная в неприметном уголке. Не удивительно, что пожар так быстро потушили.

Однако Се Лянь лишь сильнее насторожился и сказал:

— Поджигатель — не из невежд, бесстрашных настолько, чтобы творить подобное ради злой шутки. Но и по-настоящему сжигать что-либо он не собирался. Более вероятно, что таким образом отвлекли наше внимание, чтобы переключить его с чего-то другого.

Но от чего же именно их отвлекали в такой момент?

Как вдруг Се Ляня осенило:

— Дух нерождённого!

Когда они покинули Дом Блаженства и отошли довольно далеко, дух всё не переставал хныкать, да ещё плакал так пронзительно и время от времени звал «маму». Но теперь эти звуки стихли!

Они вновь вернулись в одну из пристроек снаружи главного зала Дома Блаженства. Сосуд с запечатанным в нём духом всё ещё находился на столике, где не глядя оставил его Хуа Чэн, выходя за

порог. Но когда Се Лянь подошёл и взял сосуд в руки, то заметил, что вес изменился — ёмкость стала слишком лёгкой. А когда поднял крышку и заглянул внутрь, то убедился — внутри оказалось совершенно пусто!

Запертая в нём нечисть ни за что не смогла бы изнутри сломать печать. Се Лянь тут же заключил:

— Духа кто-то выпустил.

Хуа Чэн, однако, не выказал ни тени тревоги:

— Его выкрали. Этой твари досталось от моих бабочек, с такими ранами дух не смог бы сбежать сам.

— В таком случае, всё намного проще. Сань Лан, в Доме Блаженства есть охрана, которая следит за всеми, кто входит и выходит? Возможно, они помогут нам отыскать подозрительного посетителя?

— Нет.

— Нет? — моргнул Се Лянь.

— Ага. И никогда не было.

Вот почему в тот раз, когда принц незаметно пробрался в Дом Блаженства, он не встретил ни одного охранника. Се Лянь даже решил, что его не обнаружили, потому что он отлично затаился, но оказалось, что охраны в самом деле не существует. Принц на миг застыл.

— Ты настолько спокоен за безопасность Дома Блаженства?

— Гэгэ, ты не обращал внимания на двери в Доме Блаженства?

Поразмыслив, Се Лянь ответил:

— Нет, не обращал. Неужели в них заключается какая-то особенность?

— Именно. — Он указал на вход, ведущий в пристройку: — Если кто-то, кроме хозяина, без разрешения последнего, вознамерится вывести кого-то отсюда или унести что-либо, ему не принадлежащее, пусть даже самую мелкую вещицу, он не сможет открыть дверь и окажется в ловушке.

Се Лянь припомнил, что в прошлый раз, передвигаясь по Дому Блаженства, он открывал двери при помощи игральных костей, а в итоге сбежал, благодаря урагану, поднятому Повелителем Ветров, через сорванную крышу, а вовсе не через «дверь». Подобные действия отличались необузданной грубостью, и чем чаще Се Лянь о них

вспоминал, тем отчётливее чувствовал, что лучше этого не делать, вот и теперь немного устыдился.

После недолгой паузы принц вновь спросил:

— Но что если, к примеру, Сань Лан, ты украдёшь у меня драгоценный артефакт и принесёшь в свой Дом Блаженства? Смогу ли я забрать отсюда эту вещь, будучи её первоначальным хозяином?

Хуа Чэн приподнял бровь:

— Разумеется, нет. То, что попало ко мне в руки, стало моим. Однако, гэгэ, не стоит возводить на меня напраслину, я никогда не стану красть твои артефакты.

Се Лянь мягко кашлянул:

— Конечно, я прекрасно это знаю, поэтому ведь и сказал «к примеру». К тому же... у меня и драгоценных артефактов нет, чтобы кто-то захотел их украсть...

Хуа Чэн, в меру пошутив и посмеявшись, продолжил:

— Поэтому унести что-то отсюда и при этом остаться незамеченным — невозможно. Разумеется, и охранники тогда не нужны.

Се Лянь первым делом подумал, что похититель духа покинул комнату как-то иначе, не через двери. Но оглядевшись по сторонам, обнаружил, что и крыша, и пол, и стены находятся в совершенно целостном состоянии, никаких следов разрушения. Невольно появилась ещё более невероятная догадка.

Неужели злоумышленник вовсе не сбежал, а до сих пор находится здесь, прямо в этом зале?

И хотя в помещении совершенно негде было спрятаться, во всём мире имелось немало самых разных способов сделаться невидимым чужому глазу. Возможно, похититель прямо сейчас где-то рядом с ними, незаметно наблюдает за каждым их шагом, каждым действием. Се Лянь с подозрением огляделся, пытаясь рассмотреть в воздухе малейшие искривления, однако и глаза, и интуиция сообщили ему, что здесь вовсе нет кого-то третьего, будь то демон или человек. Возможно, принц ошибся в своих размышлениях, и стоит искать в другом направлении? И тут Хуа Чэн с улыбкой произнёс, при том весьма уверенно:

— Гэгэ, нет нужды беспокоиться. У меня есть способ отыскать похитителя.

Се Лянь развернулся к нему, задумался на пару мгновений, а потом его вдруг осенило.

Им оставалось спокойно ждать. Спустя некоторое время вдали послышался всё приближающийся разноголосый гул, огромная толпа всевозможной нечисти нахлынула тёмной волной, разлившейся вокруг пристройки с криками:

— Наш высокочтимый градоначальник, какие будут указания?!

В этой толпе насчитывалась по меньшей мере тысяча демонов, и если бы Дом Блаженства вместе с окружающей территорией не оказался достаточно просторным, они бы точно сюда не поместились. Их привёл всё тот же подручный Хуа Чэна в маске, который обратился к нему:

— Градоначальник, все те, кто появлялся сегодня на улицах города, должны быть здесь. Мы заперли город, никому отсюда не сбежать.

Се Лянь, услышав уже знакомый голос молодого мужчины, не смог не задержать на нём взгляд.

Толпа зашумела:

— Градоначальник, вы поймали того, кто устроил поджог?

— Я слышал, ещё и что-то украдено! Наверное, жизнь опостылела, захотел снова помереть!

— Каков наглец! Устроил пожар, да ещё и ограбил! Решил над головой бога Тайсуя землю копнуть^[197]? Градоначальник, и вы отпустите наглеца?!

Конечно, сейчас толпа демонов имела в виду вовсе не Се Ляня, однако принц, поскольку в прошлый раз и устроил пожар, и выкрал пленника, и в конечном счёте действительно был отпущен Хуа Чэном, почувствовал себя так, словно в него вонзилось бессчётное множество стрел. Мучаясь ещё более сильными угрызениями совести, принц тихо кашлянул и украдкой глянул на Хуа Чэна. И надо же такому случиться, что Хуа Чэн в тот же миг с необъяснимым выражением лица посмотрел в сторону принца. Их взгляды на мгновение встретились, так что Се Ляню пришлось поспешно отвести глаза. Следом послышался бесстрастный голос Хуа Чэна:

— Тот, кто выкрал дух нерождённого, сейчас назовёт себя сам. Не тратьте моё время.

Потрясённые демоны загомонили:

— Он среди нас?

— Я-то думал, какой-то чужак...

— Кто это? Скорее выходи!

Спустя время волна потрясения понемногу улеглась, но никто так и не вышел из толпы. Хуа Чэн произнёс:

— Очень хорошо. А ты и впрямь смельчак. Мужчины налево, женщины направо. Построиться рядами.

Демонам приказ показался странным, но никто не посмел и в мыслях послушаться Хуа Чэна, поэтому все немедленно повиновались — быстро разделились на две большие группы. Слева грубо пыхтящей толпой сгрудились демоны-мужчины; а справа — женщины, почти каждая из которых зазывала очаровательной кокетливостью. Хуа Чэн и Се Лянь переглянулись и направились прямо к женской половине, бегло оглядывая по десять девушек за раз, подобно любованию цветами на скаку. Пройдя немного вдоль ряда демонесс, принц вдруг остановился возле одной из них. На женщине красовалось длинное платье, лицо она умастила толстым слоем пудры, поэтому выглядела пугающе белой, практически до неузнаваемости. И всё же столь броский макияж показался принцу знакомым. Се Лянь обратился к ней:

— Госпожа Лань Чан?

Женщина застыла, будто сама увидела привидение. И действительно, перед принцем стояла та самая демонесса, что в прошлый раз прицепилась к нему на улице, закатила перебранку с мясником-вепрем, а потом посмеялась над «бессилием» и разрезвонила об этом на весь Призрачный город. Лань Чан.

Когда первоначальное изумление отступило, женщина упёрла руки в боки и горделиво вскинула голову.

— Чего? Ты же сам сказал, что у тебя не сто́ит! Я тебя не оговаривала! Или что, решил отомстить и пожаловался градоначальнику, чтобы он меня проучил?

Все демонессы и оборотницы вокруг немного нервничали, но услышав тираду Лань Чан, всё-таки тихонько захихикали.

Хуа Чэн тоже подошёл к ним, и хотя неясно, что выражало его лицо, Лань Чан всё же его устрашилась и больше не осмелилась вставать в позу и грубить.

Се Лянь мягко обратился к ней:

— Подобные шутки вы, госпожа, вправе шутить сколько вздумается, я вовсе не протестую. Однако... дух нерождённого навредил немало количеству людей, он очень кровожаден, нельзя так просто выпускать его на волю. Поэтому всё-таки попрошу вас выдать его.

Даже сквозь толстый слой пудры легко угадывалось, что лицо Лань Чан сделалось ещё бледнее. Она принялась отступать, но вокруг столпились другие демонессы, и женщина не сделала пары шагов, как оказалась схвачена сразу несколькими руками, которые отрезали ей путь к бегству. Единственное, что ей оставалось, это закричать:

— Я не знаю, о чём ты говоришь! Какой ещё дух?

— Прошу, отдайте его, — повторил Се Лянь.

— Да что отдать? — взвилась Лань Чан. — У меня ничего нет! Говоришь, я украла что-то из покоев градоначальника? Но всем известно, что у градоначальника ничего украсть невозможно, ведь вынести не получится!

Толпа подтвердила: «Да, верно, это все знают», даже мясник-вепрь кричал вместе со всеми.

— Ведь пожар в Доме Блаженства случился совсем недавно, — добавила Лань Чан, — а я всё это время стояла на улице и никуда не отлучалась. А если бы я что-то украла, то наверняка не успела бы спрятать, верно? — С такими словами она развела руки в стороны, показывая всем, что её ладони пусты. И даже приподняла юбку, чтобы доказать, что под ней ничего не спрятано.

— Девушка, в прошлую нашу встречу даже на холодном ветру вы не стесняли себя множеством одежд, — возразил Се Лянь. — Но сегодня, в столь прекрасную погоду, почему же вы, наоборот, надели длинное платье? Просто захотели сменить наряд или желаете что-то скрыть?

Стоило ему сделать замечание, и демоны тоже обратили внимание на эту деталь. Ведь Лань Чан обычно одевалась крайне откровенно, и Се Лянь, сказав, что она «не стесняла себя множеством одежд», выразился довольно мягко. Ведь по улице женщина разгуливала чуть ли не с оголённой грудью. Сегодня же Лань Чан оделась в длинное платье, которое плотно скрыло от чужих взглядов и талию, и ноги, что и впрямь весьма странно. Кроме того, когда Хуа Чэн с Се Лянем прогуливались по Призрачному городу, среди толпы демонов,

нахваливающих различные яства, никто не видел Лань Чан, которая обыкновенно обожала браниться на всю улицу, тем самым привлекая к себе внимание, а также активно распространять сплетни о том, что «это у него бессилие, дело вовсе не во мне». По толпе пробежали взволнованные обсуждения.

Се Лянь неторопливо заключил:

— Вы не забирали из Дома Блаженства ничего, что вам не принадлежит, лишь взяли часть самой себя. И дух нерождённого сейчас находится в вашем чреве!

Ведь если похититель не сбегал из Дома Блаженства каким-то иным способом, а также не спрятался внутри, в таком случае оставался только один вариант: этот человек вышел как положено, ни от кого не скрываясь, через главный вход.

Если бы дух принадлежал когда-то рождённому ребёнку, он сам бы в таком случае уже являлся отдельным человеком. Однако кто-то вырезал его из живота матери, когда ещё не подошёл срок ему появиться на свет, и, если мать вернула его в своё чрево, он, разумеется, считался её «собственностью». Нет, даже так — дух нерождённого сам по себе являлся её плотью и кровью, частью её самой. Всё-таки кровная связь матери и дитя крепче любой другой связи, и в данном случае они являлись единым целым, поэтому женщина смогла совершенно беспрепятственно, в целостности и сохранности покинуть Дом Блаженства, пройдя через все двери на своём пути.

Поэтому дух нерождённого наверняка выкрала женщина, а именно — его родная мать. И если запереть все выходы из Призрачного города и поискать среди демонесс, которые появлялись на улицах до и после пожара, пропажа наверняка найдётся. Должно быть, Хуа Чэн подумал об этом в первое же мгновение после того, как они оказались в пристройке.

Внезапно Лань Чан громко взвизгнула и схватилась за живот.

Се Лянь воскликнул:

— Госпожа?!

Лань Чан, побелев пуще любого мертвеца, не могла произнести ни слова. Внезапно её живот раздулся, будто его чем-то распирало изнутри: изначально плоский, он вдруг увеличился до состояния

огромного мяча, и казалось, подол её платья вот-вот треснет по швам, сквозь которые начал сочиться чёрный дымок!

Демонессы отпустили Лань Чан и попятились, а сама женщина, изо всех сил прижимая руки к животу, закричала со смесью страха и удивления в голосе:

— Не шуми!

Всё-таки дух нерождённого не усидел в её животе.

Хуа Чэн спокойно произнёс:

— Гэгэ, отойди назад.

— Всё в порядке! — ответил принц.

Лицо Лань Чан искажилось болью, она повалилась на колени и завопила:

— Послушай маму! Послушай маму, ну же! Будь умницей, будь умницей, хорошо?! Хватит капризничать!!!

Се Лянь обратился к ней:

— Госпожа Лань Чан, для начала советую вам его выпустить.

Но та замотала головой, будто в приступе безумия:

— Нет! Нет, нет! Я обязательно оставлю его в своей утробе и буду как следует возвращать, он больше не сбежит и не навредит никому! Градоначальник, умоляю вас, не забирайте моего сына. Я искала его несколько сотен лет! Не забирайте моего сына! Не отдавайте его этой шайке чиновников с Небес!!!

По всей видимости, в Призрачном городе все демоны давно знали, что Се Лянь — служащий Небесных чертогов. Лань Чан взвизгнула, и принялась кататься по земле, крепче обхватив живот, который, казалось, больше не принадлежит ей и живёт собственной жизнью: то уменьшается, то раздувается, то мечется во все стороны, источая всё больше густого чёрного дыма. Наверняка зловредный дух нерождённого, вернувшись в чрево матери и посидев там некоторое время, восстановил силы и теперь вновь принялся безобразничать. Демонессы, что ненадолго разошлись в стороны, снова налетели, чтобы схватить женщину, только сил им на это явно не хватало, поэтому нечисть мужского пола с левой стороны бросилась на помощь с криками «Дайте-ка мы!» Воцарился совершеннейший беспорядок, и Се Лянь, крепко сжав кулаки, воскликнул:

— Госпожа Лань Чан! Плод в вашем чреве намного превосходит вас по силе, к тому же он может вас поранить, тогда как вы не найдёте

в себе сил причинить ему вред. Вы абсолютно ничего не сможете с ним сделать! Рано или поздно он выпьет из вас все соки, а потом всё равно вырвется наружу! Немедленно отпустите его!

Если Лан Чан не захочет выпустить то, что запрятала в утробе, рано или поздно озлобленный дух высосет её досуха, а затем растерзает внутренности. Чтобы предотвратить подобный исход, Се Ляню придётся самому вскрывать её живот, что явно лучше, чем наблюдать как ребёнок разорвёт собственную мать на кусочки. Но разве принц мог решиться на подобное, пока ещё не наступил момент, когда ничего иного не остаётся? Он не хотел бы делать этого сам, и тем более ни в коем случае не желал, чтобы за него это сделал Хуа Чэн. Но Лань Чан оказалась невероятно упрямой и, даже заходясь приступами боли, никак не соглашалась выпустить дух нерождённого. Так дальше продолжаться не могло, и принц решился вмешаться. Стиснув зубы, он произнёс:

— Прощу меня извинить!

Но когда он уже положил ладонь на рукоять Фансиня, Хуа Чэн остановил принца и уверенно произнёс:

— Не нужно.

Одновременно с его словами живот Лань Чан вдруг охватил ореол золотого сияния, настолько яркий, что стоящие ближе всех демоны все как один завопили «Ай-яй!» и разбежались в стороны с криками:

— Что это такое?!

Се Лянь смотрел, не отрывая глаз, и когда золотое сияние померкло, из всех сил рвущийся наружу дух будто бы чем-то запечатало, а живот Лань Чан вновь сделался ровным. Тем, что запечатало дух, оказался широкий пояс.

На первый взгляд пояс совсем ничем не выделялся, но Се Лянь присмотрелся и изумлённо проговорил:

— ...Как он мог оказаться на тебе?

Должно быть, из-за частых стирок вещь немного потеряла в цвете, но Се Ляню всё же удалось разглядеть, что пояс принадлежал Небесным чертогам.

Многие вещи, которые встречались лишь на Небесах, являлись магическими артефактами искусной работы и при необходимости проявляли удивительную способность защиты владельца в момент опасности. К тому же, пускай вышивка на поясе заметно поистёрлась,

Се Лянь был твёрдо уверен, что перед ним «золотой пояс», который могли носить лишь небожители.

И судя по рангу, пояс принадлежал кому-то из чиновников Верхних Небес!

В Небесных чертогах преподнесение в дар золотого пояса считалось довольно популярным и элегантным жестом, а также несло на себе особый смысл. Если мужчина-небожитель дарил кому-то свой пояс, вещь сама по себе содержала некую чувственную составляющую, а уж об особом смысле подобного подарка можно было легко догадаться. Поэтому такой пояс, разумеется, нельзя дарить кому попало, а также совсем не просто потерять.

Се Лянь произнёс:

— Госпожа, неужели это ребёнок...

Но тут принц опомнился и вовремя придержал язык, ведь даже в логове нечистой силы задавать женщине подобные личные вопросы на виду у всех явно нехорошо.

Лань Чан же немедля бросила:

— Нет!

Се Лянь подумал: «Я ведь ещё ничего не спросил, зачем же сразу кричать “нет”?»

Принц задал другой вопрос:

— Значит, эти восемьсот лет ты жила на свете, полагаясь на этот пояс?

Услышав его слова, демонессы кругом разинули рты от удивления:

— Мамочки... Лань Чан, ты настолько старая?!

— Но ты же говорила, что тебе всего триста!

— Да нет же, она говорила, что ей двести! Солгала про свой возраст!!!

Дух нерождённого обладал мощью, накопленной за восемь столетий, а значит, его мать была примерно такого же возраста. Но ведь сама Лань Чан не могла похвастаться столь же сильной Ци. И раз ей, будучи обычным демоном, удалось прожить на свете так много лет, наверняка именно золотой пояс, наделённый магической силой, оказал ей в этом немалую помощь. Ну а если отец ребёнка — один из небожителей, то зверский характер духа вполне объясним.

Выходит, какой-то небожитель имел тайную связь с простой смертной, соблазнил её и бросил, а может, просто чувства его остыли, это теперь никому неизвестно. А несчастную постигла страшная участь — ребёнка из её утробы кто-то вырезал живьём. В итоге оба — мать и дитя — обернулись демонами, а нерождённый плод, весьма вероятно, погубил множество жизней. Как ни посмотри, инцидент в тяжести не менее серьёзный, чем случай с Сюань Цзи, да и сюжет немного знакомый.

Как разрешить эту проблему, придумать не составило труда. Се Лянь немедля развернулся к Хуа Чэну:

— Сань Лан, эту женщину...

Но принцу не пришлось тратить слова, Хуа Чэн ответил:

— Поступай так, как считаешь нужным. Нет необходимости меня спрашивать.

Се Лянь тихонько хмыкнул, выражая понимание.

Получив позволение, принц вернулся к Лань Чан. Как раз когда демоны засыпали её вопросами:

— Лань Чан, Лань Чан, а кто отец твоего ребёнка???

— Вот ведь! Убил, да не закопал! Зачал, да не воспитал!

— Так всё-таки, кто же это? Может, стоит заявиться к нему на порог и потребовать воздаяния?

Лань Чан, глядя на Се Ляня, сквозь зубы прошипела:

— ...Кто же ещё?!

Она не назвала имени, но Се Лянь понял и без слов.

— Ты поднимешься со мной в чертоги Верхних Небес, хорошо?

Лань Чан немедля возразила:

— Нет!!!

Разумеется, её отказ ничего не значил. Что бы она ни сказала, Се Лянь всё равно забрал бы её с собой. Принц с серьёзным видом заговорил:

— Это крайне озлобленный дух. Неизвестно, сколько крови он пролил. Теперь же выяснилось слишком много обстоятельств, ты больше не сможешь скрывать случившееся. Непременно нужно подняться на Верхние Небеса, уведомить их обо всём и провести очную ставку. Если небожитель окажется честным, или же между вами произошло недопонимание, вначале он признает тебя и ребёнка, а затем решит, как поступить с ним; если же выяснится, что ты

пострадала по вине того небожителя, или же он совершил какую-то более серьёзную ошибку, тем более следует воззвать к справедливости. Как бы то ни было, этот дух — твой сын. И его сын тоже. И если отец не вмешается в это дело, как тут вмешиваться кому-то постороннему?

Демонам его речи показались довольно разумными. Кроме того, если Лань Чан поднимется в чертоги Верхних Небес со скандалом, от одного предвкушения слухов побегут волнующие мурашки. Будто боясь, что скандал выйдет недостаточно крупным, и желая разжечь его как можно больше, все принялись уговаривать:

— Верно, Лань Чан! Чего тебе бояться! Призови его к ответу!

— А если посмеет не признать вину, так мы спалим его храмы!

Се Лянь обратился к Хуа Чэну:

— Мне нужно будет вернуться в чертоги Верхних Небес, чтобы незамедлительно доложить об инциденте.

Лань Чан, хоть и протестовала, уже прекрасно поняла, что не сможет воспротивиться. Ненадолго застыв, она вдруг бросилась на колени перед Хуа Чэном, отвешивая поклоны и восклицая:

— Градоначальник, премного благодарна вам за доброту и приют!

Се Лянь так и остолбенел, а женщина продолжила:

— Лань Чан устроила пожар в Доме Блаженства, но решилась на это лишь от безысходности. Я нарушила законы Призрачного города и так виновата перед вами! Надеюсь, вы не будете держать на меня зла.

Услышав от привычно сварливой распутницы подобные речи, многие демоны, что знали женщину и виделись с ней изо дня в день, немало удивились — её будто бы подменили. Хуа Чэн, впрочем, сохраняя спокойное выражение лица, обратился к Се Ляню:

— Гэгэ, жаль, что ты уходишь так спешно. Когда спустишься в следующий раз, я окажу тебе достойный приём.

Се Лянь кивнул в ответ. Затем забрал Лань Чан и вместе с ней отправился прямо в Небесные чертоги.

Проходя по главной улице столицы бессмертных, принц отправил в сеть духовного общения объявление:

— Господа! Прошу всех собраться во дворце Шэньу для обсуждения важного дела, — затем сразу же покинул сеть, не задерживаясь ни на миг, и повёл Лань Чан во дворец Шэньу.

Будучи демоном, женщина не могла войти в божественный дворец по своей воле, и Се Ляню пришлось вместе с ней подождать снаружи,

покуда не появился Цзюнь У и личным разрешением не впустил Лань Чан в свои чертоги.

Очень скоро небожители, которые находились в столице бессмертных, постепенно собрались в назначенном месте, и каждый, замечая рядом с Се Лянем ярко накрашенную демонессу, которая совершенно не вписывалась в божественную обстановку столицы бессмертных, от удивления округлял глаза.

Во дворец вошёл небожитель в чёрных одеяниях. Увидев развернувшуюся в центре зала картину, он на мгновение остановился. То был не кто иной, как Му Цин. Лань Чан тоже бросила на него взгляд, но тут же потупилась, а губы её задрожали. Му Цин же, сохраняя непринуждённое выражение лица, лишь бесстрастно спросил:

— Ваше Высочество наследный принц, кто эта женщина?

Услышав, как Му Цин обратился к Се Ляню, Лань Чан слегка изменилась в лице и посмотрела на принца, словно что-то припомнила, но не могла быть уверенной до конца. К тому моменту подошли и двое братьев, Повелители Ветров и Вод, внешность которых на две трети повторяла друг друга. Каждый мягко помахивал бумажным веером, а широкие рукава белых одежд колыхались в воздухе, отчего их облик завораживал красотой.

Ши Цинсюань, качнув веером, произнёс:

— Да, настоятель, зачем вы сегодня привели на Небеса ещё и демоницу?

— Настоятель? — в недоумении переспросил Се Лянь.

Настоятель чего? Монастыря Водных каштанов? Почему вдруг такое обращение? Поразмыслив ещё, принц догадался — скорее всего, его называли «настоятелем храма Тысячи фонарей»!

Не зная, как на это реагировать, Се Лянь притворился, что не расслышал. Ши Цинсюань же, весьма довольный собой, поздоровался со всеми вокруг и добавил:

— Хм? У этой демонической сестрички в утробе что-то есть??? И мне почему-то кажется...

С такими словами он направился к Лань Чан, будто бы захотел потрогать её живот. Ши Уду резким движением сложил веер и окликнул:

— Цинсюань!

Ши Цинсюань немедля отдернул руку и пустился в оправдания:

— Я лишь почувствовал очень нехорошую тёмную Ци и захотел проверить, нет ли внутри чего-то опасного...

Ши Уду принялся его отчитывать:

— Ты мужчина, к тому же небесный чиновник, а мы находимся во дворце Шэньу! Как тебе не совестно творить подобные непотребства? И не вздумай принимать женский облик! В женском облике для тебя это по-прежнему недопустимо, сейчас же превратись обратно!

Линвэнь, покачав головой, убрала документы подмышку, подошла к Лань Чан и положила ладонь ей на живот. На лице небожительницы отразилась задумчивость, когда она наконец убрала руку и спросила:

— Такой свирепый дух. Сколько ему сотен лет?

Се Лянь ответил:

— Около восьми.

Он поведал собравшимся о том, как уже дважды повстречал этого духа нерождённого, о том, как дух вредил беременным женщинам и как след вывел принца к матери духа. Принц умолчал лишь о Хуа Чэне и случившемся в Призрачном городе, и Лань Чан, конечно, не стала сама об этом упоминать. Завершив доклад, Се Лянь произнёс:

— Вот так всё и было. Мне неизвестно, жив ли сейчас этот небожитель и находится ли при чине, имеет ли место быть недоразумение между ними и знает ли он сам о произошедшем. Поэтому я привёл эту госпожу сюда.

Фэн Синь нахмурился:

— Если недоразумений не было и ему прекрасно известно о ребёнке и случившемся с матерью, но при этом он на восемьсот лет позабыл о них, ничего не желая знать, подобный поступок — вопиющая безответственность.

Пэй Мин, скрестив руки на груди, неторопливо произнёс:

— Я согласен с генералом Наньяном, подобное нельзя не назвать безответственным поступком. Интересно, кто из моих божественных коллег оставил этого ребёнка? Если он ещё занимает свою должность, пусть лучше выйдет и признается сам.

Едва договорив, Пэй Мин почувствовал, как в него впились бесчисленные взгляды, а во дворце Шэньу воцарилась тишина, будто у всех застрял ком в горле.

Спустя некоторое время молчания Пэй Мин наконец изрёк:

— ...Господа, не слишком ли превратное представление у вас обо мне сложилось?

Ши Цинсюань даже перестал обмахиваться веером:

— Мне кажется, оно вовсе не превратное. Следовало бы сказать, что мы слишком хорошо вас знаем.

Пэй Мин немедля ответил:

— Ничего подобного я не совершал!

Остальные лишь сухо усмехнулись, и даже взгляды Ши Уду и Линвэнь не отличались доверием. Пэй Мин почувствовал, что его голова сейчас опухнет, приложил ладонь ко лбу и со всей искренностью произнёс:

— Ну... я действительно находился в сердечных отношениях с некоторыми представительницами мира демонов. Но именно эту барышню я в самом деле никогда раньше не встречал.

Если как следует вслушаться в его слова, их, впрочем, можно найти заслуживающими доверия. Неужели ему самому неизвестно, с какой женщиной он состоял в близких отношениях? И хотя ветренность генерала Пэя вызывала всеобщее неодобрение, всё же он ещё ни разу не высказал непричастности к каким-либо любовным связям, и коли уж сделал дело, то не увиливал от ответа, поскольку был не из тех, кто не в состоянии заплатить за свои деяния достойную цену. Женщины, имевшие отношения с генералом Пэем, за исключением подобных Сюань Цзи, которая сама отказалась от всяческих притязаний, по крайней мере гарантированно ни в чём не нуждались, остаток жизни купаясь в роскоши, будто в бочке с мёдом. И если бы Лань Чан действительно когда-то водила интрижку с Пэй Мином, в её жизни не дошло бы до столь страшных событий, как вырезание плода из чрева и превращение в демона.

Кроме того, Пэй Мин выбирал женщин, руководствуясь высокими стандартами. Все без исключения его любовницы могли похвастаться незаурядной привлекательной наружностью, а он ещё и особенно привечал красавиц, чьи лица очаровывали без какой-либо косметики. На взгляд же всех собравшихся, Лань Чан, намалёванная так, что не разглядеть настоящего облика, ни внешностью, ни качеством наряда и рангом причёски, ни речью и манерами не могла достичь критериев, по которым Пэй Мин всегда определял своих избранниц. Поэтому в сердцах присутствующих смутно зародилась вера в его слова о том,

что с этой женщиной его ничего не связывает. Но пока только лишь «смутно» и «в душе». Ведь кто не желал насладиться зрелищем, как генералу Пэю поставят шах в этой партии? Поэтому все молча с улыбками наблюдали, как он пытается оправдаться. А верить или нет — тут уж всё зависит от их настроения!

Сначала и Се Лянь тоже считал, что вероятность причастности Пэй Мина к делу наиболее велика, из-за неоднократных инцидентов в прошлом. Но глядя на реакцию генерала Пэя, не похожую на притворство, принц усомнился в своих предположениях. Он вспомнил слова Хуа Чэна о том, что Пэй Мин не пойдёт на бесчестные методы, поэтому не стоит его бояться, или что-то вроде того. Поразмыслив минуту, принц всё же сказал:

— Ранее госпожа Лань Чан расплывчато ответила на вопрос о том, кто же отец — «Кто же ещё?», и я воспринял небезызвестную кандидатуру как само собой разумеющееся. Однако раз генерал Пэй так говорит, возможно, здесь действительно какое-то недоразумение, ведь не может каждый раз виновником быть именно он. Может, спросим...

К его неожиданности, Лан Чан сама вмешалась:

— Это не он.

Се Лянь удивлённо запнулся и обернулся к женщине. Она же повторила:

— Это не он.

Линвэнь прохладно переспросила:

— Что? Так значит, не он?

Ши Уду тоже весьма недружелюбно бросил:

— Вот как, не он, значит?

Пэй Мин ответил им обоим:

— Я же сразу сказал, что это не я. Вы двое, вздумали бить лежачего^[198]? Ну погодите у меня.

Остальных же после недолгого разочарования обуял ещё больший восторг. Ведь Пэй Мин издавна являлся героем романтических рассказней, и если бы даже тут виновником оказался именно он, новизной подобные слухи уже не блистали бы. Но в случае его непричастности... получается, вина ложится на другого небожителя, присутствующего или же отсутствующего, а значит, у них появится

новая «восходящая звезда» сплетен и слухов. Как тут не возрадоваться?

Ранее, ещё в Призрачном городе, Лань Чан явно намекала на Пэй Мина, а теперь пошла на попятную. Се Ляню это показалось весьма странным, однако вида он не подал и произнёс:

— Хм. Так кто же тогда всё-таки?..

Лань Чан вперила в него взгляд:

— Ты.

Се Лянь решил, что она не закончила фразу:

— Что — я?

— Я сказала, что тем человеком был именно ты!

И смех, и грех. Беспорядочные обвинения

Заяви Лань Чан сейчас «тем, кто убил меня, был именно ты», эффект получился бы не столь ошеломительным.

Её слова прозвучали как гром среди ясного неба, и Се Лянь стоял, этим громом поражённый:

— Я?!

Рука, которой Цзюнь У, сидящий на своём высоком троне, придерживал лоб, даже соскользнула немного. Небожители на миг погрузились в молчание, а затем обратили все взгляды к Владыке. Цзюнь У тут же вернул руку на место, продолжив сидеть в позе мыслителя. Небожители вновь дружно повернулись к Се Ляню.

Неужели наконец свершится? Третье низвержение на глазах у всех!

Се Ляню почудилось, что вместе с его сердцем содрогнулась и вся земля, и он усилием воли сдержал в горле фразу, которую привык говорить в таких случаях и которая уже едва ли не вырвалась сквозь зубы: «Я бессилен».

Эту обыкновенную отговорку не следовало использовать в подобных обстоятельствах. Тому имелась, кроме прочего, иная причина. Среди чертогов Верхних Небес негласно существовала широкоизвестная шутка, объединяющая факты об отношении некоторых небожителей к «женскому полу»: Фэн Синь, увидев женщину, держится на почтительном удалении; Лан Цяньцю, увидев женщину, заливается краской; Му Цин отказывается смотреть на уродин; лицо Пэй Су при виде женщины ничего не выражает, и нельзя

угадать, о чём он задумался; Цюань Ичжэнь и вовсе о женщинах не думает; Пэй Мин же, напротив, только о женщинах и думает. Если бы принц сейчас выкрикнул излюбленную фразу, наверняка к этой шутке впредь прибавили бы и его.

Се Лянь убедительно произнёс:

— Госпожа Лань Чан, прошу вас успокоиться. Ничего подобного между нами не случилось.

Но Лань Чан выпучила глаза до размеров бронзовых колокольчиков и стояла на своём:

— Случалось. Это точно был ты, Его Высочество наследный принц государства Сяньлэ!

И хотя смерть обоих пострадавших последовала позднее вознесения принца, всё же время примерно совпадало. Но неужели сам принц не мог знать, встречался ли он когда-нибудь с этой женщиной? Покуда вокруг поднялись шепотки, Се Лянь с абсолютно серьёзным лицом и таким же тоном произнёс:

— Госпожа, я хоть и не святой, но всё же знаю, что означает верность всем сердцем и душой. И если я не испытываю к кому-либо искренней любви, то ни в коем случае не позволю себе выйти за рамки дозволенного. Если же такое случится, я разобью последний котёл и продам обломки, пойду собирать мусор, выступать с цирковыми номерами на улицах и тем кормить семью, но не позволю, чтобы этот кто-то жил в страдании. Вы находитесь во дворце Шэньу, здесь не стоит необдуманно высказывать всё, что взбредёт в голову.

Ши Цинсюань поддержал:

— Если подобное действительно сотворил Его Высочество, разве мог он собственноручно привести эту демоническую сестрицу сюда на допрос? И почему госпожа Лань Чан признала его только сейчас? Если подумать, станет ясно, что здесь дело нечисто.

Предельно ясно, что здесь дело нечисто. Но когда выпала возможность поглазеть на шумиху, все проигнорировали чистоту дела, поэтому никто больше не высказался. Затем кто-то выдвинул совершенно дурацкое предположение:

— А может, вот как дело было? Может, Его Высочество наследный принц потерял память и потому не помнит, что наделал?

— Честно говоря, я скорее поверю, что он осмелел настолько, что был твёрдо убеждён — она не узнает его по прошествии восьми сотен

лет.

Се Лянь, не придумав, что им возразить, напомнил:

— Чтобы доказать нечто невероятное, выдумываете нечто ещё более невероятное? Господа, не кажется ли вам, что это довольно скользкая дорожка размышлений?

Фэн Синь как будто тоже вознамерился что-то сказать, но при этом не был до конца уверен, поэтому всё же промолчал. Цзюнь У негромко кашлянул и произнёс:

— Сяньлэ, сколько всего золотых поясов у тебя имелось в прошлом?

Се Лянь, прикрыв лоб рукой, ответил:

— Слишком много. По меньшей мере, десять...

Му Цин дежурным тоном поправил:

— Более сорока. И каждый был вышит разными узорами.

Но стоило этим словам вылететь изо рта, как Му Цин тут же замолчал, сочтя их неподобающими. Ведь кто-то немедля припомнил, что Му Цин когда-то служил при Се Ляне личным помощником, занимаясь при этом повседневными рутинными делами, поэтому настолько хорошо осведомлён о подобных мелочах. У собравшихся небожителей промелькнула мысль: «Одних только золотых поясов — сорок штук! Этот Его Высочество некогда поистине купался в роскоши». Не только они, но и сам Се Лянь, вспомнив прошлое, покрылся испариной. В те времена он ежедневно менял роскошные одеяния, а пояс подбирал в соответствии с разным стилем одежд. Разве можно его прежнюю жизнь сравнивать с нынешней, когда весь год он носит только три наряда, стирая и меняя один за другим? К тому же, все три выглядят абсолютно одинаково, и несведущему на первый взгляд наверняка подумается, что принц обеднел до того, что у него лишь один комплект одежд на каждый день.

Цзюнь У задал ещё вопрос:

— Помнишь ли ты, куда их положил?

Се Лянь и Фэн Синь вдвоём про себя подавились воздухом. Принц потёр точку между бровей и ответил:

— Кхм. Не очень хорошо помню. Всё-таки прошло более восьмисот лет, я уже и не знаю, куда их забросил.

В данном случае речь шла не только об утере. Основной причиной являлось то, что когда Се Лянь и Фэн Синь оказывались стеснены в

средствах, они шли в ломбард. Отданных под залог вещей было не перечесть, и принц в самом деле не помнил, числились ли среди них пояса. Фэн Синь, хотя и не горел желанием обсуждать этот вопрос, всё же произнёс:

— Чтобы заполучить золотой пояс, не обязательно дожидаться, что его кто-то подарит. Возможно и просто случайно его подобрать.

Кажется, Цзюнь У с самого начала не надеялся, что Се Лянь вспомнит хоть что-то о своих поясах. Владыка продолжил:

— Сяньлэ, помнится, твои техники самосовершенствования подразумевают необходимость сохранять невинность плоти. В противном случае это нанесёт немалый урон магическим силам.

Се Лянь ответил:

— Это так.

Ши Цинсюань между прочим заметил:

— Хах, да при одном взгляде на Его Высочество я сразу понял, что именно такой способ он и избрал. И ведь я не ошибся. Если так, то ни о каком зачатии ребёнка не может идти речи. Думается, он и за руку-то ни с кем ещё не держался, а?

Се Лянь только хотел ответить «Да», но тут в его памяти возникла мертвенно-бледная рука с изящными длинными пальцами, на среднем из которых повязана тонкая-тонкая красная нить. Рука, наполовину скрытая за свадебным покровом, на ощупь прохладная словно яшма. И ответ «Да» неумолимо застрял в горле, принц не смог его произнести. Тем временем все присутствующие уставились на принца и по реакции прекрасно поняли — его замешательство как раз означает «Нет»!

Но всё же «подержаться за руку» — весьма низкий порог, и даже если что-то подобное с принцем случалось, ничего предосудительного за этим не следовало. Ши Цинсюань тут же решил исправиться:

— Ну даже если держался, то уж точно никогда ни с кем не целовался.

И Се Лянь вновь захотел ответить «Да», но на этот раз перед его глазами будто бы замелькали вереницы пузырей, похожих на нити хрустальных бусин, а когда пузырьки рассеялись, принц увидел невыразимо прекрасное лицо с закрытыми глазами, над лбом у которого вырисовывался маленький мыс красавицы, весьма привлекательный.

На этот раз он не просто не смог выдать из себя ни слова, но даже весь залился краской.

Повисла неловкая тишина.

Присутствующие мгновенно всё поняли и сухо прокашлялись. Ши Цинсюань уже пожалел, что вмешался — ударил себя легонько веером по голове и незаметно шепнул Се Ляню по сети духовного общения:

— Ваше Высочество, уж простите. Я лишь хотел убедить всех, что вы чисты и непорочны в своих помыслах, но никак не мог подумать, что это не так. Оказывается, у вас случался подобный опыт, а сразу и не скажешь!

Его фраза «никак не мог подумать, что это не так», разбила вдребезги всю непоколебимость Се Ляня. Тот не без труда ответил:

— Не будем об этом. Это была... случайность...

Цзюнь У поднёс ко рту ладонь, сжатую в кулак, и кашлянул чуть громче:

— Что ж, хорошо. Думаю, за эти годы ты не нарушал своего обета?

Тут Се Лянь наконец вздохнул спокойно:

— Истинно так.

— В таком случае, вопрос решить легко. У меня в коллекции есть меч по имени Яньчжэнь^[199], обладающий волшебным свойством: кровь девственного тела стекает по клинку, не оставляя следов, и даже делает его блеск более ярким. От тебя потребуется лишь капля крови, и мы всё выясним.

Небожители многие годы прекрасно знали об увлечении Цзюнь У коллекционировать разнообразные редкие и необычные драгоценные мечи, но в тот момент всё же подумали: «И откуда у тебя столько всяческих странных мечей? Зачем ты вообще подобное собираешь...»

Се Ляню сложившееся положение казалось весьма неловким, поэтому он хотел поскорее закрыть тему. Линвэнь принесла тот самый меч тончайшей работы, «Яньчжэнь», и принц тут же провёл пальцем по лезвию. Бесчисленные взгляды уставились на меч, Ши Цинсюань хлопнул в ладоши:

— Ну вот и всё, правда раскрылась!

Как и ожидалось, капелька крови скатилась по металлу, не оставив ни единого следа. Доказательства были неопровержимы, так что небожителям пришлось отступить:

— Ах, вот оно что.

— Но кто же тогда?..

Их постигло разочарование, и всеобщий настрой явно пошёл на спад.

Линвэнь вежливо обратилась к Лань Чан:

— Госпожа, прошу вас честно ответить, кто же всё-таки тот небесный чиновник? Если дух в вашей утробе останется таким же беспокойным, а ваших магических сил для этого недостаточно, боюсь, только его настоящему отцу под силу мягко его перевоспитать. Я...

Но к всеобщему удивлению, не успела она договорить, как Лань Чан снова ткнула пальцем, теперь уже в самую Линвэнь:

— Ты! Тем человеком был ты!

Линвэнь так и остолбенела с немым вопросом на лице. Вероятно, она явилась на собрание напрямую из своего храма, поскольку пребывала в мужском облики. И когда Лань Чан вдруг узнала в ней отца ребёнка, на лице Линвэнь отразилось трудноописуемое потрясение. Остальные все как один прыснули со смеху. Пэй Мин даже высказался:

— Дражайшая Цзе, так значит, ты закончила с бумагами и спустилась в мир смертных, заделать какой-то девушке ребёнка? Ха-ха-ха-ха...

Возможно, именно это и называется мгновенным воздаянием. Линвэнь покачала головой, с благодарностью отказалась от милосердного жеста Ши Уду, который протянул ей красный конверт с деньгами для «племянника», и, вернув себе серьёзный вид, произнесла:

— Ещё не закончила. У меня нет на это времени.

Неразбериха продолжалась, а поскольку подозрения падали то на того, то на этого, разумеется, уже никто не верил женщине. Фэн Синь, не в силах больше наблюдать за действием, тоном, не предвещающим ничего хорошего, произнёс:

— Я всё понял. Эта демоница просто сумасшедшая и намеренно устроила нам здесь скандал, привязываясь с обвинениями ко всем подряд.

Лань Чан хихикнула, чем стала ещё больше походить на безумную. Небожители, опасаясь, что если так пойдёт и дальше, женщина, не ровён час, укажет на них тоже, изменили свою политику:

— Верно! Кто знает, может быть, она выкрала золотой пояс...

— Говоря по справедливости, у меня тоже хранится не один такой пояс, я и сам не могу сосчитать, сколько их, и припомнить, все ли до сих пор на месте.

Лань Чан же, уперев руку в бок, всё не унималась:

— Что, теперь решили прикинуться невиновными? Поздно! Деваться некуда! Это ты, ты, и ты!

Затем она и вовсе принялась в приступе гнева не глядя указывать на каждого. Даже Мин И, который с равнодушным, но сосредоточенным видом молча стоял в углу и, запихнув что-то за щёку, успевал жевать, против своей воли оказался признан отцом ребёнка. В зале на короткое время поднялся переполох, и небожители, пытаясь укрыться от обвинений, заголосили:

— Уведите её, уведите!

— Не давайте ей болтать попусту!

— Сестричка, мне нравятся совсем другие девушки, не такие как ты, не стоит возводить на меня напраслину!

— Да это же никуда не годится!

Цзюнь У сделал знак рукой, и младшие небожители немедля подбежали, чтобы увести Лань Чан. Когда они волокли женщину из зала, она всю дорогу пронзительно хохотала. Затем небожители наконец вернулись на свои места, ещё не оправившись от испуга, охваченные головной болью. Первоначально каждый считал, что это дело его не коснётся, и пришёл лишь поглазеть на представление. Но теперь неизвестно, не повесят ли на них этот ушат грязи, и очень может статься, что в следующий раз в мире людей появится новая постановка с ними в главной роли, где также будет фигурировать размалёванная демонесса-возлюбленная и погубивший несчётные жизни демон-сынок. Почувствовав себя в опасности, все лишь отмахнулись:

— Здесь до истины не докопаться!

— Мне думается, у неё просто не всё в порядке с головой. Здесь нечего расследовать, только зря потратим время. Нужно заточить её под стражу, и дело с концом.

— Очень может быть, что её намеренно прислали из мира демонов, чтобы мутить здесь воду.

Се Лянь, однако, не согласился:

— Но по дороге сюда госпожа Лань Чан явно вела себя совершенно нормально и пребывала в здравом уме. Почему же, едва явившись во дворец Шэньу, она стала вести себя подобным образом? Боюсь, дело не объясняется одним лишь «сумасшествием».

Мнения снова разделились на два лагеря, и после непродолжительного спора итогом всё равно оказалось тысячелетнее «поживём-увидим». Когда собрание разошлось, принц попрощался с Ши Цинсюанем, который пообещал через пару дней спуститься вместе с ним в мир смертных и повеселиться, и вышел из дворца Шэньу, про себя вздыхая: «Все жалуются на низкую эффективность от работы дворца Линвэнь, но ведь это тоже неизбежный результат, если каждый раз во время обсуждения какой-то проблемы мнения бесконечно расходятся и утопают в шумных спорах, а конечный итог в большинстве случаев зауряден — решение откладывают в долгий ящик. Разве в подобных условиях дворец Линвэнь способен действовать незамедлительно?»

Внезапно принц почувствовал, что за ним кто-то идёт. Оглянувшись, Се Лянь увидел Фэн Синя и на мгновение замешкался. Тот, оставив в стороне приветствие, быстрым шёпотом бросил фразу:

— Берегись Му Цина.

— Му Цина? — переспросил принц, тоже понизив голос.

— Когда он вошёл во дворец, лицо той демоницы странно исказилось, будто бы она его боится. Я не стану вмешиваться в чьи-то личные дела, но лучше тебе быть настороже, — сказав всё это, Фэн Синь спешно удалился.

Се Лянь же остался стоять на месте и, лишь дождавшись, пока тот ушёл довольно далеко, медленно зашагал восвояси.

Заметить это было нелегко, но на самом деле сам Се Лянь постоянно обращал внимание на малейшие изменения выражения лица каждого небожителя, а также на реакцию Лань Чан, и конечно, Му Цин от его взгляда не укрылся.

Однако принц посчитал, что вероятность того, что отцом ребёнка является Му Цин, не слишком велика. Се Лянь совершенно не мог представить, что Му Цин способен вытворить что-то подобное. Ведь в действительности тот посвящал всего себя боевому искусству и самосовершенствованию, увеличению количества последователей и расширению территорий влияния, а кроме того, практиковал тот же

способ совершенствования тела и духа, что и Се Лянь — ему категорически запрещалось прикасаться к женщинам, иначе это наносило урон уровню магических сил. Должно быть, Му Цин действительно знал Лань Чан, но зацепок всё ещё слишком мало. Покачав головой, Се Лянь спустился с Небес.

Дух нерождённого был пойман и усмирён, Лан Ин и Гуцзы благополучно расположились в доме купца, где им хватало и еды, и питья, и ничего не вызывало беспокойства. Но всё же оставлять их там слишком надолго было нехорошо, ведь купец мог заподозрить Се Ляня в нерадивости. Поэтому принц сразу направился в посёлок Водных каштанов. Купец, едва завидев Се Ляня, крепко схватил его за руки и взволнованно заговорил:

— Даочжан! Вы мастер, настоящий мастер! Вчера ночью вы уснули в комнате моей второй жены, мы даже двери затворили на засов, а когда утром вошли туда, то не поверили своим глазам — вы словно в воздухе растворились! Высокое мастерство, поистине чрезвычайно высокое! Ну как? Схватили демона?

— Схватил, можете больше не волноваться, проблема исчерпана. Как мальчишки, что я оставил у вас?

Купец, будто с него сняли тяжкий приговор, с огромной радостью воскликнул:

— Очень и очень послушные! И едят совсем немного! Даочжан, где находится ваш храм Тысячи фонарей? Я отправлюсь туда совершить пожертвование, исполнить обещание! С сегодняшнего дня я стану неофициальным учеником вашего храма, и никто не посмеет занять моё место!

Се Лянь не знал, плакать ему или смеяться. Но всё же и у него в рядах последователей прибыло, к тому же новичок оказался довольно богатым. Вполне удовлетворённый, принц засыпал купца наставлениями, предостерег, что впредь ему следует отказаться от излишних связей с женщинами, быть верным и преданным мужем, любить и оберегать своих домочадцев. В конце ещё попросил как-нибудь заглянуть в монастырь Водных каштанов, а после взял Лан Ина и Гуцзы и беззаботно удалился.

Когда они возвратились в деревню Водных каштанов и приблизились к монастырю, Се Лянь взял табличку с просьбой о сильном пожертвовании на ремонт здания и поставил её на более

приметное место, в тайне надеясь, что купец, явившись сюда, сразу увидит надпись. Лишь проделав всё это, принц толкнул дверь в монастырь, однако, к собственному удивлению, в тот же миг обнаружил, что кое-что изменилось.

А переступив порог, убедился, что изменилось очень многое. В комнате кто-то прибрался — подмёл полы, протёр стол для подношений и табуреты, собрал пыльную паутину со стен и потолка, даже дочиста вымел засаленный мусор по углам. Создавалось впечатление, что монастырь посетила Девушка-улитка^[200], в помещении царила слишком уж ослепительная чистота.

Потому что даже Цин Жун пропал!

Стоило ему исчезнуть, и вся комната словно обернулась светлым и просторным залом, даже казалось, что воздух стал немного чище. Только Гуцзы, прижимая к груди специально принесённую из посёлка мясную лепёшку, которой мальчик хотел покормить отца, не увидев никого, заперезживал:

— Гэгэ, а где мой отец?

Се Лянь тут же развернулся на выход. Но едва успел переступить порог, как ощутил приближение опасного холодного блеска, поэтому занёс руку за спину и выхватил Фансинь, немедля отразив удар. Звонкий «цзынь», и холодный блеск вмиг отлетел прочь, упав на землю где-то в паре десятков чжанов.

Се Лянь выхватил оружие подобно молнии и точно так же снова убрал Фансинь за спину, затем легко выдохнул и сразу задумался: почему же за первой атакой не последовал ещё один выпад?

Се Лянь обратил взгляд к оружию, которое он только что отправил в полёт. Оно косо вонзилось в землю, но даже издали Се Лянь смог углядеть в кривой серебристой дуге знакомые черты. Вместе с детьми принц подошёл ближе, а приглядевшись, тут же опустился на корточки:

— Это же... это Эмин? Что с тобой случилось?

Беспримерно странно спрашивать у сабли, что с ней случилось. Проходящие мимо крестьяне наградили Се Ляня изумлёнными взглядами и тихонько толкнули друг друга локтём:

— Смотри, смотри скорее, он с саблей разговаривает...

— Да видел, пойдём, не обращай внимания...

Но Се Лянь просто не мог не задать этого вопроса, поскольку и весь Эмин, и даже его глаз на рукояти, обрисованный серебристыми линиями, сейчас неудержимо дрожал, будто подвергся какой-то неизлечимой болезни, и с каждым мгновением дрожь усиливалась. Се Лянь, не в силах сдержать чувств, протянул к нему руку:

— Я причинил тебе боль тем ударом?

Битва за благосклонность: Эмин против Жое

Клинок задрожал ещё горестнее. Се Ляня охватила лёгкая паника, принц осторожно погладил саблю по тыльной стороне клинка и произнёс:

— Прости, прости. Тогда я не разглядел, что это ты. Больше так не буду.

После нескольких поглаживаний Эмин сощурил глаз и наконец перестал дрожать. Се Лянь спросил:

— А где твой хозяин?

Позади раздался голос:

— Не обращай на него внимания.

Стоило принцу обернуться, как он тут же вскочил на ноги и со смесью радости и удивления в голосе спросил:

— Сань Лан? Что ты здесь делаешь?

Юношей, что с самодовольным видом стоял у принца за спиной, оказался Хуа Чэн. Он вновь забрал чёрные волосы в неровный хвост, надел лёгкую белую сорочку, красную рубаху повязав на поясе, и закатал рукава, открыв взору бледные, но крепкие руки и татуировку на предплечье. Серебряные цепочки на его сапогах тонко позвякивали при ходьбе, весь он выглядел небрежно, будто восемнадцатилетний соседский паренёк, но при этом не без щеголеватости. Покусывая травинку, юноша улыбнулся Се Ляню:

— Гэгэ.

Се Лянь предполагал вначале устроить мальчиков, а затем отправиться к Хуа Чэну, чтобы выразить глубокую признательность за помощь, но к его удивлению тот явился сам. Хуа Чэн неторопливо подошёл к Се Ляню, одной рукой выдернул торчащую из земли саблю, поглядел на неё немного и закинул на плечо со словами:

— Гэгэ, у тебя здесь так много дел. Я подумал, что ни к чему тебе специально отправляться ко мне, это лишние хлопоты, поэтому

пришёл сам. Ты забыл вот это.

На спине юноши висела бамбуковая шляпа, которую он снял и протянул Се Ляню. Принц оставил её в доме купца. На миг замерев, он тут же ответил:

— Я совсем позабыл о ней. Вот спасибо!

Неожиданно принц вспомнил, что после некоего события говорил Хуа Чэну: «Я ищу свою шляпу, моя шляпа пропала». Те слова вылетали в полнейшем бреду, но Хуа Чэн действительно отыскал его пропажу. Принц внезапно почувствовал себя ужасно неловко, испугавшись, что Хуа Чэн станет подшучивать над ним. Но к счастью, Хуа Чэн даже не упомянул о том случае, а с улыбкой сменил тему:

— Гэгэ, ты подобрал ещё двоих детей? — Он небрежно потрепал Гуцзы по голове, приведя волосы мальчишки в полнейший беспорядок.

Кажется, Гуцзы очень испугался незнакомца — тут же спрятался за Се Ляня.

— Всё в порядке, этот братец — хороший, — сказал ребёнку Се Лянь.

Хуа Чэн, однако, возразил:

— Ну что ты, куда там. Я ужасный негодяй, — он действительно так сказал, но при этом перевернул ладонь и вытряхнул из рукава крошечную серебристую бабочку, которая захлопала крыльями и запорхала перед лицом ребёнка.

Гуцзы раскрыл пошире чёрные блестящие глаза, неотрывно следя за бабочкой, а затем всё-таки не удержался и принялся её ловить.

Таким образом настороженность мальчика по отношению к Хуа Чэну заметно спала. Затем Хуа Чэн с виду безразлично бросил взгляд на Лан Ина. В отличие от расслабленного взгляда, каким он смотрел на Гуцзы, теперь его глаза сверкнули недружелюбием. Лан Ин опустил голову и тоже встревоженно юркнул за спину Се Ляня.

Принц, держа бамбуковую шляпу в руке, произнёс:

— Пришёл так пришёл, но зачем же наводить чистоту в монастыре Водных каштанов?

— Просто походя прибрался. Тебе не показалось, что после того как я избавился от всего мусора, даже улучшилось настроение и очистилось сознание?

Се Лянь вспомнил об исчезнувшем Ци Жуне и подумал, уж не выбросил ли Хуа Чэн и его как мусор. Внезапно он услышал со двора

за монастырём жуткие крики:

— Хуа Чэн, проклятый пёс, чтоб тебе скатиться в ад и там зажариться в масляном котле да напороться на тысячи ножей! Убивают! Хуа Чэн учинил смертоубийство!!!

Гуцзы громко вскрикнул:

— Отец! — и на маленьких ножках помчался на звук.

Се Лянь направился следом. За монастырём Водных каштанов протекала речушка, в которой Се Лянь обыкновенно стирал одежду и промывал рис. Ци Жун как раз бултыхался в воде, накрепко связанный Жое. Из последних сил высовывая лицо на поверхность, он орал что есть мочи:

— Я не вылезу! Ни за что не вылезу! Я останусь в этом теле до самой его смерти! Я не покорюсь!

Хуа Чэн выплюнул травинку:

— Доблестным воином себя возомнил? Никчёмная дрянь.

Се Лянь бессильно произнёс:

— Я пару дней назад схватил его на одной горе... Он вселился в смертного и никак не желает вылезать. Этот человек ещё жив, и чтобы вытащить душу Ци Жуна насильно, придётся умертвить плоть. Вот ведь... Сань Лан, у тебя есть какой-нибудь другой способ?

— Хм? Ты имеешь в виду способ, чтобы ему смерть показалась слаще жизни? Такого имеется в достатке.

Хуа Чэн явно угрожал Ци Жуну, и тот вновь забранился:

— Вы двое! Поистине, два сапога пара^[201]! Бесчеловечность и коварство^[202]! Буль-буль-буль-буль... — не договорив, он вновь скрылся под водой.

И хотя Се Лянь при взгляде на Ци Жуна вспоминал тело матери, обернувшееся прахом, отчего в нём зарождалась скорбь и гнев, всё же это тело принадлежало другому человеку, и его непременно следовало сберечь. Поэтому принц вытащил Ци Жуна из воды за шиворот и оставил у входа в монастырь Водных каштанов. Ци Жун ничего не ел целый день и ночь, так что у него живот прилип к спине, а после подвергся издевательствам Хуа Чэна, и теперь еле-еле держался на ногах. Гуцзы скормил ему мясную лепёшку, что незаметно принёс из дома купца, и тот вцепился в еду с таким остервенением, что клочки летели во все стороны, поистине зрелище жалкое и отвратное. Се Лянь покачал головой и заметил, что Ци Жун не может пошевелить

конечностями вовсе не потому, что связан лентой. Наверняка это Хуа Чэн применил к нему какое-то заклятие, чтобы тот оставался на месте.

Принц позвал:

— Жое, вернись ко мне.

Жое уже чувствовала себя ужасно оскорблённой, поскольку ей пришлось несколько дней связывать собой Ци Жуна. Она молнией соскользнула с демона и, будто белая змея, круг за кругом целиком обвилась вокруг Се Ляня. Принц же открыл дверь в монастырь, попутно снимая с себя ленту и успокаивая:

— Ну всё, всё. Я чуть позже тебя постираю, не расстраивайся. Пока поиграй в сторонке.

Лента, подчиняясь, удручённо отползла в сторону. Хуа Чэн тоже не глядя бросил Эмин в угол, но тот ещё в воздухе принял подобающую позу и опустился на пол вертикально. Жое, что прижалась к стене, вдруг обнаружила неподалёку сверкающую серебристым блеском изогнутую саблю и осторожно подкралась ближе. Глаз на рукояти Эмина моргнул и скоился в сторону ленты, оценивая незнакомое существо. Фансинь же мёртвым грузом лежал в стороне, не шевелясь и не выражая никаких эмоций.

В последние дни Се Лянь посвящал немало времени постижению искусства приготовления пищи, и самому принцу казалось, что он добился немалых успехов, поэтому уверенность его в собственных силах многократно возросла. От всего сердца желая показать всё, на что способен, и как следует уважить Хуа Чэна, он уговорил того остаться отобедать, и Хуа Чэн, разумеется, с удовольствием принял приглашение. В посёлке Се Лянь купил целую гору овощей, которую теперь высыпал на стол для подношений. Взявшись за нож, принц принялся резать овощи с мерным частым стуком по столешнице. Стол для подношений в монастыре Водных каштанов мог использоваться как для написания каллиграфии, так и для приготовления еды, на него принц ставил тарелки и чашки, даже сажал детей. Можно сказать, стол являлся универсальным предметом. Хуа Чэн, прислонившись к стене, некоторое время наблюдал, затем всё-таки не выдержал и спросил:

— Не нужна ли помощь?

У Се Ляня готовка как раз кипела в самом разгаре, и он ответил:

— Не нужна. Мне будет достаточно помощи Жое.

Принц бросил на пол несколько не расщеплённых на тонкие деревяшки дров. Хлоп! Подобно кобре-царице, белая лента хлыстом ударила по брёвнам, расщепив дрова толщиной в голень на несколько тонких хворостинок.

Проделав трюк, Жое изогнулась перед Эмином и Фансином необычайно кичливой дугой, будто демонстрируя свою силу и красоту. Но недолго ей пришлось красоваться — Се Лянь поставил на стол тарелку, на которую бросил большой кочан капусты. Жое вознамерилась приступить к делу, но тут Эмин, одарив её суровым взглядом, подлетел в воздух и затанцевал, сверкая слепящими серебристыми вспышками. Всё поле зрения заняли эти вспышки вперемешку с капустой, а когда Эмин остановился, все увидели, что кочан порублен на ровные мелкие кусочки.

Се Лянь наклонился, взял тарелку и, глядя на неё, похвалил:

— Вот это да, ты порезал даже лучше, чем Жое.

Жое немедля прилипла к стене, напоминая человека, который будто отступил на несколько шагов назад и упёрся в стену, оказавшись в тупике. Эмин же принялся бешено вращать глазом, источая крайнее самодовольство, словно исполнившись божественной лёгкости и радости. В отличие от сабли и ленты, Фансинь вовсе не шевелился. Принц же совершенно не замечал небольшой скрытой борьбы между волшебным оружием. Он ссыпал в котёл семь-восемь различных видов овощей, при этом обернувшись к Хуа Чэну:

— Кстати, Сань Лан, надолго ли ты в этот раз?

Хуа Чэн неотрывно следил за всеми действиями принца и будто бы хотел о чём-то напомнить, но всё-таки решил промолчать и лишь улыбнулся:

— Посмотрим по обстоятельствам. Если не возникнет никаких других дел, могу остаться погостить подольше. Надеюсь, гэгэ не побрезгует моим присутствием, если я не захочу уходить.

Се Лянь тут же заверил:

— Как можно? Главное, чтобы ты сам не брезговал пребыванием в моей камерке.

Так, за праздным разговором о том о сём, принц рассказал Хуа Чэну, как демонесса Лань Чан по прибытии во дворец Шэньу устроила скандал, гневно тыча в присутствующих пальцем. Впрочем, умолчав о том, как сам оказался подвержен обвинению, а также о проверке при

помощи Яньчжэня. Однако затем принца посетила другая мысль — он вспомнил слова Цзюнь У о том, что у Хуа Чэна в Небесных чертогах есть лазутчик, которого пока не обнаружили, и, возможно, ему уже всё давно известно. К счастью, независимо от того, знал Хуа Чэн о случившемся или нет, он никоим образом не выказал своей осведомлённости, только, кажется, задумался о чём-то.

Се Лянь спросил:

— Сань Лан, а как ты считаешь, кто же всё-таки отец этого духа?

Хуа Чэн поднял на него взгляд, его губы тронула лёгкая улыбка:

— Трудно сказать. Возможно, тот золотой пояс она действительно где-то подобрала, такое вполне вероятно.

Подобный размытый ответ совсем не походил на привычный принцу характер Хуа Чэна, и Се Ляню это показалось немного странным. Но вскоре его внимание отвлекло бульканье кипящего варева.

Спустя ещё час принц снял с котла крышку.

Ранее Ци Жун питался лишь тем, что приносили Се Ляню в качестве подношений жители деревни. И пусть обыкновенно его рацион составляли маньтоу и соленья, мучные лепёшки и яйца, да ещё кислые дикие ягоды, во всяком случае, это была человеческая еда. Но сейчас, стоило принцу снять крышку, монастырь Водных каштанов заполнился запахом содержимого котла, и Ци Жун, которого бросили снаружи у дверей, забранился:

— Проклятый Небесами Се Лянь! Белый лотос с чёрной сердцевиной! Лучше зарежь меня, чтобы оборвать страдания! Выудил меня из воды, лицемерно притворившись спасителем, а всё для того, чтобы подвергнуть пыткам?! Теперь-то я разглядел твою сущность!!!

Перед тем как снять крышку, Се Лянь был полон уверенности в своём мастерстве. Однако сейчас его вновь охватили сомнения. Он приложил все силы и умения, но приготовил котёл такого вот содержимого... Да ещё Хуа Чэн стоит рядом и наблюдает за ним. Что же делать? Неужели предлагать Хуа Чэну отведать??? Нечеловеческие крики Ци Жуна только сильнее раздосадовали принца. Услышав, что Хуа Чэн, скрестив руки на груди, собрался на выход, Се Лянь поднял ладонь и остановил:

— Ничего, — принц вздохнул, наполнил одну чашку содержимым котла и сказал Хуа Чэну: — Это тебе лучше не есть. Подожди меня

немного.

Затем он вышел из монастыря, отправил Гуцзы и Лан Ина за водой, чтобы они отошли подальше от места событий, и присел на корточки рядом с Ци Жунем, держа в руках чашку с варевом.

— Братец, время обедать. — Лицо его при этом лучилось доброжелательностью.

Насмерть перепуганный Ци Жун завопил:

— Ты чего... Ты чего? Ты чего задумал?! Се Лянь, я тебя предупреждаю, я сейчас представляю собой живого человека, подумай как следует! Любой, кто отведаст твоего варева, освободится от оков всех трёх миров и перескочит через шесть кругов перерождения, без исклю...

Он так и не договорил, поскольку своими глазами увидел, как Хуа Чэн в монастыре, стоя у котла, сам взял половник и наполнил себе чашку, затем уселся за стол и отправил кушанье в рот, нисколечко не изменившись в лице, оставшись непоколебимым словно гора Тайшань. Ци Жун вмиг повергло в шок и трепет, а в сознании его промелькнула мысль, которой не возникало там ещё никогда...

Поистине — непревзойдённый!

Се Лянь поднёс чашку к лицу Ци Жун и хладнокровно произнёс:

— Не хочешь есть, хорошо. Тогда выходи.

Но такому не бывать и подавно. Ци Жун крепко стиснул зубы, но Се Лянь с негромким щелчком разжал ему челюсть, схватил за подбородок и насильно влил содержимое чашки в рот.

В следующее мгновение небо над монастырём Водных каштанов огласилось пронзительным криком.

Чашка в руках Се Ляня опустела, а Ци Жун на земле весь скривился, даже голос охрип до такой степени, что он стал похож на старика на пороге смерти, который простонал:

— Я... ненавижу...

Се Лянь сам не знал, радоваться или печалиться тому, что Ци Жун не пожелал покинуть чужое тело даже после целой чашки сего кулинарного творения. Он очень надеялся поскорее вытравить Ци Жуну наружу, но раз попытка не удалась, стало быть, это живое доказательство тому, что блюдо, в которое принц вложил душу, не настолько отвратное, что его невозможно проглотить. Кажется, это всё-таки стоит того, чтобы порадоваться хоть немного. Обернувшись,

принц увидел, что и Хуа Чэн положил себе чашку, а теперь неторопливо трапезничал и смотрел в его сторону, уже почти расправившись со своей порцией. Взгляд принца просветлел, он поднялся на ноги со словами:

— Сань Лан, ты всё доел?

Вначале ему показалось, что блюдо не удалось, и потому принц постеснялся предлагать его Хуа Чэну. Но к его удивлению тот решил попробовать сам, а теперь с улыбкой ответил:

— Ага.

Се Лянь осторожно поинтересовался:

— И как тебе на вкус?

Хуа Чэн допил даже бульон и улыбнулся:

— Неплохо. Немного резковато, в следующий раз можно сделать чуть более пресным.

Се Лянь вздохнул с облегчением и кивнул:

— Хорошо, я запомнил. Спасибо за твоё замечание.

Ци Жун:

— Буэээээээ...!!!

Принц-кулинар встречает незваных гостей похлёбкой

Се Лянь, изначально движимый желанием показать всё своё мастерство, тем вечером пережил несколько взлётов и падений уверенности в собственных силах.

Хуа Чэн, впрочем, предлагал свою помощь в приготовлении пищи, но разве совесть могла позволить принцу принять помощь на кухне, когда демон однажды уже услужил ему, починив дверь, а после ещё и прибравшись в монастыре? Какой хозяин позволяет себе обращаться подобным образом с гостями? Кроме того... с прославленным непревзойдённым Князем Демонов!

К счастью, в этот раз принц вернулся из посёлка с немалой поклажей. И хотя прошлым вечером половина припасов ушла в котёл, остались ещё маньтоу и лепёшки, немного овощей и фруктов, которые можно было просто погрызть и тем перебиться. Но что делать, когда и эта провизия закончится?

На следующий день вопрос решился сам собой. Ранним утром в дверь монастыря Водных каштанов постучали селянки, которые принесли большой котелок каши и свежесваренную курицу. Зачем

сюда явились краснеющие девушки, понятно и без слов. Се Лянь не удержался от мысли: «И правда, красота способна прокормить».

Курицу Се Лянь поделил между мальчиками, сам же съел только немного каши, а Хуа Чэн и вовсе не притронулся к еде.

— Гэгэ, твой монастырь в самом деле пользуется популярностью.

Се Лянь рассмеялся:

— Сань Лан, не насмехайся надо мной. Мы прекрасно знаем, что помыслы старого пропойцы обращены вовсе не к вину^[203].

После той злополучной чашки Ци Жун снаружи монастыря промучился всю ночь, без остановки причитая что-то наподобие: «Лучше бы меня схватил Лан Цяньцю и порубил живьём на множество кусков, чем есть отраву, приготовленную тобой!» или же «Мой царственный брат, я так виноват перед тобой, прошу, дай мне противоядие!» К тому же, кажется, ему мерещились разнообразные галлюцинации, отчего Гуцзы до смерти перепугался за отца. С утра Ци Жун пребывал в удручённом состоянии, даже лицо позеленело. Как раз когда принц и Хуа Чэн разговаривали, он с жадным причмокиванием хлебал кашу из чашки, которую ему поднёс Гуцзы. Придя же наконец в себя, прохрипел:

— Брехня! Какая ещё популярность? Да кто бы пришёл к нему, к этому нищевроду? И ты тоже, шелудивый пёс Хуа Чэн, не радовался бы раньше времени! Только какие-то деревенские девки из глухого горного закоулка могли положить на тебя глаз, и то лишь потому, что ты вырядился как богач, вот они и прилипли к тебе, рты разинувши в надеждах! А попробуй одеться в лохмотья бедняка, и тогда ни за что не поверю, что ты точно так же приглянешься им!

Се Лянь подумал, что в этом Ци Жун категорически ошибается, ведь Хуа Чэн, в чём Се Лянь был уверен, даже в робе нищего попрошайки мог бы навypyашивать целые золотые горы. Однако принц промолчал, лишь неторопливо принялся за дело. Спустя некоторое время комнату вновь заполнил соответствующий аромат, и Ци Жун взвыл:

— Что ты опять там делаешь?! Что это такое?!

Се Лянь мягко ответил:

— Это целый котёл похлёбки «Столетнего мира и согласия»^[204], я как раз её разогреваю.

Хуа Чэн, услышав, тут же похлопал в ладоши:

— Прекрасное название, прекрасное.

Ци Жун взвился:

— Ты ещё, мать его, вздумал этому вареву названия выдумывать?!
Не подходи!!!

Даже кормить Ци Жуна не требовалось — достаточно поставить блюдо на огонь, и запах пробуждал в нём жуткие воспоминания, так что он не смел больше вымолвить ни слова.

Закончив со своей трапезой, Лан Ин молча стал собирать чашки и палочки, намереваясь отправиться мыть посуду, но Се Лянь остановил:

— Не нужно, поиграй где-нибудь в сторонке, а я помою сам.

Может быть, повар из него был ужасный, но хотя бы с мытьём посуды принц справлялся. Хуа Чэн, проводив взглядом Гуцзы и Лан Ина, которые вышли за порог поиграть, сказал:

— Позволь мне.

Се Лянь отказался.

— Тебе уж тем более не стоит таким заниматься. Просто посиди.

Но едва принц закончил фразу, снаружи вдруг послышалось, как Ци Жун, который наелся досыта и теперь бездельничал, не зная, чем себя занять, призывно присвистнул и масляным голосом произнёс:

— Эй, барышня, а что ты так смотришь на господина? Воспылала ко мне страстью?

И этот самый демон обвинял кое-кого в том, что на него заглядываются только селянки из захолустья, а теперь и сам принялся приставать к девушке, да к тому же столь банальными фразами. Се Лянь покачал головой и подумал, что всё же лучше втащить его внутрь, чтобы не пугал народ. Но кто же мог подумать, что не успеет принц открыть дверь, как услышит удивлённые восклицания жителей деревни:

— Красавица, каких свет не видывал!

— И как такая прекрасная девушка заглянула в нашу деревню...

— Я за всю жизнь не встречал столь прелестных девушек, а тут на тебе — сразу две!

Следом раздался стук, и стучали как раз в дверь монастыря Водных каштанов. Се Лянь недоумевал в душе: «Красавица, каких свет не видывал? Да ещё сразу две? Но для чего две красавицы, каких свет не видывал, могут стучаться в мои двери? А, неужто тот купец

явился со своими новыми жёнами, чтобы воздать за исполнение молитвы?»

Стоило принцу так подумать, он тут же схватил табличку с надписью «Монастырь находится в обветшалом состоянии, просим посильного пожертвования» и приготовился выставить её снаружи. Как вдруг услышал женский голос, отдающий прохладой:

— Что это за дрянь у порога? Поистине, больно смотреть.

Другой женский голос задумчиво произнёс:

— Может, оно сторожит дом? Да нет, не может быть. Он ведь не мог завести столь низкоуровневого волшебного зверя?

Оба голоса принадлежали женщинам, однако Се Ляню уже приходилось их слышать. Повелитель Ветров Цинсюань и Повелитель Земли И!

Принц поначалу хотел сразу отворить дверь, но потом рывком обернулся и бросил взгляд на Хуа Чэна, который как раз неторопливо собирал чашки и палочки со стола. Рука Се Ляня застыла, приоткрыв лишь маленькую щёлку, и принц осторожно выглянул за дверь.

Снаружи он увидел двух высоких девушек. Одна из них оказалась заклинательницей в белых одеждах и метёлкой из конского волоса, чью белоснежную улыбку обрамляли ярко-красные губы, от фигуры веяло женственностью и очарованием, а глаза ярко сверкали. Спутница её облачилась в чёрные одеяния, на фоне которых белоснежная кожа выделялась сильнее, прекрасные глаза лучились колким блеском, дополняющим неописуемо мрачное выражение лица — девушка стояла с заведёнными за спиной руками и глядела куда-то в сторону, будто не желая сталкиваться ни с кем взглядом.

Заклинательница в белом как раз налево и направо раздавала благодарные поклоны, лучезарно улыбаясь.

— Ха-ха, большое всем спасибо, большое спасибо. Мы не достойны похвалы и столь высокой оценки. Так вы ставите меня в неловкое положение. Похвалили — и будет, спасибо. Ха-ха.

Вдоволь наглядевшись на красавиц, окружившие девушек плотной толпой жители деревни снова начали показывать пальцем на Ци Жуна, отпуская замечания. Тот, вне себя от недовольства, закричал на них:

— Чего уставились?! А может, мне нравится лежать на земле, вам-то какая печаль? Катитесь прочь отсюда! Не на что здесь пялиться!

Жители деревни нашли его манеры весьма странными, а от свирепого выражения лица, которое ещё и позеленело от злости, разбежались, подобно перепуганному пчелиному улью. Ши Цинсюань обратился к Ци Жуну:

— Простите... зелёный господин, не подскажете, Его Высочество сейчас у себя в монастыре?

Едва слышав, что гостя назвала Се Лянь «Его Высочество», Ци Жун в мгновение ока потерял всяческий интерес к двоим красавицам и презрительно сплюнул:

— Тьфу! Так вы — сучьи чиновники с Верхних Небес?! Я ему не какая-нибудь сторожевая псина. Слушайте внимательно, я — собственной персоной...

Однако закончить представление Ци Жуну не дали — Мин И, не говоря ни слова, приблизился к нему, после чего последовал истошный крик и звуки ударов. Се Лянь со своей позиции не мог рассмотреть, что именно сделал Мин И, только увидел, как Ши Цинсюань махнул метёлкой и произнёс:

— Мин-сюн, как-то нехорошо прибегать к насилию, не находишь?

Мин И равнодушно ответил:

— Чего бояться? Он же сказал, что не служит здесь волшебным зверем.

Боясь, как бы Ци Жуна не забили насмерть, Се Лянь был вынужден отворить дверь и замахать руками, останавливая избиение:

— Ваше Превосходительство! Проявите милосердие! Его бить нельзя, это простой смертный!

Увидев, что Се Лянь открыл дверь, Мин И встряхнул подолом чёрного платья и убрал сапог со спины Ци Жуна. Ши Цинсюань же сделал шаг навстречу принцу, выставив руки в поклоне:

— Ваше Высочество, я решил навестить к вам чуть раньше оговоренного срока. А что с этим человеком? От него такая мощная демоническая Ци, что никак не скроешь. Неужто он принял нас за слепых? Ах, давайте поговорим внутри. На этот раз мне понадобится ваша помощь в крайне важном деле... — с такими словами он собрался обойти лежащего на земле Ци Жуна и переступить порог монастыря.

Но ведь Хуа Чэн всё ещё там! Разве Се Лянь мог так просто впустить их?

— Пойдите! — торопливо воскликнул принц.

Но опоздал. Монастырь Водных каштанов не мог похвастаться обширными залами, всё его убранство представало как на ладони, нигде не спрячешься, не скроешься. Двое гостей сразу увидели за спиной Се Ляня непревзойдённого Князя Демонов, который как раз был занят мытьём чашек. Трах-бах, четыре пары глаз скрестили взгляды, Хуа Чэн обнажил белоснежные зубы в улыбке, излучающей скрытую угрозу, во взгляде же его и вовсе не наблюдалось ни намёка на радушие.

Зрачки Мин И мгновенно сузились до точек, он отступил на три чи назад. Ши Цинсюань же одним движением раскрыл Веер Повелителя Ветров, приняв крайне настороженную позу, будто в любой момент готов был броситься в бой:

— Собиратель цветов под кровавым дождём!

Ци Жун, которого за дверью втоптали лицом в грязь, вскипел гневом:

— А я вообще-то — Лазурный фонарь в ночи! Какого рожна вы навешали мне тумачков и даже не признали, а про него всё поняли с первого взгляда?!

Мин И несколько лет служил подручным Хуа Чэна, будучи лазутчиком, посланным в Призрачный город, и только недавно оказался раскрыт и посажен Хуа Чэном под замок в подземном лабиринте, где его нещадно избивали. Теперь же, увидев давнего врага, Мин И ощутил исключительную злость. Казалось, всё небольшое пространство монастыря Водных каштанов и даже воздух снаружи заполнился ядом.

Хуа Чэн отложил тряпку и сощурился:

— Его Превосходительство Повелитель Земли поражает меня своей прыткостью!

Мин И холодно парировал:

— Его Превосходительство Князь Демонов тоже умеет проводить время в праздности, как, впрочем, и всегда.

После обмена такими притворными приветствиями, следующую фразу Хуа Чэн произнёс с заметно охладевшим выражением и таким же тоном.

Он предостерёг:

— Уходите. Мне всё равно, что у вас за важное дело, не приближайтесь к этому месту.

Даже испытывая страх перед Хуа Чэном, Мин И не собирался показывать перед ним и каплю слабости, тем более уступать. Его голос прозвучал уверенно и мрачно:

— Я вовсе не по своей воле пришёл сюда!

Понимая, что вместо яда в воздухе вот-вот запахнет порохом, Се Лянь обратился к Повелителю Ветров:

— Н-н-ну... Ваше Превосходительство, что же нам делать?

Ши Цинсюань постучал веером по голове.

— Я и сам не ожидал, что как раз сейчас Собиратель цветов под кровавым дождём окажется вашим гостем! Но вы же только недавно виделись? Зачем так скоро встречаться вновь? Как бы то ни было, если проблему можно разрешить без применения грубой силы, то так и нужно поступить. Насилие ни к чему хорошему не приведёт. Если они подерутся, всё-таки лучше нам их разнять.

Се Лянь ответил:

— Я, в целом, согласен.

Ци Жун, который, напротив, только и ждал, чтобы эти двое сцепились в драке, знай себе подслушивал, наострив уши. И тут вмешался:

— О-о-о... Так ты и есть та падшая стерва, Повелительница Ветров???

Се Лянь и Ши Цинсюань одновременно повернулись к нему. Именно такими словами Ци Жун бранил Ши Цинсюаня, сидя в своём логове, а теперь посмел произнести их же, встретившись с ним лично. Трудно сказать, разыграла ли в нём храбрость, достойная всяческих похвал, или же дал о себе знать недостаток ума. Ши Цинсюань, избалованный всеобщим обожанием, должно быть, впервые слышал, чтобы кто-то бранил его подобными выражениями. Поморгав с озадаченным лицом, он обратился к Се Ляню:

— Ваше Высочество, подождите меня немного.

С такими словами он вышел за порог и закрыл за собой дверь. Снаружи послышался очередной истошный вопль Ци Жуна и серия глухих ударов. Лишь спустя долгое время Ши Цинсюань вновь открыл дверь и вошёл, уже в облике мужчины.

— Вот и всё. О чём мы только что говорили? Я тоже проголодался. Мне думается, нам лучше для начала сесть за стол и чем-нибудь подкрепиться, любые проблемы можно обсудить мирно, и нет таких вещей, которые не разрешала бы совместная трапеза.

Конечно, Се Лянь очень не хотел, чтобы они подрались прямо в монастыре Водных каштанов, но Хуа Чэн явно был крайне зол на Мин И из-за предательства последнего, и неизвестно, какая ещё подоплёка за этим скрывалась. Вряд ли удастся усадить их за стол и заставить дружелюбно разделить трапезу. Однако Хуа Чэн, вопреки ожиданиям, не выразил протеста. После обмена угрожающими взглядами с противником, холод постепенно отступил с его лица, и он вернулся к мытью чашек. А когда закончил, сам подошёл к котлу и щедро положил себе похлёбки «Столетнего мира и согласия».

Стоило ему добровольно отозвать войска, и вся битва свернулась, даже не начавшись, а остальные присутствующие испустили вздох облегчения. Далее полагалось как можно скорее сменить тему разговора, чтобы оживить обстановку, поэтому Ши Цинсюань спросил:

— Ваше Высочество, а что это у вас в котле? Кажется, ещё горячее.

— О, это я приготовил.

Варево кипятилось достаточно долго, чтобы пропитаться вкусом, да и запах уже давным-давно развеялся. И хотя цвет у него получился каким-то невообразимым, форма уже выварилась и стала выглядеть намного приятнее, чем вчера вечером. Ши Цинсюань, услышав ответ, пришёл в совершеннейший восторг:

— Правда? Я ещё никогда не пробовал блюд, сваренных лично небесными чиновниками! Давайте, давайте, позвольте нам отведать.

С такими словами Повелитель Ветров тоже взял пару чашек и две пары палочек, затем наполнил чашки содержимым котла. Честно говоря, Се Лянь хотел его остановить. Но поскольку Хуа Чэн, неоднократно похвалив готовку принца, заронил в его душе семена уверенности, да к тому же сегодня утром, заново разогревая похлёбку, принц учёл все рекомендации, которые вчера дал ему демон, в голове Се Ляня родилась мысль «быть может, блюдо всё же спасено». Так что, поколебавшись немного, принц не произнёс ни слова против, в тайном ожидании глядя, как Ши Цинсюань подвинул чашку к Мин И:

— Вот, Мин-сюн, твоя порция.

Мин И бросил взгляд на чашку и, явно не собираясь есть, отворотился.

Его действия выглядели немного невежливо. Ши Цинсюань, закипая от гнева, подвинул чашку ближе, даже не думая отступить.

— Ешь! Разве не ты только что в дороге заявил, что проголодался?

Хуа Чэн тем временем не спеша зачерпнул ложку, подул на похлёбку и отправил её в рот, затем проглотил и улыбнулся Се Ляню.

— Сегодня вкус и впрямь не такой резкий. Как раз то, что нужно.

Се Лянь заулыбался вместе с ним:

— Правда? Сегодня я добавил больше воды.

Хуа Чэн сделал ещё глоток, искрясь улыбкой:

— Гэгэ, я оценил твоё старание.

При взгляде на Хуа Чэна создавалось впечатление, будто он пробует что-то невероятно вкусное, и это весьма подкупало. Спустя некоторое время Мин И всё же принял чашку.

— Так-то лучше! — заулыбался Ши Цинсюань.

Они оба зачерпнули по ложке и отправили угощение в рот.

Божок-пустослов. Праздник, омрачённый слезами

Се Лянь спросил:

— Ну как?

С громким «Бум!» Мин И хлопнулся лицом на стол, и, кажется, потерял сознание.

А по щекам Ши Цинсюаня, который сделался безмолвным, потекли две дорожки слёз.

Се Лянь с сомнением спросил:

— Ваши Превосходительства, так что же, вам понравилось? Не могли бы вы немного прийти в себя и дать свою оценку на словах?

Ши Цинсюань немного приободрился, стёр ручейки слёз, схватил принца за руки, сжав покрепче в своих ладонях, и заплетающимся языком произнёс:

— Ваше Высочество наследный принц...

Се Лянь сжал его ладони в ответ:

— Что?

Ши Цинсюань, не мог выговорить ни слова, как будто у него опух язык, а потом, роняя слёзы, принялся толкать Мин И в бок:

— Мин-сюн... Мин-сюн! Мин-сюн, что с тобой? Приди в себя, очнись!

Мин И неподвижно лежал лицом на столешнице. Ши Цинсюань, который, как всегда, не мог стерпеть, если кто-то не достаивал его ответом, принялся толкать сильнее, а в конце концов и вовсе схватил того и стал трясти. Се Лянь, не в силах больше наблюдать за происходящим, не удержался от напоминания:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров, может быть, положите метлу? Давайте успокоимся.

Ши Цинсюань, тряся метлу, оглянулся к нему и громко спросил:

— А-а-а? Ваше Высочество, что вы сказали? Я не слышу!

Се Лянь, не зная, как быть, закричал ему в ухо:

— Ваше Превосходительство! У вас в руках не Повелитель Земли, он вот здесь, здесь!

В тот момент Мин И резко сел прямо, на удивление собравшихся мгновенно приняв мужской облик. Его лицо сделалось бледным как смерть, и он без обиняков выпалил:

— Моё сердце охвачено демонами. Не затруднит ли вас помочь мне их вывести?

Се Ляня бросило в трепет — неужели от одной ложки его похлёбки можно стать одержимым внутренними демонами? Принц пошевелил губами:

— Да нет же...

Ши Цинсюань тем временем указал пальцем на Мин И и с выпученными глазами воскликнул:

— А ну стой, ты! Ты что ещё за нечистая сила, что смеет морочить голову мне, самому Повелителю Ветров? Где ты, Мин-сюн? Идём, я прикрою тебя, мы вместе его одолеем, — с такими словами он схватил метлу одной рукой, а другой пустил в ход Веер Повелителя Ветров. Но крыша монастыря точно не вынесет подобного и сразу же улетит, поэтому Се Лянь бросился к нему и обхватил за плечи:

— Не годится, так не годится. Ваши Превосходительства, придите уже в себя наконец!

— Ха-ха-ха-ха-хи-хи-хи-хи-хо-хо-хо-хо... — Ци Жун снаружи колотил по земле руками от смеха и бранился: — Поделом! Сучьи чиновники! Возноситесь скорее на Небеса! Избавьте себя от страданий! Утихомирьтесь!

Двоих небожителей в монастыре шатало из стороны в сторону, непрерывно раздавались их стоны. Хуа Чэн скрестил руки на груди и стоял, опираясь на стену. Се Лянь поглядел на него, затем на свернувшихся на полу калачиком и обнимающих себя за голову Повелителей Ветров и Земли, и тихонько спросил:

— Может, всё-таки воды было маловато... Почему же их реакция даже серьёзнее, чем у Ци Жуна?

Хуа Чэн приподнял бровь:

— Мне кажется, вышло прекрасно. Наверное, им не пришлось по вкусу. Нередкий случай.

Се Лянь даже не подумал, чем обычно питался Ци Жун и что обычно вкушали небесные чиновники, а ведь при таком сравнении перепад и потрясение, что переживали небожители, становились совершенно понятными, как и более бурная реакция. Разумеется, принц также не подумал, не прибавилось ли чего-то в котле после того, как к нему приложил руку Хуа Чэн.

Испытывая угрызения совести, в расстроенных чувствах принц влил в глотки Ши Цинсюаня и Мин И по несколько чашек чистой воды, и небожители наконец понемногу пришли в себя. И пусть их лица стали зеленоватыми, как у Ци Жуна, а взгляд устремлённым прямо перед собой, всё-таки сознание уже просветлело и дикция прояснилась. Единственной небольшой проблемой осталось то, что Ши Цинсюань пока не мог сдерживать текущих из глаз слёз, да ещё во время разговора периодически прикусывал язык. Но в целом они оба были в порядке.

Спустя целых два часа суматохи они вчетвером, наконец, как полагается уселись за стол.

Мин И по-прежнему лёг лицом на столешницу и замер, будто притворяясь мёртвым. Се Лянь с серьёзным видом обратился к Повелителю Ветров:

— Ваше Превосходительство, вы упомянули, что вам требуется моя помощь в очень важном деле. Что же это за дело?

Ши Цинсюань с измождённым лицом бросил в сторону двери заклинание, заглушающее звуки, чтобы убедиться, что никто снаружи их не услышит, и хрипло заговорил:

— Дело вот в чём... Кхм-кхм, кхм-кхм. Ваше Высочество, вы давно обрели покой среди мирской суеты^[205], занимаетесь

самосовершенствованием в мире людей вот уже восемь сотен лет. Вы много где бывали и много что видели, должно быть, вам встречалось немало разнообразной нечисти, верно?

Се Лянь, сложив руки на груди, ответил:

— Кое-какую нечисть приходилось встречать.

— В таком случае, хочу спросить, не приходилось ли вам... встречать «Божка-пустослова»?

— Омрачающего праздники слезами, «Божка-пустослова»?

Ши Цинсюань понизил голос:

— Именно!

Се Лянь внезапно ощутил, как по телу пробежали мурашки, а вдоль по позвоночнику прошёлся холодок.

В тот же миг как будто чей-то шёпот раздался у принца под ухом, затем кто-то холодно усмехнулся и захмыкал под нос несравнимо странную мелодию.

В какой-то момент в тёплом и светлом монастыре Водных каштанов, куда через окна и дыры в стенах проникали солнечные лучи, вдруг потемнело, здание накрыло огромной тенью. Конечности Се Ляня всё сильнее охватывало холодом, ледяным будто железо.

Се Лянь, не сдержавшись, поплотнее закутался в одеяние и подумал, что всё-таки должен спросить прямо:

— Я бы хотел узнать... кто только что смеялся? И кто напевал песенку? И кто подул мне на спину холодом? Кто погрузил комнату во мрак?

Ши Цинсюань, вытирая слёзы, ответил:

— О, это всё я. Применил небольшую магию, чтобы нагнать немного атмосферы, не обращайтесь внимания.

Остальные трое за столом просто не нашли, что на это сказать. Спустя какое-то время Се Лянь, приложив руку ко лбу, беспомощно произнёс:

— Ваше Превосходительство... может, всё-таки обойдёмся без холодного ветра? В такую погоду мы все одеты довольно легко. Кроме того, на самом деле атмосфера уже и без того неплохая, а ваш ветер и музыкальное сопровождение... напротив, её только нарушили.

Ши Цинсюань спросил:

— А? Правда? — Затем махнул рукой, отзывая поддувающий каждому из них в спину свежий холодный ветерок. — Но комнату

оставим тёмной, я зажгу свечу. Так будет более реалистично.

Он действительно поставил на стол свечу и зажгёт её. Тусклое пламя озарило два бледных и два бледно-зеленоватых лица, и картина в самом деле стала весьма атмосферной и подходящей. Вот только Ци Жун за пределами монастыря перепугался так, что завыл и запричитал «Что за проделки нечисти?»

Остальная троица ничего против не возымела, Хуа Чэн откинулся назад, Мин И продолжал притворяться трупом. Се Лянь же потёр точку между бровей и произнёс:

— Продолжим... на чём мы остановились? Божок-пустослов. Сказали бы сразу — Гнилоротый чудик. А то я ведь не сразу понял, о ком речь, когда вы назвали его Божком-пустословом.

Ши Цинсюань поразился:

— Ваше Высочество, вы поистине не робкого десятка, разве можно так его называть?

Божка-пустослова хоть и называли «божком», но это наименование существовало лишь на словах, в качестве жеста задабривания, поскольку люди боялись, что если назвать его обидным словом, он может узнать об этом и явиться чинить неприятности. На самом деле всем до зубовного скрежета хотелось ругать его «Гнилоротым божком», «Гнилоротым чудиком», и чем обиднее, тем лучше. Поскольку он представлял собой крайне гнусную тварь.

Верно, любая нечисть в своём роде являлась по крайней мере пугающей. Но именно этот — «гнусным». Поскольку он обожал внезапно появиться в момент, когда человек испытывал радость, и окатить его тазом ледяной воды. Вообразите, пара молодожёнов гуляет на свадьбе, и в самый разгар торжества появляется он, выпивает свадебного вина, а потом вдруг заявляет: «Совсем скоро вы разлучитесь!» Или же другой пример: в чьём-нибудь доме глава семьи получил повышение по службе, и тут выскакивает он и среди всеобщих поздравлений восклицает: «Не пройдёт и нескольких лет, как тебя закуют в цепи и бросят в тюрьму!»

Если уж он к кому-то привяжется, то будет следовать неотступной тенью, и стоит только в жизни жертвы произойти радостному событию, постоянно высказывать совершенно противоположные предсказания. Ясно без слов, насколько это гнусная тварь. В особенности тяжело приходится тем, кто очень страшится недобрых

знамений, от встречи с Божком-пустословом их охватывает смертельное беспокойство. Никому не хочется, чтобы подобное существо пристало к нему. Но уж если такое случилось, остаётся лишь признать собственное невезение, поскольку пока ещё ни одному человеку не удалось понять, как именно он выбирает себе жертву.

Судя по всему, Ши Цинсюань как раз ужасно боялся этой твари. Се Лянь, однако, не придавал этому значения:

— Конечно. Ничего страшного в нём нет.

Если сказать вернее, это самому Божку-пустослову следовало бы его бояться.

Ши Цинсюань воодушевился:

— Вижу, Вашему Высочеству доводилось его встречать? Существует ли шанс окончательно уничтожить подобную тварь?

Поколебавшись мгновение, Се Лянь ответил:

— Очень много лет назад я действительно встречал парочку, но впоследствии они больше не появлялись. Не знаю, удалось ли мне окончательно от них избавиться, но по моему опыту противостоять им в самом деле не так уж трудно.

Ши Цинсюань обрадовался:

— Парочку? Вы справились сразу с двумя?! В таком случае, я и впрямь обратился по адресу! Как же вам это удалось?

И Се Лянь поведал ему, как всё было. В первый раз случилось следующее: много лет назад принцу довелось проходить через небольшой посёлок, в котором богатый купец отправлял дочь на обучение в столицу. Считая дочь весьма способной, он устроил настоящее празднество с флагами и барабанами, вне себя он радости и волнения. Кто мог подумать, что излишняя радость породит печаль, и в разгар прощального торжества вдруг раздастся громкий голос:

— По дороге повозка твоей дочки перевернётся, и она разобьётся на смерть, упав в пропасть с обрыва!

Купец от злости вышел из себя, тут же принялся высматривать говорящего, но тот сразу юркнул под стол и исчез, будто в воздухе растворился.

Тут-то всех и охватил страх. Се Лянь в тот день как раз собирал рухлядь у их дома и попросил немного объедков со стола, а когда собрался уходить, подслушал о случившемся и сразу понял, какую тварь на себя навлекла семья купца. Принц сразу заверил мужчину, что

переживать не стоит, наказал ему отрядить более двадцати телохранителей, включая себя, и вместе с ними доставил девушку в столицу в целости и сохранности, всю дорогу проявляя крайнюю осторожность. Затем принц некоторое время оставался подле молодой госпожи, а через месяц, когда она заняла первое место в состязании красавиц, представился шанс.

Тем вечером в честь девушки устроили пирушку в одном из столичных трактиров, и, как ожидалось, в толпе людей вновь послышалось:

— В будущем тебя...

Едва услышав его голос, Се Лянь тут же схватил прячущуюся в толпе тварь за горло, не давая тому высказать фразу до конца. Затем при помощи талисмана запечатал его тело и избил до беспомощности, а после попросил, чтобы ему выдали повозку, и пронёсся над обрывом, на повороте обрубив упряжку, чтобы тварь свалилась в пропасть вместе с повозкой, как предрекала другим в собственном проклятии.

Остальные трое спросили:

— И это всё?

— Всё. Против Гнило... ну хорошо, Божка-пустослова. Против Божка-пустослова есть три приёма: первый — не дать ему произнести проклятие, заставить проглотить свои слова ещё до того, как они прозвучат. Это спасёт однажды, но не окончательно. Всё-таки впредь он может явиться снова. Второй приём: если он всё-таки высказался, нельзя позволить его жертве услышать проклятие. Кто угодно, услышав в момент радости проклятие в свою сторону, неизбежно ощутит страх, а эта тварь как раз питается страхом, для него нет большего наслаждения. Чем сильнее вы боитесь, тем сильнее он ликует. Ну а если ему удаётся запугать вас до такой степени, что вы от беспокойства портите все свои начинания, как он и предрекал, его магическая сила стремительно возрастает. Но если жертва не глухая, рано или поздно проклятие достигнет её ушей. Да и по правде говоря, даже глухому временами не удаётся избежать проклятия, поскольку некоторые протыкали себе барабанные перепонки, чтобы избежать встречи с тварью, но и это их не спасало. Если же, напротив, как бы он вас ни проклинал, как бы ни пытался испортить праздник, вы останетесь безразличны к его словам, он ничего не сможет с вами сделать. Поэтому самый действенный приём — это третий: как можно

больше веселиться, не устаивая его и толикой внимания, пусть говорит что хочет, сразу же выкидывайте это из головы. Становитесь сильнее сами, устраивайте себе совершенно не такое печальное будущее, которое он предсказал. Таким образом, в конце концов он не сможет получить от проклинания вас никакого удовольствия и, скорее всего, понуро поплетётся прочь. Разумеется, возможно, что он лишь на время затаится, ожидая следующего шанса воспользоваться вашей слабостью.

Хоть этот третий приём был самым действенным, в то же время — самым трудновыполнимым. Ведь кто в мире по-настоящему способен скрепить сердце настолько, что в нём не поднимется ни намёка на волну беспокойства? По мере рассказа брови Ши Цинсюаня сходились к переносице всё теснее. Он спросил:

— Ну а во второй раз? Во второй раз вы справились с ним таким же способом?

— Во второй раз... возможно, этот способ окажется для других бесполезным. Всё же обстоятельства сложились особые.

— И в чём же была их особенность?

— Он избрал своей жертвой меня.

Много лет назад Се Лянь сам повстречался с Божком-пустословом.

В тот день он только-только собственными силами достроил небольшую соломенную лачугу и как раз стоял перед новым жилищем, любуясь своей работой. Внезапно откуда-то из угла донёлся писклявый голос: «Твой дом рухнет спустя два месяца!»

Ши Цинсюань спросил:

— И что вы предприняли?

— Ничего. Я сказал: «Два месяца? Будет поистине удивительно, если он простоит хотя бы семь дней».

Хуа Чэн улыбнулся, но эта улыбка тотчас же померкла.

Божок-пустослов скрывался в темноте, ожидая момента, чтобы пожрать страх, волнение и беспокойство принца. Однако лишь

впустую вдыхал чистый воздух, за весь день ему ничего не досталось — Се Лянь умылся и лёг спать в своём новом доме.

И пускай принц не видел его истинной сущности, всё же мог почувствовать, что тот наверняка очень зол.

Не прошло и нескольких дней — ночью в дом ударила молния, и он сгорел.

Божок-пустослов ужасно обрадовался, должно быть, посчитал, что «сгорел» — это почти то же самое, что «рухнул», а значит, его проклятие сбылось, и Се Лянь на этот раз уж должен испугаться. Однако этого не произошло. Твари по-прежнему не досталось ничего, чем можно утолить голод. Разумеется, он не мог просто так отступить и принялся следовать за Се Лянем, дожидаясь следующего радостного события в жизни принца.

Кто бы мог подумать, что ему придётся ждать больше полугода. Ведь за полгода с Се Лянем не произошло совсем ничего радостного!

Другой давно бы сдался, но у Божка-пустослова есть одна особенность: он обожает преследовать жертву до конца, и уж если за кем-то увяжется, то никак не отстаёт. Так что твари пришлось поголодать полгода. Но в конце концов шанс наконец представился.

Однажды Се Лянь насобирал огромную кучу рухляди, которая сулила ему небольшую, но всё же прибыль. Божок-пустослов возрадовался до колик, ему пришлось терпеть так долго, что теперь он решил приложить все свои умения и, болтая без передыху, выдал длинную тираду проклятий, предсказав Се Ляню красочную жизнь в чревоугодии, пьянстве, разврате и азартных играх, в процессе которой тот заразится страшной болезнью, разорится и останется в долгах как в шелках. Се Лянь же подсчитывал будущую прибыль и с удовольствием его слушал. А дослушав, как обычно умылся и уснул. Божку-пустослову снова ничего не досталось.

Той же ночью куча мусора, которую насобирал Се Лянь, загорелась.

Потушив пожар, измазанный сажей Се Лянь сокрушённо обратился к Божку-пустослову:

— Какая жалость. Всё сгорело, ни на грош не осталось. Мне не удалось испытать ничего из того, что ты вчера наговорил. Жить как во хмелю и умереть как во сне^[206], среди житейских страстей и

богатства... Мне показалось, ты очень интересно рассказывал. Может, повторишь снова?

Подобное случилось три-четыре раза, и в конце концов Се Лянь уже первым спрашивал у Божка-пустослова: Не хочешь ли что-нибудь предречь? Может, скажешь пару слов? И тот в итоге не выдержал — сбежал.

Для Божка-пустослова Се Лянь, дух поветрия, приносящий несчастья, поистине оказался не лучшим выбором жертвы. Либо у него радостных событий не случалось вообще, и приходилось по нескольку лет проводить в пустом ожидании; либо он воспринимал все несчастья как должное и совершенно не испытывал ни страха, ни беспокойства. К тому же невезучесть принца выходила за рамки воображения Божка-пустослова, поэтому от его проклятий принцу было ни холодно, не жарко, они звучали даже пожеланиями счастья или несбыточными мечтами.

В общем, с тех самых пор Се Лянь навсегда избавился от Божка-пустослова. Он даже подозревал, что наткнувшийся на него Божок прибежал туда, где обитали его сородичи, и во всеуслышание ославил принца гадким злодеем.

Дослушав до конца, Ши Цинсюань не выдержал и прыснул со смеху. Хуа Чэн бесстрастно произнёс:

— Что смешного?

Ши Цинсюаню своё поведение тоже показалось неподобающим, и он тут же принял серьёзный вид:

— Простите, Ваше Высочество.

Се Лянь с улыбкой ответил:

— Ничего. Всё равно мне и самому тот случай кажется весьма занимательным. — Принц подытожил: — Божок-пустослов получает магическую силу из людского страха, а затем при помощи этой силы заставляет свои предсказания воплотиться в жизнь, после чего воспроизводит новые. Таким образом, круговорот повторяется, пока его жертва окончательно не окажется в совершенном упадке и потеряет всякую надежду. Поэтому, чем слабее ваша уверенность, тем тяжелее вам с ним придётся; чем большими богатствами вы владеете, тем больше, боюсь, придётся потерять. — Помолчав, он спросил: — Ваше Превосходительство, кто-то из ваших последователей помолился о помощи в подобном деле? Вы ведь Повелитель Ветров, и эти твари

вовсе не в вашей компетенции. Если вам пришла такая молитва, можете перенаправить её Богам Войны.

Ши Цинсюань же ответил:

— Это не кто-то из моих последователей. А я сам повстречался с ним.

Теперь Се Лянь поразился ещё сильнее:

— Вы сами? Но Божок-пустослов обычно не осмеливается докучать небожителям. А если такое всё же случается, с высоты своего величия небесным чиновникам не стоит его бояться.

Ши Цинсюань вздохнул:

— Если бы я встретил его после вознесения, разумеется, случай не стоил бы беспокойства, но... это долгая история.

Рассказывают, что несколько сотен лет назад Повелители Ветров и Вод, как простые смертные, родились в семье знатного и богатого купца.

Ши Цинсюань был вторым сыном, и его рождение принесло в дом всеобщую радость. Ребёнка нарекли молочным именем «Сюань», в честь его появления устроили щедрую раздачу бесплатной каши голодающим и другие благотворительные мероприятия. Тогда к дому пришёл гадатель, выпил каши, посмотрел на младенца в пелёнках, спросил гороскоп его рождения и изрёк такие слова:

— Раз уж я отведал вашей каши, то скажу вот что. Судьба вашего сына пусть и благоприятна, но всё же не так проста. Если хотите уберечь его от беды, нужно жить как можно скромнее, чтобы не воспитывать в нём с детства стремление показать себя. Не позволяйте ему гоняться за славой и накажите молчать о богатстве. Так он сможет провести свою жизнь в мире. И ни в коем случае не устраивайте праздников в его честь, не то навлечёте дурное.

Слова прозвучали поистине неприятно, прямо-таки схоже с проклятием Божка-пустослова. А в семье купца Ши и подавно все запрещённые гадателем вещи представляли исключительную важность. Гадателя сразу без церемоний прогнали, а его слова, разумеется, никто не воспринял всерьёз. Спустя несколько дней в честь Ши Цинсюаня устроили торжество с фонарями и флагами, гонгами и барабанами.

Однако в разгар праздника, когда все пили вино и веселились, наперебой выкрикивая поздравительные речи второму молодому

господину дома Ши, завёрнутому в пелёнки, внезапно из-под земли раздался голос, который воскликнул:

— Не видать ему хорошего начала, не видать хорошего конца!

Этот голос, прозвучавший откуда-то из-под ног, заглушил все остальные голоса присутствующих на торжестве и до ужаса всех перепугал.

Пирующие в панике разбежались, а той же ночью младенец Ши Цинсюань подхватил жар, который никак не удавалось сбить, и постоянно плакал, да ещё отхаркивал желчь. Все домашние от страха были сами не свои, и тут вспомнили гадалея со странным предсказанием, которого они совсем недавно прогнали взашей. Второпях отправившись на поиски, они отыскали его и пригласили в дом. Гадатель сказал им следующее:

— Я ведь предупреждал, оставьте стремление к славе, а вы не послушали. В этот раз ребёнок столкнулся с истинным божеством, и в жизни его ждут нескончаемые беды. Жар — это ещё цветочки, вскоре отступит. Это пока лишь Его приветствие вам!

Разумеется, столкнулись они именно с Божком-пустословом. Вот только не простым, которого можно было легко прогнать, а самой старой и самой сильной тварью. До какой степени сильной? Он мог омрачить жизнь своей жертвы, не дожидаясь радостного события. Поэтому его называли «истинный Божок-пустослов».

И этот самый «истинный божок» мог, что называется, три года не работать, а как заработать, кормиться три года. Каждый из тех, на кого он положил свой злой глаз, являлся великой личностью, пережившей высокий взлёт и жестокое падение, оставившей после себя множество легенд. Кому-то удавалось его одолеть, но приходилось бороться всю жизнь, давая при этом ему немало пищи; кто-то проигрывал эту битву и становился лишь очередным источником его магических сил. За многие годы тварь накопила таких немало. Теперь же он, передохнув более сотни лет, по собственным подсчётам решил, что настало время выбраться на охоту и на этот раз непременно отхватить кусок побольше. Весьма кстати по вкусу Божку-пустослову и подвернулась судьба новорождённого Ши Цинсюаня, поэтому он и избрал того своей жертвой. И хотя пока что младенец, даже услышав его предсказание, ничего не понял, всё же когда-нибудь мальчик вырастет и поймёт, и однажды его охватит страх. Кроме того, страх, который поселится в

сердце ещё в младенчестве, пустит там глубокие корни и уже никогда не рассеется.

К счастью, у подобных тварей в голове всего одна извилина, и образ мышления довольно странный, не как у обычных людей. Поэтому гадатель придумал такую уловку, чтобы обмануть Божка-пустослова: сначала отослать Ши Цинсюаня из дома Ши, притворившись, что отдали другим людям на воспитание, а затем изменить его облик, переодеть в девочку и вернуть обратно, сказав всем, что это воспитанница, которую взяли из другой семьи. Затем наказать всем домашним, чтобы к молодому господину обращались «молодая госпожа», и с младых ногтей наряжать и воспитывать его как девочку. Если Божок-пустослов не найдёт того мальчика, которого когда-то приметил, пройдёт время, и возможно, он и вовсе не вспомнит, кого же именно избрал тогда своей жертвой.

Так Ши Цинсюань в самом деле мирно и без происшествий дожил до десятилетнего возраста.

За десять лет их когда-то знатный и богатый дом постепенно пришёл в упадок. Родителей не стало, остальные родственники принялись строить козни друг против друга, борясь за оставшееся имущество. Ши Уду опротивели семейные дразги, и он, в возрасте шестнадцати лет, покинул дом, взяв с собой Ши Цинсюаня, всего на несколько лет младше его самого.

Братьям теперь пришлось полагаться лишь друг на друга, и первым шагом Ши Уду стало посещение горной обители мастера самосовершенствования, к которому он попросился в ученики. Младшего брата он поселил в посёлке под горой. Каждый день Ши Уду занимался тренировками и медитациями до позднего вечера, спускаясь с гор с наступлением ночи. На горе негде раздобыть съестного, и потому он принимал пищу, только добравшись до дома. Однажды Ши Уду так увлёкся перенятием знания от Мастера, что позабыл о времени. Ши Цинсюань долго ждал возвращения брата, но, так и не дождавшись, заперезживал, что тот останется голодным, поэтому решил сам подняться на гору и принести ему еды.

В те годы Ши Цинсюань был всего лишь ребёнком и не умел ходить по горам, к тому же ночью повсюду стояла кромешная тьма, и ему пришлось идти с коробочкой для еды очень долго, поэтому по дороге он захотел сходить по большой нужде. Для этого Ши Цинсюань

остановился на горной тропе и задрал юбку. Внезапно впереди издали показалась тёмная фигура, которая спросила:

— А не Сюань-эр ли это?

Мальчик услышал, как незнакомец назвал его молочное имя, и решил, что это брат послал за ним кого-то с горы. Он тут же опустил юбку и ответил:

— Это я!

Незнакомый голос задал ещё вопрос:

— Гороскоп твоего рождения — такой-то год, такой-то месяц, такой-то день и такой-то час?

Ши Цинсюань удивился ещё больше. Во-первых, потому что незнакомец вдруг спросил его о гороскопе, а во-вторых, потому что сам назвал его без единой ошибки.

Ребёнок ответил:

— Верно! Откуда вы знаете? Кто вы? Вы знакомы с моим братом?

Голос не ответил, только в конце концов подозвал его:

— Подойди ко мне, дай мне разглядеть твоё лицо.

Это прозвучало приказом. На сей раз Ши Цинсюань наконец почувствовал неладное.

Подхватив коробку с едой, он пустился бежать. Но как ни бежал, всё равно слышал за спиной порывы сильного ветра и безумный хохот — тварь неотступно следовала по пятам и вдруг выкрикнула:

— Ты вот-вот споткнёшься и упадёшь!

У Ши Цинсюаня душа ушла в пятки, но едва услышав «упадёшь», он и впрямь покатился кубарем и разбил коробку с ужином, размазав рис по земле. И когда тварь почти настигла ребёнка, подоспел Ши Уду.

Увидев, что кто-то приближается, Божок-пустослов исчез без следа. Ши Уду поднял с земли младшего брата, который разбил до крови и измазал рисом лицо. Оба испытали крайний испуг.

Тварь всё-таки обнаружила жертву!

От него прятались так много лет, и когда истинный Божок-пустослов отведал первый лакомый кусочек, то начал навещать мальчика с завидным постоянством, каждый раз появляясь всё внезапно. Уровень его магических сил оказался слишком высок — семейное дело дома Ши пошло прахом, и ни один из заклинателей, которых нанял Ши Уду, не справился со своей задачей. Тогда старший брат не мог выбросить на ветер миллион добродетелей, чтобы его

голос донёлся напрямик до Верхних Небес. И хотя тварь ни разу не покусилась на жизнь Ши Цинсюаня, братья понимали — он всего лишь хочет откормить жертву, как поросёнка, чтобы затем убить. А пока что ограничивался лёгкими оплеухами, чтобы не забывал его бояться, но когда-нибудь наступит день для серьёзного удара. Он поступал будто охотник, который не желал убивать добычу сразу одной стрелой, прервав её мучения, а намеренно пускал несколько стрел вскользь, чтобы страх жертвы достиг предела. Именно этого он и добивался, чтобы насытиться.

Словно бы медленная казнь — линчи.

К счастью, наконец наступил шанс изменить положение дел к лучшему. После нескольких лет тяжких тренировок и резких скачков в самосовершенствовании... Ши Уду вознёсся на Небеса.

Едва это произошло, он сразу же подтянул Ши Цинсюаня до чиновника Средних Небес и после всячески помогал брату. И вот, не прошло и нескольких лет, как Ши Цинсюань также успешно достиг вознесения. С тех самых пор о Божке-пустослове не было ни слуху ни духу.

Ши Цинсюань посчитал как должное, что тот наконец отступил, встретившись с непосильной задачей. Однако, возможно, он лишь слишком многого хотел.

Несколько дней назад Ши Цинсюань отправился выпить вина с друзьями и в самый разгар хмельного веселья вдруг услышал над ухом чей-то голос, полный злобы:

— Даже не мечтай ещё когда-нибудь увидеть своего брата!

Голос оказался до дрожи знакомым — начиная с десятилетнего возраста и до дня своего вознесения Ши Цинсюань слышал его почти каждый год по нескольку раз. Страх перед тварью давным-давно вьелся в его кости, поэтому теперь голос прозвучал над ухом подобно грому. Ши Цинсюань мгновенно протрезвел и с перепугу ночью помчался во владения Пэй Мина, чтобы своими глазами убедиться, что Ши Уду прекрасно проводит время в компании Линвэнь и Мингуана, лишь тогда его сердце перестало колотиться как бешеное.

После он начал подозревать, не мог ли тот голос ему померещиться. Всё-таки с самого детства эта тварь зародила в его душе мрачную тень, и раньше такое случалось уже не раз. Но, всесторонне обдумав случившееся, Ши Цинсюань всё-таки не смог

окончательно успокоиться, поэтому прихватил с собой Мин И и под предлогом навестить в гости к принцу решил заодно задать пару вопросов. Кто же мог подумать, что в монастыре Водных каштанов они натолкнутся на Хуа Чэна... Поистине для неприятелей всякая дорога узка.

Выслушав рассказ, Се Лянь произнёс:

— Ваше Превосходительство, получается, вы повстречали тварь совершенно иного уровня, нежели та, с которой столкнулся я. — Минуту поразмыслив, принц обратился к Хуа Чэну: — Сань Лан, доводилось ли тебе видеть истинного Божка-пустослова своими глазами?

Хуа Чэн игрался с палочкой в руках, когда принц задал ему вопрос. Он ответил:

— Хм? Своими глазами не доводилось. Но кое-кто из знакомых его видел.

Се Ляню стало крайне интересно, что это за «знакомые», но всё же принц не стал спрашивать лишнего, только задал два вопроса:

— И насколько же высок его уровень? Он на самом деле так силён?

Хуа Чэн бросил играть с палочкой для еды и не спеша произнёс:

— Очень высок.

После его ответа выражения лиц Ши Цинсюаня и Мин И сделались более серьёзными и сосредоточенными.

Хуа Чэн добавил:

— Он не похож на обыкновенную мелочь, с ним действительно трудно совладать.

При фразе «трудно совладать» его лицо осталось прежним, будто бы он просто вёл вежливый разговор. Но всё же заполучить подобную оценку от Хуа Чэна весьма непросто. Се Лянь обратился к Повелителю Ветров:

— Ваше Превосходительство, как видно, проблема немаленькая! Почему же вы не расскажете о ней Повелителю Вод?

Ши Цинсюань замахал руками:

— Нет, нет. Вы же знаете, моему брату вскоре предстоит очередная Небесная кара, что если он в столь решающий момент отправится биться с истинным Божком-пустословом и потеряет необходимую сосредоточенность? Необходимо хранить это в секрете,

чтобы никто больше не узнал. Я не рассказал ни одному небесному чиновнику, который состоит в дружеских отношениях с братом.

Каждый небожитель за всю жизнь мог далеко не единожды подвергнуться Небесной каре. И чем больше подобных испытаний он выдерживал, тем выше становился его уровень, тем стабильнее делалось его положение и тем мощнее оказывались его магические силы. Ши Уду уже являлся небесным чиновником, прошедшим через две Небесные кары, и Се Лянь как-то давно мельком услышал в сети духовного общения, что он как раз ожидает третьей. Если в тот момент он отвлечётся на что-то, это действительно может неблагоприятно повлиять на итог. Если встреча с Небесной карой закончится провалом, что ни говори, а уровень магических сил упадёт на порядок.

Три небожителя и демон не видят истинного

Ши Цинсюань абсолютно серьёзно произнёс:

— Я хочу попробовать справиться с тварью сам. Ну и, что ни говори, а вы, Ваше Высочество, уже имеете некоторый опыт в подобных делах. Не найдётся ли у вас свободное время? Если нет, то не стоит в ущерб себе его освобождать.

Ранее Ши Цинсюань уже помогал Се Ляню, и не раз. А теперь ему самому понадобилась помощь, и когда Повелитель Ветров попросил о ней принца, Се Лянь просто не мог отказать, сославшись на занятость или недостаток возможностей даже при наличии желания. Но ведь у него гостил Хуа Чэн, который не успел прожить в монастыре и нескольких дней. И если Се Лянь покинет монастырь, то кто же останется привечать Хуа Чэна? Впрочем, у самого принца это и так не очень-то получалось.

Пока принц пребывал в раздумьях, Хуа Чэн, подперев рукой подбородок, вдруг улыбнулся:

— Гэгэ, хочешь отправиться поглядеть на этого Божка-пустослова? Если не гнушаешься моим присутствием, не изволишь ли прихватить меня с собой? Всё-таки столь редкую тварь мне и самому не доводилось видеть своими глазами.

Се Лянь подумал: «Какая удача, что Сань Лан меня понимает». Принц был ужасно тронут таким участием и благодарно закивал. Ши Цинсюаню же нечего было сказать — он прекрасно осознавал, что Хуа Чэн предложил свою компанию вовсе не ради помощи ему, но, по

крайней мере, вреда от него не будет, и потому совершенно не важно, отправится он с ними или нет.

Се Лянь произнёс:

— Но ведь Божок-пустослов всегда возникает неожиданно, и неизвестно, где и когда он появится в следующий раз.

Ши Цинсюань ответил:

— Мне это тоже неизвестно. Но если ничего другого не остаётся, я думаю, отличное решение — снять лучшее питейное заведение в столице и гулять дни напролёт, каждый день взрывая петарды и слушая громкие песнопения актёров оперы. Рано или поздно он появится.

— Это действительно выход. Но даже если он покажется, сможем ли мы изловить его — вот вопрос. Познай себя, познай противника — и в ста сражениях будешь непобедим. Ваше Превосходительство, не узнавали ли вы, что за люди становились его жертвами в прошлом? Как они вершили дела и каков был их характер? Нет ли здесь некоей закономерности?

— Мой брат, разумеется, давным-давно всё разузнал, — с такими словами он выудил из рукава свиток, который развернул и показал принцу.

Се Лянь, пробежав по свитку глазами, не удержался от возгласа:

— Весьма, весьма.

Ну даёт! Истинный Божок-пустослов в самом деле ловил только крупную рыбу, а на что помельче ленился и удочку закидывать. Почти все имена в свитке оказались прославленными видными личностями, и к тому же ни один не избежал страшной кончины. Каждый погиб, покончив с собой, не вынеся страданий.

Разбитый в пух и прах воин избрал смерть, приставив к горлу клинок; когда-то владевший несметными богатствами, разорившись до копейки, прощался с жизнью, повесившись на широкой шёлковой ленте; искавший славы, да недоискавшийся, опускал руки и отдавал свою жизнь на волю судьбы, вечно падая в пучину безысходности. Все эти люди потерпели поражение не от Божка-пустослова. А от собственного страха «всё потерять».

Впрочем, в списке не значилось правителей государств. Ведь настоящего правителя защищает аура Сына Неба, и любой нечисти непросто к нему подступиться. На самом деле, тех, кто от рождения

способен вознестись, как правило, тоже защищает ореол духовной силы, отталкивающий подобных тварей. Поэтому Се Лянь смутно заподозрил, что тварь прицепилась к Ши Цинсюаню не просто так, а, возможно, кто-то намеренно натравил её. Если это и впрямь так, противник наверняка очень непрост. Но ведь Ши Цинсюань стал мишенью Божка-пустослова ещё в младенчестве, каким же образом он мог перейти дорогу подобной могущественной личности?

Внезапно Хуа Чэн попросил:

— Гэгэ, могу я взглянуть?

Се Лянь протянул свиток Хуа Чэну:

— Прошу.

Хуа Чэн бросил на записи поверхностный взгляд и спросил:

— Кто это написал?

Ши Цинсюань ответил:

— Мой брат. А в чём дело?

Хуа Чэн отшвырнул свиток на стол.

— Да ни в чём. Здесь ошибка на ошибке. Советую твоему братцу всё переделать.

Ши Цинсюань хлопнул ладонью по столу:

— Собиратель цветов под кровавым дождём!

Се Лянь потянул его за одежду и извиняющимся тоном произнёс:

— Ваше Превосходительство, прошу, сядьте. Не берите в голову, для Сань Лана это привычная манера вести разговор, он вовсе не специально.

Ши Цинсюань сел, но с сомнением пробормотал себе под нос:

— «Обычная манера»?

Се Лянь же повернулся к Хуа Чэну и спросил:

— Сань Лан, те ошибки, о которых ты говоришь, в чём именно они заключаются?

Хуа Чэн тоже подвинулся к нему, так что они теперь сидели намного ближе друг к другу. Он указал на несколько имён:

— Вот тут — ошибки.

Се Лянь взгляделся в строки и прочёл, что все те люди были деспотичными князьями, чья тирания достигла своих пределов.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что их убил я.

Се Лянь поразился:

— Но разве не все в списке покончили с собой?

Хуа Чэн объяснил:

— Перед тем как браться за дело лично, я послал гонцов, чтобы передали от меня привет, вот они и убились сами. Не знаю, можно ли записать их убийство на мой счёт?

Не ясно, считать ли Хуа Чэна причастным к убийствам, но, наверное, он был честен в своих словах.

Ши Цинсюань нервно кашлянул и тихонько пробормотал:

— Давайте, пожалуйста, демоны не будут при небожителях чистосердечно описывать, как они кого-то убили. И ещё, пожалуйста, давайте демоны не будут открыто обсуждать подобные вопросы с небожителями в присутствии других небожителей.

Хуа Чэн тем временем указал ещё на несколько имён:

— И вот здесь — тоже ошибки.

— А их кто убил?

— Черновод.

Се Лянь удивлённо замер:

— Чёрный демон в чёрных водах? Он разве не отличается тихим скромным нравом?

— Это не значит, что он не способен никого убить, — ответил Хуа Чэн, а после обратился к Ши Цинсюаню: — Ваш многоуважаемый брат дал вам свиток, полный ошибок. Он вовсе не занимался поисками жертв со всей внимательностью. Даже возникают подозрения, что он намеренно спутал факты. Так что этот свиток — просто бесполезная ветошь. Поэтому я предложил разорвать его и сделать заново.

Ши Цинсюань отобрал у него свиток и воскликнул:

— Мой брат так бы не поступил! — и хотя слова эти казались блёклыми и не имели силы, тон Повелителя Ветров полнился уверенностью.

Ши Уду, должно быть, не стал бы проявлять небрежность в том, что касалось родного брата. В таком случае, существовало ещё одно объяснение.

Се Лянь спросил:

— В каждом деле есть свои умельцы. Должно быть, Его Превосходительство Повелитель Вод в процессе поисков также обращался к кому-то за помощью. Позвольте спросить, кто помогал ему составить свиток?

Поколебавшись мгновение, Ши Цинсюань ответил:

— Линвэнь.

Се Лянь замолчал и потёр точку между бровей. Дворец Линвэнь действительно обвинялся чиновниками других дворцов в низкой эффективности, но всё же они не могли сработать настолько плохо, чтобы допустить так много ошибок, ведь свиток походил на простой черновик для отписки! К тому же, отношения между Опухолями прекрасные. По крайней мере, с виду — прекрасные. Но какая же на самом деле случилась путаница, посторонним, как видно, так просто разобраться не получится.

Хуа Чэн откинулся назад и продолжил:

— Расскажу вам ещё один признак, как отличить фальшивку от подлинника: истинный Божок-пустослов, стоит ему выбрать жертву, уничтожает растение с корнем — не только его цель погибает, полностью поверженная, но и его родственники и друзья — все попадают под удар. Поэтому, если те, кто значится в списке, умерли, а их родные и близкие живут-поживают припеваючи, следовательно, это тоже ошибочные записи.

Ши Цинсюань мгновенно побелел. Затем вновь востроился и обратился к Мин И с деланной усмешкой:

— Но ведь получается, что и ты, Мин-сюн, тоже в опасности? Ты ведь мой лучший друг!

Мин И отсел от него подальше, притом на лице его так и читалось: «А можно я обойдусь без такого лучшего друга как ты?» Но тем самым Повелитель Земли оказался ближе к Се Ляню, за что тут же получил от Хуа Чэна взгляд, подобный удару ножа. Се Лянь заулыбался, видя, что Ши Цинсюань даже в подобных обстоятельствах не забывает пошутить, но всё же и принц смутно разглядел его обеспокоенное состояние. Или лучше будет сказать, что именно беспокойство заставляло его пребывать в приподнятом настроении, как способ бороться с ним. Ши Цинсюань раскрыл свой веер и принялся обмахиваться им, быстрее обычного раз в пять. Его чёрные волосы растрепались от порывов ветра. Он произнёс:

— Что ж, давайте же выдвигаться прямо сейчас! Наведаемся на высокую террасу самого великолепного питейного заведения, где будем утопать в роскоши. Посмотрим, посмеет ли он высунуться, когда нас так много. Нас-то больше! Ха-ха-ха-ха-ха...

Се Лянь ответил:

— Ваше Превосходительство, прошу вас, пока что успокойтесь. Подождите немного, я ещё должен уладить несколько дел в своём монастыре.

Неизвестно, надолго ли он собирался покинуть монастырь, а ведь здесь останутся два мальчика и ещё один демон, поселившийся в теле живого человека. Не мог же принц оставить их на произвол судьбы. Он хотел найти кого-то из местных, чтобы спокойно оставить заботу о мальчиках и Ци Жуне на него, но Хуа Чэн, как всегда, безошибочно угадал его намерения:

— Если гэгэ непременно хочет пойти, может отправляться, ни о чём не волнуясь. У меня есть помощники. Когда ты покинешь монастырь, они непременно явятся, чтобы за всем здесь проследить.

Се Лянь испустил вздох облегчения:

— Спасибо тебе, Сань Лан. Всё-таки присмотреть здесь за всем не помешает.

Хуа Чэн улыбнулся:

— Ага. Проследить не помешает.

Очевидно, что слова обоих «присмотреть» и «проследить» имели разный смысл. Однако никто не стал допытываться. Мин И отодвинул стол для подношений и приступил к рисованию на полу магического поля Сжатия тысячи ли. Ши Цинсюань обмахивался веером всё быстрее, так что сам веер превратился в размытую тень. Он обратился к принцу:

— Верно, Ваше Высочество, я забыл спросить, а кто это валяется у входа? И что я ему такого сделал, раз он осыпал меня нечеловеческой бранью, едва раскрыв рот?

Если бы Ци Жун услышал, что о нём всё-таки спросили в завершение разговора, и то как бы невзначай, его бы вновь задушила сердечная жаба. Се Лянь подумал, что тот в самом деле не умеет говорить по-человечески.

— Но ведь он уже представился, разве нет? — сказал принц, подбирая обмякшую в уголке Жое и Фансинь.

Ши Цинсюань опешил:

— Что? Это и правда Лазурный демон? С такими вот выходками??? Поистине, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!

Се Лянь потёр точку между бровей и в двух словах объяснил, что случилось, настойчиво попросив Повелителя Ветров держать всё в секрете, в особенности от Лан Цяньцю.

Пока они перекинулись парой фраз, Мин И уже закончил рисовать поле Сжатия тысячи ли. В прошлый раз Нань Фэну понадобилось в разы больше времени, а рисунок получился грубым и небрежным. Здесь же всё совершенно иначе — Мин И управился быстро, но при этом не допустил ни единой поправки, каждый штрих был точно выверен, и от руки изображённый круг казался даже ровнее, чем если бы его рисовали при помощи измерительных приспособлений. Иероглифы также вышли безукоризненно ровными, будто оттиск гравировки. Се Лянь невольно поразился в душе.

Закончив рисовать, Мин И произнёс:

— Идём.

И Ши Цинсюань лёгким выдохом задул свечу.

Хуа Чэн шёл впереди, он первым и толкнул дверь, которая со скрипом открылась. Снаружи оказалось совершенно темно, будто бы они перенеслись в старое, много лет заброшенное помещение, где в воздухе стоял запах плесени и пыли.

Следом за Хуа Чэном шёл Се Лянь, который тихо поблагодарил Хуа Чэна за то, что тот вызвался идти впереди, затем — Ши Цинсюань, и замыкал процессию Мин И, который закрыл за ними дверь.

Именно в тот миг, когда дверь закрылась, в темноте внезапно послышался голос, зловеще прошипевший из-за двери за их спинами:

— Место, куда ты собираешься пойти, станет кошмаром, который ты никогда не захочешь вспоминать!

При первых же звуках голоса Се Лянь развернулся и пинком вышиб дверь.

Дерево тут же проломилось от удара, но магическое поле уже потеряло свою силу, и за дверью не оказалось монастыря Водных каштанов, а только груда бесполезного ржавого барахла. Воинственный жест принца поднял в воздух клубы пыли, и Се Лянь закашлялся, возрадовавшись, что не испортил дверь, сработавшую руками Хуа Чэна. Прикрывая лицо рукавом, он спросил:

— Это и был тот самый истинный Божок-пустослов?

Ши Цинсюань крепко сжал в руках свою метёлку и веер.

— Это его голос! Он что... всё это время находился рядом со мной?

Се Лянь, отмахиваясь от пыли, возразил:

— Невозможно. Только что в комнате было три небожителя и один Князь Демонов. Если бы что-то увязалось за вами, неужели мы бы не заметили этого? Наверняка он возник только что.

Мин И также произнёс:

— Успокойся.

Ши Цинсюань ответил:

— Я спокоен. Я совершенно спокоен. Я уже давно спокоен!

Хуа Чэн впереди неторопливо сказал:

— Спокойствие не мешает, но вот всё ли в порядке, ещё вопрос. Кто-нибудь знает, что это за место?

Се Лянь огляделся по сторонам и тоже спросил:

— Мы ведь собирались отправиться в лучшее питейное заведение столицы?

Как ни погляди, а заброшенная лачуга не походила на питейное заведение, о котором говорил Ши Цинсюань. Они прошлись по помещению и нашарили дверь, запертую на несколько больших замков. Се Лянь вновь вышиб дверь ногой, замки разбились, и дверь открылась. А после перед ними предстали никакие не горы мечей и море огня, не загадочные места обитания нечистой силы, а совершенно обыкновенный, ничем не примечательный маленький посёлок.

Хуа Чэн поднял бровь:

— Не думаю, что столица выглядит вот так.

Се Лянь полностью согласился с ним, облик и величие столицы ни в какое сравнение не шли с маленьким посёлком, подобным этому. Обернувшись, принц спросил:

— Ваше Превосходительство Повелитель Земли, может быть, вы ошиблись в начертании поля?

Мин И возразил:

— Не ошибся. Первоначально конечной точкой назначалось не это место.

Се Лянь сразу же всё понял. Это означало, что постаралась тёмная тварь. Это он прислал их сюда.

Ши Цинсюань спросил:

— Он проник в монастырь Водных каштанов после нашего отбытия и злоумышленно изменил начертание поля? — но тут же сам отверг это предположение: — Нет! Так случиться не могло.

Се Лянь согласился:

— Это невозможно. Мы уже открыли дверь и вышли из неё. Даже если он проскользнул в монастырь после и внёс изменения, мы всё равно должны были оказаться в назначенном месте, ведь когда магическое поле пришло в действие, менять начертание бессмысленно. Поэтому у него оставалось всего одно мгновение на исполнение своего плана.

Тот самый, короткий миг, когда Мин И дорисовал поле, Ши Цинсюань задул свечу, и монастырь Водных каштанов погрузился в темноту!

Но тогда это вновь расходилось с предыдущим суждением Се Ляня. Ши Цинсюань произнёс:

— Но ведь совершенно ясно, что в монастыре находились лишь мы вчетвером.

На клочке пространства монастыря Водных каштанов уместились три небожителя и один Князь Демонов. Появись среди них кто-то лишний, разве могли они не заметить? Но если предположить, что кто-то из четверых, воспользовавшись темнотой, подтасовал карты, на кого падёт наибольшее подозрение?

Ши Цинсюань бросил невольный взгляд на Хуа Чэна. И хотя тут же отвёл глаза, от внимания последнего это не ускользнуло. Хуа Чэн улыбнулся:

— Что вы на меня смотрите? Если спросите моего мнения... вам не кажется, что Повелитель Земли вызывает многим больше подозрений?

Мин И тоже одарил его взглядом вскользь. Хуа Чэн продолжил:

— Не ходите вокруг догадок о том, что кто-то внёс поправки в магическое поле. Что если он изначально нарисовал его неверно?

Мин И не выразил протеста. Он не выразил вообще ничего. А вот Ши Цинсюань не пожелал слушать:

— Градоначальник Хуа, погодите-ка минутку! Я понимаю, что между вами случались конфликты. Но всё же, Мин-сюн вовсе не такой человек. В этот раз я попросил его о временном содействии, и у него нет никаких причин так поступать.

Хуа Чэн парировал:

— Чтобы что-то сделать, причина вовсе не обязательна. На самом деле, даже на Ваше Превосходительство ложится немалое подозрение.

— А?! — Ши Цинсюань никак не ожидал такого поворота, он указал на себя: — На кого? На меня?!

Хуа Чэн хмыкнул:

— Ага. Вор кричит «держи вора», такое сплошь и рядом случается. Для чего же именно вы явились? Если вы с вашим уважаемым братом действительно настолько сильно боитесь истинного Божка-пустослова, для чего намарали кучу бесполезных свитков? Если предположить, что это вы сговорились и придумали план, чтобы ввести нас в заблуждение и заманить сюда... такое тоже вполне вероятно.

Судя по его взгляду, становилось ясно — он лишь беззастенчиво городит всё, что взбредёт на ум, но делает это с таким видом, что любой слушатель исполнится подозрений. Ши Цинсюань и сам начал колебаться:

— Я... неужели мне настолько нечем себя занять?

Хуа Чэн усмехнулся:

— Аналогично. Мне не настолько нечем себя занять.

Он отвечал тем же выпадом, с каким нападали на него самого. Се Лянь же как раз задумался над важным делом, поэтому помахал рукой:

— Ну полно вам, перестаньте. Мы ещё не разобрались с проблемой, а вы уже начали подозревать своих.

Хуа Чэн лишь хохотнул, но ничего не сказал. Его отношение было яснее ясного — помогать не станет, но и мешать тоже. Он здесь просто для того, чтобы развлечься. Не стоит возлагать на него надежд, но и остерегаться нет причин.

Поколебавшись, Се Лянь произнёс:

— На самом деле, существует ещё одна вероятность. А именно — пока Его Превосходительство Повелитель Земли рисовал магическое поле в монастыре, кто-то изобразил более мощное поле снаружи, на двери монастыря.

Тогда Ши Цинсюань, чтобы Ци Жун снаружи их не услышал, бросил на дверь заклятие, поглощающее звуки, таким образом запечатав монастырь Водных каштанов, отгородив от внешнего мира. Но если кто-то, напротив, решил бы что-то сделать снаружи здания,

это было бы не в пример труднее обнаружить, чем внутри. А когда друг с другом столкнулись два одинаковых магических поля, победило сильнейшее. И эта «победа» определялась не только магическими силами исполнителя, но также и тем, что использовали для начертания рисунка. Мин И воспользовался старой киноварью, которую выбросили какие-то заклинатели, а Се Лянь подобрал, собирая мусор. Если же кто-то другой написал «подавляющее поле» при помощи свежей крови, разумеется, оно вышло на порядок сильнее.

Ши Цинсюань сразу же принял эту версию:

— Снаружи? А может, это Лазурный демон? Но в его состоянии... разве может он кому-нибудь пакостить?

Се Лянь усомнился:

— Вряд ли...

— Он не сможет двигаться ещё неделю. Но снаружи оставался не только он, — произнёс Хуа Чэн бесстрастным тоном, но будто на что-то намекая.

Се Лянь сказал:

— В общем, давайте пока не будем предаваться бессмысленным гаданиям, чтобы не подрывать доверие друг к другу. — Он прошёл пару шагов, затем добавил: — Слова этой твари прозвучали уж очень странно. Почему он сказал, что это место станет для Повелителя Ветров «кошмаром, который он никогда не захочет вспоминать»? Неужели мы здесь с чем-то столкнёмся?

Оглядевшись по сторонам, Ши Цинсюань нахмурился.

— Постойте... Кажется, это...

Он не успел закончить фразу, как взгляд Мин И сделался суровым, и он нанёс удар ладонью, целясь в голову Ши Цинсюаню. Се Лянь выкрикнул:

— Осторожно, сзади!

Однако ладонь Мин И с громким треском разбила на части что-то широкое и прямоугольное. Этот предмет упал с потолка, едва не попав в голову Ши Цинсюаню. Тот отскочил на несколько чи и, похлопывая себя по груди, воскликнул:

— Опасно, как это было опасно!

Однако, когда Повелитель Ветров опустил взгляд, его зрачки резко сузились. Се Лянь тоже слегка изумился, подойдя посмотреть. Упавший предмет оказался табличкой, которую используют для

написания названий храмов, и на ней красовались золотые иероглифы на синем фоне, гласящие: «Храм Ветров и Вод».

Разбить табличку, украшающую храм небожителя, на две половины... поистине нарушение серьёзного запрета. Мин И опустил руку и застыл с невозмутимым лицом, а Ши Цинсюань, выйдя из лёгкого потрясения, махнул рукавом, чтобы смести расколовшуюся пополам табличку прочь из поля зрения, затем шёпотом заговорил:

— Всем держать случившееся в секрете! В секрете! Ни в коем случае никому не рассказывайте. Если брат узнает, что кто-то разбил его табличку, с ума сойдёт от злости!

Се Лянь развернулся:

— Так значит... это храм Ветров и Вод?

Именно, заброшенное здание, из которого они вышли, оказалось храмом Ветров и Вод.

Повелитель Вод являлся божеством богатства и процветания, а кто же не любит богатство? В храмах, где он был покровителем, огни благовоний не угасали, и подобная картина запустения и заброшенности казалась такой же невероятной, как если бы кто-то раскидал по улице бумажные деньги, оставив под ветром, солнцем и дождём, а их никто не подбирал. Ши Цинсюань вновь ворвался в храм. Внутри всё оплетала паутина и покрывал толстый слой пыли, царила атмосфера унылой заброшенности, словно люди позабыли дорогу сюда. Перерыв всё вверх дном, Повелитель Ветров наконец отыскал в куче мусора в дальнем углу две божественные статуи, на которые больно было взглянуть.

У изваяния Повелителя Ветров в женском облике не хватало руки и ноги, а у мужской статуи Повелителя Вод просто-напросто отсутствовала голова. Причём она определённо не отвалилась от времени сама по себе. Кто-то явно отколол голову и разбил в мелкую крошку острым орудием, будто бы желал выместить на статуе бескрайнюю злобу. Как нарочно, оба божества были изображены крайне приближенно к оригиналу, выглядели совсем как живые, и теперь, когда скульптуры лежали на полу зловещего древнего храма, совершенно разбитые, но при этом улыбочивые, остальным от взгляда на них становилось не по себе.

Ши Цинсюань обеими руками приобнял статуи и прижал к груди, вопрошая:

— Что же это за месть? Что за ненависть?

Се Ляню это зрелище тоже бросилось в глаза чьим-то дурным намерением, но ради того, чтобы немного успокоить Ши Цинсюаня, принц мягко произнёс:

— Не впадайте в панику, Ваше Превосходительство. Кто-то поклоняется, кто-то рушит храмы, это абсолютно нормальное явление, не стоит из-за него переживать. Наверняка это Божок-пустослов специально подстроил, чтобы вызвать у вас страх и подпитаться магической силой.

Мин И же сказал коротко и ясно:

— Ты в порядке или нет? Не справишься, так давай вернёмся.

Ши Цинсюань стёр пыль с лица своей статуи, стиснул зубы, покрепче сжал Веер Повелителя Ветров и внезапно вскочил на ноги.

— Я справлюсь! Посмотрим, что за зелье он продаёт в своём кувшине^[207].

Вчетвером они вышли из заброшенного храма Ветров и Вод и прогулялись по посёлку, который оказался очень тихим, спокойным, не процветающим, но и не упадочным, вообще ничего особенного. Стоило бы сказать, что единственной особенностью здесь были сами путники. Посреди толпы простых смертных они слишком сильно выделялись и внешностью, и осанкой, и нарядом. Поэтому вскоре им всё же пришлось проскользнуть в неприметный переулок и переодеться.

Се Лянь и без того носил довольно простые одежды, поэтому ему смена наряда не потребовалась. Остальная же троица полностью преобразилась, с ног до головы. Пока Ши Цинсюань высказывал замечания по поводу одеяния Мин И, Хуа Чэн надел простые чёрные одежды, наконец ровно забрал волосы и дополнил украшением из белой яшмы. Теперь небрежности в его образе стало меньше, зато настолько же прибавилось собранности. Теперь он стал похож на молодого шиди какой-нибудь известной школы заклинательства, одарённого и превосходящего собратьев в красоте. Поистине — заставь государя хоть нищим обрядиться, всё равно за попрошайку не сойдёт. Он по-прежнему притягивал к себе взор.

Се Лянь, глядя на Хуа Чэна, даже поневоле вспомнил старую фразу: «Мужская красота — в чёрных одеждах», и подумал, что это

поистине так. Затем принц опомнился, посмотрел на Повелителей Земли и Ветров, и ему на ум пришла одна мысль.

— Сань Лан, я всё время забывал спросить тебя кое о чём, — шёпотом обратился к Хуа Чэну принц.

Тот, поправляя рукава, спросил:

— О чём?

Се Лянь сложил ладонь в кулак, поднёс ко рту, тихонько кашлянул и так, чтобы это выглядело как бы невзначай, произнёс:

— Какой у тебя пароль для духовного общения?

Чтобы иметь возможность в любой момент обмениваться с кем-то мысленными сообщениями, первым делом необходимо узнать пароль собеседника, он же позывной. К примеру, чтобы связаться с Ши Цинсюанем, сначала нужно про себя громко произнести следующие четыре строки шуточного стишка: «Повелитель Ветров — талант прирождённый, Повелитель Ветров — как ветер вольный, Повелитель Ветров — добрее и честнее нет, Повелителю Ветров всего шестнадцать лет». Конечно, другие небожители обычно пользовались иными паролями, сравнительно нейтральными, а не такими, которые язык не поворачивается произнести вслух.

Свои пароли для духовного общения небожители высших должностей крайне редко давали кому-то, разве что тем, с кем находились в очень тесных отношениях, или же когда связи требовало важное дело. Хуа Чэн, как непревзойдённый Князь Демонов, разумеется, поступал так же. Пусть они с принцем были знакомы не так давно, но всё же отношения между ними можно назвать довольно хорошими, и даже странно, что они до сих пор не обменялись паролями. Впрочем, если подумать, каждый раз в случае необходимости они сразу встречались лично, поэтому знание паролей друг друга не столь необходимо.

Се Лянь вообще никогда не спрашивал ни у кого пароль, поскольку, если ему что-то требовалось, он сразу выкрикивал просьбу прямо в сеть духовного общения, а для того, чтобы связаться с кем-то лично, мог просто взять его координаты из общей сети. Следовательно, принц впервые обратился к кому-то с просьбой дать свой пароль. Без опыта в таком деле его охватило лёгкое беспокойство, не поступает ли он слишком дерзко. Взгляд Хуа Чэна заблестел, однако тот не шевельнулся, и Се Лянь почувствовал себя неловко.

— Тебе это неудобно? — второпях сказал принц. — Ничего, ничего, не обращай на мою просьбу внимания. Я просто так спросил. Хотел кое-что обсудить без лишних ушей, вот и задал такой вопрос. Могу придумать способ, как ещё незаметно спросить...

Хуа Чэн перебил:

— Вовсе не неудобно. Я очень рад.

— А? — застыл Се Лянь.

— Я очень рад, что гэгэ наконец спросил меня, — со вздохом сказал Хуа Чэн. — Поскольку ты ни разу не упоминал об этом, я думал, что тебе неудобно, или ты не хочешь обмениваться паролем с посторонними, поэтому не просил тебя сам. И вот, наконец-то, дождался просьбы гэгэ, разве это можно назвать «просто так спросил»?

Се Лянь с облегчением выдохнул, его настроение мгновенно улучшилось. Взяв Хуа Чэна за руку, он воскликнул:

— Так значит, нас одолевали одинаковые сомнения! Прошу прощения, как раз последнюю фразу я сказал, не подумав, за неё перед Сань Ланом извиняюсь. Так... твой пароль?..

Взгляд Хуа Чэна блеснул, он наклонился к принцу.

— Гэгэ, слушай внимательно. Я скажу только раз. Вот мой пароль.
— Он шёпотом произнёс одну фразу.

Услышав которую, Се Лянь округлил глаза.

— Это пароль?.. Что, правда? Сань Лан, ты не ошибся?

Хуа Чэн абсолютно спокойно ответил:

— Ага. Это пароль. Если не верится, гэгэ, можешь попробовать прямо сейчас.

Но как же осмелиться пробовать!

— Но... но ведь получается, каждый раз, чтобы обратиться к тебе, желающий должен мысленно сказать тебе эту фразу трижды? Разве... разве он при этом не почувствует себя крайне неловко?

Хуа Чэн, посмеиваясь, ответил:

— Именно не желая, чтобы кто-то ко мне обращался, я и придумал такой пароль. Чтобы прочие отступили перед непосильной задачей. Но если гэгэ захочет со мной связаться, я всегда к твоим услугам.

Се Ляню это всё же казалось невероятным, он подумал: «Выходка слишком уж озорная...»

В нерешительности принц хотел применить заклинание духовного общения, но при этом не мог найти в себе сил для произнесения такого пароля, даже мысленно. Видя, что Се Лянь, закрыв половину лица рукой, отвернулся и никак не сделает первый шаг, Хуа Чэн, насмеявшись вдоволь, произнёс:

— Ну ладно, ладно. Если гэгэ не решается произносить, я сам могу с тобой связаться. Какой у тебя пароль?

Се Лянь вновь посмотрел на него.

— Одну тысячу раз прочти наизусть «Дао дэ цзин», вот и всё.

Хуа Чэн приподнял бровь. Очень скоро в голове Се Ляня раздался его голос:

— «Одну тысячу раз прочти наизусть «Дао дэ цзин», вот и всё». Эти одиннадцать слов, верно?

Зрелище вышло довольно занимательное — они стояли друг напротив друга с закрытым ртом, при этом не говорили ни слова, общались лишь взглядом и мысленно обменивались фразами, которые больше никто не мог услышать. Се Лянь ответил также посредством заклинания духовного общения:

— Верно. Весьма неожиданно, что ты не попался.

Хуа Чэн моргнул и сказал в ответ:

— Ха-ха-ха, чуть не попался. И правда, забавно.

Се Лянь тоже моргнул, в его взгляде проявилась улыбка.

Следует заметить, что этот пароль, со всем усердием придуманный самим принцем ещё восемьсот лет назад, и самому Се Ляню показался на редкость забавным, поэтому тот и стал пользоваться им после вознесения. Только вот многие другие небожители, кажется, не посчитали его таковым, и если кто-то попадался на уловку, просто терял дар речи. Му Цин так и сказал: «Ваше Высочество, ну и шуточки у тебя, уж прости, но мне не смешно». Фэн Синь же катался от смеха по полу и охрип до изнеможения, но у него и порог смеха до странности низкий, поэтому Се Лянь вовсе не ощутил удовольствия от того, что шутка показалась Фэн Синю смешной. Но уж если Хуа Чэн рассмеялся, наверное, это значит, что шалость и впрямь забавная.

Изначальный план предполагал, что они отправятся выпить вина в самое дорогое питейное заведение столицы, но раз уж в столицу попасть не удалось, подойдёт и любое другое место. Поэтому путники

отправились в самый большой местный трактир, сняли отдельную комнату, немного посидели, скучая, а когда к ним подошёл слуга с вином, Се Лянь спросил его:

— Простите, могу я узнать, что это за место?

И хотя вопрос прозвучал довольно странно, такой способ что-то узнать был самым эффективным.

— Уважаемые гости, так значит, вас привела сюда не слава посёлка? — подивился слуга. — Это посёлок Богú.

— Слава? Какая слава?

Слуга поднял большой палец вверх:

— Наши народные гуляния! Они известны на всю округу. Каждый год в это время немало гостей из прочих мест съезжаются к нам, поглядеть на диковинку.

Ши Цинсюаню стало любопытно:

— Что за народные гуляния?

— Это развлечения, которые в народе устраивают в честь праздников. Люди смотрят представления, выступления местных театральных трупп, стоит взглянуть.

Что-то вроде шествия в честь жертвоприношения Небесам на Празднике фонарей, которое проводилось во времена государства Сяньлэ. Но только то шествие устраивал императорский двор, и зрелище было официальным, тогда как эти гуляния — развлечение народное.

Ши Цинсюань спросил:

— Но ведь сегодня никакой не праздник! Самое большее — завтра «холодные росы»^[208].

— Дата праздника вовсе не так важна, иногда гуляния проводятся в честь какого-то человека, вот и выбирают особый день, чтобы погулять да повеселиться.

Внезапно внизу на улице, куда выходили окна трактира, послышался шум толпы, кто-то прокричал:

— Разойдитесь, разойдитесь! Женщины и дети, не стойте в первых рядах! Всем отойти, процессия приближается!

Все вчетвером выглянули из окна. И от поразительного зрелища Се Лянь вмиг вытаращил глаза — по улице к ним приближалась длинная процессия. Каждый из людей в колонне был одет в разнообразные и очень странные одеяния, лица участников шествия

бросались в глаза ярким гримом красного цвета, и к тому же... из головы у них торчали острые предметы.

Топоры, кухонные тесаки, клещи, ножницы... у кого-то — остро наточенные, у кого-то — тупые и ржавые, но у всех — глубоко погружённые в голову, будто кто-то нанёс им смертельный удар. У некоторых даже глаза выпадали из орбит и кровь струилась по щекам, а кое у кого оружие проходило насквозь через лоб и виднелось из макушки — зрелище кровавее некуда. Все участники хмурились, выражая нестерпимую боль на окровавленных лицах, но, тем не менее, медленно продвигались по улице под звуки дудок и барабанов, словно настоящий парад умерших душ.

Божественно-демоническая четвёрка слушает историю кровавого шествия

Се Лянь тут же вскочил из-за стола. Ши Цинсюань тоже поднялся и даже поставил одну ногу на стол и засучил рукава, будто приготовился ринуться вниз.

Се Лянь поспешил его задержать:

— Всё в порядке, ничего страшного. Ваше Превосходительство, успокойтесь.

Ши Цинсюань воскликнул:

— У них глаза из орбит выпали, это тоже ничего???

— Ничего. Просто нам повезло увидеть здесь кровавое шествие, такая возможность выпадает редко.

Ши Цинсюань сразу убрал ногу со стола.

— Кровавое шествие? Что это?

Они оба вновь уселись, и Се Лянь объяснил:

— В разных местах народные гуляния отличаются разными течениями. Кровавое шествие — это особый вид гуляний, крайне редкий, я и сам только слышал о нём, но видеть раньше не приходилось. Из-за несравнимо кровавого зрелища, а также секретных техник нанесения грима, которые держатся в секрете, подобные шествия сейчас устраивают всё реже.

Ши Цинсюань изумился:

— Грим? Так это всё — фальшивка? Н-н-но... но ведь так похоже на настоящее! Я даже решил, что это порождения какой-то тёмной магии!

Он нисколько не преувеличивал. Се Лянь со вздохом поддержал:
— В народе немало умельцев!

При взгляде на загримированных участников шествия в глаза бросались не только «проникшие в самую глубину» острые предметы — у некоторых из распоротого живота вываливались внутренности, кому-то, ввиду отсутствия конечностей, приходилось ползти по земле, надрываясь в рыданиях; несколько человек несли высокую деревянную раму, на горизонтальной балке которой болталась женщина, изображающая повесившуюся самоубийцу; ещё двое тащили за ноги другую женщину в изодранных лохмотьях, она волочилась по земле лицом вниз, оставляя за собой длинный кровавый след. Поистине, зрелище достойное преисподней. Ясное дело, эти люди всего лишь играли свои роли, но картина выходила страшнее, чем в Призрачном городе, где повсюду сновали демоны. По сравнению с этим шествием Призрачный город казался просто-напросто шумным рынком. Неизвестно, как именно эти люди накладывали грим, но даже Се Лянь, которому приходилось слышать о подобных традициях, с первого взгляда едва не решил, что к ним приближается толпа нечисти.

Немало женщин и детей, не в силах сдержать любопытства, протискивались к передним рядам зрителей, но увидев, от страха взвизгивали и бежали прочь.

Ши Цинсюань спросил принца:

— Ваше Высочество, но вы разве не сказали, что таким образом они что-то празднуют? Что же это за праздник такой, от которого все в ужасе разбегаются, а маленькие девочки потом видят страшные сны? Неужели людям и впрямь весело наблюдать за подобным представлением?

Весело ли людям наблюдать за подобным представлением, наверняка не скажешь. Но зрелище кровавой резни в действительности возбуждало в сердцах людей волнение. Обуревающий зрителей страх проходил, после чего в глубине души у многих зарождалось удовольствие. Кажется, кровавое шествие на местном диалекте иначе называли «резня, приносящая радость», и Се Лянь понимал это так: кто-то хватал нож и со всей злостью вонзал его в противника, убивая последнего, после чего ощущал радость на сердце.

Ведь в глубине человеческой души всегда прячется желание убивать.

Разумеется, Се Лянь не стал говорить всё это вслух, а только перевёл сосредоточенный взгляд на представление. Среди грандиозного шествия принц обратил внимание на бледного мужчину в чёрном одеянии, очень высокого и худого как хворостинка. Он с силой опустил острое орудие, которое держал в руках, на голову другого актёра, в роскошных одеждах. Острый нож вошёл ровно в лоб жертве, а затем мужчина поднял того вверх на копье и так оставил висеть. Зрелище, жестокое и кровавое до крайности, выглядело в точности как настоящее убийство. От испуга толпа разразилась криками, которые затем дополнились одобрениями.

Се Лянь предположил:

— Думаю, они воспроизводят какую-то историю, и мужчина в чёрном, должно быть, главный герой. А все те, кого он убил — антигерои, злодеи. Эта история рассказывает о том, как «наказали зло и возвеличили добро». — На этом моменте принца вдруг осенило. — Ваше Превосходительство, смотрите внимательно.

Ши Цинсюань ответил:

— Я смотрю.

— Я имею в виду, посмотрите на эту историю. Кого они играют и о чём она повествует? Наверняка Божок-пустослов отправил вас сюда с какой-то целью и не зря выбрал именно этот день. Возможно, именно для того, чтобы показать вам кровавое шествие.

Главный герой всё время хмурился, лицо его выражало страдание. «Убив» в одиночку сотню «злодеев» из колонны, он тоже оказался исколот всевозможным оружием, и в конце концов, прижав к себе два изувеченных и повешенных на шёлковой ленте «трупа», уронил голову и замер неподвижно. Выходит, тоже погиб, забрав жизни своих врагов. Прошла одна колонна, за ней потянулась следующая, и представление повторилось.

Се Лянь спросил:

— Вы поняли, что это за история?

Брови Ши Цинсюаня тесно сошлись к переносице.

— Нет. Кажется, я ничего так и не понял. Он ведь только и делал, что убивал.

Хуа Чэн, сидящий подле Се Ляня, неторопливо произнёс:

— Думаю, эта история вовсе не из тех, что знают в каждом доме. Поспрашивайте местных. Возможно, представление повествует о ком-

то из их земляков.

Как раз кстати к ним подошёл слуга, который принёс блюда и спросил:

— Дорогие гости, как вам зрелище, захватывает? Щекочет нервы?

Се Лянь ответил:

— Захватывает и нервы щекочет. Уважаемый друг, позволю спросить, в честь кого устраивают кровавое шествие в вашем посёлке?

Как и ожидалось, слуга ответил:

— Ага, об этом приедем, как правило, неизвестно, все задают такой вопрос. Народные гуляния в посёлке Богу посвящены истории одной легендарной личности, нашего земляка. Рассказывают, что несколько сотен лет назад здесь жил один студент. По фамилии Хэ. И этот самый студент Хэ был весьма способный малый, хоть и из очень бедной семьи. С детства он отличался пугающим умом, все науки постигал быстро и досконально, да к тому же прослыл образцовым сыном: что бы ему ни велели родители, всё исполнял беспрекословно. Да только, как назло, сам по себе неудачлив оказался, никакое счастье у него долго не задерживалось. Отправился он как-то сдавать экзамен на учёную степень. И сдал ведь лучше всех! Но из-за того, что не поднёс экзаменатору подарок, прогневал вышестоящих, вот они и спрятали его ответы со злым умыслом, заменили на чистый лист, и так продолжалось несколько лет. Потом решил он жениться на девушке, которую с детства знал^[209], прекрасной как цветок, подобной яшме, ласковой и добродетельной... Да только как назло жену, а заодно с ней младшую сестру его силой увели в гарем какому-то богачу, так одна не покорилась, и её забили до смерти, а другая, не вынеся позора, удавилась сама. Обратился он в суд, но там его, напротив, самого обманом обвинили в прелюбодеянии и воровстве да и посадили в темницу, где он чуть не умер с голоду. Семидесятилетние родители приходили за него просить, всю ночь били земные поклоны, не помогло — вышел он на свободу лишь спустя два года, когда мать умерла от болезни без надлежащего ухода, а отец остался еле живой, поскольку в преклонном возрасте трудился в поте лица, чтобы себя прокормить. Забросил бедняга учёбу, ушёл в торговцы. Но из-за того, что дело его пошло в гору, другие торговцы сговорились и так на него надели, что отобрали весь его маломальский доход, а тот ещё и должен

им остался. — Слуга горестно охнул: — Ну скажите, как кто-то может быть настолько неудачливым?

Се Лянь кашлянул и от всей души согласился:

— Да уж!

Как ещё кто-то, кроме него, может быть настолько неудачливым?!

Слуга, закончив вздохнуть, увлечённо продолжил:

— А потом он сошёл с ума, вышел из себя, и однажды ночью, ровно в такой же как сегодня канун холодных рос, схватил оружие убийства и зарубил им всех, кто сделал ему какое-то зло! Что называется, кровь лилась рекой, радости его не было предела! А поскольку те, кого он убил, уже давно мучили весь посёлок своими деяниями, простой люд только захопал в ладоши и порадовался сему. Теперь каждый год накануне холодных рос жители посёлка Богу проводят кровавое шествие в его честь. Чтобы господин наш, студент Хэ, защитил и избавил нас от злодеев.

Верно, он наказал зло и возвеличил добро, да только в итоге... ни добро, ни зло хорошего конца не удостоились.

Слуга ушёл, а Се Лянь увидел, что Ши Цинсюань будто задумался о чём-то, и спросил:

— Ваше Превосходительство, вас посетила какая-то мысль?

Ши Цинсюань отвлёкся от своих мыслей и ответил:

— Кажется, у меня возникло одно странное предположение, но... слишком неожиданное, не могу пока объяснить его суть. А вы что думаете, Ваше Высочество?

— Я думаю, не мог ли этот студент Хэ оказаться прижизненным воплощением истинного Божка-пустослова?

Пока они разговаривали, следующая колонна в процессии вновь начала показывать ту же историю, и Ши Цинсюань, посмотрев из окна, спросил:

— Прижизненным воплощением?

Се Лянь ответил:

— Верно. Подобная ему нечисть, что принимает человеческую форму, всегда берёт своё начало в особенно сильной затаённой злобе или привязанности. К примеру, я слышал об одной демонице в землях Дунъин^[210], которая зовётся хашихимэ^[211], и она как раз является порождением затаённой женской злобы. В одних легендах говорится, что причиной всему страдание женщины по мужу, который не

вернулся домой, в других же повествуют о безумии ужасной ревнивицы. И так же истоком зарождения истинного Божка-пустослова вполне мог быть кто-то, кого преследовали несчастья, его ненависть к несчастливой судьбе или же зависть к тем, кому сопутствует удача.

Мин И произнёс:

— Нужно изучить местные легенды. Сопоставить время.

— Да, изучить стоит, — согласился Се Лянь.

Чтобы понять, верно ли предположение принца, следует разузнать, сколько именно сотен лет назад жил этот «студент Хэ». И если выяснится, что он существовал позже самых ранних упоминаний об истинном Божке-пустослове, следовательно, догадка ошибочна.

Ши Цинсюань кивнул, затем подумал и добавил:

— Есть ещё кое-что...

Как вдруг снизу с улицы раздался голос, который с хохотом выкрикнул:

— погоди! твоих самых родных людей, самых лучших друзей — всех ждёт скорбная кончина, и могилы не останется!

Ши Цинсюань при первых же звуках резко переменялся в лице, рукой оперся о столешницу и выпорхнул в окно.

Голос раздавался из толпы участников шествия!

Се Лянь крикнул ему вслед:

— Ваше Превосходительство! Вернитесь!

Оказавшись среди окровавленной толпы живых мертвецов, Ши Цинсюань в гневе закричал:

— А ну, выкатывайся! Покажись!!!

Однако актёры, сохраняя застывшие выражения на лицах, совершенно не удостоили его вниманием, продолжая продвигаться по улице, словно брели во сне. Ши Цинсюаня закружило среди людского потока, совершенно не представлялось возможным понять, кто же именно здесь настоящая нечисть. Увидев одного подозрительного, Повелитель Ветров готов был нанести удар своим веером, но потом заметил другого, тоже вероятного, и понял, что ошибка может стоить невиновному жизни.

Хуа Чэн тем временем, выложив на тарелке из овощей, к которым никто так и не притронулся, улыбающееся лицо, произнёс, не поднимая головы:

— Бесполезно. Всё равно что тысячелетнему оборотню спрятать лисий хвост, ему скрыться — раз плюнуть.

Приди в голову какому-то нечеловеческому созданию смешаться с этой необычной толпой, проще дела и представить нельзя. К тому же, по своей форме Божок-пустослов и так походит на человека, что уж говорить о самом сильном среди них «истинном божестве»?

Вскоре Мин И тоже спрыгнул вниз и притащил Ши Цинсюаня обратно. Четвёрка покинула трактир и снова направилась к храму Ветров и Вод. Рука, которой Ши Цинсюань сжимал веер, до сих пор подрагивала, но если вначале это происходило из-за испуга, то теперь больше походило на злость. Выйдя из трактира с вином в руке, он прошёл немного, сделал резкий глоток из сосуда, и лишь тогда кровавые прожилки в его глазах стали постепенно исчезать.

— Мин-сюн, всё-таки лучше тебе пока не быть моим лучшим другом. Снова станешь им, когда я прибью это проклятую тварь!

Мин И, нисколько не церемонясь, ответил:

— Ты о ком? Я никогда им и не был.

Ши Цинсюань разгневался:

— Мин-сюн, ну как у тебя совести хватает говорить такое? Нельзя же, увидев, что дело приняло дурной оборот, сразу отворачиваться от человека!!!

Так они шумно обменялись ещё парой упрёков, а Се Лянь тем временем покачал головой, что-то выудил из рукава и произнёс, обращаясь к Повелителю Ветров:

— Ваше Превосходительство, думаю, вам пока лучше воспользоваться вот этим.

Ши Цинсюань протянул ладонь и спросил:

— Затычки для ушей?

Се Лянь кивнул:

— Способ довольно примитивный, истинную причину не устранил, но всё же на какое-то время поможет. Если вы не сможете услышать тварь, он ничего не сделает с вами. Я установил небольшую сеть духовного общения, пароль для присоединения к ней — «С благословением небожителей никакие запреты не ведомы». Пока что мы будем общаться с вами посредством этой сети.

Ши Цинсюань вставил затычки и действительно не смог ничего услышать. Они все вчетвером по очереди присоединились к сети,

которую создал Се Лянь. Как вдруг принц услышал у себя над ухом тихий голос Хуа Чэна:

— Гэгэ, гэгэ.

Подняв взгляд, он понял, что Хуа Чэн не открывал рта, только поморгал, глядя на него. Но голос всё продолжал звучать совсем рядом:

— Ты ведь хотел мне что-то сказать? Раз ты не связывался со мной, мне пришлось сделать это самому.

Се Лянь с улыбкой ответил:

— Кто же заставлял тебя заводить такой пароль.

— Ладно, ладно. Это моя вина.

Ши Цинсюань поправил затычки в ушах и, не услышав от них ни слова, но при этом видя, как они улыбаются друг другу, с подозрением произнёс посредством вновь установленной сети:

— Ваше Высочество и Собиратель цветов под кровавым дождём, что это вы там делаете? Неужели обменялись паролями и тайно переговариваетесь?

Се Лянь кашлянул и серьёзным тоном ответил в сети:

— Вовсе нет.

Хуа Чэн приподнял бровь и передал ему сообщение:

— Лгунишка.

Се Лянь едва не поскользнулся, пытаясь делать строгий вид и идти вперёд, не глядя на Хуа Чэна, и тут же ответил:

— Сань Лан, не насмехайся надо мной... я хочу попросить у тебя помощи в одном деле.

Они шли плечом к плечу, не пересекаясь взглядами. Хуа Чэн спросил:

— В чём же?

— Помоги мне проверить, не является ли кое-кто истинным Божком-пустословом.

Ночная беседа в храме Ветров и Вод. Истина или ложь

Хуа Чэн перевёл взгляд на Ши Цинсюаня и Мин И, которые шли чуть позади и осыпали друг друга колкостями, указал на одного из них и спросил:

— Он?

Се Лянь кивнул.

— Как ты хочешь это проверить?

— Много лет назад мне приходилось справляться с двумя Божками-пустословами, а один из них даже преследовал меня долгое время. Тогда я множество раз их испытывал и выяснил одну особенность этих созданий, о которой им самим ничего не известно. Но стоит немного поразмыслить, и она выплывет на поверхность, — договорив, Се Лянь незаметно передал ему способ.

— Это легко, — выслушав, ответил Хуа Чэн. — Поступим так.

Когда они закончили обсуждение, уже вернулись в храм Ветров и Вод. Ранней осенью вечера становились прохладными, и небо уже потемнело. Ши Цинсюань обыскал храм и нашёл голову изваяния своего брата, прилепил на место и снова ровно поставил обе статуи на божественный постамент. Се Лянь тем временем развёл в порушенном храме костёр из трухлявых досок, и вскоре все четверо вместе расположились вокруг огня.

Ши Цинсюань какое-то время сидел, заткнув уши и молча попивая вино, но в конце концов не выдержал:

— Мы ведь не можем просто так сидеть сложа руки в ожидании этой твари? Может, придумаем какое-то развлечение для поднятия настроения?

Его идея как раз сошлась с намерениями Се Ляня. Только Мин И, пошевелив палкой костёр, ответил:

— Какие ещё развлечения в такой час?

Ши Цинсюань сердито бросил:

— Такие. Ведь он хочет, чтобы я трясся от страха? А вот и не стану трястись! Моё Превосходительство будет делать всё, что принесёт мне радость. Буду радоваться ещё пуще обычного, как на празднование Нового года. Чтоб ему сдохнуть со злости.

Се Лянь предложил в сети:

— Может, сыграем в кости?

Состроив страдальческую гримасу, Ши Цинсюань произнёс:

— Опять кости? Опять большее-меньшее? Ваше Высочество, вы, никак, пристрастились к азарту?

— Что вы, как можно...

— Ну хорошо, всё равно под рукой ничего другого нет, так давайте сыграем. Только вот нас четверо, боюсь, что выйдет путаница.

Се Лянь возразил:

— Путаницы не выйдет. Сыграем так. — Он раскрыл ладонь, на которой вдруг оказались изящные резные игральные кости, и произнёс: — Нас четверо, поделимся на две команды. Я и Сань Лан — одна команда, Ваши Превосходительства — вторая. Проверим, кому больше везёт. Пару костей каждая команда бросит по разу, один участник по одной, при этом запомнит выпавшее число. Победит команда, выбросившая большее число в совокупности. Победители могут задать проигравшим вопрос, на который те непременно должны дать ответ, либо попросить что-то сделать.

Ши Цинсюань:

— У меня есть вопрос.

— Прошу, задавайте.

Ши Цинсюань, покачивая ногой, спросил:

— Почему как-то само собой получилось, что вы, Ваше Высочество, оказались в одной команде с ним? А вы о нас подумали, прежде чем так поделиться?

— Ну, насчёт этого... — тихо кашлянул Се Лянь, — можем поделиться по-другому. Разницы нет.

Ши Цинсюань, запихнув метёлку за ворот одеяния сзади, ответил:

— Ладно уж. На самом деле, я ничего не имею против такого распределения. Но ведь Собиратель цветов под кровавым дождём столь удачлив, разве нашей команде не придётся тяжело в игре с вами?

Се Лянь заулыбался:

— Тут вы не правы. В нашей команде Сань Лан действительно крайне удачлив, но зато я — крайне неудачлив. Сложить одно с другим, плюс да минус — вот и выровнялись, разве не честно?

Ши Цинсюань, подумав, увидел в его словах разумное зерно и хлопнул себя по бедру:

— Отлично! Так и сделаем, — повернувшись к Мин И, он толкнул того локтем. — Слышал правила, Мин-сюн? Не вздумай тянуть меня назад.

Мин И только глянул на него, и тут же в сети духовного общения раздался его холодный голос:

— Простите, что не могу составить вам компанию.

Ши Цинсюань тут же привлёк его обратно.

— Ладно, ладно, ладно, можешь тянуть, ничего страшного! Всё, всё, давай, давай! Лучше уж составь мне компанию, иначе я останусь совсем один-одинёшенек, мне будет так горько!

Итак, принеся простенький зарок соблюдать правила, они начали играть. В первом туре Ши Цинсюань выбросил «пять», Мин И — «четыре»; Хуа Чэн — «шесть», Се Лянь — «один».

Ши Цинсюань ужасно обрадовался результату:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Ваше Высочество, вам действительно не везёт! Ужасно не везёт! Ха-ха-ха-ха-ха...

Се Лянь, разминая точку между бровей, мягко ответил:

— Вы всё верно говорите, Ваше Превосходительство, но нельзя ли это делать менее радостным тоном?

— Кхм! Хорошо. Вот что, наша команда выиграла, и Моё Превосходительство попросит вас кое-что сделать. Значит, так, Ваше Высочество, Собиратель цветов под кровавым дождём! Я... приказываю вам... сейчас же помочь друг другу снять одежды!

— Ваше Превосходительство??? — воскликнул Се Лянь.

Мин И с презрением на лице отвернулся и закрыл лоб рукой, словно не собирался наблюдать за подобным непотребством. Ши Цинсюань же поторопился:

— Давайте, давайте, раз уж проиграли, извольте заплатить. Столь выдающиеся личности как небожитель и Князь Демонов не должны жульничать, верно? Я уже приготовился, прошу, начинайте ваше представление!

Се Лянь посмотрел на Хуа Чэна, но тот лишь развёл руками и, не пошевелив губами, ответил:

— Гэгэ, я не виноват.

Оказавшись в безвыходном положении, Се Лянь спросил:

— Сколько одежды нужно снять?

Ши Цинсюань лишь забавлялся и конечно, не собирался по-настоящему ставить их в неловкое положение. Покачивая ногой, он с улыбкой ответил:

— Одного предмета будет достаточно. Пусть ещё что-то останется, ведь мы продолжим игру, хи-хи-хи-хи.

Он ещё и продолжить собирался... Се Лянь, колеблясь, незаметно передал сообщение:

— Сань Лан...

На лице Хуа Чэна не отразилось ни тени эмоций, но у Се Ляня в голове прозвучал его голос, совершенно искренне утешающий:

— Всё в порядке. Мы же договорились, что позволим им выиграть пару туров, а после настанет их очередь проигрывать.

Они действительно именно так и договаривались, просто Се Лянь не ожидал, что Ши Цинсюань затеет такую игру, и у принца возникло ощущение, что он сам себе вырыл яму. Провозившись с поясом Хуа Чэна, он наконец избавил того от верхнего одеяния, явив зрителям белоснежную нижнюю рубаху. Хуа Чэн тоже с невозмутимым видом помог ему снять верхнее одеяние. Движения его были легки и неторопливы, при этом он ни разу не коснулся тела принца. Они ведь просто стянули друг с друга верхние одежды, ничего более, их благопристойность совершенно не пострадала, но Се Ляню данное действие всё же показалось беспримерно смущающим.

Он уселся с чинным видом и произнёс:

— Ещё... раз.

Во втором туре у Ши Цинсюаня выпало «три», у Мин И — «шесть»; Хуа Чэн неизменно выбросил шестёрку, а Се Лянь неизменно — единицу.

Ши Цинсюань разразился смехом, стуча ладонью по земле, а Се Лянь воззрился на Хуа Чэна. Они ни на миг не разрывали связи духовного общения, и принц мысленно воскликнул:

— Сань Лан!..

Они совсем не так договаривались!

Хуа Чэн, извиняясь, ответил:

— Прости, прости, я позабыл. Гэгэ, не сердись на меня, на этот раз я виноват.

Ши Цинсюань вновь возрадовался и, засучивая рукава, начал:

— Прекрасно, на этот раз я приказываю вам...

Се Лянь торопливо перебил:

— Пойдите! В предыдущем туре мы уже выполнили действие и одежду сняли. На этот раз следует задать вопрос.

Ши Цинсюань хохотнул:

— Вопрос? Тоже неплохо. Тогда... мой первый вопрос. Собирает ли цветы под кровавым дождём, что, по вашему мнению, мучительнее всего на свете?

Улыбка Хуа Чэна вдруг померкла, и храм Ветров и Вод на мгновение погрузился в молчание.

Ши Цинсюань добавил:

— Не поймите неправильно, я ничего такого не имел в виду. Просто мне по-настоящему любопытно, есть ли на свете вещь, способная причинить страдание вам, Собирает ли цветы под кровавым дождём, поднявшемуся до статуса Князя Демонов? А может, такого не существует вовсе?

Хуа Чэн вернул вопрос:

— А сами как считаете?

Ши Цинсюань, поразмыслив, предположил:

— Город Гу, гора Тунлу?

Это действительно ответ, который напрашивался первым делом, стоило кому-то задаться тем же вопросом. Хуа Чэн, впрочем, с усмешкой возразил:

— Ни капли.

Ши Цинсюань удивился:

— Нет? Но тогда что?

Хуа Чэн приподнял уголок губ, но изгиб этот вскоре исчез.

— Я скажу вам, что. — Он тихо произнёс: — Своими глазами наблюдать, как любимого человека попирают ногами и унижают, но быть не в силах ничего предпринять. Когда ты понимаешь, что сам — никто, и ничего не можешь сделать. Вот это — самая мучительная вещь на свете.

Се Лянь весь замер и задержал дыхание на этих словах. В разрушенном храме Ветров и Вод никто не произнёс ни звука, даже Ши Цинсюань довольно долго не мог ничего сказать, только спустя какое-то время прозвучал его короткий вздох: «О».

Мин И же остался по-прежнему невозмутим. Пошевелив костёр, он сказал:

— Продолжим.

Ши Цинсюань почесал затылок и махнул ему рукой:

— Я спросил. Мин-сюн, теперь ты.

Тогда Мин И чуть приподнял взгляд на Се Ляня.

— Ваше Высочество наследный принц.

Се Лянь только теперь пришёл в себя.

— Хм?

Мин И спросил:

— О чём вы больше всего на свете сожалеете?

Се Лянь тут же остолбенел. Кто бы мог подумать, что привычно тихий и немногословный Мин И, едва заговорив, задаст столь серьёзный и тяжёлый вопрос.

О том, что не послушал уговоров и, упорствуя, самовольно спустился в мир смертных? О том, что не соизмерил свои силы и попытался оросить земли Юньани дождём? О том, что цеплялся за несбыточную мечту спасти государство Сяньлэ? Или о том, что сохранил кому-то жизнь?

Он знал — ничто из перечисленного не было ответом.

После долгих размышлений Се Лянь наконец сказал:

— О втором вознесении.

Все трое посмотрели на него, но никто не проронил ни слова. Се Лянь же ненадолго задумался о чём-то и какое-то время выглядел отстранённым, но потом вдруг пришёл в себя и спросил:

— Что-то не так? Господа, я ответил.

Хуа Чэн ровным тоном произнёс:

— Ничего. Продолжим.

В третьем туре счёт сложился таким образом: Ши Цинсюань — «два», Мин И — «два»; Хуа Чэн — «шесть», Се Лянь — «один».

На этот раз принц издал долгий вздох облегчения.

С благословением небожителей, они наконец выиграли!

Настал черёд команды Ши Цинсюаня подвергнуться наказанию. Но Повелитель Ветров, напротив, весь светился нетерпением, будто ничего не боялся.

— Давайте, давайте, ну же. Что угодно!

— В таком случае, вот что мне угодно, — улыбнулся Се Лянь. — Ваше Превосходительство Повелитель Земли, сначала вы. — Он повернулся к Мин И. — Отвечайте на мои вопросы как положено, ни в коем случае не лгите.

Мин И не ответил, а Ши Цинсюань махнул рукой:

— Не извольте беспокоиться, Мин-сюн такой человек, он совершенно не умеет врать.

Се Лянь заулыбался:

— Хорошо. Первый вопрос: кто я такой?

Ши Цинсюань удивлённо замер.

— Ваше Высочество, что это за вопрос? Вы — это ведь вы и есть, кем вы ещё можете быть, кроме вас???

Мин И тем временем медленно поднял голову, встретившись взглядом с Се Лянем, и ответил спустя долгое молчание:

— Наследный принц государства Сяньлэ, Се Лянь.

Се Лянь кивнул и продолжил:

— Второй вопрос. Кто сидит рядом со мной?

После недолгой паузы Мин И вновь ответил:

— Глава Призрачного города, Собиратель цветов под кровавым дождём.

Се Лянь продолжил:

— В таком случае, последний вопрос... кто сидит рядом с вами?

Ши Цинсюаню всё это показалось ужасно странным.

— Ваше Высочество, что за игру вы затеяли? Кто я? Я — Повелитель Ветров???

Се Лянь произнёс:

— Ваше Превосходительство Повелитель Земли, прошу, ответьте.

На сей раз Мин И не дал столь же быстрого ответа.

После нескольких столкновений с Божками-пустословами Се Лянь обнаружил у них одну удивительную закономерность: стоит только Божку-пустослову заговорить, и из трёх сказанных им фраз по меньшей мере одна окажется ложью.

Эта особенность остаётся неизменной, независимо от того, насколько сильным становится существо. Всё равно что обычному человеку, каким бы стойким и крепким ни было его тело, а раз в три дня непременно нужно выпить воды, иначе он просто умрёт от обезвоживания. Если, конечно, не вознесётся, перестав быть простым смертным.

Поле Сжатия тысячи ли нарисовал Мин И, дверь также последним закрыл именно он. Значит, у него было больше возможностей при желании подправить их маршрут, и Се Лянь первым делом, разумеется, начал подозревать его. Но тогда же Ши Цинсюань пребывал в явном беспокойстве, и если бы принц немедленно высказал свои подозрения, то несомненно лишь сильнее пошатнул спокойствие Повелителя Ветров, и тогда истинный Божок-пустослов мог бы подпитаться от него ещё более яркими негативными эмоциями, превращая его в источник собственных магических сил. Поэтому в тот момент Се Лянь быстро нашёл другое объяснение. Однако на самом деле не отказался от самых очевидных подозрений.

Принимая во внимание прекрасные отношения между Повелителями Ветров и Земли, стоит заметить, что окажись на месте Мин И истинный Божок-пустослов, это ни за что бы не укрылось от внимания Ши Цинсюаня. Но... что если этот самый Божок-пустослов незаметно вселился в самого Мин И?

Поэтому принц с самого начала хотел попросить Хуа Чэна подыграть ему, чтобы окольными путями вывести Мин И на разговор. Хуа Чэн же заметил, что поскольку они оба первоначально не слишком приятельски общались с Мин И, любые вопросы от них неизбежно прозвучат неестественно. Лучше предложить сыграть в игру и под этим предлогом всеми силами попытаться заставить Мин И сказать на пару фраз больше, попробовать отличить истину от лжи так, чтобы ни Повелитель Ветров, ни Повелитель Земли ничего не заподозрили.

Однако Мин И всегда говорил крайне мало, даже в самой весёлой обстановке берёт слова, подобно золоту. Во время игры Се Лянь постоянно вслушивался в его речи, которые, однако, каждый раз были туманны и уклончивы, поэтому совершенно не представлялось возможности распознать, лжёт ли он. Так что в конце концов пришлось выбросить козырную карту — воспользоваться способностями Хуа Чэна, чтобы незаметно подправить число, выпавшее на костях. Таким

образом Мин И оказался в проигрыше, а принц сходу задал ему сразу три вопроса, чтобы тот оказался в безвыходном положении^[212] и не мог не ответить прямо здесь и сейчас.

Поскольку всё происходит во время игры, Ши Цинсюань не сможет сразу понять, в чём дело, и по-прежнему будет считать, что они лишь забавляются.

Таким образом истинному Божку-пустослову не удастся подпитаться от его страхов. Ну а стоит Мин И ответить неверно, хоть чем-то выдать себя, и Се Лянь немедля найдёт способ с ним справиться.

Принц знал, что из трёх фраз, сказанных Божком-пустословом, одна непременно окажется ложью. Се Лянь задал два вопроса, и на оба Мин И ответил правду.

В таком случае, если Мин И действительно истинный Божок-пустослов, в ответе на последний вопрос он непременно солжёт.

Если он пойдёт обманным путём, сформулирует ответ хоть немного расплывчато и неоднозначно, либо попытается отшутиться, то действительно сможет пройти испытание. Но поскольку на первые два вопроса Мин И ответил прямо и лаконично, не увиливая, логично предположить, что таким же образом он ответит и на последний. Иной же ответ, противоречащий характеру Повелителя Земли, косвенно подтвердит подозрения принца.

Се Лянь и Мин И спокойно смотрели друг другу в глаза. И вот последний наконец заговорил.

Абсолютно тем же тоном, что и ранее, он сказал:

— Один из Повелителей Пяти Стихий, младший брат Повелителя Вод Уду, Повелитель Ветров Цинсюань.

Ши Цинсюань покачал головой.

— Эй, а почему ты не ответил «мой лучший друг»?

Мин И посмотрел на него:

— Ты о ком?

Услышав ответ, Се Лянь про себя вздохнул.

Ранее упоминалось, что несмотря на присутствие слова «божок» в названии твари, всё же настоящим «божеством» она не являлась. И если он всё ещё относился к нечисти, то не смог бы избавиться от особенности, присущей всему виду себе подобных. Три фразы сказаны, и каждая, несомненно, правдива. Видимо, Мин И вне

подозрений. Разве только Ши Уду и Ши Цинсюань — не родные братья, но скорее всего, подобного неопишуемого поворота произойти не могло.

Неожиданно, не успел принц выдохнуть до конца, Мин И вскочил с места и потянулся к его горлу!

Се Лянь и Хуа Чэн одновременно отразили его атаку, три руки мелькнули словно три молнии, от внезапной вспышки которых Ши Цинсюань мгновенно подпрыгнул с земли, восклицая:

— Мин-сюн! Что ты делаешь?

Мин И буравил Се Ляня взглядом, в его голосе слышалась тяжесть:

— Ты задал мне три вопроса, но в прошлом туре я задал тебе всего один.

Се Лянь улыбнулся:

— Ваше Превосходительство, припомните как следует правила, я ведь не говорил, что за один тур можно задать только один вопрос.

— Что ж, хорошо. Тогда я восполню недостачу. Кто ты такой?

— На этот вопрос вы ведь сами только что уже ответили, разве нет?

— Возможно, я ошибся. Если нет, извольте ответить, Ваше Высочество, почему вы вдруг затеяли эту игру и с какой целью задали три престранных вопроса? Его Превосходительство Князь Демонов может похвастаться поразительным навыком управления удачей. К чему зря растрчивать его, применяя в такой простенькой игре?

Хуа Чэн усмехнулся:

— Что за претензии? Мне это в радость, где хочу, там и применяю.

Выходит, пока Се Лянь и Хуа Чэн подозревали Мин И, тот не остался в долгу — тоже их заподозрил. Как только Повелитель Земли атаковал, он заговорил с Се Лянем вслух, а не посредством сети духовного общения, поэтому Ши Цинсюань не мог слышать, о чём они спорят. Однако опрометчиво вытаскивать затычки из ушей он также не решался, поэтому воскликнул:

— Стойте, стойте, стойте! Я приказываю вам, сейчас же прекратите и объясните мне, что случилось, иначе... иначе я тоже к вам присоединюсь!

С такими словами он развернул Веер Повелителя Ветров. Мин И же оттолкнул его в сторону:

— Отойди! Поменьше мешайся!

Как вдруг налетел порыв зловещего ветра, и пламя костра, вокруг которого они стояли, заплясало, то вспыхивая, то угасая. Отблески огня бросали беспорядочные тени вокруг, отчего лица двух божественных изваяний, мужского и женского, показались переменчивыми, не то смеющимися, не то плачущими, зрелище до крайности жуткое. Мин И снова сгрёб Ши Цинсюаня и притянул к себе, настороженно говоря:

— Что-то явилось.

Ши Цинсюань от недавнего толчка упал лицом вниз и никак не мог встать, а теперь его снова с силой подняли, да так, что звёздочки замелькали в глазах.

— Мин-сюн! Не мог бы ты относиться ко мне помягче?!

— Не до того сейчас! — бросил Мин И.

Се Лянь, который всё время держал в поле зрения божественные статуи, вдруг воскликнул:

— Посмотрите на их глаза!

Остальные обернулись и увидели, что на щеках улыбающихся ликов изваяний небесных чиновников Ветров и Вод виднеются кровавые дорожки, струящиеся из глаз. Глиняные божественные статуи... плакали кровавыми слезами.

Божественные статуи, над которыми провели обряд освящения, поставили в храме, совершали перед ними поклонения и воскуривали благовония, наделены определённой магической силой, отпугивающей нечисть. И пускай не такой мощной, чтобы держать их на достаточно большом расстоянии, но всё же обыкновенно нечеловеческие создания не способны повредить или запятнать изваяние. Истинный Божок-пустослов в самом деле поразительно силён, раз в присутствии самого Ши Цинсюаня заставил его статую лить кровавые слёзы. При этом слёз натекало всё больше, они падали на пол храма и постепенно собирались в искривлённые сложные фигуры. Ши Цинсюань с недоумением произнёс:

— Что это такое? Он... что-то рисует?

Как ни посмотри, а рисунок оставался непонятным. Повелитель Ветров, не приближаясь, попытался посмотреть с другой стороны,

чтобы понять. Но Се Лянь вдруг осенило: это не рисунок, а перевёрнутые иероглифы!

Принц тут же воскликнул:

— Не смотрите! Он пишет, чтобы вы прочитали!

Мин И нанёс удар, раздался грохот, и окровавленный пол, а вместе с ним и обе статуи оказались разбиты на мелкие обломки. Ши Цинсюань вытаращил глаза в ужасе.

— Мин-сюн! Ты... т-т-ты... только не рассказывай моему брату, иначе он тебя не пощадит!

Разрушение статуй других божеств считалось крайней степенью неуважения. А сегодня Мин И мало того что расколол табличку, так ещё и разбил статуи, а это всё равно что заявиться к кому-то в харчевню, сорвать вывеску и ею же надавать хозяину оплеух. Если оскорблённый чиновник узнает, наверняка не спустит оскорбления, и очень даже может дойти до кровопролития. Как вдруг Се Лянь, нечаянно обернувшись, увидел, что иероглифы на разбитой табличке, которую они днём аккуратно припрятали в углу, совершенно иные. Вне всяких сомнений, раньше это были золотые знаки на синем фоне, гласившие «храм Ветров и Вод», однако теперь они превращались в огромный кровавый знак, который уже наполовину сложился в слово «смерть».

Принц отреагировал мгновенно — закрыл Ши Цинсюаню глаза ладонями и через сеть духовного общения выкрикнул:

— Закройте глаза!

— Да что опять такое?!

— Ничего, просто иероглифы на табличке вашего храма тоже изменились. Эта тварь поняла, что сейчас вы не слышите её, поэтому решила прибегнуть к письму.

Ши Цинсюань воскликнул:

— Конец! Выходит, я теперь не могу ни слышать, ни видеть? Получается, я глухой и слепой?!

Се Лянь опустил руки со словами:

— Всё в порядке, успокойтесь. Мы с вами.

Мин И, ухватив Ши Цинсюаня за шиворот, поволок его в сторону. Тот, всё ещё с закрытыми глазами, сложил руки в молитвенном жесте и воскликнул:

— Вы меня успокоили!

Едва прозвучали его слова, как снаружи разрушенного храма вдруг послышался шум и гам. Перед глазами Се Ляня запестрило — в следующий миг в храм чёрной волной хлынула толпа людей, завывающих подобно демоническим созданиям.

Среди них кого только не было, толпа поистине изумляла разнообразием. Кто с отрубленной головой, кто повешенный, кто с огромным тесаком, торчащим из головы, кто с распоротым животом — самые разные варианты смертей. Не имея возможности ни видеть их, ни слышать, Ши Цинсюань, всё же почувствовал вокруг шаги, а потом его даже несколько раз толкнули, и в сети духовного общения послышался растерянный голос Повелителя Ветров:

— Что происходит? Кто это такие? Откуда вдруг так много людей???

Се Лянь ответил:

— Ничего страшного, это ночное кровавое шествие, давайте поскорее выбираться отсюда.

Помимо дневных гуляний, местное кровавое шествие также включало и вечернюю увеселительную программу. Не только участники шествия испытывали пристрастие к чужому страху, многие простые жители тоже изнывали от душевного зуда кого-нибудь поугавать. Поэтому, подражая загримированным мертвецами актёрам, которых видели днём, ночью люди высыпали на улицы, пугая каждого встречного. Вероятно, четвёрка путников как раз натолкнулась на такое ночное шествие.

Толпа ряженных простолюдинов явно уступала в искусности и реалистичности грима участникам дневного шествия. Но зато брала количеством — всех не объять взглядом. К тому же, ночью в темноте разглядеть что-то становилось труднее, поэтому зрелище также вышло довольно пугающее. По этой причине в посёлках, где проводятся подобные увеселения, в ночь после кровавого шествия местные жители плотно запирают свои дома и никуда не выходят. И когда бесцельно шатающиеся по улицам ряженные наконец-то увидели в разрушенном храме людей, они всё равно что обнаружили добычу — ужасно возрадовались и сразу вломились внутрь все разом, более пятидесяти человек. В храме мгновенно стало несравнимо тесно, четверо путников буквально потонули в потоке беснующейся «нечисти». Се Лянь то и дело оборачивался, но каждый раз

обнаруживал рядом Хуа Чэна — тот ни разу не отделился больше чем на два шага. А вот двоих других уже отнесло толпой на несколько шагов.

— Давайте скорее все на выход! — выкрикнул принц.

Вот только среди беснующейся толпы, кроме тех, кто просто вышел повеселиться, были и обычные пройдохи, и мелкие торговцы, которые специально приставали к прибывшим издалека гостям, желающим поглазеть на кровавое шествие, и никак не отвязывались, пытаясь выманить деньжат уговорами:

— Уважаемые господа, подайте немножко!

— Мы так старались, чтобы загримироваться! Подкиньте денежку, коли вам понравилось!

— Ага! Нам ведь тоже нелегко приходится, всего раз в году выпадает такая возможность!

— Если не подадите хоть немного, берегитесь, наш хозяин-демон явится по вашу душу!

Поскольку дело его не касалось, Хуа Чэн наблюдал за происходящим со стороны и нисколько не тревожился, а услышав последний возглас, и вовсе хохотнул:

— Хотел бы я поглядеть, какой демон посмеет явиться по мою душу.

Внезапно Се Лянь, пробежав взглядом по толпе, увидел у самой стены храма призрака висельника с мертвенно-бледным лицом, который как раз с жутковатой улыбкой накидывал петлю из пеньковой верёвки кому-то на шею.

Конечно, вокруг стоял шум и гам, лица каждого в толпе заливала кровь и казалось, что носы свёрнуты на сторону да глаза косят. Более того, непрерывно кто-то притворялся, что убивает другого, а тот делал вид, что умирает — время от времени люди падали наземь, так естественно, что не отличишь от настоящей смерти. Но Се Лянь инстинктивно почувствовал, что именно с тем «человеком» что-то не так. Взмах руки, Жюе взвилась в воздух и ударила прямо в голову призраку висельника.

Как он и думал — призрак издал пронзительный крик, обернулся струйкой чёрного дыма и ускользнул через щель в полу. Остальные не заметили, но Се Лянь прекрасно всё увидел и объявил в сети духовного общения:

— Всем соблюдать осторожность! Нечисть приоровилась ловить рыбу в мутной воде^[213]!

После вторжения толпы в храм Ветров и Вод прибавилось совсем немного едва заметной демонической Ци. Конечно, её источником не мог оказаться истинный Божок-пустослов, должно быть, откуда-то затесалась мелкая тварь. Если всё время рядиться демонами, рано или поздно это привлечёт настоящих, а их появление в такой момент поистине только добавит проблем к уже существующим.

Народу в храме собралось на самом деле слишком много, воцарился настоящий хаос, все сталкивались лбами и наступали друг другу на ноги... Совершенно не представлялось возможным различить, от кого именно исходят потоки демонической Ци. Се Лянь потянул за собой Хуа Чэна и рванул на выход из храма, собираясь спросить, каково положение Повелителей Ветров и Земли, но вдруг обнаружил, что магических сил недостаточно — они совсем на исходе, не хватит даже на заклинание духовного общения. В порыве отчаяния он обратился к Хуа Чэну:

— Сань Лан, позаимствуй мне капельку магических сил, я потом тебе верну!

Конечно, фразу «я потом тебе верну» принц сказал не подумав, сгоряча. Магические силы, которые он брал у кого-либо ранее, до сих пор ещё не были возвращены. Хуа Чэн ответил «Хорошо» и взял принца за руку. Се Лянь почувствовал от его ладони едва заметную волну тепла, и в тот же миг в храм Ветров и Вод ворвались ещё несколько окровавленных людей, которые понеслись прямо к ним. Последний из ворвавшихся на бегу ронял внутренности, всё его лицо покрывали трупные пятна, а от тела исходила слабая демоническая Ци. Се Лянь по инерции вскинул руку и нанёс удар ладонью по воздуху, целясь в демона.

Раздался грохот, будто что-то разорвалось, следом сверкнула белая, невыносимо ослепительная вспышка. Лишь спустя некоторое время до Се Ляня дошло.

На том месте, где удар застал призрака с распоротым животом, затесавшегося в людскую толпу, теперь остались лишь чёрные, словно обуглившиеся, останки. А крышу храма Ветров и Вод буквально снесло взрывом. Шумевшие в храме участники ночного шествия все

как один застыли подобно деревянным болванам, остолбеневшие от грохота и яркого света.

Се Лянь молча поднял голову, поглядев на лишившийся крыши храм, затем опустил взгляд на собственную ладонь. В конце концов, медленно обернулся и посмотрел на Хуа Чэна. Тот улыбнулся принцу:

— Такой капельки достаточно?

Помолчав, Се Лянь ответил:

— Достаточно. На самом деле... правда, совсем немного... было бы достаточно.

— Это и есть немного! Нужно ещё? У меня есть столько, сколько хочешь.

Се Лянь быстро замотал головой. Ранее он занимал магические силы у Ши Цинсюаня и Нань Фэна, притом они ведь тоже были довольно щедры с принцем. Однако такого Се Лянь не испытывал ещё никогда — вся его кровь словно превратилась в потоки молний, которые с треском текли по телу. И если раньше ему приходилось тратить взятое взаймы с осторожностью, без расточительства, образно говоря, съесть столько за раз, сколько необходимо, то теперь он чувствовал, что может съесть только чашку, при этом выбросить десять, и ничего с ним не случится.

Магические силы Хуа Чэна оказались слишком мощными, они наполнили всё тело Се Ляня, так что он теперь боялся совершать неосторожные движения, опасаясь, что от любого взмаха что-то рядом с ним может взорваться. Пользуясь воцарившимся вокруг замешательством, он поспешно выкрикнул в сеть духовного общения:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров, где вы? Я вышел из храма, но вас не вижу.

Ши Цинсюань ответил в сети:

— Ой, мамочки мои... Ваше Высочество, почему ваш голос вдруг сделался таким громким? Я тоже покинул храм.

Се Лянь немного приструнил собственные магические силы и произнёс:

— Прошу прощения, небольшие проблемы с контролем. Как вы покинули храм? С вами всё в порядке?

Ведь Ши Цинсюань сейчас ничего не слышал и к тому же закрыл глаза!

— Ай, ну как же ещё? Мин-сюн вывел меня. К превеликому счастью, эта толпа меня не растоптала, — ответил Ши Цинсюань.

Затем в сети духовного общения прозвучал голос Мин И. Вот только сказанные им слова заставили едва озарившую лицо Се Ляня улыбку застыть.

Он выкрикнул:

— Это не я!

Не он?!

Беда! Се Лянь резко обернулся и воскликнул:

— Ваше Превосходительство! Но кто же увёл вас?!

Битва с истинным божеством. Принц заменяет Повелителя Ветров

Ши Цинсюань больше не подал голоса.

Се Лянь, понимая, что дело приняло дурной оборот, продолжал звать:

— Ваше Превосходительство? Что с вами? Вы ещё здесь? Что произошло, почему вы не отвечаете???

Если его в суматохе утатило толпой, которая лишь забавлялась, пугая людей, Ши Цинсюань не стал бы внезапно замолкать. Неужели столкнулся с опасностью? Но, как бы принц ни волновался, толку мало — он даже не знал, где сейчас находится Повелитель Ветров!

Толпа к тому времени наконец присмирела, и Мин И тоже удалось выбраться из храма. Небесными чертогами установлено правило — запрещено злоупотреблять применением магических сил по отношению к простым смертным, а также самовольно являть свою божественную сущность. Если нанести вред чьей-то жизни или здоровью, всё запишется на счёт виновного небожителя. Для небесных чиновников, которые тщательно придерживались общепринятых норм, такое правило создавало некоторые затруднения. Не будь его, один взмах руки — и вся толпа улетела бы прочь вместе с крышей храма.

Люди наконец-таки начали приходить в себя, послышались безумные крики, полные ужаса:

— П-пришло! Что-то правда явилось!

— Нечистая сила явилась!

Толпа бросилась врассыпную, а Се Лянь обратился к Повелителю Земли:

— Ваше Превосходительство! Почему же вы не удержали Повелителя Ветров возле себя? Вы его видели? В какой момент вы разделились?

Мин И ответил:

— Только что нечисть, пользуясь суматохой, нападала на людей.

По всей видимости, Мин И заметил, что чья-то жизнь в опасности, и отвлёкся, чтобы оказать помощь, но, расправившись с демоном, потерял друга.

Се Лянь произнёс:

— Давайте скорее разделимся и поищем! Думаю, он не мог уйти далеко.

Внезапно в сети духовного общения вновь зазвучал голос Ши Цинсюаня. Он громко хохотал:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Смех прозвучал весьма неожиданно, но всё же являлся хоть каким-то ответом, и Се Лянь сразу же воскликнул:

— Ваше Превосходительство! Что с вами только что было? Вы вдруг замолчали, и я подумал, что вы в беде.

Ши Цинсюань:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, ну что вы, разве Моему Превосходительству так легко попасть в беду? Я просто намеренно шутил, чтобы вас испугать, вот и всё, ха-ха-ха-ха-ха-ха, Мин-сюн, черепаший ты сын^[214], как ты мог меня не удержать? Если я умру, непременно обернусь непревзойдённым и явлюсь по твою душу, ха-ха-ха-ха-ха-ха!..

Мин И выкрикнул:

— Перестань смеяться. Говори человеческим языком!

Се Лянь уже понял — чем большее волнение, возбуждение или страх охватывают Повелителя Ветров, тем сильнее ему хочется смеяться. Вот и теперь — он даже не остановился ни разу, выдал всё на одном дыхании.

Принц перебил:

— Вы говорили что-то, открывали рот? Нет ли изменений в самочувствии? Вы ему не сопротивлялись?

Ши Цинсюань ответил:

— Не говорил. Изменений нет. Не сопротивлялся.

Се Лянь подумал: «Плохо дело. Он обезумел от страха».

Принц заговорил мягче и медленнее:

— Очень хорошо. Послушайте меня, Ваше Превосходительство, всё в порядке. Не нужно бояться, поддерживайте первоначальное состояние, притворитесь, что ничего не замечаете, а если хотите что-то сказать, незаметно сделайте это посредством сети духовного общения, мы услышим в любой момент. Только ни в коем случае не дайте твари понять, что вы уже знаете, кто он. Окружите себя лёгким ореолом божественного сияния, чтобы создать магический щит, который укроет вас. Так вы будете, по крайней мере, уверены, что не споткнётесь и не попадёте в яму на ходу. А если на вас набросятся с оружием, вы также сможете это почувствовать.

В голосе Ши Цинсюаня слышалось с трудом сдерживаемое желание заплакать:

— Хорошо. А что потом?

— Потом дышите глубже. Вот так. Ещё несколько раз... ну как, стало лучше?

Мягкий тон принца и впрямь имел успокаивающее действие. Ши Цинсюань ответил:

— Кажется, немного полегчало. Спасибо, Ваше Высочество.

Се Лянь попытался прощупать почву:

— В таком случае... как вам кажется, если вы сейчас откроете глаза и украдкой взглянете на того, кто вас ведёт, что будет?

Сможете ли вы выстоять?

Ши Цинсюань ответил:

— Наверное, я умру.

Очевидно, стоит Ши Цинсюаню открыть глаза, и его чувство страха в то же мгновение достигнет пика, делая его вкуснейшим лакомством и наилучшей подпиткой сил для истинного Божка-пустослова. После этого он, вероятно, растеряет всю способность к борьбе. Кроме того, вдруг, открыв глаза, он увидит перед собой морду твари, которая как раз вперит в него свой взгляд? Очень может статься, что величественный Повелитель Ветров изойдёт пеной изо рта и скончается, подобно павшей звезде^[215].

Се Лянь заключил:

— В таком случае, лучше всё-таки держите веки сомкнутыми.

Мин И спросил:

— В какую сторону он тебя повёл, когда вы покинули храм Ветров и Вод?

Дело первостепенной важности сейчас — выяснить местонахождение Ши Цинсюаня. Тот с закрытыми глазами не видел, куда идёт, но мог примерно сориентироваться в пространстве по количеству и ширине шагов, приблизительно распознав стороны света. Однако ответом последовало:

— Не знаю.

— Даже этого не знаешь?!

Ши Цинсюань в гневе ответил:

— Да кто в здравом уме стал бы запоминать такие вещи?! К тому же, я ведь думал, что это ты меня ведёшь!

Хуа Чэн тем временем, наблюдая за всем со стороны, уже настолько измаялся от скуки, что вновь переделся в красное, затем опять в чёрное, а потом вовсе в белое. Почти каждый раз, когда Се Лянь поворачивался и смотрел на Князя Демонов, тот мгновенно преображался, меняя что-то в причёске, украшениях, обуви и других деталях. Иногда он выглядел приятно и игриво, иногда возвышенно и одухотворённо, иногда холодно и отчуждённо, иногда ярко и роскошно. У Се Ляня уже рябило в глазах, но он всё равно то и дело оборачивался, не в силах сдержаться. Поймав же себя на этом занятии, принц немедля подавил готовые сорваться с губ фразы «вот этот наряд неплох», «красиво», и вместо этого произнёс:

— Пойдите, пойдите. Сейчас не время для препираний. Пока вы ссоритесь, каждая фраза — это один шаг Повелителя Ветров, а чем дальше он уйдёт, тем сложнее нам будет его найти.

Ши Цинсюань страдальческим тоном ответил:

— Слушайте, вы что, правда не можете меня отыскать? Я прошёл-то чуть больше полсотни шагов, ну уж никак не больше сотни, и к тому же мы передвигаемся очень и очень медленно!!!

Не больше сотни шагов? Мин И сорвался с места, исчезнув на другом конце улицы. Но прошло совсем немного времени, и он вновь молниеносным вихрем очутился у ворот храма Ветров и Вод.

— Ничего!

Плохо дело. Се Лянь произнёс:

— Сжатие тысячи ли!

Воспользовавшись суматохой, истинный Божок-пустослов утащил Повелителя Ветров из храма, а потом наверняка сразу же применил Сжатие тысячи ли, чтобы вместе с ним перенестись в другое место. Иначе, если они прошли не более сотни шагов, их бы давно обнаружили. Но стоило применить технику перемещения, и они могли оказаться за многие ли отсюда. Кто знает, где они теперь? Сейчас найти Повелителя Ветров — всё равно что вылавливать иглу, упавшую в море!

Обстоятельства не терпели небрежности. Се Лянь немедленно произнёс:

— Я отправлюсь в чертоги Верхних Небес и доложу о случившемся в сеть духовного общения.

Ши Цинсюань же сразу остановил:

— Погодите! Ваше Высочество, не нужно никуда отправляться! Вы обещали мне держать всё в секрете, моему брату вскоре предстоит в третий раз пройти через Небесную кару, из всех трёх эта — самая серьёзная, ни в коем случае нельзя, чтобы он споткнулся на этом шаге!

Мин И произнёс:

— Ещё протянем время, и ты прямо сейчас столкнёшься со своей карой.

Ши Цинсюань в гневе ответил:

— Я сказал — нет, значит, нет! Сколько пар глаз сейчас следят за моим братом! Эта тварь намеренно избрала момент, чтобы привязаться ко мне. Но у него ничего не выйдет! Пусть даже не думает! Пусть я умру, пусть сгниют мои останки, но откапывать их извольте только после того, как мой брат пройдёт через Небесную кару!

Спустя некоторое время Мин И ответил:

— Хорошо. Хорошо!

Се Лянь остро почувствовал в его голосе подавляемый гнев, ранее принцу не приходилось замечать столь сильных эмоций от Мин И. Пребывая в лёгком беспокойстве и не желая, чтобы эти эмоции развились в какой-то неприятный инцидент, Се Лянь обратился к Повелителю Ветров раньше:

— Ваше Превосходительство, та тварь, он всё это время ведёт вас за собой?

— Да. Он держит меня за предплечье.

— Нет ли у него каких-либо отличительных признаков? К примеру, особая зловещая Ци, необычный запах, ощущения от прикосновения, вроде того?

— Нет. Ничего нет.

— А какова обстановка вокруг? Например, под ногами у вас ровная земля или же вы идёте по гористой местности? Может, вы наступали на что-то или запинались? — Се Лянь хотел выяснить, нельзя ли по признакам окружения как можно скорее определить примерное местонахождение Ши Цинсюаня.

— Дорога очень странная! Мягкая, парящая, как будто я иду по облакам.

Се Лянь подумал: «Наверное, у вас просто от страха подкашиваются колени...»

Ши Цинсюань из пяти чувств не мог воспользоваться двумя, и потому очень сложно было получить от него какие-либо подсказки. Принц боялся, что на этом нить оборвётся. И хотя рядом с ним всё время находился Хуа Чэн, который просто от скуки присоединился поглядеть на представление... Во-первых, он действительно присоединился к ним лишь ради забавы, Ши Цинсюань ему не друг и не враг, а сам он к тому же — личность из мира демонов, у него нет никаких причин протягивать небожителям руку помощи; во-вторых, Се Лянь и сам не желал постоянно обращаться к нему за подмогой. Поэтому, успокоившись, принц произнёс, обращаясь к Повелителю Ветров:

— Ваше Превосходительство, у меня есть один способ, которым можно немедля вызволить вас из лап твари. Но мне для этого необходимо ваше разрешение.

Ши Цинсюань сразу ответил:

— Хорошо, я разрешаю!

Хуа Чэн вдруг замер и спросил:

— Перемещение души?

— Что?

Се Лянь подтвердил:

— Всё верно. Именно Перемещение души!

Перемещение души, как ясно из названия, являлось одной из техник замены душ. «Моими глазами вижу то, что видишь ты». Эта техника не относится к распространённым, поскольку, во-первых,

сжигает бесчеловечно огромное количество магической силы, а во-вторых, крайне редко кто-то готов передать другому самое дорогое — право управления собственным телом.

Хуа Чэн сосредоточенно произнёс:

— Гэгэ, обдумай всё как следует.

Ши Цинсюань:

— Но что если вы столкнётесь с ним???

Се Лянь:

— Мне всё равно. Я ведь его не боюсь.

Мин И:

— Меняйтесь.

Хуа Чэн, однако, возразил:

— Гэгэ, ещё раз хорошо подумай.

Как вдруг Ши Цинсюань сказал:

— Он остановился.

Се Лянь, услышав, крикнул в сеть духовного общения:

— Нет времени на раздумья, сейчас!

Ши Цинсюань, стиснув зубы, ответил:

— Доверяюсь вам, Ваше Высочество!

Се Лянь:

— Хорошо!

Принц замолчал, закрыл глаза и сразу почувствовал, что тело стало непомерно лёгким, настолько, что готово воспарить ввысь; затем вдруг снова сделалось тяжёлым, настолько, что казалось, сейчас провалится под землю. Всё вокруг завертелось, а потом к принцу постепенно вернулось ощущение реальности. Он оказался в теле, глаза которого по-прежнему были закрыты, а уши не слышали ни звука.

За предплечье его держала чья-то рука, которая не шевелилась.

Се Лянь резко распахнул глаза, одной рукой вынул затычки из ушей, а другую ловко вывернул и сам схватил пленившего его истинного Божка-пустослова.

— Как поживаете? — с улыбкой произнёс принц.

Ши Цинсюань провёл с закрытыми глазами слишком долгое время, а вокруг тоже царил мрак, поэтому Се Лянь не сразу привык к темноте, открыв глаза в теле Повелителя Ветров. Он ничего не мог разглядеть, но тварь, что его пленила, теперь оказалась у него в плену. Жое с ним не было, и Се Лянь применил технику оков, чтобы словно

стальными кандалами заковать руку противника, не позволяя ему вырваться при помощи магии. В сети духовного общения раздался оклик Ши Цинсюаня:

— Ваше Высочество! С вами всё в порядке? Если не справитесь, давайте поменяемся обратно! Оставьте, лучше я сам!!!

По всей видимости, Ши Цинсюань благополучно занял тело принца. Се Лянь, крепко удерживая истинного Божка-пустослова, в одно мгновение отвесил тому с три десятка пинков, отвечая:

— Всё замечательно!

Только вот тело немного не слушалось, поскольку перемещение произошло мгновения назад. Скоро привыкнет, и движения рук и ног принца станут ещё более безжалостными.

Ши Цинсюань произнёс:

— Ваше Высочество, я передам вам заклинания, при помощи которых можно управлять моими артефактами. Магические силы используйте, как вам заблагорассудится, не стесняйтесь!

Не имея при себе меча, Се Лянь со свистом развернул Веер Повелителя Ветров.

— Хорошо!

Ши Цинсюань добавил:

— Давайте я и заклинание принятия женского облика вам расскажу, в том облики мои магические силы ещё мощнее!

Се Лянь решительно отказался:

— Нет. Без этого уж обойдёмся!

Хуа Чэн серьёзным тоном произнёс:

— Гэгэ, скорее оглядись по сторонам и скажи мне, что это за место.

Мин И возразил:

— Нет, сначала скажите, что за тварь сейчас бьётся с вами.

К тому времени глаза Се Ляня уже привыкли к темноте вокруг, принц сощурился и вгляделся в тёмную фигуру перед собой.

И всё же, хотя принц уже явно обрёл способность рассмотреть даже листья на ветвях деревьев вокруг, лицо тёмной фигуры всё время казалось размытым, будто тварь окружила себя клубами чёрного демонического тумана.

Веер Повелителя Ветров представлял собой магический артефакт высшего ранга, способный одним взмахом развеять демонический

туман, сделать мир чище и светлее. Заполучив от Ши Цинсюаня заклинание для управления артефактом, принц мысленно его произнёс и взмахнул веером. На ровном месте поднялся ураган, взметнувший круговерть из сухих листьев и даже выдравший с корнем несколько слабых ростков деревьев. Такую мощь нельзя назвать незначительной. Жаль только... что поток ветра ушёл немного вкривь и не достиг намеченной цели.

Всё-таки магическим артефактом не так-то просто повелевать, да и принц не являлся настоящим владельцем Веера Повелителя Ветров, поэтому у него не получалось пользоваться им так же мастерски ловко, как Ши Цинсюаню. Трудно было верно выстроить направление и мощь атак, которые выходили то слишком сильными, то чересчур слабыми, то косили, а то и вовсе били в противоположном направлении. Поняв это, Се Лянь решительно отбросил бессмысленные попытки и сменил тактику. Принц с хлопком закрыл веер и воспользовался им как оружием — начал в бешеном темпе наносить противнику удары; затем вновь со свистом распахнул, покрыл края веера тонким слоем божественного сияния, тем самым превратив бумагу в стальное лезвие, способное резать кость, и бросился в атаку под свист рассекаемого воздуха и холодные вспышки. Ши Цинсюань, примерно догадываясь, что происходит, чуть не плача взмолился:

— Ваше Высочество, вы точно ничего не перепутали?! Это ведь магический артефакт, а вы пользуетесь им как оружием! Какое напрасное расточительство!!!

Все Боги Войны имеют эту дурную привычку. Несмотря на крайнюю занятость, Се Лянь всё же смог улучшить момент, чтобы невозмутимо бросить:

— Не велика разница!

В тоне Хуа Чэна послышалось больше тяжести:

— Гэгэ!

Се Лянь понимал, чего хотел от него Хуа Чэн, почему так торопил. Он стал озираться по сторонам прямо в процессе битвы. Кругом разворачивались живописные виды гор и вод, имелись беседки и павильоны, террасы и башенки, но совершенно ничего особенно запоминающегося, и никак не получалось определить, где же они находятся. Тем временем истинный Божок-пустослов, заметив, что

принц озирается по сторонам, примерно догадался о его цели и вдруг высказал:

— Ты не Ши Цинсюань.

Се Лянь не замедлился ни на миг, при этом мысли в его голове замелькали быстрее молний: «Он не должен был так скоро догадаться о перемещении души. Как ему сразу удалось определить, что я — не Ши Цинсюань? А, не важно, продолжим битву!»

В бою принц оставлял гуманность в стороне, и, должно быть, довёл Божка-пустослова до последней черты, раз тот, не в силах выстоять, прокричал:

— Ты немедленно упадёшь!

Как и предполагалось, он решил одолеть Се Ляня своими ядовитыми пророчествами. Однако принц будто и не слышал, только удары стали ещё более жестокими. Тогда Божок-пустослов снова выкрикнул:

— Ты потерпишь поражение!

— Я терпел поражение восемьсот лет назад, куда уж может быть хуже? — усмехнулся Се Лянь. — Ещё парочка проигранных боёв ничего не изменит. Оставь надежду! Что бы ты мне ни сказал, это не сработает.

Принц услышал голос Хуа Чэна:

— Гэгэ, если не можешь определить, где сейчас находишься, тебе нужно лишь при помощи Веера Повелителя Ветров поднять в небеса столб урагана, так я смогу понять, где ты!

Вот так удача, Се Лянь подумал о том же способе. Принц ответил «Хорошо!» и уже вознамерился действовать, как вдруг Божок-пустослов злоеще усмехнулся и спросил:

— Кто-то сюда собирается?

Се Лянь отчего-то насторожился, и не зря — далее слышался шёпот твари:

— Будь спокоен, кто бы ни явился сюда за тобой, непременно умрёт прямо у тебя на глазах^[216]!

Се Лянь тут же почувствовал, что посмеяться в ответ не выходит. Его сердце резко сжалось, даже дыхание на короткий миг замерло.

В следующий миг он, сам того не ожидая, выплюнул:

— Закрой пасть!

Божку-пустослову снова досталось около полусотни пинков от принца, каждый ровно по голове, так что у того не было возможности ни слова больше сказать, но всё же получилось... сделать вдох. Вдох, полный удовлетворения, будто бы он учуял запах божественного лакомства. Следом раздался его леденящий душу хохот. Малейшая неосторожность, и Се Лянь всё-таки позволил ему получить от себя то, чего он добивался.

Се Лянь, впрочем, не стал отчаиваться, просто та фраза в действительности обернулась внезапным ударом прямо в сердце. Принц прекрасно осознавал — невозможно так просто претворить в жизнь сказанное тварью, чтобы Хуа Чэн действительно «умер у него на глазах», а точнее говоря, Хуа Чэн ведь давным-давно мёртв... И всё же Се Лянь не сдержался от того, чтобы вздрогнуть от страха. С удивлением для себя принц обнаружил, что не способен вынести и обычных слов о чём-то подобном.

Остальные в сети духовного общения не могли почувствовать ненормальное состояние принца, но Хуа Чэн, словно был связан с Се Лянем душой, насторожился:

— Гэгэ? Он что-то тебе сказал?

— Полную чепуху... Нет! Он ничего не говорил.

Хуа Чэн мгновенно всё понял и забранился:

— Ему конец! Скажи, где ты, и я прямо сейчас отправлюсь туда.

Се Лянь поспешно возразил:

— Нет, тебе пока нельзя сюда приходить. Ни в коем случае нельзя!

— Скажи мне!

— Извините за беспокойство, — вмешался Ши Цинсюань, — но я так и знал, что вы в тайне обменялись паролями для духовного общения! Ваше Высочество, вы не замечаете? Вы ошиблись сетью! Ошиблись сетью!

Се Лянь только сейчас понял, что, с тех самых пор, как он применил заклинание Перемещения души, Хуа Чэн общается с ним посредством личной сети, при этом сам принц, вовлечённый в сражение с тварью и немного выбитый из колеи, совершенно не заметил, как отправил ответ Хуа Чэну в общую сеть. Теперь факт его тайного общения с Князем Демонов окончательно раскрылся.

Но сейчас Се Ляню было не до смущения, он ответил:

— Всё в порядке, дайте мне ещё четверть часа, и я с ним разделаюсь! — затем он вновь вставил в уши затычки и бросился в атаку ещё ожесточённое, всеми силами сосредоточившись на битве с истинным Божком-пустословом.

Он и представления не имел, что тем временем происходило в посёлке Богу. Хуа Чэн, услышав его последнюю фразу, ни слова не говоря нанёс удар наотмашь, от которого Мин И впечатало в землю на три чи, затем сразу переключился на Ши Цинсюаня, который сейчас занимал тело Се Ляня.

— Меняйся обратно.

Ши Цинсюань и сам решил поменяться сразу же, как только оказался здесь, а теперь и вовсе заголосил:

— Собиратель цветов под кровавым дождём, что ты делаешь?! Я прямо сейчас меняюсь, Его Высочество наследный принц всего лишь вызвался мне помочь! Я бы понял, если бы ты меня ударил, но Мин-сюна за что?! — однако Ши Цинсюань сразу же припомнил, что это тело принадлежало Се Ляню, и конечно же, Хуа Чэн не станет его бить. И если уж непременно нужно на ком-то выместить злость, то единственной кандидатурой оставался Мин И.

Се Лянь тем временем как раз находился в пылу битвы, когда Ши Цинсюань вдруг позвал его по сети духовного общения:

— Ваше Высочество, не затруднит ли вас снова заткнуть уши и отбежать от него подальше? Я собираюсь поменяться обратно!

— Ваше Превосходительство, вы справитесь?

— В бою с ним у меня точно нет шансов, но вот убежать я всё же способен!

Поэтому Се Ляню пришлось пинком отбросить Божка-пустослова на несколько чжанов, затем развернуться и припустить во весь опор, словно от этого зависела его жизнь.

— Подождите, вам не придётся убежать! — вновь обратился к Ши Цинсюаню принц. — Я сейчас установлю для вас защитное магическое поле! Ваше Превосходительство, нет ли у вас при себе каких-нибудь магических приспособлений с защитными свойствами? Если нет артефактов, драгоценности тоже сгодятся!

Едва услышав вопрос, Ши Цинсюань второпях ответил:

— Драгоценности? Есть, есть, посмотрите на шее, там висит замок долголетия^[217] он подойдёт?

Се Лянь в самом деле нашарил на шее Ши Цинсюаня тяжёленький золотой амулет искусной работы, сияющий роскошью.

— Есть. Прекрасно, это редкая драгоценность! — возрадовался принц.

Ши Цинсюань отозвался:

— Правда? Есть ещё, есть ещё: на талии нефритовый пояс, на большом пальце агатовое кольцо, сапоги по бокам инкрустированы жемчугом, дерево, из которого сделана метёлка, ещё старше вас... Ох, верно, говорят, что волос на ней тоже какой-то редкий и ценный, только не знаю, с какого именно волшебного зверя его выдёргивали... — на одном дыхании Повелитель Ветров перечислил ещё несколько драгоценностей. — В общем говоря, Ваше Высочество, сами поглядите, можно ли воспользоваться хоть чем-то из того, что я ношу при себе?

Можно. Всё это — редчайшие сокровища!

Справляясь с потрясением и про себя восклицая «Вот что значит — божество богатства», «Вот что значит — брат Повелителя Вод», принц ответил:

— Можно. Я найду вам здесь подходящее помещение для установки поля, а вы, как окажетесь в своём теле, не вынимайте из ушей затычки и не выглядывайте наружу. Сидите внутри, никуда не выходите, ждите нашего прибытия!

Ши Цинсюань прямо-таки разрыдался:

— Ваше Высочество, вы такой надёжный друг!!! Благодарю вас! С сегодняшнего дня вы — мой второй лучший друг. Если впредь мне случится что-то праздновать, Моё Превосходительство ни за что о вас не забудет!

Се Лянь, не зная, плакать ему или смеяться, вежливым утешительным тоном ответил:

— Спасибо!

Отбросив Божка-пустослова подальше, за разговором принц как раз присмотрел небольшое строение. Влетев внутрь, он махнул рукой, и все окна и двери сами собой плотно закрылись. Вначале он повесил на засов золотой замок, затем прокусил палец и изобразил магический символ, следом расположил все драгоценные вещи в нужной последовательности и подкрепил магическое поле кровью. Вся череда

действий уложилась в наикратчайшее время, после чего принц уселся в центр комнаты, закрыл глаза и скомандовал:

— Один, два, три. Перемещение души... возвращение!

Его снова будто бы резко подбросило вверх и опустило вниз, после недолгого круговорота Се Лянь опять ощутил почву под ногами, но пока ещё не мог стоять ровно, поэтому чуть завалился вперёд. Однако упасть не успел — его крепко подхватила пара рук. Открыв глаза, принц услышал над головой мрачный голос Хуа Чэна:

— Гэгэ, мне кажется, лучше будет, если я получу от тебя объяснения.

Се Лянь, схватившись за него, выпрямился и только хотел заговорить, как вдруг заметил, что кого-то не хватает, и спросил:

— А где Повелитель Земли?

Хуа Чэн ответил:

— Не знаю.

Се Лянь оторопел:

— Не знаешь? — но затем перевёл взгляд в сторону, на яму в форме человеческой фигуры, и увидел, что из неё как раз выбирается Мин И.

Не придумав, как реагировать на увиденное, на несколько мгновений принц онемел, покуда в сети духовного общения не послышался удивлённый вздох Ши Цинсюаня:

— А?

Сердце Се Ляня сжалось.

— Он явился?

Со всеми драгоценностями, что носил при себе Ши Цинсюань, принц превратил ту комнатку в настоящую неприступную крепость и весьма рассчитывал на то, что истинному Божку-пустослову через такое ограждение не прорваться, но даже если уровень твари и впрямь настолько высок, Се Лянь с уверенностью считал, что на это уйдёт немало времени. Однако Ши Цинсюань отмёл его подозрения:

— Нет, нет, нет. Ваше магическое поле поистине впечатляет, непоколебимо как гора Тайшань, даёт абсолютное чувство защищённости! Мне думается, сквозь него ни одной твари за три дня и три ночи не прорваться, но только... я удивлён, что оказался именно здесь.

Се Лянь удивился не меньше:

— Где? Вам знакомо то место?

— Разумеется, знакомо. Это ведь Башня Пролитого Вина! Место, где я вознёсся.

Се Лянь остолбенел и про себя переспросил: «Башня Пролитого Вина?»

Кажется, Ши Цинсюань прошёлся по комнатке и снова уверенно произнёс:

— Всё верно, я возвращаюсь поглядеть на эти места каждый десяток с чем-то лет, ошибки быть не может.

Не удивительно, что Божок-пустослов сразу распознал, что перед ним не настоящий Ши Цинсюань. Будь это Повелитель Ветров, то с первого взгляда понял бы, что его привели к Башне Пролитого Вина, ему бы не понадобилось озираться по сторонам, чтобы в этом убедиться.

Мин И, выбравшись из ямы, присел и стал рисовать на земле магическое поле. Завершив его в несколько линий, он вдруг ударил по земле рукой, тем самым разрушая только что созданный им самим рисунок. Взгляд Хуа Чэна похолодел, Се Лянь тоже изумился:

— Ваше Превосходительство, что вы делаете?

Мин И поднялся.

— Сжатие тысячи ли применять нельзя. Мы должны добираться пешком.

— Что значит — нельзя применять?

— Только что кто-то разрушил все точки связи Сжатия тысячи ли вблизи Башни Пролитого... нет, вообще все точки для перемещения в той местности уничтожены.

Совсем недавно Ши Цинсюаня перенесли к Башне Пролитого Вина именно при помощи Сжатия тысячи ли, сомнений нет. По всей видимости, как только «Ши Цинсюань» спрятался в том здании, Божок-пустослов отреагировал поразительно быстро — подстроил всё так, чтобы ограничить их передвижение. Всё равно что тоннель, проходящий сквозь огромную гору, завалило камнями. Теперь никто не сможет переместиться к Башне Пролитого Вина при помощи Сжатия тысячи ли.

Се Лянь произнёс:

— Если отправимся сейчас, сколько времени займёт путь?

Мин И уже развернулся и зашагал прочь:

— Один час!

Се Лянь обратился к Повелителю Ветров посредством сети духовного общения:

— Ваше Превосходительство, мы уже идём к вам, будем в течение часа. Оставайтесь на месте и ждите, пока мы придём за вами. Если что-то постучится в двери, ни в коем случае не открывайте.

Ши Цинсюань ответил:

— Хорошо, хорошо, хорошо. Ну разумеется, это мне ясно и без напоминаний, я ведь не трёхлетний ребёнок, чтобы открывать дверь кому попало. Только, вот что... прошу вас покорнейше, поторопитесь!

Благо, посёлок Богу и Башня Пролитого Вина располагались не в разных концах страны, а на приемлемом расстоянии друг от друга, и теперь они точно успеют на место вовремя. Троица отправилась незамедлительно. По дороге Се Лянь просто для проверки привёл магические силы в движение и обнаружил, что Перемещение души в действительности сжигает их в пугающих объёмах. От мощного потока, что ему влил Хуа Чэн, теперь осталось чуть меньше половины.

Действия принца не укрылись от взора Хуа Чэна.

— Гэгэ, тебе нужно ещё?

Се Лянь торопливо замотал головой:

— Не нужно. Я поистине благодарен Сань Лану за щедрость.

— Не стоит благодарностей, я же сказал, у меня есть столько, сколько тебе потребуется, — помолчав, он полушутя добавил: — Вот только, гэгэ, могу я получить некоторый процент, когда ты будешь возвращать мне магические силы?

Се Лянь тихо кашлянул и подумал — большой вопрос, сможет ли он вообще хоть что-то вернуть. Разумеется, на словах пришлось бессовестно пообещать:

— Да... Хорошо!

Оговоренный час истёк, но поскольку троица состояла не из простых смертных, и к тому же обстоятельства не терпели промедления, они прибыли на место даже раньше. Оказавшись в Башне Пролитого Вина, Се Лянь узнал это место и даже неловко вспотел, увидев кругом поваленные деревья и вырванные с корнем травы — последствия его бездумного применения Веера Повелителя Ветров, который не слушался приказов.

Мин И спросил принца:

— Ваше Высочество, в каком именно здании вы установили защитное поле? Вы помните?

Се Лянь, разумеется, помнил и тоже внимательно оглядывался в поисках нужной постройки. Вскоре его взгляд просветлел, он указал рукой вдаль:

— Вон в том небольшом домике.

Троица направилась в указанном направлении. Чем ближе они подходили, тем спокойнее становилось на душе, словно вот-вот впереди забрезжит рассвет надежды. Но когда они вывернули из-за угла к входу в здание, зрачки Се Ляня резко сузились.

Дверь домика была открыта. «Скрип-скрип» — обе створки покачивались на холодном ночном ветру^[218].

Демон постучится, дверь открой, его впускай. На земле рисую круг, за него не заступай

Демон постучится, дверь открой, его впускай. На земле рисую круг, за него не заступай^[219]

После недолгого молчания Се Лянь воскликнул:

— Где же он?

Троица вошла в комнату, но помещение оказалось пустым. Все сокровища до сих пор лежали на своих местах, но стоило двери открыться, и магическое поле стало бесполезным. Се Лянь позвал в сети духовного общения:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров? Где вы?

По дороге сюда, поскольку они спешили, а Ши Цинсюань меж тем находился в состоянии крайнего волнения, Се Лянь сам предложил ему пока что сесть и погрузиться в медитацию, чтобы успокоиться, при этом не разговаривать и не думать о лишнем, чтобы самому себя не пугать. Ши Цинсюаню предложение показалось дельным, поэтому он постепенно перестал отвечать, а не замолк внезапно, поэтому принц не заподозрил ничего странного. Но теперь, как бы Се Лянь ни звал, тот не откликался, и в душе принца зародилось недоброе предчувствие. Поскольку существовало лишь два объяснения происходящему: либо Ши Цинсюань намеренно не отвечал, либо он уже находился без сознания.

Се Лянь использовал для создания поля более десятка редчайших сокровищ, что носил при себе Повелитель Ветров, никакая тварь не могла с лёгкостью сломать защиту извне. Но даже если бы смогла, как и сказал Ши Цинсюань, на это понадобилось бы, по крайней мере, три дня и три ночи, и, кроме того, наверняка остались бы следы применения грубой силы. Однако сейчас все окна и двери строения были целы, а также не наблюдалось подземных ходов или лестниц. Се Лянь вернулся к двери, поднял упавший на землю золотой замок и внимательно его осмотрел, затем заключил:

— Он действительно сам открыл дверь.

Но ведь спасительный отряд был уже рядом, что могло заставить его избрать опасный путь в последний момент? В голове Се Ляня роились вопросы без ответа.

— Он обещал, что не откроет дверь никому, кроме нас. Что же могло заставить его сделать это?

Мин И мрачно произнёс:

— Возможно, он решил, что мы как раз и пришли.

В голове Се Ляня тут же возникла такая смутная картина: к маленькому зданию подходят трое, выглядящие как он сам, Хуа Чэн и Мин И, и стучат в дверь. Ши Цинсюань, вне себя от радости, открывает им и выбегает навстречу, после чего трое «союзников» окружают его, а на их лицах проявляются зловещие ухмылки. Золотой замок падает из рук Ши Цинсюаня к его ногам, но подобрать вещь уже некому.

Принц сразу покачал головой:

— Не может быть. Не слышал о способности Божка-пустослова принимать чужой облик.

— Возможно, он позвал кого-то на помощь.

Се Лянь, подумав, отверг и это предположение:

— Сегодня мы столкнулись с несколькими происшествиями, каждое случилось неожиданно. Мы и сами не могли предположить, что придётся запереть Его Превосходительство здесь, оградив магическим полем. И Божок-пустослов, должно быть, не имел возможности так быстро найти демонов, которые вызвались бы помочь. К тому же, мы разве не сказали Повелителю Ветров, что перед приходом оповестим его через сеть духовного общения? Настоящие

мы или нет, проверить легко. Неужели он столь легко попался на удочку?

Внезапно Се Лянь замер и пробормотал:

— Разве что... его попросил открыть дверь кто-то, кого он знал.

Мин И:

— Кого он знал? С чего вы это взяли?

Хуа Чэн произнёс:

— У него были заткнуты уши, он не мог слышать.

Се Лянь сразу схватился за него:

— Сань Лан, верно сказано! Именно поэтому я и пришёл к выводу, что это был кто-то знакомый. Поскольку Повелитель Ветров с затычками в ушах не слышал никаких звуков из внешнего мира! Если только он вынул затычки, но разве он мог? Он до смерти боялся, поэтому точно нет. Значит, заставить его обманом открыть дверь существовал только один способ.

Заклинание духовного общения!

Се Лянь быстрыми шагами прошёлся по комнате.

— Получается, пока мы направлялись сюда, кто-то тайно связался с Его Превосходительством и сказал ему что-то такое, что заставило его самого открыть дверь. Если это кто-то незнакомый, он бы наверняка не мог узнать пароль для духовной связи с Повелителем Ветров, поскольку пароли небожителей держатся в строжайшем секрете и посторонним крайне сложно их заполучить. Тем более, таким тварям как истинный Божок-пустослов. К тому же, Повелитель Ветров наверняка очень доверял тому, кто пришёл за ним. Иначе он бы не стал бездумно открывать ему.

Хуа Чэн произнёс:

— Или же он вовсе не знал того человека, но зато тот человек знал его очень хорошо и сказал нечто такое, что заставило Повелителя Ветров открыть дверь.

Се Лянь старательно обдумал этот вариант и ответил:

— Теоретически, зная пароль для духовного общения, можно связаться с Повелителем Ветров. Но разве Его Превосходительство не счёл бы странным, заговори с ним кто-то совершенно незнакомый? Думаю, услышав незнакомый голос, он бы немедля сообщил нам. Разве что... таинственная личность, которая связалась с ним, первым делом сказала что-то такое, что его потрясло. Но что это могло быть?

Мин И предположил:

— Угроза?

— Чем он мог пригрозить? «Если не выйдешь, я скажу твоему брату, что снова привязался к тебе?» — принц тут же отверг этот вариант. — Не похоже. Истинный Божок-пустослов не мог знать наверняка, что именно заботит Ши Цинсюаня. К тому же, он ведь не из небесных чиновников, как бы ему удалось немедля доложить о своём существовании Повелителю Вод? Спасательный отряд находился лишь в часе пути от него, Ши Цинсюань вполне мог подождать. И ещё, большой вопрос — смогла бы тварь справиться с Повелителем Вод? Не забывайте, что он всё время охотился только за Ши Цинсюанем, но не приближался к Ши Уду, выбрал мягкую хурму^[220], чтобы легко раздавить. Вполне вероятно, что он и сам очень боится Повелителя Вод, поэтому не стал бы лезть на рожон.

Мин И предложил:

— И всё же, давайте поищем ещё час.

Се Лянь понял, о чём он говорит, и кивнул:

— Хорошо. Но если через час мы его не найдём, не важно, как сильно протестовал Повелитель Ветров, всё же придётся уведомить Повелителя Вод. Разделимся! Мы поищем в этой стороне, а вас попрошу взять на себя эту сторону.

Мин И сразу развернулся и направился в указанном направлении. Се Лянь во время поисков не оставлял надежды и всё продолжал звать Ши Цинсюаня в сети духовного общения, но отвечала ему лишь мёртвая тишина.

Хуа Чэн спросил:

— Ну что?

Се Лянь покачал головой:

— Совсем ничего.

Нехорошее предчувствие в его душе всё росло. Они переворачивали вверх дном одно строение за другим, одну комнату за другой, и уже обыскали почти все помещения в округе, однако не нашли и следа пропажи.

Вскоре поиски привели их к самому высокому строению — башне, которая венчалась открытой террасой. Очевидно, именно этой постройке отводилась главная роль в архитектурном ансамбле. Центральный элемент, который бесчисленное множество раз

реконструировали, при этом оставался великолепным и внушительным. На стенах во множестве мест даже красовались стихотворные строки. Подняв голову, Се Лянь увидел табличку «Башня Пролитого Вина» и невольно спросил:

— «Молодой господин проливает вино»?

Хуа Чэн ответил:

— Верно. Именно здесь когда-то «молодой господин пролил вино».

Се Лянь посмотрел на него.

— Так значит, оно и правда связано с ним?

Хуа Чэн утвердительно хмыкнул и вкратце рассказал принцу, что по легенде, когда Ши Цинсюань ещё был простым смертным, после занятий медитациями в процессе самосовершенствования он часто приходил сюда испить вина, а после во хмелю устраивался на высокой террасе в весёлом и непринуждённом настроении.

Однажды под высокой башней оказался местный самодур, который частенько мучил народ своими деяниями и как раз обижал честной народ. Ши Цинсюань, увидев его сверху, небрежно махнул рукой и выплеснул лучшее вино из своей чарки, применив магию, да так, что поток низвергся ровно на голову самодуру, отчего тот упал, оглушённый ударом. Впоследствии, когда Ши Уду избрал Ши Цинсюаня себе в помощники, тот не изменил привычкам — исполненный симпатии к миру смертных, он продолжал приходить сюда и пить вино. В день своего вознесения он как раз этим и занимался, сидя на террасе.

И хотя вознесение во время распития вина звучит немного абсурдно, на самом деле ничего страшного в этом не было, иногда судьба настигает человека в самые неожиданные моменты. Се Лянь вообще вознёсся во сне, не успев ничего понять. Возможно, когда-нибудь появится небожитель, вознёсшийся во время справления нужды, наверняка будет та ещё удивительная картина.

В общем, писатели и поэты издревле более всего обожают именно такие места — где случались занятные истории, откуда пошли легенды. И именно здесь их всегда настигает вдохновение, так что кисть парит без остановки, выражая талант, обращённый к бессмертным богам. Се Лянь понял — это место являлось достопримечательностью, и если ночью оно пустовало, то завтра,

когда немало посетителей в ужасе обнаружат беспорядок в домиках и поваленные ветром деревья, округу огласят крики о том, что это Повелитель Ветров явил свою божественную сущность.

Однако, картина «Молодой господин проливает вино» всё же оказалась не совсем такой, какой её себе представлял Се Лянь. Неожиданно до него донёлся мрачный голос Хуа Чэна:

— Гэгэ, мне нужно отлучиться, кое-что уладить. Будь крайне осторожен, пока меня нет рядом, а я скоро вернусь.

Се Лянь подумал: «Что именно уладить?»

Припомнив гнев в голосе Хуа Чэна, который принц слышал в сети духовного общения, и прибавив к этому его недоброе выражение лица, Се Лянь предположил:

— Ты отправишься искать Божка-пустослова?

— Нет, — помедлив, ответил Хуа Чэн.

Что ж, если нет, то излишние вопросы неуместны. Се Лянь кивнул:

— Ты ведь присоединился к нам ради забавы, и раз у тебя возникли дела, иди, не стесняйся. Главное, сам будь осторожен.

— Ага, — помолчав, Хуа Чэн добавил: — Когда вернусь, кое-что тебе скажу.

Се Лянь замер, с его губ сорвалось:

— Что?

Однако Хуа Чэн уже исчез из поля зрения.

По истечении часа Се Лянь, который так ничего и не обнаружил, позвал в сети духовного общения:

— Ваше Превосходительство Повелитель Земли! Как ваши успехи? Я здесь ничего не нашёл, уже направляюсь обратно.

Мин И тоже ответил:

— У меня ничего!

— Так не пойдёт, больше ждать нельзя. Собираемся на Башне Пролитого Вина, я прямо сейчас оповещу Повелителя Вод.

С такими словами он тут же мысленно произнёс пароль для связи с Линвэнь и спросил:

— Линвэнь здесь? Ты можешь помочь мне найти Повелителя Вод? Прошу, передай ему, что дело крайне срочное, и чтобы он прибыл встретиться со мной на Башню Пролитого Вина!

Очевидно, сейчас Линвэнь пребывала в мужском обличии, в голове принца раздался звучный мужской голос:

— Ваше Высочество наследный принц? Его Превосходительство как раз рядом со мной. Но он редко куда-то выходит, не думаю, что он сможет спуститься. По какому делу вы ищете его? Я могу передать.

В это время Се Лянь уже почти дошёл до самой Башни Пролитого Вина и вдруг увидел, что на краю террасы что-то развеивается от ветра, похожее на кусок белой ткани. Се Лянь озадаченно подумал: «Разве раньше там было что-то подобное?»

Подойдя ещё ближе, он наконец разглядел... что это верхнее одеяние Ши Цинсюаня!

В тот же миг Мин И прокричал в сети духовного общения:

— Ваше Высочество! Сейчас же идите к самому высокому зданию Башни Пролитого Вина, скорее!!!

Се Лянь встрепенулся, и тут же Линвэнь позвала его:

— Ваше Высочество? Вы ещё здесь?

— Скорее скажите, чтобы он спускался! Беда с Повелителем Ветров!

С таким криком Се Лянь ринулся наверх, но ответа ему не последовало — должно быть, Линвэнь, напуганная словами принца, поспешила рассказать обо всём Ши Уду. А на высокой башне, прямо в центре, лежал человек. Ши Цинсюань.

Глаза его были закрыты, на теле никаких видимых повреждений, ни следа крови. Кто-то другой приподнял его, это оказался Мин И. Ши Цинсюань в полностью бессознательном состоянии сел, и что-то выпало у него из-за пазухи. Се Лянь пригляделся, и сердце его

болезненно сжалось — это был разорванный пополам Веер Повелителя Ветров. Редчайший артефакт высшего ранга, который и за несколько сотен лет не создать, и к тому же сильнейшее оружие Повелителя Ветров... вот так уничтожен!

Се Лянь воскликнул:

— Но только что, когда мы приходили сюда, здесь точно никого не было!

Тут же принц заметил ещё кое-что необычное. Ранее, когда они с Хуа Чэном осматривали башню, видели на стенах немало стихов, написанных талантливыми поэтами — изящных, ветреных, серьёзных... но теперь все они исчезли, будто кто-то стёр их, лишь проведя пальцем. Остались лишь строки из восьми слов кроваво-красным нормативным шрифтом, которых ранее не было и в помине. Строки ещё истекали кровавыми каплями: «Не видать хорошего начала, не видать хорошего конца!»

Тот самый приговор, что истинный Божок-пустослов вынес Ши Цинсюаню в день его рождения!

Неожиданно Мин И спросил:

— Ваше Высочество, а где тот, что был свами?

Се Лянь замер и подумал: «Вот беда! Сань Лан покинул меня именно в такой момент!»

Стоило Хуа Чэну отлучиться от Се Ляня, и с Ши Цинсюанем произошло несчастье. Вот уж поистине — как теперь оправдываться... Однако Се Лянь остался невозмутимым и со всей серьёзностью ответил:

— Я попросил его помочь нам разыскать истинного Божка-пустослова.

— Когда он ушёл?

Се Лянь, не дрогнув мускулом, сказал:

— Вот только что, должно быть, не больше четверти часа прошло.

Разумеется, на самом деле прошло гораздо больше времени. Но Се Лянь нисколько не сомневался в Хуа Чэне, и конечно, не собирался давать другим повода в нём усомниться или породить лишние подозрения.

Внезапно с небес послышался отдалённый звук грома, а затем в ночном небе показалась золотая колесница, запряжённая восьмёркой лошадей. Прорываясь сквозь облака, она на всех парах неслась к ним.

Поскольку не представлялось возможности воспользоваться Сжатием тысячи ли, Ши Уду решил приехать прямо на золотой колеснице. Надо сказать, что в пути золотая колесница, запряжённая медными скакунами, поражала величием и масштабами. И если сейчас кто-то из смертных, кому не спится ночью, решит посмотреть на звёздное небо и увидит эту поразительную картину, в мире людей непременно поднимутся пересуды, что Водяной самодур поистине не страшится ничего на свете, творит что вздумается. Увидев приближающуюся во всей красе золотую колесницу, Се Лянь тут же обратился к Повелителю Земли:

— Ваше Превосходительство, если вдруг небесные чиновники станут вас расспрашивать, прошу, не упоминайте градоначальника Хуа, хорошо? Многие небожители, едва услышав его имя, так и норовят приукрасить факты да выдумать небылицы. Он к случившемуся непричастен, поэтому не стоит упрощать такое сложное дело.

Мин И глянул на принца и ответил:

— Хорошо, — вот так просто взял и согласился, затем вновь склонился над Ши Цинсюанем.

Се Лянь вздохнул с облегчением, но его сердце вновь с тяжестью опустилось, стоило ему взглянуть на неподвижного Повелителя Ветров.

Золотая колесница, грохоча на всю округу, вскоре приземлилась, оставив за собой клубящийся след благовещей дымчатой зари. При колеснице находилась целая группа младших небожителей, а из самой колесницы уже спускались трое — Ши Уду, Пэй Мин и Линвэнь. Из десятки лучших на пиру в честь Середины осени явились сразу трое. Разумеется, Се Лянь давно позабыл, что сам в той десятке занял первое место. Ши Уду, хмурый как туча, отбросив полы одеяния, с мрачным видом сошёл с колесницы и, держа в руках Веер Повелителя Вод, поднялся на башню. Пэй Мин и Линвэнь последовали за ним. Едва увидев лежащего на земле словно труп младшего брата, Ши Уду мгновенно изменился в лице и бросился к нему, восклицая:

— Цинсюань? Цинсюань! Что здесь произошло?!

Се Лянь ответил коротко и ясно:

— Повелитель Ветров повстречался с истинным Божком-пустословом.

Ши Уду, не в силах поверить, переспросил:

— Что ты сказал? Истинный Божок-пустослов?

Услышав о твари, не только Ши Уду, но и Пэй Мин, и Линвэнь переменялись в лице. Как видно, они давно были наслышаны об этой язве, что мучила Ши Уду. Однако глядя на их лица Се Лянь не смог распознать, кто притворяется, кто же на самом деле в душе возрадовался — оба выглядели весьма натурально. Особенно Ши Уду — он точно не смог бы так сыграть. Линвэнь вынула из рукава целую гору бутылков и склянок и протянула ему:

— Дай ему каждое по очереди.

Пэй Мин же обратился к принцу:

— Ваше Высочество, это снова вы!

Се Лянь ответил:

— Что поделать, во всех чертогах Верхних Небес одни и те же лица.

— Кажется, каждый раз, когда я вижу вас, где-то поблизости прячется ещё один. Только не говорите, что и на этот раз тоже.

Се Лянь равнодушно заверил:

— Нет, нет. Разумеется, нет.

Он солгал, не моргнув глазом, но Мин И в действительности сдержал обещание — не произнёс ни слова. Пэй Мин тоже больше ничего не сказал, только махнул рукой и вместе с подчинёнными отправился осматривать окрестности. Выходит, хорошо, что Хуа Чэн на время отлучился, по крайней мере, его не застали на месте происшествия. Ши Уду никак не мог разбудить Ши Цинсюаня, но тут вдруг случайно бросил взгляд на белоснежную стену, где красовались кроваво-красные слова. Его лицо, сделавшееся ещё блее этой стены, вмиг перекошило, и казалось, от гнева Повелителя Вод всего затрясло.

— Кто это написал? Кто написал?! — заорал он.

Несмотря на крик, его голос едва заметно дрожал. Внезапно Линвэнь произнесла:

— Его Превосходительство очнулся!

Се Лянь тут же опустился рядом.

— Ваше Превосходительство?

И в самом деле — Ши Цинсюань медленно открыл глаза. Ши Уду одним движением оттолкнул всех прочих и воскликнул:

— Цинсюань? Как ты? Где-нибудь болит? Кто сделал это с тобой?!

Ши Цинсюань некоторое время пребывал как в тумане, однако постепенно его взгляд прояснился. И когда это случилось, первым, что он увидел, было лицо Ши Уду. Далее произошло то, чего никто не ожидал.

Он с силой оттолкнул брата, схватился за голову и зашёлся страшным криком:

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!..

Фраза, сказанная в шутку, взволновала и меня, и тебя

Фраза, сказанная в шутку, взволновала и меня, и тебя^[221]

Ши Цинсюань резко оттолкнул Ши Уду, и величественный Повелитель Вод едва не упал, совершенно обескураженный и растерявший весь свой безупречный вид. Спустя минуту он только смог выговорить:

— Цинсюань, я твой брат.

Ши Цинсюань закричал на него:

— Я знаю, что это ты!!!

Если он узнал Ши Уду, значит, дело вовсе не в помутнении рассудка. Но почему же тогда такая реакция?

Ши Уду вновь протянул к нему руку:

— Всё хорошо...

Но Ши Цинсюань её отбросил:

— Какое ещё «хорошо»?! Как что-то может быть хорошо?! Не говори ничего! А! Я этого не вынесу!

Услышав его крики, уже не только Ши Уду, но и Линвэнь, и отрядивший людей на осмотр окрестностей и только что вернувшийся Пэй Мин — все изменились в лице.

Пэй Мин произнёс:

— Цинсюань, не нужно скандалить. Разве не понимаешь, что своими словами ты всё равно что бьёшь своего брата по лицу, осыпаешь его сердце крысиным ядом?

Прежде, стоило Ши Цинсюаню услышать что-то от Пэй Мина, он непременно вставлял пару замечаний, теперь же не удостоил его

вниманием, только схватился за голову и, словно в него вселился демон, забормотал себе под нос:

— Я ничего не хочу слышать. Ты тоже ничего не говори. Дайте мне успокоиться. Уходи. Сейчас же уходи прочь!!!

Ши Уду наконец не выдержал и закричал:

— Да что ты такое несёшь?!

Линвэнь тоже присоединилась:

— Ваше Превосходительство, расскажите, что вас тревожит? Если скажете нам, дело будет легко решить...

Ши Цинсюань в ярости взревел:

— Вы не понимаете, что я говорю?! Все катитесь прочь, пошли вон, ну же!!! А!!! А!!!! — словно сумасшедший, он продолжал кричать, пока у него изо рта не хлынула кровь.

Се Лянь воскликнул:

— Ваше Превосходительство!

Ши Уду схватил запястье брата, щупая пульс, и спустя пару мгновений его лицо вдруг сделалось ещё страшнее любого демона, словно у него тоже прямо сейчас ртом пойдёт кровь.

Се Лянь спросил:

— Ваше Превосходительство, что с Повелителем Ветров?

Принц тоже потянулся к пульсу Ши Цинсюаня, но Ши Уду резко отбросил его руку, в гневе воззрившись на Се Ляня, словно ни в коем случае не желал позволить тому понять, что же всё-таки произошло с Ши Цинсюанем. Затем Повелитель Вод обратился к брату:

— Ты болен. Это от испуга. Я заберу тебя, чтобы вылечить. Ты поправишься.

Ши Цинсюань, глядя ему прямо в глаза, выплюнул по слову:

— Я не болен. Тебе должно быть лучше всех известно, болен я или нет! Не думай, что я сошёл с ума, я в трезвом уме! Я никогда не был трезвее, чем сейчас!

Ши Уду схватил его и потащил в колесницу с криком:

— Ты ничего не понимаешь, не болтай ерунды!

Ши Цинсюань в бешенстве начал вырываться:

— Мин-сюн, Мин-сюн, спаси меня, Ваше Высочество, спасите меня!

Он протянул к ним руки, Се Лянь и Мин И — каждый схватил его ладонь, но Ши Уду безжалостно утащил его за собой.

— Идём, всё хорошо, брат с тобой.

Ши Цинсюань всё кричал и вырывался, так что Пэй Мину и Линвэнь пришлось помогать Ши Уду удержать его.

Мин И воскликнул:

— Твой брат не хочет идти с тобой!

Се Лянь присоединился:

— Проблема с истинным Божком-пустословом ещё не решена, Ваше Превосходительство, вы собираетесь...

Ши Уду отрезал:

— Какой ещё Божок-пустослов?! Я вообще не понимаю, о чём вы болтаете. Он болен, у него помутился разум, и ничего более!

— Но Повелитель Ветров...

Ши Уду оборвал речь принца:

— Это мой брат. Неужели я способен ему навредить? Вам двоим, как посторонним, не стоит вмешиваться в дела моей семьи! И будьте любезны, Ваши Превосходительства, не разбалтывать о случившемся никому, позаботьтесь лучше о себе! — договорив, он махнул рукой перед лицом Ши Цинсюаня, тем самым погрузив его в сон, и унёс в золотую колесницу.

Пусть его слова прозвучали резко, но они заставили Се Ляня застыть на месте. Принц подумал — ведь Ши Уду прав, он и есть родной брат Ши Цинсюаня, разве он может ему навредить? К тому же, с ними ещё два небесных чиновника, так Повелитель Ветров будет в наибольшей безопасности. Если уж его родственник взялся разрешить проблему, как могут посторонние люди продолжать вмешиваться?

Сломанный пополам Веер Повелителя Ветров остался лежать, забытый всеми. Линвэнь подобрала его и обратилась к Се Ляню и Мин И:

— Ваше Высочество, Ваше Превосходительство, не примите за оскорбление, разум Повелителя Вод затмевают чувства. Это коснулось его семьи, а семейные неурядицы не стоит выносить за пределы дома. Надеюсь, вы двое сохраните случившееся в секрете. Позже он принесёт извинения вам обоим, — сказав несколько вежливых фраз, Линвэнь тоже поспешила к колеснице.

Золотая колесница с грохотом оторвалась от земли и, набирая скорость, поднялась ввысь. Глядя на дымчатое зарево, медленно исчезающее в ночном небе, Се Лянь окончательно убедился, что

Повелитель Вод действительно забрал Повелителя Ветров с собой, а они вдвоём, промучившись так долго, просто остались здесь, совершенно растерянные.

Мин И развернулся и направился прочь, но Се Лянь, придя в себя, позвал его:

— Ваше Превосходительство!

Тот остановился и наградил принца многозначительным взглядом, затем сказал:

— Не волнуйтесь, о Хуа Чэне я никому не расскажу.

Се Лянь вздохнул с облегчением:

— Благодарю вас. Вы подниметесь навестить Повелителя Ветров?

Мин И кивнул, развернулся и ушёл. Се Лянь, хоть и очень переживал за Повелителя Ветров, всё же понимал — божественные лекари чертогов Верхних Небес могут оказать гораздо бóльшую помощь, чем он сам. К тому же, Ши Уду определённо не желал, чтобы посторонние видели его младшего брата в безумном состоянии. Как ни посмотри, а сейчас явно не лучший момент для того, чтобы навещать Ши Цинсюаня. Ещё и Хуа Чэн так внезапно отлучился, о чём принц переживал ещё сильнее. Оценив положение дел, Се Лянь всё же решил вначале отыскать Хуа Чэна. Приняв такое решение, Се Лянь покинул Башню Пролитого Вина и поспешил в дорогу. Он не мог применить Сжатие тысячи ли, золотой повозки с медными скакунами у него тоже не было, оставалось полагаться только на пару ног, передвигаясь ночью по горной тропе. Принц шёл и думал: «Что же такого случилось у Сань Лана? Судя по его лицу и голосу, похоже, проблема серьёзная. Надеюсь, в этот раз я смогу хоть в чём-то ему помочь».

Проведя в пути не более получаса, Се Лянь вдруг ощутил, как по дороге впереди буквально стелется зловещая Ци. И хотя он ничего не мог разглядеть, принц всё же невольно замедлил шаг. Его посетила мысль: «Да быть не может. Неужели я снова повстречался с какой-то нечистью?»

Он остановился на краю дороги и стал наблюдать. Спустя довольно долгое время впереди сквозь зловещую Ци раздался странный звук.

«Э-эй-ух, э-эй-ух».

«Э-эй-ух, э-эй-ух».

На дороге показались смутные тёмные очертания чего-то очень большого.

И это, большое и тёмное, ещё и непрерывно покачивалось, подобно призрачной тени. Совершенно не представлялось возможным рассмотреть, что же такое приближается к принцу. Се Лянь никогда не встречал подобных очертаний, но мог с уверенностью сказать, что оно немаленьких размеров. Он невольно насторожился и отступил на шаг, Жое на левой руке приготовилась в любой момент атаковать, а правая рука принца опустилась на рукоять Фансиня.

Ещё миг, и то огромное неведомое выплыло из тумана, явив себя во всей красе, отчего Се Лянь чуть округлил глаза. Оказалось, что к нему приближается роскошный паланкин.

Паланкин поражал красотой — с золотого балдахина ниспадала бахрома тончайшей работы и летящая полупрозрачная ткань, так что любого сидящего внутри скрыло бы за колышущимся красным пологом, а снаружи был виден лишь его силуэт, будоражащий воображение. Весьма потрясало и то, что в качестве носильщиков выступали четыре необыкновенно рослых золотых скелета, именно они и издавали те вздохи, торопливо переставляя ноги. Голову каждого скелета окружали плавно парящие в воздухе призрачные огоньки, они вертелись во все стороны и каждый раз, когда дорога тонула во тьме, разгорались особенно ярко, будто бы освещая путь.

Зрелище вышло уж слишком удивительное, и при этом настолько демоническое, что Се Лянь невольно вытаращил глаза и подумал — неужели он наткнулся на молодую госпожу какого-нибудь демонического клана, которая отправилась на тайное свидание с возлюбленным? Принц поспешил отойти подальше на обочину, пропуская паланкин. Но к его удивлению, четыре золотых скелета остановили паланкин прямо перед Се Лянем и слаженно повернули к нему черепушки.

Один из скелетов звонко клацнул челюстью, и неизвестно откуда послышался человеческий голос, который отрывисто заговорил:

— Его Превосходительство градоначальник послал нас встретить Его Высочество наследного принца государства Сяньлэ. Это Вы тот самый Его Высочество?

Градоначальник, о котором он говорит, должно быть, — Хуа Чэн. Се Лянь отпустил рукоять меча и ответил:

— Это я.

Щёлк-щёлк-щёлк. Кажется, скелеты ужасно обрадовались. Они тут же поставили паланкин на землю.

— Прошу садиться, и мы отправляемся!

Неужели эти скелеты понесут его на встречу с Хуа Чэном? Се Лянь попытался отказаться:

— Но... как-то неудобно, не находите?

— Вовсе нет! Где же неудобно? Нас ведь для этого и отрядили.

— Ваше Высочество, прошу, садитесь! Его Превосходительство градоначальник ожидает Вас!

Делать нечего, Се Лянь осторожно взобрался в паланкин, приподняв полог, уселся и произнёс:

— Простите что затрудняю вас.

Золотые скелеты, посмеявшись, о чём-то затрещали между собой, потом подхватили паланкин и, покачиваясь, зашагали по горной тропе.

Обитое парчой сиденье в паланкине оказалось весьма удобным. Се Лянь, разместившись в самой подходящей позе прямо в центре, ощущал себя немного одиноко на таком широком пространстве. Снаружи казалось, что скелеты несут паланкин, качаясь из стороны в сторону, но на самом деле внутри никакой тряски не ощущалось, к тому же они передвигались невероятно быстро, ещё быстрее, чем заклинатели, парящие на мечях. И кроме странноватых вздохов, которые скелетам так нравилось выкрикивать, до принца не доносилось ни единого звука, поэтому его путешествие в паланкине вышло намного тише, чем на шумной золотой повозке, и намного таинственнее.

В бытность Се Ляня наследным принцем ему случалось ездить в паланкинах. Тогда он был ещё совсем мал, сидел на коленях отца или матушки, несли их паланкин тщательно отобранные слуги, а сопровождала пышная свита. Зрелище выходило чрезвычайно внушительным. Когда принц немного подрос, ему разонравилось ездить таким образом, и теперь он, можно сказать, впервые один оказался в подобном средстве передвижения, неизбежно ощущая себя весьма необычно. Спустя какое-то время пути он вдруг увидел, как на полог упал свет от тусклых зеленоватых призрачных огней, а впереди раздался шёпот:

— Кто таков? Если хочешь пройти через это кладбище, надобно что-нибудь заплатить, а?

Вот как, они наткнулись на диких демонов, что преграждают дорогу путникам. К тому же на таких, что и своих не жалеют — демоны, пожирающие демонов... Да только в этот раз им не повезло открыть рот на Хуа Чэна.

Скелеты, щёлкая челюстью, рассмеялись:

— А вы нам заплатить не хотите?

Се Лянь размышлял, не выйти ли разобраться, как вдруг услышал тонкий визг тех диких огоньков:

— Ой-ой-ой-ой-ой, простите! Мы, слепые собаки, не заметили, что это повозка господина нашего, градоначальника Хуа! Все обратно по могилам, по могилам! Прошу, господа, проходите без препятствий, большому человеку широкую дорогу, прошу, проходите!

— Поздно спохватились, — ответили скелеты, — Его Превосходительство градоначальник велел проследить, чтобы Его Высочество, что сидит в паланкине, в пути ничего не потревожило. А вы задержали его в дороге, теперь сами решайте, что с этим делать!

Услышав, что в ответ слышались горестные завывания, Се Лянь не выдержал и вмешался:

— Послушайте, вот что... давайте забудем. Раз уж мы так спешим, то оставим их в покое.

Скелеты отозвались:

— Ну раз сам Его Высочество так говорит, ладно уж, придётся отпустить. Повезло вам, легко отделались!

— И кстати, запомните, впредь не преграждайте дорогу и не вредите путникам, — добавил Се Лянь.

Дикие огоньки обрадовались:

— Что вы, что вы, что вы, обещаем, больше никогда не будем! Спасибо, Ваше Превосходительство!

Скелеты прокричали:

— Поехали!

Когда они проезжали мимо, Се Лянь смутно расслышал голоса демониц, которые с любопытством шушукались:

— Эй, как думаете, что же за Высочество сидит в паланкине? Я никогда не слышала, чтобы градоначальник Хуа посылал за кем-то золотой паланкин!

— Если бы была девушка, то тут всё ясно. Но ведь там мужчина, что поистине странно.

Се Лянь подумал: «Что же тут странного?»

В следующий миг до него донеслась ещё одна фраза:

— Да! Я ведь с самого начала говорила, что в таком паланкине уж точно должна сидеть жена!

За день пришлось немало побегать, и Се Ляня немного сморило, пока он ехал в паланкине. Подперев щеку рукой, он ненадолго задремал, а ещё через некоторое время почувствовал, что паланкин остановился снова. Сквозь дрему Се Лянь спросил:

— Что такое?

Он решил было, что им вновь преградили дорогу демоны, но стоило ему замолчать, и паланкин чуть опустился вниз — кто-то ещё забрался в него. Занавеска приподнялась, и послышался тихий голос:

— Гэгэ?

Се Лянь протёр глаза и прищурился, выглядывая из-за полога.

— Сань Лан?

Это, конечно же, был Хуа Чэн. Увидев только проснувшегося Се Ляня с ещё чуть затуманенным взглядом, он слегка замер.

Принц, чувствуя себя немного неловко, сел ровно и мягко кашлянул:

— Стоило расслабиться на мгновение, и я уснул.

Хуа Чэн сразу же сел рядом с ним.

— Гэгэ, ты просто очень устал. Я потесню тебя немного, не сочти за наглость.

Се Лянь кивнул и постарался подвинуться подальше вправо, чтобы освободить Хуа Чэну место, но тот протянул руку, обнимая его за правое плечо, и привлёк назад со словами:

— Не стоит. Места достаточно.

На самом деле места было недостаточно. Паланкин сделали весьма хитроумно — одному в нём было просторно, а вот двоим уже приходилось тесниться, разве что один сидел на коленях другого, как Се Лянь в детстве, тогда никто не оставался в обиде.

Се Лянь сказал:

— Ты ушёл как раз вовремя, с Верхних Небес спустились сразу три чиновника.

Хуа Чэн презрительно хмыкнул:

— Три Опухоли, верно? Я так и думал.

Се Лянь в шутку спросил:

— Неужели ты поэтому сбежал?

— Нет, я ходил за транспортом, — тоже шутя, ответил Хуа Чэн. — Ну что, гэгэ, как тебе моя адская демоническая повозка? Намного занятнее этих золотых колесниц, на которых катаются чиновники Верхних Небес?

Се Лянь согласился:

— Занятная, даже очень. — Усмехнувшись, принц вдруг вспомнил странное состояние Повелителя Ветров и больше не смог смеяться. Его лицо сделалось серьёзным. — Верно, Сань Лан, ты ведь хотел что-то мне сказать?

Их взгляды случайно встретились. Хуа Чэн всё ещё обнимал Се Ляня за плечи, не собираясь отпускать, словно вот-то заключит в свои объятия. Любому стороннему наблюдателю предстали бы лишь два тесно прижавшихся, будто неотделимых друг от друга силуэта за пологом паланкина. Тем временем за красной завесой Хуа Чэн улыбнулся.

И сказал:

— Гэгэ, поженимся?

Се Лянь растерялся:

— А...?

Этот пристальный взгляд и эти слова, так близко, что никуда не скроешься. В одно мгновение перед глазами Се Ляня промелькнуло разноцветие, а в голове всё опустело, он весь будто окоченел, не хуже ходячего мертвеца.

Увидев принца в таком состоянии, Хуа Чэн убрал руку и хихикнул:

— Я пошутил. Гэгэ, ты что, испугался?

Се Лянь пришёл в себя с огромным трудом.

— Ты... слишком любишь озорничать. Разве можно шутить такими словами?

Испугался — не то слово. У него просто-напросто чуть сердце не остановилось. В душе даже зародилась малая толика гнева, которую принц и сам не почувствовал.

— Я виноват, — хохотнул Хуа Чэн.

Он вытянул длинные ноги, сложил одна на другую и покачал сапогами, так что серебряные цепочки зазвенели, соприкасаясь друг с другом — и правда, вид озорного сорванца. Раньше Се Ляню его юношеский настрой показался бы забавным и милым, но сейчас, сам не зная почему, он не мог успокоиться, растревоженный теми словами. Принца охватило непонятное раздражение. Он какое-то время сидел неподвижно и даже ещё раз воскликнул про себя: «Разве можно шутить такими словами...»

Впрочем, если подумать, ничего удивительного. Он ведь и правда мог шутить подобным образом, именно по той причине, что не придавал этому значения.

Заметив странное выражение лица Се Ляня, Хуа Чэн сразу же сел ровно.

— Ваше Высочество, не обращай внимания, это я виноват. Впредь никогда больше не стану так шутить.

Когда он совершенно серьёзно принялся извиняться, Се Лянь, напротив, ощутил угрызения совести и в душе отругал себя: «Ты что, совсем оглупел? Это лишь шутка, что здесь такого ужасного. К тому же Сань Лан сказал только «поженимся», но не уточнил, с кем именно, а ты что себе надумал... Перестань! Сейчас же! Немедля!!!»

Мысленно отвесив себе пару оплеух, Се Лянь успокоился и с улыбкой ответил:

— Нет, нет, нет, в чём ты виноват? Не пойми неправильно, только что я задумался о случившемся с Повелителем Ветров, поэтому был так серьёзен.

— О? Но раз уж сам Водяной самодур спустился, должно быть, проблема решена.

Между ними существовало поразительное единодушие. Се Лянь всерьёз задумался над этим и легонько качнул головой.

— Сань Лан, ты правда считаешь, что проблема решена? Мне всё кажется, что это лишь самое начало.

Ши Цинсюань всегда относился к брату с глубоким уважением, но сейчас, спасённый от опасности, едва увидев перед собой лицо Ши

Уду, отреагировал так, что у принца невольно зародились пугающие подозрения... Мог ли именно Ши Уду быть тем человеком, который обманом заставил Ши Цинсюаня открыть дверь?

И даже его пребывание вместе с Линвэнь и генералом Пэем ничего не доказывало — для небесного чиновника с достаточно мощными магическими силами не составляло труда при желании использовать технику создания собственного двойника. Се Лянь как раз собирался поделиться с Хуа Чэном своими опасениями и догадками на этот счёт, когда тот вдруг сказал:

— Нет. Этот инцидент уже исчерпан.

Уверенность в его голосе заставила Се Ляня невольно застыть.

— Сань Лан?

Хуа Чэн обратил к нему внимательный взгляд.

— Гэгэ, ты мне доверяешь?

Се Лянь вернул ему тот же взгляд.

— Доверяю.

Хуа Чэн медленно произнёс:

— В таком случае, поверь мне: Повелитель Ветров, Повелитель Вод, Повелитель Земли, Линвэнь, Пэй Мин. От этих небесных чиновников тебе лучше держаться как можно дальше.

После этой фразы сердце Се Ляня наполнилось тяжестью на весь оставшийся путь. Они обменялись ещё парой слов, но в ответах Хуа Чэна так и чувствовалось «мне больше нечего сказать». Поэтому Се Лянь не стал допытываться.

Когда они добрались до монастыря Водных каштанов, небо ещё не просветлело.

Открыв дверь, принц увидел, что все кухонные принадлежности идеально чистые и прибранные, Лан Ин, Гуцзы и Ци Жун, накрытые одеялом, преспокойно спят. Видимо, пока Се Лянь отлучился, за монастырём действительно кто-то присматривал, но уже незаметно покинул его.

На этот раз по возвращении Се Ляня ждала целая гора прошений.

В монастырь Водных каштанов никогда раньше не поступало такое количество молитв, и принц совсем не считал, что это заслуга того богатого купца, который помогал ему распространить добрую славу... Верно, купец из посёлка, которому Се Лянь оказал помощь в прошлый раз, наконец сдержал обещание и явился в монастырь.

Вот только даже придя сюда, он совершенно не заметил табличку, которую Се Лянь поставил на самое видное место, а может, намеренно не захотел замечать. Также он не поднёс столько благоволий и пожертвований, сколько обещал. В тот раз главной целью его визита стало вручение принцу почётного флага^[222]. Перед всеми старейшинами деревни он с большим энтузиазмом отдал Се Ляню в руки вымпел, который принц без задней мысли развернул, а прочитав вышитую на нём надпись, тут же завернул обратно. И всё же огромные иероглифы глубоко врезались в его память... «искусные руки возвращают плод»^[223].

Проводив купца восвояси, принц вздохнул и подумал, что ему каждый день приходится переживать о том, что вскоре этот домишко рухнет. И неизвестно, выдастся ли возможность отремонтировать монастырь. Хуа Чэн, опершись на дверь, кажется, понял причину его вздоха и сказал:

— Я уже давным-давно говорил, гэгэ, если тебе здесь живётся беспокойно, ты ведь всегда можешь перебраться в другое место, вот и всё.

Се Лянь покачал головой:

— Легко сказать, Сань Лан. Куда же я могу перебраться?

Хуа Чэн улыбнулся:

— Может, переедешь в мои владения, и дело с концом?

Се Лянь понимал, что он, должно быть, не просто так это говорит, но с той самой ночи, когда тот «пошутил», в душе Се Ляня залегла мрачная тень, и теперь, когда Хуа Чэн снова говорил с тем же «шутливым» выражением лица, принц не решался больше необдуманно отвечать ему, поэтому лишь опустил голову и посмеялся.

Что до молитв, пускай в основном они сводились к «старушка-корова повредила ногу и не может помогать работать», «жена забеременела, и теперь в поле не хватает рук» и так далее, и тому подобное, всё же, как ни крути, они тоже являлись молитвами, а ко всем молитвам последователей надлежит относиться одинаково добросовестно. Спустя пару дней Се Лянь ответил на просьбы и отправился в деревню помочь высадить рис и вспахать землю.

Хуа Чэн, поскольку жил с ними, разумеется, тоже пошёл с принцем, поразвлечься немного. Се Ляню предстояла чёрная работа, поэтому сначала он не хотел брать Хуа Чэна с собой в поле, но того

было не переупрямить, и тогда они вместе, переодевшись в грубое платье, закатав рукава по локоть и штаны по колено, вышли на заливные рисовые поля.

Если взглянуть издалека, то посреди огромного-преогромного, зелёного-презелёного заливного поля из множества трудящихся тут и там крестьян особенно выделялись две фигуры.

Даже простая холщовая одежда не могла скрыть и половины красоты Хуа Чэна. Лучше даже сказать, что грубая ткань сильнее выделяла его прекрасное лицо и фигуру. Оба, и Хуа Чэн, и принц, отличались белизной кожи, красивыми руками, длинными прямыми ногами, и тем самым невольно становились ослепительно прекрасной картиной среди чумазных крестьян. Привыкшие смотреть на неотёсанных мужиков селянки тотчас же зарделись румянцем, не в силах унять сердце, пустившееся вскачь. Девушки то и дело поглядывали в сторону юношей, при этом сажая рис, отчего ростки торчали из воды кривой дугой вместо ровной линии и вызывали смех других работников.

Бледность Хуа Чэна казалась практически бескровной, тогда как сквозь белую кожу Се Ляня просвечивал лёгкий румянец, и к тому же, из-за его природных качеств, чем больше принц потел, тем сильнее его кожа походила на блестящий нефрит. Над их головами нещадно палило солнце, и Се Лянь потрудился всего-ничего, а уже стал бледным как смесь для выпечки хлеба. Изнывая от жары, он то и дело вытирал капельки пота, струящиеся по шее. Но тут принц подумал о том, что ведь демоны, привыкшие обитать в прохладных, полных иньской Ци местах, не любят находиться на солнце, так что Хуа Чэну наверняка сейчас приходится ещё тяжелее. Повернувшись к нему, принц убедился в своей догадке — Хуа Чэн тоже неспешно выпрямился и посмотрел на Се Ляня, щурясь и заслоня глаза от солнца ладонью.

Се Лянь подошёл и водрузил ему на голову свою шляпу.

— Вот, надень.

Хуа Чэн замер от неожиданности, но затем приподнял уголки глаз и заулыбался.

— Хорошо.

Несмотря на слова Хуа Чэна о том, что он пошёл в поле лишь ради забавы, трудился он гораздо быстрее принца, при том очень добросовестно, со знанием дела и сноровкой. Спустя час Се Лянь

закончил свою часть работы и уже чувствовал боль в спине. Выпрямившись, принц начал простукивать занемевшую поясницу, и тогда Хуа Чэн подошёл и вызвался помочь. Се Лянь глянул на его участок и с удивлением обнаружил, что тот всего за час незаметно управился с огромным фронтом работы, зелёные пучки посевного риса ровными рядами торчали из воды, радуя глаз.

Принц вздохнул и от всей души произнёс:

— Сань Лан, тебе и правда удаётся всё, чему бы ты ни научился. Не нужно мне помогать, посиди отдохни, попей водички.

И Хуа Чэн отошёл к краю поля за водой. Староста деревни, который наблюдал за ними уже довольно давно, поднял большой палец и обратился к Се Ляню:

— Даочжан, из какой семьи этот паренёк? Он такой усердный, просто поразительно! Один заменит несколько десятков! Если какой девице повезёт стать его возлюбленной, поистине счастье снизойдёт на всю семью!

Се Лянь так и прыснул со смеху, но вскоре к нему и правда подошли сразу несколько человек, которые потихоньку спросили:

— Эй, даочжан, а откуда этот паренёк, что живёт в твоём монастыре? Он женат? Жёнушки у него, наверное, ещё нет?

— Да точно нет! Он же такой молоденький!

Се Лянь, не зная, как реагировать на их слова, ответил расплывчато:

— Ну... он ещё молод, так что пока о таком не задумывался.

Те люди сразу заголосили:

— Да куда же это годится? Он ещё молодой, вот поэтому и надо скорее определяться.

— Даочжан, вы бы поговорили с ним, мужчине следует как можно раньше сделать выбор, только тогда он по-настоящему повзрослеет. Чем бы ни занимался, а семью надобно завести в первую очередь.

— Да, молодёжь такая! В них полыхает пламя страсти! Одиночество для них нестерпимо!

У всех этих крестьян дома были дочери, вот они и подошли разведать обстановку. Се Лянь как раз вежливо пытался от них отговориться, когда Хуа Чэн подошёл с бамбуковой флягой в руке и сказал:

— Я женился. Дома уже есть жена.

Крестьяне, услышав, ужасно расстроились, но всё же не потеряли надежды:

— Что за девушка, из какой семьи?

— Парнишка, расскажешь нам?

— А не обманываешь ли?

— Наверняка красавица и умница?

Хуа Чэн приподнял бровь.

— Хм, ну ещё бы. Прекрасная, мудрая и добродетельная. Благородная золотая ветвь с яшмовыми листьями^[224]. Я полюбил её с малых лет, многие годы мои чувства к ней не угасают, добиться её мне стоило невероятных усилий.

Он говорил с таким серьёзным видом, совсем не похоже на притворство, что все решили — здесь ловить нечего, и с глубочайшим сожалением разошлись. Се Лянь даже немного заслушался его словами и пришёл в себя лишь когда Хуа Чэн поднёс ему тряпицу и флягу с водой.

— Водички?

Се Лянь взял тряпицу, вытер грязь с рук, затем принял флягу и, сделав пару глотков, отдал обратно. Он неосознанно скомкал в руках ткань, всё перетирая между пальцами, и довольно долго держался, пока наконец у него не вырвалось:

— Это правда...?

Хуа Чэн, взяв из его рук флягу, сам отпил глоток, при этом его кадык отчётливо перекатился вверх-вниз, затем опустил голову и переспросил:

— Хм? Что именно?

Се Лянь закатал рукава и вытер капли пота со лба. Ему всё время казалось, что солнце сегодня слишком уж палящее, от его лучей у принца горели щёки и лоб. Изю всех сил стараясь выглядеть безразлично, Се Лянь с улыбкой спросил:

— Что дома есть жена, прекрасная, мудрая и добродетельная. Благородная золотая ветвь с яшмовыми листьями, которую полюбил с малых лет, а добиться её стоило невероятных усилий.

Хуа Чэн ответил:

— Ох, это неправда.

Се Лянь сам за собой не заметил, с каким облегчением вздохнул. На этот раз он улыбнулся искренне и произнёс, копируя тон Хуа Чэна в

прошлый раз:

— Лгунишка.

Хуа Чэн же расплылся в улыбке и добавил:

— На самом деле не всё в моих словах — ложь. Я просто ещё не добился.

Се Лянь тут же застыл, а Хуа Чэн развернулся и отправился прочь, продолжив трудиться на поле.

Принц постоял на месте, затем всё-таки склонился и тоже неторопливо приступил к делу. Неизвестно почему, он вдруг почувствовал себя опечаленным, даже в какой-то момент заметил, что случайно высадил ряд ростков криво, и поспешил вновь сосредоточиться на труде.

Сажая рис, принц попытался незаметно связаться с Ши Цинсюанем. И хотя Хуа Чэн просил его больше не приближаться ни к Повелителю Ветров, ни ко всем остальным, Се Лянь не мог выполнить его просьбу. Он уже несколько дней пробовал дозваться Ши Цинсюаня, но ни одна попытка не увенчалась успехом. Как и теперь, принц несколько раз мысленно повторил пароль, но в ответ не получил ничего, кроме мёртвой тишины. Поэтому он решил сменить подход и обратиться к Линвэнь:

— Линвэнь, как себя сейчас чувствует Его Превосходительство Повелитель Ветров?

Линвэнь ответила очень быстро, её голос прозвучал возле уха Се Ляня:

— Его Превосходительство Повелитель Ветров? Должно быть, ему уже лучше.

Интуиция подсказала Се Ляню, что Линвэнь не поведала ему правду, но принц всё же не стал продолжать расспросы, лишь принял решение немного погодя самому навестить Ши Цинсюаня.

Внезапно Линвэнь вновь заговорила:

— Кстати, Его Превосходительство Повелитель Вод отправил вам подарок, его уже доставили. Ваше Высочество, не забудьте взглянуть.

Се Лянь удивился:

— Подарок? Думаю, это лишнее. Негоже получать награду, ничем её не заслужив.

— Не стоит скромничать и церемониться. Повелитель Ветров, поддаваясь порыву, часто без разбору ищет того, кто составит ему

компанию. Вы так долго с ним промучились, что несомненно заслужили награду. Повелитель Вод просил передать, что это лишь крохотная благодарность, прошу вас принять её.

Се Лянь всё же решил, что жест не слишком подходящий, и потому следует поостеречься его принимать. Закончив с работой на поле, Хуа Чэн пошёл к старосте деревни, чтобы помочь починить плуг, а Се Лянь решил вернуться в монастырь. Отправив, как выразился Хуа Чэн, «троих дармоедов» на речку за монастырём, принц поискал в комнате и подумал: «А подарок? Где же он?»

Подумав, не забросили ли его в щель ящика для сбора добродетелей, принц закатал рукава и приготовился отодвинуть ящик, но кто же знал... что он не сможет сдвинуть его и на волос. Ящик оказался тяжеленным, будто бы пустил корни в пол. Се Лянь счёл это странным, достал ключ и открыл замок, а сняв крышку, едва не ослеп от сверкающего золотого блеска.

Ящик сверху донизу заполнили золотые слитки, и даже на первый взгляд казалось, что всё это золото стоит по меньшей мере десяти миллионов добродетелей!

Се Лянь мгновенно захлопнул крышку и крепко придавил сверху руками. «Крохотная благодарность?»

Ни с того ни с сего одарить кого-то такими сокровищами — да ведь это же выглядит как плата за молчание! Раньше принца одолевали сомнения — если подарок правда окажется какой-нибудь мелочью, к примеру, волшебным украшением, содержащим запас магических сил или чем-то подобным, наверное, лучше будет его принять, всё-таки отправка такой мелочи обратно может задеть достоинство Ши Уду, а он весьма честолюбив, вышло бы некрасиво. Но теперь... что ж, Божество богатства оправдало свою славу. Однако целый ящик золотых слитков в любом случае придётся вернуть.

Принц и так собирался навестить Повелителя Ветров. Решив, что Хуа Чэн вернётся ещё нескоро, Се Лянь оставил ему записку, с трудом взгромоздил ящик для жертвований на спину и, едва не падая под тяжестью, отправился наверх.

Однако, к удивлению принца, столица бессмертных встретила его переполохом и полной неразберихой, отчего Се Лянь невольно вытаращил глаза. Прежде ровная улица Шэнью теперь зияла

многочисленными ямами и ухабами. Младшие небожители группами сновали по ней, а Линвэнь как раз стояла возле особенно глубокой ямы и потирала висок с таким видом, будто у неё раскалывается голова. Се Лянь сразу подошёл к ней.

— Совершенный Владыка, что здесь произошло?

Линвэнь, подняв взгляд, едва не подпрыгнула, испуганная видом огромного ящика для добродетелей за спиной принца.

— Ваше Высочество, зачем вы принесли сюда такой огромный ящик для подношений??? Вы спрашиваете, что произошло? Ох, не напоминайте. Генералы Наньян и Сюаньчжэнь подрались. Разгромили резиденции друг друга до основания.

Фэн Синь и Му Цин? Се Ляню стало любопытно:

— Почему эти двое опять подрались?

— Из-за чего же ещё, как не из-за того инцидента с духом нерождённого. Несколько Богов Войны собрались, чтобы обсудить, что делать с демоницей и её ребёнком. Генерал Наньян предложил подвергнуть дух нерождённого очищению, всё-таки тварь убила и навредила множеству людей. Но Сюаньчжэнь не согласился, да таким тоном, что Наньян сразу вышел из себя и заявил: «Что-то раньше я не видел от тебя подобного стремления к милосердию, а может, у тебя самого совесть нечиста?» и тому подобное. Вашему Высочеству прекрасно известно, что с ними всегда так... слово за слово, и вот они уже снаружи, избивают друг друга. Вы поглядите, поглядите, что они натворили! Я всегда говорила, что такое поведение Богов Войны никуда не годится, в этом году расходы на ремонт столицы бессмертных кого угодно напугают, я только обсчитала половину и уже опять всё позабыла. Вот ведь...

Се Лянь понял, что у неё действительно раскалывается голова, и произнёс:

— Ну... тогда подсчитывайте, не торопясь. А я пока пойду навестить Его Превосходительство Повелителя Ветров.

Линвэнь снова подняла взгляд.

— Навестить Его Превосходительство? Лучше не надо, Ваше Высочество, сейчас Повелитель Ветров не принимает гостей.

— Вы разве не сказали, что ему стало лучше?

— Так сказал Повелитель Вод. Но также он объявил, что Повелитель Ветров не принимает гостей. Я и сама пока не

отправлялась навестить его, думается, ему нужно некоторое время передохнуть и подлечиться, так что, Ваше Высочество, не ходите. Кстати, вам не кажется этот ящик для пожертвований слишком...

С громким звоном Се Лянь опустил ящик на землю и произнёс:

— В таком случае, прошу вас взять на себя труд передать это Его Превосходительству Повелителю Вод. Негоже получать награду, ничем её не заслужив. Даже если бы он ничего не прислал мне, Се Лянь не стал бы болтать о том, о чём не следует, — избавившись от ящика, принц почувствовал необычайную лёгкость и тут же удалился.

Линвэнь попыталась позвать его вслед, но Се Лянь не откликнулся, и она махнула рукой, вновь опустив разболевшуюся голову к глубокой яме.

Однако, пускай Се Лянь ушёл, он, конечно же, не собирался тотчас спускаться в мир смертных. Вместо этого принц незаметно направился к божественной резиденции Повелителей Ветров и Вод.

Разумеется, резиденцию стерегла многочисленная стража в три ряда внутри и снаружи, но преодолеть подобный заслон для Се Ляня не составило труда. В прошлый раз Ши Цинсюань приводил его сюда, и принц примерно запомнил, где располагаются покои Повелителя Ветров. Перемахнув через стену, принц шёл то открыто, то крадучись, и вскоре достиг места, которое искал. Единственное, о чём волновался Се Лянь, — что старший брат переселит Повелителя Ветров в другой дворец, и тот сейчас окажется не у себя.

К счастью, его опасения не сбылись. Принц забрался на крышу здания, нашёл уголок, который никому со стороны не виден, зацепился ногами за карниз и повис вниз головой, заглядывая в покои. Однако один взгляд, и Се Лянь застыл, как громом поражённый.

Ши Цинсюань оказался скован по рукам и ногам, привязан верёвкой к собственной кровати, но при этом до сих пор пытался высвободиться, отчаянно вырываясь. А возле кровати беспокойно сновал Ши Уду, держа в руках чашку с каким-то чёрным питьём. Замерев на мгновение у изголовья, он внезапно склонился и насильно влил содержимое чашки в рот Ши Цинсюаню.

Путь лежит под землю, меч навис над головой

Ши Цинсюань, которому сжали подбородок и влили несколько глотков чёрной жидкости, подавился, с силой закашлялся и выплюнул

обратно больше половины, по груди его тут же растеклось чёрное пятно. Он закричал, дёрнулся и перевернул чашку в руках брата. Лицо Ши Уду потемнело, он выкрикнул:

— Давай! Продолжай всё разбрасывать! Напугал! Снадобья у меня достаточно, опрокинешь одну чашку, я принесу тебе ещё двадцать! И не успокоюсь, пока не волью в тебя все до одной!

Ши Цинсюань заорал на него:

— А-а-а!!! Ты что, не можешь от меня отстать?! Перестань меня воспитывать! Дай мне жить спокойно и умереть спокойно!

Ши Уду сурово бросил:

— Я твой брат. Если не мне, то кому тебя воспитывать?!

Ши Цинсюань замолчал и отвернулся к стене. Ши Уду спустя какое-то время сел на краю кровати, тон его смягчился:

— Пойду починю твой веер.

— Мне он больше не нужен.

Повелитель Ветров испытывал сильную привязанность к своему сильнейшему артефакту, то и дело брал его в руки, и даже в зимнюю пору, когда с небес летели хлопья снега, непрерывно обмахивался бумажным веером. А теперь заявил, что Веер Повелителя Ветров ему больше не нужен. Се Ляню каждое слово казалось всё более странным.

— Не нужен, что ж, так и быть, — ответил Ши Уду. — Прекрасная возможность изготовить для тебя новый артефакт.

Ши Цинсюань вновь повернулся к нему лицом.

— Мне и новый не нужен! Отпусти меня вниз.

Ши Уду обернулся.

— Вниз? Куда?

— В мир смертных. Я больше не хочу оставаться на Небесах, я не хочу быть бессмертным божеством!

На белоснежных висках Ши Уду отчётливо надулись синие вены.

— Глупости! Не хочешь быть божеством, хочешь отправиться в мир людей? По-твоему, мир смертных — это какое-то приятное место? Не позорься! Сколько ждут вознесения годами, сколько чиновники Средних Небес готовы голову расшибить, чтобы попасть на Верхние Небеса? Я смотрю, ты об этом не знаешь!

Ши Цинсюань в гневе закричал:

— Да! Я не знаю! Я просто хочу быть странствующим заклинателем, что, нельзя?!

— Нельзя! Даже не мечтай ни о каких странствиях и скитаниях, тоже мне, заклинатель! Да я...

Как вдруг его лицо переменилось — видимо, он получил сообщение по сети духовного общения. Ши Уду тут же поднялся, приложил два пальца к виску и внимательно выслушал, при этом становясь всё мрачнее. В следующий миг он бросил Ши Цинсюаню:

— Прекращай добавлять мне хлопот! Ближайшие дни я буду занят, у меня нет времени с тобой возиться! Когда я преодолею рубеж третьей Небесной кары, не позволю тебе больше ни одной подобной выходки! — договорив, он гневно встряхнул рукавами и быстро удалился.

Дождавшись его ухода, Се Лянь незаметно спрыгнул с крыши дворца и толкнул створку окна, желая проникнуть внутрь, но открыть никак не получалось — видимо, здесь установили защитный барьер. Побоявшись, что затронет предупреждающее заклятие, принц не решился применять силу. Он шёпотом позвал через окно:

— Ваше Превосходительство, Ваше Превосходительство!

Ши Цинсюань на кровати пошевелился, повернулся и обрадованно воскликнул:

— Ваше Высочество?!

Се Лянь отозвался:

— Это я. Что с вами случилось? Я не могу открыть окно, есть ли иной способ попасть к вам?

Совершенно ясно, каким ещё «иным» способом Бог Войны мог проникнуть в здание, не открывая окна как положено. Ши Цинсюань тут же предостерёг:

— Нет, нет, нет! Ни в коем случае не разбивайте ничего! На окна и двери наложен магический барьер, если ворвётесь сюда, вся резиденция Ветров и Вод тотчас будет оповещена об этом. Пройти через барьер способны только я и мой брат, а открыть окно можно только изнутри.

— Но ведь вы связаны!

Ши Цинсюань с новой силой принялся вырываться.

— Подождите, Ваше Высочество, я сейчас разорву верёвки...

На глазах Се Ляня он принялся кататься по кровати, то скручиваясь как креветка, то выпрямляясь как стальной лист, ему явно приходилось очень трудно, и Се Лянь тихонько подбодрил:

— Давайте же, Ваше Превосходительство!

Но на первый взгляд верёвка, которая связывала Ши Цинсюаня, не походила на волшебный артефакт. С магическими силами Повелителя Ветров её можно разорвать, пошевелив пальцем, почему же он до сих пор не справился с ней? Неужели Ши Цинсюань и впрямь получил настолько серьёзные раны, что не способен даже на такое усилие?

Внезапно из-под кровати Ши Цинсюаня послышался странный шум, а затем показалась чья-то рука. Се Лянь от потрясения весь покрылся мурашками и тут же воскликнул:

— Берегитесь, Ваше Превосходительство! Под вашей кроватью кто-то прячется!

Ши Цинсюань тоже переменялся в лице.

— Что?!

Он и рта не успел закрыть, как чёрная фигура выбралась из-под его кровати и встала у изголовья, взирая на Повелителя Ветров сверху вниз.

Весь в чёрном, с демонической маской на лице... неизвестно, в какой момент незнакомец спрятался под кроватью и что сейчас собирался сделать. Ши Цинсюань, привязанный к кровати, принялся вырываться как умалишённый, Се Лянь же тем временем не мог попасть внутрь, поскольку его сдерживали барьеры на окнах. Положение сложилось поистине критическое. Принц уже вознамерился проломиться через окно, когда незнакомец сдвинул маску на голову и, понизив голос, выплюнул:

— Закрой рот!

Ши Цинсюань округлил глаза.

— Мин-сюн? Мин-сюн! Мин-сюн, мамочки, мой дорогой друг, скорее! Развяжи меня!!!

Мин И одной рукой разорвал верёвки, Ши Цинсюань размял кисти и ступни, поднялся с кровати и бросился открывать окно. Затем схватил Се Ляня за руки и с силой потряс.

— Ваше Высочество! Я так благодарен, что вы не забыли обо мне!

Се Лянь похлопал его по плечу, осторожно перебрался через подоконник и спросил Повелителя Земли:

— Но разве этот дворец не защищён барьером? Как вы проникли сюда, Ваше Превосходительство?

Мин И ответил:

— Таков род деятельности. — Затем он, кажется, заметил кое-какую странность и поднял с пола верёвки, спросив Ши Цинсюаня: — Ты что, не мог справиться даже с такой ерундой?

Се Лянь тоже присмотрелся и увидел, что верёвка не представляет собой ничего особенного, это вовсе не артефакт — просто обыкновенная верёвка. С мощью магических сил Повелителя Ветров... как такая мелочь могла столь долго сковывать его движения?

Лицо Ши Цинсюаня застыло, а Мин И вдруг схватил его левое запястье. Взгляд Повелителя Земли в момент сделался суровым.

— В чём дело?

Се Лянь в свою очередь взял Ши Цинсюаня за правое запястье, мгновение пощупал и оторопел:

— Ваше Превосходительство, как такое могло случиться?

В теле Ши Цинсюаня не осталось ни капельки магических сил!

Се Лянь сразу же предположил:

— Всё из-за того снадобья?

Он вспомнил о чёрной жидкости, которой Ши Уду только что напоил Ши Цинсюаня, и как последний пытался ему воспротивиться, поэтому тут же склонился над пролитым снадобьем, чтобы его изучить. Однако Ши Цинсюань ответил:

— Нет.

Действительно, снадобье ни при чём. Се Лянь немного разбирался в основах медицинских наук и по запаху понял, что отвар, должно быть, имеет действие успокоительного и обезболивающего характера. А также обладает эффектом лёгкого снотворного. Впрочем, это и не удивительно, ведь в тот день, на Башне Пролитого Вина, Ши Уду схватил брата за руку и переменялся в лице — значит, обнаружил всё уже тогда. Он сварил для Ши Цинсюаня это снадобье для его же блага. Только неясно, почему тот отказался принять доброе намерение.

Вот почему Ши Цинсюань не отвечал принцу в сети духовного общения. По той простой причине, что мощные магические силы, которыми он обладал ранее, полностью иссякли, и сейчас он совершенно не отличался от простого смертного.

У Се Ляня вырвалось:

— Ваше Превосходительство, вас низвергли?

А иначе что могло привести к подобному итогу? Но ведь на теле Ши Цинсюаня не появилась проклятая канга, и к тому же разве можно утаить такое событие, как низвержение небожителя? В одно мгновение весть разнеслась бы по чертогам Верхних и Средних Небес. Ши Цинсюань побледнел, словно вот-вот упадёт, и Се Лянь поддержал его под руку, вопрошая:

— Почему Его Превосходительство Повелитель Вод связал вас?

Ши Цинсюань наконец опомнился и проговорил:

— Да, мой брат... пока его нет, нужно скорее уходить. Сначала покинем это место, потом поговорим!

С такими словами он полез под кровать. Се Лянь опустился на корточки и позвал:

— Ваше Превосходительство!

Оказалось, что под кроватью зияет дыра, ведущая в неизвестном направлении. Ши Цинсюань проскользнул в неё и был таков. Мин И тоже приготовился отправиться следом. Се Лянь, поразмыслив, решил пойти с ними, но тут Мин И подался чуть назад и сказал ему:

— Ваше Высочество, вам не следует вмешиваться.

Се Лянь, которому преградили путь, застыл на месте.

— Его Превосходительство как преданный друг не раз оказывал мне помощь. На этот раз он в беде, и я никак не могу оставаться в стороне.

— Тех, за кого он заступался в пылу справедливости, пруд пруди. И большинство как раз остаётся в стороне, даже когда с ним случилась беда.

— Меня не касается, как себя ведут остальные. Я лишь хочу разобраться в причинах и следствиях. Убедившись, что моя помощь действительно не нужна, я, разумеется, отступлю и больше вмешиваться не стану.

Из-под кровати послышался голос Ши Цинсюаня:

— Вы скоро там? Дыра вот-вот закроется!

И действительно, лаз под кроватью постепенно сужался. Мин И тут же прошмыгнул в него, Се Лянь последовал его примеру. Они втроём какое-то время ползли по тоннелю, который сюда проложил Мин И, а когда Се Лянь обернулся, то с удивлением обнаружил, что дыра уже закрылась. Принцу это показалось поистине удивительным, он шёпотом спросил:

— Ваше Превосходительство, как вы открыли проход? Мне не приходилось слышать, что под чью-то божественную резиденцию в столице бессмертных можно выкопать подземный ход. — Надо сказать, что фундамент под столицей совершенно не походил на почву мира смертных.

Только спросив, Се Лянь узнал, что Повелитель Земли Мин И когда-то являлся простым народным умельцем, всю жизнь он чинил мосты, дороги, прокладывал тоннели через горы, строил дома... принёс людям столько добра, что в итоге вознёсся. И сейчас, случись людям затеять большое строительство, перед тем как приступить к делу, они непременно молились Повелителю Земли, чтобы весь процесс прошёл гладко и успешно. После вознесения Повелитель Земли обзавёлся артефактом под названием Лопата Полумесяца^[225].

Согласно легендам, на свете не существовало гор, которые не мог бы сдвинуть этот божественный инструмент, проходов, которые он не мог бы выкопать, а также домов, в которые с его помощью нельзя было бы проникнуть. Это давало Повелителю Земли огромное преимущество в бытность лазутчиком в Призрачном городе. Какую бы потайную комнату он ни встретил на пути, чтобы попасть в неё, требовалось лишь копнуть разок, после чего проход точно так же сам собой закрывался. Если бы в прошлый раз Хуа Чэн не избил его до потери трёх шэнов^[226] крови, тем самым нанеся немалый урон магическим силам, возможно, у него получилось бы даже сбежать из подземной темницы при помощи своей драгоценной лопаты.

Ранее Повелитель Земли не пробовал таким же образом проникнуть в чью-либо божественную резиденцию и вообще почти никогда не выставлял свой артефакт напоказ, держа в тайне. Но это и хорошо — ведь большинство артефактов пантеона божеств Верхних Небес представляли собой изящные произведения искусства, к примеру, это могла быть писчая кисть или книга, веер или драгоценный меч, флейта или гуцинь. И если бы среди всего этого великолепия появился небожитель, целыми днями расхаживающий с лопатой на плече, своим видом он бы уничтожил всю прекрасную композицию, разрушил атмосферу утончённости. Выслушав объяснение, Се Лянь не удержался от мысли, не стоит ли ему самому отправиться помолиться Повелителю Земли, чтобы поскорее починился его монастырь Водных каштанов?

Они проползли ещё немного, когда принц услышал впереди вопрос Мин И, обращённый к Ши Цинсюаню:

— Это сделал истинный Божок-пустослов?

Се Ляню тоже хотелось бы узнать, так ли это. Если истинный Божок-пустослов в действительности нанёс Ши Цинсюаню подобную травму, весть об этом, разлетевшись по Небесным чертогам, наделает немало шума и перепугает всех до смерти. Ещё бы — нечисть, способная за небольшой промежуток времени забрать у небесного чиновника все магические силы, сделав его простым смертным! И думать нечего — каждый почувствует себя в опасности. В ответ на столь серьёзный вопрос Ши Цинсюань недолго помолчал и сказал совсем не то, что они ожидали:

— Не важно, кто это сделал. Инцидент на этом исчерпан.

Его реакция выглядела, мягко говоря, странно.

Если кто-то всё подстроил, чтобы навредить ему, как бы то ни было, а такого отношения Ши Цинсюань выказывать не должен. Ведь он далеко не из тех простаков, кто станет молча терпеть обиду.

В тот же миг у Се Ляня возникло одно очень нехорошее предположение. Но несмотря на безрадостный характер, оно объясняло всё случившееся от и до.

Неожиданно Мин И прошипел:

— Тихо.

Все трое в проходе немедленно задержали дыхание. Мин И зажёл Пламя-на-ладони, тусклый огонёк озарил небольшое пространство вокруг, а остальные двое воззрились на него.

Кажется, Мин И хотел воспользоваться духовным общением, однако сейчас Ши Цинсюань не обладал и каплей магических сил, поэтому не мог поговорить с ними таким способом. Тогда Повелитель Земли прибегнул к иному способу — написал слова пальцем на земле. Там, где он прикасался рукой, появлялись следы, будто бы в густые чернила капнули водой, и знаки немного расплывались. Се Лянь и Ши Цинсюань прекрасно увидели, что написал Мин И: «Ничего не говорите и не двигайтесь. Ждём».

Когда они прочитали, Мин И беззвучно подул на слова, стирая их без следа. У Се Ляня тоже ещё оставалось немного магических сил, поэтому принц протянул руку и написал: «Чего ждём? До каких пор нужно ждать?»

Мин И ответил тем же способом: «Ждём, пока человек наверху уйдёт».

Се Лянь и Ши Цинсюань, не сговариваясь, подняли голову кверху. Вот оно что — Мин И своей лопатой сделал подкоп под чью-то ещё божественную резиденцию или дворец. Должно быть, прямо сейчас какой-то небожитель находился ровно над ними.

Стоило внимательно прислушаться, и принц действительно расслышал наверху тяжёлые неторопливые шаги, будто кто-то прохаживался по своим покоям. По звуку шагов Се Лянь понял, что это, должно быть, Бог Войны, а у Богов Войны очень острый слух, не говоря уже об остальных чувствах. Если они произведут хоть какой-то подозрительный шум, при должном невезении их действительно поймают с поличным. Ши Цинсюань не мог ни сказать, ни написать, ему оставалось только беззвучно шевелить губами. Се Ляню пришлось просить его повторить дважды, прежде чем понять, что тот пытался сказать: «Мин-сюн, ты что, не мог обойти все эти дворцы и храмы??? Нельзя было пробраться под улицей Шэнью???»

Мин И бесстрастно написал в ответ: «В этом дворце только что никого не было, а улица Шэнью сейчас вся в ямах».

Се Лянь тоже подключился: «Верно. Направляясь к вам, я видел, что улицу сплошь покрывают ямы и рытвины, некоторые до нескольких чи в глубину. Если делать там подкоп, то можно встретиться с кем-нибудь взглядом, неосторожно подняв голову».

Поэтому они, не производя ни звука, будто превратились в три каменных изваяния, в терпеливом ожидании, пока небожитель наверху уйдёт. Прошло какое-то время, и Ши Цинсюань вновь зашевелил губами:

— Ну что, он ушёл?

Мин И качнул головой. На лбу Ши Цинсюаня надулись вены, отчего он стал немного напоминать своего брата, когда тот гневался. Он беззвучно проговорил: «Кто там такой медлительный? Сейчас ведь не время сна, да и кто из небожителей вообще спит? Над нами что, отхожая комната?»

Строго говоря, фактически небесные чиновники не нуждались в посещении отхожей комнаты. Когда Ши Цинсюань договорил именно до этих слов, Се Лянь вдруг почувствовал волну мурашек и резко толкнул двоих вперёд, сам же оттолкнулся ногой и отпрянул назад.

Потолок подземного хода над ними внезапно пронзил острый меч, так и пышущий угрозой и желанием кого-нибудь прикончить. Клинок вошёл в землю ровно между расставленными ногами принца.

Подмена в канун холодных рос

Се Лянь действительно всю жизнь прожил, считая себя «бессильным», но всё же существует качественная разница между «притворяться, что у тебя нет того самого» и «по-настоящему навсегда это самое потерять». Принц вмиг покрылся холодным потом и выкрикнул:

— Прячьтесь!

Меч, будто в ответ на восклицание, исчез наверху, и Се Лянь, пользуясь моментом, ринулся вперёд. Но почти сразу потянул Ши Цинсюаня к себе с криком:

— Осторожно!

Перед Ши Цинсюанем скользнул клинок, практически вплотную к его голове, и если бы не Се Лянь, того бы пригвоздило к земле на месте.

Ши Цинсюань испуганно воскликнул:

— Опасно, как опасно! Откуда вы знали, что он ударит сюда???

Се Лянь ответил:

— Не знал, догадался! — ему просто подсказала интуиция.

Принц уже натренировался до такой степени, что в моменты столкновения со смертельной опасностью мог отреагировать совершенно не задумываясь. Далее в землю вонзился второй меч, третий... четыре острых сияющих клинка преградили им путь вперёд и назад. Следом раздался оглушительный грохот, и земля над ними задрожала, посыпались песок и мелкие камни.

— Сверху кто-то пробивается! — воскликнул Се Лянь.

С каждым следующим ударом грохотало всё сильнее, дрожь также усиливалась, совершенно ясно, что противник приближается. Проходы впереди и позади оказались заблокированы, причём мечи представляли собой довольно новые драгоценные артефакты высшего ранга — трудно сказать, сможет ли старичок Фансинь пробиться сквозь их заслон. Мин И неизвестно откуда вынул Лопату Полумесяца и принялся копать проход в сторону от узкого тоннеля. Процесс явно

давался ему с трудом, и Ши Цинсюань, которого, казалось, вот-вот душа покинет, взмолился:

— Мин-сюн, ты в конце концов справишься или нет? Мин-сюн, пожалуйста, побыстрее! Всё из-за того, что ты слишком долго не пользовался своим артефактом! Надо почаще применять его, когда выдаётся свободная минутка, чтобы приноровиться, ты понял меня? Посмотри, ты же совсем от неё отвык!!!

На самом деле то, что Мин И отвык от своего артефакта, вполне простительно — что тут поделать, ведь кроме Се Ляня во всём пантеоне Верхних Небес не найдётся чиновника, который способен с абсолютно невозмутимым видом целыми днями расхаживать повсюду с лопатой на плече. Серьёзно, ни один небесный чиновник не может вытворить ничего подобного.

На лбу Мин И вздулись вены, он бросил:

— Закрой рот!!!

Се Лянь поспешно вмешался:

— Не сердитесь, не сердитесь! Получилось, проход открылся!

В самом деле, стоило Мин И поднажать, и дело пошло — с лопатой в руке Повелитель Земли как сумасшедший прокладывал им тоннель, следом шёл Ши Цинсюань, который как сумасшедший его подбадривал, ну а Се Лянь, как единственный, кто ещё не сошёл с ума, взял на себя ответственность прикрывать отступление. Лопата Повелителя Земли действительно оказалась удивительным артефактом: всего несколько усилий, и впереди расстилался проход длиной в дюжину, а то и больше чжанов. Пройдя немного, принц обернулся и увидел, что за ними тоннель постепенно сужается, но всё же позади блеснул луч света — прямо из того места, где они ранее оказались пойманы в ловушку.

Се Лянь тут же оповестил двоих впереди:

— Он скоро пробьётся!

Мин И мгновенно принялся копать с ещё большим остервенением, но вдруг застыл и посмотрел вверх. Се Лянь последовал его примеру, поскольку оба почувствовали, что над ними не доносится ни единого звука, никаких признаков чужого присутствия — должно быть, там находился чей-то пустой дворец.

Раз уж их подземный ход оказался обнаружен, как бы то ни было, следует сначала выбраться на поверхность, затем решать последующие

проблемы. Мин И сменил направление и стал копать вверх. Ши Цинсюань спросил:

— Вы уверены, что когда мы выкопаемся наружу, никого там не встретим???

Мин И ответил:

— Звуков не слышно. Разве что наверху все спят!

Разумеется, обычно небесные чиновники не нуждались во сне. И тем более не стали бы спать в собственном дворце посреди бела дня. Поэтому такой вероятности практически не существовало. Но кто бы мог подумать, что когда Мин И последним ударом лопаты пробьёт над ними дыру и троица окажется на поверхности, высунув головы наружу и вдыхая глоток свежего воздуха... никто ещё не успеет выдохнуть, как увидит перед собой деревянную кушетку, а на ней спящего юношу с широко раскинутыми конечностями.

Се Лянь:

— ???

Неужели и впрямь существует небожитель, который спит посреди бела дня в собственном дворце???

Услышав шум, юноша тут же перевернулся и сел, нахмурившись. Затем почесал растрепавшуюся курчавую голову и заспанными глазами уставился на три головы, высунувшиеся из дыры в полу перед кушеткой. Кажется, он совершенно не понимал, как в его дворце могло появиться что-то подобное. Тем временем трое, притворяясь, что ничего не происходит, второпях выбрались из подземного прохода. И вдруг Ши Цинсюань, уже почти оказавшийся на поверхности целиком, громко вскрикнул. Се Лянь обернулся и увидел, что его за ногу схватила чья-то рука.

Как выяснилось, она принадлежала Пэй Мину. Даже находясь под землёй, он выглядел бесподобно элегантно.

Генерал Пэй произнёс:

— А я-то раздумывал, откуда взялись крысы, что прокопали свои лазейки под моим дворцом! Цинсюань, зачем ты сбежал? И куда ты собрался? Прекрасно знаешь, каков твой брат в гневе. Сейчас же вернись, пока он не заметил.

Жоэ одним взмахом отбросила руку Пэй Мина. Тот прыжком вылетел на поверхность и продолжил:

— Ваше Высочество, Ваше Превосходительство Повелитель Земли, вам двоим нечем заняться? Зачем вы ни с того ни с сего подговорили Повелителя Ветров на побег? Боюсь, объясниться будет нелегко.

Се Лянь ответил:

— Пускай Повелитель Ветров — младший брат Повелителя Вод, он такой же небесный чиновник, и ему тоже несколько сотен лет. Генерал Пэй, не нужно говорить с ним, как с трёхлетним ребёнком. И если уж рассуждать по справедливости, боюсь, Повелителю Вод тоже будет нелегко объяснить, зачем он ни с того ни с сего запер в своём дворце одного из наших божественных коллег, чиновника Верхних Небес!

Если догадки принца верны, Повелителю Ветров действительно нельзя оставаться на Верхних Небесах. Цюань Ичжэнь тем временем так и сидел на своей кровати, глядя на них отупелым взглядом, и, кажется, до сих пор не понимал, что происходит. Пэй Мин поднял меч и серьёзным тоном бросил:

— Циин, хватит хлопать глазами. Лучше помоги. Справимся с ними, а там поговорим.

Поразмыслив ещё, Цюань Ичжэнь действительно пришёл на помощь.

Юноша спрыгнул с кушетки, замахнулся ею же и обрушил удар на Пэй Мина. Он и правда пришёл на помощь, вот только на помощь Се Ляню и остальным. Пэй Мин, которому внезапно прилетело деревянной кушеткой, прямо-таки остолбенел, а потом разразился криком:

— Циин!!! Ты меня зачем ударил?????

Цюань Ичжэнь помахал Се Ляню рукой, видимо, намекая, чтобы они поскорее уходили. Се Лянь мгновение стоял как вкопанный, но потом поскорее бросился наутёк. Ши Цинсюань, кажется, начал терять силы из-за ран — пробежав пару шагов, он смертельно побледнел, поэтому Се Ляню пришлось его поддержать. Мин И же сразу схватил Ши Цинсюаня и усадил себе на спину. Тем временем принц приложил ладонь к двери и достал откуда-то резные кости, затем обернулся и крикнул юноше:

— Премного благодарен!

Цюань Ичжэнь всё ещё метелил Пэй Мина, при этом дрался безжалостно и самозабвенно, и если бы сам Пэй Мин не отличался недюжинными способностями в драке, другой на его месте давно бы не выдержал такого напора — весь бы истёк кровью. У попавшего под град из тумачков Пэй Мина от гнева едва не лопались вены, он взревел:

— Стража! Задержать!!!

Но ещё до его крика Се Лянь бросил кости, открыл дверь и рванул вперёд, затем сразу же закрыл за остальными, успешно покинув чертоги Верхних Небес. Однако далее случилось то, чего принц уж никак не ожидал. Он закрыл дверь, обернулся, и его взгляду предстал Хуа Чэн. Наступив одной ногой на новенький ящик для подношений, он вытирал пот, голый по пояс.

Се Лянь ощутил, что ему не хватает дыхания — и не удивительно, разве в таком маленьком, полуразрушенном монастыре могли поместиться сразу три величественных божества? А снаружи тем временем слышались сонные крики демона, вселившегося в человека, который всё шумел:

— Гуцзы... подойди, разомни отцу ноги...

Хуа Чэн не глядя отбросил в сторону Эмина, которым стругал деревяшку, и приподнял бровь:

— ...?

И цвет кожи, и линии его полуобнажённого тела буквально ослепляли красотой, так что у Се Ляня даже немного зарябило в глазах. Конечно, сам он не стал ничего разглядывать, но всё же кровь неудержимым потоком ударила в голову, отчего перед глазами потемнело. Принц, чуть не падая, ринулся вперёд и закрыл Хуа Чэна от взглядов Мин И и Ши Цинсюаня, расставив руки.

— Закройте глаза, закройте глаза! Сейчас же закройте глаза!

Те двое с окаменевшим на лицах странным выражением воззрились на них. Хуа Чэн положил руку на плечо Се Ляню и спросил, будто вот-вот рассмеётся:

— Гэгэ... а что ты так разволновался?

Тут Се Лянь и сам понял — и правда, что он так разволновался? Хуа Чэн ведь не девица-краса, почему бы ему не заняться трудом, оголившись по пояс?

Но руки принц всё равно не опустил, стараясь закрыть Хуа Чэна от чужих взглядов.

— Как бы то ни было... лучше тебе одеться.

Хуа Чэн пожал плечами.

— Как скажешь, гэгэ, — он действительно непринуждённо взял рубаху и без лишней спешки надел на себя.

Глядя на абсолютно спокойный и естественный жест Князя Демонов, подобный плывущим облакам и текущей воде, Ши Цинсюань сконфуженно забормотал:

— Ну, вот что... простите за беспокойство, не думал, что у вас... ха-ха-ха... настолько... ха-ха-ха. В общем, ну... ха-ха-ха.

Се Лянь произнёс:

— Ваше Превосходительство, если хотите что-то сказать, говорите прямо. Тогда я смогу объяснить, если вы что-то не так поняли. Не нужно заменять слова на «ха-ха-ха», хорошо?..

Время поджимало, Пэй Мин наверняка вскоре заявится сюда в поисках беглеца, и в монастыре Водных каштанов оставаться больше нельзя. Мин И поставил Ши Цинсюаня и принялся рисовать на полу магическое поле для Сжатия тысячи ли. Се Лянь как раз вознамерился спросить, куда они направляются, как вдруг услышал за спиной вздох Хуа Чэна.

Вспомнив, что Хуа Чэн предостерегал его не приближаться к Повелителю Ветров и компании, Се Лянь, не сдержавшись, повернулся и сказал:

— Сань Лан, прости.

Хуа Чэн уже полностью оделся.

— Я так и знал, что ты не сможешь остаться в стороне. — Помолчав, он снова улыбнулся и добавил: — Но гэгэ, почему ты просишь у меня прощения? Ты помнишь только те слова, которые я сказал тебе несколько дней назад, но неужели забыл, что я как-то говорил тебе ещё одну фразу?

Се Лянь на миг застыл и подумал: «Какую фразу?»

И вдруг он вспомнил.

В ту ночь в логове Лазурного демона Хуа Чэн сказал ему: «Не думай, просто делай, и всё».

Воскресив в памяти фразу, Се Лянь поморгал. Он не знал, какие слова сейчас подобрать, только вдруг очень захотел сделать что-нибудь для Хуа Чэна. Но вот так сразу не мог придумать, что же именно,

поэтому крепко задумался. Как вдруг взглядом принц ухватил красный воротник и воскликнул:

— Подожди-ка!

И бросился поправлять Хуа Чэну воротник. Тот оделся довольно небрежно, поэтому не выправил ворот как следует. Закончив с этим, Се Лянь внимательно оглядел Хуа Чэна и улыбнулся:

— Вот, готово.

Хуа Чэн тоже просиял улыбкой:

— Спасибо.

Про себя Се Лянь тихонько проговорил: «Это тебе спасибо».

Остальные двое, кажется, просто не могли больше смотреть в их сторону. Даже круг магического поля из-под руки Мин И вышел не таким уж ровным. Когда он закончил рисовать и открыл дверь, Се Лянь ожидал увидеть какую-нибудь тёмную пещеру или же величественный дворец, но никак не огромное пахотное поле, которое как раз раскинулось за дверью. Вдали виднелись туманные синие горы и зелёный бамбуковый лес, а неподалёку разрозненно трудились крестьяне, да ещё крепкий и весь блестящий от пота чёрный бык вспахивал землю.

Узрев подобную картину, принц едва не решил, что они до сих пор в деревне Водных каштанов, и потому невольно остолбенел на миг. Мин И тем временем уже усадил Ши Цинсюаня на спину и направился вперёд. Однако не успел сделать шаг за порог, как Хуа Чэн опередил их и пошёл первым.

Так они парами направились по кромке поля. Неизвестно, было ли это обманчивое ощущение, но тот чёрный бык словно всё время следил за ними взглядом. Пройдя немного, они отыскивали маленькую хижину, крытую соломой, вошли в неё и расселись внутри. Только здесь Ши Цинсюань наконец спокойно выдохнул.

Се Лянь спросил:

— Больше не придётся бежать? Но что если генерал Пэй нагрянет и сюда?

Хуа Чэн поглядел наружу, задержавшись взглядом на чёрном быке, затем закрыл дверь и спокойно объяснил:

— Не волнуйся. Хозяина этих мест он сердить не посмеет. А если явится, то радушного приёма не дождётся. Водяной самодур тоже не станет действовать опрометчиво.

Се Лянь, подумав, всё же сказал:

— Сань Лан, это слишком запутанное дело, и боюсь, оно серьёзно затрагивает чертоги Верхних Небес. Лучше будет, если ты останешься в стороне.

Хуа Чэн с улыбкой возразил:

— Что происходит в чертогах Верхних Небес, меня не касается. Я лишь отправился вместе с тобой, поглазеть от нечего делать, вот и всё.

Внезапно в их разговор вмешался Ши Цинсюань:

— Вам всем лучше не вмешиваться.

Остальные трое обратили к нему взгляд.

Ши Цинсюань продолжил:

— Его Высочество верно сказал, это дело весьма запутанное и затрагивает очень многих. Я останусь здесь и никуда больше не пойду. Друзья мои, ваша помощь больше не требуется. На этом всё кончено.

— Ваше Превосходительство, — неторопливо произнёс Се Лянь, — кончено на этом или нет — решать не вам, а Повелителю Вод и Божку-пустослову.

От его слов лицо Ши Цинсюаня окаменело.

Се Лянь же добавил:

— Ваше Превосходительство, я задам вам один вопрос, не сочтите за грубость.

— Какой вопрос?

— Правильно ли я понимаю, что истинный Божок-пустослов владеет некими сведениями, при помощи которых может угрожать вам и Повелителю Вод?

Ши Цинсюань сделался ещё бледнее.

Ведь тогда, в Башне Пролитого Вина, Се Лянь установил для Ши Цинсюаня крайне мощное защитное поле, и если бы тот сам не открыл дверь, то не пострадал бы. Но вот вопрос — почему он всё-таки сделал то, что сделал?

Вариант один — кто-то связался с ним по сети духовного общения и первой же фразой высказал тот самый секрет, который мог стать угрозой. Таким образом у Повелителя Ветров не осталось времени на рассуждения, и голоса подать он не решился — пришлось повиноваться.

Се Лянь, сидя у стола, добавил:

— Я склоняюсь к тому, что сведения касаются Повелителя Вод. Поскольку, уверен, что бы это ни было, изначально вы ничего о них не знали.

Потому, стоило узнать, реакция оказалась настолько бурной, что даже вызвала враждебность по отношению к Верхним Небесам. И Ши Цинсюань пожелал спуститься в мир смертных и стать бродячим заклинателем, лишь бы только не занимать больше пост небесного чиновника.

Мин И нахмурился:

— Что это за сведения?

Всё-таки Ши Цинсюань — не какой-то простофиля, и если он пострадал от чьего-то коварного замысла и потерял магические силы, нормальной реакцией для него стал бы неописуемый гнев, желание докопаться до истины и избить настоящего преступника до потери сознания. Однако ничего из перечисленного они не наблюдали, кроме гнева, пожалуй, да только гнев этот оказался направлен не на истинного Божка-пустослова, а на собственного родного брата. Ко всему прочему, теперь Ши Цинсюань заявлял остальным, что «на этом всё кончено».

Разумеется, всё складывалось совершенно ненормально, и только одно обстоятельство переворачивало положение дел с ног на голову...

Вознесение Ши Цинсюаня изначально выходило за рамки нормы!

Изменить судьбу против воли Небес, подтянуть на божественный постамент человека, который изначально не мог вознестись — это поистине дерзкий поступок и даже тяжкий грех, Се Лянь никогда ни о чём подобном не слышал. И если это на самом деле так, раскрывшись, правда поднимет немалый резонанс во всём мире. Только представьте — каждый захочет вознестись, каждый сможет воспользоваться теми же методами... порядок в мире исчезнет без остатка, обернувшись полной неразберихой!

Предположение уму не постижимое, но чем дольше принц над ним размышлял, тем больше находил ему разумных подтверждений. С самого рождения Ши Цинсюаня многие годы преследовал истинный Божок-пустослов, и единственный способ избавления от него — вознесение, что весьма кстати и произошло. Всего за несколько лет поочерёдно вознеслись два родных брата — событие поистине неизмеримо прекрасное и неизмеримо удачное.

Се Лянь не желал сомневаться в самом факте вознесения Ши Цинсюаня, но... если Повелитель Ветров попал на Небеса сам по себе, как же вышло, что его так легко лишили магических сил? Если бы демонической твари настолько просто было превратить небесного чиновника в обыкновенного смертного, неизвестно, сколько небожители давным-давно подверглись бы подобной участи в качестве отмщения.

Разве что... он изначально являлся простым смертным. Разве что при вознесении Повелителя Ветров его брат воспользовался какими-то

бесчестными методами.

Поддерживать чей-то процесс самосовершенствования при помощи магических артефактов, затрачивая при этом немалые ресурсы — в пределах нормы. Пользоваться сменой власти в мире людей, чтобы вознестись посредством военного искусства, на поле брани — также не выходит за рамки разумного. Всё же таковы нравы времён, пролитая кровь — неотступный спутник славы, а после вознесения все кровавые грехи перечёркиваются одним взмахом кисти. Но кое-что выбивается из этого списка. Если простой смертный или же небесный чиновник, чтобы помочь вознестись кому-либо, прибегает к нечестным, тёмным методам, и тем самым намеренно наносит другим жизням смертельный вред, положение дел складывается в корне иное.

Се Лянь понизил голос:

— Ваше Превосходительство, правда ли, что вы вознеслись именно в ночь накануне холодных рос?

Помолчав немного, Ши Цинсюань глубоко вздохнул и ответил:

— Да, — а после недолгой паузы добавил: — Я вспомнил об этом ещё тогда, в посёлке Богу. Канун холодных рос — разве это не день моего вознесения? Я ещё хотел поинтересоваться у вас, можно ли считать это зацепкой? Существует ли какая-то связь? Или, может, просто совпадение? Но в душе я почему-то почувствовал себя беспокойно, вот и не стал спрашивать. Теперь вы знаете, существует ли связь.

Существует. Конечно же, существует, и немалая.

Почему истинный Божок-пустослов избрал именно этот день, чтобы перенести Ши Цинсюаня в посёлок Богу, показал удивительное представление кровавого шествия, а потом унёс на Башню Пролитого Вина, где и напал на него? Ему не понадобилось бы безо всякой на то причины затрачивать столько сил. Если соединить время и эти два места, получится вот что: много лет назад в канун холодных рос в посёлке Богу один смертный студент Хэ не выдержал своей участи — убил бессчётное множество людей, после чего сам попрощался с жизнью. А тем временем на Башне Пролитого Вина вознёсся Ши Цинсюань.

Таким образом, смысл послания истинного Божка-пустослова становится предельно ясен:

Твоё вознесение, Ши Цинсюань, неотрывно связано со смертью главного персонажа истории кровавого шествия!

Неприятная, но разумная догадка, которая посетила принца, заключалась вот в чём:

После своего вознесения Ши Уду, чтобы вызволить Ши Цинсюаня из лап истинного Божка-пустослова, тайно отыскал подходящего по всем параметрам человека, затем при помощи некоего тёмного искусства сделал так, чтобы тот человек отвёл от Ши Цинсюаня беду, приняв её на себя. И жертвой стал именно студент Хэ, из бедной семьи, умный не по годам, но при этом переживший череду страшных неудач, покуда злой рок не привёл его к разорению и смерти.

Имя студента Хэ вписали вместо Ши Цинсюаня, обманув тем самым истинного Божка-пустослова, и таким образом Ши Цинсюаню досталась чужая судьба. В один и тот же канун холодных рос один человек испытал на себе настоящий ад на земле; другой же под мощнейшей защитой успешно преодолел Небесную кару и вознёсся.

Но изначально обоим предназначались прямо противоположные судьбы!

Чем божеству другое божество на небо взять, намного проще демону другого демона сожрать

Се Лянь продолжил:

— Осмелюсь предположить, что имя студента Хэ — один иероглиф, Сюань. К тому же, гороскоп его рождения полностью совпадает с гороскопом Его Превосходительства Повелителя Ветров.

Чтобы украсть небо и подменить солнце, обманом заставить императора переплыть море^[227], не каждый подойдёт для подмены.

Необходимо найти человека, соответствующего особым требованиям.

С того момента как истинный Божок-пустослов впервые обнаружил Ши Цинсюаня и задал ему три вопроса, он накрепко запомнил две вещи:

Первая — имя его жертвы содержит иероглиф «Сюань»; вторая — гороскоп рождения жертвы. Но в лицо мальчика он не знал, поэтому попросил Ши Цинсюаня подойти, чтобы рассмотреть того поближе. Тогда помощь в лице брата подоспела вовремя, и, кроме первых двух фактов, твари не удалось узнать больше ничего.

Значит, для того чтобы найти человека, который займёт место Ши Цинсюаня и тем самым отведёт от него опасность, необходимо искать мужчину, родившегося в один год, один месяц, один день и одно время, что и Ши Цинсюань, и, более того, с именем, содержащим в себе иероглиф «Сюань».

Найти такого козла отпущения слишком трудно. Но мир огромен, брось все силы на поиски, и возможно, искомое отыщется. Воспользовавшись положением великого Повелителя Вод, Ши Уду закинул сети и действительно нашёл подходящего человека. Да к тому же такого, который обладает способностью к вознесению и вскоре должен встретиться с Небесной карой!

Как можно упустить столь прекрасную возможность? Чем проводить время в тяжких тренировках, почему бы не избрать лёгкий способ? Нельзя упускать шанс, который, возможно, никогда больше не представится!

На этом моменте Мин И тоже кое-что осознал, его лицо постепенно сделалось суровым. Ши Цинсюань же вначале всё кивал, а потом вдруг вспомнил одну деталь и посмотрел на Хуа Чэна, что стоял, прислонившись к двери. Всё-таки это не тот разговор, который следовало бы вести в присутствии демона. Однако Хуа Чэн, скрестив руки на груди, с улыбкой ответил:

— Ваше Превосходительство, не нужно так смотреть. Вам следует остерегаться не меня, поскольку я здесь совершенно ни при чём. Лучше озаботились бы, чтобы более никто в чертогах Верхних Небес не прознал о тёмном секрете вашего многоуважаемого брата.

Мин И мрачным тоном произнёс:

— Так значит, у тебя действительно есть лазутчик в чертогах Верхних Небес.

Хуа Чэн безразлично ответил:

— Я думал, тебе давным-давно это известно.

Повелителя Земли отправили в Призрачный город именно для того, чтобы прояснить сей факт. Но, судя по всему, лазутчик скрывался очень хорошо, и даже за более чем десяток лет не удалось выяснить, кто же этот шпион. Но раз Хуа Чэн сказал, что он здесь ни при чём, Се Лянь, разумеется, сразу поверил и не стал думать лишнего. Однако на фразе «лучше озаботились бы, чтобы более никто в чертогах Верхних

Небес не прознал о тёмном секрете», Се Лянь вдруг вспомнил ещё один подозрительный момент и спросил Повелителя Ветров:

— Ваше Превосходительство, и всё же почему той ночью в Башне Пролитого Вина вы открыли дверь, нарушив защитное поле? Кто-то приказал вам это сделать? Кто именно?

Ши Цинсюань ответил:

— Да. Это был истинный Божок-пустослов. Он заговорил со мной и первым же делом...

Се Лянь убрал руки в рукава и перебил:

— Но как он узнал ваш пароль для духовного общения?

Мин И с потемневшим лицом произнёс:

— Да ведь он же сам целыми днями только и делает, что повсюду заводит себе друзей. Есть у него время, нет у него времени, с каждым горазд перекинуться парой слов! Болтун!

Напрасно обвинённый Ши Цинсюань воскликнул:

— Мин-сюн, ты не можешь так говорить, ведь со мной общаются только чиновники Верхних Небес, а этой твари я не выдавал о себе ничего!

Се Лянь вмешался:

— Если истинный Божок-пустослов многие годы провёл в спячке, а пробудившись вновь, смог во всех подробностях раскопать... такой секрет Повелителя Вод, добыть пароль Повелителя Ветров для него не составило бы труда. Наверняка кто-то выдал ему ваш пароль, не важно — намеренно или случайно. Мы можем поискать в этом направлении.

Мин И снова заговорил:

— Итак, ты разглядел, что он из себя представляет? Что он сделал после того как заставил тебя выйти?

У Ши Цинсюаня, кажется, разболелась голова.

— Я не знаю, как он выглядит, он применил заклятие, и я не смог рассмотреть.

Он описал всё очень пространно, так и не сказав, что именно увидел, и Мин И сразу посуровел. Се Лянь догадался, что Ши Цинсюань видел что-то наподобие картин кровавого шествия, описать подобное действительно непросто. Спустя некоторое время Ши Цинсюань вздохнул:

— Я ни на что не годен. Если бы я смог вознестись своими силами, ничего этого не случилось бы.

Изначально судьба Ши Цинсюаню предназначалась, по меркам простых смертных, довольно хорошая, иначе истинный Божок-пустослов не приглядел бы его в качестве жертвы. Но к сожалению, подобная судьба была очень и очень далека от вознесения, ведь людей с потенциалом к попаданию на Небеса покрывает аура особой духовной Ци, нечеловеческим существам трудно к ним подобраться, да и какая тварь захочет прогневать будущего небесного чиновника?

Сможет ли человек вознестись — вопрос совершенно не касается того, насколько он умен. Какие бы усилия ни прикладывал умник, вовсе не обязательно, что ему удастся попасть на Небеса. Тем более, процесс не зависит от количества применённых артефактов и сокровищ. Иногда судьба бывает именно до такой степени несправедливой. Десятилетия учёбы в тяжких условиях не приравняют тебя к тому, кто от природы наделён живым творческим умом и талантом красноречия. Столетия, проведённые в поте лица над трудом, в который вкладываешь всю душу, не позволят сравниться с тем, кто по щелчку пальца способен постичь неведомые тайны бытия.

И если уж не суждено, то не суждено. Сколько бы средств ни потратил Повелитель Вод на своего младшего брата, если не изменить саму судьбу, вполне возможно, что его потолком стали бы Средние Небеса, и самое большее, он бы дослужился до командира отряда младших небожителей. Безграничная слава, которой достиг Повелитель Ветров — целиком заслуга брата, который украл для него то, что предназначалось другому человеку. Нетрудно догадаться, какие эмоции испытал бы виновник, узнавший правду, при наличии хоть малой толики совести и самоуважения.

Если бы не он, каким ореолом славы был бы окружён сейчас тот, кому по праву принадлежала эта судьба?

Стоило Се Ляню задуматься об этом, и в его голове вдруг сверкнула вспышка осознания.

— Нет. Ваше Превосходительство, открыть дверь вас заставил вовсе не истинный Божок-пустослов.

Ши Цинсюань поднял на него взгляд.

— А? Но по голосу это точно было он, я не мог ошибиться.

— Нет-нет, если голос принадлежал ему, ещё не означает, что говорил им именно он. Припомните вот что: все жертвы истинного Божка-пустослова заканчивали жизнь самоубийством. Но один человек

стал исключением. — Сделав паузу, принц продолжил: — Как погиб студент Хэ? Что мы помним из представления на кровавом шествии? Он покончил с собой?

Ши Цинсюань широко распахнул глаза.

— Нет, он не покончил с собой, он...

Мин И закончил за него:

— Скончался от изнеможения.

— Именно! — воскликнул Се Лянь. — Даже когда злой рок неотступно следовал по пятам, до самого последнего вздоха студент Хэ не помышлял о самоубийстве. — Принц сосредоточенно принялся рассуждать: — Если подумать, этот человек оказался необыкновенно стойким, ведь простые люди, подвергшись череде таких ударов, несправедливости и несчастью, давно махнули бы на себя рукой или разрешили бы свои страдания известным способом. Но он не желал сдаваться, ничто не смогло его сломить. Мне думается, прицепившись к нему, Божок-пустослов так и не получил того, чего хотел — страха. И даже смерть студента Хэ была вовсе не самоубийством на пике ужаса и отчаяния. Преследуя его, Божок-пустослов остался несолоно хлебавши, напоролся зубами на сталь, да и зубы поломал, окончательно ему проиграв.

Слушая принца, Ши Цинсюань медленно покачал головой и искренне признался:

— Я и впрямь в подмётки не гожусь тому человеку...

Се Лянь тем временем продолжал:

— Он погиб, обуреваемый жадной убийства и затаённой злобой. И я не думаю, что закалённая таким образом душа могла бы просто упокоиться в мире. Он наверняка не желал упокоения, он жаждал мести. Поэтому, Ваше Превосходительство, я считаю, что теперешний «истинный Божок-пустослов», весьма вероятно, — вовсе не та же тварь, что пристала к вам в день вашего рождения. А тот, кто отчаянно сопротивлялся до самой смерти, а после пожрал своего обидчика — истинного Божка-пустослова, студент Хэ, или лучше будет называть его Хэ Сюань!

Стоило прозвучать его словам, и Ши Цинсюань вместе с Мин И потрясённо застыли. Хуа Чэн же бесстрастно добавил:

— Демоны пожирают демонов.

Если у человека поднимется рука сожрать себе подобного, самое большее — он лишь наестся до отвала; но если демон вознамерится сожрать другого демона, при верном способе употребления можно заполучить и присвоить себе способности и магические силы противника.

Се Лянь продолжил:

— Это объясняет, откуда «истинному Божку-пустослову» известно так много деталей произошедшего. Подобные существа обыкновенно характеризуются глупостью и дикостью мышления, они никогда не бывают достаточно умны. Однако за вами явилась тварь... — принц хотел сказать «сложная», однако подумал, что это не совсем верное определение.

— Усиленная, — закончил за него Хуа Чэн.

— Верно, — согласился Се Лянь. — Поглотив истинного Божка-пустослова, душа студента Хэ полностью заняла господствующее положение. Теперь он обладает не только способностью проклинать, но и немалым умом. А также безграничной ненавистью по отношению к обоим братьям Ши.

Поэтому он, хоть и явно уже давно заполучил пароль духовного общения с Ши Цинсюанем, а всё же не стал сразу проклинать его посредством мысленной связи. Ему непременно понадобилось действовать постепенно, чтобы шаг за шагом сужать круг, заставить Ши Цинсюаня самого заткнуть уши, закрыть глаза и запереться в небольшом пространстве. Словно кот, который загонял в угол мышь, но не собирался сразу убивать жертву, хотел сначала наиграться вдоволь, покуда та сама не умрёт от страха.

Подумав, Мин И спросил:

— Теперь, когда всё повернулось подобным образом, как ты намерен поступить?

Все взгляды обратились к Ши Цинсюаню. Тот сам не заметил, как растрепал свои волосы, совершенно испортив их ухоженный вид. И теперь растерянно произнёс:

— Не смотрите на меня так!!! Я... и сам не знаю, что теперь делать!!! Я просто... пока что... не знаю, как смотреть в глаза своему брату...

Всё-таки родной брат ради него совершил ужасающее преступление, нанёс вред человеческим жизням. И теперь вполне

объяснимо, что Ши Цинсюань не знал, как поступить.

— Однако... пока что должен попросить вас всех... пока... ни в коем случае об этом никому не рассказывать! Пока что, только временно, дайте мне как следует обдумать... как же теперь быть. Я размышлял несколько дней, но так и не нашёл решения. В общем... пока мне самому нужно успокоиться... — в конце своей речи он уже начал бормотать себе под нос и вновь устался в пустоту невидящим взглядом.

Ши Уду всё повторял, что намерен «излечить» Ши Цинсюаня, но разве он чем-то заболел? Его лишь столкнули с божественного постаменты, вновь превратив в простого смертного. Чтобы «болезнь» отступила, придётся заново менять его судьбу, заново заставить его вознестись. И хотя очень сложно найти ещё одного человека на замену, кто знает, на какие тёмные методы способен Ши Уду? Неудивительно, что Ши Цинсюань всё повторял, что теперь хочет быть смертным, а не божеством, и вполне понятно, почему второпях сбежал от брата.

Стоит также припомнить список жертв истинного Божка-пустослова, в котором обнаружилась масса ошибок. Наверняка он был написан специально, чтобы сбить Ши Цинсюаня со следа и не дать узнать правду. И неизвестно, дело ли это рук исключительно самого Ши Уду или же Линвэнь замешана тоже. Но когда Повелителю Вод понадобилось отыскать подходящего по всем параметрам человека, ему наверняка потребовалась в поиске помощь её дворца. Неужели сама Линвэнь могла ничего не знать об этом? И если уж один Ши Цинсюань вознёсся подобным образом, в таком случае, не появился ли второй, третий, или, может, ещё больше небесных чиновников, воспользовавшихся тем же способом?

Если это и впрямь так, последствия будут ужасны. В Поднебесной воцарится хаос, придётся тщательно проверять каждого. Не в пример беззаботному Хуа Чэну, которого данное происшествие никак не касалось, остальные трое в маленькой хижине заметно помрачнели, погружившись в тяжкие думы, словно перед лицом серьёзного врага.

Внезапно снаружи послышался шум и гневное мычание быка, а после крики крестьян:

— Задержите! Задержите его!

— Чего явился сюда, такой воинственный?

Се Лянь выглянул наружу через дверную щель и произнёс:

— Это генерал Пэй.

Пэй Мину на их глазах только что здорово досталось от Цюань Ичжэня, размахивающего кушеткой, но теперь он в целостности стоял снаружи, перед покосившимся камнем с надписью, который являлся границей. Похоже, генерал Пэй опасался опрометчиво пересекать эту грань, и потому стоял на месте, лишь подняв меч. Крестьяне встретили его с мотыгами и серпами в руках, всем своим видом выражая враждебность. Чёрный бык, что расхаживал по полю, испустил из ноздрей несколько гневных выдохов, затем вдруг поднялся на задние копыта и обернулся рослым и крепким мужчиной довольно красивой наружности с небольшим железным кольцом в носу. Мужчина с улыбкой заговорил:

— Ба, да это, никак, генерал Пэй? Редкий гость. Каким ветром вас занесло? Сразу скажу, что никакие деяния вашего Сяо Пэя нас не касаются.

Се Ляня, кажется, посетили кое-какие мысли. А ведь только что, когда они увидели этого чёрного быка, принцу животное смутно показалось знакомым. И действительно, эти земли оказались владениями Повелителя Дождя, горой Юйлун. Когда-то именно братец бык одолжил Се Ляню Шляпу Повелителя Дождя для того, чтобы ниспослать дождь. Столько лет прошло, а он не растерял своей силы и всё с таким же усердием и мощью вспахивал поле. Ши Цинсюань тоже принял к просвету и сказал Се Ляню:

— Это бык Повелителя Дождя. Неплохой бык.

Пэй Мин когда-то потерпел позорное поражение от Повелителя Дождя, и теперь, конечно же, весь излучал учтивость, держался достойно и весьма вежливо.

— Ну что вы, помилуйте! В этот раз мой визит не предусматривает встречи с Государыней Юйши. Хотелось бы узнать, не захаживал ли в ваши благодатные земли Его Превосходительство Повелитель Ветров^[228]?

В Восточном море поднялась волна — то бушует Небесная кара

Бык отвечал:

— Хэх, я ведь не хвалил вас, к чему говорить «помилуйте»? Мы заняты пахотой, не видали, чтобы кто-то захаживал.

— Вот как, — с такими словами Пэй Мин шагнул вперёд.

Но земледельцы тут же замахнулись на него мотыгами и закричали:

— Раздавил! Раздавил!

Пэй Мин чуть нахмурился.

— Что раздавил?

Бык сказал ему:

— Ты раздавил посевы, что они высадили с таким трудом.

Извинись.

Пэй Мин опустил взгляд и, вооружившись терпением, произнёс:

— Если глаза мне не врут, это всего лишь сорная трава.

— Боевой генерал, привыкший проливать кровь, что б ты понимал? — удивлённо сказал бык. — Эта трава — и есть посевы. Мы возделываем землю, уж нам-то лучше знать!

Се Лянь прекрасно понял, что обитатели угодий Повелителя Дождя намеренно придираются к Пэй Мину, но даже принца невольно охватило любопытство, так всё-таки — трава или посевы?

Пэй Мин — величественный Бог Войны северных земель, разве станет он извиняться перед горсткой крестьян по столь нелепой причине? Проигнорировав требование, мужчина сделал ещё несколько шагов вперёд и, набрав воздуха, выкрикнул:

— Цинсюань, выходи! Твой брат встретился с Небесной карой, но прогноз неблагоприятный, может случиться несчастье!

Ши Цинсюань сначала твёрдо принял решение сидеть в хижине и не высовываться, всё равно Пэй Мин не стал бы прорываться с боем. Но услышав такие слова, тут же воскликнул:

— Что?! — и выскочил наружу.

Пэй Мин, бросив взгляд на быка, крикнул Ши Цинсюаню:

— Так ты в самом деле прибежал сюда!

Ши Цинсюань растерянно замер, но спустя мгновение понял, что произошло, и тут же отпрянул назад.

— Т-т-ты меня не пугай, разве Небесная кара могла прийти так скоро? И как-то слишком неожиданно, я думал... в запасе хотя бы несколько месяцев!

Но тогда в столице бессмертных Повелитель Вод действительно в спешке покинул свой дворец, словно ему предстояло решить какое-то срочное дело. Ши Цинсюань тут же сложил два пальца и коснулся

виска. Это был жест для применения заклятия духовного общения, однако, уже совершив его, Ши Цинсюань вспомнил, что полностью лишился магических сил. Но сейчас ему было не до расстройств по этому поводу, он сразу же схватился за Се Ляня.

— Ваше Высочество, помогите разузнать, правда ли это?

Се Лянь и Мин И одновременно подключились к сети духовного общения. Как и ожидалось, там всё смешалось в кашу, небесных чиновников охватило крайнее беспокойство. Кажется, многие небожители собрались у Восточного моря, наблюдая за каким-то зрелищем. Слышались их возгласы:

— О, Небеса... вот это мощь... и впрямь — Водяной самодур!

— Н-н-но... возможно ли такое выдержать...

Чем значительнее магические силы небожителя и чем больше количество пройденных Небесных кар, тем опаснее для него становится каждая следующая. Ши Уду единолично заведовал водными путями, господствовал над потоками богатства, а теперь столкнулся уже с третьей Небесной карой. Нетрудно догадаться, что это была за мощь.

Се Лянь произнёс:

— Это правда.

Путь Пэй Мину всё ещё преграждал бык, и тот не мог применить силу, чтобы добраться до Ши Цинсюаня, поэтому выкрикнул издалека:

— Ты ведь не дитя малое, кто бы стал обманывать тебя такими вещами! И Небесная кара — это не на свидание сходить, или ты думал, что можно точно высчитать день, да ещё успеть переодеться в новое, а потом отправляться в путь? Она приходит без предупреждения и всегда застаёт врасплох! Сейчас он над Восточным морем, такие волны поднялись, что никто не может ни близко подойти, ни выбраться оттуда. Пока он бился с волнами, кто-то оповестил его, что ты сбежал. Сможет ли он, по-твоему, теперь спокойно пройти через Небесную кару?!

Ши Цинсюань воскликнул:

— Так скажи ему скорее, что я во владениях Повелителя Дождя!

Се Лянь, слушая, что по этому поводу говорят в сети духовного общения, возразил:

— Не выйдет. Сейчас весь регион Восточного моря, где Повелитель Вод проходит Небесную кару, обернулся участком

беснующихся магических сил. Боюсь, связаться с ним не получится из-за помех!

Ши Цинсюань бросился вперёд.

— Перенеси меня туда!

Пэй Мин протянул руку:

— Идём!

Однако Мин И молниеносно оказался перед Ши Цинсюанем, его лицо омрачилось суровой задумчивостью.

— Мин-сюн, что такое? — спросил Ши Цинсюань.

Мин И хмурил брови и молчал, но Се Лянь примерно догадывался, о чём он думает и почему задержал Ши Цинсюаня.

Отправиться сейчас помогать Повелителю Вод проходить через Небесную кару... правильный ли это поступок?

Ведь если подмена судьбы — правда, Повелителя Вод неизбежно ждёт соответствующее наказание. В таком случае, пока ещё не до конца выяснилось, какова его ответственность, помогать ему подняться ещё на уровень выше... действительно ли в этом нет ничего предосудительного?

Се Лянь догадался о мотивах Мин И, поскольку сам размышлял о том же. Ши Цинсюань тем временем, поколебавшись мгновение, всё-таки испустил долгий вздох и сказал:

— Мин-сюн... я... премного тебе благодарен. Но как бы то ни было, это всё-таки... я не могу спокойно стоять и смотреть. Сначала преодолеем этот рубеж, а там посмотрим! — Договорив, он подбежал к Пэй Мину, затем обернулся и воскликнул: — Я очень благодарен вам, Ваше Высочество! И Её Превосходительству Повелителю Дождя! И быку! И всем вам! В будущем я вам отплачу! — Затем двое второпях покинули владения Повелителя Дождя.

Мин И мгновение постоял на месте и направился следом. Се Лянь глядел им вслед, не шевелясь.

Хуа Чэн вышел из хижины, медленно приблизился к нему и спросил:

— Гэгэ, ты не идёшь?

Подумав, Се Лянь всё же покачал головой и неторопливо ответил:

— Здесь я ничем не смогу помочь. Посмотрим для начала, как они сами разрешат проблему.

Ши Цинсюань, будучи непосредственным участником событий, до сих пор не придумал, как следует действовать, ему тоже приходилось нелегко. И хотя Се Лянь понимал, почему Ши Уду поступил именно так, а не иначе, всё же принц не одобрял подобных методов. Идеальным исходом стало бы признание вины Повелителем Вод и добровольное принятие наказания. Должно быть, Мин И тоже на это надеялся, поэтому попытался удержать Ши Цинсюаня. Но Ши Уду настолько честолюбив, своеволен и деспотичен, что подобное практически невозможно. Из тех, кто столько лет просидел на высоком посту, никто не пожелает добровольно с него спускаться.

Окажись на месте Повелителя Вод кто-то другой, Се Лянь, наверное, сразу доложил бы о преступлении чертогам Верхних Небес. Но подумав о Повелителе Ветров, который всегда относился к нему по-дружески... в момент, когда его брат оказался в опасности, принц пока что не мог так с ним поступить. Это походило бы на полное пренебрежение былой дружбой, будто бы принц решил, воспользовавшись чужой бедой, забросать камнями упавшего в колодец. Остаётся только наблюдать, к какому итогу они придут сами, и если окончательное решение всё же окажется неподобающим...

Задумавшись об этом, Се Лянь с долей самоиронии обратился к Хуа Чэну:

— Сань Лан, видимо, ты верно предостерегал меня тогда. Ох, ну и дела...

Губы Хуа Чэна тронула лёгкая улыбка, и он только открыл рот, чтобы заговорить, как вдруг лицо Се Ляня мгновенно переменялось. Он услышал в сети духовного общения голос Линвэнь:

— Что?! Туда занесло несколько сотен рыбацких лодок??? В такой момент?!

Се Лянь потрясённо замер и растерянно проговорил:

— Рыбацких лодок? Куда занесло? В Восточное море?

Если ранее сеть духовного общения уподобилась каше в котле, то теперь его опрокинули на землю на корм собакам. Линвэнь не успевала никому отвечать, однако ей всё же удалось сохранить относительное спокойствие.

— Будьте добры, скажите, кто из Богов Войны как раз на дежурстве? Старина Пэй?

Пэй Мин отозвался в сети:

— Не волнуйся, я с Ши Цинсюанем уже направляюсь на место, Повелитель Земли тоже с нами. Пока сосчитай, сколько в точности человек попало в шторм, мы постараемся вывести их всех, не упустить никого.

Линвэнь ответила:

— В таком случае, благодарю вас за помощь. Его Превосходительство Повелитель Вод развернул масштабное магическое поле, которое никому не позволяет попасть в область, где он борется с Небесной карой. Если чиновники Средних Небес окажутся там, от них наверняка мокрое место останется, но божества Верхних Небес всё же могут попытаться прорваться через заслон. Боюсь, людей туда затянуло больше двух сотен, и вам двоим не справиться, нужен ещё один Бог Войны. Который из Их Высочеств здесь? Генерал Наньян? Генерал Сюаньчжэнь?

Кто-то ответил ей:

— Но ведь оба генерала наказаны строгим заточением за разрушение столицы бессмертных, сейчас их не дозваться...

— А Тайхуа? Его Высочество Тайхуа вернулся?

— Не вернулся! До сих пор отсутствует.

— А где Циин?

— Кто ж знает, куда он запропастился, этот мальчишка постоянно отключается от всех сетей духовного общения и никого не слушает. Вам ведь это прекрасно известно!

Но какой ещё Бог Войны, кроме перечисленных, подойдёт для этой миссии? Даже посреди всеобщего беспокойства Се Лянь поймал себя на лёгком расстройстве — неужели ореол мусорного божества настолько силён, что все позабыли о его статусе Бога Войны?

— Я! Я здесь. Я отправлюсь туда. В Восточное море, спасти рыбаков, верно? — поспешно воскликнул принц.

Линвэнь ответила:

— Ваше Высочество, сейчас на Восточном море поднялась крайне опасная буря, а вы утратили магические силы, что если...

— Не страшно. Я ловил рыбу во всех четырёх морях^[229], и каждый раз попадал в серьёзный шторм. Мне часто приходилось дрейфовать в открытом море по десять, а то и пятнадцать дней, так что для меня это дело привычное.

Все присутствующие в сети духовного общения чиновники невольно подумали: «И такое возможно?! Чем же тебе ещё приходилось заниматься, скажи на милость???»

Положение сложилось критическое, поэтому времени на раздумья не оставалось.

— Хорошо, — ответила Линвэнь. — В таком случае, надеюсь, вас это не затруднит. Генерал Пэй, окажите содействие!

Пэй Мин отозвался:

— Хорошо!

Се Лянь отключился от сети духовного общения, обернулся и произнёс:

— Сань Лан, в Восточном море...

Однако к его удивлению, повернувшись, принц увидел, что Хуа Чэн уже надел чистые рыбацкие одежды, бросил кости, поймал их одной рукой, а другой коснулся двери и просто сказал:

— Идём!

Се Лянь было замер в недоумении, но потом тоже улыбнулся, ответил «Хорошо!» и последовал за ним.

Дверь открылась, и вместо простого убранства хижины за ней раскинулся серый пейзаж.

Они вышли из маленького рыбацкого домика на берегу, который чаще всего использовался для перемещения к Восточному морю при помощи Сжатия тысячи ли. От берега разливалось необъятное, бескрайнее море. Пляж казался серым вовсе не из-за цвета песка, а потому, что и небо, и море отливали серым. Чёрные-чёрные тучи клубились, нависая над морем, даже придавливая, отчего становилось трудно дышать.

Вдали над поверхностью моря то и дело поднималась огромная волна, подобная громадной высокой стене, вырастающей на ровном месте, которая затем падала и разбивалась, так же, как и устремлённые в небо водяные столбы, подобные водным драконам, кружащиеся с бешеной скоростью смерчей. По небесам свирепыми кривыми линиями расползались зловещие сизые молнии.

На причале стояла новенькая большая джонка. По морю нельзя передвигаться без плавательного средства, ведь если полететь по воздуху, вполне возможно получить удар молнии, поэтому придётся плыть. И сама джонка, разумеется, являлась не обычным транспортом.

На ней уже стояли Пэй Мин, Ши Цинсюань и Мин И. Увидев, как двое — Хуа и Се — выходят из рыбацкого домика, генерал Пэй позвал:

— Ваше Высочество!

Ши Цинсюань же вздохнул:

— Ваше Высочество, вы... ох! Благодарю за помощь. Мои искренние извинения.

Се Лянь взошёл на борт и ответил:

— Это лишь долг моей службы. Как управлять этой лодкой?

Увидев за спиной принца Хуа Чэна, который, скрестив руки на груди, стоял с беззаботным видом, Пэй Мин предостерёг:

— Посторонним лучше держаться подальше, этот шторм вам не праздная забава.

Сейчас Хуа Чэн даже в скромной заплатажной одежде выглядел живо и элегантно, ни дать ни взять — симпатичный молодой рыбак.

— Я вовсе не какой-нибудь посторонний. Я лишь сопровождаю своего Его Высочество, вот и всё, — с улыбкой ответил он.

Се Лянь подтвердил:

— Он из моего дворца.

Пэй Мин всё же обнажил меч и, не желая уступать, стоял на своём:

— Назад.

Се Лянь не успел ничего сказать в ответ, когда Хуа Чэн с необыкновенной решимостью в голосе произнёс:

— Нет. В этот раз я непременно должен отправиться с тобой.

Они препирались всего несколько мгновений, а Ши Цинсюаню уже казалось, что прошли годы. Он обратился к Пэй Мину:

— Генерал Пэй, с этим человеком всё в порядке, давайте скорее отплывать!

Пока они говорили, с небес сорвалась яркая молния и ударила в море. Вся поверхность воды озарилась изумрудным сиянием, которое то и дело сверкало, словно море обернулось огромным бьющимся сердцем и задышало. Зрелище потрясло величием, но вместе с тем пугало. Пэй Мин тоже не желал больше ждать и выкрикнул:

— Отплываем!

Джонка содрогнулась, послышался звук вращающихся колёс и шестерёнок, а затем, без какого-либо человеческого воздействия, судно само по себе отплыло от берега и на огромной скорости полетело в

широкие воды моря, прокладывая путь сквозь вспышки молний и яростные волны.

Несмотря на шторм, Се Лянь, Хуа Чэн, Пэй Мин и Мин И держались на палубе весьма устойчиво, и только Ши Цинсюаня качало из стороны в сторону, так что Мин И приходилось его держать.

— Эта лодка сможет выдержать такие волны?! — громко крикнул Се Лянь.

Пэй Мин ответил:

— Такие как сейчас, думаю, выдержит с грехом пополам! Сдюжит ли дальше, сказать трудно!

Лодка уже неслась невероятно быстро, из-под бортов в стороны с шумом летели вздымающиеся ввысь брызги. Но Ши Цинсюань всё равно торопил:

— Нельзя ли ещё быстрее???

Пэй Мин крикнул в ответ:

— Судно поглощает магические силы! Скорость и так предельная!

Ши Цинсюань сжал правую ладонь — ту, в которой обычно держал Веер Повелителя Ветров. Один взмах — и ветер поднялся бы на ровном месте, а с добрым ветерком лодка поплыла бы по меньшей мере на треть быстрее. Но сейчас руки Ши Цинсюаня пустовали, и он невольно испустил тяжкий вздох. Тем временем Хуа Чэн похлопал Се Ляня по плечу и тихо произнёс:

— Гэгэ.

Се Лянь повернул голову, и его глаза мгновенно округлились. В семи-восьми чжанах от них на волнах кружилось рыбацкое судёнышко, на котором мелькали силуэты людей. Они, кажется, звали на помощь, вот только их крики тонули посреди рёва моря и грохочущих молний.

Рыбаки, попавшие в беду!

Это и есть цель их нынешнего морского похода. Жое вылетела сквозь бурю, обвилась вокруг пояса нескольких рыбаков и забрала людей на джонку. Несчастные, когда их ноги коснулись деревянной палубы большого судна, едва не свалились от усталости, но Пэй Мин тут же открыл дверь каюты и забросил их туда. Когда рыбаки в следующий раз откроют эту дверь, то обнаружат себя уже на берегу.

Хуа Чэн и Се Лянь выловили тридцать-сорок пострадавших рыбаков, а джонка тем временем, раскачиваясь на волнах, неумолимо

приближалась к самому эпицентру разыгравшейся бури и огромных волн. Прямо сейчас немало небожителей наверняка издали наблюдали за страшным действием, а также немало простых смертных изумлялись и ужасались мощи Небес. Молний, бьющих в лодку, тоже прибавлялось — их притягивал любой источник магической силы, целью становились те, у кого больше всего магических сил. Именно по этой причине, когда один небожитель переживает встречу с Небесной карой, лучше всего спрятаться как можно дальше, поскольку пострадать могут даже посторонние^[230].

Ши Цинсюань стал простым смертным, магических сил Се Ляня хватало лишь на то, чтобы задавать вопросы в сети духовного общения, Хуа Чэну не было нужды применять свои магические силы, поэтому он держал их при себе. Поэтому получалось, что молнии привечали одного лишь Пэй Мина. Уже множество раз ему пришлось отражать их удары своим мечом, и выходило это настолько ловко и умело, что Се Лянь восхитился его высокому мастерству. Если бы на его месте оказался какой-то чиновник Средних Небес, его бы не просто осыпало молниями, для небожителя не осталось бы малейшего шанса отразить удар, поэтому таких нельзя было пускать сюда.

Они прорвались сквозь магическую завесу, и вскоре Ши Цинсюань вскрикнул:

— Брат!!!

Се Лянь вскинул голову и увидел в воздухе посреди нескольких бьющих в небо водяных драконов фигуру Ши Уду. Он стоял со сложенной в форме креста ручной печатью, и его белые одежды неистово трепетали на ветру.

Судя по его состоянию, Повелитель Вод всё ещё удерживал довлеющую позицию над волнами, однако его явно что-то тревожило, и потому положение казалось совсем не стабильным. Бешено крутящиеся водяные драконы время от времени приближались, выбрав подходящий момент, чтобы проглотить его целиком, и Ши Уду множество раз едва удавалось избежать этой участи. Джонке до него оставалось несколько десятков чжанов, и если бы Ши Цинсюань ещё владел Веером Повелителя Ветров, он бы мог на порядок усмирить разбушевавшуюся стихию. Но теперь он стал простым смертным, и даже его голос не простирался достаточно далеко, всё, что ему

оставалось — это бесполезное беспокойство. Но стоило Пэй Мину открыть рот, и его голос разнёсся вокруг мощной волной:

— Водяной шисюн! Цинсюань нашёлся!

Едва он замолчал, Ши Уду открыл глаза.

В тот же миг к небесам поднялась огромная волна, которая сразу же ринулась вниз. Джонка, оказавшись высоко в воздухе, не успевала за скоростью водного потока, и потому, ненадолго зависнув, начала стремительно падать на воду. Се Лянь, применив технику Веса тысячи цзиней, крепко схватил Хуа Чэна за руку и крикнул:

— Осторожно!

В общем-то, это довольно странно — будучи явно выше принца, Хуа Чэн мог без особого труда оторвать того от земли одной рукой. Но Се Ляню всё казалось, что демон лёгкий как пушинка, будто малейший недосмотр, и его унесёт ветром, поэтому принц вцепился в него покрепче. А Хуа Чэн тоже ухватился за него в ответ.

Пэй Мин тем временем воскликнул:

— Водяной шисюн, соберись! Если не усмиришь волны, твой младший брат точно утонет по твоей вине!

Ши Уду увидел их лодку и услышал слова Пэй Мина, после чего на его лице мелькнула вспышка гнева. Он сложил пальцы в другой печати, и от него словно разошлась магическая волна — кружащиеся вокруг водяные драконы мгновенно разрушились от удара и обернулись дождём, который с шумом пролился с небес.

Капли, подобно камням, загрохотали по палубе. А попадая в людей, даже причиняли лёгкую боль. Но когда дождь стих, буря тоже немного успокоилась. Ши Уду медленно спустился с небес на палубу джонки. Остальные после дождя промокли до нитки. Ши Цинсюань, вытирая лицо, пробормотал:

— Брат...

Ши Уду всё ещё пребывал в гневе, он широким шагом приблизился и обрушился на брата с руганью:

— Я сказал тебе послушно сидеть на месте! Кто просил тебя сбегать, не подумав?! Хочешь рассердить меня до смерти, и тогда ты будешь счастлив, да?!!

Ши Цинсюань на самом деле не знал, что ответить. Пока он не видел брата, очень переживал за него, а увидев, вспомнил обо всём

случившемся, о той пропасти в душе, которую теперь никак не мог преодолеть.

— А... я просто... я... — Наконец он потрепал себя за волосы и вздохнул: — Главное, что ты прошёл через Небесную кару. Я думаю... мне всё же кажется...

Однако Ши Уду перебил:

— Кто тебе сказал, что я прошёл через неё?

Ши Цинсюань потрясённо застыл.

— Но разве это была не она?

Пэй Мин, набрав в ладонь воды, пригладил волосы и произнёс:

— Рано радуешься. Это третья Небесная кара твоего брата, разве она может быть настолько простой? Самое меньшее — потребуется семь дней и семь ночей. Это лишь начало представления, только и всего.

В действительности, даже первую Небесную кару пережить не так-то просто. По-видимому, та «Небесная кара», с которой в момент вознесения столкнулся Ши Цинсюань, в сравнении с другими небожителями, сделала ему большую скидку. Наверняка сам Ши Цинсюань тоже об этом подумал, поэтому его лицо снова помрачнело. Се Лянь, памятуя о цели их похода, задал вопрос в сети духовного общения:

— Линвэнь? Мы уже находимся в районе, где Повелитель Вод проходит через Небесную кару. Не укажешь ли нам путь к рыбакам, которых затянуло в шторм?

Линвэнь ответила:

— Минуту. — Спустя некоторое время вновь послышался её голос: — Проблема. Сегодня в тот морской участок затянуло двести шестьдесят одного рыбака, к тому же их разбросало слишком далеко друг от друга, мелкими группами...

Она не успела сказать и пары фраз, как голос стал прерываться и запинаться, так что Се Лянь не мог ничего расслышать.

— Что такое? Линвэнь?

Принц решил было, что его магические силы иссякли, однако, подняв взгляд на Пэй Мина, по его лицу понял, что с ним произошло то же самое. Они ещё не успели обговорить дальнейшие действия, как Се Лянь вновь увидел неподалёку качающиеся на волнах потрёпанные судёнышки и произнёс:

— Должно быть, из-за остаточных магических помех от «начала представления» заклинание духовного общения не действует. Возможно, вскоре всё придёт в норму. Линвэнь сообщила, что двести шестьдесят одного рыбака разбросало по волнам, пока спасём тех, кого найдём.

Разумеется, никто не стал протестовать. Пэй Мин сказал:

— Водяной шисюн, пока можешь пойти в каюту, передохнуть немного. Ты пережил начальную волну Небесной кары, и неизвестно, когда придёт следующая. Ох, и не повезло тебе в этот раз, затронул такое количество простых смертных...

Ши Уду, похоже, действительно немного утомился. Ответив лёгким кивком, он открыл дверь в другую каюту, вошёл и принял позу для медитации. Ши Цинсюань, кажется, хотел завести с ним серьёзный разговор, но раз уж Небесная кара ещё не окончилась, сейчас он не нашёл в себе сил открыть рта — проглотил слова, что вертелись на языке, и уже собирался понуро отойти в сторону вместе с Мин И.

Как вдруг Ши Уду открыл глаза и сурово позвал:

— Нечего шататься где попало. Подойди и сядь здесь.

Ши Цинсюаню пришлось присесть рядом с ним.

Прошла большая часть дня, и вот уже глубокой ночью джонка направилась вглубь Восточного моря.

Сеть духовного общения по-прежнему работала с перерывами, иногда связаться удавалось, иногда нет, но, тем не менее, они могли как-то приноровиться к этому. За всё время Се Лянь и остальные спасли более двухсот рыбаков. Люди привычно вышли в море за рыбой, и никто не мог предположить, что поднимется такая сильная буря и их унесёт далеко от берега — своими силами они ни за что не сумели бы вернуться обратно. Так и дрейфовали бы дни и ночи, пока, возможно, не умерли бы от жажды и голода, а потом превратились бы в высохшие на солнце трупы. Внезапная подмога поистине стала спасением от неминуемой гибели, чему рыбаки несказанно обрадовались.

Неизвестно, сколько дней небожителям ещё придётся вот так качаться на волнах, чтобы спасти всех рыбаков. Да к тому же существовала опасность, что Небесная кара нагрянет в любой момент, начавшись по-настоящему. Но даже в таких обстоятельствах Пэй Мин по-прежнему не изменял своим повадкам. Посреди ночи они спасли

нескольких рыбачек, которые от страха выплакали все глаза. Пэй Мин, источая нежное внимание и искреннюю заботу, прижал бедняжек к груди и ласковым голосом утешил их, лишь после проводив до спасительной каюты. А девушки ещё долго не желали его покидать, надеясь снова увидеть спасителя, когда дверь откроется в следующий раз.

Ши Уду после продолжительной медитации, восстанавливающей силы, выглядел уже намного лучше. Он открыл глаза и поинтересовался:

— Ты разве обыкновенно не придерживался довольно высоких требований?

Молодые рыбачки находились в самом расцвете юности, однако обладали внешностью заурядной, далеко не соответствующей прежним стандартам Пэй Мина в погоне за красотками. И всё же, пообнимавшись с женским полом, генерал Пэй так и просиял, затем усмехнулся, потирая подбородок:

— Мы всю дорогу спасали заросших бородой старых рыбаков, а встретив среди них девушек, я счёл их небывалыми красавицами, ха-ха-ха-ха.

Ши Цинсюань и Мин И, послушав его, не захотели достаивать Пэй Мина и взглядом. Се Лянь же покачал головой, ему происходящее, напротив, показалось немного забавным. Они с Хуа Чэном присели бок о бок, но, посидев немного, принц неожиданно обнаружил, что у него в желудке пусто.

Остальным пассажирам лодки не требовалось принимать пищу, и хотя Ши Цинсюань сейчас являлся простым смертным, Се Лянь подозревал, что Ши Уду накормил его какой-то божественной пилюлей, которая может утолить голод на несколько дней, поэтому он до сих пор не выказывал желания поесть. Кроме того, их судно не было простой лодкой, сделанной в мире людей для выхода в море, так что здесь наверняка не заготовили съестных припасов. Се Лянь поднялся, чтобы нырнуть в море в поисках пары рыбёшек, но Хуа Чэн вдруг что-то ему протянул. Опустив взгляд, Се Лянь увидел белоснежную мягкую маньтоу.

Он вновь уселся рядом с Хуа Чэном и тихо сказал:

— Спасибо, Сань Лан.

Хуа Чэн также тихо ответил:

— Гэгэ, продержись пока на этом, ещё немного осталось.

Всё так же поделив маньтоу пополам, они неторопливо принялись есть, сидя рядом. Пэй Мин на другом конце лодки, услышав их тихие разговоры, пригладил волосы назад и произнёс:

— Господа, вы что-то обнаружили? Может, покинете свой маленький мирок и поделитесь с нами?

Се Лянь только собирался отшутиться парой фраз, но тут внезапно нахмурился.

— Вам не кажется, что здесь что-то не так?

Мин И тоже нахмурился и поднял взгляд.

— Да.

Се Лянь поднялся на ноги.

— Такое ощущение, что лодка сильно замедлилась. Магических сил недостаточно?

— Это невозможно, — ответил Пэй Мин. — Перед отплытием её заполнили магическими силами до отказа, она может ещё два дня пробегать по морям.

Се Лянь подошёл к краю джонки и оперся рукой о борт.

— Но мне всё кажется, что лодка вдруг потяжелела... — он не договорил, внезапно осекшись.

Остальные, кроме Ши Уду, тоже собрались у борта с вопросом:

— В чём дело?

Ответ не требовался — достаточно взглянуть самим, и станет ясно. Даже в ночной темноте было заметно, как осадка джонки внезапно переменялась — сделалась намного глубже. И даже сейчас лодка уходила под воду!

Се Лянь тут же воскликнул:

— В лодке пробоина?! Мы наскочили на риф? Или что-то спряталось под водой и пробило дыру?

Пэй Мин возразил:

— Невозможно! Разве мы могли не заметить удара? И судно это не из обычных, его ничем просто так не пробить, разве только...

Ему в голову будто пришла какая-то мысль, от которой он сразу замолчал.

Мин И спросил:

— Разве только — что?

Пэй Мин:

— Плохи дела.

Ши Цинсюань:

— Почему дела плохи?

Пэй Мин резко развернулся.

— Во владениях демона лодки тонут, едва коснувшись воды. Нас занесло в демонические края к Черноводу.

Во владениях демона лодки тонут, едва коснувшись воды

— К одному из Четырёх непревзойдённых, Хозяину чёрных вод?
— переспросил Се Лянь.

— Четырёх бедствий, не «непревзойдённых».

Се Лянь только сейчас припомнил, что невольно выбросил Ци Жуна из этой четвёрки. Возможно, принц просто не воспринимал «Лазурный фонарь в ночи» как демона, способного встать на одну ступеньку с остальными.

В спешке пополняя недостающие знания из свитков, Се Лянь заимел поверхностное представление о «Хозяине чёрных вод». Согласно легендам, это сильный водный гуль, живущий в уединении за далёкими морями. Так же, как и «Собиратель цветов под кровавым дождём», он выжил в смертельной битве на горе Тунлу, и хотя всегда отличался скромным нравом, эта «скромность» распространялась лишь на мир людей и Небеса. Но согласно даже неполным подсчётам, он пожрал более пяти сотен разнообразных прославленных демонов, и среди них лишь менее сотни не являлись высокоуровневыми водными гулями. Чёрные воды^[231] являлись его демонической вотчиной, где он обычно обитал.

Точно как в Призрачном городе, который являлся владениями Хуа Чэна, действовало правило «пересекая сей предел, должно забыть о законе и велении Небес», так и здесь, в Чёрных водах, всё решал только их хозяин. В мире демонов широко распространена фраза: «На земле правит алый, в воде властвует чёрный», и так повелось на самом деле. Под «алым», конечно же, подразумевается Собиратель цветов под кровавым дождём, тогда как «чёрным» называют Чёрного демона чёрных вод.

Пэй Мин произнёс:

— Водяной шисюн, в этот раз невезение так и обрушилось на тебя. Чёрный демон не таков, как Лазурный, он не очень-то любит

лишние неприятности. К счастью, мы заплыли ещё не слишком далеко, давайте-ка поворачивать, пока нас не заметили.

Остальные уставились на него:

— Так поворачивай! Разве не ты правишь судном?

Пэй Мин удивился:

— А разве оно не повернуло? Лодка должна плыть сама собой, ничьё участие не требуется.

Однако джонка действительно не сдвинулась ни на волос в требуемом направлении. Делать нечего, Пэй Мину пришлось самому вручную её управлять. Однако, едва приложив руку к рулю, он нахмурился.

Се Лянь тоже подошёл и спросил:

— Не сдвинуть?

Невозможно, чтобы Пэй Мину не хватало сил. Даже Се Лянь, весьма уверенный в своих способностях, не смог сдвинуть руль. Мин И приблизился, понаблюдав, затем сказал:

— Возможно, что-то заблокировало руль. Я спущусь проверить.

Ши Цинсюань произнёс:

— Мин-сюн, я с тобой.

Ши Уду прикрикнул:

— Назад! Больше не смей носиться где вздумается.

Он всё ещё не прошёл через Небесную кару, поэтому нельзя было позволять ему гневаться или отвлекаться, это могло повлиять на внутренний настрой. Ши Цинсюань не посмел перечить и виновато вернулся к брату. Мин И тем временем в одиночку спустился в трюм на разведку обстановки. Се Лянь тоже хотел помочь, но прекрасно осознавал, что его способности починить или залатать что-то не шли ни в какое сравнение с силами Повелителя Земли, поэтому толку от его присутствия будет мало. А поглядев на чернеющую поверхность моря, принц вспомнил о ещё более важном деле и сосредоточенно спросил:

— Что если сюда занесло и рыбаков?

Хуа Чэн мог похвастаться отличным зрением, только что он помогал Се Ляню искать попавших в беду, и многих спасённых первым заметил именно он. Теперь же, окинув взглядом округу, Хуа Чэн заключил:

— Не думаю. Чёрные воды находятся в Южном море, рыбаков не могло забросить так далеко. Кроме того, в этом морском регионе

установлен магический барьер, без особой на то причины простым людям сюда не попасть. А если кто и заплывёт, его уж точно не спасти. Практически ни одно плавательное средство, оказавшись в этих водах, не способно держаться на плаву.

Так значит, они оказались в Южном море. Принц и не думал, что их незаметно может отнести настолько далеко. Попытавшись воспользоваться сетью духовного общения, Се Лянь в самом деле обнаружил, что её полностью заблокировало. Раньше связь прерывалась, и тем не менее всё же держалась, а теперь в ответ стояла лишь мёртвая тишина. Поверхность моря выглядела довольно спокойной, однако кто знает, какие опасности таили в себе его глубины? Небо вновь начало постепенно темнеть. Интуиция подсказывала принцу, что дело принимает дурной оборот.

— Но если рыбаков сюда не заносило, а Повелитель Земли не сможет починить лодку, может быть, оставим её и вернёмся на берег? — предложил Се Лянь. — Повелитель Вод вновь отправится в Восточное море, где встретится с Небесной карой, а мы продолжим спасательную миссию.

Пэй Мин ответил:

— Идёт, — и тут же открыл дверь каюты.

Однако к всеобщему удивлению за дверью действительно оказалась пустая каюта, а вовсе не земной пейзаж. Лицо генерала Пэя вмиг переменялось.

— Сжатие тысячи ли перестало действовать?!

Хуа Чэн хохотнул:

— Но ведь это самой собой разумеется! Раз уж сеть духовного общения не работает, то с чего бы могло подействовать Сжатие тысячи ли?

Пэй Мин обернулся и посмотрел на него.

— Дорогой дружок, я смотрю, ты ещё так молод, а выглядишь весьма спокойно, неужели нисколько не волнуешься?

Се Лянь вмешался:

— Лодка уже попала в демонические владения и до сих пор погружается под воду. Уйти мы не можем, значит, нужно придумать способ справиться с проблемой.

Ши Цинсюань прокричал в трюм:

— Мин-сюн, ну что ты там разглядел? Можешь починить?

Мин И из трюма отозвался:

— Ничего не сломано! И никакого блока нет. Что-то другое лишило судно магических свойств.

Пэй Мин мрачно заключил:

— Это аура магических сил Чёрного демона.

Пока они разговаривали, палуба вдруг просела сильнее, и Се Лянь, выглянув с борта, обнаружил, что уже бóльшая часть лодки оказалась в воде. Если бы они плыли на обычном судёнышке, оно давным-давно бы не выдержало. Но поскольку джонку изготовили божественные мастера, она ещё сопротивлялась, отчаянно стараясь удержаться наплаву.

— В каждом правиле есть исключения. Не может быть, чтобы абсолютно всё шло ко дну в этих водах! Наверняка существует что-то, что нельзя потопить.

Хуа Чэн подтвердил:

— Существует.

Все остальные обратили к нему взгляды. Тот, скрестив руки на груди, беззаботно продолжил:

— Один вид древесины способен держаться на волнах Чёрных вод и не тонуть.

Се Лянь сделал несколько предположений, вспомнив самые известные особые виды древесины:

— Сандал? Алойное дерево? Софора^[232]?

Но Хуа Чэн ответил:

— Древесина гробов.

— Гробов?!

— Ага. Ни один из тех, кто по несчастливой случайности заплыл в Чёрные воды, не выбрался живым, кроме одного исключения. Однажды на лодке плыл человек, который вёз тело умершего родственника через море, чтобы похоронить на родине. Когда лодка затонула, ему удалось добраться до берега верхом на гробу.

Пэй Мин приподнял бровь:

— А ты отлично осведомлён, дорогой дружок.

Хуа Чэн приподнял бровь в ответ:

— Ну что вы. Просто вы осведомлены хуже, вот и всё.

Ши Уду всё ещё находился в медитации, держа руки сложенными в особой печати, однако тут он перевёл на них взгляд и, чуть

прищурившись, спросил:

— Пэй-сюн, я и раньше хотел спросить, кто этот человек? Откуда он взялся? Почему следует за вами?

— Об этом... боюсь, тебе придётся поинтересоваться у Его Высочества наследного принца. Всё-таки это служащий его дворца.

— Ну ладно, ладно. Не будем разбираться, кто осведомлён хорошо, а кто нет. Сейчас никакие магические техники не сработают, где же нам искать гроб?

— Это просто. Смотри, старший брат сейчас сколотит один прямо у тебя на глазах, чтобы ты понял, что значит самому уметь всем себя обеспечить.

Хуа Чэн, однако, возразил:

— Не выйдет. Непременно нужен гроб, в котором побывал мертвец.

Ничего не поделаешь, ведь нельзя же прямо сейчас сработать гроб, а потом убить кого-то из присутствующих, чтобы положить в него. Пока они переговаривались, лодка просела ещё глубже, и теперь палуба начала немного крениться, почти сравнявшись с водной поверхностью. Ши Уду, который сидел ровно и сосредоточенно медитировал, едва не завалился на бок.

— Ну ладно! Всё-таки придётся мне взяться за дело, — холодно сказал он, затем вынул бумажный веер.

Легко коснувшись верхушкой веера центра лба, Повелитель Вод раскрыл его, явив остальным иероглиф «вода» на лицевой стороне и три водных потока на обратной. Взмахнув веером, Ши Уду выкрикнул:

— Призыв вод!

Едва прозвучало заклинание, и Се Лянь ощутил, как лодку с силой подбросило вверх. Палуба вновь стала на несколько чи выше поверхности моря, что принесло пассажирам немалое ощущение безопасности.

— Веером Повелителя Вод можно повелевать даже в Чёрных водах? — удивился принц.

Хуа Чэн ответил:

— Это вода не из демонических владений, он призвал её из других мест.

Вот оно что — они ведь заплыли в Чёрные воды не так давно, только-только пересекли границу, и Ши Уду призвал течение Южного

моря поблизости, которое затекло под их лодку и подняло её.

Пэй Мин воскликнул:

— Отличная работа, водяной шисюн! Руль пришёл в негодность, лодку не повернуть, скорее унеси её отсюда своими водами.

Но Ши Уду не успел ответить, как джонка вновь тяжело ушла вниз. Воды демонических владений не желали проигрывать и вступили в схватку с пришлыми потоками. На этот раз судно погрузилось ещё глубже и быстрее, палуба накренилась сильнее, кормой вверх, поэтому все заскользили к носу, пытаясь сохранять равновесие. Хоть Ши Уду и родился с лицом изящного учёного, характер его всё же отличался немалой дерзостью и своеволием — он ни за что не желал признавать поражение. Когда что-то вступило в противостояние с ним, на лице Повелителя Вод сверкнула вспышка гнева. Он сложил свой веер, а когда раскрыл снова, три водных потока сделались ещё более размашистыми, и мощь настоящего морского течения возросла вместе с ними — лодка вновь взметнулась вверх!

Одна сила истерично тянула лодку на дно, другая же со смертельным упрямством выдавливала на поверхность, судно так и бросало вверх-вниз, словно обе стороны, не желая уступать, участвовали в перетягивании каната. Джонка то плыла, то останавливалась, то опускалась, то поднималась, в стороны летели бешеные брызги волн, и время от времени палубу заливало водой, что было крайне неприятно. Если бы на судне находились сейчас простые смертные, они бы наверняка давно сошли с ума от страха. Се Лянь, одной рукой крепко держась за борт, другой за Хуа Чэна, воскликнул:

— В чём дело? Лодка идёт по кругу!

В этом не оставалось ни капли сомнений — джонка действительно медленно закружилась в одном направлении, затем всё быстрее и быстрее, погружаясь при этом глубже. Се Лянь тут же обнаружил, что они попали в огромный водоворот, и джонку затягивает прямо к его центру, в самую глубину!

Принц выкрикнул:

— Берегитесь! Воды вступили в сражение!

Всё-таки они находились не во владениях самого Ши Уду, и какой бы мощью и дерзостью ни обладали призванные им воды, за чужим порогом их сила теряла в весе, и в битве против морских течений демонических владений они немного, но уступали. Стоило Се Ляню

выкрикнуть предостережение, и джонку действительно затянуло в самый центр воронки, принц только и успел в последний момент вынуть Фансинь, схватиться за Хуа Чэна и вместе с ним, ступив ногами на меч, взлететь ввысь!

Он ужасно переживал, что Фансинь не сможет их поднять, но, когда они оторвались от палубы, наконец вздохнул с облегчением. Пусть полёт вышел неровным и шатким, всё же они поднялись в воздух. Взирая на морскую поверхность сверху, можно было ясно увидеть, как посреди чёрного как смоль и пугающего глубиной моря сражаются два разных течения, поражающие размерами. Это их погоня друг за другом сформировала громадную воронку, которая и поглотила джонку. Сразу после этого два течения в момент разошлись в стороны. Однако битва их не прекратилась — словно две ядовитые змеи, потоки продолжали атаковать друг друга, каждый раз при их столкновении поднимались неистовые волны.

Се Лянь, озираясь по сторонам, воскликнул:

— Повелитель Ветров? Повелитель Земли? Генерал Пэй? Где вы все?

Позади него чжанах в десяти-двадцати раздался голос Ши Цинсюаня:

— Ваше Высочество! Мы здесь!

— Вы тоже встали на мечи... — обернувшись, принц сразу замолчал, не найдя слов.

Мин И стоял на рукояти Лопаты Полумесяца, а Ши Цинсюань сидел на полотне и махал им рукой. Они встали не на меч, а на... лопату. На такое зрелище поистине глаза не поворачивались смотреть!

Тем временем послышался голос Пэй Мина:

— А где водяной шисюн?

Генерал Пэй один стоял на своём мече, Повелителя Вод нигде не было видно. Ши Цинсюань тоже принялся звать:

— Брат? Брат?!

Се Лянь обратился к нему:

— Не волнуйтесь, Повелитель Вод — водяное божество, не думаю, что он может утонуть, — однако, вспомнив о силе водоворота, принц всё же не решился недооценивать противника и повернулся к Хуа Чэну: — Сань Лан, покрепче возьми меня за пояс, ни в коем случае не упади.

Хуа Чэн, с виду очень послушно, ответил:

— Ага, хорошо. Только, гэгэ, есть кое-что, о чём я непременно должен сказать.

— Что?

— Над Чёрными водами нельзя лететь по воздуху. Есть опасность кое-что потревожить.

Только он это сказал, и послышался резкий свист — что-то громадное и белое вырвалось из воды, атаковав Пэй Мина.

Генерал Пэй слыл мастером владения мечом и, увидев приближающуюся тварь, рефлекторно потянулся к оружию. Однако прямо сейчас он на том самом оружии стоял, поэтому схватил лишь пустоту. К счастью, среагировал он божественно быстро — спрыгнул с меча, схватил рукоять в воздухе, нанёс удар, разрубив тварь на две части, а затем всё так же молниеносно в падении кувырком вернулся на меч и ровно поднялся выше. Даже причёска его не растрепалась, а голос остался спокойным:

— Что это за тварь?

Разрубленное им существо издало горестный рёв, падая в море, и его удалось смутно разглядеть. Се Лянь, прищурившись, внимательно присмотрелся и произнёс:

— Рыба?

И действительно, это была рыба, вот только не обычная рыба, а скелет в пять чжанов длиной и два шириной!

На «рыбе» не виднелось ни плоти, ни чешуи, только совершенно голые жутковатые кости, да огромная пасть с острыми зубами, которые могли оказаться отравленными. Если такая тварь укусит — наверняка придётся худо.

Пэй Мин поднялся ещё выше и оттуда прокричал:

— Берегитесь, она наверняка не одна!

В подтверждение его слов, на фразе «не одна», из воды выпрыгнула и вторая. На этот раз её целью оказались Ши Цинсюань и Мин И!

К большому несчастью, Повелитель Земли не являлся Богом Войны, ему недоставало ударной силы, а Повелитель Ветров стал простым смертным. К тому же Мин И не слишком хорошо маневрировал, стоя на... лопате, поэтому, хоть их не задело зубами, а всё же столкнуло вниз, прямо в море. Падая, Ши Цинсюань закричал:

— Мин-сюн! Впредь запомни, что нужно почаще пользоваться своим артефактом!..

Мин И же бросил:

— Проваливай...

Пэй Мин, досадливо вздохнув, бросился спасать их. Се Лянь, наблюдая за его мастерством, прекрасно понимал, что он вполне способен справиться в одиночку. «Винить Повелителя Земли всё же нельзя, небожитель при наличии стыда и правда не захочет доставать по пустякам такой артефакт как лопата...» — подумал принц.

Как вдруг по спине принца снизу вверх пробежал холодок.

Се Лянь тут же сосредоточился и ровным тоном произнёс:

— Сань Лан, держись. К нам что-то приближается.

Хуа Чэн ответил «Хорошо» и сжал руки крепче, как было велено. Очень скоро вокруг поднялось целых четыре водяных стены — четыре рыбьих скелета взметнулись в воздух!

Однако четырём огромным жутким скелетам, окружившим их, больше подошло бы определение не «рыбьи», а «драконьи». Вытянутый череп с острыми рогами, в пустых глазницах которого негасимо горят демонические огни, подобные паре больших фонарей; четыре когтистые конечности; верхняя часть тела толщиной в чан с водой высунулась из моря, по крайней мере шести-семи чжанов в длину; нижняя часть пряталась в пучине, а это ещё неизвестно сколько. Четыре твари плотно окружили Се Ляня и Хуа Чэна, преградив все пути к бегству. Двое на мече повисли в воздухе — ни вверх, поскольку Фансинь уже не мог подняться выше; ни вниз, где бушует безмолвное море смерти.

Се Лянь вздохнул и сказал:

— Что ж... с которого начать? — подумав, он хлопнул в ладоши: — Лучше всех сразу.

В следующий миг костяной дракон с восточной стороны издал рёв и бросился на них. Се Лянь же вскинул руку и указал на него пальцем!

Костяной дракон в тот же миг застыл в оцепенении.

Тварь можно было считать настоящим колоссом, и всё же случилось невероятное — какой-то человек на мече одним пальцем заставил его замереть, и как дракон ни пытался, не мог больше сдвинуться с места. Вместо этого бешено засучил рыбьим хвостом и задними лапами, поднимая огромные морские валы. Трое других тоже

бросились в атаку, но Се Лянь раскрыл ладонь, схватил того костяного гиганта за рог и, воспользовавшись им как оружием, размашисто ударил, повернувшись вокруг своей оси. С оглушительным свистом, прорезавшим воздух, три дракона оказались в крайне незавидном положении, поскольку теперь, избитые четвёртым драконом, напоминали иероглиф «са» — «卅»!

Четыре ревущие твари отбросило в море, кости от удара разлетелись мелкими осколками. Закончив с ними, Се Лянь поглядел сверху вниз на разбросанные по воде костяные обломки, похлопал ладонью о ладонь, вздыхая с облегчением, и наконец обернулся к Хуа Чэну.

— Сань Лан, ты в порядке?

Хуа Чэн, радостно улыбаясь, ответил:

— Что со мной может случиться, когда я под защитой гэгэ?

От его слов Се Лянь почувствовал себя неловко. Если подумать, Хуа Чэн наверняка тоже с лёгкостью расправился бы с теми существами, и теперь, задавая ему подобный вопрос, принц будто нарочно проявлял мнимую заботу, при этом присвоив всю славу себе. Внезапно меч под ними потяжелел, и Се Лянь не успел ничего понять, когда они оба стремительно сверзились вниз, врезавшись в ледяные морские воды.

Не ясно — то ли что-то потянуло снизу, то ли Фансинь в самом деле был уже слишком старым, и потому не выдержал — им ведь так долго пользовались, настало время отдохнуть!

Со всех сторон накатила морская вода, льдом пробирающая до костей. Се Лянь, глотнув воды, тут же закрыл рот покрепче и изо всех сил погрёб наверх. Однако Чёрные воды действительно оказались на редкость зловредными — принца можно было считать отличным пловцом, но в этой воде тело сделалось тяжёлым словно свинец, всплыть никак не получалось. Открыв глаза, принц увидел, что вокруг черным-черно, Хуа Чэна разглядеть не получилось. Пошарив руками, принц схватил лишь упавший в море Фансинь, но не обнаружил того, кого искал. Его затронуло невольное беспокойство. Но чем сильнее тревога, тем хуже получается плыть, тем быстрее тело идёт ко дну. К счастью, не прошло и минуты, и будто чья-то рука развеяла туман — перед глазами Се Ляня просветлело, а в следующий миг кто-то схватил его ладонь, обнял за талию и молнией понёс наверх. Очень скоро они

вынырнули на поверхность. Се Лянь пару раз хватанул ртом воздух, протёр глаза и увидел, что его спас Хуа Чэн.

Впрочем, это довольно странно, ведь по логике вещей Хуа Чэн был мёртв, как говорится, «мертвецки неподъёмным»^[233], ведь мертвецы обычно очень тяжёлые.

Он должен идти ко дну быстрее Се Ляня, однако в воде будто бы вовсе не имел веса и легко всплывал на поверхность. Опустив голову, Хуа Чэн посмотрел на Се Ляня.

— Ты в порядке?

Се Лянь кивнул. Однако происходящее показалась ему до боли знакомым, принц неизбежно вспомнил точно такую же картину, от которой сердце моментально обдало жаром. Хуа Чэн, прижимая его к себе одной рукой, другой погрёб вперёд, говоря:

— Гэгэ, держись за меня крепче, если отпустишь, сразу же уйдёшь под воду.

Се Лянь не знал, какие подобрать слова, поэтому просто закивал. Неподалёку разошлись волны, и на поверхности появилось несколько острых костей, похожих на акульки плавники, которые быстро направились в сторону Се Ляня и Хуа Чэна. Оказывается, их вновь окружали костяные драконы, которых принц отбросил прочь! Захотели поквитаться.

Монстры хищно описали вокруг них несколько кругов, затем наконец не выдержали — набросились на жертв. Се Лянь крепко сжал Фансинь и вознамерился отразить атаку, однако где-то чуть выше уха вдруг послышалось, как Хуа Чэн раздражённо цокнул языком.

Костяные драконы оказались уже совсем близко, но стоило им услышать тот звук, угрожающая аура вдруг рассеялась без следа, а клыкастая пасть, готовая вцепиться Се Ляню в горло и разорвать пополам, вдруг потёрлась носом о кончик Фансиня, будто целуя.

Принц всё ещё пребывал в замешательстве, когда драконы, словно струсив, вильнули хвостом и поспешно уплыли прочь. Се Лянь не мог выговорить ни слова, Хуа Чэн же, продолжая вместе с ним плыть вперёд, произнёс:

— Гэгэ, ты видел? Если в будущем захочешь завести питомцев, таких ни в коем случае не заводи. Никчёмные создания.

Питомцев???

— Нет уж, такой необходимости у меня нет...

Неожиданно из моря вырвался водяной дракон, взметнувшийся в небеса. Се Лянь поднял голову и увидел, что на голове дракона восседает Ши Уду, руки которого сложены в крайне мощной атакующей печати, а лицо искажено гневом. По-видимому, его жестокое сражение с чем-то находилось в самом разгаре. И без того неспокойное море заволновалось сильнее, Се Лянь выкрикнул:

— Повелитель Ветров! Повелитель Земли! Генерал Пэй? Где вы?

В свете луны принц, напрягая зрение, озирался по сторонам, но больше никого не разглядел, только вдруг заметил, что их окружила необъятная тень. Обернувшись, принц округлил глаза. Прямо к ним неслась высоченная стена воды, застилающая небеса. После этого он уже ничего не увидел.

Неизвестно, сколько ещё времени они провели среди бушующих волн, пока Се Лянь наконец не открыл глаза.

Ещё не выпрямившись, он по ощущениям понял, что находится на твёрдой земле. Полежав ещё немного неподвижно, принц собрался с силами и поднёс к глазам ладонь — кожа на пальцах сморщилась от долгого пребывания в воде.

Под поясницей что-то мешалось. Се Лянь повернул голову и увидел, что, оказывается, лежит на руке Хуа Чэна, который находится рядом. Судя по всему, он всё это время держал Се Ляня, не отпуская ни на миг.

Принц уже пришёл в себя, а вот Хуа Чэн пока оставался без сознания, лежал с плотно закрытыми глазами. Се Лянь сразу же сел и осторожно толкнул его:

— Сань Лан? Сань Лан?

Хуа Чэн не отзывался, а Се Лянь, пытаясь его растолкать, оценивал обстановку. Они действительно оказались на берегу, но здесь не обнаружилось ни причала, ни жилищ, ни иных следов людского пребывания, только густой лес. Не похоже, что это материк, скорее одинокий остров. К тому же, вокруг стоял белый день, неужели они дрейфовали всю ночь? И куда теперь их занесло?

Хуа Чэн после нескольких толчков остался крепко спящим и даже не шелохнулся. Демонов невозможно утопить, поэтому Се Лянь был уверен, что Хуа Чэн не погиб, захлебнувшись. Но нельзя гарантировать, что в море они не встретились с чем-то иным, к примеру, Хуа Чэна могла незаметно атаковать костяная рыба с ядовитыми шипами. Поэтому Се Лянь ощупал грудь, руки и ноги Хуа Чэна, чтобы убедиться, что на теле нет ран. Однако ничего не обнаружил, лишь пришёл к выводу, что тот весьма неплохо сложен. Посидев немного в замешательстве, Се Лянь запаниковал и пробормотал:

— Сань Лан, ты что, решил надо мной подшутить?

Никакой реакции.

В волнении принц приник к груди Хуа Чэна, чтобы послушать сердцебиение. Но лишь приникнув, вспомнил одну деталь — разве у демонов бьётся сердце?! Однако, к своему вящему удивлению, прислушавшись, он действительно услышал стук. Остолбенеv на миг, Се Лянь осознал сей факт, и его невольно посетила догадка.

В истинном облике Хуа Чэн, конечно же, не мог захлебнуться. Но сейчас он принял вид юноши, человека лет восемнадцати, а значит, существовал риск утонуть?

Принцу всё же казалось, что Хуа Чэн не способен допустить подобную ошибку, но сейчас у него не оставалось иного выхода. Он несколько раз с силой нажал на грудь Хуа Чэна, но тот никак не просыпался. Поколебавшись, Се Лянь медленно протянул руки и осторожно коснулся лица Хуа Чэна, крепко зажав между ладонями.

Облик завораживал чрезмерной красотой, и сейчас, с закрытыми глазами, очарование демона стало менее агрессивным, но более нежным. Держа лицо Хуа Чэна в ладонях, глядя на него и думая о том, что ему предстоит сделать, Се Лянь с трудом мог заставить себя успокоиться. Он раздумывал очень долго, затем посмотрел по сторонам — никого. Посмотрел на Хуа Чэна — тот не просыпался. В итоге принц всё-таки собрал волю в кулак, на мгновение сжал зубы и тихо сказал:

— Прошу меня извинить...

На этой фразе даже его голос дрожал. Затем принц сложил ладони вместе, про себя произнёс молитву, после чего опустил голову, закрыл глаза и прикоснулся губами к губам.

В тот же миг Хуа Чэн распахнул глаза^[234].

Гроб с божеством и покойником отплывает в демоническое море

Но Се Лянь, по причине чрезмерного беспокойства и чрезмерного смущения, крепко зажмурился, и потому совершенно ничего не заметил.

В прошлый раз Хуа Чэн стал инициатором передачи принцу воздуха под водой. Его действия были слишком властными, поцелуй — слишком грубым. После случившегося Се Лянь не позволял себе предаваться воспоминаниям, только помнил, как припухли и занемели губы. Теперь же инициатива исходила от самого принца, и прикосновение вышло осторожным, лишь лёгким касанием.

Он боялся приложить малейшее усилие, будто опасаясь разбудить Хуа Чэна. Однако, если подумать, его первоначальной целью как раз и являлось пробуждение Хуа Чэна, разве не так? К тому же, если прикоснуться совсем легонько, то губы будут неплотно прижаты друг к другу, пропуская воздух, и тогда все труды будут напрасными!

Поэтому Се Лянь, по-прежнему не открывая глаз, на предельной скорости зачитывая про себя Дао Дэ Цзин, немного отстранился, сделал лёгкий вдох и снова прижался к губам Хуа Чэна.

На этот раз «поцелуй» вышел глубже прежнего. Забрав своими губами два лепестка прохладных губ Хуа Чэна, Се Лянь медленно выдохнул поток воздуха.

От начала до конца принц действовал с плотно закрытыми глазами, не решаясь смотреть. После пяти-шести выдохов^[235] Се Лянь подумал, что стоит ещё раз надавить на грудь пострадавшего, но, к своему удивлению, распахнув веки, встретился взглядом с Хуа Чэном, который уставился на него неимоверно огромными глазами.

Повисло молчание.

Се Лянь до сих пор держал в ладонях лицо Хуа Чэна, а их губы разомкнулись лишь мгновение назад — оба всё ещё ощущали лёгкое онемение и призрак нежного прикосновения. На какой-то момент демон и принц обернулись каменными статуями, словно одно дуновение ветерка — и они разобьются. Се Лянь, понятное дело, застыл от потрясения. Но и Хуа Чэн, который и бровью не поведёт, обрушется прямо перед ним гора Тайшань, ошеломлённо замер!

Се Лянь попросту не понимал, почему не умер на месте от кровоизлияния в мозг. Лишь спустя время ему удалось выговорить:

— Сань Лан, ты очнулся.

Хуа Чэн молчал.

Се Лянь разом отпустил его лицо и отскочил на несколько чжанов одним прыжком.

— ...Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет! Нет, нет, нет! Это не то, о чём ты подумал! Я просто хотел...

Хотел — что? Подать ему воздух в лёгкие?

Но разве демоны нуждаются в воздухе? Скажи принц это вслух, сам бы себе не поверил!

Покуда Се Лянь запнулся, Хуа Чэн тоже резко сел и протянул к нему руку, словно безуспешно пытаясь успокоить:

— Ваше Высочество, тебе... нужно успокоиться.

Се Лянь схватился руками за голову, чувствуя себя разбитым на мириады мелких кусочков. В итоге он сложил ладони вместе и рывком отвесил Хуа Чэну глубокий поклон.

— Прости, прости, прости!!! — прокричал он.

Затем развернулся, сорвался с места и бросился бежать. Хуа Чэн наконец пришёл в себя, подскочил и погнался следом, крича на бегу:

— Ваше Высочество!

Се Лянь, закрыв уши, бежал и громко раскаивался:

— Прости!!!

Умереть! Скорее умереть! А не умереть, так выкопать яму, лечь и притвориться мёртвым!

Он летел быстрее ветра, в мгновение ока оказавшись в глубине густого леса, что рос на берегу. И вдруг на бегу прямо в лицо Се Ляню метнулось что-то похожее на стрелу. Даже в состоянии сильного потрясения мастерство принца оставалось при нём — взмахом руки он поймал костяной шип и резко остановился, посмотрев в ту сторону, откуда произошло нападение. Однако ничего не увидел, кроме шелестящих зарослей кустарника. Оказавшись посреди скрытых опасностей, он сразу же взял себя в руки, развернулся и побежал обратно.

— Сань Лан!

Хуа Чэн и без того неотрывно следовал за ним, и теперь принц едва не врезался в его грудь. Се Лянь тут же схватил его за руку и

помчался прочь из чащи.

— Бежим, в лесу что-то прячется!

Теперь принц тащил за собой Хуа Чэна, который всего несколько мгновений назад гнался за ним. Вернувшись на берег, Се Лянь наконец выдохнул с облегчением.

— Ничего, ничего. Хорошо, что оно не стало нас преследовать.

Хуа Чэн согласился:

— Да, на острове обитает кое-какая мелочь, но это не страшно, они не последуют за нами.

Эта фраза тут же заставила Се Ляня вспомнить одну вещь — разве пристало Хуа Чэну бояться подобных тварей? Опустив взгляд, принц обнаружил, что по-прежнему держит его за руку, и снова остолбенел, затем торопливо отпустил ладонь и отпрыгнул в сторону.

Теперь их разделяло несколько чи, воцарилось долгое молчание. Затем Хуа Чэн вздохнул, поправил воротник и произнёс:

— Премного благодарен гэгэ за спасение. Человеческое тело на самом деле приносит немало неудобств. Я наглotalся морской воды... а она ужасно солёная.

Се Лянь не был таким дураком, чтобы не понять — Хуа Чэн ищет повод, чтобы уйти от неловкости, поэтому, конечно же, остаётся ему подыграть.

Принц опустил голову и туманно ответил:

— Что ты, что ты...

Сделав паузу, Хуа Чэн добавил:

— Но только... гэгэ, ты действовал немного неправильно.

Се Лянь застыл и смущённо проговорил:

— Неправильно? Я... думал, что достаточно просто подать воздух.

— Да. Неправильно. Впредь больше не поступай так с кем-то другим без разбора, иначе может статься...

Может статься, он не только не спасёт чью-то жизнь, но и, напротив, нанесёт непоправимый вред. Хуа Чэн говорил с абсолютной серьёзностью, Се Лянь же ужасно смутился и втайне возрадовался, что ранее ничего подобного не предпринимал, в противном случае действительно оказался бы виноват перед кем-то.

— Больше не буду, не буду, — поспешил заверить принц.

Хуа Чэн кивнул и заулыбался. Се Лянь же очень хотел в душе попросить Хуа Чэна научить его, как же всё-таки правильно передавать воздух из уст в уста, но разве он мог позволить себе ещё хоть немного задержаться на этом вопросе? Сделав в памяти пометку, принц огляделся и сказал:

— Мы в самом деле оказались на диком острове? Здесь совсем нет людей?

— Конечно. Это самый центр Чёрных вод. Остров Чёрных вод.

Он сказал это весьма уверенно. Впрочем, двоим непревзойдённым — Собирателю цветов под кровавым дождём и Хозяину чёрных вод — полагалось знать друг друга.

— Сань Лан, ты раньше уже бывал здесь?

Хуа Чэн покачал головой:

— Не приходилось. Но мне известно о существовании этого места.

Се Лянь, нахмурился:

— Ещё не ясно, куда занесло Повелителя Ветров и остальных. На острове ли они?

Они находились в Чёрных водах Южного моря, в чужих владениях. Пэй Мин властвовал на Севере, Повелитель Земли не являлся Богом Войны, о Повелителе Ветров и говорить не приходится. Случись с ними что-то, если они вдруг навлекут на себя гнев Чёрного демона, совладать с ним сможет один только Повелитель Вод. Но Ши Уду в любой момент может подвергнуться испытанию Небесной карой, да и прогноз на самом деле не самый благоприятный.

— Сань Лан, этот Чёрный демон чёрных вод, он очень вспыльчивый? Как он поступит, если небожители ворвутся в его владения, переступят порог его дома?

— Трудно сказать. Однако гэгэ, должно быть, слышал фразу о том, что на земле правлю я, а в воде властвует он. В Чёрных водах даже мне стоит поостеречься.

И не только потому, что эти места являлись чужой территорией. Как бы то ни было, будучи одним из существующих непревзойдённых, следует держаться уважительно по отношению к другому, чтобы в будущем, если придётся повстречаться, не возникло разногласий и конфликтов.

Се Лянь произнёс:

— В таком случае, нам нужно поскорее покинуть эти места.

Они обошли остров вокруг в быстрых поисках, но не стали углубляться в лес. Се Лянь долго звал, но так и не услышал ответа ни от Повелителя Ветров, ни от кого-либо ещё.

Хуа Чэн сказал:

— Возможно, их вовсе не вынесло на остров Чёрных вод.

Они вновь вернулись на берег, с которого начали. Над морем висела тяжёлая смертельная Ци. Се Лянь подобрал по пути кусок дерева, который забросил далеко в воду. По логике вещей, дерево может держаться на поверхности, однако брошенный Се Лянем обломок упал в нескольких чжанах от берега и мгновенно затонул.

Се Лянь обернулся, поглядел на густой лес позади и заметил:

— Видимо, рубить деревья и делать из них лодку — не годится. Сжатие тысячи ли тоже не применить. Как же нам выбраться с острова?

Хуа Чэн, однако, возразил:

— Кто сказал, что не годится?

— Но ведь только гроб, в котором побывал покойник, может держаться на волнах Чёрных вод... — не договорив, принц понял. Нужен гроб? Здесь повсюду деревья. Нужен покойник? Да ведь вот же он, прямо перед ним!

Оправдав его догадку, Хуа Чэн улыбнулся.

— Я лягу внутрь, и порядок.

Но несмотря на его улыбку, Се Лянь, сам не зная почему, ощутил, как в груди тоскливо защемило.

Хуа Чэн раскрыл ладонь, и в ней появился Эмин. Сказано — сделано, и вот они вдвоём уже несут брёвна. Никаких тварей, скрывающихся во тьме, они не встретили, поскольку не углублялись в лес, и очень скоро перед ними лежало несколько деревьев. За трудом день пролетел в мгновение ока, небо постепенно стало темнеть. Принц и демон разделили работу, оба старались взяться за самое сложное раньше другого, и потому процесс продвигался поразительно быстро. К вечеру гроб был уже почти готов.

Се Лянь за всё время их пути сюда подкрепился лишь половинкой маньтоу и уже изнывал от голода, но всё же хотел поскорее закончить гроб и уплыть с острова. Лишь когда дело приблизилось к завершению, принц нашёл предлог пойти наловить рыбы. Но откуда в Чёрных водах взяться рыбе? Вернувшись ни с чем, принц побродил по окраине леса и в местах, которые показались ему наиболее безопасными, сорвал немного диких ягод. А вернувшись, с удивлением обнаружил Хуа Чэна возле разведённого костра. Тот сидел, подпирая щеку одной рукой, а в другой держа ветку с насаженным на неё диким зайцем, который пёкся на огне.

Тушка была уже выпотрошена, даже корочка запеклась до жирного блеска, сделалась хрустящей и золотистой. Непреодолимо манящий запах мяса растёкся по округе. Увидев Се Ляня, Хуа Чэн слегка улыбнулся и протянул ему ветку с зайцем. Се Лянь принял угощение, взамен протягивая горсть ягод:

— Их можно есть.

Оба промокли насквозь после долгого заплыва по морю, да ещё вспотели после плотницких работ, однако в молчаливом согласии не стали предлагать друг другу снять одежду, чтобы высушить её на

костре. Заяц оказался поджаристым снаружи и нежным внутри — от аккуратного укуса обжигало рот, но вкус и аромат уже не позволяли остановиться. Тем не менее, Се Лянь поделил тушку пополам и вздохнул:

— Сань Лан, у тебя золотые руки.

Хуа Чэн улыбнулся:

— Правда? Что ж, благодарю за похвалу, гэгэ.

— Правда. И в плотницком деле, и в кулинарном, я не видел никого лучше тебя. Той золотой ветви с яшмовыми листьями поистине выпало счастье, заслуженное несколькими жизнями тяжких трудов!

Произнося эти слова, принц принялся чересчур сосредоточенно поедать заячье мясо, со стороны же Хуа Чэна не последовало ни единого звука. Спустя некоторое время всё же послышался его бесстрастный голос:

— Это для меня наша встреча — счастье, заслуженное несколькими жизнями тяжких трудов.

Се Лянь не знал, что на это говорить, поэтому полностью сконцентрировался на еде. Лишь спустя некоторое время он заметил, что Хуа Чэн зовёт его:

— Гэгэ, гэгэ.

— Что? — рассеянно переспросил Се Лянь.

Хуа Чэн передал ему платок, и Се Лянь наконец заметил, что вгрызлся в мясо с таким остервенением, что испачкал пол-лица в жире, от которого кожа теперь масляно блестела. Се Лянь поспешно принял платок и вытер рот и подбородок. Хуа Чэн же протянул ему другую половину зайца со словами:

— Гэгэ, я вижу, ты очень проголодался. Не спеши.

Се Лянь взял половину тушки, немного посидел неподвижно, затем всё-таки не выдержал:

— Сань Лан, что же это за благородная дама? Как вышло, что даже ты не добился её?

Принц искренне считал, что если бы Хуа Чэн пожелал заполучить чьё-то сердце, в мире не нашлось бы никого, кто смог бы устоять перед его напором.

Однако Хуа Чэн сказал тогда, что пока не добился, и принц невольно расстроился, в его душе зародились неоднозначные чувства по отношению к этой партии для Князя Демонов. Возможно, ему

казалось, что она совершенно не разбирается в людях, или же совершенно не ценит счастья, которое ей досталось.

Хуа Чэн ответил:

— Если причина покажется тебе смешной, ничего. Я не осмеливаюсь.

Из чувства ли несправедливости, а может, из страха, что Хуа Чэн считает себя недостойным, Се Лянь искренне произнёс:

— Чего ты можешь «не осмеливаться» сделать? Ведь ты же — непревзойдённый Князь Демонов, Собиратель цветов под кровавым дождём!

Хуа Чэн рассмеялся:

— Да какой там Князь Демонов! Если бы я был настолько силён, то на несколько сотен лет раньше смог бы изменить своё положение, когда меня только и делали, что избивали, а я ничего не мог предпринять, ха-ха-ха...

— Эй, не говори так. Ведь каждый закаляется посредством трудностей... — однако Се Лянь тут же вспомнил, что сам перед вознесением, кажется, вовсе не имел подобного опыта, чтобы его избивали все, кому захочется.

Принц тихонько кашлянул, а Хуа Чэн сказал:

— Он видел меня в самые худшие времена^[236].

— Что ж, в таком случае я ей завидую!

Услышав такие слова от принца, Хуа Чэн посмотрел на него. Се Лянь оторвался от еды и мягко произнёс:

— Можно сказать, я могу понять... твою точку зрения. — Помолчав, он продолжил: — Мне тоже приходилось переживать неблагоприятные времена, и тогда я часто думал о том, что если бы кто-то увидел, как я барахтаюсь в грязи, не в силах подняться, но при этом всё ещё любил бы меня, вот было бы здорово. Но я не знал, есть ли такой человек, и я бы тоже не хотел показывать кому-то такого себя. И всё же мне думается, если это кто-то достойный того, чтобы Сань Лан столь настойчиво его добивался... Даже увидев тебя в худшие времена, такой человек не скажет что-то вроде «хм, он ничего из себя не представляет». — Принц задумчиво добавил: — Для меня ты в беспредельном великолепии — это ты. И ты, упавший в грязь — тоже ты. Главное здесь «ты», а не «какой» ты. Я... очень... восхищаюсь Сань Ланом. Поэтому хотел бы понимать тебя целиком. Поэтому мне

очень завидно, что кто-то уже давно видел тебя таким. Это редкий шанс, который можно встретить лишь случайно, но просить о нём невозможно. И осуществится ли твоё чаяние — лишь на треть воля Небес. Остальное зависит от твоей смелости!

Ещё долго они оба молчали, тишину нарушал лишь треск костра. Затем Се Лянь тихо кашлянул, потёр точку между бровей и произнёс:

— Наверное, я наговорил лишнего, прошу прощения.

— Вовсе нет. Ты отлично сказал. Очень верно.

Се Лянь с облегчением вздохнул и поскорее вновь взялся за еду.

— Но дело не только в этом, — добавил Хуа Чэн. — Существует множество других причин.

Самому принцу казалось, что он всё-таки сказал лишнего, поэтому он хотел быстрее закрыть эту тему. К тому же, Се Лянь не понимал, почему вообще ему понадобилось так много говорить. Неужели ради того, чтобы подбодрить Хуа Чэна быть посмелее в его попытках добиться любимого всем сердцем человека? Но ведь он не божество, отвечающее за брачные узы. Так что принц лишь хмыкнул в ответ.

После этого диалога атмосфера между ними сделалась немного деликатной. Наскоро расправившись с едой, они продолжили трудиться, и очень скоро гроб был готов.

Хуа Чэн спустил новенький гроб на воду, затем ловко запрыгнул и уселся внутри. И в самом деле, это сработало — длинный и тяжёлый кусок дерева не потонул, качаясь на волнах. Однако плавательное средство вышло не таким уж широким, и когда Се Лянь, подобрав полы монашеского одеяния, ступил на борт, то заметил, что ему некуда сесть. Внезапно над ними послышались глухие раскаты грома, набежали клубящиеся тучи, в которых замелькали лиловые молнии, разорвавшиеся оглушительным треском, и с неба закапал мелкий дождик. Капли падали всё плотнее, на глазах превращаясь в настоящий ливень.

К счастью, сработали они на славу — даже крышку гробу приделали, иначе, если сейчас плыть по морю, скоро их «лодка» наполнится дождевой водой и с бульканьем пойдёт ко дну.

Они переглянулись, и Се Лянь тихо произнёс:

— Прошу меня извинить.

Хуа Чэн без лишних слов улёгся в гроб, Се Лянь устроился вместе с ним и накрыл обоих крышкой. Будто кто-то задул лампу, они погрузились в кромешную темноту.

Лодка-гроб отправилась в плаванье. Некоторое время они качались на волнах, снаружи ливень колотил по крышке, а внутри двое, ни слова не говоря, теснились в узком пространстве, вынужденно прижатые друг к другу. Волны ударяли в гроб, мотая его из стороны в сторону. Се Лянь упирался рукой в дно, чтобы хоть немного освободить пространство между ними, но в таком положении его голова легонько билась о дерево. Это произошло несколько раз, после чего Хуа Чэн протянул руку, положил ладонь ему на спину и прижал принца к своей груди, а другой ладонью накрыл его голову, защищая от ударов. Не осмеливаясь даже дышать слишком часто, Се Лянь произнёс:

— Сань Лан... может быть, поменяемся?

— Поменяемся? О чём ты?

— ...Ты будешь сверху, а я снизу.

— Не всё ли равно — сверху или снизу?

Се Лянь боялся придавить его, поэтому сказал:

— Нам придётся плыть так по крайней мере сутки, тебе в этом теле не больше восемнадцати, а я ведь, что ни говори, Бог Войны, очень тяжёлый... — он вдруг осёкся и сразу добавил: — Сань Лан, ты... не надо так внезапно взрослеть!

В темноте принц ничего не видел, но почувствовал, что с Хуа Чэном, к которому он оказался прижат, случились изменения. Совсем небольшие, но и того хватило, чтобы отчётливо их ощутить и догадаться, что демон, должно быть, принял свой истинный облик. И в самом деле, послышался довольно низкий смех — этот тембр голоса принадлежал истинному воплощению Хуа Чэна. Се Ляню ничего не оставалось, как лежать у него на груди, однако странная неловкость всё же немного спала. Он легонько поднял ногу, чтобы чуть передвинуться, сменить положение, однако Хуа Чэн вдруг произнёс:

— Не двигайся, — его тон звучал серьёзно, без тени прежней смешинки.

Се Лянь замер, и в тот же миг раздался грохот, а их лодка-гроб резко просела в воду.

— В чём дело?! — растерянно воскликнул Се Лянь.

Следом послышался ещё удар, и их вдруг перевернуло вместе с гробом, который сделал полный оборот. К счастью, вода внутрь не попала, но если такое повторится, ничего гарантировать нельзя. Хуа Чэн, прижав принца покрепче, сказал:

— Какой-то твари приглянулась наша лодка.

В следующий миг гроб вдруг поднялся в вертикальное положение, так что они оказались внутри стоя, а затем вновь стремительно упали, прямо-таки перекувыркнувшись через голову!

Хуа Чэн крепко прижал Се Ляня к себе за талию, другой рукой накрывая голову принца, и воскликнул:

— Держись за меня крепко!

Если бы они находились снаружи, Се Лянь смог бы вынести ещё и не такие кульбиты. Но к несчастью, сейчас они оказались в плену тесного пространства, где особенно не развернёшься, да ещё неизвестно, что за тварь повстречалась им. Принцу только и оставалось, что сосредоточенно приготовиться к любому исходу, при этом в душе его нарастало беспокойство.

— Что если гроб расколется?!

— Ничего, не страшно, даже если расколется. Со мной ты не утонешь! — заверил Хуа Чэн.

Демон и принц сейчас настолько тесно прижимались друг к другу, что Хуа Чэн сказал эту фразу, практически целуя волосы Се Ляня, и тот почувствовал вибрацию, исходящую от кадыка Хуа Чэна. Внимание Се Ляня немного рассеялось, а затем вновь сконцентрировалось на их «лодке», которую неистово трясло и переворачивало. Казалось, гроб превратился в детскую игрушку, которую схватил ребёнок не старше трёх лет, и теперь изо всех сил размахивал и бросался ею. В безвыходном положении Се Лянь одной рукой крепко схватился за Хуа Чэна, другую упёр в стенку гроба.

Принц оказывался то сверху, то снизу, за множество переворотов его положение сменилось несколько раз, при этом он успел наткнуться и потереться обо все места на теле соседа, какие попадались в суматохе. И хотя Хуа Чэн выглядел молодым парнем, после нескольких столкновений принц узнал, что всё его тело твёрдое как камень. Промучившись до звёздочек в глазах, принц наконец-то почувствовал, что буря немного улеглась, и обнаружил себя под тяжестью Хуа Чэна, отчего с трудом удавалось дышать. Принц, у которого круги плыли

перед глазами, не без труда поднял руку, схватился за крепкое предплечье Хуа Чэна, весьма кстати оказавшееся сбоку от него, тихонько простонал и произнёс:

— Да сколько же можно...

По какой-то причине Хуа Чэн ничего на это не ответил. А Се Лянь, ещё не закончив фразу, резко задержал дыхание. Потому что вдруг почувствовал, что кое с каким местом его тела произошли необычные изменения.

В мгновение ока Се Лянь ощутил потрясение ещё более сильное, чем если бы увидел, как на железном дереве распустились цветы. Ведь при виде такой картины его голова не опустела бы, как это произошло сейчас.

Неописуемый стыд и смущение превратились в мощнейший ураган внутри гроба, ещё более сильный, чем снаружи, который разбил Се Ляня в пух и прах. Он поспешно подогнул колени, но поза оказалась не слишком удачной — кажется, этим движением он задел какое-то место, которое не следовало задевать, отчего Хуа Чэн тихо шикнул:

— Не шевелись!

Окрик прозвучал столь серьёзно, что Се Лянь в панике вновь распрямил ноги. Но находясь в подобном положении, принц опасался, что Хуа Чэн почувствует реакцию его тела. В таком случае лучше в самом деле умереть прямо в этом гробу, посильнее ударившись головой. Всё объяснялось бы «случайностью, от него не зависящей», однако неловкость состояла в том, что совсем недавно на острове уже произошла прелюдия. Пара раз ещё худо-бедно оправдывались непреднамеренной случайностью. Но когда подозрительные казусы повторялись ещё и ещё, как тут объясняться?!

От волнения у принца вырвалось:

— Так не годится! Сань Лан... не дотрагивайся до меня!

Спустя недолгое молчание раздался мрачный голос Хуа Чэна:

— Хорошо. Давай выбираться.

Будто избежав смертной казни, Се Лянь воскликнул:

— Давай!

Внезапно гроб, в котором они находились, будто бы сделался невесомым — его подбросило в воздух!

В тот же миг Хуа Чэн и Се Лянь вместе нанесли удар ладонью по стенкам гроба, и лодка мгновенно расколосась на части. Они покинули тесное пространство и вырвались наружу вдвоём. В свете луны Се Лянь увидел громадного водяного дракона, который поймал в клыкастую пасть обломки покинутого ими гроба и яростно заревел под стеной дождя, словно разжёвывая пищу. Однако заметив, что ему досталась лишь пустая коробка, дракон пришёл в ярость. Наверняка именно это чудище только что неистово бросало их лодку, переворачивая из стороны в сторону.

Гроб уже какое-то время плыл по морю, но водяной дракон, пытаясь схватить зубами, отбросил его назад, так что приземлились Се Лянь и Хуа Чэн снова на твёрдую землю, возвратившись на остров Чёрных вод. Сейчас на берегу стало на двух человек больше — это оказались Повелитель Вод Уду и генерал Пэй Мин. Первый держал руки сложенными в печати, стоя против ветра с дождём, словно вновь хотел призвать водяного дракона, но тут второй хлопнул его по плечу:

— Водяной шисюн! Водяной шисюн, не переусердствуй! Эта волна прошла, и неизвестно, когда наступит следующая, побереги силы.

Выходит, только что начавшийся внезапный дождь — это аккомпанемент Ши Уду во время Небесной кары. Теперь же ливень потихоньку ослаб, Ши Уду встряхнул руками, затем повернулся к Хуа Чэну и Се Ляню с вопросом:

— Что вы затеяли?

Пэй Мин подхватил:

— Да, Ваше Высочество, потрудитесь объяснить, в чём дело? Чем вы там внутри занимались?

Наверняка в момент, когда гроб разломился, взору каждого наблюдателя предстала позиция, в которой они находились внутри — крепко обнявшись. Се Лянь поморгал и уже хотел заговорить, как вдруг заметил одну деталь. После бесконечных переворотов в узком пространстве гроба и он, и Хуа Чэн выглядели взлохмаченными, одежда на них помялась и теперь сидела неподобающе — вид настолько неприличный, насколько вообще возможно. А стерев дождевые капли с лица, принц и вовсе понял, что его щёки горят огнём.

Хуа Чэн шагнул вперёд и закрыл принца собой. Спустя некоторое время Се Лянь, тихо кашлянув, произнёс:

— Ничего такого... просто... гроб был слишком маленьким.

Ши Уду удивился ещё сильнее:

— Я об этом и говорю.

Пэй Мин указал на кучу древесины, которая осталась после них на берегу, и спросил:

— Вы ведь изготовили гроб здесь, на месте? Почему же не сделали его пошире?

Форму и размеры лодки Хуа Чэн и Се Лянь определили вместе, и, кажется, тогда никто из них действительно даже не подумал сколотить гроб большего размера.

Се Ляню оставалось только сменить тему:

— И то верно ха-ха, ха-ха. Ваши Превосходительства, вы недавно оказались на острове?

Пэй Мин ответил:

— Верно. Водяной шисюн весь путь сюда провёл в сражении с течениями Чёрных вод, и мы только что прибыли на остров, после чего увидели, как на волнах качается деревянный гроб, что показалось нам весьма удивительным.

Сердце Се Ляня медленно зависло в воздухе, он улыбнулся:

— Да уж, весьма удивительно.

Ши Уду бросил:

— Ты. — Повернувшись к Хуа Чэну, он прищурился. — Разве на джонке ты не сказал, что лишь гроб, в котором побывал покойник, не утонет на волнах Чёрных вод?

Пэй Мин, обнажая меч, неторопливо проговорил:

— Да, гроб имеется, но где же, в таком случае, покойник?

Хуа Чэн тоже улыбнулся.

— Если так не терпится увидеть покойника, предлагаю тебе убиться самому.

Пэй Мин наставил на него остриё.

— Какая дерзость. Поистине, достойно Собирателя цветов под кровавым дождём!

Он действительно догадался. Хуа Чэн рассмеялся в ответ, и когда двое уже приготовились скрестить клинки, Се Лянь, выйдя вперёд, заслонил собой Хуа Чэна со словами:

— Ваши Превосходительства, нет нужды горячиться. Вы можете быть абсолютно спокойны, в этот раз Сань Лан отправился с нами с добрыми намерениями.

Пэй Мин переспросил:

— Сань Лан? Не приходилось мне слышать, что Его Превосходительство Собиратель цветов под кровавым дождём в чьём-то доме какой-то по счёту сын^[237]. С добрыми намерениями? Ваше Высочество, вы уверены, что именно о нём говорите?

Ши Уду непременно требовалось находиться в гуще событий, поэтому он оттолкнул Пэй Мина и сурово произнёс:

— Это ты всю дорогу вставлял нам палки в колёса? С какой целью ты заманил нас в Чёрные воды? И где Цинсюань?

Хуа Чэн ответил:

— Это чужие владения, думаешь, мне хотелось заявляться сюда?

Се Лянь уже привык к подобным сценам, поэтому ловко перевёл разговор в другое русло:

— Повелитель Ветров не нашёлся?

Пэй Мин в ответ развёл руками:

— Я собирался его выловить, но тут Водяной шисюн накатиł громадную волну, и нас унесло в разные стороны.

— Пэй-сюн, не стоит заблуждаться, — возразил Ши Уду. — Если бы я не поднимал волны, эти твари так и выпрыгивали бы из воды друг за другом, и ты уж точно не смог бы их выловить!

Се Лянь тут же вмешался:

— Не горячитесь, не горячитесь. Вот что... Повелитель Ветров вместе с Повелителем Земли, с ним не должно случиться ничего ужасного.

Ши Уду фыркнул:

— Повелитель Земли? Какой прок от Повелителя Земли? Ни рыба ни мясо. Он даже не Бог Войны, и уровень магических сил у него ниже, чем у Цинсюаня. — Тут Повелитель Вод вспомнил, что у самого Ши Цинсюаня как раз не осталось ни капли магических сил, его лицо на миг застыло, и он больше не произнёс ни слова.

Се Лянь же подумал, что в каждом деле есть свои умельцы, и пусть Мин И — не Бог Войны, и магические силы его не так уж могущественны, всё же он не настолько плох, как отозвался о нём Повелитель Вод. Более того, во время похода в Крепость Баньюэ

Повелитель Земли показал себя довольно неплохо, и хотя его мастерство нельзя назвать наилучшим, но и худшим тоже нельзя.

Пэй Мин высказал похожую мысль:

— Пока не спеши чрезмерно волноваться. Главное, чтобы они не столкнулись с Чёрным демоном, а против остального Повелитель Земли уж должен выстоять.

Хуа Чэн усмехнулся:

— Небесная кара гналась за тобой до самых Чёрных вод, своей битвой со стихией вы устроили здесь полнейший хаос, и ещё надеетесь, что хозяин этих мест ничего не заметит?

Неожиданно лицо Ши Уду переменилось. Он вынул из-за пазухи висящий на шее золотой замок долголетия.

Пэй Мин спросил:

— Водяной шисюн, что-то стряслось?

Покуда золотой замок подрагивал у него на ладони, Ши Уду сказал:

— Цинсюань где-то поблизости... И он ранен!

Се Лянь, поглядев на вещицу, понял, что замок поразительно похож на тот, что Ши Цинсюань носил на себе, затем был снят принцем для поддержки магического поля и в итоге обронен на землю.

— Повелитель Ветров всё ещё носит при себе тот замок? Помнится, он его снял, — спросил Се Лянь.

Ши Уду объяснил:

— Я подобрал и снова надел ему на шею.

Выходит, два замка долголетия были сделаны из двух кусков-близнецов демонического золота. Когда они находятся рядом, и если кто-то из носителей, раненный, истекает кровью, замки откликаются друг другу, и чем ближе, тем сильнее этот зов. Дело вовсе не в магии, это удивительное природное свойство, на котором не отражается влияние ауры демонических владений. Ши Уду снял с шеи замок долголетия и, держа за цепочку, подвесил в воздухе перед собой, затем медленно раскрутил. Когда замок оказывался ближе к определённому направлению, дрожь усиливалась.

В той стороне, дальше к неизведанному центру одинокого острова, находился лес.

Ши Уду сосредоточенно произнёс:

— Цинсюань сейчас на острове.

Он стремительно направился в сторону леса. Пэй Мин, разумеется, последовал за Повелителем Вод. Се Лянь же, подумав, что раз Повелитель Ветров находится на острове и, к тому же, вероятно, ранен и истекает кровью, всё-таки решил сначала предостеречь их:

— Ваши Превосходительства, в лесу притаились мелкие демоны. Будьте осторожны, они могут выстрелить костяными шипами из засады.

Хуа Чэн также последовал за ними. Сначала Се Лянь хотел взять его за руку, но вспомнил свой вопиющий позор в гробу, и протянутая рука, остановившись на полпути, невольно дёрнулась обратно. В итоге принц ухватил Хуа Чэна за рукав, не решаясь слишком долго смотреть ему в глаза. Пэй Мин же на ходу всё оглядывался на них, явно веселясь увиденным.

Генерал произнёс:

— Собиратель цветов под кровавым дождём, Ваше Высочество наследный принц, а вы вдвоём и впрямь не разлей вода. И ты, Князь Демонов, вот так открыто вышагиваешь вместе с нами, даже не пытаешься скрываться, чтобы отвести от себя подозрения?

Се Лянь спокойно ответил:

— Генерал Пэй, ну что вы такое говорите? В сложившемся положении дел последовать за нами — как раз и будет поступком, отводящим подозрения. Иначе, если Ваши Превосходительства столкнутся с опасностью и вновь станут подозревать, что это он втайне что-то подстроил, как прикажете ему оправдываться?

Пэй Мин возразил:

— Памятуя о том, что он достиг ранга «непревзойдённый», разве существует разница, находится он у нас на виду или нет? Применить технику создания двойника — плёвое дело!

Едва он закончил фразу, послышался свист, прорезающий воздух. Пэй Мин вскинул руку, поймав стрелу, и прокомментировал:

— Здесь и впрямь что-то прячется. Как опасно! Водяной шисюн, осторожно...

Не давая ему договорить, со всех сторон вновь раздался свист, и в Пэй Мина полетело сразу несколько стрел. Генерал со звоном отбил атаку мечом, крутанув клинок вокруг себя, и недоумённо бросил:

— Это что ещё такое?

Ши Уду посмеялся над ним:

— Пэй-сюн, лучше позаботься о собственной безопасности! — и ускорил шаг.

Подобных ударов из темноты не стоило бояться, однако они немало раздражали. Пэй Мин не собирался это терпеть — он прошёлся по зарослям, ровняя их с землёй, и вскоре вытащил за шкуру нескольких мелких демонов.

— А вы не робкого десятка!

Демоны оказались самой низкоуровневой мелочью, голодного и болезненного вида. Когда генерал Пэй их схватил, бедняги от страха сжались в комок и взмолились о пощаде. Поскольку они всё-таки охраняли чужие владения, попытки дать отпор пришельцам вполне объяснимы, и Пэй Мин, лишь бросив пару фраз для остротки, отпустил демонов. Но дальше попался ещё один исключительно коварный, поэтому генерал Пэй просто схватил его, скомкал в шарик и так пошёл дальше, прихлопывая ладонью. Неизвестно, сколько ещё небожители и демон продвигались так через густые заросли, раздвигая ветви и сметая листья с пути, как вдруг золотой замок в руке Ши Уду задрожал сильнее, откликаясь на зов собрата, а немного погодя путники наконец вышли на обширное пространство в центре леса.

Здесь обнаружилось озеро, к которому они приблизились вчетвером. И вдруг Пэй Мин заявил, обращаясь к Хуа Чэну:

— Собираешь цветов под кровавым дождём, если ещё раз вздумаешь так шутить, я терпеть не стану.

Се Лянь и Хуа Чэн одновременно посмотрели на него, потом друг на друга.

Пэй Мин же хмуро продолжал:

— Хочешь битвы, так вызови меня на поединок по-честному. Я, генерал Пэй, не таков, как те тридцать три чиновника, мне тебя бояться не пристало. А в таких мелких подножках и вовсе никакого смысла нет.

Хуа Чэн приподнял бровь.

— Гэгэ, ты должен мне поверить, я здесь ни при чём.

— Генерал Пэй, он бы не стал играть с вами такие глупые шутки, — заверил Се Лянь.

Пэй Мин с сомнением спросил:

— Правда?

Се Лянь насторожился и произнёс:

— Стоит побережься иной нечисти, что безобразничает на острове.

Пэй Мин не стал продолжать разговор. Внезапно Ши Уду замедлил шаг.

— Здесь.

В этом месте реакция золотого замка долголетия оказалась самой бурной, отсюда следовало, что Ши Цинсюань находился именно здесь, где-то очень близко. Вот только они прекрасно видели, что, кроме озера, перед ними больше ничего нет.

Пэй Мин предположил:

— Неужели под землёй устроен дворец?

Ши Уду вглядывался в воду, когда Се Лянь сказал:

— Также возможно, что под водой.

Но в озеро на острове Чёрных вод просто так погружаться нельзя, ведь неизвестно, удастся ли выплыть обратно. Поверхность озера была ровной, без единой волны ряби, похожей на огромное зеркало, в котором отражалась висящая в ночном небе мертвенно-бледная луна, но ни звёзд, ни облаков. Они вчетвером обошли озеро по кругу. Се Лянь погрузился в размышления, как бы им изучить дно озера, и вдруг ночное небо прорезал душераздирающий крик.

Впереди всех шёл Ши Уду, Пэй Мин же завершал процессию, и, обернувшись в едином порыве, трое увидели, что не своим голосом верещит пойманный по дороге Пэй Мином мелкий демон. Его тощее тельце сейчас стояло на земле, вот только голова исчезла, а из раны на шее фонтаном почти в целый чжан хлестала кровь. Оказалось, что голова подлетела в воздух, и там истошно вопила.

Се Лянь воскликнул:

— Генерал Пэй, зачем вы его убили?!

— Нет! — только успел Пэй Мин выкрикнуть в ответ, как тут же тяжело повалился на одно колено.

Хуа Чэн с улыбкой произнёс:

— Столь торжественный жест совсем не обязателен, не находите?

Но Пэй Мин с крайне изумлённым выражением выкрикнул:

— Водяной шисюн, берегись!!!

Но... от чего бережься? Ведь на берегу озера, кроме них четверых, нет больше никого!

Пэй Мина будто сковало что-то невидимое, Ши Уду бросился к нему на помощь, но тут в воздухе сверкнула холодная вспышка. Повелитель Вод увернулся, однако на его щеке прибавился тонкий порез, сочащийся кровью. Он дотронулся до лица рукой и мгновенно помрачнел.

Се Лянь закрыл Хуа Чэна собой и воскликнул:

— Техника невидимости?!

Пэй Мин наконец высвободился из незримых пут и вскричал:

— Сосредоточиться! Никому не расходиться!

Но Ши Уду не задумывался больше ни о чём — ощутив реакцию замка долголетия, он стремглав бросился в обход озера на зов.

— Цинсюань! Цинсюань! — громко звал он на бегу.

Кругом воцарился хаос, однако именно в этой суматохе Се Лянь вдруг заметил одну крайне странную деталь.

На берегу, ровном и просторном, не было ничего. Но тот же берег, отражённый поверхностью воды, выглядел иначе.

В отражении на противоположной стороне озера высилось чёрное как ночь строение. Настолько зловещее, что походило вовсе не на человеческое жилище, а, скорее, на темницу без дверей, с одним лишь высоким окном, безжалостно запертым прутьями железной решётки. Между прутьев высунулась чья-то бледная рука, которая изо всех сил металась из стороны в сторону, будто призывая на помощь. Се Лянь вскинул голову, глядя на противоположный берег, где и в самом деле было пусто, за исключением Ши Уду с замком долголетия в руке. Снова опустив взгляд на поверхность озера, принц мог поклясться, что опять увидел зловещую темницу. Ши Уду озирался по сторонам, стоя прямо перед строением, но совершенно его не замечал.

У Се Ляня вырвалось:

— Ваши Превосходительства! Я нашёл! Посмотрите...

Но в тот же миг зрачки принца резко сузились. На поверхности чёрного озера отразилось кое-что ещё.

За спинами Се Ляня и Хуа Чэна бесшумно выросла чёрная тень.

Белые кости, чёрные одежды в чертоге Сумрачных вод

Но берег за ними по-прежнему пустовал!

Се Лянь весь их путь сюда не выпускал из рук Фансинь, и теперь, едва заметив чёрную тень, сделал выпад за спину. Принц видел,

что пронзил незнакомца, однако клинок будто вошёл в воду — от удара в стороны разошлись круги, и тень исчезла. Хуа Чэн повернул голову в направлении, куда испарилась тень, и слегка нахмурил брови.

Тем временем в отражении на воде возникло ещё больше смутных человеческих фигур, Единственное, за что можно зацепиться глазу — это их мертвенно-бледные лица и руки. Се Лянь прошёлся по теням мечом и выкрикнул:

— Генерал Пэй! Смотрите в воду, на отражение! В отражении видно этих тварей!

Если бы дело происходило не в демонических владениях, никакие мелкие демоны и близко не подобралась бы к небожителю. Нападение на Пэй Мина возымело успех лишь потому, что он не видел и не чувствовал врага. Но теперь загадка оказалась разгадана, и генерал Пэй, глядя в воду, парой молниеносных взмахов справился с целой толпой окруживших его теней.

Ши Уду наконец тоже обратил внимание на необычное свойство отражения, припал на колени к воде и, глядя сквозь неё, позвал:

— Цинсюань? Ты там?!

Вода отливала цветом крошечной тьмы, как и железная темница, поэтому картина сливалась в сплошной чёрный, не давая рассмотреть детали, только рука за решёткой оставалась белой. Спустя мгновение между прутьями вдруг показалось лицо... Ши Цинсюаня!

Кажется, он не видел Ши Уду, только с выражением неподдельного ужаса хватался за решётку, пытаясь протиснуть голову сквозь прутья, и, видимо, громко звал на помощь, но ни единого звука не доносилось до находящихся на берегу. Зрелище длилось недолго — внезапно отовсюду высунулось с полдюжины иссушенных рук, которые облепили Ши Цинсюаня за голову, лицо, шею и плечи, и с силой утащили во тьму!

От увиденного Ши Уду выругался и вознамерился прыгнуть в воду, но Пэй Мин остановил его:

— Водяной шисюн, так нельзя! Почём ты знаешь, что это не западня? Сюда не призвать воды Южного моря, и ты, как водное божество, оказавшись в чужих водных владениях, станешь не чем иным, как рыбой на разделочной доске!

Ши Уду хлопнул его по плечу и сказал только одно:

— Тогда я попрошу тебя присмотреть за мной отсюда, — и сразу же отпихнул Пэй Мина прочь, оттолкнулся от земли прыжком и нырнул в озеро Чёрных вод!

Нырнув, он больше не поднялся на поверхность.

Пэй Мин воскликнул:

— Водяной шисюн!

Но последовать за ним Пэй Мин не мог, поскольку понимал, что за поверхностью озера, вероятно, находится другой «мир». И этот мир, подобно механизму, который устанавливали в древних гробницах, позволяет любому человеку снаружи попасть внутрь, но едва кто-то оказывается внутри, врата гробницы сами по себе захлопываются, и отворить их изнутри уже не выйдет. Так погибло немало расхитителей гробниц, оказавшихся в заточении. Трудно гарантировать, что «мир» внутри озера не защищён подобными магическими заслонами.

Се Лянь позвал:

— Генерал Пэй! Не ходите туда! Прямо сейчас у ваших ног лежит труп, скорее вернитесь на берег и сделайте гроб, чтобы покинуть эти места! А я пойду за ним!

— Ваше Высочество? Вы справитесь?!

— Ваши магические силы здесь тоже подверглись влиянию, мы сейчас примерно на одном уровне, а в чистом бою без магии у меня больше опыта, чем у вас!

Пэй Мин глянул ещё раз на Хуа Чэна, вспомнил, что тот способен держаться на воде, а значит, пользы от этих двоих здесь будет не меньше, а даже больше, чем от него самого, и потому без лишних слов схватил труп мелкого демона и помчался обратно в лес.

Се Лянь обернулся:

— Сань Лан, не одолжишь мне ещё немного магических сил... чуточку, самую капельку будет достаточно!

Хуа Чэн, не говоря ни слова, мягко хлопнул принца по пояснице. Фансинь тут же сверкнул огромным столбом белого света, который одним махом сразил всех демонов вокруг. Се Лянь пару мгновений безмолвствовал, затем убрал меч со словами:

— Я пошёл!

Они вдвоём одновременно прыгнули в воду. Вода в озере Чёрных вод оказалась необычайно ледяной, однако иных странностей, что удивительно, не обнаружилось. Кроме того, в отличие от Чёрных вод,

где всё «тонет, едва коснувшись воды», здесь явно можно было плавать, как в обыкновенном озере. Се Ляню это как раз и показалось странным, он поплыл вглубь и вскоре достиг самого дна, но не обнаружил здесь ни удивительных механизмов, ни Повелителя Ветров с Повелителем Вод. Принц нахмурился и ненадолго погрузился в размышления, затем поплыл наверх. Спустя несколько мгновений Се Лянь вынырнул на поверхность и, отдышавшись, стёр воду с лица, после чего наконец обнаружил, что картина на берегу изменилась!

У озера Чёрных вод действительно возникла темница, которая только что лишь отражалась в воде.

Но всё вокруг осталось прежним, и к тому же чересчур тихим, что и делало обстановку весьма подозрительной. Ши Уду уже выбрался на берег и в гневе колотил большим камнем по железной решётке. Будучи водным божеством, оказавшись на территории другого такого же властителя водной магии, он не мог призвать воды из подвластных ему источников, и потому уподобился зверю, которому вырвали клыки и когти. Когда Се Лянь и Хуа Чэн взошли на берег, глаза Ши Уду при виде принца ярко блеснули, он помахал ему рукой:

— Бог Войны! Как раз вовремя! Скорее, разделайся с решёткой тем способом, какой у вас в ходу!

Наконец-то его признали Богом Войны. Подумав об этом, принц молча подошёл и ударом ноги расколол огромный замок надвое. Ещё пинок — и ворота распахнулись. Ши Уду бросился внутрь с криком:

— Цин...

Но к всеобщей неожиданности, не дав Повелителю Вод даже переступить порог темницы, из неё толпой высыпали люди, округа заполнилась их воем:

— О-о-о-о! А-а-а-а! У-у-у! А-а-а!

Каждый — нечёсанный, тощий, с безжизненным взглядом, грязный настолько, что казалось, не мылся год. Через дыры в лохмотьях, которые не прикрывали тела целиком, проглядывали ряды выступающих рёбер. Люди суматошно хватались за всё руками, били себя в грудь и топали ногами, выкрикивая несвязные звуки — зрелище поистине пробирающее жутью. Ши Уду потрясённо остолбенел, словно на него вылился поток нечистот.

Однако люди лишь выбежали из темницы, нападать на него не стали, и потому потрясение долго не продлилось. Не обращая

внимания на толпу, Ши Уду всё же ворвался в темницу с криком:

— Цин...!

Но всего через пару шагов он неловко пошатнулся, едва не упав — пол оказался ужасно скользким. К тому же, из темницы доносилась неопишуемая вонь, даже оставшийся снаружи Се Лянь, учуяв, задержал дыхание.

Ши Уду, закрывая нос и рот рукавом, направился вглубь темницы и наконец выкрикнул целиком:

— Цинсюань?!

Внутри царила кромешная тьма, только иногда слышались завывающие всхлипывания и неразборчивый шёпот.

Спустя некоторое время донёлся голос:

— Брат...

Оказалось, Ши Цинсюань сидит на полу в самой глубине темницы, прислонившись к стене возле единственного окна, из которого падает лунный свет, озаряя его мертвенной бледностью. А вокруг него толпятся до невозможности грязные чудики. Кто-то весь покрыт гноящимися язвами, кто-то хрюкает как свинья, кто-то возомнил себя курицей, которая ищет зёрна, кто-то даже обнимает Ши Цинсюаня, заливаясь слезами и называя его своим малышом. Все они явно были сумасшедшими.

Ши Цинсюань, когда-то занимавший почётное место среди небесных божеств, в жизни не оказывался в подобном окружении. Ши Уду немедля бросился к нему и резким ударом оттолкнул безумца:

— Прочь! Что это за толпа демонов?!

Они с Ши Цинсюанем ходили друг на друга внешне, исходящая же от них сила в корне отличалась. Даже со значительно упавшим уровнем магических сил властная аура Повелителя Вод, напротив, возросла, и кучка сумасшедших от страха схватилась за головы и в панике разбежалась.

Се Лянь даже невольно пожалел их. Ши Цинсюань тоже сказал:

— Брат, не бей их, они не демоны. Это... живые люди!

Истина, в которой не остаётся сомнений, — эти чудики при внимательном рассмотрении в самом деле оказались живыми людьми, хоть и ходили на демонов гораздо сильнее самих демонов. Се Лянь невольно подивился и подумал: «Но для чего Чёрному демону понадобилось запира́ть здесь столько людей?»

Ши Уду, впрочем, совершенно это не заботило. Держа в одной руке замок долголетия, другой он сжал Ши Цинсюаня за плечо и спросил:

— Как ты здесь оказался? Ты ранен?

Ши Цинсюань действительно весь был измазан грязью, сквозь которую на ноге проступала кровь, но в целом ничего серьёзного.

— Никто здесь не знает, как тут оказался. От удара волны я потерял сознание, а очнулся уже в темнице. У меня лишь небольшая ранка, ничего особенного! Мин-сюн ранен намного сильнее.

Лишь тогда остальные заметили, что Мин И тоже здесь, лежит прямо на полу, и выражение его лица оставляет желать лучшего, но не потому, что он недоволен, — Повелитель Земли попеременно то зеленел, то синел.

Се Лянь спросил:

— Что случилось с Его Превосходительством?

Ши Цинсюань ответил:

— Кажется, его укусила какая-то морская тварь. Зубы и шипы этих костяных рыб мхом поросли, они наверняка отравлены! Я отдал ему все снадобья, что были при мне, но... ох.

Се Лянь присел, чтобы осмотреть Повелителя Земли, но едва не потерял сознание от царящей здесь вони. Оглядевшись, принц увидел несколько деревянных вёдер, полные помоев, это они источали прокисший, затхлый запах. К нему примешивалась вонь гнилостных кровоточащих язв и даже, кажется, жуткий смрад ночного горшка, который не выносили несколько месяцев.

Ши Уду не мог больше этого терпеть.

— Столь отвратительное, тошнотворное место говорит о том, что этот Хозяин чёрных вод тоже обладает не слишком безупречными вкусами. Цинсюань, уходим!

Он схватил Ши Цинсюаня и потащил к выходу, но тот воспротивился:

— Со мной всё не так плохо, не нужно меня держать.

Они подняли Мин И, после чего наконец покинули темницу.

Вот только, если попасть сюда легко, то уйти непросто. Проход через озеро Чёрных вод закрылся, и сколько бы они ни пытались погрузиться под воду, когда выныривали, видели всё тот же пейзаж,

что означало одно — они действительно угодили в ловушку Чёрного озера, выбраться не получится.

Ши Цинсюань поинтересовался:

— А что с генералом Пэем?

Ши Уду ответил:

— Я велел ему оставаться снаружи, думаю, он тоже должен что-нибудь придумать.

Се Лянь сказал:

— Я попросил генерала Пэя заняться изготовлением гробов, чтобы мы, выбравшись отсюда, могли сразу покинуть остров.

Ши Уду заметил:

— Если он уже сделал гроб, то может пока уплыть один, чтобы доложить о случившемся, затем вернуться за нами.

Но Мин И был ранен. И хотя они не знали, насколько серьёзно его отравление, чем раньше они покинут это место, тем лучше, и скорее всего, ждать слишком долго нельзя.

Поразмыслив немного, Се Лянь предположил:

— Чёрный демон живёт в уединении за морем, но ведь не может быть такого, что и сам он никогда отсюда не выходит? И неужто, случись ему выйти, обязательно переплывать через всё пространство Чёрных вод?

Ши Уду согласился:

— Хм, вы правы. На острове наверняка есть место, где можно воспользоваться Сжатием тысячи ли.

Обыкновенно Повелитель Вод относился к Се Ляню так же, как и ко всем, но сейчас, когда им пришлось вместе попасть в передрагу, и Се Лянь уже в который раз спасал Ши Цинсюаня, разумеется, Ши Уду взглянул на принца другими глазами, поэтому не поскупился на одобрение его мыслей. Как вдруг Мин И приподнял руку, и Ши Цинсюань тут же воскликнул:

— Мин-сюн? Ты хочешь что-то сказать?

Видимо, чтобы сэкономить силы, Мин И не стал говорить, только поднял руку ещё выше. Все проследили за направлением, которое он показал, и увидели в глубине леса ещё одно мрачное строение.

Рука Мин И опустилась, он прохрипел:

— Вам известно... что это... за место?

— Неизвестно, — ответил Се Лянь. — Когда мы шли сюда, ничего подобного не встретили.

Ши Уду, прищурившись, произнёс:

— Должно быть, это и есть чертог Сумрачных вод, резиденция Чёрного демона.

Согласно легенде, жилище, где обитает Чёрный демон, зовётся «чертогом Сумрачных вод».

Уверенный в догадке, Ши Уду сказал:

— Идём.

Нисколько не осторожничая, он направился прямо вглубь леса. Может это и выглядело опрометчиво, но что они ещё могли сделать, как не отправиться в путь?

Если представить, что ранее они лишь крутились во дворе хозяина, то теперь намеревались ворваться прямо в двери его дома.

Се Лянь прошептал Хуа Чэну:

— Сань Лан, если для тебя это неудобно, не нужно идти с нами.

Хуа Чэн, впрочем, тоже выглядел сосредоточенным.

— Идём скорее, гэгэ, пораньше покинем это место.

Се Лянь кивнул и больше ничего не сказал. Ему вдруг пришла в голову мысль, что Хуа Чэн будто бы опасается чего-то. Более того, опасения его направлены не на хозяина этих мест, а на что-то другое.

Принцу всё время казалось, что где-то кроется подвох. Он задумался о мелких, казалось бы, незначительных вопросах, что накопились за долгое время, и ощутил беспокойство. Очень скоро, не обращая внимания на носящихся кругом безумных чудиков, они пересекли часть леса, чтобы оказаться перед зловещим чёрным строением.

Только здесь путники обнаружили, что чертог Сумрачных вод — это величественный дворец, ничем не уступающий лучшим дворцам Повелителя Ветров и Повелителя Вод.

Главные ворота были плотно закрыты. Они поднялись по ступеням, и Се Лянь постучал, громко объявив:

— Простите за беспокойство! Мы позволили себе вторжение в ваши владения по независящим от нас причинам, и нам поистине крайне неловко!

Никто не ответил. Тогда принц немного успокоился и медленно приоткрыл створку ворот.

Изначально, основываясь на многолетнем опыте и привычных случаях, Се Лянь считал, что даже если внутри действительно что-то есть, оно не выскочит первым делом им навстречу, стоит открыть ворота. Но к вящему удивлению принца, за воротами его ждало потрясение. Первым же делом в глаза бросилась картина, заставляющая трепетать от ужаса.

В центре пустого зала в подобающей позе сидел человек. Одежды его были черны, лицо белоснежным...

То оказался настоящий скелет!

Се Лянь немедля захлопнул створку.

В мыслях пронеслось: «Может, я как-то неправильно открыл ворота? Обычно ведь такие вещи не встречаются прямо на пороге!»

Принц намеревался снова поприветствовать хозяина, после чего попробовать войти ещё раз, но тут Ши Уду прошёл вперёд него и сразу распахнул обе створки, недовольно фыркнув:

— Мы всё равно уже здесь, или что же, будем опасаться нерадушного приёма?

Они осторожным шагом вошли во дворец, приблизившись к скелету в чёрных одеждах. Се Лянь, внимательно рассматривая его, произнёс:

— Чей это скелет? Почему его выставили здесь?

Мин И нахмурился:

— ...Генерал Пэй остался один? Это ведь не может быть он?

Что ж, такую вероятность действительно нельзя отрицать. Ши Уду с лёгким беспокойством присмотрелся к скелету, но затем сказал:

— Думаю, это не он. По форме скелет ниже и меньше, чем генерал Пэй.

Как вдруг вмешался Ши Цинсюань:

— Постойте.

Все взгляды обратились к нему, и Ши Цинсюань произнёс:

— Вам не кажется, что ответ очень прост? Это ведь чертог Сумрачных вод! А в чертоге Сумрачных вод можно увидеть, разумеется, только...

Се Лянь понял, что он имеет в виду:

— Чёрного демона чёрных вод? — Однако принц тут же отверг предположение: — Не может быть. — Он посмотрел на Хуа Чэна. — Прах — это уязвимое место каждого обитателя мира демонов, та

слабость, от которой зависит их жизнь. Подумайте сами, кто бы стал вот так выставлять на всеобщее обозрение столь важную вещь?

О прахе Хуа Чэн рассказал принцу лично, когда они встретились впервые. Но по какой-то причине, говоря об этом сейчас совершенно серьёзным тоном, Се Лянь невольно вспомнил и другие фразы, сказанные им тогда. Тот обратил на принца внимательный взгляд, и Се Лянь на миг растерялся, затем сразу же отвернулся и тихо кашлянул.

Ши Цинсюань произнёс:

— Но... чьи же это кости?

Окружив жуткий скелет, они принялись его изучать.

Се Лянь заключил:

— Во-первых, это мужчина.

— Это мы заметили.

— Во-вторых, у этого человека весьма подвижные руки и ноги, в особенности пальцы. Думаю, он тренировался в боевом искусстве, но, возможно, не достиг высот. Лучшие мастера боевых искусств соблюдают обет непорочного тела, а этот скелет не таков.

Ши Уду бросил на скелет лишь взгляд и сразу отошёл.

— Главное, чтобы эта тварь не вскочила с места и не встала у нас на пути, а что он такое — совершенно не важно. Ваше Превосходительство Повелитель Земли, взгляните, возможно ли применить Сжатие тысячи ли...

И вдруг, едва прозвучали его слова, скелет вскинул голову и, не давая никому опомниться, бросился в сторону Ши Уду!

К счастью, Се Лянь среагировал молниеносно: один удар ладони — и скелет обрушился на пол кучей костей.

Ши Цинсюань вскрикнул:

— Брат!

Из пяти присутствующих Хуа Чэн не стал бы вмешиваться, чтобы защитить посторонних, поэтому Се Лянь, как единственный Бог Войны, сразу сделался для всех чрезвычайно полезен. Однако Ши Уду, подвергшись внезапному нападению, остался довольно невозмутим, только отступил на шаг и сказал:

— Да что с этим скелетом такое? Неужели душа ещё не рассеялась и до сих пор остаётся при нём?

Се Лянь присел на корточки, порылся в костях и покачал головой.

— Странно.

Ши Уду спросил его:

— Что именно?

Принц поднялся и ответил:

— Совершенно ясно, что души в этих костях совсем не осталось, иначе мы бы почувствовали это, как только приблизились к нему.

— Но если это так, почему он внезапно напал?

Помолчав, Се Лянь ответил:

— Я думаю, это «вспышка угасающей свечи»^[238].

Ши Цинсюань полюбопытствовал:

— Вспышка угасающей свечи? Но ведь это применимо лишь к живым. Даже на пороге смерти... человек ещё считается живым.

Се Лянь пояснил:

— С мёртвыми то же самое. К примеру, призыв души на седьмой день — тоже «вспышка угасающей свечи», когда душа умершего возвращается, чтобы в последний раз увидеть родных и близких. На самом деле, разницы нет. Мне думается, Его Превосходительство Повелитель Вод чем-то встревожил его и спровоцировал внезапную концентрацию оставшихся сил на последний рывок.

Рассуждения принца звучали разумно, и Ши Уду отнёсся к ним с должным вниманием.

— В таком случае, что же, по мнению Вашего Высочества, могло его встревожить?

— Либо какие-то ваши слова, либо что-то из вещей, что вы носите при себе.

— А что я говорил?

— «Главное, чтобы эта тварь не вскочила с места и не встала у нас на пути, а что он такое — совершенно не важно», — тяжело вздохнув, ответил Мин И.

Ши Цинсюань, почесав затылок и ничего не понимая, спросил:

— А что не так с этой фразой? Неужели этот уважаемый господин настолько вспыльчив?

В обсуждениях не удалось выяснить причину случившегося, и Се Лянь произнёс:

— Его душа уже рассеялась, оставим его в покое.

Принц заново собрал скелет, усадил на прежнее место на божественном постаменте, сложил руки в молитвенном жесте и несколько раз поклонился. Ши Цинсюань тоже подошёл и отвесил

пару поклонов за компанию. Они обошли весь чертог Сумрачных вод, но больше никого не обнаружили — легендарного Чёрного демона чёрных вод не оказалось дома. Однако устройство самого чертога было достаточно сложным — здесь имелось множество больших и малых пристроек. На двери одной из таких, узкой и почти незаметной, красовались замысловатые магические символы — следы от использования Сжатия тысячи ли.

Видимо, на острове Чёрных вод действительно располагалось место для применения заклинания перемещения. И оно находилось именно в этой маленькой дворцовой пристройке. Использование определённого места как связующего звена требует намного меньших затрат магических сил, чем рисование нового поля. А они как раз находились не в том положении, чтобы попусту разбазаривать магические силы. Мин И, как признанный мастер в этой области, с первого взгляда определил:

— Это одностороннее магическое поле.

— Это значит, что оно отправляет только отсюда, а попасть сюда из другого места нельзя, верно? — с пониманием уточнил Се Лянь.

Мин И кивнул и добавил:

— И затраты магических сил также уменьшаются.

Ши Цинсюань воскликнул:

— Да ведь это именно то, что нам нужно! Нам необходимо лишь выбраться отсюда, прекрасно! Давайте скорее отправляться, пока Хозяин чёрных вод нас не обнаружил.

Одной рукой придерживая Мин И, он потянулся к двери, но тот вдруг сурово предостерёг:

— Стой! Ловушка!

Ши Цинсюань сразу же отскочил на три чи назад, потащив с собой Мин И.

— Какая ловушка?

Повелитель Земли, помолчав немного, сделал Ши Цинсюаню знак подвести его обратно. Мин И долго разглядывал знаки на двери, затем уверенно заключил:

— Не обошлось без подводного камня. Магическое поле на этой двери за раз может пропустить только одного человека.

Ши Цинсюань переспросил:

— И такое тоже бывает? А что произойдёт, если пройти через неё вдвоём???

Мин И холодно ответил:

— Когда двое достигнут необходимой цели, они обнаружат, что превратились в одного.

Из присутствующих в данном вопросе по-настоящему разобрался только Мин И, а остальные — водное божество, божество ветров и Бог Войны, не могли похвастаться таким мастерством. Первой же реакцией Се Ляня стал взгляд на Хуа Чэна, однако тот лишь хмуро смотрел на магическое поле, не высказывая возражений. Как видно, Мин И говорил правду.

Принц задумчиво сказал:

— Если это действительно так, то незнающие, вторгшиеся сюда, захотят таким образом спастись от смерти, а вместо этого... превратятся в жуткое зрелище. Теперь ясно, почему это ловушка.

Как назло, именно в этот момент сверху раздался раскат грома, и по небу проползли извивающиеся молнии, озарив лица присутствующих бело-голубым светом, отчего они стали походить на ожесточённых призраков. Все переглянулись, и Ши Цинсюань произнёс:

— Брат, снова...

На лице Ши Уду залегла тень. Он не ответил, но стало понятно и без того — Небесная кара вновь его настигла. В голове Се Ляня отголоском прозвучали слова Пэй Мина, сказанные как-то невзначай: «Водяной шисюн, в этот раз невезение так и обрушилось на тебя...»

Ши Цинсюань добавил:

— Раз уж здесь можно воспользоваться Сжатием тысячи ли, давайте же скорее покинем это место. Если сюда ударит молния и разрушит чужую резиденцию, тогда уж...

Конфликт выйдет нешуточный. Разрушить дворец небожителя — всё равно что разбить вывеску над чьей-то лавкой, это означает начало непримиримой вражды. Никто не знал, существуют ли подобные запреты в мире демонов, однако, если подумать, никому бы не понравилось, если бы его дом вот так взяли и уничтожили. Мин И смазал пальцем кровь со своей раны и, с трудом держась на ногах, приготовился внести заключительные штрихи в магическое поле.

— Куда отправляемся? И кто будет первым?

— Ну разумеется, первым пойдёте вы! — ответил Се Лянь. — Поскольку вы ранены.

Но Мин И покачал головой.

— Каждый раз придётся дорисовывать поле заново. Никто из вас не умеет этого делать, я должен остаться.

Ши Цинсюань вмешался:

— Тогда я останусь с тобой, Мин-сюн, и пойду предпоследним.

Ши Уду перебил:

— Да куда тебе, ведь ты теперь... никакого толку от того, что ты останешься, не будет. Скорее ступай первым, на берег Восточного моря!

Ши Цинсюань возразил:

— Сейчас ни от кого из нас почти нет толку, так что разницы никакой. В этот раз дело совершенно не касалось Мин-сюна, а в итоге он так сильно пострадал, и я... — он вздохнул, — чувствую себя ужасно виноватым.

Ши Уду заверил:

— Всё равно вы окажетесь в одном и том же месте. Скоро всё закончится, чего ты боишься?

В прошлом, стоило Ши Уду сказать пару фраз, и Ши Цинсюань повиновался. Но теперь он повёл себя иначе, не послушался старшего, а вместо этого задал вопрос:

— Но если мы уйдём первыми, что будет с генералом Пэем? Ведь он останется здесь?

Ши Уду тоже понял, что Ши Цинсюань уже не такой послушный, как раньше, и на его лице отразилась сложная гамма чувств. Спустя мгновение он сказал:

— Всё будет в порядке, Пэй-сюн очень живучий. Он способен продержаться здесь до тех пор, пока мы не пришлём подмогу с Верхних Небес.

Се Лянь не знал, что на это возразить. Интуиция подсказывала принцу, что Повелитель Вод прав, да и ничего плохого не имел в виду. И всё же принца вдруг посетило сочувствие Пэй Мину. Помолчав, Се Лянь произнёс:

— Постойте.

Остальные обратили к нему свои взгляды.

— Ваше Превосходительство Повелитель Земли, вы уверены, что за этой дверью действительно подействует Сжатие тысячи ли? Не возникнет ли неприятностей? Я считаю, что не слишком разумно слепо делать такой шаг. Может, для начала проверим, сработает ли заклинание?

Мин И действительно перестал дорисовывать штрихи и спросил:

— Как это проверить? Для проверки всё равно кто-то должен войти в дверь.

Ши Цинсюань поднял руку:

— Тогда это буду я.

Хуа Чэн, который уже довольно долго молчал, теперь всё же вмешался, скрестив руки на груди:

— Прошу прощения, что прерываю вас. Но не приходил ли вам на ум один вопрос?

Мин И съязвил:

— Не терпится услышать дражайшее мнение Вашего Превосходительства.

— Как узнать, что тот, кто отправился проверить действие заклинания, достиг места назначения?

Се Лянь удивлённо замер.

— Верно! Ведь Повелитель Земли сказал, что это одностороннее магическое поле.

Иными словами, стоит кому-то выйти через дверь, и уже не получится перенестись обратно, чтобы сообщить другим, получилось ли безопасно добраться до нужного места. К тому же, «мир» внутри озера отделён от внешнего мира барьером, и общение при помощи духовной сети также под запретом. Кажется, это тупик. И только что они совершенно позабыли об этом моменте.

Хуа Чэн подвёл итог:

— Выходит, лишние разговоры не имеют смысла. Одно слово — идём или нет, и нужно решать как можно скорее. Бойтесь? Значит, остаётесь здесь.

Хуа Чэн улыбался, но Се Лянь почувствовал, что он едва заметно нервничает, словно торопится покинуть это место. Принц ощущал его волнение с того самого момента, как водяной дракон, которого призвал Ши Уду, вернул их на остров, но теперь оно усилилось.

Ши Уду тоже не желал больше ждать, гром будто звучал над самым ухом, и если сейчас не уйти, рано или поздно молния ринется сюда — тогда всем придётся худо. Поэтому Повелитель Вод первым вошёл в пристройку и захлопнул дверь, а Мин И быстро завершил круг магического поля. Когда они открыли дверь снова, внутри лишь витал лёгкий дымок, но не было ни души.

— Дело сделано, — заключил Мин И. — Следующий.

— Тогда пойдёт Его Высочество... — начал было Ши Цинсюань, но Мин И, не дав ему договорить, уже притянул его за руку и затолкал в комнату, затем закрыл дверь и завершил поле.

Когда дверь открылась снова, Мин И посмотрел на двоих оставшихся.

Се Лянь сказал:

— Сань Лан, пойдёшь первым?

Но Хуа Чэн взял его за руку и с нажимом произнёс:

— Гэгэ, идём вместе.

Се Лянь так и застыл.

— Но ведь за один раз через магическое поле может пройти только...

Хуа Чэн возразил:

— Я не живой человек, не волнуйся.

И всё же Се Ляня что-то постоянно беспокоило, только он и сам не мог понять, что именно. Хуа Чэн прошёл вместе с ним за дверь и сказал, обращаясь к Мин И:

— Монастырь Водных каштанов.

Мин И молча кивнул. Когда створка двери медленно закрылась перед Се Лянем, сквозь тонкую щель он увидел лицо Мин И, окружённое мраком. Принц невольно подумал: «Повелитель Земли правда сможет ещё продержаться?»

Хуа Чэн своей рукой закрыл дверь, мгновения постоял, не шевелясь, а затем открыл снова, и перед ними возникло внутреннее убранство монастыря Водных каштанов.

Стояла глубокая ночь. Ци Жун спал, забрав себе всё одеяло и раскинув руки и ноги, отчего походил на труп, да ещё храпел так, что едва не содрогался потолок. Гуцзы раньше во сне вёл себя прилично, а теперь, наверное, испорченный новым папашей, мальчишка сопел, улёгшись поперёк живота Ци Жуна, подобно мёртвой рыбке. Только

Лан Ин по уму спал в уголке, сжавшись в комок и накрывшись одеждой. Се Лянь отобрал одеяло у Ци Жуна, подавив в себе желание придушить брата тем же одеялом, и накрыл двоих детей.

Принц прошептал:

— Мы правда... вернулись?

Хуа Чэн за его спиной закрыл дверь.

— Да, всё закончилось.

— Думаю, ещё нет. Пока неизвестно, в порядке ли Повелитель Ветров и остальные.

Принц осторожно толкнул дверь и вышел из монастыря. Снаружи наконец появилась возможность разговаривать в полный голос, но первым делом Се Лянь позвал через ранее созданную им сеть духовного общения:

— Повелитель Земли? Вы вернулись?

Ни звука в ответ. Подумав о том, что Мин И не мог настолько быстро завершить последнее заклинание, Се Лянь решил войти в сеть духовного общения Верхних Небес. Покуда он этого не сделал, пребывал в неведении, а оказавшись внутри, подскочил от испуга — внутри царило полное сумасшествие. Все небесные чиновники что-то кричали, даже Линвэнь вышла из себя:

— Прекратите совать мне бесполезную информацию, сколько мне придётся просмотреть её за день?! Вы что, не можете сами пораскинуть мозгами, обязательно сразу спрашивать меня?!

Се Лянь поспешно обратился к ней:

— Линвэнь! Вернулись ли Повелитель Вод и другие Превосходительства?!

Линвэнь тут же словно подменили. Схватившись за принца, она заговорила:

— Ваше Высочество! Почему ваш голос вдруг сделался таким громким... Вы вернулись из Восточного моря? Куда запропастились Повелитель Вод и генерал Пэй???

— Я вернулся из Южного моря.

— Из Южного моря?

— Из Чёрных вод.

Линвэнь совсем растерялась:

— Но... как вы там оказались?! Мы ведь никогда не приближаемся к тем местам. Старина Пэй и остальные тоже там?

— Это долгая история, Повелителя Вод во время прохождения через Небесную кару по ошибке занесло в Чёрные воды, мы с огромным трудом выбрались оттуда. Они с Повелителем Ветров и Повелителем Вод шли впереди нас, и теперь должны оказаться у Восточного моря. Они не попали в поле вашего зрения?

— Нет! У Восточного моря давно всё спокойно, более двухсот рыбаков спасены все до единого. Но следов Повелителей Вод и Ветров не обнаружилось ни на суше, ни на воде!

— Как же так! Разве только...

Разве только... что?

— Разве только — что? Ваше Высочество наследный принц? Ваше Высочество, вы хотите ещё что-то сказать? Нам прямо сейчас послать отряд в Южное море?

Се Лянь невнятно бросил:

— Не успеть.

Он отключился от сети духовного общения и рывком обернулся.

— Сань Лан.

Хуа Чэн, видимо, уже понял, о чём спросит принц. Он стоял, молча заведя руки за спину, и сосредоточенно смотрел на Се Ляня, который сказал:

— Ты... неужели ты когда-то давно... заключил с ним некое соглашение?

Хуа Чэн не ответил сразу, но когда его губы шевельнулись, Се Лянь быстро прервал:

— Нет, нет, нет, ничего не говори! Тебе не нужно мне отвечать. Если ты с кем-то заключил соглашение, я бы точно не хотел, чтобы ты из-за меня нарушал обещание. Я не должен был вот так сходу спрашивать об этом. Я не желаю ставить тебя в затруднительное положение.

— Ваше Высочество, прости.

Се Лянь покачал головой.

— Тебе не нужно просить прощения. Я должен был давно понять, что ты не можешь вмешаться и раскрыть мне правду напрямую из-за некоего соглашения.

Хуа Чэн ведь пытался уговорить его не вмешиваться, но при этом не препятствовал, только находился рядом, оберегал и даже придумал

способ, как вытянуть принца из заварушки. Но Се Лянь каждый раз по каким-то причинам оказывался всё ближе к центру событий.

— Наоборот, я должен поблагодарить тебя, — сказал принц.

— Ты обо всём догадался?

Се Лянь кивнул.

— В общих чертах. На самом деле, я давно должен был догадаться, но он оказался по-настоящему хитёр. Я постоянно слишком многое обдумывал, сомневался и вновь переворачивал всё с ног на голову, и каждый раз упускал самое очевидное. — Помолчав, принц добавил: — К тому же, он поистине отнёсся к тебе весьма уважительно. Ему пришлось потратить немало сил и круто извернуться, чтобы аккуратно отодвинуть меня в сторону.

— Ваше Высочество, — произнёс Хуа Чэн. — На этом всё кончено.

Се Лянь вздохнул.

— Я бы тоже этого хотел. Но... боюсь, он немного перегнул палку.

Спустя недолгое молчание Хуа Чэн мягко сказал:

— Но ведь ты уже здесь, и вернуться снова в демонические владения не сможешь. Оставим им самим разрешить этот конфликт.

Се Лянь же возразил:

— Вот и нет.

Своим ответом он заставил Хуа Чэна застыть.

— Только что я вспомнил. Есть один способ, который позволит мне связаться с Повелителем Ветров. — Принц сложил руки в печати. — Поэтому, Сань Лан, прости, я должен отлучиться ненадолго.

Увидев печать, Хуа Чэн мгновенно всё понял, и тем не менее, явно не ожидал такого хода — его глаза чуть округлились, с губ слетело:

— Гэгэ?..

Се Лянь по слову выговорил:

— Перемещение... души!

Принц закрыл глаза, подчиняясь знакомому ощущению лёгкости, словно его душу вырвали из тела, а затем резко сбросили вниз с большой высоты. Когда он снова открыл глаза, то Хуа Чэна перед собой не увидел — только бескрайнюю черноту ночи и быстро мелькающие мимо деревья, растущие в горном лесу. Ещё Се Лянь услышал своё частое дыхание и громкое сердцебиение.

Получилось!

Заклинание Перемещения души используется далеко не так часто и расходует огромное количество магических сил. Оно сильнее и коварнее заклинания духовного общения, к тому же намного реже применяется. Поэтому обыкновенно тот, кто ставит магический заслон, не задумывается о защите от подобной техники.

В тот день, когда они с Ши Цинсюанем в первый раз воспользовались Перемещением души, Повелитель Ветров не успел закрыть от принца своё сознание — лишился магических сил, превратившись в простого смертного. Они всё равно что обменялись ключами от своих комнат и некоторое время пожили там. Когда произошёл обратный обмен, Ши Цинсюаню следовало бы сразу же сменить замок, и тогда Се Лянь не смог бы проникнуть в его жилище снова. Однако он этого не сделал. Поэтому у Се Ляня получилось открыть «комнату» Ши Цинсюаня тем же ключом, только вот Ши Цинсюань уже не мог открыть «комнату» Се Ляня. Так они теперь оказались вместе в одном теле, а тело принца сейчас, должно быть, на месте обмякло и повалилось наземь. Интересно, успел ли Хуа Чэн его подхватить?

Ши Цинсюань куда-то бежал, сбивая дыхание, едва не теряя сознание от страха, словно за ним по пятам гналась какая-то тварь. Се Лянь слышал за спиной демонический вой, преследующий его против ветра. Та самая толпа сумасшедших чудиков из темницы на острове Чёрных вод. Создавалось ощущение, что Ши Цинсюань притягивает их, будто что-то желанное, даже, можно сказать, они охвачены «жаждой» — неотрывно гонятся за ним, закатывая глаза и высунув языки. У Ши Цинсюаня уже болели рёбра и лёгкие, ему хотелось заплакать, но слёз не было, ему хотелось кричать, но крик не получалось выдать из горла. Се Лянь ощутил, как сбивается на бегу его дыхание — если так пойдёт дальше, он долго не продержится. Поэтому принц самовольно взял контроль над ритмом бега и позвал:

— Ваше Превосходительство!

Он воспользовался для этого ртом Ши Цинсюаня, и тот едва не прикусил язык от испуга.

— Кто здесь?! Кто в моём теле?!!

Се Лянь продолжил:

— Успокойтесь, Ваше Превосходительство! Я воспользовался Перемещением души, чтобы вас отыскать! Доверьтесь мне, я помогу вам убежать.

Се Лянь почувствовал, как из глаз Ши Цинсюаня так и хлынули горячие слёзы.

— Ваше Высочество?! Вы просто одарили меня спокойствием!!! Вы поистине самый надёжный друг!!! Спасибо вам!!!

— Не благодарите! Послушайте меня, Ваше Превосходительство, скорее бегите!

— Но разве я прямо сейчас не этим занят?!

— Я не этот бег имею в виду, я хочу сказать, скорее уходите отсюда...

Из-за леса выпрыгнула другая группа грязных сумасшедших, которые скопом набросились на Ши Цинсюаня. Се Лянь хрустнул суставами на пальцах обеих рук и отвесил непрерывно тридцать ударов ногами, сразив всех безумцев, так что теперь они лежали на земле, не в силах подняться, и нечеловечески стонали. Ши Цинсюань так и открыл рот от изумления.

— Это я их так? Вот это силища. Как здорово быть Богом Войны! Я тоже хочу быть Богом Войны.

Се Лянь, однако, искренне, по-дружески окатил его ушатом холодной воды.

— Не выйдет, Ваше Превосходительство! Ваше тело совершенно не подходит для того, чтобы стать Богом Войны...

Они находились внутри одного тела, поэтому создавалось впечатление, что у Ши Цинсюаня раздвоение личности, и он ведёт беседу сам с собой. Стороннему наблюдателю картина показалась бы крайне странной.

— Ваше Превосходительство, а где Повелитель Вод?

Ши Цинсюань огляделся по сторонам.

— Не знаю, куда подевались мой брат и Мин-сюн. Едва открыв дверь, я обнаружил себя по-прежнему в чертоге Сумрачных вод, просто вышел из другой комнаты, вот и всё. Не понимаю, где случилась осечка...

Се Лянь оттолкнулся от земли ударом ноги и подлетел в воздух, запрыгнув на дерево. Ши Цинсюань не понял причин его поступка, но ощущение, будто бы он без наставника изучил приёмы боевых

искусств и теперь применял их, когда вздумается, оказалось слишком уж удивительным, поэтому он позволил принцу управлять своим телом и ловко забраться на самую верхушку, где всё-таки спросил:

— Ваше Высочество, почему вы вдруг...

Не давая договорить, Се Лянь зажал ему рот рукой.

На самом деле, он зажал рот и себе. Спустя ещё некоторое время Се Лянь переполз на ветку и уселся там, спрятавшись среди густой листвы. Почти сразу внизу на тропе показалась длинная покачивающаяся тень. Приглядевшись, принц узнал Мин И.

Он выглядел всё таким же болезненно-бледным, на его красивом лице прибавилось смертельной Ци, и всё же он ещё мог идти, хоть и с большим трудом. Ши Цинсюань обрадовался, убрал руку ото рта и вознамерился позвать его, однако Се Лянь зажал ему рот снова. На этот раз двумя руками и так крепко, что даже струйки воздуха не проходило сквозь пальцы. Будучи не из тех невежд, что поступают опрометчиво, Ши Цинсюань сразу понял, что в действиях Се Ляня скрыт какой-то смысл, и перестал сопротивляться. Только когда Мин И на «их» глазах прошёл мимо по узкой тропинке под деревом, Се Лянь медленно расслабил ладони, незаметно соскользнул вниз и невидимым ветром помчался прочь.

Он некоторое время бежал сквозь густые заросли, затем Ши Цинсюань обернулся и шёпотом спросил:

— Ваше Высочество, почему вы не дали мне позвать Мин-сюна?

Но Се Лянь не ответил, застыв на месте. Ши Цинсюань вновь повернулся, и его зрачки резко сузились.

Мин И, который только что вроде бы ушёл от них далеко, стоял прямо перед ним, или, лучше сказать, перед ними.

Он хмуро пробурчал, держась за дерево, словно не мог стоять сам:

— А ты почему тоже здесь?

У Ши Цинсюаня вырвалось:

— Я...

Се Лянь, не производя ни звука, завёл руку за спину и покачал ею из стороны в сторону, намекая, чтобы Ши Цинсюань ни в коем случае не раскрывал присутствия здесь кого-то «третьего».

Ши Цинсюань понял намёк, а Мин И тем временем нахмурился ещё сильнее.

— Что ты там делаешь за спиной? Что-то прячешь?

Ши Цинсюань поспешно показал ему пустые ладони.

— Нет!

Се Лянь ощущал, как мурашки раз за разом пробегают по его голове и как немеет позвоночник. Видимо, Ши Цинсюаня напугало столь внезапное появление Мин И, невзирая на то, что он весьма доверял ему.

На лице Мин И отразилось непонимание.

— Я ведь не просил тебя на самом деле показывать мне руки.

Это выражение, хоть и отталкивало презрением, а всё же казалось таким близким и родным, что Ши Цинсюань издал вздох облегчения. Постепенно отступили и мурашки, которые захватили уже полтела. Сердце Се Ляня же охватило неизмеримое волнение, но сейчас он не мог позволить себе необдуманно открыть рот.

Мин И спросил:

— А где Повелитель Вод?

— Ты тоже не видел моего брата? И я его повсюду ищу. Но ведь магическое поле должно было отправить нас прочь с острова Чёрных вод. Почему Его Высочество вернулся, а мы до сих пор здесь?

Се Лянь, слушая его, в тайне забеспокоился. Принц все силы тратил на подавление рвущегося наружу смеха, являющегося обычной реакцией Ши Цинсюаня на излишнее волнение, но при этом нормальная речь не походила на то, что сейчас мог бы сказать Повелитель Ветров. Поэтому Се Лянь, в ужасе схватившись за волосы, ткнул в Мин И пальцем и воскликнул:

— Мин-сюн!!! Я же просил тебя почаще тренироваться! Ты снова ошибся, потому что тебе недоставало практики!

Вышло слегка наигранно, однако возымело результат. Мин И не заметил подвоха и с потемневшим лицом прикрикнул:

— Проваливай! Сам бы нарисовал, если такой умный.

Несмотря на это, он всё же подошёл ближе. Ши Цинсюань не двигался, и тогда Се Лянь поскорее взял на себя инициативу — поддержал Мин И под руку и спросил:

— Мин-сюн, как твои раны? Яд больше не действует?

Мин И покачал головой.

— Всё в порядке. Для начала отыщем Повелителя Вод, а там поговорим.

Ши Цинсюань кивнул, и они вдвоём направились дальше по тропе. Се Лянь никак не мог улучшить момент и предупредить Ши Цинсюаня, отчего непрестанно сокрушался в душе, но вдруг почувствовал, что его рот чуть приоткрылся — Ши Цинсюань беззвучно шевелил губами. Принц невольно сосредоточился и постарался разобрать его слова.

«Что, в конце концов, происходит?» — спрашивал Ши Цинсюань.

Се Лянь, боясь, как бы Мин И, который идёт совсем рядом, не заметил ничего необычного, чуть опустил голову и тем же способом ответил: «Он ненастоящий».

Сомкнув губы, Се Лянь почувствовал, как рука покрылась мелкой гусиной кожей.

Ши Цинсюань широко раскрыл глаза и беззвучно переспросил: «Ненстоящий?! Но кто же это тогда?!»

Се Лянь дал ему ответ.

«Истинный Божок-пустослов».

Ши Цинсюань шумно глотнул холодного воздуха. Рядом раздался голос Мин И:

— В чём дело?

Ши Цинсюань сделал вдох до самого конца, затем точно так же выдохнул и дрожащим голосом ответил:

— Мне страшно.

Мгновение помолчав, Мин И ответил:

— Сейчас бояться ещё слишком рано.

Раньше такую фразу можно было расценить как довольно странное, но всё же утешение. Однако теперь она так и сквозила неопишимо зловещим смыслом, напоминающим угрозу.

Ши Цинсюань опустил голову и сказал Се Ляню: «Не может быть. Божок-пустослов не умеет менять форму!»

На самом деле, произнеся «Божок-пустослов», принц и сам почувствовал, что подобный ответ сейчас не слишком подходит под реальное положение дел. Можно даже сказать, такое обращение звучало излишне пренебрежительно, излишне неучтиво. Тот «истинный Божок-пустослов», с которым Ши Цинсюань столкнулся несколько дней назад, был не более чем мелкой сошкой, или же немощным двойником, или же недоеденным остатком. Поэтому принц дал второй ответ:

«Чёрный демон чёрных вод».

У Ши Цинсюаня подкосились ноги. Мин И спросил:

— Что на этот раз?

Ши Цинсюань, стуча зубами, ответил:

— Я хочу умереть...

— Размечтался, — холодно бросил Мин И.

И вот, снова. Тот же ледяной тон, те же бессердечные слова, совершенно ничем не отличающиеся от прошлого Мин И. И всё же сейчас в них зазвучал абсолютно иной смысл. Только и это ещё далеко не конец. Се Лянь снова беззвучно зашевелил губами, назвав третье имя:

«Хэ Сюань».

Кажется, Ши Цинсюань не мог больше этого вынести.

Его сердце застучало подобно барабану, и Се Лянь тоже это почувствовал. Повезло, что они как раз переходили через маленький ручей, и принц мгновенно сориентировался:

— Мин-сюн, давай ты всё-таки сначала немного отдохнёшь, а потом продолжим поиски!

— Разве у нас есть время на отдых?

— Ты ведь отравлен, а чем активнее двигаешься, тем быстрее действует яд. И вообще, если не хочешь отдыхать сам, мне, как простому смертному, отдых необходим. Пока присядь, а я принесу тебе воды.

Принц, стараясь двигаться непринуждённо, подавляя дрожь в руках и ногах, усадил Мин И на траву, а сам подошёл к ручью, чтобы звук бегущей воды помог им тихонько поговорить.

Ши Цинсюань дважды омыл лицо пригоршней воды, немного пришёл в себя и прошептал:

— Ваше Высочество, о чём вы говорите??? Кто же, в конце концов, этот человек за моей спиной??? Кто-то из троих перечисленных обернулся Мин-сюном??? Или они все вместе собрались и заняли его тело???

— Ваше Превосходительство, возьмите себя в руки! Это не «они», а «он»! Сейчас рядом с вами находится только один человек. С самого начала это был один человек. Никаких превращений и никаких переселений в чужое тело!

— Но... но ведь Мин-сюн, он...

— Прекратите называть его Мин-сюном! Настоящий Мин-сюн давно мёртв!

— Откуда вам это известно? Вы его видели?

— Не только я, но и вы тоже видели. Настоящий Повелитель Земли — тот самый скелет, который мы обнаружили в чертоге Сумрачных вод! Думаете, почему он никак не мог справиться с Лопатой Полумесяца? Потому что этот артефакт никогда ему не принадлежал! Несколько сотен лет назад этого человека звали Хэ Сюань, а после он обернулся непревзойдённым и сменил имя на «Чёрного демона чёрных вод». Затем поглотил истинного Божка-пустослова и пришёл за вами, пользуясь способностями твари. При этом он заточил и убил настоящего Повелителя Земли, давным-давно заняв место чиновника Верхних Небес!!!

Только прозвучали последние слова, и принц весь будто окаменел.

Ему на плечо совершенно без предупреждения опустилась чья-то рука^[239].

Развязка смертельного узла. Повелитель Вод против Чёрного Демона

За спиной прозвучал голос Мин И:

— Что ты там бормочешь себе под нос?

Ши Цинсюань будто окаменел.

— Я... я... я...

Се Лянь хотел помочь ему заговорить, но язык не слушался. И не удивительно — ближайший друг, которому всегда доверял, оказался притаившейся совсем рядом тварью, которой более всего боялся! А вокруг никого, кто мог бы помочь, и замыслы врага до конца не известны — кто бы не испугался?

И вдруг пальцы Мин И сжались так крепко, что плечо Ши Цинсюаня пронзило болью — пришлось невольно подчиниться и отпрянуть назад.

В тот же миг из ручья высунулась пара мертвенно-бледных рук, которые тянулись к горлу Ши Цинсюаня.

Водный гуль!

Но благодаря Мин И руки схватили пустоту. Затем он нанёс удар по воде, повлекший за собой визг — наверняка твари сильно

досталось, и больше напасть она не посмеет. Ши Цинсюань обмяк на земле, а Мин И, поддёрнув его наверх, сказал:

— Ты что, умом повредился? Как можно так беспечно умыться в ручье во владениях Черновода?

Только что Ши Цинсюань освежился водой из ручья, где плавают трупы — водные гули. Он должен был почувствовать омерзение, однако совершенно не обратил внимания на этот факт. С его щёк и кончиков волос до сих пор стекала вода. Напоминая мокрую курицу, он выглядел ужасно подавленным. А когда «Мин И» потащил его за собой, бездумно повиновался.

На самом деле, если как следует поразмыслить, всё, что касалось этого «Мин-сюна», так и сквозило бесконечными странностями.

Он являлся Повелителем Земли, и как-то само собой получалось, что все магические поля Сжатия тысячи ли рисовал именно он. Однако в том, что по сути являлось его коронным номером, каждый раз возникали осечки.

Каким-то неведомым способом их вчетвером перенесло из монастыря Водных каштанов в посёлок Богу, а при отправке Повелителя Вод и Повелителя Ветров с острова Чёрных вод снова случилась неприятность. Помещение, которое много лет не использовали, потеряло силу? Прodelки иной твари? Закулисный злодей оказался слишком умён и обвёл их вокруг пальца?

К чему лишние предположения? Самый простой ответ — всё это целиком и полностью подстроено самим Мин И!

Когда Повелителя Ветров в первый раз забрал «истинный Божок-пустослов», это Мин И потерял его; также он был первым, кто обнаружил Повелителя Ветров, лишённого магических сил; именно он постоянно находился рядом с Ши Цинсюанем и как свои пять пальцев изучил все его страхи и привычки; тем, кто знал пароль Повелителя Ветров и мог, управляя «истинным Божком-пустословом», угрозами заставить Ши Цинсюаня своими руками открыть дверь на Башне пролитого вина, тем самым разрушив защитное поле... тоже был он.

Когда он своими руками разбил табличку в храме Ветров и Вод, ни один мускул не дрогнул на его лице. Возможно, ему просто настолько наплевать на чужое мнение. А возможно, он сделал это намеренно.

Воспользовавшись благородным предложением, у всех на глазах разбить в щепки храмовую табличку своего врага, и более того, добиться от объекта ненависти горячей благодарности за содеянное? Верх бесстрашия и бесчинства!

И не то чтобы Се Лянь ни разу не усомнился в нём, памятуя о всех мелких странностях. Принц даже лично пробовал испытать его — задал три вопроса. Но ему и в голову прийти не могло, что произошло нечто настолько немыслимое, настолько отчаянно дерзкое: среди них всё это время прятался демон, который долгие годы притворялся небожителем!

Хозяин чёрных вод... всегда вёл себя скромно?

Конечно, он вёл себя скромно — ведь ему столько времени пришлось существовать под чужой личиной.

Тогда в ответах «Мин И» действительно не оказалось лжи. Поглотив истинного Божка-пустослова, Черновод заполучил его способности и мог управлять им как слугой. Непревзойдённый Князь Демонов, он значительно превосходил тварь по силе и, разумеется, не попадал под ограничения той особенности. Он мог говорить правду, когда хотел, как и солгать по собственному желанию.

Руки и ноги того скелета оказались весьма ловкими и подвижными, что очень подходило Повелителю Земли. Для чего же его выставили в чертоге Сумрачных вод? Иначе никак. Всё-таки то были останки небесного чиновника. Если отнестись к ним без должного уважения, наспех предав земле, последствия наверняка ждут самые неблагоприятные. Гробовая доска его не удержит, стало быть, необходима церемония высшей торжественности, а именно — размещение останков в собственном дворце.

Но Се Лянь догадался об истинной личности скелета не только поэтому. Ему помог тот бросок.

Повелитель Вод спросил, почему у скелета могла возникнуть «вспышка угасающей свечи»? Тогда Мин И ответил, опережая всех: «Главное, чтобы эта тварь не вскочила с места и не встала у нас на пути, а что он такое — совершенно не важно». Но на самом деле вероятнее всего, что настоящего Мин И встревожила вовсе не первая фраза, а последующее обращение — «Ваше Превосходительство Повелитель Земли!» Поскольку именно он — настоящий Повелитель Земли!

А тот, кто притворялся им, стоял совсем рядом, и к тому же, аккуратно обходя важные вопросы, уводил их в неверном направлении.

Иногда «Мин И» намеренно шёл вразрез собственному плану, делая шаги в сторону истины, чтобы отвести от себя подозрения. К примеру, он сказал Хуа Чэну: «Так значит, у тебя действительно есть лазутчик в чертогах Верхних Небес». Но ведь лазутчиком как раз и являлся он сам! Потому и Хуа Чэн насмешливо бросил: «Я думал, тебе давным-давно это известно», скрытый смысл его слов был таков: «К чему всё это притворство?»

Однако стоит заметить, что слово «лазутчик» здесь не подходит. Должно быть, они заключили между собой какое-то соглашение. К примеру, обменивались нужными сведениями.

Два непревзойдённых Князя Демонов вступили во взаимовыгодное сотрудничество — это ли не двойная победа? Черновод затерялся среди чертогов Верхних Небес, и в его руках оказалась вся информация о крупных и мелких переменах на Небесах. А Хуа Чэн пустил корни в мире людей, его последователи распространены повсюду. И неизвестно, имело ли место быть ещё более обширное взаимодействие, помимо этого. Когда Цзюнь У отправил «Повелителя Земли» лазутчиком в Призрачный город, он всё равно что попытался наводнением смыть храм Царя Драконов, послал разбойника в разбойничий притон.

Всего во время скрытой деятельности «Мин И» случилось, наверное, только два непредвиденных происшествия. Первое — это заклинание «Огненного дракона, вызывающего к Небесам».

Самозванцу, конечно же, без надобности совершать такой поступок. Се Лянь более склонялся к версии, что Огненного дракона запустил настоящий Мин И, когда однажды ему удалось сбежать.

Чтобы полностью перенять чей-то образ и под его личиной проникнуть в чертоги Верхних Небес, без достаточного изучения объекта подражания никак не обойтись. Поэтому самозванцу Повелитель Земли был нужен живым, чтобы по капле вытягивать из него необходимые сведения. Включая жизненный опыт, мастерство, способы применения артефактов и тому подобное. Должно быть, фальшивый Мин И пленил и заточил настоящего прямо перед самым прохождением Небесной кары, когда тот ещё не успел вознестись на Небеса. В противном случае, если бы тому уже удалось завязать

знакомство с остальными небесными чиновниками, раскрыть самозванца было бы гораздо проще.

Произошло непредвиденное, поэтому Хуа Чэн, получив весть, не мог не отлучиться, чтобы помочь партнёру уладить последствия. И тут Се Лянь весьма удачно получает задание от Цзюнь У: проникнуть в Призрачный город для спасательной миссии.

Тогда принцу так не показалось, но теперь, вспоминая, он заметил одну вещь — не слишком ли легко им далось выполнение задачи? Се Лянь действительно спас «Повелителя Земли» из темницы Дома Блаженства. Но как он обнаружил саму темницу?

Всё потому, что сначала ему на глаза попался подручный Хуа Чэна в демонической маске и с проклятой кангой на руке, затем принц увидел, как тот скрытно передвигается по Дому Блаженства.

Такая вещь как проклятая канга — это позор. И обычно небожители, которых низвергли с Небес, желают всячески её скрыть. А незнакомец в маске открыто носит на руке? Но почему после он всё-таки спрятал кангу? Кроме объяснения «по неосторожности», существует ещё одно — он сделал это намеренно, как раз чтобы привлечь внимание Се Ляня и позволить ему удачно и без помех обнаружить «заточённого» фальшивого Повелителя Земли. На самом же деле настоящий Мин И, должно быть, был убит сразу после того как послал сигнал о помощи. Но избавиться от трупа, чтобы замести следы, невозможно, при этом тело оставлять тоже нельзя, ведь это означало лишние улики. Поэтому его обратили в скелет.

Вторая непредвиденная неприятность — это то, что Ши Цинсюань, напуганный истинным Божком-пустословом, обратился за помощью к Се Ляню.

Хуа Чэн, что вполне очевидно, не желал позволять Се Ляню ввязываться в это дело, поэтому Мин И тогда сказал ему: «Я вовсе не по своей воле пришёл сюда». А когда Хуа Чэн в Башне пролитого вина отлучился, наверняка отправился поговорить с Мин И с глазу на глаз, чтобы узнать, чего тот, в конце концов, добивается.

У Се Ляня не было возможности объяснить всё это подробно Ши Цинсюаню, однако тот наверняка сам постепенно догадался о каждой детали — спрятанные в рукавах руки било мелкой дрожью.

Пока они шли вперёд плечом к плечу, Се Лянь всё думал — куда же подевался Ши Уду?

Именно Повелитель Вод первым вышел через ту самую дверь, а «Мин И» был последним, значит, он не мог ничего сделать с Ши Уду до того, как встретил Ши Цинсюаня. В таком случае, остаются три варианта. Первый: Ши Уду перенесло в какое-то другое место. Второй: в месте, куда он перенёсся, его поджидала другая тварь, и Повелитель Вод уже столкнулся с бедой. Третий: Ши Уду покинул остров в одиночку.

Первые два варианта не оставляли Мин И причин для продолжения спектакля перед Ши Цинсюанем и якобы поиска Ши Уду. Задумавшись об этом, Се Лянь вдруг услышал голос «Мин И»:

— А где твой замок долголетия?

Ши Цинсюань не сразу понял вопроса, Се Лянь же почувствовал, как душа замерла. Мин И пришлось спросить ещё несколько раз, прежде чем Ши Цинсюань наконец отозвался:

— А?

В голосе «Мин И» не ощущалось ни капли доброжелательности.

— Ты разве не говорил, что ваши золотые замки сделаны из кусков-близнецов демонического золота? И если кто-то из вас ранен, то они откликаются друг другу?

Ши Цинсюань рассказывал «Мин И» абсолютно всё, и конечно, о функции драгоценного замка тому также было прекрасно известно. Значит, «Мин И» собирался таким образом отыскать Ши Уду!

Ши Цинсюань пролепетал:

— Но... но ведь... мои раны уже зажили!

«Мин И» ледяным тоном бросил:

— Что тут сложного? — и тут же потянулся рукой.

В голове Се Ляня пронеслось: «Неужели он хочет ранить Повелителя Ветров???» Принц приготовился защищаться, но к его неожиданности «Мин И» с силой нажал на свою же пораненную руку.

Из затянувшейся раны хлынула кровь, и он сказал:

— Надень замок на меня.

Се Лянь не мог не восхититься им.

Он играл свою роль и погрузился в неё так глубоко, что вызывал у зрителей восторженное изумление. Принц полностью мог понять Ши Цинсюаня, который столь сильно дорожил Мин И как другом.

Если бы в подобном жесте не крылось угрозы и недобрых намерений, насколько достойным другом мог бы быть такой человек!

Ши Цинсюань колебался, не решаясь пошевелиться. Стоит ему выдать замок, и обе вещицы среагируют друг на друга. Если Ши Уду почувствует, он наверняка сразу отправится на поиски брата.

«Мин И» хмуро спросил:

— Ты что, одурел с перепугу?

— Нет!.. Просто... этот... этот замок... Я разве тебе не говорил? Только если надеть его на настоящего хозяина, он возымеет действие.

На лице «Мин И» отразилось сомнение.

— Это действительно так?

Ши Цинсюань мёртвой хваткой вцепился в замок и с уверенностью закивал.

— Да!

«Мин И» одарил его многозначительным взглядом, затем опустил голову и посмотрел на свою пораненную руку, но ничего не сказал, кажется, отказавшись от этой затеи. Однако в следующий миг произошло непредвиденное — замок долголетия на шее Ши Цинсюаня завибрировал сам собой.

Ши Цинсюань мгновенно переменялся в лице, а «Мин И» среагировал молниеносно — сразу развернулся и пошёл в том направлении, которое указывал замок.

— Повелитель Вод там.

Золотые замки реагировали друг на друга, значит, Ши Уду получил ранение. Но ведь, проходя через дверь, он пребывал в целости и сохранности! Что же могло сейчас поранить Повелителя Вод?

Се Лянь отчётливо ощущал, как сильно Ши Цинсюань хочет бежать на поиски и при этом тысячу раз не желает этого. Они в ловушке внутри иллюзорного мира озера Чёрных вод, на острове больше никого, кроме Пэй Мина, который во внешнем мире старательно делает гробы, ожидая их возвращения. Ши Цинсюань — простой смертный, Ши Уду ранен. Зови небо — не ответит, зови землю — не поможет. Они сами явились на порог, куда же теперь бежать?

Пройдя немного в спешке, Ши Цинсюань заговорил:

— Мин... сюн, мне кажется, здесь кроется какой-то обман. Лучше нам всё-таки не ходить туда!

«Мин И» переспросил:

— Какой обман?

Ши Цинсюань продолжал упрямо стоять на своём:

— Как мой брат мог пораниться? Там, куда мы идём, может оказаться вовсе не он.

Однако у «Мин И» было больше аргументов:

— Мы сейчас находимся во владениях непревзойдённого Князя Демонов. Повелителю Вод могло и не хватить сил, чтобы себя защитить. Не важно, что там, мы первым делом должны пойти и убедиться.

Ши Цинсюань не смог придумать причину, чтобы не ходить с ним. И Се Лянь тоже не смог, поэтому пришлось действовать по обстоятельствам. Тем временем замок долголетия дрожал всё сильнее, и подойдя ближе, двое действительно нашли Ши Уду лежащим на земле. Он выглядел жалко, свернулся клубком и зажимал руками живот, словно испытывал ужасную боль.

Ши Цинсюань удивлённо выкрикнул:

— Брат! — и помчался к нему.

Мин И последовал за ним.

Но стоило Ши Цинсюаню оказаться возле Ши Уду, тот вдруг вскочил, схватился за него и расхохотался бешеным смехом. Ши Цинсюань растерялся, прижатый к его груди, и только через миг заметил, что у этого человека кривые черты лица... Да какой же это Ши Уду! Всего лишь один из тех сумасшедших чудиков, только в одежде Повелителя Вод и с золотым замком на шее!

Ши Цинсюань и пискнуть не успел, когда раздался оглушительный удар, и «Мин И» вдруг упал наземь. В его груди чернела дыра размером с расшитый шёлковый шарик, а кругом растекалась лужа крови. С дерева спрыгнула фигура в белых одеяниях, которая схватила Ши Цинсюаня и бросилась бежать.

— Уходим!

Присмотревшись, Се Лянь увидел, что это и есть настоящий Ши Уду!

— Брат?! — воскликнул Ши Цинсюань.

Ши Уду тихо бросил:

— Не болтай, скорее уходим! Он злодей!

В мгновение ока Се Лянь всё понял. Ши Уду тоже оказался не лыком шит, и едва осознав, что после прохода сквозь комнату с заклинанием он всё ещё остался в чертоге Сумрачных вод, Повелитель Вод почуял неладное. Он мыслил острее и намного проще, чем Се

Лянь, поэтому первым же делом заподозрил, что это подстроил Мин И. Для начала Ши Уду спрятался, чтобы тот не мог его найти, и стал наблюдать из засады. Скорее всего, их с Ши Цинсюанем перенесло в разные места, в противном случае он бы спрятался вместе с братом. Обнаружив, что Мин И передвигается вместе с Ши Цинсюанем, он схватил одного из чудиков, надел на него свои одеяния и золотой замок, затем побольнее ударил, чтобы отвлечь внимание Мин И, и внезапно атаковал, когда тот не ожидал. Действовал он, впрочем, неожиданно жестоко и беспощадно — не имея достаточных доказательств, насколько сильно Мин И замешан в случившемся, Повелитель Вод первым же делом нанёс ему смертельный удар!

Ши Цинсюань не выдержал и на бегу обернулся, как раз чтобы увидеть, как «Мин И», которому насквозь пробили грудь, полежав немного, сел. Затем опустил голову, посмотрел на кровоточащую дыру у себя в груди и медленно поднялся.

Се Ляня в тот же миг охватило пронизывающее до самого нутра отчаяние, которое передалось ему от Ши Цинсюаня. Разве кто-то, будь он даже небожителем, мог как ни в чём не бывало двигаться после такого удара? Это под силу только нечеловеческим созданиям!

Они бежали ещё некоторое время, как вдруг Се Лянь ощутил холодок по спине и крикнул:

— Осторожно!

Принц в теле Ши Цинсюаня потянул Ши Уду в сторону, и в тот же миг спереди сверкнула холодная вспышка, сопровождаемая режущим воздухом свистом. Если бы не Се Лянь, Повелителю Вод уже полоснуло бы по горлу этой вспышкой.

Невидимые воины, которых можно разглядеть лишь в отражении воды!

Ши Уду выругался, выхватил Веер Повелителя Вод и сделал взмах. С обратной стороны веера, где были изображены водные потоки, вырвалось больше полудюжины длинных и тонких водяных стрел, которые закружились вокруг них, образуя защитный круг. Теперь невидимки не могли к ним подобраться. Продолжая бежать, Ши Цинсюань то и дело оборачивался, и вдруг у него по спине пробежали мурашки.

— Он... догоняет!

«Мин И» в самом деле оказался всего в двадцати чжанах от них, шёл неспешной походкой. То есть, выглядело всё именно так, но каждым шагом он на порядок сокращал расстояние между ними, будто делал не один, а сразу несколько шагов, и вот-вот готов был ухватить обоих за шиворот!

Ши Уду, не оборачиваясь, взмахнул веером, и с поверхности артефакта слетело ещё двадцать-тридцать стремительных водяных стрел в форме драконов. Они явно были созданы из воды, но при этом в полёте издавали звук как от стальных клинков. Ещё взмах, и стрел стало в два раза больше. Через несколько взмахов уже более сотни водяных стрел летело в «Мин И» ровным строем. Если хотя бы одна достигнет цели, она пронзит противника насквозь, оставив жуткую дыру. Но случилось непредвиденное — «Мин И» смог голыми руками поймать первую же стрелу, летящую в него, и отбросить прочь, подобно верёвке. В тот же миг Веер Повелителя Вод выдернуло из рук Ши Уду!

А стоило вееру покинуть хозяина, и летящие по воздуху водяные стрелы-драконы обернулись мелким дождём, что пролился на землю. Ши Уду резко остановился и посмотрел на свои руки, не в силах поверить в происходящее. За сотни лет впервые кто-то вырвал из его рук Веер Повелителя Вод. Поняв, что им не скрыться, он рывком развернулся, покуда «Мин И», заложив руки за спину, уверенным шагом направился к ним.

С ним происходили какие-то неявные изменения, и с каждым шагом этих изменений становилось больше. И без того белоснежное лицо сделалось ещё более бледным, таким же бескровным, как у Хуа Чэна. Глаза стали более глубокими, и разумеется, взгляд заметно помрачнел. На полах первоначально простых чёрных одеяний в самых неприметных углах показался тёмный водный орнамент, вышитый тонкими нитями, таинственно переливающийся серебром. Когда он приблизился к Повелителям Ветров и Вод, то будто бы обернулся совершенно другим человеком, хотя в целом лицо осталось прежним.

Повелитель Земли не являлся Богом Войны, боевой мощи ему не доставало, да и магические силы находились на низком уровне. Однако тот, кто стоял сейчас перед ними, явно не отвечал этим двум признакам, и разница была весьма серьёзной.

Ши Уду настороженно спросил:

— Да что же ты за тварь?

«Мин И», кажется, его слова показались смешными. Прищурившись, он сказал:

— Ты находишься в моих владениях, и ещё спрашиваешь, что я за тварь?

Ши Уду спросил:

— Чёрный демон чёрных вод?

«Мин И» посмотрел на Ши Цинсюаня, но тот никак не отреагировал. Тогда Ши Уду продолжил:

— Ты всё время был Повелителем Земли? Или... — не договорив, он тоже осознал. — Вот оно как.

Однако Ши Уду понял лишь то, что Чёрный демон всё это время прятался среди чиновников Верхних Небес. Он продолжил:

— Мы с тобой никогда не задевали друг друга^[240], властвовали на разных территориях. В этот раз я попал в твои владения не по своей воле. Почему бы каждому из нас не пойти на взаимные уступки?

«Мин И» ответил:

— Значит, даже у Водяного самодура случаются времена, когда он не решается самодурировать?

Ши Уду от природы был высокомерен, и после этих слов на его лице промелькнула тень недовольства. Непреодолимые обстоятельства и присутствие младшего брата рядом вынуждали его покориться^[241], и всё же уступать Повелитель Вод не желал.

— Если бы не сложившееся неудачно для меня время и место, не думай, что я бы тебя испугался.

Однако «Мин И» в ответ лишь сделал шаг в его сторону и зловещим тоном прошипел:

— Ши Уду, взгляни, кто я такой?

Ши Уду чуть нахмурился, глядя на него. Он ведь уже не раз видел это лицо, принадлежащее Повелителю Земли, и потому не понял, что он хочет этим сказать.

— Какого ответа ты от меня ждёшь? — Помолчав, он решил, что Черновод намекает, чтобы они не раскрывали его истинной личности, и сказал: — Кто ты такой, совершенно не важно. Своим именем Повелителя Вод я клянусь, что если это не коснётся меня и моего брата, что бы ты ни задумал, я совершенно не собираюсь вмешиваться...

Не дав ему договорить, «Мин И» прохладно заметил:

— И впрямь, чем выше положение, тем хуже память, да, Водяной самодур? Когда-то ты перевернул столько записей мира людей с гороскопами рождения и именами смертных, столько сил потратил, чтобы найти меня одного... И что же, прошло всего-то несколько сотен лет, а ты уже позабыл, как я выгляжу?

Его слова заставляли черты Ши Уду искажаться с каждым мгновением. Выражение, которое обычно проявлялось на лицах простых смертных при виде призрака «вживую», теперь впервые отразилось на его лице. Зрачки Ши Уду сузились до маленьких точек, с губ сорвалось:

— Ты ещё жив?!

Хэ Сюань же холодно выплюнул:

— Я мёртв!

Потом внезапно вскинул руку, будто схватил что-то в воздухе, и поднял вверх. Се Лянь ощутил приступ внезапной боли в голове — это Ши Цинсюань попал под влияние магических сил Черновода и упал без чувств.

Се Лянь не знал, сколько времени прошло, когда его сознание вместе с сознанием Ши Цинсюаня постепенно прояснилось. Он ещё не успел открыть глаза, но уже почувствовал, как что-то то и дело трётся об него.

А когда Ши Цинсюань медленно поднял веки, обнаружил возле себя с полдюжины косматых, дурно пахнущих голов. Его окружила группа сумасшедших чудиков, которые беззастенчиво посмеивались с глупыми выражениями на лицах и при этом неустанно ощупывали Ши Цинсюаня руками. Се Лянь отнёсся к увиденному довольно спокойно, поскольку посчитал, что опасности для жизни нет. К тому же, эти чудики также не представляли для него угрозы, если не брать во внимание их ужасно грязный вид. В отличие от принца, Ши Цинсюань не на шутку перепугался и тут же попытался оттолкнуть странных незнакомцев, да только услышал звон железных цепей. Запястья и лодыжки сковало ледяным металлом, который не давал пошевелиться. Подняв голову, Ши Цинсюань обнаружил, что его руки высоко подвешены, прикованные к обшарпанной стене огромными цепями толщиной с палку.

Судя по окружающей обстановке, они вернулись в чертог Сумрачных вод. Се Лянь, как и Ши Цинсюань, ощущал, что голова раскалывается от боли, и только хотел сказать: «Ваше Превосходительство, успокойтесь, я научу вас, как выбраться из этих цепей...», но тут же заметил, что не может произнести ни звука!

Измучённый этим фактом, Се Лянь внимательно оценил своё состояние и обнаружил, что истратил львиную долю магических сил. И хотя его душа всё ещё держалась внутри тела Ши Цинсюаня, принц не мог им управлять, не имел возможности даже открыть рот и что-то сказать. Неужели магические силы, которые ему одолжил Хуа Чэн, подошли к концу?

Этого не может быть. Принц прекрасно знал, сколько необходимо магических сил, чтобы применить Перемещение души. Хуа Чэн мог передать ему больше, но никак не меньше. И всё же принц чувствовал, как магические силы непрерывно утекают, и потому неизбежно ощутил растерянность и беспокойство.

Внезапно напротив послышался хриплый голос:

— Цинсюань!

У Ши Цинсюаня всё плыло перед глазами. Он с трудом поднял голову и увидел, что его звал Ши Уду.

Его не сковывали цепи, только белые одежды стали невыразимо грязными. Ши Уду стоял на коленях, а увидев, что Ши Цинсюань очнулся, с радостью на лице попытался подойти, да только кто-то тотчас же с силой пнул его, вновь опрокинув на колени. Этот человек стоял, заложив руки за спину, на лице его угадывалось жестокое и мрачное выражение. От белизны его кожи сердце охватывал холод. Чёрный демон чёрных вод, или лучше сказать — Хэ Сюань.

За его спиной располагался священный алтарь, на котором покоились четыре блестящих чёрных горшка с прахом. А на полу валялись два разорванных веера — Веер Повелителя Ветров и Веер Повелителя Вод.

Отец, мать, сестра, невеста.

Хэ Сюань бросил:

— Поклонись.

Ши Уду, не отрывая взгляда от брата, ответил:

— Хорошо.

Затем в самом деле подполз к алтарю и, громко стучаясь лбом, отбил четырёх горшкам с прахом несколько десятков земных поклонов. Затем слегка приподнялся, но Хэ Сюань тяжело опустил ногу ему на голову, холодно вопрошая:

— Я разве позволял тебе встать?

От удара о пол лицо Ши Уду окрасилось струйками крови. Стиснув зубы, он ответил:

— ...Нет.

На глазах Ши Цинсюаня его старшего брата, который всегда был так горд, что ни перед кем не склонял головы, втоптали ногой в пол. И хотя он прекрасно понимал, что расплата даже в десятки раз тяжелее не станет чрезмерной, всё же кровь гуще воды, и родное сердце не выдержало — с губ Ши Цинсюаня сорвался крик:

— Брат...

Хэ Сюань ответил угрожающим взглядом. Даже не поднимая головы, Ши Уду понял, что Ши Цинсюань своим вмешательством всё испортит, и тут же выкрикнул:

— А ты закрой рот!

Мгновение поколебавшись, Хэ Сюань снял сапог с головы Ши Уду. Тот пришёл в неопикуемый ужас, но подняться не смог, только резко выдохнул:

— Цинсюань!

Хэ Сюань медленно подошёл к Ши Цинсюаню. Чудики явно до ужаса боялись демона — сразу разбежались в стороны с жуткими завываниями и теперь лишь украдкой поглядывали на Ши Цинсюаня, словно жаждали заполучить что-то, имеющееся при нём. Ши Цинсюань, прикованный к стене, смотрел, как к нему медленно приближается несравнимо знакомое лицо, которое теперь казалось неопикуемо чужим.

Хэ Сюань присел перед ним на корточки и, помолчав, задал вопрос:

— Страшно встретиться с истинным Божком-пустословом?

Вопрос прозвучал без тени эмоций, однако взгляд Ши Цинсюаня при этом опустел, губы задрожали, но с них не слетело ни звука.

Прежде он испытывал небывалый страх по отношению к истинному Божку-пустослову, а теперь перед ним находился тот, кто поглотил ту самую тварь и был в десятки, сотни раз страшнее, чем

кошмарные сны, которые он видел в юности. И этот ужас он должен был испытать уже давно.

Ши Уду вмешался:

— Хэ Сюань, отвечать за поступок должен тот, кто его совершил. Это я придумал использовать тебя, чтобы отвести от него напасть, мой брат здесь совершенно ни при чём.

Хэ Сюань холодно усмехнулся:

— Ни при чём? — Не отрывая взгляда от Ши Цинсюаня, он выплюнул по слову: — Твой брат — от природы посредственный, обыкновенный смертный, получил возможность вознестись на Небеса в безграничном величии. Ему досталась моя судьба, он наслаждался жизнью божества, предназначенной мне. Так скажи мне, это ли называется «ни при чём»?

Каждое слово ножом врезалось в сердце. Он говорил это Ши Цинсюаню, чтобы тот слушал и осознал, как обстоит дело, и невольно опускал голову, чувствуя, что больше не сможет поднять её никогда в жизни.

Ши Уду, насилу взяв себя в руки, ответил:

— Ты... ты же постоянно находился рядом с ним, а значит, должен понимать, что я тебе не лгу. У него такой характер, он не умеет держать язык за зубами. От начала до конца он правда ничего не знал!

Хэ Сюань сурово бросил:

— Именно это и вызывает ещё большую ненависть! С какой стати он ничего не знал?!

Голова Ши Цинсюаня опустилась ещё ниже.

С какой стати он, питаясь чужой кровью, наступая на чужие кости, вскарабкался на Небеса, а сам при этом чувствовал себя легко и привольно, нисколько не обременённый знанием о том, откуда у него всё то, что он имеет?

Хэ Сюань добавил:

— Он не знал ничего тогда, ну а теперь тоже не знает?!

Ши Цинсюань поднял голову, его голос дрогнул:

— Мин-сюн, я...

Хэ Сюань выкрикнул:

— Замолчи!

Его лицо практически сделалось зверским, от одного взгляда Ши Цинсюаня прошиб озноб, и он замолчал, будто цикада зимой.

Хэ Сюань резко поднялся и принялся ходить из стороны в сторону по залу чертога Сумрачных вод.

— Я давал тебе шанс! — низко рявкнул он.

Ши Цинсюань закрыл глаза и сжал кулаки. Се Лянь вспомнил наполненную гневом фразу, произнесённую Хэ Сюанем в посёлке Богу: «Хорошо. Хорошо!» И ещё тот раз, когда Ши Цинсюань вознамерился вместе с Пэй Мином отправиться к Восточному морю, а «Мин И» хотел его остановить.

Но каждый раз... Ши Цинсюань избирал помочь Ши Уду.

Он тихо проговорил:

— Прости...

Хэ Сюань остановился и спросил:

— Какой прок мне от твоих извинений?

Четыре горшка с прахом стояли в ряд прямо перед Ши Цинсюанем, словно насмешка в ответ его простенькому извинению. От их вида становилось только больнее, нутро жгла тревога, и казалось, что ни скажи — тебя грубо поставят на место.

Ши Цинсюань произнёс:

— Знаю, прока нет, но я...

Хэ Сюань равнодушно перебил:

— Но — что? Ты знаешь, что прока нет, но всё равно стараешься выразить свою искренность, надеешься меня растрогать, надеешься, что я забуду об отмщении и сброшу груз ненависти?

Ши Цинсюань поспешил ответить:

— Нет! Вовсе нет! Я не это имел в виду! Я только... я только... я... я правда думаю, что очень виноват перед тобой. Правда. Мин... Хэ... Молодой господин Хэ. Я знаю, мы с братом оба совершили ошибку, и когда всё зашло так далеко, уже ничем не поможешь, так что...

Хэ Сюань, слушая, переспросил:

— Так что?..

В эту самую минуту любые разговоры были бессмысленными, и Ши Цинсюань, хоть и очень старался, не мог подобрать больше слов.

Хэ Сюань холодно произнёс:

— Говори! Что же ты замолчал. Так что ты согласен искупить вину смертью?

Ши Цинсюань замер. Ши Уду, не в силах слушать, закричал:

— Хэ Сюань!!! Изначально вина лежит на мне и на истинном Божке-пустослове, а Цинсюань, пусть даже виноват, не заслуживает смерти, и ты...

Хэ Сюань перебил:

— И кто же из пятерых членов моей семьи был виноват? Кто из нас заслуживал смерти?

Ши Уду запнулся. А Хэ Сюань спросил снова:

— Говори. Ты согласен?

Ши Цинсюань прошептал:

— Я согласен.

Демон ответил холодной усмешкой. Поскольку Ши Цинсюань опустил голову, Се Лянь не видел выражения его лица, а если бы даже увидел, наверное, не смог бы понять, какие мысли за ним скрываются.

Спустя мгновение Хэ Сюань отошёл от него, всё так же с руками за спиной. Тогда сумасшедшие снова окружили Ши Цинсюаня, кто-то схватился за ногу, кто-то за руку, не желая отпускать, кто-то стал дёргать за волосы, кто-то повис на шее — у каждого глаза горели алчным блеском, словно они желали живьём сожрать Ши Цинсюаня. Даже Се Лянь, которому приходилось жить среди нищих попрошаек, почувствовал, как мурашки пробежали по душе, и подумал: «Кто все эти люди? Для чего Чёрный демон притащил сюда целую толпу сумасшедших?»

Ши Цинсюань же молча терпел, как его тягают из стороны в сторону, не смея даже пискнуть.

Хэ Сюань некоторое время стоял в стороне, холодным взглядом наблюдая за ним, затем заговорил:

— Тебе известно, что это за люди?

По лицу Ши Цинсюаня шарили тощие пальцы, подобные когтям, при этом он боялся даже выдохнуть. Разумеется, ему сейчас было не до размышлений о том, кто эти люди.

Он покачал головой, а Хэ Сюань произнёс:

— Гнилые, ни на что не годные судьбы, хуже судьбы последней твари, судьбы, которые довели своих обладателей до сумасшествия.

Принца посетила смутная догадка, и его душу постепенно охватило холодом. Ши Уду тоже мгновенно всё понял и широко округлил глаза:

— Ты?!..

Хэ Сюань, стоя между двумя братьями, ледяным тоном сказал:

— А сейчас я даю вам выбор. — Вначале он указал на Ши Уду. — Первый путь. Ты выберешь из этой толпы одного, с кем поменяешь судьбу своего младшего брата. А потом сам станешь простым смертным.

Глаза Ши Уду заполнились кровавыми прожилками, плечи затряслись.

Хэ Сюань продолжал:

— Раз уж тебе так нравится менять чужие судьбы, думаю, ты в этом деле поднаторел достаточно, учить тебя не нужно.

Предложение Хэ Сюаня выглядело жестоким коварством, если не знать всей подоплёки событий. Изначально Ши Цинсюаню предназначалась судьба праздного богача, живущего в благости, покое и радости, пусть даже без возможности стать небесным божеством. Но если поглядеть на этих людей... Каждый либо весь покрыт гниющими язвами, либо измучен до потери рассудка. Ясно без слов, что нет ни одного среди них, кого не преследуют беды и страшные несчастья. И если Ши Цинсюань поменяется с кем-то из них местами, его будет ждать такая же трагическая судьба! Обладателя судьбы, которая приводит своего хозяина к сумасшествию, несомненно ждут неиссякаемые муки и невзгоды.

Испытание Небесной карой Ши Уду провалил, это очевидно. А когда его преступление раскроется, наказание будет неизбежным. Низвергнутый в мир людей, он не сможет вновь изменить судьбу Ши Цинсюаня. Один — простой смертный, лишённый магических сил, другой — обладатель несчастной судьбы, прогнившей до сердцевины. Как им дальше жить на свете?

Ши Уду резко выдохнул и сквозь зубы прошипел:

— Каков второй путь?

Хэ Сюань продолжил:

— Второй путь. Ты. — На этот раз он переместил неотрывный взгляд к Ши Цинсюаню. Слова по одному слетали с его губ: — Я не трону твою судьбу. Но ты, прямо здесь, на моих глазах отрежешь голову своему брату!

«Цзынь!» — с громким звоном он швырнул покрывшийся ржавчиной клинок на пол. Ши Цинсюань уставился на оружие, широко распахнув глаза.

Хэ Сюань добавил:

— И после никогда не появишься передо мной. Тогда я сделаю вид, что тебя на этом свете не существует.

Ненависть, вьевшаяся в кости, которую он носил в себе несколько сотен лет, наконец достигла крайней точки и вырвалась на свободу. Кто угодно сейчас мог увидеть воочию, как в его глазах горит безумие, кто угодно понял бы, что его речи — это не просто слова.

Спустя несколько мгновений молчания Ши Уду прохрипел:

— Я сделаю это сам. Я покончу с собой, идёт?

Хэ Сюань возразил:

— У тебя нет права со мной торговаться.

Ши Уду глянул на Ши Цинсюаня и пробормотал:

— Ты ведь хочешь погубить нас обоих!..

Ши Цинсюаню, впрочем, его безнадежность не передалась, он поспешно воскликнул:

— Брат! Брат! Давай... давай выберем первое. Первое.

Но Ши Уду спустя некоторое время успокоился и возразил:

— Нет. Я выбираю второе.

Ши Цинсюань обескуражено произнёс:

— Но почему второе? Разве не лучше, если мы оба останемся живы? Брат, давай выберем первое, второе никак выбирать нельзя, я не смогу, правда.

Ши Уду в гневе выкрикнул:

— Замолчи! Ты что, меня не знаешь? Разве я смогу жить, потеряв всё, и глядя на то, как ты превратился в подобную грязную тварь?! Лучше я умру от злости!

Ши Цинсюань воскликнул:

— Брат! Оставь... Лучше плохая жизнь, чем хорошая смерть. К тому же, если честно, подумай сам, мы ведь... мы ведь уже прожили несколько сотен лет хорошей жизни, и уже... уже... — он начал запинаться, словно вспомнил, как ему достались эти годы хорошей жизни, и от стыда не решился больше продолжать.

Хэ Сюань холодно взирал на них со стороны. Ши Уду наконец удалось с трудом подняться на ноги. Он схватил клинок, покрытый пятнами ржавчины, пошатываясь, добрался до стены и схватил Ши Цинсюаня за плечо.

— Давай! — затем быстро прошептал: — ...Найди генерала Пэя, попроси его позаботиться о тебе.

Пугающе тяжёлым клинком, покрытым ржавчиной, трудно убить даже курицу, не говоря уже о человеке. Если таким орудием резать кому-то голову, несчастного ждёт невыносимая боль. Ши Цинсюань от страха не смог удержать его в руках, уронил на пол и закричал:

— Оставь, брат, довольно! Ты ведь сам мне говорил, что все люди на свете должны отвечать за себя, ну кто ещё станет заботиться о нас?! Мы всегда сами заботились о себе, разве нет? Не давай мне его, не давай!

Ши Уду крикнул:

— Цинсюань! Не будь таким жалким! — а потом с горькой усмешкой добавил: — ...Прозвище твоего брата — Водяной самодур, и тебе это тоже известно. Сколько раз я шёл против правил, сколько волн вздымалось по моему приказу, если не тысяча, то восемь сотен уж точно наберётся. На Небесах и под ними — повсюду я нажил врагов. Если я умру, будет не столь ужасно. Моя смерть разрешит все проблемы, они тебя не коснутся. Но если я останусь жив и при этом лишусь всего, тогда-то меня и ждёт жизнь, что хуже смерти. Потеряв статус водного божества, я никак не смогу о тебе позаботиться, даже о себе не смогу. И тогда, боюсь, не пройдёт и пары дней, и нас с тобой... Возьми!

Ши Цинсюань чуть не плакал от страха, срывающимся голосом он закричал:

— Нет! Нет, нет, нет, нет, брат, я правда не смогу! Не заставляй меня, не впихивай мне этот тесак!!! Спасите, спасите, спасите!!!

В такой момент он вдруг принялся изо всех сил звать на помощь, срывая голос.

Ши Уду воскликнул:

— Не волнуйся! Не надо бояться, Цинсюань, это не так больно, как поменяться судьбой и лишиться магических сил...

Хэ Сюань терпеливо наблюдал до этого момента, но тут вдруг отвесил Ши Уду пинок. Тот, совершенно не готовый к этому, прокатился по полу, истекая кровью изо рта, и замер, будто не мог больше подняться.

Ши Цинсюань, прикованный к стене, завопил:

— Брат!

Хэ Сюань со злостью прошипел:

— Закрой рот! Довольно показывать мне это тошнотворное представление о ваших братских чувствах, оно здесь никого не растрогает!

Внезапно Ши Уду, выплюнув полный рот крови, перевернулся и одним прыжком оказался возле Ши Цинсюаня, схватив того за горло. Се Ляня обуяло потрясение, он почувствовал, как не хватает дыхания, как кровь приливает к лицу мощным потоком.

Ши Цинсюань с трудом проговорил:

— Брат?..

Ши Уду, сжимая зубы, сквозь которые сочилась кровь, ответил:

— Цинсюань! Я не смогу уйти спокойно, зная, что ты в таком положении! Если я умру, ты тоже наверняка не выживешь в этом мире. Лучше уйдём вместе!

Он вдруг сильнее сжал пальцы, и перед глазами у Ши Цинсюаня потемнело, а из горла вырвался сдавленный стон, словно он лежал на смертном одре.

Се Лянь потрясённо подумал: «Неужели Повелитель Вод и впрямь задушит Повелителя Ветров?!»

Но вскоре руки на его горле вновь ослабли, внутрь ринулась волна воздуха, и Ши Цинсюань зашёлся кашлем, насилу отдышавшись. Теперь перед ним стоял Хэ Сюань. Он разом оторвал Ши Уду обе руки в районе предплечий, которыми тот только что сжимал горло брата.

Раздался его холодный голос:

— Разве я давал тебе третий путь?

Обе руки Ши Уду были оторваны, кровь хлестала как из фонтана, и всё же он громко расхохотался. Хэ Сюань бросил его руки на пол, словно какой-то мусор, и спросил:

— Над чем ты смеёшься?

Ши Уду встряхнул пустыми, промокшими от крови рукавами.

— Я смеюсь над тобой! Думаешь, одержал верх?! Тебе кажется, что месть, свершённая спустя столько лет, проведённых в тени, принесёт тебе радость?

Хэ Сюань ответил ему:

— Видеть тебя на последнем издыхании действительно приносит немалую радость!

— Правда? Тогда я скажу тебе, что и мне весьма отратно! — Обрубками, из которых фонтаном лилась кровь, он «схватил» Хэ Сюаня за ворот. — Потому что я вижу, как ты сейчас разгневан, как ты страдаешь, как ненавидишь — ненавидишь так, что едва не стираешь зубы в крошево, но тебе всё равно уже не вернуть своих близких, ты всё равно остаёшься тем же демоном из сточной канавы, и как ни топай ногами, толку от этого не будет, потому что они давным-давно мертвы, каждый из них! А я и мой брат прожили так долго, столько лет занимали посты небесных чиновников! И пускай теперь всё кончено, как и наша жизнь, он остался в выигрыше, и я всё-таки победил! Разве мне сейчас не радостнее, чем тебе? Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Пока Хэ Сюань слушал эти речи, его бледное лицо постепенно менялось, словно в мёрзлой пустоши разгоралось демоническое пламя. Атмосфера в помещении, где они находились, кажется, даже сделалась намного холоднее.

Ши Цинсюань, не в силах пошевелиться от ужаса, хрипло проговорил:

— Брат, перестань, перестань, пожалуйста! Брат, во имя Небес, что ты такое говоришь?.. Что за чушь ты несёшь...

Хэ Сюань резким движением схватил Ши Уду за шею.

— Ты... нисколько не раскаиваешься!

Ши Уду разобрало безумным смехом.

— Раскаиваюсь? Пфф! Сейчас умру от смеха! И не совестно тебе, Хозяину чёрных вод, непревзойдённому Князю Демонов, говорить со мной о раскаянии? Я скажу тебе, такого не бывает на свете!

Ши Цинсюань издал крик ужаса, но Ши Уду лишь выше вскинул голову.

— Всего, что у меня было, я добился в борьбе. То, чего я не имел, за то боролся сам; судьбу, что не была предначертана, я менял сам! Моя судьба зависит от меня, а не от Небес!

Се Лянь впервые слышал подобное объяснение фразы «моя судьба зависит от меня, а не от Небес», и даже сквозь накатывающие волны страха ощутил немалое удивление. Хэ Сюань тем временем тоже расхохотался, будто те уверенность и бесстрашие, а также смертельное нежелание признавать ошибку, что звучали в речах Ши Уду, буквально открыли ему глаза. Его лицо становилось всё более устрашающим.

Ши Цинсюань на грани срыва заговорил:

— Брат... Умоляю тебя, умоляю, хватит говорить, пожалуйста, скорее замолчи. Спасите!..

Заносчивое выражение на лице Ши Уду не померкло ни на миг.

— Цинсюань, брат уйдёт первым и будет ждать тебя внизу. Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Не дожидаясь, пока он договорит, Хэ Сюань положил ладонь на голову Ши Уду и схватил за волосы. Ши Цинсюань, у которого душа была готова вылететь из тела, звенел железными цепями о стену и кричал:

— Мин-сюн! Мин-сюн! Прости, прости-прости-прости-прости-прости! Это всё моя вина, это я виноват! Мой брат поступил так лишь из-за меня! Он сошёл с ума, он сошёл с ума! Ты разве не видишь?! Я... я... ты... ты...

Ши Цинсюань хотел бы молить его о милосердии, но мольбы никак не сходили с языка, получалось лишь взглядом бить земные поклоны. Хэ Сюань посмотрел на него, и вдруг, будто его посетило какое-то смутное воспоминание — движения, чуть затронутые спокойствием, застыли.

При виде этого Ши Цинсюань, словно схватился за последнюю нить надежды, с облегчением выдохнул, и слёзы наконец покатались из его глаз. Но ни одна так и не успела разбиться о пол.

Раздался холодный, бессердечный голос Хэ Сюаня:

— Ты не к тому обратился.

В следующий миг он резким движением руки оторвал голову Ши Уду от шеи!

— А-А-А-А-А-А-А-А-А...!!!

Голова Ши Уду отделилась от тела, и из неровной рваной раны хлестанула кровь, которой окропило одежду и лицо Ши Цинсюаня. Тот, не выдержав, наконец разразился криком, будто сошёл с ума.

Тем временем безумцы, увидев безголовый труп, который стоял, не падая, нашли его весьма занимательным и принялись бесноваться от радости — забегали вокруг него, оставляя на полу кровавые следы голых ног. На бегу чудики хлопали в ладоши и выкрикивали:

— Ой-ой-ой! Мёртв, мёртв!

— Мёртв, мёртв! Хи-хи-хи!

Неизвестно, сколько ещё Ши Цинсюань продолжал кричать. Казалось, его душа от крика вылетит из тела. И неизвестно, когда эти крики стихли. Но когда сознание Се Ляня прояснилось следом за его сознанием, он уже довольно долго сидел на окровавленном полу.

Хэ Сюань стоял неподалёку, подняв одной рукой голову Ши Уду с широко распахнутыми глазами и взирая на неё сверху вниз. Потом демон бесстрастно обратился к Ши Цинсюаню:

— Ничего не хочешь сказать?

Ши Цинсюань неотрывно пялился на горшки с прахом, которые стояли перед ним на священном алтаре, а ещё на два сломанных веера, лежащих на полу.

Спустя долгое время он, запинаясь, произнёс:

— Я хочу умереть...

Хэ Сюань равнодушно бросил:

— Размечтался.

После Хэ Сюань протянул к нему руку, и Ши Цинсюань закрыл глаза.

В тот же миг душу Се Ляня вдруг выдернуло из тела и подняло высоко-высоко!

Сверзившись с этой высоты, принц открыл глаза и обнаружил себя безвольно лежащим в объятиях человека в красных одеждах. Хуа Чэн легонько придерживал его за подбородок и одаривал по-настоящему глубоким поцелуем. Так вот почему Се Лянь ощущал, как стремительно утекают магические силы, поддерживающие заклинание Перемещения души. Выходит, Хуа Чэн избрал самый быстрый и эффективный способ, чтобы забрать обратно все магические силы, которые только что сам передал Се Ляню, и тем самым успешно вернуть душу принца в тело.

Заметив, что Се Лянь пришёл в себя, Хуа Чэн немного отстранился, собираясь прекратить поцелуй. Но Се Ляня, охваченного волнением, совершенно не заботили лишние мысли — он вскинул руки и крепко обвил Хуа Чэна за шею, чтобы вернуть себе магические силы, которые тот забрал себе.

Хуа Чэн, очевидно, ничего подобного от принца не ожидал и на миг растерялся, отчего поток магических сил повернулся вспять. Се Лянь, боясь, что тот вновь отстранится, впопыхах схватил Хуа Чэна за лицо, перевернулся, прижав демона к земле, и ощутил, как

прохладный волшебный поток вновь возвращается в тело, по горлу достигает живота и становится тёплым. Внезапно дверь монастыря Водных каштанов скрипнула, и наружу выползло нечто, похожее на огромную зелёную гусеницу.

— И откуда же, мать его, этот псом вылюбленный смельчак выискался?! Какой бандит, промышляя воровством, доворовался до того, что решил потревожить сон самого меня, апчхи! Да если я не... — не успев договорить, «гусеница» увидела снаружи монастыря два переплетённых в жарком поцелуе тела. Один белый, другой красный, кто же это ещё мог быть? В тот же миг раздался пронзительный визг: — Ий-я-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Хуа Чэн приподнял руку, намереваясь схватить Се Ляня за плечо, но услышав галдёж, повернул ладонь в другую сторону. Ци Жун, ойкнув, отлетел за дверь, которая с громким стуком захлопнулась. Хуа Чэну наконец удалось перевернуться, придавив собой Се Ляня, оторвать от него лицо и немного отдышаться. Его глаза сверкали тёмным блеском.

— Ваше Высочество!

Се Лянь, не успевая ничего объяснить, вновь схватил его за шею и притянул к себе. Вытянув достаточно магических сил, принц перевёл дух и снова воскликнул:

— Пере... мещение души!

Но случилось непредвиденное — в этот раз, едва его душа вылетела из тела, как натолкнулась на стену, не достигнув небес, и тяжело упала обратно в своё тело, отчего Се Лянь даже вскрикнул. Открыв глаза, принц увидел над собой всё то же небо, полное звёзд, и слегка взволнованного Хуа Чэна.

Се Лянь сел, схватился за голову и пробормотал:

— Больше не пройти...

Ши Цинсюань мёртв? Или Чёрный демон чёрных вод усилил барьер? Не важно, что конкретно произошло, ясно одно — Се Лянь больше не сможет проникнуть в сознание Ши Цинсюаня. Даже если прямо сейчас отправится к Южному морю, наверняка не успеет.

Видя его растерянность, Хуа Чэн произнёс:

— Ваше Высочество, прости.

Се Лянь посмотрел на него. Хуа Чэн добавил:

— Но... в это дело посторонним не вмешаться.

Се Лянь махнул рукой.

— ...Ты не должен извиняться. На самом деле, даже будь я там, ничем бы не помог.

При помощи Перемещения души принц мог попасть в тело Ши Цинсюаня, но тот сейчас был всего лишь простым смертным. И даже если бы Се Лянь помог ему выбраться из цепей, как противостоять Хозяину чёрных вод в его же владениях? Не вышло бы даже сбежать.

Немного придя в себя, Се Лянь быстро присоединился к сети духовного общения.

— Линвэнь, вы уже в пути?

— Ваше Высочество! Почему вы вдруг так внезапно пропали? Мы уже послали отряд в Южное море, вернулся Его Высочество Циин, вскоре он тоже отправится туда. Но в Чёрные воды не так-то просто попасть, и неизвестно, когда мы сможем их найти.

Се Лянь хриплым голосом ответил:

— Подождите, я отправлюсь с вами. Возможно, удастся припомнить дорогу. Только мне придётся просить вас послать кого-то за мной в монастырь Водных каштанов.

— Хорошо, он скоро будет.

Се Лянь удивлённо обернулся, но Хуа Чэна уже не увидел, зато к монастырю Водных каштанов приближались двое младших небожителей, а за ними вышагивал высокий юноша с чёрными кучерявыми волосами. Цюань Ичжэнь.

Се Лянь чуть склонил голову, можно считать, в знак приветствия, но Цюань Ичжэнь не ответил на жест, словно не понимал в церемониале. Впрочем, Се Лянь не придавал этому значения. Оглядевшись по сторонам и не увидев Хуа Чэна, он понял, что тот предоставил ему время, чтобы со всем разобраться.

Двое Богов Войны с отрядом младших небожителей выдвинулись в Южное море. По совету Се Ляня они на всякий случай приготовили несколько десятков тяжелых гробов, в которых когда-то клали покойников. Лодка несколько часов летела по морю, пока на водной глади впереди не показалось кое-что необычное.

Множество огромных мёртвых костяных рыб качались на волнах и бились в борта лодки. Небожители насторожились.

— Мы уже почти на месте?!

Се Лянь возразил:

— Должно быть, пока нет. Когда заплывём в Чёрные воды, лодка не сможет держаться на плаву, да ещё передвигаться с такой скоростью.

Но это явно были следы позавчерашнего побоища с участием генерала Пэя и Повелителя Вод. Цюань Ичжэнь всё время пути сидел на палубе на корточках, не меняя этой непростой позы. И вдруг он сказал:

— Впереди какой-то чёрный остров. Это место, которое мы ищем?

Се Лянь пригляделся и действительно увидел впереди чернеющую землю. Издали она и впрямь очень походила на остров Чёрных вод!

Принц чуть нахмурился и произнёс:

— С виду очень похоже. Но как мы могли обнаружить его так просто? И почему лодка не потонула? Господа, проявляйте осторожность, берегитесь западни.

В следующий миг принц понял, что это не западня. Поскольку на берегу показалась фигура, которая под палящим солнцем при помощи драгоценного меча, что привык рубить головы вражеским предводителям, обрабатывает дерево и делает гробы. Рядом стояли уже три готовых гроба, и мужчина как раз заканчивал четвёртый.

Се Лянь тут же замахал руками и закричал:

— Генерал Пэй! Это генерал Пэй, это тот самый остров, всё верно!

Джонка немедленно сменила курс и на всех парусах помчалась к острову. Увидев спасательный отряд, Пэй Мин, впрочем, ни капли не обрадовался. Он воткнул меч в песок, потёр нос и сокрушённо произнёс:

— Вы прибыли ни раньше, ни позже, а именно тогда, когда я уже почти всё доделал. Как это понимать?

Цюань Ичжэнь ответил:

— Скажи спасибо, что вообще кто-то прибыл. Услышав, что нужно спасти тебя, все сказались на занятость.

Пэй Мин с лицом «я не собираюсь препираться с маленьким ребёнком», повернулся к Се Ляню.

— Ваше Высочество, вы вернулись раньше? Но как вы сделали лодку, которая способна держаться на волнах в Чёрных водах?

— Думаю, дело не в лодке. Рассеялось проклятие с самих Чёрных вод.

Пэй Мин удивлённо замер, затем попробовал мечом срубить огромное дерево и обнаружил, что магические силы действительно вернулись в полной мере. Несколько мгновений он безмолвствовал, затем покачал головой.

— Если бы я раньше узнал об этом, разве пришлось бы мне с таким трудом делать эти гробы?

И он был совершенно прав, ведь получается, что всю ночь он трудился напрасно. Сделал четыре гроба, вот только троим уже без надобности.

Отряд небожителей высадился на острове и направился прямо к центру леса. Мелкие демоны, прячущиеся в густых зарослях, никогда не сталкивались с подобным вторжением и от страха разбежались кто куда. Оказавшись у озера Чёрных вод, небожители также не обнаружили невидимых солдат. А без вмешательства чужой магической ауры им вскоре удалось, после некоторых размышлений, разрушить иллюзию, и перед ними появилась темница на берегу и чертог Сумрачных вод.

Переступив порог чертога Сумрачных вод, Се Лянь снял с постамента скелет в чёрных одеждах и вместе с ним помчался обыскивать залы. Очень скоро он обнаружил то самое помещение. Окровавленные кандалы на обшарпанной стене пустовали. В центре зала лежал безголовый труп, из которого вытекла уже вся кровь. Толпа сумасшедших бросалась в тело чем попало. Стоило появиться небожителям, и чудики воодушевились ещё сильнее.

Пэй Мин, оказавшись в зале, долго стоял столбом, пока наконец не осознал, кто перед ним, и потрясённо воскликнул:

— Водяной шисюн!..

Се Ляню уже всё было известно, поэтому он сказал:

— Попрошу вас обыскать это место и весь остров. Нет ли здесь Его Превосходительства Повелителя Ветров или... его тела.

Но как бы они ни искали, на острове не нашлось и следа Ши Цинсюаня.

Неужели Чёрный демон чёрных вод забрал Повелителя Ветров с собой? Или же Повелитель Ветров был сразу убит, а труп брошен в море, на корм рыбам?

В самый последний решающий момент Ши Уду, беснуясь, спровоцировал Хэ Сюаня на убийство. Он умер, но всё же не от руки Повелителя Ветров. В таком случае, станет ли Хэ Сюань по первоначальному замыслу менять судьбу Ши Цинсюаня?

Прогнав надоедливых сумасшедших, Пэй Мин склонился над телом и долго молчал, погружённый в свои мысли, потом со вздохом произнёс:

— Водяной шисюн, ты всю жизнь был гордецом, но вот какой конец тебя постиг. Неизвестно даже, закрылись ли твои глаза. И впрямь, чем выше заберёшься, тем больше падать. В жизни может случиться всякое, и от судьбы не скроешься. Даже поднявшись наверх и став богом, ты не избежал своей участи.

Цюань Ичжэнь, в отличие от Пэй Мина, таких переживаний не испытывал. Только и слышался частый стук его шагов — он вдоль и поперёк оббежал весь чертог Сумрачных вод, затем пару раз глянул на тело и с любопытством спросил:

— А где его голова?

Се Лянь ответил:

— Чёрный демон чёрных вод забрал с собой.

Пэй Мин спросил:

— Но какая месть, какая ненависть связывала Повелителя Вод и Чёрного демона? И кстати, где Цинсюань? Где Повелитель Земли? Неужели трое Повелителей — Вод, Земли и Ветров, погибли разом?

— Между ними действительно существовала месть и ненависть размером с небеса. Повелитель Земли... смотря, о котором вы спрашиваете. Настоящий здесь, у меня в руках, а фальшивый как раз и унёс с собой голову Повелителя Вод.

— Что?!

Се Лянь, глядя на него, спокойно сказал:

— Генерал Пэй, должно быть, не осведомлены. Фамилия Чёрного демона чёрных вод — Хэ, имя — Сюань.

Пэй Мин слегка изменился в лице. Видимо, о том, что сотворил Ши Уду, Пэй Мин и Линвэнь всё-таки кое-что знали. Но сколько именно им известно, осталось загадкой.

Покуда все необходимые доклады были отправлены, все необходимые зачистки проведены, прошёл почти целый день. Когда Се

Лянь снова вернулся в деревню Водных каштанов, его шаги выдавали усталость.

Едва принц открыл дверь монастыря, до него донеслись демонические вопли Ци Жуна:

— Паршивый пёс Хуа Чэн! Псом вылюбленный Се Лянь! Вы двое совсем стыд потеряли, чтоб вас! Посреди ночи, вашу мать, до смерти демона напугали!!! Ослепили меня, господина хорошего, и платить за ущерб не собираются!!!

Услышав бесконечный поток грязной брани, Се Лянь моментально вспомнил ужасающее зрелище того, как они с Хуа Чэном ночью по очереди валяли друг друга по земле, вытягивая магические силы. Тогда ничего непристойного принц в этом не увидел, но теперь от смущения не знал, куда спрятаться, едва не выбежал прочь, хлопнув дверью. Хуа Чэн сидел, прислонившись к спинке стула и закинув сложенные ноги на стол, которые тут же опустил, услышав, как вошёл Се Лянь. Затем не глядя отвесил Ци Жуну подзатыльник, отправляя того в беспамятство, и поднялся на ноги.

— Гэгэ.

Се Лянь в ответ кивнул, закрыл за собой дверь, прошёл мимо лежащего на полу Ци Жуна, свёрнутого как зелёная гусеница, и сел.

— Гуцзы и Лан Ин вышли поиграть?

Хуа Чэн ответил:

— Ага, я их отпустил. Тебе нелегко пришлось.

— Нет. Это тебе пришлось нелегко.

Хуа Чэн усмехнулся. Спустя мгновение он сказал:

— Я думал, гэгэ будет меня винить.

Се Лянь покачал головой.

— Сань Лан, к чему такие мысли? Я правда не собирался. Честно говоря, насчёт случившегося ты был прав. Посторонним в самом деле... вмешиваться не с руки. — Подумав, он всё-таки спросил: — Сань Лан, на твой взгляд, как Чёрный демон поступит с Повелителем Ветров?

Хуа Чэн помолчал, прежде чем ответить:

— Мне это неизвестно. Характер у Черновода очень странный. Он столько лет провёл в одиночестве, никому не дано понять, что у него на уме.

«Никому не дано понять, что у него на уме» — Се Лянь вдруг вспомнил, что это расхожая фраза в чертогах Верхних Небес, которой многие небожители характеризуют Собирателя цветов под кровавым дождём.

Хозяин чёрных вод — выходец из горы Тунлу, который выжил в битве с десятками тысяч демонов. Как и Хуа Чэн. Хэ Сюань многие годы провёл в одиночестве, и, должно быть, Хуа Чэн прожил один не меньше.

Хозяин чёрных вод стал сегодняшним Хозяином чёрных вод из ненависти. Но что же насчёт Собирателя цветов под кровавым дождём?

Что сделало Хуа Чэна таким, каков он есть сейчас?

В сознании Се Ляня замелькало множество мыслей, он помотал головой, чтобы отбросить те из них, что касались «благородной золотой ветви с яшмовыми листьями», привёл эмоции в порядок и сказал:

— Но только, Сань Лан, я не могу понять одного. Наверняка Повелитель Вод провернул дело с подменой очень скрытно, да и столько лет ему удавалось всех дурачить... Как Черновод обо всём узнал? Если это неудобный вопрос, можешь не отвечать.

— Он ведь сбежал, сменив свои владения, и больше не будет самозванцем на Небесах. Что ж тут неудобного? Всё очень просто. Той ночью, когда Черновод умирал, Ши Уду пришёл к нему, чтобы лично в этом убедиться.

— Видно, потому, что лишь после смерти жертвы истинный Божок-пустослов стал бы искать другую цель?

— Да. Черновод не знал, кто этот человек, но запомнил его лицо. Потом, уже будучи демоном, Черновод кое-что разузнал про обитателей на небе и под землёй, тогда и обнаружил, что это водное божество.

Вот оно что. Впрочем, это довольно странно. С чего вдруг величественному водному божеству без веской на то причины вдруг узнавать, как умер простой смертный?

— Но ведь он не мог сразу прийти к выводу о замене судеб?

— Поэтому ему и пришлось подменить настоящего Повелителя Земли, чтобы затесаться в ряды чиновников Верхних Небес и обо всём разузнать. Смелость понадобилась немалая.

Се Лянь протянул:

— Если бы не убийство настоящего Повелителя Земли и тот инцидент с двумя сотнями рыбаков, которые попали в шторм, его бы можно было охарактеризовать как «смелого и рассудительного» человека.

Хуа Чэн однако возразил:

— Гэгэ, кто конкретно убил настоящего Повелителя Земли, мне неизвестно, но боюсь, тех рыбаков в Восточное море забросил кое-кто другой^[242].

«Думы в разлуке». Горячее сердце нарушило строки чернил

Се Лянь удивился:

— Но кто это мог быть? Да и по логике в подобный шторм могло затянуть не более пятидесяти человек.

Хуа Чэн ответил:

— Могу предположить, что тот же, кто послал к тебе пустую оболочку под видом монаха во время инцидента с Крепостью Баньюэ.

Выходит, что всегда существует чья-то рука, которая толкает принца в самый центр конфликта?

Се Лянь ощущал полнейшую растерянность.

— Но какова его цель?

Хуа Чэн задумчиво покачал головой. Снаружи вдруг послышался радостный детский смех, и Хуа Чэн перевёл зоркий взгляд в сторону звука. Се Лянь, посмотрев в том же направлении, через окно увидел играющих детей — Гуцзы, совершенно беззаботный ребёнок, катался на плечах Лан Ина.

Разумеется, четыре новости — хитроумный обман Повелителя Вод, истинная личность «Повелителя Земли» и настоящая судьба Повелителя Ветров, а также пропажа головы Ши Уду — стали четырьмя раскатами грома среди ясного неба, которые потрясли всех, и каждый звучал громче другого. Среди чертогов Средних и Верхних Небес поднялись горячие обсуждения.

На некоторое время все оказались настолько ошеломлены, что никто не знал, что в таком случае лучше сказать. Даже во дворце Шэньу никто не выдвинул дельного предложения, да и сам Цзюнь У, казалось, скоро не удержит ладонью лоб.

Мин И всегда мало общался с другими небожителями, только такой как Ши Цинсюань, дружелюбный и приставучий, мог с ним сдружиться. Остальные не могли похвастаться близкими отношениями с ним, и всё же мысль о том, что среди них оказался легендарный непревзойдённый Князь Демонов, стала поистине серьёзным ударом.

Чтобы сыграть роль Повелителя Земли, Князь Демонов за долгие годы приложил немалые усилия, заполучил расположение множества последователей в мире людей и даже вошёл в десятку лучших на Состязании фонарей во время праздника Середины осени. Занял место более высокое, чем подавляющее большинство чиновников Верхних Небес! Немыслимо и пугающе. Не зря он удостоился титула непревзойдённого Князя Демонов. Дошло до перешёптываний — окажись среди них прямо сейчас Хуа Чэн либо кто-то из его подчинённых, потрясение было бы в разы меньше.

Никто не стал поднимать вопрос о личных счётах Чёрного демона чёрных вод с Повелителем Вод Уду, но настоящий Повелитель Земли И всё-таки погиб от руки Черновода, в этом ни у кого не оставалось сомнений. Поэтому с Верхних Небес спустили приказ об аресте Чёрного Демона. Однако каждому было ясно — пожелай непревзойдённый Князь Демонов спрятаться, и найти его будет не так-то просто.

Случилось то, что называют «когда падает стена, её толкают все». Ранее, когда Повелители Ветров и Вод находились на вершине славы, один их зов встречал всеобщее одобрение. Ши Уду всегда являлся для всех луной среди звёзд, но после его трагической гибели никто не осмелился даже вздохнуть в его поддержку. Ши Цинсюань обожал заводить друзей, всегда был щедр на дары, но теперь все его бесчисленные «друзья» подевались неизвестно куда.

Пэй Мин забрал с острова обезглавленное тело Повелителя Вод. В день похорон почти никто не пришёл — кроме Се Ляня и Линвэнь явились лишь несколько небесных чиновников. Се Лянь вспомнил, что за последние дни, намеренно ли, случайно ли, а кое-кто в мире людей уже начал сжигать и рушить храмы Ветров и Вод. Сам принц, не в

силах смириться с этим, несколько раз мешал подобным деяниям. Но со временем люди заметят, что божества, которым они молятся, утратили силу, и дальше будет только хуже — процесс можно остановить на время, но всю жизнь препятствовать ему нельзя. Пройдёт ещё лет десять-двадцать, а то и меньше, и народ позабудет о двух божествах, которые когда-то стояли на самой вершине Верхних Небес. Думая об этом, принц невольно печалился.

По завершении церемонии Се Лянь обратился к Линвэнь:

— Простите, что приходится просить вас разузнать местонахождение Повелителя... Цинсюаня.

Линвэнь выглядела серьёзной. Уже многие дни улыбка не трогала её лица.

— Не нужно лишних слов, Ваше Высочество. Разумеется, я сделаю всё возможное.

— Ваше Высочество, — заметил Пэй Мин, — чем просить о поисках дворец Линвэнь, этих старых волов, запряжённых в поломанную телегу, которые будут тащиться черепашим шагом, лучше сразу обратились бы к своему Собирателю цветов под кровавым дождём. Не мог бы он осведомиться у этого сумасшедшего Чёрного демона, куда тот запрятал Цинсюаня? Голову Водяного шисюна он и так забрал, чего ещё ему надобно?

Се Лянь покачал головой и беспомощно произнёс:

— Генерал Пэй, не стоит воспринимать это как что-то само собой разумеющееся. Разве обязан непревзойдённый Князь Демонов докладывать о своих действиях другому такому же?

В общем, Пэй Мин больше не сказал ни слова.

Вернувшись к монастырю Водных каштанов, принц обнаружил перед домиком группу местных жителей, которые активно перешёптывались. Се Ляню не пришлось даже спрашивать, чтобы понять, в чём дело, поскольку из монастыря доносились нечеловеческие завывания.

Староста деревни, дрожа от страха, отвёл Се Ляня в сторону и пожаловался:

— Даочжан, этот ваш сумасшедший братец, он... он... он опять...

Се Лянь выдумал отговорку для посторонних, что Ци Жун — его обезумевший двоюродный брат, которого все бросили и никто не

соглашается содержать, поэтому принц обязан о нём заботиться. В каком-то смысле принц вовсе не солгал.

— Опять беснуется, да? Ничего страшного, я запер его внутри, так что он не вырвется. Можете расходиться.

Жители, поохав, разошлись. Но перед этим староста протянул Се Ляню корзину яиц со словами:

— Вот что, даочжан, ваш Сяо Хуа...

Се Лянь вначале растерялся:

— Сяо Хуа??? — но потом всё-таки понял: — Ох, вы о Сань Лане, верно?

Вспомнив, что сам назвал при них Хуа Чэна родным младшим братом, который прибыл к нему издалека пожить, принц покрылся лёгкой испариной.

Староста же воскликнул:

— Да! Ваш Сяо Хуа! Сегодня он снова помог нам кое-что починить. Вы уж вечером как следует наградите его за труды.

— Ага! Восстановите ему силы, накормите как следует, чтобы был сильным и трудился ещё лучше!

Се Лянь не сдержал улыбку.

— Хорошо, хорошо. Обязательно, обязательно.

Принц открыл дверь в монастырь и обнаружил Лан Ина спящим в уголке, а Ци Жуну лежащим на полу подобно мертвецу, который всё-таки издавал демонические вопли, словно у него внутри всё горело.

Гуцзы постукивал его по спине и разминал плечи, беспокоясь:

— Отец, ну как, тебе лучше?

Се Лянь снял шляпу, поставил корзину с яйцами и спросил:

— Что с тобой? Отравился чем-то?

Ци Жун плюнул и забранился:

— Главное, чтобы ты, чтоб тебя, не готовил мне свою стряпню, и я не отравлюсь, даже поедая грязь и дерьмо с земли!

Слушая его бахвальство, Се Лянь убрал руки в рукава и заявил:

— Так может, действительно попробуешь поесть? Посмотрим, отравишься или нет.

Ци Жун отплевался:

— Тьфу, тьфу, тьфу! Так, о чём я говорил? Снова ты показал свою тёмную сердцевину! Всё сочиняешь для меня новые пытки! Ой-ой-ой-ой-ой, умница, сынок, неплохо, неплохо, теперь постучи в другом

месте. Хи-хи-хи-хи... Ох, мать! Чтоб тебя, что же это такое, замучился я совсем, замучился, как кот весной. Я что же, болен?! Мой царственный брат! Я болен! Всё потому, что ты пытал меня, вот я и захворал! Небесами проклятый белый лотос, опять решил угробить человеческую жизнь!

Се Лянь присел рядом на корточки и потрогал лоб Ци Жуну.

— У тебя жар? — Помолчав, он убрал руку и нахмурился. — Да нет. А может, ты просто притворяешься?

Ци Жун приготовился извергнуть очередной поток брани, но тут жалостливо вмешался Гуцзы:

— Даочжан, мой отец тебя не обманывает, ему в последние дни всё время плохо, сегодня он очень долго кричал.

Глядя, как Ци Жун дёргается на полу, Се Лянь покачал головой, поднялся и решил поискать шкатулку со снадобьями, но вдруг заметил, что ящик для сбора добродетелей стал ужасно тяжёлым. Этот ящик Хуа Чэн сделал взамен старого, и сейчас он должен был пустовать. Се Лянь, охваченный любопытством, вынул ключ, открыл, взглянул и тут же удивлённо вытаращил глаза — ящик оказался полон больших слитков золота, что блеском слепили глаза.

«Хлоп!» — Се Лянь быстро закрыл ящик.

Но ведь он уже вернул то золото, что даровал ему Повелитель Вод! Неужели кто-то приходил, чтобы отдать его снова???

Это точно не Хуа Чэн. Он не мог поступить столь грубо и прямо — подложить в ящик золотые слитки.

Се Лянь обернулся и спросил:

— Ци Жун, кто-то приходил?

Тот, ткнув в принца пальцем, забранился:

— Эй, ты ничего не перепутал? Неужто впрямь решил, что я нанялся тебе дом охранять?! Непревзойдённым себя возомнил? Даже у непревзойдённых по сравнению с тобой есть чувство стыда! Ни вонючий Черновод, ни паршивый пёс Хуа Чэн не посмели бы думать, что я им дверь охраняю!

«Бам!» — кто-то пинком распахнул дверь в монастырь Водных каштанов. Это вошёл Хуа Чэн. Едва увидев его, Ци Жун в тот же миг охрип и тихонько пополз в сторонку, больше не решаясь упоминать об увиденном прошлой ночью.

Се Лянь сказал:

— Сань Лан, ты вернулся!

— Ага! — заулыбался Хуа Чэн.

— Вот спасибо тебе. Староста деревни передал всё это в благодарность, сегодня вечером поедим вкусного.

— Хорошо! Только... не желает ли гэгэ сегодня посетить мои владения?

— Призрачный город?

— Да. Заодно возьмём с собой вот этого, — он указал на Ци Жуна.

— Посмотрим, нет ли способа вытащить его душу оттуда.

Помолчав, Се Лянь ответил:

— И то верно.

Продолжать в том же духе — явно не выход. Конечно, основная причина в чрезмерной прожорливости Ци Жуна. Монастырь Водных каштанов не потянет содержание такого жильца.

Едва услышав, что его собираются забрать в Призрачный город, Ци Жун побледнел от страха и принялся всячески протестовать, однако любые сопротивления были бесполезны. После короткого скандала Хуа Чэн превратил его в зелёного неваляшку, наказал Гуцзы положить игрушку за пазуху и отправился вместе с принцем в Призрачный город.

Здесь было шумно, как и всегда. Демоны всё ещё помнили Се Ляня и, видя его, идущего по улице, наперебой выкрикивали:

— Старший дядюшка! ...Ах, нет, Его Превосходительство друг градоначальника, вы снова почтили нас визитом!

— Кря! Соскучились по нашим местным деликатесам? Кря!

Се Лянь взял с собой корзину яиц, которые теперь раздавал как гостинцы из мира людей. Многие демоны, заполучив куриное яйцо, от радости пускались в пляс, некоторые обещали сегодня вечером съесть его вперемешку с собственной кровью, некоторые заявляли, что высидят из этого яйца оборотня в восемь чжанов размером. Хуа Чэн снял заклятие с Ци Жуна, и когда зелёный дым развеялся, посреди

улицы появился мужчина, тело которого занял Ци Жун. Он тут же прикрыл голову и пригнулся, не смея проронить и звука.

Кто-то из демонов, почуяв запах от него, воскликнул:

— Ой, да ведь это же Лазурный демон!

Остальные, окружив Ци Жуна, долго принюхивались, затем обрадованно заголосили:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, и впрямь он! Снова явился к нам, дурень, ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

— В прошлый раз мало ему показалось? Ха-ха-ха-ха, ты посмотри, посмел заявиться опять!

Хуа Чэн приказал:

— За маленьким присмотреть. А насчёт большого, придумайте способ, как вытащить его душу, не повредив при этом тело.

— Слушаемся, градоначальник!

Повинуясь приказу, несколько прекрасных демониц взяли Гуцзы на руки и запели незамысловатую мелодию, услышав которую, мальчик уснул. Остальная нечисть принялась играть с Ци Жуном в догонялки. Он с криками убежал, а толпа демонов гналась за ним по пятам. Хуа Чэн и Се Лянь, некоторое время поглазев на зрелище, пошли в другом направлении, к храму Тысячи фонарей.

Они неспешно вошли в главный зал и приблизились к божественному постаменту, где всё так же покоились четыре драгоценности — кисть, тушь, бумага и дощечка для туши. В последнее время Се Лянь пребывал не в духе, но увидев всё это, решил разрядить обстановку и слегка улыбнулся.

— В прошлый раз я учил тебя каллиграфии и просил побольше заниматься, как появится свободная минутка. Только ты, наверное, совсем не упражнялся?

Хуа Чэн кашлянул и сказал:

— Гэгэ, ты раздал всю мою награду за труды, что мы будем есть на ужин?

Се Лянь, повторяя привычный жест Хуа Чэна, слегка приподнял бровь.

— Не уходи от ответа.

— Я могу упражняться в фехтовании саблей, но не в каллиграфии. Гэгэ, когда тебя нет рядом, чтобы указать мне на ошибки, боюсь, в

одиночку я всё делаю неправильно. И чем больше занимаюсь, тем хуже результат.

Се Лянь приподнял бровь ещё выше.

— Сань Лан, ты ведь так умён, неужели существует что-то, что у тебя не получается?

Хуа Чэн взял кисть, обмакнул её в чернила и, притворяясь самым скромным человеком на свете, ответил:

— Это правда. Придётся просить гэгэ о наставлениях.

Се Лянь вздохнул.

— Вначале напиши что-нибудь, а я погляжу.

Хуа Чэн, повинувшись, старательно вывел пару строк. Се Лянь понаблюдал, но потом всё же не выдержал:

— Постой, постой. Тебе... всё же лучше перестать.

Не стоит оскорблять прекрасные каллиграфические инструменты.

Хуа Чэн коротко ответил «О» и в самом деле остановился, убрав кисть.

Се Лянь покачал головой:

— Сань Лан, ты... только не говори никому, что это я учил тебя письму.

— Гэгэ, я правда приложил все усилия.

Кажется, в его голосе даже прозвучала обида. Величественный непревзойдённый Князь Демонов, при одном упоминании о титуле которого три мира содрогаются от ужаса! А теперь он стоял перед принцем как молодой ученик и слушал критические замечания. Вновь объяснив несколько основных моментов, Се Лянь, как и в прошлый раз, обхватил его руку своей и сказал:

— Попробуй ещё. И теперь постарайся как следует.

— Хорошо.

Они сосредоточились на письме. Спустя какое-то время Се Лянь, не задумываясь, спросил:

— Почему опять «Думы в разлуке»?

Хуа Чэн, так же не задумываясь, ответил:

— Мне нравится это стихотворение.

— Мне тоже. Но есть ли у Сань Лана другие любимые стихи? Это ты уже хорошо знаешь, можно попробовать написать что-то ещё.

При грубом подсчёте несколько десятков иероглифов этого стихотворения они вдвоём написали уже несколько десятков раз, и

стоило бы сменить тему.

Хуа Чэн же стоял на своём:

— Оставим это. — Отложив кисть, он осторожно подул на чернила и с улыбкой сказал: — Если мне что-то понравилось, ничего иного сердце не принимает, будет помнить вовек. И за тысячу раз, за десятки тысяч раз — сколько бы лет ни прошло, ничего не изменится. Так и с этим стихотворением.

Се Лянь слегка улыбнулся.

— Правда?

— Ага.

Се Лянь опустил ладонь и легко кашлянул.

— Что ж, очень хорошо. Сань Лан искренний и верный человек, это похвально... О, можешь ещё сам потренироваться. А, кстати. Кажется, в последнее время Ци Жун не очень хорошо себя чувствует.

Хуа Чэн положил бумагу и снова взялся за кисть.

— В каком смысле нехорошо?

Се Лянь отвернулся и ответил:

— Кажется, он говорил, что у него всё нестерпимо горит от макушки до пят. Но я его осмотрел и не обнаружил проблем со здоровьем. Ведь не может быть всему причиной перемена погоды.

За спиной раздался голос Хуа Чэна:

— Когда это началось?

— Должно быть, в последние несколько дней, просто сегодня особенно тяжело...

Принц замолчал — в его душе внезапно зародилось нехорошее предчувствие. В тот же миг позади послышался лёгкий стук, будто что-то ударило о пол.

Се Лянь резко развернулся.

— Сань Лан?!

Кисть выпала из руки Хуа Чэна, оставив на белоснежной бумаге неровный след чернил. Сам Хуа Чэн слегка помрачнел и, будто вот-вот упадёт, схватился за край постамента, ладонью прикрывая правый глаз.

Вновь открыта медная печь, тысячи демонов теряют покой

Судя по выражению лица Хуа Чэна, правый глаз причинял ему приступы нестерпимой боли. Се Лянь в один шаг оказался подле него.

— Что с тобой?

Губы Хуа Чэна шевельнулись, однако он, претерпевая боль, ничего не ответил. Глаз на рукояти Эмина открылся и теперь бешено вращался во все стороны. На руке Хуа Чэна вздулись вены, казалось даже, что он вот-вот перевернёт постамент, за который держится.

Се Лянь потянулся к нему, но не успел даже коснуться — Хуа Чэн рявкнул:

— Не подходи!

Движения Се Ляня застыли, а Хуа Чэн, едва сдерживаясь, процедил:

— Ваше Высочество, тебе... нужно скорее уйти. Я, возможно...

— Как я могу оставить тебя в таком состоянии?!

— Если не уйдёшь прямо сейчас, я...! — в голосе Хуа Чэна зазвучало едва заметное раздражение.

Снаружи храма слышались завывания нечисти, которые с каждым разом становились всё громче. На главной улице Призрачного города демоны повалились наземь, разразились рыданиями и пронзительными криками, схватившись за головы руками. Казалось, у них от боли раскалывается голова, так что посмертие становится хуже, чем им приходилось при жизни^[243].

Только Ци Жун носился среди них довольно бодро — по той причине, что занял тело живого человека. И хотя таким образом его собственные магические силы значительно снижались, также слабело и влияние неведомой силы на демоническую сущность. Живое тело работало своеобразным заслоном, и Ци Жуну с трудом, но всё же удавалось прыгать и скакать, чтобы, пользуясь выпавшим случаем, сбежать из плена.

Несколько демониц, которые забрали Гуцзы, также попадали на землю и схватились за головы с криками «Ой-ой-ой, как больно!». Теперь они не могли петь усыпляющую мелодию, и Гуцзы постепенно проснулся. Как раз вовремя, чтобы увидеть, что Ци Жун стремглав промчался мимо. Мальчишка поспешно вскочил и побежал за ним, выкрикивая:

— Отец! Отец! Подожди меня!

Ци Жун на бегу оборачивался, высовывал язык и закатывал глаза:

— Будь умницей, сынок, а папе пора идти! Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Но Гуцзы, переставляя короткие ножки, всё бежал за ним, а увидев, что тот отдаляется, разрыдался в голос:

— Отец! Не бросай меня. Отец, возьми меня с собой!

Ци Жун заплевался:

— Отстань! Отстань! Хватит меня преследовать! Мелкая докука!

Его плевков перелетел огромное расстояние, попал Гуцзы по голове, и мальчик упал, отлетев назад. Сидя на земле, малыш горько расплакался, зашёлся в настоящей истерике.

Се Лянь, не в силах это слышать, вылетел из храма Тысячи фонарей с гневным криком:

— Ци Жун!

Увидев принца, который заслонил ему путь, Ци Жун со страху ринулся назад и по дороге подхватил Гуцзы.

— Не подходи! — выкрикнул он Се Ляню. — Если приблизишься, я этой маленькой обузе^[244] откушу голову прямо у тебя на глазах!!! Сынок, ты станешь для папаши пропитанием, вот настоящая сыновняя почтительность! Как-нибудь я тебя сварю, а в соевом соусе или на пару — выберешь сам, ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Се Лянь, конечно, угрозы не страшился и почти бросился в погоню, но тут позади раздался грохот — Хуа Чэн смёл со стола подставку для кистей и дощечку с тушью, словно в приступе неконтролируемой ярости.

Делать нечего, времени на погоню за Ци Жуном у Се Ляня не осталось, принц развернулся и позвал:

— Сань Лан...

Внезапно Хуа Чэн заключил его в объятия и дрожащим голосом сказал:

— Я солгал. Не уходи.

Се Лянь в его руках замер как железная доска.

— Сань Лан? Ты узнаёшь меня?

Казалось, сознание Хуа Чэна затуманилось, и он совершенно не понимал, кто перед ним. Только крепко прижимал Се Ляня к себе и бормотал одно и то же:

— Я солгал, не уходи...

Се Лянь широко распахнул глаза. За пределами храма Тысячи фонарей слышался довольный хохот Ци Жуна и громкий плач Гуцзы.

Ци Жун голосил:

— Хи-хи! Паршивый пёс Хуа Чэн! Вот тебе и расплата за то, что меня презирал! Всё выделялся, строил из себя непобедимого! Что, настигло немедленное воздаяние?! Не смог на ногах устоять!

У стонущих от боли демонов не осталось сил на погоню, но всё же послышалась брань:

— Лазурный демон! Ах ты, бесполезная дрянь, откуда только смелости набрался, чтобы ругать нашего градоначальника?!

Слушая галдёж с улицы, Хуа Чэн, кажется, разгневался сильнее, даже замахнулся, будто собирался разнести всех в пух и прах. Се Лянь поспешно обнял его покрепче, опустил его руку и нежным голосом сказал:

— Ладно, ладно. Я не уйду, я тебя не оставлю, — другой рукой принц сделал взмах, и ворота храма Тысячи фонарей захлопнулись сами собой. Чтобы Ци Жун не мог ворваться сюда, принц ещё и выкрикнул в сторону выхода: — Если хочешь сбежать, так проваливай, мне некогда с тобой носиться! А не то берегись, как бы... А!

Видимо, Хуа Чэну было мало просто обнимать принца — он резким движением прижал Се Ляня к нефритовому столу. В этот раз беспорядок стал ещё хуже — все письменные принадлежности рассыпались по полу. Се Лянь рукой залез в блюдо с киноварью и, сопротивляясь, оставил на бумаге тёмно-красные следы. Теперь на словах «над горой Ушань» из «Дум в разлуке» красовались завораживающие красные пятна, бросающиеся в глаза внезапным очарованием.

Се Лянь начал:

— Сань...

Но Хуа Чэн, не давая ему сказать ни слова, прижал принца за плечи и поцеловал.

Ци Жун, ясное дело, услышал беспокойство в голосе Се Ляня и расхохотался:

— Мой царственный брат, ты уж будь поосторожнее! Паршивый пёс Хуа Чэн сейчас наверняка обернулся бешеной шавкой, кусает всех, кто попадётся на глаза! А я пойду разнесу эту весть по свету! Монахов да заклинателей, что мечтают свести счёты с этой псиной, немало наберётся, так пусть скорее приходят поквитаться с ним, пока выпала такая возможность! Хэ-хэ-ха-ха-ха...

Его голос постепенно удалялся, а сердце Се Ляня тревожно сжалось. Что если Ци Жун в самом деле позовёт ораву заклинателей, которых когда-то прогневал Хуа Чэн, чтобы воспользоваться его теперешним плачевным положением? Разве Призрачный город и все его обитатели смогут остаться целыми и невредимыми?

Хуа Чэн не дал ему времени на раздумья. Он ведь не был живым человеком и не имел температуры тела, но в эти мгновения весь горел, словно подхватил сильный жар. Губы принца крепко прижимались к губам Хуа Чэна, и Се Лянь вынужденно ощущал на себе горячие волны, накатывающие бушующим потоком. Рука, которой он намеревался оттолкнуть Хуа Чэна, сильнее сжала красные одежды на его плече.

Возможно, из-за чрезмерной мощи магических сил Хуа Чэна, горло, грудь и живот принца стало буквально распирать от их потока, отчего ему сделалось нестерпимо тягостно. Се Лянь чувствовал, если так продолжится дальше, та сила, которую против его воли вливает в него Хуа Чэн, просто пронзит принца насквозь. Стиснув зубы, Се Лянь нанёс удар ладонью. И всё же он не мог по-настоящему навредить Хуа Чэну, поэтому удар пришёлся лишь в плечо и вышел ни лёгким, ни тяжёлым. Хуа Чэн же с силой схватил запястье принца и снова прижал к столу, продолжая давать выход ярости.

Позволять подобному продолжаться определённо нельзя. На этот раз Се Лянь пустил в ход обе руки, оттолкнул Хуа Чэна и отбежал к краю постамента, немного задыхаясь. Но Хуа Чэн сразу оказался перед ним и вновь придавил своим телом. Глаза его при этом налились кроваво-красным.

Се Лянь воскликнул:

— Сань Лан!

Может быть, подействовал его голос. Хуа Чэн долго-долго смотрел на его лицо, а потом вдруг мёртвой хваткой прижал к себе.

Видя, что его услышали и больше не вливают магические силы, Се Лянь выдохнул с облегчением. Но в его объятиях принц вдруг почувствовал, как магический поток бурлит в теле Хуа Чэна. Нет ничего удивительного в том, что он хватал принца и сразу целовал, ведь подобную беснующуюся мощь вынести было невозможно — необходимо дать ей выход.

Чтобы окончательно успокоить и привести Хуа Чэна в сознание, придётся даже пустить ему кровь. Но вот беда — он ведь не живой человек, откуда взяться крови?

Как следует подумав, Се Лянь всё-таки сказал:

— Прошу меня извинить...

А потом обеими руками обхватил лицо Хуа Чэна и сам накрыл его губы своими, медленно втягивая в себя сухой и горячий магический поток, чтобы облегчить боль и жар. Хуа Чэн притянул к себе принца за талию, отчего Се Лянь слегка вздрогнул, а в следующий миг они вместе повалились на божественный постамент.

К слову, вышло совсем нечестно. Ведь Се Лянь не осмеливался даже приблизиться к хоть немного опасным местам на теле Хуа Чэна, тогда как тот, находясь в помутнении сознания, вёл себя абсолютно бесцеремонно с телом принца, чем доводил его до непередаваемых мучений. Божественный постамент должен служить для поклонения или поднесения даров божеству, а сейчас демон и само божество слились на нём в объятиях и поцелуях. Поистине, картина причудливая и невероятная, но вместе с тем чарующая и чувственная.

В прошлом в подобных обстоятельствах оба, можно считать, пребывали в сознании, и каждый раз находилась какая-то несравнимо благовидная причина, которая объясняла необходимость подобных действий в полной мере, главное — чтобы их губы соприкасались, не более того.

Теперь же замутнённое сознание одного застигло врасплох другого, и происходящее вышло за рамки простого соприкосновения губ. Сквозь туман смятения Се Лянь наконец кое в чём убедился. Пусть каждый раз ему казалось, что он действовал не по своей воле, в действительности же он каждый раз не мог сдержать своих чувств^[245].

Так они пережили почти целую ночь. Жар в теле Хуа Чэна наконец улегся, и руки, обнимающие Се Ляня, тоже расслабились. Принц перевернулся и сел, внимательно поглядев на лицо Хуа Чэна, который закрыл глаза и погрузился в глубокий сон. Се Лянь тихо вздохнул.

Эмин, брошенный в стороне, до сих пор бешено вращал глазом, и Се Ляню пришлось взять саблю и долго гладить, пока Эмин не начал удовлетворённо щуриться.

Вскоре Хуа Чэн, резко перевернувшись, сел на постаменте и вскрикнул:

— ...Ваше Высочество?!

Се Лянь быстро привёл в порядок выражение лица, обернулся и радостно отозвался:

— Ты очнулся? Всё в порядке.

Хуа Чэн огляделся по сторонам. В зале, посвящённом главному божеству храма Тысячи фонарей, царил страшный беспорядок. На лице Хуа Чэна, что случилось крайне редко, отразилось изумление и недоумение, будто он совсем не помнил, что здесь произошло.

Се Лянь, не дожидаясь вопросов, спокойным тоном спросил:

— Что же всё-таки с тобой случилось ночью? Всех твоих подданных вдруг охватили жар и головная боль, беспокойство и тревога. И ты тоже немало вспылал!

— А кроме этого?

— Кроме этого? Больше ничего!

Хуа Чэн вперил в него неотрывный взгляд.

— Правда больше ничего? Но как же я успокоился?

Се Лянь легонько кашлянул и с некоторой неловкостью ответил:

— Честно говоря, не хотелось бы тебя обманывать... Сань Лан, только не держи на меня зла, кроме этого... — принц поднял руку, которой как раз гладил Эмина. — Я ещё, кхм-кхм, подрался с тобой.

Хуа Чэн недоверчиво переспросил:

— ...Подрался?

Се Лянь, с совершенной искренностью посмотрев на него, без тени волнения заверил:

— Да! Взгляни, какой беспорядок вокруг. Это последствия нашей битвы.

Помолчав, Хуа Чэн тяжело вздохнул и накрыл лоб рукой.

Се Лянь же, видя, что расспрашивать дальше он не собирается, про себя вздохнул и наконец смог отпустить зависшее в воздухе сердце.

Внезапно Хуа Чэн тихо произнёс:

— Открылась.

— Что?

Хуа Чэн поднял голову и мрачным тоном сказал:

— Гора Тунлу вновь открылась.

Оба прекрасно поняли, что означают эти слова.
Се Лянь широко округлил глаза и проговорил:
— Новый Князь Демонов... скоро родится?

Когда Се Лянь вернулся на Небеса с докладом, над столицей бессмертных безостановочно грохотали раскаты грома. Переступив порог дворца Шэнью, принц по привычке обратился с расспросами:

— Что случилось с Повелителем Грома? — но тут же вспомнил, что теперь место, которое привычно занимал Повелитель Ветров, пусто. Не стало и Повелителя Вод, который сидел в переднем ряду, и Повелителя Земли, что обычно скрывался в углу. Постояв в растерянности, принц про себя вздохнул, потом повернулся и увидел, как во дворец заходит Лан Цяньцю.

Много дней прошло с их прошлой встречи. Лан Цяньцю заметно похудел и выглядел более хмурым. Встретившись взглядом с принцем, он отвернулся, не сказав ни слова.

Се Лянь же огляделся по сторонам, но во всём дворце не нашёл никого, с кем можно перекинуться парой фраз.

Как вдруг до него донеслось:

— Ничего не случилось. Когда рождается Князь Демонов, завывает нечисть и плачут боги. Гром выходит из-под контроля.

Принцу ответил Фэн Синь. По неизвестной причине принц, увидев его, ощутил несравнимое родное тепло. Заметив под глазом Фэн Синя фингал, Се Лянь невольно обернулся и посмотрел на Му Цина в дальнем конце зала. У того опухла щека. Как видно, многолетняя обида между этими двоими прибавила жестокости их прошлой битве.

Прозвучал голос Цзюнь У:

— Наверняка всем уже известно, для чего я созвал вас сегодня.

Небесные чиновники нестройно отозвались утвердительным ответом.

Цзюнь У неторопливо продолжал:

— Небо и Земля есть печь, всё живое есть медь; среди глубоких вод и жара огня^[246] родятся неисчислимые бедствия. Гора Тунлу —

ужасное место, сформировавшееся природным образом, где даже фэншуй сулит одни опасности. Это живой вулкан, способный извергнуться в любой момент. Каждые сто лет на горе открывается город Гу, отчего содрогается мир демонов. В особенности потрясение сильно́ для ныне существующих Князей Демонов. Вся нечисть, жаждущая достичь ранга непревзойдённого, спешит на гору Тунлу. Стоит всем собраться, гора сама по себе запечатается вновь, и внутри официально начнётся смертельная битва. Когда в той битве останется последний выживший, миру явится новый Князь Демонов. Собиратель цветов под кровавым дождём и Хозяин чёрных вод — непревзойдённые Князя Демонов, что вышли из недр горы Тунлу. На то, чтобы стать непревзойдённым и покинуть гору, Черновод потратил двенадцать лет, Хуа Чэн потратил десять.

Му Цин холодно заметил:

— От одного Черновода и одного Хуа Чэна уже проблем не оберёшься. Только поглядите, что эти двое натворили. Если появится ещё один, туго же нам придётся.

— Генерал Сюаньчжэнь, — мягко вмешался Се Лянь, — действия Черновода я оценивать не берусь. Однако мне кажется, что Хуа Чэн не сделал ничего излишне предосудительного.

Му Цин бросил на него взгляд, надув опухшую щёку.

Пэй Мин согласился с Му Цином:

— Да, проблем действительно они доставляют немало. Поэтому мы должны помешать демонам собраться на горе Тунлу, верно?

Цзюнь У ответил:

— Именно. На всеобщий сбор демонам понадобится примерно несколько месяцев. Необходимо сделать всё, что в наших силах, чтобы воспрепятствовать этому до того, как гора закроется.

— Но что если воспрепятствовать не выйдет? Можно ли будет спасти положение? — спросил Се Лянь.

Цзюнь У сказал:

— Можно. Но, надеюсь, до этого не дойдёт. На данный момент проблема первостепенной важности заключается в беспорядках, вызванных всеобщим волнением демонов. Многие нечеловеческие создания, заключённые в разных местах, сбежали из-под стражи, и среди них есть крайне опасные существа. К примеру, демоница Сюань Цзи, дух нерождённого, Божество парчовых одежд. Сейчас все они

наверняка направляются на гору Тунлу. Необходимо немедля изловить беглецов.

Се Лянь спросил:

— Они все сбежали? Что ж, беспорядок и в самом деле нешуточный.

Цзюнь У добавил:

— Поэтому, боюсь, в ближайшее время всем Богам Войны придётся потрудиться и тщательно проверить подконтрольные территории.

Се Лянь поинтересовался:

— А что... насчёт меня?

Несмотря на нынешний статус мусорного божества, он ведь ранее дважды вознёсся как Бог Войны, и сейчас к нему в основном обращались именно из-за этого. Только вот своих подконтрольных территорий у принца не было.

Помолчав, Цзюнь У вынес решение:

— Сяньлэ, ты... будешь действовать в паре с Цином.

Сердце и кровь глупца обернулись Божеством парчовых одежд

Сделав паузу, Цзюнь У спросил:

— А где Циин?

Се Лянь оглядел зал и действительно не увидел молодого Бога Войны во дворце Шэньу.

Линвэнь ответила:

— Циин уже долгое время не являлся на собрания. С ним никак не связаться.

Возможно, из-за происшествий в чертогах Верхних Небес, которые в последнее время случались одно за другим, Линвэнь практически летала, решая различные проблемы. Вот и сейчас у неё под глазами прибавилось чёрных кругов.

Чиновники рядом с ней прищёлкнули языками.

— И куда же опять запропастился этот мальчишка?

— Снова не явился?! Может не приходить, когда ему вздумается?

Как я ему завидую.

Цзюнь У произнёс:

— Пока местонахождение Циина неизвестно. Но когда он отыщется, я прикажу ему как можно скорее присоединиться к тебе.

Се Лянь, чуть склонив голову, ответил:

— Слушаюсь.

В мире людей осень вступила в свои права, дни стали прохладными, похолодало и в монастыре Водных каштанов. Се Лянь не мёрз даже в тонких одеяниях, но всё же по дороге в монастырь на деньги, заработанные на сборе рухляди, купил пару новых одежек для Лан Ина.

Хуа Чэн остался в Призрачном городе, Ци Жун схватил Гуцзы и сбежал, так что теперь в монастыре Водных каштанов с Се Лянем остался один Лан Ин. Раньше принцу казалось, что им живётся очень тесно, но теперь его посетило внезапное чувство опустошения. Се Лянь издали увидел, как Лан Ин молча подметает землю перед монастырём, сгребая золотисто-жёлтые листья в кучу.

Возможно, принцу лишь показалось, но раньше Лан Ин горбился и опасно съёживался, а теперь заметно выпрямился и расправился, приняв вид приветливого молодого парня. Се Лянь невольно ощутил радость за него. Принц подошёл, взял из рук мальчика метлу и собрался зайти с Лан Ином в монастырь, когда Се Ляня вдруг окружили местные жители, которые уже давно караулили его здесь. Тётки, дядьки, молодые девушки наперебой загалдели:

— Даочжан вернулся!

— Опять ходили в город собирать мусор? Устали, должно быть... Кстати, почему в последнее время не видно Сяо Хуа?

— Да, да! Мы уже несколько дней его не видели. Ужасно соскучились по этому мальчишке.

Се Лянь улыбнулся:

— Сяо... Хуа вернулся к себе домой.

Староста деревни удивился:

— Чего? Куда это — домой? Я думал, что это и есть его дом, он разве не переехал к вам жить???

— Нет, нет. Он приезжал только погостить. Теперь у нас обоих появились другие дела, поэтому пришлось пока разъехаться.

После той ночи Хуа Чэн засыпал принца вопросами, но Се Лянь упрямо повторял, что они лишь подрались. Гора Тунлу открылась, у Хуа Чэна тоже появились дела, которые необходимо решить.

Появление нового непревзойдённого Князя Демонов станет ударом для всех трёх миров. Хуа Чэн и Черновод, пускай один отличался скромностью, а другой, наоборот, во всеуслышание заявлял о себе, всё же обладали довольно высокой моралью, понимали, как следует себя вести, и не утратили чувства меры. Но кто может предсказать, какая тварь родится на этот раз? Что если миру предстанет безумец, подобный Ци Жуну? Вдруг он вознамерится делить с остальными Князьями Демонов сферы влияния? Тогда проблем не оберёшься. Поэтому Се Лянь, сославшись на занятость в осенние дни, сказал, что им лучше какое-то время заниматься каждому своими проблемами и пока не видеться. А когда всё уладится, они договорятся о встрече. Так принц вежливо и дружелюбно покинул Хуа Чэна.

Подобная перемена сквозила равнодушием, будто Се Лянь больше знать его не хотел. Но у принца на самом деле не оставалось иного выхода.

Пока он не был до конца уверен, что сможет скрыть...

Как вдруг позади принца прозвучал голос Лан Ина:

— Огонь.

— ...???

Тут Се Лянь и заметил, что, погрузившись в свои мысли, отвлёкся на минутку и, взявшись за котёл и лопатку, снова испортил мясо и овощи, припасённые в монастыре Водных каштанов. Огонь под котлом взвился на несколько чи в высоту и едва не подпалил потолок. Принц впопыхах принялся ладошками тушить пламя. Но только не рассчитал силу — заодно разрушил и всю печь. Шум стих, Се Лянь остался стоять с котлом в руке, полностью обескураженный и не понимающий, что теперь делать. Как раз наступило время трапезы, и местные жители устроились недалеко от монастыря с большими мисками. Они радостно уминали свою пищу, но услышав грохот, от страха снова окружили монастырь.

— Что стряслось?! Что такое?! Даочжан, у вас опять что-то взорвалось?!

Се Лянь быстро отворил окно и ответил:

— Всё в порядке, ничего не случилось! Кхэ-кхэ-кхэ-кхэ...

Староста, только глянув на него, заголосил:

— Ох, матушки мои, как же вы так! Даочжан, видите, лучше вам всё-таки позвать Сяо Хуа!

Помолчав, Се Лянь ответил:

— Не стоит. Всё-таки... он ведь не член моей семьи.

Когда принц пришёл в себя, Лан Ин уже помог ему прибраться беспорядок на полу, а на столе появилась тарелка с чем-то ярким и разноцветным. Блюдо, которое принц приготовил, витая в своих мыслях. Что ж, если прошлый результат его трудов назывался «похлёбкой столетнего мира и согласия», на этот раз принц решил назвать его «мясом, жареным в разноцветии». Кроме Хуа Чэна, никто в мире не мог бы съесть что-то подобное. Се Лянь и сам был не в силах смотреть на блюдо. Поэтому развернулся помыть котёл и, разминая точку между бровей, сказал:

— Ладно, не ешь, лучше выбросим.

Но когда принц вымыл котёл и повернулся обратно, его глазам предстала картина, как Лан Ин придвинул к себе тарелку и молча ест.

Се Лянь потрясённо подбежал к нему и схватил за плечи.

— О, Небеса... С тобой всё в порядке? Нигде не болит???

Лан Ин помотал головой. Из-за бинтов, плотным слоем закрывающих лицо, его эмоции оставались загадкой. Но даже у Ци Жуна и Черновода после стряпни Се Ляня помутилось в голове, а Лан Ин всё ещё находился в ясном сознании! Неужели он до такой степени проголодался? Или случайно открыл чудодейственные каналы жэнь и ду^[247]?

Насмешив такими мыслями сам себя, Се Лянь вымученно усмехнулся. Потом убрал со стола и приготовился ко сну.

Теперь в монастыре Водных каштанов имелось две циновки — по одной на человека. Но стоило принцу подумать о том, что на циновке, что сейчас под ним, они когда-то лежали вместе с Хуа Чэном, и глаза отказались смыкаться — уснуть никак не получалось. Се Лянь не хотел ворочаться и будить Лан Ина, а промучившись довольно долго, решил просто встать и выйти на улицу, освежиться. Но тут послышался скрип от окна — кто-то осторожно толкнул деревянные ставни и пробрался в дом.

Се Лянь лежал на боку, спиной к окну. Его тотчас охватила тревога.

Кто же мог отчаяться настолько, чтобы заявиться ограбить монастырь Водных каштанов? Ведь так можно и своего лишиться, не взяв чужого!

Незванный гость передвигался крайне осторожно, его шаги поражали ловкостью, и если бы Се Лянь не обладал обострёнными природными чувствами, то наверняка не заметил бы его присутствия. Перебравшись через окно, незнакомец направился напрямиком к ящику для пожертвований. Се Лянь немедля вспомнил, что ящик полон золотых слитков. Неужели воришка явился из-за них? Но ведь принц успел и те слитки вернуть на Верхние Небеса и передать Линвэнь, чтобы она нашла хозяина. Ещё раз внимательно прислушавшись, принц обнаружил, что тот не взломал замок на ящике, а наоборот — что-то забрасывает внутрь по одной штуке!

Закончив с этим, странный гость, наверное, хотел уйти так же как пришёл, через окно. Се Лянь решил дождаться его ухода, затем направиться следом, чтобы узнать, куда тот пойдёт и что это за человек. Однако к неожиданности принца тот, проходя мимо стола, увидел несколько тарелок, и, видимо, проголодался. Без лишних раздумий он схватил тарелку с недоеденным мясом, жареным в разноцветии и засунул несколько кусочков в рот.

Мгновение, «бум», бессознательное тело лежит на полу.

Се Лянь мгновенно подскочил, в мыслях пронеслось: «Ну вот, так меньше хлопот!» Но когда принц зажжёт свечу и увидел человека с лиловым лицом, вытянувшимся по струнке на полу, сразу бросился его спасать — влил несколько глотков чистой воды, насилу приведя того в чувство. Очнувшись, пострадавший первым же делом вскрикнул:

— Что это за дрянь?!

Се Лянь притворился, будто не слышал, и проникновенным тоном стал увещевать:

— Ваше Высочество Циин, вы слишком бесстрашны! Даже не зная, что это, без раздумий сунули в рот.

Юноша с высокой переносицей, глубоко посаженными глазами и копной чёрных вьющихся волос. Кто же ещё это мог быть, как не западный Бог Войны, Цюань Ичжэнь?

Он вытаращился на принца.

— Откуда мне знать, что кто-то будет класть яд в пищу, поднесённую в собственном храме?

Се Лянь размял точку между бровей, затем открыл ящик для пожертвований и обнаружил, что тот вновь полон золотых слитков.

— Ваше Высочество, в прошлый раз мой ящик тоже наполнили вы?

Цюань Ичжэнь кивнул.

— Но зачем вы всё это мне отдаёте?

— Потому что у меня много.

По правде говоря, Се Лянь примерно догадался и без ответа, что всё из-за того случая на пиршестве в честь Середины осени, когда он запустил палочкой в верёвку, чтобы опустить занавес.

— Лучше вам забрать золото. Негоже получать награду, ничем её не заслужив.

Цюань Ичжэнь ничего на это не ответил — очевидно, просто пропустил мимо ушей, оставив Се Ляня в полном недоумении, что с ним делать.

И вдруг раздался холодный голос Лан Ина:

— Тебе сказано, забирай.

Юноша в какой-то момент тоже поднялся. Когда Се Лянь обернулся к нему, принцу показалось странным, что обыкновенно мальчик то и дело прятался по углам, словно хотел притвориться, что его не существует, а теперь почему-то сам вмешался в разговор. И к тому же весьма недружелюбным тоном^[248].

Впрочем, принц не стал заострять на этом внимание и подумал, что в крайнем случае опять унесёт ящик Линвэнь, чтобы вернула отправителю.

— Ваше Высочество, — обратился он к Цюань Ичжэню со всей серьёзностью. — Вы прибыли как раз ко времени. На сегодняшнем собрании во дворце Шэньу вас не было, Владыка поручил нам с вами задание. Вы читали свиток? Ладно, ничего страшного, я знаю, что не читали. Главное, что я читал. Нам предстоит заняться тварью под названием «Божество парчовых одежд».

Божка-пустослова называли «божком» потому, что люди не осмеливались звать его никчёмной, хулиганистой, надоедливой проклятой тварью напрямую, приходилось с неохотой превозносить вредителя. Но почему же Божество парчовых одежд называлось божеством?

А вот почему. Как говорят, эта тварь изначально действительно могла стать божеством.

По легенде несколько сотен лет назад в древнем государстве жил молодой парень. Уродился он слабоумным и, возмужав, почти не отличался от шестилетнего ребёнка. Но стоило ему выйти на поле битвы, он преображался — его воинские способности достигали поразительных вершин, к тому же человеком он был добрым и бесстрашным. Когда сталкивались армии двух государств, его войско могло держаться до последнего лишь благодаря тому, что он один с завидным усердием бросался в атаку на врага. Но из-за его болезни не было у него ни родных, ни друзей. И воинские подвиги, которые он зарабатывал, рискуя жизнью, присваивались другими. Бедняга не имел ни кола, ни двора, никто не желал выдавать за него свою дочь, мало кто из девушек хотел с ним сблизиться. Да и сам паренёк в определённой степени оправдывал звание дурачка — с малых лет он ни разу незнакомился с девушками, не решался даже слова сказать.

И всё же этот человек имел потенциал к вознесению. Повоевал бы ещё несколько лет, и оказался на Небесах, и не важно, нравился он девушкам или нет. Но беда в том, что он сам полюбил одну, да так, что хоть караул кричи. Однажды, в день его рождения, девушка преподнесла ему парчовые одежды, которые сшила своими руками.

Впрочем, весьма и весьма странно, что их называют парчовыми одеждами. Лучше сказать, что это был жуткий холщовый мешок. Но юноша впервые в жизни получил подарок от девушки, которая ему нравилась.

Охваченный волнением и невыносимой радостью, он не заметил странности, в чём сыграло немалую роль и его слабоумие. Весь в нетерпении, он поспешил надеть «парчовые одежды» на себя. Но только не нашёл рукавов, в которые можно продеть руки, и спросил любимую:

— Почему я не могу просунуть руки в рукава?

Девушка, улыбаясь, отвечала:

— Это моя первая работа, наверное, опыта не хватило! Но ведь если рук не будет, то и не понадобится их просовывать!

Поэтому юноша схватил оружие и отрубил себе руки. Тогда одежда пришлась в пору. Но и на этом не всё, он спросил снова:

— А почему я не могу вытянуть ноги?

Девушка отвечала:

— А если ног не будет, то не понадобится их вытягивать!

Юноша попросил кого-то отрубить ему и обе ноги. В конце концов, он спросил:

— А почему я голову высунуть не могу?

Чем всё закончилось, догадаться нетрудно.

Се Лянь сначала решил, что Божество парчовых одежд — это некая нечисть, одетая в парчу. Однако выяснилось, что речь действительно о самой одежке. Когда открылась гора Тунлу и тысячи демонов потеряли покой, кто-то выкрал её из места заточения. Одежда пропиталась кровью молодого влюблённого дурака и обернулась крайне мощным зловредным артефактом. То и дело он оказывался в руках всевозможной нечисти и использовался во вред людям. Вот поэтому ни в коем случае нельзя, не подумав, подбирать старую одежду, происхождение которой неизвестно. И если ночью на дороге встретить путника, который захочет подарить вам парчовый наряд, не вздумайте его принимать. Иначе, если наденете дар на себя, разум ваш затуманится, и вы, словно одержимый, будете исполнять всё, что велено, покада всю кровь из вас не выпьют досуха.

Разумеется, это лишь легенда, которая звучит абсурдно. А может, люди выдумали её позже, основываясь на особенностях самого Божества парчовых одежд. Вот только задержать его нужно непременно, ни в коем случае нельзя позволить ему добраться до горы Тунлу.

— Ваше Высочество Циин? Ваше Высочество? Вы слушаете?

Се Лянь помахал рукой перед лицом Цюань Ичжэня. Тот, кажется, только что погрузился в свои мысли, и лишь сейчас вернулся обратно.

— А?

Видимо, он не слушал. Се Ляню неловко было его упрекать, принц сказал:

— Выходит, наша задача первостепенной важности — отыскать это парчовое одеяние? А его истинная форма...

Цюань Ичжэнь отозвался:

— Окровавленная одежда, похожая на холщовый мешок без рукавов и ворота.

Се Лянь улыбнулся:

— Ну вот, вы же всё знаете! Я-то думал, вы не читали свиток. Но поскольку это демоническое одеяние, оно обладает удивительным свойством менять свой вид. В мире столько разнообразных одежд...

Искать всего одну среди них — всё равно что ловить иглу, упавшую в море.

— Хм. И что же нам делать?

— Нечисть, заполучившая в свои руки это одеяние, обыкновенно оборачивается торговцем, который в местах скопления людей расспрашивает, не желает ли кто купить или обменять новую одежду на старую. Но это было несколько сотен лет назад, а если кто-то станет так поступать теперь, непременно навлечёт подозрения. И тем не менее, их привычки и образ мыслей не так просто поддаются изменениям. В общем, предлагаю для начала отправиться в город и обратить внимание на разговоры о чём-то подобном.

В таких вещах демоны осведомлены больше, чем люди, да и сведения в их мире распространяются быстрее и проще. Иными словами, пожелай принц напрямую спросить Хуа Чэна, это немало убавило бы им хлопот. Но совсем недавно Се Лянь сказал ему, что пока видеться не стоит, и если теперь, выдвинув такую просьбу, сам пойдёт на попятную, выглядеть это будет не слишком хорошо. К тому же, Божество парчовых одежд было похищено совсем недавно, и похититель наверняка не осмелится сразу же вредить кому-то с его помощью.

Цюань Ичжэнь кивнул и поднялся, сделав два шага за принцем. Се Лянь же почувствовал, что Лан Ин тоже пошёл за ними, поэтому велел ему:

— Тебе лучше остаться.

Лан Ин помотал головой, но Се Лянь не успел сказать ни слова, когда услышал позади грохот — кто-то снова упал.

Принц рывком обернулся.

— Что с вами?

Пурпурный цвет вновь залил лицо Цюань Ичжэня, он некоторое время держался, но всё же не выдержал — встал на четвереньки, и с громким звуком всё содержимое его желудка оказалось на полу.

Тошнота отступила, и Цюань Ичжэнь снова перевернулся лицом вверх. Казалось, его душа сейчас вылетит из тела через рот.

Се Лянь спросил:

— Циин... вы ещё можете идти?

Цюань Ичжэнь, распластавшись на полу, ответил:

— Я думаю, что нет.

Ничего не поделаешь, Се Ляню пришлось оттащить потерявшего боеспособность Цюань Ичжэня в сторону и накрыть одеялом, чтобы тот пришёл в себя.

Только на следующий день юноша стал выглядеть лучше. Се Лянь не решился больше давать ему есть что попало, сходил в дом старосты и попросил немного жидкой каши на двоих. Цюань Ичжэнь сидел на месте, которое обычно занимал Хуа Чэн, и почему-то Лан Ин всё время тарасился на него, как будто относился не слишком дружелюбно.

Се Лянь поставил перед ними чашки с кашей и, не задумываясь, бросил:

— Сань Лан...

Двое немедленно воззрились на него. Се Лянь остолбенел, наконец сам понял, что сказал, кашлянул и проговорил:

— Ничего, продолжайте.

Покуда двое сидели за столом для подношений и пили кашу, Се Лянь взял топор и вышел за дверь. За рубкой дров принц воскресил в памяти детали, указанные в свитке: «Божество парчовых одежд хранилось в одном из дворцов Шэнью, который защищён сильнейшими печатями. Кроме того, сам дворец строго охраняется, охраны там что облаков на небе, и простое беспокойство, охватившее всех демонов, пожалуй, не могло заставить тварь сбежать саму по себе. Наверняка кто-то улучил момент, чтобы украсть одеяние в создавшейся суматохе...»

Обычно дрова рубил Хуа Чэн, и теперь, когда пришлось делать это самому, принцу почему-то показалось, что он рубит не так хорошо, как тот. Цюань Ичжэнь, чьё состояние по-прежнему оставляло желать лучшего, выпил немного каши и вновь завалился спать в монастыре Водных каштанов. Лан Ин же вышел на улицу, видимо, чтобы помочь рубить дрова, но Се Лянь сказал ему:

— Не нужно! Сань... Лан Ин, я согрею воды, чтобы ты помылся.

Принц вспомнил, что Лан Ин, кажется, уже давно не мылся. На самом деле демоны не покрывались потом и жирной грязью, но всё же, когда целыми днями шатались на улице, пыли к ним липло немало. Конечно, прямо указывать на это не стоило, дабы не задеть чьё-нибудь самолюбие. Лан Ин, кажется, удивился, но не успел вставить и слова, когда Се Лянь уже понёс дрова в дом, чтобы согреть воды.

— Вчера я сдал рухлядь в посёлке, купил тебе пару осенних одёжек. Как помоешься, примерь, в пору ли они.

Лан Ин как раз надел на себя новое, а услышав Се Ляня, не говоря ни слова, развернулся и направился прочь. Се Лянь остановил его серьёзным тоном:

— Не уходи! Помыться нужно обязательно. Не волнуйся, я не стану снимать повязки с твоего лица.

Но Лан Ин по-прежнему стоял на своём — молча вышел рубить дрова, не желая заходить в дом. Се Лянь не мог его заставить, пришлось самому собрать дрова в кучу, согреть воды и начать раздеваться. Жое круг за кругом соскользнула с его груди, когда Лан Ин снова зашёл в дом с охапкой дров. Увидев принца по пояс голым, юноша вмиг округлил глаза. Се Лянь же потрогал воду рукой, решил, что температура как раз подходящая, и залез в бочку прямо в штанах. Увидев юношу, принц сказал:

— А, ты как раз вовремя. Передай мне, пожалуйста, свиток, он под моей шляпой на стене.

Однако Лан Ин не подошёл, даже наоборот — попятился за дверь и с громким стуком захлопнул её за собой. Се Лянь ничего не понял. Но не прошло и минуты, как юноша, словно о чём-то вспомнил, вновь открыл дверь сильным пинком.

Се Лянь всполошился:

— Не пинай эту дверь! Её...

Лан Ин, даже искоса не взглянув на принца, направился прямо в дом, схватил за шиворот лежащего в мертвецкой позе Цюань Ичжэня и поволок наружу. Видимо, тот спал очень глубоко, и только какое-нибудь мощное землетрясение могло бы его разбудить — по дороге за дверь он ни разу не пришёл в себя.

Се Лянь, не зная, как реагировать, воскликнул вслед:

— Что ты делаешь? Ничего страшного, я ведь не девица. Заходи!

В отсутствие Хуа Чэна принц не раз принимал водные процедуры в монастыре. Ведь помещение слишком маленькое, а условия не отличались роскошью, помыться в чане с водой — уже неплохо. Здесь не было бассейна длиной в десять чжанов, отгороженного ширмой, в котором принц мог бы в своё удовольствие плескаться и даже кататься на лодке. При этом, случайно ли, нет ли, Се Лянь никогда не омывался

в присутствии Хуа Чэна. Однако теперь рядом был вовсе не Хуа Чэн, а другой человек, поэтому принц не видел ничего плохого.

Лан Ин отвернул Цюань Ичжэня от принца и забросал горой какой-то одежды. Сам же, опустив голову, передал Се Ляню свиток, который тот просил, и уселся в углу. Се Лянь развернул свиток и принялся внимательно изучать написанное, между делом распустив волосы.

От горячего пара лицо принца чуть порозовело, длинные волосы и ресницы стали более яркими и влажными. Вскоре принц нащупал на груди тонкую серебряную цепочку с алмазным кольцом.

Се Лянь взял кольцо в ладонь и слегка сжал пальцы. Как вдруг боковым зрением заметил на краю стола для подношений маленький цветок.

Принц, поддавшись наитию, взял цветок и взгляделся в него. Се Ляню всё казалось, что туман, царящий в голове, похож на горячий пар перед глазами — стоит только взмахнуть рукой, и дымка рассеется. Внезапно снаружи раздался стук.

Этот звук привёл Се Ляня в чувство. Принц положил цветок на стол и хотел спросить, кто там, но тут же понял, что стучат не в монастырь, а в дверь дома старосты деревни по соседству.

Следом послышался очаровательный девичий голос:

— Есть кто-нибудь дома? Меняю старое на новое, меняю старое на новое! У меня есть совершенно новое платье, но мне оно не пригodiлось, хочу обменять на понравившиеся старые одежды. Хозяйева, согласны ли обменяться? Есть кто-нибудь дома?

Искать не пришлось — тварь сама пожаловала на порог!

Гостья продолжала стучаться в каждый дом, но никто не вышел, чтобы ей открыть. И не мудрено — в дни, свободные от сбора мусора, Се Лянь проводил в деревне Водных каштанов лекции, рассказывал всем матушкам, бабушкам, тётушкам сотни хитростей, к которым прибегает нечисть. Никто из жителей деревни ни за что не удостоит вниманием такого, совершенно очевидно непростого, незваного гостя, явившегося посреди ночи. Теперь людей провести стало не так просто, как в старые времена. Тварь прошлась по всем домам, так и не добилась к себе внимания, и наконец оказалась возле монастыря Водных каштанов. Се Лянь задержал дыхание в сосредоточенном ожидании. Но только нечисть даже в дверь стучать не стала —

почувствовала, что это не то место, куда ей следовало являться, тихо ойкнула и, судя по шагам, направилась прочь.

Се Лянь сразу же воскликнул:

— Постой! Я хочу обменяться. — Затем прошептал Лан Ину: — Скорее открой дверь, не бойся, всё в порядке!

Лан Ин совсем не выглядел напуганным — сразу подошёл и отворил дверь. Снаружи показалась молодая девушка, очаровательная и грациозная, и даже по нижней половине лица становилось ясно, что это обладательница привлекательной внешности. Однако на голову девушка надела платок, который закрывал верхнюю часть облика. Казалось, у неё нет глаз, отчего было немного не по себе.

Гостья заглянула в дом и, прикрывая рот, засмеялась.

— Даочжан, какую старую одежду ты хочешь обменять на моё новое платье?

Се Лянь, чтобы ослабить её бдительность, так и не вылез из чана с водой.

— Тут нужно взглянуть, что за новое платье ты предлагаешь, — с улыбкой ответил он.

Девушка вытянула руку, легко тряхнула, и из дорожного узла выпало сверкающее парчовое одеяние, потрясающее великолепием. Вот только по фасону выглядело немного устаревшим, а ещё сверху донизу источало демоническую Ци.

Се Лянь восхитился:

— Прекрасное, прекрасное платье. Лан Ин, дай девушке одежду, которую я принёс из посёлка.

Лан Ин сделал как велел принц. Девушка отдала им новое платье, хихикнула, взяла старые одежды и уже развернулась, чтобы уйти, но вдруг переменилась в лице, будто что-то ужалило её в руку. Громко вскрикнув, девушка бросила выменянное на пол. В грубых тканях свернулась кольцами Жое. Неизвестно, в какой момент лента заползла внутрь, но теперь высунулась из ворота, словно ослепительно-белая ядовитая змея, которая с шипением высовывала язык в сторону девушки. Да только «девушка» оказалась и не девушкой вовсе! Когда Жое внезапно напала, как она вскрикнула, как подпрыгнула, так и свалился платок с её головы. Нижняя часть лица поражала несравненным очарованием, тогда как верхняя потрясала обилием

морщин и старостью, контраст вышел весьма жуткий. Какая же это «девушка»? Ясно ведь, что перед ними старушка преклонных лет!

Открой красильную мастерскую и всё раздели по цветам
Полуликая демоница!

Полуликая демоница — это низкоуровневая нечисть, которая получается из престарелой женщины, охваченной завистью к молодым девушкам. Такие женщины не могут смириться со своей старостью и твёрдо верят, что пожирание плоти и крови молодых женщин вернёт их в годы юности. Их излюбленный приём — говорить с людьми тоненьким голосом, притворяясь молодухой. Но всё же глаза остаются «зеркалом души», и старость не скроешь, как ни старайся. Чем больше живой плоти и крови они пожирают, тем сильнее молодеет только нижняя половина лица, а верхняя, где расположены глаза, напротив — только сильнее стареет, и тем заметнее становится разница между двумя половинами. Но даже сделавшись подобной тварью, полуликие демоны не признают своих ошибок.

Се Лянь, весь мокрый, вылез из воды и только поставил ногу на край чана, приготовившись молниеносно схватить демоницу, как вдруг... Цюань Ичжэнь, будто охваченный вспышкой угасающей свечи, вскочил и нанёс удар наотмашь. Полуликая демоница оказалась слишком слабой — тут же повалилась наземь и заверещала:

— Пощадите!

Се Лянь без спешки набросил на себя монашеское одеяние и обратился к ней:

— Значит, это ты стащила Божество парчовых одежд?

— Не я, не я! — тут же затараторила демоница. — Куда мне осмелиться ворваться во дворец Шэньу!

И то верно — обычно низкоуровневая нечисть не настолько бесстрашна. Повезёт, если во дворце небесного чиновника из них не выбьют дух. К тому же, кажется, демоница никак не связана с Божеством парчовых одежд — при грубом подсчёте её демонический возраст не превышает и девяти десятков, а по легенде Божество парчовых одежд старше на несколько сотен лет.

Се Лянь спросил:

— Но как это парчовое одеяние попало к тебе в руки?

Демоница подобрала платок, вновь закрыла верхнюю часть лица и заговорила тоненьким голосом:

— Отвечу... отвечу даочжану на вопрос! Я... прикупила его в Призрачном городе...

Неужели так можно? Прикупить в Призрачном городе???

Се Лянь, помолчав, продолжил:

— И кто продал тебе эти одежды?

Демоница в ужасе запричитала:

— Даочжан! Смилуйтесь! Я этого не знаю! Ведь у торговцев в Призрачном городе не спрашивают всю родню до восемнадцатого колена!

Весьма разумно. Если бы для торговли в Призрачном городе спрашивали всех предков до восемнадцатого колена, там не было бы столь оживлённо. Тварям нужна лазейка — только так они зашевелиятся. Се Лянь задал ещё несколько вопросов, но так ничего и не выяснил, только убедился, что полуликая демоница — лишь мелкая сошка, которая сама ничего не знает.

— Циин, прикажите своим служащим забрать её.

Однако Цюань Ичжэнь возразил:

— Не выйдет. В моём дворце нет служащих.

— Ни одного? Вы никого не выбирали себе в генералы?

Цюань Ичжэнь ответил совершенно спокойно:

— Ни одного.

Оказалось, что этот западный Бог Войны всегда действовал в одиночку и ни разу не избрал себе генерала. Даже простого помощника в мелких делах у него не имелось. Се Лянь, к примеру, не мог себе позволить никаких служащих, а Цюань Ичжэнь, скорее всего, просто отличался странным нравом. Поэтому принцу пришлось самому достать глиняный горшок и посадить туда полуликую демоницу. Затем Се Лянь взял из рук Лан Ина парчовое одеяние, расправил и внимательно осмотрел. Брови принца непроизвольно нахмурились.

Тёмная Ци действительно окружала одеяние, но... как бы это сказать... На взгляд Се Ляня эта тёмная Ци только стекала по поверхности, будто её нанесли подобно толстому слою пудры или румян, а вовсе не сочилась изнутри. Интуиция подсказала Се Ляню,

что эта вещь не так уж опасна, как говорится в легендах, и всё же принц сохранил бдительность.

Зато Цюань Ичжэнь подошёл, бросил взгляд на платье и заключил:

— Фальшивка.

— Что это значит? — замер Се Лянь.

— Платье — фальшивка. Настоящее Божество парчовых одежд я видел. Оно намного опаснее этого.

— Когда вам приходилось его видеть? На самом деле свидетелей не так уж мало, но никто из них не может распознать настоящую тварь. Почему вы так твёрдо убеждены?

Цюань Ичжэнь однако ничего ему не ответил. Как раз в этот момент принцу пришло сообщение по духовной связи от Линвэнь, её голос зазвучал у него в голове:

— Ваше Высочество, мы получили сведения, что в двадцати ли к западу от монастыря Водных каштанов обнаружен мелкий демон с Божеством парчовых одежд в руках. Будьте любезны, возьмите на себя труд отправиться туда и проверить.

— Опять? Ну хорошо. — Принц взглянул на Цюань Ичжэня и незаметно спросил: — А, кстати, ещё кое-что. Линвэнь, Циин когда-то видел Божество парчовых одежд?

— Циин? Ох, да не просто видел. Случившееся с ним намного хуже, чем «увидеть».

— Как это понимать?

— Всё довольно запутанно. Не знаю, приходилось ли Вашему Высочеству слышать об этом. Богом Войны, ответственным за Запад, первоначально являлся не Циин. Им был Инь Юй.

Се Лянь вспомнил, что Повелитель Ветров когда-то рассказывал ему об этом, пока срывал с себя одеяния в Доме Блаженства. Сердце принца невольно охватила горечь.

— Я слышал. Говорят, что двое Высочеств когда-то были соучениками одного мастера — шиди и шисюном?

Выяснилось, что до вознесения Инь Юй был первым учеником своего мастера. Однажды он встретил совершенно дикого мальчишку, скитающегося по улицам, и в благородном порыве уговорил мастера забрать его в ученики. Тем беспризорником и был Цюань Ичжэнь.

Несколько лет, пока они учились вместе, Инь Юй, можно сказать, с большой заботой относился к Цюань Ичжэню. Он вознёсся первым, а юношу избрал себе в генералы.

Линвэнь заметила:

— Циина вы несколько раз видели раньше. Наверное, уже поняли, что он немного...

Се Лянь продолжил:

— Бесхитростен? Это ведь хорошо.

Линвэнь усмехнулась:

— Хорошо или нет, зависит от человека и от обстоятельств. Кому-то может показаться, что он излишне своеволен, что у него отсутствуют манеры, что он никого не уважает. Если бы в первые годы вознесения Его Высочества Инь Юй не брал на себя ответственность и не сглаживал его огрехи, неизвестно, сколько раз ему задали бы нешуточную трёпку.

Се Лянь погрузился в размышления.

— Следовательно, отношения между двумя Высочествами были довольно хорошие.

— Вначале да. Но вот беда, впоследствии Циин вознёсся на Небеса своими силами.

Оба вознеслись на Западе, как же с этим быть? В итоге они договорились, что будут вместе отвечать за эту сторону света.

Шисюн и шиди вместе властвуют на одной территории — звучит как прекрасная легенда. Однако всё же на одной горе двум тиграм не ужиться.

Для сравнения, природные данные Инь Юя позволяли ему пережить одну Небесную кару, ниспосланную с Небес, такой человек попадает один на десять тысяч. Тогда как потенциал Цюань Ичжэня позволял ему выдержать три Небесные кары, такого даже среди миллиона трудно сыскать. Вначале всё было не так уж плохо, разницу никто не замечал. Но чем дальше, тем ощутимее становилась пропасть между ними. Цюань Ичжэнь ничего не смыслил в отношениях между людьми, не умел сближался с бессмертными коллегами, а также не прикладывал никаких усилий, чтобы заиметь последователей. Напротив, он не запомнил ни одного имени из списка других небесных чиновников, кроме самого Инь Юя, да ещё имел смелость избивать собственных последователей и посылал их «поесть дерьма». Иными

словами, творил что хотел, выходя при этом за все общепринятые рамки. Однако при этом границы его владений расширились, последователи множились. На его фоне Инь Юй заметно побледнел и, в конечном итоге, его положение оказалось под угрозой.

На каждый день рождения шисюн и шиди дарили друг другу подарки. И однажды Инь Юй преподнёс Цюань Ичжэню сверкающий величием доспех.

— Божество парчовых одежд? — спросил Се Лянь.

— Именно, — ответила Линвэнь.

Кроме того, что Божество парчовых одежд способно пить кровь и тем самым убивать жертву, у неё есть необыкновенное свойство: тот, кому подарят одежду, будет во всём повиноваться тому, кто её подарил. А поскольку отношения между шисюном и шиди всегда были неплохие, Цюань Ичжэнь без раздумий надел на себя доспех.

Вскоре Инь Юй, с виду ненамеренно, подшутил над своим шиди, и Цюань Ичжэнь попал под воздействие Божества парчовых одежд — в наваждении делал то, что ему велели. К счастью, Цзюнь У заподозрил неладное и своевременно взял положение дел под контроль. А иначе Цюань Ичжэнь мог отрезать сам себе голову и начать играть ею как кожаным мячом.

Линвэнь подытожила:

— Поэтому скандал, послуживший немалым потрясением для всех, вышел серьёзный. И поскольку Инь Юй, будучи в статусе небесного чина, нанёс вред своим же коллегам, разумеется, его сразу же низвергли.

По логике вещей, после инцидента отношения между двумя небожителями должны были испортиться. Но тут Се Лянь вспомнил комедийную пьесу, которую на пиршестве в честь Середины осени показали последователи дворца Циина. Шут, что всячески кривлялся за спиной Цюань Ичжэня, видимо, изображал Инь Юя. И тогда шиди пришёл в неопишемую ярость — даже спрыгнул в мир людей, чтобы задать трёпку своим последователям.

— Мне показалось, что Циин всё ещё относится к своему шисюну с большим почтением. Возможно, между ними произошло какое-то недоразумение?

— Это мне не известно. Недоразумение или нет, его низвергли многие годы назад, кому теперь до этого дело?

Се Лянь покивал и уже собирался попрощаться, как вдруг Линвэнь добавила:

— Пойдите. Ваше Высочество, ещё кое-что, я не договорила. В шестидесяти ли на восток от монастыря Водных каштанов также замечен неизвестный с Божеством парчовых одежд.

— Уже далековато, но почему замечен ещё кто-то?

— Это не всё, слушайте внимательно. Замечены случаи: в сорока двух ли на северо-запад, в пятнадцати ли на юго-восток, в двадцати двух ли на север... — На одном дыхании Линвэнь назвала более двадцати различных мест. — Хм, кажется, на данный момент это пока всё.

Когда она закончила доклад, Се Лянь уже успел всё позабыть и немного опечалился.

— На этот раз эффективность вашего дворца довольно высока! Только... на данный момент? Пока? Значит, появятся ещё?.. Неужели в Призрачном городе Божества парчовых одежд продаются целыми партиями?

— Должно быть. В Призрачный город приходит множество странствующих торговцев, о которых ничего не известно. Часто под фальшивой личиной они продают подделки, затем, распродав всё, меняют облик. Обыкновенные путники не станут покупать там непроверенный товар. Однако немало демонов надеются наткнуться на старинные ценности, и всегда кто-то считает, что именно ему повезёт. Когда Божество парчовых одежд украли, очень много мелких торговцев мира демонов узнали об этом по своим каналам и замыслили, воспользовавшись моментом, обмануть покупателей. Взяли первую попавшуюся тряпку и назвали её Божеством парчовых одежд. Самое невероятное, что множество демонов действительно купили их товар, а потом сразу же решили на ком-то испробовать. Это прибавило нашим работникам, ответственным за сбор информации, немало хлопот.

Вся эта неразбериха в самом деле только мешала в поисках настоящей твари. В округе возникло сразу такое множество «парчовых одежд»! Как узнать, какие из них настоящие?

Но раз уж это задание поручили им, придётся придумать способ, как его выполнить.

— Начнём с ближайшего, — решил принц. — Проверим каждое место по очереди.

Се Лянь не имел магических сил, Цюань Ичжэнь не умел рисовать поле Сжатия тысячи ли, и ни у кого из них не было помощников-генералов. К счастью, ближайшее место из доклада Линвэнь располагалось всего в пяти ли от них, это была заброшенная красильная мастерская. Приняв решение отправиться туда, они без промедления вышли в ночь.

Се Лянь велел Лан Ину оставаться в монастыре Водных каштанов, но тот всё-таки по своей воле пошёл за ними, никак не желая возвращаться. Подумав, что их поход нельзя назвать опасным, а даже наоборот — для Лан Ина это возможность набраться опыта, принц решил взять его с собой, поскольку в будущем собирался обучать мальчишку самосовершенствованию.

Троица некоторое время шла в ночи, когда впереди вдруг послышались странные вздохи: «Э-эй-ух, э-эй-ух!»

Услышав знакомый звук, Се Лянь остановился. Из тумана постепенно показались очертания чего-то огромного, а также четыре тусклых призрачных огонька, которые парили в воздухе и вращались во все стороны.

Цюань Ичжэнь, кажется, приготовился драться, не задавая вопросов — одолеем врага, а там поговорим. Но Се Лянь остановил его:

— Всё в порядке. Я их знаю.

Как и ожидал принц, перед ними возникли четыре золотых скелета, несущие паланкин. Цюань Ичжэнь, судя по всему, никогда не видел подобных удивительных вещей — он широко округлил глаза, и даже его взгляд ярко заблестел.

Главный скелет протянул:

— Вы — Его Высочество наследный принц государства Сяньлэ?

— Да, — ответил Се Лянь. — У вас ко мне какое-то дело?

Золотой скелет продолжал:

— Нет, нет, просто нам с братьями нечего делать, хотели спросить, не желает ли Его Высочество воспользоваться нашей помощью, раз ночью отправились в дорогу?

Путь был недалёк, и Се Лянь хотел вежливо отказаться, но тут Цюань Ичжэнь воскликнул:

— Хорошо! — и весь в нетерпении забрался в паланкин.

Кажется, юноша очень хотел прокатиться в великолепной диковинной повозке. Се Лянь, не зная, как реагировать, решил забраться внутрь и вытащить Цюань Ичжэня оттуда, но тут паланкин сам собой накренился и выбросил юношу на дорогу. Се Лянь тоже покачнулся, однако его поддержала чья-то рука. С губ сорвалось:

— Сань...

Но, обернувшись, принц увидел, что Лан Ин в какой-то момент тоже оказался в паланкине и теперь крепко держал его за плечо. Юноша молчал и чёрными как ночь глазами смотрел на принца.

Скелеты поспешно подняли паланкин. Восемь ног двигались подобно четырём колёсам ветра и огня^[249], они ровно несли паланкин на огромной скорости, и по дороге выкрикивали:

— Разойдитесь, разойдитесь! Не стойте на пути, не стойте на пути!

Цюань Ичжэнь, которого безжалостно выкинули на землю, перевернулся и вскочил на ноги. Юноша не сдавался — он приготовился запрыгнуть в паланкин на ходу, но скелеты мчались слишком быстро, и у него никак не получалось их догнать, пришлось бежать следом. Видимо, ему в самом деле очень сильно хотелось прокатиться в паланкине, насладиться поездкой. Глядя, с каким усердием молодой небожитель гонится за ними, Се Лянь проникся к нему жалостью. Принц ощутил себя так, будто обижает ребёнка. Конечно, он прекрасно понимал, что паланкин — собственность Хуа Чэна, и возможно, тот не хотел бы, чтобы другие небожители в нём катались, но всё же не выдержал и спросил:

— Послушайте... нельзя ли посадить к нам ещё одного пассажира?

Скелеты протяжно выкрикнули:

— Никак! Никак! Можно только двоих!

Словно на колёсах ветра и огня они бежали ещё какое-то время, а Цюань Ичжэнь едва поспевал за ними. Оказавшись на месте, золотые скелеты высадили Се Ляня и Лан Ина, вновь подняли паланкин и мгновенно удалились. Цюань Ичжэнь, которому так и не удалось посидеть в диковинной повозке, выглядел ужасно раздосадованным и всё с жалостью смотрел вслед паланкину. Се Лянь, едва спустившись вместе с Лан Ином на землю, услышал впереди печальные

причитания, разносящиеся по округе. Звук исходил из заброшенной красильной мастерской. Се Лянь испытал крайнее любопытство — разве им не сказали, что ночью здесь нет ни души?

Подойдя ближе, принц расслышал, что это были за причитания:

— Недостойный больше никогда не посмеет во владениях уважаемого градоначальника Хуа торговать подделками! Правда-правда, не посмеет! Только, прошу вас, передайте уважаемому градоначальнику Хуа, что эти фальшивые парчовые одежды мне достались от других демонов! Я тоже пострадавший!!!

Троица приблизилась к мастерской. В тот же миг из неё вышел человек в чёрных одеждах и маске демона. Кажется, он уже давно ожидал их здесь. Чуть склонив голову, он произнёс:

— Ваше Высочество наследный принц.

Голос принадлежал тому самому демоническому посланнику, который поймал Лан Ина и привёл к Се Ляню в Дом Блаженства. И в прошлую их встречу на его руке Се Лянь видел проклятую кангу.

Повелитель Ветров как-то говорил принцу, что этот человек, должно быть, Инь Юй. Ведь низвергнутых в последние годы небожителей легко пересчитать по пальцам.

Се Лянь спросил:

— Как я могу называть Ваше Превосходительство?

— Я лишь недостойный без имени и не заслуживаю такой чести.

Переступив порог мастерской, Се Лянь невольно остолбенел. На деревянных решётках висела самая разнообразная одежда: свадебные наряды, халаты чиновников, тонкие девичьи платья, чёрные парадные одеяния, детские одёжки... даже несколько простых и грубых холщовых рубищ в пятнах крови, как будто кто-то больше всего на свете опасался, что никто не заподозрит здесь ничего странного. Слой за слоем, окружённые зловещей иньской Ци и тяжёлой тёмной энергией, будто друг за другом в ряд стоят живые мертвецы. Даже если среди них нет Божества парчовых одежд, наверняка не найти здесь и ничего хорошего.

С высоких деревянных конструкций свисали длинные отрезки ткани разных цветов. Какие-то белые, какие-то крашеные. Но явно уже давно никто сюда не наведывался. Цюань Ичжэнь уселся на корточки на краю чёрного как смоль красильного чана и принялся внимательно изучать странную жидкость необычного цвета, источающую

незнакомый запах. Се Лянь даже забеспокоился, что в следующий миг он обмакнёт в неё палец и оближет, поэтому стянул Цюань Ичжэня на пол.

Во дворе также обнаружилась толпа нечисти, связанная железной цепью. Демоны сидели на корточках, закрывая головы руками.

— А это...? — поинтересовался принц.

Посланник в маске ответил:

— Здесь все демоны, которые продавали в Призрачном городе Божество парчовых одежд, а также пытались применять его в различных местах. Всего обнаружено девяносто восемь экземпляров.

Целых девяносто восемь, причём все отловлены в крайне короткий срок! Се Лянь слегка изменился в лице.

Посланник добавил:

— Если будут замечены ещё необычные случаи, их также в скорейшем порядке изловят и доставят Вашему Высочеству.

Тут уж Се Лянь не выдержал:

— Не нужно. Прошу, передайте Сань... градоначальнику Хуа, правда, не стоит так утруждаться. Я сам могу справиться с этим.

Результат будет тот же, просто придётся потратить больше времени и сил. Но всё же Се Лянь являлся чиновником Верхних Небес, и пусть ему почти никто не поклонялся, служебные поручения, которых было не так много, он выполнял добросовестно.

В ответ прозвучало:

— Разумеется, градоначальник понимает, что Ваше Высочество способны легко справиться с поручением. Но именно поэтому он не хотел бы, чтобы вы тратили силы на дело, которое под силу любому. Время Вашего Высочества следует выделить на более важные задачи.

Немного поразмыслив, Се Лянь всё-таки спросил:

— Скажите, пожалуйста, сейчас ваш градоначальник...?

Лан Ин то и дело прохаживался мимо Се Ляня с невозмутимым видом.

Посланник ответил:

— Сейчас градоначальник очень занят.

— Ох. Что ж, прекрасно, — поспешно произнёс Се Лянь. — Надеюсь, что у него всё складывается как нельзя лучше. Как нельзя лучше.

Они опросили всех пленённых демонов по одному, и каждый утверждал, что купил товар у таинственного торговца в маске. Не похоже, чтобы они лгали, но ведь в таком месте как Призрачный город за день можно встретить несколько сотен, а то и больше таинственных торговцев в масках!

Не выспросив ничего дельного, посланник дёрнул за цепь и попрощался с принцем, уводя причитающих демонов за собой. Оставил он лишь девяносто восемь демонических одежд. Се Ляню казалось, что даже во время сбора рухляди ему не случалось подбирать так много одежды. Просмотрев одну за другой, он усомнился, что среди них вообще есть настоящее, поэтому сказал Цюань Ичжэню:

— Циин, взгляните теперь вы.

Цюань Ичжэнь потрепал рукой и без того растрепанные вьющиеся волосы и покачал головой.

— Их слишком много.

Слишком много демонических одежд. Все они влияют друг на друга, что в свою очередь отрицательно сказывается на вынесении решения.

Человек с обострённым вкусом сможет различить в одной сладкой начинке и грушу, и яблоко. Но если смешать вместе девяносто восемь видов фруктов и дать ему попробовать, ощущение разных вкусов совершенно потеряется. Се Лянь уже раздумывал над другим способом, когда обернулся и застал Цюань Ичжэня, намеревающегося надеть на себя один из нарядов. Принц поспешно остановил его и повесил одеяние обратно.

— Стойте, стойте, стойте. Циин, для начала договоримся: во-первых, нельзя есть что попало. Во-вторых, нельзя надевать на себя что попало. Это очень опасно.

Цюань Ичжэнь указал принцу за спину.

— А так можно?

Се Лянь вдруг почувствовал запах гари. Затем обернулся и увидел, что Лан Ин достал в каком-то углу сухую ветку и поджёг, а теперь невозмутимо и с явной сноровкой поднёс к полам одного из демонических одеяний.

Се Лянь:

— И... огнём тоже играть не надо!!!

Кажется, Лан Ин причинил одеянию боль — полы завернулись наверх, ткань в ужасе смялась, пытаясь укрыться от огня, будто перед ними была не одежда, а живая извивающаяся рыба-вьюн. От такого зрелища её даже становилось немного жалко. Но несмотря на запах гари, на ткани не появилось подпалин. Как видно, иньская Ци демонического одеяния так сильно впиталась в ткань, что наделила её защитой от пламени.

Лан Ин услышал слова Се Ляня о том, что не надо играть с огнём, сразу выбросил ветку и затоптал огонь, приняв послушный вид.

Се Лянь, не зная, плакать или смеяться, подошёл к нему.

— Что с тобой сегодня...

И вдруг выражение лица принца застыло.

Потому что он увидел неподалёку впереди подвешенную на высокой деревянной раме длинную ткань белого цвета, колышущуюся на ветру. И на ткани проявился тёмный человеческий силуэт, который медленно перемещался.

У силуэта не было головы.

Се Лянь притянул Лан Ина к себе за спину и взмахнул мечом.

— Берегитесь!

Одним ударом принц разрубил белую ткань вместе с силуэтом напополам, но за ней никого не оказалось— безголовая тень исчезла без следа. Се Лянь ещё не успел подойти ближе и всё осмотреть, как почувствовал холодок за спиной. Принц резко обернулся, и его зрачки сузились. За ним стояла одетая в роскошное платье женщина, которая незаметно возникла позади, не издав ни звука.

Нет! То была не женщина, а только одежда!

И только что принц разрубил на две части также одежду, которая упала на пол, накрытая белым полотном. Кругом замелькали неясные человеческие силуэты — покачиваясь, они стали окружать троицу. Выходит, все демонические одеяния, что висели во дворе, в прихожей и в самой мастерской, в какой-то момент покинули свои вешалки!

Се Лянь озадаченно спросил:

— Только что все послушно висели, что же вдруг заставило их заволноваться?

Рядом послышался тихий голос:

— Тысячи демонов теряют покой.

Се Лянь обернулся и понял, что говорил Лан Ин. Юноша не выказывал ни тени беспокойства, только чуть вздулись синие вены на тыльной стороне бледной ладони. Очевидно, он тоже попал под влияние.

Новая волна беспокойства среди демонов! Чем ближе ко дню открытия горы Тунлу, тем громче звучало напоминание об этом всем демонам. Первым делом Се Лянь подумал: «Что сейчас с Сань Ланом???»

Но обстоятельства сложились так, что времени на размышления у принца не осталось. Покуда Се Лянь растерялся, более двадцати демонических одеяний подобрались уже совсем близко. Цюань Ичжэнь без раздумий замахнулся кулаком. Если бы удар пришёлся в стену или пол, наверняка всё вокруг содрогнулось бы, земля пошла бы трещинами. Но вот незадача, удар силой в тысячу цзиней был направлен на одеяния. Если подумать, даже в игре «Камень, ножницы, ткань^[250]» ткань обнимает камень.

И летящая, мягко струящаяся материя прекрасно противостояла удару кулака! Какой бы силой ни обладал кулак, полотно мягко оборачивалось вокруг него, ни о каких повреждениях не могло быть и речи. Оставалось только Се Ляню вскинуть меч и вступить в бой. Но демонические одежды легко уклонялись от атак, раз — и они отлетали на несколько чжанов, будто совсем ничего не весили. Также они почти не издавали звуков, поэтому услышать их и предотвратить внезапное нападение было намного сложнее, чем в схватке с человеком.

Обыкновенно люди выбирают одежду, но сейчас одежда выбирала людей — каждое из девяноста восьми одеяний вне себя от нетерпения искала подходящее тело, понравившегося человека. Среди людей более всего любят выбирать наряды женщины; среди платьев же более всего привередливы женские. Несколько десятков разнообразных по цвету и фасону женских платьев так и липли к Се Ляню, не удавалось отогнать их даже мечом. Битва выглядела ещё ожесточённее, чем если бы женщины отбирали друг у друга пришедшийся по сердцу наряд. На какое-то время вокруг Се Ляня будто скопились горы цветов и парчи — его окружили женские платья, тянущие принца из стороны в сторону. Цюань Ичжэнь стащил с себя и бросил на пол несколько детских одежек, упрямо лезущих к нему на голову, и с любопытством спросил:

— Почему вы так нравитесь этим женским платьям?

— Может, они нашли во мне что-то родное???

Впрочем, ни одно демоническое одеяние не привязалось к Лан Ину. Возможно, потому что юноша сам являлся демоном, и они понимали — никакой пользы из него не извлекут, поэтому не приближались. Се Лянь одним ударом разрубил поперёк талии несколько платьев, но те лишь разделились пополам, по-прежнему двигаясь свободно, даже стали уворачиваться ещё быстрее и проворнее. Краем глаза принц уловил, как несколько демонических одежд тайком пробираются к окну, и вскрикнул:

— Закройте дверь, держать оборону! Не дайте им уйти!

Два божества и демон ещё могли противостоять напасти, но если все одеяния сбегут и нападут на людей, хлопот не оберёшься. Но кричать было уже поздно. Двор мастерской находился под открытым небом, и несколько халатов, расправив широкие рукава, поднялись в воздух и словно огромные летучие мыши взлетели в ночное небо.

Се Лянь горестно простонал в душе и позвал Цюань Ичжэня:

— Циин! Здесь всё оставляю на вас! — затем легко оттолкнулся от земли и перелетел через стену, хватаясь за полу демонического одеяния.

С весом целого человека халат не смог улететь, как бы ни махал рукавами — упал на землю. Принц мёртвой хваткой держал беглеца за полы, но тот оказался хитёр — с треском оторвал край ткани и, будто герой, что отрубил себе руку, укушенную змеёй, второпях ускользнул.

Как раз мимо по дороге проходил путник. Мужчина во хмелю возвращался домой, а когда на него вылетело странное существо без головы, от испуга завопил:

— А-а-а-а-а! Безголовый демон! У него нет головы!

Се Лянь бросился вперёд, схватил одеяние и показал путнику, успокаивая:

— Не бойтесь, не бойтесь! Смотрите! Здесь не только головы, здесь вообще никого нет!

Мужчина глянул и убедился, что внутри ворота и впрямь пусто — ничегошеньки! А ведь это ещё страшнее, чем безголовый демон! Бедняга тут же закатил глаза и упал без чувств. Се Лянь подхватил несчастного и осторожно уложил на землю.

— Прошу прощения! Я сейчас всё улажу, со всем разберусь.

Когда демонические волнения улеглись, Се Ляню с огромным трудом удалось схватить все одежды, которые вылетели из мастерской. Принц сосчитал их, убедился, что все на месте, и наконец вздохнул спокойно.

Раз всё так повернулось, Се Лянь заявил:

— Что ж, придётся нам воспользоваться самым простым и грубым способом, который предложил Циин. Будем надевать на себя каждую одежку по очереди.

Принц хотел бы сам вызваться, но серьёзно сомневался в том, что двое его подопечных смогут совладать с ним, если он действительно наденет настоящее Божество парчовых одежд и случится что-то непредвиденное. Поэтому Се Лянь решил взять контроль над процессом в свои руки, наблюдая за тем, как его спутники меряют одежды.

Итак, Лан Ин и Цюань Ичжэнь сняли верхнее одеяние и принялись надевать один наряд за другим. Каждый раз Се Лянь приказывал им что-то простое, вроде «подпрыгни два раза» или «покрутись вокруг себя», чтобы посмотреть, станут ли они повиноваться.

Однако после того как все наряды были испробованы и каждый из юношей надел по сорок-пятьдесят, ничего необычного они не обнаружили. Как видно, среди этих одеяний не было Божества парчовых одежд. Зря только потратили полночи.

Лан Ин с Цюань Ичжэнем в тонких рубахах присели на корточки, Се Лянь же уселся на гору раскиданной на полу одежды и, поддерживая лоб рукой, сказал:

— Покупать что-то у торговцев подделками и правда не стоит... — Посидев так немного, он решил обратиться к Линвэнь и применил заклинание духовного общения. — Линвэнь, у меня тут собралось немного демонических одеяний, среди них мы не обнаружили настоящего Божества парчовых одежд, но всё же каждое довольно опасно, справиться с ними непросто. Не можешь ли послать кого-нибудь, чтобы забрали их?

— Хорошо, я сейчас же всё организую, — отозвалась Линвэнь. — Сколько одеяний вы обнаружили?

— Девяносто восемь.

После недолгого молчания Линвэнь заметила:

— Ваше Высочество, вы в самом деле весьма способны. Это даже больше, чем в моём докладе.

Се Лянь мягко кашлянул.

— На самом деле, это не я...

Он вдруг запнулся, ощутив знакомое чувство холода по позвоночнику. На миг замерев, принц поднял глаза и посмотрел перед собой.

Там, на колышущихся белоснежных отрезках полотен, отразился тёмный человеческий силуэт.

На этот раз он не двигался, голова была на месте. За длинными полотнами, подобными занавесу, действительно стоял человек. Становилось ясно, что это высокий молодой парень, и даже его растрёпанные волосы на тени выделялись совершенно отчётливо.

Опасная находка среди девяноста девяти демонических одежд

Се Лянь резко вскочил.

— Божество парчовых одежд?!

Тень, разумеется, не ответила, но и с места не сдвинулась, так и осталась стоять на месте.

Се Лянь обеими руками коснулся двоих юношей и прошептал:

— Не шевелитесь.

Вскоре человеческий силуэт, издав лёгкий вздох, исчез вместе с налетевшим порывом ночного ветра, будто рассеявшись в воздухе. Се Лянь вдруг услышал, как в ворота красильной мастерской постучали.

Трое обернулись на звук, Се Лянь спросил:

— Кто там?

Снаружи послышался мужской голос:

— Ваше Высочество, это я.

Се Лянь подошёл открыть и увидел за дверью мужчину с ясным обликом и видом человека честного и справедливого. Он переступил порог со сведёнными за спиной руками, а Се Лянь несколько удивлённо спросил:

— Линвэнь? Для чего ты прибыла лично?

Линвэнь оправила рукава и ответила:

— Услышав, что обстоятельства у вас сложились непростые, я решила, что обыкновенные чиновники не справятся, поэтому пришла

всё осмотреть сама. Приветствую, Ваше Высочество Циин. Почему вы сидите на земле? Что с вашими лицами?

Это действительно была Линвэнь в своём мужском обликии.

Се Лянь подошёл к белому полотну, отёрнул его и обнаружил лишь пустоту. Помолчав, принц обернулся и сказал:

— Божество парчовых одежд явило себя.

Линвэнь удивлённо переспросила:

— Что?

— Должно быть, это он, я не ошибся. Молодой парень, высокий, выше меня примерно на два цуня. Судя по сложению, наверняка воин, обладающий исключительными навыками.

Линвэнь, мгновение поколебавшись, произнесла:

— Ваше Высочество, вы уверены? На протяжении стольких лет Божество парчовых одежд ни разу не являло себя людям. К тому же, вы ведь сказали, что не обнаружили среди девяноста восьми одеяний настоящее? Возможно, кто-то прибегнул к обману, чтобы ввести нас в заблуждение?

— Боюсь, что нет. Только что, после очередных волнений, охвативших демонов, чтобы предотвратить побег демонических одеяний и защитить людей, мы заперли двери и окна, а я поставил магическую защиту. Изнутри никто сбежать не мог, попасть сюда снаружи тоже. В мастерской остались только мы втроем, кто мог прибегнуть к уловке?

Задумавшись, Линвэнь спросила:

— Получается, это настоящее Божество, которое столкнулось с особыми обстоятельствами? Или, возможно, тень, которую вы видели — погибшая душа, что вселилась в другие демонические одеяния?

Цюань Ичжэнь и Лан Ин сидели на корточках на полу, словно оцепенев. Тем временем Се Лянь и Линвэнь, как взрослые люди, стояли рядом, скрестив руки на груди, и серьёзно обсуждали сложившееся положение.

В конце концов Линвэнь предложила:

— На мой взгляд, лучшим выходом сейчас будет отправить все эти одежды во дворец Линвэнь, чтобы мои служащие их осмотрели. Если ничего не обнаружится, на следующем собрании спросим остальных. В чертогах Верхних Небес всегда найдутся умельцы.

Поразмыслив над её словами, Се Лянь кивнул.

— Хорошо. Вот только... задание поручили нам, и я намерен разобраться в нём до конца. Раз уж настоящее Божество парчовых одежд находится здесь, я бы хотел испробовать все способы его найти. Если до завтра результата не будет, я передам тебе все девяносто восемь одеяний, — всё-таки это дело первоначально не касалось дворца Линвэнь.

— К чему такие церемонии, Ваше Высочество? Кстати, если соберётесь присылать одежды завтра, прихватите с собой сто одну.

Се Лянь удивился:

— Откуда взяться ещё трём? — затем сразу же всё понял. — Считаешь, что наши одеяния тоже могут попасть под подозрение?

— Такое вполне возможно.

Се Лянь поднял рукав своего монашеского халата, из которого уже торчали нити от частой носки.

— Моему халату уже около пяти лет, с ним наверняка всё в порядке. На Лан Ине одежда новая, я купил её недавно. Но он вовсе не послушался моих указаний. Поэтому, думаю, что с ним тоже всё хорошо.

Принц говорил Лан Ину отдохнуть, но тот всё равно шёл рубить дрова. Велел послушно оставаться дома, но тот всё равно отправился за ним.

Линвэнь, однако, покачала головой.

— Я не это имею в виду. Вашему Высочеству кое-что неизвестно. Зловредная Ци от Божества парчовых одежд очень велика, и покуда оно находится здесь, её влияние распространяется на другие, самые обыкновенные одежды. В общем, в целях безопасности, лучше вам больше не надевать ту одежду, в которой вы сейчас, а избавиться от неё.

Се Лянь поспешно снял с Лан Ина и Цюань Ичжэня верхние одеяния, приговаривая:

— Это носить нельзя, нельзя. Снимайте, снимайте оба. Что ж... тогда я завтра же отправлю все одеяния во дворец Линвэнь.

— Мне прислать за ними служащих?

— Не стоит, не стоит. Мне уже очень неловко, что каждый раз приходится тебя утруждать. Ещё и заставил отправиться сюда лично. У вас там и без того дел невпроворот, лучше я сам.

На следующий день Се Лянь с трудом упаковал всю гору одеяний в большие тюки и, в одиночку взвалив их на спину, отправился в столицу бессмертных.

Линвэнь уже давно ожидала его в своём дворце. Сегодня здесь было не так многолюдно, как в обычный день, когда занятые своими делами божества сновали туда-сюда. Се Лянь развернул тюки, и демонические одеяния разноцветным потоком рассыпались по полу. Принц стёр пот с висков.

Неторопливо подойдя к нему, Линвэнь поинтересовалась:

— Что-нибудь обнаружили?

Се Лянь бессильно выдохнул:

— К моему стыду, ничего. Должен попросить прощения, ведь у меня не так много помощников. Не исключено, что я мог упустить что-нибудь. Вчера гора одежды была раскидана как попало, и могло ли Божество парчовых одежд сбежать, мне неизвестно. Мне всё кажется, что я потерял пару вещей, но не слишком в этом уверен.

— Не страшно, — Линвэнь окинула взглядом пол. — Действительно, кое-что вы потеряли. Ваше Высочество, кажется, вы не принесли одежды, что вчера были на юном демоне?

Се Лянь сжал правую руку в кулак и ударил ею по левой ладони.

— Ах! Ты права! Я вспомнил, ведь потом Лан Ин по привычке вновь набросил на себя свою одежду, вот я и позабыл её взять. Прямо сейчас вернусь за ней.

Линвэнь улыбнулась.

— Не спешите, Ваше Высочество, ступайте помедленнее.

Однако Се Лянь никуда не ушёл, остался стоять на месте, при этом выражение его лица постепенно помрачнело. Линвэнь как раз намеревалась отрядить подчинённых, чтобы собрали демонические одежды, но когда увидела, что принц всё ещё во дворце, и при этом вокруг больше никого, удивлённо спросила:

— Ваше Высочество, вы что-то ещё хотели?

Се Лянь обратил к ней взгляд, окрашенный сложной палитрой эмоций.

— Ничего. Просто... я вот подумал, что если бы я принёс настоящее Божество парчовых одежд? Ты бы сразу схватила его и спрятала, стоило мне отвернуться?

Улыбка Линвэнь чуть померкла, но она всё так же учтиво спросила:

— Ваше Высочество?

Се Лянь, спокойно глядя на неё, произнёс:

— С самого начала меня посетила смутная мысль.

Линвэнь невозмутимо поинтересовалась:

— Какая мысль?

— Обычные люди и простые демоны не осмелятся проникнуть во дворец Шэньу. И если уж кто-то настолько хорошо знаком с дворцом Шэньу, чтобы выкрасть оттуда охраняемую вещь и при этом не быть пойманным, боюсь, кроме самого Цзюнь У, это могла быть только ты, Совершенный Владыка Линвэнь.

Всё-таки Линвэнь часто приходилось наведываться во дворцы разных небожителей, и она настолько хорошо владела информацией о чужих владениях, что лучше просто некуда.

Линвэнь, лучезарно улыбаясь, ответила:

— Ваше Высочество, не слишком ли сильно вы полагаетесь на простейшие домыслы? «Кому было проще всего сделать что-то, тот и является наиболее вероятным подозреваемым»? По-вашему, разумнее заподозрить Владыку в краже на собственном посту?

Се Лянь кивнул:

— Признаю, это действительно простейшие домыслы. Но с самого начала меня заставила заподозрить неладное та полуликая демоница.

— Что не так с полуликой демоницей?

— Она взяла фальшивое Божество парчовых одежд и постучалась как раз в мою дверь, разве случаются столь удачные совпадения? К тому же, у неё на лице так и было написано — «я подозрительная», словно она больше всего на свете боялась, что я не заподозрю неладного. Поистине, завидная целеустремлённость.

— О? И какова же была её цель?

— Разве она сама не сказала? «Обменять старое на новое». Ей понадобилось старое одеяние, которое находилось в моём монастыре!

Если вспомнить, как происходили события, когда пропало Божество парчовых одежд, во дворце Шэньу заметили очень быстро и так же быстро отреагировали — поиски начались незамедлительно. Поэтому, вероятно, преступник побоялся оставлять украденное у себя

и на время где-то спрятал. В таком случае, какой тайник будет труднее всего обнаружить?

Хочешь спрятать дерево — спрячь его в лесу.

Если бы Се Лянь вознамерился спрятать Божество парчовых одежд, он превратил бы его в неприметное холщовое одеяние и бросил бы на человеческом рынке, а сам стал наблюдать издалека. Подобные грубые одежды, по логике разумного человека, никто не захочет купить. Но жизнь Се Ляня нельзя измерять общепринятыми понятиями. Он и сам носил монашеский халат с истёршимися краями уже пять лет, а денег у него хватило только на покупку подобных лохмотьев. К тому же, сейчас главными требованиями принца к одежде являлись сохранение тепла и чистота. Он не стал бы перебирать товар, более того, у него имелись способности к тому, чтобы среди бесчисленных одежд, продающихся по низкой цене, выбрать самую опасную. Так и вышло, что Се Лянь с огромной радостью за гроши выкупил легендарное Божество парчовых одежд.

Линвэнь ответила:

— Ваше Высочество, вы перегибаете палку. Всё-таки вы Бог Войны, и ясно как белый день, что справитесь в два счёта с полуликой демоницей, что постучала в вашу дверь. И ни новую, ни старую одежду ей забрать не удалось бы.

— Ей действительно не удалось бы ничего забрать. Но кто сказал, что забирать необходимо? Если бы не случилось ничего непредвиденного, как бы развивались события?

Реши Се Лянь, что полуликая демоница в самом деле принесла с собой настоящее Божество парчовых одежд, он бы непременно доложил об этом Линвэнь. А затем Линвэнь, скорее всего, лично спустилась бы в мир людей, точно как вчера, и заявила бы Се Ляню, что для верности следует доставить всю одежду, что присутствует на месте происшествия, во дворец Линвэнь.

Но вот незадача — Цюань Ичжэнь находился рядом с принцем. Поразительно, но испытав на себе действие Божества парчовых одежд лишь единожды, он заимел опыт на всю жизнь и немедля смог распознать, что попавшее к ним в руки одеяние — фальшивка. Таким образом, явись Линвэнь в монастырь Водных каштанов за всей одеждой, объяснить требование было бы не так-то просто.

Информацию Се Ляню предоставляла Линвэнь. Она же имела возможность в открытую задавать вопросы, чтобы в любой момент узнать о его перемещениях. Когда полуликую демоницу раскрыли, Линвэнь немедленно отправила Се Ляню новые сведения по сети духовного общения о множестве фальшивых одеяний, распроданных в Призрачном городе, с которыми необходимо разобраться. Она подкинула принцу новое задание, чтобы у него не осталось времени поразмыслить над странными деталями.

Се Лянь произнёс:

— Не знаю, ты ли стала источником тех фальшивых одеяний, но сведения действительно предоставляла именно ты. Этот шаг, видимо, был направлен на то, чтобы отослать меня из монастыря Водных каштанов, а затем напасть на Лан Ина.

Но Лан Ин неожиданно последовал за принцем.

— Мне неизвестно, отвечало ли внезапное появление Божества парчовых одежд твоим чаяниям, но тебе не составило труда подстроиться под изменившиеся условия.

Среди такого множества демонических одежд, когда всё лежит вперемешку и нельзя распознать, где подлинник, где подделка, наверняка появится возможность потихоньку забрать настоящее Божество парчовых одежд. А поскольку само Божество явило себя, то Линвэнь получила возможность спуститься лично и открыто забрать все одеяния, включая те, что надеты на присутствующих. А как уж в итоге устроить проверку, как доказать, что среди конфискованных одеяний нет настоящего и как объяснить тень, увиденную принцем — для дворца Линвэнь всё это решается одной фразой.

Здесь Линвэнь изобразила рукой останавливающий жест.

— Ваше Высочество, пока остановитесь, хорошо? Значит, вы считаете, что Лан Ин... Ведь так зовут мальчика? Вам кажется, что одежда на нём — и есть Божество парчовых одежд? Не забывайте, что он ведь не стал слушаться ваших приказов. Вы сами это говорили. А надо сказать, что Божество парчовых одежд обладает огромной магической мощью, и даже Князь Демонов не стал бы исключением.

— Ты обмолвилась об «особых обстоятельствах», с которыми столкнулось Божество парчовых одежд. Что это за «особые обстоятельства», думаю, тебе известно лучше моего, и надеюсь, ты мне разъяснишь.

Линвэнь слегка нахмурилась, завела руки за спину и тихо произнесла:

— Ваше Высочество, так вы уже твёрдо убеждены, что именно я украла Божество парчовых одежд? Простите за прямоту, но это доставляет мне небольшое... недовольство.

Се Лянь чуть склонил голову.

— Я приношу извинения.

— Принимается. Однако, Ваше Высочество, если вы намерены настаивать на своём, я ничего не имею против. Предъявите доказательства. Всё-таки до сего момента все ваши слова — это лишь догадки!

Се Лянь неторопливо произнёс:

— Доказательств до сегодняшнего дня у меня не было. И даже до того, как я переступил порог дворца Линвэнь, их тоже не было. Но только что они появились.

Линвэнь сделала пригласительный жест рукой.

— Прошу.

— Доказательство в том, что несколько минут назад ты даже не попыталась сосчитать принесённые мной одежды.

Выражение лица Линвэнь почти не изменилось, только складка между бровей стала чуть глубже.

Се Лянь продолжал:

— Демонических одежд действительно меньше, но только не на одну. На самом деле их здесь восемьдесят восемь, недостаёт целого десятка! Я оставил внизу все одеяния, которые вызвали у меня малейшие подозрения. Но ты совершенно не обратила внимания на их количество и с первого же взгляда определила, что одежды Лан Ина здесь нет... В таком случае, ответь, как тебе удалось обнаружить, что она отсутствует?

Линвэнь подняла руку.

— Прошу вас, подождите.

Без лишней спешки она снова пересчитала все демонические одеяния на полу и действительно поняла, что их лишь восемьдесят восемь. Однако с прежним спокойствием произнесла:

— Думаю, это можно объяснить «внезапным промахом при всём старании».

— Хорошо. Раз уж теперь ты внимательно всё пересчитала, должно быть, просмотрела каждую одежду, одну за другой. В таком случае, я должен сказать вот что: разве ты не заметила? Что одеяние, которое вчера было на Лан Ине, находится среди этих восьмидесяти восьми демонических нарядов!

— Ваше Высочество, что это значит?

Се Лянь присел и из кучи тряпья на полу выудил одну одежку. Встряхнув её, он показал Линвэнь простую холщовую рубашу белого цвета.

— Вот же она, та вещь, которую вчера носил Лан Ин. Почему ты не заметила её при подсчёте?

— Вашему Высочеству должно быть известно, что эти холщовые одеяния совершенно неприметны. И меня нельзя винить в невнимательности.

— Действительно, внимания не привлекает. В таком случае, при всей дотошности и осторожности Совершенного Владыки Линвэнь, как ты могла вдруг заявить, даже не пересчитав одеяния, что эта неприметная вещица среди них отсутствует?

Лёгкая улыбка не дрогнула на лице Линвэнь.

— Одежд слишком много, в глазах всё разбежалось. Каждый день я просматриваю горы свитков, вот и рассудок слегка помутнел.

— У тебя не разбежалось в глазах, а как раз наоборот, зрение превосходное. Я скажу тебе ещё кое-что: одеяние, что вчера носил Лан Ин, я действительно не принёс. А то, что у меня в руках — лишь копия, которую я изготовил в точности по образцу первоначального... Впрочем, я сделал его со всей тщательностью и вниманием к деталям. Так как же ты поняла с первого взгляда, что настоящего одеяния Лан Ина здесь нет?

Линвэнь выглядела так, словно слова принца показались ей удивительными.

— Право слово, не важно — настоящее или фальшивое, я не увидела ни того, ни другого. Ваше Высочество, вам не кажется, что вы взяли на себя слишком много заданий, и потому в обычное время не можете удержаться от излишних домыслов? Для чего вам без причины тратить время и силы на изготовление копии?

Увидев, что она уклонилась от выпада, Се Лянь добавил:

— Я ещё не закончил. И хочу сказать последнее. — Он поднял белую холщовую рубаху повыше и спокойно произнёс: — ...Эту простую рубаху я случайно выбрал из общего числа. И «копия, которую я изготовил в точности по образцу», «со всей тщательностью и вниманием к деталям» — полнейший бред. Как ты и сказала, для чего мне без причины заниматься подобным? Ты попалась. Эта рубаха даже по цвету отличается от той, что вчера носил Лан Ин. Ты не заметила подвоха, когда я задавал вопросы, держа её в руках? — Се Лянь неотрывно смотрел на Богиню Литературы. — Линвэнь, а теперь мне остаётся спросить только одну очень простую вещь: какого цвета была вчера одежда на мальчике?

Линвэнь не ответила сразу, только медленно подняла веки.

Белая рубаха упала на пол.

Се Лянь продолжил:

— Величественный Первый Бог Литературы, через руки которого ежедневно проходит несколько десятков тысяч больших и малых дел канцелярии Верхних Небес. Не может быть, чтобы ты обладала настолько плохой памятью. Почему же не в состоянии припомнить цвет одежды, которую вчера носил Лан Ин? Ты не можешь дать ответ. Поскольку опасаясь, что я снова проведу тебя, боишься поступить опрометчиво. Поскольку ты понятия не имеешь, какого цвета одеяние. Поскольку вчера ты видела на нём лишь старый мешок из холстины, без ворота и рукавов! — Принц отчеканил по слову: — Способность Божества парчовых одежд менять свой облик — не что иное как крайне мощное заклинание отвода глаз. Однако каким бы сильным оно ни являлось, никогда не возымеет действия для одного человека — того, кто создал его своими руками. Какие бы всевозможные формы ни приняло Божество парчовых одежд, для своего создателя оно вечно останется тем, чем является на самом деле. Только что ты сразу разглядела — среди этих восьмидесяти восьми демонических одеяний отсутствует странный холщовый мешок без рукавов и ворота. И разумеется, сразу определила, что Божества парчовых одежд здесь нет!

Подружился с Князем Демонов, позабавься над Князем Демонов

Первоначально принц намеревался оставить у себя все подозрительные демонические одежды, после чего внимательно их

изучить. Но фраза, оброненная Линвэнь, позволила ухватиться за поразительную улику, поэтому, опомнившись от потрясения, Се Лянь решил обратить замысел противника к своей выгоде — расставил уловки по ходу разговора. В конце концов он нанёс Линвэнь сокрушительное поражение.

Линвэнь стояла неподвижно, словно истукан.

Се Лянь произнёс:

— Разумеется, ты можешь не признавать этого. Но выяснить, правдивы ли мои предположения, тоже довольно просто. Мне нужно лишь принести ту самую одежду во дворец Шэнью и заставить её принять иной вид на глазах Владыки, а потом спросить, видишь ли ты, во что превратилось Божество парчовых одежд. И тогда истина раскроется.

Покуда Божество парчовых одежд скиталось по миру людей, оно выпило кровь более пяти сотен человек, а значит, являлось крайне тёмным демоническим существом. Если бы Линвэнь только выкрала его из дворца Шэнью, но не успела использовать во вред кому-то, это не посчитали бы непростительным преступлением. Но Линвэнь вначале была избрана в качестве помощника другого божества, а после вознеслась сама. И самые ранние легенды о Божестве парчовых одежд начали распространяться многим позднее, чем времена службы Линвэнь в качестве помощника.

Посему выходит, что Линвэнь сотворила Божество парчовых одежд уже после того, как поступила на службу в Небесные чертоги, находясь в статусе небесного чиновника!

Небожитель, призванный хранить покой в мире смертных, а вместо этого промышляющий убийством людей, уже должен подвергнуться серьёзному расследованию и суду. Что уж говорить об убийстве будущего божества? Пожалуй, легко загладить вину не получится.

Линвэнь вздохнула:

— Ваше Высочество, вы поистине... — После недолгой паузы она продолжила: — Возможно, мне просто не повезло, что я столкнулась именно с вами. Пускай сегодня во дворце Линвэнь только мы вдвоём, и мы знакомы уже несколько сотен лет, всё же, мне думается, если я попрошу вас закрыть один глаз на случившееся в честь многолетней дружбы, вы ведь наверняка откажете. Теперь, стало быть, будете

уговаривать меня отправиться во дворец Шэньу и саму просить о наказании?

Се Лянь ответил вздохом. Он знал Линвэнь уже несколько сотен лет и всегда общался с ней касаясь официальных дел, никогда не переступал черту тесного общения. И всё же отношения между ними можно назвать довольно тёплыми. Всё-таки, когда принц только-только вознёсся в третий раз и все насмеялись над ним как над мусорным божеством, Линвэнь не проявила ни тени неучтивости, напротив, всячески помогала. Как назло, задание изловить Божество парчовых одежд выпало именно Се Ляню, и теперь, когда ему открылась истина, он не мог ни доложить о ней, ни — тем более — умолчать.

— Мне тоже не повезло, — искренне произнёс принц.

Линвэнь скрестила руки на груди и покачала головой.

— Ваше Высочество, вы такой человек... Иногда бываете очень умны, а иногда очень неумны. Иногда весьма мягкосердечны, а иногда ваше сердце становится каменным. — Помолчав, она спросила: — И где же всё-таки сейчас находится одеяние?

— У меня. Позднее я лично передам его во дворец Шэньу.

Линвэнь кивнула, видимо, ей больше нечего было сказать.

Се Лянь продолжил:

— Теперь ты можешь мне ответить, почему свойства Божества парчовых одежд не возымели действия, когда его надел Лан Ин?

— Я могу предположить. Но если Ваше Высочество желает узнать ответ, не могли бы вы пообещать мне одну вещь?

— Я слушаю.

— Я могу на него взглянуть? На Божество парчовых одежд.

Се Лянь удивлённо посмотрел на неё.

Линвэнь добавила:

— Дайте мне всего один день. Всё-таки, боюсь, если я отправлюсь во дворец Шэньу за наказанием, больше возможности не представится. Не поймите неправильно, я не собираюсь прибегать к уловкам. Просто... когда вы сказали, что он явил себя, меня это на самом деле очень потрясло. — Она покачала головой, взгляд немного рассредоточился. — ...Столько лет прошло, а я так ни разу и не увидела истинной формы Бай Цзиня^[251].

— Так значит, молодого воина звали Бай Цзинь?

Линвэнь, кажется, лишь после этого вопроса пришла в себя.

— Ох, да. Но обычно все звали его Сяо Бай.

— Сяо Бай? Звучит как...

Кличка собаки или прозвище дурачка.

Линвэнь усмехнулась:

— Именно так, как вы сейчас подумали. Бай Цзинь — это имя дала ему я. Другие никогда так его не называли, поэтому почти никто об этом не знал. Впрочем, если вы так к нему обратитесь, он очень обрадуется.

Согласно легенде о Божестве парчовых одежд, девушка, которую любил тот молодой парень, отнеслась к нему не иначе как с пугающей жестокостью, причиной которой была либо смертельная ненависть, либо природное хладнокровие. Но когда Линвэнь упоминала того человека, её голос делался очень спокойным, без нежности, но и без злобы.

Она сказала:

— Вы не против? Если Ваше Высочество опасается, что я сбегу, можете связать меня при помощи Жое. Я ведь не Бог Войны, убежать у меня не получится.

По неизвестной причине Се Ляню показалось, что ей можно верить. Поколебавшись немного, он мягко кивнул.

— Хорошо.

Вдвоём они вышли из дворца Линвэнь, словно ничего не произошло, по-прежнему приветствуя других небожителей, что попадались на главной улице столицы бессмертных. Линвэнь выглядела спокойной — никто не смог бы разглядеть, что руки в её рукавах связаны Жое. Однако прошли они совсем немного и натолкнулись на Пэй Мина, вернувшегося с дозора. Оба поприветствовали его и, стоя на обочине улицы, обменялись любезностями. Спустя пару формальных фраз Пэй Мин уставился прямо на Се Ляня, а тот, чуть насторожившись, спросил:

— Генерал Пэй, почему вы так на меня смотрите?

Пэй Мин потёр подборок и ответил без лукавства:

— Не стану скрывать от Вашего Высочества, теперь у меня при взгляде на вас становится беспокойно на душе. Всё кажется, что любой, кто стоит рядом с вами, находится в опасности. Поэтому,

увидев вас вместе с Линвэнь, я вновь забеспокоился. Линвэнь, будь крайне осторожна.

Линвэнь рассмеялась:

— О чём ты? Генерал Пэй, не стоит так шутить.

Се Лянь же не знал, как ему на это реагировать. В каком-то смысле интуиция не обманула генерала Пэя.

По возвращении в монастырь Водных каштанов Се Лянь издали увидел Лан Ина, который неторопливо поигрывал метлой, прислонившись к дереву перед монастырём. Золотистые листья, сметённые в кучу, лежали у его ног. Се Лянь, посмотрев на него, прищурился, затем намеренно стал топтать громче. Лан Ин не обернулся, но наверняка ощутил их присутствие, весьма естественно сменил позу и продолжил мести землю. Затем развернулся и притворился, что только теперь увидел Се Ляня и Линвэнь. Они медленно приблизились к монастырю, и Се Лянь сказал:

— Опять подметаешь листья?

Лан Ин кивнул. Видя его таким, Се Лянь не удержался — намеренно приняв вид старшего, погладил мальчика по голове и похвалил:

— Славное дитя.

Лан Ин остался невозмутим. Линвэнь окинула их взглядом, но промолчала. Се Лянь подвёл её к монастырю, открыл дверь и произнёс:

— Он здесь...

К удивлению принца, когда открылась дверь, они увидели чью-то фигуру, сидящую на корточках возле ящика для пожертвований. Которая опять незаметно засовывала внутрь золотые слитки.

Се Лянь второпях оттащил Цюань Ичжэня от ящика, приговаривая:

— Циин, не надо больше так делать, правда, уже достаточно. Я ещё не потратил всё то, что вы положили в прошлый раз. В щель уже ничего не просунуть.

Линвэнь кивнула и поприветствовала:

— Здравствуйте, Ваше Высочество Циин.

— Здравствуй, — отозвался Цюань Ичжэнь.

Прямо в центре монастыря Водных каштанов стояла деревянная конструкция, на которой висела простая холщовая одежда. Конечно,

только Се Лянь и остальные видели её таковой. Линвэнь подошла, внимательно взгляделась в одеяние, но никакого ответа не дождалась, и, чуть повернув голову, спросила:

— Ваши Высочества, я бы хотела остаться с ним наедине. Вы позволите?

Се Лянь ответил:

— Хорошо.

Жое крепко связывала руки Линвэнь, да и сама она не являлась Богом Войны и никаких неприятностей доставить не могла. Поэтому Се Лянь был относительно спокоен на её счёт. Он коснулся плеча Цюань Ичжэня со словами:

— Давайте выйдем.

Можно считать, что одно дело практически решено, поэтому Се Лянь в душе позволил себе немного расслабиться. Как раз ко времени соседи поднесли ему целую охапку фруктов и овощей, так что принц направился на кухню, чтобы приготовить поесть. Можно назвать это непоколебимым упорством, невзирая на сотни препятствий.

За несколько дней Цюань Ичжэнь, кажется, приноровился к своему пребыванию в монастыре Водных каштанов как к отдыху в сельской местности — то всюду прыгал и скакал, то лазил по деревьям, то воровал арбузы, то ловил рыбу, то гонялся за лягушками. Стоило отвлечься, и он проскочил мимо Се Ляня в кухню и стащил арбуз. Принц, не найдя арбуза на месте, оглянулся и увидел, как Цюань Ичжэнь, словно рыба из сети, выскользнул прочь, уже жуя украденное.

Се Лянь торопливо воскликнул:

— Ещё ничего не готово! Есть нельзя!

Но именно поэтому нужно скорее уплетать еду, пока принц ничего не приготовил. После поесть возможности не представится. Се Лянь покачал головой и увидел, как на кухню зашёл Лан Ин.

— Лан Ин, ты не занят? Помоги-ка мне порезать овощи, — вновь прищурившись, сказал принц.

Вообще-то Лан Ин собирался отобрать у Цюань Ичжэня арбуз, но услышав просьбу, без лишних слов подошёл помочь — взял тесак с разделочной доски и принялся с явным старанием нарезать капусту.

Посмотрев на него, Се Лянь отвернулся, чтобы набрать в чашку риса, и заговорил:

— Лан Ин, ты ведь тоже познакомился со многими демонами и божествами, что приходили в наш монастырь?

Причём каждый гость имел свои странности.

Лан Ин за спиной принца отозвался:

— Ага.

— Ну тогда я задам тебе такой вопрос: если бы тебя попросили выбрать, кто из демонов и божеств красивее всех? Кого бы ты назвал?

Лан Ин молча резал капусту, будто погрузился в свои мысли.

Се Лянь слегка приподнял бровь.

— Ну скажи! Говори так, как искренне считаешь в душе.

Поэтому Лан Ин ответил:

— Ты.

Се Лянь заулыбался:

— А кроме меня?

— Тот, что в красных одеждах.

Се Лянь так старательно сдерживал смех, что едва не нанёс себе внутренние повреждения от натуги.

Он серьёзно сказал:

— Хм, я тоже так считаю. — Помолчав, Се Лянь спросил: — А как тебе кажется, который сильнее всех?

Лан Ин вновь ответил:

— Тот, что в красных одеждах.

Се Лянь без промедления продолжил:

— Который всех богаче?

— Тот, что в красных одеждах.

— Кем ты более всех восхищаешься?

— Тем, что в красных одеждах.

— Который всех глупее?

— Тот, что в зелёных одеждах.

Вопросы шли друг за другом крайне тесно, и всё же он переменил ответ весьма своевременно, чем сразу обнаружил живость ума и отличную реакцию.

Се Лянь продолжил:

— Хм, я вижу, тебе очень нравится гэгэ в красных одеждах. Его имя — Хуа Чэн, запомни. Так значит... ты считаешь, что он хороший?

В какой-то момент движения ножа в руках Лан Ина ускорились в несколько раз.

— Очень хороший, — ответил юноша.

— И что же, как тебе кажется, если выдастся свободный денёк, следует ли снова пригласить его к нам в гости?

— Ага. Конечно. Обязательно.

— Я тоже так думаю. Но его подчинённый сказал, что в последнее время он очень занят. Наверное, какими-то крайне важными делами. Думаю, всё-таки лучше его не беспокоить.

После этой фразы стук тесака в руках Лан Ина по доске сделался намного громче. Се Лянь же схватился за край печи, с таким трудом сдерживая смех, что мышцы живота свело судорогой. Через окно в кухню вдруг просунулась голова Цюань Ичжэня. Он откусил арбуз, поглядел на двоих и сказал Лан Ину:

— Ты порезал так мелко, будет невкусно.

Лан Ин:

— А? Что ты сказал?

Се Лянь обернулся и увидел даже не мелко порезанную капусту, а просто измельчённую в кашу.

Принц тихо кашлянул и воскликнул:

— Ай-яй-яй! И правда, ты ужасно обращаешься с ножом^[252].

Отправив в котёл россыпь наугад подобранных ингредиентов, Се Лянь похлопал в ладоши и решил оставить блюдо вариться на два часа. Он вышел из кухни, убедился, что Линвэнь, как и обещала, остаётся в монастыре, и занялся другим трудом — вытащил из горы дров деревянную доску побольше, сходил к старосте деревни за кистью и тушью, затем уселся у порога, в одной руке держа деревянную табличку, в другой кисть, и задумался.

Когда Лан Ин тоже вышел следом, Се Лянь поднял на него взгляд и мягко спросил:

— Лан Ин, ты умеешь читать? А писать обучался?

— Обучался.

— И насколько хорошо ты пишешь?

— Посредственно.

— Ничего страшного, главное, чтобы было читаемо. Помогите мне ещё кое в чём. — Принц протянул Лан Ину кисть и табличку, с улыбкой говоря: — У нашего монастыря до сих пор нет таблички. Может, напишешь её вместе со мной?

Подгоняемый Се Лянем, Лан Ин взял кисть. В его руках тоненькая палочка казалась тяжелее тысячи цзиней — как ни старайся, шевельнуть ею не выйдет.

Спустя довольно долгое время он, видимо, сдался — опустил кисть, дощечку, а потом из-под бинтов раздался беспомощный голос:

— Гэгэ, я виноват...

Голос принадлежал вовсе не Лан Ину, а, что весьма очевидно, Хуа Чэну. Только теперь он звучал более звонко, ведь горло принадлежало юноше. Се Лянь, скрестив руки на груди, прислонился к стене, некоторое время посмотрел на его терзания, и наконец капитулировал — сдерживаться больше не было сил. Принц упал на пол от смеха.

— Сань Лан, ты такой занятой^[253]!

Всё это время Се Лянь ощущал тоску из-за долгой разлуки, хотя «разлука» длилась всего несколько дней. Но когда выяснилось, что Хуа Чэн не покидал его ни на день, а тайно находился рядом, настроение принца сделалось прекрасным, и все прежние опасения улетучились. От смеха принц просто не мог подняться с земли.

Хуа Чэн:

— Гэгэ, ты решил позабавиться надо мной.

Се Лянь поднял кисть и дощечку.

— И ты осмелился это сказать? Ясно ведь, что Сань Лан первым решил надо мной позабавиться. Дай подумать... Ты был здесь с того момента, как я разбил печь?

Хуа Чэн восхищённо ответил:

— Ах, это действительно так. Гэгэ, как ты узнал? Ты истинное божество.

Се Лянь махнул рукой:

— Какое божество! Сань Лан, если притворяешься кем-то, то делай это как следует, а не спустя рукава! Если бы я не догадался, вот тогда точно мог бы считаться божеством. А ведь я уж было решил, что на самом деле появился ещё кто-то, способный съесть... Кхм. И кстати, «Кто красивее всех? Кто сильнее всех? Кто всех богаче? Кем ты более всех восхищаешься?» Ха-ха-ха-ха...

Хуа Чэн ласковым голосом произнёс:

— Гэгэ, давай забудем об этом.

Се Лянь решительно отказался:

— Нет. Я буду помнить вечно.

В голосе Хуа Чэна послышалась беспомощность:

— Гэгэ, я очень рад, что заставил тебя улыбнуться, но... неужели это правда настолько смешно?

Се Лянь, держась за живот, ответил:

— Конечно! С тех пор как я с тобой познакомился, заметил, что радость — это настолько просто, ха-ха-ха-ха-ха...

Хуа Чэн, услышав его слова, поморгал. Смех Се Ляня же немного утих, он тоже почувствовал, что последняя фраза прозвучала слишком откровенно, и даже ему самому сделалось от неё чересчур слащаво. Принц тихо кашлянул, потёр уголки глаз и с трудом принял серьёзный вид.

— Ладно, без шуток, где настоящий Лан Ин? Почему ты решил занять его место? Скорее верни ребёнка на место.

Хуа Чэн неторопливо ответил:

— Я пригласил его погостить в Призрачном городе.

Что ж, раз Хуа Чэн сам увёл мальчика, Се Ляню не о чем беспокоиться. Он кивнул и хотел сказать что-то ещё, но тут услышал, как скрипнула дверь. Из монастыря Водных каштанов с руками за спиной вышла Линвэнь.

— Ваше Высочество.

Хуа Чэн не собирался выдавать свою личность, Се Лянь тоже промолчал — для всех Лан Ин по-прежнему оставался Лан Ином. Глядя на мрачное лицо Линвэнь, принц тоже невольно сделался серьёзным, улыбка окончательно пропала с его лица.

— Что случилось? С Божеством... С Бай Цзинем что-то не так?

— Нет, с ним всё в порядке. Просто я, кажется, слышу с кухни странный запах. Ваше Высочество, что-то варите?

Се Лянь тут же ответил:

— Ах, да. Варю.

Подумав, Линвэнь тактичным тоном произнесла вовсе не тактичные слова:

— Достаточно, Ваше Высочество. Что бы вы ни варили, должно быть, оно скоро переварится.

Спустя два часа спустились сумерки.

В монастыре Водных каштанов за маленький деревянный стол для подношений уселись трое — Хуа Чэн, Линвэнь и Цюань Ичжэнь. Се Лянь принёс с кухни котёл, поставил его на стол и открыл крышку. Внутри смиренно лежали несколько десятков белоснежно-очаровательных, гладких и блестящих кругляшей.

Цюань Ичжэнь спросил:

— Ты же варил блюдо в воде? Как получились фрикадельки?

Се Лянь представил:

— Блюдо называется «Фрикадельки непорочности»^[254].

Цюань Ичжэнь:

— Ты же варил блюдо в воде? Как получились фрикадельки?

Се Лянь продолжал вещать:

— Приготовление заняло немало времени, поскольку для лепки фрикаделек необходимо умело совместить силу и мягкость рук.

Цюань Ичжэнь:

— Ты же варил блюдо в воде? Как получились фрикадельки?

Цюань Ичжэнь настойчиво продолжал спрашивать, поэтому Се Лянь мягко произнёс:

— Верно, вначале блюдо варилось в воде, но поскольку в расчёте времени и жара печи произошли небольшие упущения, вода выпарилась. И я просто добавил кое-какие ингредиенты, чтобы слепить фрикадельки.

Линвэнь от всей души восхитилась:

— Ваше Высочество обладает незаурядным мышлением. Поистине, ни в прошлом, ни в настоящем вам не найти равных. Ваша покорная слуга не может не восхититься.

— Что вы, это незаслуженная похвала.

— Нет. По крайней мере, я уверена, что никто из представителей нынешнего поколения не способен создать подобное этим «Фрикаделькам непорочности».

Се Лянь принёс палочки для еды.

— Благодарю за вашу любезность. Прошу, друзья, приступайте.

Линвэнь и Цюань Ичжэнь приняли палочки одной рукой, а другой, не сговариваясь, потянулись к тарелке с остывшими маньтоу на краю стола. Только Хуа Чэн сразу ухватил одну фрикадельку и отправил в рот.

— Замечательно, — спустя мгновение произнёс он.

Глядя на него, Цюань Ичжэнь широко округлил глаза.

— Немного пресновато, — добавил Хуа Чэн.

— Хорошо, я запомню, — ответил Се Лянь.

Когда прямо на глазах Цюань Ичжэня юноша в бинтах съел одну за другой сразу несколько блестящих как камни в грязевом потоке фрикаделек, да ещё при этом искренне нахваливая, юный Бог Войны, кажется, сдался — немного подумал и всё-таки взял одну штуку.

Се Лянь наблюдал за всем с улыбкой. С улыбкой смотрел, как тот ест, как бледнеет его лицо и как он падает на пол, не в силах подняться.

В конце концов принц с улыбкой спросил:

— Что-то не так?

— Наверное, поторопился, — сказал Хуа Чэн. — Поперхнулся.

Линвэнь расплылась в улыбке.

В тот же миг Се Лянь вдруг услышал у себя в голове знакомый голос:

— Гэгэ.

Теперь это был не запинаящийся голос Лан Ина, не звонкий и беззаботный юношеский тембр, а именно тот голос, которым Хуа Чэн ранее говорил с Се Лянем посредством сети духовного общения.

Се Лянь чуть приподнял веки и спросил тем же способом:

— Что такое?

Хуа Чэн ответил:

— Линвэнь коварна и расчётлива, притом весьма жестока. Боюсь, будет не так просто избавиться от неё по-хорошему, раз ты привёл её сюда.

Се Лянь впервые слышал, чтобы кто-то отзывался о Линвэнь подобным образом. Мгновение поразмыслив, принц произнёс:

— Я видел, что в ней осталась капля доброты по отношению к Божеству парчовых одежд. Думаю, это не ложное ощущение.

— Капля доброты прекрасно соседствует с жестокостью. Всё же она — Первый Бог Литературы в чертогах Верхних Небес, у неё везде свои глаза и уши, да и руки длинные. Гэгэ, тебе стоит опасаться её помощников.

— Генерала Пэя?

— Думаю, что нет. Если бы Водяной самодур был жив, она наверняка отправилась бы за помощью к нему, поскольку Ши Уду привык помогать не тем, кто прав, а тем, кто к нему близок. Но Пэй Мину достаточно разъяснить, как обстоят дела, и он, вполне возможно, встанет на сторону справедливости. Гэгэ, будь осторожен.

— Хорошо, я буду. К счастью, всё это закончится, осталось подождать всего день.

Но голос Хуа Чэна сделался мрачным.

— Нет. Гэгэ, ты не понял. Я говорю о другом. У нас гости.

В тот же миг ушей Се Ляня достиг чистый звон колокольчика — «ди-линь, ди-линь». Хуа Чэн чуть нахмурился. Се Лянь выглянул в окно через узкую щель и увидел монаха-заклинателя средних лет, который вперевалку вошёл в деревню Водных каштанов, позвякивая колокольчиком.

Заклинательское одеяние отличалось роскошью, на спине мужчина нёс сундук, облепленный жёлтыми магическими талисманами. Колокольчик звенел без устали, и Се Лянь, будучи знатоком, вспомнил об одной весьма полезной вещице. При звуках этого звона обыкновенная нечисть сама собой убегает прочь, не в силах стерпеть головную боль. Мужчина не успел пройти вглубь деревни, как следом показались несколько высоких и рослых буддистских служителей. Рясы на них были шафрановыми, брови белыми, а в руках они держали магические посохи.

Очень скоро друг за другом явилось несколько десятков человек. Будто договорившись о встрече в этом месте, они совсем не удивились, увидев остальных, и плотным кольцом окружили монастырь Водных каштанов.

Шарлатанов среди них не было: каждый обвешан разноцветными артефактами, движения рук и ног тяжелы и устойчивы — ясное дело, кое-какие способности у них имеются. Небожители получают магические силы от подношений и молитв своих последователей, тогда как служители Дао и Будды способны вымолить магические силы от тех божеств, которым поклоняются. Может статься, что эти люди обладают ещё большими магическими силами, чем Се Лянь сейчас, будучи божеством. Разом их явилось так много — наверняка хорошего не жди. Се Лянь слегка нахмурился, понимая, что гости пришли не с добром.

Хуа Чэн поставил чашку и поднялся. Се Лянь услышал в сети духовного общения его раздражённый голос:

— Старые монахи и вонючие заклинатели посмели явиться за мной сюда. Гэгэ, прости, что впутываю тебя. Я их уведу.

Се Лянь схватил его одним движением.

— Ни с места.

Линвэнь, ничего не понимая, поинтересовалась:

— В чём дело?

Се Лянь в сети духовного общения спросил Хуа Чэна:

— Не уходи. Честно ответь мне, открытие горы Тунлу сильно на тебя повлияло?

— Нет.

Се Лянь неотрывно смотрел в его глаза, выглядывающие между повязок.

— Не лги. Ты — непревзойдённый Князь Демонов, тебе не пристало бояться простых смертных. Так почему же сразу не прогнать их прочь? Вместо этого ты вдруг решаешь лишь увести их. Ты принял такой облик вовсе не потому, что пожелал надо мной подшутить, так?

Гора Тунлу вновь открывается, и чем выше ранг демона, тем более мощному удару он подвергается. Насколько Хуа Чэну было плохо при первой волне всеобщего беспокойства, Се Лянь видел своими глазами. А чем ближе день открытия горы, тем сильнее становится это влияние. В подобных обстоятельствах Се Лянь на месте Хуа Чэна тоже избрал бы временно запечатать форму истинного воплощения и обернуться кем-то более юным, дабы избежать срыва, сохранить магические силы и распечатать их только тогда, когда гора откроется по-настоящему.

Таким образом Хуа Чэн мог укрыться от пагубного влияния горы. Но теперь отсутствие у него истинной силы, ныне запечатанной, давало другим удобную возможность с ним поквитаться.

Се Лянь, коротко выругавшись, бросил:

— Ци Жун, этот...

Той ночью Ци Жун кричал на всю улицу, что позовёт всех монахов и заклинателей, у которых с Хуа Чэном есть личные счёты. Но принц не думал, что это не просто пустые обещания.

Хуа Чэн слегка покачал головой.

— Гэгэ, они пришли за мной, я просто уйду, и всё. Пусть в таком состоянии мне не побить их одним ударом, но заставить катиться куда подальше — проще простого.

Се Лянь возразил:

— Если ты сейчас уйдёшь, больше никогда не приходи видеться со мной.

— Ваше Высочество!

Хуа Чэн всегда был безупречен, вёл себя легко и непринуждённо и в прошлом столь часто помогал Се Ляню, что когда тому представилась наконец возможность отплатить, разве мог он отпустить Хуа Чэна одного?

Се Лянь с нажимом произнёс:

— Сиди здесь. А я выйду к ним.

Цюань Ичжэнь с трудом разлепил глаза и из полуобморочного состояния спросил:

— Снаружи... кто-то есть? Мне... избить их и прогнать?

У него даже горло охрипло. Се Лянь помог ему снова закрыть глаза и произнёс:

— Циин, лучше пока полежите. И ещё кое-что, нельзя просто так избивать простых смертных, у вас отнимут добродетели.

Прильнув к двери, Се Лянь изучил обстановку снаружи. Местные жители, которые только закончили работу в поле и ещё не успели вернуться домой на ужин, увидели толпу монахов и заклинателей, что немало их потрясло.

— Уважаемые мастера, зачем вы здесь собрались? Ищете даочжана Се?

Один из пышущих жаждой убийства монахов сложил руки в молитвенном жесте и сказал:

— Амиабха. Миряне, известно ли вам, что это место захвачено нечистой силой?

— Что?! — перепугались жители деревни. — Нечистой силой??? Какой нечистой силой?!

Другой монах туманно ответил:

— Князем Демонов, повергающим мир в хаос, которому нет равных ни в настоящем, ни в прошлом!

— Но... но что же теперь делать?!

Заклинатель в роскошных одеяниях, что явился раньше всех, воскликнул:

— Предоставьте это нам! Сегодня я и мои соратники собрались здесь, дабы воспользоваться возможностью, что выпадает реже, чем раз в тысячу лет, и одолеть этого демона!

Мужчина направился к монастырю, но староста деревни тут же оттолкнул его прочь.

Заклинатель вытаращил на него глаза.

— Кто таков? Что задумал?

Староста ответил:

— Вот что, уважаемые мастера! Я — староста этой деревни, и очень благодарен вам, но... хе-хе, скажу вам правду. На вид вы слишком дорого стоите для нас...

— Мы явились, чтобы повергнуть нечистую силу, а ты решил, что ради награды?!

Он вновь рванул вперёд, но тут уже жители деревни всей толпой встали на пути заклинателей.

Те явно пришли в недовольство, но силой пробиваться сквозь людей не могли, поэтому, сдерживая гнев, спросили:

— Что на этот раз?

Староста, потирая руки, ответил:

— Прекрасно, если вы не требуете платы, спасибо мастерам за бескорыстную борьбу с нечистой силой. Но... видите ли, за нашу деревню уже давно отвечает даочжан Се. Если вы отберёте у него работу, то мне, как старосте, будет непросто перед ним оправдаться.

Монахи и заклинатели переглянулись.

— Даочжан Се?

Они принялись переговариваться:

— Есть ли среди наших прославленный и могущественный заклинатель по фамилии Се?

— Кажется, нет.

— Мне о таком слышать не приходилось. Какой-то из мелких школ, должно быть.

— А раз нет, значит, он не знаменит. Не будем принимать его во внимание.

Они закончили обсуждение, и заклинатель в роскошном одеянии обратился к жителям деревни:

— Даочжан Се, о котором вы говорите, проживает здесь?

— Да! — Жители заголосили: — Даочжан Се! Даочжан Се!
Пришли ваши соратники! Тьма народу! Вы дома?

Монах в шафрановой рясе сложил руки в молитве и заговорил:

— Ами табха. Дома ли даочжан Се — не так уж важно. Но тёмная тварь прямо сейчас прячется именно в этом монастыре!

Жители поразились:

— Чего???

Как раз кстати Се Лянь небрежно толкнул дверь и вышел.

— Я здесь. Уважаемые, что вы делаете?

Староста быстро отчитался:

— Даочжан, эти монахи и заклинатели утверждают, что в вашем доме прячется... один... демон...

Се Лянь с улыбкой спросил:

— А? Даже это не укрылось от ваших глаз?

Все присутствующие потрясённо воскликнули:

— Правда?!

— Как легко ты это признал!

Се Лянь бросил им глиняный горшок.

— Верно, здесь действительно прячется демон!

Заклинатель поймал горшок и вначале очень обрадовался, но потом открыл сосуд, и улыбка его осыпалась с лица.

— Полуликая демоница? — Он бросил горшок обратно и возмутился: — Не прикидывайся непонятливым, уважаемый друг на тропе совершенствования. Подобные твари не заслуживают называться даже «скверными»! Ты прекрасно понимаешь, о чём мы толкуем.

Поймав горшок, Се Лянь почувствовал, что силу в бросок заклинатель вложил немалую, а значит действительно может похвастаться результатами многолетних изнурительных тренировок, не то что какой-нибудь шарлатан.

Несколько буддистских монахов обратились к заклинателю:

— Собрат-заклинатель, на наш взгляд, от этого человека исходит немалая демоническая Ци. Может ли быть такое, что он и есть...

Тот ответил:

— Он это или нет, я узнаю немедля, стоит лишь открыть Всевидящее око!

Затем громко вскрикнул, прокусил себе палец и нарисовал вертикальную черту кровью посередине лба, словно у него открылся третий глаз. Глядя на его технику, Се Лянь в душе похвалил — неплохо, и прислонился к двери, наслаждаясь зрелищем.

Заклинатель тем временем выпучил глаза и уставился на принца, а через несколько мгновений закричал:

— Так и думал... есть присутствие демонической Ци! Да ещё такой зловещей!!! Князь Демонов! Ты вновь сменил облик!

Се Лянь удивлённо застыл.

Он — величественный небожитель, служащий Верхних Небес, откуда в нём может присутствовать демоническая Ци? А ведь принц только подумал, что этот заклинатель довольно способный малый, почему же он вдруг начал нести несусветную чушь?

После таких слов вся толпа из нескольких десятков сведущих в заклинаниях словно столкнулась с величайшим врагом — каждый принял боевую стойку.

Хуа Чэн передал Се Ляню по сети духовного общения:

— Вот ведь привязались.

— Ничего, не настолько всё страшно, — ответил Се Лянь. — Посиди и не вмешивайся.

Вскоре заклинатель вновь с сомнением произнёс:

— Постойте... что-то не так!

— Что не так? — спросил монах рядом с ним.

Заклинатель потёр кровавый след на лбу, будто протирая глаз, и произнёс:

— Поистине странно, но когда я смотрю на этого человека, его то застилает демоническая Ци, то переполняет божественное сияние, то вновь всё гаснет без следа... Вот ведь как странно.

— Чего? Да как такое может быть? Собрат-заклинатель, ты уверен, что способен справиться с задачей? Может, всё-таки предоставишь это нам?

— Да! Откуда такие странности?

Заклинатель огрызнулся:

— Что? Я — не справлюсь? А если я не справлюсь, то справитесь вы?! Да я, «Всевидящий глаз», за много лет самосовершенствования ещё ни разу не ошибся!

Се Лянь размял точку между бровей, покачал головой и мягко спросил:

— Может, вы посмотрите, где именно на моём теле сосредоточена самая тёмная и тяжёлая демоническая Ци?

«Всевидящий глаз» вновь с силой потёр лоб, присмотрелся и через мгновение уверенно выдал:

— На губах^[255]!

Так пал наш монастырь Водных каштанов

— Всё верно, именно на губах!

«Всевидящий глаз» клятвенно уверял всех в своей правоте, но остальным это показалось странным:

— Почему именно на губах?

— Где это видано, чтобы только губы источали демоническую Ци? Это что, демон губной мази^[256]?!

Се Лянь невольно прикрыл рот рукой.

Он даже не представлял, что аура Хуа Чэна, которая прицепилась к нему после ночи в храме Тысячи фонарей, полной объятий и поцелуев, до сих пор не выветрилась!

«Всевидящий глаз» ткнул в принца пальцем.

— Вот, вот, вы посмотрите! Совесть нечиста!

Се Лянь тут же опустил руку и насилу подавил порыв повернуться и взглянуть, какое выражение появилось на лице Хуа Чэна, когда он это услышал. Пусть даже сейчас лицо последнего закрывали бинты, и принц всё равно ничего бы не увидел.

— Ох, уважаемый друг на тропе совершенствования, — мягко произнёс принц, — ты не так понял. Просто из-за материальных затруднений мне приходится использовать одну и ту же вещь в разных целях. К примеру, вот этот горшок. — Он поднял повыше глиняный сосуд с демоницей и заверил: — Иногда я сажаю туда демонов, но обычно просто храню соленья. Вкус получается уникальным, а после принятия в пищу, разумеется... Если не верите, можете сами попробовать.

По логике вещей, такой способ имел право на существование. Монахи и заклинатели колебались, тогда как жители деревни схватились за рты.

— А? Даочжан Се, стало быть... соленья, которые вы нам приносили, приготовлены по тому же рецепту?

— Получается, и у нас после них останется полный рот скверны?

Когда местные подносили Се Ляню свежие овощи и фрукты, принц в благодарность одаривал их соленьями, которые сам приготовил.

Он тут же поднял руку и успокоил:

— Не стоит волноваться, ваши соленья готовились в другом сосуде!

«Всевидящий глаз» вспылил:

— Ты, никак, больной! Не боишься такими кушаньями свой век укоротить?! Поменьше пустой болтовни, в твоём монастыре прячется ещё кто-то, да не один! С дороги!

Теперь он сразу ринулся к монастырю, боясь, что староста деревни вновь встанет на пути. Се Лянь, понимая, что дело принимает дурной оборот, быстро отступил в дом, схватил валяющегося в забытьи Цюань Ичжэня за ворот, как следует встряхнул и прокричал прямо в ухо:

— Циин! Слушайте внимательно! Я! Собираюсь опять накормить вас фрикадельками непорочности!

После этих слов глаза Цюань Ичжэня резко распахнулись. В тот же миг едва переступивший порог монастыря «Всевидящий глаз» издал жуткий крик и выскочил прочь, прижимая ладонь ко лбу.

— Никому не входить внутри! Это западня!

Монахи и заклинатели послушались — не стали действовать сгоряча, только окружили пострадавшего с вопросами:

— Всевидящий собрат, что ты увидел?

«Всевидящий глаз» ответил:

— Я ничего не увидел, кроме огромного сгустка слепящего белого света!

— Ай-яй, беда, собрат-заклинатель, твоё Всевидящее око дымится!

«Всевидящий глаз» дотронулся до лба и действительно обнаружил, что красный след сделался чёрным и от него струится белый дымок, похожий на погасшую свечу.

Он пришёл в ужас:

— Это же... это же!

Линвэнь отложила маньтоу, которую неторопливо поедала, и спросила:

— Снаружи так шумно, что там случилось?

Один из монахов тем временем сказал:

— Всевидящий собрат, взгляни, в монастыре скрываются двое детей и женщина. А также этот заклинатель снаружи. Кто же из них всё-таки тот самый?

«Всевидящий глаз» изо всех сил потирал лоб, но воспользоваться оком больше не мог. Белый свет, который он узрел, — это божественное сияние Цюань Ичжэня. Когда небожителю кажется, что он столкнулся с огромной опасностью, или же в момент битвы не на жизнь, а на смерть, окружающее его тело божественное сияние инстинктивно усиливается в несколько раз. Се Лянь воспользовался этим мгновенным взрывом слепящего света, чтобы вывести из строя Всевидящее око. Впрочем, речь вовсе не о том, что многолетние труды заклинателя пошли прахом, просто ближайшие несколько дней он не сможет снова открыть глаз. Затем Се Лянь взял со стола тарелку с фрикадельками. Цюань Ичжэнь окончательно пришёл в себя и сразу схватил принца за руку, хрипло говоря:

— Я есть не буду.

Се Лянь схватил его в ответ.

— Не бойтесь, это не для вас!

Толпа сведущих в магических искусствах, плотно окружившая монастырь Водных каштанов, обменялась быстрыми взглядами, разразилась беспорядочными криками и хлынула в атаку. Однако не успел Се Лянь вступить в бой, как их оттолкнуло прочь невидимым барьером. А следом откуда-то сверху и одновременно со всех сторон послышался мрачный голос:

— Вы, толпа старых монахов и вонючих заклинателей, всё вьётесь вокруг, словно мухи? И ещё посмели явиться за мной сюда? Да вам жить надоело!

— Хуа... Хуа... Хуа...

Запнувшись несколько раз на слове «Хуа», «Всевидящий глаз» всё-таки не посмел назвать имя, испугавшись могущества его носителя, и, запинаясь, проговорил:

— Градоначальник Хуа! П-поменьше пугай людей. Всем известно, что гора Тунлу открылась и ты, чтобы не попасть под её влияние,

запечатал свои силы. И теперь... тебе не с руки бесчинствовать, как раньше! С-с-сдавайся без сопротивления...

Под конец фразы весь его напор иссяк, но Се Лянь почувствовал — Хуа Чэн рассердился, и потому вбежал в дом, обнял его и прошептал:

— Ничего не говори! И не трать магические силы, лучше побереги их. Предоставь остальное мне!

Тело Хуа Чэна, слегка напряжённое, в объятиях принца, кажется, постепенно освободилось от оков гнева.

— Хорошо, — мрачно ответил он.

Обнимая его, Се Лянь ощутил, что возраст Хуа Чэна снова уменьшился, теперь он принял вид ребёнка лет тринадцати. В сердце принца невольно закралась тревога. Одной рукой прижимая к себе Хуа Чэна, другой он достал меч и вышел из монастыря со словами:

— А вы не думали, что Лазурный демон вас обманул?

Однако монахи и заклинатели воззрились на него в недоумении. «Всевидящий глаз» озадаченно переспросил:

— Лазурный демон? В чём он нас обманул? Для чего он стал бы нас обманывать?

Брови Се Ляня чуть сошлись к переносице.

— Это не он подсказал вам явиться сюда?

«Всевидящий глаз» заплевался:

— За кого ты нас принимаешь? Чтобы мы добывали сведения у какого-то «свирепого»? Разве стали бы мы действовать заодно с таким негодяем?

Выходит, это не Ци Жун? Но кто же разнёс известие?

Не дожидаясь, пока Се Лянь как следует над этим подумает, монахи и заклинатели бросились в бой. Принц одним ударом отразил атаку десятка мечей и полдюжины посохов.

— Амиабха, собрат-заклинатель, к чему ты столь упорствуешь, защищая эту нечистую тварь?

Се Лянь, не уступая ни на шаг, ответил:

— Мастер, что ни говори, а нехорошо пользоваться затруднительным положением другого человека.

— Он демон, а не человек! — воскликнул «Всевидящий глаз». — А ты ещё слишком юн, молоко на губах не обсохло. К чему преследуешь эти косные моральные принципы?

Если принц воспользуется Фансином против всех этих магических посохов, драгоценных мечей и сабель, он может легко поранить простых смертных. Согласно правилам, смертные могут избить небожителя, но небожитель не может избивать смертных, поскольку должен быть снисходительным, великодушным, милосердным и любящим всё живое. Божеству запрещено вступать в конфликт со смертными, а если он кому-то навредит, ему зачтут подобные действия как нарушение и отнимут добродетели. Се Лянь не мог себе позволить жить на широкую ногу, как Цюань Ичжэнь. У принца и так-то почти не было добродетелей. А если ещё отнимут, он вовсе останется в долгу.

Убрав меч, принц велел:

— Жое, ко мне! Циин, проследи за Линвэнь!

Жое часто обижалась, если ей приказывали связать мужчину, и вела себя совсем иначе с пленницами — Се Ляню пришлось позвать дважды, прежде чем лента нехотя сползла с рук Линвэнь. В следующий же миг белая молния со свистом хлестнула по рукам нескольких десятков человек. Стоило их пальцам дрогнуть, и оружие в руках уже не удержать.

— Что это за магический артефакт? — изумились монахи и заклинатели.

— Это разве артефакт?.. Почему он показался мне похожим на шёлковую ленту, на которой легко повеситься? Предмет чрезвычайно тёмный...

— А ведь так и не скажешь, что юнец обладает столь высоким мастерством!

И тут случилось непредвиденное. В момент, когда битва Се Ляня с толпой заклинателей находилась в самом разгаре, Линвэнь покачала головой, мягко поправила полы одежды и поднялась.

— Благодарю Ваше Высочество за тёплый приём. Мне пора.

Се Лянь поразился:

— Линвэнь, день подходит к концу! Куда ты вознамерилась уходить? Неужели собираешься нарушить обещание?

— Верно. Я собираюсь нарушить обещание.

Её слова прозвучали столь уверенно, будто она говорила «я собираюсь вершить высшую справедливость», и Се Лянь не нашёлся, что на это ответить.

Спустя мгновение принц понял:

— Это не Ци Жун распространил весть. А ты.

Линвэнь улыбнулась:

— Пусть я не Бог Войны, пусть оказалась связана Жое, но даже при помощи одного заклинания духовного общения можно сделать очень многое.

Вот оно что! Но как Линвэнь узнала, что этот юноша в бинтах — Хуа Чэн? Она ведь не перекинулась с Лан Ином и парой слов, виделась всего несколько раз, и Се Лянь в итоге сам заметил позже неё!

Линвэнь, заведя руки за спину, собралась открыто покинуть монастырь. Се Лянь не мог отвлечься ни на миг, поэтому воскликнул:

— Циин, нельзя позволить ей уйти!

Цюань Ичжэнь уже мог стоять на ногах, его силы восстановились, несмотря на съеденную фрикадельку непорочности. К тому же, Линвэнь являлась Богом Литературы, в её руках не было ни капли боевой мощи, и юноше хватило бы одного пальца, чтобы её задержать.

Издали раздался его голос:

— Хорошо!

И Се Лянь со спокойной душой продолжил сражение. Однако вскоре раздался оглушительный грохот, крышу монастыря Водных каштанов проломило насквозь, и кто-то вылетел сквозь неё высоко вверх.

Се Лянь, обернувшись, потрясённо крикнул:

— Циин, так делать нельзя!

Если подобным образом бросить Бога Войны — не страшно, ведь они изначально достаточно сильны, чтобы биться с серьёзным врагом. Но что ни говори, Линвэнь всё-таки женщина, да ещё Бог Литературы. И Цюань Ичжэнь столь грубыми действиями непременно её покалечит!

К удивлению принца, кое-кто неторопливо вышел из монастыря со словами:

— Бай Цзинь, так делать нельзя.

Прохладный голос, очевидно, принадлежал Линвэнь, но в тот момент, когда она показалась снаружи, Се Ляню на миг померещилось, что это вовсе не она, а очень высокий молодой парень, от которого исходит тёмная Ци, бьющая в небеса. Однако, присмотревшись внимательнее, принц всё же разглядел хрупкую фигуру Линвэнь.

Линвэнь — Бог Литературы, это чистейшая правда. И даже намеренно скрывая свою истинную силу, она не могла утаить подобную мощь от Се Ляня. Как же ей удалось вдруг отправить Цюань Ичжэня в полёт???

Хуа Чэн тяжёлым тоном предостерёг:

— Гэгэ, осторожно. Она надела его.

И правда! С виду на Линвэнь было всё то же чёрное платье, но вокруг клубилась чёрная Ци, которая накрывала её с головой и будто бы делала совершенно другим человеком. Убийственная Ци клокотала бешеным потоком, при этом необычайно контрастируя с бледным и крайне бесстрастным лицом. Се Лянь попытался сделать выпад мечом, но Линвэнь легко отразила атаку, лишь махнув рукавом. Как раз вовремя Цюань Ичжэнь сверзился с небес, с грохотом проделав вмятину в земле. Юноша увидел развернувшуюся картину, и его глаза вмиг загорелись.

— Прекрасно!

Глаза Се Ляня тоже ярко сверкнули.

— Прекрасно!

Приём, которым Линвэнь отразила меч, поистине поражае красотой. Нет, лучше сказать, приём, которым Божество парчовых одежд помогло Линвэнь отразить меч!

Стоило кому-то надеть Божество парчовых одежд, и тот либо терял способность здраво мыслить, либо его кровь выпивали до капли. Но Линвэнь одеяние сделало неуязвимой и к тому же способной атаковать — Бог Литературы вмиг запустил в полёт западного Бога Войны. Никто никогда не слышал о столь поразительной особенности Божества парчовых одежд. Никто и представить не мог, что несчастный, которому возлюбленная отрубила конечности и голову, станет ей же помогать!

Теперь не только жители деревни, но и толпа монахов и заклинателей от удивления окаменела.

«Всевидящий глаз» воскликнул:

— Что тут прекрасного? Его побили, а он — «прекрасно»? В этом монастыре остался хоть один нормальный человек? Они все нелюди, как я погляжу!

Цюань Ичжэнь, весь в нетерпении, выскочил из ямы в земле и снова бросился в атаку.

Линвэнь тихо сказала:

— Я же говорила, нельзя здесь задерживаться.

Она обращалась к Божеству парчовых одежд. Но тело её не слушалось — отразив локтем кулак Цюань Ичжэня, Линвэнь вступила в схватку с Богом Войны, попутно круша всё вокруг. От мощных ударов стены монастыря задрожали, будто вот-вот обрушатся. Божество парчовых одежд и впрямь обладало потенциалом к вознесению — Цюань Ичжэнь даже начал немного ему уступать.

Се Лянь не выдержал:

— Вот что... Будьте любезны, не могли бы вы драться где-нибудь подальше? Подальше отсюда!

Не успел принц договорить, как на него со всех сторон набросились заклинатели с десятками сабель, мечей, молотов, посохов...

Се Лянь переменялся в лице и вскинул руку.

— Стойте, не надо!!!

Под горестный крик принца монастырь Водных каштанов, который ранее претерпевал бесчисленное множество ударов и всё же крепко стоял на месте, наконец по-настоящему окончательно рухнул.

Се Лянь несколько мгновений взирал на него неподвижно, чувствуя пустоту в душе.

— Ну вот, любое моё жилище не может продержаться и полугода. Теперь в самом деле придётся просить пожертвований на постройку...

Хуа Чэн сказал ему:

— Гэгэ, огорчаться нет нужды. Это всего лишь дом, их у меня имеется в достатке.

Се Лянь заставил себя приободриться, но тут к нему, пошатываясь, выскочил «Всевидящий глаз». Мужчина до сих пор закрывал лоб ладонью. Он встал на пути принца и ткнул в него пальцем.

— Ты, сопляк, своими мелкими уловками посмел нанести вред моему заклинательскому искусству! Кто твой мастер? Сколько лет ты практикуешься? В каком монастыре состоишь? Какому божеству поклоняешься?!

Се Лянь резко обернулся, облик его пронзило внезапной суровостью.

— Ты спрашиваешь, кто я такой? Слушай внимательно! Я — благородный Его Высочество наследный принц, и вы, толпа смутьянов, должны все как один пасть предо мной на колени!

Его голос прозвучал словно гром среди ясного неба, и некоторые из присутствующих едва не бросились на колени по-настоящему. Только когда соседи потянули их наверх, пришли в себя.

— Ты что? В самом деле на колени бухнулся?!

— С-странно, сам за собой не заметил...

Се Лянь суровым тоном продолжил:

— Мне уже более восьми сотен лет, я старше всех вас, вместе взятых, и дорог прошёл да мостов пересёк уж побольше вашего! Мои храмы и монастыри усыпали землю, последователями и паломниками населён весь мир. Не знаете моего имени? Пеняйте на то, что дальше своего носа не видите! Я — не поклоняюсь божествам. Я — и есть божество!

Остальные просто остолебенели от столь бесстыжей, но исполненной неудержимого величия речи, невольно раскрыв рты.

— ...А???

Се Лянь нёс всю околесицу именно ради этого момента. Из его рук вылетела тарелка, и несколько десятков беленьких фрикаделек, подобно стальным шарикам, рассекая воздух свистом, разлетелись во все стороны и попали ровно в цель — каждому потрясённому заклинателю и монаху прямиком в раскрытый рот.

После Се Лянь устало стёр пот со лба и вздохнул:

— Прошу всех забыть, что я только что сказал. На самом деле я всего лишь сборщик рухляди!

Те, кому досталось кушанье, изменились в лице:

— А! М-мы попались!

Несколько особенно проворных попытались отбить фрикадельки мечом, но стоило вскинуть клинок, и кругляши, вращаясь на огромной скорости, столкнулись с лезвием и осыпали всё вокруг яркими искрами.

Заклинатели в невольном ужасе воскликнули:

— Что... что это за оружие?! Беспредельно крепкое и странно блестящее... неужели легендарные...

Се Лянь подхватил:

— Именно! Это и есть легендарные фрикадельки непорочности, несравнимо ядовитые! Если не успеете в течение суток выпить восемьдесят один стакан чистой воды, чтобы вымыть яд, внутренности разорвёт на части!

Никто не слышал такого названия, но все перепугались пуще прежнего:

— Эй! Неужели они и впрямь настолько ядовитые?!

— Лучше сначала выпьем воды! Ведь чтобы снять действие яда, достаточно лишь выпить воды! Скорее, за водой!!!

Около двадцати человек, попавшихся на уловку, впопыхах удалились. Тем временем Линвэнь сражалась всё яростнее. Она обеими руками схватила Цюань Ичжэня за шею и подняла над землёй. Однако, несмотря на преимущество, лицо богини не выражало ни капли радости, даже наоборот.

— Бай Цзинь! — негромко бросила она. — Ты хочешь его убить? Перестань сражаться, скорее, уходим!!!

У Се Ляня как раз осталась одна фрикаделька. И когда Линвэнь сказала «уходим», принц ловко забросил кушанье ей в рот.

Миг, и блеск в зрачках Линвэнь погас, будто унесённый проглоченной фрикаделькой, а чёрная Ци, что окутывала тело, заметно рассеялась.

Едва сдерживая рвотный позыв, она глянула на Се Ляня, беззвучно шевельнула губами, но выдержать долго не смогла — бросив Цюань Ичжэня на землю, скрылась прочь, прижимая ладонь к лицу.

Юный Бог Войны немедля вскочил и бросился в погоню. Се Лянь было тоже хотел отправиться за ними, но путь принцу преградили оставшиеся заклинатели и монахи.

— Держитесь, братья, скоро придёт подмога! — вскричали они.

Подмога? В деревне Водных каштанов оставаться больше нельзя, придётся уйти, а после разбираться. Цюань Ичжэнь помчался за Линвэнь — его уже и след простыл. Се Лянь же прижал Хуа Чэна к себе покрепче и наказал:

— Держись за меня! — затем оттолкнулся от земли, перелетел через толпу и широкими шагами покинул место сражения.

Хуа Чэн, как было велено, схватился за принца. Почему-то сложившееся положение показалось Се Ляню смутно знакомым.

Однако у него не было времени копаться в памяти — следовало немедля доложить о случившемся.

Без раздумий Се Лянь воспользовался заклинанием духовного общения:

— С Линвэнь беда! Я...

Линвэнь:

— ...Я знаю!

Се Лянь:

— ...Прошу прощения.

Миг, и Линвэнь оборвала связь по духовной сети.

Се Ляню нечего было на это сказать. В прошлом он по любому поводу связывался с ней напрямую, а теперь дело касалось самой Линвэнь, и принц не сразу осознал случившееся — даже решил, как и раньше, сообщить об этом ей. Что уж тут скажешь.

На сей раз принц присоединился к общей духовной сети и, на бегу прижимая к себе Хуа Чэна, выкрикнул:

— Господа! Прошу сообщить всем — Линвэнь сбежала с Божеством парчовых одежд ^[257]!!!

К удивлению принца, в сети духовного общения совершенно никто его не слышал. Кажется, случилось что-то серьёзное — небесные чиновники не могли перекричать друг друга.

До Се Ляня донёсся крик Фэн Синя:

— Ваше Высочество? Что ты сказал? Тут творится полный бардак...

Се Лянь повысил голос:

— Фэн Синь! Я хочу сказать, что Линвэнь — и есть та, кто изготовил Божество парчовых одежд, она надела его и сбежала, берегитесь её!

— Что?! Это правда?!

Се Лянь хотел объяснить подробнее, но шум в голове внезапно оборвался, и принц ничего больше не услышал. Не понимая, что произошло, он позвал:

— Господа? Кто-нибудь слышит?

Принц попытался ещё несколько раз, но не дождался ответа.

Хуа Чэн объяснил ему:

— Не поможет. Сеть духовного общения Верхних Небес была установлена самой Линвэнь. И только что она наверняка её разрушила.

Чтобы связаться с другими божествами, придётся создавать сеть заново.

— Но что же теперь делать?

Ранее Се Лянь связывался с чертогами Верхних Небес либо посредством сети духовного общения, либо через Линвэнь, и лишь изредка — с помощью Повелителя Ветров. Пароли остальных небесных чиновников принц не знал. Теперь ни на Линвэнь, ни на Повелителя Ветров надежды не было, сеть духовного общения рухнула. Как же быть?

Хуа Чэн, разгадав его беспокойство, произнёс:

— Не стоит волноваться, гэгэ, ты ведь уже сообщил самую важную информацию? Не все чиновники Верхних Небес — никчёмные дармоеды, да и Цзюнь У сейчас в столице. Главное, что ты их оповестил.

Се Лянь тоже так подумал, поэтому согласно кивнул. Они бешеным вихрем промчались через несколько холмов, оставив толпу заклинателей позади, но догнать Цюань Ичжэня и Божество парчовых одежд никак не получалось.

Хуа Чэн добавил:

— Если гэгэ желает до конца разобраться в деле Божества парчовых одежд, нужно поскорее его схватить.

Но Се Лянь покачал головой.

— Так было раньше. Но сейчас Циин отправился в погоню за Линвэнь, а у нас, разумеется, есть дело поважнее. Сань Лан. — Он пристально посмотрел на Хуа Чэна на своих руках. — Твой облик... кажется, опять переменялся.

Когда Хуа Чэн принял вид Лан Ина, юноши лет шестнадцати, Се Ляню было неудобно поднимать его на руки. Да и смотрелось бы это не слишком хорошо. Теперь же тело Хуа Чэна вновь ощутимо уменьшилось, он выглядел самое большее — лет на двенадцать, и Се Лянь легко держал его одной рукой, усадив поудобнее.

Однако, детский возраст — детским возрастом, но аура всепоглощающего спокойствия от Хуа Чэна никуда не делась.

— Не страшно. Гэгэ, беспокоиться нет нужды. День открытия горы приближается, эти изменения — лишь временная мера, не более. Пройдёт немного времени, и я вернусь в прежнем облики.

Говоря это, он снимал бинты. Принцу открылось белоснежное лицо и пара бездонных чёрных глаз, глядящих на Се Ляня. В этом облике всё ещё угадывался смутный образ прекрасного юноши. Даже на детском лице выражение по-прежнему оставалось невозмутимым.

Се Лянь неотрывно смотрел на него, будто замороженный, не говоря ни слова.

Хуа Чэн чуть нахмурился.

— Ваше Высочество, ты...

Се Лянь протянул руку и мягко ущипнул его за щёчку.

Хуа Чэн не был к такому готов, и когда принц коснулся его лица, округлил глаза.

— ...Гэгэ!

Се Лянь рассмеялся:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха... Прости, Сань Лан, ты слишком милый, я просто не смог удержаться, ха-ха-ха-ха... — Принц продолжал мягко трепать Хуа Чэна за щёчку, в его голосе прибавилось нежности: — И что же, Сань Лан, ты и дальше будешь уменьшаться? Превратишься в пятилетнего малыша? А может, даже в младенца?

Хуа Чэн расслышал в его словах радостное ожидание, но с сожалением произнёс:

— Боюсь, придётся разочаровать тебя, гэгэ.

Се Лянь убрал руку и, широко улыбаясь, сказал:

— Вовсе нет! Сань Лан никогда меня не разочарует. Я правда очень рад, что получил возможность тебя защищать.

Хуа Чэн, однако, тихо ответил:

— Я этому не рад.

— Почему?

Голос Хуа Чэна похолодел:

— Я... ненавижу, когда всё так складывается!

Се Лянь услышал в его словах злость и невольно замер.

Хуа Чэн уронил голову на грудь.

— Я не хочу, чтобы ты видел меня столь бесполезным, и тем более не желаю, чтобы тебе приходилось защищать меня!

Возможно, по причине перемены возраста, эмоциональное состояние Хуа Чэна тоже подверглось изменениям. Се Лянь ощутил лёгкую дрожь в сердце и поскорее прижал мальчика к груди, легонько похлопал по спине и, улыбаясь, сказал:

— Если так рассуждать, ты ведь множество раз видел меня в совершенно потерянном состоянии, и что же, мне теперь не жить? Вдобавок, сейчас ты вовсе не по-настоящему бесполезен, лишь временно бережёшь силы, только и всего.

Хуа Чэн, зарывшись лицом в плечо принца, негромко ответил:

— Это другое. Ваше Высочество, я непременно должен быть самым сильным. Я должен стать сильнее всех на свете, только так... я смогу...

Сейчас его голос, хоть и принадлежал ребёнку, всё же звучал с малой толикой усталости.

Се Лянь ответил:

— Ты и так уже самый сильный! Впрочем, тебе не нужно каждый миг таковым оставаться. Считай, что... ты просто сделал мне одолжение, позволил защищать тебя на этот раз, ладно? Ну пожалуйста, можно?

Спустя довольно долгое время Хуа Чэн всё-таки поднял голову с груди принца, положил руки ему на плечи и, глядя в глаза, сказал:

— Ваше Высочество, подожди меня.

— Хорошо, я тебя подожду.

Хуа Чэн искренне пообещал:

— Дай мне немного времени, я скоро вернусь.

Се Лянь улыбнулся:

— Не стоит торопиться, всему своё время.

На следующий день они добрались до небольшого посёлка.

Се Лянь, держа Хуа Чэна за руку, не спеша шёл по улице, притворяясь, что они болтают ни о чём.

— Гора Тунлу вновь открывается, — сказал Се Лянь. — И все ныне живущие Князя Демонов подверглись её влиянию. Выходит, Черновод тоже сейчас не в лучшем состоянии?

Хуа Чэн, одной рукой держась за ладонь принца, другую завёл за спину.

— Да. Но у нас разные обстоятельства, способ совершенствования также отличается, равно как и способ избавления от влияния.

— К примеру? Как он справляется?

— Возможно, впал в спячку.

В голове Се Ляня вдруг проплыли крупно начертанные слова: «Проголодался — поел, поел — заснул».

— В бытность человеком Черноводу приходилось сидеть в темнице, где кормили раз в три дня. Боюсь, в таких условиях съешь любые помои. Голодом он испортил желудок — иногда ест, словно в желудке бездонная дыра, иногда воротит нос от пищи.

Се Лянь кое-что припомнил.

— Не удивительно, что он с таким усердием поглощал съестное.

Хэ Сюань вполне мог бы пожирать лишь голодных призраков, поскольку имел к этому предрасположенность, и демоны, умершие от голода, как раз соответствовали его «аппетитам». Но среди пяти сотен известных тёмных созданий, что поглотил Чёрный демон чёрных вод, подавляющее большинство составляли именно водные гули. Должно быть, Хэ Сюань запомнил лицо Ши Уду и действовал так, чтобы получить возможность противостоять техникам водной магии. А поглотив слишком много, он на некоторое время погружался в сон, чтобы всё переварить.

Хуа Чэн ответил:

— Именно. К слову, Ци Жун в таких количествах пожирает людей, стараясь походить именно на него.

Се Лянь мгновение безмолвствовал, ему подумалось: «Но разве поедание людей может сравниться с поеданием демонов?»

Затем принц сказал:

— В таком случае, лес подвешенных — это попытка походить на тебя?

— Ты всё верно истолковал. Ему тоже хочется устроить себе кровавый дождь, но поскольку он не знает, как я это делаю, выбирает простой и грубый способ — подвесить мертвецов над головой.

Сейчас Се Лянь уже окончательно осознал, почему при упоминании Ци Жуна где угодно реакция столь неоднозначна. К созданию внешнего образа приложены немалые старания, но вкусы по-прежнему остались неизменными.

Принц со вздохом подумал: «Ци Жун забрал Гуцзы, и неизвестно, сожрёт мальчонку или где-нибудь бросит. Повелитель Ветров... мы до сих пор не знаем, увёл ли его Черновод с собой. Надеюсь, и это лучший исход, что оба они невредимы».

Затем добавил вслух:

— А что с твоим Призрачным городом? Что если кто-то захочет натворить там беспорядков?

— Перед отбытием я запечатал Призрачный город, затем оставил несколько ложных следов о своём местонахождении. Даже если кто-то и решит устроить беспорядки, меня там не найдёт и большого вреда не причинит. Но сейчас наверняка немало глаз следят за Призрачным городом.

Хуа Чэн не мог вернуться в свои владения, Се Лянь не мог забрать его в чертоги Верхних Небес — если кто-то из чиновников его узнает, беды не миновать. Поэтому им пока придётся бесцельно скитаться среди людей в мире смертных.

Се Лянь слегка нахмурил брови.

— Ты распространил ложные известия, однако Линвэнь выдала настоящие. И вот что я не могу понять — как она раскрыла тебя в образе Лан Ина?

— А я не могу понять кое-что другое.

— Что?

— Тот вонючий заклинатель, «Всевидящий глаз», можно считать, владеет кое-какими умениями. Мне приходилось пару раз играть с ним.

Се Лянь подхватил:

— Хм, это действительно так. Он обладает истинным талантом.

— Ага. В таком случае, почему он сказал, что на твоих губах, гэгэ, сконцентрирована демоническая Ци?

Рука Се Ляня моментально сжалась, затем он вспомнил, что держит в ней ладошку Хуа Чэна, и сразу же ослабил пальцы.

Хуа Чэн же мрачным тоном произнёс:

— Гэгэ, не вздумай дурачить меня такими же отговорками, что и то сборище болванов. Скажи, в конце концов, что я сделал с тобой той ночью?

Се Лянь подумал: «Пожалуй, это не ты со мной что-то сделал, а я с тобой сделал что-то...»

Как вдруг взгляд принца сверкнул.

— Постой, Сань Лан, посмотри вон туда.

— Гэгэ?

Се Лянь тем временем завёл его в сверкающую роскошью огромную лавку. Хозяин за стойкой смерил взглядом оригинальную

парочку из взрослого в монашеском одеянии и ребёнка в мирском и спросил:

— Уважаемый даочжан, что вам угодно?

Се Лянь поднял Хуа Чэна на руки и с улыбкой ответил:

— Не мне. Ему.

Мальчик на его руках наклонил голову набок.

Спустя полчаса Хуа Чэн вышел из внутренней комнаты лавки.

Одежда, которую носил Лан Ин, уже не подходила Хуа Чэну по размеру, и Се Лянь решил выбрать что-нибудь новое специально для него. Когда мальчик появился перед ним, глаза принца просияли.

Какой прекрасный маленький господин с белоснежным личиком! Одеяние красное словно кленовый лист или всполох пламени, пара сапожек из кожи молодого оленя с серебряными цепочками — образ изящный и благородный. Мальчик распустил чёрные волосы, и Се Лянь, не в силах удержаться, заплёл слева ещё одну тонкую косицу, точно такую, которая ранее обрамляла лицо лишь с правой стороны. Теперь, с парными косицами, облик получился чуть более игривым. Но самое коварное — это невозмутимое выражение его лица и блестящие глаза, глядящие искоса, которые совершенно не могут принадлежать ребёнку! От подобного контраста просто невозможно отвести взгляд. Девушки, прогуливающиеся по лавке, застыли от удивления, обошли мальчика кругом и, невольно прижимая руки к груди, заохали и заохали.

Хуа Чэн неторопливой походкой приблизился к Се Ляню.

Принц легко хлопнул в ладоши и заключил:

— Так и знал, что Сань Лану более всего подходит красный цвет.

Хуа Чэн, в безысходности подёргивая тонкую косицу слева, ответил:

— Главное, что гэгэ это приносит радость.

Се Лянь наклонился и взял его на руки, затем с улыбкой направился к стойке хозяина, чтобы расплатиться. Одевание Хуа Чэна вышло недешёвым, а Се Лянь обыкновенно не имел при себе лишних денег, и конечно же, сам не зашёл бы в подобную лавку. Но всё же у принца имелись небольшие накопления на починку монастыря. Теперь чинить было нечего, а об остальном Се Лянь задумываться не хотел, поэтому решил для начала купить Хуа Чэну одежду, а там уж будет видно. Но покуда он медленно отсчитывал одну за другой медные

монетки и мелкие кусочки серебра, Хуа Чэн потянулся вперёд и с громким стуком положил на стол перед хозяином тонкую пластинку листового золота.

И Се Лянь, и хозяин лавки, и девушки ошеломлённо застыли.

Хуа Чэн же сказал:

— Сдачу искать не нужно. Гэгэ, идём.

Он потянул Се Ляня за край одежды и направился к выходу, заведя руки за спину. Се Лянь заулыбался, но не успел сделать и пары шагов, как вдруг Хуа Чэн точно так же отступил назад, столкнувшись с принцем. Се Лянь, держа его за плечи, спросил:

— Что случилось? — затем поднял взгляд и кое-кого увидел на улице среди потока людей, отчего сердце Се Ляня тут же подскочило.

Весьма кстати хозяин спросил:

— Господа желают купить что-нибудь ещё?

Се Лянь вскинул руку.

— Желают. Если вас не затруднит, подайте мне вон тот наряд!

Переполох на бесчестном подворье в безлюдных горах

Хозяин озадаченно переспросил:

— А? Вон тот? Даочжан, вы не ошиблись?

Се Лянь уверенно заявил:

— Да, именно!

Принц сразу же кинулся к указанному одеянию, схватил его, с Хуа Чэном под мышкой бросился во внутреннюю комнату и задёрнул разделительную шторку. Хозяева этой лавки готового платья пошли на довольно оригинальный ход — выделили специальное пространство для переодевания, чтобы покупатель мог на месте примерить наряд.

Остальных такое поведение обескуражило, но через миг у входа в лавку показался заклинатель в роскошном одеянии. Он что-то бормотал себе под нос и всё разминал лоб, а следом плелась целая группа на вид эксцентричных и явно озлобленных его соратников, а также буддистских монахов. Увидев, что в лавке одежды собралась толпа, заклинатель недовольно бросил:

— На что вы там смотрите?

Его соратники заголосили:

— Ох, не обращай внимания, идём скорее, мне нужно в отхожее место!

— Постой, Всевидящий собрат, здесь так много людей, может, спросим их, не замечали ли чего?

— Уважаемые мирянки, не проходил ли мимо заклинатель в белых одеяниях с ребёнком в бинтах?

Никто не ответил, но взгляды людей невольно метнулись к внутренней комнате. Монахам и заклинателям это показалось подозрительным, кто-то показал жестом «пойди взгляни», и «Всевидящий глаз» широким шагом вошёл в лавку. Задержав дыхание, мужчина медленно приблизился к занавеске, которую спустя мгновение резко отдернул. В тот же миг раздался его вопль.

За шторкой сидела женщина, её чёрные как вороново крыло длинные волосы были собраны в расслабленный пучок, белую изящную шею обрамлял чёрный обруч в палец шириной, а также тонкая серебряная цепочка. Платье чуть сползло с её белоснежных плеч, грозясь упасть и приоткрывая взгляду голую спину, отчего сердце смотрящего пускалось вскачь, а щёки наливались румянцем.

Когда кто-то отдернул занавеску, женщина вздрогнула, прикрыла рукавом лицо и легонько вскрикнула, словно столь внезапное нахальство её напугало... «Всевидящий глаз» так же резко задёрнул шторку.

— П-п-п-простите!!!

Соратники «Всевидящего глаза» разразились громкими криками:

— Виноваты! Виноваты! — и все как один закрыли глаза руками.

«Женщина» не стала зря терять время и сразу развернулась. Кто же ещё это мог быть, кроме Се Ляня? Хуа Чэн сидел у него на руках, принц лишь закрыл его собой от чужих взглядов. Поскольку Се Лянь — мужчина, плечи у него шире, чем у обычной женщины. Но принц приспустил лишь половину одеяния, ровно до такого уровня, чтобы добиться наилучшего эффекта. Одной рукой прижимая к себе Хуа Чэна, другой поддерживая юбку, принц пролетел сквозь толпу вопящих заклинателей, которые до сих пор закрывали глаза, и бросился наутёк. Хозяин и посетительницы лавки от увиденного остолбенели. Когда Се Лянь дал дёру, хозяин хотел было его задержать, даже открыл рот и протянул руку, но потом опустил взгляд на лист золота, которого с излишком хватало на покупку двух платьев, пожал плечами и решил не вмешиваться.

Се Лянь с Хуа Чэном на руках бежал, обгоняя поднимающуюся пыль. Прохожие, заходясь в кашле, только и видели в клубках этой пыли неясную фигуру «женщины» с маленьким ребёнком, которая проносилась мимо подобно воинственному стремительному леопарду. Зрелище и впрямь невероятное. Один из лавочников, продающих закуски у дороги, которому в сковороду налетело грязи, забранился:

— Да что же это такое?!

Се Лянь, занятый бегом, едва успел обернуться и громко извиниться:

— Виноват! Простите! Простите!

Как вдруг позади раздался неистовый вопль:

— Стой!..

Обернувшись, принц увидел, как из лавки выскочила толпа заклинателей. В голову ему пришла мысль: «Интересно, о чём думают люди, кричащие в такой момент “стой”? Ведь совершенно ясно, что тот, кому они это кричат, не остановится. Не лучше ли сосредоточиться и побереечь дыхание на погоню?!»

Се Лянь тут же припустил ещё быстрее, а грандиозная толпа подняла такую пыль столбом, что продавец закусок даже брани из себя выдавить не смог, лишь с негодованием швырнул сковороду на землю и воскликнул:

— Чтоб вас, вы мне дадите торговать спокойно или нет?!

Погоня длилась четыре часа. Как и думал принц, кричащие на бегу монахи и заклинатели стали выдыхаться, теряя скорость. Се Лянь же, имея богатый опыт побегов, без лишних звуков продержался до последнего, и лишь когда оставил отряд преследователей далеко позади, поставил Хуа Чэна на землю и смог отдышаться у края дороги.

Мальчик, поддерживая его за плечо, серьёзно предостерёг:

— Не вдыхай слишком резко, осторожнее, иначе можешь пораниться.

Се Лянь, подняв взгляд, увидел чуть нахмуренные бровки на детском лице и неудержимо рассмеялся:

— Ха-ха, ха-ха-ха-ха... ой!

Где-то под рёбрами больно кольнуло. Принц схватился за грудь, но при взгляде на Хуа Чэна, чьё личико тут же переменилось, успокаивающе помахал рукой.

— Ничего страшного... Эй, вон там, кажется, постоянный двор?

И правда, неподалёку среди синих сумерек жёлтыми огоньками светилось подворье, будто бы зазывая путников.

Се Лянь выпрямился.

— Давай зайдём туда, передохнём.

— Хорошо.

Принц взял Хуа Чэна за ручку и прихрамывая направился к постоялому двору. Оказавшись возле ворот, Се Лянь заметил, что двухэтажный постоялый двор выглядит намного больше, чем казалось издали. Ворота оказались закрыты.

Се Лянь постучал и позвал:

— Мы ищем ночлега, там есть кто-нибудь?

— Бегу, бегу! — вскоре прокричали в ответ.

Мгновение спустя ворота отворились, и навстречу принцу вышли несколько широко улыбающихся слуг.

— Уважаемый го...

Должно быть, они хотели назвать Се Ляня «гостем», но увидели на нём женское платье, поэтому сразу исправились:

— Уважаемая де...

Не давая им договорить, Се Лянь медленно вышел на свет, держа за руку Хуа Чэна. Коли девушка с ребёнком, стало быть, уже замужняя женщина. И снова обращение изменилось:

— Уважаемая госпо...

Но на слове «госпожа» свет постоялого двора озарил лицо Се Ляня. Пускай на нём было женское платье, да и облик отличался изяществом, но, сказать по чести, это лицо — как ни посмотри — больше походило на мужское. Слуги в тот же миг онемели, однако вскоре уверенно вернулись к первому обращению:

— Уважаемый гость, просим, проходите.

Се Лянь с улыбкой кивнул. Он уже привык к любым одеяниям, не испытывал никакого душевного или телесного неудобства. Вместе с Хуа Чэном принц переступил низенький порог, выбрал место в большом зале и сел. Кроме нескольких слуг, других людей на постоялом дворе не наблюдалось. Когда двое вошли, слуги снова заперли ворота и окружили гостей, улыбаясь до ушей. Впрочем, именно их улыбки и заставляли принца чувствовать себя малость неуютно.

Се Лянь принял дощечку со списком блюд и произнёс:

— В такой глуши поистине непросто отыскать постоянный двор.

Слуги поддакнули:

— А то как же! В такой глуши непросто встретить и гостей на нашем постоялом дворе!

По какой-то причине, несмотря на не сходящие с их лиц улыбки, они словно были нарисованы — выглядели крайне фальшиво. Се Лянь, не моргнув глазом, просмотрел дощечку, выбрал несколько блюд, и лишь после этого слуги, посмеиваясь, удалились на кухню, расположенную в подвале, чтобы передать заказ повару.

Хуа Чэн, поигрывая палочками для еды, сказал:

— Гэгэ, мы забрели на разбойничье подворье, открытое нечистой силой.

— Ага, — согласился принц.

Обыкновенно в подобных захолустных краях наткнуться на одноэтажный трактир с одной комнаткой и парой слуг — уже большая удача. Откуда взяться такому количеству работников и роскошному подворью?

Разумеется, это не могло быть исчерпывающим доказательством. Главная причина, по которой Се Лянь всё понял, — запах свежей крови ударил в нос, едва они переступили порог.

Простому путнику, должно быть, не под силу почувствовать этот запах, но для Се Ляня, обладающего острыми природными чувствами, а также богатейшим опытом, вонь стояла такая, что проигнорировать её было просто невозможно.

Принц произнёс:

— На втором этаже ещё кто-то есть, я слышал шаги. Возможно, это тоже путник, который искал ночлега.

И если это так, его непременно нужно спасти. Двое ещё довольно долго сидели друг напротив друга и тихо переговаривались, когда слуги наконец принесли блюда.

— Готово!

Се Лянь хотел что-то сказать, но тут уловил какой-то шум снаружи и сразу поднялся.

— Уважаемые, мы хотим пойти в комнату отдохнуть, если вас не затруднит, отнесите кушанья наверх.

— Хорошо, хорошо!

Держа за руку Хуа Чэна и с явной сноровкой приподнимая юбку, Се Лянь направился по лестнице, но по пути обернулся и сказал:

— Ох, кстати, если кто-то будет спрашивать, видели ли вы меня, прошу, скажите, что не видели.

— Хорошо, хорошо!

Се Лянь поспешно поднялся наверх. Вскоре кто-то громко забарабанил в ворота с криком:

— Открывайте, открывайте!

Улыбающиеся слуги открыли ворота. На постоянный двор тут же затекла толпа монахов и заклинателей во главе с «Всевидящим глазом», которые всё никак не бросали погоню!

Се Лянь вместе с Хуа Чэном уже заперлись в комнате на втором этаже, но услышали, как кто-то из вошедших заголосил:

— Отхожее место, мне в отхожее место! — и тут же помчался, куда указали.

Другой спросил:

— Хозяин! У вас есть вода?!

Увидев разом столько людей, слуги возрадовались:

— Есть, есть, подождите немного, уже несём!

«Всевидящий глаз» посетовал:

— Ох, мой живот уже переполнен! Куда же это годится, ведь эти самые «фрикадельки непорочности» — поистине яд, какого свет не видывал. Я выпил только двадцать стаканов. Когда же дойду до восьмидесяти одного?

Се Лянь совсем не ожидал, что они примут его слова за чистую монету и действительно решат выпить столько стаканов воды, сколько он им приказал.

Один из монахов вторил:

— Ами табха. Я выпил уже двадцать пять стаканов, и должен сказать, что противоядие действует. Сейчас мне и впрямь намного лучше.

Се Лянь, послушав их, не знал, как на это реагировать. Принц стал искать какую-нибудь дырку или щель в полу, чтобы подсмотреть за происходящим.

Тут Хуа Чэн, полуприсев на корточки, сказал:

— Гэгэ, сюда.

Се Лянь расположился рядом, но не заметил ничего необычного в указанном месте.

— Что там такое?

Хуа Чэн вдруг ткнул пальцем, и в твёрдом полу вмиг образовалась дырка, сквозь которую пробился луч света.

— Можешь здесь посмотреть.

Се Лянь склонился и через отверстие выглянул на первый этаж. Заклинатели и монахи расселись за длинным столом в центре большого зала.

«Всевидящий глаз» хлопнул ладонью по столу.

— Хм! Я был слишком беспечен. Когда снова встречу с этим заклинателем, захваченным нечистой силой, ни в коем случае не дам ему улизнуть. Мы должны одним махом разделаться с Хуа... Хуа... Градоначальником Хуа, дабы свершить высшую справедливость!

Се Лянь прошептал:

— Сань Лан, чем же ты им так насолил?

Хуа Чэн ещё не успел ответить, когда кто-то задал тот же вопрос:

— К слову, я так и не спросил, почему вы тоже гонитесь за Князем Демонов? Между вами случались разногласия?

И вот, начался обмен мнениями и замечаниями.

— Поистине возмутительно! Двадцать лет назад в одной деревне завёлся свин-оборотень и стал бесчинствовать — разрушил хозяйский дом, крыша рухнула, вся семья погибла. Свин сбежал в Призрачный город. В те времена я только ступил на путь заклинательства и отправился схватить беглеца, но демоны навалились толпой и побили меня палками, нанесли величайшее оскорбление. А он ещё послал своих слуг, чтобы передать мне — мол, «Ты можешь без причины сожрать всю семью свиньи, а свинья не может отомстить и убить всю твою семью? Коли месть тебя не настигла — то лишь везение. А коли настигла — то и поделом». Ну скажите, что это за извращённая мораль, разве такое бывает на свете?!

— Какое совпадение, наши с тобой истории похожи, только я преследовал оборотня-петуха.

— У меня всё просто. Он решил сбить с пьедестала небожителя, которому поклонялась наша школа, и сколько бы монастырей мы ни построили, столько он сжигал. Довёл нас до белого каления! Вопиющая бесцеремонность.

— А вот ещё, вот ещё. Вы ведь знали моего шисюна, небеса ниспослали ему талант, перед ним лежали безграничные перспективы! Но имелся один махонький недостаток — очень уж падок был на женский пол. Чуть больше десятка лет назад моего шисюна соблазнила демонесса-певичка — живьём выпила все соки досуха. И вы подумайте — Хуа... Хуа... Этот Князь Демонов взял её под защиту!

Пока внизу разгорелись обсуждения, Хуа Чэн наверху совершенно заскучал — не удостоил их речи даже насмешливой ухмылкой.

И вдруг «Всевидящий глаз» произнёс:

— Кажется, слышал я про твоего шисюна. Это ведь он когда-то давно, прикрываясь проведением магических обрядов, одурманивал и соблазнял замужних женщин? Его ещё посадили в темницу на три месяца, а потом выпустили.

— Кхм-кхм-кхм!

Как раз вовремя слуги подали кушанья, и все торопливо заголосили:

— Блюда на столе, давайте, давайте, Всевидящий собрат, довольно разговоров, приступим к трапезе.

Се Лянь выпрямился, бросив взгляд на принесённые слугами блюда.

Хуа Чэн сказал:

— Можешь даже не смотреть. Едва попробуют, упадут замертво.

Се Лянь прошептал:

— Положение усугубляется.

Горстка монахов и заклинателей ужасно раздражала принца своей неугомонностью, но и позволить им попасть в лапы жуткого разбойничьего притона нельзя. И в то же время — как предупредить?

И вдруг «Всевидящий глаз» воскликнул:

— Пойдите!

Глядя на тарелки, он остановил остальных от начала трапезы. Его взгляд сделался суровым.

Се Лянь в душе похвалил: «Он и правда владеет кое-какими навыками в заклинательстве!»

Остальные насторожились:

— В чём дело, Всевидящий собрат?

«Всевидящий глаз» провёл пальцем по краю тарелки, затем высоко поднял руку и в гневном восклицании:

— Я одним пальцем собрал с тарелки столько жира! Что это за постоянный двор, где посуду не моют дочиста?!

Се Лянь уж было решил, что заклинатель обнаружил некую странность, но никак не ожидал, что тот укажет на кое-что совершенно другое. Принца это немного обескуражило, но результат всё же оказался положительным. Стоило заклинателю сделать замечание, и остальные подхватили:

— Ай-яй, и правда! Что это такое липкое, будто слюна... Погодите! В тарелке человеческие волосы!

Кто-то помешал блюдо палочками и в самом деле выудил несколько чёрных волосин.

— Мать моя, что творится у вас на кухне? Кто у вас там работает?!

Слуги, потирая руки, с улыбкой отвечали:

— Ну... мы недавно зарезали несколько свиней, наверное, это их шерсть!

Но волосы с палочек тянулись всё длиннее и длиннее.

— Где вы видели такую длинную шерсть у свиней? У вас на кухне что, хозяйская жена голову моет?!

— Сейчас же забирайте и приготовьте снова!

Слуги торопливо ответили:

— Да, да, да, прямо сейчас всё сделаем, дайте мгновение. Господин, выпейте воды, выпейте воды.

Се Лянь подумал: «Воду тоже пить нельзя, туда наверняка что-то подмешали!»

Но слуги ещё не успели удалиться, и никто из гостей не сделал и глотка, как «Всевидящий глаз» вновь позвал:

— Вернитесь!

Один слуга возвратился и с извиняющейся улыбкой спросил:

— Господин заклинатель, что ещё вам угодно?

— Скажи мне вот что, не видел ли здесь женщину странного вида с маленьким ребёнком?

А вот и ожидаемый вопрос. Се Лянь в душе порадовался: «Хорошо, что я заранее попросил, чтобы меня не выдавали». Однако стоило этой мысли стихнуть, и слуга без лишних раздумий ответил:

— Ага, видели!

Се Лянь:

— ???

Заклинатели всполошились, опустили свои стаканы и, понизив голос, спросили:

— Где?

Слуга тоже понизил голос:

— Наверху!

Все в тот же миг настороженно перевели взгляды наверх. Се Лянь быстрым движением закрыл дыру в полу, сделанную Хуа Чэном. Вскоре послышался шорох — множество людей направилось по лестнице. Бесшумно прислонившись к двери, принц слышал шаги — это слуга привёл на второй этаж крадущуюся толпу. Одной рукой Се Лянь подхватил Хуа Чэна, другой схватил меч, приказал Жое взять на себя роль щита и во всеоружии встал наизготовку. Вот только шаги протопали мимо, в самый конец длинного коридора, что показалось принцу крайне странным. Он прикинул к двери, через тонкую щель выглянул наружу и выяснил, что толпа миновала его комнату и сгрудилась возле другой.

В комнате кто-то был: сквозь бумажную вставку пробивался мягкий свет, вырисовывая тенью неясный силуэт женщины, сидящей у стола.

Поворот в крайней степени неожиданный — слуга действительно сдержал обещание и не выдал принца, а указал на кого-то другого.

Как видно, кроме Се Ляня, здесь поселилась ещё одна «странная женщина», и к тому же с ребёнком.

«Всевидящий глаз» и остальные переглянулись, каждый показал другим какой-то жест рукой, совершенно невпопад, после чего толпа приготовилась вышибить дверь, как вдруг свет в комнате погас, и тень женщины исчезла. Затем послышался торопливый стук шагов, и дверь резко распахнулась.

За ней показалась женщина, которая тут же разразилась бранью:

— Что делает перед моей дверью толпа вонючих мужиков посреди ночи?! Я, ваша госпожа, намереваюсь принять омовение. Зачем вы сюда явились? А?!

Женщина обладала прелестной фигуркой, вышла она к ним совершенно без макияжа, и хотя энергия от неё исходила как от боевого петуха, не оставалось ни единого сомнения в том, что это

существо женского пола. Она сплюнула, закатала рукава платья и вновь забранилась:

— Да вы ещё и монахи-заклинатели! Вам разве не положено отрешиться от всего мирского? Что за нечестивое поведение?!

Несколько монахов замямлили:

— Недоразумение, это недоразумение...

Женщина возмущённо вскинула изящные брови, подобные листьям ивы, и занесла руку для удара.

— Мне плевать, что у вас тут — недоразумение или собрание, прямо сейчас не уйдёте, и ваша госпожа огреет вас тазом с водой для омовения!

— Ай-яй-яй, что же это за мирянка такая? Совершенно не следит за своим поведением!

— Скорее, пойдёмте, пойдёмте...

Лицо женщины было принцу незнакомо, однако голос и манера себя вести уже въелись в память. Спустя мгновение Се Лянь тихо выдохнул:

— Лань Чан?

— Верно. Это она, — подтвердил Хуа Чэн.

Когда процессия удалилась, Лань Чан, кажется, вздохнула с облегчением, огляделась по сторонам и поскорее закрыла дверь. Она вышла к людям без наряда и косметики, но даже несмотря на морщинки в уголках глаз, которые выдавали возраст, женщина выглядела неожиданно красивой. Поэтому Се Лянь не узнал её. Если бы она предстала в таком виде тогда, во дворце Шэньу, ужас в глазах Пэй Мина не выглядел бы столь ярко выраженным.

Когда по миру прокатилась первая волна беспокойства демонов из-за открытия горы Тунлу, из мест своего заточения сбежало немало тёмных тварей. Среди них оказались и Лань Чан с духом нерождённого. И если «странная женщина», о которой говорил слуга, — Лань Чан, стало быть, её «ребёнок» — это...

Се Лянь прошептал Хуа Чэну:

— Дух нерождённого наверняка с ней. Эта тварь слишком опасна, нельзя позволять ей вот так разгуливать на свободе.

Но ведь постоянный двор уже сам по себе являлся разбойничьим притоном, в который ко всему прочему забрели заклинатели,

гонящиеся за Хуа Чэном. В таких условиях поймать кого-то легко лишь на словах!

Толпа тем временем дошла до лестницы, и слуга спросил гостей:

— Ну что? Разве это не та, кого искали господа заклинатели?

«Всевидящий глаз» воскликнул:

— Нет! Хм! Спрошу ещё кое-что, не видел ли ты здесь другого заклинателя, тоже с ребёнком?

Слуга задумался и ответил:

— Заклинателя с ребёнком не видал, но зато у нас поселился заклинатель-одиночка.

Толпа вновь воодушевилась и, понизив голос, спросила:

— Где?

Слуга, также понизив голос, ответил:

— Здесь.

На этот раз он указал в другую сторону. Заклинатели и монахи вновь переглянулись и крадучись направились за ним.

К их удивлению, когда до указанной комнаты оставалось ещё три чжана, раздался свист прорезаемого острым предметом воздуха, и сквозь дверную щель вылетел жёлтый талисман. Он просвистел мимо щеки «Всевидящего глаза» и вонзился в стену за его спиной. Перепугавшись, все обратили взгляды к талисману и увидели, что бумага, подобно стальному листу, наполовину вонзилась в стену. От такого зрелища их настигло немалое потрясение.

Кто-то из монахов вознамерился ворваться в комнату, но «Всевидящий глаз» остановил:

— Это не он! Но тоже фигура весьма выдающаяся. Не стоит действовать сгоряча и порождать ненужные конфликты. — Он выставил руки в поклоне. — Просим прощения за беспокойство великого мастера. Это лишь недоразумение.

Из комнаты не последовало ответа, как и полагается великому мастеру. Заклинатели отступили прочь, и кто-то спросил:

— Собрат, почему ты решил, что это не он? Тот мусорный заклинатель тоже бросался тайным оружием с необыкновенной силой и сноровкой!

Мусорный заклинатель... Лишь после недолгих размышлений Се Лянь понял, что «тайное оружие» — это его фрикадельки непорочности, и подумал: «Что ж, ладно...»

«Всевидящий глаз» тихо ответил:

— Конечно, это не он. Оба метнули в нас оружие, но в сноровке и силе человек в этой комнате немного уступает тому мусорному...

Не дав ему закончить фразу, из-за спины вылетело ещё несколько талисманов, которые подобно оперённым стрелам вонзились в двери и стены вокруг. Перепуганная толпа не посмела больше ничего говорить и ветром сбежала по лестнице.

Се Лянь, видя, что все разошлись, бесшумно отворил дверь, выдернул из стены талисман и вернулся к себе.

Хуа Чэн взял листок двумя пальцами, взглянул на него и небрежно выронил, так же небрежно заключив:

— «Всевидящий глаз» в самом деле не ошибся.

Снаружи талисман покрывал тонкий слой духовной Ци, поэтому он резал воздух подобно острому лезвию и, словно стальной лист, глубоко вонзался в стены.

Но прежде, когда Се Лянь придал фрикаделькам, предназначенным в пищу, мощь сравнимую с шариками из чистой стали, он сделал это, целиком полагаясь на собственный контроль силы броска, без какого-либо применения магических техник и духовных сил. Всё-таки ему пришлось многие сотни лет жить без поддержки магических сил в теле, и принц давно привык в мирских делах полагаться лишь на себя, а не на магию. По этим критериям «Всевидящий глаз» и определил сильнейшего.

Се Ляня посетили мысли: «Сколько же разного народу собралось на этом дворе? И откуда взялся ещё заклинатель? Неужели он пришёл сюда сражать нечистую силу? Не удивительно, что обыкновенные монахи не заподозрили неладного. Но этот человек, раз обладает такими способностями, не мог не заметить, что забрёл на странноватое подворье. Как бы то ни было, нельзя позволить заклинателям найти Сань Лана. Если они начнут скандалить, и постоялец из той комнаты всё услышит, боюсь, прибавится ещё один преследователь. И ему противостоять будет сложнее, чем всей этой толпе».

Заклинатели вновь спустились на первый этаж, вернулись в большой зал и расселись за стол. Сквозь дыру, проделанную Хуа Чэном в полу, Се Лянь увидел слугу, который сказал:

— Я сейчас же передам повару, чтобы всё заново приготовил. Господа заклинатели, прошу вас немного подождать, хи-хи-хи.

— Постой! Воду тоже унеси. Промойте все стаканы, затем подавайте.

— Хорошо, хорошо. Хи-хи-хи.

Слуга, улыбаясь во весь рот, удалился — должно быть, направился на кухню. Се Лянь припомнил, что подходя к постоялому двору, кажется, видел кухню с другой стороны. Он тут же схватил Хуа Чэна, вылез через окно, оказавшись снаружи, обошёл постоялый двор и по пути ещё подобрал несколько небольших камней, которые на всякий случай зажал в руке.

Когда принц прислонился к стене кухни, Хуа Чэн вновь ткнул пальцем в стену, как в мягкий тофу, бесшумно проделав дыру. Се Лянь заглянул внутрь, чтобы наконец узнать, кто же хозяин этого разбойничьего притона.

Освещением внутри служили лишь несколько тусклых, почти догоревших масляных ламп, людей не наблюдалось. Но если внимательно прислушаться, можно разобрать идущее откуда-то чавканье, будто кто-то обглаживает кости.

Се Лянь несколько раз сменил угол обозрения и наконец заметил, что звук идёт из-за печи. Печка заслонила обзор, только за кирпичной кладкой выглядывала пара ног. Очевидно, что хозяин ног уже был мёртв, но конечности время от времени подрагивали вместе с жадным чавканьем.

Как вдруг в кухню вошли слуги, которые позвали:

— Великий Князь...

Из-за печи высунулась неумытая и нечесаная голова мужчины. Что-то пережёвывая, он невнятно бросил:

— Чего вам?!

Его рот был перемазан кровью, глаза алчно горели, а между зубов, подобно куриной лапке, торчала человеческая рука. Но несмотря на жуткое выражение лица и подобный вид, с первого взгляда принц узнал в нём мужчину, тело которого занял Ци Жун!

Он надул щёки, вдохнул, и недоеденная рука исчезла у него во рту, после чего мужчина выплюнул лишь косточки, которые попали слугам по лицу.

— Вы, никчёмное отродье, выращенное в дерьме! Кричите как на похоронах, я уж было решил, что вы еду принесли. Где люди? Где мясо? Я же дал вам снадобье! Почему эта толпа ещё на ногах?!

Как видно, Ци Жун догрызал прежнего хозяина постоянного двора, либо какого другого путника.

Слуги обиженно отвечали:

— Великий Князь, это не мы — никчёмное отродье, всё дело в этих надоедливых монахах. То им не по нраву, что жир на тарелках, то нос воротят от волос в пище. Не хотят они есть то, что мы им принесли!

Ци Жун, причмокивая, слизал с пальцев кровь.

— Что? Да чтоб их! Я лично приготовил им блюда из отрубленной головы, они должны горькими слезами обливаться, чтобы я разрешил им хотя бы на коленях с пола вылизать моё кушанье! Кто позволил им свои собачьи морды воротить? Надо было дать им попробовать стряпню моего царственного братца, что на вкус хуже собачьего дерьма, тогда кучка никчёмшей бросилась бы предо мной на колени, вознося благодарности!

Се Лянь так и остолбенел.

Хуа Чэн произнёс:

— Гэгэ, не стоит обращать внимание на слова какой-то бесполезной дряни.

— Гм, — хмыкнул принц.

— Это всё из-за вас, никчёмные твари! — тем временем продолжал Ци Жун. — Даже тарелки как следует вымыть не можете!

Он вскочил и принялся осыпать слуг тумачами и бранью, и только спустив пар, сам закатал рукава, вытер красный от крови рот и взялся за сковороду и лопатку для жарки. Кухня наполнилась чугуном и криками Лазурного демона, перемежающимися с бранью:

— Ещё разок!!! Раскройте пошире свои пёсьи глаза и поглядите на моё мастерство! Теперь посмотрим, что вы ещё посмеете сказать своими погаными ртами!

Огонь печи взметнулся к потолку, и вскоре Ци Жун в самом деле заново наготовил целый стол блюд, затем приказал слугам унести всё гостям.

Стол получился и впрямь ароматным, мясные блюда — мясными, овощные — овощными, и масла, и воды в них было в самый раз. Се Лянь снова поднялся на второй этаж постоянного двора и, посмотрев вниз сквозь дыру, увидел, как заклинатели и монахи нахваляются:

— Какое высокое мастерство!

— Да уж! Повар поистине мастер своего дела, особенно удались куриные лапы с солью и перцем, мясистые... Даже слишком мясистые, вам не кажется? Я никогда не видел куриных лап с такими длинными пальцами!

Слуги подхватили:

— Ох! Это наше особое блюдо, в нём используются не простые, а отборные лапы высшего качества редкой породы кур — «белый феникс», которым перед готовкой отрезают когти. Видите, похожи на нежные пальчики юной девы, сердце от их вида так и трепещет!

— И то верно. Но мне более всего приглянулась вот эта свиная шкура, прожаренная в масле. При готовке всё учтено идеально, поэтому блюдо стало нежным, но не подгорело... Пойдите, а откуда у этой свиньи на шкуре вытатуированный узор?

Слуги объяснили:

— Ох! Это не узор, а особый знак, вырезанный нашим главным поваром, дабы продемонстрировать высоты его мастерства. Просто небольшой кулинарный трюк.

— А вот эти свиные рёбрышки в кисло-сладком соусе, кажется, недожарились. Да и приправ слишком много. Они что у вас, несвежие? И вы хотели кисло-сладким соусом скрыть какой-то иной запах?

— Ох! Ничего подобного, мы всю живность убиваем аккуратно перед подачей на стол, просто нашему повару нравится класть приправы в немереных количествах.

Наблюдая за людьми, расхваливающими кушанья и уже готовыми приступить к трапезе, Се Лянь не выдержал — взял маленький камешек, подобранный снаружи, и бросил его вниз через дыру.

Камешек попал точно в чайный стакан, который «Всевидящий глаз» поднял, чтобы «выпить воды, изгоняющей яд». Рука заклинателя дрогнула, и вода выплеснулась прямо в лицо слуги, который как раз стоял рядом, беспрерывно похихикивая.

Вода, ясное дело, была холодная, но слуга почему-то схватился за лицо и громко завизжал, будто ошпаренный:

— А!!!!

На этот раз люди за столом остолбенели, а затем все как один выхватили оружие.

— В чём дело?!

«Всевидящий глаз» мигом схватил слугу за руку и отнял от лица, отчего остальные так и ахнули. Черты лица слуги наполовину расплылись, будто на белый лист бумаги плеснули воды, и тушь растеклась пятнами. Тёмная вода струйками бежала по щекам, будто растворённая краска.

Его лицо и улыбка оказались нарисованными!

Без лишних слов заклинатели и монахи перевернули стол и ринулись в драку со слугами постоянного двора.

Слуги, прикрывая головы от ударов, голосили:

— Господа заклинатели!!! Не бейте нас! Послушайте... вот что... вы ведь искали странную женщину с ребёнком!!! Странного заклинателя! Он наверху! Они прямо на втором этаже! Можете их там найти! Отпустите нас! Мы просто временные работники!!!

— Тьфу! Временные работники, да кого вы хотите надуть?

— Решили провести нас? Не так-то просто! Теперь уже поздно оправдываться!

Слуга горестно простонал:

— Я вас не обманываю! Я говорю правду!

Покуда первый этаж заполнили звуки массовой драки, Се Лянь, убедившись, что заклинатели явно одерживают верх, покачал головой и решил не вмешиваться. Вместо этого, воспользовавшись переполохом, принц отправился на поимку Лань Чан и духа нерождённого.

К его удивлению, ещё не открыв дверь из комнаты, принц услышал в коридоре пронзительный крик и голос Лань Чан, полный ужаса:

— Нет... Прошу тебя, я не хочу туда! Умоляю, отпусти нас! Я паду перед тобой на колени и отобью земные поклоны!

Разгневанный голос молодого парня ответил:

— Да кому нужны твои земные поклоны? Если вы сбежите, что делать м... моему генералу? Чтоб тебя, на этот раз ваша парочка знатно ему насолила! Поменьше болтовни, идём со мной!

Услышав этот голос, Се Лянь резко распахнул дверь.

— Ты?

В длинном коридоре перед Лань Чан стоял юноша в чёрном одеянии с мрачным как туча лицом. Когда Се Лянь показался из комнаты, он поднял на принца взгляд и изумился:

— Ты?!

Се Лянь переступил порог.

— Фу Яо? Что ты здесь делаешь?

Лань Чан, увидев его, округлила глаза.

— ...Наследный принц?

Фу Яо оглядел принца с головы до ног, и уголок его рта слегка дёрнулся. К счастью, юноша не закатил глаза, а лишь спросил вместо ответа:

— А ты что здесь делаешь?

Се Лянь оглядел себя и впопыхах сдёрнул женское платье.

— Долгая история.

Как вдруг зрачки Фу Яо чуть сузились — он увидел рядом с принцем Хуа Чэна, который стоял, спокойно заведя руки за спину.

Фу Яо потрясённо выдохнул:

— ...Ты?!

Хуа Чэн лишь презрительно фыркнул и не удостоил его вниманием. А вот Лань Чан, оценив обстановку, бросилась бежать со всех ног. Фу Яо, услышав это, обернулся с криком:

— Стой!

Однако не успел он сделать и шага, перед ним скользнула белая шёлковая лента, которая схватила Лань Чан за лодыжку. Женщина тут же упала и перекатилась на спину, прикрывая руками живот. Как видно, там она и прятала духа нерождённого.

Се Лянь, отозвав Жое, сказал:

— Вот как надо было сделать, если хотел, чтобы она остановилась. Кричать бесполезно. Кстати, ты только что упомянул своего генерала. Что с ним стряслось?

Фу Яо не ответил. Только холодно хмыкнул, подошёл к Лань Чан и схватил её за плечо. Похоже, он по-настоящему рассердился — в его действиях не было ни капли учтивости по отношению к женщине, да ещё изо рта вырвалось «твою мать», что несколько не походило на прежнего Фу Яо. Однако произошло непредвиденное — ему не удалось поднять Лань Чан на ноги, потому что её живот вдруг надулся шариком, а затем из него выскочила белая тень, которая с визгом бросилась в лицо Фу Яо.

Дух нерождённого!

Каждый раз, возвращаясь в чрево матери, дитя накапливало силы. Поэтому атака вышла на редкость яростной — Фу Яо пришлось сосредоточиться на защите. Он ударил ладонью, и дух мячом отскочил к стене, затем вновь оттолкнулся и полетел на Се Ляня.

Фу Яо воскликнул:

— Задержи его! Не дай ему сбежать!

Се Лянь не успел пошевелиться, как перед ним возник Хуа Чэн. Сжавшийся в шар дух нерождённого резко остановился и вновь напал на Фу Яо.

Пока в коридоре на втором этаже из стороны в сторону скакал демонический мячик, внизу тоже воцарился невозможный хаос. Только и слышались мольбы «слуг»:

— Окажите снисхождение, господа заклинатели! Недостойные ведь тоже трудятся ради чашки риса!

— Да! Мы больше никогда не будем! Обычно мы просто крадём поблизости кур, чтобы прокормиться, это всё тот зелёный... зелёный господин, это он заставил нас стать его прислужниками, вот и пришлось таким заниматься! Он прямо сейчас поджидает в кухне!

Глядя на неразбериху вокруг, Се Лянь вспомнил ещё кое о чём, и тут же спрыгнул со второго этажа.

Ци Жун всё ещё сидел в кухне, закинув ногу на ногу и с удовольствием ковыряясь в зубах, в счастливом предвкушении «ужина».

Как вдруг раздался грохот, кто-то ногой пробил стену, влетел внутрь и в лоб спросил:

— Ци Жун, где Гуцзы?

Классический способ Бога Войны входить в помещение испугал Ци Жуна до такой степени, что он подпрыгнул и заголосил:

— Ты?! Что ты тут делаешь? Не мог постучать в дверь, обязательно вот так врываться?!

Се Лянь без лишних слов отвесил ему пару тумачков, затем как гусака придавил к разделочной доске.

— Поменьше пустой болтовни. Куда ты дел ребёнка?

Ци Жун ослабил:

— Хи-хи-хи. Оглядишься, он тут повсюду!

Где это — повсюду? Да ведь на полу одни только кости!

Гнев поднялся из глубины души Се Ляня, он сжал кулак сильнее, и Ци Жун дурным голосом завыл:

— Ау-ау-ау, рука! Руку, руку ломаешь! Постой, мой царственный брат! Ладно, ладно, я честно скажу, я солгал, не ел я его! Не ел! Собирался, но ещё не съел!

— И где же он?

— Не дави так, не дави! Я скажу тебе, мелкая обуза заперта в сарае с дровами. Откроешь дверь — и сразу его увидишь!

Се Лянь велел Жое скрутить Ци Жуну, а сам открыл боковую дверцу кухни, где действительно обнаружил сжавшегося в комочек Гуцзы. Принц поднёс палец к носу мальчика, чтобы попробовать дыхание. Ребёнок дышал довольно ровно, личико подёрнулось румянцем, словно он крепко спал. Однако, подняв мальчика на руки, принц понял — дело плохо, ребёнок весь горячий, видимо, подхватил жар.

Тем временем толпа заклинателей и монахов тоже хлынула на кухню. Едва шагнув через порог, они наступили на горы костей на полу и едва не поскользнулись. Увиденное их ошеломило.

— А? Разбойничий притон!

— Выходит, все те блюда... сделаны... из человечины?!

— А я говорил, что не бывает куриных лап с такими длинными пальцами!

Внезапно раздался грохот, и в кухню влетел бледный шар, проделав дыру в потолке.

Все:

— Что это такое?!

Спустя мгновение следом спрыгнул Фу Яо. Выбрасывая разом больше десятка талисманов, он выкрикнул:

— Все прочь! Не мешайте работать!

Все:

— А! Великий мастер!

Затем в кухню ползком вкатилась Лань Чан:

— Не бей его!

Все:

— О! Женщина!

Жёлтые талисманы пролетели словно лезвия или стальные гвозди, Се Лянь чуть повернулся в сторону и избежал столкновения, а вот Ци

Жун увернуться не мог, и талисманы стайкой вонзились ему в спину.

— Демонов убивают!!! — раздался его безумный крик.

Заклинатели окружили его всей толпой и принялись рассматривать, удивлённо восклицая:

— Техника метания талисманов... поистине довольно искусная!..

В некогда просторной и тихой кухне мгновенно стало ужасно тесно и шумно. Фу Яо в погоне за духом перемещался то вниз, то вверх, Лань Чан как ненормальная гонялась следом. Се Лянь придавил Ци Жуну к разделочной доске, так что пол-лица уже помялось, Фу Яо своими талисманами превратил спину демона в решето, да ещё время от времени Лань Чан наступала на него, ковыляя мимо.

Окружённый любопытной толпой, Ци Жун взвыл:

— Почему? Откуда взялось такое сборище? Ты кто такой? А ты кто такой? Мать вашу, вы дадите мне поесть спокойно??? Ну почему каждый раз одно и то же??? Вы мне все за что-то мстите?!

Внезапно, скосив глаза, Ци Жун устремил взгляд сквозь разрушенную стену кухни во двор. Хуа Чэн, словно и не видел беспорядочного побоища, в безмятежности сидел под деревом и с полным безразличием к происходящему игрался листками сусального золота, сооружая из них дворец. Неизвестно, сколько он уже так сидел со скучающим видом, но перед ним уже высилось небольшое красивое строение.

Ци Жун тут же заорал, срывая охрипшую глотку:

— Скорее все посмотрите туда! Собиратель цветов под кровавым дождём превратился в мелкого демона!!! Все, у кого с ним счёты, быстрее, в атаку!!! Такой шанс нельзя упускать, впредь может не представиться! За этой деревней трактира больше не будет!!!

Его крики оборвал сверкающий холодным блеском, перемазанный в свежей крови кухонный тесак, который внезапно встал поперёк рта. Рукоятка тесака находилась в ладони Се Ляня.

Принц с улыбкой произнёс:

— Хм? Что за ерунду ты там орал?

Ци Жун совершенно не понял, как Се Ляню удалось запихнуть тесак ему в рот, только почувствовал холод металла и что-то крайне острое прямо возле языка. И хотя принц не нанёс ему ни царапины,

малейшее движение — и кровь хлынет изо рта фонтаном, так что крики моментально стихли.

Однако заклинатели уже увидели сидящего вдалеке Хуа Чэна, строящего золотой дворец.

— Это он?!

— Почти уверен в этом!

Се Лянь опередил их — бросился наружу, одной рукой прижимая к себе Гуцзы, другой призывая Жое. Лента тянула за собой Ци Жуна, который тащился по земле и орал как резаный:

— Псом вылюбленный Се Лянь, ты наверняка это всё подстроил! Никогда я, мать твою, не видел такого коварного, как ты, притворного белого лотоса-а-а-а...

Заклинатели, оценивая обстановку, колебались.

— Н-нападём или нет?

— Остерегайтесь уловки. Может, пока понаблюдаем издали?

Покуда они сомневались, Хуа Чэн достроил маленький золотой дворец, встал, приподнял бровь и, взирая на своё творение, легонько пнул.

Золотой дворец с шелестом рухнул.

А постоялый двор рухнул уже с оглушительным грохотом.

Рассеялась и наведённая иллюзия. Се Лянь обернулся и увидел за спиной вовсе не постоялый двор, а всего лишь поваленную соломенную хижину, которая прекрасно вписывалась в безлюдный горный пейзаж. Роскошное подворье оказалось создано при помощи заклинания отвода глаз.

Толпу преследователей, которая так и не успела решить, бросаться ли в атаку, придавило рухнувшей крышей. Они потеряли сознание, когда сверху посыпались прогнившие доски и снопы соломы.

Се Лянь подбежал к Хуа Чэну.

— Сань Лан, такие затраты магических сил не отразятся на твоём состоянии?

Хуа Чэн легко взмахнул рукой, и золотые листики испарились в воздухе.

— Гэгэ, не волнуйся. Небольшие траты сил для меня не помеха.

Неожиданно среди обломков крыши кто-то пошевелился. Фу Яо откинул в сторону соломенный сноп, выбрался из-под развалин и в гневе выкрикнул:

— Для тебя не помеха, а для меня помеха!

Он с таким трудом поймал дух нерождённого, и вдруг перед глазами потемнело. Подняв взгляд, юноша увидел, что крыша старой хижины падает прямо на него. Можно сказать, теперь он представлял собой крайне жалкое зрелище. Стряхнув с головы ворох соломы, Фу Яо, закипая от злости, протопал к Се Ляню и Хуа Чэну. Юноша в гневе обратился к последнему, который теперь ростом был значительно ниже него:

— Ах ты... Ты это нарочно?!

Хуа Чэн только поморгал, но не стал ни возражать, ни язвить, только посмотрел чёрными как ночь глазами на Се Ляня. Тот немедля взял мальчика за плечо и завёл себе за спину.

— Нет, нет, совершенно точно нет. Дети не понимают, что творят... Ты уж прости его, Фу Яо.

Растрёпанный юноша с недоверием воззрелся на принца.

— ...Дети? Ваше Высочество, ты ведь не мог решить, что я ослеп и не вижу, кто передо мной?

Се Лянь растерянно переспросил:

— О чём ты? Это просто обыкновенный ребёнок!

Фу Яо сощурился, пристально глядя на Хуа Чэна. Но в этот момент позади послышался негромкой треск, и Лань Чан тоже выбралась из-под развалин хижины, отбросив в сторону кусок крыши, поэтому Фу Яо переключился на неё.

Се Лянь выдохнул с облегчением и положил Гуцзы на землю, как вдруг в его голове с долей неуверенности прозвучало:

— ...Ваше Высочество?

Се Лянь немедля поднялся.

— ...Фэн Синь?

Это и впрямь оказался Фэн Синь, который, судя по голосу, тоже выдохнул с немалым облегчением и заговорил:

— Прекрасно! Значит, твой пароль для связи так и не поменялся.

Се Лянь не удержался от беззвучного смешка. Восемьсот лет назад принц избрал в качестве пароля фразу «Одну тысячу раз прочти наизусть “Дао дэ цзин”, вот и всё», и с тех пор ничего не изменилось, а Фэн Синь, как оказалось, не забыл её. Се Ляню вспомнилось, как тот хохотал до слёз, впервые услышав пароль, и не ко времени ощутил лёгкую ностальгию.

— Да, не поменялся. Всё ли хорошо сейчас в чертогах Верхних Небес? Владыка узнал о происшествии с Линвэнь?

Хуа Чэн понял, что Се Лянь разговаривает с кем-то из небесных чиновников, поэтому без лишних просьб отошёл чуть дальше. Затем приблизился к Гуцзы и положил ладонь мальчику на лоб, чтобы проверить, не заболел ли тот.

Тем временем голос Фэн Синя сделался суровым:

— Всё очень плохо. Узнал. В чертогах Верхних Небес сейчас царит полный беспорядок.

Се Лянь вздохнул:

— Управлением служебными делами всегда занималась Линвэнь. Не удивительно, что всё так повернулось. Нет ли другого Бога Литературы на её место?

— Нашли, да только никто не справляется. Обычно все подряд ругали дворец Линвэнь с особым рвением, как будто сами на их месте могли бы сделать лучше в десять раз. Теперь же, когда понадобилась замена, никто не может заменить её и на треть. От одного сбора и

упорядочивания информации голова у всех идёт кругом, несколько Богов Литературы уже отказались от должности.

Се Лянь покачал головой, Фэн Синь же добавил:

— Кроме того, беда не только с Линвэнь, но и с Му Цином. Он сидел в темнице, но избил охрану и сбежал.

— Что?!

Се Лянь от услышанного вздрогнул и тут же перевёл взгляд на Фу Яо, который как раз что-то говорил Лань Чан. Юноша явно был чем-то недоволен, даже обеспокоен.

Се Лянь отошёл подальше и понизил голос:

— Что с Му Цином? Как такое могло случиться???

— Не только он сбежал из темницы, сейчас все служащие его дворца отлучены от службы и ожидают расследования. Всё из-за духа нерождённого.

— Что с духом нерождённого? — Се Лянь заговорил ещё тише. — Неужели он правда как-то связан с Му Цином?

— Да. Когда заключённые под стражу демоны разбежались, Му Цина назначили ответственным за демоницу Лань Чан и дух нерождённого, только он не поймал их, упустил. Но в процессе поимки дух признал Му Цина, указал, что из чрева матери его вырезал и живьём превратил в демона именно Му Цин.

— Не может быть! — вырвалось у Се Ляня. — Это невозможно! Му Цин, конечно... Эх. У него ведь не было причин так поступать?

— Не знаю. Но поговаривали, что тёмное искусство, в котором используется мёртвый неродившийся младенец, может ускорить процесс вознесения. И сейчас многие усомнились, честно ли он вознёсся. Поэтому его заключили под стражу, чтобы постепенно разобраться в случившемся. Кто же мог подумать, что он не усидит в темнице и сбежит. Теперь все окончательно уверены, что он скрылся от суда, поскольку совесть нечиста.

— Постой, постой. Всё слишком странно. Если Му Цин — злодей, почему ни дух, ни Лань Чан не признали его во дворце Шэньу, а указали на него только когда он погнался за ними? Разве это не доказывает, что обвинение ложное?

— Когда я узнал об этом, всё уже повернулось так, как сейчас. И доподлинно мне неизвестно, что там между ними произошло. Слышал, что Лань Чан и ребёнок не ведали, кто применил к ним тёмное

искусство, но когда превращение нерождённого в демона завершилось, однажды он случайно пробудился, а поскольку не поддавался контролю, укусил злодея в плечо, оставив шрам. Во время битвы с Му Цином дух увидел на его плече след от укуса, старый шрам, которому несколько сотен лет.

— ...И след от укуса совпал с зубами духа?

— Полностью совпал.

Се Лянь сосредоточенно спросил:

— Как Му Цин объяснил это?

— Он признал, что действительно встречал дух нерождённого ранее, но отрицает обвинение в злодеянии. Сказал только, что хотел помочь из добрых побуждений, спасти дух нерождённого, и случайно был им укушен. Чем давать подобное объяснение, лучше бы он вообще промолчал.

И то верно. Такие вещи как «помощь по доброте душевной», «забота о детях» или «совершение хорошего поступка без желания прославиться» в глазах остальных никак не вязались с личностью Му Цина. Сам по себе он являлся весьма «единоличным», никогда не демонстрировал излишних тёплых чувств, не заводил друзей в чертогах Верхних Небес. После случившегося никто не поверит оправданиям. И тем более, никто не станет по своей воле за него заступаться. Возможно, именно поэтому Му Цин избрал побег, чтобы самому докопаться до истины.

— В общем, сейчас всё очень запутано. Ваше Высочество, где ты находишься? Владыка говорит, демоны сбиваются в стаи, и опасается, что мы не сможем их сдержать. Скорее возвращайся на совет!

— Я сейчас...

Принц не договорил — за его спиной вдруг раздался холодный голос Фу Яо:

— С кем ты разговариваешь?

Острые зубы ломают стрелы

Се Лянь со вздохом повернулся.

— Ох, я как раз хотел кое с кем поговорить, но сейчас сеть духовного общения Верхних Небес разрушена, а я позабыл пароли других чиновников. Захочешь связаться, и не выйдет. Фу Яо, ты не

припоминаешь чьего-нибудь пароля? Просто чтобы передать сведения о моём местонахождении и вызвать кого-нибудь на подмогу.

Он говорил совершенно естественно и так убедительно, что мрачные тучи рассеялись с лица Фу Яо, однако он небрежно ответил:

— Не знаю никаких паролей. Сейчас в чертогах Верхних Небес воцарился хаос, все слишком заняты. Лучше мы сами займёмся своими делами.

Неожиданно Хуа Чэн чуть поодаль произнёс:

— Гэгэ, этот мальчик два дня ничего не ел, у него жар.

Се Лянь подошёл к Гуцзы и сам убедился, что у ребёнка лоб такой горячий, что можно жарить яйцо. Он тут же схватил Ци Жуна за грудки и накинулся с вопросом:

— Ты как за ребёнком смотрел?!

Тот, весь перемазанный кровью, сплюнул и заголосил:

— Я же не его настоящий отец! И уже проявил великое милосердие тем, что не сожрал! Запиши это как подвиг на мой счёт!

— Как я погляжу, ты не сожрал его лишь потому, что у ребёнка жар, и он стал невкусным!

Тут вмешалась Лань Чан. Поколебавшись мгновение, женщина спросила:

— Ребёнок болен? Может, я его посмотрю?

Когда рухнула крыша хижины, упавшей балкой женщине разбило лицо, которое теперь опухло. Но всё же Лань Чан пожалела ребёнка, подползла к нему и взяла на руки, трогая ладошкой лоб. Видимо, она собиралась снять жар при помощи иньского холода собственного тела. Фу Яо одной рукой держал закутанный в жёлтые талисманы шар — дух нерождённого. Юноша подошёл к Лань Чан.

— Пора идти.

Ясное дело, Лань Чан не желала с ним отправляться, но делать нечего — Фу Яо пленил её сына.

Се Лянь обратился к юноше:

— Постой, пока останьтесь здесь. Фу Яо, ты можешь связаться со своим генералом?

Тот посмотрел на принца.

— Зачем тебе?

Се Лянь, колеблясь, начал:

— По правде говоря... — На слове «говоря» он внезапно атаковал, молниеносно заблокировал обе руки Фу Яо одной своей, а после закончил фразу: — По правде говоря, я уже знаю, что он натворил!

Фу Яо оказался пленён из-за собственной невнимательности, и теперь удивление перемешалось в его голосе с гневом:

— Ты!.. Это подлость!

— Нет, нет. Я полагался исключительно на реальную силу. Можешь попробовать схватить меня таким же способом, и посмотришь, получится ли.

Хуа Чэн вежливо похлопал в ладоши.

— Поддерживаю.

Фу Яо от злости чуть не закатил глаза.

— Тогда ты должен отпустить меня, чтобы дать попробовать!

Се Лянь совершенно серьёзно заметил:

— Попытаешься в следующий раз, если представится возможность. Сейчас есть более важное дело. Фу Яо, могу ли я попросить тебя помочь мне уговорить своего генерала для начала вернуться в чертоги Верхних Небес?

— ...Вернуться? — Фу Яо прошипел, с трудом подавляя гнев: — Легко сказать! Окажись ты сам в подобном положении, избрал бы вернуться? Что бы ты ответил на уговоры? Вернуться и дожидаться несправедливого обвинения, а затем и приговора? Дожидаться смерти?!

— Не стоит так нервничать. Я не пытаюсь язвить, а говорю серьёзно. Случай с твоим генералом отличается от моего. Всё ещё можно исправить. А вот побег как раз наихудшее решение, и сейчас уже многие небесные чиновники готовы вынести ему приговор без суда. Если ты можешь связаться с ним, скажи, что я готов помочь ему в расследовании инцидента.

— Ты сможешь в расследовании? — Фу Яо застыл.

— Да. В подобных вещах у меня, можно считать, накопился опыт. Во всяком случае, больше чем у него.

— Ваше Высочество, позволь спросить, а не припомнишь ли, скольким небесным чиновникам ты помог в расследовании их проблем, вернувшись на Небеса? И который из тех, кем ты интересовался, не оказался в итоге в плачевном положении?

Се Лянь тихо кашлянул и ответил:

— Это другое. И дело вовсе не во мне! Если он действительно не совершал ничего подобного, разумеется, я могу помочь ему оправдаться.

Фу Яо так разозлился, что ему стало смешно. Он перебил:

— Ну хватит! У тебя с ним личные счёты, и это известно всем. Поможешь ему в расследовании? Удастся ли ему тогда восстановить доброе имя? Если хочешь добить лежачего да посмеяться над ним, то так и скажи, не строй из себя невесть что.

Хуа Чэн слегка помрачнел, слушая его выпады. Он немного помолчал, потом усмехнулся:

— Ладно, гэгэ. Такие люди не отличат зло от добра. К чему тратить на них слова? Кое-кто от природы уродился диким слепым волком ^[258] и привык всю жизнь оценивать благородные поступки с точки зрения подлеца. Может статься, в итоге выяснится, что он действительно в чём-то замешан. Если не верит, не трать на него силы. Пусть мучается сам.

Фу Яо взглянул на него и съязвил:

— «Ребёнок»?

Хуа Чэн вернул ехидное замечание сторицей:

— «Младший служащий»?

Лицо Фу Яо чуть перекосило.

Се Лянь, не ослабляя захвата, мягко произнёс:

— Вот что, это разные вещи, не надо смешивать частные и служебные дела. Есть ли между нами личные счёты — это одно. Совершил ли он злодеяние — это совсем другое. Му Цин такой человек, пускай он мелочный, мнительный, с ужасным характером, слишком много надумывает, постоянно язвит, любит брюзжать, долго помнит малейшую обиду, часто кого-то задевает, многие его ненавидят, у него совсем нет друзей... — На одном дыхании выпалив целую тираду без малейшей запинки, Се Лянь подвёл итог: — Но я всё-таки знаком с ним с юности, и знаю, что у него есть принципы, через которые он не переступит.

Фу Яо молчал.

Се Лянь добавил:

— Он, возможно, плюнет в чай тому, кто ему не по нраву, но уж точно не станет подсыпать яд.

Хуа Чэн бесстрастно заметил:

— Правда? Но и это довольно мерзко.

На лбу Фу Яо даже вздулись вены.

— Нет! Плевать в чай он тоже не стал бы!

Се Лянь:

— Тогда подсыпал бы слабительного снадобья.

— Тебе... обязательно описывать его именно таким примером? Не понимаю, ты заступаешься за него или хочешь очернить? — будто с трудом сдерживаясь, прошипел Фу Яо.

— Прошу прощения, просто сразу не пришло в голову ничего более подходящего.

Фу Яо дёрнулся, но вырваться так и не смог, и тогда настороженно спросил:

— Так значит, ты только что донёс сведения до чертогов Верхних Небес?

Се Лянь искренне и убедительно ответил:

— Пока нет. Только поговорил кое с кем. Не волнуйся, я не причиню вреда твоему генералу. Если он действительно не желает возвращаться, может присоединиться ко мне, и будем действовать сообща. Так у него появится свидетель, который сможет подтвердить его действия по мере расследования. Иначе он ничего не докажет, и всё станет только хуже...

Внезапно за их спинами раздался бесстыжий хохот — это Ци Жун, уставившись на Лань Чан, будто обезумел:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, а я всё думал, кто это такая! Да ведь это же... это же юная госпожа Цзянь Лань ^[259]!

Лань Чан держала на руках Гуцзы и сбивала ребёнку жар, но при этом крике её плечи содрогнулись, а глаза широко округлились.

— А ты кто такой? И откуда ты тоже...

Ци Жун изумился:

— Откуда я знаю? Шутишь! Да ты была в шаге от того, чтобы называть меня двоюродным младшим братом! Что, выходит, мы оба стали демонами? А кругом так много старых знакомых! Поистине, мир наш маленький и людный, хи-хи!

Се Лянь нахмурился.

— Ци Жун, какая муха тебя укусила? Кто такая Цзянь Лань?

— Эй, мой царственный брат, я всё в толк не возьму, ты ослеп или дураком притворяешься? Посмотри-ка повнимательнее, кто она! Ведь это первая завидная невеста нашего государства Сяньлэ — юная госпожа Цзянь Лань! Вся семья — сплошь чиновники да купцы, не представляешь, каким влиянием они обладали. Внешностью она не блистала, но каждый раз ни один список красавиц и умелиц Сяньлэ не обходился без её имени. Горделива настолько, что глаза росли на макушке — на всех смотрела свысока. А ещё она чуть не вошла в императорскую семью в качестве невесты принца!

— Что?

Взгляд Се Ляня невольно метнулся к лицу Лань Чан. Давным-давно государь и государыня в самом деле желали избрать ему невесту, даже пригласили огромное множество тщательно подобранных девушек во дворец на пиршество, чтобы принц посмотрел на них и выбрал ту, что приглянется. Но в юности Се Лянь всем сердцем стремился к постижению пути самосовершенствования, на том пиру он лишь прошёл мимо девушек и сразу покинул зал. Принц совершенно не помнил ни лиц, ни имён, разве он мог теперь кого-то из них узнать?

Лань Чан вперилась глазами в Фу Яо, но тот холодно фыркнул:

— Это уж не мой генерал разболтал. Этот демон — выходец из государства Сяньлэ, он наверняка лично видел тебя.

Се Лянь же посмотрел на Хуа Чэна, но тот не выказал и тени удивления, видимо, уже был об этом осведомлён.

Тогда Се Лянь вернулся к Лань Чан и пробормотал:

— Ты правда когда-то...

Но женщина мигом закрыла уши и запричитала:

— Не говори! Не говори этого! Не надо называть меня тем именем!!! Я... уже давно взяла себе другое.

Се Лянь вначале замер, потом опустил руки и вздохнул.

Когда-то дочь благородного рода, сегодня — продажная демоница. Она сменила имя, видимо, боясь, как бы родня в загробном мире её не устыдилась. И теперь не хотела признавать, что стала той, кем стала.

Эта женщина в прошлом принадлежала к его последователям, к его народу. Как тут не вздыхать.

Се Лянь неожиданно почувствовал ладонью тепло. Опустив взгляд, он увидел, как Хуа Чэн, даже не глядя на принца, взял его за

руку.

Он до сих пор пребывал в облике ребёнка, и температура его тела оставалась низкой, но всё же когда маленькая холодная ручка коснулась Се Ляня, от неё исходило тепло.

Ци Жун, впрочем, не собирался проявлять ни капли сострадания, только зацокал языком.

— Вот не ожидал, что юная госпожа Цзянь Лань, что когда-то взирала на всех с недостижимой высоты, станет такой старой и уродливой! Мне и раньше казалось, что внешне ты — так себе, а теперь, смотрю, мои глаза меня не подвели, и в самом деле — зрелище на любителя! Заодно спрошу, от кого ты родила своего ублюдка?!

От столь бесцеремонных речей лицо Цзянь Лань слегка побледнело.

Ци Жун не унимался:

— Неужели от моего царственного брата? Нет, нет, у брата моего, мне думается, вовсе не стоит. Поэтому он и строит из себя святошу, притворяется целыми днями, что помыслами чист и женщины его не привлекают. Куда ему сыновей зачинать? Ой! Как я мог позабыть! После падения Сяньлэ тебя ведь продали в одно местечко, а значит, ребёнок — отродье простолюдина из Юньань!

Се Лянь, не в силах больше слушать, собирался подойти и заткнуть Ци Жуну рот, но Цзянь Лань вскипела раньше принца — со свистом отвесила пощёчину и забранилась:

— Что ты болтаешь своим грязным ртом?!

У Ци Жуна от удара хлынула носом кровь, он вытаращил на женщину глаза.

— Рангом всего-то «скверная» или «зверская», а на большее не годная дрянь, как смеешь ты бить меня, почти «непревзойдённого»?!

Цзянь Лань плюнула ему в лицо, схватила за шею и с громкими хлопками вlepила ещё пару пощёчин.

— Какой ещё, к чертям собачьим, почти непревзойдённый?! А ты не дурак себе на лицо золота налепить ^[260]! Что за ерунда, разве ты годишься на то, чтобы ставили тебя в один ряд с тремя «непревзойдёнными»?! Чем ты это заслужил? Бесстыдством? И как раз тебя я и смею бить!

Её слова заделали Ци Жуна за больное, он тоже вышел из себя, заплевавшись:

— Мерзкая тётка, убери свои куриные лапы! Я брезгую! Буэ-э-э-э!!!

Они сцепились в дерущийся ком, однако тумачи летели только со стороны Цзянь Лань, ведь Ци Жуна связала Жое, и тот, не в силах ответить, взвыл:

— Се Лянь! А что же ты теперь не разнимаешь драку?! Где твоё сердце святого?!

Принц одной рукой скрутил Фу Яо и, опустив голову, говорил с Хуа Чэном, поэтому будто не слышал его причитаний.

Цзянь Лань, наградив Ци Жуна пинками, со злостью в голосе и покрасневшими глазами прикрикнула:

— Я бы согласилась отдаться на поругание простолюдином, чем позволить такому ничтожному червяку как ты притронуться ко мне хоть пальцем! Ты, никчёмная, никому ненужная дрянь! И ещё смеешь кого-то называть простолюдином?! И кто же здесь простолюдин?

Ци Жун переполнился гневом:

— Я никому не нужен? Это я — никчёмный? Да какое право имеешь ты, прогнившая до костей продажная девка, так меня ругать? А если не простолюдины, то кто ещё мог на тебя позариться?!.. А ну, стой!!! Положи бульжник!!!

В самый разгар избиения с небес раздался оглушительный грохот. Не сговариваясь, все присутствующие подняли головы.

— Ты же сказал, что никому не доносил, и вы просто поболтали?
— процедил Фу Яо.

Хуа Чэн, чуть нахмурившись, хмыкнул:

— Явился без приглашения.

Ночное небо заполнил раскат грома, да такой, что все на миг закрыли глаза. А открыв вновь, увидели, как к ним широким шагом приближается небесный чиновник — высокий и стройный мужчина с длинным луком за спиной.

— Ваше Высочество!

Се Лянь опустил широкий рукав и незаметно заслонил Хуа Чэна собой.

— Фэн Синь! Что ты здесь делаешь?

Фэн Синь быстро оказался перед принцем.

— Ты вдруг перестал отвечать, и я попросил служащих, чтобы нашли твоё местонахождение по колебаниям магических сил. — Он

нахмурился. — Что здесь творится? Что за разруха? Ты с чем-то столкнулся?

Се Лянь собирался ответить, но тут Фэн Синь увидел Фу Яо, а следом и Хуа Чэна за спиной принца. Картина вышла за рамки его ожиданий. Словно не зная, чему удивляться больше, Фэн Синь начал:

— Что... — В итоге он всё же указал на Хуа Чэна. — ...Что это за ребёнок?

Се Лянь неловко улыбнулся.

— Миленький, правда?

Фэн Синь выпучил глаза, глядя на Хуа Чэна, который несколько не подходил под определение, данное Се Лянем, и с сомнением переспросил:

— Миленький?.. Постой, почему он кажется мне особенно похожим на...

— На моего сынишку, да? — беспечно перебил принц.

— Когда у тебя успел родиться сын???

Се Лянь улыбнулся:

— Пока ещё нет. Я имею в виду, если бы родился, то наверняка был бы таким же милым, правда?

Хуа Чэн, держа его за руку, улыбнулся.

— Правда.

Фэн Синь и Фу Яо остолбенели в молчании.

Се Лянь:

— Ха-ха-ха-ха... Э? Дева Лань Чан, не убегайте!

Фэн Синь развернулся и в самом деле увидел женщину, которая бросила Ци Жуна и рванула наутёк. Не задумываясь, мужчина натянул тетиву и прицелился ей в ноги.

Неожиданно, будто бы почувствовав, что мать в опасности, дух нерождённого, который до сих пор был завёрнут в ворох талисманов, задрожал, вырвался из рук Фу Яо и с пронзительным визгом набросился на Фэн Синя.

Цзянь Лань, похоже, бросилась бежать куда глаза глядят лишь в приступе паники, но услышав этот вопль, немедля вспомнила о пленённом сыне. Она развернулась и в отчаянии закричала:

— Цоцо ^[261]!

Се Лянь впервые услышал имя духа — оказалось, его зовут Цоцо. Стрела Фэн Синя сменила направление и полетела в белоснежный

сгусток. Раздался треск, дух нерождённого несколько раз перекувырнулся в воздухе и отскочил к ближайшему дереву. Все увидели, что стрела зажата у него в зубах, а также смогли разглядеть его облик.

Чем называть его несформировавшимся ребёнком, лучше сказать — маленький уродливый монстр. Кожа на тельце бледная, будто выкрашена белилами; глаза необычайно большие и сверкающие жутковатым блеском; на макушке редкий желтоватый пушок; между двумя рядами заострённых зубов зажата стрела. Увидев, что к нему приближается Фэн Синь, дух с треском сжевал стрелу в мелкую стружку, да ещё громко выплюнул сверкающий холодом наконечник, вонзившийся возле сапог небожителя. А после, подобно змее, высунул длинный и тонкий тёмно-красный язык, будто бросая вызов противнику.

Фэн Синь без лишних слов наложил ещё стрелу на тетиву, целясь в тварь. Дух нерождённого, словно ящерица, пробежался по стволу дерева вверх-вниз, проявляя чудеса гибкости — неудивительно, что Фу Яо никак не удавалось его схватить.

Цзянь Лань взволнованно вскрикнула:

— Не думай биться с ним, скорее беги!!!

Только родная мать могла проявлять подобную заботу о монстре, который с первого взгляда вызывает у других страх и отвращение. Фэн Синь прицелился и спустил тетиву. Стрела отправилась в полёт, пригвоздив к дереву коротенькую ножку духа, который пронзительно взвизгнул и застыл на месте. Цзянь Лань как сумасшедшая бросилась к ребёнку и потянулась выдернуть стрелу, но из-за слишком низкого собственного уровня не смогла коснуться древка — руку оттолкнуло прочь вместе со снопом огненных искр. Женщину отбросило на несколько шагов, и всё же она снова попыталась схватить стрелу, высекая фонтаны искр.

Фэн Синь убрал лук и подошёл к ним.

— Ну всё, пора возвращаться. Хватит добавлять нам работы... Цзянь Лань?!

Цзянь Лань снова отбросило прочь от стрелы, а услышав его голос, женщина всем телом содрогнулась, не смея пошевелиться, только впопыхах отвернулась. Фэн Синь же развернул её и спросил снова:

— Цзянь Лань?

Се Ляня посетило нехорошее предчувствие. Он озадаченно спросил:

— В чём дело?

Цзянь Лань опустила голову и пробормотала:

— Ты обознался.

Но Фэн Синь возразил:

— Что ты такое говоришь? Как я мог обознаться? Да, ты изменилась, но разве я мог не узнать...

Тут он запнулся. Поскольку прежде он действительно не узнал Цзянь Лань в образе Лань Чан, под толстым слоем косметики на лице и дорожной пыли на одежде.

Винить его в этом нельзя. Фэн Синь остался таким же, каким был, — не изменился нисколько, но перемены с Цзянь Лань произошли слишком разительные.

Облик, макияж, манеры, речь, характер... Смогли бы узнать любимую дочь родные отец и мать, окажись они сейчас здесь, — большой вопрос.

— Это ты... Это правда ты, — после недолгого молчания произнёс Фэн Синь. — Я не ошибся, это ты! Я думал... ты вышла замуж и прожила хорошую жизнь. Как же ты... как же ты стала такой, как сейчас...

Цзянь Лань вдруг резко оттолкнула его и выругалась:

— Да чтоб твою мать!

Фэн Синь отшатнулся на несколько шагов, не в силах вымолвить ни слова. Цзянь Лань, продолжая отпихивать его крепкими ударами в грудь, разразилась бранью:

— Сказано же, что я не какая-то там как её! Ты что, не понимаешь человеческого языка? Ты больной, а?! Ещё и трижды повторил «это ты, это правда ты, я не ошибся, это ты»! Ты что, не мог притвориться, что не знаешь меня? Не мог притвориться, что не узнал?! Будь так добр, господин хороший, оставь мне хоть немного чести, ладно? Неужели так сложно?!

Теперь она походила на простую базарную бабу, которая настолько отличалась от образа в памяти Фэн Синя, что он оторопело смотрел на Цзянь Лань, не в силах ничего сказать. Как и Се Лянь.

Только Ци Жун обрадовался больше всех, он покатился по земле с хохотом:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, мать моя! Мой царственный брат! Ты погляди, что же это делается! Твой самый преданный пёс напялил тебе зелёную шапку [262]!!!

Цзянь Лань отвесила Ци Жуну несколько жестоких пинков:

— Псина! Псина! Это ты более всего похож на пса, как я погляжу!

Строго говоря, семья Цзянь Лань когда-то лишь возлагала на неё надежды о том, что девушку выберут в невесты принцу, но официально она так и не приблизилась ко дворцу, да и наложницей не стала. Поэтому злорадный выпад Ци Жуна не имел под собой никакого основания. Впрочем, Се Лянь всё равно не знал, что в этом случае сказать.

Принц никак не ожидал, что Фэн Синь, который без необходимости никогда не заговорил бы с женщиной...

К тому моменту дух нерождённого успел сгрызть стрелу, которая его удерживала, высвободился и вновь набросился на Фэн Синя. Малейшая неосторожность — и два ряда острых зубов впились в правое плечо небожителя, из которого неудержимым потоком хлынула свежая кровь.

А ведь у Фэн Синя рабочая рука именно правая, и для Бога Войны подобная рана ничего хорошего не несёт. Фэн Синь тут же вскинул левую ладонь, чтобы нанести удар, но Цзянь Лань взмолилась:

— Не бей его!

Рука Фэн Синя застыла в воздухе, а следом в его голове зародилась страшная догадка.

И не только он — все присутствующие подумали о том же самом.

Фэн Синь, позволив духу нерождённого подобно пиранье трепать своё плечо, посмотрел на Цзянь Лань.

— А... так это...?

Кому решение принимать — дороге или мне?

Се Лянь внезапно вспомнил, как в тот день во дворце Шэнью Лань Чан беспорядочно тыкала во всех пальцем, но будто специально обошла стороной Фэн Синя, который как раз стоял на самом видном месте.

Цзянь Лань тут же воскликнула:

— Нет!

Фу Яо стоял потрясённый, словно не мог поверить в происходящее. Видимо, он действительно не знал, что связывает Фэн Синя и эту женщину с её ребёнком, поэтому весть также его обескуражила. Юноша наконец пришёл в себя и спросил:

— Он ведь ещё не задал вопроса, почему ты так спешишь с ответом?

Цзянь Лань:

— Вздор! И так понятно, что он собирался спросить. И вот что я тебе скажу — нет!

Фэн Синь же, глядя на дух нерождённого, спросил:

— Как ты его назвала? Цоцо?

Похоже, в этом имени содержался особый смысл. Цзянь Лань открыла рот, но в итоге объяснять ничего не стала, только раздражённо выкрикнула:

— Ты же взрослый мужчина, откуда такая тяга к пустой болтовне? Нет — значит нет! Кто в здравом уме поведёт себя, подобно тебе, — примется назойливо настаивать на своём отцовстве?!

Фэн Синь сердито возразил:

— Что ты такое говоришь? Если это так, то я, конечно...

— Конечно — что? Признаешь его?! Будешь растить?!

— Я... — Фэн Синь запнулся. Потом опустил голову и посмотрел на маленького уродливого монстра, который повис на его плече.

Дух будто испытывал к нему особенно глубокую ненависть, рвал плоть с яростным визгом, вцепившись смертельной хваткой. Фэн Синь не мог ни ударить его, ни оставить так, ведь кровь уже стекала по крепко сжатому кулаку.

Видя, что он застыл, не в силах сразу принять раскрывшуюся правду, Цзянь Лань с презрением выплюнула:

— Сказала же — нет. Что ещё тут спрашивать! Он не имеет к тебе отношения, теперь ты успокоишься?!

Раздался вопль Ци Жуна:

— Отговорки! Ребёнок точно его! Я оказался прав, это разве не простолудин?! Вы полюбуйтесь, люди добрые, сына Фэн Синя кто-то вырезал из пуза матери и превратил в мелкого демона, хи-хи. И люди продолжают поклоняться какому-то проклятому «Наньяну, дарующему

сыновей»? Поклоняйтесь, поклоняйтесь, да только глядите, как бы и вашего собственного сына...

Се Лянь повёл рукой, и Жое замотала Ци Жуну рот, а Цзянь Лянь от души добавила несколько пинков по голове, да так, что демон разразился невнятной бранью.

Тем временем в себя пришёл Гуцзы. Увидев, что отца избивают, он бросился к нему.

— Нет... Не наступайте на моего отца...

Видя, как Гуцзы обнял голову Ци Жуну, Цзянь Лянь не смогла опустить на неё ногу. Она схватила духа нерождённого за маленькие бледные ножки и потянула на себя, гневно выкрикивая:

— Сказано, не кусай его! Почему ты такой непослушный?!

Женщина бросилась наутёк, а Фэн Синь всё ещё не пришёл в себя, поэтому не успел сразу их удержать. Тогда Се Лянь по привычке приказал:

— Жое, догнать!

И лента отправилась выполнять. Однако когда она просвистела мимо, Се Лянь вспомнил, что ранее Жое связывала Ци Жуну. Обернувшись, он увидел, как тот, подхватив Гуцзы, одним прыжком поднялся в воздух и самодовольно провозгласил:

— Я вновь обрёл свободу!

Се Лянь же сменил приказ, увидев, что Фэн Синь более-менее пришёл в себя:

— Жое, лучше тебе всё-таки вернуться.

Поэтому лента снова просвистела мимо и с громким хлопком хлестнула Ци Жуну по лицу. Тот мгновением ранее возрадовался так, что едва не запел, а теперь от удара перекувырнулся трижды и упал на землю, хватаясь за лицо. Однако лежал он совсем немного, вдруг взбеленился, схватил Жое одной рукой и заорал:

— Даже ты, мерзкая тряпка, смеешь бить меня?!!

На этот раз Жое оказалась у него в плену и, как бы ни старалась, не могла вырваться — физическая сила Ци Жуну неожиданно возросла. Се Лянь вознамерился разобраться с ним лично, но Ци Жуну вдруг вспомнил, что у него на шее сидит маленький ребёнок, поэтому схватил Гуцзы и выставил перед собой на манер щита.

— Не подходи! Только приблизишься, и я его придушу! Эй, эй, оглянись, пёс Хуа Чэн вот-вот помрёт!

Се Лянь, испугавшись, резко повернулся и увидел, что Хуа Чэн хмурится, будто с трудом претерпевая что-то, а его руки едва заметно дрожат. Но поймав взгляд принца, Хуа Чэн выкрикнул:

— Со мной всё в порядке!

Тысячи демонов теряют покой!

Очередная волна оказалась сильнее, чем какая-либо из предыдущих. И Се Лянь, нисколько не раздумывая, принял решение — заключил Хуа Чэна в объятия. Пользуясь моментом, Ци Жун схватил Гуцзы и дал дёру.

Цзянь Лань, по всей видимости, тоже ощутила сильную головную боль — женщина закрыла уши руками, а дух нерождённого, задетый волнением, принялся ещё яростнее атаковать Фэн Синя. Бедняге досталось уже более десятка укусов, кровь текла рекой, и всё же Фэн Синь не осмеливался ударить тварь, только крепко держал Цзянь Лань за плечо. Тем временем дух безжалостно полоснул его когтями по лицу. Удар оказался очень серьёзным, Фэн Синь негромко вскрикнул и зажал рану рукой — возможно, ему поранило глаза. Се Ляня всё это зрелище привело в ещё большее беспокойство, и он приказал Жое отправиться на подмогу Фэн Синю.

Цзянь Лань же топнула ногой.

— Если не перестанешь, я рассержусь!!!

Услышав ругань матери, дух наконец скользнул к ней за пазуху, послушно свернувшись комочком. Цзянь Лань бросила взгляд на Фэн Синя и сквозь зубы прошипела:

— К тебе он не имеет отношения, предупреждаю, отстань от нас!

Одной рукой держась за голову, другой прижимая дитя, женщина на всех парах бросилась бежать.

Фу Яо закричал принцу:

— Отпусти меня!

Фэн Синь упал на одно колено, закрывая рукой половину лица.

Се Лянь с Хуа Чэном на руках присел рядом и спросил:

— Ты в порядке? Дай взглянуть на рану. Задело глаз?

Кровь по капле сочилась сквозь пальцы Фэн Синя. Он ответил, не открывая глаз:

— Нет... Не задавай мне вопросов.

— Фэн Синь, и всё-таки, Лань Чан... дева Цзянь Лань сказала...?

И вдруг, не дав принцу договорить, Фэн Синь ударил. Сломал соседнее дерево, которое с грохотом переломилось, и в гневе заорал:

— Сказал же, не задавай мне вопросов!

В этой фразе слышалась малая толика ненависти, и Се Лянь невольно застыл, когда понял, что эта ненависть обращена к нему.

Хуа Чэн же холодно бросил:

— Изливай гнев на того, кто превратил твою жену и сына в демонов.

Фэн Синь медленно поднял голову, покрасневшими глазами глядя на Фу Яо.

Тот застыл, затем взъярился:

— Что ты на меня смотришь? Ты что, в самом деле решил, что... мой генерал это сделал? Вот уж поистине проклятие на его голову! Он всего лишь узнал женщину из аристократического рода погибшего государства Сяньлэ, вот и решил помочь, хотел освободить духа нерождённого от страданий! Да кто же знал, что тот станет упорствовать, не примет помощи и вообще обозлится на спасителя? Вместо благодарности моего генерала дерьмом облили! Да знай он раньше, что так выйдет, прошёл бы мимо! Мелкий демон даже не ведаёт, кто его отец, неужели правда ожидаешь от него признания собственного убийцы?!

Возможно, по причине накопившегося за несколько дней раздражения, его речи сделались явно грубее.

Хуа Чэн вмешался:

— И это ты называешь проклятием на голову своего генерала? Выходит, тому, кто оказался менее везучим, вообще не жить на этом свете?

Фэн Синь покачал головой, бормоча:

— ...Как же так? Как же так вышло?

Се Лянь сказал ему:

— Может, ты... для начала залечишь рану? Снадобья при тебе?

Фэн Синь бросил на него взгляд и мрачно ответил:

— Я в порядке. Отстань от меня!

Зажимая рану на лице, не заботясь ни о какой обработке, он поднялся и, пошатываясь, направился прочь. Се Лянь и Фу Яо пытались позвать его, узнать, вернётся он в чертоги Верхних Небес

или же отправится в погоню за демоницей, но тот не слушал и очень скоро пропал из виду.

Фу Яо вновь попытался вырваться, гневно выкрикивая:

— Ваше Высочество! Если уж ты, почтенный господин, не собираешься преследовать их, неужели нельзя хотя бы меня отпустить в погоню?

Се Лянь пришёл в себя, недолго поразмыслил, затем ответил «Хорошо» и в самом деле освободил его.

Фу Яо, впрочем, не ожидал, что принц выполнит его просьбу. Разминая запястья, он недовольно хмыкнул:

— Что же ты теперь решил меня отпустить?

Се Лянь размял точку между бровей.

— Боюсь, сейчас в чертогах Верхних Небес всё намного... Ох, мне теперь кажется, что чем просить твоего генерала вернуться, лучше позволить ему действовать на своё усмотрение. — Помолчав, он добавил: — И что ты собираешься делать дальше? Думается мне, что дух нерождённого оклеветал невинного не только ради того, чтобы избавиться от погони. Кто-то навёл его на это.

Фу Яо охлопал пыль с рукавов.

— Плевать, для чего он это сделал. Он направляется на гору Тунлу. Схватим его, а там будем разбираться!

Договорив, Фу Яо поспешно покинул принца. Постоялый двор, на котором встретились сразу несколько участников событий, опустел. Се Лянь развернулся и осмотрел разрушенную хижину. Он отбросил в сторону деревянные балки и солому, убедился, что монахи и заклинатели всего лишь лежат без сознания и, должно быть, скоро придут в себя, успокоился и тоже отправился в путь.

Пройдя ещё немного и покинув пустынную местность, они наконец добрались до настоящего подворья, где и решили отдохнуть.

Се Лянь сидел у окна и бездумно смотрел вдаль. Последние дни смешались в его голове в сплошной сумбур. Жое обернулась вокруг руки принца и то и дело ластилась к нему, будто мурлыкая. Се Лянь поглаживал ленту пальцами.

Хуа Чэн неожиданно подошёл к окну и, вместе с принцем подставляя лицо свету луны, произнёс:

— Ты ни при чём.

Се Лянь вздрогнул, но потом понял, о чём он говорит, и покачал головой.

— Не знаю, так ли это на самом деле... Фэн Синь наверняка познакомился с девой Цзянь Лань после падения Сяньлэ, но до собственного вознесения. Если подсчитать время, это случилось в годы моего первого низвержения.

— Но ведь это не доказывает твою вину в том, что с ними случилось.

Подумав, Се Лянь сказал:

— Сань Лан, я не рассказывал тебе, что происходило со мной тогда?

— Нет.

— Я никому об этом не говорил. Надеюсь, ты не станешь гнушаться, если я пожалуюсь тебе немного.

Хуа Чэн легко опёрся рукой на оконный переплёт и уселся на подоконник.

— Не стану. Можешь говорить.

Се Лянь, погружаясь в воспоминания, начал:

— Тогда рядом со мной остался только Фэн Синь, и условия жизни были очень плохими. Имущество, которое я имел в бытность Богом Войны, в бытность наследным принцем, — мы заложили всё, чтобы добыть денег.

Хуа Чэн усмехнулся:

— И Хунцзин тоже, да?

Се Лянь, прищуриваясь в улыбке, ответил:

— Ха-ха-ха... Да. Но об этом не должен узнать Цзюнь У, не забудь помочь мне сохранить это в тайне. И все мои десятки золотых поясов постигла та же участь.

— Хм, выходит, Фэн Синь взял твой золотой пояс и подарил его Лань Чан?

Се Лянь покачал головой.

— Вовсе нет. Фэн Синь не стал бы просто так забирать мои вещи. Это я дал ему, чтобы выручил денег и оставил себе на жизнь.

На самом деле это были деньги, подаренные Фэн Синю принцем. Тот долго отказывался, не желал брать, в итоге переупрямить принца не смог, но всё же сказал: «Я временно сохраню его для тебя».

Се Лянь продолжил:

— Совесть признаться, но я поступил так не только из чувства стыда, но также из страха.

Последователей у принца не осталось, и только Фэн Синь до сих пор считал его Богом Войны в короне из цветов и Его Высочеством наследным принцем. Се Лянь лишь тогда ясно осознал, что хоть они вместе выросли, и Фэн Синь являлся его ближайшим подчинённым и личным охранником, принц никогда не одаривал его какими-либо исключительными наградами. Тогда-то его и настиг страх.

Страх, что даже Фэн Синь решит, что так больше жить нельзя, и оставит его. Поэтому смысл того золотого пояса заключался не в награде и не просто в подарке или благодарности за многолетнюю службу. Здесь присутствовало намерение снискать расположение и даже подкупить.

В иллюзии, созданной духом нерождённого, Се Лянь увидел защитный талисман. Должно быть, его тоже Фэн Синь подарил Цзянь Лань. После падения Сяньлэ все храмы и монастыри Се Ляня были разрушены, не осталось никого, кто ещё продолжал бы верить в принца Сяньлэ, и его талисманы считались мусором. Но Фэн Синь всё же хранил немало таких талисманов и продолжал без устали их раздавать, говоря Се Ляню — вот видишь, у тебя ещё остались последователи. Но Се Лянь в душе понимал, какая участь ждёт подаренные талисманы. Наверняка их просто выкинут.

Се Лянь медленно произнёс:

— Столько лет я ничего не знал о том, что Фэн Синю кто-то нравился ^[263]. Я не спрашивал, не замечал этого.

Всё-таки он с детства был баловнем Небес, относился к знатному роду, и вся жизнь Фэн Синя, само собой разумеется, должна была крутиться вокруг принца, откуда у него могли появиться собственные чаяния?

— Взять вещь, подаренную другим человеком, чтобы передарить девушке — звучит, возможно, не слишком красиво. Но тогда золотой пояс действительно был лучшим даром, который мог сделать Фэн Синь. Ведь нам частенько даже крохи съестного не перепало. А Фэн Синь не из тех, кто стал бы бездумно тратить деньги. Поэтому можно вообразить, как сильно ему нравилась дева Цзянь Лань. Но раз она ему нравилась... почему они расстались?

Не важно, является ли дух нерождённого сыном Фэн Синя, но если тогдашняя нищета привела к потере любимой, как бы то ни было, Се Ляня это очень печалило.

Хуа Чэн, однако, возразил:

— Если она ему нравилась, но в итоге они расстались, это может означать лишь одно — она ему только нравилась, и не более.

Се Лянь усмехнулся:

— Сань Лан, нельзя утверждать столь категорично. Иногда не тебе решать, будет ли дорога лёгкой.

Хуа Чэн спокойно заметил:

— Будет ли дорога лёгкой, возможно, решать не мне, но идти по ней или нет — только моё решение.

Услышав его слова, Се Лянь замер и почувствовал, будто в душе что-то прояснилось. Он уставился на Хуа Чэна, не говоря ни слова, а тот склонил голову набок и спросил:

— Гэгэ, я не прав?

Глядя в его блестящие чёрные глаза, Се Лянь вдруг подхватил Хуа Чэна и усадил к себе на колени.

— Ха-ха-ха, Сань Лан, ты совершенно прав!

Кажется, Хуа Чэна настолько потряс внезапный порыв принца, что он просто позволил тому поднять себя на руки без сопротивления.

Се Лянь улыбнулся.

— Скажу кое-что нескромное. Самоуверенность, с которой Сань Лан это говорил, в самом деле напомнила мне меня же в юные годы!

Кажется, Хуа Чэн уже привык к тому, что его вот так спокойно тискают, и только приподнял бровь:

— Об этом я мог лишь мечтать.

Взрослый и ребёнок ещё немного весело порезвились в комнате, затем Се Лянь уложил Хуа Чэна на кровать, а сам лёг рядом, глядя в потолок. И только принц хотел что-то сказать, как вдруг Хуа Чэн резко сел. Его зрачки слегка сузились, а взгляд зорких глаз устремился к противоположному краю комнаты.

Се Лянь сразу почувствовал неладное и тоже сел. От одного взгляда его прошибло холодным потом — в комнате в какой-то момент появился кто-то ещё, и сейчас незваный гость сидел у стола, даже успев заварить чайник, от которого теперь парил чайный аромат. Но принц несколько не заметил появления постороннего!

Се Лянь, невольно покрывшись мурашками, выставил перед собой Фансинь.

— Кто здесь?!

В ответ мягким тоном послышалось:

— Не бойся. Выпьешь чаю, Сяньлэ?

Фигура и голос принадлежали молодому мужчине и были до боли знакомыми, поэтому Се Лянь наконец выдохнул. Заправив за уши растрепавшиеся во время игры с Хуа Чэном волосы, Се Лянь произнёс:

— Владыка!.. — его сердце до сих пор отчаянно колотилось.

Однако расслабиться принц так и не смог — он резко перевернул одеяло, накрывая им себя вместе с Хуа Чэном, и спросил:

— Зачем вы спустились?

Его рука под одеялом крепко прижала Хуа Чэна, делая знак не волноваться. Цзюнь У же медленно наполнил три стакана чаем, после чего поднялся.

— Ты не возвращался, и конечно, мне пришлось лично спуститься посмотреть на тебя.

Говоря это, Владыка с заведёнными за спину руками приближался к Се Ляню, медленно выходя из тени. Принц разглядел на поясе белого одеяния меч, его сердце вмиг подскочило, а сам он молниеносно спрыгнул с кровати.

— Владыка, я бы хотел сперва объяснить...

К удивлению принца, за его спиной Хуа Чэн сдёрнул с себя одеяло и сел, подогнув колени и опершись на них локтями.

— Вижу, в этом нет нужды, — с улыбкой сказал Хуа Чэн.

Се Лянь встал между ними.

— И всё же мне кажется, что мы можем для начала сесть и спокойно поговорить. Взгляните на это дитя, правда ведь, очень похож...

Цзюнь У продолжил с улыбкой:

— На твоего сына, верно?

— Ха... Ха-ха... Ха-ха-ха... — неловко посмеялся Се Лянь. — Как вы узнали, что я собирался сказать?

Цзюнь У наконец отвёл взгляд от Хуа Чэна, легко похлопал Се Ляня по плечу и молча вернулся за стол. Се Лянь понял, что пока Владыка не собирается вступать в прямой конфликт, и невольно вздохнул с облегчением.

Се Ляню приходилось видеть собственными глазами, насколько страшен Цзюнь У с обнажённым мечом в намерении кого-то убить. И как бы то ни было, ему не хотелось, чтобы у Хуа Чэна появилась возможность испытать это на себе.

Тем временем сам Хуа Чэн не собирался отводить от Цзюнь У взгляда, полного неприязни.

Владыка подвинул три стакана чая и произнёс:

— Пускай я не в первый раз встречаюсь с Вашим Превосходительством, всё же никогда раньше мы не находились так близко друг к другу, к тому же в столь мирной обстановке. Давайте же выпьем чаю вместо вина, чтобы эта партия стала выигрышной.

Се Лянь тихонько кашлянул и как можно естественнее набросил на себя одеяния. Надевая сапоги, он спросил:

— Владыка, каково положение дел на Небесах?

Цзюнь У поставил стакан и посмотрел в окно на яркую луну.

— Не будем об этом, — со вздохом ответил он.

— Хорошо. Не будем.

Видимо, всё действительно очень плачевно. Однако Цзюнь У повернулся и с серьёзным лицом добавил:

— Это шутка. При всём нежелании, а поговорить об этом придётся. Сяньлэ, оставь пока своего маленького друга и выйди со мной на минутку.

Видимо, существовали вещи, о которых Владыке было неудобно говорить при посторонних. Се Лянь собирался ответить, но тут услышал неторопливую речь Хуа Чэна за спиной:

— Воцарившийся в чертогах Верхних Небес хаос — уже давно не секрет, даже мелкие демоны на рыночных площадях и в деревнях знают, что в этот раз вы не смогли сдержать волну, что отправилась на гору Тунлу. Они чуть не кукарекают от радости. Зачем же куда-то выходить?

Он спустился с кровати, неторопливой походкой приблизился к столу, взял стакан чая и поиграл им в руке, при этом не выказывая ни тени желания испробовать напиток.

Спустя несколько мгновений все трое уже сидели за столом. Даже в облике ребёнка выражение лица Хуа Чэна и исходящая от него аура заставляли людей позабыть о его нынешнем состоянии.

Цзюнь У мягким тоном начал:

— От Вашего Превосходительства и впрямь ничего не скрыть.

Если уж сам Цзюнь У налил чай, нельзя не проявить уважение, и Се Лянь всё-таки выпил, говоря при этом:

— Но ведь до настоящего открытия и запечатывания горы Тунлу ещё есть время? Уже всё решено?

Фэн Синь упоминал об этом, но Се Ляню всё казалось, что его слова в какой-то мере преувеличены, и в них ещё можно усомниться.

Но Цзюнь У подтвердил:

— Мы действительно не сможем их сдержать.

Хуа Чэн присоединился:

— Значит, первоначальный план заключался в том, чтобы отправить всех Богов Войны преградить пути на гору Тунлу, как это делалось ранее, и сдерживать демонов по дороге. Но поскольку Му Цин сбежал из темницы и местонахождение его неизвестно, на Юге образовалась брешь.

Се Лянь спросил:

— Фэн Синь вернулся в столицу? Как он? Он ничего не сказал?

Цзюнь У ответил:

— Вернулся. Не очень хорошо. Наньян явился раненный, второпях сделал доклад и попросил меня отправить приказ всем небесным служащим, чтобы ни в коем случае не убивали демоницу Лань Чан и её сына. Он собирался спуститься обратно сразу после доклада, однако раны его не сулили ничего хорошего — правая рука почти потеряла подвижность. Поэтому я решил задержать его в столице, чтобы он восстановил силы. Теперь линия обороны на Юге совершенно прорвана.

Если бы возникла иная проблема, к примеру, не хватало бы добровольца, чтобы истребить какую-нибудь тварь или добыть божественный эликсир, Се Лянь непременно вызвался бы помочь. Но охрана заставы — это не то задание, которое можно выполнить при одном копье и на одном коне.

Один человек способен разбить многотысячную армию, но удержать — не выйдет. Се Лянь давно осознал, что вести войска в бой — не самая сильная его сторона. И чем упорствовать самому, лучше предоставить эту задачу кому-то более подходящему. Так что принц не стал предлагать свою кандидатуру, только задал вопрос:

— И другие Боги Войны не могут оказать поддержку?

— У каждого из них уже есть своя сфера ответственности и свои задачи, и без того дел невпроворот. Раньше можно было бы обратиться к Пэй Су из дворца Мингуана, но он давно сослан. Что касается Циина, так же как и ты, он из тех безумцев, что любят выступать в одиночку против всех и делают всё на своё усмотрение. К тому же, сейчас его местонахождение также неизвестно, это дитя никогда не слушает сообщения, отправленные посредством духовной сети. Ещё и дворец Линвэнь лишился главного божества и пока простаивает без надёжных рук. Остальные Боги Литературы замечательно размахивают кистью, выписывая прекрасные, но бессодержательные стихи. Однако никто не способен получать и отправлять распоряжения, распределять сведения и выносить решения. За последние дни...

Судя по всему, за последние дни в чертогах Верхних Небес вся работа оказалась парализована. Се Ляню это всё показалось столь ужасным, что он не смог больше слушать, потому выразил искреннее сочувствие.

— Помнится, вы как-то сказали, что даже если воспрепятствовать демонам не выйдет, можно будет спасти положение? О чём именно идёт речь?

Хуа Чэн вставил слово:

— Спасти положение? Ты хочешь сказать, пойти на самоубийство?

Цзюнь У бросил на Хуа Чэна взгляд и со вздохом ответил:

— Также я сказал, что не хотел бы идти на этот шаг без крайней на то необходимости.

Сердце Се Ляня дрогнуло.

— Неужели...?

Цзюнь У медленно произнёс:

— Именно. Сейчас единственный способ спасти положение — это отправить одного Бога Войны смешаться с демонами, что собираются на горе Тунлу.

Если воспрепятствовать смертельной битве нельзя, нужно гарантировать, что по её завершении в живых не останется никого!

Се Лянь, спрятав руки в рукава, чуть нахмурился.

— Я почти ничего не знаю о горе Тунлу. И не совсем понимаю, каковы её законы. Как же всё-таки следует действовать? Неужели

придётся без остатка уничтожить всю бесчисленную нечисть, что там соберётся, одну тварь за другой?

Но это, кажется, вовсе невыполнимо. Чтобы проникнуть на гору, придётся скрыть свою личность. И слишком много помощников взять с собой нельзя, иначе демоны поймут, что к ним затесался один или несколько небесных чиновников, и тогда накинутся всей толпой. А поскольку гора Тунлу — местность чрезвычайно тёмная, где обитает лишь нечистая сила, магические силы божества подвергнутся там сильнейшим ограничениям, наверняка ещё более серьёзным, чем в Чёрных водах.

Цзюнь У же возразил:

— Нет, таких огромных усилий не потребуется.

Хуа Чэн вмешался:

— С горой Тунлу я знаком. Гэгэ, посмотри туда. — Он указал Се Ляню за окно, где во дворе росли травы, цветы и другие растения. А в углу располагался маленький цветочный горшок. Хуа Чэн выбрался через окно во двор и указал как раз на тот горшок. — В самом центре горы Тунлу находится огромная «медная печь».

Стоило ему это сказать, цветочный горшок вдруг опрокинулся и выкатился на середину двора, где сам собой встал ровно. Затем вокруг него земля пошла буграми, сформировалось несколько высоких и низеньких холмиков.

Хуа Чэн объяснил:

— «Медную печь» опоясывают горные цепи. И вся эта территория относится к горе Тунлу, площадью по меньшей мере в семь городов.

Се Ляню стало очень интересно, так что принц легко выпорхнул из окна и встал среди земляных холмиков. У него поистине складывалось впечатление, что он — великан, который взирает на земные просторы под собой.

Хуа Чэн продолжал:

— Битва демонов начинается с самой внешней горной гряды, затем непрерывно приближается к «медной печи» в центре.

Он взмахнул рукой, и множество мелких предметов во дворе пришли в движение. Се Лянь присел, внимательно наблюдая, как колышутся сорные травы и мелкие листики, словно крохотные человечки снуют меж гор.

— Проще говоря, чем ближе к «медной печи», тем сильнее попадают демоны? — спросил принц.

— Да, — ответил Хуа Чэн. — Слабые сорняки погибают ещё на внешнем кольце.

Он вновь сделал взмах, и дуновение ветра унесло все травы без остатка, голые холмы стали выглядеть пустынно и скорбно. А цветочный горшок в центре вдруг засиял красным, подобно печи, раскалённой докрасна. Се Лянь присмотрелся и увидел в горшке маленький красный цветок, а также несколько неприметных ростков сорной травы, которые запрыгнули в горшок и принялись кружиться по краю, будто крохотные танцующие человечки. А красный цветок исполнял самый безумный танец. Хуа Чэн присел рядом с принцем и сказал:

— В итоге внутрь «медной печи» способны попасть лишь несколько демонов. После чего «печь» закрывается.

«Крохотные человечки» танцевали, танцевали, да и попадали в горшок, после чего их погребло под слоем чёрной глины. Хуа Чэн добавил:

— В последующие сорок девять дней ^[264] кто-то из демонов непременно вырвется из этой «печи».

Цветочный горшок заметно задрожал, и изнутри вспыхнул слепящий красный луч, который с треском рассыпал вокруг землю.

Следом за «потрясшим Небеса и всколыхнувшим Землю» рождением красный цветок выпрыгнул из глины, воздевая кверху два листочка, словно громким криком навстречу ветру провозглашал на весь мир своё величие. От такой картины Се Лянь не удержался и тихонько прыснул от смеха.

Однако цветочек, наверное, из-за неудержимой радости, вдруг поскользнулся на краю горшка и вот-вот бы упал, но Се Лянь вытянул руку и осторожно подхватил его, положив к себе на ладонь. Казалось, от падения цветок немного растерялся, потряс «головой» и поднял «личико» к человеку, который его поймал. Се Лянь стряхнул грязь, попавшую на волосы, и спросил:

— Значит, это и есть новый Князь Демонов, рождённый в недрах горы Тунлу?

Хуа Чэн кивнул:

— Именно. Смертельное побоище — это процесс постоянного наращивания мощи, без него обойтись никак нельзя. Если попавшему в «медную печь» демону не хватит сил, он не сможет вырваться из неё, останется заперт внутри и обратится в пепел, станет «питанием» для кого-то ещё. — Он поднялся и обратился к Цзюнь У, который до сих пор находился в комнате. — Твой способ состоит в том, чтобы уничтожить лучших, оставив лишь сорную траву. Тех, кто способен стать Князем Демонов, не так много. Нужно лишь выполоть их своими руками, а оставшиеся слабые демоны, пусть даже попадут в «печь», наружу не выберутся, не смогут пройти последний рубеж, а значит, не будут признаны достойными титула «Князя Демонов».

Се Лянь кивнул:

— Звучит, вроде бы, выполнимо. Но так ли это на самом деле? Подобное раньше кто-нибудь проделывал?

Цзюнь У подошёл к окну.

— Неизвестно. И нет прецедентов. Раньше нам удавалось задержать нечисть ещё до прибытия на гору Тунлу.

Хуа Чэн скрестил руки на груди.

— Боюсь, не выйдет. Сражаться в таких условиях — всё равно что самому идти на смерть. Раз ты придумал столь гениальный и непревзойдённо доблестный способ, предлагаю тебе отправиться туда самому.

Цзюнь У спокойно ответил:

— Именно это я и намерен сделать.

Се Лянь так и застыл.

— Владыка?

— Сяньлэ, на сей раз я спустился в мир смертных именно за этим. Я должен отправиться на гору Тунлу. А ты вернёшься в чертоги Верхних Небес и временно возьмёшь на себя все мои обязанности.

Се Лянь опустил руки и резко поднялся.

— Да куда же это годится? Чтобы я заменил вас? Не шутите так, никто не станет мне подчиняться.

Цзюнь У улыбнулся:

— В таком случае, в этот раз тебе выпала прекрасная возможность заставить всех подчиниться тебе.

Се Лянь потёр точку между бровей.

— Владыка. На этот раз... простите, но я и правда не могу с вами согласиться. Это слишком безрассудный поступок. Приведу не очень подходящий пример с миром смертных. Император способен повести войска в бой, но вы когда-нибудь слышали, чтобы главе государства приходилось стать тайным убийцей? Столица бессмертных потому и парит в небесах, что полностью находится под вашим владычеством. Никто из небесных чиновников не способен управиться с этой задачей, всё подвластно лишь вам. Пока вы там, небо не упадёт на землю. Но если вы уйдёте, то небо по-настоящему обрушится.

Цзюнь У же завёл руки за спину и произнёс:

— Сяньлэ, на самом деле на свете не существует никого, чьё отсутствие способно обрушить небеса. Привыкая, ты замечаешь, что можно жить как прежде, потеряв кого угодно. И всегда кто-то новый заменит предыдущего. Рождается новый Князь Демонов. И если появится ещё один Собиратель цветов под кровавым дождём или Хозяин чёрных вод — ничего страшного не случится. Но явись ещё одно Белое бедствие, и Поднебесная погрузится в хаос. — Он посмотрел Се Ляню в глаза. — Ты сам узрел, насколько сложно убить такого как он «непревзойдённого». Кроме как мне отправиться самому, нет иного выхода.

Се Лянь тоже прекрасно понимал, что это вовсе не излишняя самоуверенность Цзюнь У. Даже сам принц не посмел бы сказать наверняка, что сможет совершить такое — в наиболее уязвимом состоянии оказаться запечатанным вместе с тысячами демонов, да ещё безошибочно определить сильнейших и по одному уничтожить или подчинить их себе. Только Цзюнь У мог похвастаться наибольшими шансами на успех. Но... стоит ему уйти, и возможно, понадобится около десятка лет на завершение миссии. Как быть тем, кто останется снаружи? Как быть чертогам Верхних Небес?

Неожиданно Хуа Чэн произнёс:

— Кто сказал, что иного выхода нет?

Гора Тунлу открывается, тысячи демонов спешат на поклон

На следующий день Се Лянь и Хуа Чэн вдвоём отправились в путь.

Хуа Чэн, держась за руку Се Ляня, сказал:

— Гэгэ, в следующий раз, когда увидишь Цзюнь У, не говори ему ни слова, разворачивайся и беги.

Се Лянь с любопытством спросил:

— Почему?

— Я просто вижу, что каждый раз, когда он обращается к тебе с поручением, ничего хорошего из этого не выходит.

Се Лянь посмеялся:

— О чём ты? Ведь изначально он хотел поручить мне совсем другое.

Хуа Чэн возразил:

— Одно и то же. Не важно — отправиться ли на гору Тунлу или же помочь ему управлять чертогами Верхних Небес — какое из этих поручений можно считать хорошим делом? Чертоги Верхних Небес рушатся в пух и прах, нужно как можно скорее оттуда бежать. Сваливать на тебя весь этот кавардак — что это за поручение такое? Ничего иного я здесь не вижу, кроме выбора — зарезать себя ножом или заколоть мечом, вот и всё.

Се Лянь не смог сдержать смех, а отсмеявшись, искренне заметил:

— И всё же, я совершенно не ожидал, что ты вызовешься сопровождать меня на гору Тунлу. Я долго думал и всё же решил, что должен сказать это. Сань Лан, ни в коем случае не нужно себя принуждать.

Принцу казалось, что Хуа Чэн сам предложил отправиться с ним потому, что знал, какие мысли гложут его. Всё-таки Се Лянь считал, что лучше его запрут в печке и заставят вдоволь пролить чужой крови, чем он отправится решать проблемы чертогов Верхних Небес, в чём никогда бы не преуспел.

Хуа Чэн ответил:

— Гэгэ, я уже не раз заверял, что ни о каком принуждении не может идти и речи. Ты мне не веришь?

— Ну что ты, дело не в этом...

Хуа Чэн кивнул:

— В таком случае, гэгэ может быть спокоен. Я всё прекрасно обдумал. Не стоит полагать, что теперь ты у меня в долгу. Раз уж партия перешла целиком на мою половину доски, я не имею ничего против того, чтобы ещё до рождения нового Князя Демонов затолкать его обратно в недра печи.

В данном вопросе у ныне существующих Князей Демонов и чертогов Верхних Небес мнения совпадали. Риса в амбаре не так уж много, каждый хочет из него прокормиться — и без того на всех не хватает, время от времени даже возникают стычки. Появление ещё одного желающего получить свою долю никого не обрадует. А если этот новенький окажется безумцем да начнёт буйствовать вовсю, никому и крошки не достанется.

Выслушав предложение Хуа Чэна, Цзюнь У долго размышлял. Отправить Се Ляня в одиночку — вариант не лучший, чем Владыке взяться за дело лично. Но окажись рядом с принцем Князь Демонов, который когда-то сам выбрался из горы Тунлу, пройдя через все испытания... У такого отряда шансов на успех уже больше, чем у самого Цзюнь У.

Разумеется, Хуа Чэн не пошёл бы на подобную сделку просто так. Цзюнь У пообещал ему выполнить некоторые условия: до следующего открытия горы Небесные чертоги обходят Призрачный город стороной. Кроме того, на все Небеса следует объявить о доблестном поступке Собирателя цветов под кровавым дождём и целый год воспевать его подвиг и прославлять добродетель... В воображении Се Ляня в итоге получалось что-то вроде «Вы, глупые небесные чиновники! Будете знать, кто вас из беды выручил!»

Настоящее мучение для небожителей, которые и без того испытывали к Хуа Чэну страх и весьма смешанные чувства — будто он прошёлся прямо по их лицам.

Хуа Чэн улыбнулся:

— Со мной тебе будет намного проще в этом походе.

Се Лянь вернулся из своих мыслей и произнёс:

— И всё же мне кажется, лучше нам отправиться в путь, когда волнение демонов закончится и ты вернёшься в свой первоначальный облик.

— Об этом тоже нет нужды беспокоиться. Уже скоро.

Се Лянь на миг замер.

— А...

— Что такое? Гэгэ, что с твоим лицом?

— Значит, Сань Лан скоро вырастет?

Хуа Чэн завёл руки за спину.

— Ага. Я очень долго терпел, скоро уже не смогу.

К неожиданности Хуа Чэна, Се Лянь подхватил его на руки и поднял высоко-высоко.

— Вот какая жалость! Когда ты вырастешь, я не смогу носить тебя на руках. Нужно наобниматься вдоволь, пока ты маленький, ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Попасть на гору Тунлу при помощи Сжатия тысячи ли невозможно, остаётся идти пешком. Спустя несколько десятков дней они наконец окончательно покинули населённую людьми местность и погрузились в горы, покрытые густыми зелёными лесами, которым не видно конца и края.

Чем глубже в лес уводила их дорога, тем чаще по пути попадалась всяческая нечисть, тем плотнее становились группы демонов всевозможных видов и форм. Они передвигались тайком, второпях.

Се Лянь вёл Хуа Чэна за руку.

— Их так много, — прошептал принц.

Хуа Чэн ответил:

— В этот раз демонов собралось действительно больше, чем раньше. Поскольку чертоги Верхних Небес не смогли удержать волну, явились многие из тех, кто изначально не собирался на гору.

К тому же, были не только одиночки, но и целые отряды. Спустя ещё некоторое время пути Се Лянь наткнулся на большую группу потрёпанных демонов со свирепыми мордами. Построившись рядами, они шли и выкрикивали:

— Небо и Земля есть печь, всё живое есть медь!

— Среди глубоких вод и жара огня рождаются неисчислимые бедствия!

— Небо и Земля есть печь, всё живое есть медь!

— Среди глубоких вод и жара огня рождаются неисчислимые бедствия!

Судя по тону криков, они не только ничего не боялись, но даже наоборот — были весьма воодушевлены. От этих лозунгов выражение лица Хуа Чэна похолодело.

— Не понимают смысла, а орут усерднее иных.

Видимо, нечисть, которая ни разу не бывала здесь, совершенно не ведала, какие жестокие испытания ждут на горе Тунлу. Преисполнившись героической решимости, они считали, будто стать непревзойдёнными проще простого, что и причиняло недовольство тому, кто уже побывал в страшном месте.

Се Лянь спросил:

— И в такие отряды можно объединяться?

— Подобные этим завязали знакомство уже давно и решили прорваться на гору вместе, договорившись, что сохранят жизни друг другу. Но никаким обещаниям верить нельзя. Ведь в самом конце один лишний убитый — это ещё частичка силы, а каждый, кого пощадил, — потерянный шанс на выживание. Проще же всего убивать, конечно, тех, кто ближе и тебе доверяет.

Он вдруг нахмурился и схватился за правый глаз, словно опять разболелась голова. Се Лянь поспешно взял Хуа Чэна на руки и отнёс в заросли леса в стороне от дороги. Присев на корточки перед ним, принц с беспокойством спросил:

— Сань Лан, мы скоро переступим границу горы, ты уверен, что будешь в порядке?

Брови Хуа Чэна слегка разгладились, он сказал:

— Гэгэ, не волнуйся, всё нормально. Скоро полегчает.

Но разве Се Лянь мог так просто успокоиться?

Хуа Чэн добавил:

— Гэгэ, наклонись ближе, я хочу тебе кое-что сказать.

Се Лянь не понял, что происходит, но всё равно подчинился. Тогда Хуа Чэн обхватил его лицо ладошками и легонько соприкоснулся лбом. Се Лянь поморгал и застыл. Когда Хуа Чэн снова отстранился, принц произнёс:

— Сань Лан, ты...

Тот улыбнулся в ответ:

— Готово. Кругом одни демоны, а гэгэ — небесное божество. Твоя аура здесь будет очень приметна, а так мы можем её немного спрятать.

Выходит, таким образом Хуа Чэн окружил Се Ляня своей аурой. Это заставило принца невольно вспомнить процесс «передачи воздуха и магической силы», которым они занимались прежде. Испугавшись,

что Хуа Чэн тоже вспомнит об этом и снова начнёт расспрашивать, Се Лянь быстро ответил:

— Хорошо. Теперь давай замаскируемся.

Чтобы затеряться в толпе демонов, разумеется, понадобится небольшая маскировка. Но на самом деле принц лишь накинул плащ с капюшоном. Ведь немалое количество нечисти любит носить маски и плащи, поэтому так Се Лянь не будет выделяться. Закончив с простым переодеванием, принц взял Хуа Чэна за руку и неторопливо отправился дальше.

Они прошли ещё немного, когда услышали впереди невнятный галдёж. Не зная, что там случилось, Се Лянь спросил:

— А нет ли здесь каких-нибудь ориентиров, по которым можно понять, что мы уже находимся в пределах горы Тунлу?

— Есть. Но им нельзя доверять.

Се Лянь хотел было продолжить расспросы, но галдёж впереди становился всё громче. Выйдя из леса, они увидели огромную толпу нечисти, по меньшей мере триста-четырееста голов, что собралась у отвесной скалы. И то была лишь крошечная часть тех, кто отправился на гору.

— Почему путь закрыт? Неужто мы ошиблись дорогой?

— Быть не может... Ведь говорили, что на гору Тунлу можно попасть по любой тропе!

Возможно, по той причине, что они пока не пересекли границу горы Тунлу, смертоубийство не началось по-настоящему, и сейчас демоны вели себя друг с другом относительно спокойно. Се Лянь обратился к первому попавшемуся демону:

— Скажите, пожалуйста, что там случилось впереди?

— У тебя что, глаз нет? — пропищал тот. — Сам не видишь? Скала заслонила путь, не пройти.

Се Лянь пригляделся к демону и увидел, что у того отсутствует половина головы. Вот уж у кого действительно нет глаз. Но принц воздержался от замечаний, только спросил ещё:

— И что же, её нельзя обойти?

Как вдруг из-за поворота выбежали несколько демонов. Свесив набок языки, они забранились:

— Чтоб её, проклятая гора! Я бежал больше часа, а конца ей так и не увидел! Пришлось ещё столько же бежать обратно!

Другие демоны повернулись к Се Ляню:

— Нельзя.

Се Лянь не сдавался:

— А перелезть или перелететь через неё тоже не выйдет?

Только он это сказал, и с небес со свистом сверзилась огромная птица, одна только голова размером в семь чи. Она с громким «бум» ударилась о землю и сразу испустила дух.

Раздался крик:

— Какая безвременная кончина! Птица-оборотень и та умерла от усталости, а перелететь скалу не смогла!

Демоны вновь повернулись к Се Ляню:

— Не выйдет!

Но тот опять заговорил:

— А не получится ли...

Принц ещё не закончил, как все вокруг на него зашикали, явно желая поскорее заткнуть ему рот.

— Хватит спрашивать! Вот ведь мастер накаркать!

Се Лянь:

— Ну ладно.

Путь нескольким сотням демонов оказался закрыт высокой отвесной стеной, которую никак не обогнуть, не перемахнуть и не перелететь. Загудел разноголосый гомон, непрерывный и шумный.

Кто-то закричал:

— Я понял! Это не простая скала, а заслон.

Кто-то подхватил:

— Слушайте, за преградой наверняка начинается гора Тунлу. Должно быть, это первое испытание перед тем, как попасть туда. Если уж не сможем пройти столь простой рубеж, о дальнейшем и думать нечего, лучше сразу разойтись!

— Подождите!

— Чего ждать?

Кто-то с сомнением сказал:

— Почему я... чувствую странный запах?

— Какой запах? Наверное, мертвечина, которую ты взял с собой в дорогу подкрепиться, протухла!

— Нет, нет. Это не мертвечина, а живой человек! Нет, нет, нет, опять не то!.. Похоже на... Так пахнут небесные чиновники!!!

Этот возглас стал камнем, от которого разошлись тысячи волн. Демоны заголосили:

— Что?! Поменьше неси чепухи! Откуда здесь взяться небесному чиновнику?

— А, постойте! Кажется... я тоже чувствую!

— А я почему нет?

— Вот вы об этом заговорили, и я, кажется, тоже... Неужели в наши ряды затесался небожитель?!

— Да быть того не может... Какой небесный чин настолько смел, чтобы явиться в подобное место?

Всего несколько фраз, и толпа взорвалась подобно кипящему маслу в котле. Сердце Се Ляня слегка сжалось, однако на лице не дрогнул ни один мускул. Ведь Хуа Чэн помог ему скрыть ауру божества, откуда мог появиться запах? Должно быть, дело вовсе не в том, что кто-то заметил его истинную суть.

Хуа Чэн сжал ладонь принца и прошептал:

— Гэгэ, будь осторожен. Какая-то тварь мутит воду, намеренно создаёт суматоху.

Се Лянь ответил:

— Вполне возможно, что помимо меня сюда действительно проник ещё кто-то из небесных чиновников.

Внезапно демон, который первым заявил, что учуял запах живого существа, запрыгнул на камень и воскликнул:

— Послушайте! А может, проклятые чиновники Небесных чертогов не смогли задержать нас по дороге, вот и послали своего на гору Тунлу, портить нам праздник? Предлагаю всем, кто в масках, плащах и под слоями одежд, всё с себя снять. Таким образом мы сразу узнаем, от кого исходит божественное сияние. Всем по очереди назвать себя! Не дадим врагу малейшего шанса затеряться в наших рядах!

Толпа ответила согласием, и демон продолжил:

— Я буду первым! Моё имя — «Отнимающий жизни демон острого лезвия», оборотень, получившийся из сабли палача, которую использовали для отрубания голов. Чтобы отсечь кому-то голову, мне никогда не требовалось больше одного удара!

По личному опыту Се Ляня, как правило, чем больше неприкрытого хвастовства звучало в прозвище, к примеру, попадались слова вроде «не имеющий равных», «тысячерукий», «непобедимый»,

«отнимающий жизни», тем проще было от таких крикунов избавиться, всегда хватало одного удара, а иногда в один приём удавалось уничтожить сразу троих.

Далее вразнобой послышалось несколько сотен прозвищ, и принц, слушая их, только качал головой. Как вдруг кто-то рядом толкнул принца локтём и спросил:

— Эй, а ты чего не снимаешь плащ? Ты что за тварь?

Никакого умышленного презрения в таком обращении не было, ведь если это не человек, стало быть, назвать его тварью вполне приемлемо. На самом деле, немало других демонов отказались снимать плащи и маски, рядом с Се Лянем как раз стоял один такой — он глядел на них, скрестив руки на груди. Вот только принца всё-таки спросили первым, и когда все вокруг обратили к нему взгляды, пришлось признать собственное невезение.

Се Лянь неторопливо стянул плащ и мягко произнёс:

— Я мастер марионеток.

Толпа тут же его окружила.

— Вот оно как! То-то смотрю, ты похож на человека. Впервые вижу мастера марионеток!

Се Лянь молча улыбался. Мастерá марионеток — это нечисть с очень слабой тёмной Ци. Для изготовления идеальной марионетки им приходится пробовать разнообразные материалы, поэтому они нередко оказываются перепачканы всевозможной аурой. А из-за пристрастия к использованию человеческой кожи от них всегда исходит сильный запах людского духа. Мечта любого мастера марионеток — добыть волосы с головы небожителя и сделать своей кукле парик. Некоторые, преисполнившись дерзости, на самом деле предпринимали подобные попытки, поэтому и аура небожителя вокруг мастера марионеток не являлась чем-то из ряда вон выходящим.

Кто-то спросил:

— А где же твоя кукла?

Се Лянь посмотрел налево и направо, затем склонился и поднял на руки Хуа Чэна.

Демоны хором изумились:

— Ого! Какая искусная работа!

— Что это за материал? Ц-ц-ц, сделан как живой.

— Наверняка он очень сильный соперник...

— Да где же «как живой»? Мне кажется, выглядит немного фальшиво, кожа уж больно белая. И вообще, почему у ребёнка такие длинные ресницы?

Хуа Чэн сидел, скрестив руки на груди и без всякого выражения на лице, но многие демоницы всё равно были поражены им в самое сердце, которое уже давно не билось.

— Я сейчас умру! Какая красивая кукла!

— Мастер, вы принимаете заказы? Могу я попросить сделать для меня такого же? О цене договоримся.

Некоторые даже не смогли удержаться и потянулись руками, чтобы потрогать «куклу». Но Се Лянь тут же прижал Хуа Чэна к себе.

Демоны зашипели:

— Вот ведь жадина! Так дорожит своим сокровищем, что даже потрогать не даёт.

Се Лянь прижал Хуа Чэна одной рукой ещё крепче, а другой погладил по волосам.

— Конечно, это ведь моя кукла. К тому же, характер у него не сахар, и кроме меня никто не может к нему прикасаться. Иначе он начинает сердиться.

Хуа Чэн в объятиях принца приподнял бровь, и толпа захохотала:

— Ой! Он даже бровью играет! Важничает! Чудеса!

Неожиданно послышался чей-то голос:

— А мне что-то так не кажется.

Се Лянь обернулся и увидел того самого «Отнимающего жизни демона острого лезвия», который добавил:

— Слишком уж сильный людской дух от тебя исходит.

Толпа зашумела:

— Он же мастер марионеток... Это можно понять. И демоническая Ци от него тоже ощущается.

Но Демон острого лезвия запротестовал:

— Нет, нет, вы ещё раз приглядитесь повнимательнее. Демоническая Ци этого «мастера марионеток» исходит вовсе не изнутри, а как будто наоборот... нанесена снаружи.

Окружив Се Ляня демонической Ци, Хуа Чэн мог бы обмануть демонов, но когда принц оказался в центре внимания, все детали стали рассматриваться гораздо тщательнее. Демон острого лезвия выглядел

не слишком умным, как и «Всевидящий глаз». Се Лянь даже принял было его за пустышку. Но выяснилось, что провести его непросто.

Кто-то тут же согласился:

— А этот, кажется, кое в чём разбирается. Выходит, он нам солгал? Как это выяснить? Ты знаешь способ?

Демон острого лезвия ответил:

— Знаю. У меня есть предмет, который поможет нам узнать, что же он на самом деле за зверь!

Он выудил из рукава вещь, от которой демоны вмиг расступились, образовав широкий круг.

— Мамочки! Ещё и магические талисманы при себе таскаешь?! Да ты и есть тот затесавшийся в наши ряды небесный чиновник, как я погляжу!

Демон острого лезвия холодно прошипел:

— Ошибаешься! По дороге сюда я убил несколько заклинателей и всего лишь подобрал их барахло. Это — обыкновенный магический талисман, сработает только против ерунды вроде мелких демонов и оборотней. А раз уж вы все забрались так далеко, следовательно, талисман не причинит вам вреда. Смотрите внимательно!

С громким «шлёп» он прилепил жёлтую бумажку себе на лоб. Послышалось шипение, и талисман задымился, оставив на лбу демона чёрную подпалину. Демон острого лезвия быстро стёр черноту с лица и заявил:

— Вреда, конечно, никакого нет, но даже так на моём лице остался небольшой след. Это ведь подтверждает мою истинную сущность, верно?

Магические талисманы использовались для противостояния нечисти, но точно так же могли помочь распознать нечеловеческое существо.

Демон острого лезвия указал пальцем на Се Ляня.

— Если ты и впрямь мастер марионеток, наледи себе на лоб этот талисман. Посмотрим, останется ли след, и всё само собой разъяснится.

Се Лянь и бровью не повёл, но мысли его закружились со скоростью ветра. Как вдруг он услышал уверенный голос Хуа Чэна:

— Гэгэ, не волнуйся.

Тогда принц понял — Хуа Чэн знает, как выпутаться из этого положения. Поставив Хуа Чэна на землю, Се Лянь преспокойно вышел вперёд, взял талисман и наклеил на лоб. Раздалось всё то же шипение, бумага задымилась чёрным, но когда дым рассеялся, лицо принца осталось кристально чистым, без единого пятнышка!

Выходит, демоническая Ци лишь окружает его извне!

Кроме незнакомца в плаще, что стоял со скрещенными на груди руками, в одно мгновение несколько сотен демонов с криками окружили Се Ляня и Хуа Чэна. Ещё немного, и они пустили бы в ход своё причудливое оружие, но тут их отбросило прочь невидимым барьером.

Толпа ошеломленно воскликнула:

— Ого?! А ты, оказывается, силен!

Се Лянь развёл руками:

— Я ничего не делал.

И тут... заговорил Хуа Чэн, стоящий за его спиной. Он шагнул вперёд, заведя руки за спину, и сказал:

— Мелкие демоны из глухомани, дальше своего носа ничего не видели, а устроили переполох!

— Эй, а ты, кукла мелкого демона, стало быть, много в жизни повидал?

— От него нисколько не веет демонической Ци, и это чистая правда. Кто вы такие будете? Немедля отвечай!

— Полная чушь, — сказал Хуа Чэн. — Разумеется, от него и не будет веять демонической Ци. Потому что настоящий мастер марионеток — это я!

Вместе с этой фразой демоны ощутили обуявший их порыв холода, будто всё вокруг сковало льдом. Даже будучи по сути своей тёмными, холодными существами, они все как один содрогнулись и запричитали:

— Что... про... ис... ходит...?

— Просто показал вам мир чуть дальше собственного носа, — бросил Хуа Чэн.

Стоило ему скрыть мощь своей ауры, и демоны наконец перестали дрожать.

Демон острого лезвия, явно не оправившись от испуга, забормотал:

— Ты... ты — мастер марионеток, он тоже мастер марионеток, так кто же всё-таки мастер? Нет, нет... он точно не может им быть. Но кто же он такой?

Хуа Чэн ещё не успел ответить, как Се Лянь, слегка улыбнувшись, произнёс:

— Я, разумеется, принадлежу ему.

После недолгого замешательства демоны наконец всё поняли:

— Выходит... выходит, всё наоборот? Он — хозяин, а ты — его кукла-марионетка?!

Демон острого лезвия с сомнением спросил:

— А зачем ты сказал, что ты — мастер? Для чего солгал?

Хуа Чэн улыбнулся:

— Потому что мне это показалось забавным.

Се Лянь тоже улыбнулся:

— Да. Самая главная причина — хозяину это показалось забавным.

Когда первоначальное потрясение спало, демоницы втянули обратно удлинившиеся когти и языки и принялись кружиться возле Се Ляня, бурно обсуждая внешность принца. По какой-то причине их рассуждения теперь разительно отличались от того, как это было с Хуа Чэном. Они будто дали себе больше свободы в желаниях. К примеру, слышалось такое:

— Так значит, вот этот молодой гэгэ на самом деле и есть марионетка? Ай, как мне нравятся мужчины в таком возрасте, хочу себе такого теперь ещё больше! Неужели правда не делаете на заказ?

Се Лянь мягко отозвался:

— Что ж... спасибо за вашу похвалу. Но на самом деле я не так уж молод...

— Это что, человеческая кожа? Сработано чисто, совсем не чувствуется удушающей вони, как от похотливых живых мужиков. Мастер, что вы делаете, чтобы сохранить его кожу в таком состоянии? Пользуетесь ли духами?

Се Лянь ответил:

— Да, кожа человеческая. Духами не пользуюсь. Просто нужно почаще мыться и пить побольше воды.

— Ох, кажется, с этой куклой можно сделать много всякого! Разного. Он хорош и лицом, и телом! С виду и кожа на ощупь должна

быть приятной. Вот только немного худенький. Интересно, есть ли плоть у него под одеждой? Хи-хи-хи...

Се Лянь, слушая, сохранял на лице скромную сдержанную улыбку. Но тут какая-то демоница, сияя глазами и играя бровями, на самом деле потянулась пощупать его грудь. Хуа Чэн тут же сложил два пальца вместе и легонько ими взмахнул, отталкивая прочь целый круг изящных, но иссушенных женских рук. Се Лянь поспешно присел рядом с ним, словно спрятавшись от нежелательного внимания.

Демоницы возмутились:

— Что такое? Тоже скажешь, что у твоей куклы характер не сахар, и он не любит, когда его трогают? Но нам показалось, что характер у него весьма покладистый!

Хуа Чэн дотянулся рукой и чуть приподнял Се Ляня за подбородок.

— У него действительно покладистый характер. Вот только у меня — нет. А то, что мне нравится, кроме меня самого, никому трогать не позволено.

Се Лянь, подчиняясь его жесту, приподнял голову. Конечно, от еле сдерживаемого смеха у него свело мышцы живота, но всё же принц подыграл — посмотрел Хуа Чэну в глаза и искренне сказал:

— Вовсе нет. Характер у Сань... хозяина очень хороший.

Хуа Чэн тоже улыбнулся, весьма удовлетворённый ответом. Так они принялись разыгрывать спектакль, подпевая друг другу. Но тут вновь какой-то демон вмешался:

— А мне всё равно кажется, что от него исходит слишком сильный человеческий дух.

Демоницы накинулись на него:

— И чего тебе ещё надобно?!

— Слышал я, что внутри кукол, обтянутых человеческой кожей, вовсе не плоть и кровь, а другой наполнитель. И если их пронзить мечом, то кровь не потечёт. Дайте-ка я проткну его и посмотрю... — не успев договорить, демон замолчал, испуганный острым как лезвие взглядом.

Хуа Чэн ледяным тоном ответил:

— Только посмейте тронуть его, увидите, что будет. Решили, будто вам позволено касаться вещей, дорогих моему сердцу?

Толпу уже потрясла мощь его ауры, а после прямой угрозы и подавно никто не осмелился совершить опрометчивый поступок — неосознанно демоны расступились, освобождая вокруг двоих пустое пространство. Зачинщик же — Демон острого лезвия — видя, что положение ему не благоприятствует, принялся, напротив, сглаживать углы:

— Уважаемый мастер, прошу вас, не гневайтесь. Мы пока не перешагнули границы горы Тунлу. Поговорим позже, когда окажемся внутри. А пока не стоит затевать ссору.

Взгляд Хуа Чэна скользнул в сторону, он сказал:

— Чем неотступно крутиться возле моей куклы, лучше бы спросили вон того господина, почему он до сих пор отказывается снять плащ.

Рядом с Се Лянем стоял странноватый путник в плаще, который за всё время поднятой шумихи не снял своих одеяний, так и оставшись стоять с руками на груди, будто пришёл посмотреть на представление, которое его не касалось. Теперь же, стоило Хуа Чэну на него указать, дальнейший просмотр спектакля представлялся невозможным — главная роль перешла к нему самому.

Демон острого лезвия шагнул к незнакомцу.

— Дорогой друг, сними и ты свой плащ, покажи нам, что скрываешь под ним.

Путник долго стоял неподвижно, и когда Се Лянь уже усомнился, не нападёт ли тот, и приготовился в случае чего бежать, незнакомец вдруг сдёрнул с себя капюшон.

Под ним оказалось красивое, однако ничем не примечательное лицо.

Если такого встретить в толпе, за симпатичное лицо не зацепится глаз, и скоро его забудешь. Поэтому демоны немного разочаровались.

Се Лянь же, напротив, насторожился.

А Хуа Чэн тихо, чтобы слышал только принц, сказал:

— Сразу ясно, что лицо фальшивое.

Се Лянь кивнул ему. Иногда небесным чиновникам или же прославленным демонам приходилось наведываться в мир людей по важным делам, но истинное обличие использовать было нельзя, поэтому они надевали фальшивую личину. Тогда на первый план выходила «обыкновенность», и не важно — красивое лицо или нет,

главное — чем обычнее, тем лучше, чтобы люди, пускай даже им приходилось таращиться на него целый час, отвернувшись, тут же забывали, как он выглядит. Тогда перевоплощение считалось успешным. И лицо путника в плаще идеально подходило под это требование. Поэтому принц был практически полностью уверен, что это не его настоящее обличие. Вот только кто же он тогда на самом деле?

Демон острого лезвия протянул путнику талисман. Тот принял и без тени промедления наклеил себе на лоб. Раздалось шипение, заструился дымок, остался след.

Как видно, он тоже демон, а не человек.

В неразберихе многие демоны начали раздражаться.

— И всё-таки, затесался к нам небесный чиновник или нет?!

— Кто первый это заметил? Только не говори теперь, что просто ошибся!

Демон острого лезвия поднял руку.

— Первым заметил я, и это чистая правда! Я совершенно точно уловил запах небе... А!

Для всех стало неожиданностью, когда на полуслове он издал крик и повалился на землю. Се Лянь, удивлённый случившимся, подбежал взглянуть, и увидел на теле демона кровавую рану, которая прошла насквозь через живот. Края раны неясно мерцали божественным сиянием, которое могло исходить лишь от небожителя!

Демоны всполошились:

— Поглядите на его рану! Среди нас в самом деле прячется небесный чиновник!

Зажимая ранение, Демон острого лезвия со страхом и удивлением в голосе воскликнул:

— Берегитесь! Он хочет уничтожить свидетелей!

В толпе поднялась паника, будто масло взорвалось в котле. Все схватились за оружие и, опасливо тыча им во все стороны, наперебой заголосили:

— Да кто же это?! Кто хочет уничтожить свидетелей?! Где спрятался?!

Когда Демону острого лезвия досталось, первой же мыслью, мелькнувшей в голове Се Ляня, было: «Так и знал — тот, кто

присваивает себе столь хвастливые прозвища, чаще всего становится первой жертвой!»

Помолчав, принц всё-таки сказал:

— Вы все только что видели — ни я, ни мой хозяин ничего не делали, ведь всё время находились на виду.

С такими словами принц бросил взгляд на путника в плаще, который тоже приподнял руку и, понизив голос, сказал:

— Согласен.

Се Лянь наклонился и осмотрел рану Демона острого лезвия.

— Это порез мечом. Из всех присутствующих мечи имеются... — оглядевшись, принц тут же замолчал.

Мечи пользовались наибольшей популярностью не только в мире людей и Небесных чертогах, но и в мире демонов. Из четырёх сотен демонов по крайней мере более трёхсот носили при себе мечи, так сразу и не сосчитать.

Се Лянь тихо кашлянул и добавил:

— Будь у нас побольше талисманов для проверки, мы бы легко смогли выяснить, кто это сделал.

Разумеется, он сказал это просто так, притворяясь, что проявил участие. Но если среди них правда прячется кто-то из небесных коллег принца, Се Лянь не хотел бы помогать отыскать его. Да и Демон острого лезвия наверняка не смог бы предоставить столько талисманов.

К вящему удивлению принца, Демон острого лезвия и впрямь одним махом выудил откуда-то толстую стопку.

— О, у меня есть!

Се Лянь, не удержавшись, посмотрел ему за спину.

— Ты откуда их достал?

— Это не важно!

— Нет, это очень важно. Обычно заклинателю нет нужды носить с собой такое количество тяжёлых вещей, всё равно что таскать гору кирпичей, которой насмерть придавить можно... Сколько же заклинателей ты убил по дороге сюда?

Демон острого лезвия вытаращил на него глаза.

— Больше двадцати, кажись!

Что ж, это многое объясняет. Даже если у каждого заклинателя при себе имелось всего несколько десятков талисманов, вместе как раз

получалось несколько сотен!

Без лишних слов толпа, торопясь выискать притаившегося среди них небожителя, наспех выдумали способ — построились парами и взяли по талисману, чтобы приклеить друг другу на лоб, а затем посмотреть, остался ли след. Мелкие демоны поглядывали на талисманы с опаской.

— Обязательно лепить на себя? А вдруг он рассеет мою душу?..

— Не рассеет! Это такой же талисман, который они только что испробовали, совсем слабенький. Самое большее — оставит подпалину.

— О...

Хуа Чэн чуть прищурился, словно что-то почувствовал. Вскоре более четырёх сотен демонов налепили себе на лоб по жёлтому листку — зрелище вышло странным и потешным. Однако после не произошло совершенно ничего.

Демоны стали переглядываться.

— В чём дело?

— Эй, Демон острого лезвия, каких таких заклинателей ты убил? Шарлатаны, не иначе! Талисманы-то не работают!

Се Ляню всё это с самого начала казалось подозрительным, а теперь он слегка нахмурился и даже открыл рот, чтобы заговорить, как вдруг демоница неподалёку от него надула губы и возмутилась:

— Всё, хватит, я его срываю... А? Что такое? Почему никак не сорвать???

Сразу раздался визг нескольких демониц:

— У меня тоже! Почему никак не сорвать?!

Плохо дело!

В тот же миг Хуа Чэн велел принцу:

— Гэгэ, пригнись!

Се Лянь немедленно подчинился, и Хуа Чэн так же быстро закрыл его уши руками. Путник в плаще неподалёку тоже поспешно накиннул капюшон и присел на одно колено. А затем воздух огласился вереницей громкого треска, будто разорвалось множество хлопушек!

Се Лянь почувствовали лишь, как со всех сторон налетели сильнейшие воздушные порывы, а затем распространился неопишимо неприятный запах.

Все талисманы взорвались!

Что же случилось при этом с головами нечисти? Настоящие — расцвели кровавыми цветами, разбрызгивая ошметки мозгов. Пустые — просто исчезли, рассеялись чёрным дымком. Под скалой поднялся плач и жуткие завывания.

Хуа Чэн отнял ладошки от ушей Се Ляня, при этом на него случившееся никак не повлияло. Принц выпрямился, слегка ошеломлённый. Он только что лично осмотрел талисманы, и это действительно были обыкновенные артефакты, изгоняющие нечисть. Откуда столь пугающий эффект?

В воздухе вокруг парила чёрная пыль и обрывки талисманов. Се Лянь молниеносно схватил один и с первого взгляда всё понял.

— Какое коварство.

В руке принца оказался обрывок, но если бы талисман уцелел, не представилось бы малейшей возможности разглядеть, что у него два слоя!

Сверху изображались самые заурядные магические знаки. Но под ними находился ещё один слой тонкой-тонкой бумаги, которая теперь сгорела, так что осталось неясным, что же на ней нарисовали. Впрочем, доказательств и не требовалось. Наверняка то были самые смертоносные, самые мощные заклинания.

В воздухе витала пыль, застилающая обзор, и многие демоны до сих пор пронзительно кричали, будто кто-то напал на них, пользуясь представившейся возможностью.

Се Лянь тут же пригнулся, а кто-то из демонов заголосил:

— Стойте! Ведь настоящая битва ещё не началась, с чего вы вдруг бросились в бой?!

— Да! Ведь все мы — демоны, и до начала битвы должны мирно сосуществовать, вместе придумывать, как перебраться через гору!

Кто-то зловеще усмехнулся в ответ:

— Такие как вы пустоголовые глупцы заслуживают смерти на первом же рубеже! Никто никогда не устанавливал, в какой момент начинать битву. Все кругом — соперники, от которых нужно избавиться как можно раньше! Или может, перед тем как напасть, тебя ещё предупредить об этом?

— Постой, постой! Я отступлю! Мы ведь ещё не достигли горы Тунлу! Я прямо сейчас отступлю, идёт?!

— Где, по-твоему, мы находимся? Захотел — пришёл, захотел — ушёл? Ещё не достигли горы Тунлу? А ну-ка присмотрись получше, где ты очутился?!

Когда пыль и дым слегка рассеялись и демоны смогли оглядеться, все как один потрясённо воскликнули:

— А?! Как же это?!

И не только их, но даже Се Ляня изумила картина, представшая перед глазами.

Ранее путь преграждала высокая скала, которую не обогнуть, не перемахнуть. Теперь же скала в какой-то момент... исчезла.

Нет, не исчезла, а переместилась им за спину.

Выходит, сами того не заметив, они оказались в пределах горы Тунлу!

Се Лянь внезапно осознал, почему на его вопрос об ориентирах Хуа Чэн ответил — им нельзя доверять. Ведь эти самые «ориентиры», подобно пакостливым детишкам, могли перемещаться сами по себе!

Неожиданно Се Лянь услышал позади холодную усмешку:

— А сейчас мы посмотрим, марионетка ты или что-то иное.

Демон острого лезвия!

Принц рывком развернулся, но не успел даже отдать приказ Жое, когда перед глазами сверкнул холодный блеск, и Демон острого лезвия оказался разрублен поперёк тела, и вскрикнуть не успел!

Се Лянь подбежал к нему и убедился — это не притворство, демона действительно разрубили ровно пополам, и на этот раз он был мертв, мертвее некуда. Подняв голову, принц увидел и убийцу — странного путника в плаще, который как раз вложил длинный меч обратно в ножны под одеянием и уверенным шагом направился к ним.

Его силуэт и походка показались Се Ляню смутно знакомыми, принц выпрямился и спросил:

— Ваше Превосходительство, так вы всё-таки...?

Путник низко усмехнулся, будто намеревался дать ответ, но неожиданно наклонился. Се Лянь мгновенно насторожился, готовый отразить внезапную атаку, однако незнакомец лишь поднял с земли двух демонов, придерживая их за тонкие талии.

— Дамы, вы не пострадали?

Се Лянь так и остолбенел в молчании.

Демоницы отличались довольно красивой внешностью, и поскольку мечей при себе не носили, не трогали талисманов — так и избежали смерти, лишь потеряли сознание от взрывов, прозвучавших совсем рядом. Теперь, когда кто-то приобнял их и мягким голосом позвал, женщины постепенно пришли в сознание и с благодарностью отозвались:

— Не пострадали, спа...

Однако «спасибо» так и не прозвучало из их уст — обе демоницы резко переменялись в лице и оттолкнули незнакомца с криками «Поди прочь!», после чего впопыхах отползли в сторону.

Путник не расстроился, когда ему досталось от демониц, только, кажется, удивился и, потеряв подбородок, нахмурился.

— Как странно! Но ведь лицо не настолько уродливое?

Он не снял фальшивую личину, однако Се Лянь уже понял, кто перед ним.

— Генерал Пэй, а вы что здесь делаете?

Тот повернулся на зов, слегка улыбнулся и провёл рукой по лицу, являя истинный облик. Это действительно оказался Пэй Мин!

— Разумеется, исполняю приказ Владыки, который послал меня оказать небольшую помощь Вашему Высочеству.

— Правда? Что ж, мне поистине неловко перед вами за это. Вы же видите, насколько здесь опасно.

Хуа Чэн вмешался:

— Гэгэ, не стоит считать себя виноватым. Наверняка он просто желает снискать расположение Цзюнь У.

Пэй Мин подошёл к Хуа Чэну, присел на корточки и ладонью померил его теперешний рост, с улыбкой говоря:

— Неужто зрение меня не подводит, и это сам Его Превосходительство Собиратель цветов под кровавым дождём? Правду говорят, что при следующей встрече с воином видишь его в ином свете. Что ты такого съел, раз стал расти наоборот? Ха...

С его губ сорвалось лишь «ха», когда Се Лянь выбросил вперёд шёлковую ленту и чуть не отправил генерала Пэя в полёт. Тот едва успел уклониться и сам отскочил назад со словами:

— Ваше Высочество, насколько же вам дорог градоначальник Хуа, раз вы и подшутить над ним не позволяете?

Се Лянь же с абсолютно серьёзным лицом спросил:

— Вы в самом деле генерал Пэй?

Пэй Мин похлопал по мечу на поясе, демонстрируя оружие принцу.

— Обнаружите подделку, заменим товар.

Се Лянь:

— Замена не потребуется, сразу верну создателю.

Хуа Чэн:

— Гэгэ, убей его. Он ненастоящий.

Пэй Мин:

— Эй!

Се Лянь:

— Если вы — настоящий генерал Пэй, почему талисман оставил отметину на вашем лице?

— Очень просто. Всё благодаря этому. — Пэй Мин что-то перебросил Се Ляню.

Принц, опасаясь подвоха, не стал ловить вещицу руками, вместо этого зацепил остриём меча и поднёс ближе.

— Конфета?

На острие действительно блеснула чёрная конфетка. Пэй Мин закинул ещё одну такую же в рот и сказал:

— Покупаешь в Призрачном городе конфет с демоническим вкусом, съедаешь одну — и заполняешься демонической Ци, которая исходит изнутри. Весьма удобно, когда нужно выдать себя за нечеловеческое существо.

Се Лянь взял конфету двумя пальцами и полюбозытствовал:

— Неужели в Призрачном городе можно раздобыть и такие чудеса?

Пэй Мин, жуя конфету, ответил:

— Спросите градоначальника Хуа, что подле вас, он знает лучше всех. В Призрачном городе можно раздобыть что угодно, нужно лишь знать места. На вкус неплохо. Не желаете попробовать, Ваше Высочество?

Се Ляню тоже стало очень любопытно, каковы на вкус демоны, и он спросил Хуа Чэна:

— Если подумать, нам тоже следовало бы купить немного этих конфет перед тем, как отправиться в путь.

Но Хуа Чэн взял конфету из его рук и произнёс:

— Гэгэ, если тебе что-то понадобится из Призрачного города, просто скажи мне. Но это тебе лучше не есть.

— Почему?

Хуа Чэн явно не прикладывал усилий, но конфетка в его руках пронзительно пискнула и обернулась стружкой чёрного дымка.

— Всё, что продаётся в Призрачном городе, весьма опасно. К примеру, вот эти конфеты. Сделанные в подпольной мастерской, чаще всего они изготавливаются из низкоуровневых мелких демонов, добытых неизвестно где. Употребление таких конфет наносит вред здоровью.

Пэй Мин ответил с полным безразличием:

— Не так уж всё плохо. Я прибегаю к этому способу редко, только в крайних случаях.

Хуа Чэн добавил:

— К тому же запах очень едкий. Люди и небожители его не ощутят, но чем ниже был уровень демона, тем отвратительнее пахнут конфеты.

Пэй Мин замолчал.

Хуа Чэн хихикнул:

— Теперь ты понял, почему те демоницы велели тебе пойти прочь?

Потому что они почувствовали гнуснейшую, отвратительную вонь, исходящую от Пэй Мина!

Се Лянь тихонько кашлянул и деликатно заметил:

— Генерал Пэй, лучше вам всё-таки... это не есть.

Пэй Мин сделал знак рукой, вынул оставшиеся демонические конфеты и выбросил всю горсть.

— Хорошо. И всё же, сейчас мы находимся лишь на самом внешнем уровне горы Тунлу, а дальше нам встретится больше нечисти, которая будет сильнее и сразу почует подвох. Что нам делать тогда?

Должно быть, ранее демоницы закружились возле Хуа Чэна именно по той причине, что им очень понравился его запах. И демоническая Ци, которой Хуа Чэн окружил Се Ляня, также относилась к высшему разряду, поэтому принц не нуждался ни в каких демонических конфетах. Вот только чтобы никто не смог разглядеть, что его демоническая Ци лишь нанесена поверх тела, наверное,

пришлось бы, как это происходило ранее, слиться в жарком поцелуе, чтобы обменяться дыханием.

Се Лянь поспешно оборвал эти мысли и со всей серьёзностью ответил:

— Я и сам не знаю. Я ведь всего лишь кукла-марионетка.

Значит, принц собирался продолжать спектакль.

Пэй Мин сказал:

— Ладно. В таком случае, Вашему Высочеству нельзя отходить от своего хозяина.

Се Лянь притворился, что не слышал. Он огляделся по сторонам и задумался:

— Я совсем не ожидал, что первая же битва будет настолько кровопролитной.

Только что вокруг собралось более четырёх сотен демонов, но во время воцарившегося хаоса почти все они были убиты. Се Лянь невольно вспомнил, как той ночью Хуа Чэн рассказывал о горе Тунлу и даже показывал небольшое представление, которое поистине оказалось несколько не преувеличенным. В самом деле — здесь будто пронёсся порыв мощного ветра, унёсший все сорные травы. Тех же, кто избежал этой участи и теперь лежал на земле раненый и стонал, осталось не больше двух десятков.

Хуа Чэн, стоя среди них, произнёс:

— Теперь вы поняли, что из себя представляет гора Тунлу?

Чудом оставшиеся в живых демоны не посмели даже шевельнуться.

Се Лянь мягко продолжил:

— Сейчас вы находитесь только на внешнем уровне и пока ещё можете уйти. Если не хотите передвигаться вглубь, где повстречаетесь с более страшными вещами, подождите здесь и поищите способ покинуть гору.

Демоны именно так и собирались поступить. Видя, что троица им не угрожает, нечисть торопливо, держась друг за друга, помчалась в укрытие — подальше отсюда. Глядя на их удаляющиеся силуэты, Се Лянь задумчиво произнёс:

— Этот «Отнимающий жизни демон острого лезвия» взял себе крайне хвастливое прозвище, но неожиданно оказался довольно опасной личностью. Поистине жестокий поступок.

Пэй Мин согласился:

— Тварь в высшей степени расчётливая, с самого начала стал мутить воду и быстро подстраивался под любые изменения. Вы своим ударом меча, Ваше Высочество, как раз позволили ему притвориться жертвой.

Се Лянь так и застыл.

— Пойдите, я «своим ударом меча»? Каким ударом меча? Но я его не тронул!

— Разве? Я говорю о той ране в живот. Если бы не посеянная им ранее паника, а после ваше божественное сияние от его раны, остальные демоны не поверили бы его речам и не стали бы лепить на головы талисманы.

Се Лянь подивился:

— Не стану лукавить, но я думал, что тот удар — дело ваших рук, генерал Пэй!

— Ваше Высочество, должно быть, имеет обо мне ложное представление. Я не нападаю исподтишка.

— Если это не вы и не я, неужели среди нас присутствовал третий небесный чиновник? Или же что-то не так с божественным сиянием от раны... — принц обернулся, чтобы осмотреть убитого Демона острого лезвия и кое в чём убедиться, но увидел лишь пустоту, отчего даже растерялся: — Где же труп?

Пэй Мин тоже пришёл в лёгкое замешательство.

— Но ведь я совершенно точно разрубил его пополам.

Хуа Чэн мрачно произнёс:

— Гэгэ, будь осторожен. На горе Тунлу тем сильнее становится убийца, чем больше жертв погибает от его руки.

И всего несколько минут назад Демон острого лезвия расправился с почти четырьмя сотнями!

Светлый генерал, не сожалешь ли о сломанном мече?

Светлый ^[265] генерал, не сожалешь ли о сломанном мече?

Троица осталась стоять, полностью готовая к нападению, среди устилающих землю мёртвых тел и парящего в воздухе чёрного дыма.

Высокая скала, неведомым ни демонам, ни божествам способом, оказалась у них за спинами, и перед глазами наконец открылся путь.

Кромешной тьмой впереди чернела лесная чаща, нависая пугающим сплетением ветвей, откуда раздавались крики воронов. Се Лянь, приведя все чувства в полную готовность, непроизвольно схватил Хуа Чэна за руку. И обнаружил крайне неприятный факт.

Хуа Чэн, вне всяких сомнений, являлся демоном, но в этот миг он весь горел, словно подхватил жар.

Се Лянь удивлённо замер и прошептал:

— Сань Лан, ты... скоро вырастешь?

Несмотря на обжигающую температуру тела с головы до кончиков пальцев, лицо Хуа Чэна осталось невозмутимым.

— Скоро, — ответил он.

Хуа Чэн станет прежним — это определённо хорошая новость. Но момент перед тем, как он по-настоящему вернётся к своему истинному облику, наверняка будет самым опасным и самым серьёзным.

Се Лянь тут же принял решение:

— Установим магическое поле! Я буду тебя защищать.

Принц немедленно принялся за дело — приказал Жое оградить Хуа Чэна кольцом в четыре чжана и вонзил в землю перед кругом свой меч, Фансинь, как «замок» для запечатывания поля.

Хуа Чэн тем временем уселся в позу для медитации и сказал:

— Гэгэ, лучше оставь Фансинь для защиты.

— Нет, — ответил Се Лянь. — Поле должно быть добротным, а для этого сгодится лишь оружие, которое испило человеческой крови...

Не успел принц договорить, как почувствовал сзади прикосновение. Обернувшись, он просто онемел, увидев перед собой серебристую изогнутую малютку-саблю, которая стояла вертикально, хлопая огромным серебристым глазом. Это он только что тёрся о ноги принца рукоятью, словно предлагая свою помощь.

Се Лянь присел на корточки.

— Эмин, а ты почему обернулся таким?

Прославленная изогнутая сабля Эмин, изящная и тонкая, обладающая неудержимой демонической сущностью, теперь... уменьшилась по крайней мере в половину. Серебристый глаз, прежде напоминающий полумесяц, сейчас будто обернулся глазом ребёнка, круглым и большим, который то и дело моргал. Вопрос Се Ляня,

кажется, немного обидел Эмина, но он всё равно старательно продолжал толкаться рукоятью ему в ладонь.

Пэй Мин присел рядом и спросил:

— Это и есть знаменитая изогнутая сабля Эмин?

Он потянулся рукой, будто хотел потрогать, но Эмин моментально ошетинился и угрожающе направил на него клинок. К счастью, Пэй Мин оказался достаточно проворным, чтобы не оказаться пораненным на месте.

Се Лянь погладил саблю и сказал:

— Всё-таки лучше я воспользуюсь Фансином.

Фансинь остался непоколебим как гора, а Эмин, добровольно предложивший себя и получивший прямой отказ, чуть не всхлипывая, прискакал обратно к Хуа Чэну.

Хозяин даже взглядом его не удостоил, вместо этого отвесил оплеуху и отругал:

— Чего ты плачешь? Всё потому, что ты бесполезен. Мусор!

Эмин отлетел на землю, подобно никому не нужной вещи, будто один удар лишил его жизни. Се Лянь, не зная, плакать или смеяться, торопливо поднял саблю, устроил на руках и погладил.

— Нет, нет. Не слушай его, ты не мусор, ты очень полезный!

Пэй Мин не мог больше наблюдать за развернувшейся внутри магического круга картиной. Он вышел за его пределы и снова медленно обнажил меч.

— Вообще-то первоначально положение не требовало подобных мер. Но я и не предполагал, что мы так скоро встретим сильного противника. Удача поистине благоволит Вашему Высочеству.

Цель их похода на гору Тунлу — первым делом избавиться от нечеловеческих созданий с самыми высокими шансами на становление непревзойдённым, то есть, они как раз искали сильного противника. Се Лянь и сам не мог понять, назвать это удачей или же неудачей.

— Генерал Пэй, — заметил Хуа Чэн. — почему вы заведомо решили, что дело в удаче Его Высочества? А вам не приходило в голову, что Демон острого лезвия явился по вашу душу?

Пэй Мин расхохотался:

— Будь это демоница, я бы поверил в такое предположение.

Но смеяться долго не вышло — лицо Пэй Мина неожиданно переменилось, и он отскочил в сторону. А когда вновь поднял голову,

по его щеке медленно стекала струйка крови.

На лице Пэй Мина появился свежий порез!

Не в силах в это поверить, он дотронулся до щеки, и ладонь окрасилась кровью. Рана была не какой-нибудь мелкой царапиной.

Оба — и принц, и генерал, только что пребывали в полной готовности к нападению, но Се Лянь остался цел и невредим, не почувствовал и малой толики угрозы, поэтому искренне согласился:

— Выглядит так... словно он действительно явился по вашу душу, генерал Пэй.

Пэй Мин вознамерился ответить, но тут налетел свист острого лезвия, разрезающего воздух. На этот раз генерал был готов и отразил атаку своим мечом, который и впрямь столкнулся с чем-то невидимым. В тот же миг перед ним проявилась фигура, разрубленная пополам, которая повалилась наземь. Верхняя половина тела лежала на земле, озлобленным взглядом взирая на Пэй Мина. Отнимающий жизни демон острого лезвия!

Пэй Мин подошёл, поставил ногу тому на грудь, а остриё меча приставил к горлу.

— Что ты за тварь такая?

Ранее демон заявил, что он — оборотень, получившийся из сабли палача. Будь это правдой, он бы вернулся в первоначальную форму, ещё когда Пэй Мин разрубил его в первый раз, и на этом конец представлению. Какая сабля способна продолжать бесчинствовать, когда её ломают пополам?

Неожиданно Демон острого лезвия округлил глаза, холодно усмехнулся и голыми руками сломал меч Пэй Мина!

Раздался звон металла, и глаза Пэй Мина сделались такими же огромными.

И не только у него, Се Ляня настигло почти такое же потрясение.

Ведь Пэй Мин — официально вознёсшийся Бог Войны, и несмотря на нахождение в пределах горы Тунлу, когда магические силы подавлялись до самого низкого уровня, его магический артефакт не должен был так легко прийти в негодность!

Демон острого лезвия рассмеялся:

— И как тебе только не совестно носить при себе столь никчёмное оружие!

Меч оказался сломан, и Пэй Мин тут же перешёл в рукопашную. Но и Демон острого лезвия оказался не промах — оттолкнулся левой рукой от земли, чтобы подняться в воздух, сложил пальцы правой вместе и нанёс удар. Там, где по воздуху летела его ладонь, отчётливо виднелся холодный блеск металла и слышался свист. Стало ясно, что его истинное воплощение — действительно какое-то острое оружие!

Се Лянь уже хотел поспешить на выручку из круга, когда Хуа Чэн задержал его и серьёзно сказал:

— Гэгэ, смотри внимательно.

Пэй Мин тоже выкрикнул:

— Не вмешивайтесь!

Если уж величественный северный Бог Войны не сможет одолеть оборотня клинка на самом внешнем уровне горы Тунлу, как ему жить с этим дальше?

Но даже несмотря на отсутствие нижней половины тела, Демон острого лезвия оказался невероятно проворным. Куда бы Пэй Мин ни направил удар, противник будто предугадывал каждое его действие, что создавало генералу серьёзные помехи. Спустя несколько сотен выпадов Пэй Мин украсился несколькими десятками ран.

Се Лянь, не в силах больше смотреть, воскликнул:

— Генерал Пэй, вернитесь в круг!

Пэй Мин тем временем становился всё мрачнее. Он не желал отступить, но и Се Лянь не мог опрометчиво броситься на помощь, чтобы вдвоём одолеть одного. Для некоторых Богов Войны принять помощь во время боя один на один — настоящий позор.

Се Ляню пришлось обходиться словами:

— Генерал Пэй, отступите! Вы не замечаете странности? Он знает вашу технику сражения как свои пять пальцев!

Разумеется, Пэй Мин и сам это понял, просто не сразу поверил. Но раз уж от наблюдателя со стороны это не укрылось, поверить всё-таки пришлось. Се Лянь вынул Фансинь из земли, временно открывая проход в круг, и Пэй Мин одним прыжком оказался рядом с принцем. Выглядел он при этом чернее тучи.

Се Лянь вернул меч на место и спросил:

— Генерал Пэй, вы не подберёте сломанное магическое оружие?

Пэй Мин стёр кровь со лба и мрачно ответил:

— Это не мой магический артефакт. Просто выбрал первый попавшийся меч, который лёг по руке.

Се Лянь сразу вздохнул с облегчением. Конечно, первый попавшийся в руки Пэй Мина меч наверняка был прославленным драгоценным оружием, но всё же не шёл в сравнение с настоящим личным артефактом.

— Почему же вы не взяли в поход собственное оружие?

— У меня его нет.

Се Ляню стало ещё любопытнее:

— Почему?

Обыкновенно Боги Войны выбирали самое привычное оружие, чтобы создать из него магический артефакт, так они могли сражаться с удвоенной силой, как если бы тигру приделали крылья.

Но Пэй Мин не успел ответить, когда Демон острого лезвия вдруг холодно фыркнул и сказал:

— Ну конечно, всё потому, что его лучшего меча давно не стало!

Лицо Пэй Мина окаменело.

— Ты... кто ты такой?

Се Лянь уточнил:

— Разве ранее вы не спрашивали, что он за «тварь»?

Демон острого лезвия с усмешкой ответил:

— Кто я такой? Ха! Пэй Мин, мог ли ты представить, что всё сложится именно так, когда сломал меня одним ударом ладони?

Се Лянь чуть округлил глаза:

— Генерал Пэй, вы знакомы?

Пэй Мин надолго погрузился в размышления, покуда его лицо становилось всё суровее. Затем он всё же предположил:

— Ты... Мингуан?

Услышав имя, Демон острого лезвия перестал усмехаться. Теперь он выглядел полной противоположностью тому мелкому демону, который ничем не выделялся из толпы.

Се Лянь переспросил:

— Его имя — «Мингуан»? Генерал Пэй, но разве это не вы — генерал Мингуан?

В мгновение ока в голове принца пронеслось бесчисленное множество невообразимых сюжетов, как кто-то выдал себя за другого, произошла подмена и так далее. Впрочем, поскольку в чертогах

Верхних Небес уже имелся прецедент, подобное уже не считалось бы невообразимым. Принц невольно задумался: «Неужели ещё один «Повелитель Земли И»?»

Пэй Мин, кажется, догадался, о чём подумал принц, и, зажимая рукой рану, прервал эти размышления:

— Ваше Высочество, о чём вы думаете? Я же сказал, что я — генерал Пэй, самый настоящий! Никакого обмана!

— Но почему вы назвали его — Мингуан?

— Потому что это его имя. Которое я ему дал. Он — мой меч!

Се Лянь ахнул и поразился:

— Неужели... «Генерал ломает меч»?

— Верно. «Мингуан» — это меч, который я носил при себе до вознесения. Многие сотни лет назад я своими руками сломал его!

Это всё объясняет!

Неудивительно, что Демон острого лезвия как свои пять пальцев знает технику Пэй Мина, будто предвидит каждый следующий шаг. Этот меч прошёл вместе с ним через множество сражений, одержал бесчисленные победы, разумеется, он насквозь видит все приёмы и уловки генерала. И теперь ясно, почему, разрубленный пополам, он по-прежнему способен свободно двигаться, а рана в живот не причинила ему никакого вреда — всё потому, что он давным-давно был разломлен на две части!

Се Лянь спросил Пэй Мина:

— Значит, ту рану в живот он сам себе нанёс? И то божественное сияние?..

— Моё. Сломав меч, я незамедлительно вознёсся. Думаю, тогда на нём и остался нестираемый след.

Тем временем Демон острого лезвия... Нет, Мингуан начал наносить удары по Фансиню, пользуясь ребром ладони словно клинком. При этом лицо его сделалось столь озлобленным, будто он рубил самого Пэй Мина.

Се Лянь не удержался от вопроса:

— Послушайте... генерал Пэй, почему ваш меч затаил на вас такую обиду? Что вы с ним сделали? И в чём же всё-таки заключается сюжет картины «Генерал ломает меч»?

Пэй Мин хлопывал себя в поисках бутылка со снадобьем, отвечая:

— Никому не интересные дела столетней давности. К чему теперь вспоминать о них? Лучше придумайте способ от него отбиться!

Магический круг охраняла Жое. Но стоит сломать Фансинь, и большая часть мощи поля сойдёт на нет, оно станет подобно двери со взломанным замком. Се Лянь поглядел за спину и немного успокоился — Хуа Чэн погрузился в спокойную медитацию и закрыл глаза, видимо, уже не ощущал происходящего вокруг.

Но голос Пэй Мина вернул принца в реальность:

— Ваше Высочество, ваш меч способен выстоять?

Се Лянь повернулся обратно и ответил:

— Не знаю. Всё-таки Фансинь уже очень стар.

— Не страшно. Мингуан тоже не молод.

Се Лянь вздохнул с облегчением:

— Что ж, если так, думаю, он сможет продержаться какое-то время, если на помощь Мингуану не придёт ещё кто-нибудь...

Неожиданно, не успев принц договорить, как со стороны леса раздались гроыхающие шаги. Вскоре перед ними возник рослый мужчина свирепого вида и со смуглой кожей, одетый в изношенный доспех.

Он бросил взгляд на Се Ляня и Пэй Мина с высоты своего необычайного роста, и оба тут же ощутили каплю холодного пота, сбежавшую по виску.

Увидев, как ещё кто-то голыми руками неистово рубит по мечу, торчащему из земли, верзила слегка удивился и подошёл ближе. Се Лянь и Пэй Мин, не сговариваясь, прикрыли руками лица и отвернулись. Мингуан же, увидев огромного мертвеца, который выглядел довольно сильным, закричал ему:

— Эй, здоровяк, помоги-ка! Сломаем этот меч, разрушим магическое поле, и я отдам тебе половину жертв на растерзание!

Но видимо, верзила при жизни не был жителем Центральной равнины, а после смерти не стал даже демоном Центральной равнины — он не знал местного языка и не понял, что ему сказали, только закричал в ответ. С обеих сторон посыпались крики, но ни один так и не понял, что хотел сказать другой, только синие вены на висках обоих вздувались сильнее.

Пэй Мин, изо всех сил стараясь придать своей позе, с которой прикрывал лицо, естественное и свободное положение, шёпотом

спросил:

— Ваше Высочество, что за ерунду несёт этот варвар?

Се Лянь тоже шёпотом ответил:

— Он решил, что ваш меч его задирает, разозлился и велел тому немедленно пасть на колени и просить пощады, иначе убьёт его.

— Прекрасно. Надеюсь, они подерутся как можно скорее.

Неожиданно здоровяк, видимо, услышав шёпот, повернулся и пристально уставился на них, нахмутив брови. Се Лянь и Пэй Мин, уже совершенно не притворяясь, закрыли лица ещё плотнее. Однако верзила всё равно их узнал и топнул ногой так, что земля вокруг задрожала, а после взревел:

— Это вы! Заклинатель, собирающий мусор! Командир Пэй Су!

Поняв, что их узнали, оба опустили руки. Се Лянь поразмыслил и мягко обратился к нему на языке Баньюэ:

— Генерал Кэ Мо, прошу, успокойтесь.

Конечно, странным верзилой оказался не кто иной как генерал Кэ Мо, который сбежал из места своего заточения во время всеобщего волнения демонов, вызванного открытием горы Тунлу. Он был пленён Се Лянем, а позднее на допросах встречал Пэй Мина, стоящего рядом с Пэй Су. При виде недругов глаза его загорелись гневом, Кэ Мо без лишних слов занёс ногу и ударил по Фансиню, отчего меч сразу отклонился на целый цунь!

Мингуан хлопнул в ладоши и восхитился:

— Героическая отвага! — затем продолжил обрушивать удары с другой стороны.

Видя, что Фансинь дрожит всё сильнее под двусторонней атакой, Се Лянь подошёл к Хуа Чэну и дотронулся до его лба, но тут же отдёргнул руку, будто обжегшись.

— Что же нам делать?!

Се Лянь должен был защищать Хуа Чэна и не мог отвлекаться. А Пэй Мин, очевидно, не представлял никакой опасности для оружия, которое знало его лучше кого-либо иного!

Как вдруг послышалась ругань Мингуана:

— Проклятый варвар! Ты не можешь не бить по мечу, когда я наношу удар? Попал мне по руке!

Кэ Мо, однако, вообще не удостоил его вниманием.

Видя, что между ними намечается конфликт, Се Лянь схватился за Пэй Мина.

— Генерал Пэй! Кэ Мо наверняка не верит, что вы не питаете к нему враждебности. Нужно его задобрить! Скорее, сложите пальцы на обеих руках вместе, перекрестите запястья над головой, затем опустите вниз и разведите в стороны. Это общеупотребительный жест его народа, просьба о примирении. В любом случае, лучше первым делом выразить ему наши благие намерения, чтобы он успокоился!

Пэй Мину просьба показалась странной.

— А?

Надо сказать, что их с Кэ Мо конфликт нельзя назвать мелким недоразумением, приведшим к небольшому скандалу. Разве один лишь жест поможет достичь примирения? И как это его успокоит?

Се Лянь же, не допуская возражений, опять дёрнул его и сказал:

— Давайте, вместе со мной выполним это движение, чтобы он остановился!

Пэй Мина ранило в руку, и когда принц за неё схватился, уголок рта генерала слегка дёрнулся. Он действительно собрался подчиниться, но тут Мингуан, который слышал весь их разговор, выскочил перед Кэ Мо, скрестил руки над головой и опустил вниз, затем развёл в стороны. С довольным видом он сказал двоим внутри круга:

— Не так просто!

Неожиданно Кэ Мо, увидев его жест, выпучил глаза. На тёмной коже вздулись вены, пальцы огромной ладони растопырились и подобно железному вееру отвесили Мингуану такую затрещину, от которой тот отлетел прочь.

Сначала ни Пэй Мин, ни Мингуан не поняли, что случилось. Но спустя ещё мгновение Пэй Мин повернулся к Се Ляню.

— Ваше Высочество, а я ведь считал Мингуана коварным, но никак не предполагал, что вы ещё коварнее. Я преклоняюсь.

Се Лянь стёр со лба холодный пот.

— Ну что вы, что вы. Благодарю, я не достоин.

На первый взгляд те слова предназначались Пэй Мину, однако в действительности же принц говорил для Мингуана. А тот, желая нарушить их планы, непременно решил бы первым договориться о мире с Кэ Мо. Вот только жест, который описал Се Лянь, означал вовсе

не примирение, а вызов. К тому же, самый агрессивный вызов на языке Баньюэ, по смыслу примерно равный «отрежу твою собачью голову, надругаюсь над твоей женой, вырежу всю твою семью и раскопаю могилы предков». Было бы весьма странно, если бы Кэ Мо не разъярился, увидев подобное. В иных обстоятельствах Мингуан, услышав Се Ляня, мог бы усомниться в правдивости слов принца, но дело не терпело отлагательств, да и Пэй Мин уже почти что поднял руки над головой. У Мингуана не оставалось времени на размышления, и он попался на уловку.

Впрочем, отлетев прочь от удара Кэ Мо, Мингуан сразу же всё понял и хотел было спасти положение, но незнание языка не позволило ему этого сделать. К тому же, он инстинктивно перешёл на крик, поэтому с виду казалось, что он осыпает Кэ Мо бранью.

Мингуан испробовал несколько других жестов, к примеру — малый поклон или большой палец вверх, которые, однако, выглядели совсем неискренне, равно как пытаться попросить прощения у человека, которого только что обругал последними словами.

Несмотря на все попытки, ему досталось ещё сильнее. Кроме того, Кэ Мо всё-таки знал некоторые примитивные ругательства Центральной равнины, которые успевал применять, отвешивая удары, и Мингуан тоже стал выходить из себя — драка становилась ещё более яростной. Пэй Мину даже захотелось подбодрить их криками. Мингуан же, бросив взгляд в его сторону, закипел от гнева и вдруг помахал рукой в сторону Кэ Мо, указал на себя, затем на людей внутри круга, а потом показал тот же самый оскорбительный жест по отношению к ним.

Кэ Мо и впрямь остановился, затем хмуро спросил:

— Так ты это мне или им?

Се Лянь понял, что дело плохо, но всё же не решился безрассудно открывать рот, поскольку не был уверен, удастся ли ему договориться с Кэ Мо. Мингуан схватился за возможность и продолжил старательно строить свирепые гримасы и повторять жест в сторону Пэй Мина, затем смотрел на Кэ Мо и вновь становился спокойным. По его взгляду и выражению после нескольких повторений Кэ Мо всё-таки понял, что тот имеет в виду:

У них общий враг!

Мингуан и Кэ Мо пришли к согласию и вновь принялись атаковать магическое поле.

Мысли закружились в голове Се Ляня, он сделал глубокий вдох и громко выкрикнул на языке Баньюэ:

— Младший генерал Пэй! Бань Юэ!

Едва Кэ Мо услышал имена, застыл и грозно спросил:

— Эти двое тоже неподалёку?!

Се Лянь не ответил, только продолжил кричать:

— Младший генерал Пэй! Бань Юэ! Здесь Кэ Мо, ни в коем случае не приближайтесь, скорее бегите! И больше не возвращайтесь!

Эти крики, разумеется, заставили Кэ Мо решить, что те двое действительно где-то рядом, а Се Лянь пытается их предупредить, чтобы поскорее спасались. Кэ Мо тут же взъярился:

— Не так быстро! — и бросился прочь.

Мингуан прокричал ему вслед:

— Эй! Здоровяк! Ты куда?! Он наверняка тебя провёл, вернись!

Однако Кэ Мо уже был далеко. От злости Мингуан затопал ногами и забранился:

— Дурень!

Се Лянь второй раз стёр пот со лба и в душе искренне воскликнул: «Знание более одного языка принесёт неисчерпаемую пользу на всю жизнь!»

А увидев, что Мингуан вновь принялся наносить удары по Фансию, вскинул руку и воскликнул:

— Пойдите! Если не прекратите, мы не станем с вами церемониться.

— И как же вы в таком положении не станете со мной церемониться?

— Вы... ничего не забыли?

— Чего?

Пэй Мин хотел что-то сказать, но промолчал, вместо этого выволок из-за спины кое-что большое.

— Как можно забыть о такой вещи?

В его руках оказалась нижняя половина тела с двумя ногами. Взгляд Мингуана сразу посуровел.

— А? Моё тело!

Всё время сражения он заменял стопы ладонями, подпрыгивая и перескакивая на руках, и незаметно для себя привык к такому способу передвижения, даже позабыл присоединить к себе нижнюю часть тела. Пэй Мин же, пока Мингуан и Кэ Мо лупили друг друга, вышел из круга и притащил обратно неподвижную половину тела Мигуана, которую тот бросил неподалёку.

— Лучше тебе не совершать опрометчивых поступков, — пригрозил Пэй Мин.

Правда, угроза выглядела своеобразно. Ведь если бы заложник представлял собой целого человека, Пэй Мин с той же фразой мог схватить его за горло или за макушку. В таком случае зрелище возымело бы больше действия, стало бы ясно, что угроза — не пустые слова. Но сейчас у него в руках находилась лишь половина тела... Куда же положить руки, чтобы картина не представлялась неловкой, но при этом повлияла на противника?

Не придумав ничего лучше, Пэй Мин наступил ему на ногу.

Мингуан:

— Ты со мной шутики вздумал шутить?

Также посчитав угрозу несерьёзной, Се Лянь деликатно заметил:

— Генерал Пэй, наступить на ногу — как-то не убедительно. Не могли бы вы... заставить его решить, что вы схватили его за что-то жизненно важное?

— Ваше Высочество, вам легко говорить. Считаете, я бы стал наступать ему на ногу, будь у меня желание совершить иной, бесстыжий и подлый поступок? Может, вы тогда сами схватите его за «что-то жизненно важное»?

В общем, никто из них не хотел ни за что хвататься.

Се Лянь сказал:

— Ну ладно. Тогда поступим иначе!

Посоветовавшись, они схватили каждый по ноге Мингуана. Теперь угроза стала более реальной и не такой неловкой.

Се Лянь сказал:

— Прошу вас отступить, иначе, боюсь, ваше тело будет сломано ещё раз.

Мингуан ответил с холодной усмешкой:

— Ха! Вы и впрямь решили, что моя нижняя половина тела — бесполезна?

Се Лянь ощутил волну убийственной Ци, которая распространилась от ладони. Принц сразу отдернул руку и предостерёг:

— Генерал Пэй, осторожно!

Ранее неподвижные ноги, когда никто не ожидал, отвесили пару пинков. Пэй Мин тоже успел отбросить ногу прочь, так ему удалось избежать удара, летящего со свистом лезвия. Ноги перекувырнулись в воздухе и опустились на одно колено, затем медленно выпрямились, стоя сами по себе. Вышло весьма проворно, даже воинственно, и Се Лянь не удержался от похвалы:

— Хорошо! — но сразу же исправился: — Не хорошо!

Что же тут хорошего? Он ведь побеспокоился об установке защитного поля именно для того, чтобы Мингуан не мог приблизиться к ним, теперь же — просто замечательно — верхняя часть Мингуана осталась снаружи, но нижняя оказалась в круге!

Пэй Мин тоже прозрел:

— Мы попались.

Некоторые подобные Мингуану демоны, разделённые на две половины, могли шевелить только той частью, где находилась голова, иные же — обеими. Пэй Мин не мог сразу определить, к какому виду относится Мингуан, но видя, что нижняя половина ужасно тяжёлая и не пошевелилась даже когда на неё наступили, решил, что к первому. Должно быть, то было намеренное притворство.

Снаружи круга Мингуан хлопнул в ладоши и засмеялся:

— Так и есть! Вот что значит — пустить волка в дом. Теперь добраться до вас — что поймать в кувшине черепаху — проще простого!

Сейчас из троих находящихся в круге Хуа Чэн пребывал в медитации, приближаясь к критическому моменту превращения; Пэй Мин лишился меча, сломанного Мингуаном; а Се Лянь использовал Фансинь в качестве замка, запечатавшего магическое поле. Оба остались безоружными, и принцу пришлось принять решение:

— Эмин!

Сабля, лежавшая в стороне ненужным грузом, немедля вскочила и прилетела прямо в руки Се Ляня. Принц сжал рукоять в ладони и бросился в бой. Нижняя половина Мингуана отвесила пинок, но встретилась с Эмином, отчего отступила на пару шагов, едва не

вылетев за пределы круга. Сам же Мингуан чуть изменился в лице, по всей видимости, испугался. Он хлопнул в ладоши, и его нижняя часть приняла первоначальную форму — в воздухе повис клинок длиной почти в три чи, обуреваемый тёмными волнами жажды убийства.

Се Лянь редко сражался саблей, но Эмин в его руках лежал как влитой. Принц как раз готовился отразить следующую атаку, когда Пэй Мин вдруг позвал его:

— Ваше Высочество, не то чтобы я намеренно хочу помешать вам в такой момент, но... с вашим градоначальником Хуа, кажется, не всё в порядке.

Се Лянь обеспокоенно обернулся и увидел, что Хуа Чэн нахмурился сильнее, а руки, лежащие на коленях и сложенные в особых печатях, слегка дрожат. Стоило принцу отвлечься, и обломок меча выбрал точный момент для атаки. В тот же миг Эмин по своей воле покинул ладонь принца и со звоном столкнулся с противником в воздухе!

— Эмин, придётся мне попросить тебя продержаться немного! — воскликнул Се Лянь, затем присел на корточки перед Хуа Чэном. — Как же это? Что пошло не так?

Пэй Мин:

— Меня об этом не спрашивайте, Ваше Высочество, я не настолько хорошо знаком с Князем Демонов, как вы!

Се Лянь позвал Хуа Чэна:

— Сань Лан? Ты меня слышишь? Не нужно терпеть, выходи из медитации!

За пределами круга раздался голос Мингуана:

— Какая-то мелкая сабля, и смеет вставать у меня на пути?!

К тому моменту клинки Мингуана и Эмина уже несколько десятков раз столкнулись в воздухе, высекая снопы искр. Если бы Эмин находился в привычной форме, он бы, разумеется, преспокойно взял верх. Но сейчас на фоне длинного меча потерявший в размерах Эмин выглядел подобно ребёнку, дерущемуся со взрослым. Несмотря на всю свирепость, из-за коротеньких ручек и ножек он неизбежно оказывался в проигрыше. Несколько раз положение становилось весьма опасным, и Се Лянь, невзирая на занятость, обернулся и крикнул:

— Осторожно!

Стоило прозвучать этому крику, Эмин вдруг обернулся серебристым вихрем, который столкнулся с обломком меча. Мингуан за кругом ахнул — видимо, на этот раз ему серьёзно досталось.

— Отлично, Эмин! — похвалил Се Лянь.

Пэй Мин неожиданно произнёс:

— Постойте, Ваше Высочество, мне показалось, или когда вы его похвалили, он стал немного больше?

Се Лянь пригляделся внимательнее.

— Правда?

— Кажется, да. Может, попробуете повторить?

Раз требовалось лишь похвалить, Се Лянь сразу приступил к делу:

— Хорошо. Эмин, слушай внимательно: ты — неукротимый герой, милый и добрый, умный и сообразительный, ласковый и надёжный, не имеешь в мире равных...

Принц вдруг осёкся, не успев высказать всё, что собирался, Пэй Мин же громко захлопал в ладоши, а на лице Мингуана отразилось

выражение полного неверия. Вне себя от ярости, он воскликнул:

— Что это за тёмная магия? Почему я о таком никогда не слышал?!

Чистейшая правда! С каждой фразой похвалы из уст Се Ляня Эмин немного увеличивался в размерах. И если ранее его можно было сравнить с десятилетним ребёнком, теперь он вырос до юноши лет пятнадцати!

Теперь уже обломок меча уступал подросшему Эмину и оказался в незавидном положении, тогда как атаки Эмина стали более неожиданными и быстрыми как ветер. Победитель почти определился, когда Мингуан за кругом вдруг сложил руки в заклинании.

Пэй Мин увидел это и воскликнул:

— Плохи дела, он передал все магические силы своей нижней половине!

Чёрная Ци вокруг обломка клинка обернулась густой завесой и отразила атаку, отбросив саблю прочь.

Эмин отлетел и вонзился в землю. Се Лянь поспешно выдернул его за рукоять и спросил:

— Ты в порядке?

Пэй Мин:

— В порядке. Смотрите. — С такими словами он взял Эмина из рук принца.

Се Ляню это показалось странным, и вдруг он ощутил прикосновение льда — Пэй Мин прижал саблю к его лицу, так что рукоять коснулась губ.

Снова взяв Эмин в руки, принц размял немного занемевшие губы и в недоумении спросил:

— Генерал Пэй, в ваших действиях есть смысл?

— Конечно, есть. Ваше Высочество, прошу, поглядите сами.

Се Лянь опустил взгляд и не нашёл слов. Эмин действительно сделался ещё длиннее!

Мингуан, не в силах больше этого выносить, забранился:

— Чтоб тебя, а это что за тёмное искусство? Показывайте уж сразу всё, на что способны!

— Честное слово, я и сам хотел бы знать, как так получается, — ответил Се Лянь.

Воспрянувший духом Эмин подпрыгнул в воздух и вновь атаковал обломок Мингуана. Сабля и меч сцепились в неустанной схватке. Се Лянь повернулся к Хуа Чэну, Пэй Мин же обратил взгляд к лежащему неподалёку Мингуану. Сейчас он отдал все силы нижней половине, и угроза от верхней половины заметно снизилась. Это заметили все, и Пэй Мин уже вознамерился выйти из круга, чтобы обезвредить врага, когда послышались тяжёлые шаги — обратно прибежал Кэ Мо, который со злостью взревел:

— Ты, коварный заклинатель Центральной равнины, снова мне солгал! Чтоб тебе всю жизнь мусор собирать! Их здесь нет!

Се Лянь и не надеялся надолго отвлечь Кэ Мо, но всё же тот вернулся раньше, чем принц предполагал. Теперь они вновь оказались в опасном положении.

Мингуан страшно обрадовался и, указав на Фансинь, воскликнул:

— Здоровяк, скорее! Сломай этот меч, разрушь магическое поле, и людям в круге некуда будет деться!

Но Кэ Мо и без его напоминаний ударил ладонью по Фансиню, так что меч наклонился ещё на два цуня. Ещё удар, ещё два цуня. Ещё удар, и Фансинь упал!

Защитное поле... всё-таки оказалось разрушено!

Обломок меча бросил сражаться с Эмином и вылетел за круг, вернувшись к Мингуану. Вновь обретя нижние конечности, он стал целым, прыжком поднялся на ноги, похлопал по плечу Кэ Мо, указал на Пэй Мина, затем на себя, потом на Се Ляня, а после снова на Кэ Мо. Тот понял, что это их разделение противников, кивнул и направился к Се Ляню и Хуа Чэну, при этом хрустя кулаками, подобными мешкам с железным песком.

Мингуан же, разминая ноги, свирепо улыбнулся:

— Пэй Мин, ты ведь хотел сломать меня ещё раз? Попытаешься?

Пэй Мин не ответил. Мингуан с холодной усмешкой добавил:

— Генерал ломает меч, Генерал ломает меч... хе-хе! Легенда поистине прекрасная. Даже такая история стала прекрасной легендой! Это доказывает, насколько слепы Небеса.

— Я никогда не считал это прекрасной легендой.

— Чушь собачья! Тебе, как никому другому, должно быть известно, сколько ты убил подчинённых и собратьев, что так долго следовали за тобой.

Тем временем Кэ Мо оказался прямо перед Се Лянем. Принц сжал в руках Эмин. Он не боялся противника, лишь немного волновался, что если на миг отвлечётся, с Хуа Чэном что-нибудь случится.

Видя, как бегают его взгляд, Кэ Мо, будто заподозрил неладное, сказал:

— Не думай меня провести, я больше не попадусь, что бы ты ни сказал!

— Я не обманывал тебя, Бань Юэ и младший генерал Пэй в самом деле были неподалёку, просто убежали, когда я их предупредил. Э? Бань Юэ! Что ты здесь делаешь?!

— Ты меня за дурака держишь? — разъярился Кэ Мо. — На такую глупую уловку...

Как вдруг откуда-то сверху раздался голос:

— Кэ Мо!

Голос был очень знакомым и говорил на языке Баньюэ. Кэ Мо поднял голову и увидел, что ему в лицо летит клубок чего-то фиолетово-красного. В тот же миг здоровяк переменялся в лице и, закрыв голову руками, взревел:

— Пошли прочь!

На него падали ядовитые твари, что обитали когда-то лишь в государстве Баньюэ, — скорпионовые змеи! А той, кто наслал змей, конечно же, была сама Бань Юэ.

Она спрыгнула с дерева и опустилась на ноги прямо перед Се Лянем.

— Генерал Хуа...

Се Лянь сказал Кэ Мо:

— Я же говорил, что это правда Бань Юэ...

Но Кэ Мо его не слушал, только орал на девушку:

— Ты бросила их в меня!!! Ты бросила в меня скорпионовых змей!!! Прекрасно зная, что я более всего ненавижу этих тварей, ты бросила их в меня!!!

— Прости... но... — пригнувшись, ответила Бань Юэ. — единственное, что я умею, — это бросаться змеями...

От Мингуана переменявшиеся обстоятельства также не укрылись, он настороженно спросил:

— Кто это такие?!

Неожиданно с дерева спрыгнула тёмная фигура мужчины. Оказавшись перед Мингуаном, он дал ответ:

— Бывший второстепенный Бог Войны дворца Мингуана, Пэй Су!

Поистине — чудесное войско спустилось с небес. Пэй Мин озадаченно спросил:

— Сяо Пэй? А ты зачем явился?

Се Лянь же обратился к девушке:

— Бань Юэ, ты разве не должна быть с Её Превосходительством Повелителем Дождя?

Услышав последние четыре слова, Пэй Мин едва заметно нахмурился.

— Да, вот и сюда я тоже прибыла вместе с Её Превосходительством, — сказала Бань Юэ.

Мингуан окинул Пэй Су оценивающим взглядом.

— Так ты и есть Сяо Пэй?

— Это я, — ответил Пэй Су.

Мингуан посмотрел на Бань Юэ и насмешливо произнёс:

— Слышал, ты потерял пост небесного чиновника ради какой-то девчонки? Ха-ха, Пэй Мин, а как же твоё излюбленное «братья — что руки и ноги, женщины — что одежда»? Почему твой потомок нисколько на тебя не похож?! Он не перенял от тебя ни капли способности выбирать женщин. Эта советница Баньюэ похожа на крохотную перепёлку, как это называется? Может, сотни лет назад тебе рога наставили, и мальчишка не от тебя? Ха-ха-ха...

Пэй Су сказал:

— Какой вздор, — и тут же бросился в атаку.

Но подскочил с земли и Кэ Мо.

— Ты — мой непримиримый враг! — взревел он.

Мингуан крикнул:

— Эй! Здоровяк, нам по пути!

Обернувшись, Кэ Мо увидел, как Мингуан взлетел в воздух, обернулся длинным мечом и прилетел ему в руки. Здоровяк раскрыл огромную, будто железный веер, ладонь и крепко схватил рукоять меча. Всё его грузное тело в момент вспыхнуло чёрной Ци!

Свирепый мертвец с демоническим мечом подобен дикому зверю с ядовитыми клыками!

Минутами ранее Пэй Мин заставил Се Ляня прозреть. И хотя принц не понимал, почему так происходит, ему показалось, что тем же способом он может оказать помощь и Хуа Чэну. Вначале он хотел незаметно передать магические силы, пока никто не видит, но положение явно усложнилось. Принцу пришлось крикнуть:

— Осторожно!

Пэй Мин не любил участвовать в групповом нападении, поэтому сражаться могли только Пэй Су и Бань Юэ. В плане техники один обладал резкостью и решительностью, другая — лёгкостью и внезапностью, но только на технике они долго не продержатся. Ведь Бань Юэ не достаёт физической мощи, а Пэй Су и вовсе лишён магических сил. Против Кэ Мо в паре с Мингуаном, которые могли похвастаться и магической, и грубой силой, двоим приходилось непросто.

После ругани, обрушившейся на неё, Бань Юэ больше не решалась бросаться в Кэ Мо скорпионовыми змеями. Но вот Пэй Су не чувствовал вины — призванные им змеи сыпались дождём. От злости Кэ Мо то и дело ревел, и только благодаря защитной Ци Мингуана змеи не могли коснуться их. Но Се Лянь, глядя на сражение, напротив — успокоился. Поскольку разглядел, что Кэ Мо и Мингуану явно не хватает слаженности.

Кэ Мо жил в государстве Баньюэ и носил палицу из волчьих зубов. Он привык использовать тяжёлое и крупное оружие, а с мечом явно не чувствовал себя столь же уверенно. И пусть силы ему не занимать, да и меч в руках несравнимо острый, вместе они едва ли могли достичь наилучшего результата, а за короткое время приноровиться не получалось.

Поэтому Се Лянь ухватился за возможность — сложил руки в молитвенном жесте перед Хуа Чэном и сказал:

— Прошу меня извинить!

И всё же, глядя на прекрасное белоснежное личико, на его закрытые глаза, Се Лянь с трудом находил в себе силы действовать. Собрав наконец волю в кулак, он закрыл глаза и придвинулся ближе... но, стоило занервничать, и принц коснулся губами лба Хуа Чэна. Легонько, очень нежно, при этом в душе едва ли не кричал.

Как вдруг рядом послышалось:

— Ваше Высочество, вы что-то перепутали. Какой прок от поцелуя в лоб?!

Се Лянь с перепугу едва не упал, не в силах подняться. Обернувшись, принц увидел Пэй Мина, который присел рядом на корточки.

Чуть рассерженно, что случилось редко, принц сказал:

— Генерал Пэй, вы не могли бы не смотреть?!

— Ладно, ладно, я не смотрю, — Пэй Мин поднял руки.

Он отвернулся и принялся наблюдать за боем. Спустя некоторое время даже выкрикнул, обращаясь к Кэ Мо:

— Кто так сражается мечом?! Не умеешь, не берись!

Кэ Мо, конечно, ничего не понял. Зато Мингуан в его руках отозвался:

— Сам-то не лучше! Своей рукой сломал меч, а теперь как ничтожество стоишь в стороне и другим указываешь!

Но не успели стихнуть его слова, как Пэй Мин вдруг поднялся в воздух и присоединился к битве — оказался прямо перед Кэ Мо. Тот замахнулся и ударил, но услышал до боли звонкий «цзынь» — меч не попал по цели, однако Кэ Мо, опустив голову, невольно остолбенел.

Мингуан в его руках оказался вновь сломан!

Пэй Су не терял времени зря — наслал на противника клубок змей, словно опрокинув чан с пурпурной краской. Пока Кэ Мо ревел и неистово отмахивался от извивающихся гадов, Пэй Мин, опустив взгляд, обратился к мечу:

— Ты прекрасно знаком со всеми моими приёмами. Но и я, разумеется, знаю лучше иных, в каком месте тебя проще всего сломать.

Бань Юэ спустилась с небес с двумя глиняными горшками и без лишних слов запечатала в них потрясённого Мингуана и ревающего что есть мочи Кэ Мо.

Теперь Се Лянь наконец вздохнул спокойно и подумал: «Всё-таки легче управиться с трудностями, когда у тебя много помощников!»

Запечатав горшки, Бань Юэ потрясла их возле уха и прислушалась.

Се Лянь поспешил одёрнуть:

— Бань Юэ, не играйся. Положи их и смотри, как бы не вырвались.

Девушка кивнула, присела возле принца и, глядя на Хуа Чэна, спросила:

— Генерал Хуа, это ваш сын?

Се Лянь улыбнулся:

— К превеликому сожалению, нет.

Но улыбка вскоре исчезла с его лица, потому что Бань Юэ, ойкнув, сказала:

— А я подумала, что это так, потому что видела, как вы его поцеловали.

Повисло неловкое молчание.

Се Лянь больше ничего не захотел говорить, только прикрыл лоб ладонью. Бань Юэ же Хуа Чэн показался очень милым, она потянула его за косицу и заботливо поинтересовалась:

— Кажется, он болен. Может, посадить его в горшок, восстановить силы? В прошлый раз я быстро поправилась в горшке генерала Хуа.

Пэй Су подошёл к ним и присоединился к разговору:

— Нет нужды. Не обращай внимания, Его Высочество сможет сам о нём позаботиться.

Бань Юэ:

— А.

Тем временем Пэй Мин обратил взгляд на девушку.

— Так ты и есть советник Баньюэ?

Он смотрел на неё с высоты своего роста, и сидящая на земле Бань Юэ, накрытая его тенью, кивнула.

Пэй Су как бы невзначай оказался перед девушкой, но Пэй Мин оттолкнул его и приблизился, видимо, собирался как следует её рассмотреть. И вдруг, стоило ему оказаться в двух шагах, Бань Юэ переменялась в лице и молнией спряталась за спину Се Ляня, словно скрываясь от напасти. При этом не похоже было, что девушка испугалась.

Остальным это показалось странным, но Се Лянь, поразмыслив, всё понял и тактично напомнил:

— Генерал Пэй, это... ваши конфеты с демоническим вкусом...

Пэй Мин остолбенел со слегка помрачневшим лицом. Видимо, «аромат» демонических конфет ещё не рассеялся, а Бань Юэ, как-

никак, демоница, и тоже не смогла вынести отвратительной Ци демонов низшего уровня — сбежала, чуть не задохнувшись...

Се Лянь невольно улыбнулся, но тут же принял серьёзный вид и спросил:

— Для чего Её Превосходительство Повелитель Дождя прибыла на гору Тунлу? Где она сейчас? Почему вы не с ней?

Ему ответил Пэй Су:

— Когда демонов настиг зов горы, большая группа нечеловеческих созданий ринулась сюда. Проходя через владения Повелителя Дождя, они схватили крестьян, чтобы съесть в дороге. Тогда рядом не оказалось ни Её Превосходительства, ни её защитника, но узнав о случившемся, они погнались за похитителями до самой горы Тунлу. Мы неустанно следовали за ними, но вдруг услышали зов Вашего Высочества на языке Баньюэ, вот и пришли разузнать, что стряслось.

Тогда Се Лянь позвал их, потому что того требовали обстоятельства, но не думал, что они в самом деле окажутся поблизости. Что называется — бил криво, а попал в цель. Владения Повелителя Дождя с виду походило на мирную деревеньку. Поэтому поведение демонов, которые, не ведая страха, схватили в поселении первых попавшихся людей, удивления не вызывало.

Пэй Мин хмуро спросил:

— Я никак не мог отыскать тебя в мире смертных. Как ты оказался у Её Превосходительства? Только не говори, что отправился за этой советницей Баньюэ.

Пэй Су чуть опустил голову:

— Нет. Её Превосходительство спасла меня.

Как выяснилось, сосланный Пэй Су всё это время бесцельно скитался по миру, а однажды разорил несколько мелких гнёзд приспешников Ци Жуна. Последний разгневался и нанял шайку какого-то сброда, чтобы убить недруга. Если бы Пэй Су обладал магическими силами, толпа не причинила бы ему вреда, но сейчас он имел лишь смертное тело, и против сотни демонов, что окружили его и напали скопом, выстоять не смог — оказался тяжело ранен. Когда ему пришлось совсем худо, на счастье, мимо проходила Повелитель Дождя на своём быке. Она оказала Пэй Су помощь, а когда узнала, кто он и

откуда, позволила временно остаться в своих владениях, чтобы залечить раны.

Пэй Мин, кажется, изрядно удивился:

— Её Превосходительство не стала чинить тебе неприятности?

По словам Ши Цинсюаня, ранее между владениями Повелителя Дождя и дворцом Мингуана случался конфликт — несколько сотен лет назад Повелитель Дождя избавилась от прошлого помощника Пэй Мина. Судя по всему, и Пэй Мин не считал Повелителя Дождя божеством широкой души.

Пэй Су же ответил:

— Нет. На это никогда не было и намёка. Напротив, я получил от неё немалую поддержку.

Внезапно послышался приглушённый голос:

— Повелитель Дождя? Уроженка государства Юйши?

Се Лянь непроизвольно ответил:

— Да! — но сразу же понял, что голос принадлежал Мингуану.

Даже заключённый в горшок, он всё равно наострил уши и внимал всему, что происходит снаружи. Услышав ответ, он стал плевать:

— Пэй Мин! Ты переспал со столькими бабами, а родился такой никчёмный потомок? Влачит своё существование, прося о защите уроженку государства Юйши! Да ещё восхвалять успевает! Поистине, каждое новое поколение хуже предыдущего! Ха!

Выражение лица Пэй Мина сделалось несколько напряжённым. Се Лянь так и не нашёл, что здесь смешного или обидного, поэтому тихонько спросил Бань Юэ:

— Ты что-нибудь поняла?

— Не очень. Но кажется, братец Пэй Су говорил, что перед своим вознесением его генерал командовал войсками в государстве Сюйли.

Пэй Мин служил генералом в государстве Сюйли. Но разве это столь важно?

Даже очень!

Насколько Се Ляню было известно, именно армия государства Сюйли сровняла государство Юйши с землёй!

Бань Юэ добавила:

— А Её Превосходительство Повелитель Дождя была последним правителем государства Юйши.

Не удивительно, что Пэй Мин так странно отреагировал на упоминание Повелителя Дождя. А также вполне ясно, почему Повелитель Дождя не стала церемониться с прежним помощником дворца Мингуана. Выходит, между ними существует стародавняя вражда.

Надо сказать, для небесных чиновников процесс взаимного уничтожения человеческих государств, когда одно сменяет другое, являлся делом обыкновенным, лишь волей Небес. Но когда дело касалось их лично, мало кто оставался невозмутимым. И если великий полководец, уничтоживший родное государство, также становился божеством, да ещё то и дело мелькал перед глазами в чертогах Верхних Небес, довольный собой... Нельзя не отметить, подобное весьма раздражало.

Пэй Су прилепил на горшок с Мингуаном ещё один талисман, и голос мгновенно затих.

— Генерал, а вы зачем здесь? — обратился Пэй Су к Пэй Мину.

— Ради чего же ещё? Да чтобы поскорее вернуть тебя обратно.

Тут Се Лянь припомнил фразу Хуа Чэна. Как видно, именно о такой «награде» Пэй Мин попросил Цзюнь У за отправку на гору Тунлу.

Пэй Мин похлопал Пэй Су по плечу.

— Раз уж и ты здесь, прояви себя как следует. Если получится, может, раньше срока вернёшься в чертоги Верхних Небес.

Пэй Су ничего не успел ответить — талисман на горшке в его руках неожиданно вспыхнул, как оказалось, от гнева сидящего внутри Мингуана.

— Пэй Мин!!! — завопил он. — Ты забыл, что однажды сказал?!

Пэй Су хотел было заткнуть его ещё одним талисманом, но Пэй Мин сделал знак и спросил:

— За свою жизнь я говорил немало. Что ты имеешь в виду?

Мингуан со злостью прошипел:

— Чем ты оправдал себя, когда убивал подчинённых, следовавших за тобой долгие годы? «Некоторых людей можно убить, иных же — нельзя; некоторые поступки можно совершить, иные же — нельзя». Да ещё в такой манере, будто нёс в душе высочайшее стремление спасти всё живое! А что же теперь? Думаешь, никто не знает, какую подлость совершил твой Сяо Пэй? Давно разнесли по

свету! А ты всё придумываешь, как бы ему задницу подтереть, прикрыть его преступления? Неужели твои собратья, что прошли с тобой через столько сражений, заслужили смерти, а как дело коснулось твоего потомка, он — не заслужил? Что же ты за человек... Одежду — поносил и выбросил, руки-ноги — попользовался и отрезал! Или что же, твой Сяо Пэй — самоцвет, а мы все — пустоцвет?!

Пэй Мин выслушал гневную тираду до конца, а потом вдруг сказал:

— Ты ведь... не Мингуан.

Горшок немедля замолк. Спустя ещё мгновение Мингуан прогудел эхом из горшка:

— Что за ерунду ты несёшь, ты разве не видел сам, Мингуан я или нет? Я даже сущность свою явил!

Однако Пэй Мин уверенно заявил:

— Нет. Ты — не Мингуан.

Голос из горшка раздражённо спросил:

— И кем же ещё я могу быть?

Пэй Мин забрал горшок из рук Пэй Су и без тени сомнения произнёс:

— Ты — Жун Гуан.

Эта фраза окончательно заставила горшок замолчать.

Пэй Су же, услышав имя, чуть округлил глаза.

Се Лянь спросил:

— Младший генерал Пэй, кто такой Жун Гуан?

Пэй Су немного пришёл в себя и, поколебавшись, ответил:

— Это его помощник, что находился подле генерала дольше всех ещё до вознесения. Самый способный подчинённый.

Се Ляню наконец поведали легенду о «Генерале, ломающем меч».

В бытность простым смертным Пэй Мину благоволила удача не только на любовном поприще, но и на поле битвы — он был непобедимым воителем, десятки лет не знал поражений. Безусловно, доля успеха крылась в его личной отваге и воинском искусстве, однако обойтись без поддержки помощника он также не мог. И того человека звали Жун Гуан.

Он прославился изворотливостью и коварством, сотнями хитроумных замыслов. Несмотря на огромную разницу в характерах и мировоззрении, Жун Гуан и Пэй Мин давно знали друг друга и

работали в паре на редкость слаженно. Один действовал открыто, на свету, другой — во тьме. То была многолетняя, будто выкованная из железа дружба генерала и подчинённого. Меч Пэй Мина, «Мингуан», был поименован объединением двух имён — Пэй Мин и Жун Гуан [266].

Пэй Мин умел вести сражения. В беспокойный век мятежей и смут умение сражаться намного важнее умения заработать деньги, важнее абсолютно всех других умений. И разумеется, каждый раз его ждал взлёт всё выше и выше. Но как ни взлечай, а самое большее — останешься лишь генералом. Перед этим словом могли стоять выдающиеся, бесчисленные титулы, почётные и многословные. Но всегда кто-то находился на ступеньку выше. И при виде государя ему приходилось склонять голову и опускаться на колени.

Сам Пэй Мин никогда не противился этому, но вот его подчинённые во главе с Жун Гуаном, что вместе со своим генералом брали город за городом, чьи почётные награды на доспехах всё сильнее слепили глаза... начали роптать.

Пэй Мин никогда не был горделив, не забывал своего происхождения. Но его подчинённые безгранично возгордились вместо него.

И сильнее всех возгордился Жун Гуан. А поскольку он ближе Пэй Мина общался с воинами и командирами его армии, и к тому же с лёгкостью затрагивал сердца людей, ему удалось подтолкнуть многих старых соратников к подобным мыслям: «Нынешнее положение генерала Пэя далеко не столь высоко, как он того заслуживает», «Нас вместе с генералом намеренно принижают», «Государство Сюйли и генерал Пэй нуждаются во спасении». Они единодушно составили план, преследуя цель захватить императорский дворец государства Сюйли, сделать Пэй Мина своим правителем, а всем его старым товарищам продвинуться по служебной лестнице и взойти на вершину сильнейшего в те времена государства. Дошло до грандиозных планов на будущее по объединению всей Поднебесной под своим владычеством, фантазий о захвате целого мира. Вот только к их несчастью, сам Пэй Мин не имел ни капли стремления назваться государем.

Он находил отраду лишь в победах на поле брани да в постели с красавицами, а для этого вовсе не требовалось становиться

правителем. К тому же, пускай тогдашний государь Сюйли не имел особых заслуг, но и недовольства народа не вызывал, и на его месте Пэй Мин едва ли смог бы сделать лучше. Безрассудный мятеж принёс бы только вред и никакой выгоды, к чему ни с того ни с сего устраивать смуту? Поэтому, сколько бы исполненный воодушевления Жун Гуан ни намекал Пэй Мину, каждый раз тот умело отмахивался от намёков.

Но Жун Гуан это не останавливало, напротив — он словно становился одержим. Наконец однажды круг его единомышленников принял решение — была не была, начнём действовать, а там посмотрим. Когда всё будет решено, Пэй Мин уже не сможет отказаться, в этом они не сомневались.

Здесь Се Лянь, не зная, что сказать, подумал: «Но разве в таком деле возможно загнать утку на насест...»

Пэй Су, видя задумчивость принца, продолжил:

— Возможно, Жун Гуан не так уж искренне хотел видеть генерала Пэя во главе государства, но ему необходимо было имя генерала, чтобы устроить мятеж. Он не обладал таким влиянием, как генерал, и если бы поднял собственный флаг, едва ли люди пошли за ним.

Се Лянь, подумав, ответил:

— Возможно, что и пошли бы.

Они подняли флаги, чтобы возвести на престол Пэй Мина, и Пэй Мин, разумеется, не мог притвориться, что не знал об этом. Тогда он схватил меч, взял небольшой отряд самых доверенных воинов и ворвался в императорский дворец, где произошла битва.

Которая и стала последней в его человеческой жизни.

Меж двух огней не выбрать — запад или восток

Се Лянь спросил:

— Генерал Пэй победил или проиграл?

Пэй Су ответил:

— Победил. И проиграл.

Все зачинщики мятежа пали от меча Пэй Мина. Среди них — множество старых товарищей, что следовали за ним более десятка лет.

Меч генерала, Мингуан, покидал ножны лишь во время сражений плечом к плечу с этими людьми. Теперь же он стал орудием их убийства.

Когда же битва завершилась, а победитель определился, государь Сюйли в намерении схватить мятежника приказал своим людям окружить Пэй Мина, который весь был в крови и от усталости не мог пошевелиться.

Он умел сражаться, но если битва проходила не на поле брани с настоящей армией, победа могла ему и не достаться. Он одолел врага и спас государя, но в итоге... сам оказался тем, кого приказано «убить без суда»!

Пэй Мин, держа горшок в руке, слышал всё, о чём говорили принц и Пэй Су, просто ему сейчас было не до того.

— Мне следовало сразу понять, что это в твоей манере, — сказал он.

По-видимому, затаённая злоба Жун Гуана переселилась в сломанный меч, испивший крови многих тысяч людей, и душа меча откликнулась ему, только так он смог просуществовать до сего дня.

И всё же голос из горшка холодно отозвался:

— Все твои подручные давным-давно погибли. Я всего лишь меч.

Се Лянь понимал, что сейчас он, скорее всего, не признает своей истинной сущности, поэтому расспрашивать бесполезно.

— Оставьте его, генерал Пэй.

Пэй Мин согласно кивнул и передал горшок Пэй Су.

Теперь у них в руках находились целых два опасных демона. Опуская детали, это несомненно можно считать успешным началом.

— Далее мы с генералом Пэем будем продвигаться вглубь горы, — сказал принц. — Бань Юэ, а вы? Отправитесь на поиски Её Превосходительства Повелителя Дождя?

Пэй Су ответил:

— Её Превосходительство в погоне за похитителями крестьян давно ушла вперёд. Нам с вами всё равно по пути. Мы готовы содействовать генералу и Вашему Высочеству. Идёмте вместе.

Пэй Мин же, придя наконец в себя, слегка нахмурился.

— Тогда давайте скорее выдвигаться. Государыня Юйши — не Богиня Войны, и всё же идёт быстрее нас. Боюсь, впереди поджидает немало опасностей.

Се Лянь поднял на руки Хуа Чэна, Бань Юэ забрала оба горшка с демонами, и отряд поспешил выдвинуться вглубь густого леса.

Поскольку они всё ещё находились на внешнем уровне горы Тунлу, по пути им не встретилось опасных врагов, в основном лишь мелкие демоны, которых даже трогать бессмысленно — отряд просто проходил мимо. Если же кто-то хотел напасть на них, Бань Юэ и Пэй Су выпускали змей, чтобы отпугнуть врага. Так они шли целый день, пока наконец не выбрались из леса ко второму уровню горы.

Здесь заросли стали реже, дорога — шире, и даже появились следы пребывания людей — Се Лянь увидел по краю дороги разрушенные почерневшие домишки. Встретить нечто подобное в месте, отделённом от внешнего мира, было слишком странно, поэтому принц не удержался от вопроса:

— Откуда здесь людские жилища?

Бань Юэ и Пэй Су покачали головой, Пэй Мин тоже ничего не знал.

— Думаю, лучше спросить об этом Его Превосходительство Князя Демонов, что у вас на руках.

Се Лянь подумал об этом сразу же — если бы Хуа Чэн находился в сознании, наверняка смог бы ответить на этот вопрос. Принц опустил взгляд на Хуа Чэна, и его вновь охватила тревога. Жар постепенно отступил, но глаза до сих пор оставались закрытыми.

Пэй Мин напомнил:

— Ваше Высочество, мы начинаем продвижение на следующий уровень, впереди ждут ещё более опасные твари. Может быть, остановимся и дождёмся пробуждения градоначальника Хуа?

Сейчас они находились на широкой развилке. Один путь вёл на восток, другой — на запад. Се Лянь недолго поразмыслил и ответил:

— Уже глубокая ночь. Давайте остановимся на ночлег.

Они весь день провели в пути, стоит немного отдохнуть. Кроме того, принц рассчитывал все силы направить на защиту и помощь Хуа Чэну.

— Хорошо! Братцу Пэй Су тоже нужно отдыхать, — согласилась Бань Юэ.

Тут-то все и припомнили, что Пэй Су теперь — простой смертный, и ему необходим отдых и пища. Сам же он ни разу и словом не обмолвился. Се Лянь, поскольку носил на себе две проклятые канги, также не был исключением, однако из-за переживаний за Хуа Чэна совершенно позабыл обо всём остальном.

Они расположились лагерем на развилке. Бань Юэ развела костёр, Пэй Су отправился на охоту. Се Лянь, видя, что остальные занялись своими делами, вновь принялся всматриваться в лицо Хуа Чэна. Однако вскоре интуитивно обернулся и увидел Пэй Мина, глядящего на них обоих.

Они переглянулись, и Пэй Мин неловко усмехнулся.

— Ладно. Я отойду.

— Нет. Лучше не стоит.

Принц ведь не собирался совершать ничего предосудительного, почему выглядело так, словно он какой-то злодей?!

Тем временем Бань Юэ подошла к ним с горшком, полным съестных припасов.

— Генерал Хуа...

Се Лянь и Пэй Мин одновременно повернулись к ней.

— Что такое? — спросил Се Лянь.

В чёрном горшке сидел связанный перепуганный фазан. Бань Юэ протянула горшок принцу.

— Его поймал братец Пэй Су, сказал, чтобы я приготовила. Но... я не умею.

Вернувшись с охоты, Пэй Су отправился вперёд, разведать обстановку. Ну а Пэй Мин, похоже, был недоволен Бань Юэ, что бы девушка ни делала. И сейчас, совершенно уверенный в собственной правоте, пустился в порицания.

— Ты ведь девушка, а целыми днями сражаешься. Не наряжаешься, не красуешься — ну и ладно. Но ты ещё и готовить не умеешь?

Се Лянь и Бань Юэ не нашли, что ответить. Ведь Бань Юэ не была простой девушкой из обычной семьи, она не имела такого же чувства прекрасного, как Пэй Мин, и конечно, не поняла его слов, которые показались ей странными.

Се Лянь же, можно считать, уяснил, что стоило Пэй Мину заговорить о женщинах, и остановить его невозможно, поэтому сказал:

— Бань Юэ, поставь горшок. Я тебя научу.

Девушка целиком и полностью доверяла принцу, поэтому с радостью согласилась. Спустя полчаса Се Лянь уже общипывал разноцветные перья с тушки фазана, а Пэй Мин, глядя на свои окровавленные ладони, посетовал:

— Вот уж прекрасная картина — Генерал убивает птицу, Наследный принц ощипывает перья.

Се Лянь, глядя на кровь, стекающую с голых рук, которыми Пэй Мин убил птицу, спросил:

— Генерал Пэй, неужели вы не могли воспользоваться ножом, мечом или чем-то подобным? Так ведь сподручнее.

— А есть нож?

Тут же оба непроизвольно повернулись в направлении горшков, стоящих на земле неподалёку. Жун Гуан, кажется, даже в своей темнице ощутил на себе их странные взгляды — горшок задрожал от злости и разразился криком:

— Пошли прочь! И чем дальше, тем лучше! Да я бы окунул свой клинок в яд, чтобы вы отравились!

Принц и генерал поскорее отошли подальше. И только там, где горшок точно их не услышит, Пэй Мин покачал головой и сказал Се Ляню:

— И ведь правда может. Он всегда отличался таким характером. Странно было бы, поведи он себя иначе.

Се Лянь, слушая, как Жун Гуан ругает генерала, проникся сочувствием к Пэй Мину.

— Я вас понимаю. У меня есть двоюродный брат, он немного похож на генерала Жуна. Бранится пуще него. Однако, не такой способный.

Всё-таки Жун Гуан когда-то оказывал поддержку Пэй Мину в сражениях. А пожелай Ци Жун помочь Се Ляню, он погубил бы принца раньше, чем это сделали бы враги.

Пэй Мин, кажется, представил себе Жун Гуана, который бранится ещё почище теперешнего, но при этом не умеет сражаться, и со всей искренностью посочувствовал:

— Поистине страшное дело.

Тем временем Се Лянь запихнул ощипанного фазана обратно в горшок, наполнил ёмкость водой и поставил на огонь вариться, время от времени подкидывая диких ягод, трав или чего-нибудь эдакого, чтобы добавить вкуса. Бань Юэ, глядя на него, старательно отправляла в горшок всё найденное ею, что выглядело съедобным. Пэй Мин, видимо, не понимал, что они делают, но поскольку сам никогда не

кашеварил, подвоха не обнаружил, а лишь подкладывал хвороста в костёр.

— Ваше Высочество, я всё хотел у вас спросить, но поскольку мы не были близко знакомы, как-то не решался.

Они и впрямь не могли считаться приятелями.

Ранее всё, что Се Лянь знал о Пэй Мине, ограничивалось отличными воинскими навыками и званием ветреного соблазнителя женщин, не считая конфликтов между ними. Теперь же, после нескольких совместных сражений, принц невольно поменял свою точку зрения и, можно сказать, ближе познакомился с ним, так что ответил:

— Прошу, спрашивайте, генерал.

— Вас низвергли дважды, поэтому вы носите две проклятые канги. Но после третьего вознесения вы ведь могли попросить Владыку снять их. Почему вы этого не сделали?

Бань Юэ после долгих размышлений вспомнила ещё кое о чём и схватила несколько длинных фиолетово-красных скорпионовых змей, которых тут же запихнула в кипящий на огне горшок. Се Лянь, преспокойно глядя на всё это, ответил:

— Что ж, генерал Пэй, тогда и у меня есть к вам вопрос.

— Прошу, говорите.

— Почему вы не выбрали себе новый меч в качестве артефакта после того как сломали Мингуан?

Пэй Мин вскинул брови.

— Вопрос поистине не самый приятный.

Се Лянь в точности повторил его выражение лица.

— То же могу сказать и о себе.

Оба коротко посмеялись. И вдруг Пэй Мин произнёс:

— Никогда не считал это прекрасной легендой.

— Понимаю.

Се Лянь собирался сказать что-то ещё, но вдруг услышал за спиной странное шевеление. Сердце принца дрогнуло, он тут же обернулся.

— Сань Лан?

Хуа Чэн сам поднялся с земли!

Се Ляня охватило удивление вкупе с радостью, он торопливо схватил Хуа Чэна за плечи.

— Сань Лан! Ты очнулся! И... кажется, вырос?

В самом деле, если ранее Хуа Чэн выглядел как ребёнок не старше десяти, то теперь на вид ему было лет тринадцать-четырнадцать. К тому же, стоило ему заговорить, принц услышал хрипловатый юношеский тембр:

— Да. Спасибо, гэгэ, ты помог мне облегчить процесс.

Пэй Мин:

— Поистине отрадное событие.

Се Лянь:

— Не за что меня благодарить, я... — затем принц осознал слово «облегчить процесс», и его улыбка застыла, а в мыслях пронеслось: «Это ведь не то, о чём я подумал?»

В следующий миг Хуа Чэн схватил его за плечо и самым серьёзным тоном сказал:

— Ваше Высочество, выслушай, с востока сюда приближается тварь. Ты должен пока избежать встречи с ней!

Се Лянь удивлённо замер, они оба обратили взгляды к востоку, будто могли сквозь бескрайнюю темноту ночи увидеть крадущуюся тень. Принц не ощутил никакой опасности, но всё же повиновался:

— Хорошо! Мы укроемся от неё.

Пэй Мин:

— Где мы укроемся?

Но от развилки вело лишь два пути, и Се Лянь ответил:

— На западе!

Бань Юэ схватила глиняный горшок с огня, видимо, чтобы забрать его с собой, и воскликнула:

— Но братец Пэй Су ещё не вернулся!

В тот же миг на западной тропе показалась фигура, которая быстро бежала к ним. Это как раз возвратился Пэй Су, ходивший на разведку.

— Генерал! По этой дороге идти нельзя! Сюда направляется полчище демонов!

Хуа Чэн спросил его:

— Сколько их?

Увидев, кто задал вопрос, Пэй Су на миг остолбенел, но всё же ответил:

— Судя по тому, как дрожит земля, по меньшей мере, пять сотен!

Боги Войны без крайней на то необходимости никогда не станут рассматривать вариант «повернуть назад». И Пэй Мин спросил:

— Так мы идём на запад или на восток?

— На запад! — решительно ответил Хуа Чэн.

— На запад, — согласился Се Лянь.

По какой-то причине Се Лянь интуитивно верил, что запад с полчищем демонов безопаснее востока, где не видно и тени. Без лишних слов они в спешке двинулись в путь. Принц уж было приготовился к встрече с волной нечисти и массовому побоищу, однако они пробежали шесть-семь ли, а никакой толпы не застали. Невольно подивившись, Се Лянь спросил:

— Младший генерал Пэй, где именно и когда вы услышали, что сюда надвигается пять сотен демонов?

— Здесь, неподалёку. Тогда они находились в пяти-шести ли от меня и быстро приближались.

— В таком случае, это весьма удивительно!

Их отряд бежал на запад, тогда как пятьсот демонов бежали на восток, и к тому же очень быстро. Получается, они вскоре должны столкнутся. Но почему впереди не только не видно, но даже не слышно ни одного демона?

— Сяо Пэй, может, ты ослышался? И они повернули назад?

Пэй Су ответил:

— Думаю, вероятность мала. Поскольку они бежали слишком быстро, создавалось впечатление, будто они...

Хуа Чэн закончил за него:

— Спасаются от смерти.

Неожиданно Се Лянь остановился. И не только он, весь отряд встал на месте. Поскольку они увидели, что дорогу преградили горы мёртвых тел.

Среди трупов виднелись и человеческие, и звериные, всевозможных диковинных форм. В воздухе витали разбитые вдребезги души, сгустки чёрного тумана и блуждающие огоньки, от которых остались лишь струйки дымка. Зрелище поистине душераздирающее.

Се Лянь присел на корточки и присмотрелся, после чего заключил:

— Они и впрямь спасались от смерти, но только... не спаслись.

Едва услышав приближение полчища, Пэй Су рванул обратно, чтобы предупредить остальных. А вскоре после этого что-то настигло демонов и разом расправилось с ними.

Хуа Чэн произнёс:

— Это сделал кто-то один.

Се Лянь кивнул. Будь с обеих сторон по целой толпе, не удалось бы сработать столь чисто, да и битва не закончилась бы так же быстро.

Тот, кто уничтожил пять сотен демонов за невероятно короткое время, несомненно, был ещё сильнее Демона острого лезвия. Как видно, это противник, на которого им тоже следует обратить особое внимание.

Бань Юэ, прижимая к себе горшок с супом, сказала:

— Надеюсь, Её Превосходительство не пошла по этой дороге...

Пэй Су заверил:

— Не стоит беспокоиться. У Её Превосходительства есть защитник.

Внезапно Се Лянь услышал неподалёку странный стук, а потом увидел череп, который стучал челюстью — звук исходил именно от него.

Увидев, что его заметили, череп в ужасе взмолился:

— Пощадите, я никогда больше не явлюсь сюда, я хочу обратно, я хочу домой!

Се Лянь почтительно поднял череп с земли и мягко спросил:

— Не бойся, мы просто проходили мимо. Можешь рассказать нам, что здесь произошло?

Череп, не переставая стучать челюстью, ответил:

— Вы... вы проходили мимо?! Не вздумайте идти дальше, впереди ждёт нечто страшное... Вместе с нами он убил уже больше тысячи демонов, но ему всё мало, и он безостановочно... безостановочно...

Больше тысячи!

Всё намного серьёзнее, чем они себе представляли.

Се Лянь продолжил:

— О ком ты говоришь? Ты знаешь его имя? Или прозвище? Или как он выглядит?

— Нет, не знаю. Я не успел разглядеть, ему не понадобилось и нескольких атак, чтобы убить нас. Я лишь смутно увидел издали, что

это мужчина в чёрных одеяниях, очень молодой и очень бледный...

Пэй Мин сказал:

— Как видно, с ним непросто справиться. Ваше Высочество, градоначальник Хуа, вы уверены, что нам стоит продвигаться именно на запад, а не на восток?

Череп тут же сорвался на визг:

— На восток тоже нельзя! Только не на восток!!!

Се Лянь спросил:

— А что такое на востоке?

— Мы... именно потому и выбрали западную дорогу, что не осмелились пойти на восток. Там, на востоке, юноша в белых одеждах... всего за один день уничтожил более двух тысяч демонов. Он ещё страшнее, чем тот, что на западе...

Более двух тысяч!

Выражения лиц всех присутствующих на миг застыли. Се Лянь посмотрел на Хуа Чэна и произнёс:

— Как видно, выбор западной тропы — действительно верное решение.

Череп, стуча зубами, ответил:

— Эх! Какую дорогу ни выбери, всё одно — ошибёшься. Идти некуда!

В самом деле, для обыкновенных мелких демонов любой выбор означал гибель. И на востоке, и на западе их ждала расправа, по какой дороге ни пойдешь — станешь для кого-то пищей, обернувшись пеплом по ветру. И причитания черепа вскоре оборвались — демонические огоньки в его глазах погасли.

Се Лянь аккуратно положил его у дороги.

— Сань Лан, тебе известно, что свирепствует на востоке?

— Пока нельзя сказать наверняка. Но это перемещается сюда. И в нынешнем положении дел хорошо бы не сталкиваться с ним лицом к лицу. С тем, что ждёт на западе, немного легче справиться.

Се Лянь кивнул:

— Хорошо. Тогда продолжим путь на запад.

Они пробрались через горы мёртвых тел и поспешили дальше. Однако спустя целую ночь пути так и не встретили ни мужчины в чёрных одеяниях, ни следов Повелителя Дождя. Се Лянь невольно забеспокоился.

По обеим сторонам дороги строения попадались всё чаще. Теперь они стояли небольшими группами, и стало возможным разглядеть, что вот это — жилище бедной семьи, это — театр, где люди веселились и отдыхали, вон там — лавка всевозможных мелочей, тут — богатый двор... Тропа под ногами превратилась в вымощенную дорогу, на которой смутно угадывался узор. Они словно попали в зажиточный посёлок, при этом безлюдный, необычайно пустынный и печальный.

Увидев у дороги древний колодец, путники подошли набрать воды и обнаружили, что вода внутри довольно чистая, поэтому решили остановиться и отдохнуть.

Се Лянь и Пэй Су утолили жажду, заодно умыли лицо, а подняв взгляд, увидели подошедшую к ним Бань Юэ.

Девушка не выпускала из рук чёрный горшок, который долго ждал своего часа.

— Генерал Хуа, братец Пэй Су, поешьте немного.

— Хорошо, — отозвался Пэй Су. — Спасибо, ты хорошо потрудились.

Се Лянь поддержал:

— Мы все потрудились на славу. Давайте вместе снимем пробу.

Все окружили горшок, но когда Бань Юэ открыла крышку, на лицах многих застыло странное выражение.

Такая вещь как «запах» не имела ни цвета, ни формы, однако в тот миг на их глазах воздух над горшком искривился, будто от воздействия таинственной сущности.

Все очень долго смотрели на содержимое горшка. В зрачках каждого отражалась безграничная тьма, словно их затянуло в бездну. Невозможно выразить словами, какие эмоции содержали эти взгляды.

Спустя некоторое время Се Лянь похлопал Бань Юэ по плечу и поднял вверх большой палец.

— Неплохо. На первый раз сойдёт.

Пэй Мин посмотрел на них, не веря своим глазам.

— Для неё это впервые, ну а для Вашего Высочества — тоже? Насколько я помню, это вы велели ей следовать своим наставлениям, должны быть опытнее неё. То-то мне всё казалось, что где-то кроется подвох. Оказалось, что мне не казалось.

— Правда? — вмешался Хуа Чэн. — Если это готовил гэгэ, я не откажусь попробовать.

Пэй Мин и Пэй Су одновременно обратили к нему свои взгляды, в которых смешалось изумление, ужас и восхищение, а также иные эмоции.

— Гэгэ, как называется это блюдо?

Се Лянь, тихо кашлянув, ответил:

— ...«Падший феникс» [267].

Хуа Чэн от всей души похвалил:

— Прекрасное название.

С такими словами он запустил руку в горшок, в котором не видно дна. Взгляды Пэй Мина и Пэй Су сделались беспокойными, будто они опасались, как бы его не затянуло внутрь. Хуа Чэн тем временем невозмутимо вынул из горшка что-то обугленное, похожее на останки изуродованного трупа, и так же невозмутимо отправил в рот.

Пэй Мин:

— Ну как?

Хуа Чэн:

— Вкус в точности соответствует названию.

Пэй Мин обратился к Пэй Су, лицо которого искажалось сложной гаммой чувств:

— Для тебя приготовили. Сам решай.

Пэй Су ненадолго замолчал. Затем взял из рук Бань Юэ горшок и хладнокровно запустил в него руку.

Се Лянь вновь омыл лицо холодной водой, привёл в порядок волосы и отвернулся от них. Оглядевшись по сторонам, он спросил:

— Почему в месте, отрезанном от мира, так много следов пребывания людей? Неужели гора Тунлу была пригодна для жизни?

Этот вопрос он задавал ещё вчера, однако тогда никто не мог на него ответить. Теперь же кое-что изменилось.

— Была, когда-то очень давно, — произнёс Хуа Чэн. — Гора Тунлу занимает огромную территорию, равную по площади семи городам. Когда-то здесь располагалось древнее государство, и все эти постройки — руины его древних городов. Чем ближе к «печи» в центре горы, тем чаще они попадаются, и тем становятся роскошнее.

Се Лянь несколько не усомнился в его словах.

— Вот оно что.

Позади послышался голос Пэй Мина:

— Сяо Пэй, что ты делаешь? Колени мужчины — его золото [268], сейчас же поднимайся!

Се Лянь не обернулся.

— Сань Лану известно, как называлось древнее государство?

Хуа Чэн, так же не оборачиваясь, завёл руки за спину и ответил:

— Государство Уюн.

Пэй Мин сурово потребовал:

— Ваше Высочество? Ваше Высочество, у вас есть противоядие или что-нибудь подобное? Вы ведь не можете убить, но не закопать [269]! И ещё ты, что за варево ты ему скормила? И что у тебя за змеи такие — варились так долго, а до сих пор шевелятся? Они магические?!

Бань Юэ, судя по всему, принялась бить поклоны и непрерывно извиняться:

— Простите... Простите... Простите... Они действительно магические, но я не знала, сколько варят магических змей... Простите...

Се Лянь подпёр щёку рукой и задумался.

— Прости мою неосведомлённость, но я, похоже, не знаю об этом государстве ничего. Насколько оно древнее?

Однако принц тут же усомнился в своих словах. Уюн, Уюн... Звучит совсем незнакомо. Но если подумать... Ему всё же показалось, что он слышал это название когда-то очень, очень давно из чьих-то уст.

Хуа Чэн ответил:

— Доподлинно неизвестно, однако оно наверняка древнее государства Сяньлэ. По меньшей мере, ему две тысячи лет.

Се Лянь окинул взглядом округу.

— Но по этим постройкам не скажешь, что у них тысячелетняя история.

— Да, разумеется. Всё дело в том, что большую часть времени гора Тунлу полностью закрыта от внешнего мира, подобно огромной гробнице. Отделённые от влияния извне, постройки прекрасно сохранились.

Се Лянь опустил голову и погрузился в раздумья.

Тем временем Пэй Мин наконец добрался до них, бросив Пэй Су.

— Вашему Превосходительству и впрямь известно всё на свете. Но могу ли я поинтересоваться об источнике этих сокровенных

знаний? Я вот никогда не встречал даже слухов о чём-то подобном.

Хуа Чэн, не удостоив его взглядом, ответил:

— Осмелюсь спросить генерала Пэя, кем должен быть тот, кто способен собрать такие сведения на горе Тунлу?

— Теоретически, ему достаточно быть просто демоном. Но учитывая правила горы Тунлу, которая призывает нечисть убивать друг друга, для сбора такого количества весомых сведений нужно находиться здесь довольно долго. В таком случае, демон должен быть очень силён.

— А кем должен быть тот, кто способен выбраться с горы Тунлу, собрав все эти сведения?

— Наверняка на такое способен лишь подобный Вашему Превосходительству непревзойдённый Князь Демонов.

— Вывод — эти сведения собраны лично мной. И если я никому их не передам, разумеется, слухи не распространятся. — Он наконец повернулся к генералу и слегка насмешливо произнёс: — Возможно, для чиновников Верхних Небес хранить что-то в секрете сложнее, чем пережить Небесную кару. Для меня же — вовсе нет.

И он был прав. Окажись подобные сведения в руках чиновника Верхних Небес, и двух часов бы не прошло, в каждой сети духовного общения начались бы активные обсуждения. Хуа Чэн же сумел многие годы держать в тайне столь грандиозную информацию, не продал и не рассказал с целью пустить пыль в глаза, что говорило о невероятном самообладании.

Пэй Мин сказал:

— Я понял вас. Как видно, в отношении Его Высочества, градоначальник Хуа не только знает всё на свете, но и готов всё на свете рассказать, искренне и без утайки.

Неожиданно Се Лянь вмешался:

— Неправда.

Остальные повернулись к нему.

— Что — неправда?

Пока они говорили, Се Лянь над чем-то размышлял, а теперь легко ударил кулаком по ладони и произнёс:

— Я только что сказал, что ничего не знаю о государстве Уюн. Это неправда. Я знаю!

Взгляд Хуа Чэна сделался серьёзнее.

— Гэгэ, откуда ты узнал о нём?

Се Лянь повернулся к нему.

— В юности я посвящал себя самосовершенствованию в императорском монастыре Хуанцзи. И моим наставником был советник государства Сяньлэ. Когда я только поступил к нему в ученики, он поведал мне легенду.

Впрочем, едва ли это можно считать легендой. Проще сказать, что наставник таким образом нарисовал Се Ляню возвышенный и сиятельный образец для подражания...

«Некогда существовало древнее государство, и жил там Его Высочество наследный принц. Талантами превосходил он прочих, был умён не по годам, достиг вершин и в воинском искусстве, и на литературном поприще. Человек поразительный и не имеющий себе равных. Он любил свой народ, и народ отвечал ему взаимностью. Даже после его смерти долгие годы спустя люди не забывали его».

Советник проникновенно и доброжелательно сказал Се Ляню:

— Дитя, надеюсь, ты станешь таким человеком.

Се Лянь, тогда ещё совсем юный, с достоинством выпрямился, сидя перед наставником, и без раздумий ответил:

— Я не желаю становиться таким человеком. Я хочу стать божеством.

В ответ не последовало ни слова. Принц добавил:

— Если тот наследный принц, о котором вы говорите, действительно не имел себе равных, почему он не стал божеством?

Опять молчание. Се Лянь не унимался:

— И если люди действительно его не забыли, почему я никогда раньше не слышал, чтобы кто-то о нём упоминал?

Советник так и не нашёл, что ему ответить.

Се Лянь мог поклясться, что задавал те вопросы без тени вызова или желания пойти наперекор. Ему в самом деле было любопытно, вот он и спрашивал наставника в надежде получить объяснение. Тем не менее, выражение лица советника в тот момент являло собой незабываемое зрелище.

Спросите, как Се Лянь выучил Дао Дэ Цзин наизусть? Вот и причина — тем же вечером советник велел ему сто раз переписать древний трактат, прикрываясь благим намерением «развить нравственную целостность» принца. И Се Лянь подозревал, что не

будь он благородным наследником престола, советник заставил бы его заниматься переписыванием, стоя на коленях. На доске, утыканной гвоздями.

С тех самых пор каждое слово Дао Дэ Цзин глубоко отпечталось в памяти Се Ляня. Заодно сохранилось и воспоминание о «наследном принце государства Уюн».

Прежде Се Лянь очень любил проводить время за книгами, однако не встретил в древних трактатах ни одной записи о «государстве Уюн». Поэтому решил, что советник выдумал легенду для наставления ученика. Либо из-за частых игр в карты память его прохудилась. Но принц не стал выводить наставника на чистую воду — ему не хотелось ещё сто раз переписывать Дао Дэ Цзин. Поэтому он не воспринял тот случай всерьёз и очень скоро позабыл.

Пэй Мин задал вопрос:

— Ваше Высочество, звучит, будто этот советник был не последним человеком у вас в Сяньлэ, стало быть, обладал обширными знаниями. Могу я узнать, что с ним стало?

— Не знаю, — поколебавшись, ответил Се Лянь. — Когда государство Сяньлэ пало, я больше не встречал очень многих из тех, кого знал.

Внезапно что-то схватило принца за лодыжку, и он сурово сверкнул глазами.

— Что такое?!

Принц уже занёс ногу, чтобы раздавить неизвестную тварь, но опустив взгляд, вздохнул с облегчением.

— Младший генерал Пэй, зачем появляться так неожиданно? Это было опасно, я ведь чуть не лишил вас руки.

Ладонь действительно принадлежала Пэй Су. Он лежал на земле лицом вниз, одной рукой схватившись за Пэй Мина, другой — за Се Ляня.

Оба присели рядом и спросили:

— Ты хочешь нам что-то сказать?

Бань Юэ, обнимая горшок, ответила вместо Пэй Су:

— Не знаю, братец Пэй Су только что куда-то пополз, как будто заметил нечто очень важное.

Пэй Мин:

— Ого! Даже в таком состоянии? Вот он какой, наш Сяо Пэй. Так что ты обнаружил?

Пэй Су отпустил ладонь, которой держался за Пэй Мина, и указал куда-то.

Се Лянь проследил в указанном направлении.

— Это ведь...

Окружив небольшой участок земли, они некоторое время изучали находку.

— След от бычьего копыта?

Пэй Су наконец поднял лицо с земли и прохрипел:

— Э... то. След, ко... торый. Оста... вил защитник Её Превосхо... дительства Повелителя Дождя.

Бань Юэ:

— Братец Пэй Су, кажется, ты неправильно разделяешь слова на фразы.

— Я в. По... рядке. Её Превосходительство. Повели... тель... тель... — Он так и застрял на слове «Повелитель» и не смог продолжить.

Се Лянь заподозрил:

— Он... попал под действие яда скорпионовых змей?

Бань Юэ:

— Но яд скорпионовых змей действует иначе...

Вмешался Хуа Чэн:

— Повелитель Дождя встретилась с тем мужчиной в чёрных одеяниях. И между ними произошла битва.

Се Лянь спросил:

— Правда? Как ты понял?

Хуа Чэн намеревался ответить, но вдруг Пэй Су, у которого слова застряли в горле, принялся писать на земле дрожащей рукой. Из необъяснимого уважения остальные внимательно взгляделись и увидели кривые строки, гласящие «боевая форма». Кажется, Пэй Су истратил на написание остатки сил — сжал ладонь в кулак и замер.

Хуа Чэн объяснил:

— Всё так. Защитник Повелителя Дождя — чёрный бык, сотворённый из головы золотого зверя, что держал в зубах кольцо на воротах императорского монастыря государства Юйши. Обыкновенно при ходьбе он не оставляет следов, его поступь легка. Но во время

сражения он меняет форму. Поэтому след от его копыта отличается от обычного бычьего следа — он шире и больше.

— Осведомлённость Его Превосходительства поражает, — заметил Пэй Мин.

Хуа Чэн указал на след и продолжил:

— Гэгэ, взгляни.

Се Лянь наклонился ближе.

— Хм, и правда... след появился внезапно. Стало быть, встреча с врагом также была неожиданной.

— Да. К тому же, след очень глубокий, что говорит о непростом противнике. Здесь бык столкнулся с ним рогами, и его вдавило в землю на два цуня.

Покуда они обрисовывали картину сражения, Пэй Мин также вмешался, не желая признавать себя хуже других:

— Но в конце концов бой завершился на равных.

— Верно, — согласился Се Лянь.

Вокруг не было ни следов крови, ни рассеявшейся демонической Ци. Значит, столкнувшись здесь, противники обменялись быстрыми и яростными атаками, но когда поняли, что им попался крепкий орешек, оба решили отступить.

Хуа Чэн сообщил, что тварь с востока сменила курс, так что они продолжили идти на запад, только скорость отряда немного снизилась. Вскоре впереди показалось необычное высокое строение — издали оно выглядело внушительнее других, и даже несмотря на обрушенные местами стены и загнутые крыши, люди по-прежнему могли только взирать на него снизу вверх.

Се Лянь невольно остановился.

— Что это за место?

Хуа Чэн, лишь бросив взгляд, ответил:

— Храм народа Уюна.

Пэй Мин, который нёс на себе Пэй Су, закинув одну руку себе на плечо, поинтересовался:

— Градоначальник Хуа, откуда вам это известно?

— На нём написано.

Остальные подняли головы и увидели над главным входом в храм каменную табличку, на которой в ряд были высечены огромные знаки. Отполированные временем, несмотря на странные царапины на камне, они оставались довольно отчётливыми.

Помолчав мгновение, Се Лянь заключил:

— На нём действительно написано, но...

Но знаки эти совершенно не представлялось возможным прочесть!

К всеобщей превеликой неожиданности, даже это не стало для Хуа Чэна помехой. Он сказал Се Ляню:

— Строки означают примерно следующее: «Несущий свет Его Высочество наследный принц снизошёл, дабы вечно оберегать землю Уюна». Пустые хвalebные речи, не более. Смотри, гэгэ, знаки в самом конце очень похожи на «У» и «Юн».

Се Лянь чуть переменялся в лице, услышав «Его Высочество наследный принц», а потом и впрямь увидел — несмотря на схожесть строк с рисунками ребёнка, знаки закруглялись и искривлялись, вперемешку со странными точками и закорючками, и слово Уюн формой напоминало иероглифические черты. Оно действительно походило на знакомую ему письменность, только немного иного стиля.

Пэй Мин подивился:

— Градоначальник Хуа смог прочесть даже утерянные тысячи лет назад знаки древнего государства? Я поистине восхищаюсь вами.

Хуа Чэн приподнял бровь и фальшиво улыбнулся.

— Я провёл на горе Тунлу десять лет. Только за месяц можно сделать очень многое. Если же за десяток лет не сумеешь расшифровать какую-то письменность, для чего вообще жить на этом свете, верно?

Даже дюжина прежних Богов Литературы чертогов Верхних Небес едва ли осмелились бы сказать подобное. Как же быть Пэй Мину в статусе Бога Войны? Ничего иного не оставалось, как с такой же фальшивой улыбкой ответить:

— Возможно.

Се Лянь тихо вздохнул.

— Как хорошо, что ты с нами, Сань Лан.

Хуа Чэн:

— Я могу прочесть лишь самые простые письма. Если попадутся сложные тексты, придётся просить гэгэ помочь мне разобраться в них.

Се Лянь смущённо ответил:

— В этом... в этом мне наверняка не превзойти Сань Лана. Но... неужели божеством, которому поклонялись в государстве Уюн, тоже был их наследный принц?

Хуа Чэн скрестил руки на груди.

— Я думаю, да.

Се Лянь задумчиво нахмурился.

— Если наставник знал историю наследного принца Уюна, он также должен был знать и о его вознесении. Но почему он поведал мне, что Его Высочество «умер»?

— Три варианта. Первый — он действительно не знал об этом. Второй — он солгал. Третий — он не солгал, и наследный принц государства Уюн действительно «умер», просто не в том понимании, в каком мы употребляем это слово.

Пэй Мин:

— Будь Владыка здесь, возможно, мы могли бы расспросить его об этом государстве и об этом человеке.

Хуа Чэн возразил:

— Вряд ли. Государство Уюн исчезло более двух тысяч лет назад. По сравнению с ним Цзюнь У — лишь юноша. Их разделяет поколение.

Цзюнь У вознёсся примерно полторы тысячи лет назад. Будучи прославленным генералом в смутные времена, он единолично занял престол. Правление длилось несколько лет, затем он благополучно стал божеством. Его происхождение, как Первого Бога Войны, что находился на своём посту более тысячи лет, давным-давно не являлось ни для кого секретом, до всевозможных мелочей. А под «поколением» Хуа Чэн имел в виду поколение Небесных чертогов.

Нынешние чертоги Верхних Небес, пантеон сотни божеств во главе с Цзюнь У, относился к одному поколению. Все их предшественники относились уже к другому.

Ровно как сменяли друг друга правящие династии смертных, так и в Небесных чертогах происходила «смена поколений». Для этого требовалось очень и очень долгое время, но суть была одна — как

новые последователи сменяли старых, так и новые божества приходили на смену прежним.

Иногда небесного чиновника ждало забвение вовсе не потому, что он совершил ошибку и был низвергнут. Возможно, появлялось более сильное божество, жизнь и образ мыслей верующих постепенно менялись, и они больше не нуждались в богах прошлого.

К примеру, сегодня у божества, заведующего конюшнями и лошадьми, дела идут прекрасно, поскольку люди не могут обойтись без лошадей и повозок. Кому не хочется, чтобы собственный конь был силен и вынослив, чтобы в дороге сопутствовала удача? Поэтому благоволия в храмах этого божества горят неугасимо.

Но если однажды люди найдут для передвижения что-то новое, быстрее лошади, и это средство станет для них предпочтительнее, огни в храмах старого божества неизбежно угаснут. Таких чиновников, мелькающих на небе, словно падающие звёзды, подавляющее большинство.

И подобный процесс забвения — самый страшный, поскольку его почти невозможно обратить вспять. Единственный выход — самому спрыгнуть с Небес, стать простым смертным, сменить вид деятельности и вновь тяжкими трудами вознестись в совершенно ином качестве. Иначе остаётся лишь своими глазами наблюдать, как тебя забывают до полного исчезновения. Но не у каждого найдётся на это смелости, не каждому даётся такая удача.

Пантеон богов предыдущего поколения канул в небытие. Поговаривали даже, что их владычество привело к большому бедствию, они передрались между собой, и потому всем скопом исчезли с Небес. Доподлинно это неизвестно, да и давным-давно утратило важность.

Поскольку спустя несколько столетий появился Цзюнь У, который и заложил новый пантеон богов. Следом за ним непрерывной вереницей вознеслось новое поколение небесных чиновников. Недостаток верующих восполнился, и постепенно сформировалась прочная основа нынешних Небесных чертогов.

Другими словами, вряд ли кто-то мог знать, как именно были стёрты все следы древнего государства Уюн и божеств, которым поклонялись его жители. Разве только существовал небожитель ещё старше Цзюнь У.

Они перешагнули через развалины стен храма и оказались в главном зале, где стояла крошечная тьма. Однако, не пройдя и двух шагов, Се Лянь понял — что-то здесь не так.

Он было решил, что в зале так темно, потому что сюда не проникает свет через окна. Но осматриваясь по сторонам, он всё сильнее чувствовал некую странность. Принц подошёл к стене, дотронулся до неё пальцами и поднёс их к глазам. У него невольно вырвалось:

— Стены...

Хуа Чэн подхватил:

— Чёрные.

Дело не в плохом освещении! Стены громадного храма оказались полностью чёрными!

Хуа Чэн:

— Насколько мне приходилось видеть, практически все храмы на горе Тунлу подобны этому.

Зрелище и впрямь пугающее. В каком храме станут красить стены в чёрный, чтобы помещение походило на преисподнюю? От одного взгляда любого охватит ужас, как в подобных условиях сосредоточиться на молитвах и подношениях божеству?

Пэй Мин переспросил:

— Все подобны этому? Почернели от старости?

— Среди построек, что встретились на пути сюда, я не видел почерневших настолько сильно, — возразил принц. — Посудите сами, ведь все эти здания должны быть примерно одного возраста.

Говоря это, принц продолжал осторожно трогать стены храма. Они оказались не только пугающе чёрными, но и неровными, словно изуродованное женское лицо, покрытое страшными шрамами. И к тому же несравнимо твёрдыми.

Се Лянь вдруг кое-что понял.

— В храме случился пожар.

Пэй Мин:

— Почему вы так решили?

Се Лянь повернулся к нему.

— Стены храма изначально покрывали фрески, нанесённые особой краской. Очень толстым слоем. После сильного пожара она

почернела, в некоторых местах от жара растаяла и потекла, а когда застыла, образовала твёрдые неровности.

— Ваше Высочество, вы прекрасно осведомлены. Мне остаётся только восхищаться и вами тоже.

Се Лянь потёр точку между бровей и кашлянул.

— Здесь... вовсе нечем восхищаться. Дело в том, что когда сжигались мои собственные храмы, возникал такой же эффект.

Остальные тут же замолчали. А Се Лянь вспомнил ещё кое о чём:

— И эта табличка снаружи! На хвалебной надписи видны царапины, не похожие на естественные повреждения. Должно быть, они нанесены острыми предметами. Это сотворили люди.

Пэй Мин нахмурился:

— Почему они это делали?

Хуа Чэн холодно отозвался:

— Потому что не были согласны с написанным.

— Верно, — кивнул Се Лянь. — То же самое, что разбить табличку над храмом.

Бань Юэ, подивившись, спросила:

— Получается, храм сожгли сами жители государства Уюн?

Спустя некоторое время молчания Се Лянь хотел ответить, но Пэй Мин неожиданно воскликнул:

— Это что ещё такое?

Се Лянь обернулся и увидел, что Пэй Мин держит навесу левую руку, в которую его, разинув пасть, кусает скорпионозная змея, да ещё яростно жалит своим хвостом.

Бань Юэ опять чуть не бухнулась перед ним на колени.

— Простите, у меня повсюду змеи...

Се Лянь, не зная, плакать или смеяться, удержал её на месте и сказал:

— Бань Юэ, не нужно возвращать привычку то и дело падать на колени с извинениями. Генерал Пэй, как вышло, что её змея вас укусила?

Пэй Мин, не опуская руки, с мрачным видом сказал:

— Откуда мне знать? Я только хотел положить руку ей на плечо и оказался укушен.

Се Лянь терпеливо продолжил расспрашивать:

— В таком случае, для чего вы, генерал Пэй, хотели положить руку ей на плечо?

Кажется, сам Пэй Мин только что заметил эту деталь и начал над ней размышлять, после чего ответил:

— Дело привычки. Совершенно логично в таком тёмном, мрачном месте обнять девушку за плечо и утешить, чтобы она не боялась, вам не кажется?

Бань Юэ:

— Простите, но мне совсем не страшно.

Се Лянь всё понял — у Пэй Мина неосознанно зачесались руки, что и привело к печальному исходу. С огромным трудом оторвав змею от руки, которая уже заметно опухла, Пэй Мин сказал:

— Скорее дай мне противоядие.

Бань Юэ:

— Простите, но я истратила всю траву шань-юэ.

Се Лянь:

— Ничего страшного, генерал Пэй — небесный чиновник, скоро опухоль спадёт.

Принц отвернулся и продолжил изучать стену. Как вдруг его взгляд, коснувшись одного участка, застыл.

— Скорее посмотрите сюда. На стене осталось лицо!

Кроются во тьме стен небесные божества

Принц не ошибся. То ли пламя обошло этот участок стороной, то ли краска сверху, растаяв, стекла и накрыла рисунок, защитив от исчезновения, но под пальцами Се Лянь действительно ощутил очертания человеческого лица. Он принялся с осторожностью очищать со стены застывшую чёрную корку.

Пэй Мин, придерживая опухшую до огромных размеров руку, поинтересовался:

— Ваше Высочество настолько увлекается настенными фресками?

— Дело не в увлечении. А в довольно смелом предположении, которое меня посетило.

— Поделитесь?

— Нам выпала редчайшая возможность побывать на горе Тунлу. Возможно, помимо уничтожения потенциального Князя Демонов, мы

также сможем разузнать что-то о её истоках? К примеру, кто создал гору и какая сила поддерживает её существование? Кто знает, вдруг нам удастся одним ударом уничтожить её раз и навсегда? И тогда больше не придётся беспокоиться о появлении нового Князя Демонов.

— И впрямь смелое предположение. Но если уж градоначальник Хуа не докопался до истины, боюсь, мы потратим на это ещё больше времени. В данных обстоятельствах я не рекомендую вам заниматься подобным.

Хуа Чэн однако возразил:

— Я не докопался до истины из-за собственной глупости и ограниченных способностей. Кроме того, тогда я был занят истреблением противников. Если же гэгэ возьмётся за дело, всё возможно.

Се Лянь:

— Нет, нет, нет. Это мои способности ограничены, а Сань Лан намного способнее моего.

Будто не в силах больше их слушать, Пэй Мин передал Пэй Су на попечительство Бань Юэ, а сам развернулся и направился прочь из храма.

— Выйду подышать свежим воздухом.

Тем временем Се Лянь на удивление легко справился с избавлением стены от чёрной краски и растерянно застыл.

— Выходит, всё это можно...

Обожжённую корку можно соскрести со стены целыми кусками!

За время их недолгого разговора принцу удалось очистить большой участок, и под краской обнаружилось человеческое лицо размером с кулак ребёнка. Линии отличались простотой, но выражение на лице казалось на удивление живым — оно словно стремилось к чему-то, кисть художника изобразила даже восторг во взгляде. Чёрная корка, вопреки ожиданиям, стала защитным слоем, который сохранил цвета фрески яркими, словно работу закончили только что.

Се Лянь обернулся и сказал:

— Сань Лан, давай вместе...

Но Хуа Чэн не сдвинулся с места, во тьме лишь сверкнул поток серебристого блеска. И очень скоро несколько сотен серебристых бабочек бесшумно возникли у стены, помахая крылышками. По мере того как слаженно двигались их крылья, Се Лянь слышал тихий

треск. По чёрной стене расползлось множество мелких трещин, будто по маске, которая крошками осыпается с лица.

А после маска слетела окончательно.

Чёрная корка с шумом осыпалась со стены, обнажив истинное лицо, скрытое за ней...

Огромную цветную картину!

Се Лянь задрал голову, глядя на стену, и почувствовал, как по коже пробежали мурашки.

Изображение отчётливо разделялось на четыре уровня. На самом верхнем клубились облака, пронизанные золотым сиянием, но не было людей.

На втором уровне появился человек, прекрасный юноша в белом одеянии. Вокруг него также вырисовывался ослепительный золотой блеск — той же краской, что и сияние на верхнем уровне.

На третьем уровне находились уже четверо. Их внешность, одеяния, выражения лиц и застывшие жесты совершенно отличались друг от друга, а ростом они были вполовину меньше юноши со второго уровня.

Четвертый и последний уровень разительно отличался от остальных количеством персонажей — здесь людей было огромное множество, и вновь размеры фигур уменьшились в половину. К тому же, лица совершенно не отличались друг от друга, как и выражения на них — восторженные, полные благоговения, будто замороженные. Первое лицо, что обнаружил Се Лянь, находилось именно на последнем уровне.

Картина, явно выполненная рукой мастера, потрясла принца. Спустя долгое время он наконец заговорил:

— Сань Лан, тебе... когда-нибудь приходилось видеть нечто подобное?

Хуа Чэн медленно произнёс:

— Я обошёл большую часть территорий горы, побывал почти во всех храмах Уюна. И могу утверждать, что ни в одном из них такого не встречал.

Принц оправился от потрясения и предположил:

— Боюсь, возраст фрески не может насчитывать две тысячи лет.

Хуа Чэн согласился:

— Совершенно точно не может. Судя по цветам и по её сохранности, ей самое большее — сто лет. Возможно, что и меньше.

Иными словами, фреску изобразили многим позднее!

Се Лянь указал на самый верхний уровень.

— Должно быть, это «Небеса». Поскольку «Небеса» возвышаются над всем сущим. — Затем указал на второй уровень. — А здесь, думаю, изображён наследный принц Уюна. Раз уж в этом храме поклонялись именно ему, главным героем фрески, разумеется, должен быть он. Поэтому размерами он превосходит других, а сияние вокруг точно такое же, как от «Небес». Кроме того, он следует лишь на ступень ниже. — Затем принц указал на последний уровень. — Здесь люди изображены самыми маленькими, с одинаковыми лицами. Похоже, это народ государства Уюн. — В конце настал черёд третьего уровня. — Но кто эти четверо? По расположению на картине и по росту они находятся над людьми, но ниже наследного принца. Это означает, что и положением они обладали соответствующим. Крупные чиновники? Защитники? Или...

Хуа Чэн приблизился на несколько шагов и сказал:

— Гэгэ, взгляни, от них тоже исходит божественное сияние.

И правда, исходит. Только его почти не видно из-за слишком яркого света вокруг наследного принца Уюна.

Се Ляня осенило:

— Это небесные чиновники, которых принц избрал своими помощниками по вознесении.

То есть, они занимали то же положение, что Фэн Синь и Му Цин во время первого вознесения Се Ляня. Принц ещё раз прошёлся по храму и убедился, что тайную подсказку скрывала лишь одна стена — остальные были обожжены до невозможного состояния.

Но кто оставил картину? И для кого? Что именно он хотел этим сказать?

Основываясь лишь на одном изображении, Се Лянь не мог понять всего. Помолчав, он обратился к Хуа Чэну:

— В дальнейшем будем посещать все храмы Уюна, что попадутся на пути. У меня предчувствие, что подобная фреска... не единственная.

Хуа Чэн согласно кивнул.

— Именно это я собирался предложить.

Вдвоём они, помогая Бань Юэ нести Пэй Су, вышли из храма. Тут Се Лянь вспомнил ещё кое о ком.

— А где генерал Пэй?

Пэй Мин сказал, что выйдет подышать воздухом, однако они находились в храме довольно продолжительное время, а он так и не вернулся.

Се Лянь несколько раз позвал, но не дождался ответа.

— Он ведь не мог потеряться в такой момент?

Они ещё поискали по заброшенному посёлку, но ничего не обнаружили, а сетью духовного общения на горе Тунлу воспользоваться нельзя.

И когда Се Ляню уже казалось, что найти пропавшего не получится, Хуа Чэн сказал:

— Гэгэ, не волнуйся. У меня есть способ.

Он вытянул руку, и с ладони его вспорхнула крошечная серебристая бабочка, которая закружилась возле Се Ляня. Принцу малютка показалась очень милой, но в чём её назначение, он так и не понял.

— Что...

И вдруг принц услышал дыхание, а потом и голос мужчины, который раздавался прямо от бабочки:

— Вот уж не ожидал, что встречу здесь с тобой.

Пэй Мин!

Се Лянь перевёл взгляд на Хуа Чэна, который, улыбаясь, объяснил:

— Ночью я оставил по бабочке на каждом из нас.

Пэй Су с трудом поднял голову и проговорил:

— Значит... ты можешь с их. Помощью наблю... дать за. Каждым нашим шагом, а... мы не. Почувствуем твоего присутстви... я? Истинный Собиратель. Цветов под. Кровавым дождём.

Хуа Чэн:

— Не умеешь разделять фразы, лучше помолчи.

И Пэй Су замолчал.

Се Лянь усадил бабочку на ладонь и спросил:

— Генерал Пэй? Где вы? Кто с вами?

Хуа Чэн заметил:

— Прости, гэгэ. Можно только слушать. Он тебя не услышит.

Се Лянь, подумав, ответил:

— И то верно.

Если бы голос слушателя также мог передаваться, было бы очень легко выдать себя.

Затем от бабочки раздался прохладный и утомлённый голос молодого мужчины:

— Старина Пэй, мой тебе совет... Не стоит сейчас пускаться в никому не нужные рассуждения. Иначе я прихлопну тебя одним ударом.

Се Лянь чуть округлил глаза при первых звуках этого голоса.

Мужское обличие Линвэнь!

Принц воскликнул:

— Вот как! Выходит, мужчина в чёрном, что по дороге сюда учинил смертоубийство... это Линвэнь в мужском обличии.

Пэй Су спросил:

— Это. Госпожа Линвэнь. Схватила генерала Пэя?

Се Лянь ответил:

— Не знаю, послушаем ещё.

Тем временем Пэй Мин отозвался:

— Дражайшая Цзе, к чему так сильно гневаться?

— Замолчи. Сказано, не говори ничего. Это гневаюсь не я, а кое-кто другой. Скажу сразу. Сейчас я не могу контролировать своё тело. Если покалечу тебя ненароком, не ищи расплаты.

— Мы оба сейчас в одной лодке — не можем сдвинуться с места. Кого ты пытаешься напугать?

Се Лянь поднял взгляд.

— Не Линвэнь схватила генерала Пэя. Сейчас они оба в плену у кого-то другого. — Принц задумчиво добавил: — Если он смог управиться даже с Божеством парчовых одежд... что же это за противник?

Пэй Мин спросил:

— На тебе сейчас до сих пор надето...?

Он не договорил, но все прекрасно поняли, о чём речь.

Божество парчовых одежд!

Линвэнь ответила:

— Да. И ты ему очень не нравишься. Лучше тебе последить за своим языком.

— Откуда ты знаешь, о чём он думает? Я просто преклоняюсь перед тобой. Как нужно было себя корить, чтобы такое устроить? Дерзновенно отправиться во дворец Шэнью, выкрасть тварь, разбив собственную золотую чашу ^[270]! А теперь ты явилась на гору Тунлу. Это он тебя заставил?

— Нет. Я сама так решила. Старина Пэй, прекрати спрашивать! Он сердится. Я это чувствую.

Пэй Мин подчинился. Спустя несколько мгновений Линвэнь тихонько выдохнула — похоже, Божество парчовых одежд успокоилось.

— Старина Пэй, а ты как здесь оказался? Зачем тебе в твоём-то прекрасном положении вдруг срываться на гору Тунлу? Тебя в руку покусал миллион ос? Почему она так распухла?

Голос Пэй Мина сделался крайне подавленным.

— Всё с самого начала не заладилось. Долгая история. Я не мог вот так бросить Сяо Пэя. Положение изначально не было настолько плачевным, но откуда я знал, что наткнусь на врага? Если бы не это ранение, считаешь, я бы позволил себя схватить и притащить в это проклятое место? Я даже не разглядел его лица.

Се Лянь подумал: «Скорее скажите, что за проклятое место?! Пещера или помещение? Говорите, так мы хотя бы будем знать, где вас искать!»

Впрочем, кое-какие подсказки всё же имелись. В пределах горы Тунлу невозможно применить Сжатие тысячи ли, следовательно, Пэй Мин наверняка где-то поблизости. Судя по голосу, вокруг них достаточно пустого пространства, даже слышалось небольшое эхо. К тому же, Се Лянь смутно уловил шум воды.

По дороге им не попадалось ни рек, ни озёр, а кроме храма Уюна вокруг не наблюдалось более просторных помещений. Значит, сейчас они могли находиться только...

Под землёй!

Но ведь и посёлок немаленький, где их искать?

Пэй Мин продолжал разговор:

— А ты сама? Слышал, ты убила больше тысячи демонов по пути сюда, испугала всю нечисть до смерти. Достоинно поздравлений. Первым Богом Литературы тебе больше не быть, можешь переучиться на Бога Войны. Так что же за твари удалось тебя скрутить?

Линвэнь печально усмехнулась.

— Я сама этого не знаю. Имела неосторожность вступить в схватку с Повелителем Дождя, а после, пока в голове не прояснилось, кто-то напал со спины. Видимо, прятался во тьме, ожидая момента. Спрашивать не придётся, он рано или поздно явится сам. Главное, не раскрой себя, и всё будет в порядке.

Неожиданно в их диалог вмешался третий голос:

— Спуститесь с небес, бесстыжая парочка! Пэй Мин, Наньгун Цзе... мне ли не знать, что вы собой являете на самом деле?!

Что есть «Анти-Сюйли» и в чём неуважение к литературе?

Что есть «Анти-Сюйли» и в чём неуважение к литературе ^[271]?

Голос принадлежал мужчине и звучал совершенно незнакомо. Се Лянь невольно заговорил тише, даже зная, что с другой стороны его не услышат:

— Кто-то явился. Возможно, он враждебно настроен к генералу Пэю. Мы должны поспешить и поскорее найти их.

Тем временем пленников случившееся немало потрясло, лишь через какое-то время Пэй Мин заговорил:

— Позвольте узнать, Ваше Превосходительство, кто перед нами? Раз дело зашло так далеко, почему бы не явиться в истинном обличи?

— Об этом надо тебя спрашивать, — ответил незнакомый голос.

— Наверняка это кто-то из твоих врагов. Скорее всего, демоница. Опять из-за тебя попали в передрагу, — сказала Линвэнь.

— Ты с честными глазами несёшь полный бред. Да где же эта... тварь хоть немного походит на демоницу? К тому же, он схватил не только меня. Может, это кто-то из твоих недоброжелателей?

— Ладно, не стоит в такой момент сваливать вину друг на друга. Будем справляться сообща. Возможно, это наш общий враг. Не припоминаешь никого похожего?

— Не припоминаю. Таких слишком много.

Незнакомый мужчина, похоже, подошёл ближе — его голос зазвучал громче. Однако кое-что удивило Се Ляня — он не услышал звука его шагов, а только странное «бум-бум».

— Может, хоть капля совести у вас найдётся, чтобы не заигрывать друг с другом на моих глазах? — заговорил он.

По всей видимости, формулировка фразы и тон, которым она была сказана, выдали владельца голоса.

— Вы... Совершенный Владыка Цзинвэнь? — помолчав, спросила Линвэнь.

Ответа не последовало.

Пэй Мин, кажется, тоже немало поразился.

— Совершенный Владыка Цзинвэнь? Но постой, разве он мог вести столь грубые речи?

Линвэнь усмехнулась:

— Он всегда именно таким и был. Со мной он говорил так, с другими — иначе. Разумеется, тебе кажется, что это на него не похоже.

Се Лянь в свою очередь нахмурился:

— Совершенный Владыка Цзинвэнь?

Принцу показалось, что он где-то слышал этот титул, однако не мог сказать наверняка. Походило на Бога Литературы, но среди Богов Литературы было слишком много тех, чьи божественные титулы содержали слова «вэнь» как «литература», «цзин» как «почтение» или же «цзин» как «спокойствие».

Тем временем Пэй Су тихим голосом объяснил:

— Совершенный Владыка Цзинвэнь... был тем... кто избрал Совершенного Владыку Линвэнь... себе в помощники... Это предыдущий... Первый Бог Литературы!

Тут и Се Лянь наконец вспомнил. Во времена его первого вознесения Линвэнь являлась лишь младшим служащим дворца литературы в чертогах Нижних Небес. А на посту Первого Бога Литературы Верхних Небес находилась не она, а другое божество. И похоже, тогда это место занимал именно Совершенный Владыка Цзинвэнь!

Но теперь Цзинвэнь давным-давно забыт, на восемь сотен ли вокруг не сыщешь дворца Цзинвэня.

Се Лянь, не сдержавшись, произнёс:

— Так значит, они давние знакомые. Но почему же не поговорить спокойно? Обязательно сразу нападать, хватать и связывать?

Хуа Чэн же ответил:

— Именно по причине давнего знакомства обязательно сразу нападать, хватать и связывать.

Как только Хуа Чэн замолчал, вновь заговорил Цзинвэнь на той стороне. Поскольку его раскрыли, он решил сохранить достоинство — сменил маску и заговорил более возвышенно. Но только в шелках его речей прятались иглы.

— Наньгун, ты ведь так удачно устроилась Первым Богом Литературы в чертогах Верхних Небес? Зачем разбила свою золотую чашу и прибежала сюда?

Пэй Мин сказал:

— Видишь? Он по твою душу. В этот раз всё из-за тебя.

Цзинвэнь возразил ему:

— Генерал Пэй, не стоит думать, что я здесь, чтобы поквитаться с Наньгун, а ты вовсе ни при чём. Из-за этой мерзавки в моих храмах угасли огни благовоний, она тайно посылала людей, чтобы рушить мои монастыри да подкидывать дров в костры. Думаешь, мне не известно, кто предоставил ей для этого своих младших служащих? Наньгун, и ты бы тоже не смеялась. Напрасно я когда-то оценил тебя и из стремления помочь таланту избрал своей помощницей. Так-то ты мне отплатила? Позабыла об оказанной милости и долге. Поистине самая жестокая вещь на свете — женское сердце. Я ждал этого дня очень долго. Очень долго!

Се Лянь прикрыл лоб ладонью и подумал: «Три Опухоли поистине заслуживают своего прозвища. Поступки, совершаемые ими, — один хуже другого!»

К неожиданности принца, Линвэнь спокойно ответила:

— Совершенный Владыка Цзинвэнь, сейчас здесь только мы, и раз уж вы решили нас бранить, к чему теперь прикидываться невиновным? Вы действительно выбрали меня в помощники из стремления помочь таланту? Пусть другие не ведают, почему вы меня избрали и как относились ко мне после, но ведь вы сами должны знать это, как никто другой.

Се Ляню становилось всё любопытнее.

— Что же произошло между Совершенным Владыкой Цзинвэнем и Линвэнь? Младший генерал Пэй, вам это известно?

Пэй Су, который также внимательно слушал, ответил принцу:

— Про... стите. То... гда я... ещё не... вознёсся... и знаю... немного.

Се Лянь заподозрил, что теперь бедняга всю жизнь будет разговаривать отрывисто.

Хуа Чэн привлёк его внимание:

— Гэгэ, не нужно спрашивать кого-то ещё. Достаточно спросить меня.

Се Лянь удивился:

— Неужели Сань Лану известно даже о таких стародавних событиях в чертогах Верхних Небес?

Выходит, принц не ошибался, и Хуа Чэн действительно прекрасно осведомлён о деяниях крупных чиновников Небесных чертогов, как о тёмных, так и о светлых. Не обманув ожиданий, Хуа Чэн кивнул и поведал Се Ляню следующее.

Оба Бога Литературы — Цзинвэнь и Линвэнь — являлись выходцами из государства Сюйли. При этом первый был старше на несколько сотен лет, прочно укрепился в государстве Сюйли, и первоначально двое не имели никаких точек соприкосновения.

Но однажды в государстве Сюйли проводился обряд поклонения Богам Литературы, который включал в себя небольшое состязание. Молодым образованным людям полагалось написать сочинение на тему «государство Сюйли», при этом содержание могло быть самым разнообразным. Работы без подписей вывешивались в самом большом храме Бога Литературы... в ту пору им являлся храм Цзинвэня. Критиками выступил простой народ, они выбирали лучшее сочинение, чтобы отметить автора наградой.

Как раз в те времена Совершенный Владыка Цзинвэнь спустился в мир смертных для праздной прогулки. Ему пришло в голову обернуться обыкновенным студентом и поучаствовать в состязании. Один взмах кисти — и готово, он написал длинное блистательное сочинение, в котором воспел величие государства Сюйли, уверенный, что сумеет выделиться среди прочих. Если представить, что при обнаружении результатов состязания именно его работа окажется лучшей, а после откроется истина, что победителем стал двойник самого Совершенного Владыки Цзинвэня, это, бесспорно, обернётся прекрасной легендой, которая разнесётся с молвой по свету и будет передаваться грядущим поколениям!

То было бы великолепное и гармоничное развитие событий. Однако случилась весьма неловкая неожиданность.

По завершении церемонии поклонения обнародовали результаты состязания. И победителем вышло не «Слово о Сюйли» авторства Цзинвэня, а размышления об управлении страной под названием «Анти-Сюйли».

Весьма неловкий поворот событий. Впрочем, довольно интересный для сторонних наблюдателей.

Се Лянь спросил:

— Сань Лану приходилось читать то самое «Анти-Сюйли»?

— Приходилось. Гэгэ, если захочешь, я как-нибудь перескажу тебе в общих чертах.

Се Лянь поспешно отказался:

— Не стоит утруждаться. Впрочем, раз уж работа превзошла труд уже вознёсшегося Совершенного Владыки Цзинвэня, наверняка написана она была очень хорошо.

Хуа Чэн дал свою оценку:

— Неплохо, но не настолько гениально. Всё дело в том, что тогда внутренняя обстановка в государстве Сюйли оставляла желать лучшего, в народе росли недовольства. И такое произведение как раз пришлось людям по нраву. Поэм, подобных «Слову о Сюйли», существовало великое множество, они давно опостытели всем и каждому. Разумеется, в таком сравнении «Анти-Сюйли» и победило.

Се Лянь кивнул:

— Но в творчестве не бывает первых. И на самом деле ничего страшного в случившемся нет, тем более что они писали о совершенно разных вещах.

Хуа Чэн согласился:

— Верно. Сперва Цзинвэнь тоже так считал.

В государстве Сюйли повсюду стали искать автора «Анти-Сюйли», но конечно, никто не желал признаваться. Кто посмеет такое признать? А охочих до славы самозванцев легко разоблачали. Вскоре произошедшее привлекло внимание государственной стражи, и сочинение победителя изъяли из участия в церемонии.

Совершенный Владыка Цзинвэнь был недоволен результатом и сердито пыхтел, выказывая несогласие. Но спустя несколько месяцев позабыл. Беда в том, что ещё через несколько месяцев среди Богов Литературы чертогов Верхних Небес разлетелись поразительные слухи...

Автор сочинения, победившего на церемонии в честь Бога Литературы, всё-таки был найден, его схватили и посадили в темницу. Им оказалась молодая женщина, что торговала обувью на рынке!

Вот так новость!

— ...Т-торговка обувью? — поразился Се Лянь.

— Да. В бытность смертной Наньгун Цзе этим и занималась.

Неудивительно, что принцу не раз приходилось слышать, как люди за спиной называли дворец Линвэнь «дворцом поношенных туфель» [272].

Се Лянь считал, что это не то, о чём следует спрашивать, поэтому и не знал о происхождении прозвища.

Изначально никто бы не стал связывать какую-то торговку обувью с сочинением «Анти-Сюйли». Но дело в том, что женщина иногда помогала людям переписывать книги, писать письма, романтические стихи и тому подобное, тем самым зарабатывала кое-какие деньги. Однажды кто-то заметил, что её почерк похож на тот, каким написано пресловутое сочинение, пожаловался наверх, и женщину арестовали.

Узнав об этом, Совершенный Владыка Цзинвэнь одним росчерком пера избрал женщину по имени Наньгун Цзе себе в помощники.

Следует сказать, что в те времена среди небесных чиновников женщины встречались крайне редко. Не то чтобы их не было совсем, но большинство заведовали цветами и травами, рукоделием, искусством песни и танца. И если требовалось избрать себе помощника, никто не желал иметь в подчинённых женщину. Богини Литературы тем более являлись большой редкостью. Девушки в храмах Богов Литературы, все как одна, поражали прекрасной внешностью. Они не работали с документацией, лишь растирали тушь в тушечницах да раскладывали бумагу. Словом, были просто нежными благоухающими украшениями, а не настоящими служащими.

Подобным жестом Совершенный Владыка Цзинвэнь среди Богов Литературы заслужил славу того, кто стремится сберечь талант. Все восклицали, как же повезло маленькой женщине встретить такого как Цзинвэнь благородного небожителя, разбирающегося в истинных дарованиях. Он ведь не только освободил её из темницы, но ещё и помог взлететь на верхнюю ветку и обернуться фениксом. Звучит как прекрасная легенда.

И вот теперь оба главных героя этой «прекрасной легенды» сошлись в противостоянии.

Цзинвэнь тем временем заговорил вновь:

— Я всячески тебя ценил, а в твоих устах всё переворачивается, будто я причинял тебе зло.

Линвэнь всегда относилась ко всем уважительно, не заискивала, но и не проявляла высокомерия. Однако сейчас в её словах послышалась насмешка:

— Да бросьте. Довольно и вам повсюду вещать о том, как сильно вы меня ценили. Будь это так, вы бы не заставляли меня на протяжении нескольких десятков лет прислуживать каждому работнику вашего дворца, подносить чай и воду, чтобы стереть ошибки в черновиках. Не отправляли бы за сотни ли, чтобы забрать единственную рукопись какого-нибудь поэта. И не заставляли бы на каждый праздник без передышки подносить дары другим чиновникам.

Се Лянь, подумав, припомнил — так всё и было. Во времена его первого вознесения он каждый раз видел Линвэнь за какими-то мелкими поручениями. Именно поэтому принц и запомнил её, слишком много дел сваливалось на голову этой младшей служащей.

Цзинвэнь ответил:

— Говоря по существу, ты просто ненавидела меня за то, что я тебя не повышал. Но почему бы тебе не задуматься, по какой причине я этого не делал?

— По какой причине? Я бы тоже хотела знать. Будучи простой смертной, я ещё могла выделять свободное время на чтение и написание работ. Даже в темнице я, по крайней мере, могла посвящать время уединённым размышлениям. А после того, как стала вашей помощницей, не было ни мгновения, чтобы я не работала как лошадь, ползая на коленях по мелким поручениям. Если хотели замучить меня, выбрали довольно неплохой способ.

Цзинвэнь сорвался на крик:

— Наньгун! Даже теперь ты не желаешь признавать вину?!

— В чём же моя вина?

— Да разве это моя вина? Я поручал тебе дела, которые лучше всего тебе подходили. Если бы ты не справилась даже с такой ерундой, как я мог поручить тебе что-то важное? Я закалял твой характер, давал шанс совершенствоваться. Тебе самой не хватало способностей. Как

можно винить меня в том, что ты не получала повышения? Твои амбиции взлетели высоко, но ты сама, будучи женщиной, не могла достичь таких высот. Ты должна признать это!

Линвэнь рассмеялась, словно её разгневали его слова. Она произнесла, понизив голос:

— Хорошо. Вы говорите, что я не могла достичь таких высот? Что ж, позвольте узнать, достигали ли дворцы Цзинвэня на пике своего благоденствия хотя бы колен моих дворцов?

Се Лянь почувствовал, как всё сильнее разгорается в их речах огонь прошлых обид и гнева, и подумал, что нельзя позволять им продолжать в том же духе. Выхода нет, придётся прибегнуть к довольно грубому способу.

Он нанёс удар кулаком прямо в землю, и вместе с оглушительным грохотом вокруг него в тот же миг образовалась огромная яма в четыре чжана!

Хуа Чэн сразу понял, что он собирается сделать, и воскликнул:

— Гэгэ!

Се Лянь помахал рукой перед лицом, разгоняя пыль, и, закашлявшись, объяснил:

— Так будет быстрее! Я иду в эту сторону. Сань Лан, ты и младший генерал Пэй... побудьте неподалёку!

Вообще-то принц намеревался определить Хуа Чэна и Пэй Су в других направлениях, но сейчас состояние обоих не шло в сравнение с его собственным. Однако Хуа Чэн, разумеется, не мог преспокойно сидеть в стороне — он выбрал направление, противоположное Се Ляню, призвал Эмина и вонзил клинок в землю. Эффект получился такой же, как от удара Се Ляня. С каждым разом они производили громкий шум, отдаляясь друг от друга. Спустя множество попыток Се Лянь прислушался, но Пэй Мин и Линвэнь не отреагировали, похоже, не слышали грохота.

А Цзинвэнь тем временем, будто Линвэнь надавила ему на больное место, расхохотался от гнева. Он сорвал маску вежливости и вновь превратился в язву, которая осыпает проклятьями бесстыжую парочку:

— Наньгун Цзе, поменьше бы задирала нос, подобно подлецу, что получил власть! Если бы я тогда тебя не избрал, неизвестно, скольких выроdkов ты бы нарожала, пока сидела в темнице в мире смертных!

Манерами в этих речах и не пахло. Се Лянь едва не запнулся, нанося очередной удар.

Даже Пэй Мин не смог дальше слушать:

— Ты ведь бывший Бог Литературы, нельзя ли не опускаться до подобной низости?

Цзинвэнь не унимался:

— Наньгун, погляди! Твой любовничек тебя ещё и защищает! Как генерал Пэй, с его-то славой, может обвинять меня в низости?

Линвэнь:

— Кого ещё в своей голове ты не назвал моим любовником? Хочешь посчитаться? Так пройдемся же по всем счетам!

Се Лянь уже отошёл на довольно приличное расстояние и снова нанёс удар.

На этот раз Линвэнь насторожилась:

— Что это за звук?!

Се Лянь про себя обрадовался: нашёл верное направление!

Пэй Мин и Линвэнь его услышали.

— Кто-то на поверхности сражается? — предположил Пэй Мин.

Се Лянь продолжил стараться — отбежал ещё на несколько чжанов и нанёс удар.

Пэй Мин воскликнул:

— Звук приближается! Какая разрушительная сила! Она исходит прямо сверху!

Здесь!

Се Лянь вместо кулака взялся за Фансинь, замахнулся и ударил...

Ярко сверкнула Ци меча, земля с грохотом провалилась, и принц упал в образовавшуюся яму, из которой повеяло холодом.

Молясь о том, чтобы не завалило Пэй Мина и Линвэнь, Се Лянь помахал рукой, рассеивая пыль в воздухе, поднялся и развернулся с мечом в руке.

— Цзин...

Но в тот момент, когда перед ним предстал истинный облик «Совершенного Владыки Цзинвэня», Се Лянь невольно округлил глаза.

Увидев перед собой внезапно ворвавшегося незваного гостя, Цзинвэнь настороженно воскликнул:

— Кто такой?!

Однако этот вопрос принцу задавал вовсе не «человек», а статуя мужчины, выполненная весьма грубой техникой. Обнажённая, но обмотанная отрезами ткани. Неопишимо странная и неопишимо комичная.

Вот почему при ходьбе он не издавал звука шагов, а только странный стук; вот почему Пэй Мин и Линвэнь, увидев его, пребывали в потрясении; и вот почему Пэй Мин обвинил Линвэнь в том, что она с честными глазами несёт полный бред. Потому что с головы до ног статуя действительно несколько не походила на демоницу.

Сами пленники оказались связаны чем-то похожим на бумажные свитки, которые Цзинвэнь крепко держал в руках, и не могли пошевелиться.

Се Лянь с огромным трудом оправился от удивления и произнёс:
— Я???

Цзинвэнь же задал следующий вопрос:

— Ты — наследный принц Сяньлэ?

Се Лянь так и застыл.

— А? Так вы меня знаете? Вот уж поистине...

Впрочем, не удивительно. Первое вознесение Се Ляня наделало немало шума. Он мог не знать каждого обитателя Верхних Небес, но каждый обитатель Верхних Небес, безусловно, знал его. Как и в данном случае — принц нисколечко не помнил, как выглядел Цзинвэнь, однако тот всё ещё помнил принца.

— Разумеется. Путь Его Высочества наследного принца в статусе божества был столь изменчив, что я не мог не знать о вас, даже если бы захотел!

Се Ляня его слова странным образом тронули, и он невольно поблагодарил:

— Это честь для меня, большая честь... Но как же вы обернулись таким...

— Как я обернулся таким, как сейчас?

Се Лянь тихо кашлянул и кивнул, понимая, что вопрос прозвучал несколько невежливо.

Цзинвэнь тем временем воспользовался возможностью вновь выплеснуть гнев:

— Милостью этой мерзавки Наньгун Цзе, как же ещё! Когда дворец Цзинвэня пришёл в упадок, мои магические силы стали

исчезать, а она ещё и добивала лежачего — повсюду посылала за мной убийц, преграждая пути к отступлению. Мне пришлось переселиться в статую, чтобы дожить до сего дня!

Линвэнь парировала:

— Не так уж подло по сравнению с вашими деяниями, верно? Когда-то вы лично приказали мне оставаться во дворце Цзинвэня до третьей стражи ^[273], а потом повсюду рассказывали, что я самым нахальным образом задерживаюсь допоздна и пристаю к вам. Слова — невидимые убийцы, я же воспользовалась настоящим оружием. Намного любезнее вашего.

Она вдруг замахнулась ногой и пнула Цзинвэня в пах. По мнению Се Ляня, никакого смысла в этом не было, ведь каменная статуя — это всё же не живое тело, и самое большее, таким ударом можно порвать ткань, которой он обвязан. К удивлению принца, Цзинвэнь издал пронзительный вопль, будто ему впрямь попали по самому дорогому, и схватился за место удара.

Но было поздно. Линвэнь пинком сорвала белую повязку, закрывающую бёдра статуи, Се Лянь бросил быстрый взгляд и увидел, что под белой тканью... ничего нет.

Каменное изваяние было обнаженным, однако ниже пояса не оказалось того, что там должно находиться.

Выходит, это статуя-кастрат!

Се Лянь подумал: «Статуя изображала евнуха!»

Подобные статуи часто встречались в усыпальницах чиновников и знати, являлись погребальными предметами с крайне тяжёлой иньской Ци. И впрямь хороший выбор для переселения призрака. Но какая ирония! Цзинвэнь проиграл женщине, до сих пор мелочно помнил обиду, и в итоге пристанищем для мужского божества стало изваяние оскопленного раба!

Линвэнь расхохоталась:

— То-то я смотрю, вы задыхаетесь от ярости! Вот в чём всё дело! И это мне не достичь подобных высот? А каких высот вы теперь можете достичь, в таком-то виде? Хотела бы я взглянуть! Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Ткань, прикрывающая стыд, оказалась разорвана, и Цзинвэнь вышел из себя — схватил Линвэнь за волосы и заорал:

— Закрой рот! Чем тебе гордиться?! Неизвестно, сколько чиновники трахнули тебя, чтобы ты смогла доползти до теперешнего положения! Сейчас же извинись передо мной!

Кажется, он вырвал Линвэнь клочок волос, и всё же она стерпела боль — не стала молить о пощаде и, тем более, извиняться.

Пэй Мин вмешался:

— Ты правда Бог Литературы? Ни о каких манерах и изяществе не может идти и речи! Да базарные бабы, и те бранятся приятнее!

Се Лянь про себя застонал, боясь, что Цзинвэнь в порыве гнева задушит обоих пленников, поэтому вскинул руку и позвал:

— Эй! Успокойтесь! Совершенный Владыка Цзинвэнь! На самом деле! Никакой разницы, есть ли у вас то самое или нет! Правда!

Цзинвэнь, одной рукой держа Линвэнь, другой прикрывая пах, взревел:

— Ложь! Никакой разницы, говоришь?! Сам попробуй обойтись!

Се Лянь искренне заверил:

— Правда! Поверьте мне! У меня... конечно, он есть! Но! Всё равно что нет его! Потому что я из тех самых!

Принц вновь преподнёс себя в качестве примера.

На этом моменте Цзинвэнь немного остыл.

— Из которых?!

— Ну... из тех! Вы понимаете! Пусть у меня он есть, но я им никогда не пользовался! Кхм, честно говоря, не важно — мужское божество или женское, или... иное божество, это лишь брненное тело, не стоит так упорно...

Цзинвэнь перебил:

— Раз ты считаешь, что разницы нет, отрежь его, а я погляжу.

Се Лянь молча застыл.

Цзинвэнь тут же добавил:

— Ты же сказал, что разницы нет? Лицемер! Очевидно, что ты сам им очень дорожишь, так что нечего заговаривать мне зубы! Думал, я послушаю твои утешительные речи, горько заплачу, раскаюсь и исправлюсь?! Я тебе не мальчик! Не желаешь отрезать, не страшно! Я отрежу ему!

Он указал на Пэй Мина.

Пэй Мин оторопел:

— Ты что, мать твою...?!

Плохо дело. Пускай многие желали бы отрезать генералу Пэю то самое, Се Лянь не хотел бы, чтобы это в действительности случилось здесь и сейчас.

Принц торопливо воскликнул:

— Совершенный Владыка Цзинвэнь! Да, после вашего падения Линвэнь притесняла вас, и в этом была не права. Но ведь и вы когда-то её притесняли, поэтому теперь в расчёте! К чему идти на крайние меры?! — отвлекая внимание противника, Се Лянь незаметно отпустил Жое, чтобы лента подобно змее заползла за спину Цзинвэня.

— В расчёте? Не так быстро! Ты как раз напомнил мне, о чём я хотел как следует расспросить эту мерзавку! Наньгун, ты приложила руку к падению государства Сюйли?

Народ Сюйли вознёс Цзинвэня на божественный постамент, государство являлось основой его статуса. Если основу разрушить, это станет серьёзным ударом для божества, даже может привести к падению с Небес. Поэтому весьма разумно, что Цзинвэнь подозревал Линвэнь. Она же смолчала на его вопрос.

Цзинвэнь закричал:

— Говори! Это был твой подлый замысел?! Я так и знал, что это ты! Наверняка! Иначе Сюйли не исчезло бы так быстро! Всё из-за тебя, коварная дрянь! Уверен, ты убила того слабоумного генерала!

У Се Ляня мелькнула мысль: «Линвэнь ничего не сказала, а ты уже сам себе ответил... Погодите, что? Какого генерала?»

Линвэнь вдруг тихо засмеялась. Если бы Цзинвэнь не вселился в каменную статую евнуха с застывшим лицом, наверное, давно скрежетал бы зубами от злости.

— Что смешного? — спросил он.

Линвэнь приподняла голову и тихо сказала:

— Знаешь, что будет, если в его присутствии назвать его слабоумным?

Цзинвэнь ещё не успел ничего понять, как свитки, что связывали Линвэнь, оказались разорваны. Сквозь обрывки метнулась рука, облачённая в чёрное, которая накрыла ладонью темя каменной статуи.

Не успев больше ничего сказать, Цзинвэнь застыл, а по грубо вылепленному лицу поползла трещина, затем ещё одна, ещё...

Три коротких треска — и всё его тело рассыпалось мелкими обломками!

Линвэнь же, избавившись от пут, осталась стоять над грудой каменной крошки, окружённая клубами чёрной Ци.

Так значит, «древнее государство», о котором говорится в легенде о Божестве парчовых одежд, — это государство Сюйли, а Бай Цзинь был выходцем из его народа.

Приведя мысли в порядок, Се Лянь услышал голос Пэй Мина, всё ещё крепко связанного бумажными свитками:

— Линвэнь? Постой!

Линвэнь приближалась к нему, шаг за шагом. Се Лянь припомнил её слова, сказанные Пэй Мину ранее — «ты ему очень не нравишься», и подумал: «Плохи дела, неужели она собирается устранить свидетеля?»

Линвэнь, не останавливаясь, ласково заговорила:

— Бай Цзинь, Цзинвэнь уже мёртв. Все его слова — полнейший бред, ничего подобного не было.

Похоже, уговоры не подействовали, и она обратилась к Пэй Мину:

— Старина Пэй, я ничего не могу сделать. Он услышал слова Цзинвэня о том, что ты — мой любовник, и теперь непременно желает твоей смерти. Ваше Высочество, окажите содействие!

Напоминание не потребовалось — Се Лянь уже разрезал путы Пэй Мина мечом, и тот прыжком поднялся в воздух. Принц и генерал покинули пещеру, вернулись на поверхность и посмотрели вниз. Линвэнь кулаком нанесла удар туда, где ранее лежал Пэй Мин. В стороны разлетелись камни, мощью удар оказался ещё страшнее, чем те, которыми принц осыпал землю, пытаясь их отыскать!

Се Лянь призвал Жое, лента обвилась вокруг его запястья. Пэй Мин принялся разминать кисти — всё-таки был связан довольно долго. Опухоль на левой руке немного спала, но не исчезла — теперь предположительное количество покусавших его ос снизилось ровно в половину.

— Чтоб тебя, меня ни за что...

Не дав ему договорить, Линвэнь возникла прямо перед глазами!

Удар, и обоих отбросило на несколько чжанов. Се Лянь с Пэй Мином переглянулись, поняли, что дело плохо, и со всех ног бросились наутёк.

На бегу Се Лянь обернулся и крикнул:

— Линвэнь! Попробуй ещё раз уговорить генерала Бая!

Линвэнь помчалась в погоню и ответила:

— Я пыталась! Но он больше не верит мне!

Пэй Мин:

— Его наверняка ранил твой обман!

Се Лянь:

— Линвэнь! Ты можешь вернуться к женскому облику?

Убийственная сила немного снизится!

Линвэнь возразила:

— Не выйдет!

— Почему?

— Он не даёт мне этого сделать!

Пэй Мин:

— Я понял! Мальчишка не смеет прикасаться к женскому телу!

Трусит!

Ба-бах! Сзади прилетела крыша, едва не задавив Се Ляня и Пэй Мина подобно горе Тайшань.

Линвэнь:

— Это не я бросила! Кто просил тебя его оскорблять? Он рассердился ещё сильнее! Теперь вы оба в опасности!

Се Лянь поспешил оправдаться:

— А? При чём здесь я? Я ведь ничего не говорил! Линвэнь, попроси его не впутывать меня, идёт?

Пэй Мин:

— Да ладно вам, чем больше народу, тем легче держать ответ. Ваше Высочество, а где Сяо Пэй? И советница Баньюэ? И ваш Собиратель цветов под кровавым дождём???

— Отправились искать вас в другом направлении! Не надейтесь на них, мы уже за несколько десятков ли, вначале убежим, а поговорим после! Он поглотил уже больше тысячи демонов, сейчас нам не с руки рубить косою о камень!

Но случилось неожиданное — стоило принцу замолчать, как опора ушла из-под ног, и он оказался подвешен в воздухе. Пэй Мина постигла та же участь. Приглядевшись, принц увидел, что они попались в огромную сеть и теперь висят над землёй.

Вот уж поистине пришла беда, откуда не ждали. Сеть оказалась сделана из особого материала, руками её не разорвать. Тут же из леса вокруг выпрыгнула толпа демонов и оборотней с синими мордами и

острыми клыками, по меньшей мере — сотня-две тварей, которые захлопали в ладоши и радостно завопили:

— Попались!!!

— Ха-ха-ха-ха, какие уже по счёту? И впрямь отличная западня!

— Скорее посмотрим, кого поймали, сколько их там?!

Они бежали, не разбирая дороги, и вот по малейшей невнимательности попались в западню самых слабых демонов. Се Лянь потянулся к Фансиню, чтобы разрубить сеть, но не нашёл оружия и понял, что их поймали слишком внезапно — меч выпал на землю. И сейчас лежал прямо у ног Линвэнь, которая подроспела на место.

Мелкие демоны, не зная, что за тварь явилась, возрадовались:

— Ещё один!

Линвэнь же вскинула руки, и на обеих её ладонях зажглись два сгустка чёрного демонического пламени. Она подняла голову и обратилась к Се Ляню с Пэй Мином:

— Послушайте, я... на самом деле... действую не по своей воле.

Се Лянь со вздохом спросил:

— Линвэнь, могу я узнать, что будет, если по нам попадёт этим пламенем?

— В прошлый раз я ранила таким же Его Высочество Циина. Впрочем, ничего страшного не случилось, он по-прежнему смог бегать и прыгать.

Значит, убийственная мощь не так уж велика, от удара ничего не случится. Се Лянь и Пэй Мин вздохнули с облегчением:

— Что ж, терпимо...

Но в тот же миг сгустки пламени в руках Линвэнь вдруг увеличились в десять раз и превратились в два пылающих огненных шара!

Се Лянь и Пэй Мин оторопели.

Линвэнь:

— Но что будет, если попасть под такой удар, я точно сказать не могу.

Пэй Мин взревел:

— Погоди! Но я ведь... никакой тебе не любовник?!

— Мне ли не знать? Но какой от этого прок?!

Толпа демонов замерла, потрясённая полыхающими огнями. Они выхватили оружие, со свирепым видом окружили пойманных и

загалдели:

— Каков удалец! Не робкого десятка, даже перед смертью пытается отобрать у нас добычу! Прикончим его!!!

Но подобная мелкота совершенно не представляла угрозы для Божества парчовых одежд. Самое большее — они станут новой подпиткой его сил. Линвэнь наклонила голову набок, в её глазах блеснули демонические огни. Видимо, она уже приготовилась проглотить новых жертв, которые сами явились умереть.

Именно в этот момент неожиданно налетел порыв ураганного ветра.

Следом раздались громкие крики и завывания — толпу мелких демонов сдуло и унесло к небесам!

Впрочем, проще сказать, что их не «ветром» унесло, а схватила чья-то огромная невидимая рука!

Божество парчовых одежд насторожилось, будто почувствовало опасность. Линвэнь чуть опустила руки с демоническим пламенем и медленно огляделась.

Се Лянь внимательно всматривался наверх, но обзор закрывали густые ветви деревьев, а жуткие вопли демонов прервались, поэтому не представлялось возможным узнать, что же всё-таки произошло.

Пэй Мин с опаской спросил:

— Кто-то явился?

Се Лянь вдруг поинтересовался:

— Вы не чувствуете?

— Что?

— Цветочный аромат.

— Разве? — с сомнением переспросил Пэй Мин.

Се Лянь закрыл глаза. Спустя мгновение он уверенно произнёс:

— Да. Это аромат цветов.

Слабый, необычный, освежающий аромат цветов. Неизвестно, каких именно. Неизвестно, откуда он взялся. Тонкий-тонкий, будто он есть, но в то же время его нет.

Пэй Мин нахмурился:

— Аромата цветов я не чувствую, зато слышу запах...

Он осёкся, ощутив, как что-то капнуло на лицо, а когда стёр рукой, зрачки его сузились.

Кровь.

На пламя в руках Линвэнь тоже попало две капли, отчего огонь заметно затух. Она насторожилась сильнее и резко вскинула голову. Мгновение...

И с неба пролился кровавый дождь!

Пэй Мин висел выше Се Ляня и вмиг обернулся мокрым петухом, багряным от внезапно налетевшего кровавого ливня, только глаза остались широко распахнутыми чёрно-белыми пятнами. Огни в руках Линвэнь погасило окончательно, однако она успела спрятаться под деревом, чтобы избежать участи совершенно не готового к случившемуся Пэй Мина. А Се Лянь вдруг почувствовал, что сеть ослабла, и упал вниз. Ловко перекувырнувшись в воздухе, он опустился на ноги, как раз в тот миг, когда кровавый дождь настиг и его.

Не успевая спрятаться, Се Лянь заслонился рукавом, чтобы укрыться хоть немного. Однако через темноту перед глазами услышал тихий смешок.

Воздух вдруг наполнился загадочным и чарующим благоуханием цветов.

Се Лянь выпрямился и не почувствовал ни капли дождя на лице, только что-то очень мягкое, нежно задевающее щёки.

Принц вытянул руку и опустил взгляд, увидев, что на ладонь ему плавно опустился маленький тёмно-красный лепесток.

А вновь подняв взгляд наверх, задержал дыхание, не веря своим глазам.

Кровавый ливень, застывший небеса, превратился в медленно падающий на землю цветочный дождь!

Нечего и гадать, кто именно явился с этим дождём. Се Лянь сжал пальцы, пряча лепесток в ладони.

С губ сорвалось:

— Сань Лан!

Принц развернулся и увидел, как Линвэнь беззвучно оседает на землю. А перед ним стоит высокий юноша с лёгкой улыбкой в красных одеждах, чьи чёрные волосы развеваются по ветру. Кто же как не Хуа Чэн?

Цветы падали словно кровь, кровь летела подобно цветам. Лицо живое и прекрасное, совсем как при их первой встрече, глаза сверкают ярким блеском.

Он неторопливо убрал изящную серебристую саблю в ножны и уверенным тоном произнёс:

— Ваше Высочество, я вернулся.

Далека дорога, горы высоки. По узкой тропке не пройти

Се Лянь, ступая по алым лепесткам, усыпавшим землю подобно осколкам яшмы, медленно подошёл к Хуа Чэну. Увидев на его плече лепесток, он хотел протянуть руку и стряхнуть его, но вдруг осознал, что подобный жест будет излишне интимным, и заставил себя сдержаться. Заведя руки за спину, он улыбнулся:

— Я даже не знал, что ты, кроме кровавого дождя, можешь ниспослать цветочный вихрь. Занятно, занятно.

Хуа Чэн шагнул навстречу принцу, смахнул лепесток с его плеча и также с улыбкой ответил:

— Это был порыв вдохновения, новый приём, придуманный только что. Сначала я хотел по привычке сотворить кровавый дождь, но вдруг вспомнил, что и гэгэ тоже здесь. А если ты промокнешь, я ведь буду в этом виноват. Так что я в последний момент опомнился и превратил кровь в цветы. Рад, что ты счёл это занятным.

Но если на Се Ляня не попало ни капли, то Пэй Мин промок до нитки. Он позвал сверху:

— Уважаемые, господа! Не поможете ли мне спуститься?

К нему подлетели несколько серебристых бабочек, которые, сверкая крыльями, разрезали сети. Пэй Мин получил свободу и коснулся ногами земли.

Се Лянь опустил взгляд и увидел ещё одну бабочку, которая присела между лопаток лежащей на земле Линвэнь.

— Сань Лан, Линвэнь и Божество парчовых одежд не пострадали?

— Нет. Я только погрузил их в сон.

Се Лянь подивился:

— Божество парчовых одежд так разбушевался, но ты справился с ним довольно быстро.

Хуа Чэн приподнял бровь:

— Можно и так сказать. Не знаю, в чём дело... но мне показалось, что он не хотел со мной сражаться.

Се Лянь, поразмыслив, ответил:

— Кстати говоря, да. Когда ты в прошлый раз его надел, он также ничего не смог с тобой сделать. И к тому же явил свою истинную форму.

Пэй Мин подошёл к ним.

— Господа, поговорим позже. Может, сначала снимем с неё эти парчовые одежды?

— Как-то... неудобно, — заметил Се Лянь.

Пэй Мин возразил:

— Она ведь в облике мужчины, что здесь неудобного? — и приступил к делу. Однако стоило ему потянуться к вороту Линвэнь, его будто что-то ужалило — Пэй Мин изменился в лице и отдёргнул окровавленные руки. — Эта одёжка! Ещё и кусается!

Хуа Чэн протянул:

— Божество парчовых одежд не желает покидать Линвэнь. Снять его не получится.

Пэй Мин, глядя на стекающую с ладоней кровь, спросил:

— Не могли бы Ваше Превосходительство в следующий раз говорить о таких вещах заранее?

Се Лянь мягко произнёс:

— Генерал Пэй, дело не в том, что он не сказал заранее, просто вы слишком поторопились.

Хуа Чэн хохотнул.

— Именно.

Несмотря на полученные ранения, они не растеряли целеустремлённости и направились в обратный путь. Кто-то должен был понести Линвэнь в мужском облики, и Пэй Мин всё же вызвался взять это на себя.

Бань Юэ и Пэй Су остались в посёлке неподалёку от храма Уюна. Увидев возвратившихся, Пэй Су широким шагом вышел навстречу.

— Генерал, Ваше... Высочество... фреска в хра... ме исчезла!

Пэй Мин, одной рукой держа Линвэнь, другой пригладил назад окровавленные волосы и спросил:

— Какая фреска?

Увидев Пэй Мина в пурпурно-красной цветовой гамме, Бань Юэ широко округлила глаза. Се Лянь вкратце рассказал Пэй Мину о картине, затем отправился за Пэй Су в храм. И действительно, теперь стена, на которой они обнаружили фреску, ничем не отличалась от

трёх других, обожжённых дочерна. Словно никакой картины и не существовало вовсе.

Хуа Чэн провёл рукой по стене и заключил:

— Картину создали при помощи магии.

Се Лянь кивнул:

— И возможно, её создатель озаботился тем, чтобы картина не осталась на стене надолго.

Тем временем Бань Юэ после долгих колебаний всё-таки спросила у пурпурно-красного Пэй Мина:

— С вами... всё в порядке?

Пэй Мин взглянул на неё и с остроткой произнёс:

— Спроси лучше своих змей, которые меня так покусали, всё ли со мной в порядке.

Пэй Су открыл рот, не совсем уверенный, стоит ли заступиться за девушку. Бань Юэ округлила глаза ещё шире и заямлила, оправдываясь:

— Но... от одного укуса скорпионовой змеи... опухоль не может распознаться на всё тело и так сильно...

Пэй Мин помахал перед её лицом рукой со следом от змеиных зубов, в подтверждение, что его действительно покусали. «Неоспоримые доказательства» были налицо, и Бань Юэ пришлось сказать:

— Простите...

Пэй Су, не в силах больше на это смотреть, похлопал девушку по плечу.

— Не... обращай... внимания. Это не твои... змеи натворили.

Се Лянь, который тоже не желал больше наблюдать спектакль, вздохнул:

— Генерал Пэй, вы не могли бы перестать морочить голову девочке? В такой-то момент.

Однако Пэй Мин именно в этом находил источник жизненных сил. С помощью магии он избавился от пятен крови, его лицо вновь засияло, и мужчина рассмеялся:

— Но ведь девочки для того и нужны, чтобы морочить им головы! И вообще, советнику Баньюэ уже несколько сотен лет, какая же она девочка? Боитесь, что она смутится?

Остальные перестали обращать на него внимание.

Пэй Су продолжал разговаривать обрывками, но передвигаться всё-таки мог сам, поэтому ему поручили нести Линвэнь. Отряд покинул посёлок и продолжил путь на следующий уровень горы Тунлу.

Через день они достигли узкого ущелья.

По обеим сторонам высились величественные каменные скалы, а посередине пролегала горная тропа. Здесь Линвэнь наконец пришла в себя из забытья.

Но несмотря на это, способность двигаться к ней не вернулась, поскольку серебристая бабочка накрепко прицепилась к её спине. Осознав, что кто-то несёт её на плече, Линвэнь не моргнула глазом, только растерянно спросила:

— ...Откуда такая тьма народу? Как вы все здесь оказались? Это что, уже не гора Тунлу?

Пэй Мин произнёс:

— Это, по-твоему, тьма? Я тебе вот что скажу, сейчас нас станет ещё больше. Будут и новые лица. Сможем усесться за несколько столов и перекинуться в карты.

Се Лянь, совершенно с ним солидарный, не удержался от улыбки. Помолчав, принц спросил:

— Кстати, Линвэнь, из монастыря Водных каштанов за тобой погнался Циин. Где он сейчас?

— Не знаю. Когда мы оказались на горе Тунлу, набежало слишком много нечеловеческих созданий, и Его Высочество потерялся. Сейчас мне неизвестно, где он.

Пэй Мин вздохнул, обращаясь к Линвэнь:

— Как ты могла не сказать мне, что была тем, кто забрал у государства Сюйли последнюю надежду на спасение? Как жестоко с твоей стороны.

Се Лянь лишь теперь вспомнил, что Пэй Мин — уроженец Сюйли. Впрочем, он, кажется, уже не испытывал тёплых чувств к своей стране, ведь являлся простым генералом, а не главой государства. К тому же, перед вознесением как раз государь Сюйли

поступил с ним подло, так что в его словах не было ни намёка на негодование, скорее лишь насмешка.

И всё же, забеспокоившись, что разговоры о государстве Сюйли могут рассердить Божество парчовых одежд, принц решил поскорее сменить тему, обернулся и спросил:

— Сань Лан, мне всё не даёт покоя одна вещь.

Когда они вошли в ущелье, Хуа Чэн не сводил внимательного взгляда со скал по обеим сторонам.

— Спрашивай.

— Что же представляет собой «Медная печь», давшая название горе Тунлу? Неужели и правда огромную печку?

Хуа Чэн усмехнулся и отвёл взгляд от стен.

— Конечно, нет. Но гэгэ задал вопрос как раз вовремя, — он вытянул руку вперёд. — Её уже можно увидеть.

Остальные проследили в указанном направлении и на мгновение невольно застыли на месте.

— Это и есть... «Медная печь»?

Хуа Чэн скрестил руки на груди.

— Верно.

В его чёрных как ночь глазах отразилась гора, показавшаяся на самом горизонте.

Далеко возле края неба, высоко над миром, она возвышалась над другими горными пиками, окрашенная глубоким синим цветом. Вершину горы окружали ветра и облака, подобные морю, и даже можно было смутно разглядеть снежную шапку, которая не таяла круглый год.

Хуа Чэн неторопливо объяснил:

— Медная печь — это действующий вулкан, а также центр всей горы Тунлу. Рождение Князя Демонов — это момент его пробуждения.

— Вулкан извергается?

— Да. Поэтому появление Князя Демонов всегда сопровождается всполохами пламени, потоками лавы и природным бедствием, способным уничтожить всё живое.

Вообразив картину пылающего вулкана, от которой глаза озаряются красным, Се Лянь на миг остолбенел.

Пэй Мин заметил:

— Слишком далеко. С такой скоростью, если не учитывать стычки с демонами по дороге, придётся потратить слишком много времени в пути.

Се Лянь пришёл в себя и кивнул:

— Поэтому каждый раз открытие горы и битва демонов подобны процессу тяжёлых родов.

Хуа Чэн улыбнулся:

— Гэгэ, отличное сравнение, — и вдруг остановился. — Мы добрались.

Се Лянь изумился:

— Так быстро?

— Да. Но пока не до Медной печи, а до храма Уюна.

И действительно, посреди ущелья показался покосившийся, но всё же поражающий размерами храм.

Второй встреченный ими на пути.

Се Лянь едва удержался от того, чтобы протереть глаза, и спросил:

— Он настоящий?

Винить принца в недоверии нельзя, на самом деле почти каждый из присутствующих усомнился в том, что храм настоящий. Слишком уж неожиданно он возник впереди.

Но его не должно здесь быть. Где это видано, чтобы в узком ущелье на горной тропе строили храмы? Что за дрянной фэншуй?

Даже если кто-то, одержимый идеей, непременно желал построить его в подобном месте, ведь можно было возвести здание чуть в стороне! Но храм преспокойно высился ровно посередине тропы, словно безмозглый мелкий деспот, преградивший отряду дальнейший путь!

Пэй Мин угрюмо произнёс:

— Без демонов наверняка не обошлось, слишком странно. Всем проявлять осторожность.

Линвэнь с трудом подняла голову с плеча Пэй Су и сказала:

— Господа, если не хотите заходить внутрь, мы могли бы взлететь и пройти по скалам.

Се Лянь же возразил:

— Нет. Мы должны войти и осмотреть храм на предмет фресок.

Хуа Чэн:

— Гэгэ, не волнуйся. Если хочешь, идём посмотрим, ничего страшного не случится.

Стоило ему это сказать, все остальные необъяснимо для себя успокоились и медленно приблизились к храму. До самого входа никаких странностей им не встретилось. А перешагнув порог и оказавшись в главном зале, они убедились — стены храма обожжены пламенем и покрыты чёрным, но если аккуратно соскрести корку, то отколется маленький кусочек краски, точно как в предыдущем храме.

Се Лянь сперва вёл себя крайне настороженно, но теперь, убедившись, что во тьме не поджидает никаких опасностей, немного успокоился и произнёс:

— Приступим.

Вскоре чёрный «защитный слой» осыпался со стены, явив скрытую за ним картину, которую Се Лянь и Хуа Чэн принялись внимательно изучать.

На этот раз сюжет фрески оказался совершенно иным. Они начали смотреть с верхнего уровня, где юноша в белых одеждах восседал на нефритовой кушетке с видом прекрасным и возвышенным. Тот самый наследный принц Уюна. Его глаза были закрыты, а судя по позе, сам он погрузился в медитацию. Только от него не исходило ни намёка на покой.

Брови принца были сведены к переносице, со лба даже стекали капельки пота. Его окружали четверо — божества-покровители, подчинённые наследного принца с предыдущей фрески, что стало ясно по той же одежде и облику. Судя по выражениям лиц, их явно охватило беспокойство. Верхний слой краски всё ещё медленно осыпался, но пока исчез не до конца, и Се Лянь вначале увидел хаотичные мазки красного цвета. Принц нахмурился.

— Странно. — Он осторожно коснулся стены рукой и с сомнением произнёс: — Неужели фреска плохо сохранилась?

Непонятно, что конкретно изображалось далее, глазам предстали лишь линии и цвета, размазанные, тусклые, словно их покрывал слой тумана, не дающий чётко разглядеть написанное. Но ведь фреска создана при помощи магии, она не могла потускнеть от времени, подобно настоящей!

Хуа Чэн тоже внимательно всматривался в картину.

— Подождём ещё, — хмуро произнёс он.

Они переглянулись. А когда чёрная корка окончательно опала и картина стала полной, отступили на несколько шагов и вновь взглянули перед собой, стоя плечом к плечу.

Стоило Се Ляню узреть фреску целиком, дыхание перехватило, а по голове пробежали мурашки.

Потрясённый, он произнёс:

— Это... ад?

Хуа Чэн мрачным тоном ответил:

— Нет. Это мир людей.

И в самом деле, мир людей — на стене теснились друг к другу домики, деревья, люди... Вот только всё это поглотило бескрайнее море огня и лавы. Размытые красные мазки, которые увидел Се Лянь, являли собой цвета пламени.

Дома и деревья горели, люди, охваченные огнём, кричали. Исказившиеся лица изображались настолько живо, что Се Лянь почти слышал жуткие стенания.

В центре картины возвышалась ярко-красная гора, подобная раскалённой докрасна огромной печи, чей вид наводил ужас. И всё пламя, все потоки лавы извергались прямо из её жерла.

Се Лянь спросил:

— Картина означает... что извержение вулкана погубило государство Уюн?

— Да. И нет, — ответил Хуа Чэн.

Се Лянь понял:

— Не совсем так. Потому что это... сон.

Страшное зрелище внизу, должно быть, изображало сон наследного принца.

Принца Уюна и его четверых божеств-покровителей окружал золотой свет, а значит, на тот момент они уже вознеслись. И принца мучил кошмарный сон, содержание этого видения изображалось цветами и линиями более «иллюзорными», нежели «реальность».

Некоторые небожители, чьи магические силы достигли невиданной мощи, обладают редким даром — предугадывать будущее во снах, улавливая малейшие знаки в настоящем. Иными словами, они видят вещие сны. Как узнать, стал ли сон Его Высочества явью? И действительно ли государство Уюн погибло именно так?

Поразмыслив, Се Лянь заключил:

— Кто-то наверняка хочет нам что-то рассказать. История на этой картине, должно быть, является продолжением сюжета прошлой. Думаю, когда мы в конце концов достигнем Медной печи, получим ответы на многие вопросы.

Тем временем Линвэнь, посмотрев за окно храма, подала голос:

— Господа, должна спросить вас кое о чём. Вам это не кажется странным?

— Что именно? — спросил Пэй Мин.

— Не знаю, померещилось ли мне, но... кажется, скалы по обеим сторонам ущелья раньше располагались не так близко.

Остальные все как один повернулись и посмотрели в окно. В самом деле — когда они только вошли в храм, стены ущелья находились примерно на расстоянии чжана от окон. Но сейчас они оказались ближе, будто храм стоял к стене вплотную. Се Лянь хотел взглянуть, в чём дело, но тут услышал треск и хруст, словно дерево и земля, кирпичи и камни подверглись сильнейшему давлению.

Это не укрылось ни от кого.

— Что происходит?

Вымощенный плиткой пол задрожал, как и потолок, с которого посыпались мелкие камешки и пыль.

Пэй Мин:

— Землетрясение?

Едва он это сказал, как на стенах от давления появилось несколько пугающих «морщин».

Се Лянь воскликнул:

— Это не землетрясение! Это...

Каменные стены ущелья сжимались, сдавливая храм!

На объяснения не было времени, принц выкрикнул:

— Бежим!

Но напоминания и не потребовалось — Пэй Мин уже пробил пинком стену, освобождая проход. Остальные выбежали через дыру и бросились во всю прыть, однако перед ними простёрлась огромная территория храма. За главным залом шли пристройки, небольшие залы, комнаты для возжигания благовоний и монашеские кельи... Поэтому им так и приходилось бежать, то и дело прошибая стены. В такой момент способ перемещения, которым пользовались Боги Войны, поистине оказался немалым подспорьем. Но стоило им пройти

сквозь два небольших зала, крышу пробил булыжник размером с полчеловека, который свалился прямо у ног Се Ляня.

Булыжник сорвался со стен ущелья!

Послышался грохот, сверху посыпались ещё камни. Большие как чаны с водой обломки пробивали целые участки крыши, маленькие же, размером с человеческую голову, также с немалой силой падали на людей. К счастью, кровля храма всё-таки задерживала падение, а каждый присутствующий обладал достаточной ловкостью, чтобы вовремя увернуться. Только Хуа Чэн выглядел спокойнее всех.

Петляя на бегу, Се Лянь вдруг услышал его голос:

— Гэгэ, изволишь?

Обернувшись, принц увидел в шаге от себя Хуа Чэна, который шествовал уверенной поступью, но при этом словно летел по воздуху. В какой-то момент в его руках возник красный зонт — теперь Хуа Чэн стоял под зонтом и, улыбаясь, смотрел на Се Ляня. Камни ударялись о поверхность зонта, но Хуа Чэн, держа его одной рукой, даже не покачнулся!

Се Лянь немедленно спрятался под зонтом.

— Ох, как опасно. И как хорошо, что рядом Сань Лан.

Хуа Чэн усмехнулся и заботливо наклонил зонт в сторону принца.

— Подойди поближе.

Пусть момент был совершенно неподходящий, но Се Лянь ощутил, как дрогнуло сердце.

— Ты не устанешь, если будешь так держать зонт? Может, я помогу тебе...

Остальные бежали сломя голову, спасаясь от стен и уворачиваясь от камней. А видя довольные лица этих двоих, не смогли стерпеть и закричали:

— Эй! Как-то не очень честно получается!

— Градоначальник Хуа, могу я спросить, нет ли у вас лишнего зонта?!

— Нельзя ли потесниться, чтобы спрятаться под ним всем вместе?!

Хуа Чэн с фальшивой улыбкой ответил:

— Нет. Нельзя.

Се Ляню стало неловко от их протестующих воплей, поэтому он воскликнул:

— Какие чудные скалы! — и попытался выбежать из-под защиты. Однако Хуа Чэн незаметно удержал принца и спокойно объяснил:

— Гэгэ, ты совершенно прав. Скалы действительно чудные, от слова «чудище». На горе Тунлу располагается три огромных горных пика, которые называются «Старость», «Болезнь» и «Смерть». С виду они ничем не отличаются от обыкновенных гор, но в пределах горы Тунлу способны передвигаться по своему усмотрению. Кто-то даже считает их здешними ориентирами.

Сверху сыпались камни, под зонтом же царила полная идиллия.

Се Лянь воскликнул:

— Вот оно что! И та скала, что встала на нашем пути, когда Жун Гуан притворился Демоном острого лезвия, была одной из трёх горных чудищ?

Линвэнь, которую так и подбрасывало на плече Пэй Су, с трудом пыталась присоединиться к разговору:

— Теперь понятно, почему для храма выбрали столь странное расположение — в центре «ущелья». Боюсь, первоначально оно было совсем другим, но два горных чудища зажали его между собой!

— Вот только... — спросил Се Лянь, — фраза гласит «рождение, старость, болезнь и смерть» ^[274]. Раз есть «старость, болезнь и смерть», то где же «рождение»?

Хуа Чэн ответил:

— Сожалею, но «рождения» нет. По крайней мере, я его не встречал.

— Значит ли это, что нет и шансов на выживание? Поистине жестоко!

Неожиданно Бань Юэ воскликнула:

— Стены всё смыкаются!

Когда они только вошли в ущелье, в ширину горная тропа была больше десятка чжанов, и по мере продвижения к храму Уюна она сужалась. Теперь же от скалы до скалы осталось не более трёх чжанов, строение под давлением сжалось, но поскольку для постройки храма использовались каменные балки и другие крепкие материалы, он «заблокировал» движение сближающихся стен ущелья. Вот только долго они не продержатся.

Пэй Мин воскликнул:

— Нам не пройти ни вперёд, ни назад, пробьём крышу и поднимемся наверх! Забудьте про камнепад, разобьём булыжники — и дело с концом!

Се Лянь возразил:

— Не выйдет! Сейчас нас спасает храм, а если поднимемся, горные чудища могут схлопнуться сверху или натворить что-то подобное, так они просто раздавят нас в лепёшку!

Тем временем стены с громким треском задвигались быстрее, и теперь свободного пространства осталось менее двух чжанов. Линвэнь, до сих пор будучи не в силах пошевелиться, не выдержала:

— Господа, нельзя ли поскорее принять меры? Если нельзя, может быть, отпустите меня, и тогда я приму эти меры? Спасибо, но я не хочу, чтобы меня здесь раздавило!

Да разве так просто выдумать нужное решение, когда огонь уже подбирается к заду? Свободного пространства осталось в человеческий рост, и тут Пэй Мин с громким криком подлетел в воздух и упёрся двумя руками в одну стену ущелья, а ногами — в другую, превратившись тем самым в «кость», которая застряла меж двух скал.

— Если и суждено быть раздавленным, я, мать вашу, не желаю, чтобы меня раздавили эти чудища. Я задержу их, а вы поторопитесь с решением!

Всех потряс его поступок, а Линвэнь даже похвалила, с трудом подняв большой палец:

— Старина Пэй, настоящий мужчина!

Пэй Мин сквозь зубы бросил:

— Не благодарите!

Нет нужды напоминать, какой силой обладают Боги Войны. Скалы продолжали сближаться, однако стоило Пэй Мину встать между ними жёстким блоком, и движение остановилось. Но то был результат применения всей взрывной мощи магических сил Пэй Мина, долго ему так не продержаться. И покуда Се Лянь стремительно размышлял над путями спасения, горные чудища начали брать верх — колени Пэй Мина чуть подогнулись.

Видя, что дела плохи, Пэй Су крикнул:

— Гене... рал, я... вам помогу!

Он перебросил Линвэнь со своего плеча в руки Бань Юэ и присоединился к ряду живых «костей», застрявших между скал.

Только вот он был лишь простым смертным, откуда взяться божественной силе? Божество парчовых одежд могло бы оказать помощь, но отпускать его было слишком опасно — только подливать масла в огонь, всё равно что попасть в волчье логово и там наступить на ядовитую змею.

Поэтому Бань Юэ бросила Линвэнь и воскликнула:

— Я тоже...

Будучи девушкой, она не могла сравняться с двумя взрослыми мужчинами по росту, встать меж стен у неё не получилось. Пришлось забраться Пэй Су на спину и передавать ему магические силы — только так Пэй Су вместе с Пэй Мином смогли медленно выпрямить колени. Напряжение обоих достигло предела, лица сделались пунцовыми, надулись синие вены. А тем временем Хуа Чэн, который по уровню магических сил превосходил всех присутствующих, стоял в стороне и крутил в руках красный зонт, совершенно не проявляя активности.

Неожиданно Се Лянь ударил кулаком по ладони.

— Есть! Есть, есть, есть!

Есть идея!

— Раз мы не сможем пройти ни вперёд ни назад, ни наверх, идёмте вниз! Выроем подземный проход!

Линвэнь тут же подхватила:

— Отличная идея! Прошу вас приступить к её осуществлению прямо сейчас!

Пэй Мин сквозь зубы выдавил:

— Так... не затруднит ли вас... побыстрее...!!!

— Хорошо, хорошо, хорошо! — Се Лянь уже принялся в бешеном ритме вонзать Фансинь в землю, так что в стороны разлетались камни и глина.

Хуа Чэн стоял рядом, накрыв принца зонтом, но при этом не только не принялся за работу, а ещё и попросил:

— Гэгэ, не нужно, присядь отдохни.

Остальные не выдержали:

— Градоначальник Хуа!!!

— Хм? Зачем вы меня зовёте?

Линвэнь, лёжа на земле, обратилась к нему:

— Градоначальник Хуа, вы с Его Высочеством тоже находитесь здесь, и если у вас есть план, не могли бы вы им поделиться? Всё-таки никто из нас не хочет становиться начинкой в каменном пироге.

Ещё одну фразу она не осмелилась произнести, но это крутилось у всех на языке: а если плана у вас нет, не затруднит ли вас тоже стать живой «костью»?

Се Лянь, даже охваченный волнением, инстинктивно доверял Хуа Чэну. Не переставая копать, он спросил:

— Сань Лан, ты что-то придумал?

Хуа Чэн улыбнулся:

— Гэгэ, просто подожди. Тебе не нужно ничего делать. Скоро всё будет в порядке.

Опасность оказалась совсем близко, подобно языкам пламени, обжигающим зад, и пускай все поняли, что Хуа Чэн знает путь к спасению, всё же трудно было удержаться от чувства, что сидишь на раскалённой сковородке.

Линвэнь хотела было снова пуститься в уговоры, но Се Лянь вдруг спросил:

— Что это за звук?

Среди грохота камнепада послышался странный шум, который быстро приближался. Ширх-ширх! Ширх-ширх-ширх! Быстрее и быстрее, ближе и ближе. Звук показался Се Ляню знакомым, будто он где-то его уже слышал. Принц перестал копать как сумасшедший и проговорил:

— Это... неужели это...?!

Не успел он закончить фразу, как под ногами вдруг образовался чёрный провал, способный вместить двоих человек. А из провала сверкнуло белоснежным блеском полотно лопаты!

Артефакт Повелителя Земли!

Лопата лишь мелькнула и сразу спряталась в проходе.

Хуа Чэн произнёс:

— Припозднился немного, но всё же успел. Идём.

Се Лянь без лишних слов сперва бросил в яму Линвэнь, затем настал черёд Бань Юэ, Пэй Су и Пэй Мина. Когда застрявшие меж скал «кости» исчезли, чудища резко рванули навстречу друг другу. Посреди гулкового грохота Хуа Чэн перехватил Се Ляня поперёк талии, выкрикнул: «Скорее, идём!» и, в обнимку с принцем, спрыгнул в

подземный ход. Се Лянь только и ощутил, как всё вокруг погрузилось во тьму, а затем наверху раздался оглушительный удар.

Две огромные скалы окончательно захлопнули ущелье!

Останься они сейчас наверху, наверняка расплющились бы в лепёшку. Когда испуг слегка улёгся, во тьме зажглись несколько маленьких сгустков пламени. Се Лянь оглядел подземный ход, в котором они очутились, — не широкий, но и не узкий, совершенно ровный — явно вырытый магической лопатой Повелителя Земли. Первые упавшие в чёрную дыру лежали на земле, тяжело дыша.

Хуа Чэн отпустил принца, Се Лянь также убрал руку, которой в момент прыжка невольно схватился за его плечо. Затем посмотрел на человека в чёрном, который держал в руках лопату.

Он тоже тяжело дышал и, воткнув лопату в землю, только успевал стирать пот со лба. Се Лянь подошёл ближе и окинул его внимательным взглядом. Незнакомец выглядел опрятным и добрым молодым человеком, довольно приятной наружности, которой можно было бы дать по крайней мере семь баллов из десяти... вот только без всякой индивидуальности. Должно быть, он из тех, кто оставляет другим крайне слабое ощущение своего присутствия.

Когда Се Лянь к нему подошёл, незнакомец опустил голову:

— Ваше Высо...

Но принц, не давая договорить, схватил его за руку, надавив на пульс, и спросил:

— Где Повелитель Ветров?

Человек в чёрном застыл.

— А? Это... это уж мне неизвестно.

Се Лянь выдохнул и серьёзным тоном продолжил:

— Ваше Превосходительство Черновод, к чему этот спектакль? Ваша месть — это дело личное, но ведь Повелитель Ветров был с вами в дружеских отношениях, к тому же не совершал никаких бесчестных поступков, надеюсь...

Линвэнь перебила:

— Черновод? Ваше Высочество, с чего вы решили, что он — Черновод? Выглядит ведь иначе!

Се Лянь обернулся и с удивлением сказал:

— Потому что у него лопата Повелителя Земли! И вообще, неужели господа не слышали об изменении внешности? Лицо столь

неприметное и простое, что ему не составит труда затеряться в людской толпе. Наверняка фальшивая личина!

Ранее о перемене облика уже говорилось, и лицо этого молодого человека идеально подходило под главное требование фальшивой личины: обыкновенность.

Даже если таращиться на него два часа кряду, а потом лечь спать, то на утро забудешь подчистую, как он выглядит. Разве могут быть сомнения, что это лицо — фальшивка?

Однако после недолгого молчания незнакомец ответил:

— Простите, Ваше Высочество, но... я... я именно так и выгляжу.

Хуа Чэн тоже подошёл к ним и, тихо кашлянув, сказал:

— Гэгэ, это... правда не Черновод.

Се Лянь был несказанно удивлён.

— И это действительно его настоящее лицо, — добавил Хуа Чэн.

Так значит, это настоящее лицо человека, от природы походящего на простого прохожего!

Се Лянь закрыл лоб ладонью. Спустя мгновение сложил ладони вместе и чуть склонился, извиняясь:

— Прошу прощения.

Нисколько не сомневаясь в своей правоте, принц, глядя в глаза собеседнику, прямо назвал его неприметным, а также сказал, что ему не составит труда затеряться в толпе. Но что поделать — ведь его облик в самом деле являлся образцом фальшивой личины!

Незнакомец, чувствуя себя крайне неловко, помахал рукой:

— Ничего, ничего, я уже привык...

Линвэнь же сказала, обращаясь к нему:

— Ваше Высочество Инь Юй, мы очень благодарны вам за помощь.

Услышав обращение, Се Лянь так и застыл. И лишь после осознал, что голос мужчины ему знаком, он слышал его уже не раз. В тот же миг взгляд принца метнулся к запястью собеседника. И пусть его закрывал рукав одеяния, можно было утверждать, что под материей скрывается чёрный обруч проклятой канги.

Пэй Мин поднялся с земли и тоже подтвердил личность мужчины в чёрном.

— Ваше Высочество Инь Юй? И правда! Не ожидал, что встречу вас здесь. А вы...

Инь Юй потёр кончиком пальца переносицу и поприветствовал в ответ:

— Совершенный Владыка Линвэнь, генерал Пэй, младший генерал Пэй.

Неожиданно послышался глухой возглас:

— Инь Юй? Тот Инь Юй, что потерпел полное поражение от собственного шиди?

Выражения лиц небожителей застыли, покуда голос продолжал:

— Послушай, как можно быть таким никчёмным? Мало того что с Небес согнали, так ты ещё и с демонами спутался. В сравнении с этим, как его... Цюань Ичжэнем, ты упал на самое дно! А ещё назывался его шисюном...

Голос принадлежал Жун Гуану, запечатанному внутри глиняного горшка. Пэй Су сразу же налепил на горшок талисман, чтобы тот замолк.

Что служить под началом Цзюнь У, что под началом Хуа Чэна — разница не так уж велика. Но если небесный чиновник становится демоническим посланником, то при встрече с бессмертными коллегами получается... Всё равно что бывший стражник стал разбойником. К тому же, старые знакомые поймали его за исполнением обязанностей. Атмосфера сделалась неловкой — никто не знал, что сказать. Так что Инь Юй просто молча развернулся, взялся за лопату Повелителя Земли и продолжил копать.

Пока они продвигались вперёд, прокладывая дорогу, Пэй Мин не забыл осведомиться о местонахождении младшего брата погибшего друга:

— Раз градоначальник Хуа сумел добыть лопату Повелителя Земли, следовательно, вы двое всё-таки поддерживаете связь? Помнится, я как-то спросил Его Высочество, но он оправдал Ваше Превосходительство, сказав, что вы не настолько хорошо знакомы с Чёрным демоном, а значит, наверняка не знаете, где он сейчас. Могу я просить вас передать Чёрному демону просьбу? Если он не убил Ши Цинсюаня, то пусть вернёт его нам.

Хуа Чэн возразил:

— Вы ошибаетесь. Мне действительно неизвестно, где сейчас Черновод.

— Но как вы заполучили лопату?

— Подобрал.

С полной уверенностью в своей правоте Хуа Чэн не признал обвинений. Что тут поделаться? Никто не мог ему возразить. К тому же, сейчас все оказались у него в долгу, и Пэй Мину оставалось только вздохнуть:

— Ладно. Удача поистине благоволит градоначальнику Хуа, раз он свободно находит драгоценные артефакты.

Линвэнь, висящая на плече Пэй Су, привычно ответила:

— Эта лопата — имущество чиновника Верхних Небес. Градоначальник Хуа, не считаете, что следовало бы вернуть её законным... — Впрочем, ещё до конца фразы она осеклась — поняла, что больше не служит чертогам Верхних Небес, а значит, не обязана взыскивать долги за небесных чиновников.

Се Лянь размял точку между бровей и задумался, стоит ли незаметно спросить Хуа Чэна, как тут же услышал его тихий голос, который мог слышать только принц:

— Черновод её бросил. Когда надобность притвориться Повелителем Земли отпала, он оставил лопату в Призрачном городе и сбежал. Перед походом на гору Тунлу я подумал, что она может пригодиться, вот и послал за ней подручного.

— Вот оно что. А я решил было, что мы сможем узнать, где Его Превосходительство Повелитель Ветров... Лопата отлично пригодилась против горных чудищ, Сань Лан поистине всё тщательнейшим образом обдумал.

— Просто когда-то эти чудища загоняли меня чуть не до смерти. И я выучил урок.

Се Лянь невольно представил, как Хуа Чэн, будучи новичком на горе Тунлу, преодолевает испытания одно за другим... Как вдруг в темноте вновь загорелись маленькие серебристые огоньки — это призрачные бабочки испускали тусклое сияние, достаточное для освещения обстановки. Се Лянь, перемещая порхающую над ладонью бабочку, посмотрел наверх.

— Что же за твари эти горные чудища? Почему они атаковали нас?

Хуа Чэн ответил:

— Трудно сказать, что именно они собой являют. Когда я впервые здесь появился, они уже были местными старожилками. Вот только

чудища не пытались нас атаковать, их задача — задержать любого, кто желает попасть на гору Тунлу. А если задержать не получается, нападают.

— Без какой-либо закономерности? Выходит, у нас с ними одна цель. Теперь стало известно, что и Повелитель Дождя, и Его Высочество Циин проникли на гору Тунлу. Надеюсь, они не попадут в беду.

Инь Юй, который всё время их разговора старательно копал проход, услышав имя Цюань Ичжэня, на миг замер. Се Лянь заметил это, бросив быстрый взгляд, и вспомнил, что ранее они уже встречались с Цюань Ичжэнем, но тогда Инь Юй, будучи в маске, повёл себя так, словно и не узнал своего шиди. Интересно, как бы поступил тот, зная, что перед ним стоит его шисюн?

Линвэнь, с трудом подняв голову, сказала:

— Ваше Высочество Инь Юй, вы виделись с Его Высочеством Циинном? Он множество раз наведывался ко мне во дворец, чтобы я помогла ему найти вас.

Инь Юй, запнувшись, переспросил:

— П-правда?

— Да. Когда вас только сослали, он приходил почти каждый день, а после, поскольку вестей так и не появилось, раз в три дня, потом раз в месяц. В последнее время раз в год являлся непременно. Он всегда считал, что в том инциденте с Божеством парчовых одежд между вами произошло недоразумение, хотел услышать ваши объяснения и помочь вам объясниться перед всеми. Но так и не дождался ответа.

Инь Юй промолчал, лишь вздохнул и стал копать ещё усерднее.

Се Лянь подумал: «Он не желает больше об этом говорить».

Линвэнь также была достаточно умна, чтобы это понять, и придержала язык — пусть лучше Инь Юй сосредоточится на прокладывании тоннеля. Прошло довольно много времени, прежде чем тот заговорил:

— Градоначальник, Ваше Высочество, мы уже прошли под землёй тридцать ли. Продолжим путь?

Лопата Полумесяца орудовала подобно ножу, режущему тофу, при этом не оставляя выкопанной земли. К тому же, они ведь спасались бегством, поэтому передвигались быстрее, чем если бы шли по

поверхности, вот и пробежали целых тридцать ли за малый отрезок времени.

Услышав обращение и к себе тоже, Се Лянь почувствовал неловкость и мягко ответил:

— Меня об этом спрашивать ни к чему!

Хуа Чэн произнёс:

— Не важно, кого спрашивать. Гэгэ, что ты думаешь?

Се Лянь, поразмыслив, ответил:

— Когда нас зажали в тиски горные чудища, мы почти вышли из ущелья. Думаю, трёх десятков ли достаточно с лихвой. Под землёй нет движения воздуха, и если задержимся дольше, боюсь, некоторые могут потерять сознание. Давайте выбираться наверх.

Инь Юй отозвался «Слушаюсь!» и тут же сменил направление по косой вверх, даже соорудил довольно симпатичные ступеньки.

Се Лянь подумал: «Из него и впрямь неплохой помощник, работает аккуратно, ни слова лишней болтовни».

Остальные последовали за Инь Юем и поднялись уже на несколько десятков ступеней, как вдруг Се Лянь наткнулся на какой-то твёрдый бугорок, не похожий ни на камень, ни на глину. Принц наклонился, слегка счистил землю рукой и через миг нахмурился.

Хуа Чэн, заметив, предостерёг:

— Гэгэ, не трогай!

Но опоздал — Се Лянь уже выпрямился, держа череп в правой руке и череп в левой.

— Господа, у нас проблема. Кажется, мы раскопали какой-то могильник.

Пэй Мин вытащил из стены чью-то ногу и вздохнул:

— Похоже на то. Судя по костям, при жизни это была длинноногая красотка. А теперь её останки покоятся здесь. Поистине досадно.

Хуа Чэн возразил:

— Сожалею. Ноги действительно длинные, вот только это мужская кость.

Едва услышав, что это не женщина, Пэй Мин немедленно потерял интерес и бросил находку. Хуа Чэн добавил:

— Если быть точным, это кость мужчины, которым обернулся демон. Поэтому наверняка отравлена трупным ядом.

Пэй Мин похлопал в ладоши, и на его руках действительно проявилась зелёная трупная Ци — там, где он держался за кость.

Линвэнь забранилась:

— Ты что, не мог придержать свои руки? Не мог?

Пэй Су вмешался:

— Трупный... яд не... так страшен. Гене... рал ведь — небесный чиновник, скоро... он будет в поряд... ке!

Сказать по правде, нога оказалась не только длинной и стройной, но ещё и довольно крепкой — от взмаха ею слышался угрожающий свист. Пэй Мин всё-таки подобрал кость и с одного конца обмотал тряпицами, чтобы можно было держаться. Видимо, решил использовать в качестве оружия. Затем он обратился к принцу:

— Ваше Высочество, а почему вы без опасения держите эти черепа?

Се Лянь осторожно положил черепушки и показал остальным свои руки. Оказалось, что его ладони также позеленели, но ядовитая Ци очень быстро улетучилась.

— Не стану лукавить, всё дело в том, что я уже множество раз подвергался действию трупного яда, если не тысячу, то восемьсот уж точно. Поэтому выработалась очень сильная устойчивость, и столь малое количество яда не причинит мне вреда.

Остальным его объяснение показалось неожиданно смешным, кому-то захотелось улыбнуться. Только Хуа Чэн, похоже, совсем не обрадовался — проходя мимо, он наступил на черепа и раздавил их в мелкое крошево.

Се Лянь сначала отнёсся спокойно, однако услышав грубый и даже несколько свирепый хруст, чутко уловил недовольство Хуа Чэна. Принц хотел спросить, в чём причина, однако почувствовал, что это недовольство неким образом связано с ним самим, поэтому замер и не осмелился задать вопрос.

Вскоре послышался спокойный голос Хуа Чэна:

— Почему так долго?

Подземный ход располагался самое большее — в двух чжанах от поверхности земли. И даже если учесть, что они передвигались по наклонной, процесс не должен был занять столько времени.

Инь Юй задумчиво отозвался:

— И сам не знаю... Постойте, мы на месте, готово!

Сразу после вопроса Хуа Чэна полотно лопаты задело пустоту — тоннель вывёл их на поверхность. Инь Юй в несколько взмахов сделал широкий проход и первым выпрыгнул наружу.

— Мы выбра...лись?

Остальные последовали за ним, однако, едва коснувшись ногами «поверхности», заметили странность.

Пэй Мин спросил:

— Выбрались на поверхность? Не похоже. Что это за место?

Где бы они ни оказались, это точно не поверхность земли. Слишком темно вокруг.

Линвэнь сказала:

— Мы вошли в ущелье ещё днём, ночь не могла наступить так быстро.

Несколько призрачных бабочек, испуская тусклое сияние, запорхали вокруг, и они наконец разглядели место, в котором очутились.

Громадная пещера, пустая и просторная, с широкими высоченными сводами, подобными ночному небу цвета чёрной туши. Вокруг виделись бесчисленные гроты, ведущие в неизвестном направлении.

Се Ляню стало любопытно:

— Это место кем-то сотворено или образовалось естественным образом?

Хуа Чэн, скрестив руки на груди, бросил взгляд и произнёс:

— Образовалось естественным образом.

Он по-прежнему готов был ответить на любой вопрос принца, но Се Лянь всё никак не мог выбросить из головы тот короткий миг недовольства.

Хуа Чэн добавил:

— Когда мы решили подниматься наверх, над нами как раз оказалась одна из гор. Теперь мы внутри этой горы.

Се Лянь кивнул:

— Вот оно что. Тогда давайте поскорее искать выход.

— Но... куда... идти? — спросил Пэй Су.

Вопрос непростой. Даже если исключить мелкие тоннели, в которые не протиснуться человеку, останется семь-восемь гротов. Се Лянь скрестил руки на груди и задумался.

— Раз... делим... ся на... группы? Так быстрее, — предложил Пэй Су.

Се Лянь опустил руки.

— Нет. Так действовать нельзя ни в коем случае. Если во тьме прячется какая-то тварь, ей будет проще напасть на нас по отдельности. Лучше пусть больше времени уйдёт на поиски верного пути, чем мы попусту потратим силы.

Пэй Мин, держа в руке своё новое оружие в виде костяной ноги, размахивал ею уже с явным удовольствием.

— Что ж, давайте продвигаться вместе. Для начала пойдём по этому тоннелю.

Так они выбрали путь и направились по нему единым отрядом.

Хуа Чэн и Се Лянь шли впереди всех. Принц некоторое время молчал, затем попытался тихонько позвать:

— Сань Лан?

Лицо Хуа Чэна к тому времени уже потеплело.

— Гэгэ, ты что-то хочешь спросить?

Се Ляню было неловко спрашивать, не сердится ли тот, и он сказал первое, что пришло в голову:

— Ничего. Просто... тоннель извивается будто кишка, у меня немного закружилась голова.

Хуа Чэн тут же предложил:

— Может быть, хочешь передохнуть?

Он нисколько не шутил. Се Лянь сразу отказался:

— Не нужно, не нужно.

Пэй Мин позади подал голос:

— Мне не послышалось? Ваше Высочество, у вас кружится голова лишь от пешей прогулки?

Се Ляню тоже показалось, что необдуманная фраза прозвучала странно, как будто он специально искал повод заговорить. Принц сделал вид, что не слышал замечания Пэй Мина, и серьёзно сказал:

— Господа, ни в коем случае не отставайте, тоннель всё время сворачивает, легко попасть...

Принц обернулся на ходу, осёкся и схватил Хуа Чэна за руку.

— Сань Лан!

— Что? — Хуа Чэн тоже обернулся и сразу нахмурился.

За ними не оказалось ни души!

Мгновениями ранее Пэй Мин за спиной принца отпустил насмешливую фразу, а теперь в тёмном пустом тоннеле остались только они вдвоём. Хуа Чэн немедленно положил руку Се Ляню на плечо, его голос сделался серьёзным:

— Гэгэ, держись возле меня, никуда не уходи.

Се Лянь задержал дыхание и насторожился.

— Внутри горы прячется какая-то тварь?

— Нет. Но... это как раз и пугает.

Поскольку означает, что чему-то неведомому удалось незаметно ни для божеств, ни для демонов приблизиться к ним и забрать с собой весь остальной отряд!

Живьём в одной могиле двое, земле преданные, не обретут покоя

Се Лянь прошептал:

— Что ни говори, а совершить похищение прямо за нашими спинами, не произведя и малейшего шума, невозможно.

Пусть даже Се Лянь не доверился бы своим ощущениям, он доверял Хуа Чэну. К тому же, сказать по правде, принц был полностью уверен в своей интуиции касаясь опасности.

Хуа Чэн ответил:

— Вернёмся назад. Посмотрим.

Плечом к плечу они направились туда, откуда пришли. Спустя несколько поворотов их шаги застыли.

Дело вовсе не в том, что они сами решили остановиться. Им пришлось это сделать, ведь впереди не оказалось дороги. Тоннель, по которому они шли, всячески извивался, но был лишь один. Теперь же, не дойдя до начала пути, они уткнулись в ледяную каменную стену, возникшую из ниоткуда!

Оба нисколько не изменились в лице.

— Это иллюзия или стена настоящая? — спросил Се Лянь.

К неровной стене неторопливо подлетела серебристая бабочка, ткнулась в препятствие, но тут же отлетела обратно, без каких-либо неожиданностей.

Хуа Чэн заключил:

— Настоящая.

Се Лянь кивнул:

— Что ж, это усложняет задачу.

Случаи, когда демоны идут на уловки, чтобы жертва заплутала, не редки. Существует два способа это сделать.

Первый — создать иллюзию. Иными словами, вы решите, что перед вами стена, однако на самом деле её там нет — всего лишь иллюзия, которую легко преодолеть. Нужно только дотронуться до стены, либо сперва отвесить самому себе пощёчину или облиться холодной водой, а затем уж дотрагиваться, когда сознание прояснится.

Второй — внести путаницу в ваши воспоминания касаясь дороги, смутить восприятие направления или другие ощущения. Это чуть более действенный способ. К примеру, оказавшись на развилке, вы можете решить, что выбрали левую тропу, тогда как на самом деле в замутнённом сознании пошли по правой. Также в ход идёт так называемый трюк «демон водит кругами»: первоначально существует небольшая разница между шагом левой ногой и правой. Нечеловеческие создания путём затуманивания мозгов эту разницу увеличивают. Так, сами того не замечая, вы будете думать, что идёте прямо, а на самом деле ваш путь превратится в большой круг, пройдя по которому, вы заметите: ой, как я оказался на том же месте?!

Однако для Се Ляня и Хуа Чэна оба способа были не более чем глупыми фокусами. А ледяная стена перед ними оказалась третьим видом: она существовала на самом деле.

Се Лянь размышлял, стоит ли пробиться через стену грубой силой и посмотреть, что там, за ней, когда услышал голос Хуа Чэна:

— Гэгэ, дай мне руку.

Просьба показалась странной, но принц всё же послушно протянул Хуа Чэну ладонь, которую тот аккуратно взял, положил на свою и накрыл другой рукой, потом как будто что-то повязал.

Се Лянь на миг задержал дыхание, поднёс руку к глазам и с интересом спросил:

— Это...?

На среднем пальце левой руки принца появилась тонкая-тонкая красная нить, которую Хуа Чэн повязал ему сам. Эта нить непрерывно тянулась к руке Хуа Чэна и соединялась с точно такой же на пальце Се Ляня.

Хуа Чэн поднял руку, демонстрируя маленький красный бантик, в точности как у принца, и улыбнулся:

— Теперь мы связаны.

От этой фразы Се Лянь ощутил, как лицо слегка обдало жаром. Может быть, всё дело в обострившейся чувствительности? Но принц поспешил с усилием протереть лицо ладонями, словно испугался, что Хуа Чэн почувствует его сердцебиение, которое сделалось во много раз быстрее обыкновенного.

Он тоже улыбнулся в ответ:

— Это какая-то магия?

— Ага, — лицо Хуа Чэна сделалось чуть более серьёзным, он опустил руку. — Во избежание неожиданностей, пускай мы и не разлучимся по своей воле. Эта нить не порвётся, её длина бесконечна. И покуда она не оборвалась, мы будем знать, что с тем, кто на другом конце, ничего не случилось. По ней всегда можно добраться до того, кто с тобой связан, если только он не исчез.

— Исчез — означает...?

— Мёртв. Иными словами, испарился как дым, растворился как облако.

Се Лянь хотел было что-то сказать, но тут до них издалека донеслась глухая дрожь. Принц внимательно прислушался и предположил:

— Кто-то наносит удары по камню?

Судя по силе и частоте ударов, кто-то с кулаками пробивался сквозь гору.

— Такая мощь недоступна обычному человеку, наверняка это Бог Войны. Неужели генерал Пэй?

Хуа Чэн сказал:

— Удары раздаются спереди.

«Спереди» означало, конечно же, направление, в котором они шли ранее, но повернули назад из-за исчезновения Пэй Мина и остальных. Но ведь отряд пропал позади них, как они могли оказаться впереди? И если это не Пэй Мин, то кто же?

Они переглянулись и направились вперёд плечом к плечу, чтобы узнать, что же на самом деле происходит. Но стоило пройти немного, и звуки ударов стихли. Неизвестно, специально ли, или же тот, кто их наносил, обессилел.

Но раз они уже пошли туда, не останавливаться же на полпути. Так что Се Лянь и Хуа Чэн продолжили идти к источнику звука.

Несколько серебристых бабочек танцевали в глубоком сумраке тёмного тоннеля, освещая им путь. Как вдруг Се Лянь краем глаза заметил на стене кое-что странное.

— Что это? Тоже красная нить?

Издали не представлялось возможным узнать, что увидел принц, но это странным образом напомнило ему красную нить, только намного более толстую. К тому же, «оно» непрерывно извивалось, подобно длинному красному червяку. Се Лянь медленно подошёл к стене и пригляделся.

— Это же скорпионочная змея Бань Юэ?

Так и есть — из стены торчала половина пурпурно-красной скорпионочной змеи, которая пыталась высвободиться. Создавалось впечатление, что её другая половина погребена в камне.

— Она заползла в дыру и не может выбраться? — предположил Се Лянь.

Хуа Чэн ответил:

— Боюсь, что нет.

Ведь змея практически повисла в воздухе, а по стенам эти создания ползать не умеют. Как она могла оказаться так высоко? К тому же, дыр в каменной стене хватало, и если ей непременно нужно было пролезть в одну из них, для чего выбирать такую маленькую? Да и сама «дыра» вызывала вопросы — она плотно обхватила змею, не давая ей сдвинуться с места.

Се Лянь хотел было схватить змею и потянуть, но та сразу насторожилась и принялась неистово размахивать скорпионьим хвостом, жала налево и направо — чуть не задела принца. Поэтому Хуа Чэн небрежно, по крайней мере, так казалось, ударил по её хвосту, отчего змея испуганно замерла, не смея пошевелиться. Се Лянь, не зная, как на это реагировать, открыл рот, чтобы заговорить, но тут же закрыл, потом спросил совершенно о другом:

— Ты это слышал?

Хуа Чэн отозвался:

— Слышал.

Они одновременно подняли взгляды вверх.

В темноте раздавалось тихое дыхание. Весьма ровное и весьма мерное.

Две призрачные бабочки, заигрывая друг с другом, полетели на звук, выше и выше, сияя ярче и ярче. Постепенно свет озарил пару рук.

Человеческих рук. Мужских рук. Тыльные стороны ладоней покрывала кровь и ссадины, руки свесились вниз, словно у мертвеца. Потом сияние бабочек озарило растрёпанную голову, которая также висела неподвижно, будто мёртвая.

А вот нижней части тела не было.

Да, у висящего высоко на стене человека не имелось нижней части тела. Только верхняя будто бы росла прямо из стены!

Се Ляню приходилось видеть нечто подобное в резиденциях знати. Если на охоте удавалось изловить редкого зверя, добыче отрубали голову, обрабатывали отваром против гниения и вешали на стену, всем на обозрение. Картина перед глазами заставила принца невольно вспомнить вывешенные на стене в ряд головы тигров, оленей, волков и других животных. Но этот человек, очевидно, дышал, а значит — всё ещё был жив!

Се Лянь подошёл ближе и спросил:

— Что это такое? Истинная сущность горного чудища?

Однако в ответ принц не услышал ни звука. Се Лянь ощутил, как по голове прошёлся мороз, резко обернулся, и... не увидел Хуа Чэна!

— Сань Лан?!

Разумеется, никто ему не ответил. Только висящий в стене человек что-то невнятно пробормотал, будто разговаривал во сне. Но сейчас Се Ляню было совершенно не до него — он покрутился вокруг себя и вдруг вспомнил о красной нити, которую Хуа Чэн повязал ему. Принц обрадовано вскинул ладонь и в самом деле увидел, что нить на месте, не оборвалась. Это его успокоило. Взявшись за нить, он потянул и пошёл по ней, пока не добрался до конца.

Который уходил прямо в каменную стену!

Не веря своим глазам, Се Лянь два раза дёрнул и вытянул из камня ещё более длинную непрерывную нить. Это заставило принца заподозрить, не замурован ли Хуа Чэн прямо в стене.

Едва подобная мысль закралась в голову, он без лишних слов выхватил Фансинь и вознамерился разбить стену. Однако, к его вящему удивлению, остриё меча даже не коснулось камня — перед глазами потемнело, стена будто бы разинула огромную пасть, «ам» — и проглотила принца живьём!

Темнота перед глазами не исчезла в одночасье, а превратилась в крошечную тьму, когда стена поглотила Се Ляня. Со всех сторон давил каменный песок и глина, не давая вдохнуть. К тому же, эта земляная масса вокруг непрерывно двигалась, заставляя почувствовать себя в желудке огромного чудовища, которое, помимо принца, проглотило ещё много всякой всячины, и сейчас переваривало, перемешивая и переворачивая вверх дном. Также могло показаться, что принц попал в зыбучие пески, где не за что зацепиться, чтобы выбраться, а чем больше прикладываешь сил, тем глубже утопаешь.

Се Лянь хотел было пробить стену, но вспомнил, что Хуа Чэн может быть где-то поблизости, поэтому вместо попыток вырваться принялся продвигаться вглубь. Принц широкими взмахами рук пробивался сквозь песок и глину, при этом тянул за красную нить, с трудом перемещаясь в указанном ею направлении. И вдруг спереди протянулась рука, которая безошибочно схватила принца за запястье.

— Кто?! — воскликнул Се Лянь.

Но стоило ему открыть рот, как принц наелся грязи, которую оказалось не так просто выплюнуть. Рука тем временем потянула на себя, прижав Се Ляня к груди, сверху послышался знакомый голос:

— Гэгэ, это я!

Услышав его, Се Лянь мгновенно расслабился и с силой обнял Хуа Чэна. С его губ сорвалось:

— Как хорошо, нить не оборвалась, и я правда тебя нашёл!

Хуа Чэн, прижимая принца сильнее, уверенно ответил:

— Не оборвалась! И я тебя нашёл.

Выходит, они повстречались с одной и той же странностью. Се Лянь изучал висящего в стене человека, Хуа Чэн настороженно разглядывал обстановку вокруг, опасаясь тварей, которые могли прятаться в темноте. Но кто бы мог подумать, что хватит и мгновения, чтобы стоявший рядом Се Лянь исчез! Да ещё откуда ни возьмись выросла каменная стена. Хуа Чэн, держась за красную нить, отправился на поиски и обнаружил, что другой конец исчезает в стене, поэтому, не раздумывая, пошёл сквозь неё.

В действительности между ними всего лишь выросла каменная стена, но оба решили, что другой остался внутри каменной толщи, поэтому, не сговариваясь, направились на выручку.

Се Лянь в неизвестно какой по счёту раз про себя повторил, что Хуа Чэн и впрямь заранее всё продумал.

— Как хорошо, что ты соединил нас этой нитью! Иначе неизвестно, смогли бы мы друг друга отыскать. Теперь ясно, почему генерал Пэй и остальные исчезли столь внезапно. Выходит, это не кто-то напал на нас, а... их проглотила гора.

— Верно, мы выбрали неудачный момент и сделали подкоп ровно в нутро горного чудища.

Се Лянь невольно кашлянул.

Да. Прямо сейчас они, несомненно, находились внутри одного из трёх горных чудищ по имени «Старость», «Болезнь» и «Смерть». Когда Инь Юй спросил Се Ляня, не стоит ли начать продвигаться на поверхность, он выбрал место ровно-ровно под стоящей на месте горой. Се Лянь охотно согласился, и его уникальная поразительная удачливость в очередной раз не обманула ожиданий.

Напирающая отовсюду горная масса оставляла всё меньше пространства, меньше воздуха, и Се Лянь всей душой ощутил, что здесь нельзя больше оставаться.

— Как нам теперь выбраться?

— Чудище не очень обрадовалось, когда кто-то прокопал ему внутренности, поэтому решило нас переварить, что принесло некоторые затруднения. Но гэгэ, не стоит волноваться, мы сможем высвободиться. — Он в шутку добавил: — Наверное, погребённые в одной могиле ^[275] испытывают похожие ощущения.

Се Лянь на миг застыл, услышав от него такое, уголки рта принца даже чуть приподнялись, но потом вновь опустились из-за одной догадки.

— Должно быть, тот человек снаружи тоже был проглочен горным чудищем. И грохот, который мы слышали, был его попытками выбраться из плена — он осыпал гору ударами кулаков. Так же, как и ту змею, его проглотило не до конца, а лишь наполовину.

Поэтому он и выглядел столь плачевно.

Хуа Чэн заметил:

— Но он пришёл сюда не с нами.

Се Ляню вдруг вспомнились растрёпанные волосы.

— Постой, я знаю, кто это. Боюсь, что это Циин!

Хуа Чэн, кажется, только призадумавшись, вспомнил.

— А, кудрявая грива. Да, должно быть, он.

— Неизвестно, всё ли с ним в порядке. Он потерял сознание? Когда я подошёл, он уже не реагировал.

— Ничего страшного, просто уснул.

— Откуда ты знаешь?

— Я оставил за стеной нескольких бабочек и только что отправил их взглянуть. Сейчас правым глазом я могу видеть, что происходит снаружи.

Однако тут же Хуа Чэн осёкся — «хм?» — будто увидел что-то необычное.

Се Лянь спросил:

— Что-то случилось?

Тот не ответил, лишь опустил голову, мягко приподнял лицо принца за подбородок, их лбы соприкоснулись. Се Лянь в тот же миг широко раскрыл глаза, потом закрыл и вновь открыл.

— Это поистине... непостижимое чудо.

Теперь его правый глаз тоже видел другую картину, нежели левый. Кругом было темно, но всё же примерные очертания вполне различались.

Казалось, маленькая наблюдательница-бабочка спряталась в зарослях травы, а где-то под ней медленно приближалась чья-то тёмная фигура.

Се Лянь прошептал:

— Кто-то явился, вот только кто? Где спряталась твоя бабочка? Её не увидят?

— В его волосах. Скрыв сияние, она останется незамеченной.

Фигура наконец приблизилась на достаточное расстояние, и человек поднял голову, показывая бледное лицо.

Се Лянь:

— Инь Юй?

Подобает ли истинной яшме кирпичами бросаться?

Подобает ли истинной яшме кирпичами бросаться ^[276]?

Это действительно был Инь Юй.

Он всё ещё держал в руках лопату Повелителя Земли. Имея при себе этот артефакт, даже проглоченный горным чудищем, он смог

быстро выкопать проход и освободиться из плена. Поэтому его появление здесь нельзя назвать неожиданностью, ведь грохот, учинённый Цюань Ичжэнем, мог потрясти целую гору.

Поскольку оба глаза видели разную картину, принц с непривычки испытал неприятные ощущения и поморгал, благодаря чему заметил необычную деталь — если закрыть правый глаз, изображение не пропадает, поэтому принц просто закрыл оба. Неожиданно картинка содрогнулась и задёргалась из стороны в сторону — видимо, Цюань Ичжэнь наконец очнулся и потряс головой.

Инь Юй молниеносно скрыл лицо под маской демона. Впрочем, Цюань Ичжэню было не до него — только он пришёл в себя, как его резко дёрнуло назад.

Горное чудище вернулось к «поглощению» жертвы!

Покуда руки оставались снаружи, Цюань Ичжэнь непрерывно колотил по стене кулаками, всеми силами пытаясь высвободиться. Но горное чудище, возраст которого насчитывал по меньшей мере тысячу лет, обладало мощной демонической силой. Оно вновь «открыло рот» и сделало глоток, от которого Цюань Ичжэнь глубже погрузился в стену. Наконец грохот стих — судя по всему, обе руки Бога Войны оказались внутри стены. Чудище прекратило затягивать его, однако голова Цюань Ичжэня до сих пор осталась снаружи.

Кажется, лишь теперь он обратил внимание на стоящего перед ним человека и без раздумий спросил:

— Ты кто такой?

Инь Юй не ответил, глядя на него через отверстия в маске.

От этого взгляда мороз бежал по коже. Се Лянь не удержался от мысли: «Совсем не похоже на того, кто собирается предаться воспоминаниям о былой дружбе!»

Цюань Ичжэнь продолжал бесхитростно вопрошать:

— У тебя в руках лопата? Помоги раскопать стену, я хочу высвободиться.

Он всегда вёл такие речи. Непосредственные, будто так и должно быть, бесстрашные, беспечные... как у ребёнка. Он даже не узнал, кто перед ним, а уже попросил о помощи, совсем не задумываясь, что появившийся в подобной обстановке незнакомец может запросто отсечь ему голову. Когда Инь Юй услышал просьбу, ладонь, держащая лопату, медленно сжалась.

Спустя мгновение он, с блестящей лопатой в руке, неторопливо направился к Цюань Ичжэню. Шаг за шагом, словно убийца, готовящийся совершить страшное преступление. От такого зрелища Се Лянь ощутил неясный страх.

— Постой, почему у меня ощущение, что он хочет ударом лопаты отрубить Циину голову?

Хуа Чэн неожиданно ответил:

— Очень может быть.

Се Лянь:

— ???

Хуа Чэн добавил:

— Впрочем, пока нельзя позволить ему убить Цюань Ичжэня. Горное чудище может только поглотить его, но не переварить. Однако стоит Цюань Ичжэню умереть, останется только труп, который чудище с лёгкостью переварит. Небожитель станет серьёзной подпиткой магических сил чудища, и боюсь, выбраться из его чрева нам будет уже сложнее.

Се Лянь поспешно сказал:

— Постой, постой. Сань Лан, пока оставим вопрос о пищеварении чудищ. Инь Юй — твой подручный. Зная его, как ты считаешь, способен ли он убить Циина? Между ними существует серьёзная вражда, что требует мести?

Циин активно пытался найти Инь Юя, а также являлся когда-то его шиди, обучался у того же мастера. За столько лет он не мог не узнать характер шисюна. Принц считал, что по мнению Цюань Ичжэня Инь Юй заслуживал таких стараний. Сам же Цюань Ичжэнь никак не походил на человека, способного совершить поступок, который вызовет желание его убить.

Хуа Чэн ответил:

— Нет. Но иногда желание убить кого-то не решается только враждой и жаждой мести. Иногда причина кроется в мелочах, которые ты сам можешь не замечать.

— Каких мелочах?

Стоило принцу задать вопрос, и картинка в правом глазу изменилась. Теперь он видел не красное одеяние на груди Хуа Чэна, но и не глядящих друг на друга человека и «голову» у каменной стены.

Перед ним развернулась широкая улица. Се Лянь хотел было спросить, что это, но тут впереди послышался шум и крики.

На дороге собралась толпа, люди громко бранились, окружив что-то. Принц присмотрелся и заметил в центре круга сидящего на корточках ребёнка. Его голову усыпали кудри, а лицо покрывала кровь.

Иной малыш на его месте давно заплакал бы, напуганный бранящейся толпой. Но этот мальчик, лет десяти на вид, не только не боялся, а наоборот — вид имел вполне радостный, всё оглядывался по сторонам и сжимал кулаки, будто с нетерпением готовился ринуться в бой.

И вдруг через толпу пробрался юноша, который сказал:

— Ладно, довольно ругаться. Думаю, он осознал вину.

Се Лянь тихо вздохнул от неожиданности.

Ясный взор, светлый лик, прямая как писчая кисть осанка. Это Инь Юй.

Возможно, тогда Инь Юй был по-настоящему юн, а может, всё дело в энтузиазме на пути праведности, но сейчас этот облик ещё не истёрся годами до мрачной блеклости. По крайней мере, образ был намного ярче первого, весьма тусклого впечатления, которое осталось о нём у Се Ляня. Кто угодно сейчас восхитился бы этим прекрасным юношей. Казалось, прошлый и нынешний Инь Юй — два совершенно разных человека. Принц подумал: «И ведь здесь он вовсе не такой неприметный!»

Хуа Чэн рассмеялся:

— Кто из нас не был молод?

Се Лянь понял, что та фраза неосторожно вырвалась вслух.

— Сань Лан, твой правый глаз способен видеть даже такие вещи?

— Это не мой правый глаз, а кое-что другое видело. Я лишь воспользовался чужим зрением, не более.

— Замечательно. Чудесная магия.

— Всё просто. Если выбираешь себе подручного, придётся перевернуть вверх дном всё его прошлое, без этого никак не обойтись. А уж в этом я, можно считать, мастер. Если гэгэ когда-нибудь понадобится узнать чью-то подноготную, без стеснения обращай ко мне.

Тем временем события, которые они видели правыми глазами, продолжали развиваться. Другой ученик монастыря, возрастом схожий

с Инь Юем, гневно воскликнул:

— Осознал вину? Мечтай! Погляди на него, похож он на того, кто осознал вину? Этот мелкий демон вообще ничего не понимает! Мы спокойно занимались утренними тренировками, а он закидал нас камнями и грязью, больно смотреть! Нужно как следует его проучить!

Инь Юй удержал крикуна.

— Оставь его, Цзянь Юй. Его и так уже побили до такого состояния, что в следующий раз он точно не посмеет совершить подобное. Да и вы давно выпустили пар, куда ещё его учить? Ещё немного, и урок будет стоить ему жизни. Поглядите, как он одет — наверняка у мальчика нет никого, кто мог бы его воспитывать. Оставьте его. Идёмте, умерьте свой пыл.

Цзянь Юй развернулся и гневно бросил:

— Я тебе вот что скажу. У этого паршивца с головой непорядок, он ненормальный! Посмотри, его избili, а он ещё и хихикает! Опять напрашивается на трёпку!

Инь Юй, подталкивая собратьев, вздохнул:

— Эх! Ты же сам говоришь, что у него с головой непорядок. Зачем с таким препираться?

Было видно, что в те времена слова Инь Юя среди его однокашников имели немалый вес — юноши негодовали, но всё же послушали его и направились прочь. Инь Юй же, посмотрев на сидящего на земле мальчишку, присел перед ним. Но не успел сказать ни слова — тот схватил пригоршню грязи и с довольным видом запустил ему в лицо.

Инь Юй, не успев даже увернуться, помолчал, стёр грязь с лица и сказал:

— Ну что за ребёнок, почему ты такой непослушный? Зачем напал на учеников нашего монастыря?

Мальчик подпрыгнул и встал в стойку, готовый к бою.

— Давай драться!

Инь Юй поднялся и спросил:

— Это боевая стойка нашего монастыря. Кто тебя научил?

Но мальчик только кричал:

— Дерись! — и подпрыгивал на месте, подобно глупой обезьянке, при этом то и дело хватал с земли грязь и бросал в «противника», на удивление метко.

Инь Юй был намного старше мальчика, и положение не позволяло ему драться с ребёнком, вместо этого он побежал прочь, на бегу выкрикивая:

— И это тоже — техники нашего монастыря! Ты что, целыми днями висишь на стене и подглядываешь за тренировками?.. Перестань, я сказал, хватит бросаться! Я ведь тебя не тронул! Тебе что, так сильно нравится драться?!

И вдруг ребёнок остановился, кивнул и, потирая запачканные грязью руки, ответил:

— Нравится.

Он ответил абсолютно честно. И Се Лянь, и Инь Юй, оба удивлённо застыли. Без слов становилось понятно, кто этот мальчик.

— Циин поистине помешан на драках, — не выдержав, вздохнул Се Лянь. — Прирождённый Бог Войны.

Пускай тогда остальные считали Цюань Ичжэня больным на голову ребёнком, Се Лянь ощутил исключительное чувство родства.

Поскольку только «помешавшись» на чём-то, впоследствии сможешь достичь в этом деле уровня «божества».

Если найдётся кто-то, способный понять такое «помешательство», то можно говорить о перспективах и надеяться, что из этого выйдет толк. Если же таковых не найдётся, и люди станут лишь называть ребёнка «больным» и «дурачком», начиная с того самого мгновения совершенно ясно — на этом пути ему надеяться не на что.

Инь Юй замер и снова рассмеялся. Впрочем, долго смеяться не вышло — в лицо вновь прилетел ком грязи.

— Эй! — тут же воскликнул он. — Я же просил, хватит в меня кидаться... Выслушай же! Может... поступишь в ученики нашего монастыря? Поучишься, как надо драться?

Цюань Ичжэнь остановился, сжимая в руке ком грязи, только неизвестно, отправил ли он его в полёт. Се Лянь этого не увидел, ведь в тот же миг Инь Юй в настоящем с громким звоном вонзил лопату Повелителя Земли в стену.

Он не задел голову Цюань Ичжэня, но острый металл просвистел в опасной близости от лица Бога Войны.

Спрятанная в волосах Цюань Ичжэня бабочка осталась сидеть смиренно, её не потревожил внезапный взмах лопаты, но Се Лянь, увидев произошедшее, невольно воскликнул:

— Нет!

Хуа Чэн, похоже, предвидел подобное, и сказал:

— Смотри. Порыв такой действительно был. Но пока жажда убийства не настолько сильна.

Цюань Ичжэнь, у которого снаружи осталась только голова, подал голос:

— Хочешь убить меня?

Инь Юй молчал.

Цюань Ичжэнь, недоумевая, спросил:

— Я что-то сделал не так?

Се Лянь интересовало то же самое:

— Он что-то натворил?

Хуа Чэн ответил:

— Трудно судить. Гэгэ, взгляни сам.

В следующий миг Се Лянь вновь увидел правым глазом другую картинку — монастырскую келью с белыми стенами и чёрной черепицей. Кажется, Инь Юй стал старше на несколько лет. Он как раз склонился над столом, кисть в его руках парила как стрела. А вокруг собрались возмущённые соученики, которые так и сыпали жалобами:

— Собрат Инь Юй, Цюань Ичжэнь за едой являет собой ужасающее зрелище! Каждый раз пища летит во все стороны, а съедает он втрое больше, чем остальные. Живой, а ведёт себя как призрак умершего от обжорства. Так насел на кадку с рисом, что остальные не наедаются!

— Собрат Инь Юй, не могу я больше с ним жить, хочу в другую комнату переселиться. Он каждый раз просыпается в ужасном настроении, и я боюсь, что однажды он одним пинком переломаёт мне рёбра. Мне с таким нравом не совладать, никак не совладать!

— Собрат Инь Юй, я больше не пойду с ним в дозор, этот негодник никогда никого не слушает и не умеет работать в паре. Только и знает, что раздавать тумаки направо и налево, лишь бы свою удаль показать. Я готов быть дозорным в паре с худшим шиди, но только не с ним!

У Инь Юя от этих жалоб голова пошла кругом.

— Ладно, ладно. Что ж... давайте поступим так. Я проведу расследование, а после подумаю, как с этим быть. Ступайте пока к себе.

Громче всех стучал по столу, конечно же, Цзянь Юй. Ему такое решение явно пришлось не по нраву.

— Инь Юй, тебе не следовало просить мастера принимать в ученики негодника. С ним только хлопоты ступили на наш порог. Посмотри, он так давно присоединился к нам, но ни дня не прошло, чтобы он не устроил беспорядок! Ни дня не прошло, чтобы он чего-то не испортил!

Под напором негодующей толпы Инь Юй примиряющим тоном произнёс:

— На самом деле проблема не так уж велика...

— Не так уж велика?! Вся чистота и покой монастыря уничтожены без остатка! Мы должны совершенствоваться в отрешённости, но как совершенствовать то, чего нет?

— Да! Ведь раньше здесь ничего подобного не было!

Инь Юй только и мог, что сказать:

— Ичжэнь ведь это не со зла. Просто ему в самом деле не ведомы житейские истины, он не очень понимает, как уживаться с людьми.

— Но ведь незнание житейских истин — это вам не золотой жетон безнаказанности ^[277]! — возмутился Цзянь Юй. — Если не понимает, что же не учится? Раз он живёт в мире, населённом людьми, должен учиться, как уживаться с другими. Ему второй десяток пошёл, нельзя же до сих пор вести себя как малое дитя? В его возрасте некоторые отцами становятся! Я уж не говорю о предвзятости мастера. Сколько лет негодник уже живёт с нами? С первого дня всё самое лучшее достаётся ему, лучший тренировочный зал — ему, лучшие снадобья, что изготавливаются каждый сезон, — тоже ему, даже от утренних и вечерних занятий его освободили, и священные тексты ему зубрить не нужно. А если мастер с него и спрашивает, он для виду прочитает пару строк — а его даже не ругают! С какой такой стати?! Собрат Инь Юй, это ведь ты — старший ученик, и достанься это всё тебе, никто бы слова ни сказал, приняли бы как должное. А он кто такой? Ни воспитания, ни добродетели! Раз природа одарила талантом, думает, что он — особенный?! Который из нас признает себя хуже него?

В его речах слышалось желание посеять раздор, и остальные наперебой поддерживали. Инь Юй вмиг помрачнел, пальцы крепче сжали кисть. Се Лянь невольно подумал — дело плохо.

Даже людей с обычной выдержкой было очень легко поймать на этот крючок, а несдержанного человека и подавно — и крючка не требовалось, он сам запрыгнет в сети. Если уж ткнуть его крючком, он и вовсе лопнет!

Однако вопреки ожиданиям, Инь Юй после недолгих раздумий положил кисть, сдвинул брови и серьёзным тоном ответил:

— Собратья мои, я считаю, что ваши речи неверны. — Пока ученики остолбенели, Инь Юй продолжил: — Скажу без прикрас: не важно, какой путь вы избрали, но если на нём природа одарила вас талантом, вы действительно можете считаться особенными. А он, мало того что одарён, ещё и готов эту одарённость развивать. Если вы и впрямь думаете, что мастер относится к нему предвзято, давайте приложим усилия, чтобы его догнать и перегнать, тогда для нас нараспашку откроются и тренировочные залы, и хранилища лучших снадобий. Раз вы нашли время, чтобы злиться, не лучше ли потратить его на усердные тренировки? Я прав?

Остальные тут же устыдились, потеряв интерес к спору, но всё же сказали:

— Шисюн, ты поистине великодушен. Не будем препираться с негодником.

— Да я только на своей злости оставлю его за сто восемь тысяч ли позади!

Цзянь Юй же возразил:

— Эх, Инь Юй. Сегодня ты за него заступаешься, но берегись, как бы впоследствии он не довёл тебя до тошноты!

В общем, для обеих сторон разговор завершился на неприятной ноте. Проводив соучеников, Инь Юй затворил за ними дверь и собирался закрыть окно, как вдруг увидел человека, который уселся на корточки прямо на окне. Он едва не подпрыгнул от испуга.

— Кто это?!

Цюань Ичжэнь, повесив голову, сидел на переплёте. Инь Юй разглядел незваного гостя и спросил:

— Когда ты здесь оказался? — Он потянул парня в комнату, но тот не поддался. — Ичжэнь! Если хочешь посидеть, посиди в другом месте, я закрою окно.

— Шисюн, я всех раздражаю, да? — неожиданно спросил Цюань Ичжэнь.

Инь Юй неловко улыбнулся:

— Ты всё слышал?

Цюань Ичжэнь кивнул. Инь Юй с выражением лица «ну что тут сказать», кончиком пальца потёр переносицу.

— Ну... не всё... так... плохо...

Любой нормальный человек услышал бы, с какой натугой сказаны эти слова, но Цюань Ичжэнь, похоже, воспринял только прямой смысл фразы и бросил короткое «О».

Инь Юй, видя, что тот принял его утешения за чистую монету, усмехнулся и добавил:

— Сказать по правде, тебе не стоит обращать на это внимания. Ты ни в чём не виноват, правда. Просто ты такой, и это тоже хорошо.

Проницательному человеку сразу становилось ясно, что собратья не любили Цюань Ичжэня вовсе не потому, что тот много ел, по утрам был сердит, не умел работать в паре и стремился лишь показать свою удаль, когда они выходили в дозор.

Говоря по существу, истинная причина их неприятия крылась в сказанном в последнюю очередь: он пришёл позже всех, но получил больше всех.

Цюань Ичжэнь кивнул:

— Я тоже так думаю.

Инь Юй похлопал его по плечу.

— Иди тренируйся! Это важнее всего. Об остальном не стоит переживать.

И Цюань Ичжэнь спрыгнул с подоконника. Судя по направлению, в котором мальчик ушёл, он и впрямь отправился тренироваться. Инь Юй же закрыл окно, взял со стола священные тексты и тоже приступил к прилежным занятиям.

После двух увиденных сцен Се Лянь похвалил:

— Сань Лан, твой подручный — поистине личность уникальная, обладающая выдающимися качествами. — Однако тут же вспомнил, что минутами ранее Инь Юй едва не отрезал Цюань Ичжэню голову лопатой Повелителя Земли, и спросил: — Снаружи всё в порядке?

Хуа Чэн показал ему, что происходит в настоящем времени. Инь Юй вновь сделался невозмутимым и выдернул лопату из стены, видимо, размышляя, как всё-таки поступить с головой Цюань Ичжэня.

Се Ляня это немного успокоило, он спросил:

— Предположу, что конфликт между ними произошёл после вознесения?

— Верное предположение, — ответил Хуа Чэн.

В следующий миг перед взором Се Ляня возник роскошный зал.

Инь Юй с достоинством восседал на почётном месте, Цзянь Юй и Цюань Ичжэнь стояли чуть позади слева и справа от него. Во дворец то и дело наведывались божества, и каждый принадлежал к пантеону Верхних Небес. Се Лянь увидел немало знакомых лиц — Линвэнь в мужском облики, хладнокровного Пэй Су, ещё искренне улыбающегося Лан Цяньцю... Все прибыли в парадном одеянии, а сопровождающие их младшие служащие несли ярко-красные подарочные коробки.

Весьма очевидно, что они находились в столице бессмертных, во дворце Иньюя [278].

И в тот день проводилась торжественная церемония в честь его открытия, а значит — ознаменованный счастливым событием праздник, когда Инь Юй основал в столице бессмертных собственную божественную резиденцию.

Се Ляню стало любопытно. Увидеть что-то в мире людей для Хуа Чэна не представляло сложности, ведь мир людей являлся его вотчиной, и если он желал что-то отыскать, мог воспользоваться глазами прохожих, блуждающих духов, зверей и птиц. Но столица бессмертных территориально относилась к Небесным чертогам. Как же вышло, что и здесь он видел всё происходящее?

Кажется, Хуа Чэн разгадал его мысли, поэтому сказал:

— Гэгэ, взгляни на угол возле входа во дворец.

Се Лянь послушался, но «угол» оказался немаленьким, ведь и сам дворец выстроили поистине внушительных размеров. Возле входа столпилось по крайней мере несколько десятков гостей, которые то и дело сновали через порог.

— Угадай, кто из них Черновод.

Только теперь Се Лянь вспомнил, что Хэ Сюань всё время прятался в чертогах Верхних Небес и наверняка продавал собранные в столице бессмертных сведения Хуа Чэну. Принц сосредоточенно пригляделся и скоро нашёл более-менее подходящую кандидатуру.

— Тот, что в чёрном одеянии?

— Слишком просто. Неверно, продолжай.

— Вон тот, молчаливый, с серьёзным лицом?

— Тоже нет.

Сразу несколько предположений принца оказались неверными, и вдруг кто-то объявил:

— Прибыл Его Превосходительство Повелитель Ветров...

Се Лянь немедленно обратил взгляд к главному входу. Ши Цинсюань, нарочито вольготно покачивая Веером Повелителя Ветров, с сияющим видом прошествовал во дворец. Бросив в сторону принесённый подарок, он сложил руки в поклоне и объявил:

— Мои поздравления с открытием дворца, я припозднился, готов выпить штрафную чарку, ха-ха-ха-ха!

Сидящий на почётном месте Инь Юй улыбнулся:

— Ну что вы, Ваше Превосходительство Повелитель Ветров несколько не припозднились, прошу!

Хуа Чэн наконец огласил разгадку:

— Вот и он.

— Повелитель Ветров — Черновод???

Слишком уж удивительно.

— Гэгэ, ты неправильно понял, — усмехнулся Хуа Чэн. — Не он, а тот, что за ним.

Се Лянь пригляделся и увидел позади Ши Цинсюаня, прямо у ворот, служащего низшего ранга, ответственного за принятие даров, принесённых гостями. Внешностью он не выделялся, но блистал улыбкой на всё лицо. Когда Ши Цинсюань, сияя самодовольством, переступил порог дворца и небрежно бросил ему жемчужину как поощрение, тот с горящими глазами схватил подарок обеими руками, не забывая сыпать благодарностями Его Превосходительству, точно получивший подачку пёс.

У Се Ляня вырвалось:

— Это — Черновод? Сверкающий улыбкой... Черновод?

— Именно он. Улыбка фальшивая, вот и всё. В столице бессмертных у него было, по меньшей мере, пятьдесят двойников, и каждый исполнял разные роли. Он мог одновременно следить за восемью десятками чиновников Верхних Небес и тремя сотнями служащих Средних Небес. В противном случае ему не хватило бы одной роли Повелителя Земли.

Се Лянь не удержался от восхищения актёрскими способностями Черновода, умением вести игру и энергией на всё это, достигшей просто неопишуемых масштабов.

— И где сейчас его двойники?

— Наверное, Цзюнь У как раз выдирает все гвозди по одному.

Стоило ему это сказать, послышались пронзительные возгласы:

— Ваше Высочество Иньюй, лучше бы вам сегодня дать достойное объяснение происходящему! Что такое творит ваш шиди?!

Улыбки тотчас же пропали с лиц небесных чиновников. Все, не сговариваясь, посмотрели в сторону ворот дворца. Видимо, кто-то пытался ворваться в зал, но их задержали, и потому они принялись настойчиво кричать снаружи:

— Ваш шиди, Цюань Ичжэнь, подрался в чертогах Верхних Небес с чиновником выше него по статусу! Неужели пустите это на самотёк?!

Улыбка Инь Юя испарилась, он спросил у стоящих рядом подручных, понизив голос:

— В чём дело? Ичжэнь, ты опять с кем-то подрался?

— Подрался, — ответил сам Цюань Ичжэнь.

Цзянь Юй в гневе выпучил глаза и прошипел:

— Опять отличился, паршивец!

В подобных обстоятельствах первым всегда начинал говорить Ши Цинсюань. Заткнув метёлку из конского волоса за ворот, он поинтересовался:

— В чём дело? Сегодня праздник, открытие божественного дворца, неужели дела не могут подождать?

Если кто-то в столь важный день прибежал сюда наводить шума, то такой человек либо совершенно не отличался сообразительностью, либо открыто шёл на конфликт.

Снаружи послышалось:

— Ох, у вас сегодня великий день? Этого мы не знали. Вот только он не выбирает дни, чтобы нас поколотить. Так неужели мы должны выбирать день, чтобы призвать его к ответу? Цюань Ичжэнь — служащий дворца Иньюя, Его Высочество Иньюй лично избрал его в помощники. К кому же обращаться, если не к нему?

Можно с уверенностью сказать: визитёры открыто шли на конфликт.

Линвэнь, нахмурившись, спросила:

— Зачем вы так?

Инь Юй не мог больше оставаться в стороне, он поднялся и произнёс:

— Я всё понял. Однако сейчас не самый подходящий момент. Быть может, поговорим позже?

Голос снаружи удовлетворённо ответил:

— Уповаем лишь на то, что дворец Иньюя не станет покрывать драчуна!

Не разъяснив ничего до конца, они навесили на Инь Юя ярлык, обвинив в «покрывательстве», — звучало, прямо скажем, неприкрытой угрозой. Ши Цинсюань хотел было вмешаться, но тут Цюань Ичжэнь выскочил из-за спины Инь Юя.

— Вы уйдёте или нет?

Нарушители спокойствия, очевидно, были полностью уверены, что Цюань Ичжэнь не посмеет в подобной обстановке дать им отпор, и бесстрашно ответили:

— А если не уйдём, то что же, опять учинишь драку? На глазах у всех божественных коллег...

Однако поступки Цюань Ичжэня нельзя было предугадать с точки зрения общепринятых норм. Не сказав больше ни слова, он вскинул кулаки и вылетел из дворца. Снаружи послышались пронзительные вопли, а оставшиеся во дворце небожители застыли, совершенно потрясённые!

Лишь спустя время Линвэнь наконец приказала:

— Охрана, оттащите его, иначе не избежать смертоубийства!

Инь Юй, который тоже некоторое время не мог пошевелиться от потрясения, поспешно вышел из дворца.

— А ну, прекратите!

Группа побитых заголосила:

— Дворец Иньюя слишком многое о себе возомнил! Прекрасно, прекрасно! Шисюн и шиди объединились, чтобы притеснять других!

Тем же вечером в малом зале дворца Иньюя. Сам Инь Юй ходил из стороны в сторону, покуда вокруг скакал взбешённый Цзянь Юй.

— Сегодня весь наш праздник полетел в тартарары из-за мелкого паршивца!!!

Се Лянь мог полностью понять злость Цзянь Юя.

Сам принц не придавал особого значения приёму в честь открытия дворца, но многие небесные чиновники придерживались иного мнения. Это была церемония официального признания небожителя частью пантеона Верхних Небес. И сегодняшний инцидент, если привести не слишком уместное сравнение, ничем не отличался от срыва церемонии вступления на престол императора в мире смертных. Кто бы не вышел из себя?

Инь Юй вздохнул.

— Ладно. Наверняка они первыми его задели. К тому же, конфликт случился не сегодня, а они намеренно выбрали именно этот день для визита. Что тут поделаешь?

— В чертогах Верхних Небес столько народу, почему же никто никого не задевает, а именно с ним случаются конфликты?

— Ты же знаешь, он не из тех, кто не даст сдачи, если на него нападут. Дело не в том, что никто никого не задирает, просто другие могут стерпеть, а он стерпеть не может.

— Это столица бессмертных, а не мир людей! Неужели нельзя сдержатъ обиду и вести себя немного скромнее?! Если бы он сразу был поуживчивее и никого не провоцировал, другим сегодня и не представилось бы возможности нанести удар! А теперь всё — уж опозорились так опозорились! На глазах у стольких небесных чиновников! А сплетникам какое дело до того, кто первый начал? Они только и будут твердить, что дворец Иньюя бесцеремонно при всём честном народе устроил избиение! Кто станет разбираться, кто больше виноват, кто меньше?! Думаешь, он был прав? Нет! Если начался конфликт и в ход пошли кулаки, значит, ты не прав! Он ни черта не понимает! Только и знает, что добавлять нам хлопот!

Разразившись гневной тирадой, Цзянь Юй наконец покинул зал, вне себя от злости. Инь Юй же остался на месте, охваченный беспокойством.

Спустя какое-то время он обернулся и увидел сидящую на оконном переплёте тёмную фигуру. Знакомая картина вновь испугала Инь Юя.

— Что ты опять тут сидишь? Когда ты вернулся? Что это за привычка такая?

Проигнорировав вопрос, Цюань Ичжэнь произнёс:

— Они первыми начали меня бранить.

Инь Юй открыл рот, но сразу закрыл. Затем сказал:

— Ох, Ичжэнь. Не принимай близко к сердцу сказанное Цзянь Юем.

Но Цюань Ичжэнь упрямо твердил, не обращая внимания на его слова:

— Они первыми начали меня бранить. Я их вовсе не знаю, а они называли меня служащим низшего ранга, ни с того ни с сего отругали, насмеялись надо мной и приказали катиться прочь, не стоять на пути. Я велел им извиниться, но они не стали. Тогда я их побил. Только получив тумаков, они закрыли рты. Иначе я бы не начал бы драку.

Ныне Небесные чертоги пребывали в относительной гармонии, но в прошлом находились чиновники Верхних Небес, а также служащие Нижних Небес с более высоким статусом и длительным сроком службы, которые притесняли и задирали неопытных служащих низшего ранга. В те времена такое происходило нередко. Инь Юй вздохнул.

Цюань Ичжэнь спросил его:

— Служащие низшего ранга считаются хуже других?

Инь Юй ответил:

— Нет.

Нет?

Вполне очевидно, что Инь Юй и сам не верил в сказанное. И Цюань Ичжэнь услышал это в его голосе. Спустя долгое время он откровенно заявил:

— Мне здесь не нравится.

Инь Юй молчал. Цюань Ичжэнь продолжил:

— Они считают, что я их раздражаю, но они раздражают меня ещё больше. Раньше я мог тренироваться по шестнадцать часов в день, а теперь половину трачу на глупые разговоры и выслушивание таких же глупых разговоров, на визиты и приём визитёров. А если кто-то без всякой причины меня ругает или бьёт, не извиняясь при этом, мне ещё и запрещено ударить в ответ. Никакая это не обитель бессмертных. Мне здесь не нравится.

Инь Юй со вздохом ответил:

— Мне тоже здесь не нравится.

— Тогда давай вернёмся.

Но Инь Юй покачал головой:

— Пусть мне не нравится, я всё же хочу остаться здесь.

Цюань Ичжэнь не понял его:

— Раз тебе не нравится, почему ты хочешь остаться?

Инь Юй, не сдержавшись, рассмеялся — он не мог ему объяснить.

И сколько бы в столице бессмертных ни нашлось тех, чьей заветной мечтой было оказаться здесь, они тоже не смогли бы объяснить Цюань Ичжэню, насколько сложно попасть сюда в столь юном возрасте.

— Ну... потому что вознестись очень трудно. А раз это так трудно, и я уже оказался здесь, мне хочется достичь большего.

Но Цюань Ичжэнь так не считал.

— В вознесении нет ничего особенного! Можно и без него как-нибудь обойтись.

Его речи немного рассердили Инь Юя, но в то же время рассмешили.

— Что значит — нет ничего особенного! Может, тогда сам попробуешь?

На этом моменте Се Лянь сказал:

— Иногда и впрямь не стоит бросаться необдуманными шутками.

Хуа Чэн согласился:

— Это верно. Не прошло и полугода, как Цюань Ичжэнь в самом деле вознёсся. И тогда Инь Юю стало уже совсем не смешно.

— Мы можем взглянуть на те события?

— Можем. Подожди немного.

Картинка переменилась, и на сей раз перед глазами возникла всё та же столица бессмертных, только вместо дворца — пир под полной луной.

Се Лянь, помолчав, спросил:

— Пиршество в честь Середины осени?

— Именно.

— И где теперь спрятался Черновод?

— Найди того, кто ест.

Все небесные чиновники на пиру были заняты играми, пили за здоровье друг друга и обменивались любезностями, лишь один из

присутствующих чуть не зарылся лицом в глубокую миску огромных размеров. На этот раз Хэ Сюань не прятался среди младших служащих, а уже в образе Повелителя Земли сидел в углу. Впрочем, никто и не обращал на него внимания.

Инь Юй и Цзянь Юй расположились рядом с «Повелителем Земли», также в стороне от всеобщего веселья. Инь Юй не притрагивался к еде и ни с кем не разговаривал. Только Цзянь Юй рядом с ним прошептал:

— Слава Небу и Земле, этот больной на голову паршивец не явился!

Инь Юй, услышав, шёпотом ответил:

— Он давно вознёсся, и если кто-то услышит, как ты его называешь, будет некрасиво. Последи за языком.

— Но ведь это правда, разве я не прав? Что с того, что он вознёсся? Даже спустя несколько сотен лет его голова останется такой же бестолковой.

Во время их разговора неподалёку заняли места вновь прибывшие небожители, видимо, незнакомые. Наспех поприветствовав сидящих, один из них как бы между прочим спросил Инь Юя:

— А вы...?

Другой, тоже между прочим, ответил:

— Это Бог Войны, покровитель Запада.

Спросивший тут же сделался несравнимо приветливым, поднялся с чаркой вина и воскликнул:

— О! О-о-о! Наслышан, наслышан, давно наслышан о громком имени Вашего Превосходительства!

Инь Юй тоже поспешил встать, с улыбкой отвечая:

— Что вы, я не столь знаменит.

— Эх, не стоит скромничать, Ваше Превосходительство! Слава поистине идёт впереди вас! Мне давно известно о западном Боге Войны, Его Высочестве Циине, молодом и подающем надежды. Вы вознеслись всего несколько лет назад, но уже завоевали сердца последователей, а на Состязании фонарей в этом году вошли в десятку лучших! Теперь ваше положение на Западе непоколебимо, неизмеримы лежащие перед вами перспективы, поистине неизмеримы! Вы оказались при встрече немного старше, чем я себе представлял, но

тем не менее, ещё очень молоды. Поэтому заслуженно называетесь молодым и подающим надежды!

Улыбка Инь Юя окаменела. Он не мог ни принять предложение выпить чарку вина с этим чиновником, ни отказать ему в чести. Положение мгновенно сделалось беспримерно неловким. А собеседник всё продолжал с энтузиазмом налаживать с ним отношения, даже обращение сменил на более панибратское:

— Скажу вам честно, обычно я очень редко проникаюсь к кому-то симпатией, но с вами, дружище Цюань, я будто уже сто лет знаком, невзирая на то, что вижу впервые! Мои владения также находятся на западе, и если вам, дружище, в будущем понадобится помощь, и коли не побрезгуете, только позовите! Мы можем рассчитывать друг на друга. Ха-ха-ха...

Он рассмеялся легко и беззаботно, так же легко и беззаботно рассмеялись и те присутствующие, кто уже знал Инь Юя. Се Лянь практически перенёсся сквозь время и пространство, ощущая воцарившуюся тогда всепоглощающую неловкость, от которой выдох застревал в горле.

Цзянь Юй от злости даже позеленел, тогда как Инь Юй смог сохранить самообладание. Его рука дрогнула, но всё же удержала чарку.

— Мне очень неловко...

Но как раз когда Инь Юй собирался разъяснить недоразумение, кто-то воскликнул:

— Прибыл Циин!

Вдалеке поднялся шум и разговоры, а собеседник Инь Юя поразился:

— А? Так вы... вы не Его Высочество Циин???

Лишь тогда кто-то, держась от смеха за живот, объяснил:

— Ты обознался, дружище! Никак, позабыл? На западе правят два Бога Войны, Иньюй и Циин. Они ученики одного мастера. И перед тобой стоит Его Высочество Иньюй, ха-ха-ха...

— О-о-о, обознался, как неловко, ха-ха, простите мою неосведомлённость. Я гораздо чаще слышал о Циине...

Не дослушав фразу, Инь Юй закрыл глаза, будто устал от этого разговора и решил его не продолжать.

Кто-то понял, что положение неблагоприятное, и ткнул ошибившегося небожителя локтём, после чего тот наконец-таки осознал, как колко прозвучали его слова, хохотнул и добавил:

— Кхм-кхм. Простите, вынужден вас покинуть, мне нужно идти, Ваше Высочество Инь... Иньюэ... А! Нет, нет, Ваше Высочество Иньюй! Ещё поболтаем с вами, как выпадет минутка. Мирного и весёлого вам Праздника середины осени, ха-ха-ха...

Он заявил, что должен идти, но сам подхватил чарку с вином и устремился в направлении, откуда послышался крик «Циин прибыл». Там уже собралась толпа небесных чиновников, которые наперебой приветствовали Цюань Ичжэня, окружив виновника шумихи плотным кольцом.

По всей видимости, Цюань Ичжэнь вознёсся совсем недавно, но уже основал собственный дворец и как раз находился на пике славы — к нему относились не с такой неприязнью, как позднее. Оба, Инь Юй и Цюань Ичжэнь, являлись западными Богами Войны, однако второй намного превзошёл первого в известности — все присутствующие утекли в сторону Цюань Ичжэня, так что рядом с Инь Юем места опустели. Остался лишь Хэ Сюань, хлебающий из миски суп. Ни стоять, ни сесть на место Инь Юй не мог. Спустя мгновение он вдруг сказал:

— Пойдём отсюда.

Они направились прочь, но никто этого не заметил.

Цзянь Юй, чей гнев достиг точки кипения, забранился:

— Кучка бесполезных подхалимов! А ещё зовутся небесными чиновниками! Когда паршивец только появился в чертогах Верхних Небес, они только и делали, что выказывали смертельное недовольство, из кожи вон лезли, чтобы тебе на него пожаловаться. А теперь — погляди-ка — паршивец вознёсся, фонарей насобирав побольше, и они принялись восхвалять его как невесть что, да как расстарались! Маски сменили быстрее, чем страницы листают в книгах. Какое ещё непоколебимое положение? Кто это молодой и подающий надежды? Да все его последователи — такие же ненормальные, как он сам! Только больные на голову станут веровать в больного на голову!

Увидев, что к ним с чаркой в руках направился Ши Цинсюань, Инь Юй тихо бросил:

— Довольно, пойдём скорее!

Цзянь Юй закрыл рот, увидев подошедшего.

Ши Цинсюань с интересом спросил:

— Иньюй, уже уходите? Циин ведь только что пришёл, а в прошлый раз он, помнится, сказал, что вы давно не виделись, даже у меня поинтересовался, как вы в последнее время поживаете. Не хотите с ним поболтать?

Инь Юй выдавил улыбку.

— Нет, я нехорошо себя чувствую, так что лучше пойду.

Ши Цинсюань не придавал значения его словам — он увидел позади двоих «Повелителя Земли» и, посмеиваясь, ответил:

— Что ж, отдохните как следует, соберёмся с вами в следующий раз. Мин-сюн! Я же сказал тебе не сидеть здесь! Пойдём, пойдём, сядешь поближе ко мне...

Когда Ши Цинсюань прошёл мимо, позабыв о них, Цзянь Юй продолжил, понизив голос:

— Не о чем нам с ним болтать! Недолго паршивцу собой гордиться, рано или поздно он потерпит полное поражение. Я только и жду этого дня!

Его бесконечная брань порядком надоела Инь Юю.

— Оставь. Перестань так сильно негодовать.

— Оставь, оставь... Ты всегда говоришь — оставь, но как я могу это оставить? Когда он только вознёсся, если бы ты не взял на себя ответственность подтирать за ним зад и перед всеми извиняться, его бы давно выгнали взащей. Я не могу на это смотреть, мне за тебя обидно!

Тем временем они довольно быстро вернулись во дворец Иньюя. В сравнении с шумной обстановкой, которая царила здесь в день открытия, сегодня в воротах дворца можно было ставить сети для птиц — ни одного посетителя, да и младших служащих, что встречают гостей, не наблюдалось.

Инь Юй закрыл за ними дверь и наконец заговорил громче:

— Перестань! Я не хочу больше этого слушать. Вознёсшийся небожитель строит собственный дворец — это нормально, он ничего предосудительного не сделал. А раз ты так горячишься, стоит только вспомнить о нём, то зачем постоянно сам о нём вспоминаешь?

Цзянь Юй не унимался:

— Не вини меня в том, что болтаю лишнее, но я должен тебе кое-что напомнить. Инь Юй! На западе владений совсем немного, последователей — всего ничего, а он в одиночку забрал себе такое количество! В прошлый раз бесцеремонно увёл у нас добычу в виде волчьего оборотня! А теперь погляди: твои владения с каждым разом всё меньше и меньше, сколько ещё их осталось? На чём тебе самому стоять?

— Что значит — забрал? Он ведь не угрожал никому ножом, заставляя себе поклоняться. Это их добровольное решение. К тому же, тот оборотень... — Он вздохнул и честно признался: — Я не смог бы его одолеть, правда. Молитвы в моём храме не возымели действия, вот люди и обратились к нему.

Цзянь Юй, пылая досадой, выплюнул:

— Я просто... я просто боюсь, что если так пойдёт и дальше, он нанесёт тебе в этой битве такой удар, что ты больше не сможешь подняться! Чтоб их... даже прислуга низшего ранга оказалась сплошь подхалимами — нашли всевозможные отговорки, лишь бы сбежать со службы в нашем дворце к другим чиновникам. Ни одного порядочного!

Инь Юй со вздохом сел на подушку.

— Какой ещё удар, какая битва... К чему так переживать? Кому суждено уйти — уйдёт, кому суждено остаться — останется. Я ведь вознёсся не для того, чтобы бороться за власть и владения. Почему же ты принимаешь всё так близко к сердцу?

Вот что называется «два тигра не уживутся на одной горе». Взять хотя бы пример теперешних Небесных чертогов: Фэн Синя и Му Цина, которые вдвоём властвуют на Юге. Столько лет они уже бьются «не на жизнь, а на смерть»! Не будь они покровителями одной и той же стороны света, конфликт хоть немного, но сглаживался бы. Но, как говорится, для врагов всякая дорога узка. Где вознёсся и прославился, то место и станет твоей вотчиной. И вышло так, что старые знакомые, между которыми в миру возникали противоречия, по вознесении всегда теснятся на одном участке. Что на Небесах, что под Небесами, что среди людей, что среди богов — такое вот неловкое складывается положение.

И Цюань Ичжэнь не мог оставить Запад и отправиться покровительствовать в другие земли.

В самый разгар спора неожиданно раздался громкий стук в дверь.

— Кто?! — крикнул Цзянь Юй.

Снаружи послышалось:

— Я.

Цзянь Юй в беззвучном гневном обращении к Инь Юю:

— Зачем этот паршивец опять явился на порог?

Инь Юй сделал знак рукой, чтобы Цзянь Юй скрылся во внутренних покоях, успокоился и пошёл открывать. На пороге в самом деле оказался Цюань Ичжэнь. Он стал намного выше, чем в предыдущей сцене, и теперь выглядел почти так же, как при первой встрече с Се Лянем. И наконец не сидел на корточках на оконном переплёте.

Инь Юй заговорил, голос его звучал спокойно:

— Ах, это ты, Ичжэнь. Ты разве не отправился на пиршество в честь Середины осени? Что привело тебя сюда?

Приглашённый во дворец Цюань Ичжэнь вошёл и тут же, без всяких предисловий, выдал:

— Сегодня мой день рождения.

Оказывается, день рождения Цюань Ичжэня совпал с Праздником середины осени. И он явился за подарком.

Се Ляню тоже приходилось слышать, что каждый год на день рождения своего шиди Инь Юй обязательно дарил ему подарок. Но в этот раз, возможно, по причине разнообразных неловких обстоятельств, не подарил. И судя по тому, что сказал на пиру Ши Цинсюань, Инь Юй уже некоторое время избегал встречи с Цюань Ичжэнем. Если человек не стремится с вами встречаться и не дарит подарков... Будь на месте Цюань Ичжэня кто-то более понятливый, он бы наверняка обо всём догадался и тактично не стал ни о чём просить. Но он — поглядите-ка — совершенно не усмотрел неладного и сам заявился на порог. Се Лянь в жизни не встречал настолько неловкого положения. И не будь у принца необходимости соприкоснуться лбом с Хуа Чэном, он бы сейчас со всего размаху хлопнул себя по голове и закрыл глаза, чтобы не видеть происходящего.

Инь Юй, неловко усмехнувшись, проговорил:

— ...А! Да, сегодня опять твой день рождения. Но... в последнее время у меня слишком много дел во дворце, поэтому...

Цюань Ичжэнь округлил глаза.

— Подарка не будет?

Видимо, Инь Юй решил, что поступает некрасиво, поэтому тут же исправился:

— Нет, я не забыл. Он во внутренних покоях, подожди немного.

Цюань Ичжэнь тут же уселся, оправив полы одежды, положил руки на колени и закивал, всем своим видом выражая предвкушение. Инь Юй же побежал в боковой зал, где его с мрачным лицом ожидал Цзянь Юй. Наверняка Инь Юй ничего не приготовил — он тут же принялся переворачивать ящики и полки, но ничего подходящего найти не смог, поэтому обратился к подручному:

— Скорее помоги мне, найди что-нибудь в качестве подарка, хотя бы временного.

Цзянь Юй выхватил откуда-то кусок материи, бросил на пол и потоптался по нему.

— Вот это и подари.

— Цзянь Юй!

— И то, как я погляжу, для него слишком дорого. Он ещё имеет наглость являться на порог и требовать подарки.

Инь Юй беспомощно простонал:

— Он же не понимает. Каждый год я что-то ему дарил, и если именно теперь не подарю, будет слишком демонстративно. Что угодно сойдёт, просто для виду. Поступим так. Поищи Золотой браслет усмирения демонов, что мы добыли в прошлый раз? Конечно, не слишком подходящий подарок, но всё же лучше, чем ничего.

Ему пришлось просить несколько раз, чтобы Цзянь Юй, который не переставал гневаться, наконец удалился. Инь Юй вернулся в главный зал, сел перед Цюань Ичжэнем и сказал:

— Подожди немного, у меня небольшой беспорядок, я велел Цзянь Юю найти твой подарок среди других вещей. Кстати, чем ты занимался все эти дни? Должно быть, дела идут прекрасно? Слышал, за последние месяцы твоих последователей стало в пять раз больше. Поздравляю!

Но Цюань Ичжэнь отмахнулся:

— Не знаю ни о каких последователях. Я только и делаю, что дерусь, а они почему-то так и лезут толпами в храмы. Странные. Недавно я одолел волчьего оборотня.

Улыбка на лице Инь Юя сделалась ещё более натянутой. Задачи, которые ему были не по зубам, Цюань Ичжэнь раскусывал как орешки. Вот прекрасное сравнение: девушка, которую ты добиваешься с огромным трудом, не удостаивает тебя и взглядом, но, как назло, с криками и слезами бросается в объятия к другому. А ему и взглянуть на неё лень! И потом он тебе заявляет, что девушка-то внешности заурядной, ничего особенного в ней нет. Поистине ощущения не самые приятные.

Цюань Ичжэнь, рассказав немного о себе, вдруг заметил:

— Только что я видел тебя на пиру в честь Середины осени. Хотел поговорить, но ты так быстро ушёл.

Когда Цюань Ичжэнь наконец перестал с воодушевлением перечислять свои успехи в боях, Инь Юй с облегчением вздохнул.

— Ох, у меня появились дела, так что я покинул пир пораньше.

Цюань Ичжэнь кивнул.

— Мне сказали, ты ушёл потому, что кто-то тебя не узнал.

Инь Юй вмиг переменился в лице, но Цюань Ичжэнь совершенно не придавал этому значения, уголки его рта поползли вверх.

— Вот умора, и как можно быть таким тупоголовым!

Се Лянь, не в силах больше на это смотреть, зарылся лицом в грудь Хуа Чэна.

— Это же... это, это, это... просто невыносимо!..

Конечно, принц верил, что Цюань Ичжэню в самом деле казалось весьма забавным, что кто-то обознался. Он не понимал, что Инь Юй от случившегося испытывал иные эмоции. И всё же Се Лянь почувствовал, будто перестанет дышать, если продолжит слушать столь неловкий разговор.

К счастью, прежде чем дыхание принца прервалось, Цзянь Юй наконец вынес подарочную коробку. Он передал её в руки Инь Юя и вновь удалился, не говоря ни слова. Инь Юй же, будто заполучил шанс на спасение, протянул подарок Цюань Ичжэню. Тот с радостным видом запрыгал на месте и принял коробку. Сквозь улыбку Инь Юя уже просвечивала усталость, он сказал:

— Ступай, откроешь у себя.

Цюань Ичжэнь кивнул:

— Хорошо. Ну я пойду. В следующем месяце мне заступать в дозор. Шисюн, можем спуститься вместе, если будешь свободен от

дел.

Инь Юй больше не мог его слушать, просто бросил в ответ «хорошо, хорошо» и проводил гостя.

Цзянь Юй, уже не в силах терпеть, громко хлопнул дверью и разразился бранью:

— Да ведь он издевается! Я смотрю, при рождении мать его вниз головой уронила сто восемнадцать раз?! Или он нарочно явился портить тебе настроение! «Не знаю ни о каких последователях, а они почему-то лезут», «можем вместе пойти в дозор»... что за ерунда? Нарочно похваляется?! Совсем совесть потерял!

На этот раз Инь Юй не стал останавливать поток его брани, ушёл во внутренние покои и больше не появился.

Се Лянь инстинктивно почувствовал, что проблема кроется в подарочной коробке, которую унёс Цюань Ичжэнь, и спросил:

— Неужели внутри лежало Божество парчовых одежд?

— Ты угадал, — ответил Хуа Чэн.

— Выходит, правильнее возложить ответственность за инцидент на Цзянь Юя, но почему впоследствии столь тяжкому наказанию подвергся Инь Юй?

— Через три дня гэгэ всё узнает.

Он сказал — через три дня, и три дня тут же пролетели. Опустевший дворец вдруг озарился лучами солнечного света, и принц увидел изнурённого Инь Юя, который вошёл в боковой зал и принялся шарить по ящикам и полкам, словно в поисках чего-то. И вдруг в процессе он вынул из-под кипы деловых бумаг на письменном столе сверкающий золотом и исписанный заклинаниями браслет. Вначале Инь Юй отложил его в сторону, не придав находке значения, но спустя мгновение вновь схватил и позвал:

— Цзянь Юй?

Цзянь Юй вошёл в зал.

— Что случилось?

Инь Юй, держа браслет, с подозрением спросил:

— Что здесь делает Золотой браслет усмирения демонов? Ты не подарил его? Я же велел тебе упаковать его в коробку?

— Подарить ему? — фыркнул Цзянь Юй. — Он не заслуживает даже твоего плевка в его сторону.

Инь Юй, посмеиваясь, но в то же время испытывая возмущение от слов Цзинь Юя, ответил:

— Ты же не мог отдать ему тряпицу, о которую вытер ноги? Зачем навлекать на себя его гнев?

Цзянь Юй неприятно ухмыльнулся:

— Нет. Я сделал ему замечательный подарок.

Тон его голоса показался Инь Юю странным, и он чуть нахмурился.

— Что ты ему подарил, в конце концов?

— То одеяние, которое ты в прошлый раз пленил.

Инь Юй мгновенно переменялся в лице, происходящее перестало казаться смешным.

— Что? То-то я думаю, нигде не могу его найти. Это одеяние способно управлять человеческим разумом, оно питается кровью! — с такими словами он второпях засобирался прочь.

Но Цзянь Юй удержал его:

— Эй, к чему так спешить! Верно, одеяние способно управлять человеческим разумом. Но ведь дарителем был ты, значит, никто другой не сможет ему повелевать. А насчёт крови — да, оно попивает кровь простых смертных, и что с того? Ни за что не поверю, что твари достанет сил навредить небесному чиновнику. Смотри, прошло уже три дня, стряслось с ним что-нибудь?

Инь Юй, обуреваемый сомнениями, принялся ходить по залу из стороны в сторону.

Цзянь Юй добавил:

— И вообще, паршивец ведь всегда был таким выносливым! Молодой и подающий надежды! Вот и посмотрим, насколько хватит его выносливости!

В итоге Инь Юй всё-таки всплеснул руками:

— Так нельзя! Мы ведь не знаем, насколько на самом деле опасна эта тварь. Если что-то случится, всему конец! И как ты мог поступить столь необдуманно?! Эх!

Он вылетел из дворца, не обращая внимания на крики Цзянь Юя. По пути он сбил немало небесных чиновников, покуда не примчался во дворец Циина. Но Цюань Ичжэня там не оказалось, тогда Инь Юй принялся спрашивать у всех:

— У меня срочное дело к Циину, где он?

Ему ответили:

— Циин? Его Высочество Циин на собрании во дворце Шэньу! Сегодня все первейшие в списке Богов Войны Небесных чертогов собрались там...

Инь Юй бросился бежать, не дослушав. Только у дворца Шэньу он заметил, что не может войти. Во-первых, собрание проводилось для «первейших в списке Богов Войны Небесных чертогов», а его сюда не приглашали. Во-вторых, даже оказавшись внутри, он не сможет рассказать о случившемся перед всеми собравшимися. Остаётся только ждать снаружи. Сквозь узорчатые окна Се Лянь действительно увидел во дворце несколько знакомых лиц. Фэн Синь, Му Цин, Пэй Мин и другие — все присутствовали здесь и внимательно слушали Владыку. Инь Юй же сразу приметил Цюань Ичжэня, который стоял, одетый в сверкающий божественный доспех.

Впрочем, сам Цюань Ичжэнь выглядел совершенно нормально, в отличие от Линвэнь, что стояла рядом с Цзюнь У. Она то и дело допускала ошибки в докладе, будто пребывала немного не в себе. Владыке даже пришлось позвать её несколько раз:

— Линвэнь? Линвэнь?

Лишь тогда Линвэнь резко пришла в себя.

— Что? Что такое?

— Что с тобой сегодня? — с улыбкой спросил Цзюнь У. — Всё не отрываешь взгляда от Циина. Может быть, как и мне, тебе показался недурным его новый доспех?

Несколько Богов Войны в зале тоже рассмеялись, Линвэнь же извинилась и незаметно стёрла со лба холодный пот, однако кисть в её руке так и не перестала подрагивать.

Если бы Се Ляню пришлось тогда присутствовать в зале, наверное, он бы тоже посмеялся. Но сейчас он прекрасно понял, что Линвэнь увидела на Цюань Ичжэне кровавое одеяние, которое несколько сотен лет назад смастерила своими руками. И теперь, когда он ходил у неё перед глазами, Линвэнь пребывала в ужасе и потрясении.

Инь Юй прошёлся перед дворцом в утомительном ожидании конца собрания, то присаживаясь, то вставая. Наконец, когда все стали расходиться, Цюань Ичжэнь вышел первым и, увидев его, позвал:

— Шисюн, а ты что здесь делаешь?

Инь Юй второпях вскочил, что-то бросил в ответ и сразу начал:

— Твой доспех...

— Прекрасен! Даже Владыка и Линвэнь его оценили. Спасибо, шисюн.

Инь Юй, с трудом сохраняя спокойствие, продолжил:

— Да, он неплох, но... тот, кто его изготовил, сказал, что доспех с небольшим дефектом. И попросил вернуть, чтобы переделать немного.

Если напрямую приказать Цюань Ичжэню «снять доспех», после он может почувствовать, что находился под влиянием тёмной сущности. А если всё выплывет наружу, будет очень некрасиво. Чтобы не дать ему обнаружить подвох, придётся просить деликатно, в обход.

Но Цюань Ичжэнь удивлённо спросил:

— С каким дефектом? Я ничего подобного не заметил.

Всё же выпрашивать подаренное обратно тоже выглядело весьма нелепо. Инь Юй мучительно размышлял над решением, когда Цюань Ичжэнь сказал:

— Кстати, шисюн, в следующем месяце мы сможем вместе отправиться в дозор.

Инь Юй мгновенно вскинул голову и, обескураженный, переспросил:

— Что? — Кажется, он даже позабыл о Божестве парчовых одежд, и с сомнением проговорил: — Но меня ведь нет в списке дозорных.

Но Цюань Ичжэнь, явно очень обрадованный, сообщил ему:

— Есть. Только что я предложил твою кандидатуру, и Владыка пообещал обдумать её.

В тот миг Се Лянь почти увидел своими глазами, как кровь яростными волнами приливает к лицу Инь Юя.

Долгие годы подавляемый гнев и обида наконец воспламенились, в то же самое мгновение Инь Юй выругался:

— Ты больной?!

Цюань Ичжэнь впервые видел Инь Юя в такой ярости. Он в недоумении поморгал. Несколько проходящих мимо небожителей бросили на них взгляды украдкой.

Инь Юй схватился за голову.

— Я разве говорил, что хочу в дозор?! В дозор идут Боги Войны, но при чём здесь я?! Я ведь тебя не просил, зачем ты заговорил обо

мне с Владыкой?!

Посторонние могли не понять, что заставило Инь Юя выйти из себя. Но Се Лянь всё прекрасно понял. Потому что для любого уважающего себя Бога Войны подобное поистине считалось величайшим позором.

Дозор Богов Войны — это церемония, в которой дозволено участвовать лишь сильнейшим Богам Войны Небесных чертогов. Избранные дозорные своим величием и мощью уничтожают и прогоняют нечисть, тем самым не только зарабатывают себе славу и набирают последователей, но и получают возможность обменяться опытом с другими Богами Войны, увеличить собственную силу, а также укрепить отношения с коллегами. То есть, это очень важное событие, однако к участникам дозора выдвигаются серьёзные требования. К примеру, они должны иметь более четырёх тысяч храмов и монастырей или занимать место в десятке сильнейших.

Храмов, построенных в честь Инь Юя, наверняка не хватило бы, чтобы заслужить право пойти в дозор. А если бы даже хватило, это, безусловно, принесло бы ему фактическую пользу, однако не обошлось бы без сплетен, которые расползлись бы по Нижним и Верхним Небесам среди тех, кто знал его. Более толстокожему небожителю было бы всё равно, а бесчисленное множество младших служащих полезли бы напролом, только бы попытаться счастья. Но Инь Юй, ясное дело, таковым не являлся. Понимая, что у него нет на это права, разве стал бы он обращаться за помощью, чтобы его включили в список наперекор всему? Да не к кому-нибудь, а к Цюань Ичжэню, которого когда-то не согнали с Небес только благодаря его стараниям!

Цюань Ичжэнь был не способен это понять. Возможно, ему это казалось замечательной затеей — захотел и помог, ни о чём не задумываясь. Но сейчас Инь Юй выглядел таким разгневанным, что впервые на лице его шиди отразилось выражение, словно он хотел, но не мог, не смел заговорить.

Помолчав, Цюань Ичжэнь расстроено спросил:

— Шисюн, почему ты злишься? Я сделал что-то не так?

Снова эта фраза!

Се Лянь едва не взмолился, чтобы Цюань Ичжэнь замолчал. На лбу Инь Юя вздулись вены, он находился на грани срыва. Схватившись за голову, он завопил:

— Довольно! С меня хватит! Я с ума сойду! Ты сведёшь меня с ума! — Он указал на дворец Шэньу. — Цюань Ичжэнь, не разговаривай со мной! Сейчас же иди и забери своё прошение назад! Прекрати доставлять мне проблемы! Сейчас, немедленно!

Стоило ему закричать, и Цюань Ичжэнь, не говоря ни слова, помчался во дворец Шэньу. Инь Юй остолбенел и вспомнил, что на нём надето Божество парчовых одежд! Значит, его действия не были попыткой исправить положение, это тёмная тварь обрела над ним контроль!

Несколько Богов Войны, которые ещё не успели покинуть дворец Шэньу, с удивлением посмотрели на вбежавшего обратно Цюань Ичжэня. Инь Юй же, который остался снаружи, снова крикнул, содрогаясь всем телом:

— Стой!

Цюань Ичжэнь почти добежал до трона Владыки, но вдруг резко застыл на месте, а после с удивлением спросил:

— Что со мной случилось?

Цзюнь У тоже нахмурил брови и позвал:

— Циин, не двигайся! Дай мне взглянуть на тебя. Только что твой взгляд был затуманен и затронут тёмной Ци. Будто ты попал под действие тёмной магии.

Цюань Ичжэнь, ничего не понимая, почесал затылок, отозвался «Хорошо» и направился к Владыке.

Инь Юю не оставалось ничего другого, как крикнуть:

— Вернись! Уходи оттуда!

Цюань Ичжэнь сразу развернулся и помчался из дворца, прямо к Инь Юю. Возможно, гнев вскружил ему голову, волнение свело с ума, и вот Инь Юй совершил уже несколько неверных шагов. А затем и вовсе бросился бежать куда глаза глядят, вместе с Цюань Ичжэнем, словно скрывался от суда, боясь наказания.

Цзюнь У не мог делать вид, что ничего не заметил. Он сразу поднялся.

— Взять их!

Боги Войны стройным хором ответили:

— Есть!

Инь Юй находился на краю отчаяния и совсем не соображал, что творит — закрыв лицо, он взревел:

— Уходим! Скорее, уходим! Снимай одеяние!

Цюань Ичжэнь, глядя в пустоту, нёсся вперёд и на бегу снимал доспех. Но тут их неожиданно окружили служащие Богов Войны, которые направились к Цюань Ичжэню. Видя, что кто-то мешает ему исполнять приказ, Цюань Ичжэнь сверкнул свирепым взглядом и пустил в ход кулаки — более десяти небесных чиновников сразу стали для него мишенями, в которых он проделал дыры!

— А-А-А-А-А! В чертогах Верхних Небес... в чертогах Верхних Небес учинили смертоубийство!!!

Посреди поднявшегося крика и летящих во все стороны кровавых брызг Инь Юй застыл, бледный словно мертвец. В белизне лица с ним могла потягаться разве что Линвэнь.

Он никак не ожидал, что Божество парчовых одежд окажется настолько сильным, настолько зловредным! Положение совершенно вышло из-под контроля.

Разве небесные чиновники низшего уровня, первыми бросившиеся в бой, смогли бы выдержать удар Цюань Ичжэня? Их ждала мгновенная смерть. Видя, что дело приняло крайне серьёзный оборот, Фэн Синь, Пэй Су и Лан Цяньцю немедля оказались перед Цюань Ичжэнем, готовые атаковать.

Инь Юй воскликнул:

— Отойдите! Не трогайте его! Он больше не будет убивать!

Если не мешать Цюань Ичжэню исполнить приказ, он никому не причинит вреда. Но ведь уже пострадало более десяти небесных служащих, как позволить ему и дальше творить что вздумается? Разумеется, никто не поверил Инь Юю. Окажись на его месте другой, способный вовремя отреагировать и не запаниковать в критический момент, он бы тут же отдал приказ «лечь на землю, сдаться и не двигаться», но всё произошло чересчур быстро — за какие-то мгновения. Инь Юй, вероятно, ещё никогда не участвовал в подобных стычках, к тому же пребывал в полном смятении, и потому совершенно не понимал, что ему делать — совершив одну ошибку, он начал ошибаться раз за разом. Покуда он стоял в растерянности, за его спиной возник Му Цин со словами:

— Сбежать решил?

Тут Инь Юй обнаружил, что тоже бежит куда глаза глядят, потому немедля остановился и попытался объяснить:

— Я не...

Но Му Цин, не собираясь слушать, заломил ему руки за спину. Се Лянь услышал отчётливый хруст, а лицо Инь Юя исказилось от боли.

Он сам, будучи Богом Войны, оказался схвачен другим, более сильным Богом Войны — поистине двойной удар, как физический, так и моральный.

Тем временем Пэй Мин, который не присоединился к битве и стоял в стороне, задал вопрос:

— Почему мне кажется, что его боевая мощь немало возросла?

Он говорил о Цюань Ичжэне. Ну разумеется! Ведь он и без того прекрасно дрался, а с Божеством парчовых одежд его навыки сражения улучшились по меньшей мере вполовину. Если другие Боги Войны выступали против него в одиночку, на самом деле получалось двое на одного — вовсе не по справедливости. Однако об этом никто не подозревал, и всем было неловко атаковать Цюань Ичжэня толпой — позора ведь не оберёшься! В разгаре схватки Цюань Ичжэнь, весь в крови, выбежал на главную улицу столицы бессмертных и вдруг увидел дворец, в который и бросился сломя голову.

Послышались крики:

— Он вбежал во дворец Иньюя!

Инь Юй отдал ему приказ «уходить», но не сказал, куда именно, поэтому Цюань Ичжэнь сам выбрал дорогу. За ним устремились и Боги Войны. Но пока остальные, пребывая в ясном сознании, старались не покалечить Цюань Ичжэня, тот, невзирая ни на что, насмерть бился со всеми, кто пытался его удержать. И Боги Войны разгневались.

— Мальчишка слишком опасен, уложим его, а там разберёмся! — заорал Фэн Синь.

Все давно вознамерились именно так и поступить, а стоило ему крикнуть, перестали сдерживаться, набросились всем скопом и приступили к избиению. Вихри их мечей, ударная сила их ладоней, пинки и тумачи вмиг обрушили половину дворца, который уже затронуло дыхание времени!

Инь Юй же, пленённый Му Цином, видя, как собственный дворец страдает от беспорядочной битвы, широко округлил глаза и закричал:

— Прекратите сражаться!

Другие Боги Войны никак не отреагировали на крик, а вот Цюань Ичжэнь, получив приказ, вдруг опустил руки. Теперь-то ему досталось — все тумачи и пинки, сабли и мечи разом обрушились на него дождём — ещё одна печальная картина!

Клинок тяжёлого меча Лан Цяньцю, который тот не успел остановить, одним махом вошёл в плечо Цюань Ичжэню. К счастью, меч по своему типу не нуждался в острой заточке, да к тому же хозяин немедля прекратил атаку, лишь благодаря этому Цюань Ичжэня не разрубило на две половины.

— Прекратите, кажется, он не может пошевелиться! — воскликнул Лан Цяньцю.

Фэн Синь, стирая кровь с лица, бросил:

— Вот ведь напасть, успокоился наконец!

Цюань Ичжэнь лежал на земле, вытянувшись в струнку, будто его связали по рукам и ногам. Му Цин тем временем опутал запястья Инь Юя божественной верёвкой и отпустил. Тот, не замечая ничего вокруг, осел на землю и оцепенело уставился на разрушенный дворец. Его взгляд сделал круг по дворцу и вернулся к Цюань Ичжэню, который оказался на удивление живучим: избитый несколькими Богами Войны почти до неузнаваемости, он пролежал совсем немного, после чего вдруг опять сел прямо и растерянно спросил:

— Что случилось?

Боги Войны, разгневанные им до полусмерти, хором крикнули:

— Ты угодил в серьёзный переплёт!

Линвэнь, которая неотступно следовала за погоней, наконец смогла выдохнуть. Всё ещё бледная, она еле нашла в себе силы, чтобы отдать приказ в сети духовного общения, приложив два пальца к виску:

— Лекари, необходима помощь!

Цюань Ичжэнь, всё ещё недоумевая, обернулся и увидел Инь Юя, который осел на землю. Шици тут же поднялся, словно хотел помочь шисюну встать. Инь Юй, глядя на совершенно ничего не понимающего Цюань Ичжэня и собственный дворец, разрушенный до неузнаваемости, безмолвствовал. При этом черты его лица едва заметно исказились, словно мышцы свело судорогой.

Цюань Ичжэнь, не ведая, что произошло, обратился к нему:

— Шисюн, что с тобой?

Инь Юй вдруг коротко хохотнул, словно потерял разум, его глаза налились кровью, он закричал:

— Цюань Ичжэнь, почему бы тебе просто не умереть? Умри, сделай милость!

Услышав подобное, Се Лянь, как и все присутствующие небожители, округлил глаза. Цюань Ичжэнь получил приказ и без раздумий приступил к выполнению: поднял оброненный кем-то меч, одной рукой схватил себя за волосы, другой же приставил лезвие к собственному горлу.

Стоило ему схватить оружие, как Боги Войны отпрянули на несколько десятков чжанов, решив, что далее последует внезапная атака. Никто не ожидал, что Цюань Ичжэнь предпримет попытку наложить на себя руки, а теперь и отбирать у него оружие времени не оставалось, раздались лишь испуганные крики. Инь Юй тоже содрогнулся от неожиданности, но лишь растерянно посмотрел на Цюань Ичжэня, всё ещё не понимая. И вот, когда кровавые брызги уже были готовы окропить руины дворца, молнией позади Цюань Ичжэня возник Цзюнь У!

Раздался хруст, четыре отчётливых звука, и в следующий миг все конечности Цюань Ичжэня безвольно опали.

Затем Цзюнь У, точно рассчитав силу, ударил ребром ладони по загривку Цюань Ичжэня, и бедняга окончательно потерял сознание — грохнулся на пол бесформенной кровавой кучей.

В тот момент все, включая Се Ляня, наконец испустили вздох облегчения. Но только не Цзюнь У.

Владыка развернулся к Инь Юю без улыбки, но и без гнева, с крайне серьёзным лицом.

— Теперь, когда дело приняло подобный оборот, я думаю, у тебя должно быть тому объяснение.

Инь Юй, который уже зарылся лицом глубоко в ладони, невольно вскинул голову.

— Я не знаю. Это не я. Это...!

Тут он вновь содрогнулся, видимо, лишь сейчас осознал, что только что сказал.

На виду у стольких пар глаз он велел Цюань Ичжэню умереть! И Цюань Ичжэнь послушал его!

Невозможно, чтобы и теперь эта деталь ото всех укрылась.

Му Цин обратился к Цзюнь У:

— Владыка, судя по поведению Циина, он находился под действием тёмного заклятия. При нём наверняка было что-то, заставляющее слушать приказы Инь Юя. Только вот неизвестно, что именно.

Линвэнь, которая находилась здесь же, неподалёку, разумеется, знала ответ. Но разве осмелилась бы она вставить слово? Всё, что она могла сейчас сделать, — раздавать указания служащим.

Лан Цяньцю, не веря своим ушам, воскликнул:

— Неужели на свете существует подобная вещь???

Тут кто-то ворвался в толпу, расталкивая всех. Это был Цзянь Юй. Очевидно, он отправился на поиски Инь Юя, и, не найдя его больше нигде, вернулся во дворец, поэтому пока не знал, что конкретно произошло. Он вскричал:

— Что вы делаете? Что здесь... Что с нашим дворцом? Что здесь случилось?! Кто его обрушил?!

Цзюнь У медленно приблизился к Инь Юю.

— При помощи чего ты управлял им?

Его тон не был суровым, но безграничная давящая мощь, скрытая в голосе, не давала свободно вздохнуть. А от его взора сверху вниз в душе и подавно зарождался страх. Се Лянь в своё время тоже натворил бед, но ему никогда ещё не приходилось видеть Цзюнь У таким. Выходит, тогда Владыка поистине проявил к нему чрезмерное милосердие и снисходительность.

В душе Инь Юя всё перепуталось как клубок пеньки. Се Лянь понимал, что тот не мог похвастаться ни достаточно крепкой психикой, ни способностью быстрого реагирования, а теперь и вовсе не нашёл слов в своё оправдание. Не дождавшись ответа, Цзюнь У произнёс:

— Ладно. Не скажешь, я узнаю всё равно. Дело в его доспехе, верно?

Конец. Конец. Всему конец.

Инь Юй, сидя на полу, вновь обхватил голову руками. Кругом поднялись захлёстывающие волны голосов:

— Поистине случай этот поверг меня в потрясение... За несколько сотен лет мне не приходилось в чертогах Верхних Небес сталкиваться с таким невообразимым происшествием!

— Один небесный чиновник захватил контроль над сознанием другого небесного чиновника и заставил его учинить смертоубийство, умертвить более десятка небесных служащих, а потом убить себя самого?!

— Какое коварство...

Цзянь Юй побелел лицом, стоило ему услышать в толпе обсуждения преступления подобного масштаба. И всё же он, стиснув зубы, ринулся вперёд и пал перед Цюнь У на колени.

— Владыка! Этот доспех... я дал Цюань Ичжэню, Инь Юй ни в чём не повинен.

Инь Юй самую малость пришёл в себя, услышав его, и хрипло позвал:

— Цзянь Юй...

Цзянь Юй же, собравшись с духом, громко произнёс:

— Сначала я... лишь хотел проучить мальчишку, но не думал... не думал, что всё обернётся таким кошмаром...

Цюань Ичжэнь без сознания лежал в луже крови, его уже окружили лекари и другие небесные служащие.

Цзянь Юй продолжил:

— Я всегда ненавидел мальчишку, но Инь Юй всё время любезничал с ним, это многие могут подтвердить. Он ничего не знал об этом доспехе!

Но теперь... было уже поздно. Никто и ни за что не поверит, что Инь Юй не виноват.

Так и вышло, кто-то тут же сказал:

— Ты ведь младший служащий дворца Иньюя, и даже ты до такой степени ненавидел Цюань Ичжэня, что решил навредить ему. Тут и думать нечего, главное божество вашего дворца наверняка относится к нему ничуть не лучше!

Кто-то съязвил:

— Он ничего не знал? А если не знал, как мог приказывать ему «умереть»? Только не говори, что он просто пошутил!

Если первоначальную реакцию Инь Юя можно было объяснить и списать на смятение, то последнее брошенное им «умри» не оставило ни единого шанса на оправдание.

Се Лянь вспомнил, что Линвэнь, упоминая об этом случае, выразилась «Инь Юй пошутил», тем самым, можно считать, прикрыла

его вину.

Цзянь Юй всё ещё не мог поверить в происходящее.

— Что? Что за ерунду вы несёте? Как Инь Юй мог такое сказать? Он всегда рассыпался перед мальчишкой в любезностях, как он мог велеть ему умереть? Инь Юй, ты ведь не говорил? Ты ведь такого не говорил?! Ты не мог сказать!

Но Инь Юй не ответил ему, только закрыл глаза. Видя, что Цзянь Юй никак не желает признавать фактов, остальные просто остолбенели.

— Да ведь мы своими ушами слышали, как это можно отрицать?

Цзянь Юй вспыхнул:

— Здесь наверняка какое-то недоразумение! Вы многого не знаете!

— Не имеет значения, недоразумение ли это и всё ли мы знаем. Будь недоразумение хоть с небеса величиной, оно не оправдывает желание убить собственного шиди!

Оба — Инь Юй и Цзянь Юй — прикусили язык. Поэтому другие чиновники продолжили обсуждение:

— Я слышал, что с тех пор как Цюань Ичжэнь основал собственный дворец, служащие дворца Иньюя стали его игнорировать. Каждый раз, когда он являлся с визитом, ему сообщали, что главного божества на месте нет. Мне это сначала казалось странным, а выходит, они уже давно его не выносили...

— Кстати говоря, а ведь несколько дней назад на пиршестве в честь Середины осени кто-то не узнал его! Мне и тогда лица этих двоих показались чересчур недовольными.

Против таких фактов поспорить было невозможно, в отличие от вывода, который сделали небожители:

— Этот случай мне тоже известен. Да, неловко вышло. Но ведь не до такой степени, чтобы сотворить подобное...

— Да уж! Неужели он так злопамятен...

Глаза Цзянь Юя налились кровью, он громко закричал:

— Я же сказал, Его Высочество здесь ни при чём, это всё только моих рук дело! Я ведь признался, о чём тут ещё рассуждать?!

Но теперь не отмоешься, хоть прыгни в Хуанхэ. В глазах сторонних наблюдателей слова Цзянь Юя, самое большее, доказывали,

что Инь Юй избрал себе зловредного, но преданного подчинённого. К тому же, все оправдания разбивались об один факт:

— Ведь вовсе не кто-то другой приказал Цюань Ичжэню умереть!

Видя, что споры разгораются всё яростнее, Цзюнь У мрачно повелел:

— Увести обоих. Линвэнь, останься присмотреть за Циинном.

Линвэнь кивнула, и Цзюнь У, заложив руки за спину, покинул дворец. Несколько служащих Богов Войны схватили Инь Юя, и тот, всё ещё не в себе, произнёс:

— Оставь, Цзянь Юй. Довольно слов.

Цзянь Юя тоже связали божественными верёвками.

— Это раньше можно было оставить, но на этот раз не удастся! Пустишь всё на самотёк — и тебе конец! Тебя низвергнут, непременно низвергнут!

Инь Юй же со вздохом ответил:

— Оставь. Низвергнут, так пусть низвергнут. Мне больше нет смысла... задерживаться здесь.

Цзянь Юй со злостью прошипел:

— Ты же... тысячу раз, десять тысяч раз не должен был... произносить последнюю фразу. Одно только слово, и ты повержен без возможности подняться! Ты ведь раньше никогда не бранил его, почему именно сейчас велел ему умереть? Всего одно слово!

Казалось, Инь Юй в мгновение ока постарел на десяток с лишним лет, взгляд его сделался затуманенным, как будто он пребывал в полной растерянности. Он покачал головой со словами:

— Я и сам не знаю, почему так вышло. В тот момент я лишь... Ох, не хочу ничего объяснять.

Цзянь Юй, пошатываясь, прошёл под конвоем несколько шагов и вдруг закричал:

— Ну почему?! — Все взгляды обратились к нему. — Ты ведь проявлял такое же усердие! Ты сильнее его в десять тысяч раз, лучше него в десять тысяч раз! Да кто он такой, этот Цюань Ичжэнь! Да, я ненавижу его, и что с того? Почему же теперь всё так сложилось? Почему это не его ждёт низвержение?!

Он скрипел зубами от ненависти, которую ощущал так сильно, что слёзы катились из глаз. Но очень многие вещи в этом мире не решаются одним лишь усердием.

Наверное, в душе он всё понимал, но не мог этого принять, невзирая ни на что, не мог проглотить эту обиду.

Услышав его крики, Инь Юй тоже остановился, не в силах сделать шаг. Он зарылся лицом в ладони, безвольно осел на ступенях своего дворца и взревел:

— Довольно! Я же сказал, довольно слов!!! Пощади меня! — Он закрыл уши руками и, срывая глотку, кричал: — Хватит всё время напоминать, довольно, прошу! Умоляю, ничего не говорите!!!

Се Лянь больше не мог на это смотреть.

— Достаточно!..

Хуа Чэн немедля послушался, картинка исчезла, и они мягко отстранились.

Се Лянь чувствовал, как кожа на лбу слегка занемела и зачесалась, даже горела немного от такого долгого прикосновения. Принц хотел потереть лоб, но в тесноте не мог этого сделать. Хуа Чэн, видимо, заметил, что принцу неудобно, так что сам протянул ладонь и потёр тому лоб, после чего так же естественно убрал руку.

Тем временем снаружи Инь Юй в демонической маске бродил из стороны в сторону. Спустя некоторое время он холодно бросил Цюань Ичжэню:

— Хочешь выбраться? — Он намеренно изменил голос.

— Хочу, — кивнул Цюань Ичжэнь.

— Хорошо. Посмотри сюда! — Он молниеносно занёс лопату и ударил Цюань Ичжэня по голове!

«Бам!» — послышался гулкий звон, и Цюань Ичжэнь затих, свесив голову.

Се Лянь поразился:

— Да ладно. Он его вот так зарубил??? По-настоящему???

Хуа Чэн рассмеялся:

— Гэгэ, не волнуйся. Никто не умер. Он просто потерял сознание.

После удара лопаты послышался тяжёлый выдох Инь Юя. В конце концов он, похоже, всё-таки решил вызволить Цюань Ичжэня из стены. Вновь замахнулся лопатой и принялся за работу. Се Лянь всё понял.

Реши Инь Юй сразу спасти Цюань Ичжэня, побить своего шиди ему не хватило бы сил, и очень даже может случиться, что он бы раскрыл себя. И впрямь есть о чём беспокоиться. Случившееся между ними —

сплошной повод для беспокойства, и ещё неизвестно, кому пришлось тяжелее. Лучше уж притвориться, что они друг друга не знают.

Се Лянь спросил:

— Сань Лан, наверное, нам тоже пора найти способ выбраться отсюда?

Хуа Чэн, кажется, был весьма доволен их теперешним положением.

— Хм? Так скоро?

Се Лянь, не зная, плакать или смеяться, отозвался:

— А как же? Или ты хочешь здесь поселиться?

— Если вместе с гэгэ, то почему бы и нет. Ладно. Я пошутил. — Он сделался серьёзным и ладонями накрыл уши Се Ляня.

— Что ты делаешь? — спросил Се Лянь.

Хуа Чэн улыбнулся:

— Ленюсь выбираться шаг за шагом, просто взорву его изнутри, и готово.

Се Лянь было задумался, не заденет ли взрывом других людей, проглоченных горным чудищем, как вдруг резко переменялся в лице и сказал:

— Постой.

Хуа Чэн опустил руки с точно таким же, как у принца, выражением лица. Оба внимательно прислушались, спустя ещё мгновение Се Лянь шёпотом спросил:

— Слышишь?

Хуа Чэн мрачно ответил:

— Слышу.

С одной стороны стены, где они оказались замурованы, Инь Юй работал лопатой. А с другой стороны тоже кто-то находился, и этот человек с кем-то говорил.

Помощи серебристых бабочек не потребовалось, Се Лянь и Хуа Чэн сами слышали этот звук, поскольку человек находился очень-очень близко к стене, создавалось ощущение, что он говорит, прислонившись к камню.

Се Лянь задержал дыхание и прислушался. В тишине до него донеслись гулкие, прерывистые и нечёткие фразы, вроде «съел?», «Верхние Небеса» и «Боги Войны». Сердце принца дрогнуло, они с Хуа Чэном переглянулись и стали старательно продвигаться на звук.

Голос принадлежал мужчине, который, казалось, с кем-то разговаривал — после каждой сказанной им фразы следовала пауза. Однако Се Лянь не слышал ответов его собеседника. Возможно, тот находился чуть дальше.

Они незаметно переместились ближе к источнику звука и смогли расслышать яснее. Фразы по-прежнему звучали нечётко, но Се Лянь уловил более полные отрезки.

Человек сказал:

— Его Высочество наследный принц тоже здесь. Я не хотел идти на это, уверен, ты тоже. Но его уже не спасти.

Се Лянь подумал: «Меня? Почему меня уже не спасти? Погодите-ка, этот голос...»

Голос был очень знакомым. Принцу наверняка уже приходилось слышать его, к тому же довольно долгое время, не единожды и не дважды. Но по причине огромной давности Се Лянь не мог сразу сопоставить голос с его владельцем. И пока принц погрузился в напряжённые размышления, послышалась ещё одна фраза:

— Пусть для него всё закончится здесь.

Внезапно Се Лянь вспомнил, кому же именно принадлежит этот голос. Его губы шевельнулись, беззвучно произнося:

— Советник?!

Трудно поверить, но голос человека с противоположной стороны стены совершенно не отличался от голоса главного наставника Се Ляня в государстве Сяньлэ!

Загадочные загадки загадочного советника

Сердце Се Ляня пустилось бешеным галопом, даже кончики пальцев едва заметно задрожали. Однако он сумел удержать себя в руках, не проронил ни звука, только приподнял голову и сказал на ухо Хуа Чэну:

— Сань Лан, не шевелись. Этот голос снаружи очень похож на голос моего наставника. Пока нельзя допустить, чтобы нас заметили...

Голос был похож, но всё же принц не мог утверждать. Ведь в мире встречаются люди с очень схожими голосами, к тому же Се Лянь не виделся с советником несколько сотен лет, и вполне возможно, что принца подвела память. Сейчас не было нужды рисковать, а лучше успокоиться и наблюдать. Возможно, им удастся разузнать больше.

Хуа Чэн тоже чуть наклонил голову, обвинил принца рукой за талию и так же на ухо ответил:

— Хорошо... ты тоже не шевелись.

Тесно прижатые друг к другу давящими со всех сторон стенами, они соприкасались висками, при этом возле уха ощущая лёгкий жар дыхания. Момент был совсем не подходящий, но в голове Се Ляня вспышкой пронеслось: «А не так уж и плохо быть “погребёнными в одной могиле”».

Тем временем голос раздался вновь:

— А где двое других? Куда разбежались?

«Двое других»? Вначале Се Лянь инстинктивно решил, что речь о нём и Хуа Чэне, и слегка испугался. Он захотел внимательно послушать, с кем же говорит незнакомец, но вот что странно: когда «советник» — пока принц решил называть его «советником» — задал вопрос, в ответ не послышалось ни звука.

И впрямь очень странно. На таком расстоянии Се Лянь и Хуа Чэн могли уловить речь «советника». И судя по тому, что говорил он не слишком громко и не кричал, напрягая глотку, вероятнее всего, собеседник находился где-то поблизости. И Се Лянь с Хуа Чэном определённо должны были расслышать его ответ, хоть смутно, но расслышать. Однако факт оставался фактом — они ничего не слышали.

«Советник» продолжил:

— Я безмерно им благодарен за труды. Но не стоит тратить силы на мелкие сорняки. Они не сделают погоды. Сейчас у нас есть более

важное дело.

Только сейчас Се Лянь понял, что, упоминая «двоих других», «советник» имел в виду вовсе не принца с Хуа Чэном, а двоих своих товарищей.

Чем дальше, тем обстоятельства становились более запутанными. Судя по тону советника, он явно получал ответ на свои фразы, но казалось, будто он разговаривает сам с собой или же просто с воздухом. В сознании Се Ляня возникла подобная картина, которую он тут же отбросил, подумав, что есть и другой вариант. А именно — только советник слышал ответы собеседника, другие же не имели такой возможности.

Чем сильнее сгустился туман в голове, тем сосредоточеннее принц прислушивался. Стоило «советнику» заговорить, каждая его фраза давала немалый повод к размышлению.

— Это все, кто собрался внутри горы? Что ж, для начала доставь их к Медной печи, а потом я что-нибудь придумаю, чтобы разобраться с каждым поочерёдно. И чем скорее, тем лучше. Нужно успеть за два дня.

Медная печь!

Ещё и «успеть за два дня»... Но в пределах горы Тунлу нельзя воспользоваться Сжатием тысячи ли, как же это возможно? Ещё и привести с собой целую группу людей... И что именно означает это «разобраться»?

После паузы голос продолжил:

— Позови двоих других тоже. Отправимся к Медной печи все вместе. В противостоянии Его Высочеству наследному принцу никак нельзя обойтись без всех четверых. Сейчас он пока не полностью пробудился, но если это произойдёт... Невозможно представить, что он натворит на этот раз.

Се Лянь замер, не в состоянии шевельнуться.

Это всё сказано о нём?

В тот самый момент гора вдруг огласилась грохотом, Се Лянь почувствовал, как по камню вокруг прошла дрожь.

Советник спросил:

— В чём дело?

Принц задал тот же вопрос Хуа Чэну:

— В чём дело?

Хуа Чэн прошептал:

— Что-то произошло с той стороны.

Они ещё раз соприкоснулись лбами, и Се Лянь правым глазом вновь увидел Инь Юя и Цюань Ичжэня в горной пещере. Вот только, должно быть, перед ним предстала картинка чуть более ранних событий. Инь Юй наконец выкопал и, тяжело дыша, вытащил Цюань Ичжэня из стены, после чего тяжело вздохнул. И вдруг случилось непредвиденное — пребывавший в бессознательном состоянии Цюань Ичжэнь вдруг подскочил и ловким броском сорвал маску с лица Инь Юя!

Выходит, он лишь притворялся, что лишился чувств!

Он как никто другой знал манеру Инь Юя бродить из стороны в сторону во время размышлений, тон его голоса и силу удара. Скорее всего, Цюань Ичжэнь понял, кто перед ним, когда Инь Юй нанёс ему удар лопатой. Вот уж поистине неожиданно — настал день, когда и Цюань Ичжэнь, с его-то характером, пошёл на уловку. И пусть это было самое обыкновенное притворство, глупый трюк, но для Цюань Ичжэня даже это являлось делом немислимым, поэтому никто такого не ожидал. Лицо Инь Юя застыло в неопишемом потрясении и скорбной бледности — очевидно, случившееся немало его поразило.

Цюань Ичжэнь, напротив, крайне разволновался и, несмотря на рану на голове, запрыгал и закричал:

— Шисюн!

Уголок рта Инь Юя дёрнулся, словно он увидел что-то невероятно пугающее, потом он вдруг схватился руками за голову и вскрикнул:

— Это не я! — Издав громкий крик, он бросился бежать и на бегу успевал сыпать грохочущими магическими ударами за спину, чтобы задержать гонящегося за ним. — Стой на месте! Не ходи за мной!

Цюань Ичжэнь бросился следом, совершенно не обращая внимания на удары, только радостно восклицая:

— Шисюн! Это я!

Инь Юй, не сдержавшись, грубо огрызнулся:

— Да чтоб тебя, в этом как раз самый ужас! Я же сказал, не ходи за мной!!!

Их погоня сопровождалась грохотом, от которого гулко содрогалась вся гора, и советник на другой стороне стены в недоумении спросил:

— Что там творится? Откуда такой шум?

Ответа по-прежнему не послышалось, но советник, видимо, всё-таки его получил, потому что сказал:

— Вот оно что. Современные дети поистине... такие шумные. Я пойду, ещё нужно сделать кое-какие приготовления. Когда придёшь к Медной печи, мы снова встретимся!

Значит, он уже собирался уходить. После этих слов Хуа Чэн опять закрыл уши Се Ляня ладонями, принц зажмурился, мгновение — и всё вокруг сотрясла сильнейшая дрожь. Каменная стена, в которой они были заключены так долго, наконец взорвалась.

Двое вырвались на свободу и мягко опустились на каменный пол, вновь вдыхая свежий воздух. Однако снаружи увидели лишь пустую пещеру, ни советника, ни его таинственного собеседника. Даже если кто-то здесь и был, теперь они исчезли бесследно.

Се Лянь и Хуа Чэн переглянулись, но не стали бросаться в погоню. Они ещё даже не успели отпрянуть друг от друга, когда из соседней пещеры вбежал человек в чёрных одеждах, Инь Юй. Размахивая лопатой Повелителя Земли, он помчался к ним с криками:

— Градоначальник!!! Ваше Высочество!!!

Следом за ним влетел Цюань Ичжэнь, уже истекающий кровью от ударов, которые ему достались. Хуа Чэн, не поднимая головы, сделал взмах ладонью, Цюань Ичжэнь вскинул руки, чтобы защититься, но... от этой атаки нельзя было отбиться кулаками. Послышался хлопок, Цюань Ичжэня окружило облако красного дыма, а когда дым рассеялся, на полу остался лишь кругленький красный неваляшка, кружащийся на одном месте.

Глаза неваляшки были широко распахнуты, что придавало ему весьма невинный вид. Тот же приём, что Хуа Чэн когда-то использовал против Лан Цяньцю. Инь Юй наконец прекратил свой бешеный забег, стёр со лба холодный пот и подошёл к Хуа Чэну.

— Премного благодарен градоначальнику.

— Стоит ли так его страшиться? — спросил Хуа Чэн.

Инь Юй, всё ещё не оправившись от испуга, горько усмехнулся:

— Не стану лукавить, но при виде Его Высочества Циина мне хочется бежать, и чем дальше, тем лучше.

Се Ляню от услышанного захотелось и рассмеяться, и посочувствовать Инь Юю. Как видно, «особенность» характера Цюань

Ичжэня отбросила в душе Инь Юя стойкую мрачную тень. Неваляшка с широко распахнутыми глазами всё ещё стоял на земле, беспокойно качаясь из стороны в сторону, однако никто не обращал на него внимания. Се Лянь пожалел беднягу и решил подобрать, как вдруг ощутил сильную дрожь под ногами, вместе с которой также пошатнулся, едва ли не сильнее того же неваляшки. Немедленно удержав равновесие, принц спросил:

— Что такое? Землетрясение?

Се Ляня не требовалось поддерживать, но Хуа Чэн всё-таки сделал это, после чего сказал своему подручному:

— Нужно посмотреть.

Инь Юй мгновенно пришёл в норму и ответил:

— Слушаюсь!

Он подхватил лопату Повелителя Земли и несравнимо быстро вырыл в другой стене ещё один проход, сквозь который ворвался солнечный свет. Инь Юй выглянул, и на его лице отразилось удивление.

— Ваше Высочество Инь Юй, это землетрясение или сама гора сейчас обрушится? — спросил Се Лянь.

— Не то и не другое! Горное чудище... бежит!

Бежит? Се Лянь вновь переглянулся с Хуа Чэном. Оба подошли и выглянули наружу, невольно потеряв дар речи.

Гора действительно бежала!

Пейзаж стремительно проносился мимо, почти сливаясь в сплошную цветную ленту. Можно представить, что они словно ехали в конной повозке, которая со скоростью ветра неслась вперёд. Или же сидели на плече великана, который оголтело куда-то мчался!

Холмы, реки, равнины, леса — всё исчезало под горным чудищем, разравнивалось, придавленное им, уступало дорогу. Волосы и одежда троих наблюдателей заплясали на бешеном ветру, который со свистом ворвался в пещеру.

Инь Юй заключил:

— С такой скоростью, думаю, мы достигнем Медной печи через два дня...

Два дня?

На Се Ляня тотчас же снизошло озарение. Вот оно что!

И неудивительно... неудивительно, что они не слышали ответов «собеседника». Неудивительно, что советник велел ему в течение двух дней доставить их к Медной печи. Поскольку тогда «советник» обращался вовсе не к человеку, а к этому самому горному чудищу!

Хуа Чэн, наверняка тоже всё поняв, произнёс:

— Как удачно. Воспользуемся его помощью, и не придётся самим идти. Он сказал, что у Медной печи они встретятся снова. Там и узнаем, что же он, в конце концов, задумал.

Однако Се Лянь сделался мрачным и задумчивым. Хуа Чэн, ощутив эту перемену, спросил:

— Гэгэ, что с тобой?

— Что значит — не полностью пробудился?

Тот голос сказал: «Сейчас Его Высочество пока не полностью пробудился, но если это произойдёт... Невозможно представить, что он натворит на этот раз».

Се Лянь, сосредоточенно нахмурившись, спросил:

— Если то был мой наставник, «Его Высочество», о котором он говорил, — это я. И что тогда означает эта фраза?

— Гэгэ, пока не стоит думать об этом. Во-первых, возможно, что это не твой наставник. Во-вторых, «Его Высочество», о котором он говорил, возможно, вовсе не ты. Не забывай, что наследный принц Уюна — тоже Его Высочество.

— Но что если это так? У меня имеются кое-какие необоснованные догадки, послушай и скажи, есть ли в них смысл.

— Хорошо. Говори, гэгэ.

— На горе Тунлу обитает три горных пика: Старость, Болезнь и Смерть. Нет только Рождения. Предположим, если тот человек и правда мой наставник, а говорил он с горным чудищем, значит, он способен с ними общаться. Следовательно, под «двумя другими», весьма вероятно, подразумевались ещё два горных чудища.

— С этим я согласен. Что ещё?

— Ещё. Я думаю вот о чём — что если три горных чудища обладают человеческим сознанием? Или более того, когда-то являлись людьми? Почему тогда среди них нет чудища по имени Рождение? Потому что Рождение не обернулся горой, Рождение — до сих пор человек. И этот человек... и есть советник! — Чем больше принц об этом думал, тем больше логики видел в своих словах. Сердце его

билось как бешеное. — Когда-то гора Тунлу была территорией государства Уюн. «Рождение, Старость, Болезнь, Смерть» — всего их четверо; божеств-покровителей наследного принца Уюна тоже было четверо; и советников в государстве Сяньлэ, которые с малых лет обучали меня, тоже как раз четверо! Один главный наставник, трое его помощников. Разве в каком-нибудь другом государстве бывает так много советников — целых четыре? Раньше мне это не казалось странным, я думал, это общепринятая практика, и лишь позднее я узнал, что таких случаев больше нет. Думаешь, это совпадение или между ними существует связь?

Хуа Чэн возразил:

— Не удивлюсь, если это совпадение. Ведь Прекраснейших картин тоже четыре, верно? Великих бедствий не хватало до четырёх, и одного притянули за уши для ровного счёта.

— Но меня по какой-то причине посетило сильнейшее предчувствие. Что Рождение, Старость, Болезнь и Смерть, четыре божества государства Уюн и четыре советника государства Сяньлэ... возможно, это всё одна и та же четвёрка. — Принц пошёл дальше по тропе своих размышлений. — Если мои наставники и впрямь являлись четырьмя божествами-покровителями наследного принца Уюна, для чего они стали советниками государства Сяньлэ? Для чего взялись обучать меня? Для чего советник рассказал мне историю о наследном принце Уюна? Почему сказал, что я должен стать таким же, как он? Неужели во мне кроется тайна, которая даже мне самому неизвестна? Что значит — я ещё не пробудился? Может, на самом деле я и есть...

Он сделался немного одержим своими мыслями, но тут Хуа Чэн сжал Се Ляня за плечо и уверенно сказал:

— Нет! Я могу утверждать, что ты — это ты, а не кто-то другой. Поверь мне. Не предавайся беспорядочным размышлениям.

Лишь тогда Се Лянь словно проснулся.

— Ты прав... Я слишком заблудился в своих мыслях.

Кроме родителей, принц никого не знал так же хорошо, как своего наставника. Пусть тот часто упрекал Се Ляня в непослушании и держал на приемлемом для своего статуса расстоянии, в целом он был хорошим учителем. И вдруг обнаруживается, что принц, возможно, совершенно не знал того, с кем, как ему казалось, был тесно знаком. После такого очень легко завязнуть в заблуждениях.

Была и ещё одна деталь, очень знакомая. До этого самого момента история наследного принца Уюна, изображённая на фресках, пусть была неполной, но смутно давала Се Ляню ощущение, приближенное к какому-то жуткому повторению круговорота бытия.

Хуа Чэн сказал более ровным тоном:

— И ещё, гэгэ, для начала как следует подумай, знаешь ли ты, откуда взялся твой наставник?

Се Лянь послушно ответил:

— Не знаю...

В самом деле, он не мог припомнить ничего о происхождении своего наставника. Задумавшись, Се Лянь сказал:

— Советник занимал свой пост ещё до моего рождения. Мне известно лишь его имя — Мэй Няньцин, но тут и говорить нечего, оно наверняка выдуманное. Раньше я также задавался вопросом, почему советник не вознесётся, ведь он же так силён. Но если тот, кого мы слышали, это и впрямь мой наставник, значит, он точно живёт на свете намного дольше меня. И если он правда решил выступить против нас...

Хуа Чэн же безразличным тоном ответил:

— Не страшно. Он всего-то прожил чуть дольше. И не важно, что он такое, врага отразят генералы, воду остановит плотина [279]. Запомни: что бы ни случилось, есть я. Я всегда буду стоять на твоей стороне.

Се Лянь на мгновение замер.

Инь Юй, присутствие которого и без того почти не ощущалось, всё это время весьма тактично молчал, так что они почти о нём забыли. Только сейчас он подал голос:

— Градоначальник, стоит ли отправиться на поиски остальных?

Да, они выбрались из недр горы, но Пэй Мин и весь их отряд всё ещё были проглочены горным чудищем, которое забросило пленников неизвестно куда, чтобы переварить.

Се Лянь поспешил ответить:

— Стоит! Будем искать их все вместе. Ваше Высочество Инь Юй, прошу, подождите.

— Ваше Высочество наследный принц, нет нужды называть меня Высочеством... Я ведь уже давно покинул пост чиновника Верхних Небес.

Се Лянь улыбнулся:

— В таком случае, и вы можете называть меня по имени, ни к чему эти церемонии. Я ведь тоже давно перестал быть Высочеством.

Инь Юй глянул на Хуа Чэна, стоящего за спиной Се Ляня, и сразу затараторил:

— Эм... я не осмелюсь. Не осмелюсь, не осмелюсь.

Се Лянь:

— Почему не осмелитесь? Что такого?

Принц сделал пару шагов и вознамерился подобрать неваляшку-Ичжэня, как вдруг с потолка сверзилась чья-то фигура. Кто-то тяжело упал прямо перед принцем, послышался отчётливый хруст ломающихся костей.

Первой же реакцией Се Ляня было выхватить Фансинь и нанести рубящий удар. Повезло, что принц привык смотреть, куда бьёт, перед тем как пускать в ход оружие, поэтому резко остановил руку.

— Генерал Пэй?

Упавшая фигура перевернулась и встала на ноги, в самом деле оказавшись Пэй Мином. Он всё так же свободно и непринуждённо отряхнул грязь с плеч, бросил быстрый взгляд на двоих и произнёс:

— Ваше Высочество наследный принц и Его Превосходительство Князь Демонов отлично проводят время!

— Можно и так сказать. А вы, генерал Пэй, всё ли с вами в порядке? Только что я слышал хруст...

— Ох, ничего страшного. Благодарю Ваше Высочество за заботу, но хрустели не мои кости. А вот эти. — Он что-то поднял и показал им. Это оказалась костяная нога того несчастного мужчины, уже окончательно пришедшая в негодность. — Хорошо ещё, что мне помогал вот этот достойный господин, только с его помощью мне удалось прокопать себе путь из недр горного чудища. Пусть кость мужская, но всё же это был настоящий мужчина, твердый и несгибаемый.

Стоило ему договорить, и кто-то ещё свалился сверху, тяжело упав на пол пещеры. Все повернулись на грохот и увидели Пэй Су. Впрочем, оказалось, что упали двое — мужчина защищал Бань Юэ, держа её на руках, а она, в свою очередь, держала горшки с Кэ Мо и Жун Гуаном внутри. Оба — Пэй Су и Бань Юэ — были покрыты

грязью и пылью, однако выглядели целыми и невредимыми. Они быстро поднялись на ноги, и Пэй Су, отплевавшись от песка, сказал:

— Гене... рал! Ваше Вы... сочество.

— Видимо, мы пришли не по вкусу чудищу, и оно нас выплюнуло, — заключил Пэй Мин.

Хуа Чэн переглянулся с Се Лянем и бесстрастным голосом ответил:

— Не уверен. Вполне возможно, что кто-то приказал ему это сделать, вот и всё.

Пэй Мин прошёл несколько шагов, ощутил необычную дрожь и нахмурился.

— Что происходит с горой? Почему она так дрожит?

— Потому что она несёт нас к Медной печи.

Пэй Мин выглянул из дыры в стене, которую прокопал Инь Юй, и воскликнул:

— Как быстро! Прекрасно, поможет нам сберечь силы.

Однако в отряде всё ещё кое-кого недоставало.

— А где Линвэнь? — спросил Се Лянь.

Видимо, Хуа Чэн посмотрел правым глазом, поскольку отозвался:

— Бабочку, которую я оставил на его спине, съело горное чудище.

Он исчез ^[280].

Другими словами, Линвэнь и Божество парчовых одежд теперь могли передвигаться свободно. Ничего хорошего в этом не было, и Се Лянь воскликнул:

— Нужно как можно скорее его найти!

Так они все вместе отправились второпях бродить по внутренностям горного чудища. Хуа Чэн выпустил около сотни призрачных бабочек и после непродолжительных поисков привёл остальных к ещё одному пролому.

Дыра в камне явно была кем-то пробита, края выглядели очень неровно, а снаружи стремительно уносился прочь окружающий пейзаж. Бешеный ветер со свистом врывался в дыру, издавая жуткие стоны и завывания, подобные человеческим. По всему выходило, что Линвэнь, проглоченная горой, смогла сама пробить в стене брешь и сбежать.

Се Лянь посмотрел вниз из пролома и нахмурился.

— Как же теперь быть? Божество парчовых одежд обладает слишком большой разрушительной силой. Нельзя же вот так бросить его и забыть.

Хуа Чэн ответил:

— Нет нужды беспокоиться. Всё равно в итоге он тоже отправится к Медной печи, все пути приведут к одной цели.

Что ж, отряд собрался вновь, и Се Лянь вкратце пересказал им услышанное, опустив некоторые детали. Когда он закончил рассказ, все просто уселись на пол. Всё равно сейчас не требовалось биться ни с какими чудищами, не нужно было самим спешить в дорогу, так что оставалось скучать без дела.

Поскольку Инь Юй заявил, что не знает, как ему общаться с Цюань Ичжэнем, а от одного вида его охватывает головная боль и бросает в дрожь от страха, Се Лянь решил, что освободить Цюань Ичжэня от оков заклятия прямо сейчас — не самое мудрое решение, и лучше оставить его временно в состоянии неваляшки. Пэй Мин со скуки принялся играть с неваляшкой, щёлкая по нему пальцами. Се Лянь, глядя, как игрушка раскачивается из стороны в сторону, словно маленький мальчик, которого избивают толпой, пожалел бедняжку и, тихо кашлянув, сказал:

— Генерал Пэй, перестаньте играть.

Пэй Мин поначалу отозвался согласием. Но потом на Се Ляня накатила дремота, и он прислонился к стене, чтобы слегка передохнуть, а тот снова взялся за старое. Никто не обращал на Пэй Мина внимания, даже Инь Юй, который стоял у дыры в стене и рассчитывал, как далеко они уже продвинулись, издали глядя на происходящее, несколько раз открывал рот, но в итоге всё же промолчал. Неожиданно радость сменилась печалью — Пэй Мин как раз был увлечён своей игрой, когда Пэй Су со стуком повалился на землю. Всё-таки родной потомок! Пэй Мин немедленно потерял интерес к игрушке и подхватил Пэй Су.

— Сяо Пэй? Что с тобой?!

Инь Юй, воспользовавшись моментом, тихонько подошёл, подобрал неваляшку и поставил поближе к Се Ляню.

Хуа Чэн заговорил:

— Что ты шумишь? Не умрёт он. Его Высочество спит, не видишь?

Шум действительно разбудил Се Ляня. Сквозь сонную дымку принц обнаружил, что в какой-то момент прислонился к чьему-то плечу, а над ухом раздался голос Хуа Чэна:

— Гэгэ, ты проснулся?

Се Лянь протёр глаза и заодно прибрал неваляшку-Ичжэня, который раскачивался туда-сюда рядом с ним.

— Я уснул, прислонившись к тебе? Извини, так неловко... Что-то случилось?

Хуа Чэн с невозмутимым лицом ответил:

— Ничего. Если хочешь, можешь ещё поспать, скоро прибудем на место.

Тут Се Лянь увидел, как напротив Пэй Мин с силой трясёт Пэй Су за ворот. Лёгкое удивление наполовину сняло с принца сон, и он, решив, что опять случилась какая-то беда, поспешил на помощь. Осмотрев пострадавшего, он заключил:

— Ох, генерал Пэй, не стоит беспокоиться, младший генерал Пэй всего лишь измучился от голода, и ему не хватило выносливости.

Всё-таки Пэй Су был простым смертным, он уже так долго провёл без воды и питья, к тому же не обладал столь же богатым, как у Се Ляня, опытом голодания и терпения побоев, поэтому не выдержал и просто упал на месте.

Пэй Мину же показалось, что в спокойном тоне принца кроется подвох.

— Что значит — «всего лишь измучился от голода, и пока не хватило выносливости»?

Ну, здесь ничего не попишешь. Никакого хвастовства — Се Лянь мог продержаться три дня на одном приёме пищи, а после десятка избиений сразу подняться и как ни в чём не бывало отправиться собирать мусор. Какой небесный чиновник мог похвалиться более богатым опытом в подобных вещах?

Се Лянь ответил:

— Ну... кхм. У кого-нибудь есть съестные припасы?

Никто не ответил. Только Бань Юэ что-то протянула со словами:

— Простите, у меня только это...

Пэй Мин, только глянув на горшок с Падшим фениксом, заголосил:

— Ты всё таскаешь с собой эту отраву? Кого хочешь ею убить? Выброси сейчас же!

Покуда он бранился, Хуа Чэн обратился к Се Ляню:

— Видишь, я же говорю, ничего особенного. Лучше поспи ещё.

Чудище несло их уже полдня, даже больше, и Се Лянь увидел, что снаружи стемнело.

— Как далеко мы уже добрались? Сколько ещё до Медной печи?

— Оно уже преодолело около восьми сотен ли, — ответил Инь Юй.

Что ж, намного быстрее, чем если бы они шли пешком. Се Лянь тоже поднялся и подошёл к дыре в стене. Он хотел просто посмотреть, но к своему удивлению, случайно скользнув взглядом, неожиданно увидел кое-что, отчего у него на спине встали дыбом волосинки.

— Что там такое?

В ночной темноте, если смотреть с высоты горного чудища, внизу на земле можно было разглядеть поразительно огромное человеческое лицо!

Его глаза искривлялись, углы рта загибались вверх, словно, приветствуя принца, расцветала жутковатая улыбка. Се Лянь невольно отшатнулся на шаг, но Хуа Чэн позади подхватил его. Немного успокоившись и приглядевшись внимательнее, принц увидел, что «лицо» — это рисунок, сформированный горами и потоками, ущельями и каналами, всего лишь обман зрения, не более. Но настолько реалистичный, что с первого взгляда неизбежно потрясал наблюдателя.

— Углубления так похожи на глаза и рот... Что они собой представляют?

Хуа Чэн, стоя за спиной Се Ляня, ответил:

— Это река Уюн, которую жители государства называли «мать-река». Она брала своё начало в высоких горах, с самых вершин в поток стекался тающий снег. Разумеется, сейчас она окончательно пересохла. Раз мы оказались здесь, значит, Медная печь уже близко.

— Ну а «нос»?

— Это стоявший на берегу реки процветающий город. Спустимся взглянуть?

Се Лянь повернулся к нему.

— Там есть, на что посмотреть?

— В том городе тоже имеется храм Уюна. Предполагаю, что гэгэ, возможно, захочет в него наведаться.

Если есть храм, значит, вероятно, внутри найдётся фреска. Се Лянь немедля ответил:

— Спустимся.

Ему не терпелось узнать больше о наследном принце Уюна.

Пэй Мин согласился:

— Спускаемся. Нужно раздобыть для Сяо Пэя еды и питья. Но как нам это сделать? Мой меч сломан.

Хуа Чэн взмахнул рукой, и возле каждого из них возникло несколько серебристых бабочек. Сверкая переливающимся сиянием, они присели на их плечи, спины, головы и рукава. Иные, взглянув на этих малюток, неизбежно усомнились бы, что бабочки смогут их поднять, но Се Лянь не стал даже ничего спрашивать, только велел Жое связать всех вместе, чтобы не растеряться в воздухе. Инь Юй раскопал дыру в скале пошире, чтобы через неё смогли пройти все разом, и вот, когда все приготовления были завершены и они подошли к краю выхода, Се Лянь скомандовал:

— Друзья, приготовьтесь...

Пэй Мин:

— Постойте.

Се Лянь развернулся к нему.

— Генерал Пэй, вы что-то ещё хотели?

— У вас двоих на руках — это...?

Проследив за его взглядом, Се Лянь посмотрел на свою руку. И только сейчас заметил, что их с Хуа Чэном пальцы до сих пор связаны красной нитью. Помолчав, Се Лянь мягко кашлянул и ответил:

— Это... артефакт, используемый для связи.

— Хм. Не принесёт ли он неудобств при передвижении? Всё-таки это нить, что если она затянется или запутается? Это может привести к неприятностям.

Пэй Мин сделал весьма разумное замечание. Да и Се Ляню ли не знать, будучи Богом Войны, что во время любых боевых действий стоит избегать вещей, в которых можно запутаться? Однако по некой деликатной причине Се Лянь не очень хотел бы, чтобы эта нить прервалась. Поглядев на задумчивого, будто терзаемого сомнениями принца, Хуа Чэн улыбнулся:

— Разумно. Так действительно будет неудобно передвигаться.

И на глазах Се Ляня нить, связавшая их, исчезла.

— Теперь намного удобнее, — сказал Хуа Чэн.

Принц, пристально глядя на пустоту, оставшуюся от красной нити, на миг застыл в растерянности. Она соединила их так ненадолго и вот пропала. Конечно, не такая уж большая потеря... нет, скорее, даже вовсе не большая, с кунжутное семечко, но всё же принц ощутил лёгкое чувство утраты. Боясь, что кто-то заметит, он поспешил улыбнуться и сказать:

— Идёмте же! Приготовились... Прыгаем!

Горное чудище по-прежнему несло вперёд и совершенно не почувствовало, что с него беззвучно упало что-то крошечное, не крупнее кузнечика в сравнении с горой. Окружённые призрачными бабочками, беглецы мягко опустились на землю без каких-либо потерь. А оказались они как раз на «переносице» огромного улыбающегося лица.

Выпрямившись после приземления, Се Лянь с немалым любопытством огляделся по сторонам и спросил:

— Сань Лан, получается, и город, и храм расположены здесь?

Хуа Чэн ответил:

— Ага, здесь.

Се Лянь с сомнением продолжил:

— Но ведь... здесь ничего нет?

И это была чистая правда. Принц считал, что, оказавшись на земле, увидит первый в стране священный храм, размерами не уступающий небольшому посёлку; увидит дороги, торговые лавки, жилища людей, площади с древними колодцами, храмы и тому подобное. Однако сейчас перед его взором раскинулось лишь пустое пространство, где совсем ничего не было. Совершенно не похоже, чтобы когда-то здесь существовал настоящий город.

Пэй Мин, неся на себе Пэй Су, наступил ногой на большой камень и спросил:

— И где же «процветающий город»?

— Под твоими ногами, — ответил Хуа Чэн.

— Что?!

Остальные окружили Пэй Мина и камень, на который тот наступил.

— Неужели это часть какого-то механизма? — поинтересовался Се Лянь.

Хуа Чэн, положив ладонь на рукоять Эмина, не спеша подошёл и сказал:

— Так, давайте, встаньте сюда.

Остальные повиновались, после чего Хуа Чэн вынул саблю из ножен, остриём направил вниз и со скоростью молнии вонзил в землю рядом с камнем. В месте, куда вошёл клинок, послышался треск, от него в стороны разошлась паутина трещин, которые становились всё шире и глубже, захватывая всё большую площадь. В конце концов целый участок земли с грохотом провалился, явив тёмную дыру, из которой повеяло прохладой.

Хуа Чэн прыгнул в провал первым. Се Лянь, который совершенно не ожидал подобного поступка, бросился к краю и позвал:

— Сань Лан?

Вскоре снизу раздался голос Хуа Чэна, усиленный эхом:

— Внизу безопасно, можете спускаться.

Выходит, он решил первым отправиться на разведку. Се Лянь вздохнул с облегчением и сразу же последовал за ним. Хуа Чэн протянул ему руку, помогая подняться.

— Как темно! — стоило принцу произнести эти слова, и в темноте засияли несколько серебристых бабочек.

Подобно переливающимся звёздам, они запорхали по воздуху. Также вокруг возникло несколько тусклых блуждающих огней, озаривших отдалённые уголки подземной пещеры. Взорам их предстала длинная широкая дорога.

Тысячи лет назад, должно быть, это и была процветающая городская улица с теснящимися по обеим сторонам лавочками и высокими строениями. Камень, на который Пэй Мин только что наступил, как раз оказался крышей одной из таких построек. Остальные также прыгнули вниз, а Се Лянь, посмотрев вверх, произнёс:

— Так вот в чём дело. Город был погребён? Случилось землетрясение? Обвал? Или...

— Это вулканический пепел, — ответил Хуа Чэн.

Се Лянь резко повернулся к нему, и тот продолжил:

— Слой пепла толщиной в два чжана похоронил город под собой. То, что вы видите, — это лишь его малая часть, которую вырыли демоны, явившиеся на испытание горой Тунлу. Большая часть до сих пор скрыта под пеплом.

Се Лянь тут же вспомнил фреску из второго храма — режущие глаз яркие оттенки красного вновь возникли перед глазами. Выходит, картина гибели мира, увиденная наследным принцем Уюна во сне, стала явью!

Пэй Мин уложил Пэй Су на обочину со словами:

— Пока не будем заострять на этом внимание. Нет ли здесь воды? Нужно для начала напоить Сяо Пэя.

Хуа Чэн произнёс в ответ:

— Реки на поверхности высохли. Но, помнится, в дальней части города текут подземные воды. Посмотрим, повезёт ли их найти.

Инь Юй, Бань Юэ и Пэй Мин отправились на поиски воды. Се Лянь же словно погрузился в раздумья. К нему подошёл Хуа Чэн.

— Гэгэ, взгляни на руку.

Се Лянь невольно повиновался и обнаружил лишь теперь, что, пускай красная нить, что связала их, исчезла, а всё же красный узелок судьбы ^[281], который Хуа Чэн повязал на руку принца собственноручно, остался. По-прежнему яркий, подобный маленькой красной бабочке, присевшей отдохнуть на пальце.

Хуа Чэн ясно дал понять, что если нить между ними порвётся, узелок исчезнет.

— Это ведь... — невольно вырвалось у Се Ляня.

Глядя на его изумлённый вид, Хуа Чэн улыбнулся:

— Тогда я лишь применил маленький трюк для отвода глаз, вот и всё. Нить исчезла, можно не бояться, что она окажется слишком коротка или кого-то запутает. Но на самом деле она не оборвалась.

Хуа Чэн показал Се Ляню свою руку с точно таким же узелком.

— Пока узел судьбы на месте, это значит, что тот, кто на другом конце нити, цел и невредим. Мы приближаемся к Медной печи, опасности множатся, и ещё неизвестно, что ждёт впереди. Поэтому я рассудил, что эту нить пока нельзя снимать. А ты как считаешь, гэгэ?

Узнав, что нить на месте, Се Лянь не смог сдержать уголки рта, тянущиеся вверх, но как только почувствовал улыбку, тут же усилием воли сделался серьёзным.

— Ах, верно. Так мы всегда сможем узнать, в безопасности ли мы оба. Прекрасно, очень полезная техника.

Хуа Чэн тоже улыбнулся, но его улыбка сразу же пропала.

— Но только, Ваше Высочество, я непременно должен сказать тебе кое-что, и надеюсь, что ты меня послушаешь.

Его внезапная серьёзность передалась и Се Ляню.

— Что именно? Говори.

Хуа Чэн посмотрел ему прямо в глаза.

— Я знаю, ты не умрёшь. И не боишься смерти. Но как бы ты ни был силен, не думай, что ты не можешь пораниться.

Се Лянь замер от удивления. Хуа Чэн продолжал:

— Невозможность умереть не означает неуязвимость к ранам. И тем более не означает, что ты не почувствуешь боли. Если увидишь нечто странное и опасное, не надо его трогать. Сначала обратись ко мне, а я уж с ним разберусь.

Се Ляню вдруг вспомнилось, как тогда, под землёй, он голыми руками схватил два черепа, источающие трупный яд, и лицо Хуа Чэна мгновенно сделалось мрачным. Неужели в тот момент Хуа Чэн рассердился именно поэтому? Без какой-либо иной причины, а только потому, что принц, увидев нечто опасное, беспечно схватил находку руками?

Если это действительно так, принц поистине не мог найти слов в ответ. Спустя непродолжительное молчание ему наконец удалось сказать:

— Хорошо... Я больше не буду.

Услышав искренность в его словах, Хуа Чэн, похоже, остался доволен — мягко кивнул, развернулся и направился вперёд.

Се Лянь позвал:

— Сань Лан, стой!

Хуа Чэн остановился и обернулся. Се Лянь замялся, но в конце концов тихонько проговорил:

— И ты... тоже. Если увидим нечто опасное, ни мне, ни тебе не стоит к нему притрагиваться. Никому из нас. Ладно?

От услышанного уголок рта Хуа Чэна медленно пополз вверх. Се Лянь же после сказанного немного разволновался, неосознанно улыбнулся и увидел, что Хуа Чэн сделал к нему шаг, будто собираясь заговорить. Внезапно неподалёку раздался голос Пэй Мина:

— Это что ещё за ерунда?

Затем ответ Бань Юэ:

— Кажется, это человек.

Пэй Мин:

— И правда! Но почему он так выглядит?

Хуа Чэн и Се Лянь переглянулись и пошли в направлении голосов.

— Что такое? — спросил принц.

Рождение святого знаменует звезда огня в созвездии сердца

Пэй Мин и остальные вошли на чей-то двор, должно быть, в поисках колодца. Се Лянь переступил порог и заметил между делом:

— Все строения на этой улице столь грандиозные и внушительные.

Хуа Чэн объяснил:

— Медная печь находится в самом центре императорской столицы, мы уже очень близко к ней. А место, которое две тысячи лет находится близ столицы, тоже начинает процветать, разумеется, и постройки здесь грандиозные и внушительные. В этих местах проживали в основном высокие чины и знать, зажиточные семьи.

Колодец здесь действительно имелся, но вокруг него складывалась чрезвычайно ужасающая картина. Возле колодца, замершие в причудливых позах, лежало несколько человеческих фигур. Складывалось впечатление, будто они, мучимые жаждой, доползли сюда в предсмертной агонии, но всё ж их жизнь оборвалась. Подойдя ближе, Се Лянь на миг опешил.

— Но... они ведь более походят на каменные статуи, чем на людей?

Конечно, это были не живые люди, но и не трупы. И тем более — не скелеты. А именно несколько крайне примитивных светло-серых «каменных статуй».

Се Лянь хотел было подойти и потрогать их, но взгляд Хуа Чэна заставил принца вспомнить об их недавнем обещании друг другу не притрагиваться к странным и опасным вещам, и Се Лянь заставил себя остановиться. В его голове закружились мысли — кто ни с того ни с сего стал бы ваять такое количество статуй, да ещё столь пугающего вида? Должно быть, это в самом деле люди, по какой-то неизвестной причине принявшие подобный облик.

Двери дома были открыты, принц заглянул внутрь и увидел на полу ещё двоих человек, крепко обнявшихся в скрюченном положении. Их лица были размазаны, выражения разглядеть не удавалось, но уже по одним позам ощущалось, какой ужас охватил их перед смертью. Своими телами двое тесно закрывали что-то ещё, похожее на свёрток. Присмотревшись ещё раз, Се Лянь вдруг понял.

Должно быть, это был младенец.

Всё сразу стало ясно.

— Люди снаружи — это домашние слуги, а здесь, внутри, похоже, семья хозяев из трёх человек, — заключил принц.

Хуа Чэн ответил:

— Гм. Когда случилось извержение вулкана, вода в реке Уюн сменилась потоками бурлящей лавы. Жители возвышенностей не погибли в лаве и пламени, но не смогли скрыться от вулканического пепла, который заполнил собой всё. Их настигла смерть от удушья.

Всепоглощающий пепел в мгновение ока накрывал людей, образуя твёрдую корку, которая и сохраняла их тела в том виде, в котором смерть настигла их, обращала в окаменевшие статуи. За мгновение до конца эти двое — муж и жена — в панике пытались защитить возлюбленного и ребёнка, так и слились в одно целое.

Колодец, конечно, давным-давно пересох, Пэй Мин не питал никакого интереса к изучению мертвых тел, поэтому подхватил Пэй Су на плечо и продолжил поиски. Се Лянь же обнаружил одну странность — он вошёл в дом и присел возле трёх окаменевших людей. Хуа Чэн направился следом и спросил:

— Хочешь на что-то взглянуть?

Се Лянь, чуть нахмурившись, ответил:

— Просто их поза показалась мне немного странной. Два взрослых одной рукой крепко обнимают друг друга, а вот другой...

Другую руку они прижимали к груди, словно что-то держали.

— Ты хочешь узнать, что именно они держали в руках?

Се Лянь только успел кивнуть, как Хуа Чэн ударил ладонью по окаменевшим и слившимся воедино статуям.

— Постой, по отношению к их останкам, не слишком ли это... — поспешно заговорил Се Лянь.

Однако Хуа Чэн оказался быстрее — трое вмиг обернулись горой светло-серых осколков.

— Не стоит излишне переживать. Они давно мертвы. И останков не осталось, — бесстрастно ответил Хуа Чэн.

Среди осколков не было ничего. «Каменные статуи» оказались полыми внутри.

И ведь верно, слой вулканического пепла сформировал прочный панцирь, но всё же заключённые внутри трупы могли гнить и разлагаться. А когда процесс завершался, оставалась только внешняя оболочка из пепла.

То, что когда-то жило, ушло навсегда. Но то, что никогда не было живым, осталось навечно.

Среди кусочков вулканических осколков сохранились не до конца сгнившие обрывки материи и украшения хозяйской четы, такие как кольца, серьги, ожерелья и тому подобное. Се Ляню показалось, что перед смертью муж и жена вряд ли могли схватиться за драгоценности, поэтому продолжал перебирать. Хуа Чэн что-то поднял и протянул ему.

— Что это? — спросил Се Лянь.

— То, что они сжимали в руках.

Это оказалась подвеска, отделанная сверкающими золотыми пластинками и чем-то напоминающим кость. На золоте виднелся узор. Се Лянь осторожно стёр пыль, внимательно всмотрелся и спросил:

— Звезда огня в созвездии сердца?

На металле была выгравирована астрономическая карта. Золото служило небосводом, звёзды заменяли агатовые вкрапления. Изображалось на нём знамение, называемое «Звездой огня в созвездии сердца», иными словами, небесное явление, когда Огненная звезда ^[282] находилась в созвездии Синь ^[283].

Испокон веков люди считали Огненную звезду символом войны и смерти, а «Звезду огня в созвездии сердца» — неблагоприятным знаменем. В особенности то был зловещий знак для правителей государств, императоров и других лидеров. Почему же подобный символ выгравировали на украшениях?

Нет. Должно быть, это не украшение. Се Лянь ещё немного поискал среди осколков и нашёл ещё две точно такие же подвески. Всего три — даже у ребёнка этой четы на груди висел такой. В каком же случае обычно носили одинаковые украшения?

— Неужели это защитный талисман?

Только защитный талисман мог вызвать у охваченного предсмертным страхом человека желание крепче схватиться за него, в последней надежде и безумной мольбе о помощи.

— Именно, — ответил Хуа Чэн. — Я тоже раскопал какую-то часть этого города и видел немало окаменевших статуй, внутри которых находились такие талисманы.

Се Лянь принялся рассуждать:

— Народ Уюна верил в своего принца. Выходит, это должен быть талисман из его храма. Но почему именно такой рисунок? Как связаны наследный принц и «Звезда огня в созвездии сердца»?

— В тот день, когда он родился, именно так выстроились звёзды на небосводе. Поэтому народ Уюна избрал этот рисунок в качестве символа их божества.

Се Лянь полюбозыгривался:

— Сань Лан, как ты узнал об этом?

Хуа Чэн тут же перевернул золотую пластинку и с улыбкой ответил:

— На нём написано.

И правда, на оборотной стороне красовался ряд письменных знаков. Хуа Чэн показал их принцу.

— Эта строка означает «Рождение святого знаменовано звездой огня в созвездии сердца». Ныне считается, что «Звезда огня в созвездии сердца» — это зловещее предзнаменование, но две тысячи лет назад, возможно, всё было иначе.

Се Лянь проводил пальцами по знакам, в то время как его сердце медленно тяжелело и опускалось вниз.

Потому что в день его собственного рождения на небесах выстроился точно такой же рисунок — «Звезда огня в созвездии сердца»!

Не слишком ли удачное совпадение?

Принц поднялся.

— Идём в храм.

Они плечом к плечу пошли дальше по главной улице. Пэй Мин и остальные не нашли ничего поблизости, поэтому направились следом. По дороге им встречалось множество останков конных повозок — какие-то мирно стояли у обочины, какие-то были опрокинуты на землю. Также время от времени попадались лежащие на земле

окаменевшие люди в разнообразных позах. Большинство жителей города попрятались от бедствия по домам, эти же были бездомными нищими или же прохожими, которые просто не успели добежать до дома. Их предсмертная агония и застывшие в крике лица прекрасно сохранились — отряд так и передвигался вперёд сквозь это причудливое представление. Хуа Чэн по пути указывал Се Ляню на всё вокруг и объяснял, что вот это — резиденция богатого купца, вон там — место, где проводились пиршества.

Принц, не удержавшись, спросил:

— Сань Лан, государство Уюн погибло более двух тысяч лет назад, никто из его потомков не выжил, как же ты изучил их письменность?

Не могло же сработать только упрямство на пустом месте, непременно должен быть какой-то метод.

— Это не так уж сложно. Гэгэ, можешь сам посмотреть, некоторые знаки письменности Уюна очень похожи на современные.

— Верно, слова «Уюн» весьма схожи с современным написанием.

— Да. Поэтому я выучил их в числе первых. Есть и ещё подобные им, и когда они стоят в предложении, можно распознать новые символы, расположенные вокруг. Некоторые повторяют форму друг друга, но смысл при этом разный. Однако таких немного.

Се Лянь покивал, и Хуа Чэн продолжил:

— После можно приниматься за более сложные знаки. К примеру, вот эти. — Он указал на два строения по краю улицы. — Совершенно ясно, что это за заведения. На вывесках первые слова — разные, а последние — одинаковые, таким образом можно определить значение последних двух — либо «кабак», либо «харчевня». Существует много других способов. Гэгэ, если хочешь послушать, я расскажу тебе про каждый по очереди, как выдастся минутка.

Вот оно что. Удивительно, но на свете и впрямь существуют люди, способные познать что-либо без посторонней помощи, полагаясь лишь на собственные усилия. Се Лянь в душе не удержался от восхищённого вздоха.

Храм Уюна по-прежнему был самым величественным и грандиозным строением во всём городе. Они ещё не вошли внутрь, только приблизились, когда Пэй Мин вдруг спросил:

— Что это за звук?

Странный писк, который доносился издалека и так же затихал вдали.

— Крысы? — предположил Се Лянь.

Хуа Чэн отозвался:

— Это необычные крысы. Но если появились крысы, значит, поблизости есть вода.

В этом храме не было следов сожжения. Едва вскинув головы, они увидели огромные яркие фрески. И на этот раз не одну, а целых три, слева, в центре и справа! На каждой из трёх стен по картине!

Они приблизились к первой и посмотрели вверх. Здесь наследный принц Уюна сидел на облаках, окружённый золотым сиянием. Но его лицо было суровым. Над левой рукой парил шар света, внутри которого изображалась маленькая гора, охваченная огнём; пальцы правой же руки были сложены вместе, ладонь направлена вперёд, будто он кому-то махал.

Внизу располагался дворец, в котором находились с десяток человек в несравнимо роскошных нарядах, головных уборах и украшениях. Каждый был изображён в непохожей на других позе — кто-то раскрывал руки в стороны, кто-то, облачённый в доспехи, натягивал лук, кто-то с крайне взволнованным лицом указывал вдаль.

Картина пестрила деталями и несла очень много смысла. Се Лянь некоторое время изучал её, затем развернулся и сказал:

— Позвольте рассказать, как я понял эту картину. В левой руке наследный принц Уюна держит шар света, внутри которого извергается маленький вулкан. Это означает, что он поведал о своём сне людям внизу. А его правая рука, очевидно, застыла в жесте отрицания. Должно быть, он в чём-то им отказал.

— Но в чём же именно? — спросил Пэй Мин.

— Тут следует взглянуть на позы людей. Дворец располагается в мире смертных, он великолепен и роскошен, должно быть, это резиденция императора. А люди, по всей видимости, — представители аристократии. Этот жест с разведёнными руками, судя по виду, обозначает «расширение». Но расширение чего? Чтобы понять, нужно взглянуть на то, что этот человек держит в руках.

Остальные пригляделись и увидели карту местности. Уж с этим Пэй Мин был знаком как никто другой.

— Расширение территории!

— Верно. А вот эти генералы, полностью облачённые в доспехи, похоже, уже готовы во всеоружии выступить в поход и развернуть сражение. Рядом кто-то указывает им направление, взгляните, их жесты весьма ясны, они словно говорят: «отправляйтесь туда, нападите на них». Таким образом, смысл изображения становится очень прост для понимания. Если обобщить всё увиденное: наследный принц Уюна рассказал о своём видении высокопоставленным чинам императорского дворца. Извержение вулкана принесёт несравнимо тяжёлые последствия, для государства Уюн это смертельная катастрофа. Территории самого государства не хватало, а вулкан находился прямо в центре, и все основные крупные города наверняка будут стёрты с лица земли. Как же разрешить эту проблему?

Хуа Чэн ответил:

— Раз своей земли недостаточно, нужно занять чужую.

— Именно. Поэтому чиновники и предложили решение — расширить территории, напав на соседние государства. Но наследный принц Уюна не дал на это согласия. Поэтому его рука и застыла в отрицающем жесте.

Разгадав первую картину, они подошли ко второй. Цвета на этой фреске были намного мрачнее, чем на остальных. Возможно, по той причине, что описывала она поле битвы, на котором шло отчаянное сражение.

Внизу кровь текла рекой, две армии сцепились в схватке. Се Лянь смог распознать, какая из сторон представляла государство Уюн, поскольку их доспехи выглядели в точности как у генералов с прошлой фрески. Воины Уюна выглядели крайне свирепо, они втоптывали головы противников в грязь, поднимали трупы на алебарды цзи ^[284], рубили так, что в стороны летели конечности и ошмётки плоти.

Некоторые воины, злобно усмехаясь, тянули руки даже к женщинам и детям, сбившимся в кучу. Кровавая и бесчеловечная картина в полной мере отражала все ужасы войны.

Над полем брани нависли тёмные тучи, сквозь которые пробивался луч белого света. Наследный принц Уюна наполовину показался из-за облаков, на лице его при виде картины внизу как будто отразился гнев. Он протягивал руку, выпуская лучи золотого сияния, и

те воины Уюна, которых это сияние касалось, тут же поднимались к небесам.

Смысл этой фрески было немного проще разгадать. Се Лянь, посмотрев на неё, тихим голосом начал:

— Как видно, генералы и чиновники не послушали уговоров наследного принца и всё-таки послали армию в поход на соседнее государство. Солдаты убивали с особенной жестокостью, не жалея ни немощных стариков, ни женщин, ни детей. Когда принц узнал об этом, он сильно разгневался, вмешался в ход битвы и остановил зверства воинов.

Пэй Мин, послушав, невозмутимо заметил:

— Как трогательно. Но, сказать по правде, если целую страну и всех её жителей ждала гибель, можно понять их желание защитить своё государство. Да если бы его генералы и воины не пошли в наступление и не погибли бы на поле брани, зарубленные врагом, могло статься, их настигла бы смерть от злости на своего же наследного принца. Уж я бы не пожелал сражаться за такого правителя.

Се Лянь, усмехнувшись, с некоторой безысходностью в голосе ответил:

— Генерал Пэй, ох, вы всё верно говорите.

При этом лёгкая улыбка Хуа Чэна сделалась холодной.

Пэй Мин добавил:

— И что же, вулкан вот-вот извергнется, какое решение принял наследный принц? Не мог же он бросить свой народ умирать.

— Посмотрим на третью фреску. Думаю, ответ найдётся на ней.

Они наконец переместились к третьей картине. Здесь цвета резко контрастировали с предыдущей фреской, вновь стали яркими и наполненными божественным сиянием. Но бросив один только взгляд на эту картину, Се Лянь округлил глаза, а сердце его содрогнулось.

Пэй Мин, едва взглянув, сказал:

— Силы небесные, и это способ, который придумал наследный принц Уюна? Ха, поистине — смелости ему не занимать. Я преклоняюсь в восхищении.

На третьей картине внизу изображалось государство Уюн: река Уюн, извиваясь, текла по обширным землям. Наследный принц и четверо его божеств-покровителей тоже нашлись на картине. Однако

всё это было далеко не главным. Более всего притягивало взгляды то, что находилось в центре фрески. Это был мост.

Огромный, сверкающий белым сиянием мост. Его поддерживали общими усилиями наследный принц Уюна и четверо покровителей, а люди, что собрались на земле, с улыбками на лицах потоком текли на этот мост.

Наследный принц Уюна построил Небесный мост, чтобы переправить людей прямо в Небесные чертоги!

От подобного зрелища Се Лянь невольно остолбенел.

Пэй Мин:

— И такое возможно?

Хуа Чэн ответил:

— Отчего же нет? — Остальные обернулись к нему. Хуа Чэн продолжил: — Разве выбор помощника божества — это не поднятие простого смертного на Небеса? Ему требовалось лишь временно забрать народ государства Уюн, проживающий ближе всего к императорской столице, на Небеса, а когда извержение закончится и пепел уляжется, вновь спустить их обратно. Что тут невозможного?

Пэй Мин возразил:

— Собиратель цветов под кровавым дождём, не стоит так легко об этом говорить. Вашему Превосходительству ведь прекрасно известно — чтобы устроить собственного помощника на Небеса, требуется затратить магические силы. Скольких же ему нужно было так поднять?

Выбор помощника в действительности являлся «содержанием» простого смертного, которого божество избрало в подручные, у себя на службе при помощи собственной магической силы. В противном случае, не будь такого ограничения, разве не принялись бы небесные чиновники то и дело поднимать на Небеса кого вздумается? Вознёсшийся император мог бы забрать с собой весь свой гарем на три дворца и шесть резиденций, всех своих генералов и чиновников; а вознёсшийся генерал мог бы поднять на Небеса собственную армию до последнего солдата, вот и всё.

Хуа Чэн продолжил:

— Если судить по руинам государства Уюн, его население насчитывало около сотни тысяч человек. А близ императорской столицы проживало всего несколько десятков тысяч.

Се Лянь тихо произнёс:

— Пусть это трудоёмкое занятие, но... если постараться и приложить все силы, вполне могло получиться.

Пэй Мин возразил снова:

— Пусть даже несколько десятков тысяч, я всё равно никогда не слышал, чтобы какой-то небожитель решился поднять на небеса такое множество народу. Если всё на самом деле так и было, трудно сказать, обладал ли принц Уюна похвальной смелостью или же был совершеннейшим глупцом. В любом случае, ни в прошлом, ни в будущем не найдётся ему ни предшественников, ни подражателей.

Се Лянь не мог отвести глаз от моста на картине. Лица наследного принца в белых одеждах и четверых его божеств-покровителей всё сильнее искажались в его сознании, напоминая его самого и четверых советников его государства. Потом Се Лянь вспомнил знак «Звезды огня в созвездии сердца», и ему до невозможности захотелось узнать, что же случилось далее в этой истории, будто повторившейся вновь. Но в то же время принцу смутно казалось, что он уже знает ответ.

Не осмеливаясь больше смотреть на фреску, Се Лянь отвернулся со словами:

— Нашли воду?

Бань Юэ, неся на себе Пэй Су, отозвалась:

— Тот гэгэ отправился на поиски.

Она говорила об Инь Юе. Се Лянь поглядел на Пэй Су, глаза которого были закрыты, поразмыслил немного и всё-таки сказал:

— Думаю, мы поступим так: сами отправимся к Медной печи, а младшего генерала Пэя оставим здесь.

Всё-таки сейчас Пэй Су простой смертный, что приносило массу неудобств. К тому же, ещё неизвестно, что ожидает их в дальнейшем походе. Пэй Мин присел рядом с Пэй Су, осмотрел его и ответил:

— Хорошо, я одобряю это решение. Но попрошу Ваше Высочество не озвучивать причину при нём, дитя и так всё поймёт. Я сам расскажу ему.

— Будьте спокойны, генерал Пэй. Я всё понимаю. Иначе не стал бы пользоваться его бессознательным состоянием, чтобы завести этот разговор.

Всё же Пэй Су некогда являлся молодым Богом Войны Верхних Небес с прекрасными перспективами. Теперь же, если его оставят здесь потому, что он не поспевает за остальными, ему неизбежно будет

тяжело это принять. Но совершив ошибку, нужно понести наказание. Такова суть ссылки с Небес, остаётся только покорно терпеть.

Они ещё некоторое время провели в храме, обсуждая дальнейшие действия, после чего Се Лянь полюбопытствовал:

— А где Инь Юй? Почему его так долго нет? Никак не может отыскать воду?

Хуа Чэн как раз внимательно смотрел на прозрачную бабочку, присевшую на кончик пальца. Недавно малютки сослужили им немалую службу, а теперь вернулись к хозяину, чтобы скопить силы.

Хуа Чэн приподнял голову и сказал:

— Ему не могло понадобиться так много времени.

Се Лянь в душе насторожился и поднялся со словами:

— Пойду проверить. Генерал Пэй, останьтесь здесь. Сань Лан, ты со мной?

Конечно же, с ним. Се Лянь оставил Жое, чтобы сформировала вокруг оставшихся защитное кольцо, после чего они вдвоём с Хуа Чэном покинули храм и отправились дальше вглубь города.

По дороге им попалось немало жилищ и разбросанных вещей. Се Лянь подобрал приглянувшийся глиняный горшок, и похоже, это показалось Хуа Чэну смешным:

— Зачем ты его подобрал?

— Если найдём воду, можно будет принести немного для младшего генерала Пэя, — всё-таки принц привык собирать рухлядь, и теперь, не сдержавшись, похлопал по горшку рукой со словами: — Кстати, это ведь тысячелетняя реликвия!

Хуа Чэн рассмеялся:

— Если тебе нравятся такие вещи, можешь как-нибудь снова наведаться в мои владения. У меня тоже найдётся парочка, посмотришь, не приглянется ли что-нибудь.

Спустя полчаса они смутно услышали плеск воды. И вскоре Се Лянь воскликнул:

— Здесь!

Внизу действительно оказалась подземная река. Се Лянь зачерпнул воды подобранным горшком и принялся старательно его промывать. Тысячелетняя сажа въелась так, что сформировала толстую корку и теперь не отмывалась, но если хотя бы смыть пыль, то кое-как можно было носить в горшке питьевую воду. Принц наполнил ёмкость

и склонил голову, чтобы испить самому, но тут Хуа Чэн, внимательно осматривавший окружающую обстановку, повернулся и предостерёг:

— Не пей.

Се Лянь уже почти коснулся губами горшка, но услышав его слова, озадаченно спросил:

— Что?

И вдруг до него донёлся голос:

— Как горячо.

Их было здесь только двое, откуда мог взяться кто-то третий? Се Лянь неосознанно направил взгляд к источнику звука и обнаружил, что он раздаётся из того самого горшка в его руках!

Принц резко опустил голову и увидел внутри пару крошечных багряных точек, притаившихся в воде и глядящих на него.

Как ни посмотри, похоже на пару глаз! Неужели внутри кто-то прячется?!

В тот миг, когда принц поймал взгляд этих глаз, нечто из горшка бросилось прямо ему в лицо, с плеском разбрызгивая воду. Но Се Лянь среагировал молниеносно — тут же запустил горшок в полёт на несколько чжанов. Ёмкость ударилась о стену — «бах!» — тысячелетняя древность разлетелась вдребезги, а то, что пряталось внутри, упало на землю и шмыгнуло в темноту. В суматохе Се Лянь не разглядел существа, увидел только какой-то чёрный комок.

— Что это? — спросил он.

Хуа Чэн оказался перед ним, закрыв собой, Се Лянь же удручённо проговорил:

— Но ведь ранее в горшке ничего подобного не было?

И почему оно сказала «как горячо»? Ведь вода холодная!

Хуа Чэн ответил:

— Нет, она специально заплыла в горшок. В местных подземных реках часто плавают целые их стаи, потому я и сказал, чтобы гэгэ не пил эту воду.

Се Лянь подумал: «А младшему генералу Пэю, стало быть, можно дать выпить?..» Как вдруг по спине принца прополз холодок, он вскрикнул:

— Кто здесь?!

Мгновением ранее он слышал, как вдалеке кто-то кашлянул.

Ему совершенно точно не померещилось. Все чувства принца вмиг пришли в состояние боевой готовности. Вскоре на него накатил, подобно волне, шелестящий шёпот. Вокруг зажглись пары красных огоньков, ещё и ещё, постепенно окружая двоих.

— Не стоит беспокоиться. Это не люди, — произнёс Хуа Чэн.

Се Ляню подумалось: «Да ведь именно поэтому и стоит беспокоиться...»

Принц вслушался в шёпот и распознал, что именно говорят голоса:

— Кхэ-кхэ-кхэ...

— Как жарко, как жарко!..

— Умираю, как горячо...

— У-у-у-у...

— Эта духота меня убьёт... Есть кто-нибудь...

— Не могу пошевелиться, не могу пошевелиться!

Голоса были очень тихие, но отчётливые и полные боли. словно крохотные муравьи, они то и дело заползали в уши. Се Лянь почти положил ладонь на рукоять Фансиня, как вдруг услышал пронзительный крик:

— Его Высочество, где же Его Высочество наследный принц?! Спаси меня, спаси меня!!!

Се Лянь ощутил мороз по коже, на миг ему показалось, что голос зовет к нему. Но тут Хуа Чэн взмахнул рукой, рассеяв вокруг тысячи призрачных бабочек, которые метнулись к светящимся тёмно-красным точкам!

Серебристое сияние достигло цели и озарило бесчисленное множество шепчущихся тварей, что притаились в темноте. Они и впрямь не были людьми. То оказались... крысы!

Хуа Чэн взял принца за руку.

— Я говорил, здесь очень много крыс. Уходим!

Се Лянь на ходу изумлялся:

— Это точно крысы? Мне почему-то кажется, что они больше похожи на котов...

И ведь правда, эти крысы, на какую ни взгляни, размерами превосходили небольшую кошку; шерсть у них была черна как смоль и походила на стальные иглы; пары маленьких красных глазок зловеще сверкали в темноте. Многие забрались даже на стены, неотрывно

наблюдая за чужаками, да ещё и говорили человеческим голосом! Жутко до крайности. Серебристые бабочки налетели на крыс и вступили с ними в сражение — красное сияние смешалось с серебристым блеском, и пусть разглядеть получше не представлялось возможным, становилось ясно, что битва идёт крайне ожесточённая.

— Они ведь не могли куда-нибудь утащить Инь Юя? — спросил Се Лянь.

— Он не настолько бесполезен. Должно быть, его утатило что-то другое.

От первой фразы сердце принца на миг успокоилось, от второй же снова заволновалось.

— То, что крысы настолько огромные, — это ещё ничего. Но почему их так много? Чем они питались, раз так выросли?

— Очень просто. Конечно же, покойниками. Это крысы-падальщики.

Выходит, когда город накрыло вулканическим пеплом, людям и крупному скоту не осталось места для укрытия, а вот крысы прошмыгнули глубоко под землю и избежали гибели, дыша воздухом в глубинах земли и питаясь запасами пищи.

А когда пепел осел, они вновь выбрались из своих нор и принялись бродить в поисках пропитания по городу, который уже превратился в ад на земле. Но только всё вокруг оказалось уничтожено — либо потонуло в потоках лавы, либо было погребено под вулканическим пеплом. Крысы прогрызли немало дыр, но еды так и не нашли.

Покуда в один из дней не почуяли запах гниения.

Вонь исходила от каменных статуй в форме людей. Вулканическая корка на некоторых трупах была более тонкой, тела внутри начали разлагаться, источать соответствующий запах и истекать трупной жижей.

Так крысы, оголодавшие до красных глаз, закружились возле каменных статуй. Они прогрызали в корке дыры, забирались внутрь и впивались в мёртвые тела.

Самым мелким и подлым тварям всегда проще всего выжить. Тела погибших оказались заключены под каменной коркой, их страх, гнев, нежелание умирать и другие сильные эмоции также оказались запечатаны внутри. Крысы, поглотившие их плоть, поглотили и эти

эмоции, поэтому теперь из их пастей раздавалась человеческая речь, они высказывали то, что люди желали сказать перед смертью, но так и не успели.

Се Лянь, ошеломлённый осознанием, произнёс:

— Вот как. Поэтому их речи так звучат. А мне всё казалось странным, почему именно эти фразы...

К удивлению принца, Хуа Чэн вдруг спросил:

— Что ты сказал?

Се Лянь замер от неожиданности.

— А что я сказал?

Хуа Чэн уставился на него.

— Что они сказали? Что ты услышал?

Се Ляню его вопрос показался странным.

— Сань Лан, ты разве не слышал? Они говорили «как жарко», «умираю от духоты», «не могу пошевелиться», «спасите» и тому подобное...

Но Хуа Чэн ещё не успел ничего ответить, как принц всё понял сам.

Что-то не так!

Крысы-падальщики воспроизводили предсмертный бред жителей Уюна. И само собой разумеется, что говорили они на языке Уюна.

В таком случае, как же вышло, что язык этот понятен Се Ляню?!

Ревнивый Князь Демонов и три вопроса о том, кому доверяет принц

Хуа Чэн изучил письменность Уюна благодаря собственной способности к познанию и размышлению. Он мог понять смысл написанного, но поскольку не осталось в живых никого, кто мог бы прочесть ему эти письма, он не имел возможности сопоставить произношение с письменными знаками. Поэтому и не понимал тихого бормотания крысиных оборотней-падальщиков.

Но при этом Се Лянь, который никогда не был на горе Тунлу, всё понял. О чём же это говорит?

Хуа Чэн с первого взгляда на принца догадался, какие мысли его посетили, и тут же сказал:

— Гэгэ, для начала — не волнуйся. Сейчас я повторю их речь ещё раз, а ты слушаешь.

Се Лянь отозвался:

— Хорошо...

Хуа Чэн отличался прекрасной памятью, и когда они отошли подальше от гнезда крыс-падальщиков, сразу же смог точно воспроизвести услышанное. Се Лянь внимательно следил за движением его губ, слушая неторопливые и немного странные звуки.

Древнее произношение причудливых фраз очаровывало звучанием, а низкий и красивый голос Хуа Чэна лился ровно и спокойно, что делало речь чрезвычайно приятной. Однако спустя несколько мгновений внимательного слушания Се Лянь сказал:

— Не понятно.

А вот это уже весьма странно. Фразы, которые человеческим языком говорили крысы, принц понимал. А когда Хуа Чэн повторил всё то же самое слово в слово, понимать перестал. Но в момент, когда он понял разговоры крыс... ему не могло померещиться.

Хуа Чэн продолжил рассуждение:

— Только что, когда ты услышал те голоса, ты понял их сразу, совершенно естественно, так?

— Да. Тогда в моей голове ни мгновения не происходило процесса перевода. — Поэтому он и не ощутил, что слышит другой язык.

Хуа Чэн скрестил руки на груди, поразмыслил немного и произнёс:

— Ясно.

— Что ясно?

— Ты распознаёшь не язык, а эмоции погибших людей.

Се Лянь вроде бы понял, а вроде бы и нет. Хуа Чэн стал объяснять дальше:

— То есть, когда-то очень давно некто услышал голоса этих людей, понял их и запомнил. После чего каким-то образом передал тебе эти воспоминания, «заразил» тебя этими эмоциями, чтобы они проросли в твоей памяти. Но поскольку этот некто сам знал язык Уюна, он уже совершил шаг «понимания», и тебе не понадобилось самому «понимать». Эти голоса всё время были спрятаны в глубине твоего сознания, а когда ты их услышал, сразу же воспроизвёл те самые эмоции.

Се Ляню показалось, что рассуждения Хуа Чэна звучат весьма правдоподобно, и спросил:

— Но... вопрос в том, кто мог передать мне эти воспоминания и эмоции? И когда это могло случиться? — помолчав, он пробормотал: — Советник?..

— Не обязательно именно он. Гэгэ, ты уже допускаешь предположение, что твой наставник — выходец из Уюна. Но не думал ли ты вот над чем: если это действительно так, стало быть, внутри горного чудища они должны были переговариваться на языке Уюна. Почему же этого не произошло?

Объяснить было несложно, Се Лянь заговорил:

— Потому что государство Уюн погибло две тысячи лет назад. Другими словами, за две тысячи лет, если они в самом деле всё это время жили на свете, чаще всего им наверняка приходилось пользоваться языком, на котором говорят последующие поколения. А при общении, что весьма естественно, они пользуются тем языком, которым владеют более бегло.

Хуа Чэн взял принца за плечо и произнёс более убедительным тоном:

— Гэгэ, не нужно всё время уводить свои размышления в том направлении.

Только теперь Се Лянь повернул тропинку мысли:

— Хорошо. Сань Лан, какие условия нужно соблюсти, чтобы заронить в чьём-либо сознании семена воспоминаний и эмоций?

— Условия может быть два. Первое — ты должен безоговорочно доверять этому человеку и ни на миг не ожидать от него подвоха. А при необходимости даже согласиться следовать его указаниям.

Поразмыслив немного, Се Лянь определил возможных кандидатов. Хуа Чэн продолжил:

— Второе — ты не способен противиться ему, он должен всесторонне довлеть над тобой и вызывать глубочайший страх. Гэгэ, подумай как следует, нет ли среди тех, кого ты знал все эти годы, подходящих под какое-либо из этих условий?

Се Лянь погрузился в раздумья, поколебался немного, затем медленно произнёс:

— Пожалуй, таких трое.

— Хорошо. Кто они?

— Первый из них — это советник.

Принц глубоко обожал родителей, не ждал от них предательства, но в глубине души всё же не был согласен с отцом. Поэтому нельзя сказать, что он пожелал бы безоговорочно следовать указаниям родителя. Но вот советник, который привёл его на путь совершенствования и научил принца всему, подходил под первое условие. Ответ принца не вышел за рамки ожидаемого.

— Второй?

— Цзюнь У.

Се Лянь всецело почитал Владыку, излишне упоминать, что и он тоже подходил под первое условие. Хуа Чэн, судя по выражению лица, яро протестовал такому ответу, но всё же не стал комментировать.

— А последний?

— Третий не соответствует первому условию, но зато подходит под второе.

Хуа Чэн прекрасно понял. Он мрачным тоном спросил:

— Безликий Бай?..

Се Лянь закрыл глаза, кивнул и прикрыл рукой лоб.

— Не стану тебе лгать. Пусть я, кажется, ни перед кем не показывал этого, даже перед Фэн Синем и Му Цином, которые были со мной тогда... я никогда не выказывал уныния. Но на самом деле я...

На самом деле глубоко в душе принц испытывал истинный ужас перед этой тварью.

В какой-то период времени этот ужас достиг такой глубины, что принца бросало в неудержимый озноб только при звуках имени. Однако Се Лянь не смел ни перед кем показать зародившееся чувство, даже самую малость. Ведь он и представлял собой надежды на противостояние демону. И если ему страшно, другие вовсе должны впасть в отчаяние. Это стало бы полнейшим провалом Се Ляня!

Разумеется, сейчас всё уже намного лучше. Хуа Чэн крепче сжал пальцы на плече принца.

— Ничего. Вовсе не зазорно чего-то бояться.

Се Лянь улыбнулся:

— Просто не достаёт смелости, вот и всё.

— Если нет страха, то не будет и смелости. Тебе нет нужды быть столь суровым к самому себе.

Принц от услышанного на миг застыл, Хуа Чэн же продолжил расспросы:

— Значит, только трое?

Се Лянь кивнул. Иными словами, незаметно привить принцу воспоминания и эмоции людей Уюна, которые те переживали во время извержения вулкана, мог лишь кто-то из троих. Хуа Чэн нахмурился, будто бы погрузился в размышления, Се Лянь же, помолчав, вдруг сказал:

— Не только.

Хуа Чэн повернул голову.

— Что?

Се Лянь едва заметно сделал вдох и ответил:

— На самом деле их не только трое. Есть ещё четвёртый. Он соответствует первому условию. Но он наверняка не связан с воспоминаниями и эмоциями этих погибших.

Теперь уже Хуа Чэн окончательно развернулся к принцу.

— Оу? Откуда тебе это известно? Ваше Высочество с этим человеком тоже связывают многолетние тесные отношения?

Се Ляню подумалось, что многолетними их назвать нельзя, что же до тесных отношений... сам принц считал их таковыми. Но в то же время ему было неловко об этом говорить, поэтому он ответил расплывчато:

— Как бы то ни было... возможно, ему я доверяю более всех, даже больше, чем наставнику или Цзюнь У.

— Как это?

Се Лянь тихо кашлянул и, несколько смущаясь, ответил:

— Стыдно сказать. Дело в том... что если я совершу какую-то непростительную ошибку или же навлеку какую-то страшную беду, от которой содрогнутся небеса, первым, о ком я подумаю, наверняка будет он... К тому же, это немного другое доверие, нежели к моему наставнику или Владыке... — Принц не договорил, поскольку выражение лица Хуа Чэна в тот момент показалось ему немного странным. Поэтому Се Лянь замолчал и нерешительно спросил: — Сань Лан?

Только тогда Хуа Чэн пришёл в себя и, приподняв бровь, отозвался:

— Ох. Ничего, просто задумался кое о чём. Ваше Высочество в самом деле настолько доверяет этому человеку?

Обыкновенно он поигрывал бровью с истинным удовольствием или же подшучивая над кем-то, но в этот раз у него вышло не слишком естественно.

Се Лянь кивнул.

— Да... Что-то не так?

Хуа Чэн слегка склонил голову, поправляя серебряные наручи на рукавах и, будто бы ему совершенно безразлично, ответил:

— Ничего особенного. Просто... моё личное мнение. Гэгэ, тебе всё-таки не стоит с такой лёгкостью доверять посторонним. Так будет лучше.

Се Лянь не был до конца уверен, понял ли Хуа Чэн, о ком именно он говорил. Но при этом не решился выдавать себя ещё больше, и только коротко охнул в ответ. Однако после непродолжительной паузы всё же не выдержал:

— Сань Лан, ты не спросишь, кто этот человек?

Хуа Чэн отозвался:

— Хм? Я? Раз уж гэгэ ему так доверяет, и к тому же уверен, что он не имеет к происходящему никакого отношения, в таком случае, спрашивать нет нужды.

Се Лянь потёр точку между бровей, а Хуа Чэн добавил:

— Но если гэгэ сам захочет рассказать, Сань Лан с готовностью послушает.

Его речи звучали вполне подобающе, но если Се Лянь теперь заодно расскажет ему, будет уже немного неловко. Будто бы принц сам подтолкнул его к вопросу, что это за личность такая, кому он более всего доверяет. И сам Се Лянь не мог различить, вежливость это со стороны Хуа Чэна или ему на самом деле безразлично. Как раз кстати вернулись призрачные бабочки, которые отлучались растерзать на кровавые клочки крыс-падальщиков. Малютки даже летели ниже к земле, словно яростная битва их утомила. Се Лянь поскорее вышел навстречу, протянул руку и усадил на неё особенно крохотную бабочку.

— Спасибо за труды!

Принц протянул руку весьма кстати — весь рой бабочек в воздухе замедлился, а в следующий миг, будто почуяв благоухающее лакомство, они как обезумевшие бросились к нему. Се Лянь, держа на ладони малютку, едва не остоленел от удивления. Хуа Чэн тем

временем кашлянул, негромко, но различимо, и рой, вновь замерев на миг, послушно направился к хозяину. Касаясь серебряных наручей Хуа Чэна, они сливались с вырезанным на нём узором в виде бабочек.

Двое продолжили поиски Инь Юя. Пройдя немного, Хуа Чэн вдруг спросил:

— Это ведь не Фэн Синь?

Се Лянь уже отвлёкся мыслями на что-то другое, и вопрос застал его врасплох.

— А? Что?

— Тот, о ком говорил гэгэ.

Се Лянь тут же замахал руками:

— Конечно, нет!

Кончики бровей Хуа Чэна дрогнули.

— И не Му Цин, верно?

По лбу Се Ляня скатилась капелька холодного пота, он замахал руками ещё быстрее:

— Это тем более невозможно! Но... почему Сань Лан вдруг заговорил об этом снова?

Хуа Чэн с улыбкой ответил:

— Я просто поразмыслил, и мне показалось, что этот четвёртый как раз самый подозрительный. Поэтому, во избежание непредвиденного, всё-таки попрошу гэгэ рассказать мне, кто этот человек, с которым тебя связывают многолетние тесные отношения, и которому ты более всего доверяешь. Ты не против?

Се Лянь смотрел на его улыбку, и принцу эта улыбка интуитивно казалась невероятно фальшивой. И вот, когда он сделал глубокий вдох и приготовился ответить, слабое свечение нескольких бабочек, что летели впереди и разведывали путь, неожиданно погасло.

Всё вокруг погрузилось в темноту. Хуа Чэн быстро схватил Се Ляня за руку и в мгновение ока вместе с ним оказался на обочине главной улицы. Се Лянь понял — что-то не так, и спросил, понизив голос:

— Сань Лан, к нам что-то приближается?

Пусть во внезапно воцарившейся темноте Се Лянь ничего не видел, всё же, неотступно следуя за Хуа Чэном, он без приключений забрался в чей-то дом и там спрятался. Голос Хуа Чэна раздался возле его уха:

— Да.

Во тьме внезапно послышался весьма странный звук.

Бум, бум, бум.

Он раздавался ещё довольно далеко, но потрясал тяжестью, а раз от раза источник звука становился намного ближе, значит, и двигался с удивительной скоростью. Се Ляню этот звук непонятным образом показался знакомым, он наверняка уже где-то слышал его раньше. Когда грохот приблизился, принц выглянул наружу.

Так и есть! На главной улице подземного города появилась женщина в свадебном наряде.

Но несмотря на это, её одеяние было изодранным и потемневшим, так что от него сквозило зловещей мрачностью. Узкое лицо обладало высокомерной красотой, но дыхание жизни на нём отсутствовало, над головой же кружился тускло-зелёный призрачный огонёк, который оттенял её мертвенно-бледный облик так, что белизна становилась зеленью. На руках женщина несла ребёнка, такого же бледного, но при этом дышащего жизнью не в пример ей самой. Очевидно, живого человека.

— Снова встретились со старыми знакомыми, — заключил Хуа Чэн.

То была демоница Сюань Цзи, а с ней малыш Гуцзы!

Призрачный огонёк над головой, жизнь запечатана паролем

Выходит, они тоже забрались на гору Тунлу!

— Если Гуцзы здесь, неужели и Ци Жун тоже? — спросил Се Лянь.

— Судя по зелёному огоньку над её головой, вне всяких сомнений.

Кажется, Гуцзы побаивался Сюань Цзи — сидел на её руках, не смея шевельнуться. Однако мальчику, похоже, было трудно стерпеть ледяной холод, исходящий от демоницы, и он тихонько заёрзал.

— Не вертись! — тут же велела Сюань Цзи.

Стоило ей заговорить, и черты лица, озарённые светом ярко-зелёного огонька, искривились ещё сильнее. Призрачный огонёк тоже можно считать одним из отличительных знаков. Пристрастие безобразное до крайности, и Се Лянь считал, что ни одна демоница с нормальным вкусом, заботящаяся о своём облике, не согласится

водрузить себе на голову такое украшение. И говорить нечего, наверняка это требование Ци Жуня. Зелёное свечение в сочетании с красным платьем стало настоящим ударом для зрения, подобное повергало в ужас даже сильнее, чем когда наставник какого-нибудь учения заставлял своих адептов носить страшно уродливые ученические одеяния.

Гуцзы плаксиво пожаловался:

— Сестрица, после той воды мне что-то нехорошо.

Воды? Се Лянь невольно облился потом. В подземных водах плавали стаями крысы-падальщики, и хотя смертельно отравиться такой водой нельзя, всё-таки у ребёнка довольно низкая сопротивляемость организма ко всякой заразе, и его может даже схватить понос. Сюань Ци явно не любила маленьких детей, никакого терпения к мальчику она проявлять не собиралась:

— Потерпи. Мы уже идём обратно.

Их силуэты растворились в темноте. Без лишних слов Се Лянь и Хуа Чэн бесшумно направились следом. Очень скоро они, не отставая от Сюань Ци, прошли несколько поворотов и оказались на другой широкой улице. В самом её конце показалось строение, которое отличалось от остальных великолепием. Изнутри доносились голоса — наверняка это здание и было конечной целью демоницы. Под покровом темноты Се Лянь и Хуа Чэн обогнали её, забрались на крышу и заглянули внутрь сквозь щели в кровле. Их ожидания оправдались — Ци Жун вальяжно устроился прямо в центре большого зала усадьбы.

Он притащил сюда с два десятка окаменевших статуй и расположил их так, чтобы казалось, будто они падают ниц перед ним. А сам Ци Жун тем временем, наслаждаясь «поклонением», самодовольно обгладывал окровавленную руку. В углу зала находились пять-шесть крестьян, а среди них был один, казалось, вовсе неприметный, который сидел, уронив голову на грудь. Это и был Инь Юй!

Выходит, Ци Жун и впрямь его схватил. Людей не сдерживали никакие верёвки или путы, но над головой каждого парил ярко-зелёный призрачный огонёк. Если приглядеться, эти огоньки немного отличались от того, что служил украшением для Сюань Ци. В

пламени угадывались черты лица: глаза косили вниз, коварным взглядом наблюдая за людьми, словно какой-то подлый злодей.

Се Лянь прошептал:

— Очень странные огоньки.

Хуа Чэн пояснил:

— Это демонические оковы, которыми Ци Жун удерживает пленников. Захочешь сбежать из-под стражи, огонёк пронзительно закричит. А если привести в действие особое заклинание, заложник мгновенно сгорит в этом пламени.

Ци Жун с довольным видом обгрызал оторванную руку, когда снаружи послышался голос Сюань Цзи:

— Ваше Превосходительство, я вернулась.

Ци Жун вмиг отбросил лакомство прочь и вытер рот от крови. Се Лянь подивился — что это значит? Боится, что его увидят? Неужели настал день, когда Ци Жун стал стесняться своего облика во время еды?

Сюань Цзи, ещё не переступив порог зала, сперва поставила Гуцзы на землю. Мальчик с громким топотом вбежал внутрь, подскочил к Ци Жуну и, поглядев на него, ткнул пальцем и громко закричал:

— Отец, ты опять тайком кушал что-то нехорошее!

— Нет! — возразил Ци Жун.

Но Гуцзы не поверил:

— Я понял по запаху! У тебя после такого изо рта воняет!

Ци Жун выдохнул в ладонь и наверняка тоже почувствовал запах крови из собственного рта. Отпираться нет смысла. Он раздражённо бросил:

— Чтоб тебя! Сюань Цзи! Зачем ты опять его притащила? Я же сказал — увести его куда-нибудь и погулять подольше, пока я ем!

Сюань Цзи преспокойно вошла и отозвалась:

— Он напился воды и стал канючить, что живот разболелся, вот я и привела его назад. Ваше Превосходительство, прошу, не заставляйте меня больше водиться с маленькими детьми. Я сама не знаю, как с ним управиться!

Ци Жун выпучил глаза и упрекнул её:

— Что?! Ты же демоница! Как демонице могут не нравиться дети?! Ты бракованная!

— Да ведь это же не мой собственный ребёнок!

Гуцзы, хватая Ци Жуна за полы одежды, стал просить:

— Отец, не надо больше есть такие вещи... плохие...

Ци Жун, которому это порядком надоело, погнал ребёнка прочь:

— Пошёл, пошёл, пошёл! Нечего мне надоедать. Не хватало ещё, чтобы яйцо курицу учило. Иди поиграй где-нибудь один!

Гуцзы пришлось самому пойти играть. Перед уходом мальчик взглянул на людей, сидящих в углу зала. Когда ребёнок исчез из виду, Сюань Цзи наконец произнесла:

— Ваше Превосходительство, я никак не возьму в толк, если этот мальчишка приносит вам столько хлопот, зачем вы взяли его с собой? Он всю дорогу то есть хочет, то пить, то плачет, то болеет. Если бы не горное чудище, которое подвезло нас по пути, боюсь, до сих пор тащились бы с этой обузой.

Ци Жун захихикал:

— Если почти даром свалившийся на голову сынок так хочет называть меня отцом, так пусть зовёт... Ой, тьфу! Чувшь собачья! Конечно, всё потому, что я собираюсь сожрать этого мелкого дурня! У таких маленьких детишек мясо нежное-нежное, можно даже приправ не добавлять, вкус отменный! Хи-хи-хи-хи...

— Но почему вы до сих пор его не съели?

Глаза Ци Жуна сверкнули зелёным.

— Этого-то тебе как раз и не понять! Откормим пожирнее, потом нарежем! Самое вкусненькое нужно оставить на потом! К тому же, у нас ещё много припасов, можно не спешить!

При упоминании «припасов» Сюань Цзи уставилась на Инь Юя.

— Мне этот новенький кажется очень подозрительным. Очень-очень подозрительным. Ваше Превосходительство, удалось ли вам узнать, откуда он взялся?

Если учесть, какую ненависть Ци Жун испытывал к Хуа Чэну, стоит ему понять, что Инь Юй — подручный Хуа Чэна, и он сожрёт его в первую очередь! Однако Ци Жун сказал:

— Этот паршивец тоже явился вместе с Повелительницей Дождя.

Иногда отсутствие особых примет и природная способность притвориться пустым местом тоже может сыграть на руку. Обычно никто не связывал вместе Инь Юя и Собирателя цветов под кровавым

дождём, и как видно, Инь Юю удалось скрыть свою личность. Се Лянь с облегчением выдохнул, а Сюань Цзи, напротив, изменилась в лице:

— Юйши Хуан уже добралась сюда?

Ци Жун ответил:

— Нет. Этот паршивец, так же как мы, случайно обнаружил подземный город. Повелительница Дождя пока ещё нас не нашла. Чтоб её! — Вдруг забранился он. — И почему от неё так трудно отделаться? Всю дорогу гналась за нами, пришлось даже укрыться от неё под землю! Я же просто схватил парочку крестьян из той захирелой деревеньки, чтобы перекусить! К чему такая мелочность? А ещё небесная чиновница! Так и знал, что у них на Верхних Небесах ни одного нормального! Крохоборы!

Он говорил это с полной уверенностью в собственной правоте! Сперва протянул свои лапищи к чужим крестьянам, которые занимались себе возделыванием земель, а потом ещё и обвинил хозяйку в недостатке щедрости, за то, что отказалась отдать ему людей на съедение. У Се Ляня от услышанного неумолимо зачесались кулаки.

Сюань Цзи продолжила:

— А может, отпустим этих, и дело с концом?

Ци Жун считал, что это слишком позорное отступление, и вытаращил глаза:

— Не отпустим! Я уже съел половину, и теперь отпускать остаток нет смысла. Конфликт уже завязался! Либо уж доедать всех, либо вообще не надо было трогать! Вывели меня из себя, да я одним огоньком спалю их всех до единого, всем туго придётся!

Сюань Цзи сказала:

— Я тоже совсем не ждала, что всё так обернётся. Характер у Юйши Хуан раньше был совсем другим, можно сказать без преувеличения, что её каждый мог обидеть. И я думала, что если даже забрать людей из её деревни, она спокойно стерпит и проглотит, только поэтому решилась на подобный шаг. Кто же знал, что она превратится в такую большую проблему? И никак её с хвоста не сбросить!

Выходит, Сюань Цзи знала Повелителя Дождя. И к тому же, относилась к ней не слишком почтительно. Как видно, они были знакомы ещё в бытность смертными. Припомнив различные легенды, Се Лянь прошептал:

— Неужели Сюань Цзи служила генералом при государстве Юйши?

Хуа Чэн ответил:

— Гэгэ верно догадался. Всё именно так.

Се Лянь с сомнением произнёс:

— Но ведь не сходится? Её Превосходительство Повелитель Дождя была наследницей царственного рода государства Юйши, обладала высочайшим положением. А Сюань Цзи — всего лишь генералом, её подданной. Разве осмелилась бы она с таким пренебрежением относиться к члену правящего дома? Да ещё сказала «каждый мог обидеть»...

Ци Жун тем временем продолжал:

— Да плевать мне, кто она — Повелительница Дождя или шелудивых псов. Когда я попаду в Медную печь и стану непревзойдённым, своим появлением повергнув в потрясение целый мир, все, кто ходит под Небесами и над ними, падут ниц у моих ног, на коленях будут стоять и жрать грязь под моими ступнями! И тогда я снесу Призрачный город, затоплю остров Чёрных Вод, и даже Цзюнь У должен будет со мной считаться, лебезить и заискивать, ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Слушая, как Ци Жун изо всех сил бахвалится, воображая будущее безграничное величие, Се Лянь захотел только рассмеяться, больше ничего. А Хуа Чэну даже посмеяться было скучно.

Ци Жун сказал Сюань Цзи:

— А Пэй Мина я осколплю и брошу тебе на потеху, чтобы служил рабом.

При звуках этого имени Сюань Цзи сжала кулаки, на её бледном лице сверкнул гнев.

— Нет нужды! Главное, пообещайте отдать его в моё полное распоряжение, и Сюань Цзи будет безмерно благодарна Вашему Превосходительству!

Пока разговор не зашёл о Пэй Мине, Сюань Цзи выглядела как обычная демоница. Но стоило его упомянуть, и Се Лянь увидел в ней тень той обезумевшей, с которой встретился на горе Юйцзюнь. Она в самом деле возложила эту нелепую надежду на Ци Жуну. Любовь затмила разум — больше это никак не объяснить. Се Лянь поднял взгляд.

— Сань Лан, разве можно оставлять Инь Юя и этих людей в плену Ци Жуна?

Разумеется, они могли ворваться, побить Ци Жуна и Сюань Цзи, но... крестьяне, а с ними Инь Юй, стали заложниками, а на Ци Жуна полагаться нельзя — вдруг он станет сжигать по одному за каждый удар? Тогда в проигрыше окажутся они сами, и очень может быть, что Ци Жуна, как он и сказал, выведут из себя, и он спалит всех одним огнём.

Хуа Чэн, впрочем, без лишнего беспокойства ответил:

— Призрачные огни Ци Жуна снимаются устным паролем. Для начала нужно придумать, как выведать его.

— Кто это сделает? И как? Мы точно не сможем.

Но оба тут же, не сговариваясь, опустили взгляды вниз, где снаружи усадьбы в грязи игрался Гуцзы.

Помолчав, Се Лянь произнёс:

— Не выйдет, слишком опасно. Ци Жун и без того всё порывается сожрать ребёнка, а что если он почует подвох...

Хуа Чэн возразил:

— Хватит ли у него на это мозгов — вопрос отдельный, но если он и впрямь решит навредить мальчишке, мы просто придём на выручку, ничего сложного. Гэгэ, не лучше ли побеспокоиться о том, что ребёнок уже столько времени провёл с Ци Жуном? Что если мальчик стал на него похож и повредился умом?

— Судя по реакции Гуцзы на его поведение, не думаю, что мальчик стал в чём-то ненормальным. Тогда... попробуем?

Хуа Чэн разжал ладонь, из которой выпорхнула и не спеша полетела вниз совсем крохотная бабочка.

Ци Жун и Сюань Цзи продолжали разговаривать, а Гуцзы сидел снаружи на земле и рисовал в грязи. Он изобразил большого человечка, который вёл за руку маленького человечка. И вдруг увидел, как к нему подлетела мягко сияющая бабочка. Мальчик вздёргнул голову и округлил глаза, и уже собирался удивлённо вскрикнуть, как услышал тоненький человеческий голос. Бабочка сказала ему:

— Гуцзы, ничего не говори. Если скажешь слово, я исчезну. Это я. Ты меня помнишь?

Если бы Гуцзы всё-таки закричал, Хуа Чэн сразу пленил бы его сознание светом бабочки, однако мальчик зажал рот рукой и

послушался, затем прошептал:

— Помню. Это голос мусорного гэгэ.

Се Лянь, помолчав, посмеялся:

— Ха-ха-ха, отличная память. Да, верно, это я, мусорный гэгэ. Пойдём со мной в сторонку, только чтобы Ци... чтобы твой отец не заметил.

Гуцзы кивнул и поднялся с земли, чтобы тихонько отправиться за бабочкой. Но Ци Жун из зала сразу это увидел и прикрикнул:

— Эй! Нечего бегать где попало, слышал?! Если будешь шататься без присмотра, тебя съедят огромные крысы! А ну вернись!

Бабочка тут же скрылась. Гуцзы округлил глаза и отозвался:

— Я... я пошёл пописать!

Ци Жун с насмешкой бросил:

— Маленькие дети только и делают, что писаются! — и отстал от мальчика.

Гуцзы отошёл чуть дальше и тихо позвал:

— Мусорный гэгэ, мусорный гэгэ!

Се Лянь, сидя на крыше, сказал:

— Зови лучше даочжаном. Мусорный гэгэ звучит как-то... странновато, ха-ха-ха... Гуцзы. Те люди, которых схватил твой отец, очень несчастные, а ещё они чужие подданные, их госпожа придёт и надаёт твоему отцу тумачков. Можешь помочь нам их освободить?

Гуцзы кивнул:

— Я знаю! Это люди небесной богини на чёрном быке! — Мальчик почесал затылок. — Я хотел их освободить, но... отец заболел, он говорит, что только человеческое мясо поможет ему излечиться. И что есть человечину — это нормально, просто я ещё маленький и не понимаю. А когда вырасту, он научит меня, как надо есть. Но мне кажется, что это не очень хорошо...

Куда там, это даже очень нехорошо!

Се Лянь подумал, что положение и впрямь крайне опасное: проведя с Ци Жуном так долго, Гуцзы уже начал незаметно сворачивать с верного пути. В дальнейшем он может к такому привыкнуть, и человечина станет для него обыденным блюдом. Принц поспешил заверить:

— Это просто ужасно! Поедание человечины может вызвать очень серьёзную болезнь. Призраки съеденных будут преследовать

тебя и твоего отца. Он вовсе не болен, просто не может бросить дурную привычку, слишком пристрастился. Ты должен придумать, как не дать ему съесть больше ни кусочка. Иначе останешься сиротой!

— Н-но что же делать?!

Хуа Чэн сказал Се Ляню:

— Гэгэ, позволь мне.

Он передал что-то через серебристую бабочку, а Гуцзы послушал и хорошенько запомнил. Затем Хуа Чэн вновь посмотрел на Се Ляня и произнёс:

— Нужно выманить Сюань Цзи.

Демоница тем временем говорила Ци Жуну:

— Мне всё-таки кажется, что этот тип слишком подозрительный. Утверждает, что он — подчинённый Повелительницы Дождя, но от него так и веет демонической Ци. Думаю, он нам лжёт. Пспрашиваю его ещё.

Видя, что Гуцзы куда-то убежал, Ци Жун воспользовался возможностью за его спиной продолжить обглаживать руку, и сейчас невнятно пробормотал:

— Как хочешь.

Если не брать во внимание моменты, когда Сюань Цзи при виде Пэй Мина сходила с ума, всё остальное время она оставалась намного мнительнее Ци Жуна. Всё-таки женщина. К тому же, Гуцзы её немного побаивался, и пока она рядом, вполне мог выдать себя. Се Лянь кивнул:

— Как её выманить?

Они переглянулись и снова, не сговариваясь, пришли к мнению:

— Генерал Пэй.

Се Лянь сложил руки в молитвенном жесте, как бы извиняясь.

— Делать нечего, придётся просить вас временно принести себя в жертву, генерал Пэй. Все спасённые вознесут вам благодарности.

Хуа Чэн хохотнул:

— Лучше пусть благодарят тебя, гэгэ.

Тем временем с узора на его наручах спорхнула ещё одна призрачная бабочка, которая подлетела к уху Се Ляня, и принц услышал голос мужчины. Пэй Мина. Значит, перед уходом Хуа Чэн оставил в храме ещё несколько бабочек, а теперь мог услышать, что

происходит с остальными. Се Лянь сосредоточенно послушал и прошептал:

— Идёт, идёт. Воспользуемся этим отрывком. Выберем следующие фразы...

Сюань Цзи стояла спиной к окну и неотрывно глядела на Инь Юя, задавая вопросы. Тот добросовестно отвечал:

— В деревне Повелителя Дождя я отвечал за оказание помощи голодным демонам, которым больше некуда пойти. Когда они забредали к нам, я давал им пригоршню риса, потом провожал в дорогу. Так и вышло, что запачкался демонической Ци...

Остальные пленные, будучи как раз настоящими крестьянами из деревни Повелителя Дождя, прекрасно понимали, что Инь Юй несёт полный бред — в их деревне действительно был такой работник, но конечно, не Инь Юй. Впрочем, никто и виду не подал.

Ци Жун вскрикнул:

— Хах! Я ведь тоже голодный демон, почему бы вам и мне не оказать помощь? Съел пару человек, а она загнала меня до смерти! Мелочная скряга, чего притворяться щедрой?!

Сюань Цзи совершенно не поняла такой добродетельности:

— В Поднебесной голодных демонов великое множество, разве можно помочь всем и каждому? Строит из себя невесть что.

И тут за спину демоницы неслышно подлетела бабочка, скрывшая своё сияние — сверкнула и пропала. Пленники это видели, но сумели не подать виду и весьма слаженно притворились, что ничего не заметили. Сюань Цзи собралась задать следующий вопрос, как вдруг... услышала приглушённый мужской голос:

— Ну раз так... сначала... У тебя ещё... или нет? Давай...

Первоначально фраза звучала так: «Ну раз так, сначала зажарим эту крысу. У тебя ещё остались змеи или нет? Давай сюда парочку».

Когда Се Лянь услышал эти слова Пэй Мина, в душе его постигло потрясение и сочувствие. Наверняка генерал убил крысу, которая подобралась к ним, решил, что это обыкновенный вредитель, и вознамерился приготовить его на огне, чтобы накормить Пэй Су. Но можно ли человеку есть такое? Как видно, нужно поскорее возвращаться и остановить его. Теперь же, когда Хуа Чэн стёр несколько слов в этой фразе, результат получился весьма загадочным и как будто нёс в себе некую подоплёку, но в то же время смысл остался

неясен. Сюань Цзи содрогнулась всем телом и рывком развернулась. Бабочка тоже оказалась довольно хитрой и проворной — она не излучала сияния, а перед тем как демоница обернулась, взмахнула крыльями и спряталась.

Сюань Цзи, потрясённая и озадаченная, вновь обратилась к пленникам:

— Вы что-нибудь слышали? Видели кого-нибудь?

Инь Юй первым покачал головой, другие последовали его примеру с честным и невинным видом. Ци Жун, у которого весь рот был измазан в крови, повернулся к демонице с вопросом:

— А что ты слышала?

Сюань Цзи, немного растерянная, ответила:

— Я, кажется... слышала голос Пэй Мина.

Ци Жун воскликнул:

— А? У тебя слуховая галлюцинация? Я ничего не слышал.

Серебристая бабочка ближе всего находилась к Сюань Цзи, и другие не могли слышать человеческого голоса, звучавшего от неё. Сюань Цзи недоумевала:

— Правда? Мне всё кажется... что он где-то рядом. — Она некоторое время молчала, потом вздохнула: — Наверное, это и есть так называемый отклик души?.. Ваше Превосходительство, позвольте мне пойти проверить?

Весьма неожиданный успех. Се Лянь тихонько сжал кулаки и улыбнулся Хуа Чэну. И Хуа Чэн улыбнулся ему. Но тут Ци Жун остудил их надежды чаном холодной воды:

— Эх! Но ты же только что выходила на разведку? Какой ещё отклик души? Галлюцинация, вот и всё. Ты то и дело думаешь о нём по восемьсот раз на дню, как тут не появиться галлюцинациям.

Судя по виду Сюань Цзи, Ци Жун её убедил — она почти поверила и отбросила идею выйти снова. Однако Се Лянь не упал духом, несмотря на первую неудачу. Ведь они выбрали ещё несколько отрывков, которые пока не воспроизвели. Сюань Цзи собиралась вернуться к допросу Инь Юя, когда вновь услышала голос Пэй Мина:

— Эх ты, глупышка! Поди сюда, я тебя научу.

А затем голос молодой девушки:

— Не стоит, генерал Пэй, я уже делала это однажды, опыт имеется, давайте лучше я сама...

Конечно, Пэй Мин давал наставления Бань Юэ, как испечь крысу. Однако для Сюань Цзи всё обернулось совершенно иным смыслом. Изначальное презрение и неспособность найти подходящие слова демонице показали нежностью и жалостью, расстройство и отказ стали смущением и робостью. Сюань Цзи пронзительно вскрикнула, её глаза покрылись кровяными прожилками, а огонёк над головой вспыхнул ярким пламенем, подобно огню ярости в её сердце. Она схватилась за волосы и завопила:

— Это он!!! Ошибки быть не может, это он, он здесь, я его чувствую, моя душа откликается ему!!! Пэй Мин! Снова ты за своё! Что за девка на этот раз? Я убью тебя!!!

С криками она выскочила прочь, подтаскивая стучащие по земле ноги. Ци Жун вслед разразился бранью:

— Эй! Сюань Цзи? Мать твою! Ноги сломаны, а как резво поскакала! Ради какого-то жеребца-осеменителя! Стоит ли того?!

Се Лянь, глядя на исчезающий вдаль силуэт Сюань Цзи, которая пошатывалась и чуть не падала на бегу, ощутил укол печали и сочувствия. Хуа Чэн, должно быть, решил, что он переживает за оставшихся в храме, и произнёс:

— Не стоит беспокоиться. Призрачная бабочка уведёт её в противоположном направлении. Даже если она отыщет Пэй Мина, с ними Жое, и демоница не проникнет в круг. Давай поскорее разберёмся здесь.

Сюань Цзи ушла, теперь настал черёд Гуцзы сыграть свою роль. Мальчик поднялся и обтёр запачканные грязью руки о штаны сзади. Се Лянь всё ещё волновался:

— Он точно справится?

Хуа Чэн спокойным тоном ответил:

— Гэгэ, верь мне. Если это не сработает, за неимением лучшего, есть ещё один способ. В крайнем случае просто сделаем так, чтобы Ци Жун больше в жизни не смог рта раскрыть, а потом уж не спеша придумаем, как погасить его призрачные огни.

Когда Гуцзы вошёл в зал, Ци Жун уже успел слизать кровь с пальцев, а при виде мальчика произнёс:

— Сынок, подойди, разомни папке ноги!

Гуцзы послушался и принялся стучать кулачками по ногам Ци Жуна. Спустя некоторое время мальчик сказал:

— Отец, а почему люди, которые сидят в углу, не связаны верёвками, но всё равно не смеют пошевелиться?

Ци Жун с явным удовольствием ответил:

— Хи-хи, ну конечно, они так сильно боятся меня, твоего папашу, что у них колени подкашиваются и ноги не ходят от страха!

— Ты так силён?! — Гуцзы разинул рот и округлил глаза.

Ци Жун, удовлетворяя своё тщеславие, воскликнул:

— А то! Слушай внимательно, сегодня ты узнаешь, насколько твой папка силён! Видишь те огоньки? Один мой приказ — шух — и людишки сгорят без остатка! Конечно, они меня боятся! И ещё, есть два мелких демона, запоминай.

Гуцзы закивал, подобно цыплёнку, клюющему пшено.

— Одного зовут Хуа Чэн, — продолжил Ци Жун, — прозвище другого — Черновод. Оба — никчёмная бесталанная мелочь, подлецы, заполучившие в руки силу и немного своей пёсьей удачи, а на самом деле вся их слава — дутая. Понимаешь, что значит «дутая слава»? Я тебя научу. Это такое выражение, оно означает, что они только с виду непобедимые, а на деле им никогда не сравниться со мной!

Гуцзы, вроде бы, понял, а вроде бы и нет, поэтому только охнул в ответ.

Ци Жун не унимался:

— Да ведь им же просто повезло! Мне бы такое везение, я бы достиг в десять раз больше! Погодите у меня! В этот раз твой папка непременно проскочит этот рубеж! Скоро я им лица расквашу! Никто больше не посмеет смотреть на меня свысока, только мне будет позволено смотреть свысока на всех!

Он с воодушевлением размахивал руками и громко вещал, а Гуцзы, хоть и не понимая, о ком идёт речь и что это вообще означает, всё-таки решил уважить его:

— Отец, у тебя обязательно получится!

Се Лянь на крыше закрыл лицо рукой.

Напыщенные рассуждения Ци Жун поистине заставляли потерять дар речи. Подумав, что Ци Жун, как ни крути, а всё же его двоюродный брат, принц почувствовал за него истинный стыд и обратился к Хуа Чэну:

— Сань Лан, это... он... я...

Но Хуа Чэн с фальшивой улыбкой ответил:

— Гэгэ, не стоит обращать внимания. Он ещё и не такое может ляпнуть, это лишь верхушка айсберга.

По правде говоря, испокон веков под Небесами не найдётся мужчины, который не любил бы прихвастнуть. Ветром ему в руки принесло платок девушки из Сада Витающего Аромата ^[285], тут же скажет, что за ним увивается влюблённая прославленная певичка несравненной красоты. Подаёт обувь ^[286] и протирает скамьи для наложницы двоюродного брата внука дяди по материнской стороне наложницы императора — непременно всюду растрезвонит, что занимается важным делом в резиденции родни самого императора, занимает едва ли не важнейшую должность! Поэтому исключительной редкостью считаются как раз мужчины, которые хвастаться не любят.

Иные же, в первую очередь, любят бахвалиться перед женщинами, во вторую — перед собственными сыновьями. Даже Се Лянь помнил, как в детстве отец часто скрыто или явно стремился рассказать ему о своих достижениях и успехах в делах государственных. Именно поэтому принц с малых лет глубоко уверовал в то, что его отец — неизмеримо мудрый правитель, слава о котором непременно останется в веках. Когда же понял, что это не так, в его душе и зародилось мнение «ничего особенного» по отношению к отцу. Слишком разительным было отличие двух образов, что и привело к протесту в душе, когда принц повзрослел. Задумавшись об этом, Се Лянь помотал головой, ему самому показалось смешным: «И почему я стал сравнивать Ци Жуня и своего отца?»

Вот уж поистине неожиданный поворот. Наверное, причина в общей любви возвысить себя в глазах сына? Но всё же и отец принца, и любой другой отец, по крайней мере, не выходили за рамки дозволенного, а Ци Жун уже до того дохвалился, что нёс совершенно бесстыжие речи с полной уверенностью в своей правоте. Не удивительно, что даже всегда скромный и тихий Хэ Сюань относился к нему со стойким презрением — при встрече сразу находил повод избить наглеца. Вместе с тем Се Ляню стало любопытно — почему Ци Жун всё ругает других, но до сих пор ни словом не обмолвился о нём самом? Неужели изменил своим привычкам?

Впрочем, Се Лянь, кажется, начал смутно понимать, по какой причине Ци Жун до сих пор не съел Гуцзы. Если бы он взялся разглагольствовать перед обычным или же хоть сколько-нибудь

опытным взрослым человеком, собеседник мог и не купиться на его речи. И подпевания такого слушателя были бы неискренними, либо излишне заискивающими, подобно возгласам мелких демонов, прежних слуг Ци Жун. А вот похвала Гуцзы звучала совсем иначе: каждое слово исходило от души, от чистого сердца. Ведь мальчик по-настоящему считал, что его «отец» — самый сильный во всём мире!

Ци Жун, должно быть, уже давно не бахвалился с таким удовольствием. Наконец, полностью удовлетворённый, он пригрозил:

— Ты должен меня слушаться, понятно? Если не станешь, я и тебе на голову надену призрачный огонёк!

Гуцзы испугался и поскорее закрыл голову ладошками.

— Не надо, я не хочу... Кстати, отец, — он вспомнил, что ему велели Хуа Чэн и Се Лянь, и робко проговорил: — т-ты ведь уже не сможешь снять эти зелёные огоньки?

Спроси мальчик «сможешь ли ты снять эти зелёные огоньки», и Ци Жун мог не сказать правды. Но вопрос прозвучал иначе, с ноткой сомнения в его силах — конечно же, по указанию Хуа Чэна и Се Ляня — и Ци Жун тут же пинком запустил в полёт голову одной из окаменевших статуй.

— Чушь собачья! Папка может навесить их, когда захочет, и точно так же снять! Смотри! Я прямо сейчас тебе это докажу! — Затем он указал на одного из крестьян и крикнул: — Псом вылюбленный Се Лянь!

Се Лянь и Хуа Чэн так и застыли.

Огонёк над головой человека погас. Пленник тут же вскочил, но не успел отбежать и на пару шагов — Ци Жун плюнул, из его рта вылетел ещё один ярко-зелёный призрачный огонёк и снова навис над головой крестьянина. Ци Жун расхохотался и похлопал Гуцзы по голове.

— Ну что, силён твой папка?

Се Лянь на крыше стёр со лба пот. Хуа Чэн же выглядел равнодушным, но голос его прозвучал угрожающе:

— Видимо, никчёмная дрянь решила стать ещё более никчёмной.

Принцу даже показалось, что кулаки Хуа Чэна захрустели, и он сказал:

— Не всё так страшно. Разузнать пароль оказалось проще, чем я думал!

Они научили Гуцзы ещё несколькими способами выманить пароль, которые, видимо, уже не пригодятся. Теперь понятно, почему Ци Жун ни разу не высказался в адрес Се Ляня — оказалось, что привычке он не изменил, просто сделал излюбленное ругательство паролем для своих призрачных огней. Подобной глубине чувств можно было только подивиться. Теперь-то Хуа Чэну и Се Ляню отпала нужда прятаться, они тут же пробили крышу и спрыгнули вниз!

Услышав грохот, Ци Жун от испуга свалился со своего стула.

— Кто такие?! Кто такие?! — Затем пригляделся и стал заикаться: — Псом... псом... — Видимо, хотел выругаться, но вспомнил о пароле, и торопливо закрыл сам себе рот.

Крестьяне в углу зала наперебой заговорили:

— Кажется, он только что назвал пароль, может, попробуем сами себя освободить?

— Да! Ведь нужно просто выругаться! Правда, совестно перед человеком по имени Се Лянь, но ведь его здесь нет, думаю, ничего страшного!

Хуа Чэн приподнял бровь и бросил взгляд в их сторону. По лицу Инь Юя прокатилась капля холодного пота, и он обратился к остальным пленникам:

— Ну... Не важно, присутствует ли здесь этот человек, я всё же советую вам не говорить тех слов. Иначе последствия будут ещё более тяжёлыми, чем наше теперешнее положение...

Тем временем Ци Жун, схватив Гуцзы и выставив мальчонку перед собой, выразился по-другому:

— Пёсья... пёсья подстилка, Се Лянь! Совсем совесть потерял! Подслушивать вздумал! Какая подлость!

Се Лянь слегка расстроено пробормотал:

— Пёсья подстилка? Это что ещё такое?

Ци Жун вновь засиял самодовольством:

— А, впрочем, хи-хи, пускай ты узнал пароль, это тебе не поможет! Или станешь сам себя бранить? Хуа Чэн, да и тебе такого никогда не высказать!

Хуа Чэн заметно помрачнел, его пальцы вновь отчётливо хрустнули. Се Лянь же этого не заметил, а вот заявление Ци Жуна показалось ему странным.

— Стану! Что здесь такого? — ответил принц и без тени колебаний повторил пароль пять-шесть раз. По разу на каждого пленника.

Те уже поняли, что объявившийся спаситель — и есть тот, о ком говорилось в пароле, и потому не удержались, чтобы не поднять вверх большие пальцы со словами:

— Ему хватило смелости самого себя унижить! Настоящий мужчина!

Однако огоньки над их головами, вопреки ожиданиям, так и не погасли. Се Лянь слегка изменился в лице, а Ци Жун разразился безумным хохотом:

— Ха-ха-ха-ха-ха! Попался! Вот что я тебе скажу: только я сам лично могу снять заклятие! Ты зря себя обругал! Ха-ха-ха-ха-ха...

К лицу Гуцзы подлетела серебристая бабочка, и веки мальчика, дважды моргнув, тут же слиплись — ребёнок уснул. Ци Жун всё хохотал как умалишённый, как вдруг его крутануло ударом длинного рукава, закружило вокруг своей оси, а после восемнадцати оборотов впечатало в стену.

— Псом вылюбленный Се Лянь! — сорвалось с его языка.

Стоило ругательству прозвучать, и призрачный огонёк над головой Инь Юя исчез. Он тут же вскочил на ноги и отступил подальше. Ци Жун понял, что по неосторожности проболтался, и снова зажал себе рот. Се Лянь же с доброжелательным видом сказал:

— Ну же, давай, ничего страшного, не надо себя сдерживать, выпусти наружу свою истинную сущность, продолжай браниться.

Его слова звучали благожелательнее некуда, но при этом принц схватил Ци Жуна скрученным рукавом, и по его виду поистине трудно было сказать, что он собирается с ним сделать. Ци Жун заорал что есть мочи:

— Бей! Можешь убить меня, я больше этого не скажу!

Рядом послышался зловещий голос Хуа Чэна:

— Это меня как раз устраивает.

Ци Жун обернулся и успел увидеть только улыбку Хуа Чэна, такую фальшивую, что фальшивее уже некуда, а мгновением позже всё исчезло.

Голову Ци Жуна вбили в пол на три цуня.

Хуа Чэн оторвал его лицо от пола, и Ци Жун взревел:

— Да как вы посмели творить со мной такое! Ну всё, я сейчас сожгу этих людишек одним махом! Погибнем вместе! Паршивый пёс Хуа Чэн! Горите!

Как видно, фраза «паршивый пёс Хуа Чэн» была другим паролем, для убийства. Однако после собственного крика Ци Жун не услышал ни единого вопля боли. Он в недоумении раскрыл глаза и увидел, что крестьяне целёхоньки и стоят вокруг, глаза на него.

— Что это такое? Почему вы живы? Сейчас же умрите! Сдохните! Кто снял заклятие?! — поразился Ци Жун.

Се Лянь ответил ему:

— Ты, собственной персоной! — и указал на серебристую бабочку, которая издала точно такой же рёв, как сам Ци Жун: «Ты зря себя обругал! Ха-ха-ха-ха-ха...»

Выходит, призрачная бабочка в точности запомнила и воспроизвела голос Ци Жуна, включая фразу-пароль.

Ци Жуну достаточно было сказать её единожды, и теперь можно освободить сколько угодно пленников.

— Вместе с тобой никто погибать не собирается. Отправляйся-ка в путь в одиночестве, — безжалостно произнёс Хуа Чэн.

Ещё один мощный удар, от которого Ци Жун пробил дыру чуть ли не к самому центру земли. Когда дым сражения рассеялся, крестьяне окружили яму и спросили:

— Его... ещё получится оттуда достать?

Инь Юй прыгнул в яму, которую Хуа Чэн проделал Ци Жун, и вскоре выскочил обратно, держа в руках зелёного неваляшку.

— Градоначальник, Ваше Высочество, Лазурный демон Ци Жун захвачен.

Ярко-зелёный неваляшка оскалил зубы и скривил рот, высунув длинный язык, да ещё закатил глаза, будто насмеялся над кем-то, и в то же время словно изо всех сил играл на публику. В общем, ужасная безвкусица. Даже маленький ребёнок при виде такой игрушки презрительно забросил бы её подальше. Неизвестно, пожелал ли сам Ци Жун принять такой облик, или Хуа Чэн специально придал ему это выражение лица.

— Нам эта тварь не нужна, — сказал Хуа Чэн. — Неси её сам, от нас подальше.

— Слушаюсь, — ответил Инь Юй.

Честно говоря, Се Ляню и самому не очень хотелось брать неваляшку в руки. Принц подобрал с земли только спящего Гуцзы. Несколько призрачных бабочек влетели откуда-то снаружи и опустились на тыльную сторону ладони Хуа Чэна. Посмотрев на них, он сказал:

— Нам нужно скорее возвращаться в храм.

Се Лянь рывком развернулся к нему.

— В храме что-то случилось?

Пламя ревности озлобленной демоницы сжигает искренние чувства

Хуа Чэн поднёс ладонь с сидящей на ней бабочкой к уху Се Ляня. Малютка шевельнула серебристыми крыльями, и принц услышал голос Пэй Мина:

— Глупышка, не слышишь никаких странных звуков?

Должно быть, всё дело в богатом опыте Пэй Мина в заигрывании с женским полом — даже зная, что он не питает к Бань Юэ никакого интереса, сложно было удержаться от определённых подозрений.

Девушка расстроено ответила:

— Я не глупышка... Слышу. Звук такой странный, мне кажется, это не генерал Хуа.

Ну разумеется, нет! Ведь это же стук поломанных ног по земле, с которым передвигается Сюань Цзи!

Спустя всего несколько ударов Бань Юэ и Пэй Мин замолчали, а храм заполнился безумным женским смехом:

— Хи-хи, хе-хе, ха-ха-ха-ха...

Смех пролетел гулким эхом по пустому подземному городу, а переданный через серебристую бабочку, дополнился небольшими помехами, отчего стал ещё более жутким. Очевидно, он принадлежал Сюань Цзи, которая наконец увидела Пэй Мина, и безумная радость смешались в её душе с болью и ненавистью.

— Но ведь бабочка вела её в другом направлении? — спросил Се Лянь.

Хуа Чэн ответил:

— Она оказалась умнее, чем я ожидал.

Сюань Цзи отправилась в погоню за бабочкой с поразительной прытью, но оказавшись в самом конце длинной улицы, ничего там не

нашла. Будучи боевым генералом, который не раз участвовал в сражениях, она сразу поняла, что кто-то водит её за нос. По логике вещей, демоница должна была бы сразу вернуться к Ци Жуну, однако все её мысли захватил Пэй Мин, и она бросилась в противоположном направлении, выбросив своего хозяина из головы.

Се Ляню это показалось неопишимо смешным. Он поскорее вывел за собой спасённых пленников и поспешил к центру города, в храм Уюна. Сюань Ци ждала Пэй Мина слишком, слишком долго, ужасно долго, по одному её смеху уже можно было представить, какое безумное выражение сейчас отражалось на её лице. Пэй Мин, должно быть, тоже был немало потрясён её появлением. После долгих мгновений удивления он наконец заговорил:

— Ты...

Сюань Ци издала угрожающий злобный смешок. Но вот незадача, помолчав ещё мгновение, Пэй Мин спросил:

— Ты кто?

От переполнившей её ненависти голос Сюань Ци сделался визгливым и дрожащим:

— Ты... намеренно решил меня взбесить? Как ты осмелился спросить, кто я?!

Се Лянь стёр со лба капельку холодного пота.

— Да быть не может, генерал Пэй... Он это специально или на самом деле не вспомнил её?

— Боюсь, последнее, — ответил Хуа Чэн.

Всё-таки, если верить слухам, за сотни лет Пэй Мин соблазнил по меньшей мере тысячу красавиц, как он мог запомнить каждую? Не говоря уже о старой любовнице, с которой виделся несколько сотен лет тому назад. Помимо прочего, в инциденте со злым духом новобрачной на горе Юйцзюнь он поручил разобраться Сяо Пэю, а сам даже ни разу не явился на встречу с виновницей.

Сюань Ци забормотала себе под нос:

— Верно. Ты просто хочешь вывести меня из себя. Но я не поддамся на уловку. Ха. Решил меня обмануть, сказав, что не помнит. Решил меня обмануть. Ха-ха. — За бормотанием вновь послышался её визгливый голос: — Пэй Мин, кто эта мелкая мерзавка? Твои требования к женщинам всегда были так высоки! Что, на этот раз решил изменить своим вкусам?

Бань Юэ:

— А?

Пэй Мин:

— А???

Оба вопросительно ахнули, но злоба в голосе демоницы, похоже, всколыхнула воспоминания Пэй Мина, он с сомнением спросил:

— Сюань Цзи? Что с тобой стало?

Тут и Се Лянь вспомнил, как сейчас выглядит Сюань Цзи: растрёпанные распущенные волосы, глаза горят злобными красными огнями, подол красного свадебного платья перепачкан в грязи, передвигается женщина подобно крокодилу — медленно и коварно проползая по земле. Примерно такую картину они с Хуа Чэном только что лицезрели сами, и этот образ поистине невозможно было связать с той женщиной-генералом, исполненной великолепия и доблести.

Вопрос Пэй Мина привёл Сюань Цзи в ярость:

— Что со мной стало? Ты ещё смеешь спрашивать, что со мной стало! Да ведь это всё твоя вина, всё это ради тебя!

Хуа Чэн внимательно слушал, и ни малейший звук не мог укрыться от него.

— Она набросилась на защитный круг.

Се Лянь, впрочем, не волновался:

— Жое выдержит атаку.

И верно: от серебристой бабочки послышался удивлённый вскрик, наверняка лента отбросила Сюань Цзи прочь, и та отлетела на дюжину чжанов.

Затем раздался голос Пэй Мина:

— Отличным артефактом владеет Его Высочество! Я тоже как-нибудь сделаю себе такой.

Се Лянь про себя произнёс: «Если б ты знал, как именно он создан, ты бы так не говорил...», но эта мысль ещё не успела стихнуть, как Пэй Мин закричал:

— Ты что творишь?! Стой!

В ответ раздался возглас Сюань Цзи:

— Даже не думай спрятаться от меня!

Бабах!

Се Лянь изумлённо спросил на бегу:

— Что это за звук? Что-то рухнуло? Что натворила Сюань Цзи?

Хуа Чэн, который всё время бежал бок о бок с принцем, ответил:

— Она обрушила храм. Каменная крыша обвалилась.

Оказывается, когда Жюэ откинула прочь Сюань Цзи, демоница, у которой не получилось попасть внутрь защитного круга, разъярилась донельзя, вот и обрушила целый храм.

— Генерал Пэй и остальные уцелели? Бань Юэ и Сяо Пэй ведь тоже там!

В особенности принц беспокоился за последнего, ведь того, как простого смертного, могло и вовсе раздавить в лепёшку.

— Всё в порядке. Пэй Мин их защитил, — ответил Хуа Чэн.

В тот миг, когда каменная крыша с грохотом рухнула, Пэй Мин стал живым щитом для Бань Юэ и Пэй Су.

— Ну вот и славно. Защитный круг ей всё же не прорвать. — Се Лянь выдохнул с облегчением.

Тем временем Пэй Мин, одним ударом разбив каменную плиту, которой его придавило, в гневе воскликнул:

— Что ты сходишь с ума? Да обрушь ты хоть Небеса, тебе не пройти за пределы круга!

Но Сюань Цзи лишь громко и переливисто захохотала.

Бань Юэ испуганно вскрикнула:

— Генерал Пэй, берегитесь!

Пэй Мин:

— Чт...

Всё случилось в считанные мгновения, Се Лянь успел расслышать посреди воцарившейся суматохи звук острого клинка, разрезающего плоть. Вне всяких сомнений — Пэй Мина ранило.

— Что такое?! — воскликнул принц. — Кто пронзил генерала Пэя мечом? Защитный круг прорван? Не может быть... Погодите-ка, меч?

В одно мгновение Се Лянь понял, какова была настоящая цель Сюань Цзи.

Так вот в чём дело!

Сюань Цзи, отсмеявшись, ледяным тоном бросила:

— Кто сказал, что я стремлюсь пройти за пределы круга?

Послышался другой, неизвестно откуда-то взявшийся голос, который тоже захохотал:

— Эй, Пэй Мин, смотри-ка, кто здесь! Твоя старая любовница, Сюань Цзи!

Жун Гуан!

Выходит, Сюань Цзи разрушила храм вовсе не потому, что обезумела от злости, не из желания прорваться в защитный круг. Она хотела обрушенной крышей разбить два глиняных горшка, которые Бань Юэ поставила рядом с собой, и выпустить заточённых внутри демонов, чтобы те атаковали противника изнутри укрытия!

Жун Гуан выскочил из своего горшка, весь в нетерпении разрушил защиту Жое, а заодно ещё и пронзил Пэй Мина своим клинком. Тот, кажется, намеревался вынуть меч из своего тела, но Жун Гуан встал на месте, не сдвигаясь ни на волос, и заголосил:

— Даже не думай! Прими свою смерть!

Пэй Мин, сжав зубы, позвал:

— Советница Баньюэ! Другой горшок ещё цел?!

Сюань Цзи и Жун Гуан объединили силы для атаки, а если к ним прибавится ещё и Кэ Мо, Пэй Мин с Бань Юэ потерпят полное поражение.

Бань Юэ отозвалась:

— Цел! Кэ Мо ещё внутри!

Обстановка сложилась опаснее некуда, и Се Лянь от волнения почти ускорил шаг, но тут Хуа Чэн неожиданно остановился.

Се Лянь тоже застыл, обернулся и удивлённо позвал:

— Сань Лан?

На тыльной стороне ладони Хуа Чэна сидела другая призрачная бабочка, которая, кажется, тихонько сообщила хозяину о каких-то новых обстоятельствах, потому что Хуа Чэн, дослушав, поднял голову и произнёс:

— Гэгэ, не переживай. Думаю, нам не стоит торопиться.

Тем временем в храме меч Мингуан, в который вселился Жун Гуан, пронзил грудь Пэй Мина насквозь; а Сюань Цзи, подобно красной ящерице, схватилась за его сапог и поползла вверх по ноге. В платье, с её макияжем и призрачным огнём на голове она полностью оправдывала образ обезумевшей демоницы.

Пэй Мин закричал:

— Ты...!

— Мой ненаглядный Пэй... Мой ненаглядный Пэй!.. — бормотала Сюань Цзи.

И её покалеченные ноги, и вообще всё тело, изогнувшись змеей, теперь обвилось вокруг Пэй Мина. Неизвестно, что она хотела выразить этим — желание с остервенением его придушить или же крепко обнять. Тут демоница краем глаза увидела Пэй Су, которого защищал Пэй Мин, и вспомнила, как этот равнодушный потомок Пэй Мина заточил её под горой.

— Мелкий выродец! — прошипела она сквозь зубы.

Мгновение — и острые когти ринулись в атаку, но откуда ни возьмись появилась чужая рука, которая заблокировала удар. Обе схлестнувшиеся руки были одинаково бледными. Приглядевшись, Сюань Цзи увидела Бань Юэ, а присутствие подле Пэй Мина другой женщины лишь сильнее распалило пожар в её сердце.

— Я ещё не забрала твою жизнь, мелкая мерзавка! А ты и сама явилась за смертью!

Другая рука демоницы тут же потянулась к голове Бань Юэ. Но девушка была совсем не такой, как невесты, которые покорно ждали смерти от руки злого духа. И эту руку Сюань Цзи она тоже схватила ровно за запястье.

При жизни Сюань Цзи прекрасно знала, что многие мужчины не годятся в подмётки ей, женщине-генералу. А что до женского пола, и демониц, и простых смертных девушек ждала одна участь — быть прижатыми к земле и терпеть избиения. Сюань Цзи никак не ожидала, что эта девчушка, с виду хрупкая и слабая, будто бы одно дуновение ветра может сбить её с ног, на самом деле обладает столь пугающей силой! И похоже, скрытая в ней сила превосходила даже саму Сюань Цзи — Бань Юэ не просто намертво заблокировала обе руки женщины, но когда их взгляды встретились, Сюань Цзи содрогнулась. Глаза девчонки горели таким убийственным намерением и мощью, будто на демоницу неслась песчаная буря, сверкающая острыми клинками.

Сюань Цзи невольно вспомнила поле битвы, её сердце дрогнуло, и она вырвалась из захвата, бросив запястья. Бань Юэ схватила Пэй Су и, пользуясь силой броска Сюань Цзи, отлетела на несколько чжанов, легко опустилась на землю и воскликнула:

— Отпусти генерала Пэя!

Жун Гуан изнутри меча подал голос:

— Пэй Мин, а ты имеешь всё такой же успех у женщин! Видел? Две демоницы подрались за тебя! Ха-ха-ха...

Сюань Цзи, кроваво-красным удавом обвившись вокруг Пэй Мина, схватила его за горло и со злостью бросила:

— А твоя маленькая любовница оказалась не лыком шита.

Пэй Мин, откашливаясь кровью, ответил:

— Ничего подобного! Она мне не любовница.

— Ещё и отпираться вздумал! Если нет, то почему она велела мне тебя отпустить?

— Да будь здесь моя родная мать, она бы то же самое тебе велела! По-твоему, выходит, моя мать — тоже моя любовница?

Если Пэй Мину кого и винить, то только самого себя — кто заставлял его по поводу и без называть девушку «глупышкой»? Сюань Цзи теперь ни за что ему не поверит, ревность свела её с ума.

— Что? Не желаешь признавать? Но ты же таким милым прозвищем к ней обращался! А ведь раньше всегда признавал, если появлялась новая фаворитка! Наплевав на мои чувства, ты рассказывал мне об этом, а знаешь, какую боль ты мне причинял? Почему же теперь вдруг отпираешься?! Никак генерал Пэй стал бояться смерти? Или правда настолько её полюбил, что не можешь позволить мне и пальцем её тронуть?!

В дальней стороне храма Се Лянь увидел всё происходящее своими глазами. Ему показалось, что нельзя дальше просто стоять и смотреть, принц обернулся и спросил:

— Сань Лан, может быть, всё-таки придём им на помощь?

Но Хуа Чэн улыбнулся:

— Гэгэ, нет нужды спешить. Кое-кто выйдет на сцену вместо нас. К тому же, даже если мы сейчас присоединимся, Сюань Цзи всё равно не ослабит хватку.

И он был прав — покуда у противника заложник, действовать весьма несподручно. Инь Юй и спасённые крестьяне тоже заволновались, наблюдая за боем, и принялись переговариваться:

— Да уж, кажется, любовь породила в этой демонице ненависть, она вот-вот окончательно выйдет из себя.

— А я думаю, нет. Не сможет она его придушить. Будете семечки?

— Отсыпь ещё горсть, благодарствую.

Се Лянь поразился:

— Неужели в такой момент у вас есть настроение щелкать семечки!

— Ваше Высочество, но ведь вы и сами съели немало!

— А? — только сейчас Се Лянь заметил, что пока был полностью погружен в происходящее, взял у кого-то предложенную горсть семечек и уже расправился с ней. Принц закрыл лоб ладонью и проговорил: — Вот... вот ведь как некрасиво получилось...

Пэй Мин уже не выдерживал:

— Сюань Цзи, ты не могла бы перестать чуть что — сразу мыслить в таком ключе? Столько лет уже прошло, неужели нельзя просто расстаться по-хорошему? Ну зачем это всё?

Сюань Цзи сжала его шею сильнее, её прекрасные глаза широко округлились.

— Нельзя! После всего, что ты натворил, хочешь расстаться по-хорошему? Не выйдет!

Пэй Мин вздохнул:

— Ты и правда... ни капли не изменилась. Именно поэтому у нас не получилось бы ничего.

Лицо Сюань Цзи рывком оказалось прямо возле его глаз, она в гневе завопила:

— Поэтому? Почему же? Я недостаточно красива? Но ты говорил, что я красавица! Я не передала тебе карты расстановки войск и тайные сведения о государстве Юйши? Но ты сам отказался принять их! Я недостаточно тебя любила?! Ты сказал, что тебе не по нраву моя гордость, и я даже от своих ног отказалась! Кто стал бы любить тебя сильнее?! А что же ты? За несколько сотен лет и взглядом меня не удостоил! Когда ты приходил повидаться со мной?!

Пэй Мин оттолкнул её лицо, оказавшееся слишком близко, и бросил:

— Я не приходил именно потому, что знал — увидев меня, ты сойдёшь с ума!

Сюань Цзи схватила торчащий из груди Пэй Мина меч, вонзила глубже, и только потом вытащила. Пэй Мин снова закашлялся кровью, отплёвываясь большими глотками.

Глаза Сюань Цзи ярко сверкнули, она закричала:

— Говори! Сейчас же поклянись своим именем небесного чиновника, что отныне и впредь ты навеки только мой! Поклянись, что никогда не посмотришь на других женщин, а если посмотришь, то пусть сгниют твои глаза!

— Говори же, Пэй Мин! — злорадно подначивал Жун Гуан. — Так ты сможешь спасти свою никчёмную жизнь!

— Захлопни пасть! — забранился Пэй Мин. — Чтоб тебя. Не довелось мне погибнуть ни на поле брани, ни от удара величайшего меча моего века, но никак не думал, что приму смерть от руки сумасшедшей демоницы!

Не получив желаемой клятвы, Сюань Цзи окончательно вышла из себя и схватила Пэй Мина за затылок.

Се Лянь не мог больше ждать, его рука опустилась на рукоять Фансиня за спиной.

— Сань Лан! Мне кажется, дело приняло совсем опасный оборот, успеет ли тот спаситель, о котором ты говоришь? Если нет, то лучше я приду на помощь первым!

— Успеет. Смотри, гэгэ, вот и он.

Только он это сказал, и доведённая до белого каления Сюань Цзи будто окаменела.

Казалось, кто-то применил к ней заклинание оцепенения — и выражение лица, и её движения застыли. Пэй Мин, которого она успела проткнуть уже пять, а то и шесть раз, заплевал кровью всю землю вокруг. Но тут из темноты вдруг раздался отчётливый стук копыт.

Цок, цок, цок, спокойно и без спешки. Ещё немного, и их взорам предстал чёрный бык, несущий наездника.

Наездником оказалась девушка в тёмно-зелёном платье, со спокойным лицом и ясным взглядом. Она неторопливо приближалась, чуть приподняв голову, словно вглядывалась куда-то вдаль.

Пэй Мин замер и окровавленными губами проговорил:

— Государыня Юйши?..

Девушка едва заметно склонила голову и посмотрела на него. Взгляд её несколько не изменился, однако она с лёгкой-лёгкой улыбкой кивнула, возвращая приветствие.

Се Лянь тоже был поражён:

— Государыня Юйши?..

Хуа Чэн:

— Верно. Нынешний Повелитель Дождя Верхних Небес, шестнадцатая принцесса государства Юйши, Юйши Хуан. А также последняя государыня Юйши.

Самоубийство последней принцессы перед воротами дворца

Се Лянь прошептал:

— Мне ни разу не выпадало чести встретиться с Повелительницей Дождя лично, я даже не знал, что она была принцессой...

Тем временем Сюань Цзи сквозь зубы прошипела:

— Что... ты сделала?.. Почему... я не могу... пошевелиться?!

Повелительница Дождя отвела взгляд от Пэй Мина и ответила:

— При мне меч Юйлун ^[287].

Се Лянь переспросил:

— Меч Юйлун?

Хуа Чэн ответил ему:

— Драгоценный меч, защитник государства Юйши, передавался от правителя к правителю. Повелительница Дождя сделала его своим магическим артефактом, и для выходцев из народа Юйши он обладает естественной сдерживающей мощью. Сюань Цзи была генералом, предавшим свою страну, в её сердце живёт страх, ведь нечистая совесть не даёт ей покоя. Разумеется, она сразу же пала ниц перед этим мечом.

Повелительница Дождя велела Сюань Цзи не двигаться, и та в самом деле замерла.

Тогда вскричал Жун Гуан:

— Ты не можешь пошевелиться, зато я могу! — и ещё раз вонзился в Пэй Мина.

Но клинок не продвинулся и на полцуня, когда вдруг возникло облако красного тумана и послышался звон металла — меч из груди Пэй Мина исчез, а на земле осталась лежать маленькая копия, размером не больше указательного пальца.

Послышался голос Жун Гуана:

— В чём дело? Почему я тоже не могу двигаться?!

Се Лянь и остальные наконец вышли из дальнего угла, попрощавшись с ролью сторонних наблюдателей. Хуа Чэн бросил взгляд на крохотный, почти игрушечный Мингуан, и усмехнулся:

— Вот так намного лучше.

Повелительница Дождя мягко произнесла:

— Сюань Цзи, отступись.

И руки Сюань Цзи начали сами по себе отниматься от шеи Пэй Мина. Но демоница не желала покориться, её пальцы судорожно задрожали.

— Не отступлюсь! Он уже в моих руках, я его не отпущу!

— Если тебе непременно нужно за что-то ухватиться, почему бы не подобрать оброненное тобой на землю лицо, чтобы впредь держать его крепко?

Мощь меча-защитника оказалась слишком велика, Сюань Цзи рывком оторвало от Пэй Мина и бросило наземь. Совершенно поверженная, растрёпанная, она в гневе завопила:

— Какое ты имеешь право поучать меня? Неужели и впрямь решила, что заняла место государя? Смотрю, ты позабыла, как тебе достался престол! Я не признаю, не признаю тебя!

Повелительница Дождя закрыла глаза и покачала головой. Бань Юэ улучила момент, чтобы бросить глиняный горшок и заточить в нём Сюань Цзи, а потом быстро наложить печать.

Таким образом источник воцарившегося хаоса наконец был обезврежен. Се Лянь подошёл к Пэй Мину и помог ему подняться.

— Генерал Пэй, с вами всё в порядке?

— Не умру... К слову, Ваше Высочество, — спросил Пэй Мин с сомнением, — мне показалось, или вы уже давно вернулись?

— Ха-ха-ха... Что вы, вовсе нет!

Принц подобрал с земли сжавшийся до пары цуней Мингуан. Пэй Мин, глядя на меч, спросил Хуа Чэна:

— Собиратель цветов под кровавым дождём, достаточно ли надёжно ваше заклятие? Не разрушится от малейшего усилия?

Хуа Чэн ответил:

— Вздор. Для этого понадобится взять Мингуан за рукоять и влить магическую силу вместе с твёрдым намерением выпустить Жун Гуана. В противном случае никаким способом не выйдет ни снять заклятие, ни разрушить его, поддавшись на уловки.

Пэй Мин наконец вздохнул спокойно.

Спасённые из лап Ци Жуна крестьяне бросились вперёд, будто при виде родных матери и отца:

— Ваше Превосходительство Повелитель Дождя!

Остальные повернулись в том же направлении. Се Лянь чуть склонил голову и поприветствовал:

— Государыня Юйши.

Повелительница Дождя спешила, и, держа быка за верёвку, вернула поклон и приветствие:

— Ваше Высочество наследный принц.

Взгляд Се Ляня невольно скользнул к шее девушки и замер на мгновение, затем принц заговорил:

— Во время великой засухи в государстве Сяньлэ я удостоился милости Вашего Превосходительства, когда вы одолжили мне свою шляпу. Вы оказали мне помощь в трудную минуту, но я так и не поблагодарил вас лично. Сегодня я наконец могу исполнить это своё чаяние, — принц отвесил глубокий поклон.

Повелительница Дождя неподвижно дождалась, пока он выпрямится, и неторопливо произнесла:

— Я думаю, запрети я Вашему Высочеству благодарить меня, вы бы всё равно не успокоились. Что ж, раз вы уже поклонились, с этого момента забудьте о случившемся.

Она говорила спокойно и медлительно, с лёгкой улыбкой, совершенно непринуждённо.

Неожиданно послышался голос:

— Эй, Пэй Мин! Ну что, опозорился? Тебе на помощь пришла женщина! Да ещё Юйши Хуан! Хи-хи-ха-ха-ха...

Выражение лица Повелительницы Дождя не изменилось, осталось всё таким же непринуждённым, чего нельзя было сказать о Пэй Мине. Чёрный бык вдруг шумно фыркнул носом в сторону Жун Гуана, замотал головой и хвостом. Это недовольство предназначалось вовсе не Хуа Чэну, однако Се Лянь поспешил шагнуть вперёд и закрыть его собой. Принц знал, что быкам не нравится красный цвет, вспомнил болезненный опыт нескольких неприятных встреч с этими животными, когда за ним гнались и пребольно бодали, и потому забеспокоился, как бы красные одежды Хуа Чэна не разозлили быка. Одновременно с этим Се Лянь молниеносно наклеил на крохотный меч талисман, запечатав Жун Гуану рот.

Пэй Мин не мог и дальше молчать — это было бы невежливо, так что он потёр переносицу и учтиво произнёс:

— Премного благодарен государыне Юйши за то, что выручили недостойного Пэя.

Повелительница Дождя также весьма церемонно поднесла к груди сложенные руки:

— Мне это не составило труда.

Бань Юэ приблизилась к ней и потянула за рукав со словами:

— Ваше Превосходительство, братец Пэй Су потерял сознание от голода...

Хуа Чэн посмотрел наверх и сказал:

— Давайте для начала выберемся на поверхность.

Что касалось вопросов одеяния и пропитания, наилучшим выходом было обратиться как раз к жителям деревни Повелителя Дождя. Ведь она сама покровитель земледелия, а крестьяне никогда не расстаются со съестным. Когда они вернулись на поверхность, ночь уже миновала, взошло солнце. Из сумки на боку чёрного быка Повелительница Дождя достала семена, выбрала подходящее место и тут же их посеяла. Вскоре посевы взошли.

Оголодавшие крестьяне возрадовались, Се Лянь же вспомнил о Гуцзы, который, должно быть, тоже много дней плохо питался, и разбудил его. Но мальчик, проснувшись, первым делом спросил, где его отец, а решив, что тот опять его бросил, громко расплакался. Тогда Инь Юю пришлось отдать ему того несравнимо уродливого неваляшку. Услышав, что это и есть его отец, Гуцзы принял игрушку как великое сокровище, перестал плакать и, прижимая неваляшку к груди, занялся поеданием батата. А Се Лянь, Хуа Чэн, Повелительница Дождя и Пэй Мин сели в сторонке, чтобы обсудить серьёзное дело.

Впереди уже показалась Медная печь. С более близкого расстояния путникам открылось пламенно-красное подножие горы, словно вся она залита кровью, а на вершине лежал седой снежный покров.

Се Лянь предположил:

— Боюсь, если возникнет необходимость, нам придётся взбираться на снежную вершину. В таком случае не только младший генерал Пэй, но и Гуцзы, Бань Юэ, все эти люди должны остаться здесь, им нельзя продвигаться с нами дальше.

Пэй Мин, держа в руках бутылёк со снадобьем и обрабатывая раны, покачал головой и вздохнул:

— С самого начала не заладился поход, терплю поражения одно за другим.

Эти слова как нельзя лучше описывали его злоключения на горе Тунлу. Поистине смертельное невезение, есть о чём погоревать. Повелительница Дождя, которая в подобающей позе сидела возле Се Ляня, поразмыслив немного, обратилась к нему:

— Ваше Высочество, вы ведь прибыли сюда, чтобы уничтожить демонов, способных стать непревзойдённым? В таком случае, вам следует особенно опасаться одного из них.

Се Лянь немедленно встрепнулся:

— Ваше Превосходительство с кем-то столкнулись?

Повелительница Дождя мягко кивнула:

— По пути сюда я видела юношу в белых одеждах.

Се Лянь тихо ахнул и ответил:

— О нём мы наслышаны, множество других демонов весьма устрашили его, и мы тоже едва не натолкнулись на этого юношу. Вы видели его своими глазами? Как же вам удалось уйти?

— Стыдно признаться. Всё благодаря быстроте копыт моего быка, да и юноша тот вовсе не проявил интереса к погоне. В противном случае, не могу сказать, каким мог быть итог.

— Как он выглядит?

— Лицо его не разглядеть, оно скрыто за бинтами.

Лицо скрыто за бинтами?!

— Лан Ин?! — потрясённо воскликнул Се Лянь.

Пэй Мин нахмурился:

— Ваше Высочество знает, кто это?

— Не могу утверждать. — Принц повернулся к Хуа Чэну. — Сань Лан, Лан Ин ведь сейчас в Призрачном городе?

Хуа Чэн также сделался задумчивым и серьёзным, а помолчав немного, ответил:

— Раньше был, но там ли он сейчас, теперь трудно сказать. Гэгэ, всё-таки лучше расспросить подробнее.

Тогда Се Лянь продолжил:

— Ваше Превосходительство, скажите, этот юноша в белых одеждах с бинтами на лице, ему лет десять с хвостиком, или даже чуть-чуть побольше, в общем, он слабый худенький подросток?

Однако ответ оказался неожиданным:

— Вовсе нет. Ему около семнадцати лет, сложен примерно как Ваше Высочество.

— А?! — Такой ответ вышел за рамки ожиданий принца, он даже переспросил: — Семнадцать? Но Лан Ин не настолько взрослый.

И всё-таки, это он или не он? Только по имеющимся сведениям понять невозможно. Пэй Мин выбросил опустевший бутылёк со снадобьем и сказал:

— Всё равно в итоге все окажемся в Медной печи. Подождём, и всё выяснится.

Будучи Богом Войны, он поразительно быстро восстанавливался — всего одна бутылочка чудесного снадобья, и даже тяжёлые ранения почти совсем затянулись.

Внезапно Повелительница Дождя, чуть повернув голову, спросила:

— Генерал Пэй, почему при вас нет меча?

Похоже, тот не ожидал, что Повелительница Дождя сама обратится к нему с вопросом, и не сразу придумал, что ответить, а тем временем Пэй Су, который наконец очнулся и теперь неподалёку ел батат, ответил за него:

— Меч гене... рала Пэя... был сло... ман.

— Ешь свой батат, — бросил ему Пэй Мин.

И Пэй Су замолчал. Повелительница Дождя однако услышала, ненадолго задумалась, сняла с пояса меч и обеими руками протянула его Пэй Мину.

Её лицо при этом не выражало ни тени издёвки, действия отличались подобающим достоинством. Взгляд Пэй Мина же чуть переменился, словно вместо меча ему протягивали ядовитую змею. Поколебавшись, он сказал:

— Благодарю. Но ведь это меч-защитник государства Юйши, так что, боюсь, подобный жест не слишком уместен.

— Государство Юйши пало сотни лет назад, — спокойно ответила Повелительница Дождя. — Генерал Пэй, вы Бог Войны, мастер фехтования на мече. И сейчас, раз уж мы хотим предотвратить появление нового Князя Демонов, в ваших руках этот меч гораздо лучше проявит свою мощь, нежели в моих.

Пэй Мин ещё некоторое время сомневался, но в итоге всё-таки крайне учтиво отказал:

— Я покорнейше прошу прощения у государыни Юйши. Но в этом нет нужды.

Видя его сопротивление, Повелительница Дождя больше не настаивала. Они поговорили ещё немного об отвлечённых вещах, Юйши Хуан даже спросила их, нет ли вестей о Повелителе Ветров. Тогда Се Лянь узнал, что Ши Цинсюань поддерживал неплохие отношения с Повелительницей Дождя и часто навещался в её деревню поесть, попить и повеселиться. После инцидента с Черноводом визиты прекратились, и Повелительница Дождя тоже послала людей на поиски. Успехом они не увенчались, оставалось лишь горестно вздыхать.

Они решили передохнуть ещё два часа, а затем двинуться в путь. Се Лянь отошёл прогуляться и найти какое-нибудь деревце, чтобы прислониться к нему и посидеть, но Хуа Чэн, к его удивлению, неизвестно откуда раздобыл моток верёвок и полотно ткани, при помощи которых устроил меж двух деревьев пару гамаков на манер качелей. Они покатались немного, а насладившись вдоволь, улеглись в гамаки. Полежав так немного, Се Лянь заложил руки за голову и полюбопытствовал:

— Сань Лан, как тебе кажется, почему генерал Пэй отказался принять меч Её Превосходительства?

Бог Войны, а лишившись оружия, не спешит поскорее сыскать новое? Дождяется, что ему как следует наломают бока?

Хуа Чэн, повторяя жест принца, неторопливо ответил:

— Пэй Мин такой человек — женщин очень любит, однако нет такой девушки, которую он бы по-настоящему уважал. Мало того, что его кто-то спас, так спасительницей оказалась женщина, вдобавок давняя знакомая. Он наверняка злится, ведь считает это потерей лица. К тому же, когда-то Повелительница Дождя схватила его потомка, и

теперь, боюсь, ему показалось, что она намеренно выставляет его посмешищем. Разве мог он принять этот меч?

Их гамаки поскрипывали, покачиваясь в такт друг другу.

Се Лянь произнёс:

— Ох, поистине излишняя самонадеянность. Верно, Сань Лан, не знаю, обратил ли ты внимание, но на шее Её Превосходительства виден старый шрам.

— Несложно догадаться, даже не обращая внимания. Это ведь она совершила «Самоубийство принцессы».

Се Лянь чуть приподнялся:

— Так и думал.

— Гэгэ, заметил ли ты, что речи Повелительницы Дождя немного медлительны? Тому виной всё та же рана.

— Ах, я уж было решил, что это особенность характера. Кстати говоря, если она была принцессой, почему совершила самоубийство? И та фраза Сюань Цзи — «ты позабыла, как тебе достался престол» — тоже вызывает немалый интерес. Каким же образом он ей мог достаться?

Хуа Чэн, также поднявшись, сказал:

— История долгая, но я расскажу вкратце.

Оказывается, Юйши Хуан, хоть и входила в число потомков императорского рода, но... во-первых, была дочерью, а во-вторых — дочерью дворцовой служанки, и высоким положением похвастаться не могла. Прибавить к этому застенчивый характер и немногословность, и вышло так, что каждый из пятнадцати старших, а также бесчисленных младших братьев и сестёр пользовались гораздо большей благосклонностью при дворе.

Императорский монастырь государства Юйши носил название Юйлун, монастырь Дождевого дракона. Согласно установленным правилам, каждый правитель должен был выбрать из своих потомков одного и отправить в монастырь для ведения скромной жизни. Тем самым избранный потомок выражал искренность государя, молился о спокойных ветрах и благодатных дождях, о мире и спокойствии для всего народа. Звучало весьма вдохновляюще, однако на самом деле означало непомерно тяжкую жизнь, поскольку в монастыре Юйлун придерживались принципов аскетизма. Не дозволялось брать с собой ни роскошных одежд, ни драгоценностей, ни слуг, да ещё полагалось

заниматься физическим трудом. Кандидаты на эту роль всеми силами старались спихнуть её другому, а если всё-таки выпадала неудача, платили немалые деньги, чтобы вместо себя отправить кого-нибудь подставного. Когда же настал черёд нынешнего государя, и думать не пришлось — выбор сразу пал на Юйши Хуан.

Дослушав до этого момента, Се Лянь покачал головой. Он ведь тоже являлся потомком императорского рода и тоже поступил на обучение в императорский монастырь, однако опыт, пережитый Повелительницей Дождя, разительно отличался от его собственного.

— Не удивительно, что Сюань Цзи в своих речах относится к Её Превосходительству пренебрежительно.

Хуа Чэн согласился:

— Разумеется. Сюань Цзи не была принцессой, но всё же могла похвастаться блестящим происхождением. Многие добивались её благосклонности, и среди кругов аристократии ценили гораздо больше, нежели Юйши Хуан.

Однако теперь, когда Сюань Цзи сотворила с собой такое, она, конечно же, на дух не выносила Повелительницу Дождя, которая преспокойно занималась себе земледелием. И когда та попросила демоницу отступить, для неё это прозвучало высокомерной, язвительной насмешкой.

В общем, с той поры будущая Повелительница Дождя и стала вести аскетичную жизнь в императорском монастыре. Пока в один из дней монастырь не посетили несколько высокопоставленных гостей.

Конфликт между государствами Сюйли и Юйши случился вовсе не в одночасье. Они долгое время кое-как ладили, отделяясь учтивыми переговорами. Ради поддержания притворного мира государство Сюйли отправило представителей императорского рода, генералов и учёных чиновников на торжественный приём, который устраивали в государстве Юйши. Заодно гости решили осмотреть монастырь Юйлун. В тот день Юйши Хуан прибиралась на крыше, протирая черепицу. А когда ей понадобилось спуститься, она обнаружила, что кто-то унёс лестницу.

Увидев человека, который не может спуститься с крыши, все сочли это забавным. Даже принцы и принцессы государства Юйши, хоть и молча, но посмеивались. Только один генерал государства Сюйли, усмехнувшись, взлетел на крышу и перенёс девушку на землю.

Тем генералом, конечно, был Пэй Мин. Се Лянь только подумал, что генерал Пэй как человек всё-таки довольно, как бы сказать... Но внезапно раздался голос:

— Этот подлец Пэй Мин везде и всюду вёл себя одинаково, как пёс, который везде норовит помочиться!

Се Ляня тут же вытянуло из почтительного настроения грубыми, полными злости речами. Обернувшись, он взял уменьшившийся во много раз Мингуан и сказал:

— Генерал Жун, когда это вы сорвали печать безмолвия? Как видно, и впрямь очень хотите высказаться!

Жун Гуан в ответ вскрикнул:

— Не затыкай мне рот! Дай сказать! Все свинства, совершённые Пэй Мином, я знаю как на ладони, за три дня и три ночи всего не перечислить! Он прекрасно знал, что вскоре Сюйли нападёт на Юйши, и всё равно вскружил голову сразу нескольким любимым принцессам государства Юйши, да так, что они чуть не поубивали друг друга от ревности! Ну скажите же, ни стыда у него нет, ни совести!

И в самом деле довольно некрасиво. Гость, который ещё вчера одаривал хозяина доброй улыбкой, сегодня возглавил армию всадников, что сровняли с землёй его дом и двор.

Се Лянь с сочувствием спросил:

— И что же, отношения государыни Юйши и генерала Пэя тоже когда-то были неплохи?

Жун Гуан возразил:

— Не было никаких отношений. Пэй Мин, этот подлец, виделся с Юйши Хуан всего дважды. В государстве Юйши было слишком много красавиц, на следующий же день он её позабыл.

В мире не только женщины ветрены и переменчивы. Мужчины на самом деле ещё ветренее, только итог от их переменчивости иной. Если женщина решила с тобой расстаться, возможно, отделаешься парой пощёчин да царапин от ногтей, и будет поставлена точка. Но в случае с мужчиной может ожидать смерть без целого трупа, так что и пожаловаться не получится. Государство Сюйли не желало больше сохранять притворный мир. Под выдуманном предлогом они развязали войну, и Пэй Мин сразу прорвался со своей армией к императорскому дворцу. Тогда государю Юйши пришлось запереться в глубине покоев и держать последнюю линию обороны. Вот только Пэй

Мину ничего не стоило, приложив малейшее усилие, раздавить эту хрупкую защиту подобно панцирю улитки.

Однако генерал пошёл более хитрым путём — учитывая множество деталей, а также послушав совета Жун Гуана, он сделал вот что.

Солдаты Сюйли схватили несколько сотен приговорённых к смерти, переодели их в простых людей и силком притащили на площадь перед воротами дворца, потребовав от государя Юйши выйти, совершить три земных поклона, раскаяться за притеснения собственного народа, после чего совершить самоубийство в качестве жеста покаяния. И тогда они отпустят мирных жителей и не тронут остальных членов императорского рода. В противном же случае всем отрубят головы.

Он дал всего три дня на размышление прячущимся во дворце, пообещав, что каждый день будет убивать часть людей, а по истечении срока сначала ворвётся во дворец и убьёт всех там, потом примется за остальных жителей государства.

Се Лянь восхитился:

— Генерал Жун, это поистине коварный и красивый ход.

Жун Гуан не разгневался, напротив — остался доволен его словами.

— Приму это как похвалу на свой счёт.

Если обобщить причину, по которой государство Сюйли напало на государство Юйши, получится что-то вроде: «Небеса не могут стерпеть кровавую тиранию государя Юйши против простого народа, и мы, государство Сюйли, видя такую несправедливость, из принципа гуманности приняли решение — самим прийти на выручку тем, кто оказался в невыносимом положении». Высочайшая справедливость, красота да и только.

Откажись государь Юйши выйти, он проявит себя как эгоистичный, невежественный, совершенно не заботящийся о своём народе правитель. Но вот незадача — этот самый государь обыкновенно провозглашал себя «любящим народ как собственных детей», и беспощадное сравнение речей и поступков наверняка зародит в сердцах жителей государства негодование. Они сочтут себя обманутыми: «Ты ведь говорил, что любишь народ как собственных

детей! Но почему, напротив, все должны из-за тебя погибнуть?!» Так в их сердцах не останется места для императорской семьи Юйши.

Когда же остальные жители испугаются, что за убийством «простых людей» на дворцовой площади последует истребление всего государства, самое время объявить, что казнённые — лишь смертники, которым суждено было умереть. А цель сего действия — разоблачение истинного лица и лжи эгоистичных членов императорского рода. Столь сильная перемена мгновенно рассеет страх людей, они станут бесконечно покорными, после чего процесс захвата территорий пройдёт намного проще. Ведь в сердцах людей желание защитить своё государство остынет.

Ну а если государь и впрямь покончит с собой, разницы никакой, это ничего не изменит. Только сэкономит им время, ведь самим убивать его не придётся. Тем более что и Пэй Мин, и Жун Гуан считали, что государь ни за что не выйдет на смерть. Стоит заметить, что ни один аристократ не пожелает закончить свою жизнь так позорно: упасть на колени перед простым народом и вражеской армией, признать свою вину, а потом ещё и умереть. Да как же, мечтайте!

Но никто не мог предположить, что пройдёт всего день, и когда Пэй Мин уже приготовится отдать приказ и казнить первую партию «мирных жителей», государь Юйши и впрямь выйдет из дворца.

Дворцовые ворота открылись, и государь появился на пороге с клинком, защитником государства. Пав на колени перед народом, он совершил три земных поклона, вынул меч и покончил с собой, окропив ворота дворца кровью.

Се Лянь уже догадался, что произошло.

— К ним вышла Её Превосходительство Повелительница Дождя?

Хуа Чэн подтвердил:

— Верно.

Впоследствии, после подробного допроса дворцовых служащих и остальных потомков императорского рода, которые прятались тогда во дворце, выяснилось, что дело было так.

Когда Пэй Мин и Жун Гуан вместе с войском объявили своё требование перед дворцом, они затем прохаживались по площади и неудержимо хохотали, выказывая непомерную наглость. А в самом дворце тем временем воцарился хаос, люди рыдали в голос и бились

головой. Разумеется, государь Юйши не мог выйти и убить себя. Он сидел на своём троне и лицо его было темнее бронзы. Вся толпа его отпрысков, которая обыкновенно расшибалась в лепёшку, борясь за его благосклонность, теперь залилась горячими слезами. А увидев, что государь не сдвинулся с места, они начали по одному подходить и осторожно его уговаривать.

Выдумывали разные причины: «это всё ради страны, ради народа», «даже после смерти слава о тебе увековечится», «если так продолжать и дальше, простому люду тяжко придётся» — прозвучали все на свете уговоры. Однако слова не действовали, и когда первый день уже подходил к концу, несколько сыновей, охваченных волнением, в истерике принялись кричать на отца.

Но ведь государь ещё не умер, он тут же разъярился и ответил ударом жезла. В мирное время сыновья и внуки наверняка стерпели бы брань и побои, но сейчас, в момент между жизнью и смертью, никому не было дела до приличий. Поэтому один из принцев не выдержал — ответил ударом на удар, но не рассчитал силу и разбил голову шестидесятилетнему государю, который повалился на пол, не в силах подняться.

Принцы и принцессы перепугались до помутнения в голове, но когда поняли, что государь ещё дышит, успокоились и стали думать, как бы выволочь его из дворца и заставить совершить поклоны и акт самоубийства. Задача не из лёгких — ведь государь не мог пошевелиться. Они с горячностью обсуждали даже такой абсурдный способ как подвесить государя за руки и ноги, как марионетку, и управлять его действиями. Слышащего всё это престарелого государя едва не хватил удар от гнева. Впоследствии они решили, что двое будут держать старого государя, чтобы помочь ему убить себя. Но тогда возникал другой вопрос — кого выбрать на эти роли? Опасность велика — что если этот Пэй Мин придёт в ярость и одной стрелой прикончит их? Ни один, ни второй, ни третий, вообще никто не соглашался пойти на такой риск.

Споры всё не утихали. И вдруг шестнадцатая принцесса, которая всё время молчала и которую никто даже не замечал, обратилась к лежащему на полу государю.

Юйши Хуан сказала:

— Прошу вас, передайте мне престол.

Государь Юйши посмотрел на дочь, которую никогда не достаивал вниманием, и из уголка его глаза скатилась мутная слеза.

Впрочем, только одна.

Обыкновенно все потомки государя рвали и метали, сражаясь за престол, теперь же никто не стал спорить. Ведь кто на него взойдёт, того и ждёт смерть. Так, не прошло и часа, состоялась совсем не роскошная и самая быстрая в истории государства Юйши церемония передачи престола, знаменовавшая рождение нового правителя — им стала та, кого на этом месте невозможно было даже представить.

А потом новоиспечённая государыня Юйши одним касанием меча перерезала себе горло, залив всё вокруг фонтаном крови на пороге смерти.

Пэй Мин тоже не ожидал подобного поворота. В перерыве между возлияниями вина он подошёл посмотреть и застыл на месте. Так разве можно было? Жун Гуан разразился бранью — что за невезение! Вот как они извернулись! Государь в самом деле покончил с собой, но совсем не тот, который должен был! Погиб кто-то совсем не относящийся к делу, теперь не выйдет ни разобщить народный дух, ни убить старого пройдоху.

Даже сейчас Жун Гуану это казалось невообразимым:

— Мы и подумать не могли, что у них хватит ума, чтобы найти козла отпущения и временно передать престол! Куда же это годится!

Даже солдаты государства Сюйли не смогли смотреть на столь недостойное действие — они сами предложили спасти девушку, но рана оказалась слишком серьёзной, лекари ничем не смогли помочь. Пэй Мину пришлось сдержать обещание — он не тронул людей перед дворцом и пока оставил в живых императорскую семью. Перевязав горло «государыне», он со всеми почестями перенёс её в монастырь Юйлун, чтобы там она дожила последние мгновения, после чего следовало выбрать место получше и похоронить её в императорской усыпальнице монастыря.

Тем же вечером, за мгновение до того, как Юйши Хуан перестала дышать, от божественной статуи Повелителя Дождя над её головой послышался лёгкий вздох.

Под вспышки молний и раскаты грома вознёсся новый Повелитель Дождя.

Се Лянь задумчиво произнёс:

— Теперь ясно, почему генерал Пэй при виде этого меча состроил такое лицо.

На быстрых копытах чёрный бык принесёт нас к Медной печи

Ведь этим самым мечом Юйши Хуан как раз и перерезала себе горло! Это божественное оружие, спору нет. Но в то же время и орудие убийства.

Жун Гуан добавил:

— А Юйши Хуан и впрямь сама невозмутимость! Либо она специально решила таким образом припомнить ему обиду — предложила принять меч Юйлун. Да разве он бы осмелился? Ха-ха-ха-ха...

Се Лянь, не выдержав, прервал его:

— К чему размышлять в таком негативном ключе? — и наклеил на меч ещё талисман, заставляя его замолчать.

Весьма кстати Пэй Мин издали позвал:

— Ваше Высочество и Собиратель цветов под кровавым дождём, вы уже передохнули? Пора убирать гамаки, отправляемся в дорогу!

Вообще-то они почти не отдышали, время за разговором пролетело незаметно.

Те, кто должен был, остались, а Се Лянь, Хуа Чэн и Пэй Мин пошли дальше. Повелительница Дождя на своём быке предложила проводить их до подножия Медной печи, и Се Лянь с радостью согласился. Тогда чёрный бык неожиданно вырос в три раза, так что на его спине могли теперь уместиться шестеро. Преклонив передние копыта, сначала бык позволил взойти Повелительнице Дождя, которая села впереди. Пэй Мин забрался следом, но сел подальше от небожительницы. И наконец настал черёд Се Ляня и Хуа Чэна.

Когда все устроились, бык поднялся, и они оказались высоко над землёй. Принц погладил чёрную, блестящую словно вода, шерсть и полюбопытствовал:

— Защитник Её Превосходительства поистине удивительное создание. Сань Лан, кажется, упоминал, как он появился?

Вкладывая всю силу в копыта, чёрный бык на всех парах мчался вперёд. Окружающий пейзаж стал удаляться, они передвигались поразительно быстро, и в то же время поразительно ровно. Хуа Чэн

сидел прямо за Се Лянем, аккуратно придерживая принца за талию, словно боясь, что тот может свалиться. Он ответил:

— Быком обернулось кольцо на створке боковых ворот монастыря Юйлун.

Оказывается, в монастыре Юйлун существовал обычай — увидев золотого зверя, держащего в пасти дверное кольцо, нужно было погладить его, тем самым отдать ему свою энергию и накопить хорошую карму. Среди нескончаемого потока верующих в основном все стремились потереть драконов, тигров, журавлей и других божественных зверей, а голова быка обыкновенно ни у кого не вызывала интереса, оставалась нетронутой и очень одинокой. Поэтому, когда Юйши Хуан жила в монастыре Юйлун, каждый раз, проходя через боковые ворота, чтобы принести воды, она обязательно поглаживала голову быка с золотым кольцом. След её ауры остался на кольце, а когда Повелительница Дождя вознеслась, то и бык вознёсся следом за ней. Что до остальных, она больше никого не избрала себе в помощники.

Бык ветром летел вперёд, и Се Ляня по инерции отодвинуло чуть назад, так что он почти прислонился к груди Хуа Чэна. Слушая рассказ, принц улыбнулся.

— Сань Лан, тебе и впрямь известно всё на свете, кажется, никаким вопросом о прошлых событиях не застанешь тебя врасплох.

Хуа Чэн улыбнулся в ответ:

— Гэгэ, что ещё ты хотел бы узнать? Я расскажу всё, что знаю.

Пэй Мин сидел впереди них, а поскольку Повелительница Дождя молчала и он тоже ничего не говорил, краем уха генерал уловил их разговор и невзначай бросил:

— Сказано неплохо, Ваше Превосходительство Князь Демонов. Ваше Высочество, а не хотите ли спросить о прошлом самого Собирателя цветов под кровавым дождём? Посмотрим, ответит ли он на этот вопрос.

Улыбка Се Ляня померкла. Спрашивать о прошлом самого Князя Демонов не слишком-то почтительно по отношению к нему. Это казалось Се Ляню слишком личным вопросом, всё равно что спрашивать у другого мужчины о размерах его достоинства. Принц побоялся, что Хуа Чэн такому не обрадуется, и тут же сменил тему, как бы между прочим говоря:

— Генерал Пэй.

— Да?

— Впереди ухабы, будьте осторожны.

— Что?

В следующий миг бык издал громогласное мычание, подобное звону колокола, и сбросил Пэй Мина.

— Да что же это такое?! — оторопел тот.

Поистине — где это видано, где это слыхано! Пусть его сбросило — это ещё допустимо, ведь и наездник может допустить ошибку, и лошадь может оступиться. Но... почему не сбросило ни сидящего впереди, ни сидящих позади, а именно его — сидящего посередине? Разве так бывает?

Бык при этом не замедлил бега, и Се Лянь, обернувшись, бросил издали:

— Я же говорил, что впереди ухабы, осторожнее, генерал Пэй!..

По пути Пэй Мин летел с быка Повелительницы Дождя ещё семь-восемь раз, покуда четвёрка наконец не достигла подножия Медной печи.

Медная печь когда-то была поросшей густыми лесами горой, что располагалась в самом центре столицы. Виды здесь открывались ошеломляюще прекрасные, почти как на горе Тайцан, а под горой раскинулся величественный и самый процветающий город — императорская столица.

После извержения вулкана столицу также погребло под землёй, но, вероятно, из-за нескольких землетрясений какая-то часть вновь оказалась на поверхности. Се Лянь, ещё сидя на быке, осматривал окрестности и хотел уже спешиться самостоятельно, но увидел внизу Хуа Чэна, который протягивал ему руку. Сердце принца дрогнуло, он протянул свою ладонь и ловко спрыгнул на землю, говоря:

— В столице, должно быть, тоже стоит храм.

— Наверняка, — ответил Хуа Чэн.

Пэй Мин, хоть и успел полетать со спины быка, всё-таки оставался Богом Войны — сохранил удивительную стойкость, даже не начал прихрамывать. Да ещё похлопал быка по загривку, нисколько не обращая внимания на угрожающий оскал животного в свою сторону.

— Самое высокое строение в столице — если не императорский дворец, значит, храм, — произнёс генерал.

Хуа Чэн возразил:

— Нет. Храм Уюна в столице расположен на горе.

Он указал рукой наверх. И впрямь — на середине подъёма на багряную гору виднелся край загнутой крыши, а большая часть строения скрывалась за смутной красной тенью горного ландшафта. Се Лянь спросил:

— Почему гора такого цвета?..

Но закончить вопрос ему не дал внезапный громкий рёв быка, который уже принял свою первоначальную форму. Они успели отойти на некоторое расстояние, и теперь, удивлённо обернувшись, наблюдали, как бык, бешено мотая головой, катается по земле. Повелительница Дождя, не выпуская из рук верёвку, воскликнула:

— Что такое?

В ответ чёрный бык закричал человеческим голосом:

— А-а-а-а-а-а!..

Юйши Хуан, услышав пронзительный крик, вынула меч Юйлун и нанесла удар прямо по быку!

Клинок яркой вспышкой прорезал воздух, нечто чёрное как смоль отлетело прочь и шмякнулось об стену у дороги, разбрызгивая крупные, ярко-красные капли крови.

Крыса-падальщик!

Значит, крик издал вовсе не защитник Повелительницы Дождя, а эта тварь, которая незаметно для них запрыгнула на быка и пребольно его укусила. Даже умирая, крыса всё продолжала вопить:

— Ваше Высочество наследный принц... Ваше Высочество, Ваше Высочество, Ваше Высочество! Спасите меня, спасите, спасите!

Хлоп!

У Се Ляня от этих противных криков кровь застыла в жилах, голова стала раскалываться от боли. Хуа Чэн быстро закрыл принца собой, легко вскинул руку, и крыса буквально взорвалась облаком кровавого тумана. Но пара маленьких кровавых глазок так и осталась на стене смотреть на них злобным взглядом.

Хуа Чэн произнёс, обращаясь к Повелительнице Дождя:

— Ваше Превосходительство, советую вам осмотреть своего защитника.

Юйши Хуан как раз исследовала животное, проглаживая шерсть.

— Лишь небольшая ранка.

Но тут со всех сторон целой волной набежали человеческие голоса, всё больше и больше:

— Кхэ, кхэ-кхэ... Заберите меня отсюда, кто-нибудь, заберите меня!

— Надо было сразу бежать...

— Не могу примириться с этим... Нельзя было верить в его бредни, теперь я умираю так напрасно!

— Гэгэ, гэгэ? Ваше Высочество!

Последний голос прозвучал неожиданно отчётливо — он принадлежал Хуа Чэну. Се Лянь наконец пришёл в себя и произнёс:

— Простите!

Выражение лица Хуа Чэна сделалось серьёзным.

— Ты снова понял их речи?

Се Лянь кивнул. Тогда Хуа Чэн ладонями закрыл принцу уши.

— Не слушай. Они не с тобой говорят.

Ужас всё не покидал Се Ляня, он с трудом выдавил:

— Знаю.

Тысячи и тысячи крыс-падальщиков подобно чёрной волне напозлали со всех сторон, скапливаясь вокруг. В столице плотность населения была намного выше, чем в том подземном городе, мёртвых также было больше, а значит и пищи для крыс — тоже. Поэтому и по количеству, и по размерам они заметно превосходили подземных. И эти крысы вот-вот окружат их стеной, забираясь друг на друга. Лицо Пэй Мина сделалось суровым, он окутал себя едва заметным ореолом божественного сияния для защиты и произнёс:

— Уходите, я отвлеку...

Но к всеобщему удивлению, не успел он договорить, как крысы визжащей волной потекли на него. А потом мимо него и дальше с горы. Обернувшись, генерал увидел, что твари погнались за Повелительницей Дождя!

Юйши Хуан уже успела вновь оседлать быка и теперь уходила на нём прочь. Они отделились на несколько чжанов, передвигаясь достаточно быстро для того, чтобы крысы не обглодали быка до костей, но и достаточно медленно, чтобы твари поспевали за ними. Бык поддерживал нужную скорость, уводя крыс за собой. Повелительница Дождя издали прокричала:

— Ступайте дальше, а я их отвлеку!

В пути она большими горстями рассыпала белоснежный рис. Всё же крысы от природы любили это лакомство, вот и хлынули за ней пчелиным ульем, ведь уже неизвестно сколько лет не видели таких белых и крупных зёрен. Вообще этим собирался заняться Пэй Мин, но Повелительница Дождя его опередила. Теперь ему работы не осталось, и выражение лица генерала можно было назвать крайне растерянным.

Хуа Чэн же, отняв ладони от ушей принца, сказал:

— Гэгэ, пойдём.

У Се Ляня при звуках голосов этих крыс начинала болеть голова, теперь же, не слыша их, он выдохнул с облегчением и кивнул в ответ.

Пэй Мин, однако, развернулся к ним с вопросом:

— Постойте. Вы что, вот так отправитесь дальше?

Хуа Чэн вздёрнул бровь:

— А как же ещё?

Пэй Мин нахмурился:

— Но как быть Повелительнице Дождя? Она ведь не справится, а мы попусту сбежим, не слишком ли это беспечный поступок?

Се Лянь удивлённо спросил его:

— Генерал Пэй, почему вы считаете, что Её Превосходительство не справится? Судя по тому, что мы видели, она в состоянии с лёгкостью разделаться с тварями!

Но Пэй Мин, кажется, без особой радости воспринял его слова. И в конце концов сказал:

— Как-то неправильно, не находите? Всё-таки среди нас хватает Богов Войны, чтобы не заставляя женщину бросаться в бой. Ваше Высочество, вы идите дальше, а если успеем, мы с вами встретимся в храме Уюна, — договорив, он тут же сам помчался следом за крысами.

Се Лянь ещё попытался что-то крикнуть Пэй Мину, но Хуа Чэн остановил его:

— Идём, гэгэ. Не обращай внимания. Ему невыносимо осознавать, что его защитила женщина, вот и ищет возможность отыграться.

Не теряя больше времени, они прошли через столицу, встретив на пути бесчисленное множество окаменевших статуй, и направились дальше, к горе. Спустя час двое наконец ступили на Медную печь.

Издали гора казалась выкрашенной кровью по той причине, что на ней росли красные деревья. Очевидно, вовсе не клёны, но всё же

такого же огненно-красного цвета, напоминающего свежую кровь. Се Лянь даже смутно почуял её запах. Возможно, земля, на которой выросли эти деревья, пропиталась тёмной Ци и человеческой кровью.

Храм Уюна, четвёртый по счёту, был построен на скальном выступе на склоне горы, поэтому его миновала участь быть погребённым под потоками лавы. Также храм оказался самым большим из виденных ими и сравнительно хорошо сохранился. Внутри обнаружилось множество окаменевших людей в разнообразных позах, должно быть, храмовых служащих. Се Лянь и Хуа Чэн направились сразу в главный зал. А оказавшись внутри, увидели то, что хотели, — фреску на стене. Вот только Хуа Чэн, бросив лишь взгляд, произнёс:

— Как видно, кто-то нас опередил.

Здесь они нашли только одну картину, другие же две стены стояли на месте, однако фрески на них оказались уничтожены.

С подобным они столкнулись впервые, и Се Лянь даже немного изумился:

— Но кто это сделал?

Пока не вполне ясно, кто именно оставляет эти картины, а теперь прибавилась ещё одна загадка — кто их уничтожает? Впрочем, раз две фрески уже не вернёшь, остаётся изучить ту, что сохранилась. Но принц бросил на неё лишь беглый взгляд, и этого хватило, чтобы по его спине пробежала холодная волна мурашек.

Что это такое?!

Изображение совершенно отличалось от предыдущих, просто как небо и земля. На нём был только один человек, притом написанный тёмными цветами и кривыми линиями, отчего и лицо его тоже искривлялось сверх меры. Не представлялось возможным понять, как он выглядит, единственное, что стало ясно, — это обыкновенный простолудин, одетый в лохмотья.

Но на этом принц бы не стал заострять внимание. Содрогнуться от ужаса его заставило нечто другое. Выражение лица человека исказилось от невыносимой боли.словно обезумев, он разорвал на себе одежду, открывая обнажённое тело.

А на теле... росли три лица, каждое — такое же скривившееся, как его собственное!

Поветрие ликов!

Это стало для Се Ляня таким страшным ударом, что всё перед его глазами заняли собой тёмные цвета этой фрески. Он забормотал:

— Прямо-таки... один в один...

Народ государства Уюн тоже столкнулся с поветрием ликов!

Почему же история наследного принца Уюна, который жил более двух тысяч лет тому назад, настолько пугающе похожа на события, пережитые самим Се Лянем?

Видя его реакцию, Хуа Чэн, попытался успокоить:

— Ваше Высочество, не смотри пока.

Но потрясение от картины оказалось слишком сильным. А мрачная тень, которую поветрие ликов оставило в душе Се Ляня, слишком тёмной. Он будто поддался внутренним демонам — всё смотрел и смотрел, не в силах оторвать взгляд. Поэтому Хуа Чэн просто притянул Се Ляня к себе и заключил в объятия. Его голос наполнился силой, но при этом не терял мягкости:

— Ну всё! Ваше Высочество, послушай меня. Послушай меня. — Он помолчал, затем уверенно продолжил: — Смотри, несколько предыдущих картин были расположены согласно временному порядку, за причиной шло следствие. А раз на прошлой картине наследный принц Уюна выстроил Небесный мост, следующая фреска должна была изображать то, что случилось после. Но сюжет этой картины совершенно не связан с предыдущей, так?

Се Лянь тоже довольно быстро понял:

— Да... между ними наверняка что-то пропущено. Кто-то оказался здесь раньше нас и уничтожил две другие картины.

— И если он уничтожил две другие, почему не стёр эту одну? — продолжил Хуа Чэн. — Почему он её оставил?

— Два варианта. Первый — ему показалось, что на этой картине нет никаких важных сведений, поэтому её можно оставить, не боясь, что мы её увидим.

— А второй?

Се Лянь медленно произнёс:

— Второй — он уничтожил все три картины. А эта, оставшаяся, на самом деле фальшивка. Он изобразил её после!

— Очень верное предположение. Не помешает сделать его ещё более смелым: возможно, все картины по пути сюда — ложь, сейчас

судить трудно. Мы уже очень близки к разгадке. А до тех пор не надумывай себе лишнего, хорошо?

Хуа Чэн ещё долго прижимал Се Ляня к себе, прежде чем принцу наконец удалось выбросить жуткую картину из своей головы. Тогда он наконец осознал, в каком положении находится, и поскорее попытался выбраться из объятий Хуа Чэна:

— Извини, Сань Лан, я просто...

Но Хуа Чэн не позволил ему отстраниться, только прижал ещё крепче и с улыбкой произнёс:

— Не за что извиняться. Вот только... — Он опустил голову. — На самом деле есть и третий вариант.

Се Лянь нижней половиной лица уткнулся ему в плечо, голос Хуа Чэна прозвучал прямо возле уха, тихий-тихий, так что кроме самого принца больше никто не смог бы расслышать.

Се Лянь даже немного затаил дыхание, когда Хуа Чэн мрачным тоном сказал:

— Третий вариант — тот, кто уничтожил две картины, намеревался сделать то же самое и с третьей, но... не успел. Он разделался только с двумя, когда мы оказались здесь. И прямо сейчас прячется в этом храме.

В пещере десяти тысяч божеств скрываются истинные лица богов

Дыхание Хуа Чэна казалось принцу горячим, но от слов, которые он произнёс, холодело сердце.

Прячется в этом храме?

Мысли пронеслись подобно вспышке молнии, и Се Лянь в тот же миг крепко обнял Хуа Чэна в ответ.

Разумеется, вовсе не от испуга. Дело в том, что если кто-то в самом деле прячется здесь, но при этом остался незамеченным, наверняка личность это крайне непростая. И если сейчас они дадут понять, что обнаружили чужое присутствие, возможно, инициатива вновь перейдёт к противнику. А если один только Хуа Чэн будет обнимать принца, прикинув так близко, это легко вызовет подозрения. Зато взаимные объятия будут выглядеть более-менее естественно.

Се Лянь, незаметно осматриваясь, прошептал:

— Как ты думаешь, где он может прятаться?

Во всём храме имелся только один вход — главный, через который они и вошли. Внутри было пусто, всё представляло как на ладони, ни стола, ни ящика, за которым мог бы укрыться человек. Кроме них двоих остались только смотрители храма, превратившиеся в каменные статуи.

Оба — Се Лянь и Хуа Чэн — одновременно прошептали:

— В каменной скорлупе.

Окаменевшие статуи полые внутри. Значит, в них можно что-нибудь спрятать.

Там не спрятаться живому человеку, но зато способен укрыться демон!

Убедившись в этом, они пришли к одному выводу. И только Се Лянь собирался что-то предложить, как вдруг, случайно подняв глаза, увидел всего в двух чжанах за спиной Хуа Чэна окаменевшую статую. При виде неё зрачки принца сузились.

При жизни это был молодой мужчина, похоже, занимавший довольно высокое положение среди служителей храма. Поскольку статуи являлись отражением предсмертных поз жителей Уюна, большинство из них застыли в крике, закрывая руками голову, или же сжавшись в комок. Этот же принадлежал к тем немногим, что остались стоять. Однако Се Ляня заставила насторожиться вовсе не его поза, а... его лицо.

Черты различить не удавалось, но всё ещё ясно угадывалось, что левая половина этого лица искривляется в улыбке, а правая горько плачет!

У Се Ляня вырвалось:

— Это он!

Принц тут же нанёс удар мечом.

— Гэгэ? — удивлённо позвал Хуа Чэн.

Каменная статуя разбилась на мелкие осколки, которые рассыпались по полу. Но под скорлупой ничего не оказалось. Се Лянь, боясь упустить врага, принялся рыться в осколках. Хуа Чэн схватил его за руку:

— Гэгэ! Что ты увидел?

Се Лянь, схватив сразу несколько черепков, ответил:

— Эта каменная статуя, её лицо... было маской Безликого Бая.

Хуа Чэн чуть переменялся в лице, но всё же произнёс:
— Постой.

Он собрал несколько осколков и на земле составил из них лицо, взглянув на которое, оба замолчали.

Только что Се Лянь совершенно точно видел демоническую маску, наполовину плачущую, наполовину смеющуюся. Но черты лица, которое собрал Хуа Чэн, были до неузнаваемости размазаны и ничем не отличались от остальных каменных лиц.

Галлюцинация? Или принц попал под действие иллюзии?

Впрочем, сидя на месте, ответа они не получают, так что двое продолжили поиски в храме — разбили и осмотрели все окаменевшие изваяния. Однако ничего нового так и не обнаружили. Подумав немного, они решили не ждать Пэй Мина, а сразу направиться к вершине горы, раз уж кто-то, вполне возможно, уже взбирается туда, опережая их.

Сама Медная печь, похоже, обладала какой-то необыкновенной силой притяжения, поскольку попытка подняться на неё при помощи серебряных бабочек не удалась — малышки не смогли поднять Се Ляня с Хуа Чэном. Видимо, и на мече взлететь не получится, поэтому придётся идти пешком. И чем выше, тем круче становилась тропа, тем холоднее становилось вокруг. Вначале они ступили на тонкий слой снега, но чем дальше, тем толще он становился и мог доходить до середины голенища сапога. Спустя четыре часа нога уже по колено проваливалась в снежный покров, взбираться дальше было всё труднее.

Они шли довольно долго, поэтому Се Лянь не чувствовал холода, наоборот — покрылся испариной, а сквозь белую как пудра кожу заиграл лёгкий румянец. Принц тыльной стороной ладони стёр пот со лба и обернулся, чтобы заговорить с Хуа Чэном, но внезапно провалился ногой в пустоту и тут же сделался ниже на два чи!

К счастью, Хуа Чэн всё время шёл за ним и, похоже, был готов к чему-то подобному — тут же вытянул Се Ляня вверх.

— Гэгэ, осторожнее.

Се Лянь, стоя рядом с ним, снова обернулся, чтобы посмотреть, куда чуть не угодил. В земле виднелась глубокая яма, через которую чернела дыра, ведущая неизвестно куда. Если бы Се Лянь вовремя не

схватился за края, или Хуа Чэн мгновение промедлил, принц наверняка свалился бы в эту темноту.

Хуа Чэн произнёс:

— На горе повсюду ямы, ступай за мной не торопясь, и всё будет в порядке. Только что гэгэ слишком поторопился.

Оказывается, под слоем снега поверхность горы очень хрупкая и покрыта большими и мелкими дырами, количество и глубина которых не известны никому. Но Хуа Чэн, что удивительно, помнил расположение каждой ямы. Се Лянь с облегчением выдохнул и предложил:

— Хорошо. Тогда давай идти поближе друг к другу. В заснеженных горах нельзя громко кричать. Если мы по неосторожности столкнёмся с чем-нибудь, даже позвать на помощь будет непросто...

Но стоило принцу это сказать, сверху раздался яростный рёв:

— Может, хватит уже...!

Это какому же... доброму господину достало смелости, чтобы посреди опасных и крутых заснеженных гор так громко голосить?!

Се Лянь, ничего не понимая, посмотрел вверх. Среди белых снегов, которые накрыли здесь всё, насколько хватало глаз, виднелись две маленькие точки, сцепившиеся в схватке, — слышался звон оружия. Одна точка явно натягивала длинный лук и осыпала другую дождём стрел, другая же, сжимая в руках саблю чжаньмадао, воинственно размахивала ею, отбивая все стрелы до одной. И наконечники стрел, и клинок сабли поблескивали божественным сиянием, а оба поединщика осыпали друг друга бранью. Тот, что с саблей, как раз закричал:

— Я же сказал, что мальчишку убил кто-то другой! Я сам их ищу!

Нань Фэн и Фу Яо!

Не успевая удивиться появлению здесь этой парочки, Се Лянь чуть не выкрикнул: «Закройте рты!», однако вовремя остановился и проглотил слова обратно. Если он так же беспечно станет сотрясать округу криками, выдержит ли снежная вершина рёв сразу троих крикунов???

Хуа Чэн скрестил руки на груди и приподнял бровь:

— Они не знают, что громкие вопли в снежных горах могут повлечь за собой сход лавины?

Се Лянь ответил:

— Ну... они ведь не настолько дурные! Должно быть, знают, но такой уж у них характер — когда гнев ударяет в голову, на всё остальное могут наплевать!

Нань Фэн и Фу Яо, взбешённые до крайности, дрались и переругивались друг с другом. Но битва происходила слишком далеко, по обрывкам фраз нельзя было понять, что стало причиной конфликта, да и они совершенно не замечали поднимающихся на гору Хуа Чэна и Се Ляня. Принц хотел поскорее добраться до них и разнять, но снега сковали горную вершину, а под ногами тут и там попадались ямы — быстро подняться не выйдет. Пробежав два шага, Се Лянь снова провалился ногой в пустоту, пришлось поспешно отступить.

— Нельзя позволять им дальше сражаться, нужно их остановить!

Из-за спины принца стрелой выпорхнула серебристая бабочка, которая быстро полетела вверх. Се Лянь сначала озадаченно застыл, но потом понял — идея замечательная! Если они сами не могут в мгновение ока взобраться на гору, нужно лишь отправить бабочку, чтобы передала послание!

Серебристая бабочка оказалась на удивление проворна — в три взмаха достигла цели. Но Се Лянь ещё не успел передать ни слова, когда на его глазах выражение лица Хуа Чэна сделалось непомерно серьёзным. Принц понял — что-то пошло не так, и спросил:

— В чём дело?

Улыбка окончательно пропала с губ Хуа Чэна, от лица едва не повеяло лютым холодом, как от этой самой горы.

Се Лянь повторил:

— Сань Лан, скажи наконец, в чём дело?

Хуа Чэн шевельнул губами, но ответить не успел — Се Лянь и сам ощутил беспричинную тревогу в сердце, сразу вздёрнул голову вверх, да так и застыл с широко распахнутыми глазами.

С крутого склона снежной вершины, уходящей к небесам, сошёл массивный пласт белого снега.

Нань Фэн и Фу Яо, поглощённые ожесточённой битвой, тоже ощутили эту безмолвную мощь — подняли головы и наконец-то поняли, что произошло.

В следующий миг снежный массив, подобно плотине на тысячу ли, которая своим обрушением уничтожит всё на своём пути, с

оглушительным свистом и застилающими небеса грохочущими снежными волнами понеслась на них!

С горы в самом деле сошла лавина!!!

Се Лянь схватил Хуа Чэна за руку, развернулся и бросился бежать. Но спустя несколько шагов вспомнил о тех двоих наверху, которые оказались ещё ближе к лавине. Принц резко остановился, обернулся... Так и есть! Убрав оружие, юноши позабыли о битве и вместе помчались вниз, но Фу Яо почти сразу попал ногой в яму и провалился по грудь в снег. Нань Фэн бежал быстрее, вот только, оглянувшись, замедлился. Похоже, принял решение вернуться... Но куда он тратил время на колебания, убийственная снежная волна уже настигла обоих!

За миг до того, как их поглотило лавиной, Се Лянь выбросил вперёд Жое. Белая лента, вытянувшись бесконечной полосой, мгновенно и точно схватила Фу Яо и Нань Фэна, вытянув из снежного моря. Хуа Чэн бросил на них взгляд, и в его глазах сверкнуло пламя гнева.

— Гэгэ! Брось этих двоих, сейчас не до того!

Но Се Лянь крепко держал конец Жое и бежал, таща ленту за собой.

— Так нельзя! Если не помочь, их погребёт здесь на сотню лет!

Хуа Чэн тяжёлым тоном произнёс:

— Не успеть!

— Что?! — вздрогнул Се Лянь, а обернувшись, увидел лишь заслонившую весь мир белоснежную стену, которая обрушилась прямо на голову.

Нань Фэн и Фу Яо стали грузом, который замедлил принца. И когда лавина накатила неудержимым потоком, мощная снежная волна унесла Хуа Чэна дальше, разлучив с Се Лянем.

От удара принц не смог удержаться на ногах, его закружило белым вихрем, перевернув несколько раз с ног на голову. Он упрямо продолжал бороться с силой лавины, но снега было слишком много, а ударная мощь слишком велика — то и дело его накрывало с головой, даже несколько раз приходилось задерживать дыхание. Последнее, что он успел крикнуть — «Сань Лан!», после чего огромная снежная волна наконец поглотила его.

Неизвестно, сколько понадобилось времени, чтобы заснеженная вершина вновь погрузилась в спокойствие.

Тишина была долгой, но потом на ровной снежной поверхности образовался бугорок, а следом высунулась рука!

Рука эта пошарила вокруг, затем показалось плечо и голова с шапкой из снега. Сделав глубокий вдох, человек откашлялся.

Вскоре ему удалось, хоть и с огромным трудом, но выбраться из снежных оков. Он потряс головой и тут же сел на образовавшийся рядом сугроб.

Это был Се Лянь. Ощущения от выкапывания себя из-под толстого слоя снега почти не отличались от выкапывания себя из могилы. Лицо и руки Се Ляня замёрзли до красноты и почти совсем онемели. Он кое-как растёр ладони друг о друга и подышал на них, потом поднял голову и в растерянности огляделся.

Среди застилающего всё вокруг белого снега он не обнаружил ни пятнышка красного.

Но... не найдя искомого, Се Лянь не мог даже закричать «Ты где?!», ведь ещё одна лавина окончательно уничтожит все их старания.

Принцу пришлось встать и отправиться на поиски по снежному покрову в одиночестве. На ходу он тихонько звал:

— Сань Лан? Сань Лан? Нань Фэн? Фу Яо?

И вот что странно: очевидно, что принц шёл всё по той же горе, но теперь, наедине с собой, он ощущал куда более сильный холод, чем пока они шли вместе с Хуа Чэном. Жое неизвестно в какой момент тоже выскользнула из рук, что также не давало принцу покоя. Жое ведь не могла его покинуть, а если даже на мгновение это случилось, лента сама по себе должна была вновь схватиться за хозяина. Почему же этого не произошло?

Се Ляню всё казалось, что где-то кроется подвох, но он никак не мог понять, где именно, поэтому просто брёл, куда глаза глядят. Неизвестно, сколько он ещё прошёл, когда впереди, среди снежной метели, увидел силуэт. Чёрные волосы и белые одежды развевались на ветру, силуэт приближался медленно, опустив голову, и нельзя было рассмотреть его облик.

Увидев незнакомца, Се Лянь радостно побежал к нему:

— Приветствую друга на тропе самосовершенствования! Вы...

Но больше принц не успел сказать ничего — незнакомец поднял голову. На его лице оказалась белая как кость маска, наполовину смеющаяся, наполовину плачущая.

Се Лянь, как будто в него с размаху вонзили нож, громко вскрикнул!

И от собственного крика распахнул глаза. Принц сразу сел, пытаясь отдышаться. Лишь спустя какое-то время он, всё ещё пребывая в смятении, обнаружил, что вовсе не идёт ни по какой горе. А лежит в каком-то тёмном месте.

Выходит, то был сон.

Вот почему ему всё казалось таким странным. Се Лянь испустил долгий выдох и стёр пот со лба.

Пошарив по себе и вокруг руками, он выяснил, что сидит на поросшем мхом каменном полу, Фансинь висит на поясе, а Жое, ясное дело, крепко обвивает запястье. Се Лянь наконец успокоился и зажёл Пламя-на-ладони, чтобы осветить место, в котором оказался. Первым же делом принц позвал:

— Сань Лан? Ты здесь?

Но когда огонь зажёгся, принц к своему удивлению обнаружил, что во тьме неподалёку кто-то стоит, не издавая ни звука.

И удивление оказалось немалым — Се Лянь немедленно покрылся холодным потом и схватился за Фансинь. Ведь если от него в такой близости находился живой человек, он не мог не ощутить его присутствия, ни при каких обстоятельствах!

Однако, стоило принцу приглядеться внимательнее, потрясение вновь отступило. Ведь это оказался не человек вовсе, а каменная статуя.

И к тому же она нисколько не походила на окаменевшие тела людей, которые не пережили извержение вулкана. Очевидно, эту статую кто-то изготовил.

Освещая обстановку вокруг, Се Лянь всё сильнее в этом убеждался.

Он оказался в каменной пещере, используемой для самосовершенствования. Когда-то принцу и самому приходилось, укрывшись от мирской суеты, заниматься практиками успокоения

сердца и жить в скромности, поэтому обстановка была ему знакома. Получается, в этой пещере для поклонения и молитв должна была стоять вовсе не обыкновенная статуя, а образ божества.

Статуя была установлена в арочном углублении, выдолбленном в стене. Фигура высокая и стройная, непринуждённая поза, красивая осанка. Правая рука лежит на рукояти поясного меча, и даже складки одежд вырезаны весьма искусно. Вот только имелась одна странность.

Лицо статуи скрывала лёгкая газовая ткань.

Ткань струилась подобно туманной дымке на заре, и вот что удивительно — закрывая лицо статуи, нисколько не портила картины целиком, напротив, добавляла таинственной красоты. Се Ляню ещё никогда не приходилось видеть, чтобы божественному изваянию закрывали лицо. Он невольно потянулся, чтобы снять покров, как вдруг услышал за своей спиной:

— Гэгэ.

Принц рывком обернулся и увидел неизвестно в какой момент появившийся у входа в пещеру силуэт в красном.

Хуа Чэн.

Се Лянь тут же выкинул лицо статуи из головы и подошёл к нему:

— Сань Лан! Какое облегчение, я ведь как раз думал, куда ты запропастился. С тобой всё в порядке? Ты не ранен? Лавина настигла нас слишком внезапно.

Хуа Чэн вошёл в пещеру со словами:

— Не ранен. А ты, гэгэ?

— Со мной всегда всё в порядке. Что это за место?

Принц только теперь понял, что пространство, в котором они оказались, не ограничивается одной пещерой. За ней простирался тоннель, на первый взгляд довольно длинный, и вёл он в неизвестном направлении. Се Лянь привык, что Хуа Чэн может дать ответ на все вопросы, однако в этот раз он сказал:

— Не знаю. Наверное, мы под снежной горой.

Се Лянь не ожидал подобного ответа.

— Я было решил, что это укрытие, которое нашёл Сань Лан. Неужели даже тебе неизвестно, где мы очутились?

Подобное в самом деле произошло впервые. Хуа Чэн прекрасно помнил даже расположение ям при подъёме на гору, но об это месте

ничего не знал. А ведь пещера явно немаленькая. Неужели раньше он никогда здесь не бывал?

Се Ляню это показалось удивительным, но принц не стал задавать лишних вопросов. Подняв Пламя-на-ладони повыше, он произнёс:

— Но как мы оказались здесь?

Хуа Чэн тоже призвал несколько бабочек, чтобы дали немного тусклого света, танцуя вокруг, и ровным тоном ответил:

— Должно быть, провалились в яму при сходе лавины.

Вывод напрашивался именно такой. Других вариантов не было, разве только кто-то специально завёл их сюда? Тут Се Лянь невольно вспомнил свой сон, и по спине принца пробежал холодок. Затем ему ещё кое-кто пришёл на ум:

— Если мы здесь, то где же Нань Фэн и Фу Яо?

При упоминании тех двоих на лице Хуа Чэна промелькнуло недовольство, он с абсолютным безразличием произнёс:

— Возможно, их погребло под снегом? Забудь о них. Они же небесные служащие, не помрут.

Се Лянь в замешательстве сказал:

— Пусть они и не умрут, но что если никто их не вызволит? Не очень приятно оказаться погребённым на несколько десятков лет. А если и они провалились сюда? Давай для начала поищем их тут. Кстати, Сань Лан, когда твоя бабочка подлетела к ним, не слышал ли ты, о чём они говорили?

Хуа Чэн прыснул со смеху:

— Наверняка бранили друг друга на чём свет стоит из-за какого-нибудь пустяка. Что хорошего от них можно было услышать?

Но Се Ляню показалось, что не всё так просто. Иначе не объяснить, почему, когда бабочка подлетела к сражающимся, Хуа Чэн столь внезапно переменялся в лице. Даже сейчас, когда он засмеялся, взгляд его остался крайне недоброжелательным. Но если уж сам Хуа Чэн не желал говорить, Се Ляню было неудобно расспрашивать, и они просто направились дальше по длинному каменному коридору.

И лишь спустя какое-то время заметили, что устройство этой подгорной пещеры намного сложнее и запутаннее, чем могло показаться на первый взгляд. Вместо тоннеля, ведущего сразу в определённом направлении, здесь обнаружилось множество развилок, которые оканчивались каменными гротами различных размеров.

И в каждом гроте стояла статуя для поклонения. Изваяния изображали и юных божеств, и уже более взрослых, но всё же молодых. Позы поражали разнообразием: полулежачие, словно в томном безделье; непринуждённо сидящие, будто за распитием вина; в подобающей торжественной позе; танцующие с мечом в руке... И от одеяний разбежался взгляд — на одних красовались роскошные парадные платья, на других — простые монашеские одежды, на третьих — рваные лохмотья, какие-то и вовсе были полуобнажены... Отличался и уровень мастерства: где-то исполнение хромало, изваяния вышли грубыми и примитивными; а где-то, напротив, — отличалось таким изяществом и вниманием к деталям, что волосы едва не шевелились на голове от одного взгляда. Должно быть, все статуи были изготовлены разными мастерами. Но количество и разнообразие определённо заслуживало потрясённого вздоха.

И Се Лянь, не в силах сдержаться, непрестанно восхищался зрелищем, развернувшимся на их пути.

— Это же настоящая пещера Десяти тысяч божеств! Интересно, кто решил устроить её здесь? Наверняка самые ревностные их последователи.

Вот только у каждой статуи имелась одна общая странность. Все лица были скрыты под тонкой тканью. А какие-то накрывались и вовсе целиком, так что оставался виден лишь подол одеяния или пара ног. Се Ляню стало любопытно, в чём дело, он потянулся снять покров с изваяния и взглянуть на его лицо, но Хуа Чэн позади него предостерёг:

— Гэгэ, советую тебе этого не делать.

Се Лянь обернулся и полюбопытствовал:

— Почему? Сань Лан, тебе эти статуи не кажутся странными?

Хуа Чэн подошёл с руками за спиной и произнёс:

— Именно поэтому лучше их не трогать. Раз уж лица скрыты, наверняка на то есть причина. Голова и лицо — это место сосредоточения духовного начала всего тела. Если снять покров и позволить подозрительным изваяниям обрести дух, кто знает, что может произойти? — Помолчав, он добавил: — Гэгэ, ты ведь хотел найти своих слуг? Пока мы их не отыскали, лучше не трогать статуи. Во избежание непредвиденных неприятностей.

Его ответ прозвучал весьма туманно, однако логика в нём была. Что если снятием покрова они пробудят статуи? Тогда уж будет совсем

не забавно. Се Лянь не относился к людям, которые из любопытства давали волю рукам, он всё же отступился после некоторых размышлений и сказал:

— Мне просто интересно, что это за божества, и всё.

А ещё ему было весьма интересно кое-что другое. С характером Хуа Чэна он бы не стал опасаться каких-либо неприятностей. Захотел бы посмотреть — посмотрел бы. Принц не ожидал, что он выдумает такую причину, чтобы отговорить его.

Хуа Чэн как бы между прочим заметил:

— Мы ведь на территории бывшего государства Уюн, возможно, статуи изображают наследного принца Уюна? Ничего удивительного в этом нет.

Но Се Лянь возразил:

— Боюсь, что это не так.

— Оу? С чего ты это взял?

Се Лянь посмотрел на него.

— По фрескам, которые попадались нам на протяжении всего пути, можно чётко определить особенности наряда жителей Уюна и их наследного принца. Всё-таки государство существовало две тысячи лет назад, их одеяния старинные и грубые по фасону, даже немного примитивные, что сильно отличается от искусного и тщательно продуманного стиля одежд на этих статуях. Поэтому мне кажется, эти изваяния не имеют отношения к наследному принцу Уюна. Возможно даже, что вовсе не мастера Уюна сотворили их.

Хуа Чэн улыбнулся, уголки его глаз прищурились.

— Правда? Гэгэ и впрямь внимателен к деталям.

Се Лянь тоже улыбнулся:

— Вовсе нет, вовсе нет. Просто... стиль, в котором выполнены статуи, не важно — относится ли это к работе скульптора, к наряду или же к способу изображения складок на одежде, больше похож на стиль более поздней эпохи, к тому же, знакомый мне... стиль государства Сяньлэ.

Хуа Чэн приподнял бровь:

— Как видно, познания гэгэ в этой области тоже довольно глубоки.

— Ну что ты, что ты. Я просто слишком много повидал божественных статуй, вот и запомнил кое-какие детали.

Принц не понимал, в чём дело, но чувствовал, что в поведении Хуа Чэна появилось нечто странное, чего раньше не было. И на этом моменте он наконец осознал, что именно.

Тщательно скрываемое волнение.

Однако принц всё же не стал задавать лишних вопросов, вместо этого сказал:

— Что ж, раз Сань Лану кажется, что лучше их не трогать, давай проявим осторожность.

Хуа Чэн едва заметно кивнул, и они направились дальше. На пути им попала ещё одна развилка, и когда Хуа Чэн сразу повернул налево, Се Лянь вдруг застыл, не последовав за ним. Хуа Чэн обернулся:

— Что такое?

— Сань Лан, ты никогда раньше не бывал в этих пещерах?

— Конечно.

— Но почему так уверенно выбрал левую тропу?

— Я не уверен, просто пошёл вслепую.

— Если ты раньше здесь никогда не был, разве можно выбирать вслепую? Не лучше ли с осторожностью решить, куда именно свернуть?

Хуа Чэн улыбнулся:

— Я иду вслепую именно потому, что раньше никогда здесь не был. Всё равно нам ничего не известно об этих пещерах, поэтому лучше действовать смелее и положиться на удачу. А моя удача всегда была ко мне благосклонна.

Это в самом деле так. Но в прошлом, когда они вдвоём куда-то направлялись, в какую сторону пойти, обычно решал Се Лянь. А чтобы Хуа Чэн сам вёл их, случалось редко. Принц кивнул, но когда они уже ступили на левую тропу, вдруг остановился.

— Постой! Сань Лан... Ты ничего не слышишь?

— Что?

— Справа... людские голоса.

Хуа Чэн чуть переменялся в лице, сосредоточенно прислушался и ответил:

— Гэгэ, боюсь, тебе показалось. Ничего подобного там нет.

— Да нет же, есть! Послушай внимательно, мужские голоса!

Хуа Чэн вновь прислушался и нахмурился:

— Я правда не слышу.

Се Лянь застыл и подумал: «Неужели снова иллюзия?»

Хуа Чэн произнёс:

— Ваше Высочество, всё это очень подозрительно. Боюсь, это ловушка. Лучше нам для начала выбраться отсюда.

Поколебавшись, Се Лянь всё-таки воскликнул:

— Нет! А вдруг это Нань Фэн и Фу Яо? Я всё-таки должен проверить!

Принц тут же побежал по правой тропе, Хуа Чэн только и успел за его спиной крикнуть:

— Гэгэ! Не убегай!

И судя по скрытому тону его окрика, он был уверен, что принц попадёт в какую-то крайне опасную западню. Вот только Се Лянь не желал медлить ни мгновения и пускать всё на самотёк — он ветром пронёсся по правой тропе, и чем дальше бежал, тем отчётливее слышал крики. В душе принц возрадовался: «Это и правда Нань Фэн и Фу Яо!»

Неизвестно, сколько раз ему ещё пришлось повернуть по тоннелю, чтобы наконец добраться до источника звуков. Это оказалась просторная каменная пещера. Здесь не было божественных статуй, зато в полу виднелась глубокая яма. Голоса Нань Фэна и Фу Яо доносились именно из неё. Видимо, они оказались на дне и не могли выбраться, но всё ещё весьма активно переругивались, следовательно, их жизни ничто не угрожало. В яме было слишком темно, Се Лянь, стоя у края, ничего не мог разглядеть, только сложил ладони у рта и крикнул:

— Эй!.. Что с вами стряслось?!

Услышав, что наверху кто-то есть, двое сразу прекратили ругань. Послышался голос Фу Яо:

— Ваше Высочество? Это ты? Скорее, вытащи нас!

Нань Фэн же молчал. Се Лянь счёл происходящее странным.

— Вы не можете выбраться? Но яма не так уж глубока! Что там такое, на дне?

Вероятно, из-за непрекращающихся перепалок на пути сюда, Фу Яо был немного раздражён. Он крикнул:

— Чушь собачья! Если бы мы могли, сразу бы выбрались! Ваше Высочество, ты что, сам не видишь?

Се Лянь прищурился.

— Мне ничего не видно, у вас ещё остались магические силы? Может, зажжёте Пламя-на-ладони, чтобы я осмотрел дно? Если нет, то я сам скину вам огня...

Однако принц не успел даже закончить фразу, когда оба хором закричали:

— Нет!!!

Этот крик вполне заслуживал называться перепуганным. Фу Яо добавил:

— Ни в коем случае не разводи огонь!

Но если нельзя зажечь огонь, придётся искать другой способ освещения. Первой же реакцией Се Ляня было обернуться и позвать:

— Сань Лан...

Но оказалось, что Хуа Чэн не последовал за ним. Позади принца никого не было. Се Лянь в недоумении застыл и вначале ощутил лёгкое беспокойство, а затем случившееся показалось ему невероятным — не мог же Хуа Чэн просто отстать и потеряться?

С того самого момента, как они очутились в пещере Десяти тысяч божеств, Хуа Чэн сделался воплощением странности, только Се Лянь никак не мог определить, в чём именно крылся подвох. Принц огляделся по сторонам и вдруг заметил у себя на плече малютку-бабочку. Он попробовал аккуратно коснуться её и произнёс:

— Здравствуй?..

Призрачная бабочка шевельнула крыльями в ответ на лёгкое прикосновение, но не улетела. Она будто бы сверкала своим сиянием только для него. Се Лянь вспомнил, как Хуа Чэн по дороге сюда рассказывал, что серебристые бабочки бывают разных видов. Неизвестно, к какому виду относилась эта и за что именно она отвечала, но это и не важно — ведь помочь осветить округу бабочка могла в любом случае. Поэтому принц спросил:

— Можешь помочь мне посмотреть, что там, внизу?

Бабочка взмахнула крыльями, взлетела и направилась в яму. Се Лянь вслед сказал «Спасибо!», но когда малютка тусклым сиянием озарила дно, он невольно округлил глаза.

Дно чёрной-пречёрной ямы было устлано белым-пребелым, толстым-претолстым слоем шёлковых нитей!

Нань Фэн и Фу Яо, замотанные этими нитями, практически превратились в коконы шелкопряда, словно мелкие мошки, которых оплело паутиной. Кроме того, лица обоих опухли и истекали кровью — возможно, это результат их недавней битвы? Се Лянь мысленно порадовался, что не стал поступать опрометчиво — запусти он в яму сгусток огня, вероятно, всё дно мгновенно охватило бы пламенем.

— Что это такое? — спросил он. — Паутина? Может, гнездо паучьего оборотня?

— Не знаю! Но из неё никак не выбраться! — Фу Яо явно хотел сделать это как можно скорее.

А вот лицо Нань Фэна выглядело несколько необычно, будто бы он собирался позвать на помощь, но увидев наверху Се Ляня, проглотил мольбы и вместо этого сказал:

— И ты лучше пока не спускайся. Нити очень прочные, только дотронешься до них, и освободиться будет крайне трудно.

— Я не стану спускаться, — ответил Се Лянь.

Подумав, принц привязал конец Жое к рукояти Фансиня и приготовился сбросить меч, проверить, что случится. Но как только лента крайне осторожно опустилась до середины, паутинки почувствовали это и немедля ринулись навстречу, словно намеревались как следует проучить вторгшегося наглеца. Жое в страхе дёрнулась назад, но слишком поздно — нити опутали её, завязались узлом и рывком дёрнули вниз, да с такой силой, что и Се Лянь не устоял на краю ямы.

Вот так неожиданность! Паутина оказалась сильным и проницательным противником!

Как только Се Лянь свалился в яму, ему навстречу со дна бросились бесчисленные белые нити, которые связали принца. Остальная паутина медленно поползла к Нань Фэну и Фу Яо, чтобы намотать ещё слой на их «коконы». Фу Яо едва не взорвался от возмущения:

— А ты-то как сюда свалился?! Ну всё, замечательно. Все трое попались! Теперь мы вместе здесь умрём!

Нань Фэн возразил:

— Чего ты причитаешь?! Он ведь хотел нас вытащить!

Се Лянь тем временем принялся кататься по дну ямы.

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха...

Двое ошарашено уставились на него.

— Ты что, ударился головой, когда упал? Разума лишился? — предположил Фу Яо.

У Се Ляня в уголках глаз заблестели крупные слёзы, он с трудом выговорил:

— Не... нет, ха-ха-ха... Что же такое с этой паутиной... зачем она... Как щекотно, не могу... Ха-ха-ха-ха...

При падении шёлковая перина мягко подхватила принца, а нити с нежностью оплели его тело. И хотя Се Лянь всё-таки оказался связан, паутинки ползали по нему так, что казалось, они просто его щекочут. Свернувшись в комок, принц пытался им противиться:

— Нет, стойте! Прекратите! Всё! Боюсь! Прекратите!!!

Тогда белые нити наконец связали ему руки за спиной и замерли. Нань Фэн и Фу Яо долго смотрели на принца в молчании, потом Фу Яо произнёс:

— Почему нас связало так крепко, а тебя — как попало? Даже лицо не закрыло.

Се Лянь, насилу отдышавшись, спросил в ответ:

— Но у вас... у вас ведь тоже открыты лица?

Фу Яо закатил глаза:

— Были скрыты, но когда мы пришли в сознание, прогрызли паутину зубами, иначе даже кричать не вышло бы.

Се Лянь попытался вырваться из пут, но нити в самом деле оказались несравнимо крепкими, к тому же после столь сильного смеха у принца даже рёбра заныли, и пока что напрячься как следует не получалось. Он решил передохнуть немного, улёгся ровно и произнёс:

— Так как же вы всё-таки оказались здесь?

— Не знаю, — ответил Фу Яо. — Сошла лавина, и на нас будто небо обрушилось. А очнулись мы уже здесь.

— Нет, нет, нет. Я спрашиваю, для чего вы явились на гору Тунлу? Стоило принцу заговорить об этом, Фу Яо вновь вышел из себя:

— Меня привела погоня за Лань Чан и её нерождённым демонёнком! А вот он зачем явился? Да кто его знает!

Нань Фэн:

— Я!.. Я тоже гнался за духом и его матерью...

Фу Яо сплюнул:

— Ну так и гнался бы за ними! Зачем на меня набросился?! Я же сказал, что не... мой генерал убил духа, он вообще не имеет к ним никакого отношения! Вот уж поистине — доброе сердце приняли за ослиные внутренности ^[288], вот и совершай после этого благородные поступки!

Се Лянь привычно начал их мирить:

— Ну ладно, не ссорьтесь. Я понял. Перестаньте пока что спорить, не ругайтесь. Только что от ваших криков даже гора рухнула, не можете хоть ненадолго прерваться? Давайте вместе подумаем, как отсюда выбраться.

Нань Фэн не слушал принца:

— Т...твой генерал сам прекрасно знает, как он себя ведёт с другими! Нечего пенять на остальных, что они его подозревают в подобном!

— Что ты там ляпнул? — Фу Яо выпучил глаза. — А ну, повтори, если кишка не тонка!

Нань Фэн выпучил глаза ещё сильнее:

— Да уж потолще твоей будет! Хочешь послушать, так я повторю: никаких добрых намерений ты не преследуешь, хочешь проявить милость к тому, кто тебе противен, а в душе раздуваешься от самодовольства! Ты просто тешишь собственное самолюбие и ждёшь, чтобы другие выставили себя на посмешище, и всё. И поменьше бы бросался этим «доброе сердце приняли за ослиные внутренности», нечего считать себя благородным, по-настоящему добродетельные люди совсем не такие, а ты никогда не был в их числе!

На лбу Фу Яо проступили вены, уголок рта задёргался.

— Да ты же просто помешанный, что за бред ты несёшь?!

— Бред или не бред, тебе самому прекрасно известно! Мне ли тебя не знать?!

Вздувшиеся вены поползли уже по шее Фу Яо.

— Какое ты имеешь право меня обвинять? Забрался на вершину и оттуда взираешь на других свысока? А не боишься по неосторожности свалиться и ноги сломать?

— По сравнению с тобой я уж имею побольше прав! Думаешь, никто не знает о мерзких поступках, которые ты совершил?!

Стоило прозвучать этой фразе, и, похоже, Фу Яо решил за гневом скрывать накативший на него стыд, взъярился ещё сильнее:

— ...Да! Хорошо, я признаю! Но в чём же ты лучше меня?! Объявил себя воплощением преданности, но завёл жёнушку, а про господина позабыл! Жена и сын всего важнее! Каждый из нас подумал только о себе, собственные интересы во главу угла поставил! Постоянно припоминаешь мне о моих поступках, а самому-то не стыдно?!

Стоило упомянуть «жену и сына», Нань Фэн пришёл в совершеннейшую ярость:

— Да я, чтоб его... Ты! ...Я? Ты?

Они не могли пошевелиться, но их ссора стала такой бурной, что оба не заметили, как в их речи «твой генерал» и «мой генерал» превратились в «ты» и «я». А чрезмерный гнев не дал им понять, что они в чём-то себя раскрыли, и лишь сейчас пришло постепенное осознание. Се Лянь же давным-давно слушал их молча.

Нань Фэн и Фу Яо синхронно повернулись в сторону принца, но тот лишь тихо перекатился на шёлковых нитях, повернувшись к ним спиной, и сказал:

— Ну... я ничего не видел. То есть, ничего не слышал.

Воцарилось неловкое молчание.

Глядя на каменную стену перед собой, принц мягко произнёс:

— Вы будете дальше ругаться? В общем, по поводу того, что вы сказали, остальное оставлю без внимания, но... на самом деле я и сам считаю, что жена и сын важнее всего, так и есть, правда. Дела ведь житейские. Не стоит постоянно возвращаться к событиям дней минувших, идёт? Давайте лучше придумаем, как нам выбраться, а поговорить можно и после...

— Так ты знал? — перебил Фу Яо.

Как видно, уйти от темы не получится, Се Ляню пришлось признаться:

— Да...

Не веря своим ушам, Фу Яо произнёс:

— Когда ты всё понял? И как?

Се Лянь, не в силах сказать им правду, ответил лишь:

— Уже не помню.

На самом же деле — очень и очень давно. Ещё со времён происшествия на горе Юйцзюнь у него появились некоторые

подозрения, а уж когда они отправились в Крепость Баньюэ, сомнений не осталось.

Какие ещё младшие служащие Средних Небес? Ничего подобного не было и в помине. «Нань Фэн» и «Фу Яо» — лишь двойники «Фэн Синя» и «Му Цина», вот и вся правда!

Фу Яо, похоже, не мог поверить, что его истинная личность оказалась так легко раскрыта. Он не унимался:

— И всё-таки, когда ты понял? Как это вышло? Ведь была же какая-то зацепка, в чём мы допустили промах?

Се Лянь молчал, он просто не мог им сказать. Никаких зацепок не требовалось! Вся их «маскировка» была одним сплошным промахом!

Ведь они вместе росли, разве мог Се Лянь не знать их манеру речи и поведения? От совершенно недобросовестно подобранных псевдонимов до характеров, совпавших точь-в-точь... Серьёзно, истина лежала на поверхности. Вот если бы принц не понял, кто прячется под этими личинами, тогда уж жизнь можно было считать прожитой впустую!

Впрочем, какие-то слова и впрямь нелегко говорить самому. Какие-то поступки лично совершать неловко. К примеру, принимая во внимание собственный статус небесного чиновника, нельзя просто так закатывать глаза или бранить всех подряд, но вот в ином облике это намного сподручнее. Поэтому Се Лянь решил, что нет необходимости выводить их на чистую воду.

Фу Яо... Нет, теперь его следует называть Му Цином. Му Цин стиснул зубы и со злостью прошипел:

— Значит... ты... давно понял, кто мы, но всё это время молчал... просто... спокойно наблюдая за нашим спектаклем, так?

В пещере десяти тысяч божеств открываются истинные лица богов

Видя, как сильно Му Цина задел раскрывшийся факт, Се Лянь, поразмыслив, всё-таки решил его успокоить:

— На самом деле в этом... ничего страшного нет...

Му Цин же с ехидной усмешкой перебил:

— Значит, я прав! Ну и как, забавно? Тебе, видно, весело было наблюдать за нашим представлением? Хм???

Теперь, когда всё выяснилось, за сорванной личиной показалось истинное лицо. Нань Фэн... Нет, Фэн Синь, конечно, тоже чувствовал себя неловко, но даже он не выдержал, слушая подобные речи Му Цина.

— Что это за тон?!

Му Цин был от природы бледен, и стоило крови прилить к его лицу, тонкая кожа покраснела целиком, что сильно бросалось в глаза. На вопрос он резко повернулся:

— Что за тон?! Не забывай, ты тоже стал одним из посмешищ! Так долго позволял ему над собой насмехаться и даже не возмутился! А я не столь великодушен, как ты!

Се Лянь вмешался:

— Я вовсе не собирался насмехаться над вами.

Фэн Синь тоже возразил:

— Хватит всех подряд мерить своими мерками, тебя посадили в небесную темницу из-за твоей подлости, а Его Высочество ещё и собирался тебя вызволять...

Му Цин хохотнул:

— Ха! Что ж, большое ему за это спасибо. Но ведь меня туда посадили благодаря твоему отпрыску! Что, опять хочешь подраться?! На свет произвести хватило смелости, а другим и слова про него сказать не даёшь?!

Когда он упоминал об «отпрыске», у Фэн Синя чесались кулаки забить Му Цина до смерти. Какая жалость, что сейчас все трое оказались связаны паутиной в плотные коконы, да так, что не удавалось пошевелиться! Всё достоинство настоящей битвы вмиг улетучилось, оставалось только переругиваться. Видя, как от гнева покраснелось лицо и надулась шея Фэн Синя, Се Лянь испугался, что тот сейчас разразится бранью, на какую способен только Бог Войны. Принц изловчился, перекатился и оказался возле Му Цина, говоря:

— Му Цин, Му Цин! Посмотри, не получится ли у тебя немного повернуться?

Му Цин прекратил ругаться, отдышался и спросил:

— Что ты задумал?

— Фэн Синь слишком далеко, до него мне не доползти. Но раз паутина рвётся зубами, может быть, у меня получится высвободить тебе руки.

Му Цин вперил в него взгляд, лицо его вдруг сделалось бесстрастным. Словно мёртвая рыба, глядящая в небеса, он ответил:

— Не нужно.

Се Лянь беспомощно простонал:

— Но я ведь правда хочу помочь!

— Слишком драгоценна помощь лично Его Высочества, мне такую цену не осилить.

Фэн Синь заругался:

— Да чтоб тебя так! Нашёл время нос воротить! Он тебе на помощь пришёл, а ещё уговаривать должен?!

Му Цин резко вскинул голову:

— Да кому его помощь нужна? Се Лянь! Почему ты всегда появляешься именно в такой момент?!

Се Лянь застыл, в памяти смутно всплыло, что когда-то давно Му Цин уже задавал ему этот вопрос. Как же он ответил тогда? Принц не помнил.

— А что плохого в том, чтобы появляться именно в такие моменты?

Му Цин улёгся обратно.

— Забудь, мне твоя помощь не требуется.

— Но почему? Иногда ведь без посторонней помощи никак не обойтись!

Фэн Синь произнёс:

— Не обращай на него внимания. Он только и горазд строить из себя невесть что. Думает, если примет от тебя помощь, позора не оберётся.

Покуда Му Цин и Фэн Синь обменивались выпадами, призрачная бабочка, испускающая тусклое свечение, неторопливо порхала вокруг Се Ляня. Тогда принц вспомнил ещё кое о чём и сразу сменил тему:

— Прекратите ссору! Если кто-то увидит, тогда точно позора не оберётесь. Скоро нас придут спасти.

Му Цин произнёс:

— В таком проклятом месте ни до Небес, ни до Земли не докричишься, кто придёт нас спасти? Разве только... — Он вдруг вспомнил кое о ком, и конец фразы застрял в горле.

Фэн Синь же спросил прямо:

— Собиратель цветов под кровавым дождём явился с тобой?

Му Цин с сомнением добавил:

— Ты настолько ему доверяешь? Он точно придёт?

Се Лянь уверенно ответил:

— Придёт.

Несмотря на некую странность, появившуюся в поведении Хуа Чэна, которая даже заставила принца начать сомневаться, настоящий ли Хуа Чэн рядом с ним, всё же... интуиция подсказывала, что подмена невозможна.

Му Цин опять спросил:

— Даже если он придёт, как ему удастся найти эту яму?

— Может, попробуем ещё покричать? — предложил Фэн Синь. — Нас теперь больше, громче получится.

— Не нужно, — возразил Се Лянь. — Достаточно просто сидеть... то есть, лежать и ждать. Дело в том, что меня и Хуа Чэна связывает красная нить... — Принц запнулся, увидев, как скривились лица Фэн Синя и Му Цина, будто в уши им заползли какие-то насекомые, и сразу добавил: — Что вы такие физиономии соорзили? Не подумайте, та красная нить, о которой я говорю, вовсе не какая-то эфемерная вещь вроде «красной нити судьбы». Это такой артефакт, обычный артефакт.

Тогда лица обоих перестали кривиться, и Фэн Синь выдохнул:

— Ах, вот оно что.

Му Цин же снова с подозрением спросил:

— Что за артефакт? Для чего?

— Вещь очень полезная, — ответил Се Лянь. — Это красная нить, которая повязана на наши пальцы, а между двумя концами существует невидимая связь. По этой нити один из нас может найти другого, покуда он не исчез, и она никогда не порвётся...

Он не успел рассказать до конца. Фэн Синь с Му Цином, не в силах больше слушать, перебили:

— И в чём же её отличие от «красной нити судьбы»? Совершенно одно и то же!

Се Лянь в недоумении пробормотал:

— Да нет же... Не одно и то же!

Му Цин:

— Посуди сам, чем они отличаются? Очень похоже, тебе разве не кажется?

Поразмыслив как следует, Се Лянь и впрямь заметил — а ведь правда! И определение, и свойства артефакта в самом деле тем сильнее напоминали принцу так называемую «красную нить судьбы», чем больше он раздумывал об этом. Когда же принц решил, что дальше развивать мысль не следует, наверху послышался голос:

— Гэгэ? Ты внизу?

Едва Се Лянь услышал, его сердце тут же успокоилось. Он поднял голову и позвал:

— Сань Лан! Я здесь! — Затем вновь посмотрел на Фэн Синя и Му Цина. — Видите, я говорил, что он придёт.

При взгляде на его лучезарную улыбку Фэн Синь и Му Цин вновь изобразили странные выражения лиц. Хуа Чэн не заглядывал внутрь, но они слышали его расстроенный голос:

— Гэгэ, я же сказал, не убегай. Как же теперь быть?

Тон, которым он это произнёс, заставил Се Ляня застыть и перестать улыбаться.

— Ох, неужели дело в паутине? Даже Эмин не сможет её разрубить?

Принцу показалось, что Хуа Чэн ответил что-то вроде: «Дело вовсе не в паутине...», но он всё же не мог утверждать наверняка.

Спустя несколько мгновений Хуа Чэн спокойно сказал:

— Сейчас Эмин не в лучшем состоянии.

Се Ляню это показалось удивительным — в прошлый раз Эмин показал себя бодрым и энергичным, словно живой тигр или дракон. Почему же его состояние вдруг сменилось на «не лучшее»?

Му Цин хмыкнул:

— Всё ясно, и спрашивать нечего. Разве изогнутая сабля Эмин может быть в плохом состоянии? Он попросту не желает помогать, вот и ищет отговорки.

Се Лянь бросил ему:

— Не говори так.

Самому принцу более вероятным казалось, что Эмина опять за что-то наказали, и Хуа Чэн запретил ему появляться. Стоило так подумать, и сверху мелькнула тень, а в следующий миг кто-то в красном одеянии бесшумно опустился на дно ямы возле Се Ляня, наклонился и взял принца за руку.

Се Лянь, приглядевшись, тут же затараторил:

— Сань Лан, зачем ты тоже спрыгнул? Осторожно, берегись паутины!

И в самом деле, белые путы тут же налетели на очередную жертву. Хуа Чэн даже не обернулся, лишь взмахнул рукой, и несколько сотен серебристых бабочек возникли настоящим боевым порядком за его спиной и схватились в ожесточённой битве с паутинками. Хуа Чэн тем временем разорвал нити, связавшие принца, одной рукой подхватил за талию, другой призвал красный зонт.

— Уходим!

Другие двое, видя, что он совершенно не собирается их спасать, просто остолбенели:

— А вы ничего не забыли?

Се Лянь не успел ответить, только Хуа Чэн, обернувшись, бросил:

— Ох, да. Забыл. — Оплетённый паутиной Фансинь тут же прилетел прямо в руки Хуа Чэну, который протянул оружие Се Ляню: — Гэгэ, твой меч.

Так вот о чём он, оказывается, «забыл». Фэн Синь и Му Цин возмутились:

— Эй!!!

Хуа Чэн прихватил Се Ляня покрепче, взмахнул рукой, раскрыв зонт, и сказал:

— Гэгэ, держись за меня!

И зонт стал подниматься вместе с ними наверх! Се Лянь, как было велено, крепко схватился за Хуа Чэна. Они уже взлетели на два чжана, когда принц, услышав крики внизу, почувствовал себя крайне неловко и воскликнул:

— Я про вас помню!

Жое слетела с его руки, обмоталась вокруг двух «куколок» на дне и понесла их из ямы. Уже в воздухе Фэн Синь вновь вскрикнул:

— Стойте! Стойте! Я ещё кое-что оставил внизу!

— Что ещё?! — спросил Се Лянь.

— Меч! Вон там, в углу!

Принц действительно увидел рукоять в белой паутине, поэтому велел Жое подобрать и меч тоже. Так все четверо наконец выбрались из ямы.

Жое, бросив на землю двух чересчур упитанных «личинок шелкопряда», немедля свернулась на запястье Се Ляня, неистово дрожа от страха, словно эти странные белые нити, чем-то на неё похожие, но при этом гораздо более свирепые, напугали ленту до невозможности.

Се Лянь успокаивающе гладил ленту, одновременно высвобождая двоих из шёлкового плена при помощи Фансиня. Едва обретя возможность двигаться, Му Цин и Фэн Синь тут же вскочили и принялись с остервенением срывать с себя остатки пут. Се Лянь протянул Фэн Синю меч, спасённый Жое, но взглянув на оружие, немало удивился:

— Это... Хунцзин? Нань Фэн, твой генерал починил его?

У него как-то само вырвалось, и лишь после принц понял, что не так. Сейчас Фэн Синь и Му Цин по-прежнему оставались в облициях «Нань Фэна» и «Фу Яо», и Се Лянь случайно позабыл, что они уже себя раскрыли, поэтому по привычке продолжил спектакль. Он желал проявить заботу, но итог вышел вовсе не таким, как задумывалось, — лица обоих сделались озадаченными.

Фэн Синь не умел прятать эмоции. С жуткой неловкостью во взгляде он принял истинный облик, взял меч и ответил:

— Починил. Всё-таки на горе Тунлу кругом одни демоны, так проще распознавать их сущность.

Се Лянь мельком глянул на виновника, из-за которого меч пришлось перековать заново, тихо кашлянул и сказал:

— Прости, что пришлось тебя затруднить.

Всё-таки нелегко вернуть первоначальный вид мечу, разбитому вдребезги.

Му Цин, тоже обернувшись собой, отряхнул остатки паутины с рукава и вставил:

— Вот и отлично, что починил. Всё-таки большинство тварей привыкли менять личины, и уж если мозгов в голове не хватает, в любой момент можно прибегнуть к помощи Хунцзина и избежать обмана.

Фэн Синь рассердился на его слова:

— Ты кого это безмозглым назвал? Думаешь, я не расслышал намёка?

Опять началось. Се Лянь покачал головой и сказал Хуа Чэну:

— Сань Лан, извини, я убежал слишком быстро и потерял тебя.

Хуа Чэн, убирая зонт, ответил:

— Ничего. Я лишь надеюсь, что гэгэ больше не станет так делать.

Се Лянь расплылся в улыбке. И вдруг заметил странный взгляд, которым Му Цин взирал на Хуа Чэна.

— Му Цин? Что с тобой? — спросил принц.

Му Цин сразу отвёл застывший взгляд, посмотрел на Се Ляня и ответил:

— Ничего. Не приходилось видеть Собирателя цветов под кровавым дождём в этом облике, удивлён редким случаем.

В это объяснение Се Лянь не очень-то поверил. Да, действительно, Му Цин, вполне вероятно, впервые видел Хуа Чэна в завершённом истинном облике, но ведь ранее им приходилось встречать его в облике шестнадцати-семнадцатилетнего юноши? Разница между двумя образами Хуа Чэна была не так уж велика, чтобы вызвать столь необычную реакцию.

Они покинули пещеру с ямой и прошли немного, когда Фэн Синь в замешательстве спросил:

— Что это за место?..

Му Цин тоже был немало озадачен:

— Что всё это значит?

Они сразу попались в яму с паутиной и не имели возможности осмотреть обстановку за её пределами. Теперь же их настигло потрясение — при виде множества связанных друг с другом пещер, в каждой из которых попадались божественные статуи, невольно возникал вопрос, как под заснеженной горой неизвестному мастеру удалось создать столь таинственное место, будто сотворённое руками самих богов и демонов?

Се Лянь объяснил:

— Это — пещера Десяти тысяч божеств.

Му Цин, озираясь по сторонам, пробормотал:

— Сколько же лет и сколько сил могло понадобиться, чтобы устроить такую пещеру? Поистине... поистине...

Он словно уже не находил слов, чтобы выразить свою мысль. И Се Лянь мог его понять. Всё-таки подобные пещеры строились, чтобы заниматься практиками совершенствования тела и духа, а также поклоняться божествам. Когда-то и для него родители приказали устроить такую пещеру. А при виде этой ни один небесный чиновник не смог бы не поразиться масштабу проделанной работы. Установка в подобном месте их собственной статуи, несомненно, стала бы уже немалым подспорьем в увеличении уровня божественной мощи.

Фэн Синь с подозрением спросил:

— Какому богу здесь поклонялись? Почему лица статуй закрыты?

— Разумеется, чтобы не дать таким как мы случайным визитёрам увидеть лицо божества, — ответил Се Лянь.

— Весьма странно, — вмешался Му Цин. — Почему бы тогда просто не отломать статуям головы? Тонкая вуаль определённо не удержит желающих взглянуть на их лица.

С такими словами он потянулся, чтобы сорвать покров с ближайшей статуи. Се Лянь не успел его остановить, но во тьме вдруг сверкнул холодный блеск — в полуцуне от пальца Му Цина завис серебряный изогнутый клинок.

От внезапного убийственного намерения, исходящего от сабли, между всеми четверыми мгновенно повисло напряжение. Фэн Синь настороженно воскликнул:

— Что всё это значит?

На лице же самого Му Цина, невзирая на возникшее перед ним оружие, не отразилось ни тени страха, он произнёс:

— Кажется, твоя сабля прекрасно себя чувствует. Разве это можно назвать «не лучшим состоянием»?

Хуа Чэн, стоя за его спиной, ответил, растягивая слова:

— Тебя не учили, что, оказавшись в чужих владениях, не стоит трогать ничего без спроса?

— Это же не твои владения, ты-то чего взялся бороться за их неприкосновенность?

Хуа Чэн спокойно ответил:

— Просто не желаю натолкнуться на неприятности. Всё же мы на горе Тунлу. Никто не знает, что произойдёт, если снять покров.

— Столь дерзкой личности как Собиратель цветов под кровавым дождём тоже приходится опасаться неприятностей? — Му Цин опустил руку ниже, к рукаву одеяния статуи, но клинок Эмина тоже переместился, вновь не давая ему совершить задуманное.

Тогда Му Цин спросил:

— Я ведь не собираюсь срывать вуаль, лишь хотел потрогать камень. Почему Собиратель цветов под кровавым дождём вновь чинит мне препятствия?

Хуа Чэн притворно улыбнулся:

— Чтобы ты ничего не натворил.

Се Лянь втиснулся между ними:

— Стойте, стойте. Нам ведь не столь важно, каким божествам поклонялись в этой пещере те, кто её построил. Здесь вообще лучше надолго не задерживаться, давайте выберемся наверх, а там поглядим, что делать дальше. Не забывайте, у нас важная миссия.

Хуа Чэн, не отрывая взгляда от руки Му Цина, произнёс:

— Раз уж гэгэ того желает, пусть он первым уберёт руку, и я от него отстану.

Се Лянь велел:

— Му Цин, опусти руку.

Му Цин уставился на принца:

— Ты, случаем, ничего не путаешь? Почему это я должен первым уступать? А если я уберу руку, а он свою саблю — нет?

Выбирая между небожителем и демоном, Фэн Синь, разумеется, встал на сторону первого:

— Единственный приемлемый вариант — оба отступят одновременно.

Но Хуа Чэн не желал уступать ни цуня:

— Несбыточные фантазии.

Видя, что ни один не желает пойти на компромисс, Се Лянь положил руку на плечо Му Цину и мягко произнёс:

— Му Цин, ох... Перестань. Всё-таки ты спровоцировал спор, так что должен первым выйти из него, верно? Хотя бы из уважения ко мне. Я тебя уверяю, когда ты опустишь руку, Сань Лан сдержит обещание.

Му Цин явно не желал покориться, однако, поупрямившись ещё некоторое время, всё-таки медленно отвёл руку, и они вновь направились по тоннелю. Теперь, когда натянувшаяся было тетива наконец ослабла, Се Лянь тоже вздохнул с облегчением. Как раз к тому моменту они вновь вышли к развилке, и принц обратился к Хуа Чэну:

— Куда нам следует свернуть на этот раз?

Хуа Чэн, казалось, не глядя сделал выбор:

— Сюда.

Фэн Синь и Му Цин, которые шли за ними следом, похоже, вновь принялись ругаться, а в перерыве между осыпанием друг друга бранью Му Цин спросил:

— Как это ты выбрал? Почему именно туда?

Двое впереди, одновременно повернувшись, ответили:

— Выбрал вслепую.

Фэн Синь тоже нахмурился:

— Да разве можно выбирать вслепую? Давайте всё-таки проявим осторожность, чтобы вновь не попасть в какую-нибудь яму.

Хуа Чэн с улыбкой произнёс:

— Даже если попадём, уж я найду способ вызволить оттуда Его Высочество. Вы можете идти с нами, а можете без нас. Но вообще-то, если честно, мне не очень хочется снова вас выручать.

— Ты...!

Такова была манера, в которой Хуа Чэн говорил с людьми — пусть с улыбкой на лице и с крайней вежливостью в словах, но создавалось впечатление невозможного притворства, а чем фальшивее он улыбался, тем сильнее его тон злил собеседников. Фэн Синь так рассердился, что даже натянул свой лук.

Се Лянь, понимая, что Фэн Синь не станет по-настоящему развязывать драку, сказал:

— Уж прости, Фэн Синь. Но в сложившихся обстоятельствах нет разницы, какой избрать тоннель.

Хуа Чэн рассмеялся:

— Как страшно, как страшно. Видимо, мне нужно держаться от него подальше, — он вздёрнул бровь в сторону Се Ляня и в самом деле отошёл на несколько шагов.

Принц понял, что он лишь хочет идти чуть поодаль от этих двоих, поэтому лишь с улыбкой покачал головой и только собрался присоединиться к Хуа Чэну, как вдруг Му Цин задержал его, коснувшись рукой. Се Лянь обернулся и не без удивления спросил:

— Му Цин? Ты что-то хотел?

Как вдруг Му Цин, не ответив на вопрос, схватил Се Ляня и бросился в другую сторону, на ходу выкрикивая:

— Давай!

Хуа Чэн впереди почувствовал неладное и обернулся. Но Фэн Синь уже ударил кулаком в каменную стену, посыпались крупные обломки камня, завалившие проход. Двое тут же со скоростью молнии наложили на камни более пятидесяти сдерживающих талисманов. Так Хуа Чэн оказался отделён от их троицы грудой камней.

Так значит, по пути они вовсе не переругивались, а планировали внезапную атаку! Се Лянь так и остолбенел:

— Что вы наделали?

Он хотел оттолкнуть Му Цина, чтобы проверить, не пострадал ли Хуа Чэн, но Фэн Синь сгрёб принца за плечо, и они вместе с Му Цином, схватив Се Ляня с двух сторон, помчались прочь, унося и принца с собой.

— Скорее, уходим! — на бегу прокричал Фэн Синь. — Талисманы долго не продержатся!

Му Цин забранился на Се Ляня:

— Он ещё спрашивает — что мы наделали! Ты что, не видишь, как странно он себя ведёт?!

— Да где же странность?

— Ты и впрямь сдурел, как я погляжу! Каждый его шаг так и кричит о странности! Только ты, слепец, этого не замечаешь!

Фэн Синь заорал на них:

— Хватит болтать, бежим!!! Мать их, похоже, призрачные бабочки нагоняют!

— Заблокируй тоннель! — крикнул в ответ Му Цин.

Пока они бежали, Фэн Синь всю дорогу обрушивал стены, наглухо засыпав несколько развилок огромными камнями. Двое, унося Се Ляня, ветром мчались по извивающемуся как кишка подземному лабиринту, покуда Се Лянь не почувствовал головокружение от бесконечных поворотов и не закричал им:

— Стойте! Остановитесь!

Пробежав довольно длинный отрезок пути, двое наконец прервались, чтобы отдышаться. Пользуясь моментом, Се Лянь заговорил:

— Нет, послушайте, вы двое, почему вы вдруг схватили меня и бросились наутёк? Что-то обнаружили?

Фэн Синь, упираясь руками в колени и тяжело дыша, ответил:

— Пусть вот он... тебе ещё раз всё расскажет!

Му Цин выпрямился и сказал Се Ляню:

— Ты до сих пор не заметил столь явную деталь? Бусина! Ты помнишь её, эту бусину?

— Какую бусину?

Му Цин выплюнул по слову:

— Праздник фонарей, торжественное шествие. Одевание Воина, радующего богов. Пара тёмно-красных коралловых серёжек. Бусина, которую ты тогда потерял!

Се Лянь не мог припомнить, как ни старался, только растерянно потёр мочку уха и переспросил:

— Разве тогда на мне были коралловые серьги? Я правда потерял одну?

У Му Цина нервно дёрнулся уголок рта, он разгневанно зашипел:

— Вы двое тогда незаслуженно обвинили меня в воровстве. Как ты можешь не помнить об этом?

Се Лянь:

— Всё-таки прошло уже восемьсот лет...

Фэн Синь же возразил:

— Что ты несёшь, никто тебя не обвинял, ты сам себе навывдумывал!

Се Лянь помахал рукой:

— Не ссорьтесь, не ссорьтесь. Почему вы вдруг заговорили о той бусине?

Му Цин:

— Да потому что она нашлась! Красная бусина в волосах Хуа Чэна! Ты что, не видел?

Се Лянь широко округлил глаза:

— Ты имеешь в виду...?

Му Цин категорично заявил:

— Именно!

Так вот почему Му Цин соорудил такое лицо, когда увидел Хуа Чэна.

— Но как эта бусина могла оказаться у него? — спросил Се Лянь. — Ты уверен, что не ошибся?

Му Цин перебил:

— Ту бусину я искал без малого год! И после продолжал поиски. Кто угодно мог ошибиться, но только не я!

Се Лянь, спрятав руки в рукава, задумчиво нахмурился:

— И всё-таки я думаю, что тебе, вероятно, показалось. Нет причины, по которой бусина могла оказаться у него! Ведь коралловые бусины высшего качества выглядят одинаково. К тому же, Сань Лану нравится коллекционировать драгоценные редкости, у него даже хранятся тысячелетние реликвии!

Му Цин закивал:

— Ладно, ладно. Считаешь, я ошибся, да? Хорошо. Тогда посмотри вот на это. — Он как раз стоял возле одной из божественных статуй, а с этими словами потянулся и рывком сдёрнул покров с её лица. — Посмотри, что тут такое, здесь-то уж точно не может быть ошибки!

В тот миг, когда покров слетел, и Се Лянь бросил взгляд на статую, его зрачки сузились до маленьких точек.

Никаких жутких уродств на лице статуи не было. Она изображала улыбающегося молодого человека с мягкими и вдохновенными чертами. Но когда принц посмотрел на него, от макушки по телу мгновенно разбежались мурашки.

И могло ли подобное не испугать? Ведь это лицо в точности повторяло облик самого Се Ляня!

Принц глядел на статую с близкого расстояния и будто бы смотрелся в зеркало. Даже его привычная мягкая улыбка сделалась несравнимо странной. Не в силах остановить волны мурашек, Се Лянь проговорил:

— Это...

Му Цин бесстрастным тоном спросил:

— Теперь ты тоже скажешь, что я ошибся?

Се Лянь с огромным трудом выдавил:

— Откуда здесь могла взяться моя статуя?..

— Статуя? А вот и нет. Смотри внимательно.

Он сорвал вуаль с лица другого изваяния поблизости. И это лицо тоже внезапно оказалось образом Се Ляня!

Сразу несколько статуй остались без покровов, и все лица были совершенно одинаковыми!

Му Цин добавил:

— Это действительно пещера Десяти тысяч божеств. Вот только посвящена она лишь одному богу.

Лишь одному Се Ляню!

Глядя на собственные лица, окружившие со всех сторон, Се Лянь будто погрузился в иллюзию или очень странный сон. У принца шла кругом голова, и вдруг он кое-что вспомнил:

— Постой, Му Цин. У тебя ведь ранее не было возможности увидеть лица статуй? Когда ты попытался, он ведь тебя остановил, верно?

Му Цин фыркнул:

— Мне не нужно смотреть на их лица, чтобы понять, что изваяния изображают тебя.

— Как это?

На лбу Му Цина чуть проступили вены, он швырнул на землю охапку вуалей.

— Как это? А вот как: когда-то я полностью отвечал за все твои одеяния, за украшения, за весь твой быт. Я стирал и латал твои одежды, и среди них каждая вещь была уникальной, на целом свете второй такой не найти. Мастер вырезал эти статуи слишком подробно — ничего не упустил, сходство идеальное. Разумеется, только посмотрев на одеяния, я понял, что там твоё лицо!

Се Лянь закрыл лоб ладонью и стал вспоминать странное поведение Хуа Чэна с самого их появления здесь.

Фэн Синь же произнёс:

— Он не хотел, чтобы мы увидели эти статуи. Значит, прекрасно знал, в чём их особенность. Боюсь, случайное попадание сюда после схода лавины — враньё от начала до конца. Ему наверняка известно, что это за место.

Му Цин же сказал:

— И не только. Думаю, вполне возможно, что он как раз и бросил нас в яму с паутиной. Он намеревался нас убить.

Се Лянь вмешался:

— Но... что же всё-таки означают эти статуи?

При внимательном рассмотрении каждое изваяние потрясало схожестью с оригиналом. Точность деталей вызывала истинный трепет. Не стоит даже сомневаться, насколько тщательно резчик изучил образ для их изготовления. Се Лянь даже осмелился бы заявить, что статуи, вырезанные самыми именитыми мастерами государства Сяньлэ, не достигали подобного уровня. При одном только взгляде на эти творения возникало ощущение, что все мысли создателя занимал лишь он один, глаза видели перед собой лишь его образ.

Троица оказалась окружена божественными статуями, которые все были на одно лицо. Фэн Синя пробрало морозом по коже.

— Сказать по правде... мне, мать его... жутко становится... как, мать его, похожи...

И к тому же такое огромное количество.

Му Цин сказал:

— Я подозреваю, что эти статуи — предметы некоего тёмного ритуала. Уничтожим их, а там посмотрим.

Он замахнулся и почти нанёс удар ребром ладони, но Се Лянь тут же пришёл в себя из глубин своих мыслей и воскликнул:

— Постой!

Му Цин посмотрел на него:

— Ты уверен? А что если этот тёмный ритуал направлен во вред тебе?

Се Лянь, подумав, всё же ответил:

— Давайте не будем действовать опрометчиво. Мне кажется, вероятность тёмного ритуала крайне мала.

Фэн Синь:

— Как по мне, так очень велика. Чтоб их... Тебе разве не жутко от взгляда на них?

Му Цин посмотрел Се Ляню в глаза.

— И где доказательства?

Се Лянь покачал головой:

— Доказательств нет. Но... статуи сделаны очень хорошо, на совесть. Пока мы ни в чём не разобрались, вот так опрометчиво уничтожить их... будет очень прискорбно, — помолчав, он добавил: — Сань Лан... возможно, что-то от меня скрыл, но я считаю, что он, по крайней мере, не сделал бы ничего мне во вред.

Му Цин просто не мог поверить в услышанное:

— Неужели он правда опоил тебя каким-то ядом, от которого у тебя помутился разум? Как я погляжу, напиши он хоть у себя на лбу слово «подозрительный», ты сразу сделаешься неграмотным!

Покуда они спорили, Фэн Синь, будто почуяв приближение врага, вдруг воскликнул:

— Берегитесь!

Се Лянь и Му Цин насторожились:

— Что такое?

— Опять эта паутина!

Так и есть: пламенем-на-ладони осветило каменную стену перед ними, покрытую плотным слоем белых нитей. Все трое уж было решили, что снова придётся сражаться, но эти паутинки не шевелились и не нападали, в отличие от тех, враждебно настроенных, со дна ямы. Они походили на обыкновенный плющ, вьющийся по стенам. Троица застыла в ожидании, пока Се Лянь не заметил:

— Кажется, паутина... не живая.

Фэн Синь:

— Если не живая, то каково её назначение?

Се Лянь, обуреваемый раздумьями, подошёл ближе и осмотрел стену, убедившись кое в чём.

— Похоже, она скрывает под собой нечто иное.

Они все встали перед стеной, и Се Лянь потянул за паутину, сорвав целый пласт. Это оказалось нелегко — весьма прочная паутина поддавалась с трудом, но всё же у принца хватило сил.

Под покровом вуали скрывалось истинное лицо божества. Что же скрыто на каменной стене?

Фэн Синь и Му Цин тоже присоединились к отряду уничтожения паутины. Они втроём разделились по разным участкам стены, и вскоре Се Ляню открылась та часть, которой занимался он.

— Это фреска! — воскликнул принц.

Паутина закрывала от посторонних глаз огромную фреску. Стена пестрела множеством разноцветных штрихов и рисунками человечков. Целая картина разделялась на маленькие, разного стиля, изображения. Некоторые были грубыми, некоторые — изящными, некоторые — искусными, некоторые — странными и непонятными. Поглядев некоторое время, Се Лянь заключил:

— Это он нарисовал.

Му Цин:

— Он? Хуа Чэн? Ты уверен?

Се Лянь прошептал:

— Да. Там есть надписи. Это его почерк.

Принц указал на маленького кроваво-красного человечка на стене, возле которого виднелись искривляющиеся закорючки, совершенно хаотичные и нечитаемые. Словно кто-то написал их в замутнённом сознании или попытке выплеснуть невыносимую боль. По надписям можно было догадаться, что кроваво-красный человечек — это сам Хуа Чэн. Только не ясно, что с ним происходит на изображении, всё слишком искривлено. Фэн Синь, только взглянув, не удержался от замечания:

— Написано... так уродливо, что я чуть не ослеп. Осмелюсь заявить, что даже я пишу лучше.

Почерк хуже, чем у Фэн Синя, — это и впрямь степень уродства, которую уже ничем не исправить. У Се Ляня перед глазами всё рябило от картинок, он даже не представлял, откуда начать смотреть. Но убедившись, что это работа руки Хуа Чэна, принц почувствовал себя так, словно обнаружил редчайшую драгоценность, даже кончики пальцев едва заметно задрожали.

Тем временем Му Цин, похоже, нашёл кое-что ещё неподалёку, он подозвал:

— Ваше Высочество, быстрее, иди сюда. Скорее, взгляни!

Се Лянь наконец пришёл в себя:

— Что там?

Фэн Синь и Му Цин уже не могли вымолвить ни слова, просто указывали принцу на картину, которая занимала довольно большую часть фрески. На ней изображалась высокая городская стена, под которой бушевало целое море людей. Толпа окружала разукрашенную платформу. Линии отличались простотой, однако несколькими мазками была ухвачена вся суть.

Му Цин, указывая на самый центр картины, дрожащим голосом пробормотал:

— Так значит... это... это он?

Взгляд Се Ляня приковало к тому же месту.

Только два персонажа на тусклой картине выделялись цветными пятнами. Один внизу, раскрашенный белым, весь будто светился ярким сиянием. Он поднимал голову к небу и протягивал руки, чтобы как раз поймать маленького человечка, падающего со стены.

И этот, второй человечек, бросался в глаза кроваво-красным.

Му Цин продолжал бормотать:

— Это он?.. Это он? Мальчишка, что свалился со стены во время шествия? Но как такое возможно? Неужели... Собиратель цветов под кровавым дождём? Это он???

Фэн Синь быстро похлопал их по плечам и указал на другую часть фрески:

— Вон там ещё!

Се Лянь приблизился и увидел другой сюжет — полуразрушенную кумирню и статую божества на постаменте, также окружённую ореолом белого света. В одной руке статуя сжимала цветок, в другой — красный зонт, который протягивала вниз. А у постаamenta уродливый красный человечек преподносил божеству маленький цветок, держа дар обеими руками.

Се Лянь ощутил лёгкую головную боль, прижал ладонь к стучащему виску и продолжил изучать фреску.

Ещё один её фрагмент описывал, похоже, поле брани. Огромная армия солдат в полном обмундировании застыла в ожидании битвы, а в небесах над ними парил белый человечек с мечом. От его образа так и исходила грозная божественная мощь. И здесь тоже, среди бесчисленной армии людей, присутствовал кроваво-красный человечек: он задира голову, глядя на белую фигуру в небесах.

Се Лянь заворожено рассматривал картины, когда рядом прозвучал потрясённый голос Фэн Синя, который не мог поверить в увиденное:

— Этот красный — один и тот же человек? Это всё — он? Хуа Чэн? Чтоб меня... Он всё это время следовал за тобой по пятам?!

Му Цин, также с выражением крайнего потрясения, добавил:

— Не просто следовал, он следил. Очень, очень внимательно. Везде и всюду! Смотрите, вот ещё главная улица, Безмрачный лес, а это что? Горбатый склон? О Небеса... Выходит, все эти статуи — его работа?!

У Фэн Синя от увиденного просто волосы вставали дыбом от ужаса.

— Чтоб тебя... Да кто он такой?! Следил за тобой, начиная с того самого момента восемьсот лет назад?! Преследовал тебя до сегодняшнего дня? Твою мать! Это же настоящий кошмар! Он одержимый?! Что ему надо?! Обычные последователи не дошли бы до такой степени поклонения! Что он, в конце концов, задумал?!

Му Цин подхватил:

— Здесь кроется какой-то коварный замысел... наверняка кроется! Скорее, посмотрим дальше, мы точно сможем отыскать здесь ответ!

Се Лянь же совершенно ошеломлен от потрясения.

Он лишь неотрывно смотрел на кроваво-красного человечка на стене и пока ещё не осознавал увиденное, лишь чувствовал, как беспорядочные фрагменты прошлого, которые он вовсе не забыл, просто не придавал им значения, то и дело сменяют друг друга и бурным потоком заполняют голову, да так, что становится уже трудно дышать.

Неожиданно до принца донеслись громкие крики Фэн Синя и Му Цина. Се Лянь вздрогнул:

— Что там ещё такое?

Небожители, стоя у стены, кажется, увидели нечто из ряда вон выходящее. А когда принц вознамерился тоже подойти и посмотреть, Фэн Синь торопливо развернулся, задержал и даже оттолкнул принца.

— Твою ж... Не смотри!

Се Лянь растерялся:

— В чём дело? Что там? Почему нельзя посмотреть?

Лицо Му Цина тоже сделалось чернее тучи.

— Не смотри. Не на что там смотреть, скорее, уходим!

И они, вновь подхватив принца под руки с обеих сторон, бросились наутёк. Се Лянь, зажатый между ними, воскликнул:

— Что вы делаете? Я ведь ещё не досмотрел фреску до конца!

Фэн Синь на бегу гневно забранился:

— И не надо! На такое смотреть нельзя! Твою ж мать, вот ведь...! Да я, чтоб его, никогда не встречал такого непотребства! И таких непотребников!!!

Се Ляню это всё показалось ужасно странным.

— Чего ты не встречал? Что такое с Сань Ланом?

Му Цин прикрикнул на принца:

— Он ещё и Сань Ланом его зовёт! Прекрати! Тут не знаешь, как бы от него отделаться! Впредь не вздумай даже приближаться к нему, он ненормальный, он больной! Он безумец!!!

Се Лянь, не в силах больше слушать, перебил:

— Почему вы на него так взъелись? Это не мои слова, но ни один из нас не может похвастаться нормальностью, идёт?

Фэн Синь в ответ снова закричал:

— Не спрашивай! Ты не поймёшь! Он не такой, как мы! Он свихнулся! У него к тебе... к тебе...

— Что у него ко мне? Будьте любезны, отпустите меня, чтобы я сам пошёл и посмотрел, хорошо?

Один порывался вернуться, двое других тянули его за собой, и куда они застряли на одном месте, впереди внезапно послышался голос, отливающий холодом металла:

— Я разве не сказал, что, оказавшись в чужих владениях, не стоит трогать ничего без спроса?

Все трое моментально застыли и повернулись на звук, увидев красную фигуру. Хуа Чэн стоял, прислонившись к стене, и преграждал им путь. Он с улыбкой произнёс:

— В противном случае, я не берусь утверждать, какая участь за это постигнет.

Он улыбался, но во взгляде не было и тени улыбки, только тьма, в которой ничего не разглядеть. Одной рукой обняв другую, он поигрывал в пальцах чем-то маленьким.

Тёмно-красной коралловой бусиной, нанизанной на тонкую прядь его волос. Коралл переливался красным блеском и притягивал яркостью взгляд, так же как алеющая на его бледных пальцах нить.

Даже несколько сотен талисманов и груда булыжников не смогли его удержать!

Фэн Синь и Му Цин не промедлили ни мгновения — один сразу выпустил целый колчан стрел, другой сделал выпад саблей, посылая мощную атаку, схватил Се Ляня и помчался прочь. Фэн Синь, действуя по старому сценарию, на бегу обрушивал проход за ними.

— Твою ж мать! Как у него получилось так быстро нас найти?

Му Цин заорал в ответ:

— Я откуда знаю?! ...Нить! Красная нить! Их руки до сих пор связывает эта нитка!!!

Оба, словно пробудившись от наваждения, одновременно попытались схватить Се Ляня за руку. Но разве принц позволил бы им совершить задуманное? Другой ладонью закрывая нить, он воскликнул:

— Нельзя её снимать!

— Ваше Высочество, пока на тебе эта нить, он найдёт нас где угодно. Если не хочешь, чтобы нас нагнали, придётся её отвязать!

Но Се Лянь, не отпуская ладони, ответил:

— Но что такого страшного случится, если он нас нагонит? Я... хотел бы подробно расспросить его обо всём.

Му Цин выпучил глаза:

— Ты ещё и расспрашивать его собрался? Я смотрю, он должен съесть тебя живьём, чтобы ты наконец понял, насколько он опасен!

— Но ведь мне и так уже известно, что он весьма опасен! А вы не хотите говорить мне, что было на той фреске, и к нему приближаться тоже запрещаете. Так вам ни за что меня не уговорить!

— Он — Князь Демонов. И ведёт себя странно. Зачем тебе ещё какие-то уговоры? Обычно люди, услышав хотя бы об этих двух вещах, понимают — лучше к такому не приближаться!

Се Лянь показал два пальца:

— Два варианта. Вы отпустите меня к нему, чтобы во всём разобраться, либо дадите мне взглянуть на фреску.

Фэн Синя и Му Цина словно посетили кошмарные воспоминания, у одного задёргался уголок рта, у другого запрыгали брови. Они

остановились перед принцем и в один голос завопили:

— Ни то, ни другое!

Тогда Се Лянь стал закатывать рукава.

— Раз не получается решить всё на словах, сделаем это в бою!

Кто из вас будет первым? Или нападёте сразу оба?

Му Цин сказал Фэн Синю:

— Давай ты! — и отошёл в сторону.

Фэн Синь, похоже, не был уверен, что сможет одолеть Се Ляня, но ради спасения юной души, потерявшей разум, всё-таки решился. Натянув до отказа лук, он предупредил:

— Ну хорошо! Ваше Высочество, прошу меня извинить!

Се Лянь тоже произнёс:

— Прошу ме... — однако, не успев закончить формальную фразу, он ощутил, как спину обдало жаром, а потом кто-то позади выкрикнул:

— Замри! И замолчи!

И принц застыл, подобно железному столбу. Причём не только застыл, он теперь не мог издать и звука!

Возникший из-за его спины Му Цин скомандовал Фэн Синю:

— Потасили его. Талисман поможет, но действовать будет недолго.

Фэн Синь растерянно проговорил:

— Зачем ты напал на него исподтишка? Мы же договорились, что будем драться один на один?

Се Лянь и сам не ожидал, что Му Цин скажет одно, а сделает другое. И если бы не безоговорочное доверие к двоим давним подчинённым, принц не попался бы на уловку так легко.

Му Цин ответил:

— Сейчас не до сражений один на один! Он ведь это специально предложил, потянуть время, чтобы дождаться Хуа Чэна, я это сразу понял. Ты что, не видишь, в каком он состоянии? Одержимый, ни дать, ни взять. Что бы ты ему сейчас ни сказал, он не поймёт, что всё ради его же блага. И вообще, может статься, увидев Хуа Чэна и послушав парочку выдуманных оправданий, он сразу же поверит, словно под действием чар лисьего демона ^[289]!

Фэн Синь, подумав, согласился и со вздохом произнёс:

— Ваше Высочество, мы вовсе не желаем намеренно тебя одурачить, но всё дело в том, что он питает к тебе... Нет, это слишком

непристойно, не могу я такого вслух сказать! Пойдём с нами.

— Идём, — подхватил Му Цин.

Фраза эта не была ни предложением, ни просьбой, а приказом. Очевидно, перед тем, как ударить Се Ляня по спине, Му Цин собственной кровью изобразил на ладони талисман подчинения. Такие талисманы могли заставить любого следовать приказам заклинателя, однако обычно лишь самым простым, вроде «молчать», «идти», «замереть», «бежать» и так далее. Более сложные приказы уже не выполнялись, вместе с тем сознание подчинённого оставалось чистым. Только сильная нечисть, вроде Божества парчовых одежд, могла достичь более мощного эффекта.

Двое небожителей вновь схватили принца и помчались вперёд. Неожиданно путь им преградила груда камней. Фэн Синь, увидев, что дальше не пройти, удивился:

— Почему тоннель завален? Дальше хода нет?

Му Цин накинулся на него:

— А разве не ты засыпал весь путь булыжниками? Меня-то что спрашиваешь?

Фэн Синь возразил:

— Но ведь это ты нас вёл! Какой из тебя проводник, если мы пришли туда, где уже бывали? Почему мы вернулись на то же место?

Му Цин не принял его возражений:

— Шутишь? Я дороги не знаю, как я мог вас вести? Мы просто бежали, куда глаза глядят!

Между ними вновь назрела ссора, но Фэн Синь махнул рукой и сказал:

— Ладно, некогда препираться, копаем, копаем!

Погоня осталась за спиной, поэтому путь назад был отрезан. Оставалось только двигаться вперёд, чтобы не наткнуться на преследователя. Засыпать тоннель легко, а вот раскопать уже непросто. Они оставили Се Ляня послушно стоять у стены, и Фэн Синь принялся молотить по камням кулаками. У Му Цина на лбу вздулись вены, он занёс свою воинственную саблю и нанёс рубящий удар по завалу, в два счёта расчистив путь. Камни и песок полетели в стороны. Двое небожителей уже вновь собирались приказать Се Ляню идти, но когда рассеялась пыль, перед ними вдруг возник красный силуэт. Глаза Се Ляня в тот же миг сверкнули. Это был Хуа Чэн!

Он стоял, не произнося ни слова, с заведёнными за спину руками и угрозой во взгляде. У Фэн Синя тут же вырвалось:

— Да что же ты не отвяжешься, будто призрак, что никак не упокоишься с миром!

А ведь и правда, собственной персоной — призрак, что никак не упокоишься с миром ^[290].

Но ведь они совершенно точно оставили его позади, как же он оказался здесь??? Интересно, сколько времени он уже караулил беглецов, безмолвно ожидая, пока они сами преодолеют преграду и предстанут перед ним? Вот уж поистине настоящая жуть!

Фэн Синь и Му Цин мгновенно отбежали прочь, увеличив расстояние между ними. Но Хуа Чэн на них даже не взглянул, его взгляд переместился в сторону, и он сделал шаг к принцу. Тогда двое небожителей поняли, за кем он явился, и тут же загородили Се Ляня собой.

— Не приближайся! — выкрикнули они хором.

Лицо Хуа Чэна было мрачнее самой чёрной тучи.

Кому бы в иных обстоятельствах достало смелости велеть Собирателю цветов под кровавым дождём «не приближаться»? Было бы крайне странно, если бы он не рассмеялся на подобное и не поступил бы, как ему вздумается, совершенно не обратив внимания на запреты. Но на этот раз... он будто в самом деле чего-то испугался и застыл на месте, не решаясь совершать опрометчивых поступков.

Спустя некоторое время раздался его неторопливый голос:

— Извольте объяснить, что всё это означает.

Тон его звучал довольно спокойно.

Но Фэн Синь ответил прямо, без обиняков:

— Можешь больше не притворяться. Это место — твоё самое настоящее гнездо. Мы уже знаем, что за статуи здесь хранятся, и твои картины... мы видели все до одной!

Хуа Чэн стоял, повернувшись к ним в профиль, преграждая путь. А после этих слов его заведённые за спину руки, кажется, судорожно дёрнулись, будто неестественно поджались пальцы.

Он чуть опустил голову и бесцветным тоном спросил:

— Его Высочество... тоже видел?

Он сказал это тихо, почти неслышно, и хотя голос звучал подобно ровной глади воды, в нём угадывалась лёгкая хриплость, что выдавало

очевидное отличие от привычного настроения Хуа Чэна.

Се Лянь в душе закричал: «Нет!»

Ведь на самом деле он и правда видел не так уж много, но в этот миг не мог ни пошевелиться, ни заговорить, ему оставалось лишь послушно стоять у стены, будто прячась за спинами защитников. Создавалось впечатление, что он не желает видеться с Хуа Чэном, не хочет с ним говорить.

Фэн Синь натянул лук и ответил:

— Да. Нам прекрасно известно, что у тебя... на уме. Из почтения к твоему статусу Князя Демонов, если в тебе самом есть хоть капля самоуважения, попрошу тебя больше не приближаться к Его Высочеству.

В душе Се Ляня сейчас словно занялась пожаром соломенная хижина и всё застлало густым дымом. Хуа Чэн должен был заметить его странное состояние, Се Лянь надеялся всем сердцем, что он сейчас обратится к нему и поймёт — что-то с принцем не так!

Но Хуа Чэн, кажется, совершенно не имел намерения вникать в детали. Он лишь с жестокой насмешкой в голосе переспросил:

— Не приближаться к нему? А вы двое какое имеете право заявлять мне подобное? — Не дожидаясь ответа, Хуа Чэн резко поднял опущенные веки. — Кстати, спасибо за напоминание. Я ведь ещё не поквитался с вами, продолжим же платить по счетам!

В следующий миг на двоих небожителей со свистом ринулся бесчисленный рой серебристых бабочек!

Единственным способом противостояния этой налетевшей яростным ураганом атаке было уйти в защиту. Фэн Синь и Му Цин выкрикнули:

— Щит!

Бабочки каплями дождя разбивались о магический заслон, сверкая серебристыми вспышками, но вскоре превращались в новых и продолжали нападать, без устали, ни на миг не останавливаясь. Небожители, отбивая атаки одну за другой, то и дело отступали, Хуа Чэн же шаг за шагом уверенно приближался. От магических волн его чёрные волосы заплясали без ветра, в глубине глаз полыхал гнев и жестокость, которые улавливались с первого же взгляда, озарённые ярким, подобным взошедшему солнцу, сиянием серебристых бабочек. Фэн Синь и Му Цин, загнанные в одностороннюю оборону,

переглянулись и решили всё-таки перейти в активное наступление — не снимая щита, они бросились вперед, каждый со своим оружием, и все трое принялись сражаться в пещере, которая, стоит заметить, не отличалась просторностью. Фэн Синь бился с призрачными бабочками, Му Цин же вышел против Хуа Чэна. Но тот протянул руку, и в его левой ладони появилась изогнутая сабля, Эмин, который и принял на себя атаку!

Впервые Се Ляню довелось увидеть Эмина в бою. Леденящий холод изогнутого клинка, отнимающий жизни серебряный блеск... Это и впрямь был совершенный, пышущий тёмной энергией, в полном смысле этого слова зловещий клинок!

Битва вышла на редкость впечатляющая. Хуа Чэн сражался один против двоих и нисколько не уступал, полностью сосредоточенный и собранный. Вскоре Эмин сделал выпад, подцепил остриём чжаньмадао Му Цина и вывернул саблю противника так, что она вонзилась в стену. Му Цин всё ещё держал рукоять своей сабли, но вытащить клинок из стены не смог. А стоило ему отвлечься, Хуа Чэн ударил его кулаком в челюсть, так что Му Цина отбросило в полёт, и саблю он наконец выпустил. Тем временем стрелы Фэн Синя непрерывно ломались, разрезаемые налету острыми краями крыльев призрачных бабочек. Всё-таки маленьких слуг Хуа Чэна оказалось слишком много, одолеть их было практически невозможно!

Победитель определился, и из всех углов с шорохом поползли белые паутинки, которые вновь оплели двоих небожителей как куколок. Чем сильнее те вырывались, тем сильнее запутывались, и тем крепче стягивались нити.

Му Цин, пытаясь разорвать путы, завопил:

— Так значит, это и правда ты! Ты бросил нас в ту яму!

Фэн Синь добавил:

— И это не паутина! Это...!

Се Лянь тоже сразу понял. Это нити коконов бабочек!

Прежде чем стать бабочкой, гусеница заворачивается в кокон, становится куколкой. Те странные нити, похожие на паутину, тоже служат Хуа Чэну, а может быть, даже связаны с этими жуткими призрачными бабочками ^[291]!

Битва завершилась, Хуа Чэн убрал саблю и с насмешкой обратился к проигравшим:

— Я бросил вас туда, чтобы вы переждали опасность. А коли разобраться до конца, если бы вы своими дурными криками не вызвали сход лавины, никогда и ни за что не попали бы в эту пещеру. Не хотите ли вознести мне благодарности за то, что я спас ваши жалкие жизни?

Должно быть, изначальный план Хуа Чэна был таков: дожидаться, когда лавина сойдёт и стихнет, затем вывести Се Ляня наверх, а Фэн Синя и Му Цина бросить здесь и позабыть. Но кто же мог подумать, что эти двое прогрызут путы и устроят такой шум, что Се Лянь возьмёт да и найдёт их? Это и привело ко всем последующим событиям. Иначе Се Лянь, вероятно, в самом деле не увидел бы лица даже одной статуи и просто ушёл бы вместе с Хуа Чэном.

А теперь всё обернулось настоящим кошмаром. Все покровы оказались сорваны, все тайны озарены светом.

Душа Се Ляня наполнилась переживаниями, однако тело под заклятием неподвижно стояло на месте. Леденящий душу холод во взгляде Хуа Чэна становился всё сильнее, он сверху вниз глянул на Му Цина и тихо произнёс:

— Как видно, всё-таки это я обладаю природным талантом к фехтованию саблей. А не ты.

Горло Му Цина стягивали белые нити, так что его лицо то краснело, то зеленело, а в уголке рта показалась кровавая пена. Он с трудом прохрипел:

— Ты!.. Ты...? Так вот в чём дело, теперь я понял...

Фэн Синь тоже прошипел сквозь сжатые зубы:

— Что... ты понял?!

— Я понял... почему этот паршивец так меня ненавидит... Возможно, и в твоём случае причина кроется где-то рядом!

— Ка... кхэ... какая причина?

Му Цин со злостью воскликнул:

— Его безумие! Ты забыл, что изображено на той фреске? Он же и есть тот... молодой солдат, которого Его Высочество велел повесить по возвращении с Горбатого холма. Его Высочество сказал, что мальчишка отлично владеет саблей, что ему подходит это оружие... кхэ-кхэ...

— И какое это к тебе имеет отношение?!

Но Му Цин замолчал. Раздался удар — Хуа Чэн врезал ему кулаком по лицу и с жутковатой улыбкой ответил:

— А такое, что он прогнал меня из военного лагеря!

Вот так неожиданность! Оказывается, Му Цин когда-то совершил подобный поступок!

— Мать твою! Зачем ты его прогнал?! Что он тебе-то сделал?! — поразился Фэн Синь.

Му Цин, по лицу которого заструилась кровь, ответил:

— Я лишь велел ему возвращаться домой, война — это ведь не праздник какой-то! Откуда я знал, что он настолько выживет из ума, что будет помнить обиду по сей день!..

Ещё один безжалостный удар не дал ему договорить, теперь его лицо и вовсе перекосило. Хуа Чэн с улыбкой произнёс:

— Думаешь, я не догадываюсь, почему ты тогда прогнал меня? Хм?

Взгляд Му Цина сверкнул. Хуа Чэн же, посмеиваясь, продолжил:

— Но теперь-то и дураку понятно, кто из нас на самом деле никчёмное создание, не находишь?

Му Цину будто наступили на большую мозоль. Сплюнув кровь, он отчеканил:

— И хорошо, что я прогнал тебя взащей. Или что же, надо было позволить тебе остаться в лагере, чтобы ты постепенно сближался с Его Высочеством, целыми днями наблюдая за ним и думая неизвестно о каких гадостях? Вот уж поистине отвратительно!

Сердце Се Ляня болезненно съёжилось. Ещё на первой фразе Хуа Чэн занёс кулак, однако стоило Му Цину выкрикнуть «отвратительно», и рука Хуа Чэна застыла в воздухе. На тыльной стороне бледной ладони проявились синие вены, пальцы крепко сжались и расслабились, расслабились и снова сжались.

Спустя некоторое время он угрожающе проговорил:

— За это я с тобой поквитаюсь позже. А сейчас отвечай, да не смей юлить. Сказанное тобой перед сходом лавины — правда?

Глаза Му Цина внезапно округлились, он посмотрел на Фэн Синя, который глядел на них точно таким же взглядом.

Они оба не знали, как следует ответить. Хуа Чэн сурово пригрозил:

— Моё терпение имеет границы. Считаю до трёх. Один! Два!

Медлить он явно не собирался. И вдруг Му Цин, проявив смекалку в миг опасности, вскричал:

— Ваше Высочество, беги!!!

В тот же миг Се Лянь, у которого на спине отпечталось заклинание, бросился прочь. Хуа Чэн обернулся и призвал белые шёлковые нити, которые моментально скрутили Се Ляня. Не сделав и двух шагов, принц упал.

Выглядело всё так, словно мгновениями ранее Се Лянь от страха не мог шевельнуться, или же был не в состоянии принять случившееся, не желал мараить руки битвой, вот и стоял в стороне. А теперь наконец решился сбежать, но ему это не удалось. Однако в действительности принц даже не собирался никуда бежать!

Руки и ноги Се Ляня в несколько витков крепко связало белыми путами, его чёрные волосы и белые рукава разметались по земле, шляпа отлетела в сторону. Хуа Чэн медленно развернулся, некоторое время постоял неподвижно, но всё-таки направился к нему. Но сделал лишь несколько шагов, когда Фэн Синь позади него не выдержал и воскликнул:

— Хуа Чэн!

Шаг Хуа Чэна застыл, он чуть повернул голову.

Фэн Синь, собравшись с духом, решился на уговоры:

— Прошу... отпусти Его Высочество! Он уже достаточно настрадался. Ты... не можешь с ним так...

Хуа Чэн не ответил. Он подошёл к Се Ляню, склонился и поднял принца, одной рукой под колени, другой обняв за плечи.

Се Лянь, оказавшись у него в объятиях, прекрасно смог разглядеть выражения лиц двух «куколок». Фэн Синь громко взревел, будто бы наблюдал страшную картину, как тигр утаскивает в своё логово барашка, где разорвёт его на части и сожрёт. Му Цин вновь принялся изо всех сил рвать зубами белые нити, но те коварно сплелись таким образом, что все его усилия были тщетны. Хуа Чэн знал все тоннели пещеры Десяти тысяч божеств как свои пять пальцев — поворот, ещё поворот, и вскоре принц уже не видел своих бывших подчинённых, не слышал их голосов.

Хуа Чэн с Се Лянем на руках продвигался всё дальше в тёмноту каменных пещер.

Лишь серебристые призрачные бабочки, танцующие вокруг них, давали немного тусклого света. Се Лянь не видел выражения лица Хуа Чэна, но мог почувствовать, что его руки и всё тело будто бы превратились в камень.

Хуа Чэн и раньше носил его на руках, но, очевидно, теперь что-то изменилось — он даже не прикасался напрямую ни к шее, ни к рукам принца. Се Лянь не отрывал глаз от его лица, активно подмигивая, но Хуа Чэн, как назло, всё время избегал смотреть на принца, ни разу не встретившись с ним взглядом. Так они оказались в одном из гротов, где стояло каменное ложе, на которое Хуа Чэн немедленно опустил Се Ляня. И уже почти уложил, когда вдруг кое-что обнаружил. Осмотрев одежду на спине принца, Хуа Чэн произнёс:

— Они применили к тебе заклятие?

Се Лянь возрадовался: ну наконец-то он заметил!

Впрочем, как раз тот факт, что Хуа Чэн только сейчас обнаружил неладное, давал понять, насколько сильно всё случившееся выбило его из колеи. Се Лянь ждал, что Хуа Чэн поможет ему стереть талисман подчинения, но тот, уже протянув руку, внезапно замер. И в итоге всё же отвёл ладонь, оставив Се Ляня на каменном ложе.

Видимо, чтобы успокоить принца, Хуа Чэн убедительно произнёс:

— Не волнуйся, Ваше Высочество. Я пока не стану убивать этих никчёмьшей. Несмотря на жгучее желание это сделать.

Каменное ложе устилал толстый слой мягкой свежей травы, и Се Лянь не испытывал ни капли неудобства, лёжа на нём, но при этом от волнения его внутренности едва ли не дымились. Он никак не мог понять, почему Хуа Чэн не освободит его от заклятия, и всеми силами пытался сопротивляться собственной неподвижности, когда прямо на его глазах Хуа Чэн прикоснулся к поясу на одежде принца и потянул за него.

К счастью или к сожалению, но именно в этот момент Се Лянь почувствовал, что действие талисмана подчинения начинает ослабевать, поэтому с силой дёрнул ногой и вскрикнул:

— А!

Это было похоже на то, как выброшенная на сушу рыба перед смертью бьёт хвостом, пытаясь воспротивиться, но никакой угрозы не несёт. Однако Хуа Чэн вмиг отдёрнул руку и замер, воскликнув:

— Я не стану!..

Возможно, собственный тон показался ему слишком резким, или он побоялся, что напугал принца, отчего тот и запротестовал — Хуа Чэн отшатнулся на несколько шагов и насилу успокоил дыхание. Выражение его лица то и дело менялось от опасений к попыткам сдерживать эмоции.

— Ваше Высочество, я ничего не сделаю. Прошу... не бойся, — с нажимом проговорил Хуа Чэн.

Се Лянь понял: Хуа Чэн всё ещё не был уверен, какая реакция Се Ляня ждёт его после снятия заклęcia, поэтому предпочёл просто не знать.

Казалось, всеми силами подавляя некий внутренний порыв, Хуа Чэн вновь заговорил, тоном, которым обычно люди дают клятвы, и очень тихо:

— Ваше Высочество, верь мне.

Эта фраза, «верь мне», в сравнении со всем, что он сказал ранее, звучала уже не столь убедительно. Се Лянь хотел бы ответить ему, но не мог, колеблясь и боясь, что Хуа Чэн не так его поймёт. Принцу только и оставалось, что лежать ровно и не шевелиться, спокойно дожидаясь, когда действие талисмана сойдёт на нет. Увидев, что принц больше не «противится», Хуа Чэн вновь подошёл, протянул руку и с шорохом развязал пояс на его одежде.

В мыслях Се Ляня пронеслось: «Сань Лан???»

Разумеется, принц был абсолютно уверен, что Хуа Чэн не воспользуется его беспомощным положением. И всё же события развивались совершенно вне рамок его ожиданий, и Се Лянь чуть округлил глаза. Впрочем, несмотря на то, что Хуа Чэн действительно раздевал Се Ляня, он старательно избегал прикосновений к телу принца, поэтому процесс шёл крайне медленно — лишь спустя долгое время он стянул верхнее одеяние, затем и нижнюю рубаху. Лишь когда призрачная бабочка присела на плечо Се Ляня и, мягко щекоча, проползла по коже, принц скользнул глазами в сторону и наконец увидел, что его плечо слегка побагровело и опухло, кое-где даже потрескалась кожа. Лишь там, где сидела бабочка, виднелись явные улучшения.

Оказывается, после бархтанья в снежном потоке во время схода лавины принц получил обморожение.

Сам Се Лянь вообще ничего не заметил, поскольку почти растерял чувствительность к боли. Ну обмёрз и обмёрз, а даже если заметил бы, наверное, не стал бы ничего предпринимать, просто дождался бы, пока заживёт. Но Хуа Чэн знал лучше принца, где тот поранился. И до сих пор держал в памяти, что эти раны необходимо залечить.

Будто пребывая в душевном оцепенении, Хуа Чэн приподнял с каменного ложа руку Се Ляня. Именно руки и ноги принца пострадали сильнее всего, а после яростного бега и перетягивания из стороны в сторону кое-где даже пошла кровь. Се Лянь, впрочем, не боялся боли, но зато... боялся щекотки. К тому же, в его памяти по-прежнему неподконтрольно всплывали обрывки прошлого. Тёмная пещера, дрожащие и обжигающие руки молодого парня, беспорядочные прикосновения в полном смятении, сбивающееся дыхание и стук сердца...

Воспоминания эти размылись до такой степени, что бледнее уже некуда, принц давным-давно их запечатал и забросил в дальний угол памяти. Теперь же, вспоминая об этом, Се Лянь ощущал совершенно иные эмоции, от которых хотелось схватиться за голову и пронзительно закричать. В особенности и от того, что сейчас Хуа Чэн находился прямо перед ним и занимался почти тем же самым. Лицо и голова Се Ляня едва не воспламенялись, он по-настоящему испугался, что Хуа Чэн это заметит. Однако тот на принца не смотрел и стойко держал обещание не переступать черту — чуть отвернувшись, старался не касаться взглядом полуобнажённого бледного плеча.

Неожиданно за спиной Хуа Чэна раздался крик:

— Хуа Чэн! Что ты собрался сотворить с Его Высочеством, ты, безумец?! Какая мерзость!

Хуа Чэн рывком обернулся, Се Лянь тоже смог перевести взгляд к выходу из пещеры.

Голос принадлежал Му Цину! И Фэн Синь стоял рядом. Только что Хуа Чэн завернул их в коконы, но они каким-то образом выбрались и нашли это место. Увидев картину происходящего, оба прямо-таки побелели. И Се Лянь побелел вслед за ними.

Хуже и не выдумать!

Фэн Синь указал пальцем на Хуа Чэна, затем на полуголового Се Ляня и лишь спустя какое-то время смог выдавить из себя:

— А ну... а ну... немедленно отпусти его!

Хуа Чэн, быстро запахнув одежду на Се Ляне, угрожающе произнёс:

— Вы, двое никчёмных созданий, снова посмели явиться? Никак, собственная жизнь слишком длинной показалась?

Му Цин съязвил:

— Убери от него свои грязные лапы. Жаба решила мясом лебедя полакомиться! Потрать хоть восемьсот, хоть тысячу, хоть десять тысяч лет на свои несбыточные, безумные фантазии, ты и пальцем к Его Высочеству не притронешься, даже не мечтай!

При этих словах в душе Се Ляня словно гонг прозвучал, так забилося сердце. Но вместе с лёгким приступом гнева он также смутно ощутил недоумение.

Что это с ними? Пускай Хуа Чэн поколотил их как следует, всё же настолько злые речи казались излишними. Особенно странно было слышать такое от Му Цина, он словно старался всячески вывести Хуа Чэна из себя. Но ведь в таком случае их ничего хорошего не ждёт. Одолеть Князя Демонов этим двоим явно не под силу, в чём же их истинная цель? К тому же, в их словах акцент незаметно перемещался к Се Ляню, будто они вовсе не стремились к благополучному исходу событий, а даже наоборот — надеялись, что Хуа Чэн в приступе гнева что-то сделает с принцем.

Хуа Чэн и впрямь разъярился, на бледном лице мелькнула мрачная тень. Затем он тихо произнёс:

— Раз вы так настойчиво ищете смерти...

Се Лянь, разглядев в его глазах нескрываемую жажду убийства, хотел закричать, но получилось только мысленно: «Нет!!!»

Слишком поздно. Изогнутая сабля покинула ножны, мгновение — Эмин ледяным блеском прорезал воздух!

Фэн Синь и Му Цин застыли как вкопанные и невольно опустили взгляд. Повезло, их несколько не задело.

Но ни один из них не успел ни выдохнуть, ни ответить на атаку. В следующее мгновение верхние половины их тел отделились от нижних и повалились на пол.

Кровь хлестанула фонтаном, стремительно заливая всё вокруг.

Се Лянь ни при каких обстоятельствах не мог ожидать, что случится нечто подобное. Обмякший на каменном ложе, он просто оцепенел.

Хуа Чэн... разрубил Фэн Синя и Му Цина пополам!

Но они всё ещё были живы и катались по земле, один — сжав зубы, другой — с гневным рёвом. Зрелище потрясало жестокостью. Хуа Чэн с невозмутимым лицом убрал саблю. Немного крови брызнуло ему на скулу, и теперь тёмно-красная полоса оттеняла демоническое выражение, отчего оно становилось более явным, более притягательным.

Он ещё мгновение стоял среди растекшейся крови, затем повернулся и вновь подошёл к Се Ляню. Увидев, как мрачное лицо Хуа Чэна приблизилось, Се Лянь наконец пришёл немного в себя. А Хуа Чэн тем временем склонился, взял по-прежнему беспомощного принца за руку, приподнял и притянул к своей груди, прошептав:

— Разве могу я отпустить...

Се Лянь, которого он крепко прижал к себе, не мог произнести ни слова. Хуа Чэн же прошептал ему на ухо ещё одну фразу. Сердце в груди Се Ляня забилося как бешеное, будто вот-вот выпрыгнет наружу, и вдруг его тело расслабилось.

Талисман подчинения, который на его спине отпечатал Му Цин, наконец был стёрт.

Даже сказав, что не отпустит, Хуа Чэн, который как раз и стёр талисман, чуть ослабил объятия и всё же отпустил Се Ляня. Принц сделал глубокий вдох, мгновенно вскочил и бросился к раненым, лежащим в луже крови:

— Фэн Синь? Му Цин? Как вы?!

Рана Му Цина была более серьёзной, у него из уголка рта сочилась кровь, взгляд сделался затуманенным. Фэн Синь всё ещё держался, он ухватил принца за руку и прохрипел:

— Ваше... Высочество...

Се Лянь сжал его руку в ответ.

— Что? Что ты хочешь сказать?

Фэн Синь, сглотнув кровь, сквозь зубы прошептал:

— Берегись... Хуа Чэна... Не приближайся к нему... Он... он монстр!

Казалось, он тратит последние силы, только чтобы перед смертью предупредить Се Ляня об опасности. Но выражение лица принца неожиданно сделалось равнодушным.

— Монстр? — Он отпустил руку Фэн Синя и поднялся. — Очень любопытно узнать, кто из вас больше «монстр».

Фэн Синь застыл от его слов. Се Лянь же, едва замолчав, молниеносно выхватил меч и пронзил грудь Фэн Синя, пригвоздив того к полу!

Не веря в случившееся, тот воскликнул:

— Ваше Высочество! Ты... — не успев договорить, он испустил дух.

Се Лянь же выдернул Фансинь из его сердца, отряхнул клинок от крови и отступил, оказавшись возле Хуа Чэна. Направив остриё меча на два трупа на полу, принц произнёс:

— Кровь уже пролилась, так может, нет необходимости продолжать скрываться под этими двумя личинами?

— Ха-ха-ха... — неожиданно раздался зловещий смех. Мёртвое тело разрубленного пополам Му Цина повернуло голову. Это оно смеялось.

Поваленное навзничь, оно могло повернуть голову, лишь прижавшись щекой к земле, но... у него немыслимым образом получилось развернуть шею так, что теперь голова смотрела в потолок и смеялась, смеялась над Се Лянем!

Всё верно. Эти «двое» — вовсе не настоящие Фэн Синь и Му Цин, а неизвестно кем присланные сюда фальшивки.

Му Цин и Фэн Синь всё ещё оставались в плену белых нитей и пытались высвободиться любыми способами, однако не преуспевали в этом. Только что, когда Хуа Чэн приблизился и снял талисман подчинения с принца, он именно это прошептал ему на ухо.

И лица фальшивок были такими бледными вовсе не от удивления или испуга, а потому, что они вовсе не могли называться человеческими существами!

Се Лянь уже обнажил клинок, а «Фэн Синь» и «Му Цин», зловеще ухмыльнувшись, ответили хором, но одним и тем же голосом:

— Как тебе будет угодно.

После этого они разом обернулись подобием растёкшихся луж густой крови. Хуа Чэн закрыл Се Ляня собой, куда эти лужи стеклись вместе и стали принимать форму человеческой фигуры, при этом отвратительно булькая и испуская клубы пара, словно вскипающая жижа. Принц смотрел, как безобразные комки постепенно

обретают очертания и «растут» прямо на глазах, и холодок постепенно перебирался от его поясицы к середине спины.

Ещё мгновение, и «Фэн Синь» с «Му Цином» окончательно исчезли, вместо них показался высокий юноша в белых одеждах. Судя по телосложению, ему было около семнадцати-восемнадцати лет, но лицо скрывалось под маской. Наполовину плачущей, наполовину смеющейся. Облика его они не видели, только из-под маски прозвучал чистый юный голос, который мягко прооизнёс:

— Здравствуй, Се Лянь.

Губы Се Ляня неподконтрольно шевельнулись, кровь в жилах застыла от ужаса. Хуа Чэн, закрывая принца собой, выхватил саблю и незамедлительно нанёс рубящий удар!

Юноша в белом не выказал ни капли испуга, столкнувшись со зловещим клинком Эмина. Он увернулся, сделав малейшее движение в сторону, а в следующий миг молнией оказался за спиной демона и протянул руку к Се Ляню, будто желал коснуться его лица.

Сверкнула серебристая вспышка, Хуа Чэн вновь закрыл принца собой и леденящим душу тоном прооизнёс:

— Убери от него свои грязные лапы.

Что ж, фраза вернулась к отправителю в точности такой, какой ранее была адресована Хуа Чэну. Юноше отсекло руку клинком Эмина, конечность упала на пол. Однако это не возымело никакого действия — он лишь тряхнул широким рукавом, закрывшим обрубок, ещё раз, и на месте среза выросла новая рука, пальцы которой, растопырившись будто когти, метнулись к правому глазу Хуа Чэна!

Всё это заняло не более мгновения. Хуа Чэн тоже оказался молниеносно быстр, он увернулся, но всё же на его щеке остались две кровавые отметины.

Дело невиданное, но Хуа Чэн всё же не мог превзойти противника в скорости. Его взгляд сделался суровым, тактика тут же переменилась. Он призвал бесчисленный рой бабочек, которые безумным вихрем налетели на врага и практически обернулись вокруг него сверкающим серебристым коконом в форме человеческой фигуры. Однако и они наверняка не смогут продержаться слишком долго. Хуа Чэн потянулся к Се Ляню, но спустя мгновение раздался пронзительный визг, который издали серебристые малютки, обернувшиеся мириадами искрящихся частичек!

Хуа Чэн чуть переменялся в лице, что не укрылось от взгляда Се Ляня. Принц сразу понял, что их положение оставляет желать лучшего, если противнику удалось разом уничтожить такое количество призрачных бабочек. Юноша в белом, справившись с очередным препятствием, внезапно протянул руку сквозь серебристые искры, которые накрыли его сплошной завесой, и вновь сделал выпад, будто бы пытаясь вырвать Хуа Чэну правый глаз!

Теперь настал черёд Се Ляня пустить в ход Фансинь — меч нанёс безжалостный удар! И на этот раз юноше в белом не просто отрубил руку, всё его тело почти рассекло пополам. Не теряя времени, Хуа Чэн бросил:

— Ваше Высочество, уходим!

Се Лянь тоже прекрасно понимал, что нельзя ввязываться в этот бой. Покуда есть возможность — надо отступать. И они вместе вылетели из грота в темноту запутанных тоннелей, не встречая на пути никаких препятствий.

Се Лянь набегу крикнул:

— Это он! Он... и правда не умер!

Хуа Чэн бежал чуть быстрее, выбирая дорогу, и явно сохранял спокойствие лучше, чем Се Лянь. Он тут же выставлял за ними боевые порядки призрачных бабочек и заслоны в виде плотных стен из белых нитей. И даже успевал отвечать принцу:

— Вовсе не обязательно, что это тот же самый.

Се Лянь резко остановился и дрожащими руками обхватил себя за голову.

— Нет... я почувствовал, это тот самый! Он не только не умер, но и стал сильнее, что-то возродило его к жизни... В противном случае, как он мог вот так сразу принять облик Фэн Синя и Му Цина? Надеть на себя личину вознёсшегося небесного чиновника крайне трудно. Создать их фальшивые оболочки практически невозможно!

Услышав тревожные нотки в голосе принца, Хуа Чэн развернулся и взял его за руку, говоря:

— Ваше Высочество! Не бойся. Возможно, дело не в том, что он стал сильнее. Существует и другой вариант — просто он слишком хорошо знает Фэн Синя и Му Цина! Поэтому у него и получилось создать их фальшивые личины. Вы все наверняка его...

Он так и не договорил, потому что взгляд Се Ляня опустился на ладонь, которой тот взял его за руку. Заметив это, Хуа Чэн запнулся, а его лицо будто окаменело. Он постарался скрыть эмоции, разжал руку и даже убрал за спину, после чего развернулся и вновь направился вперёд.

Вот только Се Лянь не последовал за ним.

— Сань Лан.

Хуа Чэн застыл на месте как вкопанный, не в силах сделать больше ни шага. И всё же не обернулся, лишь ответил:

— Ваше Высочество.

Его голос звучал довольно ровно. Се Лянь, стоя у него за спиной, произнёс:

— Только что... произошло очень многое, и всё как-то перемешалось в суматохе.

— Гм.

— И пусть суматоха до сих пор не улеглась, всё же... я хотел бы прямо сейчас задать тебе один вопрос. И прошу тебя ответить мне честно и совершенно искренне.

— Хорошо, — помолчав, сказал Хуа Чэн.

Се Лянь совершенно серьёзно, почти торжественно спросил:

— Кто же та «благородная золотая ветвь с яшмовыми листьями»?

Палец Хуа Чэна, на котором была повязана красная нить, едва заметно дрогнул. Он долгое время молчал. Затем медленно произнёс:

— К чему вопросы, если ответ уже известен Вашему Высочеству?

Се Лянь кивнул и сказал:

— Вот оно что. Значит, это не напрасные наветы. И всё действительно так.

Хуа Чэн не проронил ни слова.

Помолчав, Се Лянь продолжил, при этом тон его звучал ровно и абсолютно невыразительно:

— Ты... не хотел бы узнать, каково моё отношение к этому?

Хуа Чэн чуть повернул голову, словно хотел обернуться, и в то же время не осмеливался встречаться взглядом с принцем. Се Лянь увидел лишь две тонкие царапины на его щеке. Хуа Чэн произнёс:

— Ваше Высочество, нельзя ли... не говорить мне этого? — его голос даже охрип немного.

Се Лянь ответил:

— Мои извинения. Но это то, что ни в коем случае нельзя оставить без объяснений.

Хуа Чэну не требовалось дышать, однако, услышав эту фразу, он всё же сделал глубокий вдох.

Его лицо стало невыносимо бледным, но, тем не менее, он улыбнулся. И с достоинством произнёс:

— Верно. Так будет лучше.

Словно смертник в ожидании приговора, он закрыл глаза. Но веки сомкнулись лишь на мгновение и резко распахнулись вновь.

Сзади его обхватила и крепко обняла пара рук.

Се Лянь, прижавшись лицом к спине Хуа Чэна, тоже ни слова не проронил. Но... пусть даже он ничего и не сказал, этого было достаточно.

Потом Се Лянь почувствовал, как тот, кого он обнимает, развернулся и, переняв инициативу, сам крепко обнял принца в ответ.

Сверху раздался запинаящийся голос Хуа Чэна:

— ...Ваше Высочество. Ведь ты же так в самом деле... погубишь меня.

Неожиданно из глубины каменных тоннелей позади послышался взрыв, где-то далеко во тьме сверкнула белая вспышка, сопровождаемая писком серебристых бабочек.

Двое одновременно вскинули голову, переменившись в лице. Се Лянь отпустил рукав Хуа Чэна, в который вцепился ранее, и воскликнул:

— Поговорим позднее!

Они снова помчались вперёд, но только... теперь крепко взявшись за руки.

Лицо Се Ляня до сих пор горело огнём. Изо всех сил пытаюсь придать голосу спокойный тон, будто не произошло ничего из ряда вон выходящего, принц спросил:

— Сань Лан, как ты понял, что те Фэн Синь и Му Цин — фальшивки? И что сейчас с настоящими?

Хуа Чэн, пребывая практически в том же состоянии, что и принц, ответил:

— За теми никчёмными я оставил следить призрачных бабочек, так откуда взяться ещё двоим? Не волнуйся, Ваше Высочество, с ними всё замечательно, не умрут!

— Нам нужно вернуться за ними и выпустить из плена, иначе, если он их найдёт, а Фэн Синь и Му Цин не смогут ничего предпринять, быть беде!

— Сюда, за мной!

Не зря Хуа Чэн назвал эти пещеры своими владениями. Даже если дорога разделялась на шесть тоннелей, он мог сразу безошибочно выбрать, по какому следует идти. И вскоре они вернулись в грот, из

которого ранее ушли — уже издалека слышались голоса небожителей, осыпающих друг друга взаимными обвинениями:

— Зачем ты велел Его Высочеству бежать?! Видишь теперь, что случилось? Он просто его забрал!

— А что я должен был делать? Позволить ему стоять на месте и ждать, пока он попадёт в лапы злодея?!

— Чего? Да ты же просто хотел, чтобы он отвлек внимание Хуа Чэна, вот и всё!

Се Лянь почувствовал себя ужасно неловко, слушая их. Оказавшись в гроте, принц увидел две огромные куколки, висящие на стене, которые успевали переругиваться и при этом разрывать белые путы зубами. Заметив принца, Фэн Синь и Му Цин от потрясения даже позабыли выплюнуть шёлковые нити изо рта, прощамкав:

— Как тебе удалось спастись?

Шляпа Се Ляня всё ещё валялась там, где он её обронил. Принц поскорее поднял доули и нацепил на спину. Белые нити отпустили пленников, спрятавшись в темноту, и оба небожителя кулем свалились на землю, и без того изрядно потрёпанные. А стоило им увидеть, как за спиной Се Ляня из тени показался Хуа Чэн, их лица аж скривились — видимо, оба решили, что сейчас вновь начнётся бой и им опять достанется.

Фэн Синь только собрался схватить Се Ляня и завести себе за спину, когда принц на их глазах взял Хуа Чэна за руку.

Фэн Синь:

— Ваше Высочество???

Хуа Чэн уже направился дальше.

— Гэгэ, сюда.

Но разве те двое решились бы пойти следом?

— Ваше Высочество, почему ты теперь с ним? — спросил Фэн Синь.

Му Цин же буркнул:

— Я же говорил, его одурачили до потери разума!

Но Се Лянь не стал с ними спорить, только мягко, но уверенно сжал ладонь Хуа Чэна и сказал:

— Некогда объяснять. Нужно уходить отсюда. За нами гонится враг!

Когда принц сжал его руку, взгляд Хуа Чэна блеснул, он с улыбкой произнёс:

— Советую вам поменьше тратить время на болтовню. Следуйте за нами, и всё. Я в добром расположении духа и пока не стану с вами препираться.

От такого на лицах обоих небожителей отразилось явственное нежелание верить своим ушам, их чувства в тот миг поистине трудно было описать одним словом. Фэн Синь и Му Цин, со своей стороны, никак не могли понять — почему Се Лянь, словно ничего страшного не случилось, вдруг опять пошёл за этим проклятым жутким демоном, который преследовал его восемьсот лет? При этом целыми днями думая о вещах, о которых даже рассказывать никому нельзя! Это ведь самая настоящая игра с огнём, когда и самому сгореть недолго.

Му Цин, всё ещё обуреваемый сомнениями, в итоге заметил другую важную деталь:

— Ты упомянул врага? Но эта пещера Десяти тысяч божеств — владения Хуа Чэна, откуда здесь взяться врагам? Это «враг» порезал Хуа Чэну лицо? Боюсь, тех, кто способен ранить Собирателя цветов под кровавым дождём, под этим небом не так уж много найдётся.

Се Лянь ответил:

— Это Безликий Бай.

Едва услышав имя, Фэн Синь и Му Цин переменились в лице. Затем, не проронив больше ни слова, направились за принцем.

Поскольку им как никому другому было известно: Се Лянь мог выбрать любой повод для шутки, любой предлог для обмана, но только не в случае с этим существом. И обознаться принц также не мог, только не он.

Совсем недавно между небожителями и Хуа Чэном произошла стычка, а теперь они снова неслись в едином порыве по тоннелям пещеры Десяти тысяч божеств.

— Объясни наконец, что произошло! — воскликнул на бегу Му Цин.

Се Лянь рассказал им, как юноша в белых одеждах обернулся ими двумя, и это известие потрясло обоих до глубины души.

— Он принял наш облик?! Но это невозможно!

— И всё же это чистая правда! В суматохе я не успел рассмотреть как следует, но с первого взгляда от вас было не отличить!

Фэн Синь изумлённо спросил:

— Но как вышло, что Безликий Бай до сих пор жив? Ведь он был убит самим Владыкой!

Му Цин вмешался:

— Легко догадаться, что подобную тварь не так-то просто умертвить. Возможно, тогда он действительно сгинул, но каким-то образом нашёл способ возродиться!

Се Лянь, вспомнив кое о чём, обратился к Хуа Чэну:

— Сань Лан! Когда мы только попали на гору Тунлу, ты пробудился из состояния сбережения сил и поторопил нас в путь, чтобы не сталкиваться с неким демоном. Это его присутствие ты ощутил тогда?

— Да, — с лёгким кивком ответил Хуа Чэн.

Се Лянь пробормотал:

— Так я и думал! Потом мы выбрали западную тропу, и получается, несколько тысяч демонов на восточной были убиты им. Он возродился, но всё ещё не в полной мере, поэтому стал убивать проникшую на гору Тунлу нечисть, чтобы те стали ему подспорьем в накоплении магических сил... Теперь он восстановился и, боюсь, обрёл ещё большую силу, чем раньше.

Ведь он был первым непревзойдённым Князем Демонов в мире!

Пока принц рассуждал, Му Цин заметил странность:

— Ваше Высочество, тебе известно, куда он нас ведёт? Кажется, мы направляемся вовсе не на поверхность.

Хуа Чэн ответил:

— Разумеется, это путь не на поверхность. Поскольку сейчас нам и не выбраться отсюда.

Фэн Синь встревожено спросил:

— Что? Это ведь твои владения! Ты же не мог здесь заблудиться?

— Ну конечно, не мог... — сказал Се Лянь.

А Хуа Чэн ответил:

— Безликий Бай занял тоннель, который ведёт к выходу. Мимо него не пройти. Если считаете, что в вашем теперешнем состоянии способны одолеть его, — я вас не держу, можете идти, куда захотите. Пожалуйста.

Но всё-таки Фэн Синь и Му Цин, как и Се Лянь, были уроженцами государства Сяньлэ, и в их сердцах также осталась

неизгладимая мрачная тень, связанная с Безликим Баем. Они бы ни за что на свете не захотели столкнуться с ним, если существовал иной путь. Фэн Синь, посмотрев вверх, спросил:

— Мы можем пробиться прямо сквозь потолок?

Хуа Чэн насмешливо ответил:

— Над нами снежная вершина. Хочешь опять попасть под лавину?

Жаль, что лопата Повелителя Земли осталась у Инь Юя на случай крайней необходимости, да и никто из них не умел ею пользоваться. Иначе они могли бы бесшумно прокопать ход и выбраться через него.

Фэн Синь возмутился:

— Тогда какого рожна мы сейчас куда-то бесцельно бредём?

Се Лянь ответил на это:

— Пока мы бесцельно бредём, он будет гнаться за нами. А значит, рано или поздно освободит тот путь, который ведёт наружу. И тогда кто-то сможет воспользоваться шансом и сбежать.

Му Цин, расслышав в его словах подоплёку, переспросил:

— Постой, «кто-то»? Хочешь сказать, мы разделимся? Одни будут отвлекать его, как приманка, а другие просто сбегут?

— Именно так! Необходимо оповестить Владыку о возрождении Безликого Бая. Когда выберетесь, найдите способ передать весть Верхним Небесам...

— Постой ещё раз! — перебил Му Цин. — Значит, ты уже решил, кто станет приманкой, а кто сбежит?

Се Лянь покачал головой со словами:

— Не я. Безликий Бай решил.

Му Цин всё понял и замолчал. И ведь правда: за кем будет погоня, решать не им. А если среди четверых и выбирать того, к кому Безликий Бай питает наибольший интерес, то это наверняка окажется Се Лянь!

Фэн Синь без раздумий выпалил:

— Я останусь с тобой, сразимся с ним.

Прежде, если случалось что-то серьёзное, Се Лянь отправлял Му Цина с известием, а Фэн Синь оставался рядом в качестве поддержки. Похоже, теперь обстоятельства вновь развивались в таком ключе, однако Се Лянь, посмотрев на Хуа Чэна, возразил:

— Благодарю! Но... в этом нет нужды. Со мной останется Сань Лан.

У Фэн Синя вырвалось:

— Как ты можешь оставить его? Он же...

Брови Хуа Чэна чуть дрогнули, нахмурившись, но Се Лянь поспешил ответить:

— Могу. Я ему верю.

Он говорил мягко, но при этом настолько убеждённо в своём решении, что Фэн Синь невольно застыл.

— Ваше Высочество.

Се Лянь хлопнул его по плечу.

— Уходите вместе. Гора Тунлу уже запечаталась, и мы даже не знаем, получится ли у вас покинуть её территории. К тому же, вам ведь нужно было отыскать... Лань Чан и её сына?

От напоминания лицо Фэн Синя сделалось пепельно-серым.

С узора на одном из наручей Хуа Чэна слетела призрачная бабочка.

— Следуйте за ней, — велел он.

Двое небожителей посмотрели на Хуа Чэна, потом на Се Ляня, и в конце концов Му Цин бросил лишь:

— Будьте осторожны, — затем сразу развернулся и направился за серебристой бабочкой, исчезнув в другом тоннеле. Спустя мгновение Фэн Синь последовал за ним.

Они разделились на этой развилке. Только Се Лянь успел посмотреть им вслед, как издали вновь донёсся грохот взрыва. Принц и Хуа Чэн переглянулись.

— Он идёт, — мрачно произнёс Хуа Чэн.

— Веди меня, — отозвался Се Лянь.

Существо в белых одеждах действительно нацелилось на Се Ляня. Хуа Чэн на всём пути их бегства выставлял заслоны из призрачных бабочек, чтобы между ними и преследователем всегда оставалось какое-то расстояние. В то же время малютки помогали наблюдать за происходящим в разных частях лабиринта. Каждый раз взрывы и писк призрачных бабочек заставляли Хуа Чэна помрачнеть. У Се Ляня тоже при этих звуках сердце обливалось кровью. Они то и дело сворачивали, петляя по тоннелям, и когда вновь оказались в каменном гроте, принц не удержался от замечания:

— Как же это... мы потеряли так много серебристых малюток.

О бабочках Хуа Чэна в мире ходила недобрая молва, но для Се Ляня они были всего лишь милыми и послушными маленькими духами. И сейчас, когда бабочки то и дело, рой за роем, жертвовали собой, только чтобы задержать врага хоть на мгновение, принц не мог не печалиться по ним. Но Хуа Чэн лишь холодно усмехнулся, взгляд его сделался будто способным пронзить каменную скалу, а голос — уверенным и сильным.

— Не волнуйся. Он убьёт одну, я создам ещё десяток. Как бы стремительно он ни наступал, я вовек не остановлюсь. Посмотрим, кто первый не вынесет битвы.

Его слова необъяснимо тронули сердце Се Ляня, и он про себя пробормотал: «...Плохи мои дела, совсем плохи».

Хуа Чэн вовсе не специально показал столь серьёзную настрой, это получилось само по себе, но принц почувствовал, что просто не может устоять перед его столь яростной и мятежной уверенностью.

Спустя ещё несколько мгновений Хуа Чэн замедлился, будто получил какое-то известие, и сказал Се Ляню:

— Мы его отвлекли. Те двое скоро смогут выбраться.

— Отлично! Теперь мы можем, не торопясь, придумать способ, как ему противостоять.

— Да. Срочность отпала. Мы оторвались от него на приличное расстояние, спрячемся здесь и как следует обдумаем ответные действия.

Но в тот же миг между ними вдруг воцарилась неловкая тишина. Эта неловкость вовсе не походила на ту, которая возникает, если кто-то опозорился. Её скорее можно назвать лёгким смущением.

До этого момента им приходилось бежать от жуткой твари, да и присутствие Фэн Синя и Му Цина несколько сглаживало ощущение неловкости. Ранее принц произнёс «поговорим позднее», но теперь, когда они оба смогли остановиться и передохнуть, настало это «позднее», и ни один не знал, о чём сейчас «поговорить».

Се Лянь тихо кашлянул и потёр пальцем щёку, однако сейчас любое действие казалось ему неподходящим. Он хотел было заговорить, но беспокоился, что скажет нечто неподобающее и его слова прозвучат глупо или же наигранно. Оставалось надеяться, что Хуа Чэн заговорит первым. Однако тот стоял с совершенно

непроницаемым лицом, словно старательно обдумывал план противостояния врагу. Впрочем, трудно сказать, действительно ли его занимали именно эти мысли, поскольку заведённые за спину руки Хуа Чэна, казалось, слегка подрагивали.

Как раз в этот момент они проходили мимо одной из божественных статуй. Большая часть изваяний в пещере Десяти тысяч божеств в точности повторяла облик принца, но эта оказалась поглубже и размером меньше вполовину. Се Лянь походя стянул покров с головы статуи, его глаза тут же сверкнули.

— Сань Лан, это тоже создал ты? — спросил принц.

Хуа Чэн, поглядев на статую, промолчал. Лишь спустя некоторое время дал ответ:

— Работа из ранних, когда я ещё не набил руку. Не смотри, гэгэ.

И он наверняка не лгал. Поскольку эта статуя вышла поистине уродливой! По ней было видно, что резчик прилагал все усилия, чтобы воссоздать идеальный образ, существующий в воображении, но ему явно не хватало мастерства, поэтому результат оставлял желать лучшего. Конечно, статую нельзя было назвать полным провалом, черты лица вышли довольно ровными, однако пропорции головы не соответствовали телу, да и улыбка смахивала на признак слабоумия.

Но даже несмотря на это, Хуа Чэн со всей тщательностью воссоздал все детали. Поэтому Се Лянь и смог увидеть в изваянии образ Воина, радующего богов. Даже его коралловая серёжка виднелась на положенном месте.

Се Лянь молча зажал себе рот и отвернулся. Чтобы сохранить как можно более естественное выражение, он с силой потёр лицо. Хуа Чэн, не находя других слов, повторил:

— Ваше Высочество, не смотри, — и вознамерился вновь скрыть облик статуи.

Се Лянь тут же воскликнул:

— Не пойми превратно! Я правда думаю, что она очень милая!

Но если поразмыслить, Хуа Чэн ведь изобразил принца, а значит, называя статую милой, Се Лянь невольно назвал милым самого себя! Подумав, что болтать подобное с серьёзным видом — настоящее бесстыдство, принц не удержался от смешка. Глядя на него, Хуа Чэн склонил голову, опустил веки и тоже посмеялся.

Смех заметно разбавил тревожную атмосферу неловкости, только что окружавшую их.

Они направились дальше и снова прошли мимо статуи, на этот раз лежащей на каменном ложе и с ног до головы закрытой белым покрывалом, напоминающим лёгкую дымку. Се Ляню стало жутко любопытно, что же там за образ, и он уже собирался стянуть со статуи покров, когда Хуа Чэн резко схватил его запястье и воскликнул:

— Ваше Высочество!

С тех пор как они попали в эти пещеры, Хуа Чэн чаще стал обращаться к принцу «Ваше Высочество». Се Лянь поглядел на него, и Хуа Чэн снова выпустил его руку, которую только что схватил, при этом движения его сделались слегка напряжёнными.

— Я ведь уже знаю, что это моя статуя. Всё ещё нельзя взглянуть? — спросил Се Лянь.

— Гэгэ, если хочешь посмотреть на статуи, позднее я покажу тебе лучшие свои творения, каких ты ещё не видел. А те, что находятся здесь... забудь о них.

Се Лянь с непониманием поинтересовался:

— Почему же? Я считаю, что все статуи в этих пещерах вышли просто отличными! Правда, они очень хороши. Если я не увижу их, то буду искренне сожалеть. Кстати говоря, та фреска...

К удивлению принца, Хуа Чэн тут же перебил:

— Я её уничтожу.

Видя, что он сделал шаг, будто и впрямь решил претворить замысел в дело, Се Лянь поспешно его удержал.

— Нет, нет, нет! Зачем же её уничтожать? Потому что я увидел, что на ней? Ладно, ладно... я признаюсь. Если честно, я рассмотрел лишь самую малость, только шествие на Празднике фонарей да несколько отрывков времён войны... Я ещё очень многое не увидел, Фэн Синь и Му Цин не позволили. Так что я не имею понятия, что ты на ней изобразил. Не нужно её уничтожать!

Хуа Чэн лишь после этих слов развернулся к нему.

— Правда?

Се Лянь, держа его за руку, со всей искренностью заверил:

— Правда. Если не хочешь, я не стану смотреть, вот и всё.

Кажется, Хуа Чэн едва заметно выдохнул с облегчением. Затем с улыбкой произнёс:

— Да и нет там ничего интересного. Если пожелаешь взглянуть на какие угодно картины, просто скажи, и я нарисую их для тебя.

После такого ответа Се Ляню стало ещё любопытнее. И всё же он не хотел, чтобы Хуа Чэн сам уничтожил ту драгоценную фреску, поэтому пришлось сдерживать любопытство.

Пройдя ещё несколько шагов, принц вдруг нахмурился:

— Что-то тут не так...

— Что?

Се Лянь обернулся и посмотрел на Хуа Чэна.

— Для чего Безликий Бай... явился на гору Тунлу?

— Возможно, его силы ещё не полностью восстановились, и он намерен при помощи горы «родиться» вновь?

— Но если это так, выходит... сейчас он вовсе не... непревзойдённый?

— Таковую вероятность нельзя исключать.

Только что, когда Безликий Бай выдал себя за «Фэн Синя» и «Му Цина», а затем внезапно напал, это настолько испугало принца, что первой же его реакцией стало «Нам его не одолеть, бежим!»

И Хуа Чэна он тоже потянул за собой, лишившись при этом возможности по-настоящему столкнуться с противником в бою, а значит, доподлинно выяснить, насколько силен теперешний Безликий Бай.

Тот лишь блефовал? Или в действительности расправился бы с ними в два счёта? Несколько молниеносных ударов, которыми они обменялись в спешке, не давали полной картины.

Се Лянь пробормотал:

— Я только по тем фальшивым личинам решил, что он стал сильнее, но что если... он ещё не окончательно восстановил прежнюю мощь? Что если сейчас он слабее, чем когда бы то ни было? Иначе зачем ему являться на гору Тунлу? Возможно... я могу попытаться?

Попробовать одолеть его!

Хуа Чэн немедля ответил:

— Хорошо. Я выйду на битву с ним.

Се Лянь сразу же вернулся из своих размышлений и торопливо заговорил:

— Нет, нет, тебе не придётся с ним сталкиваться, я сам!

Непревзойдённые Князя Демонов обычно не вступали в сражения между собой. Например, Хозяин чёрных вод и Собиратель цветов под кровавым дождём долгие годы сосуществовали мирно. Ведь Князь Демонов — это совсем не то что небожитель, о котором известно всё. Хочешь узнать истинную мощь божества? Подсчитай его храмы и последователей, измерь сферу влияния, и при должном рвении всё станет ясно. Но Князя Демонов скрывали свою настоящую силу, как и любые другие сведения. Ни один из них в полной мере не ведал об истинных способностях другого, никто не мог представить, чем может закончиться битва между ними. И если был шанс сохранить равновесие, никто не стремился его нарушать.

— Волноваться нет нужды, — сказал Хуа Чэн. — Исход битвы ещё неизвестен. Гэгэ, или ты считаешь, что я позволю тебе выйти против него в одиночку?

Но Се Лянь, помолчав, покачал головой.

— Нет, Сань Лан. Между нами есть разница. Он... меня не убьёт. Я могу это гарантировать.

— Почему?

Поколебавшись, Се Лянь всё же решил не отвечать на вопрос, только произнёс:

— Ты не знаешь, насколько он страшен...

Но Хуа Чэн уверенно перебил:

— Ваше Высочество! Я знаю.

И тут Се Лянь вспомнил, что ведь Хуа Чэн служил в армии Сяньлэ и так же на собственном опыте испытал ужасы войны, своими глазами видел страшные картины поля брани, заваленного трупами. Но всё же... Хуа Чэну не довелось, как принцу, лицезреть ту поразительную битву между Цзюнь У и Безликим Баем. И сам Хуа Чэн никогда не сражался с последним.

При мысли об этом Се Лянь помотал головой ещё яростнее.

— Дело не в том, что я не верю в тебя, просто я... не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Взгляд Хуа Чэна блеснул, он улыбнулся:

— Гэгэ, можешь быть спокоен. Я уже мёртв, и меня не так просто убить ещё раз. И вообще, неужели ты забыл, что я говорил тебе? Покуда он не отыщет мой прах, ничего мне не сделает.

Се Лянь вспомнил, что Хуа Чэн действительно об этом рассказывал, и тут же воскликнул:

— Постой! Пока отложим в сторону всё остальное, но... Сань Лан, твой... п-прах спрятан?

— Давно спрятан.

Се Лянь кивнул, однако, помолчав, всё же не выдержал и спросил ещё:

— Ты уверен, что спрятал как следует? Тайник достаточно надёжный? Его никто не отыщет?

Хуа Чэн непринуждённо ответил:

— Для меня... это самое безопасное место на свете.

Се Лянь же считал, что в мире всё что угодно может случиться, и спросил:

— Ты правда настолько в этом уверен?

Хуа Чэн лучезарно улыбнулся:

— Если мой тайник будет разрушен, то... и мне незачем существовать на свете. Разумеется, я уверен.

Се Ляня обеспокоило это его «незачем существовать на свете», но сейчас они находились в довольно опасном положении, и возможно, вокруг скрывались чужие уши, место для подобных разговоров явно не подходило, так что принц решил пока не поднимать этой темы. Но теперь Се Ляню захотелось спросить Хуа Чэна о другом... Как именно тот погиб?

Се Лянь очень хотел бы узнать, но не мог заставить себя спросить об этом. Ведь после смерти душа человека остаётся в мире лишь потому, что у неё есть, за что удержаться. В большинстве случаев наибольшей силой, тянущей душу назад, обладают страдания и жажда мести. Ну а для того, кто смог достичь уровня непревзойдённого Князя Демонов, причина должна быть необычайно серьёзной. Принц переживал, что Хуа Чэну больно говорить об этом, словно беречь старые раны, да и самому принцу, возможно, тоже будет невыносимо слушать. И как Хуа Чэн пережил все эти восемьсот лет?

От этих мыслей в сознании Се Ляня вдруг возник страшный вопрос, от которого вся спина покрылась холодным потом. Он выпалил:

— Сань Лан!

— Что? — отозвался Хуа Чэн.

Се Лянь нервно поджал пальцы.

— Я... хочу ещё кое о чём спросить тебя.

— Спрашивай, не стесняйся.

Глядя на Хуа Чэна, Се Лянь проговорил:

— За эти восемьсот лет ты... ещё где-нибудь встречал меня, кроме как во времена государства Сяньлэ?

Хуа Чэн помолчал, повернулся к принцу и ответил:

— Мне очень жаль. Я все силы бросил на поиски и не останавливался ни на миг, однако... так тебя и не встретил.

— Это правда?

Хуа Чэн посмотрел принцу в глаза.

— Правда. Гэгэ, почему ты спросил?

Се Лянь незаметно вздохнул с облегчением и выдавил улыбку:

— Да так, просто... это были не лучшие годы, я прожил их кое-как, потерпел множество неудач. Я подумал, что если бы тебе пришлось всё это увидеть, боюсь, мне было бы ужасно стыдно.

— Ну что ты! — рассмеялся Хуа Чэн.

Но Се Ляню было совсем не смешно.

— Я не шучу, всё именно так плохо.

Хуа Чэн спрятал улыбку и заверил:

— Ну и пусть, не важно. Ваше Высочество ведь сам мне как-то говорил.

Се Лянь застыл.

— Я? Что я сказал?

Хуа Чэн неторопливо произнёс:

— Для меня ты в беспредельном великолепии — это ты. И ты, упавший в грязь — тоже ты. Главное здесь "ты", а не "какой" ты. — Он подмигнул Се Ляню, приподнял бровь и добавил: — И для меня это в той же степени верно.

Се Лянь от услышанного надолго замер. И вдруг с громким хлопком ударил себя по лбу, ощущая жар, будто его голова сейчас закипит.

— Я... я такое когда-то сказал?!

— Да! Гэгэ, даже не думай отпираться.

Се Лянь закрыл лицо обеими руками.

— Д-да нет же!

— Гэгэ, хочешь взглянуть? Я отыщу для тебя тот фрагмент.

Се Лянь резко вскинул голову.

— ??? Ты... неужели... быть не может... Сань Лан, ты... Ты же не мог абсолютно всё записывать?!

— Шучу, шучу.

— Честно говоря, теперь я не очень-то верю...

— Гэгэ, верь мне.

— Не верю!

Они как раз проходили очередную развилку, на которой из тоннеля вдруг налетел порыв ветра. Хуа Чэн чуть повернулся, вышел вперёд и поднял руку, словно желая защитить принца.

Ветер был совсем не сильным, и разумеется, закрывать Се Ляня от такой мелочи вовсе не стоило, однако это движение Хуа Чэна вышло совершенно естественным. Ветер пролетел, чуть растрепав его волосы, не более, однако Се Лянь неожиданно заметил, что когда Хуа Чэн не смотрит на него, черты его лица и взгляд серьёзны и холодны, а в этот миг даже слегка задумчивы и прекрасны в своей бесстрастности. Хуа Чэн даже не придал значения собственным бессознательным действиям, будто для него защищать принца было неким инстинктивным порывом.

— Сань Лан! — вновь вырвалось у Се Ляня.

Хуа Чэн повернулся к нему, и его лицо наконец озарилось улыбкой.

— Ваше Высочество, что такое?

Се Лянь подумал, что Хуа Чэн, наверное, точно так же не заметил, что теперь улыбается.

Уверенный голос отчётливо прозвучал в голове принца, сказав, что для Хуа Чэна он действительно самое настоящее божество.

Пальцы Се Ляня незаметно сжались так, что ногтями врезались в ладонь.

— Когда выберемся с горы Тунлу, мне нужно очень многое тебе сказать.

Хуа Чэн спокойно кивнул:

— Хорошо. Я буду ждать.

— Фэн Синь и Му Цин уже сбежали?

— Сбежали.

— А где Безликий Бай? Он не погнался за нами, но и их не стал удерживать? Где он сейчас? Далеко?

— Сейчас он... — Не договорив, Хуа Чэн чуть переменялся в лице, приложил два сложенных пальца к правой брови и спустя мгновение сказал: — ...Он исчез.

Се Лянь растерялся:

— Как это — исчез?

Хуа Чэн, не теряя самообладания, продолжал поиски.

— Растворился в воздухе.

Но даже для демона невозможно взять и исчезнуть в этих пещерах, под пристальным наблюдением призрачных бабочек!

Се Лянь не выдержал:

— Я взгляну? — и тут же схватил Хуа Чэна за плечи, приподнялся на носочках и прижался к его лбу своим. Рука Хуа Чэна коснулась талии принца, словно собравшись мягко отстранить, но всё же потом легла Се Ляню на пояс и притянула ближе.

Перед взором Се Ляня замелькали картинки, которые Хуа Чэн увидел мгновением ранее. Существо в белом, не торопясь, продвигалось по тоннелю, бесчисленные бабочки налетели на него, снова превратив в сияющий кокон, некоторое время держались, а потом разлетелись в стороны серебристым взрывом, дождём ярких искр. Но едва эти искры осыпались, Безликий Бай исчез!

Затем Хуа Чэн показал принцу множество других тоннелей, где даже размытого силуэта в белых одеждах не было видно. Се Лянь немного отстранился от лица Хуа Чэна и с сомнением спросил:

— Неужели он... ушёл?

Но даже если кто-то и пребывал в неведении, уж принц знал наверняка — стоит Безликому Баю встретиться с ним, и тот будет преследовать его неотступно.

Хуа Чэн ответил:

— Возможно, наши недавние предположения верны, и он действительно намерен при помощи силы горы Тунлу создать себе новое, непревзойдённое тело? Возможно, для него именно это — дело первостепенной важности, и он пока решил оставить тебя в покое?

Голос Хуа Чэна прозвучал так близко, что Се Лянь наконец пришёл в себя и обнаружил, что держит его лицо в ладонях, так что Хуа Чэну приходится чуть наклоняться.

Быстро убрав руки, Се Лянь воскликнул:

— Остановим его!

Ведь именно за этим они прибыли на гору Тунлу — чтобы остановить всех демонов, способных достичь уровня непревзойдённого. Только что Се Лянь и Хуа Чэн всячески скрывались от Безликого Бая, но когда обстоятельства немного прояснились, они сами отправились на его поиски. Вскоре, проходя мимо бесчисленных божественных статуй, они добрались до места, где видели создание в белых одеждах в последний раз.

Здесь действительно было пусто, лишь стояли несколько изваяний. Землю усыпали серебристые искры, кое-где ещё хлопали порванными крылышками чудом выжившие бабочки. Се Лянь склонился к ним, чтобы собрать в ладонях, хоть и понимал, что уже ничем не сможет помочь. И в этот момент позади него раздался голос Хуа Чэна:

— ...Гэгэ, встань рядом со мной.

В этой фразе слышался едва сдерживаемый гнев, но мощь этого гнева была направлена не на принца.

Се Лянь поднял голову и увидел пламя в глазах Хуа Чэна, который смотрел прямо на божественную статую впереди.

Изваяние скрывалось за белым газовым покрывалом целиком и стояло неподвижно, только смутно просвечивали его очертания. Похоже, оно куда-то указывало мечом, который держало в руке, и потому остриё едва не пронзало тонкую вуаль.

Прямо в этот миг от острия медленно расползлось багровое пятно, которое становилось всё больше, пачкая и пропитывая белую ткань.

На мече кровь!

Кто угодно, увидев подобное, понял бы, что с божественной статуей что-то не так. И возможно, под белым покровом вовсе никакая не статуя, а нечто иное. Се Лянь отпрыгнул назад, оказавшись плечом к плечу с Хуа Чэном, и направил на изваяние Фансинь. Хуа Чэн тем временем с мрачным лицом взмахнул рукой, и белый покров слетел со статуи.

Зрачки Се Ляня резко сузились.

Под вуалью всё-таки оказался его образ, образ Воина, радующего богов. В одной руке — меч, в другой — цветок, улыбка на лице. Только улыбка эта была окрашена кроваво-алым.

Кровь текла по мечу. Клинок пронзил окровавленное с ног до головы тело юноши с бинтами на лице.

Это был Лан Ин!

Закроется медная печь, и непревзойдённый неизбежно родится

Голова юноши склонилась набок. Похоже, он был без сознания. Едва увидев Лан Ина, Се Лянь чуть не бросился на выручку, но тут же шаг принца застыл, и он осознал: только что они видели здесь лишь Безликого Бая. Откуда внезапно появился Лан Ин?

Статуя Воина, радующего богов, некогда чистая в своей святости, теперь оказалась запятнана кровью до невыносимого состояния. При виде такой картины Хуа Чэн явно разгневался, его лицо помрачнело, от Эмина разошлись волны холодной Ци.

Он отчеканил:

— А ну, слезай.

И «Лан Ин» повиновался — выпрямил свесившуюся набок голову, открыл глаза и, медленно заскользив по клинку, опустился на землю.

Только что он, разбив окруживших его серебристых бабочек на сотни искр, воспользовался этим сиянием и спрятался под белым покровом божественной статуи, обернувшись Лан Ином.

Но раз уж он принял этот облик, следовательно, ему приходилось видеть мальчика.

— Где настоящий Лан Ин? — спросил Се Лянь.

Но Хуа Чэн возразил:

— Возможно, не было никакого «настоящего Лан Ина».

Если... с самого начала... существовал не «Лан Ин», а лишь не до конца восстановившаяся форма Безликого Бая, то всё остальное очень легко объясняется. Но Се Лянь, вспомнив как на горе Юйцзюнь погибла дева Сяоин, не пожелал поверить в это предположение. Принцу на ум пришла другая мысль, он медленно проговорил:

— Или же... он пожрал Лан Ина.

Тем временем тело «Лан Ина» постепенно вытягивалось, становилось выше, бинты медленно опадали с лица, открывая спрятанную за ними маску Скорби и радости. Услышав слова принца, он чуть приподнял голову и, будто бы с улыбкой, произнёс:

— Угадал.

Вот оно что. Всё действительно так, как предположил Се Лянь.

Когда Цзюнь У разбил Безликого Бая в пух и прах, от демона осталась лишь частичка призрачной души. И эта частичка скиталась в мире людей, пока однажды не нашла Лан Ина, который тоже оказался демоном.

Безликий Бай неким образом завлѣк или обманул мальчика, чтобы тот позволил ему поселиться в своём теле. В противном случае слабой частице души не удалось бы поглотить Лан Ина.

Но когда душа оказалась в новом теле, она начала постепенно восстанавливаться, и результат Се Лянь и Хуа Чэн могли лицезреть воочию. Демон пожрал демона. Безликий Бай поглотил Лан Ина, заняв тело своего бывшего носителя. Так же как Хэ Сюань пожрал истинного Божка-пустослова. И теперь Лан Ин стал слугой, а не хозяином.

Всего спустя несколько мгновений «Лан Ин» полностью принял облик Безликого Бая.

Хуа Чэн, не отрывая от него взгляда, задал вопрос:

— Почему Лан Ин согласился разделить с тобой тело и дух?

Следует знать, что подобное могло приравняться к просьбе незнакомца открыть двери вашего дома, впустить его и позволить жить с вами. Лан Ин тоже являлся демоном, прожившим несколько сотен лет, и, несмотря на пугливый и робкий характер, всё-таки не был настолько глуп.

Безликий Бай мягко ответил:

— Разумеется, я могу рассказать тебе. Но... ты уверен, что тот, кто рядом с тобой, захочет, чтобы я говорил прямо здесь?

Хуа Чэн посмотрел на принца. Выражение лица Се Ляня стало немного странным, он даже не обратил внимания на взгляд Хуа Чэна, направленный на него.

Безликий Бай заговорил:

— Мальчик по фамилии Лан, из государства Юнъань, перенёсший поветрие ликов. Почему он позволил мне себя поглотить? Неужели ты сам не понимаешь, почему?

Лицо Се Ляня мгновенно сделалось на тон бледнее, на тыльной стороне ладоней вздулись вены. Он рубанул мечом и закричал:

— Замолчи!

Безликий Бай молниеносно уклонился, и удар со звоном отколол длинный меч от божественной статуи, которая держала оружие в руке.

Ну вот, теперь меч Воина, радующего богов, оказался сломан, и статуя уже ни на что не годилась. Се Лянь немедля опомнился, словно его окатили с ног до головы холодной водой. Призрачные бабочки, будто бы разгневавшись, налетели на Безликого Бая роем, но тот лишь издал равнодушный смешок, непринуждённо укрылся своим широким рукавом и, больше не медля, растворился в темноте.

Се Лянь же, глядя на сломанный каменный клинок, невольно произнёс, обращаясь к Хуа Чэну:

— Прости...

Хуа Чэн прервал:

— Ваше Высочество, как тебе самому не смешно просить у меня прощения? Он ушёл. Как поступим дальше?

Се Лянь, чуть придя в себя, отозвался:

— Он сбежал? Нельзя позволить ему попасть в Медную печь!

В погоне за Безликим Баем они покинули пещеру Десяти тысяч божеств и вновь ступили на снежную вершину. Но только оказавшись на поверхности, ощутили, как гора качается, а земля уходит из-под ног. Посмотрев вверх, двое увидели несущуюся вниз лавину, по силе во множество раз превосходящую ту, что сошла ранее. Будто бы нечто, скрытое под снегами, пробудилось и сейчас с яростным рёвом сбрасывало с себя покров тысячелетней мерзлоты.

Се Лянь воскликнул:

— Неужели мы сможем подняться?!

Хуа Чэн крепко сжал руку принца и ответил:

— Просто идём со мной!

И они начали восхождение сквозь снежно-ледяной оползень. Путь выдался полным опасностей, временами приходилось отступать, но всё же им удалось, избежав самых яростных потоков снега и камней и бесчисленных подснежных ям, выбраться на дорогу, ведущую к цели.

Оказавшись наконец на самом верху, они увидели вершину, которую сковали льды, намёрзшие бесчисленными слоями. Се Лянь чувствовал, что стоит чуть ускорить шаг, и он поскользнётся, но Хуа Чэн, держа его за руку, уверенно шёл вперёд, так что принц мог ничего не бояться. Вскоре они оказались у кратера вулкана. Зрелище потрясало величием — кратер напоминал огромный, зияющий

чернотой ревуший зёв, распахнутый в небеса. Возможно, это была лишь иллюзия, но в самой его глубине будто бы сверкали пугающие красные всполохи, которые то появлялись, то исчезали вновь. Се Лянь охватил необъяснимый страх, он покрепче прижал шляпу, чтобы её не унесло снежным ветром, и спросил:

— Он уже там, внутри?

Хуа Чэн, бросив лишь взгляд, сделался сосредоточенно-серьёзным.

— Уже там.

— Как ты это понял?

— Медная печь запечатывается.

Се Лянь немало удивился и почувствовал себя застигнутым врасплох.

— Как же это? Так быстро, и уже запечатывается? Но ведь внутри должны оказаться несколько демонов, чтобы между ними началась битва?

— Обычно так и происходит. Но если Медная печь посчитает, что вошедший обладает достаточным потенциалом, чтобы пробиться наружу, и этот демон потребует от горы, чтобы она запечаталась, то гора выполнит требование. — Помолчав, он добавил: — Когда-то я именно так и поступил.

— И всё же, непревзойдённый он или ещё нет? Что случится, если внутрь Медной печи попадёт Князь Демонов, который уже достиг высшего уровня?

— С ним случится то же, что происходит с вознёсшимся небожителем, когда он повторно проходит через Небесную кару.

Другими словами, сильный демон станет лишь сильнее! Если позволить Безликому Баю преодолеть этот рубеж... Последствия вообразить невозможно. Ну а когда он выберется из плена Медной печи, первым делом наверняка отправится на поиски Се Ляня!

Принц долго не отрывал взгляда от бездонной, бескрайней пропасти, затем медленно произнёс:

— Сань Лан, мне... возможно, придётся спуститься туда. Чтобы покончить со всем раз и навсегда.

Хуа Чэн преспокойно отозвался:

— Спускайся. Я с тобой.

Се Лянь посмотрел на него. Хуа Чэн тоже поднял голову, встретился взглядом с принцем, приподнял бровь и улыбнулся:

— Всего-то спрыгнуть вниз, убить надоедливую помеху, а потом снова пробиться наружу из Медной печи. Вряд ли это представит какую-то сложность.

Благодаря его беззаботному отношению натянувшееся струной сердце Се Ляня тоже само собой расслабилось, принц даже чуть улыбнулся в ответ.

Затем Хуа Чэн сказал:

— Вот только... сначала одно дело.

Се Лянь:

— ?

Принц только и успел, что чуть повернуть голову, когда Хуа Чэн внезапно обхватил его рукой за талию и притянул к своей груди, а другой рукой мягко приподнял за подбородок, накрывая губы Се Ляня своими.

Поцелуй среди снежной бури длился долго, после чего их губы наконец медленно отстранились. Се Лянь какое-то время находился в полном замешательстве, потом наконец содрогнулся от осознания и залился румянцем. Широко распахнув глаза, он воскликнул:

— 3-зачем же так неожиданно?!..

Подобное случалось уже далеко не в первый раз, но всё же ранее они находили высоконравственные причины вроде «заимствования магических сил», «передачи воздуха», «неосторожности» и тому подобного. Но сейчас, особенно когда кое-что наконец прояснилось, стал ясен истинный смысл, который крылся за этими выдуманскими отговорками. И суть самого процесса теперь не могла восприниматься пустяком.

Принц просто не знал, куда ему девать руки. Положить Хуа Чэну на плечи, чтобы крепко сжать? Или на грудь, чтобы оттолкнуть? Или может, обхватить или заслонить ладонями его лицо?

Хуа Чэн, кажется, коротко выдохнул возле уха Се Ляня, потом прошептал:

— Я... одолжил Вашему Высочеству капельку магических сил, на случай, если вдруг понадобятся... Прими их от меня, хорошо?

Се Лянь невольно сглотнул и, запинаясь, ответил:

— Эт-то по-твоему капелька? Кажется, многовато... Я ведь ещё не вернул п-прошлый долг...

— Это совсем немного. Не спеши, вернёшь постепенно, как сможешь. Рано или поздно будем в расчёте.

Се Лянь невпопад закивал и уж было куда-то помчался, но Хуа Чэн задержал его:

— Ваше Высочество! Куда ты? Нам в другую сторону.

Се Лянь заметил, что побежал прочь от жерла вулкана, и сразу же вернулся, при этом поскользнувшись несколько раз и схватившись за шляпу, чтобы не улетела.

— Н-нет. М-мне просто что-то стало холодно, решил пробежаться, разогреться...

Он то надевал шляпу на голову, то снова снимал и вешал на спину, то опять возвращал на голову. В конце концов просто взял Хуа Чэна за руку и крепко сжал. Стоя плечом к плечу, они посмотрели вниз, в огромную пропасть.

Хуа Чэн совершенно спокойным тоном сказал:

— Когда всё закончится, я покажу гэгэ божественную статую, которую считаю лучшим своим творением.

— Хорошо.

А после они прыгнули вниз, вдвоём.

В ушах засвистел порывистый ветер, ударивший в лицо огромной волной. Но разбить их руки ветру не удалось, напротив — они лишь сильнее сплели пальцы.

Но в какой-то момент в полёте Се Лянь вдруг почувствовал... как ладонь опустела. Дело не в том, что она выскользнула или была брошена Хуа Чэном. Просто внезапно рука, которую Се Лянь держал в ладони, исчезла, растворилась в воздухе!

Сердце Се Ляня беспокойно сжалось, он закричал:

— Сань Лан?!

Но принц стремительно летел вниз, и слова его мгновение спустя затихли в десятке чжанов где-то наверху, все звуки становились неразборчивыми. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Се Лянь наконец коснулся ногами земли и встал ровно. Он немедля выпрямился и позвал снова:

— Сань Лан?

Никто не ответил. Только эхо сказало принцу, что он находится посреди какого-то колоссально обширного пустого пространства.

Вокруг царила полная темнота, Се Лянь поднял голову кверху и увидел над собой белоснежный кусочек неба, который постепенно уменьшался в размерах. Это медленно запечатывался кратер Медной печи.

Но... куда же делся Хуа Чэн?

Гулко полыхнул огонь — это Се Лянь зажёл Пламя-на-ладони, чтобы осмотреться. Но тьма оказалась такой глубокой, что крохотный источник света совсем ничего не осветил — казалось, непроглядный мрак равнодушно поглощает его сияние, и попытки озарить хоть что-то этим светом пропадают втуне. К тому же принц в первые мгновения зажёл пламя слишком сильно, не сумев взять магические силы под контроль, и по неосторожности едва не подпалил себе волосы. Пришлось тут же сбросить пламя на землю. Случайно или нет, но вышло так, что брошенный сгусток огня осветил стоящую неподалёку белую фигуру.

Се Лянь немедля насторожился и воскликнул:

— Кто ты?!

Белая фигура развернулась к нему и бесстрастно ответила:

— Ты знаешь, кто я.

Не смотря на прозвучавший ответ, ни один мускул не пошевелился на лице говорящего. Поскольку это было никакое не лицо, а маска, наполовину плачущая, наполовину смеющаяся.

У Се Ляня вырвалось:

— Сань Лан!

Да, при виде этого лица у принца кровь застыла в жилах, а по позвоночнику пробежал мороз. Но позвал он Хуа Чэна не потому, что испугался, а потому, что Се Ляня охватило беспокойство за него. Конечно, ответа по-прежнему не последовало. А вот маска Скорби и радости чуть приблизилась.

— Нет нужды его звать. Медная печь запечаталась. Здесь только мы с тобой, больше никого.

Се Лянь невольно вновь обратил взгляд наверх.

Минутами ранее он ещё видел над собой белоснежный клочок неба, но теперь маленький сияющий круг окончательно поглотила темнота. Это означало, что Медная печь по-настоящему запечаталась.

Се Лянь и в страшном сне не мог представить, что всё так повернётся. Он... и Безликий Бай... вдвоём... оказались запечатаны внутри Медной печи?

Они вдвоём? Но почему только они вдвоём?!

Сжимая в руке Фансинь, Се Лянь направил остриё на белый силуэт.

— Что всё это значит? Опять твои выходки? Что с ним? Где он сейчас?

Безликий Бай поймал клинок Фансиня двумя пальцами, другой рукой легонько щёлкнул по металлу, извлекая чистый звон, и ответил:

— Ушёл.

Взгляд Се Ляня чуть посуровел от этого жеста, он до хруста сжал кулаки и спросил:

— Говори прямо... что значит — ушёл?

Безликий Бай неспешно протянул:

— Не пожелал следовать за тобой, покинул тебя, умер. Можешь выбрать что-то одно.

Сначала сердце Се Ляня обдало холодом, но затем накатила захлёстывающая ярость, он нанёс удар мечом и закричал:

— Не думай меня одурачить!

Но противник вновь с лёгкостью поймал клинок и ответил:

— Ладно, ладно. Я действительно тебя дурачу. Не стоит беспокоиться, я лишь проводил его за пределы Медной печи, и даже если он сейчас поспешит сюда, то уже не успеет.

Впрочем, успеет или нет, Се Ляня не волновало. Главное, что с Хуа Чэном всё в порядке. Принц про себя выдохнул с облегчением.

Но Безликий Бай добавил:

— Впрочем, лучше ему не спешить сюда вовсе. Иначе, пускай сейчас он об этом не задумывается, увидев, каким ты вскоре станешь... Захочет ли он после этого следовать за тобой — очень большой вопрос.

Се Лянь, не в силах слушать, вновь сделал выпад мечом и выкрикнул:

— Закрой свой рот!

Безликий Бай непринуждённо увернулся и от этого удара, а Се Лянь в гневе выпалил:

— С меня хватит! Что тебе нужно?! Чего ты, в конце концов, добиваешься?! До каких пор ты собираешься меня преследовать?! Почему ты не умер? Ради чего явился на гору Тунлу?!

В ответ было сказано:

— Ради тебя!

Се Лянь застыл и резко выдохнул, затем спросил:

— Что это значит?

Безликий Бай спокойно пояснил:

— Ты явился сюда, поэтому пришёл и я.

От такого ответа у Се Ляня немного скривилось лицо, будто мышцы свело судорогой.

Но как бы принц ни бесновался, как бы ни желал убить врага, демон будто бы угадывал каждый его следующий шаг и в последний момент успевал уклониться. С каждой попыткой Се Лянь всё яснее понимал страшную правду.

Ему не победить!

— Да, — словно прочитав его мысли, сказал Безликий Бай. — Тебе меня не победить.

С такими словами он сложил пальцы вместе, в форме клинка, и нанёс удар ребром ладони по запястью Се Ляня. По телу принца распространилась резкая боль, он невольно расслабил пальцы и выпустил рукоять меча. Демон схватил его за волосы и с силой вбил в землю!

В ушах у принца зазвенело, в голове всё будто заходило ходуном, нос и рот наполнились кровью.

Лишь спустя какое-то время Се Лянь наконец почувствовал, как чья-то рука за волосы тянет его голову наверх, отрывая от земли, которая от удара пошла трещинами. Где-то над ним прозвучал голос:

— Бедняжка, бедняжка...

Се Лянь отхаркнул кровь, обзор ему застилал алый цвет и темнота.

Безликий Бай добавил:

— Каждый раз, когда я вижу с Вашим Высочеством, ты всегда так выглядишь... И больно от этого, и радостно.

Се Лянь сдержал кашель, не дав выплеснуться очередной порции собственной крови.

— Не ликовал бы раньше времени, — хрипло ответил принц. — Сейчас я действительно не могу одолеть тебя, но... это под силу кое-кому другому. И даже если ты выберешься из Медной печи, не думай, что Цзюнь У не уничтожит тебя снова.

Кроме того, ещё есть Хуа Чэн!

Но Безликий Бай возразил:

— Кто сказал, что из Медной печи выберусь именно я?

Се Лянь, услышав это, так и застыл.

Не он? Но если не он, то кто же?

Безликий Бай поднял его лицо до уровня своей маски и мягко произнёс:

— Ваше Высочество, мне думается, что ты, вероятно, кое в чём заблуждаешься. Из Медной печи действительно должен родиться один непревзойдённый. Но... не я. А ты.

Се Лянь, безмерно ошеломлённый, проговорил:

— Что ты сказал?.. Но ведь я не...

Но принц не договорил, его холодным потом окатило страшное осознание.

Безликий Бай произнёс:

— Именно. Прими мои поздравления, ты наконец постиг мою истинную цель. Разве это не тот самый «третий путь», к которому ты всегда стремился?

Сейчас в Медной печи оказались заперты один демон и один небожитель. На первый взгляд, существовало лишь два выхода из сложившегося положения: либо Безликий Бай убьёт принца и вырвется наружу, либо никто из них никогда не покинет это место, и они навеки останутся запечатанными в Медной печи.

Но... на самом деле, существовал и третий путь.

Если Се Лянь прямо сейчас совершит самоубийство, обернётся демоном, а затем убьёт Безликого Бая, он сможет сам стать непревзойдённым и вырваться из Медной печи!

Се Лянь с огромным трудом пришёл в себя и заговорил:

— Что ты, в конце концов, задумал? Даже не мечтай! Да и ради чего тебе идти на такое?! Чтобы сделать из меня непревзойдённого? Я не настолько безумен, как ты! Даже если хочешь заставить меня убить тебя, мне не победить! А если поддашься мне, чтобы проиграть, Медная печь может и не признать за мной победы!

Но Безликий Бай ответил:

— Правда? Тебе не победить? Это мы ещё посмотрим.

С этими словами он вытянул другую руку, и в свете тусклого пламени Се Лянь увидел, что в ней Безликий Бай держит маску. Точно такую же, как на своём лице.

— Помнишь эту маску Скорби и радости? — спросил демон. — Она тебе очень к лицу.

Се Лянь в тот же миг широко округлил глаза.

Ужас волной мелких насекомых накатил на принца, поглотив его душу. Он насилу смог проговорить:

— Убери... убери... убери её!

Безликий Бай засмеялся:

— Вижу, Ваше Высочество не может похвастаться хорошей памятью! Что ж, раз так, я помогу тебе вспомнить, идёт?

Больше он не сказал ни слова. Мертвенно-белая маска Скорби и радости слилась в единое целое с непроглядной темнотой и, нависая тяжёлым грузом, накрыла лицо Се Ляня.

Том четвёртый

В ночь разукрашенных фонарей он купил на все деньги неприкайнную душу

Се Ляня будто выдернули из мира грёз.

Весь в холодном поту от испуга, он рывком сел и закрыл лицо ладонями.

Причиной такого пробуждения был сон. Там, во сне, принц видел, как его родители покончили с собой, повесившись на потолочной балке. А сам Се Лянь, наблюдая столь ужасающую сцену, не испытал никаких эмоций, не проронил и слезинки, только отупело приготовил для себя белую шёлковую ленту, чтобы сделать то же самое. Когда принц уже взялся за петлю и просунул внутрь голову, ему в глаза бросилась фигура в белых одеждах и маске Скорби и радости, которая холодно усмехнулась ему. Испугавшись, принц ощутил, как затягивается лента на шее, на него накатил приступ удушья... и он пробудился.

За окном уже рассвело, снаружи послышался крик:

— Ваше Высочество! Ты проснулся?

Се Лянь, не задумываясь, отозвался:

— Проснулся!

С трудом отдышавшись, он наконец осознал, что спал вовсе не на кровати, а прямо на полу, на охапке соломы. И хотя подстилка оказалась довольно толстой и мягкой, всё же принцу было неудобно спать на ней. Он по-прежнему не мог привыкнуть к такой простой обстановке. Разумеется, ночевал он не на постоялом дворе и не во дворце, а лишь в разрушенной кумирне, когда-то посвящённой наследному принцу Сяньлэ, во внутренних чертогах, опустевших после погромов.

Снаружи Се Ляня только что окликнул Фэн Синь. Ранним утром он ушёл добыть съестного и сейчас поторапливал принца идти завтракать. Се Лянь ещё раз отозвался и поднялся на ноги.

Удушье, которое принц испытал во сне, было настолько реалистичным, что он невольно дотронулся до своей шеи. Изначально желая лишь убедиться, что на ней нет никакой белой ленты или же смертельной раны, Се Лянь немало удивился, когда нащупал нечто иное.

Вначале его постигло потрясение, принц кинулся к брошенному на пол зеркалу, поднял, заглянул...

Белоснежную шею опоясывал чёрный обруч. Теперь Се Лянь наконец успокоился и вспомнил.

Проклятая канга.

Он осторожно коснулся обруча пальцами.

У небожителей, низвергнутых в качестве простых смертных, не имелось никаких особых привилегий, разве что они старели чуть медленнее обычных людей. Но, надевая на принца эту кангу, Цзюнь У всё-таки сжалился и оставил небольшую лазейку.

Проклятая канга запечатала магические силы Се Ляня, но в то же время печать накладывалась и на его возраст, и на его тело, так что принц не мог ни состариться, ни умереть. Кроме того, Цзюнь У сказал: «Если сможешь вознестись вновь, все прошлые прегрешения будут забыты, и проклятую кангу с тебя снимут».

Но сейчас на его теле чёрный обруч выглядел печатью преступника, клеймом, которое ставили на лицо как напоминание о

совершённом грехе, и, вне сомнения, несмываемым позором. Подумав об этом, Се Лянь протянул руку, схватил какую-то белую ленту и намотал себе на шею. Стоило поднять ладони к шее, и принца вновь посетило то кошмарное ощущение медленно затягивающейся петли. Он поколебался, но в итоге всё-таки не снял ленту, скрыв за ней даже нижнюю часть лица, чтобы не осталось ни просвета, и после этого вышел в передний зал кумирни.

Фэн Синь и Му Цин уже ждали здесь. Первый принёс на завтрак ещё горячие маньтоу, второй как раз неторопливо поедал свою порцию. Фэн Синь протянул Се Ляню две булочки, но тот, поглядев на грубую пищу из белого сухого теста, совсем не почувствовал аппетита, поэтому покачал головой и отказался.

— Ваше Высочество, — сказал Фэн Синь, — утром всё-таки нужно что-то поесть, ведь то, чем мы собираемся сегодня заниматься, потребует немалой траты сил.

Му Цин, даже не поднимая глаз, согласился:

— Ага! Кроме этой еды, ничего другого у нас нет. Сколько ни падай в голодные обмороки, а только этим и сможешь подкрепиться.

Фэн Синь вытаращил на Му Цина глаза:

— Ты как разговариваешь?

Се Лянь вознёсся несколько лет назад и за это время уже позабыл, что значит принимать пищу, а совсем недавно чуть не грохнулся в обморок, и тогда вспомнил, что уже три-четыре дня ни крошки в рот не брал. Именно о том случае и говорил Му Цин. Принц не хотел, чтобы эти двое затеяли ссору с самого утра, и своевременно сменил тему:

— Идём. Ещё неизвестно, получится ли сегодня найти какую-нибудь работёнку.

В прошлом Се Ляню, как золотой ветви с яшмовыми листьями, а позднее как небесному божеству, не было нужды заботиться о мирском. И конечно, не требовалось печалиться о средствах к существованию. Теперь же... Назвать его наследным принцем? Но ведь государства Сяньлэ больше не существовало. Сказать, что он — божество? Но ведь его низвергли с Небес. В целом сейчас он ничем не отличался от простого смертного, и разумеется, ему приходилось думать, на что и как жить дальше.

Главным заработком для людей, идущих по тропе совершенствования, вполне логично, были ловля демонов и проведение магических обрядов. Но ведь не каждый день под руку подворачивается нечисть или желающие совершить обряд. Поэтому чаще всего Се Ляню, Фэн Синю и Му Цину приходилось заниматься каким-нибудь мелким трудом, к примеру, подряжаться разгрузчиками повозок или посыльными.

Но даже за такой незначительный заработок иногда приходилось побороться, и не всегда удача улыбалась им. Времена настали такие, что бездомного бродячего люда стало слишком много. Бедняки брались за любую работу, даже денег не требовали, готовы были трудиться за мантоу и полчашки риса. У такой толпы разве можно что-нибудь отобрать? А даже если и получилось бы, Се Лянь, стремясь к справедливости, вполне был способен решить, что кому-то эта работа нужнее, чем им. Сегодня так и получилось — прошатавшись по улицам полдня, они снова остались ни с чем.

— Неужели мы не можем поискать что-нибудь приличное и постоянное? — спросил Му Цин.

— Чушь собачья, — огрызнулся Фэн Синь. — Могли бы — давным-давно бы нашли. На приличную работу берут, глядя на лицо. А кто не знает Его Высочество в лицо? Стоит им узнать его, долго ли мы на такой работе продержимся?

Му Цин промолчал. А Се Лянь потуже подтянул белую ленту. Фэн Синь был прав: если люди поймут, кто перед ними, троице придётся либо поскорее уносить ноги, либо, если не сбегут сами, их погонят палками. Вот и в охрану уже не устройшься — кто же со спокойной душой примет в свою свиту человека, скрывающего лицо, если о нём ничего толком неизвестно? А становиться бойцами, выбивающими из должников деньги для хозяев, и тем самым причинять людям вред, они тоже не могли. Это сильно ограничивало выбор подходящей работы.

Боги никогда не станут переживать по поводу недостатка пропитания. Но людям нужно что-то есть. Се Ляню с детства не приходилось задумываться ни о чём подобном, и за два десятка лет, можно считать, эта проблема впервые затронула принца по-настоящему. Но если божество не познало голода, сможет ли оно понять чаяния своих голодающих последователей? Сможет ли

искренне им сострадать? В теперешнем положении приходилось воспринимать это как ещё один способ обретения опыта.

Внезапно где-то вдалеке послышался шум, туда потекла толпа людей, и трое тоже решили вместе со всеми взглянуть, что происходит. Оказалось, что несколько умельцев в боевом искусстве и шутов зазывали толпу, чтобы показать уличное представление.

Тогда Му Цин предложил:

— Если ничего другого нам не остаётся, может, попробуем устраивать представления?

Се Лянь тоже задумался об этом, но ещё ничего не ответил, когда Фэн Синь, глядя на выступающих бойцов, возразил:

— Что ты городишь? Как можно позволить Его Высочеству, в ценности приравненному к золоту, заниматься подобными вещами?

Му Цин закатил глаза и ответил:

— Мы уже и кирпичи таскали, чем это отличается от уличных представлений?

— Тогда мы полагались на собственную силу, чтобы заработать на пропитание. Но выступления на публику — это ублажение чужих прихотей, когда над тобой потешаются. Разумеется, это совершенно другое!

Как раз в этот момент скачущий и кривляющийся шут комично упал, чем вызвал громкий хохот толпы, затем вновь вскочил, раскланялся и бросился подбирать мелкие монеты, посыпавшиеся в награду. При виде такого в душе Се Ляня зародилось неприятие, он помотал головой и отказался от идеи с «уличными представлениями». Му Цин же, видя его реакцию, предложил:

— Ладно. Тогда давайте что-нибудь заложим.

Фэн Синь ответил ему:

— Мы уже и так много чего заложили, иначе бы не продержались до сего дня. Остальное закладывать нельзя.

Неожиданно за толпой послышались вопли, кто-то крикнул:

— Стража! Стража!

Стоило людям услышать слово «стража», и все тотчас же разбежались. Вскоре в конце улицы показался отряд вооружённых воинов в новеньких блестящих доспехах. Они с грозным и важным видом ступали по дороге, а увидев кого-то подозрительного, сразу

хватали и опрашивали. Трое затерялись в разбредающей толпе и подслушали людские разговоры:

— Кого это они ищут?

— Будь спокоен, не нас. Я слышал, ловят скрывающихся членов царственного рода Сяньлэ.

— Поговаривают, неподалёку видели кое-кого подозрительного, поэтому в городе участились дозоры.

— Не врѣшь?! Вот это да, ничего себе... Они даже до нашего городка добежали!

Троица обменялась взглядами, и Се Лянь прошептал:

— Давайте-ка сходим проверить.

Му Цин и Фэн Синь согласно кивнули. Они разделились и потихоньку выбрались из толпы, немного прошли по улице, стараясь не привлекать внимания, после чего вновь встретились и куда-то помчались.

Оказавшись в небольшом леске на окраине города, Се Лянь издали увидел столб густого дыма, поднимающегося из-за деревьев. Его сердце охватило страх — неужели воины Юньань обнаружили и подожгли укрытие, а его обитателей убили?

Принц бросился дальше, к спрятанной среди зарослей ветхой хижине, которая когда-то служила временным жилищем какому-нибудь охотнику во время походов за добычей. Дым поднимался именно отсюда. Се Лянь закричал, едва не плача:

— Матушка! Что стряслось? Вы здесь?

Стоило только позвать, и из хижины показалась женщина, которая радостно встретила Се Ляня:

— Мой сын, ты пришёл!

Это была государыня. Сейчас её облик несколько отличался от прежнего образа благородной дамы: одежда из простой холщовой ткани, ветки вместо шпилек в волосах, фигура немало осунулась. Убедившись, что с матушкой всё в порядке, и ко всему прочему её что-то очень обрадовало, а значит, ничего ужасного не случилось, Се Лянь наконец успокоился. Но тут же поспешил спросить:

— Откуда дым? Что произошло?

Государыня, смутившись, ответила:

— Вообще-то ничего страшного... Просто сегодня я решила сама приготовить поесть...

Се Лянь, совершенно обескураженный, воскликнул:

— Не надо! Зачем? Вы можете есть то, что каждый день приносят Фэн Синь и Му Цин. Дым слишком привлекает внимание, ведь если где-то разведён огонь, значит, там кто-то живёт. Вас могут заметить солдаты Юнъань. Только что мы натолкнулись на целый отряд. В этом городе тоже участились дозоры. Лучше нам снова куда-нибудь переселиться.

Фэн Синь с Му Цином тем временем вошли в хижину и потушили огонь. Государыня, не смея отнестись беспечно к словам сына, отправилась в дальнюю комнату, чтобы поговорить с мужем. Фэн Синь вышел к принцу и тихо спросил:

— Ваше Высочество, не желаешь проведать Его Величество?

Се Лянь покачал головой:

— Нет.

Двое, отец и сын, первый — правитель погибшего государства, второй — низвергнутый бог. Поистине трудно судить, чья жизнь оказалась более бессмысленной, кто в большей степени потерял лицо. Если кому-то непременно понадобилось бы посадить их друг напротив друга, разговора бы всё равно не получилось, они бы просто молча обменивались взглядами. Поэтому, если встречи можно избежать, то лучше так и поступить.

Се Лянь громко позвал:

— Матушка, соберите вещи, мы сегодня же покинем эти места. Вечером вернёмся за вами. А пока оставим вас.

Государыня тут же выбежала из хижины.

— Мой сын, ты уже уходишь? Так долго не приходил повидаться с нами, почему же не останешься?

— Мне нужно заниматься тренировками.

На самом деле принц собирался поискать работу. Иначе им не удастся прокормить столько ртов.

— Ты сегодня завтракал? — спросила государыня.

Се Лянь покачал головой. Сейчас в желудках троих молодых людей было пусто. Государыня сказала:

— Это хуже всего для здоровья. Как хорошо, что я только что сварила целый котёл каши. Скорее заходите, поешьте.

Се Лянь подумал: «Если вы сварили всего-то котёл каши, откуда взялся такой огромный столб дыма, как будто целый храм спалили?..»

Государыня обратилась к Фэн Синю и Му Цину:

— И вы тоже, ребята, заходите, поедим все вместе.

Те двое не ожидали подобного приёма и принялись вежливо отказываться, но государыня настояла. Тогда им всё-таки пришлось в смущении усесться за стол, ощущая себя неловко из-за столь внезапной доброты. Впрочем, это была радостная неловкость.

Однако стоило государыне поставить котёл на стол, и приятное удивление сменилось испугом.

Они уже возвращались в город, но Му Цин так и не оправился от тошноты. Пошатываясь на ходу, он произнёс:

— По запаху этой каши... я было подумал... что она похожа на варево из рисовой шелухи. Но оказалось, что она и на вкус такая!

Фэн Синь, стиснув зубы, бросил:

— Замолчи! Не заставляй меня опять вспоминать этот кошмар! Всё-таки государыня... фигура драгоценнейшая... никогда не занималась готовкой... и для неё это уже очень... Буэ!..

Му Цин хмыкнул:

— Я не прав? Если тебе кажется, что на варёную шелуху не похоже, можешь... пойти попросить добавки! Буэ!..

Их тошнило налево и направо, а Се Лянь помогал им идти и, похлопывая по спинам, увещевал:

— Ну хватит! Смотрите, впереди... кажется, подвернулась работёнка!

И правда, куда они, пошатываясь, шли по дороге, то увидели нескольких хорошо одетых мужчин, зазывающих помощников в каком-то деле. Вознаграждение обещали сносное, да и количество народа не ограничивалось, сколько наберётся — столько и возьмут. Поэтому трое сразу согласились и, затерявшись среди толпы тощих голодранцев в лохмотьях, отправились на какой-то грязный пустырь. Похоже, здесь собирались строить дом, территорию требовалось привести в порядок, для начала — разровнять. Трое приступили к работе и вскоре с ног до головы вымазались в грязи. Фэн Синь, таская землю, успевал с потемневшим лицом хвататься за живот и браниться:

— Чтоб тебя! Такое ощущение, что эта каша в моём желудке ожила и обернулась демоном!

Се Лянь, неся на спине корзину с землёй, тихо спросил:

— Ты ещё держишься?.. Может, присядешь в сторонке, отдохнёшь?

Му Цин же сказал самому принцу:

— Это тебе лучше посидеть в сторонке и отдохнуть.

— Не нужно. Я вполне справляюсь.

— Лучше бы не справлялся, — закатил глаза Му Цин. — Одежду запачкаешь, а мне стирать. Я скорее соглашусь сделать работу и за себя, и за тебя.

Кто-то неподалёку прикрикнул:

— Работайте добросовестно, без разговоров! Не отлынивать! Или не хотите деньги получить?

Фэн Синю упорства было не занимать — он продолжил трудиться, даже взвалил себе на спину корзину в два раза тяжелее, только пробурчал:

— Тоже мне, деньги. Было бы из-за чего такой шум поднимать.

С огромным трудом они продержались полдня, от момента, когда палящее солнце висело прямо над головами, до самого заката, наконец с успехом завершив большое дело. Нельзя сказать, чтобы трое сильно устали физически, но тот факт, что за работу они получают совсем немного денег и провизии, утомлял душу гораздо сильнее, чем тело. Наконец заслужив отдых, они улеглись на более-менее чистую землю. И вдруг мимо с криками прошествовала другая группа работников — несколько крепких мужчин несли каменное изваяние.

Се Лянь, приподняв голову, спросил:

— Что это за статуя?

Му Цин, тоже бросив взгляд, ответил:

— Наверное, новое божество, которое будет покровительствовать этому месту.

Се Лянь замолчал.

В былые времена, вне всяких сомнений, люди первым же делом избрали бы в качестве покровителя статую наследного принца. Но теперь неизвестно, какое божество они выбрали. Скорее всего, Цзюнь У, а может, какого-то новоиспечённого небожителя.

Се Лянь полежал ещё немного, но в конце концов не выдержал и решил посмотреть, кто же занял его прежнее место. С трудом поднявшись, принц протиснулся через толпу. Каменное изваяние стояло к нему спиной, лица не было видно сразу, но, кажется, статуя изображала коленапреклоненный образ. Тогда Се Ляню стало ещё любопытнее, какого же бога изобразили в такой позе? Принц обошёл толпу с другой стороны и вновь приблизился к статуе.

Однако от одного взгляда на неё в голове принца всё опустело.

Черты лица статуи повторяли его собственный облик!

Изваяние поставили на землю, и тут же кто-то бесцеремонно похлопал каменного Се Ляня по голове.

— Ну наконец-то притащили. Этот проклятый сосунок ещё и таким тяжёлым оказался!

— Для чего нам здесь такая статуя? Непомерно уродливая. Не могли выбрать Владыку Шэнью? А ведь это же тот самый...

— Тот самый, точно! Сейчас в народе говорят — кто ему поклонится, того постигнет неудача. Неужели посмеете ему поклоняться? Ещё и специально принесли...

— Ничего вы не понимаете! Поклониться духу поветрия в самом деле — к несчастью. Но эта статуя не для того создана, чтобы ей кланяться, а чтобы на неё наступать. А кто попирает ногами духа поветрия, тот ведь, напротив, заслуживает благословения и удачи на веки вечные!

Остальные немедля осознали смысл сказанного и поддержали:

— Замысел прекрасный, просто отличный!

Фэн Синь и Му Цин, заподозрив неладное, подошли взглянуть и тоже потеряли дар речи. Фэн Синь едва не взорвался на месте, но Му Цин удержал его за руку, предостерегая взглядом, и прошептал:

— Сам наследный принц промолчал, ты-то куда лезешь?

Се Лянь действительно не сказал ни слова. Фэн Синь, не до конца уверенный, нет ли у принца каких-либо иных измышлений на этот счёт, не мог поступить опрометчиво по своей прихоти, поэтому всё же смолчал, хотя его глаза будто сыпали искрами. Наконец кто-то заметил:

— А это... не кажется вам слишком уж неподобающим? Он всё-таки бывшее божество, Его Высочество наследный принц.

— Ха! Сяньлэ больше нет, какой ещё Его Высочество наследный принц!

Кто-то добавил:

— Вовсе не кажется. Мы попираем ногами духа поветрия, ничего неподобающего в этом нет, даже наоборот — он должен нам сказать спасибо.

Се Лянь вдруг вмешался:

— О? Почему это?

Тот человек тут же бойко заговорил:

— Видели когда-нибудь пороги в храмах? На них наступают десятки тысяч людей, но разве не знаете, сколько богатеев наперегонки стараются выкупить храмовый порог в качестве собственного «отпущения грехов»? Каждый раз, когда кто-то попирает ногой такой порог, с владельца отмывается часть греха, прощается долг, снимается отрицательная карма. Смысл этой коленопреклоненной статуи в том же. Каждый раз, когда мы будем её пинать или плевать на неё, этому наследному принцу будут копиться добродетели. Поэтому он должен поблагодарить нас...

Се Лянь не мог больше это выслушивать.

Когда тот человек произнёс «поблагодарить», принц вскинул кулаки и набросился на говорящего.

Толпа в тот же миг взорвалась, словно масло в раскалённом котле: «Что творится!», «Драка!», «Кто тут ссору затеял?!»

Фэн Синь, у которого давно чесались кулаки, тоже с громким криком присоединился к сражению. Не избежал боя и Му Цин, вот только не ясно, сам ли он решил не остаться в стороне, или же его затянуло случайно. В общем, все трое стали участниками потасовки. В процессе Се Ляню несколько раз чуть не сдёрнули ленту с лица, но, к счастью, этого не произошло. Конечно, они могли похвастаться поразительным мастерством в бою, но всё же против них вышла целая толпа, а вскоре Му Цин придержал Фэн Синя и Се Ляня, напомнив, что они ведь не хотят добавить к своим грехам ещё и убиение простых смертных! Пришлось стерпеть обиду, и хотя битва принесла немного успокоения, в итоге их выгнали взашей.

Грязные и уставшие, они долго шли вдоль реки. А когда наконец замедлили шаг, Му Цин, лицо которого уже опухло, гневно выпалил:

— Мы полдня трудились, а в результате устроили драку и ничего за работу не получили!

Фэн Синь, стерев кровь с губ, огрызнулся:

— Ты даже в такой момент думаешь о деньгах?

— Именно в такой момент и нужно подумать о деньгах! — сорвался Му Цин. — Какой момент? А такой, когда нам нечем наполнить желудок! Можешь не признавать, но от этого ничего не изменится — без денег нам не прожить! Вы что, не могли потерпеть немного?

Се Лянь молчал. Фэн Синь ответил:

— Как это можно стерпеть? Из него сделали коленопреклоненную статую, чтобы люди по нему топтались! Конечно, не на тебя же будут наступать, тебе и говорить легко.

— С самого поражения в войне и до сего дня это уже далеко не первый раз. И впредь наверняка подобного случится немало. Если он как можно раньше не научится воспринимать это как норму, боюсь, не видать ему жизни.

Фэн Синь запротестовал:

— Воспринимать как норму? Что ты предлагаешь воспринимать как норму? Как другие его унижают? Как простые смертные топчут ногами его лицо? С какой стати он должен привыкать к такому?

Се Лянь раздражённо бросил:

— Хватит! Не ссорьтесь. Стоит ли из-за такой ерунды затевать очередной спор?

Двое как по команде закрыли рты.

Помолчав, Се Лянь со вздохом произнёс:

— Идёмте. Отыщем повозку, чтобы забрать матушку и отца. Сегодня мы должны покинуть этот город.

Фэн Синь отозвался:

— Хорошо.

Они вдвоём прошли ещё немного, когда вдруг заметили, что Му Цин не последовал за ними. Се Лянь обернулся и в недоумении позвал:

— Му Цин?

Тот долго молчал, прежде чем заговорить:

— Ваше Высочество, я хочу сказать тебе кое-что.

— Что?

— Что у тебя опять случилось? — нетерпеливо перебил Фэн Синь. — Сказано же, никто с тобой не спорит. Чего тебе ещё надо?

— Я хочу уйти.

Ещё до того, как он произнёс эту фразу, Се Ляня посетило нехорошее предчувствие. Но когда слова прозвучали вслух, принц всё-таки на миг задержал дыхание.

Фэн Синь даже решил, что ослышался:

— Что? Что ты сказал?

Му Цин выпрямился, устремил на них решительный взгляд обсидиановых глаз и совершенно спокойно сказал:

— Прошу Ваше Высочество позволить мне Вас покинуть.

Фэн Синь возмутился:

— Покинуть? Но что будет с Его Высочеством, если ты уйдёшь? Что будет с Их Величествами?

Му Цин открыл рот, потом опять закрыл, и в итоге всё же произнёс:

— Прошу меня простить. Я ничего не могу поделать.

— погоди, а ну объясни, что значит «ничего не могу поделать»?

— Их Величества — родители Его Высочества. И у меня тоже есть мать, которая нуждается в моей заботе. Я не могу сказать ей, что пошёл помогать другим людям и чужим родителям, и потому должен оставить собственную мать. Поэтому прошу Ваше Высочество войти в моё положение. Я не могу больше следовать за Вами.

Се Лянь почувствовал головокружение и прислонился к стене. Фэн Синь со злостью в голосе спросил:

— Это истинная причина? Почему я раньше такого от тебя не слышал?

— Это лишь одна из причин. Ещё одна состоит в том, что, как мне кажется, мы сейчас находимся в тупике. И по поводу того, как выбраться из тупика, наши мнения разнятся. Простите за прямоту. Но если так пойдёт и дальше, мы застрянем в этом тупике ещё на десять тысяч лет. Поэтому... наши пути расходятся, и строить планы вместе бессмысленно.

Фэн Синь от злости даже рассмеялся. Потом кивнул и обратился к Се Ляню:

— Ваше Высочество, ты это слышал? Помнишь, что я тебе когда-то сказал? Если тебя низвергнут, он наверняка сбежит первым. Ну вот

— я не ошибся!

Му Цина, кажется, немного рассердили эти слова, однако голос по-прежнему звучал ровно:

— Попрошу не винить меня. Я лишь сказал правду, по-честному. У каждого свои мотивы. Никому не предопределено от рождения стать истиной всего человечества, центром всего мира. Может, тебе и нравится, когда твой мир крутится вокруг кого-то, но другие могут считать иначе.

— И где ты только берёшь все эти душещипательные отговорки? Слушать лень. Что, не можешь прямо сказать «я позабыл о долге и обо всём добре, которое мне сделали»?

— Довольно! — Стоило Се Ляню вмешаться, оба спорщика тут же замолчали. Принц отнял руку от лба, повернулся к Му Цину, некоторое время смотрел на него в упор, затем произнёс: — Мне не нравится заставлять других делать то, чего они не хотят.

Му Цин поджал губы, стоя всё так же прямо.

— Можешь идти, — добавил Се Лянь.

Тогда Му Цин ещё раз посмотрел на принца, не говоря ни слова, затем отвесил тому поясной поклон, в самом деле развернулся и ушёл.

Фэн Синь, когда прямо на его глазах силуэт Му Цина растворился в ночи, обратился к Се Ляню, до сих пор не в силах поверить в произошедшее:

— Ваше Высочество, и ты позволил ему вот так уйти?

Се Лянь вздохнул и ответил:

— А что я мог возразить? Я же сказал, мне не нравится заставлять других делать то, чего они не хотят.

— Ну нет! Вот паршивец! Что он вообще творит? Просто взял и ушёл?! Сбежал? Чтоб его!

Се Лянь сел на корточки у реки и потёр лоб.

— Ладно. Раз душой он уже не с нами, какой толк в том, что он останется? Прикажешь привязать его верёвками, чтобы стирал мне одежду?

Фэн Синь и сам не знал, что сказать. Он уселся рядом с принцем, помолчал немного и вновь сердито забранился:

— Мать его... Паршивец прекрасно разделял с нами жизнь в достатке, но как пришла беда — не выдержал, сбежал. Совершенно позабыл, сколько ты для него сделал!

— Я сам просил его забыть, и тебе... не стоит то и дело заговаривать об этом.

— Всё равно он не должен был по-настоящему забывать! Чтоб его! Но ты, Ваше Высочество, не беспокойся, уж я-то точно тебя не оставлю.

Се Лянь выдавил улыбку, но слова не шли на ум. Фэн Синь вновь поднялся и сказал:

— Мы ведь собирались за Их Величествами? Я найду повозку, а ты подожди здесь.

— Спасибо тебе, — кивнул Се Лянь. — Будь осторожнее.

Фэн Синь хмыкнул «ага» и ушёл. Принц тоже встал и немного прошёл вдоль берега. Он всё ещё чувствовал себя слегка потерянным, как будто всё это происходит не наяву.

Уход Му Цина стал для него настоящим потрясением.

Во-первых, принц никогда не думал, что настолько близкий человек может вот так просто уйти, лишь сказав пару слов. Во-вторых, Се Лянь верил, что бывает «навсегда». Например, что существуют друзья, которые навсегда, которые не предадут, не обманут, не разорвут отношений. Может случиться, что они расстанутся, но ни в коем случае не по той причине, что «стало слишком тяжело, и дальше так жить нельзя».

Как в сказках о героях и красавицах, о союзах, заключённых на Небесах, когда двое должны быть вместе навсегда, на веки вечные. А если уж разлука настигает их, то лишь по какой-то страшной, непреодолимой причине, к примеру, из-за смерти. Но никак не потому, что герой любит мясо, а красавица — рыбу, или же герой недоволен тем, что красавица слишком расточительна, а красавице не по душе дурные привычки героя.

В одно мгновение потерять землю из-под ног, пролететь десять тысяч чжанов, упасть и обнаружить, что ты до сих пор в мире людей. Ощущения не самые приятные.

Принц так и брёл куда глаза глядят, и вдруг ему навстречу выплыло множество сверкающих золотых звёздочек. Тогда Се Лянь наконец опомнился, пригляделся и увидел, что это разукрашенные фонарики плавно покачиваются на поверхности воды, несомые речным течением. На берегу смеялись и играли с фонариками маленькие дети.

Се Лянь вспомнил: «Ах, сегодня Праздник призраков».

В монастыре Хуанци на Праздник призраков всегда устраивали торжественный магический обряд, который ожидали загодя, забыть о столь важном событии было невозможно. Но сегодня утром принц даже не вспомнил о празднике. Он покачал головой и направился дальше. Неожиданно впереди раздался голос:

— Дитя, хочешь купить?

Голос явно принадлежал дряхлому старику, от него веяло недобрыми намерениями. Се Лянь инстинктивно почувал — дело нечисто — и тут же посмотрел туда, откуда шёл звук, увидев на дороге перед собой двоих детишек, которые только что резвились у речки. Дети, обнимая свои фонарики, с любопытством, но в то же время и с опаской на что-то смотрели.

Перед ними на обочине дороги в темноте сидел человек. Кажется, какой-то старик в чёрном одеянии, настолько грязный, что сливался с чернотой ночи. Держа в руках разукрашенный фонарь, он вкрадчиво обратился к детям:

— Мой фонарик совсем не таков, как ваши. Это редкое сокровище. Зажжёте его, загадаете желание — и оно непременно сбудется.

Детишки, пока не решив, верить или нет, спросили:

— П-правда?

— Ну конечно. Смотрите.

Внутри фонарика в руках старика, совершенно очевидно, не горел фитиль. Однако внезапно вещь зажглась красным светом, появившимся неведь откуда. И несколько таких же фонариков, разложенных на земле вокруг старика, тоже отозвались — тусклое зелёное свечение то появлялось, то исчезало, создавая картину весьма и весьма загадочную.

Для детей это выглядело диковинкой, Се Ляню же всё стало ясно. Какое ещё редкое сокровище? Это ведь мерцание душ погибших людей!

Внутри фонариков наверняка были запечатаны призраки, поэтому они и испускали зловещий свет сами по себе. Ну а этот старик — совершенно точно заклинатель-дилетант, не принадлежащий ни к каким школам, который где-то наловил стайку невезучих неприкаянных душ и заточил их в самодельные фонарики. Дети по

незнанию захлопали в ладоши от радости и даже принялись шарить по одежкам в поисках денег, но Се Лянь поскорее подошёл к ним и предостерёг:

— Не покупайте ничего. Он вас обманывает.

Старик вытаращился на него:

— Эй, паршивец, что ты такое болтаешь?!

Се Лянь без обиняков заявил:

— Это вовсе не сокровище, а колдовской предмет. Внутри спрятан призрак, и если вы поиграете с ним, то этот призрак впоследствии будет преследовать вас повсюду.

Едва ребяташки услышали слово «призрак», не посмели задержаться больше ни на миг — громко вскрикнули и в слезах убежали прочь. Старик же, вне себя от злости, чуть не подпрыгнул на три чи и завопил:

— Да как ты смеешь мешать моей торговле?!

Се Лянь возразил:

— А как ты посмел в таком месте продавать что попало? Не говоря уже о неразумных детях, пускай даже взрослые купили бы твои демонические фонарики, им не поздоровилось бы! Что, если к ним пристанут эти неприкаянные души? Кто знает, какие беды это за собой повлечёт? Если тебе непременно понадобилось продавать подобный товар, шёл бы в специально предназначенные для этого места и там торговал!

Старик в ответ возмутился:

— Легко сказать! Где же такие места найти?! Все на свете так и торгуют: где придётся, разложив товар у дороги! — Он подхватил в охапку свои уродливо склеенные фонарики и, раздражённо пыхтя, вознамерился уйти.

— Постой! — торопливо позвал Се Лянь.

— Что? Чего тебе ещё? Хочешь купить?

— Да нет же. Ты что, и впрямь собрался продолжать торговать в другом месте? Где ты взял этих призраков?

— Наловил на пустыре, бывшем поле битвы. Они там повсюду.

Получается, это скитающиеся души погибших воинов?

Теперь Се Лянь уже не мог остаться в стороне. Он серьёзно сказал:

— Перестань торговать. Сегодня ведь Праздник призраков! Что, если случится несчастье? Будет уже не до забав. К тому же, это ведь души погибших героев, как ты можешь продавать их, подобно безделушкам?

— Они всё равно мертвы, только струйка дыма и осталась, какая мне разница, герои или не герои? Мне мои старые кости важнее, всем нужно на что-то жить. Не торговать? Хочешь, чтобы я северо-западным ветром питался^[292]? Раз такой благодетель, выкупил бы тогда их за деньги!

— Ты... — В конце концов, Се Лянь признал поражение. — Хорошо. Я куплю. — Принц запустил руку за пазуху, пошарил по всем складкам одежды и выудил несколько мелких монет. — Этого хватит?

Старик, бросив взгляд на монеты, заявил:

— Нет! Жалкие гроши, как этого может хватить?

Се Лянь не очень разбирался, за сколько можно купить чуть больше десяти разукрашенных фонариков — раньше он никогда не обращал внимания на цену, покупая что-то. Но сейчас выхода не было — пришлось наспех учиться торговаться:

— Твои фонарики не такие уж красивые, да ещё притягивают неудачу. Отдай подешевле!

— Ты даже такую цену просишь сбавить? Не видел я ещё настолько убогих нищих, позор, да и только!

Се Ляня немного обидели его слова, он попытался защитить свою гордость:

— Вообще-то я — наследный принц, и никто никогда не называл меня убогим нищим! — Однако тут же пожалел о сказанном.

Впрочем, старик несколько не поверил и рассмеялся:

— Ты — наследный принц? Ну тогда я — сам отец-император!

Се Лянь про себя порадовался, но в то же время ощутил неловкость и решил — была не была, раз горшок треснул, то нечего его беречь, и прямо заявил:

— Ну так что, по рукам? Больше денег у меня нет!

Они ещё поторговались, и в конце концов пришли к согласию. Се Лянь, выкупив за свои жалкие гроши больше десятка фонариков, принёс их к реке. Старик, схватив плату, сбежал, только его и видели. Принц уселся на берегу и принялся развязывать узелки на красных шнурках, которые сдерживали мелких призраков внутри фонариков.

Отпуская пленников на свободу, Се Лянь заодно проводил для них простенький обряд упокоения.

Подобно мелким звёздочкам, тусклые призрачные огоньки вылетали из фонарей. Эти новоиспечённые призраки погибли совсем недавно, ещё пребывали в бестолковом состоянии, собственного сознания не имели и были очень слабы, поэтому старик с лёгкостью их поймал. Выбираясь из разукрашенных фонариков, они вначале сгрудились возле Се Ляня и принялись летать вокруг него, временами даже задевая, будто прижимаясь к принцу.

Се Лянь поднялся и тихо сказал им:

— Летите, летите.

Он мягко взмахнул рукой, как бы поднимая огоньки в воздух, и души стали взлетать выше, постепенно исчезая. Это и означало, что они «вернулись на небо».

Се Лянь ещё долго стоял, глядя на звёзды, когда рядом неожиданно прозвучал тихий-тихий голос:

— Ваше Высочество...

Принц застыл, потом сразу же повернулся на зов и обнаружил, что один маленький призрачный огонёк остался на земле, не поднялся на небо, не рассеялся искрами.

Как видно, этот призрак оказался сильнее других — у него не только сформировалось сознание, он даже уже мог говорить. Се Лянь подошёл и с интересом спросил:

— Это ты только что меня позвал? Ты... меня знаешь?

Кажется, огонёк очень обрадовался, что Се Лянь его заметил, — начал подлетать в воздухе вверх-вниз. Судя по голосу, он тоже был совсем юн:

— Конечно, я знаю вас!

Се Лянь вспомнил, что выглядит своеобразно, поскольку весь вымазан в грязи, и ему стало совсем неловко. Прикрыв рот рукой, зажатой в кулак, он хотел притвориться, что огонёк обознался. Но спустя мгновение серьёзно спросил:

— Почему ты остался? Я ведь освободил вас от груза мирского. Неужели я что-то упустил в ходе обряда?

Иначе почему после его проведения один огонёк остался?

Но призрак, имени которого он не знал, подплыл к нему ближе, остановившись на почтительном расстоянии, и ответил:

— Нет. Вы ни в чём не ошиблись. Просто я пока сам не хочу уходить, вот и всё.

Се Лянь, подумав, спросил:

— У тебя остались неисполненные чаяния? Что-то держит тебя здесь?

— Да.

— Тогда... поведай мне, что тебя держит. Если это не очень трудное дело, я приложу все усилия, чтобы завершить его за тебя.

За призраком по поверхности ночной реки заскользили три тысячи плавучих фонариков.

— Человек, которого я люблю всем сердцем, всё ещё здесь, в этом мире.

Помолчав немного, Се Лянь произнёс:

— Вот как. Это твоя жена^[293]?

— Нет, Ваше Высочество. Мы не были связаны узами брака.

— А...

— Честно говоря... возможно, у него не осталось обо мне воспоминаний. Мы даже почти не разговаривали.

Се Лянь подумал: «Даже не разговаривали? Но раз так, почему она стала “той, которую ты любишь всем сердцем”, которая держит тебя на этом свете? Что же это за необычайная красавица, что за великий дар Небес?»

Подумав, принц всё-таки спросил:

— И в чём же заключается твоё желание?

— Я хочу защитить его.

Часто у таких призраков посмертным желанием было нечто вроде «Я хочу сказать ей о своих чувствах», «Я хочу немного побыть рядом с ней», или даже более жуткое: «Я хочу, чтобы она отправилась за мной следом». Но чтобы «защитить»... Такое поистине встречалось редко. Се Лянь застыл в замешательстве и ответил:

— Но ведь... ты уже не принадлежишь к этому миру!

— И что же?

— Если останешься по своей воле, не обретёшь покоя.

Но призрака это совершенно не заботило.

— Я согласен вовек не обрести покоя.

Маленькая неприкаянная душа оказалась на редкость упрямой. Вообще-то подобные ему в девяти случаях из десяти становятся

крайне опасными демонами. Но Се Лянь почему-то совсем не ощущал от этого призрака жажды убийства, так что беспокоиться не стал, только сказал:

— Но если та, кого ты любишь всем сердцем, узнает, что из-за неё ты не обретёшь покоя, боюсь, это её опечалит, ведь она будет чувствовать за собой вину.

Поколебавшись немного, призрак сказал:

— Тогда я не позволю ему узнать, почему остался, и всё.

— Если она будет часто видеть тебя, то рано или поздно поймёт.

— А я не дам ему заметить, что оберегаю его, и всё.

Тут и сам Се Лянь не выдержал — его сердце дрогнуло, растроганное речами призрака. Принц подумал: «Любовь, о которой он говорит, не просто слова».

Блуждающие души для своих фонарей старик наловил на пустыре, бывшем поле брани. И этот призрак наверняка когда-то был молодым солдатом. Принц неторопливо произнёс:

— Восстание разлучило тебя с твоей возлюбленной... Прости. Я не одержал победу.

Неизвестный призрак ответил на это:

— Умереть за тебя в бою — высочайшая честь для меня.

Се Лянь в тот же миг застыл.

«Умереть за наследного принца в бою — высочайшая честь для каждого воина Сяньлэ», эту фразу девизом для своих солдат избрал какой-то генерал государства Сяньлэ. Фраза поднимала воинский дух бойцов, провозглашая, что пусть даже их ожидает смерть, эта смерть будет ненеправдой, а после они отправятся в обитель бессмертных. Разумеется, всё это было ложью. И принц не ожидал, что душа молодого солдата, оставшись в мире людей, даже после смерти будет крепко помнить этот девиз. И к тому же произнесёт его с таким торжественным трепетом.

Се Лянь вдруг почувствовал, как обожгло и заволокло слезами глаза.

— Прости, забудь об этом, — сказал он.

Но пляшущее пламя призрачного огонька сделалось ярче, когда тот ответил:

— Не забуду. Ваше Высочество, я навсегда останусь твоим самым преданным последователем.

Се Лянь, с трудом сглотнув, произнёс:

— У меня больше нет последователей. Вера в меня ничего хорошего не принесёт, а может, даже навлечёт беду. Знаешь, даже мой друг меня покинул.

Неизвестный призрак, словно принося клятву, сказал:

— Я не покину.

— Покинешь.

— Верь мне, Ваше Высочество, — непоколебимо произнёс призрак.

— Я не верю.

Он не верил никому, как не верил и самому себе.

Жалкие гроши способны сломить дух настоящего героя

Жалкие гроши способны сломить дух настоящего героя^[294]

Покуда в городе не ужесточились дозоры, Се Лянь и остальные беглецы поспешили в дорогу. Проведя в пути всю ночь, они добрались до другого места.

Принц снова поселил отца и мать в уединённом домике на окраине, а сам отправился с Фэн Синем на заработки. Но только в предыдущем городе они не раздобыли ни копейки, а значит, нечего было и надеяться, что здесь на них внезапно свалится богатство.

На одного человека в их отряде уменьшилось, и двое оставшихся чувствовали себя ужасно непривычно. К примеру, раньше Му Цин отвечал за хранение денег и в любой момент мог сказать, сколько у них ещё в запасе. Теперь Му Цин ушёл, и Се Ляню пришлось оставить кошелёк у себя, ведь Фэн Синь, говоря откровенно, мог и потерять все их сбережения. Но каждый раз, пересчитывая те жалкие монетки, принц просто не мог поверить, что это их награда за ежедневный труд. Следует сказать, что когда-то Се Лянь даже попрошайкам подавал и того больше!

Без Му Цина также некому стало носить еду родителям Се Ляня, и тому приходилось каждый день лично навещать их вместе с Фэн Синем. Вот только возможность часто видеться с сыном весьма радовала государыню, а когда она пребывала в хорошем настроении... то принималась готовить еду. Сегодня она вновь заставила Се Ляня и

Фэн Синя пробовать суп, который сожгла. Усадив их за стол, женщина сказала:

— Вам нужно как следует набираться сил, оба ужасно похудели.

Фэн Синь облился холодным потом и сразу вскочил, не успев даже присесть. Он замахал руками и затараторил:

— Нет, нет, нет, Ваше Величество, Фэн Синь не осмелится, ни в коем случае!

Государыня с самым благожелательным видом произнесла:

— Ну что за дитя. Чего тут стесняться? Давай же, садись за стол.

Как Фэн Синь мог отказаться? Он и правда не осмеливался, однако всё же заставил себя сесть, и государыня вынесла им результат своих трудов. Се Лянь тем временем сел на почётное место за столом. Фэн Синь сделал резкий вдох и рывком снял крышку с котла. Вид содержимого поверг в ужас обоих.

Се Лянь прошептал:

— Какая страшная... смерть постигла этого петуха.

Фэн Синь, едва шевеля губами, сказал:

— Ваше Высочество, вам показалось, никакого петуха там нет.

— А что это плавает, похожее надохлую птицу?

— Предположу, что это похлёбка... только консистенции немного своеобразной.

Они ещё долго гадали, но так и не смогли понять, что же это такое плавает в котле. Государыня наполнила чашку Се Ляня, Фэн Синь же положил блюдо себе сам, опередив её. Но когда женщина вышла, чтобы позвать мужа, они тут же выбросили содержимое своих чашек и сделали вид, будто опустошили их за раз, не в силах остановиться после одного глотка. Когда государыня вернулась, они с довольным видом вытирали рты и приговаривали:

— Сытно, очень сытно.

Женщина, поглядев на них, преисполнилась радости:

— Вкусно?

Се Лянь совершенно неискренне заверил:

— Вкусно, вкусно!

Государыня обрадовалась:

— А раз вкусно, то съешьте добавки!

Се Лянь чуть не выплюнул изо рта суп, которого там даже не было, схватил платок и принялся делать вид, что вытирает уголки губ.

Похоже, в тот момент государыня о чём-то вспомнила, спросив его:

— Сын мой, позволь задать тебе вопрос, только не вини матушку в излишнем любопытстве.

Сердце Се Ляня чуть сжалось, он положил платок.

— О чём? Прошу, задавайте.

Государыня села рядом и спросила:

— А где тот юноша, Му Цин? Почему он перестал приходить?

Чего и следовало ожидать.

Се Лянь напрягся ещё сильнее, когда матушка упомянула Му Цина, но ответил так:

— Ах, я поручил ему кое-какие дела, он отправился в другое место.

Тогда государыня, будто бы вздохнув с облегчением, кивнула и сразу же поинтересовалась:

— А когда он вернётся?

— Возможно... ему придётся пробыть там довольно долго... и вернуться он пока не сможет.

Кажется, его слова расстроили государыню. Се Лянь почувствовал это и спросил:

— А что такое?

Матушка тут же ответила:

— Ничего.

Зато Фэн Синь оказался острым на глаз — он вдруг поинтересовался:

— Ваше Величество, что с вашими руками?

С её руками?

Се Лянь опустил взгляд и застыл, потрясённый.

Руки его матери, всегда ухоженные и изящные, сейчас выглядели ужасно. На суставах лопнула кожа, кое-где виднелась кровь. Се Лянь сразу вскочил и схватил ладони матушки.

— Что случилось?

Женщина торопливо ответила:

— Ничего. Просто я постирала кое-какую одежду и одеяла. Но я ведь толком не умею стирать...

У Се Ляня вырвалось:

— Но почему вы решили сами взяться за стирку? Вы ведь могли...

Принц осёкся, не договорив. Могли что? Велеть дворцовым служанкам помочь со стиркой? Попросить о помощи Му Цина? Это было невозможно.

Во время их скитаний Му Цин, как личный слуга, взял на себя различные обязанности, связанные непосредственно с ежедневным бытом Се Ляня, государя и государыни. А когда Му Цин ушёл, все эти мелкие дела стало некому выполнять.

Некому готовить, некому стирать, некому складывать одеяла. Та жизнь, свободная от мелких хлопот, которую они вели благодаря Му Цину, внезапно перестала быть такой уж простой. Се Лянь ещё мог как-то перетерпеть, ведь у него и без того хватало забот. Но разве его матушка, привыкшая к безмятежной жизни во дворце, могла управиться с таким тяжёлым трудом? Но если не браться за дело самой, кого она теперь могла попросить о помощи?

Се Лянь надолго замолчал, затем произнёс:

— Оставьте эту затею. Я сам всё постираю.

Государыня с улыбкой сказала:

— Не нужно. Лучше занимайся тем, чем должен. Я никогда не стирала и не готовила, мне всё равно больше нечем заниматься целыми днями, самой потрудиться тоже оказалось довольно занимательно. Особенно мне отраднo видеть, с каким аппетитом вы едите мою стряпню.

И такими руками его матушка приготовила целый котёл супа. Но они не сделали и глотка, незаметно выбросив варево. Се Лянь и Фэн Синь, переглянувшись, почувствовали себя преотвратно. А государыня вдруг сказала:

— Верно. Ещё кое-что. Ты... не мог бы завтра принести какое-нибудь снадобье?

Се Лянь чуть округлил глаза.

— Снадобье? Какое?

Лицо государыни сделалось встревоженным.

— Ох, я и сама не знаю... Лучше тебе спросить в лавке лекаря, что обычно принимают при кровохаркании.

— При кровохаркании?! — Се Ляня не на шутку испугали её слова. — Кто харкает кровью? Вы? Мой отец? Почему вы раньше не сказали?

Он выкрикнул это слишком громко, и государыня всполошилась:

— Потише!

Но было слишком поздно. Из дальней комнаты раздался разгневанный голос:

— Я же просил не болтать лишнего!

Голос принадлежал государю. Поняв, что тот всё услышал, государыня решила не скрываться больше и крикнула в ответ:

— Но... оставаться в таком состоянии — это ведь тоже не выход!

Се Лянь уже сам направился в комнату, где нашёл государя в кровати, накрытого дырявым одеялом. В последнее время он не присматривался к отцу, но сейчас заметил, что тот выглядит явно нездоровым, щёки совсем впали, а в мрачной комнатухе цвет лица государя и вовсе казался ужасно болезненным. Это ли образ величественного правителя государства? Перед принцем предстал измученный больной старик.

Се Ляню даже не требовалось прощупывать его пульс, чтобы понять — наверняка болезнь давняя, к тому же очень тяжёлая. Даже воздух в комнате пропитался болезненностью, словно туманной дымкой, от которой становилось тяжело дышать. Вспомнив, что государыня упомянула «кровохарканье», Се Лянь разволновался так, что невольно повысил голос:

— Что всё это значит?!

Государь с мрачным как туча лицом прикрикнул:

— Ты как со мной разговариваешь?

Государыня и Фэн Синь вошли следом за принцем.

Се Лянь же ответил:

— Сейчас не время заботиться о том, как я с тобой разговариваю. Почему ты сразу не рассказал мне о болезни?

В голосе отца слышался гнев:

— Будешь поучать меня, самого государя? Я никогда не нуждался и не буду нуждаться в твоих наставлениях, что должен или не должен говорить!

Видя, что отец даже сейчас упрямится, Се Лянь, не веря своим ушам, воскликнул:

— Ты просто невозможен! Даже в подобном состоянии выпячиваешь свой статус и авторитет?

Государь, охваченный гневом, заорал:

— Пошёл вон! Сейчас же!

Матушка с Фэн Синем вывели Се Ляня из комнаты.

— Сын мой! — сказала женщина. — Не нужно так с ним. Он твой отец, к тому же болен. Уступи ему.

Спасаться бегством, будучи больным, — всё равно что посыпать снег инеем^[295].

Се Лянь, зарывшись лицом в ладони, произнёс:

— Матушка! Что же вы не сказали раньше? Может быть, тогда не дошло бы до кровохаркания! Известно ли вам, как трудно излечить подобную болезнь?

Следовало бы сказать, что в нынешних условиях её и вовсе невозможно вылечить!

Государыню охватило некоторое смятение, но в то же время и печаль.

— Мы ведь... мы и сами не знали, что это может быть так серьёзно!

Фэн Синь поддержал:

— Да! К тому же, мы должны спастись от погони. Как ты прикажешь остановиться?

Се Лянь поднял голову и сказал:

— Я прямо сейчас отведу его к лекарю.

Но государь из комнаты крикнул:

— Нет нужды!

Се Лянь обернулся на крик, собираясь возразить, что сейчас последнее слово за ним, а не за отцом, но Фэн Синь удержал его:

— Ваше Высочество, если мы поведём Его Величество в лавку лекаря, наверняка привлечём к себе внимание.

Се Лянь словно одеревенел. Государыня добавила:

— Этого-то мы и опасались, поэтому никак не могли тебе рассказать. Сын мой, лучше всё-таки... придумать, где раздобыть снадобье.

Из комнаты послышался сильнейший кашель, и государыня ушла позаботиться о муже. Се Лянь долго сидел, не шевелясь, затем вскочил на ноги.

Фэн Синь окликнул его:

— Ваше Высочество! Что ты собираешься делать?

Не ответив, принц начал переворачивать все сундуки и ящики в комнате.

— Что ты ищешь? — спросил Фэн Синь.

Всё так же не удостаивая его ответом, Се Лянь спустя мгновение выудил что-то со дна одного из сундуков. В его руках оказался проникнутый духом древности драгоценный меч.

— Зачем ты достал Хунцзин? — удивился Фэн Синь.

Помолчав, Се Лянь ответил наконец:

— Я его заложу.

Фэн Синь, потрясённый его словами, тут же возразил:

— Так никуда не годится!

Но Се Лянь с силой захлопнул сундук.

— Мы заложили столько мечей, что и этот сойдёт.

Чтобы оплатить аренду повозок при переездах и взятки на некоторых опасных для них заставах, Се Лянь уже заложил бóльшую часть своих любимых мечей. К тому же, поскольку они не могли отправиться в крупные ломбарды, куда приходило множество посетителей, иногда нечестные торговцы, обнаружив их жилище, начинали шантажировать беглецов выдачей властям, и принцу приходилось, скрепя сердце, отдавать драгоценные клинки за небольшую цену.

— Это совсем другое! — воскликнул Фэн Синь. — Ведь ты так любишь этот меч! Иначе не стал бы прятать на самое дно сундука. И потом, его тебе вручил сам Владыка. А вдруг кто узнает, что мы его заложили? Некрасиво получится!

Се Лянь утомлённо произнёс:

— Как бы меч мне ни нравился, не может он быть дороже жизни. Идём, идём.

Они взяли меч и добрались до города. Лица обоих всю дорогу были мрачными. Перед самым ломбардом Се Лянь остановился и взглянул на Хунцзин в своих руках.

Фэн Синь, посмотрев на принца, предложил:

— Может быть, не стоит его закладывать? Попробуем... придумать что-то другое?

Се Лянь покачал головой:

— Не успеть. Кроме того, я не знаю, как мы ещё сможем гарантированно раздобыть денег.

Реши они отправиться воровать, грабить, обманывать... ни один смертный не смог бы им помешать, и деньги появились бы не в

пример быстрее. Но всё же, как назло, они были обязаны уважать правила мира смертных и нормы морали, искать способы честного заработка, только так можно выбраться из затруднительного положения. Приняв окончательное решение, Се Лянь сказал:

— Заложить придётся всё равно. А на вырученные деньги купим снадобье.

Но всё же ноги его не сдвинулись с места.

Фэн Синь знал, что принц не хочет отдавать Хунцзин, ведь это его последний меч, и произнёс:

— Что ж, тогда давай ещё что-нибудь придумаем.

Внезапно с другой стороны улицы послышался шум и встревоженные крики толпы, кто-то заголосил: «Кто тут драку устроил?!», «Совсем осмелел!», «Хватайте его, хватайте!»

Двое вздрогнули от неожиданности, Се Лянь настороженно метнулся в сторону, с его губ сорвалось:

— Кого хватайте?!

Фэн Синь тоже насторожился, но сходил проверить, вернулся и спокойно поведал принцу:

— Ничего страшного! Не волнуйся! Нас это не касается. Это не за нами, да и не солдаты Юньань вовсе.

Сжавшееся было сердце Се Ляня немного расслабилось, он спросил:

— И что там происходит?

— Я не очень понял. Кажется, драка среди слуг. Пойдём взглянуть?

— Пойдём, главное, чтобы не какие-то злодеи избивали честных людей.

Они вместе протиснулись через толпу, увидев, как в середине круга два человека устроили потасовку, а зрители подбадривают их одобрительными возгласами. Фэн Синь похлопал по плечу одного из зевак, который смотрел на действие с особым восторгом, и спросил:

— Дружище, что тут такое творится?

Тот осклабился в ухмылке:

— А вы не знаете? То ещё представление! Слуга избивает хозяина!

Вот оно как! Се Лянь даже потерял дар речи на некоторое время, потом спросил:

— Но за что? И почему все так одобрительно кричат?

— Ещё бы не одобрять! Таких подлецов, как его хозяин, ещё поискать! Тот парень с детства ему служил, верой и правдой, а что же он?! Только и знал, что ездить на его шее, денег почти не платил, да ещё заставлял трудиться без продыху. Слуга и не стерпел. Вот же, смотрите, смотрите! Драка в самом разгаре!

И правда — слуга, о котором тот говорил, избивал хозяина с криками: «Я слишком долго всё это терпел!», «Припомни-ка, ты чем-нибудь мне отплатил?!», «Сам обнищал так, что в доме есть нечего, а всё ездит на моём горбу и самодурствует!», «С этого дня я больше не буду твоим верным псом!» и так далее. Хозяин же, на которого сыпались тумачи, с криками и воплями прикрывал голову. Толпа хлопала в ладоши от восторга, а вот Се Лянь чувствовал, как сердце с каждой фразой сжимается сильнее, по неизвестной причине мурашки поползли по телу, и он невольно бросил косой взгляд на Фэн Синя.

Тот же нисколько не обратил внимания на странную реакцию принца, а выслушав, что люди говорят о злодеяниях избиваемого, просто сказал:

— Вот оно что. Значит, хозяин из него и впрямь никудышный, нельзя винить слугу в том, что тот взбунтовался.

Он никакого скрытого смысла в свои слова не вложил, но сердце Се Ляня тем не менее застучало громче, руки крепче сжались на ножнах Хунцзина.

После долгих проволочек они всё же заложили меч, получили деньги и немедленно отправились в лавку лекаря, где купили несколько десятков разных целебных снадобий, с которыми возвратились к хижине.

Лекарства от кровохаркания стоили очень дорого, к тому же их требовалось большое количество — ведь лечение не ограничивалось одной-двумя чашками отвара и занимало больше, чем один-два дня. Поэтому следовало уже сейчас подумать, что они будут делать дальше. Вечером Фэн Синь вскрыл несколько свёртков с лекарственными ингредиентами и принялся готовить отвар перед домом, раздувая специальную печь старым веером из тростника. Се Лянь тем временем снова взялся обыскивать ящики. После долгих поисков он наконец достал со дна другого сундука сверкающий золотом мягкий пояс.

Когда-то Се Лянь владел множеством подобных поясов, но их постигла та же участь, что и его драгоценные мечи, — быть заложенными в ломбард. Остался последний, который принц хотел оставить как память. Но теперь решил, что найдёт поясу другое применение.

Как раз кстати Фэн Синь оторвал взгляд от печи и посмотрел на принца.

— Ваше Высочество, зачем ты вытащил этот пояс? Неужели и его тоже хочешь заложить?

Но Се Лянь подошёл и протянул золотой пояс ему.

Тот округлил глаза, не понимая, что происходит.

— А мне ты его зачем даёшь? Ваше Высочество, ты что, когда захлопнул крышку сундука, голову туда просунул?

Се Лянь только сейчас вспомнил, что в чертогах Верхних Небес у золотого пояса существует ещё одно, особое значение, и его лицо в тот же миг почернело.

— Ты не то подумал, — ответил принц, — я совсем не это имел в виду. Просто прими его, как обычное золото! — и нацепил сверкающий пояс на шею Фэн Синю.

Тот вытаращил глаза:

— Нет уж. Тебе всё же придётся объяснить мне, зачем тебе вдруг понадобилось совать мне золотые пояса?!

— Просто представь, что это твоё жалование, которое я задолжал тебе за всё время службы.

Фэн Синь в недоумении пробормотал:

— Да нет же. Что с тобой сегодня такое? В такие времена... о каком ещё жаловании ты говоришь? Чем отдавать пояс мне, лучшим решением было бы заложить его и купить для государя ещё снадобий. Или можешь не закладывать, а оставить себе. Такими вещами могут владеть лишь небесные чиновники.

Когда Фэн Синь заговорил о снадобье, Се Лянь обернулся и посмотрел на хижину, где отдыхали его отец с матушкой. Спустя мгновение принц сказал:

— Насчёт снадобья я что-нибудь придумаю. А пояс ты возьми.

Он настаивал, и Фэн Синю, который так ничего и не понял, происходящее даже показалось смешным. Пожав плечами, он поднял с земли упавший веер, которым раздувал огонь, и ответил:

— Ну ладно, я присмотрю за ним для тебя. Захочешь забрать назад, только скажи.

Се Лянь покачал головой:

— Я не заберу его. Можешь поступить с ним, как тебе вздумается.

Заложив Хунцзин, они наконец обзавелись деньгами и смогли несколько раз поесть как следует. А приняв во внимание поразительные кулинарные способности своей матушки, Се Лянь деликатно попросил её ни в коем случае больше не заниматься готовкой, лучше вместо этого ухаживать за отцом. Готовить же принц взялся сам. Не имея ни малейшего опыта в поварском деле, Се Лянь всё же неоднократно наблюдал за процессом. Получившиеся у принца блюда ещё хоть как-то можно было есть, тем самым их желудки оказались спасены от мучений.

После недавнего спора с государем Се Лянь пожалел о своих словах, но не смог признаться в этом. Принц ухаживал за отцом, по возможности, молча. При кровохаркании нельзя переохладиться, поэтому принц принёс в хижину побольше одеял и стал чаще топить печь.

Солдаты армии Юньань бросали все силы на поиски беглых членов дома Сяньлэ, и вскоре в этом городе тоже участились дозоры. С таким трудом устроившись на новом месте, они должны были вновь пускаться в бега.

Се Лянь уже сбился со счёта, какой город они покидали, спасаясь от погони. По правде говоря, обстановка в государстве, которую он видел на протяжении их пути, оказалась намного спокойнее, чем принц себе представлял. Хуже всего было именно в столице, но во многих других городах смена власти, похоже, почти не повлияла на жизнь людей.

Государь, принц, столица, аристократия... Всё это для простого люда было чем-то далёким, почти как бессмертные божества, существующие лишь в легендах. Казалось, народу нет особой разницы, кто теперь сидит на троне. Тем более, что новый государь после прихода к власти не проявил себя тираном, не издал жестоких законов, и людей сей факт совершенно не затронул, разве что на одну животрепещущую тему для обсуждения на досуге стало больше.

«Сколько му^[296] земли я возделывал при государе дома Се, столько и буду возделывать при государе дома Лан!» — такие

разговоры слышал Се Лянь среди людей.

Это было правдой. Но вот что странно: когда речь заходила о Его Высочестве наследном принце, который из непобедимого защитника превратился в вечно проигрывающего неудачника, людей охватывало невероятное единодушие, как будто, стоило заговорить о нём, и все в тот же миг становились единым народом Сяньлэ, который горячо любил своё погибшее государство. Этому Се Лянь никак не мог понять и принять.

Впрочем, ему не очень-то хотелось переживать по этому поводу. Деньги, которые они выручили, заложив Хунцзин, не задержались и на несколько месяцев — вскоре снова ничего не осталось.

Кровохаркание и без того было крайне трудно вылечить, а если учесть меланхоличный настрой самого государя, который лишь усугублял положение, требовалось огромное количество снадобий, чтобы поддерживать его самочувствие хотя бы стабильным. Но стоит перестать принимать лекарства, ему сразу станет хуже. У Се Ляня больше не осталось ценностей, которые можно было бы заложить. И однажды, когда они с Фэн Синем снова долго бродили по улицам, принц, подумав и так, и сяк, в конце концов сказал:

— Может быть... попробуем?

Фэн Синь, посмотрев на него, ответил:

— Что ж, давай попробуем.

Они уже не в первый раз задумывались о том, чтобы «попробовать», но никак не могли окончательно решиться. К тому же, однажды смысл их разговора случайно дошёл до государя, который лежал в доме, и тот не на шутку разгневался и настрого запретил Се Ляню зарабатывать деньги таким унижительным способом, в противном случае он грозился перестать принимать снадобья. Тогда принцу пришлось оставить эту затею. Но сейчас... объяснять не требовалось, и Фэн Синь, и сам Се Лянь всё прекрасно понимали. Принц кивнул и получше затянул белую ленту на лице.

— Ваше Высочество, тебе не нужно ничего делать. Я сам. Так, даже если государь узнает, ничего страшного не случится! — предложил Фэн Синь.

Затем он сделал глубокий вдох, надолго задержал дыхание и вдруг громко закричал, обращаясь к прохожим:

— Уважаемые господа, почтенные земляки, проходите мимо — не проходите мимо...

Люди вокруг вначале испуганно отшатнулись, затем стали понемногу собираться, слышались вопросы: «Чего ты так орёшь?!», «Чем вы занимаетесь?», «Коль чего умеете — так показывайте!», «Хочу посмотреть на разбивание камня на груди!»

Фэн Синь снял со спины лук и, позабыв о всяком стыде, заявил:

— Меня... меня называют «Божественным Стрелком», я могу пронзить лист тополя с расстояния в сотню шагов и готов продемонстрировать вам на потеху свой талант. Если господам понравится, не откажусь... от награды!

Фразы про «Божественного Стрелка» и «талант на потеху» они подслушали у других уличных артистов. И хотя сами то и дело повторяли, что ни за что не станут заниматься подобным, а всё же как-то так вышло, что все эти зазывальные речи остались в памяти.

Толпа зашумела:

— Хватит болтать попусту! Сколько можно ждать?! Показывай скорее!

Фэн Синь вложил стрелу в лук и указал на какого-то зеваку, который стоял и грыз яблоко.

— Прошу вот этого господина выйти ко мне и поставить фрукт на голову. Я смогу попасть в это яблоко с трёх сотен шагов!

Но мужчина втянул шею в плечи и спрятался в толпе.

— Ещё чего!

— Я не попаду в тебя, не беспокойся! А если попаду, готов заплатить, сколько скажешь!

— Я же не дурень какой! Если ты меня пристрелишь, деньги мне уже не понадобятся. Раз уж вышли на улицу продавать своё искусство, значит, у вас за душой ни гроша! И вообще, разве ты не должен стрелять в своего напарника?

Толпа согласилась:

— Вот именно!

Тогда и Се Лянь присоединился:

— Хорошо, давайте я поучаствую.

Кто-то тут же бросил им фрукт, который Се Лянь поймал и поставил себе на голову. Но Фэн Синь ни за что не желал втягивать в это Се Ляня, как он мог позволить принцу участвовать?

Разволновавшись, он отобрал фрукт, сам съел его в пару укусов и нацелился на разноцветный флаг на высоком здании неподалёку.

— Я выстрелю вон туда! — и сразу выпустил стрелу.

Фэн Синь стрелял отлично, и конечно, сразу же попал в цель. Толпа взорвалась хохотом и закричала:

— Неплохо! Что-то да умеешь!

Со смехом и криками люди и впрямь накидали им денег. Круглые монетки покатались по земле, Фэн Синь бросился подбирать их. Се Лянь тоже молча присел собирать монеты, но в душе почувствовал себя опустошённым, как будто что-то безвозвратно потерял.

Фэн Синь ведь когда-то был приближённым наследного принца, и, не говоря уже о простолюдинах, даже чиновники при виде него старались вести себя крайне вежливо, некоторые даже пытались снискать его расположение. Когда им пришлось таскать кирпичи и корзины с землёй, выслушивая крики мелких начальников, для Фэн Синя это уже считалось оскорблением, а теперь и вовсе приходилось выставлять себя напоказ, как дрессированную обезьянку. И его умение попасть в лист тополя с расстояния в сотню шагов нашло применение не на поле боя, а на улице, чтобы поразвлечь народ. Если подумать, ничего приятного тут нет.

Внезапно раздался визгливый женский голос:

— Кто это тут вздумал из лука стрелять?!

Се Лянь испуганно замер, а люди немедля указали на «Божественного Стрелка»:

— Он!

Фэн Синь застыл в недоумении, а толпа тем временем расступилась и пропустила грозно вышагивающих женщин. Одна из них держала в руке стрелу, которую только что выпустил Фэн Синь. Окружив его, женщины принялись браниться:

— Проклятый паршивец! Ты стрелял? Да как посмел! Посреди бела дня размахивать оружием! Испортил складную ширму на нашем дворе! Как теперь будешь возмещать ущерб?!

— Да! И ещё наших гостей распугал!

Выяснилось, что стрела, пронзив флаг, не остановилась, а полетела дальше, в чужой двор. Фэн Синь и без того не очень любил иметь дело с женщинами, а эти были ярко наряжены и накрашены, аромат их косметики ударял в нос так, что хотелось задержать дыхание

— Наверняка никакие это не благородные дамы. С перепугу Фэн Синь замахал руками и стал отступать. Се Лянь поспешил выйти вперёд и заслонил его собой со словами:

— Простите, простите. Он не специально. Что до возмещения ущерба, мы что-нибудь придумаем...

Разгневанные женщины принялись толкать принца, восклицая:

— А ты кто такой?! Тебе... — Но от нескольких толчков белая лента нечаянно сползла с лица Се Ляня, и женщины, увидев его облик, внезапно сменили тон. Их глаза засияли, а голоса сделались приторно-сладкими: — Ой, какой красивый паренёк!

Се Лянь застыл, в недоумении глядя на них.

Одна из женщины хлопнула в ладоши и радостно заявила:

— Отлично! Решено! Вы ведь с ним заодно? Значит, ты нам и заплатишь!

Недоумение на лице Се Ляня сделалось ещё более явственным.

Принц ещё не успел ничего понять, когда женщины потащили его за собой к роскошному зданию. Подняв голову, он увидел на балконе второго этажа целую стайку красивых наряженных девушек, подобных веточкам цветущих деревьев, щебечущих словно иволги. Лишь тогда Се Лянь понял, что его увели содержательницы публичного дома!

Он немедля покрылся гусиной кожей с ног до головы и затараторил:

— Подождите, у меня нет денег, у меня правда нет ни копейки!

Хозяйки борделя противно загоготали:

— Разумеется, денег у тебя нет! Мы как раз за этим тебя сюда привели! Подзаработать!

— Простите, но я ведь мужчина!

Хозяйки начали сердиться:

— Мы поняли, что ты мужчина! Не слепые!

Фэн Синь, окружённый зеваками, наконец пробрался через толпу, подбежал к ним и прикрикнул на женщин:

— А ну отпустите Его... отпустите его!

В итоге двое, чтобы выбраться из затруднительного положения, просто бросились бежать, прекрасно понимая, что провинились перед женщинами, и ни о какой потасовке речи идти не может. Разъярённые хозяйки публичного дома позвали два-три десятка бойцов, и те в итоге гоняли Фэн Синя и Се Ляня по всему району! В таких передрыгах им

ещё бывать не приходилось. В итоге они решили впредь не приближаться к этой части города.

Однако теперь они убедились в одном: уличными представлениями действительно можно раздобыть денег. Поэтому, выбрав другое место, они установили для себя подмостки и принялись за работу. В этом городе они появились недавно, и потому принесли зрителям чувство новизны. Кроме того, Фэн Синь был довольно хорош собой, его благородная наружность в первые же дни позволила им заработать денег, которых хватило на пропитание и лекарства для государя. Однако всё хорошее когда-нибудь заканчивается — не прошло и двух недель, и кое-кто явился по их душу.

В тот день Се Лянь и Фэн Синь только завершили представление, как их окружили несколько рослых мужчин. Принц насторожился, заподозрив, что это солдаты Юньань, руки в его рукавах сжались в кулаки, готовые в любой момент нанести удар.

— Кто вы такие? — тихо спросил он.

Главарь молодчиков недовольно хмыкнул:

— Вы столько времени работаете на нашей территории, и до сих пор не знаете, кто мы такие?

Се Лянь и Фэн Синь ничего не поняли. Между тем другой мужчина заявил:

— Вы отбираете наш хлеб уже так долго, не хотите ли дать нам объяснение? Или сказать нечего?

Тут-то двое и поняли, в чём дело. Выходит, эти люди — местные, которые также зарабатывают уличными представлениями.

В каждом городе бродячий люд объединялся в шайки и разделял владения. Когда Се Лянь и Фэн Синь появились здесь и стали давать представления, к ним перебежала некоторая часть чужих зрителей, а с ними и чужой заработок. Разумеется, эти артисты явились, чтобы стребовать с них за ущерб. Но разве новички могли вникать во все тонкости этого ремесла?

Се Лянь подумал: «Да кто бы стал отбирать ваш хлеб, не будь на то крайней необходимости?», вслух же мягко произнёс:

— Мы вовсе не отбираем ничей хлеб. Зрители идут смотреть на то, что им больше по душе, мы ведь никого насильно не заставляем глазеть на наше... искусство стрельбы.

Но его даже слушать не собирались, только грубо заявили:

— Не отбираете, значит? Нам за эти дни и монетки не перепало, вы двое загребли себе всю прибыль!

«Бах!» Едва не подскочив от испуга, все повернулись на грохот и увидели, как Фэн Синь вынимает кулак из стены. В стене осталась вмятина, от которой расплзались трещины.

Фэн Синь угрожающе спросил:

— Вы явились чинить нам неприятности?

Скорее всего, толпа молодчиков именно за этим и явилась — поговорить кулаками. Но после удара Фэн Синя выяснилось, что у этого юноши кулаки, без сомнения, потвёрже будут. Пламя гнева недовольных тут же заметно поутихло. Однако они не могли просто так смириться, поэтому главарь шайки, ненадолго замолчав, заговорил по-другому:

— Вот что. Согласно принятым правилам, мы должны устроить состязание. Победитель остаётся, проигравший быстренько собирается и проваливает, и больше не смеет зарабатывать на этой территории!

Услышав предложение, Фэн Синь обрадовался. И не мудрено — куда простым смертным с ними состязаться? Победа достанется с лёгкостью!

Се Лянь тоже вздохнул с облегчением.

— Я как раз это и хотел предложить. В чём вы желаете состязаться?

Мужчина громко ответил:

— Потягаемся в своём лучшем мастерстве, как уличные артисты!

Покуда он говорил, двое других его соратников уже притащили несколько каменных плит, и главарь, похлопав по камню, добавил:

— Разбивание камня на груди! Ну как? Не струсите?

Судя по его довольному выражению лица, это и впрямь был его коронный номер. Се Лянь, опустившись на корточки, тоже потрогал камень, затем поднял голову и ответил:

— Я-то не струшу. А вот справишься ли ты?

Плиты ведь были настоящими.

— С твоим-то тельцем? — расхохотался здоровяк. — Лучше о себе беспокойся!

Фэн Синь присел рядом с принцем и прошептал:

— Ваше Высочество, может, лучше я?

Но Се Лянь покачал головой:

— Нет. Ты и так потрудишься немало, в этот раз позволь мне, — хоть в чём-то он хотел быть полезным.

Так Се Лянь и здоровяк улеглись на землю, а на грудь каждому из них водрузили по каменной плите. Фэн Синь взял большой молот, прикинул вес в руке и уже хотел ударить, но Се Лянь вдруг сказал:

— Постой.

Молодчики обрадовались:

— Что, решил признать поражение? Пока ещё не поздно, мы просто позволим вам уйти!

— Нет. Я хочу добавить ещё плиту.

Остальных его просьба поразила:

— Да ты, никак, ополоумел???

Се Лянь неторопливо произнёс:

— Но ведь вы сами сказали — это состязание. А если мы оба выдержим по одной плите, разницы никакой не будет. Разве тогда получится выявить победителя?

Кто-то из здоровяков отнёсся с недоверием, кто-то решил, что принц совсем сдурел, кто-то заподозрил его в пустой браваре. Посовещавшись, они решили и правда придавить его ещё одной каменной плитой. Но после случилось уж совсем невероятное — Се Лянь велел добавить третью!

Теперь-то ни у кого не осталось сомнений — он повредился умом, так что молодчики просто выполнили просьбу. В итоге картина вышла пугающая — на груди Се Ляня высились целых три каменные плиты.

Под пристальными взглядами артистов Фэн Синь замахнулся молотом и, не моргнув глазом, нанёс удар, от которого все три плиты раскололись на дюжину кусков! А Се Лянь под восторженные возгласы собравшихся зевая преспокойно поднялся с земли, целый и невредимый, и непринуждённо отряхнул одежду от пыли. От такой картины зрители вытаращили глаза и раскрыли рты. Главарь шайки то мрачнел, то бледнел, и Се Лянь подумал: «Теперь-то он отступит, испугавшись трудности».

Принц решил было, что противник признает его победу и с этой поры никто не станет их беспокоить. Но здоровяк, несколько раз переменившись в лице, стиснул зубы и вдруг сказал:

— И мне тоже добавьте две плиты! Нет, сразу три давайте!

Его дружки всполошились:

— Старший брат, так не годится, этот человек наверняка применил какое-то колдовство, тебе не стоит с ним тягаться!

— Да! Он точно прибегнул к обману!

Фэн Синь разгневанно воскликнул:

— Мать вашу! Сами ничего не умеете, а других обвиняете в колдовстве и обмане?!

Однако главарь заявил:

— Каменная плита и молот — это наш конёк, я прекрасно вижу, применялось ли колдовство! Этот сопляк и правда кое-что умеет. Но в трёх плитах ничего необычного нет, я смогу выдержать и четыре! А если мы одержим победу, они уйдут!

Фэн Синь вмешался:

— Это невозможно, сдавайся! Смотри, как бы жизни не лишиться.

Но здоровяк был непоколебим, он заставил-таки своих дружков водрузить ему на грудь четыре плиты и сказал:

— Смотрите внимательно!

Се Лянь, видя, что дело принимает нехороший оборот, прошептал:

— Фэн Синь, может, остановим их? Четыре плиты простому смертному точно не выдержать.

Фэн Синь, тоже шёпотом, отозвался:

— Может, пока не будем вмешиваться? Не думаю, что дело дойдёт до смертельного исхода, ударят пару раз, и он поймёт, как сильно ошибся.

Се Лянь хмуро покивал и решил пока понаблюдать. И правда — младший товарищ здоровяка боязливо ударил молотом по плитам, и главарь тут же изменился в лице, но когда молодчик с молотом замер, забранился на него:

— Посильнее! Ты что, не ел сегодня? Как ты собрался плиты разбивать?

Не смея перечить, во второй раз помощник ударил изо всех сил. Раздался грохот, и здоровяк мгновенно побагровел, словно вот-вот из его рта хлынет кровь. Се Лянь и Фэн Синь, видя, что дело плохо, поспешили прервать их:

— Стойте, не нужно совершать над собой насилие!

Но главарь шайки огрызнулся:

— Никто насилия над собой не совершает! Это мой коронный трюк! Смотрите в оба, я заставлю вас признать поражение! Продолжим!

Молодчик с молотом, сделав страдальческое лицо, нанёс ещё удар. И уж на этот раз как следует — кровь, брызнувшая изо рта здоровяка под плитами, залила землю вокруг, его помощник от испуга выронил молот, а остальные, окружив главаря, заголосили:

— Довольно, старший брат, смирись, если эти сопляки не желают отсюда уходить, так пусть остаются, а твоя жизнь важнее!

У пострадавшего на лбу вздулись вены, изо рта пошла кровавая пена, однако он возразил:

— Смириться? Ни за что! Нам уже который день есть нечего. Если дальше так пойдёт, что с вашими жизнями будет? Продолжаем! Ни за что не поверю, что я не одолею в состязании этого хлипкого сопляка! Да ещё в своём лучшем мастерстве!

Се Лянь не мог больше на это смотреть. Он сказал первым:

— Ладно. Раз так, я признаю поражение. Начиная с завтрашнего дня, мы больше здесь не появимся! Фэн Синь, пойдём!

Он развернулся и направился прочь, а за спиной раздались радостные возгласы.

Фэн Синь, нагнав принца, удивился:

— Ваше Высочество, мы что, вот так просто уйдём?

С таким трудом они нашли способ заработка, но вот приходится и от него отказаться. Се Лянь вздохнул:

— Ничего не поделаешь. За те несколько ударов он уже получил серьёзные внутренние повреждения. Боюсь, как бы не остался калекой. А если бы состязание продолжилось, он бы точно поплатился жизнью. Тогда мы бы в любом случае не смогли больше там оставаться.

Фэн Синь, почесав затылок, раздражённо бросил:

— Что за человек... Жизнь ему не дорога!

— Все стараются как-то выжить.

Принц даже сожалел немного — если бы он знал, что так получится, не стал бы разбивать три плиты на груди, сразу признал бы поражение. Тогда и соперник не нагрузил бы себя четырьмя плитами. Пусть главарь шайки грубый и неотёсанный, но всё же его поступок достоин уважения.

— И вообще, — добавил принц, — никто ведь не говорит, что без выступлений на улицах нам только и остаётся, что повеситься на дереве.

Но когда они к вечеру вернулись в свою хижину, матушка опечаленно сообщила принцу, что его отцу стало хуже, и сейчас государь не способен вынести ещё один переезд, нужно какое-то время восстановить силы и здоровье. Другими словами, они пока что не могут покинуть этот город.

Се Лянь вновь перевернул все свои запасы, но так и не нашёл, что ещё заложить, поэтому сел на ящик и уставился перед собой в пустоту. Фэн Синь как раз варил снадобье, при этом хмыкая себе под нос какую-то песенку, да ещё ужасно противную... Се Лянь не желал обращать на него внимания, но тут уж не выдержал:

— Что это с тобой? Настроение, что ли, прекрасное?

Фэн Синь поднял голову и отозвался:

— А? Да нет...

Се Лянь не поверил:

— Правда?

Принц заметил, что с самого первого дня, как они взялись за уличные представления, Фэн Синь стал каким-то странным, особенно в последние дни. Иногда он мог глупо заулыбаться без причины, иногда вдруг загрустить. Когда Му Цин ещё не покинул их, эти двое большую часть времени были неразлучны, теперь же, после ухода Му Цина, Фэн Синь часто в одиночку ходил навещать государя и государыню, чтобы отнести им еды или ещё за какими другими делами. Когда он пропадал надолго, Се Ляню начинало казаться, что Фэн Синь столкнулся с какими-то неприятностями, но принц не находил в себе сил на расспросы. Глядя на горшок со снадобьем, он помолчал немного и спросил:

— Это был последний свёрток?

Фэн Синь, поворошив бумажные свёртки от лекарств, валяющиеся на полу, ответил:

— Да. Если завтра мы... — Он вспомнил, что государь сейчас в хижине, и нельзя, чтобы он услышал, поэтому тут же понизил голос: — Если завтра не сможем выступать на улицах, что будем делать?

Просидев ещё долгое время, Се Лянь вдруг поднялся и сказал:

— Оставайся здесь. А я пойду что-нибудь придумаю.

Фэн Синь с сомнением спросил:

— Куда ты пойдёшь? И что ты можешь придумать?

Но Се Лянь уже направился прочь и ответил, не оборачиваясь:

— Не спрашивай. И не ходи за мной.

Наследный принц совершает неудачное ограбление на горной тропе

Принц строго наказал Фэн Синю остаться с государем и государыней, а сам покинул их ветхое жилище. Он всю дорогу то и дело оборачивался, сердце едва не выскакивало из груди. Принц шёл довольно долго, и лишь убедившись, что Фэн Синь действительно не последовал за ним, вздохнул спокойно.

Приведя душевное состояние в порядок, Се Лянь с передышками прошёл ещё более десятка ли и наконец выбрал место, показавшееся ему подходящим... Горную тропу, петляющую по дикой безлюдной местности.

Он огляделся по сторонам, удостоверился, что вокруг никого, скрыл лицо белой лентой, да покрепче, одним прыжком взобрался на дерево и спрятался там, затаив дыхание, затем принялся терпеливо ждать проходящих мимо путников.

Именно. «Способ», к которому решил прибегнуть принц, — то, что люди называют «отобрать у того, кто побогаче, и отдать тому, кто победнее».

Когда-то Се Лянь только от уличных рассказчиков или из городских повестей слышал истории о благородных бродячих разбойниках, которые промышляли грабежом богачей, помогая беднякам. Самому же принцу никогда не приходилось заниматься подобным, даже помышлять о таком не приходилось. Поскольку он думал так: не важно, насколько приукрашена, насколько благородна цель, грабёж есть грабёж, воровство есть воровство. В противном случае, с ловкостью Се Ляня, он мог не только забраться незамеченным в чей-нибудь дом, для него не представило бы трудности даже обнести государственное казначейство, перебив всю охрану.

Но теперь у него не осталось выбора. И если непременно искать оправдания, «грабёж» всё-таки лучше «кражи», на самую малость. Наверное, потому, что совершается «в открытую». После долгих

душевных терзаний Се Лянь всё же, образно выражаясь, вlepил прежнему себе звонкую пощёчину — решил отобрать у других, кто побогаче, и отдать тому, кто победнее — себе самому.

Самый быстрый способ!

Присев на ветке дерева, Се Лянь не видел кругом ни души, ночь была тёмной и ветреной, кругом царило безмолвие. Но его сердце билось как бешеное.

Даже во время охоты на самого свирепого оборотня принц не испытывал такого волнения. У него дрожали руки, когда он выудил из рукава холодную и чёрствую маньтоу.

Если ты привередлив в еде, следовательно, не так уж и голоден. Когда Се Лянь осознал эту простую истину, неожиданно для себя привык ко вкусу пресного теста.

Приближалась зима, ночи становились холоднее, и принц, поедая остывшую булочку, с каждым выдохом выпускал облачка белого пара. Не желая быть замеченным, Се Лянь даже не рассматривал слишком людные места, намеренно избрав такое захолустье. В итоге ему пришлось прождать без малого четыре часа, когда вдали показался медленно бредущий человек.

Се Лянь встrepенулся, в три укуса прикончил остаток маньтоу и пригляделся к путнику, который оказался каким-то стариком.

Тот был одет довольно хорошо, значит, деньги у него водились. Но, разумеется, Се Лянь не мог напасть на старика. Не то от разочарования, не то вздыхая с облегчением... в общем, принц решительно пропустил путника мимо и стал дожидаться следующего.

Спустя ещё два часа, когда от долгого сидения ноги Се Ляня занемели, да и вообще нижняя половина тела едва не окоченела, на дороге показался ещё один путник. Видя, что тот передвигается тоже очень медленно, Се Лянь подумал: «Неужели опять старик?»

Но когда человек приблизился, принц увидел, что это не старик, а молодой парень.

На лице его играла простодушная улыбка, а шёл он так медленно из-за тяжёлого мешка с рисом, взваленного на спину. Ладони Се Ляня вспотели, он спросил сам себя в душе: «Действуем?»

Поколебавшись ещё мгновение, принц всё-таки не сдвинулся с места.

Причина была такова: по лохмотьям, одетым на путнике, да ещё по истёртым до дыр, через которые выглядывали пальцы, соломенным сандалиям, принц рассудил, что парень очень беден. А радовался он наверняка потому, что наконец-то раздобыл где-то мешок риса на пропитание. Может, его семья голодала уже много дней, а может, он продал единственную корову, чтобы купить этот рис? И если сейчас кто-нибудь ограбит бедняка, это ведь приведёт его в полное отчаяние!

Се Лянь насочинял целую историю, а потом вспомнил, что ему самому, возможно, хватило бы и половины того мешка. Но к тому времени путник уже удалился. Тогда принц решил больше не колебаться и продолжил ждать.

Так он просидел на дереве ещё много часов, от темноты до белого дня. За это время мимо прошли ещё где-то человек десять, и каждый раз Се Лянь хотел совершить задуманное, но находил разнообразные причины, чтобы этого не делать, и отпускал путников. Множество раз он думал «Не выйдет! Лучше вернуться!», ведь ни один разбойник не занимается грабежами с таким настроением, и будет поистине казаться происками нечистой силы, если ему удастся кого-нибудь ограбить. Но, стоило только вспомнить, что по возвращении он не сможет купить ни лекарств, ни еды... принц всё же, скрепя сердце, оставался ждать.

Прошло ещё полдня, когда на горной тропе наконец показался последний путник.

Мужчина, на вид среднего возраста, хорошо одетый, если даже не богач, то наверняка благородного происхождения. От него веяло неким коварством и хитростью, облик сразу отталкивал любого. С первого взгляда ясно: на доброго человека он не похож.

Однако внешность, как известно, бывает обманчива, и Се Лянь не удержался от мысли: «А вдруг этот человек только выглядит злым и коварным? На самом же деле — хороший. Что тогда? Пускай даже у него водятся деньги, неужели он заслуживает того, чтобы его ограбили?»

Но куда принц всё держался за последний рубеж в своей душе, который никак не мог преодолеть, в животе вдруг раздалось напомнившее о голоде урчание. Тогда Се Лянь вздохнул про себя: «Ладно, не время размышлять об этом. Пусть будет он!»

Приняв решение, он спрыгнул с дерева и закричал:

— Стой!

Путник испугался, когда перед ним вдруг возник человек, скрывающий лицо, и настороженно воскликнул:

— Ты кто такой? Зачем прятался, словно преступник?!

Се Лянь, позабыв о совести, начал:

— От... от... от... — Сначала в его душе что-то ещё противилось, но после нескольких попыток он всё же выкрикнул ту самую фразу: — Отдавай сюда все свои деньги!

Мужчина открыл рот, подскочил чуть не на три чи и заголосил:

— На помощь! Помогите! Грабят! — и сразу бросился наутёк.

Но Се Лянь не боялся, что тот сбежит, гораздо больше его беспокоило, что путник может позвать ещё кого-нибудь. Конечно, в таком захолустье вероятность найти помощь чрезвычайно мала, и даже если кто-то явится, принц мог сразу убежать... И всё же нечистая совесть не давала покоя, Се Лянь крикнул вслед:

— Стой! Не кричи!

Но разве мужчина послушался бы его? Он скрылся в ближайшем леске, откуда вдруг раздался его пронзительный крик. Се Лянь испугался, что на мужчину напали дикие звери, и поспешил позвать:

— Подожди! Осторожно!..

Однако, когда принц сам оказался в лесу, тут же застыл как вкопанный, а лицо его мгновенно побелело!

В лесу уже кто-то находился, несколько человек разом повернулись к принцу. Приглядевшись, Се Лянь заметил подвох — нет, это были вовсе не люди. Поскольку тот мужчина, похоже, совершенно их не заметил, а в панике пробежал мимо. А среди других присутствующих Се Лянь увидел немало знакомых лиц.

Но как же иначе? Ведь многих из них он раньше встречал в столице бессмертных. Все они — небесные чиновники, и с Верхних, и с Нижних Небес!

Мужчина закричал, поскольку на бегу запнулся и упал. Теперь же, держа в руках целую стопку защитных талисманов, он бормотал:

— Великие божества, великие божества! Поскорее придите спасти меня! Поскорее спасите меня!

И «великие божества», к которым взывал мужчина, и впрямь уже явились, как он и пожелал.

А в этот самый момент несколько пар глаз небесных чиновников неотрывно глядели на Се Ляня, отчего он даже не мог пошевелиться.

Смертный же, видя, что разбойник с закрытым лицом, который собирался его ограбить, застыл на месте, впопыхах поднялся с земли и дал дёру. Се Лянь и шага не сделал, чтобы догнать его — принц будто бы одеревенел и весь облился холодным потом, а сердце его заполнилось страхом.

Да, страхом.

Он уповал сейчас лишь на то, что белая лента достаточно плотно скрыла его лицо, и эти служащие, с которыми он некогда общался, не узнают его.

Как назло, надежды не оправдались. Один из небожителей, окидывая его внимательным взглядом, с удивлением произнёс:

— Да ведь это же... Его Высочество наследный принц?

Другой его божественный коллега с ещё бóльшим потрясением воскликнул:

— Ах, и правда! Ваше Высочество, что вы здесь делаете? И почему так выглядите?

Се Ляню казалось, что его сердце падает всё ниже и ниже, прямо к центру земли.

— Кажется, только что этот несчастный кричал «помогите», «грабят», «разбойники»? Но разве за ним гнались разбойники? Он имел в виду... Его Высочество?!

— О Небеса! Его Высочество наследный принц... решился на подобный поступок?!

Услышав такие речи, Се Лянь едва не потерял сознание на месте. Неизвестно, сколько он ещё стоял молча, прежде чем охрипшим голосом заговорить:

— Я...

Он хотел что-то сказать, но слова не сходили с губ, застряли в горле. Да и те небесные чиновники застыли с весьма странными выражениями на лицах. Спустя ещё какое-то время один небожитель подошёл, похлопал принца по плечу и произнёс:

— Ничего, не волнуйтесь, Ваше Высочество, мы всё понимаем.

От хлопков, совсем не сильных, Се Лянь едва не пошатнулся, и повторил:

— Я...

Тот небожитель рассмеялся и продолжил:

— Вам ведь тоже нелегко приходится, раз пошли на такое, понять нетрудно. Не волнуйтесь, мы не расскажем об этом никому постороннему.

Как раз фраза об этом и застряла у Се Ляня в горле. Но когда тот небожитель произнёс её вслух, принц уже не знал, что ещё ему следует сказать. Помолчав, он наконец едва слышно пробормотал:

— Хорошо... спасибо. Ну... я... пойду. Пойду.

Принц и сам не знал, как в итоге покинул тот лесок. Но когда очнулся, уже стоял на безлюдной горной дороге, овеваемый холодным зимним ветром в ночи.

Тогда-то Се Лянь и осознал наконец, насколько страшное событие произошло.

Он, Се Лянь, наследный принц Сяньлэ... разбойник?!

Как он мог опуститься до такого?!

Теперь он беспредельно сожалел о содеянном. Раньше он ни за что в здравом уме не стал бы устраивать грабёж на дороге, но теперь исправить положение было невозможно. Ну почему его постигла такая неудача? Ведь он так ничего и не совершил, а попался с поличным!

Се Лянь за всю прожитую жизнь никогда не сталкивался с подобным и не представлял, что теперь делать. От макушки до пят он весь горел, в голове воцарился хаос. Принц закрыл лицо ладонями. Если бы можно было обратить время вспять... Он даже согласился бы заплатить за это несколькими годами своей жизни и уровнем заклинательства. Охваченный безграничной досадой, принц вдруг уловил боковым зрением размытый белый силуэт. В тот же миг он испуганно вздрогнул и вскинул голову.

— Кто здесь?!

Но силуэт сразу исчез, а Се Лянь вновь облился холодным потом.

Он не видел лица человека, но ему показалось, что тот носил маску!

Однако, оглядевшись, принц не обнаружил чьего-либо присутствия и не удержался от подозрений, что силуэт лишь померещился ему из-за смятения, охватившего душу. Впрочем, так это или нет, в любом случае оставаться на том месте Се Лянь больше не решился — второпях покинул горную тропу.

Фэн Синь прождал его целый день, а при виде возвратившегося принца спросил:

— Ваше Высочество, где ты был? И что же ты всё-таки придумал? Разве Се Лянь нашёл бы в себе силы ему рассказать? Он не мог поведать о случившемся никому, а тем более Фэн Синю. Принц даже представить не мог, что подумает Фэн Синь, который всегда твёрдо верил в непоколебимую добродетельность принца, когда узнает, что тот додумался бегать и грабить народ. Принц надеялся, что сможет навсегда похоронить это воспоминание в глубине души. Чтоб оно растворилось у него в желудке.

— Ничего, — уклончиво ответил принц.

Фэн Синь оторопел:

— А? Но почему тебя так долго не было? Чем ты занимался?

Се Лянь, ощущая себя как в тумане, произнёс:

— Не спрашивай. Ничем я не занимался.

Ответ показался Фэн Синю подозрительным, но как бы он ни выпрашивал, Се Лянь не соглашался говорить, и в конце концов Фэн Синь решил, что слуге не следует задавать слишком много вопросов, только прошептал:

— Значит, завтра мы опять отправимся давать представления?

Но Се Лянь сказал:

— Я никуда не пойду.

Принц полностью впал в смятение, больше ни о чём думать он не мог: что, если завтра они как раз столкнутся с тем мужчиной, которого он пытался ограбить? Что, если сейчас его уже разыскивают по всему городу?

Фэн Синю его состояние тоже показалось не самым лучшим, он спросил:

— Ты, наверное, устал? Ну вот и хорошо. Ваше Высочество, лучше никуда не ходи, я справлюсь в одиночку. А ты посвяти себя медитации.

Только ему и невдомёк было, что Се Лянь не желал даже слышать о самосовершенствовании.

Вначале после низвержения принц старательно тренировался и медитировал, ведь только так он мог заполучить шанс вновь вознестись на Небеса. Но теперь ему было страшно возвращаться.

Пускай те небесные чиновники заверили, что не расскажут посторонним... Сдержат ли они обещание? А может, сейчас уже все Верхние Небеса знают о сегодняшнем происшествии?

Только подумав об этом, Се Лянь едва не перестал дышать. Он не сможет принять этого пятна позора, которым его заклеят в случае огласки, ведь тогда Верхние и Нижние Небеса и даже целый мир смертных станут показывать на него пальцем!

Утомлённый и измученный, Се Лянь провалился в сон, как в забытье. Но этот сон не был спокойным, ему привиделось бесчисленное множество кошмаров, принц то и дело ворочался, а когда внезапно пробудился и выглянул из окна, то увидел, что уже стемнело.

Фэн Синь и впрямь ушёл один зарабатывать деньги, но до сих пор не вернулся, и только за стенкой раздавался тихий кашель и разговоры государя и государыни. Се Лянь лежал на полу. А едва проснувшись, вновь невольно представил, что будет, когда родители узнают о случившемся, если всё и впрямь разойдётся слухами. Насколько это их потрясёт. Возможно, отец рассердится до белого каления, будет кашлять кровью и называть сына позором Сяньлэ. Матушка, конечно, бранить его не станет, только наверняка расстроится до отчаяния, ведь её любимое чадо так их опозорило.

При этих мыслях Се Ляню снова стало трудно дышать. Ему необходимо было найти место, где он сможет побыть один и успокоиться, прийти в себя, поэтому он рывком поднялся с циновки, выбежал прочь и бесцельно мчался куда глаза глядят больше десятка ли навстречу ледяному ветру.

Где ещё попадались прохожие, он даже не решался задерживаться. Ему всё казалось, что люди наблюдают за ним, разглядывают его в таком плачевном состоянии. Только оказавшись на кладбище, где не было никого, принц наконец остановился.

Эта ночь выдалась ещё холоднее, чем прошлая. И лишь сейчас Се Лянь почувствовал, что руки и лицо окоченели, а его самого бьёт мелкой дрожью. Возможно, не только от холода, но ещё и от страха. Принц невольно обнял себя за плечи, несколько раз выдохнул горячий пар. И вдруг заметил на надгробии перед собой два сосуда с поминальным вином.

Видимо, хозяин надгробия при жизни любил выпить, поэтому после его смерти те, кто приходил ухаживать за могилой, приносили вино. Се Лянь присел на корточки рядом. Он никогда раньше не пил алкоголь, но слышал от других, что это питье согревает, а ещё

помогает забыться. Поколебавшись мгновение, принц схватил один из сосудов, вынул пробку и буквально влил вино себе в глотку.

Вино было не лучшего сорта — пузатый сосуд за малую цену, и на вкус оказалось обжигающим до удушья. Се Лянь сделал несколько больших глотков и неистово закашлялся, но, кажется, ему действительно стало теплее. Поэтому, растерев щёки, принц уселся прямо на землю, обнял кувшин и продолжил жадно пить.

Будто сквозь сон принц смутно увидел, что откуда ни возьмись к нему подлетел тусклый призрачный огонёк, который принялся кружиться рядом, будто в ужасном волнении. Се Лянь был занят питьём вина и словно ничего не замечал вокруг. Но, похоже, огонёк всеми силами пытался приблизиться к нему, только из-за бесплотной природы каждый раз лишь пролетал мимо, не способный коснуться.

Прикончив один сосуд, Се Лянь давным-давно опьянел, перед глазами всё плыло. Принц почувствовал жалость к мельтешащему из стороны в сторону огоньку, но в то же время тот неожиданно рассмешил Се Ляня. Не сдержавшись, он тихонько прыснул, оперся локтем на край винного сосуда и спросил:

— Что это ты делаешь?

Огонёк мгновенно застыл в воздухе.

Тридцать три небесных чиновника спорят за благословенную землю

Се Лянь спросил призрака:

— Это твоя могила? Я выпил твоё вино? — В пьяном дурмане принц не расслышал, ответил ли ему огонёк, и решил, что хозяин могилы рассердился и гонит его прочь. — Да понял я, уже ухожу, — буркнул он себе под нос.

Прижимая к груди сосуд, Се Лянь поднялся и, пошатываясь, сделал шаг. Но прошёл совсем немного, как вдруг наступил в пустоту, «бум» — и полетел вверх тормашками.

Оказывается, на кладбище вырыли большую яму, должно быть, будущую могилу для какого-нибудь покойника. Кто же знал, что покойника туда положить не успеют и первым на подготовленное место уляжется Се Лянь?

Принц ударился лбом о дно ямы, очень больно, так что голова закружилась ещё сильнее. Лишь спустя какое-то время ему удалось

унять головокружение и с трудом приподняться. Обе руки принца оказались измазаны грязью и кровью, наверное, он поранился при падении.

Се Лянь поднёс ладони к лицу, растерянно взгляделся, ничего не увидев, и попытался выбраться из ямы. Но после выпитого конечности не слушались, силу приложить не получалось, и принц то и дело скатывался вниз. В итоге, распластавшись на дне ямы и уставившись в ночное небо, где тёмные тучи закрыли луну, Се Лянь ужасно разозлился.

Яма ведь не настолько глубокая, почему же он не может выбраться?

Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился, и даже не удержался от тихого:

— Твою мать...

Се Лянь никогда раньше не бранился. Впервые с его губ слетели такие слова. Но вот что удивительно: сразу после этого негодование и тоска в его груди как будто немного рассеялись. Поэтому Се Лянь, подобно ребёнку, который впервые попробовал сладкое, поскорее зацепился за край могилы и вновь выругался, да погромче:

— Да твою ж мать! — Ударяя ладонями о землю, принц позвал: — Есть кто-нибудь? Кто-нибудь, вытащите меня отсюда!

Но здесь, конечно, никого не было. Только тусклый призрачный огонёк всё летал вокруг. Когда Се Лянь свалился в яму, призрак бросился к нему, будто хотел помочь, но никак не мог. Принц совершенно не обратил на него внимания, только гневно закричал:

— Пусть кто-нибудь просто придёт и закопает меня здесь!

Но ругань руганью, а выбраться всё же нужно. Запыхавшись, Се Лянь с огромным трудом выкарабкался сам и, тяжело дыша, повалился на землю. Выглядел он при этом хуже некуда. Спустя ещё какое-то время принц перевернулся на бок, съёжился и обнял себя за плечи.

— Как холодно, — прошептал он.

Очень тихо, боясь, что кто-то его услышит. Но призрачный огонёк всё-таки уловил эту фразу. Он подлетел совсем близко к Се Ляню и вдруг вспыхнул ярким пламенем, словно изо всех сил сжигая само своё существо.

Вот только... призрачный огонь не греет.

И пусть он прижался бы ещё ближе, пусть спалил бы себя без остатка, он был не способен принести живому человеку даже капельку тепла.

Сквозь дымку, затуманившую сознание, Се Лянь услышал тихий голос.

Казалось, голос этот звучит где-то очень близко, но в то же время далеко. Во сне, но в то же время наяву. В нём слышалось отчаяние:

— Моё божество! Прошу, подожди меня, подожди меня... Молю, дай мне ещё немного времени... Позволь мне... позволь мне...

Се Лянь подумал: «Божество? Это меня кто-то зовёт?»

Но сейчас звать к нему было занятием бесполезным.

Поскольку принц, даже когда являлся божеством, оказался бессилен. А теперь, уже не будучи таковым, он тем более ничего не мог сделать.

— Ваше Высочество?.. Ваше Высочество? Ваше Высочество!

Фэн Синь растолкал Се Ляня, заставив пробудиться.

Принц с трудом разлепил веки и обнаружил себя лежащим в каком-то узком переулке. Лицо Фэн Синя висело над ним. Увидев, что Се Лянь очнулся, тот наконец вздохнул с облегчением, но тут же в его взгляде промелькнул гнев.

— Ваше Высочество! Что с тобой такое? Убежал, не сказав ни слова, и пропал куда-то на два дня! Если не вернёшься сейчас же, я больше не смогу обманывать Их Величества!

— Два дня? — Се Лянь медленно сел.

Только фраза вылетела изо рта, принц осознал, что его горло ужасно пересохло, а голос хрипит. Да ещё голова раскалывается на части, а брови то и дело вздрагивают. Он что-то смутно припоминал, но при этом не помнил совсем ничего. Фэн Синь присел рядом на корточки.

— Вот именно! Два дня! Куда ты запропастился?! И почему только что так разбушевался?

Неужели принц двое суток провёл в хмельном забытии? Он ведь был на каком-то кладбище, как оказался здесь? Последняя фраза Фэн Синя вызвала в душе Се Ляня дурное предчувствие.

— Что я натворил?

Фэн Синь ответил тоном, не предвещающим ничего хорошего:

— Ты был словно демонами одержим! Повсюду крушил лотки уличных торговцев, дрался, даже встал на пути у солдат Юньань! Что ты ещё раньше натворил, мне неизвестно!

Услышав, что пытался задержать солдат Юньань, Се Лянь испуганно переспросил:

— Я задираю солдат? И... и что же они?..

— Повезло — я как раз на тебя натолкнулся и успел удержать. Благо, ты ещё и выглядишь подобным образом... Они приняли тебя за какого-то сбрендившего пьянчугу, обругали и прошли мимо. Если бы не это, конец был бы неминуем. Что с тобой случилось, скажи наконец! Почему ты выглядишь, будто напился?

Се Лянь опустил голову и оглядел себя, дотронулся до головы. Он был весь измазан в грязи, а волосы спутались, будто у преступника, приговорённого к казни по наступлении осени^[297].

Он и впрямь походил на безумного пьяницу, целыми днями валяющегося на улице.

Помолчав, Се Лянь поднялся и уклончиво ответил:

— Гм... Выпил немного.

Фэн Синь даже не сразу осознал, что только что услышал.

— Чего? Как ты мог напиться? И сколько же ты выпил, чтобы захмелеть на два дня?

Видя на лице Фэн Синя потрясение, словно тот не верил своим ушам, Се Лянь ощутил беспричинное раздражение и пошёл прочь, говоря на ходу:

— Сказал же, немного. Совсем чуть-чуть. Ничего. И почему мне нельзя выпить?

Фэн Синь не ожидал такого ответа и даже остолбенел, потрясённый словами принца. Но вскоре нагнал того и возразил:

— Что значит — ничего? Почему? Ваше Высочество, ты забыл? Употребление алкоголя означает нарушение обета. Тебе нельзя нарушать обеты, иначе как быть с твоим уровнем самосовершенствования? Ты ведь должен достичь вознесения.

Стоило ему сказать слова «самосовершенствование» и «вознесение», Се Лянь не пожелал слушать дальше — ускорил шаг.

— Ваше Высочество! — Фэн Синь вновь догнал принца и с сомнением спросил: — Произошло что-то серьёзное? Можешь рассказать мне?

Услышав осторожный вопрос Фэн Синя, Се Лянь открыл было рот, но промолчал, едва не проговорившись.

Если он не найдёт, кому может поведать обо всём, наверное, просто сойдёт с ума. Но Се Лянь не был уверен, что Фэн Синь на это скажет.

Принц не мог побиться об заклад, какой будет его реакция.

Видя замешательство Се Ляня, Фэн Синь добавил:

— Сказать по правде... Если ты никого не убил, не устроил поджог или грабёж, Ваше Высочество, чем ещё ты не можешь поделиться со мной?

У Се Ляня даже на какое-то время перехватило дыхание на фразе «ты ведь никого не убил, не устроил поджог или грабёж».

Если мгновением ранее принц колебался и надеялся на хороший исход, то теперь все надежды разбились вдребезги. Се Лянь опустил голову, развернулся и пошёл дальше, невнятно бормоча:

— Ничего подобного... просто... Я правда очень устал. Ты... — Он как раз намеревался придумать отговорку, как вдруг заметил кое-что на щеке Фэн Синя и остановился. — Что у тебя с лицом?

Фэн Синь не глядя тронул щёку, и, похоже, коснулся больного места — его лицо дёрнулось. На щеке виднелась ссадина. А ещё плечо было тщательно забинтовано.

И бинты наверняка наложил не сам Фэн Синь. Однако Се Лянь беспокоился лишь о ранах под ними.

— А ты как поранился?

С мастерством Фэн Синя простым смертным было не так просто ранить его, к тому же пострадала рука... Но тот, не придавая этому особого значения, ответил:

— А, ерунда. Те никчёмные бродяги приходили помешать мне зарабатывать, ничего особенного.

Се Лянь изумлённо переспросил:

— Ты о тех местных уличных артистах, которых мы встретили в прошлый раз?

— Именно.

— Но почему они решили помешать тебе? — До принца тут же дошло. — Из-за того, что я признал поражение, а ты всё равно пришёл выступать? Они явились прогнать тебя?

Скорее всего, так оно и случилось. Выяснив причину, Се Лянь ощутил, как в душе поднимается гнев. Он твёрдо заявил:

— Не ходи туда больше!

Но Фэн Синь с безразличием заявил:

— Пусть катятся! Вот и буду ходить. Это ведь ты признал поражение, а не я. Я ничего не признавал, за нарушение слова это не считается. Всё равно буду там выступать. Что они ещё могут сделать, кроме как исподтишка бросить что-нибудь, чтобы помешать мне? В тот раз я просто не был готов. Но впредь буду. Драки с ними я не боюсь!

Этими словами волну внезапного возмущения в душе Се Ляня мгновенно смело, а на смену ему пришли угрызения совести.

Фэн Синь так старается, а принц тут в одиночестве предаётся унынию и упадочным настроениям. Разве достоин он столь преданного слуги, который до сих пор его не бросил?

Се Лянь вздохнул:

— Прости, Фэн Синь.

Тот удивлённо застыл и активно замахал руками.

— Ваше Высочество, зачем ты просишь у меня прощения? Не городи ерунды.

— В последние дни ты в одиночку зарабатываешь деньги. Спасибо тебе за труды.

— Главное, чтобы ты как следует тренировался в самосовершенствовании и как можно скорее вознёсся. Это лучшее, что можно предпринять!

Вновь услышав о вознесении, на этот раз Се Лянь уверенно кивнул.

Фэн Синь убедил государя и государыню, что Се Лянь несколько дней провёл где-то в тренировках. По возвращении сына матушка всё с такой же радостью вновь приготовила поесть. Се Лянь из сострадания к Фэн Синю забрал у того чашку и съел сам. Следующую ночь он провёл без сна.

А на следующий день, когда Фэн Синь ранним утром проснулся и ушёл из дома, Се Лянь остался, чтобы заняться тренировками.

Но только, с каким бы рвением он ни взялся за дело, сосредоточиться для тренировки духа никак не получалось.

Всем известно: единственный путь превзойти других — усердие в учёбе и упражнениях. Но сколько человек из десятка тысяч способны по-настоящему проявить необходимое усердие? Здесь принцип тот же — сколько бы тысяч раз Се Лянь ни велел себе избавиться от ненужных мыслей во время медитации, разве одни только слова могли возыметь действие?

Прошло около двух недель, но его тренировки не продвинулись ни на шаг, не принесли результата. И принц неизбежно забеспокоился. Се Лянь ощущал огромное давление ответственности, которое нельзя выразить словами, особенно когда Фэн Синь, еле волоча ноги, возвращался в хижину глубокой ночью, и они вместе с государыней спрашивали принца о его успехах.

Он не мог сказать им правды, только уклончиво отвечал, что прогресс имеется, чем весьма радовал обоих. Но так не могло продолжаться долго. Два месяца спустя Се Лянь больше не решился позволять себе пребывать в этом состоянии.

Однажды, когда Фэн Синь вновь вернулся за полночь, они с принцем сидели за столом и доедали оставшуюся со вчерашнего дня пищу. За едой Се Лянь вдруг сказал Фэн Синю:

— Боюсь, мне придётся на какое-то время покинуть вас.

Фэн Синь, наспех заталкивая в рот рис, поразился:

— А? Покинуть? Куда ты собрался?

Се Лянь неторопливо произнёс:

— Мне нужно найти уединённую обитель с достаточной концентрацией духовной силы, чтобы предаться самосовершенствованию вдали от мирского.

Если в месте, где заклинатель проводит свои медитации, достаточно духовных сил, для него это приносит огромную пользу. Ранее Се Лянь никак не мог решиться оставить родителей и двоих слуг, чтобы куда-то уйти. Но теперь его мнение поменялось. Фэн Синь без лишних раздумий ответил:

— Да ведь это же прекрасно! Ваше Высочество, давно пора! Именно тренировки в аскетичных условиях приносят больше всего плодов.

Се Лянь кивнул, сделал паузу и добавил:

— Пока меня не будет, попрошу тебя позаботиться о моём отце и матушке.

Фэн Синь уже открыл рот, чтобы ответить, но вдруг... мгновение помедлил. И хотя этот миг колебания сразу прошёл, всё же Се Лянь, который знал его лучше некуда, не мог не увидеть этой мимолётной нерешительности.

В тот момент государь из комнаты сказал:

— Ступай себе. Моё Величество в заботе не нуждается.

Фэн Синь и Се Лянь, положив палочки и чашки, обратили взгляды на дальнюю комнату. Выходит, государь ещё не спал и слышал их разговор, поэтому и вставил слово.

— Опять это пустое бахвальство, — покачав головой, прошептал Се Лянь.

Фэн Синь же усмехнулся и ответил на просьбу:

— Не волнуйся, Ваше Высочество. Конечно, я о них позабочусь.

Теперь он ответил прямо, без раздумий, но Се Лянь не забыл, как только что Фэн Синь, кажется, на миг поддался сомнению, словно его беспокоило что-то другое.

Однако, поразмыслив, принц решил, что мог и ошибиться. Кроме них, Фэн Синь больше ни с кем не был знаком, никаких других обязанностей не имел, откуда взяться иным беспокойствам? Отбросив эти мысли, Се Лянь стал обдумывать предстоящий завтра поход.

На следующий день принц, собрав простенький дорожный мешок, закинул его на спину и временно простился с родителями и Фэн Синем.

Неизвестно, сколько десятков ли ему пришлось преодолеть пешком и сколько дней спать и есть без крыши над головой. Но в конце концов наконец удалось отыскать уединённое место в глубине гор, подходящее для занятий самосовершенствованием. Внимательно всё оглядев, Се Лянь вначале поразился, затем в душе ужасно обрадовался: «Вот так удача... Фэншуй здесь замечательный, это ведь редчайшая обитель, благословенная Небесами!»

Невезение преследовало его до сего дня, и вдруг всё повернулось иначе, да так что Се Лянь даже немного не верил своим глазам. Лишь убедившись ещё и ещё раз, принц отбросил сомнения. Ему действительно попалась благословенная земля, пышущая духовной силой. Если здесь посвятить самосовершенствованию несколько месяцев, старания непременно окупятся с лихвой, и его ожидает стремительный прогресс!

Се Лянь, казалось, увидел надежду, его душа мгновенно просветлела после долгого пребывания во мраке, радости не было предела. Он подумал: «Отец, матушка, Фэн Синь, подождите меня. Я очень скоро вернусь!»

Ещё шесть-восемь часов он взбирался по крутой горной тропе, прежде чем наконец достиг глубин этих чудесных гор.

Проходя через густой лес, принц отчётливо ощущал, что источник духовной силы всё ближе. Се Лянь пошёл быстрее и легче. Однако, когда он уже выбирал подходящее место для медитации, позади вдруг послышалось множество шагов.

Откуда в таких диких и уединённых горах могло возникнуть столько шума? Се Лянь невольно обернулся, и... к величайшей его неожиданности, от этого взгляда едва появившаяся улыбка на его губах так и застыла.

За его спиной показалась целая толпа, человек тридцать или около того. Разного роста и сложения, обликом и одеянием каждый отличался от остальных, однако все они как один были небесными чиновниками. Малая часть — младшие чины Верхних Небес, большая — приравненные к небожителям служащие Нижних Небес.

И среди них весьма неожиданно оказались те небесные чиновники, которых Се Лянь повстречал во время попытки ограбить путника на горной дороге!

Увидев принца, те слегка изменились в лице, дёрнули за рукав этого, толкнули в бок другого и зашептались неизвестно о чём. А у Се Ляня при виде них едва заметно задрожали руки.

Они так и стояли, глядя друг на друга, покуда один из небожителей не заговорил, кашлянув:

— Какое совпадение. Не ожидали встретить здесь Ваше Высочество.

— Да! — подхватил другой. — Ваше Высочество, как же и вы оказались здесь?

Се Лянь, помолчав, мягко кивнул, стараясь ответить как можно спокойнее, непринуждённо и с достоинством:

— Я пришёл сюда для занятия самосовершенствованием.

И хотя нынешнее положение принца разительно отличалось от прошлого, всё же он приложил все усилия, чтобы говорить с ними тем

же тоном, что и до своего низвержения, не понижая голоса от скромности, не задыхаясь от нерешительности.

Небожители рассмеялись:

— Совпадение ещё более удивительное! Ведь и мы здесь за тем же.

— Да уж, да уж! Не ожидали, что выберем с вами одно и то же место. Хе-хе-хе...

Выходит, благословенный уголок приметил не только Се Лянь. Место приглянулось и другим небожителям.

У принца возникли сомнения. Неужели придётся разделить обитель с таким количеством желающих? По правде говоря, в глубине души ему этого очень не хотелось. Во-первых, он намеревался тренироваться в аскетичных условиях, отгородившись от мира, но если при этом не уединиться, а проводить тренировки при таком множестве народа, неизбежно кто-то будет ему мешать. Кому-то по нраву собираться в группы для совместных тренировок, чтобы «в случае чего поддержать друг друга», но Се Лянь всегда занимался практиками в одиночестве.

Во-вторых, после неудачного ограбления, когда принц встретил знакомых небожителей, его охватило беспокойство. Ему всё казалось, что их взгляды колют его до нестерпимой боли. А сейчас и вовсе померещилось, что все смотрят на него оценивающими взглядами. В таких условиях совершенно не возникало желания тренироваться.

В случае спора за обитель существовало правило «кто первый прибыл, тот и заполучил», стоило лишь проявить должное упрямство. Се Лянь мог сказать: «Я пришёл сюда раньше, прошу вас поискать другое место». Но при небесных служащих, что застали его на преступлении, твёрдость проявить было непросто. Займи он столь обширную территорию и прогони такое множество желающих — и его действия посчитают бесчинством чистой воды. И пускай Се Лянь не желал делить эту землю с кем-то ещё, ничего иного не оставалось. Ему не удастся так быстро отыскать другое наполненное духовной силой уединённое место для тренировок. Пришлось кивнуть и сказать:

— Да уж, вот так совпадение. Что ж, я пока буду располагаться, а вы, господа, можете действовать на своё усмотрение.

С такими словами принц собрался поскорее уйти подальше, чтобы поискать самую тихую пещеру и там укрыться от всех, но

только повернулся, как услышал за спиной голос кого-то из небесных чиновников:

— Пойдите.

Шаги Се Ляня застыли. Он обернулся с вопросом:

— Что такое?

Небожители обменялись взглядами, кто-то даже зашептался, а спустя ещё мгновение один из них выступил вперёд и с улыбкой заявил:

— Ваше Высочество когда-то присвоили себе множество благословенных территорий, быть может, эту одну уступите нам?

Се Лянь долго стоял как вкопанный, прежде чем до него дошёл смысл сказанного. Они хотели... чтобы он покинул это место? Вот так, без всякого предупреждения, принц столкнулся с настоящим притеснением!

Кровь тотчас же бросилась Се Ляню в голову, он подумал: «Но я пришёл первым, а вас прогонять не стал, почему же вы решили меня прогнать?»

Однако вступать в необдуманную перепалку сейчас принц не мог. Он молчал, медленно сжимая в кулак руку, в которой держал завязки своего дорожного мешка. Затем заговорил, и голос его звучал твёрдо:

— Господа, что всё это значит?

— Ну... мы же ведь уже сказали?... — вмешался другой небожитель. — Ваше Высочество когда-то занимали множество благословенных территорий...

— К чему сейчас упоминать об этом? — перебил Се Лянь. — Неужели, если я в прошлом занял множество чудесных земель, впредь мне запрещается тренироваться в таких местах?

Небесный чиновник, которому он заткнул рот, виновато замолчал. Се Лянь постарался продолжить как можно более спокойным тоном:

— К тому же, я не очень понимаю: если я останусь здесь, это ведь не означает, что и вы не можете остаться. Нередки случаи, когда многие разделяют между собой одну чудесную местность. Каждый займётся своими тренировками, что в этом неподобающего? Почему вы непременно желаете, чтобы я ушёл?

Тут раздалось лишь чьё-то тихое бормотание:

— Не притворяйся дураком... Нас и так уже больше тридцати, а если ты здесь станешь заниматься духовными практиками, другим

никакие тренировки не помогут...

Говорящего очень быстро одёрнули, но Се Лянь мгновенно всё понял.

Вот в чём крылась истинная причина!

Количество духовной силы в благословенной обители ограничено. И если во время своих тренировок кто-то занимает половину, явившимся после него достанется лишь другая половина. Ну а займи кто-то восемь десятых частей, иным останется всего две десятых. Чем большей способностью поглощения духовной силы для своих нужд обладал заклинатель, тем больше он себе забирал.

Эти небожители беспокоились, что если принц останется здесь, он заберёт себе бóльшую часть духовной силы. А оставшуюся ещё и придётся делить между тридцатью тремя соратниками, и значит, в результате каждому из них достанется самая малость!

Когда всё встало на свои места, кровь закипела в голове Се Ляня ещё яростнее. Он крепко сжал кулаки и суровым тоном заявил:

— Я остаюсь здесь.

Кто-то из оппонентов ответил ему:

— Ваше Высочество, ведь сейчас мы лишь из уважения называем вас Высочеством. Ныне вы — простой смертный, к чему непременно нужно спорить с нами за сию чудесную землю?

Се Лянь возразил:

— Раз уж я — простой смертный, а вы все — небесные чиновники, чего вам опасаться, позволив мне тренироваться здесь? А если я не уйду, неужели прогоните меня силой?

Ну разумеется, такого не могло случиться. Если простой смертный не совершает ничего излишне предосудительного, божества не могут применять к нему силу, за это последует наказание. Небожители действительно ничего не могли с ним сделать. Однако кое о чём Се Лянь всё же позабыл.

Как раз когда он упрямо не желал уступать в споре с небесными чиновниками, вдруг раздался голос:

— Его Высочество после низвержения в мир людей поистине стал крепким орешком! Не только научился грабить простых смертных, но ещё и дерзит небожителям, ха-ха-ха!

Услышав эту фразу, Се Лянь в тот же миг будто провалился в полынью!

Он резко вскинул голову, увидев, что говорящим был какой-то чиновник совсем низкого ранга. Но его не было в тот день среди небожителей, которые застали принца на горной тропе!

Выходит, они и впрямь давно всё разболтали! И минутами ранее Се Ляню не померещилось — все действительно смотрели на него с тем самым отношением во взгляде. Все знали. Эти чиновники, они всё знали!!!

В тот миг Се Ляню показалось, что из него вытащили все кости, запал его погас. Только вот глаза едва не налились кровью. Он одеревенело повернулся, глядя на тех младших служащих Верхних Небес, и хрипло произнёс:

— Вы же говорили... что ничего не расскажете посторонним.

Возможно, по той причине, что взгляд принца от возмущения сделался испепеляющим, небожители, на которых он уставился, торопливо замахали руками:

— Мы и не рассказывали посторонним!

Се Лянь с краснеющими глазами воскликнул:

— И как же тогда они узнали?!

Ни один из собравшихся здесь небесных чиновников, услышав фразу принца, не выказал и тени удивления. А раз столько народу уже обо всём знали, сколько ещё таких было на Верхних Небесах?

Вопрос заставил виновников замяться, но затем они пустились в объяснения:

— Но ведь они не посторонние! Это всё наши друзья, хорошие знакомые, между нами не существует тайн. Рассказать им — не значит рассказать посторонним, а кроме них мы не скажем больше никому...

Не дожидаясь окончания этих речей, Се Лянь сурово оборвал:

— Ложь! Ложь от начала и до конца! Я не верю!!!

Небожители, которых он так резко перебил, всё-таки несколько смутились и спрятались среди остальных. Кто-то вдруг громко заявил:

— Какая разница, верите вы или нет? Ваше Высочество, тот факт, что они не донесли на вас там же, на месте, когда вы творили свои хорошие делишки во время ссылки в мир смертных, — уже достаточно добрый поступок с их стороны. А вы ещё и требуете, чтобы другие держали всё в секрете? С какой стати мы обязаны хранить это в тайне? Поистине смехотворно!

Се Ляню словно без предупреждения плеснули прямо в лицо холодной водой с кусками льда, после чего пронзили сердце острым ножом насквозь.

— Нет! Я... — второпях забормотал он.

Но тут же услышал другого говорящего:

— Тот, кто не совершает дурных поступков, не боится, что ночью демоны постучатся в двери. Ваша собственная совесть нечиста, как можно обвинять других в том, что они не держат обещаний? Если бы кто-то из них и впрямь помог вам скрыть столь бесчестный поступок, это бы как раз и называлось халатностью и несоответствием морали!

— Нет!!! Я... — вновь попытался вставить слово Се Лянь.

Он хотел сказать: «У меня были на то причины, я ведь и сам не хотел идти на преступление», но в душе понимал — никакие доводы не имеют значения. Важно сейчас лишь одно — он действительно занялся грабежом!

Пятно грязи теперь клеймом позора отпечаталось у него на лице, сделав его перед небесными чиновниками бесконечно ничтожным, так что он не мог сказать и слова в свою защиту. Видя, что принц начал сдавать позиции, ещё один Бог Войны вышел вперёд:

— Ваше Высочество, теперь-то вы должны понять, почему мы не хотели бы, чтобы вы оставались здесь и тренировались вместе со всеми?

Се Лянь опустил голову, но сжал кулаки.

Бог Войны продолжал:

— Нам с вами не по пути. Дороги расходятся, и интересы, стало быть, разнятся. Лучше вам всё же уйти по своей воле.

Глядя на то, с каким великодушным видом тот произнёс «дороги расходятся, и интересы, стало быть, разнятся», Се Лянь вдруг понял.

Разговоры разговорами, но если разобраться до конца, они ведь по-прежнему всего-то хотят, чтобы он уступил им эти чудесные земли!

Принц стиснул кулаки до хруста в костях, горло его охватило напряжение, но всё же он с нажимом сказал:

— ...Я не уйду. Я буду здесь самосовершенствоваться.

В тот миг гнев на небесных чиновников окончательно подавил чувство стыда в его душе.

Всё равно ниже падать некуда, была не была — чем понуро опустить голову и удалиться восвояси, принц готов был, отбросив

стыд, стоять на своём, чтобы только помешать осуществлению их плана. Се Лянь рывком вскинул голову и повторил:

— Я буду здесь самосовершенствоваться. Эти горы — не ваши владения, вы не имеете права прогонять меня!

От такого упрямства лица небесных чиновников аж почернели. Се Лянь услышал шепотки:

— Ну и чего он добивается?

— Вот уж поистине не приходилось мне встречать таких бесстыжих...

Но, что бы они ни болтали, Се Лянь стоял неподвижно. Пусть его сердце кровоточило, раненое острыми речами, он намеревался настаивать на своём, не двигаясь с места.

Кто-то из Богов Войны заявил:

— Как видно, Его Высочество наследный принц решил действовать, не считаясь с мнением других, чтобы непременно испортить всем настроение своей выходкой?

— Что ж, прогоните меня, коли кишка не тонка, — съязвил Се Лянь. — Вот только, как бы вам этого ни хотелось, силёнок всё равно не хватит!

В тот же миг около десятка небесных чиновников переменялись в лице и все как один выхватили оружие!

И неудивительно. Ведь для Богов Войны подобные речи стали самым настоящим вызовом. Среди присутствующих таковых нашлось немало — как же они могли притвориться, что не услышали?

Но Се Лянь, окружённый со всех сторон, нисколько не испугался. У него при себе не было оружия, принц лишь крепко сжимал в руке ветку, которую подобрал по пути, чтобы опираться на неё во время подъёма в гору.

— Ваше Высочество, — серьёзным тоном произнёс кто-то из Богов Войны. — Если вы немедленно принесёте извинения, мы сделаем вид, что никакого оскорбления с вашей стороны не прозвучало.

— Если мои слова в чём-то показались вам неприятными, — парировал Се Лянь, — я ни за что на свете не стану извиняться за них. — Он выставил перед собой ветку. — Потому что вы не заслуживаете называться богами!

Небожители пришли в ярость.

Кто-то издевательски выплюнул:

— Это мы-то не заслуживаем? А ты, разбойник, что грабит простых смертных, стало быть, заслуживаешь?!

Се Лянь дальше терпеть не смог — да и с самого начала не собирался. Он напал на них с одной лишь веткой в руке.

— Я вам не позволю глумиться надо мной!

Боги Войны приняли выпад своим оружием, тут же кто-то позади них воскликнул:

— Но ведь это не мы заставили тебя пойти на грабёж, к чему теперь обвинять нас?!

Вот только рано они обрадовались. Решили, что с Се Лянем, у которого нет ни магических сил, ни оружия, будет справиться проще простого? Ага, как же, ничего подобного! Даже простой веткой принц орудовал не хуже, чем острым клинком — каждый выпад своей непоколебимой мощью заставлял противника отступать. Спустя всего пару-тройку минут сражения сразу несколько Богов Войны едва не оказались повержены. Они не решались теперь приблизиться даже к порывам воздуха, свистящего от ветки в руке Се Ляня, от страха поскорее отступили и спрятались за задние ряды.

Находясь в почётном статусе небесных чиновников, они не могли одолеть какого-то низвергнутого, простого смертного! Вот уж действительно истинный позор!

Неожиданно раздался крик какого-то чиновника, глазевшего на битву:

— Что за проделки нечистой силы?!

От его крика остальные тоже перепугались:

— Что стряслось?!

Похоже, их коллега испытывал жуткую боль — закрыв лицо и согнувшись в три погибели, он с трудом проговорил:

— Т-только что... какой-то призрачный огонёк напал на меня, ударил по глазам... Это его рук дело?

Се Лянь узнал в пострадавшем небожителя, который недавно тыкал в него пальцем и называл разбойником. Гнев в душе принца обернулся смехом:

— Какой ещё призрачный огонёк? Хотите присвоить себе эту территорию — так и скажите, ни к чему пытаться ещё сильнее меня опорочить!

Ярость в душе принца поднялась волной, выпады стали ещё более жестокими, на землю со звоном попадали сабли, копья, мечи и алебарды Богов Войны, выбитые обыкновенной, не толстой и не тонкой веткой.

Внезапно раздался крик:

— Схватили! Схватили! Вы поглядите!

Се Лянь на мгновение замер, увидев, как небожители сбились в кучу, а кто-то из них держит в руках нечто, поднимая высоко над собой со словами:

— Это и правда призрачный огонёк, его пособник! Вот и доказательство!

Се Лянь присмотрелся и в самом деле разглядел маленький, тускло горящий призрачный огонёк.

— Я не знаю, откуда он тут взялся! — в гневе вскричал принц. — С чего вы решили, что раз вам попался призрачный огонёк, то это непременно моих рук дело? Призрачные огни — не такая уж редкость! Или что же, на нём моё имя написано?!

Небожитель, что пострадал от огонька, держась за глаз, ответил:

— Да разве стал бы обычный призрачный огонёк кидаться мне в глаза? Если не ты ему приказал, какая тому ещё может быть причина?

Се Лянь возразил:

— Тогда я вот что скажу: вполне возможно, что он лишь блуждающая душа, обитатель этих гор, которого вы случайно вспугнули, вот он и бросился в атаку как оголтелый! Что же это за доказательство?

Бог Войны, первым напавший на Се Ляня, рывком выхватил призрачный огонёк из рук коллеги.

— Плевать, кто ему что приказал, с подобными вредоносными тварями следует расправляться не мешкая! — Он тут же сжал пальцы, собираясь раздавить огонёк, развеяв душу по ветру.

У Се Ляня при виде этого вырвалось:

— Отпусти его!

Принц всё-таки не выдержал — он не мог позволить, чтобы чья-то одинокая душа погибла, случайно оказавшись в самом центре этого глупого фарса. Он бросился вперёд и напал на того Бога Войны. Но поскольку ему нужно было отобрать огонёк, пришлось немного

убавить пыл, и силы оказались примерно равными. Как вдруг раздались крики сразу нескольких небесных чиновников чуть поодаль:

— А вот и ты! Скорее, поди сюда! Погляди-ка, что тут творится!

Похоже, явился кто-то ещё. Те, кто обернулся на крики, присоединялись:

— Ну наконец-то ты здесь!

— Долго же тебя пришлось ждать. Скорее, помоги нам!

Се Лянь вначале весьма удивился и подумал: «Неужели на выручку им подоспел какой-то очень сильный небожитель?» Затем на ум принцу пришла другая мысль: «Плывать, кто там явился, если станет меня притеснять, я и с ним вступлю в бой, что тут сложного?! Я никого не боюсь!!!»

Сейчас принца захлёстывала обида, он уже приготовился к серьёзному сражению. Но когда толпа расступилась, пропуская опоздавшего, Се Лянь с ног до головы оцепенел, потрясённый увиденным.

Он никак не ожидал, что перед ним окажется Му Цин!

Сам Му Цин, очевидно, тоже не ожидал встретить Се Ляня в подобных обстоятельствах. Они растерянно переглянулись. Принц округлил глаза, немедленно позабыв о сражении с Богами Войны, и проямлил:

— А ты что здесь делаешь? Ты разве не...

Но тут же осёкся, ведь заметил кое-что, заставившее всё понять и закрыть рот. На Му Цине были надеты вовсе не старые чёрные одеяния, в которых он вместе с Се Лянем спасался от погони. А форма служащего Нижних Небес.

Когда-то, в бытность подручными Се Ляня как Бога Войны, Фэн Синь и Му Цин удостаивались немалых похвал, весьма привлекали внимание своими способностями. Впоследствии, когда Се Ляня низвергли, множество небесных чиновников жалели о том, что двоих помощников также низвергли вместе с принцем, а некоторые даже тайно дёргали за верёвочки, чтобы поинтересоваться, не желают ли они перейти на службу в их дворец. И возможно, что какой-то небожитель из восхищения Му Цином вернул его на Небеса в качестве своего младшего служащего.

Наверняка так и было. И сейчас дела у Му Циана явно шли неплохо, иначе он не оказался бы здесь вместе с другими

небожителями в поисках благословенной земли для совместных тренировок в самосовершенствовании.

Се Лянь остался простым смертным, Му Цин же вернулся на Нижние Небеса. Обстоятельства сложились весьма иронично.

Тем временем Му Цин, с большим трудом приведя эмоции в порядок, спросил:

— Что здесь происходит?

Остальные наперебой принялись объяснять ему, в чём дело. Се Лянь же стоял вдалеке, не в силах шевельнуться.

Он слышал, что никто не сообщил Му Цину о случае с грабежом. О чём это говорило?

О том, что Му Цин уже знал. Му Цин знал, что принц пошёл на грабёж!!!

Со лба Се Ляня капля за каплей катился холодный пот, он невольно отступил на два шага. Бог Войны, с которым принц только что сражался, вскричал, пыхтя от злости:

— Он хотел единолично занять чудесную землю, прогонял нас прочь! Му Цин, скорее окажи нам помощь!

Какую ещё помощь?

Он просил Му Цина помочь ему одолеть Се Ляня?

От гнева у Се Ляня занемела кожа на голове, он был потрясён до глубины души. С преогромным трудом принц пришёл в себя и, заикаясь от ярости, воскликнул:

— Вы... вы же всё перевернули с ног на голову, совсем стыд потеряли! Всё совершенно не так! Я ничего подобного не хотел!

А Му Цин просто стоял и слушал. Принц, охваченный волнением и злостью, вновь замахнулся веткой. Противник, не в силах отразить удар, отступил и опять закричал:

— Му Цин! Ну что ты там встал как вкопанный?!

Другие небожители присоединились к крикуну, подгоняя Му Цина, но тот всё стоял с колеблющимся видом, словно не знал, стоит ли вмешиваться. Се Лянь, услышав, как остальные то и дело подстёгивают Му Цина напасть на принца вместе с ними, совершенно разъярился, подумав: «Му Цин не поступит так, как вы! Он мой друг и ни за что не станет помогать вам!!!»

В приступе ярости он вновь не рассчитал силу и выбил оружие из рук целого ряда противников. Остальные небожители, видя, что принц

сражается всё с большей смелостью, поняли — дела их плохи, и поспешно закричали:

— Му Цин! Так и будешь смотреть, как он бесчинствует?!

Эмоции на лице Му Цина то и дело сменяли друг друга. Он шагнул вперёд, пальцы на его руках дрогнули. Стоящие рядом чиновники поторопили:

— Да не стой же как истукан, помогай!

И как назло, кто-то ехидно проговорил:

— Му Цин не желает вмешиваться, и его можно понять. Всё-таки он когда-то был приближённым служащим Его Высочества наследного принца. И пусть теперь Его Высочество занялся грабежом и захватом чудесных земель, всё же нелегко забыть о прежних тёплых отношениях хозяина и слуги. Хватит с нас и того, что Му Цин не стал бросаться на выручку Его Высочеству. Как можно ожидать, что он решит нам помочь?

Речи эти могли показаться оправданием, на самом же деле таили в себе коварство. В тот же миг на лбу Му Цина проявились тонкие синие жилки.

Атмосфера сделалась крайне неприятной, Се Лянь почувствовал неладное и позвал:

— Му Цин...

Он успел лишь назвать имя, но в следующий миг ощутил лёгкость в ладони, а следом треск, будто что-то сломалось. Замерев, Се Лянь опустил взгляд и увидел, что сломалось его единственное «оружие» — ветка дерева. Принц вновь поднял голову, и в глаза ему бросилась длинная сабля, появившаяся в руках Му Цина.

И в это мгновение клинок был направлен на Се Ляня. А хозяин клинка ледяным тоном сказал:

— Прошу тебя уйти.

Се Лянь, сжимая в руке обрубок ветки, долго молчал, глядя на Му Цина. Затем произнёс:

— Я... не хотел по-настоящему никого грабить. И ничьи земли я не отнимал. Я первым сюда пришёл.

Му Цин без всякого выражения на лице повторил:

— Прошу тебя уйти.

Се Лянь, не отрывая от него взгляда, поколебавшись, спросил:

— Ты же знаешь, что я не лгу?

Принц задавал этот вопрос с надеждой и в то же время не без страха. Голос в его душе говорил — не спрашивай, развернись и уходи! Но Се Лянь не удержался, спросил.

Му Цин ещё ничего не ответил, когда принц вдруг повалился вперёд, тяжело рухнув на землю.

Под ногами была грязь горной тропы, покрытой ямами и рытвинами, усыпанной камнями и сухими листьями. Он упал, широко раскрыв глаза, всё ещё не в силах поверить.

Неизвестно, который из небожителей, воспользовавшись замешательством принца, толкнул его в спину, чтобы тот перед столькими свидетелями выставил себя в худшем свете.

И впрямь, хуже некуда. Вокруг поднялся шум голосов, оглушающих, накрывающих волной. Се Лянь слушал их, широко распахнув глаза, глядя на чернеющую землю. Затем он медленно, очень медленно поднял голову и посмотрел на Му Цина.

Тот стоял неподалёку, среди остальных небожителей, и даже не достаивал принца взглядом, повернув голову в сторону. Так же как и другие, он явно не собирался протянуть руку и помочь Се Ляню подняться.

Тогда Се Лянь понял — никто не поможет ему подняться. Он ещё долго лежал, прежде чем медленно встать самому.

Небесные чиновники, решив, что принц вновь бросится в атаку, насторожились, но Се Лянь не напал больше ни на кого, только, опустив голову, что-то поискал на земле, молча поднял и закинул на спину мешок, который собрала ему в дорогу матушка, повернулся и, медленно ступая, направился вниз с горы.

Он шёл, шёл, и шаги его становились всё быстрее. Вскоре Се Лянь уже бежал, словно обезумевший.

На одном дыхании он нёсся с горы, не останавливаясь передохнуть ни на мгновение. Неизвестно, как долго он бежал, но вдруг сделал неосторожный шаг и вновь покатился кубарем. Лишь тогда выдох, который он всё это время держал в груди, вырвался из лёгких вместе с привкусом крови.

В расстроенных чувствах принц и не думал подниматься, просто сидел на земле, пытаясь отдышаться. Даже когда его дыхание постепенно стало ровным, Се Лянь всё равно не собирался вставать, так и сидел, глядя перед собой, в пустоту.

И вдруг кто-то протянул ему руку.

Се Лянь, замешкавшись, моргнул, поднял глаза и увидел перед собой Му Цина.

Тот стоял перед принцем с немного потемневшим лицом и протягивал руку. Спустя несколько мгновений послышался его голос, прозвучавший без тени теплоты:

— Ты в порядке?

Се Лянь отупело глядел на него и молчал.

Может быть, этот жутковатый взгляд заставил Му Цина почувствовать себя неуютно, и тот отвёл глаза. Но руку не опустил, говоря:

— Поднимайся.

Только его помощь подоспела слишком поздно.

Се Лянь не принял руки. И не поднялся. Только уставился, не мигая, прямо на Му Цина.

Они ещё долго вот так не двигались, и лицо Му Цина мрачнело всё сильнее. Он уже собирался опустить руку, когда Се Лянь вдруг схватил ком грязи и запустил в него.

Му Цин такого поступка не ожидал, даже не мог точно сказать, что это — грубость или ребячество. На его груди сразу расплзлось грязное пятно, на лицо попали точки брызг, а душу охватило потрясение. Гнев не заставил себя ждать, поднялся мгновенно, но Му Цин усилием воли подавил порыв.

— У меня ведь тоже не было выбора, — тихо сказал он.

У него действительно не было выбора. Видимо, у Му Цина с теми чиновниками сложились неплохие отношения. Останься он просто стоять и смотреть, как Се Лянь избивает божественных коллег, или, того хуже, реши кто-нибудь, что Му Цин на стороне Се Ляня, — ему бы в будущем пришлось нелегко.

Се Лянь словно разучился говорить, только хватал с земли комья грязи и всё бросал и бросал в Му Цина. Тот отбил несколько атак, но вскоре защита провалилась, и он в гневе заорал:

— Ты сдурел?! Я же сказал — у меня не было выбора, ведь ты тоже пошёл на грабёж из отсутствия выбора?!

Прочь! Прочь! Пошёл прочь!

У Се Ляня в голове крутились только эти слова, но даже их он не мог выговорить, лишь как безумный хватал всё, что попадалось под

руку, и бросал в Му Цина. Впрочем, ему было плевать, в кого бросаться. В результате Му Цин не выдержал — с тёмным как железо лицом взмахнул рукавами и удалился. Се Лянь, тяжело дыша, вновь уселся на землю и уставился перед собой.

Так и просидел до самой темноты.

Когда стемнело, неизвестно откуда налетело множество тусклых блуждающих огоньков, которые заплясали в воздухе. Се Лянь, словно не замечая их, даже бровью не повёл.

Однако огоньки, похоже, не желали мириться с тем, что принц не удостоил их вниманием, всё плотнее собираясь вокруг. Се Лянь по-прежнему смотрел в пустоту.

Покуда в этих огоньках не появилась человеческая фигура.

Явление этого существа всегда сопровождалось сильнейшим недобрим предчувствием. Се Лянь, что-то ощутив, медленно поднял голову.

В десяти шагах от него среди бесчисленных парящих огоньков стояла фигура в белых одеждах, на лице её одной половиной зловеще улыбалась маска.

Он мягким тоном произнёс:

— Здравствуй, Ваше Высочество.

Белый демон скорби своими речами хочет запутать тебя

В темноте ночи зрачки Се Ляня мгновенно сузились до маленьких точек, его голос дрогнул:

— Это... ты?!

Безликий Бай!

Се Лянь содрогнулся от ужаса, подскочил на ноги и попытался схватиться за меч, но рука поймала лишь пустоту. Тут принц вспомнил, что давным-давно заложил все свои мечи. И даже ветка, которую он подобрал, была разрублена. Иными словами, у него теперь нет ни магических сил, ни оружия, чтобы противостоять этой твари!

Несколько лет назад, когда Сяньлэ пало, Безликий Бай исчез с лица земли. Се Лянь не имел ни возможности, ни желания искать его, оставалось только надеяться, что тот незаметно пропадёт и никогда больше не появится. Кто мог предположить, что демон сегодня вновь покажется перед ним!

Фигура в белом медленно приближалась, и Се Лянь ощутил, как сердце обдало ужасом. Вначале он не выдержал, отступил на два шага, но затем в мыслях пронеслось: «Нельзя отступать! И бежать нельзя — не поможет!»

Он резко выкрикнул:

— Что тебе нужно?!

Безликий Бай не ответил, продолжил идти к нему, заведя руки за спину. Конечности Се Ляня задрожали, задрожал даже белый пар, вырывающийся изо рта.

Он заставил себя вспомнить насмешливые и равнодушные, хохочущие лица тех тридцати небесных чиновников, а потом профиль Му Цина, который отвернулся от него. И в тот же миг забыл о страхе, громко закричал и бросился в атаку!

Но так и не достиг цели — принца накрыло резкой болью. Противник, похоже, ожидал подобного, первым оказался за спиной принца и пнул под колени!

Он двигался слишком быстро!

Се Лянь тяжело бухнулся на землю, в его голове возникла жуткая мысль: демон действует быстрее, чем он успевает думать!

В следующий миг принц почувствовал кое-что ещё более ужасное... На его макушку леденящим холодом легла раскрытая ладонь!

Он громко закричал, а ладонь крепко схватила его за голову и потянула вверх, приподнимая с земли. Се Лянь не сомневался — демон так силен, что стоит ему сжать пальцы, и череп принца расколется, а голова превратится в кровавое месиво. А также не было сомнений в том, что именно для этого Безликий Бай его и схватил!

Дыхание Се Ляня сбилось, он решил, что смерть неминуема, и сильнее зажмурился, но... тварь за его спиной не стала сжимать пальцы, намерение убийства, исходящее от него, исчезло. Безликий Бай легко вздохнул.

И очень долго ничего не делал. После продолжительной тишины Се Лянь опасливо открыл глаза.

Вокруг в безумном танце летали призрачные огоньки. Каждый из этих огоньков был душой умершего, которая смотрела на представление и громко хихикала, однако никто из огоньков, будто их что-то потрясло, не смел приближаться. Только один, особенно яркий,

висел прямо над ними и каждый миг сверкал своим пламенем, словно пытаюсь напасть на того, кто стоял за спиной Се Ляня. Неизвестно, что он собирался делать, но, как ни взгляни, все его усилия были тщетны.

Неожиданно случилось то, отчего Се Лянь застыл как громом поражённый.

Безликий Бай обнял его!

Се Лянь, осевший на колени, оказался заключён в безжизненные объятия ледяных, но сильных рук.

Безликий Бай в какой-то момент тоже сел на землю и теперь негромко проговорил:

— Бедняжка, бедняжка. Ваше Высочество, посмотрите, что с вами сделали.

Он тихо бормотал и гладил Се Ляня по голове, мягко, жалея, будто раненного пса или своего ребёнка, который умирает от тяжёлой болезни.

В свете луны маска Скорби и радости наполовину утонула в темноте, осталась лишь плачущая часть, которая, казалось, по-настоящему, искренне льёт слёзы по Се Ляню.

Принц съёжился и застыл, а белая фигура протянула руку и стёрла грязь с его подбородка.

В этом жесте Се Лянь ощутил странную милость, словно в объятиях лучшего друга или же самого близкого родственника. Даже его телу, заочневшему и дрожащему от холода, передалась капелька тепла.

Он и представить не мог, что в теперешнем положении удостоится милости и тепла от столь жуткой твари.

Из горла Се Ляня вырвался сдавленный стон, он задрожал ещё сильнее. Призрачный огонёк подлетел к его груди, словно хотел согреть, но не был уверен, что поможет принцу прогнать холод, поэтому не решался по-настоящему приблизиться.

Безликий Бай отряхнул одежду Се Ляня от грязи и произнёс:

— Переходи на мою сторону.

Голос Се Ляня дрогнул:

— Я... Я...

Не договаривая, он неожиданно потянулся к маске Безликого Бая!

От удара маска подлетела высоко в воздух, а Се Лянь одним прыжком оказался за несколько чжанов от её владельца. Страх как

рукой сняло, в голосе послышался гнев:

— Да кому вообще может понадобиться переходить на твою сторону? Ты, проклятый... монстр!

Мертвенно-бледная маска Скорби и радости упала на землю. Перепуганные призрачные огоньки в ужасе заметались, танцуя в воздухе бешеный танец и беззвучно крича. Безликий Бай, прикрывая лицо, низко рассмеялся.

И от этого смеха у Се Ляня кровь застыла в жилах.

— Над чем ты смеёшься?

Безликий Бай, тихо хмыкнув, заверил:

— Ты всё равно окажешься на моей стороне.

Его тон звучал более чем уверенно. Се Лянь, не понимал, что тот имеет в виду, и, не веря своим ушам, переспросил:

— На какой это — на твоей? Ты уничтожил государство Сяньлэ, а теперь хочешь, чтобы я перешёл на твою сторону? Ты безумец? Да ты больной!

Принц не умел ругаться. И даже на пике ярости только на это его и хватило. В противном случае он осыпал бы эту тварь самыми страшными в мире проклятиями, чтобы выплеснуть накопившийся гнев.

Безликий Бай рассмеялся и, закрывая лицо рукой, поднял голову со словами:

— Ты придёшь ко мне. В этом мире никто, кроме меня, не поймёт тебя по-настоящему. Никто не останется с тобой навсегда.

Душу Се Ляня охватил страх, однако он резко возразил:

— Убирайся! И прекращай нести этот бред с такой уверенностью в том, что говоришь. Думаешь, никто не останется со мной только потому, что ты так сказал?

Какой-то призрачный огонёк подлетел к принцу и несколько раз подпрыгнул в воздухе вверх-вниз, будто кивая и соглашаясь с его словами. Но эти мелкие тёмные создания летали повсюду, и Се Лянь совершенно не обратил внимания на одного из них.

Тем временем Безликий Бай мягко произнёс:

— О? И кто же останется? Раньше кое-кто был, это верно. Но попробуй угадать, так ли это будет впредь?

— Что ты хочешь этим сказать? На что ты намекаешь?

Демон не ответил, холодно усмехнулся и развернулся прочь, будто собирался неторопливо удалиться. Лишь на прощание тихо бросил:

— Я буду ждать тебя здесь, Ваше Высочество.

Се Лянь, конечно, не мог позволить ему вот так уйти.

— Стой! Не уходи! Что ты с ними сделал? Ты что-то сделал с моими родителями и Фэн Синем?!

Он побежал следом за Безликим Баем и попытался схватить того за одежду, но демон легко взмахнул рукавом и вдруг поймал призрачный огонёк!

Он не направил удар непосредственно на Се Ляня, однако принц ощутил, как его подхватило силой огромной мощи, подбросило в воздух и ударило об дерево. С громким треском дерево, которое могли обхватить два человека, повалилось на землю, сломавшись от удара!

Когда-то Се Лянь мог сломать своим телом десять таких деревьев и бровью не повести. Однако сейчас, будучи простым смертным, он ощутил, как от удара все кости в теле будто рассыпались. Принц тяжело упал на землю и потерял сознание.

Но прежде принц успел увидеть, что Безликий Бай держит в руке ярко горящий призрачный огонёк и, посмеиваясь, обращается к нему:

— Призрачная душа, скажешь мне своё имя? Как интересно...

Когда принц очнулся, никого рядом уже не было.

Се Лянь ощущал в груди и во рту стойкий привкус крови, этот запах будто окутал принца целиком. Едва справившись с головокружением, он вдруг перекатился и вскочил на ноги, сбивчиво бормоча:

— Отец!.. Матушка! Фэн Синь!

Он вспомнил, что случилось перед потерей сознания, и не посмел медлить ни мгновения, пробежал несколько десятков ли без остановки. И вот, спустя более двадцати дней с тех пор, как покинул тайное жилище государя и остальных, глубокой ночью принц вернулся обратно.

Сердце Се Ляня едва не горело от беспокойства, всю дорогу его подгонял страх, что Безликий Бай совершит что-то страшное с его родными и другом. Оказавшись перед ветхой хижинкой, он с силой толкнул дверь и, не успев даже отдышаться, выкрикнул в отчаянии:

— Отец! Матушка! Фэн Синь!

Но ничего не произошло. В комнате принц не увидел тех страшных картин, которые себе представлял. Даже беспорядка не было, всё осталось таким, как перед его уходом.

Се Лянь, раненый, словно обезумевший бежал несколько десятков ли, в его горле так пересохло, что едва не шёл дым. Он понемногу успокоился, проглотил слюну, сделал шаг через порог и позвал:

— Фэн Синь! Где вы...

Но войдя внутрь хижины, он вновь осёкся. Фэн Синь был здесь, а увидев Се Ляня, удивлённо спросил:

— Ваше Высочество! Зачем ты вдруг вернулся?

Се Лянь даже не посмотрел на него, его взгляд обратился чуть в сторону, где напротив Фэн Синя стоял человек в чёрном одеянии.

Му Цин.

Му Цин, обернувшись, увидел принца и поджал губы, явно не слишком обрадовался этой встрече. Фэн Синь обошёл Му Цина и шагнул к Се Ляню с вопросом:

— Ты же отправился самосовершенствоваться? Как твои успехи? Я-то думал, тебе понадобится несколько месяцев, а ты возвратился так рано. Неужели достиг небывалого прогресса?

Се Лянь, не отрывая взгляда от Му Цина, спросил:

— А где мои отец и матушка?

— В дальней комнате, уже спят, — ответил Фэн Синь. — Почему ты весь в грязи? И откуда раны на твоём лице? Ты с кем-то подрался?

Се Лянь окончательно успокоился, лишь услышав, что с родителями всё в порядке. Он не ответил Фэн Синю, вместо этого обратился к Му Цину:

— Что ты здесь делаешь?

Тот промолчал, но Фэн Синь сказал вместо него:

— Он кое-что принёс.

— Что?

Му Цин поднял руку и на что-то указал. То были несколько чистых мешков, похоже, с рисом.

Видя, что Се Лянь молчит, Му Цин тихо произнёс:

— Слышал, у вас закончились снадобья. Подождите, я придумаю, как достать их для вас.

Фэн Синь ответил ему:

— Хорошо. В таком случае, прими мою благодарность, нам как раз этого очень не хватает. Небесные чиновники не должны тайно помогать простым смертным в личных целях, тебе нужно проявлять осторожность. — Затем он подошёл к Се Ляню и прошептал: — Я и сам ужасно удивился, когда он вдруг вернулся и решил помочь. Будем считать, раньше я в нём ошибался. В общем...

Но Се Лянь вдруг сказал:

— Не нужно.

Лицо Му Цина сделалось серым, кулаки сжались.

— Что — не нужно? — озадаченно спросил Фэн Синь.

Се Лянь отчеканил:

— Мне. Не нужна. Твоя помощь. И мне... Не нужны твои подачки. Прошу тебя уйти.

После слов «прошу тебя уйти», лицо Му Цина сделалось совсем пепельным.

— Да что с вами такое? — Фэн Синь тоже начал чувствовать неладное.

Му Цин опустил голову со словами:

— Прости.

За долгие годы знакомства принц впервые слышал от Му Цина это слово. И впервые видел, как тот искренне извиняется. Но уже не

испытывал ни малейшего желания удивляться.

— Прошу тебя уйти, — повторил он.

Се Лянь немного вышел из себя, схватил мешки с рисом и бросил в Му Цина. Белые-белые зёрнышки рассыпались по полу хижины, Му Цин и вовсе теперь выглядел плачевно. Он принял удар, подняв лишь руку, чтобы защититься, хоть это и не возымело действия. Фэн Синь остановил Се Ляня и потрясённо воскликнул:

— Ваше Высочество! Что это с тобой? Что ты творишь?! Ты ведь отправился самосовершенствоваться?! Что с тобой стряслось в пути?!

Се Лянь не стал вырываться, только с покрасневшими глазами выкрикнул:

— А ты спроси его! Да, я отправился самосовершенствоваться. А почему вернулся, пусть он тебе расскажет!

Они ругались так громко, что разбудили государыню, которая уже давно спала. Накинув одеяние, она вышла из комнаты.

— Мой сын, — охнула женщина. — Это ты вернулся? Что тут такое...

Фэн Синь тут же заверил:

— Всё в порядке! Ваше Величество, прошу, вернитесь в комнату!
— Он уговорил государыню зайти обратно, закрыл за ней дверь и спросил: — Что ты натворил? Му Цин, отвечай, что ты натворил?! Ваше Высочество, это он тебя побил?!

Дыхание Се Ляня стало частым и сбивчивым, он не мог вымолвить и слова.

— Это не я! — возразил Му Цин. — Я не трогал Его Высочество, только попросил его уйти. Кроме этого, я ни слова грубого ему не сказал, пальцем не тронул! Те чудесные земли они желали заполучить во что бы то ни стало! Если бы ты не ушёл, неизвестно, чем бы всё закончилось!

— Ты!..

Пары фраз хватило, чтобы Фэн Синь наконец тоже понял, что произошло. Он вытаращил глаза, указал на Му Цина пальцем и принялся хватать ртом воздух. Спустя некоторое время он наклонился, подобрал с земли мешок от риса и тоже запустил им в Му Цина, заорав при этом:

— А ну катись! Пошёл вон! Вон! Вон!

Му Цину вновь досталось по лицу рисом, который он сам же и принёс, он отшатнулся. Трое в комнате тяжело дышали от гнева.

Фэн Синь заговорил:

— А я-то гадал, почему ты вдруг стал таким добреньким? Твою ж мать, да чтоб тебя... Не попадайся больше мне на глаза!

Му Цин хриплым голосом ответил:

— Да! Я виноват, я признаю, я прошу прощения! Но я лишь хочу сначала решить проблему, которая стоит перед вами сейчас, а потом уже говорить об остальном! Если бы я не вернулся на Нижние Небеса, нам всем бы пришёл конец! Твоим родителям, моей матери, нам троим! Неизвестно, до каких пор мы бы барахтались в этой грязи! Но если продолжу служить на Небесах, у нас появится шанс...

Фэн Синь забранился:

— Это всё чушь собачья! Прекрати! Никто не собирается слушать твои оправдания, пошёл прочь, прочь, прочь!

— Если ты поставишь себя на моё место...

Фэн Синь перебил:

— Сказал же, хватит нести чушь! Я не слушаю! Я знаю одно: что бы ни случилось, я бы никогда не поступил так, как ты. И ставить меня на твоё место не понадобится. Ты просто позабыл о добре, которое для тебя сделали, оплатил чёрной неблагодарностью!

Му Цин помрачнел и шагнул вперёд со словами:

— Но ведь и Его Высочество в трудную минуту от безысходности отправился грабить! Почему же, как речь зашла обо мне, ты не желаешь проявить сочувствие?

Фэн Синь так и подавился:

— Ха? Грабить? Кто? Его Высочество? Чтоб тебя, что за бред ты несёшь?

Се Лянь на несколько мгновений перестал дышать.

Видя, как взрывной гнев на лице Фэн Синя постепенно превращается в недоумение, Му Цин понял, что здесь что-то не так. Он с сомнением повернулся к Се Ляню.

— Ты... ты не...?

Му Цин никак не ожидал, что Се Лянь ничего не расскажет Фэн Синю!

— А-а-а-а-а!!!

Се Лянь, будто обезумев, схватил первое, что под руку подвернулось, и погнал Му Цина из хижины. Тому показалось, что в руках Се Ляня плетёная корзина, которой ему и досталось, и Му Цин не посмел ничего возразить. Но выбежав из дому, он наконец увидел, что выгнали его метлой, и лицо Му Цина вновь помрачнело.

— Тебе обязательно так насмехаться надо мной?!

Се Лянь срывающимся голосом заорал на него:

— Пошёл прочь!

Он кулаком поднял порыв ветра, который острым лезвием полетел в Му Цина. Тот едва уклонился, но на его щеке появился порез. Му Цин дотронулся до лица, увидел на ладони кровь и застыл с неясным выражением.

— Хорошо... — спустя несколько мгновений сказал он. — Я ухожу.

Се Ляня било дрожью, он склонился глубоко к земле от усталости. Му Цин сделал несколько шагов, потом всё-таки положил мешки с рисом на землю и сказал:

— Я правда ухожу.

Се Лянь рывком вскинул голову. Му Цин, поймав его взгляд, сглотнул, а затем, не задерживаясь больше ни на миг, спешно покинул их жилище.

Потрясённый до глубины души Фэн Синь, который остался в доме, наконец выбежал следом.

— Ваше Высочество! Он что, свихнулся? Что ещё за история с ограблением?

Се Лянь, закрыв лоб рукой, ответил:

— Не спрашивай... Фэн Синь, умоляю, не спрашивай.

— Да нет же, конечно, я не поверил ему, просто хочу знать, что произошло...

Се Лянь громко закричал, закрыл уши руками, вбежал в одну из комнат и заперся там.

Фэн Синь на самом деле свято верил, что принц ни за что на свете не пойдёт на такое. Но именно по этой причине положение становилось ещё хуже!

Се Лянь хотел бы сейчас просто сбежать. Туда, где его никто не знает. Но вспоминая слова безликого демона, он не решался уйти

далеко, поэтому пришлось закрыться в комнате. И как бы Фэн Синь с государыней его ни звали, он не выходил.

Только спустя два дня Се Лянь понемногу успокоился. И когда Фэн Синь снова постучал в дверь, молча открыл ему. Тот показался на пороге с тарелкой.

— Это Её Величество приготовила для тебя днём. И просила, чтобы я непременно передал тебе.

На тарелке лежало нечто зелёно-фиолетового цвета, от одного взгляда на это кушанье становилось жутко.

— Если Ваше Высочество боится за свою жизнь, — добавил Фэн Синь, — я что-нибудь придумаю, а Её Величеству ничего не расскажу. Кхм.

Очевидно, что в душе Фэн Синь очень хотел бы продолжить расспросы об ограблении, но боялся, что Се Лянь опять запрётся, поэтому подавил в себе это желание и притворился, что ничего спрашивать не собирался, сооротив безразличный вид. Вот только шутки не были его сильной стороной, и попытка пошутить не удалась, только прибавила неловкости.

По правде говоря, блюда, приготовленные матушкой Се Ляня, имели отвратительный до крайности вкус. К тому же, чем чаще она кашеварила, тем больше стараний прикладывала, но при этом продвигалась в направлении, в котором продвигаться не стоило. Сам Се Лянь тоже никогда раньше ничего не готовил, но его кулинарные творения получались сносными, по всей видимости, благодаря природному дару. Но несмотря ни на что, принц всё же принял блюдо, сел за стол и съел всё без остатка. Всё равно сейчас, что бы он ни пробовал, вкуса не ощущал.

И всё-таки среди всех несчастий стоило отметить кое-что хорошее. Той ночью, когда приходил Му Цин, принц решил было — кончено, наверняка отец с матушкой услышали о том, что сын их пошёл на ограбление. Но, судя по обстановке в доме, они до сих пор ничего не знали. Иначе, с характером государя, тот бы давным-давно отругал сына на чём свет стоит. Фэн Синь же наверняка не стал бы ничего им рассказывать, а значит, пока что Се Лянь мог успокоиться.

Пока он думал об этом, Фэн Синь неожиданно поднялся.

— Ты куда? — вернувшись из своих мыслей, спросил Се Лянь.

Фэн Синь взял лук и стрелы.

— Время показывать уличные представления.

Се Лянь поднялся следом.

— Я пойду с тобой.

Поколебавшись, Фэн Синь отказался:

— Не надо, лучше отдохни ещё немного.

Фэн Синь не стал больше ничего спрашивать, но Се Лянь всё равно чувствовал себя преотвратно, ему всё казалось, что когда тот всё узнает, между ними потеряется что-то важное, что больше нельзя будет вернуть. Теперь каждое слово, каждый взгляд Фэн Синя будто бы что-то означал и требовал глубоко задуматься.

Се Лянь покачал головой и вздохнул:

— Скажу тебе начистоту. Сейчас у меня нет никакого желания самосовершенствоваться.

Чего-то подобного Фэн Синь как раз ожидал. Он опустил голову, не зная, что ответить принцу.

— И раз так, — продолжал Се Лянь, — чем сидеть без дела в комнате, лучше я тоже пойду показывать представления. По крайней мере, смогу заработать денег, чтобы не быть...

Чтобы не быть калекой, обузой для всех.

Почему-то последние несколько слов Се Лянь не смог произнести. Наверное, в душе он уже чувствовал себя именно так, поэтому не смел говорить подобное вслух.

Но Фэн Синь всё-таки не унимался:

— Меня одного будет достаточно. Ваше Высочество, ты за два дня поел всего раз, тебе лучше несколько дней отдохнуть, набраться сил.

Слушая такие слова, адресованные ему, Се Лянь всё сильнее желал доказать неправоту Фэн Синя. Он повернулся, чтобы посмотреть в зеркало, говоря:

— Ничего страшного, я немного приведу себя...

Принц собирался привести себя в порядок, чтобы, по крайней мере, не походить на безумного взлохмаченного попрошайку, однако никак не ожидал увидеть в зеркале самую страшную на свете картину.

У его отражения не было лица... Поскольку на лице неизвестно откуда взялась маска Скорби и радости, наполовину плачущая, наполовину смеющаяся.

Се Лянь тут же громко закричал, а совершенно не ожидавший ничего подобного Фэн Синь едва не подпрыгнул.

— В чём дело?! Что случилось?!

Се Лянь, бледный как мертвец, забормотал, тыча пальцем в зеркало:

— Он! Я... я... я...

Фэн Синь долго смотрел в то же зеркало, но в итоге повернулся к принцу с озадаченным видом и спросил:

— Что с тобой?

Се Лянь перепугался до ужаса, крепко вцепился в Фэн Синя и наконец смог выдать:

— У меня! У меня! На лице! Ты разве не видишь? У меня на лице!..

Фэн Синь внимательно взгляделся в лицо принца и вздохнул. Се Лянь никак не мог понять, почему тот не реагирует, но тут Фэн Синь сказал:

— Ваше Высочество, ты только сейчас заметил, что поранил лицо?

Се Лянь будто свалился в холодную полыню.

Почему? Как такое может быть? Почему Фэн Синь такое говорит? Неужели... неужели он не видит этой маски, которая смотрит на Се Ляня из зеркала?!

У принца снова вырвалось:

— Ты что, не видишь? Что у меня на лице?!

— Что у тебя на лице? — озадачился Фэн Синь. — Что ты имеешь в виду? Я ничего не вижу!

Се Лянь вновь повернулся к зеркалу.

— Не может быть! Я же...

Но маска в отражении исчезла — на принца смотрело лишь его собственное лицо, перепуганное и растерянное.

Щеки покрыты синяками, выражение совершенно подавленное, вид — плачевный, словно у слуги, которого избил хозяин. Се Лянь невольно остолбенел, осторожно дотронулся до лица и подумал: «Неужели это я?»

— Ваше Высочество, ты... — заговорил с ним Фэн Синь. — Наверное, слишком устал. Или этот паршивец настолько тебя

рассердил? Послушай совет, не ходи никуда, пока как следует не отдохнёшь.

Се Лянь, с огромным трудом придя в себя, увидел, что Фэн Синь уже собрался выйти за порог, прихватив лук и табурет.

— Нет! Я... — второпях позвал принц.

Фэн Синь толкнул дверь и обернулся.

— Что?

Слова вертелись на языке, но Се Лянь заставил себя проглотить их. Потому что в его сознании возникла весьма неприятная мысль.

Их жизнь и без того полна всяческих невзгод, а если рассказать Фэн Синю, что, возможно, Безликий Бай вернулся и вновь преследует их, неизвестно, каким ударом подобная новость для него.

Демон в белом оставил в душе Фэн Синя мрачную тень едва ли светлее, чем в душе принца. Как он поступит? А вдруг решит покинуть Се Ляня, так же как Му Цин?

Покуда принца одолевали тревожные мысли, Фэн Синь ушёл. Се Ляня привёл в чувство стук закрывающейся двери. Пришлось вернуться в постель, накрыться с головой одеялом и постараться уснуть.

И вдруг принц учуял странный запах.

Он приподнялся на кровати, подумав, что это государыня опять готовит еду, а может, крыса подохла где-то в углу. Однако, осмотрев комнату, Се Лянь обнаружил, что источником запаха является он сам.

Тогда он и вспомнил, что уже много дней не менял одежд и не мылся. Конечно, будет вонять.

Се Лянь задержал дыхание, едва справляясь с приступом отвращения к самому себе. Он со стыдом подумал, что родители и Фэн Синь наверняка тоже чувствовали эту вонь, но ничего ему не говорили. Осторожно выглянув за дверь и убедившись, что снаружи никого, принц поискал для себя чистую одежду и решил согреть воды, чтобы помыться.

После всех злоключений он наконец смог попариться в бочке с горячей водой. Принц погрузился в воду с головой, задержал дыхание и вынырнул только когда уже начал понемногу терять сознание, затем изо всех сил протёр руками лицо.

Как следует отмывшись с ног до головы, Се Лянь потянулся за одеждой, небрежно встряхнул её и собрался надеть, и вдруг заметил —

что-то не то.

Это ведь вовсе не его привычное одеяние, а белоснежный погребальный халат с широкими рукавами, который носит Безликий Бай!!!

В тот момент принцу показалось, что горячая вода в бочке стала ледяной — по телу пробежали мурашки ужаса, и он закричал что есть сил:

— Кто?! Кто это подстроил?!

Кто поменял его одеяние, пока он не видел?!

Се Лянь, весь мокрый, выпрыгнул из бочки и с грохотом опрокинул её на пол, вода залила весь пол. Его крики напугали даже государя и государыню в соседней комнате. Заглянув в дверь, они увидели лежащего на мокром полу Се Ляня. От испуга женщина отпустила мужа, которого поддерживала под руку, и кинулась к сыну, прижимая того к себе.

— Мой сын, что с тобой случилось?!

Се Лянь вскинул голову, встряхнув распущенными мокрыми волосами, и схватился за государыню, бормоча:

— Матушка, здесь демон... демон... Он преследует меня! Он неотступно следует за мной!

Сейчас принц всем своим видом напоминал сумасшедшего. Государыня не выдержала — сжимая сына в объятиях, разрыдалась от боли за него. Государь же, глядя на Се Ляня, так и застыл. Ему ещё не было пятидесяти, но сейчас он походил на старика, разменявшего шестой десяток.

Се Лянь содрогнулся как от зимнего холода и указал в сторону со словами:

— Одежда. Посмотрите на мою одежду!..

Однако, бросив ещё взгляд, он не увидел того, чего ожидал. Какой же это погребальный халат? Это ведь его белые монашеские одежды!

Охваченный гневом, Се Лянь ударил кулаком по бочке и заорал:

— Что тебе от меня нужно? Решил играть со мной?!

С трудом сдержав рыдания, государыня, не отпуская принца из объятий, заговорила:

— Мой сын, не сердись, сначала оденься, оденься... Только не простудись...

В тот день Фэн Синь вернулся поздно, как всегда. Только сегодня он выглядел ещё более утомлённым, чем обычно.

Се Лянь прождал его целый день и теперь торопливо заговорил:
— Фэн Синь, я хочу сказать тебе нечто очень важное.

Безликий Бай был тварью настолько жуткой, что даже если принц заранее предупредит Фэн Синя не волноваться, а потом поведает правду, все предупреждения окажутся бесполезны. Но всё же, поразмыслив как следует, Се Лянь решил — нельзя скрывать такое от Фэн Синя, нужно ему всё рассказать. Однако Фэн Синь, к неожиданности принца, не сразу спросил, в чём дело, вместо этого ответил:

— Как раз кстати я тоже хочу тебе кое-что сказать.

Се Лянь подумал, что появление Безликого Бая — всё-таки событие более серьёзное, поэтому о нём лучше поговорить в последнюю очередь. Он сел за стол и спросил:

— Сначала ты. Что случилось?

Поколебавшись, Фэн Синь произнёс:

— Нет, лучше всё-таки Ваше Высочество первый.

Се Лянь не имел никакого желания отказываться из вежливости от предоставленного слова, поэтому прошептал:

— Фэн Синь, тебе следует проявлять крайнюю осторожность. Безликий Бай вернулся.

Фэн Синь немедленно изменился в лице.

— Безликий Бай вернулся? С чего ты это взял? Ты его видел?

— Да! Я его видел.

— Но... но постой... — Фэн Синь побледнел. — Как ты мог его увидеть? И почему, увидев его, ты до сих пор цел и невредим???

Се Лянь закрыл лицо руками.

— Я и сам не знаю!.. Но он не только не убил меня, а ещё...

А ещё, подобно ласковому родителю, прижал к себе и погладил по голове, после чего попросил «перейти на его сторону».

Фэн Синь дослушал рассказ Се Ляня об этой странной встрече, и потрясение постепенно отступило с его лица, ему на смену пришло непонимание.

— Что же он, в конце концов, задумал?

— Наверняка ничего хорошего, к тому же он, кажется, всё время меня преследует. В общем... будь осторожен. И помоги предупредить родителей, но так, чтобы не напугать.

— Хорошо. Несколько дней я побуду с вами. Риса, что принёс тот паршивец... должно хватить на некоторое время.

Неловко вышло, что уж говорить. Му Цин, уходя, всё-таки оставил мешки, что принёс им. И хотя Се Лянь тогда немного потерял над собой контроль, бросил рис в Му Цина со словами, что ничего им от него не нужно, всё же, успокоившись, принц с понурым видом собрал всё до последней рисинки.

Се Лянь вздохнул и покивал, затем спросил:

— Верно, ты ведь тоже что-то хотел мне сказать?

Но теперь Фэн Синь вновь запнулся и лишь спустя некоторое время колебаний, с трудом подбирая слова и хватаясь рукой за волосы, произнёс:

— Вообще-то... Ваше Высочество, не осталось ли у тебя... ещё немного денег? Или каких-нибудь вещей, чтобы можно было их заложить?

Се Лянь не ожидал, что в такой момент Фэн Синь задаст ему настолько дурацкий вопрос.

— А? — озадаченно ахнул он. — Почему ты заговорил об этом?

Фэн Синь, оставив в стороне стеснение, добавил:

— Да так... просто, если что-то есть... не мог ли ты... одолжить мне?

Се Лянь с горечью усмехнулся:

— Считаешь, у меня ещё могло что-то остаться?

— И то верно, — вздохнул Фэн Синь.

— Ведь я же... подарил тебе золотой пояс?

— Не хватает... — пробормотал Фэн Синь. — Ещё не хватает очень много...

Се Лянь не на шутку удивился.

— Фэн Синь? Что у тебя стряслось? Как может на что-то не хватить целого золотого пояса? Ты что, подрался с кем-то, и теперь тот человек требует компенсации? Можешь мне рассказать?

Но Фэн Синь тут же вернулся из своих мыслей и торопливо заверил:

— Нет! Не волнуйся обо мне, я просто спросил!

Принц пытался расспросить, но Фэн Синь всё повторял, что переживать не стоит, и тогда Се Лянь, по-прежнему волнуясь, произнёс:

— Если у тебя что-то случилось, ты непременно должен мне рассказать. И мы вместе что-нибудь придумаем.

— Не беспокойся обо мне, — снова ответил Фэн Синь. — Если только думать, но ничего не делать, это не поможет. Ваше Высочество, лучше сначала разберись со своей бедой!

Стоило ему напомнить, и сердце Се Ляня вновь ухнуло вниз.

Как он и предполагал, следующие несколько дней тварь днём и ночью преследовала его.

Се Лянь повсюду, даже в самых неожиданных местах, видел маску Скорби и радости. А то и белую фигуру, которая то появлялась, то исчезала. Иногда — у изголовья кровати глубокой ночью, иногда — в отражении воды, иногда — на пороге резко отворившейся двери. А иногда даже за спиной Фэн Синя.

Казалось, Безликий Бай развлекается, пугая принца, притом специально подстраивает всё так, чтобы только один Се Лянь мог его видеть. Каждый раз, когда тот, не в силах бороться со страхом, указывал на него и кричал, остальные, выбегая на помощь или оборачиваясь, ничего не видели — демон уже исчезал. Принц пугался каждого шороха и в душе искренне желал поймать тварь и разорвать на куски, но не мог ухватить даже тени своего преследователя. От такой жизни Се Лянь путал день с ночью и валился с ног от усталости, физической и моральной.

Однажды он проснулся среди ночи и почувствовал невыносимую жажду. Вспомнив, что целый день до этого ни капли не пил, принц поднялся с кровати, чтобы выйти и налить себе воды, но услышал за дверью голоса и увидел приглушённый свет. Се Лянь испугался, спрятался возле двери и подумал: «Кто там? Если это мои родители или Фэн Синь, то зачем им прятаться в ночи?» Сердце его заколотилось как бешеное.

Но к его удивлению оказалось, что в ночи прятались именно его родители... и Фэн Синь. Последний заговорил, понизив голос до шёпота:

— Его Высочество уснул?

Государыня так же тихо ответила:

— Уснул.

Государь добавил:

— Уснул наконец. Завтра не буди его слишком рано, пусть поспит подольше.

Эта фраза заставила сердце Се Ляня болезненно сжаться, а потом он услышал государыню:

— Ох... Если так пойдёт дальше, когда же наш сын наконец поправится?

На сей раз её слова показались Се Ляню странными. Тем временем Фэн Синь прошептал:

— Он просто очень устал за последние месяцы, вот и результат. Слишком много всего произошло. Придётся мне просить Ваши Величества присматривать за ним. Если Его Высочество поведёт себя как-то странно, немедленно сообщите об этом мне. Но старайтесь, чтобы он ничего не заметил. И ещё, не стоит в разговоре с ним упоминать ничего такого, что может его разволновать...

Се Лянь слушал их, прячась за дверью, при этом сознание его опустело, а в голову ударила кровь.

Что это значит? Что всё это значит?

В душе его раздался неудержимый крик: «Я не сошёл с ума! Я не лгу! Я говорю правду!»

Се Лянь толкнул дверь рукой, от стука все трое в комнате испуганно повернулись к нему. Фэн Синь поднялся со словами:

— Ваше Высочество? Почему ты не спишь?!

Се Лянь без предисловий перешёл к главному:

— Ты мне не веришь?

Фэн Синь на миг застыл, затем ответил:

— Конечно, верю! Ты...

— И что в таком случае означают твои слова? — перебил Се Лянь. — Что всё, что я вижу, — лишь галлюцинация? Что я всё это выдумал?

Государь и государыня хотели было вставить слово, но Се Лянь не дал:

— Молчите! Вы не понимаете!

— Нет! — воскликнул Фэн Синь. — Я верю тебе, Ваше Высочество, но ведь то, что ты в последнее время очень устал, — тоже

правда!

Се Лянь смотрел на него, не говоря ни слова. И только где-то в душе принца завывал холодный ветер.

Он верил. В общем и целом, Фэн Синь всё-таки ему верил. По крайней мере, на три четверти.

Но не полностью. Всё-таки Се Лянь в последние дни вёл себя как настоящий сумасшедший. И любой сторонний наблюдатель сказал бы наверняка, что он безумен. Как он мог требовать от кого-то доверия своим словам?

Но так не должно быть. Раньше Фэн Синь поверил бы ему безоговорочно! И теперь даже одну четверть сомнений принцу было невероятно трудно стерпеть!

В сердце Се Ляня поднялись гнев и обида. Неизвестно, на кого — на Безликого Бая, на Фэн Синя, на всех остальных людей или же на себя самого. Ни слова не сказав, он развернулся и вышел из дома.

— Ваше Высочество, куда ты? — Фэн Синь догнал его.

Се Лянь, с трудом сохраняя спокойствие, ответил:

— Не твоё дело. Не ходи за мной. Иди в дом.

— Да стой же, куда ты пойдёшь? Я с тобой.

Се Лянь, приняв решение, припустил во весь опор. По скорости Фэн Синь не мог с ним сравниться, и вскоре отстал, только всё продолжал звать принца. Государь и государыня тоже вышли из дома, они кричали, звали сына, но Се Лянь не слушал, бежал всё быстрее и быстрее.

Он должен был первым нанести удар!

Если Безликий Бай хотел убить Се Ляня, или его родителей, или Фэн Синя, он мог бы сделать это с закрытыми глазами — легче лёгкого! Но тот никого не трогал, а просто играл с принцем, будто с игрушкой! А потом наблюдал и смеялся!

Се Лянь ветром летел вперёд и кричал в ночную темноту:

— Выкатывайся!!! Ты, монстр из помойной ямы!!! Выкатывайся сейчас же и покажись мне!!!

Безликий Бай явился за ним, вне всяких сомнений. Поэтому принц был уверен, что тот наверняка покажется. Однако, когда его скудный запас проклятий и ругательств иссяк, Се Лянь не услышал ни холодного смешка, который обычно звучал из какого-нибудь

неожиданного тёмного угла, не увидел ни призрачной тени, которая появилась бы за спиной и положила ледяную ладонь ему на голову.

Пробежав несколько ли, принц истратил наконец все силы и остановился, уперев ладони в колени и склонившись в попытке отдышаться. Его грудь наполнял привкус железа.

Потом он резко выпрямился и продолжил идти, на этот раз тихо говоря:

— Ты так и будешь со мной играть? Прекрасно, давай, растягивай удовольствие!

Он долго шёл по пустынной местности, среди какого-то леса в горах, куда кругом не сгустился туман.

Вокруг царила непроглядная тьма, старые деревья протягивали ввысь свои ветви подобно острым клыкам и когтям, они словно тоже давили на принца, приглашая шагнуть туда, откуда не будет возврата. Се Лянь понимал, что ничего хорошего впереди не ждёт, но неизбежность подгоняла его. К тому же, необходимо было принять наконец решение, рано или поздно это должно случиться... И принц продолжал идти с помрачневшим, но уверенным видом. Как вдруг в белом тумане перед ним возникло нечто сверкающее тусклыми огнями, подобное светящейся стене.

Се Лянь никогда не встречал ничего похожего. Он нахмурился и остановился. А «стена» вдруг начала медленно перемещаться в его сторону!

Се Лянь насторожился, сломил ветку дерева и сжал в руке, приняв боевую стойку. Но когда «стена» оказалась в двух чжанах от него, принц удивлённо обнаружил, что это не стена вовсе, а бесчисленные призрачные огоньки. Но их было так много, что издали они походили на огненную стену или огромную сеть.

Огоньки выглядели жутковато, однако не собирались атаковать, а только молча парили перед Се Лянем, не давая продвигаться дальше. Принц попытался отогнать их, но те вновь меняли направление и оказывались перед ним. В то же время Се Лянь слышал множество голосов, которые говорили:

- Не ходи.
- Не ходи туда.
- Впереди нечто плохое.
- Вернись, не вздумай идти дальше!

Голоса накатывали приглушённой, шумной волной, отчего по спине пробегал холодок. Се Лянь, окружённый этими огоньками, заметил, что среди них летает один, отличающийся от других. Особенно яркий и особенно молчаливый.

У призрачных огоньков не было глаз, но когда принц посмотрел на этот, он как будто ощутил на себе обжигающий взгляд.

Как видно, это был самый сильный среди всех этих огоньков. А остальные лишь следовали за ним и подчинялись.

Се Лянь ледяным тоном велел:

— С дороги.

Призрачные огоньки не сдвинулись с места.

— Почему вы хотите меня задержать?

Ответа не последовало. Маленькие огоньки лишь повторяли «не ходи туда», а самый главный среди них молчал. Не имея намерения воевать с этими созданиями, Се Лянь взмахнул рукой и рассеял их.

Конечно, не по-настоящему, только прогнал, подобно тому, как отгоняют ладонями рой светлячков или стайку золотых рыбок.

Принц быстро направился вперёд, под его ногами захрустели сухие ветки и опавшие листья. Однако, обернувшись, Се Лянь увидел, что призрачные огоньки летят следом! Видимо, собираются вновь встать перед ним стеной.

— Хватит меня преследовать, — предупредил Се Лянь.

Самый яркий огонёк летел впереди остальных собратьев. Он как будто не слышал предостережения. Тогда Се Лянь замахнулся для удара и пригрозил:

— Если не отстанете, я уничтожу вас без остатка!

Большая часть огоньков и впрямь испугалась, они замерцали в воздухе и испуганно попятились. Однако один, самый главный, замер лишь на мгновение, а потом вновь последовал за принцем на расстоянии пяти шагов. Се Ляню даже показалось, будто он тем самым говорит ему «не страшно, даже если ты уничтожишь меня». Или, может быть, он знал, что Се Лянь ни за что не ударит его по-настоящему?

Неожиданно душу Се Ляня охватил гнев. Раньше ни один призрачный огонёк не посмел бы пристать к нему, хватило бы одного предупреждения — улетел бы, трусливо поджав хвост. Но теперь не только простые люди позволяли себе попирать его ногами. Даже

какие-то мелкие призраки не слушались его, не воспринимали всерьёз его угрозы! От гнева глаза принца покраснели, он пробормотал:

—Всего лишь какой-то мелкий демон, и тот так себя ведёт со мной... Все так себя ведут... И никого, кто поступил бы иначе!

Даже смешно, как такая мелочь может настолько сильно разозлить. Но Се Лянь в тот момент на самом деле преисполнился ярости. Вот только, стоило ему произнести те слова, и призрачный огонёк словно понял, что принц гневается и в то же время печалится. Он завис в воздухе, а затем вместе с несколькими сотнями своих товарищей медленно полетел прочь. Вскоре огоньки окончательно растворились в темноте ночи.

Се Лянь с облегчением выдохнул, развернулся и снова пошёл вперёд.

Спустя ещё несколько сотен шагов он увидел в тумане загнутые края крыш — похоже, там скрывался древний храм, построенный в горах. Се Лянь приблизился, пригляделся и округлил глаза от удивления.

Это оказался храм наследного принца.

Разумеется, разрушенный и заброшенный. Давным-давно мародёры вынесли отсюда всё ценное, священная табличка упала на землю и раскололась пополам. Се Лянь немного постоял на пороге храма, перешагнув табличку и вошёл внутрь. Божественной статуи в храме тоже уже не было — неизвестно только, разломали её или сожгли, а может, даже утопили. Божественный постамент пустовал, осталось лишь чёрное от копоти основание. По обеим сторонами постамента виднелась фраза «Тело пребывает в страдании, но душа пребудет в блаженстве», только теперь она была изрезана чем-то острым, словно лицо красавицы, порезанное ножом, — больше не прекрасное, оскалившееся в злой гримасе.

Се Лянь, стараясь сохранять спокойствие, сел на пол прямо в храме, ожидая появления Безликого Бая. Спустя полчаса из тумана снаружи храма и впрямь кто-то возник.

Но эта фигура оказалась незнакома принцу. В ней напрочь отсутствовала та непринуждённость и безмятежность, всегда присущая Безликому Баю. Шаги тоже отличались торопливостью, тогда как белый демон ступал бесшумно. Поэтому незнакомец точно не мог быть Безликим Баем. Он вообще не был знаком принцу.

В таком случае, кто же это?

Се Лянь насторожился всем своим существом, но только лишь когда незнакомец, громко топая, добежал до порога храма, принц смог рассмотреть его облик. Однако, вот ведь незадача, облик этот не совпал ни с одним ожиданием принца... Он походил на простого прохожего, ничего примечательного в этом человеке не имелось.

И всё же Се Лянь не ослабил бдительность. Кто знает — а вдруг это одна из личин Безликого Бая?

Непросто встретить кого-то в разрушенном храме посреди пустынных гор. Се Лянь отнёсся к незнакомцу настороженно, но и незнакомец с опаской глядел на Се Ляня. Спустя некоторое время молчания тот наконец попробовал заговорить:

— Уважаемый... даочжан? Вы знаете, что это за место?

Се Лянь чуть нахмурился, поднял голову и ответил:

— А тебе самому это неизвестно? В таком случае, как ты оказался здесь?

— Я заблудился! — ответил незнакомец. — Бродил по округе целый день, но никак не мог выбраться к людям.

Се Лянь прекрасно понял, что просто заблудиться тот не мог. И если это не Безликий Бай собственной персоной, следовательно, его заманила сюда тёмная тварь.

Принц ответил:

— Хватит бродить. Ты отсюда не выберешься.

— Что? Что вы сказали?

Но Се Лянь больше ни слова не произнёс, только продолжил медитировать. Если человека заманил сюда Безликий Бай, спешить куда-то не имеет смысла. Покуда демон сам не пожелает отпустить жертву, никому не выбраться из его лап. Лучше уж спокойно подождать и узнать, что он собрался с тобой сделать.

Человек, похоже, устал бегать, поэтому присел рядом передохнуть. Так они и сидели, не мешая друг другу, покуда из тумана не возник ещё кто-то. Когда другой незнакомец подошёл к храму, Се Лянь увидел такого же озадаченного путника, который, заметив их, второпях заговорил:

— Уважаемые друзья! Могу я узнать, что это за место?

Двое путников завели разговор, а Се Ляня посетило некое предчувствие.

Что это ещё не конец. Непременно явится ещё кто-нибудь.

Так и вышло. Мenee чем за два часа в храме наследного принца собралось несколько десятков людей, мужчины и женщины, старики и дети. Они шли то по одному, то по двое-трое, а то и целыми семьями, и большинство говорили, что заблудились, вот только очень странным образом. Кто-то даже просто брёл по широкой дороге, и вдруг оказался здесь, что казалось невероятным до невозможности. Среди пришедших Се Лянь увидел уличного артиста, который когда-то состязался с ним в разбивании каменной плиты на груди. Выглядел тот не очень хорошо — видимо, в прошлый раз и впрямь заполучил серьёзные повреждения. Они с принцем переглянулись, но промолчали, лишь кивнули друг другу.

Совершенно ясно, что все пришедшие — обычные люди, которых Безликий Бай намеренно заманил в этот древний лес среди диких гор!

Тревожный звон в душе Се Ляня звучал всё громче. Однако он, не подавая виду, выудил из рукава холодную маньтоу и с усилием откусил, с усилием прожевал, а затем так же с усилием проглотил. Принц пытался сохранить как можно больше физических сил, чтобы подготовиться к серьёзной битве, которая, возможно, вот-вот начнётся.

Спустя четыре часа храм наследного принца и даже территория вокруг храма заполнились «заблудившимися». Се Лянь насчитал около сотни человек. И никто из них не мог выйти из этого леса.

Когда людей стало много, храм заполнился шумом, в толпе слышались разговоры:

— Ты тоже оказался здесь случайно? Как-то слишком уж жутко!

Кто-то предложил:

— Может, поищем выход ещё раз?

— Пойдём, пойдём, — кто-то тут же поддержал. — Ну не верю я, что из всех нас ни один не может выбраться!

Се Лянь, сидящий в углу, вдруг поднял голову и вмешался:

— Как ни пытайтесь, бесполезно — выйти не получится.

— Почему это? — толпа обратилась к нему.

Се Лянь ледяным тоном ответил:

— Потому что вы здесь оказались по воле тёмной твари. Вы все — его игрушки. Думаете, он так просто вас отпустит?

Кому-то показалось, что этот даочжан намеренно запугивает их; кто-то решил, что это лишь пустая болтовня; но были и те, кто

воспринял его слова всерьёз.

— Кто ты такой? — поднялся один. — И почему так говоришь?

Второй подхватил:

— Кажется, он явился сюда раньше всех. Когда я вышел к храму, он уже сидел внутри.

— Странно как-то...

— Ага! Ещё и лицо скрывает.

— У тебя есть доказательства?

Се Лянь спокойно ответил:

— Доказательств нет. Можете верить, можете не верить — всё одно. Демон заманил вас сюда, и наверняка не для того, чтобы вкусно накормить. Надеюсь, мне не придётся лишний раз напоминать вам соблюдать осторожность.

Никто не успел ничего сказать на это, когда снаружи послышались шаги. Кто-то бежал сюда издали, но так быстро, как только мог. Люди встрепенулись:

— Кто-то ещё явился!

Они хотели выйти посмотреть, что к ним приближается, но, едва сделав шаг за порог храма, тут же юркнули обратно. Поскольку следом за шагами раздались крики!

Крики были настолько безумными, что даже казалось, человек не может их издавать. Люди переменились в лицах и разом отступили вглубь храма.

— Мамочки, какой же это человек? А вдруг это дикий зверь?!

Фигура из тумана всё приближалась, и Се Лянь, сощурившись, убедился и сказал:

— Нет, это действительно человек!

Вот только человек тот на бегу жутко вопил, к тому же закрывал лицо руками. Он уже почти добежал до храма, и Се Лянь, протиснувшись через толпу, встал в самом первом ряду, чтобы посмотреть, что же всё-таки случилось. Но бедняга, будто слепой, пролетел мимо ворот и врезался в дерево, растущее рядом. «Бум!», бегун отлетел на целый чжан, упал на землю и потерял сознание.

Остальные содрогнулись от испуга, сгрудились у выхода, вытянули шеи и зашептались:

— Что... что с этим несчастным?

Знакомый Се Ляню уличный артист и ещё несколько смельчаков решили подойти и осмотреть странного незнакомца, но принц тут же предостерёг:

— Не приближайтесь к нему!

Кого-то опять до дрожи напугал его серьёзный тон:

— Но что же делать? Оставить его лежать там?

— Я сам посмотрю, — ответил Се Лянь.

— Что ж, тогда будь осторожнее!

Принц кивнул в ответ и медленно приблизился к человеку под деревом. Присев на корточки, он собирался отвести руки от лица незнакомца, но тот вдруг снова подскочил и издал два пронзительных крика.

Всё верно, именно два. К тому же, оба прозвучали одновременно. Один издал сам мужчина, а другой послышался от его лица... На лице этого человека росло ещё одно лицо!

Поветрие ликов!

В тот же миг Се Лянь весь покрылся гусиной кожей, а его зрачки сузились до точек. Люди в храме остолбенели от жуткого зрелища. Мужчина тем временем бросился к месту скопления людей, однако Се Лянь оказался быстрее — нанёс удар раскрытой ладонью и отбросил того на несколько чжанов, а сам отступил к воротам храма. Перепуганная толпа за его спиной заголосила:

— Но ведь эта болезнь бушевала только в императорской столице! Так много людей там погибло... И болезнь прекратила распространяться!

— Это ненастоящий недуг, так ведь?! У него правда прямо на лице растёт лицо?!

Но самое страшное, что в следующий миг послышалось ещё больше пронзительных воплей, и к храму, пошатываясь, приблизилось ещё около двух десятков человек.

Не нужно даже смотреть, чтобы понять — все они были больны поветрием ликов!

— Бегите! — закричал кто-то. — Врассыпную! Не давайте им приблизиться!!!

Се Лянь, однако, предостерёг:

— Не разбегайтесь! Ещё неизвестно, сколько их в лесу! А что если ещё больше? Тогда вам конец!

— Но что нам делать?!

— Нельзя же просто ждать, пока они сами нападут! Это всё равно что смерти дожидаться!

Ветка, которую Се Лянь сломил по пути сюда, ещё висела у него на поясе. Выхватив её и выставив перед собой вместо меча, он произнёс:

— Успокойтесь, они не тронут вас. Войти им в этот храм или нет — только мне решать!

Ведь это же его территория, храм наследного принца!

— Ты...

Не дожидаясь очередного вопроса, Се Лянь ветром вылетел из храма, несколько свистящих взмахов веткой — и поражённые поветрием ликов в тот же миг повалились на землю. Для Се Ляня одолеть их не составило труда, сказал и сделал — никто из заболевших действительно не смог приблизиться к храму. Толпа так и ахнула, зрелище «битвы» потрясло их до глубины души, а увидев, что Се Лянь одержал верх, люди принялись выкрикивать одобрения и громко благодарить Небеса и Землю за помощь.

Тем временем в ночном лесу беспорядочным танцем заморгали призрачные огоньки. Возможно, они хотели помочь Се Ляню прогнать больных? Во всяком случае, принц не заметил, чтобы огоньки пытались ему помешать.

Разделавшись с напастью, он по привычке хотел убрать «меч» в «ножны», однако ничего не нащупав на поясе, вспомнил, что в руках у него вовсе не меч, а простая ветка. Неловко замерев на мгновение, принц вдруг увидел неподалёку фигуру в белом, которая помахала ему рукой. Горячая кровь ещё не остыла в принце после битвы, он тут же бросился в погоню за врагом:

— Не думай сбежать!

И стайка призрачных огней с шорохом полетела с ним, освещая принцу дорогу. Безликий Бай, разумеется, бежать и не собирался — он ступал неторопливо, беззаботно, но всё равно оставался в нескольких шагах впереди. Се Лянь пробежал немного, но потом в его душе кое-что прояснилось, и он повернул назад. Заметив это, Безликий Бай остановился и позвал:

— Почему же ты не следуешь за мной?

Се Лянь, обернувшись, бросил:

— Ты же наверняка хочешь увести меня, чтобы насладиться ещё волну поветрия? С какой стати я должен позволить тебе это сделать?

Однако Безликий Бай улыбнулся:

— Нет, ты ошибаешься. Моя цель — не отвлечь тебя. Ты и есть моя цель.

Принц не видел выражения его лица за маской Скорби и радости, но почему-то был уверен, что демон улыбается.

Стратегия «выманить тигра с горы» и впрямь не очень вяжется с логикой. Если демон хотел вновь насладиться хворь на людей, он мог бы сделать это где угодно, и Се Лянь не имел бы ни единого шанса ему помешать. Для чего начинать распространение болезни именно в безлюдных горах?

Принц остановился.

— Так чего же ты добиваешься?

Этот вопрос он задавал уже бесчисленное множество раз и уже терял всякое терпение.

— Я же сказал, — ответил демон. — Я хочу, чтобы ты перешёл на мою сторону.

Се Лянь направил на него ветку дерева. Никакой угрозы этот жест демону не нёс и, более того, выглядел довольно комично, но сейчас принц не имел иного оружия. И хорошо ещё, что какой-то особенно яркий призрачный огонёк подлетел и завис над концом ветки, тем самым прибавляя Се Ляню немного воинственности.

— Зачем мне переходить на твою сторону? — резко воскликнул Се Лянь. — Разве что забрать твою жизнь?

— Ваше Высочество, — тихо посмеявшись, мягко произнёс Безликий Бай. — Ты — прекрасный нефрит. Позволь мне наставлять тебя, я научу, как стать произведением искусства.

Се Ляня его слова и рассмешили, и возмутили. Он не выдержал, с презрением сплюнул и процедил:

— Считаешь, что достоин быть моим наставником? Мой учитель — советник государства Сяньлэ. А ты кто такой?! Откуда ты взялся, монстр?!

Демон вытянул руку и покачал пальцем.

— Ты вновь ошибаешься. Ваше Высочество, следует уточнить, что во всём мире лишь я один достоин быть твоим наставником. Твой учитель? Советник государства Сяньлэ? — В его голосе слышалось

безграничное презрение. — Передо мной не стоит даже упоминать эту дрянь. А то, чему я тебя научил, ты прекрасно запоминаешь.

Се Лянь разгневался:

— Чему ты научил меня? Что за вздор? Я не понимаю ни слова!

Безликий Бай усмехнулся:

— Первое, чему я научил тебя: на свете существует множество вещей, изменить которые ты абсолютно бессилён.

В памяти Се Ляня замелькали бесчисленные и беспорядочные звуки и картинки. В результате он, стиснув зубы, нанёс удар своим «оружием», но демон с лёгкостью уклонился.

— Второе... — Он одним движением схватил Се Ляня и с такой силой дёрнул на себя, что тот едва не упал, а потом мягко погладил по голове. — Ты стремишься помогать людям, попавшим в беду? Но им совершенно не требуется, чтобы ты им помогал. Они этого не достойны.

Се Лянь снова застыл на миг, отбросил ненавистную руку и опять напал. Но вот послышался треск — это Безликий Бай сломал ветку в руке принца, в мгновение ока очутился у него за спиной и коснулся двумя ледяными пальцами затылка, грозясь нанести смертельный удар!

Принц почувствовал, что демон в любой момент может просто продырявить ему голову насквозь, и замер как вкопанный. Позади него раздался голос:

— Откажешься перейти на мою сторону — никогда меня не одолеешь, будешь вечно проигрывать мне.

Се Лянь сделал несколько тяжёлых вдохов и выдохов, после чего уверенно выкрикнул:

— Ну так давай!.. — Сделав паузу, он отчеканил слово за словом: — Я не способен одержать победу, но лишь сейчас. Ты можешь бессчётное множество раз меня повергнуть, но тебе не убить меня. А покуда тебе меня не убить, когда-нибудь настанет день, и я непременно тебя одолею!

Услышав слова принца, призрачный огонёк загорелся ещё яростнее, будто хотел озарить своим светом целое ночное небо. Безликий Бай замолчал ненадолго, затем спросил:

— Мне тебя не убить?

У Се Ляня перехватило дыхание.

На самом деле принц и сам не знал, до какой поры продержится бессмертное тело, которое ему даровал Цзюнь У. Но что если Безликий Бай в приступе гнева правда продырявит его голову? Останется ли тогда принц в живых?

Демон заговорил снова:

— Да, я действительно не могу тебя убить. Но я и не стану этого делать. И всё же не будь столь самоуверен. Смотри не пожалей об этом в будущем.

Пожалеть? Почему принц должен был пожалеть?

Се Лянь ещё не успел осознать этих слов, когда получил удар ребром ладони по шее сзади, и перед глазами всё погрузилось в темноту.

И в этой темноте откуда-то издалека принц чувствовал свет и тепло. Последовав за этим светом, он понемногу пришёл в себя.

С трудом открыв глаза, первым делом Се Лянь увидел над собой призрачный огонёк. Вероятно, свет и тепло, которые принц чувствовал сквозь дымку забытья, исходили от него.

Увидев, что Се Лянь пробудился, огонёк тут же метнулся к нему, однако решил, что слишком близко подлетать тоже не следует, и сразу отступил на более почтительное расстояние. Се Ляню всё время казалось, что этот огонёк какой-то особенный, и если принцу не изменяла память, это именно он призвал своих братьев задержать Се Ляня на пути сюда. Принц попытался протянуть руку, однако... ничего не вышло.

Изумление помогло пробудиться окончательно. Тогда-то принц огляделся и наконец осознал, что не может пошевелиться по одной простой причине — он связан по рукам и ногам.

Оказывается, его крепко привязали к божественному постаменту, усадив прямо на полуразрушенное основание статуи божества. А внизу под этим постаментом собралось огромное множество людей, которые во все глаза смотрели на него.

Сотня мечей сердце пронзит, обретёт воплощение демон

Почему они так на него смотрят? Се Лянь не мог понять, пока не услышал из толпы шёпот:

— Как похож...

— Не просто похож, одно лицо!

— Это правда он?

Тогда кто-то спросил напрямик:

— Ты... тот самый, наследный принц?

У Се Ляня непроизвольно вырвалось:

— Нет...

Однако в следующий миг принц понял, что лента, которой он скрыл своё лицо, теперь снята. И связан он по рукам и ногам именно ей, этой лентой. А его облик теперь открыт на всеобщее обозрение.

Сердце Се Ляня подскочило до самого горла. Однако он всё же нашёл в себе силы встретиться со взглядами, направленными на него.

Возможно, это была иллюзия раздражённого сознания, но принцу показалось, что все эти люди как-то странно, даже жутковато смотрят на него. Впрочем, к счастью, в них не было ни отвращения, ни гнева, которые ожидал увидеть Се Лянь. Наверное, всё потому, что сейчас людям угрожала опасность. На эту мысль принца навели раздавшиеся снаружи храма нечеловеческие крики!

Се Лянь с трудом повернул голову и увидел кричащих — больных поветрием лиц, которых он совсем недавно побил и уложил на лопатки. Теперь они вновь пришли в себя, к тому же к первой партии присоединились ещё, и сейчас вся эта толпа окружила храм, дружно взявшись за руки, и принялась с криками водить вокруг него хоровод, словно совершая какой-то жуткий обряд, а может, исполняя некий безумный танец. Люди в храме в ужасе отшатнулись от входа, сбившись поплотнее в кучу. Послышался плач ребёнка, которого родители тут же прижали к себе и закрыли малышу уши. На лице каждого был написан страх. Люди вопрошали:

— Что же делать? Что нам делать?!

— А вдруг они ворвутся сюда?..

— Даже если не ворвутся, что если мы тоже заразимся, ведь они так близко... Что тогда?..

Се Лянь попытался вырваться из пут, однако, как ни старался, ничего не вышло. Видимо, лента была непростая, и некто подкрепил её магическими силами. От натуги у принца на лбу вздулись вены, он закричал:

— Безликий Бай!

Никто не ответил, но по макушке принца похлопала ледяная ладонь. Се Лянь застыл, покрывшись холодными мурашками,

обернулся и тут же ощутил, как кровь застыла в жилах. Не удивительно, что люди под постаментом так смотрели на него. Ведь не только личность самого принца раскрылась. Позади него в темноте сидел Безликий Бай!

Перед странной тварью в белом одеянии люди не смели даже слишком громко дышать, не то что предпринимать какие-либо действия. Но демон, не обращая на толпу внимания, на глазах изумлённых людей поднял Се Ляня.

Теперь принц не лежал, а сидел. Сидел на своём божественном постаменте, подобно живой, но связанной божественной статуе. У него лишь осталась способность шевелить глазами и головой, а кроме этого он почти ничего больше сделать не мог.

Однако, невзирая на всю странность и жуть этого зрелища, гораздо больше люди боялись больных поветрием ликов. Взгляды их вновь обратились к выходу из храма, кто-то пробормотал:

— Я слышал... я слышал, что болезнь передавалась среди тех, кто жил поблизости друг с другом, и притом очень быстро! А мы так близко, совсем рядом... мы уже точно... уже точно...!

В храме воцарилось отчаяние, стоило людям подумать, что они, возможно, уже заразились страшным недугом.

— А может, — заговорил другой, — кто-нибудь выйдет, убьёт этих чудиков, а остальные поскорее сбегут?

Но только неизвестно, получится ли у добровольцев убить такое количество больных поветрием. А ведь стоит сцепиться с ними в драке, и неминуемо подхватишь страшную заразу! Самая настоящая жертва, хоть и для всеобщего блага. Но кто же захочет пойти на верную смерть? Никто.

Сам Се Лянь, конечно, хотел бы. Но сейчас он оказался в плену у Безликого Бая, да и если бы смог обезвредить семь-восемь чудиков из нескольких дюжин, что сейчас собрались снаружи, неизбежно кто-нибудь да ворвался бы в храм. Или может... убить Безликого Бая? И думать нечего, полнейший бред, безумные чаяния.

Однако необходимо было как-то успокоить людей, и Се Лянь, приведя эмоции в порядок, заговорил:

— Прошу вас не действовать опрометчиво! Болезнь не так уж быстро распространяется, у нас ещё есть время, чтобы найти решение.

Но только словами «не так уж быстро» не получилось утешить никого.

Зато Безликому Баю удалось развеять воцарившееся отчаяние. Он совершенно неожиданно произнёс:

— Поветрия ликов можно избежать и даже излечиться от него.

Эта фраза заставила людей резко поднять глаза к постаменту.

— Излечиться? Как?!

Се Лянь почувствовал, как замерло сердце. Безликий Бай же неторопливо продолжал:

— Спросите Его Высочество наследного принца. Он знает способ.

В тот же миг сто пар глаз обратили взгляды на Се Ляня. Принц невольно съёжился, подавшись назад, но Безликий Бай вновь вытолкнул его вперёд.

— Ваше Высочество, — с надеждой спросили несколько человек.

— Это правда?

Се Лянь не успел ответить, когда кто-то взволнованно выкрикнул:

— До меня доходили слухи, что он и впрямь знает!

Кто-то усомнился:

— Но если он знает, почему в столице случилось... такое? Неужели он никому не сказал?

— Ваше Высочество, скорее, расскажите нам! А?

Се Лянь торопливо стал отрицать:

— Я не знаю!

Но Безликий Бай возразил:

— Ты лжёшь.

Се Лянь и дальше продолжал бы стоять на своём, но боялся, что белый демон скажет лишнего. Принца посетило предчувствие, что в любом случае — признается он или нет — Безликий Бай наверняка всё расскажет сам. Спустя минуту душевных метаний он безнадежным тоном проговорил:

— Способ... не тот. Он не подействует!

Когда мимолётное замешательство прошло, толпа вновь заволновалась:

— Что значит — не подействует? Если ты нам не скажешь, как мы узнаем, подействует он или нет?

Со лба Се Ляня струился холодный пот, он подумал: «Я правда не могу им рассказать...»

Не могу!

Если расскажу, всему придёт конец! Воцарится хаос!

Один мужчина не выдержал и вышел вперёд со словами:

— Наши жизни в опасности! Что тут скрывать? Если не скажешь, так что же, нам тут всем вместе помирать?

Безликий демон мягко произнёс:

— Давайте я поведаю вам.

Се Лянь гневно выкрикнул:

— Замолчи!

Разумеется, никакой угрозы крик принца в себе не нёс, и Безликий Бай пропустил его мимо ушей, продолжая:

— Известно ли вам, среди каких людей в столице поветрие ликов распространялось меньше всего?

Толпа смотрела на демона, дрожа от страха. Они не решались приблизиться к твари ни на шаг, но не спросить не могли:

— К-каких же?

— Среди солдат, — ответил Безликий Бай.

Всё кончено.

— Почему же так вышло? — продолжал демон. — А потому, что большинство солдат совершали одно действие. Которое обыкновенно не совершают простые мирные жители. Именно это действие позволило им избежать заражения.

Люди всё шире тарасили глаза, не смея даже сглотнуть. Кто-то спросил:

— И что же это... за действие такое?

Се Лянь попытался ударить демона головой, однако его жалкие попытки не возымели успеха. Разразившись хохотом, Безликий Бай отпихнул его прочь и отвечивал:

— Что это за действие? — демон понизил голос: — Они убивали.

Всё кончено!!!

Он в самом деле им рассказал. Се Лянь безвольно осел на постаменте, его сердце словно окунули в ледяную воду. Спустя какое-то время люди наконец потрясённо заговорили:

— Убивали? Выходит, чтобы не заразиться, нужно убить человека? Убийством можно вылечить недуг?

— Да ты, никак, обманываешь нас!

Нет. Демон не лгал. Это была повергающая в отчаяние правда!

Никаких сомнений не оставалось. Се Лянь лично проверял — люди, запятнавшие руки кровью, отняв жизнь другого человека, не заражались поветрием ликов!

Собравшиеся в храме и представить не могли, что условием исцеления от страшного недуга окажется именно убийство! Все как один они застыли, словно громом поражённые, а потом заголосили:

— Неужели правда?!

— А мне и раньше это казалось странным, ведь я... и впрямь не слышал, чтобы кто-то из войска заразился поветрием ликов! Боюсь, всё так и есть!

— Это правда!

— Но неужели это означает... Что мы должны убить кого-то, чтобы не заразиться?!

— Кого же убить?

На задавшего последний вопрос тут же накинулись:

— Что ты несёшь? «Кого убить»? Ты что, в самом деле решил пойти на такое?!

Спросивший немедля замолчал, не смея больше подавать голос. Но в глазах сотни собравшихся, помимо истинного страха и беспомощности, появилось ещё кое-что. Неприятное, жуткое.

И Се Лянь более всего не желал увидеть именно такой картины. Едва способ избавления от поветрия ликов станет известен, наверняка случится нечто неизбежное.

Люди начнут убивать друг друга!

Это и была причина, по которой принц, обнаружив способ исцеления, так и не решился никому о нём рассказать. Пусть большинство смогли бы удержать себя в руках, узнав правду, но наверняка появились бы злодеи, готовые совершить преступление, чтобы излечиться. Ну а если кто-нибудь пошёл бы на это в первый раз, очень скоро случился бы и второй, и третий...

Дальше желающих исцелиться таким образом становилось бы всё больше, и Поднебесная в конце концов погрузилась бы во мрак и хаос. Так и вышло, что лучше уж хранить страшную правду в тайне и никому не позволить её узнать!

— Теперь-то вы понимаете, — горько усмехнулся Се Лянь, — почему я сказал, что этот способ не подействует?

Люди безмолвствовали. Се Лянь вздохнул, немного привёл эмоции в порядок, чтобы голос звучал спокойно, и продолжил:

— Как бы то ни было, не стоит паниковать. Не предпринимайте опрометчивых действий, иначе попадёте на удочку этой твари.

Под постаментом стояла порядочная и приятная на вид семейная пара, и женщина, прижимая к груди ребёнка, запричитала:

— Как же так? Почему это случилось? Почему именно с нами? Ведь мы же ничего плохого не сделали!

Кто-то рядом с ними раздражённо забранился:

— Всё плачет и плачет, чего тут плакать? Только и знаешь, что слёзы лить! Здесь никто ничего плохого не сделал! Думаете, вы тут самые несчастные?

Глава семьи гневно бросил:

— Что такое? Решил запретить моей жене плакать, а?

— Слезами горю не поможешь, только раздражает ещё больше! Так что закрой-ка рот!

Если уж люди затеяли ссору из-за такой мелочи, как женский плач, значит, они и впрямь уже находились на грани — только задень, и взорвутся.

— Прекратите ругаться! — велел Се Лянь. — Успокойтесь! Только так мы сможем придумать, как нам быть!

Но чем настойчивее принц пытался успокоить людей, тем сильнее они волновались:

— Какое ещё «успокойтесь»? Как мы можем успокоиться? Раз ты тут самый спокойный, то и придумывай! Что мы можем сделать?!

Се Ляня вопрос застал врасплох. Что они могут сделать?

Ничего!

Он мог сломать себе всю голову в раздумьях, но не выдумал бы никакого выхода из положения, в котором они оказались!

И вдруг Се Лянь почувствовал, как его за щеку схватили чьи-то пальцы, а потом развернули лицом к толпе под постаментом. Се Лянь широко распахнул глаза, не понимая, что это значит. Но тут за его спиной раздался леденящий кровь голос:

— Кого убить? Глядя на это личико, вы ещё раздумываете, кого можно убить?

В тот же миг не только люди в храме, но даже висящий в воздухе призрачный огонёк застыл неподвижно.

Безликий Бай мягко произнёс:

— Вы забыли? Он ведь божество! А это значит...

Не успел демон закончить фразу, как грудь Се Ляня обдало холодом.

Замерши на мгновение, принц опустил голову и увидел, как из его живота высунулся клинок меча, глубокого тёмного цвета чёрного нефрита, с серебряной полосой по центру. Длинный и тонкий, он сверкал подобно холодной ночи и наверняка представлял собой редчайшее сокровище. В прошлом Се Лянь непременно пожелал бы любым способом заполучить такой меч в свою коллекцию и не выпускал бы из рук.

Принц долго смотрел на клинок, торчащий из собственного живота, прежде чем тот не исчез в нём снова. Безликий Бай, извлекши меч, закончил:

— Что он бессмертен.

Никто ещё не успел ничего понять, когда демон взмахом руки бросил меч с постамента. С громким звоном клинок косо вошёл в пол, испуская почти осязаемый холод, покуда на него уставилось множество глаз.

К горлу Се Ляня подступила кровь. Призрачный огонёк, будто пытаясь закрыть собой его рану, подлетел совсем близко к животу принца.

Се Лянь закашлялся кровью и сквозь зубы прохрипел:

— Ты... Ты!..

У него перед глазами замелькали яркие круги, а призрачный огонёк, внезапно взбесившись, полетел на белого демона. Тот схватил огонёк, сжал в ладони и велел:

— Смотри внимательно. — Другой рукой он ещё сильнее стиснул лицо Се Ляня. — Что — я? Ведь ты же всегда заявлял, что мечтаешь помогать простым людям, попавшим в беду.

— Но...! — запнулся Се Лянь. — Но я... я...

Он ведь не думал, что придётся помогать им в подобном положении и таким способом!

Кто-то под постаментом даже зарыдал, напуганный кровавым зрелищем, а кто-то, набравшись смелости, спросил:

— Он... он правда... не умрёт?!

— Правда... Смотрите, даже крови из раны почти не вытекло...
Он жив-живёхонек!

Се Ляня пробрало сильным кашлем; затем он услышал, как кто-то ещё воскликнул:

— Хотите сказать, что даже если убить его, он не умрёт?! Это ведь прекрасно!

Но его тут же оборвали:

— Что — прекрасно? Что тут прекрасного?

Тот замямлил:

— Но раз его можно убить, и он не умрёт... Значит, у нас есть путь к спасению!

— Но пронзать человека мечом — не слишком ли...

— Да ведь он же божество! Даже такие раны для него не смертельны! А мы — всего лишь простые люди, и если заразимся поветрием ликов, нам уж точно конец, и говорить нечего!

Покуда внизу поднялись споры, Безликий Бай обратился к Се Ляню:

— Простые люди, попавшие в беду, ждут, когда ты поможешь им. Прошу.

От гнева у Се Ляня из глаз едва не вырывалось пламя.

— Единственный способ спасти всех разом — это уничтожить тебя, гнусный монстр!

Безликий Бай язвительно усмехнулся:

— В чём дело? Наследный принц, ты ведь некогда весьма самоуверенно утверждал, что не умрёшь. Почему же теперь испугался? Всё равно смерть тебе не страшна, принеси же себя в жертву, избавь их от беды, почему бы нет?

Се Лянь выплюнул:

— Ты именно этого добиваешься? Думаешь, что все на свете такие же подлые, как ты?

И в самом деле: на лицах многих людей под постаментом отразилась не безумная радость от наконец обретённого спасения, а задумчивость. Мнения разделились. Кроме того, никто так и не притронулся к чёрному мечу. Словно понимая, о чём думает принц, Безликий Бай рассмеялся, покачал головой и вздохнул:

— Глупое, глупое дитя.

Се Лянь увернулся, не давая похлопать себя по голове.

— Пошёл прочь! — заорал он.

— Ты думаешь, — произнёс демон, — что они не хотят запятнать руки кровью? Ошибаешься. Дело не в том, что они не хотят. Просто никто не желает быть первым.

— А-а-а-а!

Внизу раздался крик ужаса, женщина из той семейной пары зарыдала:

— Сын, мой сын!

Ребёнок на её руках истошно верещал, а на пухленькой ручке уже виднелись тёмные очертания бугорков, напоминающих лицо. Люди вокруг них мгновенно отшатнулись.

— Какое несчастье, ребёнок заразился!!!

Муж и жена в панике переглянулись и тут же вышли из толпы, приблизились к божественному постаменту, выдержнули меч из пола, вложили в руку ребёнка и, стиснув зубы, вонзили клинок в Се Ляня.

— !..

Чёрный меч отличался несравнимой остротой, и живот Се Ляня вновь охватила невыносимая боль. Муж и жена вытащили клинок и бросили на пол, причитая:

— Простите... Наш сын ещё мал, мы не могли... ничего поделать. Простите, простите нас...

Не прекращая просить прощения, они с бледными лицами принялись бить Се Ляню земные поклоны, а потом схватили ребёнка и скрылись в толпе. Се Лянь почувствовал в горле новый, ещё более сильный прилив крови, и хотел было откашляться, но тут вдруг услышал, как Безликий Бай противно засмеялся.

— Что ты смеёшься? — воскликнул принц, стиснув зубы и проглотив кровь. — Думаешь, увидел то, что хотел? Это же ты их вынудил!

Призрачный огонёк в руке Безликого Бая загорелся ещё яростнее. А демон, растягивая слова, ответил принцу:

— Человек показывает своё истинное лицо, только если его вынудить.

Среди сотни собравшихся один уже мог не бояться поветрия ликов — тёмные отметины на плече малыша постепенно исчезли. Те, кто видел это своими глазами, судорожно сглотнули и замолкли.

Очень скоро посреди мёртвой тишины из толпы вышел ещё один, молодой парень. Собрав волю в кулак, он подошёл к постаменту и вначале сделал несколько поклонов, затем слабым голосом заговорил:

— Простите, я не хотел, правда не хотел, но у меня просто нет иного выхода. Я только недавно женился, жена и мать ждут меня

дома...

Он непрестанно оправдывался, но потом слова застряли у него в горле. Закрыв глаза, он схватил чёрный меч и резко вонзил в Се Ляня.

Но именно потому, что он не видел, куда бьёт, парень промахнулся, попав в бок принцу. Открыв глаза и обнаружив, что рана не смертельная, он в панике вынул меч и дрожащей рукой вонзил снова!

Се Лянь крепко стиснул зубы, чтобы не издать ни звука. Даже когда меч вошёл в него дважды, лишь тихий стон сорвался с его губ, и с уголка рта заструилась кровь.

Принц действительно не мог умереть. Но это не означало, что ему неведома боль.

Он слышал звук разрезаемой плоти, чувствовал, как острый клинок задевает кости, и от боли не хотелось жить — эти ощущения едва ли не приводили в помешательство. Здесь принц ничем не отличался от обычного смертного человека.

Молодой парень, совершив задуманное, отошёл, даже не отбив земной поклон. На его лице вперемешку отражались стыд и радость избежавшего страшной участи. Трудно было определить, чего именно было больше. После толпа вновь погрузилась в гробовую тишину.

Спустя долгое время ещё несколько человек, колеблясь, хотели выйти вперёд. Неизвестно, какие оправдания они для себя нашли. Однако никто ещё не успел ничего сделать, когда вдруг все услышали:

— Не могу на это смотреть.

Люди повернулись на голос, Се Лянь тоже поднял бледное лицо. Говорил тот здоровяк, уличный артист.

— Вы собираетесь делать всё, что вам скажет это чудище? Он же просто чушь несёт, как я погляжу. А даже если это правда, и бедняга не умрёт, то вы, стало быть, посчитаете, что никого и не убивали?

Ему тут же ответили:

— Старший брат, посмотри, в каком положении мы находимся! Нам всем грозит смерть, опомнись!

— Но ведь и я здесь, с вами! Мне точно так же грозит смерть! Разве я пошёл на преступление?

Его братья пристыжено замолчали, но кто-то сказал:

— Судя по всему, у тебя в семье нет ни стариков, ни детей, так? Сам поел, считай вся семья сыта. Но многие из нас тащат на себе

несколько ртов. Разве можно сравнивать?

Здоровяк, указав на семейную пару, которая первой взялась за меч, возразил:

— Да, у меня ни жены, ни детей нет. Но даже если бы были, я бы скорее умер, но не позволил своему сыну смотреть, как отец совершает подобное. Не говоря уже о том, чтобы заставлять ребёнка самого такое сотворить. Если ваш ребёнок вырастет негодяем, в этом будет только ваша вина! Тоже мне, родители. Раз иного выхода нет, почему же ты не заставил сына проткнуть мечом себя, его отца?

Женщина с болью в голосе взмолилась:

— Не проклинай моего сына! Если хочешь, лучше меня прокляни!

А мужчина разгневанно забранился:

— Что за разговоры ты ведёшь? Хочешь, чтобы мой сын убил своих отца и мать?! Попираешь нормы человеческой морали!

Наверное, здоровяк не понимал, что означает «нормы морали», но возразил:

— Кого ни убей — всё одно, убийцей станешь. А если бы собой пожертвовал, хотя бы твёрдостью духа мог похвастаться. И вообще, почему вы не убили эту диковинную тварь в маске?

Его слова рассмешили Безликого Бая. А толпа ответила страхом и гневом. Они боялись неведомой твари, а гневались на смутьяна, и тут же зашикали на него:

— Ты...! А ну закрой рот!

Что если он прогневает тварь?

— Ох, — вздохнул здоровяк. — Бойтесь пойти против самого гнусного злодея, поэтому решили вонзить меч в кого-то другого?

Кому-то, похоже, не по душе пришлось насмешливые речи уличного артиста.

— Дружище, что-то ты всё болтаешь, болтаешь без умолку... Я уж было решил, что у тебя есть какое-то предложение получше. А потом поглядел на твоё лицо — бескровное, почти как у мертвеца, и понял! Ты, никак, и жизни хорошей не видал, раз без зазрения совести порицаешь других? А раз так убеждён в своей правоте, почему бы тебе самому не принести себя в жертву и не спасти жизни остальных?

— Я не желаю приносить себя в жертву! И никто не желает. Кому же захочется? Тебе? Тебе захочется? Но я, по крайней мере, никого не протыкаю мечом.

— Он — другое дело!

— Какое — другое?

— Он ведь божество! Хотел помогать людям, попавшим в беду! Сам говорил. И ещё... и ещё он бессмертный!

Артист хотел возразить, но Се Лянь, не выдержав, кашлянул и позвал:

— Дру... дружище! Послушай, дружище! — После нескольких ударов мечом его голос зазвучал ощутимо слабее. Здоровяк повернулся на зов, и Се Лянь с благодарностью произнёс: — Спасибо тебе! Но всё же... оставь.

Если так пойдёт дальше, остальные могут и поколотить инакомыслящего. Се Лянь вспомнил, что этот человек получил серьёзные повреждения из-за состязания с ним, и, чувствуя угрызения совести, добавил:

— Спасибо тебе! Как твои раны после того, как ты тогда разбил каменные плиты на груди?

— А? Что ты болтаешь? Какие ещё раны? Разбивание камня на груди — это мой коронный номер! — громогласно ответил здоровяк.

Видя, что мужчина даже сейчас продолжает упрямо защищать свою репутацию, Се Лянь невольно захотел рассмеяться. Такие как он могут повторять «со мной всё в полном порядке», при этом харкая кровью.

Как вдруг кто-то указал на уличного артиста пальцем и завопил:

— Началось! Началось!

Се Лянь удивлённо вздрогнул, как и сам здоровяк, который дотронулся до лица и действительно обнаружил на нём характерные неровности!

Вокруг него мигом образовалось пустое пространство. Се Лянь открыл рот, чтобы позвать здоровяка... Но для чего? Чтобы тот нанёс ему смертельный удар?

Слова никак не хотели слетать с языка.

Покуда он колебался, мужчина снова потрогал лицо руками, а потом направился прочь из храма. У Се Ляня вырвалось:

— Куда ты? Вернись! Если не вылечишься, станет хуже!

Но здоровяк вместо того, чтобы вернуться, перешёл на бег и крикнул:

— Я не вернусь! Сказал же, что не стану творить подобное, значит, не стану!

Вскоре его и след простыл. А чудики, окружившие храм, даже не стали его задерживать — видимо, поняли, что он теперь один из них. Се Лянь позвал ещё и ещё, но так и не дозволялся, мужчина ушёл.

Под постаментом поднялись взволнованные разговоры:

— Вот беда, он убежал!

— Дурень! Куда ни беги, болезнь не отступит, уже поздно! Он заразился!

— Он же... не собирается убить кого-нибудь, спустившись с горы?

Однако сказанное уличным артистом возымело действие — ещё довольно долго никто не хватался за меч, чтобы вонзить его в принца. Всё зашло в тупик.

Се Лянь не знал, следует ли ему порадоваться, или же загрустить, или же испугаться. Но что ещё важнее — он не имел ни малейшего понятия, что делать дальше. И как раз старательно размышлял над этим, когда кто-то вышел из толпы со словами:

— Позвольте я кое-что скажу.

Говорил мужчина средних лет. Се Лянь поднял на него глаза и подумал, что где-то уже его видел, но никак не мог вспомнить, где именно. Пока он задумался, мужчина заговорил снова:

— Не стану вам лгать, но он однажды меня ограбил!

Выходит, это тот человек!!!

Толпа опешила:

— Ограбил?

— Но ведь он — наследный принц! Он — божество? Он тебя ограбил?

— Истинно так.

— И что же? Что ты этим хочешь сказать?

— Ничего такого, просто хочу, чтобы все вы знали — он разбойник! — Договорив, мужчина вновь исчез в толпе.

В храме тут же воцарилось молчание. Та фраза будто заронила в сердца людей чёрное семя.

Разбойник...

Неожиданно вновь раздался жуткий крик:

— Моя нога... моя нога... с ней, кажется... что-то странное творится!

Опять?!

На сей раз кричащий оказался не один, почти одновременно заорал ещё кто-то:

— И у меня тоже! На спине! Скорее, посмотрите, что там такое?!

Но никто не смел приблизиться к этим двоим, поэтому один просто закатал штанину, а другой стянул рубаху. Когда же остальные разглядели открывшуюся картину, храм заполнили крики ужаса.

Лики на теле этих людей уже полностью сформировались!

— Почему они выросли так быстро?!

— Вы что, забыли? Мы ведь уже давно тут сидим!

— Но почему они раньше ничего не почувствовали?!

— Они ведь выросли не на виду, просто чесалось немного, и всё! Откуда мне было знать, что там такое?

— Всё кончено. Кончено. Мы, наверное, тоже уже больны?

— Скорее! Осмотрите себя! Все осмотрите своё тело!

В храме воцарился полнейший хаос, люди осматривали себя и начинали неистово кричать от ужаса. Предположение оправдалось! На теле многих уже появились человеческие лики, просто они не ощущали этого, а когда спохватились, лица уже обрели чёткие очертания!

Словно что-то почувствовав, чудики снаружи принялись водить свой хоровод ещё безумнее, а храм заполнили смятение и тревога. Сердце Се Ляня колотилось так быстро, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди через горло.

На его памяти поветрие ликов распространялось не настолько быстро. Что же случилось?

Безликая тварь! Наверняка это он виноват!

Принц резко развернулся к виновнику, который спокойно наблюдал за происходящим кошмаром, но не успел и слова сказать — кто-то в толпе подскочил на ноги и, чуть не задыхаясь, с покрасневшими глазами воскликнул:

— Ты... ты же бог! Ты — наследный принц! Как ты мог пойти на грабёж?

Се Лянь немного растерялся, не понимая, почему он вдруг заговорил об этом в такой момент.

— Я...

Тот человек перебил:

— Мы так тебя превозносили, а ты что сделал? Ограбил человека!
Что ты принёс нам? Страшное поветрие!

Он принёс поветрие?

— Я? — изумился Се Лянь. — Но это не я! Я только...

Но терпение толпы уже подошло к концу.

Около сотни человек, сверкая покрасневшими глазами, окружили принца, а тот, что стоял ближе всех, схватил чёрный меч. Се Лянь вмиг перестал дышать.

Дрожащей рукой сжимая оружие, мужчина дрожащим голосом проговорил:

— Т-ты ведь... должен заплатить за это? Ты должен искупить вину, верно?

Когда в глазах принца отразился холодный блеск клинка, его ужас достиг своего пика.

Так много людей... Если каждый проткнёт его этим мечом, что же от него останется?

Принца посетила не только мысль о том, что его тело превратится в решето, в бесформенную кровавую кашу. Он намного сильнее боялся другого, смутно ощущая, что если они так поступят, то, возможно, что-то в его душе будет навсегда уничтожено.

При мысли об этом у Се Ляня вырвалось:

— Спа...

Однако он так и не успел выкрикнуть «спасите». Ледяной клинок снова вошёл в его плоть. Глаза принца широко распахнулись.

Несравнимо острый меч снова вынули, а потом вонзили ещё раз, следующий желающий спастись не дал принцу даже сделать вдох. Звук, который Се Лянь запер у себя в горле, наконец вырвался наружу, огласив храм душераздирающим криком.

Этот крик был настолько надрывным, что люди, окружившие принца, перепугались. Кто-то, закрыв глаза и отвернувшись, сказал:

— Не давайте ему кричать. Поторапливайтесь, поскорее покончим с этим!

Се Ляню зажали рот, схватили за руки и ноги, а кто-то даже принялся наставлять людей:

— Держите его, чтобы не свалился. И не промахивайтесь! Если удар не смертельный, он не считается!

— Вставайте в очередь, один за другим, не надо отбирать друг у друга меч! Сказал же, не отбирать! Я первый подошёл!

— Какой же удар будет смертельным? Как я узнаю, получилось или нет?

— В общем, вонзайте меч в сердце, горло и живот!

— Если не уверены, что попали куда нужно, вонзите ещё раз для верности!

— Так не годится! Ведь другим места не останется!

Вначале они сомневались, жалели принца, но эта жалость постепенно таяла, пока не исчезла совсем. Их действия стали более смелыми и уверенными. Чёрный меч то и дело врезался в тело принца. Он раскрыл глаза так широко, как только мог, из них покатались крупные слёзы. А в его душе застыл беззвучный крик.

Спасите!

Спасите, спасите, спасите!

Спасите, спасите, спасите, спасите, спасите-спасите-спасите-спасите-спасите-спасите!!!

Больно, больно, больно, больно, больно, больно... Больно, больно, больно, больно, больно, больно-больно-больно-больно-больно-больно-больно-больно-больно-больно-больно-больно-больно-больно-больно!!!

Почему я не умираю?! Почему я не могу умереть?!

Он хотел бы завывать самым отчаянным плачем, на который только был способен, но из горла не шло ни единого звука, только хрип. Наверное, его уже пронзили мечом. От боли принца охватило безумие, словно всю боль, предназначенную ему за несколько жизней, он должен был испытать здесь, сейчас. А после ему уже никогда не будет больно. Он ничего не видел, весь мир погрузился во тьму, и только маленький сгусток огня где-то поблизости горел всё безумнее, всё ярче, всё сильнее. Но только никак не мог вырваться из лап безликого демона.

Се Лянь не слышал своих криков. Зато услышал другой, пронзительный крик, кажется, исходящий от того призрачного огонька. И пусть этот крик слетел не с его губ, принцу показалось, что в нём

ровно столько же боли, сколько он испытывал сейчас, будто бы это и впрямь кричал он сам.

Но к тому моменту принц уже не мог держаться — из горла Се Ляня послышалось бульканье, а потом его сознание окончательно разбилось вдребезги. В тот же миг храм охватила взрывная волна неистово палящего пламени...

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Бесчисленные голоса пронзительными криками заполнили храм. Огонь, подобно карме, несущей воздаяние за грехи, бушующим вихрем пролетел по главному залу. Никому не удалось спастись — призрачное пламя жаркой волной в одно мгновение превратило сотню человек на постаменте и под ним в сотню обожжённых дочерна трупов!

Когда же огонь постепенно угас и отступил, призрачный огонёк исчез, а на его месте сформировалась фигура молодого парня.

Он упал на колени перед выжженным божественным постаментом, сгорбился до земли, обхватил голову руками и издал долгий, протяжный крик неопишемого страдания.

Он не смел даже мельком взглянуть, во что превратился тот, кто лежал сейчас на постаменте перед ним. Потому что... наверняка... уже нельзя было узнать в нём человеческое тело.

В храме наследного принца пол устилала мёртвые тела. Безликий Бай же, смеясь, развернулся и вышел прочь. Территория, обожженная призрачным пламенем, не ограничилась одним только храмом — бешено пляшущие чудики снаружи тоже обернулись обугленными трупами и кучей костей. Но демон, будто и не заметив этого, прошёл прямо по телам.

Весь этот лес... Нет, скорее даже целая гора дрожала и стонала по принцу!

В небеса взметнулись бесчисленные чёрные тени — обитающие здесь души умерших перепугались так, что не могли не разлететься прочь от этого места, а там их подхватил ветер и разнёс по разным сторонам света. Тем временем над храмом наследного принца бесконечным покрывалом сгустились чёрные тучи, которые стали медленно завихряться, подобно огромному глазу демона.

Так небо возвещало рождение тёмной твари, так жестокий и беспощадный демон обретал форму!

Белое бедствие без скорби и радости

Се Лянь не понимал, проснулся он или до сих пор спит.

Если проснулся, то почему не реагирует ни на что вокруг и ничего не помнит? А если спит, то почему его глаза открыты?

Когда сознание принца наконец прояснилось, Безликий Бай уже повесил чёрный меч ему на пояс и поощрительным тоном, словно взрослый — ребёнку, сказал:

— Это мой тебе подарок, — он похлопал меч по рукояти и многозначительно, но мягко произнёс: — Его клинок наверняка острее, чем все мечи, которые ты когда-то собирал и которые тебе дарил Цзюнь У.

Се Лянь позволил ему прицепить меч к своему поясу, не воспротивился и не вымолвил и слова. Поскольку любые попытки сопротивления были бы бесполезны.

Так он и вышел из храма наследного принца — в новом одеянии, с новым драгоценным мечом и будто бы с новым телом.

— Постой, — вновь позвал демон за его спиной.

Се Лянь остановился. Безликий Бай, беззвучно оказавшись рядом, вложил ему в руку белую ленту.

— Ты забыл вот это.

Лента, которой принц скрывал лицо и которой его же впоследствии и связали.

Пошатываясь на ходу, Се Лянь в одиночестве спустился с горы. Стоял белый день, солнце давно взошло, но под его лучами принц совсем не чувствовал тепла.

По пути он увидел звенящий горный ручеёк, прозрачный и живой. Принц остановился на берегу, заглянул в воду и уставился на своё бледное отражение.

Кожа белая и сияющая, без единого шрама. И шея тоже. Значит, ни на груди, ни на животе не осталось больше ран. И всё же, поглядев на себя совсем недолго, Се Лянь отвёл взгляд. Затем зачерпнул несколько пригоршней воды, чтобы омыть лицо и выпить пару глотков. За питьём он вдруг заметил кое-что выше по течению.

Медленно подняв взгляд, Се Лянь увидел недалеко большой камень, а рядом мёртвое тело. Судя по одежде, это был тот здоровяк, уличный артист.

Он даже с горы не спустился — умер по дороге. На камне ярким пятном виднелась кровь, видимо, мужчина убился об него, не вынеся боли или страха. Труп уже начал разлагаться и наполовину сполз в воду, источая зловонный смрад. Он не шевелился, но на его полусгнившем лице всё ещё подёргивались маленькие человеческие лица.

Се Лянь упал на четвереньки возле ручья, его тошнило целый час, так сильно, что пошла кровь.

Спустившись с горы, он долго шёл куда глаза глядят по широкой улице. Внезапно кто-то схватил его за плечо и затащил в переулок. Се Лянь обернулся, но прежде лица увидел кулак, летящий в него.

— Куда ты пропал?! Где ты был все эти дни?!

За кулаком показалось разгневанное лицо Фэн Синя. Се Лянь разглядел его, уже лёжа на земле, повалившись от удара.

Но Фэн Синь, похоже, и сам не ожидал, что так легко собьёт принца с ног. Он посмотрел на свой кулак, потом на Се Ляня и застыл, не успев помочь принцу подняться — тот встал с земли сам. Фэн Синь переменялся в лице, но его гнев так и не угас.

— Поглядите, какой вспылчивый! — закричал он. — Сказали ему слово, и убежал прочь, два месяца не появлялся! Да ты хоть представляешь, как о тебе волновались Их Величества?!

Се Лянь стёр кровь, пошедшую из носа от удара.

— Прости.

Наблюдая, как принц только сильнее размазал грязь с кровью, Фэн Синь тяжело вздохнул.

— Ваше Высочество! Забудь об извинениях, между нами это слово не имеет никакого смысла. Но ты же... Что с тобой творится? Где ты был так долго? Неужели существуют проблемы, которыми нельзя поделиться со мной? — Он заметил на поясе Се Ляня оружие. — Где ты взял этот меч?

Се Лянь хотел ему рассказать. Но, вспомнив ссору, возникшую между ними ранее, сомнение на лице Фэн Синя, а ещё тот кошмар, который он пережил и не хотел больше никогда вспоминать, принц лишь повторил:

— Прости.

Они вернулись в хижину, где прятались родители принца. Государыня сразу обняла сына и разрыдалась, а его отец, кажется, ещё

сильнее постарел — раньше среди чёрных волос виднелись белые, теперь же среди белых едва проглядывали чёрные. Впрочем, он не стал гневаться, только сказал пару фраз и снова замолчал. Наверное, боялся, что Се Лянь снова разволнуется и сбежит на полмесяца. Все трое теперь старались быть осторожнее в речах и действиях.

— Фэн Синь, — после простенькой трапезы Се Лянь снял с пояса меч и протянул тому. — Возьми его и заложит.

Фэн Синь видел, как дрожит рука принца, держащая меч, однако не понял, почему.

— Зачем ты мне его отдаёшь?

— Тебе ведь нужны были деньги.

На лице Фэн Синя промелькнула печаль, однако он покачал головой:

— Больше не нужны.

Тогда Се Лянь не стал настаивать, просто забросил меч в сторону и лёг спать.

Возвратившись на этот раз, принц вёл себя, как будто ничего не случилось, надеясь поскорее вернуться к своему прежнему привычному состоянию. Вскоре они с Фэн Сином вновь решили вместе заняться уличными представлениями.

Сначала Фэн Синю не очень понравилась эта затея:

— Не нужно, лучше отдохни ещё пару дней.

— Я отдыхаю уже пару месяцев, — возразил Се Лянь. — Если те артисты снова явятся чинить нам неприятности, вдвоём будет легче справиться с ними.

— Они уже давно не приходили.

Но вовсе не потому, что их лидер погиб, а потому, что Фэн Синь стал среди них своим. Вначале его представления привлекали людей новизной, но со временем к нему стали относиться так же, как и к остальным. Фэн Синь потерял преимущество, для других артистов больше не представлял угрозы, и те перестали его прогонять. Всё равно зарабатывали все примерно одинаково.

Поэтому, как бы старательно Фэн Синь ни стрелял из лука, каким бы поразительным ни было его мастерство, зрителей заметно поубавилось, а значит, и денег тоже. Теперь он не собирал и десятой части от прежнего навару. Протрудившись полдня, Фэн Синь весь вспотел от усталости и сел на обочину передохнуть.

— Давай я тебя заменю, — предложил Се Лянь.

— Может, не стоит?

Но Се Лянь уже вышел вперёд. Зрители сразу оживились, увидев кого-то новенького:

— И каким же мастерством владеет этот юноша?

Се Лянь вместо ответа подобрал с земли ветку и, не обращая ни на кого внимания, начал фехтовать ею на манер меча. Его искусство фехтования было превосходным, и воздух свистел от ударов, словно от настоящего клинка, поэтому из толпы слышались одобрителльные возгласы. Фэн Синь же посмотрел на представление с необъяснимым выражением лица, а потом и вовсе отвернулся.

Ну а Се Лянь больше не чувствовал ни стыда, ни тяжести на душе, продолжая старательно демонстрировать своё искусство. И вдруг из толпы слышался возглас:

— Ужасно, ужасно! Просто кошмарно! Кому охота смотреть, как ты тычешь своей палкой хрен знает куда?

Фэн Синь вскочил на ноги с криком:

— А ну попрдержи свой грязный язык!

Се Лянь остановился и повернулся на голос, увидев в толпе мужчину, жующего арбуз и сплёвывающего семечки. Явно какой-то праздный зевака.

— Я пришёл представления смотреть! — ответил тот Фэн Синю.
— Что хочу, то и говорю! Или ты, попрошайка, будешь указывать нам, благодетелям, что делать? Вынимай настоящий меч! Тогда я, твой господин, может, и подумаю, подкинуть ли тебе денег!

Остальные поддержали зеваку одобрителльными криками. Фэн Синь так разгневался, что вознамерился проучить наглеца, однако перед ним мелькнула белая фигура — Се Лянь первым оказался возле того человека, схватил за горло и подбросил высоко в воздух.

Силу принц приложил немалую, мужчина подлетел на несколько чжанов, уронив арбузную корку, а люди вокруг пораскрывали рты от неожиданности. Потом зевака тяжело упал на землю и громко заорал, из его глаз, носа, рта и ушей хлынула кровь. Но Се Лянь на этом не остановился, он снова схватил беднягу за грудки и совершенно спокойно произнёс:

— Настоящего меча у меня нет, но могу предложить посмотреть на настоящую смерть!

От испуга люди бросились врассыпную с криками:

— На помощь! Спасите! Убивают!

Фэн Синь поразился сильнее всех:

— Ваше Высочество!!!

Принц его даже не слышал, он собирался ещё разок подкинуть наглеца на пару чжанов, чтобы тот грохнулся о землю. Но Фэн Синь подоспел, чтобы удержать его от этого поступка.

— Ваше Высочество!!! — Он даже позабыл о том, что принцу нужно скрывать истинную личность. — Очнись! Ты ведь убьёшь его!!!

В зрачках Се Ляня безумно полыхал чёрный огонь. Он отбросил руку Фэн Синя и вбил несчастного зеваку в землю. Тот вытянул ноги и больше не двигался. Фэн Синь подбежал было проверить, дышит ли он, но услышал, как на другом конце улицы кто-то, надрывая глотку, кричит:

— Вот они! Вон там!

Плохи дела! Сюда идут солдаты Юньань!

Фэн Синь бросился было бежать, но заметил, что Се Лянь даже не подумал сдвинуться с места, глядя в сторону отряда солдат и словно намереваясь затеять с ними драку. Потянув принца за собой, Фэн Синь крикнул:

— Чего ты встал? Бежим!

Скрываясь и прячась, им удалось-таки сбежать и добраться до укрытия. Только они вошли в дом, Фэн Синь накинулся на принца прямо в присутствии государыни:

— Как ты мог такое учинить?!

Прежде Фэн Синь ни за что не посмел бы вести себя подобным образом на глазах у Их Величеств. Но с течением времени, пока они жили вместе, многое изменилось.

— Идите в комнату, — сказал Се Лянь матери.

Женщина залепетала:

— Мой сын, что у вас...

— Идите в комнату! — повторил Се Лянь.

Государыня хотела расспросить, но не решилась перечить и послушалась.

Се Лянь же снова повернулся к Фэн Синю:

— Что я такого сделал?

— Ты едва не убил его! — в гневе заявил Фэн Синь.

Но Се Лянь возразил:

— Он ведь не умер. И вообще — ну убил бы, и что с того?

Фэн Синь был потрясён.

— Что ты сказал? Что значит — «убил бы, и что с того»?

— Кто же заставлял этого простолюдина нарываться? Он хотел помереть — я бы исполнил его пожелание. Что не так?

Совершенно поражённый услышанным, Фэн Синь заговорил лишь после долгого молчания:

— Он... повёл себя неправильно. Но ведь не до такой степени, чтобы убивать его? Ударил бы раз — и хватит с него. Неужели он заслуживает смерти из-за одной фразы?

Се Лянь перебил:

— Да. Раз посмел такое говорить, значит, должен заплатить за свои слова.

Не веря своим ушам, Фэн Синь произнёс:

— Как ты можешь такое говорить?

— Что именно?

— Раньше ты бы не назвал человека «простолюдином». Я никогда не слышал от тебя этого слова.

— Что ты хочешь этим сказать? Я ведь не божество. Мне что, нельзя злиться? Мне запрещено ненавидеть?

Фэн Синь чуть не подавился, услышав такое, а потом с трудом выдавил:

— Я не это имел в виду. Но всё же не стоило...

Се Лянь, не желая больше ни слушать, ни говорить, ушёл в комнату и с грохотом захлопнул дверь. Едва дверь закрылась, принц громко вскрикнул и повалился на кровать.

Он обманывал себя и других! Вне всяких сомнений! Что бы он ни делал, не мог притвориться, что ничего не случилось. И не мог больше стать таким, каким был когда-то!!!

Вечером в дверь комнаты кто-то постучался. Се Лянь решил, что это Фэн Синь, и промолчал. Но потом услышал голос государыни:

— Мой сын, это твоя матушка. Позволь мне войти поглядеть на тебя?

Се Лянь не хотел шевелиться. Но, полежав ещё немного, всё-таки поднялся и открыл дверь.

— Что вам нужно? — утомлённо спросил он.

Государыня стояла на пороге с тарелками в руках.

— Мой сын, ты ведь голоден?

Се Лянь, глядя на неё, с большим трудом, но всё же проглотил подступившие к горлу слова «как бы голоден я ни был, а твою стряпню есть не стану». Он пропустил матушку в комнату.

Поставив тарелки на стол, женщина сказала:

— Посмотри сюда.

Бросив взгляд на блюда, Се Лянь едва не рассмеялся от накотившей злости.

— Что это такое?

Государыня, словно поднося драгоценный дар, объяснила:

— Посмотри, это — фрикадельки Однокрылых птиц^[298], а это — похлёбка Прекрасных цветов и полной луны^[299]...

Однокрылые птицы скорее походили на чей-то двухголовый труп, а Прекрасные цветы и полная луна напоминали нечто бесформенное и комкообразное. Се Ляню пришлось перебить:

— Вы ещё и придумываете этому названия?

— Но ведь любое блюдо должно носить название.

— Это относится только к императорской кухне во дворцах.

Обычные люди не дают названия кушаньям.

«Во дворцах», «императорская кухня», «обычные люди».

Помолчав, государыня улыбнулась:

— Но ведь нет такого правила, что лишь во дворцах дают названия блюдам. Пусть это будет нам на счастье. Ну же, попробуй. Матушка потратила уйму времени, чтобы приготовить их для тебя. — Она протянула сыну палочки.

Но Се Лянь не улыбнулся в ответ. И палочки не принял.

Государыня ещё немного посидела, улыбаясь, но потом её улыбка померкла.

— Мой сын...

— Что? — отозвался Се Лянь.

— Почему вы опять поругались с Фэн Синем?

Се Лянь не хотел объяснять, и сил на разговоры у него не было.

— Просто оставайтесь дома, и всё. Вам не нужно из-за этого переживать.

Поколебавшись, государыня сказала:

— Знаю, наверное, мне не стоит упоминать, но... Пока тебя не было, Фэн Синь, это доброе дитя, всё время заботился о нас...

— Матушка, что же вы хотите сказать?

— Мой сын, не сердись, — торопливо ответила женщина. — Я не хочу тебя обвинять. Правда, не хочу. Знаю, тебе очень тяжело. Просто... Фэн Синь всё время следует за нами, за тобой, и ему тоже нелегко. Я чувствую, что ему не то чтобы не хотелось всё бросить, но он оставался с нами до сих пор только из-за ваших добрых отношений...

Тут Се Лянь вдруг вскочил.

— А кому же легко? Может, мне легко?! Матушка, не спрашивайте, прошу вас! Если не понимаете, то не надо вмешиваться, хорошо?

Принц выбежал из комнаты, и государыня в панике бросилась за ним.

— Мой сын, куда же ты? Я ничего не скажу, матушка больше ничего не скажет! Вернись!

Се Лянь резко бросил:

— Я знаю! Нам всем нелегко, но вы не волнуйтесь! Я прямо сейчас пойду и сделаю так, что нам станет легче!!!

Государыне было не угнаться за ним, очень скоро она отстала. Только к вечеру Се Лянь вернулся, неся с собой несколько мешков. Он переступил порог и увидел, что никто в доме не спит, все ждут его с очень мрачными лицами.

Закрывая за собой дверь, принц спросил:

— Что это с вами?

Похоже, государь уже отругал жену — у неё до сих пор краснели глаза. Но увидев сына, она с облегчением вздохнула и вымученно, но радостно улыбнулась.

— Мой сын, ты вернулся! Впредь я больше не стану спрашивать лишнего, только не надо так внезапно уходить, не сказав ни слова. Матушка во всём послушается тебя...

Они боялись. Боялись, что он уйдёт, и они снова не увидят его два месяца. Но Се Лянь заверил:

— Не придумывайте. Я не собирался уходить. Отправляйтесь спать.

Когда государь с государыней ушли в свою комнату, Фэн Синь, помолчав, заговорил:

— Даже если спрошу, где ты был, ты ведь всё равно не скажешь, так?

Се Лянь вместо ответа бросил на пол мешки, которые принёс. От них раздался звон металла.

— Что это? — изумился Фэн Синь.

Развязав мешки, Се Лянь перевернул их и высыпал на пол гору золотой и серебряной утвари, ярким светом едва не озарило весь дом. Фэн Синь тут же вскочил на ноги:

— Где... где ты всё это раздобыл?!

Се Лянь, не поднимая головы, присел и стал подсчитывать содержимое мешков, отвечая:

— Не надо так кричать. Просто прошёлся по домам городских богачей, вот и всё. Не волнуйся. Никто меня не видел.

Глаза Фэн Синя округлились

— Ты!.. — Тут он вспомнил, что за стеной находятся государь с государыней, и понизил голос: — Ты это украл?!

— Не надо так на меня смотреть. Нам всем сейчас нелегко. Но с этим будет легче.

— Но ты же не можешь заниматься воровством?! Мы ведь способны зарабатывать уличными представлениями!

— Сколько денег ты зарабатываешь в день, в поте лица продавая своё искусство на улицах?

Фэн Синь отшатнулся на два шага. Се Лянь впервые видел на его лице такое выражение — словно тот вот-вот лишится чувств.

С огромным трудом Фэн Синь всё же устоял на ногах. Убедившись, что ему это всё не померещилось, он пробормотал:

— Что же... что с тобой случилось? Почему ты стал таким?

Подняв голову, Се Лянь переспросил:

— Каким?

— Я не собираюсь тебе объяснять! — в гневе выпалил Фэн Синь. — Сам посмотри, какой ты! О случае с ограблением я уж спрашивать не стану, но зачем ты пошёл ещё дальше?!

— Так и думал, — язвительно усмехнулся Се Лянь.

— Что ты «так и думал»?

Се Лянь поднялся с пола.

— Так и думал, что ты всё не можешь забыть о том случае. Хочешь меня расспросить, но не находишь слов, верно? Ты, должно быть, придумал себе сотни вариантов, как всё произошло. Нечего выдумывать. Я тебе скажу. — Он шаг за шагом приблизился к Фэн Синю. — Это правда. Я совершил грабёж.

Фэн Синь так же шаг за шагом отступал.

— Ты... — Но потом шагнул вперёд и тихо, но сердито высказался: — Мы ведём такую тяжёлую жизнь, но ради чего?! Если бы ты хотел заниматься подобным, мы бы давно уже пошли на это, ни к чему было страдать до сего дня! Но что теперь толку от этого?! Ты же просто сводишь на нет все прежние усилия! Ты всё ещё тот Его Высочество, каким был когда-то?!

— Да, к чему было страдать до сего дня?

Фэн Синь застыл в потрясении. Се Лянь же продолжил:

— Каким я был когда-то? Не отвечал на оскорбления? Не бил тех, кто меня ударил? Переоценивал свои силы? Хотел помогать всем, кто попал в беду? Что это такое вообще? Не совершеннейшая ли глупость? Считаешь, быть таким глупцом — хорошо? Думаешь, я должен быть таким «собой»? Ну а если я не буду таким, для тебя это станет страшным ударом, так?

— Ты с ума сошёл? — изумился Фэн Синь. — Зачем ты такое говоришь?

— Ошибаешься. Я не сошёл с ума. Просто вдруг прозрел. И понял, что именно тот, прежний «я» был безумцем.

Фэн Синь, запинаясь, проговорил:

— Как ты можешь так говорить? Когда ты стал таким? Я... я правда не понимаю... почему я... ради чего я следовал за тобой...

— Ну так перестань за мной следовать.

— Что? — Фэн Синь не сразу понял смысл его слов.

— Я сказал: перестань за мной следовать.

Договорив, принц хлопнул дверью своей комнаты.

Только спустя четыре часа он услышал снаружи какой-то шорох, а затем тихие голоса.

Похоже, Фэн Синь прощался с государем и государыней. Сам он говорил очень тихо, в голосе государыни слышались слёзы, а государь почти ничего не сказал, больше кашлял. Вскоре открылась и закрылась дверь дома, голос Фэн Синя стих, шаги исчезли вдалеке.

Он ушёл.

Запершись в комнате, Се Лянь долго сидел с непроницаемым лицом. Потом закрыл глаза.

Всё-таки ушёл.

С того самого дня, когда Му Цин покинул их, Се Лянь боялся этого: что однажды Фэн Синь тоже уйдёт.

Но страх был настолько велик, что сегодня Се Лянь не смог больше выдерживать этой пытки. И вместо того, чтобы тянуть и тянуть, словно ножом срезая по кусочку благодарность и дружеские чувства между ними, что в итоге приведёт к ненависти и полному отвращению... Лучше как можно раньше разорвать отношения, вот так — в один момент!

Прежде чем Фэн Синь ушёл, принц боялся. Но после страх исчез без остатка.

Вот только на смену страху пришла боль.

Сначала Се Лянь берёт в сердце надежду на то, что Фэн Синь останется, несмотря ни на что — даже зная, что принц совершил то, чего не должен был, даже видя, каким отвратительным человеком тот стал. Всё-таки с тех самых пор как принц в четырнадцать лет выбрал Фэн Синя своим личным слугой и телохранителем, они практически не разлучались, Фэн Синь следовал за Се Лянем словно тень. Да, они были хозяином и слугой, но в гораздо большей степени — друзьями. И кроме Се Ляня у Фэн Синя не было никого, о ком нужно заботиться. Разве что ещё родители принца заодно.

Но... Фэн Синь и правда ушёл.

Се Лянь догадывался, что так произойдёт. И прекрасно понимал, почему. Но всё-таки пока ещё не мог принять.

— Мой сын, прости! — вдруг послышался за дверью голос государыни.

Се Лянь поднялся с кровати, открыл дверь, вышел и утомлённо сказал:

— Вашей вины тут нет.

Отец и матушка сидели за старым покосившимся столом.

— Мы с твоим отцом стали тебе обузой, из-за нас ты пошёл на плохие поступки, и вы с Фэн Сином поссорились.

Се Лянь вымученно улыбнулся:

— Что в этом плохого? Разве народные легенды не пестрят сказаниями о благородных героях, что отбирают деньги у богатых и раздают бедным? Фэн Синь ушёл, ну и пусть. Замечательно. Без него даже легче. Нам обоим легче. Сначала вы должны поправиться, а потом уже думать об остальном. Завтра сможем купить лучшие снадобья.

Государь, гневно уставившись на сына, бросил:

— Мне не нужны эти деньги.

Государыня попыталась незаметно одёрнуть мужа.

— И что же ты предлагаешь? — спросил принц.

Откашлявшись, государь ответил:

— Ты... должен вернуть Фэн Синя. Мы не возьмём эти деньги.

Несмотря на то, что государыня пыталась утихомирить мужа, и она сказала:

— Да! Ты должен вернуть Фэн Синя. Он ведь твой самый преданный слуга и твой друг...

— Нет никаких преданных слуг. У нас есть деньги, и мы их потратим. Об остальном не спрашивайте. Я уже сказал, вы ничего не понимаете.

Воцарилось долгое молчание, но потом государыня повторила:

— Мой сын, прости! Мы с отцом видим, что тебе приходится тяжело, но мы лишь простые смертные и не способны тебе помочь. Это тебе приходится заботиться о нас.

У Се Ляня не было сил спорить с ними, он мимоходом бросил пару утешительных фраз и вернулся в комнату. Чтобы прийти немного в себя, он снял ленту и одежду и кое-как помылся в бочке, потом упал на кровать и сразу уснул. Проспав до утра, он подумал, ещё сонный: «Почему Фэн Синь не разбудил меня?»

Только спустя какое-то время он вспомнил, что Фэн Синь ушёл.

Се Лянь перевернулся и сел, посидел немного, глядя в никуда, и припомнил ещё кое-что.

Пускай Фэн Синь ушёл, но где же его родители? Почему они не вошли в комнату, чтобы разбудить его?

Обычно в это время уже слышался кашель отца, который не стихал до вечера. Но сегодня было непривычно тихо.

Почему-то Се Ляню стало беспокойно на душе. Он оделся, поднялся с кровати, пошарил рукой, но не нашёл своей ленты, которой

скрывал лицо, поэтому толкнул дверь соседней комнаты со словами:

— Матушка, вы не видели мою...

Но стоило двери открыться, и его зрачки сузились до маленьких точек.

Он нашёл свою ленту.

Лента была перекинута через потолочную балку, а на ней висели два неподвижных тела. Уже холодные.

Его отец и мать.

Се Лянь решил, что всё ещё спит. Покачиваясь, он с трудом ухватился за стену, но не устоял — съехал по ней на пол.

Сидя на полу, он закрыл лицо руками. Ему вдруг стало трудно дышать, он заплакал сквозь смех, засмеялся сквозь слёзы.

— Я, я, я, я... — Повторив много раз «я», говоря неизвестно с кем, он продолжал: — Нет, это не правда. Я, стойте, я же, нет, я...

В конце концов он не смог выдать из себя больше ни слова, развернулся к стене, громко вскрикнул и с силой ударился головой пару десятков раз.

Он должен был догадаться. Его отец — такой упрямый и закостенелый, консервативный правитель, а мать — женщина, которая не может выносить, как страдают родные, при этом страдающая ради них... Оба — представители знати, с детства утопавшие в роскоши. Невероятное чудо, что они вообще смогли продержаться до сего дня.

Се Лянь ударился о стену головой уже несколько сотен раз и пробормотал:

— Фэн Синь, моих родителей больше нет.

Никто не слышал его.

Тут он вспомнил наконец, что нужно снять тела родителей с ленты. Закончив с этим, Се Лянь обнаружил, что ему, кажется, больше нечем заняться, — он прошёлся по комнате и увидел несколько тарелок холодных и ужасно некрасивых блюд, которые он вчера не стал есть и велел матери унести. Теперь принц невольно потянулся к еде и съел всё без остатка, боясь оставить хоть рисинку. Потом его снова затошнило.

И вдруг он вскочил, снова перекинул белую ленту через балку и просунул в получившуюся петлю голову.

Удушье накатывало волна за волной, однако принц всё время оставался в сознании. Глаза налились кровью, шейные позвонки

громко хрустнули, но он всё ещё оставался в сознании! Он так и висел под потолком, а потом по неизвестной причине белая лента вдруг ослабла сама по себе, и Се Лянь тяжело грохнулся на пол. Голова закружилась, перед глазами всё поплыло, но принц всё же увидел, что лента шевелится без ветра, словно ядовитая змея, медленно скручиваясь кольцами.

Она обзавелась собственной душой!

Затронутая магической силой, окроплённая кровью принца, задушившая двоих членов императорского рода... Если бы затея Се Ляня удалась, жертв стало бы три. Да не обернись эта лента, наполненная такой тёмной энергией и такой затаённой злобой, оборотнем — было бы поистине удивительно!

Только что появившийся на свет маленький оборотень-лента, разумеется, несколько не осознавал, в каких жутких обстоятельствах обрёл душу. Лента принялась радостно ползать вокруг человека, даровавшего ей жизнь, словно в ожидании ласки, но Се Лянь совершенно не обращал на неё внимания. Схватившись за голову, он закричал:

— Кто-нибудь! Кто-нибудь, убейте меня!!!

Он мечтал сейчас лишь об одном — чтобы кто-нибудь появился и отнял его жизнь, помог ему избавиться от этих бесконечных страданий и боли!

Именно в тот момент издали донёсся звон, от которого содрогнулись небеса. Се Лянь тяжело задышал, его глаза налились кровью, в голове пронеслось: «Кто это? Что это такое?»

Какая-то сила заставила его подняться. Пошатываясь и спотыкаясь, принц отправился на звук. Он шёл очень долго, пока наконец не увидел, что это звуки празднования: — установилась власть новой династии, выбрана столица государства Юньань, построен новый императорский дворец.

Всеобщее торжество! И бывшие жители государства Сяньлэ сейчас ликовали за становление государства Юньань. На улицах все прохожие улыбались так ослепительно, так знакомо... Се Лянь вспомнил, как радовались жители императорской столицы Сяньлэ тогда, на Праздник фонарей, в день торжественного шествия.

Се Лянь вернулся к дому, точно так же пошатываясь и спотыкаясь, где безвольно осел на пол.

Почему он должен слушать радостные возгласы «народа Юньань», когда у его ног лежат трупы государя-отца и государыни-матушки Сяньлэ?

Се Лянь зарылся лицом в ладони, заплакал и рассмеялся. Только и слышно было — «ха-ха-ха-ха», «у-у-у-у».

Он ещё долго так сидел, а потом, посмеиваясь, произнёс:

— Ну уж нет.

В его голове всплыли слова: «Поветрие ликов — это ненависть... Чтобы создать поветрие, нужно...»

В глазах принца мелькнул зловещий и жестокий блеск, он вдруг понизил голос:

— Даже не мечтайте, что заживёте в мире и покое.

Теперь лицо принца не то плакало, не то смеялось, не то радовалось, не то скорбело. Он медленно поднялся, держась за стену, и сказал такие слова:

— Юньань. Это значит «вечный покой»? Размечтались. Не видать вам покоя во веки веков! Я... проклинаяю вас. Я вас проклинаяю!!! Я хочу, чтобы вы все сдохли, все до одного!!! Ха-ха, ха-ха, ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!

Не переставая смеяться, Се Лянь было ураганом вылетел из дома, но вдруг застыл, пролетая мимо зеркала, и резко обернулся!

В отражении он увидел совершенно иной собственный облик. На нём было не белое монашеское одеяние, застиранное до дыр, а белоснежный погребальный халат с широкими рукавами. А вместо своего лица принц увидел наполовину плачущую, наполовину смеющуюся маску Скорби и радости!

Прежде, увидев подобное в зеркале, Се Лянь завопил бы от испуга. Но теперь он нисколько не испугался. Будто ничего страшного не произошло, он, безумно хохоча и шатаясь набегу, вылетел прочь, едва не выбив дверь.

Императорская столица Сяньлэ обернулась руинами.

Неподалёку всё ещё оставались дома чудом выживших жителей Сяньлэ и беженцев, которым некуда было вернуться. И хотя после

заражения поветрием ликов и гибели столицы по некогда роскошным улицам императорского города летал холодный зловещий ветер, от которого тряслись поджилки, сегодня здесь почему-то было особенно жутко. Даже несколько попрошайек в лохмотьях разбежались кто куда, набегу поглядывая на небо. Люди чувствовали, будто вот-вот произойдёт нечто страшное, и потому нужно поскорее уносить ноги.

Перед разрушенными воротами бывшей столицы раскинулось поле битвы. Обычно сюда никто не решался приходить, но сейчас какой-то старый монах бегал по полю, собирая растерянные блуждающие души и пряча их в свой мешок, чтобы сделать фонарики на продажу. За этим занятием старик вдруг заметил, что на краю поля битвы появился странный незнакомец в белом одеянии.

Поистине странный и жуткий. В траурном облачении с широкими рукавами и белой лентой, привязанной к запястью и летящей по ветру, но словно обладающей собственной душой. А на лице незнакомца была мертвенно-бледная маска, наполовину плачущая, наполовину смеющаяся.

Старика бросило в дрожь от ужаса, и ещё до того, как он понял, почему нужно поскорее бежать отсюда, ноги сами понесли его прочь. От ощущения, что сейчас произойдёт нечто страшное, старик остановился и обернулся.

Ни слова не говоря, белая фигура неспешным шагом прошествовала по полю битвы против резкого ветра. Под его ногами хрустели кости погибших солдат.

Здесь стенали и мучились бесчисленные души умерших. Даже воздух вокруг окрасился в чёрный цвет от их затаённой злобы.

Незнакомец в белом ледяным тоном спросил:

— Вы ненавидите?

Души отозвались стоном. Тогда он прошёл ещё несколько шагов и продолжил:

— Люди, защищая которых вы погибли, теперь считают себя народом нового государства. Вы ненавидите их?

Стенания душ умерших превратились в пронзительные завывания.

Он медленно добавил:

— Они позабыли о вас, погибших в сражении, позабыли о вашей жертве, а теперь ликуют в честь тех, кто забрал ваши жизни. Вы

ненавидите их?

Вой обернулся оглушительным рёвом.

Незнакомец воскликнул:

— Но какой толк от одних лишь криков, ответьте мне, вы их ненавидите?!

Над целым полем битвы эхом поднялись голоса, полные ненависти и боли:

— Ненавидим!

— Как сильно ненавидим!..

— Убить... Я хочу убить их!!!

Незнакомец раскрыл объятия, протягивая руки к ним:

— Летите ко мне. — И добавил, чеканя по слову: — Я клянусь: жители Юньань вовек не познают покоя!

Под бешеные крики, стенания и рёв, от которых содрогались небеса, души солдат Сяньлэ и призраки жителей столицы, погибших из-за поветрия ликов, вторили друг другу, откликаясь на зов, и обретали форму чёрного тумана, что поглощал всё на своём пути!

Старый монах, наблюдавший издали, видел всё это своими глазами, в страхе повторяя:

— Это же... это же...!!!

В один миг в его сознании возникли слова:

Белое бедствие!

А тем временем незнакомец в белых одеждах услышал позади себя молодой голос:

— Ваше Высочество...

Он обернулся. В какой-то момент за его спиной возник юноша в чёрном облачении воина, который сейчас стоял перед принцем на одном колене, покорно склонив голову.

Демон в белых одеждах избрал в генералы воина в чёрном

Лишь по голосу и телосложению угадывалось, что перед ним «юноша».

Молодой человек в опрятном воинском одеянии выглядел довольно рослым, однако всё ещё походил на «молодой бамбук», не растерял некой юношеской незрелости. В тон наряду, волосы цвета чернил юноша забрал в хвост. На его поясе висела длинная сабля.

Юноша медленно поднял голову, и на его лице принц увидел белоснежную маску, а на маске — кривую улыбку.

Чёрная Ци, сформировавшаяся под визг и крики душ, клубами скрылась в бездонном пространстве рукавов незнакомца в белом, вся без остатка, будто целую реку заковали в нефритовый бутылёк. Среди порывов безумного чёрного ветра юноша не пошевелился.

— Кого ты только что позвал? — спросил незнакомец в белом.

Юноша, не поднимаясь с колена, словно подчиняясь или собираясь принести клятву, ответил:

— Я звал вас, Ваше Высочество наследный принц.

Тот ледяным тоном бросил:

— Я не наследный принц.

— Это вы, — возразил юноша. — Я никогда не забуду ваш голос и фигуру.

Тогда в словах незнакомца послышался гнев:

— Я же сказал, это не я.

Но это, разумеется, был Се Лянь. В погребальном облачении и с маской Скорби и радости на лице.

Пока его лицо пряталось за маской, никто не смог бы узнать его, и принц не желал, чтобы его узнали. Однако этот воин в чёрном, бродивший по полю битвы, сразу же назвал его титул.

Из широкого рукава Се Ляня броском ядовитой змеи вылетела белая лента, что свернулась у него на запястье. Она могла показаться лёгкой и мягкой, но в момент атаки становилась опасной, преисполняясь тёмной Ци. Казалось, юноша в чёрном вот-вот окажется связан, однако он вскинул руку и крепко схватил ленту.

Привязанная одним концом к запястью Се Ляня, а другим к запястью юноши, лента натянулась. Она, возможно, и хотела бы высвободиться, но юноша этот крепко-крепко держал её, как змею сжимают ровно в том месте, где бьётся сердце. А от руки его непрерывно исходили струйки холодной Ци.

Вне всяких сомнений, он — душа погибшего воина.

К тому же, обладающая невероятной силой!

Даже через белую ленту ощутив силу, недооценить которую чревато, Се Лянь спросил:

— Как тебя зовут?

Юноша мгновение безмолвствовал, затем ответил:

— У меня нет имени.

Принц не стал задавать больше вопросов.

— Раз нет имени, значит, буду звать тебя Умин^[300].

— Вы можете называть меня так, как пожелаете.

— Ты — душа воина, погибшего на этом поле брани?

— Да.

Тогда Се Лянь наконец опустил руку, и белая лента вновь свернулась у него на запястье, издали угрожающе покачивая концом в сторону юноши, будто ядовитая змея, готовая в любой момент напасть снова.

Если это душа погибшего на поле битвы, тогда понятно, почему он отозвался. Воин в чёрном наверняка тоже полон ненависти к «народу Юньвань». Другими словами, принц может повелевать им. Поскольку цель у них одна.

Так что Се Лянь сказал:

— В таком случае, следуй за мной, — он протянул руку воину в чёрном. — И я позволю тебе получить то, чего ты хочешь.

Юноша тоже носил маску, и принц не мог угадать его реакцию. Они оба не видели лица друг друга.

Однако после недолгого молчания тот всё же без колебаний взялся за протянутую Се Лянем руку, склонился ниже и коснулся ледяным лбом тыльной стороны ладони принца.

Затем мрачно и уверенно произнёс:

— Клянусь до самой смерти следовать за Вашим Высочеством.

Се Лянь отнял руку, спрятал в рукаве, развернулся и равнодушно бросил:

— Ты уже мёртв. Идём.

Воин поднялся, а Се Лянь, обернувшись, подметил, что тот ещё более рослый, чем он представлял. Около семнадцати лет, но при этом такой высокий... Выше самого принца. Впрочем, это не имело никакого значения, Се Лянь сразу отвернулся и продолжил идти.

Он пошёл впереди, а безымянный воин последовал за ним, как и обещал.

— Ваше Высочество, куда вы направляетесь?

Се Лянь устремил взгляд вдаль и ответил:

— В императорский дворец Юньвань.

Дворец построили в другом крупном городе на западе страны. Раньше это тоже был процветающий город, но всё же не настолько богатый, как восточная столица Сяньлэ. А когда прежняя столица пала жертвой поветрия, новый государь решил перенести свою резиденцию туда. Пройдёт совсем немного времени, и новая столица своим блеском затмит славу старой.

Се Лянь прибыл туда глубокой ночью. В свете луны он, подобно белому коту, бесшумно перепрыгивал с одного конька на другой, передвигаясь по бесчисленным крышам города. Ну а воин, словно чёрный лис-оборотень, неотрывно следовал за ним по пятам. Вскоре оба оказались перед высокими воротами.

Почувствовав от врат скрытую угрозу, Се Лянь остановился. Он хотел было дотронуться до них, чтобы понять, в чём дело, но воин в чёрном опередил принца — заслонил собой, нанёс удар раскрытой ладонью и тихо произнёс:

— Гори!

Сквозь щель между воротами сверкнула вспышка огня, словно что-то сгорело. Затем воин в чёрном сам толкнул створку ворот и пригласил:

— Ваше Высочество.

Се Лянь переступил порог и посмотрел под ноги. Как он и ожидал, землю усыпали сожжённые обрывки. Подняв один, принц почувствовал запах душистых трав и бумаги, на которой рисуют магические талисманы. Он бросил взгляд на своего спутника.

Этот демон действительно оказался очень силён.

Сожжённые обрывки говорили о том, что кто-то установил на воротах защитное поле, и к тому же весьма мощное. Обычные мелкие демоны, пожелай они пробиться через ворота или пройти сквозь них, наверняка оказались бы сожжены без остатка. Но этот демон в одно мгновение начисто избавился от угрозы.

Неизвестно, был ли совсем недавний перенос столицы тому причиной, но императорский дворец Юньань совсем не выглядел роскошным, даже наоборот, казался несколько убогим и не шёл ни в какое сравнение с дворцом Сяньлэ. А, впрочем, ничего удивительного в этом не было. Удивительно другое — по дороге они столкнулись с множеством препятствий: с магическими ограждениями и ловушками, созданными при помощи всевозможных артефактов,

отгоняющих нечисть. Однако каждый раз, когда Се Лянь чувствовал впереди нечто, преградившее путь, воин в чёрном всегда успевал уничтожить препятствие раньше самого принца, расчищая ему дорогу. Так что, можно считать, Се Ляня ничто не сдерживало.

Прошёл час — и вот две стройные фигуры стоят на коньке крыши главного здания дворца Юнъань, взирая вниз.

Обе фигуры носили маски. Белая — с развевающимися широкими рукавами и белой лентой, пляшущей на ветру. Чёрная — аккуратная и простая, с длинной саблей на поясе. Воин в чёрном стоял возле человека в белом, словно его защитник, и взирал в ту же сторону, что и его господин. Под лунным сиянием эта картина выглядела бесконечно странно и жутко, но в то же время — гармонично.

Новый государь династии Юнъань жил в этом дворце.

— Он установил вокруг себя так много преград, защищающих от нечистой силы, — с холодной усмешкой произнёс Се Лянь. — Как видно, и впрямь страшится, что нечто явится по его душу?

— Ваше Высочество, я расчищу вам путь, — предложил Умин.

— Не нужно, — возразил Се Лянь. — Я сам.

Он спрыгнул вниз и подобно белому цветку, сорванному с ветки ветром, бесшумно опустился на площадь перед зданием.

Но стоило ему протянуть руку, чтобы толкнуть ворота, из дворца послышался плач младенца.

У Лан Ина не было наложниц, а сын давно погиб. Откуда во дворце ребёнок?

Но Се Ляню было всё равно. Не говоря уже о детях, он бы не устрасился и многотысячной армии, спрятавшейся внутри. Принц занёс ногу и распахнул ворота пинком!

Но вот что странно: здесь он обнаружил лишь одного человека, а больше поблизости никого не было — ни взрослых, ни детей. Увидев, что кто-то явился, человек поднял голову:

— Ты пришёл? Я как раз искал тебя.

Это был Лан Ин.

Верно, он стал правителем, однако на нём не оказалось роскошных одежд, он просто окаменевшей статуей сидел на троне. Се Ляню его реакция показалась странной, но лишь на мгновение, поскольку принц понял — ведь на нём сейчас маска и траурное одеяние. Лан Ин принял его за Безликого Бая.

Главное здание также охранялось магическим полем и Се Лянь, переступая порог, ясно почувствовал, как оно мешает ему пройти. Однако он приложил немного усилия и всё же сделал шаг, уловив треск, будто что-то разбилось под его ногой.

Вместе с ним в зал проник ночной холод, отчего рукава Се Ляня затрепетали на ветру.

— Зачем ты искал меня? — ледяным тоном спросил он.

Лан Ин чуть переменялся в лице, услышав его голос.

— Это ты?

Се Лянь медленно приближался к нему, шаг за шагом ступая белоснежными сапогами по ледяному камню.

— Это я.

Лан Ин, жалкий невежа, возглавил армию и уничтожил Сяньлэ. Его защищала аура правителя, и обычная нечисть не могла к нему приблизиться. Но на этот раз, в этот самый момент Се Лянь привёл с собой тысячи, десятки тысяч душ людей, погибших на войне!

Принц не желал верить, что настолько многочисленные, наполненные столь мощной тёмной энергией озлобленные духи ничего не смогут сделать с Лан Ином! И в самом деле, духи забеспокоились, будто им не терпелось вырваться на свободу и прорасти паразитами на теле врага, питаясь его плотью и кровью. Однако их беспокойство было неуловимо для уха простого смертного, и Лан Ин остался непоколебим, только спросил:

— Ты пришёл убить меня?

Се Лянь не ответил, но в следующий миг мгновенной вспышкой оказался перед Лан Ином, схватил его за волосы и припечатал к полу.

Получилось!

Уголок рта Се Ляня под маской Скорби и радости неконтролируемо пополз вверх. На самом деле получилось! Он... смог одолеть Лан Ина!

Когда-то ему мешали путы статуса небесного чиновника, и у принца не было ни единого шанса справиться с этим человеком, одарённым судьбой правителя. Но когда Се Лянь отбросил свой прежний статус, у него наконец получилось. Сердце принца забилося как бешеное, он вознамерился совершить следующий шаг, но внезапно переменялся в лице.

— Что это за звук?

И-и, у-у... Он снова услышал тоненький детский плач. Но в этом зале никакого ребёнка не было!

Прислушавшись снова, Се Лянь заметил подвох. Плач раздавался от Лан Ина, которого он схватил!

А если ещё точнее, то от его тела. Рывком распахнув одежду на мужчине, Се Лянь широко округлил глаза и резко поднялся, отшатнувшись.

— Что это такое?!..

Лан Ин медленно перевернулся и сел, затем сказал:

— Не бойся.

Но обращался он не к Се Ляню. А к тому, что росло у него на теле.

На груди Лан Ина виднелись два лица, такого же размера, как обычные человеческие, напоминающие огромные опухоли. Большое лицо с изящными красивыми чертами явно принадлежало женщине. Маленькое, слегка сморщенное, походило на младенца, и это оно издавало те звуки, то тише, то громче.

Поветрие ликов!

— Как ты мог заразиться поветрием ликов? — изумился Се Лянь.

Но Лан Ин возразил:

— Это не поветрие ликов.

— Да как же нет? Если это не оно, то что же тогда?

— Это мои жена и сын. А не то, о чём ты говоришь.

Лан Ин тихо говорил с принцем, мягко поглаживая лица, выросшие на своём теле, точно как заботливый муж и отец прикасается к жене и ребёнку. Но лица даже не открывали глаз, лишь разевали рты и издавали плач, как маленькие дети. Только человеческая форма, но ничего от людей.

Лан Ин поднял голову и обратился к принцу:

— Где Безликий Бай? Он сказал, что так моя жена сможет вернуться. Но уже прошло очень много времени, почему она до сих пор не разговаривает? В чём же дело? Сейчас же призови его ко мне!

Се Лянь сразу понял, что сделал Лан Ин.

— Ты... позволил Безликому Баю поселить в своём теле озлобленных духов, оставшихся от твоей жены и сына?

Вот оно что! Магические заграждения во дворце были установлены не для того, чтобы не пустить нечто внутрь, а для того,

чтобы не выпустить нечто изнутри! Лан Ин, который уже стал правителем, тайно выращивал на своём теле двух озлобленных духов!

Се Лянь хотел поквитаться с ним, но и представить не мог, что ему не придётся прилагать к этому усилий — Лан Ин сам себя заразил поветрием ликов. Два лица явно уже давно росли на его теле — у них даже появились маленькие конечности, которые сейчас безвольно висели, делая зрелище ещё более жутким. Кроме того, они высосали все силы из своего переносчика — у Лан Ина впал живот, рёбра стали выпирать, кожа пожелтела, а тело ослабло. Казалось, существование даётся ему с огромным трудом, а тот бравый воин, которого Се Лянь встретил на поле битвы, — совершенно другой человек.

По всей видимости, даже выиграв войну и взойдя на престол, к хорошей жизни Лан Ин не пришёл. Но Се Лянь несколько не чувствовал радости. Он схватил Лан Ина и в гневе закричал:

— Что за шутки?!

Он ещё не успел забрать жизнь врага, а тот уже одной ногой в могиле! Что это за месть? Как ему теперь поступить?!

Когда принц встряхнул Лан Ина, у того что-то выпало и укатилось по полу со стуком, красное, блестящее. Лан Ин схватил Се Ляня за руку и, задыхаясь, сказал:

— Бусина... Та бусина. — Казалось, каждое движение даётся ему с огромным трудом.

Обернувшись, принц увидел, как по полу катится та самая коралловая бусина, которую он когда-то отдал Лан Ину.

— Я всё хотел сказать тебе, — проговорил Лан Ин, — спасибо за этот подарок.

Се Лянь застыл. Он не ожидал, что Лан Ин скажет нечто подобное. В душе принца будто бы что-то перевернулось, однако он вновь насильно подавил это чувство.

— Ты!..

Лан Ин добавил:

— Если бы ты дал мне её раньше... Жаль только...

Голос оборвался на полужфразе, тело в руках Се Ляня обмякло, Лан Ин уронил голову, так и не закрыв глаз^[301].

Се Лянь ещё не успел понять, что произошло, когда Умин сказал ему:

— Ваше Высочество, он мёртв.

— Мёртв? — спустя пару мгновений переспросил принц.

Опустив взгляд, он увидел, что зрачки Лан Ина уже начали мутнеть. Он в самом деле умер.

Се Лянь пробормотал:

— Как он мог вот так умереть?

Принц ведь ещё ничего не сделал с Лан Ином, как он мог вот так умереть?

Кроме того, перед смертью он был полностью удовлетворён и даже рад. Он отомстил Сяньлэ, его родные были рядом с ним, и теперь он приготовился встретиться с ними в загробном мире. Он достаточно настрадался в жизни, и смерть стала для него избавлением, все проблемы решились в один миг. Ну а Се Лянь лишился врага, на которого мог бы обрушить свою месть!

Обида и гнев, переполнявшие душу, в конце концов вылились в другое чувство... Ненависть! Искреннюю, невыносимую ненависть!

Лан Ин больше не шевелился, а два человеческих лика на его груди, будто понимая, что их хозяина не стало, вдруг хором заплакали, настолько пронзительно, что скрежет ногтями по металлу было бы легче вынести уху. Се Лянь от ярости готов был сойти с ума, он выхватил чёрный меч, чтобы заставить плачущие лики замолчать, но воин в чёрном со звоном вынул свою саблю — оружие сверкнуло ярким блеском, и труп Лан Ина оказался порублен на куски. Сначала на десять, затем на несколько десятков, потом на несколько сотен... кровь и плоть летели во все стороны. Се Лянь, которого он опередил, холодно спросил:

— Кто просил тебя об этом?

— Вашему Высочеству нет нужды пачкать руки.

Снаружи вдруг послышались торопливые шаги.

— Дядя! — позвал юный голос.

Кто? Се Лянь обернулся и увидел на пороге распахнутых дверей зала ребёнка чуть старше десяти лет, который смотрел в его сторону. Мальчик улыбался во весь рот, покуда не увидел кровавые останки на полу. Он тут же остолбенел, а Се Лянь, равнодушно взглянув на него, спросил:

— Кто ты такой?

— Я... — начал тот, однако запнулся, приглядевшись к останкам, и потрясённо воскликнул: — Дядя!

И вдруг снаружи кто-то позвал:

— Ваше Высочество! Не убегайте без спроса! Государь наказал, чтобы вы не разгуливали по дворцу без присмотра! Ночь на дворе, не прибавляйте же мне хлопот...

Ваше Высочество?

Сын Лан Ина погиб, но этот ребёнок назвал Лан Ина дядей, и значит, это наверняка его потомок по другой линии, наследный принц Юньань!

Юный принц пришёл в себя и в страхе закричал:

— Демоны! Тут демоны! На... — не позволяя мальчишке позвать на помощь, воин в чёрном нанёс ему удар по шее тыльной стороной ладони, и наследный принц Юньань без сознания упал в лужу крови.

Однако его крики всё же достигли чьих-то ушей, снаружи донеслось:

— Что? Вы это слышали?

— Стража! Стража!

Один взгляд Се Ляня — и воин в чёрном послушно склонил голову, как бы говоря «предоставьте это мне», а затем вылетел наружу. Мгновение, — и шум окончательно стих. Выйдя из здания, Се Лянь обнаружил лежащих на земле стражников, среди которых стоял тот воин. По острому клинку длинной сабли стекала кровь, он расправился со стражей мгновенно. Но тут вдалеке вновь поднялись крики «Защитим государя!», «Защитим Его Высочество!» — приближался ещё отряд.

Се Лянь равнодушно отвернулся, не желая удостаивать их вниманием. И не напрасно — не прошло и нескольких мгновений, голоса вновь оборвались, словно их отрезало. А после воин в чёрном вновь бесшумно последовал за Се Лянем.

Чуть повернув голову в сторону, принц приказал:

— Императорский дворец — сжечь.

— Слушаюсь, — с кивком ответил Умин.

Яростными всполохами занялось пламя, а перед ними на земле вытянулись две длинные тени, от света огня они искривлялись, плясали и извивались.

После устроенного ими переполоха все обитатели дворца Юньань окончательно пробудились: кто-то бежал тушить пожар, кто-то просто

спасался, при этом все бранились и кричали, их вопли заполнили всю округу. Как в тот день, когда горел дворец Сяньлэ.

— Ваше Высочество, — заговорил воин в чёрном. — Что вы намерены делать дальше?

Человек в белом ответил ему ледяным тоном:

— Отправимся к излучине Ланьэр.

До падения государства Сяньлэ принц навещался к излучине Ланьэр бесчисленное множество раз, только чтобы послать дождь и тем самым спасти людей. Он брёл туда измождённым, ступая тяжёлым шагом. Теперь же он шёл ради совершенно противоположной цели, однако чувствовал необычную лёгкость.

Когда страшная засуха миновала, с поддержкой нового правителя излучина Ланьэр вновь стала пригодной для проживания. На каждом углу здесь царил мирное веселье, встречались радостные лица прохожих — по сравнению с кошмаром, что происходил здесь несколько лет назад, просто невероятный контраст. И только одно место осталось по-прежнему в запустении и мраке. Храм наследного принца Сяньлэ.

Сюда никто не приходил, и Се Лянь выбрал это место, чтобы передохнуть. Как раз сейчас он сидел в главном зале и медитировал.

Ранее подразумевалось, что духи, которых он принёс с собой, должны очень быстро найти носителя или, проще говоря, — объект проклятия. Однако поскольку Лан Ин скончался, они изнывали в нетерпении, назойливо крича и стона. Се Лянь же, закрыв глаза, отмахивался от них и хмуро увещевал:

— Ждите, не стоит торопиться. Я избавлю вас от этого страдания!

Тут принц услышал:

— Ваше Высочество.

А открыв глаза, увидел перед собой коленопреклоненного воина в чёрном.

Безымянный демон преподносит безымянный цветок

Се Лянь, всё ещё захваченный пронзительными криками духов, не сразу пришёл в себя, под маской его лицо покрылось холодным потом.

— Не нужно обращаться ко мне подобным образом, — ему было не по себе от слов «Ваше Высочество».

Каждый раз они словно напоминали ему о чём-то и тем самым чрезмерно раздражали. Каждый раз его сердце обдавало страхом.

— Его Высочество навсегда останется Его Высочеством, — возразил Умин.

Принц, обратив к нему взгляд, конечно, не увидел лица, только улыбающуюся маску. И тот, в свою очередь, тоже видел лишь мертвенно-бледную маску на лице Се Ляня.

— Посмеешь ещё раз так назвать — и я развею тебя по ветру. Не думай, что ты в самом деле настолько силён.

Юноша в чёрном молча склонил голову. Се Лянь, успокоившись, продолжил:

— Осмотри окрестности излучины Ланъэр, отыщи самое подходящее место для высвобождения духов.

— Слушаюсь.

Се Лянь закрыл глаза, посидел так немного, затем снова открыл и, увидев перед собой воина, нахмурился:

— Почему ты ещё здесь?

— Место будет определено, — ответил тот. — Но что насчёт времени?

— Времени?

— Души изнывают от нетерпения, нужно найти для них объект проклятия, нельзя тянуть слишком долго.

И действительно, тянуть слишком долго нельзя. Помолчав немного, Се Лянь ответил:

— Через три дня.

— Почему именно через три?

По какой-то причине Се Лянь чувствовал некое раздражение, говоря с ним.

— Наступит полнолуние, и мощь насланного поветрия ликов многократно возрастёт. Ты задаёшь слишком много вопросов. Ступай, это всё, что от тебя требуется.

Умин ответил кивком и бесшумно удалился. Се Лянь вновь сомкнул веки и накрыл лоб рукой, в надежде хоть немного облегчить головную боль. Неожиданно за его спиной послышался ехидный смешок.

При первых же звуках Се Ляню показалось, что вся кровь в его теле замёрзла. Рывком повернувшись, он увидел позади на

божественном постаменте белоснежную фигуру в маске Скорби и радости, в погребальном облачении с широкими рукавами, закрывающими руки.

Безликий Бай!

Се Лянь выхватил меч и нанёс удар, но демон поймал клинок, со звоном зажав между пальцами, и вздохнул:

— Как я и думал, этот образ тебе весьма подходит.

Сейчас, если не снимать маски, они оба выглядели практически одинаково с головы до пят. Завязалась битва, и если бы за тем, как двое в белом одеянии обмениваются ударами, наблюдал кто-то посторонний, он бы ни за что не смог различить, кто есть кто. Безликий демон легко уходил от меча Се Ляня, при этом разглагольствуя:

— Ваше Высочество, не считаешь ли себя виноватым перед родителями за то, что похоронил их в чужой земле, такой неплодородной и холодной?

Сердце Се Ляня ухнуло вниз.

— Ты посмел тронуть тела моих царственных родителей? Ты уничтожил их останки?!

— Нет, как раз наоборот. Я помог тебе похоронить их достойно.

Се Лянь так и застыл, а Безликий Бай продолжил:

— Я перенёс их тела в императорскую усыпальницу Сяньлэ, а также облачил в редкое одеяние, которое сохранит их в целости на тысячи лет. И когда ты отправишься повидаться с ними в следующий раз, сможешь увидеть их лица, словно они ещё живы, — затем он рассказал Се Ляню о местоположении усыпальницы и о том, как в неё попасть.

Всё это должны были поведать принцу его отец и наставник, но только они не успели. Один мёртв, другой потерян без вести.

В душу Се Ляня закрались подозрения.

— Откуда тебе может быть известно, как проникнуть в императорскую усыпальницу Сяньлэ?

— Мне ведомо всё, что касается тебя, Ваше Высочество, — улыбнулся демон.

— Ничего тебе не ведомо! — огрызнулся Се Лянь.

И всё-таки принцу непривычно было слышать подобные грубости, вылетающие из собственного рта.

Словно вновь догадавшись о ходе мыслей принца, демон внимательно посмотрел на него и мягко произнёс:

— Не страшно. Начиная с этого момента, больше ничто тебя не сдерживает, никто не возлагает на тебя излишних надежд, и более того, никто не узнает, кто ты. Тебе дозволено творить всё, что душе угодно.

В груди Се Ляня совершенно естественно зародилось странное чувство.

Зачем этот монстр явился к нему? Чего он хочет?

Выразить дружественные намерения.

Да. Звучало довольно смехотворно, однако интуиция подсказала Се Ляню, что тварь именно этим и занимается. Достойное погребение родителей и утешение принца — всё это служило одной цели.

Он наверняка безмерно счастлив, счастливее, чем в какую-либо другую их встречу. Словно видеть такого Се Ляня доставляет демону удовольствие, так что он даже начал относиться к принцу с заботой, по-родному. И эта забота на какой-то момент даже растрогала Се Ляня, но затем его захлестнуло отвращение.

Принц ледяным тоном отрезал:

— Не радуйся слишком рано. Не думай, что я позволю такой твари как ты существовать на свете. Когда уничтожу Юньань, приготовься — я приду поквитаться с тобой!

Безликий Бай развёл руки в стороны со словами:

— Прошу, с огромным удовольствием. Пусть даже ты пожелаешь меня убить, я всё равно буду ждать тебя здесь. Когда ты действительно станешь достаточно сильным, чтобы расправиться со мной, твоё обучение у мастера будет завершено. Вот только... — Кажется, под маской его улыбка чуть померкла. — Ты... в самом деле сможешь уничтожить Юньань?

— Что ты хочешь сказать?

— Совершенно ясно, что ты мог бы сделать это прямо сейчас, почему же намеренно отложил на три дня? Неужели, когда дошло до дела, ты вновь предаёшься колебаниям? Неужели тебе не хватает решимости свершить месть даже после полной потери своей семьи и страны? Неужели мне предстоит увидеть очередной провал Его Высочества наследного принца?

«Провал» — это слово невыносимо резануло слух. Се Лянь вскинул меч и ринулся в атаку, однако оказался повален на пол одним

пинком.

Каким-то образом демону удалось отнять у принца чёрный меч, мягкость и сердечность в голосе мгновенно обернулись презрением:

— Знаешь, на кого ты сейчас похож?

Се Лянь схватился за белоснежный сапог, которым его придавило к полу, но как ни старался, не мог сдвинуть его ни на волос.

Безликий Бай, чуть склонившись к нему, продолжил:

— Ты похож на ребёнка, который всё делает назло. Но решимости в твоих действиях нет ни капли.

Се Лянь в гневе выкрикнул:

— Кто сказал, что у меня нет решимости?!

— Ну а что же ты сейчас делаешь? Где твоё проклятие? «Чтобы они все сдохли, все до одного» — где всё это? Бедные, бедные твои родители, твоё войско и твой народ, которым не посчастливилось повстречать такое божество! Ты не мог защитить их, пока они были живы, а после их смерти ты даже отомстить за них не способен! Бесплезная дрянь!

Он приложил силу, и из горла Се Ляня под маской Скорби и радости брызнула кровь.

Безликий Бай приставил к шее принца остриё сверкающего словно чёрный нефрит меча и провёл им по проклятой канге, пробуждая воспоминания.

— Хочешь, я напомню тебе ощущения от того, как твоё сердце сотню раз пронзает меч?

Невыносимый ужас заставил Се Ляня задержать дыхание, он не смел пошевелиться. Но демон, напугав его, вновь сделался доброжелательным.

Он убрал сапог и усадил Се Ляня, пока того сковало ужасом, потом повернул его лицо, чтобы тот куда-то посмотрел, и сказал:

— Погляди, погляди же. Вот как ты теперь выглядишь.

Он заставил Се Ляня взглянуть на разбитую божественную статую на разбитом божественном постаменте.

Цветок и меч из рук изваяния давным-давно пропали, его обожгли пожаром, изрубили топорами и тесаками, подняли и бросили о пол. Половина статуи почернела от пламени, тут и там откололись куски, больно смотреть. И впрямь очень похоже на образ Се Ляня, который существовал в его сознании обрывками.

— И кого же ты должен благодарить за то, что сделался таким? Думаешь, меня?

Он будто насильно промыл Се Ляню мозги, вновь залив ему в голову нечто новое, отчего принц чувствовал себя всё более сбитым с толку, сомневающимся во всём. Он даже забыл о своей ярости и растерянно спросил:

— Какова же в итоге твоя цель? Для чего ты привязался ко мне?

— Я уже говорил, — ответил демон, — что буду наставлять тебя. И третья вещь, которой ты должен научиться: если не можешь спасти этот мир, то уничтожь его. Только попирая этих людей ногами, ты заставишь их поклоняться себе!

Голову Се Ляня вдруг объяло болью, словно она вот-вот взорвётся. Обхватив её обеими руками, принц закричал.

Озлобленные духи!

Плач и крики бесчисленных духов раздавались в его голове, так что от боли он готов был кататься по земле.

Безликий Бай же лишь рассмеялся и мягко произнёс:

— Они уже не могут ждать. Не выпустишь поветрие ликов, не дашь проклятию цели через три дня — и сам станешь этой целью. Знаешь, во что ты тогда превратишься?

Се Лянь почувствовал, как ледяная рукоять чёрного меча вновь легла в его ладонь, а возле уха прозвучало:

— У тебя нет шанса повернуть назад!

Лишь когда боль медленно спала, Се Лянь опустил руки и открыл глаза. В разрушенном храме наследного принца он остался один, а демон в белом, выглядящий в точности как он сам сейчас, исчез.

Снаружи давно спустилась ночь, и в храме было темно, без единого лучика света. Се Лянь вдруг кое-что осознал.

Из трёх дней один... уже прошёл.

И тут в непроглядной темноте как будто сверкнуло что-то белое.

Се Лянь, решив, что ему померещилось, повернулся, а когда увидел, что это за вспышка, то его зрачки под маской сузились.

Схватив то, что увидел, он проговорил:

— Откуда... откуда здесь цветок?

Свежий белый цветок с маленькими хрупкими лепестками, который кто-то вложил в левую руку полуразрушенной почерневшей статуи, на фоне темноты вокруг казался ещё белее и печальнее.

Создавалось впечатление, что статуя претерпела все нанесённые ей раны, только чтобы защитить крохотный цветок.

Се Лянь сам себе не мог объяснить, почему от этой картины его охватил такой безудержный гнев.

— Призрак, выходи! — закричал он.

Вскоре перед ним действительно появился тот воин в чёрном с саблей на поясе. Он ещё ничего не успел сказать, как Се Лянь напустился на него:

— Откуда здесь цветок? Кто это сделал? Ты?

Умин чуть склонил голову, недолго посмотрел на цветок, который принц так сильно сжал в руке, что казалось, вот-вот разотрёт в порошок, и в конце концов прошептал:

— Не я.

— Кто же тогда оставил здесь его?!

— Почему Ваше Высочество так рассердились, увидев цветок?

Се Лянь помрачнел ещё сильнее, бросил цветок на пол и пробормотал:

— Это отвратительная злая шутка.

— Почему Ваше Высочество посчитали это злой шуткой? Возможно, здесь в самом деле ещё остались последователи, которые поклоняются вам.

Се Ляню показалось, будто этой фразой его ударили по лицу наотмашь. Он посмотрел на воина:

— Ты издеваешься надо мной?

— Нет, — ответил тот.

— Значит, не надо нести подобную чушь! Как такое может быть?

Помолчав, Умин сказал:

— Вовсе не обязательно, что не может.

Се Лянь уже находился на грани.

— Довольно! Что ты хочешь этим сказать? Ты разве не воин Сяньлэ? Я призвал тебя не для того, чтобы ты заступался за народ Юньань. Ты должен слушаться моих приказов, не более!

Цветок на полу вонзался принцу прямо в сердце, колол глаза, отчего тот почувствовал себя совершенно разбитым. Будто в попытке излить гнев, он в ярости растоптал цветок. А затем вдруг понял, что поступил совершенно неразумно — зачем так сердиться на какой-то

маленький цветок? И немедленно выбежал прочь из храма. Только дуновение холодного ветра помогло ему успокоиться.

Воин в чёрном последовал за ним.

— Ты осмотрел окрестности? — спросил его принц. — Заметил ли что-нибудь необычное?

— Нет, — ответил Умин.

— Уверен? Чтобы наслать поветрие ликов, нельзя допустить промашки ни в чём — время и место должны подходить идеально.

— Уверен.

Се Ляню больше нечего было сказать, он поднял взгляд к небу. Умин же, помолчав, задал вопрос:

— Ваше Высочество, вы уже придумали, как наслёте поветрие озлобленных духов?

— Как раз размышлял над этим.

Се Лянь посмотрел на чёрный меч у себя на поясе.

Тысячи духов были запечатаны им внутри этого меча, но печать продержится совсем недолго.

И вдруг Умин продолжил:

— Ваше Высочество, позвольте обратиться к вам с просьбой.

— Говори.

— Искренне надеюсь, что Ваше Высочество передаст мне этот меч. Чтобы я лично наслал поветрие ликов.

Се Лянь обернулся.

— Почему?

Глаза воина в чёрном под маской, не отрываясь, смотрели на принца.

— Человек, которого я люблю, был тяжело ранен во время войны, теперь его жизнь хуже смерти. Мне пришлось своими глазами видеть, как он страдает, как мучается от боли.

— И что же?

— Я бы хотел стать тем, кто поднимет этот меч. Ради мести.

Причина весьма понятная и разумная, однако Се Лянь не ощутил к его словам полного доверия. Принц чуть прищурился и заметил:

— Мне кажется, ты немного странноват.

Он развернулся, обошёл вокруг Умина и холодно произнёс:

— Насколько я могу судить, ты не похож на мстителя, одержимого ненавистью. Ты действительно просишь меня передать тебе меч ради

того, чтобы наслат поветрие ликов?

Но если не ради этого, то ради чего же?

Безымянный воин чуть склонил голову со словами:

— Ваше Высочество, я желаю смерти всем этим людям сильнее, чем кто-либо другой. Кроме того, я бы хотел, чтобы они непременно погибли от моей руки. Если вы не верите мне, я прямо сейчас могу доказать вам свою искренность.

— Как ты собираешься это доказать?

Воин в чёрном положил ладонь на рукоять сабли и направился прочь. Но когда он сделал три шага, принц вдруг понял, что тот собрался сделать.

Он хочет убить кого-нибудь, тем самым доказав своё намерение свершить месть!

— Стой! — тут же велел Се Лянь.

Умин, как и следовало ожидать, повиновался. Се Лянь некоторое время испытующе смотрел на него, затем решительно отказал:

— Нет. Я должен сам наслат поветрие.

Воин в чёрном не поднял головы, а из-за маски и вовсе не представлялось возможным разглядеть его реакцию. Впрочем, Се Ляня это не интересовало, он развернулся и тихо произнёс:

— Однако прежде я должен кое-что сделать.

Затем он поднял подобный холодной яшме чёрный меч и взгляделся в острый клинок в своих руках. Глаза принца странно блеснули. Воин в чёрном, предчувствуя неладное, спросил:

— Что вы собираетесь сделать, Ваше Высочество?

Он бы не успел помешать Се Ляню. В следующий миг тот развернул меч остриём к себе и вонзил чёрный клинок себе в живот!

На следующий день, где-то на улице городка близ излучины Ланьэр.

В последнее время погода стояла пасмурная, то завывал бешеный ветер, то моросил противный непрекращающийся дождь.

Кстати говоря, не только погода подводила — везде было неспокойно. Поговаривали, что в новом императорском дворце

случился пожар, государь и принц слегли с тяжёлыми ранами, настолько страшными, что к ним никого не пускают. Всё пошло кувыркком, повсюду являются недобрые предзнаменования, отчего в сердца людей закрадываются подозрения и все чувствуют себя не в своей тарелке. Только ничего не смыслящие дети беззаботно играли в догонялки.

Налетел порыв зловещего ветра, от которого хотелось зажмуриться, а после на развилке дорог вдруг прозвучал громкий удар, кто-то упал на землю прямо с неба!

Люди на улице застыли в страхе от такого грохота и все как один обратили свои взгляды в ту сторону, увидев на земле вмятину в форме человеческой фигуры, внутри которой лежал, распластавшись, человек. Его волосы распустились, сам он был покрыт грязью и залит кровью, белое одеяние сделалось ужасающе грязным.

Все тут же собрались вокруг.

— Кто это?!

— О Небеса, откуда он свалился? Прямо с неба?

— Насмерть?!

— К-кажется, нет! Кажется, он ещё шевелится!

— Да как же он мог не разбиться?! Пойдите, что это торчит у него из груди? Меч???

Подойдя поближе, люди постепенно разглядели облик незнакомца. Даже под растрёпанными прядями волос его лицо по-прежнему отличалось белизной и красотой, только взгляд был направлен прямо в небо, отчего он казался мёртвым. Однако таковым назвать его было нельзя, ведь он всё ещё дышал, а вместе с каждым вдохом и выдохом двигался чёрный меч, пронзивший его грудь и живот разом, так чтобы были задеты все важные органы.

Тут кто-то потрясённо воскликнул:

— Пойдите, д-да ведь это же... тот... тот самый, Его Высочество наследный принц!

Стоило сказать, и все сразу же узнали Се Ляня.

— И правда... Это прежний наследный принц, принц Сяньлэ! Мне приходилось видеть его издали!

— Но ведь говорили, что он пропал без вести?

— А я слышал, он вознёсся.

— Как же так... И откуда этот меч? Его и впрямь пронзило? Какой ужас...

— Хватит глазеть, с дороги, ну же, посторонитесь! Мне нужно проехать, я тороплюсь!

Поскольку люди столпились на развилке, повозки встали на месте, и погонщики принялись разгонять зевак.

Неожиданно кто-то воскликнул:

— Стойте! Кажется, он... что-то говорит?

Тогда толпа наконец притихла, все задержали дыхание и прислушались, стараясь различить слова. Вскоре кто-то из внешнего круга зевак, не расслышав ничего, крикнул:

— Что он говорит? Что с ним такое? Он вам рассказал?

Спереди ему ответили:

— Нет!

— Но что он тогда говорит?

— Он говорит «спасите меня».

Се Лянь, лежащий на земле, сказал лишь эти два слова и замолчал. Выражения лиц зевак сделались у каждого по-своему странными, на них отразились самые разные эмоции. Мужчина, похожий на толстого повара, спросил:

— Спасти его? Но как?

Кто-то предположил:

— Наверное, хочет, чтобы мы достали меч из его тела?

Повар выглядел смельчаком, он и шагнул вперёд, чтобы попытаться это сделать. Однако стоящие рядом люди сразу задержали его в несколько рук.

— Нет-нет-нет, не вздумай!!!

— Почему это? — не понял мужчина.

— Да как же можно! Ты что, не слышал? Ведь Сяньлэ потерпело поражение! А из-за чего? Да из-за того, что там возникло какое-то поветрие ликов. А откуда взялось поветрие? Из-за духа поветрия, который и есть...

— Дух поветрия?! В самом деле?!

После этих слов уже никто не решился опрометчиво протянуть руки к мечу, а вокруг огромной вмятины тут же образовалось пустое пространство.

Всё-таки никто не мог знать наверняка, что же случилось с этим наследным принцем ушедшей династии. А вдруг он правда дух поветрия? А вдруг, прикоснувшись к нему, можно заразиться тем жутким недугом, о котором ходят легенды? Или же превратиться в настоящего неудачника? К тому же, с виду казалось, что даже если не вынуть меч, то он всё равно останется в живых, ведь сверзился с такой огромной высоты, с таким грохотом, а всё равно не помер. Наверняка он не какой-нибудь простой смертный.

Кто-то испуганно предложил:

— Давайте всё же сообщим властям...

— Но ведь этот наследный принц вознёсся как божество! Какой толк от наших властей?

— И что же будем делать?

Люди всё спорили, спорили, но так и не смогли прийти к согласию, только послали кого-то сообщить о происшествии, а в остальном... они ведь ничего не могли поделать.

Он ведь лежит? Вот и пусть себе лежит. А мы пойдём по своим делам.

Так Се Лянь и остался на земле, смотреть, как людей вокруг становится всё меньше, как они постепенно разбредаются, как повозки аккуратно объезжают его. Даже детей, что весело играли на улице, родители увели по домам. Только время от времени вдалеке кто-то проходил мимо. Принц наблюдал за всем без всякого выражения на лице, ни слова больше не проронив.

Какой-то лавочник, продающий питьевую воду, не выдержал и шёпотом спросил жену, с которой торговал:

— С ним правда ничего не случится, если его так оставить? Может, нальём ему стакан воды?

Жена лавочника, подумав, огляделась по сторонам и прошептала:

— Лучше не надо... А вдруг он правда дух поветрия? Кто знает, что случится, если подойти слишком близко!

Мужчина, мучаясь раздумьями, осмотрелся. Несколько таких же как он торговцев обеспокоенно смотрели на него, словно стоит ему прийти на помощь принцу, и они сразу же проведут между ними черту, чтобы держаться как можно дальше. В результате лавочник всё же не решился в одиночку геройствовать и отказался от своей затеи.

От выпавшей утренней росы Се Лянь пролежал до самого солнца в зените, потом до заката и до глубокой ночи.

За это время его увидели очень многие, но приближаться решались лишь единицы, и тем более никто не помог ему вынуть меч из живота.

Тёмной ночью, когда на улице не было уже никого, принц всё лежал и лежал, лицом к чёрному-чёрному небу с редкими крапинками звёзд. Неизвестно, какие мысли посещали его в тот момент. И вдруг откуда-то сверху донёсся раскатистый звонкий смех.

— Ха-ха-ха-ха... Что это ты делаешь?

Се Лянь в яме шевельнулся, но так и не поднялся.

После нескольких визитов хозяина этого голоса принц перестал реагировать так же бурно, как в самом начале. А тот, не дождавшись «приветствия» в виде удивления, смешанного с гневом, подошёл сам и, остановившись над головой Се Ляня, склонился к нему.

— Чего ты ждёшь? — в его голосе слышались нотки сожаления.

Перевернутая наполовину плачущая, наполовину смеющаяся маска закрыла Се Ляню весь обзор. Их лица оказались ровно друг напротив друга, совсем близко, и принц язвительно бросил:

— Проваливай, ты мешаешь мне смотреть на небо.

Безликий Бай, которому велели «проваливать», несколько не оскорбился, только со смехом выпрямился и более дружественным тоном, словно взрослый, который терпит капризы ребёнка, спросил:

— Небо настолько красивое?

— Уж покрасивее тебя.

— К чему так злиться? На сей раз это ведь не я вонзил в тебя меч, не я бросил тебя здесь, всё это ты сотворил сам. И не важно, добился ли ты желаемого, нельзя же винить во всём меня?

Се Лянь молчал.

Безликий Бай добавил:

— Что ты хотел доказать, впустую проведя здесь целый день? Или ты убеждаешь в чём-то себя самого?

— Не твоё собачье дело.

— Глупое дитя, — сочувственно улыбнулся демон. — Думаешь, кто-то придёт вынуть из тебя этот меч?

Падающего в бездну от дождя спасёт доули

Собрав волю в кулак, Се Лянь огрызнулся:

— Я знаю, что никто не поможет. Но это не твоё собачье дело.

Безликий Бай неторопливо переспросил:

— Но зачем тогда ты, проделав в себе дыру, валяешься здесь? Назло кому ты это делаешь? Сейчас ведь никто не проникнется к тебе заботой.

Се Лянь не сдавался:

— Мне просто нравится. Но это не твоё собачье дело.

— Как ты поступишь, если кто-нибудь поможет тебе? И как ты поступишь, если никто не поможет?

После недолгого молчания Се Лянь выругался:

— Откуда столько бесполезной болтовни? Меня сейчас стошнит! Какое твоё дело? Какое твоё собачье дело?!

Чем дальше, тем грубее становились его речи, тем больше ярости слышалось в голосе. Но как бы принц ни старался, он умел ругаться только такими словами, и демон лишь посмеялся, будто принц подшучивал над ним, и вздохнул:

— Глупое дитя, — затем развернулся и добавил: — Ладно. Всё равно остался только день, не страшно, если ты проведёшь его в бесполезных метаниях. Всё равно никто не подаст тебе стакан воды, никто не поможет вытащить меч. Не забывай, — снова напомнил принцу Безликий Бай, — завтра, после захода солнца, если не выпустишь на свободу поветрие ликов, проклятие перекинется на тебя самого.

Се Лянь спокойно слушал и не шевелился.

На следующий день Се Лянь всё так же остался лежать на развилке, в той же яме, в той же позе.

Сегодня поведение людей ничем не отличалось от вчерашнего: они обходили принца далеко стороной, каждый шёл по своим делам. Разумеется, властям уже сообщили о падении чудака с неба. Местный же чиновник, едва услышав, что этот чудака, возможно, является духом поветрия, но, не нарушая никаких законов, просто лежит, будто мертвец... сразу же отказался вмешиваться, пообещав послать людей через несколько дней. В целом это означало, что он вовсе не собирается связываться со случившимся. Да и кто знает, что станет с чудаком по прошествии этого времени?

Даже когда любопытные ребяташки подбежали и присели рядом на корточки, глядя на человека на земле, затем взяли палку и принялись боязливо тыкать в него, Се Лянь не пошевелился, уподобившись мёртвой рыбе. Дети из любопытства хотели даже кинуть в него чем-нибудь, но тут их родители заметили неладное, отругали отпрысков и увели по домам.

Вчерашний продавец воды всё смотрел на Се Ляня издалека. Се Лянь целый день и всю ночь не испил и капли, на его губах высохла и потрескалась кожа. Мужчине стало жаль его, он даже налил в чашку воды, видимо, собирался отнести принцу, но жена ткнула его локтем, и чашка опрокинулась. Пришлось забыть об этой затее.

Наверное, небо тоже решило поучаствовать в спектакле, ведь после полудня заморосил дождь.

Лавочники впопыхах собрали свой товар, прохожие тоже с криками поспешили по домам. Вскоре дождь усилился, Се Ляня промочило до нитки, лицо омыло потоком дождевой воды, отчего кожа стала казаться ещё более бледной.

Белая фигура беззвучно появилась перед принцем.

Но люди на улице, кажется, не заметили странного незнакомца. Безликий Бай, сверху вниз взирая на Се Ляня, произнёс:

— Солнце скоро сядет.

Се Лянь молчал.

— Ты ведь никакой не дух поветрия, — продолжил демон. — Но они скорее поверят, что это правда. Когда-то ты пошёл против воли Небес, чтобы ниспослать им дожди, а сейчас даже стакана воды не можешь от них дождаться. Твоё сердце сотню раз пронзили мечом, — что ж, люди были вынуждены пойти на это. Но теперь они не желают совершить даже такое простое действие — вынуть клинок им кажется непосильной задачей. — Он с сочувствием добавил: — Я говорил, что никто тебе не поможет.

В душе Се Ляня звучал истеричный крик:

«Признай. Он прав. Никто, никто, никто! Серьёзно, никто! Ни один человек!»

Словно услышав эти стенания, Безликий Бай, кажется, усмехнулся, протянул руку и взялся за рукоять чёрного меча.

— А, впрочем, не страшно. Они не помогут, зато я помогу.

Он приложил немного усилия, поднял руку и вынул клинок из живота Се Ляня, со звоном бросив рядом.

Затем белая фигура с лёгким смешком испарилась среди дождя, словно совершив задуманное и оставляя дальнейшее Се Ляню.

После извлечения меча рана принца открылась, подставленная дождевой воде, и уже отступившая боль нахлынула вновь. Боль — единственное чувство, которое он сейчас ещё мог ощущать так ясно.

Плюх-плюх-плюх, слышался звук ног, бегущих по лужам, словно кто-то торопился поскорее укрыться от дождя. Но Се Лянь уже не стал бы беспокоиться об этом, как когда-то.

Он медленно сел, но тут вдруг услышал неподалёку короткий вскрик, затем — звук тяжёлого падения.

Прохожий нёс на спине большую плетёную корзину, на голове его была доули от дождя. Наверное, дождь лил слишком сильно, поэтому бедняга не разглядел лежащего впереди Се Ляня. А когда тот неожиданно сел, удивление от увиденного и спешка сделали своё дело: мужчина упал, растянувшись рядом с принцем, и тут же выругался:

— Твою матушку!

Доули слетела, корзина перевернулась, белый рис рассыпался по земле. Мужчина закричал от досады, ударил по луже ладонью, отчего брызги грязи и рисинки попали на лицо принца. Несчастный был вне себя от ярости, он тут же вскочил на ноги и, тыча пальцем в Се Ляня, заорал:

— Что за ерунда?! Я таким нечеловеческим трудом заработал свои кровные, чтобы купить немного риса, а теперь он весь пропал! Чем я заслужил такое несчастье?! Возвращай мне деньги! Не прикидывайся мёртвым, верни деньги!!!

Се Лянь совершенно не обращал и не собирался обращать на крикуна внимания. Тот же не желал отстать от него, схватил за грудки и прошипел:

— Ты что, помереть захотел? Я тебя спрашиваю!

Се Лянь совершенно серьёзно ответил:

— Да.

Мужчина презрительно выплюнул:

— А что же ты, чтоб тебя так, не откатился в сторонку и не помер тихонько на обочине? Обязательно лечь посреди улицы и мешать людям? Помереть и то спокойно не можешь! Совесть потерял!!!

Се Лянь равнодушно позволял себя трясти, словно окоченел с ног до головы.

Пусть, пусть его ругают. Ему всё равно. Пусть ругают, как хотят. Всё равно пройдёт совсем немного времени, и всё закончится.

Солнце вот-вот зайдёт.

Прохожий всё требовал с безучастного Се Ляня деньги, а когда понял, что возмещения ущерба не дождётся, принялся бранить того на чём свет стоит и никак не успокаивался. Он ещё немного потряс принца, прежде чем наконец подобрать свою шляпу и, бормоча проклятия, удалиться. Се Ляня он с громким «плюх» опять бросил в грязь. Постепенно в голове принца послышался звук, заглушающий шум дождя.

Крики тысяч духов, запечатанных в мече.

По мере того как солнце понемногу садилось на западе, их безумные крики всё громче звучали в голове Се Ляня, словно духи радовались скорому освобождению и свершению мести.

Се Лянь закрыл лицо ладонью.

Но когда другая его рука, дрожа, потянулась к чёрному мечу, он вдруг заметил кое-что странное.

Кажется, дождь прекратился.

Нет.

Это не дождь прекратился, а что-то возникло над его головой, закрыв от дождя!

Распахнув глаза, принц увидел сидящего рядом на корточках человека, который накрывал его лицо от дождя своей шляпой. И это оказался тот самый прохожий, который только что обругал его!

Принц уставился на незнакомца, который точно так же уставился на него и сказал:

— Чего ты так на меня смотришь? Что, услышал пару оскорблений и правда решил помереть? — Мужчина звучно сплюнул. — Лежит весь такой унылый, думаешь, приятно посмотреть, а?

Только что прохожий вышел из себя от злости, но теперь, похоже, чувствовал вину. Он ещё что-то промямлил, затем стал оправдываться:

— Ну ладно, ладно. Я был неправ, будем считать. Но я бранил тебя потому, что ты это заслужил, кто ж просил тебя тут разлечься? И вообще, кого в этой жизни ни разу не бранили?

Се Лянь, не в силах произнести и слова, глядел на него круглыми глазами.

Тот снова раздражённо заговорил:

— Ладно, ладно, это просто моё невезение, можешь не возмещать деньги за рис. Ну чего ты тут лежишь? Вон какой большой, уже не ребёнок, чтобы ждать, пока родители тебя поднимут. Вставай-ка, вставай-ка.

Подгоняя и подбадривая, он потянул Се Ляня, помогая подняться, с силой похлопал по его спине и добавил:

— Вставай и скорее возвращайся домой!

Так Се Ляня подняли с земли, едва не уложив обратно ободряющим ударом по спине, и теперь принц стоял на месте, словно не мог пошевелиться от потрясения.

Когда же он наконец пришёл в себя, того человека и след простыл. Только плетёная шляпа осталась на голове принца напоминанием, что ему только что помогли подняться, и это ему не померещилось.

Спустя какое-то время Безликий Бай вновь появился за спиной Се Ляня. На этот раз он не смеялся. И в голосе не слышалось той безмятежности. Напротив — он был безрадостен и беспокоен.

— Что это ты делаешь? — спросил демон.

Дождь всё ещё нещадно лил, но на голове Се Ляня оказалась подаренная шляпа. И хотя принц уже весь промок до нитки, по крайней мере голову и лицо теперь не поливало водой.

Только его щёки всё равно были мокрыми.

Не дождавшись ответа, демон вновь мрачно произнёс:

— Солнце вот-вот зайдёт. Подними свой меч, иначе... Ты знаешь, что произойдёт.

Даже не оборачиваясь, Се Лянь тихо бросил:

— Пошёл ты.

В голосе демона послышались ледяные нотки:

— Что ты сказал?

— Ты не расслышал? — Принц повернулся к нему и спокойно ответил: — Так я повторяю.

Принц одним прыжком молниеносно оказался в воздухе и отвесил Безликому Баю пинок, от которого тот отлетел на несколько чжанов!

Коснувшись ногами земли, Се Лянь одной рукой зажал рану на животе, другой указал на демона и так громко, как только мог, изо всех

сил выругался:

— Пошёл ты!!! Кем ты себя возомнил, если смеешь так разговаривать со мной?! Ведь я — Его Высочество наследный принц!!!

По его щекам неудержимо струились дорожки слёз.

Один человек. Только один человек.

Правда. Только один, и этого достаточно!

Безликий Бай, которому принц отвесил пинок, в полёте перекувыркнулся и опустился на ноги, заорав на Се Ляня:

— Ты обезумел?!

Он был в ярости!

Се Лянь впервые видел, чтобы демон поддавался столь сильным эмоциям. И это его несказанно обрадовало. Схватив чёрный меч с земли, принц бросился в атаку.

— Я не обезумел, просто... я вернулся!

Только что пинок достиг цели, поскольку противник не ожидал от принца ничего подобного. Однако далее битва не обещала быть такой же лёгкой. Молнией ускользая от выпадов, Безликий Бай прошипел:

— Ты... позабыл? Как твои родители покинули тебя, как твой народ поступил с тобой, как твои последователи тебя предали?! Из-за одного человека, какого-то ничтожного прохожего?! Ты позабыл обо всём, что с тобой случилось?!

— Я не забыл! — ответил Се Лянь. — Но... — Взмах меча и полный гнева крик: — Это не твоё собачье дело!!!

Безликий Бай схватил клинок, так крепко, что захрустели суставы пальцев, с которых закапала кровь.

Теряя над собой контроль, демон, не в силах поверить в собственные слова, пробормотал:

— Дрянь... бесполезная дрянь! Ты самый настоящий мусор! Ты зашёл так далеко, но всё ещё смог передумать, смог вернуться назад!

Се Лянь с силой надавил на рукоять и сквозь зубы проревел:

— Ты... мне безмерно отвратителен, поэтому я ни за что не желаю становиться такой же отвратительной тварью!

Кажется, Безликий Бай немного успокоился, в его голосе вновь послышался знакомый тон, словно он держал абсолютно всё под своим контролем:

— Ладно, всё это — лишь отчаянное сопротивление перед неминуемым концом, не более. Помнишь, что я тебе говорил?

Се Лянь резко вдохнул, когда демон отчеканил:

— Ты уже призвал души погибших. Теперь поздно. Их мощь неудержима!

Посреди проливного дождя чёрный меч в руке Се Ляня издавал пронзительный рёв, от которого резало уши и сознание.

— Как ты намерен поступить? — продолжал демон. — Стоит ли оно того? Подвергнуться вечному проклятию ради всех этих людей?

С того самого пинка кровь Се Ляня будто закипала во всём теле, а голову охватывал жар. Каждый выпад и каждое слово шли от сердца, однако он вовсе не думал, что будет делать дальше. Услышав вопрос, принц не представлял, как на него ответить, только закричал:

— Ты не узнаешь, как я намерен поступить. Потому что к тому времени я уже разделаюсь с тобой!

Безликий Бай надменно хмыкнул:

— Ты слишком многое о себе возомнил!

В следующий миг Се Ляня подкинуло и отбросило далеко прочь. Принц тут же успокоил чувства и разум, чтобы обрести равновесие, однако не успел — над ним возникла белая фигура, вновь нанеся мощнейший удар. Се Лянь словно обернулся железным шаром, который тяжело сбросили вниз — с грохотом он проделал глубокую вмятину в земле собственным телом.

И если ранее в душе Се Ляня ещё теплилась надежда, что «собрав все силы, я могу победить», этот удар заставил его окончательно прозреть.

Не победить!

Для него демон слишком силён, подавляюще силён!

Ещё ни один противник, с которым сталкивался Се Лянь, не порождал у него мыслей о «подавляющей силе», разве что в нескольких боях с Цзюнь У проскальзывало это чувство, но лишь на миг. Владыка, несомненно, очень силён, однако сила его сдержанная, контролируемая, в этом он полностью противоположен Безликому Баю. Безудержная сила демона сочеталась с коварной яростью и полным ненависти намерением убить.

Поэтому Се Ляню хватило одного удара, чтобы понять: ему ни за что не одолеть Безликого Бая. Возможно, только Цзюнь У мог бы стать демону равным противником. Но только... сейчас голос принца не сможет достичь Владыки!

Демон с силой упёр белый сапог Се Ляню в грудь и со злостью проговорил:

— Только твоя безрассудность и неумение оценить собственные силы ещё в самом начале привели к такому исходу!

Се Ляню показалось, что все внутренности сжались в комок, давящую боль было трудно выносить, однако он всё же сдержал кровь, готовую выплеснуться горлом.

— Нет. Это не я.

— А?

Принц крепко схватился за сапог, придавивший его к земле, и со сверкающими глазами и взглядом, как никогда ясным, ответил:

— Это ты... наслал поветрие. Ты во всём виноват!

После недолгого молчания Безликий Бай хмыкнул:

— Возможно. Если тебе непременно хочется так думать. — Затем с улыбкой добавил: — Но тебе стоит понять, что не будь ты столь самоуверенным, не пойдешь ты против воли Небес, я бы не появился на этом свете. Моё рождение — это веление судьбы.

Пламя в глазах Се Ляня не только не погасло от дождя, но даже разгорелось сильнее.

— Поменьше бы мнил о себе! Мне не нужны твои наставления, я сам научусь всему. Если ты — олицетворение веления судьбы, то такое веление следует стереть навсегда!

Над ними послышались глухие раскаты грома, поднялся сильный ветер. Голос демона вновь сделался низким и мрачным.

— Я с такой заботой тебя наставлял, но ты упрямо не желаешь слушать. Наследный принц, я теряю терпение.

Се Лянь закашлялся, а демон продолжал:

— Впрочем, разницы нет. Всё равно ты уже пробудил их, не достаёт лишь последнего шага. И в этом я, так уж и быть, помогу тебе.

— Что ты задумал? — насторожился Се Лянь.

Безликий Бай склонился, схватил принца за руку, силой впихнул ему в ладонь рукоять чёрного меча, сжал пальцы и направил остриё в небо!

С небес сверзилась белоснежная молния, которая проникла в сердце клинка, а затем вырвалась вновь на свободу. Сгустившиеся тучи начали закипать, небо над Юньанью превратилось в море чёрных

облаков, в которых то и дело мелькали лица, руки, ноги... Словно туда переместился ад.

В тот же миг зашло солнце.

Се Лянь лежал на земле, и в его глазах отражались бурлящие тучи и грохочущие молнии. Безликий Бай оставил принца так, со звоном бросив меч на землю.

С неба будто бы послышались крики многотысячной армии, готовой уничтожить весь мир. На улицы высыпали перепуганные жители. Прячась под зонтами, они удивлённо спрашивали друг друга:

— В чём дело? Что за шум?

— Мамочки! Что это такое на небе?! Человеческие лица?!

— Недобрый знак! Поднебесная погрузится в хаос!

Се Лянь, весь в грязи, с трудом поднялся и закричал:

— Назад! Вернитесь в свои дома! И не выходите! Бегите домой!

Вот-вот нахлынет новая волна поветрия ликов!

Покуда Се Лянь изо всех сил размахивал руками, Безликий Бай наблюдал со стороны и посмеивался. Резко обернувшись, принц гневно воззрился на него. Демон, спрятав руки в рукава, преспокойно произнёс:

— К чему так гневаться? Всё равно пути назад нет. Может, лучше как следует насладишься мстью? Любишься, это ведь твоя прекрасная работа.

— Ты... — выплюнул Се Лянь. — Думаешь, я не смогу ничего придумать?

— Если сможешь, прошу.

Се Лянь сделал глубокий вдох, поднял с земли чёрный меч и направился к толпе людей.

Те, узнав принца прежней династии, который два дня лежал на дороге, не похожий ни на демона, ни на бога, ни на человека, осторожно попятились, но Се Лянь прикрикнул:

— Всем стоять!

По какой-то причине, несмотря на перемазанную грязью одежду, он обладал сейчас такой поразительной силой влияния, что люди в самом деле застыли.

— Видите эти тучи на небе? — спросил Се Лянь.

Люди растерянно покивали, и он продолжил:

— Это озлобленные духи, что послужили причиной поветрия ликов. Вскоре разразится новая волна недуга!

Чёрные тучи выглядели столь ужасающе, что уговоры не потребовались — люди сразу же поверили в сказанное и в испуге заголосили:

— П-поветрие ликов?!

— Но почему снова?

— Неужели правда...

Кто-то застыл в растерянности, кто-то немедля бросился бежать, но подавляющее большинство беспокойно смотрели на принца, ожидая, что он ещё скажет.

Но Се Лянь больше ничего не объяснил, только взялся за меч и протянул его толпе.

Увидев блестящий холодом клинок, люди от страха отшатнулись на несколько чи, но Се Лянь закричал на них:

— Возьмите!

— Что? — с опаской переспросила толпа.

Посреди дождя Се Лянь держал меч и мрачно говорил:

— Если вы пронзите меня этим мечом, то не заразитесь поветрием ликов.

И тут смех Безликого Бая прервался.

Спустя мгновение послышался его всё ещё довольно спокойный вопрос:

— Принц, ты сошёл с ума?

Люди тоже были озадачены:

— Что... что это значит?

— Он обезумел?

— Взять меч и проткнуть его? Серьёзно? Что он задумал?

Толпа зашелестела испуганным шёпотом, а демон разразился громким хохотом и заговорил:

— Ты растерял остатки разума или тебе не хватило ощущений от сотни ударов мечом? Нет, в этот раз, боюсь, их будет несколько тысяч. Раскрой свои глаза и посмотри на небо, внимательно посмотри! — Он вдруг перестал смеяться и указал наверх. — Озлобленные духи накрыли всю Юньань! Иными словами, если хочешь «помочь простым людям, попавшим в беду», тебе придётся стерпеть удар меча от каждого жителя Юньани, да ты же за день превратишься в кровавую

кашу! По глупости это может сравняться лишь с твоими мольбами о дожде для этих земель! Думаешь, сможешь спасти всех?

Се Лянь, стоя к нему спиной, ответил:

— Если дня не хватит, я потрачу на это месяц. Не хватит месяца, потрачу три! Не смогу спасти десять тысяч, так спасу хотя бы тысячу. Тысячу не выйдет, так получится спасти сотню, десяток, пускай даже одного!!!

— Почему ты это делаешь?! — в гневе взревел Безликий Бай.

Се Лянь обеими руками схватил рукоять меча и громко закричал в ответ:

— Без причины! Потому что мне хочется!!! Но даже если я объясню тебе... — он чуть обернулся и презрительно выплюнул: — Такое ничтожество как ты всё равно не поймёт.

Презрение в его взгляде и голосе было столь неприкрытым, что пробирало до самых костей, и даже Безликий Бай, кажется, невольно повысил голос, переспрашивая:

— Как... ты меня назвал?

Се Лянь перестал обращать на него внимание и спокойно повернулся к людям.

— Просто проткните меня мечом, и всё. Я не умру, вы же сами видели за эти два дня. Но один человек может нанести лишь один удар. Паниковать не стоит, слушайте меня. А кто начнёт лезть без очереди, того я первым же и побью. Поверьте, я одной рукой могу избить целую сотню.

Безликий Бай, не веря своим ушам, проговорил:

— Ты, ничтожество, приведшее собственное государство к гибели, посмел назвать ничтожеством меня?

Люди, конечно же, не осмеливались принять меч из рук Се Ляня, но и бежать тоже не решались. Демон, которого принц настойчиво игнорировал, разгневался ещё сильнее и язвительно произнёс:

— Хорошо. Я хочу своими глазами увидеть, во что ты, упрямец, превратишь себя самого. Но какой бы исход тебя ни ждал, всё это будет лишь твоя вина, и потом не смей плакать навзрыд, говорить, что сожалеешь, и вновь искать моей помощи.

Покуда люди топтались на месте, чёрные тучи спускались всё ниже, будто вот-вот обрушатся на землю. Крики бесчисленных человеческих лиц слышались уже совсем близко. Наконец какой-то

отец не выдержал — неся на руках своего ребёнка, он подошёл и принял меч.

— Я... я бы хотел, чтобы мой сын попытался...

Остальные, до сих пор пребывающие в сомнениях, поразились:

— Ты что, правда решил попробовать?!

Мужчина явно сомневался и сам, но всё же решительно ответил:

— Но... но ведь он, похоже, правда не может умереть! Прости, дружище, правда, прости! Мой сын... — с этими словами он закрыл мальчику глаза и велел взять меч.

Безликий демон не вмешивался, только стоял и холодно посмеивался в стороне. Принц чуть сжал кулаки в ожидании режущей боли и сказал сам себе в душе: «Ничего, тебе уже столько раз было больно, скоро привыкнешь».

Но за миг до того, как чёрный клинок вонзился ему в живот, кто-то со звоном выбил меч из руки мальчика.

Се Лянь не дождался боли, но зато дождался звонкого:

— Так нельзя!

Он рывком вскинул голову и увидел, что меч выбил тот самый продавец воды!

Стоя в толпе, мужчина не мог больше смотреть на происходящее и решил вмешаться.

— Послушайте, правда ведь, так нельзя, вам не кажется? Вы посмотрите, у него весь живот в крови. Неужели он в самом деле не умрёт? А даже если и так, кровь ведь всё равно потечёт!

Отец мальчика удручённо замямлил:

— Но... но...

Жена лавочника вновь принялась незаметно тянуть мужа за рукав, но тот обернулся и шикнул на неё:

— Да не дёргай ты меня, потом поговорим! — затем продолжил, обращаясь ко всем: — К тому же, мы ведь не знаем, поможет ли это защититься от недуга. Может, всё-таки не стоит его ранить?

Отец ребёнка указал на небо:

— Но ведь... вот-вот...

Ребёнок на руках отца заплакал, и лавочник тут же указал на мальчика:

— Вот, погляди, погляди! Заставляешь сына протыкать мечом людей! Он от страха даже расплакался!

Ребёнок, заливаясь слезами, выронил меч на землю. Наверное, мальчик даже не понимал, чего от него хочет отец, просто очень испугался. Так вся решимость мужчины окончательно испарилась, и он вместе с ребёнком вернулся в толпу. Ещё несколько человек, которые уж было хотели выстроиться в очередь, увидев, что первого развернули назад, разумеется, не решились выпрыгивать вперёд, но зато кто-то из них воскликнул:

— Ты что, не слышал, что он сказал? Поветрие ликов вот-вот обрушится на нас! Он — дух поветрия! Это он наслал беду на наши головы!

— Но если он правда дух поветрия, он бы не предложил нам такого способа спастись, верно?

Кому-то надоели отговорки:

— Ты сам сказал, что он добровольно на это пошёл, так в чём проблема? Ты что, хочешь, чтобы мы все тут погибли???

— Иди лучше продавай свою воду! Обычно так и норовил обвесить покупателей, а теперь строишь из себя праведника...

Жена лавочника, которая всё пыталась незаметно одёрнуть мужа, тут же подскочила как ошпаренная и с красным лицом разразилась бранью:

— Да чтоб тебя, пёс паршивый, кто здесь кого обвешивал?! А ну выкатывайся сюда и скажи это ещё раз!

Крикун тут же спрятался за чужие спины. А лавочник, покрасневшись и вытянув шею, продолжил:

— Я вам так скажу! Добровольно он вызвался или нет — это его дело. А сделаем ли мы, как он говорит, — уже наше дело. Это ведь настоящее убийство! Если бы я хоть стакан воды ему протянул, может, и захотел бы взять меч и попытаться... Но ведь... я ему не помог! А кто из вас помог? Мне просто... совесть не позволит так поступить!

И толпа замолкла. Потому что мужчина попал в яблочко: за два дня ни один человек не подошёл, чтобы помочь Се Ляню. Продавец воды хотя бы возымел такое намерение, просто не смог его исполнить, но ведь некоторые даже смотреть на принца подолгу не решались!

— И что нам теперь прикажешь делать? — пробормотал кто-то. — Вы ведь должны дать нам другой путь к спасению взамен!

Толпа заволновалась, кто-то пытался протиснуться вперёд, но тут раздался ещё один громогласный крик:

— Кто там шумит? А ну попробуйте пошуметь ещё, получите от меня тесаком!

Говорящим оказался толстый повар, тот самый, который в первый же день хотел подойти и вынуть из живота Се Ляня меч. Похоже, его что-то рассердило.

— Дружище верно говорит! Если бы вчера вы не остановили меня, я бы вытащил этот меч! Но почему же сейчас даже я не двигаюсь с места, а те, кто меня удерживал, кричат громче всех? Тьфу! Думаете, заслужили спасение? Такое бесстыдство редко в жизни встретишь!

Повар был рослым мужчиной со звучным голосом, а в гневе ещё и принялся размахивать кухонным тесаком — видимо, как раз вышел со своей кухни. И те, кто громче всех пытался воспротивиться, мигом умолкли, не решаясь больше кричать. А те, кто ничего не знал о произошедшем, разувая подробности, поразились:

— Быть не может! Неужели никто не подошёл?

— Да! Неужели так и оставили его лежать на два дня? Даже не помогли подняться?

Те, к кому они обращались, пристыжено возмутились:

— Не надо так говорить, как будто вы бы сразу побежали помогать! После драки кулаками не машут. Не забывайте, когда эта проклятая болезнь на нас сверзится, вам тоже не сбежать!

— Хм, а я тебе вот что скажу: будь я здесь, непременно вынул бы меч!

— Ну конечно, языком молоть — не мешки ворочать...

— Погодите! О чём вы затеяли спор? Сейчас проблема вовсе не в том, кто вынул бы или не вынул меч!

Пока люди, разделившись на два лагеря, шумно спорили, готовые окончательно разругаться, дождь понемногу прекратился. Но чёрные тучи сделались ещё гуще и нависли так низко, что казалось, невозможно вдохнуть полной грудью. В толпе раздались испуганные вскрики, люди указывали на небо:

— Оно идёт!!!

Се Лянь вскинул голову и увидел, как перемешавшиеся с бурлящими чёрными облаками человеческие лица сорвались вниз и полетели к земле, оставляя за собой длинные «хвосты», подобно чёрным падающим звёздам!

Поветрие ликов!

В перепуганной толпе поднялась паника, кто-то бросился бежать, кто-то спрятался в доме, а несколько человек всё-таки кинулись подбирать чёрный меч. Но... ничего не обнаружили! Оружие, которое из рук того мужчины выбил лавочник, в какой-то момент исчезло!

Се Лянь, потрясённый поведением людей, обнаружил пропажу только сейчас и тоже воскликнул:

— Где же меч? Кто его забрал?!

Людям было уже не до того — все разбежались кто куда. Но разве они могли обогнать озлобленных духов? Очень скоро всё вокруг заполнили пронзительные крики живых и вой душ погибших!

Догнав человека, озлобленные духи, подобно сгустку чёрного дыма, окутывали его с ног до головы, чтобы постепенно проникнуть в тело. Се Лянь пытался защитить людей, но духов было слишком много — принцу не удалось прогнать ни одного. На его глазах твари преследовали кричащих и плачущих людей, лавочник со своей женой и толстый повар тоже катались по земле, окружённые чёрным дымом. А Безликий Бай стоял неподалёку и, зло посмеиваясь, наблюдал.

Се Лянь, охваченный гневом и волнением, собрал волю в кулак и решительно закричал в самую гущу озлобленных духов:

— Эй!

Всё-таки это он призвал души умерших, и конечно, они сразу обратили на принца внимание, стоило громко крикнуть. Се Лянь развёл руки в стороны:

— Летите ко мне!

Духи, уже захватившие жертв, явно колебались — стоит ли послушаться... Те же, что находились в воздухе, тут же сменили направление и ринулись к Се Ляню.

Получилось!

Сердце билось так быстро, что казалось, сейчас остановится. Он сам не знал, что произойдёт, не знал, во что он превратится. Но горячая кровь, заполнившая голову, придала ему решимости. Принц понимал лишь одно: — даже если ему удастся одержать над этими тварями верх лишь на мгновение, а потом его разобьют в пух и прах, он ни за что не отступит; даже если на него набросится в тысячу, в десять тысяч раз больше духов, он останется непоколебим!

Ты хотел, чтобы я возненавидел и жалел себя? Чтобы я опустил руки?

А я не стану!!!

Никогда!!!

Чёрная волна, застилающая небо и землю, накатила на Се Ляня, один озлобленный дух с воем пролетел сквозь него. В тот миг принц почувствовал, как его сердце словно заледенело, всё тело охватила дрожь. Затем второй дух, третий...

Твари, подобно режущему ветру, пролетали сквозь него, каждый раз забирая частичку тепла. Принц становился всё бледнее, но твёрдо стоял на месте — не отступил ни на шаг.

Но он простоял совсем немного, и уже несколько сотен духов пролетели через него, а дальше будет только больше. Все, что скопились в этих чёрных тучах над ним!

Закрыв глаза, Се Лянь приготовился в одиночку выдержать пламя гнева всех этих духов. Вот только... следующий дух никак не прилетал. Поколебавшись мгновение, принц открыл глаза и обнаружил, что всепоглощающая чёрная волна, что окружала его... исчезла.

Всё потому, что духи, вновь обернувшись чёрным течением, подобным бушующей реке, повернули в другом направлении, привлечённые чем-то!

Потрясённый, Се Лянь повернулся и увидел в конце длинной улицы воина в чёрных одеяниях. А в его руке — чёрный меч.

Умин?

Но ведь Се Лянь заблаговременно велел ему уйти и ждать, пока принц найдет на людей поветрие ликов. Что юноша делает здесь?!

Не понимая, что происходит, и тем более не представляя, что тот собрался делать, Се Лянь на миг остолбенел. А потом бросился к юноше, на бегу выкрикивая:

— Стой! Что ты делаешь? Не трогай! Отдай мне меч!

Кажется, воин услышал его и чуть приподнял голову. Се Лянь не видел его лица, только нарисованную на маске улыбку. Однако принца посетило странное чувство...

Словно под этой маской воин в самом деле улыбался.

Но это чувство через мгновение пропало. Неудержимое чёрное течение и волна пронзительного воя обернулись ураганом, который сразу же поглотил юношу.

В следующий миг принц услышал душераздирающий крик.

Казалось, он уже где-то слышал этот крик. Определённо где-то слышал!

Боль. Боль, которую принц словно ощущал собственным телом. Боль, которая делала жизнь хуже смерти. Боль, от которой разрывало на кусочки. Принц тяжело повалился на колени, обхватил голову руками и закричал:

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Накатившая взрывной волной из самого сердца боль пришла внезапно и так же внезапно ушла. Когда вокруг всё успокоилось, руки Се Ляня безвольно упали.

Немного рассеянно, словно очнувшись от обморока, принц поднял голову. Вокруг него на земле без сознания лежали люди. Озлобленные духи, преследовавшие их, исчезли бесследно.

Это зрелище совершенно запутало принца. Что произошло с поветрием ликов и озлобленными духами? Что произошло с ним самим?

Чёрный поток растаял как облако. На том месте, где стоял безымянный демон в чёрном, остался лежать только меч, а неподалёку ещё маленький белый цветок.

Покачиваясь, Се Лянь поднялся на ноги, подошёл и поднял с земли цветок и меч.

Он потрогал лицо, осмотрел руки, но не обнаружил на теле ничего необычного. Непохоже, чтобы его подвергли какому-то мощному проклятию. В растерянности принц услышал за спиной вздох, лёгкое «А?»

Обернувшись, Се Лянь увидел Безликого Бая, который стоял позади него, спрятав руки в широкие, развевающиеся на ветру рукава.

Принц ещё не успел понять, что именно случилось, а в его душе уже зародилось смутное предчувствие чего-то нехорошего.

Демон посмотрел на него и тихо рассмеялся.

Недоброе предчувствие усилилось, Се Лянь нахмурился:

— Чего ты смеёшься?

— Ты до сих пор не осознал? — вместо ответа спросил Безликий Бай.

— Что?

— Ты знаешь, кому принадлежала та душа?

— Погибшему... на поле битвы воину?

— Да. И вместе с тем твоему последнему, единственному последователю на свете. Теперь и его не стало.

Последователю?.. Значит, у принца на этой земле ещё оставался последователь?

Только спустя долгое время Се Лянь наконец смог заговорить и с трудом произнёс:

— Что... значит... не стало?

— Его душа рассеялась навсегда, — неторопливо ответил Безликий Бай.

Не в состоянии пока принять этого, принц воскликнул:

— Как она могла рассеяться?!

— Он подвергся проклятию вместо тебя. Духи, которых ты призвал, сожрали его без остатка.

Духи, которых он призвал?

Подвергся проклятию вместо него?!

— Ах да, — добавил демон. — Ты встречал его далеко не единожды.

Се Лянь смотрел на него в растерянности.

— Похоже, его душа неотступно следовала за тобой, — с явным удовольствием продолжил Безликий Бай. — Сперва меня заинтересовала его особенная тёмная энергия, и я схватил его, чтобы расспросить. Внезапно выяснилось кое-что интересное. Праздник призраков, ночь фонарей, блуждающий огонёк. Припоминаешь?

— Праздник призраков? Ночь фонарей? Блуждающий огонёк? — бормотал себе под нос Се Лянь.

Безликий Бай неторопливо подсказал:

— Душа солдата, который при жизни служил в твоём войске, а после смерти стал следовать за тобой в качестве призрака. Он погиб в бою из-за тебя, обернулся демоном, когда тебя пронзили мечом сотню раз, а затем исчез с лица земли, потому что ты призвал поветрие ликов.

Се Лянь начал смутно припоминать. Но ведь... он даже лица этого последователя не увидел, не узнал даже его имени. Мог ли он вспомнить хоть что-то о нём, хоть сколько-нибудь?

«Возможно, здесь в самом деле ещё остались последователи, которые поклоняются вам».

Да. Остались.

Единственный последователь!

Кажется, Безликий Бай сказал ещё много чего другого, но Се Лянь слушал будто сквозь сон и всё пропустил мимо ушей. Только последняя фраза достигла его слуха:

— Такое божество как ты... уже достаточно смешон и жалок. А твои последователи — тем более, смешные и жалкие глупцы, каких свет не видывал.

Когда демон осмеивал самого принца, тот никак не реагировал. Но стоило Се Ляню услышать, как это существо, не сомневаясь в своей правоте, назвало последователей принца жалкими и смешными... Его словно пронзило острым клинком, возвращая ясность сознания. Сердце охватила неконтролируемый взрывной гнев.

Се Лянь бросился было в бой, но одним выпадом оказался пленён Безликим Баем, который с насмешкой произнёс:

— Так тебе меня не победить. Сколько раз я должен повторить, чтобы ты это понял?

Но принц и не желал победы. Не важно, сможет ли он одолеть тварь. Ему просто хотелось ударить его посильнее!

— Да что ты понимаешь! — в гневе выкрикнул принц. — По какому праву ты смеёшься над ним?!

Ведь это был его единственный последователь на всём белом свете!

— Почему бы не посмеяться над тем, кто поклонялся полному неудачнику? Ты глупец, а твои последователи — ещё бóльшие глупцы. Послушай! Если хочешь меня одолеть, ты должен строго следовать моим наставлениям. Иначе тебе никогда не победить!

Се Лянь хотел бы со всем презрением плюнуть демону в лицо, но не мог даже вдохнуть как следует. Безликий Бай выбросил руку, в которой тут же появилась маска Скорби и радости, и сказал:

— А теперь... начнём сначала!

Он уже почти надел маску на Се Ляня, когда внезапно послышались раскаты грома. В небесах засверкали молнии, сквозь тучи показались необыкновенные, яркие лучи.

Безликий Бай настороженно замер.

— Что это? Небесная кара?.. — осекшись, он воскликнул: — Нет! Нет.

То есть, да, это была Небесная кара, но не только!

По всему небесному пространству прокатился звучный мужской голос:

— Ему тебя не одолеть, а как насчёт меня?

Се Лянь рывком вскинул голову.

Впереди, на другом конце улицы вдруг появился молодой Бог Войны, облачённый в белый доспех и источающий ауру благовещего знамения. Его с ног до головы окутывал ореол белого сияния, ладонь лежала на рукояти меча. Он шагал вперёд, расчищая светлую дорогу посреди мира, полного тьмы и мрака.

Принц невольно округлил глаза.

Цзюнь У!

Когда всё закончилось, Се Лянь сидел на обожжённой дочерна земле и тяжело дышал.

Цзюнь У, вложив меч в ножны, приблизился со словами:

— Сяньлэ, добро пожаловать обратно.

На утомлённом лице Владыки виднелись кровавые следы, оставленные Безликим Баем. Кроме того, на его теле появилось несколько десятков ран, заметных и не очень, которые нельзя было назвать лёгкими. Но демону досталось сильнее — до такой степени, что он просто исчез, рассеялся без следа. Осталась лишь маска Скорби и радости, разбившаяся о землю.

Услышав «добро пожаловать обратно», Се Лянь сначала застыл, затем дотронулся до шеи и обнаружил, что его канга пропала.

— Я всё-таки не ошибся, — улыбнувшись, заметил Цзюнь У. — На возвращение тебе понадобилось меньше времени, чем ожидалось.

Се Лянь постепенно пришёл в себя и тоже улыбнулся, но это была улыбка с примесью горечи.

Успокоив дыхание, принц заговорил:

— Владыка, я бы хотел кое о чём попросить.

— Дозволяю.

— Вы даже не узнали, о чём я прошу.

— В любом случае, я должен преподнести тебе что-нибудь в честь возвращения в столицу бессмертных. Пусть это и будет даром.

Принц, дёрнув уголком губ, поднялся, посмотрел прямо в глаза Цзюнь У и со всей серьёзностью попросил:

— Что ж, тогда я хотел бы, чтобы вы ещё раз низвергли меня в мир смертных.

Улыбка Цзюнь У исчезла.

— Но почему?

— Я совершил ошибку, — честно признался Се Лянь. — Это я наслал на людей вторую волну поветрия ликов. Хотя итог оказался с виду вовсе не таким уж страшным.

Потому что... исчезла лишь одна безымянная душа. И никто на целом свете не будет горевать о ней. Поэтому такой итог нельзя было назвать по-настоящему страшным.

— Если ты знаешь, в чём ошибся, — медленно произнёс Цзюнь У, — следовательно, ты уже прав.

Но Се Лянь покачал головой:

— Только знать — недостаточно. Совершив ошибку, нужно принять наказание. Но... совершил ошибку я, а вместо меня наказание принял... — Он поднял голову. — Поэтому, в качестве кары, я прошу Владыку заковать меня ещё одной проклятой кангой. Нет, двумя. Чтобы одна сдерживала мои магические силы, а другая забрала мою удачу.

Цзюнь У нахмурился:

— Чтобы забрала твою удачу? Но ведь тогда ты станешь вестником неудач и по-настоящему превратишься в дух поветрия.

Ранее принц очень переживал, что его так называют, и даже активно протестовал, ведь ему это казалось настоящим позором. Но сейчас стало совершенно всё равно.

— Дух поветрия так дух поветрия. Я буду знать, что это не так, а остальное не важно.

Если принц перекроет потоки собственной удачи, они естественным образом перетекут к кому-то крайне неудачливому. Наверное, это будет своеобразным воздаянием.

Цзюнь У напомнил:

— Ты ведь потеряешь лицо.

— Ну и пусть. Сказать по правде, мне думается... что я скоро к этому привыкну.

Пускай он не хотел бы к такому привыкать, но... кажется, привыкнув, можно стать неуязвимым ко всему.

— Сяньлэ, — глядя на него, сказал Цзюнь У. — Ты должен понимать, что без магических сил уже не будешь божеством.

Се Лянь со вздохом ответил:

— Владыка, я понимаю это как никто другой. — Помолчав, он несколько раздражённо и раздосадованно добавил: — Когда люди говорили, что я — их божество, у меня появлялись магические силы. Но на самом деле я... вовсе не то божество, каким они меня считали. И, возможно, я не мог справляться с любыми трудностями, как они того хотели. Разве божество может быть таким неудачливым? Я хотел защитить свой народ, но вместо этого устлал землю их телами; хотел отомстить, но в последний момент отказался и не дошёл до конца. Безликий Бай был прав в одном — я неудачник. Если не быть мне божеством, значит, не быть.

Цзюнь У наградил его долгим внимательным взглядом, затем произнёс:

— Сяньлэ, ты повзрослел.

Это должен был сказать принцу кто-то из старших родственников. Жаль только, что у его родителей так и не появилось этой возможности.

Затем Цзюнь У добавил:

— Раз ты выбрал такой путь... что ж, хорошо. Однако должна быть причина, по которой я мог бы низвергнуть тебя.

Ведь нельзя просто так низвергать небесного чиновника, это же не детские игры! В противном случае, что из себя будут представлять Верхние небеса?

Впрочем, у Се Ляня появилась одна идея.

— Владыка, мы с вами, кажется, никогда не сражались в полную силу?

Цзюнь У сразу понял, к чему он клонит, и улыбнулся:

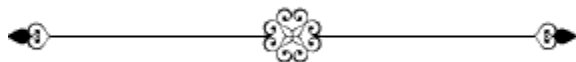
— Сяньлэ, я ведь ранен.

— Я тоже ранен, так что условия равны.

— Раз так, — Цзюнь У кивнул, — я не проявлю снисходительности.

Се Лянь чуть улыбнулся, в его глазах блеснуло нетерпение перед предстоящей битвой.

— Не стану и я.

Его Высочество наследного принца вновь низвергли.

Пройдя через грохочущую Небесную кару во второй раз, наследный принц Сяньлэ, Се Лянь, вернулся в Небесные чертоги, полный воинственного намерения избить каждого, кто попадётся ему на пути. Однако его вознесение не продлилось и получаса — столько горит одна палочка благовония — когда Император Шэньбу вновь сбросил его вниз после жестокой битвы. И никто из небесных чиновников так и не смог понять — что ему было надо?!

Впрочем, Се Лянь и сам не мог понять, что им надо, другим небожителям.

К чему такое любопытство? Каждый день смотрят и смотрят. Замаскируются под простых смертных и приходят украдкой смотреть на него, как на диковинную зверушку, вот уже несколько дней! Что может быть интересного в том, как взрослый мужчина таскает кирпичи и обмазывает стены глиной?

Се Лянь как раз недоумевал, когда позади послышался окрик начальника:

— Эй ты, новенький, да, ты! Тебе говорю! Работай как положено, не отлынивай!

Принц тут же сел прямо и звонко отозвался:

— О!

Затем схватил веер из тростника и принялся махать им как бешеный. Перед ним стояла маленькая печь, сооружённая из нескольких кирпичей, на которой с бульканьем варилась еда в большом котле.

Принц переносил землю и кирпичи на стройке. Впрочем, сейчас работа уже завершилась — неподалёку высились два новеньких храма. И теперь задачей Се Ляня было сварить еду. Покуда он с усердием этим занимался, на двух повозках привезли два высоких божественных изваяния. Рассеянно бросая в котёл всё, что попадётся под руку, принц улучил момент, чтобы посмотреть на статуи.

Статуи установили каждую в своём храме. Тут же из левого послышались возгласы:

— Приветствуем генерала Сюаньчжэня! Генерал Сюаньчжэнь — светоч великодушия!

Се Лянь потерял дар речи. Назвать Му Цина — светочем великодушия? Они это серьёзно?!

Хотя у последователей Му Цина были веские причины так к нему обращаться. Ведь, как известно всем и каждому, он вознёсся именно потому, что полностью очистил бывшую столицу Сяньлэ от остатков озлобленных духов, которые никак не хотели утихомириться. Следовательно, звание «светоча великодушия» не сказать чтобы преувеличено. Во всяком случае, все жители бывшей столицы были ему очень благодарны.

Из правого храма так же громко донеслось:

— Приветствуем генерала Цзюйяна! Генерал Цзюйян божественно храбр и непобедим!

Се Лянь покивал. Тут уж никаких возражений. Только... при встрече с женщинами бывают исключения.

Последователи обоих божеств изо всех сил перекрикивали друг друга, отчего у Се Ляня заболели уши. Принц со вздохом потёр точку между бровей и подумал: «И зачем всё это?»

Раз они так друг друга ненавидят, могли ведь просто не строить храмы друг напротив друга?

Ответ один — конечно, не могли! Ведь это место — самое людное в городе, с самым лучшим фэншумом, и последователи, разумеется, не

стали бы отказываться от такой прекрасной земли только ради того, чтобы держаться подальше от противников. Непременно нужно стараться переманить прихожан другого храма и строить друг другу всяческие козни.

Очень скоро перебранка двух сторон переросла в настоящую драку. Се Лянь же решил, что еда как раз сварилась, постучал лопаткой о крышку котла и позвал:

— Друзья, довольно ссориться! Идите есть!

Но кто бы обратил на него внимание в самый разгар битвы? Тогда Се Лянь, покачав головой, открыл крышку котла. Аромат распространился далеко вокруг, и тут началось... Люди мгновенно перестали метелить друг друга и заголосили:

— Мать его... Что это за вонь?!

— Кто-то дерьмо сварил?!

— Дерьмо, ещё и подгоревшее?!

— Что вы! — попытался объяснить Се Лянь. — Это блюдо императорского двора по особому рецепту, который хранится как сокровище...

Начальник, зажав нос, подошёл поглядеть, и тут же позеленел, в ужасе отскакивая прочь.

— Да какой ещё особый рецепт? Что это за императорский двор?! Ты о себе, что ли? Пошёл, пошёл прочь отсюда, проваливай! Людей тошнит от одного запаха твоего варева!

— Ладно, — согласился Се Лянь. — Могу и прочь пойти, только, пожалуйста, сначала заплатите мне за работу...

Начальник разъярился:

— И ты ещё смеешь просить платы?! Вы посмотрите! Ты! Да с тех пор как ты здесь работаешь, у меня одни убытки! Во время дождя молния бьёт не куда-нибудь, а обязательно туда, где ты стоишь! На стройке три раза возникал пожар! Стены три раза рушились! Ты же настоящий дух дурного поветрия! И ещё денег с меня просишь?! Проваливай, да поскорее! А посмеешь явиться снова, я тебя поколочу! И каждый раз буду колотить!

— Тут я не могу с вами согласиться, — заявил Се Лянь. — Сами же сказали, что все несчастья обрушивались только на меня, а других не задевало. Вы просто не хотите платить, как я погляжу!

Не дослушав принца, начальник и все остальные рабочие, не в силах выносить ужасной вони из котла, разбежались кто куда, будто их ветром сдуло.

— Пойдите! — только и успел крикнуть принц.

Оглядевшись, он увидел, что и дерущихся последователей двух божеств отпугнул запах варева. Не найдя на это слов, Се Лянь сказал самому себе:

— Велели мне сварить такой большой котёл, а есть не стали. Думаете, раз вы богачи, то можно деньги на ветер бросать?

Покачивая головой, принц подумал и наполнил две большие чашки едой. Одну поставил на алтарь в храме Цзюйяна, другую — в храме Сюаньчжэня. Решив, что всё-таки не растратил ничего попусту, он удовлетворённо хлопнул в ладоши.

Затем вышел на улицу, собрал свои пожитки и взвалил мешок на спину, привязав к мечу. Белая лента, повязанная на запястье принца, мягко потёрлась о его кожу. Се Лянь аккуратно похлопал по ней, поправил доули на голове и сказал:

— Ну что ж, раз денег не дают — пускай. Пойду в уличные артисты.

Всё-таки один коронный трюк у него ещё остался — разбивание камня на груди!

Проведя какое-то время в пути, Се Лянь вдруг заметил у края дороги маленький красный цветок, весьма симпатичный. Он присел рядом, осторожно коснулся лепестков и, преисполнившись хорошего настроения, сказал ему:

— Надеюсь, мы ещё встретимся когда-нибудь.

Когда принц был уже далеко, маленький красный цветок всё ещё покачивался на ветру.

Том пятый

Вырвется из плена медной печи божество, стоящее меж небом и землёй

Се Лянь лежал на ледяной земле, а лицо его закрывала маска Скорби и радости, наполовину плачущая, наполовину смеющаяся. Безликий Бай стоял рядом, словно любуясь принцем, теперь похожим на него как две капли воды.

Какая-то странная сила притягивала маску к лицу Се Ляня, и ему никак не удавалось её сорвать.

— Смирись, — произнёс демон. — Не трать силы понапрасну. Хочешь освободиться? Сделай так, как я говорю, и очень скоро сможешь вырваться из плена Медной печи.

Се Лянь притворился, будто подле него нет никакого демона.

Безликому Баю никак не удавалось завладеть вниманием принца, однако он, не желая сдаваться, ещё раз вздохнул и добавил:

— Мы ведь могли бы стать учителем и учеником, равных которым по силе не нашлось бы на свете, или же лучшими друзьями. Почему непременно нужно действовать наперекор?

Се Лянь всё-таки остановился и с неприязнью ответил:

— Перестань пытаться поучать меня с таким видом, будто прожил несколько жизней и до конца познал человеческую душу. Мне совсем не хотелось бы иметь такого друга или учителя как ты.

В его голосе звучало не прикрытое презрение.

— Знаю, — с издёвкой усмехнулся Безликий Бай, — в твоих глазах только двое могут быть тебе наставниками. Это советник и Цзюнь У, верно?

Его голос звучал странно, в нём слышались и пренебрежение, и насмешка. Но Се Лянь не собирался это обсуждать и спросил совершенно о другом:

— Лан Ин... был первым принцем Юньань?

Лан Ин — выходец из Юньань, подвергшийся поветрию ликов. Единственный, о ком мог подумать Се Лянь, — именно юный принц.

— Верно, — ответил Безликий Бай. — Тот самый принц, которого ты, порубив первого правителя Юньань на кусочки, ударил и бросил без сознания в сожжённом позднее императорском дворце.

Юный принц был племянником Лан Ина. Возможно, именно тогда остатки поветрия перебрались с тела Лан Ина к нему.

Се Лянь спросил:

— Но почему недуг не передался от него другим людям?

— Потому что обитатели дворца заметили, что юный принц заразился. И послали к нему убийцу, чтобы тот задушил мальчика одеялом, не допустив распространения болезни. Только принц, сопротивляясь, сам убил человека и сбежал.

Ну а из дворца пустили слух, что и государь, и юный принц погибли от серьёзных ран. После долгих внутренних препирательств придворные чиновники всё-таки посадили ещё одного племянника Лан Ина на трон. Он и стал предком Лан Цяньцю.

— Как тебе удалось его обмануть?

— Но я его не обманывал. Я лишь рассказал ему правду. Рассказал, из-за кого он превратился в уродца. И предложил свою помощь в отмщении. От него же требовалось лишь кое-то мне одолжить.

— Это ты называешь — кое-что одолжить? Ты же просто поглотил его, как пищу!

Безликий Бай безразлично ответил:

— С его-то лицом, не похожим ни на лицо человека, ни на лицо демона, никто не стал бы относиться к нему искренне. Подобная жизнь обернулась бы для него наказанием.

Неожиданно Се Лянь произнёс:

— Ваше Высочество?

На секунду ему показалось, что демон отзовется. Однако тот сдержался.

Но Се Лянь вновь спросил:

— Ты... и есть наследный принц Уюна?

В тот же миг Се Ляню почудилось, будто даже горячий воздух внутри Медной печи заледенел.

Принц обдумывал этот вопрос с того самого момента, как упал сюда.

Се Лянь понимал фразы, которые выкрикивали крысы, и причиной тому могли быть трое — Цзюнь У, советник и Безликий Бай. Кто-то из них передал ему часть своих воспоминаний и чувств. Другими словами, по крайней мере один из них являлся выходцем из Уюна. Цзюнь У родился многим позже гибели государства Уюн, поэтому самые серьёзные подозрения падали на советника и Безликого Бая.

Почему Хуа Чэн остался снаружи Медной печи? Точно не потому, что он — непревзойдённый. Се Лянь уже спрашивал у него и получил положительный ответ — демон, ставший непревзойдённым способен дважды проникнуть в Медную печь, так же как вознесшийся небожитель может второй раз пережить Небесную кару. Но всё же Хуа Чэн испарился на полпути. Самая явная причина, пришедшая на ум Се Ляню, — Медная печь слушается указаний Безликого Бая! Так... каким же статусом он должен для этого обладать?

В темноте повисла мёртвая тишина, и Се Лянь повторил, на этот раз утвердительно:

— Ты и есть наследный принц Уюна.

Демон наконец нарушил тишину.

Он рывком напал на Се Ляня, двигаясь стремительно, словно ветер, однако на сей раз пришёл черёд принца уклоняться. Он

прыжком вскочил с земли, ловко увернулся и спросил:

— Ваше Высочество, я задам тебе один вопрос. Почему ты никогда не предстаёшь перед людьми в истинном облики?

Безликий Бай мрачным тоном ответил:

— Ваше Высочество, я предупреждаю, не стоит меня так называть.

— Ты ведь можешь называть меня «Его Высочеством», — парировал Се Лянь, — почему же сам не позволяешь к себе так обращаться? Не хочешь отвечать, так я догадаюсь сам. Причин, по которым ты прячешь лицо, может быть только две. Либо я знаю тебя, или же не знаю, но едва посмотрев на твоё лицо, пойму, кто ты такой; либо твой настоящий облик до крайности уродлив, до такой степени, что ты сам не способен этого выносить! К примеру...

С хрустом предплечье Се Ляня охватила боль — Безликий Бай с силой сжал его за руку и прошипел:

— Принц, ах, принц. Неужели, стоило мне проявить чуточку доброты, и ты решил, что меня не следует бояться?

Его голос полнился почти осязаемым льдом, но сквозь боль Се Лянь всё же сохранил ясность сознания. Похоже, демон по-настоящему разозлился, он выхватил чёрный меч и направил на Се Ляня, вопрошая:

— Ты дал этому мечу имя Фансинь?

Глядя на приближающийся к собственному горлу угрожающий клинок, Се Лянь не дрогнул и мускулом, только спросил:

— А что, нельзя?

Безликий Бай хмыкнул:

— Ты совершенно не умеешь давать имена. Послушай же, настоящее имя этого меча — Чжусинь^[302].

Се Лянь вдруг округлил глаза:

— Кто это там?!

Безликий Бай не обернулся.

— Решил применить против меня глупый трюк, которым дурачат детей?

Се Лянь, недоумевая, переспросил:

— Ты... не заметил?

— Там ничего нет, — холодно бросил демон. — Что я должен был заметить?

Он и правда не заметил, зато Се Лянь заметил.

Только что в клинке Фансиня отразился свет подземного пламени, скользнувшего по стене над ними. И в тот миг Се Лянь увидел лицо.

Принц мог поклясться, что не ошибся: он точно увидел лицо, огромное человеческое лицо!

Безликий Бай обладал уровнем магических сил наверняка не меньшим, чем у Се Ляня, а намного большим. Почему же он не смог ничего увидеть?

Разве только... Это что-то было ещё страшнее, чем Безликий Бай?

Се Лянь смотрел на лицо в отражении лишь миг, однако в обрывках своих воспоминаний обнаружил... что оно ему знакомо. По телу принца пробежали мурашки.

— В Медной печи ещё кто-то есть!

Демон возразил:

— В Медной печи, кроме нас с тобой, только камень и лава.

Се Лянь хотел было поспорить, но тут про себя переспросил: «Постойте... Знакомое... каменное... лицо?»

Осознание пришло мгновенно, Се Лянь понял, что именно увидел.

Невероятно!

Принц немедля спрятал руки за спину и со скоростью ветра сложил несколько магических печатей. Демон, заметив его действия, произнёс:

— Бесполезно, даже если ты...

Но тут позади них раздался оглушительный треск, вслед за которым налетела волна камней и земли, подобная дождю!

Почуввав опасность, Безликий Бай молнией отлетел прочь, настолько быстро, что никто не смог бы угнаться за ним. И у него получилось бы уклониться от удара, жаль только, что напавшее на него «нечто»... оказалось невероятных размеров. Огромная рука, сложив пальцы в кулак, нанесла по демону прямой удар!

Рука, высеченная из скалы.

Размеры её и впрямь поражали — этот кулак мог бы сравниться с целым домом! Отсветы подземного огня озарили лишь эту часть, а всё, что выше запястья, осталось скрытым во тьме.

Под звуки падающих камней рука перевернулась ладонью вверх и переместилась к Се Ляню. Несмотря на громадные размеры, пальцы

выглядели изящными, с отчётливыми суставами. Такая рука могла и осторожно держать цветок, и крепко сжимать меч. Схватив оружие, принц перекатился в сторону, вскочил и запрыгнул на каменную ладонь. Рука уже двинулась наверх, когда Се Лянь вдруг вспомнил кое о чём, выкрикнул: «Постой!», вновь спрыгнул, подобрал доули и вернулся. Затем огромная ладонь начала подниматься, дальше и дальше от подземных огней, выше и выше. Чувствуя это, Се Лянь сложил руки в другой печати и приказал:

— Наружу!

После принц ощутил, как ладонь чуть опустилась, будто несущий его великан согнул колени, готовясь к прыжку, а в следующий миг тело стало таким тяжёлым, что Се Ляня едва не придавило к камню — великан взлетел, пробиваясь сквозь запечатавшееся жерло Медной печи!

Бах! Бах! Бах!

Следом за несколькими мощными ударами Се Лянь услышал отчётливый треск. Так рассыпается крепкая скала, не выдерживая яростного натиска!

А потом сверху блеснул луч света.

Он пробился!

Печать Медной печи сломалась, слепящий свет хлынул дождём, бешеный ветер засвистел вокруг, ворвавшись вихрем.

Се Лянь стоял на ладони великана, одной рукой придерживая шляпу, другой укрываясь от летящего в лицо снега. Жар от Медной печи испарился, принц глубоко вдохнул свежего холодного воздуха и крикнул:

— Сань Лан!!!

Эхо его голоса всё ещё летело вдаль, когда пара рук, возникшая сзади, заключила его в объятия. Се Лянь застыл, но опустив взгляд и увидев у себя на поясе руки в красных рукавах и серебряных наручах, сразу вздохнул с облегчением. Возле уха раздался обеспокоенный голос:

— Я едва не сошёл с ума!..

Принц обернулся, обхватил ладонями знакомое лицо и успокоил:

— Не сходи с ума, не нужно, я выбрался!

Это был Хуа Чэн. Его волосы растрепались, во взгляде до сих пор читалось отчаяние. Маску Скорби и радости, которую Се Ляню никак

не удавалось сорвать, Хуа Чэн снял одним движением и отбросил прочь. Принц сам не мог понять, почему вдруг взял лицо демона в ладони. Он сделал это совершенно не думая, видимо, в качестве жеста утешения, а может, боялся, что Хуа Чэн замёрз на снежном ветру... Ведь всё то время, что Се Лянь провёл внутри Медной печи, Хуа Чэн наверняка ждал его здесь, на вершине вулкана.

Они прыгнули туда вместе, но одного внезапно выбросило обратно! Не зная, что происходит там, внутри, и впрямь можно сойти с ума!

Крепко прижимая к себе принца, Хуа Чэн продолжал:

— Я никак не мог попасть внутрь Печи... Оставил тебя одного, пробиваться наружу! Я совсем ни на что...

— Сань Лан, всё хорошо, правда, всё в порядке! — перебил Се Лянь. — К тому же, я вовсе не один прорвался!

Тогда Хуа Чэн, немного успокоившись, спросил:

— Что? Гэгэ, как ты выбрался?

— С твоей помощью. Смотри.

Он указал наверх, и Хуа Чэн поднял взгляд в том же направлении.

Посреди летящего снега высилась высеченная из цельной скалы статуя, подобно исполину, стоящему меж небом и землёй. Они находились как раз на ладони этой статуи.

Черты лица изваяния поражали мягкостью и красотой. Длинные изящные брови, приятная глазу линия губ, чуть приподнятые в полуулыбке уголки рта. Выражение лица нежное, но не легкомысленное, бесстрастное, но не равнодушное. Лик, поражающий красотой и полный милосердия.

Это было лицо Се Ляня!

Глядя на статую, принц тихо спросил:

— Это и есть... твоя лучшая работа, о которой ты говорил?

Хуа Чэн долго молчал, не сводя глаз со статуи. Затем вновь посмотрел на Се Ляня и кивнул.

Это огромное каменное изваяние наверняка было высечено им из скалы во время заточения внутри Медной печи, спустя тысячи попыток и годы стараний.

Несколько сотен лет оно хранилось в глубине тёмного жерла вулкана, частично заросшее вьющимися растениями. Медная печь стала его естественным храмом, таящим множество опасностей. А

само изваяние оставалось единственным образом божества в этой огромной обители.

Созданная из того же камня, что и Медная печь, статуя стала с ней единым целым. В противном случае обычное изваяние ни за что не выбралось бы из недр вулкана, только рассыпалось бы каменной крошкой. А если бы оно изображало не Се Ляня, или же Хуа Чэн перед прыжком не одарил принца достаточным количеством магических сил, принц не смог бы повелевать ему.

Повернувшись к Хуа Чэну, Се Лянь произнёс:

— Вот так, Сань Лан, я и выбрался оттуда. Я пробился вместе с тобой.

Именно в этот момент двое неожиданно почувствовали волну дрожи, улыбки мгновенно исчезли с их лиц, взгляды сделались настороженными.

— В чём дело? — обеспокоенно спросил Се Лянь. — Это дрожит божественное изваяние? Оно ведь не рухнет?

Всё-таки печать на Медной печи была создана из огромного камня в десять тысяч цзиней, полного тёмной энергии. И если из-за столкновения с ней громадная статуя развалится, принца постигнет безмерное раскаяние. Ведь это лучший его образ, высеченный для него Хуа Чэном.

— Не стоит волноваться, — успокоил принца Хуа Чэн. — Статуя в порядке. Это дрожит гора.

Так и есть — внизу стремительным потоком сходил снег, в некоторых местах обнажилась сама гора. Похоже, что-то пыталось вырваться из Медной печи.

Хуа Чэн заслонил Се Ляня собой, а принц произнёс:

— Это Безликий Бай.

Разумеется, принц не стал бы самонадеянно полагать, что каменная статуя одним ударом раздавила Безликого Бая насмерть. Возможно, он лишь недолго находился в бессознательном состоянии, и потому не стоило терять бдительность. Однако вскоре на них налетела волна раскалённого воздуха.

Эта волна выплеснулась из жерла бездонного вулкана и несла в себе запах вулканической серы.

Се Лянь инстинктивно ощутил приближение опасности, Хуа Чэн же серьёзным тоном поторопил:

— Гэгэ, уходим!

Се Лянь сложил руки в магической печати и вместе с Хуа Чэном взбежал по руке статуи, в несколько прыжков оказавшись на её плече. Изваяние, слушаясь приказа, сдвинулось с места и помчалось вниз с горы вместе с бурным снежным потоком. Одно скольжение — и позади оставались несколько ли, в стороны летели снежные волны. Руки статуи оказались свободны, что позволяло огромному изваянию в десять тысяч цзиней держать равновесие. Но только они добрались до середины спуска, как гора содрогнулась сильнее прежнего, отчего божественная статуя едва не упала. Обернувшись, Се Лянь и Хуа Чэн увидели, как вместе с оглушительным грохотом, потрясшим небеса и землю, из вершины Медной печи, словно способный уничтожить целый мир, повалил столб чёрного дыма!

От представшей взору картины Се Лянь так и застыл. Но в тот же миг небо заволокло густыми чёрными тучами, и в этих тучах, скрывших солнечный свет, замелькали бесчисленные человеческие лица, руки, ноги... Невероятно жуткое зрелище!

Се Ляню уже доводилось видеть нечто подобное несколько сотен лет тому назад. И вот сегодня пришлось узреть снова!

— Это ведь...?

Хуа Чэн сосредоточенно ответил:

— Души погибших людей Уюна.

Должно быть, души всех погребённых под пеплом извергшегося вулкана жителей Уюна собрались над ними.

Хуа Чэн вдруг воскликнул:

— Гэгэ, внизу, в десяти чжанах!

Се Лянь немедленно приказал божественной статуе нанести удар каменной рукой в указанном направлении.

Там среди белого марева стояла белая фигура. Безликий Бай. Он почти слился со снежным потоком воедино, и всё же не укрылся от их глаз. От удара толстый пласт снега поднялся огромной волной, но цель ускользнула.

Подвергшись совершенно недавно атаке каменного исполина в темноте, на сей раз демон, разумеется, был готов. Белый силуэт мелькнул, а уже в следующий миг очутился на колене громадного изваяния. Статуя, не промедлив ни мгновения, занесла руку для удара,

но на полпути Се Лянь, сжав зубы, приложил усилие, чтобы её остановить, и подумал: «Ещё немного, и я бы попался!»

Статуя только что пробилась через печать Медной печи собственной головой, и если Се Лянь позволил бы изваянию нанести удар каменной ладонью по каменным коленям, малейшая ошибка привела бы к потере руки или ноги статуи. Похоже, именно эту цель и преследовал Безликий Бай — заставить статую навредить самой себе. Се Лянь вовремя приказал каменному божеству остановиться, а тем временем Хуа Чэн медленно вынул из ножен длинный и тонкий серебряный клинок своей сабли.

— Убирайся, — бросил он Безликому Баю.

Безликий Бай поднял голову, глядя на них. Хуа Чэн с угрозой добавил:

— Не тебе касаться этой статуи своими грязными лапами.

Неожиданно Се Лянь воскликнул:

— Сань Лан!!!

Он указал на вершину Медной печи. За чёрным дымом нечто выплеснулось наружу. Нечто текучее, цвета алого золота, обжигающе-кипящее.

Вулканическая лава!

Красно-золотая лава смешалась с клубами чёрного дыма и потекла вниз с горы, накрывая всё на своём пути. Воспользовавшись замешательством, Безликий Бай спрыгнул со статуи и исчез среди снегов. Се Лянь, отбросив мысль о погоне, закричал:

— Бежим!

Громадная статуя, послушавшись приказа, в несколько широких прыжков, которые грохочущим эхом раздались по округе, сбежала с Медной печи. Казалось, земля содрогнулась, когда ноги статуи коснулись подножия горы!

Изваяние двигалось быстро, однако лава и чёрный дым также поражали скоростью — пугающий поток почти настиг их. Оказавшись внизу, Се Лянь не решился останавливаться, тут же велел статуе подняться и бежать прочь. На бегу принц понял, что скорость статуи снижается! В душе это показалось ему странным и нехорошим знаком, принц даже решил было, что ему лишь померещилось, когда вместе с каменным исполином он остановился и ухнул вниз.

Изваяние, перестав слушаться, встало на месте и опустилось на одно колено!

Затем и вовсе подалось вперёд, словно лишилось сил и готово было свалиться от усталости. Сердце Се Ляня мгновенно подскочило к самому горлу.

Беда! Они падают!

И огненный поток вот-вот настигнет их!

Прямо в этот момент Се Лянь ощутил на поясе руки Хуа Чэна. Притянув принца к себе, одной рукой демон крепко обнял его за талию, а другой приподнял голову за подбородок и прижался чуть холодными губами.

Принц округлил глаза, затем его грудь наполнил приятный освежающий поток, который растёкся по всему телу, придавая сил. Поцелуй вышел коротким — Хуа Чэн почти сразу отстранился со словами:

— Гэгэ, попробуй ещё раз поднять её!

Се Лянь немедленно пришёл в себя, сложил печать, и статуя, которая уже почти упала лицом вниз, резко выбросила вперёд руки, упираясь в землю. И следующим шагом поднялась снова!

Оказывается, изваяние не только с виду истратило все силы — это случилось на самом деле. Чтобы управлять таким огромным божественным образом, необходимо затратить страшное количество магических сил, и принц без остатка сжёг те, что ему передал Хуа Чэн перед прыжком в жерло вулкана. Неудивительно, что статуя замедлилась и стала падать. Только вновь ощутив магические силы, статуя «оживала». И на этот раз она бежала быстрее прежнего, двигаясь намного проворнее.

Однако Хуа Чэн воскликнул:

— Гэгэ, ещё быстрее!

Се Лянь и сам хотел бы приказать статуе бежать быстрее, но в то же время переживал, что так затратит больше магических сил, поэтому неуверенно спросил:

— Выдержит ли она? Что если магические силы опять иссякнут?!

Уверенный голос Хуа Чэна прозвучал возле уха принца.

— Этого не случится, думай только о скорости! Никогда ничего не бойся, я здесь, с тобой!

Хуа Чэн стоял рядом, крепко держа принца руками за талию. И присутствия его одного было достаточно, чтобы Се Лянь почувствовал, будто бы весь мир встал на его сторону. Принц сделал глубокий вдох, закрыл глаза и ответил:

— Хорошо.

Затем вытянул руки вперёд, задействовал все магические силы, чтобы сложить самую сильную печать, и выкрикнул приказ:

— Беги!

Бум! Бум! Бум! Бум!

Каменная божественная статуя понеслась вперёд, одним прыжком преодолевая несколько ли, перескакивая через ущелья и перелетая через холмы. Они действительно оставили чёрные дымовые облака и лаву далеко позади! На такого огромного «бегуна» было невозможно не обратить внимание, от одного его шага волной расходилась мощная дрожь, будто с небес падали булыжники!

Эта дрожь затронула бесчисленных демонов, рассеянных по всей территории горы Тунлу, и все они растерянно остолбенели. Многие, задрвав головы, увидели собравшиеся в небе чёрные тучи, однако только подивились, не придавая большого значения. Всё-таки они находились в месте, где могло случиться что угодно. Кроме того, перед ними предстали всего лишь озлобленные духи, от которых демоны практически ничем не отличаются, каждый день таких встречается несметное множество — чего тут бояться?

Но стоило демонам узреть огромную бегущую статую Бога Войны, они так и застывали, потрясённые ...

Это что ещё такое?!

Тут же раздались испуганные вопли:

— Какая громадина-а-а-а!

Им никогда не доводилось встречать настолько исполинские статуи. Зрелище поистине пугающее!

Сначала Се Лянь хотел обогнуть столицу Уюна, чтобы его божественная статуя не превратила в руины старинные здания с двухтысячелетней историей, но вдруг вспомнил:

— Сань Лан, генерал Пэй, Повелительница Дождя и остальные... они ведь всё ещё где-то здесь?

— Да.

— Возвращаемся, возвращаемся, — торопливо велел изваянию Се Лянь. — Мы кое-что забыли, подберём и унесём их тоже!

Бегущая слишком быстро статуя резко остановилась, даже отшатнувшись, и уже развернулась назад, когда Се Лянь вдруг ощутил, как всё вокруг содрогнулось, под ногами опустело, и сам он подлетел в воздух.

Только тогда принц осознал, что же произошло.

Статуя упала!

Се Лянь и Хуа Чэн ровно опустились на грудь каменного колосса. Приказывая статуе подняться, принц посмотрел вперёд и обнаружил, что изваяние упало не по его вине, а по иной причине.

Перед ними вздымалась высокая гора.

Конечно, она не могла сравниться по высоте с Медной печью, но всё же оказалась выше статуи принца. Се Лянь прекрасно помнил, что они не перебирались через гору, когда бежали вперёд, поэтому заглянул дальше, через неё.

Как и следовало ожидать, за первой горой встали ещё две, примерно такие же по высоте. Три величественные горы преградили огромной каменной статуе божества путь назад.

— Гэгэ, будь осторожен, — предостерег Хуа Чэн. — Это и есть «стражники» горы Тунлу. «Старость», «Болезнь» и «Смерть».

Едва каменная статуя успела подняться с земли, первое горное чудище тут же бросилось в атаку.

Се Лянь вспомнил слова Хуа Чэна о том, как эти исполины гоняли его по всей территории горы Тунлу, поэтому не решился недооценить их силу. Он инстинктивно приказал статуе подпрыгнуть, чтобы перелететь через гору, но всё-таки не рассчитал, что изваяние таких размеров не сможет выполнить столь сложный трюк, — прыжок не удался, и их настиг новый удар.

Раздался такой грохот, что казалось, содрогнулся целый мир. Статуя покачнулась и упала в непосредственной близости от столицы Уюна, раздавив под собой целую улицу. Едва изваяние пошевелилось, чтобы встать, как послышался треск рушащихся зданий, некогда роскошных дворцов знати. Се Лянь и сам едва не упал, но Хуа Чэн крепко схватил его за руку.

— За мной!

Вместе с принцем он в несколько прыжков очутился на голове статуи. Оказалось, что волосы огромного каменного божества убраны в нефритовую корону, подобную маленькой открытой площадке, на которой они как раз и поместились. Здесь наконец можно было встать ровно, намного удобнее, чем на плечах или ладони изваяния. Но не успели они выдохнуть, как горное чудище напало снова, так врезавшись в статую, что та отшатнулась на несколько шагов. К счастью, на этот раз Се Лянь был готов: статуя устояла, лишь неосторожно растоптав ещё несколько строений. Не удержавшись от угрызений совести, про себя принц только и успевал повторять «Прошу меня извинить». Стараясь не наступать каменными ногами на маленькие домики, он озадаченно спросил:

— Почему они преследуют нас? В чём мы провинились перед ними?

— Они преследуют всех, кого встретят, не только тебя, гэгэ. Ну а ты сейчас чрезмерно привлекаешь их внимание.

— Разумеется, такое огромное изваяние будет привлекать внимание...

Внезапно все три горных чудища атаковали одновременно, окружив каменное божество с трёх сторон и сужая круг, словно намереваясь раздавить противника. Статуя не могла пошевелиться, как и Се Лянь — он все силы вложил в попытку оттолкнуть чудищ, но не смог сдвинуться с места. Похоже, ему не хватит сил, чтобы с ними справиться!

Принц раздумывал, нет ли другого способа высвободиться из плена, и невольно шагнул назад, но упёрся в чью-то грудь. Обернувшись, он увидел Хуа Чэна, который взял его за плечи со словами:

— Борись и ни о чём не думай! Всё в порядке, среди них нет тебе достойного противника. Ничто на свете не сможет тебя остановить!

Его грудь, словно самый надёжный и крепкий тыл, придала Се Ляню стократной уверенности. Окружив себя чистым потоком, принц сделал усилие... и наконец прорвался через окружение!

Под грохот камней ему удалось оттолкнуть горных чудищ на целую ли, клубы пыли с песком разлетелись в стороны. Однако чудища, отступив, снова двинулись вперёд. Се Лянь за несколько мгновений сложил пять печатей со словами:

— Не! Стойте! На! Моём! Пути!

Громадная статуя подпрыгнула в воздух, опустилась обеими ногами на вершины двух горных чудищ, одновременно с этим положила ладонь на рукоять висящего на поясе оружия... и выхватила меч!

Все движения были выполнены без единой заминки, чётко и аккуратно, словно живым человеком. Преисполнившись энтузиазма, Се Лянь выкрикнул:

— Я разрублю вас... Ой, стойте, кажется, не разрублю...???

Принц уже приготовился сделать зрелищный выпад и разбить гору пополам... Но стоило ему занести руку каменной статуи для удара, как он понял — что-то не так, а посмотрев вверх, и вовсе покрылся холодным потом.

Исполин действительно выхватил меч, но только... почему в его руке оказалась лишь рукоять???

Где же клинок???

Се Лянь так и остолбенел, а Хуа Чэн рядом с ним, приложив два пальца ко лбу, виновато проговорил:

— Гэгэ. Просто... забыл сказать тебе. Меч статуи я не высек целиком. Это моя ошибка.

Ну конечно! Хуа Чэн высекал статую прямо из скалы внутри Медной печи, и по его задумке меч оказался скрыт за бесчисленными складками длинных рукавов и подола одежд. Поэтому он высек лишь рукоять. Когда наполненная магической силой статуя пришла в движение, ей, разумеется, не удалось сотворить клинок меча из воздуха.

— Я просчитался, — нахмурившись, сосредоточенно заметил Хуа Чэн. — Всё-таки мастерства мне не хватило. В следующий раз высеку в камне каждую, самую мелкую, деталь.

Се Лянь почувствовал, что тот не шутит, и поспешил заверить:

— Нет, нет, сделано уже достаточно искусно. Правда!

В общем, без меча принц не мог никого разрубить. Поэтому пришлось сменить тактику... сорваться с места и бежать со всех ног!

Се Лянь тут же велел статуе спрыгнуть с вершин горных чудищ, бросить за спину не пригодившуюся рукоять каменного меча и бегом спасаться от погони. Они с Хуа Чэном остались стоять на небольшой площадке на голове изваяния. В лицо летел свистящий ветер,

треплющий их чёрные волосы, белые одежды и красные рукава. Опустив тот факт, что они спасались бегством, этой картиной можно было даже любоваться. К уху Се Ляня подлетела серебристая бабочка, от которой послышались несколько голосов. Принц сразу же взял бабочку в руки.

— Это Фэн Синь и Му Цин? А с вами Повелительница Дождя и генерал Пэй?

Так и есть — от бабочки раздавались знакомые голоса.

— Послушайте, — сказал Пэй Мин. — Ваше Высочество, необязательно так громко кричать.

— Ах, простите, — ответил Се Лянь. — У меня сейчас слишком много магических сил, буду держать себя в руках.

Му Цин тоже подал голос:

— Что? Ты сказал, у тебя много магических сил? У тебя?!

— Вы все собрались вместе, так? — ушёл от ответа Се Лянь. — Где вы находитесь?

— Мы встретились с генералом Пэем, Пэй Су и остальными. Сейчас мы в лесу недалеко от реки Уюн. Готовимся выбираться отсюда.

Вмешался Фэн Синь:

— Что у тебя там случилось? Кажется, в стороне Медной печи произошло что-то странное! Нужна помощь?

Се Лянь поспешил ответить:

— Не нужна! Оставайтесь там, я скоро прибуду за вами, расскажу всё при встрече! А, вот мы и на месте!

Впереди показалась река Уюн. Каменный исполин перемахнул через русло и присел на корточки возле леса. На удачу именно в тот момент принц заметил Фэн Синя и Му Цина, выходящих на открытое пространство и озирающихся по сторонам, будто в поисках кого-то. Но они спутали направление — не догадались посмотреть вверх, поэтому никак не могли увидеть Се Ляня и Хуа Чэна.

— Ваше Высочество, ты ещё не добрался? — обратился Фэн Синь к серебристой бабочке. — Где ты?

Се Лянь, сложив руки у рта, закричал прямо с высоты:

— Я уже здесь! Наверху! Посмотрите, прямо над вами!

Тогда двое наконец-то обнаружили огромную тень, которая накрыла их, и медленно подняли головы.

Перед ними предстал несравнимо громадный «Се Лянь», присевший возле леса и глядящий на них. На лице исполина даже играла очень селянская, доброжелательная улыбка.

Поленившись даже опустить взгляд на этих двоих, Хуа Чэн, расслабленно скрестив руки на груди, просто стоял в стороне. Направив взор вниз, принц помахал рукой:

— Видите? Здесь!

Этот невероятных размеров «Се Лянь» производил поистине неизгладимое впечатление и сразу же приковывал всё внимание исключительно к себе. Му Цин, видя перед собой лишь это огромное лицо, пробормотал:

— Да я, никак, умом тронулся...

В глазах Фэн Синя тоже стояло только лицо статуи, он затараторил себе под нос:

— Твою мать... твою мать... Да твою ж мать, что это, чтоб его, такое???

Се Лянь:

— Э-э...

Хуа Чэн повёл бровью, будто ему стоило титанических трудов не прыснуть со смеху. По правде говоря, никто в самом деле никогда ещё не видел такой огромной, но при этом выполненной настолько искусно божественной статуи. До сих пор самая большая статуя принадлежала Цзюнь У, но и она могла по высоте дойти лишь до пояса этому изваянию наследного принца...

Фэн Синь и Му Цин оказались так сильно потрясены, что Се Ляню пришлось позвать их несколько раз, чтобы они наконец увидели настоящий прообраз статуи. Остальные тоже постепенно вышли из леса, и каждый при виде статуи от испуга чуть не сворачивал шею или не валился с ног. Се Лянь, не зная, плакать или смеяться, приказал статуе опустить руку на землю и раскрыть ладонь.

— Началось извержение Медной печи, — сказал принц. — Боюсь, скоро огонь доберётся и сюда, вместе с тремя горными чудищами. Скорее, поднимайтесь все, я унесу вас в безопасное место!

Один за другим, все собравшиеся забрались по руке статуи и расположились на её теле. Се Лянь наверху почувствовал осязаемое движение воздуха, а обернувшись, увидел, как к ним быстро ползёт чёрный дым и пепел. Статуя выпрямилась и продолжила путь.

Реакция Пэй Мина и остальных оказалась вполне сносной: они лишь подивились, но потом успокоились. А вот Фэн Синь и Му Цин всё никак не могли прийти в себя. Наверное, потому, что и лицо, и образ, и фигура этой статуи были им слишком хорошо знакомы, поэтому в увеличенном состоянии поражали сверх меры. Стоя на плече колосса и не веря своим глазам, Фэн Синь сыпал вопросами:

— Кто это сотворил? Кто её высек? Почему я такого никогда не видел? И даже не слышал!

Хуа Чэн с фальшивой улыбкой ответил:

— Ты ещё многого в этой жизни не видел.

Прямого ответа не прозвучало, однако практически все, а в особенности Фэн Синь и Му Цин, не совещаясь, поняли: это его рук дело!

— Просто не могу поверить... — произнёс Му Цин. — Как тебе удалось сдвинуть его с места? Сколько же магических сил нужно затратить? Тебе хватает? Ты же полностью их лишился?

На этот раз Хуа Чэн ничего не сказал, а Се Лянь, бросив на него взгляд, прикрыл рот кулаком и замялся:

— Ну, на этот счёт...

Вмешался Пэй Мин:

— Если нет магических сил, их можно позаимствовать. Это же очень просто.

— Ха-ха-ха-ха, да...

По пути им попадалась всяческая нечисть, которая, видя потоки лавы и фонтаны огня, тоже поняла — дело плохо — и принялась цепляться за каменного исполина с криками:

— И меня подождите!

— Я, я, я, я тоже с вами!

— И нас, и нас возьмите!

Хуа Чэн велел им убираться прочь и послал вниз рой бабочек — засверкали холодные вспышки, послышался вой демонов. Снизу прозвучал голос Инь Юя, он, держа на руках Гуцзы, позвал:

— Градоначальник! Ваше Высочество наследный принц! Пустые оболочки погибших жителей Уюна и крысы-людоеды пришли в движение, стеклись в единый поток и, похоже, направляются за пределы горы Тунлу!

Повелительница Дождя, сидя на чёрном быке, сосредоточенно взглянула на небо со словами:

— Кажется, то, что скрывается в тёмных облаках, тоже очень хочет вырваться наружу.

Она не ошиблась — метаящиеся в чёрных тучах твари были озлобленными духами, жаждущими свежей крови и плоти живых, чтобы поселиться в их телах и обернуться жуткими ликами. На горе Тунлу не осталось людей, кроме демонов здесь были лишь небожители, к которым духи не могли приблизиться. Разумеется, они желали вырваться на свободу. Бесчисленные искривляющиеся лица с длинными чёрными хвостами дыма, подобно червям, кружились в небе. Се Лянь почувствовал дрожь в руках, но всё же уверенно сказал:

— Гора Тунлу ограждена барьером, через который не пробиться ни снаружи, ни изнутри. Думаю, они пока не способны покинуть...

Но принц не договорил — Хуа Чэн вдруг сжал его руку. Сердце Се Ляня сжалось следом, он тут же схватил Хуа Чэна в ответ и спросил:

— Что такое? Я трачу слишком много сил? Прости, прости, лучше всё-таки использовать их поэкономнее...

Хуа Чэн, закрывая правый глаз рукой, возразил:

— Нет, гэгэ, об этом не беспокойся, только... барьер вокруг горы Тунлу пал.

— Что? — не сразу понял Се Лянь. — Пал?

Но ведь он только что сказал, что с барьером у них нет причин для беспокойства! Да что же это такое!

Хуа Чэн пояснил:

— Разрушен. Боюсь, это дело рук Безликого Бая. Эти твари вот-вот вырвутся наружу.

Четыре Бога Войны обернутся мечом в ладони

Но если озлобленные духи вырвутся на свободу, разразится третья волна поветрия ликов!

Се Лянь воскликнул:

— Нужно придумать, как их остановить!

Му Цин, которому от ветра растрепало волосы и одежду до такой степени, что было больно смотреть, прокричал с плеча статуи:

— И как же ты их остановишь?

Статуя резко затормозила, подняв столб пыли.

— Всем задержать дыхание! — велел Се Лянь.

Следовавший за ними по пятам чёрный дым настиг изваяние в тот же миг. Каменный исполин нанёс удар, и поднялся ветер, от которого могло бы вырвать с корнем столетние деревья. Часть дыма и пепла удалось рассеять этим ударом, часть унесло ветром, но всё же Се Лянь в душе невольно посетовал: «Вот если бы у меня был меч!»

Хуа Чэн словно разгадал его мысли.

— Гэгэ, если тебе нужен меч, есть один способ.

— Что за способ? — обрадовался принц.

— Зависит от того, согласятся ли на это твои божественные коллеги снизу.

— Если что-то придумал, говори прямо, — вмешался Фэн Синь.

— Не надо путать его этим «может, есть, а может, нет».

Се Лянь, впрочем, уже и сам догадался, о каком способе говорит Хуа Чэн.

— Имеешь в виду... попросить генерала Пэя и остальных обернуться магическим клинком?

— Верно, — ответил Хуа Чэн. — Магические силы небесных чиновников на территории горы Тунлу ограничены, но с нами несколько Богов Войны, и если они вчетвером обернутся магическим клинком и нанесут удар все вместе, думаю, мощь будет достаточной.

Пэй Мин отозвался первым:

— Мне эта затея кажется выполнимой.

Му Цин, однако, всё ещё сомневался:

— Уверены, что сработает? Сколько тут Богов Войны? Трое?

Пэй Су и Инь Юй лишены магических сил, Повелительница Дождя — не Бог Войны, остались только Пэй Мин, Фэн Синь и Му Цин.

— Нет, — заметил Пэй Мин. — Четверо. Циин тоже с нами.

— А?

Инь Юй, секунду поколебавшись, перехватил Гуцзы одной рукой, а другой вынул из-за пазухи неваляшку. Однако не успел он снять печать, как игрушка начала бешено раскачиваться и громко визжать. У остальных от её крика уши пронзило болью, все как один обхватили голову руками, а Инь Юй второпях наложил на неваляшку ещё одну печать и вынул другую, при этом стирая пот со лба:

— Простите, перепутал. То был Лазурный демон. Вот этот нужный. — Он подбросил второго неваляшку вверх. В воздухе тотчас расплылось облако красного дыма, из которого появилась фигура юноши.

Исполинская статуя протянула руку, и юноша, перевернувшись в падении, опустился ровно на её каменную ладонь. Почесав кудрявые волосы, слипшиеся от крови, он поднял голову и при виде всей необычайной компании растерянно застыл. Инь Юй уже спрятался за чьей-то спиной, но Цюань Ичжэнь всё равно его заметил, подпрыгивая с громким:

— Шисюн!

Юноша тут же принялся прыжками взбираться наверх по статуе, а у Инь Юя от одного его вида разболелась голова. Наверное, он готов был три дня и три ночи слушать крики Ци Жуна, чем лишний раз перекинуться словечком с Цюань Ичжэнем. К счастью, Пэй Мин перехватил последнего на полпути и повёл с собой.

— Пойдём, пойдём, за работу, Циин. Когда закончим, сможешь предаться воспоминаниям со старым другом.

Цюань Ичжэнь ничего не понял и, к тому же, был не прочь свести с Пэй Мином кое-какие счёты, поэтому уже собирался ввязаться в драку, однако заметил наверху Се Ляня, который, сложив руки в молитвенном жесте, искренне поблагодарил:

— Спасибо за помощь, Циин.

Цюань Ичжэнь совершенно не понимал, что тут происходит, но всё-таки, почесав голову, согласился принять участие. Если бы Му Цина одного попросили стать мечом для другого Бога Войны, не обошлось бы без возражений, но раз их набралось четверо, он не мог просто махнуть рукой и отказаться, так что промолчал. И вот четверо — Пэй Мин, Фэн Синь, Цюань Ичжэнь и Му Цин выстроились друг за другом в ряд на ладони каменной статуи божества.

Хуа Чэн, опираясь локтями об украшение в волосах изваяния, посмотрел вниз и спросил:

— Вам не кажется, что последним двоим лучше поменяться местами?

Если рассуждать разумно, то они должны были выстроиться так: Пэй Мин, Фэн Синь, Му Цин, а последним — Цюань Ичжэнь. По магической силе Цюань Ичжэнь был самым нестабильным, и, если

окажется в центре клинка, при особенно мощном ударе такой меч может «сломаться». Но Се Лянь, стерев пот со лба, ответил:

— Нет, не лучше. Фэн Синя и Му Цина нельзя ставить рядом ни в коем случае, иначе в процессе битвы они, того и гляди, сами начнут биться, поэтому их непременно должен кто-то разделять.

Хуа Чэн приподнял бровь, всем своим видом как бы говоря: «Наилучшим исходом будет, если эти двое поубивают друг друга». А тем временем внизу четверо Богов Войны окружили себя духовным сиянием, которое становилось всё сильнее, распространялось всё дальше, объединялось с другими, пока наконец не приняло форму духовного меча!

Едва это случилось, огромная статуя подбросила клинок, протянула руку и схватила его за рукоять!

Ощувив в руке оружие, Се Лянь будто бы обзавёлся крыльями — его мощь многократно возросла, и принц нанёс сокрушительный удар!

Едва духовный меч касался озлобленных духов, как они тотчас, издав пронзительный крик, исчезали. Клинок в руках Се Ляня, сокрушая противника направо и налево, кружился так быстро, что казался распустившимся цветком; был подобен ураганному ветру, разгоняющему тучи. Там, где он пролетал, словно разрывались бесчисленные фейерверки — зрелище поистине улаждало глаз. Демоны, наблюдавшие за действием на земле, раскрывали рты от удивления и разбегались в стороны только тогда, когда каменный исполин едва не наступал на них своим тяжеловесным сапогом. Однако в самый разгар битвы изваяние вдруг неловко покачнулось, готовое упасть. Се Лянь поспешно упёрся мечом в землю, с трудом удержав статую на ногах.

— Ваше Высочество, в чём дело? — воскликнули все четверо Богов Войны, обернувшись мечом.

— Продолжайте биться! Они снова собираются!

Управлявший статуей так долго, принц ощутил лёгкую усталость. С него градом катился пот, в душе нарастало напряжение, однако он ответил:

— Ничего, всё в порядке! Просто...

Просто магические силы опять подошли к концу!

Се Лянь резко обернулся. Хуа Чэн стоял совсем близко, сразу за ним, как будто уже готовый протянуть к нему руки. Поэтому принц

решил — была не была.

Он бросился к Хуа Чэну, ладонями обхватил его лицо, чуть приподнялся на носочках, закрыл глаза и прижался губами к его губам.

Фэн Синь:

—

Му Цин:

—

Цюань Ичжэнь:

— ?

Пэй Мин:

— Хо-хо^[303].

Просто схватить Хуа Чэна за лицо оказалось недостаточно — Се Лянь решил, раз уж всё зашло так далеко, почему бы не «позаимствовать» побольше? И крепко обнял демона руками за шею, целуя ещё глубже. Секундная усталость мигом прошла, тело наполнилось духовными силами. Ну а от меча в руке статуи послышались разнообразные вопли.

— Да что же это делается?! — потрясённо вскричал Фэн Синь. — Что вы творите?! Ваше Высочество?!

Се Лянь, по неосторожности подавившись, наконец отстранился от Хуа Чэна и, не решаясь смотреть вниз, крикнул куда-то в небо:

— Я... заимствую магические силы! Просто заимствую магические силы! Ничего неподобающего!

Му Цин тоже поразился:

— Но ведь для этого совершенно не обязательно делать ничего подобного! Достаточно было коснуться ладонями, как для принесения клятвы!!!

Се Лянь, сам не понимая, что говорит, нёс полнейшую чепуху:

— Ха-ха-ха-ха! Вы меня раскусили! На самом деле это не передача магических сил! Ха-ха-ха-ха...

Видя его состояние, Хуа Чэн, тоже посмеявшись, взял лицо Се Ляня в свои ладони, наклонился, поцеловал принца в лоб и с нежностью произнёс:

— Не волнуйся так, гэгэ.

Весьма странно, но в следующий миг Се Лянь сразу же пришёл в себя. Притворяясь, что не слышит голосов Фэн Синя и Му Цина, он сделался серьёзным и вновь сложил ручную печать. Каменное

изваяние немедля вскинуло меч и принялось рубить с удвоенной силой, будто её тело переполняла бесконечная мощь!

Цюань Ичжэнь восхитился:

— Так значит, он и правда заимствовал магические силы! Неожиданно стал сильнее...

Му Цин, не выдержав, бросил:

— Просто чушь собачья, что бы ты понимал... — но потом, должно быть, вспомнил, что не стоит посвящать в такие подробности Цюань Ичжэня, этого большого ребёнка, и решил исправиться: — Да, именно, он заимствовал магические силы.

Пэй Мин, посмеиваясь, поддержал:

— Всё верно, но только не вздумай таким же образом заимствовать магические силы у кого попало, понял, Циин?

Фэн Синь:

— О чём вы вообще говорите? Вы что, правда в это поверили?

Несмотря на возросшую мощь каменного исполина, озлобленные духи закрыли собой всё небо, и не существовало такой сети, которая могла бы изловить их всех до одного. Разглядев серьёзного противника в лице статуи, твари разлетелись прочь, подобно огромным головастикам с человеческими лицами, за которыми по воздуху тянулись длинные хвосты.

Се Лянь скомандовал:

— В погоню!

Статуя не успела сделать и пары шагов, когда случилось непредвиденное — она вдруг завалилась набок!

Но ведь только что принц запаса достаточным количеством магических сил и находился в отличной форме, никаких причин для подобного происшествия не существовало. Когда изваяние накренилось, Се Лянь посмотрел вниз и наконец заметил, что в каменной ноге зияет дыра, из которой сыплются крупные куски скалы. А следом со статуи легко слетела белая фигура, которая приземлилась и тут же исчезла бесследно, так что ни боги, ни демоны её не заметили. Это был Безликий Бай.

Он голыми руками повредил статуе ногу!

Исполин с грохотом рухнул. К счастью, всех, кто находился в тот момент на статуе, нельзя было назвать простыми людьми, реакция у

них оказалась молниеносной — божества заблаговременно спрыгнули с падающего изваяния и благополучно оказались на земле.

Се Лянь и Хуа Чэн вернулись на грудь статуи, и принц попытался вновь отдать ей приказ подняться, что оказалось крайне сложной задачей. Огромный каменный бог лежал, словно поверженный, и медленно пытался хотя бы перевернуться.

Му Цин, всё ещё внутри духовного меча, спросил:

— Ну как? Он ещё сможет встать?

— Опять закончились магические силы? — вмешался Цюань Ичжэнь. — Не позаимствовать ли ещё немного?

— Нет, — ответил ему Пэй Мин. — На этот раз дело не в магических силах. И вообще, Циин, не стоит больше вспоминать о том случае, забудь навсегда.

— Боюсь, повреждение слишком серьёзное... Статуе тяжело подняться снова, — заключил Се Лянь.

Камень не чувствовал боль, но если заставить статую продолжить сражение, возможно, повреждённая нога просто отвалится целиком. И дело не только в том, что тогда её мощь значительно снизится. Ведь это произведение, к созданию которого Хуа Чэн приложил наибольшее старание и которое более всего понравилось Се Ляню. Если оно окажется изуродованным, это принесёт принцу настоящую сердечную боль. Тем временем озлобленные духи, поняв, что враг повержен, возрадовались и бешено закружились над ними, а затем разлетелись в стороны. Неужели оставалось только смотреть, как эти твари вырвутся на свободу?

Взглянув на Хуа Чэна, Се Лянь понял, что тот явно разгневан на Безликого Бая.

Спустя какое-то время Хуа Чэн позвал:

— Гэгэ...

Но неожиданно сгустившиеся чёрные тучи пронзило ослепительным лучом белого света, будто над облачным слоем загорелось что-то очень яркое.

Затем сверкнул второй луч, третий, четвёртый...

Бесчисленные белые лучи пронзали тучи, пронзали озлобленных духов!

И это духовное сияние, сильное настолько, что почти слепило глаза, было знакомо всем присутствующим божествам. Оно

практически постоянно наполняло собой и озаряло всю столицу бессмертных.

Цзюнь У спустился с небес!

Рассуждения белого владыки о загадочном советнике

Когда слепящий свет падал на духов, они исчезали, испаряясь целыми пластами облаков, сквозь которые с мечом в руке прорвался Бог Войны в белом доспехе!

Это действительно был Цзюнь У. Остальные, словно увидев родного отца, все как один воскликнули:

— А! Владыка! — и едва не залились горькими слезами.

Ступая по свету и ветру, Цзюнь У неторопливо опустился на землю и произнёс:

— Не стоит предаваться панике. С вами всё в порядке?

Четверо Богов Войны, обернувшись огромным духовным мечом, торопливо приняли истинную форму.

— Владыка, вы ведь остались на страже столицы бессмертных? — спросил Пэй Мин. — Зачем вы лично спустились сюда?

— Повелительница Дождя по духовной сети сообщила, что барьер вокруг горы Тунлу разрушен и положение крайне опасное, поэтому я поспешил к вам.

Остальные обернулись к Повелительнице Дождя и подумали — вот оно что. Барьер разрушен, и значит, они могли воспользоваться сетью духовного общения, просто в момент опасности никто об этом не вспомнил, все думали только о том, как одолеть тёмных тварей.

— Владыка, — Се Лянь сделал шаг к нему. — Это Безликий Бай. Он вернулся.

Цзюнь У с лёгким кивком ответил:

— Я так и думал, что без него тут не обошлось.

— Он то появляется, то исчезает вновь, и стоило вам спуститься, он вновь куда-то скрылся.

— Нет причин для беспокойства, — заверил Цзюнь У. — Сначала разделаемся с озлобленными духами, затем отправимся на поиски демона.

Все подняли глаза к небесам, где чёрные клубящиеся тучи рассеивались от мощных лучей света, которые с собой принёс Цзюнь У.

— Выходит, мы предотвратили рождение нового Князя Демонов?
— спросил Пэй Мин.

— Можно считать, что так, — ответил Се Лянь. — Всё же из Медной Печи вырвался не настоящий демон, а только это.

Взгляды присутствующих вновь переместились в одном направлении. Там, лишившись управления Се Ляня, ничком лежала огромная каменная статуя. Это громадное творение кропотливой работы мастера, упав на землю, походило на невысокую гору. Се Лянь, стоя ближе всех, коснулся щеки изваяния и спросил Хуа Чэна:

— Сань Лан, что с ним делать?

Хуа Чэн, кажется, задумался о чём-то другом, но когда принц задал вопрос, тут же отозвался:

— Гэгэ, не стоит беспокоиться. Пусть остаётся здесь, до тех пор, пока я не восстановлю его первоначальный вид.

— Неужели его ещё можно отреставрировать?

— Конечно, можно. Понадобится только кусок скалы из Медной печи. Я непременно восстановлю его, чтобы колосс мог подняться вновь.

— Что ж, тогда пусть пока полежит. Сейчас внутри Медной печи проснулся вулкан, и нельзя сказать наверняка, когда извержение прекратится.

Оставшиеся в небе озлобленные духи внезапно обернулись настоящим смерчем и, пронзительно крича, ринулись в одном направлении. Все в растерянности последовали за ними взглядами и увидели, что нечисть направилась в сторону подземного храма Уюна.

Тварям некуда было спрятаться от слепящих лучей, и рано или поздно они растворились бы в воздухе; но теперь всё множество духов скрылось в подземном храме, словно их что-то туда засосало, оставив небо чистым.

— Что происходит? — озадаченно воскликнул Му Цин.

Се Лянь, понимая, что дело плохо, ответил:

— Это всё Безликий Бай! Он применил Сжатие тысячи ли, чтобы куда-то отправить духов!

Цзюнь У взмахнул рукой, разрушив крышу храма, оставшуюся на поверхности, а заодно снял целый пласт земли. Однако внутри не оказалось ничего, кроме только что нарисованного магического поля.

— Что он задумал? — спросил Фэн Синь.

— Куда он направил поле? Куда он их увёл?!

В прошлом этот вопрос следовало бы задать Линвэнь, её дворец выяснил бы место назначения, не затратив и получаса. Однако сейчас уже сменилось несколько Богов Литературы, которых поставили на её место, и в ключевой момент никто не отозвался помочь.

От злости Фэн Синь выругался:

— Мать их! Раньше все раздувались от бахвальства, превозносили свои способности до небес и требовали дать им шанс, чуть не ссорясь друг с другом за возможность показать себя, а что же теперь никто себя не показывает?! Больше в жизни не скажу, что от дворца Линвэнь нет никакого толку!

Раздался голос Хуа Чэна:

— В императорскую столицу.

Остальные повернулись к демону, который как раз отнял пальцы от виска и продолжил:

— Он разослал этих тварей по разным направлениям, в разные города. На данный момент удалось выяснить только один — императорскую столицу, поскольку там произошёл неожиданный всплеск тёмной Ци.

Поскольку Боги Литературы из столицы бессмертных оказались бесполезны, придётся воспользоваться помощью главаря мира демонов, чтобы выяснить, куда разлетелись тёмные твари. Присутствующим небесным чиновникам стало явно не по себе от такой потери лица. Однако это ощущение тут же улетучилось, ведь опасное положение, в котором они оказались, не терпело промедления.

— Какую цель преследует Белое бедствие — ясно без слов, тут и думать нечего. Он специально отправил тварей туда, где больше всего людей. Стоит поветрию ликом возникнуть, оно распространится с невероятной скоростью. В столице проживает наибольшее количество населения, и разумеется, он не обошёл город стороной.

Пэй Мин тоже вмешался:

— Необходимо как можно скорее его остановить, нельзя медлить ни единого мгновения, в противном случае страшно представить, чем всё обернётся.

Боги Литературы, пытавшиеся заменить Линвэнь, стали для Цзюнь У такой головной болью, что никакими словами не описать. Владыка тоже повернулся к Хуа Чэну.

— Может ли Ваше Превосходительство точно определить местоположение всех остальных городов?

— Как раз выясняю. Много времени не понадобится. Инь Юй, займись.

— Слушаюсь, — немедля ответил тот.

Когда-то Цзюнь У низверг Инь Юя с Небес, и он, несмотря на полную справедливость такого решения, увидев Владыку, невольно забеспокоился. Связавшись по сети духовного общения с подчинёнными из Призрачного города, Инь Юй наконец осторожно назвал несколько определённых направлений:

— Три сотни ли на юг, двести семьдесят ли на север...

Цзюнь У обратился к Фэн Синю:

— Наньян, ступай на юг.

Фэн Синь отозвался не сразу, словно его что-то останавливало, и Се Лянь догадался, что дело в поисках Цзянь Лань и её сына. Принц только хотел замолвить за Фэн Синя слово, когда тот, всё-таки ответив согласием, отошёл в сторону, чтобы нарисовать магическое поле.

— На север отправляюсь я? — не дожидаясь приказа, спросил Пэй Мин.

— Разумеется, ты, — ответил Цзюнь У.

Пэй Мин кивнул и, сделав несколько шагов, заметил, что Пэй Су идёт следом, поэтому обернулся со словами:

— Твои раны ещё не зажили, а действие яда не закончилось. Лучше останься с Её Превосходительством.

Пэй Су озадаченно спросил:

— Но... генерал, я... ведь не... под дейст...вием яда?

Сочувственно похлопав его по спине, Пэй Мин возразил:

— Ты до сих пор разговариваешь обрывками фраз, это называется «не под действием яда»? — Договорив, генерал слегка повернул голову, обменялся с Повелительницей Дождя коротким кивком и ушёл один.

— Циин, отправишься на запад. Только ни в коем случае не поступай опрометчиво...

Цюань Ичжэнь с недоумением спросил:

— Для чего мне отправляться на запад? И чем это все занимают?

Повисла неловкая тишина.

Впрочем, нельзя винить Цюань Ичжэня в том, что он не понимал, что происходит. Наверное, его и так всю дорогу мучали вопросы: Почему его вдруг кто-то ударил? Почему он оказался замурован в стене? Почему из него сделали неваляшку? Почему попросили обернуться огромным мечом? Ни одной секунды, когда всё было бы предельно ясно. Понимая состояние Цюань Ичжэня, Инь Юй со вздохом предложил:

— Я отведу его. По пути всё объясню.

Вероятно, больше ни у кого не хватит терпения, чтобы взять на себя такую задачу.

— Хорошо! — воскликнул Цюань Ичжэнь.

Му Цин, так и не дождавшись указаний, не выдержал:

— Владыка, а как же я?

Посмотрев на него, Цзюнь У ответил:

— Сюаньчжэнь, ты, должно быть, забыл одну вещь.

— Какую? — озадаченно спросил Му Цин.

— Ты всё ещё находишься под арестом.

Му Цин моментально позеленел. Он и правда совсем забыл об этом! И не только он, а почти все уже забыли, что Му Цин сбежал из-под стражи в темнице столицы бессмертных, куда его посадили по подозрению в применении тёмного искусства создания духа нерождённого. И это подозрение до сих пор с него не снято!

— Твоя помощь не требуется. Можешь вернуться в столицу бессмертных, срок твоего заточения будет продлён.

— Владыка... Это правда не моих рук дело!

— Когда мы всё выясним, тайное станет явным, и я, разумеется, тебя отпущу. Но до тех пор я не могу позволить тебе разгуливать где вздумается... Как это скажется на репутации Небес?

Му Цин не желал мириться с таким решением, но ничего возразить не мог, поэтому лишь тихо отозвался:

— Слушаюсь.

Глядя на обиженного Му Цина, Хуа Чэн, несколько не скрываясь, громко рассмеялся. Му Цин бросил на него взгляд, затем на стоящего рядом Се Ляня, и позеленел пуще прежнего, подумав неизвестно о чём.

Только Повелительница Дождя, не будучи Богом Войны, не стремилась показать свою силу. Она лишь выразила готовность прийти

на помощь, если понадобится, и молча удалилась. А Се Лянь, разумеется, избрал самую трудную задачу — отправиться в самый густонаселённый город, императорскую столицу. Цзюнь У же остался, чтобы противостоять трём горным чудищам, а также, возможно, находящемуся поблизости Безликому Баю. Хуа Чэн бросил кости, и при помощи Сжатия тысячи ли вместе с Се Лянем покинул гору Тунлу.

В столице уже стояла глубокая ночь, на улицах царила полная тишина, окна и двери всех дворов были плотно заперты. Вынырнув из какого-то переулка, Се Лянь и Хуа Чэн быстро направились по улицам, по пути выискивая следы нечеловеческих созданий. Пройдя несколько шагов, принц приложил пальцы к виску, применил заклинание сети духовного общения и тихо позвал:

— Владыка?

— Сяньлэ? Что стряслось? Ты уже прибыл в столицу?

— Мы прибыли, и я хочу вам кое о чём поведать.

— Собиратель цветов под кровавым дождём что-то с тобой сделал?

Хуа Чэн, словно почувствовав неладное, приподнял бровь.

— Нет, — ответил Се Лянь. — Он ничего со мной не сделал. Дело в другом, просто я не успел рассказать. — Он сосредоточенно начал: — Владыка, вы что-нибудь помните... о моём наставнике?

Когда принц упомянул наставника, Цзюнь У, похоже, слегка удивился. Спустя мгновение прозвучал его вопрос:

— Ты говоришь о советнике Сяньлэ?

— Да. Вам ведь раньше приходилось часто общаться с ним? Не замечали ли вы каких-либо странностей?

Во времена Сяньлэ наставник всегда лично совершал церемонии жертвоприношений, ведь советники выступают своеобразным мостом между смертными и божествами. Помолчав, Цзюнь У ответил:

— Замечал.

Се Лянь, задержав дыхание, спросил:

— И какие же?

— Сяньлэ, ты правда хочешь это услышать?

— Да.

— Даже если услышанное тебя разочарует?

Бросив взгляд на Хуа Чэна, Се Лянь повторил:

— Да.

Спустя продолжительную паузу Цзюнь У неторопливо заговорил:

— Твой наставник, будучи советником Сяньлэ, занимал должность явно ниже своих способностей. Его кругозор и умения выходили далеко за рамки твоих представлений.

Се Лянь молча слушал. Следующая фраза заставила его сердце потяжелеть.

— Я считаю, что по времени, которое твой наставник прожил на этом свете, он, возможно, не уступает мне. А возможно, даже и превосходит меня.

Часть догадок принца подтвердилась.

Если советник на самом деле прожил на свете дольше, чем сам Цзюнь У, выходит, вероятность того, что именно он был одним из четверых хранителей или самим принцем Уюна, увеличивается!

Се Лянь, не выдержав, задал вопрос:

— Почему вы никогда не рассказывали мне об этом?

— Потому что я и сам долгое время не был уверен.

— Но как вы убедились?

— Когда государство Сяньлэ пало, я нашёл его и сразился с ним. Но, судя по всему, ему всё же удалось выжить.

Спасти после битвы с Цзюнь У мог только Безликий Бай, больше никто. Се Лянь всё это время считал, что советник бежал от мятежной армии, но никак не ожидал, что Цзюнь У лично сражался с ним!

— Но... но почему вы с ним сражались? И почему, убедившись в своих догадках, по-прежнему ничего мне не рассказали?

— Ты задал два вопроса, однако на самом деле на них есть один ответ.

— Что?

— Я предупреждал, что, возможно, это знание тебя разочарует. Впрочем, также возможно, что теперешний ты, даже разочаровавшись, достойно выдержишь удар.

Сердце Се Ляня билось всё сильнее, он невольно сжал руку Хуа Чэна, и тот в ответ накрыл его ладонь своей.

Тем временем Цзюнь У продолжил:

— Я узнал, что он, похоже, пытался пробудить в тебе нечто.

В поисках пяти сотен человек повстречать в чужих краях старого друга

Се Лянь:

— Что... пробудить?

Цзюнь У, словно чем-то обеспокоенный, долго раздумывал, прежде чем сказать:

— Что случилось, Сяньлэ? Почему ты вдруг спросил о своём наставнике? Ты с чем-то столкнулся на горе Тунлу? Это связано с ним?

Вспомнив, зачем обратился к Цзюнь У, Се Лянь собрался всё подробно рассказать, потом задавать вопросы, но вдруг с той стороны послышался шум и голос Владыки:

— Я вижу горных чудищ, о которых вы рассказали, — и впрямь необычайные! Сражусь с ними, а потом мы вернёмся к разговору. Но, раз уж Сяньлэ спросил, советую запомнить одно: твой наставник не так прост. Если в самом деле встретишься с ним, проявляй тысячекратную осторожность!

Затем в сети духовного общения воцарилась тишина.

— Владыка? — позвал Се Лянь.

Но Цзюнь У не ответил. Сражаться с горными чудищами было крайне непросто, а когда все трое нападали разом — тем более. Даже Се Лянь, имея бесконечный источник магической силы и управляя достающей до небес статуей, не смог справиться с ними. И Цзюнь У в одиночку наверняка придётся потрудиться. Принц коротко пересказал Хуа Чэну содержание разговора с Владыкой.

К тому моменту они остановились на широкой улице. В небесах над ними сквозь чёрные тучи едва проглядывала луна, и в её холодном свете смутно угадывались подобные чёрному дыму твари, похожие на капли туши, упавшие в чистую воду.

Это и были озлобленные духи, которых Безликий Бай перебросил сюда из храма Уюна. Они пока не могли проникнуть на территорию столицы, поскольку аура Сына Неба в императорском дворце и ореол вокруг храмов, установленных на разных улицах города, объединяясь, формировали серьёзный защитный барьер, который естественным образом отталкивал такое количество тёмных существ. Поэтому им только и оставалось, что блуждать в вышине над столицей.

Почти каждый город обладал такой же защитой, ведь практически везде рождались выдающиеся личности или невероятные божества, и

получалось, что они освящали землю, на которой жили. Но... подобный барьер не сможет стоять вечно.

— Нужно всего лишь укрепить существующий заслон, — сказал Хуа Чэн.

Но как это сделать?

— Талисманы? Артефакты? — предположил Се Лянь и тут же сам себе возразил: — Боюсь, они не сработают.

Озлобленные духи накрыли всё небесное пространство над городом. И никакие талисманы или артефакты, если только их не многие и многие тысячи, не выдержат натиска. Пройдясь туда-обратно, Се Лянь произнёс:

— Сань Лан, у меня есть идея, как укрепить барьер. Но... понадобятся люди.

— Сколько?

— Очень много. Чем больше, тем лучше. По меньшей мере пять сотен.

— Живых или мёртвых?

Он слушал со всей серьёзностью и нисколько не шутил.

— Живых, — ответил Се Лянь. — Демоны не подойдут. Мне нужно воспользоваться человеческой решимостью и энергией Ян, чтобы прогнать духов.

— Раз так, получается, нужны добровольцы.

— Да. Они должны согласиться помочь добровольно, с намерением дать отпор врагу, защитить кого-то. Если в их сердце останется страх или недостаток внутренней Ци, духи могут прорваться, воспользовавшись этой слабостью.

Хуа Чэн слегка кивнул и заметил:

— Такие, как солдаты, сражающиеся на передовой. Они должны более всего желать победы и нести в сердце веру. Принуждённые или стремящиеся отступить, не имеющие ни капли воинского духа, не победят никогда. Только сбегут с поля битвы и будут разбиты в пух и прах.

— Именно это я и имею в виду. Сань Лан, ты сможешь найти таких людей?

Задумавшись ненадолго, Хуа Чэн медленно произнёс:

— Гэгэ, если бы тебе понадобились мёртвые, я бы привёл их сколько угодно. Живых, но не желающих помочь, отыскать тоже легко.

Но добровольцев... это может оказаться непросто. — Помолчав, он добавил: — В мире людей немало тех, кто поклоняется Князю Демонов. Но мне прекрасно известно, что, во-первых, они испытывают ко мне страх, во-вторых, чего-то от меня хотят, поэтому готовы покориться мне во всём. Я мог бы привлечь их угрозами или обещаниями, но боюсь, так мы не найдём людей, которые тебе нужны. Прости.

Се Лянь внимательно выслушал и сказал:

— Тебе не за что просить прощения. Мы вместе придумаем, как их найти.

— Да. И кстати, гэгэ, есть хорошая новость. В пятидесяти шагах впереди за углом как раз собралась толпа.

Се Лянь тоже почувствовал чьё-то приближение, а посмотрев в указанном направлении, увидел выворачивающую из-за угла группу людей. Только заметив Се Ляня и Хуа Чэна, они от страха заорали:

— Демоны!!!

Но принц, приглядевшись, узнал их и радостно позвал:

— Господа, мы вовсе не демоны, это же я!

Среди людских одеяний пестрели самые разнообразные монашеские и заклинательские одежды, очень знакомые глазу, а впереди всех в разукрашенной даосской рясе выхаживал... Всевидящий глаз! Выходит, за ним вереницей следовали те самые монахи и заклинатели, что без устали гонялись за ослабшим Князем Демонов и наследным принцем и которых придавило крышей в разбойничьем гнезде, устроенном Ци Жуном в диких горах!

Из-за спины Се Ляня, заложив руки за спину, беззаботной походкой вышел Хуа Чэн. Сейчас он уже вернулся в свою истинную форму, и потому как бы между прочим глянул на толпу с жутковатой ухмылкой, отчего вся шайка Всевидящего глаза отшатнулась на три чи с криком:

— Всё ещё будешь утверждать, что вы не демоны? Демоны и есть! А один из вас — ещё и Князь Демонов!

Хуа Чэн стёр с лица фальшивую улыбку и раздражённо цокнул языком, поленившись даже комментировать. Се Лянь же, который как раз собирался искать добровольцев, торопливо замахал рукой:

— Господа, вы как раз ко времени, есть одно дело...

Но кто бы мог предположить, что стоит Се Ляню вскинуть руку, и реакция окажется ярче ожидаемой в несколько раз: все как один — заклинатели и монахи — повалились на землю, словно в ожидании опасности, с криками:

— Берегитесь тайного оружия!

Принц долго раздумывал, прежде чем вспомнить, что за «тайное оружие» они имеют в виду. Помолчав, он попытался убедить их:

— Не нужно меня бояться, при мне нет оружия.

Фрикадельки непорочности не так-то просто приготовить, одна только кропотливая нарезка всех ингредиентов занимала большую часть дня.

— Кроме того, — добавил Се Лянь, — в прошлый раз вы сами не оставили мне выбора, да и я ведь не нанёс вам серьёзного вреда, а теперь и подавно не нанесу, за ненадобностью.

Монахи задумались, поняли, что он прав, и поскорее поднялись на ноги. И всё же, охлопывая себя от пыли и поправляя одеяния, они держались на расстоянии, да и своё магическое оружие опускать не спешили.

Первым заговорил Всевидящий глаз:

— К слову, даочжан, мы так давно не виделись, но демонической Ци на твоём теле стало ещё больше. Послушай совет, вернись на праведный путь, пока ещё не поздно! И почему эта Ци так сильно тебя захватила? Я вовсе не стремлюсь тебя обмануть, из-за присутствия этой Ци я почти не вижу твоего лица.

Се Лянь от услышанного залился краской, и, не смея взглянуть на Хуа Чэна, перебил:

— Об этом поговорим потом. Господа, глядя в ночное небо, я обнаружил неблагоприятное знамение. Вы ничего не замечаете?

— Конечно, мы тоже видим! — ответил Всевидящий глаз. — Наблюдение за ночными светилами — наша обязательная каждодневная тренировка. А я ведь ещё сказал — что это за нечисть строит людям козни? Неужели замешан Хуа... господин градоначальник?

— Конечно, это не он, иначе мы бы не стали вас предостерегать. Мы здесь из-за этих тварей и как раз ищем способ усилить защитный барьер вокруг столицы.

— Вы? Ищете способ? — с сомнением переспросил заклинатель.
— Князь Демонов способен на столь благое стремление?

Хуа Чэн широко улыбнулся:

— Благие стремления тут ни при чём, но если бы я хотел что-то натворить в императорской столице, никакой барьер не смог бы меня сдержать.

На лицах монахов и заклинателей отразились раздумья. Се Лянь понимал, что их опасения развеять не так-то просто, и торопить не собирався, вместо этого сказал:

— Мне приходилось сражаться с теми тварями. Они весьма коварны; если позволить им прорваться сквозь барьер, случится ужасный переполох. Необходимо отыскать людей, которые помогут дать тварям отпор. Понадобится пятьсот человек.

Всевидящий глаз так и опешил:

— Пятьсот?! Что это за заклинание, для которого нужно так много народу?! Никогда о таком не слышал!

Се Ляню стало даже неловко говорить им, что пятьсот человек — это самое меньшее количество, но если не скромничать, понадобится около восьми сотен.

Заклинатели и монахи наперебой посыпали вопросами.

— И я о таком никогда не слыхал, кто-нибудь находил записи об этом в книгах по заклинательству?

— Неужели эти твари настолько сильны?

— Мне приходилось слышать, чтобы оборотни съедали по пятьсот человек за раз, но чтобы для заклинания потребовалось столько людей...

— Это опасно?

Подумав как следует, Се Лянь ответил честно:

— Нельзя сказать наверняка. Возможно, опасно, а возможно, что нет. Вероятность успеха — семь-восемь из десяти. Поскольку я никогда ещё не пробовал это заклинание на практике.

В записях, оставшихся от предыдущих поколений, подобного заклинания тоже не найти, ведь его Се Лянь узнал не из книги или от какого-то мастера. За эти восемьсот с лишним лет принц ходил по свету и постоянно размышлял: если однажды поветрие ликов вернётся, неужели останется только сидеть в ожидании смерти? Так и родилось это заклинание. Тогда Се Лянь вовсе не думал, что когда-нибудь ему

действительно придётся столкнуться со столь серьёзной опасностью, и не предполагал, что понадобится применить придуманную им технику по-настоящему.

Толпа заклинателей зашумела, обсуждая проблему, но в итоге Всевидящий глаз с осторожностью заявил:

— Нам не собрать столько людей. К тому же...

К тому же они не доверяли Се Ляню и Хуа Чэну.

Тут принц ничего не мог поделать — всё-таки эти люди не представляли, что такое поветрие ликов и насколько оно опасно. Кроме того, каждый имел личные счёты с Хуа Чэном, который наверняка не раз забавлялся над ними, как над безмозглыми насекомыми. Возможно, они смогли бы всеми правдами и неправдами насобирать три-четыре сотни, а остальных взять ещё где-нибудь... Но, похоже, никакой надежды на их помощь не оставалось.

— Гэгэ, не трать на них время, идём, — сказал Хуа Чэн.

Се Лянь кивнул, но не отчаялся, и направился прочь следом за Хуа Чэном. Однако Всевидящий глаз и остальные вовсе не отстали, а покрались следом, полагая, что их никто не замечает. Се Лянь не нашёл, что на это сказать, но всё же решил, что заклинатели поступают так из лучших побуждений, боясь, что принц и демон задумали навлечь на столицу беду. Поэтому лишь посмеялся и не стал им мешать. Тем временем Хуа Чэн предложил:

— Может, пойдём туда, где живут бедные горожане? Там немало беглых преступников и отчаянных людей, возможно, удастся найти добровольцев.

И они направились в самый тёмный уголок императорской столицы. Добравшись до заброшенного и порушенного храма, двое заглянули внутрь и увидели на полу множество спящих людей. Кто-то даже ночевал снаружи. Похоже, какие-то бродяги, а может, попрошайки. Даже в такой холод почти все они были одеты в лохмотья. Не стесняясь друг друга, вместе спали и мужчины, и женщины, и дети, и старики. Кто-то занял старую циновку, кто-то обнимал сноп соломы, чтобы согреться, а кто-то просто лежал на голой земле. Некоторые бодрствовали и, если не стонали от гноящихся язв на теле, то с щелчками давили пойманных на себе же вшей. Один из них всё бродил туда-сюда на хромой ноге и, кажется, носил чашку с

водой для больного товарища. Уже на пороге от жуткого запаха пота и омерзительной вони хотелось задержать дыхание.

Поразительно, но самые богатые районы, утопающие в роскоши, и самые бедные, грязные и разрушенные, располагались так близко, их отделяла всего одна улица! От такого контраста любой бы так и ахнул, но у Се Ляня, конечно же, на это не было времени. Едва переступив порог, он воскликнул:

— Господа, не согласитесь ли мне помочь?

Вместо ответа тут же услышал:

— Лысый демон тебе помощник! Кто бы мне помог! Дай людям поспать! Проваливай, пошёл, пошёл!

Но Се Лянь, нисколько не обижаясь, продолжил:

— Это очень важное дело, и если вы согласитесь протянуть руку помощи, то непременно... непременно сотворите великое благо для всех людей!

Вообще-то он хотел сказать «непременно получите великое вознаграждение», и конечно, был готов их наградить, но если эти люди с самого начала решат помочь ради «великого вознаграждения», их помыслы нельзя будет считать чистыми. Нищие бродяги забранились ещё громче:

— На кой нам творить великое благо для каких-то людей?

А кто-то спросил:

— За это заплатят?

Се Лянь обернулся к Хуа Чэну и заметил в его взгляде недобрый блеск, словно тот уже вознамерился применить иные, более жёсткие, методы убеждения. Принц поспешил удержать его и прошептал:

— Подожди. Сань Лан, ты сам говорил, что угрозами и обещаниями нам не достичь нужного результата. Я поговорю с ними. Здесь человек восемьдесят, хоть кто-то да согласится.

Лишь тогда жутковатое сияние в глазах Хуа Чэна погасло. Тут послышался чей-то хриплый голос:

— Эй, эй! Послушайте все! Послушайте! Не шумите! Пусть сначала расскажет, в чём дело!

Се Лянь обернулся и увидел говорящего — хромоногую попрошайку, в отрепье, нечёсаного и неумытого, худого как тростинка. Из-за спутанных волос невозможно было разглядеть его лица, но по голосу казалось, что он довольно молод. Он замахал рукой, чтобы

привлечь к себе внимание людей в храме, но почему-то только одной, что выглядело несколько комично. Брань тут же поутихла — похоже, другие нищие и впрямь прислушивались к нему.

— Благодарю! — сказал Се Лянь и, не тратя понапрасну слов, зажёл Пламя-на-ладони.

Огонь взвился высоко под своды храма, от страха бродяги и попрошайки громко завопили, разбудив даже крепко спящих.

— Что это за колдовство?!

— Это не колдовство, а божественная магия, — серьёзно ответил Се Лянь. — Чтобы доказать вам, что всё поведанное мной — правда. Скажу вам как есть. Столица окружена множеством тёмных тварей, которые вот-вот на нас нападут. Мне нужны пятьсот добровольцев, которые согласятся поучаствовать в защите города. Кто-нибудь хочет помочь? Не скрою, это может быть небезопасно, но ни в коем случае не заставляю, нужно только добровольцы!

В разрушенном храме воцарилась полная тишина. Попрошайки стали переглядываться, но ни один не вышел на зов, не сказал, что добровольно желает помочь. Спустя какое-то время раздался голос:

— Защищать столицу? Да бросьте.

Се Лянь повернулся к говорящему, а тот, улегшись обратно на землю, пробормотал себе под нос:

— Столице до нас нет дела, хе-хе, почему мы должны её защищать? Пусть делают с городом, что хотят, мне плевать!

В его равнодушном тоне всё же слышалось негодование, и Се Лянь не мог не понять такой ход мыслей. Тут-то и крылась самая главная проблема: очевидно, что в храме собрались такие же попрошайки и бродяжки, как этот человек, а значит, и думали они практически то же самое. В столице им жилось не сказать что очень хорошо, и к тому же никакого вознаграждения не пообещали, с чего вдруг они должны прийти на помощь? Они умирают от зимнего холода, даже спрятавшись в храме. Кому захочется покидать нагретое место?

Се Лянь попробовал использовать последний аргумент:

— Если твари ворвутся в столицу, произойдёт вспышка страшной болезни, и это коснётся каждого из вас.

Лежащий на земле старик воскликнул:

— Какая болезнь может быть страшнее, чем старые язвы, которыми я весь покрылся?

— Если и правда разразится недуг, ну что ж, значит, мы просто покинем столицу. Ведь необязательно оставаться здесь, ничего хорошего в этом городе нет, нам всё равно, куда идти!

— Пусть на помощь придут те богатые господа, которые живут в роскоши и блюдут своё достоинство! Кто-нибудь да согласится, почему именно мы должны?

— Ну... — Се Лянь не мог им объяснить, что богатые господа, о которых они говорят, тоже подумают: если я не соглашусь, наверняка согласится кто-то другой. К тому же, богачам, пустившим корни в столице, есть что терять, и они как раз будут держаться за своё имущество и состояние гораздо сильнее. Дело не в том, что это плохо или неправильно, вовсе нет... Но, если каждый будет так думать, они никогда не смогут совершить задуманное.

Так и не дождавшись добровольцев, Се Лянь решительно произнёс:

— Ну что ж, простите за беспокойство, — затем развернулся и вышел из храма.

Хуа Чэн сказал ему:

— Гэгэ, не стоит беспокоиться, с моей стороны тоже ищут людей. Я разослал весть, и мы наверняка соберём достаточное количество.

Се Лянь кивнул. Впрочем, он беспокоился не о том, что они не смогут собрать пятьсот человек. А о том, что им не хватит времени, а собирая людей просто для ровного счёта, они достигнут противоположного эффекта. Принц посмотрел на небо, где чёрная неуловимая дымка всё так же заслоняла звёзды и луну.

И вдруг позади раздался голос:

— Подождите! Подождите, подождите! Я согласен!

Се Лянь застыл и рывком обернулся, увидев, как тот самый хромой попрошайка, подтаскивая ногу, перепрыгнул через порог храма, и обратился к ним:

— Каковы требования к добровольцам? Живой — и ладно? Не страшно, если руки-ноги сломаны?

Оказалось, что этот человек так нелепо двигается, потому что у него не только нога, но и рука искалечена — повисла и безвольно болтается в рукаве.

Когда кто-то наконец вызвался помочь по собственному желанию, сердце Се Ляня обдало жаром, он тут же заверил:

— Это совершенно не имеет значения!

Тот человек оказался довольно приветливым, он воскликнул:

— Ну вот и славно! Захватите меня!

Вся его братия из храма перепугалась:

— Ты чего??? Не слышал, что они сказали? Это опасно!

— Вот именно! Ещё и денег не заплатят! Ни разу о награде не обмолвились!

— Не впутывайся ты в это дело, старина Ветер, вернись!

С самого начала человек показался Се Ляню очень знакомым. Но принц решил, что представший перед ним образ слишком далёк от того, что остался в его памяти, да и голос был хрипловатый, не совсем похожий, поэтому Се Лянь не узнал его. Но стоило кому-то позвать «Ветер», и на него снизошло озарение.

Се Лянь пристально взгляделся в попрошайку и, не веря своим глазам, произнёс:

— Ваше Превосходительство... Повелитель Ветров???

Тот, посмеиваясь, убрал с лица спутавшиеся волосы.

— Вы узнали меня, Ваше Высочество!

Из-под грязных чёрных волос показались яркие-яркие глаза, такие же светлые, как и прежде.

Потрясённый Се Лянь не мог вымолвить ни слова.

Ши Цинсюань же, почёсывая затылок, рассмеялся:

— Ай-яй, ха-ха-ха-ха, а ведь я думал до конца притворяться другим человеком и наблюдать за вами, но у Вашего Высочество глаз оказался на редкость острым! Что поделать, наверняка всё из-за моего забываемого облика! Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Се Лянь схватил его за плечи и обеспокоенно произнёс:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров.

Ши Цинсюань перестал хохотать, но всё так же почёсывал голову, которая, наверное, кишела вшами.

— Ваше Высочество, я ведь больше не Повелитель Ветров.

— Хорошо. Цинсюань, — сделав паузу, он всё же спросил: — Что... с тобой стало?

— Ох, вы об этом... долгая история. В общем говоря, так и этак, там и сям... И вот я стал таким.

Тут подали голос попрошайки из храма:

— Что? Старина Ветер! Ты знаешь этих двоих?

Ши Цинсюань, повернувшись к ним, обнял Се Ляня за плечо и, с силой похлопывая, воскликнул:

— Знаю! Это мои давние друзья!

— Что?! Твои друзья? Что ж ты сразу не сказал!

— Ну ты даёшь, старина Ветер! Выходит, ты знаком с такими изнеженными и избалованными красавчиками?! Небось, опять заливаешь!

Слушая их удивлённые возгласы, Се Ляню в пору бы рассмеяться, но принцу почему-то вовсе этого не хотелось. Ведь из них троих, стоящих сейчас снаружи храма, именно Повелитель Ветров был когда-то самым настоящим «изнеженным и избалованным красавчиком».

— Что вы болтаете? — разгневался Ши Цинсюань. — Я никогда никого не обманывал!

— Да ладно! Думаешь, мы забыли, какую чепуху ты тут нёс, ещё когда был болен?

Ши Цинсюань прокричал им в ответ что-то бессмысленное, потом добавил:

— Я должен помочь своим друзьям. Я пошёл! Всё ещё никто не хочет присоединиться?

На этот раз народ в храме переглянулся и, поразмыслив, ответил:

— Ладно, раз они твои друзья, это ж другое дело.

— Идёмте, отправимся вместе со стариной Ветром. Чтобы его, калеку, там не убили ненароком.

— Эй! — возмутился Ши Цинсюань.

— Что, правда не будет награды? — не унимался кто-то. — Пусть денег не дадут, но хоть куриных ножек бросят погрызть?

Се Лянь вкратце рассказал обо всём Ши Цинсюаню, и тот, ознакомившись с проблемой, сказал:

— Если нельзя принуждать или сулить награду, быть может, пообещать накормить их всё же не возбраняется? Они давно не наедались досыта.

Главное, чтобы желание помочь не затмевала жажда наживы, остальное не так уж важно.

— Думаю, это вполне допустимо. Но лучше сказать так... — Се Лянь что-то прошептал Ши Цинсюаню.

— Я тоже так считаю, — ответил тот, а затем обратился к людям: — Как дело будет сделано, мы вас всех накормим куриными ножками и напоим супом. Каждому достанется порция, даже если не согласитесь помочь! Обратите внимание: накормят не только тех, кто вызовется добровольцем! Главное — ваше желание!

Обещание получилось отличное. «Каждому достанется порция» — согласятся люди помочь или нет, их накормят. Выходит, пришедшие на выручку и окажутся самыми настоящими добровольцами.

Ши Цинсюань принялся зазывать:

— Ну, кто ещё со мной? Чем больше, тем лучше! Давайте, давайте! Скажите всем — денег не заплатят, нужно просто оказать мне услугу, ну а заодно помочь защитить столицу и всех её жителей, неважно. Можете поступить, как вам вздумается, главное — добровольное желание! Как управимся, накормим вас всех досыта!

Наверное, благодаря первому желающему помочь холодная и враждебная атмосфера в храме сразу сделалась тёплой до небес, некоторые попрошайки даже отправились оповестить других своих знакомых из бродячего люда.

Се Лянь, Хуа Чэн и Ши Цинсюань втроем стояли перед входом в храм. Принц поднял голову, увидев, что на месте священной таблички пусто, и невольно вспомнил заброшенный храм в посёлке Богу, а также безголовую статую Повелителя Вод и статую Повелителя Ветров без руки и ноги. Он всё-таки не смог сдержаться и повернулся к Ши Цинсюаню, неуверенно позвав:

— Цинсюань?

Тот сразу убрал руку с его плеча со словами:

— Что такое? Ах, простите, Ваше Высочество, у меня немного грязные ладони, и ваше одеяние... ха-ха.

Он и правда оставил на белом одеянии Се Ляня пыльные следы и сначала хотел помочь их оттереть, но потом понял, что сделает только хуже, и вовсе опустил руку, неловко потеряв переносицу. Но Се Ляню было вовсе не до того, сейчас его беспокоило другое.

— Повелитель... Цинсюань, твоя судьба...

— Что с моей судьбой? — удивлённо застыл Ши Цинсюань.

— Неужели Черновод всё-таки её поменял...

Тут Ши Цинсюань наконец понял, о чём говорит принц, и поспешно заверил:

— Нет, нет, нет, вовсе нет. Вы ошибаетесь, он ничего мне не сделал.

Принцу тоже казалось, что Черновод не станет менять судьбу Ши Цинсюаня, однако он продолжил спрашивать:

— Но что с твоими ногой и рукой?

Ши Цинсюань вновь схватился за волосы и виновато ответил:

— К этому он тоже не имеет отношения. Как бы вам сказать... Всё это моя неосторожность, а также крайнее невезение. В самом деле, это только моя вина.

Он не стал рассказывать подробности, и Се Лянь не стал расспрашивать. Вот только каким-то таинственным образом нынешнее состояние Ши Цинсюаня всё же совпало со своеобразным «предсказанием», которое в гневе сделал Хэ Сюань в храме Ветров и Вод. Неизвестно, что это за мистическое совпадение.

— Тогда мои магические силы внезапно иссякли, — повинился Се Лянь, — и я не смог тебе помочь, мне жаль.

Ши Цинсюань замахал рукой:

— Это изначально вас не касалось. И если бы Ваше Высочество не рассказали мне, что к чему, я бы, наверное, до самого конца оставался в неведении.

— Что же всё-таки произошло после того дня?

Выяснилось, что когда Хэ Сюань оторвал Ши Уду голову, Ши Цинсюань впал в оцепенение и не понимал ничего, что ему говорил Хэ Сюань. Он лишь смутно помнил, что Хэ Сюань доставил его с острова Чёрных вод в столицу и бросил здесь. Неизвестно, почему Хэ Сюань выбрал именно этот город. Впрочем, Ши Цинсюань раньше всё время любил заявить, что собирается отправиться в столицу, чтобы напиться вина и устроить пиршество, поэтому знал город довольно хорошо. Кое-как промаявшись некоторое время, он окончательно пришёл в себя, скрыл своё настоящее имя и застрял здесь, среди бродяг и попрошайек.

Лишившись магических сил и какого-либо статуса, Ши Цинсюань ошивался в таких трущобах, что вполне объяснимо, почему чертогам Верхних Небес не удалось его отыскать.

— В общем, он тут ни при чём. И после этого я больше его не видел.

Вот и хорошо, что не видел. В этом деле принять какое-либо решение было крайне трудно — что делать с таким человеком? Убивать или не убивать? К тому же перед смертью Повелитель Вод истратил последний вздох, чтобы жестоко поглумиться над Хэ Сюанем, и Се Лянь тогда испытал настоящий страх за Ши Цинсюаня.

К этому моменту, шумно болтая и крича, вернулись попрошайки со своими разношёрстными товарищами.

— Старина Ветер! Мы тебе вон сколько народу привели! Что скажешь?

Ши Цинсюань поднял большой палец вверх.

— Отличная работа! Каждому достанется по куриной ножке!

— Прокормите ли всех?

— Да это ещё что! Прокормим и в десять раз больше! — Ши Цинсюань махнул рукой, и Се Ляню показалось, что он вот-вот выбросит сто тысяч добродетелей.

С трудом придя в себя, принц прикинул приблизительное количество людей и с удивлением обнаружил, что им удалось созвать больше двух сотен человек. Это превзошло все ожидания, и он обрадованно поблагодарил:

— Ваше Превос... Цинсюань, ты поистине оказал мне огромную помощь!

Довольный собой, Ши Цинсюань протянул:

— Это вполне естественно — где бы я ни оказался, на мой зов откликаются сотни. Кто знает, возможно, мне даже удастся сколотить шайку и стать её главой? Ха-ха-ха...

Попрошайки за его спиной загоготали:

— Опять старина Ветер за старое.

— Ага, опять треплется попусту!

— Чего? — взвился Ши Цинсюань. — Я серьёзно!

Но его товарищи не унимались, желая спихнуть его с пьедестала хвастовства, и обратились к Се Ляню:

— Дружище, ты просто не знаешь, когда старина Ветер только здесь появился, он совсем ничего не соображал, целыми днями только и знал, что нести чушь да бахвалиться, что он был бессмертным богом.

Ши Цинсюань слегка смутился и вздохнул:

— Некогда вашу болтовню слушать, поберегите рты для куриных ножек!

От их разговоров улыбка на лице Се Ляня чуть померкла, но в душе словно расправился смятый комок сюаньчэнской бумаги^[304].

Повелитель Ветров изменился, но в то же время остался прежним. И это замечательно.

— Ваше Высочество, — обратился к принцу Ши Цинсюань. — Что дальше? Людей собрали, дело за вами.

Пускай народу не хватало, то была временная трудность. Для начала нужно организовать их, а потом уж думать, где взять ещё.

— Хорошо, — произнёс Се Лянь. — Теперь нам нужно отыскать свободное пространство, где все эти люди смогут поместиться.

Пока принц общался с Ши Цинсюанем, Хуа Чэн, погрузившись в размышления, не вмешивался в разговор, и лишь теперь отозвался:

— Легко. Гэгэ, следуй за мной.

Се Лянь кивнул, Ши Цинсюань, прихрамывая, поскакал за ними, оборачиваясь и старательно зазывая:

— Идёмте все за ними, не отставайте!

Принц хотел было поддержать Ши Цинсюаня под руку, но заметил, что никто больше не попытался этого сделать, да и сам Ши Цинсюань шёл так же быстро, как и все, и Се Лянь понимающе отступил. Шумная толпа всяческого сброда высыпала из своих трущоб на широкую улицу, но не прошли они и нескольких шагов, как услышали громогласный рёв:

— Стоять! Что тут творится? Задумали беспорядки учинять, раз собрались посреди ночи такой толпой?!

Попрошайки испуганно насторожились:

— Плохи дела! Дозорные!

Се Лянь даже не обернулся, поскольку Хуа Чэн тоже не повернул головы, только сказал:

— Не обращай внимания.

Одна фраза, и солдаты повалились на землю.

Потрясённые попрошайки удивлённо заголосили, но Ши Цинсюань прикрикнул на них:

— Тишина! Иначе сбежится ещё больше солдат!

Все люди в толпе сразу зашикали друг на друга.

Тут Хуа Чэн остановился и сказал:

— Гэгэ, вот эта улица.

— Эта? — переспросил Се Лянь. — По расположению она и впрямь очень подходит, вот только не привлечём ли мы слишком много внимания?

Широкая ровная улица тянулась прямой линией далеко вперёд, являя собой главную дорогу столицы. Разумеется, здесь они не останутся незамеченными!

— Да! — откликнулась толпа. — Что если нас заметят и прогонят отсюда? Тогда быть беде!

— Нестрашно, — заверил Хуа Чэн. — Если даже заметят, прогнать не смогут.

Се Лянь кивнул и обратился к людям:

— Господа, я должен кое-что разъяснить. Мы готовимся противостоять очень зловредным тварям, и возможно, это небезопасно. Но если они прорвутся, вся столица подвергнется этой опасности. Поэтому я должен быть уверен, что каждый из вас — доброволец, без тени сомнения. Может быть, кто-то испугался и хочет отказаться от участия?

Молчание.

— Хорошо, — продолжил Се Лянь. — В таком случае я попрошу вас взяться за руки и выстроиться в круг.

— И что это за боевой порядок? — с сомнением спросил кто-то. — Звучит так, будто мы должны как малые дети встать в хоровод.

Ши Цинсюань шикнул:

— Не болтайте попусту, делайте, что велено.

— Эй, старина Ветер, тут ты не прав. Надо заметить, никто из нас столько попусту не болтает, сколько ты наболтал!

За разговорами и шуточками они всё-таки сделали так, как сказал Се Лянь — двести человек взялись за руки и встали в большой-большой круг на просторной и широкой главной улице столицы.

Ши Цинсюань задал вопрос:

— Если будем так стоять, твари не ворвутся в столицу?

— Нет, — ответил принц. — Рано или поздно они прорвутся.

— Но зачем тогда нужен этот круг? — в недоумении поинтересовался Ши Цинсюань.

— Это ловушка. Когда магическое поле будет установлено, оно не позволит тварям, прорвавшимся сквозь защитный барьер столицы,

разлететься во все стороны, а заманит их в этот круг. Так они окажутся в западне.

Князь Демонов парой фраз поднимает боевой дух

— И что произойдёт, когда твари окажутся в ловушке? — полюбопытствовал Ши Цинсюань.

Се Лянь, который вместе с Хуа Чэном встал в центре образовавшегося круга, пояснил:

— Дальнейшее предоставьте нам. Мы расправимся со всеми тварями, попавшими в круг, не упустим ни одной. Нам понадобится время, и в критический момент нельзя позволить им разлететься. Но поскольку мы собрали меньше пяти сотен человек, трудно сказать, сможет ли круг продержаться достаточно долго и не вырвутся ли твари за его пределы. Вот почему я предупредил всех о возможной опасности.

— Ч-что будет, если они вырвутся из круга? — спросил кто-то, нервно сглотнув.

— Случится страшное. Духи будут вселяться в тела людей и заражать их поветрием ликов.

— А если... Я хочу сказать, если представить, что кто-то испугается и убежит, что тогда?

— Круг прервётся, и возможно, тот человек тоже окажется захвачен духами.

— Но ведь получается, что духи в любом случае нападут на нас!

Кое-кто поумнее сообразил:

— Не в любом. В первом случае твари наверняка тебя захватят, и можешь не сомневаться, что подхватишь поветрие. Во втором же это лишь «возможно». Иными словами, если сбежишь, ещё появится шанс выжить.

— Именно так, — подтвердил Се Лянь. — Кто-нибудь хочет отказаться сейчас? После того как мы начнём, сбегать ни в коем случае нельзя. Но вы ещё можете уйти до начала. И надеюсь, никто не станет порицать тех, кто не желает рисковать. Всё же это действительно весьма опасная затея.

Принц обязан был разъяснить это людям, иначе не получилось бы найти по-настоящему смелых и решительных добровольцев. Тут же из

круга отсеялось несколько десятков человек, которые, потупившись, второпях покинули улицу.

— Вот и славно, — с облегчением вздохнул Се Лянь.

Ши Цинсюань расстроился:

— Что тут славного? Опять народу уменьшилось.

Се Лянь улыбнулся:

— Всё равно их больше, чем я ожидал. И это уже очень неплохо.

Сначала принц всерьёз размышлял, что они будут делать, если уйдёт половина, но они лишились только нескольких десятков, что оказалось приятной неожиданностью. Как вдруг издалека послышался крик:

— Стойте, известно ли вам, кто они такие? Им нельзя доверять! Берегитесь, они навлекут на вас беду!

Обернувшись, Се Лянь увидел Всевидящего глаза и его шайку.

Ши Цинсюань сразу выкрикнул в ответ:

— Вы сами-то кто такие? Не хотите помочь — отойдите и не мешайте. Я даю слово, что эти люди никому не причинят зла.

Разумеется, заклинатели не восприняли какого-то взлохмаченного грязного попрошайку всерьёз.

— А ты ещё кто? Сколько стоит твоё слово?

Подобный вопрос прямо-таки вывел Ши Цинсюаня из себя, он указал на себя пальцем и возмутился:

— Чего? Передо мной вздумали о цене слова рассуждать??? Да вы, как я погляжу, совсем совесть потеряли? Кто из вас не стоял на коленях перед Моим... кхм-кхм...

Тут он осёкся и замолчал, а заклинатели решили, что у него закончилась фантазия, поэтому перестали обращать на него внимание и снова принялись увещевать:

— Вы даже не знаете, что они собираются делать! Берегитесь, как бы жизни не лишиться ради порции риса!

Се Лянь собирался было объяснить, что попрошайки согласились помочь из верности своему другу, а не ради еды, но тут вмешался Хуа Чэн, который протянул:

— А вот и не угадали. Они делают это не из-за порции риса, а чтобы помочь тем, кто попал в беду.

Се Ляню показалось немного странным, что Хуа Чэн так сказал, но тут заклинатели прыснули:

— О какой такой помощи ты говоришь? Кого пытаешься обмануть? Им бы свои жизни сохранить!

— Да! Не стоит бродячему люду в это дело соваться, скорее уходите отсюда, не добавляйте хлопот.

Тогда Хуа Чэн неторопливо произнёс:

— О? Хотите сказать, попрошайки не способны помочь попавшим в беду? Им нельзя этого делать или вы считаете их недостойными?

Стоило ему задать такой вопрос, и толпа попрошаек заволновалась, на их лицах отразилось недовольство.

— Мы такого не говорили, — сердито буркнул Всевидящий глаз.

Ши Цинсюань тут же подскочил и ткнул в заклинателей пальцем.

— Эй, эй, эй! Что-то не похоже! Разве вы не это имели в виду? Ещё и таким презрительным тоном! Верно я говорю, друзья?

— Ага! Что ты хочешь сказать? С чего это нам нельзя? С какой стати мы недостойны?

— Накормят всех — и причастных, и не причастных! Вы что, всерьёз решили, что мы вызвались только ради еды? Хватит смотреть на других свысока!

Се Лянь повернулся к Хуа Чэну, и тот приподнял бровь, как бы говоря: «Проще простого». Принц понял — вот оно что. Осталось довольно много желающих, но и среди них были те, кто не мог похвастаться абсолютной уверенностью в своём решении. Как раз кстати соратники Всевидящего глаза, сами того не желая, выразили по отношению к собравшимся пренебрежение: «Чего вы суётесь не в своё дело, неряшливые бродяги?» А Хуа Чэн лишь сделал на этом упор и заронил в сердца попрошаек зерно протеста: «Вы думаете, мы ни на что не способны? А мы докажем вам, что это не так!»

Боевой дух вновь поднялся волной, и пока обе стороны кричали друг на друга, Се Лянь сам обратился к заклинателям:

— Раз вы нам не доверяете, оставайтесь и понаблюдайте. А в том случае, если мы причиним кому-то вред, сможете сразу же этому воспрепятствовать.

Хуа Чэн, улыбаясь в сторонке, добавил:

— Но я бы всё же не рекомендовал вам этого делать.

Монахи и заклинатели, так долго преследовавшие Се Ляня и Хуа Чэна, наконец не выдержали, собрали всю смелость в кулак и

выскочили вперёд, но в результате Хуа Чэн своей убийственной фальшивой улыбкой вновь заставил их задрожать от страха и отступить.

Тем временем Хуа Чэн вновь обратился к принцу:

— Гэгэ, взгляни на небо.

Се Лянь вместе с ним поднял голову, увидев, что чёрные тени, заслонившие луну, стали более отчётливыми, едва заметно опустились ниже над городом.

Покуда принц искал добровольцев, прошло неизвестно сколько времени, и твари готовы были вот-вот ворваться в столицу!

Душу Се Ляня охватило беспокойство: «Плохо дело, мы не успеем собрать больше людей!» Однако он не показал своего волнения и объявил:

— Всем встать ровно! Сожмите руки крепче!

Ши Цинсюань уже давно стоял как велено, и теперь спросил:

— Ваше Вы... Старина Се! Нас ведь совсем немного, что если круг сразу же разомкнётся?

Всё-таки в мире людей шум и крики могут привести к недоразумениям. Се Лянь ответил:

— Я буду на страже, чтобы в случае прорыва сразу удержать оборону. Лишь в этом случае мы сможем простоять как можно дольше.

Другими словами, нужно будет залатать там, где появятся дыры.

— О-о-о, вот как, получается, наши жизни в ваших руках, включая мою собственную. Ваше Высо... Старина Се, вы уж постарайтесь, как следует постарайтесь! Ведь я сейчас простой смертный!

— Хорошо, старина Ветер. Я непременно приложу все усилия.

На ладонях каждого человека в круге выступил пот, каждый стоял с напряжённым видом. И как только все крепко схватились за руки, в безмолвном ночном небе вдруг раздался пронзительный вой, который всё приближался, быстрее и быстрее!

Твари ринулись вниз!

Высчитав нужный момент, Се Лянь командовал:

— Друзья, выдохните воздух перед собой!

Не понимая, для чего, попрошайки сделали, как было велено: надувая щёки, все разом с силой принялись выдувать в круг воздух из лёгких. Белый пар, который в зимней ночи выдохнули люди, не мог

распространиться далеко, но энергии Ян, содержащейся в их дыхании, было достаточно для приманки. К тому же Хуа Чэн применил заклинание отвода глаз, чтобы озлобленные духи не могли разглядеть, что происходит внизу. Уже почти разлетевшись во все стороны, твари ощутили в одном месте скопление жара и людской Ци, которая то и дело перемещалась, живая и подвижная. Разумеется, духи решили, что именно в это место и нужно атаковать, и возбуждённо ринулись туда, сформировав столб чёрного дыма, стремительно летящий с небес!

В мгновение ока всё перед глазами Се Ляня будто бы накрыло чёрной завесой.

— Внимание, не отпускайте руки! Они летят в западню!

В тот же миг из-за спины Хуа Чэна разлетелись тысячи серебристых бабочек!

Сквозь тьму пробился серебряный свет, прогоняющий чёрный туман перед глазами Се Ляня. Принц увидел Хуа Чэна, который протянул к нему руку со словами:

— Гэгэ, будь рядом со мной.

Замерев на мгновение, Се Лянь схватил Хуа Чэна за руку. Тот уверенно притянул принца к себе, обхватил за талию и хладнокровным взглядом окинул пространство вокруг. Озлобленные духи были запечатаны на горе Тунлу две тысячи лет, свобода вскружила им голову, но всё же твари не решались приближаться к ним — в радиусе одного чжана рядом с Хуа Чэном и Се Лянем не оказалось ни единого чёрного сгустка. Радостно ворвавшись в круг людей, духи лишь сейчас почуяли подвох. Они рвали и кусали всё, что попадётся на пути, но хватали только себе подобных. Почему же никак не получалось поймать живого человека? Нашлись только двое, к которым нельзя подобраться, а эти серебристые бабочки и вовсе походили на острые лезвия, которые дождём обрушились на тварей и, размахивая крыльями, уничтожали тех, так что предсмертные крики доносились до заоблачных далей!

Духи наконец обнаружили, что оказались в западне. Они превратились в беспокойных лютых зверей, заключённых в клетке, а более двух сотен человек стали вовсе не наблюдателями, которые прогуливались вокруг, а настоящими железными прутьями этой самой клетки!

Охваченные безудержной яростью духи принялись бешено кричать и визжать, угрожающе разевавая пасти в сторону людей, словно желали откусить им головы. От гнева жуткие лица так пугающе искажались, что несколько человек в круге в страхе отшатнулись прочь, но их сразу же притянули назад соседи.

— Ни с места!

— Не двигайтесь! — подхватил Се Лянь. — Пока круг не порвётся, они вас не тронут!

Его слова немного успокоили людей. Кто-то даже принялся плевать в кричащих тварей и приговаривать:

— Тьфу, тьфу, тьфу! Сдохните, сдохните от грязи! Проваливайте, да поскорее! — Наверное, услышали где-то, что демоны боятся грязи.

Се Лянь, деликатно улыбнувшись, заметил:

— Это не поможет! Они не боятся...

И вдруг Се Лянь почувствовал, что где-то в круге возникла опасность прорыва. Немедля посмотрев в том направлении, принц увидел худенького попрошайку, который тяжело дышал и так волновался, что казалось, вот-вот зайдётся в рыданиях.

Множество духов тоже ощутили слабое место и ринулись к попрошайке. Се Лянь успел ударить белой лентой, так что твари с воем разлетелись прочь, а принц поскорее велел бедняге выйти из круга, соединив руки двоих его соседей. Но не успел выдохнуть спокойно, когда в шести чжанах на юго-западе возникла новая брешь. Только Се Лянь поспешил туда, как заметил вдалеке ещё одну дыру, прямо рядом с Ши Цинсюанем!

Всё же тварей слетелось слишком много. И это была только первая волна, а за ней придёт ещё больше, непрерывным потоком!

Не успевая спасти положение, Се Лянь позвал:

— Сань Лан!

Хуа Чэн не сдвинулся с места.

— Гэгэ, не волнуйся.

Принц не верил, что Хуа Чэн ничего не заметил и оставит происходящее без внимания. Но туда, где образовалась пустота, уже рванули озлобленные духи!

И вот, когда казалось, что уже ничто не спасёт положение, в воздухе рядом с Ши Цинсюанем взорвался жёлтый талисман!

Конечно, взрыв не обладал достаточной мощностью, чтобы уничтожить духов, но этого хватило, чтобы испугать их и заставить отступить, залететь обратно в круг. А толпа заклинателей, которые уже давно наблюдали за создавшимся положением, пришли на выручку попрошайкам с криком:

— Вас же предупреждали, не лезьте не в своё дело! Но раз уж влезли, держитесь до конца! Если на полпути не выдержите, всем будет только хуже!!!

Хуа Чэн сказал Се Ляню:

— Видишь, я же говорю, не волнуйся.

Как всегда, спокойно и без спешки. Се Лянь кивнул:

— Да!

Всевидящий глаз и остальные заклинатели всё-таки не устояли и сами вызвались помогать. Не зря все они считались опытными в заклинательских практиках — каждое движение оказалось отточенным и верным. Они присоединились к защитному порядку, разъединив руки двоих стоящих и вклинившись между ними. Несколько десятков новых людей влились в круг, намного его расширив.

— Друзья на тропе самосовершенствования! — возвал к соратникам Всевидящий глаз. — Быстрее, те, у кого в столице есть ученики ваших школ, зовите их сюда!!!

— Идёмте, идёмте!

— Я тоже позову своих учеников!

Очень скоро на просторной широкой улице людей стало больше ещё на сотню.

И эти люди стали потрясающей поддержкой, все как на подбор — монахи, заклинатели, мастера магических искусств! Вооружённые с ног до головы, они двигались уверенно и слаженно, с суровой доблестью, от которой Се Лянь в душе громко восклицал: «Прекрасно!», а попрошайки так и вовсе разевали рты. Прибывшие на подмогу, увидев воцарившийся хаос, выразили немалое удивление, но сразу же присоединились к защитникам. После этого круг стал ещё шире, и уже едва помещался на главной столичной улице. К тому же, не говоря уже об энергии, влившейся с вновь прибывшими, каждый заклинатель имел при себе разнообразнейшие магические артефакты, и они, вне сомнений, сильно увеличили время, которое может продержаться защитный круг!

Теперь в душе Се Ляня зародилась почти полная уверенность в успехе, он невозмутимо обратился к людям:

— Не бойтесь, сейчас перевес сил на нашей стороне, нас становится всё больше, и главное — это держать оборону, а уничтожение тварей — лишь вопрос времени!

Остальные тоже видели, что положение меняется в их пользу. Надежда сразу придавала людям стократной уверенности, в ответ послышалось громогласное:

— Уничтожим их!

Тем временем Всевидящий глаз воскликнул:

— От нас присоединилось сто шестьдесят восемь человек! А сколько вас? Долго ли продержится такой круг?

Ши Цинсюань в лице предводителя попрошайек, который уже много раз всех пересчитал, громко ответил:

— Нас осталось сто сорок восемь!

Принц подвёл итог:

— Выходит, всего получилось триста шестнадцать. Нужно найти всего...

Но Хуа Чэн его перебил:

— Нет.

— Что — нет? — обернулся к нему Се Лянь.

Хуа Чэн перевёл на принца сосредоточенный взгляд.

— Неверное число. Сейчас в круге находится триста семнадцать человек.

В погоне за сердечной теплотой Князь Демонов притворно затаил обиду

Хуа Чэн сделал вывод, лишь бросив взгляд на толпу, но Се Лянь был уверен, что тот не мог ошибиться.

Они говорили шёпотом, так что никто, кроме принца, не услышал поправки, и Се Лянь быстро оглядел людей, стоящих в кругу.

Все они держались за руки. В какой же момент среди них появился лишний?

Может быть, Ши Цинсюань обсчитался? Се Лянь обратился к нему:

— Вы уверены, что людей именно такое количество? Никого не упустили?

— Нет! Вы же сказали, что количество очень важно, поэтому я постоянно всех пересчитывал, и если кто-то уходил, я отнимал их от общего числа. Нас ровно сто сорок восемь. А в чём дело? Что-то не так?

Пока нельзя было раскрывать, что они обнаружили присутствие лишнего, это могло повлечь за собой ненужную панику. Также принц не мог просить людей указать на того, кого они не знают, всё-таки их здесь собралось слишком много, и наверняка не все друг с другом знакомы. Оставалось только сказать:

— Нет, ничего. Просто хотел убедиться.

Заклинатели и подавно не могли ошибиться — каждый отчитался Всевидящему глазу о количестве приведённых учеников, и тот сложил всё вместе. Как они могли не знать, сколько человек пришло от собственной школы?

Се Лянь шёпотом спросил:

— Когда лишний затесался в их ряды? Что он задумал?

— Либо ещё в самом начале, — ответил Хуа Чэн, — либо вместе с этими заклинателями. К тому же, это наверняка человек.

По крайней мере, не демон. В круге непременно должны были стоять живые люди, иначе у них не получилось бы удержать озлобленных духов.

Кроме того, тот человек, похоже, пока не хотел себя раскрывать. Ведь стоило ему одному разжать руки, появилась бы брешь, и тогда весь круг оказался бы повержен. Но защита до сих пор держалась, а значит, лишний незнакомец всё это время прекрасно исполнял роль «прута» в «заграждении».

В таком случае точно нельзя действовать наобум. Если тот человек поймёт, что его обнаружили, кто знает — вдруг он бросится наутёк? Иными словами, теперь им предстояло найти его незаметно, к тому же вытолкнуть из круга так, чтобы не сломать защиту. И это было крайне непросто.

Впрочем, скоро Се Лянь придумал способ.

— Сань Лан, твои бабочки способны прогонять духов, не убивая их? Я имею в виду, загонять в определённом направлении.

Хуа Чэн сразу понял, что принц собирается сделать, и ответил:

— Да.

Если тот человек присоединился по своей воле, он наверняка не так прост, раз совсем не страшится озлобленных духов.

В таком случае, если бабочки Хуа Чэна начнут выгонять тварей из круга, духи наверняка примутся метаться во все стороны, выискивая брешь, чтобы вырваться на свободу. Такой брешью сможет стать кто угодно, кроме одного человека.

Того, кто присоединился к ним по собственной инициативе!

— Вот только... — заметил Се Лянь, — способ весьма опасный. Что если мы по неосторожности испугаем остальных так, что они разожмут руки? Получится, что мы сами вырыли себе яму.

— Не беспокойся, — ответил Хуа Чэн. — Прежде чем это случится, я уничтожу всех тварей.

Они быстро обсудили план действий, и Се Лянь громко объявил:

— Всем проявлять осторожность! Духи неожиданно стали сильнее! Сожмите руки, не дайте им себя напугать!

— Что?! — завопил Всевидящий глаз. — Всё ведь шло хорошо, почему они вдруг стали сильнее?!

Хуа Чэн не двигался с места, а его призрачные бабочки принялись разгонять туманную дымку из тёмных тварей, которые безумно заметались в круге. Простым людям было не под силу этого увидеть, а вот заклинатели сразу разглядели подвох. Всевидящий глаз в гневе выпалил:

— Хуа... градоначальник Хуа! Что ты творишь?!

Но двоим в круге некогда было с ним объясняться, они сосредоточенно выискивали чужака. И в самом деле — пока твари в круге бесновались чёрным потоком, нашёлся человек, к которому они не решались даже приблизиться, поэтому перед ним образовалось пустое пространство.

Это тот, кто им нужен!

Молниеносно шагнув в его сторону, Се Лянь схватил незнакомца за руки, одновременно соединяя ладони стоящих рядом, и затянул его в круг!

Всевидящий глаз и его соратники заволновались:

— Что происходит?!

— Вас не касается, — бесцеремонно бросил Хуа Чэн и в мгновение ока очутился рядом с принцем, на тот случай, если пленник вдруг проявит сопротивление.

Крепко держа пойманного, Се Лянь развернул его к себе лицом, а когда их взгляды встретились, то принц проглотил обратно вопрос «Кто ты такой?», уже вертевшийся на кончике языка, и округлил глаза.

Глядя на лицо перед собой, он пробормотал:

— Советник... это и правда вы...

Человек перед ним тоже надолго застыл и лишь спустя некоторое время смог произнести:

— Ваше Высочество...

Это лицо должно было быть очень знакомо принцу, но в то же время казалось бесконечно чужим. В его воспоминаниях советнику уже исполнилось больше тридцати, от него так и веяло спокойной серьёзностью, а стоило наставнику набросить на плечи даосский халат и принять величественную позу, ученики его даже побаивались. Но сейчас перед Се Лянем возник молодой мужчина лет двадцати пяти, всего на несколько лет старше самого принца.

Даже услышав знакомый голос внутри горного чудища на горе Тунлу, Се Лянь постоянно сомневался, не ослышался ли он. И несмотря на фразу Владыки, что его наставник не так прост и его следует поостеречься, принц всё равно размышлял, не мог ли Цзюнь У ошибаться. Но теперь ошибки быть не могло: человек перед Се Лянем и есть его наставник, последний советник государства Сяньлэ, Мэй Няньцин!

Трое безмолвно замерли под взглядами трёх сотен людей, и казалось, что даже воздух вокруг застыл. Но когда Мэй Няньцин пришёл в себя, в следующий миг он совершил то, чего от него никто не ждал.

Пользуясь замешательством Се Ляня, он вдруг напал в ответ — бросился к принцу и попытался схватить его руками за горло!

Но Хуа Чэн стоял совсем рядом — разве он мог позволить этому случиться? Не пришлось даже пальцем шевелить, Мэй Няньцина неведомой силой отбросило прочь на несколько чжанов. Внезапное происшествие вызвало волнение людей в круге:

— Чего они вдруг подрались?!

— Что творится?!

— Кого они бьют?!

— Гэгэ! — воскликнул Хуа Чэн. — Ты не пострадал?

— Нет!

В действительности советник, по крайней мере на вид, пострадал гораздо больше. Ударившись о землю, он сплюнул кровь, насилию поднялся и, пошатываясь, бросился наутёк. Ши Цинсюань, заметив, что тот бежит к нему, взволнованно вскрикнул:

— Ты что задумал?! Эй, я тебя предупреждаю, не подходи! Ваше Высочество, он хочет разорвать круг!

— Назад! — закричал Се Лянь.

Жое вылетела следом за беглецом! Но не успела она схватить Мэй Няньцина, как сверху прилетел меч, вонзившись в землю перед советником и преграждая ему дорогу. Затем небо озарилось белым светом, засияли несколько ярких лучей, а вместе с ними на землю спустился воин в белом доспехе, который запечатал Мэй Няньцину путь назад!

Оказавшийся в западне Мэй Няньцин развернулся и как раз повстречался с радостно пляшущей Жое. Лента с шелестом связала мужчину по рукам и ногам, уронив его на землю. Се Лянь подбежал к воину со словами:

— Владыка? Зачем вы прибыли лично?

Цзюнь У выпрямился и с серьёзным лицом ответил:

— На горе Тунлу временно воцарилось спокойствие. И я пришёл взглянуть, как дела продвигаются здесь.

— Как вам удалось этого достичь?

— Я установил новый барьер, временно запечатав трёх горных чудищ и другие нечеловеческие создания.

Но Се Ляня более всего беспокоили не горные чудища и мелкие демоны, не представляющие опасности.

— А... Безликий Бай?

Цзюнь У покачал головой:

— Я не обнаружил его. Боюсь, он давно покинул гору.

Се Лянь огляделся. Их окружала завеса слепящего света, отделившая всех четверых от трёх сотен зрителей снаружи. И сейчас люди не видели, что происходит за завесой.

Затем принц перевёл взгляд на советника, который перевернулся, увидел Цзюнь У и, должно быть, вспомнив их битву, изменился в лице — в его взгляде мелькнули удивление и гнев. Однако мужчина весьма благоразумно не посмел ничего произнести вслух. Владыка тоже посмотрел на него сверху вниз, чуть склонив голову.

— Как давно мы не виделись, советник Сяньлэ, — неторопливо произнёс он.

Хуа Чэн не торопясь приблизился, взглянул на советника и любопытствовал:

— Он выглядит так, будто ему и курицу связать не хватит силы! Как же ему тогда удалось сбежать?

— Он бежал вовсе не один, — пояснил Цзюнь У. — Тогда при нём были трое помощников. Три других советника Сяньлэ.

Здесь Се Лянь не выдержал и обратился к наставнику:

— Советник, вы... Кто же вы такой?

Мэй Няньцин с мрачным лицом посмотрел на Цзюнь У и сжал руки в кулаки так, что на тыльной стороне ладоней вздулись вены. Неизвестно только, это от ненависти за вмешательство в его планы или от злости за то, что Владыка раскрыл все его карты перед принцем. Только спустя какое-то время он тихо произнёс:

— Вы ведь уже обо всём догадались, Ваше Высочество.

Один из четверых божественных хранителей наследного принца Уюна!

— Но что же тогда с принцем Уюна? Он и есть Безликий Бай?

Цзюнь У удивлённо посмотрел на Се Ляня:

— Сяньлэ, принц Уюна — это...?

Тут Се Лянь наконец вспомнил, что ещё не успел рассказать Цзюнь У о государстве Уюн. Наконец поймав советника, принц хотел задать тому множество вопросов и потребовать множество объяснений. Решив, что устраивать допрос прямо здесь не слишком удобно, Се Лянь предложил:

— Владыка, давайте поговорим обо всём в чертогах Верхних Небес.

— Хорошо, — согласился Цзюнь У, а подумав, добавил: — Но сейчас большая часть озлобленных духов с горы Тунлу находится здесь, в столице, и их не получится подавить так скоро. Даже мне понадобится семь дней и семь ночей, чтобы окончательно их освободить от оков брэнного мира.

И что же, они смогут допросить советника только через семь дней? Так долго ждать нельзя — до сих пор неизвестно местонахождение Безликого Бая! Се Лянь раздумывал, как лучше поступить, когда вмешался Хуа Чэн:

— Гэгэ, предоставь это мне. Поднимайся на Небеса.

Се Лянь повернулся к нему, но Хуа Чэн сразу понял, о чём тот подумал, и заверил:

— Не нужно больше ничего говорить. Я буду ждать тебя здесь. Гэгэ, если хочешь меня отблагодарить, поскорее спускайся обратно.

Цзюнь У спросил Се Ляня:

— Ты можешь оставить их?

— Да, они справятся, — с улыбкой ответил тот.

Неожиданно в световой завесе мелькнул чей-то силуэт, и снаружи к ним ворвался человек, хромой на одну ногу. Он, подпрыгивая, приближался к ним с криком:

— Ваше Высочество! Ваше Высочество, что вы там делаете? Всё в порядке?

Это был Ши Цинсюань. Спустившись, Цзюнь У установил световой заслон, чтобы люди снаружи не знали, что происходит внутри, и те перепугались до полусмерти. Тогда Ши Цинсюань, как самый смелый, вызвался отправиться на разведку. Другой на его месте не прошёл бы через барьер, но Ши Цинсюань раньше занимал пост небесного чиновника, световая завеса знала его, поэтому позволила пройти. Подойдя ближе, он так и застыл:

— В-в-владыка??? Почему вы... спустились лично?!

Увидев Ши Цинсюаня, Цзюнь У с улыбкой поприветствовал:

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров. Мы с вами давно не виделись.

Повисло молчание. Ши Цинсюань виновато потупился, чувствуя себя крайне неловко. Всё-таки он не мог не знать, какого шума

наделало в чертогах Верхних Небес известие о том, что Ши Уду изменил судьбу родного брата и забрал его на Небеса. И теперь, встретив главу всех небожителей, Ши Цинсюань не испытывал ничего, кроме нахлынувшего стыда и робости. Впрочем, Цзюнь У не стал больше ничего ему говорить, позволив сохранить лицо.

Се Лянь отозвал Жое, и Мэй Няньцин медленно поднялся на ноги. Отсмущавшись, Ши Цинсюань с сомнением спросил:

— Кто это? Что тут произошло?

Мэй Няньцин бросил на него взгляд и вдруг задал вопрос:

— Ты — Ши Цинсюань, верно?

Тот застыл:

— А ты кто такой? Откуда знаешь моё имя?

И самое главное, как он узнал Ши Цинсюаня в таком виде???

— Тебе даже имя неудачное подобрали, — хмыкнул Мэй Няньцин.

— А? — не понял Ши Цинсюань.

Но Мэй Няньцин больше ни слова не сказал, весьма покорно направившись за Владыкой. Наверное, понял, что без чьей-либо помощи ему не удастся теперь сбежать, даже не будучи связанным.

— Сяньлэ, — позвал Цзюнь У, — я заберу его. Ты придёшь позже?

— Да, — ответил Се Лянь.

Цзюнь У кивнул ему. Когда двое удалились, Се Лянь снова повернулся к Хуа Чэну, но тот заговорил первым:

— Гэгэ, не стоит беспокоиться, я просто буду стоять на страже круга и не позволю тварям разлететься. Проще простого.

Ши Цинсюань подхватил:

— Ваше Высочество, вы собираетесь вверх? Ступайте, ступайте, я тоже присмотрю за всем, не волнуйтесь!

Се Лянь кивнул:

— Спасибо, что берёте на себя эту задачу.

В прошлом Хуа Чэн, наверное, ответил бы что-нибудь вроде «мне это ничего не стоит», но на сей раз он почему-то сложил руки на груди и вздохнул:

— Да уж, задача не из лёгких.

Се Ляню показалось, будто он на что-то намекает. Ши Цинсюань же совсем ничего не заметил и радостно подхватил:

— Да! Когда вернётесь, не забудьте как следует наградить нас за труды. Как насчёт пирушки в лучшем столичном заведении? Ха-ха-ха...

Он всё не мог забыть о пирах в лучших столичных заведениях. Се Лянь же подумал: «Лучше ничего не говорите, Ваше Превосходительство, он имеет в виду совсем не то же, что и вы...»

Хуа Чэн покачал головой, поиграл красной бусиной на конце тонкой косицы, приподнял бровь и как бы невзначай произнёс:

— Если бы гэгэ остался со мной, было бы, конечно, намного проще. Но стоит мне подумать, что гэгэ поднимется на Небеса, оставив меня одного внизу... ох, задача кажется мне ещё более сложной.

Ши Цинсюань наконец почувствовал неладное, но всё равно не понял, в чём тут дело, и с улыбкой до ушей произнёс:

— Вы так забавно рассуждаете, Собиратель цветов под кровавым дождём. Вас послушать, так можно решить, что вам будет одиноко, пока Его Высочество отправится на Небеса. Будто вы недавно поженились, ха-ха-ха...

У Се Ляня в мыслях промелькнуло: «Вы не ошиблись, он именно это и хотел сказать!»

Ши Цинсюань ещё долго стоял и неловко посмеивался, и Се Лянь, не выдержав паузы, тихо кашлянул:

— Кхм, Ваше Превосходительство, вам... вам лучше пока выйти за световую завесу. Выйдите, прошу вас.

— Но... почему?

Вместо объяснений Се Лянь лишь повторил:

— Ну... выйдите, и всё. Мы просто прощаемся.

Недоумевающий Ши Цинсюань наконец ушёл, и за световой завесой остались только двое, больше никого.

Се Лянь снова повернулся к Хуа Чэну, который, приподняв бровь, смотрел на него, словно в ожидании, что принц скажет. Или сделает.

Так что Се Лянь, позабыв о стыде, положил будто деревянные руки на плечи Хуа Чэна, замер на мгновение, потом рывком прижался и поцеловал демона в щёку.

После воровато оглянулся, чтобы убедиться, что вокруг никого, и, наконец, успокоился. Но вдруг почувствовал, как на талии сжались

чужие пальцы — Хуа Чэн крепко обнял его и, сощурившись, поинтересовался:

— Гэгэ, тебе не кажется, что ты относишься ко мне без должного внимания?

В его голосе звучало не то истинное, не то притворное недовольство, от которого веяло угрозой. Се Лянь вздрогнул и поспешил заверить:

— Вовсе нет!

— Правда? Но когда ты просил одолжить тебе магических сил, вёл себя совсем иначе. Неужели без серьёзного предложения я могу надеяться лишь на такое «прощание»?

Если так рассуждать, Се Ляню и самому показалось, что в его поступке не было ни капли искренности.

— Прости... — тихо сказал принц. — Я не хотел заставить тебя так думать.

Но попросив прощения, Се Лянь почувствовал ещё явственнее, что всё выглядело именно так, как Хуа Чэн подумал. В душе принца зазвенел тревожный звонок, и он, боясь, что Хуа Чэн неверно всё истолкует, не стал дожидаться ответа — не тратя слова, перешёл к делу. Подпрыгнув на носочках, обнял Хуа Чэна за шею и вновь прижался что было сил. На этот раз целуя в точности так, как хотелось Хуа Чэну.

И тут, как назло, послышался оклик Ши Цинсюаня:

— Ваше Высочество, мне вот что показалось странным. Ведь вам, чтобы попрощаться, вовсе не обязательно было меня прогонять? Мне просто... Ваше Высочество? Так быстро ушёл?

Се Лянь, спотыкаясь на бегу, смущённо умчался прочь.

Не спрятать сущность демону, что в зеркало заглянет

Добежав, спотыкаясь, до главной улицы столицы бессмертных, Се Лянь всё не отнимал ладони от нижней части лица. Торопящиеся по своим делам младшие небожители не решались задавать ему вопросы, но всё же странных взглядов в свою сторону принцу избежать не удалось, поэтому он поскорее убрал руку, выпрямился, очень наигранно потёр губы и проямлил:

— Что-то рот разболелся, не понимаю, в чём дело, хе-хе...

В ответ принца ожидали ещё более странные взгляды.

Что нужно делать, чтобы разболелся рот?!

Но Се Ляню действительно было немного больно — подпрыгнув, чтобы поцеловать Хуа Чэна, он чуточку перестарался. Наверное, Хуа Чэну тоже досталось. Но когда принц прижался к демону, он явственно ощутил, что тот улыбался. Не решаясь больше думать об этом, Се Лянь опустил голову и направился дальше, да и другие небесные чиновники, не собираясь тратить время, поспешили по своим делам.

То ли из-за шума, который наделало открытие горы Тунлу, то ли по иной причине, в столице бессмертных царило беспокойство. И во дворце Шэньу уже собралось множество небесных чиновников.

Духи с горы Тунлу разлетелись по всем сторонам света, но подавляющее большинство всё-таки скопилось в самом населённом городе — императорской столице. Се Лянь и Хуа Чэн взяли на себя наиболее тяжёлую задачу и потому промучились так долго, тогда как Пэй Мин, Фэн Синь и остальные уже давным-давно справились со своей парой сотен тварей и вернулись на Небеса, успев даже привести себя в порядок. А принц, едва переступив порог дворца Шэньу, столкнулся с тем, кого не встречал уже много месяцев, — Лан Цяньцю.

Отчего-то мрачный Лан Цяньцю, увидев принца, тоже застыл, а потом и вовсе отвернулся.

Все присутствующие стояли, молча опустив головы, Цзюнь У сидел на своём месте. Увидев Се Ляня, он чуть приподнялся, чтобы заговорить, но тут Лан Цяньцю вышел к трону со словами:

— Владыка, я слышал, вам удалось изловить Лазурного демона.

Цзюнь У обратил к нему свой взгляд:

— Это так. Но поимка Лазурного демона, демоницы Сюань Цзи и других — вовсе не моя личная заслуга. Их выдал нам Инь Юй, служитель Призрачного города.

Только теперь Се Лянь заметил среди небожителей Инь Юя. Ничего не поделаешь — тот был слишком неприметным! Кстати сказать, Инь Юй впервые оказался во дворце Шэньу. Ведь только небесным чиновникам высшего ранга Цзюнь У позволял ступить на порог своего дворца, и даже будучи служащим Верхних Небес, Инь Юй всё ещё оставался на низшей ступени божественной лестницы и не имел права сюда входить. Теперь же, по собственному желанию «опустившийся» до Призрачного города, он наконец ступил в священные чертоги. Поистине — сказать тут нечего.

Тем временем Лан Цяньцю заявил прямо:

— Ци Жун — тот, кто уничтожил мой род. Прошу передать эту тварь мне для свершения мести.

Бросив взгляд на Се Ляня и мгновение подумав, Цзюнь У отвечивал:

— Я вполне могу передать его тебе. Но... сначала изволь ответить на мой вопрос. Что ты станешь делать, когда разделаешься с Лазурным демоном? Что потом?

Когда-то Лан Цяньцю сгоряча заявил, что, разобравшись с Ци Жуном, отправится свести счёты с Се Лянем, и Владыке это было известно.

Лан Цяньцю резким тоном ответил:

— Это уже не касается Владыки. Вы ведь не станете покрывать Ци Жуна и запрещать мне свершить месть лишь потому, что я не отвечу на ваш вопрос?

Раньше Лан Цяньцю почти не выступал с речами во дворце Шэньу, а если что и говорил, то звучало это глупо и по-детски. Теперь же, стоило ему открыть рот, и в словах, и на лице отражался внезапно пережившийся характер.

Видя, что дело принимает дурной оборот, вмешался Пэй Мин:

— Ваше Высочество Тайхуа сегодня немного вспыльчивы. Разумеется, Владыка не станет покрывать...

Но куда Пэй Мин пытался сгладить углы, снаружи дворца послышался шум, и внутрь ворвался небесный чиновник:

— Владыка, я не могу больше ждать!

Этим чиновником оказался Му Цин. Весь в чёрном, с потемневшим лицом, преследуемый несколькими Богами Войны. Те должны были конвоировать Му Цина во дворец, но разве им удалось бы его удержать? Так что они вбежали следом и виновато объяснили:

— Владыка, мы как раз сопровождали генерала Сюаньчжэня...

Цзюнь У вздохнул, прикрыл лоб ладонью и взмахнул рукой:

— Я понял, можете идти. — Затем поднял взгляд на Му Цина. — И что же?

Му Цин решил ковать железо, пока горячо:

— Я не могу больше нести этот груз незаслуженного обвинения, свалившийся на мою голову. Вы ведь уже поймали ту женщину на горе Тунлу? Я требую очной ставки!

Лан Цяньцю тоже не унимался:

— Владыка, прошу вас выдать мне Лазурного демона!

Стоило обоим заговорить одновременно, и в зале поднялся нестерпимый шум. Цзюнь У выглядел так, будто у него разболелась голова.

— Тишина! — потребовал он. — Вы не могли бы подождать, пока я решу вопрос с горой Тунлу?

Му Цин заявил:

— Чтобы изловить тварей с горы Тунлу, вам нужны помощники. Какой толк держать меня взаперти? Лучше как можно скорее освободите меня от обвинения, чтобы я мог послужить Небесам. Нужно лишь привести её сюда и организовать очную ставку, тогда всё сразу станет ясно!

Звучало довольно разумно, да и если не исполнить просьбу Му Цина, он наверняка не отстанет... Цзюнь У пришлось приказать служащим:

— Приведите демоницу Цзянь Лань.

Вскоре демоницу действительно доставили во дворец Шэнью. Она прижимала к груди свёрток, напоминающий детскую пелёнку, от которого волнами расходилась пугающая чёрная Ци. Из свёртка выглянуло нечто, напоминающее не то мертвенно-бледную руку, не то кость, и попыталось махнуть в воздухе острыми когтями, но Цзянь Лань проворно подоткнула уголок пелёнки и спрятала своё дитя от чужих глаз. Наверное, из уважения к Фэн Синю, служащие, которые её привели, не стали заламывать женщине руки. Горло Фэн Синя едва заметно шевельнулось, их взгляды с Цзянь Лань встретились на миг, но потом женщина первой отвела глаза. А Фэн Синь посмотрел на «свёрток» в её руках и сделался ещё задумчивее.

Му Цин же к тому моменту потерял всяческое терпение. Он шагнул вперёд со словами:

— Не знаю, почему твой ребёнок решил оклеветать меня, но ему прекрасно известно, что не я его губитель. Он наверняка слушается чьих-то указаний.

Подобное поведение немного выходило за рамки приличия, однако Се Лянь мог понять Му Цина — тот всегда очень дорожил репутацией, и ушат грязи, который так долго висел над его головой,

уже повлиял на уважение к посту, который он занимал на Верхних Небесах. Разумеется, Му Цина обуревал гнев.

— И как ты считаешь, — заговорил Цзюнь У, — чьих именно указаний слушается дух?

Му Цин молча перевёл взгляд в сторону, и всем стало ясно, что он смотрит на Цзянь Лань.

На лбу Фэн Синя мгновенно вздулись вены:

— Что ты хочешь сказать? Считаешь, она специально велела своему сыну тебя оклеветать?

Му Цин отвёл взгляд:

— Я этого не говорил.

— А чего тогда уставился на неё? У неё не было на тебя никакой обиды, к чему ей так поступать?

— У неё не было, а вот у тебя, возможно, была, — посмотрел на него Му Цин.

— Что ты имеешь в виду? Выкладывай всё разом.

Му Цин глянул на Се Ляня.

— Ты ведь познакомился с госпожой Цзянь Лань после первого низвержения Его Высочества?

Остальные небожители, следом за Му Цином, также посмотрели на принца.

Се Лянь:

— ???

Почему разговор опять зашёл о нём?

Фэн Синь, бросив взгляд на Се Ляня, тихо, но сердито прошипел:

— Какое это имеет отношение к делу?

Му Цин решил — была не была, нужно раскрывать карты, и заявил:

— Самое прямое. Из-за того, что ты остался с Его Высочеством, тебе пришлось жить в нищете. Ты возненавидел меня за то, что я вновь оказался на Средних Небесах. И после постоянно задирал меня и считал мои ошибки, пытаюсь свести старые счёты. Разве она, как твоя супруга, не могла под твоим влиянием тоже меня возненавидеть? А может заодно и Его Высочество, поскольку ты в итоге всё-таки оставил её, избрав преданность службе, просто-напросто бросил...

— Поменьше бы болтал ерунду! — не выдержав, заорал Фэн Синь, и отвесил Му Циному удар, на который тот сразу ответил.

Цзянь Лань кинулась им помешать, а её дитя гнусно захихикало голосом, подобным карканью старой безумной вороны, что звучало до крайности пугающе. Пэй Мин вместе с Инь Юем растащили дерущихся в стороны, покуда Цюань Ичжэнь, не двинувшись с места, раздумывал, кто бы победил в этой драке. В общем, в главном зале поднялся шум и гам, и Се Лянь, который долго стоял в полнейшем молчании, опустил голову, вздохнул и напомнил:

— Владыка, сейчас самое главное — отыскать Безликого Бая и предотвратить новую вспышку поветрия ликов, вы так не считаете? И самым важным звеном в решении этой проблемы является человек, которого мы с вами обнаружили.

Цзюнь У, который тоже уже не мог смотреть на происходящее, взмахнул рукой и повелел:

— Уведите демоницу Цзянь Лань и её дитя. Приведите сюда советника Сяньлэ.

Му Цин выкрикнул:

— Нет! Я бы поглядел... Что???

— Привести кого?? — оторопел Фэн Синь.

Оба синхронно повернулись в сторону главного входа. Там порог дворца в сопровождении целого отряда Богов Войны переступил тот, кого они прекрасно знали, — советник Сяньлэ, Мэй Няньцин!

И Фэн Синь, и Му Цин остолбенели от удивления.

— Советник? — проговорил Фэн Синь. — Это правда он?

Му Цин не сказал ничего, но на его лице отразились бесконечные сомнения. И неудивительно — по правде говоря, до сего момента и самому Се Ляню всё происходящее казалось немного нереальным. Он никак не мог связать этого человека со своим наставником, который задавал ему вопрос «о стакане воды».

Мэй Няньцин медленно направился к центру зала, едва не столкнувшись с Се Лянем.

Цзюнь У, сидя на своём высоком месте, обратился к принцу:

— Сяньлэ, кажется, внизу ты хотел что-то рассказать.

Се Лянь чуть склонил голову.

— Да.

Он поведал обо всех важных находках, обнаруженных на горе Тунлу, в древнем государстве Уюн. По мере рассказа у слушателей всё

сильнее округлялись глаза, что уж говорить о реакции Фэн Синя и Му Цина. Когда принц закончил, Цзюнь У неторопливо произнёс:

— Удивительно, но мне никогда не приходилось слышать о государстве Уюн.

Остальные небесные чиновники поддержали:

— И мне не приходилось...

— Всё-таки две тысячи лет прошло.

— Наверняка кто-то намеренно скрыл все свидетельства его существования.

Мэй Няньцин же за всё время повествования не проронил ни слова.

— Советник, — обратился к нему Се Лянь. — Скажите, наследный принц Уюна — это Безликий Бай, так?

— Да, — ответил Мэй Няньцин.

Так и знал!

Пэй Мин с задумчивым видом задал вопрос:

— Кто оставил те фрески на стенах храмов? И кто уничтожил последнюю?

Ему ответил Се Лянь:

— Кто их оставил, мне неизвестно, но я думаю, что уничтожал их либо сам Безликий Бай, либо его подручный. Ведь это он желал скрыть от других своё истинное лицо. — Принц повернулся к Мэй Няньцину. — И вы были подручным наследного принца Уюна.

А значит, и подручным Безликого Бая.

Мэй Няньцин молчал. У Се Ляня появилось внезапное желание спросить, неужели во время гибели государства Сяньлэ советник не знал, что за тварью был Безликий Бай? Или может, они просто с самого начала сговорились, и советник помогал демону?

Но в конце концов принц задал другой вопрос:

— Где сейчас находится Безликий Бай?

Молчание.

— Почему он стремился уничтожить Сяньлэ?

Молчание.

— Почему вы хотели меня убить?

Мэй Няньцин наконец заговорил:

— Я не хотел убить тебя, Ваше Высочество.

— Но тогда почему вы потянулись схватить меня за горло?

Мэй Няньцин спросил в ответ:

— Неужели ты умрёшь, если схватить тебя за горло? Неужели тот, кто стоял рядом с тобой, позволил бы мне это сделать?

И впрямь, не позволил бы. Но это не означает, что Мэй Няньцин не стремился убить принца, поскольку тогда его реакция была совершенно бессознательной. Наверное, бывший советник Сяньлэ уже понял, что Се Лянь ему не переубедить, и перестал оправдываться.

Помолчав, Се Лянь наконец задал вопрос, ответ на который хотел узнать более всего.

— Советник, что вы хотели пробудить во мне?

Цзюнь У говорил, что советник пытался что-то в нём пробудить. Что же именно?

Мэй Няньцин посмотрел на него с очень странным выражением лица. Руки Се Ляня в рукавах сжались в кулаки, он добавил:

— Говорите, советник.

Всё это время в душе принца не утихало скрытое беспокойство. Судьба наследного принца Уюна так сильно напоминала его собственную... Неужели между ним и Безликим Баем в самом деле есть некая связь, о которой никто не знал?

Се Лянь должен был выяснить это до конца. Потому что ни в коем случае не мог допустить подобной связи. И в то же время ужасно боялся, что она действительно существует.

Глядя на принца, Мэй Няньцин помолчал, затем произнёс:

— Ваше Высочество, в данный момент я не могу ответить на этот вопрос. Но даже если отвечу, вы, вероятно, не поверите. — Сделав паузу, он добавил: — Впрочем, на другой ваш вопрос я могу дать ответ прямо сейчас. — Он отчеканил каждое слово: — Безликий Бай. Сейчас. Прямо в этом дворце. И он передо мной!

Но кто же перед ним?

Сам Се Лянь!

Принц отшатнулся на несколько шагов, словно хотел оказаться подальше от советника. Фэн Синь, который стоял к ним ближе всех, вмешался:

— Советник... раскройте глаза и взгляните внимательно, кто перед вами! Это Его Высочество! Ваш ученик!

Однако зазвучали и другие голоса. В дальнем конце зала какой-то чиновник, прикрыв рот, тихо сказал:

— Неужели... неужели Его Высочество и Безликий Бай... две части одной души?!

— Что значит «две части одной души»?!

— Это значит, что душа одного человека разделилась надвое или раскололась на две половины. И у обеих половин — разные воспоминания, разные характеры и способности, возможно, даже внешне они непохожи...

— Вполне возможно...

— Я тоже слышал о подобном!

— Но если это действительно так, что же тогда делать? Выходит, Его Высочество и есть Белое бедствие???

Со всех сторон послышались такие голоса, и Се Ляня тоже охватили сомнения. Неужели он и есть Безликий Бай??? Это правда???

Неужели он сам... уничтожил Сяньлэ? Он сам истязал себя столько лет? От начала до конца... всё случилось... из-за него???

В зале поднялся шум, на лицах небожителей отразились самые разные подозрения. Фэн Синь не знал, что сказать, чему верить. Тем временем Цзюнь У поднялся со своего места:

— Сяньлэ, сохраняй спокойствие!

Картинка перед глазами Се Ляня немного поплыла.

— Я... я...

Неужели он правда сам во всём виноват??? Но если это так, что ему теперь делать? Он просто не представлял!

В момент полной растерянности в душе принца вдруг раздался голос: «Нет! Я могу утверждать, что ты — это ты, а не кто-то другой. Поверь мне!»

Сань Лан. Сань Лан!

Хуа Чэн говорил, что это не принц, что это ни при каких обстоятельствах не может быть он!

От этой мысли сознание Се Ляня мгновенно прояснилось, он твёрдо встал на ноги. Тем временем Цзюнь У спустился со своего трона и приблизился к нему:

— Сяньлэ! Прошу, успокойся...

Се Лянь поднял голову, чтобы заверить, что с ним всё в порядке, но в этот миг Мэй Няньцин вдруг выбросил вперёд руку, выхватив меч у стоящего рядом Фэн Синя, и направил удар на Цзюнь У!

По залу прокатился испуганный вздох. Но Цзюнь У и Се Лянь не даром звались Богами Войны, в искусстве боя им не было равных, разве подобный удар мог заставить их врасплох? Остриё меча даже не успело коснуться Владыки, когда Се Лянь, подобно молнии, двумя пальцами схватил белоснежный клинок, остановив его прямо перед своими глазами!

Фэн Синь опомнился и немедля шагнул к советнику, чтобы его связать. Совершать подобные покушения прямо во дворце Шэньу, на глазах у такого количества Богов Войны — равнозначно самоубийству.

— Советник, — произнёс Фэн Синь, — ваши действия не имеют смысла!

Но тот, отчаянно сопротивляясь, проревел Се Ляню:

— Смотри!!! Скорее, смотри!!!

Инь Юй поспешил подбежать к принцу:

— Ваше Высочество! Вы в порядке? Что с вами?

— На что смотреть? Что он несёт? Что ему надо? — издалека настороженно спросил Му Цин.

Посреди всей этой неразберихи Се Лянь стоял, не шевелясь. Причиной тому было не что иное как увиденное им в белоснежном клинке меча.

Лицо.

Спокойное и прекрасное молодое лицо.

А на нём — ещё три лица!

Три маленьких лица, которые превращали первоначально совершенный облик в жуткое и отвратительное зрелище. Они так теснились на небольшом пространстве, что даже исказили черты своего «хозяина», отчего стало казаться, что одна половина его лица печальна, а другая — улыбчива.

Это лицо должно было быть Се Ляню знакомо. Но сейчас, отразившееся в почти зеркальном клинке, оно сделалось до страшного неузнаваемым, так что Се Лянь облился холодным потом. И вдруг вспомнил, что меч, который Фэн Синь носил при себе, — это Хунцзин, зеркало, проявляющее истинную форму тёмных тварей. И никакому демону, заглянувшему в это зеркало, не спрятать свою сущность.

С такого угла обзора в Хунцзине отражалось не его, Се Ляня, лицо. А лицо того, кто стоял сейчас за его спиной. И мрачным взглядом внимательно смотрел на принца.

Зрачки Се Ляня медленно сузились, движения будто затормозились в несколько раз, он только открыл рот, но сказать ничего не успел, почувствовав, как чья-то рука с силой сжала его запястье, так что не получалось им пошевелить.

Цзюнь У, стоящий за его спиной, с улыбкой произнёс:
— Сяньлэ, на что ты смотришь?

Переполох в столице бессмертных. Ложь, потрясшая Небесные Чертоги

Се Лянь уже несколько сотен лет не испытывал чувства, когда кровь стыла в жилах.

Мэй Няньцин объявил во всеуслышание, что Безликий Бай находился прямо перед ним. Разумеется, принц принял слова советника на свой счёт, позабыв, что кроме него перед Мэй Няньцином в тот момент стоял Цзюнь У!

Но... Се Лянь никогда даже не думал в этом направлении, поэтому сейчас, когда пришло столь внезапное осознание, у принца зашевелились волоски на теле. Он попытался вырваться, но чужая рука на его запястье сжалась с такой силой, что не вышло даже пошевелиться.

Сам себе не веря, Се Лянь пробормотал:

— Ваше... ваше лицо...

Голос Цзюнь У звучал всё так же невозмутимо, словно он лишь заметил небольшую промашку:

— Ах, малейший недосмотр, и они опять выбежали наружу.

Запястье Се Ляня снова пронзило болью, и он наконец не смог удержать меч в руке — разжал пальцы.

Клинок упал на пол со звоном, прокатившимся по дворцу чистым эхом. Однако... было уже поздно.

Многие находившиеся поблизости небожители следом за принцем увидели в отражении жуткое лицо!

В главном зале воцарилась мёртвая тишина. Почти все небесные чиновники потрясённо застыли, включая Фэн Синя, который стоял ближе остальных и видел всё очень чётко. Мэй Няньцин не упустил возможности вырваться из его рук, схватить упавший Хунцзин и обеими руками поднять клинок остриём вверх прямо перед Цзюнь У.

— Скорее, взгляните внимательно!!! Смотрите на того, кто стоит перед вами, смотрите на его лицо!!!

Несколько Богов Войны среагировали первыми, Пэй Мин выхватил меч, с криком «Кто ты такой?!» направив его на Владыку.

Стоящие слишком далеко небожители, ничего не понимая, заголосили:

— В чём дело?

— К кому обращается генерал Пэй?

— Почему он направил меч на Владыку?

Неотрывно глядя на Цзюнь У, Мэй Няньцин выплюнул по слову:

— Он — и есть Безликий Бай!

Му Цин поразился:

— Как он может быть Безликим Баем? Демон выдал себя за Владыку?! Но где же тогда настоящий?

Се Лянь тоже первым делом подумал о подмене. Но в какой момент она произошла? Почему он не заметил ни малейшего подвоха? Ведь император Шэньу — это не Повелитель Земли, который вёл себя довольно скромно и постоянно где-то скрывался. Как бы то ни было, не могло случиться так, что подмены не заметила ни одна душа в чертогах Верхних Небес!

Мэй Няньцин хотел сказать что-то ещё, но Цзюнь У вскинул другую руку и вздохнул:

— Ты вновь меня разочаровал.

Мэй Няньцин резко изменился в лице, будто кто-то схватил его за горло, не давая дышать. Лан Цяньцю поднял свой тяжёлый меч, вихрь меча со свистом разрезал воздух. Но стоило Цзюнь У обернуться и лишь бросить взгляд — и самого Лан Цяньцю отшвырнуло прочь.

Мгновение — Пэй Мин, Лан Цяньцю, Фэн Синь, Му Цин, Цюань Ичжэнь... почти все Боги Войны, собравшиеся во дворце, вместе окружили Цзюнь У. Но всего через полчаса Цзюнь У, по-прежнему не отпуская руку Се Ляня, поверг Богов Войны, напавших на него.

Теперь все они, лишившись способности сражаться, лежали на полу главного зала. Только Цзюнь У и Се Лянь остались стоять на ногах.

Му Цин, сплюнув полный рот крови, в ярости закричал молчаливому и неподвижному Се Ляню:

— Шевелись! Чего стоишь как истукан?! Смерти дожидаясь?!

Ему и невдомёк было, что Се Лянь очень хотел бы пошевелиться, но не мог!

Цзюнь У держал его одной рукой, но принц почувствовал — даже если чуть согнуть пальцы, Владыка это заметит и немедля сломает их, что уж говорить об ответной атаке! С какой стороны ни рассуди, лучший выбор — не делать резких движений!

Таков был первый Бог Войны всех трёх миров!

Небесные чиновники, которые стояли дальше всех, в испуге отшатнулись прочь, затем наконец вспомнили, что можно убежать, и совершенно бледные бросились прочь из дворца. Но стоило им добраться до выхода из зала, как створки двенадцати тяжёлых дверей с силой захлопнулись. Напрасно стуча по вратам, около сотни небесных чиновников либо не могли выбраться из дворца, либо вовсе не держались на ногах, воцарился самый настоящий хаос.

Тем временем какая-то неведомая сила притащила Мэй Няньцина к Цзюнь У, который взял его за ворот и усмехнулся:

— Думаешь, временно отрекшись от своих слов и рассказав всё такому количеству божеств, сможешь противостоять мне? Думаешь, зная правду, они способны объединиться и стать для меня угрозой? Я могу уничтожить их всех одной рукой.

По всей видимости, Цзюнь У забрал Мэй Няньцина на Небеса раньше не только ради того, чтобы позволить Се Ляню попрощаться с Хуа Чэном. По пути он что-то ему приказал, а может, пригрозил, поэтому безбоязненно устроил допрос прямо во дворце Шэньу. Но к всеобщей неожиданности Мэй Няньцин восстал против него.

Схватившись руками за рукав Цзюнь У, советник крикнул Се Ляню:

— Ваше Высочество, скорее бегите! Он сошёл с ума!

— Советник! — в ответ позвал Се Лянь.

Но Мэй Няньцин уже не смог ничего сказать, словно что-то крепче сжало его за горло. Одеяния скрывали шею мужчины, и Се Лянь не видел, что именно не даёт ему говорить.

— Глупец, — вздохнул Цзюнь У. — Ты же просто толкнул всех на верную смерть. Изначально это дело их не касалось, но теперь никто из них не покинет столицу бессмертных живым.

Положение сложилось крайне опасное, и Се Лянь, применив пароль духовного общения, позвал: «Сань Лан!»

Он ещё никогда не пользовался паролем Хуа Чэна по собственной инициативе, но в такой момент пришлось забыть о стыде. Принц несколько раз повторил нужный пароль, но вместо ответа услышал лишь мёртвую тишину.

В точности так же, как тогда, на горе Тунлу!

Цзюнь У с одного взгляда на принца догадался, о чём тот подумал, и произнёс:

— Не стоит пытаться. Без моего дозволения ты ни с кем не свяжешься.

Столица бессмертных строилась на магических силах Цзюнь У и являлась его владениями, где могущественнее не сыскать никого. Разумеется, он мог творить здесь, что вздумается. Другими словами, сейчас все чертоги Верхних Небес, вся столица бессмертных оказалась отделена от остального мира. Самое настоящее воплощение фразы «зови небо — не ответит, зови землю — не поможет»!

Внезапно ворота дворца распахнулись, и небесные чиновники, уж было обрадовавшись, рванули к выходу, но взглянув на порог дворца, так и застыли. Снаружи стоял высокий мужчина в чёрном одеянии, от которого исходила недобрая аура. Он преградил небожителям путь. Это была Линвэнь, а на ней — Божество парчовых одежд!

На глазах ничего не понимающих небесных коллег Линвэнь переступила порог дворца и, преклонив колено перед Цзюнь У, почтительно поприветствовала:

— Владыка.

— Поднимайся и за работу, — велел ей Цзюнь У. — Ты знаешь, что делать.

С кивком и лёгкой улыбкой Линвэнь произнесла:

— Конечно.

Му Цин, с трудом опираясь о стену, поднялся на ноги и потрясённо проговорил:

— Но ведь Линвэнь сбежала ещё на горе Тунлу?

— Верно, — ответил ему Цзюнь У. — Однако я рассудил, что она, как редчайший талант, будет мне полезной, полезнее, чем большинство из вас. Ведь она совершила лишь маленькую ошибку, поэтому я призвал её под своё начало.

Что ж, по правде говоря, в сравнении с Безликим Баем, Линвэнь действительно «совершила лишь маленькую ошибку», сотворив

Божество парчовых одежд. Теперь они оба — и Линвэнь, и тёмная тварь, — стали подручными этого «Цзюнь У». Неожиданно какая-то белёсая тень, юркнув по залу, приткнулась к ногам Цзюнь У и ласково потёрлась о его сапог. Фэн Синь так и разъярился:

— Что ты творишь? А ну вернись сейчас же!

Тень оказалась духом нерождённого. Он не только не послушал слов отца, но ещё и озлобленно высунул ярко-красный язык, подобно маленькой змее. Повергнутый Фэн Синь истекал кровью изо рта и не мог подняться, а теперь его собственный сын обнимал за ногу врага, от которого он и пострадал, словно не различал, кто его настоящий отец. От такого Фэн Синь едва не выплюнул ещё цзинь крови. Следом во дворце появился отряд младших Богов Войны с бесстрастными лицами.

Всех этих чиновников Цзюнь У избрал лично, и они всегда слушались только его приказов. Получив указания от Цзюнь У, Линвэнь велела отряду:

— Отведите каждого небесного чиновника в его дворец и не спускайте с них глаз.

Пэй Мин, сидящий неподалёку на полу, с задумчивым выражением лица произнёс:

— Линвэнь, у тебя поистине нет ни капли совести.

Та похлопала его по плечу.

— О том, что у меня нет совести, ты знал с первого дня нашего знакомства. Ну что, не хочешь присоединиться? В любой момент примем тебя с распростёртыми объятиями.

Пэй Мин сухо посмеялся, но промолчал.

Се Лянь же вновь удостоился особого отношения — Цзюнь У решил лично сопроводить принца во дворец Сяньлэ.

— Идём, — сказал он.

Принц обернулся, посмотрев на Мэй Няньцина. Что же это творится? Кто ты такой? Чего ты добиваешься? И кто это такой? Цзюнь У или всё-таки Безликий Бай? Что ему нужно?

Се Лянь хотел задать огромное-преогромное множество вопросов, при том непременно наедине и самым подробным образом. На эти вопросы принцу мог ответить только Мэй Няньцин, но Цзюнь У наверняка не даст им такой возможности.

Сделав шаг из дворца, Се Лянь на миг остолбенел. Главная улица столицы бессмертных мрачнела тёмными красками облаков, клубящихся причудливыми формами. Картина составляла резкий контраст с прежней столицей, светлой и сверкающей. Теперь по улице свободно расхаживали только подручные Цзюнь У, конвоируя остальных небожителей к их дворцам, и повсюду царила тревожная атмосфера. А младшие небесные служащие, обычно спешащие по своим делам, лежали вповалку без сознания.

Тут и думать нечего, наверняка это дело рук Цзюнь У. Издали ещё и раздавался колокольный звон — видимо, что-то случилось с колоколом.

По главной улице Цзюнь У и Се Лянь направились к дворцу Сяньлэ. Принц стремительно обдумывал план побега, но тут против него сработало правило «человек, владеющий силой, способен сразить десятерых, владеющих мастерством»: все хитрости, приходящие на ум, не имели никаких шансов против абсолютной боевой мощи Цзюнь У. К тому же, тот обладал не только силой, но ещё и способностью с одного взгляда разгадать мысли Се Ляня.

Уже оказавшись во дворце Сяньлэ, принц так и не придумал ничего дельного и про себя произнёс: «Что ж, нестрашно, ведь достаточно просто подождать, и Хуа Чэн, с которым я долго не буду связываться, наверняка почувствует неладное. Главное, чтобы до того момента не случилось ничего непоправимого». Но Цзюнь У, едва закрыв ворота дворца, вдруг спросил Се Ляня:

— Думаешь о Собирателе цветов под кровавым дождём?

Вопрос заставил сердце Се Ляня дрогнуть и пуститься вскачь.

Принц не знал, что ответить. «Да»? А вдруг Цзюнь У захочет навредить Хуа Чэну? «Нет»? Вряд ли это прозвучит правдоподобно.

Наблюдая за молчаливым принцем, Цзюнь У усмехнулся:

— Не стоит беспокоиться, я знаю, ты наверняка думаешь о нём. Наверное, хочешь передать ему весть по сети духовного общения.

Он говорил с принцем всё тем же тоном, что и всегда — мягким, снисходительным, сдержанным, надёжным. Но от этого Се Лянь всё сильнее путался, всё сильнее чувствовал всепоглощающий ужас.

— Если тебе очень хочется, свяжись с ним, поговори немного, — добавил Цзюнь У.

Он догадался, о чём подумал Се Лянь, входя во дворец. Он видел принца насквозь!

Улыбка Цзюнь У нисколько не померкла:

— Сяньлэ, ты знаешь, что говорить. Просто сделай так, чтобы он не слишком за тебя переживал. Твой Собиратель цветов под кровавым дождём наверняка будет счастлив, когда ты свяжешься с ним.

С такими словами он положил руку Се Ляню на плечо, и тот почувствовал лёгкое волнение магической силы, осознавая, что за заклинание применил Цзюнь У. Теперь тот мог слышать всё, что Се Лянь скажет в сети духовного общения, даже если принц не станет произносить это вслух. И Се Лянь, разумеется, понял, что Цзюнь У хочет от него услышать.

Поколебавшись, принц отбросил стыд и снова произнёс пароль духовной связи с Хуа Чэном.

Услышав пароль, Цзюнь У, кажется, счёл его весьма забавным, даже усмехнулся. У Се Ляня, впрочем, не было настроения смущаться. Почти в тот же миг, как он назвал пароль, в его сознании раздался голос Хуа Чэна, который вздохнул:

— Гэгэ, гэгэ... Прошло так много времени, и вот ты наконец вспомнил о Сань Лане.

Се Лянь встретился взглядом с Цзюнь У и ответил:

— Сань Лан, ведь минуло меньше двух часов, как я тебя покинул.

Хуа Чэн возразил:

— Для меня главное слово здесь «покинул», а не «меньше двух часов». Это тоже расставание, пусть оно длится хоть мгновение.

Цзюнь У стоял совсем рядом и всё слышал!

Даже в столь опасном положении Се Лянь испытал неподдельное смущение.

— Очень жаль, — произнёс Цзюнь У, — что ему придётся ждать гораздо дольше. Продолжай. Скажи ему, что он не увидит тебя, пока мы не разделаемся с озлобленными духами. Не вздумай хитрить и делать намёки, я всё слышу.

Пока не разделаются с озлобленными духами, то есть, семь дней и семь ночей. Помолчав, Се Лянь сказал:

— Ты не в силах подождать даже два часа. Ну а если на этот раз мне понадобится затратить больше времени, что ты будешь делать?

— Цзюнь У спихнул на тебя ещё гору заданий?

— Да!

— Я помогу тебе.

Цзюнь У вмешался:

— Скажи, что когда ты выполнишь все мои поручения, я дам тебе три года на отдых.

— Не нужно, — продолжил Се Лянь в сети духовного общения. — Сань Лан уже оказал мне огромную помощь, задержав духов в столице. В остальном позволь мне справиться самому. Владыка пообещал мне три года отдыха после того, как я исполню все его поручения. Он освободит меня от любых дел.

— Только три года?

— Разве этого мало? Уже довольно неплохая награда.

— Ну хорошо. Только... — протянул Хуа Чэн, — гэгэ, это будет твоя награда, но что насчёт награды для меня?

— К-какая награда?

— А как ты думаешь?

Принц живо представил, как Хуа Чэн приподнял бровь и дёрнул уголком губ. У Се Ляня не поворачивался язык что-то на это отвечать.

— Кстати говоря, — продолжил Хуа Чэн, — гэгэ задолжал мне немало магических сил и до сих пор не вернул. Я ведь не ошибаюсь?

Се Лянь осторожно ответил:

— Нет.

— И что же, гэгэ уже придумал, как будет мне их возвращать?

— Тоже нет, — помолчав, сказал Се Лянь.

Хуа Чэн, кажется, улыбнулся, и произнёс:

— Раз ты не придумал, быть может, я сам что-нибудь предложу? Когда все дела будут улажены и ты сможешь от них отдохнуть, мы вместе постепенно произведём возврат долга. Согласен?

Се Лянь, с трудом выдерживая напор Хуа Чэна, то и дело бросал осторожные взгляды на Цзюнь У.

— Гм, гм, — невпопад ответил принц.

Хуа Чэн же, шаг за шагом увлекая Се Ляня в свои сети, наконец получил желаемый ответ и остался вполне доволен, поэтому временно пощадил его и спросил:

— Так что же? Для чего гэгэ в кои-то веки первым связался со мной при помощи духовной связи?

Цзюнь У внимательно наблюдал за Се Лянем. Он велел принцу связаться с Хуа Чэном, чтобы демон успокоился, нескоро заметил неладное и оставался послушно сидеть внизу. Разумеется, Се Лянь понимал, что хочет услышать Цзюнь У.

— В действительности, — медленно произнёс принц, — никакого особенного повода нет, просто я боялся, что ты забеспокоишься, если от меня долго не будет вестей.

— Э? Но ведь гэгэ только что сам говорил, что ушёл лишь на пару часов. С какой стати тебе бояться, что я забеспокоюсь?

Се Лянь совершенно запутался, занервничал, и в то же время ему стало немного смешно.

— Я понял, — вдруг сказал Хуа Чэн.

Се Лянь задержал дыхание на миг и спросил:

— Что ты понял?

С той стороны, кажется, послышался лёгкий смешок, затем Хуа Чэн, растягивая слова, произнёс:

— Гэгэ, неужели, расставшись со мной совсем ненадолго, ты так сильно по мне соскучился?

Если раньше их диалог строился размыто и довольно прилично, эта фраза прозвучала совсем уж неприкрыто, и как ни старайся, не получится притвориться, что в ней нет никакого подтекста. Под внимательным взглядом Цзюнь У лицо Се Ляня начало гореть, спустя некоторое время он тихо хмыкнул:

— Гм.

Хуа Чэн тоже понизил голос:

— И я тоже. Мне так хочется прямо сейчас забрать тебя с Небес.

Сердце Се Ляня обдало лёгким жаром и повисло в воздухе, он встретился взглядом с Цзюнь У.

Если Хуа Чэн в самом деле явится в столицу, что они будут делать? Что с демоном сделает Цзюнь У?

С трудом подавляя эмоции, принц постарался ответить как можно естественнее.

— Всё же не стоит. Здесь творится полная неразбериха, а если ты появишься в чертогах Верхних Небес, только сильнее перепугаешь небесных чиновников. Подожди ещё немного.

Хуа Чэн лениво протянул:

— Хорошо, гэгэ, я не стану подниматься и пугать их. Мне претит этот слепящий свет вашей столицы бессмертных, к тому же люди, стоящие в круге, нуждаются в моей поддержке. Я послушно буду ждать твоего возвращения.

Се Лянь не то выдохнул с облегчением, не то облился потом, и ответил:

— Хорошо. Будь умницей.

— Только, если я буду умницей, гэгэ ведь не может вернуться ко мне с пустыми руками? Мне полагается награда за труды.

— Непременно, непременно.

Они обменялись ещё парой незамысловатых, но двусмысленных фраз, затем несколько раз попрощались, никак не желая прекращать беседу, и наконец вышли из сети духовного общения.

Се Лянь тихонько выдохнул, а Цзюнь У заметил:

— Вижу, Сяньлэ весьма увлекательно проводил время в мире смертных.

Принц не знал, что на это отвечать. Цзюнь У же похлопал принца по плечу, развернулся и направился к выходу из дворца.

— Владыка! — позвал за его спиной Се Лянь.

Тот остановился.

— Кто же вы такой? — спросил принц. — Вы Владыка? Или же нечто иное?

Подозревая советника в возможной связи с Безликим Баем, Се Лянь с трудом принимал подобный факт. Но связь Цзюнь У с демоном просто переворачивала весь мир с ног на голову.

Ведь Цзюнь У — первый Бог Войны трёх миров, которым Се Лянь всегда восхищался, на которого стремился походить!

Но Цзюнь У не ответил ему и ушёл, не сказав ни слова. Се Лянь остался в одиночестве и, обдумывая план действий, утомлённо поплёлся во внутренние покои.

Дворец Сяньлэ превратился для него в клетку, но клетку весьма роскошную. Во внутренних покоях даже установили бассейн из белого нефрита. Попав в Медную печь и сражаясь с белым демоном несколько дней кряду, пробираясь где ползком, где кувырком, теперь Се Лянь настолько утомился, что решил — всё равно он ещё нескоро покинет это место, почему бы не принять омовение и не освежиться немного?

Скинув одежды, принц погрузился в горячую воду и, опершись на край бассейна, принялся бессознательно перебирать и складывать свои одеяния. И вдруг из верхнего халата что-то выпало и со стуком прокатилось по полу. Приглядевшись, Се Лянь увидел изящные, искусно вырезанные игральные кости.

Принц подобрал их и сжал в ладони, вспомнив слова, сказанные ему Хуа Чэном: «Если ты захочешь увидеться со мной, ты всегда сможешь это сделать, и не важно, какое число выпадет на костях».

Вообще-то во время их разговора некоторые фразы уже прозвучали достаточно неестественно, чтобы Хуа Чэн догадался — что-то не так. Но даже если тот почувствует неладное, подняться сюда всё равно не сможет, ведь столица бессмертных ограждена от остального мира барьером, который Цзюнь У установил лично, а значит, только сам мог снять его.

Прекрасно осознавая сложившееся положение, Се Лянь понимал, что, выбрось он на костях хоть две шестёрки, Хуа Чэна не увидит. И всё же решил попробовать. Кости со стуком прокатились по краю бассейна, и невезение принца его не подвело — выпало две единицы. Как и следовало ожидать, никакого результата это не принесло.

Се Лянь вздохнул и уж было окунулся в бассейн с головой, как вдруг услышал:

— Гэгэ.

Принц тут же выпрямился, с шумом подняв волну брызг.

— Сань Лан?

Неужели он и правда вызвал Хуа Чэна???

Однако, посмотрев по сторонам, принц никого не обнаружил. Но голос, который он только что слышал, не мог быть иллюзией, вызванной его собственными чаяниями. Покуда сердце Се Ляня заколотилось как бешеное, до него снова донёсся голос:

— Ваше Высочество!

И тут принц наконец заметил, что голос исходит из его собственного рта! В просторном помещении, наполненном клубящимся паром и шумом воды, он искажался и казался немного нереальным.

Се Лянь на мгновение замер, но сразу же понял, в чём дело — Перемещение души!

Удивлённый и обрадованный, он воскликнул:

— Повелитель Ветров?!

Из его рта снова послышалась взволнованная речь:

— Да, это я! Ха-ха-ха, не ожидали? Моё Превосхо... то есть, я снова обзавёлся магическими силами!!!

Ранее было сказано, что Перемещение души применяется крайне редко из-за огромных затрат магических сил. Оно сильнее заклинания духовного общения, но в то же время хитрее и применяется нечасто, поэтому при установке магического заслона мало кто задумывается включить его в число ограничений.

Во время битвы с Божком-пустословом Ши Цинсюань и Се Лянь уже обменивались душами. Впоследствии Ши Цинсюань лишился магических сил, и для него дверь в душу Се Ляня закрылась с одной стороны. И вот открытый когда-то проход пригодился снова!

— Цинсюань, — заговорил принц, — но для Перемещения души требуется так много магических сил, где вы их взяли? — Впрочем, только задав вопрос, Се Лянь и сам понял — где же ещё он мог взять магические силы?

И он оказался прав, Ши Цинсюань ответил:

— Долгая история! А хотя... не такая уж и долгая. Этот ваш Собиратель цветов под кровавым дождём дал мне несколько чёрненьких конфеток, поразительно чудесных! Едва проглотив их, я тут же ощутил мощнейший прилив магических сил! Пусть не навсегда, но на какое-то время их всё же хватит, например, чтобы связаться с вами. Только на вкус странноватые... тьфу-тьфу-тьфу!

Се Лянь невольно вспомнил конфеты со вкусом демонов, съеденные Пэй Мином, и подумал, что Хуа Чэн, должно быть, дал ему нечто похожее, только для поднятия уровня магических сил.

— А кто только что назвал меня «гэгэ»?

— Я!

Се Лянь, не зная, плакать, или смеяться, спросил:

— Зачем вы это сделали? Я было решил...

— Знаю, вы решили, что это Собиратель цветов под кровавым дождём явился к вам?

Се Лянь тихо кашлянул, а Ши Цинсюань добавил:

— Это он велел мне так назвать вас. Сказал, что так вы поймёте, что он рядом, и это вас успокоит.

И это действительно сработало. Услышав «гэгэ», Се Лянь хоть и удивился, но в большей степени всё-таки успокоился.

— Он сейчас рядом с вами? Как дела в императорской столице? Озлобленные духи не доставили вам хлопот?

— В столице всё замечательно, духи уничтожаются. Только вот, когда Собиратель цветов под кровавым дождём связался с вами при помощи заклинания духовного общения, он то улыбался, как будто говорил с вами не знаю о чём, то вдруг, опустив руку и прекратив разговор, сделался до ужаса угрюмым и сразу велел мне попытаться переместиться к вам сюда. О, верно, Ваше Высочество, он просил вас передать: «Ваше Высочество, пожалуйста, оденьтесь». Несколько раз напомнил! К чему такая спешка? В чертогах Верхних Небес ведь нельзя простудиться.

Се Лянь чуть не грохнулся в обморок, со скоростью молнии схватил и набросил на себя одежду, заикаясь:

— О-о-о-он... Сань Лан, он... может меня видеть???

— Ага! Мне ведь тоже довольно хлопотно всё время описывать ему, что тут происходит, так что я просто передаю ему всё, что вижу и слышу. Он знает, что вы делаете и что говорите. Только не может сам передать вам весть или управлять вашим телом, вот и всё.

Ваше Превосходительство, вы уж слишком откровенны!!! Знал бы раньше, — и не подумал бы об омовении... А ведь принцу казалось, что придётся ещё поломать голову, прежде чем найдётся способ выйти из создавшегося в столице бессмертных положения!

— Не волнуйтесь, Ваше Высочество, я же не думал, что вы так переживаете по этому поводу. Мы все здесь мужчины, и вы раньше тоже смотрели на градоначальника Хуа. Да и не так уж много я рассмотрел...

Он и правда излишне откровенен. Се Лянь ударил себя ладонью по лбу и быстро оделся, затем схватил игральные кости и направился из внутренних покоев, говоря на ходу:

— Сань Лан, как ты понял, что что-то случилось?

Помолчав, Ши Цинсюань ответил:

— Собиратель цветов под кровавым дождём говорит, что понял сразу, как только вы обратились к нему. Вот то, что градоначальник Хуа хочет вам передать: «Гэгэ столь застенчив, как он мог по своей

воле назвать мой пароль для духовного общения, не случись с ним ничего серьёзного?»

Как и предполагал Се Лянь, причина в этом.

Ши Цинсюань, похоже, говорил Хуа Чэну:

— Ладно, ладно, не трачу время на болтовню, перехожу к делу. — Затем обратился к принцу: — Ваше Высочество, что же всё-таки произошло? Владыка отлучился?

Се Лянь не представлял, с чего начать рассказ.

— Всё так повернулось именно потому, что он здесь!

После краткого объяснения важнейших моментов Ши Цинсюань потрясённо затараторил:

— Мамочки, мамочки! Ваше Высочество, вам это точно не приснилось?! Владыка — ведь это же Владыка?!

— Он это или нет, я уже не могу сказать наверняка. А что думает Сань Лан?

Спустя мгновение Ши Цинсюань ответил:

— Собиратель цветов под кровавым дождём не выглядит потрясённым, он только сказал «ничего удивительного, он мне давно не нравился».

Се Лянь прыснул со смеху:

— Тебе ведь никто на свете не нравится?

Это он сказал Хуа Чэну.

— Он говорит «да, кроме тебя», — ответил Ши Цинсюань. — Послушайте, градоначальник Хуа, тут вы не правы, ведь ещё есть я! Я тоже вам не нравлюсь? Да что с вами такое?

— Ладно, ладно, мы ведь просто шутим, — поспешил успокоить Се Лянь. — В общем, сейчас все Боги Войны повержены, всех небесных чиновников заперли в их дворцах, а столица бессмертных отделена от всего мира, и подняться сюда не сможет никто.

— Собиратель цветов под кровавым дождём сказал, что способ подняться всё же есть, только нужно, чтобы кое-кто пришёл на выручку.

— Кто? — спросил Се Лянь, почти сразу вскрикнув: — Кто?!

Последняя фраза предназначалась не Хуа Чэну и не Ши Цинсюаню. Это была реакция принца на странные звуки за его спиной.

Кто-то идёт!

Пугающие развилки подземелья столицы бессмертных

Жое уже приготовилась сорваться с запястья Се Ляня и дать отпор врагу. Но когда принц разглядел, кто перед ним, он тут же расслабился и спросил:

— Вы... Инь Юй?

В полу в какой-то момент образовалась огромная дыра, через которую могли пролезть два человека, и теперь Инь Юй, наполовину высунувшись из этой дыры и сжимая в руке острую лопату, тяжело выдохнул, стёр пот со лба и сказал:

— Ваше Высочество, это я. Как хорошо, что я не ошибся с подкопом. Скорее, идёмте!

Принц совсем забыл о чудесном артефакте, которым владел Инь Юй, — лопате Повелителя Земли! Следовало бы благодарить провидение за то, что лопату у него не конфисковали. Оказывается, неприметность иногда тоже может сослужить хорошую службу: к примеру, в беспорядочном сражении враг наверняка не станет намеренно нападать на такого человека. Но, соответственно, его могут случайно поранить свои же. Се Лянь только хотел подать Инь Юю руку, чтобы вытянуть его из ямы, но вдруг невольно отшатнулся.

— Ваше Высочество? Что с вами? — удивился Инь Юй.

Принц тоже был удивлён — почему он вдруг так себя повёл? Затем на ум сразу же пришёл ответ: это не он отшатнулся, а переместившийся в его тело Ши Цинсюань.

Лопата Повелителя Земли, можно сказать, была ему знакома, и неудивительно, что Ши Цинсюань ассоциировал артефакт с тем, кто когда-то владел лопатой.

Сердце Се Ляня беспричинно ёкнуло — должно быть, это была бессознательная реакция Ши Цинсюаня. К счастью, тот не стал чрезмерно предаваться эмоциям и быстро вернул управление телом Се Ляню. Принц сразу позабыл о том, что собирался спросить Хуа Чэна, кто придёт на помощь, и поскорее прыгнул следом за Инь Юем в проход, ведущий под столицу бессмертных.

Дыра над ними тут же затянулась. Они некоторое время ползком перемещались в темноте, как вдруг Се Лянь кое о чём вспомнил:

— Инь Юй, неужели эта лопата способна пробиться через барьер вокруг столицы?

— Нет... наверное.

— А?

— Хотите сказать, — вмешался Ши Цинсюань, — что несмотря на божественность, лопата может прокопать ход только под столицей бессмертных? Но получается, что она совершенно бесполезна!

Инь Юй, почесав затылок, ответил:

— Я бы не сказал, что совершенно... Сейчас во дворцах всех Богов Войны установлено магическое поле, призванное ослабить их магические силы и тем самым увеличить время на залечивание ран. Боюсь, если они останутся в своих дворцах, их боевая мощь не восстановится и за несколько лет. Лучше нам выкопать где-нибудь потайной грот и собрать там всех Богов Войны. А когда их силы вернуться, попробовать прорваться с боем.

— Пойдите! Градоначальник Хуа говорит: «Просто спрячь где-нибудь этих никчём... этих Богов Войны, и пусть себе зализывают раны. Даже не думай вырваться из лап Цзюнь У. Это верная смерть».

Инь Юй поразился:

— Ваше Высочество? Вы... общаетесь с градоначальником по духовной сети? Но ведь это невозможно!

— Нет, нет, с вами только что говорил не я.

— Это я, это я, Ваше Высочество Инь Юй! — воскликнул Ши Цинсюань.

Но поскольку обе фразы были сказаны принцем, Инь Юй окончательно запутался:

— Так это вы или вы? Или не вы, Ваше Высочество?

Ши Цинсюань цокнул языком:

— Это я, Повелитель Ветров! Нет, сейчас меня следует называть бывшим Повелителем Ветров. Я воспользовался Перемещением души. Ох, как же утомительно передавать что-то на словах.

Ши Цинсюаню приходилось перемещаться к Се Ляню, слушать и смотреть, затем вновь перелетать в своё тело и рассказывать об услышанном и увиденном Хуа Чэну. Несколько таких повторов, один за другим... даже при мысли об этом накатывает усталость.

Инь Юй торопливо поблагодарил:

— О-о-о, вот оно что! Вы, наверное, очень устали, благодарю за труды. — И с удвоенной силой принялся копать.

Они ещё довольно долго ползли вперёд, когда Инь Юй наконец остановился.

— Думаю... это где-то здесь! Ваше Высочество, спрячьтесь тут ненадолго, а я схожу за следующим небесным чиновником.

Проход за ними постепенно закрылся, и Се Лянь воскликнул:

— А? Вы пойдёте один? Я с вами.

— Лучше не стоит, — ответил Инь Юй, — не стану вас обманывать, но чем больше проход, который проделывает эта лопата, тем больше тратится сил. Пожалуй, один я справлюсь быстрее. Ближайший к нам дворец принадлежит... — Он будто задумался на мгновение, но не закончил фразу, а сказал: — В общем, я скоро вернусь.

Усталость Ши Цинсюаня от постоянного применения Перемещения души и колоссальных затрат магических сил передалась и Се Ляню, принц сел на землю, с трудом покивал, чувствуя, как голова и тело наливаются тяжестью, и, подперев лоб рукой, ответил:

— Хорошо...

Поэтому Инь Юй сделал новый проход и исчез в нём. Се Лянь же лёг на землю и закрыл глаза.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда он вдруг пробудился и позвал:

— Инь Юй?

Кругом царили темнота и мёртвая тишина. Совершенно очевидно, что Инь Юй до сих пор не вернулся. Ши Цинсюань это подтвердил:

— Ваше Высочество, вы проснулись! Наверное, устали? А Инь Юй ещё не возвращался.

Сон помог Се Ляню немного восстановить силы, принц спросил:

— Как давно он ушёл? Почему же до сих пор не вернулся?

— Почти час назад. Может быть, заблудился?

Се Лянь почувствовал неладное.

— Я отправлюсь за ним.

Он поднялся и направился ползком в проход, куда ушёл Инь Юй. Поскольку Инь Юй собирался вернуться тем же путём, проход, сделанный лопатой Повелителя Земли, пока не исчез. Се Лянь стал осторожно продвигаться вперёд, как вдруг Ши Цинсюань предостерёг:

— Собиратель цветов под кровавым дождём говорит: «Гэгэ, лучше не ходи».

Се Лянь остановился.

— Он боится, что ничего хорошего впереди не ждёт?

— Да! И судя по тону, градоначальник Хуа очень серьёзен.

— Но ведь именно поэтому я и должен отправиться на поиски. В противном случае, если Инь Юй повстречался с чем-то непредви...

Неожиданно принц почувствовал холод вдоль позвоночника, замер и рывком обернулся.

Ши Цинсюаню тоже передалось это ощущение, отчего тот вскрикнул:

— Мамочки, это что ещё такое? Спину вдруг охватила дрожь!

Но позади оказался всё такой же тёмный и пустой проход, больше ничего. Се Лянь долго вглядывался в эту темноту, прежде чем заключить:

— Всё в порядке.

Но Ши Цинсюань тут же закрыл рот и задержал дыхание, потому что после фразы «всё в порядке» принц одними губами сказа ему: «Не издавайте звуков, там кто-то есть!»

В этом проходе под столицей бессмертных был кто-то ещё. И только что он находился прямо за спиной Се Ляня, но стоило тому обернуться, как он исчез.

Интуиция в отношении опасностей никогда не подводила Се Ляня, поэтому принц решил — нельзя позволить противнику понять, что он замечен, лучше притвориться, что всё в порядке. Ши Цинсюань больше всего на свете ненавидел подобные обстоятельства, по его плечам побежали мурашки, и он спросил: «Это Его Высочество Инь Юй?»

«Будь это он, нам бы не пришлось вести себя столь скрытно». Помолчав, Се Лянь снова беззвучно спросил: «Сань Лан что-нибудь говорит?»

«Э-э-э... Этот ваш Сань Лан сделал такое страшное лицо... Он говорит: “Гэгэ, в крайнем случае перемещайся в тело Повелителя Ветров”».

Но Се Лянь не знал даже, хватит ли ему магических сил на использование такой серьёзной техники. А если и хватит, он не мог, похлопав себя по заду, бросить воцарившийся в столице бессмертных беспорядок и смыться, подумав лишь о собственном благе. «Не волнуйся, Сань Лан», — ответил он.

Однако, не успев сообщить, почему именно не стоит волноваться, резко вскинул голову. Впереди!

Только что ощущение опасности накатило на принца сзади, а теперь ещё и спереди. Но в кромешной темноте ему так и не удалось ничего разглядеть. Ши Цинсюань одними губами спросил: «Ваше Высочество, вы опять что-то почувствовали? Что же делать?! Куда теперь идти, вперёд или назад?!»

Се Лянь сосредоточенно огляделся. «Это лишь означает, что какой бы путь я ни выбрал, всё одно», — и пополз вперёд. Но вскоре снова остановился, слегка озадаченный.

— Да что же это такое?! — невольно вскрикнул Ши Цинсюань.

Сейчас перед «ними» появилась развилка. Два прохода, ведущие в разные стороны!

— Неужели... — предположил Ши Цинсюань, — это Инь Юй, выкапывая проход, понял, что ошибся, вернулся и прокопал его в другую сторону?

Се Лянь подумал: «Инь Юй прекрасно знаком со столицей бессмертных, как он мог ошибиться? Боюсь, тому есть более страшная причина». Принц не стал озвучивать свои мысли, вместо этого сказал: «Цинсюань, помоги мне спросить Сань Лана, какой путь лучше выбрать. Левый или правый?»

Спустя мгновение Ши Цинсюань отозвался: «Собиратель цветов под кровавым дождём говорит... что не может дать ответ, “Среди этих дорог нет верной”».

Се Лянь даже не знал, как реагировать. Ему, конечно, тоже казалось, что на любой из этих дорог его ожидает нечто скверное, однако не мог оставаться на месте. Подумав, он предложил: «Тогда выбери ты, Цинсюань».

«А? Я?»

«Да. Если выберешь ты, существует вероятность, что мы пойдём по более безопасному пути. Но выбор, сделанный мной...»

Ши Цинсюань тут же перебил: «Хорошо, я понял».

Посомневавшись немного, он повернул голову влево.

Се Лянь кивнул и пополз по выбранному проходу.

Чем дальше принц продвигался, тем сильнее сужался лаз, в какой-то момент Се Ляню уже и дышалось с трудом, хотя он ещё мог ползти дальше. Спустя несколько кривых поворотов проход наконец расширился, и Се Лянь оказался в более-менее просторном гроте.

Проделанный путь нагнал на принца и Ши Цинсюаня страху, но, к счастью, «они» не повстречали никакой реальной опасности. Оглядевшись, Се Лянь спросил: «Что это за место?»

«Не знаю, не могу рассмотреть», колеблясь, ответил Ши Цинсюань, «Но мне оно почему-то кажется знакомым... А?!»

Не только Ши Цинсюань, но и сам Се Лянь тоже заметил. Конечно, это место им знакомо! Ведь это же тот самый потайной грот, где Се Лянь совсем недавно лёг отдохнуть в ожидании Инь Юя!

Сомнений быть не может. Кроме того, здесь имелся и другой проход — тот, который Инь Юй проделал лопатой Повелителя Земли и по которому Се Лянь отправился его искать!

Ши Цинсюань в ужасе затараторил: «Почему мы опять вернулись? Разве тут был... тот лаз, из которого мы только что выбрались?!»

Разумеется, не было! Когда они покидали грот, из него вёл только один путь. А тот лаз, через который «они» снова сюда попали, появился неизвестно когда, просто возник сам по себе. Левая дорога от развилки сделала огромный круг и привела их обратно!

И этот проход точно проделал не Инь Юй. Он не стал бы тратить так много сил на столь бессмысленное занятие. Похоже, и это самое страшное, они столкнулись с чем-то весьма подозрительным. Се Лянь подумал, что ему всё-таки следовало пойти вместе с Инь Юем. Затем, не тратя слов, снова нырнул в проход, из которого только что выбрался, дополз до развилки и на сей раз повернул направо.

Принц прополз ещё немного, и Ши Цинсюань сказал ему: «Похоже... похоже, на этот раз моя удача оказалась ненамного лучше вашей, я выбрал неверный путь. Надо было сразу идти направо!»

«Нет», возразил Се Лянь, «Я думаю, что ваша удача всё же вас не подвела».

«А? Почему?»

Как бы вам сказать...», как можно деликатнее начал принц, «Потому что очень может статься, что правая дорога окажется страшнее, чем левая...»

Они оба услышали, как за их спиной раздался странный шорох, будто что-то стремительно догоняло их.

Се Лянь отпустил Жое и хлестнул лентой за спину: «Жое, помоги нам задержать погоню!» — и пополз вперёд ещё быстрее, практически преодолевая по чжану за несколько мгновений. Ши Цинсюань от напряжения едва не тронулся умом: «Ха-ха-ха-ха-ха, как волнительно! Как волнительно, как волнительно!»

«Самое волнительное ещё впереди! Вот! Смотрите!»

«Ну что там опять?!»

Се Лянь остановился, испустив долгий вздох. Перед ними возникла очередная развилка!

«Направо!», — Ши Цинсюань подсказал первое, что пришло в голову.

Принц решительно повернул в сказанном направлении, но на дальнейшем пути им то и дело стали попадаться развилки. Ши Цинсюань только и успевал выбирать: «Налево! Направо! Налево! Направо!» — уже не различая, что говорит. В момент опасности, когда всё менялось за секунды, он даже не успевал покинуть тело Се Ляня и

спрашивать Хуа Чэна, что им делать, потому что за следующим поворотом могло ожидать что-то совершенно противоположное нынешнему положению дел. Жое удалось ненадолго задержать нечто за их спинами, однако оно всё же неумолимо приближалось. А тем временем проход становился всё уже и теснее, пока в результате принц вовсе не смог пошевелить даже плечом!

«Дальше проползти не получится!», — сказал принц, понимая, что застрял.

«Что же делать?! Неужели идти назад?!»

Но тварь, которая гналась за ними, вот-вот настигнет беглецов!

«Не бойся! Настоящий мужчина должен быть гибким перед обстоятельствами. Не можем продвинуться вперёд, значит, нужно отступить, назад так назад! Ну же!»

Принц отполз на два шага, высвободил руку и уже намеревался схватиться за рукоять Фансиня и наконец всласть сразиться с их преследователем, но тут кожу на голове обдало холодом.

Сердце Се Ляня тоже похолодело, он вскинул голову наверх, но не смог ничего разглядеть. И всё же принцу показалось, будто в темноте над ним кто-то усмехнулся, затем голову накрыла чья-то рука. Он округлил глаза, но в следующий миг потерял сознание.

Некоторое время спустя Се Лянь медленно пришёл в себя, а очнувшись, обнаружил, что крепко привязан к стулу. Он попытался вырваться, но тут же понял, что его связала Жое.

Не понимая, что происходит, Се Лянь произнёс:

— Жое, что ты делаешь?

Лента обиженно потёрлась о принца свесившимся концом. Се Лянь присмотрелся внимательнее и понял, что Жое завязана крепким мёртвым узлом.

Неудивительно, что Жое потеряла способность сопротивляться, лента больше всего на свете боялась завязаться в мёртвый узел. Раньше, будучи совсем непонятливой, она любила гоняться за собственным хвостом, и заканчивалось тем, что сплеталась в клубок, из которого не могла выпутаться. Каждый раз Се Ляню приходилось спасать её. После Жое стала послушнее, поумнела и больше не завязывала себя в мёртвый узел.

Выхода не было, Се Лянь решил попытаться просто разломать стул, но к его величайшему сожалению и стул тоже не сдвинулся с

места. Похоже, его укрепили при помощи магических сил.

Что ж, если пошевелиться не получилось, для начала можно изучить обстановку. Се Лянь огляделся по сторонам. Должно быть, он находился во внутренних покоях дворца какого-то небожителя, здесь всё сверкало новизной и великолепием. Принц не смог сразу определить, чей это дворец, зная лишь одно — это точно не дворец Шэньу.

Стоило ему так подумать, и на плечо легла рука, а над головой раздался мягкий голос:

— Ох, Сяньлэ, Сяньлэ. Какой же ты непослушный.

При первых же звуках этого голоса по голове пробежала волна онемения от ужаса. А тот, кто стоял за принцем, вышел вперёд, заведя руку за спину. Да, это был Цзюнь У.

Другая его рука всё так же лежала на плече Се Ляня.

— За то время, что ты вознёсся в третий раз, в столице бессмертных происходит то одно, то другое, то там порвётся, то здесь сломается, — с каждой фразой делая шаг, произнёс Цзюнь У. — Посмотри на себя, ну что за озорство? Ты ведь не маленький мышонок, чтобы шнырять по подземным ходам. Разве это забавно?

От его мягкого, милосердного тона, напоминающего то, как взрослый обращается с возлюбленным дитя, которое творит глупости, у Се Ляня волосы зашевелились на голове. Принцу стало не по себе, он совсем не представлял, как теперь следует разговаривать с Владыкой. Неожиданно его ноги коснулось что-то ледяное. Се Лянь опустил голову и увидел белое существо, прижимающееся к его сапогу и глазеющее крайне злобным взглядом.

Это был дух нерождённого.

Принц поднял голову, примерно догадываясь о том, что произошло. Инь Юй копал проход при помощи лопаты Повелителя Земли, но Цзюнь У схватил его и послал в подземелье столицы бессмертных тёмных тварей, из-за которых Се Ляню и пришлось пережить весь этот кошмар с развилками.

Принц долго безмолвствовал, прежде чем всё-таки понял, что хочет сказать:

— Ваши увлечения поистине омерзительны.

Погоня в подземелье заставила принца вспомнить те времена, когда Безликий Бай загонял его до невозможности вдохнуть, до холода

в сердце и дрожи в печёнках. Если хотел поймать его, хватал бы сразу, к чему нагонять такого страху?

Цзюнь У, впрочем, выглядел весьма довольным. Он улыбнулся:

— Всё-таки Сяньлэ стал гораздо храбрее.

На это Се Ляню нечего было ответить, он сменил тему:

— Где Инь Юй?

Цзюнь У взялся за спинку стула и развернул принца в другом направлении.

— Не спеши, ты его увидишь. И не только его.

Перед Се Лянем оказалось зеркало, в котором принц вместо собственного отражения увидел побледневшего Инь Юя.

У ног которого лежал ещё кто-то, весь избитый и без сознания. Только по копне вьющихся волос представилось возможным определить, что это Цюань Ичжэнь.

Се Лянь сразу насторожился:

— Что вы задумали?

Не можешь совершенством стать, спроси у сердца, нет ли сожалений в нём

В зеркале принц увидел происходящее с другой стороны стены, на которой оно висело. Там Инь Юй принялся расталкивать Цюань Ичжэня:

— Очнись! Очнись!

Ему с огромным трудом удалось привести Цюань Ичжэня в чувство, и тот проямлил:

— Хысюн, кто беда удаил? Ды?

Бедняжка Циин даже не мог внятно разговаривать, Се Лянь невольно проникся к нему состраданием.

— Разве мне это под силу... — ответил Инь Юй.

Цюань Ичжэнь почесал затылок и наконец вспомнил:

— О, эдо Вдадыка беда избил. — Потом ему в голову пришло что-то ещё, и юный Бог Войны взбодрился: — Од забдал двою лобаду. Побочь тебе веднуть её?

— Разве тебе это под силу...

Се Лянь наконец понял, что они находятся во дворце Циина. Видимо, Цзюнь У схватил Инь Юя, когда тот явился вызволять Цюань Ичжэня.

Воспользовавшись моментом, когда Цзюнь У снова зашёл за спину, Се Лянь склонил голову и беззвучно произнёс: «Ваше Превосходительство, вы ещё здесь?»

Он ждал ответа Ши Цинсюаня, но дождался лишь Цзюнь У, который из-за его спины сказал:

— Конечно, его здесь нет. Я вдруг вспомнил, что в барьере вокруг столицы бессмертных есть одна лазейка. Поэтому теперь заклинанием Перемещения души воспользоваться тоже невозможно.

Похлопав остолбеневшего Се Ляня по плечу, Цзюнь У с теплотой в голосе добавил:

— Помню, это я когда-то обучил тебя Перемещению души. Сяньлэ прекрасно применил его на практике. Я очень доволен.

С этими словами Цзюнь У вышел, и вскоре в зеркале перед Се Лянем появилась его фигура. Цюань Ичжэнь заметил его первым и немало удивился.

Инь Юй тоже резко развернулся и настороженно воскликнул:

— Владыка?!

Цюань Ичжэнь вскочил было и бросился на противника с кулаками, но Цзюнь У одним ударом уложил его обратно на кушетку, разломав её на обломки, так что Цюань Ичжэнь оказался прямо на полу, свесил голову набок и перестал причинять хлопоты. Инь Юй насторожился, но Цзюнь У произнёс:

— Нет нужды так волноваться. Подумай вот о чём: настороженность в моём отношении совершенно ничем не поможет, так не лучше ли сразу расслабиться?

И это была чистая правда. Инь Юй, не зная, что сказать, по привычке ответил неловкой улыбкой, которую торопливо стёр с лица. В отличие от него, Цзюнь У вёл себя спокойно и естественно:

— Ах, Инь Юй, я ведь никогда раньше вот так не разговаривал с тобой, верно?

— Похоже, что так, — осторожно ответил тот.

В прошлом он хоть и являлся Богом Войны, хранителем Запада, но ранга совсем невысокого, да и благовония в его храмах горели скудно, поэтому положение он занимал низкое. Конечно, не на самом дне чертогов Верхних Небес, но всё же ниже среднего, поэтому Инь Юю никогда не выпадало шанса оказаться так близко от величайшего среди небожителей, Императора Шэнью. Волнение охватило Инь Юя с

того самого момента, как только Цзюнь У переступил порог дворца, а теперь лишь усилилось.

— Но в чертогах Верхних Небес очень много небесных чиновников, которые со мной не разговаривали, — заметил он. — Они со мной даже не знакомы.

— Тут ты неправ, — возразил Цзюнь У. — Очень многие знают тебя. Возможно, они с тобой не виделись, но всё же знают.

— Правда? — замер Инь Юй.

— Всё потому, что многие знают твоего шиди. Ну а если разговор заходит о нём, зачастую упоминают и тебя. Для сравнения.

Ох, какое колкое замечание. Пускай без всякой эмоциональной окраски, но именно из-за того, что Владыка не был предвзят, описывая факты, его слова прозвучали ещё обиднее. Цюань Ичжэнь по-прежнему лежал без сознания, Инь Юй же опустил голову, и его руки сжались в кулаки.

Се Лянь начал догадываться, что задумал Цзюнь У.

Спустя некоторое время Инь Юй, исполнившись смелости, заговорил:

— Владыка, чего вы добиваетесь? Вы ведь уже Император Шэньу, первый Бог Войны трёх миров. Ни на Небесах, ни на земле не найти того, кто смог бы поравняться с вами. Почему вы так поступаете? Что же вам... что вам нужно?

Цзюнь У, разумеется, не ответил ему, но неожиданно спросил:

— Инь Юй, ты хотел бы вернуться на Верхние Небеса?

— Что?!

Се Ляня этот вопрос тоже потряс. Что задумал Цзюнь У? Какой смысл сейчас пытаться переманить Инь Юя на свою сторону???

— Тебе ведь совсем не нравится быть пешкой внизу, в мире демонов.

Инь Юй наконец оправился от потрясения:

— Не стоит придумывать того, чего нет. Нравится, не нравится — выбора у меня никогда не существовало.

Се Лянь в душе посетовал: «Не надо было так отвечать. Боюсь, это станет поводом для придирки!»

Как и ожидал принц, Цзюнь У усмехнулся:

— Знаешь, а ведь такой ответ как раз и означает: «Да, мне не нравится, но я не желаю говорить об этом».

Всё верно. Если бы Инь Юй в душе обладал достаточной уверенностью, что ему по-настоящему по нраву собственное положение в мире демонов, он бы ответил прямо: «Мне всё нравится, даже очень». Пытаясь уйти от выпада, он сделал ответ ещё более очевидным.

Цзюнь У продолжил:

— Выходец из знаменитой школы самого правильного учения, никогда не ступавший на путь порока. Старший ученик мастера, с детства впитавший самые основы, стремящийся к вечности вознесения путём познания истинного пути. Подобные стремления переменить непросто. Скатившись до мира демонов, ты оправдываешься лишь тем, что не имел иного выхода и поступил так от безысходности. Разумеется, ты не можешь заявлять, что весьма доволен своим нынешним положением. Поскольку это вовсе не то, к чему ты тяготел.

Инь Юю действительно не хватало уверенности, он робко произнёс:

— Я в долгу перед градоначальником, он спас меня...

— Знаю, — перебил Цзюнь У. — А ещё помог упокоить озлобленный дух Цзянь Юя, погибшего после разжалования, верно?

— Верно. Поэтому, неважно, доволен ли я своим положением, это...

— Значит, недоволен. Однако тебя сдерживает чувство долга, а также то, что тебе больше некуда пойти. Ты намеренно загоняешь себя в эти рамки.

Инь Юй молчал, опустив голову. Се Лянь же в душе облился холодным потом. Он уже догадался, что за тактику выбрал Цзюнь У, при этом каждый взгляд, каждый жест Инь Юя с ног до головы — всё становилось поводом для атаки!

— В таком случае, давай взглянем на вещи с другой стороны, я задам тебе ещё вопрос: в долгу ли перед тобой Цюань Ичжэнь?

Инь Юй промолчал.

— Почему же, если ты перед кем-то в долгу, ты готов отплатить, поставив себя на не подходящее тебе место, а Цюань Ичжэнь, который обязан тебе многим, заставил тебя пасть столь низко? Инь Юй, постоянно угождать другим в обиду себе — не самая лучшая

привычка. Ты должен понимать, что благодарности за это не дождёшься.

Он просто с каждым шагом наступал на самое больное место!

— Ты всю жизнь мечтал о вознесении и правильном пути. Ты желаешь занять высокий пост в чертогах Верхних Небес, встать в ряд с другими Богами Войны. Даже после того, как Цюань Ичжэнь заставил тебя пострадать, после того, как ты стал лишь фоном для оттенения его способностей, посмешищем для всех небожителей, ты возвращаешься в столицу бессмертных, скрепя сердце. Не ради того ли, чтобы заполучить шанс остаться? Это твоё место. Но Цюань Ичжэнь всё испортил, а потом с лёгкостью забрал то, что предназначалось тебе. Почему? Ты приложил меньше усилий? Нет, ты старался гораздо больше. Если говорить о таланте в целом, он мог и не сравниться с тобой. Почему Циин и поныне стоит особняком в чертогах Верхних Небес, почему не обзавёлся поддержкой? Причиной тому простота его мысли, бестолковое невежество, привычка идти напролом, неспособность убеждать. Ты же в сравнении с ним более мудрый и зрелый, понимаешь, как вести себя с другими, умеешь приспособиться и готов трудиться в поте лица. Владей ты его данными, его магическими силами, и твои успехи превзошли бы его многократно. И в способности убеждать ты преуспел бы больше.

Инь Юй начал терять самообладание:

— Не понимаю, к чему вы всё это говорите. «Если» — не имеет смысла, ведь его магические силы — это его магические силы... — неожиданно он громко вскрикнул, вскинул руку и ужаснулся: — Что?! Что это?!

Его ладонь вдруг сверкнула белым божественным светом, настолько ослепительным, что невозможно не отвести взгляд. Цзюнь У совершенно спокойно пояснил:

— Не пугайся, это всего лишь немного магических сил.

Тогда Инь Юй слегка успокоился и, всё ещё не веря своим глазам, спросил:

— Чья это сила? Моя?.. Но у меня нет такой... — У него не могло быть такой мощной магической силы.

— Сейчас она пока не твоя. Но станет ли твоей — зависит от твоего выбора.

— Раз она не моя, то чья же?! Неужели...

Он сразу вспомнил кое про кого и посмотрел в сторону, где как раз в этот момент в себя пришёл невероятно живучий Цюань Ичжэнь. Он выглядел весьма озадаченным: похоже, снова потерял нить происходящего.

— Верно, — произнёс Цзюнь У. — Это магические силы Цюань Ичжэня.

Цюань Ичжэнь:

— А?

Инь Юй воскликнул:

— Как его магические силы могли оказаться у меня? Разве магическими силами меняются друг с другом?! Как это возможно?!

— Даже судьбами возможно поменяться, почему же магическими силами нельзя? Многие вещи не настолько сложны, как ты предполагаешь. Пара фраз небесного чиновника высшего ранга, пара росчерков кистью — и дело сделано.

— Это... это...!

Инь Юй задрожал и потряс рукой, словно хотел бросить обжигающий горячий картофель, но мощная магическая сила радостно заплясала на его ладони, готовая нанести удар туда, куда будет приказано. Мгновение — и целая стена дворца Циина оказалась взорвана подобно цветку, божественная статуя повалилась, крыша едва не рухнула.

Потрясённый ещё сильнее, Инь Юй не посмел больше бездумно махать руками, а Цзюнь У с улыбкой сказал ему:

— Не волнуйся, постепенно привыкнешь. Просто оставь её себе.

Не в силах оправиться от испуга, Инь Юй сжал одну руку другой, его плечи дрожали.

— Инь Юй, — снова заговорил Цзюнь У. — Я спрошу ещё раз, ты хотел бы вернуться?

Инь Юй, резко отдышавшись, посмотрел на него глазами, белки которых заполнились кровавыми прожилками.

— Если хочешь вернуться, я не только помогу тебе избавиться от проклятой канги, я полностью передам тебе все магические силы твоего шиди.

Цюань Ичжэнь, который даже не подозревал о существовании столь страшной магической техники, на месте остолбенел. Се Лянь же испуганно воскликнул:

— Он сошёл с ума?!?!

— С того момента, — медленно продолжал Цзюнь У, — людей, знающих лишь Циина, но не знающих Инь Юя, больше не будет. Кто-то ещё посмеет не запомнить твоё имя? Никогда.

Инь Юй отшатнулся на несколько шагов, невпопад запинаясь:

— Я... я... я...

Моральное напряжение заставило Се Ляня позабыть, что он связан. Задержав дыхание и крепко схватившись за ручки стула, он чуть подался вперёд.

По крайней мере в одном Цзюнь У не ошибался. Принц тоже это видел — в душе Инь Юй стремится к Небесным чертогам. Он должен остаться здесь, это желание прочно укоренилось в нём с самого детства, и его очень трудно было сломить.

И ещё, неужели Инь Юй в самом деле нисколько не питал ненависти к Цюань Ичжэню?

Се Лянь не взялся бы утверждать.

Когда между людьми происходит так много всего, фразу «я совсем не испытываю к тебе ненависти» произнести не так-то просто. И эта «ненависть» может оказаться как маленькой, так и большой, а Инь Юй никогда не являлся человеком твёрдого характера, и на его мысли и поступки другие всегда оказывали серьёзное влияние. Но принц не имел возможности пообщаться с Инь Юем подольше и не мог сказать наверняка, как поведёт себя тот. Оставалось лишь молча умолять в душе: Ваше Высочество Инь Юй... берегитесь!

— Я... я...

Инь Юй очень долго не находил себе места от волнения, он сел и спрятал лицо в ладони, лишь через некоторое время наконец поднял взгляд, который сделался холодным и мрачным. Он долго смотрел на избитого до состояния кучи рухляди Цюань Ичжэня, затем тихо произнёс:

— Владыка, вам... правда... под силу передать мне... все его магические силы?

Сердце Се Ляня потяжелело, Цюань Ичжэнь широко раскрыл рот:

— Шисюн?

— Может, я передам тебе их прямо сейчас? — предложил Цзюнь У. — И ты узнаешь, под силу ли мне это.

Инь Юй как будто всё ещё сомневался:

— Но... не сможет ли он забрать их у меня? Всё же это его собственные магические силы, и если он захочет их вернуть...

— Только если ты сам того пожелаешь. Или же в случае твоей смерти.

— А если я заберу его магические силы, Цюань Ичжэнь... умрёт? — колебался Инь Юй. — Что с ним станет...

Как бы то ни было, Инь Юй, должно быть, всё же не желал, чтобы Цюань Ичжэнь погиб от его руки.

— Ничего не станет, — ответил Цзюнь У. — Процесс будет несколько болезненным, и только. Но кто на этом свете не испытывал страданий? Как с ним поступить — убить или оставить в живых — зависит только от тебя.

— Как же быть с другими небесными чиновниками? Ведь так много небожителей видели, что случилось ранее во дворце Шэньу, и если весть разлетится...

Цзюнь У с улыбкой ответил:

— Видели, и что с того? Они лишь муравьи, которых я могу раздавить одной рукой. Эти будут уничтожены, новые займут их место. Ты же сменишь облик, имя, выдумаешь новую историю происхождения, и никто ничего не узнает.

Он сказал это так легко и непринуждённо, словно речь шла об остывшем чае, который можно вылить и заменить пиалой нового. Мимоходом, будто для него это было привычно и знакомо.

В итоге Инь Юй задал последний вопрос:

— И какое место я... я... займу в новых чертогах Верхних Небес?

— Линвэнь — моя левая рука, а ты станешь правой. И над вами не будет никого, кроме меня.

Инь Юй стиснул зубы и наконец решился:

— Хорошо! — Затем мрачно добавил: — Прошу Владыку запомнить данное мне сегодня обещание. Ну... а теперь...

Он не закончил, лишь перевёл взгляд на Цюань Ичжэня.

— Как тебе будет угодно, — сказал Цзюнь У.

В тот же миг лицо Цюань Ичжэня исказилось, из его глаз, носа, ушей и рта хлынула кровь, он громко закричал и, схватившись за голову, покатился по полу, словно от невыносимой боли. Тем временем тело Инь Юя охватило божественное сияние.

Его лицо озарилось этим светом, он вскинул руку, направляя удар вверх, и дворец Циина с грохотом рухнул!

Стоя посреди золотых руин, Инь Юй опустил голову, посмотрел на свои руки и медленно сжал кулаки. Во взгляде Цзюнь У читалось выражение, с которым смотрят на ребёнка, заполучившего новую игрушку.

— Как ощущения?

После долгого молчания Инь Юй поделился:

— Я никогда не владел подобной мощью. — Затем перевёл взгляд на кричащего от боли и катающегося по полу Цюань Ичжэня и со смешанной гаммой чувств на лице произнёс: — Мой учитель когда-то сказал одну фразу. Он изрёк, что Цюань Ичжэню от рождения предначертано вознестись, что Небеса даровали ему всё для этого. Это и есть божественная сила, дарованная Небесами?

— С этого момента она твоя.

Инь Юй медленно кивнул. И в следующий миг занёс руку для удара!

В этот удар Инь Юй вложил всю магическую силу Цюань Ичжэня пугающей мощи, зеркало перед Се Лянем вспыхнуло белым светом. Затем Инь Юй быстрым движением нарисовал в воздухе огромное светящееся кольцо, которое схватил и бросил... поймав в него Цзюнь У.

Тот, глядя на круг света у своих ног, чуть нахмурился, но не решился дотронуться, словно чего-то опасаясь. На его глазах Инь Юй помог Цюань Ичжэню подняться. Не моргнув глазом, Цзюнь У обратился к нему:

— Инь Юй, передумав в последний момент, ты ничего не хочешь мне объяснить?

Инь Юй, стоя к нему спиной, взвалил Цюань Ичжэня на спину и не ответил.

— Разумеется, твой поступок заслуживает воспевания, ты проявил возвышенные моральные качества. Но... это действительно то, чего желает твоё сердце? Ты несколько сотен лет шёл против себя и теперь намерен продолжать этот путь?

Молчание в ответ.

— Ты в самом деле не испытываешь ни капли ненависти к тому, кого сейчас спасаешь? Оставим ненависть, неужели он тебя даже не

раздражает?

Тут Инь Юй наконец не выдержал. До хруста сжав кулаки, он резко развернулся с криком:

— Я ненавижу его! И он меня раздражает! Но... что с того?!

Цюань Ичжэнь, взволнованный до крайности, разбрызгивая кровь из носа и рта, проговорил:

— Хысюн...

— Замолчи! — прикрикнул Инь Юй. Затем повернулся к Цюань У: — Вы... вы... ты! Почему ты... намеренно напоминаешь мне об этом?! Да ещё так, словно вы все меня прекрасно знаете! Да, он меня раздражает! Но... что с того?! Он столько бед мне причинил, почему я не могу ненавидеть его хоть немного?!

Сердце Се Ляня, опустившееся на дно, вновь воспарило ввысь. Он, не зная, плакать или смеяться, чуть не свалился вместе со стулом. Что это за странная логика?!

Затем Инь Юй продолжил:

— Но... но я же... просто хочу пораздразниться на него немного, только и всего. Это не означает, что я непременно желаю причинить ему вред. Что значит «то, что предназначалось мне»? Кроме природных качеств, ничто на свете не принадлежит кому-то по праву рождения. И ничего чужого... мне не надо!

У Се Ляня перед глазами просветлело, он выкрикнул:

— Отлично сказано!

— Да, я хотел бы вернуться на Верхние Небеса, хотел бы стать одним из десяти сильнейших! — продолжал Инь Юй. — Но! Если это не моё собственное достижение, оно не имеет смысла! Да, мне не повезло, я признаю! Если он сильнее меня, то я, по крайней мере, способен признать, что это действительно так! Признать, что мне и впрямь с ним не сравниться, не так уж сложно!

Гордость! В тот миг Се Лянь увидел ту самую честь и гордость, какими Инь Юй обладал в молодые годы!

Раздалось горестное «у-а-а» — это Цюань Ичжэнь расплакался на спине своего шисюна, в стороны разлетелись капли крови, смешавшиеся с соплями и слезами, забрызгав лицо Инь Юя.

— Хватит плевать! — взмолился тот.

— Пдости, хысюн! — жалобно заныл Цюань Ичжэнь.

Не в силах его терпеть, Инь Юй бросил:

— И прекрати извиняться передо мной! Всё равно не понимаешь, за что просишь прощения. Не могу больше тебя выносить...

Цзюнь У вздохнул и потёр пальцами висок. Инь Юй же добавил:

— К тому же... к тому же, я ведь тоже что-то из себя представляю. И ты сам сказал, если говорить о таланте в целом, он мог и не сравниться со мной. У меня есть свои собственные...

«Хрусть».

Цзюнь У развернулся и махнул рукой.

— Великолепно. Думаю, вы с Сяньлэ наверняка нашли бы общий язык.

...

Что произошло?

Что произошло?!

У привязанного к стулу Се Ляня сердце едва не выпрыгивало из груди. Что с Инь Юем?!

Инь Юй замолчал, а потом выражение его лица сделалось очень странным. Цзюнь У, с руками за спиной, не встретив и малейшей преграды, свободно перешагнул через кольцо света, казавшееся невероятно мощным, затем произнёс:

— Я догадывался, что ты дашь такой ответ. Поэтому не стал сразу снимать твою кангу.

Проклятую кангу?! На запястье Инь Юя и впрямь была надета проклятая канга! Се Лянь быстро перевёл к ней взгляд, Инь Юй тоже поднял руку.

Первоначально напоминающая необычный ремешок, проклятая канга уменьшилась в размере, обхватив руку Инь Юя так плотно, что казалось, собирается сломать. По его руке распространилась бледность, сравнимая с цветом бумаги, и процесс продолжался.

Эта проклятая канга высасывала из него кровь!

Се Лянь рывком подался вперёд, но не удержал равновесия и вместе со стулом упал на пол, на этот раз потеряв возможность видеть то, что происходит в зеркале. Он изо всех сил пытался вырваться, барахтаясь на полу, но ничего не вышло, оставалось только слушать звуки сражения, раздающиеся из-за зеркала.

Прошло какое-то время, прежде чем перед его глазами показалась пара белых сапог. Вернулся Цзюнь У.

В руках он держал напившуюся крови тёмно-красную «проклятую кангу», должно быть, снятую с Инь Юя. Присев рядом с принцем, Цзюнь У погладил его по голове:

— Ступай, попрощайся со своим маленьким другом.

Мёртвый узел на ленте наконец ослаб. Се Лянь вскочил и сразу отвесил Цзюнь У удар кулаком по лицу. Разумеется, цели не достиг, да и сам едва не упал снова. Впрочем, он и не надеялся попасть, просто выпустил пар и тут же помчался в соседний зал дворца.

Иссохшее тело Инь Юя лежало на полу, бледное и худое, словно сделанное из бумаги. Лицо тоже сильно сморщилось, божественный свет полностью исчез, вернувшись к Цюань Ичжэню, избитому ещё сильнее, так что теперь невозможно было узнать первоначальный облик юного Бога Войны. Похоже, все магические силы возвратились к прежнему хозяину.

Се Лянь кинулся к Инь Юю:

— Ваше Высочество Инь Юй!!!

Инь Юй, вытаращив глаза, которые казались теперь больше и выразительнее, посмотрел на него и прохрипел:

— Ваше Высочество...

Цюань Ичжэнь лежал на полу и безутешно плакал, вскидывая голову к небу.

— Прости, шисюн, я умею только драться, но его одолеть мне не под силу!

Кровь из его рта и носа вновь забрызгала лицо и глаза Инь Юя, от одного взгляда на это становилось ужасно неприятно, и на лбу Инь Юя вдруг вздулись вены, он заорал, будто к нему ненадолго вернулась уходящая жизнь:

— Сказал ведь, хватит плевать! Эх! Ладно... можешь разозлить меня до смерти...

Он вновь бессильно затих. Глядя на него, Се Лянь сам не знал, чего ему хочется больше — горестно вздыхать или ронять слёзы. Или же прыснуть со смеху.

И вдруг высохшие глаза Инь Юя заполнились слезами.

— Я знаю, — прошептал он. — Ичжэнь — редкий талант, а я — обыкновенный человек. И большего, чем я тогда достиг, мне достичь не суждено. Я знаю.

В душе Се Ляня разлилась щемящая беспомощность.

— Но даже это знание не помогает смириться. На самом деле я думал так же, как Цзянь Юй. Мне было ещё обиднее. И я таил злобу, не мог не таить. Впоследствии я даже не решался думать, почему, прекрасно зная, что на Ичжэне надето Божество парчовых одежд, я всё равно приказал ему умереть. Потерял рассудок от злости или по-настоящему желал ему смерти?

Обнимая его, Се Лянь произнёс:

— Всё в порядке, ничего страшного. Это лишь мелочи, поверьте. Ваше Высочество Инь Юй, вы ведь живёте на этом свете несколько сотен лет, и должны знать, что всё это ничего не значит. Потерять рассудок от злости или по-настоящему желать кому-то смерти — какая разница? Кто не имел подобных мыслей? Я и сам хотел истребить всех людей, причинивших мне зло, честно, не стану вас обманывать, я даже почти претворил это желание в жизнь. Но, как видите, я всё же бессовестно дожил до сего дня. Ведь вы тоже в итоге ничего не сделали, а это самое главное!

— Но... в конце концов я... всё же чувствую... сожаление. — Инь Юй с трудом сглотнул. — Если мне не суждено было стать поразительным талантом, по крайней мере, я... хотел быть безукоризненным. И... всё равно не смог. Честно... с этим тяжело смириться. По правде говоря, даже сейчас, думая о том, что я умираю из-за этого глупого паршивца, Ичжэня, я не желаю мириться с этим. Мне не под силу даже умереть без сожалений в сердце, с лёгкостью в душе. Куда же это годится?

— Ваше Высочество, — с теплотой в голосе ответил Се Лянь, — вы приложили достаточно усилий. Кроме того, вы прекрасно справились. Лучше, чем подавляющее большинство людей.

Инь Юй наконец вымученно улыбнулся:

— Лучше, чем подавляющее большинство людей? — Затем вздохнул и с сожалением в голосе испустил последний вздох, пробормотав: — Но... ведь я стремился... стать божеством...

Се Лянь, низко опустив голову, произнёс:

— Вот только, Ваше Высочество Инь Юй, в действительности на этом свете никаких божеств не существует...

Своевременный дар выведет из безвыходного положения

В сознании принца вдруг сверкнул проблеск истины, он положил Инь Юя на пол, а сам поднялся.

— Канга... Он унёс его проклятую кангу!

Если бы эта штука была бесполезна, Цзюнь У, конечно, не тронул бы её. Но раз Владыка намеренно забрал напившуюся крови Инь Юя проклятую кангу, возможно... она не просто высосала его кровь, но и запечатала его душу!

Подумав об этом, Се Лянь оставил избитого Цюань Ичжэня и помчался во внутренние покои. Но Цзюнь У здесь уже не было, и тогда принц развернулся и выбежал прочь из дворца.

Главная улица пустовала, будто заброшенная. Только у ворот сильнейших божеств, где всегда шумели посетители, теперь стояло множество охранников с бесстрастными лицами, они не обращали на принца никакого внимания. Се Лянь ответил им тем же и бросился бегом к дворцу Шэньу.

Как и думал принц, Цзюнь У вернулся к себе во дворец и теперь восседал на троне, всё ещё глядя на ту самую кангу. До Се Ляня сразу же донёсся странный шорох, а подняв голову, он увидел духа нерождённого, ползающего по разукрашенному потолку подобно холоднокровной живности. От такой картины обдавало морозом по коже.

Даже подобная тварь заполучила возможность попасть во дворец Шэньу. Интересно, что бы почувствовали те небесные чиновники, которые несколько сотен лет не удаивались чести переступить порог этого дворца, несмотря на все старания?

Се Лянь сразу кинулся к Цзюнь У, который спросил:

— Что тебе нужно?

Принц без лишних слов нанёс удар и попытался отобрать кангу, но, разумеется, Цзюнь У не позволил ему достичь желаемого. Все попытки Се Ляня оказались тщетны, и он в гневе выкрикнул:

— Зачем тебе эта штука? Инь Юй не представляет для тебя угрозы, перед тобой он вовсе беспомощен, зачем ты говорил ему всё это? И для чего оставил у себя кангу?!

— Считаешь, это не возымело действия? — возразил Цзюнь У. — Но посмотри, как ты разозлился из-за этой канги. Выходит, она прекрасно сыграла свою роль.

Он походил на взрослого, который положил фрукты на стол, где собственный ребёнок их не достанет, и с улыбкой наблюдал, как сынишка, которому хочется отведать фруктов, поднимается на носочки и тянется к тарелке, но никак не дотянется, и потому злится, бесится и громко плачет. А «родителю» это только доставляет радость.

Се Лянь едва не сходил с ума от злости:

— Ты больной?!

— Сяньлэ, подобные слова по отношению ко мне звучат несколько неуважительно.

Принц долго терпел, но теперь уже не мог держать ругань в себе:

— Да чтобы я заужал такого...

Он готов был осыпать Цзюнь У всеми бранными словами, которые узнал за свою жизнь, но, к собственному удивлению, не смог вымолвить ни слова — горло вдруг крепко сжало, так что не получалось вздохнуть!

Перед глазами потемнело, принц схватился руками за свою шею и упал на подогнувшиеся колени. Цзюнь У, сидя перед ним на троне, невозмутимо гладил дух нерождённого по блестящей, покрытой редкими волосиками голове. От его ладони исходила тёмная Ци, и мелкая тварь, будто очень довольная, издавала причудливые звуки радости.

Слушая, как побагровевший от удушья Се Лянь яростно откашливается, Цзюнь У произнёс:

— Сяньлэ, советую тебе вести себя как раньше, с послушанием и уважением, тогда ты не навлечёшь на себя мой гнев. Не забывай, что на тебе тоже надета канга. К тому же, не одна.

— Кхэ-кхэ-кхэ... кхэ-кхэ... Ты!

Се Лянь резко выпрямился, уставившись на Цзюнь У глазами, налитыми кровью.

— Что — я? — переспросил тот. — Я поступаю подло? Сяньлэ, тебе стоит вспомнить, что ты сам попросил надеть их на тебя.

Что за шутки?! Да разве он тогда мог знать, что это за проклятые штуковины?!

Неужели в тот раз, когда советник при виде принца переменился в лице и потянулся к его шее, он собирался не убить Се Ляня, а снять кангу?

Лишь спустя некоторое время обруч на шее Се Ляня ослаб, и он наконец смог свободно дышать. Повернувшись к Цзюнь У спиной, принц, резко вдыхая и выдыхая, бессознательно дотронулся до шеи рукой, прикасаясь к проклятой канге. Но нащупал он не только её, а ещё кое-что.

Тонкую серебряную цепочку, когда-то ледяную, но теперь горячую от тепла Се Ляня после стольких дней на его шее. А на серебряной цепочке висело искрящееся прозрачным светом кольцо.

Стоило Се Ляню нащупать его, как плечи принца перестали дрожать, а ладонь крепко сжалась на кольце. По какой-то причине сердце забилось быстрее, словно он держал в руках какой-то невероятный секрет.

Одновременно с этим Цзюнь У за его спиной произнёс:

— Это я. Что такое?

«Это он»? Что за фраза? Что это значит?

Се Лянь запихнул кольцо за пазуху и, нахмурившись, развернулся. Только потом заметил, что Цзюнь У говорил не с ним. Тот приложил два сложенных вместе пальца к виску. Этот жест означал, что он общается с кем-то по духовной сети! Не позволяя другим в пределах столицы бессмертных пользоваться сетью духовного общения, он сам мог делать что вздумается без ограничений.

Помолчав, Цзюнь У сказал:

— Всё хорошо. Просто не столь давно выяснилось, что кое-кто другой выдавал себя за Повелителя Земли И, поэтому мы решили выяснить, не оставил ли он здесь ещё соглядатаев или фальшивых личин. К тому же, настали смутные времена, во избежание ненужных проблем я устроил проверку всего пантеона небесных божеств и наложил ограничения на столицу бессмертных. Никто не может ни выйти отсюда, ни связаться с внешним миром. Разумеется, поэтому ты и не можешь никого найти.

Се Лянь, тихонько отдышавшись, задержал дыхание.

Судя по разговору, собеседник Цзюнь У не имел ни малейшего понятия о том, что произошло в столице бессмертных. Поэтому Владыка преспокойно обвёл его вокруг пальца. Кроме того, он мастерски нашёл весьма подходящий предлог — стоит случаю с подменой Повелителя Земли распространиться в миру, и это окажет дурное влияние на репутацию Небес. К данному инциденту нельзя

отнестись без должного внимания, и подобная строгость к пантеону богов вполне оправдана.

Се Лянь мог бы кричать сколько угодно, собеседник Цзюнь У всё равно его не услышит, поэтому принц решил молча наблюдать. Вскоре на лице Владыки промелькнуло едва уловимое и очень странное выражение.

— О? Ты собираешься посетить столицу? — мягко спросил он. — Разумеется, я дозволю. Это происшествие нельзя недооценить. Желание оказать помощь, конечно, приветствуется.

Его собеседник сам проявил инициативу и предложил навеститься в столицу бессмертных для оказания помощи!

Случись это раньше на несколько часов, принц был бы только рад, как раз не хватало подмоги. Но сейчас? Столица бессмертных обернулась гнездом демона, прибыть сюда — всё равно что прыгнуть в горящую яму!

Бросив ещё пару фраз, Цзюнь У завершил разговор, а Се Лянь тут же спросил:

— Кто направляется сюда?

Дух нерождённого, будто понимая, что ему не стоит показываться на свет, тихонько отполз в темноту и спрятался. Цзюнь У же с улыбкой ответил:

— К чему так волноваться? Скоро ты сам всё узнаешь.

Ответ вышел за рамки ожиданий принца.

— Вы позволите мне с ним встретиться? Но ведь вы сказали ему, что наложили ограничения на столицу и устроили проверку всех божеств?

— Конечно. Но ведь должны быть и те, кто заслуживает моего доверия.

Для внешнего мира Линвэнь находилась в бегах и не могла исполнять роль приближённой Цзюнь У, так что эта задача выпала Се Ляню. Принц задумался, а Цзюнь У, окинув его внимательным взглядом, мягко произнёс:

— Сяньлэ, просто послушайся и делай, что велено. Не стоит замышлять иного. Я прекрасно тебя знаю, мне известно всё, о чём ты думаешь. — Цзюнь У как бы невзначай поиграл в руках напившейся кровью кангой и добавил: — Ты сам сказал, что передо мной Инь Юй беспомощен. И стоило бы заметить, что передо мной беспомощны все

чиновники столицы бессмертных, высших и низших рангов. Если проболтаешься, ты знаешь, что тогда произойдёт. Поэтому не подавай виду. Приведи себя в порядок, визитёр скоро будет здесь.

Се Лянь молча поднялся с пола, охлопал одежду от пыли, в самом деле обрёл должный вид и встал на место, которое когда-то занимал — рядом с Цзюнь У.

Тот похвалил:

— Именно так.

Угроза Цзюнь У возымела действие, но Се Лянь заметил крайне важную деталь: похоже, Владыка вовсе не хотел, чтобы тот его собеседник обнаружил, что столица бессмертных попала в руки всеобщего врага. Поэтому принцу ещё больше захотелось узнать, кто же сейчас явится сюда!

Сгорело ещё две палочки благовоний, когда перед дворцом Шэньу наконец появилось несколько фигур. Впереди верхом на большом чёрном быке неторопливо ехала девушка в зелёном платье и с мечом на поясе. За ней следовало несколько крестьян разного роста и телосложения.

Выходит, это Повелительница Дождя!

Се Ляню увиденное показалось несколько странным. Поведение Цзюнь У, как поведение того, кто окончательно раскрыл себя, должно было соответствовать расхожей фразе «встанет бог на пути — убьёт бога, встанет Будда на пути — убьёт Будду». Он мог бы запереть любого, кто явится к нему, почему же к визиту Повелительницы Дождя Владыка отнёсся с подобной предусмотрительностью?

Разумеется, принц не имел возможности получить ответ на этот вопрос прямо сейчас. Переступив порог дворца, Повелительница Дождя слегка склонила голову:

— Ваше Высочество наследный принц, Владыка, мы с вами давно не виделись.

Се Лянь, делая вид, что всё в порядке, поприветствовал в ответ:

— Ваше Превосходительство.

Он вёл себя крайне любезно, не вызывая ни тени подозрений, но в душе размышлял, как ему сообщить Повелительнице Дождя об истинном положении дел в столице бессмертных.

Цзюнь У произнёс:

— Ты уже долгое время не посещала столицу бессмертных.

Повелительница Дождя вместо объяснений заметила:

— На столицу наложены серьезные ограничения.

Фраза прозвучала поистине странно, и Цзюнь У сказал:

— Это единственный выход. После инцидента с раскрытием Черновода в Средних Небесах обнаружили уже более пятидесяти фальшивых небесных чиновников, это не могло не заставить меня заподозрить, что и на Верхних Небесах спрятаны его пешки.

— Вот как.

Они обменялись ещё парой простых фраз, и Се Лянь заметил, что Цзюнь У в разговоре — неважно, лгал или говорил правду — ничем себя не выдавал, выстраивая всё так, что придаться невозможно, невероятно умело. Принц хотел бы подать Юйши Хуан знак, но, во-первых, боялся, что Цзюнь У заметит и решит в назидание ему снова кого-то убить, а во-вторых, опасался вовлечь и ничего не подозревающую Повелительницу Дождя. Таким образом руки принца оказались связаны. Сама же Юйши Хуан, похоже, не заметила подвоха, только поинтересовалась, не нужна ли Владыке её помощь.

— Пока не требуется, — заверил Цзюнь У. — Впрочем, когда проверка завершится, боюсь, помощь понадобится, и немалая.

— В таком случае, я временно останусь в столице бессмертных и дождусь указаний Владыки.

Цзюнь У неизменно улыбался, и невозможно было понять, о чём он думает, но даже теперь Владыка не сорвал с себя маску:

— Прекрасно! Ты многие годы жила вне столицы, можешь воспользоваться случаем и как следует всё здесь изучить. Резиденция Повелителя Дождя пустовала всё это время.

Повелительница Дождя кивнула и медленно направилась прочь. Се Лянь понимал, что стоит ей выйти из дворца, и её возьмут под надзор, поэтому начал немного волноваться, как вдруг Юйши Хуан вновь повернулась и обратилась к принцу:

— Ваше Высочество.

Сердце Се Ляня забилося громче.

— Ваше Превосходительство хочет дать мне наставление?

Неужели она что-то заподозрила?

— Вовсе нет, — возразила Юйши Хуан. — Я жила за пределами столицы много лет, и в свой нынешний визит привезла дары, которые предназначаются и вам тоже. Не согласитесь ли их принять?

Се Лянь подобного уж точно не ожидал, поэтому не сразу придумал, что ответить:

— А? А... Благодарю.

Цзюнь У, разумеется, никогда не принимал подарков, и в этот раз, с улыбкой впустив слуг Повелительницы Дождя в свой дворец, произнёс:

— Сяньлэ, Её Превосходительство желает тебя одарить, прими же скорее её подарок.

Складывалось впечатление, что Се Лянь — малое дитя, которое нуждается в воспитании. В дом пришли гости, которые принесли ребёнку подарки, а старший родственник велит ему принять дары и сказать спасибо.

Делать нечего — когда к Се Ляню приблизился крестьянин и обеими руками протянул нечто, завернутое настолько плотно, что не различить, что это такое, принц несколько раз из вежливости повторил слова благодарности, рассеянно принял подарок, но вдруг переменялся в лице, словно заметил нечто необычное.

Се Лянь стоял спиной к Цзюнь У, и тот не мог увидеть выражения лица принца, но всё же поинтересовался:

— Что это за подарок?

Видя, что принц принял дар, Повелительница Дождя сложила руки перед собой и улыбнулась.

— Не могу назвать это драгоценностью, лишь немного того, что дала нам земля. Если ко мне больше нет никаких дел, разрешите откланяться.

— Ступай, — кивнул Цзюнь У.

Юйши Хуан вместе с быком и своим сопровождением неторопливо направилась в пустовавшую многие годы резиденцию. Се Лянь же, прижав её подарок к груди, собрался уйти, но Цзюнь У остановил:

— Постой.

И Се Лянь замер, будто его ноги пригвоздило к полу.

— Вернись, — приказал Цзюнь У.

Принцу пришлось возвратиться в главный зал и повернуться к нему. Цзюнь У сошёл с трона, забрал плотный свёрток из рук Се Ляня и наконец отпустил принца:

— Ступай к себе.

Его мнительность всё же заставила забрать подарок Юйши Хуан у Се Ляня. Принц бросил на Цзюнь У взгляд, но промолчал и отправился во дворец Сяньлэ.

Возвратившись туда, Се Лянь не мог ни стоять, ни сидеть спокойно, то и дело прохаживался по дворцу. Неизвестно, сколько он так ходил, прежде чем услышал звонкое:

— Ваше Высочество?

Рывком развернувшись на голос, Се Лянь обнаружил юношу в лохмотьях с платком на голове. В какой-то момент тот забрался на оконный переплёт и теперь сидел там, игриво улыбаясь принцу!

Ужасно обрадованный Се Лянь бросился к нему, но, сделав два шага, вдруг понял, что юноша обратился к нему «Ваше Высочество», и вновь замер.

— Ты... Сань Лан? — неуверенно спросил он.

Юнец хохотнул, спрыгнул с окна и сдёрнул платок с головы. Чёрные волосы рассыпались по плечам, но тот сразу же забрал их в хвост, открывая бледное, прекрасное, и теперь уже другое лицо. Весьма знакомое Се Ляню.

Помахивая платком в руках, Хуа Чэн вздохнул:

— Ох, гэгэ, гэгэ. В этот раз увидеться с тобой оказалось поистине так же трудно, как забраться на Небеса.

Тогда, во дворце Шэньу, Се Лянь и впрямь заметил кое-что странное в момент принятия даров от Юйши Хуан. Однако дело было не в подарке, а в том, кто его поднёс.

Принимая дар, принц почувствовал, как крестьянин схватил его за руку и легонько сжал. Нельзя не заметить, что жест выглядел несколько легкомысленно, а если совершить такое по отношению к девушке, так и вовсе фривольно. Тогда Се Лянь не выказал удивления, только моргнул и поднял глаза, увидев перед собой высокого юношу.

На юноше висела грязная заплатанная рубаха, голову покрывал платок, но облик был прекрасным и чистым, а глаза таинственно поблёскивали. Впрочем, блеск появился лишь на мгновение, когда их взгляды встретились. А стоило Се Ляню моргнуть, юноша застенчиво опустил глаза.

Теперь же появление Хуа Чэна во дворце Сяньлэ означало, что он уже расправился со всеми соглядатаями вокруг. Едва увидев его, Се

Лянь почувствовал себя как никогда уверенно и надёжно, словно волноваться было совершенно не о чем^[305]!

Хуа Чэн ещё не успел приблизиться, а Се Лянь уже сам бросился к нему в объятия.

Движение вышло резким и сильным, но Хуа Чэн и на шаг не отшатнулся, даже не покачнувшись, только обнял принца, молча улыбаясь. Се Лянь, охваченный радостью, вдруг вспомнил кое о чём и торопливо произнёс:

— Постой, Сань Лан! Вла... Цзюнь У тебя весьма опасается, а значит, наверняка послал кого-то проследить, что ты внизу, в императорской столице, защищаешь людей, стоящих в круге. Боюсь, он заметит, что ты исчез! К тому же, не случится ли беды, если Повелитель Ветров останется один?

— Не волнуйся, гэгэ, — ответил Хуа Чэн. — Я уже всё устроил. Пока что никто ничего не заметит.

Се Лянь догадался, что Хуа Чэн либо прикрыл глаза посланникам Цзюнь У, либо оставил вместо себя фальшивую личину, поэтому не стал допытываться, как именно тот «всё устроил».

Хуа Чэн плавно протянул:

— Вижу, гэгэ и правда соскучился по мне.

Вспомнив всё то, что наговорил по сети духовного общения в присутствии Цзюнь У, да ещё заметив, как крепко вцепился в Хуа Чэна, Се Лянь второпях разжал ладони, выпрямился и серьёзно сказал:

— А... хм. Когда ты говорил, что понадобится помощь, получается, имел в виду Повелительницу Дождя?

Хуа Чэн сощурился в улыбке.

— Именно. Повелительница Дождя постоянно обитает в мире людей, но так вышло, что и её затронуло открытие горы Тунлу. Её желание посетить столицу бессмертных вполне оправдано. Ну а если бы Цзюнь У не позволил ей подняться без веской на то причины, она наверняка заподозрила бы неладное. Поэтому ему пришлось впустить её. Гэгэ, всё в порядке, можешь и дальше обнимать меня, я не против.

Се Лянь тихо кашлянул:

— Спасибо, но лучше я не буду... Кстати, почему он не тронул Её Превосходительство?

— Гэгэ, тебе кое-что неизвестно. Повелитель Дождя — это небесный чиновник, заправляющий земледелием. С виду работа

грязная и невыгодная, поэтому мало кто хочет ею заниматься, и всё же это особая должность. На данный момент только Юйши Хуан является небесным чиновником, отвечающим за благо земледельцев.

Се Лянь будто бы о чём-то догадался и быстро связал одно с другим. Хуа Чэн продолжал:

— Если убить Повелителя Дождя, но при этом не сумеешь найти лучшего кандидата на это место, дела земледельцев не заладятся, а ведь для людей пища — главное божество, и в Поднебесной непременно воцарится хаос. Не дашь людям еды, и они перестанут тебя кормить. К тому же, недовольные Повелителем Дождя, люди, вполне вероятно, заодно будут недовольны и тем, кто стоит над Повелителем Дождя. Другими словами, огонь их недовольства может перекинуться и на самого Цзюнь У. Ненадлежащее отношение приведёт к мятежу и свержению богов.

То есть, люди разрушат его храмы и повалят статуи, как когда-то поступил с Се Лянем народ Сяньлэ.

Хуа Чэн добавил:

— К тому же, Повелительница Дождя не строит себе храмов, редко бывает в столице бессмертных, не стремится подниматься выше, и никаких слабых мест, за которые можно ухватиться, у неё нет. С одной стороны, будет трудно отыскать подходящий предлог для низвержения Повелителя Дождя, у Цзюнь У связаны руки. С другой стороны, если Юйши Хуан останется на своём месте, его положение также не пошатнётся. Поэтому, если можно не ссориться с ней, он не станет ссориться. Будет обманывать до последнего, а коли не выйдет, там решит, как поступить дальше.

Се Лянь стёр со лба невидимый пот.

— Вот оно что, что ж, мы ходим по краю. Согласием помочь Её Превосходительство поистине, что называется, прислала нам угля в холодный год. Надеюсь, и в актёрской игре она превосходит прочих. Верно, нам нужно первым делом отыскать советника! На многие вопросы лишь он один может дать ответ.

Больше не тратя драгоценное время, они покинули дворец Сяньлэ. Едва перешагнув порог, Се Лянь испугался было стерегущих его охранников и уже хотел приказать Жое их оглушить, но тут заметил, что те стоят как истуканы, и не только их поза, но даже выражение

лица нисколько не меняется. Оказывается, Хуа Чэн уже наслал на них оцепенение.

Покуда они шли, с наручей Хуа Чэна то и дело срывались искры серебристого света, который оборачивался бабочками, затем малютки постепенно тускнели и растворялись в воздухе, скрывая своё присутствие. Должно быть, за всё это время Хуа Чэн выпустил в столице бессмертных тысячи призрачных бабочек. Они время от времени появлялись то снизу, то сверху, исчезая вновь, и мастерски прятались от патрулирующих улицы воинов.

Глядя из маленького переулка на ряды дозорных, шествующих мимо, Хуа Чэн сказал Се Ляню:

— Дальше придётся идти по верху.

Принц кивнул и вместе с Хуа Чэном запрыгнул на крышу здания. Друг за другом они парили по карнизам, не оставляя следов. В какой-то момент Се Лянь вдруг остановился, коснувшись ногой загнутого края крыши, и обернулся на Хуа Чэна, будто о чём-то задумавшись.

Видя, что он остановился, Хуа Чэн тоже замер.

— Что такое? Ты что-то заметил?

Се Лянь, нахмурившись, задумчиво покачал головой:

— Нет. Мне лишь показалось, что подобное как будто уже когда-то...

Он не договорил, Хуа Чэн неожиданно притянул принца к себе за талию, и в следующий миг они оба «упали» с карниза.

Се Лянь только почувствовал, как низ и верх закружились, меняясь местами, доули едва не свалилась с его спины, но принц успел лёгким движением, будто вылавливая луну со дна моря, поймать и уберечь шляпу от падения на землю. Хуа Чэн же крепко держал самого Се Ляня, и подобным образом они повисли вниз головой под загнутым козырьком крыши. А над ними послышался шорох, будто что-то быстро ползло по черепице.

Для Се Ляня этот звук оказался знакомым, — так передвигался дух нерождённого!

Неизвестно только, тварь тоже выступала в качестве самодовольного дозорного или же замышляла что-то другое. Как вдруг снизу послышался голос:

— Цоцо? Цоцо?

Цзянь Лань!

Се Лянь в душе воскликнул — плохо дело! Дух нерождённого ползал по верху, а внизу шла Цзянь Лань, выходит, их заметят в любом случае! Принц не мог утверждать, как Цзянь Лань поведёт себя при встрече с ними — вспомнит о благодарности Хуа Чэну за спасение или позовёт стражу.

Лёгкие беспорядочные шаги всё приближались, женщина вот-вот повернёт за угол и увидит их. Но — спасибо Небу и Земле — прямо в этот момент дух нерождённого спрыгнул с другой стороны крыши.

Хуа Чэн и Се Лянь немедленно перевернулись, вновь оказавшись наверху, и принц вздохнул спокойно.

Цзянь Лань, высунувшись из-за угла и увидев на земле сына, тоже выдохнула с облегчением, вышла к нему и принялась отчитывать:

— Цоцо! Перестань бегать где вздумается, это страшное незнакомое место. Если убежишь, матушка не представляет, где тебя искать... А здесь ты как оказался?!

Окинув взглядом округу, женщина заметила табличку над большим дворцом и отшатнулась. Заметив её реакцию, Се Лянь наконец вспомнил, что золотой дворец под ними, кажется, принадлежал Наньяну.

Это значит, что именно здесь заперт Фэн Синь!

Цзянь Лань наверняка тоже это поняла — её лицо чуть скривилось. Затем принялась ругать сына:

— Ну и зачем ты сюда прибежал?!

Дух нерождённого тем временем схватил нечто большое и толстое, издавая хрумкающие звуки, будто бы грыз его.

— А это что такое? — спросила Цзянь Лань. — Что ты там подобрал? Выплюнь сейчас же!

Се Лянь, присмотревшись, разглядел, что дух грызёт крепкую белую редьку, отчего принцу захотелось засмеяться и заплакать одновременно^[306].

Но и без замечаний матери дух нерождённого понял, что найденная им еда не самая вкусная — злостно отплевался и бросил овощ, то и дело взвизгивая, будто выражая недовольство. Цзянь Лань торопливо взяла демонёнка на руки, успокаивая:

— Ну всё, всё, умница Цоцо, не вкусно — не ешь. Эта пища по нраву только нищим пройдохам и глупым божкам, мы такое есть не будем.

Только родная мать могла прижимать к груди и нежно успокаивать столь жуткую тёмную тварь. Дух покрутился в её объятиях своим пухлым белым тельцем, издавая довольное урчание. Се Лянь же, глядя на эту парочку, невольно ощутил жалость к обоим, но в то же время озадаченно произнёс:

— Откуда в столице бессмертных такая большая редька?

Хуа Чэн приподнял бровь:

— Гэгэ, ты забыл? Повелительница Дождя преподнесла тебе немного плодов, что дала земля.

Так значит, это и есть подарок, преподнесённый принцу от Юйши Хуан!

Се Лянь попытался представить выражение лица Цзюнь У, когда тот открыл деревянный ящик и увидел внутри огромную редиску. Затем всё же решил, что представить это невозможно — попытка провалилась. Видимо, Цзюнь У, поняв, что ничего подозрительного в подарке нет, просто бросил редиску духу нерождённого.

Словно кость собаке.

Сначала дух, выплюнув редиску, презрительно отпнул её ножкой подальше, но услышав слова Цзянь Лань, как будто о чём-то задумался, выпрыгнул из объятий матери, доскакал до редиски, схватил её в зубы и точно так же скачками прокрался во дворец. Если не приглядываться, ни дать ни взять — бледнокожая безшёрстная собачка.

— Не ходи туда! — позвала Цзянь Лань. — Это же...

Вероятно, охранники, стоящие у дворца Наньяна, получили от Цзюнь У указания, что дух нерождённого — его питомец или гончий пёс, поскольку они и глазом не повели, пропуская тварь внутрь. Делать нечего — Цзянь Лань пришлось отправиться следом. Похоже, дух испытывал глубочайшее чувство ненависти к Фэн Синю, и Се Лянь забеспокоился о последнем.

— Сань Лан?

Хуа Чэн, на кончике пальца которого уже сидела почти невидимая бабочка, ответил:

— Призрачная бабочка последовала за ней.

Се Лянь кивнул, и они начали наблюдение за происходящим во дворце Наньяна. Цзянь Лань, пригибаясь как кошка, на цыпочках

прошмыгнула в покои, словно не желала быть замеченной, и шёпотом позвала:

— Цоцо...

Однако незамеченой она остаться не могла. Дух нерождённого промчался в главный зал, где хозяин дворца как раз медитировал, восстанавливая силы. Открыв глаза, он столкнулся взглядом с демоницей, и оба застыли как вкопанные.

Вначале Фэн Синя постигло удивление, затем он радостно поднялся на ноги:

— Цзянь Лань! Что ты здесь делаешь? С тобой всё в порядке? Ты как раз вовремя, помоги мне...

Неожиданно маленький дух с громким воем выпрыгнул между ними, выплюнул редиску на пол и с силой пнул по ней ножкой. Надкушенный редис прилетел прямо в лицо Фэн Синю с громким «бум»!

Дух при этом, чрезвычайно гордый собой, заверещал и злобно захихикал, словно ожидая похвалы от матери. Фэн Синь от удара чуть не потерял сознание, из его носа тут же хлынула кровь, утирая которую, он в гневе рявкнул на духа:

— Ты что творишь?! А ну веди себя смиренно!

Но как бы он ни ярился, дух нерождённого ярился ещё сильнее, показывая Фэн Синю язык. Фэн Синь, сделав прыжок, попытался схватить паршивца, но тот раскрыл огромную кровавую пасть и вцепился ему в плечо, да так, что сбросить его никак не получалось. Знакомое зрелище казалось и страшным, и смешным одновременно. Бешено потрясая рукой, Фэн Синь, не в силах отделаться от твари, разгневался окончательно:

— Твою мать!!! Да твою ж мать!!! Тебя что, давно не лупили?! Что за демонёнок!

Цзянь Лань наконец опомнилась:

— Прекрати! Какое ты имеешь право бить и ругать его?!

Фэн Синь, на которого она накричала, наконец застыл, умерив свой пыл, и попытался объясниться:

— Он... он ведь принял всеобщего врага за отца родного! Как он может бегать за Цзюнь У подобно... Как он мог до такого докатиться?!

— Как он мог до такого докатиться? — выплюнула Цзянь Лань. — Да ведь всё из-за тебя! Коли ребёнок невоспитан, в том вина отца.

Если бы ты выполнял свои обязанности, «папаша», разве твоего сына вынули бы из чрева матери, чтобы превратить в такое? «Что за демонёнок»? Твой демонёнок!

С каждой её фразой Фэн Синь отступал на шаг, и его голос звучал всё тише:

— Но... но ведь я ничего не знал. К тому же, ведь ты тогда сама велела мне проваливать...

— Ха! Я велела тебе проваливать, потому что ты сам этого хотел! Каждый день приходил ко мне с траурным лицом. Как я могла не знать, о чём ты думаешь, ночуя рядом с тобой?! Ты должен был прислуживать своему принцу, при этом собирать деньги мне на выкуп, тебя одолевали проблемы, усталость и раздражение! Но ты не мог сам махнуть рукавом и уйти. Поэтому я решила тебя выпроводить!

— Да, тогда я очень уставал! Но ты меня не раздражала! Я хотел тебя выкупить!

Цзянь Лань ткнула его пальцем в грудь:

— Да ладно! Выкупить, выкупить... Ты сам прекрасно знаешь, что тогда не смог бы собрать суммы для моего выкупа! Ты же изо дня в день берёг каждую монетку, все дни проводил на улице, зарабатывая представлениями, да ещё должен был заботиться о целой императорской семье. Мне не приходилось содержать тебя, и на том спасибо. Но поверить, что ты смог бы меня выкупить? Я ждала бы до бесконечности!

— Сначала ты вела другие речи, мы ведь с тобой обо всём договорились! А если я дал слово, непременно сдержал бы...

Цзянь Лань перебила:

— Таких как ты, клянущихся на словах в вечной любви, не перечешь! Но подумай, что ты мне дал? Что ты мог мне дать? Из приличного — только тот золотой пояс... ах да, о том поясе, ты ещё и велел ни в коем случае не продавать его!

Фэн Синь с каждым её тычком всё отступал, на его лице застыло измученное выражение. А Цзянь Лань распалялась всё сильнее:

— Или те дурацкие талисманы? Да мне свиным жиром глаза залило, раз я поверила в бредни, что твои вонючие талисманы способны кого-то защитить. Ни капли удачи они мне не принесли, наоборот — несчастья сыпались одно за другим! Ты... денег приносил всё меньше, а сердился всё больше. Что мне ещё оставалось делать,

кроме как выгнать тебя, а? Ждать, пока ты погрёшь от усталости?! Ждать, пока ты начнёшь раздражаться и жаловаться, что ненавидишь меня, что не хочешь больше меня видеть?!

Не только Фэн Синь, но и Се Лянь на крыше дворца Наньяна не представлял, что на это сказать.

Так вот в чём дело.

Слова Цзянь Лань заставили принца многое вспомнить. Те времена, когда Фэн Синь рано уходил и поздно возвращался в полном изнеможении, когда он то грустил, то радовался без причины. И даже однажды решился попросить у Се Ляня денег.

Все эти мелкие странности вдруг получили объяснение. Фэн Синь состоял в свите Се Ляня, был его хорошим другом, но вовсе не вассалом. Он вполне мог завести собственную семью, жену и ребёнка, и даже встретил такую девушку... Но, как назло, именно в самые тяжёлые времена, когда Се Ляня низвергли в первый раз.

Тогда принц не мог быть уверенным в собственной безопасности, что уж говорить о том, чтобы обращать внимание на что-то другое?

Ему приходилось трудно, и Фэн Синю приходилось нелегко. Всем приходилось нелегко. И в конце концов они больше не смогли выносить эти тяготы. Наверное, Цзянь Лань предвидела подобный итог.

Но даже в те времена Фэн Синь прикладывал все возможные старания, чтобы поддержать принца. Даже отдавал Цзянь Лань талисманы, которые больше никто не желал брать, говорил ей, что они защитят и привлекут удачу. Поэтому женщина с осторожностью хранила их, положив в одежду для ещё не родившегося ребёнка.

Конечно, в итоге талисманы не принесли им никакой удачи.

Цзянь Лань, похоже, поняла, что сказала то, чего говорить не следовало, схватила своё дитя и направилась прочь.

— Цзянь Лань!!! — остановил Фэн Синь. Он почесал голову с расстроенным выражением, которое крайне редко появлялось на его лице. — Цзянь Лань... вернись. Я всё же... Ох, мне кажется, я... хочу заботиться о вас. Я должен заботиться о вас. Это мой долг, ведь я обещал тебе.

Цзянь Лань развернулась, внимательно посмотрела на него, прижала своё дитя к груди покрепче и хмыкнула:

— Не стоит. Я знаю, ты гнушаешься своего сына, в твоих глазах он — просто демоническая тварь. Ну ничего, зато я не гнушаюсь.

Фэн Синь наконец пришёл в себя и возразил:

— Я вовсе не гнушаюсь его!

— Ну а почему ты каждый раз так жесток к нему? Ты действительно сможешь посмотреть на него как на своего ребёнка?

— Если он способен измениться к лучшему, почему же я не смогу?

Цзянь Лань презрительно усмехнулась:

— Тогда я спрошу ещё вот что. Ты, как небесный чиновник, решишься признать его?

Фэн Синь застыл.

Ответ был очевиден. Дух нерождённого, свернувшись на руках у матери, скалил острые зубы и походил на ещё не выросшую до конца ядовитую тварь или недоразвитого детёныша дикого зверя. Но никак не на человека.

Какой небесный чиновник решится взять на себя такой груз, сказав лишь слово? Признав подобное демоническое создание своим родным сыном? Ведь это означает огромное грязное пятно, которое нанесёт удар по всему — авторитету, последователям и огням благовоний!

Когда «нельзя» означает «можно»

Впрочем, Фэн Синь помедлил совсем немного, прежде чем дать ответ. Он уже почти открыл рот, когда Цзянь Лань язвительно усмехнулась:

— Да брось, тебе даже отвечать не нужно. Ты сейчас лишь узник, и любые обещания прозвучат впустую, я ни единому слову не поверю. Не говори ничего. А захочешь признать — я тебе этого не позволю!

Маленький дух, устроившись на руках матери, показал Фэн Синю язык и захихикал совсем как взрослый. Цзянь Лань же с силой шлёпнула дитя по попе и забранилась:

— А ты чего рожицы корчишь? Велено было не бегать, где не следует! Какой же ты непослушный!

Уродливое личико духа расстроено сморщилось, и он наконец затих. Мать с ребёнком торопливо покинули дворец Наньяна, и как бы Фэн Синь ни звал её: «Цзянь Лань! Цзянь Лань!» — ответа не

дождался. В итоге, оставшись один, бедняга в изнеможении сел на пол и уставился на лежащую перед ним покусанную редиску. Потом закрыл лоб рукой и лёг, не имея сил даже на то, чтобы выругаться.

Се Лянь на крыше дворца тоже вздохнул.

Неожиданно Хуа Чэн обратился к принцу:

— Гэгэ, помнишь ли ту ночь на горе Юйцзюнь? Ведь дух нерождённого появлялся и там.

Се Лянь понял, что он хочет сменить тему, и не стал противиться. К тому же, появление духа на горе Юйцзюнь действительно казалось весьма подозрительным событием, и принц тут же встрепенулся.

— Помню. Тогда я сидел в паланкине, и он при помощи детской песенки подсказал мне, как найти злую новобрачную, то есть, Сюань Цзи. Кроме того, не позволил другим его услышать, как будто специально обращался именно ко мне. Не знаю, с чем это связано.

— Похоже, его надоумил Цзюнь У.

— Та загадка как раз и была его целью. И ещё, как он стал злобным призрачным слугой Цзюнь У? Боюсь, об этом тоже придётся расспрашивать советника.

— Так давай расспросим. У меня есть для гэгэ хорошая новость — призрачные бабочки отыскали, где именно его держат.

— И где же? — взволнованно спросил принц.

Во дворце Линвэнь.

И внутри дворца, и снаружи не стало младших служащих литературы, которые обыкновенно сновали туда-сюда с огромными ворохами свитков. Зато появились сурового вида солдаты, патрулирующие столицу по приказу Цзюнь У. Бесшумно опустившись на край загнутой крыши, Се Лянь уточнил:

— Советника заперли внутри? Его сторожит Линвэнь?

— Да. И на ней Божество парчовых одежд. Сейчас её можно считать и Богом Литературы, и Богом Войны.

Сосредоточенно оглядевшись, Се Лянь произнёс:

— Что ж, это усложняет задачу.

Конечно, принц не считал Божество парчовых одежд достойным противником, но всё же тварь обладала серьёзным уровнем магических сил и наверняка была проницательнее, чем все эти дозорные на улицах.

Если они вот так безрассудно ворвутся во дворец Линвэнь, Божество парчовых одежд не сможет их одолеть, однако, вполне возможно, сразу заметит их присутствие. А если он заметит, то и Линвэнь, несомненно, тоже.

— Линвэнь наверняка в любой момент может связаться с Цзюнь У по сети духовного общения, — продолжал Се Лянь. — Если она обнаружит нас, Цзюнь У обо всём узнает. Разве только её нынешний доспех будет не на ней и Линвэнь станет простым Богом Литературы, тогда она точно не почувствует неладное. А Божество парчовых одежд без неё останется лишь одеянием и также ничего не сообщит Цзюнь У. Нужно придумать, как разделить их.

— Не надо ничего придумывать, — заметил Хуа Чэн. — Она рано или поздно снимет эту тряпку.

Объяснений не требовалось, Се Лянь прекрасно его понял. Божество парчовых одежд всё же нельзя было назвать хорошей вещью, тварь источала тяжёлую тёмную Ци, а Линвэнь пока не низвергли официально, и она до сих пор являлась небесным чиновником. Постоянное ношение демонического одеяния действовало на неё негативно. К тому же поддержание мужского облика требовало затрат магических сил, которые мало кто мог бы вынести. Линвэнь должна была снимать своего защитника хотя бы раз в день на какое-то время.

Пока они тихо переговаривались, из дворца Линвэнь, заложив руки за спину, неторопливым шагом вышел мужчина в чёрном. Что-то сказав воинам снаружи, он направился в боковую пристройку дворца, но вскоре вышел оттуда и вновь вернулся в главный зал.

Это была Линвэнь. Входя в боковой зал, она находилась в облике мужчины, выходя же из него, уже вернулась к истинному обличию. Кроме того, чёрное одеяние исчезло, да и шаг сделался уже не таким мощным, как у мужчины, при одном взгляде на которого становилось ясно, что он хорош в бою.

Она и впрямь решила передохнуть. И теперь Божество парчовых одежд осталось в том боковом зале!

Двое на крыше переглянулись.

— Ну вот, они разделились, — произнёс Хуа Чэн. — Гэгэ, удача тебе благоволит.

Се Лянь, испустив вздох облегчения, посмотрел на него.

— Это Сань Лану благоволит удача.

Хуа Чэн расплылся в улыбке:

— В главный зал? Или боковой?

Подумав, Се Лянь решил:

— В боковой! Пока нам неизвестно, что происходит в главном зале. Если Линвэнь всё время находится рядом с советником, мимо неё не проскользнуть. Но заполучив Божество парчовых одежд, мы, возможно, получим шанс с ней договориться.

Они подождали ещё немного, и, когда наступила смена караула, вместе слетели с карниза крыши, проникнув в боковой зал дворца Линвэнь.

Оказавшись внутри, Се Лянь стёр со лба выступивший от стыда пот. Что ни говори, а тайное проникновение в личные покои женского божества — вовсе не благовидный поступок, о котором можно говорить в открытую. Но стоило принцу рассмотреть убранство, ощущение стыда немного отступило.

Прежние покои Се Ляня были роскошнее; в покоях Фэн Синя царил большой беспорядок; покои Му Цина отличались большей изысканностью и продуманностью. В общем, с виду зал несколько не походил на женскую комнату, и принц почувствовал себя несколько свободнее.

Помещение практически пустовало, спрятать здесь что-то было невозможно, и очень скоро Се Лянь обнаружил сундук, который сразу же открыл. В тот же миг его лицо потемнело — не только из-за демонической Ци, хлынувшей наружу, но ещё и потому, что в сундуке обнаружили лежащие ровными стопками совершенно одинаковые чёрные наряды.

Неужели снова!

В прошлый раз ему точно так же пришлось разыскивать среди сотни одежек настоящее Божество парчовых одежд, и тогда демонические платья учинили такой переполох, что теперь он вспоминался принцу страшным сном. Конечно, сейчас одежд было не так много, около двадцати, но каждая — чёрного цвета, без единого отличия. Ещё неизвестно, в каком случае принцу придётся понервничать сильнее. Да и здесь ли хранится настоящее Божество парчовых одежд?

У Се Ляня по-настоящему разболелась голова, он спросил:

— Сань Лан... Чем сейчас занят Цзюнь У? Нам хватит времени?

Хуа Чэн всё это время не прекращал наблюдения за обстановкой в столице и, услышав вопрос, неторопливо ответил:

— Не волнуйся, гэгэ, время у нас есть. Цзюнь У до сих пор не заметил, что ты сбежал. Он в своём дворце, допрашивает Му Цина. И, судя по всему, будет допрашивать ещё долго.

Се Лянь застыл.

— Му Цина? Он допрашивает Му Цина? Зачем???

— Призрачные бабочки не могут проникнуть во дворец Шэньу, поэтому мне никак не расслышать. Но тебе должно быть известно, — он внимательно посмотрел на Се Ляня, — что ничего хорошего этот разговор не несёт.

Вспомнив, как Цзюнь У обошёлся с Инь Юем, Се Лянь в душе забеспокоился. Однако сейчас от беспокойства не было никакого толку, поэтому принц решительно заявил:

— Давай поторопимся. Я надену на себя каждое одеяние, чтобы испытать их. Сань Лан, ты будешь давать мне приказы.

Если Божество парчовых одежд не желает, чтобы его обнаружили, или же не собирается убивать своего носителя, его можно надеть и снять в любой момент, без какого-либо вреда. Но в случае, если кто-то велел другому надеть тёмное одеяние, а затем приказал что-то, носитель обязан повиноваться. Таким образом они непременно разыщут настоящее одеяние, несмотря на небольшой риск.

— Давай лучше я, — предложил Хуа Чэн.

Но Се Лянь покачал головой:

— Сань Лан, когда ты надевал Божество парчовых одежд, по какой-то причине его способности на тебя не подействовали. Возможно, это из-за статуса Князя Демонов. Придётся проверять на мне. — С такими словами принц снял верхнее одеяние, белый халат упал у его ног.

Хуа Чэн, приподняв бровь, выбрал одну чёрную одежду и протянул Се Ляню.

— Что ж, тогда не оскорби меня отказом.

Принц быстро надел протянутое одеяние. Что ж, всё оказалось не так уж плохо. Чёрный халат Линвэнь оказался вовсе не откровенным и изящным платьем, выглядел весьма пристойно, и надеть его не составило большого труда.

— Готово! — Се Лянь поднял голову. — Можешь озвучить мне своё требование.

Подложив правую руку под локоть левой, а левой подперев подбородок, Хуа Чэн, глядя на принца, будто бы погрузился в размышления, затем произнёс:

— Что ж, вот мой приказ, гэгэ... — Окончания фразы долго ждать не пришлось, Хуа Чэн расплылся в улыбке: — Позаимствуй у меня немного магических сил.

Се Лянь, разумеется, понял, что означает это «позаимствуй магических сил», и чуть не задымился от смущения.

— Это... точно не оно! — принц второпях стянул чёрное одеяние.

— Ах, какая жалость. Это не оно.

Се Лянь серьёзно произнёс:

— Сань Лан, ты... ведёшь себя неправильно! Будь посерьёзнее, не предъявляй подобных требований.

Хуа Чэн простодушно переспросил:

— Я недостаточно серьёзен? Каких требований? Гэгэ, не мог бы ты разъяснить подробнее?

Се Лянь тихонько кашлянул и строго ответил:

— В общем, не проси меня заимствовать у тебя магические силы. В остальном — можешь приказать что угодно, например, покружиться на месте, подпрыгнуть дважды и тому подобное. Всё, что придёт в голову.

Хуа Чэн, приподняв бровь, уточнил:

— В остальном могу приказать что угодно? Хорошо, я понял.

И протянул принцу ещё одно одеяние. Быстро надев его на себя, Се Лянь снова поднял взгляд на Хуа Чэна.

Который, внимательно на него посмотрев, начал:

— Гэгэ... — и тут же вновь заулыбался, — не заимствуй у меня магические силы.

Се Лянь его недооценил! Оказывается, был ещё и такой вариант!

В спешке стягивая с себя одеяние, принц заключил:

— Всё ясно! Это тоже не то...

Однако Хуа Чэн остановил его:

— Постой, гэгэ, кто сказал, что это не то? Ты ведь ещё не подтвердил этого действием.

Хуа Чэн приказал «не заимствовать магические силы». А чтобы доказать, что одеяние на Се Ляне не является искомым, необходимо нарушить приказ Хуа Чэна. Другими словами, совершить противоположное — «позаимствовать у него магические силы».

Как бы принц ни увивал, они всё равно вернулись к тому, с чего начали!

Глядя на совершенно невозмутимого Хуа Чэна, Се Лянь поразился:

— Ну и хитрец же ты... Так ведь нельзя, не находишь?

Хуа Чэн, скрестив руки на груди, наклонил голову набок и, не задумываясь, ответил:

— Почему это? Гэгэ, разве не твои слова, что я могу приказать что угодно, кроме «позаимствуй у меня магические силы»? Раз такой приказ пришёлся тебе не по душе, я выбрал абсолютно противоположный, как это можно назвать хитростью? Всё честнее некуда!

Се Лянь просто не смог найти слов для ответа. Он указал на Хуа Чэна пальцем:

— Ты... ты... ох, мне тебя не переспорить, хватит дурачиться!

Чтобы не тратить драгоценное время, Се Лянь быстро подошёл и чмокнул Хуа Чэна. При этом ещё и огляделся по сторонам, будто опасаясь, что кто-нибудь подсматривает, хотя прекрасно знал, что поблизости никого нет.

На лице Хуа Чэна не дрогнул ни один мускул, он бесстрастно заключил:

— Очень хорошо. Теперь я уверен — это не то одеяние.

Се Лянь, снимая чёрный наряд, произнёс:

— Больше не озвучивай подобных требований!

Хуа Чэн, с улыбкой протягивая ему следующее одеяние, пообещал:

— Хорошо, хорошо, как пожелаешь, гэгэ.

Принц, которому не оставалось ничего, как принять протянутое, подумал: «Мне всё время кажется, что с Сань Ланом становится всё труднее справиться... Возможно, мне и правда лишь кажется?»

Он переживал, что Хуа Чэн вновь решит над ним позабавиться, но тот, удовлетворившись парой шуток, сделался серьёзным, забыв о хитрых проделках. Впрочем, именно это теперь и казалось Се Ляню странным.

Вот только, когда они проверили все одеяния, лежавшие в ящике, Се Лянь так и не послушался ни одного приказа Хуа Чэна. Неужели настоящее Божество парчовых одежд хранилось не здесь?

Не может быть. Линвэнь совершенно точно сняла его, к тому же от груды платьев из ящика исходила тёмная Ци, а значит, тварь должна прятаться среди них!

Хуа Чэн, прислонившись к дверному проёму, произнёс:

— Гэгэ, похоже, Божество парчовых одежд не имеет власти не только надо мной, но и над тобой тоже.

Что же именно пошло не так?

Надеть непросто, снять ещё труднее

Се Лянь вытряс все одеяния из сундука и повторно пересмотрел, но искомого не нашёл. Ничего другого не оставалось, как снова надеть на себя брошенный чуть поодаль белый монашеский халат и обратиться к Хуа Чэну:

— Если иного выхода нет... похоже, нам придётся тащить с собой весь сундук...

Хуа Чэн прыснул со смеху, да и самому Се Ляню показалось комичным и глупым угрожать кому-то с кучей тряпья в руках. Но что им ещё оставалось?

Только они забросили всё чёрные одеяния в сундук и приготовились поднять его, как дверь дворца открылась, и внутрь прошествовала Линвэнь с утомлённым видом и руками за спиной.

Воцарилось неловкое молчание.

По всей видимости, Линвэнь, отдохнув от ношения Божества парчовых одежд, вернулась, чтобы надеть его снова, и как раз застала проникших в её покои незваных гостей. Причём один застыл с невинным видом, другой с абсолютно безразличным — что на это сказать? Сказать нечего, и Линвэнь сложила два пальца вместе, чтобы коснуться виска.

Она собиралась доложить обо всём Цзюнь У!

Однако Хуа Чэн оказался быстрее: один его взгляд — и створки дверей за спиной Линвэнь захлопнулись. Линвэнь же вдруг переменялась в лице, опустила руку и произнесла:

— Градоначальник Хуа... поистине силён.

Се Лянь спросил:

— Сань Лан, ты установил магический барьер?

— Установил, небольшой. Только вокруг этого дворца.

Цзюнь У мог окружить барьером всю столицу бессмертных, чтобы отгородить её обитателей от внешнего мира. Но и Хуа Чэну не составило труда создать небольшой заслон в столице, запечатав способность применения заклинания духовного общения тем, кто окажется внутри. Маленький барьер внутри большого — таким образом этот боковой дворец превратился в футляр внутри футляра.

Но поскольку они находились во владениях Цзюнь У, нельзя было захватывать слишком большую площадь, иначе тот мог бы заметить колебания магических сил.

— Линвэнь, — кивнул Се Лянь, — уверен, ты прекрасно видишь, что Божество парчовых одежд у нас в руках. Если не хочешь, чтобы оно сгорело в демоническом пламени, не совершай опрометчивых поступков.

В ответ Линвэнь почему-то рассмеялась.

— Но, Ваше Высочество, — сказала она, — вообще-то Божество парчовых одежд вовсе не у вас в руках!

На самом деле Се Лянь тоже это подозревал. Но всё же высказал самое разумное предположение:

— Ты вошла сюда с ним, а вышла уже без него. Не думаю, что Божество парчовых одежд покинуло пределы этого дворца.

— Ваше Высочество, должно быть, не верно истолковали мои слова. Я лишь сказала, что оно не у вас в руках, но не упоминала, что оно не в этом дворце.

Се Ляню в голову пришла одна мысль, и он чуть повернул голову. Наверняка и Хуа Чэн подумал о том же, поскольку взгляды обоих переместились к белому одеянию принца.

— Да, вы угадали, — сказала Линвэнь. — Сейчас оно как раз надето на вас.

Когда Се Лянь примерял остальные чёрные одеяния, он бросил свой халат на пол, а затем, при повторном осмотре сундука, одежды перемешались между собой, и в какой-то момент Божество парчовых одежд незаметно обернулось его белым монашеским одеянием, которое принц впоследствии поднял и надел на себя!

Опустив голову и глядя на свои рукава, Се Лянь подумал: «Но где же тогда моё одеяние?»

Хуа Чэн тут же перевернул ящик, чёрные одеяния выпали из него, и в самой глубине обнаружилось одно белое, спрятанное среди них.

Это и был настоящий халат принца!

Объяснений не требовалось, наверняка это Божество парчовых одежд, пользуясь случаем, осуществило коварный замысел: пока Се Лянь в суматохе примерял другие одежды, тварь подменила собой его одеяние, которое затащила в ящик.

Впрочем, Се Лянь, нисколько не удивившись, лишь в недоумении произнёс:

— Не слишком ли хитроумно?..

У него ведь было только одно одеяние! К тому же, ведь легенда гласит, что Божество парчовых одежд не отличалось особым умом!

Несложно догадаться, кто его надоумил. И в самом деле, Линвэнь призналась:

— Этот способ подсказала ему я. Даже не думала, что когда-нибудь пригодится. Поэтому теперь получается, что это я велела Вашему Высочеству надеть Божество парчовых одежд.

Получи принц это одеяние от Хуа Чэна, пришлось бы слушаться именно его. Но если Божество парчовых одежд обмануло Се Ляня, поступив согласно наставлению Линвэнь, получается, принц теперь должен подчиняться ей. Иными словами, теперь Се Лянь не может ослушаться Линвэнь и обязан выполнить любой её приказ!

— Линвэнь, — начал принц, — а тебе никогда не приходило в голову, что Божество парчовых одежд может оказаться бесполезным против меня?

Линвэнь улыбнулась:

— Не попробуем — не узнаем... Ваше Высочество, с этого момента вам запрещено меня атаковать. Если слышите, кивните.

Се Лянь вовсе не собирался кивать. Но стоило приказу прозвучать, он, ничего не успев понять, невольно подчинился!

Почему же магия Божества парчовых одежд подействовала?! Но ведь когда Хуа Чэн приказывал ему, эффекта не было! Неужели... только из-за того, что приказ исходил от Хуа Чэна?

Таким образом перевес сил мгновенно оказался на другой стороне. Се Лянь не шевелился, Хуа Чэн не двигался тоже, они лишь обменялись взглядами, оба совершенно спокойные.

Спокойна была и Линвэнь, которая произнесла:

— Что ж, теперь я попрошу градоначальника Хуа снять магический барьер вокруг дворца.

— Сань Лан, не делай этого, — тут же вмешался принц.

— Ваше Высочество так уверены? — спросила Линвэнь. — Я ведь могу повелеть вам что угодно.

Хуа Чэн по-прежнему сохранял невозмутимость, а Се Лянь подумал: «Я не могу тронуть Линвэнь, но это и не страшно, ведь других это не касается. Если Сань Лан застанет её врасплох и схватит, а затем сделает так, что она не сможет отдавать приказы, проблема решится сама собой».

Но Линвэнь оказалась весьма проницательна и сразу разгадала замысел Се Ляня.

— Градоначальник Хуа, — добавила она, — настоятельно рекомендую вам не тратить силы на раздумья, как бы внезапно напасть и обезвредить меня. Ваше Высочество, слушайте мой приказ: если градоначальник Хуа на меня нападёт или совершит поступок, мне неблагоприятствующий, вы должны будете его атаковать.

Таким образом она предотвратила любые действия, которыми противник мог бы ей навредить!

— Ну вот, градоначальник Хуа, теперь можете снять барьер. У меня есть служебные обязанности, во дворце Линвэнь ещё лежит гора свитков, с которыми нужно разобраться, а я ни один не проверила. Давайте поскорее устраним это маленькое недоразумение, хорошо?

Хуа Чэн улыбнулся краешком губ.

В следующее мгновение глаза Линвэнь чуть расширились, словно она хотела что-то сказать, но не могла произнести ни звука.

Если бы в тот момент кто-то стоял за её спиной, он бы заметил на её затылке призрачную бабочку, которая появилась там незаметно и теперь легонько шевелила крылышками. Именно это крохотное создание не позволяло Линвэнь ни пошевелиться, ни заговорить.

Скрестив руки на груди, Хуа Чэн вновь улыбнулся той самой совершенно неискренней улыбкой.

— Разве мне, чтобы обезвредить кого-то, требуется внезапно нападать? — протянул он.

Линвэнь не могла произнести ни слова, но её взгляд красноречиво говорил: «Градоначальник Хуа, вы забыли? Ведь я уже отдала приказ Его Высочеству!»

В тот же миг Божество парчовых одежд пришло в движение. Се Лянь рывком развернулся, занёс ладонь и атаковал Хуа Чэна!

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем взгляд Се Ляня на миг прояснился, и он резко пришёл в себя.

— Сань Лань!..

Хуа Чэн стоял прямо перед ним, и на его груди поверх красного одеяния покоилась ладонь. Принадлежащая Се Ляню.

Демон не стал уклоняться, просто остался на месте и позволил принцу нанести удар себе прямо в грудь!

Се Лянь ещё не успел ничего понять, а Хуа Чэн, уже крепко схватив его запястье, с уверенностью произнёс:

— Готово. Атака завершена, приказ выполнен.

И в самом деле, когда Се Лянь достиг цели, его тело расслабилось, вернулась свобода движения.

Чтобы избавить Се Ляня от долга перед Линвэнь, Хуа Чэн остался стоять, не увернулся, не уклонился, а принял удар. Когда действие приказа себя исчерпало, Се Лянь тут же убрал руку, переменялся в лице, а спустя некоторое время молчания произнёс:

— Сань Лан... ты не ранен?

Он внимательно изучал лицо Хуа Чэна. Но поскольку тот не являлся живым человеком, кожа и без того оставалась белоснежной, словно на неё не попадали солнечные лучи, и никаких изменений разглядеть не удалось. Впрочем, и голос его остался спокойным, как будто и впрямь ничего не случилось:

— Гэгэ поистине невероятно силён, — улыбнулся Хуа Чэн. — Удар превосходный.

Принца, казалось, всерьёз напугали его слова, он помрачнел.

— Я ведь не шучу. Только что я вложил в удар две трети своей силы, с тобой правда всё в порядке?

Отдавая приказ, Линвэнь использовала слово «атаковать». Обыкновенно Се Лянь, вступая с кем-то в схватку, никогда не ставил целью именно «атаковать» противника. Чаще всего он лишь защищал себя или пресекал попытки нападения. Но даже сам принц не мог сказать наверняка, что будет, если он по-настоящему ударит кого-то с целью «атаковать».

Хуа Чэн медленно произнёс:

— И я не шучу. Гэгэ в самом деле силён. Если бы не эти два обруча, возможно, даже Цзюнь У не стал бы тебе достойным противником.

Се Лянь неосознанно дотронулся до шеи, коснувшись проклятой канги, и тотчас опустил руку.

— Гэгэ, я задам тебе один вопрос.

— Какой?

— У тебя была возможность снять проклятые оковы. Почему ты оставил их, позволяя и дальше себя связывать?

Се Лянь застыл, он не ожидал, что Хуа Чэн спросит об этом.

— Возможно... как напоминание самому себе, — сказал принц, затем добавил: — Сань Лан, не надо... не надо менять тему. Ну что за дурная привычка? Только что тебе достаточно было схватить меня, обязательно подставляться под удар?

— Гэгэ, значит, тебе известно, что это дурная привычка? Если уж говорить об обыкновении «подставляться под удар», не тебе упрекать меня в этом.

— Разве?

Спросив, принц тут же смущённо замолчал. Стоило вспомнить хотя бы тот случай под водой, когда Се Лянь в попытке противостоять духу нерождённого едва не проглотил меч прямо на глазах Хуа Чэна.

— А разве нет? «Если я могу подставиться под удар, ни в коем случае не прибегну к иным путям решения проблемы» — это ведь твоё дурное влияние на меня.

Се Лянь махнул рукой:

— Ладно, Сань Лан, не будем об этом. Давай вернёмся к Божеству парчовых одежд.

Он в безысходности подёргал за полы своего халата. Найти-то его они нашли, но теперь возникла другая проблема — придумать, как снять одеяние с принца.

Столетние страдания, тысячелетние бедствия

Раз одеяние уже на принце, сжечь его не получится никаким образом, ведь тогда и Се Лянь обернётся пеплом.

— Придётся носить его на себе, — предложил принц. — Всё равно моей крови ему испить не удастся, а Линвэнь, должно быть, пока не сможет отдавать приказы.

Рассеялось облачко синего дыма, и на том месте, где стояла Линвэнь, появилась синяя неваляшка с весьма строгим выражением лица и стопкой канцелярских дел. Се Лянь подобрал куклу, положил

себе за пазуху и вместе с Хуа Чэном покинул боковую пристройку, перейдя в главный дворец.

Им вовсе не померещилось: в главном зале дворца стало намного мрачнее, возвышающиеся от пола до потолка горы книг и свитков походили на вражеское войско, окружившее их со всех сторон. Казалось, они вот-вот рухнут и погребут под собой незваных гостей. Не встретив охраны, двое сразу помчались к двери цвета киновари в глубине зала.

Однако, ещё не приблизившись, Се Лянь услышал изнутри потрясённый до дрожи голос:

— Как же так? Как такое возможно?

Голос принадлежал советнику! Неужели кто-то их опередил? Се Лянь пинком выбил дверь и низко выкрикнул:

— Отпустите!

В комнате советник действительно оказался не один, и когда дверь распахнулась, все присутствующие повернулись на грохот. Потрясение всё ещё не сошло с лица советника, который спросил:

— Ваше Высочество?

Воцарилось молчание.

Советник, подняв голову лишь на пару мгновений, вскоре опустил её вновь со словами:

— Подождите немного... Как же так вышло? Что за невезение!

Ни Се Лянь, ни Хуа Чэн не знали, как прокомментировать увиденное.

В комнате стоял стол, вокруг которого сидел советник и ещё трое. А между ними разгорелась опьяняющая разум карточная битва! Кстати говоря, эти «трое» вовсе не являлись людьми, а лишь грубо вырезанными наспех бумажными человечками. Неизвестно, какую магию советник применил, чтобы заставить бумажные фигурки двигаться и даже составить ему компанию в игре. А те слова невольно вырвались у советника, когда он увидел доставшиеся ему карты.

Се Лянь полагал, что застанет советника измождённым допросами, но никак не ожидал, что тот примется в такой момент играть в карты! Не зная, плакать или смеяться, принц в то же время ощутил ни с чем не сравнимое родное тепло.

А как же иначе! Когда они с Фэн Синем жили в монастыре Хуанцзи, почти каждый раз, приходя к советнику, заставляли его за

игрой, игрой и ещё раз игрой! Прошло восемьсот лет, и вот Се Лянь вновь увидел наставника с картами, будто прошлое вновь ожило перед глазами. Даже тот самый азарт на его лице остался неизменным. Не отрывая глаз от карт в своих руках и не оборачиваясь, советник произнёс:

— Ваше Высочество, наконец-то вы пришли. Только позвольте мне сначала доиграть партию...

Се Лянь так и знал, что стоит советнику сесть за игровой стол, и его старые привычки вернуться вновь — забудет даже родную мать. Если вспомнить то, как вёл себя советник во дворце Шэньу, перед принцем сейчас будто сидел совершенно другой человек. Не в силах на это смотреть, Се Лянь приблизился и вытянул его из-за стола:

— Наставник, нашли же вы время! Довольно игр!

Но тот с покрасневшими глазами закричал:

— Нет, нет, дайте мне доиграть!!! Это недолго! Только одну партию! Я доиграю этот круг! Игра уже подходит к концу, и я, возможно, смогу выиграть!!!

— Не сможете, я вас уверяю, не сможете!

К счастью, партия действительно вскоре подошла к концу. И хотя советник клялся и божился, что победа у него в руках, он всё же проиграл, как и предрёк принц. Взмахнув рукавом, советник собрал бумажных человечков и наконец вернулся к своему невозмутимому облику.

Он поправил полы одеяния, чинно уселся и заговорил, нахмутив брови:

— Ваше Высочество, я знал, что вы непременно придёте. И всё это время ждал вас.

Се Лянь подумал: «Что-то я не заметил, чтобы вы меня ждали...»

Конечно, он не стал говорить этого вслух, всё-таки старших нужно уважать. Советник же продолжил:

— Знаю, у вас наверняка накопилось множество вопросов.

Хуа Чэн стоял рядом, прислонившись к двери, и выглядел весьма непринуждённо, но, скорее всего, следил за окружающей обстановкой.

Се Лянь сел напротив советника, так же чинно поправив одежду, и ответил:

— Это так. — Помолчав, он продолжил: — Сначала я хотел бы убедиться, что Цзюнь У... действительно и есть Безликий Бай. То есть, наследный принц Уюна.

— Не стоит сомневаться. Это он.

— А я никак не связан с принцем Уюна, верно? Мы два абсолютно разных человека?

— Единственное, что связывает вас с наследным принцем Уюна, это то, что именно он уничтожил ваше государство, Сяньлэ.

Се Лянь тихо проговорил:

— Но... советник, ведь вы когда-то говорили мне, что не знаете, что за тварь этот Безликий Бай. Однако вы были уверены, что он появился из-за меня.

— Ваше Высочество, в тот момент я действительно не знал, что он такое. Но когда узнал, было уже поздно. Кроме того, сказав, что он появился из-за вас, я не ошибся.

— Что вы хотите этим сказать? И ещё, всё тот же вопрос... почему он решил уничтожить государство Сяньлэ?

Не сводя с принца глаз, советник ответил:

— Из-за одной вашей фразы.

— Из-за моей фразы? — замер Се Лянь. — Какой?

— «Тело пребывает в страдании, но душа пребудет в блаженстве».

Советник замолчал и больше не добавил ничего.

— И всё? — не веря своим ушам, поразился Се Лянь.

— Всё.

— Лишь из-за этой фразы? Что с ней было не так?

— Много чего, — мрачно ответил советник. — Всё... абсолютно всё началось именно с этой вашей фразы!

Се Лянь смутно ощутил — сейчас советник расскажет ему что-то такое, что будет крайне трудно принять. Принцу захотелось позвать Хуа Чэна, но звать не пришлось — Хуа Чэн подошёл сам и сел рядом с ним.

Советник произнёс:

— Вы ведь нашли те фрески на стенах храмов на горе Тунлу.

— Нашёл, — ответил принц. — Это вы их оставили?

— Я. Каждый раз, когда открывалась гора Тунлу, я незаметно пробирался туда. С одной стороны, чтобы попытаться предотвратить рождение нового Князя Демонов, с другой стороны — чтобы придумать различные способы оставить подсказки, по которым остальные узнали бы о государстве Уюн и о его наследном принце.

Се Лянь задумчиво спросил:

— Но почему не рассказать всем прямо? Обязательно нужно было идти окольным путём?

— Ваше Высочество, как вы считаете, почему сейчас в мире почти никто не знает о государстве Уюн?

Се Лянь не успел ответить, вместо него заговорил Хуа Чэн:

— Он уничтожил всех, кто что-то знал, так?

— Верно, — кивнул советник. — Если оставить слишком явные подсказки или просто всё рассказать, не только я окажусь в опасности, но и все те, кто узнает. Возможно, они все исчезнут с лица земли, причём количество не имеет значения. Даже если это окажется целый город, Безликий Бай способен сровнять его с землёй за три дня. Полагаю, вы понимаете, что я нисколько не шучу.

Се Лянь, разумеется, понимал. Ирония в том, что когда-то принц возносил благодарности судьбе за то, что Цзюнь У стал богом, а не демоном, ведь иначе Поднебесная погрузилась бы в пучину хаоса.

Советник продолжал:

— Поэтому я не мог позволить ему заподозрить, что на свете существует ещё кто-то, кому всё известно. И в то же время не мог мириться с тем, что кроме меня об этом не знает никто. Я размышлял так: если найдётся хоть кто-то достаточно внимательный и к тому же смелый, он обязательно разгадает мои послания. И коли уж я не могу противостоять принцу Уюна, пусть всё решит судьба. Столько лет я скрывался и прятался, притом весьма удачно. Кроме случая восьмьсот лет назад, когда я чуть было не попался, он не мог меня схватить. Теперь у него получилось, но только потому, что он тоже нашёл фрески, оставленные мною на горе Тунлу. А потом вы догадались о его личности, и тогда он понял, что я, возможно, до сих пор жив, и к тому же рассказал много такого, что он хотел бы навсегда скрыть.

Се Лянь вспомнил, что когда они вошли в храм Уюна у Медной печи, некто уничтожил несколько последних, а значит, самых важных фресок. В тот момент они с Хуа Чэном предположили, что кто-то

прятался в храме, но так никого и не нашли. Теперь же, если поразмыслить, весьма вероятно, что Безликий Бай действительно скрывался тогда в каком-нибудь тёмном углу.

— Но, советник, — заговорил принц, — почему вам понадобилось скрываться?

— Ну конечно же, из-за...

— Предательства, — закончил за него Хуа Чэн.

Это прозвучало довольно резко, и советник перевёл взгляд на демона. Хуа Чэн, однако, ничуть не переменялся в лице, добавив:

— Вы предали его, верно?

— Можно так выразиться. Дело вот в чём... — он вновь повернулся к Се Ляню. — Как бы вам сказать... Всё, изображённое на фресках, случилось на самом деле. Его Высочество наследный принц Уюна был несравненным солнцем для своего государства. Вспомните, каким величием обладали вы в бытность наследным принцем Сяньлэ. И у него величия имелось в разы больше. Я и трое моих соучеников — всего нас было четверо — когда-то служили ему. Вознесшись, он поднял нас за собой. Мне доводилось видеть немало всевозможных божеств, и я без преувеличения могу сказать, что даже в Небесных чертогах, среди множества небесных чиновников, он всё так же походил на солнце, ослепительное настолько, что остальные просто меркли рядом с ним.

В процессе повествования на лице советника вдруг мелькнула невольная улыбка. И Се Ляню показалось, что когда его наставник называет героя этой истории «Его Высочество», он говорит не о «Цзюнь У» и не о «Безликом Бае», а лишь о молодом наследнике государства, существовавшего две тысячи лет назад.

Принц произнёс:

— Когда-то вы, кажется, рассказывали мне что-то подобное.

— Правда? Я уже стар и многого не помню.

— Да. Только вы сказали, что он не вознёсся. А умер.

— Наверное, это потому, что я желал бы, чтобы он не вознёсся.

— Из-за извержения вулкана на горе Тунлу?

Советник ушёл от ответа:

— Его Высочество обладал неимоверной силой. — И продолжил свой рассказ: — Увидев вещий сон, предрёкший Уюну гибель в море огня, он начал искать способ спасти свой народ. Теперешний я ни за

что не позволил бы ему этого сделать. Но тогда никто из нас не представлял, чем это обернётся. Нам всем казалось, что в спасении тех, кто вот-вот погибнет, нет ничего дурного. Но всё оказалось не так просто. Остановить извержение вулкана не представлялось возможным, и чтобы не допустить смертей, нужно было куда-то всех переселить. Однако природное бедствие затрагивало слишком большую территорию, дело не ограничивалось одним-двумя городами. Для аристократии и простого люда наилучшим способом виделось пойти войной на другое государство и занять новые земли. Иначе соседи не согласились бы так просто принять у себя огромное количество переселенцев. Но Его Высочество посчитал это неверным решением. Война — это неизбежное кровопролитие, а стоит пролиться крови, и люди сходят с ума, становятся жестокими, перестают быть людьми. И всё же государство Уюн отправило завоевателей в поход. Там, куда приходило войско, не оставалось даже пластинки доспехов, лишь безжизненные земли — противник терпел сокрушительное поражение. К тому же, поскольку перед генералами Уюна стояла цель «освободить место» для будущих переселенцев, они отдали приказ убивать простой народ, и чем больше, тем лучше. Кровь текла рекой, трупы высились горой. Его Высочество, узнав об этом, страшно разгневался. И как вы могли увидеть на фреске, он спустился с Небес прямо на поле боя и наказал воинов Уюна.

Се Лянь подумал, что такое можно сказать и о молодом Цзюнь У, и о молодом Безликом Бае, и принцу стало немного не по себе. Советник продолжал:

— Однако разгневался не только он. Аристократия Уюна и часть простого люда тоже весьма разозлились. Многие приходили в его храмы и вопрошали: «Мы ведь всего лишь хотим выжить, поэтому нам нужно больше территорий. Нам пришлось от безысходности вторгнуться в чужие земли, неужели мы в чём-то неправы?» Последствия вышли за рамки наших ожиданий, и положение усугублялось. Появились те, кто призывал опрокинуть его статуи, сжечь его храмы... Но Его Высочество сумел их урезонить. Он объявил, что если кто-то вторгнется на территорию Уюна, он клянётся жизнью защищать своё государство, не позволит врагу и шагу ступить на их земли. Но при этом они сами ни в коем случае не должны нарушать чужие границы. Он убедил всех отказаться от войн и

дождаться, когда он построит... свой Небесный мост. — Советник медленно произнёс: — Раз в мире смертных нет больше места, нужно отправить людей на Небеса, переждать беду. Это было просто невозможно представить, но мы вчетвером слепо верили в Его Высочество и ни на миг не усомнились, что ему удастся это совершить. Надо сказать, что бы он ни задумал, мы бы всеми силами поддержали его. Разумеется, остальные небесные чиновники так не думали, весь пантеон протестовал, но Его Высочество сумел урезонить и их. Ему пришлось одновременно держать на своих плечах три тяжких груза: непонимание и обвинения со стороны народа и аристократии Уюна, бесконечные гневные заявления целого пантеона богов, а также строительство Небесного моста.

Тут Хуа Чэн прыснул со смеху:

— Боги лишь протестовали? Боюсь, они этим не ограничились.

Советник неторопливо кивнул:

— Если бы они только протестовали, об этом не стоило бы упоминать. Но...

Се Лянь уже смутно догадался, что произошло, и всё же переспросил:

— Но?..

— Для постройки моста требовалось огромное количество времени и сил, Его Высочество не мог отвлечься ни на миг. Он почти не появлялся в других местах, не занимался другими делами и больше не прислушивался к молитвам своих последователей. Он мог делать только одно дело. Но божество, которое занимается лишь одним делом, не способно удержать последователей. В первый день постройки моста люди возблагодарили его, помнили о нём. На второй, третий, четвёртый день ничего не менялось. Через месяц-другой они по-прежнему помнили и возносили ему благодарности. Но со временем... так больше не могло продолжаться. Извержение вулкана ещё не произошло, а Его Высочество, кроме как молчаливого накопления магических сил, больше ничего не делал. И люди неминуемо решили, что он уже не столь силён, как раньше. И даже говорили, что он не столь старателен. Тогда случилось то, чего нельзя было избежать. Им понадобилось новое божество для поклонения. В государстве Уюн проживало огромное количество людей, владеющих несметными богатствами. И сила их веры тоже была безгранична. Это

несложно понять по мощи, которой тогда обладал Его Высочество. Многие небесные чиновники давно положили глаз на эти земли и последователей, поэтому...

Се Лянь всё понял.

— Поэтому... — принц продолжил мысль советника, — воспользовавшись недовольством последователей и случаем, когда Его Высочество снизошёл на поле битвы и отозвал войско Уюна, небесные чиновники выбрали момент и переманили людей на свою сторону, тем самым поделив между собой его последователей и источник магической силы... верно?

— Его Высочество прекрасно знал о происходящем, вот только... не ведал, что с этим делать.

Се Лянь едва заметно склонил голову и произнёс:

— Он ведь был божеством и, конечно, не мог просто сказать своим последователям: «Я запрещаю вам поклоняться другому богу, кроме меня». Боюсь, он и в душе считал подобные требования ниже своего достоинства.

— Вы, разумеется, его понимаете.

— Но, как назло, — добавил Се Лянь, — именно в такой момент он не мог терять последователей и магические силы, ведь это сказалось бы на строительстве Небесного моста.

— Именно. Поэтому ему пришлось с помощью нас четверых объяснить людям, каковы могут быть последствия.

— И как это подействовало? — спросил принц.

— Никак? — предположил Хуа Чэн.

— Никак, — подтвердил советник. — По крайней мере, не так, как мы ожидали. Часть людей запереживала, что строительство Небесного моста сорвётся, и вернулась в своей вере к Его Высочеству. Но очень многие, напротив, сочли подобные заявления признаком деспотизма. Тем не менее, нельзя обвинять его последователей, что они, не получая ответа на свои молитвы, начинали поклоняться божествам, которые могли исполнить их желания. Все люди свободны выбирать, в кого им верить, — это непреложная истина и естественный порядок вещей. Дело не в том, что он не хотел исполнять людские молитвы, просто в действительности...

Се Лянь вздохнул и тихо добавил:

— При всём желании не имел такой возможности.

Советник продолжал:

— Узнав об этом, Его Высочество велел нам прекратить проповеди. Сказал, раз хотят, пусть уходят, ведь если заставить людей остаться, их вера перестанет быть искренней. И он был прав: как бы мы ни старались, в душе люди уже потеряли веру. А если вернуть их насильно, им уже не хватит искренности, сила веры не будет такой, как раньше, обернётся лишь притворством напоказ.

— Он не мог гневаться на своих последователей, но при этом не желал просить помощи у других небесных чиновников, — произнёс Се Лянь.

— Даже если бы попросил, другие божества не стали бы помогать. Желай они помочь, не протестовали бы с самого начала и не переманили бы его последователей на свою сторону. Его Высочество становился всё молчаливее. Он строил Небесный мост только своими силами, держал его на своих плечах. Мы каждый день видели его, видели, как ему тяжело, хоть он никогда не жаловался нам. И эту тяжесть ему приходилось выносить в одиночку, ведь как бы мы ни желали помочь, не смогли бы разделить с ним даже малую часть этой ноши. Наконец, спустя три года тяжких стараний, настал момент извержения вулкана. Стоило вести распространиться, и люди, обгоняя друг друга, ринулись на мост. И мы вчетвером, ведя по мосту невообразимо огромную толпу, страшно переживали о Его Высочестве, который должен был выдерживать такую тяжесть, — советник вздохнул. — Раньше нам и в голову не приходило волноваться, что у него что-то не получится. Но тогда беспокойство захватило нас. Вначале мост стоял довольно прочно. Но людей на него всходило всё больше, и со временем руки Его Высочества задрожали, а лицо побледнело. Этого не видел никто, кроме нас. Я понял, что дело плохо, и попросил людей подождать, дать Его Высочеству немного времени, не бежать на мост всем скопом. Стоит ему отдышаться немного, и он непременно спасёт всех. Но вулкан вот-вот должен был взорваться, над людьми нависла угроза смерти, и никто не хотел ждать. Словно умалишённые, люди ринулись на мост, давя насмерть случайно подвернувшихся под ноги. Мы не могли их сдержать! В результате случилось то, чего мы боялись больше всего. Из-за постоянного оттока последователей за прошедшие три года магические силы Его Высочества давно ослабели. И когда несколько десятков тысяч человек

собрались на мосту, празднуя спасение и радостно направляясь к Небесным чертогам... мост рухнул.

Се Лянь задержал дыхание.

— Порвалась ведущая в небо радуга, и тысячи людей, огромное множество, попадали вниз с невообразимой высоты, прямо в огненное море. Мир огласился их душераздирающими криками, а потом они в единое мгновение обратились пеплом, прямо на глазах у Его Высочества! Мы тогда от ужаса не могли пошевелиться и не смели даже смотреть на него. Ни поднять мост, ни выловить людей из огня, ни потушить пламя — ничего этого сделать уже было нельзя! Но ещё большее количество тех, кто не успел подняться на мост, оказались погребены под лавой и пеплом. Их крики, плач и проклятия... Картина была поистине ужасающая. Мне не доводилось видеть ничего страшнее.

Даже просто представив, Се Лянь ощутил холод в душе. Советник же продолжал свой рассказ.

— Мост рухнул. И народ Уюна обезумел. Они жгли храмы Его Высочества, опрокидывали его изваяния, вонзали меч ему в сердце, бранили его бесполезной дрянью, самозванцем, а не божеством. Он ведь являлся богом для них, а бог должен быть непомерно силен и не имеет права потерпеть неудачу. Но так вышло, что он потерпел неудачу. И больше не мог оставаться наверху. Другие обитатели Небесных чертогов давно ждали этого момента. Они заявили: «Мы предупреждали тебя, что так поступать нельзя. Ты натворил слишком много бед, и нам придётся просить тебя покинуть Небеса». Тогда Его Высочество задал им весьма глупый вопрос. Он спросил: «Почему вы не помогли мне?» Но с какой стати им было ему помогать? Кроме того, если бы он успешно спас народ Уюна от бедствия, получается, ему бы больше не нашлось равных на Небесах! Поэтому вопрос и впрямь прозвучал глупо. Думаю, он и сам это понимал, но всё равно решил спросить. Разумеется, ответа он не дождался, а затем его низвергли. Вновь оказавшись в мире людей, он больше не назывался ни богом, ни принцем. Мы последовали за ним, говорили ему, что он непременно сможет вознестись снова. И он вновь приступил к тренировкам в самосовершенствовании. Но... путь оказался слишком труден. Думаю, вы это понимаете.

Се Лянь, конечно, понимал.

Чем выше стоишь, тем больнее падать. Свалившись с небес на землю, он наверняка повстречался с безграничным презрением и злобой.

— Вулкан тем временем продолжал извергаться, для государства Уюн настали тёмные времена, каких оно никогда не видело. Беженцы, мятежники, непрерывные вторжения извне... все находились в крайне затруднительном положении. Ну а отношение к Его Высочеству стало совсем не таким, как раньше, всё кардинально поменялось. И всё же, даже несмотря на это, Его Высочество хотел помочь своему народу. Как назло, именно в тот момент случилось ещё кое-что. Многие небесные божества принялись вершить благодеяния. Они не пожелали остановить извержение вулкана, но с большой охотой творили мелкие добрые дела, раздавали снадобья, раздавали пищу и тому подобное. И поскольку Его Высочество на тот момент уже был низвергнут, его деяния в сравнении с деяниями божеств оставались незамеченными. Народ Уюна схватился за помощь богов как за спасительную соломинку, ринулся к ним будто в объятия оживших родителей. Отток последователей ускорился, хотя их и так оставалось совсем немного. Всё восхищение и любовь людей, направленные прежде Его Высочеству, теперь в том же количестве принадлежали другим божествам. А ему остались лишь ненависть и презрение. — Советник закрыл глаза. — Тогда мы просто не могли с этим примириться. Ведь все эти небесные чиновники пальцем не пошевелили для людей, только появились для виду, когда бедствие уже миновало. А Его Высочество как раз и был тем, кто сделал больше всех, он приложил все усилия и мог бы достичь успеха, не хватило совсем немного! Но почему же в конце концов только он оказался обречён на забвение? Почему тот, кто отдал всё, остался без внимания, а те, кто подал крупницы, получили огромную признательность? С той поры у него появились мысли о перемене сторон. Я не мог удержаться от раздумий, а что если бы Его Высочество с самого начала притворился, что ничего не знает о будущем, увиденном во сне? Он бы имел возможность наблюдать со стороны под предлогом «всё предначертано Небесами, и боги не способны изменить судьбу». А когда, после извержения вулкана, он бы неохотно протянул людям руку помощи, как поступили эти божества, его последователи вознесли бы его на вершину, растроганные до слёз.

Хуа Чэн спокойно спросил:

— Вам только тогда это пришло в голову? Вы должны были подумать об этом сразу. Отрежь от себя кусок плоти, чтобы спасти человека, и он будет благодарен тебе. Но чем больше отрезаешь, тем больше становится просящих; а в итоге, подвергни себя хоть линчи до самых костей, люди останутся недовольны.

— Я не решался делиться с ним этими размышлениями. Но Его Высочество становился всё мрачнее, и мне неизвестно, о чём он думал тогда. Возможно, о том же, что и я. Дни летели за днями, вулкан всё продолжал извергаться, и государство Уюн погрязло в ужасе, из которого уже нельзя было выбраться. Никто не знал, как остановить беду, как прекратить этот кошмарный сон. Однажды Его Высочество неожиданно обратился ко мне и сказал, что нашёл способ остановить извержение вулкана. Но стоило нам услышать его предложение, мы серьёзно с ним поругались.

— Позвольте угадать, — произнёс Хуа Чэн. — Он предложил принести в жертву живых людей.

— Верно. Его Высочество сказал, что выберет группу преступников, которых принесёт в жертву, и сбросит их в Медную печь, чтобы умерить её гнев. Мнения четверых его помощников разнились, но в целом мы высказались против, запрещая ему действовать подобным образом. Ведь когда-то Его Высочество сам не позволил армии Уюна напасть на другое государство, чтобы не обменивать жизни одних на жизни других. А теперь, если принести в жертву Медной печи живых людей, разве будет этот поступок чем-то отличаться? Мы посчитали его предложение даже бóльшим злом. Кто-то из нас протестовал чрезмерно яростно, так что поругался с Его Высочеством, а затем ссора переросла в драку. Я тоже выступал против его идеи, но в сравнении с внешней угрозой меня больше опечалили наши внутренние противоречия. Надо сказать, что мы вчетвером всегда поддерживали Его Высочество, и тогда оставались его единственной опорой. Однако в тот раз мы не только в пылу подрались с ним, но кто-то даже сказал ему, что он изменился, забыл свои изначальные стремления и что он теперь больше не тот Его Высочество наследный принц, которого мы знали. Эти слова оказались слишком болезненными, я просто не мог этого выносить. Ведь если даже мы встанем напротив Его Высочества и начнём его обвинять, на

его стороне и правда больше не останется никого на свете. Поэтому в итоге я не стал протестовать, только сказал: «Хватит, не будем обременять себя этим, не будем переживать ни за Небесные чертоги, ни за мир людей, ни за пострадавший народ. Забудем обо всём. Мы правда все очень устали». Но меня никто не послушал. После ссоры другие трое ушли.

Се Лянь покачал головой, не зная, что сказать. Своим уходом те трое, несомненно, подбросили дров в огонь.

— Остался только я, — произнёс советник. — Его Высочество ничего не сказал, лишь задал вопрос: «И ты уйдёшь?» Глядя на выражение лица, с которым он спросил меня об этом, я подумал, что даже если он в самом деле бросит людей в Медную печь, я его пойму. Я ответил: «Ваше Высочество, я не уйду». Он так и не сказал ничего и больше не упоминал принесение людей в жертву. Вместо этого соорудил алтарь неподалёку от Медной печи и каждый день, претерпевая брань и камни, летящие из рук беженцев, проводил магические обряды, пытаясь усмирить гнев вулкана. Я занимался тем же вместе с ним и думал, что тот конфликт исчерпан, но однажды заметил одну вещь, от которой меня охватил ужас. — На этом моменте лицо советника сделалось столь пугающим, будто он снова увидел ту самую картину.

Се Ляню показалось, словно его собственное сердце сжала невидимая рука, принц спросил:

— Что вы заметили?

— Он... он вдруг начал скрывать лицо. Принц был хорош собой и никогда не носил масок. И ничто не могло поранить его лицо. За множество лет я ни разу не видел его таким, поэтому был весьма озадачен. Я спросил, что с его лицом, но он ответил, что по неосторожности обжёгся. Я совершенно не понимал, где он мог обжечься, а он не давал мне осмотреть раны, сам наносил снадобья. К тому же, стал всё время куда-то пропадать. Это было довольно странно, но потом случилось невероятное радостное событие, которое меня отвлекло, — извержение вулкана неожиданно прекратилось. Медная печь погрузилась в мёртвую тишину и постепенно успокоилась на очень долгий срок. А поскольку один только Его Высочество прилагал усилия к магическим обрядам, многие жители Уюна решили, что подавление вулкана — его заслуга, некоторые даже

вновь начали поклоняться ему. И в самосовершенствовании Его Высочества также вернулся на тропу успеха. По крайней мере, больше никто не бранил и не бросал в него камни, люди понемногу стали улыбаться ему. Но мне в душу закрались сомнения. Очень многое наводило на недобрые мысли. Например, насколько я знал своих троих друзей, пусть по характеру мы совершенно отличались, они не могли по-настоящему уйти, махнуть рукой и забыть обо всём. Даже если они действительно сердились на Его Высочество, это ведь не относилось ко мне, однако я не получал от них вестей, даже втайне. Более всего я мучился подозрениями из-за лица Его Высочества. Он постоянно чем-то его скрывал, то тряпкой, то плащом, а потом и вовсе надел маску, которую не снимал целыми днями. Иногда я даже предполагал, что это вовсе не Его Высочество, а кто-то другой занял его место, поскольку его слова и поступки, даже характер — всё изменилось. Временами он вёл себя доброжелательно, но временами мог внезапно выйти из себя. Однажды, находясь в комнате один, он побил все зеркала, испачкавшись неизвестно откуда взявшейся кровью. Но что ещё ужаснее, я часто улавливал странные голоса.

— Какие голоса? — спросил Се Лянь.

— Иногда, глубокой ночью, из комнаты Его Высочества раздавалась человеческая речь, как будто несколько человек тихо переругивались между собой. Но когда я входил посмотреть, он всегда был один. После нескольких таких случаев Его Высочество велел мне не переступать порог его покоев. И вот в одну из ночей я вновь услышал странные голоса, однако на этот раз обнаружил, что они принадлежат трём моим друзьям! Тут уж я не выдержал — поднялся и побежал в комнату Его Высочества, думая про себя: неужели они тайком вернулись? Почему скрыли это от меня? Но вот что странно, в комнате действительно никого не оказалось, только Его Высочество лежал на своей кровати всё в той же маске. Я постоял немного, послушал и обнаружил, что голоса раздаются именно от него. А если точнее, то от его лица под маской. Медленно приближаясь к кровати, я с каждым шагом убеждался в этом всё сильнее и думал, неужели он разговаривает во сне? И изображает голоса друзей из тоски по ним? Я долго колебался, а Его Высочество лежал неподвижно, так что я решил, что он спит, и осторожно снял с него маску. Под которой увидел... — во взгляде советника отразился невыразимый словами

ужас, — своих друзей. Это не он разговаривал, а они. Лицо Его Высочества оказалось исполосовано шрамами от острого лезвия, кожа и плоть будто вывернуты, кровь наполовину запеклась. И откуда ни возьмись на его лице выросли ещё три лица, которые шевелились и разевали рты. Лица принадлежали им, моим товарищам!!!

Се Лянь невольно содрогнулся:

— Он... сбросил в Медную печь и своих бывших соратников, что его покинули???

Советник не ответил, окончательно погрузившись в страшные воспоминания, которые не оставляли его по сей день.

— Эти лица очень давно не видели солнечного света, и даже лунное сияние для них казалось невыносимо ярким. Когда я неожиданно снял маску, они, потревоженные, зажмурились и замолчали. Но потом, разглядев, кто я, начали... выкрикивать моё имя. Я остолбенел. Раньше я говорил, что не видел ничего страшнее зрелища, как десятки тысяч человек падают с небес и сторают в море огня. Но картина, представшая передо мной той ночью, оказалась в сотни тысяч раз ужаснее! Моя рука, сжимающая маску, задрожала, и если бы все мои конечности не одеревенели от испуга, маска упала бы и разбудила Его Высочество. Однако те лица, похоже, очень торопились мне что-то сказать, они всё активнее разевали рты, но понизили голос, будто боясь разбудить своего носителя. От их вида я испытал отвращение и ужас, но всё же мне хотелось узнать, что они поведают, поэтому я наклонился, задержал дыхание и приблизился к лицу Его Высочества. Оказавшись совсем близко, я ощутил густой аромат снадобий, который всё равно не перекрывал запах крови и гниения. Ну а потом лица велели мне... скорее бежать, потому что Его Высочество сошёл с ума! Выяснилось, что мои друзья, покинув нас, всё же решили незаметно вернуться, беспокоясь о Его Высочестве. Но так вышло, что столкнулись с ним как раз в тот момент, когда он собрал множество людей и погнал в сторону жерла Медной печи. Тогда-то они и узнали, что Его Высочество вовсе не отказался от идеи жертвоприношения. Потрясённые и разгневанные, они попытались его остановить. Завязалась битва, но никто и подумать не мог, что Его Высочество не остановится перед убийством и просто сбросит их троих в Медную печь, вместе с несколькими сотнями человек! Простые люди, сброшенные в жерло вулкана, разумеется, сразу

обернулись пеплом, но трое моих друзей обладали немалым уровнем заклинательства, а кроме того, убитые Его Высочеством, запечатали в душе ненависть и сильнейшее нежелание смириться. Тем самым их души обернулись паразитами на его теле, каждый день они осыпали его гневными порицаниями, требуя прекратить то, что он творил. Я слушал и слушал, при этом чувствовал ужас и растерянность, совершенно не представляя, как мне быть. В чём был ужас? Я и сам не мог точно сказать, что именно мне казалось более ужасным — то, во что превратился Его Высочество, или эти существа на его лице! В тот момент я вдруг почувствовал, как мне на голову легла чья-то рука. Остолбнев от страха, я медленно поднял голову и увидел перед собой Его Высочество. Я не знал, когда он проснулся. Но теперь они вместе с тремя лицами уставились на меня четырьмя парами глаз! Выражения маленьких лиц исказились ещё сильнее, они так скривились, что раны на лице принца закровоточили. Он очень долго смотрел на меня, а потом вздохнул и произнёс: «Я же говорил, чтобы ты больше не входил сюда». И тогда я осознал причину, по которой он в последнее время так странно себя вёл. Его Высочество не смог смириться с изменениями на своём лице, не выдержал вида своего отражения, не похожего ни на человека, ни на демона. Поэтому он разбил зеркала, а кровь текла по его щекам, когда он пытался срезать лица. Раны никак не заживали, отсюда и запах гниения. Но сколько бы раз он ни избавлялся от них, они непременно возвращались!

Советник закрыл ладонью поллица, его зрачки резко сузились.

— Я... упал на колени возле его кровати. Его Высочество медленно сел и произнёс: «Не бойся. Они предали меня, поэтому их постигла такая участь. Не повторяй их ошибки, и я буду относиться к тебе, как и прежде. Ты останешься моим преданным слугой, ничего не изменится». Но как я мог не бояться?! И что значит — ничего не изменится? Ведь всё уже изменилось! Ума Его Высочеству было не занимать. Раньше он никогда не обращал внимания на реакцию людей, но после низвержения научился читать по лицу. Он разгадал мои мысли и медленно произнёс: «И ты покинешь меня. Так?» Честно говоря, я не имел точного ответа. Если бы он сбросил в Медную печь лишь «преступников», о которых говорил, я мог бы притвориться, что ничего не произошло. Я уже сказал, что смог бы его понять. Но ведь он своими руками убил и сбросил в жерло вулкана моих лучших

друзей, которых я знал столько лет, с которыми мы всегда поддерживали друг друга! И это в самом деле... выходило за рамки человечности. Я... не мог этого принять. Тогда Его Высочество, обращаясь сам к себе, сказал: «Ничего, я предполагал, что никто не пожелает остаться со мной, ведь я стал таким... Я способен выжить в одиночку. Я понял, что я всегда был один!!! Мне больше никто не нужен!!!» Его лицо сделалось невыносимо свирепым, он схватил меня за шею и, уставившись в мои глаза, всё повторял: «Я могу быть один, я могу быть один, я один, я один, я один, я один, мне никто не нужен, никто не нужен, никто не нужен, никто не нужен...» Его Высочество был очень силен, и пожелай он убить меня, ему хватило бы малейшего усилия, чтобы сломать мне шею. Я не мог произнести ни звука, однако он всё медлил. К тому же, стоило Его Высочеству выйти из себя, три моих друга на его лице принялись громко кричать, и как будто сделали с ним что-то, отчего у него заболела голова. Я тоже закричал, мы все впятером будто обезумели. Его Высочество схватился за голову одной рукой, а другой сильнее сжал мою шею. У меня в глазах потемнело, и я понял, что долго не продержусь, но в тот момент... заметил кое-что у него под подушкой. Там лежал меч, он клал его под голову, когда спал, обзавёлся этой привычкой после низвержения. Я взялся за рукоять и выхватил оружие, в холодном блеске которого Его Высочество громко рассмеялся. Его глаза налились кровью, он спросил: «И ты хочешь меня убить? Давай! Скорее же, пронзи меня! Бей прямо в сердце! Ты такой же, как они! Посмотрим, кто умрёт последним! Вы или я!» Конечно, я не убил его, только выставил меч перед ним и закричал, срывая голос: «Ваше Высочество! Ваше Высочество! Вернись! Посмотри на себя! Посмотри, во что ты превратился!» Он разбил все зеркала в доме и уже давно не видел своего отражения. В сияющем клинке отразился его облик, и он разглядел своё лицо. И вдруг застыл. Он нисколько не ослабил пальцы на моей шее, но через какое-то время из его глаз скатилась слеза. При виде влажной дорожки на его щеке я тоже не выдержал — разрыдался. Каким же уродливым было отражение в металле! Мне было самому противно смотреть на него, именно поэтому я заставил его взглянуть на себя, чтобы напомнить, каким безобразным монстром он обернулся! И всё же я сжалился над ним — меч выпал из моих рук, ударившись о пол. В конце концов Его

Высочество с силой отбросил меня прочь и сказал: «Проваливай». И я сбежал, без оглядки, спотыкаясь и падая.

На этом моменте Се Лянь наконец смог выдохнуть чуть спокойнее.

И советник тоже расслабленно опустил руки.

— Я бежал далеко, за пределы государства Уюн. Прошло совсем немного времени, и Медная печь изверглась снова. На сей раз похоронила всё государство Уюн, почти никому не удалось спастись. Так погибло целое государство. Избежав страшной участи, впоследствии я больше не слышал вестей о Его Высочестве, как будто он был похоронен вместе со своей страной. Что до меня, я сам поднялся до Небесных чертогов путём самосовершенствования, достиг небольших успехов, чтобы иметь возможность поддерживать тело в форме, и отправился бесцельно скитаться по свету. С юного возраста я прислуживал Его Высочеству, а когда нужда в этом отпала, я даже не представлял, чем мог бы заниматься. Его Высочества не стало, мои друзья тоже погибли. Я сотворил три пустых сосуда, подарил им голоса моих друзей и наделил способностью беседовать со мной, а иногда играть в карты.

Услышав о «пустых сосудах», Се Лянь сделался чуть более задумчивым.

Советник добавил:

— После я продвинулся в магическом учении и передал своим «пустым сосудам» все особенности характера и навыки погибших друзей.

— Это были трое других советников Сяньлэ? — тихо спросил принц.

Недаром те трое всегда казались ему странноватыми, ведь никогда не передвигались по одиночке, не общались с принцем по одному. Оказывается, они были лишь марионетками, и в отсутствие советника эта тайна сразу стала бы явной.

— Да, — подтвердил советник. — Поэтому тебя можно считать и их учеником. Жаль, что это всё же не они сами, ведь я смог восстановить лишь малую часть их способностей, «пустые сосуды» не смогли бы ничему тебя научить. Да и сейчас они уже давным-давно уничтожены, хоть и провели со мной довольно долгое время. Ещё через сотню-другую лет пантеон Небесных чертогов полностью

сменился, всех прежних богов постигло падение, их постепенно заменили новые. Но это меня уже не касалось, я просто влачил жалкое существование, дожидаясь смерти. Покуда однажды... в одном государстве не родился наследник престола. В день, когда звезда Огня зажглась в созвездии Сердца. И это были вы, Ваше Высочество наследный принц государства Сяньлэ.

Ну вот, история наконец приблизилась к главному. Пальцы Се Ляня, лежащие на коленях, чуть поджались.

Советник сидел в позе лотоса, скрестив руки на груди, и продолжал:

— Мне это показалось весьма интересным совпадением, знаком судьбы. Конечно, со времени гибели государства Уюн прошло уже слишком много времени, и за столько лет наверняка встречаются подобные астрономические явления, никаким совпадением это назвать нельзя. И всё же я, преследуя сам не зная какие цели, сменил имя, выбрав первое, что пришло в голову, и решил стать советником государства Сяньлэ.

Се Лянь подумал: «Так и знал, что имя выдуманно наобум...»

— Не думайте, что я с презрением отношусь к Сяньлэ, но для меня оказалось слишком просто дослужиться там до советника. Оставалась лишь одна проблема: людям всегда кажется, что те, у кого над губой не растут усы, ничего не умеют. У молодых нет ни опыта, ни способностей, их не воспринимают всерьёз. Если бы я отправился на экзамены в этом облике, боюсь, меня бы не пропустили дальше, поэтому я сменил лицо, сделав себя старше лет на пятнадцать-двадцать. В итоге произошло то, чего я и ожидал, — меня приняли. Ну а будучи советником, я должен был напрямую общаться с чиновниками Небесных чертогов. Так я и встретился с Цзюнь У. Внешне он сильно отличался от знакомого мне наследного принца Уюна, но всё же я знал его слишком хорошо, и после нескольких разговоров с ним в меня закрались подозрения. Которые пока оставались лишь подозрениями. К тому же, даже подозревая его, я не собирался ничего никому говорить. Он сильно изменился, и те лики исчезли с его лица. Я подумал тогда, что, должно быть, затаённая злоба моих друзей рассеялась, а если так, то нет нужды вновь ворошить прошлое и нарушать всеобщий покой. Притвориться, что я его не узнал, показалось мне неплохим решением.

— На вашем месте я бы, наверное, поступил так же, — заметил Се Лянь.

— Но всё же у меня не вышло скрываться до конца. Потому что... мы оба увидели вас. Ваше Высочество, должно быть, догадываетесь, почему я возлагал на вас столь большие надежды. Вы очень похожи на него. Поэтому я питал чаяния, что вы станете тем человеком или божеством, каким хотел стать он. И сможете сделать то, чего он сделать не смог. Что вы своим совершенством восполните мои и его неудачи, о которых мы сожалели.

Хуа Чэн же спокойно возразил:

— Вы ошибались с самого начала. Они нисколько не похожи.

Советник, посмотрев на него, ответил:

— Сейчас вы, конечно, можете так говорить. Но когда-то сходство существовало, и что самое страшное, сходство это было невероятным.

Он вновь вернулся к Се Ляню.

— Когда вы, в маске Воина, радующего богов, спасли ребёнка, упавшего с городской стены, меня это совсем не обрадовало. И не только потому, что из-за этого события прервалась церемония жертвоприношения. Ваш поступок слишком бросался в глаза и привлёк внимание Цзюнь У. Он начал говорить со мной о вас и каждый раз проявлял благосклонность, которая казалась мне неподобающей. Но я действительно видел, что вы очень понравились ему; он радовался, как радуются люди, обнаружив талантливое дитя. Кроме того, он проявил намерение поднять вас на Небеса, но каждый раз я под разными предлогами отговаривал его.

Се Ляню тоже не очень хотелось верить, что отношение Цзюнь У к нему было фальшью во всём. Слушая рассказ советника, принц ощутил сложную палитру эмоций, которую трудно было выразить словами.

— Переломный момент случился на мосту Инянь.

Услышав «на мосту Инянь», Се Лянь вернулся из своих мыслей.

— Помните призрака, поселившегося на том мосту?

— Это был толчок для моего вознесения, конечно, я помню, — мрачно ответил Се Лянь.

— Мне та встреча сразу показалась странной. Призрак бесчинствовал на разрушенном мосту в пустынной местности. Облачённый в сломанный доспех, с каждым шагом он оставлял на

земле кровавые пламенеющие следы, а из тела, залитого кровью, торчали острые мечи. И ещё те три вопроса, что он задавал... Всё это заставило меня задуматься, однако я тогда не мог точно сказать, в чём причина моего беспокойства. Ну а ты, одолев призрака, вскоре вознёсся, и я так и не успел ничего понять. К счастью, после твоего вознесения Цзюнь У относился к тебе по-прежнему благосклонно и очень внимательно, будто ничего не поменялось. И я уговорил себя не выдумывать лишнего. А потом случилась великая засуха и мятеж в Юньани. И появилась та тварь, Безликий Бай.

Се Лянь задержал дыхание и сосредоточился, а советник продолжал:

— Я уже говорил, что сначала не знал, что он такое. Даже впоследствии, когда разразилось поветрие ликов, меня лишь посещали смутные подозрения. Всё же озлобленные духи часто паразитируют на телах своих обидчиков, просто раньше это явление не распространялось в таких масштабах. Прибавлялось и моё негодование в отношении так называемой воли Небес. Вначале я посчитал, что Безликий Бай появился естественным путём, как наказание тебе от самого Неба. Но впоследствии ты встречался с этой тварью всё чаще, поветрие ликов буйствовало всё сильнее, множество других событий не могло не заставить меня предположить худшее.

— Что вы имеете в виду под «множеством других событий»? Например? — поинтересовался Се Лянь.

— Та семья из трёх человек, погибшая под стенами императорской столицы Сяньлэ.

Се Лянь едва не задохнулся:

— Это... были...?

— Впоследствии я осмотрел трупы и обнаружил, что они вовсе не являлись людьми. А были тремя пустыми сосудами.

— Но ведь пустые сосуды полые внутри, у них нет внутренностей, они не способны истекать кровью! — поразился Се Лянь.

— Наличие внутренних органов и не требовалось. Если человек падает с такой высоты, его внутренности от удара превращаются в кашу, и достаточно просто запихнуть в пустую оболочку гнилое мясо и залить кровь. Один из моих троих друзей как раз обладал мастерством изготовления таких необыкновенных вещей, он был первым, кто

попробовал создать пустую оболочку в виде человека, однако обучил своему умению лишь нас четверых — в те времена создание пустых сосудов ещё не было так распространено, как сегодня. Мои друзья погибли, а кто ещё, кроме меня, мог создавать столь реалистичные оболочки?

Се Лянь опустил голову, его зрачки сузились. Погибшая под стенами столицы Сяньлэ семья практически стала запалом, который и разжёт огонь войны. Но оказалось, что все трое были фальшивками, обманом!

— Но почему... вы тогда не рассказали мне об этом?

— Я не решился. Подумал, что если это и впрямь он, то вы, узнав обо всём, с прежним своим характером наверняка сразу отправились бы свести с ним счёты. Но это не спасло бы ни вас, ни государство Сяньлэ, только ускорило бы всеобщую гибель. К тому же, даже не будь тех пустых сосудов, рано или поздно...

Рано или поздно огонь войны разожгло бы что-то другое. Как та потерявшаяся собака в императорской столице.

— Потом вы потерпели поражение, Сяньлэ пало. Тогда я уже не смог стерпеть — распустил всех из монастыря Хуанцзи, вызвал его на разговор в храме Шэньу и раскрыл правду о том, что узнал его.

Это и была их встреча восьмисотлетней давности, о которой упомянул Цзюнь У.

— Я задал ему множество вопросов, однако он не ответил ни на один. Тогда я спросил: «Ваше Высочество, чего же вы добиваетесь?» И он наконец дал ответ. Он сказал, что хочет сделать из вас своего совершенного преемника. Если на свете существовал кто-то, способный целиком и полностью его понять, то это были вы. И если бы ему это удалось, вы бы никогда его не предали! Я понял, что он имеет в виду. Мы так сильно разругались, что вновь подрались. Но мне нельзя было с ним биться, это означало для меня неминуемую смерть. Он мог раздавить меня одним пальцем, но в тот момент он вдруг скривился и схватился за лицо. Меня это напугало, но потом я заметил, что на его лице снова проявились те жуткие лики! Значит, они не исчезли, он лишь подавил их при помощи магической силы! А теперь они вновь «сбежали», только неизвестно, что стало причиной — всплеск эмоций или моё присутствие! Мои друзья вмешались, отчего у него разболелась голова, а выражение лица сделалось пугающим, ну а

я воспользовался моментом и сбежал. Мне снова пришлось скитаться по миру людей, на этот раз старательно скрываясь. Тогда я подумал: что сейчас творится на землях, когда-то принадлежащих государству Уюн? И отправился туда, чтобы увидеть всё своими глазами. Но к моему вящему удивлению, по возвращении туда я обнаружил нечто поразительное. Каким-то образом территория государства Уюн оказалась запечатана и отделена от внешнего мира. Я долго шёл по ней, пока вновь не встретился со своими друзьями.

— Вы говорите о горных чудищах? Старости, Болезни и Смерти?
— уточнил Се Лянь.

— Именно. Медная печь поглотила их тела, но прах, сожжённый почти без остатка, смешался с вулканическим пеплом и оказался в воздухе. Со временем пепел оседал и накапливался, пока через многие сотни лет не обернулся тремя огромными горами, в которых оказались заключены части их душ. У меня ушло очень много времени на то, чтобы найти способ общаться с ними, и, достигнув успеха, я узнал много нового. Оказалось, прошлое поколение божеств пало и забылось не само по себе. Их убили, медленно, одного за другим. Он... избавился от целого пантеона богов, не оставив никого! Омыв кровью Небесные чертоги, он вернулся в мир людей и стал терпеливо ждать. Спустя какое-то время он взял новое имя, создал новую личность, и, как «человек», «вознёсся» в очередной раз. Предыдущее поколение небесных чиновников погибло без остатка, никто не знал, кто он такой, также никому не было известно, кем он являлся раньше. Все те легенды, что ходят сейчас в миру о его происхождении, облике и характере, любые классические рассказы и забавные слухи — всё это фальшивка. Ложь, которую он так скрупулёзно сочинил! Нынешняя столица бессмертных — это новые Небесные чертоги, построенные лично им и находящиеся полностью под его контролем. А тела и прах прошлого поколения богов смешаны с грязью и положены в её фундамент, чтобы он мог каждодневно попирать их ногами. Вполне возможно, что и под вами сейчас покоится чей-нибудь прах.

Се Лянь с ужасом слушал, а Советник продолжал:

— Теперешний он — Первый Бог Войны Небесных чертогов, с виду озарённый ослепительным светом. Но в его душе сокрыта безграничная тьма. Обида, боль, гнев, ненависть... всё это требовало выхода. Только так он мог сохранять равновесие и продолжать править

во всех трёх мирах на постаменте Первого Бога Войны, а не развязывать кровавую бойню. Прежнее государство Уюн превратилось в ад, а Медная печь, которой он скормил бесчисленное множество живых людей и троих назначенных им небесных чиновников, признала его своим хозяином. Поэтому он стал периодически выливать свои тёмные эмоции в Медную печь и при помощи духов погибших жителей Уюна разжигал пламя преисподней и возвращал в том пламени множество ужасающих тварей.

— Способ создания тех тварей отличается от процесса рождения «непревзойдённых», верно? — спросил Се Лянь.

— Отличается, несомненно. «Непревзойдённые» появились многим позднее, потому что он... изменил способ возвращивания.

— Что за «способ возвращивания»?

— «Качество» и «количество», — советник бросил взгляд на Хуа Чэна. — Вам обоим наверняка известно, что «непревзойдённый» может появиться раз в сотню, а то и несколько сотен лет. И за раз рождается только один, поэтому их крайне мало и сложность становления непревзойдённым весьма велика. Кроме того, прежнее воплощение непревзойдённого — самостоятельное существо. Медная печь лишь предоставляет ему условия для ускорения прорыва. Те, кто наделён способностью стать непревзойдённым, могут стать им в любой области. И рано или поздно становятся. Фактически звание «цзюэ» — «непревзойдённый» — произошло от слов «цзюэши» — «не имеющий равных в мире» и «цзюэдин» — «высочайший пик». И оно не связано с прохождением через Медную печь. Впрочем, любой, кто выдержал это испытание, действительно достоин носить этот венец. Поскольку таких практически не существует. По сей день вас ведь всего трое?

Се Лянь перевёл взгляд на сидящего рядом Хуа Чэна, весьма удачно встретившись с ним глазами. Не зная, почему тот посмотрел на него, принц всё же слегка улыбнулся.

Советник рассказывал дальше:

— В самом начале порождения Медной печи были вовсе не такими. Раз в несколько лет она извергала то десятки, то сотни тварей, целыми стаями. Вероятно, это было связано с его нестабильным характером. И рождённые таким образом создания формировались из

его ненависти и затаённой злобы. Боюсь, о некоторых из них вам доводилось слышать. К примеру... Истинный божок-пустослов.

— Он тоже порождение Медной печи?!

— Да. Некоторые твари обзавелись собственным сознанием и отделились от Его Высочества, некоторые же не отделились и стали, можно сказать, его двойниками. Истинный божок-пустослов относился к первому типу, а выбравшись из печи, разделился на множество собственных двойников. Мои друзья остались стеречь границы Уюна, чтобы не позволить тварям разбредаться за его пределы, а я долгие годы искал демонов вне горы Тунлу, чтобы хоть как-то спасти положение.

Се Ляню неожиданно вспомнились странные слова, сказанные советником Ши Цинсюаню при встрече.

— Наставник! — обратился к нему принц. — Насчёт Повелителя Ветров... Это ведь вы были тем мастером, что предсказал судьбу Цинсюаню и велел его семье не устраивать пышные праздненства?

— Вздор. Какой ещё мастер мог предсказать судьбу точнее, кроме твоего наставника, то есть, меня? Да и какому мастеру настолько нечем заняться? Чтобы раздавать предсказания за чашку отвара?

Принц не нашёл, что на это сказать. Советник добавил:

— Сначала эта тварь пыталась сожрать тогда ещё совсем маленького Ши Уду, но паршивец оказался ему не по зубам: уже в раннем возрасте с ним было нелегко справиться, он совершенно ничего не боялся. Если кто-то дерзок до безрассудства, его невозможно сожрать, только зубы поломаешь. Пришлось божку-пустослову переключиться на младшего брата с посредственной судьбой богатого сынка знатных родителей. И хотя тот ему всё равно не достался, божок-пустослов наделал в их семье такого шума, что братья потащили за собой на дно ещё одного человека, которому было предначертано вознестись. Всё-таки неприятностей тварь им принесла немало, и я в самом деле очень сожалею, что не прикончил божка-пустослова.

— Его уже прикончили, — напомнил Хуа Чэн.

— Хэ Сюань его сожрал? Я слышал об этом. Вообще-то я собирался присматривать за братьями Ши до тех пор, пока им ничто не будет угрожать, но в то время снова открылась гора Тунлу, и я не смог оставаться подле них, отправился к Медной печи. А когда вернулся,

всё уже вышло из-под контроля. Ши Уду исполнил свой дурной замысел и такого натворил, что исправить уже было невозможно! Ох и разболелась у меня тогда голова, ведь я не мог им помочь, даже если хотел.

В действительности, помочь было уже нельзя, при всём желании. Советник добавил:

— По правде говоря, божок-пустослов вовсе не считался такой уж страшной тварью, просто ему нравилось наводить беспорядок. Его можно назвать лишь второсортным демоном, но не самым сильным. Кроме него, был ещё, к примеру...

— К примеру... — тихо продолжил принц, — убитый мной на мосту Инянь призрак?

Советник сделал глубокий вдох и ответил:

— Да, он. Как ты думаешь, почему я сказал, что всё началось с той твоей фразы? Призрак на мосту как раз являлся тёмным двойником, которого Цзюнь У создал в Медной печи. Раз в несколько лет ему требовалось злодействовать, убивая людей, тем самым изливать свой гнев. И надо же было именно тебе уничтожить призрака! Почувствовав, что тварь на мосту убита, он немедля спустился посмотреть, кто это совершил, и увидел тебя. Ну а ты, как назло, прямо перед ним произнёс ту фразу... «Тело пребывает в страдании, но душа пребудет в блаженстве». Фраза прозвучала для него безумной насмешкой, смертельно задела за больное место... Это и стало переломным моментом.

Испытания, втайне посланные белым владыкой

Ладони Се Ляня сжались в кулаки, дыхание сбилось.

Одна фраза. Звучит невероятно, даже смешно, но ему совсем не хотелось смеяться.

— Кроме призрака, были и другие, — продолжил советник. — Ваше Высочество, помните ли вы, как перепугали меня, приведя в монастырь Хуанцзи того ребёнка, которого спасли под городскими стенами?

Се Лянь сразу отбросил лишние мысли и, мельком глянув на Хуа Чэна, ответил:

— Помню. Что не так с ребёнком? Вы говорили, будто он...

— Одинокая звезда разрушения! — Советник мрачно поведал: — Тогда я лишь ощутил крайне необычную тёмную Ци, исходящую от мальчика. Но потом мы с моими друзьями на горе Тунлу узнали, что Медная печь способна не только порождать тёмных тварей, но и насыпать проклятия. Как вы можете распространять на других свою неудачливость, так и Медная печь сеет повсюду накопленную злую судьбу, которая после распространяется по свету. Гороскоп того ребёнка вызывал серьёзные опасения: если такой человек удачлив, то удача эта взлетает до небес; если жесток, то жестокость его пронзает землю. Боюсь, в день своего появления на свет мальчик впитал в себя весь злой рок, рассеенный Медной печью, вот и заполучил столь страшную судьбу. Ведь стоило ему появиться в монастыре Хуанцзи, он едва не сжёг всю гору Тайцан дотла!

Чем дальше, тем Се Лянь сильнее не верил своим ушам. Он медленно повернулся и посмотрел на Хуа Чэна, однако тот нисколько не изменился в лице, хотя прекрасно понимал, что советник говорит о нём. Только ответил принцу улыбкой.

Советник тем временем не унимался:

— В обычных обстоятельствах мальчик должен был в раннем возрасте лишиться родителей. Если же они не погибли, значит, наверняка либо бросили его, либо издевались над ним, так что первый вариант для него даже лучше. Кроме того, сам он не дожил бы и до восемнадцати, заодно причинив всевозможные беды тем, кто находился с ним рядом, — смерть, расставание, невезение... Точно звезда несчастья, сошедшая в мир; словно ходячее бедствие, явившееся в дом. Поэтому я тогда и велел вам поскорее прогнать его и больше к нему не приближаться...

Се Лянь не мог больше слушать:

— Советник! Довольно об этом...

— Больше не буду, — кивнул тот. — Я лишь привёл вам пример, насколько страшна сила Медной печи.

Принц не знал, что сказать, зато Хуа Чэн усмехнулся:

— Не думаю, что она настолько страшна... Впрочем, вы, советник, предсказали всё довольно точно.

Се Лянь лишь представил, что Хуа Чэн, вероятно, не дожил до восемнадцати, и у него задрожали руки. Но тут на его ледяную ладонь

осторожно легла другая, такая же холодная рука. Стоило им соприкоснуться, и между ними зародилось тепло.

Советник вновь заговорил:

— Он непрестанно посылал тебе испытания. Первым стало поветрие ликов в государстве Сяньлэ. И если бы на этот вопрос ты ответил, как он считал, верно, то есть, наслал бы поветрие ликов на жителей Юньань, испытание было бы пройдено. И он не только не низверг бы тебя, но и помог скрыть правду, чтобы ты стал его истинным доверенным преемником. Один шаг — и ты на Небесах. Два шага — и ты против всех Небес. Но ты ответил неверно. Во время твоего первого низвержения он, должно быть, вновь посылал тебе испытания, но ты так и не дал ответа, который удовлетворил бы его, поэтому ты вновь вознёсся и тут же сразу был низвергнут.

В голове Се Ляня возникло бледное улыбающееся лицо. Помолчав, он тихо произнёс:

— Вообще-то я сам об этом попросил.

Вмешался Хуа Чэн:

— Гэгэ, поверь мне. Если бы ты не попросил сам, он бы нашёл тысячу способов сбросить тебя вниз.

— И всё же Безликого Бая тоже победил он, — сказал Се Лянь.

— Но не убил, — напомнил Хуа Чэн.

— Зачем тогда это было ему нужно?

Советник ответил:

— «Безликий Бай», разумеется, мог тебя убить. Но он добивался другого. В действительности, как я уже сказал, ты ему очень понравился, он вовсе не желал твоей смерти, только чтобы ты стал таким, каким он хотел тебя видеть.

Хуа Чэн добавил:

— Убив тебя, он бы не достиг цели. Если бы ты погиб в том состоянии, то больше никогда не изменился бы, а этого он тем более не мог принять. Но у Безликого Бая не было причин так просто тебя отпустить, а что ещё он мог придумать, кроме как в лице Императора Шэньу спуститься в мир смертных, разогнать нечисть и спасти тебя от опасности? Ведь таким образом ты проникся к нему ещё большим доверием и благодарностью. Он же, дважды потерпев неудачу, наверняка был крайне раздосадован.

Советник продолжил:

— Покуда ты скитался в мире людей после второго низвержения, он мог множество раз воспользоваться шансом «наставить» тебя на путь истинный, постепенно дожидаясь, что ты изменишь своё мнение. Но по моим наблюдениям тогда он уже успокоился, и только в последнее время покой был нарушен. Толчком к этому стало твоё третье вознесение. Останься ты барахтаться в грязи, ничего страшного не случилось бы. Но ты, как назло, пошёл совсем не по спланированному им для тебя пути, стал таким, каким стал, ещё и вознёсся в очередной раз. К тому же, остался прежним, нисколько не изменившись... Не знаю, о чём он подумал, когда увидел тебя, но мне кажется, он наверняка решил снова послать тебе испытание.

Хуа Чэн произнёс:

— Это легко выяснить, стоит только вспомнить, что он сделал после. Гэгэ, подумай как следует, что происходило с тобой, когда ты вознёсся в третий раз.

Се Лянь очень быстро погрузился в воспоминания и, задумавшись ненадолго, начал перечислять:

— Первое задание — гора Юйцзюнь. Поймать демоницу Сюань Цзи. Сначала я не нашёл злого духа новобрачного, но по дороге мне помогла песенка демонёнка. Думаю, дух нерождённого оказался там по приказу Цзюнь У. Но я полагал, что он тем самым оказал мне помощь.

— Он лишь помог тебе выполнить задание, и всё. Непосредственным результатом стало пленение Сюань Цзи, но что насчёт косвенных последствий?

— Я разворошил осиное гнездо, затронув отношения генерала Пэя с его бывшей возлюбленной, и принёс тому хлопот.

— Это можно считать маленьким испытанием, — подтвердил советник. — Если бы ты знал, что навлечёшь на себя гнев Пэй Мина, наверняка решил бы проблему со злым духом новобрачного иным способом. К примеру, тайно оповестил бы Пэй Мина, чтобы тот скрыл происходящее, а Сюань Цзи продолжила бы бесчинствовать на том маленьком клочке земли, но при этом не выходила бы за рамки приемлемого.

Се Лянь почувствовал себя неловко.

— Ну... честно говоря, я лишь после узнал, что дело имеет отношение к генералу Пэю. Тогда Сюань Цзи жаждала крови, а с нами

отправилось так много людей, что уже не было времени размышлять, чей гнев я на себя навлеку. Стрелу, что уже на тетиве, нельзя не выпустить.

Хуа Чэн мягко улыбнулся:

— Гэгэ, это и был сделанный тобой выбор. — И продолжил считать: — Второе событие — появление в монастыре Водных каштанов пустого сосуда в облике монаха, который выманил тебя в Крепость Баньюэ. Не будем выяснять, кто его послал, давай лучше вспомним, каковы были последствия.

— Младшего генерала Пэя сослали с Небес, «отрезав» генералу Пэю его «правую руку».

— Гэгэ, видишь, в результате ты помог ему значительно ослабить мощь генерала Пэя, а сам окончательно попал к тому в немилость. Ему не пришлось даже выходить на сцену, вся вина свалилась на тебя, а ты ещё и остался благодарен ему.

Се Лянь оторопело промолчал, а Хуа Чэн добавил:

— Если я не ошибаюсь, за эти восемьсот лет он частенько наблюдал за тобой. Боюсь, он также знал и о том, что ты служил советником государства Юньань и обучал Лан Цяньцю, но всё же отправил вас исполнить его поручение вместе. На мой взгляд, никаких добрых намерений он этим не преследовал.

Советник поразился:

— Погодите... Ваше Высочество, вы служили советником в государстве Юньань? И обучали Лан Цяньцю?

Се Лянь утвердительно хмыкнул.

— Вы и есть советник Фан Синь???

— Да... что-то не так? — Се Лянь вкратце рассказал о произошедшем.

Советник произнёс:

— Думаю, узнай он об этом ещё тогда, наверняка ужасно разгневался бы на вас.

Хуа Чэн продолжал:

— Гэгэ, изначально в инцидент с Божком-пустословом ты впутываться не собирался, но тебя всё же затянули, к счастью, не слишком глубоко. Несколько сотен рыбаков попали в тот ураган на Южном море не из-за Черновода, но и не по вине Ши Уду. Кто, кроме них, обладал достаточной силой, чтобы сотворить такое?

Выстроив все события в ряд, Се Лянь наконец осознал, что каждый его шаг после вознесения, похоже, был сделан под пристальным наблюдением, а то и с подачи Цзюнь У.

Хуа Чэн, скрестив руки на груди, сказал:

— Полагаю, он делал это всё, с одной стороны, из тех же странных побуждений — непрерывно посылал тебе испытания, чтобы проверить, что же ты выберешь, по какому пойдёшь пути, ожидая, что ты всё-таки ступишь на уготованную им тебе тропинку. С другой стороны, боюсь, таким образом он использовал тебя как оружие, чтобы ослабить мощь других божеств. Прошрое поколение небесных чиновников наверняка оставило крайне мрачный след в его душе, что заставляло его сохранять постоянную бдительность и требовать абсолютного подчинения от всех вокруг. Он не позволял никому стать угрозой для своего положения и своей силы, не мог позволить остальным догнать его. И ещё, я вот подумал...

Се Лянь тоже погрузился в размышления и спросил:

— О чём?

— Неужели он правда ничего не знал о замене судьбы, произведённой Ши Уду для Ши Цинсюаня, и о том, что Черновод затесался шпионом в чертоги Верхних Небес?

Принц как раз и сам подумал именно об этом.

Разве мог сидящий выше всех Цзюнь У оставаться в неведении относительно всего происходящего? Весьма маловероятно.

Он имел доступ ко всем свиткам и документам, проходящим через дворец Линвэнь, мог в любой момент их проверить. И если где-то закралась подделка, неужели он не заподозрил бы неладное?

Повелитель Вод, совершив столь серьёзное преступление, сумел столько лет держать всё в тайне и жить в полном благополучии. Лишь когда его действия в чертогах Верхних Небес вышли за рамки дозволенного, вся правда выплыла наружу.

— Возможно, — предположил Хуа Чэн, — он с самого начала что-то подозревал, но тогда положение Повелителя Вод ещё не представляло для него угрозы, и потому всё оставалось в тайне. Слишком рано раскрытое преступление, возможно, также было ему невыгодно. Ши Уду оказался бы сослан, но его место занял бы новый Повелитель Вод, который мог и не иметь таких же страшных секретов и рычагов, за которые можно ухватиться, чтобы сдёрнуть его с Небес.

Будь я на месте Цзюнь У, мне бы очень не нравился Ши Уду. Но при желании от него избавиться мне бы не пришлось действовать самому, достаточно было спокойно наблюдать, как тот бесчинствует, становясь всё наглее и бесстрашнее. Ну а когда мне всё это надоело, я бы просто сообщил об инциденте с заменой судеб Черноводу.

А тот, разумеется, пожелал бы отомстить за себя и за погибших родных.

— Что же касается причины, по которой он созывал тысячи демонов в Медную печь и возвращал непревзойдённых, вероятно, это всё ради...

— Равновесия, — закончил за Хуа Чэна Се Лянь.

— Да, — согласился тот. — С одной стороны, ему, наверное, просто нравится наблюдать, как гнусные непревзойдённые несут беды людям; с другой же стороны, если есть некие вредоносные твари, будут и молитвы, просящие от этих тварей избавиться.

Ну а чем больше молитв, тем сильнее божество!

Советник со вздохом заговорил вновь:

— Каждый раз во время открытия горы Тунлу мы вчетвером пытались помешать творящимся там процессам, но не всегда достигали успеха. А теперь и вовсе... допустили серьёзный промах. Он убил малую часть духов, вырвавшихся из горы Тунлу, а большую часть переместил при помощи Сжатия тысячи ли. Затем раздал вам задания, а сам остался, чтобы кое-что проверить и уничтожить улики. Он догадывался, что я отправлюсь вас искать, поэтому, закончив свои дела на горе Тунлу, поспешил следом и всё-таки меня схватил. Тогда я подумал, что так больше продолжаться не может. Правда о государстве Уюн выплыла на поверхность, а принимая во внимание присущую ему осторожность, можно ожидать, что он решит снова сменить целое поколение божеств. Если бы вы продолжали находиться в неведении относительно его личности, рано или поздно оказались бы зарыты в фундамент столицы бессмертных. На удачу в руках этого паршивца Фэн Синя оказался Хунцзин, и я пошёл на риск. Его магические силы так выросли, что в Хунцзине уже давно не отражалась его истинная сущность. Но из-за недавней битвы с тремя горными чудовищами скрытые лица вновь оказались потревожены. Ну вот, я всё рассказал. У Вашего Высочества ещё остались вопросы?

Се Лянь задумался, а Хуа Чэн произнёс:

— У меня остались. Советник, вы ещё помните язык Уюна?

— Наша страна исчезла с лица земли, больше никто не использует её язык и письменность, поэтому я давно выучил новые. Но я по-прежнему всё помню, просто крайне редко приходится пользоваться тем языком, — он признался, — да и не очень-то хочется.

Се Лянь вспомнил. Выходит, тогда советник, говоря с горным чудищем о «Его Высочестве», которого «уже не спасти» и который «вскоре пробудится», в самом деле указывал вовсе не на него, а на переселившегося в тело Лан Ина, устилающего свою дорогу трупами и тем самым накапливающего силы Безликого Бая.

И ещё говорящие человеческим языком крысы-людоеды... Разумеется, поскольку Се Лянь понял их речи, Хуа Чэн решил, что кто-то посеял в памяти принца нужные воспоминания. А когда принц начал перечислять, кто мог это сделать, к своей неожиданности угадал, да не одного, а сразу двоих: Цзюнь У и безликого демона.

Неудивительна и та лёгкость, с которой Безликий Бай создал фальшивые личности Фэн Синя и Му Цина в пещере Десяти тысяч божеств. Ему это не составило никакого труда, ведь Цзюнь У знал обоих как свои пять пальцев!

— Кажется, он... всё это время хотел заставить меня считать, что я и есть наследный принц Уюна. Или же... часть его души, — произнёс принц.

— Конечно, он этого хотел, — согласился советник. — Раз существование государства Уюн скрыть не удалось, лучше всего свалить вину на тебя, ведь любому, кто узнал бы судьбу обоих принцев — Уюна и Сяньлэ — показалось бы, что вы весьма похожи. К тому же, стоило тебе начать сомневаться в себе, в своих целях, поведении и первоначальном намерении, начать думать «я и есть принц Уюна», и вероятность повторить его судьбу выросла бы кратно. Дело в том, что он направлял тебя, чтобы ты пошёл по его пути, а вовсе не в том, что ваши пути смутно схожи. Он... не мог позволить человеку, так похожему на него самого, пойти по другой дороге.

Спустя некоторое время Хуа Чэн вставил:

— Я же сказал, что они нисколько не похожи.

Советник, будто наконец не выдержав, повернулся к нему:

— Послушайте, молодой человек, что с вами такое?

Хуа Чэн вопросительно посмотрел на советника.

Се Лянь застыл, подумав: «Что это с ним?»

Советник же засучил рукава и серьёзным тоном заговорил с Хуа Чэном:

— С самого начала мне хотелось вас спросить, молодой человек, почему ваша улыбка столь неискренна? Не думайте, что раз вы — непревзойдённый Князь Демонов, то можете вести себя со мной невежливо. Да, такие как вы встречаются редко, но известно ли вам, сколько мне лет? Разумеется, такие старики как я — ещё бóльшая редкость!

Хуа Чэн приподнял бровь.

Се Лянь, размяв точку между бровей, произнёс:

— Ох, наставник, Сань Лан вовсе не хотел показаться невежливым, он просто...

Он просто привык всем улыбаться фальшивой улыбкой.

Советник же, сделав Хуа Чэну знак не подходить, отвёл принца в сторонку и серьёзно заявил:

— Ваше Высочество, я всё видел.

— А? Что вы видели?

— На голове той огромной статуи.

Какой статуи? Что происходило на голове статуи? Се Лянь задумался, и вдруг в его сознании прозвенел колокол.

Займствование магических сил!

Принц закашлялся:

— Нет... я лишь займствовал магические... нет... на самом деле не только это, в общем, как бы сказать...

Советник сделался ещё серьёзнее.

— Ваше Высочество, что с вами произошло? Неужели из-за той строгости, в которой я вас воспитывал, вы слишком много времени посвящали тренировкам, не приближались к женскому полу и потому перешли на...???

Се Лянь как сумасшедший замахал руками:

— И вовсе не поэтому!

Советник с сомнением предположил:

— Но... неужели тогда... это в вас от природы? Этого... я никогда не замечал. Хм... что ж, в этом вы действительно на него не похожи...

— Пойдите? Это тоже тут ни при чём!

Советник со вздохом сказал:

— Не бойтесь, Ваше Высочество, я не собирался вас ругать. И не стану читать вам наставления в том, в чём сам не силён. К тому же, вы ведь через столькое прошли, к чему переживать об этом? Мужчина или женщина — не имеет никакого значения, главное, чтобы вы сами были счастливы.

Се Лянь так сильно разминал межбровье, что оставил на лбу красный след.

— Гм... я очень счастлив, — прошептал он.

Однако советник вновь задумчиво спросил:

— Но как вы за восемьсот лет поисков... ухитрились найти себе в пару непревзойдённого Князя Демонов?

Се Лянь неловко застыл.

— Дело не в том, что у вас плохой вкус, — добавил советник, — очень даже хороший. Такой понравился бы и взрослой девице, и молоденькой девчонке. Но ведь Князя Демонов весьма опасны, Ваше Высочество, вы должны хорошенько всё обдумать, ведь если он к вам привяжется, вам никогда в жизни не удастся отвязаться от него.

— Эм, наставник, погодите...

— Я не мог ошибиться. И вот что вам скажу, с первого взгляда на этого Собирателя цветов под кровавым дождём я понял, что его в жизни преследовали бесконечные невзгоды и испытания, одна скала круче другой. От него так и исходит демоническая Ци, от которой становится трудно дышать. Это ведь истинная...

Хуа Чэн, стоящий за его спиной, произнёс, растягивая слова:

— Истинная Одинокая звезда разрушения, верно?

Се Лянь очень старался предостеречь советника от продолжения разговора, однако не преуспел. Закрыв лицо рукой, принц молча прошмыгнул за спину Хуа Чэна.

Хуа Чэн, улыбаясь, приобнял принца и продолжил, подняв бровь:

— Моя улыбка действительно весьма неискренна. И всё же... Одинокая звезда разрушения; звезда несчастья, сошедшая в мир; ходячее бедствие, явившееся в дом; оба родителя погибли, а сам не дожил до восемнадцати... говорить подобное мне прямо в лицо не очень-то подобающе, не находите?

Глаза советника постепенно округлились.

— Ты...?

Князь Демонов прячется во дворце наследного принца

На сей раз улыбка Хуа Чэна вовсе не обманывала, напротив, засверкала ещё ярче. Советник потрясённо застыл, вскинул руку и, указывая на Хуа Чэна, затараторил:

— Т-т-ты... Это ты?! Тот самый? Ты и есть тот самый???

И его палец, и голос неистово дрожали, а Хуа Чэн молча наслаждался зрелищем, тогда как выражение его лица давало понять: верно, я и есть та самая Одинокая звезда разрушения во плоти, что чуть не спалила гору Тайцан дотла!

Советник развернулся к принцу:

— Ваше Высочество, что всё это значит? Объяснитесь!

Се Лянь развёл руками и виновато улыбнулся:

— Ну... то и значит.

Советника будто громом поразило. Он несколько десятков раз хлопнул тыльной стороной ладони одной руки о ладонь другой, пока, наконец, не обрёл дар речи:

— Видите? Вы видите, видите, видите? Я ведь говорил! Я говорил, что непревзойдённый Князь Демонов — существо чрезвычайно опасное! Он с малых лет увязался за вами и до сих пор следует по пятам! Восемьсот лет? Восемьсот лет! Он восемьсот лет тайно следил за вами, ужас, просто кошмар! В точности как я и предсказал!

— Довольно, наставник, не будем об этом... — сказал принц, про себя подумав: «Вы ещё не видели неисчислимое множество статуй в пещере Десяти тысяч божеств!»

А если бы увидел, должно быть, Хуа Чэн в его глазах сделался бы ходячей катастрофой, сумасшедшим больным демоном, от которого нужно бежать, зажав Се Ляня под мышкой.

Ещё не оправившись от потрясения, советник произнёс:

— Нет, это слишком страшно, просто... Насколько же сильна его привязанность, насколько он тщательно всё продумал! Ваше Высочество, будьте крайне осторожны, иначе можно легко поплатиться. Опасайтесь, как бы не стать жертвой обмана!

— Сань Лан меня не обманет.

Хуа Чэн тоже спокойно добавил:

— Вы излишне беспокоитесь. Я могу обмануть кого угодно, но только не Его Высочество.

Советник, наклонившись, вновь принялся читать ему нотации:

— А вы, хитрый молодой человек, не думайте, что я ничего не вижу. Вы ведь просто пользуетесь тем, что Его Высочество ничего в этой сфере не смыслит! Скажите-ка прямо сейчас, глядя мне в глаза, как заимствуются магические силы? Сколько существует способов? А какой способ выбрали вы? Что вы наговорили Его Высочеству?

Хуа Чэн молча застыл, а Се Лянь тут же вскрикнул, смеясь:

— Ха-ха-ха-ха, ну ладно, ладно! Если по-честному, как бы там ни было, главное ведь, что передача магических сил состоялась! Ха-ха-ха, всё одно, всё одно!

Ещё немного, и принц начал бы трепыхаться, как утка, тонущая в кипятке. Поэтому поспешно сделался серьёзным.

— Так... давайте вернёмся к делу. Сейчас он всех нас запер в столице бессмертных, но пока не тронул. Чего он добивается?

— Думаю, снова хочет тебя испытать, — предположил Хуа Чэн.

— И как же на сей раз?

— Это уж трудно сказать, — присоединился советник. — По правде говоря, он способен испытывать вас как угодно. Не уходите от темы, Ваше Высочество. Выслушайте моё предостережение: не стоит терять голову в страсти или поддаваться обману красивыми речами. На мой взгляд, он...

Неожиданно Хуа Чэн серьёзным тоном перебил:

— Гэгэ, кто-то идёт.

Советник не унимался:

— Даже не думайте меня обмануть, я не столь доверчив, как Его Высочество...

— Наставник! — вмешался Се Лянь. — Он вас не обманывает, там правда кто-то идёт, нам нужно спрятаться!

Вместе с Хуа Чэном они мягко оттолкнулись от пола, легко запрыгнули на большую балку под крышей и замерли.

Вскоре снаружи послышались сбивчивые шаги, затем кто-то ногой вышиб дверь и самодовольно расхохотался:

— Уа-ха-ха-ха-ха-ха, да что мне эти ваши Небесные чертоги! Я всё так же попираю вас всех ногами!

Услышав этот голос, все трое потеряли дар речи.

Снаружи широким шагом вошёл кое-кто в зелёном одеянии, которого они не видели уже очень давно, — Ци Жун!

Похоже, Цзюнь У не только запер всех небожителей, но ещё и выпустил всю нечисть. И теперь тёмные твари разгуливали по улицам столицы бессмертных. Вот уж действительно — всё перевернулось с ног на голову!

Советник тоже не ожидал увидеть Ци Жуну и потому остолбенел. А тот, тыча в него пальцем, заговорил:

— Проклятый советник, старикашка, всё никак не сдохнешь! Ха-ха! Когда-то ты, чтоб тебя, презирал меня, не хотел брать в ученики, а что теперь? Сам себе вырыл яму! Дождался расплаты! Хорошего конца не жди! И поделом!

Из-за спины Ци Жуну боязливо высунулся Гуцзы. Похоже, мальчик впервые оказался в таком роскошном здании. Он вытаращил глаза, озираясь по сторонам, как будто хотел тайком потрогать нефритовую плитку на полу, но не решался.

Ци Жун, пышащий самодовольством, обратился к нему:

— Ну что, сынок, видишь? Это и есть Небесные чертоги. Теперь это владения твоего папки!

Гуцзы поразился:

— Правда, отец? Тут так много места...

— Конечно! Не веришь, посмотри сам, тьфу, тьфу, тьфу! Я могу здесь плевать где захочу, и никто мне слова не скажет!

Советник просто остолбенел от такой наглости.

Гуцзы задумался, затем всё же прошептал:

— Отец, плевать где вздумается не очень хорошо. Здесь так красиво и чисто, а ты сделал грязно...

Ци Жун прикусил язык.

— Только посмотри на себя, чему ты учишь ребёнка? — не выдержал наконец советник. — Тебе уже столько лет, а как вести себя, не знаешь! Даже малое дитя, и то — смыслёнее тебя!

Атакованный с двух сторон, Ци Жун решил скрыть позор за гневом, подскочил и забранился:

— Старикашка, что бы понимал! Чего строишь из себя наставника? Запрещаю тебе меня поучать! И ты! Как с отцом разговариваешь, верх непочтительности!

Гуцзы, которого он отругал, обиженно замолчал, не решаясь произнести и звука. Ци Жун же, закончив с бранью, всё-таки виновато стёр ногой свои плевки, притворяясь, что ничего не произошло, и

потасил Гуцзы прочь из комнаты, выкрикивая на ходу ругательства. А перед уходом ещё и написал на самом видном месте дворца Линвэнь огромными иероглифами: «Здесь был Первый Князь Демонов трёх миров, Лазурный демон, Ци Жун».

Когда Ци Жун покинул дворец, из рукава Се Ляня выпал синий неваляшка, который принялся раскачиваться перед исписанной стеной и наспех стёртыми плевками, будто бы ужасно гневаясь. Се Лянь и Хуа Чэн тоже спрыгнули на пол, и принц подобрал неваляшку, а советник покачал головой:

— Сяоцзин-ван поистине... Поразительно отвратительные манеры, он нисколько не изменился за эти сотни лет.

Хуа Чэн, бросив взгляд на фразу на стене, поленился даже изображать презрение, лишь коротко прокомментировал:

— Уродство.

Советник наконец согласился с ним хоть в чём-то. Спрятав руки в рукава, он заключил:

— Уродство невообразимое. За эти годы я не видел более ужасного почерка. Разве что кое-как написанные дуйляни у входа в игорный дом Призрачного города... Те иероглифы были уродливее в десятки раз!

Хуа Чэн многозначительно возрился на советника, а Се Лянь старательно заулыбался:

— Ха-ха-ха, наставник, мне тоже доводилось видеть те дуйляни, о которых вы говорите. И мне они показались довольно неплохими! У мастера собственный стиль, и мне он очень по нраву.

Советник удивился:

— Ваше Высочество, как вы можете такое говорить? Ведь вас каллиграфии обучали известнейшие мастера, неужели вы не отличаете уродство от красоты? Те дуйляни по уродству на первом месте в трёх мирах, и лучший наставник не спасёт почерк такого ученика, что вам могло в них понравиться? У вас, никак, испортился вкус?

— Ха-ха-ха-ха-ха, наставник, не стоит продолжать этот разговор!!!

Неожиданно Хуа Чэн вмешался снова:

— Гэгэ, Цзюнь У перемещается в сторону дворца Сяньлэ, возможно, собирается встретиться с тобой.

Советник испуганно воскликнул:

— Что?! Ваше Высочество, вы должны как можно быстрее вернуться к себе! Собиратель цветов под кровавым дождём, а вы прячьтесь, ни в коем случае не дайте ему понять, что вы уже связались друг с другом. Мои друзья, горные чудища, пытаются выбраться с горы Тунлу, где он их запечатал; и что бы вы ни задумали, лучше всего начать действовать, когда они освободятся — так у нас появится больше шансов. Нельзя приступать к делу, не обдумав всё как следует!

Разумеется, Се Лянь это понимал. Попрощавшись с советником, они выбежали из дворца Линвэнь и буквально полетели к дворцу Сяньлэ, избегая встреч с охраной и нечистью. Но когда им до цели оставалось ещё четыре улицы, Хуа Чэн произнёс:

— Гэгэ, ему осталось перейти одну улицу, и он окажется у твоего дворца.

Се Лянь взволнованно коснулся рукой серебристой бабочки-разведчицы, и перед глазами мелькнула картинка: Цзюнь У, заложив руки за спину, в одиночестве передвигается по столице бессмертных, и до главных ворот дворца Сяньлэ ему остаётся меньше сотни шагов.

Что же делать?! Теперь они либо опоздают, либо попадутся прямо ему на глаза! Не стоит также забывать, что охрана у ворот дворца всё ещё находится под действием оцепенения, насланного Хуа Чэном!

И вдруг за спиной Цзюнь У открылись ворота ближайшего дворца, из которых кто-то позвал:

— Владыка.

Цзюнь У остановился и обернулся.

— Повелительница Дождя? Что-то случилось?

Его задержала Юйши Хуан. Вероятно, по велению Цзюнь У всякий сброд не приближался к резиденции Повелителя Дождя, поэтому, кроме охранников, здесь не было видно тёмных тварей.

— Владыка, — крайне вежливо повторила Юйши Хуан, — я забыла вам кое-что отдать. Не могли бы вы подождать немного?

Цзюнь У кивнул, ответил «Хорошо» и действительно повернулся к ней.

Се Лянь выдохнул с облегчением:

— Моя благодарность Её Превосходительству!

Принц твёрдо решил после всего зажечь в честь Юйши Хуан восемнадцать палочек лучших благовоний!!!

Воспользовавшись шансом, они вдвоём со скоростью ветра пересекли четыре улицы и успели добраться до дворца Сяньлэ раньше Цзюнь У. Входя во дворец, Хуа Чэн легко взмахнул рукой, снимая оцепенение со стражников, и те растерялись лишь на мгновение, совершенно не заметив ничего необычного. Се Лянь вбежал во внутренние покои, но не успел даже выдохнуть, как вновь переменился в лице — охрана объявила о посетителе.

Цзюнь У так быстро оказался во дворце!

Видимо, Повелительнице Дождя не удалось задержать его надолго. Принц обменялся взглядом с Хуа Чэном, и тот понял его без слов — зашёл за ниспадающий с потолка полог и скрыл своё присутствие, сделавшись невидимым. Се Лянь же запрыгнул на кровать, улёгся спиной к двери и притворился спящим. Только он успел натянуть на себя одеяло, как в комнату вошёл Цзюнь У.

Медленно подойдя к столу, он постоял немного в тишине, затем произнёс:

— Сяньлэ, ты лёг отдохнуть?

Се Лянь не ответил. Цзюнь У, похоже, сел за стол и что-то положил на него, затем налил себе чаю.

Принц услышал его мягкий голос:

— Сяньлэ, я велел тебе послушно оставаться здесь ради твоего же блага. Во многом тебе нужно было лишь послушаться меня, и тебя ожидал бы более благоприятный исход событий.

Се Лянь не двигался, лёжа спиной к нему. В противном случае, стоило принцу вспомнить рассказ советника, и в его душе начиналась настоящая буря, он не представлял, как смотреть в глаза по-прежнему спокойному Цзюнь У.

Но тот за спиной Се Ляня медленно протянул:

— А ты не только в тайне выбежал погулять, но ещё и привёл кое-кого, спрятав в своей комнате. Вижу, ты действительно перестал меня слушаться.

У Се Ляня по телу пробежали мурашки, волоски на спине встали дыбом. Принц словно пережил то же, что и его наставник, когда среди ночи незаметно пробрался в комнату Цзюнь У и снял с того маску. Судя по звукам, Цзюнь У поднялся из-за стола и направился к нему.

А ведь Хуа Чэн притаился за пологом прямо возле кровати!

Забираясь на постель, Се Лянь спрятал под подушкой Фансинь, и теперь его ладонь сжалась на рукояти меча. Принц ждал удобного момента, но в то же время опасался, что такового не представится. К его неожиданности Цзюнь У не притронулся к пологу, а подошёл прямо к его постели и сдёрнул одеяло. Се Лянь почувствовал холод, резко сел и уставился на Цзюнь У, а тот, окинув принца взглядом, бесстрастно произнёс:

— Это одеяние тебе совсем не подходит.

И тут Се Лянь наконец вспомнил, что Божество парчовых одежд всё ещё на нём!

Тёмная тварь приняла вид белого монашеского халата, однако её присутствие не укрылось от Цзюнь У. Оглядев принца, тот вздохнул.

— Никак не хочешь меня слушаться. Опять выбегал проказничать?

Се Лянь беспокойно смотрел на него, как вдруг взгляд принца переместился к столу, на котором лежала красивая подарочная коробка, открытая. А внутри виднелось несколько кочанов капусты, картофеля и редисок.

Значит, Повелительница Дождя позвала Цзюнь У под предлогом, что забыла передать ему гостинцев из своей деревни...

За спиной Цзюнь У отодвинулся край полога, из-за которого, не привлекая внимания, выглянул проявивший свою сущность Хуа Чэн. Он встретился взглядом с принцем и медленно положил ладонь на рукоять сабли, висящей у него на поясе, будто размышляя, не напасть ли прямо сейчас.

Но Се Лянь счёл момент неудачным и, делая вид, что отказывается разговаривать с Цзюнь У, покачал головой.

Цзюнь У задал другой вопрос:

— Где ты спрятал Линвэнь?

Разумеется, принц не мог выдать Линвэнь. Увидев её, даже не придётся спрашивать, что случилось, достаточно взглянуть на неваляшку, и легко догадаться, что Хуа Чэн наверняка в столице бессмертных.

В то же время Се Ляня посетили сомнения... неужели Цзюнь У правда нисколько не подозревает, что Хуа Чэн действительно уже здесь?

И вдруг Цзюнь У произнёс:

— Сяньлэ, твоё лицо как будто говорит мне... что-то не так. И в чём же подвох? Неужели, кроме Божества парчовых одежд, ты прячешь здесь кого-то ещё?

Выражение лица Се Ляня нисколько не изменилось. Просто Цзюнь У и правда... знал его как свои пять пальцев.

Обменявшись молчаливым взглядом с Хуа Чэном за спиной Цзюнь У, Се Лянь привёл эмоции в порядок и спокойно ответил:

— Можете думать, что хотите, всё равно никто из нас сейчас не способен выйти отсюда, а я не могу ничего сделать. Занимайтесь тем, что приносит вам радость, почтеннейший. — Принц улёгся обратно, накрываясь одеялом с головой.

А Цзюнь У развернулся и принялся неспешным шагом обходить дворец Сяньлэ в поисках. Неторопливо всё осмотрев, он ничего не обнаружил, затем, подумав, всё же приблизился к тому самому пологу и протянул руку.

Однако, отдёрнув полог, не увидел перед собой ничего, кроме пустоты. Постояв так мгновение, Цзюнь У опустил занавесь и вновь вернулся к столу. А подвешенное в воздухе сердце Се Ляня всё никак не опускалось.

Под одеялом Хуа Чэн лежал рядом с ним, их лица оказались совсем близко, прямо друг напротив друга. Сердце Се Ляня стучало как бешеное, он весь напрягся струной, а Хуа Чэн улыбнулся и одними губами произнёс: «Ваше Высочество, не бойся».

Стоило Цзюнь У повернуться, и Хуа Чэн осторожно опустил полог, а когда тот ушёл, демон так же осторожно и бесшумно прошмыгнул к кровати принца. Се Лянь одним движением затащил его на кровать и затолкал под одеяло, и только Хуа Чэн устроился рядом, Цзюнь У развернулся к ним опять.

Момент был выбран подобно небесной ткани без швов — не придраться, к тому же расположение получилось столь удачным, что кроме скомканного как попало одеяла Цзюнь У не увидел ничего необычного.

В конце концов он обратился к принцу:

— Сяньлэ, довольно спать, всё равно уснуть у тебя не получится. Поднимайся, идём со мной.

Вообще-то Се Лянь хотел бы так и лежать в постели, не вставая, но боялся, что Цзюнь У снова подойдёт и сдёрнет с него одеяло, так что пришлось неторопливо спуститься с кровати, оставив у подушки синего неваляшку из рукава.

Цзюнь У тем временем уже вышел из его спальных покоев, и Се Лянь обернулся, посмотрев на Хуа Чэна, который тоже встал и с мрачным взглядом приблизился к нему. Принц тут же замахал руками, как бы говоря, чтобы тот ни в коем случае не раскрывал себя и что всё будет в порядке.

Цзюнь У снаружи позвал:

— В чём дело, ты не идёшь? Что там такое в твоей кровати, раз ты так не хочешь её покинуть?

Се Лянь вернулся к столу, взял коробку с дарами Повелительницы Дождя, вышел из комнаты, закрыв за собой дверь, достал из коробки редиску, откусил кусок и преспокойно заявил:

— Ничего. Мне что, уже и проголодаться нельзя?

Бросив взгляд на редис в его руке, Цзюнь У мягко ответил:

— Если тебе нравится, у меня во дворце есть ещё, как-нибудь пришлю тебе.

Они прошли несколько улиц, когда издалека послышались громкие выкрики.

— Ха-ха-ха! Фэн Синь! Ах ты псина! Моё Превосходительство Князь Демонов попирает ногами твой дворец, как тебе?! Как тебе такое?! Выходи, побей меня! Ха-ха-ха!

Снова Ци Жун!

Подходя ближе, принц заметил, что все золотые дворцы в округе подверглись надругательству со стороны Ци Жуна — повсюду виднелись огромные уродливые надписи «Здесь был такой-то». А Ци Жун ещё и забрался на крышу и принялся отрывать черепицу, бахвалясь перед запертым во дворце небожителем. Гуцзы при этом обиженно стоял рядом, всё порываясь заговорить, но молчал.

Сейчас Ци Жун скакал по крыше дворца Наньяна, то есть Фэн Синя. Последнего занимали иные думы, и он не удостаивал Ци Жуна вниманием, тогда демон, не дождавшись ответа, от скуки пошёл точно так же безобразничать над дворцом Му Цина. Однако и там ничего

кроме закатившихся глаз не добился, потому от злости подпрыгнул, прыгал, прыгал, и допрыгался до дворца Цюань Ичжэнь. Но там не успел и рта раскрыть, как огромная кудрявая статуя пробилла крышу и ударила Ци Жуна с такой силой, что тот свалился с дворца вниз головой. Оказывается, разгневанный Цюань Ичжэнь воспользовался собственной статуей как оружием и метнул её в Ци Жуна. Гуцзы перепуганно выглянул с козырька крыши:

— Отец! Ты в порядке?

Ци Жун в гневе завопил:

— Цюань Ичжэнь, бесстыжий тупица! Как ты посмел использовать против меня столь подлый скрытый приём?!

Гуцзы, подумав, ничего не понял, поэтому спросил:

— Отец, а какой подлый приём он использовал?

Ведь Цюань Ичжэнь весьма открыто бросил в него собственную статую!

Ци Жун разразился бранью:

— Глупый сын! Если он меня побил, не важно, какой приём использовал, — любой считается подлым! Иначе разве у него получилось бы одолеть меня, твоего папашу?!

— Ооо... — протянул Гуцзы.

Се Лянь невольно закрыл лицо рукой, ведь что ни говори, а Ци Жун приходился ему двоюродным братом. Цзюнь У остановился и позвал:

— Лазурный демон.

На лице Ци Жуна при звуках этого голоса мелькнул страх, он поднялся и с опаской обернулся, судя по виду, явно боялся Цзюнь У. И конечно же, оба они — «отец и сын» — заметили Се Ляня.

— Мусорный даочжан-гэгэ! — радостно вскрикнул Гуцзы.

Ци Жун же злобно усмехнулся:

— Ой! Кто это там? Это ведь мой царственный братец!

Се Лянь не собирался обращать на него внимание, но тот вновь взялся безобразничать, подскочил к принцу и, вышагивая вокруг него, с насмешкой заговорил:

— Ты ведь раньше так задира́л нос, опираясь сразу на две горы! Ни во что меня не ставил, почему же теперь, словно бездомная псина, струсил?

Се Лянь с удивлением подумал: «Две горы»? Но тут же понял, что одной горой Ци Жун назвал Хуа Чэна, другой — Цзюнь У. Бросив взгляд на последнего, принц невольно ощутил смесь различных чувств и вспомнил, как когда-то давно спрашивал Хуа Чэна, что демон думает о небесном Владыке. И тогда Хуа Чэн ответил, что Цзюнь У наверняка ненавидит принца.

Ци Жун не замолкал:

— Хе-хе-хе, раньше ты полагался на паршивого пса Хуа Чэна, который подпирал тебя сзади. Ты всячески нападал на меня исподтишка и норовил воткнуть нож в спину, а ведь я ещё с тобой не поквитался! Ну зато теперь кое-кто другой сделал это за меня. Вот уж поистине Небеса милостивы и справедливы!

Цзюнь У спокойно произнёс:

— Лазурный демон, перестань докучать Сяньлэ ненужными разговорами. Можешь выпустить своих подопечных.

Ци Жун, конечно, за спиной всячески поливал Цзюнь У грязью, но оказавшись перед ним, понуро поджал хвост. И хотя на лице его было написано нежелание повиноваться, без лишних слов Ци Жун запрыгнул на крышу, схватил Гуцзы и был таков.

— Идём, — сказал Цзюнь У Се Ляню.

Глядя в направлении, в котором вёл его Цзюнь У, принц задумался: «Эта улица ведёт... Подопечные Ци Жуна? Неужели...»

Спустя некоторое время они завернули за угол и перед принцем действительно предстал великолепный дворец Бога Войны. Дворец Мингуана!

Оттуда уже доносились неразборчивые крики и гневный рёв. Се Лянь от волнения позабыл, что должен следовать за Цзюнь У, и выбежал вперёд.

Во дворце царил полный кавардак! Пэй Мин стоял с синим от недостатка воздуха лицом, потому что Сюань Цзи, подобно мёртвой змее, крепко обвилась вокруг него кольцами, словно изо всех сил пыталась завязаться узлом. Длинные волосы демоницы распустились, лицо сделалось свирепым, даже зубы налились кровью, она злобно тарасила глаза и как будто целилась в шею Пэй Мина, желая покусать и разорвать его, но... её саму за шею крепко держала Бань Юэ. С другой стороны в горло Пэй Мину нацелился обломок меча, который вот-вот готов был вонзиться в плоть Бога Войны, но... за рукоять меч

крепко держал Пэй Су, поэтому клинок не достигал цели. За спинами Бань Юэ и Пэй Су махал кулаками Кэ Мо, и если бы не посиневший Пэй Мин, который из последних сил пытался его удержать, Кэ Мо своими огромными словно железные молоты ручищами давно раздавил бы Бань Юэ и Пэй Су в лепёшку.

Сюань Цзи и Жун Гуан, наперегонки стараясь первыми задушить или заколоть Пэй Мина, успевали при этом переругиваться друг с другом.

— Проваливай прочь! — визжала Сюань Цзи. — Собачья жизнь Пэй Мина принадлежит мне, мне, и только мне!!!

Жун Гуан, вселившийся в меч, бранился в ответ:

— Сама проваливай! Слишком много о себе возомнила! Женщин, которых Пэй Мин оставил, если не тысяча, то восемьсот уж точно наберётся, считаешь себя первой в очереди?! Тот, кто должен забрать собачью жизнь Пэй Мина, — это я!!!

На лбу виновника торжества вздулись синие вены.

— Вы... двое... оба больные, что ли?! Проваливайте все разом!!!

Се Лянь в душе искренне посочувствовал генералу Пэю. В некотором смысле тот теперь тоже стал пользоваться популярностью у злого рока.

— Держитесь, генерал Пэй! — воскликнул принц и бросился было на подмогу, но не сделал и шага, когда на его плечо легла рука.

Цзюнь У за его спиной произнёс:

— Сяньлэ, уж не подумал ли ты, что я привёл тебя с собой, чтобы ты совершал благородные поступки?

Занятые собственными проблемами Пэй Мин и компания тоже заметили вошедших.

— Генерал Хуа! — обрадовалась Бань Юэ.

Се Лянь, придавленный ладонью Цзюнь У, в миг потерял способность двигаться.

— И зачем же вы, в таком случае, взяли меня с собой?

Цзюнь У, не снимая руки с его плеча, подтолкнул принца вперёд. Стоило Владыке войти в зал, весь клубок божеств и демонов будто бы лишился сил, они повалились на пол, только некоторые ещё пытались барахтаться.

— Мингуан, — позвал Цзюнь У.

Сюань Цзи отпустила шею генерала Пэя, и цвет его лица вернулся к нормальному. С облегчением выдыхая, он заговорил:

— Владыка, вот уж поистине... премного вам благодарен.

В его тоне не слышалось насмешки, но сама фраза всё же прозвучала издёвкой. Цзюнь У, впрочем, не придавал этому значения, лишь улыбнулся:

— Не стоит благодарить меня так рано. Мингуан, я пришёл, чтобы поручить тебе одно дело.

— Что?

— Спустись в мир людей, в императорскую столицу, и найди там круг из людей, взявшихся за руки.

Вот и причина!

Цзюнь У продолжал спокойным тоном:

— Разорви круг, и я восстановлю тебя в должности северного Бога Войны.

Пэй Мин, бросив взгляд на Се Ляня, неловко усмехнулся:

— Но ведь тот круг сейчас охраняет сам Собиратель цветов под кровавым дождём. Боюсь, мне не удастся разорвать его силой.

— Разумеется, грубая сила тут не поможет. Но ведь я и не говорил, что тебе непременно придётся применять силу.

Ведь именно Пэй Мину сломать магический круг не составит особого труда. Достаточно притвориться, что он пришёл помочь, и Ши Цинсюань впустит его в круг по своей воле. Ну а оказавшись внутри, достаточно лишь без предупреждения выйти из круга, и все их старания пойдут прахом!

Кроме того, Хуа Чэн ведь сейчас вовсе не в столице, а значит, при всём желании не сможет спасти положение!

В окружении серебряных бабочек защитой станут негасимые фонари

— Генерал Пэй... — произнёс Се Лянь. — Круг сдерживает сбежавших с горы Тунлу духов. И если он порвётся, разразится третья волна поветрия ликов. Боюсь, что...

Боюсь, что тогда в Поднебесной воцарится хаос и всё живое погрузится в пучину бедствий.

Пэй Мин потёр нос со словами:

— Позвольте уточнить, вы... не оставляете мне иного выбора?

— Разумеется, выбор есть, — ответил Цзюнь У. — Если повинешься, я тебя отпущу. Если нет, я отпущу их.

Их?

Сюань Цзи, Жун Гуана и Кэ Мо!

Три демона лежали в сторонке, сверкая зелёными словно от голода глазами. Нетрудно догадаться, что они сделают, стоит вернуть им способность двигаться. Задушат, исцарапают до смерти, проткнут мечом, раздавят кулаками... Можно выбрать что-то одно, а можно всё разом.

— Сяо Пэй ведь тоже здесь, — продолжил Цзюнь У. — Думаю, ты весьма ценишь своего потомка. Ради его защиты ты даже скрыл факт заманивания людей в Крепость Баньюэ и пытался отстранить других от расследования.

Жун Гуан при этих словах снова загорелся праведным гневом и принялся бранить Пэй Мина, что тот позабыл о дружеской верности, что ему какой-то пра-пра-пра-правнук дороже собрата. Сюань Цзи тоже обиженно взвизгивала о чём-то. Пэй Мин, терпя демонические звуки, от которых раскалывалась голова, долго размышлял, после чего вздохнул.

— Вы не могли бы дать мне время всё обдумать?

— Моё терпение не безгранично, я не собираюсь давать тебе слишком много времени.

В тот же миг на лицах трёх демонов отразилась радость — они могли двигаться! И тут же бросились на врага.

Ворота храма Мингуана захлопнулись, и Се Лянь услышал за ними неизвестно чьи крики и звуки чего-то рвущегося. Принц мгновенно переменился в лице и выкрикнул:

— Генерал Пэй! Бань Юэ!!!

Он хотел ворваться во дворец, но Цзюнь У, по-прежнему держа Се Ляня за плечо, подтолкнул его в другую сторону, к другой части столицы бессмертных. Се Лянь то и дело оборачивался, но не мог ничего поделать.

— Чего ты добиваешься?! — в гневе выпалил он.

— Следующий.

Следующий? Что — следующий? Пройдя немного, они вновь остановились, и дыхание Се Ляня едва не замерло.

Дворец Цинхуа, принадлежащий Лан Цяньцю!

Ци Жун тоже подошёл сюда с противоположной стороны улицы, держа под мышкой Гуцзы. Он пребывал в приподнятом настроении, по всей видимости, только что потоптался ногами по дворцам всех сильнейших небожителей, чем был несказанно удовлетворён.

— Зачем вы меня позвали? — спросил демон.

Выходит, Цзюнь У велел Ци Жуну прийти ко дворцу Тайхуа... Се Ляня посетило недоброе предчувствие, он грубо бросил:

— Нечего тебе здесь делать, поди прочь!

Лицо Ци Жуна сделалось таким недовольным, что казалось, он сейчас забрызжет Се Ляня слюной от негодования, но Цзюнь У сказал:

— Входи.

И Ци Жун самодовольно усмехнулся:

— Хе-хе, ты здесь ничего не решаешь! — и надменно зашагал во дворец.

В главном зале, заложив руки за спину, с мрачным лицом взад-вперёд расхаживал Лан Цяньцю. Едва заметив Се Ляня и Цзюнь У, он насторожился:

— Зачем вы пришли?

А потом заметил за их спинами Ци Жуна, мгновенно изменился в лице и в ярости закричал:

— Ты!

Гуцзы от его рёва съёжился, но Ци Жун сейчас совершенно не боялся Лан Цяньцю. Усевшись на пороге дворца и болтая ногами, он, не помня себя от самодовольства, заявил:

— Сынок, не бойся! — затем ответил на вопрос: — Да, это я. Лан Цяньцю, ты ведь так долго пытался поймать меня, чтобы убить! А теперь сам оказался в моих руках!

От гнева на тыльной стороне ладоней Лан Цяньцю вздулись вены. Как назло, он не мог ступить и шага за порог своего дворца, поэтому в ярости повернулся к Се Ляню:

— Твоих рук дело? Привёл его, чтобы силу свою показать?!

— Нет! — возразил принц. — Пожалуйста, успокойся!

— Я достаточно долго был спокоен и никак не возьму в толк, что тут происходит!

— Тайхуа, — заговорил Цзюнь У, — если спустишься в столицу бессмертных и разорвёшь людской круг, я отдам тебе на расправу твоего заклятого врага, Лазурного демона.

Ци Жун засмеялся словно умалишённый:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха, Лан Цяньцю, ты, Юнъаньский дуралей... Чего? Что ты сказал?! Отдашь меня ему на расправу?! Что это за разговоры?!

Он смеялся довольно долго, прежде чем до него дошёл смысл слов Цзюнь У, и тогда Ци Жун подскочил со стула как ошпаренный. Что за шутки? Отдать его на расправу Лан Цяньцю? Он ведь умертвил всю семью Лан Цяньцю, и тот наверняка порежет его на десять тысяч кусочков!

Но Цзюнь У, не обращая на возмущения никакого внимания, спокойно продолжал:

— В противном случае я, напротив, отдам тебя на расправу Лазурному демону. И к императорскому роду Юнъань, погибшему от его рук, прибавится ещё одна жизнь.

Лицо Лан Цяньцю сделалось ещё более пугающим.

— Погодите! — завопил Ци Жун.

Се Лянь же наконец не смог этого выносить.

— Ты сошёл с ума?! Почему ты ставишь их перед таким выбором? Что ты, в конце концов, хочешь мне этим показать?!

Лан Цяньцю всё это время преследовал Ци Жуна, желая его убить, а с характером самого Ци Жуна, появившись у него возможность расправиться с Лан Цяньцю, он, разумеется, не упустит шанса! Но при этом принц несколько не хотел знать, что произойдёт, если Лан Цяньцю и впрямь выполнит условие Цзюнь У!

— Если не хочешь ставить их перед выбором, займи их место.

— Что?

— Сяньлэ, ведь это всё — последствия твоего упрямства. Если бы ты с самого начала поступал так, как я тебе велел, им бы не пришлось оказаться перед выбором.

От злости у принца задрожал голос:

— По твоим словам выходит, что это ещё и я виноват? Зачем тебе непременно понадобилось заставляя меня всё это делать???

— Ненавидишь меня? Но одна лишь ненависть бесполезна. Если у тебя найдутся силы, ты можешь меня повергнуть. Но найдутся ли?

Се Лянь стиснул кулаки до хруста.

Цзюнь У продолжал:

— У теперешнего тебя, конечно, не найдутся. Но стоит тебе разорвать тот круг, возможно, ты обретёшь достаточно сил. Поскольку в этом случае я помогу тебе снять обе проклятые канги.

Две проклятые канги сковывали принца более восьми сотен лет. Что же произойдёт, если от них избавиться?

Ци Жун настороженно наблюдал за собравшимися во дворце Тайхуа, опасаясь, что в следующий миг Лан Цяньцю согласится разорвать круг и Цзюнь У тут же бросит демона на растерзание небожителю. А взгляд самого Лан Цяньцю то и дело перемещался от Се Ляня к Ци Жуну и обратно.

Неожиданно рука Цзюнь У, лежавшая на плече принца, ослабла.

Се Лянь, удивлённо застыв на миг, рывком обернулся. На его глазах Цзюнь У с бесстрастным лицом опустил голову, внимательно оглядывая приставленный к его шее изогнутый клинок.

Клинок Эмина.

А за спиной Цзюнь У стоял Хуа Чэн с недобрым взглядом. Он суровым тоном произнёс:

— Убери свои лапы.

— Сань Лан! — вскрикнул принц.

Хуа Чэн всё-таки раскрыл себя.

Цзюнь У испустил лёгкий вздох и с улыбкой обратился к Се Ляню:

— Сяньлэ, а тебе не занимать смелости, раз ты у меня под носом вздумал тайно связаться с Князем Демонов.

Хуа Чэн недовольно фыркнул:

— Сам бы на себя в зеркало посмотрел. Какое ты имеешь право так говорить?

Ци Жун, не успев усесться обратно на стул, подскочил снова, как громом поражённый.

— П-п-п... паршивый пёс Хуа Чэн?! Ты как сюда поднялся?!

Се Лянь выхватил с пояса Фансинь. Удар — и сковывающий Лан Цяньцю барьер оказался уничтожен.

— Цяньцю, беги!

Лан Цяньцю же в порыве гнева мгновенно оказался возле Ци Жуну, одной рукой схватил демона, а другой вынул из-за спины тяжёлый меч, будто собираясь разрубить того на куски. Но тут вскочил

Гуцзы, который закрыл Ци Жуна собой, раскинув руки в стороны, и закричал:

— Не... не убивайте моего отца!

— В сторону! — взревел Лан Цяньцю. — В твоего отца вселился демон, это больше не твой отец!

Ци Жун неожиданно вскочил сам, схватил Гуцзы и взвизгнул:

— Не приближайся! Предупреждаю, не смей подходить! Если сделаешь шаг, я загрызу ребёнка! Выпотрошу его и сожру прямо у тебя на глазах!

Лан Цяньцю застыл на месте и в ярости выкрикнул:

— Это же твой сын! Он тебя защищал, а ты используешь его в качестве щита, гнусный подонок!

Гуцзы в руках Ци Жуна глупо хлопал глазами, а тот бросил:

— Он легко мне достался, родить ещё одного не составит труда!

Цзюнь У тихо произнёс:

— Ну раз так...

От этих его слов Се Лянь инстинктивно почувствовал опасность, и опасение оправдалось — снаружи послышались испуганные крики:

— Огонь! Пожар!

— Горим!

Выбежав из дворца, Се Лянь увидел, что ночь над столицей бессмертных озарилась красным отблеском пламени, множество дворцов божеств погрузились в море огня!

Се Лянь обернулся:

— Зачем ты устроил пожар в столице бессмертных?! Ведь все небесные чиновники до сих пор заперты!

И к тому же их магические силы запечатаны. Если ничего не предпринять, они просто сгорят заживо в собственных дворцах!

— Ему наплевать на других божеств, — заметил Хуа Чэн.

Пока Лан Цяньцю не оправился от потрясения, Ци Жун, воспользовавшись моментом, подхватил Гуцзы под мышку и был таков.

— Стой! — крикнул вслед Лан Цяньцю, но разве Ци Жун стал бы слушаться?

— Цяньцю, — обратился к нему Се Лянь, — сначала нужно вызволить других небесных чиновников!

Тот произвольно бросил:

— Да, наставник! — и оба тут же застыли, но Лан Цяньцю, глянув на Се Ляня, быстро выбежал прочь.

Тем временем Хуа Чэн убрал Эмина, приказал сотне тысяч бабочек задержать Цзюнь У и схватил принца за руку.

— Идём!

Серебристые малютки закружились в бешеном танце, но и им не удастся долго сдерживать врага. Хуа Чэн и Се Лянь быстро помчались по улице, пока Лан Цяньцю уже одолел охранников и вызволил из дворцов многих небожителей. Они высыпали на главную улицу столицы, потрясённо переговариваясь:

— Почему начался пожар? Кто устроил поджог?

— Это необычное пламя, его просто так не затушить!

Издали ещё слышалась брань Ци Жуна на бегу:

— Чтоб его, чтоб его, имел я его мать, Цзюнь У, он совсем слетел с катушек, ведь я же ещё здесь! Зачем поджигать собственные владения?! Мать его, вот уж точно больной!

Фэн Синь тоже выбежал из дворца Наньяна и теперь оглядывался по сторонам, будто в поисках кого-то. Му Цин рядом с ним спросил:

— Как нам выбираться отсюда?

Им не выбраться!

— Улететь?

— Раны у многих ещё не затянулись, магические силы ограничены, улететь не получится...

Выходит, пусть даже они смогли покинуть свои дворцы, огненная стена заперла их в столице бессмертных!

В тот момент все вдруг почувствовали, что под ними дрожит земля, и удивились ещё сильнее:

— В чём дело? Землетрясение?

Лан Цяньцю возразил:

— Как такое возможно?! Это ведь столица бессмертных, она парит в небесах, откуда взяться землетрясению?

— Но что же тогда...

Тут все запнулись, и только спустя некоторое время один за другим вскинули руки, указывая куда-то.

Кто-то пробормотал:

— Что это такое...

В свете огня, заполнившем небеса, на самом краю длинной улицы показалась огромная голова, взирающая на несколько сотен небесных чиновников, собравшихся здесь.

Голова была поистине исполинской, в несколько раз больше целого золотого дворца, и к тому же... она улыбалась. Доброжелательной и миролюбивой улыбкой, которая в бескрайней ночи и красных всполохах огня казалась жутковатой.

Кто-то схватился за голову:

— Мне всё это привиделось?!

— Какой огромный наследный принц!

Это та самая громадная статуя!

Она взлетела!

Се Лянь и сам был изумлён. Ведь статуя осталась на горе Тунлу! К тому же, без его помощи она не смогла бы взлететь, а принц не отдавал ей такого приказа, да и магических сил у него не хватило бы. Так как же изваянию удалось подняться в небо?

Присмотревшись снова, принц разглядел, что во тьме ночи огромную статую окружает яркое сияние, блестящее мелкими искрами. Оказалось, что это сияние исходит вовсе не от самого изваяния, а от миллионов бабочек, а также от парящих вокруг него фонарей.

Это серебристые бабочки и фонари негасимого света в целостности и сохранности подняли статую на небеса!

Небо и земля меняются местами. Воздушная битва с горячей демонической крепостью

Огромная статуя наследного принца на глазах у множества потрясённых небожителей с улыбкой поднималась всё выше. Се Лянь, увидев, что изваяние нисколько не повреждено и даже отрубленная Безликим Баем нога на месте, обрадованно воскликнул:

— Сань Лан, ты её починил?

Хуа Чэн усмехнулся:

— Чтобы встретить гэгэ с небес, я, разумеется, не мог прийти с пустыми руками. Идём!

Се Лянь кивнул.

— Скорее, все забирайтесь!

Однако остальные небесные чиновники, заметив, что рядом с принцем стоит не кто иной как Хуа Чэн, едва не бухнулись на колени.

— Ваше Высочество, рядом с вами... это же...???

Беспокойство на лице Фэн Синя достигло апогея, он наконец не выдержал и начал звать:

— Цзянь Лань! Цзянь Лань!

Но ответа не последовало.

Лан Цяньцю, заприметив на углу улицы крадущегося Ци Жуня, бросился было в погоню, но к всеобщей неожиданности, когда небожитель пробежал мимо дворца Тайхуа, дворец с грохотом рухнул, будто внутри что-то взорвалось. Небесные чиновники удивлённо обернулись и увидели среди пламени и обломков одинокий силуэт с опущенной головой.

Цзюнь У выбрался.

Серебристые бабочки всё-таки не смогли его удержать!

Ци Жунь быстро юркнул за спину Цзюнь У и оттуда прокричал:

— Мусор! Вы все без исключения — лишь никчёмный мусор! Подходите, если кишка не тонка!

Только он один, по глупости не ведая страха, посмел приблизиться к Цзюнь У. Остальные не решались и слова сказать!

От тела Бога Войны в белом одеянии исходила бьющая в небо чёрная Ци, при этом белое сияние слепило глаза, два цвета то и дело сменяли друг друга. Для небесных чиновников такой «Цзюнь У» был незнакомцем, они боялись даже дышать слишком громко, только молча смотрели на него. Ну а сам Цзюнь У, не отрывая взгляда от Се Ляня, медленно направился к месту, где собрались все небожители. И с каждым шагом земля под его ногами мгновенно загоралась пожаром войны. Сначала возникали лишь языки огня, которые затем распространялись вокруг с бешеной скоростью, вырастая в пламя гнева, застилающее небеса.

Точно как на мосту Инянь во время битвы с тем призраком.

Ци Жунь, которого задело пламенем, взвыл от боли, схватил Гуцзы и бросился наутёк. Покрытый сажей Цюань Ичжэнь с телом Инь Юя на спине появился в конце улицы. При виде Цзюнь У в глазах юного бога загорелся гнев, он даже не положил труп на землю, сразу бросился к врагу, но Се Лянь успел его удержать. Сейчас любого, кто

посмел бы приблизиться к Цзюнь У, без сомнения, ждала верная смерть!

К противнику полетела ещё волна серебристых бабочек, а Се Лянь, воспользовавшись моментом, поторопил остальных:

— Быстрее! Не стойте же столбом!

Небесные чиновники поколебались ещё мгновение, но затем всё же отозвались на призыв. Несколько сотен небожителей друг за другом запрыгнули на громадную статую и словно чёрные муравьи забрались наверх, устроившись на её плечах. Кому не осталось места, пришлось держаться за ворот каменного одеяния. Но чтобы улететь из столицы бессмертных, нельзя полагаться лишь на фонари и бабочек...

Вокруг собралось слишком много свидетелей, Се Лянь не мог позволить себе вот так напасть на Хуа Чэна. Впрочем, выход нашёлся — принц подтащил к себе какого-то небожителя, за его спиной схватил Хуа Чэна за лицо и одарил глубоким поцелуем.

Результат не заставил ждать — Се Лянь сразу ощутил, как тело наполнилось духовной силой. Ну а небесный чиновник, которого превратили в живую ширму, весь окаменел и потрясённо воскликнул:

— Что вы делаете у меня за спиной???

К ним обратились бесчисленные удивлённые взгляды. Се Лянь, заметив наконец, что в качестве ширмы использовал Лан Цяньцю, подумал: «Вот ведь какой грех, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы этот ребёнок всё увидел». И сказал вслух:

— Ничего, совсем ничего. Тебе на это смотреть не следует! — Развернувшись, принц отдал приказ изваянию: — Лети!

Статуя услышала его и словно ожила, полуприкрытые глаза распахнулись, улыбка сделалась шире. Бабочки и фонари мгновенно разлетелись в стороны, но статуя по-прежнему осталась висеть в воздухе, а длинные волосы и рукава одеяния будто бы заколыхались на ветру.

Она взлетела!

Се Лянь и Хуа Чэн одним прыжком оказались на нефритовой короне изваяния.

— Держитесь крепче! — велел Се Лянь.

В тот же миг статуя чуть присела, раздался оглушительный грохот — и каменное изваяние быстро полетело вперёд, поднимая вокруг ураганный ветер!

Се Лянь и Хуа Чэн, стоя на самом верху, вместе со статуей, несущей на себе множество небожителей, покинули столицу бессмертных. Но многие оставляли позади накопленные за сотни лет сокровища, и потому то и дело оглядывались, бесконечно раскаиваясь и страдая, охваченные невыносимым горем.

Немного успокоившись, Се Лянь вдруг вспомнил, что из-за спешки позабыл всех пересчитать, а что если генерал Пэй и остальные не успели выбраться из дворца? Весьма обеспокоенный, принц поискал среди собравшихся внизу знакомые силуэты и позвал:

— Наставник! Генерал Пэй! Вы здесь?

Издали послышался голос советника:

— Я здесь!

Се Лянь наконец немного успокоился. И вдруг кто-то громко закричал:

— Догоняет, догоняет!

Обернувшись, все увидели, что за спиной огромной статуи действительно несётся что-то ярко-красное, похожее на смертельную звезду.

Это была столица бессмертных!

Когда-то столица была окружена облаками, предвещающими удачу. Но теперь её охватило пламя войны, и город обернулся огненной демонической крепостью.

— Это Владыка... — в испуге заговорил кто-то, — Это Владыка направил столицу бессмертных за нами. Он хочет убить нас всех до одного...

— Он вот-вот догонит!

Се Лянь же возразил:

— Не так просто.

Принц сложил руки в другой печати, и глаза громадной статуи ярко сверкнули. Ветер в ушах небожителей засвистел громче, подобно бешеному завыванию, а расстояние до красной звезды мгновенно увеличилось.

Статуя принца полетела быстрее!

Но, несмотря на это, грохочущая красная вспышка не отстала, тоже неожиданно прибавив скорости, и даже оказалась ближе, чем прежде, так близко, что многие небесные чиновники испуганно

закричали. С такого расстояния они почти могли разглядеть стоящий посреди горящей столицы силуэт!

В мире людей ещё никто не знал, что случилось. Дети, резвящиеся на улице, увидели в небе белую фигуру, за которой летела красная звезда, да так и раскрыли рты, указывая наверх и выкрикивая:

— Там что-то светится! Как красиво!

Се Лянь понимал, что так продолжаться не может, и необходимо увеличить скорость, но у него уже немного кружилась голова, всё-таки он летел так долго практически на одном дыхании. Хуа Чэн поддерживал его, они оба молчали, и только советник внизу выкрикнул, обращаясь к остальным:

— А вы чего стоите истуканами? Толпа небесных чиновников, а брать магические силы для побега приходится у Князя Демонов! Как вам не совестно?

Небожители возмутились:

— А ты кто такой? Какое право имеешь поучать нас?

— Неважно, кто я. Хотя, когда я числился в пантеоне Верхних Небес, вы ещё неизвестно где с землёй игрались, так что у меня-то уж точно есть право вас поучать. Важно вот что: давайте-ка поскорее положите свои драгоценные яшмовые ладошки на эту статую и отдайте ей столько магических сил, сколько у вас есть! Так статуя полетит ещё быстрее, а иначе вы дождётесь, что он вас догонит! Или вы привыкли прятать руки в рукава и наблюдать за всем со стороны? И даже перед лицом смерти позабыли о своём предназначении? Мне ли напоминать вам об этом?

Но напоминание и впрямь сработало: небожители наконец пришли в себя, в душе запричитали от позора, ведь и правда позабыли, что могут оказать поддержку таким способом! Каждый собрал магические силы в ладонях и прикоснулся к статуе, восклицая:

— Ваше Высочество, Ваш покорный слуга... эм... окажет вам посильную помощь!

— А! Тогда и я тоже...

— У меня совсем немного... Не гнушайтесь и моей помощью!

Таким образом, с поддержкой нескольких сотен божеств, статуя вновь наполнилась магической силой, Се Лянь воспрял духом, изваяние прибавило скорости, и на этот раз оторвалось от красной звезды на несколько десятков ли!

Небесные чиновники выдохнули с огромным облегчением, стирая пот с лица. Се Лянь выдохнул вместе с ними, а Хуа Чэн вдруг позвал:

— Гэгэ, спускаемся.

Раз он велел, принц не стал даже задавать вопросов и направил статую через клубящиеся чёрные тучи вниз. Под ними простёрлась чернота без единого огонька, и небожители с подозрением заголосили:

— Что это за место? Почему тут так темно? Слишком уж пугающе.

— Ваше Высочество, зачем вы сюда спустились?

— Не стоит здесь задерживаться, как я посмотрю...

Но Хуа Чэн возразил:

— Остаёмся здесь, никому не шевелиться. Ждём.

Изваяние повисло в воздухе, а Се Лянь сказал:

— Хорошо. Чего будем ждать?

Хуа Чэн тихо ответил:

— Когда он догонит нас. Для начала сразимся с ним.

Он не успел договорить, как сквозь чёрные тучи пробился красный луч, горящая столица бессмертных тоже спустилась с небес. Глядя, как красное зарево приближается, небесные чиновники, охваченные ужасом, завопили:

— Ваше Высочество, почему вы остановились?!

— Неужели собираетесь сразиться с ним? Нам не победить!

— Он опять прикинулся дураком! Я так и знал, это его излюбленная манера!!! Несколько сотен лет подряд он всё такой же... Кто меня пнул?!

— Я, — ответил советник. — А скажешь ещё хоть слово, сброшу тебя вниз.

— Да кто ты, в конце концов, такой?!

Статуя отличалась невероятными размерами, но столица бессмертных была ещё более огромной. И реши принц в самом деле сражаться, он неминуемо окажется в проигрышном положении. Но Се Лянь целиком и полностью доверял Хуа Чэну и лишь сосредоточенно молчал.

Статуя и целый город зависли в ночном небе в молчаливом противостоянии. Но когда горящая столица приблизилась почти на половину ли, Се Лянь вдруг почувствовал, что под ними будто что-то... движется.

Он опустил взгляд и обнаружил, что это пришла в движение тьма под ногами статуи, она шумела и вздымалась, похожая на...

Морские волны.

Принц неожиданно понял, где они находятся.

Остальные небожители тоже осознали это и потрясённо воскликнули:

— О, Небо! Да ведь это же... Чёрные воды! Нас заманили в гнездо демона!

В тот же миг из воды в небеса вдруг взмыло несколько существ белого цвета, который казался невыносимо ярким в непроглядной темноте.

Четыре пары глаз восьмью громадными огнями, подобными призрачным фонарям, засверкали зелёным сиянием. Глядя на горящую демоническую крепость, они издали яростный рёв, будто крайне недовольные столь бесцеремонным вторжением в свои владения. Размахивая огромными костяными хвостами, существа били по воде, поднимая тысячегребневые высокие волны.

Те самые четыре костяных дракона!

Они повернулись к демонической крепости, извергая из пасти потоки воды, которые с такой силой обрушились на горящую столицу, что казалось, водяные струи пробьют даже железную стену. Се Лянь невольно изменил своё мнение об этих созданиях:

— В прошлый раз они показались мне... Ха-ха, не ожидал, что на самом деле они довольно свирепы.

Из тёмных вод выныривали всё новые и новые костяные создания. Словно летучие рыбы, они камнями из катапульта летели на горящий город. От такого зрелища небожители окончательно запутались. Цзюнь У гнался за ними, чтобы убить, а Хуа Чэн и Черновод, напротив, вроде как помогали им. Поистине — уму непостижимо.

Окружив столицу, четыре костяных дракона неустанно поливали её водой, однако пламя ярости и огонь войны и впрямь непросто было погасить; чем дальше, тем сильнее разгорался пожар, затронув даже само море. На поверхности Чёрных вод расцвело бушующее пламя, огненные всполохи смешались с блеском воды, а из глубины слышались демонические завывания.

Се Лянь вдруг покрылся потом:

— Ничего, что мы устроили во владениях Черновода такой переполох?..

— Не обращай внимания, — ответил Хуа Чэн. — Он должен мне денег, так что можем творить здесь что угодно^[307].

Се Лянь:

— ???

Неожиданно кто-то завопил, указывая вперёд:

— Что... что он делает?

Принц тоже второпях оглянулся, и из-за увиденного его сердце дрогнуло от удивления.

Охваченная пламенем демоническая крепость затряслась в воздухе, послышался грохот, бесчисленное множество горящих камней покатались вниз и попадали в воду, а сама столица медленно перевернулась.

Из горизонтального положения она приняла вертикальное, к тому же пошла трещинами, и стоящие на её поверхности дворцы небожителей тоже переместились. Некогда цельный огромный город постепенно разделился на несколько частей!

Кто-то спросил:

— Она разваливается? Нам удалось её разбить?

Се Лянь возразил:

— Думаете, это настолько просто? Боюсь, что...

Он не успел высказать своё предположение, когда «расколовшийся» на куски город быстро собрался воедино. Под скрип огромных камней небожители, глядя на этот процесс, всё сильнее округляли глаза, некоторые даже раскрыли рты.

Пламенеющий демонический город не развалился, а сформировался в нечто другое. И по завершении... превратился в громадного огненного великана!

Великан, словно пробудившись ото сна, завис в воздухе. Сверкающие золотом дворцы будто целиком покрыли его тело, сделавшись несокрушимым доспехом. Теперь вместо столицы бессмертных огромной статуе Се Ляня противостоял этот великан.

И в сравнении с ним божественное изваяние вдруг стало казаться несравнимо хрупким, даже вызывающим жалость, словно ребёнок рядом со взрослым. Статую легко можно было назвать громадиной, но этот огненный великан поистине подходил под определение «стоящий

на земле и подпирающий небо». Размерами он превосходил изваяние по меньшей мере в шесть раз. Зрелище потрясло так сильно, что кровь стыла в жилах и казалось, гигант способен раздавить целый город, наступив лишь одной ногой!

Собравшийся из кусков бывшей столицы бессмертных великан повернул голову в сторону четырёх костяных драконов, из его рта вырвался столб пламени, стеной обрубивший потоки воды. Осознав, что оказались в неблагоприятном положении, драконы ушли под воду. А великан тем временем опустил ноги на поверхность воды и словно по ровной земле зашагал к божественному изваянию.

На голове великана стоял дворец Шэньу, в котором восседал Цзюнь У, источающий давящую ауру. Небесные чиновники, едва не задыхаясь от ужаса, завопили:

— Ваше Высочество, теперь уж стоять на месте нельзя! Скорее бегите, сколько можно ждать?!

— Нам не победить, ни за что не победить! Очнитесь же, Ваше Высочество, он больше в несколько раз!

— Мы ведь не можем всё время бегать от него, — возразил Се Лянь. — Даже если нам не победить, нельзя вести его за собой в другое место.

Услышав ответ, небожители ошарашенно застыли, но затем поняли: они и впрямь не могли всё время убегать. Ведь если вдруг Хуа Чэн прекратит делиться магическими силами, они рано или поздно потратят собственные ресурсы, и статуя больше не взлетит. Придётся сражаться где бы то ни было.

И чем вести огненного великана в гущу людей, лучше решить всё здесь. По крайней мере, в Чёрных водах точно не встретится ни одного обычного человека, и простой люд не пострадает!

Как небесным чиновникам, им следовало бы задуматься о подобном в первую очередь. Но когда перед ними стоял полыхающий пламенем демонический великан, разве могли они не тревожиться, понимая, что придётся сражаться с ним, находясь «спиной к воде»^[308], да к тому же не просто к воде, а к Чёрным водам!

И всё же ни у кого не повернулся язык открыть рот и велеть Се Ляню уносить ноги в какое-нибудь людное место. Поэтому принц заявил:

— Господа, держитесь крепче, чтобы не свалиться ненароком! В Чёрных водах всё живое тонет, едва коснувшись воды!

Огненный великан протянул руку к статуе, как будто собирался схватить её, но Се Лянь проворно увернулся, совершив ловкий прыжок. Держащихся за изваяние небожителей то переворачивало вверх ногами, то крутило, то поднимало, то опускало; ужас в их глазах достиг апогея, то громче, то тише звучали пронзительные вскрики.

Даже Богам Войны крайне редко приходилось переживать подобные сражения, что уж говорить о тех, кто не являлся Богом Войны и целыми днями сидел в своём дворце, а ведь таких здесь собралось большинство.

До принца донёсся крик Цюань Ичжэня:

— У тебя нет оружия! Тебе нужно оружие!

Остальные, не в силах больше терпеть происходящее, поддержали:

— Верно, Ваше Высочество! Без оружия победить будет непросто!

— Я как раз думаю, что может для этого сгодиться! — ответил Се Лянь.

Жое, извиваясь подобно змее, выползла вперёд, но принц отодвинул ленту в сторону со словами:

— Спасибо, но ты не годишься, ты слишком маленькая!

Тут Хуа Чэн сказал ему:

— Оружие найти не то чтобы невозможно. Для начала обойдёмся этим.

Се Лянь снова услышал грозный рёв четырёх костяных драконов, которых великан прогнал на дно столбом пламени. Они окружили божественную статую, и небесные чиновники невольно перепугались:

— Что они собираются делать?

Разумеется, нападать драконы не стали бы. Чудища укусили друг друга за хвосты, таким образом обернувшись одним, поразительно длинным костяным драконом!

Затем этот длинный дракон взлетел высоко в воздух. Се Лянь, не задумываясь, велел статуе поднять руку, чтобы схватить его, и пробормотал:

— Это же...

Кнут из костяных драконов!

Принц мог свободно управляться с ним так же, как управлялся с Жое!

Се Лянь занёс руку и хлестнул костяным кнутом, направив удар огненному великану в голову. Тот схватил конец кнута рукой, но драконы тут же разъединились по середине, статуя принца шагнула вперёд, и удар всё-таки пришёлся в цель.

Словно от боли, великан разжал ладонь, и оторвавшийся от остальных дракон сразу уплыл, вернувшись к принцу.

Кнут мог разъединяться и соединяться, что давало ему превосходную подвижность. Он то разделялся надвое, то вновь становился одним целым. Прибавить к этому ловкость движений самой статуи — и она обернулась крайне серьёзным противником. Небесные чиновники, которым от постоянных кувырков и ураганного ветра растрепало волосы и набросило на голову полы одеяний, поражались:

— Не ожидал, что Его Высочество наследный принц столь искусен в бою!

— Мне лишь приходилось видеть, как он занимается сбором рухляди, а он оказался истинным Богом Войны по праву вознесения!

Советник вмешался:

— Первую фразу про то, что вы чего-то «не ожидали», можно было бы опустить. И делать акцент на «сборе рухляди» тоже не стоит.

Се Лянь:

— Э... Ха-ха-ха...

Поразительно длинный кнут из драконов, закусивших хвосты друг друга, словно белая железная цепь, со стуком оплёлся вокруг руки противника. Великан тяжело осел вниз, и небесные чиновники заголосили:

— Скорее, скорее, тяните его в море!

Ведь под ними простирались демонические Чёрные воды, и всё, что коснётся их поверхности, немедля утонет!

Громадная статуя дёрнула костяной кнут на себя, Се Лянь приложил усилие и сквозь зубы прошипел:

— А ну-ка давай вниз!

И великан действительно просел ещё немного. Небожители поскорее принялись всеми руками и ногами передавать каменному изваянию принца магические силы, выкрикивая:

— Утони! Утони! Скорее утони!

Слушая, как они в один голос кричат Цзюнь У, чтобы тот утонул, принц ощутил холодок в сердце, поднял голову и посмотрел в сторону дворца Шэньу на голове великана. Почему-то, хоть Се Лянь и не смог бы сейчас разглядеть выражение лица того, кто там сидел, ему показалось, что Цзюнь У насмешливо улыбнулся.

Борьба затянулась на некоторое время, великан постепенно стал погружаться в воду, однако пламя на его теле по-прежнему продолжало полыхать, даже море не сумело его погасить. Напротив, глубокие тёмные воды озарились алым сиянием, отчего стало казаться, что и само море занялось красным огнём. Только по мере того, как драконы тащили великана всё глубже, сияние постепенно исчезало. Небесные чиновники друг за другом испустили вздох облегчения, но Се Лянь ни на миг не решался ослабить бдительность.

Очень долго вокруг стояла тишина, и тут Се Лянь снова вспомнил, что генерал Пэй так и не отозвался, а также они не слышали голоса Бань Юэ и остальных. Скорее всего, их тоже затянуло на дно, и теперь на их возвращение надеяться не приходится.

Но как только принц подумал об этом, на поверхности воды появились пузырьки.

Буль-буль, они то и дело рассеивались по воде, потом забурлили сильнее, и от воды даже пошёл белый пар.

Морская вода закипала!

В душе воскликнув «плохо дело», принц велел изваянию взлететь выше, да только из воды уже вырвалась рука, которая схватила статую за каменную лодыжку!

Се Лянь почувствовал, как его дёрнуло вниз, а опустив голову, увидел огненного великана, который выбрался из моря!

Он уже показался из воды по грудь, весь мокрый, при этом его пламя заметно поутихло, но уже разгоралось вновь. Костяные драконы всё ещё обвивались вокруг великана, но, очевидно, уже не могли его удержать.

Над морскими волнами прокатился смех Цзюнь У, слышимый отовсюду. Это был не хохот сумасшедшего, но холодная усмешка, необъяснимая, но до дрожи пугающая. Великан уже утащил статую в воду почти на половину, и стоящие внизу небесные чиновники, спасая свои жизни, поползли наверх. Даже находящийся на самом верху

изваяния Се Лянь ощутил жар, от которого перехватывало дыхание, на лбу принца выступили капельки пота, от жара намокла спина.

Если их затянет в воду, они все сварятся до готовности!

Так не пойдёт, Се Лянь не мог управляться с другим оружием на высшем уровне. Ему нужен меч!

Неожиданно до принца донёлся голос советника:

— Эй... ты, кучерявый мальчик? Что ты делаешь? Не надо бросать мне труп! Постой! Что ты задумал?!

Се Лянь тоже удивился и, продолжая держать руки сложенными в печати, выкрикнул:

— Циин?

Маленькая фигурка сбежала по ноге статуи и спрыгнула вниз, затем понеслась по руке огненного великана прямо к его голове.

— Циин, назад! — закричал Се Лянь.

Но Цюань Ичжэнь не мог сейчас его услышать. Он скачками добрался до плеча великана и оказался обнаружен — другая рука исполина медленно поднялась и с поразительной быстротой и точностью с громким ударом прихлопнула Бога Войны, словно комара!

Небожители испуганно вскрикнули, но, приглядевшись, заметили, что Цюань Ичжэнь всё ещё бежит. Оказывается, удар действительно пришёлся ровно по нему, только вот юный Бог Войны оказался в промежутке между пальцев великана, и потому не превратился в кровавую лепёшку, а помчался дальше, перепрыгнув через палец. Ему удалось таким образом избежать двух ударов, но на третий раз, вероятно, удача ему не улыбнётся: ещё один удар — и его почти наверняка раздавит!

Впрочем, ещё до третьего удара Цюань Ичжэню удалось достичь цели — он запрыгнул в череп костяного дракона, обвивающегося вокруг тела великана.

В тот же миг глаза костяного дракона, похожие на два призрачных фонаря, вдруг сверкнули ярким светом, существо исполнилось магических сил, источая лёгкое белое сияние, с рёвом вскинуло голову в небеса и сжалось вокруг великана ещё сильнее. Се Лянь ясно расслышал треск огромных камней под давлением. От удушающего приёма великан расслабил пальцы и выпустил ногу изваяния.

Заполучив свободу, Се Лянь мгновенно взмыл ввысь, протягивая руку с криком:

— Циин, скорее, сюда! Отцепись от него!

Но Цюань Ичжэнь, взявший под своё управление костяных драконов, не только не выпустил противника, напротив — с громогласным криком приложил всю свою мощь, чтобы сжать ещё сильнее. В яростной борьбе в воду с громким плеском летели обломки камней, которые тут же поглощало море. Великан потерял терпение, окончательно вылез из моря, из дворца Шэньу вновь распространилось пламя, охватившее его с ног до головы.

Крепко привязанные к нему драконы вместе с Цюань Ичжэнем оказались в этом бушующем пламени.

— Циин!!! — закричал принц, затем направил статую вниз и нанёс удар по костяной цепи, чтобы разбить её!

В море посыпались горящие белые обломки, и Се Лянь собирался было схватить череп дракона, внутри которого находился Цюань Ичжэнь, но великан одним ударом запустил череп в полёт, отбросив почти на четыре ли прочь.

С такой скоростью полёта и при таком расстоянии каменная статуя ни за что бы не успела поймать череп в воздухе. К тому времени как принц подоспел на помощь, Цюань Ичжэнь вместе с драконьей головой упадёт в море, а сейчас морская вода буквально превратилась в кипяток, только попадёшь туда — и сварисься!

В момент смертельной опасности из моря вдруг выпрыгнула большая костяная рыба, которая поймала летящую голову, махнула хвостом, словно ускользнув из сети, и мгновенно скрылась вдали.

Небожители отделались испугом, и Се Лянь наконец выдохнул спокойнее. Стремительно долетев до костяной рыбы, он заметил, что стоило им покинуть огненного великана, и пламя погасло само по себе.

Драконья голова до сих пор клацала зубами, открывая и закрывая пасть, словно пытаясь отдышаться, хватая воздух большими глотками. Цюань Ичжэнь лежал внутри, весь чёрный, слегка обожжённый, даже его волосы закудрявились чуть сильнее, вероятно, затронутые жаром огня.

Однако благодаря защите в виде костяной головы он обгорел не слишком сильно, должно быть, только получил раны, которые требовали лечения и покоя. Всё-таки этот юный Бог Войны отличался невероятной живучестью.

Четырём костяным драконам досталось сильнее: обгоревшие и побитые, некоторые оказались разбросаны по поверхности воды, некоторые до сих пор горели. Се Лянь, окинув «поле боя» взглядом, невольно почувствовал себя неловко.

— Послушай... ты уверен, что нам сойдёт с рук, что по нашей вине хранители владений Черновода оказались так избиты, что целых трупов не осталось?..

— Не волнуйся, — улыбнулся Хуа Чэн. — Ничего страшного.

— Сколько же он тебе задолжал...

Глядя на ужасное состояние Цюань Ичжэня, небожители зашептались:

— Не ожидал... что Его Высочество Циин столь бесстрашен. Встретившись лицом к лицу с опасностью, он смело выступил вперёд и спас всех нас...

Се Лянь вспомнил, как в чертогах Верхних Небес к Цюань Ичжэню обычно относились с презрением, и покачал головой, подумав, что мальчишка вовсе не собирался «выступить вперёд и всех спасти». Неожиданно позади них послышался странный гул.

Обернувшись, принц увидел, что великан вновь загорелся бушующим пламенем, но на этот раз не напал на них, а поднялся в небеса, прорываясь сквозь облака, и прямо на их глазах... исчез.

Потрясённые божества, радуясь спасению от гибели, вместе с тем удивились:

— Он решил оставить нас в покое?

Но Се Ляню случившееся вовсе не показалось добрым знаком. Принц обратился к Хуа Чэну:

— Сань Лан, почему он вдруг исчез?

— Он использовал Сжатие тысячи ли.

— И куда направился?

Взгляд Хуа Чэна сделался суровым, он посмотрел на принца.

— В императорскую столицу.

А ведь там Ши Цинсюань вместе с остальными людьми всё ещё сдерживал озлобленных духов!

Разгорается пламя преисподней, демоны и божества снисходят в императорскую столицу

Нужно как можно скорее отправляться в императорскую столицу!

Хуа Чэн произнёс:

— О Чёрных водах не беспокойся, они сами здесь всё приберут.

Советник уложил тело Инь Юя на спину костяной рыбы, и существо, утащив за собой голову дракона с Цюань Ичжэнем, куда-то уплыло. Остальные рыбы принялись собирать разлетевшиеся по воде останки драконов и складывать воедино, постепенно восстанавливая их первоначальный вид. Судя по всему, «они» действительно тут «сами всё приберут».

Медлить нельзя ни секунды — Се Лянь без лишних слов направил огромную статую в небо.

— Ваше Высочество, куда мы направляемся? — воскликнули небесные чиновники.

— Только не говорите, что намерены броситься за ним в погоню?! Мы же с таким трудом сбежали...

— Не отправиться за ним нельзя, он переместился в густонаселённый город! Времени мало, господа, держитесь крепче!

Хуа Чэн сделал ловкое движение пальцами, между которых возникли игральные кости, и серьёзным тоном спросил:

— Гэгэ, ты готов?

Се Лянь кивнул. Тогда Хуа Чэн бросил кости.

— Сжатие тысячи ли, откройся!

Громадная статуя, исполнившись магических сил, на полной скорости полетела вверх!

Стоило им пересечь границу облаков, и впереди показался великан, чьё демоническое алое пламя озаряло светом даже тёмную ночь. Они перенеслись в небо над императорской столицей!

Люди на земле, увидев над собой огромное горящее нечто, которое ещё и медленно спускалось, застыли от ужаса. Некоторые пронзительно завопили, кто-то от испуга едва не бросился бежать, но Ши Цинсюань, который тоже издал потрясённый вздох, быстро сообразил, в чём дело, и так громко, как только мог, закричал на толпу:

— Всё в порядке!!! Не поддавайтесь панике! Он не упадёт, его задержат! Всего-то сражение бессмертных божеств, ничего особенного, ха-ха-ха-ха!!!

— Правда ничего особенного, старина Ветер? Один удар ладонью такой громадины — это ведь не шутки!

Смеясь, будто умалишённый, Ши Цинсюань заверил:

— Правда! Видите, ведь я же здесь, вместе с вами! Если и умрём, то я буду первым! Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Он вновь разволновался так, что потерял способность к здравомыслию. Се Лянь, управляя статуей, подлетел ближе, увернулся от столба пламени из пасти огненного великана, схватил противника и потащил наверх изо всех сил, чтобы тот не мог приземлиться, при этом приказав остальным небожителям:

— Все спускайтесь, быстро!

Просидевшие весь путь с небес на статуе и замученные бешеной гонкой небесные чиновники, перепуганные до полусмерти, больше всего на свете желали поскорее сбежать, поэтому второпях попрыгали вниз, будто пельмени в кипящую воду. Оказавшись на земле, они так и остолбенели, увидев перед собой Ши Цинсюаня.

— Ваше Превосходительство Повелитель Ветров? Что... что вы здесь делаете?!

— Почему вы в таком виде...

Ши Цинсюань же несказанно обрадовался:

— Не задавайте столько вопросов, давайте, давайте, присоединяйтесь к нам. Вставайте в круг, помогите продержаться. Позже накормим и вас куриными ножками. Нельзя позволить духам вырваться на свободу!

Пока небожители колебались, Лан Цяньцю выбежал вперёд:

— Я помогу!

Стоило ему стать первым, и остальные понемногу тоже присоединились. Людской круг вновь усилился, и на сей раз получился ещё крепче. Вздохнув с облегчением, Се Лянь продолжил тянуть огненного гиганта наверх, и вдруг услышал множество громких взрывов.

Великан вновь развалился на части!

Нога исполина оторвалась от тела и понеслась вниз. Но даже одной ноги достаточно, чтобы разрушить огромный квартал. Не только круг из людей, целая улица окажется раздавлена!

Однако произошло неожиданное: пролетев половину расстояния до земли, нога великана взорвалась и разлетелась на части, прямо в воздухе.

Мириады огненных искр вместе с мелкими камнями, растаявшими в чёрной ночи, попадали с небес дождём, словно

песчинки пороха после праздничного фейерверка, но уже совершенно не опасные. Се Лянь так и застыл, бормоча себе под нос:

— Почему он взорвался сам по себе? Чьих это рук дело?

И тут из центра летящих искр в небо взмыла чья-то тень, которая в несколько приёмов вновь оказалась на теле великана. Приглядевшись, Се Лянь обрадовался:

— Генерал Пэй, с вами всё в порядке, как хорошо! — А ведь принц уже сделал пометку в памяти: после того, как всё закончится, устроить для генерала Пэя несколько бесплатных погребальных обрядов!

Пэй Мин, сжимая в одной руке меч, другой забросил назад волосы. Его причёска не растрепалась, а значит, и доблестный образ не пострадал.

— Не то чтобы всё в порядке, — сдержанно ответил он, — но вполне терпимо.

Генерал Пэй не сгорел в огне и не сварился в кипятке — правду говорят, что Боги Войны весьма живучи.

— А что с Бань Юэ и остальными?

Хуа Чэн ответил принцу:

— Всё хорошо. Смотри, гэгэ, они вон там.

Се Лянь и впрямь увидел вдалеке Бань Юэ, которая вместе с Пэй Су опустилась на крышу дома. Видимо, дворец Мингуана оказался запечатан так крепко, что даже кипящие Чёрные воды не проникли внутрь, и с находящимися внутри ничего не случилось.

— А Сюань Цзи и остальные? — не унимался принц.

Послышался самодовольный голос:

— Разумеется, повержены мною!

Голос раздался от меча в руке Пэй Мина, и тут Се Лянь наконец заметил, что тот сжимает в ладони рукоять Мингуана!

Принц несколько опешил:

— Генерал Пэй, как же вы осмелились взять в руки Мингуан?

Пэй Мин замялся:

— Это... довольно сложно объяснить...

Жун Гуан, впрочем, молчать не стал:

— Хе-хе-хе, что же тут сложного? Дело всего лишь в том, что ты упал передо мной на колени и попросил прощения, говоря, что виноват

передо мной! Ха-ха-ха-ха-ха! Наконец я испытал истинное удовольствие!

Воцарилось неловкое молчание, но Се Лянь уже примерно сам обо всём догадался. Скорее всего, три демона, не успев убить жертву, подрались между собой за право нанести смертельный удар. Жун Гуан безоговорочно победил в этом сражении, отпихнув в сторону Сюань Цзи и Кэ Мо, но к тому времени снаружи всё загрохотало, земля и небо поменялись местами. Им было не вырваться из лап опасности, не объединив усилия. Но Жун Гуан то и дело припоминал Пэй Мину о его прегрешениях и заставлял признать вину, в противном случае отказывался помогать. Тогда Пэй Мин поступил, как того желал Жун Гуан, — принёс извинения, полностью признав свои ошибки. Лишь после этого Жун Гуан наконец получил удовлетворение.

Тем временем огненный великан, даже лишившись ноги, вновь принялся «перестраиваться», без спешки, но и без самодовольства. Булыжники и золотые дворцы с других частей его «тела» перемещались, чтобы залатать образовавшееся увечье. Вскоре реконструкция завершилась, и перед всеми предстал тот же великан, только чуть меньше. Пэй Мин, сжав покрепче Мингуан, полетел к дворцу Шэньу, а Се Лянь только и успел крикнуть вслед:

— Берегитесь, генерал Пэй!

Впрочем, с Мингуаном и атакующая мощь генерала Пэя возросла в разы. Несмотря на преотвратный характер и недобрые намерения, Жун Гуан всё-таки не зря служил под началом Пэй Мина многие годы, они оба понимали лучше остальных, как сражаться в паре. Цюань Ичжэнь, так и не добравшись до дворца Шэньу, оказался прихлопнут несколько раз ещё в пути, но Пэй Мин, невзирая на все преграды и препятствия, забрался намного дальше и ворвался напрямик во дворец Шэньу с явным желанием убить противника!

Жун Гуан успевал и сражаться так, что искры летели в стороны, и недовольно ворчать:

— Ты это видел? А я давно тебе говорил, что мы с тобой в паре не будем иметь врагов в Поднебесной, и нет такой горы, которую нам не опрокинуть! Если бы ты сразу меня послушал, разве оставался бы сотни лет всего лишь генералом Мингуаном?!

У Пэй Мина на лбу вздулись вены, он огрызнулся:

— Ты не мог бы помолчать?!

Тем временем прячущийся во дворце Шэньу и наблюдающий за боем Ци Жун поднял крик:

— Проклятый жеребец-осеменитель, не стоило тебе заявляться сюда за смертью! Выкатывайся прочь, да поскорее!

Мингуан развернулся плашмя и хорошенько шлёпнул Ци Жуна.

— Это что за зелёная дрянь? Не стой на пути!

От удара Ци Жун едва не покатился кубарем, устоял лишь благодаря Гуцзы, который держался за его ногу.

— Отец... — обеспокоенно проговорил мальчик. — С тобой всё хорошо?

Ци Жун, опозорившийся перед Гуцзы, закипел от ярости, но не посмел лезть на рожон, видя, какая мощная убийственная Ци исходит от Пэй Мина и его меча. Поэтому лишь забранился:

— Опять эти подлые приёмы...

Но тут случилось то, чего Ци Жун уж никак не ожидал. Гуцзы с громким стуком упал на пол. Ци Жун застыл и опустил взгляд на ребёнка, который не пискнул, а теперь и не шевелился. Вытаращив глаза, демон схватил мальчишку и принялся трясти того вверх ногами:

— Глупый сын, ты чего удумал?

Гуцзы как будто спал, закрыв глаза, но его лоб обжигаяще горел. Се Лянь, который отчаянно тянул великана вверх, тоже заметил происходящее внизу и закричал:

— Ци Жун! А ну убирайся оттуда сейчас же! Вокруг всё горит, вы то поднимаетесь в небо, то опускаетесь под воду, ребёнок слишком мал, он может умереть от такого!

Засунув Гуцзы под мышку, Ци Жун задрал голову и отгрызнулся:

— Поменьше бы меня отчитывал! Кого ты хочешь напугать? Этого мелкого щенка я лично возвращивал, разве он настолько слаб, чтобы умереть? Думаешь, я не знаю, чего ты добиваешься? Хочешь надуть меня, чтобы выгнать отсюда, а потом непременно нападёшь!

Даже если Се Лянь его не тронет, где-то рядом поджидает Лан Цяньцю!

Тем временем между Пэй Мином и Цзюнь У завязался бой. Ци Жун, которого тоже задевало всполохами пламени, прыгал и скакал, пытаясь укрыться от языков огня. Се Лянь в ярости заорал на него:

— Даже ты, демон, не в состоянии вынести такого жара! И ещё надеешься, что мальчишке это под силу?!

У ребёнка, которого Ци Жун зажал под мышкой, от жара покраснело лицо, но демон всё не унимался:

— Хи-хи, а вот и не уйду! Не уйду! Ай, мать твою...!!! — Прямо в лицо Ци Жуну полыхнуло пламя, тот кувырком откатился в сторону, едва не подпалив зад, и тут же не выдержал, вскочил и принялся сыпать бранью:

— Эй, Цзюнь У, старый ты... Владыка! Нельзя ли как-то померить свой пыл?! Ты же обжёг своего... меня!

Се Ляню почему-то показалось, что Ци Жун хотел сказать что-то вроде «Цзюнь У, старый ты пройдоха, ты же обжёг своего папку!», но жизнь всё-таки была дорога демону, так что высказать такое вслух он не решился. Да и Цзюнь У сейчас не собирался обращать на него внимания, он как раз сражался с Пэй Мином, при этом жутковато улыбаясь. Ци Жун огляделся по сторонам — огонь разгорался всё сильнее, уже и ступить было некуда.

Будучи демоном, Ци Жун не боялся сгореть заживо, но всё-таки ощущения от сожжения нельзя назвать приятными, а здесь скоро негде будет стоять! Гуцзы вдруг пронзительно вскрикнул, как будто его затронуло пламя. Ци Жун вынул мальчика из-под мышки и в самом деле увидел, что у того со лба стекает кровь, а на плече прожгло одежду и остался сильный ожог.

От боли Гуцзы пришёл в себя и громко заплакал, прижимаясь к Ци Жуну:

— Отец, как больно! Мне страшно!

Вероятно, Ци Жун никогда ещё не сталкивался с подобными проблемами, у него на лбу выступил пот, рот застыл в кривой дуге, словно он не находил слов. Гуцзы, прижимая ладошку к ране, от боли плакал и утирал то слёзы, то сопли.

— Отец, мы сгорим здесь живьём, да?

Ци Жун забормотал:

— Ну... э-э-э...

Гуцзы, всхлипывая, добавил:

— В твоих владениях очень красиво, но, кажется, живётся тут плохо... Здесь, похоже, все относятся к нам не очень хорошо. Может, пойдём жить в другое место?

Ци Жун больше не мог этого выносить.

Он ворвался во дворец, видимо, чтобы найти Цзюнь У, но при этом не решился приближаться, поэтому закричал издали:

— Давай кое-что обсудим, Цзюнь... Владыка! Можешь поджигать что угодно, всё-таки это твои владения, если хочешь, хоть всё тут спали! Но... кхэ-кхэ, в общем, нельзя ли...

Глядя на этого дурака, Се Лянь от гнева едва не свалился с короны статуи.

— Хватит искать смерти, прыгай оттуда, и дело с концом! — велел принц. — Обещаю, что не трону тебя!

Ци Жун не собирался слушать принца. Видя, что Цзюнь У его игнорирует, совершенно не обращая внимания на просьбы, при этом Гуцзы заливается слезами, Ци Жун, должно быть, опять решил, что негоже позориться перед приёмным сынком. Он помрачнел и покраснел одновременно, выскочил вперёд и забранился:

— И откуда в тебе столько ярости? Сказано же, хватит всё сжигать, ты что, не слышал?!

Се Лянь выкрикнул:

— Ци Жун!!!

Демон не успел приблизиться, когда Цзюнь У одним взмахом руки превратил его в горящий факел!

Ци Жун зашёлся пронзительным визгом.

— Гуцзы! — закричал Се Лянь.

Если даже это пламя не сожжёт Ци Жуна дотла, то нанесёт ему серьёзный урон. А мальчишка уж точно вмиг обернётся горсткой пепла!

Пэй Мин, также заметив, что у Ци Жуна под мышкой зажат ребёнок, хотел было прийти на помощь, но Цзюнь У постепенно брал верх в сражении, и Пэй Мин не мог отвлечься ни на мгновение. Мальчика, наверное, уже было не спасти.

— Владыка, — произнёс Пэй Мин. — Не стоило так жестоко поступать с малым дитя нескольких лет отроду!

Однако и Се Лянь, и сам Пэй Мин прекрасно знали: в глазах Цзюнь У уже не существовало различий, ребёнок перед ним или нет. Он видел лишь врагов и тех, кто стоит на его пути. Взмах руки, и с его ладони слетел сгусток огня, который охватил Пэй Мина и понёс прочь.

Потрясённые небесные чиновники внизу заголосили:

— Генерал Пэй горит!

В тот же миг с небес хлынул проливной дождь, который, пусть и не смог потушить пламя на теле великана, всё же спас генерала Пэя от огня. Из толпы в небеса взмыл тёмный силуэт, который подхватил в воздухе падающего Пэй Мина.

— Повелительница Дождя! — воскликнул Се Лянь.

Уже сидящая на спине чёрного быка Повелительница Дождя подняла голову и поприветствовала принца лёгким кивком. Обожжённый пламенем и промокший до нитки Пэй Мин повис на спине быка позади неё, с растрепавшимися волосами он выглядел плачевно. Чуть приоткрыв глаза, он смутно разглядел, что это Юйши Хуан поймала его. Сейчас она вдумчиво управляла быком и вовсе не собиралась смотреть на Пэй Мина; однако показаться перед кем-то в столь неприглядном виде для него было смерти подобно, так что генерал тут же выпрямился со словами:

— Повелительница...

Но стоило ему открыть рот, как из горла вылетело кольцо чёрного дыма. Жун Гуан от гнева едва не обезумел:

— Какой позор, тебя спасла женщина, да ещё и Юйши Хуан! Пэй Мин, тебе самому не совестно?!

Пэй Мин, выпуская целую вереницу дымовых колец, раздражённо бросил:

— Ты не мог бы заткнуться?

Тем временем Пэй Су и Бань Юэ встретили на земле медленно опускающуюся с небес Повелительницу Дождя и подхватили Пэй Мина; а с тела огненного великана полетели вниз тысячи горящих камней, которые подобно метеорам понеслись на город.

Дождь захватил ещё бóльшую площадь, но огонь и не думал угасать. По всей видимости, Цзюнь У добавил магических сил в пламя. Кроме того, даже если вода погасит горящие камни, от этого не будет прока — упавшие на землю огромные булыжники и без того изрешетят императорскую столицу, что понесёт за собой множество жертв.

Как назло, Се Лянь до сих пор тянул гиганта наверх и не мог отвлечься ни на мгновение. Он не знал, сколько Богов Войны находилось внизу и смогут ли они задержать все летящие камни. Охваченный переживаниями, принц повернулся к Хуа Чэну:

— Сань Лан, что же...?!

Хуа Чэн, стоя позади него, положил руку на тыльную сторону ладони принца.

— Гэгэ, нет нужды волноваться, главное для тебя — держать оборону в небе, а о происходящем на земле не беспокойся.

Ухо Се Ляня обдало горячим дыханием, когда Хуа Чэн это говорил, а тот чуть приподнял подбородок, предлагая принцу посмотреть вниз. Се Лянь перевёл взгляд в указанном направлении и заметил медленно прогуливающийся снаружи людского круга силуэт в красном, с заведёнными за спину руками. Прищурившись, принц в душе поразился.

Это что... Хуа Чэн?

Ещё один Хуа Чэн???

Что это значит? Принц резко развернулся. Но ведь Хуа Чэн стоит за его спиной!

Тот усмехнулся:

— Гэгэ, не пугайся. Перед тобой самый настоящий Сань Лан, без обмана, в случае обнаружения подделки верну плату.

Получается, внизу бродил двойник Хуа Чэна, которого тот, отлучившись, оставил вместо себя? Так вот почему Цзюнь У ранее не заподозрил, что Хуа Чэн проник в столицу бессмертных... А Се Лянь ещё удивлялся — неужели тот не оставил своих соглядатаев внизу? Значит, наблюдение действительно велось, вот только для наблюдателей «Хуа Чэн» не покидал города, и подозрений, разумеется, не возникло.

Ши Цинсюань, которому некогда было смотреть на небо, не видел наверху Се Ляня с Хуа Чэном, зато заметил неподалёку другого «Хуа Чэна» и торопливо позвал:

— Собирайтесь под кровавым дождём!!! Вы наконец вернулись! Чем вы занимались так долго? Нашли способ, как нам связаться с Его Высочеством? Нет, нет, нет, лучше сначала помогите мне справиться вот с этим. Видите, с неба летят горящие камни? Скорее, придумайте что-нибудь! Дуньте, плюньте или призовите своих бесконечных бабочек, чтобы унесли камни прочь, иначе мы погибнем...

Не говоря ни слова, «Хуа Чэн» с равнодушием слушал поток слов от Ши Цинсюаня, но потом, похоже, всё-таки не выдержал и перебил:

— Сам решай эту проблему.

— Вы предлагаете мне действовать самому? Не стоит шутить в такой серьёзный момент, я ведь не Его Высочество наследный принц, мне ваши шутки не уразуметь. Чтобы я сам избавился от этого камнепада? Как вы себе это представля... — он не успел договорить, когда «Хуа Чэн», схватив его за ворот сзади, просто вытащил Ши Цинсюаня из людского круга.

Тот успел среагировать немедленно и соединил руки людей, стоявших слева и справа от себя, таким образом круг не порвался. Но на этом странности не закончились, и «Хуа Чэн», оттащив Ши Цинсюаня в сторону, отвесил ему такой удар, что тот улетел прочь!

Толпа нищих заголосила:

— Старина Ветер?!

Кто-то даже с угрозой крикнул «Хуа Чэну»:

— Ты чего дерёшься?!

Ши Цинсюань, хоть и отлетел прочь, перекувыркнулся всего несколько раз и упал ничком, после чего сразу вскочил и воскликнул:

— Всё хорошо, всё хорошо, я жив! Он не по-настоящему ударил меня, только позаимствовал магических сил!

— Правда?..

Ши Цинсюань опустил взгляд на свои руки, затем оглядел своё тело, с ног до головы сияющее магическим светом, и произнёс:

— Градоначальник Хуа, не стоило так расстраиваться из-за того, что вы не можете встретиться с Его Высочеством. Если хотели позаимствовать мне магических сил, могли бы воспользоваться обычным способом, я не против даже съесть побольше тех странных конфет, зачем же сразу драться? Может, всё-таки лучше обратите взгляд в небеса? Там ведь так много камней...

И вдруг «Хуа Чэн» взмахнул рукой, бросив что-то Ши Цинсюаню. Тот без лишних раздумий поймал предмет, а приглядевшись, вмиг сделался бледным.

У него в руках оказался Веер Повелителя Ветров!

Наблюдавший за всем этим со статуи Се Лянь наконец не выдержал:

— Сань Лан, но ведь Веер Повелителя Ветров у... Так значит, внизу...?!

— Не обращай внимания. Временно вызвал его на подмогу.

Держа в ладони до боли знакомый веер, Ши Цинсюань медленно-медленно развернулся к «Хуа Чэну».

Тот равнодушно повторил:

— Сам решай эту проблему.

Огненный дождь почти достиг земли, люди в круге уже ощущали исходящий от падающих камней жар, по их лицам катил холодный пот вперемешку с горячим.

— Старина Ветер! Ты уверен? Всё будет в порядке?

Небесные чиновники присоединились:

— Ваше Высочество наследный принц, вы уж придумайте что-нибудь поскорее!

Рука Ши Цинсюаня крепко сжалась на веере, на тыльной стороне ладони вздулись вены, в глазах едва заметно показались кровавые прожилки.

Мгновение, резкий поворот, взмах!

На ровном месте поднялся в небо порыв ураганного ветра, который подхватил за собой дождь из горящих камней и унёс прочь!

Перепуганные до полусмерти попрошайки, похоже, уже приготовились броситься врассыпную, но когда порыв ветра взъерошил им волосы, люди так и застыли, разинув рты и вытаращив глаза. Через некоторое время послышались возгласы:

— Бо... божество?

Кто-то выкрикнул:

— Мать моя, старина Ветер, да ты, никак, и впрямь бессмертный небожитель?!

У Ши Цинсюаня после взмаха веером до сих пор дрожали руки, он не сразу смог прийти в себя и с трудом проговорил:

— Что за... что за вопросы! Я же давным-давно говорил вам об этом. Ну что, теперь поверили? Не зря я трепал языком?

— Нет, нет, не зря! Я верю! Ого, старина Ветер божество, а мы, стало быть, лично с ним знакомы, теперь-то нас ждёт процветание, ха-ха-ха-ха-ха-ха...

— Старина Ветер, давай-ка обсудим, когда у тебя найдётся минутка взять нас с собой полетать, а?

При виде представшей перед глазами картины «Хуа Чэн», тихо хмыкнув, развернулся и ушёл. Ши Цинсюань, всё не выпуская из рук Веер Повелителя Ветров, кое-как отшучивался от насмешек своих товарищей по несчастью, но лицо его при этом то краснело, то бледнело, со лба каплями катился холодный пот. Он поднял взгляд, словно хотел заговорить с «Хуа Чэном», но того уже и след простыл.

Неожиданно из темноты вдали от людского круга раздался странный шум — пи-пи-пи, пи-пи-пи. И кто-то особенно зоркий заметил:

— Что это такое? Полчище... крыс?

— А за ними там... люди? Почему они пепельного цвета...

— Не похожи на живых...

— Что? — воскликнул Се Лянь.

На людей надвигались крысы-падальщики и пустые сосуды из вулканического пепла. Все чудища с горы Тунлу оказались перенесены сюда!

Пустые сосуды, хромя и шатаясь, переступая окаменелыми конечностями, приближались к людям; крысы, питающиеся человеческой плотью, наступали чёрной волной. Похоже, Цзюнь У

наплевал на всё и не остановится ни перед чем, чтобы разорвать круг и погрузить мир людей в хаос!

Тем временем Повелительница Дождя велела Бань Юэ и Пэй Су:

— Приглядите за генералом Пэем, я отправлюсь на защиту круга.

Пэй Мин, лёжа на спине, всё выплёвывал из лёгких чёрный дым, а услышав такие слова, встрепенулся:

— Со мной всё в порядке, я сам могу... — Он попытался встать, но опять упал.

Даже Пэй Су не смог на это смотреть и попросил:

— Не спорьте, генерал, лучше... как следует залечите ваши раны. Пусть Её Превосходительство поможет им.

Пэй Мин, должно быть, впервые в жизни так опозорился на глазах женщины. И впервые оказался женщиной спасён. Неизвестно, от гнева ли, или же от пораненного самоуважения, у него едва не опухло лицо. Проигнорировав предложение Пэй Мина, Юйши Хуан с лёгкой улыбкой произнесла:

— Генерал, не нужно себя заставлять. — Затем села на быка и оставила их.

Пэй Мин только и успел крикнуть вслед:

— Ваше Превосходительство!

Неожиданно чья-то рука обвила его шею, и раздался шёпот:

— Мой ненаглядный Пэй...

Пэй Мин, всё ещё пытаюсь встать, услышал этот голос и помрачнел.

— А ты что здесь делаешь?

Вообще-то Сюань Цзи была с ними с самого начала — после битвы с Жун Гуаном Бань Юэ забрала с собой и её, и раненного Кэ Мо. Услышав в голосе Пэй Мина недовольство, демоница взвилась:

— Что я здесь делаю? Я всегда рядом с тобой! А какого рожна ты уставился на Повелительницу Дождя? Полюбил другую, так? Собрался за ней ухлёстывать, да? Что в ней хорошего?! Я запрещаю!

Пэй Мин, не выдержав наконец, отбросил её прочь и в гневе выкрикнул:

— Сюань Цзи, ну почему ты думаешь только об этом, даже в такой момент?! Причём здесь «полюбил другую»? Я с Повелительницей Дождя и парой слов не перекинулся!

Он впервые поднял руку на Сюань Цзи, и она, больно ударившись о землю, застыла от потрясения. Лишь через какое-то время Сюань Цзи заговорила, словно не веря своим глазам:

— Мой ненаглядный Пэй, я думаю только о тебе, потому что люблю тебя, в чём же моя вина? Ты никогда не был ко мне так жесток, я правда настолько тебе противна?

Пэй Мин поднялся, опираясь на меч, и бросил ей:

— Да что тебе объяснять.

Сюань Цзи не унималась:

— Объясни! Я правда больше тебе не нужна? Я так много сделала для тебя, стала такой, неужели ты нисколько не растроган? Тебя нисколько не мучает совесть?

— Я ведь всё сказал тебе ещё несколько сотен лет назад!

Сюань Цзи вдруг застыла в полной растерянности. Не зная, что ей делать, демоница всё же уцепилась мёртвой хваткой за край одежды Пэй Мина и поскакала за ним на сломанных ногах.

— Мой ненаглядный... мой ненаглядный... постой, давай ещё раз всё обсудим...

Бань Юэ, глядя на Сюань Цзи и зная, что Пэй Мин первым бросил её, что демоница убила множество людей и всё время пыталась навредить им, тем не менее... жалела её.

Пэй Мин обернулся, посмотрел на демоницу, и в конце концов произнёс:

— Сюань Цзи, тебе пора осознать.

— Что осознать?

— Да, ты стала такой частично по моей вине, но по большей части всё это — твой собственный выбор. Своими поступками ты растрогала только себя, ну а я — человек с каменным сердцем. И вместо того, чтобы любить меня, лучше полюби наконец саму себя.

Он вырвал из рук Сюань Цзи край своего одеяния и ушёл, не оборачиваясь.

Тем временем Ши Цинсюань одним взмахом веера израсходовал почти все магические силы. В суматохе пришлось позволить Повелительнице Дождя и нескольким Богам Войны выстроиться временным щитом. Но тут неожиданно со всех сторон послышались беспорядочные вскрики:

— Кря-кря-кря, это и есть императорская столица, кря? Какие большие дома, кря!

— И чему тут дивиться? Всё равно они меньше, чем дом градоначальника!

— Вот именно! И не такие красивые, как дом градоначальника!

Из-за углов, из переулков, с карнизов крыш повыглядывала разномастная нечисть, отчего вокруг стало невыносимо шумно. Все демоны из Призрачного города высыпали на улицы столицы!

Заклинатели и монахи во главе с Всевидящим глазом, стоящие в круге, не в силах этого вынести, заголосили:

— Что это за твари?! Кыш, кыш! Пошли прочь! Это земля, по которой ступает Сын Неба! Как вы смеее разгуливать по императорской столице?!

— Ты, свиная голова! Как тебе хватило смелости явиться мне на глаза?!

— Если зрение меня не подводит... эта утка... убивает крыс?

В тот же миг в недовольных полетели поминальные фрукты с могил:

— Закройте-ка рты, вонючие монахи! Вам помогают, а вы нос воротите!

— Да если бы не приказ градоначальника, думаете, кто-нибудь пожелал бы явиться сюда?!

— Сейчас же падите ниц и поклонитесь нам в ноженьки!

Крысы-падальщики, сверкая красными глазами, набежали волной, вот только всё повернулось совсем не так, как они ожидали. Ворвавшись в город, крысы встретились с толпой демонов, крупнее них в несколько раз, которые принялись тыкать в них вилками, палками и когтями, при этом жадно завывая и сверкая ещё более свирепыми взглядами горящих красным глаз:

— Как много крыс!

— Сюда, сюда, хи-хи-хи, как долго я вас ждал, мне ещё не приходилось отведать двухтысячелетней закуски к вину, наверняка очень питательно!

— Их так много, разве можно съесть всех?

— Градоначальник сказал, если не съедим, можем забрать на продажу!

Поскольку положение обернулось совсем не в их пользу, крысы в страхе отступили, а пустые сосуды оказались опрокинуты беспорядочно бегущими грызунами. Опасность миновала, и Се Лянь с облегчением выдохнул, обернулся и сказал:

— Всё благодаря тебе, Сань Лан.

Хуа Чэн улыбнулся.

— Они сами вызвались помочь, я тут ни при чём. По сравнению с этим... Гэгэ, берегись.

На последней фразе его тон вдруг сделался резким. Се Лянь перевёл взгляд вперёд, увидев, как огненный великан совершает новое движение — кладёт руку на пояс, словно собираясь что-то достать.

Сердце принца сжалось.

Это... меч.

С огненным гигантом и без того оказалось крайне сложно справиться. Если же у него появится меч, это ведь всё равно что у тигра вырастут крылья!

Предчувствуя неладное, Се Лянь наклонился и выкрикнул всем собравшимся внизу:

— Берегитесь!

Демоны, которые сражались с крысами так, что дым стоял столбом, позадирали головы наверх и завопили:

— Какой огромный старший дя... то есть, даочжан Се!

— А градоначальнику, похоже, очень нравится веселиться там, наверху, кря!

Се Лянь возразил:

— Нет, нам тут совсем не весело...

Не давая ему договорить, гигант нанёс удар горящим мечом, от которого исходила застилающая небеса энергия убийства. Се Лянь разжал руки, едва успевая увернуться, в душе поразившись Ци меча и силе жара от этого оружия.

Его каменная статуя и так уже с трудом держалась на равных с противником, а теперь всё стало ещё хуже — ему вовсе нечем ответить на подобный выпад!

В критический момент у принца невольно мелькнула мысль, не обратиться ли вновь к помощи Богов Войны для создания меча. Но Цюань Ичжэнь сейчас качался на волнах Чёрных вод вместе с останками костяных драконов и залечивал раны, Лан Цяньцю

приходилось в одиночку заменять сотню человек и сдерживать всё сильнее беснующихся озлобленных духов в круге, Фэн Синь и Му Цин исчезли неизвестно куда. С тех самых пор как они оказались на земле, принц не видел их. Свободным остался только Пэй Мин. Однако он, весь обгоревший, сражался с крысами, выплёвывая кольца дыма, и готов был умереть, но не проиграть в этом «состязании» Повелительнице Дождя, так что и на него надеяться не приходилось. Принцу некого позвать на помощь!

Неожиданно с земли послышалось:

— Подождите, Ваше Высочество! Ваш меч... вот-вот прибудет!

Это кричал советник. Се Лянь, бросившись к краю короны статуи, спросил:

— Что? Где мой меч?

Советник, сложив ладони у рта, прокричал:

— Собиратель цветов под кровавым дождём, откройте Сжатие тысячи ли! На гору Тунлу! Меч готов!

Хуа Чэн решительно выбросил игральные кости:

— Откройся!

Что-то загрохотало в чернеющих над ними тучах, и Се Лянь, чуть прищурившись, посмотрел вверх.

Там и правда возник настоящий меч!

Божественная статуя совершила прыжок и схватила оружие, Се Лянь сжал пальцы в особой печати, его каменное изваяние крепко обхватило рукоять меча и нанесло удар по «столице бессмертных»!

Противник уже поднял свой пламенеющий клинок, чтобы отразить удар, однако, когда два меча столкнулись, случилось то, чего никто не ожидал... Меч Се Ляня разрубил огненное оружие великана!

Стоял такой грохот, будто разломилась железная скала, и посреди этого грохота мощь огненного гиганта явно ослабла.

Он вдруг... развалился на части, которые стремительно полетели к земле.

Сам Се Лянь никак не ожидал, что его меч окажется настолько сокрушительным оружием. Один удар сразил противника наповал? Глядя на меч в руках каменной статуи, принц совершенно остолбенел.

Переливающийся и крайне острый. Что же это за клинок?

Вспомнив, что советник попросил Хуа Чэна открыть Сжатие тысячи ли до горы Тунлу, принц сразу понял... Должно быть, этот меч

создан из трёх горных чудищ!

Впрочем, принц сейчас не мог тратить время на размышления об этом. Если громадина сверзится на город, будет совсем не смешно. Се Лянь немедля направил статую вниз, подхватил грудой камней, которая уже почти развалилась в воздухе, сменил направление, отлетев подальше, осторожно выбрал место и опустил камни на землю.

Затем статуя наконец убрала меч за пояс и сама опустилась рядом, одну руку держа на рукояти оружия, другую, с принцем и демоном, сложив в форме лодочки, словно неся цветок. Изваяние застыло и вновь мягко улыбнулось, вернувшись к позе Бога Войны в короне из цветов.

Ни единого булыжника не упало на землю. Жители столицы нисколько не пострадали!

Лишь через какое-то время люди, боги и демоны переглянулись и спросили:

— Всё... кончено?

Се Лянь и Хуа Чэн воссоединились с остальными, спрыгнув с ладони статуи. Ши Цинсюань, который вместо холодного пота уже покрылся горячим, заткнул за пояс Веер Повелителя Ветров, пришедший в негодность после одного взмаха, и, прихрамывая, вприпрыжку подбежал к принцу:

— Ваше Высочество! С вами всё хорошо? Вы с ним разобрались?

Несколько небесных чиновников тоже подошли ближе с вопросами:

— А где Вла... Цзюнь У? Ваше Высочество его одолели? Он мёртв?

Советник вмешался:

— Разве это возможно? Его Высочество... не так-то просто одолеть.

Хуа Чэн протянул Се Ляню руку.

— Гэгэ, давай поднимемся и поищем.

Се Лянь кивнул, дал ему свою ладонь, Хуа Чэн легко потянул и поднял Се Ляня на груды руин. Демоны, уже потерявшие интерес к разгромленной армии крыс, запрыгнули следом, вознамерившись «обыскать столицу бессмертных», о чём заявили с большим энтузиазмом.

Но Хуа Чэн велел им:

— Держитесь подальше. Посторонним людям и нелюдям лучше не приближаться. — Если они натолкнутся на Цзюнь У, их ждёт неминуемая гибель. Демоны, послушавшись приказа, спрыгнули на землю и остались там в настороженном ожидании.

Но в столице бессмертных, обернувшейся развалинами, не осталось и следа Цзюнь У. Се Лянь и Хуа Чэн обыскали каждый уголок, даже подняли крышу разрушенного дворца Шэньу, однако никого не обнаружили.

Неожиданно Лан Цяньцю крикнул Пэй Мину:

— Генерал Пэй! У меня появилось неотложное дело, подмените меня.

Пэй Мин пребывал в расстройстве, поскольку убил крыс меньше, чем Юйши Хуан, поэтому, когда его вдруг притащили стоять в кругу, лишь потёр нос и ничего не возразил. Лан Цяньцю же запрыгнул на груды руин и наконец, откинув обрушенную крышу, воскликнул:

— Нашёл!

Се Лянь поспешил к Лан Цяньцю:

— Цяньцю, осторожно!

Принц решил, что тот обнаружил Цзюнь У, однако Лан Цяньцю вытащил из-под обломков что-то обгоревшее дочерна, напоминающее огромную, свернувшуюся в комок куколку бабочки. Изнутри доносился тихий кашель.

Сердце Се Ляня сжалось, он второпях вместе с Лан Цяньцю вскрыл этот чёрный «кокон», и из него выкатился ребёнок, съёжившийся и закрывший руками голову, весь красный с ног до головы от жара, но целый и невредимый. К тому же мальчик кашлял, значит, дышал.

Следом за ним из кокона почти крадучись выплыл зелёный призрачный огонёк.

Се Лянь прошептал:

— Это же...

В глазах Лан Цяньцю сверкнул огонь ярости, он схватил призрачный огонёк и воскликнул:

— Небеса поистине справедливы, раз не позволили тебе, Ци Жун, умереть окончательно, прежде чем попасть в мои руки!

Теперь-то Ци Жун, можно считать, обернулся настоящим «лазурным огоньком в ночи». Получается, когда Цзюнь У наслал на

них пламя, Ци Жун закрыл Гуцзы собой, и только благодаря этому ребёнок не сгорел заживо. Се Лянь невольно подивился такому неожиданному поступку Ци Жуна: всё-таки, с его-то характером, с него случилось бы выбросить Гуцзы перед собой, чтобы отразить пламя, — на нечто подобное он действительно был способен.

Уловив ход мыслей принца, Хуа Чэн произнёс:

— Заслони Ци Жун себя ребёнком, он не смог бы спастись. Мгновение — и сам превратился бы в пепел. Защищаться или защищать — для него разница не так уж велика, итог один.

Звучит разумно, однако... он всё же выбрал «защитить». Пламя обожгло Ци Жуна настолько сильно, что от него остался лишь призрачный огонёк, который всё же не рассеялся, но зато оказался пойман Лан Цяньцю и от испуга громко заверещал. Только что спасённый Гуцзы сразу очнулся и схватил Лан Цяньцю за ногу с криком:

— Гэгэ, не убивай моего отца!

Лан Цяньцю в гневе бросил:

— Отцепись! Предупреждаю: умолять меня бесполезно, я не сжалюсь над ним! — Он сжал ладонь сильнее.

Ци Жун для Лан Цяньцю был врагом, погубившим всю семью, тут Се Лянь не мог вмешаться. И всё же, боясь, что в ярости тот неосторожно поранит мальчика, принц шагнул к ним, чтобы оттащить Гуцзы прочь, но мальчишка вдруг сам кинулся к нему:

— Мусорный гэгэ, скорее, спаси моего отца!

— Гуцзы... Это не твой отец, честно. Неужели ты не понял этого по тому, как он к тебе относился?

Гуцзы запротестовал:

— Это мой отец! Раньше он плохо со мной обращался, но потом подобрел, часто давал мне есть мясо, ещё говорил, что заберёт меня жить в большой и красивый дом... Он очень хорошо относился ко мне, мусорный гэгэ, спаси его, пожалуйста!

Ци Жун забранился:

— Глупый сынок, не проси его ни о чём! Этот снежный лотос с чёрной сердцевиной не станет спасать твоего папку! Он только и ждёт, чтобы твой папка помер, ему уж точно плевать, останусь ли я в живых!

Хуа Чэн, скосив взгляд, вставил реплику:

— Ты что, боишься, что Лан Цяньцю тебя не прикончит, и непременно желаешь пригласить меня посодействовать?

Ци Жун всё же очень боялся Хуа Чэна, огонёк даже уменьшился немного. Но раз всё равно помирать, почему бы не выругаться напоследок?

— Паршивый пёс Хуа Чэн, тебя я уж точно не испугаюсь! Се Лянь, не думай, что я ничего не знаю! Я превозносил тебя как небесное божество, ну а что же ты? Чем я был для тебя? Ты никогда не воспринимал меня всерьёз! Ты отвергал меня, считал дураком, безумцем, больным, пренебрегал мной. Ты всегда смотрел на меня свысока! А кто дал тебе такое право? Ты даже ничтожный народец Юньани истребить не смог, бесполезная дрянь!

— Ты...

Се Лянь успел сказать лишь слово, и хотя Хуа Чэн не пошевелился, принц, будто что-то почувствовав, поспешил удержать того:

— Не надо, оставь.

Хуа Чэн, однако, не желал тратить силы даже на фальшивую улыбку.

— Что с того, что он смотрел на тебя свысока? Есть ли хоть что-нибудь в тебе, с головы до пят, заслуживающее уважения?

Возмущённый Ци Жун, задыхаясь от злости, расплевался:

— Тьфу, тьфу, тьфу! Вы... вы презираете меня, ну и пусть! У меня... у меня... у меня есть сын!

Покуда все замолчали, Ци Жун расхохотался словно сумасшедший:

— Хе-хе! Пусть я его случайно подобрал, всё же это лучше, чем быть таким как ты! Беспольной дрянью, страдающей бессилием, на которой прервётся род, и ни детей, ни внуков тебе не видать! Пусть хоть ещё восемьсот лет пролетит! Хэ-хэ-ха-ха-ха...

Се Лянь и Хуа Чэн безмолвно переглянулись. Хуа Чэн, не собираясь больше тратить на Ци Жун слова, только приподнял бровь, глядя на принца, и одними губами произнёс: «Это мы ещё посмотрим».

Се Лянь, зная, что Хуа Чэн шутит, лишь неловко усмехнулся. Но к всеобщей неожиданности непрекращающийся смех Ци Жун звучал всё слабее, и прыгающий вверх-вниз зелёный огонёк в итоге погас.

Лан Цяньцю застыл, не понимая, случилось ли это само по себе или же от того, что он слишком сильно сжал призрачный огонёк в руке. Гуцзы тоже замер, подбежал и по одному разогнул пальцы Лан Цяньцю, ничего не обнаружил и принялся рыться в почерневших обломках на земле. Измазав руки сажей, мальчик так и не нашёл зелёного огонька, поэтому невольно дёрнул Лан Цяньцю за одежду:

— Где мой отец?..

Он задал вопрос Лан Цяньцю, а тот, не зная, что ответить, перевёл взгляд на Се Ляня. Принц также не находил слов, поэтому лишь вздохнул, развернулся и направился прочь. Гуцзы за его спиной не переставал допытываться:

— Гэгэ, где мой отец? Он ведь ещё жив? Он говорил, что непременно станет... каким-то... великим князем, сильнейшим в трёх мирах, и никогда не умрёт. Он ведь жив, да?

Надоедливый Ци Жун наконец исчез.

Но Се Лянь не просто не знал, что на это сказать, но даже не мог понять, какие чувства испытывает по этому поводу.

Честно говоря, если подумать как следует, принц, похоже, действительно ничего не мог возразить на слова Ци Жуна. С малолетства он, кажется, никогда не относился к своему младшему двоюродному брату с должным вниманием.

Сперва он жалел Ци Жуна, потом терпел, считал его головной болью, всячески игнорировал, полагая, что здесь сработает «с глаз долой — из сердца вон». Если непременно настаивать, что принц «отвергал» Ци Жуна, похоже... это действительно так.

И не только это. Когда-то принц ненавидел Ци Жуна, ненавидел до такой степени, что хотел бы растереть его в порошок и развеять по всей стране. Но спустя века, пережив столько всего и теперь оглядываясь назад, принц, кроме раздражения, ощущал лишь усталость. Можно даже сказать, что к прежней неприязни добавилось чуточку безразличия.

Ни радости, ни печали.

Поиски Цзюнь У не увенчались успехом. Они спустились с развалин и Ши Цинсюань, который долго ждал их внизу, спросил:

— Ваше Высочество, ну что?

— Мы его не нашли, — покачал головой принц.

— Как же так?!

Небесные чиновники пустились в обсуждение:

— Что если он правда мёртв? Например, обернулся прахом и рассеялся по ветру...

— А если он где-то прячется? Это ведь настоящий кошмар!

— И где же он мог спрятаться? При стольких-то свидетелях?

Оглядевшись, Ши Цинсюань добавил:

— Ваше Высочество, есть один вопрос, который я хотел вам задать ещё в самом начале. А где Наньян и Сюаньчжэнь?

И в самом деле, они уже очень давно не видели ни Фэн Синя, ни Му Цина. Небесные чиновники вновь зашумели:

— Неужели оба, как и генерал Пэй, остались в столице бессмертных, так и не выбравшись из своих дворцов?

— Быть не может... Я ведь ещё наверху видел генерала Наньяна, он покинул свой дворец! К тому же он тогда, кажется, кого-то искал [309]...

Единица на резных костях —тревожный знак

Се Лянь прошептал, обращаясь к Хуа Чэну:

— Не знаю, что с Му Цином, а Фэн Синь искал Цзянь Лань и духа нерождённого. Что если...

Что если они не отправились со всеми небожителями, а остались в столице бессмертных, и теперь, после погони на небе и на земле, утонули или сгорели заживо?

Или же, что ещё хуже, оба сейчас находятся в руках Цзюнь У!

К принцу подошёл советник со словами:

— Ваше Высочество, не ищите. Если он здесь, ему нет нужды прятаться. Нас много, однако не наберётся и десятка тех, кого он считал бы достойным противником. Если его здесь нет, существует лишь одно место, куда он мог отправиться. И он надеется, что вы отправитесь за ним.

Се Лянь сразу понял, о чём говорит советник:

— Гора Тунлу?

Советник, кивнув, добавил:

— Полагаю, он напрямую воспользовался Сжатием тысячи ли. Помимо столицы бессмертных, гора Тунлу — его истинные владения, где он черпает силу.

— А? Вы намерены отправиться на гору Тунлу? В столь жуткое место??? — поразился Ши Цинсюань.

— Нам уже приходилось там бывать, — ответил Се Лянь. — Не такое уж оно и жуткое. Возможно, Фэн Синь и Му Цин тоже там.

— Не стоит подходить к делу столь легкомысленно, — возразил советник. — Когда окажетесь на горе Тунлу вновь, вас точно будет ожидать совсем не то, что в прошлый ваш визит на гору. — Помолчав, он добавил: — Я пойду с вами. И лучше всего найти ещё несколько надёжных Богов Войны для поддержки. Только не раненых, раненые станут обузой.

Над этой задачей принцу пришлось поломать голову.

— Найти надёжных Богов Войны? — Если раньше таковые имелись, теперь почти никого не осталось. Кто пал, кто подгорел, кто пропал без вести, кому-то к ноге прицепился ревуший навзрыд ребёнок.

Хуа Чэн вмешался:

— Не нужно искать никаких помощников, все они бесполезны. Достаточно меня одного, я отправлюсь с гэгэ.

— Этого наверняка недостаточно, — вновь возразил советник.

Издали послышался протестующий голос Пэй Мина:

— Собиратель цветов под кровавым дождём, я бы попросил не говорить «все они бесполезны» столь уверенным тоном!

Ши Цинсюань рассмеялся:

— Генерал Пэй, вас так сильно обожгло, что вы даже в ловле крыс не можете сравниться с Её Превосходительством Повелительницей Дождя, какие могут быть возражения?

Он так давно не виделся с Пэй Мином, а увидевшись после долгой разлуки, стал над ним подшучивать в собственное удовольствие, как и прежде. Пэй Мин же, которого задела за больное, не смог ничего возразить и насупился ещё сильнее. Неожиданно раздался оклик:

— Подождите, ещё есть я, я пойду с вами.

Повернувшись на голос, все увидели, что с ними говорит Му Цин. В какой-то момент он вдруг оказался позади всех. Се Лянь тут же выдохнул с облегчением:

— Му Цин? Когда ты пришёл? И куда только что уходил? Я уж было решил, что ты пропал без вести.

— Я всё время был здесь!

Хуа Чэн, скрестив руки на груди, покосился на него:

— Всё время был здесь, но молчал и бездействовал?

Му Цин спокойно ответил:

— Сказал же, я всё время был здесь. Просто ничего не говорил, и вы меня не видели.

Но ведь только что они несколько раз нуждались в подмоге, однако Му Цина так и не обнаружили, да и когда звали его, он не появлялся. Собственно, поэтому все и решили, что генерал Сюаньчжэнь исчез. Се Лянь даже понадеялся, что Фэн Синь тоже где-то рядом, просто они его не заметили, однако, оглядевшись, обнаружил, что Фэн Синя в самом деле здесь нет. Пришлось согласиться:

— Ладно. Ты намерен отправиться с нами? Прекрасно, всё-таки хоть кто-то нашёлся.

Му Цин присоединился к ним. При этом лица советника и Хуа Чэна сделались мрачными, будто вылепленными по одному эскизу. Они оба с давних пор относились к Му Цину без явной симпатии, о Хуа Чэне и говорить нечего, а советник с самого начала не хотел принимать Му Цина в ученики. И теперь по его виду можно было догадаться, о чём он думает: чем брать такого помощника, лучше обойтись без помощника вовсе. Сам Му Цин, впрочем, прекрасно осведомлённый о таком отношении к собственной персоне, всё же приблизился и поклонился советнику, тихо назвав его «наставником».

Советник кивнул, не сказав ни слова. Всё-таки Му Цин не совершил ничего по-настоящему дурного, и раз уж вызвался на подмогу, нет причин ему отказывать. Затем Мэй Няньцин обратился к Ши Цинсюаню:

— Статуя Его Высочества останется здесь для поддержки. Для полного упокоения духов понадобится ещё несколько дней. Теперь вас тут целая орава, как следует присмотри за всеми.

Ши Цинсюань покивал:

— О чём речь! Только, постойте, уважаемый учитель, я вас несколько раз спрашивал, не могли бы вы всё-таки мне ответить? Что вы за выдающийся мастер, в конце-то концов?

Но ответа ему так и не последовало. Трое направились вместе с Хуа Чэном к большому зданию неподалёку, тот небрежно выбросил

игральную кость и уже вознамерился открыть дверь, как вдруг, взглянув на выпавшую цифру, едва заметно переменялся в лице.

Се Лянь сразу заметил это.

— В чём дело, Сань Лан? Нельзя использовать Сжатие тысячи ли?

Хуа Чэн принял прежний вид и улыбнулся:

— Нет, просто мне крайне редко выпадает такой результат.

Он показал раскрытую ладонь принцу, и тот, переместив взгляд, тоже застыл. На бледной ладони лежала одинокая игральная кость, на которой выпала единица.

Обыкновенно Хуа Чэн, стоило ему взяться за кости, выбрасывал шесть красных точек, единица же... поистине являлась редкостью. Сердце Се Ляня едва ощутимо дрогнуло.

— И что означает эта цифра? — спросил принц. — Простая неосторожность?

— Судя по предыдущему опыту, должно быть, впереди меня поджидает нечто весьма и весьма опасное.

Сердце Се Ляня опять ёкнуло. Советник, стоявший позади, вмешался:

— Ох, сколько раз я говорил вам, молодые люди, азартные игры до добра не доводят, нужно бросать это занятие как можно раньше! Ваше Высочество, поглядите, что за дурную привычку он приобрёл!

Несмотря на недоброе предзнаменование, Хуа Чэн остался спокойным, убрал кости и с улыбкой произнёс:

— Это просто цифра, посмотри и забудь, на самом деле неважно, что выпало. Опасность впереди или нет, решать только мне. — Он открыл дверь. — Идём, гэгэ.

Хуа Чэн уже почти переступил порог, но Се Лянь невольно схватил его за руку. У него с губ едва не сорвалось «не ходи», но тут и думать было нечего — принц знал, что уговорить Хуа Чэна невозможно. В итоге он тихо ответил:

— Идём. Только никуда от меня не отдаляйся. Если что-то случится, я смогу тебя защитить.

При этих его словах Хуа Чэн удивлённо застыл.

Лишь спустя некоторое время приподнял уголки губ и усмехнулся:

— Хорошо. Не забывай меня защищать, гэгэ.

Во взгляде Му Цина, наблюдавшего за этим со стороны, отразился не то трепет ужаса, не то озноб отвращения. Но когда Хуа Чэн открыл дверь, налетевшая из-за неё волна жара стёрла это странное выражение с лица Му Цина.

Гора Тунлу изменилась до неузнаваемости. Здесь совсем недавно произошло извержение вулкана, и пепел, тяжёлой завесой летающий в воздухе, до сих пор не развеялся. Место, покрытое лесами, горами и скалами, полыхало огнём, пламя пожирало всё живое, словно в плавильной печи преисподней.

Они оказались на скале, возвышающейся над полыхающим холмом, и тут же едва не задохнулись от пепла.

— Он правда здесь? — спросил Се Лянь.

— Должно быть, где-то неподалёку от Медной печи, — предположил Му Цин.

— Вулкан извергся, боюсь, там невозможно находиться.

Советник произнёс:

— Я догадываюсь, где он. Если то место ещё не разрушено. Идите за мной, узнаете всё, когда окажемся на месте.

Следом за советником они спустились с холма, при этом Хуа Чэн всё время шёл впереди принца, убирал камни и ветки, мешающие пройти, первым ровнял путь, затем протягивал руку принцу, чтобы поддержать его. В противном случае Се Лянь уже давно оказался бы у подножия холма... просто подскользнулся бы на самом верху и кубарем скатился вниз.

К их неожиданности, вместо принца оступился кое-кто другой... Следовавший позади всех Му Цин чуть покачнулся, неосторожно ступив. Се Лянь, который находился к нему ближе всех, быстро схватил того за руку:

— Осторожно!

Тот едва заметно вздрогнул, словно осознал, что произошло, и ответил:

— Знаю.

Се Лянь отпустил его, посетовав в душе на негативную реакцию Му Цина, затем отвернулся и вдруг вспомнил кое о чём. Пройдя быстрее вперёд, он оказался возле Хуа Чэна и прошептал:

— Кстати, Сань Лан, тогда, на вершине снежной горы, где Фэн Синь и Му Цин затеяли драку, что за разговор между ними произошёл?

Почему ты, услышав его, внезапно рассердился?

Выражение лица Хуа Чэна при упоминании об этом тронул холод, который, впрочем, сразу исчез, и он ответил:

— О, ты об этом... Те двое не выбирают выражений, поэтому сказали нечто неуважительное по отношению к тебе, вот и всё.

— А? — удивился Се Лянь. — И что же они сказали?

— Тебе не стоит это слушать, не хочу оскорблять твой слух. Мы спустились.

Они вчетвером добрались до подножия холма, но прошли ещё немного, и путь им преградила река. Только в ней текла не прозрачная вода, а огненно-красная жидкость, бурлящая пузырями... Кипящая лава!

От такого жара обычный человек сгорел бы, едва приблизившись, не понадобилось бы падать в лаву. К счастью, они не являлись простыми смертными, и потому до сих пор не расплавились, растекшись лужей вместе с костями. Советник, то и дело вытирая пот со лба, заключил:

— Должно быть, нам на ту сторону. Раньше здесь располагался ров, защищающий город. Теперь он обернулся препятствием, через которое не перебраться.

Се Лянь произнёс:

— Похоже, нам понадобится что-то для переправы.

Будь у них сейчас огромная каменная статуя, они бы перемахнули ров в несколько шагов. Но изваяние осталось подавлять духов в императорской столице, а три горных чудища обернулись мечом, и лучше им всё-таки оставаться там.

— Сань Лан, твои бабочки смогут перенести нас на ту сторону?

— Лава слишком горячая, боюсь, они долетят до середины и сгорят.

Не слишком приятный исход — упасть с высоты прямо в лавовый поток.

Однако Хуа Чэн добавил:

— Впрочем, есть уже проторенный путь.

Остальные проследили за направлением его взгляда, и Се Лянь произнёс:

— Откуда среди лавы человек?

Совершенно точно, он не мог ошибиться. Только что принц заметил среди лавы мертвенно-бледную руку, протянутую в небо. Приглядевшись, Му Цин подтвердил:

— И в самом деле! Да ещё и не один?

По меньшей мере несколько сотен. На поверхности лавовой реки виднелось немало тел и голов, некоторые кружились в завихряющихся потоках, некоторые даже плыли против течения. Их тела отличались странным белым цветом, лица казались размытыми пятнами. Это были не живые люди.

Се Лянь догадался:

— Пустые сосуды из столицы Уюна... принесло сюда потоками лавы.

При должном мастерстве нетрудно будет перебраться через реку, перепрыгивая по пустым сосудам как по камням. Правда, духи погибших и без того ужасно мучаются в кипящей лаве, а если по ним ещё и кто-то потопчется... участь незавидная. Впрочем, сейчас не было иного выхода.

Му Цин вызвался идти первым, выбрал нужное направление, несколько прыжков — и он уже пересёк ров и стоит на том берегу, оглядываясь на них. Се Лянь обратился к советнику:

— Давайте я сначала перенесу вас.

Всё-таки советник не являлся ни Богом Войны, ни даже простым мастером боевых искусств, поэтому его придётся нести. Наставник кивнул и направился к принцу, но Хуа Чэн остановил:

— Гэгэ, позволь мне.

Се Лянь, разумеется, согласился:

— Хорошо.

Хуа Чэн, приблизившись к советнику, взял того под руку, словно человека преклонных лет, и произнёс:

— Прошу, почтеннейший, следуйте со мной. Не забывайте смотреть под ноги.

Обернувшись и увидев рядом не Се Ляня, советник нахмурился:

— А? Почему именно ты?

Се Лянь, не зная, как быть, тихо кашлянул и пояснил:

— Сань Лан искренне попросил перенести вас через ров, и я позволил ему взять на себя этот труд.

— Что за беспричинная любезность?

Хуа Чэн же, улыбаясь во весь рот, ответил:

— Я или гэгэ, разницы ведь нет никакой. К тому же, я вас очень уважаю, и разумеется, не против оказать вам услугу, ведь мне это совсем не трудно.

Помолчав, советник сказал:

— Если в самом деле меня уважаешь, убери эту улыбку с лица. Уж чересчур фальшивая.

Хуа Чэн сразу перестал улыбаться, только согласно хмыкнул, без лишних слов подхватил советника, шух-шух-шух — и переместился на противоположный берег.

Он передвигался поразительно быстро, так что советник ещё ничего не успел понять, как оказался возле Му Цина, и потому потрясённо застыл. Ну а пустые сосуды, которых касался сапог Хуа Чэна, даже не заметили, что на них наступили, — посмотрели вверх, но, ничего не увидев, лишь озадаченно почесали затылки и продолжили плыть в потоке лавы. Наконец придя в себя, советник, бросив взгляд на Хуа Чэна, дал такую оценку:

— Недурно.

Се Лянь же подумал: «Вы слишком строги, разве можно подобное мастерство оценить лишь словом “недурно”?» Принц покачал головой и выкрикнул:

— Я тоже направляюсь к вам!

Хуа Чэн развернулся.

— Гэгэ, оставайся на месте, я вернусь за тобой.

Но действия Се Ляня оказались быстрее слов. Принц уже находился в полёте, и вот, наступив на живот одному пустому сосуду, плывущему кверху лицом, успел почувствовать, как твёрдое тело под ним слегка просело. Но тут же вновь взмыл в воздух, коснувшись носком сапога макушки следующего пустого сосуда.

Так, наступив пять-шесть раз, принц оказался на середине пылающего рва. Но к его неожиданности, когда Се Лянь вновь собрался взлететь, его потянуло вниз, и он едва не потерял равновесие!

Благодаря молниеносной реакции Се Ляню удалось устоять, а посмотрев вниз, он увидел у себя под ногами пустой сосуд, который схватил принца за сапог!

В мыслях Се Ляня пронеслось: «Вот беда, снова она!»

Снова его дрянная удача. Остальные пересекли ров без каких-либо происшествий, и только принц, как назло, столкнулся с вредным пустым сосудом, который вцепился ему в лодыжку!

Пустые сосуды всплывали на поверхность лавовой реки потому, что были полыми внутри, но не выдерживали слишком большого веса. От исходящего снизу жара Се Лянь покрылся потом, а угол его рукава даже загорелся.

Если так пойдёт дальше, он либо вместе со своим «островком» погрузится в лаву, либо пламя охватит его целиком!

В момент смертельной опасности Се Лянь проявил находчивость: Жое, вылетев с его руки, притянула ближе другой пустой сосуд, плывущий в трёх чжанах от принца. Поставив ногу на спину этого сосуда, Се Лянь перенёс на него половину своего веса, таким образом увеличив плавучесть обоих сосудов и гарантировав, что они потонут не сразу. Поскольку положение не терпело промедления, Се Ляню всё же пришлось вынуть Фансинь и отрубить схватившую его за сапог руку. Только принц наконец собрался взлететь, как рядом с ним оказался красный силуэт.

— Сань Лан? Всё уже в порядке, тебе не следовало приходить на помощь.

Хуа Чэн ещё издали нанёс удар, которым вдребезги разбил пустой сосуд, схвативший Се Ляня, и теперь ответил:

— Доберёмся до берега, об остальном потом.

Они вместе оказались на берегу, и Се Лянь, хлопками потушив загоревшийся рукав, произнёс:

— Прости, что заставил тебя волноваться.

— Это моя вина. Прежде чем перебраться на этот берег, я должен был сказать тебе, чтобы ты меня подождал. Я бы вернулся за тобой.

— Ладно, ладно, хватит! — вмешался советник. — Его Высочество не настолько хрупкий, справился бы и без тебя, зачем за ним возвращаться? Идёмте! Сюда.

Перебравшись через ров, они прошли ещё немного и добрались до императорского дворца Уюна. Половина здания оказалась погребена под землёй, поэтому им пришлось идти по склону, ведущему глубоко вниз.

Стоило покинуть поверхность земли, и горячий воздух вокруг постепенно остыл. Подземный дворец пустовал, и даже самый тихий

звук отзывался в нём гулким эхом.

Они зажгли Пламя-на-ладони, чтобы осветить окружение. Дворец долгое время оставался запечатанным, но по-прежнему мог назваться роскошным. В свете пламени заблестели золотые узоры, стали видны расписные колонны и резные балки. Вот только здесь не было ни души, в воздухе чувствовалось дыхание смерти, словно в огромном древнем склепе.

— Его Высочество вырос в этом дворце, — поведал советник.

— Он в самом деле направился сюда? — спросил Му Цин.

— А ты как думаешь? Здесь его магические силы достигают пика. Всем сохранять бдительность.

Неожиданно Се Лянь кое-что заметил.

Серебристый глаз на рукояти Эмина, что висел на поясе Хуа Чэна, принялся бешено вращаться, необычайно взволнованный.

Хуа Чэн, однако, остался холодно сосредоточенным, не обращая на саблю никакого внимания. Се Лянь не удержался и погладил Эмина, и тот наконец немного успокоился. Хуа Чэн же, опустив взгляд и увидев руку принца на рукояти сабли, мягко улыбнулся и словно собирался что-то сказать, но тут из тёмного угла дворца вдруг послышалось хихиканье.

Голос принадлежал мужчине средних лет, в нём звучали хитрость и коварство, будто он не замышлял ничего хорошего. У Се Ляня вмиг по спине пробежали мурашки. Кроме того, ему уже приходилось слышать этот смех.

Так смеялся дух нерождённого!

Му Цин выкрикнул:

— Вон там!

С его ладони сорвался сгусток пламени, озаривший пространство над ними, где высоко под крышей дворца словно геккон прилипла к стене бледная тварь — это и был дух нерождённого!

Длинным алым языком тварь облизывала собственную спину, будто сама себя щекотала. Увидев летящий в него сгусток пламени, дух хихикнул и выплюнул в Му Цина что-то бесформенное, похожее на переваренную пищу. Му Цин с отвращением увернулся, а советник, посмотрев на выплюнутое месиво, затем на существо над ними, с трудом принимая реальность, спросил:

— Это действительно сын того негодника, Фэн Синя???

Се Лянь второпях позвал:

— Постой! Цоцо! Тебя ведь зовут Цоцо?

Услышав своё имя, дух застыл и оглянулся на принца.

— Цоцо, — продолжил Се Лянь, — мы пришли найти... найти... твоего отца. Ты знаешь, где он?

Только услышав «твоего отца», дух мрачно усмехнулся и, пользуясь всеми четырьмя конечностями, куда-то уполз. Се Лянь выкрикнул:

— Цоцо? Скорее, за ним!

Остальные зажгли Пламя-на-ладони ярче, чтобы найти беглеца. Му Цин вдруг воскликнул:

— Сюда!

— Куда? — переспросил Се Лянь.

— Я видел, как он побежал туда.

Му Цин указал на длинный, узкий и тёмный коридор, ведущий в сторону. Даже не зная, куда он ведёт, нетрудно догадаться, что на другом конце нет ничего хорошего.

Хуа Чэн вдруг спросил:

— Ты правда видел, как он туда побежал?

Му Цин, должно быть, почувствовал, что его заподозрили во лжи, поэтому несколько раздражённо ответил:

— Какой мне смысл вас обманывать?

Хуа Чэн лишь хохотнул в ответ, без тени эмоций, но всё же не слишком дружелюбно.

— Нашли время ссориться, — вмешался советник. — Не стоит проходить мимо подозрительных мест, не помешает осмотреться.

Коридор оказался довольно узким. Когда-то, вероятно, он был намного шире, но потом, словно от давления с двух сторон, превратился в проход, по которому можно идти только поодиночке. Му Цин, будто охваченный негодованием из-за прозвучавшего в голосе Хуа Чэна подозрения, пошёл первым. Хуа Чэн, разумеется, вознамерился войти следующим, но принц заметил, что глаз Эмина на его поясе вновь бешено вращается, и в его душе что-то дрогнуло — Се Лянь потянул Хуа Чэна к себе за спину.

— В чём дело? — удивился тот.

Се Лянь, тихо кашлянув, объяснил:

— Я же сказал, что буду тебя защищать... Иди за мной.

Хуа Чэн едва заметно улыбнулся.

Они вчетвером двинулись вперёд по длинному коридору. И чем дальше шли, тем неудобнее чувствовал себя Се Лянь.

Принц всегда обладал крайне чувствительной интуицией по отношению к опасности. И то, отчего ему становилось неудобно, ожидало прямо впереди.

— Советник, — позвал Се Лянь, — вы помните, куда вёл этот коридор? Почему, чем дальше мы идём, тем сильнее я ощущаю очень тяжёлую...

Ци убийства.

К тому же не живую, а практически ледяную. И с приближением к её источнику нервы принца натягивались всё туже.

Вот только советник так и не ответил ему. Сердце Се Ляня громко стукнуло, он позвал вновь, повысив голос:

— Советник?

Ответа по-прежнему не последовало. Се Лянь рывком развернулся и понял, что в какой-то момент коридор за его спиной опустел!

А раньше принц не заметил этого потому, что огни, которые зажгли Хуа Чэн и советник, так и остались висеть в воздухе, тихо следуя за ним и освещая путь уже исчезнувшим хозяевам.

Му Цин обернулся следом и поразился:

— А где Собиратель цветов под кровавым дождём?!

Не говоря ни слова, Се Лянь повернул назад. Му Цин схватил его за руку.

— Ты куда? Мы скоро будем на месте! Ты что, правда считаешь, что они просто вернулись?

Помолчав, Се Лянь ответил:

— Нет.

Хуа Чэн ни за что на свете не ушёл бы, не предупредив принца, и потому случившееся пугало ещё сильнее!

Се Лянь вдруг вспомнил об одной вещице, которую на его теле оставил Хуа Чэн, и второпях поднёс ладонь к лицу. Увидев на третьем пальце красную нить, по-прежнему яркую и отчётливую, Се Лянь наконец вздохнул спокойно — это означало, что с Хуа Чэном всё в порядке. Но стоило принцу подумать о той единице, которую выбросил демон перед приходом сюда, и его брови вновь напряглись.

Му Цин же сказал ему:

— Почти уверен, что если ты сейчас повернёшь назад, не найдёшь их. Лучше пойдём дальше, посмотрим, что там такое. Ведь если вернёмся и никого не обнаружим, придётся опять идти сюда, к чему тратить время?

Се Лянь только хотел ответить, но неожиданно задержал дыхание, затем прошептал:

— Тсс. Слушай. Что за звуки?

Му Цин тоже сосредоточенно прислушался.

Это было тихое дыхание мужчины.

И оно раздавалось впереди!

Настороженные до предела, незаметно сжимая рукоять каждый своего оружия, они направились на звук.

А когда вышли наконец из коридора, оказались в другом зале. Му Цин осторожно принялся обыскивать зал, а Се Лянь, щёлкнув пальцами, запустил вперёд небольшой огонёк, который осветил лежащую на полу фигуру.

Принц узнал этого человека со спины и подбежал к нему.

— Фэн Синь?!

Перевернув человека, Се Лянь действительно увидел Фэн Синя, обожжённого и израненного. Впрочем, жизнь того явно находилась вне опасности. Принцу несколькими хлопками едва удалось привести Фэн Синя в чувство. Очнувшись, тот сперва выругался, затем, разглядев перед собой Се Ляня, осёкся и воскликнул:

— Ваше Высочество??? Что ты здесь делаешь?

Се Лянь выдохнул и сказал:

— Может, сначала ты поведаешь мне, «здесь» — это где?

Фэн Синь сел, огляделся по сторонам и задал тот же вопрос:

— Где это мы?

Как и думал принц, Фэн Синь тоже не знает ответа, спрашивать его бесполезно. Покачав головой, Се Лянь протянул ему руку:

— Поднимайся. Тебя мы нашли, теперь нужно искать Сань Лана.

— Ты про Собирателя цветов под кровавым дождём? — удивился Фэн Синь. — Что с ним? Он не с тобой?

— Дело обстоит так. Мы вместе...

Однако Фэн Синь, вскинув ладонь, перебил его:

— Постой! Кто это за твоей спиной?!

Се Лянь обернулся, увидев неподвижную фигуру в темноте, и ответил:

— Это же Му Цин! А что?

Зрачки Фэн Синя мгновенно сузились, он выкрикнул:

— Скорее хватай его!

Фигура из темноты сделала шаг, наконец показавшись в свете огня. Лицо Му Цина мрачнело, он не произносил ни слова, а Фэн Синь, схватив Се Ляня, добавил:

— Пока я в столице бессмертных занимался себе поисками, кто-то нанёс мне удар, подкравшись со спины. Иначе как, по-твоему, я мог потерять сознание?

Мысли в голове Се Ляня замелькали вереницей, он моргнул и уточнил:

— Это он тебя ударил?

Фэн Синь уверенно ответил:

— Ошибки быть не может, это точно он!

— А после ты сразу потерял сознание?

— Примерно так и было! В любом случае, Ваше Высочество, берегись, и либо не приближайся к нему, либо хватай его, не дай уйти!

Му Цин не выдержал:

— Да чтоб тебя...

Се Лянь торопливо перебил:

— Постой! Фэн Синь, в том-то и проблема. Раз он напал на тебя со спины, а потом ты сразу потерял сознание... Откуда ты мог узнать, что нападавшим был именно Му Цин?

Фэн Синь застыл, явно не ожидавший такого вопроса. Му Цин же сразу схватился за возможность вставить слово и хмыкнул:

— В тот момент, когда столицу бессмертных охватил пожар, началась такая паника, что кто угодно по неосторожности мог толкнуть тебя в спину, ничего удивительного. Но тебе обязательно нужно свалить всё на меня. Ты что, не можешь признать, что ошибся?

Фэн Синь же, не отпуская принца, поднялся и мрачно произнёс:

— Нет, это точно был ты!

— С чего ты так уверен?

Фэн Синь отчеканил:

— В том и дело, что когда столица бессмертных загорелась, повсюду полыхало пламя, и на земле отразилась тень того, кто на меня

напал. Я не успел обернуться, но видел силуэт и приём нападавшего. Тень принадлежала именно тебе!

Принц задумчиво слушал их словесную перепалку. Му Цин не собирался сдаваться:

— В любом случае, ты всё же не видел своими глазами. Тень может искажаться, что вполне нормально, и ты по одной только тени определил, что это был я? Что ты там мог различить, теряя сознание?

— Тебе самому прекрасно известно, мог ли я определить по одной лишь тени. И Его Высочеству тоже.

Се Лянь действительно прекрасно был об этом осведомлён. Что ни говори, а они втроём выросли и совершенствовались в заклинательстве бок о бок и как никто другой знали силуэты и приёмы друг друга. Даже не видя лица, они могли узнать друг друга почти безошибочно!

Фэн Синь продолжил:

— Ваше Высочество, вы ведь пришли сюда вместе? Не совершал ли он чего-то подозрительного по пути?

— Ну...

По правде говоря, Му Цин действительно всю дорогу вёл себя подозрительно, явно охваченный беспокойством. Но в подобных обстоятельствах Се Лянь не мог сказать этого при Му Цине.

Фэн Синь воскликнул:

— Нет! Если подумать как следует, подозрителен сам факт его присутствия здесь. Как он, с его-то характером, мог вызваться вместе с вами пойти спасать кого-то, рискуя жизнью? Это действительно Му Цин?

Лицо Му Цина сделалось ещё мрачнее.

— Нельзя делать столь категоричные заявления. Завести ребёнка — вот что не похоже на тебя, но ведь ребёнок всё же появился!

Чувствуя, что разговор свернул в неверном направлении, Се Лянь поспешно вмешался:

— Ну всё, довольно ссориться! Иначе заставлю вас играть в слова, чтобы успокоились!

Му Цин не унимался:

— И вообще, если это я напал на тебя, к чему мне было тратить столько сил, чтобы отправиться с ними на твои поиски?

Фэн Синь парировал:

— Потому что ты не предполагал, что я всё равно тебя узнаю, несмотря на удар со спины! Кроме того, неизвестно ещё, что это за проклятое место. Ты мог заманить сюда Его Высочество вовсе не ради моего спасения. Ведь по пути Собиратель цветов под кровавым дождём куда-то пропал, я прав?

— Хочешь сказать, что я — самозванец, который намеренно заманил Его Высочество в опаснейшую ловушку? Мои извинения, но Его Высочество и Собиратель цветов под кровавым дождём всё это время шли со мной рядом, и будь я самозванцем, они не могли этого не заметить.

— Это действительно так... — вставил Се Лянь.

Однако... речь шла о Му Цине по пути сюда. Но когда они попали в подземный дворец, кто знает, вдруг Му Цина подменили, пока все отвлеклись? Тут уж нельзя сказать наверняка.

Изучая Фэн Синя взглядом, Му Цин произнёс:

— Ваше Высочество, мне думается, лучше тебе всё-таки держаться от него подальше. Ведь когда мы здесь оказались, он уже лежал тут, Собиратель цветов под кровавым дождём исчез, а этот тип вдруг вскочил и принялся разжигать ссору. Он явно больше похож на самозванца!

Безликий Бай однажды принимал облик двоих помощников принца, повторить этот трюк ему не составило бы труда. Потирая точку между бровей, Се Лянь предложил:

— Поступим так. Вы скажете мне одну вещь, которую можем знать только мы троём, чтобы проверить, кто настоящий.

— Что именно? — спросил Му Цин.

Подумав, принц выбрал один вариант:

— Что вы кричали друг другу на вершине снежной горы?

После этих слов принца лица Фэн Синя и Му Цина словно окаменели. Се Лянь, спрятав руки в рукава, добавил:

— Если ваши версии не совпадут, это будет означать, что один из вас — не настоящий. Для начала определимся, кто есть кто, после обсудим остальное.

Двое переглянулись, но промолчали, отчего принц, которому сперва было не так уж интересно, что же они сказали за его спиной, теперь испытал любопытство. Фэн Синь, так и не ответив на вопрос, произнёс:

— Вы упускаете одну важную деталь. Я вовсе не подозреваю, что он — самозванец.

Му Цин сощурился:

— И что ты хочешь этим сказать?

Фэн Синь сказал прямо:

— Я с самого начала понял, что он настоящий. Просто он всегда относился к нам недружелюбно, поэтому ничего удивительного в таком поступке нет.

Ладони Му Цина до хруста сжались в кулаки, он замахнулся и нанёс удар!

Будучи раненым, Фэн Синь с трудом успел увернуться. Они принялись драться, и хотя Се Лянь предполагал, что подобное может случиться, всё же у него разболелась голова от переживаний.

— Успокойтесь... Может, всё-таки в слова сыграем?

Стоило им развязать бой, и Се Лянь ощутил, как Ци убийства вокруг сделалась ещё тяжелее. Несколько сгустков пламени, полетевших в разные стороны, озарили зал, и принц наконец разглядел, что повсюду вокруг, на стенах и подставках, громоздятся ряды всевозможного оружия, от которого исходит холодная аура.

Так значит, они в оружейной. Поэтому со всех сторон веяло ледяной Ци убийства!

Когда-то у Се Ляня тоже имелся такой склад, и он очень любил свою коллекцию, проводя среди оружия много времени. Но это место вызывало исключительно неприятные ощущения, здесь не хотелось задерживаться надолго. Вот только принц не мог сразу определить, кому из этих двоих стоит поверить, кому следует помочь... По правде говоря, оба вели себя крайне подозрительно!

В конце концов Се Лянь выкрикнул:

— Жое!

Для начала стоит связать обоих, а потом разбираться!

Жое, которая долго ждала момента, чтобы показать себя во всей красе, наконец получила такой шанс. Но стоило белой ленте вылететь вперёд, и Се Лянь ощутил холодную волну, распространившуюся из-за спины.

Принц немедленно схватил ленту и хлестнул назад, сменив направление атаки. Жое за что-то ухватилась, но Се Лянь, резко дёрнув ленту на себя, не сдвинул это «что-то» с места.

Он помрачнел, а в следующий миг его, напротив, потянуло за другой конец Жое, и он натолкнулся спиной на что-то крепкое, как будто кто-то заключил его в объятия, да ещё нечто ледяное коснулось поясицы.

Се Лянь немало удивился такому повороту.

Принц хоть и был на вид не слишком крепкого сложения, всё же силой отличался поразительной. Как противник столь легко смог притянуть его к себе, не будучи какой-нибудь громадиной?

Се Лянь приготовился дать отпор, однако чья-то рука обняла его за талию, а над головой раздался голос:

— Гэгэ, это я.

— Сань Лан?

И в самом деле, опустив взгляд, принц увидел на руке, обнявшей его, серебряные наручи с резными кленовыми листьями, бабочками и хищными зверями; затем обернулся и обнаружил, что его поймал высокий и стройный мужчина в красных одеждах, спокойный и невозмутимый, с изогнутой серебристой саблей на поясе. Именно рукоять этой сабли, должно быть, только что коснулась поясицы принца.

Хуа Чэн!

Се Лянь сразу понял, что произошло. Выходит, Жое сама только что потянула принца к Хуа Чэну, поэтому, против силы обоих, принц ничего не смог поделать — оказался вмиг притянут!

Приняв устойчивое положение, он, потрясённый до потери дара речи, взял в руки Жое со словами:

— Живёшь за счёт одного, а служишь другому...

Но Жое теперь не шевелилась — решила притвориться мёртвой. Се Лянь, не желая с ней говорить, отбросил ленту и обратился к Хуа Чэну:

— Сань Лан, что случилось? Ты ведь всё время шёл за мной? А где наставник?

— Это место полно опасностей, мы дошли до половины, и путь оказался закрыт, назад тоже нельзя было повернуть. Мы столкнулись с кое-какой трудностью, пришлось потратить немного времени, чтобы с ней разобраться.

Раз даже Хуа Чэн воспринял нечто как «трудность», значит, напасть действительно была серьёзная. Се Лянь, стараясь не

показывать охватившее его беспокойство, спросил:

— Всё в порядке?

— Разумеется. Вот только советник куда-то пропал. Боюсь, придётся продвигаться дальше, чтобы найти его. Кстати, почему эти двое подрались? Такого шума наделали.

— Ах, они...

Фэн Синь и Му Цин тем временем наконец заметили появление Хуа Чэна, и Му Цин сразу выкрикнул:

— Эй! Ты там поосторожнее! Не стоит бездумно приближаться к тому, кто так внезапно появляется из ниоткуда!

Двое временно прекратили драку, и Фэн Синь тоже воскликнул:

— Ваше Высочество, вовсе не обязательно кидаться к нему сразу же, только покажись он тебе на глаза!

Се Лянь поспешил объяснить:

— Что... что значит — кидаться к нему, только покажись он на глаза? Это не я к нему кинулся, а Жое... — тут принц наконец понял, почему эти двое так разволновались.

Если существует вероятность, что Фэн Синя и Му Цина подменили, в таком случае... подозрение падает и на Хуа Чэна?

Возникает вопрос: тот, кто стоит сейчас рядом с принцем... действительно настоящий «Хуа Чэн»?

Хуа Чэн приподнял бровь.

— Значит, теперь ты подозреваешь, что я ненастоящий, верно?

Подставив руку под локоть и подперев щеку ладонью, Се Лянь принялся внимательно его изучать. Хуа Чэн заметил его взгляд и уставился на принца в ответ, но тот из-за его взгляда не смог продолжать осмотр, ненадолго задумался и пришёл к выводу, о котором тут же сообщил Фэн Синю и Му Цину:

— Мне кажется, он настоящий.

Му Цин же безрадостно возразил:

— «Тебе кажется», но ты способен ошибиться. Не забывай, где мы находимся — в гнезде Безликого Бая, здесь что угодно может произойти. Придумай, как его испытать.

Хуа Чэн с улыбкой произнёс:

— Ах, это очень просто. Гэгэ, подойди, у меня есть один прекрасный способ, который поможет тебе сразу всё выяснить.

Се Лянь послушно подошёл и как прилежный ученик поинтересовался:

— Что за прекрасный способ?

Му Цин выкрикнул:

— Хватит делать всё, что он тебе говорит! Сейчас мы вообще-то подозреваем, что он самозванец!

Хуа Чэн предложил принцу:

— Скажи мне первую часть моего пароля для духовного общения, а я дополню вторую, так ты и узнаешь, настоящий я или нет.

Двое обменялись фразами друг другу на ухо, Се Лянь повернулся, тихо кашлянул и постановил:

— Он... настоящий.

При этом Фэн Синь наконец немного расслабился, а Му Цин с недоверием переспросил:

— Ты уверен? Только не надо терять голову от одного только взгляда на него!

— Я сразу вам сказал, что он настоящий, ошибки быть не может. Почему вы то и дело говорите обо мне так, словно я совсем...

— Ладно, проблема решена, — перебил Хуа Чэн. — Кстати говоря, гэгэ, ты так и не ответил, почему они подрались.

Се Лянь в двух словах объяснил Хуа Чэну, что случилось, и закрыл лоб рукой.

— Вот так всё и было... По правде говоря, я просто не представляю, кто из них вызывает меньше всего доверия.

— Что тут спрашивать? Разумеется, он, — ответил Хуа Чэн, указав на Му Цина.

— Довольно плевать кровью в других, — огрызнулся тот, — у вас совсем нет границ, как я посмотрю! Прекратите спихивать на мою голову всё, какая бы беда ни случилась.

— Хорошо, — согласился Хуа Чэн. — В таком случае я задам тебе один вопрос. Что это у тебя на запястье?

Му Цин при этих словах переменялся в лице и немедленно шагнул назад, но Фэн Синь оказался проворнее и схватил его за руку.

— На запястье?

На запястье Му Цина открылась проклятая канга!

Тот, бросив на Фэн Синя яростный взгляд, со злостью отпихнул его руку, при этом на лбу у Му Цина вздулись синие вены. Се Лянь,

глядя на кангу, опустил скрещенные на груди руки и растерянно проговорил:

— Му Цин, у тебя на руке...?

Тот лишь мрачнел, не произнося ни слова. Тогда заговорил Хуа Чэн:

— Советую тебе честно ответить на вопросы: Зачем Цзюнь У позвал тебя в свой дворец? Что он тебе сказал? Почему он отнёсся к тебе лучше, чем к другим небесным чиновникам, и ты смог уйти целым и невредимым? И почему ты повёл себя столь несвойственно, вызвавшись пойти на гору Тунлу спасти кого-то? Откуда на тебе проклятая канга? Для чего ты заманил нас сюда?

Понимая, что положение складывается неблагоприятное, Му Цин отступил на шаг и поспешно ответил:

— Стойте! Не спешите нападать! Сначала выслушайте!

Хуа Чэн сделал пригласительный жест:

— Прошу. Говори.

— Первым делом ответь, это ты меня ударил? — вмешался Фэн Синь.

Помолчав, Му Цин наконец сквозь зубы прошипел:

— Считаю, что я. Но всё было не так, как вы думаете!

Фэн Синь в гневе занёс руку, но Се Лянь остановил:

— Пусть договорит.

Му Цин сделал глубокий вдох и признался:

— Это действительно я... напал на Фэн Синя.

— Так и знал! — Фэн Синь от злости едва не задохнулся. — Кроме тебя больше никому!

Му Цин продолжал говорить, обращаясь к Се Ляню:

— Но это всё потому, что столице бессмертных пришёл конец! Тогда все искали способ поскорее убраться оттуда, а он никак не желал уходить, не слушал, когда его звали. Останься Фэн Синь ещё хоть ненадолго, его бы спалило негасимым пламенем. Вот я и принял решение вырубить его, а потом уже передать тебе!

Се Лянь отметил:

— Но ты вовсе не передал его мне. Фэн Синь исчез, а после очутился здесь.

— Это из-за непредвиденных обстоятельств, возникших после.

— Каких ещё обстоятельств?

— Из-за духа нерождённого. Он неожиданно набросился на меня со спины, принялся кусать как бешеный, не позволяя мне забрать Фэн Синя. Я не успел взвалить того на плечо, когда столица бессмертных начала перестраиваться, а потом...

А потом Фэн Синь, вместе с клочком земли под ним, переместился в неизвестном направлении.

Если это правда, получается, Му Цин хотел совершить благое дело, но натворил прямо противоположное, вырыл Фэн Синю яму. Поистине вышло весьма неловко.

— Почему ты сразу не сказал... — удивился Се Лянь.

И Фэн Синь подхватил:

— То есть, так ты пытался спасти меня из горящей столицы? Вырубил и бросил валяться?

Му Цин с окаменевшим лицом продолжил говорить с принцем:

— Дух устроился на его груди, а потом явилась и та демоница, Цзянь Лань. Я подумал, что она разбудит или оттащит Фэн Синя куда-нибудь, не станет же просто стоять и смотреть, как он сгорит.

Се Лянь всё понял. Му Цин вызвался отправиться спасать Фэн Синя из-за чувства вины. Всё-таки из-за него тот остался лежать на земле без сознания, и ответственность заставила Му Цина пойти на такой шаг. Поэтому он всю дорогу вёл себя столь беспокойно, наверное, переживал, что Фэн Синь уже мёртв...

И всё же в такое объяснение крайне трудно поверить. Фэн Синь, в бешенстве хватаясь за волосы, выпалил:

— Что ты натворил, это же просто...! Ты что, не знал, кого я искал?! Да если бы ты не вмешался, я бы, возможно, нашёл их!

Му Цин хладнокровно ответил:

— Дух нерождённого служит Безликому Баю. Тот не стал бы причинять им вред. А они не собирались уходить вместе с тобой, ты бы просто потратил время, оставаясь там. Зови хоть тысячу раз — бесполезно. Лучшим выходом было спасти свою жизнь, покинув столицу, а уж после заняться поисками, если представится такая возможность. Обязательно понадобилось выбирать столь опасный момент, чтобы признавать родного сына? Я лишь избрал самый приемлемый вариант из всех на тот момент возможных.

Но Фэн Синь успокаиваться не собирался:

— Катись со своим приемлемым вариантом! Ты говоришь всё это, потому что это не твой сын! Постой, то есть, хочешь сказать, ты собирався спасти меня? Увести оттуда?

Хуа Чэн вмешался:

— Довольно нести чепуху, отвечай на мой вопрос: что тебе сказал Цзюнь У?

Му Цин закрыл рот, ненадолго замявшись.

Хуа Чэн, не спуская с него глаз, добавил:

— Ты теперь слушаешься его приказов, так?

— Ничего подобного! — сразу возразил Му Цин.

— В таком случае, прошу, объясни, откуда эта проклятая канга.

Му Цин так долго говорил, что у него немного пересохло во рту, и теперь он чуть хрипло произнёс:

— Если скажу... вы, скорее всего, не поверите.

Фэн Синь перебил:

— Мы только что тебя спрашивали, но ты чуть не под страхом смерти отказывался сознаться, а теперь вдруг признал вину! Разумеется, твоим словам нелегко поверить.

Му Цин с лёгким раздражением сказал:

— Думаешь, почему я не признавался? Объясни я тебе сразу, как было дело, ты бы точно не поверил! И относился бы ко мне по-прежнему! Кому захотелось бы во всём сознаться? Стоит признать вину, и сотней причин не оправдаешься, лучше уж всё отрицать!

К тому же, безусловно, большая удача, что Фэн Синь остался жив. Но причины случившегося и впрямь звучали весьма нелепо, так что неудивительно, что Му Цин со своим характером не желал признаваться. Принц, который всё время терпеливо слушал, произнёс:

— Сначала пусть договорит.

Бросив взгляд на Се Ляня, Му Цин помолчал и наконец с трудом выговорил:

— Дело в том... что он велел мне... причинить Его Высочеству вред, а я... отказался, и поэтому... — Здесь Му Цину стало неловко, и он осёкся.

— Значит, — уточнил Хуа Чэн, — он разозлился и надел на тебя проклятую кангу?

Му Цин молчал.

— И всё? — переспросил Фэн Синь.

Хуа Чэн бесстрастно заметил:

— Скажи честно, ты бы сам поверил в свои слова?

Будто подвергшись серьёзному оскорблению, Му Цин злобно бросил:

— Не хотите верить — не верьте. Я виноват в том, что напал на Фэн Синя, но ничьим приказам я не подчинялся.

— Му Цин, лучше... скажи правду.

От выражения лица Фэн Синя костяшки пальцев Му Цина громко хрустнули.

— Я сказал правду! Что ты хочешь услышать? Что я переметнулся на сторону Цзюнь У и решил убить вас? В ваших глазах я именно такой человек? Ваше Высочество?!

Он перевёл на принца взбудораженный взгляд. Се Лянь, охваченный размышлениями, долго смотрел на Му Цина, и уже открыл было рот, но Хуа Чэн, со скрещенными на груди руками, вышел перед принцем, встретившись глазами с Му Цином, и спокойно произнёс:

— Не надо так смотреть на Его Высочество. Ведь подобное уже случалось однажды.

— Тебя я не спрашивал! Когда подобное случалось?

— Когда? — Хуа Чэн улыбнулся. — Удачно ли прошло твоё совершенствование на благословенной земле, которую ты отобрал у Его Высочества?

От улыбки демона повеяло холодом, тон голоса тем более не предвещал ничего хорошего. Му Цин остолбенел, с его лица сошли все краски, он невольно отшатнулся.

— Ты!..

Му Цин и сам прекрасно понимал, что в тот раз поступил не очень-то великодушно, поэтому более всего боялся, что кто-то начнёт ворошить прошлое и тыкать ему в лицо. Хуа Чэн говорил с улыбкой в голосе, но при этом незримо давил на собеседника.

Не только Му Цин, Се Лянь был потрясён не меньше. Но его поразило другое... Как Хуа Чэн мог знать об этом?

Ни Се Ляня, ни Фэн Синя нельзя назвать болтунами, они не имели привычки обсуждать кого-то за спиной. Уход Му Цина нанёс им тяжёлый удар, однако они никогда не стали бы жаловаться кому-то. Что касается благословенной земли, Се Лянь впоследствии не желал

вспоминать о том случае и никогда ни с кем о нём не говорил. Принц был твёрдо уверен, что и Фэн Синь не стал бы.

Тем божествам, разумеется, тоже не имело смысла распространяться, у кого они отобрали волшебную землю, и они либо держали рот на замке, либо приукрасили и извратили правду. Се Ляню не доводилось слышать, чтобы после кто-то заговаривал об этом.

Но если всё так, откуда Хуа Чэн узнал о случившемся?

Разумеется, в чертогах Верхних Небес скрывалось немало его соглядатаев, но инцидент был настолько давний, целых восемьсот лет прошло, даже больше, а участники его в большинстве своём держали рот на замке... Неужели при таких обстоятельствах возможно что-то разузнать?

— Откуда ты узнал? Кто рассказал тебе? — спросил Му Цин, переводя взгляд на Фэн Синя, затем на Се Ляня, и в итоге всё же остановившись на последнем.

Хуа Чэн ехидно усмехнулся:

— Не смотри на Его Высочество, он никогда не рассказывал мне об этом. Вы ведь сами прокричали это на вершине снежной горы, забыл?

Лицо Му Цина побледнело сильнее. Се Лянь же, недоумение которого немного спало, покрылся испариной.

Стоило Фэн Синю и Му Цину схватить друг друга за горло, они начинали безудержно сводить старые счёты, вскрывая на свет всю тёмную подноготную другого. В ход шли любые давние грехи, которые каждый бросал в противника, подобно взрывчатке. Неудивительно, что Хуа Чэн тогда столь сильно разгневался. Но... принцу всё же смутно казалось, что здесь не всё так просто.

Ему на ум пришла легенда... о демоне в красном, что сжёг дотла храмы Богов Войны и Литературы. Хуа Чэн обрёл славу одной битвой, одолел тридцать три небесных чиновника, затем одним махом сжёг все их храмы и монастыри в мире людей. Се Лянь давным-давно позабыл, сколько небожителей когда-то поспорили с ним за благословенную землю. Он не помнил ни их титулов, ни облика, ни сказанных ими слов, лишь смутно припоминал, что их было где-то около тридцати.

Так... сколько же в точности? Могли ли это оказаться те самые божества? И если да, то, получается, Хуа Чэн уже давно обо всём знал?

После долгого молчания Му Цин выдавил:

— «Тогда» было тогда, а теперь — это теперь! Как бы то ни было, я никогда даже не думал...

В самый разгар препирательств Се Лянь вдруг нанёс удар ногой, выкрикнув:

— Берегись!

Му Цин, которого принц застал врасплох, от удара повалился на землю, послышался свист, и две острые холодные вспышки, пролетев прямо над ним, вонзились в стену. Му Цин вскочил, охлопал отпечаток ноги с одежды на груди и выкрикнул:

— Ты это нарочно?! Решил первым напасть?

Се Лянь поспешил объясниться:

— Прости, прости, я правда не специально!

Если бы принц нанёс намеренный удар, Му Цин сейчас, весьма вероятно, проделал бы в стене дыру в форме человека. Все повернулись и увидели два торчащих в стене острых меча, которые всё ещё дрожали.

— Кто это?! — воскликнул Фэн Синь.

— Здесь никого, кроме нас, — ответил Се Лянь. — Клинки сами пришли в движение!

Цзынь-цзынь, звяк-звяк, клац-клац, бряк-бряк. Отовсюду хлынула Ци убийства. Висящее на стенах оружие зашевелилось, бешено задрожало, а вместе с ним затряслась вся оружейная целиком!

— Быстро на выход! — велел Се Лянь и бросился бежать.

— Куда ты собрался? — удивлённо позвал Фэн Синь. — Там нет хода! Где дверь? Ведь не бывает оружейной без двери?! Как нам выбираться отсюда?

— Дверь была! Но пропала! Что происходит с этим оружием? Почему его вдруг захлестнула Ци убийства?

Хуа Чэн двумя пальцами поймал летящий в него меч и вроде бы не приложил силы, но клинок в тот же миг рассыпался на девять обломков, которые со звоном разлетелись по полу.

— Их слишком долго не брали в руки, — пояснил он. — Извелись в тоске. А когда почуяли, что кто-то пришёл, захотели убивать, вот и всё.

Принц и Фэн Синь невольно повернулись к Му Цину.

— Я тут ни при чём! — сразу вскинулся тот.

— Но... это ты привёл нас сюда, — напомнил Хуа Чэн.

— Я увидел духа нерождённого и указал на этот путь!

— Ты один его увидел.

Аргументов у Му Цина не осталось, и он сжал кулаки.

— Что теперь делать? — произнёс Фэн Синь. — Как нам успокоить всё это оружие?

Хуа Чэн ещё не ответил, а Се Лянь вдруг вспомнил, как ему приходилось однажды противостоять подобной нечисти, и пробормотал:

— Способ есть! Но только... придётся позволить им убить кого-то.

— Но сейчас мы вчетвером заперты здесь без возможности выбраться, как и кого ты собрался убивать?

Се Лянь только открыл рот, как Хуа Чэн вмешался:

— Втроём.

— Что — втроём? — не понял Фэн Синь.

— Просто поправил. Мы заперты здесь только втроём.

Се Лянь резко обернулся и в самом деле обнаружил, что из четверых присутствовавших в оружейной Му Цин неожиданно исчез!

Сомнений не оставалось! Там, где ранее находился Му Цин, теперь не оказалось никого. Фэн Синь поразился:

— Как же так?! Он ведь только что стоял здесь!

Зато Хуа Чэн несколько не удивился, всё-таки он сам недавно столкнулся с подобным.

— Это владения Безликого Бая. Всё здесь слушается его приказов. Он творит, что вздумается, и разумеется, если ему забрагорассудится кого-то забрать, он тут же это сделает.

Если ранее Фэн Синь больше склонялся к тому, чтобы поверить Му Цину, и все его словесные нападки вырвались в сердцах, то теперь... Фэн Синь просто не знал, что сказать. Он долго молчал, затем наконец произнёс:

— Ваше Высочество, Му Цин... неужели он... в самом деле...?

— Сейчас не время это обсуждать, — поспешно ответил Се Лянь.

— Оружие вот-вот нападёт, нужно придумать способ успокоить его, иначе нас покромсают до состояния мясного соуса!

Принц вынул из-за спины Фансинь, но Хуа Чэн сразу схватил его за руку. Се Лянь застыл, поднял голову и натолкнулся на взгляд

демона, который внимательно смотрел на принца, и единственный его глаз смутно затягивало кровавой пеленой.

Хуа Чэн мрачно спросил:

— Гэгэ, что ты собираешься делать с мечом?

Обрыв в сто чжанов высотой и пламенный поток стеной

Се Лянь на мгновение застыл.

— Я ничего не собираюсь делать.

— Тогда зачем взялся за меч?

— Для... защиты?

Лицо Хуа Чэна сделалось пугающе мрачным, ладонь сильнее сжалась на запястье принца.

— Как ты собираешься защищаться? Опустить меч!

Он впервые говорил с Се Лянем таким тоном и с таким выражением лица. Принц весь остолбенел, а Фэн Синь настороженно произнёс:

— С какой стати ты заставляешь его опустить меч? Сначала сам его отпусти!

В сторону принца полетел боевой топор, и Се Лянь мгновенно выставил перед собой клинок, отбив удар.

— Как я собираюсь защищаться... вот так!

Тогда лицо и голос Хуа Чэна наконец потеплели слегка, однако отпускать руку принца он не собирался.

— Тебе не нужно защищаться, просто встань за мной. И опусти меч.

Фэн Синь носком сапога подбросил с пола свой лук, схватил его на манер меча и, отбив летящий в него молот-метеор, с ещё большим подозрением спросил:

— Ты зачем хватаешь его за руки? Ты действительно настоящий? Ваше Высочество, кому-то ещё известен пароль от духовной сети Хуа Чэна, кроме тебя? Ведь не может быть, чтобы его знал только ты!

Стоило напомнить, и Се Лянь вдруг осознал, что пароль Хуа Чэна известен ещё кое-кому.

Цзюнь У!

Во дворце Сяньлэ тот велел принцу связаться с Хуа Чэном и всё прекрасно слышал!

И всё же Се Ляню казалось, что перед ним настоящий Хуа Чэн, просто... он отчего-то подумал о чём-то нехорошем, и потому повёл себя подобным образом.

Поразмыслив, Се Лянь ответил «Хорошо» и убрал Фансинь.

Мгновение, блеснула серебряная вспышка, изогнутая сабля покинула ножны!

Стоило Эмину явить себя, и оружейная озарилась снопом серебристых искр и непрекращающимся звоном металла. Се Лянь и Фэн Синь, окружённые холодным блеском и убийственной Ци, стояли, не шевелясь. Спустя ещё десять звонких ударов Хуа Чэн развернулся, а его оружие возвратилось в ножны. Взгляд Се Ляня переместился на пол от Хуа Чэна.

Несколько сотен экземпляров оружия оказались порублены Эмином на мелкие обломки...

Се Лянь присел и поднял с пола два осколка меча, в душе посетовав с горечью: «Это ведь были такие замечательные редкие клинки...»

Фэн Синь воскликнул:

— Ваше Высочество, дверь! Кажется, там появилась дверь!

Положив осколки, принц поднялся.

— Вот как. Значит, чтобы выйти, требовалось справиться с этим оружием.

По задумке дверь открывалась кровью и убийством живого существа, но Хуа Чэн открыл её, применив силу. Только принц подумал об этом, и Хуа Чэн потянул его из оружейной. При виде демона, пышущего желанием кого-нибудь убить, Фэн Синь спросил:

— Что вы теперь собираетесь делать?

Ему ответил Се Лянь:

— Разумеется, отправимся на поиски советника и Му Цина.

Хуа Чэн ровным тоном произнёс:

— Если Му Цин в самом деле продался Цзюнь У, прежде всего следует забрать его собачью жизнь.

Они втроем покинули оружейную и прошли немного, когда Се Лянь, поразмыслив, всё-таки задал вопрос:

— Сань Лан, только что... ты ведь решил, что я намереваюсь заколоть себя?

Хуа Чэн не ответил, но его лицо осталось всё таким же мрачным.

— Я бы не стал, — сказал принц.

Хуа Чэн бросил на него взгляд:

— Правда?

Се Лянь в душе ощутил угрызения совести от этого взгляда. По правде говоря, раньше принц и впрямь воспользовался бы тем самым способом. Но теперь... он больше не собирался так поступать.

— Да! — заверил он. — Я ведь обещал тебе. К тому же, там было так много всевозможного оружия, что если бы каждое проткнуло меня по разу, я бы превратился в кровавую кашу! Ха-ха-ха-ха... — смех вдруг застрял у принца в горле.

Всё потому, что Хуа Чэн резко обратил к нему свой взгляд на слове «проткнуло». Се Ляню едва ли удалось бы описать этот взгляд, но под ним принц не осмеливался произнести и слова.

Спустя мгновение Хуа Чэн неожиданно с силой притянул принца к себе и заключил в объятия.

Фэн Синь, идущий следом за ними, потрясённо завопил:

— Вашу ж мать! Я вообще-то ещё здесь!!!

Растерянно поморгав, Се Лянь похлопал Хуа Чэна по спине и спросил:

— Что с тобой?

— Ваше Высочество, — тихо проговорил тот, — не надо так смеяться. — Прижав Се Ляня крепче, он добавил: — Это не смешно, правда... совсем не смешно.

Стоило Се Ляню вспомнить, как помрачнел Хуа Чэн, когда он поднял отравленный трупным ядом череп, и он ощутил угрызения совести.

— Прости, я больше не буду так шутить, просто хотел, чтобы ты не беспокоился, но не ожидал, что выйдет всё наоборот.

Будто напуганный сложившейся обстановкой, Фэн Синь растерянно произнёс:

— Мне... тоже кажется, что не стоит так шутить. Раз уж он воспринимает это столь серьёзно...

Хуа Чэн наконец отпустил Се Ляня и мрачно сказал:

— Идём.

Без проводника в лице советника у них не осталось иного выбора, как продолжать продвигаться внутрь дворца. Но вскоре после того как

они покинули оружейную, Се Лянь ощутил странные перемены в воздухе.

— Вам не кажется... — поинтересовался принц, — что становится жарче?

Когда они только очутились во дворце, вокруг царила прохлада. Но через какое-то время пути воздух стало словно распирать от жара. Фэн Синь, похоже, почувствовал то же самое, но когда обернулся, застыл и указал куда-то принцу.

— Ваше Высочество, погляди назад! Кажется, там что-то светится.

Как они и сказал, позади них виднелся свет, который медленно приближался. Неизвестный источник света под землёй — явление крайне странное, неужели кто-то идёт к ним?

Но когда очертания источника света проявились яснее, Се Лянь понял, что воздух действительно нагревается, и это ему не почудилось. Жар, от которого становилось трудно дышать, принёс с собой этот странный свет.

Огненно-красный поток, булькающий пузырями, медленно полз к ним по склону пола во дворце. Лава снаружи через русло защитного рва затекла сюда!

Не успел Се Лянь в душе воскликнуть «Плохо дело!», как почувствовал, что позади него кто-то быстро пронёсся мимо. Выпустив с руки шёлковую ленту, принц окликнул:

— Пойдите! Не подскажите дорогу?

Человек с трудом увернулся, но на мгновение замер, и когда остальные обернулись, то в свете уже приближающейся лавы разглядели его лицо.

Фэн Синь закричал:

— Му Цин! А ну стой, паршивец!

Но разве Му Цин стал бы его слушать? Без лишних слов он умчался прочь. Трое уже собрались броситься в погоню, но тут земля под ногами неистово задрожала.

Огненно-красная лава забурлила, быстрее потекла через ров и волной нахлынула на троицу!

Им вот-вот некуда будет ступить! Впрочем, Се Лянь, перед тем как попасть во дворец, уже сталкивался с подобной проблемой, просто теперь сложность задачи увеличилась.

— Фэн Синь, в лаве плавают множество пустых сосудов, они всплывают на поверхность и не тонут, если на них наступить!

С такими словами принц примерился к одному пустому сосуду, который весьма задорно плыл в потоке лавы, размахивая руками, и совершил прыжок!

Только нога принца коснулась сосуда, и Се Лянь возрадовался в душе: эти несколько погибших людей оказались более рослыми и лишь немного погружались в лаву, когда на них наступали, но по-прежнему сохраняли способность оставаться наплаву. Главное, чтобы сосуды не бунтовали, и их даже можно использовать как лёгкие лодки!

Фэн Синь тоже выбрал себе «плавательное средство» и запрыгнул на него, пригрозив луком:

— Плыви как положено, не вздумай тонуть!

Пустой сосуд, которому пригрозили оружием, не решился на опрометчивое пренебрежение словами Фэн Синя и приложил вдвойне больше стараний. Хуа Чэн же, лишь скрестив руки на груди, опустил взгляд на пустой сосуд, и тот повёл себя весьма послушно: не смея противиться, поплыл быстрее всех. Тем временем Се Лянь, сложив руки в молитвенном жесте, искренне принялся уговаривать сосуд, на котором оказался:

— Провези меня немного, будь любезен, провези! Я зажгу благовония в твою честь! Тебе не нужны благовония? Можешь попросить любое подношение!

Его пустой сосуд, очевидно, был крайне недоволен вторжением, то и дело пытался махнуть рукой и прогнать принца. Но тот, как назло, оказался приставучим как тянучка, и как бы пустой сосуд ни крутился, сбросить Се Ляня ему не удавалось. Что тут говорить, принц опять выбрал самого несговорчивого!

Они поплыли по течению на своих пустых сосудах, словно по волнам навстречу ветру. Но чем дальше вниз текла лава, тем заметнее увеличивалась скорость потока, да ещё приходилось время от времени уворачиваться от препятствий, торчащих на поверхности лавы — можно сказать, весь их путь был полон опасностей. Спустя некоторое время они вновь нагнали Му Цина, и Фэн Синь позвал:

— Му Цин! Почему ты бежишь от нас?

Му Цин, который тоже воспользовался пустым сосудом в качестве доски для плавания, теперь обернулся.

— Предлагаешь дожидаться, пока вы на меня нападёте?

В руках Фэн Синя был только лук без стрел, так что приходилось кричать:

— Мы не нападём! Для начала объясни, каким образом ты вдруг исчез из оружейной!

Му Цин язвительно усмехнулся:

— Вы...

Он не успел закончить фразу, когда Се Лянь разглядел, какая картина открывается впереди. У принца мгновенно сузились зрачки, и он выкрикнул:

— Прямо перед тобой!

Му Цин повернулся и обнаружил, что путь впереди резко обрывается.

Здесь, должно быть, возник подземный разлом, который превратился в крутой обрыв глубиной по меньшей мере в сотню чжанов.

Му Цин не ожидал столь внезапной опасности, к тому же лава ближе к обрыву потекла быстрее, и когда тот осознал происходящее, было уже поздно — он улетел вниз, мгновенно исчезнув из поля зрения вместе с пустым сосудом, на котором стоял!

А остальных быстро и неотвратно несло к тому же обрыву!

В момент опасности Жое слетела с руки принца, намоталась на загнутый угол крыши вдалеке и завязалась узлом. Одной рукой держась за Жое, другой схватив Хуа Чэна, принц крикнул, перебрасывая конец ленты Фэн Синю:

— Держись!

Только связанные шёлковой лентой, они смогли устоять на ногах. Сейчас до края «обрыва» им оставалось не больше двух чжанов, ещё чуть-чуть, и они бы тоже полетели вниз, но, что называется — осадили скакуна над самой пропастью. Вот только позади по-прежнему лились потоки кипящей лавы, и Се Лянь скомандовал ленте:

— Сворачивайся!

Жое немедля послушалась, потянув всех троих к дворцу, и вскоре они уже запрыгнули на крышу. Здание оказалось достаточно большим, а крыша широкой, с каменной опорой, поэтому можно было не бояться, что её снесёт лавой. Здесь они наконец временно выдохнули.

Немного оправившийся от потрясения Фэн Синь, растерянно глядя на пустой «край обрыва» и сам себе не веря, проговорил:

— Му Цин... упал?

Се Лянь, с огромным трудом успокоив бешено бьющееся сердце, отдышался, стёр капли пота со лба и ответил:

— Нет!

Если встать на самом краю крыши и чуть наклониться, можно увидеть, что в скалу на краю обрыва вонзилась длинная сабля. А за рукоять этой сабли крепко держатся две руки, под которыми виднеется покрасневшее от напряжения и нахлынувшей крови лицо.

Му Цин занял положение довольно опасное, аккуратно параллельно ниспадающему потоку лавы. Возле его лица пролетали искры, что в реальности отражало фразу «огонь подпалывает брови», и если бы не заслон из божественного сияния, который защищал Му Цина от действия жара, его лицо давно расплавилось бы, а голова превратилась в горящий факел.

Но всё же защитное сияние долго не продержится, а если он просто спрыгнет в бассейн с лавой, тоже мгновенно испарится, и костей не останется!

От такого зрелища любого охватила бы тревога.

— Что теперь делать?! — воскликнул Фэн Синь. — Ваше Высочество, твоя белая лента до него дотянется?

Се Лянь уже попытался, но отозвал Жое и теперь охлопывал пламя с ленты.

— Не выйдет! Слишком далеко! Жое загорится, едва добравшись до середины!

Одежда Му Цина тоже занялась множеством мелких языков пламени, рукоять сабли от жара сделалась обжигающей, но тот по-прежнему крепко держался за неё, не решаясь ни расслабить пальцы, ни посмотреть вниз.

Стоит отпустить саблю, и внизу Му Цина ждёт не только бушующее море пламени, но и завывания бесчисленных голодных духов умерших, которые словно зывали к человеку, висящему над ними и изо всех сил противившемуся гибели, и желали, чтобы он поскорее присоединился к ним.

Му Цин крепко держался за рукоять сабли, по его бледному лбу катились капли пота. Он перевёл взгляд на троицу вдалеке и

шевельнул губами, словно хотел позвать на помощь, но с его характером было очень трудно выговорить слова вроде «помогите», «спасите меня».

К тому же, неважно, способен ли Хуа Чэн сейчас спасти его, вряд ли он пойдёт на это. О Фэн Сине тоже судить трудно. Оставался лишь один человек, который, как надеялся Му Цин, желал и мог его спасти, даже имел возможность повлиять на двоих других — и это Се Лянь.

Тогда Му Цин, из последних сил подтягиваясь выше, так что на лбу у него вздулись вены, прокричал принцу:

— Ваше Высочество!

Се Лянь как раз быстро изучал обстановку, а услышав крик, повернулся к Му Цину. Тот долго терпел, но всё же сделал вдох и с красным лицом добавил:

— Поверь мне! Ваше Высочество, Ты же знаешь, что я не лгу? Ты же знаешь, что я бы не стал по-настоящему вредить вам?!

Он с такой надеждой обращался к Се Ляню, будто хватался за последнюю спасительную соломинку, однако... его слова заставили принца вспомнить иную картину.

Однажды вечером, много лет назад, Се Лянь с точно такой же надеждой спросил Му Цина...

Ты же знаешь, что я не лгу?

И что тогда ответил ему Му Цин?

Принц не вспоминал об этом ни разу за несколько сотен лет, но вопрос Му Цина неожиданно вытащил тот случай из давно забытого тёмного уголка его памяти на свет.

И процесс уже было не остановить — бесчисленные картины и голоса замелькали в сознании Се Ляня, который с удивлением обнаружил, насколько чёткими остались эти воспоминания! Значит, он никогда об этом не забывал!

Му Цин не дождался ответа, и похоже, под странное молчание принца, вспомнил тот же инцидент. Его лицо переменилось — видимо, он тоже понял, что совершил ошибку, выкрикнув фразу, которой невольно напомнил Се Ляню то, о чём сейчас напоминать не стоило.

Хуа Чэн за спиной Се Ляня спокойно произнёс:

— Гэгэ, прежде чем ты примешь решение, я должен сказать тебе кое-что.

Се Лянь наконец вернулся из воспоминаний и спросил:

— Что?

— Первое. Если ты отправишься его спасать, подвергнешь свою жизнь смертельной опасности. Этого не избежать, разве что поток лавы остановится сам по себе.

Но кто знает, когда поток лавы прекратит течение? От жара сабля Му Цина раскалилась докрасна, он не сможет сжимать её руками так долго, как ему продержаться?

Се Лянь промолчал. Хуа Чэн добавил:

— Второе. Если Му Цин теперь служит Цзюнь У, тот непременно найдёт способ забрать его оттуда. Но ты попадёшь в смертельную ловушку. И вероятность этого очень велика. Вспомни всё, что он делал по дороге сюда.

Напал на Фэн Синя, завёл их в оружейную, отказался признавать вину, да ещё огрызался, затем внезапно исчез, когда на них напало оружие, и привёл их сюда, как раз когда во дворец устремились потоки лавы. Возможно, он и сейчас намеренно провоцирует Се Ляня сделать шаг в западню, из которой не будет возврата?

Молчание Се Ляня несколько затянулось. Рукоять сабли раскалилась докрасна, Му Цин громко вскрикнул, отпустил одну руку и повис на другой, но не решился слишком долго оставаться в таком положении и вновь схватился за рукоять. При этом его ладони уже дымились белыми струйками, и даже с большого расстояния остальные почувствовали запах подпаленной плоти.

Хуа Чэн небрежным жестом выпустил с ладони бабочку, но та, хлопая крыльями, пролетела несколько чжанов, меньше трети расстояния до Му Цина, и растворилась в воздухе, обернувшись серебристым паром.

Се Лянь понял, что тем самым демон продемонстрировал ему — призрачные бабочки тут не помогут. Смертельный тупик. Не стоит пытаться выйти из него, рискуя жизнью.

Лицо Му Цина, который тоже видел исчезновение бабочки, застило отчаянием. Он понял. Сейчас, во-первых, никто не способен его спасти, во-вторых, никто не поверит ему. Учитывая сотни предпосылок, доказывающих его злонамерение, Се Лянь ни за что не станет рисковать собственной жизнью, чтобы его вытащить.

Но только, невзирая на отчаяние, Му Цин не хотел смириться, не желал оставлять надежду. Стиснув зубы, он выкрикнул:

— Можешь не верить мне, ну и ладно! Я не собираюсь вот так умирать!

Он ухватился за рукоять крепче, словно намереваясь совершить кувырок и встать на саблю ногами, но только подтянулся на несколько цуней, как вдруг резко просел!

Му Цин опустил взгляд, и в его глазах отразилось бесчисленное множество озлобленных духов, которые уже расплавились до кроваво-красного месива. С искажившимися от жара лицами они хватили его за ноги и тащили вниз!

Духи, почти смешавшиеся с лавой, неожиданно выплыли на поверхность и один за другим повисли на Му Цине, тяжёлые и обжигающие, отчего его положение заметно ухудшилось.

— Прочь! — завопил почти обезумевший Му Цин.

Не то чтобы ему не приходилось встречаться со смертельной опасностью за сотни лет. Но то были лишь ранения, а смерть в кипящей лаве в тысячу раз страшнее. Стоило только помыслить, что он обернётся струйкой дыма, как та неживая призрачная бабочка, и исчезнет без следа... Му Цин просто не мог этого принять.

В итоге силы Му Цина подошли к концу, пальцы чуть разжались и больше схватиться за рукоять сабли не смогли.

Пространство под саблей опустело... Он сорвался! Тёмный силуэт полетел в бушующую пламенем лаву.

— А-а-а-а-а!

Но несмотря на пронзительный крик, его тело, пролетев совсем немного, резко застыло и повисло в воздухе!

Му Цин не успел прийти в себя от испуга, добрая половина волос на голове до сих пор стояла дыбом, но рефлексy никуда не делись — он быстро ощупал себя и обнаружил, что вокруг его талии намоталась белая шёлковая лента.

Разумеется, это была Жое. Но ведь крыша дворца, где временно спасся от огня Се Лянь, находилась не настолько близко к пропасти, и ранее лента не могла дотянуться до Му Цина. Как же вышло, что Жое схватила его, когда он сорвался?

Му Цин посмотрел наверх и с немалым потрясением обнаружил, что Се Лянь вовсе не на той спасительной крыше... а прямо у него над головой!

Му Цину удалось продержаться так долго лишь благодаря тому, что он успел вонзить длинную саблю в камень и ухватиться за рукоять. И теперь принц стоял на той же рукояти, преклонив колено!

Быстро сматывая Жое, Се Лянь смотрел вниз, а убедившись, что Му Цин в порядке, вздохнул с облегчением:

— Как хорошо, что я успел.

— В-ваше Высочество?.. — пробормотал Му Цин.

Момент спасения был настолько волнительным, что в его голове до сих пор царил неразбериха. Такое огромное расстояние, кругом кипящая лава и ни островка, куда можно ступить. Се Лянь мог прыжком преодолеть самое большее — половину, как ему удалось прийти на помощь?

Издали раздался голос Фэн Синя:

— Ваше Высочество! С вами двумя всё в порядке?

Му Цин повернулся на звук, на крыше дворца остались стоять только Хуа Чэн и Фэн Синь. Хуа Чэн, скрестив руки на груди, неотрывно смотрел в сторону принца, видимо, чтобы удостовериться, что принц в безопасности, а остальное его не беспокоило. Ну а на середине пути от крыши к обрыву из текущей лавы невозмутимо торчал длинный чёрный меч.

Фансинь!

Вот оно что! Му Цин наконец понял, как Се Лянь добрался до него.

Даже с его поразительной способностью к прыжкам он действительно мог допрыгнуть лишь до половины, но никак не сразу до края обрыва. Поэтому принц сперва метнул Фансинь, который вонзился в поток лавы и стал точкой опоры, затем оттолкнулся от меча и перелетел на рукоять сабли, в последний момент успев послать Жое, чтобы та поймала упавшего.

Се Лянь объяснил:

— Только что я всё размышлял, как быть, ведь здесь и правда нет ничего, что могло бы пригодиться, поэтому ушло некоторое время на раздумья. Но ты поторопился, не надо было действовать столь опрометчиво, тогда ты не упал бы так быстро.

Му Цин считал, что принц молчит, поскольку сомневается, стоит ли его спасать, а оказалось, Се Лянь искал способ спасения.

Удивительно, как ему удалось хладнокровно размышлять в столь опасном положении.

Капли пота на лбу Му Цина выступили отчётливее. Он поднял голову, и Се Лянь протянул ему руку, с улыбкой говоря:

— В общем, хоть я и подросел с небольшим опозданием, всё же руку протянуть ещё не поздно, верно?

Наверное, из-за слишком долгого висения над обрывом руки Му Цина показались ему самому непомерно тяжёлыми, так что поднять их никак не получалось. Се Лянь опустил свою руку ниже:

— Поднимайся.

Му Цин наконец схватил его ладонь.

Вся его рука, от пальцев до плеча, дрожала, но Се Лянь, приложив усилие, подтянул его наверх, — и вот они уже вдвоём стоят на рукояти сабли. Принц повернулся и помахал стоящим на крыше:

— Сань Лан, получилось!

— Хорошо, гэгэ, теперь возвращайся, немедленно!

— Ладно, мы уже идём! — принц посмотрел на Му Цина. — Сможешь прыгнуть? Если нет, мне тебя понести?

Му Цин шевельнул губами:

— Я...

Всмотревшись в лицо Му Цина, принц решительно заявил:

— Лучше я возьму тебя, — и схватил того за спину.

В прошлом Му Цин, наверное, незаметно закатил бы глаза и дёрнулся, чтобы его не хватали, ведь это так унижительно. Но сейчас он не мог вымолвить ни слова.

Се Лянь приготовился прыгать, но они оба неожиданно почувствовали, как подкосились колени. Что за невезение, сабля, торчащая из скалы, ни раньше, ни позже, сдвинулась с места именно в такой момент!

Хуа Чэн моментально переменялся в лице:

— Гэгэ!!!

Теперь уже двое полетели вниз, в бурлящую огнём реку. Но даже в момент, когда языки пламени буквально поджаривали им зад, Се Лянь сохранил способность быстро мыслить.

— Всё хорошо! — крикнул принц, совершил несколько кувырков в воздухе, схватил падающую саблю и обеими руками вновь вонзил её в скалу!

С громким звоном в стороны брызнули огненные капли, яркие и слепящие. За пределами божественного сияния, окружившего тело Се Ляня, эти капли походили на разбивающиеся золотые камешки. Но если защитное сияние исчезнет, одна такая капелька просто-напросто прожжёт в теле дыру насквозь!

Жое подвесила Му Цина повыше, и Се Лянь со всей серьёзностью обратился к нему:

— Сабля долго не выдержит веса двоих мужчин, так продолжаться не может. Из нас двоих здесь должен остаться только один.

Му Цин, чуть придя в себя, проговорил:

— Хочешь сказать...

— И это будешь не ты.

Зрачки Му Цина сузились, он не успел и рта открыть, как Се Лянь схватил его и бросил наверх с криком:

— Гляди в оба!

Му Цин от броска перелетел через край пропасти и обнаружил, что направляется в сторону Фансиня. Приведя эмоции в порядок, он перевернулся в воздухе и опустил на рукоять торчащего из лавы меча.

Здесь он наконец понял, почему Се Лянь отправил его в полёт первым.

По той простой причине, что такое расстояние сам принц, вероятно, смог бы преодолеть, измеряя от опустившейся на несколько чжанов вниз сабли. Но... Му Цин бы не осилил прыжка. Для него это слишком далеко. Он добрался до Фансиня лишь благодаря силе броска Се Ляня!

Фэн Синь утёр пот со лба и заключил:

— Повезло, что Его Высочество быстро соображает!

Хуа Чэн же оставался серьёзным и сосредоточенным.

— Гэгэ! Если сейчас же не вернёшься, я сам спущусь за тобой!

В его голосе слышалось предупреждение, и Се Лянь быстро отозвался:

— Я уже поднимаюсь! Всё не так плохо, я в состоянии вернуться сам, тебе не нужно спускаться.

Напряжение на лице Хуа Чэна наконец немного спало, но взгляд всё же остался направлен в сторону обрыва. Фэн Синь, поглядев на

демона, не удержался от комментария:

— Весьма неожиданно...

— Что? — спросил Хуа Чэн без тени любопытства, даже не оборачиваясь.

Фэн Синь почесал затылок.

— Я думал, ты враждебно настроен по отношению к Му Цину и считаешь, что его не стоит спасать, поэтому будешь противиться такому решению Его Высочества и не позволишь ему отправиться на помощь.

Хуа Чэн наконец удостоил Фэн Синя взглядом.

— Ты наполовину прав, наполовину ошибаешься.

— А?

— Первую часть ты угадал, я действительно считаю, что Му Цина не стоило спасать, мне до него нет никакого дела.

Фэн Синь неловко вспотел от вида безразличного лица Хуа Чэна.

— Тебе не кажется, что ты излишне прямолинеен?

К тому же, у Фэн Синя возникла мысль, что демон и к нему относится так же, отчего ему стало ещё более неловко!

Хуа Чэн прыснул со смеху, затем добавил:

— Но... Как поступить, решать только Его Высочеству. Я никогда не стал бы оспаривать его выбор.

Фэн Синю ещё не приходилось слышать подобных слов, ни от мужчины женщине, ни, тем более, от мужчины мужчине. Посчитав, что если принц это услышит, снова случится нечто неприличное, Фэн Синь, не зная, какое выражение придать своему лицу, лишь пробормотал:

— А... Вот как.

Хуа Чэн отвернулся и перевёл взгляд на Се Ляня, который посреди текущего пламени оглядывался по сторонам, раздумывая, как оттуда выбираться, и улыбнулся:

— Кроме того, я знал, что он так поступит.

Тем временем Се Лянь сказал Му Цину:

— Тебе лучше скорее перебраться на крышу, только не беги больше, мы сможем всё обсудить чуть позже.

Му Цин осознал, что если он не освободит место Се Ляню, тому будет некуда прыгать. Заставив себя мыслить хладнокровно, он

приготовился перескочить на крышу дворца, как вдруг Се Лянь внизу вскрикнул:

— Кто здесь?!

Принц молча копил силы, стоя на рукояти сабли, когда за его спиной неожиданно разошёлся в стороны вертикальный лавовый поток, из которого появилась пара рук, схвативших его.

Совершенно очевидно, что руки показались из лавы, но при этом оставались пугающе холодными. По телу принца прошла дрожь, он услышал сверху голос Хуа Чэна:

— Ваше Высочество?!

Пара рук крепко обхватила Се Ляня и сдёрнула вниз. Принц выглядел ошарашенным, а за его спиной остальные разглядели поймавшее его существо.

Белые одеяния и полу-плачущая, полу-смеющаяся маска на лице, застывшая не то в радости, не то в скорби.

Безликий Бай!

Жое, почувствовав опасность, заметалась и устремилась вверх, пролетев мимо Му Цина. Тот, не успев ничего сообразить, схватил ленту, но сила на другом конце оказалась слишком велика, и Му Цин не только не смог удержать принца, но и сам полетел следом.

Се Лянь стремительно падал посреди бешено летящих искр, а возле уха звучал смех безликой твари:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха... Наивно! Как наивно, Сяньлэ! Ты думал, что хороший конец, когда все целы и невредимы, достаётся так просто?

Внизу кипели волны смертельного пламени, но душу принца обуревал ледяной ужас. Охваченный одновременно и холодом, и жаром, Се Лянь вскинул голову и над собой, среди застилающего всё огня и света, вдруг увидел то исчезающую, то появляющуюся вновь красную фигуру, которая быстро приближалась.

Хуа Чэн прыгнул за ним!

Но ведь... внизу течёт настоящая лава!

Небесный мост. Три идиота возвращаются в былые времена

Неизвестно, был это достигший верхней точки ужас или же раскалённая лава, но что-то поглотило Се Ляня с головой.

Лишь спустя долгое время он наконец пришёл в сознание. А очнувшись, обнаружил себя лежащим на твёрдой поверхности. Рядом полусидел Му Цин и потерянно пялился на него.

Перед глазами Се Ляня до сих пор парил красный силуэт, принц тотчас сел и вскрикнул:

— Сань Лан!

Но Му Цин неожиданно пришёл в себя и одёрнул его:

— Без резких движений!

Се Лянь неосознанно попытался упереться рукой в землю, но нащупал лишь пустоту и чуть не перевернулся из-за такого перемещения центра тяжести. Он с удивлением обнаружил, что лежал вовсе не на земле.

А на мосту!

Они находились в непомерно громадной подземной пещере, где купол напоминал безбрежное ночное небо, а посреди грота «парил» в воздухе полуразрушенный мост.

Мост обрывался в нескольких местах. Построенный из неизвестного, но пугающе чёрного материала — не то дерева, не то камня — он словно пережил тысячи лет дождей и ветров, на протяжении которых ещё и горел и покрывался вековой пылью. Конструкция просто висела в воздухе без опор, протягиваясь в бесконечность в оба конца, начиналась в неизвестности и в неизвестность же уходила. Где-то полотно расширялось до трёх чжанов, где-то сужалось так, что пройти по мосту мог только один человек.

В сотне чжанов под полуразрушенным мостом полыхало и бурлило огненно-красное море лавы, подобное вареву преисподней.

Небесный мост?

Первым делом в сознании Се Ляня возникли именно эти слова. Две тысячи лет назад принц Уюна, чтобы спасти свой народ, создал Небесный мост. Возможно ли, что это и есть руины, оставшиеся от того сооружения?

Принц помнил, как Безликий Бай стащил его вниз, но почему теперь он очутился на этом мосту?

Поднявшись на ноги, Се Лянь позвал:

— Сань Лан?

По-прежнему сидящий рядом Му Цин произнёс:

— Не зови, его здесь нет.

Се Лянь повернулся к нему.

— Как мы здесь оказались? При помощи Сжатия тысячи ли?

— Наверное. Я совершенно точно падал в потоки лавы, но прямо в воздухе меня переместило сюда.

Бедняга Фэн Синь... Трое упали в лаву, а он один остался на крыше дворца и теперь наверняка его безумную ругань слышно на всю округу. Впрочем, гораздо важнее сейчас найти Хуа Чэна, ведь принц не представлял, куда он переместился.

Краем глаза заметив брошенные рядом Фансинь и чжаньмадао, принц поднял оба оружия и направился к Му Цину. Тот, наблюдая, как помрачневший принц с мечом в руке приближается к нему, вдруг занервничал, подумав неизвестно о чём.

Се Лянь не знал, чего от него ожидал Му Цин, он лишь протянул тому саблю, а затем и свою ладонь со словами:

— Ты не пострадал? Если нет, то вставай, нам лучше поскорее покинуть это место.

Глядя на протянутую ему руку, Му Цин долго молчал, затем покачал головой.

— Я не могу идти. Руки и ноги ранены.

Се Лянь присел рядом, чтобы осмотреть его раны, и действительно обнаружил на ладонях Му Цина красные ожиги, как и на ногах. Похоже, если он и сможет идти, то крайне медленно. Поразмыслив, принц предложил:

— Я помогу тебе.

Он поднял Му Цина, закинул его руку себе на плечо и так направился по мосту. Пройдя пару шагов, он вдруг услышал от Му Цина:

— Почему?

Се Лянь, успевая изучать окружающую обстановку, спросил:

— Что — почему?

— Я думал, что ты ещё сильнее начнёшь подозревать меня, увидев, что я не погиб.

— Ах, вовсе нет!

— Почему?

— Потому что я знаю!

— Что ты знаешь?

— Я знаю, что ты не лжёшь.

Выражение лица Му Цина в тот момент поистине трудно было описать словами.

Се Лянь же добавил, как само собой разумеющееся:

— Ты ведь хотел, чтобы я тебе поверил? И я тебе поверил! Вот так.

Му Цин промолчал.

— Как бы это сказать... — продолжал принц, — я ведь, можно считать, знаком с тобой много лет, так? И я всё же могу утверждать, что ты не такой человек. Я и раньше говорил, что ты, возможно, плюнешь другому в стакан, но подсыпать яд... Ты бы так не поступил.

Дослушав до половины, Му Цин как будто чуть растрогался, однако в конце снова сделался чернее тучи.

— Забудь об этом сравнении, серьёзно, забудь, прекрати его упоминать. Плевать кому-то в стакан я бы тоже не стал, это просто омерзительно!

Се Лянь махнул рукой.

— Не обращай внимания на подобные детали. К тому же, если бы даже случилось невероятное, моя неудача достигла апогея, и я ошибся в тебе, тебе не одолеть нас вдвоём с Сань Ланом! Один удар — и ты труп, какая из тебя угроза, ха-ха-ха...

Му Цин пробормотал:

— Ты это специально, да? Всеми силами стараешься разозлить меня до смерти...

— Кхм, я пошутил. В общем, — Се Лянь перестал смеяться, схватил Му Цина покрепче за руку и перевёл взгляд вперёд, — если Цзюнь У в самом деле надел на тебя проклятую кангу, потому что ты отказался от злонамеренных действий, я не могу позволить, чтобы ты заплатил дурную цену за свой поступок. — Он спокойно добавил: — Потому что ты поступил правильно.

Му Цин долго смотрел на принца, после чего процедил сквозь зубы:

— Се Лянь, ты поистине...

— Оставь. Думаешь, я не знаю, какого ты мнения обо мне? Сейчас мне приходится тебя нести, так что не произноси речей, которые заставят меня захотеть сбросить тебя в лаву.

Му Цин хмыкнул:

— Знаешь, что я о тебе скажу, и всё равно меня спасаешь.

— Мы друг друга стоим. Я спасаю тебя лишь потому, что следую своим привычным принципам, и всё. К тому же, пусть тебя в некоторых вопросах довольно трудно понять, раньше я и правда очень хотел поколотить тебя. Но тогда мне это не удалось, а по прошествии стольких лет желания уже не возникает. И всё же, какой бы труднодостижимой личностью ты ни являлся, как бы мне ни хотелось ударить тебя, ты не заслуживаешь смерти за свои ошибки. И если есть шанс на спасение, я им воспользуюсь.

Му Цин, будто пытаясь выплеснуть гнев, несколько раз насмешливо фыркнул, помолчал немного и заговорил:

— Ваше Высочество, вообще-то я...

Прямо в тот момент мост под их ногами просел вниз, и оба мгновенно переменялись в лице.

Раненый Му Цин не успел бы ничего предпринять, но ему повезло, что Се Лянь по-прежнему сохранял свою божественную скорость. Принц оттолкнулся ногой и прыгнул, легко опустившись в трёх чжанах впереди. Оглянувшись, двое увидели, как часть моста, где они только что стояли, с треском раскололась и рухнула вниз!

Бах!

Чёрное полотно погрузилось в алый бурлящий поток из преисподней, и озлобленные духи, которые уже долго ждали своего часа, потянули сотни рук и принялись, отталкивая друг друга, забираться на чёрные обломки, словно таким образом хотели сбежать из моря страданий. Но их оказалось слишком много, обломки моста не могли выдержать всех и вскоре потонули в лаве. Двое наверху содрогнулись от ужаса и переглянулись.

— Похоже, мост не очень-то надёжный! — произнёс Се Лянь.

Му Цин открыл рот, будто хотел предложить вернуться, ведь та часть моста, на которой они очнулись, была довольно широкой и, вероятно, не рухнет вниз, но после обрушения другого участка путь оказался отрезан. Назад не пройти, придётся двигаться вперёд. Но и там полотно моста то расширялось, то сужалось, словно кто-то расставил западню. Кругом поджидали опасности, и неизвестно, куда ступать, чтобы не свалиться в лаву!

Се Лянь без лишних разговоров забросил Му Цина себе на спину.

— Нельзя слишком долго оставаться на одном месте, иначе оно тоже обрушится. Держись крепче, я постараюсь идти быстрее!

Сказав «быстрее», принц именно это и имел в виду — тут же совершил прыжок, подобный полёту. Но чем дальше, тем сильнее сужался мост, самое широкое место приравнялось к обычной двери, а самое узкое было не шире одного человека в поясе! Однако Се Лянь проносился над самыми опасными участками совершенно невозмутимо, каждое его касание ногой моста походило на то, как ласточка крылом задевает воду — секунда, и всё. Окажись здесь другие Боги Войны, они, должно быть, застыли бы как вкопанные от столь ужасающе искусного контроля над своим телом. Поскольку больше подобное не удалось бы никому, лишь талант, лишённый возможности полагаться на магические силы, день за днём проводящий время за физическими тренировками, способен выковать столь невероятное мастерство!

Неожиданно в воздух взметнулся столб пламени, который преградил принцу путь. Если бы не поразительная реакция Се Ляня, их обоих поджарило бы этим огнём. Принц с Му Цином посмотрели вниз. В какой-то момент внизу собрались тысячи духов, одного цвета с раскалённой лавой. Они безумно верещали и смеялись, протягивая к небожителям руки. Столб пламени подняли именно эти существа, объединив усилия. От этих звуков у Се Ляня и Му Циана заболели уши, последний спросил:

— Что они кричат?

Се Лянь пробормотал:

— «Спускайтесь и умрите здесь, вместе с нами!»

Му Цин перевёл на принца потрясённый взгляд.

— Ты всё понимаешь? Они ведь говорят на языке Уюна.

Се Лянь кивнул.

— Да, это... люди государства Уюн, упавшие в лаву после обрушения Небесного моста. Берегись, не дай им себя зацепить. Они тащат вниз всё, что увидят. Это действительно руины того самого моста!

— Стащив живых вниз, они обретут покой?

— Нет. Это им не поможет. Духи никогда не обретут покоя. Просто... им нравится видеть, как других постигла та же участь.

Именно поэтому упокоение для них недостижимо, они обречены на вечные муки в этом аду.

— Откуда тебе известно так много?

— Я сам не знаю, должно быть... он рассказал мне.

Так же как заронил в его память воспоминания о криках крыслюдоедов.

Озлобленные духи, похоже, остались недовольны тем, что двое так и не упали к ним в лаву, поэтому, подобно заговорщикам, собрались вместе и принялись шептаться, взявшись за руки, явно вновь собираясь атаковать. Се Лянь тут же бросился наутёк, ведь новый столб пламени не заставил себя ждать, продолжая разрушать мост, от которого и так почти ничего не осталось.

Но нельзя же было им лишь уклоняться, не атакуя в ответ! И Се Лянь тоже попытался направить вниз удар магическими силами, коих, однако, осталось не так много, и атака не достигла цели. Магических сил Му Цина хватило на более дальний удар, но всё же тот промахнулся совсем немного. Уже несколько столбов пламени едва не обожгли им пятки, а духи сгрудились в целый отряд, поражающий своей мощью, и теперь то и дело хихикали и показывали на божеств пальцем, явно взбудораженные до предела. Твари словно наблюдали за представлением, где главным героям каждый раз удаётся спастись от смерти, а преследователи ничего не могут с этим поделать, остаётся лишь терпеть обиду и хрустеть суставами от ненависти!

Держась за спину Се Ляня, Му Цин несколько раз напряжённо выдохнул, скрипя зубами, словно принял какое-то очень трудное решение, и хрипло проговорил:

— Довольно, Ваше Вы... Се Лянь, оставь меня здесь!

— Что ты такое говоришь?! — бросил Се Лянь, не прекращая лететь вперёд. — Ты ведь так ценишь жизнь и страшишься смерти! Ты не из тех, кто способен сказать подобное!

У Му Цина на лбу вздулись вены, он съязвил:

— Вот уж прости, что я так сильно ценю жизнь и страшусь смерти. Но тут кругом одна погибель... И пока я не передумал, лучше тебе поскорее бросить меня.

— Прекрати валять дурака. Не говори ничего, ты меня отвлекаешь. Сейчас самое главное — как можно быстрее убраться с этого моста.

— Никто не собирался валять дурака! Если это и правда Небесный мост, кто его знает, сколько ещё придётся бежать! Рано или поздно они тебя собьют. Оставь меня, я прикончу этих тварей, а ты уходи!

С такими словами Му Цин легонько ударил Се Ляня по плечу, взлетел и опустился на мост позади принца. Се Лянь обернулся и шагнул в его сторону, но Му Цин предупредил:

— Не подходи, мост слишком узкий. Приблизись — упадём оба!

Се Ляню пришлось замереть. Му Цин хмыкнул и добавил:

— Ты всё верно сказал, мы друг друга стоим. Тебе трудно меня понять, но и мне... тебя понять нелегко. — Он посмотрел Се Ляню в глаза. — В такой момент... я выскажусь прямо. У меня сложилось не самое лучшее мнение о тебе.

— Э... об этом... вообще-то мне давно известно.

Му Цин ехидно протянул:

— Правда? А известно ли тебе, что мне часто казалось, будто ты в жизни опираешься лишь на своё происхождение, на свой статус наследного принца, да ещё на удачу, но на самом деле ты ненамного сильнее меня?

На это принц ничего не ответил.

— Ещё мне казалось, что ты любишь делать добро напоказ, а потом наслаждаться похвалой и одобрением. Ты даже помог мне именно по этой причине — идеальная возможность проявить сострадание и милосердие. Сказать по правде, некоторые из подобных мыслей я до сих пор не в состоянии выкинуть из головы. И, наверное, никогда не смогу. Мне удаётся подавлять их ненадолго, но рано или поздно они вновь выходят на свет.

Се Лянь не знал, что ему делать — неловко посмеиваться или придумать что-то ещё, поэтому сказал:

— Наверное, не стоит вдаваться в такие подробности в моём присутствии!

Однако следующая фраза Му Цина оказалась неожиданной:

— Но бóльшую часть времени я всё же... восхищался тобой.

Се Лянь застыл.

Му Цин, справляясь с неловкостью, выдавливал слова, будто кто-то заставлял его говорить, схватив за горло:

— Наверное, это вполне нормально. Ты... действительно... весьма силён. И как человек... ты... лучше меня. В общем... я... очень хотел... стать твоим д-д-другом.

Се Лянь никогда даже представить не мог, что ему однажды удастся услышать подобное из уст Му Цина. Пусть тот заикался, говорил нехотя и без эмоций, это звучало настолько прямо и искренне, настолько по-человечески!

Принц невольно округлил глаза.

— Ты...

Му Цин же, выдавив наконец несколько фраз сквозь зубы, выдохнул:

— После падения государства Сяньлэ, неважно, кто был прав, кто виноват, и насколько мне самому было нелегко — с той поры и до сего дня я задолжал тебе извинение.

— Всё давно в прошлом, забудем об этом. У нас есть более важное дело, давай поскорее уйдём отсюда!

Му Цин повысил голос:

— Он сказал мне, что если на меня падут подозрения, ты, даже понимая в душе, что я не виновен, не станешь меня спасать,пустишь всё на самотёк. Потому что ты ненавидишь меня и ни за что мне не согласишься.

— Он? — Се Лянь спросил, но сразу понял сам, кто этот «он», о котором говорит Му Цин.

— Я отказался ему помогать, но всё же сказанное им не раз посещало мои мысли. Я всегда считал, что ты в душе ненавидишь и презираешь меня, поэтому я... постоянно... В общем, хорошо, что ты не думал так по-настоящему.

В воздух поднялся ещё один столб пламени. Се Ляню пришлось отступить на несколько шагов, чтобы увернуться, и принц оказался ещё дальше от Му Цина, который, словно преисполнившись гнева, нанёс мощный удар ладонью по поверхности моста. Зрачки Се Ляня сузились.

— Что ты делаешь?!

Случившееся далее не вышло за рамки ожиданий — участок моста провалился и вместе с Му Цинем рухнул вниз. Тот в полёте крикнул:

— Помогаю тебе избавиться от этих тварей!

Обломок моста упал в лаву, подняв высокую волну. Духи, сперва радостной гурьбой приготовившиеся тащить Му Цина к себе, разлетелись в стороны от мощного магического удара. Раздались их удивлённые завывания, а Му Цин, стоя в центре обломка моста и окружённый самым ярким божественным сиянием, на которое был способен, холодно усмехнулся:

— Вам, горстке никчёмных тварей из грязной канавы, нравится игратьсь подземным огнём? Я пришёл составить вам компанию, так не разбегайтесь же!

Теперь тварям наконец не увернуться от его атаки!

Му Цин огненно-красными ладонями устроил бешеную зачистку озлобленных духов, наубивался всласть, да так, что остальные духи, которые изначально лишь наблюдали за действием снизу, с криками кинулись врассыпную и поплыли кто куда.

Рукава и полы одежды Му Цина занялись огнём, а Се Лянь, лёжа на полотне моста наверху, крикнул ему:

— Му Цин! Как высоко ты сможешь допрыгнуть?

Му Цин заорал в ответ:

— И откуда так много бесполезной болтовни? Почему ты ещё здесь?!

Се Лянь объяснил:

— Дело не во мне. За всю жизнь я в кои-то веки услышал от тебя человеческую речь, а потом ты свалился вниз! Как, по-твоему, я могу уйти?

Му Цин разъярился:

— Что значит — в кои-то веки услышал человеческую речь... — он запнулся, почувствовав, как обломок моста под ногами глубже погрузился в лаву. Оба — и Му Цин, и принц — переменились в лице.

В этот раз... он в самом деле сгинет на дне бассейна с лавой, и его кости обернутся стружкой дыма!

Секундой ранее Му Цин был полон воодушевления, теперь же сделался мертвенно-бледным. Он вскинул руку и закрыл глаза, словно намеревался ещё до того, как его пожрёт пламя, одним ударом разбить самому себе теменную кость, чтобы смерть наступила мгновенно.

Се Лянь затараторил:

— Постой, постой, не совершай опрометчивых поступков! Я-я-я что-нибудь придумаю!

Му Цин вновь открыл глаза.

— Что ты придумал?

Жоэ не могла дотянуться до самого низа, но хотя бы до половины доставала, и Се Лянь свесил ленту с моста, продолжая уговаривать:

— Прыгай, оттолкнись изо всех сил! И хватай ленту! Я подниму тебя наверх!

Лицо Му Цина сделалось ещё бледнее.

— Если бы я мог прыгнуть, думаешь, мне пришлось бы искать другой способ?! — он снова набрался смелости, чтобы прикончить себя.

— Пстой, пстой! — повторил Се Лянь. — Правда, не торопись!!! Я сейчас же найду выход!

— Какой выход, скажи мне!

Выход? Какой же выход? Скорее, найди выход!

Но выхода не было!!!

Они достигли полного отчаяния, и Му Цин вновь занёс ладонь. Но в последний момент чья-то рука отбила его руку прочь. А после, подняв в воздух уже почти что остолбеневшего Му Цина, спаситель совершил прыжок!

Се Лянь почувствовал натяжение ленты, глянул вниз и с удивлением и радостью в голосе воскликнул:

— Фэн Синь?!

Обломок моста, на котором стоял Му Цин, окончательно пошёл на дно с бульканьем. А на конце шёлковой ленты Фэн Синь, одной рукой сжимая Жоэ, другой держа мрачного как туча Му Цина, крикнул принцу:

— Ваше Высочество, скорее, поднимай нас!

Внизу до сих пор бултыхались в лаве несколько пустых сосудов. По всей видимости, Фэн Синь на них приплыл сюда по течению лавовой реки. Се Ляню некогда было задавать вопросы, он поспешно отыскал точку опоры на широкой и устойчивой части моста и потащил двоих мужчин наверх.

Покуда они медленно поднимались, внизу уже вновь собрались озлобленные духи, которые с ненавистью смотрели наверх. Они сгрудились в кучу, о чём-то шептались, и вскоре в воздух устремился очередной столб огня!

Подвешенные в воздухе Фэн Синь и Му Цин не имели возможности уклониться, и Се Лянь вместе с Жое переместился на несколько шагов, чтобы избежать столкновения с пламенем. Но в других местах мост не был таким устойчивым и широким, поэтому после принцу пришлось возвратиться на прежнее место. Фэн Синь, которого чуть не задело огненной атакой, разразился бранью:

— Что за дерьмо собачье там внизу? Коварные твари, выбрали момент, когда мы в опасности? Да имел я всё ваше семейство!

Се Лянь добавил:

— Всё их семейство выглядит подобным образом, ты уверен, что хотел бы их поймать?!

Но твари не унимались и злобно захохотали, похоже, готовясь к новой атаке.

Фэн Синь, охваченный гневом, подтянул Му Цина повыше и велел:

— Хватайся за меня!

Му Цин, не далее как минуту назад, считал, что вот-вот распрощается с жизнью, для него это стало серьёзным потрясением, от которого он до сих пор не оправился, и потому его реакция была слегка заторможенной, однако он сделал как велено. Фэн Синь же, высвободив одну руку, вынул из-за спины лук и несколько неизвестно где подобранных веток дерева. Взяв ветки на манер стрелы, он одной рукой взялся за лук, зажал в зубах тетиву и «оперение стрелы», наложил «стрелу» на лук, ровно натянул... фиу-фиу-фиу-фиу — четыре ветки вылетели вместе!

При ударе о поверхность лавы «стрелы» подняли фонтан искр, который напугал озлобленных духов, так что они всполошились и

вновь бросились врассыпную. Фэн Синь, получив удовлетворение, выругался:

— Видели? Сказал — поймею, значит, поймею! Мать вашу, дерьмо собачье! Да я одной рукой в клочья вас расстреляю!

И вот они втроём наконец стоят на Небесном мосту. Се Лянь несколько раз стирал со лба пот, а его сердце до сих пор бешено колотилось.

— Фэн Синь, как ты здесь оказался? — спросил принц.

Тот схватился за голову:

— Как я здесь оказался? Вы все втроём спрыгнули вниз, а мне что оставалось? Да я, мать вашу, чуть умом не тронулся! Пришлось придумывать, как спуститься сразу на дно пропасти, потом я доплыл сюда и только по всплескам лавы и голосам нашёл вас. Что вы устроили? Прыгнули в лаву! С ума посходили?!

К Му Цину наконец вернулась способность ясно мыслить, он перебил:

— Меня вообще-то сдёрнули лентой!

Должно быть, Фэн Синь сыпал бранью всю дорогу, пока плыл сюда.

— Ладно, ладно, успокойся, — произнёс Се Лянь. — Что ни говори, а ты и впрямь стал для нас спасительной звездой, ниспосланной с небес, сослужил немалую службу! Поэтому... иногда... чтобы устоять на ногах... непременно нужен кто-то, кто протянет руку помощи, правда!

Все трое, помрачневшие до цвета тёмного железа, натерпевшись страху, кое-как отдышались и помчались прочь, не решаясь слишком долго оставаться на одном месте. Фэн Синь понёс Му Цина на спине, и они вместе полетели дальше. Спустя несколько прыжков они обменялись увиденным, и принц, узнав, что Фэн Синь тоже не встретил Хуа Чэна, невольно забеспокоился. Где же тогда Хуа Чэн? Что ж, остаётся только идти по мосту и искать его.

Тем временем Фэн Синь обратился к Му Цину, которого нёс на спине:

— Верно, ты только что прокричал пару фраз Его Высочеству, так вот, я тоже кое-что услышал. Сначала твои слова так разозлили меня, что я захотел тебя поколотить, но потом... не думал, что ты, паршивец, в самом деле так считаешь!

Лицо Му Цина так и почернело. Фэн Синь же сказал Се Ляню:

— Я ведь давным-давно говорил тебе, он такой человек... В мыслях накрутит себе похуже обиженной наложницы из внутренних покоев дворца... Невозможно постичь, что у него в голове творится!

Се Лянь, который видел, что на лицо Му Цина уже невозможно смотреть, помахал Фэн Синю рукой, но тот, совершенно ничего не замечая, опять повернулся к Му Цину со словами:

— Если ты хотел быть другом Его Высочеству, мог бы сказать прямо! Ты считал, что Его Высочество в душе презирает тебя и не желает с тобой дружить? И поэтому надо было целыми днями ехидничать и выводить его из себя? Мне поистине не дано понять, о чём ты вообще думал.

Се Лянь, смирившись, махнул рукой:

— Он с малых лет был таким. Довольно об этом, видишь, у него уже всё лицо покраснело.

Му Цин, не в силах больше это терпеть, заорал на них:

— Вашу мать, да вашу ж мать! Вы двое не могли бы заткнуться?!

Се Лянь заметил:

— Ты, кажется, перепутал слова и начал говорить реплики Фэн Синя. И ещё, так браниться неприлично, не находишь?

Фэн Синь:

— Ты же сам сказал, что хотел бы стать д-д-другом Его Высочеству!

Он ещё и специально изобразил, как Му Цин выдавливал те слова сквозь зубы, и потому запинался. От этого лицо Му Цина сделалось просто зверским, а рука незаметно потянулась к сабле за спиной.

Но Фэн Синь добавил:

— Ладно, теперь ты наконец высказался. В любом случае, запомни одно: Его Высочество в душе никогда не думал про тебя ничего дурного, ну кроме того раза, когда ты поступил чересчур по-свински и вывел его из себя. Впоследствии же он не сказал о тебе ни одного плохого слова при мне! А ты... впредь веди себя как нормальный человек, нормально говори и нормально выражай свои мысли. А если опять начнёшь ехидничать, я осыплю тебя бранью.

Му Цин вначале молчал, опустив голову, но в конце закатил глаза:

— Ты ведь и так осыпаешь меня бранью уже несколько сотен лет!

Се Лянь напомнил:

— Му Цин, ты ведь небесный чиновник, должен следить за собственным образом, который складывается в глазах других. Нельзя просто так закатывать глаза. Если кто-то из твоих последователей заметит, это им не понравится.

— Да брось. Вот он в чертогах Верхних Небес только и знает, что браниться последними словами!

Фэн Синь хмыкнул:

— Это заслуженная тобой брань.

— Поменьше бы сводил со мной старые счёты, ведь ты точно так же бросил Его Высочество и ушёл сына рожать.

На лбу Фэн Синя вздулись вены, он засучил рукав.

— Хочешь, чтобы я тебя сбросил, верно?

— Себя лучше сбрось, — съязвил Му Цин с усмешкой. — Если бы ты тогда целыми днями не возводил на меня напраслину при Его Высочестве, разве стал бы я считать, что он презирает меня, стал бы я выдумывать?

Разговор вновь зашёл в тупик.

— Давайте вы хотя бы в такой момент не будете ворошить тёмное прошлое друг друга? — решил вмешаться Се Лянь. — Какой смысл во взаимных нападках...

Му Цин же снова закатил глаза и фыркнул на Фэн Синя:

— И вообще, вспомни, как ты тогда всполошился! Ограбить прохожего... что с того? Да на месте Его Высочества в подобных обстоятельствах я бы ночью обнёс восемнадцать богатых дворов, и глазом бы не моргнул. А тебя это так возмутило, что ты ещё и пустился в расспросы, что всё это значит.

Се Лянь, покрывшись потом, обернулся.

— Погодите, и моё тёмное прошлое тоже не стоит ворошить! В общем, давайте найдём Сань Лана, для начала вместе пойдём и поищем Сань Лана, идёт? Ха-ха-ха-ха...

Кровавый Собиратель Цветов в жестокой битве против Безликого Бая

В этот момент все трое одновременно почувствовали приближающуюся снизу волну невыносимого жара и в голос закричали, прибавив скорости:

— Осторожно!

В воздух поднялось несколько столбов пламени, а внизу, как оказалось, собралось ещё больше озлобленных духов!

— Фэн Синь, перебрось мне Му Цина! — велел Се Лянь.

Тот без лишних слов перекинул Му Цина принцу, который сразу усадил раненого себе на спину.

— Скорее избавьтесь от них, как же они раздражают! — посетовал Му Цин.

— Без тебя знаю! — огрызнулся Фэн Синь, выпустив сразу несколько стрел.

Область поражения этого оружия была намного шире, чем у ударов Се Ляня и Му Цина, которые те наносили вслепую. Волны лавы всплесками поднялись ввысь, послышался визг.

— Отлично сработано! — похвалил Се Лянь.

— Сойдёт! — добавил Му Цин, сидящий у него на спине.

Посоветовавшись, разозлённые до крайности духи поплыли вперёд, чтобы запустить вверх столбы пламени. Несколько таких вспышек, и Се Лянь заметил:

— Они сожгли участок моста впереди, хотят отрезать нам дальнейший путь!

— Вашу ж мать, могли бы направить свою сплочённость и совместные усилия на что угодно, но им непременно понадобилось людям вредить! Да вам и через восемь тысяч лет не выбраться из этой лавы, как я погляжу! — но стоило Фэн Синю поднять лук, и духи вновь попрятались.

— Хватит браниться, приготовься! — предупредил его Се Лянь. — Прыгаем! Раз, два, три...!

На счёт «раз» они прибавили скорости, на счёт «два» просчитали шаги, а на «три» совершили прыжок...

Все трое взмыли в воздух, перемахнули через провал моста и опустились на другой стороне, продолжив бежать дальше. Мост когда-то предназначался для «соединения земли с небом», поэтому, разумеется, понемногу уходил наверх, но Се Лянь нёсся по нему, чувствуя себя лёгким как ласточка.

— Подобного с нами троими не происходило уже давно! — заметил принц.

— Имеешь в виду сражение плечом к плечу или бегство от смерти? — поинтересовался Му Цин.

— И то, и другое!

— Всё-таки в последнее время это случалось довольно часто! — сказал Фэн Синь.

— Правда?

Но всё же настрой совершенно менялся, в зависимости от высказанных или не высказанных чувств. Се Лянь громко хохотнул, не переставая при этом оглядываться по сторонам в поисках хоть отблеска красного силуэта, однако ничего подобного не находил, и потому невольно заволновался.

— Сань Лан! — позвал он.

Голос разлетелся эхом по громадному подземному гроту, однако никто не ответил на зов. Се Лянь облизнул пересохшие губы. Му Цин, который сидел у принца на спине и видел, как тот озирается, помолчал немного и спросил:

— Ваше Высочество, неужели он в самом деле так мил твоему сердцу?

Се Лянь не ожидал столь внезапного вопроса от Му Цина.

— А. А? А...

На его лице застыла растерянность, но уши всё равно заалели. При виде подобной реакции Му Цин долго колебался, прежде чем продолжить:

— Мне не хочется тебя пугать, но я должен напомнить... Ты не думал, что, возможно, только мы вдвоём переместились на мост? А Собиратель цветов под кровавым дождём... не переместился?

Вмешался Фэн Синь:

— Что за ерунду ты городишь? Если здесь оказались только вы вдвоём, то он, разумеется, перенёсся куда-то ещё...

Тут он запнулся, наконец поняв, что имел в виду Му Цин. Он говорил не о том, что Хуа Чэн переместился куда-то в другое место, а о том... что он, возможно, упал в лавовый поток.

Се Лянь, вновь облизнув губы, проговорил:

— Как... как такое может быть?

— Не думай, что это невозможно. Да, Собиратель цветов под кровавым дождём — непревзойдённый Князь Демонов, но и Безликий Бай — тоже, и к тому же первый среди всех. Он — хозяин горы Тунлу, это его владения, место, где его магические силы достигают пика.

Фэн Синь многозначительно вытаращился на Му Цина и прошипел:

— А ну закрой рот! Что за дурная привычка? Разве нельзя хотя бы в такой момент сказать что-нибудь хорошее? Он же Собиратель цветов под кровавым дождём!

Му Цин и правда перестал нагнетать, но всё же объяснился:

— Я просто подумал, что нам стоит обсудить, как поступить в случае наихудшего развития событий.

В памяти Се Ляня возникла красная точка на игральной кости, до боли яркая на бледной ладони Хуа Чэна. Принц не знал, какие подобрать слова, лишь открыл рот, но тут его шаги резко замерли, и бегущий следом Фэн Синь едва не врезался в них с Му Цином.

— В чём дело?!

Стоило вопросу прозвучать, и Фэн Синь понял, что спрашивать не было нужды.

Впереди в воздухе мелкими искрами сверкали тысячи, десятки тысяч серебристых чешуек, накрывающих всё вокруг. Будто кто-то сверху перевернул драгоценную шкатулку с серебряным порошком.

Се Лянь поставил Му Цина и направился вперёд. Протянув руку, он коснулся крупной серебристой искорки, парящей в воздухе. Коснулся, осторожно взял и медленно поднёс к глазам.

Двое тоже подошли ближе, и Фэн Синь произнёс:

— Это... это ведь...

Му Цин же сказал прямо:

— Останки... призрачных бабочек?

Из-за излишней прямоты сказанного Фэн Синь вновь наградил Му Цина гневным взглядом. Руки Се Ляня едва заметно задрожали, он сжал в ладони испускающий лёгкое серебристое сияние обрывок крыла и тихо выдохнул.

Фэн Синь почесал затылок со словами:

— Давайте думать о хорошем. По крайней мере, это значит, что он не свалился в лаву и какое-то время находился здесь, верно?

Му Цин указал в сторону.

— А потом с кем-то сразился. И битва была нешуточная.

Се Лянь перевёл взгляд в указанном направлении, и его глаза чуть округлились. Скалы вокруг были исполосованы бесчисленными пугающими следами от клинка.

Следами от Эмина.

Каждый из которых уходил глубоко в скальную породу. Се Ляню и раньше приходилось видеть, как Хуа Чэн сражается саблей, но его стиль всегда отличался лёгкостью, даже некоторой беззаботностью. Он скорее игрался, чем бился. Но от этих следов... исходила истинная жажда убийства. Нетрудно догадаться, насколько непростым оказался его противник, насколько ожесточённой была эта битва.

Принц без лишних слов свесился с моста, улегшись на живот. На полотне не оказалось следов падения, а внизу принц не увидел ликующих духов, и лишь после этого слегка успокоился, снова поднялся на ноги и продолжил мчаться вперёд. Оставшийся позади Фэн Синь поднял Му Цина на спину и бросился следом с криком:

— Ваше Высочество!

Се Лянь задержал дыхание. Потому что не хотел слышать собственные вдохи и выдохи, излишне торопливые, несколько не размеренные. Для воина неровное дыхание находилось под строгим запретом, ведь это не только усиливало нагрузку на тело, но и сбивало сердечный ритм.

Но задержка дыхания не помогла, конечности принца неудержимо дрожали, он подвернул ногу набегу и едва не покатился кубарем с моста. Фэн Синь и Му Цин даже прикрикнули на него, чтобы соблюдал осторожность. Неожиданно Се Лянь произнёс:

— Что это за звук? — Он снова застыл и обернулся. — Вы слышите? Какой-то звук.

Фэн Синь и Му Цин подтвердили:

— Слышим! Слышим!

Звон оружия и взрывов магической силы. Даже Небесный мост едва ощутимо задрожал. Впереди темноту прорезали вспышки.

Там кто-то сражался!

Се Лянь, едва не падая набегу, бросился туда, Фэн Синь за его спиной пробурчал:

— Вашу ж мать, во имя всех небесных божеств, пусть это окажется Собиратель цветов под кровавым дождём, иначе, боюсь, он вот-вот сойдёт с ума!

— Поменьше болтай, — буркнул Му Цин. — сейчас все небесные божества нас защитит не способны, давай за ним! Погляди, как он

шатается и запинается, только бы не грохнулся кверху задом, прежде чем увидеться с ним!

Принц, совершенно позабыв, что собирался не дышать, так и пробежал несколько ли, слушая собственное сбившееся дыхание. Мост сделал несколько крутых поворотов, и вот наконец за последним из них перед глазами принца сверкнул белоснежный свет.

В воздухе над концом Небесного моста развернулась ожесточённая битва между фигурой в красном и фигурой в белом.

Красная фигура держала в руке серебристо-белую изогнутую саблю, демонической тенью мелькая в пространстве грота. То был Хуа Чэн. Он не улыбался, выглядел сосредоточенным, на его прекрасном бледном лице виднелся свежий порез, который добавлял живой яркости его пронизывающей суровости. Фигурой в белом, разумеется, оказался Безликий Бай. Он где-то достал длинный меч, а на лицо его была надета всё та же маска Скорби и радости, наполовину плачущая, наполовину смеющаяся. Вот только она стала немного иной в сравнении с виденной Се Лянем ранее.

Маска треснула посередине.

Трещина была настолько большой, что не заметить её казалось невозможным, от самого центра лба она доходила до щеки ниже глаз, так что создавалось впечатление, что маска в любой момент разломится!

Оба противника обладали таким мастерством, что разлетались в стороны от одного лишь касания, демоническая Ци потоком била вверх, но при этом высвобождалась сила, подобная весу тысячи цзиней, способная пронзить небеса. Ци меча и сабли кружились в безумном танце, призрачные бабочки наверху и озлобленные духи внизу тоже находились в противостоянии; стоял такой шум, будто опрокидывались горы и переворачивались моря. Каждый раз, когда две противоборствующие стороны обменивались атаками, из бушующего лавового потока внизу поднималась волна на несколько чжанов в высоту, так что к ним никто не мог приблизиться!

Фэн Синь и Му Цин, подоспевшие немного позже, от потрясения увиденным застыли как вкопанные, не в силах сделать и шага.

Ни один Бог Войны при виде такого сражения не смог бы остаться равнодушным!

Стоило Се Ляню увидеть, что Хуа Чэн жив и почти невредим, его высоко вздёрнутое сердце наконец улеглось. Принц едва не рухнул на месте с громким криком, но заставил себя удержаться — когда сражаются сильные противники, любая мелочь может определить победителя. А ведь эта битва разразилась между двумя ныне живущими непревзойдёнными Князьями Демонов!

Далеко за Безликим Баем стояла ещё одна фигура, и это был советник, которого, разумеется, привёл сюда сам безликий демон. Увидев Се Ляня и остальных, Мэй Няньцин с облегчением вздохнул, при этом тоже не осмелился опрометчиво шуметь. Но Хуа Чэн давно заметил принца, на его холодном словно иней и сосредоточенном лице наконец растаял лёд и мелькнула улыбка.

— Как видно, — произнёс он, — ты снова проиграл. Его Высочество здесь. И число его соратников не уменьшилось.

Се Лянь, не выдержав, выкрикнул:

— Сань Лан!

Хуа Чэн чуть повернулся, отозвался «гэгэ», затем его тон вновь сделался предостерегающим:

— Гэгэ, если в следующий раз ты снова куда-то упадёшь, я рассержусь.

— Если в следующий раз ты снова прыгнешь за мной, я рассержусь сильнее тебя! — парировал Се Лянь.

Выражение лица Хуа Чэна застыло, будто предупреждение заставило его по-настоящему испугаться. Даже в битве против Безликого Бая он не выказывал подобного страха. Безликий демон тем временем, поднявшись в воздух, атаковал Хуа Чэна, обращаясь при этом к Се Ляню:

— Сяньлэ, вам не кажется, что вы двое слишком рано обрадовались успеху и совсем позабыли обо мне?

Глаз на рукояти Эмина, заметив Се Ляня, принялся бешено вращаться, Хуа Чэн вскинул руку, чтобы отразить атаку. Принц услышал громкий звон металла, и его сердце беспокойно повисло в воздухе.

Это был звук, с которым ломается клинок!

Все торопливо перевели взгляды вверх, увидев, что Эмин в руках Хуа Чэна цел и невредим, тогда как меч Безликого Бая от удара со звоном сломался пополам!

Глаз Эмина продолжал непрестанно возвращаться при виде принца, словно возможность проявить себя перед Се Лянем доставляла ему удовольствие, сравнимое с вознесением.

Хуа Чэн рассмеялся и беззаботно произнёс:

— Всё хорошо. Гэгэ, не стоит беспокоиться. — Затем вновь спросил Безликого Бая: — С какой стати мы должны о тебе помнить?

Тот недовольно фыркнул, а советник, боясь, что Хуа Чэн разозлит противника, не выдержал и вмешался:

— Молодой человек, излишняя дерзость в словах ни к чему!

Однако следующая фраза Хуа Чэна оказалась ещё более дерзкой. Одной рукой держа саблю, он заносчиво наставил остриё на Безликого Бая и усмехнулся:

— Всё-таки, говоря начистоту, ты всего лишь вредный старикашка, полный зависти, и не более того.

На сей раз не только советник не нашёл в себе сил пожурить Хуа Чэна за фальшивую улыбку, даже Фэн Синь и Му Цин потрясённо застыли: этот демон поистине бесстрашен!

Кто бы посмел сказать подобное перед любым из этих двоих — Цзюнь У и Безликим Баем?

И всё же нельзя не признать, что только Хуа Чэн решился бы на такую дерзость. Поскольку он, наверное, был единственным, кому ни Цзюнь У, ни Безликий Бай после этих слов не могли ничего сделать!

Му Цин, сам спустившись со спины Фэн Синя, прошёл несколько шагов и пробормотал:

— Не удивительно, что в прошлом... когда дело касалось Собирателя цветов под кровавым дождём, Цзюнь У всегда говорил, что встречи с ним следует по возможности избегать.

Неожиданно перед клинком Эмина возникла белая тень. Се Лянь острым зрением разглядел, что это такое, и предостерёг:

— Сань Лан, не убивай его!

Это ведь дух нерождённого!

Раз принц разглядел духа, разумеется, и Хуа Чэн увидел тоже. Остриё сабли повернулось, повинувшись велению хозяина, сменило рубящий удар на отбрасывающее движение плашмя, и белая тварь отлетела далеко прочь. Фэн Синь, зрачки которого мгновение назад сузились до точек, наконец пришёл в себя, увидев, что дух нерождённого цел и невредим. И сразу выкрикнул:

— А ну, быстро сюда!

Хуа Чэн отбросил духа напрямик в его сторону, и Фэн Синь даже попытался взять создание на руки, но дух, на голове которого и без того жидкие волосики встали дыбом от выкрика Фэн Синя, издал утробное рычание и принялся в бешенстве кусаться, никак не позволяя себя схватить. Фэн Синь, не выдержав, гневно выругался:

— Твою ж мать! К нему так и жмётся, а при виде меня сразу кусается! Кто из нас, в конце концов, твой отец?!

Неожиданно Му Цин произнёс:

— А ты разве признавал его своим сыном? Хоть раз назвал его по имени как положено?

Фэн Синь застыл от этих вопросов.

— Я...

Тем временем Се Лянь, не в силах наблюдать за битвой и бездействовать, быстро бросил им двоим:

— Будьте осторожны, а я поднимусь выше посмотреть!

Му Цин тихо ответил:

— Тебе самому следует быть осторожным. Не забывай, что на тебе две...

Се Лянь на мгновение замер и невольно дотронулся до шеи, где нащупал ту самую проклятую кангу. Но принцу по какой-то причине казалось, что Безликий Бай не станет угрожать ему при помощи канги. Времени на лишние разговоры не было, он бросился вперёд по мосту. Ожесточённая битва между двумя фигурами — красной и белой — была в самом разгаре, и принц, оценив обстановку, решил, что сейчас не стоит опрометчиво к ним присоединяться. Жое взвилась в воздух и притянула к Се Ляню советника.

— Наставник! С вами всё хорошо?

Советник, стерев со лба холодный пот, ответил:

— Всё в порядке!

— Если с вами всё в порядке, почему вы так сильно вспотели?

— Всё из-за этого негодника, Собирателя цветов под кровавым дождём! У него язык без костей, напугал меня до смерти!!!

Тут со стороны Фэн Синя и Му Цина послышались удивлённые вздохи. Се Лянь поднял голову и увидел, что рука Безликого Бая повисла.

Он был ранен.

Перевернув ладонь, белый демон взглянул на окровавленные пальцы и вздохнул, затем с улыбкой произнёс:

— Уже много лет я не встречал того, кто мог бы нанести мне подобную рану.

Се Ляня посетило недоброе предчувствие.

— Наставник, он... рассержен?

Советника можно было назвать единственным в мире человеком, который хорошо знал Безликого Бая, и он ответил:

— Нет... хуже. Он... обрадован.

Помолчав, Безликий Бай повернулся к Хуа Чэну и с явным интересом спросил:

— Эта изогнутая сабля сделана из твоего потерянного глаза?

Хуа Чэн, разумеется, не собирался отвечать, но вот Се Лянь почувствовал, как подпрыгнуло сердце. При первом же взгляде на Эмина принц понял, что это необычное оружие. И примерно догадался, что оно, возможно, создано из утерянного Хуа Чэном глаза.

Но Безликий Бай задал вопрос столь уверенно... Неужели это правда?

Советник, чуть нахмурившись, помолчал, затем вдруг сказал:

— Я вспомнил.

— Что вы вспомнили?

— Я слышал об одном случае. Несколько сотен лет назад на горе Тунлу появился ожесточённый призрак.

Му Цин вставил фразу:

— Ожесточённых призраков на гору Тунлу заявлялось по меньшей мере несколько десятков тысяч, а то и больше.

— Не надо перебивать! — прикрикнул советник. — Этот призрак только появился на горе, был очень молод, и уже почти рассеялся, добравшись сюда, но по какой-то причине всё же упорством достиг цели.

Се Лянь сам не знал, отчего его сердце забилося как бешеное.

— Почти рассеялся? Почему?

— Должно быть, получил серьёзное ранение, его душа разбилась на части, но сознание оставалось ясным. Он всё плыл вперёд и непрестанно повторял «я не оставлю», «я тебя не оставлю». Возможно, так проявилось его предсмертное желание. Как бы то ни было, в то открытие горы Тунлу произошло нечто непредвиденное.

Услышав фразу «я тебя не оставлю», принц почувствовал, как его сердце смягчилось, но в то же время горестно сжалось.

— Что именно произошло?

— Здесь собрались не только демоны, но и живые люди, которые попали сюда по ошибке.

— Что?!

— На горе Тунлу повсюду одни тёмные твари, простым смертным сюда дорога закрыта, только если какой-то демон не берёт их с собой в качестве съестных запасов. Но тот призрак по какой-то неизвестной причине много дней уводил этих людей от опасности, вероятно, даже не осознавая, что творит. В конце концов другие демоны, с десятков тысяч, всё-таки окружили их, не оставив пути к отступлению, и готовились сожрать всех разом — и людей, и того призрака.

Се Лянь знал, что тем одиноким блуждающим призраком был Хуа Чэн!

— Что случилось потом?! Был какой-то способ спастись?

— Был. Создать кровавый артефакт и пробиться с боем.

Му Цин, не удержавшись, вставил:

— Но самая надёжная жертва для создания такого артефакта...

Это те самые, попавшие в смертельную ловушку люди!

Фэн Синь и Му Цин перевели взгляды на Хуа Чэна, который сейчас был сосредоточен на битве с Безликим Баем.

— Неужели... неужели он...

Се Лянь тоже задержал дыхание.

Советник же кивнул:

— Да, он решился.

Лица Фэн Синя и Му Цина в тот момент невозможно было описать словами. Се Лянь, однако, не шевелился, ожидая продолжения рассказа. И действительно, советник добавил:

— Он решился, неожиданно впал в безумство и вырвал себе глаз.

Повисло молчание.

— Тот призрак хотел напасть на живых людей, но в последний момент остановился, не тронув никого. Вместо их жизней он принёс в жертву собственный глаз, который и стал основой для кровавого артефакта. Он уже находился на последнем издыхании и должен был окончательно исчезнуть после столь серьёзного ранения, однако произошло обратное — он, напротив, окончательно пробудился,

словно что-то его воодушевило. Не знаю, какой тёмный артефакт он создал, но в той битве он вышел победителем. Кроме того, после случилось кое-что весьма необычное.

Се Лянь, с трудом контролируя эмоции, проговорил:

— Ч-что же?

— Говорят, после той битвы с Небес спустилась Небесная кара, которая ударила по горе Тунлу. Понимаешь, что это значит?

Стоит ли объяснять?

Раз Небеса ниспослали Небесную кару, следовательно, на горе Тунлу появился некто, достойный вознесения.

Се Лянь, схватив советника, спросил:

— Кто? Кто вознёсся?!

— Я лишь слышал об этом от других. Но в чертогах Верхних Небес нет чиновника, который пришёл с горы Тунлу. И либо услышанное мной — совершеннейший вымысел, либо...

Тот вознесшийся спрыгнул с Небес по своей воле, отказавшись от небесных чертогов!

Му Цин, не в состоянии принять услышанное, поразился:

— Вознестись, будучи демоном? Неужели подобное правда возможно? Кроме того, он отказался от вознесения и сам спрыгнул вниз?! Это точно был он? Только очутившись на горе Тунлу, он ведь ещё не стал непревзойдённым?! И вот так взять и спрыгнуть... Он что, совсем ничего не смыслит в жизни?! Почему он так поступил?!

Почему пошёл на подобный шаг?!

Неожиданно Се Лянь услышал вздох Безликого Бая:

— Сяньлэ, у тебя есть один очень верный последователь.

Почти в то же мгновение треснувшая маска Скорби и радости вдруг очутилась прямо перед глазами принца.

Се Лянь никак не ожидал, что Безликий Бай способен за короткий миг оказаться к нему столь близко, в его зрачках чётко отразился облик демона. Жое, словно испуганный зверёк, взвилась в воздух, собираясь атаковать, но в результате всё же отступила.

Нельзя винить её — Жое всегда была очень умной; лента сразу определила, что её попытка не возымеет действия, и по своей воле отказалась от затеи.

Безликий Бай, похоже, улыбнулся, потому что трещина на его маске сделалась шире.

Ещё миг, и клинок Эмина оказался возле его горла.

Но опоздал — демон уже исчез.

Затем вдруг вновь появился над самой высокой точкой Небесного моста, где полотно и обрывалось, поднял руку и произнёс:

— Не стоит волноваться, я лишь забрал то, что принадлежит мне.

В его руке оказался полностью чёрный, подобный холодной яшме длинный меч, вдоль клинка которого по центру проходила серебряная полоса. Се Лянь неосознанно завёл руку за спину и понял — там больше нет Фансиня.

Фансинь когда-то был мечом наследного принца Уюна. И Безликий Бай вернул своё оружие.

Один обломок, ещё один, ещё. Белая словно кость маска осыпалась по кусочкам и в итоге окончательно слетела, обнажив спрятанное за ней лицо. А траурные одеяния занялись пламенем и обернулись белым доспехом.

«Безликий Бай» наконец снял свою маску и превратился в «Цзюнь У».

Все свидетели тому настороженно задержали дыхание.

Не было нужды строить догадки, и без того ясно, что в этом воплощении он приобрёл ещё бóльшую силу.

Советник выкрикнул, обращаясь к Хуа Чэну:

— Молодой человек, не стоит недооценивать соперника! В этом облике с ним ещё труднее справиться, чем с воплощением Безликого Бая! К тому же, раньше преимущество было на вашей стороне из-за оружия, но теперь и его не стало!

Советник говорил правду: все раны на теле Цзюнь У затянулись, словно он обновился с ног до головы. Бросив взгляд на советника, он с улыбкой произнёс:

— Ты рассказываешь, как меня одолеть, прямо в моём присутствии? Я не убил тебя, и теперь ты становишься всё бесстрашнее?

В его голосе слышалась явная угроза. Советник замолчал, но тоже перевёл прямой взгляд на Цзюнь У.

— Не волнуйтесь, — сказал наставнику Се Лянь, — Сань Лан никогда не стал бы недооценивать врага.

Принц знал это, как никто другой. Какой бы беспечной ни была улыбка на лице Хуа Чэна, его рука не дрогнет.

Внимательно посмотрев на клинок меча, Цзюнь У спокойно произнёс:

— Чжусинь, мы так давно не виделись.

Фансинь... или теперь следовало называть его Чжусинем, издал низкий звон.

Се Ляню раньше всё время казалось, что Фансинь уже очень стар и немощен, и, возможно, скоро сломается; но, к неожиданности принца, попав в руки прежнего хозяина, меч исполнился силы, которой никогда не обладал в руках Се Ляня!

Каждый раз, когда Чжусинь и Эмин сталкивались клинками, Небесный мост содрогался, словно вот-вот рухнет прямо в лаву. Сила и скорость, с которой сражался Цзюнь У, ощутимо повысились на целую ступень. Хуа Чэн, по-прежнему не уступая противнику, всё же нахмурился, сделавшись суровее. Остальные, наблюдая за битвой издалека, также не могли сдержать потрясения в душе.

Ведь каждым свим выпадом Цзюнь У безжалостно целился в правый глаз Хуа Чэна!

Дважды отразив крайне опасную атаку, Хуа Чэн вскоре заметил, что демон применяет один и тот же приём, словно уверенный, что правый глаз Хуа Чэна — это его слабое место, и намерен снова вырвать его. Разумеется, каждый раз Хуа Чэн прикладывал все силы, чтобы защититься от атаки, раз за разом отбивая удар. Но ведь таким образом они оказались втянуты в битву, где ни одна из сторон ничего не может сделать!

При этом глаз на рукояти Эмина, словно чувствуя опасность, так и вращался, вне себя от ярости. Клинок, подобный чёрной яшме, снова устремился в атаку, послышался чистый звон... Хуа Чэн не поднял саблю для защиты, однако Цзюнь У всё же не удалось завершить атаку.

Се Лянь, весь в белом, очутился прямо перед Хуа Чэном, закрыв его собой.

Только что принц одним щелчком пальца отбил источающий холодную опасность клинок Чжусиня!

Се Лянь всё-таки не выдержал и присоединился к сражению. Он владел поразительной способностью голыми руками останавливать меч, но всё же со столь опасным клинком столкнулся впервые, от лёгкого щелчка у него онемела почти вся рука, особенно кисть.

Принцу пришлось отступить на несколько шагов и потрясти рукой, чтобы к ней вернулась чувствительность.

— Гэгэ? — произнёс Хуа Чэн за его спиной.

— Сразимся вместе!

Они стояли плечом к плечу, готовые вступить в схватку с противником, который лишь улыбнулся заметнее:

— О?

Се Лянь прошептал:

— Ты сверху, я снизу!

Прежде чем принц замолчал, они разделились и с двух направлений — сверху и снизу — напали на Цзюнь У.

Се Лянь был хорошо знаком с приёмами Цзюнь У, мог примерно догадаться, какое движение будет следующим, и с его губ сорвалось:

— Назад!

Хуа Чэн, как и велел принц, повернул клинок Эмина в обратном направлении, и Цзюнь У едва не попался на уловку.

— Взрыв! — снова бросил Се Лянь.

Хуа Чэн подчинился и вместо удара саблей собрал в раскрытой ладони сгусток магической силы, которую выпустил в Цзюнь У, попав тому в плечо. Противник просел в воздухе, и если бы не его поразительная скорость, оба приёма вполне могли бы стать угрозой жизни. В процессе боя Се Ляня вдруг осенило: ведь Хуа Чэн — «непревзойдённый», разве он нуждается в наставлениях, с его-то мастерством? Напротив, для него это настоящее оскорбление. Принц понял, что его старые привычки дают о себе знать, и торопливо извинился:

— Прости! Тебе нет нужды меня слушать!

Хуа Чэн, впрочем, лишь улыбнулся:

— Гэгэ даёт лучшие советы, почему бы к ним не прислушаться?

Неожиданно полотно моста обрушилось под ногами Хуа Чэна, и демон едва не упал следом, но Се Лянь, стоя на мосту, призвал Жое, и та удержала Хуа Чэна от падения. В следующий миг принц ощутил холод возле шеи, Цзюнь У очутился у него за спиной и положил руку на плечо со словами:

— Сяньлэ, неплохое мастерство.

Он оказался слишком близко, так близко, что Се Ляня сковало ужасом.

Раздался возглас Хуа Чэна:

— Гэгэ!

Выбросив вперёд левую руку, он запустил в полёт Эмина. Се Лянь среагировал поразительно быстро — чуть пригнулся, и сабля, просвистев над его головой, нанесла удар по Цзюнь У. Тот отпустил плечо Се Ляня, и принц, пользуясь представившимся шансом, прыжком оказался возле Хуа Чэна, так же, как Эмин, вернувшийся в ладонь хозяина. Они действовали настолько слаженно, что сторонний наблюдатель увидел бы лишь размытые силуэты, которые мелькали, словно молнии, невообразимо быстро, так что захватывало дух. Но смех Цзюнь У эхом раздавался под сводами грота, словно подбадривая их:

— Прекрасно. Очень хорошо! Продолжим!

Му Цин, с трудом избегая рушащихся участков моста, в ужасе воскликнул:

— Советник! Он... он вообще нормальный? Он что, смеётся?

— Я уже говорил! — ответил советник. — Хуже его злости может быть только радость! Это лишь самое начало!

Меж тем Цзюнь У, заполучив Чжусинь, обернулся тигром, которому приделали крылья. Се Лянь, наблюдая, как Цзюнь У непрерывно направляет атаки в правый глаз Хуа Чэна, охваченный волнением, приказал Жое зацепиться за рукоять Чжусиня. Однако Цзюнь У неожиданно дёрнул руку с мечом на себя, и Се Лянь полетел в его сторону.

Принц вначале изумился, но тут же сосредоточился — всё равно он намеревался забрать у противника меч. Поэтому без страха бросился навстречу оружию, в голове проиграв более двух сотен возможных вариантов последующего сражения. Но успел пролететь лишь половину расстояния — чья-то рука схватила его и потянула назад. Се Лянь опустился на мост, а обернувшись, увидел Хуа Чэна, который заслонил его собой. И чёрный клинок, пронзивший сердце демона насквозь.

Се Лянь едва не перестал дышать.

— Сань Лан?!

Лицо Хуа Чэна выглядело немного помрачневшим. А ведь Цзюнь У ожидал, что Се Лянь сам напорется на Чжусинь, но когда ему помешали, вынул меч и отступил, словно слегка разочарованный. Се

Лянь совершенно позабыл о том, что Хуа Чэн — демон, и даже с дырой в груди способен сражаться, как и раньше. Не в силах унять беспокойство, принц обеими руками зажимал рану на груди Хуа Чэна, из которой не вытекло ни капли крови, и тараторил:

— Сань Лан, ты... зачем ты вдруг...?!

Хуа Чэн перебил:

— Как я мог позволить, чтобы он снова пронзил тебя прямо на моих глазах?!

По какой-то причине в его голосе слышалось чрезмерное напряжение. Се Лянь на миг застыл, но вдруг услышал мягкий голос Цзюнь У:

— Сяньлэ, к чему так огорчаться? Он всё равно не почувствует боли, ведь он давно мёртв.

Да как он смеет напоминать об этом!

Се Лянь резко повернулся к Цзюнь У и, исполнившись гнева, выкрикнул:

— Разве это не целиком и полностью твоя вина?!

Но Цзюнь У холодно усмехнулся:

— Целиком и полностью моя вина?

Услышав вопрос, Се Лянь вдруг запнулся.

А Цзюнь У быстро сменил тему:

— Возможно, это так. Но ты, Сяньлэ, должно быть, провёл слишком много времени в мире смертных, раз позабыл о своих прошлых деяниях. Помнишь ли, что ты творил после гибели государства Сяньлэ? — Цзюнь У расплылся в многозначительной улыбке и медленно добавил: — Помнишь ли... призрака, которого называл Умином?

Се Лянь побледнел как мертвец, с его губ сорвалось:

— Не надо!!!

Мэй Няньцин, предчувствуя неладное, спросил:

— Ваше Высочество, о чём он говорит? Что ты сделал после гибели Сяньлэ?

В приступе внезапного страха Се Лянь посмотрел на Хуа Чэна, затем на Цзюнь У, и выражение его лица вместо гневного сделалось растерянным. Но Хуа Чэн сразу схватил принца за плечи и с нажимом произнёс:

— Всё хорошо, Ваше Высочество, не бойся.

— Да! Сохраняй спокойствие! — поддержал Фэн Синь.

Му Цин же с присущей ему чувствительностью к деталям спросил:

— Что он имеет в виду? Призрака? Какого призрака?

Но разве Се Лянь мог сохранить спокойствие?

Это было время его неопишемого упадка, время, когда он совершил то, о чём сожалел больше всего на свете. Сожалел до такой степени, что не решался вспоминать об этом. Стоило в его памяти возникнуть той улыбающейся маске с чуть приподнятыми уголками глаз, и принц терял покой и сон, желая только одного — свернуться в комок и не разворачиваться, чтобы никого и никогда не видеть.

Хуа Чэн наблюдал Се Ляня в беспредельном великолепии и в крайней бедности, потерпевшим поражение и отчаявшимся, неуклюжим и дурашливым. Это всё не имело значения. Но... ему, должно быть, не доводилось лицезреть Се Ляня, барахтающегося в грязи, ругающегося последними словами; Се Ляня, чьё сердце полно ненависти, который всей душой желает уничтожить государство Юньань ради мести и даже сотворить вторую волну поветрия ликов!

Об этом периоде своей жизни принцу было невыносимо вспоминать. Но если раньше, вздумай Безликий Бай ворошить прошлое, это не возымело бы действия, теперь... Се Лянь не хотел даже предполагать, какое выражение отразится на лице Хуа Чэна, когда он обо всём узнает.

Потому что принц вовсе не такой хороший, каким его считает Хуа Чэн. Он вовсе не из тех, кто ни разу не замарался в грязи, всегда был святым, возвышенным и чистым. А если даже на лице Хуа Чэна лишь промелькнёт выражение, словно он не может поверить услышанному, Се Лянь, наверное, больше не сможет показаться ему на глаза!

Стоило только подумать об этом, и лицо Се Ляня неудержимо помрачнело, на лбу выступили капли холодного пота, руки едва заметно задрожали. Видя его реакцию, Хуа Чэн только сильнее сжал пальцы и уверенно произнёс:

— Ваше Высочество, не надо бояться. Помнишь? Ты в беспредельном великолепии — это ты. И ты, упавший в грязь — тоже ты. Главное здесь «ты», а не «какой» ты. Неважно, что произойдёт, я никогда тебя не оставлю. Ты можешь рассказать мне что угодно. — Затем он с нежностью добавил: — Ты можешь сам мне рассказать.

Се Лянь немного пришёл в себя, но Цзюнь У вдруг усмехнулся и протянул:

— «Неважно, что произойдёт, никогда тебя не оставлю». Когда-то мои самые верные последователи, самые лучшие друзья говорили мне те же слова.

Советник чуть переменялся в лице, а Цзюнь У бросил на него взгляд, говоря:

— Но... в итоге... ты сам видишь. Никто из них не сдержал обещания.

Мэй Няньцин, не в силах смотреть на него, отвернулся.

— Верь мне, Ваше Высочество, — сказал Хуа Чэн. — Неужели нельзя мне поверить?

Но дело не в том, что Се Лянь не верил.

Просто... он не решался рисковать.

В конце концов, принц нервно сглотнул, вымученно улыбнулся, но сразу почувствовал, что улыбаться не стоит, опустил голову и дрожащим голосом проговорил:

— Сань Лан, для начала... прости, я, наверное...

Хуа Чэн, внимательно поглядев на него пару мгновений, перебил:

— Вообще-то...

Но тут же осёкся, поскольку мощнейшая убийственная Ци налетела на них, заставив отскочить прочь. Се Лянь, чуть приведя мысли в порядок, сделался не таким уж бледным и спросил:

— Что с ним? Почему он стал ещё...

Ещё быстрее, ещё сильнее?

В сравнении с воплощением Безликого Бая, сейчас Цзюнь У поднялся по меньшей мере на ступень в скорости и силе, которые продолжали расти. В каждом ударе отчётливо ощущалась эта ужасающая перемена!

Му Цин же заметил ещё одну странную деталь.

— Ваше Высочество! Осторожно, он поменял тактику! Он больше не нападает на Собирателя цветов под кровавым дождём... Его атаки направлены теперь только на тебя!

Се Лянь, разумеется, тоже обратил на это внимание. Но в руках принца осталась только Жое, которая при виде Фансиня испуганно сжималась, поэтому отбивать атаки напрямую не получалось. К

счастью, Эмин успешно отражал все выпады, направленные на принца, не пропуская ни одного.

Пробит белый доспех, чудесным образом ломается проклятая канга

От Фансиня исходила настолько давящая мощь, что даже сторонних наблюдателей, стоящих довольно далеко, пробрало морозом по коже. Что уж говорить о Се Ляне, которому пришлось раз за разом отступить под натиском атак?

Только что, сражаясь с Безликим Баем в одиночку, Хуа Чэн справлялся с относительной лёгкостью, однако после появления Цзюнь У принцу с демоном пришлось объединить усилия лишь для того, чтобы сравняться с ним по силе. Преимущество хозяина горы Тунлу в магических силах дало о себе знать, Се Лянь смутно ощутил, как на него накатывает волна сметающей всё на своём пути мощи.

Кроме того, Цзюнь У облачился в белый доспех — тысячелетний артефакт, выкованный им лично, который практически невозможно пробить. Единственное, о чём следовало позаботиться Цзюнь У, — прикрывать голову. Хуа Чэн действовал саблей поразительно быстро и точно, Се Лянь тоже старался выбирать наилучший момент для атаки, они вдвоём нанесли по прямому удару в горло, сердце, спину, живот и плечи Цзюнь У, но противник даже не шелохнулся!

Му Цин закричал:

— Не тратьте силы! Бесполезно! Его доспех не пробить!

Се Лянь не послушал, только велел Хуа Чэну:

— Бей ниже правого ребра!

Но удар изогнутой саблей в указанное место по-прежнему не принёс результата.

— Я же сказал, бесполезно! — вновь вмешался Му Цин. — Лучше сначала придумайте, как отдалиться от него, а мы присоединимся к битве! Фэн Синь! Где твои стрелы?

Фэн Синь карабкался по скале, чтобы поймать духа нерождённого, который показывал ему язык и плевался слюной. Но услышав призыв Му Цина, сразу отозвался:

— Хорошо! Я иду!

Тем временем Се Лянь настаивал:

— Продолжай, не останавливайся! Бей ниже правого ребра!

— Ваше Высочество! — обратился к нему Фэн Синь. — Этот доспех очень крепок, даже несколько сотен ударов не смогут его разбить!

— Всё в порядке, делай, как я говорю! Несколько сотен ударов не понадобится! — не унимался принц.

Хуа Чэн, не задавая вопросов, нанёс несколько ударов Эмином. Неожиданно в месте, где клинок сабли коснулся доспеха, появилась маленькая трещина.

А следом потекла кровь. Клинок Эмина вошёл в живот Цзюнь У чуть ниже правого ребра!

Хуа Чэн, стоя перед Цзюнь У, держал саблю одной рукой и не сводил сурового взгляда с противника. Се Лянь же очутился сбоку и велел Жое воспользоваться моментом и сковать руки Цзюнь У, чтобы тот не мог защититься.

— Как такое возможно? — оторопел Му Цин.

Как случилось, что тысячелетний доспех столь просто оказался пробит Хуа Чэном?

Затянув Жое покрепче и не отводя взгляда от Цзюнь У, Се Лянь обратился к нему:

— Забыл? Мы с тобой сразились однажды, восемьсот лет назад.

Фэн Синь и Му Цин поняли:

— Второе вознесение?

Тогда Се Лянь обратился к Цзюнь У с просьбой низвергнуть его, но кроме того, пожелал померяться с ним силами. В той битве они условились не жалеть друг друга, но наверняка Цзюнь У всё же не стал сражаться во всю мощь.

А вот Се Лянь выложился на полную.

Принц нанёс больше тысячи ударов, из которых более четырёхсот достигли цели. И из тех четырёх сотен одна сотня пришлась ровно в то самое место.

Се Лянь без усталости совершил более трёх тысяч выпадов и, наконец, пробил практически несокрушимую защиту тысячелетнего доспеха Цзюнь У, вонзив меч ему под правое ребро.

Именно туда, куда Хуа Чэн теперь направил саблю!

Вышло так, что восемьсот лет назад Се Лянь оставил на белом доспехе след. И понадобилось всего три удара, чтобы Хуа Чэн смог его пробить!

Кроме того, сабля Хуа Чэна оказалась ещё острее, чем предполагал Се Лянь. Клинок, вошедший в живот, наверняка нанёс противнику тяжёлое ранение!

Но стоило принцу немного перевести дух, он услышал голос советника:

— Бесплезно! Он...

По логике вещей, столь серьёзное повреждение должно было ограничить Цзюнь У в движении, но тот лишь опустил взгляд на рану, при этом выражение его лица осталось неизменным. Се Лянь только успел заподозрить неладное, когда Цзюнь У слегка шевельнул связанными руками.

После чего послышался едва уловимый треск разрыва ткани, и руки Цзюнь У освободились.

Жое... порвалась!

Белая шёлковая лента, разорванная пополам, без признаков жизни опала на землю. Ещё миг, и принц почувствовал, как кто-то схватил его за шею и вздёрнул вверх!

Он услышал возглас Хуа Чэна «Ваше Высочество», вот только этот голос вдруг оказался где-то далеко. Зато голос Цзюнь У зазвучал совсем рядом:

— Сяньлэ, неужели ты думаешь, что меня в этой жизни пронзали меньше твоего? Решил, что я не сочту это пустяком?

Вдалеке раздался голос советника:

— Даже если вы проткнёте его сто восемнадцать раз, это не возымеет действия! Потому что... он, похоже... уже не способен почувствовать боль...

Ни один мускул не дрогнул бы на лице Се Ляня, даже если его бы пронзило прямо в сердце мечом насквозь. Цзюнь У... был таким же.

Фэн Синь, который уже натянул лук в сторону Цзюнь У, опустил оружие со словами:

— Что?! Но ведь тогда получается, ранить его или не ранить — нет никакой разницы?!

Му Цин вставил:

— Заодно сообщу вам ещё одну плохую новость. Я кое-что заметил, и подозреваю, что скорость его самоисцеления даже намного выше, чем скорость, с которой наносятся раны.

— Что?!

Тем временем Се Лянь уже сам убедился в том, что это чистая правда.

С такой страшной раной любой другой на месте Цзюнь У сложился бы пополам от боли, но тот уже перестал истекать кровью.

— Не стоит так удивляться, — произнёс Цзюнь У. — Мне слишком часто вонзали нож в спину, и я умер бы уже тысячу раз, не научившись мгновенно исцеляться. Впрочем, вы двое... поистине весьма неплохи. — Он улыбнулся. — За восемьсот лет мне нанесли всего два ранения, мечом и саблей, и это ваших рук дело. Собиратель цветов под кровавым дождём, встань подальше, ты ведь не хочешь увидеть, как я сломаю Сяньлэ шею?

Лицо Хуа Чэна сделалось мрачнее некуда, в глазах закипела ярость, но на его глазах Цзюнь У подвесил Се Ляня над краем Небесного моста — стоит разжать пальцы, и принц упадёт в пламенный поток с высоты в сотню чжанов. Поэтому Хуа Чэн немедля опустил оружие, однако из рук не выпустил, и медленно отступил на несколько шагов.

Он выглядел довольно спокойным, однако сабля в его руке выдавала его с головой. Эмин страшно разволновался, бешено завращал глазом, затем уставился на Се Ляня. Когда Хуа Чэн оказался на самом краю моста, Цзюнь У наконец сказал:

— Достаточно.

Он держал Се Ляня так, что они смотрели друг другу прямо в глаза, но потом Цзюнь У вдруг впечатал принца в каменную стену!

Удар был настолько безжалостным, что у Се Ляня загудело в голове, а изо рта и носа смазанными ручейками потекла кровь, каплями падая с подбородка. Где-то вдалеке, кажется, слышались испуганные крики, но принц не различал, кто кричит, он уловил только спокойный голос Цзюнь У прямо возле уха:

— Сяньлэ, вот ты ударился головой о стену, тебе больно?

Се Лянь не расслышал и не ответил ему. Тогда Цзюнь У снова ударил его лицом в стену, повторяя:

— Больно? Больно? Больно?

Каждый вопрос сопровождался ударом, и в результате Се Лянь громко закричал, но только кричал он следующее:

— Сань Лан, не подходи! Всё хорошо, я в порядке! Только не приближайся!

По крайней мере, сейчас не время. Подходящий момент ещё не наступил!

Хуа Чэн дёрнулся вперёд с первым же ударом, но не успел сделать и двух шагов, как услышал наказ Се Ляня, и потому заставил себя замереть на месте.

При этом лицо его сделалось неимоверно свирепым, вены на тыльной стороне ладоней, казалось, вот-вот лопнут, руки неудержимо дрожали от плечей до кончиков пальцев.

А Цзюнь У с абсолютно невозмутимым видом продолжал остервенело вдавливать Се Ляня в скалу, словно безумный, непрерывно спрашивая:

— Больно? Больно?

— Ваше Высочество!!! — воскликнул советник, обращаясь неизвестно к которому из двоих.

Се Лянь, уперевшись окровавленными руками в неровную поверхность скалы, проревел сквозь зубы:

— ...Больно!!!

Лишь тогда Цзюнь У наконец удовлетворённо улыбнулся, отпустил несчастную голову Се Ляня и поставил его на ноги.

Обхватив руками всё ещё гудящую голову, Се Лянь осел на мост, и слёзы вместе с кровью неподконтрольно покатались по его щекам. Цзюнь У, присев рядом, взгляделся в лицо принца, вдруг протянул руку и погладил его по голове, затем аккуратно помог стереть кровь.

Жест вышел наполненным теплом и лаской, словно отец сидит рядом с ребёнком, которого сам только что избил до безобразия, и утешает его. От такого зрелища у Фэн Синя и Му Цина кровь застыла в жилах.

— Он... он... он в самом деле обезумел?

Рука Хуа Чэна, сжимающая саблю, захрустела суставами, а зрачок в глазу Эмина резко сузился, при этом сам глаз будто бы покрылся кровавыми прожилками.

Се Лянь, не пророняя ни звука, лишь позволял Цзюнь У стирать кровь со своего лица. Цзюнь У тем временем размышлял вслух:

— Ну что за глупое дитя? Раз тебе больно, почему ты не одумаешься? Считаешь, если биться головой о стену, то стена упадёт сама? Почему бы не изменить собственное направление?

Се Лянь ответил:

— Не одумаюсь.

Цзюнь У вспыхнул, замахнулся и нанёс такой удар, что Се Лянь распластался на мосту!

Голова принца всё ещё кружилась, когда Цзюнь У снова приподнял его одной рукой. По его тону было ясно, что он скоро потеряет терпение.

— Тебе непременно нужно вывести меня из себя? Я спрошу ещё раз. Ты справишься или нет?

Се Лянь, кашлянув, выплюнул полный рот крови.

— Не исправлюсь.

Маска мягкости на лице Цзюнь У наконец треснула, сквозь неё промелькнул гнев.

Советник, мрачный как туча, заметил этот недобрый знак и поспешно выкрикнул:

— Ваше Высочество! Вы ведь никогда не желали смерти этому дитя, он всегда вам очень нравился! Вы сами говорили, разве не помните?!

Цзюнь У холодно усмехнулся:

— Не будь это так, я бы не стал восемьсот лет тратить всё своё терпение и снисхождение на него одного. Он бы давным-давно обернулся частью фундамента столицы бессмертных, попираемый тысячами ног. — Он повернулся к Се Ляню и вновь неожиданно пришёл в ярость: — Но только он не ценит доброго отношения, упрямится, капризничает, никак не желает меня слушаться! Постоянно выступает против! Не справишься? Хорошо, тогда давай проверим, упадёт ли эта стена, если я разобью об неё твою голову!

Советник, видя, что Цзюнь У опять схватил Се Ляня, поспешил остановить:

— Ваше Высочество! Ваше Высочество!!! Его Высочество... молодой принц просто несмышлёныш, пощадите его в этот раз, будет вам! Однажды он образумится...

Цзюнь У бросил взгляд на Мэй Няньцина, и его улыбка сделалась ещё холоднее.

— Ты решил, что я по-настоящему обезумел? Не надейся меня обмануть. В душе ты, должно быть, считаешь истинным несмышлёнышем не его, а меня?

Советник так и застыл, а Цзюнь У продолжил:

— Ты всем сердцем желал взрастить его, наставлял его, наверняка лишь потому, что в твоих мечтах он мог бы превзойти меня. Так ты бы доказал, что я ошибался, а ты был прав, вы были правы. Ты бы мог разочарованно вздыхать, глядя на теперешнего Цзюнь У, но превознося призрачный образ совершенного наследного принца Уюна. Разве не эту цель ты преследовал? Считаешь, я не знаю, о чём ты думал?

— Нет! Не надо опять начинать спор о том, кто прав, кто виноват, кто победил, кто проиграл, я никогда не имел подобных мыслей! — ответил Мэй Няньцин.

Но Цзюнь У его уже не слушал, его голос сделался резким:

— Даже не думайте! Я вам говорю, даже не думайте! Никому не дано превзойти меня! И тем более — ему! — Он рассмеялся словно сумасшедший, затем вновь схватил Се Ляня и принялся бить головой о скалу с криками: — Ты справишься? справишься? справишься?!

Се Лянь, будто следом лишился рассудка, схватил Цзюнь У за руку и орал:

— Не исправлюсь! Не исправлюсь! Не исправлюсь!!!

От ударов у принца из глаз посыпались искры, нестерпимая боль пронзила голову, но он упрямо повторял одно и то же, не собираясь давать ответ, который Цзюнь У хотел услышать, лишь прямо заявлял: а вот и не исправлюсь!

Он слишком долго терпел. Как будто все эти годы ждал лишь этой возможности, чтобы, истекая кровью, плакать и орать во всю глотку.

— Вот и не исправлюсь! Будет больно — не исправлюсь, настигнет смерть — не исправлюсь, никогда не исправлюсь!!!

Теперь не Цзюнь У довёл Се Ляня до безумия, а уже Се Лянь до безумия разгневал Цзюнь У!

Глаза последнего налились кровью, он собрался преподать ещё один урок принцу, но вдруг застыл и опустил взгляд, увидев, как на его плечо обрушилась длинная сабля, и ощутив, как в спину ровным рядом летят восемь длинных стрел, выструганных из веток.

Но для него это был сущий пустяк, ведь ни сабле, ни стрелам не пробить его белый доспех. Проблема лишь в том... что его правая рука исчезла.

Рука, которой он держал Се Ляня, исчезла. Пропала от самого запястья, где теперь остался ровный срез. Се Лянь исчез вместе с ней.

Затем Цзюнь У обернулся, и что-то с яростным порывом полетело прямо на него. Взмахнув левой рукой, он схватил летящий предмет и обнаружил, что это и есть его собственная правая кисть.

На другой стороне Небесного моста Хуа Чэн держал в объятиях окровавленного Се Ляня, одной рукой сжимая саблю и обнимая принца за плечи, другой зажимая рану на его голове. Его голос звучал угрожающе:

— Убери... свою грязную лапу.

Не желая признавать поражение даже под страхом смерти, Се Лянь окончательно разозлил Цзюнь У, чтобы тот наконец ослабил бдительность!

Цзюнь У, взяв свою правую кисть, приставил её обратно к запястью, пошевелил рукой и выдернул стрелы из спины. Затем вдруг вспомнил кое о чём, обернулся и как раз увидел за своей спиной побледневшего Му Цина, сжимающего в руках длинную саблю. Тот, поймав на себе его взгляд, немного испугался, но всё же заставил себя, забыв о страхе, сохранять невозмутимость. Но надолго эта невозмутимость не задержалась.

Посмотрев на своё плечо, Цзюнь У спокойно произнёс:

— И всё же тебе, в сравнении с Сяньлэ, не достаёт мастерства.

На лице Му Цина лишь дрогнул мускул, но тут сабля выпала из его рук, и он перестал быть таким уж невозмутимым. Он дёрнул рукав, уставившись на своё запястье, где чёрная проклятая канга сжалась сильнее, а вокруг неё яснее проступили сосуды, словно кровь со всего тела неудержимо потекла к этому месту.

Фэн Синь, видя, что Му Цин стоит, не шевелясь, закричал ему:

— Чего ты встал, беги!

— Фэн Синь, дурья ты голова, — одёрнул советник, — у него ведь ранены ноги, как он побежит?

Фэн Синь от неожиданности выругался:

— Твою ж мать!

Он совершенно забыл об этом!

В прошлом Му Цин, наверное, закатил бы глаза от злости на Фэн Синя, но теперь... даже имея он возможность убежать, это не помогло бы. С кангой на руке... беги, сколько вздумается, не поможет!

Фэн Синь, выругавшись, хотел было прийти на помощь, но Цзюнь У вдруг запустил в него те стрелы, которые только что вынул из

собственной спины.

Фэн Синь только и успел почувствовать холод в сердце, опустил взгляд и обнаружил, что все восемь стрел вернулись к нему и теперь торчат из его груди!

Цзюнь У же медленно направился к Хуа Чэну и Се Ляню. Хуа Чэн, не удостаивая противника взглядом, обнимал Се Ляня и звал:

— Гэгэ? Гэгэ?

Принцу так досталось, что он лишь спустя некоторое время пришёл в себя, до сих пор ощущая, как ужасно болит голова. Но даже не открыв глаз, он первым делом спросил:

— Сань Лан? Ты в порядке?

Хуа Чэн, посмотрев на принца, вдруг прижал его к себе сильнее и с нежностью произнёс:

— Я в полном порядке. Лучше бы ты позаботился о себе.

Он крепко сжал принца в объятиях, при этом стараясь не касаться его ран. Се Ляню пришлось приложить усилие, чтобы открыть глаза, и перед ним предстала жуткая картина происходящего.

Му Цин словно окаменевший остался стоять на месте, одной рукой крепко схватив себя за запястье, словно в противостоянии с кангой-кровопийцей. Но по его мертвенно-бледному лицу было ясно — долго он так не продержится.

Фэн Синь, хоть его и не пронзило стрелами насквозь, всё же оказался серьёзно ранен, и теперь упал на мост. Дух нерождённого, от радости то и дело издавая странные вскрики, скакал вокруг него, наступая Фэн Синю на лицо, отчего тот приходил в ярость, но пошевелиться не мог, иначе его раны стали бы серьёзнее.

Небесный мост тем временем рушился, участок за участком, и они в любой момент могли упасть следом!

Се Лянь, поняв, в каких обстоятельствах они оказались, от испуга захотел подняться, и Хуа Чэн поддержал его под руку. Они вместе посмотрели вперёд, на медленно приближающегося к ним Цзюнь У.

В свете пламени, окружающего со всех сторон, его фигура казалась чрезмерно высокой и отбрасывала огромную тень. Се Лянь, старательно стерев с глаз и лица кровь, уставился на эту фигуру.

В руке Цзюнь У держал Чжусинь, направив переливающийся духовным сиянием клинок в сторону и вниз. Сейчас казалось, что

вовсе не он в приступе безумия вбивал Се Ляня в скалу, а кто-то другой.

— Сяньлэ, ты прекрасно понимаешь, что твоё поражение неизбежно.

Цзюнь У знал Се Ляня, как никто. Знал всё о его технике боя, а также полностью превосходил его в магической силе. К тому же, даже ещё не вступив в схватку с Цзюнь У, принц почувствовал, что и боевой дух, и магические силы того возросли. Гора Тунлу — его владения, и это заметно подавляло любого противника.

Наверное, он прав — подумал Се Лянь. Принцу не победить. Но даже если так, он непременно должен сразиться!

Только Хуа Чэн вдруг возразил:

— Нет. Ваше Высочество, ты сможешь победить его.

Се Лянь застыл и перевёл на него взгляд, а Хуа Чэн, так же внимательно глядя на принца, добавил:

— Ты сможешь победить. Ты сильнее его.

Единственный глаз демона сиял так ярко, будто внутри что-то горело. Хуа Чэн уверенно сказал:

— Верь мне. Он ошибается, а правда на твоей стороне. Ты сильнее его. Ты намного сильнее!

Цзюнь У издал тихий смешок, должно быть, счёл слова Хуа Чэна смехотворно наивными. Или, может, развеселился из-за мощи, которой поигрывал в ладони.

Сила веры тысяч и тысяч последователей сейчас находилась в его руках!

Но Хуа Чэн схватил принца за плечо.

— И что с того? Это просто десятки тысяч глупцов, они ничего не стоят! А тебе достаточно одного последователя.

Достаточно одного последователя?

Се Лянь не успел сообразить, что происходит, когда Хуа Чэн притянул его к себе.

Глаза принца широко раскрылись.

В его тело бешеным потоком ворвались магические силы.

В этот раз, в отличие от любого из предыдущих случаев, передача магических сил произошла категорически насильно, даже призрачные бабочки и озлобленные духи, казалось, ощутили эту пугающую мощь. Находящиеся слишком близко к Хуа Чэну и Се Ляню бабочки и духи

просто-напросто взорвались, послышались хлопки и пронзительный визг.

Принц почувствовал, что его пальцы вот-вот задргаются в судорогах, ноги задрожали так, что он, казалось, сейчас рухнет на колени, не в силах стоять. В душе Се Лянь кричал — остановись, не надо, но Хуа Чэн обеими руками крепко держал его голову, не давая отстраниться, не позволяя отказаться.

Спустя какое-то время Се Лянь ощутил, как напряжение на шее спало.

Одновременно с этим Хуа Чэн наконец отпустил принца, и у того подкосились ноги — упав на колени, Се Лянь упёрся руками, только так ему удалось сохранить равновесие.

Цзюнь У остановился, глядя в их сторону с посуровевшим лицом. А Фэн Синь, лежавший вдалеке от них, проговорил, не веря своим глазам:

— В-ваше Высочество, твоя... твоя?..

Се Лянь дрожащими руками притронулся к шее.

Ничего нет.

Хуа Чэн влил в него слишком много магических сил. Правда, слишком много, их количество вышло далеко за пределы, которые способна запечатать проклятая канга.

Оковы, что сдерживали Се Ляня больше восьми сотен лет, были сломаны!

С улыбкой чуть бледнеют красные одежды

Му Цин пробормотал:

— Как такое возможно? Откуда так много...???

Ему никогда не приходилось слышать, чтобы кто-то сломал проклятую кангу магическими силами!

Хуа Чэн поднял Се Ляня на ноги со словами:

— Гэгэ, попробуй сразиться с ним теперь!

Весьма кстати Цзюнь У налетел на принца с мечом. Тот неосознанно вскинул руку, чтобы отбить удар пальцами... послышался звон металла, и Чжусинь едва не вылетел из рук противника!

Мощь этого приёма теперь не шла ни в какое сравнение с прежней!

Се Лянь в лёгкой растерянности посмотрел на свои руки. Уже несколько сотен лет его не посещало подобное чувство, словно принц давным-давно позабыл, что это и есть он, настоящий.

Неудержимый до неспособности контролировать собственную силу, поступью сотрясающий земли и горы. Одним шагом преодолевающий тысячи ли, одним шагом взмывающий к небесам!

Се Лянь крепко сжал пальцы в кулак и нанёс яростный удар прямо по лицу Цзюнь У!

С самого начала их битвы это лицо оставалось нетронутым, но на сей раз удар пришёлся в цель, и из уголка губ Цзюнь У наконец вытекла капля крови. Он стёр её большим пальцем и взглянул на свою окровавленную руку.

В следующий миг он резким движением отбросил Чжусинь в сторону.

Похоже, всё-таки решил сойтись с Се Лянем в рукопашном бою!

Принц замахнулся снова, но в этот раз Цзюнь У поймал летящий в него кулак и вывернул Се Ляню руку, которая звонко хрустнула, изогнувшись под неестественным углом. Превозмогая боль, Се Лянь быстрыми движениями вправил сустав на место, затем ударил ладонью, но Цзюнь У отбил и эту атаку. Понимая, что преимущество пока не на его стороне, Се Лянь ринулся подобрать Фансинь, который Цзюнь У отшвырнул в сторону, но тот, разумеется, предвидел подобное и возник у него на пути.

Вот только Цзюнь У позабыл, что за его спиной остались Фэн Синь и Му Цин. И хотя оба сделались полуживыми, всё же попытались незаметно схватить меч, действуя при этом крайне осторожно, но... у Цзюнь У будто глаза росли на спине, он сделал выпад рукой назад, и мост под ногами Фэн Синя и Му Цина рухнул! Двое вместе полетели в лавовую реку!

В последний момент чья-то рука схватила Фэн Синя за сапог, а тот, в свою очередь, успел поймать за сапог Му Цина. Задрал голову вверх, Фэн Синь заорал:

— Твою мать!!! Да твою ж мать!!! Советник, почтеннейший, только ни в коем случае не отпусайте нас!!!

Именно советник и успел их поймать.

— Стало быть, вам известно, что я в почтенном возрасте! — выкрикнул он со вздувшимися на лбу венами. — Тогда скорее

забирайтесь на мост!

Мост обрушился от удара Цзюнь У, но Се Лянь успел задержать падение, просто-напросто подвесив рухнувший участок в воздухе. Принц хотел было поднять его наверх, но Цзюнь У не дал ему на это времени. Сейчас трое оказались всего в паре-тройке чжанов от кипящей лавы и отчётливо слышали бульканье раскалённых пузырей. Му Цин, подвешенный ниже всех, ещё и, как назло, оказался вниз головой, потому его охватил ужас: одно неверное движение — и он помоеет голову лавой. С лицом, красным от жара, Му Цин закричал:

— Скорее, поднимите меня!

Но спустя несколько мгновений, когда советник уже потянул их наверх, вновь раздался возглас Му Цина:

— Стойте! Не поднимайте меня!

Советник разъярился:

— Да чего тебе, в конце концов, надо?

Фэн Синь вставил:

— Ты серьёзно? Хорошо, тогда я отпускаю!

Му Цин выругался:

— Да чтоб тебя, твою мать, только попробуй отпустить! Вниз посмотри! Меч!

Все трое перевели взгляд в указанном направлении. Прямо под ними чёрный меч торчал из потока лавы, медленно погружаясь глубже. Это был Фансинь, в попытке незаметно схватить который они и оказались сброшены вниз!

Му Цин изо всех сил тянулся к мечу, словно мечтал сейчас лишь об одном — обернуться длиннорукой обезьяной. Но никак не мог достать до рукояти, поэтому выкрикнул:

— Опустите меня пониже, совсем немного не хватает!!!

Вены на лбу советника вздулись ещё сильнее, он пожаловался:

— Вы двое молодых парней, а я — груды старых костей, не перегибайте палку!

Однако он всё же позволил сапогу в своей руке чуть соскользнуть вниз, отчего лицо Му Цина свесилось ближе к лаве, а волосы, убранные в длинный хвост, на конце занялись огнём.

— Твою ж мать, — заорал Фэн Синь, — тебе волосы подпалило!!! Сейчас сгорят без остатка!!!

К счастью, Му Цин наконец вытащил меч и, как сумасшедший охлопывая языки пламени с волос, запустил Фансинь в полёт вместе с брызгами лавы, бросив оружие в сторону принца:

— Се Лянь, лови!

Принц протянул руку и поймал Фансинь за рукоять!

Тем временем силы советника подошли к концу:

— Я больше не выдержу, поднимайтесь быстрее, вы оба!

Фэн Синь, видя, что советник уже трясётся от напряжения, понял — дело плохо, и рывком швырнул Му Цина наверх с криком:

— Сколько можно возиться!

Му Цин было разгневался на Фэн Синя за этот бросок, но тут из пламенного потока под ними, словно рыбёшки из воды, выпрыгнули несколько десятков озлобленных духов, которые повисли на груди Фэн Синя!

И если бы не защита божественного сияния, они бы прожгли его насквозь. Ранее Фэн Синь распугал их своими стрелами, и духи затаили на него злобу, поэтому до сего момента следовали за ним «под лавой», чтобы выбрать момент и напасть. Советник, совершенно не готовый к столь внезапному увеличению веса в своих руках, полетел с моста, и теперь настал черёд Му Цина схватить Мэй Няньцина за сапог.

Фэн Синь оказался в весьма зависимом положении: он был ранен, до сих пор не выдернул несколько стрел из груди; ему пришлось голыми руками отбиваться от озлобленных духов; при этом следовало помнить, что из-за слишком резких движений советник мог его не удержать. Духов внизу становилось всё больше, они всем скопом повисли на Фэн Сине, словно решили сыграть с Му Цинем и советником в перетягивание «каната». Обе стороны прикладывали немалые усилия, и если так пойдёт дальше, они вполне могут разорвать Фэн Синя пополам!

— Нельзя ли поскорее избавить меня от страданий?! — взревел Фэн Синь.

— Закрой рот! — огрызнулся Му Цин, но тут заметил, что «ноша» сделалась легче, как будто озлобленные духи наконец отступили.

Му Цин поспешил затянуть Фэн Синя и советника на мост. Поднявшись, Фэн Синь едва отдышался и ещё не оправился от испуга,

как снизу раздались яростные вопли духов. Посмотрев вниз, Му Цин и советник в голос воскликнули:

— Фэн Синь, это твой сын!

И действительно, среди огненно-красных лавовых духов угадывалось бледное существо, которое перепрыгивало от одного духа к другому и в бешенстве впивалось в них зубами, стараясь разорвать.

Но каждый призрак представлял собой по меньшей мере двухтысячелетнюю тёмную тварь, к тому же их набралась целая орава, разве какой-то мелкий демон, которого и младенцем назвать нельзя, мог их напугать? Изначально маленькое тельце было белее кости, но теперь ожоги от пламени сочились кровью, на коже тут и там проступили красные пятна. Дух нерождённого издавал демонические завывания, но они вместо желания пожалеть его вызывали лишь ужас. И всё-таки Фэн Синь взорвался и заорал, вне себя от ярости:

— Совсем свою гнилую совесть потеряли? Толпой накинулись на ребёнка!!! Цоцо, сюда!

Не в состоянии справиться с таким количеством тварей, дух нерождённого уже почувствовал опасность, а услышав, что кто-то за него заступился, пронзительно взвизгнул и запрыгнул на плечо Фэн Синя. Тот схватил лук, одним движением выдернул из собственной груди все стрелы и вихрем послал их в лавовую реку, подняв столб огненных брызг. Дух нерождённого так и запрыгал на его плече с криками злорадного восторга.

Тем временем Се Лянь, заметив, что Му Цин, Фэн Синь и советник в безопасности, наконец успокоился на их счёт и уже приготовился всё внимание посвятить битве с Цзюнь У, как вдруг ему сдавило грудь.

Цзюнь У обхватил его со спины, не давая шевельнуться, и заговорил:

— Я же предупреждал... Думаешь, где ты научился всему, что умеешь? Все твои приёмы я знаю как свои пять пальцев!

Если Се Лянь не выберется из этого захвата, он окажется просто раздавлен. Но Цзюнь У наверняка известны все способы высвобождения, которые могут прийти на ум принцу!

До него вдруг донёсся голос Хуа Чэна:

— Гэгэ, не бойся! У тебя точно есть приём, о котором он не знает, на который способен только ты, а он — нет!

В сознании принца сверкнул блеск осознания.

У него есть такой приём?

А ведь и правда, есть!

Если нельзя высвободиться, то и не нужно высвободиться!

Се Лянь развернулся лицом к Цзюнь У и вместо того, чтобы вырваться из его рук, сам обхватил противника в ответ и по слову выдавил:

— Этот приём... ты точно не знаешь!

Не отпуская Цзюнь У, принц вместе с ним врезался в несравнимо твёрдую каменную стену! В этот удар он вложил всю свою мощь, и скала с грохотом обвалилась, а ещё принц услышал, как что-то треснуло.

Этот звук исходил от Цзюнь У.

Его белый доспех разбился окончательно!

Одновременно с этим Цзюнь У отпустил принца, яростно крича:

— Прочь! Пошли прочь!!!

Се Лянь поднял взгляд, и его охватил ужас. В глаза бросилось то, что заставило Цзюнь У прийти в такое бешенство. Лица.

Три лица снова вырвались на свободу!

Се Лянь опять поднял меч и одним выпадом пронзил сердце Цзюнь У, пригвоздив того к скале!

Изо рта Цзюнь У выплеснулась кровь.

Принц влил в удар столько магических сил, сколько смог, и они мгновенно взорвались, когда клинок вошёл в тело Цзюнь У. Никакая способность к исцелению больше не поможет ему восстановиться!

Гора рухнула.

Цзюнь У, которого пригвоздило мечом к этой скале, после обрушения остался лежать на земле.

Но и сейчас он не собирался сдаваться: схватив Фансинь за рукоять, Цзюнь У как будто собрался что-то написать на клинке. Наверняка какое-то заклинание, его нужно остановить! Но только Се Лянь вскинул руку, к ним бросился советник с криком:

— Ваше Высочество! Довольно, прекратите!

Се Лянь застыл, не понимая, к кому обращается советник, кого просит прекратить. Цзюнь У же, откашлявшись кровью, гневно взревел:

— Пошёл прочь!

Мэй Няньцин, упав рядом с ним на колени, повторил:

— Ваше Высочество, довольно! Правда, прекратите. Нет никакого смысла продолжать сражаться.

— Что ты понимаешь?! Прочь!

— Да, я не понимаю. За столько лет вы были и бессмертным божеством, и Князем Демонов, убили всех, кого хотели, заполучили всё, к чему стремились, чего ради вы бьётесь? Что вам нужно, в конце концов? Что вы хотите доказать?

Растерянность, на короткий миг промелькнувшая на лице Цзюнь У, продлилась совсем недолго; он схватил советника за горло и в гневе взревел:

— Хватит меня поучать! У тебя нет такого права! Ни у кого нет!

Сейчас Цзюнь У не доставало сил, и из его захвата не составило бы труда освободиться. Се Лянь вознамерился было вмешаться, но советник махнул ему рукой, делая знак не двигаться, и продолжил:

— Ох, Ваше Высочество.

Цзюнь У холодно взирал на него, всё так же не разжимая пальцев.

Несмотря на иссякающие силы, свернуть советнику шею ему по-прежнему не составило бы труда, но Мэй Няньцин, даже находясь в столь опасном положении, позволял ему сжимать своё горло.

— Я взял Его Высочество в ученики вовсе не для того, чтобы из него получились «вы, не пошедший по неверному пути». Не для того, чтобы посрамить вас с его помощью. Он — это он, а вы — это вы. По сути своей вы изначально разные, у вас разные дороги, и это вполне нормально. Раньше я уже говорил вам об этом, и вы не поверили, ну а что же теперь?

Цзюнь У молча не сводил с него глаз.

Советник продолжал:

— Я всего лишь по-настоящему тосковал по Вашему Высочеству, по прежнему государству Уюн, по всем нам. И по тем временам, когда мы ещё не вознеслись, вот и всё.

Молчание длилось в ответ.

— Столько лет прошло, — добавил советник, — Ваше Высочество, а я, лишь наблюдая за вами, чувствовал усталость. Неимоверную усталось. Ну а вы сами? Неужели несколько не устали?

Цзюнь У являлся первым Богом Войны трёх миров, его облик и поведение всегда должны были служить эталоном совершенства, без

единого пятнышка. Но сейчас, когда божественный ореол исчез, Се Лянь обнаружил, что даже без трёх отметин поветрия лик Цзюнь У выглядел слишком бледным.

Черты лица чрезмерно суровы, под глазами заметны тёмные круги, отчего лицо казалось невыразимо мрачным, а вся та мягкость, которая подчёркивалась божественным сиянием, исчезла без следа.

И всё же нынешний Цзюнь У выглядел наконец живым. Пусть и болезненным.

— Ваше Высочество, — произнёс советник, — вы потерпели поражение. Даруйте самому себе освобождение.

Цзюнь У в некотором замешательстве переспросил:

— Я потерпел поражение?

Чрезмерная мощь магической силы принца ударной волной пробила свод грота, и сверху пролился прозрачный солнечный свет.

С неба тонкими струйками закапал дождь. Цзюнь У лежал на земле, Се Лянь стоял и взирал на него сверху. К своему удивлению, принц увидел в его взгляде тень избавления от тяжкой ноши.

Ему невольно подумалось: наверное, в глубине души Цзюнь У всё время носил желание быть поверженным, чтобы кто-то прервал эту вереницу повторяющихся дней, полных безумия и раскола собственной личности.

Внезапно Цзюнь У задал вопрос:

— Как называется... тот приём?

Се Лянь рукавом стёр кровь с лица и ответил:

— Разбивание камня на груди.

Цзюнь У застыл, словно о чём-то подумав, усмехнулся, вздохнул, закрыл глаза и проговорил:

— Красиво.

Больше он не проронил ни слова, но по его лицу все видели, насколько он измотан, больше скрывать это было невозможно. Се Лянь наконец убрал руку с рукояти Фансиня. Не зная, что делать дальше, он невольно поискал глазами Хуа Чэна. Тот оказался на том же месте, посреди единственного уцелевшего участка Небесного моста, где уже долго стоял и спокойно ждал принца, заведя руки за спину. Увидев, что Се Лянь обернулся, Хуа Чэн с улыбкой поймал его взгляд.

Советник, сидя возле неподвижного Цзюнь У, сказал Се Ляню:

— Ваше Высочество, ступайте.

Но сам он вставать не собирался.

— Наставник, вы не пойдёте с нами?

Советник покачал головой:

— Я побуду с Его Высочеством, не волнуйтесь. Ведь когда-то я этого не сделал.

Дождь усиливался, омывая лицо Цзюнь У, его закрытые глаза, смывая кровь и жизнь, вытекающую из его раны.

Се Ляню даже показалось, что три лица, омытые дождём, как будто сделались менее отчётливыми. Впрочем, возможно, ему только показалось.

Постояв немного в молчании, Се Лянь снял со спины доули и уронил её, прикрыв лицо Цзюнь У.

Канга на запястье Му Цина разжалась сама по себе, и он пинком запустил её в лаву, с трудом вернув себе привычное состояние холодного спокойствия. Дух нерождённого спрыгнул с плеча Фэн Синя, на четырёх конечностях подполз к лицу Цзюнь У и осторожно потрогал, совершенно иначе, нежели ранее прыгал по лицу родного отца, чем разозлил Фэн Синя до полусмерти.

Се Лянь же, не обращая внимания больше ни на что, с разбитым лицом помчался к Хуа Чэну, словно обрёл новую жизнь... А ведь он и правда едва спасся от смерти. Врезавшись в Хуа Чэна со всего размаху, он воскликнул:

— Сань Лан!

Хуа Чэн протянул к нему руки, отшатнулся на шаг, едва не сбитый принцем с ног, заключил его в объятия и, лучезарно улыбаясь, произнёс:

— Гэгэ, видишь, я же говорил, ты обязательно победишь! — затем приподнял его лицо, внимательно осмотрел и вздохнул: — Опять ты довёл себя до такого состояния.

Там, где пальцы Хуа Чэна касались лица Се Ляня, пролетала малюсенькая серебристая бабочка, и раны сразу затягивались. Се Лянь так же лучезарно улыбнулся в ответ:

— В следующий раз подобного не повторится!

Хуа Чэн, приподняв брови, напустил на себя суровость:

— Следующего раза не будет.

Помолчав, Се Лянь без улыбки серьёзно сказал:

— Сань Лан, тогда, на горе Тунлу, я говорил, что расскажу тебе кое-что, когда мы выберемся, помнишь?

Хуа Чэн улыбнулся:

— Разумеется, помню. Я помню всё, что ты говорил, гэгэ.

Опустив голову, Се Лянь с трудом набрался смелости и наконец искренне начал:

— События, упомянутые Цзюнь У, тоже имеют отношение к этому. Честно говоря, я вообще-то давно должен был рассказать тебе, но никак не мог решиться, боялся, что ты узнаешь...

— Боялся, что я узнаю, что Ваше Высочество едва не стал Белым бедствием, верно?

Се Лянь оторопел:

— Ты...?

Хуа Чэн больше не стоял перед принцем — опустился на одно колено и поднял на него взгляд, с улыбкой говоря:

— Ну как? Гэгэ, теперь... вспоминаешь?

Как же не вспомнить?

Ведь тогда... безымянный призрак точно так же преклонял перед ним колено!

Та белая маска и улыбающееся лицо Хуа Чэна в этот миг слились воедино. Сердце Се Ляня дрогнуло, колени подкосились, и он просто сел перед Хуа Чэном, бормоча:

— Сань Лан... это... это был ты!

Хуа Чэн усмехнулся, продолжая стоять на одном колене и глядя на принца единственным глазом.

— Ваше Высочество, я всё время присматривал за тобой.

Се Лянь только и смог выговорить:

— Ты... ты...

Он наконец понял, что означали все те слова, которые Хуа Чэн говорил ему как будто невзначай.

Вот оно что. Принцу никогда не приходило в голову, что Умин — и есть Хуа Чэн!

Он всё знал. Он всё видел. Он всегда был рядом!

Тысячи чувств, десятки тысяч слов внезапной волной нахлынули на принца, затопив его сердце. Трогательное волнение, стыд, душевная боль, безумная радость, а ещё глубже — восхищение и любовь, от которых нет спасения.

От переполняющих эмоций грудь принца готова была взорваться, он не мог вымолвить и слова, только бросился к Хуа Чэну, обнимая его с криком:

— Сань Лан! — он, казалось, мог сказать теперь только это, и потому позвал вновь: — Сань Лан!

Хуа Чэн от его броска не устоял и тоже сел, прижимая Се Ляня к себе и громко смеясь. Страх и волнение как рукой сняло, Се Лянь крепко обнял Хуа Чэна за шею и так рассмеялся, что захотелось плакать.

Но слёзы не успели упасть из его глаз, принц вдруг заметил весьма скверную деталь.

Хуа Чэн был демоном, но его тело при этом ничем не отличалось от тела обычного человека.

Вот только сейчас... Хуа Чэн, которого обнимал принц... его яркие красные одеяния... сделались чуть прозрачными.

Се Лянь испуганно схватился за Хуа Чэна.

— Сань Лан?! Что с тобой?

Хуа Чэн по-прежнему спокойно отвечал:

— Всё в порядке. Просто немного перестарался.

Се Ляня его ответ поверг в смятение.

— Почему ты сразу мне не сказал... Разве это называется «всё в порядке»?!

Магические силы! Это всё магические силы!

Магические силы, которые Хуа Чэн переливал Се Ляню, всегда казались неисчерпаемыми, он отдавал их с неизменной улыбкой, словно для него это ничего не значило. И всё же магические силы — не песчинки, приносимые морской волной. Как они могут быть неисчерпаемыми?

Нельзя винить Хуа Чэна в том, что «сразу не сказал», принцу оставалось винить лишь самого себя, что совершенно об этом не подумал. Охваченный сожалением и беспокойством, Се Лянь произнёс:

— Я верну их тебе.

Затем схватил лицо Хуа Чэна и приник к нему поцелуем. Фэн Синь и Му Цин, которые собирались было подойти к ним, при виде такой картины мгновенно отшатнулись на несколько чжанов, оставляя двоих решать проблему своими силами.

Проклятая канга больше не сдерживала принца, и он изо всех сил передавал Хуа Чэну все магические силы, которые только мог собрать, чтобы тот поскорее восстановился. Но отстранившись после долгого поцелуя, Се Лянь обнаружил, что красные одежды Хуа Чэна на рукавах и его серебряные наручи остались прежними и даже сделались ещё более прозрачными!

Се Лянь застыл, в его сердце закрался панический страх, он невольно снова попытался поцеловать Хуа Чэна, но тот оказался быстрее — первым обхватил ладонями лицо принца, оставил на губах лёгкий поцелуй и с улыбкой произнёс:

— Я, конечно, очень рад, что гэгэ проявил инициативу, но всё же нет нужды передавать мне магические силы. Впрочем, если гэгэ хочет просто поцеловать меня, без магических сил, я совершенно не возражаю. Чем дольше, тем лучше. Подобные порывы в высшей степени приветствуются.

Се Лянь, вцепившись в него, на грани срыва закричал:

— Что это значит?!

— Мне просто придётся немного отдохнуть, ничего страшного, гэгэ, не надо бояться.

— Как я могу не бояться? — Се Лянь схватился за голову. — Я сейчас с ума сойду!

Зная Хуа Чэна, он не позволил бы Се Ляню увидеть себя в таком состоянии, если бы проблема не была действительно серьёзной, настолько, что её уже невозможно скрывать!

Столько магических сил, что хватило разбить проклятую кангу... но сколько же именно? Наверняка можно без преувеличения назвать их поток безбрежным морем, бесконечной рекой... Но разве для самого Хуа Чэна это могло пройти бесследно?

С каким трудом... с каким трудом Се Лянь наконец разделался со всеми навалившимися бедами. Объяснился с Фэн Сином и Му Цином. Избавился от проклятой канги, что сдерживала его восемьсот лет. Признался Хуа Чэну в том, в чём всё время хотел, но никак не решался признаться.

Но когда Се Лянь, улыбаясь от души, примчался наконец к Хуа Чэну, тот встретил его в таком состоянии. Как принц мог не бояться? Он испугался до безумия!

Фэн Синь и Му Цин, почувствовав неладное, издали позвали:

— Ваше Высочество? В чём дело?! — и даже подбежали на несколько шагов ближе, но всё же из-за некоторых обстоятельств остановились на полпути, не решаясь вмешиваться без спроса.

Се Лянь совершенно не замечал никого вокруг, только крепко держал Хуа Чэна, и сердце его, казалось, вот-вот остановится от страха.

— Что же делать?!

Хуа Чэн тихо вздохнул, протянул руки и снова заключил принца в объятия.

— Ваше Высочество, я всё время присматривал за тобой.

Он второй раз произнёс эту фразу, только теперь ещё нежнее. Се Лянь, схватившись за одежду на его груди, растерянно пробормотал:

— Я знаю, я знаю! Но... что же мне делать теперь?!

Хуа Чэн изящными пальцами осторожно поправил растрепавшиеся волосы Се Ляня.

— Ваше Высочество, знаешь, почему я не мог покинуть этот мир?

Се Лянь не понимал, почему Хуа Чэн до сих пор так спокоен, ведь сам он от волнения начал дрожать, но был настолько растерян, что всё же немного глуповато переспросил:

— Почему?

Хуа Чэн прошептал:

— Потому что человек, которого я люблю всем сердцем, всё ещё здесь, в этом мире.

Услышав эту фразу, Се Лянь на миг застыл. Кажется, ему уже где-то приходилось слышать подобное.

Хуа Чэн продолжал:

— Мой возлюбленный — смелая и благородная золотая ветвь с яшмовыми листьями. Он спас мне жизнь, а я с малых лет смотрел на него снизу вверх. Но больше всего мне хотелось догнать его, стать ради него лучше, сильнее. Хотя, возможно, у него не осталось обо мне воспоминаний, мы даже почти не разговаривали. Я хотел защитить его.

— Внимательно посмотрев на Се Ляня, он добавил: — Если твоя мечта — помогать людям, попавшим в беду, то моя мечта — лишь ты один.

Се Лянь, полагаясь на воспоминания, дрожащим голосом проговорил:

— Но... если останешься... ты... не обретёшь покоя...?

— Я согласен вовек не обрести покоя.

На короткий миг дыхание Се Ляня остановилось. Он будто сквозь сон услышал два голоса, один из которых спрашивал, другой отвечал.

«Но если тот, кого ты любишь всем сердцем, узнает, что из-за него ты не обретёшь покоя, боюсь, это его опечалит, ведь он будет чувствовать за собой вину».

«Тогда я не позволю ему узнать, почему остался, и всё».

«Если он будет часто видеть тебя, то рано или поздно поймёт».

«А я не дам ему заметить, что оберегаю его, и всё».

Призрачный огонёк. Слабый призрачный огонёк, что Се Лянь купил за монеты в ночь разукрашенных фонарей. Огонёк, что хотел поднять его из пустой могилы в холодную зимнюю ночь. Огонёк, что пытался задержать его, оградить от опасности и Безликого Бая. Огонёк, что кричал вместо него, когда меч сотню раз пронзал его сердце!

Хуа Чэн ровным тоном произнёс:

— Ваше Высочество, я знаю о тебе всё. Твою смелость, твоё отчаяние; твою доброту, твою боль; твою ненависть, твоё отвращение; твой ум и твою глупость. Если бы было позволено, я бы хотел стать камнем под твоими ногами. Мостом, который ты разрушишь, перейдя по нему через реку. Мёртвым телом, по которому ты заберёшься наверх. Грешником, которого ты заслуженно порубишь на тысячи кусков. Но я знаю, что ты не сделаешь этого.

Он всё говорил, и вместе с тем его кленово-красные одежды теряли цвет. Се Лянь, держа его дрожащими руками, по-прежнему переливал Хуа Чэну магические силы, но всё равно не мог остановить этот процесс исчезновения.

У принца перед глазами всё поплыло, сбиваясь и запинаясь, он произнёс:

— Ладно, не говори ничего, я понял... Т-только не надо так, пожалуйста, Сань Лан. Я... я ещё столько магических сил тебе не вернул, которые ты мне одолжил. И ещё, вообще-то я тоже не договорил, много чего. Столько лет никто не слушал, что я говорю, ты ведь останешься, да? В самом деле... не надо так. Я не выдержу, Сань Лан. Я правда не вынесу этого. Дважды, это случилось уже дважды! Я не хочу, чтобы это повторилось в третий раз!!!

Хуа Чэн уже дважды исчезал с лица земли ради него!

— Умереть за тебя в бою — высочайшая честь для меня, — возразил Хуа Чэн.

Эта фраза прозвучала подобно смертельному удару, Се Лянь не смог больше сдерживать слёзы, они так и хлынули из глаз. Словно хватаясь за последнюю соломинку, принц сказал:

— Ты говорил, что не оставишь меня.

А Хуа Чэн ответил:

— Любому пиршеству настанет пора завершиться.

Се Лянь низко-низко опустил голову, не в силах выдать ни слова из-за боли, охватившей грудь и горло.

Затем над ним раздался голос Хуа Чэна:

— Но я никогда тебя не оставлю.

Се Лянь резко поднял голову.

Хуа Чэн сказал ему:

— Я вернусь. Ваше Высочество, верь мне.

Он говорил так уверенно, но его бледное лицо тоже начало терять цвет, становясь прозрачным. Се Лянь протянул руку, чтобы коснуться лица Хуа Чэна, но пальцы прошли сквозь него. Принц застыл и снова вскинул голову.

Взгляд Хуа Чэна был нежным и обжигающим, единственный глаз наполнился бесконечной любовью, молча глядя на принца. Кажется, Хуа Чэн что-то сказал, но беззвучно. Не желая смириться, Се Лянь потянулся к нему, чтобы обнять, чтобы расслышать...

Но не успел схватить покрепче, как тот, кого обнимал принц и кто обнял принца в ответ... исчез.

Прямо на его глазах Хуа Чэн рассыпался тысячей серебристых бабочек, обернулся ярким звёздным вихрем, который нельзя ни обнять, ни удержать.

Руки Се Ляня поймали лишь пустоту, и он замер в таком положении, неподвижно. Быть может, просто не осознал, а может, не мог пошевелиться, но принц, широко открыв глаза, просто остался сидеть на коленях среди этого вихря из бабочек, подобного иллюзии или сну.

Фэн Синь и Му Цин совершенно не ожидали, что всё так повернётся, оба побледнели и бросились к Се Ляню с криком:

— Ваше Высочество!

Фэн Синь подбежал первым.

— Почему вдруг такое случилось?! Ведь только что всё было хорошо? Это из-за проклятой канги?!

Му Цин на хромых ногах попытался подпрыгнуть, но ничего не получилось, поэтому он просто задрал голову и прокричал серебристым бабочкам:

— Собиратель цветов под кровавым дождём! Прекращай шутки шутить! Если ещё жив, сейчас же появись!

Ответа от бабочек, разумеется, не последовало, они покружились немного и, помахивая крыльями, полетели к небу. Фэн Синь попытался поднять Се Ляня, но тот остался сидеть. Не зная, что делать, Фэн Синь спросил его:

— Мы можем чем-то помочь? Нужны магические силы? Его можно спасти? Что теперь делать, в конце-то концов???

Му Цин тем временем что-то заметил и шикнул на Фэн Синя.

— Ну всё, хлопнись!.. Ничего делать не нужно.

Небо, полное мерцающих серебристыми искрами крыльев бабочек. Точно как в ночь их первой встречи после расставания длиной в восемь сотен лет.

Одна бабочка неторопливо приблизилась и коснулась поочерёдно тыльной стороны ладони, щеки, лба Се Ляня. Словно движимая бесконечной привязанностью, она будто говорила с ним на одной ей понятном языке. Принц оцепенело вытянул руку, позволяя бабочке сесть к нему на палец.

Бабочка, кажется, очень этому обрадовалась, хлопала крыльями и в самом деле присела на руку принца. Но лишь ненадолго — вскоре и она улетела по ветру.

Только на том месте, где сидела бабочка, на третьем пальце Се Ляня осталась красная нить, яркая, как и прежде.

.

.

.

.

.

— А дальше?

— Всё.

— Всё?

— Всё.

Пэй Мин наконец не выдержал:

— Нет. Как это — «всё»? Даже я, профан в таких вещах, совершенно чётко вижу, что это не всё!

Му Цин с ехидной ухмылкой поставил на стол толстенную стопку счётных книг и сказал:

— Я так высчитал, на этом всё. Могу прямо при вас пересчитать, слушайте внимательно, генерал Пэй: вычесть восемьсот восемьдесят восемь десятков тысяч добродетелей, прибавить шестьсот шестьдесят шесть десятков тысяч, прибавить ещё тысячу семьсот двадцать десятков тысяч, снова отнять...

Вмешался Фэн Синь:

— Ладно, хватит. Что получилось, то получилось, ошибки тут нет, но мы наверняка немало упустили. Ведь всё равно ничего не сходится!

Му Цин пожал плечами:

— Значит, я тут ни при чём, ведь я не ошибся в расчётах. Может, найдёте кого-нибудь другого на роль счетовода? Если бы я знал, что так выйдет, не стал бы соваться не в своё дело.

После разрушения столицы бессмертных разбросанные по свету и предоставленные сами себе небожители с огромным трудом вновь собрались вместе, отгородили себе территорию на вершине горы Тайцан, куда не забираются простые смертные, и основали временные чертоги Верхних Небес. Сейчас они занимались бурным обсуждением постройки новой столицы бессмертных.

Вот только, к их величайшему сожалению, страшный пожар не только спалил дотла необыкновенно величественные золотые дворцы всех божеств, отчего теперь им приходилось тесниться среди пустынных и холодных гор, отдыхая во временно установленных шалашах, но также уничтожил все важные документы и свитки. Споры не стихали уже несколько дней, но до сих пор небожители не могли провести даже простейший подсчёт!

Пэй Мин, одна рука которого висела на повязке, надетой на шею, другой рукой задумчиво потёр подбородок и сказал:

— То ли мне кажется, то ли в тоне Сюаньчжэня в последнее время слышится всё больше ехидства.

Фэн Синь ответил ему:

— Разве он не всегда был таким? Просто теперь ему лень строить из себя приличное божество.

Му Цин закатил глаза, а остальные, тыча в него пальцем, вынесли вердикт:

— Безобразие!

Тогда Му Цин развернулся и вышел. Цюань Ичжэнь, вовсе забинтованный с ног до головы и потому походящий на цзунцзы в форме человека, из которой торчала лишь копна взлохмаченных кудрявых волос, пробормотал сквозь ткань:

— И что нам теперь делать? Кто будет счетоводом?

Все принялись играть в гляделки, кашлять и тихонько отступить назад — никому не хотелось заниматься этим трудным и неблагодарным делом. Глядя на всё это, Пэй Мин вздохнул:

— Эх, вот бы здесь была Линвэнь. Что ни говори, а она лучше всех справлялась с канцелярскими делами, держала все эти бесконечные записи в голове, так что дворцу Линвэнь и пожар не страшен. Она бы высчитала всё за день.

Промучавшись столько времени на этой проклятой горе, все давно поняли, что это чистая правда, просто не решались говорить вслух. И когда кто-то наконец высказался, остальные дружно подхватили:

— Да уж!

— Впредь я никогда не назову дворец Линвэнь бесполезными!

— А я давно перестал их ругать...

Снаружи шалаша кто-то объявил:

— Господа, прибыла Её Превосходительство Повелительница Дождя!

На лицах присутствующих небожителей отразилась радость, все разом высыпали наружу, чтобы встретить гостью. И только Пэй Мин, немного поколебавшись с задумчивым видом, всё же решил не выходить. Тем временем послышался ещё возглас:

— Ваше Высочество, и вы тоже пришли!

На вершине горы Тайцан осядет пыль мирских забот

В одно мгновение выражения лиц небесных чиновников сделались ещё более неловкими, чем у Пэй Мина.

Откликаясь на возглас, к ним приблизился небожитель в монашеских одеяниях, со спокойным лицом, всем своим видом излучающий беззаботную любезность.

Это был Се Лянь. Остальные поприветствовали:

— Ваше Высочество наследный принц.

— Ваше Высочество.

Каждый без исключения старался вести себя с ним крайне осторожно и вежливо. Се Лянь тоже предельно учтиво поздоровался со всеми, затем вышел навстречу Юйши Хуан со словами:

— Ваше Превосходительство Повелительница Дождя.

Юйши Хуан, ведя за поводья своего громадного чёрного быка-хранителя, подошла к временно возведённому шатру и чуть склонила голову в сторону принца.

На спине быка покачивались большие ящики с дарами земли, которые она привезла специально для других божеств. Поговаривали, что эти дары обладают чудодейственным эффектом укрепления здоровья. Едва услышав об этом, небесные чиновники разделились на две группы: одни радостно бросились разбирать подарки, другие не шелохнулись. Се Лянь, к примеру, остался стоять на месте, и Юйши Хуан обратилась к нему:

— Я принесла Вашему Высочеству кое-что особенное.

Се Лянь улыбнулся:

— Ах, в таком случае, заранее вас благодарю! Что же это?

Повелительница Дождя достала из рукава нечто, завёрнутое в белую тряпицу, а когда раскрыла свёрток, Се Лянь с блеском в глазах воскликнул:

— Премного благодарен Вашему Превосходительству! Я как раз повсюду их искал!

Фэн Синь, который тоже подошёл посмотреть, подхватил:

— Редчайшие шёлковые нити! Превосходно! Наконец-то можно будет починить эту твою штуквину!

Пошарив в рукаве, Се Лянь достал порванную надвое белую ленту и радостно отозвался:

— Да! Наконец-то у меня есть подходящий материал для починки! Я немедленно этим займусь!

Фэн Синь одёрнул:

— Ты? Да брось! Что ты можешь починить?! Попроси о помощи кого-нибудь ещё. — Он обернулся и крикнул: — Му Цин! Для тебя есть работёнка!

Му Цин, неторопливо приблизившись, язвительно бросил:

— Чего? Что ты имеешь в виду? Чтобы я её зашивал?

— Ты же, вроде, поднаторел в этом деле?

Му Цин хмыкнул:

— Умеете же вы сваливать работу на других. Опять приняли меня за слугу? Не ровён час, полы мести заставят.

Се Лянь весело рассмеялся:

— Ладно, ладно. Я сам справлюсь.

Однако Му Цин уже забрал из рук принца ленту и, закатывая глаза, отправился искать иглу. Тем временем Пэй Мин тоже вышел поздороваться, хотел даже похлопать чёрного быка по голове, но тот звонко клацнул зубами, едва не отхватив небожителю пальцы. Получив отпор, генерал удалился.

Юйши Хуан спросила принца:

— Рука генерала Пэя до сих пор не зажила?

— Нет. В тот раз они с Жун Гуаном условились, что за использование меча Мингуана, помимо извинений, Пэй Мин расплатится рукой. В результате обида Жун Гуана улетучилась, и он проявил милосердие, не стал отнимать руку. Однако всё же нанёс серьёзную рану.

— Вот как. Неудивительно, что генерал Пэй теперь ходит с таким странным выражением лица.

Се Лянь же подумал: «А вот выражение лица у него странное вовсе не поэтому».

Пэй Мин слишком близко к сердцу принял факт, что Повелительница Дождя спасла его и на горе Тунлу, и после, в столице бессмертных. Такой мужчина как он, молодцеватый и похваляющийся собственным бесстрашием, просто не мог смириться с потерей лица перед женщиной, в особенности перед той, с кем их связывали давние конфликты. По сравнению с Повелительницей Дождя ему было гораздо проще противостоять женщинам, подобным Сюань Цзи. Возвращаясь к случившемуся в своих мыслях снова и снова, Пэй Мин

так и не сумел успокоиться, а при виде Юйши Хуан вновь переживал случившееся, и выражение лица у него делалось соответствующее.

Впрочем, Повелительнице Дождя и невдомёк было, что именно тревожит генерала Пэя, и она каждый раз при встрече приветствовала его вежливой улыбкой. Однако оба воспринимали случившееся по-разному, и потому их встречи выглядели до странного комично.

— Верно, Ваше Высочество, — спросила Юйши Хуан, — а что стало с Сюань Цзи?

— Её заточили под горой. Хотите навестить её?

После грандиозного сражения сбежавшие из мест своего заточения демоны были временно заключены под стражу в тюрьме, построенной под горой Тайцан. Се Лянь повёл туда Юйши Хуан, но, ещё не дойдя до места, они услышали издали грубую ругань. Бань Юэ и Пэй Су сидели у входа в темницу с бесстрастными лицами.

Сейчас небесным чиновникам не хватало рук, вот и этих двоих отрядили в помощь Небесным чертогам, сторожить темницу. Внутри был заперт Кэ Мо, у которого при виде старых врагов глаза наливались кровью, и он целыми днями без устали бранил Бань Юэ и Пэй Су всевозможными ругательствами. Они же притворялись, что не слышат, и, подобно деревянным болванчикам сидели рядышком у входа. Увидев пришедших, двое поднялись на ноги и поприветствовали:

— Ваше Высочество, Ваше Превосходительство.

Повелительница Дождя протянула им ящик с дарами земли, а Се Лянь сказал:

— Спасибо вам за помощь. Её Превосходительство пришла повидать Сюань Цзи.

Поколебавшись, Пэй Су произнёс:

— Сюань Цзи...

Се Лянь, чувствуя неладное, спросил:

— Что-то не так?

Войдя в темницу и отыскав место, где держали Сюань Цзи, они с Повелительницей Дождя так и остолбенели.

В клетке оказалось пусто, осталось лишь изношенное до дыр свадебное платье.

Пэй Су пояснил:

— Сюань Цзи... прошлой ночью... развоплотилась.

Выходит, её прежние обиды тоже рассеялись. Просто невероятно! Но ведь совсем недавно эта женщина была настолько одержима Пэй Мином, что цеплялась за него мёртвой хваткой, никак не желая отпустить.

— Должно быть, наконец одумалась, — догадался Се Лянь.

Она всё-таки поняла, почему за эти сотни лет превратилась из доблестной и бесстрашной дочери полководца в безумную брошенную женщину, способную вызвать к себе лишь презрение. Что она потеряла и что получила... Должно быть, Сюань Цзи испытала невыносимый стыд, не желая больше вспоминать об этом.

Она всем сердцем мечтала, чтобы бросивший её мужчина передумал и вернулся, тронутый её жертвами или же поддавшийся на угрозы. Но вдруг обнаружила, что с самого начала ничего нельзя было изменить. Она наконец всё осознала.

Но дело в том, что её в этом мире держала лишь привязанность к Пэй Мину и нежелание смириться со своей судьбой. А с пришедшим осознанием отпала нужда оставаться здесь. Если подумать, в этом не было больше смысла.

Повелительница Дождя села там же, словно намереваясь прочитать для Сюань Цзи посмертную молитву. Всё-таки, кроме неё, та была последним выходцем из государства Юйши. Се Лянь, чтобы не мешать, вышел из темницы.

Оказавшись снаружи, он застал Бань Юэ и Пэй Су за поеданием фруктов, выращенных в деревне Повелительницы Дождя, подошёл к ним и тоже взял один, чтобы присоединиться. Но тут принца вдруг посетило странное чувство, и он резко поднял голову, увидев, как в высокой траве неподалёку что-то мелькнуло.

Позабыв о фруктах, Се Лянь бросил:

— Присмотрите здесь за всем! — и помчался в погоню.

Неизвестная тварь в траве, обнаружив, что её заметили, рванула прочь быстрее. Се Лянь мог догнать беглеца за восемь шагов, но сделал лишь четыре и понял, за кем гонится. Мысли замелькали быстрее молний, и принц замедлил шаг.

Он дал беглянке небольшую фору, после чего неожиданно вылетел сбоку, заслонив дорогу.

— Дева Цзянь Лань, решили уйти, не попрощавшись?

Перед ним оказалась Цзянь Лань, которая пыталась незаметно сбежать в обнимку со своим дитя. Напуганная до ужаса внезапным появлением Се Ляня, она вскрикнула:

— Это ты!

Бледный дух нерождённого в её объятиях оскалил зубы, словно намереваясь напасть, но Цзянь Лань, прижав его покрепче, спросила:

— Явился мне помешать?

Се Лянь, не желая вызывать излишнюю настороженность, ответил:

— Не волнуйся, я лишь хотел отдать тебе кое-что. — Он что-то протянул Цзянь Лань, добавив: — Твой сын, Цоцо, полон мощной затаённой злобы, которую нужно держать в узде. Сейчас он уже встал на путь очищения души, но твой уровень всё же намного ниже, чем у него. Чтобы предотвратить непредвиденные проблемы, тебе понадобится вот это.

Защитный талисман, созданный принцем лично. Се Лянь даже специально добавил разъяснение применения талисмана, чтобы избежать ошибок. Цзянь Лань взглянула на талисман, и её настороженность чуть спала, всё-таки вещь полезная. Поколебавшись секунду, демоница всё же приняла дар и ответила:

— Спасибо.

— Не стоит. Только перед использованием громко скажи: «Прошу Его Высочество наследного принца о благословении», и всё. Тогда помощь запишут за моим дворцом.

Цзянь Лань сделала несколько шагов, остановилась и всё-таки не выдержала, обернулась с вопросом:

— Ты меня не остановишь? Почему?

Се Лянь только и ждал, что она обернётся, и вместо ответа спросил:

— Ну а почему вы, дева Цзянь Лань, непременно хотите уйти? Фэн Синь обмолвился, что будет заботиться о вас, и он сдержит обещание.

Цзянь Лань переменялась в лице и в итоге вздохнула:

— Знаю, что сдержит. Но всё же... не стоит. Мне не хочется больше оставаться с ним.

Се Лянь застыл и поинтересовался:

— Сейчас ты... совсем не испытываешь чувств к нему?

Цзянь Лань, должно быть, устала бежать, и потому села у дороги.

— Чувства тут совершенно ни при чём. Просто я не хочу заставлять его взваливать нас себе на плечи.

Се Лянь сел рядом и, подумав, сказал:

— Фэн Синь наверняка испытывает к тебе истинные чувства. Тогда ему приходилось очень несладко, но никакие трудности не могли заставить его бросить тебя.

Его слова, похоже, заставили Цзянь Лань вспомнить дела давно минувших дней, она рассмеялась:

— Вот ты сказал, и я вспомнила. Он тогда был таким дурачком... Потратил кучу времени, чтобы заработать денег, накопил на одну ночь со мной, но просто притащил табурет и сел напротив, пальцем не тронул, только разговаривал со мной. Над ним тогда все потешались, так было смешно!

Се Лянь тоже усмехнулся:

— Видишь, я же говорю, что ты ему очень нравишься.

Цзянь Лань, стерев улыбку, сказала:

— То, о чём ты говоришь, уже в прошлом. Когда-то нравилась, но это не значит, что чувства продлятся вечно. Мне не нужна ни его милость, ни его презрение.

— Разве стал бы он относиться к вам с презрением? Тебе ли не знать, что он за человек?

— Ваше Высочество далеки от мирских забот, поэтому так просто рассуждаете. Сейчас не стал бы, даже с виду не стал бы. Но пройдёт время, и тут уже трудно сказать. Если бы я хотела, давно пришла бы к нему. Храмы Наньяна не так уж редко попадаются на пути, а в будущем и вовсе появятся повсюду. Но я не хочу. Он вознёсся, обрёл силу, воссиял. Но мы уже обернулись демонами, зачем мне обращаться к нему? Небесный чиновник будет носиться с двумя демонами...

Только проблем ему добавлять? В годы расцвета своей красоты я прошлась по нему ногами, и это приятные воспоминания о том, какой гордой я была. Теперь в его душе я навсегда останусь той, прежней, а не как сейчас, разукрашенной и напомаженной, но с морщинками в уголках глаз. — Она ущипнула себя за щёку и добавила: — Если он правда признает нас, ему придётся изо дня в день видеть это лицо, а Цоцо и вовсе такой... Мы лишь станем ему обузой, с каждым разом будем надоедать и утомлять всё сильнее. Однажды это обернётся презрением. Чего ради? Слишком трагичный исход, не так ли?

Пока она говорила, дух нерождённого то и дело облизывал её лицо влажным языком, вызывая странное и отвратительное ощущение умиления, как непослушный ребёнок. Впрочем, простой наблюдатель от омерзения не смог бы на это смотреть.

Цзянь Лань, поглаживая сына по лысой голове, продолжила:

— Всё равно мне достаточно одного Цоцо. Ну кто из нас в бездумной молодости не давал клятв и обещаний вечной любви? Не бросался словами о каких-то чувствах, любви навсегда... Но чем дольше я обитаю на этом свете, тем больше понимаю. «Навсегда» и тому подобные слова — это что-то нереальное. И всегда останется нереальным. Было, и на том спасибо. Никому не под силу по-настоящему доказать это. Я не верю. — Она безнадежно добавила: — Фэн Синь хороший человек. Просто... правда, минуло слишком много времени. Всё изменилось, и лучше нам забыть о прошлом.

Се Лянь молча слушал, не перебивая, но в душе сказал сам себе: Нет. В его сердце звучал голос, который говорил: «В жизни бывает «навсегда». И есть те, кому под силу это доказать. Я верю».

Цзянь Лань всё-таки ушла, забрав Цоцо.

Когда Повелительница Дождя закончила молитву за упокоевание души развоплотившейся Сюань Цзи, Се Лянь проводил её в обратный путь и вернулся на гору Тайцан, чтобы сообщить Фэн Синю об уходе Цзянь Лань, но не нашёл его. Зато пока он бродил в поисках среди шумной толпы, кто-то вдруг крикнул:

— Тайхуа, ты как раз вовремя! Есть минутка? Помоги кое-что посчитать!

В шалаше до сих пор искали кого-нибудь для подсчётов добродетелей. Лан Цяньцю, спешно скрываясь, издали ответил:

— Не надо мне ничего поручать, я занят, найдите кого-нибудь другого!

Се Лянь со вздохом подумал, что ему стоит самому вызваться и всё пересчитать, но сделал лишь пару шагов, когда услышал за спиной:

— Наста... сове... Ваше Высочество.

Се Лянь обернулся, Лан Цяньцю стоял прямо за ним. Почесав щёку, тот сказал:

— Можно поговорить с тобой наедине?

— Хорошо, — согласился Се Лянь.

Они с Лан Цяньцю вышли из убогого палаточного «дворца небожителей», и на ходу Се Лянь спросил:

— Как дела у Гуцзы? Всё в порядке?

Лан Цяньцю горько усмехнулся:

— Не знаю, можно ли считать, что всё в порядке. Мальчишка целыми днями выпрашивал у меня, где его отец, было ужасно жаль его, так что мне пришлось... собрать крохи души Лазурного демона в лампу. Теперь он каждый день носится передо мной в обнимку с этой лампой и спрашивает, что сделать, чтобы душа из лампы выросла! Я просто...

Лан Цяньцю явно пребывал в подавленном состоянии, и если поразмыслить как следует, в этом нет ничего удивительного. Вот только совершенно неясно, почему он пошёл на такое, ведь Ци Жун погубил всю его семью. Се Лянь едва не похлопал его по плечу, поддавшись порыву, но вспомнил, что сам натворил в государстве Юньань, и всё-таки сдержался, лишь мягко произнес:

— Тебе нелегко приходится. Ну так... о чём ты хотел поговорить со мной?

Поколебавшись, Лан Цяньцю запустил руку за пазуху, что-то вынул и протянул принцу со словами:

— Об этом.

При виде протянутой ему вещицы Се Лянь на миг задержал дыхание. То была маленькая, яркая и блестящая коралловая бусина алого цвета.

Голос Се Ляня дрогнул:

— Это...?!

— Эта бусина — реликвия, оставленная потомкам основателем государства Юньань.

Се Лянь наконец понял, что перед ним не та бусина, что упала с косицы Хуа Чэна, а та, что принц сам когда-то подарил Лан Ину.

Это не бусина Хуа Чэна. Ощущая неподдельное разочарование, Се Лянь всё же взял вещицу из рук Лан Цяньцю, который сказал:

— Покойный предок говорил, что многим обязан тому, кто подарил ему это. Что даритель когда-то помог ему. И что это очень хороший человек.

Се Лянь молчал, а Лан Цяньцю добавил:

— Но сам наш предок совершил нечто такое, из-за чего тот человек потерял всё. Предок говорил, что не жалеет о содеянном, он не мог поступить иначе. Но впоследствии он всё же чувствовал себя виноватым перед тем человеком.

— И что же?

— А то, что в тот день в столице бессмертных я внимательно рассмотрел бусину в волосах Собирателя цветов под кровавым дождём, и она всё больше казалась мне похожей на эту, которую оставил мне мой отец. После я узнал от генерала Сюаньчжэня, что бусины было две, и что они принадлежали тебе. Так вот... я лишь хочу узнать, это правда твоя бусина?

Се Лянь медленно кивнул.

— Моя. В детстве родители подарили мне пару серёжек.

Лан Цяньцю, почесав затылок, добавил:

— Тогда... возвращаю её тебе.

Он всё так же не знал, как ему следует называть Се Ляня. Лан Цяньцю отдал что хотел, помялся немного, затем просто молча ушёл. А Се Лянь остался стоять там, сжимая в ладони красную коралловую бусину.

Больше восьми сотен лет. Пройдя огромный путь, вторая коралловая серёжка вернулась в руки принца. Она принадлежала ему, таковой и осталась. Только вот другая такая же бусина тоже должна была находиться сейчас рядом. Они должны были составить пару.

И вдруг снизу послышался радостный возглас Фэн Синя:

— Ваше Высочество! И остальные! Скорее, сюда!

Тебе так дороги цветы, как дорог мне один лишь ты

Се Лянь убрал бусину и посмотрел вниз. Из убогого палаточного «дворца» вышли ещё несколько небесных чиновников, которые полубопытствовали:

— Что случилось, генерал Наньян?

И услышали в ответ:

— Поглядите-ка, что я поймал!

Пробившись сквозь заросли горного леса, он взбежал на гору, ведя за собой человека в чёрном одеянии. Остальные потрясённо воскликнули:

— Линвэнь!

Фэн Синь действительно поймал Линвэнь.

— Как ты и предполагал, — сказал он Се Ляню, — она явилась за Божеством парчовых одежд!

Без проклятой канги магические силы Се Ляня возросли до уровня, не уступающего Цзюнь У, и Божество парчовых одежд больше не могло подчинить его себе. Линвэнь, которую Хуа Чэн превратил в неваляшку, потерялась во время последней битвы, а со временем магическая печать рассеялась сама по себе, и небожительница пропала из виду. Но принц догадался, что Линвэнь наверняка захочет забрать Божество парчовых одежд, поэтому снял его с себя и попросил обитателей Призрачного города распустить слух об этом. Как и ожидалось, Линвэнь попала на крючок.

Будучи преступницей в бегах, Линвэнь, впрочем, не выказала и тени беспокойства, даже когда её конвоировали к временному дворцу собраний. Пэй Мин тут же подошёл и, надавив ей на плечо, заставил сесть за стол, после чего суровым тоном произнёс:

— Ну наконец-то мы тебя нашли! Линвэнь, ты должна заплатить за содеянное!

Около двух десятков небесных чиновников тоже окружили стол, при этом их взгляды сделались почти звериными, а выражения лиц голодными, даже свирепыми. Линвэнь, наконец смутно заподозрив неладное, произнесла:

— Что вы задумали...

«Бух» — на стол перед ней с глухим стуком упала стопка свитков высотой почти с человеческий рост, так что стол содрогнулся вместе

со стулом. Пэй Мин, хлопнув рукой по этой стопке, заявил:

— Тебе придётся заняться вот этим.

Линвэнь, кажется, вздохнула с облегчением, при этом чувствуя, что не может подобрать нужных слов. Однако выдохнуть до конца так и не успела, следом послышалось «бух-бух-бух-бух-бух-бух»!

После пары десятков подобных звуков вокруг неё высилось столько же стопок официальных бумаг, которые просто окружили Линвэнь плотной стеной.

Через просветы в лесу из свитков чиновники наперебой заговорили с ней:

— Мы тебя так долго ждали! Скорее, помоги нам всё пересчитать!

— И вот это тоже проверь.

— Не забудь восполнить всё упущенное.

— И лучше всего управься со всей этой горой за два часа!

Линвэнь просто не нашла, что на это ответить.

Прошёл целый день и ночь, прежде чем Линвэнь наконец выпустили из временного дворца собраний.

После яростной битвы с горой свитков все записи были разобраны и чётко распределены по катерогиям. Другие небожители вне себя от радости расхватывали свитки, относящиеся к их дворцам, чтобы пересмотреть, а Линвэнь осталась с помрачневшим лицом и вновь вернувшимися после долгого отсутствия тёмными кругами под глазами.

Закончив проверку своих свитков, счастливые небесные чиновники наперебой заголосили:

— Как я и думал, у дражайшей Цзе эта работа получается намного лучше! Теперь всё сходится!

— Расчёты верны! Вот уж поистине премного благодарны Вашему Превосходительству!

По-прежнему оставаясь преступницей, Линвэнь в окружении множества небесных чиновников сухо посмеялась:

— Что вы, что вы, я не заслужила такого внимания.

Видя подобный исход событий, божества, не успевшие вчера подсунуть для проверки свои свитки, а сегодня по-прежнему не сумевшие в них разобраться, тоже окружили Линвэнь:

— Как бы это сказать, в общем, у нас тоже скопились кое-какие дела, которые мы забыли вчера принести вам. Быть может, взглянете

на них тоже...

Линвэнь просто онемела.

Се Лянь, который сидел на корточках снаружи дворца собраний и поедая маньтоу, управившись с булочкой, хлопал ладони, затем наконец спас Линвэнь от постигшего её бедствия.

— Господа, отложите свои подсчёты на потом, дайте Линвэнь отдышаться немного.

Раньше слова принца никто не воспринял бы всерьёз, но теперь всё изменилось. Сразу несколько небожителей ответили, не смея перечить:

— Его Высочество совершенно прав.

Линвэнь, усевшись на стул, сомкнула веки и прикрыла лоб рукой. Только когда все небесные чиновники вышли, а в зале собраний почти никого не осталось, она обратилась к Се Ляню:

— Поздравляю, Ваше Высочество, к вам вернулось то, что принадлежит вам по праву. Отличный был план, вот уж не думала, что теперь даже демоны стали вашими последователями и слушаются ваших приказов.

— Они вовсе не последователи, а друзья из Призрачного города. Я лишь попросил их о помощи.

Линвэнь с пониманием кивнула.

Се Лянь же спросил её:

— Линвэнь, у меня к тебе есть вопрос.

— Так задайте же его, Ваше Высочество.

— Сань Лан... я имею в виду градоначальника Хуа, однажды надел Божество парчовых одежд, но твари не удалось пленить его. Тебе известно, почему так вышло?

— Ах, вы об этом. Я думала, Ваше Высочество давным-давно догадались сами.

Се Лянь на мгновение застыл.

— Хотелось бы узнать подробности.

Линвэнь чинно оправила полы одеяния, села ровно и начала:

— Известна ли Вашему Высочеству легенда о Божестве парчовых одежд?

— Известна. Ты лично его создала.

— Можно и так выразиться. Пусть я и не предполагала, что собранная в этой вещи затаённая злоба превратит его в тёмное

существо, но я действительно убила Бай Цзиня, чтобы ускорить падение государства Сюйли, это правда.

Принц внимательно слушал, а Линвэнь продолжала:

— Это одеяние, переходя из рук в руки в мире людей, побывало у бессчётного множества владельцев, которые, заполучив Божество парчовых одежд, избирали путь убийства, вредительства и обмана других с его помощью. И хотя это всё тоже ослабляло затаённую злобу Бай Цзиня... Он был совсем не таким человеком. Ему не нравилось, что его используют в подобных целях, ему это претило. Поэтому, оказавшись на теле человека, чьи взгляды схожи с его собственными, при этом встретив особенного дарителя, он не давал выход своей злобе, напротив, это приносило ему радость.

— Что означают «схожие взгляды» и «особенный даритель»?

— Вы велели Собирателю цветов под кровавым дождём надеть Божество парчовых одежд, но при этом не испытывали к нему неприязни или желания навредить, только полное и безоговорочное доверие. Ну а Собиратель цветов под кровавым дождём, в свою очередь, то же самое чувствовал и к вам. Нет, скажу больше... То, что по-настоящему заставило Бай Цзиня ощутить схожесть между ними, — это тот факт, что даже без Божества парчовых одежд Собиратель цветов под кровавым дождём готов без колебаний совершить ради вас всё, что вы прикажете. Даже умереть за вас.

Се Лянь молча слушал.

— Именно поэтому я тогда догадалась, что юноша рядом с вами и есть Собиратель цветов под кровавым дождём. Пускай мне не до конца известно, что между вами происходит, но я даже не предполагаю, кто ещё это мог быть.

— Почему?

Линвэнь указала на принца рукой:

— Ваше Высочество, а что это висит у вас на шее?

Се Лянь застыл, его рука сама потянулась прикрыть место, на которое указывала Линвэнь.

— Мне доводилось видеть подобную вещицу, — продолжила она. — Это прах, который демон дарит своему возлюбленному, рискуя всем.

Невозможно сосчитать то количество свитков, что прошло через дворец Линвэнь, и нет ничего удивительного в том, что ей

приходилось видеть подобное. Впрочем, Се Лянь уже и сам обо всём догадался.

И всё же, когда Линвэнь произнесла это вслух, принц крепче сжал пронизанное светом кольцо.

Линвэнь добавила:

— Это огромная редкость, но столь красивая и чаще всего несущая за собой трагический исход... что впечатление от увиденного осталось довольно глубокое.

— Что ты имеешь в виду под «трагическим исходом»?

— Если демон, которому любовь затмила разум, вручает в чужие руки то, от чего зависит его жизнь, может произойти множество печальных и страшных событий. Вся искренность оказывается выброшенной на ветер. Случалось, что дар, сделанный из праха, был бесследно утерян вместе с одарённым; временами демоны сами уничтожали его; в общем, практически каждого ждал плачевный итог. Однако Ваше Высочество стали исключением. Вы прекрасно справились с хранением, не придерёшься.

После долгого молчания Се Лянь произнёс:

— Ты сказала «схожесть между ними». Значит, генерал Бай Цзинь тоже был таким человеком?

Линвэнь улыбнулась:

— А иначе разве мне удалось бы его обмануть?

— Думаю, это нельзя считать обманом. Ты же не могла не заподозрить, что слухи о Божестве парчовых одежд я распустил специально, но всё-таки пришла за ним.

— Это ведь прекрасное оружие и средство защиты.

— Будь это «просто оружие и средство защиты», ты бы тогда не пошла на столь серьёзный риск, чтобы выкрасть его. И после провала не отправилась бы с ним на гору Тунлу.

Линвэнь безразлично ответила:

— Разве у меня был иной выход, кроме как отправиться туда? Я уже выдала себя, вы сами, Ваше Высочество, поймали меня с поличным.

— Вообще-то, пожелай ты придумать отговорку, чтобы всё сгладить, могла бы что-то придумать. Подкупила бы пару небесных чиновников, и даже если тебя понизили бы в должности да отняли добродетели, дело не дошло бы до превращения в беглую

преступницу. Но самое главное... ты хотела помочь генералу Бай Цзиню стать непревзойдённым, чтобы он поскорее обрёл сознание.

Линвэнь усмехнулась:

— Ваше Высочество, не стоит говорить так, словно я ради него готова пойти на что угодно. Всё же я такой человек, который не признаёт ни дружбы, ни родства, разве я способна на нечто подобное?

— Думаешь, это так?

— Думаю, это так.

Се Лянь прибрался на развалинах монастыря Хуанцзи на пике наследного принца и построил там простенький домишко, где планировал временно поселиться. Место располагалось довольно далеко от остальных, и, если требовалась помощь, принц отправлялся во временный дворец собраний, а если помощь не требовалась, коротал время в спокойном одиночестве.

По прошествии недели Му Цин наконец починил Жое и принёс её принцу. Едва открыв дверь, Се Лянь успел лишь заметить, как что-то белое бросилось ему в лицо, после чего перед глазами потемнело. Принц сдёрнул ленту с лица, а та принялась извиваться и крутиться перед ним, словно демонстрируя своё обрётённое после воскрешения прекрасное тело.

— Тебя только починили, так что не стоит слишком сильно кривляться. Берегись, как бы не порваться вновь.

Услышав его слова, Му Цин тотчас возмутился:

— Как такое возможно? Все многочисленные одеяния, что я зашивал тебе, хотя бы раз рвались снова?

— Тут ты прав, — согласился Се Лянь.

Схватив извивающуюся подобно водоросли Жое, принц внимательно её осмотрел и убедился, что сшито на славу — шов был почти не виден — и похвалил:

— Ты всё так же искусен.

— Твоя похвала в данном случае несколько меня не радует. Только в этот раз, больше такого не повторится. Я не собираюсь впредь этим заниматься.

Се Лянь подумал: «Но вид у тебя явно весьма довольный...»

Пробормотав пару фраз, Му Цин сказал:

— Ну ладно, раз с этим я закончил, пойду. Во дворце Сюаньчжэня нужно пересчитать имущество и служащих.

— Тоже уходишь? Хорошо, я вскоре поднимусь помочь. Как соберёшься, скажи мне, я провожу.

Когда они поймали Линвэнь и разобрались с недостающими цифрами, переписав несколько запутанных расчётов, небесные чиновники решили вместе заново отстроить столицу бессмертных. Так что временный дворец собраний на горе Тайцан можно было оставить. Му Цин помахал рукой, не отказавшись, но и не согласившись, сделал несколько шагов, но остановился и обернулся со словами:

— Ты... так и останешься на горе Тайцан?

— Да.

Поколебавшись, Му Цин предложил:

— Может, всё же отправишься с нами?

— Нет, — улыбнулся Се Лянь. — Я должен кое-кого дождаться.

— Можно дожидаться и в чертогах Верхних Небес новой столицы бессмертных!

Но принц покачал головой:

— Думаю, когда он вернётся, первым делом отправится сюда, и мы сразу сможем встретиться. А если не сюда, то в храм Тысячи фонарей в Призрачном городе. Отсюда до Призрачного города не так уж далеко, удобнее, чем спускаться из столицы бессмертных.

Му Цин, похоже, долго не решался спросить, но всё же проговорил со сложной палитрой чувств на лице:

— Ты правда веришь, что он вернётся?

Се Лянь, как само собой разумеющееся, ответил:

— Верю!

Все те, кто нахлынул на гору Тайцан подобно приливу, точно так же утекли прочь, словно воды отлива. Гора вновь сделалась безлюдной и заброшенной.

Давным-давно здесь рос кленовый лес, занимавший огромную территорию. Пожар спалил его дотла, но через сотни лет он возродился вновь. И хотя это были уже не те деревья, по верхушкам которых Се Лянь прыгал в процессе тренировок, пейзаж вышел таким же, как и в далёком прошлом.

Се Лянь по обыкновению прогуливался по кленовому лесу в одиночестве. Горящие огненно-красным цветом клёны, заполняющие собой всю округу, позволяли принцу ощущать себя в огромных тёплых объятиях.

Принц прожил в одиночестве более восьми сотен лет, оно вошло у него в привычку. В случае надобности он спускался с горы ответить на молитвы и пособирать рухлядь, а если такой нужды не возникало, оставался заниматься огородом и приготовлением пищи.

Но вот что странно, такие дни в одиночестве, когда-то очевидно ставшие для Се Ляня обыденностью, теперь обернулись тяжким бременем, и принцу потребовалось потратить довольно много времени, чтобы привыкнуть к ним снова.

Наверное, если кто-то всю жизнь ест только горькую пищу, он привыкает к горечи. Но вот однажды ему дают вкусить сладости, и позже он, помня сладкий вкус и вновь попробовав поесть горького, наверняка нахмурится.

Раньше, живя в одиночестве, Се Лянь постоянно втайне желал, чтобы кто-то пришёл к нему. Поговорить или помочь — неважно, главное — чтобы ощущалось чьё-то присутствие. Но теперь он относился к подобному с меньшей приязнью.

Поскольку, стоило принцу услышать стук в дверь, его душа неожиданно наполнялась сумасшедшей радостью и бесконечным ожиданием. Но подбежав к двери и открыв её, он каждый раз видел за ней или перед ней не того, кого ждал.

Иногда это был Фэн Синь, иногда Му Цин, иногда Ши Цинсюань, иногда мёртвые жители Призрачного города, которые приходили «выразить ему своё почтение как старшему».

Все относились к принцу очень хорошо. Но... они были не тем, кого он ждал.

В первый месяц Се Лянь принёс на гору несколько цветущих деревьев и посадил у входа в дом, планируя тем самым украсить обстановку и скрыть бедность ветхого жилища. Принц подумал, что возможно, когда Хуа Чэн вернётся, они как раз зацветут.

На второй месяц Се Лянь разобрал свой домишко и выстроил заново, а также выдрал с корнем все сорные травы на горе. Иначе Хуа Чэн, увидев по возвращении столь ужасную картину, наверняка отправит кого-нибудь помочь прибраться.

На третий месяц деревья зацвели. Ветви их были усыпаны яркими цветками, Се Лянь стоял под деревом и смотрел вверх, в одиночестве любясь цветением, и при этом думая: «Вот и цветы распустились. Должно быть, уже настала пора ему вернуться».

На четвёртый месяц принц починил все дороги, ведущие на гору. Так Хуа Чэн, когда вернётся, сможет быстрее подняться сюда.

На пятый месяц Фэн Синь и Му Цин пришли проведать его, спросили, не желает ли он покинуть своё жилище и прогуляться, но Се Лянь пригласил их вместе отобедать, и они сбежали.

На шестой месяц сезон цветения деревьев прошёл.

Он всё ждал и ждал, ждал и ждал... Се Лянь не спешил, не терял самообладания, не лил горькие слёзы, напротив, чем дальше, тем спокойнее и терпеливее он себя чувствовал.

Ведь если подумать, кто в этой жизни не проводил долгое время в полном одиночестве?

Хуа Чэн ждал его больше восьми сотен лет, что с того, если принцу придётся подождать Хуа Чэна столько же?

Пусть даже тысячу, десять тысяч лет, он всё равно будет ждать, будет всё время ждать.

Что уж говорить про всего-то один год?

В тот день Се Лянь, по обыкновению, собрал большую гору рухляди, погрузил её в купленную на заработанные деньги телегу, запряжённую быком, и отправился на гору.

Проезжая через кленовый лес, на середине пути Се Лянь невзначай обернулся и увидел, как в тихом ночном небе парит несколько сияющих точек.

Приглядевшись внимательнее, принц заметил, что это фонари негасимого света. Тогда его посетило осознание, и он произнёс, обращаясь сам к себе:

— Ах, значит, сегодня Праздник фонарей.

Должно быть, прямо в этот момент небесные чиновники в чертогах Верхних Небес опять устроили состязание фонарей на пиру в честь праздника. Се Лянь, не в силах удержаться, потянул за поводья, остановил телегу и бездумно уставился на летящие ввысь фонарики.

Он вдруг вспомнил, что они с Хуа Чэном впервые встретились именно на Праздник фонарей.

То был год, когда маленький мальчик с вымазанным грязью и покрытым ранами лицом стоял на городской стене среди волнующейся толпы и смотрел вниз, а семнадцатилетний наследный принц Сяньлэ, Се Лянь, с головы до пят излучающий свет, устремив взгляд наверх и увидев падающую с высоты фигурку, не задумываясь, совершил прыжок.

В день торжества на Праздник фонарей, на улице Шэнью. Прыжок и мимолётный взгляд на сотни лет его пленили.

Се Лянь с улыбкой подумал: «А ведь в итоге пленённым оказался не он один».

Отвернувшись и опустив голову, Се Лянь приготовился продолжить путь в гору. Телега со скрипом протащи́лась ещё немного, как вдруг дорогу впереди будто бы чем-то озарило.

Се Лянь вновь поднял голову и округлил глаза.

Это сияние было светом фонарей.

Подобно множеству рыбёшек, переплывающих море, в небеса с вершины горы медленно поднимались бесчисленные сияющие фонарики.

Они поблескивали в темноте ночи, сверкающие ярким светом, похожие на воспаряющие ввысь души или чьи-то прекрасные мечты, несравнимо впечатляющие, озаряющие принцу путь.

Се Ляню приходилось видеть подобную картину, а когда она вновь явилась его взору, дыхание и сердцебиение принца едва не прекратились. Колёса телеги на извилистой горной тропе сделали поворот, и Се Лянь увидел, что возле построенной им ветхой лачуги... кто-то есть!

Перед покосившимся низеньким домиком стоял человек в красном одеянии, высокий и стройный, с висящей на поясе серебряной изогнутой саблей. Спиной к дороге, он как раз поднимал к небу последний фонарь негасимого света, провожая его в плавный полёт.

Се Лянь застыл, сидя на телеге, даже заподозрил, что всё это происходит с ним во сне или же в иллюзии. Но колёса телеги подвозили принца всё ближе, человек тот повернулся, и Се Лянь смог разглядеть его отчётливее.

На фоне трёх тысяч фонарей, поднимающихся в долгую ночь, он стоял, обернувшись, и смотрел на принца. Наряд краснее клёна, кожа белее снега; прекрасный облик, при взгляде на который от красоты хотелось отвести глаза; всё тот же неудержимый нрав, неугасимый, но гордый.

И невзирая на чёрную повязку, один яркий словно звезда глаз всё же неотрывно и пристально смотрел на принца.

Се Лянь едва не кувырком спрыгнул с телеги.

Не говоря ни слова, они направились друг другу навстречу.

Шаг, ещё шаг, быстрее и быстрее, а затем принц и вовсе помчался бегом.

Он бежал, а слёзы оставались позади, за его спиной. Сердце Се Ляня говорило: он верил.

Верил, что этот человек снова и снова умрёт за него, но снова и снова ради него возродится. Даже упав на дно преисподней, лишь ради его «верю» он прорвётся сквозь непрерывные страдания.

В прошлый раз им понадобилось восемь сотен лет, чтобы домчаться друг до друга.

Теперь же от объятия отделяло лишь мгновение.

С благословением небожителей никакие запреты не ведомы

— Поздравляем, поздравляем!

— Ваше Высочество, поздравляем вас!

В отстроенном заново монастыре Водных каштанов царило необычайное оживление, от посетителей не было отбоя. Се Лянь сновал между несколькими длинными столами, заставленными едой до отказа. Словно водный поток, он разносил одну за другой чашки с лапшой, от которых поднимался горячий пар, с золотисто-жёлтым от масла супом, с белоснежным душистым рисом... Принц крутился как заведённый, а ведь ещё требовалось встречать гостей, поэтому он только и успевал выкроить момент, чтобы сказать:

— Премного благодарен, прошу, присаживайтесь!

Павший в беспорядочном бою монастырь Водных каштанов был восстановлен.

Новое здание выглядело гораздо внушительнее прежнего обветшалого строения, да ещё появился новый дворик. Впрочем, выстроили его вовсе не Се Лянь или Хуа Чэн, а сами жители деревни Водных каштанов. Когда Се Лянь обратился в бегство, они разобрали развалины домика и, к своему вящему удивлению, обнаружили под ними целый ящик золотых слитков. Разумеется, это оказались те самые слитки, что принцу набросал Цюань Ичжэнь.

Жители деревни никогда не видели так много золота и едва не слегли от испуга. Придя в себя, староста деревни взял часть слитков для постройки нового монастыря, а остальное тронуть не посмел, отложил и дождался возвращения Се Ляня, чтобы отдать золото ему.

Поэтому, когда Се Лянь вместе с Хуа Чэном вернулись, помимо жителей, взволнованно восклицающих «даочжан» и «Сяо Хуа», их

ожидал новёхонький монастырь и тяжеленный ящик золотых слитков.

Принц вознамерился вернуть слитки Цюань Ичжэню, но тот никак не соглашался их забирать, покуда Хуа Чэн не пригрозил юному Богу Войны, если тот не послушается, никогда не узнает настоящего способа возвращения погибшей души. Лишь после этого дитя подчинилось и избавилось от дурной привычки без спроса толкать всем подряд золотые слитки.

После приветствия несколько небесных чиновников во главе с Му Цином сдержанно ступили за порог дворика. Не ожидая подвоха, они подняли головы, разглядели общий вид монастыря и обомлели.

Невозможно смотреть.

На это просто невозможно смотреть!

Но ни праздничное сочетание красного и зелёного, ни гротескная статуя из цветной глины не повергали в ужас так сильно, как табличка над входом.

На ней было написано... или нарисовано... да что это вообще такое?!

Построен новый монастырь, и следовало поздравить принца с этим событием. Но вкус у строителей оказался во всех отношениях вульгарным и отвратительным, да ещё эта табличка, словно последний штрих на картине, отнимала всякую надежду... Всё это не давало вымолвить и слова похвалы, подготовленные заранее поздравительные речи оказались забыты подчистую.

Се Лянь, впрочем, не имел никаких возражений, напротив, ему монастырь казался замечательным, по крайней мере, это больше не тот ветхий домик, способный в любой момент обрушиться. Принц вновь предложил:

— Не желаете ли присесть?

Судя по виду гостей из Небесных чертогов, присесть им не очень-то хотелось, они явились с поздравлениями лишь для того, чтобы сохранить лицо, второпях оставили подарки и поспешили удалиться.

Се Лянь поинтересовался у Му Циана:

— Почему они ушли так скоро?

— Ты ещё спрашиваешь?

— Спрашиваю!

Му Цин недружелюбно бросил:

— Тогда лучше пойд и задай тот же вопрос своему прекрасному Сань Лану.

Оказывается, когда Хуа Чэн вернулся, первым об этом узнал Се Лянь, а сразу после него — жители чертогов Верхних Небес, ещё не успевшие обжиться в новой столице бессмертных. Но не только потому, что на недавно прошедшем Празднике фонарей, в организацию которого они вложили немало сил, случилось то же, что и на прошлом пиру в честь Середины осени: всё празднество оказалось угроблено без остатка внезапным и убийственным жестом Хуа Чэна, ведь тот одним взмахом руки запустил в небо три тысячи фонарей. Существовала и иная причина. Начиная с той самой ночи колокол, висевший у входа в Небесные чертоги, принялся звонить как обезумевший без остановки, по всем чертогам Верхних Небес пронеслось эхо его набата, будто возвещающее: страшный сон всего пантеона небесных богов вернулся!

И когда этот кошмар возник прямо перед глазами, простые божества, разумеется, не решились подходить слишком близко. Впрочем, слухи о Хуа Чэне и Се Ляне уже достигли такого уровня «своеобразия», что даже не требовалось ничего приукрашивать. Поэтому чиновники Небесных чертогов с большой охотой устанавливали дружеские отношения с Его Высочеством, чтобы в будущем Хуа Чэн проявил к ним хоть малую толику снисходительности.

Послушав рассказ Му Цина, Се Лянь вспомнил о требовании Хуа Чэна, чтобы чертоги Верхних Небес в течение года воспевали его блистательные заслуги, и рассмеялся:

— Он тот ещё озорник.

— Разве подобное можно назвать лишь озорством? — возмутился Му Цин. — Попроси его умерить пыл, это ведь никуда не годится, сейчас колокол своим шумом наводит такую панику в чертогах Верхних Небес, что там совершенно невозможно работать. Ещё и постоянно падает на кого-нибудь. Мы с таким трудом отстроили новую столицу бессмертных, боюсь, как бы не пришлось начинать сначала.

— Хорошо, чуть позже я поговорю с ним. Кстати, не желаешь откусать? — принц указал на блюда, стоящие на столе во дворе, добавив: — Это не я готовил.

Вначале лицо Му Цина сделалось суровым, на нём так и читался отказ, однако последняя фраза привела его в норму. К тому моменту подоспел Фэн Синь. Он вошёл во двор и как раз столкнулся с несколькими младшими служащими, которые уже собирались уходить. Поприветствовав Фэн Синя, они зашептались между собой:

— Генерал Наньян.

— Да, это он. Вот бедняга, жена прихватила сына и сбежала с другим...

На лбу Фэн Синя вздулись вены, он на месте разразился бранью:

— Да чтоб вас!!! Может, хватит уже?! Сколько месяцев вы уже мусолите эту тему?! И вообще! «Сбежала»! А не «сбежала с другим»! Самые настоящие сплетники, мать вашу!

Чересчур болтливые младшие небожители в испуге сбежали, а Му Цин, который наблюдал за происходящим со стороны, ничего не предпринимая, заметил:

— Лучше бы ты вообще ничего не объяснял, вышло только позорнее.

Фэн Синь в гневе схватил метлу и запустил в Му Цина, который, поймав инвентарь, умехнулся:

— Старый трюк. Теперь он против меня не подействует.

Фэн Синь вознамерился выдать ещё порцию брани, но Се Лянь подошёл и сунул ему в руки другую метлу со словами:

— Вот и хорошо, что не подействует. Тогда давайте-ка вы двое поможете мне прибраться во дворе. Только что тут запускали хлопушки, на земле всё усыпано красными обрывками от них. Спасибо за работу. Если станет скучно, можете заодно сыграть разок в слова.

— ???

Прошёл час, и за пределами монастыря послышался многоголосый шум, который всё приближался. Собравшиеся выглянули на звук, а спустя некоторое время огромная толпа людей чёрной волной затекла во двор монастыря Водных каштанов и заголосила:

— Это здесь?

— Да, именно здесь, ух ты, как внушительно!

— Тут и правда еда, да как много!

— Даже мясо есть!

Двор, начисто выметенный стараниями Фэн Синя и Му Цина, оказался вновь затоптан, да так, что без слёз не взглянешь. Му Цин, сжимая в руке метлу, будто бы ощущал, что уже подхватил блох от этой толпы. Он с вытаращенными глазами спросил:

— Откуда взялись эти попрошайки?

Впереди всех попрошаек предводителем выступал человек с растрёпанными волосами и в грязной одежде, а именно — Ши Цинсюань. Он, прихрамывая, подскочил к Се Ляню и поклонился с руками, сложенными перед грудью:

— Ваше Высочество, вот я и прибыл вас побеспокоить! Ну что, ваши прежние обещания ещё в силе?

Се Лянь улыбнулся:

— Очень рад вас приветствовать. Разумеется, в силе! Прошу, садитесь.

— Вас слишком уж много, — посетовал Му Цин.

— Не много! — возразил Ши Цинсюань. — Здесь собрались все, кто в прошлом году помогал держать магический круг в императорской столице.

В тот раз, во время защиты круга, Ши Цинсюань пообещал остальным накормить их куриными ножками, если всё закончится благополучно. Каждому по порции. В результате они нигде не могли найти принца, и разумеется, ножек им не досталось. Зато сегодня обещание наконец получилось исполнить.

На стол одну за другой поставили чашки с лапшой и куриными ножками, а Ши Цинсюань воскликнул:

— Сегодня можете ничего не стесняться, ешьте!

Попрошаек пришло так много, что они не поместились за столом, уселись прямо на землю, и, радостно восклицая, схватили по большой чашке и принялись есть, прихлёбывая да причмокивая. Внезапно кто-то в разгар пиршества завопил:

— Стойте, здесь вредоносная Ци!

Повернувшись на голос, все увидели группу людей во главе со Всевидящим глазом.

— А вы как здесь оказались? — спросил Се Лянь, чувствуя, что у него начинает болеть голова.

— В прошлый раз мы тоже помогали, почему бы нам не присоединиться? — ответил Всевидящий глаз, затем высоко поднял

свою чашку и с серьёзным видом заявил: — Уважаемые, послушайте меня, я не мог ошибиться! Пища в этой чашке источает Ци нечистой силы, боюсь, ничего хорошего в ней нет, это слишком подозрительно! Скорее отставьте еду в сторону!

Никто не удостоил его вниманием. Попрошайки, съев по чашке, помахали пустой посудой с криками «Добавки!»

Фэн Синь и Му Цин, устроив сражение на мётлах, наконец вымели все обрывки огненно-красных хлопущек со двора. Затем, глядя, как остальные с аппетитом едят и пьют, тоже сели за стол и взяли по чашке. Как раз к тому моменту Всевидящий глаз сердито воскликнул:

— Почему вы меня не слушаете?!

Заклинатель направился было на кухню, проверить, что там творится, но Ши Цинсюань усадил его обратно.

— Ну что вы в самом деле, даочжан, взбрело же вам в голову... Это ведь владения Собирателя цветов под кровавым дождём, совершенно нормально, что здесь повсюду витает Ци нечистой силы. Ладно, ладно, если вас это так беспокоит, я пойду сам поглядеть, а вы сидите, не поддавайтесь волнению.

Он в самом деле поднялся и направился на кухню, приподнял шторку и произнёс:

— Видите, ничего странного...

— Постойте, — вмешался Се Лянь, — я тоже хочу взглянуть...

Однако, когда принц, а с ним Ши Цинсюань, Фэн Синь и Му Цин просунули голову за шторку, все разом застыли в потрясении.

Их взорам предстал высоченный и грузный мясник-хряк, который бешено стучал по разделочной доске тесаком. И если бы за его спиной висели не свиные ноги, можно было бы решить, что он рубит человечину. Рядом под огромным чаном полыхал огонь, а в чане сидел петух-оборотень с длинной шеей, который так старательно обтирал себя, что дым стоял столбом. Заметив, что кто-то на него смотрит, петух пронзительно взвизгнул и прикрыл руками грудь.

У Се Ляня голова сделалась больше в два раза, он тут же прошмыгнул на кухню и прошипел:

— Я же просил, чтобы вы так не делали!

Петух с гордостью ударил себя в грудь со словами:

— Старший дядюшка, мы пришли только после полного омовения, очень чистые! К тому же, этот бульон имеет свойство продлевать жизнь, вреда не будет, если его не пить! Он безвредный! Можете спокойно кушать!

Воцарилось неловкое молчание.

Ши Цинсюань молча опустил шторку, а Фэн Синь и Му Цин немедля выбросили содержимое своих чашек и расплевались.

— Лучше бы ты сам готовил!

Се Лянь потёр точку между бровей и со смехом, полным безысходности, произнёс:

— Они так рвались помочь, что я не смог отказать доброму намерению.

Тем временем Всевидящий глаз, похоже, посчитав их поведение крайне подозрительным, подошёл ближе, но принц второпях преградил ему путь:

— Вы что-то хотели?

Се Лянь боялся, что Всевидящий глаз, обнаружив на кухне мясника-хряка и компанию, снова раскричится. Но тот, вопреки ожиданиям, направился вовсе не на кухню, а прямо к принцу. Несколько раз обойдя вокруг Се Ляня, он с сомнением протянул:

— Странно...

— В чём дело?

Всевидящий глаз будто бы никак не мог найти ответа на мучающий его вопрос.

— Пойдите, даочжан Се, с вами что-то не так. Почему демонической Ци на вас стало ещё больше, чем в прошлый раз?

Се Лянь тихонько кашлянул, а Му Цин хмыкнул:

— Он целыми днями якшается с Князем Демонов, разумеется, демонической Ци на нём всё больше и больше.

— Нет, — возразил заклинатель. — Даже если всё так, не до такой же степени?

Фэн Синь спросил:

— До какой «такой»?

Заклинатель ещё долго колебался, прежде чем наконец сказать прямо.

— Почему демоническая Ци теперь распространяется от вас вовне? Она... она прямо-таки исходит изнутри вашего тела!

Повисло неловкое молчание.

— Боюсь, вы повстречались с чем-то поистине ужасным. Что вы натворили? Почему на вас напала столь серьёзная хворь?

Теперь Се Лянь даже кашель не смог из себя выдавить. Всё его лицо сделалось пунцовым от нахлынувшей крови.

Фэн Синь и Му Цин сперва ничего не поняли, но когда до них дошло, оба, не сговариваясь, обратили взгляд на Се Ляня в абсолютном молчании.

И только в голове Ши Цинсюаня картинка никак не складывалась, он принялся восклицать:

— В чём дело? И что же? Что всё это значит? Ваше Высочество, вы правда больны? Собиратель цветов под кровавым дождём знает об этом? Он за вами не уследил?!

Нет, нет, нет. Ведь так получилось как раз по его милости!

Се Лянь промямлил:

— Ну... вообще-то... нет... Перестаньте... Кажется, лучше... кхм-кхм...

В его голове замелькали беспорядочные образы, принц наговорил гору бессмысленных фраз невпопад, как вдруг почувствовал, что наткнулся спиной на чью-то грудь. Рука в серебряных наручах обняла его, а знакомый голос со смешком произнёс:

— Мне кажется, вам лучше вернуться на свои места и продолжить трапезу. И поменьше лезьте не в своё дело, как вам такая идея?

Се Лянь поистине не мог определить, что означает для него появление Хуа Чэна в такой момент — долгожданное спасение или ещё большее затруднение.

— Сань Лан! — воскликнул принц.

Стоило появиться Хуа Чэну, на лицах Фэн Синя и Му Цина отразилось трудноописуемое выражение, но, поскольку рядом был и Се Лянь, они ничего не могли высказать демону. И только Ши Цинсюань с по-прежнему серьёзным видом произнёс:

— Собиратель цветов под кровавым дождём, вы проверяли состояние здоровья Его Высочества?

Се Лянь прикрыл лоб рукой, надеясь, что Ши Цинсюань прекратит задавать подобные вопросы. Тем временем толпа попрошаек зашумела:

— Ещё чашку!

— Добавьте мяса побольше!

— Куриный бульон совсем пресный! Не жалейте соли!

Му Цин, не в силах больше смотреть на это, обратился к ним:

— Вы хотя бы знаете, что находитесь в священном монастыре?

Здесь божеству поклоняются, нельзя ли вести себя посдержаннее?

Но попрошайки пропустили уговоры мимо ушей. В прошлый раз они наравне с множеством небожителей вместе держали оборону магического круга, своими глазами видели, как некоторые божества, трясаясь от страха, бежали перед лицом опасности. Ничем не лучше их самих! К тому же, они прекрасно знали Ши Цинсюаня, и их неизбежно посещали мысли, что, оказывается, божества могут быть и такими! И вовсе они не отличаются от простых людей, словно не такие уж они возвышающиеся над другими, не такие уж грозные и неприкосновенные.

Неожиданно с кухни раздалось:

— Кто это сделал?

У Се Ляня от внезапного крика сжалось сердце, он ворвался в кухню, увидел, что хряк и петух громко вопят, и принялся их успокаивать:

— Спокойно! Спокойно! Что стряслось?

Петух от испуга весь покрылся куриной кожей и запричитал:

— Старший дядюшка! Нечистая сила разбушевалась! Какой-то демон... подчистую слопал все блюда, что мы приготовили! Я только нырнул в чан, а когда вынырнул, не осталось ни чашки! Это проделки нечисти!

Хряк сердито бросил:

— Чего ты перепугался? Сам-то от нечисти недалеко ушёл!

Се Лянь слегка опешил:

— Но как? Ведь я своими глазами видел, что вы приготовили больше пятидесяти чашек!

— Вот именно!

Но взглянув на чашки снова, принц действительно обнаружил их пустыми, даже ни капли бульона не осталось!

Случившееся показалось Се Ляню весьма странным, но он вдруг вспомнил кое о ком, а развернувшись, увидел в дверях Хуа Чэна.

— Сань Лан, неужели это...?

Тот, оперевшись на дверной проём, спокойно ответил:

— По всей видимости, да.

— Хм... — задумался Се Лянь. — Думаю, он тоже приходил с поздравлениями. Я, конечно, рад гостю, вот только аппетит у него слегка повышенный... Теперь он в одиночку съел всё наготовленное, как же быть?

Хуа Чэн улыбнулся:

— Никак. Добавим проценты к его долгу.

Несчастные жители Призрачного города, смирившись с судьбой, принялись за готовку снова. Тем временем в главном зале и во дворе послышался шум, словно кто-то с кем-то ругался. Се Лянь собрался выйти разнять ссорящихся, но Хуа Чэн взял принца за руку и вывел через другую дверь.

Держась за руки, они вдвоём покинули монастырь Водных каштанов. По дороге путь преграждали деревья, и было бы удобнее идти по отдельности, расцепив ладони, но влюблённые не хотели отпускать друг друга, поэтому то и дело сворачивали, обходя препятствия. На очередном повороте Се Лянь поинтересовался:

— Сань Лан, куда мы идём?

— Здесь слишком шумно, пусть себе забавляются, а нам лучше уйти.

Обернувшись на ходу, принц с некоторым беспокойством произнёс:

— Мы вот так их оставим? Монастырь только-только отстроили, что, если они опять его обрушат?

Хуа Чэн с полным безразличием сказал:

— Обрушат так обрушат, построим новый, вот и всё. Гэгэ, если ты пожелаешь, я построю столько, сколько тебе понадобится.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Ночь, в храме Тысячи фонарей. Се Лянь, после омовения облачившийся в тонкое белоснежное нательное одеяние, оперся на нефритовый стол возле кушетки и что-то выводил на бумаге, черта за чертой.

Он готовил образец каллиграфии для Хуа Чэна, чтобы тот занимался переписыванием. Демон восседал рядом, откинувшись назад, тоже в нательном одеянии, со слегка распахнутым воротом, и со скучающим видом поигрывал в руке красной коралловой бусиной на своей косе.

В свете фонаря, мягком словно яшма, Хуа Чэн не сводил глаз с принца. Спустя довольно долгое время он, будто удовлетворённый зрелищем, прищурил глаза и вздохнул:

— Гэгэ, оставь, идём спать.

Се Лянь, которому совсем недавно уже пришлось хватить лиха, решительно отказался попадаться на одну и ту же уловку. От тона, которым были сказаны слова Хуа Чэна, у принца обдало жаром уши, однако он заставил себя сохранить спокойствие и продолжил выписывать иероглифы, со всей серьёзностью говоря:

— Нет. Сань Лан, сегодня кто-то снова сказал, что у тебя ужасный почерк. Тебе следует старательно упражняться, в противном случае я не хочу, чтобы люди узнали, что это я тебя обучал.

Немного приподнявшись, Хуа Чэн вздёрнул бровь:

— Гэгэ, но я ведь прекрасно помню, ты как-то сказал, что тебе очень нравится мой почерк.

С тех пор как Хуа Чэн возвратился к нему вновь, Се Лянь довольно долгое время практически во всём ему потакал, отвечал на любую просьбу, и, наверное, таким образом окончательно его избаловал — Хуа Чэн вёл себя всё бессовестнее с каждым днём. Закончив с каллиграфией, принц отложил кисть и ещё серьёзнее произнёс:

— Не пытайся заговорить мне зубы. Я всё приготовил, иди скорее упражняться.

Повинуясь, Хуа Чэн лениво подобрался к Се Ляню, обнял его сзади за талию, чуть наклонился и пристроил голову на плече принца. Затем снял с волос свою коралловую бусину, положил на стол и велел ей гоняться за бусиной Се Ляня по бумаге, перекатываясь из стороны в сторону, тем самым мешая принцу как положено писать иероглифы.

Он с таким озорством и напором старательно напоминал о своём существовании, что Се Лянь вспомнил слова Всевидящего глаза о том, что теперь всё его тело изнутри вовне распространяет демоническую Ци. А подумав, что эта демоническая Ци принадлежит Хуа Чэну,

принц невольно ощутил нетерпение и слабость, несколько раз попытался воспротивиться, впрочем, не слишком решительно, и тихо выдохнул:

— Пиши как следует...

— Хорошо, как скажешь, гэгэ.

Хуа Чэн взял кисть, написал две строки стихотворения и положил снова. Се Лянь, поглядев на его творение, покачал головой, в неведомо какой по счёту раз повторяя про себя: «Тут уж ничем не поможешь». Помолчав, принц тоже поднял кисть и помог завершить две последние фразы стиха.

Закончив с написанием, Се Лянь осторожно подул на лист бумаги, взял его в руки, и они вдвоём посмотрели на совместно написанное произведение.

Чернильные слова на бумаге сложились в стихотворение, которое славилось изяществом на всю Поднебесную:

*Кто раз познал безбрежность моря,
Того иные воды уж не удивят.
И никакие облака не назову я облаками,
Лишь те, что над горой Ушань парят.
Пройду сквозь заросли других цветов, не обернувшись,
Не интересна мне их красота.
Подмогой в том мне твёрдость духа лишь наполовину,
А остальное — ты, любовь моя.*

Даже Эмин, лежащий на краю стола, широко открыл глаз, неотрывно глядя на бумагу, словно в наивысшей степени наслаждаясь зрелищем. Хуа Чэн рассмеялся:

— Непревзойдённое искусство. Гэгэ, скорее, придумай ему название. Этот шедевр непременно поразит последующие поколения и будет прославляться в веках.

Се Лянь, уже подписавший внизу имя Хуа Чэна, услышав такое, застыл — рука не поднималась добавить ещё и себя как автора работы. Хуа Чэн, отсмеявшись, с притворной серьёзностью спросил:

— Гэгэ, ты стесняешься? Я помогу.

Он тут же взял ладонь принца в свою и широкими мазками изобразил два иероглифа. Разумеется, не зная контекста, никто не смог

бы узнать, что это за иероглифы, и тем более разглядеть в них имя Се Ляня...

Принц, глядя на написанное своей же рукой, не знал, как реагировать, только наклонил голову набок, всё ещё находясь в объятиях Хуа Чэна. И вдруг ему эти иероглифы показались смутно знакомыми, будто бы он уже видел их раньше.

Спустя мгновение он вспомнил, и взгляд принца просветлел.

— Сань Лан, у тебя на руке! — Он схватил Хуа Чэна за предплечье, задрал рукав и радостно воскликнул: — Это же оно!

Пока они вместе жили какое-то время в монастыре Водных каштанов, Се Лянь однажды увидел на руке Хуа Чэна татуировку, напоминающую письмена какого-то чужеземного народа. Тогда принц задумался над значением надписи, однако и представить не мог, что никакие это не «чужеземные письмена», а всего лишь его собственное имя!

Хуа Чэн, тоже посмотрев на свою руку, улыбнулся:

— Гэгэ наконец узнал?

— Я давно должен был узнать их, только...

Только иероглифы, написанные Хуа Чэном, поистине являлись творением «демонически искусного мастера». Хуа Чэн без слов догадался, о чём думает принц, громко рассмеялся, приобнял Се Ляня за талию и поцеловал в лоб.

— Не волнуйся, гэгэ. Главное, что у тебя красивый почерк, и ладно. Это радует меня гораздо больше, чем собственные успехи в каллиграфии.

Се Лянь коснулся ладонью его татуировки, настолько тёмной, что легко догадаться, какую боль причинял процесс нанесения.

— Ты сделал её в детстве? — прошептал Се Лянь.

Хуа Чэн чуть улыбнулся, опустил рукав и кивнул.

Наверняка он наколот её себе сам. Если только представить, как маленький мальчик украдкой наносит на предплечье имя человека, которого боготворит... Какое же это ребячество, но какая же это смелость.

Их пальцы крепко сплелись, красные нити запутались между собой. В сознании принца вдруг возникла картина годичной давности, когда Хуа Чэн на горе Тунлу рассыпался бабочками.

В последний миг он сказал одну фразу.

И пусть беззвучно, но Се Лянь прекрасно понял, что это было. Эту фразу Хуа Чэн претворял в жизнь с самого детства и готов быть верен ей до самой смерти.

«Я навсегда останусь твоим самым преданным последователем».

«Необычайная история, что ходит в народе»

Предание гласит, что есть на свете мусорное божество.

Люди так прозвали его, но божество это обыкновенно отвечает не за удачу в собирании рухляди, а хранит покой в мире людей. Поскольку одновременно является и сильнейшим Богом Войны.

Нет такой нечисти, которую он не смог бы одолеть, нет таких тёмных сил, которые он не смог бы уничтожить. Обладая силой, способной уничтожить мир, он не теряет сердце, стремящееся сберечь цветок.

Однако, поклоняясь божествам, следует соблюдать запреты и разбираться в правилах. Если вы встретите храм, посвящённый этому бессмертному, ни в коем случае нельзя бездумно бросаться отбивать ему поклоны.

Говорят, у божества есть особенность — он привлекает неудачу. Не верите? Приготовьте игральную кость, потрите её о ладонь божественной статуи, затем бросайте. Невезение в игре будет вам обеспечено.

Поэтому, если попросите у серой статуи мусорного бога благословения, вполне возможно, лишь навлечёте на себя невезение, которое будет расти с каждым поклоном. Тогда и вода застрянет у вас в зубах, и даже обрядившись в монашеские одежды, вы столкнётесь с призраками.

Предание гласит, что есть на свете Князь Демонов в красном наряде.

Будучи нечеловеческой сущностью, он, тем не менее, имеет несчётное множество последователей, повсюду принято тайком ставить в доме его демоническую статую и поклоняться ей днём и ночью, прося об удаче.

Поскольку этот Князь Демонов не только, как о нём говорят, никогда не ведал поражений и преодолел все преграды на своём пути, но ещё и обладает мощнейшим и непобедимым везением. Не верите? Попробуйте поклониться ему, прежде чем бросить кости, и, если сможете заручиться его помощью, при следующем броске на костях непременно выпадет выигрышное число.

Впрочем, при поклонении демонам, разумеется, существует ещё больше запретов, нежели при поклонении богам. Пускай этот Князь Демонов обладает великим могуществом, характер у него при этом крайне причудливый и переменчивый.

Пребывающий в добром расположении, он поможет тебе, даже если не поклонись ему; однако если он не в духе, потратить хоть тысячу золотых, он не удостоит тебя вниманием. Ну а если что-то его разозлило, он вполне может одним взмахом руки забрать твою жизнь.

Поэтому, как и в случае с божеством, лучше держаться от него на почтительном расстоянии, ради своего же блага.

Но если люди ставят две статуи — божества и демона — вместе и поклоняются им, дурные качества оборачиваются чудом.

Князь Демонов в красном наряде прогоняет невезение, увивающееся за мусорным божеством, и тот проявляет своё истинное лицо.

Люди с удивлением обнаруживают, что, оказывается, статуя мусорного божества вовсе не серая, а сверкающая золотом.

Каждая легенда имеет свои основания. Но эта история очень длинная, и наверное, нужно начинать рассказывать её с событий

восьмисотлетней давности, а то и раньше. И повествование будет длиться очень и очень долго. Да и не у каждого достанет терпения слушать.

Но вот что можно утверждать наверняка. Если хотите, чтобы эти двое проявили себя в полной мере, необходимо ставить их рядом и поклоняться им вместе. Только так вы получите удвоенную удачу и удвоенную способность преодолевать все преграды.

С благословением небожителей никакие запреты не ведомы!

Дополнительные главы

Загадки на разукрашенных фонариках в ночь поедания юаньсяо

Светлый Праздник фонарей, одна прекрасная ночь.

Стояла ранняя весна, но зима ушла недалеко, и ветер по-прежнему приносил бодрящий холод. Се Лянь, взвалив на спину большой мешок,

медленно брёл по дороге, и щёки его чуть покраснелись от ветра.

В мешке лежала гора всякой всячины, которую принц сегодня насобирав, пока не зная, пригодится она ему или нет. Да это и не важно, ведь теперь ему придётся именно этим зарабатывать на пропитание.

Некоторое время спустя он проходил мимо лавки у обочины дороги.

Лавка носила название «Закусочная Хэцзи ^[310]», и похоже, что вся семья хозяина из трёх человек как раз сидела за маленьким столом, стоящим в самой глубине. Прелестная грациозная девушка всё хлопотала с блюдами на столе, хозяин поторапливал, чтобы прекращала и садилась есть, а она звонким как у ивогли голосом отвечала «сейчас, сейчас». За другими столами сидели несколько посетителей по двое-трое, но было очевидно, что они здесь только из-за молодой прелестницы — пришли просто посидеть и поговорить, а вскоре соберутся по домам. Всё-таки сегодня Праздник фонарей.

Перед лавкой установили небольшой котелок, в котором плавали беленькие, кругленькие, маленькие и горячие шарики, увидев которые, Се Лянь замедлил шаг.

Он подумал: «А, юаньсяо ^[311]».

В детстве на каждый Праздник фонарей государь и государыня Сяньлэ вместе с принцем непременно садились за стол поесть юаньсяо. Се Лянь тогда был привередлив в еде, не любил юаньсяо, отказывался даже от превосходнейших рисовых шариков, приготовленных известными мастерами и поданных в золотой чашке на нефритовом блюде. Жаловался, что ему слишком сладко, что от рисовой муки щекотно зубам, что такую начинку он не ест, другую тоже не желает, пробовал две ложки и бросал.

Став чуть постарше, принц по своей воле сбежал на гору Тайцан для самосовершенствования, при этом на Праздник фонарей мог вернуться во дворец, а мог и не вернуться, так что почти не появлялся за семейным столом. Думая об этом сейчас, Се Лянь, к своему удивлению, не смог вспомнить, каковы же на вкус эти самые юаньсяо.

Он осторожно огляделся вокруг, затем осторожно снял свой неприглядный груз со спины, и в конце концов боязливо шагнул в лавку.

Сняв шляпу и держа её в руках, Се Лянь произнёс:

— Хозяин, подайте мне, пожалуйста, чашку юаньсяо. У вас ведь есть юаньсяо?

Хозяин, мужчина уже в возрасте, глянул на принца, но ещё ничего не успел ответить, как первой заговорила стройная улыбчивая девушка.

— Да, прошу, проходите и садитесь! — и тут же занялась приготовлением.

Се Лянь сел, но тут же заметил, как хозяин лавки покачал головой, и такая реакция показалась принцу странной. Он подумал, что, возможно, где-то запачкал одежду, и это не понравилось хозяину. Принц даже специально осмотрел свои рукава, а убедившись, что одеяния чистые, немного успокоился и спросил:

— Что-то не так?

Принц подумал было, если хозяину не по нраву, что он зашёл со своим мешком, то он просто оставит его снаружи, и всё. Но мужчина, бросив на него ещё один взгляд, покачал головой со словами:

— Прискорбно, как же это прискорбно.

— А? О чём вы? — не понял Се Лянь.

— Прискорбно в великий Праздник фонарей поедать юаньсяо одному в забегаловке у дороги, средь холодного ветра и мороза.

Се Лянь, озадаченно помолчав, произнёс:

— Ну зачем же вы так. Разве не хотите заработать...

Но хозяин больше не сказал ему ни слова, а пошёл за чашкой. Посидев немного, Се Лянь почувствовал, что все взгляды вокруг направлены на него. А точнее, на его набитый доверху мешок.

Дочка хозяина даже подкралась и присела рядом, чтобы потыкать мешок пальцем, словно ей было ужасно любопытно, что же находится внутри. Матери пришлось позвать девочку несколько раз, прежде чем та вернулась к ним за стол. Се Лянь тогда ещё не натренировал свою легендарную толстокожесть, и не удержался от того, чтобы запинать мешок подальше под стол, где его никто не увидит. Жаль только, что столы и стулья, как и вся лавка, были слишком маленькими, чтобы под ними что-то спрятать. Се Ляню только и оставалось, что время от времени покашливать и старательно не замечать направленные на него взгляды.

«Привыкну. Ничего ужасного в этом нет».

Неожиданно принц вспомнил кое о чём, второпях сунул руку за пазуху, пошарил немного и переменялся в лице. В его мыслях пронеслось: «Теперь моё положение ещё прискорбнее! Я не только в великий Праздник фонарей поедаю юаньсяо один в забегаловке у дороги среди ветра и мороза, мне ещё и денег на них не хватает!!!»

Принц собрался поскорее ускользнуть, да только, как назло, именно в тот момент хозяин принёс ему большую фарфоровую чашку.

— Пять монет.

Се Лянь почувствовал, что у него сбивается дыхание.

— Э... я... — Он принялся покашливать, прикрыв рот кулаком.

— Что, нету?

Се Лянь был готов, позабыв о стыде, просто подняться с места и выкатиться прочь, но вдруг большая чашка со стуком опустилась на стол перед ним.

Принц застыл, а хозяин сказал:

— Ладно, жалко тебя, пусть будет подарком, так уж и быть. После ужина мне надо закрывать лавку, так что поторапливайся. Сегодня Праздник фонарей, надобно всей семьёй собраться, иначе никак!

Се Лянь, помолчав, сел обратно. В душе он посетовал, что вообще-то после того, как он доест эти юаньсяо, ему некуда будет пойти, но вслух тихо поблагодарил хозяина.

Тот, поставив чашку, отошёл. Затем перенёс котёл перед лавкой с оставшимися юаньсяо на маленький столик. Маленькая девочка, держа во рту ложку, наклонила голову и спросила:

— Когда вернётся старший брат? Я хочу подождать его, потом есть.

Хозяин пожаловался:

— Он опаздывает. Разве можно в Праздник фонарей так поздно возвращаться домой? Это никуда не годится!

Его жена вмешалась:

— Ему ведь тоже нелегко приходится. Скоро он вернётся, а ты не брани его. Мяо-эр, Мяо-эр, бросай уже все хлопоты. Мы и так всё время просим тебя о помощи, нам уже так неловко, давайте вместе поужинаем.

Юная девушка ответила:

— Уже всё! — Она убрала ещё с одного стола и подошла, чтобы сесть вместе с ними.

Похоже, они вчетвером дожидались ещё одного члена своей семьи, болтая и смеясь. Глядя на них, Се Лянь взял свою чашку, выловил ложкой один юаньсяо и отправил в рот, затем выпил глоток сладкого бульона.

Но так и не смог понять, каков этот праздник на вкус.

— Гэгэ, гэгэ?

Се Лянь наконец вернулся из воспоминаний, обнаружив рядом Хуа Чэна, который внимательно смотрел на него. Облик демона, оттенённый красным одеянием, выглядел ещё ярче и прекраснее, а свет огней добавлял нежности бледному до безжизненной белизны лицу.

Се Лянь, посмотрев на него, немного растерялся и спросил:

— Что?

— Гэгэ, ты устал? Или тебе тяжело ходить?

Се Лянь невпопад покивал, тогда Хуа Чэн добавил:

— Прости. Вчера ночью я был несдержан.

Только спустя какое-то время до Се Ляня дошёл смысл сказанного, и принц замахал руками:

— Что ты такое говоришь, дело совершенно не в этом! Сущие пустяки!

Хуа Чэн приподнял бровь:

— Правда? Если даже такое для тебя — сущие пустяки... Выходит, я вовсе не был несдержан прошлой ночью? И значит, я могу...?

Се Лянь внезапно вспомнил, что они находятся прямо посреди главной улицы Призрачного города! Запоздало оглядевшись, принц и правда обнаружил, что в какой-то момент вокруг собралась целая толпа из всевозможных тварей разнообразных форм и размеров. Те из них, что с длинными ушами, наострили уши, с короткими — вытянули шеи; почти каждый вытаращил глаза размером с бронзовые колокольчики и уставился на двоих как в последний раз. В этот миг зеваки выглядели потрясёнными до такой степени, что просто не знали, что сказать.

В конце концов принц воскликнул:

— Сань Ла-а-ан!

Хуа Чэн с лёгкой улыбкой завёл руки за спину и повiniлся:

— Ладно, ладно. Виноват. Умолкаю.

Се Лянь же давно отвёл взгляд от лавки на обочине, где демоны продавали юаньсяо.

По обеим сторонам главной улицы Призрачного города были развешаны ярко-красные фонарики, исписанные загадками ^[312].

Демоны зазывали:

— Разгадываем загадки! Разгадываем загадки! Кто отгадает, получит подарок! Множество подарков!!!

Хуа Чэн предложил Се Ляню:

— Гэгэ, попробуем? За это дают награду!

— Попробуем, — Се Лянь подошёл к фонарикам.

Демоны принялись взволнованно толкать друг друга:

— Тсс! Тсс! Старший дядюшка будет разгадывать загадки!
Старший дядюшка будет разгадывать загадки!!!

Вокруг поднялся такой шум, будто бы принц намеревался исполнять танец призыва божества ^[313].

Се Лянь, чувствуя себя ужасно неловко, как раз осматривал фонарики и собирался выбрать первый попавшийся, но тут неизвестно откуда появилось чьё-то щупальце, которое услужливо протянуло принцу разукрашенный фонарик.

— Прошу вас, прошу вас!

Для Се Ляня все загадки были одинаково просты. Поэтому он взял фонарик и прочёл загадку, которая гласила: «Искать до седой головы».

Се Лянь, не задумываясь, дал ответ.

— «Я» ^[314].

Хуа Чэн похлопал в ладоши и похвалил:

— Гэгэ, потрясающе.

Толпа подхватила громоподобными аплодисментами и демоническими зазываниями. Нечто чёрное неясного происхождения принялось кувыркаться в воздухе, издавая восторженные возгласы, неизбежно прибавляя обстановке гротеска.

Се Лянь, уже потеющий от неловкости, произнёс:

— Вообще-то это... правда очень легко.

Тогда щупальце протянуло ему второй фонарик:

— Прошу вас! Прошу вас!

Принц взял фонарик и на этот раз прочёл на нём «Один день Праздника весны». Как и в первый раз, Се Ляню не понадобилось даже думать над ответом.

— «Супруг ^[315]».

Хуа Чэн вновь вознамерился захлопать в ладоши, но Се Лянь остановил:

— Не стоит, это тоже очень простая загадка.

— Правда? — Хуа Чэн сощурился в улыбке. — Но я совершенно искренне считаю, что гэгэ потрясающе справляется.

Се Лянь подумал: «Ну что ты, что ты. Вот если бы загадку на фонарике написал лично ты, и я по-прежнему смог бы её разгадать, это было бы и впрямь потрясающе...»

Тем временем щупальце протянуло принцу третий фонарик и пропело:

— Прошу вас! Прошу вас!

Но стоило Се Ляню взять фонарик и прочесть загадку, его брови чуть нахмурились. Кругом тоже слышалось:

— Ого! На этот раз загадка трудная!

Принц согласно кивнул. И впрямь, на сей раз с первого взгляда разгадать не вышло: «Стыдливо опускаю голову, выражая искренность».

Впрочем, не так уж сложна эта загадка. Вскоре Се Лянь произнёс:

— «Стыдливо» здесь указывает на «мимозу стыдливую», от которой мы берём верхнюю часть. «Опускаю голову» — забираем «голову» от иероглифа «опускать». «Выражая искренность сердца» — здесь нам понадобится «сердце» иероглифа «склоняться» из фразы «искренность ^[316]». Соединив три части, мы получим... «цветок». Разгадка — «цветок ^[317]».

Договорив, принц закрыл уши руками, ведь, как и ожидалось, стоило ему объявить разгадку, вокруг снова начались бешеные демонические пляски, грянула безграничная похвала, преувеличенная до предела, отчего Се Ляню сделалось не по себе. Хуа Чэн, посмеиваясь, посмотрел на него.

— Гэгэ, в этот раз было на самом деле потрясающе.

Щупальце тем временем тихонько протянуло следующий фонарик, и Се Лянь, тоже посмеиваясь, ответил:

— Сейчас я потрясу тебя ещё сильнее. В этот раз я отгадаю загадку, даже не читая её, веришь?

Хуа Чэн округлил глаза:

— Оу, правда? Оказывается, гэгэ владеет ещё и таким мастерством?

Принц взял фонарик и сказал:

— Конечно. Предполагаю, что теперь разгадкой будет слово «город». Тот, что в твоём имени ^[318], я прав?

Подняв фонарик и взглянув на загадку, принц действительно прочёл следующее: «Перевернётся копьё войны, и в южных краях установится мир».

Се Лянь объяснил:

— Перевернётся копьё войны, то есть, повернётся против своих — переворачиваем первый иероглиф, получается «земля», а «копьё» оставляем. «В южных краях установится мир» — берём «южную» часть иероглифа «край», устанавливаем между «землёй» и «копьем», получается «город». Это должна была быть самая сложная загадка, но к сожалению...

К сожалению, принц раньше разгадал закономерность. Что же получится, если соединить четыре отгадки вместе ^[319]?

Демоны, замысел которых оказался разгадан, не решились даже выкрикивать одобрения, напротив — все хором закашлялись, глядя куда-то в небо. Хуа Чэн обвёл толпу неторопливым взглядом, и все кругом, испуганные до смерти, то попрятались внутри фонариков, то юркнули под землю, то заголосили, хватаясь за головы:

— Градоначальник, не гневайтесь!!! Это не моя идея!!!

— И не моя, кря!

— Чушь! Ты-то как раз и соглашался громче всех!!!

Хуа Чэн спокойно бросил:

— Прочь.

В один миг всех человеческих и нечеловеческих существ с улицы словно ураганом сдуло, не осталось почти никого. Се Лянь повесил фонарик на место и, улыбаясь, сказал:

— Давай вернёмся.

Ступая плечом к плечу, они вместе направились к храму Тысячи фонарей. По пути Хуа Чэн со всей серьёзностью произнёс:

— Гэгэ, не смотри на меня так. Это не я приказал им, правда.

Се Лянь, посмеявшись, ответил:

— Знаю. Будь это ты, не стал бы загадывать именно такую фразу.

— Оу? И какую фразу, по мнению гэгэ, я бы загадал?

Се Лянь, ничего не подозревая, сказал вслух:

— Разумеется, «мой супруг Сань Лан»...

Только тут принц осознал значение фразы «язык мой — враг мой», и поспешно замолчал. Однако было уже поздно. Хуа Чэн рассмеялся:

— Гэгэ, ты попался! Прекрасно!

— Хитрец, каков хитрец...

Как раз к тому моменту они подошли к храму Тысячи фонарей. Войдя в главный зал, Се Лянь не без удивления обнаружил, что на нефритовом столе для подношений что-то есть. Принц застыл, затем подошёл ближе, и понял, что это две чашки юаньсяо.

Принц обернулся, Хуа Чэн тоже приблизился к столу со словами:

— Гэгэ, ты ведь на них смотрел только что, на улице?

Се Лянь кивнул.

— Давай сядем и поедим вместе, гэгэ, — предложил Хуа Чэн.

Но Се Лянь вместо этого вдруг бросился к Хуа Чэну в объятия, зарылся лицом в грудь и крепко-крепко прижался.

Хуа Чэн обнял принца в ответ.

Спустя неизвестно сколько лет Се Лянь наконец вспомнил, каков на вкус Праздник юаньсяо.

Удивительная история о том, как наследный принц потерял память

Открыв глаза, Се Лянь обнаружил себя лежащим на полу. Он находился в незнакомом помещении. И чувствовал себя весьма озадаченным.

Ведь он же совершенно точно занимался тренировками в монастыре Хуанцзи на горе Тайцан, как он мог оказаться здесь?

Слегка недоумевая, принц поднялся и сел. Затем увидел, что одет в простой монашеский халат, даже слишком простой, настолько, что походил в нём на простолюдина. Да и материал оставлял желать лучшего, настолько грубый, что неприятно было ощущать его на своей коже.

Се Лянь нахмурился и решил встать на ноги, но едва поднялся, как почувствовал ещё больше неприятных ощущений в теле. Поясницу ломит, ноги ноют, мышцы живота болят, шея затекла. Неужели по этой причине он и пролежал всю ночь на полу, чтобы охладиться немного?

...Быть того не может. Он ведь не настолько нежен.

Где же Фэн Синь и Му Цин? Вспомнив о них, Се Лянь позвал:

— Фэн... кхэ, кхэ-кхэ...???

Горло тоже чувствовало себя не лучшим образом.

Он вспомнил, что вчера вечером Фэн Синь и Му Цин снова поссорились из-за сущего пустяка, да так расшумелись, что принц не мог сосредоточиться для медитации, поэтому велел им выйти и поиграть в слова. Под звуки того, как эти двое, стиснув зубы от всепоглощающей обиды, обменялись примерно двумя сотнями фраз, на принца накатила дремота, и он лёг спать. Но почему же, проснувшись, очутился в столь невообразимом месте, что повергло его в полнейшее замешательство???

Держась за стоящий рядом стол, Се Лянь наконец встал и огляделся по сторонам. Должно быть, он находился в комнате постоянного двора, но обыкновенно принц не останавливался в подобных местах, а если бы и решил остановиться, то не выбрал бы настолько неприкрыто скромный вариант.

Руки и ноги принца не были связаны, дверь оказалась не заперта, следовательно, его никто не удерживал здесь насильно. Ну а если кто-то или что-то напало на него, для чего бросило здесь?

Чем дальше Се Лянь размышлял, тем более странным ему казалось собственное положение. Но самым странным всё же было его физическое состояние: преодолевая тянущую боль в руках, принц снял верхнее одеяние, чтобы осмотреть себя на предмет ранений. Однако стоило раздеться и опустить голову, лицо Се Ляня потеряло краски.

От живота к груди его тело сплошь покрывали красные следы явно романтического происхождения. На кожу, что в бледности могла сравниться с нефритом цвета бараньего жира, словно целым ворохом бросили лепестки цветов, распустившихся алым цветом, столь ярким, что принц, вне себя от изумления, бросился к зеркалу.

Так и есть! Эти следы были не только на груди и животе, на шее тоже, и на спине!

Се Лянь не решился снимать штаны и продолжать осмотр. Ему всё стало ясно.

За то время, что принц по какой-то причине провёл в забытьи, кто-то... лишил его целомудрия.

Впервые в жизни Се Лянь ощутил, что такое «земля ушла из-под ног», но всё-таки с трудом остался стоять.

Когда-то давно от прислуживающих ему дворцовых служанок принцу приходилось слышать страшные истории, что ходили за пределами дворца. О каких-то бесчестных демонах из разбойничьих притонов, грабителях и насильниках, которые опаивали девушек снадобьем и вершили своё чёрное дело. Но... но ведь...

Схватившись руками за голову, Се Лянь пробормотал:

— Но ведь... я... мужчина!

Сейчас принц выглядел так, что больно смотреть — помимо следов от поцелуев и чересчур сильно сжимавших тело пальцев, присутствовали также укусы на крайне смущающих местах. Се Лянь закрыл лицо руками, чувствуя, как к голове приливает жар, а остальное тело холодеет.

Неожиданно принц вспомнил об одной крайне важной детали и подумал: дело плохо!

Путь самосовершенствования, избранный принцем, категорически исключал плотские утехи, и теперь выходит... что он нарушил обет?!

Се Лянь второпях попытался применить магию, а как попробовал, так сразу убедился — у него действительно нет магических сил!

Он привык всегда хранить невозмутимость, но сейчас оказался на грани срыва.

По неведомой причине, проснувшись, принц обнаружил себя в подобном состоянии. Фэн Синь и Му Цин исчезли, а кто-то неизвестный каким-то образом взял и, покуда Се Лянь ничего не осознавал, лишил его невинности. Как тут не сойти с ума?!

Спустя довольно долгое время Се Лянь так и не смог принять сей факт, в его душе воцарилось полнейшее смятение. Но ведь нельзя было вот так оставаться здесь, пришлось подобрать одеяния с пола, второпях одеться и выйти с постоянного двора. По дороге никто не задержал его, тогда Се Лянь вздохнул с облегчением, не замечая

странностей ни в строениях вокруг, ни в одежде прохожих, ни в говоре, с которым звучали их речи.

Вот только, возможно, под влиянием дурных мыслей, принцу всё время казалось, будто все видят, что с ним произошло, смотрят на него странными взглядами, отчего ему хотелось идти всё быстрее. В результате он и вовсе бросился бежать, ворвался в лес и нанёс удар кулаком по дереву, отчего ствол с хрустом разломился.

— Подлец!!! — в гневе выкрикнул Се Лянь.

Он хотел осыпать того, кто с ним это сделал, самыми злостными проклятиями и последней бранью, но только и смог выудить из памяти «подлец, негодяй, мерзавец!»

Погасить пламя, полыхающее в душе, никак не получалось, и принца охватила жуткая досада. Но ведь не мог же он залиться горьким плачем, приходилось лишь молча наносить удары. «Бум-бум-бум-бум-бум», за раз переломав несколько десятков больших деревьев, принц наконец добился того, что местный дух земли с рыданиями выполз на свет и схватил его за ногу с мольбами:

— Ваше Высочество! Ваше Высочество, прекратите избиение!

Душу Се Ляня заполняло пламя гнева, однако когда этот старичок выскочил из-под земли, принц удивился, увидев перед собой явно не человеческое существо.

— Кто ты такой?

Старенький дух, размазывая слёзы, простонал:

— Я здешний дух земли, Ваше Высочество! В этом лесу я намерен доживать свой век! А если Вы, почтеннейший, продолжите ломать деревья, мне нечем будет питаться!

Се Лянь подумал, что случившееся с ним всё же других не касается, и нельзя безрассудно срывать на них свой гнев. Кроме того, какого бы низкого ранга ни был чиновник, он ведь тоже божество, да ещё и такое старое, значит, требует к себе уважения. С этими мыслями принц заставил себя умерить пламя гнева, опустить руки и смягчить тон.

— Прошу меня простить... я поддался эмоциям. Куда же это годится? Сколько деревьев я сломал? Я всё возмещу.

Дух земли, отпустив ногу Се Ляня, торопливо отказался:

— Нет, нет, нет, нет, нет, не стоит, не стоит, разве я могу просить вас об этом? То, что вы, почтеннейший, заговорили со мной, уже

большая честь для маленького духа!

Се Ляню его слова показались странными. Ведь, что ни говори, а этот дух земли тоже являлся божеством, к тому же выглядел явно старше самого принца. Почему же он его так испугался, да ещё назвал «почтеннейшим»? Впрочем, у Се Ляня не было настроения допытываться до сути, он со всей учтивостью произнёс:

— Вы местный дух земли, стало быть, хорошо знакомы с окрестностями? Не поможете мне отыскать двоих человек? — с такими словами принц сунул руку в рукав, чтобы достать несколько золотых листков в качестве подношения.

Однако дух земли, заметив его жест, замахал руками.

— Не нужно, не нужно! Кого вы хотите найти?

Дух весьма кстати отказался от подношения, потому что Се Лянь так ничего и не обнаружил в рукаве.

— Я ищу своих слуг, Фэн Синя и Му Цина.

Лицо духа земли вдруг сделалось очень странным.

— В чём дело? Есть какие-то затруднения?

— Нет, нет, нет, нет, затруднений нет. Только...

Только что же это происходит с Его Высочеством? Прошло восемьсот лет, а он всё зовёт генералов Наньяна и Сюаньчжэня своими слугами? Интересно, не рассердятся ли двое генералов, узнав об этом? Ох, ладно, пусть сердятся, не страшно. Намного страшнее будет, если не позаботиться как следует об этом просителе, и рассердится уже кое-кто другой. Подумав об этом, дух земли ответил:

— Прошу вас немного подождать здесь, я сейчас же найду их для вас!

— Благодарю за труды, — ответил принц и склонился в поклоне, но подняв взгляд, увидел, что дух уже исчез.

Се Лянь чувствовал, что голова всё ещё охвачена жаром, и прикрыл лоб ладонью, а спустя какое-то время перед ним раздался недоумевающий голос:

— В чём дело?

Подняв голову, Се Лянь увидел Фэн Синя и Му Цина.

Однако это были не те Фэн Синь и Му Цин, которых он знал. На самом деле, их облик остался прежним, но сам настрой и манера держаться совершенно переменились. Они уже не походили на тех неотёсанных мальчишек, напротив, приобрели облик генералов,

проведших много лет на поле боя. В придачу на обоих красовались довольно роскошные чёрные одеяния, не похожие на те, что могли позволить себе простолюдины. По крайней мере, Се Лянь никогда не видел их в подобном наряде.

Вопрос задал Фэн Синь, который приблизился и добавил:

— Ваше Высочество, что ты здесь делаешь в одиночку?

Се Лянь, озадаченно помолчав, сказал:

— Это я должен спросить, куда вы двое подевались. Вчера вечером я велел вам играть в слова на улице, почему утром я даже тени вашей не увидел?

На лицах Фэн Синя и Му Цина появилось такое же странное выражение, как у того духа земли, словно они не могли понять, о чём толкует принц. Се Лянь, у которого уже раскалывалась голова, продолжил:

— И ещё, во что это вы вырядились? Что, в конце концов, происходит???

Фэн Синь, поглядев на себя, озадаченно спросил:

— А что не так с одеждой? Вроде бы, всё нормально.

Му Цин вмешался:

— О чём ты? Совсем разум проспал? Вообще-то вчера вечером меня не было подле тебя.

Принц схватился за голову. Ему хотелось закричать, но он заставил себя успокоиться, поразмыслил немного и сказал:

— Я, кажется, понял. Вы, как и я, подверглись магическому воздействию тёмной твари.

Выражения лиц двоих небожителей становились всё более странными.

— Я что-то запутался, — пробормотал Фэн Синь. — Ваше Высочество, лучше скажи, зачем вызвал нас.

Му Цин, закатив глаза, перебил:

— Тут и спрашивать нечего. А я ещё подумал, почему он вдруг позвал меня, а не этого своего... Вероятнее всего, мозгами повредился.

Се Лянь совершенно не понял, о чём тот говорит.

— Какого ещё «этого»? Советника?

Фэн Синь и Му Цин молча переглянулись, последний шагнул к принцу и позвал:

— Ваше Высочество.

— Что?

— У меня что-то с памятью плохо, не напомнишь, чем мы занимались последние несколько дней?

— Разве мы не проводили все дни в тренировках в монастыре Хуанцзи?

— Где Хуа Чэн?

При первых же звуках этого имени, Се Лянь ощутил что-то знакомое, однако, поразмыслив, всё-таки решил, что слышит его в первый раз, поэтому озадаченно спросил:

— Хуа... Чэн... Кто это?

Воцарилось долгое молчание.

— Хорошо, — произнёс Му Цин. — Я понял.

Он сделал знак взглядом и отошёл посоветоваться вместе с ошарашенным Фэн Синем. Се Ляню их поведение вдруг показалось подозрительным, он насторожился.

— Что ты понял? О чём вы говорите?

Закончив обсуждение, двое вернулись к нему, и Фэн Синь сказал:

— Ваше Высочество, идём с нами.

Се Лянь насторожился ещё сильнее.

— Куда?

Му Цин ответил:

— Отведём тебя к тому, кто может решить случившуюся с тобой проблему. Идём!

Но теперь принц, охваченный немалыми подозрениями, начал отступать прочь. Му Цин, заметив, что тот, похоже, собирается сбежать, велел:

— Не убегай! — и выкинул с ладони пучок божественного сияния, чтобы связать принца.

Но разве Се Лянь мог сейчас стоять на месте?

Он со всех ног бросился наутёк!

Когда это случилось, у Фэн Синя и Му Цина голова пошла кругом. Они помчались в погоню, на ходу перекрикиваясь:

— Твою мать! Да твою ж мать! Что это с ним??? Если он потерял память, не могло же это достигнуть таких масштабов?! Одним махом выкинуть из головы восемьсот лет?!

— Наконец! Кончилось тем, что он объелся своей стряпни и повредился умом!

— Не может быть! Думаю, он отправился за порог в одиночку и повстречался с непредвиденной опасностью. Нужно поскорее найти его! Его теперешнему сознанию всего семнадцать лет!

Даже в такой момент Му Цин не удержался от насмешки:

— Ага! Наивный и непосредственный, глупый и избалованный семнадцатилетний Его Высочество наследный принц!

— Подожди! Нужно сначала сообщить ему. Скорее сообщим ему!

Раз случилась такая напасть, разумеется, первым делом необходимо уведомить того самого!

Се Лянь на одном дыхании пробежал больше двадцати ли, и лишь остановившись, наконец немного отдышался. Принцу казалось, что он по-прежнему плутает в тумане чьей-то западни, но никак не может из неё вырваться.

Что же, в конце концов, происходит?

Это ненормально. Совершенно ненормально!

Ему ли не знать, какова истинная сила Му Цина? Чтобы заполучить то божественное сияние, ему понадобилось бы совершенствоваться несколько сотен лет, разве это мог быть настоящий Му Цин? Наверняка самозванец!

И он сам. Он тоже вёл себя ненормально. Принц заметил не сразу, но бежал он легко, словно летящая ласточка. Конечно, он и раньше обладал подобным мастерством, однако сейчас сделался ещё быстрее, ещё сильнее.

Всё было не так!

Спокойствие, спокойствие, только спокойствие. Се Лянь вдруг вспомнил, что Му Цин только что, кажется, упомянул одно имя.

Принц пробормотал вслух:

— Хуа Чэн.

По неизвестной причине это имя, хоть и должно было быть незнакомым, но когда слетало с его губ, заставляло что-то в душе едва ощутимо шевельнуться, словно в потайном уголке его сердца раскрывался цветок. Поэтому принц, не сдержавшись, повторил имя многократно, раз за разом.

Хуа Чэн, Хуа Чэн, Хуа Чэн.

Должно быть, это очень важная личность, которая, возможно, является ключом к разгадке случившегося с принцем. Необходимо его найти. Приняв такое решение, Се Лянь направился в сторону города.

Когда принц только-только осознал, что с ним произошло, он совершенно не мог этого принять, но прошло менее часа, и ему немного полегчало. Несмотря на крайнее физическое и моральное недомогание, он находился в западне, которая не давала ему времени на лишнее беспокойство. Настоящие Фэн Синь и Му Цин куда-то исчезли, из чего легко сделать вывод, что тайный злодей обладает исключительными способностями. Необходимо сейчас же воспрянуть духом и докопаться до истины.

Поэтому, когда принц добрался до ближайшего посёлка, выражение его лица уже приобрело привычный вид.

Зайдя в первую попавшуюся чайную, Се Лянь поднялся на второй этаж и сел у окна, однако у него не было настроения пить чай. Взяв со стола стакан, он посмотрел на осадок, который не вытерли со дна. От одного взгляда на принца накатила тоска, и он отставил стакан в сторону.

В чайной сидела прелестная и грациозная девушка, которая обнимала пипу ^[320], исполняла на ней плавную мелодию и пела, словно иволга.

Мужчины, сидящие вокруг, и старые, и молодые, глядели на неё с ухмылками. Сперва зазвучала обыкновенная местная мелодия, что-то про девушку, которая ранним утром вышла собирать цветы, но вскоре какие-то старики заголосили:

— Скукота, не хотим это слушать, давай другую!

— Да! Эта песня нам не по нраву, другую, другую!

— Сыграй вот эту!

Певунье ничего не оставалось, как повиноваться. Она, легко щипая струны, заиграла немного игривый мотивчик романтической окраски, тягучий и мягкий, настолько мягкий, что от него краснели щёки, а сердца стучали чаще. Зрители наконец остались довольны и принялись выкрикивать одобрения. Се Лянь же, сидя в самом углу второго этажа у окна, в отличие от них, чувствовал себя весьма неуютно.

Если внимательно прислушаться к словам, в песне пелось о молодожёнах, которые проводили страстную и нежную брачную ночь. Вот уж поистине смелая откровенность. Се Ляню ни разу не приходилось слышать столь непристойные песенки в императорской столице. В прошлом такие мотивы пролетели бы развратным ветром мимо ушей принца, поскольку не имели к нему ни малейшего отношения, и он в жизни не задумался бы о подобном. Но теперь... всё было немного иначе.

И хотя принц нисколечко не помнил, как это случилось, всё же теперь оно стало для него реальностью. Поэтому подобное музыкальное сопровождение наводило на совсем иные мысли. Кроме того, Се Лянь заметил нечто страшное: его помыслы абсолютно перестали ему подчиняться!

Слова песни лишь заводили легкомысленную тему, которую принц в душе с лёгкостью развивал в полной мере. В его сознании непрерывно возникало множество обрывочных картин, к примеру: тесно переплетённые пальцы рук, обвязанные красной нитью; прерывистое дыхание и стоны, напоминающие мольбы о пощаде; а также... мужской шёпот, похожий на соблазняющие речи.

Что это такое... Что это вообще такое?!

Се Лянь, охваченный стыдом и гневом, закусил губу и сжал кулаки. Ещё немного, и он не выдержал — с силой ударил рукой по столу.

Громкий стук испугал сидящих за ближайшими столами гостей, которые уставились на принца. Се Лянь опомнился и тихо извинился, всей душой желая заткнуть уши и ничего не слышать. Принц подумал, что если девушка продолжит петь, ему придётся покинуть чайную!

Как вдруг песня оборвалась, женский визг вырвал его из размышлений. Принц резко поднялся, увидев, что девушку окружила целая толпа, явно собираясь протянуть к ней свои лапы. Певица, прижимая к себе инструмент, от испуга вскочила и жалобно вскрикнула:

— Господа, прошу вас, слушайте песни без рукоприкладства...

Несколько мужчин принялись уговаривать:

— Что с того, если мы тебя потрогаем? Всё равно мы наверняка не первые! Ни за что не поверю, что пока ты себя продаёшь, к тебе никто не притрагивался!

От гнева у девушки покраснели глаза, она возмутилась:

— Что значит — я себя продаю? Я продаю свои песни, а не тело!

Но мужчины не собирались слушать объяснения.

— Ха! Оправдывается словно невинная мученица! Если и впрямь такая целомудренная, не вышла бы себя продавать!

— Вот именно! Да ещё поёт такие песенки, завлекая народ... А теперь отказывается работать! Что ты строишь из себя невинность? Умираю со смеху!

От злости девушка, казалось, готова была лишиться чувств. Её голос дрогнул:

— Это ведь вы велели мне исполнить, я только из-за вас запела эту песню!

Но что бы она ни говорила, злонамеренные слушатели всегда находили, что возразить:

— Мы велели, и ты исполнила? Такая послушная? Значит, ты в душе сама давно хотела спеть, чтобы соблазнить кого-нибудь!

Се Лянь не мог больше слушать.

Он и без того едва сдерживал гнев в сердце, а теперь и вовсе вышел из себя. Мелькнула белая тень, и оголтелые мужчины ещё ничего не успели понять, как рядом повалились на пол. Заводила среди них, валяясь кверху задом, разразился бранью:

— Ты ещё что за дрянь такая?! Как смеешь переходить нам дорогу?!

Се Лянь закрыл собой девушку, хрустнув костяшками пальцев, но его лицо осталось по-прежнему невозмутимым, он с нажимом произнёс:

— Не выходите за рамки дозволенного. Женская красота, подобная цветку, способна затронуть любое сердце хоть ненадолго. Но относиться к ней без должного уважения — гнусно и позорно.

Кто-то выкрикнул:

— Ясно как белый день, что она сама выбрала такую песню. Ей, значит, можно петь, а нам нельзя дотронуться?!

Се Лянь отчеканил:

— Именно так. Она может петь, но вам прикасаться к ней не позволено!

Ещё не стих звук голоса принца, а несколько здоровенных мужчин оказались сброшены им со второго этажа и шлёпнулись задом на пол.

Полёт их был страшен, и хотя на самом деле никаких тяжёлых увечий Се Лянь им не нанёс, этого хватило, чтобы напугать смутьянов. Поскольку никто так и не разглядел, что же именно он сделал. Как при этом можно говорить об ответном ударе? Позабыв обо всём, подлецы бросились наутёк. Тем временем Се Лянь наверху обернулся, а певица поднялась и с благодарностью отвесила ему поклон.

— Очень признательна даочжану за спасение!

— Для меня это сущие пустяки. Девушка, вы собираетесь остаться здесь?

Певица кивнула, и Се Лянь ответил тем же:

— Хорошо. Тогда продолжайте петь.

Договорив, он сел на своё место, отбросил полы халата, сел как положено и остался присматривать за обстановкой.

Другие мужчины, видя, что он не уходит, а продолжает наблюдать за ними, действительно не посмели снова приставать к девушке. Певица, разгадав его замысел, преисполнилась благодарности и вновь переливчато запела прежний мотив, простую и весёлую песенку здешних краёв.

Се Лянь налил себе чаю и вознамерился выпить, но опустив взгляд и вновь увидев на дне стакана тёмные следы от заварки, на мгновение замешкался. Ему всё же не удалось преодолеть себя. Принц со вздохом поставил стакан на стол, невзначай обернулся и тут же замер.

Через улицу напротив, в другом, более роскошном здании трактира, в одиночестве сидел человек.

Высокий и стройный мужчина в красном одеянии.

Его глаз закрывала чёрная повязка, что делало его образ несколько необузданным, но не умаляло красоты. Наряд краснее клёна, кожа белее снега; в руке серебряная винная чарка, такая же сверкающая, как и его серебряные наручи. С одного взгляда он привлекал к себе внимание, а сейчас как раз посмотрел в сторону Се Ляня, издали переглянувшись с ним. Заметив, что Се Лянь смотрит на него, мужчина чуть улыбнулся и приподнял чарку, словно чествуя принца вином через разделяющее их расстояние.

Сам не зная, почему, от этого соприкосновения взглядами Се Лянь почувствовал, будто через тело прошёл разряд молнии, и принц торопливо отвёл глаза.

Но как бы он ни старался сделать вид, что ему безразлично, сердце всё равно забилося как бешеное.

Что поистине странно. Мужчина действительно обладал ослепительным шармом и некой загадочной притягательностью, однако принцу и раньше доводилось встречать элегантных мужчин, подобных ему. Почему же именно на этого у Се Ляня возникла такая реакция?

Поразмыслив ещё, принц отбросил это суждение. Оно изначально было неверно. Ведь, если припомнить как следует, ему и впрямь никогда раньше не доводилось видеть настолько элегантных и красивых мужчин.

Подумав об этом, Се Лянь про себя решил, что такую личность повстречать не так уж легко, поэтому лучше уделить ему побольше внимания, и вновь повернулся к окну. Однако на сей раз мужчина в красном... исчез.

Вот так взял и исчез. Словно яркий кленовый лист, мягко слетев с дерева, игриво промелькнул перед глазами, озарив взгляд, а потом пропал. Словно это была не реальность, а лишь мимолётная иллюзия.

Вновь сдержанно поглядев на роскошное здание трактира и не увидев ни тени незнакомца, Се Лянь наконец сдался. И, наверное, из-за лёгкого разочарования, тихо вздохнул и потёр точку между бровей, про себя говоря: «Ну ладно».

Но вот какая неожиданность — стоило принцу повернуться, и он увидел, что в какой-то момент перед ним кое-кто возник. И теперь сидел, подперев щеку ладонью, и внимательно смотрел на него.

Их взгляды встретились, Се Лянь слегка опешил, а незнакомец, посмеиваясь, произнёс:

— Даочжан, не угостишь ли меня чаркой вина?

Это был тот самый мужчина в красном наряде, который только что издали поприветствовал принца вином.

Он вот так просто взял и сел напротив.

Се Лянь, поморгав, лишь спустя некоторое время наконец удостоверился, что этот человек говорит именно с ним.

Тут же к принцу пришло осознание, что нельзя ударить в грязь лицом перед человеком с такой поразительной аурой. Сохраняя невозмутимый вид, принц со всей любезностью произнёс:

— Вот беда, ваш покорный слуга отказался от употребления вина. Боюсь, мне не удастся угостить вас.

Мужчина в красном рассмеялся, принял ещё более небрежную позу и переспросил:

— Правда? Но, судя по вашему виду, даочжан, вас словно гнетёт какая-то печаль, и вам необходимо рассеять её с помощью вина!

Се Лянь, не дрогнув мускулом, ответил:

— В таком случае, боюсь, Ваше Превосходительство ошиблись.

И пускай самый серьёзный обет Се Ляня был нарушен, это вовсе не означало, что нужно махнуть на себя рукой и позабыть о других, менее важных обетах.

С виду принц вёл себя сдержанно с самого начала, но мужчина явно не собирался отступать, напротив — он словно закрепился на своём месте прочнее, и сказал:

— Ну раз даочжан не соглашается меня угостить, могу я... поступать, как мне заблагорассудится?

Се Лянь посмотрел на него, затем огляделся по сторонам. Странно. Ведь кругом не то чтобы не осталось свободных мест, почему же ему непременно понадобилось сесть именно здесь для

распития вина? Впрочем, причины отказать ему тоже не было, и Се Лянь ответил:

— Как вам будет удобно.

Незнакомец вальяжно взмахнул рукой. Слуга трактира никогда ещё не видел гостя с такими манерами, поэтому, даже вздохнуть не смея, быстро принёс кувшин с вином и чарку, да ещё старательно протёр стол, боясь, как бы гость не счёл отношение к своей персоне недостаточно учтивым.

Наблюдая за незнакомцем, который безмятежно сам налил себе вина и выпил, Се Лянь не удержался от вопроса:

— Неужели Ваше Превосходительство, повстречавшись с кем-то впервые, каждый раз просит угостить вином?

Мужчина, широко улыбаясь, сказал:

— Хм? Что вы, вовсе нет. Не стану скрывать от вас, даочжан, что обыкновенно людям не выпадает возможности повстречаться со мной.

Прозвучало... довольно высокомерно. Впрочем, Се Лянь вовсе не ощутил неприязни.

Они сидели, словно каждый был погружён в своё занятие. Се Лянь всё время смотрел куда-то в сторону и выглядел при этом так, будто ему совершенно всё равно. Спустя ещё какое-то время первым всё-таки заговорил тот мужчина.

Подперев щеку рукой, он сказал:

— Даочжан, позвольте узнать вашу драгоценную фамилию ^[321]. Как я могу вас называть?

Се Лянь, не задумываясь, выдумал ненастоящую фамилию:

— Оставьте церемонии, моя фамилия Хуа.

— Оу... — мужчина приподнял бровь, — даочжан Хуа.

— Как я могу называть Ваше Превосходительство?

— Даочжан, вам лучше всего называть меня Сань Ланом.

Се Лянь, в душе понимая, что этот человек не желает сообщать ему своего настоящего имени и статуса, решил не настаивать. Поразмыслив, он не припомнил знакомого, который где-либо значился третьим по счёту, и не стал утруждать себя предположениями. Тем временем принц вдруг заметил, что возле щеки этого мужчины в красном висит тонкая косица из волос цвета воронова крыла, украшенная на конце красной коралловой бусиной.

Бусина блестела и мягко переливалась, маленькая, но с первого взгляда дающая понять, что ценой превзойдёт целый город. И Се Ляню сразу показалось, что он будто бы где-то видел эту бусину. Может быть... в собственных покоях, где жемчуга и драгоценные камни разбросаны по всему полу?

Однако он не мог сказать наверняка. Сань Лан, заметив взгляд принца, спросил:

— Вам нравится эта вещица?

С такими словами он аккуратно взял изящными бледными пальцами эту коралловую бусину и покрутил между подушечек. По какой-то причине, когда это произошло на глазах Се Ляня, его грудь вдруг больно ущипнуло, словно кое-какое место на его теле тоже сжали пальцами, и принц резко отпрянул назад.

Движение вышло излишне размашистым, что привлекло внимание сидящих неподалёку посетителей чайной. Сань Лан медленно поднял веки и с изумлением спросил:

— Даочжан, что с вами?

Он протянул к Се Ляню руку, будто собираясь поддержать его, но тот, разумеется, не отозвался на жест, торопливо сел ровно и пробормотал:

— Н-нет, ничего. Эта бусина...

С губ Сань Лана не сходила улыбка.

— О, эта? — Он принялся ещё усерднее поигрывать яркой блестящей бусиной. — Это подарок от моей любимой супруги. Даочжан, как вам она?

Се Лянь, помолчав, ответил:

— О... недурно, очень недурно.

Вообще-то принц сам не знал, что говорит. Сидя как на иголках, он положил руки на колени и крепко сжал пальцы.

Незнакомец в красном поигрывал, очевидно, всего лишь прелестной бусинкой, движения его были проще некуда, однако принц углядел в них малую толику непристойности.

Словно в плену кончиков этих пальцев, которые нежно поглаживали, медленно потирали, сжимали, массировали и покатывали, оказалась не красная бусина, а некая чувствительная часть его тела, Се Лянь неожиданно для себя почувствовал волну жара,

охватившую лицо. Его дыхание участилось, и выносить подобное было невероятно трудно.

Ненормально. Это совершенно ненормально.

Мужчина в красном, представившийся «Сань Ланом», красив-то был без сомнения, вот только от всепоглощающей волны демонического очарования, исходящей от него, становилось по-настоящему страшно. В душе Се Лянь громко зазвенел тревожный колокольчик, однако принц заставил себя успокоиться. Приведя дыхание в норму, он без страха устался на собеседника и сказал:

— Хотелось бы узнать, ради чего Ваше Превосходительство по собственной инициативе приблизились к вашему покорному слуге?

Сань Лань усмехнулся и, растягивая слова, произнёс:

— К чему такая настороженность? На то нет особой причины. Просто я, увидев, насколько изящен ваш облик, преклонился перед ним, не в силах сдержать чувств, вот и всё. Если этим я имел неосторожность оскорбить вас, надеюсь на ваше безмерное великодушие.

Се Лянь промолчал, не зная, стоит ли поверить в эти слова. Он отвёл взгляд, втайне раскаиваясь, что позволил этому человеку сесть напротив и привести собственные мысли в такое смятение. Как раз к тому времени певица закончила своё выступление, поклонилась слушателям, обворожительно улыбнулась Се Ляню и летящей походкой покинула чайную. Раз она ушла, то и принцу не было нужды здесь оставаться, он поднялся со словами:

— Разрешите откланяться. Ваше Превосходительство может не спешить и как следует насладиться этой чаркой вина.

Последняя фраза должна была прозвучать несколько вызывающе, но из уст принца всё равно получилась крайне учтивой. Не решаясь задерживать взгляд на незнакомце в красном, Се Лянь ветром вылетел из чайной, некоторое время бродил по улицам, а убедившись, что за ним никто не гонится, наконец выдохнул с облегчением.

Однако, остановившись, вновь растерялся.

Его одежда, ценное имущество, меч — всё исчезло, как и его слуги и магические силы. За все свои семнадцать лет ему никогда не приходилось оказываться в столь беспомощном положении. Се Лянь покачал головой, остановил прохожего и поинтересовался, где

находится. Прохожий ответил, но принц никогда не слышал о таком месте, и потому задал ещё вопрос:

— В таком случае, скажите, далеко ли отсюда императорская столица? В какой она стороне?

Он не уточнил, что спрашивает о столице Сяньлэ, а прохожий ответил:

— Столица? Мы находимся на юге от столицы, а до неё ещё очень далеко!

Так и думал. Здесь и люди говорят иначе, и строения выглядят странно — непохоже на окрестности императорской столицы. Принц догадался, что находится от неё очень далеко. Неясно только, какую цель преследовал тот, кто перенёс его сюда.

Пройдя ещё немного, Се Лянь столкнулся с новой проблемой.

Он проголодался.

Но ведь, как было отмечено ранее, всё имущество принца исчезло. Подвеска, что являлась доказательством его статуса наследного принца, тоже испарилась, и даже пожелав отплатить духу земли несколькими золотыми листками, Се Лянь ничегошеньки не нашёл. Попусту просидев в чайной, принц только за занятое место отдал пару медяков, которые наскрёб с огромным трудом. А ведь и глотка чая не выпил, не в силах стерпеть древний осадок на дне стакана. И теперь желудок принца был по-прежнему пуст.

Вот уж поистине — жалкие гроши способны сломить дух настоящего героя.

Нахмурившись от постигшей его неприятности, принц вдруг заметил, что на дорогу впереди рядом с кусочком черепицы как будто упало что-то блестящее.

Се Лянь подошёл, присел посмотреть и был несказанно удивлён. В этом маленьком грязном переулке на земле лежало несколько золотых листков!

Кроме золотых, рядом нашлись ещё серебряные листки и немного мелких монеток. Посреди бела дня найти на дороге деньги? Да ведь это всё равно что пирожок, упавший с неба! Принц поистине не знал, назвать себя невезучим или же удачливым.

Подобрав находку, первым делом Се Лянь подумал, что кто-то по неосторожности обронил деньги. Он вышел из переулка и спросил у прохожих:

— Простите, кто обронил здесь деньги?

Большинство качали головой. Какой-то местный лодырь беззастенчиво завопил:

— Я обронил! Я обронил!

Тогда Се Лянь спросил его:

— Сколько вы обронили?

И тот замялся, не в состоянии дать ответа, потому убежал под смех толпы.

Се Лянь, боясь, что хозяин вернётся искать пропажу, остался терпеливо ждать на месте. Но по прошествии двух часов, когда никто не явился за деньгами, а принц всё сильнее чувствовал голод, он наконец вздохнул, посмотрел на богатства, лежащие в рукаве, и подумал: «Может быть, я пока позаимствую немного, а потом верну в десятикратном размере».

Иного выхода не оставалось. Поэтому, подождав ещё полчаса, Се Лянь купил у дороги одну маньтоу.

Он никогда не пробовал маньтоу. Тем более таких, сделанных из грубого теста, на вид больших и твёрдых, белых и бесвкусных. Но принцу не хотелось брать в долг слишком много, что если эти деньги срочно кому-то понадобятся? Получится не очень хорошо. Поэтому Се Лянь взял лишь самую малую монету.

Он впервые в жизни держал в руках такую большую маньтоу, так что для принца это был новый опыт. Се Лянь прошёл через переулок, оказался на более-менее безлюдной улочке и уже собирался откусить первый кусочек, как вдруг откуда ни возьмись протянулась рука, которая забрала маньтоу у принца.

Да и само движение вышло крайне удивительным — Се Лянь застыл, а его ладони уже опустели. Обернувшись, принц увидел рядом мужчину в красном из трактира!

Принц так и остолбенел, потрясённый. Он не предполагал, что этот человек последует за ним сюда, и тем более не предполагал, что посмеет отбирать у него маньтоу!

Постояв неподвижно, принц всё-таки вспомнил, что нужно вернуть отобранное и подпрыгнул:

— Отдай!

Он совершил крайне быстрый бросок, чтобы забрать маньтоу из рук мужчины, но тот оказался быстрее, к тому же ещё и выше ростом,

поэтому моментально увернулся и бросил:

— Не ешь это.

С такими словами он сам откусил булочку, оставив след своих зубов. Теперь Се Лянь не съел бы её, даже если бы захотел. Будучи драгоценным наследником престола, он ни в коем случае не мог позволить себе доедать надкушенную кем-то маньтоу.

Принц с вытаращенными глазами воскликнул:

— Ты! — Запнувшись, он рассерженно добавил: — Как ты можешь так поступать?

А ведь увидев его впервые, Се Лянь посчитал незнакомца какой-то поразительной личностью, даже захотел завязать знакомство, но никак не ожидал, что тот окажется таким бездарным нахалом!

Две фигуры, красная и белая, двигались так быстро, что рябило в глазах, и случайный зритель ни за что не поверил бы, что столь захватывающий бой завязался всего лишь из-за какой-то маньтоу. И хотя Се Лянь смутно ощущал, что может ещё ускориться, настолько, что догонит этого Сань Лана в мастерстве, всё же он будто бы не был уверен в себе до конца, и конечности словно не слушались. К тому же, за весь день на него напала и усталость, и раздражение, и подозрения; поясницу и ноги ломило, душа погрузилась в негодование, так что колени вдруг подкосились, и принц упал на землю. В тот же миг тихий стон боли просочился сквозь его сжатые зубы.

Боль.

Боль, о которой неудобно заговорить, в месте, о котором неудобно заговорить.

Это ощущение существовало и раньше, но Се Лянь, тщательно обработав свои раны, очень постарался поскорее о них забыть, поэтому боль утихла. Но от падения его лицо мгновенно переменялось. Как и лицо Сань Лана, который немедля склонился и схватил принца за руку выше запястья.

У него вырвалось:

— Гэ... — Однако он сразу же исправился: — Ты в порядке?

Се Лянь чувствовал себя невыносимо, ему хотелось прямо сейчас вырыть яму и похоронить себя в ней. Изо всех сил отдёргнув руку от незнакомца, он с пылающим лицом воскликнул:

— Прошу, оставьте эти обращения без соблюдения приличий, и не надо так меня хватать!

Сань Лан в самом деле отпустил его руку, но лишь для виду, потому что сразу же схватил за плечо и повторил:

— Ты в порядке? Где-то болит?

Он говорил с заботой в голосе, не похоже, чтобы притворялся, и Се Ляню следовало бы принять этот жест, ведь, как говорится, рука не поднимется ударить улыбающееся лицо. Но стоило принцу вспомнить, где у него болит и почему, он вновь ощутил стыд и гнев, весь день подавляемая в душе досада накатила волной, и Се Лянь одним ударом отбросил руку незнакомца, перекатился и сам поднялся на ноги.

— У меня нигде не болит, совсем не болит! — бросив эту фразу, принц бросился бежать.

К его удивлению, мужчина схватил теперь его запястье, так что вырваться не получалось. Се Лянь, не в силах этого стерпеть, рывком развернулся к нему, вытаращив полные гнева глаза, но тот, назвавшийся Сань Ланом, посмотрел на него внимательным взглядом и тихо вздохнул:

— Ох, даочжан, произошла чудовищная ошибка, это всё я виноват, не сердись на меня. Давай я ещё раз приглашу тебя выпить со мной чарку, дабы загладить вину.

Принц и сам не мог понять, почему, стоило ему увидеть это лицо, сердце начинало биться беспокойно. Это чувство было ему крайне непривычно, хотелось лишь поскорее сбежать, поэтому Се Лянь ответил:

— Не нужны мне твои приглашения, я никогда не пил вино! Сейчас же отпусти меня.

— Ладно, ладно. Пить не будем. Тогда приглашу тебя поесть. Ты, наверное, голоден?

Се Ляню едва не сделалось дурно от гнева. Каким тоном с ним разговаривает этот человек? Прямо-таки как будто утешает маленького ребёнка! Такого унижения принцу ещё не приходилось испытывать, и он ответил:

— Мне и на ужин приглашения твои не нужны. Я не голоден. Прошу, не стоит выходить за рамки приличия!

Но вот ведь как неловко, именно в тот момент, когда принц это произнёс, его желудок издал слабое урчание, явно протестуя.

Се Лянь застыл, потом разозлился ещё сильнее, да так, что покраснело лицо, а сам стал заикаться:

— Т-т-ты кто такой? Зачем привязался ко мне? Прекрати меня преследовать!

Сань Лан, неотрывно глядя на него, ответил:

— Даочжан, неужели ты не замечаешь?

Видя его серьёзное выражение лица, Се Лянь переспросил:

— Чего не замечаю?

— На тебе тёмная сущность!

Се Лянь удивлённо замер, как вдруг белая лента, привязанная к его запястью, ослабла и соскользнула с руки, вытянулась перед ним во весь его рост и бросилась к принцу!

Вот только незнакомец в красном не дал ей завершить бросок, поймал одной рукой.

— Видишь?

В его руках лента, словно змея, которую схватили за сердце, принялась неистово извиваться, отчего у принца кровь застыла в жилах.

На его теле прятался этот монстр!

Се Лянь наконец понял. Поморгав, он произнёс:

— Выходит, ты приблизился ко мне, потому что заметил на мне это существо?

Лицо Сань Лана сделалось ещё серьёзнее.

— Гм. Эта тварь показалась мне чрезвычайно странной, поэтому я решил проявить бдительность. Хорошо, что она не причинила тебе вред.

Истина раскрылась. Се Лянь припомнил, как ранее отнёсся к молодому господину не слишком вежливо — то выказывал недовольство, то отбрасывал руки. Теперь же, когда тайное стало явным, получилось, что этот человек приблизился к нему с добрым намерением, и принц почувствовал себя весьма неловко.

Отвесив искренний поклон, Се Лянь сказал:

— Премного благодарен Вашему Превосходительству. Ранее я ошибся в вас.

Но принц даже не успел склониться, как Сань Лан не дал ему завершить поклон и поднял под руки.

— Ну полно, полно. Для меня это сущий пустяк.

Подняв взгляд, Се Лянь пришёл в лёгкое недоумение. По какой-то причине ему всё время казалось, что этот мужчина в красном, хоть и

выглядит серьёзным, а всё же прячет в уголках глаз улыбку. Стоило принцу подумать, что предстал перед незнакомцем в столь растрёпанном и жалком виде, и он почувствовал себя неловко.

Впрочем, это странно. Среди сверстников Се Лянь уже считался довольно сдержанным человеком, однако стоило ему взглянуть на этого мужчину, он не мог сохранять самообладание, тот приводил его в состояние сильного беспокойства. Сань Лан, похоже, не заметил ничего подобного.

— Раз мы во всём разобрались, в таком случае... я пойду. Даочжан, до следующей встречи?

Се Лянь невольно бросил в ответ:

— Гм. До следующей встречи.

Сань Лан помахал рукой, развернулся и ушёл. Се Лянь, не контролируя себя, прошёл несколько шагов следом.

Возможно, он просто на самом деле не знал, куда ему идти, а может, просто растерялся. Сань Лан обернулся к нему, Се Лянь удивлённо вздрогнул и наконец пришёл в себя, поэтому тут же остановился, притворяясь, что смотрит в другую сторону. Вот только было уже поздно.

От Сань Лана послышался смешок, и у принца от смущения покраснели мочки ушей.

Отбросив стыд, он всё же посмотрел на Сань Лана, который, сложив руки на груди, улыбнулся.

— Вижу, нам всё же лучше не дожидаться следующей встречи. Мне кажется, сейчас как раз самое подходящее время, чтобы встретиться. Как считаешь? Даочжан, согласишься ли сейчас пойти выпить со мной чарку?

Всё то же роскошное здание трактира.

Новый знакомый Се Ляня оказался на редкость щедрым: едва поднявшись на второй этаж, он заказал целый стол лучших кушаний и вина, которому уступили бы даже блюда, что подавали в императорском дворце. К тому же, многие рецепты были принцу в новинку, он никогда таких не видел. Ужасно проголодавшийся, Се

Лянь всё ел и ел и лишь спустя какое-то время заметил, что Сань Лан всё это время сидел напротив, подперев щеку рукой, и неотрывно смотрел на него. Таким взглядом, словно сам принц был для него закуской.

Се Лянь от этого вновь почувствовал себя как на иголках. Убедившись, что не выставил себя в неприглядном свете из-за голодного вида во время еды, он положил палочки и тихо кашлянул:

— Мне так неловко...

— Хм? Чего тебе стыдиться? Не обращай на меня внимания. Прошу, прошу. Продолжай.

Затем он достал ту самую маньтоу, за которую они совсем недавно едва не подрались, и с невозмутимым видом принялся её поедать. От такого зрелища Се Лянь смутился ещё сильнее.

Он сел ровнее, бросил взгляд на ту белую ленту и решил перевести разговор в серьёзное русло.

— Почему же всё-таки эта тёмная тварь спряталась на моём теле? И ведь я совершенно не замечал её присутствия, просто как будто...

Просто как будто она уже давным-давно с принцем, и он просто привык её носить. Белая лента, виляя обоими концами, раз за разом пыталась подползти к принцу, и если бы не Сань Лан, который крепко её держал, она, должно быть, связала бы его на манер цзунцзы. Впрочем, с виду она весьма... симпатизировала Се Ляню.

Сань Лан, намертво придавив ленту палочкой для еды, не позволял тем самым ей наброситься на Се Ляня. Он с улыбкой произнёс:

— Видимо, эта тварь имеет весьма дурную привычку, придётся как следует вразумить её.

— Чем заниматься её вразумлением, не лучше ли для начала разузнать, откуда она взялась?

Они ещё немного поговорили на разные темы. Се Лянь с малых лет рос в императорском дворце Сяньлэ, а после отправился самосовершенствоваться в монастырь Хуанцзи, но никогда ему не приходилось встречать столь интересного в беседе человека с таким богатым кругозором. Покуда принц слушал Сань Лана, у него горели глаза, а с лица не сходила улыбка, так что он едва не позабыл обо всех своих тревогах. Лишь спустя довольно долгое время он наконец

вспомнил, что попал в весьма странный водоворот событий, и серьёзным тоном сказал:

— Сань Лан, могу я узнать у тебя об одном человеке?

Сань Лан бросил белую ленту на пол и каким-то образом заставил её обмякнуть, так что лента больше не подпрыгивала, и произнёс:

— О ком?

— Дело вот в чём. Я ищу человека по имени Хуа Чэн.

Услышав имя, Сань Лан приподнял брови.

— Хм. Я могу поспрашивать. Ты ищешь этого человека ради какой-то конкретной цели?

— Не стану лукавить, я не знаю.

По тону Сань Лана принц догадался — он знает, кто такой Хуа Чэн, и спросил ещё:

— Тебе может показаться, что я тебя обманываю, но это так. Я сам не знаю, зачем ищу его. Сегодня, проснувшись, я обнаружил себя в весьма странных обстоятельствах. — Он на одном дыхании пересказал всё, что с ним случилось сегодня, умолчав лишь об одной постыдной детали, а в конце добавил: — Поэтому мне думается, что этот человек очень важен. Если ты, Сань Лан, знаешь, кто он такой, не затруднит ли тебя поведать мне об этом?

Сань Лан улыбнулся:

— Ах, ничего затруднительного. Даочжан, мы с тобой словно подружились с первого взгляда, разумеется, я хочу помочь тебе. Что до Хуа Чэна...

Се Лянь приготовился внимательно слушать.

— Что с ним?

— Он безумец.

— В каком смысле?

Сань Лан налил себе вина и поднял чарку.

— Он — последователь.

— Чей последователь?

— Наследного принца Сяньлэ.

— Кхэ-кхэ-кхэ...

Се Лянь поскорее выпил глоток чая, чтобы откашляться.

— Постой, постой. Я... наследный принц моего государства Сяньлэ, Се Лянь, он ведь ещё не стал божеством? Откуда взялся последователю?

Сань Лан безразлично ответил:

— Ну, рано или поздно он вознесётся. К тому же, с божествами ведь так и есть — скажешь, что он божество, он и будет таковым. Скажешь, что нет, значит, не будет. Если он так считает, следовательно, так и есть.

Се Лянь, не зная, как на такое реагировать, воскликнул:

— Но ведь это слишком несерьёзно! — Помолчав, он добавил: — Неужели... он правда верит, что Его Высочество наследный принц непременно станет божеством?

Сань Лан медленно произнёс:

— Не «верит». — Затем с широкой улыбкой поправил: — А твёрдо уверен.

Се Лянь в ответ тоже широко улыбнулся и подумал: «Что ж, я ни в коем случае не обману его ожиданий».

Вслед за собеседником скрестив руки на груди, принц сказал:

— И что же, где я могу увидеть этого самого Хуа Чэна?

— Даочжан, ты правда желаешь этой встречи?

— Да!

Сань Лан, похоже, не поддерживал его стремления.

— Хуа Чэн вообще-то очень плохой человек.

Се Лянь чуть нахмурился.

— Очень плохой? И в чём это выражается?

Ему не слишком-то хотелось верить, что последователь, твёрдо убеждённый в его вознесении, — плохой человек.

— Ну, как сказать... — протянул Сань Лан.

И тут Се Лянь кое-что заметил.

Всё это время он вёл себя осторожно и избегал смотреть прямо на Сань Лана. Но сейчас, когда они уже провели вместе некоторое время и успели познакомиться поближе, Се Лянь немного расслабился и позволил себе рассмотреть собеседника.

Одна рука Сань Лана как раз покоилась на перилах второго этажа, пальцы уверенно постукивали по дереву. Пять длинных пальцев, а на среднем повязана тонкая-тонкая красная нить, подобная яркому узлу судьбы.

Се Лянь мгновенно вспомнил, как в чайной, под звуки песни девушки, в его памяти мелькали разрозненные картины: тесно переплетённые пальцы рук под лёгким газовым пологом.

И на руке, лежащей сверху, была повязана точно такая же красная нить.

Глаза Се Ляня внезапно округлились.

Пока он сидел с видом человека, который не может поверить в происходящее, Сань Лан спросил:

— Что-то не так?

Но разве Се Лянь мог сейчас вымолвить хоть слово? Стыд от того, что попался на обман и закружился волчком в чужой игре, переживания и горячая кровь разом захлестнули сознание. Он ударил ладонью по столу и выдавил сквозь сжатые зубы:

— Так. Это. Был. Ты!

Стол не выдержал удара — разломился на части. Повезло, что на втором этаже трактира кроме них не было никого, иначе посетители наверняка бросились бы в панике врассыпную. Оружия у Се Ляня не имелось, поэтому он снова занёс ладонь. Сань Лан же остался сидеть на своём месте, только чуть повернул голову.

Удар пришёлся в стену за его спиной, посыпались обломки камня, но сам мужчина не шелохнулся. Скрестив руки на груди и чуть подняв веки, он спросил:

— Даочжан, что всё это значит?

Лицо принца горело огнём, он даже не представлял, насколько сильно сейчас покраснел. Хрустнув суставами другой руки, он с мрачной злостью проговорил:

— Ты... даже не думай притворяться. Тебе прекрасно известно, что ты... со мной сделал.

Сань Лан приподнял веки чуть выше.

— Сожалею, но я действительно не очень понимаю, что же я сделал с даочжаном, раз ты так рассердился. Может, объяснишь?

Се Лянь просто онемел.

И он без зазрений совести просит принца сказать это вслух! Как можно такое произнести? Заговорить о подобном среди бела дня?! Се Лянь никогда не встречал настолько наглых людей, от злости он задрожал от плечей до самого сердца, лицо покраснело всё сильнее, речь сделалась сумбурной:

— Замолчи! Ты... настоящий... Я... убью тебя... бесстыжего... гнусного... подлого... ты...

Сань Лан, вздохнув, сказал:

— Даочжан, вот уж не думал, что мой искренний порыв встретит такой ответ. И всё же, где именно я оказался бесстыжим, гнусным и подлым?

С огромным трудом вернув себе самообладание, Се Лянь ответил:

— Даже не думай снова меня обмануть! Красная нить на твоей руке доказывает, что ты и есть тот... тот...

— О? — Сань Лан неторопливо поднял руку. — Ты об этом? А что не так с красной нитью?

При взгляде на красную нить Се Лянь будто почувствовал укол иглой.

— Я видел. Тогда, ты... на твоей руке была именно такая красная нить...

— Когда?

В какой-то момент Се Ляню по-настоящему захотелось убить его. Он ведь прекрасно знает, но всё равно спрашивает, неслыханная подлость!

Но Се Лянь сам не знал, почему, каким бы сильным ни был гнев, kloкочущий в душе, он не мог и пальцем тронуть подлеца. И вовсе не потому, что находился под чьим-то контролем. Его собственное тело не позволяло ему исполнить задуманное!

Тем временем несколько человек шумно взбежали по лестнице с криками:

— Дорогие гости, что вы делаете?! Как же можно затевать драку на ровном месте?!

Се Лянь обернулся, чтобы бросить:

— Здесь опасно! Вам лучше... — но от одного взгляда вновь застыл как вкопанный.

На руках этих людей тоже оказались повязаны красные нити! У принца вырвалось:

— Что происходит? Откуда эти нити у вас на пальцах?

— Нити? Красная нить — и есть красная нить, что тут необычного? Ничего не происходит, кря... Гм. Ничего не происходит, ага!

Се Лянь совсем запутался. Неужели в здешних краях красная нить на руке — это простое украшение, дань обычаю?

Принц повернулся обратно, а Сань Лан, будто прочёл его мысли, сказал:

— Даочжан верно полагает, повязывать на палец красную нить — это местный обычай. Не веришь, можешь посмотреть на посетителей внизу.

Се Лянь выглянул через перила на первый этаж и действительно увидел, что среди гостей, сменяющих друг друга непрерывным потоком, очень многие носили на пальцах красную нить, а некоторые повязывали даже сразу несколько.

— Что это за обычай?

— Ну, как сказать, — улыбнулся Сань Лань, — вообще-то это тоже связано с тем самым Хуа Чэном.

— А?

— Он и его вторая половинка носят на пальцах такие нити. Многие люди в этом подражают им, нить означает молитву о заключении брака или что человек уже влюблён.

Се Лянь слушал, не шевелясь, затем произнёс:

— Получается... этот Хуа Чэн всё-таки весьма поразительная личность? Раз люди столь рьяно стремятся ему подражать...

— Поразительная или нет... смотря с кем сравнивать. Кстати, даочжан, кажется, на пол что-то упало, позволишь мне поднять и взглянуть?

Тут до Се Ляня наконец дошло, что он всё это время сохранял атакующую позицию. Когда он понял, какой вышел конфуз, весь его гнев как рукой сняло, и принц моментально опустил руки.

— Прошу прощения, прошу прощения. Сань Лан, я правда... в самом деле виноват перед тобой. Погорячился и опять неправильно тебя понял...

Сань Лан, всё время сохранявший спокойствие, склонился и что-то подобрал с пола.

— Ничего страшного. Даочжан, это ты обронил?

Он выудил из беспорядка, царящего на полу, золотой листок, который, должно быть, выскользнул из рукава принца, когда тот нанёс удар. Се Лянь только собирался ответить, как вдруг Сань Лан поднёс листок к глазам, сощурился и сказал:

— Хм? Вещица на вид... кажется знакомой.

После он неторопливо достал кое-что из-за пояса. Ещё один золотой листок. И оба оказались совершенно одинаковыми!

У Се Ляня вырвалось:

— Так значит, это твоё?

— Гм. Я действительно выронил немного, поэтому и вернулся на поиски...

Се Лянь, боясь, что его превратно поймут, поспешил оправдаться:

— Сань Лан, послушай, я всё объясню.

— Не стоит так волноваться. Разумеется, я выслушаю твои объяснения, даочжан.

Се Лянь вздохнул с облегчением.

— Вот как было дело. Эти золотые листки я подобрал только что на улице. Вначале хотел дождаться владельца, чтобы вернуть находку ему, но прождал больше двух часов, и никто не пришёл за ними. А я в самом деле... — На этом моменте принц почувствовал укол стыда и опустил голову, тихо продолжив: — Потому и... позволил себе распорядиться находкой на своё усмотрение, решил занять немного и купить съестного, как раз ту самую маньтоу... Я намеревался впоследствии вернуть долг в двойном размере, но, что ни говори, выходит, я... взял их без спроса. Прошу меня простить.

Сань Лан, расплываясь в улыбке, произнёс:

— Даочжан, к чему извинения? Это ведь совершенно нормальный поступок! Не говоря уже о том, что я изначально и намеревался пригласить тебя отобедать вместе, и та маньтоу в итоге всё же досталась мне. Не обращай внимания на такие пустяки. Тебе это не кажется чудесным совпадением? Удивительно, что потерянные мною деньги нашёл именно ты, даочжан. Поистине, что называется «если встреча суждена, мы найдём друг друга и за тысячу ли»^[322].

Се Лянь, получив прощение, почувствовал, что сердце перестало сжиматься.

— Но должен заметить, Сань Лан, что впредь тебе следует проявлять осторожность. Золото так явно упало на землю, а ты даже не заметил. В следующий раз не стоит быть столь невнимательным!

Тем временем дрожащие от страха слуги трактира вмешались:

— Уважаемые гости, вы успокоились или нет, кря? Если успокоились, давайте подсчитаем плату за сломанный вами стол, кря!

Се Лянь виновато замолчал. В прошлом он без лишних разговоров мог бы возместить сколько потребуют, но сейчас он даже маньтоу не мог себе купить.

Сань Лан же ответил:

— Конечно. Запишите всё на мой счёт.

Очевидно, что это принц первым атаковал Сань Лана, но теперь тот вызвался помочь ему возместить ущерб за поломанные вещи. Се Лянь был так растроган его добротой и заботой, что не мог произнести ни слова. Только сглотнул и пробормотал:

— Ты...

Слуги тоже повели себя несколько странно: им едва не разгромили весь трактир, а они с радостными улыбками принесли ещё более роскошный стол, за который двое уселись вновь. Се Лянь, не в силах избежать угрызений совести и в то же время благодарности, чувствовал только, что не может выразить этого никакими словами.

Тогда Сань Лан снова заботливо произнёс:

— Даочжан, только что в твоих речах я услышал некий скрытый смысл. Что случилось? Даочжан, кто-то с тобой что-то сделал?

Но как Се Лянь мог заговорить о подобном? Едва пришедшее в норму лицо вновь залилось краской, принц проямлил:

— Ничего, совсем ничего.

Сань Лан однако не отступал:

— Если не возражаешь, могу я узнать в общих чертах? Возможно, Сань Лан найдёт способ хоть немного помочь тебе.

Он говорил это с добрыми намерениями, но Се Лянь, которого он совсем загнал в угол, вновь беспокойно поёрзал, затем беспомощно сказал:

— Правда, ничего не случилось. Сань Лан, не мог бы ты перестать спрашивать...

«У меня язык не повернётся такое рассказать».

Видя реакцию принца, Сань Лан решил не настаивать:

— Ладно. На чём мы только что остановились? Ты хотел увидеться с Хуа Чэном, верно?

Се Лянь, приведя мысли в порядок, серьёзно ответил:

— Да. Сань Лан, тебе известно, как это сделать?

— Разумеется, известно. Вот только ближайшие несколько дней с Хуа Чэном встретиться не получится.

— Почему?

Сань Лан палочками сложил из овощей на тарелке улыбающееся лицо.

— Говорят, в последнее время его второй половине нездоровится, поэтому он должен находиться рядом с ней. У него больше ни на что нет времени.

Се Лянь подумал, что этот Хуа Чэн и впрямь оказался самоотверженным романтиком, для которого любимый человек значит очень многое, и ещё больше восхитился им.

— Вот как, значит. Но... сколько придётся ждать, чтобы всё-таки встретиться с ним?

— Самое большее — пять дней, но по меньшей мере три. Я бы посоветовал даочжану не переживать и до той поры отдохнуть в спокойствии.

Только Се Лянь подумал, что ему негде отдыхать, Сань Лан тут же сказал:

— Если даочжану некуда пойти, может, временно остановишься у меня? Всё равно в моём большом доме почти нет обитателей.

Се Лянь не выдержал и тихо выдохнул:

— Сань Лан, ты правда... такой хороший!

Принц впервые похвалил кого-то вот так откровенно, и ему стало несколько неловко. Но кроме этих слов он в самом деле не мог отыскать других, которые выражали бы его мысли более ясно. Сань Лан, словно весьма удовлетворённый похвалой, заулыбался:

— Чья же вина, что мы с тобой, даочжан, с первого взгляда подружились? Ох, верно, я забыл задать ещё один вопрос. Даочжан, сколько драгоценных лет тебе исполнилось в этом году?

— Семнадцать.

— Ах, семнадцать. Значит, ты младше меня.

И действительно, Сань Лан выглядел примерно на двадцать лет.

— Что ж, если так посудить, — как бы невзначай бросил он, — даочжан должен называть меня «гэгэ».

Се Лянь, будучи сыном императорского рода, беспримерно почитаемым Его Высочеством наследным принцем, не обязан был называть кого бы то ни было «братьями», мало кто мог вынести груз такой великой чести. Но этот Сань Лан на самом деле произвёл на Се Ляня очень хорошее впечатление. Да и сам принц, который никогда не обращался к посторонним людям подобным образом, испытал сильнейшее любопытство, поэтому с улыбкой произнёс:

— Значит, мне следует называть тебя Сань Лан гэгэ.

Неизвестно, показалось ли принцу, но когда он сказал «гэгэ», улыбка Сань Лана вдруг сделалась немного странной.

Её поистине было трудно описать словами.

Глаз Сань Лана будто бы загорелся огнём, таким горячим, что Се Лянь даже почувствовал жар на собственной коже. Поморгав, принц спросил:

— В чём дело?

Тот ужасающий жар немедля испарился, Сань Лан вернулся к прежнему виду и с улыбкой ответил:

— Ни в чём, просто я очень рад, вот и всё. У меня дома нет никого младше по возрасту, и я никогда не слышал, чтобы кто-то так меня называл.

— Если Сань Лан не гнушается, в таком случае... я могу тебя так называть?

Сань Лан заулыбался так, что взгляд сверкнул, но на словах всё же принялся вежливо отказываться:

— Ох, разумеется, я ни в коем случае не гнушаюсь. Тут нужно спрашивать самого даочжана, не против ли ты.

— Не против, конечно, не против. Сань Лан гэгэ, мы прямо сейчас можем пойти к тебе домой или...?

Сань Лан положил палочки на стол.

— Что ж, идём прямо сейчас, ступай за мной.

Жилище Сань Лана оказалось невероятно просторным и великолепным помещением. Се Лянь, оказавшись внутри, подумал, что оно не уступает некоторым покоям императорского дворца Сяньлэ, и ещё сильнее убедился, что этот Сань Лан далеко не обычный человек.

Вечером, в одиночестве лёжа в кровати, Се Лянь то и дело ворочался с боку на бок.

Ему всё время казалось, что рядом чего-то не хватает, как ни повернись — спокойно уснуть не получается. Кроме того, из-за едва ощутимого телесного недомогания, если лечь на спину, от давления ныла поясница; если же перевернуться на живот, то казалось, словно что-то давит сверху.

Промаявшись между сном и явью, Се Лянь посмотрел множество хаотичных отрывков сна. Он хотел пошевелиться, но кто-то крепко его держал. Голос возле уха говорил с ним шёпотом: иногда он принадлежал мужчине, иногда юноше; иногда называл его «гэгэ, гэгэ»,

иногда «Ваше Высочество»; говорил ему «не бойся, Ваше Высочество».

Нежный до крайности, порочный до крайности, но при этом полный бесконечной любви и заботы.

Принц рывком пробудился, вся его одежда промокла насквозь от пота. Пытаясь отдышаться, Се Лянь сжал кулаки и в беспомощной ярости ударил по кровати. Запустив пальцы во влажные волосы, он подумал: «Когда же всё это... наконец забудется?! Дайте только поймать этого бесстыжего ублюдка, я непременно...»

Тут принц заметил, что в какой-то момент у изголовья его постели появилась одежда. Тоже белые одеяния, но уже более соответствующие его вкусу. словно испытал огромное облегчение после тяжкого испытания, Се Лянь поспешил во внутреннюю часть комнаты, чтобы наскоро принять омовение.

Он избавился от одежд и опустил в воду, но вдруг заметил на своей шее тонкую серебряную цепочку.

На цепочке висело искрящееся на свету кольцо. неизвестно, сколько оно было спрятано за пазухой принца, он совершенно не чувствовал его на своём теле, поэтому удивился:

— Разве я носил такую подвеску?

Кольцо было настолько ослепительно красивым, что Се Лянь погрузился в увлечённое созерцание. Но при этом не ослабил бдительности, и когда внезапно рядом сверкнул серебристый блик, вскрикнул:

— Кто здесь?

Принц нанёс удар ладонью по воде, брызги взлетели гребнем и словно стальные бусины ринулись в бой, со стуком разбиваясь о стены. Но атаковал принц, как оказалось, не человека, а... саблю?!

В полном недоумении схватив твёрдую саблю, Се Лянь вдруг увидел, как серебряные линии на рукояти оружия разошлись, словно открылся глаз, и за «веками» показалось вращающееся глазное яблоко. Се Ляня это потрясло ещё сильнее.

Что это за необыкновенная вещица?!

Клинок сабли отличался изящной формой. словно живое, оружие с пылким радушием кинулось к нему в объятия. Се Лянь не был к такому готов, поэтому сабля достигла цели, и принц от прикосновения ледяного металла вскрикнул и содрогнулся с ног до головы.

Должно быть, из-за отсутствия Ци убийства, принц интуитивно чувствовал, что сабля для него не опасна. И потому лишь с трудом оттолкнул оружие от себя, но совершать какие-то более грубые действия, к примеру, одним ударом забросить за девятое небо, не собирался. Тем временем мелькнул красный силуэт, который резким движением забрал саблю у принца и с угрозой произнёс:

— Вот ты где, значит...

Приглядевшись, Се Лянь увидел у края бассейна Сань Лана, который сжимал в руке саблю. И хотя он улыбался, на его лбу всё же смутно виднелись вздувшиеся вены. Бесцеремонно шлёпнув саблю ладонью, он произнёс:

— Я же сказал, что сейчас тебе сюда нельзя!

— Сань Лан, — позвал принц, — эта сабля — твоё... магическое оружие?

Когда Сань Лан повернулся, на его лбу уже не было вздувшихся вен, юноша вновь сделался невозмутимым.

— Никчёмная железка, не более. Гэгэ... то есть, я, твой гэгэ, выставил себя посмешищем перед тобой.

Но Се Лянь проникся к нему искренним почтением, у принца даже глаза заблестели. Схватившись за полу красных одеяний, он сказал:

— Нет, нет, нет. Сань Лан гэгэ просто поразителен! У тебя даже получилось создать оружие, у которого есть собственное сознание!

Сабля, которой только что досталось от Сань Лана, обиженно нахмурилась, а когда Се Лянь похвалил её, вновь принялась самодовольно вращать глазом, пытаясь незаметно подобраться к принцу. Сань Лан весьма хладнокровно отвесил ещё удар.

На сей раз сабля окончательно обиделась — с громким «бум» упала на пол и принялась кататься туда-сюда, словно маленький плачущий ребёнок, которого ударил взрослый. Се Лянь почти слышал собственными ушами её рыдания. От такого зрелища принцу стало жалко бедняжку, и он торопливо поднялся:

— Пойди, Сань Лан! Будет тебе, не бей его. Думаю, он просто в порыве озорства пришёл поприветствовать меня. Не стоит так его ругать!

Только показавшись из воды, принц вспомнил, что под водой был совершенно голым, отчего-то покраснел и, смутившись, погрузился

обратно. Сань Лан тем временем уже совершенно естественно развернулся и вышел.

Второпях выбравшись из бассейна, Се Лянь переоделся в новую одежду, сделанную из материала, весьма приятного к телу. Неприятное ощущение от того, что к коже прикасается грубая ткань, наконец исчезло, и Се Лянь в душе ощутил ещё большую благодарность. Он вышел из комнаты и очутился в изысканном зале для приёма гостей, где его уже ждал Сань Лан, сидящий на высоком месте.

Неизвестно, какие воспитательные меры он применил к своей сабле, но та теперь послушно покоилась на поясе, не шевелилась и вообще выглядела крайне сурово и невозмутимо. Было совершенно невозможно представить, как она только что каталась по полу и капризничала.

Увидев принца, Сань Лан улыбнулся.

— Ты уже встал? Как спалось?

Се Лянь не стал лукавить:

— Первую половину ночи мне почему-то всё время виделись сны... Но потом я уснул спокойно.

— Наверное, ты слишком устал.

Они обменялись парой отвлечённых фраз, потом ещё немного пообщались, и так прошёл весь день. Наверное, им предстояло подобным образом сосуществовать друг с другом до того момента, когда у этого Хуа Чэна появится свободное время.

Но когда Се Лянь в ночи опять лежал в своей кровати, он снова увидел сон, от которого становилось беспокойно и даже жарко.

В этом сне принца снова и снова доводили до невыносимого иступления, и когда он резко проснулся, опять с ног до головы облился потом. В беспомощной ярости Се Лянь поднялся и вышел из комнаты, чтобы прогуляться и охладиться, как вдруг услышал доносящиеся из дальней комнаты голоса.

Это была комната Сань Лана. Звуки во всём поместье отлично изолировались, и голоса были едва слышны, но Се Лянь всё же уловил их благодаря своему острому слуху. Он задержал дыхание, сосредоточился и бесшумно подобрался к комнате.

Сквозь дверную щель принц заглянул внутрь и увидел сидящего там Сань Лана, который держал в руках кисть цзыхао ^[323] и как будто

что-то писал. Сейчас его суровое лицо разительно отличалось от того, с каким он обращался к Се Ляню.

Рядом с ним стоял человек в чёрном одеянии и маске демона, он чуть склонился и что-то тихо докладывал. Но по какой-то причине ощущение присутствия этого человека в маске почти стиралось, по невнимательности можно было даже не заметить, что он там есть.

Се Лянь приготовился внимательно слушать, но человек уже закончил доклад, и принц уловил лишь несколько смутных коротких фраз вроде: «эта тварь давно бесчинствует», «должно быть, он отозвался на молитву и отправился разобраться с ней, тут и случилось непредвиденное», «это только что определённое местонахождение».

Слуга как раз неторопливо перебирал бумаги, когда Сань Лан сказал:

— Сейчас я должен быть рядом с ним, не могу отлучиться. Схвати и приведи эту тварь ко мне не позднее завтрашнего вечера.

Человек в маске тихо отозвался:

— Слушаюсь. Вы желаете оставить твари сил на один вздох?

Сань Лан положил кисть на подставку, оглядел написанное своей рукой, но, похоже, остался не слишком доволен — смял бумагу в комок и выбросил, после чего наконец ответил, растягивая слова:

— Оставь на несколько вздохов. Я заставлю её выплюнуть съеденное, а затем уж не торопясь размельчу её собачью голову в крошку.

Выражение лица и тон, с которым он это произнёс, любого заставили бы содрогнуться от страха. Но Се Лянь совершенно не ощутил неприязни или настороженности. Человек в маске согласно кивнул и развернулся, чтобы уйти, так что принцу пришлось спрятаться.

Вернувшись в свою комнату, Се Лянь теперь тем более не мог уснуть. Он несколько раз прошёлся из угла в угол с мыслями: «Что же за человек этот Сань Лан? О какой твари он говорил?»

Из разговора принцу показалось, словно некая давно бесчинствующая в мире людей тварь проглотила что-то очень важное, чем прогневала Сань Лана. Но поскольку он вынужден присматривать за Се Лянем, не может отлучиться, чтобы размозжить этой твари голову.

Подумав об этом, Се Лянь почувствовал себя крайне неловко. Этот Сань Лан отнёсся к нему с такой невероятной искренностью!

И вдруг сознание принца озарилось мыслью: с какой стати он должен сидеть здесь без дела? Всё равно пока встреча с Хуа Чэном откладывается, а ведь ему давно хотелось хоть чем-то отплатить Сань Лану, этому замечательному гэгэ. Что если помочь ему пленить ту тварь?

Сказано — сделано. Приняв решение, Се Лянь оставил в комнате письмо, где говорилось, чтобы Сань Лан гэгэ не беспокоился, Лянь ненадолго отойдёт и сразу вернётся, и тому подобное. Затем принц легко подпрыгнул, взлетел в воздух и бесшумно покинул роскошное поместье.

Место, названное человеком в маске демона, найти оказалось совсем не сложно. Это была горная обитель в нескольких ли к югу от поместья. Будучи уверенным в том, что обычный человек не сравнится с ним по скорости, Се Лянь намеревался прибыть на место быстрее подручного Сань Лана.

Так и вышло — спустя два часа он уже ворвался в горы, избивая горных демонов-шаньсяо и полуночных вестников беды, что попадались на пути, так что округа огласилась демоническими завываниями. Наконец принц добрался до нужной пещеры.

Тварь скромностью не отличалась: ворота в её логово охраняли три-четыре сотни прихвостней, которые, впрочем, для Се Ляня оказались сродни трём-четырёх охранникам. И всё же вначале он заподозрил, что враг будет слишком силён, поэтому не решился действовать опрометчиво — терпеливо ждал некоторое время возле горной обители, подслушивая разговоры мелкой нечисти. И убедился, что самой твари в последнее время тоже приходится несладко.

— Да уж, да уж, хозяин с огромным трудом спасся от какого-то вонючего монаха. Перепугался до полусмерти, вернулся раненный, бросил обжитые владения и примчался сюда, наделав в штаны со страху.

— Вот оно как! А я-то думал, почему он вдруг велел всем явиться сюда. Значит, боится расплаты от того монаха!

— Бояться-то и нечего! Хозяин успел укусить его пару раз, и теперь, если даже тот очнётся, наверняка и север отыскать не сможет.

— Да как же не бояться? Всё-таки хозяин — прославленный оборотень, проживший несколько сотен лет. А монах, говорят, выпрыгнул неизвестно откуда и всего двумя ударами так отделал хозяина, что у того нос съехал набок да глаза скосились. Но сам монах, кажись, был ранен, и лишь поэтому хозяин изловчился и укусил его. Иначе, боюсь, мы бы больше его не увидели.

— Мамочки! И откуда взялся этот грубиян?! Такой сильный!

Здесь Се Лянь решил, что услышал достаточно, и неторопливо вышел из укрытия, затем вежливо поприветствовал:

— Здравствуйте.

Мелкие демоны в потрясении подскочили:

— Кто таков?!

— Откуда взялось это белое личико?

Се Лянь мягко улыбнулся, но времени на объяснения у него не было, пришлось сразу прорываться в пещеру с боем. Одним движением он поймал сразу несколько демонов, ещё взмах — и они уже летят за несколько десятков чжанов. Даже без применения магической силы он так напугал мелких тварей, что те заголосили:

— Что это ещё за белое личико?! Выглядит вежливым, а кулаками машет совсем невежливо!!!

Словно вырывая сорняки с корнем, Се Лянь беспрепятственно проник в пещеру и уже приготовился к сражению с прославленным оборотнем, но, к своему удивлению, обнаружил его в человеческом облике катающимся по земле. Тот держался за живот и громко причитал от боли.

Сперва принц решил, что тот притворяется, но поведение твари не походило на спектакль. У оборотня сильно надулся живот, словно он проглотил что-то очень страшное. Се Лянь присел на корточки и спросил:

— Что с тобой?

Должно быть, от боли у твари помутился рассудок, ведь едва увидев принца, он громко заверещал:

— Ты как раз вовремя! Тебя! Я есть не буду! Я не осмелюсь! Больше никогда не осмелюсь! Я сейчас же верну тебе всё, что сожрал! Оно не переваривается, не переваривается, ай!

— Ты, наверное, обознался? Ты ничего у меня не съедал, что ты собираешься мне вернуть?

Но оборотень всё катался по земле, не собираясь отвечать на вопрос. Се Лянь не понимал, что происходит. Тогда он не глядя нарисовал талисман, решив для начала забрать тварь с собой. Но вот какое удивительное дело... стоило талисману коснуться оборотня, как тот обернулся кругленьким неваляшкой с животом в два раза шире, чем у обычных неваляшек, что выглядело весьма комично.

Се Лянь и посмеялся, и подивился, посмотрев на свой талисман. Почему оборотень превратился в игрушку? Неужели принц ошибся в рисунке?

Впрочем, не такая уж это большая проблема. «Сражение» оказалось проще простого, и когда Се Лянь вышел из гор, небо уже просветлело. Он спрятал неваляшку в рукав и направился обратно в город.

Се Лянь пребывал в прекрасном настроении, ведь ему всё же удалось что-то сделать для Сань Лана. Он уже начал размышлять, как немного погодя покажет Сань Лану пойманную тварь. В мыслях принц наставлял сам себя, что если Сань Лан удивится, следует вести себя сдержанно, не показывать радости. Проведя ночь на бегу, он ощутил усталость в ногах, и потому отыскал первую попавшуюся придорожную лавку и попросил бесплатного чая.

Принц пил чай, пил, пил, и вдруг услышал, как за спиной его позвали:

— Се Лянь!

Он тут же поставил пиалу.

Кто же настолько преисполнился храбрости, что решился прямо посреди улицы называть его по имени? Следует заметить, что даже члены императорского рода редко позволяли себе подобную неучтивость. Любому сперва надлежало назвать его «Ваше Высочество», непременно с почтением и священным трепетом.

Обернувшись, принц обнаружил, что это обыкновенный горожанин, который широким шагом подошёл, неся большой деревянный ящик, и прокричал:

— Пстой! Пстой же! Ты Се Ляня забыл! Его тоже возьми!

Так значит, называли не принца, а человека с такой же фамилией и именем. Но это ещё сильнее удивило Се Ляня. Он вовсе не придавал значения всяческим правилам вроде «избегания имени» [324], и всё же ему показалось странным, что кто-то осмелился взять в точности такое же имя, как у него.

Впрочем, вскоре принц узнал, что «Се Лянь», о котором говорит горожанин, — это вовсе не человек.

Недалеко от Се Ляня сидел здоровяк, к которому и подошёл горожанин с ящиком. Он сел рядом, похлопал по ящику и сказал:

— Я принёс Се Ляня. Не забудь сегодня поставить его рядом с тем, кому поклоняются в твоём доме! И не вздумай не поверить в дурную примету, ведь если этим двоим не поклоняться вместе, уж точно навлечёшь на себя большую неудачу!

— А то как же! Я, конечно, разумею...

Се Лянь просто не смог стерпеть и заговорил:

— Простите...

Двое мужчин разом повернулись к нему.

— Извините что позволил себе вмешаться в ваш разговор. Поведайте мне, что у вас в ящике?

— Я разве не сказал? Внутри Се Лянь!

Принц не понял:

— Но... разве Се Лянь — это не Его Высочество наследный принц?

Мужчинам, похоже, вопрос показался смешным.

— Никто и не говорит, что он не наследный принц! Он и есть. Гляди! — с такими словами они открыли ящик.

Се Лянь округлил глаза. В деревянном ящике оказалась маленькая ниша для божественной статуи, а в ней — изваяние божества, покрытое пылью, которое изображало монаха в белых одеждах и доули за спиной.

Се Лянь такого не знал.

Он совершенно не понимал, что происходит.

— Хотите сказать, что эта божественная статуэтка — и есть наследный принц Сяньлэ, Се Лянь?

— Кто же ещё?

Остальные посетители тоже постепенно окружили их. Половина смотрела на чудака в лице Се Ляня:

— Вы, молодой человек, такой странный, а ещё с виду монах! Почему же не знаете даже таких простых вещей?

Половина уставилась на «божественную статую»:

— Ого! А мусорное божество вырезано неплохо! Достаточно несчастное.

— Ага, так и веет невезением, с первого взгляда ясно, что это облик неудачника!

— Прекрасно, прекрасно! Чем хуже он выглядит сейчас, тем лучше будет смотреться, когда тот, второй, поможет ему снять ореол невезения. Поят вместе дней восемь, не больше, и эффект не заставит себя ждать.

Се Лянь растерянно переспросил:

— Мусорное божество? Почему теперь он стал мусорным божеством???

— Этот даочжан и впрямь какой-то странный! Се Лянь ведь всегда занимался сбором всяческой рухляди!

Принц был не из тех, кого легко вывести из себя, но сейчас он начал понемногу раздражаться. Любой, услышав, что кто-то назвал его сборщиком мусора, был бы не слишком рад. Принц немедля вскочил и мрачно произнёс:

— Господа, императорский род Сяньлэ чем-то вас обидел? А даже если так, подобные оскорбления наследного принца всё же не очень соответствуют церемониалу, не находите?

Люди переглянулись и рассмеялись над ним:

— Что ты болтаешь? Какому ещё церемониалу? Государство Сяньлэ пало уж больше восьми сотен лет назад!

Спустя два часа Се Лянь брёл по улице, всё ещё находясь словно в тумане.

Кошмар. Всё, что он только что узнал, — сущий кошмар для него.

«Как государство Сяньлэ могло пасть? Но ведь мои отец и матушка до сих пор прекрасно жили на свете! Кроме того, как я мог

способствовать этому? Я проиграл войну? Я уничтожил своё государство? Да ещё был дважды низвергнут с Небес? Я стал сборщиком рухляди?»

Он раз за разом спрашивал себя, затем раз за разом отвечал: невозможно. Невозможно. Невозможно!

Он пытался себя убедить: «Это всё нереально, наверняка какой-то закулисный злодей строит против меня козни».

Но обстановка вокруг косвенно указывала на обратное. Станный говор людей, странные одеяния и причёски, странная архитектура, ещё странные Фэн Синь и Му Цин — всё говорило принцу, что это не кошмарный сон и не какая-то иллюзия. Ни одна тёмная тварь не способна создать столь масштабную и реалистичную иллюзию.

В самом деле уже прошло восемьсот лет.

Но как могло пройти восемьсот лет?

И как он через восемьсот лет мог сделаться таким?

Государство Сяньлэ пало; его царственные родители мертвы; Фэн Синь и Му Цин вознеслись. А он стал сборщиком рухляди.

Как такое могло случиться?

Этого не может быть. Не должно быть!

Се Лянь шёл всё быстрее, пока наконец не побежал, словно за его спиной напознала бескрайняя тьма, готовая вот-вот его поглотить. Неожиданно мелькнула красная тень, и высокая фигура преградила ему путь.

— Даочжан, куда ты запропастился? Заставил же ты меня поискать тебя.

Это был Сань Лан. Он по-прежнему улыбался и уже хотел подойти, чтобы взять Се Ляня за руку, но тот, едва взглянув на него, содрогнулся в ужасе, выкрикнул:

— Не подходи!!! — и сразу осёкся.

Сань Лан застыл на месте и с неизменным выражением лица спросил:

— В чём дело?

Крепко сжав кулаки, Се Лянь сурово задал вопрос:

— Кто ты, в конце концов, такой? Что тебе надо?

— Я думал, вчера мы отлично пообщались и больше не вернёмся к этим пустяковым вопросам.

— Ты обманул меня.

Помолчав, Сань Лан произнёс:

— Ты всё знаешь?

— Я всё знаю. Уже...

Прошло восемьсот лет.

Раньше Се Лянь заподозрил бы неладное гораздо быстрее, но этот человек всё время намеренно обманывал его и так запутал, что принц совершенно потерялся. А иначе как могло случиться, что правда раскрылась только спустя целый день?

Сань Лан шагнул к нему.

— Ваше Высочество.

Но Се Лянь отступил на несколько шагов и выкрикнул:

— Не подходи!!! Приблизись, и я тебя побью!

И в его голосе, и в теле ощущалась дрожь. Се Лянь был охвачен истинным страхом.

Он боялся не какой-то тёмной твари и не этого то ли святого, то ли подлого мужчины перед собой. А целого незнакомого мира. В этом мире у него не было ни гордого великолепия, ни верных подчинённых, ни родителей, которые так любили его, ни собственного государства, ни последователей, преклоняющихся перед ним. Этого нет, того нет, ничегошеньки у него нет!

Но Сань Лан всё-таки сделал к нему ещё шаг.

— Не бойся, Ваше Высочество.

От этой фразы Се Лянь переменялся в лице. Он вдруг вспомнил мужчину из обрывков воспоминаний, который шептал ему на ухо «не бойся, Ваше Высочество».

И как он не заметил? Ведь и голос, и интонация были совершенно одинаковые!

Се Лянь затрясся от гнева.

— Это был ты... Это и правда был ты...

Только подумав, что этот человек его одурачил, а он сам проникся к нему благодарностью и симпатией, то и дело называя его «гэгэ»... Се Лянь не смог вынести гнева, накатившего волной. С криком:

— Ты обманщик! — принц нанёс удар.

И удар пришёлся прямо в грудь Сань Лана. Се Лянь хотел нанести ещё один, но вдруг заметил, что совершенно не может пошевелиться.

Его собственное тело не желало повиноваться!

Се Лянь не понимал, в чём дело, а Сань Лан схватил его за руку. Вздвогнув от испуга, принц по фразе выдавил:

— Не тронь меня! Ты, обманщик, солгал мне. Я больше тебе не поверю. Ты...

Но Сань Лан настойчиво произнёс:

— Ваше Высочество, верь мне.

— Я не верю!!! — в ярости выкрикнул Се Лянь. — Я!..

Но... так же, как прерванная атака, последнее «не верю» никак не хотело вылетать из его рта.

Забота и боль в глазах мужчины перед принцем были самыми настоящими. Кто угодно при виде такого взгляда не усомнился бы в его искренности.

Словно желая оградить Се Ляня от незнакомого пугающего мира, Сань Лан наконец заключил его в объятия, прижал к груди и, осторожно целуя его волосы, нежно проговорил:

— Не бойся, Ваше Высочество. Всё уже в прошлом. Ваше Высочество. Ты всё преодолел.

Прошло много времени, прежде чем тело Се Ляня расслабилось. Теперь он мог как следует всё обдумать, отбросив смущение. Ведь в осколках воспоминаний голос, которым его звал этот человек, всегда был в высшей степени мягким и нежным, без тени принуждения.

Что до него самого... Он действительно молил о пощаде и всхлипывал, но теперь отчётливо расслышал, что всё это совершенно не походило на отказ. Просто раньше принц никак не хотел посмотреть правде в глаза, потому и не замечал этого. Се Лянь наконец понял, почему ему с первого взгляда неудержимо хотелось довериться этому человеку. Должно быть, восемьсот лет спустя их отношения с Сань Ланом... были не так просты.

Окончательно прекратив сопротивление, принц позволил своему телу следовать за сердцем, зарылся лицом в грудь Сань Лана и едва слышно произнёс:

— Мы...

— Гм, — ответил Сань Лан.

Спустя долгое молчание Се Лянь пробормотал:

— Почему... я вдруг забыл всё, что случилось за восемьсот лет?

— Это моя вина. Позавчера ты среди ночи неожиданно получил молитву и в спешке убежал её исполнять. Я не восстановил тебе

магические силы и не успел предупредить, что если та тварь тебя укусит, то поглотит твои воспоминания.

— Выходит, это не твоя вина, а моя неосторожность.

— Ваше Высочество никогда ни в чём не будет виноват.

Се Лянь выдавил улыбку и вновь расстроено сказал:

— Но, Сань Лан, как я мог... уничтожить государство Сяньлэ?

Ведь он же так любил свой народ, так дорожил им, все его великие устремления были направлены на то, чтобы государство Сяньлэ процветало тысячу лет.

Сань Лан обнял его крепче и уверенно ответил:

— Это не твоя вина.

Се Лянь опять пробормотал:

— Как я мог быть таким неудачником? Как я мог стать таким?

Кто же в самом начале своего пути не желает совершить грандиозный подвиг, от которого содрогнутся Небо и Земля, слава о котором останется в веках? Но даже из миллиона вряд ли найдётся хоть один, способный по-настоящему достичь желаемого. Вот только Се Лянь никогда не сомневался, что как раз он и являлся тем самым, одним из миллиона.

Наверное, это и есть причина, по которой Сань Лан не давал ему понять, что уже прошло восемьсот лет.

— Ты не неудачник.

— Но у меня больше нет последователей, — покачал головой принц.

— Есть.

От одного воспоминания Се Ляню становилось больно на душе.

— Я — мусорное божество, я просто собираю всякую рухлядь, никто не считает себя моим последователем, никто не смотрит на меня как на божество! Кто станет почитать бога, собирающего мусор?

Это совсем не то, о чём он мечтал!

— Я ведь уже сказал тебе, — возразил Сань Лан, — у тебя есть один последователь.

Се Лянь поднял на него глаза, Сань Лан улыбнулся:

— Ваше Высочество, я говорил, что ты очень скоро сможешь встретиться с Хуа Чэном. Сейчас ты видишь его перед собой.

Се Лянь вскинул голову, взгляделся в его лицо и растерянно спросил:

— Сань Лан, когда... ты познакомился со мной?

— Очень-очень давно. Ещё до твоего вознесения.

Се Лянь медленно моргнул.

Хуа Чэн добавил:

— Ваше Высочество, возможно, теперешнему тебе кажется, что спустя восемьсот лет ты стал неудачником. Возможно, ты разочарован, не можешь этого принять. Но прошу, поверь мне, что это не так. — Его яркий левый глаз неотрывно смотрел на Се Ляня, и взгляд был таким же нежным, как и голос. — Ты спас меня. И я всегда присматривал за тобой. На этом свете бесчисленное множество людей были «успешнее» тебя. Но ни один из них не смог спасти меня так, как ты. И никто не смог сделать то, что сделал ты... Ты не знаешь, сколько смелости ты мне дал, чтобы стать тем, кем я являюсь сегодня. В моём сердце ты навсегда останешься единственным божеством.

Се Лянь:

— А ты навсегда останешься моим самым преданным последователем.

Спустя мгновение Се Лянь обнаружил, что последняя фраза сорвалась неподконтрольно, словно он где-то слышал это нерушимое обещание. Хуа Чэн усмехнулся, взял принца за руку и поцеловал тыльную сторону его ладони.

— Да.

Спустя ещё какое-то время Се Лянь, будто приняв решение, вынул из рукава неваляшку в виде оборотня.

— Это и есть та тварь, что поглотила мои воспоминания?

Хуа Чэн взял у него неваляшку.

— Я так и думал, что Ваше Высочество разорит его новое гнездо.

Се Лянь кивнул.

— Чтобы вернуть воспоминания, нужно забрать их у него, верно?

Неваляшка в ладони Хуа Чэна широко разинула рот, и из её пасти вылетело несколько светящихся искр, напоминающих светлячков, которые затанцевали вокруг Се Ляня.

— Поймаешь их, и все воспоминания за восемьсот лет вернутся,
— сказал Хуа Чэн.

Се Лянь, послушав, протянул руку к искрам. Но когда уже почти коснулся их, вдруг замер.

Восстановить утерянную память — всё равно что снова пронестись сквозь эти восемьсот лет, снова пережить всё случившееся, ту жуткую боль, когда тебя сотни раз пронзают мечом, позор от полного поражения, беспомощный гнев.

Принц знал, что это всё случится в одно мгновение, и всё же кончики его пальцев едва заметно дрожали.

Хуа Чэн стоял за его спиной, и принц словно опирался на крепкую стену. Позади он услышал голос:

— Не надо бояться, Ваше Высочество.

Се Лянь чуть повернул голову, и Хуа Чэн обнял его за талию.

— Верь мне. Не важно, сколько времени понадобится, я буду ждать тебя. И ты ещё встретишься со мной.

Верно. Они всё равно встретятся.

Поэтому Се Лянь протянул руку к светящимся искрам.

Когда эти огоньки слились с кончиками его пальцев, перед глазами принца сверкнул яркий свет, словно к нему приближалось нечто очень жаркое. Но прежде чем это сияние достигло его, Се Лянь сказал:

— Я очень рад, что встретил тебя.

Затем светящиеся искры вошли в его тело и исчезли. Се Лянь медленно упал вперёд, Хуа Чэн поймал его.

Лишь спустя некоторое время принц постепенно пришёл в себя. Едва открыв глаза, он услышал тихий голос Хуа Чэна:

— Гэгэ?

На губах Се Ляня медленно расцвела лёгкая улыбка, он протянул руку и коснулся ладонью лица Хуа Чэна.

— Мы снова встретились.

Хуа Чэн тоже улыбнулся:

— Я говорил, верь мне.

Се Лянь вздохнул:

— Можно считать, что нам снова пришлось ждать друг друга восемьсот лет?

— Я же сказал, не важно, сколько понадобится времени, я буду ждать тебя. Только...

Он помог принцу подняться. Двое встали лицом к лицу, Хуа Чэн крепко сжал руки принца своими и улыбнулся:

— Теперь уж я не хочу больше расставаться ни на миг.

Прошлое не изменить.

Восемьсот лет назад семнадцатилетний баловень небес Се Лянь ещё не знал, что ждёт его в будущем. Судьба дала ему две двери. «Роковой прыжок на улице Шэнью» и «Встречу с демоном и божеством на мосту Инянь». Он открыл обе.

И после он в одиночестве скитался среди яростных волн, не в силах ничего исправить, из последних сил проходил через долгие томительные годы. Боль, гнев, разочарование, ненависть, отчаяние, безумие. Сердце его обернулось потухшим пеплом.

Потом этот пепел вспылал вновь.

Но всё это было уже в прошлом.

— Гэгэ, с возвращением.

— Гм...

— Видишь, я же говорил, что ты ещё встретишься со мной, я тебя не обманул.

Се Лянь бросил на него взгляд.

— Правда?

Хуа Чэн улыбнулся:

— Конечно, когда это я обманывал Ваше Высочество? Я, твой гэгэ...

Повисло неловкое молчание.

Се Лянь запустил руку за пазуху Хуа Чэну и вынул записку, которую прочёл:

— «Премного благодарен Сань Лану гэгэ за заботу. Лянь ничем не может отплатить, но готов приложить все свои ничтожные усилия, чтобы избавить гэгэ от хлопот, поэтому должен ненадолго отлучиться. Сань Лан гэгэ, не изволь беспокоиться, Лянь ненадолго покинет тебя и сразу вернётся».

Хуа Чэн, приподняв бровь, молча завёл руки за спину. Се Лянь дочитал и, копируя его, тоже приподнял бровь:

— Сань Лан гэгэ, мой добрый гэгэ. Ты и правда такой хороший!

Хуа Чэн рассмеялся:

— Хорош я или нет, гэгэ ведь уже давно известно?

Щёки Се Ляня слегка порозовели, он уклончиво ответил:

— Не понимаю, о чём ты. В общем, эти два дня ты вёл себя непозволительно нахально, подумай над своим поведением.

Хуа Чэн серьёзно сказал:

— Гэгэ, не стоит так говорить. Всё это время я относился к тебе со всей любезностью, мне огромных усилий стоило сдерживать себя.

— Да где же ты вёл себя любезно? Совершенно очевидно... что ты...

«С огромной радостью забавлялся надо мной».

Принц вспомнил, что на два дня превратился в наивного, глупенького, избалованного дурачка, которым Хуа Чэн игрался как мог. Сейчас, когда все эти забавы ясно предстали в памяти, Се Лянь просто не мог на себя смотреть, невольно застонал и закрыл лоб ладонью.

Зато Хуа Чэн сказал без тени насмешки:

— Серьёзно. Пускай гэгэ обозвал меня бесстыжим, гнусным и подлым, Сань Лан и не думал жаловаться.

Принц смущённо промолчал.

— Гэгэ, если ты недоволен, можешь ещё раз меня отругать. Сань Лан всё стерпит.

Се Лянь не мог больше этого слушать.

Так и закрыв лоб ладонью, принц потихоньку ускользнул. Когда Хуа Чэн повернулся, его и след простыл.

— Гэгэ? Не убегай, ладно, это я виноват, гэгэ!

Не надо больше называть меня гэгэ!

Сказка у постели Князя Демонов

Хуа Чэн захворал.

Всего лишь лёгкое недомогание, но тот факт, что Князь Демонов тоже может заболеть, всё же поистине удивителен.

Поэтому, когда Се Лянь, возвратившись в храм Тысячи фонарей, по своему обыкновению, решил проверить, как Хуа Чэн упражняется в

каллиграфии, а вместо этого нашёл его с чуть покрасневшим лицом, ужасно разволновался.

Он уложил Хуа Чэна на божественный алтарь... Всё верно, эти двое целыми днями катались по широкому алтарю, всё равно здесь не имелось божественной статуи. Потрогав рукой щёки и лоб Хуа Чэна, Се Лянь забеспокоился ещё сильнее:

— Какой ты горячий!

Хуа Чэн усмехнулся:

— Разумеется, ведь я увидел гэгэ. А если гэгэ опять потрогает меня, я стану ещё горячее.

Се Лянь сперва застыл, но поспешно притворился, что его лицо покраснело от гнева, и сказал:

— Заболел, а всё равно не можешь удержать свой язык.

Хуа Чэн невинно возразил:

— Я разве что-то не то сказал? Я сама скромность. Гэгэ, не волнуйся, сущий пустяк, не о чем беспокоиться.

Но Се Лянь расслышал, что даже его голос сделался более низким и хриплым, а лицо более утомлённым.

— Что ж, тогда тебе нужно как следует отдохнуть, а я побуду с тобой несколько дней, пока не поправишься.

Принц убрал каллиграфические принадлежности на край алтаря, а Хуа Чэн похлопал ладонью рядом с собой.

— Гэгэ не составит мне компанию?

Но взойдя на алтарь, вряд ли уже спустишься, тогда об отдыхе на несколько дней можно позабыть.

— Нет уж, — мягко отказал Се Лянь, — мой Сань Лан слишком утомился занятиями.

— Ну что ты, — усмехнулся Хуа Чэн, — если речь идёт о занятиях с гэгэ, разве Сань Лан испугается переутомления?

Се Лянь решил не препираться с ним, а всё внимание сосредоточить на написании иероглифов. Хуа Чэн повернулся на бок, подложил под щёку ладонь и взглянул в его лицо.

Не важно, в который раз, Се Лянь всё равно краснел от этого его взгляда, он с некоторой неловкостью произнёс:

— Сань Лан... Смотри на бумагу, а не на меня.

— Гэгэ, — вздохнул Хуа Чэн, — не стану лукавить, но при одном взгляде на эту ерунду у меня начинает болеть голова. Но когда пишет

гэгэ, мне жаль упускать момент созерцания. Возможно, я и заболел потому, что насмотрелся на эти письма.

— Разве бывает такая болезнь?

Хуа Чэн хихикнул:

— Лучше я буду смотреть на гэгэ. Ты намного красивее. Может, посмотрю подольше, и болезнь отступит.

Се Лянь ничего не мог с ним поделать, и в то же время принцу стало смешно, он положил кисть и покачал головой:

— И почему ты в последнее время всё чаще любишь нести чепуху... Ни одного серьёзного слова. Ну ладно, я понял, будь по-твоему. Смотреть на иероглифы не будем, чем займёмся тогда?

— Вообще-то можно ничем не заниматься. Пока ты просто находишься рядом, исцеление не займёт много времени, мне скоро станет лучше.

Се Лянь ещё раз потрогал его лоб. Хуа Чэн, с его внешностью прекрасного мужчины, сейчас вот так ластился к нему, и принц представил маленького мальчика с румяным личиком, зимой завёрнутого в тёплое одеяло. Сердце его растаяло от нежности. Подумав, принц произнёс:

— Вот что. Я весьма кстати подобрал одну вещицу. — Он пошарил в рукаве и что-то вынул со словами: — Это старая книжка, которую мне за ненужностью отдали добрые люди, как раз намеревался с ней ознакомиться. Давай я почитаю тебе сказки.

В его руках оказалась очень старая книжонка, растрёпанная и порванная, с пожелтевшими страницами и необыкновенным книжным ароматом чернил. Наверняка её читали и перечитывали бессчётное множество раз.

Но Хуа Чэн отказался:

— Не хочу.

— Почему? — удивился Се Лянь.

Хуа Чэн лениво протянул:

— Всё равно там записаны истории, придуманные про других небожителей, а мне и так прекрасно известно обо всех их пустячных делишках, не стоящих упоминания. Что в них интересного? Ещё и утруждать гэгэ специально читать мне о них?

И то верно. Всё-таки Хуа Чэн собрал у себя истории тёмного прошлого всех сильнейших среди трёх миров.

— Гэгэ, если правда хочешь почитать, выбери что-нибудь другое. К примеру, истории о тебе.

— Обо мне? Разве кто-то знает мою жизнь лучше тебя, видел больше твоего?

— Расскажи мне ещё что-нибудь, я хочу послушать. Мне никогда не надоест.

Се Лянь знал, что он совершенно серьёзен, и осторожно убрал прядь его волос со щеки. Случайно скользнув взглядом, принц вдруг с удивлением произнёс:

— Сань Лан, тут, кажется, говорится о нас с тобой!

— Правда?

Пролистав старую книжку, принц ответил:

— Честно. Очень много историй про великого Князя Демонов в красных одеждах и мусорное божество! Это ведь мы с тобой?

Хуа Чэну стало любопытно:

— О? И что там написано?

Се Лянь тоже заинтересовался, как простые люди представляют его и Хуа Чэна, поэтому открыл сборник сказок и прочёл вслух:

— Давным-давно жил на свете великий Князь Демонов, который любил носить красные одеяния. Он обладал недюжиной силой, владел целыми горами золота и серебра, только пребывал всё время в печали. Потому что был очень одинок, скучал по своей жёнушке...

Се Лянь так и прыснул со смеху и дальше читать не смог.

— Это сказ об одином Князе Демонов в пустом гнезде?.. Ха-ха... ха-ха-ха-ха...

Хуа Чэн поднял брови:

— Но ведь это правда. Без тебя я был очень одинок.

Лицо Се Ляня обдало жаром, он продолжил читать.

Давным-давно жил на свете великий Князь Демонов, который любил носить красные одеяния. Он обладал недюжиной силой, владел целыми горами золота и серебра, казна его никогда не пустовала. Только пребывал он всё время в печали. Потому что был очень одинок, скучал по своей жёнушке.

Но прождав несколько сотен лет, он так и не дождался любимую, поэтому решил спросить одного очень мудрого старца, предсказателя судеб, где же его суженая.

Бессмертный старец ответил ему:

— Вы встретитесь на горе. Твоя суженая в свадебном платье приедет на разукрашенном паланкине, чтобы выйти за тебя.

Великий Князь Демонов решил во что бы то ни стало отыскать свою суженую, поэтому прибыл на указанную гору и приготовился терпеливо ждать.

Ну а где-то далеко-далеко жил один мусорный бог.

Он занимался сбором всяческой рухляди, поэтому был самым бедным среди небесных чиновников, даже беднее, чем многие смертные.

Но, несмотря на свою нищету, он был очень добрым. Однажды этот бессмертный небожитель, возвращаясь домой с мешком мусора, увидел у дороги плачущую девушку и спросил её:

— Девушка, что вас так сильно опечалило?

И та в слезах ответила:

— Я выхожу замуж, но в день проводов невесты нужно проходить через гору, на которой обитает злой дух новобрачного. Он крадёт проезжающих мимо невест, спасти удаётся лишь немногих. Он похитит меня и убьёт!

Бессмертный небожитель проникся к девушке сочувствием и решил избавить народ от зла, а для этого притвориться невестой и убить злобную тварь.

У него было два друга, один грубый, другой малодушный, поэтому их прозвали грубым божеством и малодушным божеством. Не отрываясь от драки друг с другом, они сказали мусорному божеству:

— Этот злой дух новобрачного — великий Князь Демонов, у него прескверный характер, а ещё он страшно хитёр и больше всего ненавидит богов. Если отправишься его ловить, он непременно сожрёт тебя и костей не оставит!

Но бессмертный небожитель был непоколебим в своём решении, поэтому друзья сделали для него свадебный паланкин. А когда наступил день торжества, небожитель позаимствовал у Богини Ветров красивое свадебное платье, нарядился невестой и сел в паланкин. Его друзья, отвешивая друг другу тумачи по дороге, понесли паланкин на гору.

В тёмной-претёмной ночи завывал демонический ветер, и когда паланкин принесли на гору, сопровождающие оставили мусорного

бога одного. Он всё ждал, ждал, и вот наконец дождался жениха, явившегося за ним.

Но приподняв покров, бессмертный небожитель с удивлением обнаружил, что великий Князь Демонов — это несравненно прекрасный юноша.

И вот что поразило его ещё сильнее — юный жених оказался прекрасно воспитанным и обученным хорошим манерам, нежным и заботливым. Он не сорвал человеческую маску и не обнажил синюю морду с острыми клыками, не заставил принца делать что-то ужасное. В общем, совершенно не походил на жуткого Князя Демонов из легенд.

Гора была очень большая, великий Князь Демонов привёл мусорного бога в свою пещеру и сказал ему:

— С этого момента я становлюсь твоим мужем, а ты — моей возлюбленной женой. Вся эта гора принадлежит мне, и тебе тоже, можешь всё здесь осмотреть. Но запомни, что во внутренних пещерах есть две комнаты, в которые тебе заглядывать ни в коем случае нельзя.

— Почему? — спросил бессмертный небожитель.

Его жених, Князь Демонов, ответил:

— Это мой секрет, тебе нет нужды знать о нём. Впрочем, ты не сможешь туда попасть, даже если захочешь, потому что я установил перед комнатами магический барьер. Его можно преодолеть, только имея при себе нечто, принадлежащее мне.

Бессмертный небожитель не унимался:

— Что же это?

Князь Демонов ответил:

— В одной комнате спрятана грязная бесполезная дрянь, ключ можно найти на моём теле в большом количестве. В другой комнате хранится мощный магический артефакт, ключ не найти на моём теле, однако об него легко обжечься.

Разумеется, бессмертный небожитель не послушался. Перед Князем Демонов он притворился послушным, но стоило тому уйти, как тут же бежал к внутренним пещерам, перепрыгивая с карниза на карниз и карабкаясь по стенам. Как он и думал, из комнаты с грязной бесполезной дрянью слышались жуткие стенания и крики о помощи.

Небожитель заподозрил, что там заперты исчезнувшие невесты, поэтому решил украсть что-то у Князя Демонов, чтобы открыть

потайную комнату.

Но что же он должен украсть?

У Князя Демонов были длинные блестящие волосы цвета воронова крыла, иногда он распускал их, иногда убирал в кривой хвост. Бессмертный небожитель придумал способ — каждый день брать у него несколько волосинок, и спросил:

— Скажи пожалуйста, мы можем жить с тобой в одной комнате?

Его жених вежливо ответил:

— Конечно, можем. Ведь мы же супруги.

Так они стали жить вместе. Но хоть и спали на одной постели, бессмертный небожитель не позволял жениху снимать с него одежду, а великий Князь Демонов вёл себя весьма учтиво и не прикасался к нему.

Однако очень скоро небожитель заметил, что Князь Демонов совсем не роняет волос. Утром он помогал жениху причесаться, но даже когда вечером ложился рядом спать, ни на подушке, ни на постели, ни на полу, ни на расчёске — нигде не оставалось ни единого волоска!

Тут уж ему пришлось поломать голову. Бессмертный небожитель взял меч, чтобы тайком отрезать прядь волос Князя Демонов, когда тот будет спать, но тот оказался очень бдителен — стоило приблизиться, и он сразу открыл глаза. Однако даже пойманный с поличным, бессмертный небожитель остался невозмутим. Чтобы Князь Демонов его ни в чём не заподозрил, он отрезал прядь своих волос и протянул ему. Князь Демонов очень обрадовался такому жесту.

Вскоре хитроумный небожитель придумал другой способ. Он сказал Князю Демонов:

— Скажи пожалуйста, могу я тебя поцеловать?

Тот охотно согласился:

— Конечно, можешь. Ведь мы же супруги.

Так бессмертный небожитель по своей воле заключил демонического жениха в объятия и одарил долгим и страстным поцелуем. Испробовав наконец демонического жениха на вкус, он поспешил плотно закрыть рот и отправиться во внутренние пещеры.

Но оказавшись на месте, обнаружил, что по-прежнему ничего не выходит. «Ключ» должен быть «в большом количестве», а он добыл совсем немного. Войти в комнату не получилось, удалось лишь

просунуть голову, а тело, как ни пытался он протиснуться, оставалось снаружи.

Бессмертный небожитель пал духом. Он-то думал, что украсть что-то у Князя Демонов будет просто, но не ожидал, что это окажется так трудно.

Вспомнив о своей подруге, Богине Ветров, он отправился с визитом в храм Ветров и Вод, где задал вопрос:

— Как мне заполучить у великого Князя Демонов что-то с его тела в большом количестве?

Богиня Ветров вздохнула:

— Проще простого! Обернись женщиной, проведи с ним брачную ночь и получишь желаемое!

Бессмертный небожитель поспешно замотал головой. Способ совершенствования, избранный им, подчинялся правилу — стоит только лишиться невинности, и уровень магических сил серьёзно упадёт, куда же это годится?

Тем временем возвратился Его Превосходительство Повелитель Вод, который как раз услышал предложение Богини Ветров и гневно выкрикнул:

— Это что ещё такое?! Как ты можешь говорить нечто столь безнравственное?!

А стоило Повелителю Вод выйти из себя, он начинал бросаться в людей деньгами, так что мог и убить, поэтому бессмертный небожитель поскорее убежал. Бежал он, бежал, и вспомнил о своих друзьях — грубом божестве и малодушном божестве, и отправился к ним за советом.

Он снова застал их за дракой, и те, не отрываясь друг от друга, сообщили ему ужасную новость: пропало слишком много народу, и небесные чиновники собираются напасть на гору великого Князя Демонов и схватить его!

Бессмертный небожитель удивился и забеспокоился. Ведь спустя столько дней, проведённых с Князем Демонов, теперь он считал, что юноша не стал бы совершать столь дурной поступок. Возможно, тут произошло какое-то недоразумение, и во внутренних пещерах заперты вовсе не пропавшие невесты, а нечто иное. Но мусорный бог был слишком беден и высокого статуса не имел, никто не стал бы его

слушать. Он ужасно разволновался и бросил поиски истины, ведь на гору вот-вот нападут небожители!

Делать нечего, пришлось ему вернуться на гору и спросить великого Князя Демонов:

— Скажи пожалуйста, могу ли я провести с тобой брачную ночь?

Его жених лучезарно улыбнулся:

— Ах, конечно, можешь. Ведь мы же супруги.

Так мусорное божество и великий Князь Демонов провели настоящую брачную ночь.

В процессе бессмертный небожитель ужасно переживал, что взятого у Князя Демонов окажется мало, и потому крепко прижимался к нему и просил:

— Ты можешь отдать мне всё до капли? Можешь дать побольше?

Его жених с нежностью и заботой говорил:

— Если ты хочешь этого.

— Хочу... — отвечал небожитель.

Так хитроумный небожитель добился желаемого и заполучил то, что так долго искал. То, что можно найти на теле Князя Демонов в большом количестве.

На следующий день бессмертный небожитель, взяв с собой то, что всю ночь выпрашивал у Князя Демонов, пришёл к комнате, где спрятана грязная бесполезная дрянь, и на сей раз наконец вошёл внутрь.

Но открыв комнату, он обнаружил внутри множество трупов нечестанных и неумытых людей, некоторые уже истлели до костей!

На трупах угадывались свадебные одеяния, похоже, это и были те самые пропавшие невесты. Надежда не оправдалась, и бессмертный небожитель чувствовал себя потрясённым и расстроенным. Обернувшись, он вдруг заметил, что в какой-то момент за его спиной показался кто-то ещё... великий Князь Демонов стоял прямо за ним!

Бессмертный небожитель ужасно испугался, он вспомнил, как грубое божество и малодушное божество говорили ему, что великий Князь Демонов страшно хитёр и к тому же просто ненавидит небесных чиновников. Сейчас у него не было магических сил, неужели Князь Демонов на самом деле сразу разглядел его истинный статус и просто всё это время обманывал его?

Разгневанный и опечаленный, небожитель бросился наутёк, бежал всё быстрее и быстрее, но даже не выбежал из комнаты — оказалось, что он в спешке растерял то, что дал ему Князь Демонов, и магический барьер задержал его.

Великий Князь Демонов догнал небожителя, заключил его в объятия и наконец рассказал всю правду.

Выходит, он вовсе не ловил людей себе на съедение, только дожидался на горе того, кто назначен ему судьбой.

Однажды на него наткнулась процессия проводов невесты, когда он прогуливался по окрестностям, и жених, который тоже присутствовал среди провожающих, в страхе сбежал, бросив заливающуюся горькими слезами невесту.

Князь Демонов не хотел никому навредить, но невеста сказала, что не хочет выходить за того мужчину, поэтому не вернулась домой, а просто сбежала одна. Впоследствии произошло ещё несколько подобных случаев, и Князь Демонов просто наблюдал за ними, вместе с тем испытывая женихов. Если те решались ценой собственной жизни защитить невесту перед лицом тёмной твари, Князь Демонов отпускал их с миром. Но если подлый жених толкал свою суженую в пасть нечисти, чтобы самому выиграть время и сбежать, Князь Демонов хватал его и запирали в этой комнате.

Все эти люди, будучи злыми и хитрыми, часто убивали друг друга, вот и оставались от них только кости. Их трупы как раз увидел бессмертный небожитель. А невесты тем временем либо вернулись домой, либо сбежали куда-то далеко-далеко со своими возлюбленными, чтобы бродить по свету или где-нибудь обосноваться и жить в покое.

Князь Демонов закончил рассказ:

— Я ведь ждал тебя несколько сотен лет, гэгэ, и вот наконец дождался.

Разрешиив наконец все недоразумения, они крепко обнялись. Чтобы покинуть комнату, Князь Демонов снова дал бессмертному небожителю много-много того, что у него было. Но неожиданно с Небес раздался оглушительный грохот — оказалось, что небесные чиновники, которые долго жили в страхе перед великим Князем Демонов, решили воспользоваться шансом и наконец напасть на него!

Мусорный бог вырвался вперёд, чтобы сразиться с ними, и ему удалось одолеть часть небесного войска. Но другие небожители обрушили целую гору и погребли под ней Князя Демонов.

Гора была слишком высокая, бессмертный небожитель испугался, что она раздавит Князя Демонов, и из последних сил удержал её на своих плечах. Тем временем он вспомнил, что ещё одна таинственная комната по-прежнему закрыта, а ведь в ней хранится мощный артефакт, который наверняка способен перевернуть гору. Он ворвался в пещеру, но с удивлением и радостью обнаружил, что великий Князь Демонов стоит перед ним, целый и невредимый, даже ещё сильнее, чем прежде!

Они выбрались из-под завала и вместе прогнали небесных чиновников, строивших им козни. В конце концов двое плечом к плечу сели на вершине горы, глядя на розовые облака и звёзды, которые оставили за собой убегающие небесные божества.

Мусорный бог спросил:

— Ты ведь говорил, что комната с магическим артефактом открывается лишь тем, что на тебе не найти, но об него можно обжечься?

Князь Демонов, улыбаясь до ушей, ответил:

— Всё верно! Только ведь гэгэ давным-давно заполучил эту вещь.

Бессмертный небожитель понял. Ключом была горячая любовь Князя Демонов.

После мусорный бог и великий Князь Демонов вновь радостно отправились проводить брачную ночь и больше не расставались.

История закончилась, а Се Лянь остался по-прежнему озадачен:

— Что это такое? Не слишком ли перестарался сочинитель? Нет, нет, нет, это ведь...

Что за полнейшая ерунда? Разве это можно назвать сказкой???

Хуа Чэн уже повалился на кушетку от смеха. Се Лянь, совершенно ничего не понимая, воскликнул:

— Но ведь всё было не так! На чём основана эта сказка? На происшествии на горе Юйцзюнь? Но ведь там всё случилось совсем по-другому... Всё так сильно искажено? И вообще, разве можно такое читать детям? Наверное, нельзя! Кто это написал??? И что это за второстепенные персонажи, которые, вроде бы, кажутся знакомыми, но при этом на себя не похожи...

Если приглядеться, то все сказки в этой книжке, хоть и могли показаться невинными историями для чтения детям перед сном, на самом деле оказывались чрезмерно фривольными, причём вгоняли в краску даже сильнее, чем самые откровенные сцены. Однако после прочтения оставалось странное чувство... Се Лянь даже заподозрил, что возможно это с ним что-то не так.

Хуа Чэн сказал:

— Хм? Но ведь не вся история искажена. По крайней мере несколько моментов переданы верно. К примеру, я ведь и правда называю тебя «гэгэ», или вот ещё, на горе Юйцзюнь я в самом деле встретил гэгэ с паланкина. Ещё гэгэ в нашу первую ночь действительно...

Се Лянь считал, что за столько лет смог нарастить достаточно толстую кожу на лице, чтобы не чувствовать стыда, но всё же рядом с Хуа Чэном его щёки часто розовели.

— Откуда им знать такие подробности?! И вообще... и вообще, кроме этого, нет ни одного совпадения...

Принц понимал, что истории, выдуманные в народе, отличаются от реальных событий как небо и земля, а после бесчисленных переработок могут превратиться во что угодно, ничего странного тут нет. И всё же, столкнувшись с этим лично, Се Лянь испытал невиданное потрясение. В процессе он несколько раз останавливался, не в состоянии читать такое вслух от смущения, но поддавался на уговоры Хуа Чэна и продолжал. Ему хотелось бы сейчас кого-нибудь ударить, но, как назло, рука не поднималась.

Хуа Чэн, впрочем, как будто не видел в этом ничего необычного:

— Наверняка кто-то сведущий где-то сболтнул, люди подхватили, пересказали, соединили одно с другим, понастроили догадок, вот и получилось то, что получилось.

Се Лянь отбросил книжку в сторону.

— Не будем читать подобную чепуху. Тебе надо как следует отдохнуть.

Но Хуа Чэн захлопал в ладоши и попросил:

— Отлично написано, талант. После того как гэгэ прочёл мне эту сказку, я почувствовал себя в сто раз бодрее. Гэгэ, прочитай ещё одну.

Решительный отказ:

— Нет.

— Гэгэ, у меня разболелась голова.

— Но...

— Гэгэ.

— ... Ладно.

Хуа Чэн крайне редко заболел, а Се Лянь и без того всегда исполнял любые его пожелания, отвечал на любые просьбы. Как он мог отказать в такой-то момент?

Как бы принц ни смущался, пришлось сделать над собой усилие и вновь подобрать с пола эту жёлтую-жёлтую книжку ^[325], лечь рядом с Хуа Чэном, позволить ему обнять себя за талию, и, отбросив стыд, продолжать чтение вслух.

— Давным-давно жил на свете молодой и прекрасный Его Высочество наследный принц, что предавался самосовершенствованию в диких горах. И однажды ночью он встретил таинственного гостя...

Ой! Пещера Десяти тысяч божеств!

Се Лянь с улыбкой столкнул с себя Хуа Чэна, который придавил его так, что стало трудно дышать. Горячая волна чувств ещё не схлынула, но принц вдруг вспомнил кое о чём и как бы между прочим заговорил:

— Кстати, Сань Лан, насчёт пещеры Десяти тысяч божеств...

Хуа Чэн снова забросил руку ему на грудь и, рассеянно поигрывая пальцами, лениво протянул:

— Хм? А что насчёт пещеры Десяти тысяч божеств?

— Ничего, просто вспомнил, что на горе Тунлу произошло извержение вулкана. Статуи в пещере не пострадали?

Ведь если так, будет ужасно жалко. Всё-таки каждое изваяние — творение Хуа Чэна, в которое он вложил душу, и принцу все они очень нравились.

— Не пострадали, — ответил Хуа Чэн. — Я заранее установил магический барьер, так что даже если Медная печь рухнет, пещера останется цела.

Се Лянь воодушевлённо произнёс:

— Правда? Замечательно. Значит, всё в порядке. Я хочу отправиться туда посмотреть, можно?

Хуа Чэн, казалось, на мгновение задумался, но сразу же улыбнулся.

— Хорошо! Если гэгэ желает взглянуть, пойдём, как я могу отказать?

Се Лянь воодушевился ещё сильнее:

— Значит, идём завтра. Всё равно Медная печь уже открылась, туда можно попасть в любой момент.

Хуа Чэн приподнял бровь.

— Завтра? Ладно.

Он не высказал возражений, ничего больше не добавил, но в следующий миг вновь навалился на принца.

Возможно, это было ложное ощущение, но оставшуюся ночь Хуа Чэн ещё более рьяно измывался над Се Лянем, так что всего через несколько заходов тот уже кричал «гэгэ, пощади», а после в полузабытьи провалился в сон.

И вообще-то принц мог бы спокойно проспать до рассвета, но не прошло и двух часов, когда он даже сквозь глубокий сон почувствовал, что постель рядом опустела. Открыв глаза, принц обнаружил, что Хуа Чэн исчез.

Се Лянь немедленно сел, сон как рукой сняло. Затем наспех привёл себя в порядок, аккуратно спустился с кровати, толкнул дверь покоев и вышел, размышляя: «Куда подевался Сань Лан?»

Проспать полночи и исчезнуть... такое случалось впервые. Се Лянь обошёл Дом Блаженства, но не обнаружил того, кого искал, и вспомнил, что одна из комнат используется для перемещения в пространстве. Добравшись до неё, он и впрямь обнаружил, что дверь кто-то открывал.

Однако принц помнил, что в прошлый раз магическое поле на двери изображалось иначе, а сейчас ещё не высохла свежая киноварь нового рисунка. Се Лянь без лишних раздумий толкнул дверь и вошёл. А когда переступил порог, то вместо Дома Блаженства оказался в непроглядной темноте.

Се Лянь закрыл дверь и зажёл Пламя-на-ладони, чтобы осветить обстановку. Разглядев, где находится, он невольно застыл.

Поле Сжатия тысячи ли перенесло его в огромную тёмную пещеру. Пещеру Десяти тысяч божеств!

Для чего Хуа Чэну среди ночи понадобилось наведаться сюда в одиночку? Они же договорились прийти сюда вместе на следующий день? Почему он отправился раньше?

Се Лянь покачал головой и с огоньком в руке медленно двинулся по коридору холодной пещеры.

Шаги отзывались мрачным эхом, тонкие покровы со статуй уже были сняты, и из темноты вокруг на принца молча глядели бесчисленные лица, такие же, как его собственное. Если подумать, картина несколько жутковатая. Проходя через грот, Се Лянь обвёл пещеру взглядом и заметил изваяние Воина, радующего богов, который стоял в изящной позе с цветком в одной руке, мечом в другой и мягкостью во взгляде.

Здесь насчитывалось самое большее тысяча статуй, а по меньшей мере несколько сотен. Неизвестно, сколько долгих часов и изнуряющих стараний было вложено в их изготовление, и сколько лет они молчали в этой темноте.

Подумав об этом, Се Лянь вздохнул, поравнялся со статуей, склонил голову и пробормотал:

— Наверное, было очень одиноко.

Он имел в виду и того, кто изваял статуи, и сами его творения.

Каменный Воин кивнул в ответ. А Се Лянь так и застыл. Зрелище вышло до крайности пугающее.

Только спустя какое-то время до принца дошло, в чём тут дело. Должно быть, поскольку он только что наполнился магическими силами, сейчас они разливались от него во все стороны, захватывая даже статуи в пещере, и потому изваяния начинали двигаться.

Принц поспешно приструнил собственную ауру, но слишком поздно — статуя Воина, радующего богов, уже сделала шаг. Магические силы, льющиеся через край из тела Се Ляня, задели изваяние, однако сам принц не собирался им управлять, поэтому движения статуи вышли неуклюжими. «Бум» — Воин оступился и упал.

Се Лянь сразу же помог ему подняться.

— Осторожнее!

Воин с неизменной улыбкой приподнял голову, сохраняя горделивый и возвышенный вид, и кивнул Се Ляню в знак

признательности. Принцу его высокомерный облик показался смешным, однако он сдержался и спросил:

— Ты видел Хуа Чэна?

Статуи могли издавать простые звуки, но говорить не умели, если только не изображали божество с хорошо подвешенным языком и талантом к ораторскому искусству. Услышав вопрос, изваяние призадумалось, словно не зная, о ком идёт речь. Се Лянь понял — ведь он тогда ещё не был знаком с Хуа Чэном! Поэтому спросил иначе:

— А человека в красных одеждах ты не видел?

Тогда статуя улыбнулась и сдержанно кивнула.

— Ты знаешь, куда он пошёл?

Обстановка была для принца незнакомой, он боялся заблудиться. Статуя, замерев ненадолго, указала ему направление, и Се Лянь ответил:

— Премного благодарен Вашему Высочеству.

Пройдя немного, принц обернулся и увидел, что изваяние Воина довольно быстро овладело способностью двигаться и принялось танцевать с мечом, принимая изящные позы, словно находилось на праздничном шествии в честь жертвоприношения Небесам на глазах у множества зрителей. Жаль только, что некому было насладиться зрелищем.

Вскоре принц добрался до следующей развилки. И конечно же, снова приготовился попросить помощи у статуи, поэтому вошёл в ближайший грот. Но оказавшись внутри, увидел на каменном постаменте фигуру в сидячей позе. Статуя, обхватив сосуд с вином, яростно глотала невидимый напиток.

Се Лянь молча выхватил сосуд из рук изваяния и прикрикнул:

— Хватит пить!

Эта статуя тоже походила на него, только облик был чуть проще, а белые одеяния беднее, без следа былой роскоши. Изваяние попыталось забрать сосуд, что отнял принц, но ничего не вышло, движения получались неловкими, будто во сне. Тогда оно «в гневе» крутанулось и вдруг, обняв Се Ляня, разрыдалось.

Се Лянь, совершенно потрясённый, проговорил:

— Да и плакать не обязательно...

Но статуя расплакалась ещё горестнее, словно от бесконечной обиды. Вино отобрать не получалось, так что она крепко заключила

принца в объятия. Се Лянь, не понимая, почему в опьянении он вдруг сделался таким прилипчивым, ничего лучше не придумал, как обнять статую в ответ и, легонько поглаживая по спине, утешить:

— Ну всё, всё... — Затем, поняв, что в «сосуде с вином» и вина-то нет, принц подумал, что вполне может вернуть его изваянию, и спросил: — Ты видел человека в красном одеянии? Куда он пошёл?

Изваяние указало ему дорогу, Се Лянь вернул ему «вино» и направился дальше. А оно перестало плакать и уселось на постамент в обнимку с сосудом, снова уставившись в одну точку.

Принц обернулся, посмотрел на статую, вздохнул и продолжил свой путь.

Спустя ещё некоторое время он услышал скрип, похожий на трение металлических цепей, затем вошёл в очередной просторный грот.

С потолка грота свешивались качели, а на них сидела божественная статуя. Облик её был вдохновенным, полным юношеской энергии. Должно быть, это был семнадцатилетний принц в образе ученика монастыря Хуанцзи. Он ухватился за цепи качелей, старательно пытаясь раскачаться, но поскольку сам сидел на них, ничего не получалось, и лицо его окрасилось раздражением. Видя такую картину, Се Лянь подошёл, чтобы подтолкнуть изваяние.

Качели наконец взлетели в воздух, и юноша в монашеском одеянии очень этому обрадовался. Пользуясь моментом, принц задал вопрос:

— Ты видел человека в красном? Куда он пошёл?

Статуя юноши, одной рукой держась за цепь, другой указало путь, и Се Лянь, подтолкнув качели ещё пару раз, попрощался с ним.

Качели взлетели ещё около двадцати раз, после чего медленно остановились. Больше некому было их толкать, и статуя юноши замерла, вновь изобразив на лице недовольство.

Пройдя ещё довольно долгий отрезок пути, Се Лянь предположил: «Наверное, я почти на месте?» И вдруг услышал едва заметный звук, похожий на сдерживаемый стон боли, и невольно замер. «Что это? Кто-то задыхается?»

Звук раздавался из грота впереди. Войдя внутрь, принц обнаружил там каменный постамент, а на постаменте — лежащую горизонтально статую, накрытую с ног до головы ниспадающим на

землю белым покровом. Фигура под тканью смутно шевелилась, то сжимаясь в комок, то переворачиваясь с боку на бок, словно претерпевая невыносимые мучения и с трудом пытаюсь освободиться.

Принц как раз намеревался сорвать покров, как вдруг чья-то рука сзади закрыла ему глаза, следом послышался тихий вздох:

— Гэгэ.

Се Лянь усмехнулся и мягко позвал:

— Сань Лан, ты думаешь, что если не дашь мне увидеть, то я не пойму, что там происходит?

Спустя время Хуа Чэн вздохнул вновь:

— Гэгэ, я виноват.

Се Лянь убрал его ладонь от глаз и обернулся.

— Нежные объятия?

За его спиной стоял высокий и стройный мужчина в красном, и это действительно был Хуа Чэн. Пойманный с поличным, он закрыл лоб рукой и наконец признался:

— ... Да.

Не удивительно. Вот в чём дело, и нет ничего странного в том, что Хуа Чэн никак не хотел позволить принцу увидеть эту статую.

— Ты пришёл сюда ночью, чтобы заранее спрятать его от меня?

Хуа Чэн отвёл взгляд и ответил:

— Да.

Се Лянь не знал, плакать или смеяться. Неужели Хуа Чэн настолько не решался показать ему это изваяние?

— Но зачем его прятать? Вообще-то здесь нет ничего ужасного. Вот только сейчас возникла весьма деликатная проблема...

И эта проблема заключалась в том, что, появившись здесь, Се Лянь невольно привёл все статуи в движение.

Первоначально тут не было ничего страшного, вот только именно для этой особенной статуи оживление превратилось в мучение. Поскольку под покровом изображался семнадцатилетний Се Лянь, которого в горной пещере настигли чары Нежных объятий.

Другие изваяния либо танцевали с мечом, либо пили вино, либо качались на качелях, делали что угодно другое, и только этому не повезло — оно попало под губительное действие яда цветочных демонов. И это привело к тому, что «ожившее» изваяние теперь испытывало невыносимые страдания.

Вздохи из-под покрывала казались столь томительными, что Се Лянь сам не выдержал, вспомнив ту тревожную, но незабываемо волнующую ночь.

— Как жаль его... Если я сейчас уйду, он снова обернётся обычной статуей?

Тогда ему не придётся так мучиться.

Хуа Чэн возразил:

— Боюсь, что нет. Всё-таки магические силы гэгэ сейчас находятся почти на пике мощи, все статуи в пещере попали под твоё влияние. Даже если уйдёшь, они ещё надолго сохранят способность двигаться.

Слишком уж мучительно.

— Но... что-то ещё можно предпринять? — спросил Се Лянь.

Хуа Чэн всегда находил решение, вот и сейчас слегка наклонил голову и сказал:

— Я как раз этим занимался. Гэгэ, идём со мной.

Он привёл Се Ляня в другой грот. Оказавшись там, принц чуть округлил глаза, ведь там стояла каменная статуя мужчины, высокого и стройного, с прекрасными глазами, чуть приподнятыми уголками губ и повязкой на правом глазу. Точная копия демона в красном, что шёл перед ним.

То была статуя Князя Демонов!

— Это же...

— Я только что наспех вырезал его, заметив неладное. Столько лет не брал в руки резец, немного потерял сноровку. Гэгэ, взгляни, похож ли?

Се Лянь, внимательно осмотрев изваяние, ответил:

— Очень! Но...

— Но... что?

Се Лянь заулыбался:

— Не так красив, как его прообраз.

Хуа Чэн тоже улыбнулся.

Затем принц добавил:

— Значит, способ, о котором говорит Сань Лан, это...

Сделать так, чтобы статуя Князя Демонов помогла поправшей под влияние Нежных объятий статуе принца «избавиться от действия яда»?

Помолчав, Хуа Чэн перестал улыбаться, сделался серьёзным и ответил, не отрывая глаз от лица Се Ляня:

— Да.

Принц сначала не заметил осторожного вопроса в его взгляде и подумал: «Способ слишком уж...»

Конечно, метод и впрямь действенный, с незамедлительным результатом, однако даже мысли об этом были невероятными и волнующими... Говоря начистоту, Хуа Чэн ведь собирался при помощи статуи Князя Демонов лишить невинности статую юного принца, тем самым подавив действие яда!

Даже разговор об этом казался постыдным!

Принц ещё не нашёл нужных слов для ответа, а Хуа Чэн уже оказался перед ним и опустился на одно колено. Се Лянь застыл и бросился поднимать его:

— Сань Лан?

Что это значит?

— Ваше Высочество, — мрачно произнёс Хуа Чэн, — я проявил неучтивость.

Се Лянь никак не мог заставить его подняться, поэтому сам присел рядом и с непониманием спросил:

— О какой неучтивости ты говоришь?

Хуа Чэн, неотрывно глядя на него, сделал лёгкий вдох и с твёрдостью в голосе произнёс:

— Ваше Высочество, прошу, поверь мне, я вынужден пойти на столь опрометчивый шаг. Да, я вырезал эти статуи своими руками, но... никогда у меня не возникало даже мысли запятнать их неучтивостью. Если способ кажется Вашему Высочеству неподобающим, я найду другой.

Се Лянь наконец понял, почему Хуа Чэн вдруг сделался таким серьёзным.

Если заглянуть глубже, Хуа Чэн всегда беспокоился, что Се Лянь, узнав о существовании такого количества тайно изготовленных демоном изваяний, сочтёт его действия дерзкими и даже пугающими. И сейчас, предлагая такой способ решения проблемы, Хуа Чэн, должно быть, ещё сильнее запереживал, что Се Ляню покажется, будто у него голова забита всяческим непотребством и нечистыми помыслами.

Принц с улыбкой вздохнул, обеими руками потянул Хуа Чэна и наконец смог поднять его на ноги.

— Разумеется, я верю тебе. Я знаю, ты всегда относился ко мне с должным уважением.

Однако, что касается фразы «даже мысли не возникало запятнать неучтивостью», принц не мог безоговорочно согласиться с этим. Всё-таки, если разобраться, с тех пор как Хуа Чэн рассыпался бабочками, а потом вернулся к принцу, он то и дело норовил «запятнать» своё божество в храме Тысячи фонарей, и с каждым разом становился всё смелее.

Се Лянь тихо кашлянул:

— Мне этот способ... вовсе не кажется плохим. Он даже очень хороший.

Однако стоило принцу подумать, чем по существу является этот способ, его лицо вновь вспыхнуло, а собственные слова неизбежно показались несдержанными. Ну а Хуа Чэн, заполучив его разрешение, наконец постепенно вернулся к своему естественному состоянию. Се Лянь положил руку на плечо статуи Князя Демонов и спросил:

— Мне освятить его?

Хуа Чэн моргнул и с улыбкой медленно произнёс:

— Если гэгэ желает, разумеется, лучшего я и ожидать не смел.

Се Лянь кивнул. Спустя мгновение изваяние демона легонько приподняло бровь, при виде чего принц невольно отдернул руку с его плеча.

— Уж слишком похож!

Будто что-то ощутив, из других гротов медленно приблизились несколько фигур — божественные статуи с любопытством окружили их, словно хотели повнимательнее взглянуть на новое изваяние, совершенно от них отличное.

Каменный Князь Демонов, увидев их, поморгал и поднял бровь ещё выше, будто о чём-то задумался и в то же время кого-то искал. Се Лянь, уговаривая и прогоняя, с огромным трудом выпроводил собственные статуи прочь. Но скользнув взглядом в сторону, вдруг воскликнул:

— А где же Нежные объятия?

Он просто обозначил таким названием ту невезучую статую. В какой-то момент на постаменте осталась лишь белая газовая ткань, а

лежащая статуя, попавшая под действие Нежных объятий, куда-то исчезла!

Се Лянь в душе воскликнул «плохо дело», вошедший следом Хуа Чэн тоже сразу сделался серьёзным.

— Пещера Десяти тысяч божеств огромна, думаю, он не мог далеко уйти. Нужно скорее найти его!

— Боюсь, не всё так просто. Гэгэ, взгляни.

Он указал на землю, а Се Лянь, подойдя ближе, заметил там магический круг. Причём вычерченный с явным усилением прямо на камне, вероятно, пальцем.

Поле Сжатия тысячи ли! Сколько же магических сил впитала эта статуя, раз смогла голыми руками сама изобразить магическое поле?! Се Лянь едва не повалился наземь там же, где стоял.

Но эта статуя изображала принца в момент действия яда Нежных объятий. Что если ей на пути попадётся какая-нибудь женщина из простых смертных? Стыда не оберёшься! Какие ошеломительные легенды поползут по миру после этого???

— Когда он убежал? Куда он мог убежать?

— Гэгэ, не волнуйся. Лучше подумай, к кому бы ты сам обратился тогда, попав в ловушку Нежных объятий?

Что ж, это несложно. Се Лянь, впрочем, не так уж сильно волновался, а теперь быстро успокоился и произнёс:

— Думаю, я бы обратился...

Он не успел закончить фразу из-за неожиданного нападения по сети духовного общения. Только принц успел поднести руку к виску для ответа, как услышал голос Фэн Синя:

— Ваше Высочество! Что за ерунда?! Какой-то оборотень прикинулся тобой!

Так и думал! В то время самыми верными помощниками Се Ляня были Фэн Синь и Му Цин, и случись с ним что, он, конечно же, первым делом пошёл бы к ним!

Хорошо, что статуя сразу отправилась искать Фэн Синя, а не носиться как оголтелая по улицам. Се Лянь выдохнул и быстро ответил:

— Нет, нет! Это не оборотень, и никто мной не прикидывался.

— В каком смысле?? — поразился Фэн Синь. — Не оборотень и не самозванец? Неужели это ты, собственной персоной?? Быть не

может!

— Да нет же! Так, что с ним сейчас? Ты его схватил? Не дай ему сбежать!

— Поздно, уже сбежал!

— Что? Это плохо!

— Да уж, ничего хорошего. Вдруг кто-то увидит его, бегающего голышом? Это никуда не годится!

— Постой, что ты сказал? Голышом? Я... то есть, он что, не одет???

— Можно и так сказать! Одет, но очень легко, в какие-то лохмотья, будто кто-то разорвал на нём одежду. И ещё, если это не оборотень и не самозванец, что же он тогда? Что, в конце концов, происходит? По мне так он похож на божественную статую... Погодите-ка, на статую? — Фэн Синь пришёл в ужас. — Только не говори, что он сбежал из пещеры под Медной печью? Чем вы там занимались???

Се Лянь не очень хорошо помнил, во что был одет, когда попался в ловушку Нежных объятий. Тогда он испытывал нестерпимые мучения и, наверное, сам порвал на себе одежду в полузабытьи.

— Потом объясню! — ответил принц Фэн Синю. — Я сейчас же поднимусь к вам!

Принц вышел из сети духовного общения и сказал:

— Сань Лан, нам нужно навеститься в новую столицу бессмертных!

Тем временем Хуа Чэн уже превратил новенькую статую Князя Демонов в маленькую фигурку, которая уместилась на ладони, и ответил:

— Хорошо! — после чего в несколько движений изобразил магическое поле для перемещения.

Вскоре они вдвоём ворвались прямо во дворец Наньяна в новой столице бессмертных. Открыв ворота, принц и демон увидели Фэн Синя, который, наткнувшись на Хуа Чэна, округлил глаза:

— Собиратель цветов под кровавым дождём? А ты зачем здесь? Для чего явился на Небеса?!

Непревзойдённый Князь Демонов, вместо того чтобы сидеть спокойно в своих владениях, заявляется в столицу бессмертных, когда ему вздумается! Куда же это годится?!

Хуа Чэн, не удостоив его ответом, прислушался и спросил:

— Почему не слышно объявления? Ведь не может быть, чтобы Небесные чертоги отказались держать слово.

Фэн Синь, разумеется, знал, о каком объявлении спросил Хуа Чэн. О том самом воспевании «доблестного поступка Собирателя цветов под кровавым дождём, который спас всех небесных чиновников», ведь оно должно было длиться целый год!

На лбу небожителя вздулись вены.

— Какое ещё объявление посреди ночи?! Нам тоже нужно отдыхать, днём опять будет слышно!

Хуа Чэн наконец хмыкнул, видимо, таким образом ответив «ну ладно, прощаю».

Се Лянь произнёс:

— Ох, пусть делают что хотят! Вернёмся к делу, ты видел того «меня»? Куда он побежал?

Фэн Синь указал направление:

— Туда. Я как раз собирался в погоню, когда вы поднялись!

В душе Се Ляня зародилось недоброе предчувствие.

— Можно спросить, а в той стороне располагается...

Фэн Синь коротко и ясно ответил:

— Дворец Сюаньчжэня.

Се Лянь так и осёкся.

Хуа Чэн мрачно бросил:

— Идём!

Двое, не смея медлить, второпях бросились к дворцу Сюаньчжэня и ворвались в него через главные ворота. А ворвавшись, увидели Му Цина, который оторопело сидел на божественном постаменте, словно только что увидел нечто невообразимое.

Се Лянь приблизился и помахал рукой перед его лицом:

— Му Цин?

Тот, заметив Се Ляня, наконец пришёл в себя, однако лицо его осталось всё таким же потрясённым, и лишь спустя некоторое время он смог наконец выговорить:

— Се Лянь, что ты творишь?

— Что я творю? Я... я и сам не знаю, что я творю. Не мог бы ты мне рассказать?

Му Цин вытаращился на него:

— Зачем ты посреди ночи полураздетым прибежал в мой дворец???

Хуа Чэн недобро сощурился.

Се Лянь прервал:

— Не надо своими речами вводить других в заблуждение! Неважно, что ты только что увидел, это в любом случае был не я!

Му Цин прикрыл ладонью поллица, словно желал выцарапать увиденное из глаз. Затем с тёмным как бронза лицом произнёс:

— Пусть это не ты, но без тебя тут явно не обошлось! Это ведь статуя из той пещеры? Что вы натворили? Выпустили столь непристойное изваяние бегать повсюду в ночной час! Не слишком ли фривольные забавы ты и Собиратель цветов под кровавым дождём себе позволяете?!

— Какое тебе до этого дело? — фыркнул Хуа Чэн.

— Что значит — какое мне дело? — гневно рявкнул Му Цин. — Это мой дворец!

— Я тоже приложил руку к строительству новой столицы бессмертных, — протянул Хуа Чэн.

Му Цин не нашёлся с ответом.

По правде говоря, из-за серьёзных потерь, понесённых Небесными чертогами, немалому количеству небожителей пришлось тайно просить помощи у хозяина Призрачного города. Если так посчитать, постройка новой столицы бессмертных и впрямь не обошлась без Хуа Чэна.

— Вообще-то это никакие не забавы, — вмешался Се Лянь. — Всего лишь недоразумение. Где он сейчас?

— Он выкрал у меня меч и убежал в...

Продолжать не потребовалось, Се Лянь и так понял, где следует искать беглеца. Из цветочного садика, устроенного возле дворца Сюаньчжэня, раздался звон металла.

Се Лянь немедля бросился на звук, и действительно, статуя Нежные объятия стояла прямо на искусственной горе в саду!

Одеяний на статуе почти не было, гладкие блестящие плечи и грудь оголились практически полностью. Нижние одеяния тоже, можно считать, отсутствовали — картина весьма неприличная. Но ещё более сильное впечатление производило лицо статуи: чуть сведённые брови, почти видимый румянец на коже и тонкие струйки пота...

Назвать мастерство резчика сразу и божественным, и демоническим искусством было бы несколько не чрезмерной похвалой. Ну а сейчас изваяние, схватив украденный из дворца Сюаньчжэня меч... «Цзынь-цзынь, цзынь-цзынь!» Раз за разом вонзала его в собственное тело, разумеется, чтобы, как и сам принц тогда, поранить себя и тем самым снять действие яда.

Но поскольку камень из Медной печи был невероятно крепким, меч никак не мог пронзить его, только гнулся. Статуя, похоже, отчаялась и занесла руку, чтобы разmozжить себе голову одним ударом, тогда Се Лянь поспешил остановить:

— Успокойся! Успокойся!

Статуя обратила к нему затуманенный взгляд, а принц подлетел и отвесил такой удар, что изваяние сверзилось с возвышения, упало в пещеру и больше не смогло подняться. Хуа Чэн в мгновение ока очутился возле Се Ляня и сбросил что-то в ту же пещеру.

Статую Князя Демонов!

Впрочем, каменный Князь Демонов скорее сам вырвался из его рук при виде статуи юного Се Ляня, нежели Хуа Чэн бросил его. Едва соскочив с ладони Хуа Чэна, изваяние в воздухе приняло прежнюю форму, упало в пещеру и накрыло своим телом каменного принца, после чего снизу раздался удивлённый вздох.

Се Лянь поскорее прыгнул с горы и затолкал прибежавшего на шум Му Цина обратно во дворец со словами:

— Не успеть! Уж прости, но нам придётся ненадолго позаимствовать твой драгоценный садик!

Му Цин потрясённо спросил:

— Что вы там натворили?

— Потом объясню, приношу десять тысяч извинений!

Хуа Чэн неторопливо протянул:

— К чему извинения? Ты ведь столько раз спасал ему жизнь.

— Нет уж, лучше всё-таки объяснись сейчас, — настоял Му Цин.

— Я, кажется, видел, как ты сбросил туда «себя», и он тоже сбросил свою копию, мне ведь не померещилось? И чем же вы там занимаетесь? Что сейчас творится в моём саду?

Се Лянь чуть не схватил его за шею, чтобы утащить в покои дворца.

— Дело не терпит отлагательств! Правда, Му Цин, не надо туда ходить! Ну зачем тебе эти мучения?

— Се Лянь!!! — взревел Му Цин. — Что вы устроили в моём дворце? Твою мать! Да твою ж мать!

— Это не мы! Всего лишь недоразумение, правда, ждать было невозможно... И ещё, ты опять перепутал слова!

Спустя два часа две статуи наконец без остатка истратили все магические силы, что перетекли к ним от настоящих Се Ляня и Хуа Чэна.

Взойдя на гору в саду и заглянув в пещеру, принц закрыл лоб ладонью.

Хуа Чэн занялся статуями, а Се Лянь молча вышел и задержал снаружи Фэн Синя и Му Цина, которые тоже хотели взглянуть, что произошло.

— Вы не захотите этого видеть, — честно сказал принц.

Фэн Синь вообще-то и без того никогда не страдал любопытством, а почувствовав неладное, тут же разумно отступил. Му Цин же никак не мог успокоиться, его лицо почернело как днище старого котла, он в бешенстве затряс рукавами и в таком же бешенстве забормотал:

— Просто не могу поверить... Я просто не могу в это поверить! Как такое могло случиться?! Как такое могло случиться в моём дворце?! — После он уплыл прочь словно неприкаянный призрак.

Наверное, Му Цин больше никогда не сможет спокойно взглянуть на эту гору в своём саду. Се Лянь подозревал, что тот скорее одним ударом сровняет здесь всё с землёй.

По правде говоря, Се Лянь и сам не смел поверить, что с ними произошло столь неопишное недоразумение, не зная, стоит ли ему чувствовать стыд по этому поводу. Обернувшись, принц посмотрел на две статуи... нет, сейчас следовало бы называть их «одной» статуей, и спросил:

— Они... так и останутся?

— Так и останутся, — ответил Хуа Чэн. — Теперь они неразлучны.

Се Лянь закрыл лицо ладонью.

Да разве у какого-то ещё небесного чиновника может быть подобная статуя?! Разве это можно показывать людям? Просто верх неприличия, где такое видано?!

Принц простонал:

— Сань Лан... возьми их... и спрячь. Их никто не должен увидеть.

— Разумеется, — усмехнулся Хуа Чэн. — Не волнуйся, гэгэ.

Они наконец вернули две статуи, соединившиеся в одну, на место — в пещеру Десяти тысяч божеств, и Се Лянь вытер пот со лба.

Остальные изваяния снова набежали из любопытства, и принц опять выпроводил их со словами:

— Нельзя смотреть на то, что не соответствует приличиям.

Ничего не поделаешь, пришлось им уйти. И хотя статуи так и не увидели завершённое произведение, уходя, они то и дело оборачивались, словно очень завидовали тому «Се Ляню», который наконец обрёл «пару».

Действие яда Нежных объятий рассеялось, но другие статуи остались незавершёнными: никто не любовался танцем Воина, радующего богов; никто не поддерживал захмелевшего принца; некому было толкнуть качели...

Се Лянь невольно посетовал в душе: «Вот бы у каждого Се Ляня появился свой Хуа Чэн».

К его неожиданности Хуа Чэн сказал то же самое:

— Гэгэ, тебе не кажется, что каждому Его Высочеству неплохо было бы заполучить своего Сань Лана?

Они сразу пришли к согласию, остались в пещере Десяти тысяч божеств и развернули масштабную работу.

Вскоре принц получил возможность своими глазами увидеть, как Хуа Чэн превращал грубый кусок камня в изящное произведение искусства. Его мастерство не поддавалось описанию, поскольку работал он так быстро, что невозможно было разглядеть движений его рук. Хуа Чэн соединил в одно целое технику и магию, так что принцу оставалось лишь восторженно вздыхать.

В итоге, когда Хуа Чэн развернулся, из груды мелких обломков показался только что высеченный из камня ребёнок. С растрёпанными волосами, в порванной одежде и бинтах на голове он выглядел ужасно жалобно, при этом держал что-то в ладошках, не желая отпустить. Принц освятил маленькую статую, положив руку ей на голову, а Хуа Чэн наделил каплей магических сил. В тот же миг ребёнок заморгал и принялся озираясь, а поняв, что кто-то держит его за шиворот, отвесил яростный пинок.

Хуа Чэн, похоже, ожидал от него чего-то подобного, поэтому с лёгкостью увернулся и продолжил держать мальчишку на весу, позволяя тому отбрыкиваться и вырываться. Се Лянь не ожидал от маленького Хуа Чэна подобной свирепости и прыснул:

— Ох, какой злюка!

Хуа Чэн цокнул языком и бросил мальчика в сторону. Тот с громким «бум» плашмя упал на пол пещеры, быстро вскочил и уставился на демона недобрым взглядом.

Се Лянь запереживал, что мальчик ушибся, и протянул к нему руки.

— Сань Лан, ты слишком сильно его бросил! Осторожнее, не то разобьёшь.

А ведь если подумать, это дитя только-только появилось на свет!

Но Хуа Чэн с безразличием ответил:

— Не страшно, он очень живучий.

По отношению к Хуа Чэну мальчик вёл себя ужасно враждебно, тогда как к принцу отнёсся весьма дружелюбно. Видя, что Се Лянь подзывает его, он в самом деле собрался подойти. Но тут статуя Воина, радующего богов, которая находилась неподалёку, будто бы что-то почувствовала — спустилась со своего пьедестала и подошла взглянуть.

Увидев изваяние наследного принца в образе Воина, радующего богов, ребёнок застыл. Глаз, выглядывающий из-под бинтов, сделался большим, мальчик с громким топотом бросился к принцу, словно хотел обнять его, схватить за полы одежд, но всё же не решался приблизиться и запачкать одеяния небесного божества. Лишь спустя некоторое время он с крайней осторожностью протянул к принцу ладошку и наконец разжал пальцы.

Оказалось, что на его ладони спрятался маленький цветок. Воин, радующий богов, принял цветок, мягко улыбнулся, наклонился и сам взял мальчика на руки, после чего они вместе радостно удалились. Похоже, один наконец нашёл того, кто будет наслаждаться его выступлением, а другой обрёл того, кому будет подносить цветок.

Се Лянь остался вполне удовлетворён таким итогом, но у него вдруг возник другой вопрос:

— Сань Лан, когда ты закончишь работу, получается, пещеру Десяти тысяч божеств будет заполнять огромное множество твоих и моих статуй? А они не перепутают друг друга? Всё же многие из них похожи.

Хуа Чэн усмехнулся и возразил:

— Этого не случится.

— Почему?

Хуа Чэн повторил:

— Не случится. — Подняв глаза на принца, он с улыбкой произнёс: — Пусть даже «Его Высочество» ошибётся, «я» не ошибусь никогда. Потому что каждый Хуа Чэн всегда будет последователем единственного Его Высочества, будет предан ему одному.

Се Лянь перевёл на него внимательный взгляд, у него вырвалось:

— Я тоже не ошибусь. У одного Се Ляня всегда будет только один самый преданный последователь. «Я» буду вечно это помнить. Я...

На этой фразе принцу вдруг стало до странного неловко. Сейчас они походили на детей, которые с жаром давали друг другу обещание «я всегда буду любить тебя и только тебя». Весьма искренне, и в то же время наивно.

Хоть и наивно, а всё же искренне.

Помолчав, Се Лянь тихонько кашлянул:

— Что ж... теперь давай сделаем для Его Высочества наследного принца, сидящего на качелях, Его Превосходительство Князя Демонов, который эти качели подтолкнёт.

Ведь он выглядел таким одиноким и несчастным, когда никто не помогал ему толкать качели.

— Хорошо! — охотно согласился Хуа Чэн.

Се Лянь спросил снова:

— А как быть с тем, что пьёт вино? Тут придётся поломать голову. Кажется, он не совсем в трезвом уме, да ещё заливается слезами. Ох,

здесь слишком много статуй. Когда же мы сможем сделать пару для каждой?

— Чего бояться? — усмехнулся Хуа Чэн. — Не будем спешить, рано или поздно они встретят друг друга.

Се Лянь тоже заулыбался и кивнул, тихо соглашаясь:

— Да, обязательно встретят.

В каменной пещере две некогда отдельные статуи теперь слились в одно целое.

Они крепко обнимались и смотрели друг другу в глаза, находясь совсем близко. Взгляды их, как и тела, сплелись неразрывно и стали по-настоящему неразлучны.

День рождения Князя Демонов

Надвигалось одно весьма необычайное событие, из-за которого все демоны Призрачного города потеряли покой. Прознав о нём, Се Лянь тоже удивлённо застыл и встревоженно спросил у группы демонов, которые тайно поведали ему о событии:

— День рождения?

— Именно!

Именно. Приближался неизвестно какой по счёту великий праздник хозяина Призрачного города, Хуа Чэна!

Застигнутый врасплох Се Лянь необъяснимо разволновался:

— Н-но, н-н-но... как вы прежде справляли день рождения Сань Лана?

Демоны заголосили, перебивая друг друга:

— Очень весело, кря!

— Вообще-то никак, просто устраивали шумную пирушку...

— Но ведь сам градоначальник не удостоивал нас визитом?

На этой фразе Се Лянь вмешался:

— Что значит «не удостоивал визитом»?

— То и значит, что наш почтеннейший градоначальник никогда не справлял день рождения.

— Да, кря! Ему всегда было безразлично, что мы делаем в этот день, и даже одним глазком не глядел на поднесённые ему подарки, кря. Каждый год мы просто как дурачки веселились сами по себе, кря.

— Наш почтеннейший градоначальник, как и все люди высокого статуса, забывчив. И кажется, совершенно не помнит, когда у него день

рождения!

Се Лянь, подумав, принял решение. Если раньше Хуа Чэн относился к своему дню рождения без особого интереса, в этот раз нужно непременно придумать, как сделать праздник оригинальнее и интереснее, чтобы для Хуа Чэна этот день был наполнен радостью. А иначе получится, что дни рождения с принцем и без принца ничем не отличаются друг от друга!

Во-первых, обязательно нужно приготовить подарок. Се Лянь погрузился в раздумия — что же подарить?

Демоны уставились на него в ожидании.

— Даочжан Се, вы раздумываете, что подарить градоначальнику?

— Да. К своему стыду... я не уверен, что именно ему понравится. Боюсь, если подарю что-то не то...

Свин-мясник вздохнул:

— Ох, ну что вы зря переживаете? Ведь главное, что это подарок от старшего дя... даочжана Се, а значит, наш градоначальник точно будет вне себя от радости.

— Да! Даже если вы подарите ему клочок бумажки, он наверняка обрадуется, дя... даочжан Се, разве подарок от вас может сравниться с подарком от кого-то другого?!

Се Лянь неловко усмехнулся и счёл подобный подход слишком уж несерьёзным, без должной искренности.

— Не говорите так, подарок непременно нужно выбрать с душой... У вас есть идеи?

Что ни говори, а Хуа Чэн управлял Призрачным городом много лет, и возможно, его обитатели больше знают о предпочтениях своего градоначальника. А может, после коллективного обсуждения принц ещё подумает сам и отыщет действительно подходящий и необычный подарок.

Как он и думал, демоны заголосили:

— Есть, есть, есть!

С такими криками к принцу протянулись около дюжины пар куриных лап, свиных копыт и щупалец с разнообразными вариантами подарков. Се Ляню никогда не приходилось видеть ничего подобного; окружённый незнакомыми вещами, он подивился в душе. Взяв подвернувшуюся под руку изящную и таинственную бутылочку из зелёного нефрита, он спросил:

— О? Что это?

Демон, поднёсший бутылёк, ответил:

— Приворотное зелье высшего качества! Достаточно нескольких капель, и отравленный гарантированно воспылает неугасимой любовью к отравителю, потеряет весь разум, так что при виде объекта воздыхания будет падать без чувств! Кроме того, снадобье совершенно безопасно для здоровья!

После неловкого молчания Се Лянь с серьёзным видом ответил:

— Благодарю за предложение. Но любовь должна исходить из сердца, как можно управлять ею при помощи снадобья? Лучше вам впредь не прибегать к подобным методам.

Демон в страхе пообещал:

— Да, да, да, больше не стану, не стану. Впрочем, обычно мы и не пользуемся таким, просто даочжан Се спросил, что лучше подарить!

Се Лянь, не зная, плакать или смеяться, подумал: «С чего вы решили, что мне может понадобиться приворотное зелье?» Затем с улыбкой ответил:

— Полагаю, и вашему градоначальнику оно без надобности.

Остальные демоны в несколько рук вытолкали того демона прочь и загалдели:

— Вот именно! Если градоначальник кого-то возжелает, разве ему придётся пользоваться зельями? Вот ведь выдумал!

Се Лянь про себя подумал, что это и впрямь так. К примеру, самому принцу не требовалось никаких снадобий: едва увидев Хуа Чэна, он уже практически терял разум и падал без чувств. Поистине неловко.

Чтобы не позволить смущению вылиться в румянец на лице, принц торопливо взял другую коробочку и, открыв её, поинтересовался:

— А это что такое? Жемчужина? Волшебное лекарство?

Демон, поднёсший коробочку, ответил:

— Это пилюля деторождения!

Се Лянь даже не стал спрашивать, для чего эта пилюля, быстро захлопнул коробочку и беспомощно вздохнул:

— Да что же вы мне тут принесли...

Как можно предлагать в подарок Хуа Чэну нечто настолько непристойное?

В результате, выслушав кучу бредовых идей, Се Лянь понял, что ничего дельного не добьётся. Тогда он велел демонам тайком подготовить празднование дня рождения Князя Демонов, чтобы сделать Хуа Чэну сюрприз, а сам решил как следует поразмыслить над подарком.

Наверное, Се Лянь слишком озаботился организацией дня рождения, потому что на его лице теперь читались тяжкие раздумья. В тот день принц, помогая Хуа Чэну в занятии каллиграфией, как раз погрузился в размышления, но вдруг услышал рядом голос:

— Гэгэ.

Се Лянь наконец пришёл в себя и повернулся к нему:

— Что?

Хуа Чэн, внимательно глядя на него, положил кисть и произнёс:

— Может быть, мне показалось, но гэгэ будто бы чем-то озабочен. Не желаешь поведать Сань Лану, что случилось, чтобы я разделил твои тревоги?

Принц испугался, но тут же сделался серьёзным и предупредил:

— Кисть... опускать нельзя. Не думай отлынивать, возьми снова и продолжай.

Хуа Чэн рассмеялся, взял кисть и со вздохом протянул:

— Ты меня поймал.

Се Лянь посчитал, что ему удалось провести Хуа Чэна, и вздохнул с облегчением. Однако тот написал две строчки и вновь как бы между прочим сказал:

— И всё же гэгэ в последнее время... ведёт себя странно.

Се Лянь вновь испугался, однако его лицо осталось невозмутимым.

— О? И в чём же эта странность?

Окинув принца внимательным взглядом, Хуа Чэн улыбнулся.

— Ты как будто... стал чрезвычайно мне послушен.

Се Лянь тоже с улыбкой сказал:

— Но разве я не всегда таким был?

У принца не получалось ничего придумать, и он решил пойти на риск, поэтому сначала наговорил всякой ерунды, а потом, притворяясь, что на самом деле ему безразлично, добавил:

— Сань Лан, позволь задать тебе вопрос.

— Хм? Какой вопрос?

— Тебя не посещает чувство, что чего-то не хватает или... вроде того?

— Не хватает? Гэгэ, о чём ты говоришь? Тебе чего-то не хватает?

— Ох, нет... я говорю о тебе. Просто спрашиваю...

Бедный Се Лянь не решался задать вопрос напрямую, к примеру «что тебе нравится, чего бы ты хотел», боясь, что Хуа Чэн что-то заподозрит, вот и пришлось идти обходными путями. Но принц не знал, получится ли у него таким образом выспросить нужное, и потому его сердце беспокойно замерло.

— Обо мне? Гэгэ полагает, что мне может чего-то не хватать?

...И то верно. Се Лянь невольно смутился.

— Гэгэ, почему ты спрашиваешь?

Боясь излишних подозрений, Се Лянь решил действовать — с силой толкнул Хуа Чэна в грудь. Тот никогда не защищался от принца, и когда со стуком оказался повален на кушетку, округлил глаза, но всё же не придал этому особого значения, лишь усмехнулся:

— Гэгэ, что это ты делаешь? Так страстно, ты...

Не дожидаясь, пока он договорит, Се Лянь отбросил стыд, накинулся на Хуа Чэна и заткнул ему рот поцелуем. На сей раз Хуа Чэн позабыл о расспросах, обхватил принца руками, перевернулся, оказавшись сверху, и больше не пытался понять, в чём же именно Се Лянь ведёт себя странно.

Раз уж собственными тяжкими раздумьями решить вопрос не удалось, Се Ляню пришлось обратиться к помощи извне. И первым делом он подумал, разумеется, о своих прежних подчинённых.

Трое уселись на корточки в потаённом и безлюдном старом храме, и после воцарившейся неловкой тишины Фэн Синь спросил:

— Чего вы на меня уставились?

Двое других по-прежнему продолжали смотреть на него, ни слова не произнося. Что поделать, из них троих только Фэн Синь когда-то был женат на женщине, и вообще-то должен понимать, как порадовать близкого человека. Но лицо Фэн Синя от их взглядов потемнело.

— Не надо на меня смотреть, бесполезно. Я дарил ей только одну вещь.

Тот самый золотой пояс. Да ещё и пожалованный ему Се Лянем.

Му Цин тоже пребывал в невообразимом потрясении от того, что принц притащил его сюда и задал подобный вопрос. Он повёл себя поистине учтиво уже хотя бы потому, что смог сдержаться и не закатыть глаза. Желая лишь поскорее решить проблему, Му Цин сказал:

— Ну вот и славно, пояс — неплохой подарок, давай ты тоже просто подаришь ему пояс.

Се Лянь, уже бессознательно не обращая внимания на его ехидство, посетовал:

— У меня давным-давно не осталось ни одного.

Он заложил их все!

Му Цин ещё более издевательски добавил:

— Сейчас у тебя дела идут отлично, повсюду твои храмы и последователи, покажись кому-нибудь во сне и скажи, что тебе надо. Тебе ли сокрушаться, что не можешь достать хоть один?

— Но тогда не будет смысла! — возразил принц. — Если даже подарки на день рождения приходится принимать как подношения от последователей... Как-то слишком небрежно, не находишь?

Видя, что никакой сарказм Се Ляня не берёт, Му Цин наконец заговорил нормальным тоном:

— Ну почему с тобой столько хлопот? Тогда сделай подарок своими руками.

Се Лянь тут же поддержал:

— Хорошая идея! Но я не умею.

— Не умеешь, так можно научиться.

— Отлично сказано. У кого мне учиться?

Му Цин раздражённо бросил:

— Откуда мне знать? Найди первого попавшегося...

Он осёкся, когда заметил, что на сей раз другие двое, не сговариваясь, перевели взгляды на него.

Через четыре часа, когда Се Лянь проткнул пальцы иглой уже несколько раз и только благодаря бинтам ладони не заливало кровью, он наконец держал в руках нечто продолговатое, неясной формы и назначения.

Му Цин просто не мог на это смотреть.

— Что это такое?

— Пояс, — со вздохом ответил Се Лянь.

— Я знаю, что это пояс. Я спросил, что это такое вышито на нём? Какой смысл несёт этот узор в виде двух картофелин?

— Это не картофелины! Ты не видишь? Это две рожицы, — чтобы его помощники разглядели получше, принц провёл по ткани пальцами. — Два человеческих лица, вот глаза, а здесь рот...

Убедившись, что это действительно чьи-то рожицы, Му Цин, не веря своим глазам, произнёс:

— Да кто вообще вышивает на поясе рожицы? Как в этом можно куда-то выйти? Ведь ты одеваешься не настолько бесвкусно, как ты мог сотворить нечто подобное?

Се Лянь не мог ничего поделаться. Заставь его починить ветхий домишко, вырыть колодец или возвести стену — в таких делах он мог похвастаться прекрасным мастерством, работу выполнял быстро и на совесть. Но похоже, ему от природы не давались подобные, более «женские» задачи. Стоило ему взяться за нить с иглой или котёл с черпаком, всё выходило из-под контроля. Принц поглядел на свои руки, замотанные как цзунцзы. Пусть боли он не чувствовал, но в таком состоянии процесс замедлялся, и принц неизбежно ощутил беспомощность.

— Лучше я всё-таки поправлю...

Но как тут исправить? Как говорится — из дерева уже вырубил лодку, обратно не воротишь. Самое большее, что можно сделать, — добавить по краю рожиц лепестки, чтобы те превратились в два миленьких несуразных цветка.

Фэн Синь и Му Цин стояли с видом, словно готовы выколоть себе глаза.

На лбу Му Цина едва заметно вздулись вены.

— Я бы и свинью научил шить, почему же ты такой бестолковый? Постоянно тыкал иголкой в собственные пальцы!

— Когда это ты свиней обучал? — встрял Фэн Синь. — Вот уж точно наглое бахвальство!

Му Цин, не церемонясь, обратился к Се Ляню:

— Ладно, смирись, нет у тебя такого таланта.

Ему редко выпадал случай назвать принца «бесталанным», и прозвучало это с полной уверенностью, даже с нотками удовольствия.

Фэн Синь, не в состоянии больше слушать, вмешался:

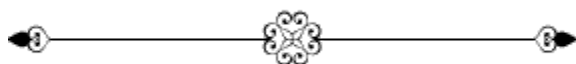
— Ты не мог бы поменьше болтать? Ты ни слова похвалы не сказал Его Высочеству, а ведь носить одежду и шить её самому — это совсем не одно и то же! И ещё, ведь не всё так плохо, по крайней мере, этот пояс можно надеть.

— Ладно, тогда подарим сделанную им штуковину тебе, и если решишься выйти в ней в люди, я охотно признаю, что был неправ.

Фэн Синь не успел ничего ответить, когда Се Лянь поспешно забрал своё до смешного уродливое творение и проговорил:

— Что ты, это никуда не годится. Лучше я всё же оставлю его себе!

Такое просто рука не поднимется преподнести в дар!

Фэн Синь и Му Цин ничем не смогли помочь, и Се Лянь решил попросить совета кое у кого другого.

— Подарок? Ваше Высочество, вы обратились прямо по адресу. В прошлом... какие только редчайшие драгоценности не дарили Моему... мне!

Они сидели на корточках на обочине дороги, и Ши Цинсюань с распущенными волосами преисполнился такого воодушевления, что из его уст будто изливалась бесконечная река. Сразу видно, что по части подарков он лицо сведущее. Се Лянь с ещё большей учтивостью

попросил передать ему эту мудрость, а Ши Цинсюань совершенно уверенно произнёс:

— Бесхозные сокровища, конечно, на свете есть, но чтобы добыть их, наверняка потребуется потратить немало сил.

— Нестрашно, — ответил Се Лянь. — Это как раз то, что мне нужно.

Чем больше сил потребуется потратить, тем ценнее станет подарок, ведь тогда он будет нести на себе больше сердечных чувств. Лучше добыть сокровище, которое достать труднее всего, которое никому не удалось заполучить. Так, если принц преподнесёт его Хуа Чэну, оно обретёт для него по-настоящему особенный смысл. Стоило принцу только представить, как Хуа Чэн чуть приподнимет брови и улыбнётся уголком губ, и его сердце наполнялось неудержимым радостным ожиданием, нетерпением и решимостью.

Поразмыв, Ши Цинсюань воскликнул:

— Сосуд звёздного неба! Ваше Высочество, должно быть, слышали о нём? Это истинное сокровище. Если поставить его ночью под открытым небом, так, чтобы звёзды и луна отразились в вине, которым наполнен сосуд, он впитает в себя лучшую духовную Ци небесных светил. Это не только изящество в чистом виде, но ещё и огромная помощь в самосовершенствовании...

Однако, чем дальше слушал Се Лянь, тем тяжелее становилось недоброе предчувствие в его душе. Он торопливо перебил:

— Постойте.

— В чём дело?

— Цинсюань, ты говоришь о вот таком маленьком сосуде из чёрного нефрита? — Принц изобразил руками размер. — В нефрит ещё инкрустированы мелкие звёздочки?

— Э? Откуда вы знаете, Ваше Высочество? Вам доводилось его видеть?

Се Лянь промолчал.

Не только видеть... В прошлом месяце принцу захотелось выпить воды, однако он забыл, что поранил руку, и потому по неосторожности не удержал и разбил вдребезги точно такой же сосуд.

Тогда Хуа Чэн сразу подошёл узнать, откуда на руке принца рана, ну а принцу стало жалко красивый необычный сосуд, и он поинтересовался, нельзя ли его починить. На что Хуа Чэн ответил, что

это всего лишь безделушка, даже не взглянул на него и велел слугам убрать осколки, а потом повёл Се Ляня лечить рану.

Вспомнив об этом теперь, Се Лянь поразился — неужели он разбил тот самый Сосуд звёздного неба, редчайшее сокровище, о котором говорит Ши Цинсюань?!

Половина сердца Се Ляня похолодела, через какой-то время он сказал:

— Наверное... это не слишком подходящий подарок. Предложи что-нибудь другое.

— Хм... — Ши Цинсюань не понял, чем принца не устроил такой вариант, но почесал затылок, поразмыслил и добавил: — Ну тогда ещё кое-что, Кисть восьми сторон света! Поразительный артефакт, она сделана из шерсти с кончика волшебного хвоста древнего оборотня, а также из верхнего ростка нефритового бамбука, поэтому, когда ею не пишут иероглифы, на кисти вырастают...

— Бамбуковые листья из бирюзового нефрита?

— Верно! Ваше Высочество, откуда вам и это известно? Её вам тоже доводилось видеть?

Да как же не доводилось? Ведь именно этой кистью Хуа Чэн ежедневно упражняется в каллиграфии. К тому же, написав уродливые иероглифы, он сразу винит в этом плохую кисть, то и дело швыряет её на пол, а иногда может запнуть куда-нибудь. Се Ляню частенько приходится искать, куда же улетела бедная кисть, затем хорошенько её вытирать и убирать на место.

— Это... — помолчав, сказал Се Лянь, — наверное, тоже не самый лучший подарок. Давай всё-таки подумаем ещё.

Ши Цинсюань назвал ещё несколько вариантов, но принц обнаружил одну вещь. Всё то, что другие люди называют редчайшими сокровищами, ему уже очень знакомо, и к тому же судьба этих вещей незавидна. То это окажется табуретка, на которую Хуа Чэн кладёт ноги, то коврик, который он постелил на пол. И если он не взял это просто ради забавы, то уже куда-нибудь забросил!

Если подумать, ничего странного в этом нет. Разве ещё осталось на свете сокровище, которое Хуа Чэн не видел и которое не может достать? Поэтому, что касается подарка на день рождения Князю Демонов, в этом направлении размышлять бесполезно — ничего не придумаешь.

Когда болезнь серьёзна, любой врач сойдёт, и Се Лянь обошёл практически всех знакомых, к кому можно обратиться. Вот только... Цюань Ичжэнь умел только пихать золотые слитки, а Хуа Чэн не страдал от недостатка денег. Пэй Мин умел дарить подарки только женскому полу и на вопрос «что подарить мужчине» ничего серьёзного предложить не мог. Что касается Линвэнь, она заручилась поддержкой нескольких небесных чиновников высшего ранга, да к тому же чертоги Верхних Небес просто не могли без неё обойтись, потому её не заключили в темницу. Однако чиновницу уже не было видно из-под свитков, которыми её закидали, так что она уже почти ничего не понимала и могла только проверять документы. Уж лучше бы её оставили в темнице, посидеть в тишине и покое...

Се Лянь ни от кого не дождался помощи и по-прежнему не знал, что подарить, а до праздника осталось только два дня. Он целую ночь не мог уснуть от размышлений, так что глаза заполнились кровавыми прожилками, но вот наконец перед самым рассветом у него возникла идея. Стоило подумать об этом, и принц тихонько поднялся с постели, затем глянул на спящего рядом Хуа Чэна.

Чёрные словно вороново крыло волосы, такие же чёрные и блестящие ресницы, плотно сомкнутые веки, по которым и не скажешь, что одного глаза уже нет. При взгляде на прекрасное лицо спящего, природная угроза и опасность ощущались уже не так отчётливо, сейчас Хуа Чэн казался безгранично нежным и ласковым.

Сердце Се Ляня дрогнуло, он не удержался — протянул руку и осторожно поднёс к лицу Хуа Чэна, но в последний момент побоялся его разбудить и не коснулся кожи.

Однако спуститься с кушетки принцу так и не удалось — его схватили за талию и притянули обратно. За спиной раздался сонный голос:

— Гэгэ, зачем ты поднялся так рано?

Хуа Чэн всё-таки проснулся!

Он говорил очень тихо, с хрипотцой, словно ещё не до конца пробудился. Се Лянь, который не ожидал, что его поймут, с трудом

скрыл испуг и спокойно ответил:

— Ах, до меня донеслась молитва.

Хуа Чэн прижался и оставил поцелуй возле уха принца.

— Ещё не рассвело, кому взбрело в голову в такую рань бежать в храм и молиться? Жить надоело...

Принцу было что скрывать, и, наверное, поэтому от слов демона его лицо обдало жаром.

— Эту молитву я не сейчас получил, просто раньше отложил на потом...

Принц решил, что в таком положении говорить нормально слишком затруднительно, поэтому снова попытался встать, но Хуа Чэн сел вместе с ним, обнял сзади за шею, устроив голову на его плече, и сказал:

— Ну раз ты отложил молитву до этого дня, почему бы не подождать ещё? Гэгэ вчера так утомился, лучше отдохни ещё немного.

Се Лянь старательно противостоял его обвивающим рукам и соблазняющему голосу, но получалось с трудом.

— Я... и так уже слишком долго откладывал, больше ждать нельзя...

— О. Тогда мне пойти с тобой?

— Не нужно, — торопливо ответил принц. — Это не займёт много времени, я сразу же вернусь, а ты отдохай!

— Точно не нужно?

— Не нужно! Тебе нельзя со мной, ни в коем случае!

— Почему? — Хуа Чэн чуть округлил глаза.

Се Лянь поперхнулся, но сразу же резко повернулся к нему, схватил Хуа Чэна за плечи, и глядя прямо в глаза, серьёзно произнёс:

— Тебе... нужно упражняться в каллиграфии.

Хуа Чэн невинно посмотрел на него, хлопая глазами. А Се Лянь, отбросив угрызения совести, добавил:

— Сегодня ты должен целый день провести за каллиграфией в храме. Я проверю, когда вернусь!

Хуа Чэн принял ещё более невинный вид и наклонил голову набок, но всё же послушно согласился.

Се Лянь же, которому с огромным трудом удалось наконец его уговорить, впопыхах скатился с постели. Хуа Чэн, полуоперевшись на

столик, прищурился и посмотрел вслед в спешке убегающему принцу, потом усмехнулся, закинул руки за голову и снова улёгся на постель.

Сперва Се Лянь наведалься в безлюдную местность, взял то, что ему нужно, затем отправился на гору Тунлу.

Там в чаще леса стоял маленький домик. Войдя внутрь, принц увидел за столом советника, который весьма сосредоточенно играл в карты с тремя пустыми сосудами.

Се Лянь, не говоря ни слова, развернулся уйти, но советник, только увидев его, блеснул глазами и выкрикнул:

— Стой!

Принц знал, что советник во время игры в карты мог велеть ему вернуться лишь по одной причине. Так и вышло — в следующий миг тот перевернул столик с картами и воскликнул:

— Довольно, я занят и должен идти! Наследный принц, вернись! Зачем пришёл?

Обернувшись, Се Лянь увидел безвольно повалившиеся на пол пустые сосуды и прекрасно понял, что советник явно проигрывал эту партию.

— Вообще-то у меня не такое уж неотложное дело, — соврал принц.

Но советник тут же возразил:

— Нет, нет, по твоему серьёзному лицу я вижу, что случилось нечто невероятно важное! Карты подождут, наставник сначала должен помочь тебе!

Но стоило Се Ляню поведать о цели своего визита, лицо советника переменилось. Они сидели на простенькой длинной лавке, и принц прекрасно расслышал, что советник упрекнул его:

— Вот уж точно — случилось нечто невероятно важное. Всего-то день рождения, а ты думал над этим так долго! Да ещё оббежал весь свет, чтобы лично добыть вот это!

Се Лянь знал, что не сможет объяснить другим свои мотивы, а если сможет, его всё равно не поймут. Не обращая внимания на упреки, он до покраснения растёр точку между бровей и сказал:

— Я ведь уже отыскал нужный материал, просто не помню, как изготовить тот замок долголетия времён Сяньлэ, что я носил в детстве. Прошу, советник, помогите. Вам не придётся ничего делать, я сам всё исполню.

Но советник, похоже, никак не унимался:

— Тебе вовсе не стоило готовить подарок. Ты уже сам себя подарил, какие ещё подарки ему нужны?

Хотел ли советник этим сказать, что «ты и есть самый лучший подарок»? Се Лянь не мог принять подобное суждение даже в мыслях, поэтому хлопнул себя ладонью по лбу и подумал: «Я ведь не настолько самовлюблённый».

Советник видел, что принц то и дело качает головой, протестуя из глубины души, и добавил:

— Это ведь просто никуда не годится. Ты же... единственный на всём белом свете небожитель, вознёсшийся трижды! Бог войны в короне из цветов! Наследный принц Сяньлэ! Уже в семнадцать лет имел наглость перед всем народом Поднебесной заявить, что желает помогать людям, попавшим в беду! В восемнадцать лет...

Се Лянь поспешно перебил:

— Советник! Прекратите! Советник! Не продолжайте! Не продолжайте!

Как можно гордиться подобным «тёмным прошлым»?!

Советник взглянул на принца со сложной палитрой эмоций на лице, словно был ужасно разочарован, что из его ученика не вышел толк.

— Ваше Высочество, вам ведь и правда не стоит ставить себя на столь низкую ступень!

— Я вовсе не ставлю себя на низкую ступень, просто...

Просто, когда дело касается любимого человека, разумеется, хочется дать ему самое лучшее, что есть на свете. Да и Се Ляню всё же иногда казалось, что сам он недостаточно хорош.

Глядя на принца, советник вздохнул, спрятал руки в рукава, поразмыслил немного и дал ответ.

— Замок долголетия, верно? Подожди, мне надо подумать. Это было так давно, что я и сам не решусь утверждать, что помню все тонкости ремесла и обряда освящения.

— Нестрашно, — ответил Се Лянь. — Если вы так и не вспомните, я сделаю его по памяти. Уверен, искренняя вера творит чудеса.

Помолчав, советник глянул на него и сказал:

— Не желаешь спросить его?

Он не назвал имени, но Се Лянь понял, о ком говорит советник. Цзюнь У был заточён в глубине подземелий горы Тунлу.

Спустя долгое молчание Се Лянь всё же отрицательно покачал головой.

Се Лянь провёл на горе Тунлу почти целый день, после чего возвратился в Призрачный город.

Тем временем день рождения Хуа Чэна уже должен был вот-вот наступить, осталось всего несколько часов. Обитатели Призрачного города договорились с принцем, что будут притворяться, словно ничего не происходит, а сами незаметно готовят город к празднику. Се Лянь проскользнул в какую-то маленькую лавку, а вскоре его окружила толпа демонов, которые наперебой заголосили:

— Ну как? Ну как?

Се Ляню подумалось, что они выглядят прямо как заговорщики, и спросил:

— Что с вашим градоначальником? Он ничего не заподозрил?

— Нет, нет, — заверили демоны. — Градоначальник сегодня весь день провёл в храме Тысячи фонарей.

Се Лянь немного удивился:

— Весь день?

— Ага! И кажется, у градоначальника сегодня прекрасное настроение. Старший... даочжан Се, вы приготовили подарок на день рождения градоначальнику?

Се Лянь наконец успокоился, потрогал лежащий в рукаве серебряный замок долголетия, изготовленный с таким огромным трудом, слегка улыбнулся и ответил:

— Приготовил.

Демоны возрадовались, затем вместе с принцем ещё раз обсудили завтрашнее празднование, и Се Лянь вернулся в храм Тысячи фонарей. Едва оказавшись там, он с удивлением обнаружил Хуа Чэна за каллиграфией.

Поразительно, но принцу не пришлось заставлять, демон по своей воле отправился тренироваться в написании иероглифов, — вот уж поистине редкий случай. По всей видимости, тот и впрямь пребывал в прекрасном настроении. Увидев, какие кривые и убогие иероглифы выходят из-под несчастной драгоценной Кисти восьми сторон света, Се Лянь почему-то захотел рассмеяться и покачал головой. Хуа Чэн услышал шаги принца, прекратил наконец мучить кисть и с улыбкой произнёс:

— Гэгэ, ты вернулся? Как раз кстати. Взгляни на мои сегодняшние успехи.

Се Лянь тоже заулыбался, ответил «Хорошо» и почти сделал шаг, но неожиданно именно в тот момент выражение его лица застыло, нога замерла, а брови напряглись.

Хуа Чэн мгновенно почувствовал неладное и в следующий же миг оказался подле принца.

— Что с тобой?

Тот сразу придал лицу нормальный вид.

— Всё в порядке.

Но принц был не в порядке. Только что, мгновение назад, его сердце едва заметно кольнуло.

Хуа Чэн не позволил себя дурачить и сразу взял запястье принца, чтобы прощупать пульс.

— Где ты был? Снова поранился?

— Нет.

Принц сказал правду, он не был ранен, просто несколько дней провёл в хлопотах, которые закончились вполне успешно, ничего опасного принц не встретил. Хуа Чэн несколько мгновений молчал, но ничего подозрительного не ощутил и отпустил руку Се Ляня. Тот сам запустил по телу поток Ци, но тоже ничего не заметил и про себя решил, что ему всего лишь показалось, поэтому улыбнулся:

— Наверное, просто потянул сухожилие. Ну ладно, давай посмотрим, как сегодня твои успехи.

Хуа Чэн наконец улыбнулся и повёл его за руку.

— Идём.

Принц ещё ничего не ответил, а его сердце вдруг снова заболело. Ему точно не могло показаться! Се Лянь весьма отчётливо ощутил боль, и если в первый раз она походила на укол иглой, то во второй уже оказалась сродни царапине острым ногтем. И если бы Хуа Чэн не отвернулся, Се Ляню точно не удалось бы одурачить его фразой «Всё в порядке».

Но момент был крайне неподходящий, принц пока что не хотел тревожить Хуа Чэна. Спустя некоторое время, проведённое вместе с ним, Се Лянь под благовидным предлогом вышел, чтобы ещё раз внимательно себя осмотреть.

Но когда отнял пальцы от пульса, его лицо сделалось серьёзным.

Результат по-прежнему не вызывал подозрений, в противном случае Хуа Чэн почувствовал бы неладное. Но почему у него без веской на то причины заболело сердце?

Поразмыслив, Се Лянь предположил, что в его тело проникла нечистая сила, либо он подвергся действию необычного яда. Впрочем, принц не стал впадать в панику, по крайней мере, сейчас. Ещё немного, и наступит день рождения Хуа Чэна, и если в такой момент что-то случится, тот наверняка не захочет ничего отмечать, а вместо этого займётся лечением принца.

Се Лянь привык терпеть боль, и ему не то чтобы не приходилось переживать подобные злоключения. Не придав значения случившемуся, он решил для начала отложить решение проблемы на день, а потом уж тихонечко разобраться с ней самому.

Вечером, когда назначенный час был близок, Се Лянь вернулся в храм Тысячи фонарей. Хуа Чэн всё ещё находился там и со скучающим, но с виду серьёзным лицом занимался мазнёй по бумаге, пополняя гору исписанных листов. Се Ляню невольно захотелось улыбнуться, но улыбка так и не показалась на его лица — сердце снова охватило болью. Он попробовал нажать на акупунктурную точку на груди, но это не возымело действия, и принц подумал: «Похоже, с этой напастью не так просто справиться... Потерплю ещё немного».

Легко вздохнув, принц подошёл и мягко позвал:

— Сань Лан? Есть одно дело, в котором, боюсь, мне потребуется твоя небольшая помощь.

Хуа Чэн положил кисть.

— Какая помощь?

— Закрой, пожалуйста, глаза.

Хуа Чэн поднял бровь, но без лишних слов подчинился. Се Лянь взял его за руки и с улыбкой сказал:

— Идём со мной.

Они словно вернулись на гору Юйцзюнь, только теперь поменялись ролями. Хуа Чэн усмехнулся:

— Хорошо!

Се Лянь за руки медленно довёл его до выхода.

— Осторожно, порог.

Хуа Чэн бродил по храму Тысячи фонарей неизвестно сколько раз, и разумеется, ему не требовались напоминания, где и как ступать, но всё же он поднял ногу только тогда, когда принц напомнил об этом. Серебряные цепочки на сапогах мягко звякнули, и двое одновременно вышли из храма, после чего оказались на длинной улице.

Спустя ещё какое-то время пути Се Лянь остановился.

— Ну всё, открывай глаза.

И Хуа Чэн повиновался. Его чёрный глаз сверкнул, словно загорелся яркий фонарик. Улица, украшенная фонарями и флагами, сейчас выглядела оживлённее и наряднее обычного, словно каждый её обитатель приложил к этому усилие. Выцветшие и порванные вывески заменили, края изогнутых крыш сверкали огнями, всё преобразилось.

В какой-то момент их окружили демоны, которые только что не решались даже дышать слишком громко, но стоило Хуа Чэну открыть глаза, все принялись изо всех сил шуметь и наперебой кричать: «С днём рождения, градоначальник!» А кто-то даже невпопад орал «Столетнего мира и согласия!» и «Желаем поскорее обзавестись драгоценным отпрыском!»^[326]. Сделалось невыносимо шумно!

Узрев столь безобразный результат, Се Лянь хлопнул себя ладонью по лбу. Они ведь так долго репетировали, даже с трудом получалось кричать слаженные поздравления, но почему же сейчас все выкрикивали что попало?!

Хуа Чэн остался невозмутим, как будто происходящее совсем его не тронуло, только поднял брови и сказал:

— Что вы устроили? Таким шумом убивать можно.

Позабывшие обо всём, что репетировали, демоны к тому же отбросили и совесть.

— Ну и пусть! Всё равно здесь все давно мертвы!

Хуа Чэн прыснул со смеху, повернулся и увидел за собой принца, который стоял, спрятав руки за спину.

— Сань Лан, я слышал... сегодня твой день рождения?

Демон, словно ожидал этого вопроса давно, сложил руки на груди, наклонил голову и, посмеиваясь, ответил:

— Гм. Ага!

Се Лянь тихонько кашлянул, потом вдруг подпрыгнул и быстрым движением надел на шею Хуа Чэна тот самый замок долголетия.

— Это... я сделал на скорую руку. Надеюсь, ты не откажешься от подарка!

На искусно сделанном замке были выгравированы такие же цветы, кленовые листья, бабочки и дикие звери, как на серебряных наручах Хуа Чэна, а кроме того, от него исходила мощная волна магической силы, так что с первого взгляда становилось ясно — это необычная вещь.

Демоны заголосили:

— Непревзойдённо! Как это прекрасно! Что за драгоценность?!

— Ах! Только градоначальник достоин носить такое сокровище! И только такие сокровища достойны того, чтобы их носил градоначальник!

Их похвала звучала настолько преувеличенно, что Се Лянь не знал, как на это реагировать, и разволновался ещё сильнее. Он подумал, стоит ли спросить Хуа Чэна, нравится ли ему подарок, а тот стоял, ни слова не произнося, только его глаз горел ярче яркого, а на губах играла улыбка.

Хуа Чэн взял в руки серебряный замок, словно собираясь что-то сказать, но тут произошло непредвиденное.

Ноги Се Ляня подкосились, и он упал на колени.

Такого не ожидал никто, по толпе веселящихся и хохочущих демонов прокатились потрясённые вздохи. Улыбка Хуа Чэна вмиг исчезла, он немедленно подхватил принца.

— Гэгэ? Что с тобой?

Побледневший Се Лянь с трудом улыбнулся.

— Ничего...

Но договорить не успел, его горло сдавило от недостатка воздуха. Вот беда, опять начинается! Та странная сердечная боль вновь

вернулась, и в этот раз оказалась как никогда прежде сильной, словно сердце Се Ляня разрывалось изнутри.

В душе принц воскликнул «Плохо дело», ведь он не ожидал столь внезапного напора, да к тому же каждая следующая волна была мощнее предыдущей, и как назло, боль накатила на него именно в такой момент! Он ещё мог сохранять самообладание, но напасть никуда не делась, будто кто-то, замахиваясь колышком из персикового дерева, раз за разом вбивал этот гвоздь ему в сердце. От боли стало трудно дышать, принц даже головы поднять не мог, по его лбу потекли струйки холодного пота.

Хуа Чэн окончательно переменялся в лице.

— Ваше Высочество?! — Он схватил запястье принца, но так и не обнаружил причины болезни. — Ваше Высочество! Где ты был вчера?!

Кругом стояли панические крики пришедших в смятение демонов. Се Лянь открыл рот, но словно что-то вонзилось ему в горло, не давая вымолвить ни слова.

Даже плечи Хуа Чэна, которыми он заключил принца в объятия, задрожали. Глядя, как привычно прекрасное и в любых обстоятельствах невозмутимое лицо Хуа Чэна окрасилось волнением на грани сумасшествия, Се Лянь почувствовал, будто ему в сердце пришёлся удар тяжёлого молота, и наконец не выдержал — потерял сознание.

И перед тем, как он лишился чувств, в его голове повторялась лишь одна фраза: «Прости».

Ведь сегодня... день рождения Хуа Чэна!

Неизвестно, сколько прошло времени, когда Се Лянь рывком очнулся. Он ещё не успел отдышаться, как словно сквозь туман увидел над собой потолок и растерянно подумал: «Это... храм Тысячи фонарей? Что со мной... Я уснул?»

Он всё ещё приходил в себя, когда чья-то рука помогла ему приподняться, а совсем рядом раздался голос Хуа Чэна:

— Ваше Высочество?

Се Лянь поднял голову и действительно увидел лицо Хуа Чэна, облик которого буквально горел волнением. Принц застыл и хотел было что-то сказать, но сердце вновь сковало резкой болью.

На сей раз он пробудился окончательно, в тот же миг согнулся пополам и едва не вонзился ногтями в кожу на груди, сжав с такой силой, будто собирался вырвать собственное сердце. Хуа Чэн немедля схватил его за руку.

— Ваше Высочество!

Промедли он хоть миг, и на груди Се Ляня осталось бы пять кровавых царапин. Рядом послышался другой голос:

— Похоже, с ним что-то не так. Сперва отпусти его!

Оказывается, Му Цин тоже был здесь.

— Если я отпущу его, а он поранит себя, что тогда?! — возразил Хуа Чэн.

Тут же раздался голос Фэн Синя:

— Я помогу тебе его держать! Если как можно скорее не разобраться, мы не сможем снять его боль!

Се Лянь, по-прежнему скрюченный, почувствовал, как другая рука схватила его запястье. Хуа Чэн на миг застыл, но потом всё же отпустил принца, как и было предложено.

И вот что странно — стоило ему отнять руку от Се Ляня, и боль в самом деле значительно спала. По крайней мере, принц наконец смог пошевелиться. Он перевернулся и увидел возле постели Фэн Синя и Му Цина, которых, должно быть, вызвали для выяснения обстоятельств. Ну а Хуа Чэн стоял неподалёку и неотрывно смотрел на него.

От этого взгляда едва отступившая боль вновь победно вернулась. Му Цин заметил, как переменилось лицо принца, и обратился к Хуа Чэну:

— Встань подальше! Кажется, стоит ему оказаться рядом с тобой или увидеть тебя, и ему делается больно!

Хуа Чэн остолбенел, выражение его лица сделалось таким пугающим, что не передать словами. Однако он мгновенно покинул комнату. А стоило ему исчезнуть из поля зрения Се Ляня, боль в груди принца в самом деле резко прекратилась. Эти муки, когда боль то усиливалась, то стихала, едва не довели принца до сумасшествия, он отдышался и с трудом выговорил:

— Что... в конце концов... происходит?

Му Цин и Фэн Синь всё же решили вместе крепко держать принца, чтобы тот не вскочил сгоряча и не побежал к Хуа Чэну.

— Что происходит? — повторил за принцем Му Цин. — Это тебя надо спросить! Что с тобой? Наверняка нарвался на какую-нибудь нечисть!

— Да разве я мог сам не знать, что нарвался на какую-нибудь нечисть?

Да и Хуа Чэн тоже осматривал его.

— Тогда, может быть, ты недавно наведался в какое-то необычное место?

— Недавно я навещал только на гору Тунлу и... на могилу советника.

— Что? — нахмурился Му Цин. — На могилу советника? Какую ещё могилу советника?

Однако Хуа Чэн, который стоял за пределами комнаты, понял без пояснений:

— На могилу советника Фан Синя?

Се Лянь позвал:

— Сань Лан, лучше всё же зайди сюда...

Но тот мрачным голосом отозвался снаружи:

— Гэгэ, оставайся здесь и отдыхай, а я отправлюсь туда и всё разузнаю.

— Я с тобой! — но стоило принцу подняться, и боль снова уложила его обратно.

От Хуа Чэна больше не донеслось ни звука, похоже, он уже ушёл. Се Лянь хотел было снова подняться, насколько это было в его силах, но Му Цин предостерёг:

— Лучше тебе поменьше шевелиться, ты и шага сделать не сможешь!

Се Лянь, которого в четыре руки держали двое небожителей, всё ещё пытался сопротивляться:

— Мне ведь уже приходилось терпеть боль, поболит-поболит, и привыкну.

Он не мог из-за какой-то боли не видеться с Хуа Чэном!

— Ты готов сносить боль, а вот твой Сань Лан явно против.

Се Лянь замер, потом вспомнил лицо Хуа Чэна, увиденное им перед потерей сознания, затем представил, с каким чувством Хуа Чэн осознал, что принцу больно, только когда он подходит ближе... Дыхание вдруг оборвалось, сердце охватила резкая раздражающая мука, лицо сделалось мертвенно бледным. Му Цин и Фэн Синь не сводили с него глаз, и последний озадаченно спросил:

— Разве Собиратель цветов под кровавым дождём не ушёл? Почему ему до сих пор больно?

Му Цин же оказался весьма проникательным:

— Ты ведь только что не думал ни о чём, кроме него, верно?

Се Лянь, стиснув зубы, стерпел очередной долгий приступ, после чего наконец смог выговорить:

— И что... неужели... даже подумать нельзя?

— Не думай. Похоже, чем дальше, тем хуже тебе становится, тем сильнее боль. Я налью тебе попить.

У Се Ляня не осталось сил даже на то, чтобы покачать головой и сказать «не стоит». Му Цин поднялся и вышел, а принц постарался выровнять душевное состояние. Но чем спокойнее он становился, тем сильнее волновался. Неизвестно ещё, какая тварь к нему прицепилась, ни один из них не выяснил причину внезапной болезни, а теперь Хуа Чэн отправился на поиски один... Се Лянь никак не мог успокоиться по-настоящему.

Тем временем вернулся Му Цин с белоснежной и изящной чайной пиалой, при виде которой Се Лянь вспомнил, что Хуа Чэн только вчера вечером пил из неё. С лица принца вновь сошли все краски, он молча лёг на постель. Му Цин сразу понял, что мысли принца опять улетели к «тому самому», поэтому он так и не поднёс чай, только с потемневшим лицом сказал:

— И почему ты постоянно думаешь о нём? Жизнь не дорога?!

— Да разве мне под силу это контролировать?

Если бы можно было так просто перестать думать о ком-то, многие горести и невзгоды мира людей попросту исчезли бы.

— Мне думается, легче просто вырубить его, раз не может удержать собственные мысли.

Однако Фэн Синь, будучи в прошлом личным помощником принца, ни при каких обстоятельствах не мог его ударить. Разумеется,

он также не позволил бы никому другому совершить подобное на его глазах, и тут же возразил:

— Так нельзя! Лучше тебе всё-таки побольше говорить с ним, чтобы отвлечь внимание, так он не будет постоянно возвращаться мыслями к Собирателю цветов под кровавым дождём.

— Да о чём я могу с ним поговорить? Он ведь в любом разговоре найдёт повод вспомнить о Собирателе цветов под кровавым дождём! Пусть просто валяется без сознания!

— В любом случае, бить его нельзя! Давай так, сыграем в цепочку слов, тут он точно не сможет подумать ни о чём другом, верно? Ручаюсь, у него просто не останется времени. Я начну. Живите долго как южные горы ^[327]!

Фэн Синь до отвращения ненавидел эту игру и пересилил себя, чтобы её начать — даже зубы стиснул, говоря первую фразу. Му Цин испытывал чувства ничуть не лучше и с огромным нежеланием, но всё же продолжил:

— Горы бесплодны, реки коварны ^[328].

Се Ляню ничего не оставалось, как собрать последние силы и добавить:

— Коварный пурпурный присвоил яркость киновари ^[329]...

Но тут же принца снова скрючило от боли. Му Цин, не веря своим глазам, воскликнул:

— Как ты даже тут умудрился о нём вспомнить? Ведь совсем никакой связи!

Се Лянь про себя сказал: «Как же никакой связи? Киноварь, киноварный цвет, киноварные одежды, красные одежды. А стоит вспомнить о красных одеждах, как тут не подумать о Хуа Чэне?»

Таких мучений принц больше вынести не мог. Он что было сил вырвался из рук двоих небожителей, державших его, и с громким «бум» скатился с кушетки.

Фэн Синь и Му Цин прекрасно знали, что Се Лянь обладает недюжинной взрывной мощью, и даже оставили себе немного сил с запасом, чтобы в случае чего удержать его, однако им это всё же не удалось. Стоило Се Ляню вырваться, они бросились было за ним, но тот одним ударом уложил обоих. Му Цин, подняв голову, как раз застал момент, когда принц выбежал за порог. Небожитель крикнул вслед:

— Куда ты? Не убегай!

Но Се Лянь, который уже достиг своей предельной скорости, вынул из рукава две игральные кости, со стуком выбросил и, пошатываясь, ворвался в ближайшую дверь.

Хуа Чэн говорил, если Се Лянь захочет увидаться с ним, он всегда сможет это сделать, и не важно, какое число выпадет на костях. Бросившись за дверь, принц не знал, куда его приведут кости, но буквально свалившись в дверной проём, он действительно оказался в знакомых объятиях. Над его головой прозвучал чуть изумлённый голос:

— Ваше Высочество!

Се Лянь поспешно обнял Хуа Чэна, боясь, что тот опять исчезнет из виду, и воскликнул:

— Сань Лан! Не ходи один, я... пойду с тобой...

Хуа Чэн, кажется, тоже хотел обнять принца, но его руки застыли в воздухе. Он сделал над собой усилие и мрачно ответил:

— Ваше Высочество, вернись, тебе будет очень больно.

Во всех трёх мирах не было никого, кто не дрожал от страха при одном упоминании непревзойдённого Князя Демонов, Собирателя цветов под кровавым дождём. Но сам он сейчас, похоже, не представлял, что ему делать с принцем. Ни обнять, ни оттолкнуть его он не мог. Обнимет — причинит боль. Оттолкнёт — причинит ещё больше боли. Се Лянь, стиснув зубы, прижался к нему сильнее, голос принца задрожал:

— Ну и пусть будет больно!!!

— Ваше Высочество!

Ведь чем умереть от боли, сидя в другом месте и думая о Хуа Чэне, лучше умереть от боли, крепко обнимая Хуа Чэна. И чем больнее становилось принцу, тем сильнее он прижимался к демону. Лоб Се Ляня покрылся испариной, он прерывисто проговорил:

— Подожди немного, совсем чуть-чуть, мне скоро станет лучше, скоро я привыкну. Я могу стерпеть боль. Пока ты рядом, я ещё способен терпеть. Но если ты уйдёшь, тогда уж точно... боль станет нестерпимой...

Хуа Чэн весь застыл от этих слов принца, и только через какое-то время прошептал:

— Ваше... Высочество...

Это было похоже на выдох боли, словно он испытывал ещё большие мучения, чем Се Лянь.

Принц сильнее прижался к Хуа Чэну, ожидая, пока эта невыносимая боль стихнет. Он как раз старался выровнять дыхание, когда неожиданно позади него раздался голос:

— Ты выковал это из своей маски?

У Се Ляня всё плыло перед глазами, поэтому он заметил только сейчас, что они находятся на заброшенной могиле. Это мрачное место он сам посещал только день назад. Могила советника. Ну а за ними стоял ещё кое-кто, высокий и стройный. Это был Лан Цяньцю.

Принц прибежал сюда в полубреду и, конечно, не заметил присутствия кого-то третьего. Но даже теперь это не заставило его смутиться, принцу просто было не до того.

Тем временем подросли Фэн Синь и Му Цин. Последний так злился на принца за удар, из-за которого он долго не мог подняться, что казалось, вздувшиеся на его лбу вены никогда не исчезнут.

— Куда ты понёсся?! — закричал Му Цин. — Мы вдвоём в четыре руки не смогли тебя удержать! Что это за проклятое место? Как будто склеп какой-то!

Фэн Синь, оглядев обстановку, сказал:

— Это ведь и есть склеп, верно? Да ещё и разрытый к тому же. Это могила советника Фан Синя? А что здесь делает Его Высочество Тайхуа?

Лан Цяньцю не с самым радостным видом ответил:

— Я слышал, что недавно на могиле советника кто-то побывал, якобы сюда пожаловали расхитители гробниц, вот и пришёл взглянуть.

Пришёл взглянуть и в результате наткнулся на Хуа Чэна и Се Ляня. Неизвестно, какие мысли посетили Лан Цяньцю, но у него явно не было настроения на приветствия и объяснения. Он уставился на принца и спросил снова:

— Это замок долголетия, который ты сделал из той серебряной маски? А позавчера ты приходил сюда, чтобы забрать маску?

Поколебавшись, Се Лянь кивнул.

Когда-то он служил советником в государстве Юньань и всегда носил на лице маску, сделанную из редкого серебра, а точнее из полуцзиня демонического металла. Маска скрывала его лицо, но помимо этого обладала настоящим чудесным свойством — отражала

любое магическое воздействие и являлась защитным артефактом. После «смерти» советника Фан Синя маска стала погребальным предметом, который был похоронен вместе с телом.

Если уж дарить подарок, то выбрать нужно что-то чрезвычайно ценное и для себя. Се Лянь долго ломал голову и наконец вспомнил, что когда-то владел таким сокровищем, причём весьма полезным, ведь оно множество раз помогало ему. Принц обожал свою маску, только вот, выбираясь из гроба, не захватил её с собой. Вот и пришлось среди ночи спешить на могилу советника Фан Синя, раскопать собственный склеп, достать маску, затем расплавить её и перековать в замок долголетия, обладающий защитными свойствами.

Остальные слушали с весьма странным выражением лиц. Всё же никто и никогда не приходил проведать место захоронения советника Фан Синя, трава здесь выросла высотой в несколько чи, да и Се Лянь не удосужился здесь прибраться. Но это ещё полбеды, ведь он разрыл собственную могилу... никому бы и в голову не пришло учинять подобное!

После неловкого молчания Се Лянь заметил выражение лица Лан Цяньцю и пояснил:

— Маску я взял не из твоего дома, я сделал её из демонического серебра, которое укротил лично...

Если бы маска принадлежала императорскому роду Юньань, Се Лянь ни за что бы не пожелал использовать её в качестве материала для подарка Хуа Чэну. Принц не знал, что Лан Цяньцю наблюдает за могилой советника, ведь считал, что тот закопал его и забыл. В противном случае, по крайней мере, разровнял бы разрытую могилу и тому не пришлось бы являться сюда.

Лан Цяньцю же застыл и гневно выкрикнул:

— Вообще-то я не спрашивал с тебя этого!

Хуа Чэн бросил в сторону юного Бога Войны прохладный взгляд, и лицо Лан Цяньцю настороженно посуровело. Ну а Се Лянь, поглядев на серебряный замок, вдруг нахмурился, словно о чём-то вспомнив.

Он встретился взглядом с Лан Цяньцю и увидел в его глазах то же самое выражение. Разумеется, от Хуа Чэна это не укрылось, он спросил:

— Проблема в замке долголетия? Ваше Высочество, ты ведь понял, что это такое?

Се Лянь действительно нашёл разгадку и осознал, в чём же тут дело. Просто не знал, как об этом поведать. Но Лан Цяньцю с помрачневшим лицом сказал за него:

— Это он сам.

— Что это значит? — холодно переспросил Хуа Чэн.

— Цяньцю! — поспешно выкрикнул Се Лянь.

Лан Цяньцю бросил на него взгляд, но всё же продолжил:

— После Пира Чистого Золота я принёс его сюда.

— Не надо, — взмолился Се Лянь.

Посмотрев на него, Лан Цяньцю замолчал, должно быть, сам не зная, что сказать далее. Но пусть он не продолжил рассказ, остальные уже догадались обо всём сами. После трагедии на Пире Чистого Золота принц государства Юньань, Лан Цяньцю, пленил советника Фан Синя и ради мести заколотил его в гроб, проткнув сердце гвоздём из персикового дерева. После чего запечатал в склепе на пустыре, чтобы никто не мог прийти сюда и поклониться ему. Разумеется, никто и не собирался этого делать.

Тогда же кровь, вытекшая из груди Се Ляня, запачкала маску из серебра, что стала погребальным предметом. Благодаря Ци демонического серебра эта кровь, даже покинув тело принца, до сих пор оставалась живой. Ну а Се Лянь явился сюда днём ранее, раскопал собственную могилу, достал маску и выковал из неё замок долголетия. Кровь из маски, разбуженная им, вознамерилась вернуться в его тело.

Вот почему ни Хуа Чэн, ни сам принц не обнаружили ничего подозрительного даже после многократного осмотра. По той простой причине, что странность крылась в самом Се Ляне, в его собственной крови. Разумеется, выяснить это лишь по пульсу было невозможно!

Хуа Чэн шевельнулся, а Се Лянь, не видя выражения его лица, поспешно остановил:

— Сань Лан!

Лан Цяньцю убил принца ради мести, ведь прежний правитель государства Юньань действительно погиб от руки Се Ляня. И когда советника Фан Синя гвоздями заколотили в гроб, месть свершилась.

Се Лянь тяжело задышал, сердце вновь охватила боль, и он не сдержал сдавленного стога. Хуа Чэн вновь взволнованно нахмурился:

— Ваше Высочество?

Видя побелевшее как бумага лицо Се Ляня, Лан Цяньцю поколебался мгновение, но всё-таки спросил:

— Я... могу чем-то помочь?

Се Лянь знал, какие мысли посетили Лан Цяньцю в силу его характера, и поспешно заверил:

— Нет, нет, Цяньцю, твоя помощь не требуется. Это тебя не касается, ты тут ни при чём. Я сам поступил неосмотрительно. Ты можешь остаться в стороне.

Му Цин тоже подумал, что присутствие здесь Лан Цяньцю, жертвы и убийцы в одном лице, поистине неуместно, и сказал:

— Верно, Вашему Высочеству Тайхуа не стоит о нём беспокоиться, возвращайтесь к себе.

Помолчав, Лан Цяньцю ответил:

— Хорошо.

Однако несмотря на такой ответ, он всё же не ушёл. Впрочем, остальным стало не до него, потому что Се Лянь от боли вновь готов был кататься по земле. И как назло, даже в таком состоянии он крепко обнимал Хуа Чэна, отказываясь отпустить.

Фэн Синь вскрикнул:

— Сначала разберёмся с этой проблемой! Ваше Высочество?.. Что с тобой?

Се Лянь только что барахтался от боли, но вдруг раздался отчётливый треск, и он вдруг затих, упал в объятия Хуа Чэна, весь покрытый холодным потом, и перестал шевелиться.

Хуа Чэн крепко обнял его и прошептал:

— Ваше Высочество, всё хорошо. Теперь не болит?

Тут все заметили, что демон сжимает в руке серебряные обломки. Ну а драгоценный замок долголетия, висевший у него на груди, исчез.

Стоит лишь уничтожить замок долголетия, и кровь из сердца Се Ляня, затронутая его демонической Ци, разумеется, тоже постепенно успокоится. Поэтому Хуа Чэн взял замок в ладонь, легонько сжал, и украшение сломалось.

Дыхание принца понемногу выровнялось, он повернул голову и увидел, как сквозь пальцы Хуа Чэна посыпался искрящийся серебристый песок. Затем встретился с ним взглядом, по какой-то причине вновь ощутив лёгкую боль в сердце.

— Гм... — проговорил Се Лянь, — не болит.

Наконец избавившись от проклятия, Се Лянь попрощался с Фэн Сином, Му Цином и Лан Цяньцю, и вместе с Хуа Чэном медленно направился в сторону Призрачного города.

Они шли плечом к плечу, и весь путь лицо принца горело жаром.

Всё из-за Фэн Синя и Му Цина.

Только что, перед тем как их пути разошлись, Фэн Синь стёр пот со лба и всё же не удержался от вопроса:

— Так почему же всё-таки, стоило Его Высочеству увидеть Собирателя цветов под кровавым дождём, с ним происходило такое? Что не так с этой сердечной кровью? Она намеренно заставляла тебя страдать?

Сам Се Лянь прекрасно знал, в чём причина, и потому сразу же сказал:

— Не стоит углубляться в эту тему!

— Это ещё почему? — с подозрением спросил Фэн Синь. — А что мы будем делать, если подобное повторится? Нужно разобраться во всём до конца.

— Ты даже этого понять не в состоянии? — хмыкнул Му Цин. — Эта кровь вытекла из его тела много лет назад, а вернувшись, привыкла не сразу, вот и расшалилась. И если бы его сердце было спокойно как вода, подобно древнему колодцу, в котором не бывает волн, то всё бы обошлось...

Но если сердце принца вело себя беспокойно, при малейшем волнении кровь начинала закипать, вызывала невыносимую боль, снова и снова возвращая в момент, когда ему в грудь вонзился деревянный колышек.

Се Лянь теперь не решался даже смотреть на Хуа Чэна, принцу казалось, что он опозорился перед ним на всю оставшуюся жизнь. Ведь получается, стоит ему бросить хоть взгляд, допустить лишь мысль о Хуа Чэне, и он не в состоянии сохранить спокойствие, что и стало причиной невыносимой боли!

Стоило Се Ляню подумать об этом, и его сердце снова начинало бешено биться в груди. К превеликому счастью, теперь, как бы быстро

оно ни стучало, больше не болело.

Неожиданно долго молчавший Хуа Чэн заговорил:

— Ваше Высочество.

— Что? — немедля отозвался Се Лянь.

— Сколько времени ты провёл... в той могиле?

Се Лянь застыл, но ответил:

— Уже не помню.

Просто очень, очень долго, так долго, что не хотелось считать. Боль, голод, потеря крови, галлюцинации. Вначале он не двигался, потом всё же не выдержал и принялся бешено колотить по гробу, чтобы выбраться наружу. Но в конце концов всё же смирился и позволил себе погрузиться в кромешную тьму. Боль от сотни ударов мечом, когда казалось, что он больше не вернётся к жизни, была сильнее. Но эта боль, тупая, ноющая, тянулась бесконечно.

Принц вздохнул, и Хуа Чэн сразу заметил это:

— Что такое, Ваше Высочество? Ещё болит?

Се Лянь покачал головой, помолчал и тихо произнёс:

— Ох, Сань Лан, прости.

Хуа Чэн удивился:

— Почему ты просишь у меня прощения?

Помявшись, Се Лянь сказал:

— Ведь сегодня же твой день рождения, я хотел, чтобы ты как следует его отпраздновал, но мы целый день промучались в поисках избавления от проклятия.

Он ведь рассчитывал дождаться хотя бы окончания праздника, но всё же не выдержал.

— Даже подарок, что я для тебя приготовил, пришлось уничтожить, чтобы исцелить меня.

И к тому же Хуа Чэн разбил его собственными руками. Се Лянь вспомнил всё от начала до конца, и ему показалось, что этот день прошёл хуже некуда. Он даже представить не мог, в каком настроении пребывал Хуа Чэн.

Но тот мягко произнёс:

— Ваше Высочество, — он остановился и добавил, — твой подарок я уже получил.

— Что? — замер Се Лянь.

Только не говори «ты для меня самый лучший подарок» или что-то вроде того, иначе стыд станет вовсе невыносимым.

Внимательно посмотрев на принца, Хуа Чэн улыбнулся.

— Ваше Высочество, ты сказал, что пусть даже тебе больно, ты всё равно хочешь меня увидеть. Даже несмотря на такие страдания, ты не покинешь меня. — Он шёпотом добавил: — Я очень рад.

Вспомнив, как плачевно он выглядел, когда вцепился в Хуа Чэна и говорил это, Се Лянь тихо кашлянул и захотел с притворной небрежностью закрыть ладонью лицо.

Но Хуа Чэн вдруг притянул его к себе и заключил в крепкие объятия. Принц застыл, прижатый к его чуть содрогающейся груди, и услышал его уверенный голос.

— Правда, — сказал Хуа Чэн, — я очень рад.

«Я тоже очень рад!» — подумал Се Лянь.

Спустя сотни лет долгого ожидания, как бы ни было больно, Хуа Чэн тоже ни разу не задумался о том, чтобы отказаться от него.

И Се Лянь был рад больше всего, когда понял это.

Они крепко прижались друг к другу, и Хуа Чэн произнёс:

— Только несмотря на то, что я очень рад, всё же я больше не хочу, чтобы тебе приходилось терпеть такую боль.

Они вдвоём вернулись в Призрачный город, где демоны целый день не находили себе места от волнения. А когда все увидели Се Ляня и Хуа Чэна, то суматоха тотчас же обернулась ликованием. Хуа Чэн, по-прежнему не удостоив демонов и фразой, вместе с Се Лянем вернулся в храм Тысячи фонарей. Однако оказавшись внутри, они обнаружили, что в храме прибавилось немало вещей.

— Кто принёс это сюда? — спросил Хуа Чэн.

Се Лянь принялся осматривать вещи по одной, предположив:

— Похоже на подарки. Это, должно быть, от Её Превосходительства Повелителя Дождя, какие свежие овощи... А это от Цинсюаня?.. Ладно, это наверняка подарил генерал Пэй...

Осматривая свёртки, принц радовался всё больше и с довольной улыбкой заключил:

— Сань Лан! Вот так праздник, все прислали подарки на день рождения Его Превосходительства Князя Демонов!

Ведь принц несколько дней, словно одержимый демоном, повсюду расспрашивал, что же подарить на день рождения, и пускай он не говорил, кому именно, похоже, не было никого, кто не догадался бы об этом сам.

Хуа Чэн, впрочем, не проявил к подаркам интереса.

— Гэгэ, не распаковывай, чуть позже я всё выброшу. Только место занимают.

Видя, что он и правда решил позвать кого-нибудь, чтобы выбросить подарки, Се Лянь поспешно остановил:

— Давай всё-таки оставим их, ведь это же как-никак выражение их сердечных намерений... Пстой, а это почему здесь, кто это подарил???

Он увидел затесавшиеся среди груды подарков приворотное зелье и пилюлю деторождения, но тут же, не зная, плакать или смеяться, выбросил их подальше, словно горячий батат.

Однако Хуа Чэн, похоже, заинтересовался подарками и сам протянул руку к одной вещице.

— Хм? А это что такое?

Се Лянь бросился ему помешать:

— Ничего хорошего! Не смотри!

В конце концов, после некоторых колебаний, Се Лянь всё-таки подарил Хуа Чэну тот пояс, что сделал собственными руками, взамен уничтоженного замка долголетия.

Едва взглянув на него, Хуа Чэн от смеха едва не перестал дышать... несмотря на то, что демонам дышать не нужно. В конце концов, он прижал принца к себе, осыпал поцелуями и похвалой, так что принц ужасно засмутился, лёг на кровать и притворился мёртвым.

Но ещё сильнее принцу захотелось притвориться мёртвым, когда утром следующего дня Хуа Чэн и впрямь надел эту штуковину на себя и с невозмутимым видом приготовился выйти в ней из храма. Принц от одного взгляда едва не лишился чувств, тут же скатился с постели,

бросился к нему и пустился уговаривать, чтобы Хуа Чэн пообещал ему носить пояс наизнанку, показывая всем сторону без вышивки. Хуа Чэн нехотя согласился, и тем самым Се Лянь избежал страшной судьбы быть опозоренным перед всеми за своё «рукоделие».

Из-за грандиозной шумихи, устроенной в день рождения Хуа Чэна, все на свете узнали, что Се Лянь прямо во время праздника потерял сознание. А когда стали известны подробности, все на свете узнали, что Се Лянь настолько без ума от Князя Демонов, что при виде него падает без чувств, но... это уже совсем другая история!

Послесловие

О нежности, о мечте, о том, что невозможно бросить, и о том, кого невозможно забыть

Каждый раз, когда я пишу роман, приступаю к послесловию раньше, чем завершится произведение. Да, во время написания этих строк черновик романа ещё не закончен. Лучше назвать это не «послесловием», а «мыслями перед написанием» или «ощущениями в процессе написания».

(Заодно, наконец! В этот раз послесловие начинается не со слова «наконец»)

«Небожители» приняли эстафету от «Магистра», что оказалось необыкновенной ответственностью, которая очень давила на меня. На мой взгляд, завышенные ожидания — это обоюдоострый клинок, именно поэтому я каждый раз по привычке предупреждаю всех, чтобы не обманывались ожиданиями. Хотя мне кажется, что это, похоже, не действует.

И всё же, в самом начале, когда создавались персонажи и сеттинг романа, одержало верх не волнение, а возбуждение от вызова, который я бросила сама себе, пробуя новый мир. Поэтому всё-таки вначале напишу что-нибудь хорошее.

1. Народный фольклор и местные легенды

Во второй половине 2016 и первой половине 2017 года, чтобы развеяться и найти вдохновение, я много путешествовала. Мне всегда нравились народные сказания и местные легенды, в дороге я посетила множество храмов и монастырей, именно там у меня и возникло желание написать «Небожителей».

Иногда китайские мифы создаются вокруг реальной личности, которая обрела славу своими деяниями, люди обожествляют её, превозносят как «святого», «бога», «основателя учения» и т.д., а затем привязывают к этому мифическую составляющую. Однако если сразу взять готового персонажа, неизбежно столкнёшься с претензиями, а не очернёшь ли ты добрую память какого-нибудь древнего мудреца. Если повествование основано на конкретных фактах, у них, конечно, может существовать иное прочтение, но, к сожалению, автору не нравится основываться на реальных событиях, и описание уже существующих личностей не приносит никакого чувства достижения успеха. В любом случае, гораздо интереснее придумать что-то самому, поэтому данный роман с первого же слова начинает нести чушь. Небесный пантеон полон богов, которые подвержены человеческим порокам и множеству дурных привычек. Целыми днями они ругаются между собой, раздают друг другу пощёчины, раскапывают тёмное прошлое друг друга, разносят сплетни — в общем, там всегда витает густой запах пороха, ни о какой непостижимой чистоте не идёт и речи. И всё же небожителям необходимо возвысить себя над всеми и задрать нос.

Кто-то спрашивал, почему каждый небесный чиновник имеет своё тёмное прошлое. Также читателей мучает вопрос, почему подобные гнилые люди способны стать небожителями. Очень просто. Потому что я так постановила. С самого начала было сказано — вознестись или нет, оказаться на Небесах или нет, сыграть роль может всё: сила, старания, удача, всё что угодно. И крайне редко вознесение связано с моральными качествами.

В романе повсюду встречаются отголоски моих странствий. Например, яму, полную змей, скорпионов и диких зверей, в которую сбрасывали преступников, а также пещеры, в которых люди прятались от песчаных бурь, я увидела в одном древнем городе на северо-западе Китая. Эти моменты очень ярко запечатлелись в моей памяти, потому что из-за сильного ветра с песком я по неосторожности подвернула там ногу и, причитая от боли, ещё пыталась сделать как можно больше фотографий на телефон. Ну а блуждая по тенистым и внушающим трепет огромным каменным пещерам, любуясь на установленные в них божественные статуи всевозможных форм и размеров, я ещё сильнее убедилась в собственном стремлении:

Написать историю любви между божеством и его последователем.

2. Love Story

Из трёх пар в трёх книгах ХуаЛянь, по моему собственному мнению, — самая традиционная пара.

Сначала поведаю вам историю. Во время поездки в Юньнань в поисках вдохновения я увидела в местных горах, которые известны как даосская святыня, один очень ветхий старый даосский храм. В переднем зале стоял потрёпанный ящик для подношений, а рядом табличка с надписью о том, что монастырь находится в аварийном состоянии и нуждается в пожертвованиях. Чуть не умерев от смеха, я бросила в ящик 100 юаней. А потом увидела растущее на территории храма дерево с красными цветами.

Очень высокое, возрастом несколько сотен лет. Говорили, что это самое высокое цветущее дерево в том городе, и цветёт оно очень пышно и красиво. Тогда образы персонажей «Небожителей» уже были определены, и увидев то дерево, я подумала: «Как же это невыразимо удивительно и прекрасно».

Кстати, о персонажах. В предыдущих своих работах я сначала определила шоу (пассив), а гун (актив) никак не вырисовывался, понадобилось долго раздумывать и подбирать образ. Хуа Чэн же стал исключением. На меня нашло вдохновение, и вот он стоит передо мной. Ещё один порыв вдохновения — и я уже знаю, что он слеп на один глаз (.

По задумке отец Хуа Чэна был жителем императорской столицы Сяньлэ, мать же — роковая красавица из чужого народа. Поэтому при первом появлении от Хуа Чэна исходит немного чужеземного очарования.

В черновике для создания образа этого «чужого народа» я изучила множество народностей. К примеру, тату: кажется, у многих народностей принято делать татуировки, и эта деталь придала герою дух бунтарства и некоторую наивность, а также немного незрелой сексуальности. Ещё примеры: кленовые листья, бабочки, серебряные украшения, изображения диких зверей и так далее — по этим

приметам легко догадаться, о какой народности идёт речь, всё-таки по ней есть огромное множество материалов^[330].

Однако надеюсь, что вы ни в коем, ни в коем случае не станете привязывать сюда конкретный народ, всё-таки я понимаю о них не так много, поэтому главным образом в романе задействован вымысел. Если это приведёт к ложному пониманию трёхмерного мира читателем, проблем не избежать. Кроме того, раз уж я официально определилась с характером Хуа Чэна во время поездки в Шанхай, чисто теоретически местом его рождения можно считать именно этот город. Несмотря на то, что впоследствии Хуа Чэн овладел тёмной магией иного народа, всё же он прожил в государстве Сяньлэ более десяти лет, и культура хань оказала на него гораздо большее влияние (и что я несу с серьёзным видом...).

В заметках, которые не были использованы в книге, Хуа Чэн часто пел песни о любви своему возлюбленному на древнем языке, который уже утерян и которому научила его мама. А когда Се Лянь спрашивал, что он поёт, Хуа Чэн хитро прищуривал глаза и нёс всякий вздор. Но по мере развития сюжета я заметила, что можно и не писать о родителях и происхождении Хуа Чэна, поэтому просто расскажу вам об этой задумке, она не так уж важна.

В целом, Хуа Чэн был для меня послушным ребёнком. И его фальшивая улыбка, и тонкие серебряные цепочки на сапогах, да и практически весь его образ был определён быстро и с удовольствием. Больше всего мне нравилось переодевать его в новый наряд и придавать новую внешность. Впрочем, я жалею, что мне не удалось дотянуть до десяти разных образов, но во время редакции текста я буду стараться!

Зато выбранный в качестве пассива Се Лянь промучил меня почти полгода. И это мучение продолжалось ещё долго после начала публикации.

С ним сложились сложные отношения. Нельзя сказать, что он мне не нравится, уверена, мои предпочтения довольно легко разгадать. Мне нравятся персонажи, которые при первом же появлении производят впечатление: «А! Это человек с историей». Но... Се Лянь — одна из причин, по которым мне было тяжело писать этот роман.

Раньше, когда я бралась за перо, даже если вначале герой был мне не очень знаком, спустя три дня я находила к нему подход. Но Се

Лянь... После пяти-шести дней постоянных усилий процесс всё ещё шёл тяжело, и тогда моё сердце сделало «ту-дум».

В тегах к роману указано «мотивационный текст», потому что Се Лянь, он по жизни «неудачник».

Он был молодым и неопытным, ничего не смыслил в этой жизни, выставлял себя посмешищем, глупцом, совершал ошибки, срывался, ненавидел, сходил с ума. От этого не сбежать, это не нужно приукрашивать, всё так, как есть. Это выматывало меня морально и физически. И не только сам текст, но и то, что происходило за его пределами. Объяснения были бесполезны, и у меня не осталось сил, поэтому я совсем перестала читать комментарии.

Потому что я привыкла ещё до начала публикации своих работ ставить себе «прививку», представлять самые худшие варианты развития событий и морально к ним готовиться. Поэтому ещё перед публикацией романа я уже предполагала, что скажут хейтеры. Я колебалась очень долго, но всё же решила, что этого персонажа стоит попробовать, мне ещё не приходилось работать с такими героями.

Но вот что самое главное. Интуиция подсказала мне, что такой человек как Хуа Чэн наверняка полюбит такого человека как Се Лянь. Поэтому, промучавшись больше полугода, я всё же ударила по столу и постановила: это будешь ты!

Это история о любви. О нежности, о мечте, о том, что невозможно бросить, и о том, кого невозможно забыть.

В средней и старшей школе я иногда придумывала небольшие сюжеты, и у меня почему-то существовало убеждение, что человеку не стоит воспринимать любовь как смысл жизни, нужно иметь собственные амбиции, идеалы, цель в жизни, бла-бла-бла-бла, иначе у тебя не останется собственной души, ты не будешь отдельной личностью бла-бла-бла-бла.

Но впоследствии моё мнение постепенно поменялось. Потому что я обнаружила — несмотря на то, что я всегда говорила, что человеку не стоит придавать любви слишком большое значение, на самом деле мой взгляд более всего привлекали люди, которых постоянно захлёстывали чувства, словно мотыльков, летящих на огонь. Наверное, это и называется «на словах можно презирать, но суть покажет правду»? Как бы то ни было, когда я это разглядела, неизбежно подумала, что в юности мои идеи были слишком уж высокомерными.

Почему человек может безоглядно полюбить другого человека? Разве не смешно? Это ведь настоящее чудо, неужели кто-то действительно на такое способен? Больше похоже на одержимость! И среди сотни тысяч не найдётся один такой! Но если подумать, такого поразительного дурня как Се Лянь, который прилагает усилия, но ничего ими не добивается, который разбивает голову в кровь, но не желает одуматься, точно так же — не найдёшь и одного среди сотни тысяч. Получается, они всё-таки на самом деле идеальная пара.

Я видел тебя в твои самые худшие времена, ну и что с того?

Ты — и есть моя мечта.

3. Пристрастие к истерии и неуёмная жажда бытового юмора

В самом начале я задала «Небожителям» тональность «уютного текста». Я надеялась, что эта история будет чуть нежнее, чувственнее, целительнее и проще. Поэтому сначала в черновике повествование склонялось к хипстерско-деревенской древности (?), где каждый день занимаются огородом, попивают чай, избавляются от мелких демонов, устраивающих пакости, переводят престарелого Цзюнь У через дорогу и всё в таком духе (???). Ради этого я выпила тонну куриного бульона, чтобы промыть себе мозги в надежде легко посмотреть на мир добрыми и ласковыми глазами.

Но реальность доказала, что на данный момент мне всё же больше по душе красочное проявление разнообразных эмоций, любовь, ненависть, страсть и месть на грани жизни и смерти. Описывая каждого персонажа, я в тайне потирала руки в ожидании его истерии. О, как я люблю, как люблю! Люблю тебя до смерти!!! Как я ненавижу, как ненавижу, умри, умри!!! Я не хочу жить!!! Не хочу жить, а-а-а-а-а-а-а!!! Спасите! Спасите! Спасите! Спасите! (...)

Приведу пример. Во время написания сцены убийства 15⁰[331] Черноводом, я неожиданно за один день написала 8-10 тысяч знаков^[332].

Потому что мне вообще не требовалось ни о чём размышлять, все диалоги и сюжет сами по себе выстреливали как из автомата, тра-та-та-та. Я вообще не думала о том, почему персонажи так говорят и действуют, я просто была совершенно уверена, что они бы именно так себя повели.

К примеру, почему 15° перед смертью схватил Ши Цинсюаня за горло? Я написала это раньше, чем успела подумать «почему», он уже это сделал, а я только потом поняла — ах, вот почему. Причём это «понимание» — только мои умозаключения о его психике. В общем, он сам схватил брата за горло! Я его не заставляла!

Ну да ладно, если не получился уютный роман, зато я написала его с юмором. На самом деле мне нравится создавать смешные, а также бытовые сцены. С самого начала я надеялась, что в «Небожителях» бытовых и приключенческих событий будет поровну, и если есть какие-то страшные вещи, испытания и битвы, то должны быть комические элементы, визиты гостей и праздные беседы. Впрочем, для меня это всё же не совсем привычно, поэтому в процессе всё получалось не так легко, как хотелось бы.

4. Процесс публикации

Ключевые слова процесса написания этого романа — неопределённость и страдание.

Вначале я сказала, что едва приступив к написанию черновика, я была полна энтузиазма. Но чем дальше, тем больше я страдала.

Возможно, вы не поверите, но сперва объём «Небожителей» не превышал 360 тысяч знаков^[333], поэтому в черновике написано 5 тысяч, и тогда я заявила, что сохраню в черновике весь текст сразу, именно потому, что установила такой объём.

Но вы, наверное, уже знаете, что у меня никогда не получается дать точную предварительную оценку объёму романа. Как бы я ни старалась, мне всё казалось не так, одного только пролога существовало пять-шесть вариантов, и даже тем прологом, который есть сейчас, я всё ещё недовольна. На самом деле из всех прологов я больше всего довольна вступлением к «Системе».

В общем, именно в таком состоянии мучения и недоумения я сохранила кучу черновиков. Это был самый длинный черновик, который мне приходилось писать, но результат получился не самый лучший, много чего пришлось выкинуть. Тогда я правда не могла прийти к решению, при этом ужасно переживала и думала, может, пока не стоит начинать этот роман? Заменить его другим? Но я ведь уже сделала анонс и вот так брать слова назад будет не очень хорошо. К

тому же, я написала так много, неужели всё это будет потрачено впустую? Пришлось продолжать писать дальше. В итоге скорость написания всё снижалась, а до конца оставалось ещё очень-очень долго.

В результате я всё же решила, что так не пойдёт, я же так и за два года не допишу роман! Может, стоит как-то себя взбодрить? Поэтому я, отбросив сомнения, запустила публикацию! Так и вышло, что я публиковала главы, при этом занималась редактурой (практически переписывала заново), также писала новые главы, загруженность была немислимая. Впоследствии (где-то на середине публикации) я наконец поняла, почему в самом начале мне было так тяжело. Причин несколько, и они все не так просты и весьма конкретны, не буду их перечислять.

Я действительно имела в планах написание длинного романа за миллион знаков, но это должно было случиться через много лет, не думала, что это произойдёт так рано. Объём «Небожителей» — это совершенно непредвиденная ситуация, автор ещё был неопытен, и просто оказался застигнут врасплох. Вообще-то я очень долго всё обдумываю, и для такого объёма мне потребовалось бы по меньшей мере три года на постепенное создание черновика. Но невозможно ведь тянуть так долго. Если бы я заранее знала, что в итоге текст получится таким большим, боюсь, черновик получился бы совершенно другим.

Впрочем, в таких вещах невозможно «знать заранее». В любом деле ты узнаёшь всё, только когда это сделаешь, и если не взяться за перо и не начать писать, остальное будет лишь пустой болтовнёй.

В общем, когда стрелу наложили на тетиву, её нельзя не выпустить. Раз уж я начала публикацию, пришлось стиснуть зубы и держаться до конца.

Писать одновременно с публикацией — это огромное давление на автора. Знаю, есть авторы, которые обновляют главы и быстро, и качественно, но я сама не отношу себя к таким.

Когда я что-то придумываю, мысль должна «настояться», раньше я могла за полгода написать только 5 тысяч знаков, поэтому ежедневные обновления даются мне с трудом. Кроме того, иногда я пребываю в благоприятном для этого состоянии, а иногда не очень. Если я не застаиваю на чём-то подолгу, могу за час написать 1300

знаков, и тогда получаю довольно неплохой отклик. Но если я где-то застряла, это причиняет настоящее страдание, и я не всегда довольна текстом, который вымучиваю в результате, а потом под ним появляются не самые вежливые комментарии. Тогда у меня портится настроение, и порочный круг замыкается.

«Небожители» определённо самый выстраданный мною роман, мне часто казалось, что я переоцениваю свои возможности, это чувство практически не давало дышать, каждый день меня посещали сомнения, что это проверка моей способности противостоять давлению. К тому же, слухи обо мне, которые начались с «Магистра», не утихают до сих пор, [хейтеры] всевозможными способами при первом удобном случае поливают меня грязью, я правда очень устала от этого. И если бы мне не было больше нечем заняться, у меня бы не осталось даже сил, чтобы это комментировать. Плюс в трёхмерном мире тоже очень много раздражающих факторов, эти восемь месяцев я несу всё это на плечах, стиснув зубы, я не шучу, я правда скоро сотрусь до основания.

Просто это огромная головная боль. Если писать только в черновик, мне не нравится результат, а также небольшая скорость. Если запускать ежедневную публикацию, я ужасно, ужасно устаю, ещё есть много факторов, можно сказать, везде свои плюсы и минусы. Я всё ещё размышляю, как решить эту проблему.

Мне также не хочется ничего скрывать. Знаю, многие из вас начали читать «Небожителей» из-за «Магистра». По правде говоря, я не считаю, что это хорошо.

Я уже сказала, что завышенные ожидания — это обоюдоострый клинок. Поэтому с самого начала попыталась подготовить почву: вы не увидите здесь «второго Магистра».

Кроме того, публикация «Небожителей» началась через один-два года после завершения «Магистра», поэтому я подумала, наверное, воспоминания уже не такие яркие?

И всё же это оказалось бесполезно. Не прошло и нескольких глав с начала публикации, как появились вопросы, которые я давно предвидела. И это продолжилось до середины, затем перешло на поздние главы, не исчезла проблема и к концу. Думаю, споры так и будут продолжаться всегда. Я даже как-то подумала, может, стоило сперва начать роман про современность? Таким образом читатели, по

крайней мере, не стали бы сравнивать современный роман с древностью.

Но что я могла поделать? На самом деле большинство читателей остаются с автором на одну-две книги, одна им нравится, но следующая может и не прийтись по вкусу. В такие моменты мне кажется, что остаётся только перестать заставлять. Автор не должен заставлять читателей, так же как и читатели не должны заставлять автора. Всё же писательство и читательство — это очень личные и субъективные занятия.

Я никогда не решалась гарантировать, что «все клиенты останутся довольны!», просто... я пишу своё, кому нравится — читайте, кому не нравится — ничего страшного.

Обо всех достоинствах и недостатках «Небожителей» я осведомлена лучше кого бы то ни было.

Просто если говорить обо мне, в процессе написания романа я иногда чувствую себя связанной по рукам и ногам, никак не могу расправить крылья, тогда от нервов мне хочется упасть и кататься по полу. Но всё же некоторые моменты мне опять кажутся довольно интересными. Мне страшно вспоминать о тех местах, которыми я осталась недовольна, но в то же время, если какие-то места мне нравятся, они мне нравятся очень сильно.

Впрочем, сколько бы сил и энергии я ни потратила, всё равно не смогла бы добиться желаемого результата. Но в качестве тренировки с внезапно повысившимся уровнем сложности, вполне сойдёт.

Тем более, я уверена, что всё-таки очень многие полюбят «Небожителей». Даже если таких будет всего несколько тысяч человек, что ж, это стоило того. И все бессонные ночи за эти месяцы, все выпавшие волосы, вся кровь, которой я мысленно плевалась, не были потрачены впустую.

5. Редактура текста

То, как «Небожители» выглядят сейчас, всё же немного отличается от первоначального образа в моём представлении, поэтому я намерена провести редактуру.

Вообще-то это не очень хорошо, потому что очень многие читатели не вернутся назад. Жизнь веб-романов коротка, возможно, пройдёт несколько лет, и никто о нём не вспомнит. Кроме того, слишком высок процент распространения пиратских источников, многие не читают с официального сайта, а скачивают формат txt, и после редакции по сети всё равно будет ходить пиратская версия, тут ничего не поделаешь. Или ещё бывает такое, что читатели подвержены синдрому утёнка, им всегда кажется, что именно первая версия лучше всех, а новая, наоборот, им не нравится.

Но для меня процесс ежедневной публикации проходил в ужасной спешке. И я подумала: — пусть по крайней мере те, кому нравится эта история, увидят её чуть лучшую версию. Конечно, самое главное, что я сама в первую очередь хочу видеть её такой.

И всё же я надеюсь, что впредь найду способ постепенно избавиться от привычки сначала выкладывать, потом редактировать.

В новой версии появится несколько совершенно новых сцен и локаций. Если вам интересно, воспринимайте это как пасхалки при повторном прохождении игры, если же не интересно, просто забудьте об этом (.

Вот только по той причине, что написание этого романа нанесло мне серьёзную травму, к тому же у него очень большой объём, это будет крайне трудоёмкий процесс и, возможно, я не смогу завершить его так скоро. Возможно, займусь этим после начала четвёртой книги, а может раньше, не могу сказать точно. Посмотрим, что будет происходить в трёхмерном мире.

Также вероятно, что из-за полного морального и физического истощения я не стану менять основной костяк романа, всё-таки для редакции текста на сайте jjwxс существуют очень сложные ограничения. Сейчас трудно что-то обещать, отдохну несколько дней и посмотрю, что дальше^[334].

6. У Бога смерти нет выходных^[335]

Новый роман, «У бога смерти нет выходных», уже анонсирован. Тыкайте на страницу автора, и увидите его. Или, может быть, я опубликую ссылку. Начало публикации — 2018 год^[336]. Современность, VL. Тематика очень необычная, не знаю, куда его отнести.

Вообще-то черновик этого романа появился одновременно с «Небожителями». Тогда я долго сомневалась, какой из них выбрать, очень колебалась, но в итоге, поскольку Хуа Чэн появился первым, а Цю Чи^[337] немного попозже, выбор пал на «Небожителей».

Если вам интересно, можете почитать, если не интересно, ничего страшного, увидимся позже... И всё же я заранее хочу предупредить: современность я буду писать впервые, возможно, в романе будет ещё больше всевозможных экспериментов. Я не знаю, сколько из вас смогут по-настоящему остаться со мной, но это и не важно. Если хотите, присоединяйтесь, а я пока пойду.

— *Мосян Тунсю, 25 февраля 2018 года.*

КОНЕЦ

Примечания

1

«Сяньлэ» в переводе означает «Божественная радость».

2

Праздник фонарей или Юаньсяоцзе, отмечается пятнадцатого числа первого лунного месяца, знаменует собой окончание празднования Нового года или Праздника весны.

3

Чжан — мера длины, около 3,33 метра.

4

Здесь образно говорится о том, что человек за короткое время столкнулся и с чем-то прекрасным, и с чем-то ужасным.

5

В данном случае в качестве обращения используется титул.

6

Поза с руками за спиной означала уважение к собеседнику, придавала солидности и серьёзности говорящему.

7

Титул «Сюаньчжэнь» состоит из частей «сюань» — таинственный, сокровенный, непостижимый, и «чжэнь» — истинный, настоящий.

8

Титул Се Ляня, взятый им после вознесения, идентичный названию государства Сяньлэ.

9

Хуанцизи — досл. высшее повеление императора.

10

В Китае вежливый поклон осуществляется со сложенными у груди руками, при этом у мужчин левая кисть охватывает правый кулак, у женщин — правая кисть охватывает левый.

11

Широкополая коническая шляпа, обычно из бамбуковой щепы, для предохранения от дождя и солнца

12

Мера длины, равная 0,5 км.

13

«Блаженство» дословно переводится здесь как «персиковый источник».

14

Гуаньинь — богиня милосердия, подательница детей, родовспомогательница, покровительница женской половины дома.

15

Маньтоу — приготовленная на пару булочка из пресной муки.

16

Сяо — суффикс со значением “маленький, младший, молодой” и т.д., может ставиться перед фамилией в случае обращения к человеку младше по возрасту, либо к ребёнку или юноше.

17

Чи — мера длины, равная 0,33 см.

18

Ганбянь — один из восемнадцати видов древнекитайского холодного оружия, представляет собой металлическую плетёную либо жёсткую металлическую палку в виде стебля бамбука.

19

Корона феникса — женский парадный головной убор с украшениями в виде фениксов.

20

В древней китайской армии шеренга состояла из пяти воинов.

21

В Китае с древности до наших дней сохранился обычай строить города в соответствии со сторонами света и принципами фэншуй, сверху они имеют вид правильных геометрических фигур.

22

Досл.: «Лодки тонут в чёрных водах».

23

Досл.: «Белые одежды уничтожают мир».

24

Тунлу — медная печь.

25

Гу — город ядовитых тварей.

26

Праздник призраков отмечается пятнадцатого числа седьмого лунного месяца, в южных районах — четырнадцатого числа.

27

Чжуаньюань — название учёной степени в Древнем Китае, которая присваивалась человеку, занявшему первое место на высшей ступени дворцовых экзаменов.

28

Цзяньсю — костюм с узкими рукавами, в древности считался платьем лучника.

29

Сань Лан — третий по счёту, обычно подобным образом называли третьего сына. Наблюдается игра слов с иероглифом «лан», одно из значений которого — ласковое обращение девушки к возлюбленному. К примеру, так в оригинале Сюань Цзи обращается к

Пэй Мину. Согласно этой игре слов, обращение также можно понять как «муженёк». Так могли называть члена семьи, близкого родственника.

30

Бамбуковый стакан цилиндрической формы, наполненный 25-ю плоскими бамбуковыми палочками с различными надписями, с помощью которых проводились гадания и предсказания.

31

«Баньюэ» в переводе означает «полумесяц».

32

Советник, ориг. гоши — почетный титул монаха при дворе, наставник государя.

33

Цунь — мера длины, около 3,33 см.

34

Цзинь — мера веса, равная 0,5 кг.

35

«Юнъань» в переводе означает «вечное спокойствие».

36

«Пламя-на-ладони» — название ещё одной техники.

37

Ориг. «сяо-вэй» — военное звание, соответствующее старшему командному составу.

38

Шань-юэ — милосердие луны.

39

Чуть больше двух метров.

40

Иероглифическая игра слов, в центре фразы иероглифы складываются в ХуаЛянь.

41

Под «нашим языком» Сань Лан имеет в виду китайский язык, дословно — письменность хань.

42

Тридцать чжанов — около ста метров.

43

Двадцать чжанов — около шестидесяти семи метров.

44

Четыре чи — около 1,4 метра.

45

Смотреть на небо со дна колодца — образно в значении: обладать ограниченным кругозором.

46

Здесь иероглиф «хуа» тот же, что в имени Хуа Чэн, т.е. — «цветок».

47

«Се» — тот же иероглиф, которым обозначается фамильный знак Се Ляня, целиком имя можно перевести как «увядание цветов».

48

Формальное обращение к человеку единой веры, в произведениях жанра сянься так называют друг друга заклинатели или послушники одного монастыря /адепты одной школы /последователи одного учения и т.д. Также распространённое обращение друг к другу среди фанатов сянься-новелл.

49

Самоназвание при разговоре с человеком, старшим по возрасту.

50

Образно о человеке, переоценивающим свои силы по незнанию.

51

Оригинальная фраза выглядит так: 花冠武神, где первый иероглиф — «цветок, цветочный», то есть Хуа.

52

Дословно: «лодки тонут в чёрных водах».

53

Дословно: «чёрный демон в чёрных водах».

54

Образно о том, что всему хорошему приходит конец.

55

Санскр.: «Демон, пожирающий людей».

56

Санскр.: «Кровожадный демон».

57

Император обращается к принцу в соответствии с титулом, который тот избрал при вознесении — Сяньлэ, идентично названию

своего государства.

58

Образно в значении «жизнь полна подъёмов и падений».

59

Так говорят о единственной в семье и зачастую избалованной дочери.

60

В древности в красный цвет выкрашивали стены строений, относящихся к владениям императора.

61

Полное имя — Ши Уду.

62

Обр. в знач.: очень далеко.

63

Аналог фразы «ждать у моря погоды», происхождение: один крестьянин увидел, как с деревом возле его огорода набегу столкнулся заяц. Тогда крестьянин перестал возделывать землю, а вместо этого сел под деревом, ожидая, что скоро прибежит ещё один заяц, однако этого не случилось, и все посеы крестьянина погибли, пока он проводил время в праздном ожидании.

64

По древнекитайской системе отсчета времени суток — от 23:00 до 1:00.

65

Обращение к явно младшей по отношению к говорящему девушке.

66

Бумажные ритуальные деньги используются в Китае для поминовения усопших.

67

Классический философский трактат даосского учения, авторство приписывается Лао-цзы.

68

Лань Чан — «Гладиолус».

69

Фамилия созвучна со словом «свинья».

70

Прототипом надписей на дверях игорного дома является вид традиционного литературного жанра — дуйлянь, отличающегося краткой формулировкой и глубоким смыслом.

71

Распространенная в азиатских странах концепция «сохранения лица» подразумевает под этим честь, совесть, репутацию, чувство стыда и т.п.

72

Прямой перевод обращения «гэгэ» — старший брат.

73

Обр. в знач. — какой замысел он преследует.

74

Обр. в знач. — поддаться, слить игру.

75

Ин — второй иероглиф в имени погибшей девушки, Сяоин, который означает «светлячок».

76

Обр. в знач. — заниматься подстрекательством, подбивать на плохое, разжигать страсти.

77

Автор сравнивает Эмина с буддистским понятием «меч-ветер» — обращающий в прах всё живое и возвещающий конец мира.

78

Обр. в знач. — вести скрытный образ жизни.

79

В оригинале используются обращения, применимые только к царственным родителям — царственный отец и царственная мать.

80

Ориг. — разбить котёл и продать обломки.

81

Образно о человеке, который в любой момент готов ко всему, имеет в голове готовый план, уверен в своих силах.

82

Ориг. — «белое личико», таким словом называют симпатичных молодых людей, часто в негативном контексте, с долей издёвки.

83

Автор делает отсылку к стихотворению «Новая песнь ветвей тополя и ивы» танского поэта Вэнь Тинъюня, где игральная кость сравнивается с любящим сердцем, а красное семечко, инкрустированное внутрь кости на месте «единицы», олицетворяет тоску по возлюбленному, который надолго покинул дом. Образно стихотворная строка означает «Тоска о любимом проникает в кости».

*Поблекли тёмно-красные шелка,
И старому уж не тягаться с новым.
Орехи, что на свадьбу дарены, прогоркли,
Быть может, ядрышко другое выросло внутри.
Горит свеча на дне колодца как надежда,
Что путь с тобой, любимый, будет долог.
Как в кость игральную врезают красный плод,
Так по тебе тоска навек в моей кости.*

Перевод М. Кулишовой

84

Образно о встрече с врагом, при которой не избежать столкновения.

85

В оригинале употреблён цвет «цин» или «циан», который в Китае, в зависимости от контекста, может обозначать множество различных оттенков синего, зелёного или сине-зелёного.

87

Ориг. — не вхож в высшее общество по причине невежества и узкого кругозора.

88

Ориг. — бездомный пёс.

88

Досл. — обнимая за ногу, в знач. пользоваться чьим-то покровительством, искать поддержки.

89

Аньлэ — благоденствие, покой и радость, жизнь в благополучии.

90

Обр. в знач. — возводить клевету.

91

Старший двоюродный брат по материнской линии.

92

Обр. о человеке, балансирующем между двумя позициями или сохраняющем промежуточное положение.

93

Титул Аньлэ складывается из названий двух государств — ЮньАнь и СяньЛэ.

94

Фэнь — мера длины, равная 0.33 см. Фраза восходит к пословице, отражающей правило чайного этикета: «Наливать чай на семь фэней, остальное заполнить чувством», которая означает «сделать достаточно, чтобы человек почувствовал твои намерения».

95

Пословица, означающая «не понял, с кем имеешь дело; не разглядел, кому следует оказать знаки внимания; не оказал должного уважения».

96

Оригинальная фраза звучит «один взгляд на стаю вспорхнувших диких гусей», где потревоженные птицы сравниваются с нежной красавицей, и означает мимолётный миг красоты, оставивший глубокое впечатление в душе смотрящего.

97

В Китае существует система разделения времени на благоприятные и неблагоприятные для каких-либо действий дни и часы.

98

Досл. — продираться сквозь терновник и колючки.

99

Отсылка к строкам стихотворения «Стихотворная песнь. Славлю цветы сливы», поэта эпохи Южной Сун, Лу Ю:

*Где старый мост у станции почтовой,
Ты, всеми позабытая, цветёшь.
Уже закат, и ты в своей печали
Встречаешь лишь ветра и дождь.
За звание весеннего цветка сражаться не желая,*

*Ты терпишь зависть от цветов других.
Пусть опадут твои цветы и пылью станут,
Навеки аромат запомню их.*

перевод М. Кулишовой

100

Китайская двуручная сабля с широким и длинным клинком.

101

Сяоцзин досл. «маленькое зеркало».

102

Примечательно, что данная фраза состоит из четырёх идиоматических выражений, каждое из которых начинается с иероглифа «небо». Подбор таких подходящих по смыслу фразеологизмов говорит об исключительной образованности и начитанности говорящего.

103

Суффикс «-эр» добавляется к имени при обращении старших родственников к младшим, либо младшими родственниками к своему имени во время обращения к старшим и означает «дитя, ребёнок, сын».

104

Ориг. — сила девяти быков и двух тигров.

105

Отсылка к стихотворной фразе «негаданно-нежданно сердце девушки прекрасной [[он]] пленил», где «прекрасная девушка» дословно звучит «красные щёки», тогда как в названии арки использована фраза «красный глаз/взгляд».

106

Одно из значений оригинального понятия «четыре образа», наиболее часто употребляемое в сянься-новеллах — четыре стороны света и четыре мифических животных, связанные с ними: восток — зелёный дракон Цинлун, север — черепаха-змея Сюань-у, запад — белый тигр Байху, юг — красный феникс Чжуцюэ.

107

В Древнем Китае император считался сыном Небес.

108

Обр. в знач. — заставлять кого-то делать абсурдные, не свойственные вещи.

109

Украшения, носимые на груди в виде кулона.

110

Досл. — стрелять в тень человека песком изо рта, идиома восходит к легенде о чудовище Юй, которое причиняло болезнь человеку, плюя в его тень песком.

111

Фамильный знак матери Се Ляня.

112

Число 108 несёт сакральной значение в китайской религиозной традиции.

113

Досл. — гнездо феникса.

114

Хун — красный.

115

Неофициальное, детское или «молочное» имя, даётся в младенческом возрасте и впоследствии используется исключительно близкими родственниками. Имя должно быть легко произносимым и приятным на слух.

116

Принц обращается к фразеологизму «Лучше спасти человеку жизнь, чем построить семьюрусную пагоду», который означает «Спасение человеческой жизни — величайший подвиг».

117

Обр. в знач. — жить в нужде, голодать.

118

Гороскоп рождения — восемь иероглифов, включающих в себя год, месяц, день и точное время рождения, в Китае используются для определения судьбы человека.

119

Одинокая звезда разрушения — понятие в китайском космологическом гороскопе, которым обозначают человека, родившегося под несчастливой звездой, обречённого на одиночество,

поскольку он разрушает всё, к чему прикасается, и несёт несчастья близким людям.

120

Обр. в знач. — выдерживать любые испытания.

121

Выражение, которым обозначают позолоченные статуи Будды.

122

Обр. в знач. — все обстоятельства складываются благоприятно, а также пожелание хорошего урожая.

123

О человеке с ограниченным кругозором.

124

Ин — «герой». Имя отличается от того, что Се Лянь дал мальчику в бинтах из арки о злом духе новобрачного.

125

Обр. в знач. — помощь далека, а беда близка.

126

Прим. автора: Это не тот зонт, который Хуа-Хуа будет носить с собой в будущем. С тем можно и в огонь, и в воду, уникальная ручная работа, особые материалы, совершенное убийственное оружие!

127

Юйши — повелитель дождя.

128

Прим. автора: Это две административные единицы одного государства, столица и бедный провинциальный город. У них случилась смута, не забывайте! Здесь всё иначе, не стоит привносить сюда правила, действующие в трёхмерном мире!

129

Выдержка из ориг. цитаты Конфуция — Я слышал, что владыки государств и главы домов не боятся малочисленности [[своих людей]], а боятся неравенства; не боятся бедности, а боятся отсутствия мира. Ведь при равенстве не бывает бедности, при мире не бывает малочисленности [[людей]], при спокойствии не бывает упадка.

130

Оба фразеологизма означают непосильную задачу, обречённую на поражение.

131

Согласно регламенту, глава государства не мог называть сам себя простым местоимением «я», специально для этой цели существовали другие местоимения, эквиваленты «мы» или «я», употребляемые исключительно правящими особами, государем и его супругой.

132

Обыгрывается цитата Мэн-цзы из трактата «Китайская военная стратегия»: Благоприятные условия, посылаемые Небом, не стоят выгод, предоставляемых местностью; а эти последние не стоят человеческого согласия. Небольшой городок может быть осаждён, но не взят. Чтобы окружить его, требуется благоприятный момент. Однако то, что городок не взят, указывает, что благоприятный момент, даруемый Небом, не стоит выгод, представляемых землёю. Но вот город с высокими стенами и глубокими рвами, сильным вооружением и большим запасом провианта оставлен людьми. Это указывает нам, что выгоды, предоставляемые местностью, не стоят человеческого согласия.

133

Досл. — медведки и муравьи, образно о ничтожных, слабых людях; бессловесных мелких тварях.

134

Прим. автора: Здесь Хуа-Хуа нет и четырнадцати. Он вытянулся в период переходного возраста, стал выше на голову и теперь не похож на прежнего бедняжечку. Поэтому Се Лянь его не узнал!

135

В китайской культуре «небесный мандат», символ легитимации правящей династии, означал право его держателя действовать от имени Небес.

136

Досл. — выманить тигра с горы.

137

Царство нежности, нежное гнёздышко; в переносном смысле — о нежных объятиях женщины.

138

Выражение, применимое к молодым людям, употребляется с целью принизить или обесценить мнение или действия последних.

139

В данном случае использован термин, которым называют телохранителей монахов или священнослужителей, уединившихся для медитации. Хранители призваны убереечь человека, погружённого в медитацию, от вмешательства извне, во избежание нарушения искажения течения Ци.

140

Прим. автора: Разумеется, речь не идёт о том, чтобы помочь ХХХ принцу рукой или иным способом... но ХХХ просвещение Хуа-Хуа началось именно с того момента...

Потеря невинности может привести к потере магической силы, но не боевых навыков. Боевая мощь и магическая сила, хоть и могут взаимоподдерживаться, по сути своей понятия разные. Кроме того, только Се Лянь, избрав такой путь самосовершенствования, вырыл себе яму, когда ХХХ жизнь наносит урон магическим силам; вот некоторые небожители поступили умнее — специально выбрали путь, когда чем больше ХХХ, тем они сильнее; хотя, у большинства, конечно, ХХХ активность совершенно никак не связана с уровнем магических сил.

141

Сорт белого нефрита высшего качества.

142

Свёрнутая в плотную трубку и подожжённая грубая бумага в древности служила средством освещения.

143

Фраза, означающая готовность идти на смертельный риск ради выполнения долга.

144

Досл. — пение иволги и щебетание ласточки.

145

Диди — младший братик, в противопоставление гэгэ.

146

Оригинальная дословная цитата из «Дао дэ цзин», здесь и далее перевод Ян Синшуня.

147

Цитата из «Дао дэ цзин», намеренно изменённая автором. Оригинальная цитата звучит так: «Ходьба побеждает холод, покой побеждает жару. Спокойствие создает порядок в мире»

148

Законченная цитата из «Дао дэ цзин»: «Добрый я делаю добро и недобрым также делаю добро. Таким образом и воспитывается добродетель». Все цитаты взяты из разных стихов.

149

Обр. в знач. — насильник.

150

Досл. — заботиться о благоухании и ценить яшму.

151

Перен. — обольстительный, любовный, эротический.

152

Обр. в знач. — последний шанс, другого раза может не представиться.

153

Обр. в знач. — предпринимать временные меры, которые только усугубят положение.

154

Прим. автора: У Се Ляня очень серьёзный фетиш на всё, что связано с воинским искусством. А цветочных оборотней, что подслушивали за стенкой, натуралы выжгли под корень.

155

Обр. в знач. — совесть, стыд, честь.

156

Юноши играют в игру «Цепочка слов», схожую с игрой «В города», но специфика китайского языка позволяет вместо городов играть во «фразеологизмы». Каждый следующий игрок должен назвать фразеологизм, который начинается на тот же иероглиф, на который закончился предыдущий. В данном случае это иероглифы 福 из слов «благословение» и «счастливая звезда» и 照 из слов «сияет» и «согласно».

157

Обычно выражение употребляется применительно к гостю, который долго не уходит.

158

От лат. Victoria pyrrhica — победа, доставшаяся слишком высокой ценой; победа, равносильная поражению.

159

В древности люди полагали, что душа человека после смерти не рассеивается в течение некоторого времени, и потому её ещё можно призвать в тело. В современном Китае также существуют схожие обычаи, различающиеся по направленности и результату, например, призыв души ребёнка, который пережил сильный испуг, а также приглашение души умершего родственника на седьмой день после смерти на прощальную трапезу.

160

Досл. — озолотить своё лицо.

161

В древнем Китае совершеннолетним считался юноша, достигший двадцати лет.

162

В древности считалось, что фэншуй на могилах предков влияет на судьбы всех поколений потомков, поэтому разрытые могилы предков являлись крайне неблагоприятным знаменем, а виновник содеянного зарождал в потомках лютую ненависть и становился кровным врагом.

163

Обр. в знач. — извлечь выгоду из чужой беды.

164

Гуцзы — досл.: просо, хлеб, зерно. Детское или молочное имя ребёнка.

165

Баоцзы — паровые пирожки из пресного теста с мясом, иногда с другими начинками.

166

Фраза из стихотворения Су Ши, «На мелодию журчащей реки», досл. означает «люди на верхушке власти часто одиноки».

167

Досл. — что железо не становится сталью.

168

Обр. в знач. — плохое воспоминание, печальный опыт.

169

Фонарь со свечой и маленькой каруселью внутри, которая вращается от движения тёплого воздуха.

170

Праздник середины осени, отмечается пятнадцатого числа восьмого месяца по китайскому лунному календарю.

171

Вступительные строки из самого длинного (166 строк) стихотворения танского поэта Ли Бо, «Небесной милостью сосланный после мятежа в Елан, подношу Вэй Лянцзаю, начальнику области Цзянся, воспоминания о былых странствиях».

172

В древности считалось, что разноцветные облака на небе предвещают счастье.

173

Досл. — передавать цветок, покуда звучит барабан. Игра «Передай другому».

174

Устаревшее обращение к сановнику, министру на высшей должности, правителя к подчинённому чину, а также между супругами или близкими друзьями.

175

Набрюшник или нагрудник, традиционный вид китайского женского нижнего белья в форме квадрата или прямоугольника.

176

Прототип современных средств женской гигиены.

177

Ладонь одной руки обнимает сложенную в кулак другую, при этом кисти совершают покачивания вперёд-назад.

178

На скульптурах каменных львов грива обычно изображается мелкими каменными колечками.

179

Праздник середины осени в Китае, как и Новый год, считается днём воссоединения с семьёй, когда вся семья непременно собирается за одним столом.

180

Туйна — особая техника массажа в соответствии с канонами традиционной китайской медицины, которая считается расслабляющим и лечебным средством.

181

Снежный лотос — образно о Се Ляне как о светлом, непорочном человеке, образце добродетели.

182

Напомним, Цзюйян — прежнее название храмов Наньяна, а также нынешнее прозвище Фэн Синя, «Огромный член».

183

От автора: Защитный талисман — это что-то вроде визитной карточки... «Здравствуйте, вот талисман, освящённый в моём храме» = «Здравствуйте, вот моя визитка».

184

Досл. — сорочье гнездо заняла ядовитая птица. Сорока в Китае является символом счастья, сорочьим гнездом называют семейный очаг. В оригинальном выражении гнездо сороки занимает горлица, как аллегория на молодую жену, которая приезжает в дом мужа. В данном же случае вместо «горлицы» употреблена «ядовитая птица», мифическое создание с чёрным телом, красными глазами и пурпурно-зелёными ядовитыми перьями, питающееся змеями.

185

От автора: Хуа-Хуа — демон, он может не дышать, поэтому никакие утверждения про выдох углекислого газа и тому подобное здесь не действуют.

186

Линия роста волос на лбу в форме треугольника вершиной вниз. В тексте взято оригинальное выражение, в русском языке такая особенность называется «мыс вдовы».

187

Выражение берёт начало в притче: «Тигр охотился на разных зверей и пожирал их. И вот как-то раз поймал лису. “Только не вздумай меня съесть! — сказала лиса. — Небесный Владыка прислал меня сюда начальницей над всеми зверями. Сожрешь меня — нарушишь его волю. А если не веришь — давай я пойду впереди, а ты ступай следом. Сам увидишь — посмеют ли звери при виде меня не разбежаться!” Тигр ей поверил — и пошёл следом. Все звери, завидев

их, разбегались кто куда. Невдомёк было тигру, что звери разбегаются из страха перед ним, и он решил, что они и вправду боятся лисы!» Перевод В. Сухорукова.

188

Разг. «дед», для обозначения лица выше по статусу, независимо от возраста. Если говорящий называет кого-то своим «дедом», он делает это в уничижительной для себя форме. Также, если говорящий называет чьим-то «дедом» себя, это звучит как оскорбление.

189

Досл. — старший брат деда. Поскольку Хуа Чэн назвал Се Ляня «гэгэ», старшим братом, демоны восприняли принца как человека высшего по статусу, чем Хуа Чэн.

190

«Красные рукава привносят благоухание» — знаменитый художественный сюжет, встречающийся в китайском искусстве, стихах, музыке и живописи, когда учёный муж занимается чтением или каллиграфией в компании прекрасной девушки, которая возжигает для него благовония.

191

Имеются в виду кисть, тушь, бумага и дощечка для растирания туши, «Четыре драгоценности» учёного мужа.

192

Дикая скоропись (куанцао) — разновидность стиля каллиграфического письма «цаошу», скорописи, когда кисть касается бумаги единожды и на протяжении всей фразы не отрывается, при этом иероглифы пишутся быстро и выходят плавными и размашистыми, хоть и не всегда узнаваемыми. Характерные черты куанцао — необузданность, спонтанность, импровизация, гротеск. Яркий представитель — танский каллиграф, Чжан Сюй.

193

Начальные строки из стихотворения танского поэта, Юань Чжэня, «Думы в разлуке», посвящённое его любимой жене, которой не стало. Образно поэт сравнил любимую с морем и горой Ушань, после встречи с которыми все иные пейзажи кажутся блёклыми.

194

Слово «стиль» обозначается иероглифом «ветер», который является полным омофоном иероглифа «безумие».

195

Формальная фраза в ответ на просьбу обучить чему-либо, которая не означает отказ, лишь является намеренным принижением собственных способностей, как проявление скромности.

196

От автора: Хуа-Хуа во время обучения Его Высочества преследовал собственные замыслы, тогда как Его Высочество совершенно искренне принял на себя роль наставника. Хуа-Хуа такой негодник...

В древности сюжет «красные рукава приносят благоухание» подразумевал вовсе не возжигание палочек благовоний, а применение ароматных пилюль и лепестков, которые помещались в курительницу. Впрочем, в древности и молитвенные фонари негасимого света, которые зажигали в храмах, больше походили на масляные лампы и вовсе не запускались в небеса. Но в тексте я могу делать с ними всё, что захочу, поэтому не стоит придирается к подобным деталям...

197

Обр. в знач. — ползть на рожон, потревожить кого-то сильного и могущественного. В древности, согласно мифическим и космологическим верованиям китайцев, гадатели указывали место, отмеченное божеством Тайсуем, связанным с планетой Юпитер. В таком месте запрещалось возводить постройки и раскапывать землю, в противном случае можно было навлечь на себя великие несчастья.

198

Досл. — забрасывать камнями упавшего в колодец.

199

Цветущая добродетель.

200

Народная китайская сказка провинции Фуцзянь, записанная в «Последующих записках о поисках духов». Главный герой находит на дороге улитку и приносит её домой, поселив в чане с водой. Далее таинственным образом кто-то начинает наводить у него дома чистоту и готовить полный стол еды, и впоследствии оказывается, что это делает девушка-улитка, которая живёт в раковине. В прошлой жизни холостяк спас улитке жизнь, и она переродилась,

чтобы отплатить ему за добро. Сказка оканчивается счастливо — мужчина женится на девушке, а после у них рождаются сын и дочь.

201

Досл. — прохудившийся котёл и гнилая крышка.

202

Досл. — сердце и внутренности змеи и скорпиона.

203

Полная фраза: «Помыслы старого пропойцы обращены вовсе не к вину, а к тому, чтобы жить среди гор и ручьёв». Обр. в знач. — преследовать совершенно иные цели.

204

Фраза используется как пожелание долгого и счастливого брака.

205

Фраза восходит к концепции даосской философии о том, что лишь слабый духом находит покой в уединении и тиши, тогда как истинно мудрый способен обрести покой среди мирской суеты.

206

Обр. в знач. — жить одним днём, влечить бесцельное существование.

207

Обр. в знач. — что он задумал.

208

Холодные росы — обозначение одного из двадцати четырёх сезонов по китайскому календарю, приходятся примерно на вторую неделю октября.

209

Досл. — зелёные сливы и бамбуковые лошадки, о влюблённых, которые дружили с детства.

210

Досл. — восточное море, таким названием обозначается Япония.

211

Досл. — принцесса моста.

212

Досл. — оседлав тигра, слезть нелегко.

213

Обр. в знач. — получать выгоду, пользуясь всеобщей неразберихой.

214

Досл. — черепашее яйцо, распространённое в Китае ругательство, прямо обозначающее «ублюдок», «выродок».

215

Упасть метеоритом, упасть звездой — так образно говорят о кончине великих личностей.

216

От автора: По поводу истинного Божка-пустослова, для них предсказание = ложь. Поскольку предрекаемое ими событие ещё не произошло и может вообще не случиться.

217

Замок долголетия — амулет в форме замка, который вешается ребёнку на шею.

218

От автора: Кто-то из вас всё никак не может забыть, например, кто же тот сдвинувшийся монах, кто отец духа нерождённого, неужели дальше ничего не будет, неужели автор просто забыл? Слушайте, давайте не будем волноваться, никто не забыл, пробелы обязательно заполнятся. Это ведь не роман-антология, где каждая арка охватывает одну самостоятельную историю и объясняет разом все загадки и все причины-следствия. Поэтому все разгадки ещё впереди, не спешите, всё узнаете. Люблю вас.

219

Обр. в знач. — действовать только в пределах ограниченной сферы, не выходя за пределы. Дословно фраза обозначает круг, нарисованный на земле в качестве тюрьмы, из которой нельзя выйти, несмотря на то что она лишь нарисована.

220

Обр. в знач. — слабак, беззащитный человек.

221

Здесь употреблено не обыкновенное местоимение «ты», а фамильярное, которое используется, к примеру, между мужем и женой.

222

В Китае в благодарность за труды людям или организациям часто дарят бархатные вымпелы с вышитыми надписями — кому, от кого, за какие заслуги.

223

Отсылка к фразе «искусные руки возвращают весну», о талантливом врачевателе.

224

О людях аристократического происхождения, членах императорского дома.

225

Ориг. — юэя-чань, разновидность китайской боевой лопаты с наконечником в виде заточенного полумесяца на другой стороне рукояти.

226

Шэн — мера объёма для жидких и сыпучих тел, равная примерно 1,04 литра.

227

Оба фразеологизма используются в значении «сжульничать, подменить; ввести в заблуждение».

228

От автора:

Теперь и женский облик не получится принять, печаль!

Не спрашивайте, почему в этой главе Хуа-Хуа, будучи демоном, всё же вспотел. Если бы он не вспотел, под каким предлогом ему понадобилось бы раздеваться???

*К тому же, Хуа-Хуа — Князь Демонов высочайшего уровня, разумеется, он сильно отличается от обыкновенных демонов. Он может не только вот это вот всё, но даже *пишип*!*

Ещё момент, читайте догадки в комментариях на здоровье, но не воспринимайте всерьёз, и тем более не путайте с тем, что на самом деле сказано в тексте. Например, Хуа-Хуа на самом деле никогда не менялся с Се Лянем судьбой, он смог достичь нынешних высот исключительно благодаря своему усердию.

229

Иногда «страной четырёх морей» образно называют Китай.

230

Досл. — беда постигает и рыбу в пруду, вторая часть пословицы «когда горят городские ворота, беда постигает и рыбу в пруду», в знач. — при большом несчастье даже малому трудно уберечься.

231

Досл. — чёрные воды [где властвует] нечистая сила.

232

Сандал и алойное дерево часто используются в религиозных целях, например, как материал для изготовления чётков, а софора является символом счастья и привлечения богатства.

233

Наблюдается игра слов, поскольку «неподъёмный» состоит из частей «мёртвый» и «тяжёлый».

234

От автора:

В действительности озорник Хуа-Хуа всего лишь собирался подшутить над принцем, притворившись мёртвым, но никак не ожидал...

Прошу вас самих погуглить, как правильно делать искусственное дыхание, здесь Се Лянь применяет неверный способ!

235

От автора:

Пять-шесть выдохов, а это значит, что они поцеловались по меньшей мере пять-шесть раз! Хуа-Хуа часто принимает человеческий облик, следовательно, у него часто появляется два глаза, поэтому перестаньте всё время считать, сколько у него глаз.

236

Стоит пояснить, что в китайском языке местоимения «он» и «она» произносятся одинаково, лишь имеют разное написание. Поэтому без уточнения пола не понятно, о ком идёт речь. На письме мы видим в речи Хуа Чэна иероглиф «он», тогда как на слух можно воспринять и «он», и «она».

237

Напомним, что дословно Сань Лан переводится как «третий сын».

238

О временном улучшении состояния перед смертью.

239

От автора:

Да, на самом деле Черновод появился уже очень давно и всё время мелькал у вас перед глазами. Повелитель Ветров никогда не знал

настоящего Мин И, рядом с ним всегда находился один и тот же «человек», и рядом с вами тоже.

*Официально объявляю первого мастера актёрской игры в данном романе! Я так долго держалась, а как долго держался он, и вот наконец можно расслабиться. Прошу вас, **【не надо спойлерить другим людям, которые ещё не читали роман!!!】** Это очень сильно влияет на впечатление от прочтения!!! Так будет совсем неинтересно. Не спойлерите! Не спойлерите!!! Важные вещи нужно повторять трижды!!!*

240

Досл. — колодезная вода речной не помеха.

241

Досл. — под карнизом нельзя не склонить головы.

242

От автора: На самом деле, о многих вещах уже говорилось в тексте, но некоторые из вас забывают об этом и задаются вопросом «почему». Единственный способ отделаться от истинного Божка-пустослова — это «вознесение», а поскольку большинство чиновников Средних Небес ни на что не годны и Ши Уду не мог 24 часа в сутки таскать своего брата на шее, поднятие Ши Цинсюаня до Средних Небес проблему не решило бы.

243

Перевернутая фраза «жизнь хуже смерти».

244

Досл. — притащенная бутылка из-под масла, о пасынке.

245

От автора: На наследного принца снизошло озарение. Так кто же из них признается первым? Разумеется, чтобы снять накопившее напряжение, не обязательно именно целоваться. Просто Хуа-Хуа страсть как хотел поцеловаться! Ну и, конечно, очень хотел...

246

Обр. в знач. — невыносимые страдания.

247

Два из восьми так называемых «чудесных» меридианов в теле человека, обладающих необычными функциями, согласно традиционной китайской медицине.

248

От автора:

Для начала, настоящий Лан Ин не имеет никакого отношения к Хуа-Хуа. Но, поверьте мне, в мире только один Хуа-Хуа способен, не моргнув глазом, съесть блюдо, приготовленное принцем.

Поэтому на самом деле Хуа-Хуа нас не покидал! Просто сегодня он подменил собой Лан Ина.

И почему никто этого не понял? Я думала, что написала очень понятно!!! Ну что ж, если так, то я просто сразу сорву с него эту маску, ха-ха-ха-ха-ха-ха!

249

Колёса ветра и огня — магический артефакт, по легенде принадлежащий персонажу китайской мифологии по имени Нэчжа, на которых тот передвигается.

250

В Китае в известной игре фигурирует не «бумага», а «ткань».

251

Бай — белый, Цзинь — парча.

252

Здесь стоит пояснить, что для «ножа» и «сабли» используется одно и то же слово.

253

От автора: Автор подписывается под тем, что Хуа-Хуа самый красивый! Я объективна!!! И Хуа-Хуа очень объективен! Все его слова — чистойшая правда!!!

254

Досл. в названии звучит фразеологизм «чистый как лёд, прозрачный как яшма», означающий кристальную чистоту, непорочность, безупречность.

255

От автора:

Демоническая Ци такая штука, от которой не избавиться, если просто прополоскать рот чистой водой... Подойдёт только благословлённая и заговорённая вода. Это очень сложно.

Когда Се Лянь готовит новое блюдо (оружие), интерес к нему совсем немного уступает тем моментам, когда Хуа-Хуа переодевается в новые одежды.

Фрикадельки непорочности первоначально назывались фрикадельками «белее снега и ярче инея», потом вдруг пришла безумная идея назвать их фрикадельками «холодного снега и замёрзшего инея»... Но, подумав, я всё-таки решила не обижать кое-кого. И оставила как сейчас.

256

В древнем Китае мазь для губ использовалась как защитное средство губ от потрескивания на морозе.

257

От автора:

Линвэнь надела боевой доспех! Боевая мощь +1000! Избила ребёнка!

Давайте взглянем на результаты по трём видам оружия:

Похлёбка столетнего мира и согласия: Хуа Чэн — победа, Ци Жун — поражение, Повелитель Ветров — поражение, Повелитель Земли — поражение.

Мясо, жареное в разноцветии: Хуа Чэн — победа, Цюань Ичжэнь — поражение.

Фрикадельки непорочности: Хуа Чэн — победа, Цюань Ичжэнь — поражение, Линвэнь — поражение.

Кто самый сильный — сомнения излишни!

258

Обр. в знач. — неблагодарный человек.

259

Цзянь Лань — «Гладиолус».

260

Обр. в знач. — излишне похваляться.

261

Цо — ошибка.

262

В современном китайском языке тех, кому изменил супруг или супруга, называют носителями «зелёной шапки».

263

От автора:

Се Лянь и Му Цин пошли по одному пути совершенствования, оба они — заклинатели-даосы. Но Фэн Синь никогда не являлся учеником монастыря Хуанцзи, он не заклинатель, а исключительно Бог Войны, пробившийся на Небеса из простого люда. Поэтому Фэн Синю не нужно соблюдать обеты и предписания, необходимые для соблюдения Се Ляню и Му Цину.

264

В буддистской традиции траур по умершему дорогому человеку следует держать сорок девять дней.

265

Мингуан в переводе — «ярко сияющий», состоит из двух частей: «светлый, яркий» и «сияние, блеск». В названии главы использована только первая половина титула.

266

Иероглифы в именах и названии меча — разные, речь идёт о фонетической схожести.

267

Развёрнутая фраза: «опрокинувшаяся жарптица и упавший феникс» — обр. в знач. любовная близость.

268

Обр. в знач. — мужчине не пристало становиться на колени.

269

Обр. в знач. — оставить на произвол судьбы.

270

Обр. в знач. — выгодное положение.

271

В названии зашифрован титул «Цзинвэнь» — почтение к литературе.

272

Поношенные туфли — фраза также имеет значение «потаскуха, падшая женщина». В старом Пекине над входом в неофициальные публичные дома вместо вывески висела расшитая туфелька, которая со временем выцветала на солнце и выглядела поношенной.

273

Время с 23:00 до 1:00.

274

Будд. — четыре источника страдания.

275

Здесь, как и в названии главы, использована фраза, употребляющаяся к супругам, которых хоронят в одной могиле.

276

Название указывает на устойчивое выражение «бросить кирпич, а взамен получить яшму», что означает (устар.) «примитивными речами побудить другого к мудрости». К этому выражению также отсылает имя Инь Юй — «привлечь яшму».

277

Досл. — золотой жетон, избавляющий от смерти. В древности так в народе назывался особый императорский эдикт, выдаваемый высокопоставленным чиновникам и дающий исключительное право носителю или его потомкам на освобождение от наказания. Официальное название — «Железный свиток с киноварными письменами». Во избежание подделок свиток разделяли на две половины, одна из которых хранилась в императорском дворце, другая — у носителя права.

278

Иньюй — титул, взятый после вознесения, полностью совпадающий с именем.

279

Обр. в знач. — из любого положения найдётся выход.

280

Вероятно, памятуя о мужском обличи Линвэнь, здесь Хуа Чэн называет её мужским местоимением.

281

Узел судьбы — здесь употреблено сочетание, встречающееся при обозначении брачных уз.

282

Огненная звезда — так в Древнем Китае астрономы называли Марс, название это сохранилось и до наших дней.

283

Синь — досл. «сердце», пятое из 28-ми китайских созвездий, относящееся к восточному сектору. Развернуто — Сердце лазурного дракона, располагается примерно в области созвездий Скорпиона и Змееносца.

284

Китайское древковое оружие с копьевидным наконечником из бронзы или железа, с противоположного конца усиленное клинком в форме полумесяца.

285

Сад Витяющего Аромата — название публичного дома.

286

Подаватель обуви — унич., обр. в знач. бездарный, никчёмный человек.

287

Юйлун — досл.: «дождевой дракон».

288

Обр. в знач. — хорошие намерения приняли за плохие.

289

Лисий демон или «хули-цзин», в традиционной китайской мифологии — лисица-оборотень, способная обращаться человеком и зачаровывать жертву. С годами совершенствования лисьи демоны отращивают хвосты. Достигшие наивысшего уровня оборотни имеют девять хвостов и становятся бессмертными. Обычно предстают в образе прекрасной девушки, однако половая принадлежность не ограничена.

290

Так иногда называют человека, от которого никак не избавиться, преследователя.

291

От автора: На самом деле бабочки не плетут коконы, во фразе «разрушив кокон, обернуться бабочкой» (прим. пер. — что означает «приложив немало усилий, выйти из трудного положения») под «коконом» имеется в виду «куколка». Впрочем, будем делать так, как нам нравится, не стоит обращать внимания на такие мелочи.

Хуа Чэн! Твой дневник! Мы прочитали его и теперь всё знаем!!!

292

Обр. в знач. — голодать, жить в нужде.

293

Отсюда и далее принц говорит об «этом человеке» в женском роде, тогда как призрак подразумевает мужской, но из-за одинакового

звучания слов «он» и «она» путаницы в разговоре не возникает.

294

В современном языке поговорка также имеет значение «очень способный человек оказался бессилён перед небольшой трудностью». Происхождение поговорки: Однажды будущий первый император династии Сун, Чжао Куаньинь, в жаркий день проходил мимо арбузной грядки, принадлежавшей одному старику. Тот сказал, что за каждый арбуз берёт самую мелкую монету, а если арбуз не сладкий, то и денег не нужно. Однако у Чжао Куаньиня при себе не было денег, при этом его мучила жажда. Он выдумал такой способ: съел арбуз, но сказал, что тот был не сладким. Съел второй и снова сказал то же самое. Так и ел арбузы, пока не утолил жажду. Старик разгадал его замысел и сказал: «Судя по облику, ты человек благородный, как же тебе не совестно совершать столь бесчестный поступок? Нет денег – так бы и сказал, ни к чему было прибегать к обману». Тогда Чжао Куаньинь устыдился своего поступка и поклялся, что заплатит за арбузы. Став императором, он даровал старику многие му земли в качестве платы.

295

Обр. в знач. — к одной беде добавилась другая.

296

Му — мера земляной площади, 60 квадратных чжанов, приблизительно соответствует 0,066 га.

297

В Древнем Китае, согласно трактатам конфуцианства, период после осеннего равноденствия считался благоприятным для проведения казни.

298

По легенде существуют птицы с одним крылом и одним глазом, которые могут летать только в паре. Фразой называют неразлучных супругов.

299

Прекрасные цветы и полная луна — пожелание счастья молодожёнам.

300

Умин — «безымянный», «нет имени».

301

«Умер, не закрыв глаз» — так говорят об умерших людях, чьи стремления и чаяния так и не сбылись при жизни.

302

Чжусинь — кара за помыслы.

303

В оригинале Пэй Мин говорит «хэ-хэ/хе-хе», но по какой-то причине фандом требует от нас именно такой формулировки.

304

Сюаньчэнская бумага — бумага из растительных волокон, считается лучшей для живописи и каллиграфии.

305

От автора:

Лучший подарок — это, конечно же, Хуа-Хуа! Так что не думайте, будто Хуа Чэн плохой актёр, результат зависит от того, хочет ли он играть.

Злой папаша: А ты не робкого десятка, раз посмел тайно пробраться ко мне домой в поисках Сяньлэ!

306

Мужчин-ловеласов в Китае называют «ветренным редисом».

307

От автора:

Черновод действительно должен Хуа Чэну огромную сумму. Один нищий непревзойдённый утащил с собой на дно уровень дохода всего общества непревзойдённых (несмотря на то, что их всего трое). Впрочем, не стоит думать, что весь свой долг он просто проел.

308

Сражение спиной к воде — так образно говорят о безвыходном положении.

309

От автора: Разумеется, ваш старина Бай не мог так просто взять и умереть _(:з] <)_

Что касается долга Черновода, это очень давний долг. 40% он истратил на подарки небесным чиновникам и установление связей (взятки!), 30% на обустройство своих владений и выращивание питомцев, и только оставшиеся 30% проел.

310

Здесь тот же иероглиф «Хэ», что и фамильный знак Хэ Сюаня.

311

Юаньсяо — традиционное китайское блюдо, маленькие шарики из клейкой рисовой муки со сладкой начинкой, варятся в кипящей воде и подаются вместе с бульоном.

312

В Китае на Праздник фонарей существует традиция разгадывать загадки, написанные на фонариках.

313

В древности в Китае существовало поверье, что мастер-шаман, исполнив ритуальный танец, способен призвать в своё тело божество, у которого люди просили об исцелении болезней или изгнании нечистой силы.

314

Здесь стоит пояснить, что загадки чаще всего иероглифические. Сама загадка в оригинале выглядит так: 找 — искать, 到 — до, 白 — белый/седой, 头 — голова. Смысл загадки в том, чтобы добавить к иероглифу «искать» верхнюю часть или «голову» от слова «седой» — 丿, и тогда получается иероглиф 我, который обозначает «я». Сравните: 找 => 我.

315

Оригинал загадки: 春 — весна, 节 — праздник, 一 — один, 日 — день. Замысел в том, что второй иероглиф 节 переводится также «урезать, убрать». То есть, если из большого иероглифа 春 убрать части 一 и 日, останется 夫, которое и означает «супруг».

316

Слово «искренность», которое также имеет значения «преданный всей душой», «испытывать тягу», «испытывать симпатию», состоит из частей «склоняться» и «сердце», то есть — склоняться сердцем.

317

Верхняя часть из слова «草 — трава» в названии растения «мимоза стыдливая», первая часть из слова «低 — опускать» и середина слова «倾 — склоняться» составят вместе иероглиф «花», цветок.

318

Напоминаем, что иероглиф «чэн» в имени Хуа Чэн переводится «город».

319

Получится фраза «Мой супруг Хуа Чэн».

320

Пипа — старинный китайский струнный инструмент, напоминающий лютню.

321

«Позвольте узнать вашу драгоценную фамилию» — формальное вежливое обращение к незнакомому человеку, фамилию которого требуется узнать. Отвечать на такую фразу следует: «Оставьте церемонии, моя фамилия ...»

322

Полная фраза звучит так: «Если встреча суждена, мы найдём друг друга и за тысячу ли. Если не суждена, то мы не узнаем друг друга, даже сидя напротив».

323

Цзыхао или «фиолетовая шёрстка», вид писчей кисти, сделанной из меха со спины дикого зайца. Получила своё название благодаря чёрно-фиолетовому цвету наконечника. Кисть по свойствам более твёрдая, чем из шерсти барана.

324

В древности существовало правило, по которому нельзя было называть высокопоставленное лицо, в особенности императора, по имени, даже на письме надлежало заменить иероглиф имени другим, омонимичным по звучанию, либо изменить одну из черт.

325

Жёлтыми книжками в Китае называют порнографию.

326

Обе эти фразы — пожелания молодожёнам на свадьбе.

327

Пожелание долголетия.

328

О суровых природных условиях.

329

Фраза означает «зло побеждает добро».

330

Речь идёт о народности Мяо.

331

Здесь зашифровано имя Ши Уду, т.к. по-китайски «пятнадцать градусов» звучит «шиу ду».

332

Стандартная глава на сайте jjwxс — 3-4 тысячи знаков.

333

На самом деле объём романа составил почти 1 миллион 200 тысяч знаков.

334

Впоследствии автор отказалась от идеи редактирования текста. Были отредактированы только несколько первых глав, а затем роман был выставлен на продажу для печати без редакции.

335

Впоследствии автор указала на своей странице, что название книги будет изменено, предположительно, из-за того, что на одном из сайтов другой человек начал публиковать свой роман под тем же названием и от имени Мосян Тунсю.

336

Роман не был опубликован в 2018 году, о нём до сих пор нет почти никакой информации.

337

Имена героев нового романа — Цю Чи и Янь Юэ.